中國精神文化大典

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

中國精神文化大典

ИСТОРИЯ

ПОЛИТИКА

ИДЕОЛОГИЯ

ПРАВО

中國精神文化大典

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

**Энциклопедия
в пяти томах**

Главный редактор
М.Л. Титаренко

Редакционная коллегия

А.И. Кобзев (зам. главного редактора),
А.Е. Лукьянов (зам. главного редактора),
С.М. Аникеева, Д.Г. Главева, М.Е. Кравцова,
Л.С. Переломов, И.Ф. Попова, Б.Л. Рифтин,
В.Ф. Сорокин, С.А. Торопцев, В.Н. Усов

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Редакторы тома
М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов,
С.М. Аникеева, А.Е. Лукьянов, А.И. Кобзев

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
Москва
2009

УДК 94(510)+323(510)
ББК 63.3(5Кит)+66.2(5Кит)
Д85

Данный том подготовлен при финансовой поддержке РГНФ
согласно проекту № 06-03-02059а.
Коллектив авторов, редакционная коллегия и издательство
выражают руководству Фонда искреннюю признательность

Редакционная коллегия и издательство
выражает сердечную признательность и глубокую благодарность
Китайскому банку развития и его президенту —
Почетному доктору ИДВ РАН г-ну Чэнь Юаню
за поддержку идеи создания энциклопедии и финансовую помощь
в издании второго, третьего и последующих томов

Для оформления издания использованы материалы
фонда Центра восточной литературы
Российской государственной библиотеки

Художественное оформление и макет
И.И. Меланьин

Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М. : Вост. лит., 2006–. — ISBN 5-02-018429-2
[Т. 4 :] Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. — 2009. — 935 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036380-9 (в пер.)

Четвертый том «Историческая мысль. Политическая и правовая культура» энциклопедии «Духовная культура Китая» тесно связан с тремя предыдущими томами: «Философия» (2006 г.), «Мифология. Религия» (2007 г.), «Литература. Язык и письменность» (2008 г.). Все они посвящены единому духовному комплексу китайской культуры и имеют общую терминологическую и текстологическую базу. Общий раздел настоящего тома содержит статьи, отражающие вынесенные в заглавие темы и проблемы затрагиваемой области в традиционном и современном Китае. В Словарном разделе представлены основные понятия, течения, школы историко-политической мысли, произведения, в том числе династийные истории и кодексы, персоналии. Значительное число статей посвящено творчеству китайских историков, биографиям императоров, известных исторических личностей, партийных и государственных деятелей. Справочный раздел включает избранную библиографию, хронологические таблицы, карты и указатели.

© Институт Дальнего Востока РАН, 2009
© Редакционно-издательское
оформление. Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2009

ISBN 5-02-018429-2 (общ.)
ISBN 978-5-02-036380-9 (т. 4)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 11

Предисловие 13

Общий раздел

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 18

Доктрина китайской нации 18

История и историческое сознание 27

Историческое время 41

Представления о династии в древности 45

Традиционная историография (основные жанры, виды и школы) 54

- Династийные истории 56
- Школа *чуньцю* 58
- Восточно-чжэцзянская школа 60
- Историческая наука периодов правления Цянь-луна и Цзя-цина 61

Историческая мысль в XX — начале XXI в. 64

- Историография первой половины XX в. 64
- Историография КНР второй половины XX в. 71

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ 110

Исторические судьбы легизма и конфуцианства 110

- Генезис института «политика–история» 110
- Шан Ян — основоположник легизма 112
- Конфуций и его вклад в политическую культуру 116

Императорское *дэ* как символ верховной власти 136

Государственный аппарат 141

- Доклад чиновника императору 149
- Поручительство и рекомендации 151
- Государственная экзаменационная система 154
- Структура экзаменационной системы 155
- Экзаменационная система и конфуцианство 157
- Историческая роль экзаменационной системы 159

Доктрина внешней политики 161

Доктрина государственной власти и политическая практика 169

Две традиции в дипломатии 176

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ 194
Китай на пороге современности: синтез идей и традиций 194
Распространение западных социальных наук 202
Конфуцианство и легизм в политической культуре КНР 209
Система многопартийного сотрудничества 217
Экзаменационная система аттестации чиновников в Китайской Республике, на Тайване и в КНР 223
Всекитайское собрание народных представителей 228
Народный политический консультативный совет Китая 238
Народно-освободительная армия Китая 243

ГОМИНЬДАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 254
Национальная партия Китая (Чжунго Гоминьдан) в 1912–1929 гг. 254
Гоминьдан в период «политической опеки» (1929–1949) 263
Гоминьдан в процессе перехода от авторитаризма к многопартийности на Тайване (1949–2000) 276
Гоминьдан в начале XXI в. 285

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ 294
КПК в 1921–1949 гг. 294
Теория «новой демократии» Мао Цзэ-дуна 303
Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг. 308
Кампания по перевоспитанию интеллигенции 308
Критика кинофильма «Жизнь У Сюня» 310
Борьба против «пяти зол» 311
Движение по «упорядочению стиля» 313
Критика романа «Сон в красном тереме» 313
Критика Ху Фэна 316
Кампания «Пусть расцветают все цветы» 319
Движение по «упорядочению стиля» и борьба с «правыми элементами» 324
Критика романа «Лю Чжи-дань» в 1962 г. 329
«Великая пролетарская культурная революция» 331
Теория Дэн Сяо-пина: путь к реформам и открытости 352
КПК в период реформ и открытости (1978–2007) 359
От III пленума ЦК КПК 11-го созыва к XIII съезду КПК 359
Курс на усиление роли КПК в политической системе КНР (от XIV к XVI съезду КПК) 363
XVI и XVII съезды КПК и проблема адаптации политической системы к вызовам времени 369

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО 386
Правовая культура древнего Китая 386
Основные положения традиционного права 387

Исполнение приговоров 395
Уголовное право 395
Брачное и семейное законодательство 398
Собственность 399
Административное право 401
Регулирование службы в армии 402
Кодификация традиционного права 403
Традиционное право как фактор формирования правосознания современного китайского общества 406

КИТАЙСКОЕ ПРАВО В XX В. 416
История законодательства гражданской службы Китайской Республики 416
Право Китайской Республики (1912–1949) 420
Правовые акты освобожденных районов 423
Начальный этап формирования права КНР 426
Правотворчество во второй половине 50-х — 70-е годы 429
Восстановление и развитие правовой системы КНР (конец 70-х — 90-е годы) 431

Словарный раздел

Анархизм в Китае 無政府主義 438
Аньфуси 安福系 446
Ба и 八議 448
Бай Шоу-и 白壽彝 449
Бань Гу 班固 450
Бянь нянь 編年 451
Ван Ань-ши 王安石 453
Ван Го-вэй 王國維 456
Ван Мин 王明 457
Ван Мин-шэн 王鳴盛 460
Вэй Чжэн 魏徵 461
Вэй Юань 魏源 462
Вэнь Сян 文祥 463
«Вэнь сянь тун као» 文獻通考 463
«Вэнь-чан цза лу» 文昌雜錄 464
Го Мо-жо 郭沫若 465
Гуань дан 官當 467
Гу Вэй-цзюнь 顧維鈞 468
Гуй Лян 桂良 469
«Гуйхай юй хэн чжи» 桂海虞衡志 470
Гу Цзе-ган 顧頡剛 471
«Гуцзинь тушу цзичэн» 古今圖書集成 473
«Дай Мин люй» 大明律 474
Дай Хун-цы 戴鴻慈 476
Дай Цзи-тао 戴季陶 477
«Дай Цин люй ли» 大清律例 480
«Дай Цин хуй дянь» 大清會典 484
«Дай Цин хуй дянь шили» 大清會典事例 489
«Ди фань» 帝範 490
Дун Сюнь 董恂 491
Ду Чжэн-шэн 杜正勝 491
Ду Ю 杜佑 493
Дэн Сяо-пин 鄧小平 494
Дэн Чжи-чэн 鄧之誠 497
Дэн Чжун-ся 鄧中夏 497
Евнух 太監 498

Инь 蔭 501
И Синь 奕訢 502
И Чжу 奕訸 503
Кан-си 康熙 504
Кан Ю-вэй 康有為 511
Конфуций 孔子 514
«Культурная революция» 文化大革命 519
Легизм 法家 522
Ли Да 李達 523
Ли Да-чжао 李大釗 525
Ли Кэ-цян 李克強 526
Ли Ли-сань 李立三 527
«Лин вай дай да» 嶺外代答 531
Линь Бяо 林彪 533
Линь Цзэ-сюй 林則徐 535
Лифаньюань 理藩院 536
Ли Хун-чжан 李鴻章 536
Ли Цзы-чэн 李自成 539
Лиши гуши 歷史故事 542
Ли Шу 黎澍 542
Ло Эр-ган 羅爾剛 543
Лэй Хай-цзун 雷海宗 543
Лэй шу 類書 544
Лю Да-нянь 劉大年 546
Люй Сы-мянь 呂思勉 548
Люй Чжэнь-юй 呂振羽 549
Лю цзан 六藏 550
Лю Чжи-цзи 劉知幾 552
Лю Шао-ци 劉少奇 553
Лю Ши-фу 劉師復 558
Лян Ци-чао 梁啟超 559
Лянь цзо 連坐 561
Ляо Чжун-кай 廖仲愷 561
Ма Дуань-линь 馬端臨 566
Мао Цзэ-дун 毛澤東 566
Маоцзэдун сысян 毛澤東思想 572
«Мао чжуси юйлу» 毛主席語錄 576
«Мин ши» 明史 577
Минь Нин 旻寧 578
Мулу 目錄 579
Мянь гуань 免官 581
Мянь со цзюй гуань 免所居官 582
Нурхаци 努爾哈赤 582
Нянь хао 年號 585
Оуян Сю 歐陽修 586
Пинхуа 評話 588
«Пинчжоу кэ тань» 萍洲可談 589
Пу де 譜牒 589
Пу И 溥儀 590
Пэн Дэ-хуай 彭德懷 591
Саньгэ дайбяо 三個代表 594
«Сань ши лю цзи» 596
«Синь Тан шу» 新唐書 598
Си Цзинь-пин 習近平 599
«Суй шу» 隋書 599
Сун Цин-лин 宋慶齡 600
«Сун ши» 宋史 601
«Сун шу» 宋書 602
Сунь Ят-сен 孫中山 603
Сы жэнь бан 四人幫 611
«Сы ку цюань шу» 四庫全書 616
Сыма Гуан 司馬光 617
Сыма Цянь 司馬遷 621
«Сы шу» 四書 623
«Сюань-хэ фэн ши Гаоли ту цзин» 宣和奉使高麗圖經 624
«Сюй бо у чжи» 續博物志 624
Сюй Цянь-сюэ 徐乾學 625
Сюй Чжун-шу 徐中舒 625
Сюнь-цзы 荀子 626
Сян Да 向達 629
Сян жун инь 相容蔭 630
Сян Чжун-фа 向忠發 631
Сяо кан 小康 631
Ся Цзэн-ю 夏曾佑 633
«Тан люй шу и» 唐律疏議 634
Тан Тай-цзун 唐太宗 635
Тан Чан-жу 唐長儒 639
Тань Сы-тун 譚嗣同 640
Тань Цянь 談遷 643
«Тан юй линь» 唐語林 644
«Тин ши» 桯史 645
Троцкизм в Китае 托洛茨基主義 645
Тунвэньгуань 同文館 649
«Тун дянь» 通典 650
Тунцзянь-сюэ 通鑒學 651
«Тун чжи» 通志 652
У син 五刑 653
У Хань 吳晗 655
У-хоу 武后 657
Фан люэ 方略 659
Фан чжи 方志 660
Фань Вэнь-лань 范文瀾 662
Фань цзо 反坐 663
Фань Чжун-янь 范仲淹 664
Фа-шу-ши 法術勢 665
Феминизм в Китае 女性主義 665

Фу син 復興 667
Фу Сы-нянь 傅斯年 669
Фэнтяньси 奉天系 670
Хань У-ди 漢武帝 673
«Хань шу» 漢書 674
Хоу Вай-лу 候外蘆 675
«Хоу Хань шу» 後漢書 676
Хуа Го-фэн 華國鋒 677
Хуан Син 黃興 678
Хуантайцзи 皇太極 680
Хуан Чао 黃巢 682
Хубилай 忽必烈 684
Хуй яо 會要 686
Хунвэйбин 紅衛兵 688
Ху Цзинь-тао 胡錦濤 689
Ху Ши 胡適 690
Ху Шэн 胡繩 693
Ху Яо-бан 胡耀邦 694
Хэхэ-сюэ 和合學 696
Хэ Цзы-цюань 何茲全 699
Цзай Тянь 載湉 700
Цзи ши бэнь мо 紀事本末 703
Цзоу Жун 鄒容 704
Цзунли ямэнь 總理衙門 705
«Цзы чжи тун цзянь» 資治通鑒 706
«Цзы чжи тун цзянь ган му» 資治通鑒綱目 709
Цзюньцзичу 軍機處 711
«Цзю Тан шу» 舊唐書 712
Цзян Лян-ци 蔣良騎 713
Цзян Тин-фу 蔣廷黻 713
Цзян Цзин-го 蔣經國 715
Цзян Цзэ-минь 江澤民 717
Цзянь Бо-цзань 翦伯贊 720
Ци Ин 耆英 721
«Цинбо цза чжи» 清波雜志 722
«Цин ши гао» 清史稿 723
Цинь Ши-хуан 秦始皇 724
Ци цзюй чжу 起居注 727
Цуй Шу 催述 727
Цун шу 叢書 728
Цы Си 慈禧 730
«Цэ фу юань гуй» 冊府元龜 733
Цюй Цю-бо 瞿秋白 734
Цянь Да-синь 錢大昕 735
Цянь-лун 乾隆 736
Цянь Му 錢穆 742
Чан Кай-ши 蔣介石 743
Чжан Бин-линь 章炳麟 748
Чжан Вэнь-тянь 張聞天 749
Чжан Го-тао 張國燾 750
Чжан Дун-сунь 張東蓀 753
Чжан Сюэ-чэн 章學誠 754
Чжан Тин-юй 張廷玉 756
Чжан Цзюнь-май 張君勱 757
Чжан Чжи-дун 張之洞 758
Чжао И 趙翼 760
Чжао Цзы-ян 趙紫陽 761
Чжиси 直系 762
Чжоу И-лян 周一良 763
Чжоу Энь-лай 周恩來 765
Чжуань 傳 768
Чжу Дэ 朱德 770
Чжун син 中興 774
Чжунхуа фусин шэ 中華復興社 777
Чжу Си 朱熹 779
«Чжу фань чжи» 諸蕃志 781
«Чжу шу цзи нянь» 竹書紀年 783
Чжу Юань-чжан 朱元璋 786
Чжэн Хэ 鄭和 790
Чжэн Цяо 鄭樵 791
Чжэн шу 政書 792
«Чжэнь-гуань чжэн яо» 貞觀政要 792
Чингис-хан 成吉思汗 794
Чу мин 除名 797
Чу мянь 除免 798
«Чэнь гуй» 臣規 799
Чэнь Ду-сю 陳獨秀 800
Чэнь И 陳毅 804
Чэнь Инь-кэ 陳寅恪 806
Чэнь Ли-фу 陳立夫 807
Чэнь Юань 陳垣 810
Чэнь Юнь 陳雲 811
Шан Юэ 尚鉞 813
Ши лу 實錄 815
Ши пин 史評 816
«Ши тун» 十通 817
«Ши цзи» 史記 818
Ши э 十惡 820
«Шу цзин» 書經 821
Шэн сюнь 聖訓 823
Шэнь ши 紳士 824
Юань Тун-ли 袁同禮 825
Юань цзо 緣坐 827
«Юань ши» 元史 827
Юань Ши-кай 袁世凱 828
«Юн-лэ да дянь» 永樂大典 831
Ян Шан-кунь 楊尚昆 832

Справочный раздел

Список сокращений 836

Библиография: Книги по исторической, политической и правовой мысли Китая (избранная литература на русском языке) 840

Двадцать четыре династийные истории 853

Таблицы перевода китайских мер и весов в метрические 854

Хронологические таблицы правления императоров 855

Высшие руководители КНР и КПК с 1949 г. 874

Демократические партии в КНР 875

Политические партии на Тайване 876

Основные даты, факты, события 877

Карты 880

Указатель имен 886

Указатель произведений, собраний сочинений, книжных серий и периодических изданий 901

Указатель терминов и названий 918

Список авторов тома 933

Основные источники иллюстраций 935

Введение

Четвертый том энциклопедии «Духовная культура Китая», как и три вышедших ранее — «Философия» (2006), «Мифология. Религия» (2007) и «Литература. Язык и письменность» (2008), посвящен описанию такого уникального и всемирно значимого явления, как духовная культура Китая. Труд рассчитан на читателей, интересующихся и самой китайской культурой, и основами научных знаний о ней. Каждый том содержит один или два тематических блока и делится на три раздела: **Общий, Словарный** и **Справочный**, маркированные китайскими циклическими знаками *цзя* 甲, *и* 乙, *бин* 丙. В такой троичной структуре составители стремились с наибольшей полнотой и последовательностью реализовать принцип взаимодополняемости и взаимосвязанности представленной информации, в идеале образующей единый гипертекст (той же цели служит система отсылок к другим статьям, в том числе из предыдущих томов).

Об этом беспрецедентном в России и сопоставимом с самыми солидными аналогами на Западе масштабном проекте, предпосылках его создания и принципах организации материала подробно сказано во вступительных статьях к тому «Философия». По сути пионерским является и настоящий том, объединивший такие составные части духовной культуры Китая, как историческая мысль, политическая и правовая культура. В Предисловии редакторов изложены принципы создания тома и его особенности. Свою задачу составители видели в том, чтобы показать, как действовал механизм организации взаимодействия власти и народа на протяжении всей истории китайской цивилизации с древности вплоть до сегодняшнего дня.

Общий раздел содержит развернутые теоретические статьи и исторические очерки, которые отражают основные темы и проблемы обозначенной предметной области. В первой части дается анализ развития исторической мысли, политической и правовой культуры традиционного Китая. Во второй части представлены очерки политической культуры новейшего времени, разбираются идеологические и теоретические дискуссии и основные политические кампании, излагается история двух крупнейших партий страны — Гоминьдана и КПК, исследуется правовая культура.

Статьи **Словарного раздела**, как и во всех предыдущих томах, озаглавлены китайскими именами, названиями и терминами. Это имена деятелей как прошлого — императоров, реформаторов, правоведов, так и настоящего — ученых и политиков деятелей; названия памятников политической и правовой культуры — династийных историй и кодексов, энциклопедий, произведений традиционной историографии и исторических справочников; термины, представляющие основные понятия, категории, идеологические течения и кампании, исторические школы, направления, термины современной политической культуры Китая — *сяо кан*, *хэхэ-сюэ*, *саньгэ дайбяо* и др. Значительное число статей посвящено анализу творчества китайских ученых-историков и мыслителей, их работам, биографиям известных государственных деятелей, лидеров страны.

Все тома энциклопедии посвящены единому духовному комплексу китайской культуры и имеют общую терминологическую и текстологическую базу. Поэтому в разные тома включены одинаково или сходно озаглавленные статьи, в которых одни и те же явления описаны в разных аспектах в соответствии с титульной тематикой. В настоящий том, тесно связанный с томом «Философия», также включены, например, статьи об основоположниках китайских этико-политических учений — Конфуции, Сюнь-цзы, Чжу Си; философах и политиках — Кан Ю-вэе, Лян Ци-чао, Сунь Ят-сене, Тань Сы-туне; историках и мыслителях — Сыма Цяне, Сыма Гуане, Бань Гу, Ван Го-вэе, Ху Ши, Го Мо-жо; статьи о выдающихся памятниках китайской историографии — «Ши цзи» («Исторические записки»), «Шу цзин» («Канон истории»), «Хань шу» («История династии Хань»).

Большинство статей сопровождается списком источников и литературы, отражающим изученность проблемы, с приоритетом первоисточников и с учетом всего самого значимого на русском, китайском и европейских языках. После знака * перечисляются источники (издания письменных памятников, сочинения мыслителей и деятелей, которым посвящены статьи) на китайском, японском и западных языках в хронологическом порядке, в том числе переводы на русский и западные языки. После ** идет основная литература по теме статьи на русском, китайском, японском и западных языках в алфавитном порядке. Избранная тематическая библиография отечественных трудов и переводов содержится в **Справочном разделе**.

Отсылки к другим статьям Словарного раздела этого же тома или других томов выделены полужирным шрифтом. Иногда авторы энциклопедии могут придерживаться различных переводов терминов и названий письменных источников, расходиться в датировках жизнедеятельности исторических персонажей и атрибуции произведений. Все варианты по возможности учтены в соответствующих указателях. Фамилия автора указана после статьи или принадлежащего ему раздела статьи или библиографии.

Настоящий том, как и предыдущие тома энциклопедии, содержит сотни иллюстраций и фотографий. Многие из них воспроизводят изображения из старинных книг, редкие фотографии и имеют самостоятельную научную ценность.

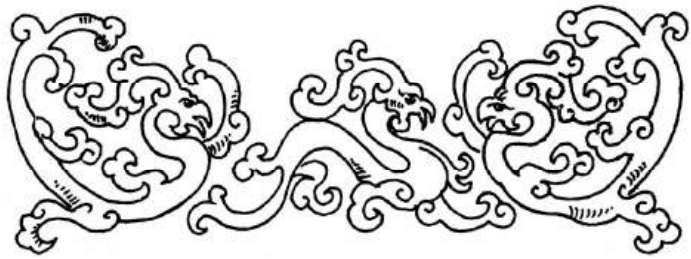
Китайские термины в тексте выделены курсивом, иероглифические написания отражены в указателях. Односложные термины-омонимы в транскрипции во избежание путаницы снабжены цифровыми индексами в квадратных скобках. Китайские имена, термины, названия передаются в традиционной русской транскрипции. Настоящим изданием продолжена искони принятая в русской и западной синологии практика записи слов классического письменного языка *вэньянь* раздельно или через дефис. Дефис используется и для отделения номенклатурных обозначений. Иероглифы в тексте и указателях представлены в большинстве случаев в полных начертаниях. В статьях-персоналиях после фамилии и личного имени указываются вторые имена, прозвища и псевдонимы.

В Справочный раздел включены указатели имен и терминов, названий произведений, список сокращений и список авторов тома. Специфику данного тома отражают карты и таблицы: хронологические, династийных историй, мер и весов, основных исторических событий, современных партий Китая.

Одна из генеральных целей проекта — представить китайскую духовную культуру так, как она выглядит сквозь призму российской современной синологии. Поэтому список его участников включает в себя как видных отечественных китаеведов второй половины XX — начала XXI в., так и молодых ученых. Редколлегия выражает глубокую признательность всем принявшим участие в создании тома, в консультировании и рецензировании его материалов. Особая благодарность за большой вклад в подготовку тома М.В. Сухову — научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН, взявшему на себя большую и ответственную работу по поиску, унификации и выверке дат, терминов, имен и названий.

Замечания и предложения просим присылать по адресу: 117848, г. Москва, Нахимовский проспект, 32. Институт Дальнего Востока РАН.

Редколлегия



Предисловие

Отличие данного тома от всех остальных заключается в том, что именно здесь сконцентрированы все основные проблемы, связанные с прошлым, настоящим и будущим Китая. Перед редколлегией и авторами тома стояла сложная задача — вскрыть в доступной читателю форме механизм организации взаимодействия власти и народа на протяжении всей истории китайской цивилизации с древности вплоть до сегодняшнего дня. Именно этим объясняется и структура тома, где «под одной крышей» объединены три составные части духовной цивилизации Китая: историческая мысль, политическая и правовая культура. Следует отметить, что вплоть до сегодняшнего дня такой работы не было ни в Советском Союзе, ни в России, ни в Европе. Она является по сути пионерской.

В древнем идейном и культурном наследии китайского народа почетное место заслуженно принадлежит истории и историографии. «Из всех наук, — писал известный китайский историк и политический деятель Лян Ци-чао, — в Китае только историческая наука достигла наивысшего развития». В поисках материала для создания политических и социальных теорий древние китайские мыслители обращались прежде всего к историческому прошлому своего народа, поэтому в Китае тесно переплетались история, политика, идеология, право.

«Исторические записки» патриарха китайской истории Сыма Цяня, ставшие эталоном написания таких сочинений, на которые опирались все следующие китайские историки, утвердили в историографии концепцию «история–зеркало». Можно сказать, что Сыма Цянь видел в истории зеркало, вглядываясь в которое потомки будут знакомиться с опытом прошлых поколений и извлекать из него уроки. Так же понимал предназначение истории и другой великий ханьский историк — Бань Гу (32–82). С некоторыми модификациями концепция «история–зеркало» дожила до наших дней и оказала глубокое и разностороннее влияние на историческую науку Китая. Не случайно правивший тогда император из династии Сун дал сводному труду по истории Китая, подготовленному под руководством Сыма Гуана (1019–1086), название «Всеобщее зерцало, управлению помогающее» («Цзы чжи тун цзянь»), подтвердив тем самым предназначение этого сочинения.

История в Китае всегда выступала как сила созидательная. Мощное государственное начало в организации историографического процесса гарантировало его удивительную устойчивость, были созданы благоприятные условия для систематической и непрерывной фиксации фактов национальной истории на протяжении по крайней мере двадцати с лишним веков. В зеркале своей национальной истории подданные Сына Неба видели величие и мощь своей цивилизации, насчитывавшей десятки веков непрерывного существования. «Зеркало истории» свидетельствовало, что гарантом существования общества

в Китае всегда было государство в форме конфуцианской монархии, а его воплощением являлся легитимный правитель, получивший на то санкцию Неба.

В данном томе мы подробно рассматриваем китайскую систему организации государственной службы, которая зародилась в глубокой древности и, сохраняя свои основные черты, видоизменялась на протяжении более чем двух тысячелетий.

«Зеркало истории» убеждало в незыблемости и абсолютной ценности государственной доктрины, необходимости строго следовать ее предписаниям. В нем четко была видна система ценностей, многие века определявших жизнь Китая. Главными среди них всегда оставались стремление к стабильности и единству, приоритет духовного над материальным, набор сложившихся в русле конфуцианства морально-этических норм, которые обусловили взаимоотношения человека с обществом и государством, особые качества национального менталитета. Посредством «Зеркала истории» китайское общество приобщалось также к нормам политической культуры, игравшей в системе конфуцианской монархии огромную роль. Поэтому в данном томе уделяется такое внимание политической культуре китайского общества.

Труды придворных историков сохранили для потомков богатейшие материалы, характеризующие китайское общество, особенности его жизни, его материальной и духовной культуры. Они являлись своего рода аккумулятором и хранителем национального культурного наследия.

Созданный трудами китайских историков фонд исторических сочинений составляет значительную часть того, что было создано историками всего мира. Ни один другой народ мира не имеет подобной писаной истории своей страны. Специфика этих материалов отнюдь не умаляет их ценности, нужно лишь ясно представить ее природу, знать код создавшей эту историографию культуры. Материалами и статьями, приведенными в энциклопедии, мы как раз пытаемся помочь читателю лучше понять и осознать природу уникальной духовной культуры Китая, имеющей глубокие цивилизационные корни, показать ее ценность для мировой культуры.

Одна из основных базовых ценностей китайской цивилизации, сформировавшей менталитет нации, — относительно высокий уровень исторического самосознания, знание истории своей страны, что является прочной духовной основой самоидентичности китайского народа. Веками простой, неграмотный крестьянин узнавал исторические предания, события и героев старины как от рассказчиков «семейных», так и от рассказчиков-профессионалов (*шошуды*). Театрализованные представления бродячих актеров на деревенских и городских площадях ставились в основном на исторические сюжеты. На те же сюжеты писались пьесы и оперы в театрах. «Четверокнижие» («Сы шу»), которое поколениями заучивалось наизусть (иначе невозможно было сдать экзамены), буквально насыщено историческими образами и примерами. Поэтому, когда политик в своих контактах с народом обращался к истории, используя, как правило, в качестве инструмента исторический факт или концепцию Конфуция, он всегда встречал подготовленную аудиторию.

Крутой идеологический поворот, связанный с приходом к власти Компартии Китая и образованием КНР, не отменил важнейшей особенности китайской историографии — она продолжает оставаться официальным, государственным, партийным делом, важным идеологическим и политическим оружием в руках государственно-партийного руководства.

Институт «политика–история» прошел через всю историю императорского Китая (III в. до н.э. — 1911) и функционирует и поныне, принимая те или иные формы в зависимости от стратегических целей руководства страны.

Еще до завоевания власти коммунистами в апреле 1945 г. VII расширенный пленум ЦК КПК 6-го созыва после серьезного обсуждения принял «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии», где давалась версия развития КПК и всего освободительного движения китайского народа в соответствии с установками Мао Цзэ-дуна. Этот документ на долгие годы определил развитие историографии нового Китая. На историческом переломе от утопического коммунизма Мао Цзэ-дуна к прагматической политике рыночного социализма Дэн Сяо-пина в 1981 г. VI пленум ЦК КПК 11-го созыва принял «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», в котором во многом по-новому были осмыслены пути развития китайской революции и предшествующий период истории КНР и КПК. Вместе с тем начавшееся с 80-х годов постепенное обновление всей духовной жизни страны сказалось и на современной китайской историографии — в научный оборот вводятся новые источники, складывается критический подход к исследованию некоторых исторических сюжетов, возникают плодотворные различия в трактовке исторического процесса, остается все меньше закрытых тем и белых пятен в современной истории страны.

В статьях этого тома мы постарались объективно показать, проанализировать и оценить взаимоотношение «китаизированного марксизма» и национализма в XX в. Должное внимание уделено как выразителю интересов нации Коммунистической партии Китая, взявшей на себя задачу модернизации страны и построения «социалистического гармоничного общества». Весьма закономерно, что инициатор реформ Дэн Сяо-пин связал свою программу модернизации с реанимацией первой социальной утопии Конфуция — *сяо канн*, «общества малого благоденствия», придав ей новое социальное звучание — «общество средней зажиточности», что одновременно трактуется как начальная стадия строительства «социализма с китайской спецификой».

В отличие от стран конфуцианского культурного региона: Японии, Южной Кореи, Сингапура и Тайваня как части Китая, построивших «конфуцианский капитализм», — КНР, основываясь на реинтерпретации аналогичных ценностей раннего конфуцианства, строит еще невиданную в мире модель «китайского рыночного социализма». Начав с претворения концепции *сяо кан*, КПК поэтапно развивает эту теорию, насыщая ее базовыми ценностями китайской цивилизации. Последним примером такой поэтапной реинтерпретации являются документы XVII съезда КПК, где уже обсуждалась проблема второй социальной утопии Конфуция — построения общества «Великого единения» (*да тун*) с упором на повышение «народного благосостояния». В материалах съезда уделяется внимание идее гармонии (*хэ* [*1*]) китайского общества, где человек объявлен основой политики и поставлена долговременная задача построения гармоничного общества. Эта идея сочетается с тезисом древнекитайского философа Мо Ди о «всеобщей любви и всеобщей выгоде», принципом Конфуция о «гармонии многообразного и исходного». В теоретические основы новаций входит и традиционная даосская диалектика «раздвоения единого и сочетания двух противоположностей в едином». Кроме того, преемственность сочетается с инновацией, с учетом реальных особенностей Китая и заимствованных передовых достижений как общественной мысли из-за рубежа, так и исследований китайских обществоведов.

Чтобы читатель получил более ясное представление о специфике китайской политической культуры, редколлегия уделила специальное внимание характеристике таких этико-политических учений, как легизм и конфуцианство, сформировавших ядро политической культуры, особенно учитывая нарастающий процесс инкорпорации ранних конфуцианских ценностей (*цинь минь* — «породнение с народом») в политико-идеологическую доктрину КПК. Опора на духовные ценности китайской цивилизации, прежде всего ран-

него конфуцианства, дает возможность КПК проводить гибкий курс реформ, ориентированных на социальную и политическую стабильность, а также делает более понятным смысл преобразований для широких слоев населения не только в самом Китае, но и среди многочисленной китайской диаспоры во всем мире, что является залогом успешных перспектив модернизации.

С древних времен Китай обладал специфической правовой культурой. Императорские династии вырабатывали и устанавливали многочисленные законы — уголовные и административные, необходимые для поддержания власти и управления народом. При этом правовые нормы, регулирующие положение личности, были лишь частью этих законов и постановлений. В статьях тома показано, как развивалась правовая культура Китая на протяжении длительного исторического периода, проанализированы правовые аспекты гоминьдановского Китая и периода КНР.

Несмотря на ограниченный объем тома, мы стремились наполнить его максимально возможным количеством фактического материала, чтобы читатель смог найти в нем не схематический исторический очерк, а весомую и убедительную демонстрацию характерных черт и особенностей истории китайского общества и государства за весь период существования китайской цивилизации.

После исторического нигилизма и фальсификаций периода «культурной революции» 1966–1976 гг. с 80-х годов XX в. в КНР под эгидой государства развернута мощная и хорошо организованная кампания по пропаганде знаний национальной истории, ставшая важной составной частью «культурного бума», начало которого приходится на это время. Рассчитана эта кампания на максимально полный охват всех слоев населения, но особое внимание уделяется молодежи, лишенной знаний по истории своей страны в период «культурной революции».

Модернизация современного китайского общества регламентируется общей теорией построения «социализма с китайской спецификой». В рамках данной теории выдвинута идея построения «социалистической духовной цивилизации», которая является важным компонентом концепции «совокупной государственной мощи», где одно из приоритетных мест занимают ценности богатого духовного наследия китайской нации.

Китайская политика в области строительства духовной культуры проникнута убежденностью и уверенностью в своей способности с помощью «мягкой силы» (*жуань шули*) культуры решить стоящие грандиозные задачи модернизации страны, построения «под знаменем идей социализма с китайской спецификой» «общества средней зажиточности», мирного объединения Родины и создания гармоничных отношений со всеми странами мира.

М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов

甲

Общий раздел

中國精神文化大典

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Доктрина китайской нации

Процесс формирования доктрины китайской нации как концепции единой макрообщности, объемлющей все население Китая, берет свое начало на грани XIX–XX вв. Примерно в это же время из Японии в китайский лексикон попадают термины со значением «нация»: *гоминь*, обозначающий нацию политическую, и *миньцзу*, обозначающий нацию этническую.

Термин *гоминь* был «сконструирован» японцами из двух китайских слогоморфем в связи с многочисленными переводами на японский язык западной научной литературы. Поскольку у немцев терминологически различались понятия политической и этнической нации (последняя обозначалась словом Nation), японцы создали слово *кокумин* (в китайском чтении — *гоминь*) как японский эквивалент немецкого Volk. В самом же китайском языке слогоморфемы *го* («государство») и *минь* («народ») никогда прежде не сопрягались вместе в виде отдельной лексической единицы.

Что касается слова *миньцзу*, то оно было заимствовано японцами в 80-х годах XIX в. из старокитайских текстов. В них начиная с V в. слово *миньцзу* изредка встречалось, но его семантика была связана с обозначением общностей несколько иного порядка. Вновь оказавшись на родине, слово *миньцзу* быстро приобрело широкое распространение уже в своем новом значении «нация».

В полиэтническом государстве задачи сплочения общества успешнее решаются при условии ориентации на построение и укрепление единой нации как политического образования. Китай в этом отношении интересен той характерной особенностью, что на протяжении всего XIX в. в стране проявлялся нарастающий интерес к идее единой китайской нации. Можно даже утверждать, что борьба за единую нацию создавала неотъемлемый фон истории Китая в этот период. В первой половине века, в обстановке воздействия внутренних и внешних сил дезинтеграции, китайские мыслители, политические деятели, наиболее активная часть граждан остро ощущали потребность внутриполитической консолидации, восстановления и усиления тенденции центростремительного развития. В создании единой нации виделся реальный путь к преодолению разобщенности народа. Построение единой нации рассматривалось как важный шаг к усилению Китая, как залог сохранения его целостности.

Благодаря усилиям китайских нациестроителей уже в первой половине XX в. был выдвинут целый ряд концепций единой нации. Название этой нации менялись: *чжунхуа гоминь*, *чжунхуа миньцзу*, *гоцзу*, *чжунхуа гоцзу* и, наконец, снова *чжунхуа миньцзу*, но уже в новом теоретическом осмыслении. Так, шаг за шагом, формировалась доктрина единой китайской нации. В итоге дело строительства и укрепления единой нации оказалось в фокусе политической стратегии страны. Сегодня призыв осуществить «великое возрождение китайской нации» звучит, пожалуй, еще громче, чем во времена, когда он был впервые провозглашен в первой половине XX в.

Хотя концепция китайской нации как единого народа на единой территории является порождением XX в., архетипически этот замысел коренится в весьма древних представлениях ханьцев и их предков *хуася* о себе и ареале своего обитания. Видимо, можно даже говорить о существовании у древних китайцев своего рода общехуасяской идеи.

Представления об этнотерриториальном единстве *хуася* зарождались еще во времена династии Чжоу, пришедшей в XI в. до н.э. на смену Шан. По словам исследователя: «Чжоуские Сыны Неба... считали себя частью единого целого, именуемого „нашим царством Чжоу“ (*во чжоу бан*)... Они отчетливо идентифицировали себя со всеми территориальными владениями Чжоу, а не только со своими столичными резиденциями...»

В перечне деяний выдающихся правителей из дома Чжоу обнаруживаются упоминания об их заслугах по «собиранию» и объединению земель и их обитателей. Как гласит надпись на бронзовом сосуде западночжоуского периода (XI в. — 771 г. до н.э.), «Вэнь-ван объял покровительством верхи и низы, сплотил воедино десять тысяч стран». Это способствовало сближению населения различных областей во «владениях Великого Юя», формировало у него представления о единст-

ве как принадлежности к общностям, обладавшим сходством политического устройства, хозяйственного уклада, культурных традиций, отличавших древних *хуася* от «варваров» и «полуварваров» периферии. По словам Лян Ци-чао, у ханьцев «с древних времен» присутствовало осознание (*цзюэу*) самих себя как «соотечественников-братьев» (*тунбао сюнди*), объединенных прочными узами. Следы подобного самоощущения у древних китайцев можно обнаружить, например, в «Ши цзин».

В то же время первоначальные представления о единстве у древних китайцев не следует преувеличивать. Скорее всего, они были отражением каких-то действительно существовавших ограниченных во времени «союзов» и объединений. Существует мнение, согласно которому объединения под эгидой Сынов Неба (речь идет о доциньских временах) носили скорее формальный характер. В реальности же страна «в течение длительных периодов пребывала в состоянии большей или меньшей раздробленности», так что единство, которого удавалось достичь, «оказывалось частичным и относительным».

Объединение Китая при династиях Цинь и Хань дало новые импульсы делу сплочения обитателей обеих империй. Постепенно представление о «великом единстве» (*да и тун*) Поднебесной стало основой формирования преобладающей тенденции дальнейшего развития страны как развития центростремительного. Современные китайские исследователи подчеркивают, что, несмотря на периодические расколы единства государства, эта тенденция в последующие тысячелетия постоянно возрождалась и укреплялась. Однако ханьский этнос, возможно в силу более чем 250-летнего бесправного положения в условиях маньчжурского владычества, оказался в кризисном состоянии. В обстановке расширявшейся внешней агрессии нужны были действенные меры, направленные на кардинальное изменение этнонациональной ситуации в стране. Именно в этот момент китайские реформаторы и революционеры активизируют свою деятельность, важным компонентом которой стали первые проекты превращения Китая в государство единой нации.

Задача создания в Китае единой политической нации впервые была сформулирована и обоснована Лян Ци-чао в 1899 г. Мыслитель рассматривал свой план в контексте мирового соперничества наций (как политических образований) в связи с перспективами развития Китая. Лян Ци-чао пользовался термином *гоминь* для обозначения как единого политического сообщества в рамках государства, так и самого государства, население которого сформировалось в политическую нацию. При этом он констатировал, что «китайцы понятия не имеют о нации (*гоминь*)». Действительно, неологизм *гоминь* только-только проникал в китайский лексикон.

Поскольку на первых порах Лян Ци-чао обозначал новым термином *гоминь* не только общность людей, но и определенный тип государства, отличный от того, которое существовало в Китае, он специально коснулся принципиальных различий первого и второго. В Китае, по его словам, «государство (*гоцзя*) — это государственное образование, являющееся достоянием одной [правящей] семьи». Что касается государства, являющегося нацией (*гоминь*), то такое государство «есть общее достояние народа» (*жэньминь*) со всеми вытекающими отсюда последствиями: участием народа «в ведении государственных дел, в установлении законов государства, в заботе о его интересах, защите страны». Иначе говоря, народ государства-нации должен обладать политическими правами. В Китае же, пояснял мыслитель, ничего подобного пока нет, в то время как на Западе совсем иная картина: люди Запада (*си жэнь*) отличаются патриотизмом. «В Китае все обстоит иначе. Государством владеют люди одной семьи. Остальные являются рабами (*нули*)». Лян Ци-чао предупреждал, что подобная ситуация чревата самыми негативными последствиями. Его вывод таков: если народ не может стать нацией, он «пребывает в унижении»; если государство не может стать нацией, оно «клонится к гибели». Он разъяснял, почему Китаю столь необходимо стать нацией. Причина состояла в том, что агрессия со стороны государства-нации (*гоминь*) может быть успешно отражена лишь в том случае, если нации-агрессору противостоит государство, обладающее равноценной мощью нации. Лян Ци-чао был уверен, что, если ханьцы не сумеют трансформироваться в нацию-*гоминь*, их уделом останется рабское положение. Что касается возможности гибели государства, народ которого не является нацией, то подобная перспектива может привести к его распаду. Позже Лян Ци-чао приводил пример развала Осман-

ской империи, которая «с самого создания государства никогда не пыталась управлять своим народом так, чтобы превратить его в нацию» (*гоминь*).

Но каким образом у Лян Ци-чао мог возникнуть замысел построения в Китае нации именно на базе концепции *гоминь* как общности государственно-политического порядка? Это явилось результатом его знакомства с идеями и теориями И.К. Блюнчли (1808–1881), широко известного в XIX в. швейцарского немецкоязычного юриста-государствоведа, труды которого переводились на многие языки мира и даже в XX в. считались не утратившими своей ценности. Находясь в Японии, Лян Ци-чао познакомился с переводом трактата Блюнчли о государстве. В 1903 г. он подробно изучал взгляды Блюнчли на природу государства, общества, нации. В работе Лян Ци-чао, посвященной этим вопросам, можно обнаружить немало положений и определений, раскрывающих природу политической нации и дословно (или почти дословно) повторяющих формулировки немецкого текста. Так, Лян Ци-чао солидаризировался с Блюнчли в персонифицированном представлении политической нации как «правовой личности»: «Нация — это правовая личность» (*гоминь вэй фалюй шан чжи и жэньгэ*). Это точь-в-точь соответствует формулировке Блюнчли: «Das Volk ist eine Rechtsperson». Блюнчли также называл нацию «правовой общностью» (Rechtsgemeinschaft). У Лян Ци-чао находим то же самое: «Нация — это правовая общность» (*гоминь чжэ фатуань е*); это «существующее [в рамках] государства юридическое тело». В 1911 г. Лян Ци-чао называет нацию *гоминь* «политическим объединением» (*чжэнчжи туаньти*). В 1922 г. он замечает, что «нация (*гоминь*) является объектом изучения права».

Констатируя, что ханьцы представляют собой этнос, у которого в настоящем его состоянии как бы отсутствует чувство внутренней «спаянности» и который превратился в своего рода «фрагментированный народ» (*буминь*: от *бу* — «часть», «фрагмент»), Лян Ци-чао относил этот недостаток к «великим бедствиям отечества» (*цзуго чжи да хуань*). В данной связи он подчеркнул, что «необходимо прежде всего переплавить фрагментированный народ (*буминь*) в нацию (*гоминь*)». *Буминь* и *гоминь* были для него терминами-антонимами: первый символизировал атомизированный характер ханьского этноса, второй обозначал сплоченную общность — нацию.

Фрагментированность ханьского этноса была, согласно Лян Ци-чао, следствием глубокой приверженности ханьцев к своим родовым общинам — кланам. Он даже называл своих соплеменников клановым народом, отмечая, что, хотя чжоуская клановая система «в наши дни формально упразднена, ее дух по-прежнему жив». Идентичность ханьцев не выходила за рамки клановых объединений, и принадлежность к государству фактически не фиксировалась в их сознании. Это обстоятельство неоднократно акцентировалось Лян Ци-чао. Он считал, что отсутствие у ханьцев «идеи государства» при наличии «местечкового мышления» обусловливалось спецификой исторического развития Китая, народ которого воспринимал свою страну как Поднебесную. Китайцы «не имеют понятия, в чем различие между государством и Поднебесной», писал Лян Ци-чао, ибо они «никогда сами не сознавали, что их страна является государством». Именно это обстоятельство, по его убеждению, имело прямое отношение к низкому уровню сплоченности ханьцев.

Почитаемый Лян Ци-чао Блюнчли строго разграничивал понятия этнонации, или этноса (Nation), и политической нации (Volk). Китайский мыслитель старался придерживаться такого же подхода. Блюнчли подчеркивал, что чувство «политической сопринадлежности и единства» возвышает нацию (Volk) над этнической общностью (Nation). Лян Ци-чао разделял этот взгляд. И хотя ханьцы в начале XX в. еще не возвратили себе статус реальной государствообразующей общности, т.е. нации-*гоминь*, мыслитель видел в своих соплеменниках потенциальную нацию (*гоминь*), не сомневаясь, что его народ непременно станет таковой. В статьях начала 1900 г. он говорил о величии ханьской нации не как общности этнической (*миньцзу*), а нации политической (*гоминь*). «Китай, — писал он, — великое государство. Его народ — великая нация». Он благодарен Небу за то, что «является частицей этой великой нации» (*да гоминь*) и спрашивает: «Желает ли наш народ стать великой нацией?» — но для него этот вопрос чисто риторический.

Блюнчли не оставил без внимания проблему нации в полиэтническом государстве. Он считал, что в таком государстве «все национальности вместе образуют единую нацию». Лян Ци-чао при-

нимал это положение. Но его позиция в данном вопросе отличалась своеобразием.

В понимании Лян Ци-чао статус нации (*гоминь*) может принадлежать только ханьцам. Ханьцы должны снова стать «государственным (т.е. государствообразующим. — *А.М.*) народом» — носителем китайской государственности. Что касается неханьских этносов, то они, как писал Лян Ци-чао, хотя и входят в состав политической нации в качестве ее «структурных компонентов», остаются в своем прежнем статусе этнических элементов, объемлемых политической нацией. Это не означало, что они являются равноправными по отношению к ханьцам. Поэтому нация — *гоминь*, в понимании Лян Ци-чао, фактически была ханьской нацией. Ханьцы, вмещая в себя неханьские этнические элементы, принципиально обладали более высоким статусом. Понимание Лян Ци-чао природы политической нации (*гоминь*) как нации ханьской подтверждается и его заявлениями о том, что «наша нация (*гоминь*) неизменно проявляет способность собственными силами ассимилировать прочие этносы». Относя неханьцев страны к «неполноценным этносам» (*ле дэн миньцзу*), Лян Ци-чао убежден, что «неполноценные» непременно поглощаются «полноценными» (он был большим поклонником идей социал-дарвинизма) либо окончательно деградируют. Таковым было своеобразие понимания Лян Ци-чао природы государственно-политической нации.

В начале 1920-х годов концепция политической нации Лян Ци-чао приобретает более законченный вид. Он окончательно определяется с названием этой нации, именуя ее «китайской нацией» — *чжунхуа гоминь*, т.е. исходит при этом не из этнического начала, а из государственного, приводя название нации в соответствие с названием государства — *Чжунхуа миньго* (Китайская Республика).

Лян Ци-чао подчеркивал, что на формирование *чжунхуа гоминь* ушло четыре-пять тысячелетий огромных и непрерывных усилий ханьцев (и их предков) по «перевариванию» и «облагораживанию» инородческих этносов — исторических соседей ханьцев. Образование Китайской Республики в результате Синьхайской революции, по словам Лян Ци-чао, ознаменовало «появление в этом мире на вечные времена той общности, которая [ныне] называется „китайской нацией“». Последняя, в чем был уверен мыслитель, должна играть роль «важнейшего ядра человечества». Он имел в виду то обстоятельство, что китайская нация уже объединила в себе «одну четвертую часть» населения Земли, и это, как он считал, создало «крепчайшую основу» для «будущего мира Великого единения» (*да тун*).

Важнейшее значение придавал Лян Ци-чао формированию самосознания китайской нации. «Самое важное — это ощущать себя целостной нацией» (*чжэнгэ дэ гоминь*), — говорил он в 1821 г. Именно с Синьхайской революцией связывал он «появление самосознания нации».

Одним из объединяющих начал китайской нации в процессе ее формирования была, согласно Лян Ци-чао, «идеология исконной традиции», соединяющая в себе «идеи девяти философских течений и ста школ». Он имел в виду идейное разнообразие, наблюдавшееся в Китае в периоды Чунь-цю и Чжань-го. Наступившее после Цинь и Хань «единомыслие», когда «Конфуций оказался доминирующей фигурой», Лян Ци-чао считал одновременно и большим успехом, и крупной неудачей китайцев.

Среди особенностей китайской нации Лян Ци-чао особо подчеркивал ее приверженность духу «преодоления государственных границ», реализации которого, по его словам, она и далее будет придерживаться. Он имел в виду расселение по различным континентам китайских *хуацяо*.

Хотя Лян Ци-чао утверждал, что «идеалом нашей нации (*гоминь*) является [принцип] равноправия, глубоко проникший в сердца людей», под этим не имелось в виду этническое равноправие. В данном случае он подразумевал «различия между аристократами и простолюдинами, которые (различия) были стерты еще во времена Чжань-го» (403–221 до н.э.).

Итак, Лян Ци-чао был первопроходцем китайского нациестроительства, выступившим с наиболее перспективных теоретических позиций строительства единой нации и заложившим фундамент для дальнейшей работы в данной области.

Лян Ци-чао еще на грани XIX–XX вв. сумел показать своим соотечественникам стратегическую значимость задачи создания в Китае единой нации.

Историческая мысль

Его концепция единой политической нации пользовалась влиянием и определила главное направление дальнейших теоретических разработок в китайском нациестроительстве.

В концепции китайской нации (*чжунхуа гоминь*) заметно отразились его националистические воззрения, что было следствием его приверженности националистической доктрине и его общих взглядов как «националистического мыслителя».

Заметный след в истории китайского нациестроительства оставил Сунь Ят-сен. Его, как и Лян Ци-чао, тревожило состояние ханьского этноса в связи с отсутствием у него достаточной сплоченности. В токийской речи 1906 г. Сунь Ят-сен отмечал, что маньчжурам удалось покорить ханьцев благодаря своей «силе сплочения». Ханьцы же не были объединены в единую сплоченную общность. Но Сунь Ят-сен был уверен, что в конце концов они смогут объединиться и «многократно превзойти» маньчжуров по силе сплочения. Но в отличие от Лян Ци-чао Сунь Ят-сен полагался не на будущее сплочение ханьского этноса в рамках политической нации — *гоминь*, а на консолидацию ханьцев как этнической нации — *миньцзу*, а также на полную ассимиляцию ханьцами неханьских этносов страны. В понимании природы будущей единой нации у Сунь Ят-сена не было постоянства. Он неоднократно менял свою позицию в этом вопросе. В то же время он неизменно придерживался трактовки этой нации как этнической общности.

Идея нации у Сунь Ят-сена тесно связана с его принципом национализма. Требования последнего, направленные на сплочение китайского (ханьского) народа, ассимиляцию неханьских этносов, упрочение положения ханьской нации в мире, предусматривали в качестве центральной задачи создание единой нации, превращение Китая в однонациональное государство. По поручению Сунь Ят-сена детали этого плана были изложены в журнале «Миньбао» Ван Цзин-вэем, сформулировавшим основные идеи и программные положения суньятсеновского «Объединенного союза» (*Тунмэнхуя*) по национализму.

Согласно Ван Цзин-вэю, *Тунмэнхуй* (следуя замыслу Сунь Ят-сена) склонялся к плану ассимиляции ханьцами малых народов страны с тем, чтобы трансформировать Китай в государство одной нации. Этому вопросу была посвящена первая теоретическая статья Ван Цзин-вэя в «Миньбао», озаглавленная «Граждане нации». Развивая эту тему в другой статье, Ван Цзин-вэй пояснил, что в процессе ассимиляции национальностей ханьцы предпочитают не приобретать качеств ассимилируемых этносов. Единая нация, таким образом, мыслилась Сунь Ят-сеном как этнически гомогенная общность будущего, в основе своей — ханьская. Позже это намерение было закреплено в документах руководимых Сунь Ят-сеном партий. Устав *Тунмэнхуя*, принятый в феврале 1912 г., содержал установку, создававшую необходимые условия для реализации плана построения единой нации. Пункт 2 статьи 3 нового Устава гласил: «Осуществлять ассимиляцию национальностей». В августе того же года в Декларацию по случаю создания Гоминьдана было включено положение: «Неуклонно осуществлять ассимиляцию национальностей».

Первоначально Сунь Ят-сен не называл будущую единую нацию каким-то новым именем. По-видимому, для него было очевидно, что эта нация останется ханьской. Но впоследствии он предпочел наименование *чжунхуа миньцзу* — «китайская нация». В данной связи нужно заметить, что этноним *чжунхуа миньцзу* в Китае служил и для обозначения ханьской этнонации (Лян Ци-чао использовал его именно в этом значении, у Сунь Ят-сена такое употребление данного термина также встречается, хотя и крайне редко).

В 1919 г. в работе «Три народных принципа» Сунь Ят-сен формулирует «позитивную цель» национализма, которая должна заключаться в «переплавке» всех народов Китая, включая ханьцев, и образовании единой китайской нации. Последнюю Сунь Ят-сен уподоблял тогда американской нации, «представляющей собой, — как он писал, — собрание десятков национальностей, черных и белых». На этот раз данный проект предусматривал, согласно его замыслу, создание не одной большой ханьской этнонации, но образование некой новой общности, которая должна сложиться в результате «переплавки» всего этнического «материала» Китая. Сунь Ят-сен пояснял, что ханьцы, соглашаясь «слиться» с маньчжурами, монголами, мусульманами и тибетцами «в едином плавильном тигле», фактически жертвуют своей кровью, историей (и прочими элементами собственной самобытности), дабы «создать новый принцип единой китайской нации»

Доктрина китайской нации

(*чжунхуа миньцзу*). Это была совершенно новая концепция построения единой нации, так как в прошлом, как уже отмечалось, ассимиляция ханьцами неханьских этносов должна была основываться на принципе неприятия ханьцами свойств инородцев. Новая концепция тем самым означала отход Сунь Ят-сена от древней традиции ханьцев поглощать «варваров», но самим не ассимилироваться с «варварами».

Однако этот план Сунь Ят-сена, не подкрепленный ничем, кроме самых общих слов о намерении создать новую единую этническую общность, вскоре отпал сам собой. Сунь Ят-сен не учитывал, что американская нация была совсем не тем, что он стремился построить в Китае. Хотя на первых порах он был воодушевлен своей новой идеей и считал возможным осуществить «переплавку» в самые короткие сроки, в самом деле решив, что, «действуя энергично», можно будет «развить все величие [новой] китайской нации», и тогда, как он писал в 1919 г., «мы непременно в скором времени превзойдем Америку и Европу и станем венцом мира...».

Но реальность заставила Сунь Ят-сена вскоре же возвратиться к своему первоначальному проекту единой нации, базировавшемуся на ассимиляции «ханьцами» всех неханьских народов Китая. В 1921 г. он заявляет, что нужно просто «переименовать ханьцев в *чжунхуа миньцзу*». Надлежит стремиться к растворению неханьцев «внутри ханьцев», и тогда государство одной ханьской этнонации (*чжунхуа миньцзу*) «потрясет весь мир» своим величием. Таким образом, в понимании Сунь Ят-сена будущая единая китайская нация должна остаться ханьской этнонацией. Последний раз об «образовании одной большой китайской нации — *чжунхуа миньцзу* говорилось в декларации Китайского Гоминьдана от 1 января 1923 г. После этого Сунь Ят-сен обращается к новой концепции единой нации.

Новая концепция изложена в его лекционном цикле «Три народных принципа» (1924). В первой из шести лекций, посвященных принципу национализма, вводилось понятие государственной нации (*гоцзу*; сокр. от *гоцзя миньцзу* —«государственная нация»). Последняя мыслилась им как ханьская нация — с особым акцентом на ее роль носительницы китайской государственности. Отмечая этот момент, Сунь Ят-сен пояснял, что в «Китае начиная с [династий] Цинь и Хань всегда одна нация создавала одно государство». Такой нацией Сунь Ят-сен считал ханьцев, поскольку Китай он представлял себе только как ханьское государство (господство инородческих династий — монгольской, маньчжурской — он считал временем гибели государства ханьцев).

Были попытки интерпретировать его термин *гоцзу* как нацию «всего народа в целом, населяющего данное государство». Но это понимание расходится с тем, что утверждал Сунь Ят-сен в своей первой лекции по национализму. Хао Ши-юань недавно снова подтвердил, что под *гоцзу* Сунь Ят-сен имел в виду именно ханьцев. Можно ли в таком случае считать суньятсеновскую государственную нацию эквивалентом понятия единой нации Китая? По всей видимости, Сунь Ят-сен так ее и понимал. В своей первой лекции по национализму он утверждал, что общая численность неханьцев в Китае не превышает 10 млн. человек, составляя примерно 2,5% общей численности населения Китайской Республики (что вчетверо занижало действительную долю неханьских национальностей). Видимо, это и подтолкнуло Сунь Ят-сена к признанию Китая однонациональным государством. Оставалось лишь повысить сплоченность самой ханьской этнонации — прочно связать воедино все ее кланы (*цзунцзу*), чему он и уделил много внимания в своих лекциях по национализму.

Таким образом, у Сунь Ят-сена в отношении к идее единой нации отсутствовало постоянство, что, возможно, обусловливалось его неуверенностью в правильности предлагавшихся им решений. Его проекты не имели под собой серьезной теоретической базы. Их отмечала утопичность, в них не учитывалась специфика государственной ситуации в Китае. Зато в них было достаточно шовинизма, в особенности в подходах к решению проблем неханьских национальностей страны. Но в позиции Сунь Ят-сена были, бесспорно, и положительные стороны. Позитивным вкладом Сунь Ят-сена в китайское нациестроительство было, несомненно, понимание им стратегической значимости построения в Китае единой монолитной нации, что нашло свое выражение в его речах, лекциях, текстах. Его призыв «соединить 400-миллионный китайский народ в одну крепкую нацию» был взят на вооружение Гоминьданом и неоднократно звучал на съездах этой партии в 20-е, 30-е и 40-е годы. Кроме того, недостатки его нациестроительских проектов

побуждали к поискам более адекватных концепций и решений, что не без успеха претворялось в жизнь Гоминьданом в постсуньятсеновский период.

Учитывая недостатки позиции Сунь Ят-сена в вопросе о единой нации, Гоминьдан с конца 1920-х годов стремился пересмотреть суть его подхода к данной проблеме. Гоминьдан по-прежнему придавал важнейшее значение строительству единой нации, и этот вопрос всякий раз вносился в повестку дня съездов партии. Новое понимание природы единой нации нашло отражение уже в документах III съезда Китайского Гоминьдана (1929). В резолюции съезда по политическому отчету, в частности, отмечалось, что в целях создания сильной государственной нации (*гоцзу*) необходимо осуществлять «тесное единение» национальностей «большой пятерки» — ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман (под последними имелись в виду тюркские этносы Синьцзяна) и тибетцев. Ссылки на «большую пятерку» как наследие Синьхайской революции с ее доктриной «Республика пяти национальностей» не исключали, конечно, и «малых национальностей» (*сяо цзу*) Китая, который признавался Гоминьданом полиэтническим государством. Соответственно государственную нацию (*гоцзу*) в отличие от Сунь Ят-сена теперь рассматривали как полиэтническую общность. Тем самым, сохранив суньятсеновский термин *гоцзу*, Гоминьдан стал подходить к ней как к полиэтнической нации. Это было важным теоретическим новшеством, которое в последующие годы получило дальнейшее развитие.

В Декларацию III съезда Гоминьдана было включено требование Сунь Ят-сена: «Сплотить 400-миллионный народ в одну большую государственную нацию». Этот призыв был, конечно, по-прежнему актуален. Но его содержание стало принципиально иным. Этот же призыв Сунь Ят-сена к сплочению повторялся в Декларации IV Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана (1931). Тема единой нации не была обойдена и в Декларации V съезда этой партии (1935), в которой ставились задачи «укреплять государственную нацию и добиваться ее единства», «усиливать сплоченность государственной нации». В Декларации внеочередного Всекитайского съезда Гоминьдана (1 апреля 1938 г.) относительно государственной нации было сказано, что «все национальности в пределах Китая в ходе исторического развития в основном уже слились и превратились в монолитную государственную нацию». Эта формулировка, во многом продиктованная обстоятельствами войны с Японией, свидетельствовала о том, что в стратегии Гоминьдана важнейшее место отводилось мерам по консолидации народов страны.

Но наиболее четкое выражение позиции Гоминьдана в отношении государственной нации выявилось еще до внеочередного съезда этой партии — в процессе разработки проекта Конституции Китайской Республики (1936–1937). Статья 5 проекта Конституции непосредственно касалась вопросов наименования нации, ее структуры и статуса. Текст статьи гласил: «Все национальности Китайской Республики, являясь структурными компонентами китайской государственной нации (*чжунхуа гоцзу*), равноправны».

То, что Гоминьдан признал равноправие всех сегментов китайской государственной нации, можно рассматривать как серьезное теоретическое продвижение в разработке проблемы единой нации в Китае. В данном виде китайская нация приобретала политический, наднациональный характер. Неоспоримым было преимущество концепции *чжунхуа гоцзу* перед концепцией *чжунхуа гоминь* Лян Ци-чао, не говоря уже о проектах *чжунхуа миньцзу* и *гоцзу* Сунь Ят-сена. Поскольку понимание *чжунхуа гоцзу* как нации равноправных членов было введено в текст проекта Конституции Китайской Республики, оно приобретало характер официальной доктрины. Однако проект Конституции в силу обстоятельств военного времени так и остался проектом. Тем не менее в контексте развития китайского нациестроительства концепция *чжунхуа гоцзу* занимает несомненно выдающееся место.

Важной вехой в процессе дальнейшей разработки и формирования доктрины единой китайской нации явилось выдвижение в 1942 г. лидером Китайской Республики и Гоминьдана Чан Кай-ши новой концепции, согласно которой за единой китайской нацией закреплялось наименование *чжунхуа миньцзу*, но предлагалась совершенно новая трактовка этой нации.

В данной связи могут возникнуть вопросы: почему появилась необходимость пересмотра концепции единой нации, представленной в проекте Конституции Китайской Республики? что

могло не устраивать Чан Кай-ши в концепции *чжунхуа гоцзу*? Ответы на эти вопросы нужно искать в тогдашней политической ситуации в Китае и вокруг него. Китайская Республика не первый год вела тяжелую борьбу с японской агрессией. Страна как никогда нуждалась в консолидации всех сил, сплочении всех национальностей для отпора врагу. Несомненно, эти обстоятельства заставили Чан Кай-ши выступить с новым проектом единой нации *чжунхуа миньцзу*.

Основные положения новой концепции единой нации изложены в его речи 27 августа 1942 г. в Синине (пров. Цинхай), где он встречался с представителями национальностей «большой пятерки». Эта речь вошла в собрание сочинений Чан Кай-ши под заголовком «Общая ответственность китайской нации».

Главная идея нового проекта заключалась в утверждении, что в Китае наличествует только одна нация — китайская (*чжунхуа миньцзу*). Этот пункт особенно подчеркивался Чан Кай-ши в его сининской речи. Он старался пояснить своим слушателям, что компоненты китайской нации — это никак не нации. Для обозначения национальностей — компонентов китайской нации он предложил использовать термин *цзунцзу* — «клан». Термин «клан» или «большой клан» (*да цзунцзу*) употреблялся в данном случае вполне условно, дабы избежать «двойного» употребления термина *миньцзу* (нация) в названии самой китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) и ее компонентов, — одним словом, чтобы «нация» не считалась состоящей из «наций». «Я говорю, — пояснил Чан Кай-ши, — что мы являемся пятью кланами (т.е. национальностями „большой пятерки“. — *А.М.*), а не пятью нациями, иначе говоря, все мы представляем собой компоненты китайской нации, подобно тому, как братья составляют семью». Он ссылался на известный призыв Сунь Ят-сена «соединить 400 млн. человек в одну крепкую нацию». «Поэтому-то, — подчеркивал Чан Кай-ши, — у нас и есть только одна китайская нация, а для наименования всех составляющих ее единиц (*даньвэй*) действительно лучше всего использовать слово „клан“».

Особенно акцентировалась им мысль о целостности китайской нации. «Наша китайская нация есть одно целое, а наше государство тем более не может быть расчленено», — говорил он. Таким образом, Чан Кай-ши счел некорректным называть компоненты *чжунхуа миньцзу* нациями (*миньцзу*), так как этот термин был «занят» в самом названии китайской нации как макрообщности. Но главным мотивом для такого подхода была все же не академическая корректность, а стремление в условиях тяжелой борьбы с японской агрессией найти более эффективный способ консолидации народов страны. Вероятнее всего, его не удовлетворяла концепция *чжунхуа гоцзу* проекта Конституции, поскольку «китайская государственная *нация*» представлялась просто как совокупность всех наций страны. Преимущество же своей новой концепции он, скорее всего, видел в ее более сильном интегративном потенциале.

Обращаясь к вопросу об отношении всех «кланов» к китайской нации и государству, Чан Кай-ши снова и снова подчеркивал, что «необходимо понять наше собственное место и отношение всех нас к китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) как целому и к Китайской Республике. По отношению к китайской нации, к какому бы клану мы ни принадлежали — к ханьцам, маньчжурам, монголам, хуэй, тибетцам, — все мы равно являемся компонентами китайской нации, подобно братьям одной семьи, которые равны по своему статусу и связаны друг с другом всеми жизненными узами. Что касается нашего отношения к государству, то все мы являемся гражданами и хозяевами Китайской Республики, у всех нас общая ответственность за состояние Китайской Республики, и каждый из нас должен в полной мере выполнять [по отношению к ней] общие обязанности. Все мы также пользуемся равными правами». Великим общим делом всех соотечественников Чан Кай-ши назвал возрождение китайской нации.

Таким образом, в его концепции употребление термина «нация» (*миньцзу*) ограничивалось одним лишь уровнем надэтнического «свода» единой нации, что соответствовало международным стандартам употребления данного термина. В течение ряда лет в Китайской Республике новая концепция находила поддержку и понимание в том числе и в кругах ученых. В печати публиковались материалы, в которых популяризировалась новая концепция единой нации. Однако в итоге проект Чан Кай-ши все же не был воплощен в жизнь. В Декларации VI съезда Гоминьдана (май 1945 г.) о единой нации ни словом не упоминалось. Для обозначения национально-

стей Китая в Декларации по-прежнему использовался термин *миньцзу*, а термин *цзунцзу* вообще не фигурировал. В тексте Конституции Китайской Республики, принятой Национальным собранием 25 декабря 1946 г., вопрос о китайской нации также не был затронут (как это имело место в проекте Конституции 1936–1937 гг.). В принятой Конституции национальности (нации) обозначались термином *миньцзу*. Статья 5 новой Конституции гласила: «Все нации Китайской Республики равноправны». Причины, заставившие Чан Кай-ши не настаивать на дальнейшем продвижении своего проекта, видимо, обусловливались различными обстоятельствами. Но центральная идея его концепции (считать нацией одну лишь макрообщность *чжунхуа миньцзу*) оказалась жизненной: в 90-е годы с аналогичной трактовкой стали выступать некоторые известные исследователи КНР.

Таким образом, уже в первой половине XX в. в Китае складывается понимание стратегической важности консолидации народа страны в единую сплоченную нацию. Делаются первые шаги в теоретическом осмыслении проблемы «однонационального» Китая. При этом с самого начала образуются два принципиально различных направления *нациестроительства*. Предложенная Лян Ци-чао концепция китайской нации (*чжунхуа гоминь*) как политической общности, несмотря на существенные недостатки шовинистического свойства, оказывается в русле наиболее продуктивных концепций единой нации. В дальнейшем дело строительства единой нации в Китае шло по пути совершенствования модели политической нации. Несомненными достижениями были концепции *чжунхуа гоцзу* проекта Конституции Китайской Республики 1936–1937 гг., концепция *чжунхуа миньцзу* Чан Кай-ши. Последняя в наибольшей степени отвечала нормам мирового нациестроительства, хотя ее автору и не удалось найти удовлетворительного решения, в частности проблемы наименования членов единой нации. Концепцию единой нации как этнической (этнически гомогенной) общности, которую последовательно отстаивал Сунь Ят-сен, напротив, невозможно назвать продуктивной, отвечающей особенностям такого полиэтнического государства, как Китай. Тот факт, что Гоминьдан сразу же отошел от последнего суньятсеновского проекта государственной нации (*гоцзу*), говорит сам за себя. Тем не менее призыв Сунь Ят-сена построить в Китае «одну прочную нацию» (при наполнении этого лозунга новым содержанием) остался актуальным и благодаря авторитету личности основателя Китайской Республики пользовался широкой поддержкой. Учитывая контекст развития китайского нациестроительства в первой половине XX в., нужно признать, что в формировании доктрины единой нации в этот период возобладала идея единой политической нации, что, вне всякого сомнения, было движением в правильном направлении.

***** [*Ван*] *Цзин-вэй*. Миньцзу ды гоминь (Граждане нации) // Миньбао. 1905, № 1; *он же*. Яньцзю миньцзу юй чжэнчжи гуаньси чжи цзыляо (Материалы к изучению взаимоотношения этнических и политических факторов) // Там же. 1907. № 13; Чжунго Гоминьдан ди-и-эр-сань-сы цы цюаньго дайбяо дахуй хуйкань (Материалы I, II, III, IV Всекитайских съездов Китайского Гоминьдана). Нанкин, 1934; то же. Тайбэй, 1973; Сунь Чжун-шань сюань цзи (Избр. соч. Сунь Ят-сена). Т. 2. Пекин, 1957; Инь Бин ши вэнь цзи (Соч. из Кабинета Глотателя Льда). Тайбэй, 1960. Т. 2, 5, 10, 12, 13; Инь Бин ши хэ цзи: Чжуань цзи чжи (Собр. соч. из Кабинета Глотателя Льда: Соч. на специальные темы). Т. 11. Шанхай, 1941; *Цзян Чжун-чжэн*. Чжунхуа миньцзу чжэнгэ гунтун ды цзэжэнь (Общая ответственность китайской нации) // Цзян цзун-тун цзи (Собр. соч. президента Цзян Чжун-чжэна). Т. 2. Тайбэй, 1968; *Сунь Ят-сен*. Го Фу цюань шу (Полн. собр. соч. Отца Республики). Тайбэй, 1970; *он же*. Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. ****** *Ху Цзин-мин*. Сяньфа ганъяо (Очерки конституции). Нанкин, 1946; *Цзоу Лу*. Чжунго Тунмэнхуй (Китайский объединенный союз) // Чжунхуа миньго кай го уши нянь вэньсянь (Материалы к 50-летию образования Китайской Республики). Тайбэй, 1964. Ч. 1. Т. 11.

А.А. Москалев

История и историческое сознание

Китайская историография — особый и необыкновенно яркий феномен цивилизации этой страны. Она необычайно самобытна и аналогов в мировой исторической науке не имеет. Это — ее особая модель.

Иероглиф *ши*, обозначающий ныне историю, — древнего происхождения, он встречается уже в надписях на гадательных костях эпохи Шан (XVI–XI вв. до н.э.). В своем изначальном виде он изображал чиновника, который держит в руке таблички для письма. С деятельностью этих служилых людей и связывают в Китае зарождение и становление национальной историографии. Иную этимологию имеет европейский термин «история». Он пришел из греческого языка, где первоначально означал «исследование», «рассказ, повествование о том, что узнано, исследовано».

Согласно традиции первыми чиновниками-*ши* были два историографа при дворе мифического императора Хуан-ди — культуротворцы Цан-цзе и Цзюй Сун; они считаются также создателями китайской письменности. Однако в действительности этот институт, видимо, начинает складываться лишь в эпоху Шан. В круг обязанностей состоявших при дворе правителей чиновников-*ши* тогда входило и составление гадательных надписей на костях животных, они участвовали в создании ранней китайской эпиграфики. Такая практика началась приблизительно с середины II тыс. до н.э.

Помимо сообщения о предмете гадания и полученном ответе высших сил эти записи содержали также сведения о результатах предсказания, т.е. в них фиксировались какие-то крупные, наиболее значимые события, относящиеся к деятельности правителя. Постепенно составление подобных надписей приобрело регулярный характер, они сохранялись, и их фонд содержал значительную информацию о прошлом. Полученная в результате гадания, она, разумеется, имела своеобразный колорит, но иной истории в то время и быть не могло. Надписи на костях, практически не связанные с мантикой, появились в Китае лишь к концу эпохи Шан.

Таким образом, первые ростки историописания появились в Китае в сфере ритуала и политической практики шанских ванов. Сведения, которые систематически отбирали и фиксировали *ши* [*9*], являлись неотъемлемой частью этой практики и были жизненно важны для находившейся тогда в процессе становления китайской государственности. Видимо, это и питало рано возникший в Китае напряженный интерес к своему историческому прошлому. Связан он был также и с культом предков.

Серьезные перемены, которые происходят в китайском обществе с приходом к власти чжоуских ванов, значительно активизируют процесс становления историописания, придают ему новые черты.

В надписях на бронзовых ритуальных сосудах, которые готовил чиновник-*ши*, их «результативная», «историческая» часть становится все более обстоятельной и содержит информацию о самых разных свершениях правителей. На ее самостоятельное значение указывает и особая организация там материала.

Важным этапом в развитии историографической деятельности *ши* [*9*] стало создание при чжоуском дворе особого института «левого» и «правого» историографов, в обязанности которых входила фиксация деяний и речей правителя. Таким образом, для части *ши* [*9*] историописание становится главным занятием. А материалы, которые они готовили, по своему характеру все больше напоминали исторические труды. Не случайно эти записи стали прообразом появившихся позже «дневников» (*цицзюй чжу*) — одного из важных компонентов государственного историописания. Как считают современные китайские историки, записи «левого» и «правого» *ши* [*9*] дали также начало двум первым разновидностям исторических сочинений. Готовились при дворе чжоуских ванов и некоторые другие сочинения исторического характера.

На новый, качественно отличный от предыдущего, уровень историографическая деятельность *ши* [*9*] выходит в период Восточного Чжоу (770–256 до н.э.), когда в условиях нарастающей деградации власти ванов происходит усиление региональных правителей и страна стала погружаться в пучину междоусобной борьбы. Подобно ванам, они также обзаводятся собственным институтом чиновников-*ши*. Монополия чжоуского двора на подобную деятельность была окончательно утрачена.

В условиях ожесточенной борьбы за власть историографическая деятельность *ши* [*9*] приобретает особый смысл: их труды становятся не только источником политического опыта предыдущих поколений, но и весомым аргументом в борьбе за престол, инструментом консолидации общества. Особенно важна была для претендентов на власть интерпретация сопровождавшего смену власти политического кризиса. Именно на это и были прежде всего ориентированы основные усилия *ши* [*9*] при дворах региональных правителей. Они составляют «записки *ши*» (*ши цзи*), «происхождение родов» (*ши бэнь*). Подготовленные материалы легли в основу одной из главных книг конфуцианского канона «Книги истории» («Шан шу»). К середине I тыс. до н.э. появляются такие сочинения исторического характера, как «Бамбуковые анналы» («Чжу шу цзи нянь»), «Речи царств» («Го юй»), «История Чжоу» («Чжоу шу») и др.

Особое место среди них занимают хроники царств, в древнем Китае этот вид сочинений получил название *чунь цю* («Вёсны и осени»). Он был необыкновенно популярен. Живший в то время известный мыслитель Мо Ди (V–IV вв. до н.э.) рассказывает, что видел *чунь цю* 100 царств. Среди них наибольшую роль в становлении национальной историографической традиции сыграла хроника царства Лу (722–481 до н.э.), вошедшая в историю китайской культуры под своим видовым названием «Чунь цю». Ее автором в Китае обычно считают Конфуция (551–479 до н.э.).

Деятельность Конфуция, разработка им своего этикополитического учения — крупнейшее событие в истории духовной культуры древнего Китая, на века определившее во многом судьбу этой страны. Важнейшую роль сыграло конфуцианство и в судьбе китайской историографии.

Это учение пронизано историей, исторические материалы Конфуций использовал для обоснования своих взглядов, в историческом прошлом он видел образцы государственного и общественного устройства, на которые следовало ориентироваться правителям современных ему царств. Все это указывает на тесные, органические связи учения Конфуция с культурой чиновников-*ши*. По крайней мере часть книг конфуцианского канона была либо создана этими *ши* [*9*], либо построена на их материалах. И хотя принадлежность «Чунь цю» Конфуцию не доказана, дошедший до нас текст этой летописи, вошедший в состав канона, несет на себе ощутимый отпечаток его взглядов. Конфуцианскую принадлежность «Чунь цю» усиливает огромная комментаторская литература, посвященная этому памятнику. Три наиболее известных из них — «Гунъян чжуань» («Комментарий Гунъяна»), «Гулян чжуань» («Комментарий Гуляна») и «Цзо чжуань» («Комментарий Цзо») — также включены в конфуцианский канон, причем два первых дали начало очень важным направлениям конфуцианской мысли, сыгравшим немалую роль в трактовке китайскими историками исторического процесса.

Обратиться к прошлому царства Лу Конфуция заставило стремление использовать его в качестве дидактического материала для наставления современников и грядущих поколений. Принято считать, что здесь мыслитель развил свои взгляды на историю и ее предназначение и сформулировал требования к методике работы над историческим сочинением. Таким образом, в «Чунь цю» история была впервые описана с позиций определенной системы взглядов — учения Конфуция. В Китае эта летопись считается первым настоящим историческим сочинением, олицетворением национальной историографической традиции; она на многие века стала эталоном, на который равнялись китайские историки. В первых китайских каталогах, где специальный раздел, посвященный истории, отсутствовал, историческая литература описывалась вместе с книгами канона под рубрикой «Чунь цю».

Окончательное превращение записей чиновников-*ши* в исторические труды и становление основ историописания того типа, которое будет свойственно Китаю вплоть до XX в., произошло в империи Хань (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.).

Ко времени образования империи Хань завершился длительный и сложный процесс этногенеза, и китайцы окончательно осознали себя единым народом, имеющим общие цивилизационные корни. Их общим домом стало огромное мощное централизованное государство, облик которого в значительной мере определяло положенное в основу государственной доктрины конфуцианство, что предопределило его особую приверженность к цивилизационным ценностям и при-

сутствие в проводимой им политике мощной гуманитарной доминанты. Ханьские власти сохранили институт *ши* [*9*], но в условиях конфуцианской монархии он претерпевает серьезные изменения, историографическая деятельность этих чиновников выходит на качественно новый уровень.

Значение историописания резко возросло, и оно становится основным занятием *ши* [*9*]. А все остальные ранее присущие им функции отходят на задний план и постепенно отмирают. Из среды чиновников-*ши* вышла большая группа крупных ученых, стоявших у колыбели историописания императорского Китая (Сыма Цянь, Бань Гу, Сюнь Юэ, Лю Сян, Лю Синь и др.). Изменился их статус: теперь они служат при дворе ханьского императора — правителя огромной страны, мировой державы древности, и это не могло не сказаться на их кругозоре, миропонимании.

Ханьские *ши* [*9*] впервые обрели единую концептуальную базу. Ею стало утверждающееся в качестве государственной доктрины официальное конфуцианство — идеологический фундамент конфуцианской монархии. На вооружение прежде всего были взяты те его положения, которые были ориентированы на трактовку происхождения власти и норм ее функционирования. Центральное место среди них занимала концепция «Мандата Неба» (*тянь мин*), «ортодоксальной преемственности власти» (*чжэн тун*) и некоторые другие сопряженные с нею доктрины. В их русле шло развитие всей историографии императорского Китая. С официальным конфуцианством были соотнесены и те морально-этические нормы и нормы политической культуры, которые утверждали в своих сочинениях *ши* [*9*]. Официальное конфуцианство дало им и новое видение проблем общества и государства. Как и прежде, главной темой их сочинений остаются дела правления, но теперь они описывают лишь власть легитимную — получившую престол от Неба.

Ханьский период отмечен дальнейшей активизацией историографического процесса. В этот период были созданы такие фундаментальные труды, как «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня, «История династии Хань» («Хань шу») Бань Гу, «Планы сражающихся царств» («Чжань го цэ»), «Записки о Хань, [составленные] в Восточном павильоне» («Дун гуань Хань цзи»; в Китае его считают первым официальным историческим трудом), «Записки о Хань» («Хань цзи») Сюнь Юэ, и др.

Наиболее полное и последовательное воплощение новые тенденции в историописании нашли в творчестве Сыма Цяня, автора первой сводной истории Китая «Исторические записки» («Ши цзи»). Свой труд он готовил под эгидой ханьского двора и стремился подчинить описание событий прошлого решению фундаментальных проблем, которые стояли тогда на пути утверждавшей свои позиции конфуцианской монархии и ее государственной доктрины. Он надеялся, что отраженное в его труде, как в зеркале, прошлое будет наставлять современников и грядущие поколения.

Обращаясь к событиям прошлого, Сыма Цянь, по его собственным словам, за образец взял летопись «Чунь цю» и стремился реализовать сформулированные Конфуцием взгляды на предназначение исторического труда, содержание исторического процесса и принципы его описания. Историк создавал свой труд как произведение теоретической мысли: он стремился исследовать историю с позиций учения Конфуция.

Весь путь, пройденный Китаем со времен мифических правителей седой древности по начало Хань, Сыма Цянь интерпретировал как непрерывную смену легитимных династий, обретавших престол по воле Неба. При этом он опирался на одну из центральных в официальном конфуцианстве концепцию Мандата Неба. Так последовательно и целеустремленно это было сделано впервые.

Мощное дидактическое начало, заложенное Сыма Цянем в основу своего труда, потребовало особой организации материала, и его труд положил начало новому виду исторических сочинений сложной композиции — династийным историям, которому суждено было стать ядром всего историописания императорского Китая, его олицетворением. Центральное место в нем он отвел биографиям исторических персонажей, где и сосредоточил большую часть имевшегося у него фактического материала. Это было новацией, до Сыма Цяня китайская историография

биографий не знала. В его труде они несут основную дидактическую нагрузку.

Содержится в труде Сыма Цяня и немало глубоких мыслей об общих проблемах историописания — эта тема занимала его всегда.

Творчество Сыма Цяня стало средоточием всего того, что было создано к тому времени многими поколениями чиновников-*ши*, и на века вперед определило развитие историописания в Китае, являлось эталоном для всех китайских историков. Титул «отца китайской истории» был им получен заслуженно.

Дело, начатое Сыма Цянем, продолжил другой крупнейший ханьский ученый и государственный деятель — Бань Гу (32–92), его вклад в становление китайской историографии очень велик. Прежде всего, он много сделал для разработки и упрочения конфуцианской первоосновы историописания. С его именем китайские историки связывают якобы начавшийся тогда процесс «чжэнтунизации» историографии. Восприняв общую концепцию исторического сочинения нового типа, разработанную его великим предшественником, Бань Гу внес в нее ряд существенных корректив, которые окончательно определили облик и характер династийных историй.

Особое место в ряду крупных ханьских ученых занимают Лю Сян (79–8) и его сын Лю Синь (I в. н.э.) — создатели первого в Китае систематического каталога «Семь сводов» («Ци люэ»); впоследствии этот вид сочинений будет отнесен к истории. То была попытка оценить сохранившееся к тому времени письменное наследие и передать сведения о нем потомкам.

Труды Сыма Цяня, Бань Гу и других ханьских историографов завершают длительный — более десяти веков — процесс становления историописания. Был сделан решительный шаг к превращению его в самостоятельную и очень значимую для конфуцианской монархии отрасль знаний, которая начинает обозначаться иероглифом *ши* [*13*], прежде указывавшим на придворного историка, а его былой смысл из обихода постепенно исчезает. Дело составления исторических трудов начинает переходить в руки бюрократов (*ши* [*13*] ученые-чиновники).

В следующую фазу своего развития историописание вступило, располагая собственной концептуальной базой и весьма совершенной по тем временам методикой.

Период после крушения империи Хань — один из самых драматических в истории Китая. Почти на четыре века страна фактически утратила государственное единство, на обломках великой империи возникают и исчезают многочисленные династии (нередко инородческие), многие районы страны подверглись жесточайшему разрушению и обезлюдели. Но и в эти годы историописание не прервалось. К этому времени оно уже стало нормой жизни государства, его верной опорой, и многие старались его поддерживать и развивать. В период безвременья история как важнейший компонент национальной культуры оставалась той силой, которая помогала китайскому обществу пережить обрушившиеся на него беды и выстоять, сохранив свою самобытность. Составление исторических трудов окончательно стало уделом ученых-чиновников — придворных, состоявших в штатах различных ведомств, а институт чиновников-*ши* исчезает. Ближе к середине I тыс. н.э. в некоторых государствах создаются специализированные историографические службы. Это означало дальнейшее усиление государственного начала в историописании. Возрастает его общественное значение, и в послеханьский период историография выступает в каталогах как самостоятельная наука.

Принципиально важным рубежом на пути развития историописания в императорском Китае стала вторая половина I тыс., когда оно обретает новые качества. Импульс этому процессу дали шаги, предпринятые в этой области правителями империи Тан (618–907). То было время крупных перемен, обусловленных выходом китайского общества на новый этап своего развития. Не избежало перемен и историописание. Среди задач, которые ему предстояло решать, центральной являлось упрочение позиций конфуцианской монархии после четырехвекового отсутствия в Китае единого политического центра.

Уже вскоре после овладения престолом танские императоры приказали подготовить династийные истории за весь период, последовавший за крушением империи Хань. Для создания этих трудов в структуре формировавшегося тогда государственного аппарата империи была учреждена специальная историографическая служба — Комитет истории государства (*Гошигуань*). Отныне все наиболее важные исторические труды могли готовиться только чиновниками данного

комитета, и это становится нормой: аналогичные учреждения будут существовать в Китае вплоть до крушения монархии. Принципиальное значение для дальнейшей судьбы историописания имел и еще один акт танских властей — создание академии Ханьлинь. Далеко не случайно оба учреждения появились почти одновременно. Эти и некоторые другие действия танских властей фактически законодательно закрепили существование государственного историописания, долгое время его появление в Китае отсчитывалось именно с этого рубежа. Оно выступает как особый, очень важный государственный институт. В своем новом качестве историописание могло более эффективно выполнять свои функции, монополизируя на особо значимую для государства проблематику. Одновременно это означало и установление более жесткого контроля властей над всем историографическим процессом и деятельностью историков. Создание исторических трудов специальной службой предполагало также усиление организационных начал историописания, иные принципы работы историков, ее жесткую регламентацию.

Примечательно, что свою историографическую деятельность танские власти начали с создания династийных историй. Эта работа была поставлена под особый контроль государства, а сами эти сочинения приобрели характер официального документа. Одно из их главных предназначений — обоснование легитимности пришедшей к власти династии. С этого времени создание династийных историй становится делом обязательным и регулярным, превращается в своеобразный государственный ритуал, что имело самые серьезные последствия для всего историописания императорского Китая.

Повседневная забота танских властей вдохнула в историописание новую жизнь. Востребованное государством и обществом, оно обретает небывалую активность, его продуктивность резко возросла. К этому времени в Китае появилась печатная книга, возможность тиражировать исторические труды, их относительная доступность значительно повысили их ценность как инструмента легитимизации власти, и это также стимулировало расцвет историописания в империи Тан.

Помимо восьми династийных историй (а всего за 20 с лишним веков существования империи в Китае их было создано 24) танские придворные историки подготовили немало других исторических трудов, некоторые из которых в Китае и поныне относят к числу крупнейших достижений отечественной историографии.

К крупнейшим свершениям танских историков безусловно относится выполненный под руководством Ду Ю (735–812) «Свод уложений» («Тун дянь»), где впервые после Сыма Цяня были собраны сведения о жизни китайского государства с глубокой древности по начало Тан. Но это уже было сочинение иного, нового для китайской историографии жанра *чжэн шу* («книги о делах правления»), и акцент в нем делался на функционировании государственного механизма. Появление подобного труда в империи Тан не случайно: комплекс проблем, с которыми конфуцианская монархия столкнулась на данном этапе своего существования, видимо, требовал обобщения исторического опыта. С этого рубежа и по конец XVIII в. составление сводов становится одной из центральных задач, стоявших перед придворными историками. Труд Ду Ю положил начало целой серии сочинений аналогичного характера, которые готовились в Китае на протяжении десяти веков; они получили название «Десять сводов» («Ши тун»). Позже, в империи Сун под руководством Сыма Гуана был создан свод летописного характера «Всеобщее зерцало, правлению помогающее» («Цзы чжи тун цзянь»), который также был посвящен всей предшествующей истории Китая. Этот труд был продолжен придворными историками последующих династий, все вместе они фактически составили самостоятельное направление в историографии императорского Китая. Сводный характер имело и первое сочинение нового жанра «полное описание событий» (*цзи ши бэнь мо*) — «Полное описание событий, о которых сообщается в хронике „Цзы чжи тун цзянь“» («Тун цзянь цзи ши бэнь мо»), подготовленное на основе материалов Сыма Гуана сунским историком Юань Шу (1131–1205).

Крупнейшим событием не только танской, но и всей китайской историографии стало появление труда Лю Чжи-цзи (661–721) «Проникновение в историю» («Ши тун») — первого в Китае произведения, специально посвященного проблемам историописания. Эта тематика всегда

привлекала внимание китайских историков, но Лю Чжи-цзи первым попытался обобщить накопленный в этой области опыт и высказать собственные суждения по целому ряду принципиальных для историописания императорского Китая вопросов. Его сочинение пользовалось в Китае необычайным авторитетом. Лишь через десять веков у Лю Чжи-цзи появился преемник, им стал цинский историк Чжан Сюэ-чэн (1738–1801).

Новые тенденции в историописании, которые заявили о себе в империи Тан, означали его выход на качественно новый уровень, где практически все процессы, которые в нем шли, определяло официальное историописание. Историография все больше превращалась в особый государственно-политический институт, неотъемлемую принадлежность конфуцианской монархии. Но произошло это не сразу, потребовалось еще несколько веков, по прошествии которых новые веяния наложили отпечаток как на китайское общество, так и на государство и его официальную доктрину того времени.

Крупный вклад внесли в нее сунские историки. В этот период, как никогда прежде, государством был востребован прикладной, функциональный аспект историописания, и многое из того, что было сделано ими, носило именно такой характер. Прежде всего это касалось сводов. Уже упомянутый труд Сыма Гуана именно от императора Чжао Сюя получил название «Всеобщее зерцало, правлению помогающее». Еще один сводный труд в жанре *чжэн шу* — «Свод трактатов» («Тун чжи») подготовил известный сунский историк Чжэн Цяо (1104–1162), продолживший дело, начатое танским Ду Ю. Несомненно, прикладной характер имел и жанр *фан чжи* (историко-географические описания), который также начинает утверждаться в китайской историографии с этого времени (его расцвет приходится на вторую половину XVII — XVIII в.). Это, видимо, самый представительный жанр в историографии императорского Китая — таких сочинений было создано около 10 тысяч.

На долгом пути, который в своем развитии прошло историописание в Китае, особое место занимает конец XVI — первая половина XVII в. То было время серьезных перемен в китайском обществе, сопровождавшееся прогрессирующей деградацией всей системы конфуцианской монархии. Стремительно утрачивало свои былые позиции и официальное историописание, и на короткий срок — всего несколько десятилетий — в Китае возобладало историописание, не связанное с государством и не контролируемое им. Его лицо определяли труды людей нечиновных, которые нередко даже не имели ученой степени, были выходцами из горожан; такие труды в Китае никогда историей не считались. Их авторы нередко тяготились жесткими предписаниями официального конфуцианства и пытались по-своему взглянуть на прошлое страны и ее настоящее. Бурные события конца Мин привлекали их особое внимание. Активность авторов этого периода была необыкновенно велика. По свидетельству китайских историков, ими было написано более 1000 трудов. Но тенденция эта развития не получила, она была решительно пресечена овладевшей китайским престолом династией Цин.

Цинские власти сумели довольно быстро вернуть себе контроль над историографическим процессом. И хотя в то время на престоле находился маньчжурский правящий дом, он развивался строго в русле китайской национальной историографической традиции.

Новые правители Китая были озабочены преодолением кризиса, поразившего конфуцианскую монархию в конце Мин, решение этой проблемы потребовало от них времени, мобилизации всех сил и использования средств, имевшихся в богатом арсенале политической культуры. Ставка делалась на реставрацию и максимальное упрочение основ традиционных институтов. Важнейшая роль в этом процессе отводилась историографии. Цинские власти немало потрудились, чтобы возродить ее национальный дух, придать ей максимально ортодоксальный характер и привести в строгое соответствие ее концептуальную базу с государственной доктриной империи. На это была мобилизована значительная часть ученой элиты, двор не жалел ни сил, ни средств на то, чтобы официальная историография вновь стала важнейшим государственно-политическим институтом государства.

Результатом активного и весьма заинтересованного отношения цинских властей к историописанию стало его стремительное развитие. Уже к середине XVIII в. оно обретает беспрецедентные масштабы. Китайские историки именуют этот период «исторической наукой периода правления

императоров Цянь-луна (1736–1795) и Цзя-цина (1796–1820)» (*цяньцзя ши-сюэ*). В короткий срок оно превратилось в одно из главных занятий ученой элиты империи, деятельность которой была поставлена под жесткий контроль государства (китайские историки квалифицируют его как «культурный абсолютизм»). Их трудами был создан огромный фонд исторических трудов практически всех основных жанров. Среди них немало фундаментальных, и поныне составляющих славу национальной историографии.

Цинские придворные историки сыграли важнейшую роль в реализации двух крупнейших государственных проектов — создании «Коллекции всех книг по четырем разделам» («Сы ку цюань шу») и «Аннотированного сводного каталога всех книг по четырем разделам» («Сы ку цюань шу цзунму тияо»), которые по сути предусматривали тотальную ревизию всего письменного наследия прошлого. Поэтому практически все дошедшие до нас исторические труды несут на себе ощутимый отпечаток работы с ними цинских историков.

Все свидетельствует о том, что XVIII век стал высшей точкой развития историописания императорского Китая, его апогеем. В трудах цинских историков нашли свое максимально полное воплощение многие принципиально важные его особенности.

Со времени своего зарождения на заре китайской цивилизации и по конец XIX в. историописание в Китае выступает как дело преимущественно государственное, а в системе конфуцианской монархии, просуществовавшей более двадцати веков, оно превратилось в особый, весьма значимый для нее государственно-политический институт. В императорском Китае государство и историописание были органически связаны друг с другом, магистральным путем развития науки там стала официальная историография. В ее русле были созданы практически все сколько-нибудь значимые труды, на этом поприще трудились все наиболее известные историки. Современные китайские историки говорят о существовании в Китае и трудов «неофициальных», «частных» (*сы* [*Л*]). Однако четких критериев этой категории исторических сочинений в Китае не сложилось. Обычно к ней относят труды, принадлежавшие кисти одного автора и созданные вне рамок государственных историографических служб. Национальная история была необычайно популярна в Китае, и многие представители ученой элиты империи посвящали ей свои труды. Но к историческим относились лишь те из них, что соответствовали нормам государственного историописания и так или иначе были связаны с ними. Все остальные относились к различным видам словесности, никакого отношения к подлинной истории не имеющим, хотя и содержали порой весьма ценную информацию о прошлом.

Официальный характер историографии императорского Китая определил и его концептуальную базу. Ею стало конфуцианство — государственная доктрина империи. И хотя в творчестве некоторых историков могли звучать даосские или буддийские мотивы, их понимание предназначения истории, трактовка ими исторического процесса всегда оставались конфуцианскими. Как справедливо подчеркивают современные историки КНР, никакой иной исторической науки, кроме конфуцианской, в императорском Китае быть не могло. Это определяли как официальный статус историописания, так и проблематика, которой посвящали свои труды придворные историки. Методология государственного историописания, его ценностные ориентиры, понятийный аппарат в значительной мере были связаны с государственной доктриной империи и соотнесены с нею. В то же время специфика конфуцианства, учения по своей сути этико-политического, ориентированного прежде всего на упрочение государства и регулирование социальных процессов в обществе, всегда опиралась на конкретный исторический материал, систематическая «подпитка» им была для конфуцианства жизненно необходима. Сделать это могла только государственная историография: интерпретируя исторический процесс в строгом соответствии с официальной доктриной, она как бы развивала канон, предоставляя все новые свидетельства действенности и абсолютной ценности ее основных постулатов, укрепляла его позиции в общественном сознании.

Органическая связь историописания с каноном хорошо осознавалась в императорском Китае. В каталогах история всегда шла вслед за каноном, а с рубежа I и II тысячелетий китайские ученые начинают подчеркивать тождество канона и истории. Появившийся тогда тезис «шесть книг канона — это история» (*лю цзин цзе ши*) вплоть до XIX в. привлекал внимание многих вид-

ных историков, они обосновывали и развивали его в своих трудах. Имеется немало свидетельств того, что к середине XVIII в. и власти начинают рассматривать историографию как неотъемлемую принадлежность государственной доктрины, ее мощный резерв.

Создатели китайской цивилизации рано поняли значение истории для жизни общества и государства. В Китае она никогда не рассматривалась лишь как источник сведений о прошлом своей страны и неизменно выступала как активный фактор исторического процесса.

Уже на заре историописания первые историки — *ши* [*9*] должны были помогать правителю, воздействовать на процессы, которые шли в обществе. Одним из важнейших аспектов их деятельности было «увещевание» правителя, они делали это, приводя соответствующие примеры из прошлого (возникший институт «увещевателей» просуществовал в императорском Китае многие века). Уже тогда появилось представление о «зеркале истории» (*ши цзянь*). Считается, что эта концепция восходит к Чжоу-гуну. Мысль об органической связи истории с делами правления впервые была четко сформулирована в связи с созданием первой летописи «Чунь цю». Но особую остроту проблема предназначения истории, ее места в политической практике властей приобрела при династии Хань, в период становления историографии Китая. Ставшее тогда основой государственной доктрины конфуцианство видело в историографии важнейший инструмент власти, утверждения своей концепции социального порядка, опору многих своих доктрин.

С этих позиций подходил к созданию «Исторических записок» отец китайской истории Сыма Цянь. Он видел в истории зеркало, вглядываясь в которое потомки будут знакомиться с опытом прошлых поколений и извлекать из него уроки. Такое понимание предназначения истории обусловило многие особенности его труда, пронизанного конфуцианской дидактикой. Так же понимал предназначение истории и другой великий ханьский историк — Бань Гу (32–82).

Ставшие эталоном, на который равнялись все китайские историки, «Исторические записки» утвердили в китайской историографии концепцию «история–зеркало», а обстоятельно разработал и обосновал эту концепцию еще один видный представитель ханьской ученой элиты, Сюнь Юэ (148–209), автор одного из наиболее известных исторических трудов того времени «Записки о династии Хань» («Хань цзи»). Создавая свой труд, он стремился представить императору материал, необходимый для политической практики властей, и в предисловии, а также в подготовленном им специальном сочинении «Шэнь цзянь» («Божественное зерцало») он не только показал значение истории для дел правления, но и рассмотрел требования, которым должен соответствовать исторический труд, чтобы выполнить эту свою функцию. Таких требований пять, им Сюнь Юэ посвятил специальный раздел своего труда. История, как он считал, должна быть источником политического опыта, накопленного мудрыми государями, обладавшими китайским престолом в прошлом, она должна также разъяснять нормы официальной морали и прославлять заслуги и великие добродетели помогавших им государственных мужей.

С некоторыми модификациями концепция «история–зеркало» дожила до наших дней и оказала глубокое и разностороннее влияние на историческую науку Китая.

С первых веков нашей эры прикладной характер историописания, его место в системе конфуцианской монархии становятся одной из центральных проблем, которой вплоть до XX в. были озабочены не только многие поколения китайских историков, но и власти. Так, в империи Сун император дал сводному труду по истории Китая, подготовленному под руководством Сыма Гуана (1019–1086), название «Всеобщее зерцало, правлению помогающее» («Цзы чжи тун цзянь»), четко определив тем самым предназначение этого сочинения. Данное понятие стало видовым для большой группы появившихся позже в Китае сочинений летописного характера.

Приблизительно тогда же, на рубеже I и II тысячелетий, в Китае появилось и другое, значительно более емкое понятие, характеризующее самые разные грани практического использования истории в императорском Китае и имеющее очень глубокие цивилизационные корни — *цзин ши чжи юн* (служить делам правления). Понятие это возникло рано, но впервые активно использовать его стали лишь сунские историки, особой популярностью оно пользовалось у историков империй Мин и Цин. Современные китайские ученые выделяют четыре главные функции исторического сочинения, соответствующего требованиям *цзин ши чжи юн*: *цзе цзянь* (предостерегать

от ошибок), *чуй сюнь* (передавать наставления), *сю дэ* (взращивать моральную силу *дэ*) и *тун бянь* (постигать причины перемен).

Таким образом, эта концепция представляет собой развитие тех положений, которые много веков назад сформулировал Сюнь Юэ. Вплоть до конца существования конфуцианской монархии история рассматривалась в Китае как инструмент государственной власти, ее надежная опора и резерв. То было ее главное предназначение, и в Китае это всегда считалось особым достоинством национальной историографической традиции. Труды, которые подобные функции выполнять не могли, к истории не относились. Такое понимание предназначения истории наложило отпечаток и на современную историографию КНР.

Отмеченные особенности сформировали неповторимый облик историографии императорского Китая, ее высокую самобытность. Прежде всего ее отличает особое, присущее только ей, видение исторического процесса и его интерпретации.

Со времени зарождения историописания в Китае его центральной темой стали «дела правления», власть монарха (сакральная по своей природе). Все остальное, происходившее в стране, интересовало китайских историков лишь в той мере, насколько это могло помочь ее раскрытию. Основное внимание они уделяли приоритетным для конфуцианской монархии гуманитарным аспектам жизни общества. А экономическая история страны, напрямую не связанная с мироустроительными функциями правителя, интереса у придворных историков практически не вызывала. Не оставили они и трудов по всемирной истории: такая концепция в китайской культуре не сложилась, и внешний мир интересовал историков тоже лишь как сфера реализации благой силы *дэ* монарха.

В изображении придворных историков, которые строго следовали политической теории конфуцианской монархии, суть исторического процесса, его динамику составляла последовательная смена на китайском престоле легитимных (т.е. получивших на то санкцию Неба) династий, непрерывная цепь которых уходила далеко за горизонт достоверной истории страны. Процесс этот был непрерывным и имел необратимый характер, в нем ничто не выходило за рамки, определенные теорией; отсутствие монарха на престоле было для нее неприемлемым. Смена династий означала лишь своего рода переналадку дел правления, возвращение к устоям конфуцианской монархии, которые начали разрушаться при предыдущей династии, утверждение забытых ушедшим правящим домом принципов. Идея поступательного развития в официальной концепции исторического процесса отсутствовала, чужда была ей и идея радикальных преобразований.

Основное свое внимание при описании исторического процесса придворные историки с древности сосредоточивали на смене династий. В китайской историографии связанные с этим события обозначаются терминами *син шуай*, *чэн бай* (процветание и упадок, успех и неудача) или *чжэнчжи дэ ши* (обретения и неудачи в делах правления). В центр повествования, посвященного многим векам китайской истории, династийные кризисы впервые были поставлены Сыма Цянем.

Такое внимание к ним не случайно: в эти периоды жесточайшему испытанию подвергались основные постулаты официальной доктрины, определявшие нормальное функционирование конфуцианской монархии и жизнь общества. И придворные историки должны были дать им рациональное с точки зрения государственной доктрины объяснение, показать закономерность происшедшего, подтвердив тем самым незыблемость основ государственности. Их описание процесса смены династий должно было также продемонстрировать обществу незыблемость государственных основ, на страже которых стоит Небо. Высокая социальная значимость подобного акта несомненна. Методологической основой для них служили специально ориентированные на истолкование династийного кризиса доктрины Мандата Неба (*тянь мин*), ортодоксальной преемственности власти (*чжэн тун*) и некоторые другие.

Для освещения процесса смены династий китайская историография располагала набором хорошо отработанных приемов и специальным понятийным аппаратом. Заняв центральное место в официальной версии исторического процесса, династийные кризисы во многом определяли ее характер и содержание.

Историческая мысль

В условиях конфуцианской монархии историописание выступало как единая, хорошо организованная система. Ее официальный характер предполагал не только контроль властей над историографическим процессом, но и их активное участие в нем.

Основная часть официальных трудов готовилась придворными историками, состоявшими в штате специализированных историографических служб. Все наиболее значимое из созданного ими было санкционировано императором и подлежало его обязательному утверждению; в подготовке некоторых трудов император участвовал лично. Таким образом, он выступал как субъект историографического процесса.

Важной составляющей этого процесса являлись регулярно проводившиеся властями крупномасштабные кампании, в ходе которых весьма радикальной ревизии подвергалось письменное наследие. Чаще всего их объектом становились труды историков, которые, по мнению властей, неверно трактовали историю или допускали огрехи идеологического характера. Для конфуцианской монархии это была норма. Особенно активно такие кампании проводились при вступлении на престол новой династии. Самая жестокая из них приходится на XVII–XVIII вв. Она получила название «литературная инквизиция» (*вэньцзы юй*). Применительно к историописанию они не только утверждали абсолютный контроль властей над ним, но обеспечивали преемственность историографической традиции, ее унификации.

История в Китае всегда выступала как сила созидательная. Ее мощный дидактический потенциал был поставлен на службу государству, которое олицетворяла конфуцианская монархия, и служил утверждению фундаментальных ценностей, определявших ее существование. Решение проблем конкретного правителя или династии не являлось для историков приоритетной задачей, что в значительной мере освобождало их от давления политической конъюнктуры. А преподаваемые ими уроки были апробированы предшествующими поколениями, легко выдерживали испытание временем и приобретали универсальный характер.

Мощное государственное начало в организации историографического процесса гарантировало его удивительную устойчивость, в Китае были созданы необычайно благоприятные условия для систематической и непрерывной фиксации фактов национальной истории на протяжении по крайней мере двадцати с лишним веков. При этом практически неизменными в своей основе оставались понимание предназначения истории, концептуальная база историописания и его методика. Историю в Китае переписывать было не принято. Все это превращало историографию в мощную, необыкновенно влиятельную и авторитетную силу. Только такая историография и могла справиться с многочисленными сложными задачами, которые на нее возлагались в Китае.

Специфика историописания императорского Китая, его высокое предназначение предъявляли особые требования к организации этой работы. Эти вопросы всегда привлекали пристальное внимание историков, в китайской историографии сложилась даже особая вспомогательная дисциплина, которую современные ученые именуют *цай чжуань ишу* (искусство составления). То была своеобразная, по-своему весьма совершенная методика подготовки исторических трудов, где был тщательно разработан регламент работы над ними — от сбора необходимых материалов до представления окончательного текста на утверждение императору. Прежде всего это касалось династийных историй и некоторых других трудов, составлявших основу всей историографии императорского Китая.

По представлениям китайских историков, создание исторического труда предполагало строгий отбор фактов, которые должны были стать достоянием потомков. В исторической памяти общества следовало сохранять лишь те из них, что характеризовали главное в жизни конфуцианской монархии, выражали «коллективное мнение» (*гун и*), т.е. были свободны от политической конъюнктуры. Только они были способны выдержать испытание временем и наставлять грядущие поколения. В китайской историографии они обозначались терминами *тун цзи* (общая основа) или *тун ган* (общие принципы). Наиболее полно данное требование могло быть реализовано лишь в рамках официального историописания.

К числу важнейших средств интерпретации исторического процесса, которыми пользовались придворные историки, следует также отнести самобытный, весьма сложный и необычайно хорошо отработанный понятийный аппарат. Он сложился под мощным воздействием официаль-

ного конфуцианства и на его основе и в своей основной части сохранился поныне, современные китайские историки активно пользуются им.

Важнейшим требованием к историческому сочинению была его достоверность, правдивость, строгое следование фактам. Этому качеству придавалось огромное значение, именно здесь, по мнению историков императорского Китая, пролегала грань, отделявшая историю от всей остальной словесности, где автор мог руководствоваться лишь собственным замыслом, не принимая в расчет факты. Современные историки КНР говорят о «принципе достоверности» (*синь ши юаньцзэ*) как об одной из отличительных черт традиционной историографии.

Уже в древности подчеркивалось, что задачей историка является собирать «правду своего времени» и передавать ее потомкам. «Прямой кистью» (*чжи би*) создавать «достоверную, правдивую» историю (*ши лу*; позже, когда этот термин закрепился в качестве названия императорских хроник, вместо него чаще стал употребляться термин *синь ши*).

Для многих поколений китайских ученых образцом принципиального историка, строго следовавшего фактам, стал Дун Ху (VII в. до н.э.), высокие качества которого были специально отмечены Конфуцием. Строгое следование принципу «прямой кисти» было нормой, отступление от него нередко стоило придворному историку карьеры, а иногда и трагически сказывалось на всей его судьбе. Что касается сочинений, где автор отступил от «правды истории», то они историей не считались и чаще всего до потомков не доходили.

В историографии императорского Китая утвердилось представление, что подготовить труд, соответствующий высокому предназначению истории и способный быть учителем грядущих поколений, мог лишь «подлинный историк» (*лан ши*), которого от всех других авторов отличал набор особых, только ему присущих качеств. Среди них великий танский ученый Лю Чжи-цзи выделил три самых главных (*сань чан*): «талант» (*цай*), «ученость» (*сюэ*) и эрудиция (*чжи* [*2*]). Развивая эту концепцию, один из крупнейших цинских историков Чжан Сюэ-чэн полагал, что прежде всего «подлинный историк» должен обладать *ши дэ* (*дэ* истории), которое он понимал как склад души, особое моральное качество, без которого реализовать все другие достоинства историка невозможно. Только оно гарантировало его объективность и беспристрастность (*гун чжэн*), и, строго следуя принципу *чжи би* (прямая кисть), он мог выполнить главную миссию историка — создать «правдивую историю» (*синь ши*).

Но «правдивая история» не могла быть беспристрастной, она должна была творить «суд истории», в Китае это предусматривал один из фундаментальных принципов *бао бянь* (хвалить достойное и осуждать дурное), которым с древности руководствовались в своей работе историки. Это достигалось тщательным отбором исторического материала и его компоновкой, расстановкой акцентов, отбором лексики, обращением к историческому прецеденту. Критерием при этом являлось официальное конфуцианство. Таким образом, «правда истории» понималась как жесткое соотнесение исторического повествования с государственной доктриной. Именно в отстаивании этих норм и проявлялась принципиальность подлинного историка, а его труд мог выполнить главное предназначение истории — наставлять грядущие поколения.

Концепция «правды истории» наложила глубокий отпечаток на всю историографию императорского Китая, ее подход к источнику и работу с ним, методику подготовки исторического труда и многое другое.

Непрерывное существование многовековой и весьма совершенной историографической традиции превращало историю в эффективный инструмент воздействия на общество, воспитания исторического сознания. При этом, являясь по сути своей элитарным, историописание было ориентировано не только на ученых. В империи сложилась и успешно функционировала система доведения основных фактов национальной истории до каждого жителя Поднебесной (это всегда было предметом особой заботы государства), и благодаря систематической и целенаправленной работе властей общество было готово к их восприятию. Во все времена китайцы хорошо знали историю своей страны (в ее официальной интерпретации). Уровень исторического сознания общества в древнем и средневековом Китае был необычайно высок, и это делало уроки истории доступными практически каждому.

Историческая мысль

В зеркале своей национальной истории подданные Сына Неба видели величие и мощь китайской цивилизации, насчитывавшей десятки веков своего непрерывного существования. Причастность к ним сообщала китайскому обществу необычайную жизнестойкость и не раз помогала ему не только выстоять в экстремальных ситуациях, столь часто выпадавших на его долю, но и сохранить свою самобытность, стимулировала его консолидацию и обеспечивала превосходство Китая над окружающим миром.

«Зеркало истории» свидетельствовало, что гарантом существования общества в Китае всегда было государство в форме конфуцианской монархии, а его воплощением являлся легитимный правитель, получивший на то санкцию Неба. Придворные историки демонстрировали принципы организации такого государства и доказывали, что оно существовало в Китае всегда. Его интересы имели безусловный приоритет, и с ними должны были соотносить свои поступки общество и каждый его член.

«Зеркало истории» убеждало в незыблемости и абсолютной ценности государственной доктрины, необходимости строго следовать ее предписаниям. В нем четко была видна система ценностей, многие века определявших жизнь Китая. Главными среди них всегда оставались стремление к стабильности и единству, приоритет духовного над материальным, набор сложившихся в русле конфуцианства морально-этических норм, которые обусловили взаимоотношения человека с обществом и государством, особые качества национального менталитета. Посредством «зеркала истории» китайское общество приобщалось также к нормам политической культуры, игравшей в системе конфуцианской монархии огромную роль.

В системе конфуцианской монархии история выступала как главная отрасль гуманитарного знания. Некоторые ученые считали ее воплощением *дао*, полагая, что только с ее помощью можно познать суть этой важной категории официального конфуцианства. Ей отводилось центральное место в высокой словесности, что подчеркивал в своем знаменитом трактате «Резной дракон литературной мысли» («Вэнь синь дяо лун») еще лянский Лю Се (вторая половина V — начало VI в.). И в этом своем качестве она играла первостепенную роль в формировании и сохранении официальной культуры. В мощном силовом поле официальной историографии развивалась общественная мысль Китая; она несет на себе ощутимые следы его влияния. Хорошо известна также роль историографической традиции в становлении художественной прозы, драмы, некоторых жанров поэзии. Реалии национальной истории органично вошли в лексику китайского языка и занимают там весьма существенное место. Особенно велико их значение в формировании *чэньюев* (фразеологизмов, идиом), придающих ему непередаваемый колорит. Труды придворных историков сохранили для потомков богатейшие материалы, характеризующие китайское государство, особенности жизни общества, его материальной и духовной культуры. Они являлись своего рода аккумулятором и хранителем национального культурного наследия. Мощная историческая доминанта пронизывала всю жизнь китайского общества, во многом предопределяя колорит ханьской цивилизации. Не утратила она этой своей особенности и с гибелью империи в XX в.

Все сказанное выше свидетельствует о необычайной самобытности китайской историографической традиции, она имеет свою ярко выраженную специфику, обусловленную той социально-политической и культурной средой, детищем которой она является. И хотя многое в ней может показаться современному историку неприемлемым, для своего времени она была весьма совершенна, а ее результаты уникальны и аналогов в мировой историографии не имеют.

Созданный трудами китайских историков фонд исторических сочинений составляет значительную часть того, что было создано историками всего мира. В них сосредоточен уникальный по своему объему и значению материал о прошлом Китая за несколько десятков веков. Ни один другой народ мира не имеет подобной писаной истории. Специфика этих материалов их ценности отнюдь не умаляет, нужно лишь ясно представлять ее природу, знать код, создавший эту историографию. Но это — общее положение, которым должен руководствоваться специалист, обращающийся к историографической традиции, которая имеет глубокие цивилизационные корни.

Завершающим этапом развития историописания императорского Китая считают историографию империи Цин XVII–XVIII вв. Хотя официальная историография функционировала прак-

тически до последних лет существования династии, в XIX в. ее характер меняется, меняется и ее место в жизни общества и государства. Историографическая деятельность явно утрачивает в глазах властей свой былой приоритет, за величественным, как и прежде, фасадом все более отчетливо проступали признаки деградации этого института. Конфуцианская монархия, детищем которой он являлся, доживала свои последние дни.

Как полагают современные китайские историки, по мере углубления кризиса государственного историописания империи Цин набирала силы новая, современная историческая наука. Ее ростки они видят в творчестве таких крупных историков второй половины XVIII — начала XIX в., как Чжан Сюэ-чэн (1738–1801), Цянь Да-синь (1728–1804), Ван Мин-шэн (1722–1798) и др., и говорят о начавшейся «трансформации» историографии императорского Китая, подчеркивая тем самым глубокие национальные корни этого процесса, преемственность историографической традиции и ее непрерывность. А таких крупных ученых XIX–XX вв., как Вэй Юань (1794–1857), Хуан Цзун-сянь (1848–1905), Ся Цзэн-ю (1863–1924), Лян Ци-чао (1873–1929), принято считать уже историками новой формации. В действительности путь, который современной китайской исторической науке предстояло пройти к своему становлению, был намного сложнее. Длительное монопольное положение государственного историописания, все, что делали цинские власти в XVII–XVIII вв., чтобы вдохнуть в него новую жизнь, питать этот процесс не могло. Не была готова к этому и основная часть интеллектуальной элиты империи, руками которой на протяжении нескольких поколений этот процесс реализовывался, поэтому какие-либо новации для нее были неприемлемы. Не могло не сказаться и особое положение историографии в китайском обществе, где любое посягательство на сложившиеся каноны воспринималось крайне болезненно, а исторические труды, написанные по-новому, вряд ли нашли бы своего читателя. Поэтому процесс освобождения исторической науки Китая от пут прошлого и становления новой, современной историографии оказался весьма долгим и сложным, он занял значительную часть XX в.

Но с крушением монархии, прекращением государственного историописания и становлением новой, современной исторической науки огромное историографическое наследие, созданное многими поколениями китайских ученых, своего значения не утратило, оно, как и прежде, активно присутствует в жизни общества и государства. Это обусловлено по крайней мере двумя обстоятельствами.

Прежде всего серьезными преобразованиями, идущими в сфере духовной культуры. Они весьма остро поставили проблему культурного наследия, важнейшим компонентом которого является историография, его судьбы в современном мире. В Китае стремятся не дать прерваться культурной традиции и проводят курс на бережное сохранение основных ценностей китайской цивилизации, активное приобщение к ним общества.

С 80-х годов XX в. в КНР под эгидой государства развернута мощная и хорошо организованная кампания по пропаганде знаний национальной истории, ставшая важной составной частью «культурного бума», начало которого приходится на это время. При этом за основу взят тот ее вариант, что был создан придворными историками императорского Китая. Рассчитана эта кампания на максимально полный охват всех слоев населения, но особое внимание уделяется молодежи.

Официальные труды положены в основу школьных и вузовских курсов по истории Китая, ей посвящены различного рода научно-популярные книги, издающиеся огромными тиражами, теле- и радиопрограммы, компьютерные игры. При этом особое внимание уделяется жизни китайского государства (а именно эта проблематика разрабатывалась придворными историками), деятельности монархов и государственных мужей, национальным героям. В КНР не только создан солидный фонд биографий правителей прошлого, но и публикуются специальные исследования, посвященные их деятельности; часть из них составляют специальную серию «императороведение» (*диван-сюэ*). Чтобы обеспечить доступ к наиболее значимым памятникам национальной историографии максимально широкой аудитории, они переведены на современный язык, а династийные истории, кроме того, вышли на компакт-диске.

Результатом этой широкомасштабной и целенаправленной деятельности то мощное историческое поле, которое веками умело формировала конфуцианская монархия, а со второй половины XIX в. под влиянием различных факторов начало распадаться, не только воссоздано вновь, но и приведено в соответствие с современными реалиями и обрело небывалую мощь.

Пропагандируемый руководством КНР в последние годы тезис «Поставить древность на службу современности», который предусматривает активное использование культурного наследия при проведении политики реформ и построении социализма с китайской спецификой, также стимулировал выдвижение традиционной историографии на первый план политической и общественной жизни страны. Государством вновь востребован ее мощный потенциал. С рубежа XXI в. Китай вновь пристально вглядывается в зеркало своей 5000-летней истории, стремясь использовать аккумулированный там политический опыт многих десятков поколений, их уроки для решения крупных проблем, порожденных курсом на кардинальную модернизацию Китая. Преимущественно конфуцианская природа историографии императорского Китая, ее органическая связь с этим учением, которое также взято на вооружение современным государством, делает обращение к ней особенно актуальным: в Китае ценности конфуцианства всегда утверждались трудами придворных историков. А активное приобщение общества к национальной истории, целенаправленное и весьма искусное формирование исторической памяти являются важным условием успешного решения поставленных задач.

По давно сложившейся и хорошо апробированной традиции материалы официальных трудов прежде всего используются для консолидации общества, обеспечения его единства и стабильности в рамках проводимых в настоящее время кампаний по воспитанию «национального духа» (*цзин шэнь*), патриотизма, утверждения концепции «большой китайской нации» (*чжунхуа миньцзу*).

Огромную роль произведения придворных историков играют в утверждении в общественном сознании морально-этических норм, восходящих к конфуцианству, лучших черт национального характера (многие из них также впервые были выделены Конфуцием и его последователями), некоторых норм политической культуры, сложившихся в императорском Китае.

Таким образом, одна из древнейших историографических традиций мира и в XXI в. не утратила своего значения и, как и много веков назад, исправно служит обществу и государству. Ее создатели сумели заложить в нее огромный запас прочности, придать ей универсальный, вневременной характер. Аналогов этому феномену мировая историография не знает. Создав необычно яркую и продуктивную самобытную модель историописания, Китай внес существенный вклад в мировую историческую науку.

** *Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М., 1998; *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970; *Мартынов А.С.* Представление об истории в древнем и ханьском Китае // ПВ. 1993, вып. 3, с. 291–309; *Цан Сю-лян, Вэй Дэ-лян.* Чжунго гудай шисюэ ши цзяньбянь (Краткий очерк истории исторической науки древнего Китая). Харбин, 1983; *Цюй Линь-дун.* Шисюэ юй шисюэ пинлунь (История и историческая критика). Хэфэй, 1998; Чжунго жусюэ вэньхуа дагуань (Панорама конфуцианской культуры Китая) / Гл. ред. Тан И-цзе и др. Пекин, 2001; *Чэнь Ци-тай.* История и культурная традиция Китая. Пекин, 1999; Historians of China and Japan / Ed. by W.G. Beasley, E.G. Pulleyblank. L., 1962.

Б.Г. Доронин

Историческое время

Историческое время — это время, которым отмеряли пройденный обществом путь и определяли хронологические координаты событий прошлого. В Китае, где рано возникшая письменность позволила уже в древности приступить к фиксации фактов национальной истории, историческое время — это прежде всего время исторических памятников, время, которым китайские историки отмеряли пройденный обществом путь и определяли хронологические координаты событий прошлого. Согласно источникам, время китайской истории начинается с правления «пяти императоров» (*у ди*), иногда его начинают с предшествовавшей ему эры «трех правителей» (*сань хуан*). Эти персонажи являлись культурными героями, мифическими создателями китайской цивилизации, но на страницах трудов, созданных учеными древнего Китая, они выступают отнюдь не как герои мифа, а как реально существовавшие правители, практически ничем не отличавшиеся от всех других китайских монархов. Таким образом, «время мифа», принципиально важное для любой цивилизации, в китайской культуре, видимо, практически отсутствовало. По представлениям китайских историков, монархия существовала в Китае всегда вплоть до начала XX в. Весьма радикальная историзация мифа, видимо, была осуществлена создателями империи в последние века до н.э. Тем самым граница достоверной истории Китая оказалась отодвинутой ими в глубь веков на десять с лишним столетий, и в ее границы был включен период мифических героев, культуротворцев.

Весь исторический путь, пройденный Китаем со времен «пяти императоров» (или «трех правителей») по начало XX в., по представлениям китайских историков, определяется как монархия. Весь этот огромный период в их трудах распадается на самостоятельные отрезки, каждый из которых являлся временем правления одной из династий. Этим термином в синологии обозначается не правящий дом, как это предполагает его этимология, а самостоятельный режим, монархия, чью организацию и существование определяли догматы официального конфуцианства. В императорском Китае династия интерпретировалась как основное звено исторического процесса, а время ее существования стало базовой единицей отсчета исторического времени. Но к таковым традиция относила лишь те режимы, которые считались законными, т.е. получили санкцию Неба на обладание престолом. Набор таких династий был строго фиксирован и никогда пересмотру не подвергался. Все остальные режимы, возникавшие в Китае, — а число их достаточно велико — были отнесены к разряду нелегитимных, а поэтому оказались за рамками исторического времени. Что же касается династий легитимных, то все они выступают как равноправные участницы исторического процесса. Определению хронологических рамок их существования придавалось исключительное политическое и идеологическое значение. Как бы ни развивались события в действительности, китайские историки исходили из того, что провозглашение династии одновременно означало крушение ее предшественницы. Оба эти события были жестко синхронизированы, никаких «зазоров», «пауз» между династиями быть не могло — политическая теория императорского Китая исходила из принципа непрерывности существования власти, безвременье для нее было совершенно неприемлемо. Провозглашение династии всегда означало начало нового, ее собственного летоисчисления. Значимость этого рубежа подчеркивалась еще и тем, что китайские историки непременно делили события и исторические персонажи по их династийной принадлежности. Поскольку в соответствии с политической теорией династии ничто не связывало друг с другом — престол они получали от Неба, — династийные отрезки исторического времени выступали автономно, их объединяла лишь легитимность происхождения. Поэтому, когда на территории Китая одновременно существовали сразу несколько династий, каждая из них вела собственный отсчет времени.

Весь период существования династии также распадался на фрагменты, каждый из которых был строго соотнесен с пребыванием на престоле конкретного правителя. Для этого использовались несколько неодинаковых по своему происхождению и смыслу способов отсчета времени. Основным среди них являлся отсчет времени по девизам правления (*нянь хао*). В императорском Китае вступление правителя на престол обязательно сопровождалось принятием девиза правления. То был очень важный государственный акт (он назывался *цзи юань*), с него начиналось ис-

числение времени пребывания правителя на престоле. Такой девиз представлял собой своеобразную формулу, исполненную глубокого смысла. Она была рассчитана на положительную реакцию Неба, должна была обеспечить его поддержку и способствовать в делах правления. Официально подобная практика была введена при ханьском У-ди в 140 г. до н.э., но есть сведения, что она возникла раньше. Обычно избранный девиз вступал в силу с начала нового календарного года, поскольку год предыдущий относился к правлению предшественника и шел под его девизом. То есть и в этом случае разграничению времени правления придавалось большое значение, это было важно. Однако долгое время эти девизы оставались величиной крайне неустойчивой, за время своего правления, подчас очень непродолжительного, монархи меняли его до десяти и более раз. Это аргументировалось трудностями, с которыми они сталкивались, неблагоприятными небесными знамениями, что воспринималось как негативная реакция Неба на те или иные действия правителя, и иными причинами. В этих случаях по сути фиксировалось время существования данного девиза, а не годов правления императора. Ситуация изменилась лишь на закате империи, при династиях Мин и Цин, когда девиз, избранный правителем при вступлении на престол, сохранялся до конца его царствования (лишь один минский император правил под двумя девизами) и нередко стал отождествляться с его личным именем, которое было табуировано. Девиз правления, избранный императором, продолжал использоваться в исторических трудах и после его смерти, но в этих случаях историки обычно прибегали к его храмовому имени (*мяо хао*), которое он получал после смерти во время церемонии канонизации его в храме предков. Им обозначался весь период пребывания покойного монарха на престоле, для погодной периодизации храмовое имя не использовалось. Впервые храмовые имена появились при Западной Хань, но до Тан они давались лишь императорам, отмеченным особыми добродетелями либо прославившимся своими свершениями, и лишь позже это стало нормой для всех усопших правителей. Иногда для обозначения периода правления уже ушедшего императора в исторических трудах использовались также его посмертные почетные титулы (*ши хао*) или название его усыпальницы (*лин мин*). В отличие от девизов правления вся посмертная титулатура практически никогда не менялась. Осложняла хронологическую карту династийного периода утвердившаяся в императорском Китае практика придания статуса законного правителя с присвоением всей императорской титулатуры представителям правящего дома, действовавшим до официального провозглашения династии и посмертно канонизированным как ее «предки-основатели». Время их «правления» находилось за хронологическими рамками существования данной династии и в него не включалось, не относилось оно и ко времени ее предшественницы, все еще обладавшей престолом, — оно было автономно, но отсчитывалось по тем же правилам, что и время любого другого легитимного правителя.

В исторических сочинениях для датировки событий использовались также циклические знаки (*гань чжи*). Возникнув на заре китайской цивилизации в русле гадательной практики, эта система позже легла в основу просуществовавшего до Синьхайской революции летоисчисления по 60-летним циклам (*цзя цзы*). Но в историографии система циклических знаков многие свои весьма сложные календарные функции утратила. Как правило, самостоятельно она не употребляется, выступает в качестве дополнительного указателя при отсчете времени по династиям и правителям.

Жестко ориентированное на фиксацию метаморфоз политической власти, власти легитимной, существующей в соответствии с нормами конфуцианства, историческое время выступает как время официальное. Его, очевидно, можно квалифицировать как династийное, поскольку вся система отсчета времени в исторических источниках замыкалась на династии — воплощении конфуцианской монархии. Как и сама власть, династийное время имело явно сакральный характер, оно все было пронизано идеями государственной идеологии и нацелено на их утверждение. Официальная природа династийного времени придала ему особый колорит, наделила примечательными, свойственными только ему чертами.

Как следует из структуры династийного времени, в ее основу положена идея принадлежности исторического времени власти (правителю). Судя по всему, вопрос о взаимоотношении прави-

Историческое время

теля и времени для земледельческой китайской цивилизации являлся принципиальным. В обществе довольно рано сложилось представление об ответственности правителя за ход времени, смену сезонов и составление календаря. То были жизненно важные для общества функции. Позже эти взгляды, развитые и закрепленные в официальной идеологии империи, стали той базой, на которой сформировалось представление о времени как принадлежности конфуцианского монарха, от действий которого в данной области зависел порядок в Поднебесной и успех в делах правления; небрежное исполнение им этой своей функции неизбежно вело к беспорядкам и мятежам. Указанная концепция нашла отражение в политической практике китайских монархов и многих осуществлявшихся ими государственных ритуалах. Важную роль в ее утверждении играло и династийное время.

Ориентация на свойственное политической теории императорского Китая понимание исторического процесса обусловила во многом искусственный характер династийного времени — оно было как бы автономно по отношению к естественному ходу времени и мало связано с процессами, которые реально шли в обществе. Структура его была своеобразна: оно представляет собой мозаику фрагментов, где отсчет времени каждый раз начинается с начала. При этом принципы их выделения были неодинаковы, а девизы правления, по которым преимущественно отсчитывалось время правления императора, многократно менялись. В результате историческое событие не имело абсолютных, понятных всем и всегда хронологических координат. Все говорит о дискретном характере исторического времени в императорском Китае, представление о его едином потоке здесь, видимо, не сложилось.

Для качественной характеристики времени очень важно направление его движения. Как известно, в культуре средневековой Европы большую роль в формировании представлений о едином потоке времени и направлении его движения сыграло наличие в ней такой важнейшей вехи, как Рождество Христово. В китайской культуре такой вехи нет, династии определяли рубежи совсем иного порядка. Это не означает, что в императорском Китае отсутствовало представление о движении исторического времени, но понималось оно здесь иначе, чем в христианской культуре.

В синологии утвердилось представление о цикличности династийного времени. С этим обычно связывают многие особенности исторического развития Китая, в частности якобы особую традиционность китайского общества. Но идеи цикличности дискретное по своей природе время явно не несло, цикличным был календарь, по которому жило китайское общество, но к интерпретации исторического процесса он отношения практически не имел. Не было оно и линейным. Очевидно, династийное время имело сложный характер, оно совмещало в себе признаки как линейного, так и циклического времени.

Формирование свойственной императорскому Китаю модели исторического времени и ее утверждение в обществе прежде всего являлись обязанностью официального историописания. Разрабатывая собственную версию национальной истории, придворные историки уделяли самое пристальное внимание исторической хронологии и лежащей в ее основе концепции исторического времени.

Огромную роль в становлении династийного времени сыграл труд великого китайского историка Сыма Цяня (ок. 145 – 87 до н.э.) «Исторические записки» («Ши цзи») — первая официальная сводная история, где был прослежен путь, пройденный Китаем с глубокой древности до начала Хань. Изложение истории в «Исторических записках» начинается с «эры пяти императоров», а весь последующий материал организован по династийному принципу. Датировав подобным образом события, развертывавшиеся на огромном историческом пространстве в двадцать с лишним веков, Сыма Цянь тем самым заложил основы китайской исторической хронологии. Труд Сыма Цяня дал начало особому виду официальных трудов — династийным историям, которые имели самое непосредственное отношение к оформлению династийного времени и его утверждению в китайской историографии.

Трудами многих поколений придворных историков династийное время превратилось в унифицированную, по-своему стройную и логичную систему. Она никогда не пересматривалась, каждая эпоха лишь добавляла к ней новое звено. Эта система и стала хронологическим каркасом

50-вековой официальной истории Китая. Она доминирует даже в произведениях летописной формы (*бянь нянь*), хотя жанр этот и позволял излагать события без оглядки на династийные рубежи. Статус официальных исторических трудов сделал эту систему нормативной. К тому же во многих случаях труды придворных историков являлись единственным надежным источником, где историческая хронология была представлена в наиболее полном и систематизированном виде. Они и стали опорой для всей историографии императорского Китая, той матрицей, по которой историки компоновали материалы своих трудов.

Однако династийное время никогда не было только принадлежностью исторических трудов. В условиях конфуцианской монархии, где истории отводилась особая роль в делах правления, оно приобрело универсальный характер и фактически стало временем всей духовной культуры императорского Китая, самых разных представленных в ней пластов, но в первую очередь, разумеется, культуры официальной.

Династийное время было детищем конфуцианской монархии: оно сложилось и утвердилось с ее возникновением и под ее эгидой, а после ее краха прекратило свое существование. Эта система исторического времени была ориентирована на утверждение ценностей, присущих данному типу государственной власти, и вне ее рамок существовать не могла. Здесь, очевидно, причина принципиальных отличий восприятия исторического времени, свойственных китайской культуре.

** *Доронин Б.Г.* Историческое время: понятие и его содержание в императорском Китае (к постановке проблемы) // XXVIII НК ОГК. Ч. 2. 1998, с. 463–474; *он же.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Кроль Ю.Л.* Проблема времени в китайской культуре и «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня // Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984, с. 53–127.

Б.Г. Доронин

Представления о династии в древности

Древнекитайские представления о династии основаны на представлениях о родстве и наследовании. Представление о родстве связано с представлением о царствующем доме (клане) *цзя* [*2*], представление о наследовании — с идеей передачи власти от монарха к монарху. Царствующий дом — это частный случай древнекитайского клана. Поэтому к нему как таковому относится образ этого клана как единого целого, подчеркивающий тесную связь между его поколениями. Это образ тела. По словам историка Бань Чжао (ок. 48 — ок. 117), «даже сто поколений отцов и сыновей очень похожи на одно тело». Здесь человеческая личность представляется «телом, оставленным [родителями]», т.е. полученным от отца с матерью; «отец и сын суть одно тело, которое разделено надвое, так что слава и позор одного касаются другого». Отсюда поведение отца и сына по отношению друг к другу: согласно Конфуцию, каждый из них должен скрывать то, что дурно у другого, покрывать его, если тот совершил преступление. Что до сына, такое поведение отвечает идее «почтительности к родителям» (*сяо* [*1*]). Китайская традиция также усматривала общие «славу и позор» у князя и княгини (образующих «одно тело») и у старших и младших братьев, которым предписывалось скрывать дурные поступки друг друга «по тому же принципу, что отец с сыном» (видимо, считалось, что раз у каждого из братьев и у отца «одно тело», то у них всех тоже «одно тело»).

Если в приведенных примерах общие «славу и позор» делят лица одного или двух следующих друг за другом поколений, то в случае с правителями государства дело обстоит иначе. В «Гунъян чжуань» говорится, что отомстить врагу за «позор» можно не только через девять, но и через 100 поколений, однако сделать это может лишь правитель государства-*го*, а не сановник — владетель *цзя* [*2*], ибо «государство и государь суть одно тело; позор прежнего государя — все равно что позор нынешнего государя, позор нынешнего государя — все равно что позор прежнего государя... Государь государства считает государство своим телом; удельные правители [передают государство] из поколения в поколение; поэтому государство и государь суть одно тело». По комментарию Хэ Сю, даже через 100 поколений титул удельного правителя Ци будет «князь (*хоу* [*3*]) Ци». Значит, «одно тело» — это образ не только единства отдельного правителя и наследственного государства династии, но и единства династии, где каждый монарх кроме уз крови связан с нею через обладание этим государством и потому рассматривает позор далекого предка как свой собственный.

Династия представлялась древним китайцам в виде тела ее основателя, которое продолжает каждый из его преемников. Это отражено в формуле наследования *цзи ти* («продолжить тело» = унаследовать престол) и в терминах, указывающих на наследника престола, — *чжэн ти* («прямая плоть [от плоти государя]» = старший сын главной жены) и *ди ти* («плоть [от плоти] божественного властителя»). Формула *цзи ти* описывает отношение государя-наследника лишь к основателю династии. Ее применяли не только в случае, когда сын преемствовал отцу-основателю (например, Мин-ди, сын и преемник Гуан У-ди при Поздней Хань), но и в случае, когда наследник, будучи сыном основателя, преемствовал не ему (например, Вэнь-ди, сын Гао-цзу, 4-й государь Ранней Хань), и даже в случае, когда наследник был не сыном предшественника, а более далеким потомком другого императора, не являвшегося основателем (например, Ай-ди и Пин-ди, внуки Юань-ди при Ранней Хань). Поэтому династия в целом казалась состоящей из основателя и «продолживших тело». Пин Дан писал около 28 г. до н.э.: «Совершенномудрый [основатель] Хань воцарился, получив Мандат [Неба, а его потомки] продолжали [его] тело и принимали наследие больше 200 лет...». Похоже мыслится династия Чжоу в «Гунъян чжуань». В результате среди монархов династии различались и противопоставлялись друг другу государи двух типов: с одной стороны, «божественный властитель» (*ди* [*1*]) или «царь» (*ван*), «получивший Мандат [Неба]» (*шоу мин*), с другой — «государи, продолжившие тело [основателя] (*цзи ти*)». По словам Куан Хэна (ок. 47[?] до н.э.), у них разные задачи: у «царя, получившего мандат» — цель, как сказал Мэн-цзы, — «создать наследие, или дело (*чуан е*), и оставить [потомкам] конец нити преемства» (т.е. престол), чтобы те, добавил Куан Хэн, «передавали его без конца»; у «продолживших тело» цель — «почтительно принять и распространить силу-*дэ* прежнего царя, просла-

вить и возвеличить его подвиги». Сыма Цянь назвал правителей второго типа «государями, продолжившими тело [основателя] и блюдущими *вэнь* (*шоу вэнь*)». По комментарию Ли Сяня (651–684), *вэнь* — «мирное цивилизующее начало», а по комментарию Янь Ши-гу (581–645), Сыма Чжэна и Чжан Шоу-цзе (VIII в.), «законы» — это «установленные законы», «законы и нормы прежнего божественного властителя», «законы и указы предка-основателя». Ли Сянь пояснил: «Правитель, создавший основание [государства], высоко ставит ратные подвиги, коими прекращает бедствия и смуты. На следующем месте те, кто вступил [на престол], продолжив [его] тело, блюдет мирное цивилизующее начало *вэнь* и силу *дэ*». Янь Ши-гу отчасти подтвердил взгляд Ли Сяня, толкуя *шоу вэнь* не только словами «следовать установленным законам», но и словами «не прибегать к ратным подвигам».

Понимание *вэнь* как законов основателя подтверждается другими текстами. В «Гунъян чжуань» сказано о чжоуском Цин-ване, взошедшем на трон в 619 г. до н.э.: «Это сын [прежнего царя], он продолжил тело Вэнь-вана, соблюдал законы и нормы (или просто: законы) Вэнь-вана». Хэ Сю поясняет: «Вэнь-ван впервые получил Мандат [Неба] и установил законы и нормы». Ханьские знатоки права усматривали разницу между законоположениями разного типа: «статутами» (*люй* [*1*]) и «указами» (*лин*), отмечая, что «статуты» — это «то, что одобряли предшествующие правители (или правитель)», а «указы» — «то, что одобряли последующие правители». «Статуты» составляли кодекс, введенный Гао-цзу. Тот был «предшествующим правителем» по отношению к «продолжившим тело», а они — «последующими правителями» по отношению к нему. И хотя на деле они тоже ввели ряд «статутов», а он порой издавал «указы», ханьцы считали его роль законодателя в создании «классической книги статутов» (кодекса) основополагающей. Поэтому определения, данные ими «статутам» и «указам», отражают их мнение, что те и другие — плоды не только разных периодов правления династии, но также (имплицитно) разного типа личностей и разных видов законотворчества: *люй* [*1*] в отличие от *лин* созданы не продолжателями, а основателем, поэтому они на порядок выше *лин*, несут на себе печать его полубожественной личности, а их изменение — нечто вроде святотатства. При Хань порой отмечали, что реформа законов ведет к казни чиновника-реформатора и за нее заслуживает критики даже император.

«Государя, получившего мандат Неба» отличает активная деятельность, а «продолживших тело» основателя — особое сакральное бездействие, ведущее к устроению государства. Чжан Хэн (78–139) писал: «Гао-цзу создал наследие [для потомков, а те] продолжили [его] тело и наследовали основание [государства; он] короткое время трудился, [они] долгое время отдыхали, „бездействуя, достигли устроения“». Только действия основателя описывались глаголами со значением «создать» (*чуан*, *цзо*). Он призван был «создать великое наследие, или дело» (*чуан хун е*), оно же «наследие совершенномудрого» и «основание» (*цзи* [*20*]), — прежде всего государство династии с его институтами. Предпосылкой «получения мандата» и создания «великого наследия» считалось обладание «силой *дэ* совершенномудрого»: по словам Чжу Бо, Гао-цзу «с помощью силы-*дэ* совершенномудрого получил Мандат [Неба], учредил великое наследие». Его обладание этой силой и совершенная мудрость подтверждались многочисленными знамениями. Его сила-*дэ* воплощалась в «подвигах» (*гун* [*3*]); она и они были «велики», как «Небо». Это были ратные подвиги — с их помощью основатель, покончив с бедствиями и смутами, замирял Поднебесную и овладевал ею. Он также передавал преемникам свою силу-*дэ*, «подвиги», «великое наследие» — «основание» государства, «Поднебесную» — и (по крайней мере при Хань) устанавливал порядок преемства и наследования престола. В 195 г. до н.э. было заключено «соглашение» о династии, наследовании престола и о лицах, имевших право стоять на верхней и нижней ступенях иерархии знати. Это был институт, очень близкий к закону, но созданный не односторонним актом, а в результате договора между Гао-цзу и его сподвижниками, скрепленного клятвой и принесением в жертву белой лошади. Оттуда следовало, что 1) «Поднебесная — это Поднебесная Гао-цзу, отец передает ее сыну», а в случае смерти сына — «внуку по прямой линии — сыну главной жены наследника»; 2) в «удельные цари» (*чжу хоу ван*) могут быть пожалованы лишь члены императорского клана Лю, а в «князья» (*хоу* [*3*]) — только лица, имеющие «[военные] заслуги»; против нарушителя второго пункта предусматривался совместный карательный поход «Поднебесной» (он был предпринят в 180 г. до н.э. против клана Люй). Когда Цзин-ди в 154 г. до н.э. захо-

Представления о династии в древности

тел сделать своим наследником младшего брата вместо сына, его уговорили не совершать произвольного нарушения «соглашения Хань», ибо «Поднебесная — это Поднебесная Гао-цзу». Когда Мин-ди в 67 г. разгневался на чиновников, приговоривших к смерти его младшего брата, один из них настоял на приговоре, в частности сославшись на то, что «Поднебесная — это Поднебесная Гао-ди, а не Поднебесная Вашего Величества», и брат Мин-ди вынужден был покончить с собой. Значит, империя с введенными в ней порядком наследования власти и кодексом мыслилась как собственность своего создателя, основателя династии, отмеченная печатью его сакральной личности, и потому как династийная собственность, а не как личная принадлежность того или иного преемника. Поэтому династийное наследие теоретически считалось священным и было на практике в какой-то мере защищено от произвола преемников. Религиозно окрашенные представления о династии играли определенную роль в ограничении их власти.

В противоположность поведению основателя поведение «продолживших тело» описывают слова, означающие принятие и сохранение того, что он им оставил, следование этому, сообразование с этим, завершение, умножение, совершенствование, прославление и передачу этого потомкам. Так, Ван Чун писал, что монархи, «продолжившие тело», «сообразуются с [положенным прежде] основанием и опираются [на него]». В «Янь те лунь» сказано о росте государства Цинь со времен Шуня по IV в. до н.э.: «Чему заложил основание предок-основатель, то завершили сыновья и внуки». В докладе чиновников о храмовом имени Чжан-ди (88 до н.э.) говорится, что он «почтительно расширил великое наследие». Чжун Цзюнь около 123 г. до н.э. писал о Гао-цзу и У-ди: «Ведь когда только что определился Мандат Неба, тьма дел была сделана начерно, впервые; что же касается того, чтобы [в пределах] шести направлений были одни и те же нравы, а [в границах] девяти областей — одинаковые привычки, [для этого] непременно нужен прозорливый совершенный мудрец, который бы „придал [наследию] блеск и красоту“, и тогда наследие основателя будет передаваться [потомкам] без конца». Вэнь-ди заявлял в эдикте 157 г. до н.э., что «постоянно боится совершить неправильный поступок, этим опозорив оставленную [ему] силу-*дэ* прежнего (покойного) божественного властителя» Гао-цзу, а У-ди в эдикте 134 г. до н.э. вопрошал о том же основателе: «Что сделать, чтобы этим можно было прославить великое наследие и прекрасную силу-*дэ* прежнего божественного властителя?»

В отличие от действий основателя действия «продолживших тело» описывали также глаголы *шу* [*13*] («продолжать, передавать, следовать») и *инь сюнь* («сообразоваться с [тем, что есть], и следовать [этому]»). Это антонимы глагола *цзо* («создавать впервые», «творить», «изобретать»). Вот пример описания династийной преемственности в терминах *цзо–шу* [*13*]. В «Чжун юн» Конфуций говорит: «Пожалуй, лишь у Вэнь-вана не было забот! [Он] считал вана Цзи отцом, считал У-вана сыном. Что создает (*цзо*) отец, то продолжает (*шу*) сын. У-ван продолжил дело [своего прадеда] Тай-вана, [деда] вана Цзи и [отца] Вэнь-вана, однажды [надел] воинские доспехи и овладел Поднебесной». Здесь У-ван выступает (как и в докладе Чжуан Цин-чжая и др. от 117 г. до н.э.) в роли «продолжившего тело [основателя]» (Вэнь-вана), хотя в других случаях его и Вэнь-вана изображали как двух основателей. В смысле, близком к значению слова *шу*, использовалось сочетание *инь сюнь*. Оно употреблялось в характеристиках правителей (государей и высших чиновников), избегавших нововведений, по крайней мере радикальных. Для этих описаний типична фраза: «Когда благородный муж устраивает [дела] правления, он высоко ценит сообразование [с тем, что есть], и следование этому (*инь сюнь*) и считает трудным [для себя] создание (*цзо*) заново, во изменение [прежнего]».

Оппозиция *цзо–шу* [*13*] описывает ритуальное творчество. В «Ли цзи» сказано: «Поэтому знающий суть обрядов и музыки способен создавать их, знающий утонченную форму обрядов и музыки способен следовать им. Того, кто создает, называют совершенномудрым (*шэн* [*1*]); того, кто следует, называют мудрым (*мин* [*3*])». Те же термины описывают другие виды творчества, в том числе письменного. Ван Чун прибег к оппозиции *цзо–шу* [*13*], строя классификацию трех видов деятельности — «создавать», «следовать (передавать)» и «обсуждать»; при этом он использовал ходячую в его век максиму: «Совершенномудрый человек создает, достойный (*сянь* [*2*]) следует». Здесь способности к определенному виду деятельности связаны с природой личности деятеля:

на творчество способен лишь «совершенномудрый» (*шэн* [*1*]), а на то, чтобы следовать его нововведениям и передавать их потомкам, — «мудрый» (*мин* [*3*]) или «достойный» (*сянь* [*2*]). Это созвучно теории Дун Чжун-шу: по ней способность правителя подражать Небу непосредственно или только копировать древний образец зависит от природы его личности: «Совершенномудрый подражает Небу, достойный подражает совершенномудрому, это их великий принцип». Как кажется, за этим различием *шэн* [*1*] и *сянь* [*2*] проступает оппозиция «получивший Мандат [Неба]» — «продолжившие тело [основателя]». Преемники основателя должны были подражать ему, беречь, совершенствовать и передавать его наследие, так как лишь он способен был непосредственно подражать Небу и воплотить этот священный образец в себе и во всем, что сделал, на чем лежала печать его личности. Именно из-за его особых отношений с Небом «получившего Мандат» и сопровождало множество знамений; что же до «продолживших тело [основателя] и блюдущих [его] писаные [законы]», то, по словам Ван Чуна, «о знаках [в виде их] эманаций, полученных от Неба, не стоит и говорить». Это не значит, что у «продолживших тело» не было благих знамений — для иных царствований *цзунов* такие знамения были зарегистрированы — и что таких никогда не называли «совершенномудрыми», напротив, называли, особенно если речь шла о здравствующем или только что умершем монархе. Так, Гэн Юй в докладе Ай-ди говорил о расцвете у того «силы *дэ* совершенномудрого» и называл желания недавно почившего Чэн-ди «намерениями совершенномудрого». Чжун Цзюнь, намекая на царствующего У-ди, утверждал, что «прозорливый (*мин* [*3*]) совершенный мудрец» придает полученному наследию «блеск и красоту», а вдова императора Чжан-ди писала в эдикте 88 г. до н.э., что «покойный божественный властитель благодаря прозорливой (*мин* [*3*]) совершенной мудрости принял совершенную силу-*дэ* основателя *цзу* [*1*] и образцовых [правителей] *цзун*» и т.д. Но это не мешало им описывать действия Ай-ди, У-ди и Чжан-ди в соответствии с представлениями о поведении «продолживших тело».

При Хань к посмертным именам всех императоров, кроме Гао-цзу, добавляли эпитет *сяо* [*1*] («почтительный к родителям»). По древним понятиям, «жертвоприношения выражают почтительность к родителям». Как пояснил в 74 г. до н.э. Тянь Янь-нянь, «в посмертных именах, которые передает [династия] Хань, [монархов] всегда называют *сяо*, поскольку они долго владели Поднебесной и сделали так, что в храмах предков [династии] приносились кровавые жертвы [духам]». «Продолжившие тело» при жизни были главными активными фигурами культа предков дома Хань. При Поздней Хань жертвы приносились духам императоров и своей династии, и Ранней Хань. Последним их приносили пять раз в году: по разу в 1-м месяце каждого сезона и один раз во время новогоднего праздника *ла* в 12-м месяце, а императорам Поздней Хань, погребенным вокруг столицы Лоян, — в каждый из четырех сезонов, на праздники *фу* [*13*] и *ла*, в каждый из 24 сезонов года, во все дни новолуния и полнолуния. Важны для жертвоприношений предкам были три дня праздника *фу* [*13*], падавшие на период примерно с 13 июля по 18 августа, особенно первый из них — «день сокрытия» (примерно между 13 и 22 июля). На осенний праздник *чу лю* (или *чу лоу*) в день «начала осени» (8 августа) в жертву на могилах императорских предков приносилась дичь, убитая на ритуальной охоте императором (и его сановниками). Отстрел животных шел то ли в небольшом загоне у восточных ворот предместья, то ли в охотничьем парке монарха. Сын Неба ехал на боевой колеснице, запряженной белыми конями с гривами, покрашенными в темно-красный цвет, и убивал из арбалета молодых оленей. Их туши везли к могилам императоров вокруг Чанъани и Лояна и в императорский храм предков в столице. Не исключено, что с императорским культом предков Хань был связан и государственный культ божества «Верховный посредник (сват или сваха?)» (Гао-мэй). О нем мало что известно. По Д. Бодде, оно было воплощением человеческой жизненной силы и ведало «сексуальными результатами брака» — деторождением, считалось предком людей и, видимо, олицетворяло Владыку вверху (Шан-ди) и Небо. Некоторые правящие кланы древности могли видеть в Гао-мэе своего предка. В мифах о чудесном зачатии и рождении основателей династий, изложенных в ханьских комментариях к «Ши цзину», упомянуты «посредники» (*мэй*): одна бездетная жена правителя Гао Синя вместе с ним помолилась Гао-мэю и родила основателя Шан, другая принесла жертву Шан-ди у «Посредника предместья» (Цзяо-мэй) и родила основателя Чжоу. При этом

первая жена прежде проглотила яйцо, оброненное ласточкой, птицей, связанной с культом Гао-мэя, — ему приносили жертвы в день весеннего равноденствия, когда, по поверью, с юга прилетают ласточки, символизирующие плодородие. Храм же прародительницы Чжоу по одному из толкований был святилищем (Гао)-мэя. Государственный культ Гао-мэя существовал при обеих Хань и позднее. У-ди ввел его в связи с рождением наследника в 128 г. до н.э., велев двум литераторам увековечить рождение сына в стихотворении в прозе, а также сочинить «Заклинание Посредника». При Ван Мане упомянуто лишь жертвоприношение под названием «великий *мэй*» (*да мэй*): в 9 г. н.э. он превратил свою Восточную резиденцию в храм, чтобы ежегодно каждый сезон приносить жертву *да мэй* своему первому предку Хуан-ди.

«Почтительность к родителям» проявлялась императорами не только в чисто религиозном, но и в более широком поведенческом плане. При Цинь и Хань изменение сделанного монархом-предшественником считалось демонстрацией его ошибок. В 209 г. до н.э. император Эр-ши заявил, что не завершить строительства дворца, предпринятого его отцом, значит «показать, что покойный божественный властитель ошибся, когда начал это дело». В 208 г. до н.э. он добавил, что оно было начато, дабы показать, что отец достиг желаемого; если наследник его «подвигов и славных трудов» захочет упразднить сделанное отцом, то нечем будет «отплатить тому». Значит, сохранение монархом-сыном сделанного монархом-отцом считалось проявлением благодарности за отчие милости.

Если преемник не был сыном предшественника, полагали, что ему подобает все равно руководствоваться принципом *сяо* [*Л*]. Например, Ай-ди (7–1 гг. до н.э.), чей предшественник Чэн-ди не был его отцом, повел себя так, как если бы был сыном Чэн-ди. Гэн Юй убеждал Ай-ди не расследовать и не предавать огласке поступок Чэн-ди, по династийным соображениям велевшего убить двух своих новорожденных сыновей; он напомнил Ай-ди, что «почтительный к родителям сын хорошо умеет следовать воле отца, хорошо умеет завершать дела другого», и тот прекратил расследование. Иначе поступил с начинанием своего отца Чжан-ди. В 76 г. до н.э., убеждая его не отказываться от экспансии, направленной на земли северных сюнну и Западного края, которую вел его отец Мин-ди, чиновники ссылались на то, что «почтительный к родителям сын не меняет пути отца, и не следует отступать от того, что было учреждено покойным божественным властителем», но Чжан-ди все же упразднил военные земледельческие поселения на границе. Таким образом, принцип *сяо* [*Л*] требовал завершения начинаний отца, уважения к его «воле» (*чжи* [*Я*]), следования ей после его смерти, сокрытия того, что он хотел скрыть, но на практике этот принцип соблюдался не всегда.

Эти требования отвечали правилу сокрытия дурных поступков государя и отца. В «Янь те лунь» сказано: «Тот, кто является чьим-то подданным, проявляет всю свою преданность и потому соблюдает служебные функции, а тот, кто является чьим-то сыном, выражает всю свою почтительность к родителям и потому принимает наследие. Если у государя бывает проступок, то подданный скрывает его; если у отца бывает проступок, то сын покрывает его». Поэтому, когда государь умер, подданный не меняет правления государя; «когда отец умер», сын «не изменяет пути отца». «Чунь цю» порицают «разрушение [Вэнь-гуном] высокой террасы Цюань» [в Лу] из-за того, что он разрушил «сделанное» предком и показал то, что было «дурно у государя и отца».

«Государи, продолжившие тело», в свою очередь, делились на две группы. Среди них выделялось несколько императоров, получивших храмовые имена, куда входил компонент *цзун*. Это слово значит «храм предков», «предок(-ки)», «клан», «чтить», «подражать кому-либо», «чтимый человек или предмет», «родоначальник, основоположник, глава», «главное», «образец» и др. Нет полного согласия в том, как переводить цзун в храмовых именах. Одни условно переводят *цзун* в сопоставлении с *цзу* [*Л*] («родоначальник», «предок», «основатель») словами «предок» или «патриарх», другие — «самый почитаемый правитель династии», третьи (следуя за Х.Х. Дабсом) — словом «образец» или (как в данном случае) «образцовый [правитель]». В период империи оппозиция *цзу* [*Л*] — *цзун* («основатель — образцовые [правители]») впервые встречается в храмовых именах Хань. Тогда (в отличие от позднейших династий) эти имена присваивались далеко не всем «продолжившим тело»: при Ранней Хань из 10 таких монархов их получили четыре или

шесть, при Поздней Хань из 12 — шесть (число, на рубеже 190–191 гг. сокращенное до двух). В 7 г. до н.э. Ван Шунь и Лю Синь подчеркивали, что число *цзунов* «непостоянно» и «меняется [от династии к династии]. Если [кто из правителей] обладает подвигами и силой-*дэ*, то признают его образцовым (или чтут его: *цзун*), и нельзя заранее установить их число. Поэтому в [династии] Инь Тай-цзя был Великим образцовым [правителем], Тай-у был Вторым образцовым [правителем], У-дин был Высоким образцовым [правителем]... Если говорить исходя из этого, то образцовые [правители] не имеют [установленного] числа». Храмовые имена по определению давались посмертно, часто в самом начале следующего царствования, вскоре после похорон и устройства храма усопшего, но иногда и десятилетия спустя. Это имя могло быть не только дано, но и отнято. В конце 190 — начале 191 г. Дун Чжо, Цай Юн и др. высказали мнение, что «так как у [государей начиная с] Хэ-ди и далее подвиги и сила-*дэ* ничем особенным не отличались и были ошибки, [они] не заслуживают того, чтобы быть образцовыми [правителями]». В результате Хэ-ди, Ань-ди, Шунь-ди и Хуань-ди лишились храмовых имен и лишь Мин-ди и Чжан-ди сохранили их, продолжая называться Сянь-цзуном и Су-цзуном (Прославленным и Почтительным образцовыми [правителями]).

Не вполне ясно, когда в империи начала действовать система присвоения храмовых имен, при втором императоре Ранней Хань, Хуй-ди, или при пятом, Цзин-ди. Гао-цзу был назван Тай-цзу («Великим основателем») в храме своего отца сразу после похорон в 195 г. до н.э. (см. **Чжун син**) в начале правления Хуй-ди, но, как полагал Х.Х. Дабс на основании анналов «Хань шу», это название стало храмовым именем Гао-цзу лишь в 157 г. до н.э., при Цзин-ди. Однако в гл. 73 «Хань шу» сказано: «Когда настали [времена] Хуй-ди, [он] воздал почести храму Гао-ди и превратил его в храм Великого основателя; [а] Цзин-ди воздал почести храму Почтительного к родителям Вэня и превратил его в храм Великого образцового[правителя]». Так что скорее Цзин-ди внес в культ Гао-цзу не его храмовое имя, а другие новшества, умножив число его храмов и сопоставив его и Вэнь-ди как *цзу* [*I*] и *цзуна*. Он привел разные функциональные характеристики обоих: «В древности у основателя были подвиги, а у образцового [правителя] была сила-*дэ*». Как он отметил, сила-*дэ* у Вэнь-ди была так же обильна, как у Неба и Земли, его милости достигли всех живущих между морей четырех стран света; лишь прославив эту прекрасную силу в его храме с помощью ритуального «танца, являющего [взору] силу-*дэ*», можно добиться того, чтобы «подвиги и сила-*дэ* основателя и образцового [правителя]» были записаны и переданы десяти тысячам грядущих поколений. Сановники, к которым он обратился, воздали должное его сыновней почтительности и замыслу и отвечали: «Ни у кого нет столь великих подвигов, как у Гао хуан-ди (Гао-цзу); ни у кого нет столь обильной силы-*дэ*, как у Почтительного к родителям Вэнь хуан-ди (Вэнь-ди). Храм Гао хуан-ди следует сделать храмом Великого основателя [династии] божественных властителей, а храм Почтительного к родителям Вэнь хуан-ди следует сделать храмом Великого образцового [правителя династии] божественных властителей. Сынам Неба следует из поколения в поколение приносить жертвы в храмах основателя и образцового [правителя. Блюстителям] округов, [царям удельных] государств и князьям (*хоу* [*I*]), каждому следует учредить храм Великого образцового [правителя] для Почтительного к родителям Вэнь хуан-ди. Посланцы удельных царей и князей *ле хоу* [должны] прислуживать при жертвоприношениях, [когда] Сын Неба ежегодно станет приносить жертвы в храмах основателя и образцового [правителя]». Доклад сановников был одобрен.

По комментарию Ин Шао (ок. 140–206), «кто впервые овладел Поднебесной, тот является *цзу* [*I*], [пример] этого — что Гао-ди был назван Гао-цзу; кто впервые устроил Поднебесную, тот является *цзуном*, [пример] этого — что Вэнь-ди был назван Тай-цзуном». Может показаться, что правители обоих типов в равной мере являются «основоположниками», так как у них соизмеримые функции, у одного — завоевать с помощью «ратных подвигов», у другого — достичь устроения с помощью «силы-*дэ*». Но этому противоречит то, что известно о «получившем мандат» Неба и «продолживших [его] тело», о творческой природе первого и продолжательской — вторых. Лишь Гао-цзу, а не Вэнь-ди, считали творцом, способным стать основоположником; Гао-цзу представлялся «великим совершенным мудрецом», обладающим такой силой-*дэ*, что Небо доверило ему «мандат», а он сумел принять его. Как сказано в «Янь те лунь», «Гао хуан-ди получил

Представления о династии в древности

мандат [Неба] и усмирил мятежи и смуты, его подвиги и сила-*дэ* были возвышенны и велики, только Небо так же велико, как они; а Вэнь[-ди] и Цзин[-ди], приняв наследие, „придали ему блеск и красоту“». Значит, Тай цзун (Вэнь-ди) не был основателем, впервые создавшим запас силы-*дэ*, как иногда полагают; в качестве «продолжившего тело» он мог лишь расширить этот запас, полученный от *цзу* [*I*]. Но он отличался от других императоров тем, что у него была особая задача в истории династии: «впервые устроить Поднебесную», предпосылкой чего был беспрецедентный расцвет в его личности унаследованной им династийной устроительной силы-*дэ*. Он явил образец мирного правления, какого не дал *цзу* [*I*] с его «ратными подвигами», в творческом порыве сделавший все дела начерно. В этом и состоит вклад Тай-цзуна, дополняющий основной вклад *цзу* [*I*].

Остальные *цзуны* Ранней Хань получили храмовые имена через много лет после смерти (кроме последнего). Сюань-ди присвоил У-ди храмовое имя Ши-цзун («Образцовый [правитель для своего] века») через 16 лет после его кончины, в 72 г. до н.э. Он видел в У-ди другие достоинства, а не те, что Цзин-ди отмечал в Вэнь-ди. В эдикте Сюань-ди подчеркивались, с одной стороны, «человеколюбие и справедливость» У-ди, а с другой — что тот «высоко ставил грозное [величие] и военную [силу]», обратив в бегство сюнну, покорив одних варваров, побудив других покориться добровольно, расширив земли и границы государства. Высоко оценивались его меры по подготовке кадров гражданских чиновников и покровительству учености — он создал Великое училище, расширил дорогу для лиц, владевших конфуцианскими «методами». Указывалось, что он справедливо воздавал тем, кто заслуживал этого по своей природе, служебным успехам или происхождению, — он «ясно по порядку изложил [суть] наследия совершенномудрого, чтил достойных, прославлял подвиги, „возрождал уничтоженные [государства], продолжал прервавшиеся [роды]“, воздал почести потомку [дома] Чжоу». Отмечалась и борьба У-ди с наводнением — он построил дамбу Сюаньфан. Наконец, описывался его вклад в сферу государственной религии и ритуала: он приносил жертвы в предместьях, а также Владыке вверху (Шан ди) и Небу на горе Тайшань, изменил начало года и цвет парадных одежд, привел в гармонию музыкальные ноты и дудки-камертоны, сочинял ритуальную музыку и песни, учредил ритуальный Светлый зал, представлял доклады высшим силам и в ответ удостоивался их даров. Ответом на его дела были добрые знамения: нашли драгоценный треножник, поймали белого единорога, по морю приплыла огромная рыба и т.д. Словом, его «подвиги и сила дэ были обильны», но музыка в храме У-ди не соответствовала этому.

Эдикт обсуждали князья, чиновники, получавшие жалованье в размере 2000 *даней* зерна, и эрудиты при дворе. С государем не согласился лишь Сяхоу Шэн. На его взгляд, хотя У-ди имел заслугу отражения варваров и расширения границ, но при этом было убито множество воинов, он исчерпал средства народа и был расточителен сверх меры; Поднебесная оскудела, народ рассеялся, и больше половины его умерло, саранча оставила без всходов несколько тысяч *ли* голой земли, были случаи людоедства, а запасы и по сей день не восстановлены. Сяхоу Шэн считал, что поскольку У-ди «не оказал народу милостей, исходящих от его силы-*дэ*, не следует учреждать для него музыку [в его] храме», а когда министры возразили ему, что в эдикте сказано иначе, назвал эдикт неприменимым. Это стоило ему четырех лет тюрьмы за критику эдикта и клевету на покойного монарха. После его ареста чиновники «просили воздать почести храму Почтительного к родителям У-ди и превратить его в храм Образцового [правителя для своего] века, исполнять [там] танцы „обильной силы-*дэ*“, „мирного цивилизующего начала“ и „пяти элементов“. Сыны Неба [должны] будут из поколения в поколение приносить [там] жертвы, чтобы показать обильную силу-*дэ* [У-ди]. Во всех округах и [удельных] государствах, которые У-ди осчастливил [посещением во время] поездок с инспекционными целями, в общей сложности 49, воздвигнуть [для него] храмы, как [до того их воздвигли для] Гао-цзу и Тай-цзуна». Сюань-ди принял эти предложения.

Лишь в конце Ранней Хань, в 4 г. н.э. юный Пин-ди «воздал почести храму Почтительного к родителям Сюаня и превратил [его в храм] Второго (? или: Еще Одного?) образцового [правителя] (Чжун-цзуна), [воздал почести] храму Почтительного к родителям Юаня и превратил [его в храм] Высокого образцового [правителя] (Гао-цзуна). Сыны Неба [должны] будут из поколе-

ния в поколение приносить [там] жертвы». Почему Юань-ди был сделан *цзуном*, неизвестно; Ван Сянь-цянь считал, что инициатор присвоения Юань-ди храмового имени Ван Ман воздал тому почести, чтобы угодить его вдовствующей императрице, урожденной Ван (которой доводился племянником). Тот же Ван Ман в 6 г. н.э. подал доклад о присвоении Чэн-ди храмового имени Тун-цзун (Руководящий образцовый [правитель]), а только что умершему Пин-ди — храмового имени Юань-цзун (Первоначальный образцовый [правитель]); мотивировки нам тоже неизвестны. Но мотивировки присвоения храмовых имен Тай-цзун, Ши-цзун и Чжун-цзун императорам Вэнь-ди, У-ди и Сюань-ди достаточно ясны. Из дошедших до нас известий следует, что противопоставление *цзу* [*1*] как монарха, овладевшего Поднебесной с помощью ратных подвигов, и *цзуна* как монарха, устроившего ее с помощью силы-*дэ*, оправданно лишь для пары Гао-цзу — Вэнь-ди (Тай-цзу — Тай-цзун). У прочих *цзунов* была не только обильная сила-*дэ*, да и о Вэнь-ди разные идеологи высказывались по-разному. Так, Цай Юн утверждал, что, по мнению Куан Хэна и Гун Юя, высказанному при Юань-ди, «Почтительный к родителям Вэнь, Почтительный к родителям У и Почтительный к родителям Сюань — все стали образцовыми [правителями] (*цзун*) благодаря обилию подвигов и силы-*дэ*». Хотя в этих словах допущен анахронизм (Сюань-ди стал *цзуном* через 30 с лишним лет после смерти Юань-ди), и У-ди, и Сюань-ди действительно были известны и «подвигами», и «силой *дэ*», в этом мнение Куан Хэна и Гун Юя справедливо. В 7 г. до н.э. Ван Шунь и Лю Синь даже подчеркивали, что у У-ди «и подвиги, и сила-*дэ* имелись в сочетании друг с другом». Им принадлежало и соответствующее определение того, что такое *цзун*: «Если [кто из правителей] обладает подвигами и силой-*дэ*, то признают его образцовым (или: чтут его — *цзун*)...». Представили они и череду *цзу* и *цзунов* при Ранней Хань, охарактеризовав особый вклад каждого из них. При этом особенно ценным им казался вклад «возрождения» (*чжун син*), сделанный Сюань-ди, который в 7 г. до н.э. еще не был *цзуном*, но, как они думали, опирался на наследие *цзу* [*1*] и *цзунов*: «То, что [ныне] *шаньюй* охраняет [как наш подданный свое владение, которое служит] защитой [монарху в его столице], что множество [племен] варваров мань подчинилось, — это основание (*цзи* [*1*]) для десяти тысяч поколений [будущих монархов], подвиг возрождения, выше которого еще не бывало. Гао-ди создал великое наследие и стал Великим основателем. У Почтительного к родителям Вэнь хуан-ди сила-*дэ* была самой обильной, и он стал Великим образцовым [правителем] Вэнем. У Почтительного к родителям У хуан-ди подвиги были самые славные, и он стал Образцовым [правителем] У [для своего] века. Вот благодаря кому Почтительный к родителям Сюань хуан-ди произнес слова [обладателя] силы-*дэ*». Отсюда видно, что, хотя к *цзунам* принадлежали незаурядные обладатели обильных подвигов *гун* [*3*] и силы *дэ*, соотношение этих достоинств у каждого *цзуна* было особое, свое, что и объясняет разницу между их характеристиками: у Вэнь-ди преобладала устроительная сила, у У-ди — ратные подвиги (при этом, на взгляд Ван Шуня и Лю Синя, дополненные обогащением народа, религиозной и ритуальной деятельностью, созданием ряда государственных институтов, привлечением выдающихся советников). У нас нет информации, за что сделали *цзуном* Сюань-ди в 4 г. н.э., но в 43 г. Гуан-у-ди снова присвоил ему храмовое имя Чжун-цзун за то, что у него «были подвиги и сила *дэ*», вероятно прежде всего за «подвиг возрождения». По единодушному мнению ханьских авторов от Лю Синя до Цай Юна, включая историка Бань Гу, в этом был его специфический вклад в историю Хань.

Таким образом, *цзуны* представляли собой особую группу монархов династии, которым, как (теоретически) считалось при Хань, в силу личной незаурядности, отмеченной «обилием подвигов и силы *дэ*», довелось внести в историю династии особые личные вклады, по-разному существенно дополнявшие основной вклад основателя *цзу* [*1*]. В этой мере они напоминали *цзу* (так, одного из них считали способным заложить «основание» для десяти тысяч поколений) и даже могли противопоставляться другим «продолжившим тело» как своим последователям. По словам Ду Линя (ум. 47 н.э.), «прецеденты основателя и образцовых [правителей] суть то, с чем должно сообразоваться и чему должно следовать (*инь сюнь*)». Не все первые шесть *цзунов* были по-настоящему крупными историческими фигурами, но Вэнь-ди, У-ди и Сюань-ди были выдающиеся деятели Ранней Хань. Как и основатель, они были историческими фигурами, превратившимися в фигуры культа предков. При Ранней Хань их храмы не сносили с течением времени (кроме

расположенных в округах и удельных государствах, где побывали эти императоры), равно как и храм основателя. Это отличало их храмы от храмов других императоров, «продолживших тело», которые подлежали сносу по мере того, как родство последних с царствующим монархом переставало быть близким. В пору наделения *цзунов* храмовыми именами, а затем в ходе споров второй половины I в. до н.э. о том, храмы каких императоров должны быть поочередно снесены по религиозным соображениям (да и по соображениям экономическим — культ предков стоил необычайно дорого), при дворе выносили разные оценки *цзунам*, их достоинствам и недостаткам. Особые страсти вызывала фигура У-ди, чьи храмы иные участники обсуждений безуспешно пытались закрыть с середины 40-х годов по 7 г. до н.э.; обсуждали и закрытие храмов Вэнь-ди. Материалы этих дискуссий были доступны историкам и влияли на их оценки *цзунов*. В частности, они сильно сказались на оценках У-ди, отчасти Вэнь-ди и, видимо, Сюань-ди, данных Бань Гу, который включил ряд этих материалов в свою историю.

***** Ши цзи хуй чжу као чжэн («Записи историка» Сыма Цяня с собр. коммент. и критическим исследованием Такикава Сигэна). Пекин, 1955, гл. 8, с. 86; гл. 10, с. 44–47; гл. 16, с. 2–4; гл. 49, с. 2; Го юй (Рассказы о царствах). Шанхай, 1958; *Фань Е.* Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Пекин, 1958; Хань шу бу чжу (История Хань. С дополнительным коммент. Ван Сянь-цяня). Пекин, 1959; Лунь хэн цзяо ши (Критические обсуждения и оценки. Сверенный текст с пояснениями Хуан Хуя). Тайбэй, 1964, гл. 9, с. 90; *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина. М., 1975–1992; т. 2. 1975, с. 198, 244–246; т. 3. 1984, с. 320–321; т. 6. 1992, с. 163; Го юй (Речи царств) / Пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987; *Хуань Куань.* Спор о соли и железе (Янь те лунь) / Пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. Т. 1. СПб., 1997, с. 169, 179, 327–328 и сл.; *Pan Ku.* The History of the Former Han Dynasty: In 3 vol. / A critical tr. with annot. by H.H. Dubs. Baltimore, 1938–1955, vol. 1. 1938, p. 145, 272–275, 304–308; vol. 2. 1954, p. 119–120, 210–211 и сл.; vol. 3. 1955, p. 184, 206–207, 217; *Ssu-ma Kuang.* The Last of the Han: Being the Chronicle of the Years 181–220 A.D. as Recorded in the Chapters 58–68 of the Tzu-Chi T'ung Chien / Tr., ed. with an introd. by R. de Crespigny. Canberra, 1969, p. 72, 401–402. ****** *Кроль Ю.Л.* Была ли ранняя китайская империя деспотией? // ПВ. 1993, вып. 4, с. 367–375, 381–398; *он же.* Представление о династии в древнем Китае // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004, с. 697–704; *он же.* Родственные представления о «доме» и «школе» (цзя) в древнем Китае // Общество и государство в Китае. М., 1981, с. 40–47, 50, 53–54; *он же.* Сыма Цянь — историк. М., 1970, с. 135–150; *Bielenstein H.* The Restoration of the Han Dynasty. Vol. 4. The Government. Göteborg–Stockholm, 1979, p. 167–171; *Bodde D.* Festivals in Classical China: New Year and Other Annual Observances during the Han Dynasty, 206 B.C. — A.D. 220. Princ., 1975, p. 56, 243–261, 293 и сл.; *Creel H.G.* The Origins of Statecraft in China. Vol. 1. Chic.–L., 1970, p. 58–68; *Legge J.* Chinese Classics. Vol. 1. Confucian Analects, the Great Learning, the Doctrine of the Mean. Oxf., 1893, p. 400; *Dubs H.H.* The Chinese Imperial Designations // JAOS. 1945, vol. 65, № 1, p. 26–33.

Ю.Л. Кроль

Традиционная историография (основные жанры, виды и школы)

Одной из важных особенностей историографии императорского Китая является весьма сложный состав большей части созданных в то время трудов: она представлена сочинениями разного вида, каждый из которых обладал собственными, присущими только ему признаками. Их отличали не только композиция, но и проблематика, которой они были посвящены, а также их статус и функциональная ориентация. Современные китайские историки определяют такие виды исторической литературы как жанры (*тицай*). В старой историографии такого понятия не было, чаще всего виды литературы с четко выраженной специализацией именовались *лэй* (род, вид, категория), а в тех случаях, когда необходимо было подчеркнуть свойственные данному виду особенности организации материала, их называли *ти* (форма, тип, вид; в наше время это слово стало ключевым в понятии «жанр»). По своей природе эти понятия синонимами не являлись, они характеризовали разные качества обозначаемого ими предмета. При этом *лэй* являлось категорией более общей. Изначально оно имело непосредственное отношение к ритуалу и означало жертвоприношение Верховному Владыке, которое осуществлялось при смене правителя или династии, и лишь много позже *лэй* приобрело свое современное значение, став ключевым понятием в «учении о символах и числах» (*сяншучжи-сюэ*) и концепции «выправления имен» (*чжэн мин*). Таким образом, оно было исполнено глубокого смысла, и для китайского читателя явление, которое обозначалось этим словом, приобретало особый колорит.

Становление жанров исторических сочинений современные китайские ученые рассматривают как неотъемлемую и очень важную часть процесса зарождения и развития исторической науки в Китае. По их мнению, первые разновидности исторических материалов появились уже на заре национального историописания, с возникновением института «левого» и «правого» историков: как известно, один из этих придворных ученых фиксировал деяния правителя, а другой — его речи. Свершениям правителя были посвящены также надписи на костях и бронзовых сосудах шанского и чжоуского времени. А гимны «Ши цзина» и такие памятники древней словесности, как «Шан шу» («Книга истории») и «Го юй» («Речи царств»), сохранили для потомков речи правителей. Принято считать, что появление этих двух разных по своему содержанию видов исторических памятников и стало той базой, на которой шло в Китае становление жанров исторической литературы. Процесс этот прежде всего был свойствен официальной историографии, ориентированной на решение крупных политических и идеологических проблем. Появление сочинений нового вида здесь обычно было обусловлено государственной необходимостью. Поэтому проблематика, которой они были посвящены, и их предназначение обычно являлись главными критериями при определении жанровой принадлежности этих трудов. Для официальной историографии это имело принципиальное значение, трудов, не соотнесенных с тем или иным жанром, придворные историки не создавали. И это отличало ее от историографии «неофициальной», где жанровая принадлежность сочинения особого значения не имела и они чаще всего создавались в свободной форме. Но то была периферия исторической науки императорского Китая, и настоящей историей такие сочинения не считались.

Следующим важным рубежом в процессе становления жанров стало появление летописной формы изложения *бянь нянь*. Это первый в китайской историографии вид сочинений, имеющий все признаки самостоятельного жанра. Возник он очень рано, нередко его появление связывают с именем Конфуция, которому приписывается авторство хроники царства Лу «Чунь цю» — произведения, наложившего глубокий отпечаток на все историописание императорского Китая. Жанр оказался необыкновенно стабильным, вплоть до начала XX в. он оставался одним из основных видов исторического повествования. На разных этапах его существования в русле жанра *бянь нянь* возникли некоторые виды трудов летописного характера, которые иногда интерпретируются как самостоятельные жанры. Начало наиболее известному из них положил труд Сыма Гуана (1019–1086) «Всеобщее зерцало, правлению помогающее» («Цзы чжи тун цзянь»). Это летопись особого типа, на ее базе в историографии императорского Китая сложилось самостоятельное необычайно авторитетное и влиятельное направление.

Традиционная историография

На заре китайской историографии появился еще один вид исторических сочинений, который на протяжении почти двадцати веков во многом определял ее лицо. Это династийные истории, фундаментальные официальные труды сложной композиции, посвященные описанию дел правления одной или нескольких династий. В китайской историографии их относят к категории *чжэн ши* (официальные истории), а свойственная им форма изложения исторического материала получила название *цзи чжуань* (анналобиографическая). Первым сочинением такого вида стали «Исторические записки» («Ши цзи»), созданные отцом китайской истории Сыма Цянем (ок. 145–87 до н.э.), а всего до середины XVIII в. придворными историками было создано 24 династийные истории. Они воплотили в себе многие важнейшие особенности историографии императорского Китая и, занимая в ней центральное место, многие века определяли магистральный путь ее развития. В орбиту династийных историй оказались втянуты такие самостоятельные виды исторических сочинений, как «дневники» (*ци цзюй чжу*), «правдивые записи» (*ши лу*), «история государства» (*го ши*), а сами династийные истории дали начало таким важнейшим жанрам исторических трудов, как «биографии» (*чжуань цзи*), «книги о делах правления» (*чжэн шу*), и некоторым другим.

Третьим по своему значению жанром исторических сочинений в Китае считают «полное описание событий от начала до конца» (*цзи ши бэнь мо*). Его создателем стал Юань Шу (1131–1205), который отобрал из летописи Сыма Гуана «Всеобщее зерцало, правлению помогающее» 239 наиболее важных с его точки зрения событий, происходивших в Китае на протяжении почти пятнадцати веков, и в серии очерков дал их полное описание. Свой труд Юань Шу назвал «Полное описание событий, о которых сообщается в хронике „Цзы чжи тун цзянь“» («Тун цзянь цзи ши бэнь мо»). Позже труды этого жанра также стали готовить по династийному принципу. К началу XX в. в Китае было создано 11 таких сочинений, в них описано 846 событий, происходивших в Китае с 722 г. до н.э. по конец династии Цин. В Китае к этому жанру относят также некоторые сочинения, в названиях которых отсутствует формула *цзи ши бэнь мо* — главный признак подобных трудов.

Огромный фонд исторических сочинений, созданных учеными императорского Китая за несколько десятков веков, представлен многими жанрами. Судьба их сложилась по-разному. Одни просуществовали до XX в., жизнь других была относительно недолгой. Неодинаков был и статус отдельных жанров в разные периоды их истории. Но они всегда рассматривались как взаимосвязанные компоненты единой системы, где место каждого из них было четко определено. В становлении и оформлении жанров, определении их места очень велика была роль «каталогов» (*мулу*) и тех классификационных схем письменных памятников, которые разрабатывались специалистами *мулу-сюэ*.

Свой наиболее завершенный вид система жанров исторической литературы обрела в составленном во второй половине XVIII в. по специальному указу императора Цянь-луна «Аннотированном сводном каталоге всех книг по четырем разделам» («Сы ку цюань шу цзунму тияо»). В разделе «История» каталога указаны следующие 15 основных видов (*лэй*) исторических сочинений: династийные истории (*чжэн ши*), хроники (*бянь нянь*), полные описания событий (*цзи ши бэнь мо*), отдельные истории (*бе ши*), разнообразные истории (*цза ши*), указы императора и доклады чиновников (*чжаолин цзоуи*), биографии (*чжуань цзи*), выборки из текстов (*ши чао*), записи (*цзай цзу*), хронология (*ши лин*), «география» (устроение земель — *ди ли*), службы и служебные обязанности (*чжи гуань*), книги о делах правления (*чжэн шу*), «каталоги» (*мулу*), суждения об истории (*ши пин*). В некоторых случаях в пределах перечисленных видов составители каталога выделили особые категории исторических трудов (их 26), по крайней мере некоторые из них также могут рассматриваться как самостоятельные жанры. Перечень этот, разумеется, неполный, в нем отражено лишь то, что, по мнению цинских властей, составляло суть исторической науки.

С крушением монархии и ее институтов, одним из которых являлось государственное историописание, ушла в прошлое и свойственная этому историописанию система жанров, в исторической науке постимператорского Китая, которая постепенно обретала новые современные черты, места для нее не было. Но полностью своего значения старые жанры не утратили. Иногда со-

временные китайские историки, решая стоящие перед ними непростые задачи, придают своим сочинениям форму, внешне напоминающую один из классических жанров, либо используют их названия. Так, по случаю 50-летия КНР один из авторов создал труд летописной формы и по аналогии с хроникой царства Лу (722–481 до н.э.) назвал его «Чунь цю». А чуть позже в КНР была опубликована фундаментальная летопись событий XX в., составители которой, как бы развивая жанр, созданный Сыма Гуаном, также назвали его «Всеобщим зерцалом» («Тун цзянь»).

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Ли Цзун-е.* Чжунго лиши яньцзю цзешао (Введение в изучение истории Китая). Шанхай, 1982; *Сюй Лин-юнь.* Ду ши жумэнь (Введение в изучение истории). Пекин, 1982; *Цан Сю-лян*, *Вэй Дэ-лян.* Чжунго гудай шисюэши цзяньбянь (Краткий курс древней историографии Китая). Харбин, 1983.

Б.Г. Доронин

Династийные истории. Династийные истории — особый вид исторического сочинения сложной композиции, посвященный делам правления одной или нескольких династий. В китайской историографии их относят к категории *чжэн ши* (этот термин китайские историки раскрывают как «официальные истории») и жанру *цзи чжуань* (аннало-биографическому).

Династийные истории — наиболее значимое творение историографии императорского Китая, воплощение самых важных ее особенностей; они открывали в библиографиях перечень исторических трудов, а термины *чжэн ши* и *ши* [*9*] (история) нередко выступали как синонимы. В Китае династийные истории всегда рассматривались как выдающееся достижение национальной культуры, и эта оценка сохраняется поныне.

Создателем этого вида исторических трудов является великий китайский историк Сыма Цянь (145–87 до н.э.), автор «Исторических записок» («Ши цзи»), которые принесли ему славу отца китайской истории.

Сыма Цянь жил и творил в период становления и оформления первого централизованного общекитайского государства и его официальной доктрины, и хотя историописание к тому времени уже прошло в своем развитии немалый путь, он во многом по-новому видел и решал те задачи, которые стояли перед ним при обращении к историческому прошлому страны. Избрав в качестве образца хронику царства Лу «Чунь цю», ставшую к тому времени одной из важнейших книг формирующегося конфуцианского канона, Сыма Цянь стремился придать «Историческим запискам» высокое идеологическое звучание, подчинить решению фундаментальных проблем, стоявших перед властями империи.

Прежде всего он первым из историков древнего Китая попытался очертить границы китайской истории и описал на страницах «Исторических записок» путь, пройденный Китаем со времен мифических «Пяти императоров» (У ди), чье правление относят к III тысячелетию до н.э. до начала династии Хань (III–II вв. до н.э.). При этом он сосредоточил свое внимание на истории китайской государственности, его труд представляет собой политическую историю страны. Сыма Цянь трактует эту проблематику с позиций доктрины «Мандата Неба» (*тянь мин*) — одной из центральных в официальном конфуцианстве. Он показал ее действие на протяжении почти тридцати веков, использовав для этого огромный фактический материал. Под его кистью историческое прошлое Китая предстало перед читателем как цепь легитимных (т.е. правивших по воле Неба) династий и правителей, которую замкнула династия Хань, официальным историографом которой он был. При этом особое внимание Сыма Цянь уделил описанию кризисов, сопровождавших смену династий, и их неизбежное благополучное разрешение при поддержке Неба. Значение подобной интерпретации исторического процесса для становления официальной доктрины императорского Китая трудно переоценить.

Следуя уже сложившейся в китайском историописании традиции, Сыма Цянь видел предназначение своего труда в том, чтобы сделать его зеркалом, вглядываясь в которое грядущие поколения учились бы на опыте предков. И он постарался максимально усилить дидактический потенциал «Исторических записок», населив страницы своего труда огромным количеством исторических персонажей.

Задачи, которые ставил перед собой Сыма Цянь, создавая «Исторические записки», определили не только отбор фактического материала, но и его композицию. Его труд состоит из пяти разделов: «Основные записи» (*бэнь цзи*), где в хронологическом порядке изложены деяния правителей, «Хронологические таблицы» (*бяо*), представляющие собой своеобразный временной скелет всего труда, «Трактаты» (*шу* [*4*]), посвященные описанию различных аспектов жизни государства, «История наследственных домов» (*ши цзя*) — здесь дается история правления княжеских домов периода Чжоу, и «Жизнеописания» (*ле чжуань*). Различные по своему характеру и назначению, эти разделы тем не менее тесно взаимосвязаны, дополняя друг друга, они и создают ту картину прошлого Китая, которую стремился донести до потомков Сыма Цянь. Примечательно, что по крайней мере два раздела своего труда — «История наследственных домов» и «Жизнеописания» — он посвятил человеку (некоторые специалисты полагают, что эта же тема является главной и в разделе «Основные записи»), они занимают большую часть текста «Исторических записок». В этих разделах сведений о личной жизни исторического персонажа практически нет, Сыма Цянь стремился показать его поведение в конкретной исторической ситуации и тем самым преподать грядущим поколениям уроки социального поведения. В условиях китайского общества, где длительное время доминировали патриархальные отношения, подобные уроки приобретали особый смысл.

Важнейший вклад в становление исторических сочинений нового вида внес крупный ученый и государственный деятель империи Поздняя Хань Бань Гу (32–92). В своем труде «История династии Хань» («Хань шу») он, следуя принципам интерпретации исторического процесса, заложенным Сыма Цянем, применил их для описания правления лишь одной династии — Западная Хань (206 до н.э. — 23 н.э.) — от обретения ею Мандата Неба до его утраты. То было первое в китайской историографии обстоятельное описание одного династийного цикла, сочинение, которое в полной мере соответствовало названию «династийная история». А окончательное становление этого вида исторических сочинений произошло в империи Тан (618–907), когда они оказались в центре внимания властей.

Ко времени провозглашения династии Тан династийные истории на протяжении нескольких веков составлялись нерегулярно, и первые танские императоры принимают решение восполнить образовавшийся пробел и, взяв за образец труды Сыма Цяня и Бань Гу, создать истории всех легитимных с их точки зрения династий, правивших до них. Этой работе сразу же был придан государственный статус — для ее выполнения впервые в истории Китая в системе центральной администрации империи создавались специализированные историографические службы. Этот акт в современной китайской историографии нередко считается началом официального историописания.

Придворным танским историографам предстояло решить задачу невероятной сложности: в почти четырехвековом периоде безвременья и практического отсутствия единого политического центра им необходимо было показать действие доктрины «Мандата Неба» и отследить линию ортодоксального наследования власти (*чжэн тун*). Это имело первостепенное значение как для легитимации власти новой династии, так и для упрочения позиций государственной доктрины, которые основательно расшатались в предыдущие века. С поставленной задачей танские историки справились успешно: за сравнительно короткий срок было составлено восемь династийных историй.

С этого времени составление династийных историй превращается в императорском Китае в своеобразный государственный ритуал, в соответствии с которым новая династия обязана была позаботиться об истории своей предшественницы, это считалось важным свидетельством ее легитимности. Тем самым династийные истории обретали статус важнейшего государственного документа, имеющего первостепенное значение для нормального функционирования конфуцианской монархии. Подготовка такого документа доверялась лишь высшим сановникам империи, пользовавшимся особым доверием двора, а курировалась лично императором. Составление династийных историй обретает систематический характер, постепенно складываются регламенты, определявшие эту работу. Династийные истории превращаются в самый главный и стабильный компонент всей системы официального историописания императорского Китая,

ее первоосновой, от состояния которой зависело успешное функционирование всей этой системы.

Трудами многих поколений историков за без малого двадцать веков в Китае было создано 24 династийные истории общим объемом 3230 цзюаней — именно столько включал в себя официальный комплект этих сочинений, утвержденный цинским императором Цянь-луном во второй половине XVIII в. В нем были представлены истории всех правивших в Китае и признанных легитимными династий по Мин включительно. История последней китайской династии Цин (1644–1911) была создана в конце 20-х годов XX в., когда конфуцианская монархия уже прекратила свое существование, и в такой ситуации подготовить труд, отвечающий всем требованиям, которые предъявлялись к династийным историям, было уже невозможно. Это заставило составителей назвать свое сочинение «Черновой свод истории [династии] Цин» («Цин ши гао»). Обычно не относят к династийным историям также подготовленную после Синьхайской революции «Новую историю [династии] Юань» («Синь Юань ши»).

Со времен Сыма Цяня концептуальной базой династийных историй служило официальное конфуцианство — прежде всего доктрины «Мандата Неба» (*тянь мин*) и «Ортодоксальной преемственности власти» (*чжэн тун*), практически неизменными оставались понимание предназначения династийных историй и основные принципы подготовки их текста. На их страницах зафиксировано более сорока веков истории Китая, они хранят память о нескольких десятках тысяч ее творцов. Ничего подобного мировая историография не знает.

Особый статус династийных историй, непрерывность фиксации исторического процесса и унифицированный подход к его интерпретации придавали сообщаемым в этих трудах сведениям необычайную силу и убедительность, делали их не только основным и самым авторитетным источником сведений о прошлом Китая, но и необычайно эффективным средством воздействия на общество.

Не утратили династийные истории своего значения и после крушения породившей их конфуцианской монархии. Они, как и прежде, пользуются большим вниманием в обществе. Переиздаются их канонические тексты, они переведены на современный язык и изданы на компакт-дисках; существует большая литература, посвященная им (не только научная, но и популярная). Для населения огромной страны материалы династийных историй, начиная со школы, по-прежнему остаются главным источником сведений по отечественной истории. Династийным историям отводится важная роль в тех процессах, которые в настоящее время идут в КНР в сфере духовной культуры.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *он же*. Династийные истории как феномен китайской культуры // ИМ. Сер. Г. 2002, вып. 9/10, с. 29–34; *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970; *Цюй Линь-дун*. Лунь эрши лю ши (О 26 династийных историях) // *он же.* Шисюэ юй шисюэ пинлунь (История и историческая критика). Хэфэй, 1998, с. 35–131; *Twitchett D.* The Writing of Official History under the T'ang. Cambr., 1992.

Б.Г. Доронин

Школа *чуньцю*. *Чуньцю-сюэ* (Школа «Вёсен и осеней») — направление в китайском историописании XI–XIII вв. Получила название по наименованию одного из канонических памятников конфуцианства — хроники (анналов) древнекитайского царства Лу (IX в. — 256 до н.э.), к созданию которой (в качестве редактора, если не составителя и даже автора), согласно традиции, имел причастность Конфуций (551–479 до н.э.).

Как историографическое направление *чуньцю-сюэ* сложилась в XI–XII вв. на перекрестке нарождавшихся еще в VII–IX вв., но именно с начала II тыс., в процессе становления неоконфуцианства, набравших размах и глубину исканий в сферах и канонроведения (*цзин-сюэ*), и историописания. Сказалась, помимо всего прочего, искони присутствовавшая в китайской философской и общественно-политической мысли ориентированность на историзацию, тем паче что из гуманитарных наук Срединного государства исторически к указанному времени она наиболее преуспевала в выработке принципов и приемов познания и освещения далекого и недавнего для

той поры прошлого с целью истолкования актуальных социально-политических, социально-психологических и идеологических проблем и задач. Поэтому историописание обладало все возраставшей притягательностью для приверженцев едва ли не любых философско-социологических учений и школ, претендовавших на решение тех же самых проблем и задач. *Чуньцю-сюэ* с ее двумя изначальными ипостасями — каноноведческой и историографической, а в то же время и с ориентацией на практические аспекты управления обществом и государством — не стала исключением. Недаром одним из девизов *чуньцю-сюэ* служила формула: «Благоучреждать историописание, дабы благоустраивать мир» (*чжи ши и чжи ши*).

По сведениям составленной в 1343–1345 «Сун ши» («Истории Сун») и некоторых других источников, из всего собрания памятников древнекитайской мысли, канонизированных конфуцианством, именно «Вёсны и осени» вкупе с «Сань чжуань» («Тремя комментариями») оказались у государственно-политической и интеллектуальной элиты Сунской империи (960–1279) наиболее востребованными и чтимыми. Дало это себя знать, во-первых, появлением — отнюдь не только в рамках служб официального историописания — одного за другим новых посвященных книгам указанного блока комментаторских и аналитических трудов, например Сунь Фу (998–1075), Ху Юаня (993–1059), Е Цин-чэня (1003–1049), Ши Цзе (1005–1045), Лю Чана (1019–1068), Шэнь Ко (1031–1095), Чэн И (1033–1107), Ван Дана (ок. 1050 — ок. 1122), Дэн Мин-ши (XII в.), Ху Ань-го (1074–1138), Ху Иня (1098–1156), Чжан Чуна (XII в.), Сюэ Цзи-сюаня (1125–1173), Чэнь Фу-ляня (1137–1203), и в итоге число таких трудов достигло тогда 240 (суммарным объемом 2799 цз.), т.е. примерно вдвое больше, чем в каждом из сопоставимых по длительности периодов Тан (618–907) либо Мин (1368–1644). Во-вторых, дало это себя знать также в общем подъеме историописания, и притом настолько значительном, что исторические сочинения сунских авторов (свыше 130 чел.) составили $^1/_4$ общего числа заголовков и $^1/_3$ суммарного объема (в цз.) всей созданной с древних времен и до последней четверти XVIII в. литературы, которая учтена в соответственном разделе (*Ши бу*) составленного в 1773–1782 гг. каталога «Полное собрание книг четырех хранилищ» («Сы ку цюань шу»). Но главным образом столь значительный количественный и качественный рост сунского историописания проявился в крутом взлете именно хронистики, причем во всех ее разновидностях (от анналов до летописных сводов и творений как государственного, так и частного историописания), а о стимулирующем воздействии «Вёсен и осеней» как типологического эталона на этот «хронистический бум» (*бяньнянь жэ*) писали Сунь Фу, Ху Юань, Ху Ань-го, Ван Чжэнь (XI в.), Инь Чжу (1001–1047), Оуян Сю (1007–1072), Сыма Гуан (1019–1086), Чжан Хэн (1025–1099), Фань Цзу-юй (1041–1098), Чжу Си (1130–1200) и приверженцы *чуньцю-сюэ*. Отдельные из них (например, Инь Чжу, Оуян Сю и другие зачинатели) в названия своих исторических сочинений в качестве «жанровой метки» вводили «заданный» «Конфуциевыми анналами» лексический бином «Вёсны и осени» (*чунь цю*). Этой же «заданности» соответствовал акцент на событиях и персонажах лишь политической истории. Вместе с тем умножение аналитической литературы, посвященной «Вёснам и осеням», а также «Трем комментариям», потребовало расширения и углубления соответственно ориентированных источников и источниковедческих разысканий, равно как и усиления критического начала в штудиях представителей *чуньцю-сюэ*, да и в китайском историописании в целом, главным образом в его фактографической и фактологической составляющих. Наиболее ощутимо критический метод дал себя знать в сочинениях приверженцев *чуньцю-сюэ* о предшествовавших сунскому периодах Тан, а также «Пяти династий и десяти царств» (по традиционной хронологии — 907–960) — периодах, когда имело место несоблюдение «великих критериев „Вёсен и осеней“». Взывать к авторитету свято чтимых «Конфуциевых анналов» и тоже канонизированных конфуцианством «Трех комментариев» побуждала необычайно сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация, в которой оказался Китай к середине VIII в. и которая затем обострилась до крайности. Имеются в виду самого разного свойства и масштаба проявления «великой смуты», непрекращающиеся более двух столетий. Они начались со вспыхнувшего в 755 г. мятежа Ань Лу-шаня (703–747) и Ши Сы-мина (703–761), междоусобиц и крупных народных восстаний второй половины VIII в. — середины 870-х годов и крестьянской войны 874–901 гг. Низвержение дина-

стии Тан и династийный калейдоскоп конца IX в. — первых трех четвертей X в. ознаменовали утрату Китаем государственной целостности. Объединение страны династией Сун, но в ощутимо урезанных, по сравнению с прежними, территориальных пределах, а также происходившие перемены во внешнеполитической доктрине «верхов» Срединного государства привели к постепенной потере им под напором киданей, тангутов и вслед за тем чжурчжэней доминирующего статуса и роли в Восточноазиатском регионе. Наряду с завоеванием в XIII в. всех китайских владений монголами с VI–VIII вв. происходило нарастание идейного и социального натиска буддизма и даосизма и ослабление позиций конфуцианства в качестве государственной идеологии, а в ответ — усилия последнего с VII–VIII вв. по возрождению своего престижа и влияния (что вылилось в создание неоконфуцианства). Наряду с общими концептуальными положениями конфуцианства в его обновлявшемся и преобразовывавшемся облике платформа *чуньцю-сюэ* содержала разного рода и уровня положения, запечатлевшие реакцию ее зачинателей и приверженцев на столь многообразные и сложные процессы и обстоятельства, а выраженные в категориях и формулах, воспринятых из «Вёсен и осеней» и «смежных» с последними канонических книг конфуцианства. Среди этих категорий и формул такие, например, как «Великое единение/целостность [страны]» (*да и тун*); «почитать государя» (*цзунь ван*), зачастую «в паре» с девизом «изгонять варваров» (*жан и*), и др.

Постепенно *чуньцю-сюэ* как историографическое направление вошло ингредиентом в *тун цзянь-сюэ* (Школу «Всепроницающего зерцала»), которая сама во многом обязана *чуньцю-сюэ* своим рождением.

** *Моу Жунь-сунь.* Лян Сун «Чунь цю» сюэ чжи чжу лю (Школа «Вёсен и осеней» [в период] обеих Сун: основные тенденции) // Сун ши яньцзю. Т. 3. Тайбэй, 1966; *Ван Дун.* Сун дай шисюэ юй «Чунь цю» цзин сюэ (Историческая наука периода Сун и школа канона «Вёсен и осеней») // Хэбэй сюэкань. 1988, № 6; *Ян Сян-куй.* Сун дай лисюэ цзя ды «Чунь цю» сюэ (Школа «Вёсен и осеней» приверженцев учения о принципе в период Сун) // Шисюэ ши яньцзю. 1989, № 1; *Цзя Гуй-жун.* «Чунь цю» цзин юй Бэй Сун шисюэ (Канон «Вёсны и осени» и историческая наука [периода] Северная Сун) // Чжунго ши яньцзю. 1990, № 1.

Г.Я. Смолин

Восточно-чжэцзянская школа. По оценкам современных китайских историков, эта школа — важнейшее направление в исторической науке империи Цин, одно из немногих в историописании императорского Китая, которое выделяется особо. Его основателем считается крупнейший мыслитель XVII в. Хуан Цзун-си (1610–1695), а к числу последователей относят около двух десятков известных ученых второй половины XVII — начала XIX в., выходцев из нескольких уездов восточной части пров. Чжэцзян. Это Ван Сы-тун (1638–1702), внесший немалый вклад в создание «Истории династии Мин» («Мин ши»); одна из ключевых фигур цинской официальной историографии Шао Цзинь-хань (1743–1796); Цюань Цзу-ван, который известен прежде всего тем, что сумел продолжить и завершить труд Хуан Цзун-си «Учения эпох Сун и Юань» («Сун Юань сюэань»). Последним из наиболее крупных представителей *чжэдун ши-сюэ* считается Чжан Сюэ-чэн (1738–1801) — один из наиболее ярких выразителей традиционной китайской историографии.

Провинция Чжэцзян относится к расположенному в низовьях р. Янцзы региону, который с начала II тысячелетия н.э. стал центром национальной культуры и науки. Уже тогда в империи Сун здесь сложилась Восточно-Чжэцзянская научная школа (*чжэдун-сюэпай*). Однако к историографии она отношения не имела, ее основатель Чэн И (1033–1107) и его последователи занимались разработкой проблем неоконфуцианства. В конце правления династии Мин, на рубеже XVI и XVII вв., провинции Чжэцзян и Цзянсу дали значительную часть ученой элиты империи, отсюда вышли многие известные историки того времени. По крайней мере некоторые из них входили в состав весьма многочисленных объединений, но *чжэдун ши-сюэ* среди них не было. С утверждением на китайском престоле династии Цин ученая элита региона оказалась в опале и подвергалась репрессиям. Поэтому появление во второй половине XVII в. *чжэдун ши-сюэ* — факт неординарный. Китайские историки оценивают эту школу необычайно высоко. Они трак-

туют ее как силу, оппозиционную консервативной по своей природе цинской официальной историографии, хранительницу лучших традиций национальной науки. С деятельностью некоторых ученых этой школы связывают постепенную трансформацию историографии императорского Китая и зарождение в ее недрах новых тенденций, стимулировавших становление в Китае современной исторической науки. Многое в этих оценках восходит к суждениям крупнейшего мыслителя Нового времени Лян Ци-чао (1873–1929), чьи взгляды оказали глубокое воздействие на понимание того, что происходило в империи Цин в сфере духовной культуры.

Однако столь высокая оценка школы аргументирована пока недостаточно. Хорошо известно, что далеко не все ученые, которых относят к Восточно-Чжэцзянской школе, могут считаться учениками Хуан Цзун-си, не все из них были и историками. Они жили в разное время, придерживались неодинаковых взглядов, неодинаков был вклад этих учеников в историческую науку своего времени. Какого-либо организационного оформления школа не получила, небольшую группу ученых, которые, как считают, были причастны к деятельности *чжэдун ши-сюэ*, просуществовавшей 150 лет, объединяло лишь общее место рождения, земляческие связи. К тому же жесткий контроль цинских властей над сферой духовной культуры оставлял мало возможностей для деятельности каких-либо оппозиционных сил. Очевидно, адекватную оценку школы в настоящее время дать невозможно, проблема требует специального изучения.

** *Доронин Б.Г.* К характеристике Восточно-чжэцзянской школы в китайской историографии второй половины XVII — начала XVIII в. // ИИИСАА. Вып. 4. 1975, с. 49–57; *Хэ Бин-сун*. Чжэдун сюэпай суюань (О происхождении Восточно-чжэцзянской научной школы). Шанхай, 1932; *Цан Сю-лян*, *Вэй Дэ-лян*. Чжунго гудай шисюэ ши цзяньбянь (Краткий очерк истории исторической науки древнего Китая). Харбин, 1983.

Б.Г. Доронин

Историческая наука периодов правления Цянь-луна и Цзя-цина (1736–1821)**.** Этот столетний период китайские историки рассматривают как самостоятельный и очень важный этап в развитии историографии империи Цин, составную часть науки этого периода (*цяньцзя-сюэпай*). Понятие это сравнительно новое, оно появилось на рубеже XIX и XX вв. и связано с попытками ученых того времени по-новому взглянуть на процессы, которые шли в сфере духовной культуры империи Цин. Наиболее полно и обстоятельно это было сделано в работах крупнейшего мыслителя и историка Нового времени Лян Ци-чао (1873–1929). Подобный подход необычен: в Китае принято трактовать все происходившее в период правления династии как единое целое.

Важнейшей отличительной особенностью исторической науки этого периода считается обращение ученых к исследованию текстов памятников посредством метода *каочжэн* (другое название *каоцзюй* — доискиваться оснований (доказательств), определять (достоверность), совр. значение — производить историко-филологические разыскания, критика текста). Тем самым подчеркивается, что во второй половине XVIII — начале XIX в. магистральным направлением в деятельности историков стали источниковедческие штудии. И это действительно так. Как раз на этот период приходится развернутая по инициативе цинских властей тотальная ревизия всех сохранившихся к тому времени памятников, причем особое внимание обращалось на памятники исторические. Кампания эта началась много раньше, проводилась в разных формах, а в период правления императора Цянь-луна (1736–1795) она приобретает беспрецедентные масштабы. В ее орбиту оказалась втянутой значительная часть ученой элиты империи, но главная ответственность за ее реализацию была возложена на дворцовые службы. Трудившиеся там ученые выявляли сохранившиеся памятники, выверяли их, те, что признавались неблагонадежными, изымались (а нередко и уничтожались), остальные основательно редактировались и рецензировались, после чего они издавались с обстоятельными комментариями. Одновременно готовились многочисленные дополнения и продолжения ранее созданных трудов. Смысл этой работы раскрывают два тезиса Цянь-луна: «возвратиться на правильный путь, изгнать ересь» и «учиться у древности, почитать словесность» — это рассматривалось как важнейшее средство утверж-

дения порядка. То есть речь шла о приведении письменной культуры в соответствие с нормами государственной доктрины, а эталоном должна была стать древность — тексты, восходящие к Конфуцию. Таким образом, в центре внимания значительной части цинских историков оказалась не просто работа с текстом, а утверждение ортодоксального начала исторической науки, устранение всего, что противоречило курсу, который проводился в этой области двором.

Важнейшим средством решения стоявших на этом пути проблем был избран метод *каочжэн* — сложный и пока еще малоизученный феномен духовной культуры императорского Китая. Это не был лишь набор технических приемов для работы с текстами памятников. Он сложился в каноноведении и долгое время использовался в острой идеологической борьбе, которой наполнена вся история этой важнейшей для конфуцианской монархии отрасли знаний. А в середине XVIII в. его взяли на вооружение цинские историки, и это вдохнуло в *каочжэн* новую жизнь. Как и в каноноведении, он использовался прежде всего для выявления в текстах исторических памятников прошлого того, что цинским властям представлялось крамольным, и его устранения. Именно на это был ориентирован весь богатейший арсенал средств, которыми данный метод располагал.

Беспрецедентная по масштабам работа с текстами в рассматриваемый период дала мощный импульс развитию и изучению в Китае проблем источниковедения и историографии. Если прежде подобными исследованиями эпизодически занимались лишь отдельные ученые, то теперь они стали доминировать, в той или иной мере к ним оказалась причастна бóльшая часть историков. На вторую половину XVIII — начало XIX в. приходится создание большого числа фундаментальных историографических исследований, оставивших заметный след в исторической науке Китая и не утративших своего значения и поныне. Особое место среди них современные китайские историки отводят блестящему анализу текста династийных историй, выполненному тремя видными представителями исторической науки периода правления императоров Цянь-луна и Цзя-цина (1796–1820): «Критическое исследование текста 17 династийных историй» («Шици ши шанцюэ») Ван Мин-шэна (1722–1798), «Исследование разночтений в текстах 22 династийных историй» («Нянь эр ши као и») Цянь Да-синя (1728–1804) и «Заметки о текстах 22 династийных историй» («Нянь эр ши чжа цзи») Чжао И (1727–1814). На этот же период приходится и творчество крупнейшего после танского историка Лю Чжи-цзи (661–721) специалиста в области историографии Чжан Сюэ-чэна (1738–1801). Интенсивная работа с памятниками стимулировала становление в историописании широкого спектра вспомогательных историко-филологических дисциплин (сбор утраченных текстов и их упорядочение — *цзыляо соуцзи чжэнли*, сличение текстов и их корректировка — *сюнь гу* и др.). Исследования в области источниковедения и историографии превращаются в этот период в самостоятельное и весьма представительное направление в официальной исторической науке. Однако многие задачи, на решение которых оно было ориентировано, существенно отличались от тех, что являются предметом современных подобных дисциплин.

Работа с текстами исторических памятников была важным, но не единственным занятием историков второй половины XVIII — начала XIX в. То было время беспрецедентной активности цинской официальной историографии. Ни одна другая династия не предпринимала таких усилий для создания собственной истории. Немалое число капитальных трудов было подготовлено и по предыдущим периодам китайской истории. Много сделали цинские историки для становления основных жанров исторических трудов, существенно дополнив те из них, что не получили должного развития раньше. Таким образом, и это направление — написание истории — также процветало в исторической науке периода правления императоров Цянь-луна и Цзя-цина. Под эгидой двора было создано огромное количество трудов самого разного характера. По своей продуктивности данный период не знает аналогов в многовековой истории историописания Китая. Никогда еще в стране не работало одновременно столько историков.

Все указывает на то, что в условиях «культурного абсолютизма» — так именуют политику цинского двора в области духовной культуры современные историки КНР — историческая наука императорского Китая достигла апогея в своем развитии. Хорошо продуманные, настойчивые и

Традиционная историография

целеустремленные усилия цинских властей вдохнули новую жизнь в одряхлевшее к началу XVII в. официальное историописание и окончательно превратили его в весьма важный государственный институт.

Значение исторической науки периода правления императоров Цяньлуна и Цзя-цина в развитии китайской историографии очень велико. Практически все историографическое наследие последующие поколения получили из рук цинских ученых второй половины XVIII — начала XIX в. Их трактовку событий прошлого историки вынуждены учитывать и поныне. В этот период цинским властям удалось добиться небывалого единомыслия ученой элиты, а историки этой школы еще долго определяли состояние исторической науки в Китае.

Современные историки КНР, оценивая место *цяньцзя ши-сюэ*, подчеркивают ее переходный характер, говорят о постепенной трансформации традиционной историографии и зарождении в ее недрах новых тенденций, которые позже дадут начало современной исторической науке в Китае. Это вряд ли верно: вторая половина XVIII — начало XIX в. — время торжества консервативного начала в китайской историографии, когда власти искали вдохновение в «золотой древности». Ростки нового появились в цинской историографии лишь на рубеже XIX и XX вв., и процесс становления современной исторической науки в Китае оказался долгим и весьма непростым.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Цан Сю-лян*, *Вэй Дэ-лян*. Чжунго гудай шисюэ ши цзяньбянь (Краткий очерк истории исторической науки древнего Китая). Харбин, 1983; *Чжан Мэн-лунь*. Чжунго шисюэ ши (История китайской историографии). Т. 2. Ланьчжоу, 1986.

Б.Г. Доронин

Историческая мысль в XX — начале XXI в.

Историография первой половины XX в. Во второй половине XIX в. Китай познакомился со школами западной исторической науки, главным оружием которых был эволюционизм. Это оказало огромное влияние на его традиционную историческую мысль. Согласно традиционной китайской исторической концепции «возвращения к древности», чем древнее, тем совершеннее было общество, три древнейшие династии были «золотым веком» китайской истории, а традиция «передачи Пути» последующим поколениям (*дао тун*), которой положили начало древние императоры Яо, Шунь и Юй, непрерывно шла на убыль. Согласно эволюционистскому взгляду на историю, напротив, история прогрессивна, в ней существуют причинно-следственные отношения, «общие закономерности» и возможен их поиск. Понимание истории как развития и изменения расширило поле зрения китайских историков и дало импульс повороту традиционной китайской исторической науки к модернизации. В начале XX в. Лян Ци-чао сделал теоретической основой науки исторический эволюционизм. Он создал новую систему теории, тем самым вызвав к жизни реформаторское движение «революции в истории».

Лян Ци-чао, продолжая напечатанное в 1901 г. в газете «Цин и бао» «Изложение истории Китая», в 1902 г. опубликовал в «Синь минь цунбао» свою известную работу «Новая историческая наука». В ней на основе критики «старой китайской историографии», обладавшей «четырьмя недостатками» и «двумя болезнями», Лян Ци-чао разработал «учение о сфере исторической науки». В «Новой исторической науке» он выдвигал новый тезис: «История — это то, что повествует о явлениях эволюции человечества и стремится к обретению их общих принципов и закономерностей», указывал, что история — это поступательное движение, и исходя из этого пропагандировал «революцию в сфере истории». Там же он сформулировал свой пионерский подход к интерпретации форм развития и движущих сил истории, роли исторической науки и методов исторического исследования. Его целью было создание «новой исторической науки», отличающейся от традиционной китайской. Предметом «новой исторической науки» Лян Ци-чао были характер и сфера исторического нарратива, философия истории и социальные функции исторической науки, отношения исторической науки и других научных дисциплин. Кроме того, она давала критику «старой историографии» Китая. Теоретическая ценность «новой исторической науки» заключалась в следующем: при помощи научных концепций Нового времени были изложены базовые вопросы исторической науки, выдвинута теоретическая модель модернизации китайской исторической науки, а также соответствующие новые понятия и категории. «Новая историческая наука» в большой степени способствовала ускорению перехода традиционной исторической науки Китая к Новому времени. Ограниченность ее была в следующем: на теоретическом уровне не было разъяснения сути объективной истории как науки, не было изложения научной методологии исторического познания и исследований.

Идеи «новой исторической науки» Лян Ци-чао нашли отклик у Чжан Тай-яня, Ся Цзэн-ю, Чэнь Фу-чэня, Чжу Си-цзу и Хэ Бин-суна, что сделало «новую историческую науку» очень влиятельной школой среди китайских историков первой половины XX в. Чжан Тай-янь активно пропагандировал эволюционистскую концепцию истории: он полагал, что задачи исторической науки — это выявление принципов прогресса и ослабления общества и всесторонняя критика (и обобщение) традиционной китайской истории и культуры. В 1904 г. Ся Цзэн-ю написал «Новейший учебник китайской истории для средней школы» (в тридцатые годы переиздан под названием «Древняя история Китая»). Это было первой исторической работой в Китае, где применено деление на главы и разделы. Кроме того, это один из самых ранних результатов работы школы «новой исторической науки». В 1920-е годы Лян Ци-чао написал такие работы, как «Очерк учений эпохи Цин», «История китайских учений трех последних столетий», «Методы исследования китайской истории» и «Дополненное издание „Методов исследования китайской истории“». Эти работы содействовали ускорению перестройки концептуальной структуры истории страны.

Если течение «новой исторической науки» в основном зародилось под воздействием эволюционистского взгляда на историю, то школа нового источниковедения, обладавшая огромным вли-

Историческая мысль в XX — начале XXI в.

янием в первой половине XX в., не только подверглась воздействию эволюционизма — она также получила непосредственный стимул от обнаруженных в ходе археологических раскопок текстов; на нее повлияли и методы западных естественных наук. В начале XX в. открытие и систематизация таких новых исторических материалов, как гадательные надписи на панцирях и костях, ханьские и цзиньские книги на бамбуковых и деревянных досках, дуньхуанские памятники, доисторические городища, бронзовые ритуальные сосуды, архивы минских и цинских канцелярий, привело к тому, что сфера материалов, исследуемых китайской исторической наукой, расширилась. Теперь то, на что опирались исторические исследования, были не только каноны, истории, сочинения философов и сборники, но и древнейшие архивы и найденные под землей письменные памятники, книги и вещи. Это предоставило исторической науке Китая широкое пространство для развития.

В начале XX в. Китай познакомился с западным историческим позитивизмом, представителем которого был Л. Ранке (1795–1886). Он получил широкое распространение среди китайских историков. Исторический позитивизм отличали следующие особенности: его приверженцы считали, что человеческая история представляет собой органически развивающееся целое, обладающее неразрывной исторической длительностью; они подчеркивали, что у каждой нации, эпохи и культуры есть своя ценность, обусловленная собственными историческими условиями и отличиями. Эта концепция противилась обобщению исторического процесса при помощи абстрактных рациональных принципов. Требуя посредством глубокого раскрытия и критического исследования исторических материалов объективно выявлять историческую истину, она подчеркивала необходимость «составлять историю в согласии с правдой». Позитивистская историческая наука в сочетании с традиционным источниковедением годов Цянь-луна — Цзя-цина (1736–1820) дали новую жизненную силу «элементарному» научному стилю в Китае.

В первой половине XX в. исторический позитивизм был главным направлением в исторической науке Китая. Его представителями были такие известные историки, как Ван Го-вэй, Чэнь Инькэ, Чэнь Юань, Ху Ши, Люй Сы-мянь, Гу Цзе-ган, Фу Сы-нянь, Цянь Му и Чжан Инь-линь. Особенностью данной школы была не ориентация на критику «старой китайской историографии», а заимствование методов западного исторического позитивизма и продолжение основывавшейся на исторических материалах традиции критического источниковедения XVIII в. Кроме того, она проводила анализ, верификацию и интерпретацию истории, опираясь на идеи позитивизма, руководствуясь рациональностью, полагаясь на логические обоснования, индуктивные и дедуктивные методы. В ее рамках были проведены пионерские исследования древнейшей и древней истории Китая, истории Монголии, истории религии, истории международных отношений страны, истории философии, истории прозы, истории научной мысли, изучения исторических письменных памятников и исторической географии и пр. Кроме того, монографические исследования по китайской истории дали множество новых результатов, и все это утвердило важное историческое место позитивистской исторической науки.

Эти позитивистские историки в большинстве своем были сведущими и в китайской, и в западной учености. Они достигли выдающихся успехов не только в сборе исторических материалов, выявлении фальсификаций и их критической интерпретации, они внесли свой вклад и в исследование причинно-следственных отношений ряда исторических явлений. Во второй половине XX в. в Китае не было историков, обладавших такой подготовкой и эрудицией.

Марксистская историческая школа в Китае возникла и развивалась вслед за проникновением марксизма и развертыванием новой демократической революции. В авангарде этой школы были Ли Да-чжао и Го Мо-жо, их продолжателями стали Люй Чжэнь-юй, Фань Вэнь-лань, Цзянь Бо-цзань, Хоу Вай-лу и др.; все они создали известные и ценные труды по истории. Ли Да-чжао был первым ученым Китая, систематически знакомившим читателя с материалистическим взглядом на историю. В 1924 г. он выпустил книгу «Основы исторической науки». Это был первый в Китае труд по теории исторической науки, написанный с позиций исторического материализма. Кроме того, это был самый ранний труд по теории исторической науки, составленный китайским ученым в XX в. С точки зрения исторического материализма Ли Да-чжао определил, что такое история, что такое историческая наука, какова ее структура. Он объяснил место исто-

рической науки среди других дисциплин и отношение исторической науки к другим дисциплинам, остановившись и на таком важном вопросе, как современные исторические исследования и их влияние на мировоззрение. Книгу Ли Да-чжао отличают логика, научные доказательства и свойственная эпохе эмоциональность; эта работа прояснила сущность и ценность науки истории, что во многом повлияло на ускорение развития теории исторической науки в Китае XX в.

Другим основателем марксистской исторической науки в Китае был Го Мо-жо. В его книге «Исследование древнего общества Китая» (написана в 1929, а вышла в 1930 г.), применяя теорию и методы исторического материализма, осуществлено комплексное исследование надписей на панцирях, костях и на металле, а также изучено доциньское литературное наследие. В этой работе Го Мо-жо вскрыл облик древнекитайского общества и закономерности его развития, проложив дорогу исследованиям по истории Китая. Выход этой книги знаменовал сущностное изменение исторической науки и подъем марксистской исторической науки в Китае. Следующими работами Го Мо-жо были: «Исследование надписей на панцирях и костях», «Полное собрание гадательных надписей», «Собрание иньских надписей на панцирях», «Исследование надписей на бронзе эпох Инь и Чжоу», «Собрание надписей на бронзе двух периодов Чжоу», «Сборник исследований надписей на металле», «Собрание исследований древних гравировок», а также «Бронзовый век» и «Десять критических статей». Все они оказали большое влияние на науку. «Исследование древнего общества Китая» Го Мо-жо дало толчок творчеству таких известных китайских историков, как Люй Чжэнь-юй, Хоу Вай-лу, Фань Вэнь-лань, Цзянь Бо-цзань и Ху Шэн. Люй Чжэнь-юй опубликовал «Исследования доисторического китайского общества» (1934), «Китайское общество эпох Инь и Чжоу» (1936) и «Проблемы истории китайского общества» (1942). Хоу Вай-лу — «Историю учений древнекитайской мысли» (1945), «Историю учений китайской мысли Нового времени» (1945) и «Историю древнекитайского общества». Фань Вэнь-лань опубликовал «Краткую общую историю Китая» (1942) и первый том «Новой истории Китая» (1946); Цзянь Бо-цзань — «Очерки истории Китая» (1942), Ху Шэн — работу «Империализм и китайская политика» (1948); Сян Да — «Чанъань при династии Тан и цивилизация Западных земель» (1930); Чжоу Гу-чэн — «Всемирную историю» (1949). Появление этих исторических трудов показало, что в Китае формируется марксистская историческая наука. Перечисленные работы — это не только пионерские произведения исторической науки в различных областях; в большинстве своем они занимают видное место в развитии исторической науки Китая XX в. Среди них некоторые труды, подвергшись переработке, стали актуальными для нескольких поколений, явив научность поисков истины марксистскими историками.

Исторический материализм стимулировал изменение направления исторических исследований в Китае, способствовал их повороту от описания частных, в большинстве своем политических событий к исследованию сложных и длительных процессов в обществе и экономике. Это привело к тому, что историки поняли: необходимо исследовать материальные условия жизни людей и придавать большее значение роли народных масс в истории. Марксистская концепция классовой структуры общества, а также исследования классовой борьбы привели к изучению китайскими историками социальных институтов.

Характеризуя общую перспективу развития исторической науки в стране, следует сказать, что в первой половине XX в. произошел переход традиционной китайской историографии к исторической науке нововременного типа. С тех пор как Лян Ци-чао выдвинул теорию «новой исторической науки», ускорилась теоретическая модернизация исторической науки страны. Затем параллельно широкомасштабному проникновению западной исторической науки в Китай началась активная работа теоретиков исторической науки; возникали новые течения и школы. К 30–40-м годам в Китае существовало несколько одновременно эволюционирующих течений. Среди них наиболее заметными были достижения позитивистской исторической школы. В нее входили такие известные историки, как Ван Го-вэй, Чэнь Юань и Чэнь Инь-кэ. Опубликованные ими результаты исследований оказали большое воздействие на развитие исторической науки; в частности, были изданы книги «Новые обоснования древней истории» и «Критика древней истории».

Представителями марксистского направления, проникавшего в Китай как до, так и после «движения 4 мая», были Ли Да-чжао и Го Мо-жо. Они и стали основателями марксистской исторической науки в стране. В 30–40-е годы Го Мо-жо, Фань Вэнь-лань и другие, руководствуясь историческим материализмом, создали множество совершенно новых по своему облику исторических произведений, что способствовало развитию марксистской исторической науки. Среди новых китайских исторических школ марксизм проявил сильнейшую жизнеспособность. Гу Цзе-ган в 1945 г. писал, что проникновение западных эволюционистских взглядов на историю «полностью изменило понимание истории китайцами», а Хоу Вай-лу в 1946 г. подчеркнул, что в согласии с марксистской теорией и методологией китайские ученые уже «выучились объяснять историю и направления мысли при помощи живого языка». Это, быть может, лучшая общая характеристика развития исторических концепций в первой половине XX в.

Дискуссия об истории китайского общества. После поражения китайской революции 1927 г. в Коминтерне и внутри КПК велись бурные дискуссии по вопросам, касающимся причин поражения революции и сущности китайского общества. Обсуждение сущности китайского общества неизбежно было связано с разысканиями в области истории Китая. Поэтому вскоре после развертывания дискуссии о сущности китайского общества в кругах теоретиков развернулась также дискуссия о проблемах истории этого общества. Кроме некоторых специальных работ и множества статей, напечатанных в периодических изданиях, с конца 1931 до апреля 1933 г. журнал «Душу цзачжи» напечатал четыре специальных выпуска под названием «Дискуссия об истории китайского общества». Эти обсуждения охватили несколько тысяч лет китайской истории. Круг затрагивавшихся проблем был очень широк, разбирались сложные вопросы. Основными участниками дискуссии были: историки-марксисты Го Мо-жо, Люй Чжэнь-юй и Цзянь Бо-цзань, представители «новой философии жизни» Тао Си-шэн и Мэй Сы-пин, троцкисты Ли Цзи, Чэнь Бан-го, Ван И-чан, Ду Вэй-чжи. Стороны обсуждали в основном три вопроса: во-первых, вопрос об азиатском способе производства; во-вторых, вопрос о том, был ли рабовладельческий строй в истории Китая; в-третьих, вопрос о сути китайского общества после династий Цинь и Хань. В конечном итоге все это сводилось к тому, существуют ли общие объективные закономерности в истории человеческого общества, применимо ли к Китаю учение марксизма о периодах развития общества.

Дискуссия о периодизации древней истории Китая. К обсуждению проблемы периодизации древней и средневековой истории Китая (первоначально — проблемы границы между рабовладельческим и феодальным строем) китайские ученые вновь вернулись в 50-е годы. Обсуждение затронуло целый ряд важных теоретических проблем исторической науки: условия и особенности формирования рабовладельческого строя, основные отличия рабовладельческого и феодального строя, закон соответствия уровня развития производственных отношений и производительных сил, критерии смены рабовладельческого строя феодальным, а также пути перехода от рабовладельческого к феодальному строю в Китае. Толчком для дискуссии стала публикация Го Бао-цзюня в марте 1950 г. в газете «Гуанмин жибао», обсуждавшая проблему чжоуских сопогребений, открытых недалеко от Аньяна в пров. Хэнань. Го Мо-жо незамедлительно откликнулся статьей, в которой на основании фактов, изложенных Го Бао-цзюнем, делалось заключение, что эпохи Инь и Чжоу должны быть отнесены к рабовладельческому строю. Последовавшая затем дискуссия показала единство мнений о рабовладельческом характере иньского общества. Относительно оценки общества Западного Чжоу оставались существенные расхождения сторонников двух научных направлений — «учения о феодализме в период Чжань-го» и «учения о феодализме Западного Чжоу». Первая точка зрения была систематически изложена в работе Го Мо-жо «Эпоха рабовладельческого строя» (1952), где 475 г. до н.э. определялся как хронологическая граница между рабовладельческим и феодальным строем. Главным представителем второго направления был Фань Вэнь-лань. В 1955 г. был издан первый том его переработанной «Общей истории Китая». Затем обсуждение переключилось на оценку сущности китайского общества периода V в. до н.э. — III в. н.э. Тогда оформилось и третье направление, сторонники которого связывали начало феодализма в Китае с крушением империи Хань («учение о феодализме

в Вэй и Цзинь»). В 1954 г. вышли «Очерки истории Китая» под редакцией главного представителя этого направления Шан Юэ (переведены у нас в стране). Кроме того, высказывались мнения о начале феодализма в период Чунь-цю, во время создания Циньской империи, в периоды Западной Хань и Восточной Хань.

В 1959 г. Го Мо-жо опубликовал работу «О двух вопросах исследований древнекитайской истории», которая способствовала новому оживлению дискуссии. Повышению уровня научного спора на том этапе послужило более широкое привлечение археологических материалов и результатов исследований системы землевладения. Однако отсутствие общих критериев, разнохарактерность привлекавшихся метериалов и различные трактовки теоретических положений марксистской теории не позволили прийти к единому мнению о периодизации китайской истории. Для целей преподавания в учебных пособиях была принята периодизация Го Мо-жо. Период V в. до н.э. — II в. н.э. выделяется как ранний период феодализма, II–IX вв. относятся к развитому феодализму, и период IX — середина XIX в. считается поздним феодализмом. В научных публикациях также была широко представлена периодизация с начальным этапом феодализма от Западного Чжоу до Чжань-го. Период развитого феодализма делился на два этапа: III в. до н.э. — V в. и VI–XIV вв., отличавшихся методами феодальной эксплуатации. Как и в первой периодизации, эпоха феодализма заканчивалась «опиумными войнами».

Дискуссия об азиатском способе производства. Сошедшая на нет к 40-м годам дискуссия об азиатском способе производства была продолжена после образования КНР. В 1951 г. Тун Шу-е в журнале «Вэнь ши чжэ» опубликовал статью «Об азиатском способе производства». На нее откликнулись Жи Чжи, У Цзэ, Ван Я-нань, Ян Сян-куй, дав тем самым начало новой дискуссии, которая протекала в тесной связи с обсуждением проблем периодизации древней истории и особенностей древнекитайского общества. Дискуссия имела теоретическую направленность и главным образом касалась содержания понятия азиатского способа производства, а также его соотношения с марксистской пятичленной схемой общественно-экономических формаций, применимости этих теоретических положений к странам Востока и к Китаю. Наиболее представительные трактовки азиатского способа производства состояли в его отождествлении с первобытно-общинной формацией, рабовладельческим строем Древнего Востока, отдельной и особой общественно-экономической формацей (способом производства), а также с феодализмом.

Дискуссия по проблемам феодальной системы землевладения. Дискуссия о формах земельной собственности в феодальном Китае началь в 1956 г. и продолжалась более семи лет. По некоторым подсчетам, уже к 1960 г. по этой теме было опубликовано более 150 статей, некоторые из них затем вошли в обобщающие сборники. Был проведен также ряд крупных научно-теоретических конференций.

Многие вопросы будущей дискуссии были впервые сформулированы в статье Хоу Вай-лу «К вопросу о форме земельной собственности в китайском феодальном обществе», опубликованной в 1954 г. в журнале «Лиши яньцзю». Собственно, обсуждение этой проблемы началось двумя годами позднее, после выхода новой статьи Хоу Вай-лу и статьи Ли Яня «О „феодальной государственной земельной собственности“ в Китае». Хоу Вай-лу, Хэ Чан-цюнь и Хань Го-пань считали, что развитие Китая в период средневековья определяла государственная собственность. Другие ученые, составлявшие большинство участников дискуссии, считали, что ведущая роль принадлежала частной помещичьей форме собственности. Ли Янь склонялся к признанию параллельного существования государственного и частного землевладения. Споры касались форм земельной собственности до середины XVII в., так как преобладание частной земельной собственности в более поздние времена ни у кого сомнений не вызывало.

Наибольшей критике как со стороны оппонентов, так и со стороны своих сторонников подверглась позиция Хоу Вай-лу, который утверждал господство «азиатской земельной собственности императорской семьи», исторически выступавшей под различными названиями, сначала поддерживавшееся военно-феодальными, а позднее экономическими методами. Отмечалось, что он неправомерно отождествлял государственную земельную собственность с «собственностью императорской семьи», что догматически принимал положение К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Лени-

на об отсутствии частной собственности на Востоке, не проводя различия между суверенитетом государства и государственной собственностью, что трактовал понятие частной собственности антиисторически, вкладывая в него содержание капиталистической частной собственности.

Сторонники ведущей роли частного землевладения выдвигали различные аргументы, главным образом выражая сомнение в применимости высказываний классиков марксизма к Китаю и предлагая косвенную интерпретацию сведений исторических источников. Встречалась и чисто политическая аргументация — делались ссылки на высказывания Мао Цзэдуна о преобладании частной собственности аристократии и помещиков и подчеркивалось, что «государственная собственность» затушевывала классовые противоречия в феодальном обществе. Один из сторонников ведущей роли частной собственности, Ху Жу-лэй, считал, что помещики присваивали бóльшую часть прибавочного продукта, и, следовательно, помещичья собственность занимала ведущее место. Государственные меры уравнительного землепользования не давали долговременного эффекта, так как земли очень быстро поступали в продажу или захватывались помещиками, что вновь ставило вопрос об ограничении землевладения.

В ходе обсуждения форм земельной собственности были подняты весьма значимые для истории китайского феодализма вопросы. Вместе с тем недостаточная изученность аграрного строя и китайского крестьянства не позволяли надеяться на получение конкретных результатов. Кроме того, в начале 60-х годов политически более актуальными стали другие дискуссии.

Дискуссия по проблемам крестьянских войн в феодальном обществе Китая. Сущность крестьянских войн, их историческая функция, характер крестьянской власти и классовой идеологии крестьянства, а также соотношение крестьянских войн и религии стали предметом дискуссии 1958–1966 гг. По этой теме в прессе КНР было опубликовано более 2300 статей. Дискуссия была осложнена идеологическим тезисом об исключительной революционности китайского крестьянства и положением Мао Цзэ-дуна о крестьянских войнах как движущей силе развития феодализма в Китае. Соответственно большинство историков утверждали антифеодальную направленость крупномасштабных крестьянских движений. Наиболее последовательно эта точка зрения была выражена Нин Кэ, считавшим крестьянские войны высшим проявлением классовой борьбы в феодальном китайском обществе и, следовательно, имевшим революционный и антифеодальный характер.

Сунь Цзо-минь, Цзянь Бо-цзань и некоторые другие ученые говорили о неспособности крестьянства к радикальному изменению политической и экономической системы феодализма. Эту задачу могла выполнить только буржуазия. Крестьянство же выступало за облегчение феодального гнета против отдельных представителей класса феодалов и бюрократии. Ограниченность крестьянства рамками феодального строя Сунь Цзо-минь прослеживал также в крестьянской идеологии и организации «крестьянской» власти.

Промежуточную позицию занимали в дискуссии Го Мо-жо, Жун Шэн, Хоу Вай-лу и др., считавшие IX–X вв. рубежом, после которого массовые крестьянские движения, выдвигая лозунги уравнительности, приняли антифеодальный характер. Сторонник антифеодального характера крестьянских выступлений Бай Шоу-и предлагал не ограничиваться в рассмотрении борьбы крестьян только восстаниями и войнами. По его мнению, менее заметные, но не менее масштабные формы повседневной борьбы имели значительные исторические последствия для развития феодализма в Китае.

Дискуссия о причинах длительности периода феодализма в Китае. Значительная продолжительность китайского феодализма представляла собой важную научную проблему, которая волновала китайских историков еще в 30-е годы XX в. После японского вторжения в Китай и появления в Японии книг, оправдывающих агрессию Японии стремлением преодолеть «застойность» китайского общества, эта тема приобрела еще и политическое значение. После образования КНР вплоть до 1965 г. в процессе обсуждения историками проблем периодизации древней истории страны, зарождения капитализма, крестьянских войн и азиатского способа производства каждый раз возникал вопрос длительности китайского феодализма. Кроме того, требовал объяснения и тезис Мао Цзэ-дуна, изложенный в работах «Китайская революция и Комму-

нистическая партия Китая» и «О новой демократии», согласно которому феодализм в Китае продолжался «приблизительно три тысячи лет».

В специальных работах Фань Вэнь-ланя, Цзянь Бо-цзаня, У Да-куня, Сюй Сюй-шэна и многих других приводился широкий спектр объяснений длительности китайского феодализма. Темпы и уровень развития феодализма увязывались с особенностями природной среды, последствиями многочисленных вторжений кочевников, высоким уровнем эксплуатации крестьянства, государственными ограничениями развития ремесла и торговли, перетеканием торговых капиталов в земельную собственность и др. Дискуссия была прервана «культурной революцией». Однако важность вопросов феодального строя для истории Китая послужила причиной быстрого возобновления широкой научной полемики по этой теме уже в конце 70-х годов.

Дискуссия о зарождении капитализма в Китае. Проблема зарождения и развития капиталистических производственных отношений внутри китайского феодального общества ставилась еще в 30–40-е годы в статьях Дэн То, Фу И-лина, Люй Чжэнь-юя и Хоу Вай-лу. После образования КНР дискуссия развернулась с новой силой. Поводом для нее послужило обсуждение романа «Сон в красном тереме», в котором якобы нашли отражение «еще незрелые общественные силы», требовавшие исторических преобразований. Наиболее оживленными были споры на первом этапе дискуссии с середины 50-х до середины 60-х годов (позднее дискуссия возобновилась в конце 70-х годов и продолжалась до середины 80-х годов). За десять лет было опубликовано более двухсот работ. В 1957 и 1960 гг. вышли сборники дискуссионных статей.

Содержание понятия «ростки капитализма» не получило четкого определения в ходе обсуждения, что позволило некоторым ученым видеть зарождение капиталистических явлений в экономике и обществе Китая не только средневековья, но и далекой древности вплоть до IV в. до н.э. Однако большинство участников связывало появление зачатков капитализма с развитием мануфактурного производства и товаризацией сельского хозяйства приморских территорий Китая при династиях Мин и Цин (Цзянь Бо-цзань, Ван Чжун-ло и др.). При этом степень развития капиталистических отношений получала прямо противоположные оценки. Например, выражались сомнения, что государственные мануфактуры в ткачестве, добыче природных ископаемых и производстве меди могут быть отнесены к капиталистическому производству (Пэн Цзэ-и и др.). Степень товарности сельского хозяйства, его включенность в рынок, развитие наемного труда в деревне невысоко оценивались некоторыми учеными (Ли Вэнь-чжи и др.), хотя другие именно на этом строили свои доказательства перехода к капитализму в сельском хозяйстве (Лю Юн-чэн и др.). Гу Чжунь и некоторые другие ученые считали, что до XIX в. вообще не приходится говорить о капитализме в Китае.

** *Ефимов Г.В.* Изучение новой истории Китая в Китайской Народной Республике // Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая. Ч. 3. Л., 1972, с. 96–120; *он же.* Изучение новой истории Китая в 1919–1949 гг. в Китае // Там же, с. 81–95; Историческая наука в КНР. М., 1971; 2-е изд., перераб. и доп., 1981; Общественные науки в КНР. М., 1986; *Бокщанин А.А.* Современные историки КНР о проблемах феодализма в Китае. М., 1998; *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1975; *он же.* Гипотезы и историческая реальность: К вопросу об азиатском способе производства // ПДВ. 1972, № 3, с. 113–122; *он же.* К. Маркс и Ф. Энгельс об азиатском способе производства // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971, с. 3–44; *он же.* К обсуждению проблемы докапиталистических обществ Востока в советской исторической литературе // Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971, с. 117–130; Чжунго лишисюэ сышинянь, 1949–1989 (40 лет исторической науки Китая, 1949–1989). Пекин, 1989; *Dirlik A.* Revolution and History: Origin of Marxist Historiography in China, 1919–1937. Berk., 1978; *Schneider L.* Ku Chieh-kang and China's New History. Berk., 1971; *Qu Lindong.* Historical Studies in China: The Legacy of the Twentieth Century and Prospects for the Twenty First Century // Chinese Studies in History. 2005, vol. 38, № 3–4, p. 88–113; *Wang Fansen.* Fu Ssunien: A Life in Chinese History and Politics. N.Y., 2000; *Wang Q.E.* Inventing China Through History: The May Fourth Approach to Historiography. Albany, 2001.

В.М. Майоров

Историография КНР второй половины XX в. Возникновение КНР в 1949 г. обеспечило дальнейшее распространение марксистского материалистического взгляда на историю. Вслед за этим по всей стране поднялась волна изучения теории марксизма. В те годы в ходе движения по изучению марксизма во многих местах был предпринят ряд соответствующих мероприятий. В их рамках основным содержанием первого этапа учебы по большей части была история развития общества — исторический материализм. Такие учебные мероприятия и нормативы были крайне важны для широких кругов историков: они способствовали преобразованию их мировоззрения, а также преобразованию старой системы научных дисциплин. Марксистская историческая наука, руководствующаяся материалистическим взглядом на историю, от в прошлом нелегального статуса, имевшего лишь возможность локального существования учения, перешла к статусу легального, что являлось исторической переменой. Во время всеобъемлющего распространения различных форм материалистического взгляда на историю не только «полностью изменилось представление китайцев об истории»; это способствовало также пониманию людьми своего места в истории. Их мышление поистине пробудилось — это было победой марксистской исторической науки.

В ходе учебы, дискуссий и критики сфера китайской марксистской исторической науки расширилась, а уровень ее повысился. Теперь стало возможным интенсивное распространение работы в этой области — ведь в старом Китае возможности марксистской науки были ограниченны, она могла действовать только окольными путями. В новых исторических условиях марксистская историческая наука получила возможность идти к новым достижениям.

Широкое распространение марксистских взглядов на историю коренным образом изменило понимание людьми самой истории. В то же время оно раскрыло новые перспективы для бурного развития исторической науки на всей территории страны.

Можно сказать, что с 50-х годов важной задачей истории в КНР было теоретическое объяснение истории как науки с точки зрения исторического материализма. Тогда историки немало потрудились над этим. В работе Ху Шэна «Как исследование истории общества становится наукой», опубликованной в 1956 г., дан анализ нескольких разновидностей ошибочных воззрений. В ней говорится: «Марксизм стал применять установки и методы диалектического материализма в исследованиях истории общества, выявил объективные закономерности сложных исторических явлений и согласно этим объективным закономерностям объяснил процесс развития истории общества. Таким образом, это способствовало тому, что исследования социальной истории по-настоящему стали наукой». Историк Шан Юэ в опубликованной в 1953 г. работе «Почему мы должны изучать историю», описывая сходные проблемы, указывал: «Марксистский исторический материализм — это не только ключ к победному исследованию всех эпох, всех обществ, всех событий и людей, но также и самое эффективное, самое острое оружие, ведущее нас к участию в успешной борьбе рабочего класса и преобразованию истории человечества».

Поскольку в исторических исследованиях КНР ведущей теорией стал марксизм, большинство историков постепенно изучали и принимали его. В исследовательской работе они теперь стремились руководствоваться материалистическими представлениями. Старшее поколение историков-марксистов продолжало трудиться, добиваясь новых результатов, пополнялись ряды нового поколения историков-марксистов.

По мере распространения материалистического понимания истории и подъема его уровня в кругах историков разворачивались активные обсуждения и дискуссии по некоторым важным вопросам истории страны, что способствовало значительным успехам в области теории. Более того, это содействовало коренной перемене во всей исторической науке Китая, в результате чего в масштабах страны смог утвердиться руководящий статус марксистской истории. За семнадцать лет до «культурной революции» (с 1949 по 1966 г.) наиболее важными были следующие дискуссии: 1) обсуждение проблем периодизации древней истории Китая, 2) крестьянских войн при феодализме, 3) феодальной системы землевладения, 4) зарождения капитализма в Китае, 5) формирования ханьской национальности, 6) периодизации новой истории Китая, 7) концепции историзма и концепции классов, 8) азиатского способа производства, 9) длительности существования феодализма в Китае, 10) оценки роли личности в истории.

Дискуссии по указанным выше первым пяти проблемам исследователи истории древнего Китая назвали «пятью золотыми цветами».

Кроме этого, было положено начало новым сферам исследования — современной истории Китая, китайской историографии и мировой истории.

Однако параллельно с процессом широкого распространения материалистического понимания истории развивался и догматизм, и с ростом «левых» тенденций в политике, бытовавших во второй половине 50-х годов, и в сфере исторических исследований и связанной с ними работы проявлялось все больше «левизны», черт формализма и упрощенчества. Это нанесло ущерб развитию исторической науки. Наперекор этим обстоятельствам Цзянь Бо-цзань в 1962–1963 гг. опубликовал работы «Несколько вопросов, существующих ныне в исторических исследованиях» и «Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем», подчеркивая: «При исследовании истории мы не только должны изучать общий процесс исторического развития с точки зрения разных исторических периодов, но и изучать процесс исторического развития определенной исторической эпохи с точки зрения каждого исторического периода. Что касается собственно исторического процесса, каждый из последовательно возникающих в истории способов производства или общественный строй являются этапами поступательного развития истории, нельзя сплошь ругать их за то, что они являются эксплуататорскими». Это рассуждение показывает твердую веру китайских историков-марксистов в марксизм и их мужество отстаивать истину.

Благодаря усилиям историков в исторических исследованиях были достигнуты значительные успехи. За 17 лет, прошедших с 1949 по 1966 г., было опубликовано свыше 1000 работ китайских историков. Среди них наиболее авторитетными работами по всеобщей истории можно назвать: «Краткую общую историю Китая» под редакцией Фань Вэнь-ланя (переработанное издание), четыре тома которой выходили с 1953 по 1964 г.; «Обзор истории Китая» под редакцией Го Можо, первое четырехтомное издание которого вышло в 1962 г.; «Очерки истории Китая» под редакцией Цзянь Бо-цзаня; «Краткую общую историю Китая» Люй Чжэнь-юя и т.д.

В области новой истории такими работами были: «Новая история Китая» Фань Вэнь-ланя (первый том) (переведена и издана в Москве в 1955 г.), «Империализм и политика Китая» Ху Шэна, «История новой демократической революции в Китае (наброски)» Ху Хуа, «Лекции по истории современной китайской революции» Хэ Гань-чжи и «Общая история новой демократической революции в Китае» под редакцией Ли Синя. В области истории конкретных периодов и проблем появилась серия работ высокой научной ценности: «Китайский неолит» Инь Да, «Рабовладельческая эпоха» Го Мо-жо, «История Борющихся царств» Ян Куаня, «Очерк истории Цинь и Хань» Хэ Цзы-цюаня, «Сборник по истории Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий» Тан Чан-жу, «История Суй, Тан и Пяти династий» У Фэна, «Очерк истории династии Мин» Ли Гуанби, «Очерк истории Небесного государства тайпинов» Ло Эр-гана (переработанное издание), «История вторжения Америки в Китай» Лю Да-няня (дополненное издание), «История империалистического вторжения в Китай» Дин Мин-наня и др., «История буддизма при Хань, Вэй, двух Цзинь, Северных и Южных династиях» Тан Юн-туна, «Китайская идеология реформ Нового времени» Ху Биня.

В области упорядоченного издания исторических материалов кроме редактирования и расстановки знаков препинания в «Цзы чжи тун цзянь» и «Двадцати четырех династийных историях» вышла серия крупных сборников материалов, среди них наиболее важными были: десять томов «Материалов по истории Мин и Цин», «Справочные материалы по общей истории Китая» (раздел «Древность») в восьми томах; «Собрание материалов по новой истории Китая» в 64 томах и десяти разделах.

Что касается работ по мировой истории, самыми значимыми были: «Всеобщая история» под редакцией Чжоу И-ляна и У Юй-циня и «Избранные материалы по всеобщей истории» (раздел «Древность»); в то же время были достигнуты успехи в изучении древней и средневековой всеобщей истории, новой истории Западной Европы, истории международного коммунистического движения, истории Советского Союза.

За более чем 20 лет, прошедших после «культурной революции», историки КНР, исправляя искажения и фальсификации прошлых лет, вступили в новый период развития исторической науки. В это время были достигнуты существенные результаты: в области общей истории написаны «Основы общей истории Китая» под редакцией Бай Шоу-и, десятитомная «Общая история Китая», три тома «Древней истории Китая» под редакцией Чжу Шао-хоу, «Современная история Китая» коллектива исторического факультета Пекинского педагогического университета и работа Ху Шэна «От опиумных войн к движению 4 мая» (1919). В области истории определенных периодов и проблем написаны «История первобытного общества» Линь Яо-хуа, «Очерк истории Цинь» Ли Цзянь-мина, «Простая история Цин» под редакцией Дай И, «История реформ года у-сюй» (1898) Тан Чжи-цзюня, «История движения 4 мая» Пэн Мина, «Экономическая история феодального общества Китая» Фу Чжу-фу, «Исследование феодальной общественной формации в Китае» Ху Жу-лэя, «История китайского буддизма» Жэнь Цзи-юя.

В области упорядочения справочных материалов следует упомянуть выход разделенной по эпохам работы по исторической географии под редакцией Тань Ци-сяна — «Собрание карт по истории Китая» в восьми томах. Начиная с 1979 г. выходили «Хронология китайской исторической науки», «Библиография исторических книг за восемьдесят лет», «Сборник материалов по исследованию двадцати четырех династийных историй», «Сборник исторической литературы по связям Китая с зарубежьем», «Сборник материалов по исследованию истории Китая», «Вестник археологии», «Материалы по истории Цин», «Сборник архивных материалов династии Цин», «Собрание архивных материалов по истории Китайской Республики», «Сборник материалов по истории Китайской Республики». Влияние их было значительным, а качество довольно высоким. Развивались исследования по всемирной истории. Среди них репрезентативными можно назвать «Основы древней истории мира» под редакцией Линь Чжи-чуня, «Древнюю всемирную историю» Лю Цзя-хэ и «Современную всемирную историю» под редакцией Ци Ши-жуна. Новая историческая наука КНР усилиями ученых на протяжении более чем сорока лет в общих чертах создала марксистскую систему исторической науки, резко отличающуюся от традиционной историографии.

В.М. Майоров

Дискуссия о множественности путей исторического развития. Так называемый вопрос множественности путей развития истории получил свое название относительно концепции единства пути исторического развития. Суть этого вопроса состоит в том, как при рассмотрении проблем закономерностей развития человеческой истории необходимо правильно относиться к проблеме множества форм проявлений пути исторического развития во многих странах. В 1983 г. Дин Вэй-чжи в журнале «Лиши яньцзю» № 3 опубликовал статью «История — это единство в многообразии», где впервые высказал мысль о том, что важнейшая задача исторической науки — исследование сути и закономерностей многообразного содержания истории. Затем историки обсудили проблему единства и многообразия исторического развития, и эта тема стала горячей точкой теоретических исследований в области исторической науки на протяжении середины 80-х годов. Обсуждение в основном развернулось вокруг следующих двух вопросов.

Во-первых, вопрос единства и многообразия путей исторического развития. Пан Чжо-хэн в статье «Единство и многообразие истории и сравнительное исследование истории» пишет, что единство истории в основном означает единство закономерностей, а не единство внешних форм проявления или внешних моделей. А многообразие истории есть формы проявления единых закономерностей. В то же время следует строго разграничивать единство исторических закономерностей и единство моделей, и только в этом случае можно будет хорошо понять связывающие их отношения. Чэнь Ци-тай (статья «Закономерность истории и богатство истории») рассматривает эту проблему, исходя из задач исследования исторических дисциплин. Он полагает, что в задачу научного исторического исследования входит не только объяснение закономерностей исторического процесса, но и объяснение сложности и богатства этого процесса, а также органическое соединение этих двух аспектов. Поэтому, если учитывать только закономерности истории и не учитывать

ее сложность, историк не выполнит свою задачу; нельзя говорить и о научности такой работы. И с точки зрения задач исторического исследования, и с точки зрения метода научного исследования — в любом случае историк не может ограничиваться только исследованием и изложением исторических закономерностей, одновременно он должен исследовать и отражать богатство истории, а также осуществлять единство двух аспектов.

Во-вторых, проблема «пяти способов производства». Одновременно с теоретическими разысканиями по вопросу многообразия путей исторического развития стала оживляться и дискуссия о «пяти способах производства». Непосредственным поводом к ней послужило исследование теории «азиатского способа производства». В конце 70-х — начале 80-х годов историки снова взялись за исследования теории «азиатского способа производства», которые касались того, был ли в конце концов упоминавшийся Марксом «азиатский способ производства» первобытно-общинным строем, рабовладельческим строем на Востоке, смешанной общественной — или же самостоятельной общественной формацией, или еще чем-то; исследования этой проблематики в своем развитии вызвали споры о том, является ли закономерность развития человеческого общества в конечном счете «единой линией» или же «множеством линий», включая исследование проблемы многообразия путей развития истории человечества.

Ма Синь в статье «Об учении Маркса о „четырех способах производства“ и периодизации древней истории» подверг сомнению ставшее традиционным учение о развитии пяти общественных формаций, полагая, что китайские историки неверно истолковали первоначальное значение учения Маркса о «четырех способах производства» и смешали его с концепцией советских ученых о единой линии «пяти периодов» в истории развития человеческого общества. Основная идея учения о «четырех способах производства» Маркса — это обнаружение сетевой системы и логического порядка в эволюции истории человечества. Его цель — исследование исторических истоков капиталистического способа производства, а не определение единой схемы исторического развития общества для всех стран и народов мира. В ходе обсуждения многие ученые высказались о том, что «пять способов производства» — это ставшая догмой или формулой схема; она одновременно с упрощением марксизма навязывала марксистской системе немарксистские элементы, приведя к откату, к идеалистическому пониманию истории. Несколько цивилизационных регионов мира не проходило через рабовладельческий строй — или же рабовладельческий строй не имел там господствующего положения.

Учение о закономерностях развития истории человечества — это главное содержание марксистского исторического материализма, а также узловой вопрос, по которому издавна велась критика марксистского исторического материализма различными направлениями общественной мысли. В ходе обсуждения многие ученые по-прежнему признавали учение о «пяти общественных формациях». Они полагали, что формирование теории «пяти способов производства» воплотило процесс познания реально существующего взаимного соответствия между материалистическим пониманием истории и историей человеческого общества. Этот процесс познания не завершен и доныне, его переоценка нужна, однако огульно отрицать какую-то версию, включая теорию «пяти способов производства», сейчас еще рано, поскольку в данный момент общий уровень развития науки, по-видимому, еще не достиг той степени, когда можно сделать новые выводы по данному вопросу.

Дискуссия стала самым широкомасштабным исследованием историками проблемы многообразия путей исторического развития со времени образования КНР. Эта дискуссия имела большое значение для искоренения некоторых ограниченных представлений, существовавших в теории исторической науки.

В.М. Майоров

Дискуссия о функциях исторической науки. С середины 80-х годов поступь реформ и открытости Китая ускорилась, историческая наука, в отличие от экономической, оказалась на грани кризиса, началось новое осмысление проблемы функций исторической науки, ее общественной и научной ценности. 6 сентября 1985 г. Лю Чжи-цинь в газете «Гуанмин жибао» опубликовал статью «Изменение функций исторической науки», где с точки зрения истории исторической науки проанализировал процесс перехода функций исторической науки: изначально она была оракулом и помощником в делах управления, а впоследствии приобрела педагогические функции.

В декабре 1985 г. редколлегия газеты «Гуанмин жибао» призвала столичных историков провести конференцию по проблеме «Социальные функции и научная ценность исторической науки» и опубликовала некоторые тезисы этой конференции. Затем в кругах историков было проведено обсуждение социальных функций и научной ценности исторической науки. Это обсуждение было тесно связано с обсуждением вопроса «кризиса исторической науки». В основном обсуждения и споры велись по следующим проблемам. Во-первых, по вопросу о социальных функциях исторической науки. Дин Вэй-чжи, Ли Кань, Нин Кэ и др. полагали, что общественная функция исторической науки имеет комплексный характер. Прежде всего, наука истории обладает функциями накопления и передачи культуры, развития мудрости людей; во-вторых, она обладает функцией опыта как зеркала, она способствует глубокому познанию людьми своего прошлого и настоящего, повышает сознательность преобразования общества и практическую его возможность; в-третьих, имеет функцию приобретения знаний закономерностей общества, повышая возможность комплексного урегулирования социального развития и возможность прогнозирования, — это и является самой высокой познавательной функцией исторической науки и суть ее общественной ценности. В-четвертых, она имеет функцию нравственного воспитания, полезна для уяснения истины и лжи, суждения о дурном и хорошем, развития высоких моральных устоев. Чжан Го-ган и др. разделяли социальные функции исторической науки на интеллектуальную, познавательную и функцию знаний. Интеллектуальная функция означает, что историческая наука может воспитывать у человечества способность к историческому мышлению — изысканиям в древности для познания современности. Познавательная функция указывает на важную составную часть всей познавательной способности человечества, ее социальная функция незаметно изменяется. Прежде всего она должна иметь своим посредником современные общественные науки, отражать свои функции в реальной жизни, далее историческая наука только посредством влияния на мысли, чувства и способы поведения людей в современном обществе сможет, превратившись в материальную силу, явить свои социальные функции.

Во-вторых, по вопросу о социальной и научной ценности исторической науки. Цюй Линь-дун, У Тин-цзя и др. полагали, что социальная ценность является проявлением развертывания научной ценности; только если научная ценность производит определенное общественное воздействие, научные функции могут быть полностью развернуты. Чем выше научная ценность, тем точнее выводы, полученные в процессе исследования, тем больше ее социальная ценность. Чем дольше она проходит испытание временем, тем больше становится полученная ценностная результативность. Тянь Цзюй-цзянь же писал, что историческая практика исследований показывает: пригодность исторической науки есть ее основная особенность. Это стало еще более верным после проникновения марксизма в Китай; чем выше становилась научная ценность исторической науки, чем лучше она была соединена с общественной ценностью, тем выше была ее общественная ценность.

Несмотря на довольно большие расхождения по множеству вопросов, было получено немало общих итогов, например: вывод о том, что общественные функции означают общественную роль и общественное воздействие исторической науки; общественные функции — это историческая категория и т.д. Целью исследования является получение выводов, полезных для реальности, полезных для будущего, т.е. ставится вопрос, как в новых обстоятельствах сделать так, чтобы историческая наука приобрела еще большую общественную роль и явила выдающуюся научную ценность.

Таким образом, когда снова возник акцент на общественный смысл исторической науки, это, естественно, вызывало ассоциации с опасностью «подделок под историческую науку» периода «культурной революции». Поэтому предметом дискуссии стало то, каким образом с теоретической точки зрения провести границу между «подделками под историческую науку» и пригодностью исторической науки в реальности. С этой тематики дискуссия переходила также на то, как правильно развертывать общественные функции исторической науки, что привело к постановке вопроса полного объединения ее общественной и научной ценности.

В.М. Майоров

Дискуссия о проникновении методов современного естествознания в общественные науки. В начале 80-х годов Цзинь Гуань-тао и Лю Цинфэн опубликовали работу «Структура феодального общества в истории Китая: сверхстабильная система», где впервые при помощи методов системного подхода и кибернетики исследовали базовую структуру китайского феодального общества и таким же образом изучили причины продолжительности феодализма в стране. В то же время они выдвинули концепцию, согласно которой новейшая идеология и мощные методы современного естествознания предоставили новые инструменты для исследований в области общественных наук. Вслед за этим Цзинь Гуань-тао выступил с докладом «Системный подход и кибернетика могут стать инструментами исторического исследования» (опубликован в «Душу», 1981, № 11). Чэнь Пин опубликовал статьи «Отношения социальной традиции и экономической структуры» и «Закономерности социально-экономической структуры и модели социальной статистики» («Сюэси таньсо», 1981, № 1, 5). Публикация статей вызвала интерес историков КНР, последовали отклики на эти статьи. Многие ученые молодого и среднего поколения все больше стали применять методы современного естествознания при изучении истории. И тогда возникла дискуссия о том, годятся ли для исторических исследований методы современного естествознания. В ходе дискуссии о том, нужно или нет вводить методы естествознания в исторические исследования, сформировались две концепции. Цзинь Гуань-тао, Лю Цин-фэн и др. считали, что существует два резона для ввода методов естествознания: во-первых, для обогащения и развития метода марксистского исторического исследования. Они полагали, что марксистский аналитический метод линейных причинно-следственных отношений, которым по традиции продолжали пользоваться, метод простого линейного сведения целостных и сложных событий к различным причинам при обращении к таким проблемам, как длительность феодализма в Китае, сталкивается с затруднениями, — он не в состоянии динамично описать внутреннюю структуру разнородных факторов и их взаимоотношения. Такому традиционному исследовательскому методу исторической науки недостает способности овладеть целостной картиной, поэтому необходимо его обновить. Ключ к преобразованию метода исторической науки состоит в том, что следует ввести новые инструменты и новые методы для изучения целостных явлений. В современных научных методах и инструментарии, с точки зрения целого исследующих сложные проблемы, в данный момент самыми лучшими являются «три концепции». Хо Чжи-цзян и У Янь-цзя дополнили этот подход, полагая, что особенностью развития современной науки является возможность взаимного проникновения разных дисциплин, комплексное исследование, а в общественных науках — тенденции к обобщению. Новые методы естествознания на Западе давно уже широко используются в общественных науках (включая историческую науку); применение новых методов полезно для синтезации исторических исследований, приведения их данных к возможности количественного измерения и уточнения, а также способствует прогрессу исследовательских методов в исторической науке Китая, т.е. осуществлению исследований при помощи принципов многолинейного поиска, полицентричности, наличия многих позиций, многих аспектов, многоуровневости и многофакторности. Во-вторых, это обогащение и развитие требований исторического материализма. Цзинь Гуань-тао и Лю Цин-фэн полагали, что «три концепции» как репрезентанты достижений современной науки имеют философское и методологическое значение; они будут способствовать обогащению и развитию традиционного марксистского материалистического понимания истории. Они полагали, что поступить таким образом вовсе не значит отбросить основные принципы марксизма и отрицать марксистские методы исследования.

Оппоненты же считали, что «традиционные методы», на отбрасывании которых настаивали Цзинь и Лю, как раз и есть основные методы марксизма, а вновь вводимые методы относятся к категориям буржуазной исторической науки. Поэтому они подвергли острой критике такие «нововведения», называя их «немарксистскими тенденциями». Ряд ученых заняли по этому поводу позицию ожидания: полагая, что эти новые методы имеют значение для расширения кругозора, но в их введении нужна осмотрительность; «три концепции» решительно не могут заменить воздействия исторического материализма на людей, классовую борьбу и анализ случайных факторов. Известный историк Лю Да-нянь подчеркивал, что при введении новых методов в ис-

торические исследования следует быть внимательным, чтобы не прийти к позиции «техноцентризма» и «технического детерминизма», отрицающей «метод классового анализа». «Три концепции» — это применяющиеся в ходе исследования приемы, они не могут быть руководящей идеологией для исследования. Нельзя превращать историю из науки в прикладную концепцию или игру структурами и подменять историческую науку «прикладной наукой».

Данная дискуссия показывает, что среди специалистов КНР появилось новое течение, выступающее за нововведения и преобразование марксистской теории. Это отразило тот факт, что после «раскрепощения сознания» теоретики исторической науки призвали к обогащению и преобразованию марксизма. Если после III пленума ЦК КПК 11-го созыва в первую очередь шла рефлексия над прошлым, над чистками и критикой «левого» уклона, то по ходу дальнейшего углубления и раскрепощения сознания предметом рефлексии стала марксистская научная мысль. Возникли требования обогащения, развития и преобразования марксистской теории и методов исследований при помощи теории и метода исследований, принятых в естествознании и новой западной науке.

В.М. Майоров

Дискуссия о кризисе исторической науки. «Кризис исторической науки» — это тезис, выдвинутый в кругах историков во второй половине 80-х годов. Начиная с первой конференции молодых историков в Тяньцзине в 1986 г., где центральным пунктом обсуждения был кризис исторической науки, по этому вопросу в кругах историков развернулась небывалых масштабов дискуссия. Основными вопросами дискуссии были следующие:

Во-первых, существует ли «кризис исторической науки». Было пять основных оценок, характеризующих современную ситуацию в исторических исследованиях и преподавании исторической науки: первая — это учение о «кризисе», которое утверждало объективное существование «кризиса исторической науки». Например, Лю Цзэ-хуа полагал, что в настоящее время в кругах историков развиты «застывшие» знания, а «прогрессивные» знания слабы, они не могут удовлетворить стремления молодежи и нужды общества. Историческая наука постепенно теряет направление, в ней возник кризис. По мнению Хуан Лю-чжу, этот кризис проявляется в том, что по сравнению с общественными науками и другими дисциплинами — например экономикой или юриспруденцией — развитие исторической науки замедленно. Общество охладело к исторической науке. Среди историков сильны упадочнические настроения, им недостает живости.

Вторая оценка — это учение о «переломном пункте», в котором акцентировалось, что сейчас происходит сознательное переосмысление истории, это переломный пункт, а не кризис. Например, Цюй Линь-дун, Чжан Кай-юань и Ван Хэ полагали, что в настоящее время действительно существуют трудности: методы исторических исследований устарели, мысль закостенела, историческая наука отдалилась от реальности, и она не интересует молодежь, однако это не кризис. То, что это понимают, ведет к пути преобразований; то, что такой вопрос поставлен, показывает, что историческая наука будет развиваться, — значит, это «переломный пункт исторической науки».

Третья оценка — это учение о «вызове», согласно которому лучше сказать, будто «историческая наука столкнулась с вызовом» времени, чем сказать, что она в кризисе. Проблема участия исторического исследования в современности, его служения современности, предоставления исторических примеров для строительства социалистической модернизации — это вызовы, которые современность ставит перед исторической наукой. Другой вызов — как соответствовать тенденциям к взаимному проникновению естественных и общественных наук.

Четвертая оценка — это учение о «спаде». Согласно ему, в настоящее время отечественные исследования в области исторической науки как раз переживают период спада. Его появление — это рефлексия историков над событиями, обществом и самой исторической наукой.

Пятая оценка — это учение о «подъеме», согласно которому теория исторической науки находится в стадии роста, подрастают молодые ученые, исследуются важные вопросы, расширяет-

ся сфера исследований, существовавшая до этого длительное время ситуация закрытости, закрытых тем, застоя и закостенелости меняется к лучшему. Поэтому в целом сейчас — начало расцвета исторической науки.

Во-вторых, вопрос о проявлениях и истоках кризиса исторической науки. Провозгласив «кризис исторической науки», люди одновременно стали серьезно обдумывать и обсуждать проявления и истоки кризиса.

В одном случае сводили кризис исторической науки к кризису ее теории. Чжао Гуан-сянь полагает, что современный кризис исторической науки в реальности есть кризис модели старой исторической науки, это кризис ставшей догматичной и вульгарной теории. Истоки его возникновения — в абсолютно нерезультативной в отношении понимания и интерпретации китайской истории теоретической модели, представленной историческим формализмом. Кроме того, здесь подействовал и телеологический принцип «применения древности в настоящем», активно задействованный в исторической науке, что способствовало сильному политическому и аксиологическому уклону исторической науки; из-за этого она и попала в трудное положение.

Во втором случае считали, что кризис исторической науки проявился не только в закостенелости и устарелости теоретических концепций исторической науки, но и в упрощении и обеднении ее методов. Пан Пу указывал: «Если смотреть с чисто методологической точки зрения, можно сказать, что школа исторических материалов применяет метод индукции, а школа исторических концепций — дедуктивный метод. При индуктивном методе трудно избежать ситуации, когда „за деревьями не видят леса“; при дедуктивном методе — произвольного выбора предпосылок; в обоих случаях существует потенциальное „кризисное условие“». Поэтому кризис исследований в области исторической науки в действительности представляет собой поражение сциентизма в сфере исторической науки.

В третьем случае полагали, что кризис исторической науки есть кризис ее функций. То, что историки столкнулись с трудностями в преподавании, исследованиях, публикации их результатов и в обретении репутации, в определенной степени является карой за традиционное преувеличение социально-педагогических функций исторической науки. Поэтому «кризис» в конечном итоге является кризисом мобильности исторической науки, находящейся в наших руках, а другие кризисы лишь сопутствуют ему. Нельзя больше преувеличивать роль исторической науки в обществе, она должна быть вовлечена в реальность, должна вмешиваться в нее. Некоторые непосредственно называли кризис исторической науки «кризисом политизированной исторической науки», считая его причиной неизбежную деградацию политизированной исторической науки.

В четвертом случае полагали, что это всесторонний кризис, возникший в переломный для исторической науки момент; это выражается в затвердении структуры исторической науки, унификации ее форм, закостенелости в написании исторических работ, а также в том, что это теперь неходовой товар; в увеличении тем исследований, в обилии комментаторских тенденций и в шаблонности. В общем, длительное время подвергались атаке догматизированное понимание марксизма (включая проблему научного стиля) и социалистическая научная демократия, почему и возник «кризис исторической науки».

В-третьих, как выйти из кризиса? В кругах историков было широко распространено мнение о том, что исследования в области исторической науки, чтобы развиваться дальше, должны подвергнуться всестороннему и целостному преобразованию. Нужно продвигаться от обновления концепций к перемене методов, от регулирования подбора тем к улучшению форм творчества и стиля изложения. Следует развивать интуицию историков, писать достоверную историю, создавать и развивать различные по стилю школы. Следует развивать функции исторической науки, чтобы соответствовать насущным потребностям общества. Линь Гань-цюань, делая обзор истории развития исторической мысли Китая XX в., указал, что перед новой марксистской исторической наукой стоит вновь возникший серьезный вызов со стороны историков среднего и молодого возраста; «Они требуют изменения длительное время существовавших в среде историков догматических привычек и формализованных, упрощенных концепций, стоят за введение системного подхода и исследовательских методов современной науки, пропагандируют уси-

ление горизонтальных связей исторической науки с другими дисциплинами».

Итак, исследование проблемы «кризиса исторической науки», вызванное такими факторами, как социальные изменения, развитие исторической науки, методология исторических концепций, объективно стимулировало познание изменившегося смысла исторической науки. В редакционной статье журнала «Лиши яньцзю» (1986, № 1) говорится, что все исследования «кризиса исторической науки» в основном были исследованиями в области теории и методологии исторической науки, среди них была и критика современного положения и традиций исторической науки в Китае; были мнения и рекомендации в области нынешнего и последующего развития исторической науки. Хотя эти точки зрения еще незрелые и в них, более того, могут быть те или иные ошибки, но они коснулись слабых мест и недочетов, многие годы существовавших в отечественной исторической науке; в них проявился драгоценный дух исследовательской храбрости и стремления к обновлению. Так называемый «кризис исторической науки» в действительности есть происходящий в данный момент поворот исторической науки; в ней зреют перемены и новые формы, она идет к развитию более широких сфер исследования и более высокому научному уровню.

***** *Ло Жун-цюй.* Сяньдайхуа синь лунь (Новая теория модернизации). Пекин, 1993; *он же.* Сяньдайхуа синьлунь сюй бянь (Дополнительный том к книге «Новая теория модернизации»). Пекин, 1997; *Ху Чэн.* 80 няньдай илай чжунго цзиньдайши яньцзю ды чуансинь (Проблема обновления изучения новой истории Китая с 80-х годов XX в.) // Вэньшичжэ. 1998, № 3; *Чжан Хай-пэн.* Гуаньюй цзиньдай ши ды фэньци цзи ци «чэньлунь» юй «шаншэн» чжу вэньти (О периодизации новой истории Китая и проблеме ее развития по «нисходящей» и по «восходящей» линиям) // Цзиньдай ши яньцзю. 1998, № 2; *он же.* И нянь лай ды чжунго цзиньдай ши яньцзю цзуншу (Обзор исследований новой истории Китая за 1997 год) // Цзиньдай ши яньцзю. 1998, № 2; *Юй Хэ-пин.* Чжунго цзиньдай ши яньцзю уши нянь (Пятидесятилетие изучения новой истории Китая) // Вэньшичжэ. 1999, № 6; *У Цзянь-цзе.* Гуаньюй цзиньдай ши яньцзю «синь фаньши» ды жоганьсыкао (Некоторые размышления о «новой парадигме» новой истории Китая) // Чжунго цзиньдай ши (фуинь баокань цзыляо). 2001, № 7; *Дун Чжэнхуа.* Цун лиши фачжань досяньсин дао шисюэ фаньши доянхуа — вэйжао «и юань досянь лунь вэй цзучу ды сяньдайхуа фаньши» ды таолунь (От понятия однолинейности процесса исторического развития до многообразия исторических парадигм: По поводу обсуждения «модернизационной парадигмы, основанной на теории одноосновного многолинейного развития») // Шисюэ юэкань. 2004, № 5; *Хуан Минь-лань.* Дан чжунго лишисюэ ды сюэшу чжуаньсин юй чуансинь — шилунь цзю кэти ды гайцзао юй синь кэти ды цянли (О переменах и новаторстве в современной исторической науке: Опыт пересмотра старых тем и предложение новых) // Шисюэ юэкань. 2005, № 5; *Цай Ли-цян.* Чжунго цзиньдай ши лян да яньцзю фаньши ды цзибэнь нэйхань юй хусян гуаньси (Основное содержание и взаимосвязь двух макропарадигм изучения истории Китая в Новое время) // Цзянси шэхуй кэсюэ. 2006, № 12; *Чжун Юн-пин, Ду Цюн.* Ло Жун-цюй юй «сяньдайхуа фаньши» (Ло Жун-цюй и модернизационная парадигма) // Чжэцзян шэхуй кэсюэ. 2006, № 9.

И.С. Ермаченко

Дискуссия о конфуцианстве. В последние годы в КНР и за ее пределами почти ежегодно проводятся научные конференции по конфуцианской тематике. Часть ученых, участвующих в этих конференциях, считает, что Китаю следует активно возрождать все лучшее, накопленное конфуцианской традицией, и внедрять эти принципы в современную жизнь. Они поддерживают инкорпорацию конфуцианских традиций в современную жизнь страны. У данной группы исследователей наблюдается редкое единодушие в признании значительной роли конфуцианства в современном обществе в таких его основных аспектах, как философское осмысление места человека в мире, проблемы личности, бытия и познания и др.

Темы, поднимаемые на повестку дня группой сторонников привлечения конфуцианских принципов, весьма разнообразны, они включают в себя инкорпорацию *переработанных* (критически)

конфуцианских норм во все сферы жизни китайского государства и общества на современном этапе, и прежде всего в модернизацию и культуру. Задача ученых в этой связи заключается в реинтерпретации и использовании отдельных постулатов конфуцианской культуры во всех сферах общественной жизни страны. То есть, говоря словами одного из участников конференции «Конфуцианство в XXI веке» Лю Вэнь-ина, «ученым следует выяснить возможность реинтерпретации отдельных постулатов конфуцианства и его связи с модернизацией и практикой развития современного общества». Дополняя обозначенную выше мысль, другой участник конференции, Чэнь Чжэн-фу, подчеркивает, что «если связать воедино конфуцианство и развитие современного китайского общества, то конфуцианство будет играть активную роль в процессе модернизации и строительства современной культуры, а также в процессе так называемого „диалога культур" путем „сохранения ценного и отбрасывания ненужного", и тем самым конфуцианство приобретет новую энергию и жизнеспособность».

Рассматривая структуру современной культуры КНР, Цай Фан-лу, участник конференции 1994 г. в КНР, в своем докладе справедливо полагает, что «реформы в экономической сфере неизбежно влекут за собой перемены в области политической системы, культуры, а также ведут к корректировке и изменению образа мышления и идеологии». Автор выделяет ряд составляющих современной китайской культуры: 1) демократический фактор, при котором культура ориентирована прежде всего на отдельную личность, а через нее на благо всего общества; 2) строительство духовной цивилизации, при котором «следует в полной мере наследовать лучшие ценности традиционной культуры, включая те традиции, которые ориентированы на укрепление принципов добродетели, установление высокой морали в обществе»; 3) принцип — брать все самое полезное в конфуцианстве и воплощать в современную жизнь; 4) использование части видоизмененных ценностей западной культуры, например таких как «здоровый национализм».

Цай Фан-лу полагает, что национальный характер китайского народа и китайской культуры «вырос из конфуцианства, где присутствует гуманистическая направленность, принцип жертвования собой во имя народа, патриотизм, принцип «упорно действовать для осуществления высоких целей», «неустанно самоусиливаться», «преклоняться перед высокой принципиальностью», «преодолевать себя во имя общего», «ценить долг и ответственность», «при уважении к принципу сознавать свою сущность», «с помощью рационального познания сдерживать чувственное познание», «придерживаться срединного, проходя перемены», а также «принцип гармонии». Эти принципы, по мнению автора, живы и сегодня. Следует отметить тот факт, что большинство из перечисленных выше принципов получило наибольшее развитие при формировании сунского *ли-сюэ*. Например, принцип «неустанно самоусиливаться» связывался в философии Чжу Си с принципом полного раскрытия человеческой природы через неустанное самосовершенствование и стремление к подавлению всех чувственных желаний; принцип «преодолевай себя во имя общего» у Конфуция был одним из принципов утверждения «общества Да тун». В этом контексте эти принципы приобретают уже совершенно иную окраску.

Цай Фан-лу считает, что для современного общества являются актуальными следующие принципы, коренящиеся в конфуцианстве: почитание долга-справедливости (*и* [*1*]), уважение вышестоящих, моральная самодисциплина, почитание «правил» (*ли син*), принцип «самосознания» (*цзы цзюэ*); эти принципы, по мнению автора, должны противостоять таким явлениям, как «видя выгоду, забыть о долге», «пренебрежение общественным во имя частного», обман; следует избавляться от чрезмерного стремления к материальному благополучию, а также надо исправлять чрезмерное пренебрежение материальными выгодами и подавлять индивидуальную пассивность. Таким образом, по мнению автора, надо установить новые принципы-понятия, которые бы главным образом учитывали конфуцианскую мораль: связанные воедино долг и выгода (*и* [*1*] — *ли* [*3*]), общественное и частное (*гун* [*2*] — *сы* [*1*]), чтобы «поддерживать социальную справедливость, обеспечить гарантированные права и обязанности каждого человека, которые как моральный регулятор будут играть надлежащую роль». В то же время следует «поощрять активность масс и творческий дух каждого человека и при помощи этого стимулировать развитие все-

го общества». Задачу ученых, занимающихся этой проблематикой, Цай Фан-лу видит в укреплении и развитии данных принципов. Автор полагает, что конфуцианство не может быть уничтожено ни на подсознательном психологическом уровне, ни по воле отдельных людей. Он пишет: «Даже если конфуцианство в очередной раз подвергнется критике, оно по-прежнему будет обладать сильным влиянием на общественную жизнь, но такое влияние будет неосознанным, инстинктивным». И действительно, если открыть учебник по литературе для средней школы, ряд старых текстов по изучению *вэньяня* напрямую сопряжен с конфуцианскими идеалами. «Внедрять в средней школе *у цзян сы мэй*, через средства массовой информации активно изучать дух Лэй Фэна — разве это не воплощение в жизнь конфуцианских идеалов?!» — восклицает Цай Фан-лу. Автор эмоционально призывает «называть вещи своими именами»; если этого не делать, то подрастающее поколение не поймет, «что такое национальный характер» и «откуда взялась национальная культура». «Разве самоотверженность, проявленная лучшими людьми нашей нации, — восклицает автор, — была безо всякой мотивации? Разве поступки передовых людей взялись с неба и они не испытали на себе влияние традиций?» Это, по мнению Цай Фан-лу, и создает возможность распространения национальной традиционной этики и морали. Если избегать признания ценностей китайской культуры, это может привести, по его мнению, к «отсталости национальной культуры и низвержению национального характера», а это «весьма нежелательно для прямых и честных «детей и внуков Янь-ди и Хуан-ди», не говоря уже о людях, которым вменено в обязанность возрождать национальную культуру».

Обращая внимание на связь конфуцианских постулатов и принципов современной китайской культуры — таких, как наука, демократия, законотворчество, — другой участник конференции 1994 г. Чжоу Цзи-чжи к конфуцианским принципам, актуальным для проведения модернизации, перечисленным Цай Фан-лу, добавляет содержащиеся в конфуцианстве «гуманитарный дух», «самоусиление», «искренность-доверие», «гармонию», «взаимопомощь», «преданность-снисхождение», гуманизм, «т.е. то, что является частью национальной культуры», указывая на необходимость «связать эти принципы с наукой, демократией, законотворчеством». «Однако, — отмечает он, — нужно избавляться от феодальных факторов, присущих конфуцианству».

Таким образом, говоря о степени актуальности Учения сегодня, перед учеными в первую очередь возникает проблема выделения отдельных постулатов конфуцианства, которые, пройдя соответствующую корректировку, смогут стать факторами, стимулирующими модернизационные процессы в КНР.

Одним из главных носителей такого положительного прогрессивного начала в конфуцианстве, по мнению китайских обществоведов, является прежде всего «гуманитарная направленность конфуцианского учения». Именно этому и посвящена монография Ван Цзюнь-жэня «Гуманитарный дух в конфуцианстве, [его] традиционная сущность и современный смысл». Автор полагает, что в истории Китая конфуцианство — это не только учение, четко регламентирующее все стороны человеческой общественной жизни, но и прежде всего «выразитель национальной идеи китайского народа, в которой принцип гуманности *жэнь* [*2*] (как выражение гуманитарного духа) играет первостепенную роль». Однако конфуцианство, не обладающее, по мнению автора, содержащимися в западной культуре так называемыми «имманентными ограничителями», которые должны быть в обществе, в условиях современной культуры страдает своего рода ограниченностью. Сходной проблематики гуманитарной направленности касается и Лю Цзун-сянь в статье «Конкретные положения о гуманитарном характере в конфуцианской доктрине». Из всего спектра конфуцианской мысли автор прежде всего вычленяет термин *жэнь* [*2*] как непосредственное воплощение конфуцианской «науки о человеке». Он полагает, что актуальность конфуцианства в современности — это «*жэнь* [*2*], которое регулировало не только сообразность в рамках кровнородственных связей, но и являлось регулятором преданных и честных отношений на основе взаимоуважения между всеми членами общества; *жэнь* [*2*] у Конфуция — это регулятор социальных, во многом ритуальных, отношений. Такая система во многом способствовала стабильности в обществе, где каждый человек просто не мог существовать вне ее». Говоря

о приемлемости конфуцианской системы в современности, другой исследователь, Гао Юй-юань из Шаньдуна, полагает, что прежде всего необходимо обратиться к основополагающим принципам современного общества, поэтому на первый план выходят «свободы и нормы» — как основные черты современного общества. Духовная сфера, или система ценностей духовного порядка, не может и не должна вмешиваться в регламентированные системы, поэтому, по словам исследователя, «современному обществу и поныне недостает четкого осознания этой простой истины». Причина этого недопонимания и кроется в недрах старой философской метафизики, поэтому конфуцианство представляет собой не общепринятую систему ценностей, а одно из направлений внутреннего способа постижения мира.

Относительно связи конфуцианства с современной общественной системой Гао Юй-юань полагает, что те ученые, которые пытаются связать клановую структуру общества, долгое время существовавшую в рамках конфуцианства, и современную общественную систему, во многом не правы, так как структура и основа современного и «конфуцианского общества», т.е. того общества, которое существовало по крайней мере в императорском Китае, — различны. Для современного общества гораздо более привлекательными являются моральные нормы и система ценностей, веками насаждавшиеся в рамках всей страны. В конфуцианстве практически везде подчеркивается непрерывная связь между комплексом этических ценностей, которые относятся к так называемой «системе ответственности» не только перед другими, например перед старшими, в семье и т.п., но прежде всего — ответственности перед собой за свою жизнь, и теми поступками, которые совершает индивид в течение этого жизненного пути; это и есть, по словам автора, главное проявление гуманизма в учении Конфуция. Именно это и является связующим звеном между историческим конфуцианством и идеологией будущего. Это будет способствовать формированию социально полезной здоровой идеологии в обществе, насаждению культа знаний и образования, а также поможет утверждению правильной системы ценностей у каждого человека.

Исследователи конфуцианства не смогли обойти вниманием и такой актуальный для Китая вопрос, как достижения традиционной и западной культуры. В многочисленных докладах, посвященных этой проблематике, говорится о том, что следует активно привлекать западную культуру, чтобы она дополняла, а в некоторых случаях и корректировала положения конфуцианской культуры. В этом процессе такие понятия западной культуры, как свобода, равноправие, справедливость, целеустремленность, эффективность, открытость, раскрепощение личности, индивидуальное развитие, пройдя определенную корректировку, смогут, по их мнению, стать важными понятиями современной китайской культуры, если предварительно дополнить их конфуцианским смыслом. В то же время, как полагают некоторые авторы, например Чэнь Ци-тай и Лю Ган-цзи, в этом процессе «следует отбрасывать все консервативное и бесполезное, что содержится в китайской и западной культурах, чтобы в процессе отбрасывания ненужного и вбирания лучшего китайская современная культура непрерывно развивалась».

Большое внимание со стороны ученых уделяется инкорпорации некоторых конфуцианских норм в современную внутриполитическую жизнь государства. Многие считают, что «путь государственного управления, основанный на гуманной и добродетельной политике, — единственно правильный путь управления государством». В данном тезисе можно усмотреть сочетание легистской концепции «управления посредством закона» и конфуцианской концепции «гуманного управления». Следует отметить, что и в древности, и в Новое время шли споры о том, какая модель управления государством наиболее оптимальна: легистская или конфуцианская. Примечательно, что эти споры остаются актуальными вплоть до сегодняшнего дня. Положение о том, что приоритетное внимание уделяется синтезу двух концепций, возможно, является новой, более высокой ступенью в осмыслении степени пригодности традиционных норм духовной культуры и завершает существовавшие ранее дискуссии. Следует отметить, что проблема «гуманного управления» в последнее время занимает умы многих руководителей КНР. Официально провозглашается, что политический курс, основанный на добродетельной политике, является главным при построении социализма с китайской спецификой. По мнению авторов коллективной монографии «Конфуцианство в современном Китае», требования, предъявляемые к гуманному

правительству и нравственному управлению, «заключаются в обеспечении благосостояния и просвещения народа, в разумном и экономном использовании ресурсов и в любви к народу». Это проявляется также в применении принципа «меньше принуждения и менее обременительных налогов», в «выдвижении талантливых и мудрых, отдалении льстецов», «в упоре на воспитание в противовес наказанию». Эти положения уже закреплены в «Программе по строительству гражданской морали». В ней основной акцент сделан на воспитании народа. Тема воспитания народа — одна из самых приоритетных в китайском обществоведении. В связи с углублением реформ и изменением всех сторон жизни общества от успешного формирования «новой модернизированной личности» во многом зависит экономическое благополучие страны, ее процветание. В этой связи этическим принципам, которые веками пропагандировала конфуцианская культура, уделяется все большее внимание со стороны исследователей.

Многие ученые соглашаются с такими принципами, как «в жизни народа образование надо рассматривать в качестве основы» и «в делах правления образование [следует] ставить на первое место». Эти тезисы ученых также находят свое подтверждение в отчетах правительства. Однако что касается воспитания отдельной личности, конфуцианство признает интересы отдельного человека при примате «общих интересов», интересов группы. Поэтому ограничение чувственных желаний и потребностей индивида, подчинение его интересов интересам общества, с одной стороны, по мнению некоторых авторов, «несло на себе отпечаток представлений, связанных с феодальной иерархичностью и организацией различных структур по типу патронимий», а с другой стороны — отразило обычные принципы организации человеческой группы. Поэтому в целом, по мнению авторов, к «духу традиционной морали» следует относиться с позиции «критической преемственности», переосмысливая все лучшее, накопленное конфуцианской этикой, и отбрасывая устаревшее. Касаясь сходной проблематики, а именно проблемы формирования «нового», «модернизированного человека», акцент делается на структуре и отдельных составляющих системы образования. По мнению многих исследователей, необходимо обратить внимание на тезис Дэн Сяо-пина о формировании «новой личности» в условиях модернизации, который в научной литературе кратко называется «новая личность, обладающая четырьмя [качествами]». Этот тезис Дэн Сяо-пина, по мнению исследователей, необходимо связать с некоторыми коррелятивными принципами конфуцианского учения, в этом и будет состоять одно из проявлений национальной специфики, о которой так много упоминал Дэн Сяо-пин. Так, в своей монографии «Традиционная этика и ее современное значение» профессор Цзяо Го-чэн считает, что при воспитании нового «модернизированного человека» следует руководствоваться следующими конфуцианскими принципами: 1. *Чэн* [*1*] (искренность). В моральном воспитании этому принципу отводилась первоочередная роль, направленная на мотивацию всех поступков. С помощью этого принципа личность сможет овладеть искренним «знанием благородного мужа» и противостоять «знанию низкого человека». 2. *Ли* [*2*] (ритуал). Автор приводит цитату из «Ли цзи»: «*Ли* это то, с помощью чего утверждают родственников и знакомых, разрешают, что ненавидеть и чего опасаться, различают, что принять, а что отбросить, проясняют правду и ложь». 3. Как реальное воплощение ритуала: а) *цзин* [*4*] (уважение); здесь приводится цитата из «Мэнцзы»: «Почтительное сердце — начало ритуала». При Хань утвердилось основное значение этого принципа — уважение, поэтому, чтобы следовать ритуалу, необходимо обладать как уважением к себе, так и почтительностью к другим; б) второе непосредственное воплощение *ли* [*2*] — *жан* [*2*] (уступчивость). В «Цзочжуани» сказано: «Уступить слабому — основное в ритуале *ли* [*2*]». Однако многие могут поспорить в этой связи с автором, говоря, что одной из основных составляющих структуры современной рыночной экономики является конкуренция, при которой конфуцианское понятие *жан* отходит на второй план. В этой связи Цзяо Го-чэн говорит, что «для гармоничного развития как общества, так и отдельной личности конкуренция должна вестись честным путем, в пределах допустимых норм, и не должна руководствоваться принципом «цель оправдывает средства»; в) *хэ* [*1*] (гармония) — конкретное воплощение ритуала. Этот принцип необходим прежде всего как для поддержания стабильности в рамках всего общества, так и на обыденном уровне, в процессе сглаживания конфликтов и противоречий во взаимоот-

ношениях между людьми; г) *жэнь* [*2*] — гуманность, в сферу которой входят все перечисленные выше понятия; она представлена одной из конечных целей человеческого бытия, при котором *ли* [*2*] служит инструментом для достижения гуманности. Поэтому, по мнению автора, при воспитании отдельной личности сегодня не следует пренебрегать ценностями конфуцианской морали, которые обогатят современную культуру новым важным смыслом. Конечно, следует дополнить принципы традиционной культуры такими понятиями современного общества, как справедливость, равноправие, достоинство и независимость.

С проблемой воспитания напрямую связана и тема морали. В КНР регулярно выходит большое количество монографий, посвященных данной проблематике. Как считают большинство исследователей, современное образование должно ставить на первый план прежде всего моральный аспект конфуцианского учения, с помощью которого возможно воспитание «модернизированной личности» и урегулирование социальных конфликтов в обществе.

Один из важных аспектов реформы — проблема кадров (*ганьбу*), в современном китайском обществоведении именно эта проблематика вышла на одно из центральных мест. Особенно широко эта проблема обсуждается в прессе. В этой связи обсуждение, которое касается того, какими этическими качествами должен обладать образцовый *ганьбу*, занимает ведущее место. При этом за образец при формировании морально-нравственного облика современного кадрового работника берется конфуцианский идеал *цзюнь цзы*.

В печати был опубликован ряд статей, основным содержанием которых являлся вопрос, какими качествами должен обладать «образцовый *ганьбу*» или «*ганьбу* нового типа». В некоторых из них прямо говорится, что *ганьбу* во многом должен брать пример с *цзюнь цзы*. В этой связи наиболее репрезентативной является статья, опубликованная в «Гуанмин жибао» под названием «Как поступать, будучи *ганьбу*?», наиболее полно отразившая инкорпорацию традиционных конфуцианских постулатов в современную политическую жизнь. Автор статьи Лю Цзянь-синь (который тоже является *ганьбу*) апеллирует к конфуцианству, говоря об «идеальном *ганьбу*», который если не во всем, то в очень большой степени должен «равняться» на конфуцианский идеал *цзюнь цзы*. В статье приводятся изречения Конфуция, относящиеся к образу *цзюнь цзы*, и дается комментарий, созвучный современности. Так, приводится одно из высказываний Конфуция: «Благородный муж, обладающий храбростью, но лишенный справедливости, творит смуту». Далее отмечается, что «современный *ганьбу*, подобно *цзюнь цзы*, должен совмещать долг с ритуалом», в данном случае «воплощающем в себе принцип уместности, умеренности, соответствия». *Ганьбу* (как и *цзюнь цзы* у Конфуция) «должен быть свободен от какой бы то ни было предвзятости». Он не должен «связывать себя благодарностями в виде денежных вознаграждений» (т.е. взяток. — *А.А.*), кроме того, «он не должен опускаться до того, чтобы быть несправедливым к другим, стремясь решить проблемы своих друзей, родственников и знакомых». Интересы «маленького человека» (в контексте данной статьи *сяожэнь* служит синонимом не «низкого», «низменного», а простого, не обремененного властью рядового члена общества) и интересы *ганьбу* должны совпадать, если *ганьбу* и *сяожэнь* руководствуются одними и теми же «благородными принципами, отвечающими конфуцианским *дао* и *дэ*». *Ганьбу*, подобно *цзюнь цзы*, «должен в работе, опираясь на главное — преданность и искренность, обращаться к справедливости». Но вместе с тем автор статьи, полемизируя с Конфуцием, считавшим, что *дэ* — то, что дается человеку от рождения («Небо родило *дэ* во мне»), полагает, что современный *цзюнь цзы* — *ганьбу* должен культивировать «*дэ* в себе» и, руководствуясь *дэ*, «приводить в порядок с помощью ритуала текущие дела». Автор призывает современных кадровых работников быть умеренными в расходах (особенно за государственный счет), цитируя Конфуция о том, что «поиск идеала» не приводит к расточительности, ибо в ритуале «лучше быть умеренным, чем расточительным». *Ганьбу* на современном этапе развития страны должен «уметь увлекать людей», «обладать скромностью, сдержанностью», «добиваться успеха в своем деле», «руководствоваться справедливостью в делах», «обладать гуманностью», «совершенствовать свои познания».

Приведенные выше суждения служат примером того, что для формирования этических качеств кадрового работника следует во многом опираться на те положительные качества, которые слу-

жили эталоном поведения для чиновника в императорском Китае. Представляется, что приведенное выше мнение в большой мере нашло отражение в конкретных шагах КПК в области реформы кадровой системы.

Говоря об использовании конфуцианских принципов в политической практике, некоторые обществоведы КНР даже выдвинули тезис о гармоничном слиянии конфуцианства и марксизма как взаимодополняющих идеологических систем. Такие ученые, как Чэнь Ци-чжи и Чжао Цзун-чжэн, полагают, что слияние конфуцианства и марксизма отнюдь не является чем-то новым. Это слияние уже было осуществлено в процессе «китаизации марксизма». Сопоставляя конфуцианство с марксизмом, эта группа ученых приходит к выводу, что в марксизме и конфуцианстве содержится много общего, например «идея [общества] Великого благоденствия», «приоритет коллективного над эгоистическим», коллективизм, дух самопожертвования и т.д. «Именно поэтому, — заключают эти ученые, — конфуцианский образ поведения стал чертой национального характера китайцев», в котором большую роль играют такие принципы, как «преодолевай себя во имя общего», «помогай бескорыстно», — и это все, по их мнению, и называется коммунистическим духом, где примером служат последователи Лэй Фэна. Таким образом, марксизм, по мнению определенной части ученых, в своем развитии должен вобрать в себя лучшие стороны традиционной китайской мысли, что будет способствовать расцвету национальной культуры.

***** *Ван Су.* Жуцзя юй сяньдайхуа (Конфуцианство и модернизация). Пекин, 1996; *Ван Юн-сян*, *Пань Чжи-фэн.* Жусюэ юй Чжунго ды сяньдайхуа (Конфуцианство и модернизация Китая). Пекин, 1996; *Вань Цин.* Тань жусюэ цзай эршии шицзи ды дивэй хэ инсян (О месте и влиянии конфуцианства в XXI веке). Пекин, 1996; Гунминь даодэ лунь (О гражданской морали) / Гл. ред. Цзяо Го-чэн. Пекин, 2004. ****** *Аллаберт А.В.* Место конфуцианства в модернизации Китая: (конец XX — нач. XXI в.): Автореф. канд. дис. СПб., 2003.

А.В. Аллаберт

Дискуссия о практике — критерии истины. Дискуссия о практике как единственном критерии истины официально началась 11 мая 1976 г. статьей «Практика как единственный критерий истины» в «Гуанмин жибао», в подготовке которой участвовали Дэн Сяо-пин и Ху Яо-бан. Это была альтернатива выдвинутому Хуа Го-фэном курсу «двух абсолютов». Дискуссия вскоре переросла в массовую идейно-политическую кампанию, в ходе которой Дэн Сяо-пин сумел расширить круг своих сторонников и укрепить личный авторитет, заметно потеснив Хуа Го-фэна.

На XV съезде КПК Цзян Цзэ-минь отметил, что «принцип „Практика — критерий истины“ является ядром марксизма-ленинизма, это главный дух идей Мао Цзэ-дуна и основное в теории Дэн Сяо-пина».

Следует отметить, что принцип «Практика — критерий истины», который в дальнейшем присутствовал во многих партийных документах, пришел из старой культуры. Принято считать, что курс «Практика — критерий истины» и сходный с ним — «Во всем отталкиваться от практики» впервые выдвинул Мао Цзэ-дун, и он занял центральное место в его воззрениях. Однако данный принцип возник еще задолго до образования КНР. Впервые упоминание о *ши ши цю ши* встречается у Бань Гу в «Истории [династии] Хань», в биографии Лю Дэ, прозванного «Господином, которому пожаловали земли в Междуречье». Характеризуя Лю Дэ как личность, Бань Гу говорит: «Лю Дэ совершенствовался в учении, любил древность, исходил из реальных дел». При Западной Хань известный знаток древних текстов Чжэн Сюань (127–200) активно использовал данный принцип в дискуссиях об истинных и ложных канонах. Позже, при Тан, был сделан комментарий, который пояснял сущность данного принципа, однако и несколько менял его первоначальное значение. Танский ученый-книжник Янь Ши-гу (581–645) пояснял, что данная характеристика Лю Дэ означает следующее: «В службе следует [опираться] на реальные дела, и в каждом деле [следует] искать истинное [положение вещей]», а в комментарии к данному разъяснению было сказано: «Сейчас в книгах, которые получили широкое хождение, сказано: „[В делах] искать старших и считать правильными [мнения] старших“». Таким образом, начи-

ная с династии Тан главным критерием истинности службы считались не реальные дела, а опора на старшее поколение. В период Сун, когда главным принципом в философии стало «проникать в суть явлений, исчерпывать *ли* [*1*]», значение *ши* [*2*] (истина) было заменено на *ли* («сообразный порядок всего сущего»): «Только *ли* утверждает, истинно или ложно [явление]»; «*ши* — это и есть *ли* [*1*]». При Цин установился синкретизм в трактовках данного принципа. «Школа ханьских учений» не принимала трактовку, данную при Тан и Сун, поэтому в тот период *ши ши цю ши* трактовали по-разному. Например, известный цинский мыслитель Дай Чжэнь (1723–1777) считал, что истинность или ложность явления устанавливает «сердце-сознание». Философ Жуань Юань (1764–1849) отдавал предпочтение первоначальному смыслу данного суждения.

В Новое время принцип *ши ши цю ши* также был объектом пристального внимания. Так, публицист, один из первых пропагандистов идей анархизма в Китае — Лю Ши-пэй (1884–1920) говорил, что «выверять действительность — это и есть *ши ши цю ши*», а видный общественный деятель, педагог Чжан Тай-янь (1869–1936) в 1901 г. выдвинул тезис о том, что *ши ши цю ши* прежде всего означает принцип «нет доказательств — не доверяй». Этот принцип получил дальнейшее развитие, им стали активно пользоваться, доказывая свою политическую платформу, например Цзэн Го-фань (1811–1872), который принял принцип «практика — критерий истины» в качестве основного в управлении. Несколько позже в дискуссиях о китайской и западной культуре этот принцип стал трактоваться некоторыми их участниками как относящийся к «западному учению».

Мао Цзэ-дун впервые обратился к идее *ши ши цю ши* в 1938 г. на VI расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва в докладе «Место КПК в национальной войне». В нем он указывал: «КПК должна быть примером [реализации] духа „практика — критерий истины“, должна быть примером дальновидности. Так как только с помощью [принципа] „практика — [единственный] критерий истины“ можно завершить намеченные задачи; только с помощью дальновидного курса возможно не сбиться с пути».

С приходом Дэн Сяо-пина курс *ши ши цю ши* вновь наполнился новым смыслом. Примерно с конца 1978 г. этот курс начинает связываться с принципом «раскрепощения сознания» и курсом на «четыре модернизации». Дэн Сяо-пин отмечал: «Практика — [единственный] критерий истины — основа мирового пролетариата, идейная база марксизма. Все те победы, которых мы добились в ходе революции, все благодаря принципу „практика — критерий истины“; сейчас, когда мы осуществляем четыре модернизации, мы также опираемся на этот принцип». Объясняя новый курс «Раскрепощения сознания», Дэн, в частности, говорил: «Что называется раскрепощением сознания? Мы говорим о раскрепощении сознания и имеем в виду те оковы субъективного мышления и влияние привычного мышления, которые надо преодолеть под руководством марксизма, надо понять новую ситуацию, разрешать новые проблемы... Раскрепощение сознания — это соединение идеологии и практики, совокупность субъективного и объективного, то есть *ши ши цю ши*». Интересно, что с обращением Дэна к принципу «практика — критерий истины» этот тезис стал активно использоваться, прочно вошел в китайскую политическую лексику и практику. Например, в исторической науке с помощью принципа *ши ши цю ши* оценивали историческое наследие Мао Цзэ-дуна; на государственных предприятиях этот принцип использовался для объяснения необходимости внедрения акционерной системы и т.д. Но прежде всего принцип *ши ши цю ши* стал связываться с утверждением концепции «социализма с китайской спецификой», «реформами и открытостью» и «четырьмя модернизациями». В своих многочисленных выступлениях Дэн Сяо-пин стремился показать, что оформление нового курса «социализма с китайской спецификой» не идет вразрез с уже достигнутыми теоретическими построениями марксизма, практикой китайской революции, идеями Мао Цзэ-дуна. Но его наполняют и кардинально новым содержанием: были провозглашены два принципа — «идти своей дорогой» и «во всем следует исходить из [реальной] ситуации в стране». С первым из перечисленных аспектов связывался поворот страны к принципам рыночной экономики, что «не должно противоречить логике социализма», со вторым — необходимость проведения курса «реформ и открытости». В статье «Раскрепощение сознания, самостоятельное мышление» Дэн указывал:

«Основной пафос III пленума 11-го созыва заключается в раскрепощении сознания, самостоятельном мышлении, [следует] отталкиваться от реальной практики для формирования соответствующего курса. Поскольку непосредственно о строительстве социализма [именно] в Китае ни у Маркса, ни у Ленина ничего не сказано, у каждой страны своя конкретная ситуация, опыт тоже разный, поэтому необходимо проявить самостоятельное мышление. И так обстоит [дело] не только в экономике, но и в политике... Нам следует крепко ухватиться за нашу реальную обстановку. Все, что есть у других, мы можем изучать, но только лишь принять к сведению. Невозможно, чтобы все мировые проблемы решались по одному общему сценарию. У Китая есть свой способ решения проблем, у Мозамбика — свой». Следовательно, старая идея *ши ши цю ши* стала трактоваться как отход от некоторых положений марксизма, переход к реформам и открытости.

Несколько позже курс «практика — критерий истины» стал применяться и на международной арене и был связан с конечным оформлением курса «одно государство — две системы». Характерно, что до сих пор главный теоретический печатный орган КПК носит название «Цю ши».

Таким образом, достаточно старое конфуцианское определение на протяжении всей истории Китая играло и продолжает играть заметную роль в политической культуре страны. За свою долгую историю тезис *ши ши цю ши* основательно изменил свою суть. Однако главное остается неизменным: этот тезис и поныне связывается с национальной культурной традицией, вследствие чего не может устареть.

В настоящее время он все больше связывается с преодолением коррупции и злоупотреблений среди руководства и как следствие является гарантом социальной стабильности в стране. На XV съезде КПК Цзян Цзэ-минь отметил: «В условиях вступления в новую эру, столкнувшись с новыми проблемами, которые мы до этого ни разу не встречали... мы должны укреплять базу „раскрепощения сознания“, отталкиваясь от реальной практики повышать сознательность и сплоченность». Таким образом, сегодня курс «отталкиваться от реальной практики» все более начинают связывать с консолидацией китайского общества, улучшением моральных качеств руководителей и всего общества, что обеспечит поступательное развитие, социальную стабильность и будет выступать гарантом успешного развития. Власти КНР ведут себя достаточно логично: идет время — меняется реальная обстановка, меняются лозунги и установки, именно поэтому данный курс постоянно привязывается к новым политическим реалиям, наполняется все новым смыслом; это достаточно гибкая политическая доктрина, способная совмещать как конфуцианское толкование, так и современные взгляды и идеи. На данном этапе развития общества и государства в КНР данная формула связана с решением проблем улучшения партийного руководства — значит, этот вопрос действительно является приоритетным в развитии страны.

***** Дэн Сяо-пин вэньсюань (Избр. произведения Дэн Сяо-пина). Т. 2. Пекин. 1994; *Ван Син-го.* Шиши цюши лунь (Теория «Практика — критерий истины»). Чанша, 1998; *Ван Чжэн-го.* Сысян цзефан лунь (Теория «Раскрепощения сознания»). Чанша, 1998.
****** *Усов В.Н.* Борьба в Пекине вокруг подготовки и публикации статьи «Практика — единственный критерий истины» (май–декабрь 1978 г.) // VIII Всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М., 2002, с. 108–119. (ИМ. Сер. Г.; Вып. 9/10); *Усов В.Н.* История КНР: Учебник: В 2 т. М., 2006.

А.В. Аллаберт

Дискуссия о марксизме. Марксизм с китайской спецификой. Развитие общественно-политической мысли после 1978 г. определялось взаимодействием двух тенденций: стремлением реконструировать теоретическую систему марксизма и разочарованием в существующей концепции социалистического строительства, постепенно вытеснявшейся радикальной экономической реформой. Результаты последней, существенно отличаясь от прежних представлений, вновь привлекли внимание к отношениям между идейно-теоретической доктриной и политическим курсом КПК. Не сумев сохранить идеологическую чистоту, компартия была вынуждена возложить деликатную задачу по обоснованию своих социально-экономических новаций на обществен-

ные науки, вновь вовлеченные в социально-политический процесс в качестве самостоятельного агента.

Углубление экономических экспериментов постоянно увеличивало многообразие их описания, особенно за счет использования западных теоретических конструкций. Разрешив их изучение, руководство КПК рассчитывало применить полученные результаты для решения стоящих перед страной задач, однако не учло всех последствий этого шага. Социально-экономический прагматизм, свойственный политикам и хозяйственникам, не распространялся на гуманитариев, профессиональная деятельность которых строилась на других, более сложных принципах. Снятие после периода острой идеологической борьбы ограничений на пользование зарубежными источниками привело к усвоению западных моделей и методологических подходов, а вместе с ними мировоззренческих установок и ценностей, способствовавших зарождению «буржуазной либерализации». Практика экономических реформ, расходившаяся с классической марксистской теорией, а также западные экономические концепции, ее объяснявшие, бросили вызов марксизму, особенно чувствительно относившемуся к результатам экономической мысли. Сразу после XII съезда КПК президент АОН КНР Ху Цяо-му заявил, что «основной задачей в области философии и общественных наук является исследование и решение важных теоретических и практических вопросов, выдвигаемых в ходе осуществления социалистической модернизации».

Критика справа была не единственной причиной усилившегося внимания к теории. С конца 1970-х годов инициативы руководителей КНР в силу внутренних законов развития компартии, требовавших постоянного подтверждения идеологической легитимности, стали нуждаться в строгой научной экспертизе, на роль которой мог претендовать только марксизм. Первые подходы к решению этой проблемы были высказаны уже в рамках дискуссии о «практике как критерии истины» и дискуссии о гуманизме, но не привели к формулированию принципов и определений, «не проникли в сущность вопроса», указав лишь недостатки прежних концепций, но не выделив причины этих недостатков.

Первым о необходимости всестороннего развития марксизма заявил Дэн Сяо-пин, пообещав не позволить ему остановиться на уровне отдельных выводов, сделанных десятки или сотню с лишним лет назад. Но в 1979 г. эта инициатива, явно ориентированная на обоснование нового политического курса, намного опережала время и не могла привести к серьезным теоретическим результатам. Выступая на собрании, посвященном 100-летию со дня смерти К. Маркса (март 1983), Ху Яо-бан вновь привлек внимание к необходимости развития марксистской теории, подчеркнув, что вся ее история — это «история непрерывного преодоления различных ошибочных уклонов внутри марксистского движения и, стало быть, история его непрерывного развития». Но и этот призыв не получил достойного отклика в научном сообществе, для значительной части которого марксизм оставался прежде всего символом профессиональной принадлежности и идеологической безупречности, а не объектом критического анализа. Попытки расширить рамки официального марксизма предпринимались, но не выходили за пределы приспособления марксизма к практике четырех модернизаций. До постановления III пленума 12-го созыва (октябрь 1984) по экономической реформе, признавшего товарный характер производства при социализме, не было окончательной ясности, насколько далеко готова идти КПК в пересмотре идейно-теоретических основ, и, только получив практическое подтверждение ее решимости не останавливаться на полпути, последние препятствия для общественной мысли были сняты. На Всекитайской конференции КПК (сентябрь 1985) Дэн Сяо-пин, в очередной раз призвав усилить изучение основных положений марксизма-ленинизма с целью понять, «что же такое социализм», фактически положил начало самой крупной в истории КНР научной дискуссии.

С середины 1985 г. стали появляться публикации, в которых указывалось, что со времени смерти К. Маркса в обществе произошли глубокие изменения, вызванные научно-технической и социалистической революциями, начался переход от индустриального общества к информационному, и «некоторые выводы Маркса были отброшены новой практикой», в их числе вывод о зрелости внутренних противоречий капитализма и победе социализма. Из этого следовало, что реальный социализм, не являясь продуктом полного развития капитализма, имеет собственные

законы, отличающиеся от представлений К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако на протяжении длительного периода времени «перегибы» в практике социалистического строительства и догматическое отношение к марксизму превратили его «в оковы, связывающие мысль», не позволяя выделить и зафиксировать новые закономерности общественного развития. Особую роль в этом процессе сыграла интровертность традиционного китайского мышления. В результате «диалектика закончилась на марксизме, создав новую закрытую систему», допускавшую лишь комментирование классических текстов. Для преодоления этих недостатков китайские ученые призывали погрузить марксизм в атмосферу новой эпохи, «сделать новые тенденции развития человечества основой новых теоретических обобщений», а «не доказывать, что говорил Маркс, а чего — не говорил». Одной из важнейших задач для достижения этой цели провозглашалось превращение учения Маркса «из закрытого канона в открытое руководство», восприятие лучших достижений человеческой культуры, «прорыв ограниченности прежних трех составных частей, трех источников марксизма». Революционный характер этого призыва станет ясен, если вспомнить, что еще в 1982 г. ставилась задача овладения тремя составными частями марксизма, а всего три года спустя их ограниченность уже ставилась под сомнение.

Восстановление открытого характера марксистской теории началось с восполнения пробелов в изучении истории ее возникновения. С начала 1980-х годов были осуществлены перевод и издание собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, В. Ленина, а также работ Н. Бухарина, Г. Плеханова, И. Сталина и др. Критическая переработка основоположниками трех источников (французского утопического социализма, немецкой классической философии и английской политэкономии), а затем отказ от некоторых из положений Ленина, сделавшего вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в одной стране, убеждали ученых КНР в соответствии диалектического отрицания развитию марксизма и доказывали, что развитие марксизма есть преодоление его внутренних противоречий, а не только теоретическая преемственность.

После Октябрьской революции, по мнению китайских обществоведов, процесс творческого развития продолжился уже на практике. Военный коммунизм, скопированный с идей «Капитала», Ленин заменил нэпом. Сталин, вернувшись к модели Маркса, в конце 1940-х — начале 1950-х годов также был вынужден признать социалистическое товарное производство и закон стоимости, выделив в общественной собственности две формы: общенародную и коллективную. Примером такого же отношения к марксизму был назван курс после 1978 г., особенно после принятия постановления ЦК относительно реформы хозяйственной системы (октябрь 1984), «сделавшего прорыв во многих теоретических положениях классиков». Таким образом, практика социалистического строительства предлагала принципиально иную модель развития, в которой политика приобретала очевидные преимущества перед теорией, только впоследствии находящей ей обоснование. Из этого общественной мыслью КНР был сделан вывод, что «период дискуссий о программе социализма на основе книг уже прошел. На сегодняшний день можно рассуждать о социализме только на основе опыта».

Закономерно, что проверка научной состоятельности марксизма началась с определения его соответствия представлениям современной экономической теории и практике, за которой была признана центральная роль, и была наиболее опасной по возможным последствиям, поскольку вскрывшееся несоответствие могло разрушить его основы. Экономисты предлагали развить теорию трудовой стоимости Маркса, определить стоимость услуг, продуктов научно-технического труда и обучения, среднюю прибыль на капитал, углубить исследования теории обнищания пролетариата, тенденций накопления, теории воспроизводства, экономической теории империализма и т.д. Поскольку главной задачей социализма было признано развитие производительных сил, то и экономическую науку предлагалось переориентировать с изучения производственных отношений на повышение экономической эффективности, совершенствование управления и экономической политики, определяющей пути развития экономики в соответствии с объективными законами. При этом актуальный для общественно-политического процесса тезис о национальной специфичности социализма в Китае был изъят из обсуждения. Утвержда-

лось, в частности, что «зрелая политэкономия социализма должна отражать всеобщие законы развития социалистической экономики и не может всегда носить национальные одежды». Из общности законов развития производительных сил при социализме могли следовать и более радикальные выводы, которые не замедлили появиться. Высказывалось, в частности, мнение, что экономические законы являются в основном законами движения производительных сил и общественного воспроизводства и не обладают классовым характером и, значит, применимы и к капиталистической, и к социалистической экономике, поэтому самым главным условием развития марксистской экономической теории является изучение и заимствование достижений западной экономической мысли.

Переориентация на западные идеи и подходы встретила аргументированную критику со стороны идеологов, предостерегавших, что «стремление только к росту экономической эффективности и благосостояния рабочих и служащих приведет к возникновению буржуазного стиля хозяйствования», а у стимулирующего влияния товарной экономики на развитие производительных сил есть и негативные последствия. Звучавшая критика в отношении марксистской экономической теории, на их взгляд, принципиально не изменила характера отношений между теорией и практикой, которые по-прежнему основывались на «применении всеобщей истины марксизма в практике социалистического строительства в Китае». Возникшие противоречия между двумя версиями универсализма — либерального и марксистского — не могли быть решены в рамках экономической теории. Различие между существующим в Китае социалистическим строем и представлениями классиков обществоведы предлагали ликвидировать в результате реформы марксистской философии, которая при развитии производительных сил и росте их влияния на общество была развита «от классической до современной».

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что и в ней накопилась масса нерешенных проблем. Среди них — непротиворечивость понятия материи, которое не может развиваться через собственное противоречие, таким образом, «материалистический взгляд с самого начала не имел формы своего углубления»; потеря противоположностью «материализма и идеализма важного исторического значения»; ограниченность марксистской философии естественно-научным уровнем «механики Ньютона» и необходимость ее углубления с точки зрения квантовой физики, геометрии Лобачевского, методологических подходов современных естественных и общественных наук. Отсутствие у К. Маркса и Ф. Энгельса специального произведения, в котором доказывалась бы внутренняя логика трех законов диалектики, свидетельствовало, по мнению некоторых специалистов, о превосходстве теории систем над марксизмом как универсальной научной методологии. Но даже несмотря на то, что этот пробел марксизма можно было восполнить, обогатив его теорией информации, кибернетикой, системным подходом, математическими методами анализа, узость его методологии для исследования современного мира стала общепризнанной, доказывая его «историческую ограниченность».

Особое внимание в этот период обращалось на отсутствие в марксистской политэкономии личности, являвшейся главным объектом исследования буржуазно-либеральных концепций, что не позволяло дать строгое определение собственности, учесть индивидуальное отношение к труду («чувство хозяина») и другие факторы, важные для формирующейся рыночной экономики.

Среди недостатков марксизма отдельно выделялось влияние утопического социализма, от которого он унаследовал неизменность социального идеала, утратив свойственные Новому времени динамизм и открытость, т.е. постоянный обмен между теорией и практикой. Поэтому, когда жизнь требовала внести изменения в принципы социальной справедливости и задействовать потенциал личности, марксизм оставался на прежних позициях и проигрывал. Причина этого, по мнению обществоведов КНР, заключалась в преувеличении роли классовой борьбы, которая представляла лишь одну из движущих сил развития, в то время как для обществ с неразвитыми классами необходим более глубокий и всесторонний анализ общественных отношений. Эти рассуждения вызвали повышенный интерес к анализу человека, предпринятому Г. Плехановым и западным марксизмом, интегрировавшим в свою систему новейшие направления западной общественной мысли. Этот интерес оказался наиболее разрушительным по последствиям для марксистского универсализма.

Как и большинство других общественных теорий XIX в., марксизм положил в основу своей концепции развитую к тому времени методологию естественных наук, ядро которой составлял жесткий детерминизм. Соединение антропологического материализма Л. Фейербаха и идеалистической диалектики Г. Гегеля создало идеальную методологическую среду для экономического детерминизма, использовавшего наиболее высокие абстракции — «производительные силы», «производственные отношения», «классы» и т.д. Политическая теория социализма, полностью опираясь на его политэкономию, утверждала победу производительных сил (пролетариата) над производственными отношениями. Именно поэтому оперирующая макрокатегориями детерминистская модель смогла стать теоретической основой мобилизационного, телеологического развития. Ее недостатки, связанные с отсутствием в ней индивида, проявились позже, когда она столкнулась с трудностями роста, вызванными ограниченностью марксистских представлений об общественном характере человека, лежавших в основе социалистической (тоталитарной) мобилизационности, что пробудило интерес к психологии и социологии, объяснявшим механизмы активизации индивида в социально-экономических процессах. В период формирования марксизма социальный субъект современного общества (гражданин) только формировался, поэтому описывающие его научные дисциплины — социология и психология еще не были сформированы. Они возникли тогда, когда появилось гражданское общество, в котором человек руководствуется чувством ответственности.

Включение в марксистский контекст из современных западных школ индивида реанимировало интерес к гуманистическим традициям конфуцианской этики, но уже не как к историческому наследию, а как к актуальному прикладному знанию, оказавшему в дальнейшем непосредственное влияние на формируемый социальный идеал.

Заимствовав из западного марксизма основные принципы социальной критики, китайское обществоведение преодолело еще один из сущностных изъянов марксизма, образовавшийся после 1917 г. Перемещение центра революционной активности в Россию усилило влияние российской социал-демократии на западноевропейскую. Однако поражение рабочего движения в Западной Европе в 20-е годы XX в. вновь заставило сосредоточить активность левых партий на теории, положив начало западному марксизму, возродившему интеллектуальные традиции классической теории. Большевизм, доказав свое право называться ведущей школой марксизма и воплотив свои теоретические построения на практике, занял обособленное положение в мировой общественной мысли, что первоначально компенсировалось колоссальным объемом эмпирического материала, ставшего важнейшим источником его развития. Но затем теоретическое осмысление нового опыта оказалось вытеснено на периферию партийной жизни, что сопровождалось усилением конфронтации с западными научными школами, включая марксистские, и, как следствие, нараставшим догматизмом. Ограничив источники информации и исключив из них «враждебные» марксизму взгляды, правящие коммунистические партии не смогли совершить прорыв в теории. Оставшись без научного руководства, практика вновь попала под влияние традиционных социальных утопий и политического волюнтаризма вождей. Преодоление разрыва между теорией и практикой в интересах стабильности поступательного движения стало важнейшей задачей, которая в целом была довольно успешно решена общественной мыслью КНР, дополнившей в этот период свои источники западными теоретическими концепциями и выработанными ими подходами к описанию действительности.

Отношение к практике и ее роль в общественно-политической жизни, послужившие исходной точкой дискуссии, после этого были пересмотрены, открыв новый уровень взаимоотношений. Начиная обсуждение, КПК преследовала утилитарную цель — доказать, что историческая ограниченность марксизма не позволяет ему эффективно противостоять изменяющимся обстоятельствам и конкретным условиям, что сняло бы целый ряд идеологических ограничений с ее деятельности. Это была попытка политики взять верх над теорией и любым внешним авторитетом. Но ей не суждено было реализоваться. Теоретический характер обсуждения и состав участников диктовали свои правила. Устаревшей теории требовалась замена. На право стать новым авторитетом могла претендовать не только конкретная политическая линия или политика, но и другая, альтернативная марксистскому символу теоретическая традиция. В ходе обсуждения

выяснилось, что практика может быть интерпретирована не только в марксистском, но и в антимарксистском ключе. В результате марксистская теория формально (но и символически) сохранила руководящую роль по отношению к политике. А общественная мысль придала начавшемуся процессу их воссоединения новые черты, дополнив доминирующее в начале дискуссии движение от практики к теории импульсами от теории к практике. Признание важнейшим исходным пунктом практики привело к зарождению в КНР новой философской школы, получившей название «практический материализм». Основное противоречие марксистской философии между материализмом и идеализмом, «уже преодоленное марксистским взглядом на практику», было заменено в ней, на взгляд китайских исследователей, противоречием между теорией и практикой. Новый характер взаимоотношений между теорией и практикой и возросшая роль в них практики отразили усиление субъектного характера истории, свойственного западным, постмарксистским школам. В результате обсуждения в отношении практики и ее роли был достигнут компромисс, устраивавший большинство участников широкими возможностями для трактовок.

Проведенный обширный критический анализ марксистской политэкономии и философии давал основание утверждать, что классический марксизм вступил в период упадка. Придать ему новый позитивный импульс можно было, только ответив на вопросы, как развивать марксизм и каковы пределы его развития, т.е. пересмотрев отношения с практикой, заново выделить его характерные черты и сущность. Наиболее острые дискуссии разгорелись о характере развития. Высказывалось мнение, что смена объекта исследования означает устаревание теории (например, открытие атома показало ограниченность механики Ньютона), а практика построения социализма, отличающаяся от представлений Маркса и Энгельса, — ограниченность марксизма, который необходимо развить от этапа свержения старых производственных отношений и освобождения производительных сил к этапу развития производительных сил и совершенствования производственных отношений. Так же как открытие атома и появление квантовой физики не заменили классическую механику, а развили ее до нового уровня.

Для понимания механизма развития было использовано деление на основные (методологические) и отдельные положения, представлявшие собой продукт соединения марксистского метода с конкретными условиями, которые устаревают вслед за изменением объекта исследования. Расчлененность на составные части позволила «отстаивание и развитие» отнести только к основным положениям марксизма, легализовав, таким образом, теоретические новации после 1978 г. Одновременно разделение марксизма на основные и неосновные положения на теоретическом уровне выделило место для китайской традиции в качестве чрезвычайно важного прикладного знания. Следующим этапом могло стать и вскоре действительно стало нахождение основных положений, основ в истории, традициях, общественной мысли Китая. Фактически происходила актуализация в новых исторических условиях одного из лозунгов политики «самоусиления» XIX в.: «Китайская наука — основа, западная — для практического использования».

Изучение внутренних пружин развития помогло определить место разнообразных течений марксистской мысли, возникших в процессе «движения от неразвитого к развитому», — теория прибавочной стоимости характерна только для товарного производства, а учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата применимо только к классовому обществу. В целом ряде публикаций подчеркивалось, что поскольку в различных исторических, культурных, общественно-политических, географических условиях проявляется многообразие развития, а «революция и социалистическое строительство в различных странах имеют различные образцы, то и в теории необходимо признать существование различных школ» и «теорий национальных социализмов». К ним были причислены ленинизм, «еврокоммунизм», идеи Мао Цзэ-дуна, а также «выдвинутый ЦК КПК творческий курс, включающий политику расширения связей с внешним миром, оживление внутри страны, положение „одно государство — два строя“, социалистическую плановую товарную экономику». Плюрализм, необходимый для обоснования самостоятельного пути Китая, неумолимо вел к признанию отдельных положений западных буржуазных концепций. Предлагаемые в соответствии с конкретными условиями способы завоевания пролетариатом политической власти — через постепенное преобразование капитализма или парламент-

ским путем, опирающимся на длительные демократические традиции, — не являлись, по мнению китайских теоретиков, основанием для обвинения в ревизионизме (поскольку их истинность проверяется практикой и дискуссиями), а сосуществование и взаимное обогащение этих школ являются условием развития самого марксизма. (Здесь уместно напомнить, что на совещаниях коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг. КПК отрицала возможность мирного перехода к социализму. Эта точка зрения господствовала до конца 1970-х — начала 1980-х годов.)

Такой откровенно ревизионистский подход встретил мощное сопротивление. Его оппоненты указывали, что нельзя сводить рациональное зерно марксизма только к диалектике, поскольку оно представляет собой единство материализма и диалектики, и предлагали разделить основные положения на метод, называемый «центральным основным положением», и общие основные положения — замена капитализма социализмом, общественная собственность на средства производства при социализме, классовая борьба как движущая сила развития классового общества и др., которые также могут развиваться на основе материалистического и диалектического взглядов. Сторонниками ортодоксальной линии была подвергнута критике установка на «теоретический плюрализм» на том основании, что многообразие форм отражения нельзя рассматривать в качестве основания для «плюрализма истины» и «теоретического плюрализма». По их убеждению, социалистический характер экономики Китая, ведущее место в которой занимает государственная собственность, а несоциалистические уклады незначительны и являются ее дополнением, и соответствующая ему руководящая идеология определяют социалистический характер общественного строя.

Новое отношение к развитию марксизма позволило сформулировать новые критерии социалистического общества и отказаться от «несущественных добавлений» к нему, препятствующих проведению реформ и расширению связей с внешним миром. К последним были причислены монополия общенародной собственности на средства производства на начальных этапах социализма; специфические методы социалистического строительства, например политика военного коммунизма в СССР; придание конкретному опыту социалистического строительства универсального характера, а также ограничивающая сферу действия закона стоимости централизованная плановая экономика. Основной характерной чертой социализма предлагалось считать единство производительных сил и производственных отношений, не только общественную собственность на средства производства, но и в первую очередь общественный характер производительных сил, определяющий социалистические отношения распределения, методы и уровень обобществления. «Общественная собственность и распределение по труду как основные характерные черты социализма должны быть связаны с уровнем развития производительных сил, который является критерием социализма». Вместе с тем сохранились и сторонники прежних критериев: всенародной собственности на средства производства, распределения предметов потребления в соответствии с количеством и качеством труда, государственного директивного плана и др.

Выделение уровня производительных сил в качестве главного критерия социализма возвращало к детерминистской схеме марксизма, требуя учитывать не только соответствие строя представлениям классиков, но и объективным законам, допускавшим распределение не по труду, обогащение первоначально лишь части населения, несоциалистические уклады в экономике, которым соответствуют государство демократической диктатуры народа, социалистическая духовная культура, руководимая марксизмом, и др., отношения которых «с основными характерными чертами — не отношения равных, а отношения подчинения».

Дискуссия о развитии марксизма в 1985–1987 гг., как и дискуссия о практике в конце 70-х годов, оказала существенное влияние на формирование идеологических основ КПК. Если по оценкам конца 70-х — начала 80-х годов значение III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978) заключалось в восстановлении истинного облика марксизма, то основной вывод дискуссии подразумевал возможность переоценки и III пленума, и XII съезда КПК. Деятельность ученых КНР в этот период оказала решающее влияние на последующее развитие страны. На высшем партийном уровне было признано, что «без нового развития марксизма за 9 лет в философии, полит-

экономии, научном социализме мы не смогли бы сегодня добиться таких огромных успехов» — создать концепцию «начального этапа социализма». Главным результатом дискуссии стало восстановление открытого характера и введение в теоретическую систему марксизма новых проблем, объективно разрушавших его монопольное положение как идейно-теоретической доктрины КПК. Несмотря на высокий теоретический уровень, дискуссия носила вполне прикладной характер. Выработав новые методологические подходы, она подготовила теоретическое пространство для выдвижения на XIII съезде КПК концепции «начального этапа социализма», восстановившей более тесное взаимодействие науки и политики.

Основные положения марксистской теории, восстановленные с началом реформ в практической деятельности и пропаганде, наделили КПК необходимой легитимностью для борьбы с влиянием «культурной революции», сыграв ту же общественно-политическую роль, что и для завоевания политической власти в 1940-е годы. Но предпринятая на рубеже 1980-х годов реконструкция марксизма, проходившая уже без определяющего влияния авторитетов, заложила потенциал независимого роста. На следующем этапе компартии важно было доказать, что основным источником развития является практика. Для этого необходимо было нарушить классическую схему, в соответствии с которой социализм выводился теоретически из критического анализа европейского капитализма, и приблизить его к китайской действительности. Подтвердив первичность практики успешными экономическими реформами, КПК восстановила авторитет своего политического руководства. Политический прагматизм, ставший реакцией на господствовавший на протяжении двух предшествовавших десятилетий утопизм, освобождал пространство для более близкого китайским традициям социального идеала, о существовании которого уже успел «вспомнить» Дэн Сяо-пин, введя в политическую лексику понятие *сяокан*. Несмотря на желание сохранить марксизм в качестве символа официальной государственной идеологии, доказавшего успешное использование теории, дискуссия о марксизме все же привела к отказу от целого ряда положений, подвергнув сомнению его универсальность как идейно-теоретической основы развития на фундаментальном, методологическом уровне. Но, главное, подвергнув сомнению марксистский идеал, на достижении которого была построена модель общественного развития КНР, результаты дискуссии подвергли сомнению ценность универсализма как такового. Как западный костюм не изменил китайских лиц, так и понятия «социализм» и «коммунизм» не изменили лица китайской цивилизации. Китай надел фрак потому, что без него не пускали на бал, даваемый Западом, но он всегда готов его сменить, как только бал закончится.

Положив конец монополии марксизма на определение пути социально-экономического развития КНР, дискуссия преодолела разрыв между теорией и практикой. Изменение в ходе обсуждения вектора движения от практики к теории на обратный — от теории к практике — вплотную подвело к признанию плюрализма, заложив методологические основы поиска новой идентичности. Отказавшись от абстракций, социальный идеал получил возможность формироваться не только в результате теоретического отражения практики, но и под влиянием традиционной культуры, приближавшей ее к действительности и способствовавшей очищению от утопических элементов. После периода повышенного внимания к истории западной философии и западному марксизму (1980–1987), системному подходу, социологии и психологии (1986–1989) со второй половины 1980-х годов усилился интерес к китайскому типу мышления, конфуцианской морали (1987–1989) и практическому материализму (1986–1990), а затем к проблемам модернизации и традиционной культуры. Во второй половине 1980-х годов в рамках дискуссии рассматривался вопрос о наполнении марксистских терминов новым, близким китайским реалиям содержанием. Реформа понятий стала важнейшим для идеократической системы элементом воспроизводства, позволив отказаться от марксистских догм, одновременно сохранив его влияние на массовое сознание. Пик дискуссии о реформе представлений пришелся на 1986–1987 гг. и непосредственно предшествовал XIII съезду КПК. От признания необходимости развития марксизма к определению путей его развития, затем к наполнению новым содержанием старых категорий, к переходу к китайскому типу мышления и, наконец, к выработке политического курса — такова была логика общественной мысли.

От культурологов, составивших ядро интеллектуальной оппозиции, интерес к китайской цивилизации, азиатскому способу производства и к пересмотру формационной версии исторического материализма распространился на все научное сообщество. Уже в 1984 г. к китайской культуре стали проявлять повышенный интерес различные сферы обществознания. Ажиотаж был вызван изменениями в жизни общества КНР и потребностью в ее культурологическом измерении. Сохранение марксистского характера общественной мысли и включение в ее теоретический контекст китайской культуры создало условия для синтеза западной и традиционной философии, положив начало собственной школе исторического материализма.

* *Ху Яо-бан*. К 100-летию смерти К. Маркса. Пекин, 1983; *Дэн Сяо-пин*. Избранные произведения. Пекин, 1985; *Тао Да-юн*. Кэсюэ шэхуйчжуи шилюе (Краткий исторический очерк социалистической мысли). Пекин, 1985; *Гао Фан*. Шэхуйсюэ юй кэсюэ шэхуйчжуи: Шэхуйчжуи ды гоцюй, сяньцзай хэ вэйлай (Социология и научный социализм: прошлое, настоящее и будущее социализма). Пекин, 1986; *Ван Жо-шуй*. Макэсычжуи хэ сюэпай вэньти (Марксизм и вопрос о школах) // Синьхуа вэньчжай. 1987, № 11; Синьбянь лиши вэйучжуи (Новая редакция исторического материализма). Шанхай, 1987; *Дэн Сяо-пин*. Основные вопросы современного Китая. М., 1988; *Лю Гогуан*. Чжунго цзинцзи ды бяньдун юй макэсычжуи цзинцзи лилунь ды фачжань (Изменения в экономике Китая и развитие экономической теории марксизма). Нанкин, 1988; *У Сюн*. Чжунго вэньхуа жэ (Дискуссия о культуре в Китае). Шанхай, 1988; *Янь Хуан-ян*. Шицзянь вэйучжуи (Практический материализм). Учан, 1992; *Чжан Юнь-и*. Чжунго вэньхуа юй макэсычжуи (Китайская культура и марксизм). Пекин, 1998; *Хэ Линь*. Уши нянь лайды чжунго чжэсюэ (Китайская философия за 50 лет). Пекин, 2002.
** *Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М., 1998; *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М., 2005.

А.В. Виноградов

Дискуссия о реформах и стратегии развития. Непосредственные истоки успешных преобразований КНР в конце XX в. лежат в периоде 1976–1978 гг., подготовившем политические и интеллектуальные предпосылки для формирования новой модели общественного развития. На этом этапе были выработаны новые критерии развития, а также определены сферы, подлежащие реформированию. В последующие годы начался интенсивный поиск форм сочетания теории и практики, политики и экономики, идеологии и науки, мировых реалий и китайской специфики.

Экономическое развитие, провозглашенное в качестве нового руководящего курса, было неразрывно связано с преодолением последствий «культурной революции» и всеобъемлющей социальной нестабильности, но не могло сразу же стать новой самостоятельной целью, признаваемой всем обществом. Диктуемый обстоятельствами приоритет экономики не мог мирно утвердиться в идеократической системе, поскольку представлял для нее потенциально мощный источник нестабильности. Переориентация на экономический прагматизм, постоянно подвергающий теорию проверке на истинность, могла породить чрезвычайно опасные для идеократического государства конфликты. Такие конфликты, как правило, не возникают при движении в обратном направлении — от практики к теории. Этой закономерностью воспользовался Дэн Сяо-пин, обратившись к марксистскому лозунгу «практика — единственный критерий истины», который стал основой преобразования идеологической доктрины КПК и действовавшего общественного строя.

Новые методологические принципы постепенно стали обрастать деталями, приобретая целостность и завершенность. Со временем возникла необходимость определить отношения с марксизмом, который в начале XX в. наделил КПК социально-политической легитимностью, затем способствовал ее победе в борьбе за власть, но к концу века превратился в препятствие для дальнейшего развития. Следуя избранной КПК исторической логике, марксизм нельзя было отвергнуть — его надо было осовременить и китаизировать. Распознанная диалектика этих процессов стала ключом к успеху модернизации КНР, соединившей сохраняющую национальную иден-

тичность традиционную культуру и динамизм современного экономического развития.

К середине 1970-х годов тяжелое социально-экономическое положение Китая заставило руководство КПК сместить фокус внимания на экономическое строительство. В обществе и руководстве страны зрели тенденции, подготавливавшие процесс демаоизации. Стала набирать силу сугубо прагматичная программа развития. На 4-й сессии ВСНП 4-го созыва (январь 1975) вновь был провозглашен курс на осуществление «четырех модернизаций», прерванный «культурной революцией». Его характерной чертой стали четко сформулированные экономические цели, внешне сохранявшие левацкую амбициозность, но в действительности задающие минимально необходимые ориентиры поступательного социально-экономического развития. В августе–сентябре 1975 г. Дэн Сяо-пин предложил программу «12 пунктов», конкретизировавшую намеченный курс в области сельского хозяйства, промышленности, внешней торговли и научных исследований. Смерть Чжоу Энь-лая (январь 1976) значительно ослабила прагматическое крыло в руководстве КНР, усилив позиции левых.

Предыдущие десятилетия, на практике отвергнув социально-экономические и общественно-политические построения, доказали необходимость смены старой модели развития. Непосредственным толчком для этого послужила смерть Мао Цзэ-дуна (сентябрь 1976), кардинальным образом изменившая политическую ситуацию. Обострилась борьба между сторонниками продолжения «культурной революции», прагматиками и военными. Важнейшей задачей каждой из перечисленных фракций стало укрепление своих позиций. На первом этапе для этого достаточно было, используя авторитет Мао Цзэ-дуна, доказать безосновательность притязаний оппонентов. Для борьбы с левыми радикалами официальный преемник Мао Цзэ-дуна Хуа Го-фэн был вынужден блокироваться с представителями старшего поколения, занимавшими высшие посты в армии, реально контролировавшими ситуацию в стране. После ареста «четверки» в октябре 1976 г. в печати появились первые признаки изменения курса, в том числе высказывания в поддержку развития внешнеэкономических связей с капиталистическими странами и о необходимости сочетания строгого научного подхода с продолжением революции.

Прижизненная канонизация Мао Цзэ-дуна формально давала Хуа Го-фэну одну из высших степеней легитимности в качестве нового лидера. Однако после раскола в руководстве этот статус необходимо было подтвердить. Пост главного редактора 5-го тома «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна» осенью 1976 г. наделял Хуа Го-фэна правом выступать в качестве главного толкователя воли вождя и слиться, таким образом, с его легитимностью. Эксплуатируя это преимущество, в феврале 1977 г. он провозгласил курс «твердо отстаивать абсолютно все решения председателя Мао, неуклонно следовать абсолютно всем указаниям председателя Мао». Оперируя его цитатами, Хуа Го-фэн подверг критике абсолютизацию классовой борьбы, дискредитировав, таким образом, политическую линию «четверки». Однако лозунг «двух абсолютов», укрепляя его политический и государственный статус, одновременно демонстрировал неспособность решить в перспективе главную задачу — предложить и реализовать новые инициативы государственного масштаба. Хуа Го-фэн, ограниченный избранной формой легитимации, мог предложить только санкционированные в свое время Мао Цзэ-дуном программы, не имея для их выполнения ни собственной профессиональной команды, ни возможностей для их существенной корректировки.

Союзники Хуа Го-фэна — министр обороны и заместитель председателя Военного Совета ЦК Е Цзянь-ин и заместитель премьера Госсовета Ли Сянь-нянь, а особенно близкие им Дэн Сяо-пин и Чэнь Юнь — сохранили независимость суждений, обладали опытом руководящей работы и развитым чувством политической ответственности. После смерти Мао Цзэ-дуна «второе поколение» получило наконец шанс конституироваться в самостоятельную политическую силу. Составлявшие его костяк ветераны отчетливо понимали, что в перспективе именно экономическое положение и зависящее от него благосостояние населения будут определять прочность властных позиций и успех реформ. Новое руководство вынуждено было вернуться к выяснению отношений между политикой и экономикой, идеологическими принципами и государственными интересами для того, чтобы преодолеть возникший после «культурной революции» идеологический

кризис и показать неспособность теории классовой борьбы и дальше регулировать общественное развитие.

На совещаниях по распространению опыта Дачжая и Дацина в декабре 1976 г. и в апреле–мае 1977 г. Хуа Го-фэн назвал разгром «четверки» революцией, уничтожившей препятствия для развития производительных сил, и провозгласил новый курс, включавший стратегические установки Мао Цзэ-дуна: новый «большой скачок», модернизацию сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники, а также поставил цель «за несколько десятилетий перегнать в экономическом плане США». Тем не менее признание экономического развития революционной целью и призыв «поместить в одну корзину политику и экономику» предполагали прежние социально-экономические методы. Главным позитивным моментом в опыте Дацинских нефтепромыслов по-прежнему назывался принцип «политика — командная сила».

Формальная победа над оппонентами слева стабилизировала внутриполитическое положение в стране. Однако, уравняв в правах политику и экономику, необходимо было сделать следующий шаг — исправить господствовавшую на протяжении 20 лет эгалитаристскую трактовку социалистического принципа распределения, чтобы население почувствовало позитивные изменения. В отличие от «четверки», пропагандировавшей принцип «от каждого по способностям», а главным условием экономического роста называвшей «коммунистическую сознательность рабочих», важнейшим принципом начавшегося социалистического соревнования провозглашалось распределение по труду. Развернувшаяся накануне XI съезда КПК (август 1977) дискуссия о материальном стимулировании в конечном счете достигла поставленных целей. Во-первых, был реабилитирован социалистический принцип социальной справедливости, обосновывавший исторический выбор социализма. Во-вторых, сам факт его рассмотрения нарушил неприкосновенность фундаментальных положений марксизма — началось обсуждение широкого круга экономических вопросов, в том числе проблемы товарного производства, плана и рынка, материального стимулирования и т.д. Тогда же в партийной печати появились утверждения, что результаты «четырех модернизаций» должны воплотиться в повышение материального и духовного уровня жизни, а в ряде статей — и о необходимости «перенести центр тяжести на экономическое строительство», которое, конечно, «не означает изменения командного места политики».

В этих условиях главной задачей состоявшегося XI съезда КПК было подтверждение легитимности нового руководства. Именно поэтому съезд ушел от принятия принципиальных установок, сохранив основные черты сложившейся социально-экономической политики и зафиксировав политический компромисс, в котором тезис о продолжении революции при диктатуре пролетариата и возможном повторении «культурной революции» сочетался с характеристикой основного противоречия между производственными отношениями и производительными силами, возвращая политический курс КПК в марксистское русло. Осенью 1977 г. были восстановлены денежные расчеты в сельском хозяйстве, увеличены зарплаты в промышленности, что сразу же привело к росту производительности труда и укреплению позиций новой власти.

Не только Хуа Го-фэн, но и его союзники по борьбе с «четверкой» не могли открыто выйти за рамки провозглашенных ранее установок. Прагматичному крылу партии нужен был энергичный и авторитетный лидер, способный сформулировать новую программу государственного строительства. Еще до официального восстановления на постах Дэн Сяо-пин отказался от ключевых положений «культурной революции», заявив, таким образом, о своих претензиях на политическую инициативу и лидерство. Веским основанием для этого был избранный им подход — не следование универсальным указаниям Мао, на которые делал ставку Хуа Го-фэн, а завоевание авторитета эффективными практическими действиями. Дэн Сяо-пин назвал повышение научно-технического уровня и знаний ключом к осуществлению модернизации, а интеллигенцию — частью рабочего класса. «Двум абсолютам» Дэн Сяо-пин противопоставил свое определение идей Мао Цзэ-дуна как «развития марксизма-ленинизма не в отдельных аспектах, а в целом ряде областей», как «систему взглядов», придав им, таким образом, не аксиологический, а методологический характер. Дискуссия о практике как единственном критерии истины, официально начавшаяся 11 мая 1978 г. статьей «Практика — единственный критерий истины» в «Гуанмин жибао», имела для Дэн Сяо-пина такое же значение, как для Хуа Го-фэна издание 5-го то-

ма «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна». Оба тезиса носили конъюнктурный характер, представляя различные политические силы, остро нуждавшиеся в средствах легитимации. Но между ними было одно существенное различие — дискуссия о критерии истины переросла в массовую идейно-политическую кампанию, в ходе которой Дэн Сяо-пин сумел расширить круг своих сторонников и укрепить личный авторитет.

Дискредитация теории и приравненного к ней советского опыта в предыдущие два десятилетия создала идейный вакуум, объективно повысив значение практики. Дэн Сяо-пин умело использовал это обстоятельство. Указание на практику задало новый ориентир — не книжный, марксистский, а другой — с нечеткими гранями, но осязаемый, а главное — подверженный живой критике. В результате в стране была создана общественно-политическая атмосфера, в которой Дэн Сяо-пин, обладавший огромным опытом партийной и государственной работы, почувствовал себя свободно и уверенно. Владея ситуацией на уровне эмпирических правил, он адекватными характеру момента политическими лозунгами компенсировал отсутствие научно обоснованных выводов. Но и он не мог отказаться от символа революции и действующего социального проекта, хотя и постарался придать марксизму сугубо инструментальный характер, сократив его значение как императивного идеала.

В ходе дискуссии Дэн Сяо-пином было сформулировано важнейшее идейно-теоретическое положение, согласно которому «нельзя нарушать основные принципы марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэ-дуна, однако их надо обязательно соединять с реальной действительностью». Утверждение, что марксизм-ленинизм и идеи Мао не являются истиной «в последней инстанции», поколебало идеологические позиции Хуа Го-фэна. К осени 1978 г. в прессе открыто стало выражаться мнение влиятельной части руководства КПК, что «политика не может существовать в отрыве от экономических законов» и главной целью социализма является не классовая борьба, а подъем материального и культурного уровня жизни народа.

Непосредственно вытекавшее из предшествовавшего периода решение о переносе центра тяжести на экономическое строительство было официально провозглашено на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978). Пленум, а также целый ряд совещаний накануне и после него утвердили в качестве партийных решений высказывавшиеся на протяжении предыдущих двух лет взгляды, подвели итог движению по разоблачению Линь Бяо и «четверки», позитивно оценили дискуссию о практике как критерии истины. В рекомендациях и аналитических материалах, направленных в то время в ЦК, содержались практически все ключевые положения, которые спустя 10 лет стали программными: о товарном и рыночном характере экономики, о начальном этапе социализма, о китайской специфике и др., тогда еще не нашедшие поддержки в руководстве. Отсутствие четких, теоретически обоснованных ориентиров развития отдало безоговорочный приоритет практике, упорядочить и структурировать которую могло не только теоретическое обобщение, но и эксперимент, на который возлагались главные надежды по выработке главного направления и конкретных мероприятий экономической реформы «в отдельных районах, отраслях и на предприятиях». Практической ориентации политического курса соответствовало и начало экономической реформы в деревне, представлявшей наиболее типичную для Китая социально-экономическую среду, которая стала еще одним отступлением от политики Мао Цзэ-дуна, провозгласившего в 1949 г. перенос центра тяжести работы в город. Экономический эксперимент был важнейшим и едва ли не единственным шансом Дэн Сяо-пина окончательно утвердиться в качестве лидера, потеснив в этом качестве Хуа Го-фэна, опиравшегося на авторитет Мао Цзэ-дуна. Именно поэтому в 1979 г. экономические преобразования начались на родине Дэн Сяо-пина — в пров. Сычуань под руководством Чжао Цзы-яна.

В отличие от Мао Цзэ-дуна, ориентировавшегося на воплощение различных по происхождению теоретических схем на китайской почве, но неуверенно чувствовавшего себя на уровне высоких абстракций, Дэн Сяо-пин отдал предпочтение традиционному для Китая эмпирическому подходу, ставшему центральной методологической категорией его концепции реформ. Принцип «идти, ощупывая камни» вновь был провозглашен политическим стилем КПК, воплотив идею о практике как главном источнике развития, предопределившей успех реформ на методологическом уровне.

Смена прежнего курса стала неизбежной. Прежде всего были признаны ошибочными методы проведения модернизации, принятые 1-й сессией ВСНП (февраль 1978), появились призывы «покончить с ультралевым влиянием учебы у Дачжая» и провозглашен курс на «урегулирование». Движение вправо было продолжено на идейно-теоретическом совещании весной 1979 г., где высказывалось мнение, что социализм неприемлем для Китая, поскольку для него не созрели условия, его выбор был ошибочным — социализм в КНР не настоящий, а феодальный или крестьянский. Одновременно влиятельная часть ЦК во главе с Хуа Го-фэном продолжала придерживаться «левых» взглядов, усиливая политическое напряжение и углубляя раскол в руководстве. Новому политическому курсу необходимо было позитивное идейно-теоретическое оформление, способное консолидировать партию и общество. Выдвижение «четырех основных принципов» (приверженность социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэ-дуна) стало идеологическим ограничением курса на всемерное развитие производительных сил, зафиксировавшим новый баланс экономики и политики.

Одним из важнейших следствий состоявшегося разграничения экономики и политики стал тезис о разделении партийных и административно-хозяйственных функций, слияние которых лишило систему управления гибкости, что отразилось не только на экономических результатах, но и на политическом авторитете партии, вынужденной нести всю полноту ответственности за допущенные ошибки. Разделение функций и сокращение вследствие этого сферы оперативной ответственности КПК допускало в принципе введение рыночных механизмов хозяйствования, что было признано Дэн Сяо-пином. Четко сформулировав задачу разграничения политических и хозяйственных функций, КПК признала необходимость совершенствования политического механизма, на тот момент касавшегося прежде всего децентрализации и ограничения полномочий Хуа Го-фэна, но не предполагала разделения властей и смены политической системы. Преодолев искушение воспользоваться очередным западным рецептом — тотальной демократизацией, КПК сделала еще один шаг от идеократии к прагматизму. И все же как лозунг демократия была использована прежде всего, чтобы заручиться поддержкой населения, противопоставив новый политический режим «феодально-фашистской диктатуре», господствовавшей в годы «культурной революции».

Многочисленные призывы Дэн Сяо-пина к демократизации в тот период были направлены в первую очередь на борьбу с остаточным влиянием «культурной революции», ограничение влияния «левых» идей и обеспечение внутрипартийной и общенациональной консолидации на новой идеологической платформе. Для решения этих задач необходимо было выработать такой механизм, который бы позволял устранять из руководства идейных оппонентов без политических потрясений. Важнейшим шагом в этом направлении стало создание на III пленуме ЦК КПК Центральной комиссии по проверке дисциплины, которая позволяла не только проверять соответствие руководства идеологическим принципам, но и нормам действующей политической организации и провозглашенным ею целям, а также способствовала восстановлению нравственного авторитета КПК, подорванного «культурной революцией».

Понимание Дэн Сяо-пином сущности демократии характеризует такое его утверждение: «Социалистическая демократия неотделима от диктатуры над врагами». В русле такого понимания 6 декабря 1979 г. была закрыта сиданьская стена *дацзыбао*, а в апреле 1982 г. из 45-й статьи Конституции КНР было изъято положение «четырех широко» («широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и *дацзыбао*»), лежавших в основе «большой демократии» «культурной революции».

Для проведения кадровой реформы в тот момент появился еще один убедительный аргумент. Новый социально-экономический курс нуждался, по мнению Дэн Сяо-пина, в изменении «многих аспектов производственных отношений и надстройки, которые не отвечают требованиям развития производительных сил», а также в отказе «от всех негодных форм управления, форм деятельности и образа мышления». Прежде всего это относилось к чрезмерной централизации и концентрации власти, которые следовало заменить предоставлением бóльших прав местным органам, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям. Уже в качестве пре-

мьера Госсовета на 3-й сессии ВСНП (август–сентябрь 1980) Чжао Цзыян подтвердил главные недостатки действовавшей экономической системы, провозгласив сокращение административных методов регулирования и усиление экономических рычагов — цен, налогообложения, кредита и др. Ориентация на практику и снятие части идеологических ограничений вызвали стихийный дрейф в сторону рыночных механизмов. В Проекте реформы хозяйственной системы 1979 г. содержалось положение о соединении планового и рыночного регулирования экономики, а в Проекте 1980 г. экономика КНР характеризовалась как товарная. Очевидно, что реализовать эти задачи мог только новый кадровый аппарат.

В ходе начавшейся реорганизации партии и высших органов государственного управления Дэн Сяо-пин предложил пересмотреть систему подготовки кадровых работников, ликвидировать чрезмерное сосредоточение власти, совмещение партийных и государственных должностей, ввести контроль масс за деятельностью руководства, бороться с привилегиями, коррупцией и бюрократизмом, отказаться от пожизненного занятия руководящих постов. Омоложение руководства, провозглашенное главной задачей начавшейся кадровой реформы, было направлено прежде всего на борьбу с политическими противниками и укрепление новых принципов государственного строительства.

Организационно-политическая консолидация власти способствовала более четкой формулировке стратегического курса, воплотившего главные политические лозунги предшествующих лет. Впервые «генеральная линия на современном этапе» была представлена Е Цзянь-ином на заседании, посвященном 30-летию образования КНР. Провозглашенные им цели не ограничивались проведением «четырех модернизаций», а включали преобразование политической системы, развитие социалистической демократии и законности, достижение качественно нового уровня материальной жизни народа и «создание высокой социалистической духовной культуры».

Отказавшись от лозунга «классовая борьба — решающее звено», КПК получила возможность значительно расширить социальную опору преобразований, что привело к последовательному восстановлению деятельности Единого фронта (на 1-й сессии ВСНП, февраль 1978), провозглашению лозунгов общенациональной консолидации, а с февраля 1979 г. к призывам использовать для решения задач «четырех модернизаций» национальную буржуазию, которая, как отмечалось, перевоспиталась и превратилась в социалистических тружеников. В результате Е Цзянь-ином была провозглашена новая политическая линия: сплотить все национальности, мобилизовать все активные факторы, строить социалистическую державу. Но главное, в выступлении была дана предварительная оценка «культурной революции», придавшая новый импульс дискуссии о методах развития народного хозяйства и о сущности социализма.

На этом этапе Дэн Сяо-пин был вынужден обратиться к общественным наукам с призывом дать развернутый анализ предшествующего периода развития, квалифицировать допущенные ошибки и на этой основе восстановить истинный облик коммунистической теории, которая должна была составить идейно-теоретическую альтернативу «культурной революции». Он также призвал подготовить серию статей и монографий по экономической теории, а также по «теоретическим вопросам промышленности, сельского хозяйства, торговли и управления». Общественно-политическая теория, вытесненная в свое время идеями Мао Цзэ-дуна из политической жизни страны, вновь оказалась востребованной в основном потому, что только исходившая от нее критика могла сохранить легитимную парадигму власти, т.е. объяснить допущенные ошибки историческими обстоятельствами, не ставя под сомнение политический курс. В ходе развернувшейся дискуссии было высказано мнение, что неверно трактовать деятельность «четверки» как «правую» или «ультраправую». На самом деле и «большой скачок», и деятельность «четверки» носили ультралевый характер, полностью пренебрегавший объективными экономическими законами. Этот вывод стал одной из поворотных точек в выяснении отношений политики и идеологии. Провозгласив «левый» уклон главной опасностью, государственный прагматизм заручился поддержкой фундаментальной науки в борьбе с идеологией эпохи Мао Цзэ-дуна.

Практическое вовлечение в политический процесс общественных наук происходило неравномерно и противоречиво, не вписываясь в отведенные рамки. Несмотря на то что первые призна-

ки жизни были продемонстрированы обществоведами сразу же после разгрома «четверки», возможность высказаться по принципиальным вопросам общественного развития им дала лишь дискуссия о критерии истины. Протекая на фоне критики предшествовавшего опыта и невысокого теоретического уровня подготовки участников, обсуждение по инерции следовало социальному заказу и свелось к комментированию политических решений, абсолютизировавших практику, что было впоследствии признано научным сообществом. Но начало было положено.

После того как были выяснены отношения между экономикой и политикой и стабилизировалась экономическая и общественно-политическая ситуация, на первый план вновь вышли вопросы государственной идеологии, включавшие отношения между наукой и политикой. Устранив идеологический диктат, практика предоставила науке возможность заново определить свои социально-политические и мировоззренческие функции, которые на предыдущем этапе были искажены. На протяжении всего предыдущего периода наука не была сколько-нибудь влиятельным фактором социально-политического развития, хотя, естественно, претендовала на то, чтобы участвовать или даже возглавить процесс выработки решений в идеократическом государстве, предлагая для этого соответствующие теоретические новации, в том числе такие как «начальный этап социализма», социалистическая рыночная экономика и др. В то время как КПК, для которой теоретическая работа была лишь дополнением политической, постоянно стремилась возложить на науку функции по обслуживанию идеологии и заставить «философию служить политике». После дискуссии о критерии истины ситуация в корне изменилась, стали раздаваться призывы развивать «руководящую роль философии по отношению к политике», строго придерживаться марксизма, что позволило общественно-политической мысли поставить вопрос о восстановлении независимости общественных наук, дав импульс их развитию.

Вооруженная новым «критерием истины», общественная мысль постаралась высказать свое отношение к основному экономическому закону социализма, взаимосвязи экономики и политики, распределению по труду, составлявшим сущность социалистического идеала. При обсуждении характера взаимодействия товарной и плановой экономики, конкуренции и форм собственности и даже основного экономического закона социализма и закона стоимости единства мнений достигнуто не было, сохранились разногласия относительно того, правилен или ошибочен был курс на «производство ради производства», что способствовало дальнейшей десакрализации марксизма в научных кругах. Обращение к истокам, к раннему Марксу, в котором надеялись найти скрытый или утерянный смысл, также не слишком помогло делу. Самые общие положения, содержавшиеся в его ранних работах, дали большой простор для интерпретаций и выявили массу внутренних противоречий и «белых пятен», что выяснилось в ходе последовавшей дискуссии о гуманизме и теории отчуждения (1979–1982).

Дискуссия сосредоточилась на сущности искажений марксизма, важнейшим из которых была признана его дегуманизация, изъятие из него ценностного ядра, т.е. подчинение задачам государственного строительства и модернизации, обеспечившим его распространение и влияние в Китае. Дискуссия объективно уводила от мобилизационного прагматизма к ценностным критериям. В значительной степени поэтому вписать гуманизм в известный в КНР корпус марксистских идей оказалось невозможно. Поставив абсолютно новые для китайского обществоведения вопросы о взаимосвязи гуманизма и нравственности с социализмом, она высветила доктринальную неполноту марксизма, побудив обратиться к истории, западному марксизму и немарксистским концепциям социализма. Изучение истории социалистических идей помогло реконструировать логику развития марксизма, вновь обратив внимание на идеал социальной справедливости. На рубеже 80-х годов такой подход, с неизбежной критикой реального социализма, не мог рассчитывать на поддержку КПК. Натолкнувшись, по официальной версии, на отсутствие соответствующего категориального аппарата, дискуссия завершилась безрезультатно, но в ходе нее было преодолено чрезвычайно влиятельное после «культурной революции» представление о том, что ядром марксизма является гуманизм. Официальную позицию по этому вопросу высказал Ху Цяо-му: «Марксизм как мировоззрение и взгляд на историю ни в коем случае нельзя смешивать с гуманизмом, включать одно в другое или сводить одно к другому».

В официальной науке за марксизмом была утверждена прежде всего прикладная, социально-политическая роль. Остальные его аспекты вышли за пределы сугубо марксистских исследований и обрели самостоятельность, в том числе проблемы традиционной культуры и традиционных ценностей. Свобода от нормативного подхода предопределила бурное развитие культурологии, которая стала быстро приобретать популярность, освобождаясь от схематизма формационной модели истории.

В результате дискуссий обществоведение вернуло себе функцию генератора идей, бросив еще очень сдержанный вызов интеллектуальной монополии партии. Формально не угрожая легитимности политического режима, широкие публичные обсуждения подготовили общественное мнение к переменам, предлагая варианты развития, которые, как и результаты экономических экспериментов, оценивала КПК — либо принимая, либо отвергая их. Не сумев совместить функции теоретического и политического руководства, компартия постаралась установить экспертный контроль за теоретическими новациями. Это было тем более актуально, что экономическая реформа привела к появлению существенно отличных от принятых представлений о социализме. В этих условиях сущность социалистического строя была сведена Чжао Цзы-яном к двум чертам: распределению по труду и общественной собственности.

Динамично меняющиеся обстоятельства подталкивали к всестороннему изменению хозяйственного механизма, форм собственности и системы управления, а также «связанной с ними чрезмерной централизации политической системы». Появившуюся в результате начавшихся реформ и постепенной либерализации угрозу справа также необходимо было нейтрализовать. В этих условиях традиционно связываемая с революциями и радикализмом общественно-политических движений КПК проявила себя в новом качестве, как структура государственного управления, тонко чувствующая степень готовности общества к преобразованиям и смягчающая радикальные призывы, угрожающие стабильности социально-экономической ситуации и своей власти. С этими опасениями было связано существенное снижение темпов экономических преобразований, которые после ориентиров в виде сочетания планового и рыночного начал, а также товарного характера китайской экономики в проектах экономической реформы 1979 и 1980 гг. в Проекте 1982 г. вновь вернулись к формуле «плановое хозяйство с существованием товарного производства», а в Конституции КНР 1982 г. вообще не содержалось упоминаний ни о товарном производстве, ни о рыночном регулировании.

Дискуссии о критериях и путях развития усилили внутрипартийное напряжение, которое в условиях нараставшей идейной дезориентации становилось серьезнейшим фактором нестабильности. Для реабилитации власти в глазах населения необходимо было восстановить привлекательные черты социализма, преодолеть политическую конфронтацию и заложить идейно-теоретический фундамент дальнейшего развития, а для этого дать такую оценку предшествовавшему периоду, которая бы разделялась большинством населения, подтверждая обоснованность социалистического выбора и легитимность КПК. Социально-экономическое положение также требовало поиска энергичного политического субъекта, способного мобилизовать общество. Восстановление честного имени партии стало не менее важной задачей, чем восстановление экономики.

«Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (июнь 1981), определило сущность допущенных «искривлений», но не привело к отрицанию предшествующего периода, достойного места Мао Цзэ-дуна в истории китайской революции и не потребовало новых процедур легитимации власти, сумев начертить на этой основе новую траекторию движения страны. В нем были зафиксированы выделенные ранее особенности КНР, ставшие причиной «культурной революции», прежде всего низкий уровень экономического развития, феодальные пережитки и колониальное прошлое, недостаточная теоретическая зрелость КПК. Социально-экономическая природа «левых» ошибок дала общественной мысли основание характеризовать современное состояние общества как «неразвитый социализм». В соответствии с восстановленными социально-экономическими представлениями о социализме на VI пленуме ЦК 11-го созыва была использована формулировка об обществе «неразвитого социализма», находящемся «на начальном этапе социализма», главной задачей которого является ликвидация «левых» ошибок и развитие производительных сил. Акцент на социально-экономических условиях

строительства социализма в КНР, вполне марксистский по характеру, не позволил увидеть в новых формулировках теоретической новации. Восстановленный авторитет марксизма, в котором нашлось свое место и Мао Цзэ-дуну, стал новой точкой консолидации. Положение о «начальном этапе социализма» входило в марксистский дискурс и одновременно показывало генетическую связь с предшествующим этапом исторического развития, позволив легализовать «родимые пятна капитализма», а борьбу с ними сменить выборочным сотрудничеством.

Монолитное единство идеологии и политики, теории и практики, политики и экономики, диктатуры партии и культа вождя, игравшее на предыдущем этапе решающую роль в утверждении новой власти, исчерпало свой ресурс. Необходимо было найти новые источники развития, для этого пришлось разделить имеющиеся ресурсы (политические, идеологические, экономические), чтобы каждый из них мог раскрыть свой потенциал. Наделив каждый из них самостоятельностью, КПК подготовила условия для дальнейшего движения, нарушив при этом прежний механизм управления. Единое руководство фрагментированным процессом могла осуществить только внутренне консолидированная власть, однако новый механизм управления выработан пока не был.

***** *Хуа Го-фэн.* Ба учань цзецзи чжуаньчжэн ся ды цзисюй гэмин цзинсин даоди (До конца продолжать революцию при диктатуре пролетариата). Пекин, 1977; Кэсюэ шэхуйчжуи (Научный социализм) / Гл. ред. Чжао Мин-и. Цзинань, 1981; Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981; *Ху Цяо-му.* Данцянь сысян чжаньсяньды жогань вэньти (Некоторые вопросы современного идеологического фронта). Пекин, 1982; Кэсюэ шэхуйчжуи гайлунь (Краткий очерк научного социализма) / Сост. У Цзи-сян. Наньчан, 1983; *Синь Бэн-сы.* Чжэсюэ юй шидай (Философия и современность). Ухань, 1984; *Ху Цяо-му.* Гуаньюй жэньдаочжуи хэ ихуа вэньти (О гуманизме и проблеме отчуждения) // Жэньминь жибао. 27.01.1984; *Дэн Сяо-пин.* Избранные произведения. Пекин, 1985; Сысян гунцзо хэ сяньдайхуа (Идеологическая работа и современность) / Гл. ред. Ся Юй-лун. Шанхай, 1986; Чжунго гунчаньдан ды сысян цзяньшэ (Идеологическое строительство КПК, 1919–1989) / Гл. ред. Е У-си. Тяньцзинь, 1991; Чжунго гунчаньдан сысян ши (Идеологическая история КПК). Циндао, 1991; *Дэн Сяо-пин.* Основные вопросы современного Китая. М., 1988. ****** *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М., 2005; Конституции и политическая система Китайской Народной Республики: Учеб. пособие / Сост. Б.Г. Доронин. СПб., 2007; Общественные науки в КНР. М., 1986; Chinese Marxism in Flux, 1978–1984: Essays on Epistemology, Ideology and Political Economy. L., 1985; *Brugger B., Kelly D.* Chinese Marxism in the Post-Mao Era. Stanf., 1990.

А.В. Виноградов

Дискуссия о роли личности в истории. Не менее тысячи публикаций в 50-х годах были посвящены роли выдающихся личностей в истории Китая. Часть работ обсуждали вопросы теории (объективности, классовости и т.д.) и марксистской методики оценки исторических личностей. Однако размах дискуссии придавали публикации, содержащие оценку, а зачастую переоценку отдельных исторических деятелей. Ранее всего внимание китайских историков привлекли Цюй Юань, Цзин Кэ, Цинь Ши-хуан, Юэ Фэй, Ши Кэ-фа, т.е. исторические фигуры со сложившейся репутацией в традиционной историографии или народном сознании. Дискуссия начиналась на фоне развернувшейся идеологической кампании критики кинофильма «Жизнь У Сюня».

Объектами споров были некоторые генералы, министры, ученые, ремесленники и вожди народных восстаний. Особенно жаркие дебаты разгорелись вокруг оценки исторических личностей правителей и императоров Китая. Го Мо-жо выступил с предложением исторической реабилитации последнего иньского *вана* Чжоу-синя (X в. до н.э.), основателя вэйского государства Цао Цао (155–220), танской императрицы У Цзэ-тянь (624–705). Го Мо-жо и Цзянь Бо-цзань, например, предлагали «высоко оценить вклад» Цао Цао в развитие Китая, снять с него «ярлык коварного сановника и восстановить его доброе имя».

Идеализация традиционно негативных персонажей истории вызвала протесты Тан Ланя, Ян Куаня, Ло Янь-цзю и других историков. В целом же «реабилитация» продолжалась вплоть до нача-

ла 60-х годов. Заметное место в дискуссии занимала положительная оценка исторических личностей первого объединителя Китая Цинь Ши-хуана, ханьского Гао-цзу, суйского Ян-ди и других создателей сильных централизованных государств. Образование мощного государства ставилось в заслугу и иноплеменным завоевателям, и правителям Китая — Чингисхану, Хубилаю, Кан-си. При этом значение этнических противоречий во времена правлений иноплеменных династий приуменьшалось, все народности, населявшие территорию Китая, объявлялись членами одной «большой семьи народов».

С начала 80-х годов XX в. в КНР вновь развернулась дискуссия о роли личности в истории, куда входил вопрос и о культе личности. «В наших рядах часто вольно или невольно преувеличивалась роль личности в истории, — писала „Жэньминь жибао“. — Этому, помимо влияния старой идеологии эксплуататорских классов и традиционных воззрений, есть и гносеологические причины... Основные причины исторического развития скрыты за внешней стороной явлений, а деятельность великих личностей проходит как раз на переднем плане. Это приводит к тому, что люди видят лишь роль великих личностей и игнорируют основные принципы исторического развития... Однако великие личности могут лишь ускорять или замедлять развитие истории, оказывать определяющее воздействие только на ограниченную, поверхностную часть исторических явлений». Пренебрежением роли народных масс, констатируют китайские авторы, и объясняется возникновение культа личности.

Сначала осуждение культа личности было в закрытом порядке начато в КПК. Так, в постановлении «О некоторых нормах политической жизни в партии», опубликованном ЦК КПК весной 1980 г., прямо признавались недостатки и ошибки, связанные с произволом отдельных личностей и нанесшие ущерб нормальной внутрипартийной политической жизни. «Необходимо в соответствии с принципами марксизма правильно понимать и разрешать взаимоотношения между вождем, политической партией и массами... Запрещается беспринципное прославление заслуг руководителей и воспевание их доблестей, — говорилось в документе. — Не позволяется льстивыми речами в духе эксплуататорских классов восхвалять пролетарских руководителей, нельзя прибегать к искажению истории и фальсификации фактов для пропаганды заслуг руководителей. Запрещается поздравлять руководителей с днем рождения, преподносить им подарки, направлять приветственные письма и телеграммы. Не разрешается создавать музеи ныне здравствующих людей, не следует создавать много музеев покойным вождям. Запрещается давать имена руководителей партии улицам, географическим местам, предприятиям и учебным заведениям. За исключением случаев выезда по делам за рубеж, запрещается устраивать проводы при отъезде руководителей, расклеивать лозунги, бить в гонги и барабаны, устраивать приемы». 4 июля 1980 г. в «Жэньминь жибао» появилась статья «О правильном понимании роли личности в истории», где говорилось, что культ личности в Китае, «сложился не в один день», а «формировался долго и прошел длительный процесс развития». Ли Сюэ-кунь и Чжан Пэй-хан в закрытом в то время партийном журнале «Данши яньцзю» в 1981 г. опубликовали статью «Историческое исследование культа личности в партии». Они считают, что «культ личности в стране зародился и стал разрастаться в злокачественную опухоль после 1956 г.». Историк Си Сюнь относит зарождение культа личности к марту 1943 г., когда было принято решение создать Секретариат ЦК КПК из трех человек: Мао Цзэ-дуна, Лю Шао-ци и Дун Би-у, сделав Мао Цзэ-дуна председателем. При обсуждении вопросов председатель имел право на последнее решение. Ху Цяо-му считал, что начало культу было положено в «Решении по некоторым вопросам истории партии» 1945 г.

Ян Сань-шэн отмечает, что уже в Яньани во второй половине 30-х годов со стен общественных зданий на прохожих смотрел с портретов Мао Цзэ-дун, его именем уже назывались учебные заведения, к примеру «Институт молодых работников им. Мао Цзэ-дуна», распространялись значки с изображением Мао, тогда уже впервые прозвучала песня «Алеет Восток» («Дунфан хун»), где воспевался Мао Цзэ-дун. Начиная с VII съезда КПК многие из выступавших стали заканчивать свою речь здравицей — «Десять тысяч лет (да здравствует) Мао Цзэ-дуну». Как отмечает Ян Сань-шэн, «десять тысяч лет» раньше желали только китайским императорам. 1 мая 1945 г. орган ЦК КПК «Цзефан жибао» вышла с лозунгом «Да здравствует великий и мудрый руководи-

тель партии тов. Мао Цзэ-дун!». А еще раньше, в 1937 г., она впервые опубликовала портрет Мао Цзэ-дуна, где его лицо озаряли лучи восходящего солнца.

В статье «Товарищ Мао Цзэ-дун — от борьбы против культа личности к поклонению культу личности» (1984) Сюй Цзян-хуа зарождение культа личности непосредственно связывал с Мао и рядом его сторонников в КПК, которые в большинстве случаев соглашались с раздуванием культа. Это привело к решению многих вопросов лично Мао Цзэ-дуном. Сюй Цзян-хуа приводит пример, когда после переговоров КПК с Японской коммунистической партией весной 1965 г. по предложению японской стороны из совместного коммюнике была выброшена критика КПСС с ее упоминанием, с чем согласился Лю Шао-ци, поддержанный членами Политбюро. Когда проект коммюнике показали Мао Цзэ-дуну и сказали, что с предложением не упоминать КПСС согласно Политбюро, Мао заявил, что оно-то согласно, но он не согласен.

Проблемы культа личности стали подниматься в официальных документах КПК, в статьях и книгах историков КНР, посвященных периоду «большого скачка», исследованию причин «культурной революции», в общетеоретических либо специальных работах по истории КНР, а также при анализе ошибочных взглядов Мао Цзэ-дуна на строительство социализма в КНР. Однако в большинстве материалов еще не очень строго дифференцировались объективные обстоятельства и субъективный фактор возникновения культа личности в китайском обществе, отсутствовала типология и классификация понятий, сам термин «культ личности» назывался по-разному: один вариант — *гэжэнь чунбай* (преклонение перед личностью), второй — *гэжэнь мисинь* (слепая вера, доверие к личности), нередко причины подменялись следствием. Вместе с правильными взглядами, высказывавшимися китайскими авторами, появлялись и спорные, а порой и ошибочные. В статьях такого рода пытались объяснить причины возникновения культа личности в Китае только внешними условиями или субъективным фактором. Постановку вопроса о культе личности в КНР китайские историки относят ко времени XX съезда КПСС, когда был осужден культ личности И. Сталина.

Ян Сань-шэн указывает, что еще в резолюции «Об антипартийной группировке Гао Гана — Жао Шу-ши» (март 1955) указывалось, что всем партийным организациям необходимо «вести борьбу с зазнайством и культом личности».

Вопрос о культе личности Сталина рассматривался на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в конце марта — начале апреля 1956 г. Как результат этого обсуждения 5 апреля появилась редакционная статья «Жэньминь жибао» «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», где утверждалось, что «культ личности — это гнилое наследие, оставшееся от длительной истории человечества... Культ личности есть отражение такого общественного явления в сознании, — говорилось в статье, — когда руководящий деятель партии и государства типа Сталина тоже подвергается влиянию этой отсталой идеологии, что оказывает обратное воздействие на общество, наносит ущерб делу, подрывает творческий дух и инициативу народных масс». В передовой статье подчеркивалось, что КПК «и в прошлом неизменно выступала против оторвавшихся от масс выскочек и „героев“-одиночек в революционных рядах... Излишне сомневаться в том, что такие явления, как выскочки и „герои“-одиночки, оторвавшиеся от масс, могут существовать еще долго. Такие явления, преодоленные однажды, могут возникать снова. Сегодня они проявляются в одних людях, а завтра — в других. Когда сосредоточиваются на роли одного человека, то часто не замечают роли коллектива и масс. Вследствие этого легко впасть в ошибку безрассудного возвеличивания и обожествления себя или же слепого преклонения перед другим. Поэтому борьба против выскочек и „героев“-одиночек, оторвавшихся от масс, против культа личности является вопросом, которому необходимо уделять постоянное внимание».

В сентябре 1956 г. вопрос о культе личности был поднят на VIII съезде КПК, и он нашел определенное место в докладе Дэн Сяо-пина «Об изменениях в Уставе партии». Он заявил, что КПК, как и КПСС, «также отвергает чуждое ей обожествление личности», напомнив, что в марте 1949 г. КПК было принято решение «запретить проведение юбилеев партийных руководителей, присвоение их имен местностям, улицам и предприятиям», что ЦК «всегда был также против

посылки руководителям приветственных телеграмм и рапортов об успехах в работе, против преувеличения роли руководителей в произведениях литературы и искусства». «Конечно, культ личности как общественное явление имел длительную историю, — заявил Дэн Сяо-пин, — и он не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни. Наша задача состоит в том, чтобы решительно проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления». Однако дальнейшие события в истории КНР показали, что на эту проблему внимания в партии не обращали, а, напротив, раздували культ личности Мао Цзэ-дуна.

Многие историки КНР обращают внимание на заявление Мао Цзэ-дуна, сделанное Э. Сноу в январе 1965 г., что культ личности в Китае необходим. В декабре 1970 г. Мао вновь принял Э. Сноу и «разъяснил» ему, почему на начальной фазе «культурной революции» необходим культ личности. Поскольку такая необходимость миновала, заявил Мао Цзэ-дун, культ личности можно теперь ослабить. Как сообщает Сюй Цзянь-хуа, в 1971 г. в качестве документа ЦК КПК был издан перевод статьи Э. Сноу, где говорилось, что Мао Цзэ-дун много размышлял о необходимости поклонения великой личности.

Впервые после «культурной революции» от имени партии официально и открыто был признан и осужден культ личности Мао Цзэ-дуна с упоминанием его имени в 1981 г. на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР»: «Вследствие различных исторических причин внутрипартийная демократия и демократия в общественно-политической жизни государства не были закреплены режимом и законом, а уже выработанные законы не пользовались должным авторитетом. Все это создало своего рода почву для чрезмерного сосредоточения власти партии в руках одного человека, для роста явлений, связанных с самоуправством и культом личности».

В отчетном докладе Ху Яо-бана XII съезду КПК в сентябре 1982 г. вновь было признано, что «начиная с конца 50-х годов все более стал проявляться культ личности, политическая жизнь в партии и государстве, особенно в ЦК партии, становилась все более ненормальной, что в конечном счете привело к десятилетней смуте („культурной революции“. — *Авт.*)». В Уставе партии, принятом съездом, было записано, что «партия запрещает культ личности в любой его форме».

Суммируя дискуссию в китайских СМИ о причинах и истоках культа личности, можно выделить несколько пунктов:

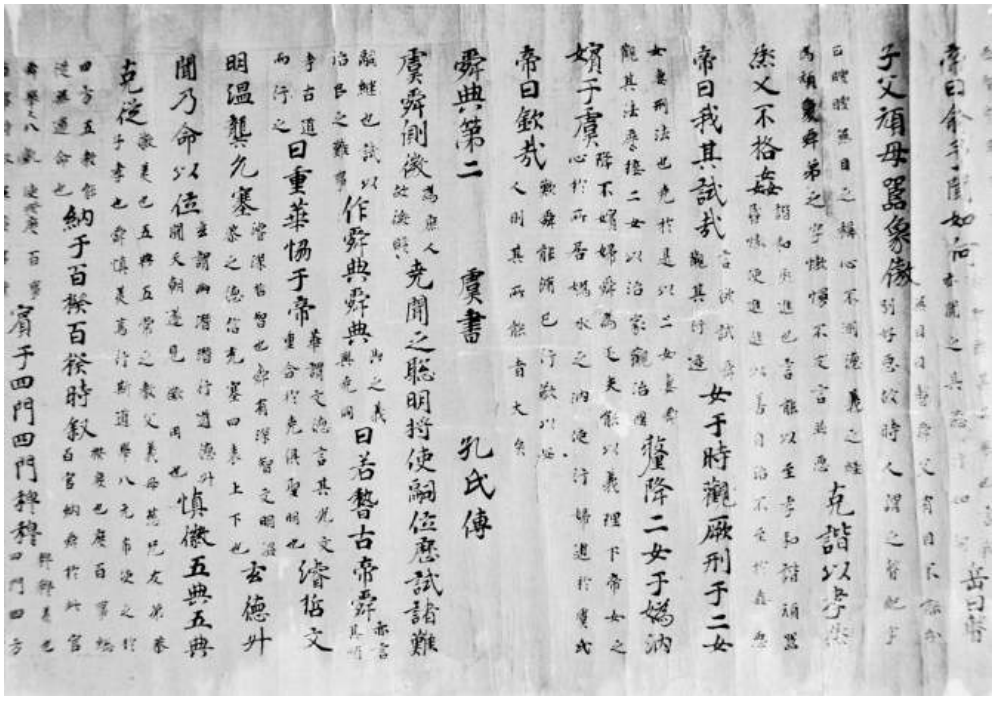
1. Китай — отсталая азиатская страна, более 2 тыс. лет находившаяся на стадии феодализма, с преимущественно крестьянским, неграмотным населением. Трудности по преодолению отсталости и феодальных традиций — одна из объективных причин возникновения культа личности.
2. Отсутствие демократических традиций.
3. Неразработанность классиками марксизма-ленинизма вопросов роли личности в истории, взаимоотношений масс, классов, партий и вождей.
4. Бюрократизм и бюрократизация аппарата, превратившие коллективное руководство в произвол отдельных личностей, а революционную теорию — в мистику.
5. Неразработанность вопроса о культе личности в международном коммунистическом движении и влияние культа личности Сталина на Мао Цзэ-дуна.

Директор Института новой истории АОН Китая Лю Да-нянь в своей статье «О вождях и массах» подчеркивал, что К. Маркс и Ф. Энгельс всегда отрицали обожествление и культ личности. Он приводит высказывание Энгельса о том, что «ни одно лицо, занимающее высокое положение, не вправе претендовать на более нежное обращение с ним, чем другие люди». В связи с этим он писал Г.В. Плеханову: «Прежде всего прошу Вас перестать величать меня „учителем“. Меня зовут просто Энгельс». Марксизм всегда выступал против культа личности, подчеркивал Лю Да-нянь. «В истории международного рабочего движения отношения между вождями и массами складывались в разных случаях по-разному... — писал он. — В этом отношении Ленин являлся классическим образцом пролетарского вождя. А товарищ Мао Цзэ-дун, к несчастью, дал трагический пример». «Культ личности, долго существовавший в партии, привел к тому, — писал историк Ван Нянь-и, — что товарищ Мао Цзэ-дун не мог должным образом подходить к вопросу о взаимоотношениях партии и личности».

* Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Т. 1. Пекин, 1956; Об историческом опыте диктатуры пролетариата: Редакционная статья газеты «Жэньминь жибао». М., 1956; Гуаньюй даннэй чжэнчжи шэнхо ды жугань чжуньцзэ (О некоторых нормах политической жизни в партии) // Жэньминь жибао. 15.03.1980; *Ли Хун-линь.* Линьсю хэ жэньминь (Вожди и народ) // Там же. 18.09.1980; *Ли Сюэ-кунь, Чжан Пэй-хан.* Даннэй гэжэнь чунбайды лиши каоча (Историческое исследование культа личности в партии) // Данши яньцзю. 1981, № 2; *Лю Да-нянь.* Гуаньюй линсю юй цюньчжун (О вождях и массах) // Хунци. 1981, № 24; Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени основания КНР. Пекин, 1981; XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: Документы. Пекин, 1982; *Сюй Цзянь-хуа.* Мао Цзэ-дун тунчжи юй фаньдуй гэжэнь чунбань дао цзешоу гэжэнь чунбань ды гочэн (Товарищ Мао Цзэ-дун — от борьбы против культа личности к поклонению культу личности) // Данши яньцзю. 1984, № 5; *Дэн Сяо-пин.* Избранное (1975–1982). Пекин, 1985; *Ян Сянь-шэн.* Даннэй гэжэнь чунбань ды лиши майло (История культа личности в партии) // Лилунь даокань. 1988, № 7. ** *Усов В.Н.* Китайские авторы о проблеме культа личности // ПДВ. 1988, № 4, 5; Чжунгун данши цзяньмин цыдянь (Краткий словарь по истории Коммунистической партии и Китая): В 2 т. Пекин, 1986; *Snow E.* The Long Revolution. N.Y., 1971.

В.Н. Усов

«Шан шу» («Документы Шан»). Рукопись, VII в.



Титульные листы цинских ксилографических изданий:

«Чжоу шу»
(«Книга [об эпохе] Чжоу»);

«Вэй шу»
(«Книга [об эпохе] Вэй»);

«Лян шу»
(«Книга [об эпохе] Лян»);

«Нань Ци шу»
(«Книга [об эпохе] Южная Ци»);

«Юань ши» («История [династии] Юань»)

資治通鑑綱目集覽卷第一

周威烈王二十三年繁纓小物也而孔子惜之

左傳成二年衛孫桓子與齊師戰衛將敗新築大夫仲叔于奚救桓子是以免既衛賞之以邑辭請繁纓以朝許之仲尼聞之曰惜也惟器與名不可以假人注繁纓馬飾皆諸侯之服也器謂車服名謂爵號繁步干反字與樊通褽巾車樊纓注樊讀如鞶帶之鞶今馬大帶也纓當胷以削草爲之

六卿 春秋晉有智氏趙氏韓氏魏氏范氏中行氏號六卿後晉君失政六卿專權貞定王十一年智伯瑤共滅范中行而分其地安王二十六年趙韓魏又共滅智氏而分其地

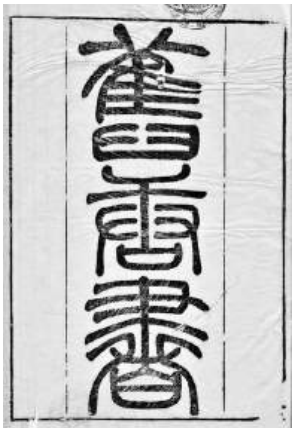
三家 韓魏趙即三家也號爲三晉正誤三家指魯大夫孟孫叔孫季孫之家趙韓魏已在六卿中不應複舉

晉陽 地理

資治通鑑綱目集覽敘例 一

宇淨書以遺兒輩習之非有隱於人楚齊失得徒貽當世譏議云耳永樂壬寅正月上日後學毘陵陳濟識

«Цзы чжи тун цзянь ган му»
(«Всепроницающее зерцало, управлению помогающее, в сжатом изложении и с комментариями»). Ксилограф, дин. Мин



Титульные листы цинских ксилографических изданий:

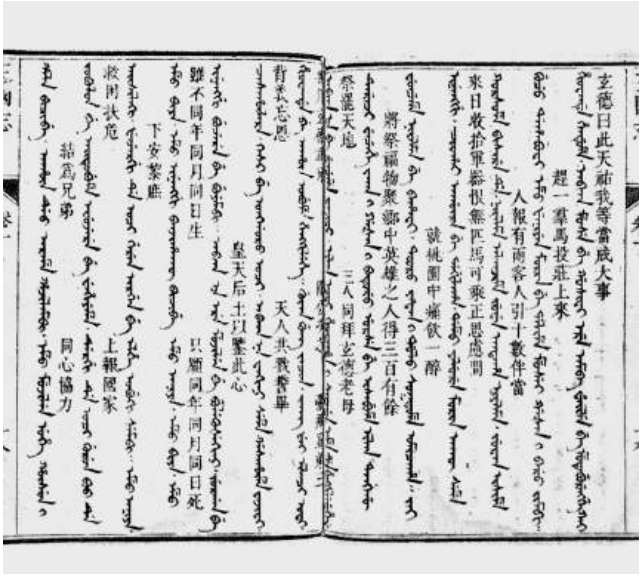
«Цзинь ши» «История [династии] Цзинь»;

«Чэнь шу» («История [династии Северная] Чэнь»);

«Нань ши» «История Южных [династий]»;

«Цзинь шу» («История [государства Западная] Цзинь»);

«Цзю Тан шу» («Старая книга [об эпохе] Тан»)



«Сань го чжи янь и» («Популярное переложение „Истории трех царств“»). На маньчжурском и китайском языках. Ксилограф, XVIII в.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ

Исторические судьбы легизма и конфуцианства

Генезис института «политика–история». Одна из характерных черт китайской политической культуры — тесная связь политики с историей. Вместе они образуют своеобразный институт, самостоятельную политическую традицию. Степень насыщенности политики историей может быть разной, и установить точный процент соотношения не представляется возможным. Однако при анализе политической истории страны, особенно периода КНР с конца 50-х годов, можно вскрыть любопытную закономерность. В периоды относительной стабилизации власти, компромисса или временной консолидации различных группировок, сфера действия «истории» в политической традиции «политика–история» сужается и ограничивается, как правило, высшими правительственными кругами (теоретические разработки в произведениях и выступлениях руководителей государства). В периоды же кризиса власти, острого противоборства в ее высшем эшелоне (что распространяется на весь управленческий аппарат, а затем и на население страны) сфера действия «истории» расширяется. В кризисные периоды «история» в институте «политика–история» заполняет «политику» на 90%, а иногда, как это было в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1973–1974), и на все 100%. В такие исторические моменты политическая традиция главенствует в общественно-политической, а нередко и в экономической жизни Китая, оказывая воздействие и на внешнюю политику. Поскольку в сферу влияния политической традиции вовлекаются миллионные массы населения на целые годы, выявление причин такого масштабного явления является весьма актуальным и требует специального анализа. После смерти Мао Цзэ-дуна и устранения «четверки» лидеров «культурной революции» в КНР продолжался период сужения сферы действия «истории» в институте «политика–история» до ее обычного уровня; шел процесс «очищения» общественного сознания от наиболее одиозных исторических оценок.

Знаменательным для всех типов отношений «политики» и «истории» — периодов «слияния», «нормального разграничения» и т.п. — является то, что в это время расширяется уровень исторических знаний народа. Ради своих политических целей государство на всех этапах оказывается вынужденным издавать массовую историческую литературу, а также переиздавать сами исторические источники, так как борьба затрагивает традиционные каноны и развертывается на уровне нового комментирования древних источников. Можно констатировать, что на протяжении многовековой истории Китая не было еще такого периода, когда за сравнительно короткий срок вышло в свет такое количество исторической литературы, часто в скорректированном виде. Все это означает возрастание роли института «политика–история» в области политической культуры и в общественно-политической жизни КНР.

Начало реформ и провозглашение Дэн Сяо-пином цели построения общества *сяо кан* («общества малого благоденствия») ознаменовали собой поэтапное, но более масштабное включение в политическую культуру страны традиционных конфуцианских ценностей. Подоплека этого процесса состояла в том, что давний идеологический противник Дэн Сяо-пина — Чан Кай-ши, высадившись с остатками своих войск на Тайване, пообещал построить на острове общество *сяо кан*. Обращение лидеров Гоминьдана и КПК к *сяо кан* не было случайным. Именно на этом примере особенно наглядно прослеживается жизнеспособность института «история — политика», а точнее, взаимосвязь традиций и политики в китайской культуре. Известные реформаторы Китая, начиная с Кан Ю-вэя, Сунь Ят-сена и вплоть до Мао Цзэ-дуна, ставили своей целью построение в модернизированном Китае общества *да тун* («Великого единения»). Таково было название второй социальной утопии Конфуция, которой предшествовала первая — *сяо кан*. Именно ее и стремились воплотить впоследствии на Тайване Чан Кай-ши и ставший его преемником на посту президента сын Цзян Цзин-го. Идеологом же *сяо кан* был знаток конфуцианства, давний соратник Чан Кай-ши — Чэнь Ли-фу. Провозглашая себя преемниками данной доктрины, тайваньские лидеры претендовали на монополизацию национальных традиций. Дэн Сяо-пин

предпринял решительный стратегический шаг — он не только возвратил КНР право на традиции, но и вернул страну в конфуцианский культурный регион, где уже давно господствовали страны, построившие так называемый «конфуцианский капитализм»: Япония, Южная Корея, Сингапур и Тайвань как часть Китая.

Переход КНР на конфуцианские рельсы осуществлялся поэтапно, путем эволюции. Поначалу были определены экономические цели, параллельно был взят курс на стабильность, а в начале 2001 г. Цзян Цзэ-минь провозгласил одной из двух составляющих теории «социализма» наряду с принципом *фа* [*1*], также и *дэ*.

Переходя к характеристике исторического генезиса института «политика–история», следует подчеркнуть такую особенность китайского этноса, как высокий уровень исторического самосознания и знания национальной истории. Это объясняется не только влиянием конфуцианства с его поклонением древности, но и спецификой национальной культуры, ориентированной на древность и историю. Веками простой, неграмотный крестьянин узнавал об исторических преданиях, событиях и героях старины от рассказчиков — как «семейных», так и профессиональных (*шошуды*). Театрализованные представления бродячих актеров на деревенских и городских площадях использовали в основном исторические сюжеты, как и «стационарные» театральные и оперные труппы. «Четверокнижие» («Сы шу»), которое поколениями заучивалось наизусть (иначе невозможно было сдать экзамены), буквально насыщено историческими примерами и образами.

Поэтому, когда политик, обращаясь к народу, апеллировал к истории, используя в качестве аргумента исторический факт или концепцию древнего философа, он всегда встречал подготовленную аудиторию. Редкие или трудные цитаты из классиков обычно тут же комментировались издателями произведений руководителей государства. Так, например, было с выступлениями Мао Цзэ-дуна: в 1977 г. издательство «Жэньминь чубаньшэ» выпустило специальный словарь-указатель к пяти томам произведений Мао Цзэ-дуна, где популярно разъясняются все трудные для рядового читателя места.

Точно определить время возникновения института «политика–история» довольно трудно. Политические традиции, как и сама политическая культура, обязаны своим генезисом и становлением возникновению и развитию государства. Они появляются вместе с возникновением государства, точнее, на том этапе его развития, когда происходит переход от военной демократии к классовому государству. В Китае первые крупные государственные образования с четким классовым делением появились в период Инь — Западное Чжоу (XVII–VIII вв. до н.э.). Само же становление политической культуры и ее традиций произошло несколько позднее, в период Чунь-цю–Чжань-го–Цинь (VIII–III вв. до н.э.). Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, произошел качественный скачок в развитии самого государства, господство наследственной аристократии сменилось возвышением богатых общинников — новых земельных собственников, нарождающейся бюрократии, зажиточных торговцев и ремесленников; во-вторых, завершился процесс усиления личной власти верховного правителя страны (посредством усиления царской власти в разных китайских государствах). В тот же период развивается и письменность. Процесс создания новых социально-политических институтов, сопровождавшийся ожесточенной политической и идеологической борьбой, развитие письменной традиции способствовали расцвету китайской философии, «золотой век» которой оплодотворил национальную культуру и определил параметры ее дальнейшего развития на многие века вперед.

К периоду VI–III вв. до н.э. следует отнести зарождение и оформление института «политика–история». С известной осторожностью можно утверждать, что в политической терминологии того времени уже существовал термин, адекватный этому понятию, а именно *гу* [*2*] («древность»). Термин *гу* [*2*] обозначал также «традицию». Философы, идеологи, политики древнего Китая, представлявшие разные философские и этико-политические школы, постоянно обращались к этому понятию. Чаще всего термин *гу* [*2*] использовался в этико-политических концепциях, теоретических спорах и дискуссиях при дворе, затрагивавших конкретные проблемы политического управления. Если же речь шла о построении идеального общества или могущест-

венного государства, то ни одна концепция не обходилась без ссылок на *гу* [*2*]. Специфика китайской политической культуры заключается в том, что главным объектом ее внимания изначально были человек, общество, государство и законы природы, а цель состояла в создании модели оптимального соотношения интересов государства, общества и человека.

Из всех этико-политических и философских школ древнего Китая наибольшее воздействие на становление и функционирование политической культуры страны оказали две — конфуцианство и легизм.

Шан Ян — основоположник легизма. Среди плеяды ранних легистов (Цзы Чань, Гуань-цзы, Шан Ян) наиболее яркой фигурой был Шан Ян (390–338 до н.э.), ибо именно ему благодаря реформам удалось осуществить многое из своих концепций, которые соучаствовали впоследствии в становлении императорской системы власти. Определенное влияние на учение Шан Яна мог оказать Мо-цзы (479–381 до н.э.). Обосновывая необходимость введения системы наград и наказаний «волей Неба», Мо-цзы фактически явился предвестником теории легистов, где государственная машина могла функционировать только на основе данной системы.

По сути, именно Шан Ян в истории политической культуры Китая стал олицетворением легизма. Не случайно в эпицентре острой политической борьбы высших эшелонов власти на заключительном этапе «культурной революции», известном как кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» (1973–1974), рядом с Конфуцием оказался именно Шан Ян.

Для того чтобы понять суть легизма, необходимо кратко охарактеризовать учение его основоположника Шан Яна, изложенное в трактате «Книга правителя области Шан» («Шан цзюнь шу»). В этом учении можно выделить две программы переустройства страны — экономическую и политическую.

Экономическая программа. Многие древнекитайские философы и политические деятели связывали экономическое благосостояние государства с уровнем развития земледелия. Эту идею воспринял и Шан Ян. «Совершенномудрый знает, что составляет сущность хорошего управления государством, поэтому он заставляет людей вновь обратить все свои помыслы к земледелию» («Книга правителя области Шан», гл. 3). Однако в его учении сельское хозяйство приобретает особую, неизвестную прежде роль. Это объясняется тем, что осуществление многих кардинальных политических концепций Шан Яна было непосредственно связано с разрешением зерновой проблемы. От этого зависела вся перестройка системы управления, так как создание нового бюрократического аппарата, находящегося целиком на содержании казны, должно было в десятки раз увеличить расходы царского двора. От этого зависело и успешное осуществление внешней политики, поскольку агрессивные войны, к которым призывал Шан Ян, были невозможны до тех пор, пока в стране не будут созданы большие запасы продовольствия. Не случайно в той же главе 3 «Земледелие и война» дается следующая рекомендация правителю: «Тот, кто стремится к процветанию страны, не ослабляет внимания к земледелию, даже если амбары и житницы переполнены...».

Шан Ян предложил целую серию конкретных мер, направленных на повышение производства зерна и увеличение налоговых поступлений. Он убеждал правителя любыми средствами приостановить процесс разорения и бегства земледельцев, так как сокращение числа свободных земледельцев-налогоплательщиков вело к уменьшению доходов казны: «...умный правитель должен... сделать так, чтобы земледельцы не покидали земли, чтобы они могли прокормить своих родителей и управляться со всеми семейными делами» (гл. 23).

Шан Ян неоднократно предлагал правителю провести всеобщую подворную перепись, которая позволила бы представить реальное положение в деревне, и ввести новую, более совершенную и гибкую налоговую систему — взимать налог в зависимости от урожая. Среди серии мер, направленных на увеличение доходов царской казны, особые надежды Шан Ян возлагал на официальную торговлю государственными должностями и рангами знатности. Он был одним из первых мыслителей древнего Китая, который выдвинул эту идею. «Если в народе имеются люди, обладающие излишком зерна, следует поступить так, чтобы им за сдачу [лишнего] зерна пре-

доставлялись чиновничьи должности и ранги знатности» (гл. 13). В то время многие мечтали о приобретении должностей, поскольку чиновники освобождались от уплаты налогов и несения повинностей. Особенно заманчивыми были ранги знатности: обладатель ранга освобождался от трудовой повинности, он мог иметь зависимого работника; тех, кто имел девятый и более высокий ранг знатности, обещали наделить правом сбора налогов с 300 семей общинников.

Значительное место в экономической программе Шан Яна уделяется торговле — в связи с ее пагубным влиянием на сельское хозяйство. Шан Ян осуждает торговцев за то, что они дают приют разорившимся общинникам. Он рекомендует правителю использовать на государственных повинностях всех лично зависимых и рабов, находящихся на службе у торговцев, надеясь с помощью этой насильственной меры вернуть хотя бы часть бывших общинников к земледельческому труду.

Шан Ян пытается оказать давление на торговцев, используя различные экономические рычаги. В то время представители легистской школы разрабатывали концепцию регулирующей роли государства в стабилизации рыночных цен. Они полагали, что государственный контроль над ценами на зерно и разумная политика государственных закупок смогут пресечь ростовщическую деятельность купцов, наживавшихся на искусственном колебании цен.

Шан Ян идет дальше — он предлагает правителю вообще запретить частную торговлю зерном, дабы купцы не могли скупать по низким ценам сельскохозяйственные продукты в урожайные годы и сбывать их втридорога в голодное время. Он советует также повысить пошлины на продажу различных товаров: «Если резко повысить пошлины, взимаемые на заставах и рынках, то земледельцы возненавидят торговцев, а те усомнятся в [доходности торговли] и утратят предприимчивость».

Выдвигая целый ряд ограничительных мер, Шан Ян стремился замедлить темпы развития торговли и главное — ограничить число торговцев. Тем не менее он не выступал за запрещение торговли вообще, признавая ее значение и необходимость: «Земледелие, торговля и управление — три основные [функции] государства. Земледельцы обрабатывают землю, торговцы доставляют товары, чиновники управляют народом».

Среди теоретических положений экономической программы Шан Яна заслуживает внимания еще одна мера, направленная на укрепление экономического могущества царской семьи. Шан Ян предлагает ввести государственную монополию на разработку естественных богатств, передав доходы правящему дому: «Если сосредоточить в одних руках [право собственности] на горы и водоемы, то людям, ненавидящим земледелие, лентяям и стремящимся извлечь двойную [прибыль] нечем будет кормиться». Это предложение в дальнейшем сыграло большую роль в укреплении экономической основы китайского централизованного бюрократического государства (в империях Цинь и Хань были учреждены государственные монополии на соль и железо).

Политическая программа. Как и Конфуций, Шан Ян стремился к созданию прочного государства, где господствовал бы образцовый порядок; он также не представлял себе другой формы правления, кроме монархической. Вместе с тем Шан Ян придерживался иных, чем Конфуций, взглядов на методы управления народом и государством, а также на роль закона и правителя в государственных делах.

Полемизируя с конфуцианцами, Шан Ян критикует образ гуманного правителя как нереальный. Гуманный царь не в состоянии управлять государством и не способен навести порядок в собственной стране. «Человеколюбивый может быть человеколюбивым к другим людям, но он не может заставить людей быть человеколюбивыми; справедливый может любить других людей, но он не может заставить людей любить [друг друга]. Отсюда становится ясным, что одного человеколюбия или справедливости еще недостаточно для того, чтобы добиться хорошего управления Поднебесной». Хорошее правление, по мнению Шан Яна, возможно лишь там, где правитель опирается на единые, обязательные для всех законы. Именно при помощи закона возможно проведение крупных экономических и политических акций. Поэтому в его политической программе закону отводилась роль верховной силы, которой должны были беспрекословно подчиняться все жители Поднебесной: «...если среди людей есть и совершенномудрые, они

не осмелятся плести интриги против [государя], даже если есть доблестные и сильные, они не осмелятся убить правителя; даже если люди многочисленны, они не решатся свергнуть своего правителя; даже если люди могут нажить миллионные [богатства] за счет обильных наград, они не решатся драться за них; если даже будут применяться наказания, люди не осмелятся роптать на них. И все оттого, что есть закон». Эта мысль весьма созвучна идеям, изложенным в «Гуань-цзы», где закон выступает в качестве универсального инструмента управления народом.

Шан Ян возлагал большие надежды на законодательную систему. Введение единых, обязательных для всех государственных законов должно было лишить аристократию ее привилегированного положения. Разрабатывая свою концепцию закона, он стремился наделить правителя неограниченной властью: он является творцом законов и не обязан обсуждать свои планы с представителями аристократии или высшими чиновниками. В отличие от конфуцианцев, допускавших критику и даже смещение царя в случае нарушения им норм морали, Шан Ян не допускает и мысли о наказании правителя, нарушившего закон. Самое большее, к чему призывает правителя Шан Ян, — это соблюдение своих же законов: «...умный правитель относится бережно к законам и установлениям. Он не внимает рассуждениям, противоречащим закону; он сам не превозносит действий, противоречащих закону; он сам не совершает поступков, противоречащих закону». Поскольку же законы не подлежали обсуждению, то исключалась всякая критика деяний главы государства. Таким образом, в политической программе Шан Яна закону суждено было служить опорой деспотической власти.

Для осуществления программы Шан Яна необходимо было изменить психологию общинника, вырвать его из-под влияния патронимии с ее системой подчинения старшему поколению, обычаями взаимопомощи, кровной мести и т.п. Одновременно следовало изолировать образованную часть населения от воздействия конфуцианских идей. Поэтому он яростно выступал против конфуцианских норм поведения, воплощенных в учении о *ли* [*2*]. Конфуцианская концепция идеального государства была в значительной степени построена с учетом норм обычного права, определявших всю совокупность отношений внутри патронимии. Шан Яну предстояло вести долгую и упорную борьбу против укоренившихся традиций.

Важное место в политической программе Шан Яна занимает его учение о методах руководства народом и воздействия на массы в направлении, необходимом правителю. Последнему нужен был ограниченный, но преданный подданный, интересующийся лишь сельским хозяйством и войной. Объясняя, почему он симпатизирует именно необразованным, Шан Ян пишет: «Если люди глупы, их легко принудить к тяжкому труду, а если умны, то принудить нелегко».

Согласно его теории, наиболее эффективным методом воздействия на массы является введение единой системы наказаний, награждения и «воспитания». Таков принцип, с помощью которого совершенный человек управляет государством. Но чтобы этот принцип дал ощутимые результаты, правитель должен хорошо разбираться в психологии человека.

Одним из наиболее эффективных методов управления народом Шан Ян считал наказания. Он выдвигает новую, неизвестную ранее в Китае концепцию наказаний, отказываясь признать какую-либо связь между мерой наказания и тяжестью содеянного. С этой точки зрения необходимо жестоко карать за малейшее нарушение приказов царя, в противном случае невозможно управлять народом: «Там, где людей сурово карают за [тяжкие] преступления и мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но невозможно будет даже предотвратить мелкие проступки».

Стремясь усилить роль наказаний и одновременно установить непосредственный контакт между царской администрацией и общинником, разрывая патронимические узы, Шан Ян вводит в свое учение о наказаниях идею круговой поруки. Круговой порукой связывались не только родственники (отец отвечал за сына, жена — за мужа и т.п.) и соседи, но и люди, занятые в течение какого-то времени общим делом. Шан Ян предложил использовать эту систему и в армии (предварительно разбив воинов на пятерки) в качестве способа борьбы с дезертирством.

Широкое распространение системы круговой поруки позволяло правителю держать всех жителей царства в постоянном страхе и полном подчинении. Эта идея сквозного контроля над мыс-

лями и поступками людей была одной из лучших находок Шан Яна, его существенным вкладом в теорию управления деспотическим государством. Таким образом, он одним из первых в мировой истории создал законченную модель деспотического государства. Законодательство, метод наград и наказаний, система круговой поруки и всеобщей слежки — все это было нацелено на абсолютизацию царской власти и установление полного контроля над деятельностью личности. Стремясь превратить индивида в слепое орудие правителя, Шан Ян возвел унификацию мышления и всеобщее оглупление народа в ранг государственной политики.

Наиболее почитаемыми сословиями были официально объявлены земледельцы и воины. Однако Шан Ян понимал, что без исполнительного аппарата вся его стройная система повиснет в воздухе. Поэтому он уделял большое внимание служилому сословию, пытался создать новый тип чиновника, обязанного своим благополучием государству и потому заинтересованного в упрочении новой административной системы. Одним из наиболее действенных шагов в этом направлении стала отмена сословной ограниченности при выдвижении на административные посты и провозглашение принципа равных возможностей. Это позволяло создать жизнеспособный государственный организм, так как создавались благоприятные условия для постоянного обновления бюрократии. Призывая к строгому надзору за действиями администрации, Шан Ян стремился ограничить деятельность всех чиновников, независимо от занимаемых ими постов, исполнительными функциями.

Выступая против сословной ограниченности, Шан Ян в то же время сам создавал новый привилегированный слой с помощью своей системы рангов знатности (при этом он старался сохранить принцип равных возможностей — теоретически каждый житель Поднебесной мог стать обладателем ранга знатности). Новый слой должен был укрепить государство Шан Яна. Вместе с тем он недооценивал роль и возможности чиновничества в жизни деспотического государства, полагая, что с помощью превентивных мер его удастся удерживать на положении статистов при всесильном правителе. Однако бюрократия могла мириться с положением второстепенной политической силы лишь до тех пор, пока была слаба. По мере укрепления позиций бюрократии и превращения ее в правящее сословие неизбежно возрастала и ее роль в решении государственных дел. Поскольку Шан Ян исключал всякую возможность передачи правителем каких-либо функций чиновничеству, его концепция управления могла быть использована лишь на отдельных этапах китайской истории, чаще всего в переходные периоды. Конфуцианцы впоследствии использовали этот просчет и укрепили свое положение, разработав концепцию добродетельных сановников, управляющих государством.

Реалистическое в целом, учение Шан Яна не было лишено элементов утопии. Прежде всего это касалось идеи нравственного перевоспитания человека, освобождения его от культурных и духовных ценностей, накопленных к тому времени полуторатысячелетней историей китайского народа.

В широком историческом контексте внедрение легистских доктрин в политическую культуру Китая включало следующие основополагающие идеи:

а) концепцию регулирующей роли государства в экономической и социальной жизни общества как гаранта процветания и могущества Китая;

б) практику систематического обновления государственного аппарата путем выдвижения чиновников;

в) доктрину равных возможностей;

г) принцип четкой градации внутри правящего класса;

д) унификацию мышления чиновничества;

е) идею цензорского надзора;

ж) концепцию круговой поруки и личной ответственности чиновника.

Эти доктрины способствовали становлению и функционированию в Китае традиционных институтов, определявших характер структуры управления как таковой.

Легизм оказал большое влияние на формирование ортодоксального конфуцианства и бюрократической системы управления — системы, функционировавшей в Китае без существенных изменений с конца I тысячелетия до н.э. до начала XX в.

Политическая культура традиционного Китая

Конфуций и его вклад в политическую культуру. По сравнению с легизмом воздействие конфуцианства на социально-политическое и духовное развитие Китая оказалось более глубинным.

Сохранявшийся на протяжении многих столетий канонический текст «Лунь юй» («Суждения и беседы») Конфуция не мог не оказывать решающее влияние на формирование ценностных ориентаций китайцев и их политической культуры. Анализ учения Конфуция под этим углом зрения позволяет выделить три наиболее важных его аспекта, сформировавших остов традиционной китайской политической культуры.

Конфуций о человеке. Проблема сущности человека и его предназначения стала предметом анализа европейских, равно как и восточных, мыслителей задолго до нашей эры. Если основой европейской (персоналистической) традиции, в которой личность понимается как некий абсолют и своеобразная святыня, явилось христианство, то в китайской духовной культуре аналогичную роль сыграло учение Конфуция. Функцию же «абсолюта» реализовал «благородный муж» (*цзюнь цзы*), воплотивший в себе черты идеальной личности.

Предваряя анализ ценностных критериев, определявших моральный облик *цзюнь цзы*, необходимо напомнить, что эпоха Чунь-цю — Чжань-го была переломной в истории страны. Принципиальные социально-экономические изменения, происходившие в это время в китайском обществе, не могли не отразиться на представлении о человеке. Перед изумленным взором интеллектуалов древнего Китая раскрылись новые, неизвестные ранее грани человеческого характера и поведения. Если прежде человек не мыслил себя вне семьи и патронимии и всецело подчинял все свои устремления и поведение нуждам родственного клана, то благодаря формированию частной собственности на землю, развитию частных ремесел, торговли, росту городов он постепенно вырывается из тисков семейных и патронимических связей. С возникновением новой системы ценностей меняется и поведение людей. Древние мыслители ужасались, что теперь дед мог быть беден, когда его внук был богат, а состоятельные родственники могли уклоняться от помощи неимущим сородичам. Подобная моральная деградация человека стала причиной ностальгии древнекитайских интеллектуалов по «золотому веку», оставшемуся в прошлом, что особенно ярко проявилось в учении Конфуция: «Учитель сказал: „В древности люди имели три вида недостатков. Ныне же этих недостатков уже нет. В древности распущенные все же умели сдерживать себя. Нынче же распущенные ведут себя разнузданно. В древности сдержанные люди всегда вели себя достойно. Ныне же сдержанные люди прикрывают стыд гневом. В древности даже глупцы отличались прямотой. Ныне же глупцы творят обман“» («Лунь юй», XVII, 16). В этом суждении, насыщенном мрачным юмором, Конфуций выделяет три группы людей — распущенных, сдержанных и глупцов, чтобы на их примере показать, как глубоко пали нравы в его время.

Конфуция, как и многих мыслителей древнего Китая, не могла не интересовать природа человека. В «Лунь юе» в разделе, посвященном характеристике «человеколюбия» (*жэнь* [*2*]), содержится следующее определение человеческой природы: «Учитель сказал: „Богатство и знатность — вот к чему стремятся все люди. Если не установить для них Дао — путь в достижении этого, то они этого и не получат. Бедность и презренность — вот что ненавидят все люди. Если не установить для них Дао — путь для избавления от этого, то они от этого так и не избавятся“» («Лунь юй», IV, 5).

По мнению Конфуция, стремление к богатству и знатности, равно как и страх оказаться в числе бедных и презираемых, одинаково присущи человеческой природе. Говоря современным языком, он относил их к числу биологических факторов, определяющих поведение как отдельных индивидов, так и больших коллективов, т.е. этноса в целом. Аналогичных взглядов придерживались многие древнекитайские мыслители независимо от принадлежности к той или иной этико-политической школе. Ян Чжу (395–335 до н.э.), живший через сто лет после Конфуция, выделял уже четыре основных человеческих стремления, добавив долголетие и славу: «Есть четыре вещи, которые не позволяют людям достигнуть спокойствия: первая — [стремление] к долголетию, вторая — слава, третья — положение [в обществе], четвертая — богатство. Обладающие этими четырьмя вещами боятся духов, боятся людей, боятся силы, боятся наказаний».

Высказываний Конфуция о природе человека весьма немного; признание Цзы Гуна — самого талантливого его ученика, свидетельствует о стремлении Учителя уйти от этой острой темы: «Цзы Гун сказал: „Сочинения и суждения Учителя о культуре (*вэнь*) можно достать и услышать. Суждения же учителя о природе человека (*син* [*1*]) и пути Неба невозможно достать и услышать“» («Лунь юй», V, 13). Тем не менее, судя по отрывочным репликам в «Лунь юе» (V, 27; V, 12), можно предположить, что природные качества современного ему человека не вызывали у Конфуция восхищения: «Учитель сказал: „Ну что же — ничего нельзя поделать! Я никогда не встречал человека, который, заметив собственную ошибку, решился бы осудить себя“». Еще большим пессимизмом проникнута следующая реплика: «Цзы Гун сказал: „Я не хочу, чтобы люди оскорбляли меня, сам же я также не хочу оскорблять людей“. Учитель ответил: „Сы (второе имя Цзы Гуна. — *Л.П.*)! Этого ты никогда не добьешься“».

Однако Конфуций не отчаивался, главным для него было уяснить скрытую природу человека — с тем чтобы более результативно воздействовать на нее в нужном ему направлении. Именно поэтому в приведенном выше суждении о природных качествах людей подчеркивается, что люди могут осуществить свои стремления и даже избавиться от ненавистных состояний, если будут неуклонно следовать «установленному для них *Дао*-Пути».

Сопоставляя человека и *Дао*, Конфуций хотел подчеркнуть, что человек является центральной темой его учения. *Дао* в «Лунь юе» обозначало весь комплекс идей, принципов и методов Конфуция, т. е., по существу, самую суть его учения, с помощью которого он собирался направить человека на путь истинный, управлять им и воздействовать на него.

Постичь *Дао* — значит вступить на путь познания истины. Где-то в конце этого трудного путешествия человеку откроется истина: «Учитель сказал: „Если на рассвете познаешь *Дао*-Путь, то на закате солнца можешь умереть“» («Лунь юй», IV, 8).

И все же Конфуций не верил в способность любого человека овладеть *Дао*-Путем (хотя и не исключал такой возможности). Поэтому он рассматривает человека в трех измерениях, подразделяя людей на три категории: *цзюнь цзы*, *жэнь* [*1*] и *сяо жэнь*. Взаимосвязанные понятия *цзюнь цзы* и *сяо жэнь*, введенные Конфуцием, на долгие столетия определили не только параметры развития политической культуры Китая, но и судьбы его духовной культуры.

Понятие *цзюнь цзы* («благородный муж») занимает одно из центральных мест в учении Конфуция и обозначает идеального человека, который служит примером для подражания представителям двух других категорий. Термин *жэнь* [*1*] («человек») использовался для обозначения как человека вообще, так и обычных людей. Наконец, понятие *сяо жэнь* (досл. «маленький человек», иногда переводится как «низкий человек») несет на себе как этическую, так и социальную нагрузку. Этот далеко не однозначный термин часто используется в сочетании с термином *цзюнь цзы* — как правило, в отрицательном значении. Высказываний о нем довольно много, приведем лишь некоторые.

«Учитель сказал: „Благородный муж всегда исходит из чувства справедливости. Это проявляется в том, что в делах он следует Правилам (*ли* [*2*]), в речах скромен, завершая дела, правдив. Именно таков благородный муж“» («Лунь юй», XV, 18).

«Учитель сказал: „Благородный муж думает о *Дао*-Пути, а не думает о еде. У тех, кто пашет землю, случается и голод. Тем, кто учится, выпадает и жалованье. Благородного мужа заботит обретение *Дао*-Пути и не беспокоит бедность“» («Лунь юй», XV, 32).

Рассуждая о нравственных качествах «благородного мужа», Конфуций наделяет его такими чертами, как справедливость, скромность, правдивость, приветливость, почтительность, искренность, осторожность, умение сдерживать свои желания, отвращение к клеветникам, бездумным и т.п. Благородный муж никогда не успокаивается на достигнутом, он постоянно занимается самоусовершенствованием в надежде постичь *Дао*-Путь.

Некоторые высказывания Конфуция позволяют также судить о социальном статусе *цзюнь цзы*: при жизни Конфуция выдвигать людей на административные посты мог только правитель, иногда прислушивавшийся к советам своих ближайших сановников. В последнем разделе «Лунь юя» (XX, 2), где говорится о надлежащих методах управления народом и государством, образ

цзюнь цзы уже ассоциируется с правителем царства. Правда, это еще не означает, будто каждый правитель автоматически становился *цзюнь цзы*. Перечень моральных достоинств *цзюнь цзы* будет неполным без анализа двух важнейших понятий учения Конфуция — *жэнь* [*2*] и *вэнь*. Благородный муж, лишенный *жэнь* [*2*] и *вэнь*, уже не *цзюнь цзы*.

Обычно принято переводить понятие *жэнь* [*2*] как «человечность», «гуманность», «человеколюбие», причем последнее наиболее точно отражает основное значение *жэнь* («Лунь юй», XII, 22): «Фань Чи спросил, что такое *жэнь* [*2*]. Учитель ответил: „Это значит любить людей“». В дальнейшем, на протяжении столетий понятие *жэнь* [*2*] будет все более насыщаться вытесняющим все иные оттенки смыслом человеколюбия, пока не станет в современном языке синонимом «гуманности».

Именно так он воспринимается на уровне массового сознания в странах конфуцианского культурного региона. Однако самих исследователей на протяжении более 2000 лет занимал вопрос — как трактовать термин *жэнь* [*2*] в учении Конфуция? Западные исследователи отрицали саму возможность адекватного подхода к термину, насыщенному такой полисемией. Крупнейший исследователь Конфуция Фэн Ю-лань предложил делить гуманность на две части — этическую и психологическую. Развивая мысль Фэн Ю-ланя, А.С. Мартынов попытался проникнуть в творческую лабораторию Конфуция, предложив следующую классификацию категории *жэнь* [*2*]:

1. Психологический: а) внутренний; б) внешний.
2. Социальный: а) внутренний; б) внешний.
3. Политический: а) внутренний; б) внешний.

Психологический начинается с преодоления себя (*кэцзи*) — борьбы с внутренним своекорыстием («Лунь юй», XII, 1). «Не преодолев своекорыстия, — пишет А.С. Мартынов, — продвигаться в деле самосовершенствования нельзя; с наличием своекорыстия даже соблюдение норм превращается в пустую формальность, что и породило горестное восклицание Учителя: „Когда говорят: ритуал, ритуал, то разве говорят лишь о подношении яшмы и шелка? Когда говорят: музыка, музыка, то разве говорят о колоколах и барабанах?“ („Лунь юй“, XVII, 11). После преодоления своекорыстия человек в психологическом плане приобретает полное внутреннее спокойствие, что и объясняет устойчивую связь в конфуцианском учении гуманности и покоя. Обретенный на базе *кэцзи* покой в социальном плане выражается в том, что человек приобретает способность относиться к другим, как к себе самому, „заботясь о становлении себя самого, способствовать и становлению других“. Именно тот человек, который сумел преодолеть в себе своекорыстие, переходя к общению с себе подобными, обретает способность наполнить предписываемые нормы общения настоящим гуманистическим содержанием и явить миру социальный аспект гуманности посредством строгого соблюдения нормативных предписаний: „не смотри... не слушай... не говори...“. Если такому, занятому самосовершенствованием человеку, который преодолел в себе корыстные побуждения (психологический аспект гуманности), согласовал свое поведение с себе подобными при помощи надлежащих норм (социальный аспект гуманности), удастся попасть на государственную службу, то он облагодетельствует народ и превратится в точку притяжения для всей Поднебесной (политический аспект гуманности). Нам представляется, что весь имеющийся в „Лунь юе“ материал укладывается в предложенную классификацию с наличием, конечно, некоторых дополнительных нюансов, вызванных конкретным контекстом.

Таким образом, «благородный муж» как лицо, воплощающее конфуцианского идеального человека, был призван отвечать всем требованиям носителя *жэнь*. Он должен был быть человеколюбивым, искренним, честным, преданным государственным делам (в данном случае — правителю), осмотрительным, осторожным, неуклонно соблюдать правила и т.п. Кроме того, истинный «благородный муж» должен был еще обладать и *вэнь*.

Иероглиф *вэнь* встречается уже в надписях на иньских костях (XIV–XII вв. до н.э.), его первоначальное значение — «человек с разрисованным туловищем», «раскрашивать», «узор». Ко времени Конфуция термин *вэнь* постепенно приобретает иное значение и используется для обозначения понятий «литература», «культура». В этой трансформации содержания *вэнь* — огромная заслуга самого Конфуция, который вдохнул в это понятие новую жизнь, связав его с письменной традицией народа и его духовной культурой.

В «Лунь юе» (I, 6) проводится четкая мысль о том, что *вэнь* — это то, что человек приобретает в процессе обучения, причем каждый человек должен стремиться овладеть духовной культурой предков: «Когда молодой человек дома почтителен к родителям, а вне его — проявляет уважение к старшим; когда он скромен и правдив; когда он с любовью относится к людям — он всем этим приближается к человеческому началу (*жэнь* [*2*]) в себе. И если у него еще останутся силы, он изучает *вэнь*».

Являясь носителем *жэнь* [*2*] и *вэнь*, «благородный муж» должен удовлетворять еще одному ценностному критерию, описанному в «Лунь юе». Рассуждая о существенном отличии «благородного мужа» от «маленького человека», Конфуций выделил в качестве индикатора их различий приверженность принципу *хэ* («Лунь юй», XIII, 23): «Учитель сказал: „Благородный муж стремится к *хэ* [*1*], но не стремится к *тун*, маленький человек стремится к *тун*, но не стремится к *хэ* [*1*]“».

В эпоху Чунь-цю общей для терминов *хэ* [*1*] и *тун* была идея «стремления к единству», но с разных позиций. В словаре политической культуры эпохи Чунь-цю термин *хэ* [*1*] являлся символом достижения единства путем столкновения и взаимопреодоления полярных сил, в то время как понятие *тун* символизировало покорное единение с однопорядковой силой, исходящей, как правило, от верховной власти.

Конфуций был знаком с этими принципами не только в теории, но и на практике. Он не мог не видеть, какие богатые возможности для его учения открывал принцип *хэ* [*1*]. В качестве постоянно действующего фактора создаваемой модели общества и государства принцип *хэ* [*1*] служил надежным гарантом их стабильного функционирования и развития. Поскольку основным элементом его учения, определявшим характер взаимоотношений в обществе и государстве, являлась концепция *цзюнь цзы*, Конфуций решил сделать принцип *хэ* [*1*] ценностным критерием формирования «благородного мужа».

«Учитель сказал: „Благородный муж стремится к единению через разномыслие, но не стремится к единению через послушание. Маленький человек стремится к единению через послушание, но не стремится к единению через разномыслие“» («Лунь юй», XIII, 23).

Используя понятия *хэ* [*1*] и *тун* в их первоначальном значении, Конфуций тем не менее качественно изменил их дальнейшую судьбу. Связав эти принципы с образами «благородного мужа» и «маленького человека», сделав их ценностными критериями, определяющими тип личности, он поднял *хэ* [*1*] и *тун* на более высокий уровень, придав им характер всеобщности.

Итак, согласно учению Конфуция, каждый житель Поднебесной теоретически мог стать *цзюнь цзы*, но для этого он должен воспитать в себе и реально воплотить три ценностных критерия идеальной личности — *жэнь* [*2*], *вэнь* и *хэ* [*1*]. Вторая модель человека в учении Конфуция — это *сяо жэнь*. Термин *сяо жэнь* многозначен. Прежде всего это категория этическая и лишь в редких случаях может трактоваться в социальном плане. В «Лунь юе» понятие «маленький человек», как правило, употребляется в сочетании с термином «благородный муж». Правда, в отличие от *цзюнь цзы*, несущего основную смысловую нагрузку в учении Конфуция, понятие *сяо жэнь* встречается реже (термин *цзюнь цзы* упоминается в «Лунь юе» 107 раз, *сяо жэнь* — всего 24). Если *цзюнь цзы* наделен всеми лучшими качествами, то образ *сяо жэнь* концентрирует в себе все отрицательное, что встречается в людях. Помыслы «маленького человека» сосредоточены лишь на самом себе, на удовлетворении, причем любыми способами, тех стремлений, которые присущи человеку от природы («стремление к знатности и богатству»). Поэтому одной из характерных черт *сяо жэнь* является *ли* [*3*] («выгода»): «Учитель сказал: „Благородный муж помышляет лишь о справедливости, маленький человек помышляет лишь о выгоде“» («Лунь юй», IV, 16).

В отличие от *цзюнь цзы*, который неустанно совершенствует свои нравственные качества, *сяо жэнь* поглощен лишь материальным процветанием: «Учитель сказал: „Благородный муж стремится вверх, маленький человек стремится вниз“» («Лунь юй», XIV, 23). «*Сяо жэнь* несдержан, заносчив, легко зазнается, он не способен... жить в согласии с другими людьми». К тому же он трусоват: «Учитель сказал: „Тот, кто напускает на себя грозный вид, а в душе трусоват, — это и есть маленький человек; не подобен ли он грабителю, влезающему в дом через окно или стену?“» («Лунь юй», XIII, 23; XVII, 22).

Таким образом, в учении Конфуция впервые в истории китайской культуры была создана модель идеальной личности, оказавшая огромное воздействие на формирование национального характера и духовной жизни китайцев. Не меньшую воспитательную роль играл и негативный образ *сяо жэнь*, постоянно напоминавший современникам и потомкам о том, во что может превратиться человек, добровольно отказавшийся от принципов *жэнь* [*2*], *вэнь* и *хэ* [*1*] и отдавшийся во власть «природных» стремлений.

Конфуций об обществе. В модели идеальной личности Конфуций видел ключ к созданию гармоничного общества. Во времена Конфуция во всех без исключения китайских царствах наблюдался процесс внедрения государства в общину, подчинения общинника государственной власти, минуя местную аристократию и общинные органы самоуправления. Процесс этот был долгим, мучительным и сложным, так как ни аристократия, ни главы патронимий и общин не хотели добровольно расставаться со своими привилегиями и властью. В такой ситуации правители царств нередко обращались за советом к мудрецам — представителям различных этико-политических и философских школ. Спрос породил предложение, и современник Конфуция — Цзы Чань, которого принято считать одним из родоначальников «школы *фа* [*1*]» (законников, легистов), посоветовал правителям ввести среди земледельцев систему круговой поруки, основанную на поголовном доносительстве. По замыслу Цзы Чаня, такая система должна была взорвать общину изнутри. Его талантливый последователь Шан Ян, творчески разработав заветы учителя, пошел дальше, предложив распространить доносительство на всех членов общества. Отныне каждый, независимо от возраста и социального положения, был обязан доносить на всех и вся, исключая лишь одного человека — главу государства. Шан Ян, стремясь активизировать доносительство и не желая наносить урона казне, советовал вознаграждать доносчика за счет нарушителя: «Независимо от того, является сообщивший знатным или человеком низкого происхождения, он полностью наследует должность, ранг знатности, поля и жалованье того старшего чиновника, [о проступках которого сообщит правителю]» («Шан цзюнь шу», с. 207).

Конфуций, живший в период внедрения в китайское общество практики доносов, так оценивал эту систему: «Шэ-гун сказал, обращаясь к Кун-цзы: „В моем *дане* [*2*] (общине. — *Л.П.*) есть прямой человек. Когда его отец украл барана, то сын сообщил [властям] об этом“. Кун-цзы сказал: „Прямые люди моего *дана* [*2*] отличаются от ваших, отцы укрывают детей, дети укрывают отцов — в этом именно и заключается прямота“» («Лунь юй», XIII, 18).

Данный эпизод был включен во многие памятники древнекитайской культуры, начиная с конца периода Чжань-го. Проблема приоритета морали над долгом перед верхами, впервые поднятая Конфуцием в краткой полемике с Шэ-гуном, прошла через всю духовную и политическую культуру страны и только дважды в китайской истории обернулась антиконфуцианскими вспышками: в период правления императора Цинь Ши-хуана и на заключительном этапе «культурной революции». Нравственная позиция Конфуция оказала определяющее воздействие на развитие китайского правосознания, формирование национального характера и политической культуры страны.

Практика доносительства (тем более на ближайших родственников) фактически ставила под угрозу конфуцианскую концепцию личности; общество, насыщенное «прямыми людьми» Шэ-гуна, не имело будущего. Для того чтобы общество само отторгло практику и теорию доносительства, требовался идейный каркас, построенный на принципиально иных нравственных приоритетах. В учении Конфуция таким приоритетом стало понятие *жэнь* [*2*]. Графически оно состоит из двух частей: левая — «человек», правая — «два». Эти графемы, соединенные вместе, обозначают буквально «два человека»; другими словами, уже в самом начертании иероглифа была заложена идея общения, связи людей.

Наряду с категорией *жэнь* [*2*], конфуцианская модель общества насыщена такими понятиями, как *сяо* [*1*] («сыновняя почтительность»), *ли* [*2*] («этикет», «ритуал»), *чжи* [*2*] («ум», «знание»), *и* [*1*] («справедливость», «долг»), *чжун* [*2*] («преданность»), *дэ* («добродетель», «одаренность», «мораль»), *чи* [*2*] («стыд»), *чжун юн* («принцип середины»).

Рассмотрим на конкретных примерах значение и роль в обществе категорий *сяо* [*1*], *чжи* [*2*] и *ли* [*2*].

Исторические судьбы легизма и конфуцианства

Впервые мысль о *сяо* [*1*] была фрагментарно высказана Конфуцием в беседе со своими ближайшими учениками: «Учитель сказал: „Старые должны жить в покое, друзья должны быть правдивыми, младшие должны проявлять заботу [о старших]“» («Лунь юй», V, 26).

Забота о старших, пожилых и родителях красной нитью проходит через все суждения Конфуция об идеальном обществе. Он разрабатывает и пропагандирует понятие *сяо* [*1*], призванное сыграть цементирующую роль в устанавливаемых им нормах поведения людей: «Учитель сказал: „Когда отец жив — наблюдай за стремлениями его [сына]; когда отец умер — наблюдай за поведением его [сына]; если в течение трех лет не сошел с *Дао*-Пути отца, то его можно назвать обладающим сыновней почтительностью (*сяо* [*1*]) [«Лунь юй», I, 11] (цифра «три» в древнем Китае передавала ощущение чрезвычайно длительной протяженности во времени). «Путь отца» — не только его жизненный путь, но и взгляды, поступки, поведение, черты характера. Исполнение прижизненных желаний отца, неукоснительное следование его пути в течение длительного времени (вплоть до смерти сына) должно было установить прочную связь между поколениями, упрочить связь с традицией и воспитать уважение к традициям своей семьи и, таким образом, к культурным традициям всего китайского этноса (*хуася*). Именно в этом заключается главная функциональная значимость понятия *сяо* [*1*]. Поэтому Конфуций так часто говорит о сыновней почтительности: «Цзы Ю спросил, что такое сыновняя почтительность. Учитель ответил: „Ныне [некоторые] называют сыновней почтительностью то, что они кормят своих родителей. Но ведь собак и лошадей тоже кормят. Если это делается без глубокого почтения, то в чем же здесь разница?“» («Лунь юй», II, 7).

Одной заботы о содержании родителей еще недостаточно, необходимо постоянно проявлять чувство глубокого уважения и терпеливой любви: «Учитель сказал: „В обращении с отцом и матерью проявляй мягкость и учтивость. Если видишь, что твои желания им неугодны, все равно проявляй почтительность — не противься их воле. И пускай ты и устанешь, не смей роптать [на них]“» («Лунь юй», IV, 28).

Концепция *сяо* [*1*] не была придумана Конфуцием, он использовал те нормы поведения, которые еще сохранялись в больших семьях и патронимиях, по-новому осмыслил их, обобщил и распространил на все общество. Таким образом, он заручился поддержкой мощного в то время социального слоя *фу лао* — «отцов-старейших», стоявших во главе общин. «Отцы-старейшие» были заинтересованы в упрочении своей власти над сыновьями, младшими братьями, молодым поколением общины. Отныне они получали активную моральную поддержку со стороны Конфуция, которая была зафиксирована в одном из его суждений: «Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота — быть уважительными к старшим» («Лунь юй», I, 6).

Стремясь усилить этико-моральную значимость принципов сыновней почтительности и любви к старшим братьям, Конфуций делает *сяо* [*1*] составным элементом *жэнь* [*2*]: «Сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям — это и есть корень человеколюбия» («Лунь юй», I, 2).

Взгляды Конфуция на устройство общества были отчасти основаны на тех нравственных категориях и ценностях, которые бытовали в китайской общине. Вместе с тем его идеи несли с собой много нового — культ грамотности, знаний. Каждый член общества обязан стремиться к знаниям, прежде всего к знанию истории собственной страны. Именно поэтому древность (*гу* [*2*]) и все, что было с ней связано (главным образом славные деяния выдающихся правителей прошлого, как мифических, так и реальных, от Юя до Вэнь-вана), возводились Конфуцием в ранг образцов для подражания в настоящем.

Конфуций никому не закрывает путь к знаниям. Широко известно его суждение: «В делах образования не может быть различия в происхождении». Все зависит от самого человека: коль он наметил цель и посвятил все свои помыслы учебе, его ожидает похвала Учителя. В «Лунь юе» (XVI, 9) приводится следующая иерархия типов личности в зависимости от ее отношения к знаниям: «Высший — тот, кто обладает знаниями от рождения; следующий — тот, кто приобретает знания в учении; за ним следует тот, кто приступил к учению, столкнувшись с трудностями; того, кто столкнувшись с трудностями, не приступил к учению, народ причисляет к низшим». Конфуций считал знание неотъемлемым атрибутом здорового общества.

С понятием *жэнь* [*2*] тесно связывалось и представление о *ли* [*2*]: «Преодолеть себя (собственные недостатки) и вернуться [в словах и поступках] к Правилам (*ли* [*2*]), — в этом и заключается человеколюбие (*жэнь* [*2*])» («Лунь юй», XII, 1). Каждый член общества с рождения и до своей кончины должен был в повседневной жизни руководствоваться Правилами. Поскольку в учении Конфуция *ли* [*2*], обогащенное принципом *хэ* [*1*], являлось не только организующим началом общества, но и основой государства, то благодаря *ли* [*2*] общество органически соединялось с государством. У Конфуция общество не могло противостоять государству, так как их связывали общие ценности; тем не менее общество в определенном смысле оставалось ведущим: в случае нарушения верхами принципов *ли* [*2*] оно могло оказывать на них пассивное давление. Моральные установки общества распространялись и на политику. Именно слияние этики с политикой и обеспечило учению Конфуция такую долгую жизнь.

Все названные категории входили в единый блок понятий, пронизанных *жэнь* [*2*] и направленных на поддержание нравственного здоровья общества. Этот блок как раз и являл собой конфуцианский духовный каркас общества, способный, по замыслу его творца, противостоять таким явлениям (формирующим духовно ущербных *сяо жэнь*), как корысть, эгоизм, жестокость, неуемная жажда власти и, наконец, доносительство.

Отрицательное отношение Конфуция к богатству, осуждение «стремления к выгоде», призывы к «скромности в одежде и питании» могут создать впечатление, что его модель общества отвечала идеалам эгалитаризма. Однако такое представление было бы неправильным. Так, в «Лунь юе» приведено пожелание Конфуция, чтобы «простой люд» в царстве Вэй стал богатым. Но это пожелание сопровождается призывом к воспитанию народа («Лунь юй», XIII, 9). Материальное процветание членов общества было немыслимо, согласно воззрениям Конфуция, без воспитательной, проповеднической деятельности последователей его учения, которые призваны личным примером оберегать и распространять нравственные ценности. Именно в этом видел он залог здоровья общества.

Конфуций возвел в ранг государственной политики сохранение и рачительное использование природных богатств. В 515 г. до н.э., беседуя с цисским правителем Цзин-гуном о сути истинного правления, он сказал: «Истинное правление заключается в бережном отношении к [государственным] ценностям» (под последними имелись в виду не только людские, но и природные ресурсы).

В арсенале воспитательных методов Конфуций особо выделял личный пример. Если поведение проповедника расходится со словом, то грош цена его нравоучениям. Поэтому он всегда старался вести себя как истинный *цзюнь цзы*. Благодарные ученики сохранили для нас пример его отношения к животному миру: «Учитель всегда ловил рыбу удочкой и не ловил сетью; стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую» («Лунь юй», VII, 27) .

Конфуций о государстве. Соблюдению правил (*ли* [*2*]) Конфуций уделял особенное внимание. Значение *ли* [*2*] весьма объемно: сюда входят *жэнь* [*2*] (человеколюбие) (прежде всего любовь к родственникам и сородичам); *сяо* [*1*] — сыновняя почтительность (к родителям и предкам), уважение к старшим и подчинение им; честность и искренность; постоянное стремление к внутреннему самосовершенствованию.

Многие принципы поведения, взаимоотношений между людьми и даже отношение к порученным делам, т.е. то, что составляло сущность *ли* [*2*], вырабатывались Конфуцием с учетом некоторых традиционных норм поведения, сложившихся в общинах, где представители старшего поколения пользовались непререкаемым авторитетом. Однако нормы морали в интерпретации Конфуция не совпадали с нормами обычного права и включали в себя ряд новых моментов. Представление о почитании старшего поколения, бытовавшее в общинах, было вынесено Конфуцием за рамки мелких социальных ячеек и инкорпорировано в модель государственной структуры.

Правом на свободное толкование уже принятых Правил обладали лишь немногие, самые высшие сановники, ставшие *цзюнь цзы*; первым среди них был глава государства. Остальная масса управляющих обязана была послушно выполнять эти Правила. На вопрос ученика, какие отно-

шения должны существовать между правителем и чиновниками, Конфуций ответил: «Правитель использует сановников, руководствуясь Правилами, сановники же служат правителю, руководствуясь чувством преданности» («Лунь юй», III, 19).

Будучи сторонником авторитарной системы, Конфуций в то же время выступал против излишней абсолютизации царской власти. В своей модели государства он стремился ограничить права царя. В этом, по-видимому, одна из причин возникновения концепции «благородного мужа» — прообраза будущего «совершенного» бюрократа. Правителю, принявшему концепцию Конфуция, вольно или невольно приходилось принимать на себя бремя обязанностей *цзюнь цзы*. Роль же наставников, не только следивших за соблюдением правителем принципов *ли* [*2*], но и причастных к их сотворению, отводилась конфуциански образованным сановникам — «благородным мужам», составлявшим ближайшее окружение царя. Конфуций возлагал определенные надежды на этот тип сановников, обязанных своим возвышением добросовестному изучению его учения. В то же время, стремясь успокоить правителей, Конфуций внушал им, что если они будут досконально соблюдать все его наставления, то со временем может отпасть необходимость и в самих наставниках: «Учитель сказал: „Когда в Поднебесной следуют *Дао*-Пути, то сановники не занимаются правлением“» («Лунь юй», XVI, 2).

У Конфуция звучат жесткие ноты, когда речь заходит хотя бы о малейших колебаниях веры в святость Неба: «Не зная воли Неба, не станешь благородным мужем» («Лунь юй», XX, 3). Но постичь веления Неба суждено не каждому. Для этого нужно хорошо усвоить Правила, строго соблюдать их и обладать обширными знаниями.

В роли земных интерпретаторов воли Неба могли выступать только *цзюнь цзы*, т.е. те, кто в совершенстве овладел принципами *ли* [*2*]. Это была блестящая мысль, ставшая впоследствии одной из главных причин возвеличивания Конфуция китайской бюрократией: мудрый мыслитель и тонкий политик вручал своим последователям мощное идеологическое оружие. Конфуций превратил Небо в стража основных догматов своего учения. Небо знает, кто и как претворяет учение о *ли* [*2*]. Ведь именно Небо помогает людям, стремящимся к знаниям, понять этические нормы и овладеть ими. Именно благосклонность Неба помогает правителю стать «благородным мужем».

«Небо породило добродетель во мне», — говорил Конфуций («Лунь юй», VII, 23). Он не случайно связывал столь прочно Небо с делами людей. Небо контролировало не только поступки простых смертных, но и деяния правителя. Оно прежде всего должно было следить, насколько верен правитель принципам конфуцианского учения. Отныне над правителем нависала угроза потери власти, если он сойдет с пути, начертанного Конфуцием.

Одно из важнейших положений учения Конфуция, касающихся принципов управления государством, — это концепция «исправления имен», влияние которой на политическую культуру Китая продолжалось вплоть до конца XX в. Впервые Конфуций заговорил об этом в беседе с учеником Цзы Лу в 488 г. до н.э., когда судьба ниспослала ему наконец возможность осуществить долгожданную мечту — получить высший чиновничий пост.

«Цзы Лу спросил: „Вэйский правитель намерен привлечь Вас к управлению [государством]. С чего Вы начнете?“... „Начать необходимо с упорядочения названий, которые не соответствуют сути!.. Благородный муж осторожно относится к тому, чего не понимает. Если названия не соответствуют сути, то и со словами неблагополучно. Если со словами неблагополучно, то дела не будут ладиться. А когда дела не ладятся, то Правила и музыка не действенны. Если Правила и музыка не действенны, то наказания не достигают своей истинной цели. А когда наказания не достигают своей истинной цели, то народ не знает, как с пользой распорядиться силой своих рук и ног. Поэтому благородный муж, вводя названия, должен произносить их правильно, а то, что произносит, непременно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть и грана неточности“» («Лунь юй», XIII, 3).

Несколько пояснений к тексту. Вэйский правитель Чу-гун получил свой пост в результате дворцовой интриги. Если бы Конфуций согласился стать первым советником, то как бы официально признал законность перехода престола к Чу-гуну. Царство Вэй являло собой классический,

с точки зрения Конфуция, образец государства, где названия («правитель», «сановник», «отец», «сын») «не соответствуют сути», а потому там и со словами, их обозначающими, «неблагополучно». Далее он рисует картину всеобщей государственной разрухи и нравственного опустошения, порожденных тем, что основа государственного устройства нарушена. Для такого царства возможен лишь один выход — необходима коренная перестройка, дабы «названия» вновь стали «соответствовать их сути», тогда и слова правителя «станут правильными», и «дела будут ладиться».

Иначе говоря, необходимо форму привести в соответствие с содержанием. В этом основной смысл понятия *чжэн мин*. Современные китайские исследователи трактуют *чжэн мин* именно в этом значении.

В модели идеального государства, созданной Конфуцием, заложена еще одна крайне важная принципиальная установка, которую замалчивали в период императорского Китая. Конфуций считал, что управляющие должны не только поддерживать постоянные контакты с народом, но и добиваться такого положения, чтобы народ поверил в искренность провозглашенной правителем политики, а для этого она должна быть нравственной.

В его модели государственного устройства образование, знания приобрели роль материальной силы. Именно благодаря образованности, знанию культуры (*вэнь*) человек мог стать *цзюнь цзы*, что открывало широкие возможности для чиновничьей карьеры. Провозгласив культ знаний, Конфуций теоретически никому не закрывал путь к самоусовершенствованию и образованию. Он считал, что все люди от рождения обладают одинаковыми способностями овладевать знаниями, остальное зависит уже от усилий и характера. Вот как охарактеризовал он свой жизненный путь: «Учитель сказал: „Я приобрел знания отнюдь не от рождения. Лишь благодаря любви к древности и настойчивости [в учебе] я получил их“» («Лунь юй», VII, 20).

Логическим завершением этой мысли является следующее суждение: «Учитель сказал: „В [деле] образования не может быть различий [в связи с] происхождением“» («Лунь юй», XV, 39).

Этому высказыванию Конфуция было суждено сыграть революционизирующую роль в системе государственного устройства Китая; со временем оно превратилось в одну из несущих конструкций императорского режима. Провозгласив принцип равных возможностей в образовании, Конфуций в идеале открыл всем доступ к чиновничьим постам. Но так было лишь в теории, в реальной жизни простолюдины вряд ли могли составить конкуренцию в сфере знаний образованным представителям элиты (особенно на этапе государственных экзаменов на получение чиновничьих должностей). Бюрократия успешно регенерировала сама себя, и общество на практике оставалось строго стратифицированным.

По замыслу Конфуция, долг высшей административной элиты состоял не только в том, чтобы строго следовать основным управленческим и нравственным постулатам его учения (правила-*ли* [*2*], справедливость-*и* [*1*], честность-*синь* [*2*]), но, главное, быть им искренне преданными, «любить» их. Учитель не случайно говорит о «любви». Личный пример элиты окажется действенным для простолюдинов только тогда, когда представители верхов «полюбят» справедливость, честность и Правила.

Когда верхи станут реальным воплощением конфуцианских нравственных норм, сама собой будет достигнута высокая степень естественного доверия и близость их народу. В атмосфере веры народа в нравственные критерии верхов и их политики ни один человек из народа не решится нарушать государственных предписаний. Народ сам, по своей инициативе устремится к верхам, «неся за спиной [грудных] детей».

В конфуцианской модели государства нашлось место и для общины (*ли* [*10*]), тем более что в то время царская администрация, как правило, функционировала в надобщинной сфере, вся же повседневная жизнь общинника регулировалась органами самоуправления в лице *фу лао* и *сань лао*. В их функции (в тот период, когда создавался «Лунь юй») входил и разбор ссор и тяжб между членами общины.

Конфуций наделил общины правом относить людей к морально-этическим категориям обладающих *сяо* [*1*] или *ди* [*3*]. Фактически это право получали не простые односельчане или члены рода, а главы патронимий или общин. Кандидатуры могли обсуждаться на общинных или патро-

нимических сходках, но решающее слово принадлежало «отцам-старейшим» или «трем старейшим». Впоследствии, спустя несколько веков, когда конфуцианство стало официальной идеологией, на дверях домов того, кто удостаивался быть названным обладающим *жэнь* [*2*], *сяо* [*1*] или *ди* [*3*], вешались соответствующие таблички.

Необходимо кратко охарактеризовать две социальные утопии Конфуция, оказавшие формирующее воздействие на развитие политической культуры Китая (одна из них стала символом построения социализма с китайской спецификой).

Как тонкий психолог, Конфуций относил наступление эры «истинного правления» (заимствованной из прошлого) к далекому будущему, когда будет построено общество «Великого единения» — *да тун*. На пути к нему необходимо построить еще одно — как бы промежуточное — общество, где уже будут частично реализованы цели общества «Великого единения». Это промежуточное общество Конфуций назвал *сяо кан* (общество «Малого благоденствия»).

В трактате «Ли цзи» («Книга ритуалов»), к составлению которого Конфуций имел самое непосредственное отношение, в главе «Ли юнь» («Действенность установлений» или «Закономерности движения установлений») впервые зафиксированы обе утопии.

Общество *да тун*:

«Когда шли по великому Пути, Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели призрение, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчины, свое прибежище — у женщины. Нетерпимым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не до́лжно было копить его у себя, нестерпимо было не дать силам выхода, но и полагалось [работать] только для себя. По этой причине не возникали [злые] замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось Великим единением».

Общество *сяо кан*:

«Путеводными нитями стали ритуал и долг. С их помощью упорядочивают [отношения] государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием — братьев, согласием — супругов. С их помощью устанавливают порядок, намечают границы полей и общин, возвеличивают мужественных и разумных, наделяют человека заслугами. Их используют в своих замыслах, ради них подъемлют оружие. В соответствии с ними избирались [на царство] Юй и Тан, Вэнь-ван и У-ван, Чэн-ван и Чжоу-гун. Среди этих шестерых благородных мужей не было ни одного, кто бы не почитал ритуал. С ним сверяли они свою справедливость, на нем строили свою верность, проверяли вину, узаконивали человеколюбие, учили уступчивости, являя тем самым народу свое постоянство. Если кто не следовал ему, он потерял бы свой престол, ибо люди почли бы его сущим бедствием. Все это и называется Малым благоденствием».

Обе утопии оказали большое влияние на развитие политической культуры Китая, особенно на этапе соприкосновения с Западом. К идее *да тун* и *сяо кан* обращались, творчески развивая их, самые разные мыслители и политические деятели XIX–XX вв. — Кан Ю-вэй, Сунь Ят-сен, Мао Цзэ-дун, Чан Кай-ши, Дэн Сяо-пин.

Конфуций выделял три типа государства, критерием которых являлись профессионализм и нравственный уровень управляющих, ответственных за благосостояние народа:

1) хорошо управляемое государство (где царит собственный *Дао*-Путь),

2) плохо управляемое государство (сошедшее со своего *Дао*-Пути),

3) государство, лишенное всякого управления (где царит Хаос).

Конфуций устанавливает прямую зависимость между жизненными перспективами человека и типом государства, в котором он обитает. В первой модели перед каждым открываются нравственно обусловленные возможности реализации «естественных устремлений» (нищим может оказаться только бездельник). Во второй модели, лишенной нравственных основ, процветать могут лишь аморальные люди (*сяо жэнь*), а честные, знающие и трудолюбивые обречены на нищенствование. Что же касается государства третьего типа, то оно обречено: «Учитель сказал: „В государстве, где царит *Дао*-Путь, — стыдно быть бедным и незнатным. В государстве, лишен-

ном *Дао*-Пути, — стыдно быть богатым и знатным... В государстве, где царит Хаос, люди не живут“» («Лунь юй», VIII, 13).

Значительный вклад в политическую культуру Китая внес ученик Конфуция Мэн-цзы.

Учение Мэн-цзы в форме бесед с учениками и правителями царств изложено в трактате «Мэн-цзы». Этот трактат — по сути развернутый ответ на «происки» Шан Яна. Мэн-цзы показал себя выдающимся талантливым последователем Конфуция; не случайно в истории китайской цивилизации за ним закрепилось имя «Второй совершенномудрый». Фундаментальная идея Мэн-цзы состоит в том, что природа человека добра и изначально обладает «четырьмя добродетелями» — нравственными началами: «...не имеющий чувства сострадания — не человек... не имеющий чувства стыда и отвращения ко злу [в других] — не человек... не имеющий чувства самоотречения и уступчивости — не человек, не человек и тот, кто лишен способности одобрять и порицать. Чувство сострадания есть начало человеколюбия. Чувство стыда и отвращения [ко злу] есть начало справедливости. Чувство самоотречения и уступчивости есть начало житейских правил. Способность (чувство) одобрения и порицания есть начало мудрости. Эти четыре начала у человека то же, что конечности тела».

Эти четыре начала человеку необходимо развивать: «Если мы доведем их до полноты, то их достаточно будет для защиты всей вселенной; если же не доведем до их полноты, то их хватит для служения родителям». Не только государство, но и само общество требовало от своих членов руководствоваться в своем поведении именно этими критериями ценности личности.

Подобно Конфуцию, Мэн-цзы часто обращается к принципу *дэ* (добродетель). Если у Конфуция главенство принципа *дэ* в управлении государством является гарантом стабильности и могущества государства, то Мэн-цзы советует правителям быть более активными с помощью *дэ*, называя конкретные меры, составляющие суть гуманного правления, где интересы власти (правителя) и народа — едины. На вопрос циского Сюань-вана: каким надо обладать *дэ*, чтобы стать истинным *ваном* (царем), Мэн-цзы отвечает, что главное — суметь любить и оберегать народ: «такому царю не в состоянии никто противиться». Здесь он вступает в прямую полемику с Шан Яном, не допускающим и мысли о каком-либо духовном единении власти и народа: «если управлять людьми как добродетельными, то неизбежна смута и страна погибнет, если же управлять людьми как порочными, то всегда утверждается [образцовый] порядок и страна достигнет могущества» («Шан цзюнь шу», гл. 5).

В отличие от Шан Яна Мэн-цзы так же, как и Конфуций, был сторонником ограничения власти правителя. Он особенно подчеркивал карающую роль Неба, а вместе с ней и роль мудрых сановников при правителе: «Когда государь имеет громадные недостатки, такие министры (высшие сановники. — *Л.П.*) должны увещевать его, и, если он не внемлет их наставлениям и неоднократным увещаниям, тогда они должны заменить его другим» («Мэн-цзы», V, 5, 9). В его трактате довольно много подобных высказываний о насильственном свержении провинившегося правителя.

Мэн-цзы создает концепцию «гуманного правления» (*жэнь чжи*). Суть ее сводится к следующему: правитель должен выполнять по отношению к своим подданным роль отца семейства, рассматривая государство как свою семью и прибегая к принуждению лишь в крайнем случае; наделить крестьян землей путем восстановления системы *цзин тянь*, когда у всех земледельцев были одинаковые поля размером по 100 *му* [*2*]; отказаться от военных авантюр; ослабить систему наказаний; снизить налоги и подати; отказаться от правительственной монополии на использование болот и озер; проявлять заботу о вдовах, сиротах и бездетных; назначить чиновникам жалованье, передаваемое по наследству. К перечисленным восьми пунктам следует добавить еще один, без которого политическая программа Мэн-цзы выглядела бы неполной: правитель должен передать управление государством мудрым сановникам. Правителю, утверждал Мэн-цзы, не следует вмешиваться в дела сановников, так же как ему не следует давать указания плотнику или ювелиру: каждый из них мастер своего дела и знает, как поступить в конкретном случае.

Кардинальное отличие учения Мэн-цзы от воззрений Шан Яна заключалось в иной смысловой трактовке понятия *минь* — народ. У Мэн-цзы народ является одной из трех основных ценностей

государства: «У правителя три драгоценности: земля, народ и [форма] правления». Тут же он уточняет, что это особый вид драгоценности, гораздо ценнее жемчуга и дорогих каменьев. Поэтому того правителя, который «ценит выше всего жемчуг и дорогие камни, непременно постигнет несчастье» («Мэн-цзы», VII, Б, 28). Более того, народ, внушает Мэн-цзы, гораздо ценнее правителя: «Народ составляет главный элемент [в государстве], духи земли и хлебов — второстепенный, а государь — последний (легкий)» («Мэн-цзы», VIII, Б, 14). Это был прямой вызов концепции усиления государства, внедряемой Шан Яном: «Если (государь) проводит политику, ненавистную народу, народ слабеет»; «Когда народ слаб — государство сильное, когда государство сильное — народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ. Если народ прост, [государство] сильное; ежели народ распущен — [государство] будет слабым» («Шан цзюнь шу», гл. 20).

Естественно, что в те времена основная идея Конфуция и Мэн-цзы о единстве интересов власти и народа воспринималась, особенно в высших эшелонах власти, как утопическая. И действительно, реалии тогдашней жизни убеждали правителей в том, что в долгом споре Мэн-цзы с Шан Яном прав был тот, кто учил, что народ — это всего лишь строительный материал для укрепления государства.

Древняя история Китая выдвинула перед будущими политиками дилемму: народ для государства или государство для народа?

Эти воззрения оказали впоследствии глубокое воздействие на формирование политической культуры не только Китая, но и всех стран конфуцианского культурного региона.

Учение Конфуция во многом определило параметры формирования мышления и национального характера китайцев, их политическую культуру. Оценивая историческую роль конфуцианства в Китае, необходимо учитывать, что в своем развитии оно прошло несколько этапов. Раннее конфуцианство, представленное Конфуцием, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, существенно отличалось от ханьского — в интерпретации Дун Чжун-шу. В свою очередь, ханьское конфуцианство, ставшее официальной идеологией страны, получило дальнейшее развитие в эпоху Сун (X–XII вв.) — в трудах Чжу Си (1130–1200) и представителей его школы, которые подвели онтологическую базу под конфуцианские социально-экономические воззрения.

Процесс становления официальной политической культуры Китая был неразрывно связан с развитием государства, и прежде всего имперской системы. Являясь творцом ортодоксального конфуцианства, бюрократия выбирала из арсенала легизма и учения Конфуция лишь те концепции и институты, которые были призваны обеспечить стабильное функционирование императорской системы правления. В этом смысле возможности бюрократии были много шире, чем у любого отдельного мыслителя-интеллектуала, поскольку в ее распоряжении было неограниченное время и неисчерпаемый интеллектуальный потенциал десятков поколений философов и политиков древнего и средневекового Китая. Этот процесс коллективного творчества службистов-единоверцев не прерывался в Новое и новейшее время. При этом, радея о нуждах государства, бюрократия никогда не забывала о собственном благополучии.

Над учением Конфуция была проведена искуснейшая и изощренная работа — внешне сохранив его гуманистическую направленность, бюрократия подчинила доктрину Конфуция своим нуждам и стала ее полновластным официальным интерпретатором.

Самым главным преступлением было самовольное присвоение бюрократией, точнее, ее высшим звеном, статуса *цзюнь цзы* («благородного мужа»). Выстраданный Конфуцием образ *цзюнь цзы* — интеллектуального рыцаря с высокой душой — теперь прочно ассоциировался с правившим слоем чиновников, но с соответствующей поправкой: права новоиспеченных *цзюнь цзы* гипертрофировались в той же степени, в какой принижалось нравственное содержание этого образа и его обязанности перед народом.

Паразитируя на высоком статусе *цзюнь цзы* и негативном отношении Конфуция к закону, бюрократия умело использовала открывавшуюся возможность собственного легального возвышения над законом. В этом кроется одна из основных причин превращения учения Конфуция в официальную идеологию — ортодоксальное конфуцианство. Легизм со своей концепцией верхо-

венства закона над бюрократией представлял определенную опасность для ханьского чиновничества, которое отвело ему вспомогательную роль в политической культуре, не забывая обращаться к нему в критические для верховной власти периоды. В императорском Китае был сформирован и активно функционировал институт особых привилегий — *ба и* («восемь суждений» или «восемь установлений»). Таким образом, бюрократия законодательно укрепила свое привилегированное положение в обществе.

Отчетливо сознавая социальную опасность легистской концепции равенства всех (за исключением императора) перед законом, коллективный разум китайской бюрократии уделил особое внимание концепции *ли* [*2*] в учении Конфуция. Все, что говорил Конфуций о *ли* [*2*], было внесено без каких-либо изменений в официальную версию его учения. Сердцевиной и душой официального конфуцианства стал модернизированный интеллектуальной служебной элитой институт *ли* [*2*], игравший гораздо большую роль в жизни общества и государства, нежели закон и право. Тезис Конфуция о *ли* [*2*] как о единстве этики и ритуала, был развит и инкорпорирован во все структуры общества и государства и стал определять поведение каждого китайца — от императора до простолюдина.

Огромную роль в распространении и популяризации в обществе принципов *ли* [*2*] сыграл трактат «Ли цзи», окончательное оформление которого относится к началу нашей эры. Позднее этот трактат был включен в конфуцианское каноническое «Пятикнижие» («У цзин»).

Как свидетельствует исторический опыт, китайские крестьяне в массе своей не знали правил, приведенных в «Ли цзи», но поведенческие нормы, которыми они руководствовались в повседневной жизни, были зафиксированы именно в этом памятнике. Скрепленные четко разработанным ритуалом, этические нормы формировали и регенерировали нравственные критерии общества — в этом смысле конфуцианские *ли* [*2*] играли роль официальной религии. Правда, в Китае не было института конфуцианской церкви и церковных священнослужителей. Священнослужителями (и в этом одно из главных своеобразий конфуцианства) выступали не только император и бюрократия, но и все общество (прежде всего, главы семей и патронимий, следившие за выполнением *ли* [*2*] и воспитывавшие детей в неукоснительном следовании общепринятым нормам поведения).

Сила и огромный авторитет *ли* [*2*] заключались в том, что со временем они стали нормой жизни для большинства населения. Китаец, даже исповедовавший даосизм, буддизм или христианство, оставался в душе конфуцианцем, поскольку в своем поведении он руководствовался принципами *ли* [*2*]. Последние, таким образом, сформировали систему морально-этических и ритуальных норм, охватывающих все общество и дававших ему силу в течение многих веков оставаться самим собой, несмотря на нашествия иноземных захватчиков.

Следует отдать должное коллективной мудрости китайской бюрократии — допуская и поощряя систему доносов как одного из самых результативных механизмов функционирования авторитарного режима, она сурово карала за доносы на родственников. И объяснялось это не только авторитетом Конфуция, решительно осудившего практику подобных деяний, но и той ролью, которую играли в жизни общества семья и патронимия. Укрепляя принцип *сяо* [*1*], правящий класс формировал тем самым механизм обратной связи между администрацией и народом.

Китайская правовая мысль разработала тщательную систему наказания за доносительство. Так, самыми разными мерами карался донос на всех родственников, с которыми доносчик был связан обязанностью ношения траура. Что же касается ближайших сородичей, то закон гласил: «Всякий, кто донес на деда, бабку, отца или мать, подлежит удавлению».

Самые первые законы о взаимоукрывательстве родственников, навеянные суждением Конфуция, высказанным в беседе с чуским аристократом, были приняты уже на грани нашей эры. Указ ханьского императора Сюань-ди от 66 г. н.э. гласил: «Отныне сын укрывает отца и мать, жена укрывает мужа, внук укрывает деда и бабку, и все они не должны считаться сообщниками. В тех же случаях, когда родители станут покрывать сына, муж — жену, дед или бабка — внука, а преступление таково, что заслуживает наказания смертной казнью, то о всех таких делах следует докладывать вышестоящим властям... Старший и младший братья обязаны укрывать друг друга, как отец и сын».

Таким образом, уже со времени становления ханьского конфуцианства бюрократия цементировала концепцию *сяо* [*1*]: закон в данном случае был поставлен на службу *ли* [*2*]. История юридической практики императорского Китая свидетельствует о том, что в случае получения доноса (анонимные доносы к производству не принимались) чиновник прежде всего был обязан выяснить, не состоял ли доносчик в родственных связях с человеком, о котором он сообщал. Если обнаруживалась хотя бы отдаленная степень родства между ними, то наказанию подлежал сам доносчик.

Официальное конфуцианство прожило долгую историческую жизнь; на его пути встречались и пробуддистски настроенные императоры, но даже они были не в состоянии поколебать конфуцианские устои, так как вкупе с бюрократией им противостояло подавляющее большинство жителей Китая. Из наиболее ревностных последователей конфуцианства, сыгравших большую роль в его популяризации и внедрении в массовое сознание, следует упомянуть двух китайских императоров — Чжу Юань-чжана (1368–1398) и Кан-си (1662–1722).

Основатель династии Мин (1368–1644), Чжу Юань-чжан решил заново строить свою империю, отталкиваясь от собственного толкования учения Конфуция. В предисловии к своему сочинению «Поучение в помощь людям [на пути] к объединению» (1375) он провозгласил конфуцианство «своим учением». Чжу Юань-чжан уделял особое внимание претворению в жизнь принципа «исправления названий» (*чжэн мин*) и распространению экзаменационной системы отбора на чиновничьи должности.

Он сформулировал 18 моральных принципов и составил для их успешного внедрения «Уведомление по воспитанию народа». В этом документе, в частности, говорится: «В каждом селе и в каждой стодворке завести небольшой деревянный колокольчик. В данной стодворке выбрать старых или увечных, не могущих работать людей либо слепцов и приказать мальчишкам водить [их], держать колокольчик и обходить данную стодворку... Повелеваю им всем выкрикивать слова, [да] так, чтобы народ слышал и знал [эти слова], убеждающие людей быть добрыми и не нарушать уголовные законы. Эти слова таковы: будь послушен и покорен отцу и матери, почитай и уважай старших и высших, живи в мире и согласии с односельчанами, воспитывай и обучай детей и внуков, каждый спокойно занимайся своим делом, не совершай дурных поступков. [Кричать] таким образом шесть раз в месяц».

«Воспитательная» политика Чжу Юань-чжана положила начало невиданному до тех пор распространению морально-этических идей конфуцианства среди самых широких слоев населения и придала конфуцианству ряд черт, свойственных религии.

Кан-си, второй император династии Цин (1644–1911), маньчжур по национальности и аристократ по происхождению, хорошо осознавая важность и целесообразность использования учения Конфуция и официального конфуцианства для управления народом, лично сформулировал 16 основных норм поведения, содержание которых наглядно демонстрирует государственную важность ценностных критериев официального конфуцианства:

1. Уважай больше всего сыновнюю почтительность и братскую покорность, чтобы должным образом поднять общественные отношения.
2. Обращайся великодушно со всеми родственниками, дабы поддержать дух гармонии и смирения.
3. Поддерживай мир и согласие с соседями, чтобы предупредить ссоры и тяжбы.
4. Признавай важность земледелия и шелководства, дабы обеспечить достаточное количество пищи и одежды.
5. Цени умеренность и экономию, чтобы не допустить расточительства, растраты своих средств.
6. Высоко ставь школу и учебу, чтобы занятия ученых шли должным образом.
7. Порицай и изгоняй посторонние учения, чтобы возвысить учение истинное.
8. Проявляй благопристойность и учтивость, дабы упорядочить нравы и обычаи.
9. Излагай и объясняй законы, чтобы предостеречь невежд и упрямцев.
10. Усердно трудись на собственном поприще, чтобы все люди стремились к своей цели.
11. Поучай сыновей и младших братьев, чтобы удержать их от дурных дел.
12. Ставь преграду ложным обвинениям, чтобы покровительствовать честным и хорошим людям.

13. Предостерегай от укрывательства беглецов, чтобы укрыватель не попал под наказание.
14. Вовремя и полностью плати подати, чтобы с тебя не требовали недоимок.
15. Группируйся в десятки и сотни, чтобы положить конец воровству и кражам.
16. Учись подавлять гнев и злобу, чтобы придавать должное значение личности и жизни.

Трактат «Ли цзи» включал 300 основных правил; сведе́ние же их к 16 «священным» заповедям, предпринятое Кан-си, должно было гарантировать всеобщность восприятия нравственных поведенческих норм.

Заметное место в политической культуре традиционного Китая занимала также одна из основных заповедей Конфуция — забота о нуждах людей, необходимость для правящей элиты добиваться доверия народа. Начиная с династии Хань почти каждый правитель знаменовал восшествие на престол «эдиктом милосердия», обещавшим помощь страждущим и немощным. Так, император Сяо-вэнь в 179 г. до н.э. по случаю возведения своей матери в сан императрицы «даровал некоторое количество полотна, шелка, риса и мяса живущим в Поднебесной вдовам и вдовцам, сиротам и одиноким, кто беден и испытывает затруднения [в жизни], а также всем старикам, которым более 80 лет, и сиротам, которым менее 9 лет». Перечисленные категории лиц составили ту традиционную группу, которая кочевала по всем эдиктам императорского милосердия. Забота о страждущих, воспринятая официальным конфуцианством, повышала его авторитет и укрепляла в сознании народа веру в праведность правителя.

Однако главная и основная функция ортодоксального конфуцианства заключалась в обслуживании нужд политической элиты — бюрократии и помещиков. Наличие общепринятых норм поведения, пассивного механизма обратной связи и скромных примеров заботы о страждущих создавало в народе иллюзию сопричастности государственной идеологии. Обладая таким удобным институтом управления, правящий слой паразитировал на гуманистическом наследии Конфуция, эксплуатируя народ и воспитывая его в духе раболепной покорности верхам.

Уже в конце средневековья и особенно в Новое время официальное конфуцианство, с его ориентированной в прошлое проповедью моральной ущербности прочих народов (так же как и императорская система в целом), стало тормозом на пути развития страны, обрекая Китай на изоляционизм и застой.

К концу XIX в. фактически изжила себя и знаменитая экзаменационная система — прекратился приток свежих интеллектуальных сил, которые традиционно питали государственный аппарат на протяжении многих столетий. Виной тому стало само ортодоксальное конфуцианство, нацеленное на формирование (посредством экзаменационной системы) единообразия мышления и пресекавшее творческое совершенствование человека. Анализируя пагубное влияние экзаменационной системы на духовное развитие нации, известный реформатор Лян Ци-чао писал в конце XIX в.: «Экзамены и подготовка к ним занимали всеобщее внимание; студентам только нужно было выучить сухой и подражательный язык, чтобы быть готовыми к борьбе за должности, богатство и славу. Вся страна занималась этим, и люди один за другим пренебрегали своим образованием и способностью рассуждать. Вот почему недостатки неоконфуцианства... были теми же, что у христианства в мрачную пору средневековья. В худшем случае неоконфуцианство могло совершенно заткнуть глаза, уши, мозг и сердце человека, сделав их бесполезными, свести их независимый и созидательный дух к нулю».

Крах императорского режима в результате Синьхайской революции 1911 г. стал для его идеологии началом конца. Сокрушительный удар по официальному конфуцианству был нанесен в результате «движения 4 мая» 1919 г., известного как «движение за новую культуру» или «движение за науку и демократию». В этот период передовая общественная мысль Китая выступила с развернутой критикой конфуцианства. Конфуцианство, подчеркивал сычуаньский ученый У Юй, «на протяжении двух тысяч лет использовало для укрепления патриархальных устоев и деспотической политики два понятия — „угождать и быть покорным“». У Юй открыто называл «ворами, расхитителями добра» тех, кто был заинтересован в сохранении таких конфуцианских ценностей, как многоженство, культ предков, обычай угождать начальству ради славы, выгод и чинов. Китайский писатель

Исторические судьбы легизма и конфуцианства

Лу Синь подверг резкому осуждению официальное конфуцианство, назвав его «людоедской моралью». После «движения 4 мая» официальное конфуцианство сохранило некоторые свои позиции лишь в среде неграмотного крестьянства, которое в большей степени, нежели другие слои населения, было привержено силе традиций.

В истории Китая наряду с официальным конфуцианством сосуществовала традиция свободного толкования учения Конфуция. Естественно, что, говоря о «свободном толковании», следует делать поправку на условия функционирования данной традиции. Ее носителям приходилось порой обращаться и к эзопову языку, но они сумели сохранить свою индивидуальность. Порожденная свободой творчества, эта традиция с неменьшей силой, чем официальное конфуцианство, влияла на духовную жизнь и политическую культуру страны. Составляя плоть и кровь китайской нации, традиция свободного толкования наследия Конфуция смогла пережить гибель своего официального конкурента и сохранилась до наших дней.

Помимо социальных утопий Конфуция (*сяо кан*, *да тун*) и его гуманистических идей, носители неформальной традиции разрабатывали также социальные утопии Мэн-цзы: *гэ тянь мин* («изменение небесного предопределения») и *цзин тянь* («система колодезных полей» — идея уравнительного землепользования).

Анализируя характер влияния учения Конфуция и официального конфуцианства на формирование национального характера китайцев, не следует забывать о третьем компоненте этого воздействия — текстах официальных канонов, поколениями заучивавшихся наизусть.

В качестве первого блока конфуцианских элементов китайского национального характера можно назвать доброту, человеколюбие, культ знаний и чувство справедливости. Среди этих четырех ценностных ориентиров определяющим считалась доброта («доброе сердце»). Китаец помнил с детства известное суждение Мэн-цзы: «Лишенный соболезнующего и сострадающего сердца — не человек».

Экзаменационная система, теоретически открывавшая доступ каждому, овладевшему конфуцианскими канонами, к государственным должностям, также внесла свою лепту в формирование национального культа знаний. Образ бедного студента стал традиционным в китайской народной литературе.

Концепция *сяо* [*I*] — «сыновней почтительности» и уважения к старшим по возрасту — активно внедрялась официальным конфуцианством в народное сознание на протяжении десятков веков и стала составной частью национального характера.

Структура традиционного китайского общества и методы ведения хозяйства, когда производственной единицей на протяжении двух тысячелетий оставалась семья, способствовали доминированию коллективного начала над личностным. Интересы семьи, группы всегда ставились выше собственных, что также наложило свой отпечаток на становление национального характера китайцев.

История конфуцианства, начиная с заимствования легистских институтов и концепций, признанных необходимыми для стабильного функционирования государства, способствовала развитию прагматизма.

Суровое осуждение Конфуцием практики доносов на родителей и родственников было закреплено и развито китайским уголовным и обычным правом. В итоге органическое неприятие доноса на сородича, отношение к нему как к тягчайшему моральному преступлению стало национальной чертой.

Таким образом, конфуцианский идеал *цзюнь цзы* на протяжении многих столетий оставался высшим морально-этическим критерием оценки личности, образцом, которому должен был следовать каждый китаец.

Что касается легизма, то к нему, как правило, обращались китайские государственники, озабоченные укреплением императорской системы. Многие ханьские законы, вся система организации государственной власти и управление народом были заимствованы у легистов. Тогдашняя государственная машина могла быть эффективна лишь в том случае, если она приводилась в движение уже испытанными, привычными ей методами управления, основанными на насилии, подчинении закону и т.п.

И ханьское конфуцианство во главе с «ханьским Конфуцием» Дун Чжун-шу (187–120) — идеологом ортодоксального конфуцианства, совершает «аморальный» по отношению к памяти своего основоположника поступок — оно потихоньку воспринимает эти методы, ибо только с их помощью господствующий класс мог держать в узде жителей Поднебесной.

Исследователи уже отмечали, что политическая программа Дун Чжун-шу испытала сильное влияние идеологов легистской школы. Он заимствовал многое из концепции Шэнь Бу-хая об искусстве управления государственным аппаратом. В отличие от Конфуция и Мэн-цзы, проповедовавших гуманные методы правления, основанные на моральном воздействии, Дун Чжун-шу, продолжая линию Сюнь-цзы, уже не осуждает насилия. Он выступает за применение легистского метода наград и наказаний, считая его наиболее эффективным средством управления народом. В своем трактате «Чуньцю фаньлу» он советует правителю придерживаться следующего правила: «Совершенномудрый, управляя государством... стремится заставить народ полюбить что-то. Когда народ полюбит, то на него можно воздействовать. Поэтому учреждают награды, дабы воздействовать на народ. Когда любят, то непременно и ненавидят что-то, и можно устрашить народ с помощью того, что он ненавидит. Поэтому учреждают наказания, дабы устрашить народ. А когда есть то, чем воздействуют и устрашают, то можно управлять народом. Управляя, используют то, что народ любит, поэтому воздействуют наградами, но их не должно быть много...». Концепция принуждения к любви напоминает аналогичную трактовку «воли Неба» Моцзы, где Небо с помощью наград и наказаний осуществляет принцип «всеобщей любви».

Ханьское конфуцианство заимствовало у Шан Яна и идею социальной мобильности, заменив лишь преданность правителю, лежащую в основе легистского принципа равных возможностей, слепой верой во всемогущество своего учения, которую конфуцианцы утверждали с помощью системы экзаменов.

Легизм оказал влияние не только на формирование ханьской идеологии, но и на экономическую политику двора. Особенно отчетливо проявилось это при введении государственной монополии на соль и железо. В начале правления династии Хань, в связи с тем что центральная власть была еще непрочна, добыча соли, железа, равно как и их реализация, перешла в руки частных лиц. В 158 г. до н.э. Вэнь-ди даже издал указ, отменявший какие-либо ограничения в отношении добычи железа и соли. Однако по мере усиления императорской власти при дворе неминуемо должен был встать вопрос о восстановлении былой монополии, ибо монополия являлась одним из богатейших источников финансирования государственной казны.

Источники свидетельствуют, что ханьские конфуцианцы отрицательно относились к введению государственной монополии на соль и железо. Из текста упомянутого доклада Дун Чжун-шу видно, что он, подобно Мэн-цзы, выступал против монополии, предлагая правителю «возвратить народу соль и железо». Однако по настоянию Сан Хун-яна и его сторонников в 119 г. до н.э. в Китае вновь была введена государственная монополия на соль и железо. Эта реформа сыграла большую роль в усилении позиций императорской власти и укреплении ее экономического могущества.

После смерти У-ди та часть господствующего класса, которая была связана с торговым капиталом, усилила борьбу за отмену казенной монополии. По ее настоянию в 81 г. до н.э. при дворе Чжао-ди (Лю Фу, 86–74 до н.э.) было созвано совещание, на котором должны были обсуждаться вопросы экономической политики. В столицу империи съехалось свыше 60 сановников и известных ученых, развернувших оживленную дискуссию. Конфуцианцы требовали отмены государственной монополии, сторонники же легистской школы настаивали на укреплении регулирующей роли государства в экономической жизни страны и сохранении в силе указа 119 г. Дискуссия шла в традиционном духе: спорившие аргументировали свои положения ссылками на примеры из древней истории страны. Весьма характерно, что дискутирующие обращались к Шан Яну гораздо чаще, нежели к другим идеологам легистской школы. В трактате Хуань Куаня «Янь те лунь» имена Шэнь Бу-хая и Хань Фэй-цзы упоминаются двадцать девять раз. Такое внимание к Шан Яну объясняется тем, что обе стороны связывали учреждение монополии на соль и железо с его именем. Пытаясь опорочить преобразования Шан Яна, конфуцианцы обвиняли его в том, что он сошел с пути совершенномудрых, нарушил циньские обычаи, ввел же-

стокие законы и т.д. Сан Хун-ян же доказывал, что именно благодаря преобразованиям Шан Яна царство Цинь сумело в короткий срок превратиться в могущественное государство и покорить все соседние царства. Выступления Сан Хун-яна свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком не только с преобразованиями Шан Яна, но и с его теоретическими положениями, изложенными в «Шан цзюнь шу». Дискуссия окончилась победой сторонников Сан Хун-яна: конфуцианцам не удалось добиться отмены монополии на соль и железо, была отменена лишь монополия на вино.

Легизм продолжает оказывать влияние на конфуцианство, происходит длительный процесс синтезирования некогда полярных идеологий. Временами борьба между ними вновь обостряется, порой отдельные конфуцианцы призывают даже сжечь «Шан цзюнь шу» и «Хань Фэй-цзы», однако они не в состоянии были приостановить этот процесс, ибо бюрократия была заинтересована в новом конфуцианстве, обогащенном идеями Шан Яна. Ханьские конфуцианцы все чаще начинают открыто пропагандировать насилие в качестве одного из легальных методов управления народом. «Моральное воздействие, — писал конфуцианец Лю Сян, — это средство управления, наказания же и законы помогают управлению». Ему вторит другой конфуцианский ученый — Сюнь Юэ (148–209): «То, что добродетель и наказание сопутствуют друг другу, есть явление вполне обычное».

Ханьские конфуцианцы уже не ведут никакой борьбы против законов; многие из них утверждают, что хорошее правление возможно лишь там, где имеются законы. Ставится под сомнение основная концепция ранних конфуцианцев об извечной дифференциации людей на этически полноценных и этически неполноценных: «Вовсе не обязательно, — писал конфуцианец Ван Фу (I–II вв.), — чтобы так называемый добродетельный человек, или *цзюнь цзы*, всегда занимал высокое положение и получал высокое жалованье, чтобы он был богат, знатен и пользовался славой. Все это *цзюнь цзы* может и иметь, но это совсем не значит, что *цзюнь цзы* должен непременно обладать всем этим. Вовсе не обязательно, чтобы маленький человек был всегда беден и обречен на холод и голод, унижения и страдания. Все это маленький человек может испытывать, но это совсем не значит, что маленький человек непременно обязан довольствоваться всем этим». Подчас современникам уже было трудно отличить конфуцианца от легиста. Видимо, не случайно известный ханьский философ Ван Чун (27–100) как-то заметил, что в его время уже исчезла какая-либо существенная разница между легистами и конфуцианцами.

Итак, учение Шан Яна сыграло большую роль в формировании ортодоксального конфуцианства, став одной из его основных частей. Обогатив конфуцианство, это учение не исчезло. В разные периоды истории, в средние века и в Новое время, государственные и политические деятели Китая не раз обращались к этому памятнику в поисках рецепта для вывода страны из критического положения. Учение Шан Яна влекло к себе многих государственных и политических деятелей, мечтавших о создании сильной централизованной империи.

Известный средневековый государственный деятель и поэт Ван Ань-ши (1021–1085), осуществивший серию реформ, направленных на укрепление государственной организации и ослабление власти крупных феодалов, был хорошо знаком с учением Шан Яна. Более того, он пытался провести в жизнь некоторые положения Шан Яна и предлагал императору принять новую систему наказаний, суть которой сводилась к «суровым наказаниям за малые проступки». Ему удалось ввести в стране систему взаимной ответственности и т.п. В XI в., в период расцвета конфуцианства, Ван Ань-ши открыто заявил о своих симпатиях к автору «Шан цзюнь шу» — он написал стихи в честь Шан Яна, воспевая его методы управления народом.

Шан Ян пользовался известностью у средневековых юристов. Судя по сообщениям Хуан Чжэня, жившего в середине XIII в., в те времена юристы неоднократно обращались к «Шан цзюнь шу» при решении каких-либо спорных вопросов. Согласно существовавшему тогда правилу, от чиновников, претендовавших на должность инспектора — *юй ши*, требовалось знание этого трактата.

В конце XIX в., в период движения за реформы (1895–1898), к учению Шан Яна обращают свои взоры некоторые теоретики движения. Если Кан Ю-вэй (1858–1927) считал крайне необходимым дать новую оценку конфуцианства, дабы использовать его в своих интересах, то его бли-

жайший ученик и активный последователь Май Мэн-хуа (1875–1916) приступил к переоценке легизма. Легизм мог и должен был привлечь реформаторов еще и потому, что то идеальное государственное устройство, которое они стремились установить в Китае, имело, по их мнению, видимо, свой прообраз в учении Шан Яна об управлении государством. Им казалось, что в учении Шан Яна закон ограничивает деятельность императора определенными рамками. Такая трактовка доктрины Шан Яна соответствовала стремлению реформаторов к конституционной монархии — монархии, ограниченной законом и парламентом. Поэтому-то, видимо, Лян Ци-чао и особенно Май Мэн-хуа обратили свои взоры на легистов и прежде всего на Шан Яна: он был реформатором, притом удачливым; несмотря на трагическую смерть Шан Яна (преемник Сяо-гуна приказал разорвать его повозками на части), реформы были осуществлены и не отменялись.

В течение многих столетий (начиная со II в. до н.э. и до конца XIX в.) Шан Ян благодаря стараниям конфуцианских идеологов предавался анафеме за разрушение системы *цзин тянь*, за критику конфуцианцев, за то, что его учение способствовало созданию циньской государственной машины, за то, что Ли Сы и Цинь Ши-хуан, сжигая на кострах конфуцианских ученых, вдохновлялись его идеями. Организованное гонение на Шан Яна началось с Дун Чжун-шу, «ханьского Конфуция», как называли его современники.

Май Мэн-хуа взял на себя задачу реабилитировать Шан Яна. Его реабилитация была немыслима без переоценки «дела об уничтожении системы *цзин тянь*». В книге «Шесть великих политических деятелей Китая», вышедшей под редакцией Лян Ци-чао, Май Мэн-хуа написал главу о Шан Яне. Он отмечает, что Шан Ян не мог причинить все то зло, которое конфуцианцы приписывают ему в связи с разрушением системы *цзин тянь*, ибо это противоречило основной идее легистов о развитии земледелия. Он призывал разобраться в обвинениях, выдвинутых конфуцианцами. Поставив под сомнение версию о намеренном уничтожении *цзин тянь*, Май Мэн-хуа попытался снять с Шан Яна второе тяжкое обвинение — в уничтожении им конфуцианских норм поведения (*ли* [*2*]). Он попытался доказать, что у циньцев, живших во времена Шан Яна где-то между гор, по соседству с кочевыми племенами, не было никаких установившихся норм поведения. В качестве подтверждения приводилось известное высказывание Чжао Ляна об отсутствии у циньцев различия между отцом и детьми, о том, что все они жили под одной крышей. «Поэтому, — писал Май Мэн-хуа, — обвинения конфуцианцев в уничтожении Шан Яном правил *ли* [*2*] несостоятельны, ибо он не мог уничтожить того, чего не было».

По мнению Май Мэн-хуа, основная причина вековой отсталости Китая заключалась в том, что страной управляли не на основании закона. Май Мэн-хуа призывал учиться у Шан Яна, называя его «величайшим представителем древнекитайской юридической науки и мужественным политическим деятелем».

После подавления движения за реформы интерес к легизму временно ослабевает. Он вспыхивает в Китае с новой силой во второй четверти XX столетия — во время второй гражданской войны и в период антияпонской борьбы. На этот раз проповедниками легизма выступают уже китайские буржуазные националисты, сторонники группировки, ратовавшей за создание мощного национального государства. Один из лидеров этого движения, профессор Нанкинского университета Чэнь Ци-тянь, занимавший крупный пост на Тайване, опубликовал в 1936 г. специальную работу — «Очерк истории легизма в Китае». В предисловии к этой работе Чэнь Ци-тянь отмечал, что современная международная обстановка весьма схожа с обстановкой Сражающихся царств (V–III вв.), и если Китай «в эту новую эпоху Сражающихся царств хочет превратиться из слабого государства в могущественную державу, покончить с хаосом в стране, навести порядок и добиться полной победы, он должен суметь применить в современной обстановке учение легистов».

Не следует забывать, что это высказывание было напечатано в то время, когда в стране, несмотря на проводимую Чан Кай-ши политику «искоренения коммунистов» и жестокого подавления инакомыслящих, ширилось и росло национально-освободительное движение, руководимое КПК. И в этой обстановке, осложненной наступлением японского империализма на Северо-Востоке, когда даже национальная буржуазия стала требовать создания единого антияпонского

национального фронта, призыв к легизму, к укреплению власти мог быть только на руку сторонникам Чан Кай-ши. Правда, Чэнь Ци-тянь намеревался слегка модернизировать старый легизм. «Необходимо из старого легистского учения заимствовать ту часть, которая подходит к нынешнему Китаю... затем, сообразуясь с внутренней обстановкой в стране и его международным положением, надлежит создать новую легистскую теорию. День успешного завершения этой новой теории легизма станет днем спасения Китая».

***** *Конрад Н.И.* Сунь-цзы: Трактат о военном искусстве: Пер. и исследование. М.–Л., 1950; Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М., 1968; 2-е изд., доп. М., 1993; *Переломов Л.С.* Конфуций. «Лунь юй»: Пер. и исследование. М., 1998; *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1979; 2-е изд., испр. и доп. М., 2001; *Зенгер Х. фон.* Стратагемы: О китайском искусстве жить и выживать: [Пер. и коммент.] / Предисл. В.С. Мясникова. М., 1995; *Ли Гоу.* План обогащения государства. План усиления армии. План успокоения народа / Пер. с кит. З.Г. Лапиной // Искусство властвовать. М., 2001, с. 33–164. ****** *Афанасьев А.Г.* Борьба против конфуцианства в период «движения за новую культуру» // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982; *Баренбойм П.* 300 лет доктрины разделения властей: Суд Сьютера. М., 1996; *Бокщанин А.А.* Императорский Китай в начале XV в. М., 1976; *Боровкова Л.А.* Экзаменационная система, обряды и первый император династии Мин // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982; *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970; Китайские социальные утопии. М., 1987; *Калюжная Н.М.* Современные авторы о категории *дэ* // От магической силы — к моральному императиву: Категория *дэ* в китайской культуре. М., 1998; *Конрад Н.И.* Избранные труды. Синология. М., 1977; *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986; Личность в традиционном Китае. М., 1992; *Мартынов А.С.* Категория *дэ* — синтез «порядка и жизни» // От магической силы — к моральному императиву: Категория *дэ* в китайской культуре. М., 1998; *он же.* Конфуцианство. «Лунь юй»: В 2 т. СПб., 2001; *Переломов Л.С.* Империя Цинь — первое централизованное государство в истории Китая (221–202 гг. до н.э.). М., 1962; *он же.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая: [VI в. до н.э. — 1980-е гг.]. М., 1981; *он же.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007; *он же.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993; *Петров А.А.* Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая // Сов. востоковедение. 1940, № 1; Политическая интрига на Востоке. М., 2000; *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999; *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае: Собр. трудов. М., 1999; *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985; *он же.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999; Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994; *Ch'ü T'ung-tsu.* Law and Society in Traditional China. Paris – La Haye, 1961; *Lian Chi-chao.* Intellectual in Chi'ng Period. N.Y., 1959; Thought and Law in Qin and Han China / Ed. by W.L. Idema, E. Zürcher. Leiden, 1990; *Turner K.* War, Punishment, and Law of Nature in Early Chinese Concepts of the State // HJAS. 1993, vol. 53, № 2, p. 285–324; *Yates R.D.S.* State Control of Bureaucrats under Qin: Techniques and Procedures // EC. 1995, vol. 20, p. 331–365.

Л.С. Переломов

Императорское *дэ* как символ верховной власти

Категория *дэ* — как разновидность благой силы и функция *Дао* — отличалась наибольшей разработанностью и самым широким разнообразием оттенков смысла в контексте традиционной китайской политической культуры. Данная категория со всей наглядностью демонстрировала свой потенциал в качестве инструмента синтеза персонального и универсального, светского и сакрального, порождающего и нормативного в действиях как императора, так и любого свободного человека. Этот круг значений обладал определенной структурой, которая раскрывала смысл единения человека с Небом и в преломлении монарха как посредника между Небом и людьми, исполнителя воли Неба.

Анализ категории *дэ* как синтеза двух начал — *чжи* [*6*] («порядок») и *шэн* [*2*] («жизнь») (в самом широком значении этих слов), или единства нормативного и гуманистического моментов, позволяет представить семантическое поле данной категории духовной культуры следующим образом. В широком смысле *дэ* воплощается в двух ипостасях: ритуальной, которая сводилась к ритуальным нормам и правилам взаимодействия императора или правителя с высшими сферами (Небом). Другая ипостась *дэ* находила проявление в нормах и правилах управления страной, уделом, общиной, семьей. Обе эти ипостаси *дэ* существенно отличались друг от друга. Проявление *дэ* в высших сакральных сферах находило свое воплощение в действиях, взглядах, поведении императора или властителя; проявление *дэ* в нижестоящих сферах находило свое воплощение в следовании естественности, стремлении к единению с природой, в бережном отношении ко всему живому и упорядочении всего сущего.

Разделение высшей власти на сакральную и политическую наиболее ясно вырисовывается в стабильные периоды политической истории (когда монархи наследуют своим предшественникам, а государственная власть устойчива). В эти моменты первейшей государственной задачей — с точки зрения общественных представлений древнего Китая — являлась коммуникация монарха с высшими сакральными сферами. Император был ответствен за действие этой коммуникации, которая зависела исключительно от его императорского *дэ*. Способом осуществления сакральной коммуникации служил ритуал государственных жертвоприношений. Поэтому *дэ* императора в его взаимоотношениях с Небом может быть охарактеризовано как коммуникативное и ритуальное.

Официальный китайский ритуал сохранил много следов конкретной, физической коммуникации; эти свойства ритуала отразились и на ритуальном *дэ*. Так как духов извещали главным образом о том, что жертва приготовлена, то одно из главных мест в ритуальной коммуникации отводилось запаху. Поэтому одна из разновидностей ритуального *дэ* характеризуется как «благоухающее *дэ*»: оно, как сказано в одном из сунских документов, доходит «и до верха, и до низа», или, при неблагополучном варианте, «благоухающее ароматами *дэ* не в состоянии воздействовать на Небо».

В императорский период «благоухание» *дэ* уже было отделено от запаха жертвоприношений, поскольку еще во времена составления «Шу цзина» было известно, что благоухает только светлое *дэ*. Эта «световая» характеристика, по всей вероятности, тоже пришла из глубокой древности и сохранилась с тех времен, когда искомое Небом достойное *дэ* должно было быть заметным из высших сфер (что неоднократно описано в «Ши цзине»). «Светлое *дэ*» в его переосмысленном виде перекочевало из древности в императорский период. Так, в одном из сунских документов говорится: «Ясное *дэ* воссияло и достигло верха».

Светоносность и благоухание ритуального императорского *дэ* были призваны «услаждать» (*сян* [*8*]) Небо. Высказывания на этот счет часто встречаются в официальных текстах, составители которых утверждали возможность «с помощью *дэ* правителя усладить сердце Неба» и склонность Неба «услаждаться при помощи *дэ*».

Внутреннее содержание *дэ*, присущего императору, выражалось в ритуалах, означавших установление связи с сакральными сферами, что определялось особым психологическим состоянием, близким к категории *чэн* [*1*] («искренность»). Об этом свидетельствуют семантически близкие высказывания, включающие словосочетание *дун тянь* («воздействовать на Небо»), в которых

Императорское *дэ* как символ верховной власти

в одной и той же позиции могут фигурировать как *чэн*, так и *дэ* (например: «Только высшая искренность может воздействовать на Небо» и параллельно: «Только сила *дэ* воздействует на Небо»). Кроме того, категория *дэ* оказывается по соседству с «искренностью» в значении субстрата различных качеств [*сяо ю чжи дэ* («сила *дэ* сыновней почтительности и дружбы»); *сяо ю чжи чэн* («искренность сыновней почтительности и дружбы»)].

Поскольку повелитель Срединной империи являлся Сыном Неба, а одну из важнейших частей официального ритуала составлял культ предков, то *дэ*, присущее императорам, часто определялось посредством понятия *сяо* [*1*] («сыновняя почтительность») и даже полностью отождествлялось с ним. Однако сближение *дэ* и *сяо* [*1*] и их осмысление происходило вне рамок императорской идеологии. Так, в конфуцианском классическом тексте «Сяо цзин» говорится, что сыновняя почтительность является основой *дэ*.

В том же духе трактуют ритуальное *дэ* и официальные документы периода императорского Китая. Соответствующие официальные тексты переполнены различными устойчивыми словосочетаниями, декларирующими близость категории почитания родителей сыновьями *сяо* [*1*] и *дэ* по их внутреннему содержанию [*сяо чжи дэ* («сила *дэ* сыновней почтительности») является весьма распространенной формулировкой ритуальных официальных текстов].

Можно встретить и более пространные рассуждения, подчеркивающие ритуальный аспект данной проблемы, например: «Величие жертвоприношений заключается в том, что в них нет ничего более почитаемого, чем услаждение отцов. Предел силы *дэ* состоит в том, что к ней нечего прибавить, кроме сыновней почтительности и уважения».

Содержательное сближение ритуального императорского *дэ* с *чэн* [*1*] и определение этого состояния с помощью *сяо* [*1*] дают возможность довольно точно обозначить эту разновидность благих монарших усилий как направленных на то, чтобы достичь состояния «искренности» в своей сыновней почтительности к предкам.

В тех случаях, когда ритуальное *дэ* монарха соотносится с сыновней почтительностью, оно часто соседствует с *жэнь* [*2*] («гуманностью»). Например, в пространных почетных титулах императоров можно встретить такие устойчивые словосочетания, как *жэнь мин* и *сяо дэ*, в которых присутствуют все три категории: *жэнь мин сяо дэ хуан-ди* («император, отмеченный силою *дэ* и ясно проявивший свою гуманность» — эпоха Сун) или титул Нурхаци — императора эпохи Цин: *шэн дэ шэнь гун чжао цзи ли цзи жэнь сяо у хуан-ди* («воинственный император, наделенный силой *дэ* совершенных мудрецов и свершивший божественные подвиги, положивший начало [нашему государству] и доведший это дело до конца, отличавшийся гуманностью и сыновней почтительностью»).

О том же говорят и встречающиеся в официальных текстах определения *дэ* через «гуманность» и «сыновнюю почтительность», причем соседствующие *сяо* [*1*] и *жэнь* [*2*] являются разнонаправленными и относятся к разным сферам управления: одна категория — к ритуальной, другая — к административной (императорская «гуманность», как правило, была связана с народом; как выражался маньчжурский император Ши-цзу, «вытащить народ из огня и воды — это и есть великая гуманность»).

Подобная разнонаправленность *жэнь* [*2*] и *сяо* [*1*] подчеркивала глубинную общность обеих категорий, ориентированных на «жизнь» в разных ее проявлениях. Однако универсализм императорской власти иногда смягчал различия между *сяо* [*1*] и *жэнь* [*2*]: «Если проявление гуманности почитать за просветленность, то с помощью этого можно привести в движение все сущее. Если очищение сыновней почтительности почитать за силу *дэ*, то тогда можно управлять всеми десятью тысячами краев».

Сближение императорского *сяо* [*1*] с *жэнь* [*2*] позволяет рассматривать их как эквиваленты, закрепленные за различными сферами: «сыновняя почтительность» — за ритуальной, а «гуманность» — за политической.

Поддерживать связи с Небом означало заручиться его поддержкой. По всей вероятности, именно в начале эпохи Чжоу возникло знаменитое утверждение, что «Священное Небо не знает кровного родства и помогает только носителю *дэ*». С тех пор эта формула прочно закрепилась

в официальных документах императорского Китая. Вот пример из сунского периода: «Верховный владыка с помощью *Дао*-Пути управляет Небом. Он тщательно осматривает все четыре стороны света и помогает только носителю *дэ*». Почти то же самое писалось и во времена последней династии: «Священное Небо не имеет родственных связей. Оно помогает только [обладателю] *дэ*... Отсюда можно видеть, что простолюдин, имеющий силу *дэ*, может стать Сыном Неба, а Сын Неба, утративший силу *дэ*, может превратиться в простолюдина».

В системе императорской идеологии монаршее *дэ* приобрело значение не просто личного, а уникального, единственного в своем роде. В Поднебесной в каждый данный момент мог быть только один его носитель — тот, кто определял судьбу мира. Если этот «единственный», как сказано в одном из суйских текстов, утрачивал *дэ*, то «земля в пределах четырех морей рушилась». Цинский вариант той же самой мысли выглядел следующим образом: «Когда единственный обладает *Дао*-Путем, то во всех десяти тысячах государств царит мир... Когда же единственный теряет свое *дэ*, все десять тысяч земель постигают бедствия».

Таким образом, благодаря соотнесенности *дэ* — как уникального природного дара — с августейшей личностью «единственного во всей Поднебесной» данная категория приобретает отчетливо выраженный личностный (персоналистический) характер, не свойственный ей ни в каком ином контексте.

Дэ императора как модель поведения. В сфере конкретного управления страной категория *дэ* превращается в инструмент той государственной политики, о которой на протяжении двух с лишним тысяч лет страстно, но бесплодно мечтали конфуцианцы. Так, маньчжурский император Шэн-цзу (Кан-си), большой поклонник конфуцианства, утверждал: «Я, император, полагаю, что среди древних государей — *ди* [*Л*] и *ванов*, опекавших и воспитывавших народ, не было ни одного, кто бы не считал своей главной задачей выдвижение [людей, отличающихся] образцовым поведением, и поощрение носителей силы *дэ*».

Это высказывание интересно как пример реального и удачного воздействия конфуцианского учения на императорскую идеологию и как воспроизведение раннечжоуской государственной доктрины на ином идеологическом уровне. Пределом политических мечтаний конфуцианских теоретиков было ограничение императорской власти одной-единственной операцией — подбором достойных людей. Подобная практика должна была сама по себе привести к идеальному правлению, о чем, собственно, и говорит Кан-си. Эту конфуцианскую модель правления, когда идеальные правители древности — носители *дэ* — выдвигали достойных исполнителей из среды обладателей той же устроительной и благотворной силы, можно интерпретировать как воплощение на практике упоминавшейся формулы «Шу цзина» — *вэй дэ ши фу* и воспроизведение раннечжоуской модели государства как сакрально-политического единения правителя и подданных в «единой силе *дэ*».

Судя по официальным документам, ко времени Кан-си эта модель переместилась на периферию императорской идеологии, уступив первенство концепции «единственного *дэ* единственного правителя Поднебесной». Тем не менее она осталась весьма существенной частью императорской идеологии. С этой точки зрения, то *дэ*, о котором рассуждает Кан-си, — это *дэ* многих (правда, подразумевается, что оно может быть реализовано только благодаря «единственному»). Что касается государственной деятельности, то в этом случае владыка Срединной империи выступал в качестве «заместителя Неба» (*дай тянь*). Такое положение как по форме, так и по содержанию определяло характер его влияния на «черноголовых»: императорское воздействие должно было в возможно большей степени уподобиться небесному.

Поскольку главной функцией Неба издавна считалось «порождение всего сущего», то одна из важнейших составляющих августейшего воздействия, которое считалось непосредственным продолжением работы Неба, определялась как «любовь ко всему живому» или «забота обо всем живом». В данном случае подразумевалась государственная ответственность за жизнь всех находившихся под властью Сына Неба. В официальных документах эта ответственность определялась устойчивой формулой *хао шэн* («любить живое»), которая служила важнейшей характеристикой императорского *дэ* в профанном мире. Более того, сила *дэ* «заместителя Неба», или его

Императорское *дэ* как символ верховной власти

«идеологического сына», по сути дела, может быть целиком сведена к этой характеристике: («Я, император, полагаю, что любовь ко всему живому и есть сила *дэ*»; «В силе *дэ* древних императоров — *ванов* и *ди* [*1*] — нет ничего более великого, чем любовь ко всему живому»).

Официальные китайские документы разных династий позволяют сделать вывод о том, что *хао шэн* являлось одним из наиболее употребляемых определений императорского *дэ*, направленного не вверх — к сакральному, а вниз и вширь, охватывая Поднебесную. Следовательно, согласно официальным взглядам той эпохи, именно «августейший гуманизм» определял главное содержание государственной деятельности. Такое понимание власти как преимущественно проявление заботы и милосердия было свойственно многим древним и средневековым обществам, однако нигде в мире государственная идеология не достигала такого расцвета, как в Китае.

Одной из отличительных особенностей толкования императорской власти в Китае была ее декларированная универсальность, поскольку обладание данным качеством позволяло повелителю Поднебесной претендовать на место «заменяющего Небо». Для этого правителю следовало уподобиться Небу не только с точки зрения содержания своей деятельности (порождать и хранить все сущее), но и в смысле формы, размаха и универсальности своей власти. Сказанное касалось и императорского *дэ*, которое таким образом приобретало «космоподобный вид». Монарх должен был обладать «силой *дэ*, которая, подобно Небу и Земле, все объемлет и все содержит в себе (*тянь ди хань жун чжи дэ*)». В официальных документах можно было встретить такие декларации: «*Дао*-Путь и сила *дэ* императора простираются ввысь и вдаль. Они все накрывают собой и все несут на себе, подобно Небу и Земле».

Кроме уподоблений монарха космосу по форме и размеру, в официальных документах можно найти и более глубокие сравнения, например — с точки зрения внутренней сущности, творящей силы. Так, в одном из ранних цинских документов говорится: «Высшее Небо относится к находящемуся внизу народу с любовью и гуманностью. Четыре времени года следуют установленному порядку. Дождь и ветер придерживаются гармонии. Хлебные злаки год из года поднимаются. Простой народ наслаждается своим делом. Все это достигается благодаря тому, что наш император принял небесный мандат и следует *Дао*-Путем. Он распространяет искусную политику и достигает гармонии. Посредством своей силы *дэ* он стал тождественным великой творящей силе природы (*да цзао*)».

Подобное отождествление монарха с космосом с точки зрения их деятельности — как «великого созидания» или «великой творящей силы» (*да цзао*) — представляется логичным применительно к образу монарха-«заместителя» и монарха-медиатора. *Дэ* императора в данном случае получает точное и полное определение благодаря уподоблению творящей силе природы. Очевидно, что первое место в этих космических потенциях принадлежало «порождению». Однако необходимым условием его воплощения на практике являлся космический «порядок». Таким образом, достигая тождественности с космосом, благая сила *дэ* императора впитывала в себя нерасторжимый космический синтез «порядка» и «жизни». Благодаря отождествлению императора с космосом — наряду с универсализацией власти и пониманием ее как источника благотворных влияний, распространение августейшего *дэ* стало считаться одной из главных государственных функций, о чем красноречиво свидетельствует обилие устойчивых выражений в официальных текстах («Распространять силу *дэ* и разливать гуманность»; «Распространять силу *дэ* и милосердие-*жэнь*»; «Милостиво распространять силу *дэ* любви ко всему живому» и т.п.).

Приведенные примеры представляют собой различные варианты устойчивых словосочетаний с общим биномом *бу дэ* («распространять *дэ*»). Особенно часто встречаются выражения, содержащие явные и неявные сравнения с водной стихией («навечно затопить Поднебесную силой *дэ* любви ко всему живому»). Благотворное воздействие монарха чаще всего уподобляли разливам рек, поэтому фигурировавший в таких выражениях бином *дэ цзэ* («разлив [или поток] силы *дэ*») в конце концов превратился в синоним государственной власти. В этих разливавшихся по всей Поднебесной потоках сила *дэ* постепенно отрывалась от ее реального источника, приобретала самостоятельность (как и ее носитель) и проявляла явную склонность к превращению из личностного качества в нечто близкое явлениям природы.

«Благотворные потоки» (силы *дэ*) в первую очередь имели отношение к гуманности, «жизни», к стихии плодородия и порождения. Вместе с тем в них присутствовали устроительные потенции, поскольку считалось, что, «применяя силу *дэ*, можно достичь идеального правления (*чжи* [*6*])». Добиться этого можно было главным образом посредством «преображения» (*хуа* [*1*]) окружающей среды. Типичные высказывания на эту тему гласят: «Мои славные предки, усиленно проявляя силу *дэ* и оказывая покровительство людям, достигли преображения нравов и установили мир и гармонию» (эпоха Тан). «Только интенсивно воздействуя на десять тысяч сторон с помощью силы *дэ* и преобразуя их, можно достичь совершенного управления ими» (эпоха Цин).

Еще одно подтверждение связи *дэ* с «жизнью» можно найти в использовании двух устойчивых антитез: «*дэ — бин*» («благое *дэ* — оружие») и «*дэ — вэй*» («благое *дэ* — угроза вооруженного воздействия»). Правда, место им отводилось не в первом ряду. Там господствовал совершенно иной подход к государственному управлению. Так, на знаменитое положение Конфуция об управлении с помощью *дэ* по принципу Полярной звезды императорская идеология в лице маньчжурского императора Гао-цзуна (Цянь-луна), одного из наиболее крупных знатоков конфуцианства среди августейших персон, ответила доктриной тождества: «Сила *дэ* — это и есть управление, а управление — это и есть сила *дэ*».

Однако, несмотря на столь смелое заявление венценосного толкователя конфуцианства, иногда даже на теоретическом уровне в рамках официальной политической идеологии приходилось признавать, что в реальной жизни государства немалое место принадлежит вооруженному насилию, т.е. тому, что прямо противоположно применению *дэ*. В этом убеждают и официальные документы, в которых воздействие силой *дэ* и силой оружия четко разграничивается как два различных способа управления. Так, в официальных стелах, посвященных основателям цинской династии, о Нурхаци можно прочесть: «Он заботился о слабых при помощи своего *дэ* и карал взбунтовавшихся военной силой», — а об его преемнике Абахае: «Он постоянно думал о том, что народ Центральной равнины попал в беду. Он стремился жить в мире с династией Мин. Он старался изо всех сил, применяя свое *дэ*, и отнюдь не радовался, когда приходилось пускать в ход оружие».

Анализ совокупности двух групп значений категории «императорское *дэ*» показывает их обусловленность положением императора как медиатора между миром людей и сакральными силами. В отношениях императора с областью сакрального, которые становятся возможными только благодаря императорскому *дэ*, превалируют черты личностного внутреннего состояния, близкого к «искренности» и почти тождественного по своей внутренней наполненности «сыновней почтительности». Напротив, направленное вниз, на Поднебесную, императорское *дэ* приобретает универсальный характер и, покидая личностные рамки, превращается в стихийное явление, благотворное по своему воздействию и близкое по содержанию к творящей силе природы — *да цзао*.

***** Дай Цин ли чао ши лу (Хроника Великой [династии] Цин по царствованиям). Токио, 1937; *Хань Юй*. Хань Чан-ли цзи (Собр. соч. Хань Чан-ли). Шанхай, 1958; Тан да чжао лин цзи (Собр. императорских указов [династии] Тан). Пекин, 1959; Сун да чжао лин цзи (Собр. императорских указов [династии] Сун). Пекин, 1962; Суй шу (История [династии] Суй). Шанхай, 1936. (СББЯ. Разд. Шибу = Историки). ****** *Мартынов А.С.* Доктрина императорской власти и ее место в официальной идеологии императорского Китая // Всемирная история и Восток. М., 1989; *он же*. «Искренность» мудреца, благородного мужа и императора // Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984; *он же*. Категория *дэ* — синтез «порядка» и «жизни» // От магической силы к моральному императиву: Категория *дэ* в китайской культуре. М., 1998; *он же*. Сила *дэ* монарха // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: Ежегодник, 1971. М., 1974; *он же*. Формулы «соответствия» и «действия» в императорских титулах династий Мин и Цин // V ППиПИКНВ. 1969; *Perelomov L.*, *Martynov A.* Imperial China: Foreign-Policy and Conceptions. Moscow, 1983.

А.С. Мартынов

Государственный аппарат

Устройство государственного аппарата и правила его функционирования — неотъемлемая часть политической культуры Китая. Достижения Срединной империи в этой области в свое время намного опередили западную культуру, и многие из них уже давно стали привычной частью современного государства. Современные государственные службы КНР, Тайваня (как части Китая), а также некоторых других стран Восточной и Юго-Восточной Азии являются прямыми наследниками политической культуры Китая, и прежде всего культуры так называемой имперской эпохи (221 до н.э. — 1911).

В рамках политической культурологии китайское государство целесообразно рассматривать как единый культурный тип, для описания которого — как в историческом, так и в политико-культурном плане — нередко используют не вполне строгий термин «традиционное китайское государство».

Главной проблемой исследования политической культуры любого государства является соотношение политики и культуры. История китайского государства показывает, что политика здесь прокладывала себе путь через культуру. Имперская политическая культура Китая стояла на прочном фундаменте богатого и длительного политического опыта древности. В государствах эпохи империй этот опыт неизменно претворялся в институты и правила государственного управления, адаптировался к новым условиям, но никогда не исчезал из политической традиции. За редким исключением, историю многих государственных органов Китая можно проследить вплоть до эпохи Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.) либо еще дальше в глубь веков. Наличие в госаппарате почетных «рудиментарных» должностей отражало реалии многовековой давности. Кроме внешней приверженности культурной традиции сохранялась и приверженность внутренняя; устройство государственного аппарата определялось стереотипами осмысления власти и традиционными целями управления. В период империи они остаются весьма устойчивыми. В ряду причин, обусловивших подобную устойчивость, можно отметить универсальность ценностей китайской политической культуры (таких, как благосостояние населения, гармонизация интересов) и тенденцию к рационализации управления. Практически каждая новая династия создавала собственный аппарат управления, однако приемы работы, принципы разделения полномочий и соединения компонентов в единую систему оставались неизменными. Это позволяет говорить о структурной устойчивости традиционного китайского государства.

Бытующее в западной историографии мнение об отсутствии института разделения властей в императорском Китае не совсем корректно, так как единственным легитимным субъектом власти всегда оставался император. В Китае существовало разделение полномочий на уровне центрального правительства; участниками процесса управления здесь являлись император, военная, гражданская и цензорская администрации. Только императорские функции сохраняли целостность и универсальность, тогда как все другие участники управленческого процесса имели специализацию и были организационно разделены. В самом низу управленческой пирамиды на уровне самой малой территориальной единицы, напротив, преобладала универсализация управления: начальник уезда сочетал в своем лице функции администратора, судьи, сборщика налогов и многие другие.

Административные единицы, находившиеся между центральным правительством и уездом, исторически были наиболее неустойчивым звеном управления. Здесь наблюдались радикальные перестройки и нововведения, здесь же зарождались центробежные движения, приводившие к разрушению империй и происходило взаимное перерождение разнородных отраслей власти (военной — в гражданскую, контрольной — в гражданскую и т.д.). Это звено управления было также самым слабым с точки зрения своей разработанности в политической традиции Китая, что объясняется его отсутствием в древности.

Развитие традиционного государства в Китае шло особым путем, направление которого диктовалось национальной политической культурой. В отличие от Европы здесь очень рано произошло обособление контрольных функций, что придало государству дополнительную устойчивость. Вместе с тем китайская культура (за исключением короткого промежутка времени в пе-

риод правления династии Сун) не выделяла в самостоятельную область фискальные функции, которые в европейских странах дали жизнь важнейшим государственным органам. В Китае быстрее и раньше, чем в Европе, произошел переход от территориального принципа управления к отраслевому (случаи возвращения к территориальному принципу, как правило, приходились на время правления иноплеменных династий).

Среди структурных компонентов власти, определявших организацию центрального правительства китайского государства, прежде всего выделяется император как практически единственный легитимный субъект власти. Власть императора служила источником полномочий всех других государственных органов и властей. Вместе с тем верховное положение в номенклатуре государства, в идеологии и обществе не давало императору права на единоличное и произвольное управление государством. Целый комплекс традиций культуры, как древних, так и более поздних, ограничивал его полномочия. Главным положением идеальной доктрины управления была обязанность императора управлять страной с помощью мудрых советников. Идеальные цели государственного управления — благосостояние подданных и гармонизация их интересов — требовали от императора быть скорее координатором, нежели самовольным распорядителем судеб Поднебесной. На практике это положение доктрины могло нарушаться, однако ее идеологическая ценность и правильность никогда не ставились под сомнение.

Вторая сила на политической арене традиционного Китая — гражданская администрация. Она была представлена чиновниками, бюрократами, которые занимались управлением, будучи призванными императором. Сообщество гражданских чиновников обычно возглавлял главный министр, занимавший одну из высших государственных должностей. Первоначально это был один или два человека (позднее — целые государственные органы), являвшиеся самыми близкими советниками императора, который в идеале должен был организовывать гражданских чиновников для управления делами государства. Назначение главного министра составляло прерогативу императора, однако, назначив его, император обязан был с ним считаться. В отдельные периоды истории императорские указы перед опубликованием проходили утверждение у главного министра. Обязанность императора советоваться с главным министром, право последнего налагать вето на решения императора — все это получило закрепление в традиции. Главный министр представлял в своем лице регулярную чиновную службу, следовавшую в своей работе определенным правилам и законам.

Военная власть как организационно, так и с точки зрения ее функций всегда четко отделялась традиционной доктриной от гражданской администрации. Приоритет гражданской службы над военной — явление достаточно позднее и в Китае. В ранний период империи военные обладали весьма значительным влиянием на политику государства. В силу своего высокого потенциала военная власть рано стала объектом внимания и забот императора. Ее взаимоотношения с другими ветвями власти складывались далеко не гармонично, чему немало свидетельств в истории Китая вплоть до настоящего времени. Изначально высшим представителем военной власти был главнокомандующий, затем его место заняли генералы и были созданы специальные государственные органы.

Главной задачей цензорской и контрольной служб Китая было поддержание работоспособности всей системы управления. Ни одно звено этой системы не ускользало от внимания контролирующих чиновников. Поскольку и император, и премьер со всеми своими чиновниками и служащими были субъектами управления, постольку и они были объектами контроля цензорской службы. Цензорские функции были укоренены в традиционной идеологии, а наличие специальных контрольных чиновников стало характерным атрибутом государства. Император и главный министр в равной степени были заинтересованы в контроле над цензорской службой, что обеспечивало ей политическое долгожительство. Эта служба сыграла значительную роль в создании системы провинциального управления в Китае.

Центральное правительство империи Хань послужило образцом для организации правительств последующих династий. Официально центральная власть при императоре была сосредоточена в руках «трех *гунов*» (*сань гун*): главнокомандующего (*тайвэй*), главного министра (*чэнсян*) и главного цензора (*юйши дафу*). Уже в ханьское время эти высшие государственные должности

были данью традиции. Их сохранение в государственной номенклатуре служило напоминанием о трех высших должностях чжоуской эпохи, которые также назывались «тремя *гунами*» (иногда «высшими *гунами*» — *шан гун*). Функции старинных *гунов* [*2*] остаются не совсем ясными, известно только, что наивысший по должности был изначально военным, командующим, а следующие два — гражданскими советниками чжоуских правителей-*ванов*.

Новые «три *гуна*» занимали неравнозначное положение в центральном правительстве империи Хань. Должность главнокомандующего либо оставалась вакантной, либо не имела определенных должностных полномочий и штата сотрудников. В это время высшая военная власть практически оставалась непосредственно в руках императора. Рост влияния отдельных военных на государственную политику в период правления династии Поздняя Хань, как и позднее, был связан с общим кризисом государственной системы управления.

Самой важной была должность главного министра. Он возглавлял многие органы центрального правительства, был участником императорских совещаний, на которых докладывал свое мнение по вопросам государственной политики, являлся представителем и руководителем всех гражданских чиновников.

Главный цензор по своей должности был заместителем главного министра и, как правило, занимал или временно исполнял должность главного министра при уходе последнего в отставку. По субординации и по карьерным соображениям главный цензор находился в некоторой зависимости от главного министра. Реального разграничения административной и цензорской функций в ханьском правительстве еще не было.

После падения империи Хань на территории Китая возникали и распадались многие государства. Важную роль в адаптации ханьской модели центрального правительства к новым условиям играла должность главного министра. В основе политической борьбы лежали естественные противоречия между регулярной государственной бюрократией (традиционно называемой «внешним двором») и императорскими службами (и ближайшими родственниками императора, составлявшими вместе «внутренний двор»), которые стояли на страже интересов императорского дома. Уже к концу эпохи Хань представителям «внутреннего двора» удалось встать между главным министром и императором, значительно затруднив коммуникацию между ними. Затем, после падения влияния главного министра на процесс управления, императору потребовалось установить свой контроль над «внешним двором», чтобы самому возглавить бюрократию.

На протяжении III–IX вв. происходил постепенный процесс создания единой структуры «трех палат» (*сань шэн*), которые противостояли друг другу и в то же время работали в тесном контакте. Сюда входили Кабинет министров (*Шаншушэн*), Государственная канцелярия (*Чжуншушэн*) и Совет Двора (*Мэньсяшэн*). Ни одна из палат не была создана в готовом виде и первоначально не предназначалась для выполнения функций, обозначившихся позднее.

Особенностью средневекового Китая можно считать то, что все регулярные палаты выросли из дворцовой службы. Первоначально личные секретари ханьских императоров (*шаншу*) только передавали императору доклады чиновников и готовили тексты указов. Однако противостояние императора и главного министра вызвало к жизни в период Поздней Хань новый институт — палату личных секретарей, которая взяла на себя часть полномочий главного министра по выработке государственной политики. В связи с запретом на присутствие мужчин в покоях императора, а также численным увеличением штата секретарей *шаншу* последних перевели во «внешний двор». Таким образом, они стали частью регулярной бюрократии, оставаясь при этом под непосредственным контролем императора. Рост влияния палаты личных секретарей происходил за счет подчинения ей традиционных государственных органов исполнительной власти.

Превратившись в конце эпохи Хань в важный совещательный и высший (за исключением самого императора) исполнительный орган, Кабинет министров продолжал контролировать поступавшие в столицу доклады. Формально, а поначалу и фактически этот орган был высшим в одном из царств–преемников Хань — Вэй. Затем правитель возложил некоторые обязанности Кабинета министров на одного из секретарей-инспекторов внутреннего двора, а также передал полномочия по приему докладов специальному чиновнику. Тем самым был заложен остов буду-

щих полномочий Государственной канцелярии и создан противовес Кабинету министров.

В истории образования Государственной канцелярии можно выделить два этапа. На первом (нач. III — нач. V в.) существовала только должность секретаря-инспектора. В иерархии секретарь-инспектор находился на несколько ступеней ниже главы Кабинета министров, но фактически эта должность была важнее. На втором этапе (нач. V — кон. VI в.) влияние Государственной канцелярии распространяется на отраслевые приказы (*цао*), находившиеся ранее в полном подчинении Кабинета министров. Главной обязанностью Государственной канцелярии по-прежнему остается получение докладов, передача их государю с определенными замечаниями и подготовка текстов указов. В этот период происходит значительный рост штата сотрудников, повышается официальный статус палаты.

Постепенно усиливавшееся влияние руководителей Государственной канцелярии, особенно при Южных династиях, стало угрожать власти императора. Известные со времени династии Цзинь (265–420) должности чиновников, обслуживавших императора непосредственно в «запретном городе», послужили основой для формирования еще одной палаты — Совета Двора (*Мэньсяшэн*). При Южных династиях чиновники этой палаты стали все чаще привлекаться к рассмотрению политических дел — с тем чтобы ограничить влияние Государственной канцелярии. Однако чисто политические мотивы не могут объяснить всех причин создания третьей палаты. Значение Совета Двора также постепенно росло и на Севере, хотя Государственная канцелярия там не представляла собой реальной угрозы императорской власти. Функции нового органа включали в себя контроль над выработкой политических решений и их исполнением.

Формирование системы «трех палат» завершилось только при династии Суй (581–618), сумевшей на короткое время объединить под своей властью весь Китай. Главы «трех палат» получили в это время особые полномочия и стали так называемыми канцлерами (*цзайсян*). Отличия суйского канцлера от раннеханьского главного министра были весьма существенны. Главный министр был настоящим лидером служилой бюрократии, канцлер же руководил только одной из ветвей администрации, причем ему противостоял не император, а другие канцлеры. Вместо одной появилось несколько должностей; при этом снижению должностного статуса канцлера способствовало назначение в качестве руководителей палат не самих канцлеров, а их заместителей. На практике это обернулось расчленением бюрократии «внешнего двора» и ее управленческой специализацией.

Для управленческой системы Китая, вполне оформившейся при династии Тан (618–907), был характерен следующий порядок взаимодействия «трех палат». Доклад из столичных ведомств или с периферии поступал в Кабинет министров; в тех случаях, когда он касался важных государственных дел (а не был чисто статистической справкой или рутинной информацией), доклад передавали в Совет Двора. Чиновники этого органа проверяли данные, изложенные в докладе, и сообщали главе Совета мнение о затронутых в нем вопросах. Затем доклад передавался на рассмотрение в Государственную канцелярию, где особые секретари готовили проект резолюции и направляли его в Совет Двора для утверждения к исполнению. Если у Совета Двора возникали сомнения в правильности резолюции, документ возвращался в Государственную канцелярию. Такая процедура могла повторяться несколько раз. В случае если два административных органа не могли найти приемлемого варианта решения, в дело вмешивался император. После окончания процедуры выработки решения готовый указ передавался для выполнения в Кабинет министров. Споры между Советом Двора и Государственной канцелярией на практике могли надолго задержать принятие решения, поэтому при династии Тан появился неофициальный орган согласования — «Зал по управлению делами» (*Чжэншитан*), призванный объединить усилия всех ветвей администрации.

Важные изменения произошли в цензорской власти. При общем ослаблении системы управления, вызванном падением империи Хань, главный цензор потерял свое положение в составе «внутреннего двора», а цензорские функции все чаще стали рассматриваться в качестве прерогативы бюрократической службы. Тем не менее перевод цензорской службы в разряд регулярной не вызвал ослабления ее связей с императором: цензорская служба была выделена из общей администрации, цензоры имели право обращаться непосредственно к императору, минуя регуляр-

ные каналы аппарата главного министра. Жизнестойкости цензорской службы способствовала претензия правителей новых государственных образований на сохранение исторической преемственности с империей Хань.

Когда наметилась тенденция к образованию новой империи, цензорская служба еще более усилилась, престиж ее вырос. В империи Тан в составе Императорского цензората были выделены три департамента, находившиеся под началом одного главного цензора. Зачастую местные чиновники провинциального уровня находились в двойном подчинении «трех палат» и Цензората, являясь при этом надзирателями над чиновниками уездного уровня. Значительную часть времени цензоры проводили в инспекционных поездках по стране, а в остальное время инспектировали столичные ведомства. Однако в VIII в. у цензоров отняли право снимать с должности провинившихся местных чиновников. По представлению главного цензора это стал делать сам император. Сообщения выездных цензоров с мест теперь не выделялись из общего потока документации, их путь, как и путь обычных документов, пролегал через Государственную канцелярию.

Большая вовлеченность императора в реальную политику реанимировала ханьскую конфуцианскую традицию поучения императора специальными чиновниками. Традиция трансформировалась в соответствующие контрольные органы, которые формировались в составе Совета Двора и Государственной канцелярии. Контроль распространялся и на действующие указы. По инициативе Совета Двора «вредные» указы отменялись или приостанавливались, «порицатели» (*цзяньи дафу*) были обязаны критиковать действия императора и рекомендовать ему достойных чиновников.

Правительство империи Сун было построено по образцу Тан. Наиболее влиятельными в это время становятся Императорский секретариат (*Чжунщу мэнься* или *Чжэншитан*) и Тайный военный совет (*Шумиюань*), которые зародились еще в эпоху Тан. Первый из них в то время представлял собой совещание глав «трех палат», а начало второму было положено введением должности «тайного эмиссара по важным делам» (как правило, занимавшегося приближенными к танскому императору евнухами). Ко времени Сун Совет приобрел значительный политический вес, став высшим военно-политическим органом. Члены Совета были гражданскими чиновниками и имели должности вице-канцлеров.

Немалая власть находилась в руках премьер-министров (*сян*), которые могли по должности принадлежать к какой-либо из «трех палат». Обычно назначались два главных премьера (*цзайсян*) и несколько вице-премьеров (*фусян*). Премьер-министры имели значительный штат секретарей, наиболее важными из которых были члены академии Ханьлинь.

В 1078–1085 гг. в ходе реформ, провозглашавших восстановление танских институтов, Императорский секретариат был упразднен и вновь заменен «тремя палатами». Однако при этом Государственная канцелярия и Совет Двора были переподчинены главе Кабинета министров с присвоением ему ранга «канцлера». Канцлер занимал в администрации примерно такое же положение, как и ханьский главный министр. К концу правления династии Сун нередки были случаи, когда руководитель Императорского секретариата добивался даже контроля над Тайным военным советом. Император сохранял положение политического лидера, но постепенно устранялся от участия в решении административных дел. Канцлер же, напротив, все больше занимался текущим управлением. Не случайно преобразование Императорского секретариата шло под эгидой исполнительного Кабинета министров. Решение особо срочных вопросов, в основном военных и связанных с управлением армией, сосредоточивалось в руках Тайного военного совета. Наметилось превращение *цзайсяна* из политической фигуры в главного распорядителя регулярной бюрократии, функционирование которой уже в значительной степени шло по накатанному пути традиций, стереотипов и формальных правил. Сам процесс управления все больше сводился к организации потока документов, циркулирующих между ведомствами и все меньше предполагал личное общение его участников.

Тенденция к деполитизации должности канцлера не получила дальнейшего развития. При слабых императорах Южной Сун канцлеры практически поставили под свой контроль весь государственный аппарат, включая Тайный военный совет.

В начальный период правления династии Сун укрепилось независимое положение Императорского цензората (*Юйшитай*), была восстановлена прямая коммуникация императора и цензоров. Цензорская служба приобретала черты срочной администрации по чрезвычайным ситуациям. Главный цензор все чаще привлекался к выработке политических решений. В северосунский период в составе Цензората были введены должности чиновников-порицателей, обязанностью которых было указывать на недостатки в политике и давать рекомендации по их исправлению. Эти функции Цензората находились в противоречии с традицией: порицатели всегда находились под началом главного министра, обязанностью же цензоров был надзор за выполнением чиновниками принятых решений. В 1084 г. эти должности в составе Цензората были отменены вследствие традиционного для Китая разделения функций цензорского надзора и порицания политических недостатков. Другой причиной отмены этих должностей стало организационное оформление в 1032 г. Палаты порицаний (*Цзяньюань*), призванной сообщать о недостатках и пороках в политике государства.

Устранение порицателей из состава Цензората выявило границы политических функций цензорской службы. Еще ранее были четко определены полномочия Цензората применительно к местному чиновничеству. При династии Сун никаких служебных отношений между Цензоратом и местными чиновниками-контролерами и координаторами не существовало. Местный надзор был, во-первых, децентрализован, во-вторых, специализирован по отраслям управления. На местах действовали особые уполномоченные по сбору налогов, судебные уполномоченные и т.д., причем территориально сферы деятельности различных уполномоченных не совпадали.

Предложение Цензората о централизации местных контрольных служб было принято в 1080 г. Тогда же в его составе были организованы отраслевые отделы. Однако уже в 1084 г. эта практика была отменена под тем предлогом, что координация цензорских функций на местах отвлекает Цензорат от его главной обязанности — надзора за центральными ведомствами. Должности немногочисленных цензоров, специализировавшихся на местных проверках, были отменены.

Перестройка аппарата управления в эпоху Сун в первую очередь касалась административных органов, занятых приемом и сортировкой документов. В этом некоторые исследователи видят показатель медленного процесса «разделения властей» в Китае и связывают его с высвобождением информационных органов из-под опеки «обычных административных властей». Этот тезис не подтверждается данными исторических источников северосунского периода (960–1127). Только к концу правления династии Сун разделение полномочий прослеживается в наличии независимых от центральных государственных органов и подчиненных напрямую императору учреждений, занятых информационной работой.

Информация служила основанием для выработки политических решений, процесс принятия которых был достаточно сложным. Выход виделся в переподчинении центральных органов Кабинету министров, что, по сути, заменяло письменное общение чиновников их совещаниями. Техническая обработка деловых бумаг была определенным тормозом на пути к «разделению властей» в деятельности центрального правительства.

В сунское время оперативное руководство императора государственными делами подкреплялось регулярными устными докладами. Обычно на регулярном докладе присутствовали одновременно два чиновника от Палаты порицаний и Императорского цензората, дабы избежать «неправильных речей».

В отличие от Сун династия Юань (1271–1368) вполне укладывается в схему эволюции китайского государства. Обычно указывают на «засоренность» ее правительства чуждыми Китаю монгольскими институтами и порядками, при этом акцентируют патриархальность монгольской аристократии, усиление децентрализации и падение влияния императора в деле управления государством. Однако в схеме «пульсирующей» эволюции китайской автократии (а не государства в целом) династия Юань органично вписывается в краткосрочный период «расслабленности» между династиями Сун и Мин, ориентированными на императорское самодержавие. Кроме того, в период правления монгольской династии получили реальное воплощение некоторые тенденции, наметившиеся еще при династии Сун.

Государственный аппарат

Так как многие главные должности в госаппарате были зарезервированы за монголами, их отношения с императором были менее формальными. Основа центральной администрации Юань стала более четкой. «Три палаты» были заменены одной — *Чжуншушэн*. Наиболее важное место в новом едином органе занимали высокоспециализированные «шесть приказов» (*лю бу*). Военные вопросы по-прежнему относились к ведению Тайного военного совета. Еще до провозглашения новой династии монголы учредили Императорский цензорат (*Юйшитай*), который наряду с проверкой деятельности чиновников занимался теперь и оценкой политических мероприятий династии, так как в его составе были вновь учреждены должности чиновников-порицателей. Кроме того, была создана развитая система местного цензорского надзора.

Другой особенностью административной системы династии Юань было рассредоточение центрального правительства по территории страны (децентрализация). Был сделан шаг назад к региональной специализации, причем региональные органы имели тенденцию к слабому разграничению функций. Особенно это заметно на примере местных контрольных чиновников, которые помимо цензорских функций были обременены оценкой политических мероприятий династии на местах, а также некоторыми административными делами.

Династия Юань заложила основы современного административного деления страны на провинции (*шэн*). Название этих крупных административных единиц восходит к палате *Чжуншушэн* (Государственная канцелярия). По всей территории страны было создано 10 филиалов *Чжуншушэн* (они получили название *син Чжуншушэн*). В прямом ведении центральной палаты находилась отдельная территория. Кроме центрального аппарата в составе Цензората имелись два филиала, располагавшиеся также вне столицы, а в 22 губерниях (*дао*) существовали еще и местные управления.

Децентрализацию административной системы империи Юань следует рассматривать как первую серьезную попытку организации промежуточных уровней местной администрации. Произошло перераспределение полномочий в пользу протопровинциальных территориальных образований. Это разгрузило центральное правительство и привело к его структурному упрощению. Управление стало централизованным, причем централизованным по трем традиционным отраслям власти: гражданской, военной и контрольно-цензорской.

Госаппарат династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) в исторической политологии обычно рассматривается как единый комплекс, поскольку маньчжурские завоеватели Китая практически в неизменном виде унаследовали минские государственные институты, а их эволюция в Цинской империи стала завершением процесса, начатого в предшествующий период. Конфуцианство в эту эпоху становится ортодоксией, в нем подчеркиваются автократические черты и понятия. Изменения в институтах позволили ужесточить контроль над бюрократией.

В 1380 г. были отменены должности канцлеров, координатором работы Шести министерств стал сам император. При работе с государственными органами император обращался к помощи академиков Ханьлинь. К концу XV в. они сформировали Дворцовую канцелярию (*Нэйгэ*). Академики занимали номинально невысокие должности, поэтому император мог пользоваться их помощью, не опасаясь усиления их влияния на бюрократический аппарат. Секретари работали в тесном контакте с евнухами (чье влияние постепенно возрастало), но были противопоставлены регулярной бюрократии, так как получали доступ к управлению делами не через обычные бюрократические каналы, а через Академию Ханьлинь.

Превращение минских секретарей из советников «внутренних покоев» в администраторов «внешнего двора» закончилось лишь к 1729 г. (уже в правление династии Цин), когда император стал обращаться к Государственному совету (*Цзюньцзичу*) за независимым советом. Члены Совета (два китайца, два маньчжура и, как правило, председатель-маньчжур) ежедневно встречались с императором на совещаниях. Обычно они занимали значительные должности в каком-либо из Шести приказов. Дворцовая канцелярия еще продолжала существовать некоторое время, но занималась только рутинными делами. При Мин и Цин высшими административно-исполнительными органами были Шесть приказов. Для периода правления династии Цин эти органы правильнее называть коллегиями, так как высшие должности в них занимали одновременно

маньчжуры и китайцы. Позднее была учреждена Лифаньюань, которая после 1861 г. стала коллегией иностранных дел.

Значительные изменения произошли в контрольной службе. Их суть состояла в слиянии двух ветвей контроля: при Мин функции порицателей были переданы в подчинение Цензорату. Цензорская функция состояла в надзоре за чиновниками центральных и местных органов власти. В 1382 г. расследователи (*цзяньча юйши*) оставались формально в подчинении Цензората, но фактически перешли под прямой контроль императора. 110 чиновников были закреплены за определенными областями, но их командировали и в другие места. Остававшиеся в каждой из Шести коллегий независимые отделы расследований были переданы цинскими императорами под начало Цензората. Дополнительно к порицанию на них были возложены цензорские обязанности.

Организация китайского государства в его династических формах сохраняла преемственность в течение многих сотен лет, несмотря на значительные изменения в экономике, социальном и этническом составе населения. Это свидетельствует о значительной устойчивости конфуцианских культурных стереотипов в структурировании политических интересов, выполнении ими функции легитимизации государственной власти. Государство представляло собой конкретизацию ценностей традиционной доктрины государственного управления в определенном наборе функций управления, которые исторически могли институциализироваться посредством различных государственных органов.

В контексте традиционной государственной доктрины само управление преимущественно понималось как координация естественных социальных процессов, следование природному миропорядку. В связи с этим военная власть рассматривалась в качестве временной и чрезвычайной. В нормальных условиях приоритет оставался за гражданской властью. В составе гражданской администрации нормой представлялось разграничение совещательных, исполнительных и контрольных функций. Общей администрации функционально, а иногда и организационно была противопоставлена цензорская служба.

Политическая доктрина конфуцианства гарантировала поддержку правящей династии только при условии успешного выполнения ею общественной координирующей функции, где главными составляющими были стабильность и забота о благосостоянии народа. Полная сакрализация императорской власти и устранение ее из политического процесса или, напротив, императорский деспотизм были теоретической спекуляцией и рассматривались как крайности. Реально традиционное государство в Китае выстраивалось с учетом противопоставления указанных ветвей администрации, что рационально оправдывало наличие единого координатора в лице императора.

Государственный аппарат был относительно немногочисленным. Это определялось материальными возможностями общества и в целом отрицательным отношением конфуцианского учения к бюрократии. Формальная организация в большей степени была характерна для исполнительной и цензорской властей. Совещательная и контрольная власти обладали меньшей устойчивостью, они чаще подвергались реорганизации, их функции осуществлялись менее формально и, как правило, не подкреплялись статусом в служебной иерархии. Относительно неформальный характер носило не только участие императора в деятельности правительства, но и работа чиновников разных уровней, которые прибегали к услугам частных секретарей, не состоявших на государственной службе.

Традиционная легитимизирующая роль структуры государственного аппарата не позволяла устранять отдельные элементы (органы или должности) системы. При благоприятном соотношении сил нежелательные элементы могли лишь до определенной степени блокироваться, что достигалось ограничением или переориентацией их коммуникации, перегрузкой их дополнительными функциями, переподчинением другому органу или непосредственно императору, сокращением штатов технических сотрудников. При смене обстановки блокированный элемент системы мог вновь активизироваться.

Государственное управление в традиционном Китае было шире сферы действия государственного аппарата, поэтому справедливо рассматривать политическую культуру не только как среду, но и как функциональный элемент государства, где конфуцианство было прочно инкорпорировано в структуру управления. Исследование политико-культурных аспектов традиционного ки-

тайского государства не сводится к формальному анализу официальной иерархии и государственной идеологии, поскольку конкретные ценности политической культуры не обязательно выражались в идеологии, зато они отчетливо прослеживаются в практике государственного управления в качестве повторяющихся приемов и образцов его организации.

Доклад чиновника императору. Традиционная китайская государственная мысль рассматривала доклад подданного правителю как один из важнейших инструментов политики. Контроль над процессом управления государством прежде всего подразумевал контроль над поступавшими в центральное правительство докладами чиновников. Сортировка докладов, полномочия решать, на чье усмотрение передавать доклады, были ключевыми моментами в образовании формальных и неформальных органов правительства.

Логика развития конфуцианского государства, а также разнообразный политический опыт царств, сменивших империю Хань, привели к возникновению относительно стабильной и гибкой системы управления, основывавшейся на противопоставлении и взаимной зависимости ее отдельных частей. В этих условиях информация приобретала большую практическую ценность. Шире стал использоваться письменный доклад. Создание общегосударственной системы коммуникаций в виде водных путей сообщения и почтовой службы повлекло за собой значительное увеличение количества деловых бумаг благодаря привлечению к общегосударственному диалогу местного чиновничества. Реформы административного устройства и порядка назначения чиновников, введение системы рангов, ротация служащих, разрушение их внеслужебных связей с местными влиятельными семействами поощряли государственных служащих на местах к подобному диалогу. Большой объем переписки требовал более рациональной организации работы чиновников, в том числе за счет формы документа, более строгого порядка обращения с докладом, введения временны́х норм обработки деловых бумаг.

Ритуал с его размытыми нормами уже с трудом мог выполнять роль единственного регулятора практики подачи доклада императору. Не только вводятся нормы ответственности, но значительная часть информации переводится в разряд деловых документов, приобретая, таким образом, бюрократический характер и утрачивая ритуальное значение.

Подача доклада была одной из главных обязанностей чиновника. Местные чиновники наиболее высоких рангов [инспекторы группы провинций (*цзяньсы*), начальники областей (*цзюньшоу*), начальствующие чиновники провинций] должны были прибывать для доклада в столицу. Уклонение от доклада под каким-либо предлогом, направление в столицу вместо себя другого чиновника, а также нарушение формы доклада каралось 80 ударами палками. Проступком считалось сокрытие действительного положения на месте службы, преувеличение собственных заслуг.

Регулирование практики доклада императору в сунском праве строилось с учетом трех моментов. Это информация, заключенная в докладе; субординация чиновника, обязанного подать документ в определенном порядке; прочие обязанности чиновника, его конкретная работа, связанная с управлением подчиненными и населением своей области. В обычной обстановке все три сферы деятельности чиновника были гармонично увязаны. Когда же чиновник сталкивался с экстраординарными обстоятельствами, требовавшими его немедленных действий, передача информации приобретала первостепенное значение и чиновнику предоставлялись самые широкие права для срочного доклада. Примечательно, что чиновник сам решал, какие дела следует отнести к категории срочных, и выступал первым звеном в процессе оценки исходной информации. Та информация, которую он считал наиболее срочной, быстрее всего поступала к императору благодаря особому оформлению документа.

Правила работы с государственными документами и наказания за нарушения этих правил также были определены в «высочайших повелениях» о документации. Информация, связанная с деятельностью войск, количеством конницы, наличием провианта и фуража, а также секретные сообщения должны были передаваться в запечатанном пакете. Передача в запечатанном конверте документа, который следует подать в открытом виде, каралась 100 ударами палками. Такое же наказание влекла за собой особая пометка о срочности на обычном докладе императору. Сообщение неверных сведений в документе наказывалось 80 палками. Закон запрещал ста-

вить официальную печать на чистом листе бумаги. Чиновник, допустивший такой проступок, а равно и тот, кто обратился к держателю печати с такой просьбой, наказывались 80 палками.

Сунская система доклада сохранила внешнюю преемственность с эпохой Тан, однако ее осмысление строилось уже на приоритете права, а не ритуала. Можно сказать, что к началу XIII в. произошел перелом в понимании того, что такое государство и что значит для государства император. Если раньше в практике доклада государство представлялось через призму личностных отношений императора и его подданных, стержнем которых была персона самого императора, то теперь на первый план вышли служебные отношения. Ритуал в докладе как бы разделился на две части, причем его наиболее перспективная часть вошла в сферу права. Этот процесс был достаточно противоречивым; так, согласно своему ритуальному статусу, *бяо* возглавлял список формуляров докладов, однако вследствие небольшой информационной ценности сфера его применения оставалась ограниченной. *Бяо* использовался чиновниками лишь для личных просьб к императору, тогда как по общественно значимым делам следовало подавать документ *чжуан*. Разница документов *бяо* и *чжуан* с точки зрения их общественной важности нашла отражение в справочнике «Цин-юань тяофа шилэй», где в отдельной главе сначала излагаются многочисленные положения о порядке подачи деловых докладов, а потом следует раздел «просьбы сановников».

Процесс огосударствления доклада посредством перемещения его в сферу права не мог сразу вытеснить традиционное представление о «надгосударственности» императора, поэтому жанр личного послания *шушу* продолжал существовать на практике, но не затрагивался сунским правом. Тем не менее он получил отражение в ритуале, будучи связанным с персоной правителя. Эта линия чистого ритуала, не опосредованного правом в докладе, была обречена на исчезновение. Жесткая правовая регламентация оказывала и свое обратное воздействие на ритуал. Послания к императору и другим лицам, отмеченные в «Тан лю дянь», стали более четко ориентироваться на адресата. *Бяо* направлялся теперь только императору, *цзянь* — наследнику престола и императрицам, а *ци* [*4*] в эпоху Сун стал частным письмом, с которым уже не было принято обращаться к императору.

Наиболее широким спектром применения обладал документ *чжуан*. Его использовали вассалы и официальные учреждения центрального правительства, а также местные власти для информирования императора. Запрос в «Три палаты» и Тайный военный совет также назывался *чжуан*. В обоих случаях закон уточнял название этого документа как *цзоучжуан*. Это было необходимо в связи с тем, что существовал и другой вид документа, точное название которого было просто *чжуан*: с ним обращались с запросом в вышестоящую инстанцию, а если статус отправителя был достаточно высок, то и в указанные высшие государственные органы.

В высочайших повелениях (*чи*) о работе с документацией приоритет важной государственной информации над обычной был подкреплен требованием запечатанного (в первом случае) и открытого (во втором) пакета. Важной информацией считались сообщения о срочных делах, стихийных бедствиях, обвинения в колдовстве, караемые законом, изложение своих соображений высокопоставленным сановником, его доклад, касающийся выяснения обстоятельств дела. Все прочие *чжуаны* подавались в открытом пакете (*тун фэн*).

Существовала также возможность передачи срочной и секретной военной информации с помощью *чжацзы*. Это право имели бывшие канцлеры и руководящие чиновники Тайного военного совета, а также местные чиновники. Это была лишь одна, экстраординарная функция указанного документа. Обычно его использовали сановники высоких рангов для доклада непосредственно императору. Документ *чжацзы* обладал некоторыми признаками экстраординарности: внеурочный порядок подачи, разрешение сановникам подавать более трех таких документов за один раз, формуляр без обязательного для других документов указания даты (только день и месяц).

Достаточно высокая степень рационализации государственного управления в империи Сун непосредственно сказалась и на представлении чиновников о том, что такое срочность или важность дела. Законом, например, предписывалось лишь кратко сообщать императору о случаях «скверностей», под которыми подразумевались «изготовление ядовитого зелья, зловредные про-

делки темных сил, мистические заклинания». Подробные сведения об этом разрешалось докладывать только в Кабинет министров и Тайный военный совет.

Эволюция системы докладов эпох Мин и Цин показывает, что с течением времени происходило превращение срочного доклада в рутинный. Срочные доклады поступали к императору самым коротким путем и не были столь строги в своем оформлении. Круг информаторов императора постоянно расширялся, так как императору требовалась достоверная информация, которую можно было получить только из разных источников. Чиновники были заинтересованы в самых простых документальных процедурах, поэтому для сообщения даже рутинной информации они так или иначе стремились использовать документ срочного доклада.

Расширение круга информаторов и рост числа срочных докладов потребовали ужесточения требований к составлению формуляра документа и привлечения госаппарата к их обработке. Так началась рутинизация срочного доклада. Стремление императора получать важную информацию в кратчайшие сроки приводило к появлению нового документа, при этом не важно, менялось ли название документа или оставалось прежним.

Развитие цинской системы доклада вполне укладывается в рамки традиционной китайской политической культуры и имеет много общего с аналогичными процессами предшествующих исторических эпох. Все династийные системы доклада императору тяготели к разделению докладов на срочные и рутинные и выделению для этих целей особых документов. Так, в эпоху Хань имелись доклады *бяо* и *цзоу* [*1*], при Тан — *бяо* и *чжуан*, при Сун — *чжуан* и *чжацзы*.

Китайская система докладов следовала в своем развитии за изменениями в государстве. Она отразила как особенности конфуцианской доктрины управления, так и практику традиционного государственного аппарата. Исторической движущей силой изменений в институте доклада являлся симбиоз и динамическое равновесие основных политических сил — бюрократии и императорской власти. Характерной чертой развития института доклада была его рационализация, которая сохранялась на всем протяжении существования традиционного китайского государства и не исчерпывалась рамками политических династических циклов.

Комплекс политической культуры определил своеобразие политической коммуникации в китайском обществе. Исторический переход института доклада в область права не отменил полностью его связи с ритуалом, традиционные ценности политического процесса сохранялись. В китайском праве была закреплена норма обязательной прямой коммуникации каждого чиновника с императором по случаю праздников и в других ритуально значимых ситуациях. С повышением служебного положения чиновника упрощался формуляр документа доклада и правила обращения к императору.

Традиционный институт доклада свидетельствует о двояком участии китайского чиновника в процессе управления. Формальное исполнение служебных функций (в чем обычно упрекают китайскую бюрократию) в основном было характерно для обычных ситуаций, которые постепенно подвергались стандартизации и сосредоточивались в ведении высших бюрократических органов. Однако за чиновником сохранялось право самостоятельной оценки исходной информации и выделения срочных и нестандартных дел. Как правило, такая информация концентрировалась в ведении императора. Историческая тенденция перерастания срочного доклада императору в рутинный свидетельствует о том, что у китайского чиновника не было достаточных оснований для идентификации себя как субъекта чисто бюрократической службы и противопоставления своих интересов интересам императорской власти.

Поручительство и рекомендации. На протяжении всей истории китайского государства поручительство государственных служащих занимало важное место в его жизни. Статус принципа поручительства в официальной идеологической доктрине изменялся, иногда сфера его действия значительно сужалась, но он никогда не исключался полностью из норм общественной морали. Укорененность поручительства в национальной психологии, а также тщательно разработанный механизм его практического применения обусловили неизбежный возврат к его использованию в деятельности госаппарата на протяжении многих веков.

Принцип ответственности за действия других людей, которые связаны теми или иными узами (служебными, родственными и пр.), не является исключительно китайским феноменом. Однако именно в Китае этот принцип оказался тесно связан с процессом становления и деятельности государства, а также был отражением древнейшего (первобытного) пласта национальной культуры. Поручительство и круговая порука базировались на общих ценностях и понятиях китайской культуры, главным из которых в данном случае выступало понятие «воздаяние» (*бао*). Это понятие составляло основу общественных отношений в традиционном Китае. Связь между действием и результатом воспринималась им как отношение причины и следствия. Кроме того, в контексте китайской культуры ценностью обладало только контрактное, договорное, а отнюдь не прямое, непосредственное действие.

Полнее всего принцип поручительства проявлял себя в связи с практикой рекомендаций чиновников на государственную службу. Уже в источниках эпохи Чжань-го (V–III вв. до н.э.) ответственность за рекомендацию новобранца на госслужбу рассматривалась как важная сторона деятельности чиновника. При этом встречаются упоминания о естественном наказании чиновника «судьбой», если он рекомендовал на государственную службу аморальных людей. За рекомендацию же хороших служащих чиновнику воздавалось не только «судьбой», но и правителем государства.

Процесс формализации института рекомендаций и поручительства способствовал возникновению определенных моральных правил для чиновничества. Принцип поручительства не только заставлял чиновника подозрительно относиться к своим сослуживцам и тем, кто добивался его рекомендации, но и создавал условия для культивирования личной преданности в среде служилых людей. Рекомендованный «почтительный и неподкупный» обязан был проявлять преданность рекомендовавшему его чиновнику и при первой возможности отплатить ему благодарностью. Благодарности от своего подчиненного ждал чиновник, взявший его к себе на службу. По той же причине чиновник был обязан носить траур по своему бывшему учителю или начальнику, оказывать ему помощь, когда это потребуется. Часто для установления личных отношений чиновнику было выгодно признать влиятельное лицо своим «учителем», хотя фактически он никогда таковым не был.

Ответственность поручителей за действия своих протеже была нормой средневекового китайского права. В то же время сунский кодекс не предусматривал обратной ответственности рекомендованного за действия своего поручителя. Однако на деле проступок, преступление или превратности судьбы поручителя приводили к удалению из госаппарата и его протеже. В некоторых случаях чиновники считали своим долгом уйти в отставку при крахе карьеры своего поручителя. Практически служебные отношения поручителя и его протеже в моральном плане продолжали восприниматься как аналог родственных отношений. Поэтому в указе 1053 г. запрещалось рекомендованному занимать должность в подчинении у своего поручителя, точно так же как чиновник не мог служить под началом своего родственника.

В целом система рекомендаций, достигшая своего расцвета в раннесунский период, в основных чертах была сходной с соответствующими системами не только танской, но и более ранних эпох. В дальнейшем роль поручительства постепенно уменьшалась в практике рекомендаций, поскольку начала сворачиваться сама эта практика. Все большее значение стало придаваться экзаменам, которые были престижным каналом повышения в должности и в раннесунское время. При Южной Сун лишь изменилось соотношение между поднявшимися по служебной лестнице тем или иным способом.

При монгольской династии Юань (1271–1368) китайская бюрократия представляла собой оформившийся общественный слой с собственными интересами и ценностями. Новая династия, по-видимому, не испытывала традиционного для переломных моментов китайской истории недостатка в чиновниках: ключевые посты резервировались за монголами. Поэтому с самого начала основным способом набора на службу стали экзамены. В 1313 г. официальным идеологическим содержанием экзаменов стало неоконфуцианство (в интерпретации Чэн И и Чжу Си). Утверждение авторитета в служилой и ученой среде также происходило в форме своеобразных рекомендаций, за исключением случаев официального признания служебных заслуг чиновника или

чествования «ученого», не имевшего государственного поста. В формировании конфуцианской служилой элиты, которая позднее сыграла ключевую роль в создании империи Мин, важное место занимали чиновники, занимавшие посты в университетах и академиях. Они сплачивали своих единомышленников, представляли земляков в столице, выступая их учителями и покровителями, снабжали предисловиями труды безвестных авторов. В этой среде действовала своего рода неофициальная система отбора, которая давала признание профессионалам, ставшим жертвами тех или иных административных интриг.

Династия Мин (1368–1644) внесла существенный вклад в оформление государственных структур и разработку правил их функционирования. За годы правления этой династии практика государственных экзаменов сложилась в аттестационную систему, которая просуществовала до начала XX в. Однако на эту эпоху приходится и очередной расцвет института рекомендаций. На протяжении первых 70 лет правления Минов система рекомендаций превосходила по своей важности экзаменационную. Чжу Юань-чжан широко использовал рекомендации для отбора чиновников. Начиная с 1364 г. все местные органы власти должны были представлять кандидатуры на посты гражданских и военных чиновников на рассмотрение центра. В 1367–1368 гг. на места были посланы специальные эмиссары для поиска «талантливых людей».

Усиление роли рекомендаций в начале правления династии Мин было явлением, характерным для династийного цикла. Новое правительство остро нуждалось в кадрах. По мере насыщения государственной службы чиновниками предпочтение вновь стало отдаваться экзаменационной системе. В результате в начале XV в. система рекомендаций была вообще отменена как официальный институт государственной службы. Однако это не означало исчезновения рекомендаций из неофициальной практики китайской бюрократии. Тем более не произошло отмены — даже на официальном уровне — практики поручительства и коллективной ответственности, о чем свидетельствовали порядки государственной службы империи Цин (1644–1911). Цинский чиновник также нес ответственность за действия своих подчиненных, протеже, коллег, работавших с ним в одном ведомстве. Поручительство сохраняло свое значение и в экзаменационной системе того времени (в документах экзаменующегося приводились сведения о его поручителе). Практика поручительства среди чиновников, особенно выходцев из одной провинции, подкреплялась и вполне осязаемыми материальными интересами. Человек, прибывший в столицу с целью получения официальной должности, как правило, должен был получить рекомендацию столичных чиновников — выходцев из той же провинции; за нее он вносил деньги в специальный фонд, который учреждался столичными чиновниками-земляками для ежемесячных выплат нуждающимся собратьям, служившим в столице. Земляческие связи довольно часто выступали неофициальным основанием для поручительства. Земляки высокопоставленных чиновников имели больше шансов занять выгодные должности, чем прочие соискатели.

О роли системы коллективной ответственности в общественной жизни цинского Китая свидетельствует большое число наказаний, которые понесли чиновники за проступки своих подчиненных. Поручительство или коллективная ответственность стали причиной более чем четверти различных взысканий генерал-губернаторов и губернаторов провинций (как высших чинов администрации).

Неофициальные рекомендации играли не менее важную роль, чем официальное поручительство; более того, в XIX в. они стали негласно признанным фактором государственного управления. Цинские генерал-губернаторы не имели своего штата сотрудников и вынуждены были использовать штаты чиновников провинций, находящихся в их подчинении. Неудобство такого положения, а также пристальный контроль центрального правительства за деятельностью губернаторов и их личная ответственность за положение в провинциях вызвали к жизни институт частных секретариатов (*му фу*), которые строились на основе неофициальных рекомендаций. Личная преданность и дружба наряду с высокими профессиональными знаниями были теми качествами, которые позволяли частным секретариатам быть компактными центрами, эффективно руководившими большим официальным административным аппаратом. Для многих сотрудников секретариатов таким образом открывался путь к высоким должностям в государственном аппарате Цинской империи, началом которого становилась рекомендация влиятельного патрона.

Политическая культура традиционного Китая

Китайская политическая культура, базирующаяся на понимании процесса управления как тотального, не декларировала абсолютного противопоставления принципов личной ответственности и взаимного контроля чиновников. Служебная деятельность чиновника одновременно рассматривалась и как личная, и как коллективная. При этом в отличие от других культур взаимная ответственность не просто признавалась, но предполагала также свою градацию в зависимости от близости отношений субъектов служебной деятельности и характера их участия в ней. В современном китайском обществе технические функции быстро отмирают, однако сам принцип по-прежнему находит свое проявление в общественной морали, деятельности государства и политических партий.

Государственная экзаменационная система. Согласно источникам, экзаменационная система государственной аттестации и отбора претендентов на государственные должности существовала в Китае уже в конце VI в. Спустя столетия, под влиянием китайского опыта экзамены начинают применяться в системе сначала колониальной, а затем государственной службы Британской империи (1854). В 1883 г. эта система распространилась в США, а затем и во многих государствах. В настоящее время экзамены являются составной частью системы административного управления и управления кадрами многих развитых стран. Таким образом, именно Китай внес в мировую политическую культуру и в систему административного управления как само понятие, так и разработанную практику экзаменов для зачисления чиновников на государственную службу.

Традиционная экзаменационная система Китая представляет собой целостный социально-культурный комплекс процедур и идей, оказавших глубочайшее влияние на ход исторического развития страны, ее политическую культуру и национальный менталитет. В своем развитом виде экзаменационная система была открыта для всех желающих вне зависимости от социального происхождения (за исключением людей «подлых профессий»). Беспристрастность отбора государственных служащих посредством экзаменов была возведена в принцип и гарантировалась целой системой мер. Содержательным ядром экзаменов было конфуцианское учение, овладение которым открывало путь к процветанию и славе. Экзаменационная система служила каркасом для создания в Китае привилегированного служилого сословия (*шэнь ши*), которое обеспечивало существование императорской политической системы на протяжении тринадцати веков. Отмена экзаменов в Цинской империи в 1905 г. стала одним из сигналов приближающегося конца этой политической системы.

Экзаменационная система складывалась в контексте национальной политической культуры Китая и сохраняла связь с традицией на всем протяжении своего существования. Поэтому истоки этой системы (в том или ином частном ее проявлении) можно отыскать в самой глубокой древности.

Началом экзаменационной системы можно считать «трехгодичные испытания» для окружных управляющих, которые, по свидетельству китайских источников, проводились при династии Чжоу (1122–256 до н.э.). Проверке подлежали добропорядочность чиновников, их преданность императору, забота о людях, а также знание ритуала, музыки, владение искусством стрельбы из лука, верховой езды, каллиграфии и математики. Кроме того, оценивались физические и умственные способности претендентов. Из этих людей отбирали наиболее достойных для назначения в правительство.

При династии Западная Хань (206 до н.э. — 8 н.э.) основной упор делался на управленческие и моральные качества рекомендованных чиновников. Императорские собеседования (*дуй цэ*), которые время от времени проводились с кандидатами, не были экзаменами в строгом смысле этого слова, скорее их можно назвать консультациями по важным текущим делам. При Западной Хань для выпускников государственных учебных заведений проводились экзамены на знание конфуцианского учения, а уездные чиновники демонстрировали свое умение составлять доклады. Претенденты, успешно выдержавшие экзамен, получали звание «преданный и честный» (*сяо лянь*). Письменные экзамены для претендентов, рекомендованных на должность в системе государственной службы, стали проводиться лишь в 132 г. н.э. при императоре Шунь-ди (династия Поздняя (Восточная) Хань (25–220); проверке подлежали знания кандидатов и их способ-

ности рассуждать и выражать свои мысли. Вслед за крушением Ханьской империи пришла в упадок и экзаменационная система. Основным способом набора служащих вновь стали рекомендации. При династиях Вэй (220–265), Цзинь (265–420), а также при Южных и Северных династиях (420–588) способности и поведение рекомендованных претендентов оценивали так называемые «прямые чиновники» (*чжун чжэн гуань*). В 587 г. император Вэнь-ди (династия Суй) вновь начал проводить экзамены, а в 608 г. император Ян-ди распространил прежнюю (ханьскую) методику экзаменов на звание «преданный и честный» (*сяо лянь*) на всю экзаменационную систему, насчитывавшую теперь 10 категорий служащих. С тех пор экзаменационная система государственной службы стала называться «выбором по категориям» (*кэ цзюй*). При династии Тан (618–907) число категорий было увеличено до 50. Наиболее престижной считалась категория «представленный ученый» (*цзинь ши*). При всех последующих династиях это звание оставалось единственным для регулярных экзаменов, однако экзаменационная система в целом по-прежнему именовалась «выбором по категориям». Начиная с династии Сун (960–1279) содержание экзаменов стало чисто конфуцианским. Изменения касались только стиля экзаменационных работ по классическим книгам: при Тан требовалось поэтическое сочинение, при Сун и Юань (1271–1368) — прозаическое сочинение-эссе, а при Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) — особое восьмичленное сочинение (*ба гу вэнь*).

Структура экзаменационной системы. Собственно экзаменационная система государственной службы включала три уровня: провинциальные (*сян ши*), столичные (*хуй ши*) и дворцовые экзамены (*дянь ши*).

Провинциальные экзамены. Эти экзамены проводились один раз в три года. Время экзаменов было точно определено: с 9-го по 16-й день восьмого месяца традиционного китайского календаря (по современному календарю — сентябрь). В отдельные годы могли проводиться и дополнительные провинциальные экзамены, связанные с восшествием на престол нового императора либо другими важными событиями в жизни правящего дома. В провинциальных экзаменах участвовало несколько тысяч человек, их организация и обслуживание включали целый комплекс мер. В центральном городе провинции существовал особый «экзаменационный лагерь», обнесенный высокой стеной. От главных ворот лагеря шла широкая «улица», с обеих сторон на нее выходили узкие и длинные «переулки». Их образовывали ряды «экзаменационных ячеек» — маленьких крытых помещений без передней стены; выход из «ячейки» вел в переулок. С другой стороны переулка находилась длинная глухая стена — общая передняя стена следующего ряда «ячеек». Внутри «ячеек» имелись три длинные доски, которые служили соответственно сиденьем, письменным столом и полкой. В центре лагеря высилось высокое здание, откуда осуществлялось управление экзаменационным процессом. Кроме того, в лагере было устроено несколько вышек для наблюдения за экзаменующимися внутри «ячеек». Имелись также здания для экзаменаторов, которые не сообщались с остальным лагерем в период проверки работ. Внутри лагеря имелся запас продовольствия, были предусмотрены меры по доставке воды и удалению нечистот, поскольку главные ворота на весь период экзаменов закрывались и опечатывались (в случае смерти кандидата труп перебрасывали через внешнюю стену).

На провинциальных экзаменах не практиковался промежуточный отсев кандидатов, все работы претендента проверялись одновременно. Таким образом, экзаменаторы были вынуждены просмотреть десятки тысяч работ. Согласно правилам, кандидаты писали свои ответы черной тушью, имя кандидата было закрыто, использовался только номер его «ячейки». Специальные переписчики (иногда числом до нескольких тысяч) переписывали работы красной тушью. Оригинал и копию сличали считчики, которые вносили изменения желтой тушью. Копия подписывалась и переписчиком, и считчиком. Затем и оригинал, и копия передавались хранителю экзаменационных работ. Он оставлял у себя оригиналы, а копии передавал на проверку. Помощники экзаменаторов проводили первичную оценку и делали пометки синей тушью. Только работы, рекомендованные помощниками как отличные, передавались главному экзаменатору, который делал свои пометки черной тушью. По окончании проверки всех работ выводилась средняя экзаменационная оценка претендента, при этом решение в пользу того или иного претендента

принималось с учетом квоты для местности, в которой он проживал. Между 5-м и 25-м числом девятого месяца объявлялись результаты экзаменов; выдержавшие его кандидаты получали степень *цзюй жэнь* («выбранный ученый»), которая давала право на занятие невысоких должностей в государственном аппарате.

По окончании экзамена главный экзаменатор устраивал банкет для рядовых экзаменаторов и новых *цзюй жэнь*, что должно было способствовать укреплению поручительских связей между первыми и вторыми. На самом деле кандидаты не очень дорожили этими связями, которые заканчивались в тот момент, когда экзаменатор получал гонорар за свою работу. Значимым лицом, которому кандидат, успешно выдержавший экзамен, оставался предан до конца жизни, был только главный экзаменатор.

Столичные экзамены. Вслед за провинциальными экзаменами в третьем месяце того же года в Пекине проводились столичные экзамены (*хуй ши* или *гун цзюй*), куда допускались все выдержавшие провинциальные экзамены в предыдущие годы. Поэтому на столичные экзамены собиралось до нескольких тысяч человек.

Кандидаты представляли рекомендательные письма от губернаторов в адрес Палаты ритуалов, их проезд оплачивался из государственных фондов. Экзаменаторов назначал император из числа чиновников Приказа ритуалов, главным экзаменатором являлся глава Приказа. Экзаменационные вопросы для первой сессии также готовил сам император.

8-го числа третьего месяца кандидаты размещались в Пекинском экзаменационном лагере. На следующий день они получали три задания по «Четверокнижию», составленные лично императором. 12-го числа начиналась вторая сессия экзамена, задание состояло из пяти вопросов по «Пятикнижию», составленных главным экзаменатором. На третьей сессии (15-е число) требовалось написать пять эссе по темам, предложенным главным экзаменатором и утвержденным императором.

Успешная сдача столичных экзаменов, как правило, гарантировала успех на следующем этапе государственной аттестационной практики — дворцовых экзаменах.

Дворцовые экзамены. Начиная с правления императора Цянь-луна (династия Цин) между столичными и дворцовыми экзаменами стали проводиться подготовительные (или квалификационные) экзамены для проверки знаний и личности кандидатов и усвоения ими начальных навыков придворного этикета. Обычно экзамен проводился 16-го числа четвертого месяца китайского лунного календаря во дворце Бао-хэ Запретного города. Так как кандидаты не имели ни ранга, ни должности, они должны были представить гарантийное письмо от чиновника, служащего в столице; в обязанности последнего входило также подтверждение личности кандидата при входе его в экзаменационный зал.

Задания для квалификационного экзамена (один вопрос по «Четверокнижию» и написание поэмы) готовил император, он же назначал экзаменаторов из числа высокопоставленных чиновников. 18-го числа объявлялись результаты, причем право участвовать в дворцовых экзаменах предоставлялось только кандидатам из первых трех групп.

Дворцовые экзамены проводил лично император, поэтому вопросы имели вид императорских указов. Им предшествовала преамбула, сообщавшая, согласно этикету, о многотрудной работе императора, затем следовали сам вопрос и пространный призыв к кандидату быть честным в своих ответах. Ответы писались в форме доклада на высочайшее имя с соблюдением строгих правил, регламентирующих оформление официальных документов.

Так как вопрос был относительно длинным, то и ответ должен был быть соответствующим и содержать не менее 1000 иероглифов. Срок сдачи экзаменационных работ истекал на закате. Оценки выставлял сам император, руководствуясь предварительными замечаниями так называемых считчиков.

Утром 24-го дня четвертого месяца экзаменаторы представляли императору 10 лучших работ, авторы которых получали личную аудиенцию. Объявление результатов дворцовых экзаменов обставлялось как торжественная церемония «оглашения имен». Трем группам успешно выдержавших экзамены присуждались степени (*цзиньши цзиди*, *цзиньши чушэнь*, *тун цзиньши чушэнь*); почетные названия существовали и для первых трех кандидатов в первой группе (*чжуан юань*, *бан*

янь, *тань хуа*). На церемонии присутствовали император и все столичные чиновники; по ее окончании список выдержавших дворцовые экзамены выставлялся на всеобщее обозрение около восточных ворот Вечного спокойствия, а через три дня передавался в архив.

Процесс официального принятия новых *цзинь ши* завершала серия банкетов и церемоний. В 28-й день четвертого месяца новые обладатели степени *цзинь ши* направлялись к Меридиональным воротам дворца для выражения благодарности императору. В обязанность первого *цзинь ши* входило составление благодарственного доклада от имени всех лауреатов, которые получали в подарок от императора одежду, головные уборы, туфли и пять унций серебра.

В 1-й день пятого месяца новые *цзинь ши* совершали поклонение и жертвоприношение в храме Конфуция на территории Государственного училища (*Тайсюэ*), за которым следовала «церемония сбрасывания грубого платья» (*ши хэ*), символизировавшая приобретение соискателем официального статуса государственного чиновника. Во дворе Государственного училища устанавливали стелу с именами лауреатов текущего года. Кроме того, государство выделяло 80 унций серебра первому лауреату и по 30 унций всем остальным в группе для сооружения мемориальных арок возле их домов по месту жительства.

Экзаменационная система и конфуцианство. Содержание традиционной экзаменационной системы в Китае (особенно в ее поздний период) составляло канонизированное конфуцианское учение. В экзаменационной системе конфуцианство нашло для себя своего рода организационный каркас, а государственная система аттестации и отбора чиновников получила конкретные идеи и критерии, способствовавшие ее постепенной формализации как специфического механизма социального и политического управления. Связующим звеном между этими компонентами традиционной политической культуры Китая стала императорская власть, которая являлась организационным центром экзаменационной системы и в то же время играла важнейшую идеологическую роль в политической доктрине конфуцианства. Организационный приоритет императорской власти в системе аттестации чиновников на государственные должности получил свое логическое завершение в практике дворцовых экзаменов. Ее абсолютный идеологический и политический авторитет был зафиксирован в учении Чжу Си, где неоконфуцианство окончательно закрепилось в форме государственной (имперской) ортодоксии. Устранение любого из элементов этой триады влекло за собой неустойчивость всей политической системы Поднебесной.

Самые ранние сведения о проникновении конфуцианства в экзаменационную систему относятся к династии Западная Хань. Известный конфуцианец Дун Чжун-шу, находившийся на службе у ханьского императора У-ди (140–86 до н.э.), предложил рекомендовать чиновников на государственные должности в зависимости от их соответствия конфуцианским моральным качествам «преданных и честных» (*сяо лянь*). Возможно, следуя совету Дун Чжун-шу, император собрал при дворе ученых, вменив им в обязанность изучение конфуцианских классиков. В 124 г. до н.э. по всей империи были отобраны талантливые молодые люди, которые изучали конфуцианские книги под руководством этих ученых, а через год сдавали экзамены и получали назначение на государственную должность. Таким образом, конфуцианский тезис о неразрывной связи образования и периодических экзаменов получил практическое подтверждение на уровне государственной службы. Позднее изучение конфуцианской классики и сдача экзаменов стали неотъемлемой частью обучения в *Тайсюэ*.

К концу XIII в. конфуцианство уже безраздельно господствовало в экзаменационной системе. Из множества ученых степеней постепенно осталась только одна — *цзинь ши*. Таким образом, система государственной аттестации окончательно переориентировалась на отбор чиновников по идеологическим, а не профессиональным качествам. В 1313 г. во время правления монгольской династии Юань чжусианская версия конфуцианства была официально заявлена в качестве главного содержания государственных экзаменов для кандидатов-китайцев. Чтобы философское учение конфуцианства претворилось в государственную идеологию, экзаменационная система должна была избирательно акцентировать те положения конфуцианской доктрины, которые отвечали насущным потребностям государственной власти, вне зависимости от целостнос-

ти философской системы. По мере того как традиционные способы набора на государственную службу (с помощью рекомендаций, по праву наследственных привилегий, через государственные школы) утрачивали свое былое значение, идеологическое содержание государственных экзаменов становилось все более важным.

В своей обобщенной форме оно сводилось к конфуцианской этике, классическому каноническому наследию и истории. Знание конфуцианской этики проверялось при помощи письменного ответа на вопрос по «Четверокнижию» («Сы шу»). Канонические книги были представлены «Пятиканонием» («У цзин»). В вопросах по истории основной упор делался на содержание «Истории [Ранней] династии Хань» («Хань шу»), «Исторических записок» («Ши цзи») и классической летописи из состава «Пятиканония» — «Вёсны и осени» («Чунь цю»). В продолжение всего периода правления династий Мин и Цин вопросы по текущим политическим делам (*цзинши шиу цэ*) были вынесены на третью сессию провинциальных и столичных экзаменов и потому не играли определяющей роли при итоговой оценке общего результата экзаменов.

Единообразие мнений, которое было характерно для экзаменационных работ кандидатов на государственные должности, отнюдь не отражало реального состояния конфуцианской мысли при династиях Мин и Цин. В этот период среди ученых-конфуцианцев шли оживленные споры, касавшиеся основных положений конфуцианского учения и аутентичности канонических текстов. Тем не менее до конца XVIII в., когда от кандидатов стали требовать также знания ханьских комментариев, эти споры практически не влияли на характер экзаменационной аттестации чиновников. Чжусианство с его поисками абсолютных и всеобщих философских принципов предоставило правителям династий Юань, Мин и Цин набор теоретических положений для поддержания имперской идеологии (хотя само по себе учение Чжу Си не претендовало на такую роль). Мнение Чжу Си о приоритете общественных ценностей над частными интересами прекрасно сочеталось с его отрицательным отношением к фракционности в политике. Оба эти положения сводились к теоретическому постулату об эгоистических наклонностях «человеческого сердца» (*жэнь синь*) и универсальности «сердца Пути» (*дао синь*). Согласно этому постулату, политическая фракция строилась как объединение корыстных устремлений «человеческого сердца» по горизонтали, тогда как построение «сердца Пути» имело иерархический характер, что отвечало идеалу преданного служения чиновника императору.

Конфуцианство сыграло значительную роль в формировании государственной экзаменационной системы отбора чиновников на должности, и тем не менее именно конфуцианцы приняли решение об отмене экзаменов. Необходимость в таких экзаменах отпала в связи с философским и политическим кризисом их учения. Идейные оппоненты конфуцианства, напротив, не сомневались в целесообразности экзаменационной системы, хотя, конечно, продолжали наполнять ее новым содержанием. Своя экзаменационная система была создана в государстве восставших тайпинов; о необходимости экзаменов для государственных служащих говорил Сунь Ят-сен. По-видимому, и простые люди в Китае, которых не интересовала идеология как таковая, считали оправданным и справедливым именно такой способ отбора государственных служащих. При жесткой конкуренции и общем высоком уровне кандидатов успех выглядел, а часто и являлся делом случая, случай же — это выбор Неба.

Конфуцианская критика экзаменационной системы сопровождала всю историю последней и преследовала в качестве своей главной цели ее рационализацию. «Различие плохого и хорошего остается за Небом» — вот что не устраивало в экзаменационной системе Фань Чжун-яня (989–1052). Одним из способов преодоления этого недостатка стала замена экзаменационной системы системой государственного образования. Уже само становление практики экзаменов было связано с организацией *тай сюэ*. Еще в 1058 г. Ван Ань-ши (1021–1086) предложил заменить систему экзаменов системой государственных школ, откуда и набирать чиновников. Эти идеи были восприняты Лян Ци-чао, который попытался применить их на практике в начале XX столетия. Второй способ рационализации экзаменационной системы состоял в постепенном изменении жанра экзаменационных ответов, которые по форме все более приближались к деловому стилю официального документа.

Историческая роль экзаменационной системы. В синологической литературе общепризнанным является мнение о том, что в раннесредневековом Китае экзаменационная система отбора чиновников на государственные должности стала средством борьбы императорской власти с аристократическим влиянием. В VI в. суйский император издал указ о наборе чиновников, преследуя вполне конкретную цель — пополнить штат служащих, которых стало не хватать для управления огромной империей после продолжительной войны. Однако он не прибег к помощи «прямых чиновников», которые давно уже находились под влиянием четырех крупнейших аристократических кланов, а объявил о проведении экзаменов. Тем самым император попытался взять под свой контроль одно из основных звеньев государственного механизма — набор государственных служащих, придав экзаменационной системе антиаристократическую направленность. Таким образом, между фактами постепенного расширения экзаменационной системы и ослабления, а затем и исчезновения с исторической арены китайской аристократии существовала очевидная связь.

После установления династии Тан появилась новая группа аристократов, которая стремилась закрепить и передать по наследству свое высокое положение. Император же стал отдавать явное предпочтение *цзинь ши*, что побудило наиболее дальновидных аристократов стремиться к получению этой степени. Простое наследование должности уже не ценилось в обществе столь высоко, что стало настоящим поражением для аристократии. Кроме того, значительные перемены произошли и в организации имперского государственного аппарата, в частности, создавались административные органы под непосредственным руководством императора, служба в которых открывала возможность для быстрого карьерного роста. Тот факт, что император предпочитал заполнять вакансии в неформальных органах обладателями степени *цзинь ши*, способствовал переориентации карьерных устремлений аристократии, которая теперь стремилась получить эту степень путем экзаменов.

Со временем число *цзинь ши* продолжало расти, тогда как число государственных должностей оставалось прежним; началось перепроизводство «представленных ученых», однако без всяких попыток сократить их количество. Экзамены стали для страны дорогой обузой. Выход из создавшегося положения предложил Ван Ань-ши. Он считал, что экзаменационную систему должны заменить государственные школы. Император мог бы выбирать «высших чиновников» из числа выпускников, которые затем рекомендовали бы других «достойных». Таким образом, школьная система была предпочтительнее как более тонкий инструмент отбора чиновников. Государственные школы были учреждены при Северной Сун и продолжали существовать при следующих династиях, однако (скорее всего, по экономическим причинам) государство не смогло поддержать систему школ, поэтому впоследствии школьные экзамены стали частью общей экзаменационной системы.

В течение первых 70 лет правления династий Мин (1368–1644) экзамены не играли заметной роли при наборе на государственную службу, который осуществлялся преимущественно путем рекомендаций. Экзамены на государственные должности были введены, а затем и детально регламентированы после насыщения государственного аппарата чиновниками. При этом преподавание в государственных школах также было ориентировано на экзаменационную систему.

При династиях Сун, Мин и Цин экзаменационная система — в начальный период своего применения — способствовала качественному улучшению чиновничества. Затем наступало перепроизводство держателей степеней. При Цинах в Китае произошел демографический взрыв, что привело к падению престижа ученой степени. Особенно это касалось провинциальной степени *цзюйжэнь*. Ее обладатели уже не могли надеяться на получение приличной должности, так как должностей не хватало даже для *цзинь ши*.

С X в. экзаменационная система играла важнейшую социальную роль, так как интеллигенция и состоятельные люди (*шэнь ши*), которые формировали общественное мнение, обладали очень высокой степенью социальной ответственности. Именно на этом классе базировалась китайская экзаменационная система, а экзамены были своего рода выборами (современный термин *сюаньцзюй* (выборы) восходит к понятию об экзаменационной системе).

Таким образом, экзаменационная система не была чисто государственным предприятием; она выполняла более широкую функцию «сертификации» членов сословия *шэнь ши*. Тем не менее наличие значительного слоя *шэнь ши* стимулировалось практически неизменной численностью государственного аппарата (или по крайней мере неадекватностью его количественного роста по сравнению с ростом населения). В Цинской империи на территории, подведомственной одному регулярному чиновнику (уездному управляющему), проживало примерно 250 тыс. человек. Управлять такой массой населения в одиночку (конечно, со штатом наемных клерков и помощников) было невозможно. Тогда-то и требовалась лояльная помощь «популярных» людей — *шэнь ши*. Империя оставляла для *шэнь ши* определенную возможность самоуправления на местах и получала взамен общественную поддержку в национальном масштабе. С этой точки зрения характер Цинской империи можно обозначить как сотрудничество *шэнь ши,* находящихся на государственных должностях, и *шэнь ши*, таких должностей не имевших, что означало своего рода «огосударствление» общества и «обобществление» государственного аппарата. Этот факт не противоречил представлению традиционной китайской политической культуры о том, что функция чиновника должна превалировать над его должностью.

***** Тан лю дянь (Шесть установлений Тан). [Б.м.], 1895; Цин-юань тяофа шилэй (Систематизированные статьи законов, составленные в годы Цин-юань). Пекин, 1948; Временное положение о государственных служащих (Принято на 2-м заседании Постоянного бюро Гос. Совета КНР 24.04.1993) // Информ. материалы: Экспресс информация / РАН Ин-т Дальн. Востока. 1994, вып. 5, с. 18–37. ****** *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов Китайской империи // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993; *Боровкова Л.А.* Экзаменационная система, обряды и первый император династии Мин // Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. М., 1982, с. 175–206; *Кучера С.* Некоторые проблемы экзаменационной системы и образования при династии Юань // Китай: государство и общество. М., 1977, с. 73–92; *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986; *Майоров В.М.* Доклад чиновника императору в контексте политической культуры традиционного Китая (X–XIII вв.). Автореф. канд. дис. М., 1992; *он же.* Сборники докладов сунских сановников и проблема хранения знания по управлению государством в средневековом Китае // Вопросы истории, экономики, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока. М., 1989, с. 98–106; *он же.* Система рекомендаций и поручительства в госаппарате: прошлое и настоящее // Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994, с. 146–170; *Рыбаков В.М.* Правовое положение чиновничества в Китае при династии Тан (VII–X вв.): Автореф. канд. дис. М., 1981; *Дэн Сы-юй.* Чжунго каоши чжиду ши (История экзаменационной системы Китая). Нанкин, 1936; *Шан Янь-лу.* Циндай кэцзюй каоши шулу (Описание экзаменов государственной службы династии Цин). Пекин, 1958; *Шао Дэ-мэнь.* Чжунго чжэнчжи чжиду ши (История политической системы Китая). Чанчунь, 1988; *Bielenstein H.* The Bureaucracy of Han Times. Cambr. (Mass.), 1980; The Chinese Civil Service Examination System: A Historical View. Taipei, 1984; *Ch'u T'ung-tsu.* Han Social Structure. Seattle–London, 1972; *Dull J.L.* The Evolution of Government in China // Heritage of China: Contemporary Perspectives on Chinese Civilization. Berk. etc., 1990; *Dardess J.W.* Confucianism and Autocracy: Professional Elites in the Founding of the Ming Dynasty. Berk. etc., 1983; *Elman B.A.* A Cultural History of Civil Examination in Late Imperial China. Berk.–L., 2000; *Franke W.* The Reform and Abolition of the Traditional Chinese Examination System. Cambr. (Mass.), 1960; *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China: Aspects of Social Mobility, 1368–1911. N.Y.–L., 1962; *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, 960–1067. Cambr. (Mass), 1953; *Kroll J.L.* Chang T'ang Statutes on Going beyond the Official Functions // AO. 1970, vol. 38, № 3, p. 313–329; *Metzger T.A.* The Internal Organization of Ch'ing Bureaucracy: Legal, Normative and Communication Aspects. Cambr. (Mass.), 1973; *Miyazaki Ichisada.* China's Examination Hell: The Civil Service Examinations of Imperial China. New York — Tokyo, 1976; *Porter J.* Tseng Kuo-fan's Private Bureaucracy. Berk., 1972; *Yang Lien-sheng.* The Concept of "Pao" as a Basis for Social Relation in China // Chinese Thought and Institutions. Chic., 1959.

В.М. Майоров

Доктрина внешней политики

Внешнеполитическая доктрина древнего и средневекового Китая базировалась на представлении о «мире–космосе» как иерархической системе с двумя уровнями. На верхнем уровне пространство «мира–космоса» было организовано по троичной схеме *саньцай*, состоящей из элементов «небо, земля, человек» (*тянь* [*1*], *ди* [*2*], *жэнь* [*1*]). Главным, порождающим все остальное, являлось Небо. Представителем его на земле был император — Сын Неба. Тем самым правитель Срединного государства выступал устроителем всего «мира–социума». Будучи организующим началом государственности, император осуществлял универсальную, т.е. одновременно земную и космическую функцию всеобщего медиатора. На нижнем уровне этой системы лежали «мир–социум», т.е. Поднебесная (Тянься), устроенная по пятичленной схеме. В центре ее находилось Срединное государство (Чжунго), т.е. сам Китай как таковой. Вокруг этого «центра» лежали «четыре стороны света» (*сы фан*), населенные «варварами четырех сторон света» (*сы и*). Из этой китайской модели мира вытекало представление о дуалистической структуре «центр–периферия (*чжун–вай*)», т.е. «Китай–варвары (*хуа–фань*)». Таким образом, «мир–космос» перетекал в «мир–социум», а последний в оппозицию «цивилизованный центр — варварская периферия». Находясь в центре этой сложной системы и всех ее уровней, император в качестве Сына Неба являлся единственным посредником между Небом и людьми. От Неба на землю нисходила «всеблагая сила (*дэ*)». В наземном мире она распространялась через правителя Срединной империи. «Всеблагая сила *дэ*», обладая универсальной преобразующей потенцией, гармонизировала все окружающее. Благодаря ей реки текли по своим руслам, в положенные сроки времена года сменяли друг друга. «Всеблагая сила *дэ*» упорядочивала не только природные процессы, но и людское население. Народ, «внутренне преобразуясь», подчинялся силе *дэ* государя, и в Срединной империи воцарялся порядок. Великая сила *дэ* изливалась не только на Китай, но и на соседние страны и земли, ибо для нее не существовало ни границ, ни препятствий. Тем самым она достигала иных народов, т.е. «варваров». «Переливаясь» за пределы Срединной империи, «всеблагая сила *дэ*» воздействовала на «варваров», подчиняла их своему влиянию. Повинуясь этому цивилизующему началу, «варвары» должны были признавать великое *дэ* китайского монарха, «покоряться и преобразовываться». Вовлеченным в сферу притяжения великой Поднебесной империи, «варварам» надлежало устремляться в ее столицу с «данью» (*гун*) ко двору Сына Неба. Таким образом, внешнеполитическая доктрина Китая строилась на фундаментальной идее единственности мирового порядка. Логика этой доктрины была такова. В подлунном мире существовало лишь одно великое божество — безличное Небо. Это абсолютное и сверхсакральное начало олицетворяло все законы космоса и земной природы. В «мире людей» эти законы воплощали Сын Неба и китайская государственность, как явления уникальные. В силу этого рядом с Китаем и его императором не могло быть равноценных государств и монархов. Как явление сакральное, император считался властителем Поднебесной (Тянься), под которой понималось «все, что накрывает Небо и что поддерживает Земля». При таком взгляде на мир у Китая имелись границы, а у Поднебесной их не существовало. Тем самым всемирные масштабы власти Сына Неба позволяли ему безгранично распространять «всеблагую силу *дэ*» за пределы Китая, т.е. на «варваров», включая их в «китайский мировой порядок». В такого рода упорядочении мира состояло одно из слагаемых провиденциальной миссии китайского императора, т.е. «умиротворения Поднебесной» в соответствии с «небесным предопределением».

В Китае в соответствии с древней традицией видели весь мир полярно разобщенным на две части. Первой являлось Срединное государство, т.е. зона высокой цивилизации (*хуа*), второй — «варварская» периферия (*и* [*17*]); зона дикости и отсталости. Иноземцы по сравнению с китайцами изначально считались «ущербными». В основе такого подхода помимо всего прочего лежал природно-географический, в основном климатический фактор. Китай как Центр вселенной якобы обладал климатом, благоприятным для нравственного развития населения. «Варварская» же периферия своими суровыми природой и климатом мешала становлению здесь «нравственности». Поэтому сложился традиционный постулат: «Варвары лицом люди, а духом — зве-

ри», «варвары — бедствие для Китая», их государственность — явление второго и третьего сорта, а их правители стоят намного ниже китайского императора.

Если Китай в этой системе координат выступал в роли «светлого начала» (*ян* [*Л*]), то «варвары», особенно кочевники-скотоводы и полукочевые этносы, отождествлялись с «темным началом» (*инь* [*Л*]). Как носителям «темного начала», «варварам» приписывались сугубо отрицательные черты — агрессивность, алчность, жестокость, низость, жадность, дикость и т.д. Считалось, что в Срединном государстве «рождаются мудрые мужи», а в диких окраинных землях люди не ведают благоразумной середины, корыстны, лукавы и имеют сердце «дикого зверя», поэтому их «высшим долгом» является признание верховной власти правителя Китая и покорность его «небесной династии».

Китайская империя выступала как универсальная монархия с единственной и всеохватывающей властью над всем земным пространством. Распространяя свое политическое и «нравственное» влияние на весь мир, император Китая был опорой поддержания мироздания в надлежащем порядке, способствуя нормальному существованию человечества и функционированию космоса. Выступая в роли земного мироустроителя и бескорыстного благодетеля всех живущих на земле, император «вскармливал народы, подобно солнцу и матери, освещая их, подобно солнцу и луне». Поскольку от Сына Неба зависела судьба мира, император был бескорыстен в своих благодеяниях и беспристрастен к «ближним и дальним». Будучи носителем верховной власти над всем населением Земли, он не мог искать внешнеполитических, а тем более материальных выгод как в самом Китае, так и в «окраинных землях». Поскольку Мандат Неба (*тянь мин*) давал императору власть «над Китаем и варварами», то на него возлагалась высочайшая миссия по перевоспитанию «варваров» и цивилизаторскому переустройству «варварской» периферии по образу и подобию самой Китайской империи. Распространяя свое цивилизаторское и благое воздействие сначала на ханьцев, затем на «ближних и дальних варваров», император не разделял свою политику на внутреннюю и на внешнюю, ибо «грозные и благие силы его простираются повсюду». Поэтому «варвары» не могли уклоняться от производимого Сыном Неба цивилизаторского переустройства вселенной и должны были «покоряться в соответствии с мировым законом», т.е. подчиняться императору. Такого рода внешнеполитическая дихотомия, т.е. «цивилизованный центр — дикая периферия», «Китай–варвары», или «высшее начало — низший уровень», возникла еще в древности.

Для воздействия на «варваров» и удержания их в покорности Сын Неба должен был всемерно накапливать в себе силу *дэ* и всячески ее совершенствовать. Таким образом, можно было либо «отразить варваров», либо их «покорить». В случае «непонимания» окружающими странами и народами провиденциальной «мироустроительной» миссии Сына Неба, т.е. «варвары» продолжали «упорствовать в заблуждении», не спешили «покоряться душой» и не желали приобщаться к «благому влиянию» Китая, император должен был «карать своей мощью» таких неразумных и силой «приводить мир в гармоничный порядок». До применения силы главная ставка делалась на «всеблагое влияние» императора. При всем том доктрина «мироустроения» и идеология «мироустроительной монархии» возникли в древнем Китае не как концепции его внешней политики, а как основополагающие принципы внутреннего устроения государства и социума. Начало этому было положено в период Шан–Инь (XVI–XI вв. до н.э.). Тогда шанский царь (*ван*) выполнял роль посредника между всемогущим божеством Шан-ди (Верховный владыка) и населением земли.

В эпоху Чжоу (XI–III вв. до н.э.) на смену Верховному владыке пришло Небо со своим всемогущим потенциалом. Получая от Неба «всеблагую силу *дэ*», чжоуский ван должен был внести «гармонию» между Небом и Землей, между верховным божеством и людской массой. Поскольку влияние силы *дэ* подобно излучению распространялось по всему миру, в функцию Сына Неба входили «гармонизация» и «устроение» не только в рамках Китая, но и на «варварской» периферии.

Начиная с эпохи Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) в доктрине «мироустроения» происходит отделение «внешней» ее части от «внутренней», что было связано с резким распространением императорского *дэ* за пределы Китая. Столь же значительно выросло представление об исключительности статуса императора, уникальности его власти над миром людей «внутри Китая и вне его».

Доктрина внешней политики

В рамках мироустроительной китаецентрической системы и универсальной, т.е. всемирной, монархии издавна существовала формула «ближние покорялись, дальние приезжали ко двору». «Ближними» считались «варвары», жившие вдоль границ империи и на коих можно было воздействовать военной и иной силой. «Дальние» находились вне сферы физического воздействия. Как те, так и другие обязаны были «покоряться» и «приезжать ко двору» с данью. Уклонение от этого расценивалось как «сопротивление воле Неба», т.е. нарушение нормального функционирования Вселенной, что давало Сыну Неба моральное право принудить их к повиновению силой.

«Данническая» система возникла в период Чжоу в качестве «внутренней» модели взаимоотношений удельных царств с чжоуским ваном как Сыном Неба. «Нормальное» функционирование «даннической» системы служило подтверждением моральной силы и добродетели Сына Неба. «Данническая» система считалась в Китае органической частью мироздания и обязательным компонентом мироустроения, т.е. была установлением Неба. В связи с этим не то что неповиновение «варваров» Китаю, но даже их неприезд с «данью» ко двору расценивался как дерзость, нарушение космического равновесия и «сопротивление воле Неба».

Приезд ко двору «ближних и дальних» правителей или их послов считался в Китае венцом мироустроительной миссии Сына Неба. Если «варвары» медлили с выражением покорности, то к ним направлялось китайское посольство с дарами от императора. Иноземцев призывали добровольно подчиниться. На обратном пути в Пекин императорские эмиссары привозили с собой «варварских» послов с ответными «дарами». В китайской столице это расценивалось как «приезд ко двору с данью» и включение в «данническую» систему с выражением покорности императору. Последний щедро одаривал «покорившихся». Зачастую такие «пожалования» от Сына Неба «варварскому» правителю по своей ценности превосходили размеры «дани» и ее реальную стоимость. Тем не менее в рамках этой «даннической» процедуры главным был не экономический эквивалент, а политический выигрыш. «Данническая» система как практическое воплощение китайского миропорядка и мироустроительной функции Сына Неба воспринималась как неотъемлемая часть «мировой гармонии».

Возлагая на себя вселенскую власть, Сын Неба распространял свои прерогативы верховного владыки не только на своих подданных внутри империи, но и на «варварскую» верхушку, «покорившуюся», «приезжающую ко двору», т.е. включавшуюся в «данническую» систему. Таким пришедшим к подножию трона император оказывал особые милости через акты инвеституры и титулования. «Варварским» правителям присваивались титулы «вассальных князей» (*ван*). Данный титул был взят из арсенала древней и средневековой практики Китая. *Ваном* величали и удельных правителей, и высших лиц из императорской родни. Присваивая титул князя «варварским» правителям, Сын Неба, с одной стороны, как бы включал эти владения в систему самой империи в качестве ее иерархии и тем самым расширял зону своей власти. С другой стороны, становясь «китайскими *ванами*», эти правители признавали над собой власть Сына Неба. В ходе церемонии перед лицом императора «варварский» правитель получал особую грамоту и к ней золотую печать.

В ряде случаев «варварские» посольства прибывали в Срединное царство с сугубо прагматическими целями, т.е. наладить торговлю, получить богатые дары от императора, возвысить свой официальный статус, получить инвеституру и китайский титул.

В эпохи, когда Китай был в военном и политическом отношении сильнее своих соседей, «данническая» система наполнялась реальным содержанием. Когда реальная мощь империи падала, эта система становилась номинальным символом, принимала характер псевдоданничества, или номинального вассалитета. Тогда складывались равноправные по сути, но неравноправные по форме отношения, где оставался лишь ритуальный вассалитет. В этих случаях форма преобладала над сущностью явления, а сама внешнеполитическая традиционная терминология маскировала изменившуюся сущность. Тогда универсальная монархия, или «китайский мировой порядок», во многом становилась пустым звуком. В любом случае в рамках дихотомии «Китай–варвары» очень многое зависело от реальной, т.е. военной силы сторон. В этом отношении «варваров» делили на три категории — сильных, равных Китаю по мощи и слабых. С первыми заклю-

чались клятвенные союзы «перед Небом и Землей» о «дружбе и родстве» (*диго*). Вторые считались «зависимыми государствами» (*шуго*). Третьи именовались «подчинившимися» (*гуйфу*). А всех их вместе называли, как правило, «внешними вассалами» (*вайфань*).

Китай старался навязать «данническую систему» не только «варварам», но и соседним земледельческим странам с конфуцианской цивилизацией, таким как Корея и Вьетнам. К «варварам», оставшимся в рамках своей изначальной культурной и религиозной традиции (мусульмане Западного края, северные кочевники и полукочевники), чаще применяли военную силу, к «варварам» же, принявшим китайскую цивилизацию (Корея, Вьетнам, Япония), — принцип «добродетельного правителя», или «царского пути» (*ван дао*), т.е. «общего блага» (*гун* [*1*]).

В те исторические периоды (династий Цинь, Хань, Тан, Сун, Мин и Цин), когда Китай был единым централизованным государством и могучей империей, его реальная мощь наполняла «данническую систему» действительным содержанием, делая ее основой внешней политики. В периоды слабости и раздробленности поддержание, хотя бы формальное, «даннической системы» служило прежде всего целям внутренней политики, т.е. сохранения авторитета императорской власти и демонстрации «всеблагой силы *дэ*» Сына Неба.

Идеология «мироустроения» и связанная с ней «данническая система» составляли фундамент внешней политики древнего и средневекового Китая. Дипломатия Срединного государства никогда не отказывалась от них. Однако в случае военного превосходства «варваров» императорский двор был вынужден считаться с реальностью и идти на вынужденное заключение договоров, в том числе равноправных соглашений с «варварами».

Теория и практика китаецентризма как изначально единственная и каноническая модель внешней политики Китая подвергалась деформации при утрате им военного и политического могущества. Тогда взаимоотношения с сильным или даже более могущественным соседом оценивались в Китае термином «два государства», т.е. в контексте вынужденного равенства, а «вертикальные» связи (высший–низший) заменялись «горизонтальными» (равные партнеры). При всем этом те и другие оставались включенными в единую систему представлений о целостности систем «мир–космос» и «мир–социум», возглавляемых на земле Сыном Неба.

В случае военного равновесия между Китаем и «варварами» императорский двор был вынужден идти на заключение с ними договоров, основанных на признании равенства обеих сторон. В таких ситуациях в имперской столице на какое-то время как бы забывали об изначальном верховенстве и всестороннем превосходстве Срединного государства над «варварами». Когда на первый план выходила военная слабость Китая, прежде всего уязвимость его пехоты и неразвитость китайской кавалерии на фоне мощной ударной силы панцирной и маневренной конницы степных этносов и полукочевых народов, он шел на урегулирование отношений с северными соседями на основах второй тенденции, а именно «договорной» и «равноправной».

При столкновении с сильным противником китайская дипломатия была вынуждена приспособлять «договорные», т.е. равноправные отношения с «варварами» к «мироустроительной» идеологии. Так действовала империя Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) против мощной конфедерации *сюнну* (гуннов).

Когда Китай не мог установить реальный контроль над «варварами» или государствами, находящимися далеко от его границ, применялся принцип «сковывания» (*цзими*) или «удержания в ослабленной узде, не прерывая отношений» (*цзими буцзюэ*). Привлекая таких «варваров» и принимая их послов, в столице империи расценивали такие визиты как «подношение дани». Сами же послы, движимые собственной выгодой, не осознавали факт включения их в «данническую систему». Так сложилась доктрина «сдерживания» или «сковывания варваров» с помощью уступок на путях «приобщения» дальних соседей к системе «даннических отношений».

Во внешней политике Китай применял принцип *и и чжи и* («с помощью варваров подавлять других варваров», или «управлять варварами с помощью варваров»). Тем самым китайская дипломатия натравливала одних северных соседей на других, не давая им объединиться против Срединного государства. Широко использовался в отношениях с «варварами» такой инструмент

внешней политики, как система заложничества, заимствованная из внутриполитической практики эпохи Чжань-го.

Таким образом, к концу эпохи древности во взаимоотношениях Китая с «варварами» сложились две традиции. Первой, главной и идеальной была «мироустроительная», или «даннические система», исключающая принцип равноправия сторон. Она становилась практическим руководством к действию, когда Китай был способен силой заставить своих соседей признать верховенство «мирового порядка», установленного Небом и Сыном Неба. Когда соотношение сил в дихотомии «империя–варвары» изменялось в другую сторону, «данническая система» молчаливо сменялась договорными отношениями, в том числе «клятвенными договорами».

Последняя заключалась между удельными правителями в период Чжоу, особенно в эпоху Чуньцю, когда равенство сторон зачастую подкреплялось «династическими браками». Китайские императоры старались выдавать за «варварских» правителей не своих дочерей, а приемных или «фальшивых» принцесс. Уже в эпоху Хань дипломатия научилась в своей практике умело совмещать оба варианта взаимоотношений с «варварами», т.е. «мироустроительный» («даннический») и «договорный» («равноправный»).

В период Троецарствия (220–280) раздробленный и ослабленный Китай пытался всего лишь сохранять номинальный сюзеренитет над «варварами», не имея сил реально подчинить их себе. Зато внутри страны произошло восстановление практики «клятвенных договоров» эпохи Чуньцю. Расцвет такого рода «равноправных отношений» между китайскими царствами наступил в период Наньбэй чао (Южные и Северные династии, 420–589).

В период Тан (618–907) Китай обрел единство и мощь, что позволило наполнить «данническую систему» реальным содержанием. В первую очередь это касалось слабых соседей. В отношении же «сильных варваров» императорам приходилось идти на заключение «династических браков» с ними. В результате устанавливался «мир, основанный на родстве» (*хэ цинь*), заключались «договоры, основанные на родстве» (*хэ цинь юэ*). Тем самым «данники» поднимались до уровня «родственников», а императоры «нисходили до милости» к бывшим «вассалам». Таким образом при формальном договорном «родстве» императоры сохраняли иллюзию «старшинства» над правителями «варваров», и происходила адаптация равноправных «договорных» отношений к доктрине «мироустроения». «Варвары» даже при договорной основе входили в китайский «мировой порядок» в качестве «младших родственников», т.е. подчиненного компонента.

Резкий перелом во взаимоотношениях Китая и «варваров» произошел в XI–XII вв. Кочевые и полукочевые народы захватили Северный Китай и создали на его территории свои государства — кидане Ляо (907–1125), тангуты Си Ся (1038–1227) и чжурчжэни Цзинь (1115–1234). Пользуясь слабостью Китая, кидане навязали империи Сун статус младшего партнера. По «клятвенному договору» китайцы выплачивали киданям дань, признавали равенство статусов Сун и Ляо, а между их правителями устанавливались «братские» отношения. Большой трагедией для Китая стало монгольское завоевание и включение страны наравне с Монголией, Маньчжурией и Тибетом в империю Юань, или империю Великого хана (1271–1368).

Переломным моментом во внешнеполитической практике Китая явилось свержение монгольского ига и восстановление суверенитета страны под эгидой династии Мин (1368–1644). Создание мощной централизованной империи сопровождалось возвратом к традиционной «мироустроительной» доктрине и «даннической системе». Из внешнеполитической теории и практики был исключен принцип равноправия сторон и сами договорные отношения. В эпоху Мин исчезла такая форма, как «мир, основанный на родстве» (*хэ цинь*), не было случаев выдачи китайских принцесс за «варваров».

Восстановление единства Китая и создание мощной централизованной империи Мин сопровождалось возрождением концепции универсальной монархии, которой должен быть подвластен весь мир. Для правительственных указов той эпохи типична стандартная установка: «Императору Великой династии Мин подвластны все четыре моря. Власть его распространяется повсюду, как Небо и Земля... Он освещает все, как солнце и луна».

Цинская империя (1644–1911), как и ее предшественница Мин, строилась на китаецентристской идее всемирного этико-политического порядка во главе с Сыном Неба, обладающим «ман-

датом Неба». Маньчжурские правители Китая видели в других странах лишь «данников», с которыми равноправные отношения просто немыслимы, ибо Срединная империя считалась явлением уникальным, не имеющим себе ничего равного. Если прежние китайские империи делали упор на номинальной стороне дела и на ритуале, то Цин добивалась реального подчинения соседей. Пользуясь своей особой силой маньчжурские богдоханы покорили «ближних варваров» и присоединили к Китаю ряд стран Центральной Азии. В рамки государства вошли Монголия, Джунгария, Восточный Туркестан и Тибет. Поскольку все они составляли Застенный Китай, в Пекине их именовали «внешними варварами» (*вайфань*). В конце XVIII — первой половине XIX в. среди «данников» Китая числились Корея, Вьетнам, Бирма, Сиам (Таи), Непал, Сикким и Люцю (Рюкю). Вместе с тем правители Цинской империи были абсолютно некомпетентны в вопросах географии, политики, экономики и истории тех стран, что лежали вне пределов их «даннической системы». Так, капиталистический Запад XIX в. воспринимался в Пекине через призму средневековых понятий «варвары», «дань» и доктрину *цзими*.

Гигантская вспышка классовых и национальных противоречий третьей четверти XIX в. резко ослабила Цинскую империю и как субъект и как объект международных отношений, т.е. и как лидера старой системы «Китай–варвары», и как эксплуатируемый компонент новой мировой системы «капиталистические метрополии — колонии и полуколонии». Послевоенная разруха 60–80-х годов XIX в. наряду с поражениями в «опиумных» войнах превратила Китай в «больного человека Азии». Дезорганизация хозяйственной жизни, ослабление устоев цинского общества ускорили подчинение и закабаление Срединного государства капиталистическими державами. В итоге с 1840 по 1877 г. Китай, потеряв статус гегемона «даннической системы» и «Центра Вселенной», был низведен до уровня «больного человека Азии». Таким образом, система «метрополии — колонии и полуколонии» строились на развалинах системы «Поднебесная–данники».

Сама «система дани» продолжала функционировать и после «опиумных» войн. Во второй половине XIX в. в Пекин время от времени продолжали прибывать «даннические» миссии из ряда стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Императоры в Пекине — Дао-гуан (Минь Нин), Сяньфэн (И Чжу), императрица Цы-си, богдоханы Тун-чжи (Цзай Чунь) и Гуан-сюй (Цзай Тянь) не хотели отказываться от былых «мироустроительных» претензий, хотя сам Китай уже превратился в объект капиталистического и колониального насилия, а затем и территориального раздела. При этом даже в условиях быстрого развала в 70–90-х годах XIX в. «китайского мирового порядка» и превращения вчерашних китайских «данников» в колонии и полуколонии капиталистического Запада пекинские правители судорожно цеплялись за систему «дани». Они стремились хотя бы формально «включить» в нее и своих победителей — «западных варваров»: Англию, Францию, США и другие страны. Тем самым императоры пытались «спасти лицо» режима и хоть как-то поддержать престиж династии Цин, ибо для китайца XIX в. приношение «дани двору» символизировало признание верховной власти Сына Неба над данной страной. После первой и последующих войн с Западом правители Китая долгое время пытались рассматривать систему капитуляций в качестве «испорченного» варианта системы «дани» по отношению к «Центру Вселенной». Неравноправные договоры 1842–1844, 1858, 1885 гг. воспринимались в Пекине как следование древней доктрине «сдерживания» или «сковывания» «варваров» с помощью уступок на путях их «приобщения» к китайской культуре. Так, принцип распространения прав наибольшего благоприятствования на любую пожелавшую того западную державу в Пекине трактовали как древнюю китайскую практику «одинакового обращения ко всем варварам», или «равного к ним сострадания» со стороны императора, или «умиротворения варваров». Уступки одним «варварам», например англичанам, воспринимались как проявление традиционной доктрины «использования одних варваров против других», т.е. натравливания на англичан других — французов, американцев. Заключение неравноправного договора с западной державой рассматривалось как «покорность» с ее стороны, возможность «держать ее под контролем» и «получать благодарность варваров». Эти соглашения, как полагали в Пекине, должны были сдержать экспансию «западных варваров». Европейские послы еще долгое время воспринимались как «носители дани», как посланцы «диких» стран, находившихся на низшей ступени цивилизации. Нападение

Доктрина внешней политики

Англии и Франции на Китай воспринималось в Пекине как «бунт варваров», забывших о «почтительности» к Сыну Неба. Эти новые «западные варвары» должны быть «усмирены» или «наказаны», как и старые азиатские «данники», а затем воспринять конфуцианскую этику. Китайские императоры не воевали с ними как с равными, а «усмиряли», например, «английских бунтовщиков», которые «наполовину люди, наполовину животные». Богдоханы все еще не знали себе равных и считали для себя унизительным отвечать на послания глав европейских государств. Тем не менее для сношений с державами с 1861 г. было создано специальное учреждение — *Цзунли ямэнь*, нечто среднее между собранием маньчжурских князей и современным министерством, а в 1873 г. была формально отменена процедура *сань гуй цзю коу* для западных дипломатов. Послы держав в Пекине после 1860 г. аккредитовывались не при главе государства как представители равных Китаю стран, а как представители «стран-данников». До 1873 г. им не разрешалось вручение верительных грамот. Когда же послы добились этой церемонии, последняя состоялась в зале, где император обычно принимал «данников» или их послов, подчеркивая «варварский» и «зависимый» статус западных держав-победителей.

Резкое ослабление Китая и соответственно усиление колониальной экспансии капиталистических держав привели к разрушению «даннической системы». Новая структура подчинения «метрополии — колонии и полуколонии» стала поглощать старую систему «Китай–варвары». Вчерашние «данники» Срединной империи завоевывались новыми хищниками. В 1872 г. Япония захватила о-ва Люцю (Рюкю), а в 1876 г. навязала Корее неравноправный договор. В 1882 г. то же самое осуществили США. По Тяньцзиньскому договору 1885 г. побежденный французами Китай признал протекторат Франции над Вьетнамом и в том же году — право Японии на вмешательство в дела Кореи. В 1886 г. Англия превратила Бирму в свою колонию, заставив Пекин признать этот захват. В 1890 г. Англия аннексировала Сикким. Франция и Великобритания в 1893–1896 гг. превратили Сиам в свою полуколонию. В 1894–1895 гг. Япония окончательно вырвала Корею из сферы китайского влияния, готовясь аннексировать ее, и т.д. Таким образом, по мере укрепления полуколониального статуса Китая хирела и исчезала система «дани». Средневековый «китайский мировой порядок» отошел в прошлое.

Позор поражений в четырех войнах с «варварами» (1840–1842, 1856–1858, 1859–1860, 1884–1885), гигантский взрыв социальных и национальных противоречий 50–70-х годов, страшная послевоенная разруха, резкое падение престижа и упадок сил Поднебесной, распад «данническ ой системы» и начавшееся превращение «Центра Вселенной» в зависимую от капиталистического Запада полуколонию — все это остро ранило больное самолюбие Сынов Неба, еще вчера считавшихся верховными правителями мира. Если до 90-х годов XIX в. происходил раздел и захват «внешней» части дихотомии «центр–периферия», или системы «Китай–данники», то теперь вслед за «периферией» и «данниками» наступила очередь «центра», т.е. под нож пошла территориальная целостность и государственный суверенитет Цинской империи. Японо-китайская война 1894–1895 гг. была своего рода поворотным моментом — начался захват собственно китайской территории. По Симоносекскому договору 1895 г. к Японии отошла китайская провинция Тайвань и о-ва Пэнху. Это послужило сигналом к разделу (1897–1898) самого Китая на «сферы влияния», «зоны монопольных интересов» и «арендованные территории».

«Заключительный протокол» 1901 г. окончательно превратил Поднебесную империю в полуколонию. Тем не менее маньчжурские правители вплоть до своего падения так и не смогли отрешиться от традиционных представлений о Китае как «Центре Вселенной», окруженной «данни ческой» периферией, и «бунте варваров», разрушающих «величие Поднебесной». После крушения монархии в Китае постепенно стали усваиваться принципы современного международного права, методы западной дипломатии и европейские принципы внешней политики.

** *Бокщанин А.А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968; *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. 1. Период Чжань-го (V–III вв. до н.э.). М., 2006; Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977; *Гончаров С.Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М., 1986; *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979; *Демидова Н.Ф.*, *Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае: («Рос-

пись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966; *Зотов О.В.* Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. М., 1991; *Исаева М.В.* Представление о мире и государстве в Китае III–VI веках н.э. М., 2000; Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982; *Кроль Ю.Л.* О концепции «Китай–варвары» // Китай: общество и государство. М., 1973; *он же.* Ханьская концепция «слабого руководства варварами (*цзи ми*)» // XVIII НК ОГК. Ч. 1. М., 1987; *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубеже Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) Новосиб., 1983; *Мартынов А.С.* К характеристике внешнеполитической доктрины Китая в X–XII вв. (территориальный аспект) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 1. М., 1979; *он же.* Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М., 1978; *Машкина И.Н.* Китай и Вьетнам в III–XIII вв. М., 1978; Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1956; *Мурашева Г.Ф.* Вьетнамо-китайские отношения в XVII–XIX вв. М., 1973; *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996; *он же.* Империя Цин и русское государство в XVII в. М., 1980; China among Equals: the Middle Kingdom and Its Neighbours, 10th–14th Centuries. Berk., 1983; The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambr. (Mass.), 1968; *Fairbank J.K.* Trade and Diplomacy on the China Coast: the Opening of the Treaty Ports, 1842–1854: In 2 vol. Cambr. (Mass.), 1953–1956; *Fitzgerald C.P.* The Chinese View of Their Place in the World. L.–N.Y., 1964; *Lattimore O.* Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. Paris — La Haye, 1962; *Rossabi M.* China and Inner Asia from 1368 to the Present Day. L., 1975; *Perelomov L., Martynov A.* Imperial China: Foreign-Policy Conceptions and Methods. M., 1983 (на кит. яз. Тайбэй, 2006).

О.Е. Непомнин

Доктрина государственной власти и политическая практика

Согласно нормам ортодоксальной императорской идеологии Китая, правитель Срединной империи являлся единственным посредником между Небом и людьми. Через императора (Сына Неба) распространялась в мире «благая преобразующая сила» *дэ,* под воздействием которой люди, «внутренне преобразуясь», покорялись императору, реки текли по своим руслам, времена года в положенный срок сменяли друг друга и т.п. Сила *дэ,* не знающая границ, «переливалась» через пределы Китая и достигала «варваров», которые, подчиняясь благому влиянию, «покорялись, преобразовывались» и являлись с данью к императорскому двору. Эти представления сформировались еще задолго до эпохи Сун (960–1279) и казались китайцам аксиоматичными. Между тем в XII в. они пришли в непримиримое противоречие с политической практикой.

Одним из важнейших моментов политической истории Восточной Азии на протяжении трех четвертей XII и первой четверти XIII в. была борьба китайской империи Сун против могущественного государства Цзинь, созданного тунгусскими племенами чжурчжэней. Первый поход на Сун чжурчжэни предприняли в 1125–1126 гг. Вторично они подступили к стенам главной столицы империи (совр. г. Кайфэн, пров. Хэнань) в конце 1126 г. На сей раз чжурчжэням удалось штурмом захватить этот огромный и богатейший город. Завоеватели пленили императора Цинь-цзуна, а также его отца, Хуй-цзуна, который отрекся от трона во время первого нападения чжурчжэней на империю. Позднее оба императора были увезены чжурчжэнями на их родину, в Маньчжурию, и умерли в плену. В середине 1127 г. девятый сын Хуй-цзуна — Гао-цзун (1127–1162) воссоздал империю Сун, которая, однако, смогла удержать за собой лишь земли Южного Китая и потому именовалась Южной Сун. Под властью чжурчжэней оказались огромные территории Северного и Центрального Китая, в том числе Хэбэй, Шаньси, Шэньси, Хэнань и Шаньдун. В 1141–1142 гг., после многочисленных войн и сложных дипломатических переговоров между империями был заключен мирный договор. По нему сунский император признавал себя «вассалом» цзиньского и соответственно должен был выплачивать ему ежегодную дань— 300 тыс. кусков шелка и 300 тыс. слитков серебра. Граница между империями, согласно договору, устанавливалась по р. Хуайшуй и по горной заставе Дасаньгуань (пров. Шэньси). Это фактически означало, что Южная Сун признает право чжурчжэней на завоеванные ими китайские земли. Вплоть до падения в 1234 г. после вторжения монголов чжурчжэньской империи между Цзинь и Сун поддерживалось состояние мира, лишь дважды прерывавшееся войнами. Договоры 1164–1165 и 1208 гг., подведшие итоги этим войнам, по своим условиям существенно не отличались от договора 1141–1142 гг.

Совершенно очевидно, что реальные взаимоотношения между Южной Сун и Цзинь никак не соответствовали положениям ортодоксальной идеологии. Действительно, правитель Китайской империи, призванный в идеале «приводить в порядок Вселенную» своим «благим влиянием», вынужден был на деле именоваться «вассалом» или «младшим родственником» чжурчжэньского правителя и выплачивать ему дань. Более того, для императора позорность ситуации усугублялась тем, что он вынужден был признавать себя «вассалом» тех самых чжурчжэньских «варваров», которые пленили и затем погубили в плену сунских императоров Цинь-цзуна и Хуй-цзуна и захватили огромные территории собственно Китая (между прочим, за пределами Южной Сун остались мавзолеи основателей Сунской империи, и потому южносунские правители не могли исполнить свой «священный долг» — ухаживать за гробницами предков). Таким образом, анализ восприятия сунскими чиновниками мира с Цзинь поможет показать, как приспосабливалась традиционная имперская идеология к максимально неблагоприятной для нее политической ситуации. Эта проблема уже привлекала к себе внимание зарубежных исследователей, однако вопрос о том, каким образом адаптировали к «катастрофической» реальности основные категории официальной имперской идеологии, остается недостаточно разработанным.

Следует подчеркнуть, что события 1126–1127 гг., пленение сунских императоров и увоз их в маньчжурский плен произвели на сунских чиновников поистине шоковое впечатление. Так, современник этих событий Шэнь Юй-цю в своем стихотворении писал: «Пришли варвары *ху*

и стали позорить людей, будто малых детей, [пленили] двух просвещенных совершенномудрых императоров, подобных Яо и Шуню. Небо перевернулось, Земля раскололась, и ничего невозможно было поделать». Через полвека после этого Чэнь Лян (1143–1194) писал в докладе императору: «Почтительно считаю, что такой основы двухсотлетнего Великого благоденствия, как у нашего государства, не было даже у трех императоров древности, а таких страданий, какие испытали [мы] при увозе на Север двух императоров, не бывало во времена империй Хань и Тан». И Чэнь Ляну «страдания» сунских чиновников кажутся совершенно исключительными в истории Китая.

При таком обостренном восприятии «позора», испытанного Китаем, любое примирение с «варварами»-чжурчжэнями казалось невозможным. Это, однако, было не совсем так. Дело в том, что существовала определенная разница между тем, как воспринимали сунские деятели мир с Цзинь в качестве чиновников, и тем, что дал им мир как частным лицам.

Войны с чжурчжэнями принесли китайскому народу неисчислимые страдания. Те из чиновников, кто не погиб во время войн и смут, вынуждены были постоянно спасаться бегством от завоевателей. У многих в этой обстановке появлялось чувство безнадежности, невозможности каким-либо образом спасти страну от катастрофы. Типично в этом смысле стихотворение Пань Лян-гуя, где, в частности, говорилось: «Сколько же смогу прожить еще? Ведь спасаясь от смуты, не помышляешь даже о том, протянешь ли до вечера. Сбившиеся в мечущуюся кучку два-три человека под вечер бредут куда глаза глядят. В диком поле не слыхать людских голосов, и варвары, подобные волам и баранам, пресекли [нам] путь обратно в родные места. Не ведаю, что случилось с двумя совершенномудрыми правителями, и слезы крупными каплями орошают грудь. Я, ничтожный верноподданный, воистину подобен гниде или вши, какими обладаю силами, чтобы поддержать рухнувшее государство?».

Заключение мира несло с собой стабилизацию обстановки и прекращение всех страданий. Это порождало определенный разлад между официальными взглядами чиновничества и их личными интересами. Подобный разлад можно проследить на примере взглядов Чжан Шоу. В своем докладе (1129 г.), он рекомендовал императору совершенствовать его «благую силу» *дэ*, ибо лишь это поможет «отразить варваров». Это традиционный взгляд на взаимоотношения с «варварами». В другом докладе (1130–1131) Чжан Шоу снова рекомендует императору совершенствовать силу *дэ,* дабы отразить «варваров». Кроме того, он уподобляет нынешнее вторжение «варваров» таким бедствиям, ниспосланным Небом, как град, долгие дожди и т.п. С точки зрения Чжан Шоу, и то и другое было вызвано недостаточностью силы *дэ* императора. Как видим, и в этом случае взгляды Чжан Шоу сугубо традиционны. В следующем докладе (1136–1137) Чжан Шоу снова утверждает, будто в результате накопления императорской силы *дэ* можно будет «покорить варваров». Однако в этом докладе Чжан Шоу уже выступает за «накопление сил», «выжидание момента», против слишком быстрых и решительных действий. В этом, очевидно, в определенной степени отразилось осознание того факта, что Китайской империи придется достаточно долго мириться с существованием государства Цзинь. Наконец, сразу после заключения мирного договора с чжурчжэнями (1142) Чжан Шоу писал: «Цзиньцы стали добиваться союза [с нами]. Вернули нам императрицу-мать и три гроба с прахом. После этого на границе наступил покой. В [областях] Хуай и Чжэ стали спать спокойно. Я из-за болезни поселился в деревне. Больше не было прежних бедствий, вызванных тревогами и переселениями». Таким образом, несмотря на свои сугубо ортодоксальные взгляды на взаимоотношения с «варварами», как частное лицо, сильно натерпевшееся от войн и связанных с ними хаоса и смут, Чжан Шоу был вполне удовлетворен миром, заключенным с Цзинь.

Такого рода настроения были типичны для многих сунских чиновников. Поэтому китайские политики и идеологи стали пытаться, не изменяя основам ортодоксальной идеологии, приспосабливать ее к нуждам современной обстановки. Проследить, каким образом это происходило, можно на примере интерпретации южносунскими чиновниками некоторых основополагающих категорий китайской политической мысли. К подобным категориям, безусловно, принадлежат понятия «идеальный правитель» и «гегемон». Посмотрим, как расшифровывали их южносунские деятели.

Доктрина государственной власти и политическая практика

В летописи Ли Синь-чуаня (1166–1243) сообщается, что Цинь Хуй (1090–1155) заявил: «Книжники любят рассуждать об „идеальных правителях“ и „гегемонах“. Я, верноподданный, считаю, что изъявление искренности и назначение на службу достойных — это конфуцианское учение. Если применять его в практическом управлении государством, то это будет „Путь идеального правителя“. Пользоваться уловками и назначать хитроумных — это „смешанное учение“. Если применять его в управлении, то это будет „Путь гегемона“. Император согласился с ним». Чтобы до конца понять смысл этого утверждения Цинь Хуя, нужно вкратце остановиться на значениях терминов «идеальный правитель» и «гегемон». Первоначально «гегемонами» именовались наиболее сильные царства Китая периода VII–VI вв. до н.э., которые «главенствовали надо всеми остальными царствами и не подчинялись чжоуским ванам». Ученые-конфуцианцы, однако, придали понятиям «идеальный правитель» и «гегемон» особый оттенок. С точки зрения Мэн-цзы (ок. 372 — 289 до н.э.), «идеальный правитель» прежде всего должен был управлять страной на основе человеколюбия и достичь «объединения Поднебесной» посредством распространения своей «благой силы». Именно этим «идеальный правитель» и отличался от «гегемонов», добивавшихся превосходства над соседями, опираясь лишь на грубую силу. Позднее в трактовке этих понятий произошли дальнейшие изменения. Так, знаменитый сунский автор Оуян Сю (1007–1072) в своих «Рассуждениях о легитимном престолонаследии» доказывал, что «идеальный правитель» должен прежде всего объединить Поднебесную. То, каким образом он это сделает — посредством «благой силы» *дэ* или «с помощью подвигов», не имело значения. Исходя из этого, Оуян Сю признавал легитимными империи Цинь (221–207 до н.э.) и Суй (581–618), объединившие Китай, но обычно порицавшиеся конфуцианцами за «негуманное правление».

Сходный подход к определению понятий «идеальный правитель» и «гегемон» прослеживается во взглядах великого сунского философа Чжу Си (1130–1200). Он считал, что «основой Поднебесной» является «правильное сердце» правителя. На этом основании он и строил свою периодизацию истории Китая. С его точки зрения, у правителей династий Ся (2205–1766 до н.э.), Шан (1766–1122 до н.э.) и Чжоу (1122–247 до н.э.) «сердце было правильным» и потому они могли именоваться «идеальными правителями». Затем у последующих правителей «сердце стало неправильным», они стали действовать не на основе «Небесного принципа», а следуя лишь своим «корыстным желаниям», и поэтому являлись не «идеальными правителями», а лишь «гегемонами». Правителей Хань и Тан, создавших могучие империи, Чжу Си тоже считал «гегемонами, действовавшими на основе корыстных желаний». Процветание этих империй Чжу Си связывал с тем, что действия их правителей порою «непроизвольно совпадали» с «Небесным принципом». По Чжу Си, «сердце правителей» было «неправильным», поскольку со времен Конфуция и Мэн-цзы истинный смысл конфуцианского учения оказался утраченным. Его восстановили лишь при Северной Сун (960–1127) основоположники неоконфуцианской философии, выдающимся представителем которой был и сам Чжу Си. Все это позволило Чжу Си утверждать, что правители Южной Сун, «сердце» которых «исправлено» на основе «истинного конфуцианства», являются «идеальными правителями», превосходящими «гегемонов» — правителей Хань и Тан. Исследователями уже отмечались буддийские истоки изложенной выше концепции «последовательности [передачи по наследству] смысла Пути» у Чжу Си. Представляется, однако, что не менее важным фактором, способствовавшим формированию такой периодизации истории, было стремление Чжу Си найти для своего времени достойное место в истории Китая, а этого невозможно было сделать, не исключив из критериев, характеризующих «идеального правителя», необходимости «объединить Поднебесную».

Эту особенность концепции Чжу Си отметили его современники. Так, Чэнь Лян, являвшийся сторонником решительных действий во имя «отвоевания утраченных земель», возражая Чжу Си, подчеркивал, что важнейшим критерием деятельности правителя были его практические достижения, а не «правильность сердца» или «отсутствие человеческих желаний». Исходя из этого, Чэнь Лян оценивал положение империи Сун, владевшей лишь Южным Китаем, как катастрофическое и, разумеется, ставил ее правителей ниже, чем могущественных государей Хань и Тан, владевших всей страной.

Исключив из критериев «идеального правления» необходимость для императора «объединить страну», сунские деятели любопытным образом интерпретировали и понятия, которые традиционно символизировали ее целостность и единство. Так, в одной из «эпитафий», написанных Лоу Яо (1137–1213), мы читаем: «Нынче территория Поднебесной не составляет и четырех десятых от той, какая была при императорах — основателях династии. Однако она все же охватывает земли У и Шу, Цзин и Гуан, Минь и Юэ — всего двести округов...». Как видим, Поднебесная здесь понимается не как «все, что накрывает Небо и что поддерживает Земля», а лишь как некая ограниченная территория, подвластная Южной Сун. Такая интерпретация понятия, конечно же, вызвана тогдашней политической ситуацией. Сходным образом трактовал понятие «Поднебесная» и отец Чжу Си — Чжу Сун (1097–1143), отмечавший в своем докладе, что у Поднебесной имеются границы. Ян Вань-ли (1127–1206) в одном из своих писем также писал, идентифицируя «Поднебесную» с землями Южной Сун, что «территории Поднебесной» лежат южнее р. Янцзы. Он же определял территорию Южной Сун как «Срединное государство», что никак не вяжется ни с первоначальным, ни с последующим значением этого понятия. Сначала «Срединными государствами» именовались древнейшие китайские государственные образования, располагавшиеся в среднем течении р. Хуанхэ, затем так стали называть весь Китай, но никогда «Срединным государством» не называли Южный Китай — а именно так употребляет этот термин Ян Вань-ли. Таким образом, с точки зрения южносунских авторов, их страной правил «идеальный правитель» (который, однако, не способен был объединить страну), а страна эта по-прежнему оставалась «Поднебесной» или «Срединным государством», хоть и охватывала лишь Южный Китай.

Сунским авторам важно было также найти в китайской традиции понятие, которое удовлетворительно определило бы внутреннее состояние их страны. В этом смысле заслуживает внимания сообщение из сочинения «Записи об известных людях периода возрождения династии» (?), гласящее: «Император [Гао-цзун. — *С.Г.*] видел, что к югу от Янцзы наступило „малое умиротворение“. Считал, что [оно достигнуто] усилиями [Цинь] Хуя. Поэтому доверял ему, ни в чем не подозревая». Термин «малое умиротворение», которым определено здесь внутреннее состояние Южной Сун, употреблен в канонической книге «Ли цзи». Там под «малым умиротворением» имелось в виду «просвещенное правление» таких «образцовых правителей» древности, как Юй и Тан, Вэнь-ван и У-ван, Чэн-ван и Чжоу-гун. Хотя такое «малое умиротворение» и уступало идеалу — «Великому единению», однако с традиционной конфуцианской точки зрения считалось вполне приемлемым и достойным. В нашем случае слова «малое умиротворение», очевидно, употреблены в переносном смысле. Они должны были означать «внутреннюю гармонию» в стране, несколько неполноценную из-за внешнего «позора», но все же вполне приемлемую. Приведем примеры, говорящие о том, что сунские авторы именно так интерпретировали понятие «малое умиротворение». Ху Инь (1098–1156) в письме к некоему Чжан Цзы-шао писал, критикуя мирную политику Цинь Хуя: «Как можно было только [сохранять] „малое умиротворение“ на юго-востоке! Конечно же, можно было расширить земли на север от [Хуан]хэ». Здесь «малое умиротворение» считается неполноценным, ибо оно не предполагало «объединения Поднебесной». В таком же духе интерпретируется понятие «малое умиротворение» и в «докладе-завещании» чиновника Сян Цзы-хуя, где говорилось: «Не следует ради „малого умиротворения“ забывать о великих планах». Здесь «малое умиротворение» противопоставляется «великим планам», под которыми опять-таки понималось «объединение Поднебесной». Но если говорить об установлении порядка внутри страны, то «малое умиротворение» рассматривалось как показатель достижения внутренней гармонии. Так, например, в «Эпитафии» на чиновника Бяо Ху-чэня, составленной Ху Хуном (1105–1155), говорится: «Когда создано доверие к наградам и сделаны непреложными наказания, обязательно наступает „малое умиротворение“...». Здесь «малое умиротворение» выступает как желанный идеал. Именно такой подход к оценке внутреннего положения страны позволил, например, чиновнику Фань Цзюн-ю так описать деятельность императора Гао-цзуна: «Нынешний Сын Неба, унаследовав [престол], положил начало возрождению династии. [Своими] высшим человеколюбием и божественной воинственностью прекратил битвы, успокоил народ, полностью успокоил Китай». Таким образом, в данный период понятие

«малое умиротворение» приобрело специфический смысловой оттенок, означая «внутреннюю гармонию» в государстве, нарушенную из-за «внешнего неблагополучия», но все же вполне приемлемую.

Южносунский «идеальный правитель», с точки зрения тогдашних авторов, осуществлял правление, «распространяя благую силу *дэ*». Однако специфическая внешнеполитическая ситуация вынудила южносунских авторов внести некоторые коррективы в понимание и этой фундаментальной категории китайской политической мысли. Согласно классическим представлениям, исходящая от Сына Неба сила *дэ* распространяется безгранично и вынуждает к «добровольному покорению» даже самых отдаленных «варваров». Сунским сановникам же, стремившимся в трудных политических условиях сохранить облик государства, соответствовавший традиции, и одновременно не видевшим реальных возможностей достижения в обозримом будущем победы над Цзинь, приходилось молчаливо допускать, что сила *дэ* их императора распространяется лишь в границах их государства. Свидетельством такого подхода могут послужить доклады Ван Ин-чэня (1118–1176), писавшего, что целью накопления императором Южной Сун силы *дэ* и «приведения себя в порядок» является достижение такого состояния государства, при котором ему не может нанести ущерб «враждебное государство», т.е. чжурчжэньская империя. Для оправдания такой неортодоксальной трактовки действия силы *дэ* сунские авторы использовали каноническую литературу: «Первый министр Цинь Хуй заявил: „Я, верноподданный, слышал, что у благой силы *дэ* нет постоянного образца; уделение основного внимания тому, что хорошо, является для нее образцом. У того, что хорошо, не существует постоянных качеств, которым нужно уделять основное внимание; успех состоит в способности быть последовательным“». Особый авторитет словам Цинь Хуя придавало то, что взяты они были из одного из самых почитаемых канонов — «Шан шу». При таком подходе любые действия императора, преследующие сиюминутные интересы империи (т.е. «то, что хорошо»), могли быть расценены как соответствующее канонам накопление и распространение «благой силы» *дэ*. При этом, поскольку, согласно приведенной выше цитате из «Шан шу», «у силы *дэ* нет постоянного образца», можно было молчаливо допустить, что *дэ* сунского императора распространяется лишь в границах империи, не достигая «варваров», владеющих исконными китайскими землями.

Теоретически утверждалось, что постоянное накопление *дэ* должно когда-нибудь в будущем, правда весьма неопределенном, привести к «возвращению утраченных земель». Однако в каждый данный момент подобная постановка вопроса служила для сунского чиновничества удобным идеологическим оправданием сложившейся ситуации. В конце концов сохранение статус-кво стали оценивать как явление, санкционированное волей Неба и потому неподвластное изменению через деятельность людей. На этом основании сторонники сохранения статус-кво нападали на тех, кто пытался предпринять реальные шаги для разгрома Цзинь, отвоевания Северного Китая.

Сходных воззрений на сохранение статус-кво в отношениях с Цзинь придерживался и Чжу Си. Эволюцию его воззрений на взаимоотношения с Цзинь можно подразделить на три этапа. Первый из них приходится на самое начало правления императора Сяо-цзуна (правил 1162–1189), когда Чжу Си был активным сторонником войны, выступал за скорейшую организацию похода на Север. Второй этап охватывает период от провала контрнаступления сунских войск на Цзинь в 1163 г. и вплоть до заключения мира между империями в 1164–1165 гг. В это время Чжу Си перестал активно настаивать на осуществлении похода на Цзинь и стал утверждать, что нужно «соединить вместе планы войны и обороны». Важнейшим явился третий этап, начавшийся после заключения мира с Цзинь и продолжавшийся вплоть до смерти философа в 1200 г. В это время Чжу Си стал утверждать, что нужно надежно оборонять границы Южной Сун, и выступал против планов организации похода на Север. Одновременно Чжу Си резко возражал и против договорного оформления сложившейся ситуации, которую считал для Южной Сун «позорной». Именно в этот период и были созданы его основные философские труды.

В «Великом учении» — одной из составных частей оформленного Чжу Си «Четверокнижия» — содержится известная схема упорядочения мира, полностью разделяемая философом и являвшаяся одной из существенных составных частей системы его взглядов. В тексте «Великого уче-

ния» сообщается: «Приобретение знаний состоит в постижении вещей. После того как вещи постигнуты, приобретаются знания. После того как знания приобретены, становятся искренними мысли. После того как мысли стали искренними, исправляется сердце. После того как сердце исправлено, совершенствуется личность. После того как личность усовершенствована, приводится в порядок семья. После того как семья приведена в порядок, вводится гармоничное правление в государстве. После того как в государстве введено гармоничное правление, в Поднебесной наступает умиротворение». Изложенная здесь схема «поэтапного» мироустроения начинается с «упорядочения» личности императора и завершается — «умиротворением Поднебесной». Особенно важно отметить, что в схеме «Великого учения» сначала названо «введение гармоничного правления в государстве» и лишь затем конечный этап «умиротворение Поднебесной». В конкретных внешнеполитических условиях Южной Сун подобная схема вполне могла служить идеологическим оправданием того, чтобы пока что «приводить в порядок свое государство» (т.е. Южную Сун, составлявшую лишь часть Поднебесной), дабы когда-нибудь, в неопределенном будущем, «умиротворить Поднебесную» (т.е. разгромить Цзинь и «отвоевать утраченные земли»). Такой подход вполне согласовывался с «оборонческой» (но отнюдь не «капитулянтской»!) позицией, которой придерживался Чжу Си в период создания своей философской системы.

В ходе дипломатических контактов с чжурчжэнями Сун практически всегда была слабейшей стороной. В этих условиях сунским политикам приходилось постоянно отстаивать суверенитет и достоинство своего государства, что, конечно, предполагало безусловное признание того факта, что чжурчжэньское государство является качественно равным Сун партнером. Характерна в этом смысле речь сунского чиновника Вэй Лу-миня, в 1126 г. отправленного с посольством к чжурчжэням, произнесенная в связи с тем, что цзиньцы заставляли его преклонить колени перед своим командующим: «Затем [его превосходительство (т.е. Вэй Лу-минь. — *С.Г.*)] спросил, каков будет ритуал встречи. Враги (т.е. чжурчжэни. — *С.Г.*) ответили, что будет как обычно. Его превосходительство с улыбкой сказал: „То, что называется обычным, — это не тогда ли, когда простираются ниц, становятся на колени? Хоть императорский сын и знатный человек, но он все же подданный. Хоть я посол и ничтожен, но тоже являюсь подданным. Если встречаются подданные двух государств и [кто-либо из них] узурпирует то, что положено правителю, то получается, что в одном государстве — два правителя. Нет ничего более неблагоприятного, чем это“». Как видим, под давлением обстоятельств Вэй Лу-миню пришлось признать, что Цзинь и Сун — качественно равные государства, в которых существуют независимые друг от друга правители и только им подчиняющиеся подданные. Подобные представления были совершенно неприемлемы для традиционной доктрины императорской власти, признававшей лишь один центр мироустроения, связанный с Небом, — Сына Неба, императора; этой доктрине соответственно были чужды представления о возможности существования качественно равного и суверенного партнера в дипломатических контактах и войнах.

Вынужденное признание Цзинь равноправным и даже превосходящим по силе партнером заставляло сунских деятелей при определении внешнеполитической стратегии руководствоваться не представлениями о «преобразующей силе *дэ*», а оценкой соотношения сил сторон. Можно привести множество примеров такого подхода. Вот лишь один из них: «В середине 1138 г. контрольный цензор Чжан Се заявил: „Ведение переговоров о мире между двумя государствами подобно переговорам между двумя семьями о заключении брака. Если авторитет семей не равный, то, хоть и будет умелая сваха, они никак не смогут достигнуть соглашения о браке. Если мощь государств не равноценна, то, хоть и имеется [при нашем дворе] цзиньский посол, он никак не сможет прекратить нападения [с их стороны]. Цзинь сильна, мы слабы — мощь государств совершенно различна. Удастся дело или нет — разве это зависит от слов посла?! Сможем добиться [от Цзинь] минимальных [уступок], но никак не сможем добиться максимальных. Это следует из логики».

Сунским чиновникам необходимо было отыскать в китайской традиции прецеденты, способные объяснить и тем самым оправдать подобный подход к дипломатическим контактам. Рассмотрим один пример того, как они это делали. Ху Хун в «Эпитафии» на чиновника Чжао Му-чжи следу-

ющим образом характеризует период от вторжения цзиньцев в конце 1126 г. и вплоть до мирного договора 1142 г. «С тех времен, когда глубоко вторглись восточные варвары [в нашу страну], и вплоть до тех пор, пока двор, поскольку больше ничего не оставалось делать, стал осуществлять рассуждение господина Мэн Кэ (т.е. Мэн-цзы. — *С.Г.*) о том, что нужно бояться Неба». Упоминание о «рассуждении Мэн-цзы о том, что нужно бояться Неба» встречается и в одном из писем Се Фан-дэ (1226–1289). Этот автор сообщал о якобы имевшем место разговоре между сунским послом Хун Хао (1088–1155) и цзиньским военачальником Ши-жанем. Хун Хао «...также прочел [Ши-жаню] отрывок „Радовать Небо, бояться Неба“ из „Мэн-цзы“, заявив: „Маленькое государство способно бояться Неба, большое государство способно следовать Небу“. Ши-жань воскликнул: „Прекрасно! Прекрасно! Я принял решение“». Именно эта беседа Хун Хао с Ши-жанем якобы способствовала тому, что Цзинь начала с Сун переговоры о мире.

Известный цинский историк Чжао И (1727–1814) цитировал упомянутое письмо Се Фан-дэ, дабы продемонстрировать выдающуюся роль Хун Хао в переговорах с Цзинь. Правда, в «Описании деяний» Хун Хао, составленном его сыном Хун Гуа (1117–1168) отсутствуют сведения о таком диалоге Хун Хао с Ши-жанем, что заставляет усомниться в достоверности сообщаемых Се Фан-дэ сведений. Однако для нас в данном случае не так важно, принадлежат эти слова Хун Хао или нет. Существенно то, что Се Фан-дэ — автор конца XIII в., как и Ху Хун, пытался объяснить обстановку через слова Мэн-цзы о том, что «маленькое государство способно бояться Неба, большое государство способно следовать Небу».

Сунские авторы через идеи Мэн-цзы, возникшие на основании политической практики эпохи Сражающихся царств (403–221 до н.э.), для которой были характерны контакты между равноправными государствами-партнерами, выражали свое осознание империи Южная Сун как малого государства, прислуживающего большому. Именно так определяется роль Сун и в официальных цзиньских дипломатических посланиях, и в аналогичных посланиях с сунской стороны. Необходимо также отметить, что империя Цзинь, ставшая к середине XII в. самым могущественным государством Восточной Азии, навязала статус «малого государства, прислуживающего большому» и корейскому царству Корё (918–1392). Таким образом, и чжурчжэни и сунские китайцы интерпретировали современную им обстановку через образы эпохи Сражающихся царств.

На основе изложенного выше можно констатировать, что, во-первых, сунские чиновники во что бы то ни стало стремились сохранить традиционную доктрину императорской власти для сферы внутриполитической даже тогда, когда обстановка заставляла их искажать смысл некоторых основополагающих категорий этой доктрины; во-вторых, во внешней политике традиционная доктрина не действовала и была вытеснена дипломатией, основывавшейся на оценке реального соотношения сил сторон.

См. лит-ру к ст. **«Две традиции в дипломатии»**.

С.Н. Гончаров

Две традиции в дипломатии

Российские историки проделали большую работу по изучению контактов Китая с соседями в древности и в средние века. Были не только проанализированы многие важные конкретные сюжеты, но и выделены основные тенденции в дипломатии старого Китая. В настоящее время можно констатировать наличие двух основных подходов к этой проблеме.

Первый из них был сформулирован А.С. Мартыновым, который детально проанализировал основные положения государственной идеологии Китая — доктрины «мироустроительной монархии» и проявления этой доктрины в сфере внешней политики. В соответствии с идеологией «мироустроения» император Китая исходящей от него благой силой *дэ* «преобразовывал» диких «варваров четырех сторон света», являвшихся в ответ на это с «данью» ко двору Сына Неба, становившихся его «подданными» и получавших от него титулы. Непокорных же «варваров», которые «упорствовали в заблуждении», не желали приобщаться к «благому влиянию» и «покорять-ся душой», правитель Срединного государства «карал своей мощью» и тем самым «приводил мир в гармоничный порядок», что в корне исключало возможность установления между Китаем и «варварами» равноправных отношений. Тем не менее из реальной истории Китая нам известно немало примеров заключения Китаем договоров с соседями, основанных на признании качественного равенства договаривающихся сторон, а это противоречило упомянутой выше идеологии «мироустроения». А.С. Мартынов считает подобные договоры и вообще случаи установления Китаем равноправных отношений с партнерами «искажением», «деформацией» имперской идеологии.

Иной точки зрения придерживается М.В. Крюков, приведший в своей статье примеры установления Китаем в VI–XIII вв. договорных отношений с соседями. По его мнению, наряду с концепцией «мироустроительной монархии», предполагавшей «имманентный сюзеренитет» китайского Сына Неба над «варварами», существовала и *вторая модель* взаимоотношений, согласно которой Китай признавался лишь одним из двух суверенных государств (партнеров), — равноправная договорная традиция в китайской внешней политике. Точки зрения, сформулированные А.С. Мартыновым и М.В. Крюковым, достаточно хорошо отражают весьма широко распространенные в нашей и западной синологии взгляды на рассматриваемую проблему. Так, в некоторых работах утверждается, что идеология «мироустроения» и связанная с ней «данническая система» были основными доктринами китайской внешней политики, договорные же отношения являлись лишь «отклонениями от нормы», которые навязывались Китаю «грубой реальностью». Такой подход к трактовке характера взаимоотношений Китая с соседями по своему толкованию близок к мнению А.С. Мартынова. В то же время некоторые историки, признавая большую роль «даннической системы» во внешней политике Китая, отмечают и наличие в ней самостоятельной традиции в дипломатии, допускавшей заключение договоров с «варварами».

Подобные взгляды сходны с концепцией М.В. Крюкова. Мысль о единственности доктрины «мироустроительной монархии» и «даннической системы» проводится, как правило, теми авторами, которые рассматривают отношения Китая с государствами, заметно уступавшими ему по силе и не представлявшими непосредственной угрозы для жизненно важных интересов Срединной империи, для самого ее существования. Например, А.С. Мартынов весьма успешно раскрыл содержание отношений между Тибетом и империей Цин в XVII–XVIII вв., исходя только из доктрины «мироустроения», не прибегая к помощи «равноправной» традиции. Иное дело, когда китаеведам приходится анализировать характер контактов Китая с государствами, равными ему (или даже превосходящими его) по мощи, в периоды, когда интересы этих государств непосредственно сталкивались с китайскими. Тогда возникает концепция «стратегемной дипломатии», восполняющая недостаточность лишь «мироустроительной» традиции для реконструкции позиции Китая.

Изложенное выше дает основание утверждать, что синология в настоящее время находится на стадии *анализа* внешнеполитической концепции старого Китая, ибо исследования его отношений с соседями позволили выделить наличие в них двух основных подходов к внешнему миру. Теперь же достигнутый уровень понимания проблемы закономерно ставит на повестку дня задачу

синтеза — раскрытие взаимосвязи между двумя упомянутыми традициями, их иерархии, соподчинения (если таковые вообще существовали).

Необходимо подчеркнуть, что идеология «мироустроительной монархии» и по своему происхождению, и по основным функциям была тесно связана прежде всего не с внешней, а с внутренней политикой. Еще в период Шан–Инь (XVI–XI вв. до н.э.) сформировались представления о посреднической роли правителя между Верховным владыкой (Шан-ди) и миром людей. Позднее, в эпоху Чжоу (XI–III вв. до н.э.), Верховного владыку заменило всемогущее Небо. Правитель был призван «гармонизировать» мир благой силой *дэ*, полученной им от Неба. Воплощаясь в личности монарха, эта благая сила будто некое излучение распространялась по всему миру. Основной ее функцией считали «взращивание» всего живого и заботу о нем.

Появление именно такой формы государственной идеологии в китайском обществе вполне объяснимо. Материальную основу китайской государственности составлял труд земледельцев. Господствующий класс страны мог существовать, лишь присваивая прибавочный продукт, производимый крестьянами. В связи с этим государственная власть должна была, хотя бы на абстрактном идеологическом уровне, видеть свою цель в создании *нормальных* условий для земледельческого производства на контролируемой ею территории. В этом смысле вполне понятен акцент на «взращивающей все живое» ипостаси силы *дэ*. Если же правитель неспособен был компенсировать своими мероприятиями последствия стихийных бедствий (долгой засухи, несвоевременных жары или холодов, наводнений и т.п.), его действия считались «нарушающими волю Неба». Тогда, согласно верованиям китайцев, Небо посылало различные «знамения», призванные служить императору предостережениями. Если он и после этого «не одумывался», то терял «мандат Неба» на правление, династия терпела крах, и роль «посредника между Небом и людьми» переходила к другому человеку, которого «усыновляло» Небо. «Покорение варваров» или «улаживание отношений» с ними было не главной целью доктрины «мироустроения», а лишь одним из ее элементов, причем вся эта «внешняя» деятельность в идеале должна была подчиняться основной, «внутренней» цели — «созданию гармонии» в китайском земледельческом обществе.

Введенное нами выше разделение функций китайского правителя на «основные» и «второстепенные», «внутренние» и «внешние» носит, разумеется, условный характер и призвано подчеркнуть прежде всего «земледельческую» основу доктрины «мироустроения». В действительности становление имперской идеологии происходило одновременно и в неразрывной связи с формированием у китайцев воззрений на «варваров».

Первоначально считалось, что к *хуася* (предкам ханьцев) относятся определенные группы населения, связанные узами родства и единством происхождения. Именно это и служило основой для противопоставления *хуася* «варварам», которых уже в первой половине I тыс. до н.э. определяли как «диких зверей», отличающихся «жадностью» и «воинственностью», не соблюдающих моральные нормы. К V в. до н.э., когда в среднем течении р. Хуанхэ сложилась компактная общность государств, населенных *хуася*, и из этого района были вытеснены «варварские» племена, на представления о кровном родстве всех *хуася* наложилась эгоцентрическая модель мира, присущая земледельческим обществам, возникшая в Китае еще в период Шан–Инь. После этого представление о кровном родстве *хуася* отступает на второй план, и они начинают осмысливать себя как Срединные царства, окруженные «варварами», резко отличающимися от них хозяйственным укладом, культурой и обычаями. У китайцев формируется представление о безусловном превосходстве их земледельческой культуры над скотоводческими обществами «варваров». Такие взгляды на «варваров» как на людей, живущих на непригодных для цивилизации землях, угнетенных суровым климатом, не соблюдающих «моральные нормы» и потому имеющих больше «животных», чем «человеческих», черт, были распространены также у персов, индийцев, греков, римлян, евреев и арабов.

Согласно внутренней логике доктрины «мироустроения», распространение благой силы *дэ* не могло ограничиваться пределами государственной территории. Она «переливается» и через рубежи страны, достигая земель «варваров», которые, «внутренне преобразуясь», прибывают с «данью» ко двору Сына Неба и демонстрируют тем самым свою покорность. С точки зрения

китайских правителей, прибытие посольств с «данью» являлось важным показателем эффективности процесса «мироустроения» и повышало таким образом престиж императорской власти. Сходные представления о «мировом порядке» выработались у таких древних цивилизаций, как египетская, месопотамская, центральноамериканская.

Как известно, правители уделов, пожалованных основателями династии Чжоу после покорения государства Инь своим ближайшим родственникам и сподвижникам, обязаны были выплачивать фиксированную «дань» чжоускому Сыну Неба. «Даннические отношения» в сфере *международной* в значительной степени явились проекцией вовне этих внутренних связей. Подобное перенесение «внутренних» моделей социальных отношений вовне также не представляет ничего необычного. Очевидно, такие процессы происходили каждый раз, когда какое-либо общество обладало потенциалом, позволявшим ему осуществлять внешние связи самым естественным для себя способом — формируя внешний мир по образцу своего внутреннего устройства. Например, в древнем Риме, где отношения клиентелы пронизывали все общество, они служили одновременно и моделью для построения римского «мирового порядка».

Соответственно теории, сложившейся в период Чжоу, «мандатом Неба» на правление обладал лишь чжоуский Сын Неба. Поэтому только он имел право издавать «повеления от имени Неба» (*мин* [*Л*]) правителям удельных владений и выполнять определенные ритуальные процедуры, символизирующие его общение с Небом. Однако на практике уже к VIII в. до н.э. правители уделов превращаются в независимых сюзеренов, причем некоторые из них намного превосходят по мощи чжоуского Сына Неба. Несмотря на это, никто из удельных правителей не смел покуситься на ритуальные привилегии чжоуского вана являвшегося символом единства *хуася* и воплощением утвержденного Небом мирового порядка. Посему ни один из могущественных правителей не смел издавать повеления от имени Неба. В связи с этим выработалась процедура заключения «клятвенных договоров» (*мэн*), позволивших оформлять фактическую «гегемонию» сильнейших удельных правителей, не ущемляя ритуальных прерогатив Сын Неба. Именно подобные «клятвенные договоры» стали образцом для соглашений, заключавшихся Китаем с соседями в последующие времена. Не менее важно и то, что в период Чжоу был создан прецедент сосуществования власти Сына Неба, основанной на «небесном мандате» и предполагавшей «имманентный сюзеренитет» чжоуского вана над правителями владений, с равноправными договорными отношениями этих правителей между собой.

В VIII–VI вв. до н.э. для урегулирования контактов между правителями царств также широко применялись династические браки. Позднее и эта форма «улаживания отношений» была использована китайской дипломатией для оформления союзов с «варварами».

По своей форме «клятвенные договоры», заключавшиеся китайскими «правителями владений», были весьма типичны для древнего мира. В одном из самых ранних договоров, содержание которого дошло до нас, между египетским фараоном Рамсесом II и царем хеттов Хаттушилем III, заключенном в 1278 г. до н.э., в свидетели исполнения его условий призывались «боги и богини» страны хеттов и Египта. Договор этот послужил образцом для соглашений, заключавшихся позднее царствами древнего Востока, Грецией и Римом. Однако в восприятии подобной «договорной системы» правителями древнего Востока и древними китайцами имелись, очевидно, существенные различия. Как отметил Б. Шварц, боги на древнем Ближнем Востоке были сильно антропоморфизированными существами. Ввиду этого при заключении соглашений боги, как и правители, которых они представляли, могли становиться «подданными» или «родственниками» друг друга, не утрачивая одновременно своего авторитета. В Китае подобная ситуация была невозможной, ибо высшим божеством там являлось безличное Небо, олицетворяющее законы космических, природных и социальных процессов. Китайская государственность, представлявшая воплощение этих высших законов в «мире людей», могла быть только уникальной и единственной. Соответственно китайское Небо не могло допустить существования рядом с собой равноправного «чужого» божества. Любые соглашения, заключавшиеся китайскими царствами между собой или Китаем с «варварами», должны были быть приспособлены к этой фундаментальной идее единственности мирового порядка. Как уже отмечалось выше, «клятвенные договоры» периода Чжоу были формой, позволявшей правителям царств поддерживать фактически

равноправные отношения, *не нарушая* прерогатив «единственного» Сына Неба.

Две традиции в дипломатии

Таким образом, в Китае уже в период Чжоу оформляются две традиции — «мироустроительная» и «равноправная». Примечательно, что формы и нормы «равноправной» традиции, использовавшейся в отношениях между царствами *хуася*, уже в то время считалось неприличным, зазорным применять в контактах с «варварами». Если с последними и заключались договоры, то факты эти скрывались, замалчивались. И в более поздние времена китайские политики, как правило, лишь после серьезных колебаний и сомнений шли на применение в своих отношениях с «варварами» форм равноправного межгосударственного общения (договоров, браков и т.п.). Идеальным считалось построение отношений с «варварами» на основе «даннической системы», по сути своей исключавшей равноправие. При «покарании варваров» признавалось возможным идти на любой обман, нарушение уже заключенных с ними соглашений.

Сходное применение «двойных стандартов» (с «цивилизованными странами» и с «варварами») практиковалось также в Греции и Риме. Если в контактах «цивилизованных стран» считалось пристойным хотя бы номинально соблюдать определенные «правила игры», то с «варварами» обращались согласно принципу «цель оправдывает средства».

Объединение Китая империей Цинь (221–207 до н.э.), а затем Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) знаменовало качественно новый этап в становлении внешнеполитической доктрины Срединной империи. Границы объединенного Китая примерно совпадали с пределами территорий, на которых возможно было осуществление традиционных методов обработки земли. Западнее лежали горы Тибета, на севере простирались степи, пригодные лишь для кочевого скотоводства, а к северо-востоку — лесистые земли Маньчжурии. Это еще больше укрепляло представление китайцев о своей стране как о Срединном государстве. Зримым выражением противостояния земледельческой «цивилизации» скотоводческому и охотничьему «варварству» стала Великая стена.

Объединение Китая стимулировало и объединительные процессы среди степных племен *сюнну*. В периоды Цинь и Хань Китаю пришлось иметь дело с могучей конфедерацией *сюнну*, что создало для внешней политики страны принципиально новые проблемы. Китайцам трудно было одолеть *сюнну* только военным путем, ибо подвижные орды кочевников всегда могли уклониться от генерального сражения, если обстановка была для них неблагоприятной, и нанести удар в подходящее для них время и в удобном для них месте. Кавалерия *сюнну*, как правило, превосходила китайскую. Кроме того, мобильность китайских армий сковывалась уязвимостью коммуникаций, путей доставки провианта. По той же причине размещение гарнизонов в застойных районах было делом дорогостоящим и рискованным. Природные условия этих районов препятствовали развитию там традиционного китайского земледелия и тем самым сдерживали колонизацию их ханьским населением, а это лишало экспансию Китая надежной основы. Именно по этой причине часто приходилось идти на урегулирование отношений с северными соседями политическим, дипломатическим путем, путем заключения с ними договоров. В отношении же государств, где земледелие было основой общества, где социальный строй был сходен с китайским (Корея, Вьетнам), Срединная империя пыталась (с разной степенью эффективности) применять «данническую систему».

Не случайно именно в период Хань, когда Китаю пришлось столкнуться с серьезной угрозой, исходившей от *сюнну*, в рамках доктрины «мироустроения» выделяются два подхода к «варварам». Первый из них можно определить как «изоляционистский». Согласно ему любые контакты с «варварами» определялись как бесполезные и даже вредные, молчаливо признавалась нецелесообразность «преобразования» варваров посредством императорского *дэ*. Второй можно условно назвать «универсалистским». Суть его состояла в подчеркивании безграничности «благого влияния» правителя Китая, в утверждении того, что «преобразование варваров» и изъявление теми покорности — необходимая и важнейшая составная часть «мироустроительной» деятельности.

Этот сформулированный А.С. Мартыновым тезис о двух подходах имперской идеологии к «варварам» в дальнейшем был развит Ю.Л. Кролем, который показал, что «изоляционистский» под-

ход коренился в самих представлениях китайцев об иерархической неравноценности пространства. По их мнению, территории, находившиеся вне пределов Срединной империи, были настолько никчемными, что за них не стоило и воевать и не было необходимости их осваивать. Ю.Л. Кроль отметил также и другую, весьма существенную деталь — тот или иной («изоляционистский» или «универсалистский») подход выбирался китайскими политиками в зависимости от реальной обстановки, от соотношения сил на «международной арене».

Оба подхода нашли в период Хань образное выражение: «универсалистский» уподобляли большой патриархальной китайской «семье», в которой царит строгая иерархия и главой которой является император. Неограниченно «преобразовывая варваров», такая «семья» способна была включать в себя все новых «членов», обязанных беспрекословно повиноваться императору-отцу. «Изоляционистский» подход выражали образом «дома», где живет большая китайская семья. Этот дом отгорожен стенами от «домов» других «государств-семей» и противостоит им. Такая образная система использовалась китайскими политиками вплоть до XIX в.

Итак, начиная с периода Хань мы можем говорить о более или менее четком выделении «внутренней» и «внешней» частей в доктрине «мироустроения». «Изоляционистский» подход предполагал, что императорское *дэ* не распространяется за пределы страны и действует лишь внутри них. Такой подход, применявшийся в случаях, когда Китаю противостоял мощный враг, открывал возможность для использования во внешней политике форм равноправных межгосударственных отношений, сложившихся в период Чунь-цю–Чжань-го. Китайцы, устанавливая равноправные отношения, жертвовали «внешней» частью доктрины во имя сохранения основной, «внутренней» ее части.

Тем не менее, поскольку внутри страны и при «изоляционистском» подходе продолжала функционировать доктрина «мироустроения» (которая, очевидно, могла быть изжита лишь при условии уничтожения породившего ее земледельческого китайского общества), формы равноправных межгосударственных отношений, применявшиеся на *международной арене*, непременно должны были, с точки зрения китайских политиков, приводиться в соответствие (хотя бы номинальное) с основными положениями этой доктрины.

В период Хань значительно большее, чем раньше, значение приобрело представление об исключительности, уникальности статуса императора, его обожествление как единственного посредника между Небом и людьми, самого близкого к Небу представителя мира людей. Это связывалось с развитием единой централизованной империи, хозяйственную основу которой составляла совокупность земледельческих общин с одинаковыми, но не едиными интересами. Для этих общин воплощением объединяющего и регулирующего начала в социальной жизни служила императорская власть. Конкретным выражением исключительности статуса императора было исполнение им ряда ритуальных процедур, символизирующих *его* общение с Небом. Императорский ритуал (с одной стороны, являвшийся зримым воплощением идеальных архаических представлений об обществе, где должны царить «единство и гармония» и которые были изложены в канонических книгах, а с другой стороны, санкционировавший тем самым существование данного конкретного общества) приобретает с этих времен особое, самодовлеющее значение. Именно адаптация равноправных форм межгосударственных отношений к требованиям ритуала становится непременным условием применимости этих форм, именно через такую адаптацию происходит *сращивание* «равноправной» традиции с доктриной «мироустроения».

Два подхода к «варварам», выработанные политиками периода Хань, позволяли им идеологически «переваривать» все разнообразие ситуаций, возникавших на *международной арене*. Разумеется, легче всего это было сделать, когда Китай способен был силой заставить своих партнеров сообразовываться с его представлениями о «мировом порядке». В таких случаях «данническая система» становилась практическим руководством к действию и наполнялась реальным содержанием.

В более сложном положении китайская дипломатия оказывалась в те периоды, когда ей приходилось иметь дело с мощным и серьезно угрожающим стране врагом. Как правило, против сильных противников правители Китая пытались использовать принцип *и и чжи и* («с помощью варваров подавлять варваров»). Для его применения у китайских политиков имелись серьезные

причины. Абсолютная масса прибавочного продукта труда земледельцев, присваиваемого государством, была весьма солидна. Однако львиная доля его шла на содержание чиновничества и армии. Резерв, остававшийся в распоряжении государства, был сравнительно небольшим. Поэтому бюрократия постоянно опасалась, что какая-нибудь выходящая за рамки обычной рутины крупная военная экспедиция или значительный строительный проект могут пошатнуть государственные финансы. Неудивительно поэтому, что в древних и средневековых исторических сочинениях положительных оценок, как правило, удостаиваются правители, которые шли на уступки врагам во имя достижения внутренней стабильности, и резко порицаются те, кто безудержной внешней экспансией доводил страну до краха. В силу этого китайские правители зачастую стремились избежать дорогостоящего прямого военного вмешательства в дела северных «варваров», предпочитая натравливать их друг на друга, подрывая их единство. Такая тактика приносила успех, когда на стороне Китая было преимущество в степени сплоченности, организованности, т.е. когда политически единый Китай противостоял рыхлым племенным конфедерациям. Иногда, правда, Китай сам становился объектом искусной дипломатии со стороны «варваров». Так, во второй половине VI в. тюркские каганы, играя на соперничестве китайских царств Ци и Чжоу, поставили их в полную зависимость от себя и принудили их выплачивать большую дань.

В период Хань были выработаны формы межгосударственных отношений, позволявшие совмещать представление об управлении посредством силы *дэ* и равноправные контакты с «варварами». В дальнейшем история китайской дипломатии дает целый ряд примеров того, как «мироустроительные» концепции уживались с «равноправными» межгосударственными отношениями. При этом «равноправная» традиция всегда (с точки зрения китайцев) подчинялась «мироустроительной».

В период Троецарствия (220–280) Китай оказался раздробленным в территориальном отношении, и осуществление «универсалистской», экспансионистской политики стало невозможным. Неудивительно поэтому, что в ту эпоху на отношения Китая с другими государствами достаточно четко прослеживается влияние «изоляционистского» подхода. Для политиков Троецарствия характерно представление о первоочередной необходимости навести порядок «внутри» и не тратить силы на «внешнее», сохранять лишь номинальный сюзеренитет над «варварами», не домогаясь господства над ними. «Номинальный вассалитет» со стороны «варваров» нужен был прежде всего для поддержания престижа власти внутри страны. Одновременно правители враждующих китайских царств считали, что они осуществляют правление посредством силы *дэ*, и свою конечную цель видели в объединении страны. Это не помешало царствам У и Шу заключить в 229 г. «клятвенный договор», направленный против царства Вэй, и разделить весь Китай на «сферы влияния». Соглашение было выдержано целиком в стиле «клятвенных договоров» периода Чунь-цю.

Роль «мироустроительной» доктрины в отношениях Китая с соседями в этот период можно проследить на примере связей китайских царств с корейским государством Пэкче, исследованных Дж. Бестом. Пэкче считалось «вассалом» Китая, однако реальное содержание этого «вассалитета» претерпевало существенные изменения в зависимости от реальной обстановки. За 280 лет (372–652) Пэкче прислало в Китай 63 посольства. Когда Китай был территориально раздроблен, посольства прибывали в среднем раз в семь лет; после объединения Китая в 589 г. миссии стали прибывать раз в два-три года. Интервалы между посольствами увеличивались также, когда Пэкче усиливалось и было способно само организовывать внешнюю экспансию. В то же время за указанный период китайские императоры 18 раз жаловали титулы правителям Пэкче. 16 раз это имело место в период территориальной раздробленности Китая (одно титулование в 13,6 года) и лишь дважды — после объединения страны (одно титулование в 31,5 года).

Если в период раздробленности для правителей Южных династий Китая пожалование титулов своим корейским «вассалам» было прежде всего методом поддержания собственного авторитета внутри страны, то императоры единых государств Суй (589–618) и Тан (617–907) уже рассматривали пожалование титулов как милость за какие-либо «заслуги» со стороны Пэкче и использовали свои посольства для вмешательства во внутренние дела корейского царства. Когда Китай

был слабым и раздробленным, фикция функционирования «данническая системы» необходима была ему прежде всего для «внутреннего пользования», для доказательства правомерности правления посредством *дэ* внутри страны. Только реальная мощь способна была наполнить «данническую систему» действительным содержанием и сделать ее подлинным принципом внешней политики.

Как известно, могучая империя Тан способна была в период своего расцвета навязывать соседям статус «вассалов» и добиваться от них построения отношений в согласии с «даннической системой». Но и правителям Тан зачастую приходилось применять «мир, основанный на родстве» в контактах с «сильными варварами». Для соседей Китая переход из статуса «вассалов» в категорию «родственников» был весьма желанным, ибо означал качественное повышение их статуса по отношению к китайским императорам. В свою очередь, правители Китайской империи рассматривали заключение этих «династических браков» как форму адаптации равноправных отношений с «варварами» к доктрине «мироустроения». Показательно, что выдачу принцессы замуж за «варварского» правителя обозначали иероглифом *сян* — «движение сверху вниз», «нисхождение». С точки зрения танских императоров, они «нисходили до милости» к своим бывшим «вассалам», повышая их статус, но ни в коем случае не ставили их в равное с собой положение. Характерен также и тот факт, что из 23 случаев *хэ цинь* при Тан лишь трижды замуж за «варваров» выдавали подлинных дочерей императоров, во всех остальных случаях — дальних родственниц правителей Китая или удочеренных девушек. Все три подлинные принцессы были выданы замуж за уйгурских каганов лишь в силу суровой необходимости — уйгуры оказали Тан помощь в подавлении мятежа Ань Лу-шаня и Ши Сы-мина, до основания потрясшего империю.

Заключение «мира, основанного на родстве» позволяло китайским императорам сохранять иллюзию «старшинства» над правителями «варваров» даже в случае заключения с ними действительно равноправных договоров. Так, в договоре империи Тан с Тибетом, заключенном в 821–822 гг., обе стороны предстают как суверенные, равные государства. Специально оговаривается право каждого из государей править в пределах своей страны в соответствии с принятыми в ней законами. Показателем равноправия является и то, что в гаранты исполнения условий договора любой из сторон призываются «духи, солнце, луна и звезды». Таким образом, если использовать китайскую терминологию, здесь перед нами соглашение между двумя самостоятельными «домами». Однако, с китайской точки зрения, необходимо было одновременно включить (хотя бы номинально) правителя Тибета в «семью», возглавляемую танским императором. Ранее Китай заключал с Тибетом «мир, основанный на родстве». Поэтому в тексте договора 821–822 гг. тибетский правитель именуется «племянником», а китайский — «дядей». Следовательно, даже при фактическом равенстве в отношениях правитель Тибета входил в китайский «мировой порядок» в качестве «младшего родственника» танского императора и последний сохранял право на исполнение ритуалов, символизирующих его роль единственного посредника между Небом и людьми, создающего «внутреннюю гармонию» в своем «доме».

В период Хань–Тан китайскими политиками были выработаны формы внешних связей, позволявшие «вводить» традицию «равноправной» дипломатии в доктрину «мироустроения». При этом, как правило, в рамках теории «мироустроения» действовал «изоляционистский» подход к отношениям с «варварами», и упомянутая теория рассматривалась как функционирующая лишь внутри страны.

Качественно новый этап в отношениях Китая с соседями начался в период Сун, когда выработанным ранее представлениям о «варварах» предстояло выдержать экзамен на прочность в ситуациях, до этого еще не испытанных Китаем.

Новым этапом в развитии государственности у северных соседей Китая можно считать образование киданьского государства Ляо (907–1125), тангутского — Си Ся (1038–1227), чжурчжэньского — Цзинь, а в XIII в. — государства монголов. Если ранее, в период Южных и Северных династий, северные «варвары» создавали на территории Китая свои государства, как правило, после переселения за Великую стену и длительного обитания в собственно Китае, то с X в. положение изменилось. Государственность киданей, тангутов, чжурчжэней и монголов формировалась вне Китая. Китайские земли после их захвата составляли лишь одну из частей территории

Две традиции в дипломатии

этих государств. Соответственно гораздо более высоким, чем в IV–VI вв., оказывался и уровень этнического самосознания соседей Китая. В эпоху Южных и Северных династий северные народы, как правило, давали своим государствам названия по наименованиям древнекитайских царств (таких, как Вэй, Цинь, Янь, Чжао) и тем самым всецело привязывали себя к китайской традиции. В отличие от них кидани сначала назвали свою империю Государством киданей, а затем переименовали ее в Ляо. Последнее название, принятое в 937 г., призвано было продемонстрировать, что киданьские и китайские земли образуют единое государство, подобно тому как реки Тухэ и Хуанхэ, сливаясь, образуют р. Ляошуй, берега которой кидани считали своей прародиной. Название «Ляо» не имеет аналогов в китайской традиции, так же как и название чжурчжэньской империи Цзинь (Золотая). Чжурчжэни считали, что Ляо взяло свое название от «крепкого железа», которое все же ржавеет и разрушается. Поэтому чжурчжэньское государство решено было назвать «Золотым» (Цзинь), ибо золото не ржавеет. Таким образом, чжурчжэни объявляли себя преемниками киданей, а не какой-либо китайской династии.

Рост самосознания у северных соседей Китая проявлялся и в их отношении к китайской культуре. В конце V в. н.э. сяньбиец Тоба Хун, правитель Северной Вэй, издал серию указов, предписывавших принудительное упразднение обычаев сяньби и введение вместо них китайских. Позиция верхушки киданей, чжурчжэней и монголов в отношении китайской культуры была иной. Они видели в сохранении своих исконных обычаев и традиций гарантию поддержания господства над побежденными китайцами и сознательно препятствовали китаизации единоплеменников. Кидани ввели в своем государстве дуалистическую систему управления: киданями управляли согласно традиционным для кочевников методам, китайцами же — посредством привычной им административной структуры. Одна из целей создания системы — сохранение присущих киданям *степных* традиций. Чжурчжэньский император Ши-цзун (Улу) в 70–80-е годы XII в. развернул «движение за возрождение чжурчжэньских обычаев», с тем чтобы предотвратить китаизацию. Е.И. Кычанов привел интересные данные о том, что и тангуты не считали свою культуру уступающей китайской.

В связях с Китаем кидани, тангуты и чжурчжэни стремились не только к обретению материальных выгод, но и к самоутверждению, установлению подлинного равенства или даже своего превосходства. Это придавало межгосударственным отношениям в Восточной Азии в X–XIII вв. ярко выраженную специфику.

В 936 г. произошло событие, сыгравшее значительную роль в контактах Китая с его северными соседями: кидани титуловали Ши Цзин-тана, генерал-губернатора государства Поздняя Тан, императором царства Поздняя Цзинь. Ши Цзин-тан вынужден был признать себя «сыном» киданьского правителя Елюй Дэгуана и передать киданям территории 16 пограничных округов. В 947 г. кидани уничтожили Позднюю Цзинь, пленили преемника Ши Цзин-тана — Ши Чунгуя и вместе с его родней увезли на север, в Ляо. В.П. Васильев справедливо указывал на то огромное влияние, которое имел (на обе стороны) захват киданями «16 округов»: в дальнейшем китайцы постоянно стремились вернуть эти земли, а кидани убедились в возможности господствовать над территориями Срединного государства. Не менее важное значение имел и тот факт, что кидани смогли навязать китайскому государству статус младшего партнера.

«16 округов в Янь и Юнь», уступленные киданям Ши Цзин-таном, располагались на территории современных провинций Хэбэй и Шаньси. Именно по землям этих округов проходила Великая стена и другие пограничные укрепления. Далее, до самой Хуанхэ, простиралась равнина, лишенная каких-либо естественных преград. Поэтому территория «16 округов» служила киданям прекрасным плацдармом в их опустошительных набегах на Китай. В этом контексте понятно и постоянное стремление китайцев изгнать киданей из «16 округов» и вновь поставить под свой контроль район Великой стены.

Именно такими соображениями и руководствовались правители империи Сун, когда начали с Ляо борьбу за возвращение «16 округов». В ходе длительных и тяжких войн, перемежавшихся переговорами, выявилось примерное равенство сил Сун и Ляо. Китайцам не удалось добиться основной цели — отвоевать утраченные земли. В 1005 г. между Сун и Ляо был заключен договор,

предусматривавший выплату китайцами значительной дани, сохранение прежних границ и прекращение военных действий. Договор был выдержан в стиле «клятвенных договоров» периода Чунь-цю—Чжань-го и скреплен клятвой обеих сторон перед Небом и «мудрыми духами». Это лишний раз подчеркивало равенство статусов Сун и Ляо. Между правителями держав устанавливались «братские» отношения. Но существенным было то, что старшим из правителей считался старший по возрасту. Таким образом, с каждой сменой правителей на троне могли происходить изменения их статусов. В совместном заявлении Сун и Ляо указывалось, что для отношений между ними существенно признание «братства» как такового, т.е. равенства статусов государств. Следовательно, здесь отношения между императорами подчеркнуто отделялись от взаимоотношений между государствами, в чем мы вправе увидеть принципиально новое явление в дипломатии Восточноазиатского региона.

Китайцы шли на всевозможные ухищрения, чтобы каждый раз представить своего правителя «старшим братом» киданьского. Являясь «старшим» (пусть даже фиктивно) в отношении императора киданей, сунский Сын Неба мог претендовать на роль «главы семьи» в мире людей и, таким образом, имел право на исполнение ритуалов, в которых выражалась его роль как единственного посредника между Небом и людьми. Это позволяло сунским политикам утверждать, будто лишь их император получил «мандат Неба» на правление и что, следовательно, лишь он полномочен «приводить мир в гармонию» посредством силы *дэ*. Во внутреннем обиходе китайцы именовали киданей «варварами».

Но суровая действительность вынуждала их в отношениях с Ляо соблюдать все атрибуты равноправия. Сунским идеологам приходилось доказывать обоснованность «изоляционистского» подхода к «варварам», утверждая, будто основная задача правителя — наведение порядка внутри страны, а не внешняя экспансия.

В дальнейшем Сун так и не смогла вернуть «16 округов», хотя борьба за них оставалась одной из основных стратегических задач ее внешней политики. Конечной целью реформ Ван Ань-ши, например, было добиться «обогащения государства и усиления армии», что должно было позволить одолеть киданей и «смыть позор государства». Однако Сун так и не удалось изменить соотношение сил в свою пользу. Напротив, в середине 70-х годов XI в. кидани заставили китайцев увеличить размер выплачиваемой дани. Агрессивная позиция Ляо в отношении Сун в тот период объяснялась заметным ростом этнического сознания у киданей.

Другой серьезной проблемой для сунской дипломатии были отношения с тангутским государством Си Ся. Китайцы неспособны были разгромить тангутов в войнах. В 1038 г. тангутский правитель Юань Хао принял императорский титул и тем самым поставил себя в равное положение с сунским Сыном Неба. В конечном счете китайцам пришлось признать императорский статус правителя Си Ся. В 1044 г. между китайцами и тангутами был заключен мирный договор. Сун удалось добиться от Юань Хао признания его младшим по отношению к сунскому императору и принятия тангутами китайского календаря, что должно было примирить равноправные отношения с Си Ся с идеей «мироустроения». Соответственно тангуты прислали Сун «клятвенную грамоту», а китайцы ответили Си Ся «указом». Однако же китайцам удалось достигнуть этого лишь ценой выплаты тангутам большой «дани» и признания их фактической независимости и равенства. В дальнейшем в ритуале общения с Сун тангуты постоянно стремились подчеркнуть свое равноправие с китайским государством. Одновременно Си Ся признавало и сюзеренитет киданей, что создавало для Сун дополнительные проблемы, ибо всегда существовала опасность одновременной войны на два фронта. В целом в XI в. в Восточной Азии сформировалась система нескольких фактически равноправных государств, и китайцам стало куда сложнее примирять идею «универсальной монархии» с политической практикой.

Любопытно, что с XI в. из отношений китайских династий с их северными соседями исчезает такая форма, как «мир, основанный на родстве». В 1042 г. киданьский император Син-цзун потребовал от сунского посла Фу Би передачи Ляо дополнительных территорий на границе. Столкнувшись с решительными возражениями сунского дипломата, Син-цзун предложил взамен территориальных претензий выдать за него старшую дочь правителя Сун или же увеличить дань. Китайцы предпочли второй вариант. Это единственный известный нам случай, когда велись серьезные

переговоры с Сунской империей о заключении *хэ цинь*, причем сами кидани не особенно настаивали на установлении именно таких отношений. Между тем отношения типа *хэ цинь* были широко распространены среди северных соседей Китая. Кидани выдавали своих принцесс замуж за тангутов и тибетцев, закрепляя тем самым свой статус «старшего родственника». Известно, что «мир, основанный на родстве» применяли в контактах с соседями также монгольская династия Юань и маньчжурская — Цин. Китайский историк Ван Тун-лин отмечал, что «мир, основанный на родстве» не практиковался при таких династиях, как Восточная (Поздняя) Хань, Сун и Мин. Причина, по его мнению, крылась в «узком, ограниченном конфуцианском взгляде на мир» у правителей этих государств.

С нашей точки зрения, отмеченному явлению можно дать и другое объяснение. В предшествующий период закрепилось представление, согласно которому китайские правители, выдавая дочь за предводителей «варваров», оказывались их «старшими родственниками». В таком случае для киданей заключение *хэ цинь* означало бы фактическое понижение их статуса, утвержденного договором 1005 г. как «братский». Именно поэтому они и не особенно настаивали на заключении *хэ цинь*. Кстати говоря, сообщение о беседе Фу Би с киданьским императором дошло до нас в изложении сунского автора, который мог нарочито неверно освещать позицию киданей по этому вопросу. Характерен тот факт, что чжурчжэни, добивавшиеся от Сун сначала равного статуса, а затем и утвердившие свое превосходство, вообще никогда не ставили вопроса о заключении *хэ цинь* с Китаем, ибо это они также расценивали для себя как понижение их статуса. В то же время кидани, монголы и маньчжуры, которые могли реальной мощью подтвердить свое главенствующее положение относительно соседей, с готовностью закрепляли его посредством *хэ цинь*, выдавая замуж *своих* принцесс и тем самым утверждая *свое* старшинство. Исчезновение из обихода (в установлении отношений Китая с «варварами») концепции «мира, основанного на родстве» может свидетельствовать о дальнейшей эволюции этих отношений в сторону действительного равноправия.

В конце XI — начале XII в. в Восточной Азии сложился достаточно стабильный треугольник сил, в котором поддерживалось сравнительно устойчивое равновесие. И Сун, и Ляо, и Си Ся приобрели большой опыт взаимного общения, смирились (правда, в разной степени) с существовавшим положением дел. Этот баланс сил был взорван государством чжурчжэней, стремительно ворвавшимся на политическую арену региона во втором десятилетии XII в.

Процесс консолидации тунгусских племен чжурчжэней, обитавших в Маньчжурии и Приморье, был весьма длительным и сложным. Постепенно сформировалось государство, ядром которого стало племя *ваньянь*, чьи земли находились в среднем течении р. Сунгари (на ее притоке Аньчуху). Чжурчжэни были вассалами киданей и подвергались со стороны последних угнетению. В 1113 г. они начали войну с ослабевшей к тому времени империей Ляо, и в 1115 г. вождь племени *ваньянь* Агуда был провозглашен императором чжурчжэньского государства Цзинь. В эти годы чжурчжэни нанесли Ляо целый ряд сокрушительных ударов, захватили обширные территории и присоединили к своему государству многие родственные племена.

В те же годы в Китайской империи к власти снова пришли последователи «реформаторов», пытавшиеся, как в свое время и Ван Ань-ши, проводить активную внешнюю политику во имя возвращения утраченных территорий и разгрома «варваров». Слухи о сокрушительных поражениях Ляо в войнах с чжурчжэнями способствовали вызреванию в Сун плана о заключении с Цзинь союза ради уничтожения Ляо и возвращения «16 округов». Однако в империи нашлось и много противников подобной политики, выступавших за сохранение статус-кво, поддержание уже испытанного временем мира с Ляо. В этот переломный момент стало ясным, насколько внедрился в сознание сунских сановников «изоляционистский» подход к внешнему миру, навязанный Китаю практикой отношений с Ляо и Си Ся.

Характерен пространный доклад Чэнь Яо-чэня, посвященный развенчанию планов разгрома Ляо в союзе с Цзинь. Основной тезис Чэнь Яо-чэня таков: порядок в Китае — это основное, «внутреннее», а покорение «варваров» — второстепенное, «внешнее». Вопреки сложившемуся ранее в доктрине «мироустроения» представлению, Чэнь Яо-чэнь отрицает даже существование причинной связи между установлением «гармонии» в Китае и прибытием «варваров» с «данью».

Исходя из этого, Чэнь Яо-чэнь рекомендовал императору не вмешиваться в распри между «варварами» и соблюдать договор с Ляо. «Изоляционистский» подход, суть которого была выражена Чэнь Яо-чэнем, — фактическое признание полной самостоятельности северных соседей от Китая — как бы открывал возможность для установления равноправных контактов.

***** *Фэн Ци*, *Чэнь Бан-жань*. Сун ши цзиши бэньмо («История Сун» в записи событий от их начала до конца). Пекин, 1955; *Сыма Гуан*. Цзычжи тунцзянь (Всеобщее зерцало, управлению помогающее). Пекин, 1957; *Ван Фу-чжи*. Сун лунь (Рассуждения о Сун). Пекин, 1964; Сун ши цюань вэнь сюй цзычжи тунцзянь (Полный текст сунской истории как продолжение «Всеобщего зерцала, управлению помогающего») // Сунши цзыляо цуйбянь (Собрание материалов по истории Сун). Вып. 2. Тайбэй, 1967; *Тото*. Цзинь ши (История Цзинь). Пекин, 1975; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам): В 2 вып. М., 1968–1973; *Сыма Цянь*. Исторические записки («Ши цзи»). Т. 2. М., 1975. ****** *Гончаров С.Н.* «Записи о фальшивом Ци» — источник по истории зависимого государства Ци (1130–1137) // ИИИСАА. Вып. 5. 1980; *он же*. Иноземные завоеватели в Китае X–XIII вв. и зависимые от них государства // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников / ИВ АН СССР. Т. 1. М., 1978; *он же*. Отношения между империями Сун и Цзинь в 1125–1139 гг. и характер китайских представлений о «варварах» // XIII НК ОГК. Ч. 2. М., 1982; *Кроль Ю.Л.* О традиционной китайской концепции «равных государств» // XV НК ОГК. Ч. 1. М., 1984; *Крюков М.В.* Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // XI НК ОГК. Ч. 2. М., 1980; *Кычанов Е.И.* Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Сибирский археологический сборник. Новосиб., 1966. (Древняя Сибирь. Вып. 2); *Мартынов А.С.* Традиционный китайский подход к внешнему миру // Страны и народы Востока. Вып. 20. М., 1979; *Тихвинский С.Л.* Некоторые вопросы международных отношений Китая в древности и средневековье // *Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М., 1976; *Чжао И.* Нянь эр ши чжацзи (Заметки о двадцати двух династийных историях). Т. 2. Пекин, 1963; *Franke H.* Treaties between Sung and Chin // Sung Studies. P., 1970, vol. 1, fasc. 1; *Perelomov L.*, *Martynov A.* Imperial China: Foreign-Policy Conceptions and Methods. M., 1983 (на кит. яз. Тайбэй, 2006).

С.Н. Гончаров

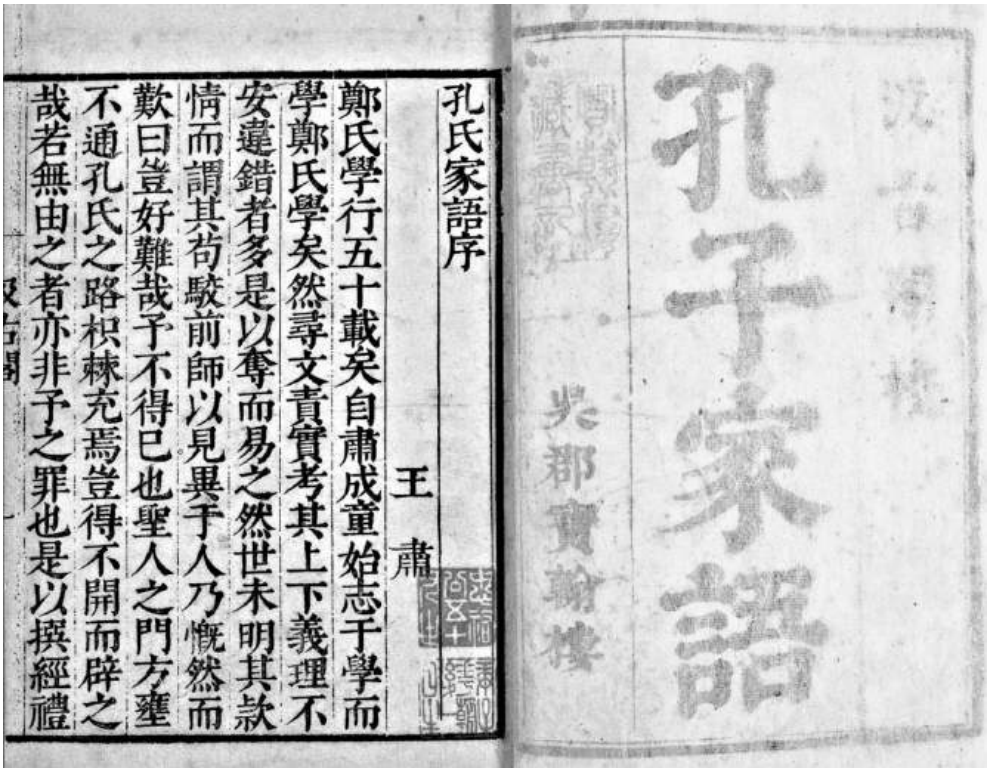
«Ли цзи» («Книга ритуалов»). Ксилограф, дин. Сун

Шан Ян
(390–338 до н.э.)

«Шан цзюнь шу»
(«Книга правителя области Шан»).
Ксилограф,
дин. Цин

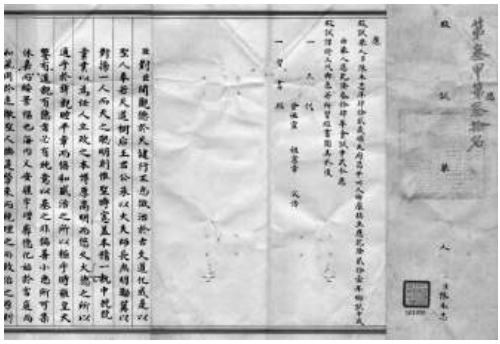
Конфуций
(ок. 551 —
479 до н.э.)

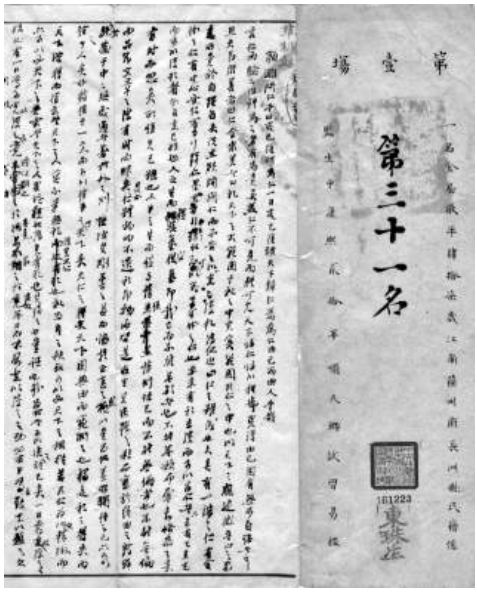
«Кун-цзы цзя юй»
(«Домашние
поучения
Конфуция»).
Ксилограф,
дин. Цин



«Думы об ушедшем – запись о проводах». Сюжет отражающий чиновное бытие маньчжурской эпохи из иллюстрированного приложения к газ. «Дяньшичжай» (1880-е гг.). Это сцена расставания начальника, покидающего свой пост, со своими подчиненными, на их лицах скорбь, некоторые даже отирают рукавом халата слезы

«Сы шу чжи цзе цзин» («Комментарий [Чжан Цзюй-чжэна] к „Четверокнижию“»). Ксилограф, дин. Мин

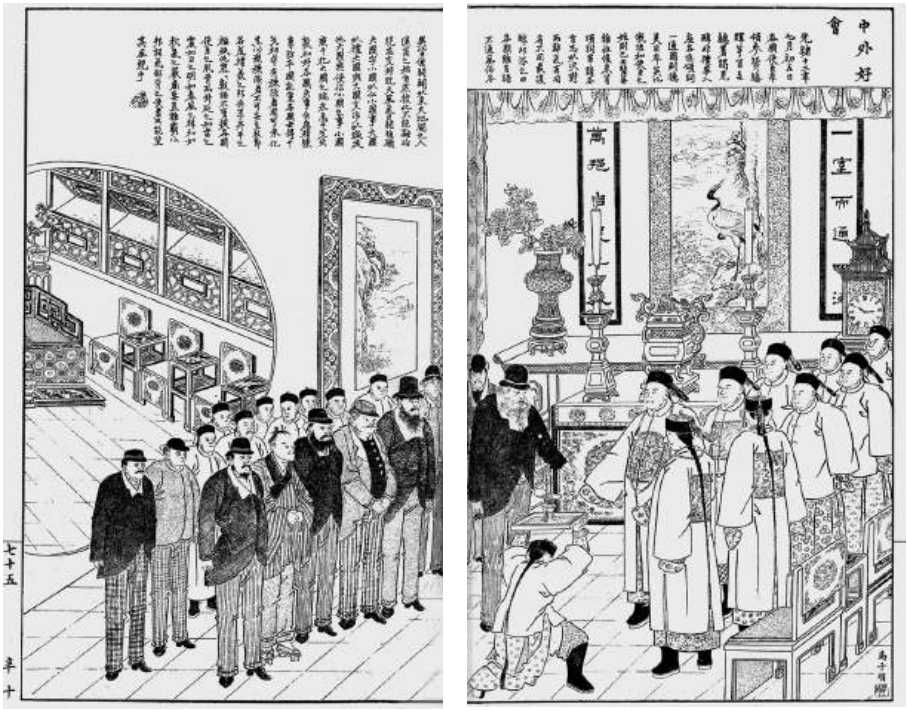




Экзаменационные работы на соискание различных ученых степеней

Помещения для сдачи экзаменов в Нанкине

«Погоня за славой обернулась позорищем». Иллюстрация к актуальной в старом Китае теме государственных экзаменов *кэ цзюй*. Ради получения звания чиновника и выгодного места претенденты шли на разного рода махинации. В данном случае речь идет о некоем абитуриенте – *вэнь туне* (буквально «литературный отпрыск») из пров. Гуандун, который смошенничал на экзаменах. На иллюстрации изображен зал, где проходит разбирательство подобных дел, о чем свидетельствует и надпись: «Яшмовый аршин отмеряет таланты». Проштрафившийся же стоит на коленях и на него вот-вот должны надеть тяжелую *кангу*. Иллюстрированное приложение к газ. «Дяньшичжай» (1880-е гг.)



Иллюстрированное приложение к газ. «Дяньшичжай» (1880-е гг.). Прием западных дипломатов в Китае (вверху). Китайские чиновники встречают корейских гостей (внизу)

Цзэн Цзи-цзэ в китайском интерьере. Иллюстрированное приложение к газ. «Дяньшичжай»

Маньчжурский чиновник.

Китайский посол в европейских странах
Цзэн Цзи-цзэ (1839–1890)

中法新約

第一款　一越南歸安與中國邊界毗連者其兩法國約明均行撫戢保護越境或當曝逐出境甚至其搶害自主之匪窩及無業流氓潛由法國受為設法取其中國與北圻交界各境內凡過界逃匿即由中國設法或擒出境倘有匪徒潛入法國所保護之越南亦由中國幇辦此北圻至於中國與越南如何交涉之事中法兩國應另行商定專保凡中國各屆人員及散勇等在越南安分守業者無論農夫工匠商賈若無司實憑之處其身家產業均得與越南安穩與法國所保護之人無異

第二款　一中國民商明願於法國所辦各事無庸整肅凡有法國與越南自立約約章或已定者或續立者現時並日後均應照辦或當曝逐出境甚至其中國與北圻交界各境內凡過界逃匿即由中國設法或擒出境倘有匪徒潛入法國所保護之越南亦由中國幇辦此北圻至於中國與越南如何交涉之事中法兩國應另行商定專保凡中國各屆人員及散勇等在越南安分守業者無論農夫工匠商賈若無司實憑之處其身家產業均得與越南安穩與法國所保護之人無異

第三款　一自此次訂約畫押之後限六個月期內應由中法兩國各派官員赴北圻交界處所商勘定界與彼或於國界雖千辦盟之處即于其地設立標記以明界限之所在若因立標處所或因北圻現在之界稍有更正以期兩國公同有益如此意見不合應各請示於本國

第四款　一邊界勘定之後凡有法國人民及法國所保護人民與別國人民在北圻入界欲有過界入中國境內中國人民由中國邊界官員發給護照方得執持前往倘由中國邊界官員自發護照以便執持前往

第五款　一中國與北圻應開兩處通商章程內載明中國人及法國保護之商人準其在北圻入界貿易惟出其貨物或由中國入北圻若由中國官發給護照以便執持前往

第六款　一北圻與中國之雲南廣西廣東各省接壤處通商章程應於此約簽押之後所準其開進出雲南廣西兩邊界應照現在通商所開之章程辦理至洋藥進口出口一事應於通商章程內定一專條其中越海路通商亦當議定專條此條未定以先仍照現章辦理

第七款　一中法現立此約其意係為睦鄰邦益敦和睦推廣互市現欲籌畫體此意由法國在北圻一帶開闢道路以便與中國一國明目視省中國酌擬須從鐵路時中國自向法國業此之人商辦其招募人工法國無不盡力勸助彼此皆為法國一國國受之利益

第八款　一此次所訂之條約內所載之通商章款以及將訂專章現應俟換約後十年之期滿方可稱修若期滿六個月以前該約之兩國僅此不提及明通商章程仍應遵照行之以十年為期以後做此

第九款　一此約一經彼此畫押法廷即出基隆並除去在海面搜查等事費押後一月內法兵必當從基撤盡如全行退盡

第十款　一中法兩國所定通商章程除由現議更張外其餘仍應一體遵守至彼此修約為由

光緒十一年四月　日
西歷一千八百八十五年六月　日

五十

丁七

Иллюстрированное приложение к газ. «Дяньшичжай» (1880-е гг.).
Церемония подписания договора между Китаем и Францией
в апреле 11-го года эры Гуан-сюй (1885 г.).

和議畫押
中法交涉之事自戰而和、而後戰者閱三載餘海內人民咸惴惴焉懼兵爭之無已也今春諒山奏捷法勢頓衰於是有乞和之議我朝允其所請命太傅李爵相為全權大臣特簡星使錫公鄧公馳赴津郡會同爵相准於四月二十七日知照法國公使巴德諾脫及各國領事等官集議條約十款同時畫押而和議之局成按是日未刻升炮作樂交換和約爵相欽使與法公使居中正座餘官旁座是役也在事中西各員計三十餘人畫押時各取約中全文熟視一過然後落筆昭鄭重也從此珠槃玉敦修好偕來航海梯山輸忱恐後宜乎滬上軍民聞此佳音莫不歡欣鼓舞謂能靖干戈以玉帛也休哉
吳嘉猷

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Китай на пороге современности: синтез идей и традиций

Непрерывное развитие Китая сформировало уникальную по своим характеристикам китайскую цивилизацию. Ее достижения в сфере материальной и духовной культуры в решающей степени определили облик всей дальневосточной части мира. Влияние Китая на соседей в значительной мере обусловливалось преемственностью в его развитии, что позволяло накапливать и совершенствовать методы управления и принципы социальной организации, становившиеся все более совершенными и эффективными и в этом качестве выступавшими примером для подражания и заимствования. К XVIII в. Китай доминировал в Восточном полушарии, а по объему производимой продукции намного опережал Западную Европу. Добившись признания своего превосходства соседями и потеряв практический интерес к дальнейшему развитию контактов с ними, Китай начал проводить изоляционистскую политику и отгородился не только от ближайших соседей, но и от современности, которая постепенно вызревала в других, более отдаленных регионах мира.

Эпоха Великих географических открытий, ставшая прологом современности, привела в соприкосновение различные культурные миры, оставив Китаю пассивную роль статиста в новом по характеру типе мировых отношений. Его доминированию в регионе был брошен вызов, силу и опасность которого Поднебесная сначала не осознала. Только прямое вооруженное вмешательство западных держав в середине XIX в. продемонстрировало уязвимость китайской цивилизации и одновременно глобальную взаимосвязь мира, в котором уже нельзя было укрыться за Великой Китайской стеной. В тот момент, когда человечество начало приобретать новый облик планетарного единства, Китай почти утратил способность к заимствованиям и адаптации к меняющимся внешним условиям.

Вхождение мира в современность, характеризующуюся ускорением темпов исторического развития и усиливающимся взаимодействием стран и регионов, сопровождалось обострением социальных, социально-политических и социокультурных противоречий внутри западного мира, выступавшего в качестве главного локомотива преобразований. Основной конфликт европейской цивилизации пролегал между традиционным укладом и новым, порожденным индустриальным развитием и сопутствующими ему изменениями в культуре и социальных отношениях, примирить которые со временем помогла цивилизационная целостность западного мира. Для остальных стран, вовлекаемых Европой в современную социально-экономическую матрицу, процесс трансформации проходил более сложно. (Давление внешней среды дополнялось обострявшимися социальными конфликтами, не имевшими для своего преодоления инструментов в национальной традиции.) Общественные и государственные институты оказались перед угрозой уничтожения со стороны западных государств. Превосходство духовной традиции, лежавшее в основе китайской цивилизации, потеряло свою актуальность и ценность, перестало приниматься в расчет и участвовать в практической борьбе с внешней агрессией. Других внутренних ресурсов для противостояния техническому превосходству Запада, положенному им в основу глобальной социокультурной матрицы, у империи не было. Несмотря на кризисное положение, для китайской цивилизации выход был неочевиден.

Этические принципы социальной регуляции конфуцианства исключали социальную агрессивность, так же как и буддийское отношение к природе в совокупности с принципом *у вэй* (недеяние) и цикличностью времени даосизма давали универсальную, гармоничную модель бытия. Органическая близость и отсутствие конфликтов между ними обусловили особый принцип построения китайской цивилизации — принцип дополнительности. Эти три начала в Китае создали закрытое, самодостаточное сообщество, инертное не только внутри себя (и поэтому гармоничное), но и в отношении внешнего мира (и поэтому изоляционистское). Организация вооруженного сопротивления как смысл существования империи была неорганична и чужда цинско-

му Китаю, что и объясняло его поражения и неэффективную систему противодействия внешней экспансии в течение всего XIX века и начала XX в.

Инерцию культурной среды, усиливавшуюся по мере нарастания темпов изменений, было непросто преодолеть. Этому способствовало и другое обстоятельство. Чувство превосходства собственной культурной и государственной традиции, присущее в то время всей правящей элите Китая, препятствовало началу радикальных реформ. Для маньчжурской династии, не имевшей прочной поддержки у ханьского большинства, любые глубокие изменения государственного аппарата и механизма управления были чреваты потерей власти. (Это, отчасти, объясняет, почему реформаторские идеи выдвигались исключительно ханьскими чиновниками.) Но «департаменты заморских дел» и политика «самоусиления», инициированные государственными чиновниками в середине XIX в., не привели к успеху. Главной причиной этого была инерция сознания, конформистский менталитет империи. К западному опыту материально-технического развития и его достижениям государственные мужи относились высокомерно, с пренебрежением, как к вещи, которую можно заимствовать буквально, не прилагая внутренних усилий. Но порожденные Западом пушки и пароходы отказывались служить в неумелых руках.

Китай между тем стремительно терял суверенитет, превращаясь в полуколониальную державу, экономически и финансово зависимую от Запада. Нараставший общественный протест приобрел форму национального — против правления маньчжуров. Восстание тайпинов, принявших христианские символы для борьбы с цинской династией, продемонстрировало, что западные идеи могут стать по-настоящему участником внутренних социально-политических процессов в Китае. Несмотря на поражение, восстание серьезно ослабило центральную власть и привело к усилению регионализма, продолжившего коррозию государственности. Привлечение западных идей для внутрикитайского политического противостояния заставило и императорскую власть более внимательно отнестись к их использованию для защиты государственности. Идеи ограничения императорской власти и оформления общественной консолидации на политической основе сделали популярной западную идею конституционной монархии, которую принял и императорский двор. (Внутренний конфликт еще больше ослабил китайскую цивилизацию перед лицом внешней агрессии. В общественно-политическом процессе появились три силы: старая государственность, включая официальную политическую культуру — конфуцианство, традиционная китайская культура, представленная народными верованиями и открытая для проникновения западных идей, в которых она надеялась найти средства самоусиления для борьбы с маньчжурской династией, и, наконец, западная культура, разрушавшая целостность цивилизации и обладавшая определенной притягательной силой. При этом активной стороной выступали две последние силы, удерживавшие инициативу.)

Протест против западных держав и маньчжурской династии, неспособной дать отпор иностранному проникновению, ширился в китайском обществе. Постепенно во главе его встали рожденные новыми сферами деятельности слои, которые не были строго связаны обязательствами с государством и поэтому более рационально и критично относились к действовавшим государственным институтам. Но и для этих слоев поддержание собственной культурной традиции оставалось важнейшей задачей. Побудительным мотивом их деятельности было сохранение своего культурного мира от разрушения внешними силами, а не его преобразование коренным образом. (В желании сохранить свою идентичность лежала традиция превосходства китайской духовной культуры. Длительность традиции была тождественна духовному превосходству.) В первом письме императору Сунь Ят-сен (1892), призывая к реформам, предупреждал, что если император не решится на них, то сторонникам реформ самим придется заняться спасением страны. Смирившись с тем, что необходимые заимствования будут вытеснять или существенным образом трансформировать действовавшие институты, новые социальные силы были готовы к серьезным изменениям, которые попытались представить в своих общественно-политических взглядах. Наиболее очевидным их оппонентом стала маньчжурская династия, принявшая на себя основной поток упреков и критики за отжившую модель управления и прогнивший политический режим. Но главный вопрос, вставший перед всеми революционерами и реформатора-

ми, — с чем из прежнего опыта следовало расстаться, а что необходимо сохранить — не был ими решен. Отсутствие конструктивной программы развития сдерживало их общественно-политическую активность и рост влияния в обществе, а значит, и отдаляло перспективу решения конфликта с властью и ставило его в зависимость от благоприятного стечения обстоятельств, ослаблявших действующий режим. Преодолеть этот изъян можно было с помощью западных общественно-политических теорий, имевших в своем арсенале несколько готовых вариантов общественного развития, устраивавших как власть, так и оппозицию. Таким образом, Запад был интегрирован в национальный политический контекст и с тех пор оказывал определяющее влияние на выбор нового социального проекта.

Противоречия традиционного и современного внутри Китая постоянно усугублялись конфликтом между Востоком и Западом, объективно способствовавшим консолидации китайского общества. Однако преодолеть коллизию между критикой режима и национальной консолидацией перед лицом внешней угрозы также было не просто. Необходимо было создать такие условия, которые позволили бы подготовить предпосылки для синтеза двух культурных миров, сочетавшего преемственность традиции и реформы цинского режима (аппарата управления). В этом контексте устранение маньчжурского господства воспринималось одновременно и реформой социального устройства. (Активной стороной в этом процессе выступал Запад, предлагавший сразу несколько рецептов от отсталости и немощности.)

Из всего массива западных общественно-политических школ и идейных течений предпочтительнее для китайских интеллектуалов выглядели те, которые имели аналогии в их истории и культуре. Идеи уравнительной справедливости, близкие к традиционным китайским этическим учениям, обусловили повышенное внимание к христианству. Однако само христианство в чистом виде не могло пустить глубокие корни на китайской почве, испытывая острую конкуренцию со стороны традиционных религиозно-философских учений, составлявших культурную национальную матрицу. Главным препятствием для укоренения на китайской почве христианства был его религиозный характер, вторгавшийся в сферу традиционных религиозно-философских учений, вступавших с ним в конкуренцию, и разрушавший традиционную культурную матрицу. В то же время оно было почти идеальной средой, в которой по-китайски образованный человек мог воспринять западный опыт и через него приблизиться к Западу. Издаваемые христианскими миссиями газеты и журналы первыми познакомили китайскую общественность с социальной реальностью Запада, западными социалистическими учениями и событиями политической борьбы в конце XIX в. Христианином был и Сунь Ят-сен.

Внимание к социалистическим идеям было обусловлено не только их уравнительным характером и западным происхождением, дававшим надежду на приобщение к могущественному Западу, но и агрессивной колониальной политикой европейского антагониста социализма — империалистических держав и либеральными европейскими ценностями.

Смерть императрицы Цы-си и назначение при малолетнем императоре регентов окончательно подточили легитимность цинской династии. Готовность наиболее активной части населения провести социальные преобразования и совершенная при ее непосредственном участии Синьхайская революция 1911 г. достигли только одного — был решен вопрос, по которому существовал консенсус в обществе, — низложена цинская династия. После того как потенциал наиболее зрелого конфликта был исчерпан, традиционная культура попыталась взять реванш и восстановить имперскую традицию управления в период правления Юань Ши-кая. Территориальная раздробленность, принявшая форму военного регионализма, и нараставшие центробежные тенденции помешали воплощению этого плана. Одновременно традиция показала, что ее рефлексы по-прежнему сильны и в качестве модели общественного и государственного управления ей нет политически обоснованной альтернативы.

Новая волна требований общественного переустройства, приглушившая внутренние конфликты, была вызвана унизительными для Китая итогами Первой мировой войны, в результате которой его международный статус как второразрядной державы не только не изменился, но и получил фактическое подтверждение на Парижской мирной конференции. К этому моменту общественно-политическим силам в стране стало окончательно ясно, что импульс Синьхайской ре-

волюции погас, не обеспечив необходимых социально-политических преобразований. Альтернатива развития, существовавшая в виде двух правительств — консервативного, милитаристского на Севере и революционного на Юге, вновь сделала внутриполитическую борьбу главной, поскольку от ее исхода зависела судьба Китая и его положение в мире.

Спад революционного движения заставил Сунь Ят-сена пересмотреть свои взгляды, придать им бóльшую теоретическую завершенность и политическую актуальность. К окончанию Первой мировой войны Сунь Ят-сен опубликовал фундаментальную работу «Программа строительства государства», состоящую из разделов: «Социальное строительство (Первые шаги народовластия)» (1917), «Духовное строительство (Учение Сунь Вэня)» (1918) и «Материальное строительство (Промышленный план)» (1919). В них он сформулировал цели революционного движения, которые не были достигнуты в ходе Синьхайской революции, и, главное, в методы преобразования включил не столько разрушение старого, сколько создание нового. Для решения этих задач Сунь Ят-сен задался целью реорганизовать ГМД, придав ему характер революционной политической организации. Вместе с тем он не оставлял надежд и на помощь внешнего мира. Попытки Сунь Ят-сена заручиться поддержкой западных держав в индустриализации Китая завершились безрезультатно. Россия такую помощь предоставить не могла, но она обладала другим ресурсом — опытом успешного противостояния империалистическому давлению и методологией создания новой государственности. У Китая практически не было выбора — единственным доступным внешним ресурсом был опыт Советской России, к которому и обратился Сунь Ят-сен. В выборе между социализмом, победившим к тому времени в России, и империализмом симпатии китайских интеллектуалов и политиков были на стороне первого. Интерес к поискам внешних союзников был и у Советской России, стремившейся выйти из международной изоляции и найти поддержку в продолжении мировой революции. Деятельность миссий ВКП(б) и Коминтерна способствовала образованию из наиболее радикально настроенных представителей интеллигенции КПК, ориентированной на максимально полное восприятие и практическое воплощение коммунистической теории.

С самого начала отношение к опыту большевистской России отличалось у ГМД и КПК, последняя из которых рассчитывала проложить путь к власти через более масштабные заимствования западных идейных и теоретических конструкций. Гоминьдану же необходимо было овладеть алгоритмом практического построения сильного независимого государства, не полагаясь на помощь извне. Сугубо утилитарная цель сама по себе ограничивала меру заимствований, а напряженная политическая ситуация не позволяла провести детальный анализ советского опыта — правящей партии нужны были быстрые и осязаемые результаты. Обусловленный этим выборочный характер заимствований вел к технологизации политического процесса, отсутствию целостности и системности в политике Гоминьдана, крепких внутрипартийных связей, что в долгосрочной перспективе неизбежно выливалось во фрагментарность и слабость созданной политической конструкции. Левая интеллигенция готова была идти дальше, чем уже завоевавший власть на юге страны ГМД.

Остановившись на одном из ориентиров — социалистическом, китайские коммунисты могли в силу сложившихся обстоятельств глубже проникнуть в сущность социально-экономических процессов и закономерностей политического развития Запада. Теоретический характер выработанной марксизмом общественно-политической системы (доктрины) позволял ей быть легко воспринятой и давал КПК возможность сразу же стать частью мирового интеллектуального течения и включиться в процесс развития теории. Главное — китайские коммунисты получили представление о том, как развивается Запад, что вообще возможен другой механизм общественного развития, каков фундамент под законами массовой политической борьбы, которой Китай не знал в силу клановых, патриархальных закономерностей функционирования традиционного общества.

Несмотря на то что в Китае отсутствовали в развитом виде классовые противоречия, а социальная структура существенно отличалась от европейской, китайские марксисты стали искать местный материал и ресурсы для использования в этих схемах и в конце концов нашли их в крестьянстве — наиболее массовом классе китайского общества. С особой, уникальной ролью кре-

стьянства были связаны изменения, внесенные Мао Цзэ-дуном в марксистские построения. Эти коррективы появились по необходимости, для получения конкретного практического результата в процессе политической борьбы. Такой механизм социокультурной и социально-политической адаптации, в сущности, был опробован уже большевиками, внесшими в марксистское учение идею об авангардной партии, способной компенсировать отсутствие классовой зрелости пролетариата. Такая партия, как доказывал Мао Цзэ-дун, могла возглавить не только пролетариат, но и другой массовый класс — крестьянство.

Главным для политической истории Китая стал вопрос, какая из общественных сил окажется в русле магистрального течения истории. Для успеха каждой из них нужно было определить допустимые границы сохранения традиций и привлечения заимствований. Пропорции политического радикализма и традиций были непостоянны, подвержены политической конъюнктуре и влиянию внешних факторов, по-прежнему определявших важнейшие внутриполитические задачи. Главным в господствовавших в стране настроениях было энергичное движение в сторону самоусиления и современности, проявлявшееся на уровне массового сознания в радикализме политических лозунгов. И КПК, и ГМД вписывались в это русло, но свой курс они пролагали вдоль разных берегов.

С середины XIX в. в качестве самостоятельного участника общественно-политических процессов выступала армия, игравшая особую роль в модернизации Китая. Являясь важнейшим институтом государства, она была мобилизована на его защиту и для выполнения этой задачи оперативно и результативно заимствовала передовые (западные) достижения в области вооружений и военной техники. Став первым модернизированным институтом государства, армия даже после его фактического распада оставалась наиболее последовательным защитником государственных традиций. Утверждение новых политических сил было обречено проходить в конфронтации с армейскими группировками, разделившими страну на сферы влияния, или в поиске взаимоприемлемых форм сосуществования. Развитие военной ситуации не только стало одной из основных особенностей китайской революции, но и сама армия вследствие этого превратилась в ведущий фактор политического процесса в Китае.

Создав в начале 20-х годов XX в. собственную революционную армию, ГМД укрепил положение в качестве ведущей политической силы, что позволило ему претендовать на политическое лидерство в стране. Оформление новой государственности представлялось делом времени, и к 30-м годам XX в. начался республиканский период развития Китая, сопровождавшийся целым рядом социально-политических и общественно-экономических реформ.

Победа над основными оппонентами внутри страны предоставила ГМД возможность сосредоточиться на практическом воплощении своих программ социального и государственного строительства. Ведущую роль в этом процессе сыграла «Программа политической опеки», обосновывавшая постепенное продвижение Китая к конституционной форме правления.

Вместе с тем в процессе преобразований ГМД был допущен ряд серьезных ошибок и просчетов. Основная ошибка заключалась в утрате чувства реальности, вызванной успешным продвижением в деле объединения Китая, в абсолютной уверенности в своей исторической правоте, прочности своей власти при отсутствии серьезных социально-экономических результатов и на этом фоне росте коррупции, пренебрежении этическими нормами. В традиционном, социально инертном обществе успех политической борьбы зависел не только от политического динамизма партий, но и от поддержки населения, следовавшего неизменным нравственным нормам и ценностям, а также чутко реагировавшего на социально-экономическое положение. Другим серьезным просчетом стал постепенный, подталкиваемый обстоятельствами, дрейф к политической традиции императорского Китая. С целью укрепления своей власти ГМД обратился к конфуцианским традициям почитания власти и старших, начав в 1934 г. «движение за новую жизнь». На этом фоне реальное положение дел в стране и во власти вступило в явное противоречие с традиционными нравственными нормами. Образовавшийся разрыв невозможно было преодолеть.

В таких условиях КПК оказалась в более выгодном положении. Не являясь правящей партией, она не несла прямой ответственности за экономическое положение в стране и была вынуждена чутко следить за балансом политических лозунгов и нравственных норм, поддерживая собствен-

ный благоприятный образ у населения. В результате ее революционный радикализм постепенно уступил место сдержанной программе преобразований. После выработки компартией теории «новой демократии» решающим фактором соперничества стали точные политические действия, соответствующие массовому представлению (общепринятому стандарту) о нравственной политической силе и государственной власти. Все эти факторы предопределили победу КПК в 1949 г.

Успех КПК объяснялся близостью ее политических лозунгов интересам большинства населения, большей дисциплинированностью и организованностью, которые проложили ей путь к власти.

В выработке стратегии государственного строительства в 1950-е годы прослеживаются две тенденции. Первая была воплощена на Тайване ГМД, который отказался от экономического и политического радикализма, провел собственную реорганизацию и постепенно нашел пропорции в синтезе жесткой дисциплины (социально-экономической, политической и т.д.) и традиционной культуры в форме конфуцианского капитализма. Найденные формы сочетания национальных традиций и современности соответствовали масштабам одной провинции, которая не могла ставить перед собой высокие, цивилизационные цели.

Социальный проект континентальной части Китая — КНР должен был отвечать самым высоким мировым требованиям, предъявляемым к цивилизациям. Эксперименты с радикализмом (политическим, экономическим и т.д.), превзошедшие все, что было в советском опыте, отвечали выполнению этой задачи. Динамизм современности притягивал сильнее благоразумия традиций. Ориентацию на массы и традицию, поддержка которых помогла прийти к власти в 1949 г., нужно было преобразовать особым образом, освободив пространство для ускоренного движения к современности. Все социальные эксперименты 1950–1960-х годов велись в области синтеза революционного радикализма и традиционных ценностей, воплощенных в социалистических лозунгах. В «культурную революцию» крен был окончательно сделан на радикальное переустройство общества, на уничтожение традиций культуры и ее главного носителя — интеллигенции. Главной силой этого «движения» был наиболее свободный от нравственных норм и ограничений традиционного общества социальный слой — молодежь, выросшая в период массовых общественных кампаний после образования КНР. Разрушив существовавший политический механизм, «культурная революция» поставила страну на край гибели. Инерция традиции была разрушена, но вместе с ней ушла и стабильность, что создало непосредственную угрозу власти. Единственной доминантой политического пространства, консолидировавшей общество, остался культ вождя, воплотивший наиболее значимые и фундаментальные традиции китайской политической культуры. Явившись прямым политическим следствием новой, заимствованной социалистической идентичности, «культурная революция» расшатала основы государственности и одновременно создала предпосылки для объективного анализа социалистических идей и критического подхода к их воплощению.

Верховенство вождя стало полным и ничем не ограниченным, что привело к воссозданию свойственных императорскому Китаю неординарных органов управления (Группа по делам «культурной революции»), сменивших формальные органы — ПБ, ЦК, пленум, съезд. Воссоздание традиционных структур стало свидетельством не столько непосредственного влияния традиций, сколько универсальной эффективности традиционных социально-политических структур для управления китайским обществом.

В определенном смысле ситуация вернулась к исходной точке — отставание от ведущих стран мира, послужившее стимулом к реформам в середине XIX в., не было преодолено, а созданная система управления способна была лишь контролировать ситуацию, удерживая общество от дезинтеграции, но так и не сумев направить его энергию в конструктивное русло.

Появление в 1964 г. у КНР ядерного оружия сделало ее полноценным и влиятельным субъектом мировой политики, что было признано в начале 1970-х годов, когда она заняла место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Этот эффект усиливался тем, что в результате появления двухполюсного мира все страны стали восприниматься в качестве потенциальных союзников и, следовательно, объектов соперничества. Международное положение Китая стало качественно

Политическая культура новейшего времени

иным, чем 100 лет назад, когда он превратился в объект империалистической экспансии. Задача выживания и сохранения права на собственную идентичность была решена, хотя характер самой идентичности был еще неясен, ее еще только предстояло определить.

Другим важным изменением, легшим в фундамент новой реальности, стало более трезвое отношение к превосходству Запада. Ощущение восстановленной субъектности на международной арене прибавило сил и вдохновения, одновременно оформившись в попытки лидерства в третьем мире. Переболев социализмом, понимаемым как алгоритм политических и социально-экономических преобразований традиционного аграрного общества, руководство КНР стало предельно прагматично относиться к Западу вообще, в том числе к коммунистической идеологии. Пропорции и характер отношений между традициями и современностью, Востоком и Западом, социализмом и капитализмом изменились, создав предпосылки для самостоятельного творчества на основе уже полученных знаний и приобретенных навыков заимствований и адаптации. Идеологическая свобода, позволявшая ориентироваться исключительно на конкретные результаты, стала основой политического курса нового руководства после смерти Мао Цзэ-дуна. Его главной целью стало создание жизнеспособной общественной системы. В отличие от Мао Цзэ-дуна, положившего в основу нового государства западные идеи, которые были шагом к современности, но дестабилизировали общество, новое руководство в большей степени было обеспокоено поиском системных факторов стабильности. Необходимо было найти не только форму, но и механизмы синтеза национального и социалистического, традиционного и современного.

Последним фундаментальным приобретением КНР стала значительная масса политически и экономически активного населения, готового к восприятию новых лозунгов и ценностей. Инерция социальной среды, служившая главным препятствием социальных реформ, была преодолена чередой социально-экономических преобразований и общественно-политических кампаний, открылось пространство для творчества, формулирования и созидания на практике нового социального проекта.

Низложение ореола святости с социалистических ценностей позволило иначе взглянуть на собственную традицию. Началось последовательное возвращение к национальным истокам. В конце 1970-х годов архитектор китайских реформ Дэн Сяо-пин обозначил два перспективных направления развития — рыночные реформы и открытость, которые прежде были заблокированы принципами коммунистической идеологии, и традиционные национальные ценности — общество *сяо кан* — «малого благоденствия» Эти два лозунга стали новой формулой социализма, определявшей полосу поиска. Найдя на рубеже 1980-х годов этому понятию формулировку «социализм с китайской спецификой», компартия придала ему значение важнейшей стратегической цели. Дэн Сяо-пин задал новые параметры синтеза современного и традиционного, западного и восточного, в котором «социализм с китайской спецификой» стал формулой нового пути развития. При этом все существенное вкладывалось в понятие «китайской специфики», включающей не только национальные особенности, но и противоречащие классическому марксизму рыночные отношения. Понятие «социализм» осталось символом легитимного вхождения в современность.

Спавшее напряжение в отношениях с внешним миром и решение главной со времен «опиумных войн» задачи по сохранению независимости отвели непосредственную угрозу китайской цивилизации. Одновременно соперничество с внешним миром перешло из военной и идеологической в экономическую плоскость. Повышение эффективности национальной экономики стало главной задачей КПК.

В результате экспериментов в области собственности, принципов управления и распределения постепенно был найден экономический механизм, сочетающий рыночное регулирование и сохранение за государством ведущей роли в важнейших сферах экономики, позволяющий государству концентрировать ресурсы, накапливаемые рыночным механизмом, на важнейших направлениях материально-технического прогресса. Эта экономическая формула, сочетающая противоположные в европейском понимании механизмы, оказалась не просто жизнеспособной, но и высокоэффективной. Однако в ходе реформ возник целый ряд проблем, вызванных укоре-

нением на большом пространстве элементов современности (новых экономических отношений и классов), которые предприняли попытку занять ведущее положение в обществе.

В ходе распространения современных, обусловленных рынком общественно-экономических укладов стали множиться нарушения нравственных норм в связи с тем, что сохранившиеся родственные и земляческие отношения стали находить ниши в рыночных отношениях. Экономические реалии предполагали собственный, прозрачный механизм регулирования, но традиции, сумев прижиться в новой среде, препятствовали их утверждению. У молодежи, остававшейся наиболее динамичной частью общества, нарушение нравственных принципов, диктовавшихся новыми реалиями, вызвало протест. Она попыталась утвердить свойственные рыночным отношениям принципы равенства ценой традиционных представлений о справедливости. Конфликт ценностей, вызванный двумя механизмами функционирования общества, привел к росту социальной напряженности и политическому взрыву в конце 1980-х годов. Преодолеть его позволили только энергичные действия государства, опиравшегося на революционные принципы мобилизационности, решительно прекратившего политические дискуссии и силой защитившего свою власть. В начале 1990-х КПК приняла решение создать такую общественно-политическую систему, которая бы отвечала складывающимся экономическим реалиям, что в целом полностью соответствовало экономическому детерминизму марксизма. Программа политических преобразований была намечена еще XIII съездом КПК (1987).

Руководство компартии пришло к выводу о необходимости активно использовать традиционные лозунги управления государством с помощью добродетели (нравственности) (*и дэ чжи го*), вновь ставшего важнейшей частью государственного строительства. Вслед за этим надо было не просто повышать роль законности, а сделать законом механизм воспроизводства власти.

Такой механизм был найден в результате сочетания преемственности с соответствием современности через выдвижение новых лозунгов/целей, своеобразных девизов правления, — «социализм с китайской спецификой», «идея трех представительств» и т.д. Таким образом, легитимность стала обеспечиваться не только традицией через преемственность, но и современностью — через соответствие времени и текущим задачам. В результате появился вполне жизнеспособный механизм управления, типологически близкий к традиционному, не предусматривавший участие населения в политическом процессе.

В результате комплексной модернизации Китай вернул себе чувство цивилизационной полноценности и оптимизма. В конце концов в КНР были найдены формулы, примирявшие социалистические принципы с прагматическими целями в рамках национальной специфики, что и обеспечило стабильность складывающегося общественного строя. Создание эффективного экономического механизма и повышение совокупной мощи государства позволили решать задачи национального спасения, поставив в национальную повестку дня задачу обеспечения механизма воспроизводства власти и культуры. В процессе этого поиска выяснилось, что традиционный механизм вполне подходит для достижения этой цели.

***** *Цзянь Цзэ-мин.* Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй (Всесторонне вести строительства общества *сяо кан*). Пекин, 2002; *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения: В 4 т. М., 1952–1953; Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. М., 1961. *Дэн Сяо-пин.* Избранные произведения. Пекин, 1985; *Сунь Ят-сен.* Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985; *Ли Да-чжао* Избранные произведения. М., 1989. ****** *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности. М., 2005; *Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999; *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; *он же.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007; *он же.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.

А.В. Виноградов

Распространение западных социальных наук

Интенсивное проникновение со второй половины XIX в. в Китай западных держав привело к его зависимости от них и деформации основ традиционного уклада жизни, положив начало развитию промышленности, формированию новых экономических классов и реформе государственных институтов. Выразившееся в военной технике и промышленном производстве превосходство социальной организации Запада над традиционным Китаем предопределило то, что после периода «самоусиления», проводившегося цинскими чиновниками, поиск оптимальной формы общественного устройства интеллектуальная элита стала связывать с европейскими идейно-политическими концепциями. Поначалу они воспринимались как некое недифференцированное, синкретическое учение — китайские обществоведы с трудом проводили границы между течениями и направлениями западной мысли, плохо ориентировались в непривычной терминологии, для перевода которой еще не было устойчивых эквивалентов. Так, в начале XX столетия, находившиеся в Японии идеологи реформаторского движения в Китае Кан Ю-вэй (1858–1927) и Лян Ци-чао (1872–1923) для перевода на китайский язык понятия «социализм» употребляли выражения *жэньцюнь чжи шо*, *жэньцюньчжуи*, *шэхуйчжуи* (учение о человеческом обществе), использовались также *янминь-сюэ* (учение о заботе о народе), транскрипция *суцзеалисы* и др. Даже в 20-е годы далеко не для всех представителей китайской интеллигенции было очевидно различие между социологией (*шэхуй сюэ*) и социализмом (*шэхуйчжуи*): в 1925 г. профессор Яньцзиньского университета Сюй Жэнь-лянь вынужден был растолковывать разницу между этими понятиями в специальной статье, опубликованной в журнале «Шэхуй-сюэ» (№ 4, vol. 2).

Процесс освоения западных идей был существенно затруднен глубокими различиями европейской и китайской интеллектуальными традициями. Попытки ввести в китайский категориальный аппарат новые понятия путем транскрипции (*суцзеалисы* — социализм, *канмини жэнь* — коммунист, *демогалэ* — демократия) окончились безрезультатно — образное китайское мышление не воспринимало такого рода абстракции. Медиатором между двумя культурами стала Япония, пользовавшаяся китайским иероглифическим письмом и при этом быстрее и успешнее других соседей Китая овладевавшая достижениями западной цивилизации. Из японского языка были заимствованы лексические эквиваленты основных понятий европейской науки, а современная общественно-политическая мысль Японии стала для китайских интеллектуалов важной коммуникативной средой, в которой происходило овладевание западными теоретическими конструкциями. Из японского языка были заимствованы и многие лексические формы основных категорий западной общественной теории («свобода», «равенство», «собственность», «социализм», «коммунизм», «революция», «партия» и др.). При этом сами эти понятия часто были более ранними японскими заимствованиями из китайского языка и затрагивали соответствующие более глубокие пласты традиционной культуры. Восприятие западных учений, таким образом, было близко к реинтерпретации традиционных китайских — буддизма, даосизма и конфуцианства.

С самого начала заимствованные понятия становились не эквивалентами иностранной политической реальности, а образными ассоциациями, понятными большинству населения и политиков Китая и связанными с его историей. Например, понятие *дан* [*2*] (партия) означало клан, дворцовую группировку выходцев из одной местности. Политическая реальность того времени действительно была довольно близка к основному смыслу этого понятия — первые китайские партии строились по клановым или земляческим принципам, что объяснялось характерными особенностями революционного движения, формировавшегося преимущественно на юге страны, в пров. Гуандун, и среди китайцев, обучавшихся за рубежом.

В условиях, когда научно обоснованное усвоение положений западной мысли было невозможно, главным фактором влиятельности западных идей становилась их близость к традиционным китайским воззрениям. Либеральные взгляды и теории, в основе которых лежали ценности западной цивилизации — личность, права человека и т.д., вызывали отторжение у большинства китайских интеллектуалов как абсолютно несовместимые с традиционными взглядами и представлениями, а часто были им просто непонятны. Желание, как и у тайпинов, найти на Западе своего естественного союзника в борьбе за национальное освобождение обусловило интерес

Распространение западных социальных наук

к распространенным в Европе социалистическим учениям, подвергавшим жесткой критике империалистическую политику и близким к традиционным этическим концепциям. Характерно, что в конце XIX в. главным источником сведений о социалистических идеях на Западе были издаваемые христианскими миссиями газеты и журналы, публиковавшие материалы о социалистических партиях, о борьбе за восьмичасовой рабочий день, о Международном дне 1 мая и др. В результате социалистические идеи ложились уже на частично адаптированную к западным концепциям социальную почву.

Первым из китайских мыслителей имя К. Маркса упомянул Лян Ци-чао, излагая в 1902 г. взгляды английского социолога Б. Кидда. Он же с 18-го номера газеты «Синь минь цунбао» (15 сентября 1902 г.) стал употреблять введенное японцами понятие, которое в китайском прочтении звучало как *шэхуйчжуи*. Этот термин закрепился в качестве китайского аналога слова «социализм». В 1902–1903 гг. на китайский язык были переведены книги японских авторов Мураи Томоёси («Социализм»), Симада Сабуро («Обзор социалистических учений»), Фукуи Дзюдзо («Современный социализм») и др. В 1903 г. появилась статья Лян Ци-чао «Китайский социализм» («Чжунго чжи шэхуйчжуи»), в которой он предпринял попытку дать собственную характеристику учению Маркса. В 1906 г. во втором номере издававшейся Сунь Ят-сеном в Японии газеты «Миньбао» появилась статья Чжу Чжи-синя «Очерк о немецких социалистах-революционерах», в которой содержался отрывок из «Манифеста Коммунистической партии». В последующие годы в различных изданиях были опубликованы предисловие к английскому изданию «Манифеста» («Тяньибао», 1908), отрывки из «Капитала» К. Маркса и «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса (журнал «Синь шицзе», 1912), другие переводы марксистской классики.

Интерес в Китае к европейским социалистическим учениям был обусловлен близостью их идеала гармоничного общественного устройства к традиционным китайским этико-политическим концепциям, которые хорошо знало большинство первых китайских интеллектуалов-реформаторов. Утверждение Лян Ци-чао в начале XX в. о том, что идея социализма традиционно близка китайцам, впоследствии в разных интерпретациях неоднократно повторялось, встречались даже утверждения, что идеи социализма и коммунизма зародились в Китае и просто вернулись в него. В результате такого характера знакомства понимание социализма значительно отличалось от оригинального. Европейские идеи социальной справедливости, вступив во взаимодействие с традициями китайской общины и патриотическими чувствами, вели к созданию идеологии нового типа, в которой тесно переплетались национальное и классовое, создавая условия для формирования особого взгляда на перспективы общественного развития. Но главное значение социализма для общественно-политической жизни состояло не в содержательных аспектах, а в символических. Социалистические идеи были частью доказавшей свое материальное превосходство западной цивилизации и давали надежду на овладение ее достижениями. Именно поэтому вклад в распространение сведений о социализме внесли многие общественные деятели и политики, в том числе Лян Ци-чао, идеологи партии Гоминьдан Дай Цзи-тао (1890–1949) и Сунь Ят-сен, который в первой четверти XX в. считался в Китае лучшим знатоком социалистических учений.

Неразвитость классовой структуры и капиталистических отношений обусловили отсутствие в Китае органических условий для формирования социалистической теории, предопределив на начальном этапе увлечение схематичными концепциями социализма. Взгляды его сторонников, сложившиеся на основе западных работ, страдали непоследовательностью и эклектичностью. Наиболее доступным для восприятия оказался анархизм. Популярность анархизма объяснялась тем, что, являясь частью социалистической мысли, он не принадлежал строго европейскому дискурсу, а воплощал протест против азиатской деспотии и проповедовал близкие не отягощенной острыми классовыми конфликтами китайской культуре идеи взаимопомощи, гармонии человеческого общества, человека и природы. Именно поэтому П. Кропоткин и А. Бакунин длительное время считались авторами наиболее совершенных коммунистических теорий, а анархизм стал первым в Китае западным учением, которое нашло последователей.

В результате просветительской и пропагандистской деятельности анархистов были переведены на китайский язык работы социалистов-утопистов А. Сен-Симона, Ш. Фурье и др., познако-

мившие общественность с основной проблематикой западного общесоциологического и социалистического дискурса, в том числе с понятием и критериями исторического прогресса, классовыми противоречиями, проблемами частной и общественной собственности, разделения умственного и физического труда и т.п. Журнал анархистов «Лаодун» («Труд») первым в марте 1918 г. опубликовал биографию В. Ленина. Анархизм оказал сильное влияние на взгляды Сунь Ят-сена, Ли Да-чжао, Мао Цзэ-дуна. Однако, будучи привлекательным в качестве этической концепции и близким к традиционным народным утопиям, анархизм не имел алгоритма практического применения — четкой политической программы и был не в состоянии ответить на главный вопрос, беспокоивший китайскую элиту: как спасти страну?

Первая мировая война, ускорив развитие капиталистических отношений, создала благоприятные условия для распространения марксизма. Заметно выросла численность лиц наемного труда, в том числе промышленных рабочих, развивались промышленность и транспорт, накануне войны выросли капиталовложения иностранных держав и финансовая задолженность им китайского правительства, что усилило экономическую и финансовую зависимость Китая от иностранного капитала в 1914–1918 гг. Социалистические идеи в этот момент распространялись в Китае одновременно с формированием национального самосознания и борьбой за восстановление суверенитета и служили одной общей цели — поиску идеологии спасения страны. При этом по сравнению с национализмом политики «самоусиления», стремившейся сохранить традиционное общество, национализм 1910–1920-х годов уже готов был отказаться от традиций, чему в значительной степени способствовало распространение социалистических идей. Это взаимодействие и взаимовлияние национализма и социалистических идей наложило глубокий отпечаток на всю последующую историю западных общественных и политических учений в Китае.

Унизительные для национального достоинства китайцев положения Версальского мирного договора послужили стимулом для возникновения «движения 4 мая» 1919 г., объединившего широкий круг интеллектуалов с различными политическими взглядами. Подвергнув жесткой критике конфуцианство, на которое была возложена ответственность за поражения и беды Китая, движение расчистило место для новых идеологических доктрин, дав толчок возникновению новых дискуссий. Большое воздействие на состояние общественного сознания оказала Октябрьская революция 1917 г., указавшая альтернативный капиталистическому путь развития и национального возрождения. Особенно привлекательным в глазах китайцев стал отказ Советского правительства от контрибуций, прав и привилегий царского правительства в Китае. Первая мировая война и Октябрьская революция обнажили в западной цивилизации трещину, которая не осталась незамеченной. Движение к Европе оставалось категорическим императивом, но какой путь избрать, к какой из сторон в расколовшейся Европе примкнуть, чтобы избежать острых социальных конфликтов и сохранить национальное достоинство, в начале XX в. для большинства политиков и идеологов в Китае было не ясно. Сторонники либеральных реформ — Ху Ши и Цай Юань-пэй считали победу Антанты в Первой мировой войне победой буржуазного строя. Другая группа интеллигенции выбрала в качестве центрального другое международное событие — Октябрьскую революцию, отношение к которой в 1918–1919 гг. способствовало идейно-политическому размежеванию демократически настроенной интеллигенции. В той исторической обстановке Россия, свергшая самодержавие и противопоставившая себя империалистическим государствам, воспринималась страной, успешно решающей задачи, аналогичные стоящим и перед Китаем. В приветственной телеграмме Советскому правительству в мае 1918 г. Сунь Ят-сен писал, что «у русской и китайской революции одни и те же цели».

Продемонстрировав эффективный ответ западному капитализму, большевизм вселил уверенность в том, что победа революции возможна и в Китае. В отличие от других школ западной общественно-политической мысли он мог стать инструментом политической борьбы не только с царским абсолютизмом и феодальными пережитками, в которых китайцы легко усматривали собственную действительность, но и с империализмом, который им навязывал Запад. Образцом государственного строительства Сунь Ят-сен стал считать Советскую Россию.

Распространение западных социальных наук

Параллельно развивался другой процесс. Сначала концепция «мировой революции», а затем поиск внешнеполитических союзников привлекли к Китаю внимание Советской России, расчитывавшей использовать революционный потенциал китайского общества в глобальном противостоянии с империализмом. Миссии военных и политических советников к китайским революционерам увенчались успехом. В сфере их влияния оказались и Сунь Ят-сен, и радикально настроенные интеллектуалы, у которых к тому времени уже сформировались симпатии к социализму. В сущности, пример Советской России переориентировал Сунь Ят-сена и ГМД с абстрактных и несовершенных схем общественного переустройства на изучение и использование советского опыта партийного и военного строительства, создав предпосылки для подъема революционного движения и дальнейшего практического распространения марксизма.

Одновременно с нарастанием социально-политической активности в китайском обществе и под влиянием победы большевиков в России революционизировалась общественная мысль, которая накапливала потенциал социалистических идей и двигалась в сторону радикализма. Еще в период просветительского движения «за новую культуру» центром передовой общественной мысли стал Пекинский университет, ректор которого Цай Юань-пэй осенью 1916 г. собрал в нем Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао, Лу Синя, Ху Ши, Цянь Сюань-туна и других видных представителей демократически настроенной интеллигенции. Эта группа сторонников западных учений учредила несколько печатных изданий: журнал «Циннянь цзачжи» — «Молодежь» (переименован в «Синь циннянь» — «Новая молодежь») и еженедельную газету «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельный критический обзор»), выступавшие за буржуазно-демократические свободы, критиковавшие традиционную конфуцианскую идеологию и культуру Китая. В них наряду с пропагандой взглядов Д. Дьюи, Б. Рассела и других европейских и американских ученых и политических деятелей регулярно публиковались статьи о социалистическом движении на Западе, марксистской теории, Октябрьской революции и о положении рабочего класса в Китае. В 1919–1920 гг. были переведены и опубликованы «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса. Обучавшийся в Японии философ Чэнь Ван-дао завершил в 1919 г. первый перевод на китайский язык полного текста «Манифеста Коммунистической партии».

В ноябре 1918 г. при Пекинском университете был создан первый теоретический кружок по изучению марксизма, который возглавил Ли Да-чжао. В мае 1919 г. в журнале «Синь циннянь» им была опубликована статья «Мои марксистские взгляды», содержавшая первое целостное изложение марксистской теории на китайском языке. Однако в тот период на китайских марксистов еще продолжал оказывать серьезное влияние анархизм. В статье Ли Да-чжао «Классовая борьба и взаимопомощь» (июль 1919 г.) отчетливо прослеживаются попытки примирить учение о классовой борьбе К. Маркса с идеями взаимопомощи П.А. Кропоткина, а статья Мао Цзэдуна «Широкий союз народа» (июль–август 1919 г.) была целиком построена на его идеях.

В июле 1919 г. на волне студенческих выступлений и роста забастовочного движения в «Мэйчжоу пинлунь» Ху Ши опубликовал статью «Больше изучать проблемы, меньше говорить об „измах“», в которой призывал интеллигенцию сосредоточиться на изучении отдельных общественных явлений, а не искать их закономерные взаимосвязи. По его мнению, мысль о существовании единой основы общественной жизни представляет собой вредное заблуждение, корни которого уходят в привнесенные из-за рубежа идеи марксизма, применимые только к конкретной исторической и культурной среде. Критикуя марксистов за поиск революционных путей общественных преобразований, он отдавал предпочтение реформаторству. Ответом на эти обвинения стала статья Ли Да-чжао в «Мэйчжоу пинлунь» (август 1919 г.) — «Еще раз о конкретных проблемах и „измах“», в которой он настаивал на существовании строгих закономерностей общественной жизни, взаимосвязей между различными ее явлениями и утверждал, что марксистское учение, используемое пролетариатом других стран для борьбы с буржуазией, может быть с успехом применено в Китае для уничтожения феодальных порядков, борьбы с империализмом и колониализмом.

В конце 1920 г. Чжан Дун-сунь (1886–1973) и Лян Ци-чао соответственно в шанхайской газете «Шиши синьбао» и еженедельнике «Гайцзао» опубликовали статьи, в которых, признавая про-

грессивную роль социализма, указывали на отсутствие в Китае рабочего класса и делали вывод, что к идеям социализма страна еще не готова. На этом этапе, по их мнению, следовало развивать капиталистические отношения, а китайские социалисты, в свою очередь, должны были заниматься лишь вопросами просвещения, научными исследованиями, организацией кооперации и т.д., дожидаясь постепенного вызревания объективных условий для революционной деятельности. Чэнь Ду-сю, Ли Да (1890–1966), Ли Цзи и Ши Цунь-тун, оспаривая мнение о несвоевременности применения марксизма, напротив, утверждали, что именно капитализм является причиной отсталости Китая и бедности народа, а марксизм — наиболее эффективным средством борьбы с ним.

Дискуссии «о проблемах и „измах“» и о социализме стали первыми теоретическими спорами между китайскими сторонниками марксизма и их противниками. Признавая различия между Востоком и Западом, китайские марксисты обосновывали универсальность общественных законов, применимость марксизма для национальных и социальных проблем Китая, считая революцию единственно возможным путем их разрешения. Их главными идейными оппонентами выступали приверженцы либеральной вестернизации (Ху Ши — единственный из крупных интеллектуалов того периода получивший образование в США) и реформаторы-традиционалисты (Лян Ци-чао), доказывавшие неприменимость марксизма в тех условиях и неготовность страны к его восприятию.

Именно китайские сторонники марксизма предельно четко сформулировали задачу: как донести всеобщую истину до Китая? Однако, несмотря на огромное влияние марксистских схем, с самого начала марксизм не воспринимался китайскими интеллектуалами в качестве догмы и объекта поклонения. Уже в первых работах Ли Да-чжао, уделяя большое внимание конфуцианской этике, высказал ряд оригинальных идей о влиянии географических и природных условий на развитие общества, о важности изучения окружающей среды и национальной специфики и первым заложил традиции китаизации марксизма. Одновременно в зависимости от признания всеобщности и универсальности законов общественного развития решался другой жизненно важный вопрос. Необходимость заимствований с Запада была ясна, близость социалистических учений большинству интеллектуалов Китая и традиции страны также сомнений не вызывала. Проблема заключалась в том, как их осуществлять и какой алгоритм заимствования принять. Главное отличие сторонников марксизма от других интеллектуалов заключалось в большей радикальности в принятии западных идей. Чэнь Ду-сю и Ли Да-чжао были единственными, кто обсуждал права человека, признавая их противоречие с традицией, в отличие от Сунь Ят-сена, признававшего только права нации (*минь*) и государства. Из этого радикализма вытекало и их настойчивое желание найти практические способы участия в политической жизни, ориентируясь на революционные преобразования.

В первую очередь это относилось к Ли Да-чжао, который весной 1918 г. в статьях «Сегодня» и «Старое и новое», опубликованных в журнале «Синь циннянь», призывал искать выход из тяжелого международного положения Китая в активной борьбе народа против старого политического строя. С аналогичными призывами в статье «О политике» (сентябрь 1920 г.) выступил Чэнь Ду-сю, в то время как их оппоненты в соответствии с традиционными представлениями считали, что просветительская и консультативная деятельность интеллектуалов является более важной, и призывали к постепенным преобразованиям.

В ходе этих дискуссий китайские марксисты значительно расширили свое влияние на интеллигенцию и студенчество, подготовив благоприятные условия для образования компартии. В мае 1920 г. Чэнь Ду-сю организовал первый марксистский кружок — «Шанхай шэхуйчжуи яньцзюхуй» («Шанхайское общество изучения социализма»), в который входили два члена ГМД, в том числе Дай Цзи-тао. В августе того же года аналогичный кружок был создан Ли Да-чжао в Пекине, затем китайские сторонники марксизма организовали такие же группы в г. Гуанчжоу, Ухань, Чанша, Цзинань, а также в Токио и Париже, большинство из которых стали выпускать периодические печатные издания для рабочих («Лаодун цзе» в Шанхае, «Лаодунчжэ» в Пекине, «Лаодун инь» в Гуанчжоу). На этом этапе еще было тесным сотрудничество коммунистов и анархистов, составлявших значительную прослойку в первых марксистских кружках. Но уже тогда между

Распространение западных социальных наук

ними стали проявляться серьезные противоречия: у анархистов не было практической программы переустройства общества, к которому стремились сторонники марксизма.

Дискуссия о социализме, таким образом, способствовала политической дифференциации не только с противниками социалистических учений, но и внутри социалистического лагеря — с анархистами. В результате весной 1921 г. отношения лидера марксистов Чэнь Ду-сю и анархистов окончательно испортились, что стало одной из причин, стимулировавших создание КПК.

С середины 1919 г. в результате распространения марксизма сложились идейные и организационные предпосылки коммунистического движения. После прибытия в 1920 г. в Пекин представителя Коминтерна Г. Войтинского решение вопроса о создании Компартии перешло в практическую плоскость. Состоявшийся в июле 1921 г. в Шанхае I съезд, на котором присутствовало 12 делегатов, представлявших 53 члена марксистских кружков, провозгласил создание КПК. С ее образованием синонимом марксизма стали считать осуществленный в России большевизм, а марксистские идеи стали приобретать черты общественно-политической доктрины, способной стать эффективным инструментом практической политической борьбы.

Однако на начальном этапе коммунистическая теория воспринималась китайскими коммунистами буквально, ученически. Они считали, что, обретя в марксизме всеобщую истину, необходимо ее просто применить в китайских условиях. «Первая программа КПК» (1921) ориентировалась только на пролетариат, пролетарскую революцию, установление диктатуры пролетариата, упразднение частной собственности. Сохранив марксистский категориальный аппарат, вобравший в себя содержание традиционных понятий, пришедшие из России идеи относительно легко трансформировались в национальную программу государственного строительства. КПК, таким образом, с самого начала открыла марксизм как государственную, а не классовую идеологию, которая обладала привлекательной политической программой. Центральной задачей компартии стал практический поиск адекватных форм сочетания марксистских положений с китайской действительностью и массовым политическим движением, рекомендации и рецепты по созданию которого уже были предоставлены ей Коминтерном.

Ориентация на массовое движение и быстрый рост влияния вызвали у многих китайских коммунистов желание упростить схему социальных отношений и, подогнав их под западные образцы, перейти к социалистическому этапу революции. Сыграла свою роль и позиция Коминтерна, в котором идеологические мотивы и желание придать китайской революции социалистический характер одержали верх. Несмотря на последующую корректировку, подобная позиция вызвала неверную оценку политической ситуации и желание использовать западноевропейские и русские схемы для решения текущих политических задач в Китае. Ошибки, допущенные политическим руководством компартии, стали одной из причин поражения КПК в китайской революции 1925–1927 гг.

По мере подъема революционного движения и обострения политической борьбы теоретическая деятельность китайских сторонников социализма стала все больше подчиняться решению конкретных политических задач. После последовательного отстранения с постов генерального секретаря ЦК КПК Чэнь Ду-сю, Ли Ли-саня и Ван Мина в середине 30-х годов в руководство КПК пришли профессиональные революционеры-практики во главе с Мао Цзэ-дуном, усилия которых были направлены на решение вопросов стратегии и тактики вооруженной борьбы и завоевания власти военным путем, опираясь на крестьянскую по своему социальному составу армию. Гражданская война, вытеснив КПК в сельские районы, оказала решающее воздействие на дальнейшее развитие китайского марксизма, который стал превращаться в аналитический и пропагандистский инструмент компартии. В области теории главное внимание стало уделяться политически актуальным проблемам противоречий, практики, классовых отношений в деревне, проведения революции в аграрных обществах, вопросам единого фронта, т.е. проблемам, так или иначе связанным с национальными особенностями. Формирование Мао Цзэ-дуном доктрины «китаизированного марксизма», по целому ряду фундаментальных положений существенно отличавшейся от классического марксизма, завершило период его распространения и укоренения, положив начало процессу самобытного развития этого учения на национальной почве.

Политическая культура новейшего времени

Постепенно идеи марксизма завоевывали сторонников среди научной интеллигенции. В 1920–1930-е годы классовый анализ стал использоваться экономистами и социологами Чэнь Хань-шэном, Чжан Цзя-фу, Сунь Е-фаном, а в 40-е годы — Юй Гуан-юанем для проведения социологических обследований в деревне. В начале 30-х годов были переведены и изданы важнейшие произведения марксизма: «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Диалектика природы», а также работа В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Марксизм, познакомив Китай с европейским пониманием исторического процесса, превратился в идейно-теоретическую среду, в которой осуществлялся синтез европейской науки и китайской традиции. Став инструментом критического постижения Запада и его культуры, теория научного социализма ввела западные, революционные формы общественных преобразований, сумевших на определенном этапе преодолеть инерцию традиционной культуры, и позволила КПК, опиравшейся на основные группы населения, адаптировать традиционную культуру к современному интеллектуальному и политическому контексту. В то же время, предоставив идейно-политические формы для интеграции китайской цивилизации в современную мировую культуру, марксизм оказался в значительной степени ассимилирован национальной традицией, оплодотворив ее новыми для Китая идеями.

***** *Лю Шао-ци.* Об интернационализме и национализме. М., 1949; *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения: В 4 т. М., 1952–1953; *Цюй Цю-бо.* Избранное. М., 1975; *Ли Да-чжао.* Избранные произведения. М., 1989; ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы: [1920–1937 гг.]: В 5 т. / Рук. работы М.Л. Титаренко (с рос. стороны) и др. М., 1994–2007; The Rise to Power of the Chinese Communist Party: Documents and Analysis / Ed. by T. Saich. L., 1996. ****** *Ай Сы-ци.* Лекции по диалектическому материализму. М., 1959; *Борох Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.) М., 1984; *Делюсин Л.П.* Спор о социализме в Китае. М., 1980; Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1977; Компартия Китая: История и современные проблемы. М., 2001; *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект. М., 2001; *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917 гг.). М., 1972; *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М., 1999; *Никифоров В.Н.* Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1983; Новейшая история Китая, 1928–1949. М., 1984; *Рыкова С.Л.* Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Ду-сю. М., 2004; *Стабурова Е.А.* Анархизм в Китае, 1900–1921. М., 1983; *Титаренко М.Л.* К 30-летию 8-го съезда Компартии Китая // Новое в изучении Китая. Ч. 1. М., 1988; *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. Т. 1. М., 1955; *Ли Да.* Сяньдай шэхуйсюэ (Современная социология). Чанша, 1926; *Ли Цзэ-хоу.* Чжунго сяньдай сысян ши лунь (Очерки по истории китайской мысли новейшего времени). Пекин, 1987; *Люй Чжэнь-юй.* Чжунго чжэнчжи сысян ши (История политической мысли Китая). Пекин, 1949; *Тао Да-юн.* Кэсюэ шэхуйчжуи шилюе (История социалистической мысли). Пекин, 1985; *Хоу Вай-лу.* Чжунго сысян ши ган (Очерк истории китайской мысли): В 2 т. Пекин, 1980–1981; *Чжао Фэн.* Чжунго да фань «цзо» (Осуждение левачества в Китае (20–90-е годы). Пекин, 1993; Чжунго гунчаньданды сысян цзяньшэ (Идеологическое строительство КПК, 1919–1989) / Гл. ред. Е У-си. Тяньцзинь, 1991; Чжунго гунчаньдан сысян чжэнчжи гунцзо ши (История идейно-политической работы КПК, 1919–1987) / Гл. ред. Сюй Чан-бинь. Харбин, 1990; Чжунго гунчаньдан сысян ши (Идеологическая история КПК) / Гл. ред. Чжан Цзин-жу. Циндао, 1991; *Bernal M.* Chinese Socialism to 1907. Ithaca, 1976; *Hoston G.* The State, Identity and National Questions in China and Japan. Princ., 1994; *Ladany L.* The Communist Party of China and Marxism, 1921–1985. Stanf., 1988; *North R.C.* Moscow and Chinese Communists. Stanf., 1967; *Sheridan J.* China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History, 1912–1949. L., 1975.

А.В. Виноградов

Конфуцианство и легизм в политической культуре КНР

В КПК с момента ее зарождения сложилась традиция уважительного отношения к Конфуцию и гуманистическому ядру его учения. Один из лидеров партии — Лю Шао-ци, бывший одно время председателем КНР, базировал свои лекции о «Самовоспитании коммуниста», впервые прочитанные в июле 1939 г. в Янъаньском институте марксизма-ленинизма, на конфуцианской концепции личности, обильно цитируя «Лунь юй» и «Мэн-цзы». Сотни тысяч китайских коммунистов воспитывались на идеале *цзюнь цзы*, но в 1972 г. эта традиция была насильственно прервана: вслед за началом «великой пролетарской культурной революции» для наследия Конфуция наступили мрачные времена, ознаменовавшиеся восхвалением Шан Яна.

Несмотря на кажущиеся успехи, «культурная революция» охватила только города и не затронула сельскую глубинку. Стремление лидеров жесткой административной командной системы как можно скорее воспитать новую личность, образно именуемую «листом чистой белой бумаги» (либо «винтиком»), наталкивалось на глухое сопротивление масс, особенно в крестьянской среде. Воспитание молодежи в духе доносительства на родителей, пренебрежительного отношения к старшим по возрасту давало весьма чахлые ростки. Организаторы «культурной революции» понимали, что формирование новой, угодной им личности невозможно без пересмотра национальных стереотипов поведения, целого комплекса традиционных нравственных ценностей. Логика политической жизни неизбежно влекла к конфронтации с наследием Конфуция, так как именно Конфуций был тем утесом, о который разбивались все стремления переделать человека, заставить его отрешиться от лучших черт китайского национального характера. Была еще одна причина, обусловливавшая необходимость свержения Конфуция с национального пьедестала. Дело в том, что официальный преемник Мао Цзэ-дуна — маршал Линь Бяо в борьбе за власть, по утверждениям пропаганды КНР, обращался непосредственно к идеям Конфуция, насыщая его суждения новым политическим толкованием. В этом значительном эпизоде «культурной революции» наглядно проявилось действие института «история–политика», игравшего большую роль в политической культуре Китая.

К моменту начала кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1972) маршала уже не было в живых — он погиб в авиационной катастрофе в 1971 г. В политической культуре Китая XX в. сложилась традиция использовать имена умерших деятелей для борьбы с реальными политическими оппонентами, занимающими высокие государственные посты. Народным массам было неизвестно о гибели Линь Бяо, информация о ней держалась в тайне. Фактически же данная политическая кампания была направлена против Чжоу Энь-лая и Дэн Сяо-пина, к ним присоединили и Конфуция, ибо его авторитет был жив в сознании масс.

На XII съезде ЦК КПК (сентябрь 1982 г.) «культурная революция» была осуждена как «десятилетняя смута, нанесшая партии серьезный урон», были вскрыты «серьезные левацкие ошибки, допущенные Мао Цзэ-дуном в последние годы жизни», особенно в период «культурной революции». На съезде был подвергнут критике его культ личности, одновременно съезд констатировал, что «заслуги Мао Цзэ-дуна перед китайской революцией далеко превосходят его просчеты: его заслуги стоят на первом месте, а ошибки — на втором».

Одной из таких «левацких ошибок» являлась кампания «критики Линь Бяо и Конфуция». Ее активными проводниками были тогдашние члены Политбюро ЦК КПК: Цзян Цин (супруга Мао Цзэ-дуна), Ван Хун-вэнь, Яо Вэнь-юань и Чжан Чунь-цяо (известные впоследствии как «группа четырех» — *сы жэнь бан*). Именно данная группа в тот период фактически держала в руках бразды правления в КНР.

Общегосударственный поход против Конфуция был задуман как состоящий из нескольких этапов: на первом должны были поработать специалисты — историки и философы; на втором — соответственно подготовленные теоретики «из народа», и, наконец, на третьем намечалось включить в кампанию «широкие массы», которым надлежало завершить тщательно спланированную операцию. Обращение к массам при проведении масштабных политических кампаний стало неотъемлемым компонентом политической культуры КНР.

Политическая культура новейшего времени

Общегосударственная кампания против Конфуция завершилась арестом ее организаторов. Стране предстояло подсчитать духовные потери и вновь возвести на пьедестал свою национальную святыню. Один из объектов «критики» — Дэн Сяо-пин приступил к планомерному решению этой задачи еще до официального возвращения к руководящей работе в 1977 г.

Устранение с политической арены группировки Цзян Цин, Яо Вэнь-юаня, Ван Хун-вэня, Чжан Чунь-цяо и публичный суд над ними ознаменовали начало новой массовой кампании — по переоценке культурного и исторического наследия, особенно конфуцианства и легизма, которые активно использовались в политической борьбе последних пятнадцати лет, когда искажалось не только конфуцианство, но и легизм. Дэн Сяо-пин и его сподвижники спешили наверстать упущенное, элиминировать наиболее вопиющее насилие над историей.

В первую очередь была пересмотрена концепция извечной борьбы двух линий в истории Китая и в КПК, имеющей своим истоком борьбу конфуцианцев и легистов в VI–IV вв. до н.э. История этой борьбы ограничивалась отныне только эпохой древности, что соответствовало исторической действительности

Одновременно началась политическая кампания по реабилитации основной легистской концепции о верховенстве Закона, которая была подменена в период «культурной революции», маоистской доктриной «управления посредством людей».

«На протяжении длительного периода времени в нашей стране бытовала формулировка — „нужно стремиться к управлению посредством людей, а не к управлению посредством законов“. Считалось, что тот, кто выступает за управление посредством людей, выступает с марксистских позиций, а тот, кто выступает за управление посредством законов, выступает с буржуазных ревизионистских позиций... Практика показала, что данная формулировка лишена научной базы», — отмечала «Жэньминь жибао» (18.01.1980).

Вскоре после знаменитого III пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978), внесшего кардинальные изменения в методы строительства социализма, вдохновитель и руководитель политики реформ Дэн Сяо-пин провозгласил, что целью социализма с китайской спецификой является достижение к 2000 г. уровня общества «малого благоденствия» (*сяо кан шуйпин*). Согласно его разъяснениям, практически это означало обеспечение национального дохода на душу населения в размере 800–1000 долл. XIII съезд КПК (1987) внес уточнение в формулировку Дэн Сяо-пина — *сяо кан шэнхо* (достижение жизни общества «малого благоденствия») вместо *сяо кан шуйпин*.

Обращение к понятию «общество малого благоденствия» — одно из проявлений функционирования традиций в политической культуре КНР. Провозглашенный Дэн Сяо-пином, пострадавшим в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», синтез социализма с китайской спецификой и социальной утопии Конфуция (первой в истории Китая) означал своего рода историческое обязательство одного из признанных лидеров КПК реализовать эту национальную мечту, соотнеся ее с реальными возможностями страны.

Сам факт обращения «отца реформ» к идее *сяо кан* как символу завершения начальной стадии построения социализма свидетельствует о политической мудрости Дэн Сяо-пина и о совершенном владении им традиционными национальными ценностями, где одним из главных сокровищ является стратагемность мышления. По оценке академика М.Л. Титаренко, «в новейшей истории Китая мастерами составления стратагем были Чан Кай-ши и его красавица жена Сун Мэй-линь, Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин <...> Яркий пример использования стратагемности мышления дает Дэн Сяо-пин. Когда он в конце 70-х годов выдвинул курс реформ и политику открытости вовне, многие в руководстве КПК обвиняли его в том, что он собирается „продавать Китай империалистам“ и „отступает от принципов социализма“. Чтобы склонить оппонентов на свою сторону, Дэн Сяо-пин и его сторонники использовали стратагему: „Сливовое дерево засыхает вместо персикового“, российский эквивалент этого цветистого выражения — „Пожертвовать малым ради большой победы“. Сторонники реформ Дэн Сяопина в Гуанчжоу писали в газете „Наньфан жибао“ о необходимости открытия Китая для внешних инвесторов: „Чтобы в короткое время превратить (КНР) в современное сильное социалистическое государство, мы должны заплатить определенную цену ‘за учение’.

Но в интересах достижения светлого будущего мы должны позволить зарубежным инвесторам получить определенную прибыль". Очевидно, что здесь „цена за учебу", т.е. прибыль внешних инвесторов, — это и есть „жертвенный агнец" — сливовое дерево, а построение сильного Китая — цель, отождествляемая с персиковым деревом».

К сказанному надлежит добавить, что сам факт обращения к *сяо кан* следует оценивать как существенный вклад Дэн Сяо-пина в теорию стратагемности мышления. Как известно, поначалу Дэн Сяо-пин объявил лишь об экономической составляющей *сяо кан*, не раскрывая всей глубины и возможностей своего замысла перед недоброжелателями усиления Китая на Западе, прежде всего США. На самом же деле, вводя первую социальную утопию Конфуция, зафиксированную в отредактированном им трактате «Ли цзи» («Трактат о правилах поведения»), мудрый политик весьма своевременно провозгласил новую национальную идею, сумевшую, в отличие от китаизированного марксизма, объединить всех жителей КНР, от простолюдина до высшей партийной элиты. Эта восстановленная в правах доктрина Конфуция способна также мобилизовать весь многочисленный китайский этнос за рубежами КНР на построение могущественной мировой державы.

Одной из составляющих *сяо кан* является возвращение Конфуцию традиционного звания Учителя нации.

Этапное значение в процессе возрождения авторитета Конфуция сыграл международный научный конгресс, посвященный 2540-й годовщине со дня его рождения (1989). Результаты проходившего в его рамках Международного симпозиума «Историческое место Конфуция и конфуцианской школы и их влияние на современное общество», организованного в Пекине Фондом Конфуция и ЮНЕСКО, говорят о том, что большинство современных культурологов и синологов — специалистов по конфуцианству и китайской традиции — сходятся в признании того факта, что конфуцианская духовная традиция как основной формант идейно-политических стереотипов и «стиля жизни» китайцев оказывает существенное влияние на все те неоднозначные процессы, которые происходят сегодня в китайском обществе, самым непосредственным образом определяя специфику его модернизации. В рамках симпозиума неоднократно высказывалось мнение о том, что адекватное осмысление конфуцианства способствует лучшему пониманию прошлого и настоящего Китая, а также прогнозированию его будущего. Поэтому ретроспективный и компаративистский анализ китайской традиции служит средством улучшения взаимопонимания и поиска точек соприкосновения между Востоком и Западом. В то же время изучение конфуцианства помогает самопознанию других цивилизаций и народов, поскольку дает возможность взглянуть на себя под иным углом зрения. Наконец, на симпозиуме прозвучала мысль о том, что конфуцианство и марксизм если и не равноправные, то во всяком случае параллельно существующие, взаимодействующие и обогащающие друг друга компоненты современной китайской цивилизации.

С приветствием в адрес участников симпозиума обратился почетный президент Фонда Конфуция Гу Му — бывший заместитель премьера Госсовета и член ЦК КПК. Он назвал «огромной» позитивную роль конфуцианства в истории Китая и отметил, что Конфуций и конфуцианство оказали «глубокое влияние» на развитие не только собственно китайской цивилизации, но и культуры всех народов Восточной Азии. Гу Му особо подчеркнул объективную необходимость освоения и рационального применения национальной традиционной культуры в современных условиях, без чего невозможен ни прогресс общества, ни развитие нации, ни осуществление реформ. Говоря о прогрессивных элементах конфуцианства, Гу Му отметил его приверженность идеям «мира» и «гармонии», «охране окружающей среды», поддержания «равновесия в мире» и стабильности в обществе, что имеет большое актуальное значение для нашего времени. Не был обойден вниманием и такой глобальный вопрос, как взаимовлияние и взаимообогащение культур. Отметив, что Китай является сторонником цивилизационного взаимодействия, Гу Му в то же время уточнил, что основу национального возрождения и строительства должна составлять самобытная отечественная культура.

Та же идея актуальности главных просветительских идей Конфуция и конфуцианства прозвучала как лейтмотив в беседе генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэ-миня с главами

зарубежных делегаций. В пространном выступлении перед участниками беседы он подробно остановился на том положительном влиянии, которое оказало на него лично и на многих других китайских руководителей изучение в молодости произведений Конфуция; выразив несогласие с встречающимся по сей день определением учения Конфуция как религиозного, Цзян Цзэ-минь подчеркнул, что это учение — нравственное, из которого следует впитывать все рациональное.

В реальной жизни современного китайского общества процесс внедрения ценностных ориентиров Конфуция в новую формирующуюся государственную доктрину активно развивается. В качестве примера можно привести ст. 6 постановления Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины «Относительно партийных дисциплинарных наказаний членов КПК, нарушивших социалистическую мораль» (опубликованного в газете «Жэньминь жибао» 18 января 1990 г.): «Лица, не выполняющие обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей или по содержанию родителей, при сравнительно серьезных обстоятельствах наказываются предупреждением, при серьезных обстоятельствах — смещением с партийных должностей. Лица, жестокое обращение которых с членами семьи носит сравнительно серьезный характер или отказавшиеся от членов семьи, наказываются смещением со всех постов в партии или же получают в партии испытательный срок, при серьезных обстоятельствах исключаются из партии».

Провозглашенная Дэн Сяо-пином идея создания общества «малого благоденствия» возродила в кругах китайских обществоведов интерес к конфуцианству как основе политической культуры страны. Активизировались научные разработки в этой области, о чем свидетельствовала проведенная в 1999 г. в Пекине международная конференция, посвященная 2550-й годовщине со дня рождения Конфуция. Во время заключительной беседы с делегатами конференции в зале Народных представителей член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК председатель НПКСК Ли Жуй-хуань в ответ на вопрос: «Как Вы оцениваете конфуцианство?» — сказал, что конфуцианство является одним из важнейших элементов китайской духовной традиции.

Что касается самого понятия *сяо кан*, то оно уже заняло ведущее место в политической культуре КНР. О своей приверженности принципу *сяо кан* Дэн Сяо-пин заявил в 1979 г., вскоре после знаменитого III пленума ЦК КПК 11-го созыва, внесшего кардинальные изменения в методы строительства социализма. Эта установка, проистекающая из названия первой социальной утопии Конфуция, была закреплена затем в материалах XII (сентябрь 1982 г.), XIII (октябрь 1987 г.), XIV (октябрь 1992 г.) и XV (сентябрь 1997 г.) съездов КПК, решениях ЦК КПК и постановлениях ВСНП по развитию экономики Китая в 90-е годы, а также в планах КНР на 8-ю и 9-ю пятилетки и решениях XVII съезда КПК.

Поскольку Дэн Сяо-пин во главу угла своей трактовки принципа *сяо кан* поставил сугубо экономические цели, то первыми ее разработчиками стали китайские экономисты во главе с Президентом АОН Китая, экономистом Ма Хуном: «Мы будем стремиться при не очень высоком уровне доходов сравнительно хорошо удовлетворять потребности населения, побуждать его создавать социалистическую модель потребления, китайский *сяо кан*».

За годы реформ Китай увеличил ВВП в 6,4 раза. По мнению российских синологов, в городах приближаются к созданию общества *сяо кан*, иное дело в деревне, где проживают более 800 млн. населения. Китайский крестьянин начал реформы с очень низкого материального уровня. И хотя за 20 лет реформ доходы сельского населения выросли в 3–4 раза и количество голодающих снизилось с 30 до 3%, все же «китайский крестьянин живет безумно бедно и скромно, но там нет нищих, там сыты. Программа *сяо кан* полностью не выполнена, она выполнена наполовину... к 2010 году наиболее сильные провинции ставят задачу полностью решить проблему *сяо кан*».

Одновременно с грандиозными успехами в деле реализации масштабной программы *сяо кан* в стране разрослась коррупция. Одним из эффективных средств борьбы с коррупцией является чистка партийных рядов, известная как *чжэн фэн* (исправление стиля), истоком которой является кофуцианская концепция *чжэн мин* (исправление названий).

Если Дэн Сяо-пин связал свои реформы с первой социальной утопией Конфуция в трактовке Мэн-цзы, то Цзян Цзэ-минь ввел в политический лексикон современного Китая возрожденный

им конфуцианский институт *Дэ*. Выступая в начале 2002 г. на совещании в Министерстве пропаганды, он официально объявил, что отныне наряду с концепцией *и фа чжи го* («управлять страной на основании закона») второй составляющей социализма с китайской спецификой должна стать концепция *и дэ чжи го* («управлять страной на основании *Дэ*», т.е. морали). Накануне XVI съезда КПК 25 октября 2002 г. ЦК КПК опубликовал подробную «Программу построения *гунминь дао дэ*». Ее можно перевести дословно как Программу построения гражданской нравственности. Однако простой перевод не в состоянии отразить всю значимость этого грандиозного начинания. Сама Программа, по замыслам ее творцов, должна служить «всестороннему строительству общества *сяо кан* в новую эпоху». Ее главная задача — «Накрепко увязать строительство правопорядка и строительство морали, управление при помощи закона и управление при помощи морали (*дэ*) путем непрерывного углубления и расширения строительства гражданской морали, соответствующей социалистической рыночной экономике. Это является фундаментальной мерой повышения основополагающих качеств нации, имеет чрезвычайно важное значение для развития национального духа и духа современной эпохи, для формирования положительных общественно-нравственных обычаев и привычек, для поощрения гармоничного развития материальной и духовной культуры в великом деле всестороннего продвижения по пути строительства социализма с китайской спецификой». В тексте одним из важных факторов реализации столь грандиозной задачи, рассчитанной на долгие годы, неоднократно упоминается использование «традиционных добродетелей китайской нации, сформировавшихся в течение десятилетий». Известно, что именно конфуцианству, нисколько не принижая вклад даосизма и буддизма как народных религий, обязана китайская нация вышеупомянутыми добродетелями. Чисто традиционно в Программе используется принцип «образцовой поведенческой морали», где функции *цзюнь цзы* (благородного мужа) обязаны выполнять «члены партии и руководящие кадровые работники».

Согласно традиции составители Программы выделили пять следующих моральных установок, долженствующих символизировать ее суть: 1) любовь к родине и исполнение закона; 2) четкое следование правилам поведения, искренность и доверие; 3) сплочение и дружественность; 4) трудолюбие, бережливость и самоусиление; 5) служение своему делу. Эти «пять установок» напоминают конфуцианские *у чан* («пять постоянств») ханьского Дун Чжун-шу, которые впоследствии разрослись до 18 моральных принципов Чжу Юань-чжана и 16 норм поведения Кан-си. Однако в отличие от составленных в 1375 г. моральных принципов Чжу Юань-чжана, когда слепцы, ведомые мальчиками, обязаны были в каждой деревне возглашать их шесть раз в месяц, ныне разработан четкий механизм претворения Программы, обязывающий госаппарат на всех этажах административной системы следить за внедрением в массы 40 пунктов Программы. К нарушителям будут применены различные меры наказаний: «Комитеты культуры и отделы пропаганды парткомов всех уровней несут конкретную должностную ответственность за руководство, регулирование, организацию в строительстве гражданской морали» (пункт 40). По существу, речь идет о реализации тезиса Цзян Цзэ-миня об управлении государством не только на основании закона, но и на основании *Дэ*. Здесь мы снова сталкиваемся с реинтерпретацией традиционной конфуцианской идеи о первичности морали, о невозможности реформирования государства без реформирования человека. Возвращение *Дэ* традиционных управленческих функций преследует две цели: внутри страны подготовить наименее образованную часть общества, прежде всего крестьянство, к неизбежным лишениям на пути построения постиндустриального общества, где решающую роль будут играть средние слои общества; во внешнем мире подтвердить неизменность курса Дэн Сяо-пина на возвращение страны в лоно конфуцианского культурного региона, что гарантирует безусловную поддержку реформам со стороны многомиллионной китайской диаспоры. Именно этим целям служит также деятельность Международной конфуцианской ассоциации (*Гоцзи жусюэ лянь хэ хуй*), созданной в 1994 г. и пользующейся поддержкой правительства и частного капитала как внутри страны, так и за рубежом.

И вновь, следуя партийному курсу на внедрение рациональных идей раннего конфуцианства во все сферы общественной жизни, современные «книжники» находят истоки концепции «трех

представительств» в «Четверокнижии». Авторы статьи «Скрытая связь и общие моменты идеи „трех представительств“ Цзян Цзэ-миня и идеи Мэн-цзы „народ как основа“» обращают внимание читателей на суждение Мэн-цзы: «У правителя три драгоценности: земля, народ и [форма] правления» («Мэн-цзы», VIIb, 28). В комментарии авторы разъясняют, что под землей Мэн-цзы имел в виду все, что было в то время связано с основным средством производства — сельским хозяйством, а ныне можно понимать все, что связано с развитием производительных сил. Отсюда следует вполне логичный вывод: «первое партийное представительство» в концепции Цзян Цзэ-миня имеет самое непосредственное отношение к экономической доктрине Мэн-цзы. Что касается слов «народ и [форма] правления», то они не нуждаются в разъяснении, ибо, как неоднократно провозглашалось, КПК является выразителем коренных интересов широких народных масс. Весьма характерно, что Председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзинь-тао в своих публичных выступлениях творчески развивает конфуцианскую составляющую в идеологии КНР, оперируя терминами из теории «гуманного правления» Мэн-цзы. В качестве примера можно привести текст его речи на семинаре по изучению «тройного представительства». Активно оперируя конфуцианской терминологией, он отметил, что тройное представительство является для КПК «корнем установления партии» (*ли дан чжи бэнь*), «основой правления» (*чжи чжэн чжи цзи*), «источником силы» (*лилян чжи юань*). Эти «корень», «основа» и «источник» в итоге сводятся к народной поддержке и одобрению. Подобно конфуцианским книжникам, Председатель КНР предлагает общественности следующее толкование этих трех терминов: «Когда народ поворачивается спиной — это основная причина, определяющая упадок политической партии, политического авторитета. Лишь следуя помыслам народа, думая об интересах народа и заполучив сердце народа, теоретическая линия марксистской политической партии, ее политический курс и вся ее работа смогут получить поддержку и одобрение народа, только так они смогут навсегда занять беспроигрышную позицию».

Современная политическая элита КНР как бы завершает полемику между легистами и конфуцианцами, начатую в V в. до н.э. («народ для государства» или «государство для народа»), заняв четкую проконфуцианскую позицию. Китайские аналитики в выступлении Ху Цзинь-тао отмечают, что примерно четверть всей речи председателя КНР занимают идеи «породнения с народом» (*цинь минь*). Именно с этого основополагающего тезиса «Да сюэ» начинается «Четверокнижие».

Нынешнему поколению китайцев предстоит решить массу сложных проблем. Демографическая проблема (новое тысячелетие Китай встретил с населением на сто миллионов больше, чем ожидалось; регулирование рождаемости в целях ускорения экономического развития привело к стремительному росту доли пожилого населения), ресурсная проблема (доля страны в ресурсах планеты намного меньше среднемировой), экологическая проблема (по загрязнению воздуха страна занимает одно из первых мест в мире), продовольственная проблема (крестьяне в поисках работы покидают пашни, которые неумолимо сокращаются), проблема безработицы (число безработных к концу 2007 г. составляло свыше 4%) — все они весьма актуальны и требуют от властей незамедлительного решения.

Поэтому, развертывая всестороннее строительство общества *сяо кан*, КПК делает ставку на радикальную перестройку социальной структуры китайского общества. Главным направлением социальной трансформации является постепенное формирование среднего класса. Именно средний класс как основной производитель, потребитель и налогоплательщик и как основной носитель передовых знаний и культуры в планируемом властями обществе *сяо кан* должен стать опорой социальной и политической стабильности общества и государства. А для более успешного решения перечисленных выше проблем руководство страны активно мобилизует раннеконфуцианские нравственные ценности, сформировавшие за многие столетия основу национального духа. Культивирование великого национального духа китайской нации, объяснялось в отчетном докладе на XVI съезде КПК, приобретает универсальное место в политике партии и государства: «Перед лицом взаимного столкновения разных идеологий и культур в мировом масштабе развитие и культивирование национального духа необходимо включать

в весь процесс народного образования и весь процесс строительства духовной культуры», так как по формуле, принятой съездом, ядро национального духа выражается в сплоченности и единении, миролюбии, трудолюбии, мужестве и неустанном стремлении вперед.

Однако в процессе реформ наряду с видимыми экономическими достижениями выявилось и немало негативного. Главное — с угрожающей опасностью увеличился разрыв в материальном положении различных слоев населения. В самом бедственном положении оказались низы общества, и прежде всего крестьянство. Первыми с требованием восстановления социальной справедливости выступили современные конфуцианские «книжники» — профессиональные экономисты, развернувшие обширную дискуссию о дальнейшей целесообразности проводимых реформ.

Полемика, развернувшаяся среди китайских экономистов, апеллировавших к раннеконфуцианским ценностям, в 2004–2005 гг., по сути явилась прелюдией к VI пленуму, состоявшемуся после XVI съезда КПК. Именно на этом пленуме группа Ху Цзин-тао и Вэнь Цзя-бао добилась реализации курса на «породнение с народом». На этом пленуме был принят документ под названием «Важные вопросы построения гармоничного социалистического общества», который станет основой внутренней политики КНР на ближайшие 14 лет. В документе, принятом пленумом, ключевой задачей правительства КНР до 2020 г. объявляется «сглаживание социальных противоречий и выравнивание доходов горожан и крестьян».

Если оценивать итоги VI пленума с точки зрения конфуцианских ценностей, то по существу он продемонстрировал общественную силу традиций. Страна возмещает ныне духовные потери, нанесенные нации за годы широкомасштабной антиконфуцианской кампании. Происходит реанимация традиционной системы обучения. В школах, хотя пока лишь факультативно, восстанавливается традиция заучивания наизусть отрывков канонического «Четверокнижия». В октябре 2004 г. была проведена 1-я Всекитайская конференция по итогам внедрения в средних школах программы изучения текстов конфуцианских канонов. На конференции присутствовали делегаты всех провинций, 50 крупнейших городов и многочисленной китайской диаспоры, проживающей во многих государствах мира.

В 2004 г. правительство КНР приняло официальное постановление об учреждении по всему миру 100 центров Конфуция, основная цель которых не только способствовать изучению китайского языка во всем мире, но и знакомить с достижениями китайской цивилизации. По существу, Конфуций отныне стал символом КНР.

История Китая XX–XXI вв. на примере жизнедеятельности двух соперничавших партий — Гоминьдана и КПК наглядно продемонстрировала, сколь значимо конфуцианство в судьбе нации. Осмелившись на какой-то промежуток времени нарушить традиционный баланс интересов власти и народа, запечатленный в конфуцианских канонах, обе эти партии оказались в затруднительном положении. В поисках выхода из временного кризиса их лидеры были вынуждены обратиться к истокам духовной и политической традиции нации. Если первые, потерпев поражение на материке, нашли спасение в модернизации *сяо кан*, то вторые, одержав в 1949 г. победу, но не сумев обеспечить благосостояние всего народа, были также вынуждены реанимировать первую социальную утопию Конфуция. Решение VI пленума ЦК КПК в 2006 г. наглядно продемонстрировало, насколько влиятельна в памяти народа первая социальная утопия Конфуция, в ходе модернизации которой лидеры страны вынуждены были корректировать направление и суть реформ. В процессе этой корректировки лидеры КПК, и в том числе Ху Цзинь-тао, цитируют прежде всего те суждения Конфуция и Мэн-цзы, которые были выработаны основоположниками конфуцианства для построения гармоничного общества. Наиболее часто используется следующее суждение Конфуция: «Стремление к единству через разномыслие является самым ценным в правилах» (*хэ вэй гуй*). По сообщению «Жэньминь жибао» от 27.06.2006 г., именно на это суждение обратил внимание Ху Цзинь-тао в своем выступлении перед руководящими кадрами всех провинций Китая, разъясняя им идеологическую основу новой партийной программы построения «социалистического гармоничного общества».

Документы XVII съезда КПК (15–21 октября 2007 г.) свидетельствуют о более активном соучастии конфуцианства и легизма в построении теоретической системы китайского социализ-

ма. Концепция «социальной гармонии» (*шэхуй хэсе*), объявленная сущностным атрибутом социализма с китайской спецификой (общество *сяо кан*), базируется на ценностных ориентирах раннего конфуцианства. В частности, в докладе Ху Цзинь-тао впервые появился раздел, посвященный проблемам народного благоденствия: «Словом, делать так, чтобы у всего народа было где получить образование, зарабатывать себе на жизнь, лечиться и жить, чтобы в старости он был обеспечен, а значит, стимулировать строительство гармоничного общества». Большинство формулировок заимствовано из второй социальной утопии Конфуция — общество «Великого единения» (*да тун*). Фактически Ху Цзинь-тао и нынешнее руководство КПК, приняв эстафету от Дэн Сяо-пина, творчески развивают конфуцианскую составляющую в идеологии КПК, постепенно продвигаясь от *сяо кан* к *да тун*.

Что касается легизма, то одна из его главных теоретических находок — право и обязанность государства прочно держать в руках рычаги управления хозяйственной жизнью страны как залог стабильного развития Китая — остается в силе и в XXI в. Модернизируется и основная концепция легизма — верховенство и всеобщность Закона трактуются ныне как фундамент построения «гармоничного общества».

Более чем двухтысячелетняя полемика конфуцианцев и легистов начатая в VI–IV вв. до н.э. о построении совершенной модели государственного устройства заканчивается в пользу конфуцианской концепции — «государство для народа», ответственность за осуществление которой взяло на себя нынешнее руководство Китая.

***** *Цзянь Цзэ-мин.* Цань мянь цзяньшэ сяокан шэхуй (Всесторонне вести строительства общества *сяо кан*). Пекин, 2002; *Ху Цзнь-тао.* Цзай саньгэ дайбяо яньтаохуй шан ды чжунъяо цзянхуа (Речь Ху Цзинь-тао на конференции по тройному представительству) // Синьхуа. 01.07.2003. ****** *Борох О.Н., Ломанов А.В.* Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае // ПДВ. 2004, № 1; *Григорьев А.М., Титаренко М.Л.* К 80-летию Компартии Китая // ПДВ. 2001, № 4; Идеологический курс КПК на современном этапе проведения реформ. М., 2000. (ЭИ; № 12); *Ломанов А.В.* Современная концепция «гармоничного общества» и китайская традиция // ИМ. Сер. Г. 2006, вып. 13, ч. 1; *Наумов И.Н.* Понятие *сяо кан* и проблемы подъема уровня жизни населения КНР // ПДВ. 1997, № 6; 1998, № 1; *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая: [VI в. до н.э. — 1980-е гг.]. М., 1981; *он же.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007; *Титаренко М.Л.* Россия. Безопасность через сотрудничество: Восточно-азиатский вектор. М., 2003, с. 122–123; *Бо Юй-цзинь.* Чуантун вэньхуа чжунды Дэн Сяо-пин ды лилунь (Теория Дэн Сяо-пина в свете традиционной культуры). Гуанчжоу, 2000; *Ван Шу.* Жу цзя юй сяньдай хуа (Конфуцианство и модернизация). Пекин, 1996; *Вань Тин.* Тань жусюэ цзай эрши и шицзи ды дивэй хэ инсян (О месте и влиянии конфуцианства в XXI в.). Пекин, 1996; *Ду Вэй-мин.* Жуцзя сысян синлунь (Новая теория конфуцианской мысли). Нанкин, 1996; Жусюэ юй эрши и шицзи (Конфуцианство и 21-й век: Сборник докладов). Пекин, 1996; *Лю Вэй-хуа.* Жуцзя даодэ ды чжунцзянь (Возрождение конфуцианской морали). Цзинань, 2001; *Ма Чжэнь-до.* Жусюэ юй вэйлай чжунго шэхуй фачжань (Конфуцианство и будущие перспективы китайского общества). Пекин, 1996; Чжунго миньцзу син (Китайский национальный характер). Пекин, 1990; Chinese Political Thought in the Twentieth Century. N.Y., 1971.

Л.С. Переломов

Система многопартийного сотрудничества

Система многопартийного сотрудничества

Система многопартийного сотрудничества в Китае — это сложившаяся за десятилетия система взаимоотношений КПК с восемью некоммунистическими партиями, официально существующими и функционирующими в стране. Их объединяют под общим названием «демократические партии». К ним относятся: Революционный комитет Гоминьдана Китая (РКГ), Демократическая лига Китая (ДЛК), Ассоциация демократического национального строительства Китая (АДНСК), Ассоциация содействия развитию демократии (АСРДК), Крестьянско-Рабочая демократическая партия Китая (КРДПК), *Чжунго Чжигундан* (Партия стремления к справедливости), Общество «3 сентября», Лига демократического самоуправления Тайваня (ЛДСТ).

Члены демократических партий в настоящее время представлены большей частью интеллигенцией, работающей в области науки, техники, образования, медицины, культуры, искусства, издательского дела, а также деятелями торгово-промышленных и финансовых кругов. Каждая из партий имеет свой специфический контингент и определенную сферу деятельности. Большинство членов РКГ, например, это деятели, имеющие отношение к прежнему Гоминьдану, и лица, исторически связанные с ним, а также с различными кругами Тайваня. Основную массу членов ДЛК составляет интеллигенция, занятая в сфере культуры и образования, науки и техники. Основной состав АДНСК — это деятели экономических кругов. Членами АСРДК большей частью являются работники просвещения, культуры и издательств. Основной контингент Общества «3 сентября» — интеллигенция высшего звена, занятая в области науки, техники и высшего образования. Члены КРДПК в большинстве своем представлены работниками медицины и здравоохранения, а также деятелями экономических кругов и культуры. Членами партии Чжунго Чжигундан являются возвратившиеся на родину китайцы и их родственники, а также лица, имеющие родственников за рубежом. В рядах ЛДСТ состоят уроженцы Тайваня, проживающие в Китае.

Все партии были созданы еще до образования КНР, в основном в 40-е годы XX в. Две из них — *Чжунго Чжигундан* и КРДПК были сформированы в 1925 и 1930 гг. соответственно.

Имея своей социальной базой национальную буржуазию Китая, верхние слои мелкой городской буржуазии и патриотически настроенную интеллигенцию, демократические партии в целом отражали интересы промежуточных слоев и поддержали линию КПК. Можно считать, что отношения сотрудничества КПК с демократическими партиями начали складываться в конце 40-х годов, когда ЦК КПК обратился с призывом ко всем демократическим партиям, народным организациям и авторитетным деятелям страны созвать Политический консультативный совет (ПКС) с целью создания демократического коалиционного правительства. Около 60 деятелей демократических партий — среди них такие известные, как Чу Ту-нань, Фэй Сяо-тун, Лэй Цзе-цюн, Чжу Сюэ-фань, Ли Цзи-шэнь, Сунь Ци-мэн и др., — прибыли в пров. Хэбэй, где находился в то время Отдел ЦК КПК по работе с Единым фронтом. Они приняли участие в совместной работе по выработке документов и подготовительной работе по созыву пленарной сессии НПКСК, а также в работе самой сессии НПКСК, на которой было провозглашено образование Китайской Народной Республики. Из 662 участников 1-й сессии НПКСК 44% были членами КПК, около 30% — деятелями демократических партий. Координирующую и организационную роль на всех этапах подготовки к созыву НПКСК играла КПК, представители демократических партий приглашались для консультаций и обсуждения готовившихся документов. Председателем ВК НПКСК 1-го созыва на сессии был избран Мао Цзэ-дун. Двое из пяти его заместителей были деятелями демократических партий — Ли Цзи-шэнь и Шэнь Цзюнь-жу. Ряд руководящих постов в составе Центрального народного правительства, сформированного в 1949 г., наряду с членами КПК заняли деятели демократических партий. Двое из шести заместителей Председателя КНР, Председатель Верховного суда, один заместитель премьера Административного совета и более половины его членов, а также несколько министров были представителями демократических партий.

В документах съездов всех демократических партий, состоявшихся после образования КНР, заявлялось о том, что они принимают руководство со стороны КПК и будут содействовать ей в строительстве социализма.

В первые годы после образования КНР взаимоотношения КПК с демократическими партиями осуществлялись в виде проведения курса на «сплочение, строительство, движение вперед». И внутри КПК, и в демократических партиях в тот период имели место сомнения, недовольство и разногласия по поводу взаимного сотрудничества. Для выработки курса в отношении демократических партий в тот период несколько раз созывались всекитайские рабочие совещания по Единому фронту. Руководители КПК — Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай заняли в этом вопросе твердую позицию: они критиковали пренебрежительное отношение к демократическим партиям, заявляли о необходимости их существования и об их особой роли в КНР. В «Решении о работе демократических партий», принятом на 3-м Всекитайском совещании в 1952 г., были определены курс и политика КПК в отношении демократических партий. В Решении говорилось, что демократические партии занимаются законной деятельностью, в ходе которой их следует сплачивать, воспитывать и перевоспитывать, намечались рамки их деятельности, говорилось о руководстве ими со стороны КПК и необходимости курирования их работы партийными комитетами.

Курс КПК на сотрудничество с демократическими партиями был сформулирован на VIII съезде КПК в 1956 г. В документах съезда было зафиксировано, что «демократические партии... уже давно установили отношения сотрудничества с КПК», что «необходимо придерживаться курса на длительное сосуществование и взаимный контроль между КПК и всеми демократическими партиями».

Несмотря на установки съезда, развитие отношений сотрудничества КПК с демократическими партиями в последующие годы не было ровным и гладким. Продолжали существовать настроения непонимания и недовольства как внутри КПК, так и внутри демократических партий, а временами — в 1957–1958, 1962 гг. — демократические партии становились объектом критики и борьбы со стороны КПК. В годы «культурной революции» деятельность демократических партий была практически парализована, однако как организации они не были разрушены.

Лишь во второй половине 70-х годов демократические партии стали возрождаться к жизни в соответствии с установками КПК. В Отчетном докладе XI съезду КПК (1977) прозвучало заявление о необходимости «развивать Единый фронт... включающий патриотические демократические партии...».

В октябре 1977 г. ЦК КПК утвердил доклад Отдела Единого фронта ЦК КПК «К вопросу о патриотических демократических партиях», в котором повторялась установка на «длительное сосуществование и взаимный контроль» и говорилось, что КПК усиливает партийное руководство демократическими партиями.

Решающую роль для дальнейшего развития демократических партий, как и Единого фронта Китая в целом, сыграли два выступления Дэн Сяо-пина в 1979 г. Отметив славную историю и важные заслуги этих партий, он заявил, что «они уже стали политическими союзами, состоящими частью из социалистических тружеников и частью из патриотов, поддерживающих социализм, политической силой, служащей делу социализма под руководством КПК». Дэн Сяо-пин подчеркивал, что демократические партии и Всекитайская федерация промышленников и торговцев (ВФПТ) являются важной составной частью Единого фронта, имеют длительную историю сотрудничества с КПК, являются «близкими друзьями партии», что и в новый исторический период они по-прежнему занимают важное место и играют роль, которую нельзя игнорировать.

Эти «установочные» речи Дэн Сяо-пина легли в основу всей дальнейшей политики КПК в отношении демократических партий. Каждая из них стала определяться как «политический союз, состоящий частью из социалистических тружеников и частью из патриотов, поддерживающих социализм, политическая партия, служащая социализму», а многопартийное сотрудничество под руководством КПК стало называться частью политической системы с китайской

Система многопартийного сотрудничества

спецификой. Определение роли и места демократических партий как организаций, содействующих стабильности и сплочению, содействующих осуществлению четырех модернизаций, демократизации и законности, претворению в жизнь великого дела объединения Родины, поставило развитие сотрудничества между КПК и демократическими партиями на новую, более прочную основу. Деятельности демократических партий и развитию сотрудничества с ними снова стало уделяться серьезное внимание. На съездах демократических партий, проведенных в конце 1979 г., их деятельность была переориентирована на выполнение программы четырех модернизаций. Начиная с 1979 г. возобновились широко практиковавшиеся еще до «культурной революции» консультации руководителей КПК с их руководящими деятелями. В начале 80-х годов формулировка, характеризующая сотрудничество КПК с демократическими партиями, была расширена. Использовавшаяся еще с середины 50-х годов формулировка о «длительном сосуществовании и взаимном контроле» была дополнена словами об «искреннем обмене мнениями и совместном переживании радостей и невзгод».

В конце 1989 г. ЦК КПК принял важный документ, регламентирующий взаимоотношения между КПК и демократическими партиями и предусматривающий их долгосрочный характер. Система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК называлась в нем «одним из основных политических механизмов» страны. КПК именовалась «руководящим стержнем социализма, правящей партией», а демократические партии — «партиями, принимающими участие в политической жизни».

Принятие ЦК КПК документов, о которых говорилось выше, предпринимавшиеся меры к сохранению демократических партий в неблагоприятные для них периоды, наконец, меры к их возрождению в конце 70-х годов свидетельствуют о заинтересованности КПК в сотрудничестве с этими организациями, в привлечении их к решению задач, стоящих перед страной.

Как конкретно происходит взаимодействие и сотрудничество КПК и демократических партий? Прежде всего это непосредственное участие деятелей демократических партий в системе представительных, правительственных и правоохранительных органов различных ступеней, а также в работе НПКСК.

Несколько руководителей демократических партий в настоящее время занимают посты заместителя Председателя ПК ВСНП, около 40 деятелей этих партий входят в состав ПК ВСНП, почти 400 их представителей являются депутатами ВСНП, тысячи членов демократических партий — депутаты СНП различных уровней. Ряд членов этих партий занимают посты заместителей министров, один — заместитель председателя Верховного народного суда. В 2007 г. заместитель председателя партии *Чжунго Чжигундан* назначен министром науки и техники КНР. В ряде провинций должности вице-губернаторов занимают деятели демократических партий, сотни членов этих партий находятся на руководящих должностях управлений местных правительств или городов провинциального подчинения, на руководящих постах в местных правительствах на уровне уезда, а также на руководящих должностях в народных судах или народных прокуратурах на уровне уезда.

Широко представлены демократические партии в составе НПКСК, являющемся непосредственной организационной формой многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК. Семь представителей демократических партий (из них двое — руководители этих партий) занимают посты заместителя Председателя ВК НПКСК, 128 деятелей входят в состав Постоянного комитета ВК НПКСК, 666 членов демократических партий являются членами ВК НПКСК, на долю членов КПК в его составе приходится приблизительно 40% от общего количества, на долю демократических партий и беспартийных — 60%. Такая квота представительства была определена специальным решением ЦК КПК еще в начале 80-х годов и соблюдается до сих пор. Кроме того, несколько тысяч представителей демократических партий работают в качестве специально приглашенных на постах ревизоров, контролеров и инспекторов в системе правоохранительных органов, органов контроля и образования на уровне провинции и выше. Отмечая в целом устойчивый рост количества членов демократических партий в различных органах всех ветвей власти с начала 90-х годов, вместе с тем следует отметить, что они в основном на-

значаются лишь на вторые роли, т.е. на должности заместителей руководителей всех уровней.

Взаимодействие и сотрудничество КПК и демократических партий осуществляется в политических консультациях различных видов.

За 15 лет со времени выхода в свет специального документа, о котором говорилось выше, ЦК КПК, Госсовет или соответствующие ведомства по их поручению провели более 180 заседаний и совещаний с участием демократических партий и беспартийных деятелей. На провинциальном уровне созывалось за этот период 5670 подобных консультативных совещаний.

В марте 2005 г. ЦК КПК принял новый документ по вопросам многопартийного сотрудничества — «Соображения ЦК КПК о дальнейшем усилении строительства системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК». Это было названо «важным событием в политической жизни Китая», особенно для Единого фронта и многопартийного сотрудничества, а сам документ был охарактеризован как «программный документ, направляющий дело Единого фронта и многопартийного сотрудничества Китая на новом этапе в новом столетии».

Согласно данному документу, определены две основные формы политических консультаций: одна — это политические консультации КПК с демократическими партиями; другая — это политические консультации КПК в Народном политическом консультативном совете с демократическими партиями и деятелями и представителями различных кругов.

Успешное функционирование в Китае системы многопартийного сотрудничества нашло свое отражение в ряде официальных документов. В принятой на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва в 1993 г. поправке к Конституции констатируется, что «система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК будет существовать и развиваться в течение длительного времени». В Общую программу Устава КПК на XIV съезде в 1992 г. впервые была введена формулировка о том, что следует «отстаивать систему многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК». В документах последующих съездов эта формулировка подтверждается.

В 1994 г. в Устав НПКСК были также внесены дополнения — в частности, повторена формулировка о системе многопартийного сотрудничества, зафиксированная в Конституции КНР годом раньше, и положение о том, что НПКСК «является важным органом осуществления многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК».

По сложившейся в последние десятилетия практике съезды демократических партий проводятся после очередного съезда КПК. При этом каждая из сторон принимает активное участие в процессе подготовки и проведения съезда другой стороной. Руководители демократических партий непосредственно привлекаются в ходе подготовки Отчетного доклада съезду КПК для его обсуждения. На специальном совещании заслушиваются их мнения и предложения по проекту доклада, по вопросам о ходе реформ, модернизации, строительстве политической и духовной культуры, об отстаивании принципа «одно государство — две системы», об осуществлении полного объединения Китая и т.д. Руководители демократических партий принимают участие в качестве приглашенных на съездах КПК.

В свою очередь, при открытии всекитайского съезда каждой демократической партии кто-либо из числа высшего руководства КПК зачитывает приветственное письмо ЦК КПК, в котором демократические партии называются «близкими и дружественными КПК партиями», подтверждается неизменность курса КПК на отстаивание и совершенствование системы многопартийного сотрудничества. Отмечаются заслуги каждой партии в истории, ее успехи в различных областях, указываются поступившие от нее важные предложения, заслужившие высокую оценку ЦК КПК и Госсовета, выражается глубокая признательность за внесенный ею вклад. В приветственных письмах ЦК КПК в адрес съездов демократических партий выражается надежда на еще большее выявление их роли в будущем, при этом называются конкретные направления развития в соответствии со спецификой их деятельности.

Сотрудничество 72-миллионной КПК, определяющей курс и политику государства, с демократическими партиями в качестве дружественных партнеров, «принимающих участие в поли-

Система многопартийного сотрудничества

тической жизни», приносит позитивные результаты. Привлекая эти партии к обсуждению и разработке важных государственных документов, КПК и правительство страны имеют возможность еще до принятия решений узнать мнения и возможные возражения в тех слоях общества, которые представляют эти партии, учесть их и избежать тем самым возможных просчетов и напряженности в обществе. Кроме этого, мнения демократических партий важны также как мнения большого отряда высококвалифицированных специалистов и ученых, состоящих в их рядах. В таких же областях, как экономика, наука, образование, культура, медицина, издательское дело и т.д., роль демократических партий очень высока. Обладающие высоким интеллектуальным потенциалом, научно-техническими знаниями, управленческо-административными навыками, широкими связями в стране и за рубежом, демократические партии активно участвуют в проведении многих кампаний, организуемых КПК и правительством, например в движении «интеллектуальной и научно-технической помощи приграничным и бедным районам», в организации консультативных служб по различным вопросам и т.п. Помимо участия в политической жизни страны они занимаются также разработкой законов об образовании, защитой интересов реэмигрантов, выдвигают предложения по реформе госпредприятий, судебной системы, медицины и здравоохранения, предложения по планированию рождаемости, об охране окружающей среды и т.д. Активное участие они принимают в масштабном освоении западных районов Китая. За 10 лет (1990–2000) демократические партии выдвинули 110 важных предложений в адрес ЦК КПК и Госсовета, многие их них были приняты к действию и приносят большой эффект.

Как указывалось в белой книге «Система политических партий Китая», опубликованной в ноябре 2007 г. пресс-канцелярией Госсовета КНР, в течение последних трех лет демократические партии и беспартийные внесли в ЦК КПК более 200 предложений по вопросам экономики, политики, социальной сферы, образования, науки и техники, культуры, здравоохранения и т.д. Предложения эти были рассмотрены и приняты ЦК КПК и Госсоветом КНР и дали хорошие результаты. Важный вклад вносят демократические партии в дело «строительства двух цивилизаций». Проводя этот курс КПК в жизнь, они активно содействуют повышению общего культурно-образовательного уровня всего населения страны. В период 90-х годов совместными усилиями этих партий и ВФПТ по всей стране было создано около 70 тыс. различных школ и учебных курсов, в которых прошли обучение почти 2 млн. человек. Тысячи ученых и специалистов–членов этих партий выезжали в бедные и приграничные районы Китая, где выполняли программу по 30 тыс. направлений. О высоком профессиональном и интеллектуальном уровне членов демократических партий свидетельствует тот факт, что более половины действительных членов АН Китая и часть действительных членов Инженерной академии КНР составляют деятели этих организаций.

Существование в политической системе Китая такого механизма, как система многопартийного сотрудничества, т.е. сотрудничества КПК и восьми небольших демократических партий, насчитывающих приблизительно 650 тыс. членов, является реальным фактом. Демократические партии не враждуют между собой, не ведут борьбу за власть, а участвуют во всех областях жизни общества. Это действительно специфическое китайское явление, когда самостоятельные организации, признавая и принимая руководство со стороны правящей КПК, проводят ее политику и заняты созидательной деятельностью, приносящей пользу обществу и в определенной степени содействующей стабильности и национальному сплочению в стране.

Практика политической жизни КНР в последние десятилетия подтверждает, что КПК и правительство успешно проводят политику, направленную на всестороннее сотрудничество с демократическими партиями, на сохранение их в политической системе. Есть основания полагать, что руководство КПК и Китая и впредь намерено укреплять и совершенствовать сотрудничество с демократическими партиями. Свидетельством тому являются включение в Основной закон страны — Конституцию в 1993 г. поправки о долговременном характере многопартийного сотрудничества, документы XVII съезда КПК, а также документ ЦК КПК о даль-

нейшем усилении многопартийного сотрудничества и политических консультаций, принятый в 2005 г.

* *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977, с. 354–355; XI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1977, с. 124; *Дэн Сяо-пин.* Избранное (1975–1982 гг.). Пекин, 1985, с. 224; Чжоу Энь-лай гуаньюй Тунъи чжаньсянь вэньсюань (Избр. труды Чжоу Энь-лая по Единому фронту). Пекин, 1984; Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. М., 1956, с. 48–49; Современное законодательство Китайской Народной Республики: Сб. норматив. актов. М., 2004. ** *Степанова Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999; Как управляется Китай: Эволюция властных структур в конце XX — начале XXI в. 2-е доп. и обновл. изд. М., 2004, с. 100–115.

Г.А. Степанова

Экзаменационная система аттестации чиновников в Китайской Республике, на Тайване и в КНР

Экзаменационная система Китайской Республики, провозглашенной в 1912 г., основывалась на следующих демократических принципах:

свобода мысли, стиля и языка. Кандидаты имеют право свободно излагать собственные мысли (а не мысли Конфуция или Чжу Си). Они могут писать сочинения в любом жанре документа или эссе (а не в жанре восьмичленного сочинения). Они также свободны в выборе стандартного китайского языка (*го юй*) в любой его форме, будь то классический письменный язык (*вэньянь*), разговорный китайский (*байхуа*) или их смешение.

Свобода знания и, как следствие, многообразие кадровых категорий. Кандидаты имеют право выбирать любую из отраслей знания (административную или техническую), в которой они специализировались, и, таким образом, могут посвятить себя государственной службе в избранной области в соответствии с достигнутым уровнем знаний (младшие государственные служащие — посредством обычных экзаменов, старшие — посредством высших экзаменов). В этом состоит отличие новой системы от традиционной экзаменационной системы с ее единственной степенью *цзинь ши.*

Свобода в проведении экзаменов. Экзаменаторы могут задавать любые вопросы, не дожидаясь решения главного экзаменатора, чтобы проверить способности кандидата. Они также обладают правом проводить экзамены для женщин, для молодых и пожилых, богатых и бедных, а также экзаменовать высших государственных служащих.

С предложением о восстановлении экзаменационной системы выступил в 1907 г. Сунь Ят-сен. В «Программе строительства государства» вновь прозвучала его идея о том, что «квалификация основных и второстепенных чиновников по всей стране должна определяться Экзаменационным юанем».

Официальной датой учреждения Экзаменационного юаня стало 6 января 1930 г. В 1935 г. этот юань обнародовал закон, регламентировавший проведение экзаменов. Согласно ему были организованы экзаменационные палаты и отделы по делам экзаменов. В компетенцию палат входило составление расписания экзаменов, определение стандартов для составления экзаменационных вопросов и квалификации работ кандидатов, привлечение в качестве экзаменаторов квалифицированных специалистов, проверка итоговых оценок, объявление имен кандидатов, выдержавших экзамен. Отделы по делам экзаменов отвечали за подготовку, сверку, получение и выпуск официальных документов, за использование официальной печати и хранение протоколов собраний. В круг их обязанностей входили также обустройство экзаменационных помещений, печатание вопросов, общий надзор за ходом экзаменов, хранение работ, проверка фотографий экзаменуемых, регистрация и подсчет экзаменационных оценок, ведение бухгалтерских счетов. Таким образом, в ведении Экзаменационного юаня оказались все функции, которые традиционно были распределены между местными органами власти, провинциальным уполномоченным по образованию, экзаменаторами.

В настоящее время на Тайване в состав Экзаменационного юаня входят Министерство экзаменов, Министерство государственной службы, Комиссия по защите прав и подготовке государственных служащих, Счетная палата пенсионного фонда государственной службы. Согласно статье 5 Поправок к конституции, принятых в 1994 г., Экзаменационный юань остается высшим органом, ответственным за все вопросы кадровой политики государственной службы, включая проведение экзаменов.

Экзаменационный юань возглавляют председатель и его заместитель. В состав юаня входят 19 членов в ранге министров, которые назначаются президентом на шестилетний срок. Заседания Совета Экзаменационного юаня проходят еженедельно.

Статистика показывает, что с 1950 по 1998 г. на Тайване экзамены на получение государственной должности выдержали около 900 тыс. претендентов, более 570 тыс. прошли квалификационную проверку.

С 1970 (когда были приняты Правила по использованию кадров, успешно выдержавших государственные экзамены) по 1998 г. доля государственных служащих, принятых на работу в госу-

дарственные учреждения по результатам экзаменов, увеличилась с 36,5 до 81%. Эти данные свидетельствуют о возросшем значении экзаменов как средства набора на государственную службу и тесной координации между экзаменационной практикой и практическим использованием кандидатов.

В КНР экзаменационная система была отменена в 1949 г. Поскольку руководство страны (прежде всего Мао Цзэ-дун) рассматривало процесс государственного управления как сугубо политический, когда все проблемы подлежали «классовому» решению, значение административного права недооценивалось, а система кадровых работников (*ганьбу*) была слабо институциализирована. Полагаясь на традиционные конфуцианские методы «управления при помощи людей», КПК быстро и эффективно смогла консолидировать свою власть. Кадровые работники неформально пользовались правом пожизненного найма («неразбиваемая чашка риса») и повышения за выслугу лет, они широко использовали личные связи, реально выступали распорядителями государственных ресурсов. Уже вскоре среди кадровых работников начали возрождаться традиционные моральные установки. Например, бытовавшая прежде солидарность кандидатов, успешно выдержавших экзамены, трансформировалась в солидарность кадровых работников, в одно и то же время начавших свою карьеру.

В настоящее время в КНР преобладает критика недостатков системы кадровых работников, однако это обстоятельство не умаляет огромной роли *ганьбу* в государственном и экономическом строительстве и расширении социальной базы Китая, а также в успешном проведении современных реформ. Абсолютизируя политические аспекты и указывая на отсутствие экзаменационного отбора, критики недооценивают способность кадровых работников абсорбировать специальные знания. На практике же высококвалифицированные специалисты всегда находили себе применение на государственной службе, более того, нередко проблема заключалась именно в их нехватке. Особенность системы кадровых работников состоит в том, что расширение числа *ганьбу*-специалистов не ведет к сокращению числа *ганьбу*-администраторов. Поэтому в равной степени ошибочной является и другая крайность современной критики — обвинение государственного аппарата в излишней технократичности. Во второй половине 1980-х годов лишь 6% руководителей имели высшее образование; на провинциальном уровне более важными факторами служебного роста считались опыт работы, личные связи, а в 1980-е годы — и местное происхождение (последнее вызывало особую озабоченность руководства, так как служило источником местничества).

Темпы роста численности государственного аппарата КНР постоянно увеличивались и были значительно выше темпов роста населения. По аналогии с традиционным государством наиболее быстро росло число кадровых работников среднего звена управления и сверхштатных сотрудников. Это создавало диспропорции в государственном аппарате и требовало непомерных расходов на его содержание. Контроль руководства страны над государственным аппаратом ослабевал, так как материальные условия жизни сотрудников контрольных органов напрямую зависели от расположения местных властей; кроме того, рост штатов в этих органах не отставал от общего роста государственного аппарата.

Меры по реорганизации госаппарата, предпринимавшиеся в КНР со второй половины 1950-х годов, в целом оказались малоэффективными. При сокращении аппарата центрального правительства происходило разбухание штатов на местах; следовавшее затем сокращение штатов кадровых работников местного уровня оборачивалось проблемой нарушения целостности управления, так как подразделения местных властей зачастую выступали органами центральных ведомств. В исторической перспективе циклические реорганизации не могли предотвратить разрастания и усложнения государственного аппарата, для этого требовались комплексные меры.

Необходимость реформы системы административного управления была обоснована Дэн Сяопином на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1978). В качестве главных целей реформы фигурировали повышение профессионализма в управлении, рыночное регулирование в экономике, упрочение правопорядка. Во второй половине 80-х годов стало особенно заметным отставание в сфере государственной службы. На фоне происходивших в стране перемен стали неадекватными прежние способы набора кадровых работников, т.е. централизованное (разнарядка)

Экзаменационная система аттестации чиновников

и рекомендованное назначение на государственные должности выпускников университетов и средних школ высшей ступени, ветеранов и кандидатов, выдвинутых местными органами, руководителями и учреждениями.

В докладе XIII съезду партии в 1987 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзы-ян представил план создания в КНР современной государственной службы. Он отметил, что для зачисления на государственную службу «люди должны пройти предписанные экзамены в открытом соревновании». Дэн Сяо-пин и его последователи выступили с важным предложением об учреждении государственной гражданской службы на основе заслуг. Цель реформы состояла в том, чтобы «привлечь больше талантливых людей в правительство и улучшить политическое и профессиональное качество служащих».

Реформа системы государственной службы проводилась поэтапно. В качестве эксперимента преобразования начинались в подразделениях Госсовета, затем распространялись на местные органы власти, постепенно расширяя свою географию. Было признано целесообразным учитывать темпы экономической реформы, но вместе с тем трансформация административной системы не находилась в прямой зависимости от текущих изменений в экономике; период стабилизации рассматривался в качестве важной части эксперимента.

Руководство отдавало себе отчет, что предпринятые реформаторские усилия затронут интересы более чем 27-миллионной армии кадровых работников и, таким образом, окажут свое влияние на политический климат страны и общество в целом. Предполагалось, что специалисты, попавшие под сокращение, найдут себе применение в государственных органах власти нижних уровней, на предприятиях и в частных фирмах, в учебных заведениях. Часть кадровых работников будет отправлена на пенсию. При проведении реформы в системе государственной службы учитывались различные возможности конкретных местностей по обеспечению интересов высвобождавшихся кадровых работников. По той же причине практика увольнения *ганьбу* появилась только в 1986 г., но широкого распространения так и не получила. Предполагалось привлекать *ганьбу*-пенсионеров к участию на общественных началах в работе комиссий и групп по борьбе с коррупцией и проверке исполнения законов.

Экзаменационная система стала первоочередной мерой в рамках создания в КНР современной государственной службы. Порядок проведения экзаменов юридически определялся во временных положениях об экзаменах и наборе на государственную службу (1992), о государственных служащих (1993) и о повышении и понижении в должности государственных служащих (1996). В апреле 2005 г. принят «Закон КНР о государственных служащих». Общее руководство экзаменационной практикой находится в ведении Министерства кадров, которое было выведено из состава Министерства труда и кадров. В 2007 г. не менее 640 тыс. человек приняли участие в экзаменах для поступления на государственную службу. Экзамены являются также способом отбора кандидатов на повышение в должности. Сведения об открывающихся вакансиях публикуются в печати, после чего проводятся открытые экзамены. Кандидаты, успешно выдержавшие экзамены, проходят дальнейшую проверку, где выявляются их политические, идеологические, моральные и деловые качества. По результатам проверки новые сотрудники зачисляются на службу с испытательным сроком, а через год зачисляются в штат, после чего проходят специальное обучение по месту работы. Обязательными предметами являются основы экономики, компьютерная грамотность, английский язык и нормативный китайский язык (*путунхуа*).

Ответственность за непосредственную организацию конкурсных наборов, подготовку экзаменационных текстов, определение должностных уровней набора лежит на управлениях и отделах кадров центрального и местных правительств. Экзамен включает общие и специальные вопросы; содержание экзамена по общим дисциплинам определяется центральным правительством, по специальным — центральным и соответствующим местным правительством совместно.

Экзамен состоит из письменной и устной части. В ходе письменной проверки определяется образовательный и культурный уровень кандидата, глубина его специальных знаний, а также способность рассуждать и письменно излагать свои мысли. На устном собеседовании кандидат должен продемонстрировать профессиональную пригодность, умение связно говорить, адекватно реагировать на заданные вопросы.

Практика экзаменов как справедливый способ отбора на государственные должности достойных людей нашла широкую поддержку в обществе. При всей своей популярности система экзаменов представляет собой жесткую систему фильтрации кандидатов. Как свидетельствует статистика, только 9–11% претендентов добиваются успеха. В настоящее время экзаменационная система охватила практически всю территорию КНР; задача состоит в ее распространении на нижние уровни государственного аппарата.

Опыт проведения государственных экзаменов для зачисления на государственную службу дал толчок распространению конкурсных отборов в других областях общественной жизни. Министерство кадров активно действует на рынке квалифицированного труда, координирует работу посреднических организаций, занимающихся трудоустройством специалистов. При отборе управляющих компаниями и предприятиями стали применяться устные выступления претендентов, которые оцениваются специальным жюри. В 1999 г. в качестве эксперимента практика экзаменов применялась для отбора кандидатов на партийные посты в некоторых провинциальных организациях КПК. Хотя экзамены не отменяли прямых выборов, сам факт учета их результатов для оценки кандидатов весьма показателен.

Экзаменационная система государственной службы является одним из наиболее ярких проявлений политической культуры Китая. При ее посредстве в древних и средневековых империях сформировались своеобразные отношения между обществом и государством, обусловившие поразительную устойчивость традиционной китайской цивилизации. В настоящее время посредством системы экзаменационного отбора кандидатов комплектуются и функционируют государственные службы Тайваня и КНР. Принципы соревновательности и равных возможностей, заложенные в традиционной китайской экзаменационной системе, получили всемирное признание и в ряде современных стран.

В Европе попытки формирования государственной службы стали предприниматься в конце XVII в., а экзаменационная система появилась в наиболее развитых странах лишь во второй половине XIX в. Эти процессы обычно рассматриваются в контексте модернизации и демократизации западных обществ эпохи капитализма. Уникальность традиционной экзаменационной системы в Китае заключается в том, что она зародилась на 13 столетий раньше, чем в Европе, и оставалась одним из основных способов формирования национальной бюрократии, причем базировалась на совершенно ином социальном фундаменте.

Историческое развитие китайской традиционной экзаменационной системы шло по пути последовательного расширения круга ее участников и снятия социальных ограничений. При этом данная система стала средством насаждения конфуцианской имперской ортодоксии и способом идеологического контроля над обществом — более всеохватным, чем тот, который практикуется в тоталитарных государствах новейшего времени. На примере экзаменационной системы исторический опыт китайского государства по-новому ставит многие вопросы современной политической философии — в частности, о соотношении демократических процедур и демократических ценностей, об организации и идеологии, администрации и политике.

Экзаменационная система характеризует различные грани политической культуры Китая, позволяет судить о ее преемственности и трансформации в современных условиях. Восстановление экзаменов для зачисления на государственную службу в Китайской Республике, а затем и в КНР происходило в различных политических и общественных условиях и получило различные официальные объяснения. Тем не менее обе системы демонстрируют общность традиционной мотивации «отбора достойных людей», а также сходное отношение к заимствованным (западным) элементам современной государственной службы. Насколько легко произошло восстановление экзаменационной системы по обе стороны Тайваньского пролива, настолько тяжело и медленно идет процесс усвоения западного опыта, касающегося ранжирования должностей и определения должностных полномочий и прав. На Тайване прямое внедрение американской системы должностей было сопряжено с определенными трудностями системного характера. Руководство КНР утверждает, что новая структура государственного управления будет учитывать исторический опыт организации кадровых работников и сохранит свою национальную специфику, поскольку прямое заимствование западных реалий невозможно. Параллельно с введением экзаме-

нов в КНР постепенно возрождается не менее традиционная для китайской истории система ротации руководящих работников.

Экзаменационная система аттестации чиновников

Традиционной проблемой политической культуры Китая является вопрос о соотношении управления «при помощи людей» и управления «при помощи закона». Экзаменационная практика повышает степень институциализации органов государственной службы, но не может окончательно решить спор в пользу «закона». Государственная служба Тайваня определяет конкретные границы применения экзаменов: наряду с экзаменационной проверкой значительное число государственных служащих острова проходит аттестацию и различного рода тесты на профессиональную пригодность; в общественной жизни Тайваня также бытует мнение о консервативности экзаменационной системы и звучат предложения отменить конкурсные экзамены для некоторых категорий служащих.

Традиционная экзаменационная система создавала и укрепляла слой общественно-политической элиты Китая. Поскольку число кандидатов, выдержавших экзамен, не соотносилось с наличием свободных государственных должностей, далеко не все обладатели степеней использовались на государственной службе. Малочисленный традиционный государственный аппарат мог управлять огромной страной, лишь передавая часть полномочий местной элите, видное положение в которой занимали те, кто успешно прошел экзаменационный отбор, но не получил государственной должности. Таким образом, китайская экзаменационная система одновременно выполняла функции органа образования, средства комплектования государственной службы и, до определенной степени, демократического представительства населения.

См. лит-ру к ст. «Государственная экзаменационная система»

В.М. Майоров

Всекитайское собрание народных представителей

Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) в качестве верховного органа власти КНР начало свою деятельность в сентябре 1954 г. (1-я сессия 1-го созыва). Однако такое его положение в государстве было официально определено накануне провозглашения КНР в конце сентября 1949 г. пленарной сессией Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), которая сыграла роль Учредительного собрания КНР и какое-то время выполняла функции ВСНП. Она сформировала Центральное народное правительство, приняла постановления о государственном флаге и государственном гимне КНР, о переходе на новое летоисчисление, о переносе столицы страны в Пекин с возвращением ему прежнего названия (Бэйцзин — Северная столица). В дальнейшем, вплоть до первой сессии ВСНП, функции высшего органа власти были возложены на Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), принявший ряд важных законодательных актов. Первым из них был опубликованный 1 мая 1950 г. Закон о браке, продолжавший традиции семейного законодательства освобожденных районов. Уже в масштабе всей страны закон устанавливал одинаковые права мужчин и женщин в браке, закреплял обязанности родителей воспитывать и содержать своих детей, равноправие внебрачных детей с детьми, родившимися в браке. За ним последовал Закон о земельной реформе (21 июня 1950 г.), целью которого была ликвидация помещичьего землевладения. Закон регулировал конфискацию помещичьих земель, принадлежавшего помещикам сельскохозяйственного инвентаря, излишков зерна, части жилых строений в сельской местности и их распределение среди безземельных и малоземельных крестьян. В 1951 г. было принято Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность, а а 1952 г. — Положение о наказаниях за коррупцию. В 50-е годы XX в. ЦНПС принял и ряд других нормативных актов.

Кроме ЦНПС нормотворчество осуществлял Административный совет и его комитеты. В целом правотворчество КНР в эти годы (да и в последующие тоже) отличались многосубъектностью, которая выражалась в предоставлении нормотворческих прав широкому кругу властных органов, включая правительства крупных административных районов, военно-контрольные комитеты Народно-освободительной армии. В области трудового права субъектом правотворчества выступала и Всекитайская федерация профсоюзов. В частности, последней были приняты Временные правила о порядке разрешения трудовых конфликтов, Временные правила о заключении договоров между трудящимися и предпринимателями на частных предприятиях (ноябрь 1949 г.) и др.

По Конституции КНР, принятой в 1954 г., ВСНП становилось — единственным — общегосударственным законодательным органом, однако, как мы увидим, от этой идеи пришлось отказаться из-за редкого (раз в год) созыва сессий ВСНП. Тем не менее в первые годы своего существования оно работало довольно интенсивно.

На 1-й сессии ВСНП 1-го созыва вслед за Конституцией были приняты пять законов, определивших организацию ВСНП, Государственного совета, пришедшего на смену Административному совету, местных собраний народных представителей и народных комитетов, суда, прокуратуры. На последующих сессиях ВСНП были приняты Закон о воинской обязанности, постановление о предоставлении Постоянному комитету ВСНП (ПК ВСНП) права издания частных законов (2-я сессия 1-го созыва, 1955 г.), Примерный устав сельскохозяйственного производственного кооператива высшего типа и другие законодательные акты.

Такие крупные законодательные акты, как Закон о воинской обязанности и Примерный устав сельскохозяйственного производственного кооператива высшего типа, до принятия их ВСНП прошли предварительное обсуждение и еще в проектах одобрены китайской общественностью. До принятия Конституции КНР при Народно-революционном военном совете Центрального народного правительства в марте 1953 г. была создана комиссия по выработке проекта Закона о воинской обязанности. Этой комиссией была проделана работа по подготовке первоначального проекта закона, для чего были изучены соответствующие условия в Китае, собраны мнения заинтересованных органов, изучены аналогичные законы в СССР и в странах народной демократии.

Первоначальный проект закона был подготовлен в политико-юридическом комитете Административного совета и в политико-юридической секции Всекитайского комитета (ВК) НПКСК, а затем был направлен в Государственный комитет обороны (ГКО), который с принятием Конституции 1954 г. сменил Народно-революционный военный совет. 9 декабря 1954 г. ГКО одобрил проект и направил в Государственный совет. Последний также одобрил проект и передал его для изучения в ПК ВСНП.

Более трех месяцев законопроект находился на всенародном обсуждении. В июне 1955 г. Госсовет обобщил результаты обсуждения. В законопроект были внесены изменения и дополнения, проект еще раз был обсужден на заседании Госсовета 4 июля 1955 г. и одобрен им.

Проект был представлен на рассмотрение 2-й сессии ВСНП и принят на ее заседании 30 июля 1955 г.

В период полномочий ВСНП 1-го созыва несколько раз вносили изменения в принятые законы, и эта практика, естественная для высшего законодательного органа, нашла продолжение и в практике работы последующих созывов ВСНП.

В практике работы сессий, следующих за 2-й сессией ВСНП, не отмечалось случаев внесения изменений в Закон об организации Госсовета 1954 г., хотя в то время происходил ряд важнейших реорганизаций министерств, комитетов и комиссий правительства. Это объясняется тем, что 2-я сессия ВСНП приняла постановление о предоставлении ПК ВСНП права издания законов по частным вопросам (частных законов). Наличие у ПК ВСНП этого права освободило ВСНП от изменения отдельных положений в законах в связи с потребностями государственного строительства в стране. Эти изменения во многих случаях касались вопросов образования, слияния и ликвидации органов министерского уровня.

4-я сессия 1-го созыва (26 июня — 13 июля 1957 г.) знаменательна выступлением депутатов ВСНП против так называемых «буржуазных правых элементов». Ярлык «правого элемента» мог быть навешен на любого. Среди обвинений присутствовало, например, противопоставление демократических партий КПК, превращение этих партий в оппозиционные. «Правым» приписывался имевший хождение проект превращения НПКСК во вторую палату парламента с правом вето в отношении постановлений ВСНП.

5-я сессия ВСНП 1-го созыва (1958 г.) проходила накануне «большого скачка». ВСНП не обсуждало этот существенный вопрос — «большой скачок» определялся партийными директивами. В дальнейшем деятельность ВСНП практически свелась к обсуждению бюджетных вопросов. Постановления по этим вопросам носили достаточно формальный характер, так как сессии ВСНП в то время обычно проводились в середине, а то и в конце бюджетного года.

Еще в 50-х годах законодательные функции перешли от ВСНП к его Постоянному комитету. Решением 2-й сессии ВСНП 1-го созыва Постоянному комитету было предоставлено право издания частных законов. Определение понятия «частный закон» в постановлении ВСНП не было, практика же дальнейшей нормотворческой деятельности в КНР позволяет сделать вывод, что законодатель имел в виду, как уже упоминалось выше, возможность внесения ПК ВСНП изменений в принятые ВСНП законы. Между тем ПК ВСНП стал издавать постановления, вносившие изменения не только в законы, но и в Конституцию. Новое качество ПК ВСНП как законодательного органа закрепляется решением 1-й сессии ВСНП 2-го созыва от 28 апреля 1959 г. по отчетному докладу ПК ВСНП. Фактически он становится единственным законодательным органом, поскольку ВСНП прекратило законодательную деятельность. С началом «культурной революции» была парализована деятельность и ПК ВСНП, ставшего выполнять через своих руководящих лиц главным образом представительские функции.

Уже с началом «большого скачка» стали нарушаться сроки выборов в представительные органы: с 1958 по 1964 г. они вообще не проводились. Немногие собиравшиеся в те годы сессии местных СНП посвящались исключительно бюджетным и организационным вопросам. Бывали годы, когда таких сессий вообще не было. В 1961 г. не созывалось даже ВСНП.

Попытка восстановления конституционной представительной системы была предпринята в 1964 г., т.е. в период «урегулирования», когда была созвана сессия ВСНП. После окончания первой его сессии (в самом начале 1965 г.) оно больше не созывалось. Когда же впоследствии

(осень 1970 г.) вновь зашла речь о предстоящем созыве ВСНП, в коммюнике пленума ЦК КПК 9-го созыва указывалось, что это будет собрание 4-го созыва.

ВСНП 4-го созыва собралось на свою 1-ю сессию лишь в начале 1975 г. после нескольких раундов внутриполитической борьбы, откладываясь в течение длительного времени. При формировании состава ВСНП 4-го созыва (2885 депутатов) вместо всеобщих выборов проводились так называемые «демократические консультации» — специфический метод подбора кандидатур вышестоящими партийно-административными органами при формальном согласовании с нижестоящими организациями. Большинство депутатов из рабочих, крестьян и военнослужащих являлись активистами «культурной революции». Вместе с тем, судя по составам президиума сессии и ПК ВСНП, среди депутатов были довольно широко представлены старые деятели, в том числе из беспартийных и функционеров «демократических партий».

Официальным заседаниям 1-й сессии ВСНП 4-го созыва, проходившим с 13 по 17 января 1975 г. в Пекине, предшествовали подготовительные заседания (5–11 января), на которых депутатов ознакомили с содержанием проектов основных документов сессии. Эти проекты были утверждены состоявшимся одновременно (8–10 января) пленумом ЦК КПК и еще ранее согласованы и одобрены высшим руководством, предопределившим и все назначения на высшие государственные посты. Повестка дня включала три вопроса: внесение изменений в Конституцию (фактически принятие новой Конституции); доклад Чжоу Энь-лая о работе правительства и назначения руководящих работников государства. Народно-хозяйственные планы и бюджет на сессию не выносились.

Доклад «О внесении изменений в Конституцию» сделал Чжан Чунь-цяо, назначенный затем заместителем премьера Государственного совета КНР и начальником Главного политического управления НОАК.

Принятая по его докладу Конституция была значительным регрессом по сравнению с Конституцией 1954 г. Это был чрезвычайно краткий (всего 30 статей) документ, больше похожий на политическую декларацию, чем на правовой акт. Конституционный вопрос был поставлен с точки зрения идеи «неуклонного продолжения революции при диктатуре пролетариата». Опорой диктатуры были названы вооруженные силы — армия и ополчение. Конституция закрепила в качестве органов власти возникшие в период «культурной революции» так называемые революционные комитеты (ревкомы), упразднялся пост Председателя КНР, который занимал погибший в «культурную революцию» Лю Шао-ци, урезались полномочия ВСНП и ПК ВСНП, ликвидировались прокуратуры, функции которых перешли к органам общественной безопасности. Были внесены и другие изменения волюнтаристского характера.

Однако Конституции 1975 г. действовать было не суждено. Вскоре после смерти в 1976 г. Мао Цзэ-дуна и отстранения от власти его ближайших сподвижников, уже осенью 1977 г., новым руководством КНР было принято решение о фактической отмене этого акта, а еще полгода спустя была принята третья Конституция КНР. Это произошло на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва, состоявшейся в феврале–марте 1978 г. На этот раз депутаты ВСНП были избраны на сессиях СНП провинциального уровня. Всенародному обсуждению проект не подвергался, и даже не было предварительной информации о его существовании. Впервые это было сообщено уже в ходе сессии 1 марта 1978 г. в докладе Е Цзянь-ина, объяснившего, что конституционный проект был утвержден II пленумом ЦК КПК 11-го созыва. Конституция была принята ВСНП 5 марта 1978 г. Она была компромиссным документом, который, с одной стороны, восстанавливал основные положения Конституции 1954 г., а с другой — нес на себе отпечаток «культурной революции» и закреплял некоторые ее лозунги и даже институты, например «ревкомы». Такая Конституция не могла действовать сколько-нибудь длительный период времени. Она подверглась изменениям уже на 2-й сессии 5-го созыва (июнь–июль 1979 г.), когда были «почищены» кое-какие остатки «культурной революции» (например, «ревкомы» стали народными правительствами). В то же время третья Конституция КНР сыграла определенную положительную роль в восстановлении законодательного процесса. Одновременно с Конституцией были приняты новые редакции законов о ВСНП и Госсовете, о выборах в ВСНП и местные СНП различ-

Всекитайское собрание народных представителей

ных уровней. Последние получили возможность выставлять на выборах альтернативные кандидатуры. На 2-й сессии ВСНП 5-го созыва были приняты законы о суде и прокуратуре. На этой же сессии 1 июля 1979 г. были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы КНР. На 3-й сессии ВСНП того же созыва (август–сентябрь 1980 г.) были приняты важные законы о гражданстве и о браке (новая редакция), о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом. На 3-й сессии было принято и решение о пересмотре Конституции 1978 г. и образована комиссия для этой цели во главе с Е Цзянь-ином. Пересмотр Конституции объяснялся на сессии тем, что при принятии Конституции 1978 г. «еще не успели глубоко распознать и ликвидировать влияние левацких взглядов времен десятилетней смуты».

На разработку новой (по официальной терминологии — исправленной) Конституции ушло более двух лет. В отличие от своих ближайших предшественниц 1975 и 1978 гг., принимавшихся наспех, эта конституция прошла стадию всенародного обсуждения. Ее проект был опубликован 28 апреля 1982 г. Одновременно с его опубликованием ПК ВСНП принял решение вынести документ на обсуждение сессии ВСНП 5-го созыва. На 5-й сессии, открывшейся 26 ноября, с докладом о проекте «исправленной» Конституции выступил заместитель председателя комиссии по пересмотру Конституции Пэн Чжэнь. Утвержденная сессией ВСНП 4 декабря 1982 г., новая Конституция была опубликована в китайской печати 5 декабря.

Из последних Конституций КНР она ближе всего к главному закону страны 1954 г., особенно в части, касающейся правового регулирования государственной структуры, прав и обязанностей граждан и ряда общих положений. В частности, восстановительный характер носили многие правовые нормы Конституции о государственной структуре, но были добавлены и новые положения. Среди восстановленных норм и новаций следующие: 1) восстановление института Председателя КНР; 2) предоставление ПК ВСНП почти всех законодательных полномочий ВСНП (об исключительных полномочиях собрания см. дальше); 3) создание Центрального военного совета, который, как заранее было объявлено, совпадает по персональному составу с Военным советом ЦК КПК; 4) восстановление волостного звена власти и управления и отделение его от «коммун»; 5) установление сроков, ограничивающих пребывание некоторых высших государственных должностных лиц на своих постах (Председателя и заместителя Председателя КНР, председателя и заместителя председателя ПК ВСНП, премьера, заместителей премьера и членов Госсовета, председателя Верховного народного суда, генерального прокурора Верховной народной прокуратуры) двумя созывами ВСНП, т.е. десятью годами; 6) введение принципа несовместимости членства в ПК СНП (включая ПК ВСНП) с занятием административных, судебных и прокурорских должностей; 7) учреждение в составе правительств различных ступеней (в том числе и Госсовета) ревизионных органов для усиления контроля за финансами и финансовой дисциплиной.

В период подготовки окончательного текста Конституции в него было внесено около ста поправок. Большинство поправок имело юридическо-технический характер, но были и другие. Так, в окончательном тексте Конституции было опущено положение о воспитании интеллигенции. Одновременно появились отдельные статьи о развитии науки, медико-санитарных делах, литературе и искусстве, вставлен абзац о «социалистической духовной культуре» (ст. 24). Общая статья о государственных органах дополнилась положениями об упрощении аппарата и сокращении штатов, о системах служебной ответственности, повышении квалификации кадров и их аттестации (ст. 27). Если в ст. 32 проекта говорилось лишь о предоставлении права убежища иностранным гражданам, то в утвержденном тексте эта статья начинается с развернутой формулировки об охране в КНР законных прав и интересов иностранцев. Значительным изменением в главе о государственной структуре явилось снятие ограничительного срока для пребывания на посту председателя Центрального военного совета (им должен быть председатель Военного совета ЦК КПК).

В целом Конституция КНР 1982 г. как документ, определяющий государственный строй страны, представляла собой явный прогресс по сравнению с предшествовавшими Конституциями. По своему тексту и закрепляемым его основным институтам действующая Конституция ближе все-

го к первой Конституции КНР, хотя и имеет существенные от нее отличия, усиленные поправками, внесенными ВСНП в 1988–2004 гг.

Согласно Конституции КНР, верховная власть в стране осуществляется высшим представительным органом — Всекитайским собранием (съездом) народных представителей (ВСНП). Этот однопалатный орган формируется путем многостепенных выборов главным образом от нижестоящих представительных органов провинций, городов центрального подчинения и автономных областей (районов), а также особых административных районов и вооруженных сил. При этом все малочисленные народы должны быть представлены в высшем органе власти. В составе ВСНП имеется избранное особым путем представительство от провинции Тайвань. С 1986 г. введено ограничение численного состава ВСНП тремя тысячами депутатов.

Кроме Конституции важнейшими правовыми аспектами, определяющими организацию и деятельность ВСНП, являются Закон КНР о Всекитайском собрании народных представителей (1982) и Регламент ВСНП (1989).

Срок полномочий ВСНП — пять лет. Его сессии созываются раз в год и продолжаются не менее половины месяца. Регламентируется порядок подготовки каждой сессии ВСНП, время проведения которой ограничено, а обсуждаемые вопросы, касающиеся обычно всей страны, достаточно сложны. Согласно ст. 6 Регламента ВСНП, на ПК ВСНП возлагается организационно-правовая обязанность за месяц до проведения каждой сессии ВСНП уведомлять депутатов об основных вопросах, выносимых на обсуждение. В свою очередь, согласно статье 32 Регламента ВСНП, Государственный совет обязан распространить среди депутатов основные положения плана и бюджета для их рассмотрения депутатами и членами соответствующих комиссий. Подобные установления редко встречаются в регламентах парламентов других стран и являются характерной чертой регламента ВСНП. Специфической организационной формой работы ВСНП являются и делегации депутатов, образуемые до сессии из депутатов, избранных от соответствующих единиц. Заседания делегаций созывает избранный из их состава руководитель. Делегации могут образовывать по нескольку депутатских групп. Делегации рассматривают проекты решений сессии и доклады, которые выносятся на заседания делегаций или депутатских групп. Последние решениями более половины своего состава выдвигают законопроекты, направляют запросы, выносят предложения об освобождении от должностей.

При редких и относительно непродолжительных по времени сессиях довольно широкий круг полномочий предоставлен постоянно действующему органу ВСНП — его *Постоянному комитету* (ПК ВСНП). Он официально определен Конституцией как орган, осуществляющий законодательную власть наряду с самим ВСНП (ст. 58). Однако сфера законодательной деятельности ПК ВСНП ограничена исключительной компетенцией Собрания, которая включает внесение поправок в Конституцию, принятие уголовного и гражданского кодексов, законов о государственной структуре и «других основных законов» и внесение в них изменений.

Вступившим в силу с 1 июня 2000 г. Законом КНР о правотворчестве был установлен перечень вопросов, которые регулируются *только законами*. В их числе вопросы государственного суверенитета: образования, организации и компетенции местных органов власти и управления, судов и прокуратур всех ступеней; национальной автономии, системы Особых административных районов (ОАР), низового самоуправления; принуждения и наказания, связанных с лишением или ограничением личной свободы, изъятием негосударственного имущества; основ гражданского права, финансов, налогов, таможен и внешней торговли; судебно-процессуальной и арбитражной систем. Может также потребоваться принятие законов по другим вопросам, определенным ВСНП и ПК ВСНП.

Только сессией ВСНП могут приниматься основные законы, касающиеся ОАР. Такие законы приняты для Сянгана (Гонконг) и Аомыня (Макао). К исключительной компетенции ВСНП отнесено принятие законов об изменении статуса административно-территориальных единиц провинциального уровня (сравнительно недавний пример — предоставление статуса города центрального подчинения Чунцину). Лишь сессии ВСНП полномочны принимать бюджет страны и утверждать отчет о его исполнении, заслушивать доклады о планах экономического и социального развития.

К исключительным полномочиям ВСНП относится избрание или утверждение высших должностных лиц государства, в том числе Председателя КНР и его заместителя, премьера Государственного совета, председателя Центрального военного совета (ЦВС), председателя Верховного народного суда, генерального прокурора Верховной народной прокуратуры. Премьер Госсовета утверждается по представлению Председателя КНР, все другие лица, входящие в состав Госсовета, — по представлению премьера. Кандидатуры других членов ЦВС представляются на утверждение председателем этого совета. К компетенции ВСНП отнесены также вопросы войны и мира и другие полномочия, которые «надлежит осуществлять высшему органу государственной власти».

Руководящим органом сессии является ее *президиум,* избранный на *подготовительном заседании*, предшествующем официальному открытию сессии. Этот орган полномочен созывать пленарные заседания сессии, на которых по очереди председательствуют специально выделенные президиумом лица. Кроме того, согласно статье 13 Регламента ВСНП, президиум может организовывать депутатов по социальной и профессиональной принадлежности для участия в обсуждениях и прениях по специальным вопросам.

Сессиями ВСНП образуются *специальные комиссии*, которых обычно в составе ВСНП девять: по законодательству, по внутренним делам и юстиции, по финансам и экономике, по образованию, науке, культуре и здравоохранению, по международным делам, по делам зарубежных китайцев, по охране окружающей среды и ресурсов, по сельскому хозяйству и делам деревни.

Комиссии работают на протяжении всего соответствующего созыва ВСНП, а в период между сессиями — под руководством ПК ВСНП. В соответствии с законом состав комиссий организуется из депутатов ВСНП, однако ПК ВСНП может назначать в комиссии специалистов в качестве советников с правом совещательного голоса. Комиссии рассматривают переданные им президиумом ВСНП или ПК ВСНП законопроекты и сами вносят их в законодательные органы. Они также рассматривают переданные им ПК ВСНП административно-правовые акты центрального и местного уровня с точки зрения их соответствия Конституции и законам; проводят необходимые расследования и изучение переданных им ВСНП или ПК ВСНП вопросов и вносят соответствующие предложения в эти органы, рассматривают обращенные к ним запросы. Комиссия по законодательству также рассматривает направляемые в ВСНП и ПК ВСНП проекты законов с учетом сделанных другими специальными комиссиями заключений.

Согласно Конституции (ст. 71), в случае необходимости ВСНП и ПК ВСНП могут создавать комиссии по расследованию определенных вопросов и принимать на основании их докладов соответствующие решения. Всем государственным органам, общественным организациям вменено в обязанность предоставлять комиссиям необходимые материалы. Каждая сессия ВСНП создает секретариат во главе с начальником, который ведет повседневные дела сессии и выполняет поручения президиума.

В период работы сессии ВСНП после ее официального открытия пленарные заседания и заседания по делегациям и депутатским группам проводятся поочередно. На пленарных заседаниях заслушиваются доклады и принимаются резолюции по ним, избираются высшие должностные лица государства, формируются постоянные органы ВСНП и т.д. Обсуждение же докладов, предложений, проектов происходит по делегациям и депутатским группам. Результаты этих обсуждений обобщаются и доводятся президиумом до всех депутатов. Кроме того, при рассмотрении проектов резолюций и соответствующих докладов президиум сессии ВСНП может организовывать депутатов по социальному и профессиональному признакам для участия в обсуждениях по специальным вопросам. Кворум сессии составляет $^2/_3$ депутатского корпуса ВСНП. Решения принимаются простым большинством голосов.

На каждой сессии заслушиваются доклады о работе правительства и по планово-бюджетным вопросам, отчеты о работе ПК ВСНП, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры. На первой сессии каждого созыва избираются или утверждаются высшие должностные лица страны, формируются постоянные органы ВСНП. В последние годы практически на каждую сессию ВСНП выносился какой-нибудь важный нормативный акт. Голосование по проектам резолюций и законов, выборам должностных лиц уже не бывает единогласным. Например,

в марте 1999 г. 36% депутатов проголосовали против предлагавшегося на пост вице-премьера Госсовета Цзян Чунь-юня, а 33% отказались поддержать предложение правительства по перестройке центральной банковской системы. Немалое число голосов «против» было подано при избрании Генерального секретаря Цзян Цзэ-миня Председателем КНР (март 1998 г.).

Предметом нормативного регулирования является вопрос о кворуме — определение количества участников сессии ВСНП или заседания ПК ВСНП, необходимого для признания его правомочным. Согласно Регламенту ВСНП, созыв его сессии возможен лишь в случае, когда присутствуют две трети всего состава этого органа (ст. 4). В отличие от сессии ВСНП для созыва заседания ПК ВСНП и признания его решений полномочными требуются лишь более половины его членов. Более строгий критерий определения кворума для сессии ВСНП свидетельствует о более высоком статусе этого органа, принимающего наиболее важные законодательные акты, включая Конституцию КНР.

Понятно и конкретное регулирование Регламентом количества выступлений на сессиях ВСНП депутатов. Согласно Регламенту, каждый депутат может выступить на пленарном заседании сессии дважды, при этом первое выступление не может превышать 10 минут, а второе — пяти (ст. 50 Регламента). Депутаты, желающие выступить на сессии, обязаны зарегистрироваться в секретариате сессии до ее проведения, при этом очередность выступлений определяется президиумом сессии. Регламент регулирует и порядок выступлений членов президиума, руководителей делегаций или их представителей, которые во время заседаний президиума сессии могут выступать дважды по одному и тому же вопросу повестки дня — каждый раз не более чем по 15 минут. Предусматривается и возможность продления срока выступления с согласия руководителя данного заседания.

Законодательство КНР предусматривает открытость проведения сессий ВСНП. Согласно Регламенту ВСНП, его сессии проводятся открыто, т.е. кроме депутатов на них могут присутствовать в качестве наблюдателей рядовые граждане, что, на наш взгляд, не исчерпывает содержания понятия открытости, требующей возможности детального ознакомления со всеми материалами сессий, включая выступления депутатов на заседаниях депутатских групп и в комиссиях. Между тем Регламент предусматривает только выделение скамей для наблюдателей, присутствующих на пленарных заседаниях, где, как правило, лишь оформляются решения, принятые после обсуждения в делегациях или депутатских группах.

Средством обеспечения ограниченной гласности является проведение сессиями ВСНП пресс-конференций, опубликование отчетов об их работе. К сожалению, такого рода отчеты, публикуемые в центральной печати, кратки и не раскрывают системы аргументации, приводимой депутатами в поддержку того или иного тезиса в своем выступлении.

Согласно Регламенту, в случае необходимости этот орган может проводить закрытые сессии, для чего каждый раз предусматривается принятие специальных постановлений заседанием президиума сессии с участием руководителей всех делегаций. На закрытых сессиях кроме депутатов, как правило, присутствуют лишь определенные лица, присутствие которых разрешено Регламентом, притом только в качестве наблюдателей. Запрещено освещение деятельности таких заседаний в СМИ.

Согласно Регламенту, принятие решений на пленарных сессиях ВСНП осуществляется простым большинством всех депутатов этого органа. Что касается способа голосования (тайное, поднятие рук, другое), то он определяется президиумом сессии ВСНП, если иное не оговорено законом. Согласно закону, при внесении изменений в Конституцию необходимо тайное голосование. В многолетней практике ВСНП принимаются лишь два способа голосования — поднятием рук и тайное, при этом никогда не используется способ поименного голосования.

В Китае отсутствуют специальные органы конституционного надзора. Конституция КНР оставляет за ВСНП только право контроля за проведением в жизнь ее положений, все другие виды конституционного контроля относятся к компетенции ПК ВСНП, при этом в составе последнего не предусмотрено специального органа для осуществления контрольных функций, и механизм такого контроля не определен.

В КНР остается даже теоретически нерешенной проблема проверки нормативных документов КПК, общественных объединений на соответствие Конституции и законам государства. Отсутствует механизм обеспечения, например, проверки соответствующих документов духу и букве Конституции, принципам экономической, социальной и политической системы, требованиям защиты прав граждан и т.п.

Изменение существующего положения, при котором конституционный надзор лишен соответствующего механизма его осуществления, потребовало бы проведения радикальной реформы политической системы, введения системы разделения властей. Однако руководство КПК, ее партаппарат решительно противятся такому разделению и, на словах допуская реформу политической системы, говорят лишь о «совершенствовании существующей системы собраний народных представителей». Де-юре такая система государственных органов претендует на всю полноту власти в стране. Де-факто она находится под жестким контролем аппарата КПК, действующего через депутатов, подчиненных партийной дисциплине.

Под таким углом зрения можно рассматривать практическую деятельность высших представительных органов. Усиление реформаторского крыла в КПК, принятие высшими партийными органами решений, определяющих содержание проводимых в стране реформ, — все это изменило характер работы ВСНП и ПК ВСНП. Работа сессий ВСНП после 1982 г. свидетельствует о возрастании роли высшего представительного органа, упорядочении форм его деятельности.

Важнейшим направлением деятельности ВСНП является контроль за работой правительства — Государственного совета. На каждой сессии ВСНП заслушиваются доклады главы правительства о его работе. Эти доклады подробно обсуждаются по делегациям и группам депутатов. Содержание деятельности ПК ВСНП в межсессионный период раскрывается в докладах сессии о его работе. Соответственно, о работе Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры — органов, подотчетных ВСНП, — докладывают сессии главы этих органов.

В правительство кроме его руководства (премьер и его заместители) входят члены Госсовета (государственные министры), начальник секретариата, главы министерств и госкомитетов, главный ревизор Ревизионного управления, управляющий Народным банком Китая.

Ведущим направлением в работе ВСНП является законодательная деятельность. Законодательная инициатива принадлежит ПК ВСНП, Госсовету, ЦВС, Верховному народному суду, Верховной народной прокуратуре, специальным комиссиям ВСНП. Законопроекты представляются ВСНП через его президиум. Кроме того, делегации или группы депутатов числом от 30 и выше могут выносить с разрешения президиума законопроекты, которые обычно передаются сначала специальным комиссиям.

Авторы законопроекта должны представить в адрес сессии пояснения по законопроекту, которые затем вместе с самим законопроектом рассматриваются на пленарных заседаниях делегаций или депутатских групп, и ими представляется президиуму доклад по итогам рассмотрения. Президиум после рассмотрения соответствующих материалов и принятия по ним решения выносит законопроект на голосование пленарного заседания сессии. Президиум принимает решение, в какой форме проводить голосование по законопроекту (бюллетенями, поднятием рук или в иных формах). Законопроект должен быть принят более чем половиной полного состава депутатов ВСНП. Председатель заседания тут же объявляет итоги голосования. Законопроекты по поправкам в Конституцию вносятся ПК ВСНП или не менее чем $^1/_5$ депутатов ВСНП и принимаются большинством в $^2/_3$ голосов полного состава депутатов.

Поправки в Конституцию — особая часть китайского законодательства. Их число, разумеется, не так высоко, как число принимаемых законов, даже учитывая то обстоятельство, что собственно ВСНП принимает (не через ПК ВСНП) небольшое количество законов. Однако поправки в Конституцию зачастую означают значительные вехи в развитии страны. Так, первыми же поправками на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва в 1988 г. были легализованы на конституционном уровне частные хозяйства и установлена возможность передачи в аренду землепользования. Следующими поправками (1993 г.) 1-я сессия 8-го созыва закрепила на конституционном уровне положение о «социализме с китайской спецификой», т.е. строительство рыночной экономики при сохранении макрорегулирующей функции государства. На той же сессии ВСНП было

произведено преобразование «государственного сектора экономики» в «сектор, основанный на государственной собственности». Одновременно было исключено из Конституции требование неукоснительного исполнения хозяйственных планов. Среди поправок 1999 г. важен первый абзац ст. 5, в котором поставлена задача превращения Китая в правовое государство. Эта поправка отражала в том числе и нарастание в стране разнообразных правовых норм. На той же сессии ВСНП внесена существенная поправка в седьмой абзац Введения, где говорилось о начальной стадии социализма в Китае. Согласно поправке, эта стадия будет длительной. Статья 6 Конституции была изменена таким образом, что распределение по труду сосуществует с другими формами распределения.

Последние по времени конституционные поправки ВСНП приняло в 2004 г. Поправки были приняты постановлением 2-й сессии ВСНП 10-го созыва 13 марта 2004 г.

Так, во Введение включена названная важной идея «трех представительств», означающая представительство КПК всего китайского народа, производительных сил страны и ее высокой культуры. По словам члена ПК Политбюро ЦК КПК Ван Чжао-го, разъяснявшего суть этой поправки депутатам ВСНП, введением в Конституцию этой поправки КПК придано руководящее положение в политической и общественной жизни страны. Постатейные поправки начаты со статьи 10, где указывается, что для общественных нужд и на основании закона может быть произведено изъятие или реквизиция земли за компенсацию. В прежнем тексте статьи речь шла только о реквизиции, а о компенсации не говорилось. В статью 11 о необщественном секторе экономики вставлено положение о том, что государство поддерживает и направляет развитие необщественного сектора экономики, т.е. индивидуальных и частных хозяйств (ранее говорилось только об охране их законных прав и интересов). Расширены конституционные положения об охране государством права собственности граждан на законные доходы, сбережения, жилище и т.п. Большое внимание привлекло добавление к статье 33 Конституции: «Государство уважает и защищает права человека». Внесение этого добавления было расценено в Китае как важный прорыв в развитии прав человека, так как довольно длительное время после образования КНР о правах человека в Конституции и иных законодательных актах не говорилось. На XV и XVI съездах КПК права человека были как бы выведены из зоны закрытости.

Из других изменений и добавлений 2004 г. в Конституции отметим замену в ряде статей термина «военное положение» на «чрезвычайное». На сессии ВСНП отмечалось, что серьезным стимулом для изменения Конституции в этой части явился опыт, полученный в ходе борьбы с атипичной пневмонией в 2003 г. В докладе Ван Чжао-го на сессии специально отмечалось, что чрезвычайные меры в период таких ситуаций в той или иной степени связаны с ограничением прав и свобод граждан. Вместе с тем отмечалось, что термин «чрезвычайное положение» присутствует в конституциях большинства стран мира.

В 90-х годах ВСНП дважды принимало основные законы Особых административных районов, образованных на месте бывших британской и португальской колоний после возвращения этих территорий под суверенитет Китая. Для Сянгана такой закон был принят ВСНП в 1990 г. и в 1993 г. для Аомыня. Законы вступили в действие соответственно в 1997 и 1999 гг. Для обоих ОАР установлена неизменность в течение 50 лет социально-экономических систем регионов и образа жизни их населения. Высшими должностными лицами ОАР являются главы их администраций, унаследовавшие большую часть функций британского и португальского губернаторов. Главы администраций назначаются центральным народным правительством — Государственным советом КНР из кандидатур, отобранных из числа постоянных жителей ОАР. По представлению глав администраций регионов Госсоветом назначаются и руководители главных правительственных структур ОАР. Вместе с тем судебные органы регионов целиком формируются местными властями.

На территории ОАР особыми перечнями распространено действие ряда законов КНР, которыми регулируется установление столицы страны, введение общепринятого летоисчисления, государственная символика КНР, ее национальные праздники и гражданство, дипломатические и консульские иммунитеты и привилегии, вопросы территориального моря и прилежащей зоны. Только в условиях чрезвычайного положения на ОАР могут быть распространены другие законы

КНР. В остальном ОАР опираются на законы, принятые их законодательными советами, а также на нормативные акты прежних властей регионов, не противоречащие основным законам ОАР.

Итак, из практики работы ВСНП взяты примеры, связанные с наиболее значительными его актами — Конституцией и Основными законами. Но это небольшая часть принятого ВСНП законодательства. Важная его часть, следующая ниже по рангу, — так называемые органические Законы, т.е. законы об организации государственных органов, в том числе Закон об организации самого ВСНП. ВСНП принял ряд важных кодексов законов — уголовный, уголовно-процессуальный, гражданский, процессуальный, административно-процессуальный и др. Среди документов такого масштаба пока отсутствует Гражданский кодекс, частично замещаемый Общими положениями гражданского права, Законом КНР о договорах. Недавно гражданское законодательство дополнилось Законом КНР о вещном праве, принятым 16 марта 2007 г. 5-й сессией ВСНП 10-го созыва. Развивается и законодательство о государственных органах, переложенное в основном на ПК ВСНП. Из новых актов в этой сфере следует отметить принятый в августе 2006 г. Закон КНР о контроле со стороны постоянных комитетов собраний народных представителей всех уровней. Согласно этому закону ПК СНП наделяются правом контроля за деятельностью местных правительств, судов, прокуратур, а также правом проверки и исполнения законов.

Подводя итог, отметим, что ВСНП ориентированы руководством КПК на то, чтобы стать инструментом «твердого проведения в жизнь линии партии», направленной на такое развитие экономики, которое позволило бы предотвратить «мирную эволюцию» режима и «сохранить социализм». Предполагается обеспечить повышение уровня профессионализма всего депутатского корпуса, в том числе и за счет привлечения в него беспартийных специалистов, предпринимателей, реэмигрантов, а также зарубежных китайцев. ВСНП ставит всю практическую работу органов государственной власти на службу экономическому строительству, сплочению широких слоев многонационального населения Китая и зарубежных соотечественников.

***** Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955; Китайская Народная Республика: Конституция и основные законодательные акты. М., 1984; Современное законодательство Китайской Народной Республики: Сборник нормативных актов. М., 2004. ****** *Гудошников Л.М.* Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1960; *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность. М., 1998; Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI века. 2-е изд., доп. и обновл. М., 2004; Конституции и политическая система Китайской Народной Республики: Учеб. пособие / Сост. Б.Г. Доронин. СПб., 2007.

Л.М. Гудошников

Народный политический консультативный совет Китая

Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК) — это организационная форма массового общественно-политического движения, существующего в политической системе КНР под названием Единый патриотический фронт. Первая сессия НПКСК, состоявшаяся в 1949 г., сыграла роль Учредительного собрания страны, на котором было провозглашено образование КНР. В работе 1-й сессии приняли участие 662 человека от пяти сторон: партий и группировок страны, районов, армии, общественных организаций и специально приглашенные деятели. Наиболее многочисленным было представительство от общественных организаций (235 человек) и от партий и группировок (165). На этой сессии НПКСК были приняты три важных документа: Общая программа НПКСК, ставшая на несколько лет временной Конституцией страны, Закон об организации НПКСК и Закон об организации Центрального народного правительства. На этой сессии были также избраны Центральное народное правительство Китая, его Председатель и Всекитайский комитет НПКСК (ВК НПКСК). Первая сессия, кроме того, приняла решение о государственном флаге Китая, государственном гимне, столице страны и летоисчислении.

В Общей программе НПКСК заявлялось, что до созыва Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), избранного путем всеобщих выборов, сессия НПКСК осуществляет его функции. Фактически до сентября 1954 г. НПКСК выполнял роль государственного совещательного органа, во взаимодействии с правительством Китая принимавшего деятельное участие во всех делах государственного масштаба — проведении аграрной реформы, борьбе «против трех» и «против пяти зол» и т.д.

После созыва 1-й сессии ВСНП в сентябре 1954 г. НПКСК стал органом, на который была возложена задача внесения предложений ВСНП или Центральному народному правительству по основным планам государственного строительства и другим важным мероприятиям.

Деятельность НПКСК осуществляется в соответствии с Уставом этой организации. В течение более полувека функционирования в стране НПКСК уставы его принимались в 1954, 1978, 1982 и 1994 гг. Вносившиеся в них время от времени коррективы, а еще более — принятие новых уставов не только отражали происходившие в стране изменения, но и в определенной степени изменяли характеристику НПКСК, задачи, стоявшие перед ним, а также его контингент.

В первом Уставе НПКСК, принятом в 1954 г., заявлялось, что «НПКСК уже выполнил задачу по временному исполнению полномочий ВСНП. Однако по-прежнему необходимо существование НПКСК в качестве организации Народно-демократического Единого фронта, сплачивающей народы различных национальностей всей страны, демократические классы, демократические партии, народные организации, зарубежных китайцев и других патриотических демократических деятелей». Согласно Уставу 1954 г., основой для образования НПКСК назывались демократические партии и народные организации.

Таким образом, наряду с ВСНП как законодательным органом с конца 1954 г. в Китае стал существовать НПКСК как организация Единого фронта, наделенная консультативными функциями. Начиная с 1959 г. ежегодные сессии ВСНП и НПКСК проводятся в одно и то же время, и члены Всекитайского комитета (далее — ВК НПКСК) с правом совещательного голоса принимают участие в заседаниях сессии ВСНП.

В связи с событиями «культурной революции» НПКСК не проявлял никакой деятельности с 1965 по 1978 г. Регулярная деятельность ВК НПКСК возобновилась с проведения 1-й сессии 5-го созыва в феврале 1978 г., когда был принят новый Устав НПКСК. Главным вопросом на повестке дня этой сессии ВК НПКСК было принятие нового Устава, в текст которого были внесены существенные изменения. Задачей НПКСК в соответствии с «главными задачами нового периода» называлось сплочение народов всех национальностей Китая, развитие Единого фронта, руководимого рабочим классом и имеющего своей основой союз рабочих и крестьян, сплачивающего широкие массы интеллигенции с другими трудящимися массами, патриотические демократические партии, патриотических деятелей, тайваньских соотечественников, соотечественников в Сянгане и Аомыне и китайцев, проживающих за границей. Основу НПКСК, согласно новому Уставу, должны были составлять представители КПК, патриотических демократических партий, народных организаций и различных кругов. Представители от районов и НОАК, ранее

входившие в состав НПКСК, согласно Уставу, в дальнейшем не должны были в нем принимать участие. В формулировках Устава НПКСК 1978 г. отчетливо просматривались следы «культурной революции».

Принятый в 1982 г. новый Устав НПКСК помимо устранения указанных «следов» переориентировал деятельность НПКСК на участие в экономическом строительстве страны. В Уставе заявлялось, что большая часть лиц, принадлежавших ранее к эксплуататорскому классу, уже стала трудящимися, живущими за счет собственного труда, а интеллигенция, так же как рабочие и крестьяне, стала «надежной силой в деле социализма». Демократические партии были охарактеризованы как «политические союзы, объединяющие часть социалистических тружеников и часть патриотов, поддерживающих социализм». В состав ВК НПКСК дополнительно были включены тайваньские соотечественники.

В Уставе НПКСК, принятом в 1994 г., констатировалось, что, согласно Конституции КНР, «многопартийное сотрудничество и политические консультации под руководством КПК будут существовать и развиваться в течение длительного времени». В дополнительно введенной в Устав формулировке заявлялось, что НПКСК «является важной организационной формой осуществления многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК». Уставом, кроме того, уточнялись главные функции, возлагаемые на НПКСК.

В 2000 и 2004 гг. в действующий Устав НПКСК, снова были внесены дополнения и изменения. В частности, были введены дополнительные формулировки о «теории Дэн Сяо-пина», о «сбалансированном развитии материальной, политической и духовной культуры», об участии НПКСК в политической жизни и обсуждении вопросов политики и т.д.

Были внесены также изменения, касающиеся политики в отношении интеллигенции, национальной политики и политики в области религии.

НПКСК осуществляет свою деятельность через Всекитайский комитет НПКСК и его местные отделения, которых насчитывается по всей стране более 3 тысяч.

Состав ВК НПКСК формируется, а затем утверждается в ходе проведения каждой 1-й сессии очередного созыва следующим образом: путем консультаций и согласований между собой представители различных категорий общества от партийных и общественных организаций, социально-профессиональных групп населения выдвигают своих кандидатов и делегируют их для включения в состав ВК НПКСК. Как правило, за месяц до созыва 1-й сессии ВК НПКСК очередного созыва в центральной печати публикуется предложенный списочный состав ВК НПКСК, который затем подлежит утверждению на пленарном заседании сессии.

Срок полномочий ВК НПКСК каждого созыва — пять лет, сессии проводятся ежегодно. Текущими делами руководит Постоянный комитет ВК НПКСК, в состав которого входят председатель, его заместители, начальник секретариата и члены Постоянного комитета. Они образуют Совет председателя. Бóльшее внимание, как правило, уделяется проведению 1-й сессии ВК НПКСК, поскольку на ней выбирается новый руководящий состав и намечаются основные задачи на последующий пятилетний период.

Состав ныне действующего ВК НПКСК, утвержденного на 1-й сессии ВК НПКСК 10-го созыва в 2003 г., является рекордным по количеству членов (2238 чел.): в него входят представители 34 организаций, групп и кругов, представляющих широкий срез китайского общества. В его составе члены не только правящей в стране КПК, но и всех восьми демократических партий, официально функционирующих в Китае, деятели от многомиллионных общественных организаций страны: Всекитайской федерации профсоюзов, Всекитайской федерации женщин, Всекитайской федерации молодежи, представители массовых профессиональных организаций — научно-технических и экономических кругов, работников медицины, образования, сельского хозяйства, религиозные деятели, специально приглашенные представители Сянгана и Аомыня, тайваньцев, проживающих в КНР. Одной из самых многочисленных групп, вошедших в состав ВК НПКСК, стали «деятели экономических кругов», где появились новые лица — представители необщественных форм собственности из различных регионов страны. Каждая из 56 национальностей, населяющих Китай, представлена в составе ВК НПКСК. В него включена также довольно большая группа потомков и родственников бывших высших руководителей Китая: Мао Цзэ-

Политическая культура новейшего времени

дуна, Чжоу Энь-лая, Дэн Сяо-пина, Ли Сянь-няня, Линь Бо-цюя, Чэнь И, Лю Бо-чэна и др.

Всегда руководителем ВК НПКСК являлся представитель высшего руководства КПК. Первым председателем ВК НПКСК в 1949 г. был избран Мао Цзэ-дун. Затем этот пост поочередно занимали Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин, Дэн Ин-чао, Ли Сянь-нянь, Ли Жуй-хуань. ВК НПКСК 10-го созыва в 2003 г. возглавил член ПК ПБ ЦК КПК Цзя Цин-линь. Председатель ВК НПКСК является четвертым лицом в высшей иерархии Китая после Председателя КНР Ху Цзинь-тао, Председателя ПК ВСНП У Бан-го и премьера Госсовета Вэнь Цзя-бао.

Среди заместителей Председателя ВК НПКСК известные политические и общественные деятели страны, руководители демократических партий.

Согласно Уставу главными функциями Всекитайского и местных комитетов являются политические консультации и демократический контроль, мобилизация входящих в его состав партий, организаций и деятелей различных национальностей и различных кругов для участия в политической жизни и обсуждении вопросов политической жизни. Политические консультации, как следует из Устава, это проводимые перед принятием или в ходе принятия решений консультации по важным вопросам политики и курса государства, вопросам экономики, культуры, общественной жизни как в государственном масштабе, так и на местах. Демократический контроль осуществляется путем выдвижения предложений и критических замечаний в отношении выполнения Конституции и законов страны, проведения в жизнь курса и политики государства и т.д. Основными формами проведения политических консультаций являются ежегодные сессии ВК НПКСК, заседания его Постоянного комитета и Совета председателя, представление докладов и проектов специальными комитетами ВК НПКСК по результатам проведенных обследований и проверок, критические замечания членов ВК НПКСК и т.п.

ВК НПКСК иногда называют в прессе «кладовой интеллекта», и статистические данные подтверждают это. В составе ВК НПКСК 10-го созыва, например, более 85% членов — это специалисты, ученые, выдающиеся деятели в различных областях. Более 60% от общего количества членов являются специалистами высшей квалификации. Члены ВК НПКСК обладают богатым опытом и знаниями в области экономики и управления, это известные не только внутри страны, но и далеко за ее пределами ученые и деятели в области медицины, образования, права, культуры, журналисты и т.д. В их числе 107 академиков двух академий Китая — инженерной и общественных наук. Средний возраст членов ВК НПКСК составляет 56 лет.

При Всекитайском комитете НПКСК в настоящее время помимо канцелярии функционируют 9 специальных комитетов (численностью от 40 до 100 с лишним человек). Каждый из них возглавляется авторитетным деятелем. Круг проблем, которыми занимаются комитеты ВК НПКСК, охватывает ключевые направления развития страны в различных областях. Вот перечень этих комитетов: по работе с предложениями; по экономике; по вопросам людских и материальных ресурсов и окружающей среды; по науке, образованию, культуре, здравоохранению, физической культуре и спорту; по социальным и правовым вопросам; по делам национальностей и религии; по делам Сянгана, Аомыня, Тайваня и *хуацяо*; по международным делам; по культурно-историческому наследию.

Заслуживает внимания важная работа ВК НПКСК с предложениями, которые поступают от его членов. За 55 лет деятельности НПКСК его членами, например, было выдвинуто более 50 тыс. предложений, почти половина из которых касается вопросов экономического развития страны в целом или отдельных ее регионов, до 30% предложений относится к области науки, образования, культуры и т.д. Среди вносимых предложений, например, такие: о возрождении старой промышленной базы на северо-востоке Китая, об ускорении развития экономики необщественных форм собственности, о мерах по усилению безопасности на угольных шахтах, об охране водных ресурсов и рациональном их использовании, о положении в атомобилестроении страны после вступления в ВТО, об использовании воздушного транспорта Сянгана для ускорения экономического развития центральных и западных районов страны, о претворении в жизнь стратегии «наука и образование возродят государство», о реформах в системе образования, культуры, здравоохранения, о привлечении молодежи, обучающейся за рубежом, к служению Родине и т.д.

Организация обследований, проводимых комитетами ВК НПКСК, является еще одной формой важной и полезной работы для страны и особенно в период проведения реформ. Ежегодно организуются до 30 инспекционных поездок, в которых принимают участие несколько сот членов ВК НПКСК. Обследования проводятся в различных районах страны по наиболее важным вопросам экономического и социального развития, например, по вопросам защиты окружающей среды в сельском хозяйстве, проведения реформы на госпредприятиях, разработки высоких технологий на предприятиях необщественных форм собственности, начального образования в национальных районах, мероприятиям по переселению людей из района стройки гидроузла Санься и др. По итогам поездок составляются доклады с предложениями, которые затем направляются в ЦК КПК и Госсовет.

Существенным подспорьем партийным и административным органам для выработки соответствующих решений и принятия надлежащих мер служит такая форма работы НПКСК, как «отражение мнений, настроений народа». Каждый гражданин имеет право обратиться в ВК НПКСК по телефону, путем личных сообщений, писем и т.п. по любому вопросу, имеющему общественное значение. Специально созданным Управлением информации полученные обращения собираются, анализируются и направляются в различные органы. В сообщениях от населения звучат сигналы по самым острым вопросам: о коррупции руководящих кадров, о необходимости снижения налогов на крестьян, об увольнении и уходе на пенсию рабочих и служащих из средних и мелких предприятий, о положении с общественным порядком на местах и т.д.

Успешно проявляет себя НПКСК в деле установления и развития зарубежных контактов, в дополнение к официальным внешнеполитическим связям Китая. С начала 90-х годов официальные визиты председателя ВК НПКСК и делегаций НПКСК за рубеж стали регулярными. В 1996 г. председатель ВК НПКСК Ли Жуй-хуань с официальным визитом посетил Россию. По приглашению НПКСК в Китай ежегодно приезжают делегации из различных стран мира. В настоящее время у НПКСК установлены контакты с более чем 180 организациями из 107 государств, а также с 8 организациями международного и регионального характера.

Довольно активная работа проводится НПКСК по налаживанию и расширению контактов с соотечественниками из Сянгана, Аомыня, с Тайваня и с зарубежными китайцами. Впервые в состав ВК НПКСК 44 соотечественника из Сянгана и Аомыня вошли в 1983 г., в составе нынешнего ВК НПКСК их насчитывается уже 149 человек. В 1993 г. на посты заместителей председателя ВК НПКСК были избраны три влиятельных деятеля из Сянгана и Аомыня, в 2005 г. заместителем председателя ВК НПКСК стал Дун Цзянь-хуа, бывший глава администрации Сянгана. Помимо приема делегаций из этих регионов и организации ответных поездок с различными программами, опубликования официальных заявлений с осуждением выступлений «о двух Китаях», «о независимости Тайваня» и т.п. ежегодно проводятся также многообразные мероприятия по различным направлениям.

Ряд крупных комитетов НПКСК — Пекинский, Шанхайский, Тяньцзиньский и др. — имеют свои печатные издания.

Деятельность НПКСК направляется КПК, непосредственно курирует его деятельность отдел Единого фронта ЦК КПК. В целом НПКСК выполняет в стране функции высшего консультативно-контрольного органа и по ряду направлений своей деятельности дополняет функции ВСНП и Госсовета.

Несомненно, что НПКСК — это специфический компонент китайской политической системы. В силу ряда своих особенностей — чрезвычайно широкой представительности, многообразия форм деятельности и т.д. — НПКСК играет весьма активную роль в тех областях, где это не могут органы власти; и хотя представляемые им рекомендации, предложения, доклады, критические замечания решающей силы не имеют, они учитываются в обязательном порядке; без обсуждения и консультаций с НПКСК важные решения общегосударственного масштаба не принимаются. В целом существование и функционирование НПКСК и его местных организаций во всех регионах страны в определенной степени содействует поддержанию стабильности в обществе, урегулированию отношений, смягчению противоречий, стабильному проведению политического курса государства среди различных слоев населения, установлению и поддержанию постоянных контак-

тов с многочисленной китайской диаспорой за рубежом. Определенную лепту НПКСК в силу специфики своего контингента — наличия большого количества интеллектуалов и специалистов различного профиля — вносит в дело подъема экономики страны, развития науки и техники, культуры и образования. Расширяющиеся зарубежные связи НПКСК удачно дополняют официальные дипломатические контакты КНР.

Как видно, существование и функционирование в Китае НПКСК как органа Единого фронта, выполняющего консультативно-контрольные функции, предоставляет руководству и стране целый ряд преимуществ.

Как трибуна для выступлений представителей самых разных слоев населения, НПКСК дает возможность услышать разнообразные точки зрения. Руководство страны таким образом получает информацию о настроениях, мнениях, требованиях в различных слоях общества, имеет возможность учесть негативные моменты и внести коррективы в проекты важных решений до момента их принятия, что в известной мере способствует поддержанию стабильной обстановки в стране. Участие в работе НПКСК большого количества интеллектуалов и специалистов высокого уровня обеспечивает выполнение активной созидательной роли этого органа в развитии экономики страны, ее науки, образования, культуры, здравоохранения и медицины и т.п. В дополнение к официальной дипломатии государства НПКСК содействует расширению дружеских зарубежных связей Китая. НПКСК, кроме того, является чрезвычайно удобной формой для поддержания и развития контактов с многомиллионной китайской диаспорой за рубежом, для контактов с соотечественниками на Тайване и проведения курса на «мирное объединение Родины».

Китайское руководство уделяет функционированию НПКСК и Единого фронта в целом весьма серьезное внимание. В сентябре 2004 г., когда отмечался 55-летний юбилей со дня создания НПКСК, его деятельности в докладе Ху Цзинь-тао была дана высокая оценка. НПКСК характеризовался как «важная организационная часть политической системы страны, которая играет незаменимую роль в политической жизни», подчеркивалось, что «судьба НПКСК всегда была тесно связана с развитием государства и нации».

Весной 2006 г. ЦК КПК принял документ «Мнение ЦК КПК об усилении работы НПКСК», имеющий важное значение для его дальнейшей деятельности в стране. Принятие указанного документа руководством КПК явилось подтверждением необходимости функционирования НПКСК как специфического компонента политической системы страны. В нем заявляется, что НПКСК является важной формой развития социалистической демократии в политической жизни страны, что на новом этапе развития всестороннего строительства общества «малого благоденствия» и ускорения социалистической модернизации необходимо всемерно усилить работу и полностью раскрыть его роль. На основе обобщения опыта работы НПКСК более чем за полвека, его особенностей и традиций в документе ЦК КПК еще более четко определены его характер, место, роль и задачи, функции и принципы его деятельности, выдвинуты новые требования к проведению политических консультаций, демократического контроля и участия в политической жизни. В документе утверждается, что основной характер НПКСК и требования к построению социалистического гармоничного общества в Китае абсолютно идентичны, что укрепление и развитие широчайшего Единого патриотического фронта являются необходимым условием для построения социалистического гармоничного общества.

***** Общая программа Народного политического консультативного совета Китая. М., 1950. ****** Политическая система и право Китая в процессе рефрм (1978–2005). М., 2007; Современное законодательство Китайской Народной Республики. М., 2004; *Степанова Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999; Чжунго чжэнчжи сешан хуэй: Няньцзянь (Народный политический консультативный совет Китая: Ежегодник). Пекин, 1993.

Г.А. Степанова

Народно-освободительная армия Китая

После победы китайского народа в гражданской войне и основания КНР перед Китаем встала задача создания современных вооруженных сил. В ее решении большую роль сыграла помощь Советского Союза, которая состояла не только в поставках современного вооружения и техники, но и в передаче опыта строительства Советских вооруженных сил. Еще в ходе гражданской войны группа советских военных инженеров и других специалистов (более 100 человек) обеспечивала восстановительные работы на стратегически важных железных дорогах в освобожденных районах. Мао Цзэ-дун в письме И.Сталину от 8 сентября 1948 г. писал: «Мы искренне благодарны Вам за оказанную большую помощь в деле восстановления разрушенных железных дорог Северо-Восточного Китая. Прибывшая группа советских специалистов-железнодорожников во главе с товарищем Ковалевым помогла организовать Управление восстановительных работ и специальный корпус железнодорожных войск... Под руководством присланных Вами специалистов нами произведена подробная техническая разведка разрушенных важнейших участков железных дорог, определена потребность в оборудовании, материалах и рабочей силе. Общая протяженность разрушенных главных железнодорожных направлений, подлежащих первоочередному восстановлению, определена в 1800 км».

9 августа 1949 г. китайская военная делегация во главе с Лю Я-лоу встретилась с министром вооруженных сил СССР маршалом А.Василевским и обратилась с просьбой помочь создать в течение года китайскую авиацию, состоящую из 300–350 самолетов. Обе стороны достигли соглашения, по которому СССР обязался оказать помощь в создании авиации, обеспечив поставку 434 самолетов в КНР. Уже к 15 августа 1949 г. первая партия самолетов была доставлена в Китай, и к концу 1949 г. страна получила 185 самолетов из СССР.

В конце 1949 г. Москву посетила военная делегация из Китая во главе Чжан Ай-пином, которая просила помочь КНР в создании ВМФ. Советский Союз согласился помочь, и в октябре–ноябре 1949 г. группа из 90 советников прибыла в Китай.

Всего в 1949–1950 гг. предполагалось поставить Китаю военной техники, в том числе самолетов, пулеметов немецкого производства, патронов и парашютов, на сумму около 32 млн. руб.

Кроме поставки самолетов и масел, в сумму военных поставок входили транспортные расходы по доставке нефтепродуктов от советской границы до г. Урумчи. Китайской стороне предоставлялись скидки в 25% на самолеты, бывшие в употреблении, 60% на немецкие самолеты. Фактически в Китай было поставлено военной техники на сумму 410 млн. руб. Сюда включалась и доставка самолетов, и командирование военных, и стоимость оборудования, запчастей для строительства авиаремонтных заводов и мастерских.

Вопросы военных поставок были поставлены и во время визита в Москву Мао Цзэ-дуна зимой 1949–1950 гг. Была достигнута договоренность о том, что СССР поставит еще 586 самолетов, включая 280 истребителей, 198 бомбардировщиков. 15 февраля 1950 г. Мао Цзэ-дун обратился с новой просьбой поставить еще 628 самолетов. По просьбе китайской стороны Москва предоставила кредиты, в счет которых в Китай продолжало поступать вооружение.

Таким образом, с советской помощью удалось провести коренную реорганизацию НОАК, оснастить ее современным оружием и боевой техникой, перевооружить 60 китайских дивизий и создать регулярные вооруженные силы. Уже к июлю 1951 г. в КНР было 1050 самолетов, а к концу 1955 г. — более 2 тыс., включая новейшие реактивные истребители МиГ-15 и МиГ-17, а также реактивные бомбардировщики Ил-28.

С помощью СССР были построены военные заводы, производившие современное оружие. СССР передал КНР документацию на производство современных видов военной техники.

Благодаря работе советских военных советников и специалистов и поставкам оружия и военной техники из СССР НОАК из полупартизанской превратилась в регулярную армию, включающую все виды и рода войск и вооруженную современной техникой.

Техническая военная помощь СССР в 1950–1954 гг. составила 241,2 млн. руб. Практически каждый кредит, прямо и или косвенно, предоставлялся Китаю на оплату вооружения и военного имущества, что составляло 80% финансовых средств, выделенных Советским Союзом КНР

между 1950 и 1960 гг. Всего за годы сотрудничества Китай по кредитным соглашениям, по архивным данным, получил военной техники и вооружения на сумму более 5 млрд. руб.

Количество советских специалистов по техническому сотрудничеству, побывавших и работавших в КНР с 1952 по 1960 г., составило 9313 человек, а количество специалистов-советников — 1445 человек. Китайский исследователь Шэнь Чжи-хуа писал, что по военной линии в КНР находилось 7 тыс. человек, только 3390 из них по линии ВМС Китая.

В 1950 г. в г. Далянь была открыта Военно-морская академия, основу преподавателей которой составили советские советники. В 1954–1955 гг. при поддержке СССР была проведена реорганизация флота: были созданы три штаба — Северного, Восточного и Южного флотов. Первоначально КНР строила суда по советским проектам, позже начала их производство собственными силами.

19 октября 1950 г. китайская армия под командованием Пэн Дэ-хуая (в качестве «народных добровольцев») вступила на корейскую землю для участия в корейской войне. Корейско-китайские силы были поддержаны Советским Союзом — поставкой оружия, боеприпасов, амуниции, военной техники, посылкой военных специалистов и военно-воздушных соединений, защищавших важнейшие военные объекты в Северной Корее и Северо-Восточном Китае. После длительных и жестоких боев «китайские народные добровольцы» к лету 1951 г. оттеснили американскую армию к 38-й параллели. «добровольцы» КНР около трех лет участвовали в корейской войне, и только к лету 1953 г. было достигнуто соглашение о перемирии, подписанное 27 июля. В боевых операциях участвовала корпусная авиация, получавшая поддержку со стороны СССР. В войне погибло около 500 тыс. китайских добровольцев.

В апреле 1956 г. по инициативе китайской стороны с Москвой была достигнута договоренность «Об оказании помощи в развитии оборонной промышленности, в производстве искусственного жидкого топлива и геологических работ», в соответствии с которой предусматривалось проектирование и строительство еще 55 оборонных предприятий. По этому соглашению из 213 промышленных предприятий, в строительстве которых СССР оказывал помощь КНР, 81 предприятие, т.е. немногим менее половины, относилось к оборонной промышленности. Ввод их в строй был намечен к 1960 г.

Многие командиры НОАК прошли подготовку и переподготовку в советских военных учебных заведениях. Советский Союз помог КНР в создании новых родов войск и модернизации уже имевшихся в НОАК, предоставив большое количество военной техники и материалов. Развитие промышленности Китая было тесно связано с наращиванием производства вооружений. Так, из 250 объектов, созданных в КНР с советской помощью к 1960 г., 30% относились к оборонному сектору промышленности.

С конца 50-х — начала 60-х годов в КНР по инициативе Мао Цзэ-дуна в помощь НОАК стало формироваться народное ополчение.

Накануне «культурной революции» (1966–1976) с 1 июня 1965 г. в КНР были отменены воинские звания (введены в 1955 г.) в НОАК и введена единая форма для всех родов и видов войск под предлогом «революционизации» армии. После «культурной революции» воинские звания были восстановлены и введена различная военная форма для разных родов войск.

В январе 1967 г. Мао Цзэ-дун призвал китайскую армию «вмешаться» в политическую кампанию и твердо встать на стороне «левых», поддержать «истинно революционные группировки». Армии было приказано устанавливать повсюду военный контроль и взять под свою охрану важнейшие государственные учреждения, банки и архивы. Армии также поручалось осуществлять «военное обучение» в учебных заведениях страны, в войска стали направлять *хунвэйбинов* и *цзаофаней* для «перевоспитания».

В 1971 г. министр обороны КНР, активный проводник «культурной революции», преемник Мао Цзэ-дуна, как было записано в Уставе КПК, Линь Бяо неожиданно для всех на самолете английского производства «Трайдент» вместе с семьей вылетел в сторону МНР и разбился там 11 сентября. В КНР было заявлено, что он пытался совершить «контрреволюционный переворот» и покушался на жизнь Мао Цзэ-дуна. Исполнять его обязанности стал Е Цзянь-ин.

Армия во главе с Е Цзянь-ином сыграла важную роль при аресте «банды четырех» (Цзян Цин, Яо Вэнь-юань, Чжан Чунь-цяо, Ван Хун-вэнь). Постепенно в НОАК начались реформы. Численность армии была сокращена, усилилось профессиональное обучение. С началом реформ в КНР было объявлено, что крупномасштабные ассигнования в военную промышленность откладываются до тех времен, когда будут решены экономические задачи. В оборонной индустрии предлагалось произвести конверсию с переходом на выпуск гражданской продукции, а те предприятия, которые не смогут это сделать, разрешалось банкротить. По закону КНР 1997 г. «Об обороне» оборонные научные исследования и производство являются прерогативой государства, в его руках единое руководство, планирование, регулирование и контроль в этой сфере.

Реформирование ВПК включало две группы практических мероприятий: конверсию и создание новой научно-исследовательской и производственной структуры, отвечающих модернизации вооруженных сил и участию оборонного сектора в экономическом строительстве страны.

В процессе конверсии КНР в течение последних 20 лет последовательно осуществляла перевод оборонной промышленности из производителя только военной продукции в производителя как военной, так и гражданской продукции. Сейчас эта отрасль насчитывает свыше 600 производственных линий по выпуску товаров народного потребления, способных производить более 15 тыс. видов продукции; доля выпускаемых товаров народного потребления уже возросла с 8% в 1979 г. до 75% в 1996 г.

Конверсия военной электронной промышленности позволила создать мощный производственный потенциал по выпуску электронной продукции для населения: цветных телевизоров (доля выпускаемых военными телевизоров составляет более чем $^1/_3$ всего объема производства их в стране), радиоприемников, магнитофонов, фотоаппаратов, бытовой техники — стиральных машин, холодильников (50% от всех холодильников КНР).

За годы реформ была произведена техническая реконструкция крупнейших судостроительных заводов КНР, что позволило повысить производственные мощности с 1981 по 1990 г. в два раза. По экспорту судов КНР переместилась с 16-го на 5-е место в мире.

Военные учебные заведения КНР стали готовить кадры двойного (военного и гражданского) профиля. Выпускникам по окончании четырехлетнего срока обучения присуждается ученая степень бакалавра и выдаются дипломы, действительные как в военной, так и в гражданской сферах.

При формировании новой структуры оборонного научно-исследовательского и производственного комплекса КНР под влиянием опыта других развитых стран совершила переход от прежней отраслевой системы оборонной промышленности, для которой характерна высокая степень централизации, к корпоративной системе, соответствующей рыночной экономике.

Начало этого процесса было положено созданием в конце 80-х — начале 90-х годов на базе министерств оборонной промышленности (2, 3, 4, 5, 6 и 7-го) генеральных компаний, объединяющих научно-исследовательские учреждения и производственные предприятия соответствующих отраслей. После расформирования упомянутых министерств, осуществленного в 1998 г. в рамках масштабных сокращений государственного аппарата, ВПК подвергся новой реорганизации, которая завершилась созданием 11 военно-промышленных корпораций. Они являются государственными коммерческими предприятиями и имеют структуру, позволяющую выполнять весь комплекс задач по выпуску военной и гражданской продукции, включая научные исследования, разработку, производство и реализацию.

В космической промышленности создано 125 производственных линий по выпуску гражданской продукции, которые охватывают такие области, как электроника, машиностроение, транспорт, энергетика, легкая промышленность.

Ядерная промышленность КНР с началом конверсии следует курсом «использовать атом во всех сферах хозяйствования». К числу основных направлений конверсии отрасли относится строительство атомных электростанций, широкое развитие техники изотопов и другой ядерной техники. В КНР насчитывается свыше 2000 научно-исследовательских учреждений и предприятий, занятых проблемами мирного использования атома, производится свыше 800 видов продукции,

относящихся к технике получения изотопов, и более 5000 видов приборов, основанных на ядерной технике и используемых во всех сферах экономики.

Сегодня НОАК состоит из стратегических ракетных войск, сухопутных войск, ВВС и ВМС, общей численностью 2,3 млн. человек и организованного резерва в 800 тыс. человек.

Военно-воздушные силы КНР. С 1956 г. КНР стала сама производить аналог МиГ-15С, а с 1964 г. — аналог МиГ-17 и МиГ-19. ВВС Китая принимали активное участие в корейской войне 1950–1953 гг., в кризисе в Тайваньском проливе (1958). Во время вьетнамского конфликта 1979 г. действие китайской авиации было ограниченным: видимо, военное руководство не рискнуло вступить в боевые действия с меньшими по численности, но лучше обученными и оснащенными ВВС Вьетнама. В мирное время управление ВВС осуществляется центральным штабом ВВС через штабы военных округов. Каждая дивизия ВВС, численностью 17 тыс. чел., состоит из трех полков. Каждый полк состоит из трех эскадрилий, в составе каждой из них 3–4 самолета. ВВС располагают собственными силами ПВО, на вооружении их стоят ракеты «земля–воздух» и зенитные орудия, имеются системы раннего обнаружения — части ПВО ВВС сведены в 22 полка. С применением западных технологий и на основе нескольких советских проектов был создан самолет — аналог МиГ-21 (F-7 и F-8). Помимо модернизации самолетов старых типов на вооружение принимается новая техника — российские истребители Су-27СК и Су-30МКК, лицензионные истребители «Цзянь-11» (усовершенствованный вариант российского Су-27СК, который производится в Шэньяне), транспортные самолеты российского производства Ил-76. Сейчас самолеты четвертого поколения составляют 10% парка истребительной авиации ВВС, насчитывающего 2400 единиц.

С 1980-х годов усилилась учебная подготовка персонала, было проведено сокращение летного состава предпенсионного возраста, повышена безопасность полетов. С 1987 г. военная авиация КНР столкнулась с острой нехваткой современных боевых самолетов. Основные требования, предъявляемые к новым моделям, — лучшая авионика, установка систем противодействия обнаружению и управления огнем, оснащение более мощным вооружением, системами борьбы с низко летящими ракетами «земля–воздух». В последние годы КНР купила несколько десятков новейших истребителей в России.

Сухопутные войска включают в себя армейские и региональные соединения и составляют 70% всех вооруженных сил Китая. На вооружении НОАК до последнего времени стояли образцы советской техники 1950-х годов, частично модернизированной по западным технологиям. При модернизации военной техники основной упор осуществлялся на противотанковую и противовоздушную защиту. На вооружении НОАК стоял боевой танк Т-69, улучшенная версия танка Т-59, созданного на основе советского танка Т-54. Была усилена броня, установлены стабилизатор танкового орудия, система управления огнем, 105-мм гладкоствольная пушка. В 1980-х годах, по западным данным, на вооружение поступил танк Т-80, имеющий новый двигатель, 105-мм пушку и системы управления огнем. Основной боевой танк сегодня «Тип-98», где использованы российские технологии, украинские двигатели, белорусская ходовая часть.

В составе сухопутных сил 56 общевойсковых дивизий, в том числе 12 дивизий быстрого реагирования, девять танковых, три воздушно-десантные. Сухопутные войска получают недостаточное финансирование по сравнению со стратегическими ядерными силами, авиацией и флотом.

Военно-морские силы КНР составляют не более 12% всей НОАК, они являются третьими в мире по численности. В 1987 г. командная структура ВМС состояла из штаба ВМС (Пекин) и штабов Северного (Циндао), Восточного (Шанхай) и Южного (Чжаньцзян) флотов. Численность персонала 350 тыс. чел., в строю 2 тыс. кораблей, в том числе 134 боевых корабля основных классов и около 800 боевых самолетов морской авиации. Флот располагает собственными ПВО — численность 34 тыс. чел., отрядами береговой охраны — 38 тыс., морским корпусом — 56,5 тыс. чел. Штаб ВМС подчиняется Генеральному штабу НОАК. Пик строительства военных кораблей пришелся на 70-е годы XX в. Число подводных лодок возросло с 35 до 100, судов-ракетоносцев — с 20 до 200, началось строительство крупных судов, способных вести боевые действия в океане,

подводных лодок, несущих торпеды с ядерным зарядом и баллистические ракеты. В 1982 г. был успешно произведен подводный пуск баллистической ракеты. В 1986 г., по западным данным, на вооружение ВМС поступили 2 атомные подводные лодки класса «Ся» с 12 пусковыми установками ракет «Цзюйлан-1» на борту, 3 атомные подводные лодки класса «Хань» с 6 крылатыми ракетами.

В середине 80-х годов китайские ВМС перешли от стратегии «береговой обороны» к «обороне в прибрежных водах». В китайской трактовке «прибрежные воды» включают морское пространство в 150–600 морских миль от берега, в том числе Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. Новая стратегия потребовала обновления корабельного состава, в том числе приобретения в России 4 эскадренных миноносцев типа «Современный» и 12 дизель-электрических подводных лодок.

Ядерные силы. 16 октября 1964 г. КНР провела первое успешное испытание атомного устройства, 25 октября 1966 г. запустила ракету с атомной боеголовкой, 14 июля 1967 г. провела испытание водородной бомбы. КНР заявила, что никогда не применит первой ядерное оружие.

Однако впоследствии произошли некоторые изменения во взглядах Китая на порядок применения им ядерного оружия, которые связаны уже с возможностью использования его со своей стороны первым, но на своей территории, в случае ее захвата агрессором. Эти действия, считают китайские аналитики, не явятся нарушением взятого на себя КНР известного обязательства о неприменении ею атомного оружия первой.

В 1970 г. был запущен первый искусственный спутник земли весом 173 кг ракетой «Великий поход-1». 9 апреля 1975 г. ракетой «Великий поход-2» был запущен первый китайский спутник, вернувшийся на Землю. В 1980 г. КНР успешно провела пуск баллистической ракеты дальнего радиуса действия «Дунфэн-5». Ракета была запущена в Центральном Китае и достигла западной части Тихого океана. В 1981 г. Китай вывел на орбиту три спутника с помощью одной ракеты-носителя «Буря-1». 8 апреля 1984 г. ракета-носитель «Великий поход-3» вывела на орбиту с радиусом 36 тыс. км первый стационарный спутник связи.

Основой модернизации стратегических ядерных сил НОАК явилось принятие на вооружение и оперативное развертывание мобильных твердотопливных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) «Дунфэн-31», обладающих повышенной живучестью и способностью преодоления систем ПРО. Создана модификация этой ракеты «Цзюйлан-2», предназначенная для вооружения разрабатываемой стратегической атомной подводной лодки второго поколения типа «Цзин» (проект 094). Общее количество китайских МБР, по оценкам, составляет 46 единиц.

С 1990 г. КНР стала осуществлять вывод на орбиту своими ракетоносителями коммерческих спутников других стран (Пакистан, Австралия, Швеция). Установлены коммерческие связи с 36 странами и 110 организациями.

15 октября 2003 г. КНР запустила в космос пилотируемый корабль «Шэньчжоу-5» с космонавтом (тайкунавтом) Ян Ли-вэем на борту, 16 октября он приземлился во Внутренней Монголии. Отряд космонавтов КНР состоит из двух десятков человек. 12 октября 2006 г. КНР успешно запустила на орбиту пилотируемый корабль «Шэньчжоу-6» с двумя космонавтами на борту — Фэй Цзюнь-луном и Не Хай-шэном.

В 1980-х годах КНР по числу ядерных боеголовок была третьей в мире державой после США и СССР. Их число оценивалось на Западе от 225 до 300 единиц. Их обслуживает персонал численностью в 100 тыс. человек, в отдельный род войск выделены ракетные стратегические силы, подчиняющиеся Генеральному штабу.

Стратегические ядерные силы Китая существенно уступают российским и американским как в количественном, так и в качественном отношении.

Начиная с 1950-х по середину 1970-х годов основной военной доктриной КНР являлось понятие «народной войны». После технологического перевооружения НОАК и появления современных образцов танков, самолетов, ядерного оружия руководство КНР пересмотрело старую доктрину, разработало и приняло к действию доктрину, названную «Народная война в современных условиях», где были определены стратегические и тактические планы действий НОАК в услови-

ях обычной и ядерной войны. Доктрина предусматривала разработанную Мао Цзэ-дуном концепцию активной защиты — создание, в случае нападения, армией Китая стратегической обороны с одновременным нанесением тактических ударов. Подобная концепция, по мнению Мао Цзэ-дуна, должна была обеспечить разгром армии противника, прежде чем она достигнет внутренних районов Китая. Первоначально доктрина предусматривала создание приграничной глубоко эшелонированной линии обороны (две линии, затем со второй половины 60-х годов XX в. — трех линий обороны в глубинных районах), прикрывающей индустриальные провинции. В районе каждой линии обороны должна быть своя военная промышленность.

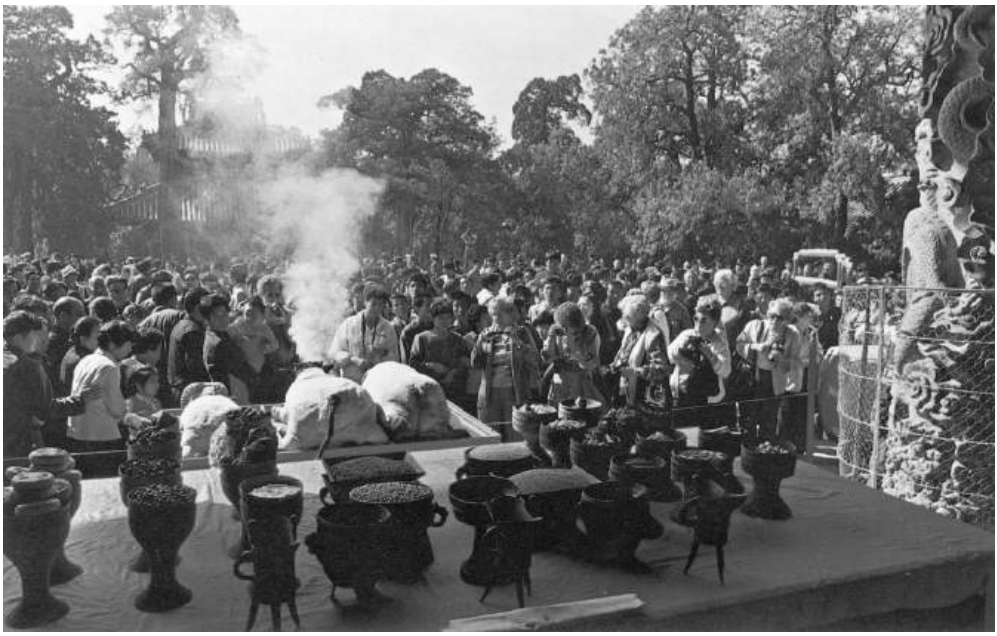
После смерти Мао Цзэ-дуна в период реформ и открытости от этой концепции в Пекине отказались. Сейчас действует концепция «ограниченного ядерного удара», предполагающая строительство ограниченных по боевому составу стратегических ядерных сил сдерживания, способных заставить вероятного противника отказаться от применения ядерного оружия против Китая.

На основе изучения опыта операций западных армий в Косове, Афганистане и Ираке в КНР пришли к выводу о необходимости создания и оперативного развертывания в космосе противоспутниковых систем.

***** *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 4. Пекин, 1964; *Линь Бяо.* Да здравствует победа народной войны: К 20-годовщине победы китайского народа в войне Сопротивления японским захватчикам. Пекин, 1965; *Мао Цзэ-дун.* Сборник избранных произведений. Пекин, 1972; *он же.* Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977; Чжу Дэ сюаньцзи (Избр. произведения Чжу Дэ). Пекин, 1983; Не Жун-чжэнь хуйилу (Воспоминания Не Жун-чжэня): В 2 т. Пекин, 1984; Пэн Дэ-хуай цзюньши вэньсюань (Избр. военные произведения Пэн Дэ-хуая). Пекин, 1988; *Пэн Дэ-хуай.* Мемуары маршала. М., 1988; *Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае. М., 2000. ****** *Зазерская Т.Г.* Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая. СПб., 2000; *Ледовский А.М.* 12 советов И.В. Сталина руководству Компартии Китая // ННИ. 2004, № 1; Милитаризм в идеологии и практике маоизма. М., 1976; *Рябченко Н.П.* КНР–СССР: годы конфронтации (1969–1982). Владивосток, 2006; *Стефашин В.* Современная ядерная стратегия Китая // ААС. 1996, № 2, с. 75–76; *Усов В.* Динамика взаимодействия (заочный круглый стол) // Вызовы XXI века (Форум междисциплинарных исследований и дебатов): Альманах. Вып. 2. М., 2006, с. 306–316; *он же.* Китай. Своя атомная бомба // ААС. 1996, № 2, с. 72–74; *он же.* История КНР: Учебник: В 2 т. М., 2006; Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзянши (Краткая история Народно-освободительной армии Китая). Пекин, 1982; *Шэн Чжи-хуа.* Сулянь чжуаньцзя цзай Чжунго (1945–1960) (Советские специалисты в Китае, 1948–1960). Пекин, 2003; *Rice E.E.* Mao's Way. Berk. etc., 1974; *Chang Jung*, *Halliday J.* Mao: The Unknown Story. N.Y., 2006; Communist China: Revolutionary Reconstruction and International Confrontation, 1949 to the Present / Ed., annot. and with introd. by F. Schurmann, O. Schell. Harmondsworth, 1968.

В.Н. Усов

Кампания «критики Конфуция» в период «культурной революции»

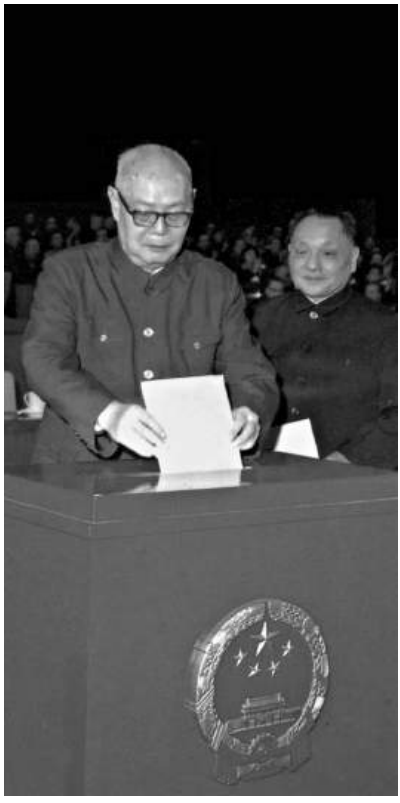


После «культурной революции» началось возрождение культа Конфуция
и конфуцианской духовной традиции

Депутаты 1-й сессии ВСНП 1-го созыва (сентябрь 1954 г.)

На 1-й сессии Народного политического консультативного совета Китая Мао Цзэ-дун был избран Председателем Всекитайского комитета НПКСК (9 октября 1949 г.)

Центральный народный правительственный совет принимает проект Конституции КНР (14 июня 1954 г.)



Голосование на одном из избирательных участков

Е Цзянь-ин и Дэн Сяо-пин участвуют в выборах членов ВСНП

На заседании Всекитайского комитета НПКСК

ГОМИНЬДАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Национальная партия Китая (Чжунго Гоминьдан) в 1912–1929 гг.

К началу XX в. Китай являлся отсталой, слаборазвитой страной, опутанной сетью неравноправных договоров с империалистическими державами. Политический фон определяли потребности страны в ликвидации монархии и освобождении от маньчжурской династии Цин, в результате правления которой Китай оказался в положении полуколониального государства с сильнейшими пережитками феодализма. Синьхайская революция (1911) вывела страну из состояния стагнации, дав толчок развитию процесса модернизации. Ведущая свое начало с этого времени история Китайской Республики (1912–1949) представлена в историографии КНР начальным этапом перехода китайского общества от традиционного к современному.

Процесс формирования новой политической реальности после Синьхайской революции, свергнувшей маньчжурскую династию, осуществлялся чрезвычайно трудно. В обстановке развала единой государственности вакуум заполнили военно-политические образования, так называемые милитаристские группировки, находившиеся в состоянии конфронтации и добивавшиеся контроля над пекинским правительством. Западная парламентская система с трудом уживалась на китайской почве. Неустойчивость политической системы тех лет объяснялась прежде всего живучестью монархических настроений. Страна погружалась в состояние острейшей политической и социальной нестабильности. Китай оказался на распутье: либо полная потеря завоеваний Синьхайской революции, либо поиск новых форм развития, лучше, чем другие, учитывающих национальную специфику. Необходимость пресечения провинциального регионализма и создания сильного централизованного государства, способного стимулировать развитие производительных сил и противостоять иностранному вмешательству во внутренние дела, осознавалась многими политическими организациями и военно-политическими группировками в качестве главной политической задачи и специфики момента. Вместе с тем существовали разные подходы к определению путей и методов объединения и усиления страны, равно как и к вопросу о выборе конкретного типа ее государственного устройства.

В политической истории Китая начала XX в. Гоминьдан выступал носителем прогрессивных тенденций в переходе от традиционного общества к современному. В своей истории партия Сунь Ят-сена пережила ряд кризисных ситуаций и прошла через серию реорганизаций. Образованная в 1894 г. под названием Союз возрождения Китая (*Синьчжунхуй*), в 1905 г. она была реорганизована в общекитайскую партию Объединенный союз (*Тунмэнхуй*). Партия Сунь Ят-сена возглавила работу по подготовке и проведению Синьхайской революции 1911 г., предпринявшей попытку слома традиционной структуры старого Китая.

Свержение маньчжурской династии и провозглашение Китайской Республики, первым президентом которой стал Сунь Ят-сен, построение фасада республиканского строя в 1911–1912 гг., как показало дальнейшее развитие, положило лишь самое начало процессам перестройки в социально-экономической и политической областях. В условиях перегруппировки сил в партии Сунь Ят-сена после Синьхайской революции и в русле взятого курса на развертывание парламентских форм борьбы в августе 1912 г. Объединенный союз был реорганизован в Гоминьдан (Национальная партия). Гоминьдан был создан путем слияния Объединенного союза с другими четырьмя немногочисленными политическими организациями республиканской буржуазии. Расширение политической базы диктовалось задачами борьбы за получение большинства в парламенте и было связано с новыми реалиями, выдвигавшими на повестку дня лозунги борьбы с попытками реставрации монархии. Между тем опыт парламентской деятельности Гоминьдана, казавшийся временами успешным, в конечном счете закончился плачевно. Ослабление политических позиций Гоминьдана сопровождалось процессом ликвидации республиканских институтов, рожденных Синьхайской революцией. После решения центральной власти о роспуске Гоминьдана (ноябрь 1913 г.) в июле 1914 г. Гоминьдан был реорганизован Сунь

Ят-сеном в Китайскую революционную партию (Чжунхуа гэминдан). Как и в исторический период подготовки и проведения Синьхайской революции, провозглашался курс на «политическую революцию». Основной задачей Китайской революционной партии объявлялась борьба против диктатуры милитаристской клики Юань Ши-кая, пытавшейся вернуться к монархии, за восстановление демократических учреждений и конституции 1912 г. Действовавший в Китае нелегально, Гэминдан не располагал широкой социальной опорой. Не обладая собственными вооруженными силами, он в своей военно-революционной деятельности блокировался с юго-западными милитаристами, зависел от их военной и политической поддержки. О преемственности революционной стратегии и планов построения государственности свидетельствовало обозначенное в уставе Гэминдана возвращение к теории и практике трехэтапного революционного и государственного развития, зафиксированного еще в Декларации Объединенного союза (август 1905 г.). Разброд и шатания в лагере сторонников Сунь Ят-сена усилились после смерти президента Китайской Республики Юань Ши-кая в 1916 г., сменившего на этом посту Сунь Ят-сена еще 15 февраля 1912 г., и окончательного подавления попыток реставрации монархии, в борьбе с которыми Гэминдан сыграл свою положительную роль. Конкретная практическая идея борьбы с монархическими тенденциями и силами, объединявшая сподвижников Сунь Ят-сена, теряла свою актуальность. Политическая ситуация в стране оставалась крайне нестабильной

В сложных условиях Сунь Ят-сен и его сподвижники пытались действовать в рамках парламентаризма, однако основное направление их деятельности в силу исторически сложившейся ситуации осуществлялось в русле традиционных взаимоотношений между военными группировками, включавших методы вооруженной борьбы и мирных союзов, лавирования и компромиссов, и строилось на основе использования традиционного принципа «опоры на военные силы» и привлечения иностранной помощи. Борьба прогрессивных сил в Китае за утверждение республики в послесиньхайское десятилетие приняла форму противостояния республиканского Юга милитаристскому Северу. Тем не менее и в деятельности правительств Юга (1917, 1920, 1923) наблюдались та же чехарда и парламентская неразбериха, как и в политической жизни Севера. Для них также были характерны нестабильность и зависимость от милитаристских режимов.

Сунь Ят-сен корректирует политическую программу и революционную тактику своей партии, которая в октябре 1919 г. была преобразована им в Национальную партию Китая (Чжунго Гоминьдан). Это решение стало началом общего процесса реорганизации партии, включавшего вопросы теории, политической программы и государственного строительства. Здесь учитывалось множество факторов: бесплодность движения «в защиту конституции», патриотическое движение «4 мая» 1919 г., сильный резонанс в Китае национально-освободительных идей Октябрьской революции в России и провозглашенных Советской Россией новых принципов международной политики, поражение китайской дипломатии на Парижской мирной конференции и унизительные для страны условия Версальского мирного договора, наконец, бесплодность попыток получения помощи великих держав.

Основной задачей партии Сунь Ят-сен провозглашает новую революцию и создание политической системы, имеющей китайскую специфику. В основе его планов о модернизации Китая лежало решение о создании сильной партии на новых организационных и частично программных принципах.

Идея создания политической системы нового типа, отличной от парламентской республики западного образца, впервые обозначилась в программной части Общего устава китайского Гоминьдана (1920). Выдвигалась политическая задача создания республики «трех народных принципов» и «пяти конституционных властей». Согласно уставу, для осуществления этой идеи партия должна пройти этапы «военного правления» и «политической опеки», переходные к периоду «конституционного правления». Объединение Китая военным путем — лейтмотив программных положений устава. Вместе с тем для политической деятельности Сунь Ят-сена и Гоминьдана первой четверти XX в. оставалось характерным стремление и к использованию по мере возможности и в зависимости от обстоятельств парламентских методов политической

борьбы В апреле 1921 г. сессия парламента, заседавшего в Гуанчжоу, избрала Сунь Ят-сена президентом Китайской Республики. Сформированное им правительство, хотя и претендовало на статус правительства всей страны, фактически контролировало лишь провинцию Гуандун .

Процесс реорганизации Гоминьдана характеризовался элементами поиска политической программы, революционной стратегии и государственного устройства. Формирование гоминьдановской модели революции осуществлялось методом проб и ошибок, на основе собственных разработок и с привлечением зарубежного опыта и было направлено на адаптацию к новым реалиям, обозначившимся внутри и вне страны. Начало XX в. и особенно 20-е годы продемонстрировали резкое усиление различного рода связей между народами и государствами, рост взаимовлияния движений и теорий, стимулировавших формирование национального самосознания во многих уголках и регионах земного шара.

20-е годы XX в. занимают особое место в мировой истории. Оно характеризуется крупными политическими и социальными потрясениями, рождением новых теорий, повсеместным развитием националистических и коммунистических движений. Первая четверть XX в. открыла эпоху пробуждения Азии. 20-е годы были переломным периодом и для Китая. И если Синьхайская революция дала толчок процессу модернизации, то в ходе событий 20-х годов, главными политическими персонажами которых были Китайская национальная партия и Коммунистическая партия Китая, определились возможные направления политического развития страны. На политическую арену вышли силы, предотвратившие реальную угрозу потери Китаем национального суверенитета и предложившие планы национального спасения. Именно в этот период формировались основы построения государственности согласно планам Сунь Ят-сена о «строительстве государства». Исторический опыт тех лет оказал большое влияние на формирование программных разработок КПК, он лег также в основу деятельности Гоминьдана на о. Тайвань, способствовал возрождению партии и разработке политики модернизации Тайваня.

Гоминьдановская модель национальной революции складывалась в условиях тесного взаимодействия с КПК, известного в литературе как «первое сотрудничество Гоминьдана и КПК». По мере развития контактов Сунь Ят-сена с представителями Коминтерна, Советского государства и с китайскими коммунистами все более очевидной для Гоминьдана становилась целесообразность более тесного взаимодействия с молодым коммунистическим движением. Функционирование «единого фронта Гоминьдана и КПК» осуществлялось в 20-е годы в своеобразных формах, вне рамок строго определенной организационной структуры. Изначально взаимодействие строилось на основе вступления коммунистов в Гоминьдан при сохранении их членства в КПК. Оно проявлялось также в форме ограниченного участия коммунистов в руководящих партийных органах Гоминьдана, а также в системе политического руководства в армии. В конце периода сотрудничества взаимодействие поднялось даже до правительственного уровня. Составная часть политики «первого сотрудничества» — участие представителей Коминтерна и Советской России в деятельности Гоминьдана и в работе гоминьдановского Национального правительства, учрежденного в июле 1925 г.

Попытки Коминтерна превратить сотрудничество Гоминьдана и КПК в инструмент реальной власти в ходе революционного движения 20-х годов не увенчались успехом в силу ряда причин объективного и субъективного характера. В практике сотрудничества Гоминьдан исходил прежде всего из своей программы, которая на «военный период строительства государства» не предусматривала разделения власти Гоминьдана с другими политическими силами. Между тем в некоторых областях и в отдельные периоды энергия двух партий и движений сближалась, способствуя становлению Гоминьдана как политической «партии действия» и формируя гоминьдановскую государственность. Яркими примерами эффективного взаимодействия националистического и коммунистического движений выступают I съезд Гоминьдана (20–30 января 1924 г.), Гонконг-Кантонская забастовка (лето 1925 — осень 1926 г.), работа военной школы Хуанпу, наконец, Северный поход Национально-революционной армии (июль 1926 — февраль 1928 г.). Осуществление последнего связано с деятельностью коммунистов-политработников в армейских частях, с большой помощью советских военных советников во главе с главным

военным советником Гоминьдана и Национального правительства полководцем В.К. Блюхером. Заслуживает упоминания такая форма помощи Гоминьдану в проведении Северного похода, как создание Коминтерном и КПК международной атмосферы сочувствия китайской революции. Многотысячные демонстрации во многих странах мира под лозунгом «Руки прочь от Китая!» неоднократно сдерживали империалистические державы от попыток вооруженного вмешательства.

Особое место в истории Гоминьдана занимает его I реорганизационный съезд, представлявший интересы более 11 тыс. членов. Он сформулировал контуры политической программы и революционной тактики по выводу страны из кризиса. Перед партией ставилась задача синтеза антиимпериалистических, антимилитаристских идей, идеи вовлечения в борьбу широких народных масс с планами военной революции Сунь Ят-сена, с его реформистской социальной политикой и теорией поэтапного строительства государства. Съезд нацеливал Гоминьдан на выбор военного пути по выводу страны из состояния политической нестабильности. Он зафиксировал в качестве перспективы задачу построения гоминьдановской государственности в направлении создания авторитарной власти. Принятие съездом нового устава имело кардинальное значение для превращения Гоминьдана из аморфной организации в «партию действия», с четкой структурой и определенной программой. Выдвинутая I съездом программа объединения страны на антимилитаристской и антиимпериалистической основе при всей ее незавершенности свидетельствовала о том, что на политическую арену вышла партия, обладавшая революционным потенциалом, учитывавшая специфику (вопросы местного самоуправления, налоговой политики, роли армии в революционном процессе) и воспринявшую веяния мирового революционного процесса (антиимпериалистическая направленность, идея создания массовой партии, разработка социальной политики и политики в области массового движения). Съезд продемонстрировал эффективность взаимодействия националистического и коммунистического движений в ответственный период становления Гоминьдана как руководящей политической силы национальной революции. У истоков планов реорганизации Гоминьдана рядом с Сунь Ят-сеном стояли китайские коммунисты. Соавтором одного из первых проектов реорганизации партии был лидер КПК Чэнь Ду-сю, который участвовал в этой работе по поручению Сунь Ят-сена совместно с Г. Марингом — представителем Коминтерна в Южном Китае. Предложенный в мае 1923 г. проект содержал схему новой организационной структуры партии по типу РКП(б), вокруг которой строилась дальнейшая работа над программой и уставом Гоминьдана.

В основе программы Гоминьдана в национальной революции лежали теория и политическая практика Сунь Ят-сена, которые вплоть до его смерти в марте 1925 г. корректировались им в соответствии с изменениями в политической ситуации страны. Из «трех народных принципов» Сунь Ят-сена (национализм, народовластие и народное благосостояние) в 20-е годы роль основного инструмента поэтапного внедрения в политическую жизнь всего учения отводилась принципу народовластия. Сунь Ят-сен давал ему широкое толкование: это и символ нового политического устройства, отличающегося от парламентской республики западного типа, это и теория «четырех прав» народа и «пяти конституционных властей», которые рассматривались в тесной связи с планом «строительства государства», это и в самом общем виде «основа политической революции», возглавляемой Гоминьданом.

Ядром теории Сунь Ят-сена являлась его теория трехэтапного государственного развития (военный, политической опеки и конституционный). Составная часть теории — взятие власти Гоминьданом военным путем, в обход парламентских методов, и реформистская социально-экономическая политика. На первый план в концепции военного этапа выходили меры по упорядочению военной, налоговой системы, по централизации финансов и административного аппарата.

Революция, согласно планам Сунь Ят-сена, совершается в форме военного похода. Массовое движение — демонстрации, стачки и другие его формы — имеет вспомогательное значение. Новые тенденции в теории и практике Сунь Ят-сена, связанные с обращением к антиимпериалистической борьбе, с включением в сферу партийной деятельности массового движения

и социальной политики, с новым партийным строительством и с созданием армии, подчиняющейся партийному руководству, накладывались на уже разработанную им в предыдущие годы основу представлений о политическом строе и революционной стратегии и тактике.

Характерная черта учения Сунь Ят-сена, его так называемых «новых трех народных принципов», сформировавшихся в 20-е годы, — это выборочный подход к опыту мирового революционного движения. Для его политической платформы характерно стремление учитывать специфические особенности исторического и политического развития страны, особую роль армии, финансовой и налоговой политики, проблему соотношения центральной и местных властей. Задача сохранения политической и социальной стабильности выступала в планах Сунь Ят-сена одним из важнейших критериев при принятии решений. Традиционно вписался в политическую программу 20-х годов сформулированный лидером Гоминьдана принцип партийного и личного диктата, руководящей роли партии в течение практически двух этапов строительства государства — «военного и политической опеки».

Если в период подготовки I съезда значительная часть работы осуществлялась в контакте с китайскими коммунистами и с представителями Коминтерна, то после съезда набиравший силу Гоминьдан уже более самостоятельно определял дальнейшее развитие своей политической теории и практики. Укрепление Гоминьдана в Гуандуне в 1924–1925 гг. можно рассматривать как апробацию военного пути гоминьдановской революции в локальных масштабах. Гоминьдан последовательно создавал теоретические основы и практическую базу для выхода на общекитайскую арену. Формировавшаяся Гоминьданом модель переходного периода включала в себя военный путь развития революционного движения как необходимую предпосылку построения государственности. На первый план вышла задача создания своего правительства, поставленная I съездом на перспективу. Образованием Национального правительства (июль 1925 г.) Гоминьдан заложил основу для формирования и проведения политики строительства государства.

II съезд Гоминьдана (1–19 января 1926 г.) — крупная веха в истории партии. Это был съезд партии, пришедшей к власти в локальных масштабах и уже сформировавшей свое правительство. Численность ее рядов по сравнению с I съездом увеличились в 10 раз и достигла более 200 тыс. членов. Решения II съезда конкретизировали позицию партии относительно формы, целей революции и планов построения государственности. Суть поправок определялась задачами усвоения «программы строительства государства» Сунь Ят-сена, его лекций о «трех народных принципах», выступлений и заявлений о созыве Национального собрания и Завещания. Внимание концентрировалось на тех сторонах теории Сунь Ят-сена, которые нашли недостаточное освещение в Манифесте I съезда Гоминьдана. Учитывая опыт революционной борьбы в 1924–1925 гг. и ориентируясь на принцип опоры на военные силы, съезд обозначил основную форму своей революции — военный поход на Север и ее главную движущую силу — армию. Впервые в истории партии была сформулирована, правда в общих чертах, экономическая и социально-политическая программа переходного периода.

Съезд подтвердил принцип постепенности в достижении общенациональных целей, обозначил специфическое восприятие и понимание Гоминьданом идеи мировой революции. Для партии Сунь Ят-сена мировая революция — это освобождение угнетенных наций от колониальной и полуколониальной зависимости, и именно в этом смысле «национальная революция в Китае — составная часть мировой революции». Съезд подчеркнул реформистские черты экономической и социально-политической программы.

Поворот Гоминьдана «лицом» к массовому движению и формирование на съезде контуров социально ориентированной модели развития не предполагали существенного сближения подходов Гоминьдана и КПК к вопросу места и роли массовых движений в революции, по которому в дальнейшем пройдет водораздел между коммунистическим и националистическим движениями. Основные положения политической программы II съезда партии, несмотря на продолжавшееся взаимодействие Гоминьдана с КПК, в сущности, делали иллюзорными надежды Коминтерна и отчасти китайских коммунистов на трансформацию Гоминьдана в партию рабочих и крестьян и на завоевание коммунистами через Гоминьдан руководящей роли в национально-революционном движении.

Гоминьдан в 1912–1929 гг.

Одним из главных структурообразующих элементов модели революции, представленным Гоминьданом и обеспечившим ему в значительной степени национальную поддержку, была антиимпериалистическая направленность программы и политики. Связав задачу укрепления национального суверенитета с традиционными планами преодоления регионализма и объединения страны, Гоминьдан, при всех оговорках, сумел выступить в роли носителя идеи национального спасения. Характерная для Гоминьдана взвешенная и осторожная позиция относительно империалистических держав не совпадала с бескомпромиссностью Коминтерна и КПК, периодически выдвигавших задачу отмены неравноправных договоров на первое место среди других требований политической программы. Гоминьдан стоял на позиции создания сильного централизованного государства как необходимой предпосылки отмены неравноправных договоров и достижения полного суверенитета Китая. Именно в 20-е годы была заложена основа поэтапного реформистского пути освобождения страны из пут неравноправных договоров.

Вплоть до начала Северного похода (лето 1926 г.) Гоминьдан пытался следовать основным направлениям политического курса, разработанного I и II съездами. Построение государственности на территории, подконтрольной Национальному правительству, и подготовка к Северному походу были основными задачами этого периода, который оказался слишком коротким для их полноценного решения. Среди достижений можно отметить успешную законотворческую деятельность Национального и Гуандунского правительств в области борьбы с бандитизмом, первые шаги в формировании политики по отношению к торгово-промышленным слоям, включавшие реорганизацию торговых палат и создание новых ассоциаций торговцев. Продолжалась разработка рабочего законодательства, проводилась политика поддержки крестьянских союзов и их отрядов самообороны, начатая еще при жизни Сунь Ят-сена. Предпринимались усилия для формирования финансовой системы и урегулирования налоговой политики. Между тем подготовка к Северному походу уже в начале 1926 г. осложнила проведение преобразований. Короткий стабилизационный период (середина 1925 — начало 1926 г.), характеризовавшийся в том числе частичным отказом от дополнительных налогов и появлением первых признаков контроля центра над сбором налогов, закончился. На смену ему уже в марте 1926 г. пришло ужесточение налоговой политики, которое мотивировалось нуждами подготовки военной экспедиции на Север. В этих условиях и в обстановке усилившихся после съезда внутрипартийных разногласий тормозилось и организационное строительство Гоминьдана. Накануне Северного похода оно по сути только выходило на третий, уездный уровень, в то время как устав партии предусматривал пятичленную организационную структуру партийного строительства.

С началом Северного похода Гоминьдан вступил в основной этап своей военной политики, направленный на объединение страны и создание сильного централизованного государства. Партия продемонстрировала особую устойчивость некоторых представлений о национальной революции, прежде всего приверженность принципам опоры на военные силы, поэтапной реформистской социальной политике и политике контроля над массовыми движениями в период военного времени.

В течение Северного похода Гоминьдан столкнулся с большими трудностями. Требовали решения обострившиеся проблемы соотношения власти армии — партии — правительства и вопросы внутрипартийной борьбы. Внутрипартийные разногласия концентрировались по двум основным направлениям: 1) вокруг вопросов усиления роли военных и главнокомандующего Национально-революционной армии Чан Кай-ши в руководящих структурах Гоминьдана, 2) по проблеме места и роли массового движения в период Северного похода, связанной в конечном счете с решениями VII, расширенного пленума ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.) об усилении коммунистов в партийном и правительственном аппаратах Гоминьдана в ходе Северного похода. Проблема милитаризации партии являлась важным пунктом внутрипартийных разногласий. В данном вопросе коммунисты действовали совместно с Уханьским центром Гоминьдана, образование которого в декабре 1926 г. положило начало ситуации двоевластия в революционном лагере. Параллельное функционирование Уханьского правительства и ставки Чан

Кай-ши в Наньчане, где находилось большинство членов Национального правительства, «не доехавших» до Уханя, по сути, стало прелюдией раскола Гоминьдана, ставшего фактом после провозглашения 18 апреля 1927 г. Чан Кай-ши гоминьдановского правительства в Нанкине.

Существенным фактором в политической истории Китая 20-х годов, оказывавшим стабилизирующее влияние на политику Гоминьдана и способствовавшим его успехам, являлась материально-финансовая поддержка деятельности Гоминьдана и Национального правительства со стороны Москвы и Коминтерна. Она включала помощь оружием, отправку советских военных и политических советников и подготовку военно-политических кадров в Китае и в России. Это направление сотрудничества коммунистического и националистического движений не прерывалось и в периоды кризисных ситуаций в отношениях Коминтерна и КПК с Гоминьданом вплоть до окончательного размежевания Гоминьдана с коммунистическим движением в июле 1927 г. Даже в период конфронтации между Уханем и Чан Кай-ши помощь Коминтерна и СССР военной экспедиции шла по единому каналу (и для Чан Кай-ши, и для Уханя). Вплоть до июня 1927 г. Коммунистический университет трудящихся Востока, Университет трудящихся Китая имени Сунь Ят-сена и ряд военных вузов СССР поставляли военно-политические командные кадры для НРА. Несмотря на то что Гоминьдан на рубеже 1926–1927 гг. отказался от односторонней ориентации на помощь СССР, она вплоть до разрыва Гоминьдана с Коминтерном оставалась существенным фактором, оказывавшим влияние на успехи Гоминьдана в объединении страны.

В ходе Северного похода выявилось значительное отставание партии в разработке конкретной политической и социально-экономической программы, ориентированной на всекитайские масштабы. Гоминьдан испытывал трудности в управлении освобожденными от противника провинциями. Неподготовленность Гоминьдана к роли руководящей силы являлась благоприятной почвой для дальнейшего усиления военной группировки, возрождения и усиления военного фактора в масштабах всей страны.

Не успевший окрепнуть и очутившийся в неблагоприятных условиях войны, блокады, внутреннего раскола, Гоминьдан отступил от некоторых положений программы, лежавших в основе суньятсеновского курса, а именно: от принципа приоритета партийного и гражданского факторов над военным, а также от политики сотрудничества с коммунистами как составной части прежнего курса в отношении массового движения. В значительной степени разрыв с коммунистами был реакцией Гоминьдана на радикализацию политики КПК весны–лета 1927 г., взявшей по указанию Коминтерна курс на углубление классовой борьбы и на развязывание аграрной революции.

В июле 1927 г. Президиум политсовета ЦИК Гоминьдана объявил неприемлемыми для себя принцип конфискации помещичьих угодий «путем захвата земель массами без приказа Национального правительства», а также курс на создание революционной армии из рабочих и крестьян, на внедрение коммунистов в руководящие органы и изменение организационной структуры Гоминьдана. Усилившиеся разногласия сделали разрыв Гоминьдана с Коминтерном и КПК неизбежным.

Разрыв Уханя с коммунистами вызвал ответную реакцию Москвы. 21 июля 1927 г. было принято решение об отзыве советских советников из армии Уханя и немедленном отъезде главного политического советника М.М. Бородина в Москву. Этим по существу закончился период взаимодействия Коминтерна и Гоминьдана.

Политическая история Гоминьдана 20-х годов свидетельствует о том, что взаимодействие с международным коммунистическим движением стимулировало деятельность Сунь Ят-сена и Гоминьдана в поисках собственного пути достижения политической стабильности, в конечном счете способствовало развитию процесса модернизации.

Объективный характер процесса сближения подтверждается целым рядом обстоятельств. К ним относятся также факты встречных инициатив к взаимодействию Сунь Ят-сена и Гоминьдана, с одной стороны, Коминтерна и советской стороны — с другой, неоднократные попытки Гоминьдана к вступлению в Коминтерн и к установлению более тесных контактов с ВКП(б). История Гоминьдана первой четверти XX в. свидетельствует о том, что у партии Сунь Ят-сена не

было иных возможностей к усилению и возрождению, чем в сотрудничестве с Коминтерном и с КПК. Известно, что попытки Сунь Ят-сена получить поддержку у Японии и западных держав в деле осуществления планов объединения Китая не увенчались успехом.

Воссоединение в сентябре 1927 г. уханьского Гоминьдана с партийными и военными группировками на общей платформе отказа от сотрудничества с КПК, с одной стороны, способствовало завершению Северного похода. С другой стороны, жизнь показала, что утраченные Гоминьданом в результате разрыва с КПК позиции имели для дальнейшего развития партии и государства далеко идущие последствия. Верхушечный вариант революции, несмотря на военную победу над бэйянскими милитаристами, не смог обеспечить в дальнейшем прочность контроля Гоминьдана и нового правительства над местными властями. Сохранялась основа для возрождения регионализма в масштабах всей страны. Пассивность в проведении социально-экономических и политических реформ препятствовала формированию нового социально-экономического уклада.

Потеряв поддержку коммунистов, Гоминьдан лишился опытных помощников в области партийного строительства, а также ослабил социальную ориентацию своей политики. Трагически закончившееся сотрудничество с китайскими коммунистами деформировало отношение Гоминьдана к массовому движению на долгие годы вперед.

Результаты революционного периода и задачи дальнейшего развития были отражены на III съезде Гоминьдана (15–28 мая 1929 г.). Его решения наряду с объективными оценками содержали и не вполне адекватную информацию. Съезд провозгласил окончание «военного периода» строительства государства и начало периода «политической опеки». Успехи в антиимпериалистической политике рассматривались под углом зрения победы Гоминьдана в деле объединения страны. Отмечались общая тенденция со стороны империалистических держав к международному признанию Нанкинского правительства и начало новой таможенной политики западных держав в Китае. Подчеркивались позиция поэтапности в деле достижения полной отмены неравноправных договоров и намерение Гоминьдана решать вопросы суверенитета страны дипломатическим путем.

Вместе с тем в материалах съезда нашло отражение усиление консервативных тенденций в политике Гоминьдана. Характеристика общей модели строительства государства, отражавшая в общих чертах взгляды Сунь Ят-сена, отличалась более жестким авторитаризмом. Социальная ориентированность программных разработок Сунь Ят-сена, I и II съездов Гоминьдана в целом признавалась несвоевременной ввиду непрочности новой власти.

Съезд представил картину нерешенных партией задач, ослаблявших Гоминьдан. К их числу были отнесены непрочность власти партии над армией и не преодоленный сепаратизм военных группировок, организационные вопросы партийного строительства и слабость пропагандистской и воспитательной работы в партии и стране, т.е. в основном те направления, по которым продуктивно работали китайские коммунисты и представители Коминтерна в Китае.

Реалистичный подход съезда к оценке ситуации не распространялся на объяснение причин, вызвавших недостатки и просчеты в политике партии. Виновником объявлялась КПК. В документах съезда не давалась оценка роли Коминтерна и КПК в национальной революции. Не было упомянуто и о различных формах помощи СССР Гоминьдану и его правительству в их политике по объединению страны.

Политическая ситуация в стране характеризовалась состоянием относительной стабильности, что создавало предпосылки к построению новой государственности в общекитайских масштабах на основе опыта, приобретенного Гоминьданом в течение «военного периода строительства государства». Политическая программа и практика Гоминьдана 20-х годов наметили контуры и направления политических преобразований и государственного строительства. Как показал опыт Гоминьдана, приобретенный в революционный период, новая политическая система должна отвечать требованиям централизованного государства, а правительство характеризоваться «демократическим правлением». Определились основные рычаги упразднения «милитаристской» системы — баланс между центральной и провинциальной властью, новая налоговая политика, лишающая старую бюрократию возможности бесконтрольного распоряжения нало-

говыми сборами, централизация финансов, единство денежного обращения, мер и весов, протекционистская политика и т.д.

Программа и практика Гоминьдана 20-х годов характеризуют его как специфический тип партии, стремившейся поставить во главу угла общенациональные интересы и взявшей на себя ответственность вывода страны из системного кризиса. Сотрудничество с КПК, контакты и формы взаимодействия с СССР и с Коминтерном были частью истории Гоминьдана. Вплоть до осени 1926 г. гоминьдановцев и коммунистов многое сближало, и в первую очередь убежденность в приоритете общенациональных целей национальной революции перед интересами отдельных классов.

Вовлечение Гоминьдана в мировой революционный процесс, способность партии к творческому восприятию новых идей и адаптации к новым реалиям в значительной степени обеспечивались силой авторитета Сунь Ят-сена при его жизни и востребованностью в партии его политических планов и всего учения в целом после смерти. Уход лидера Гоминьдана из жизни в период активного формирования его политического курса повлиял на расстановку сил в Гоминьдане, ослабил партийное руководство и в определенной степени снизил способности партии в поисках наиболее эффективных решений. Гоминьдановская модель революции и развития 20-х годов в целом отражала специфику исторического и политического развития страны и в этом смысле стала составной частью и необходимой предпосылкой в развитии политической культуры и общего процесса модернизации Китая.

***** Чжунго гоминьдан. Ди и, эр, сань, сы цы цюаньго дайбяо дахуй хуйкань (Сборник документов I–IV съездов Гоминьдана). [Б.м.], 1934; Чжунго гоминьдан ди и, эр цы цюаньго дайбяо дахуй хуйи шиляо (Материалы по истории I и II съездов Гоминьдана): В 2 т. Нанкин, 1986; Чжунхуа миньго ши данъань цзыляо хуйбянь: Цун Гуанчжоу цзюнь чжэнфу чжи Ухань гоминь чжэнфу, 1917–1927 (Сборник архивных материалов по истории Китайской Республики: От Гуанчжоуского военного правительства до Уханьского Национального правительства, 1917–1927): В 2 т. Нанкин, 1986; *Сунь Ят-сен.* Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994; то же. Т. 2. 1926–1927. М., 1996; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495, оп. 154, д. 200, л. 23; The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevliet (alias Maring): In 2 vol. Leiden — New York, 1991.

******История Китая: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998; *Мамаева Н.Л.* Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991; *она же.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М., 1999; Новая история Китая. М., 1972; *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Энь-лая. М., 1996; *Ли Юнь-хань.* Цун жунгун дао циндан (От допуска коммунистов в Гоминьдана до чистки партии). Тайбэй, 1966; *Лю Цзи-цзэн*, *Мао Лэй*, *Юань Цзи-чэн.* Ухань гоминь чжэнфу ши (История Уханьского Национального правительства). Ухань, 1986; *Чжан Хай-пэн.* 1998 нянь ды чжунго цзиньдай ши яньцзю гайкуан (Обзор исследований в КНР в области новой истории Китая за 1998 г.) // Цзиньдай ши яньцзю. 2001, № 1; *Domes J.* Vertagte Revolution: Die Politik der Kuomintang in China, 1923–1937. B., 1969.

Н.Л. Мамаева

Гоминьдан в период «политической опеки» (1929–1949)

Оказавшись у власти, националисты приступили к реализации своего видения развития Китая, прилагая усилия к завершению процесса объединения страны, ликвидации системы неравноправных политических и экономических отношений с державами, выстраиванию основных элементов рыночной экономики и современной политической системы, осуществлению модернизации во всех сферах жизни китайского общества. Это было временем поиска формулы развития и модернизации страны на путях капиталистической эволюции и в рамках идеологии «трех народных принципов».

В своей концепции осуществления революции и построения современного государства в Китае Сунь Ят-сен наметил три этапа: военного правления, политической опеки, конституционного правления. После разрыва с коммунистами, завершения второго этапа Северного похода и номинального объединения страны Гоминьдан приступил к осуществлению «политической опеки». В октябре 1928 г. была принята «Программа политической опеки», а в марте и июне 1929 г. — соответственно «Программа распределения полномочий и власти между партией, правительством и народом» и «Установления периода политической опеки». Смысл периода «политической опеки», согласно этим и ряду других документов, состоял в следующем. На переходном этапе революции власть военных будет постепенно трансформироваться во власть народа, однако для этой трансформации нужен определенный период «опеки» и «наставления» со стороны главной революционной партии — Гоминьдана. В этот период руководство государством и народом осуществляют всекитайские конгрессы Гоминьдана, а в промежутках между конгрессами — ЦИК ГМД. Граждане Китайской Республики должны поддерживать ГМД, верить в три народных принципа, практиковаться в использовании четырех видов народовластия (права избирать, отзывать, выдвигать инициативы, проводить референдум), трудиться над осуществлением местного самоуправления. Предполагалось, что этот период займет 6 лет, до 1935 г. Однако впоследствии период «опеки» растянулся на 19 лет, до конца 1947 г.

Исторически период «политической опеки» знаменовал собой замену всевластия военных правителей в Китае на власть одной политической партии. В категориях суньятсеновской программы перехода к народовластию «правление военных» (*цзюньчжи*) уступило место «правлению партии» (*данчжи*), которая должна была действовать с перспективой на скорейшее введение «конституционного правления». По вопросу о необходимости принятия уже на стадии «политической опеки» Конституции в руководстве Гоминьдана существовали разные подходы, вызывавшие острые противоречия между отдельными лидерами.

Национальное правительство, которое должно было приступить к осуществлению целей политической опеки, было формально создано в октябре 1928 г. Председателем в нем был Чан Кайши, председателем Исполнительного юаня — Тань Янь-кай, Законодательного юаня — Ху Ханьминь, Судебного юаня — Ван Чун-хуй, Дай Цзи-тао — Экзаменационного юаня, Контрольного юаня — Цай Юань-пэй. Состав правительства в дальнейшем менялся как в структурном, так и в персональном отношении, однако в целом должности в нем не имели решающего значения в силу того, что правительство занимало подчиненное положение по отношению к партии. В целом правящий режим эпохи «политической опеки» представлял из себя переплетение правительства, партии и армии, так что трудно было провести четкую грань между этими главными опорами гоминьдановской государственности. Большинство исследователей согласны в том, что ключевым элементом в этом триединстве и в консолидации гоминьдановского режима была военная сила, и на фоне этого обстоятельства закономерной тенденцией выглядело возвышение фигуры такого военного лидера, как Чан Кай-ши.

Чан Кай-ши родился в 1887 г. в городке Сикоу (пров. Чжэцзян) в семье соляного торговца. Избрав карьеру военного, он поступил в Баодинскую военную академию, а затем продолжил военное обучение в Японии, где он в 1908 г. вступил в суньятсеновский Объединенный союз. С началом революционных событий в Китае Чан Кай-ши возвратился в Китай и под началом своего товарища и учителя Чэнь Ци-мэя участвовал в качестве командира батальона в ряде

боевых действий отрядов республиканцев в пров. Чжэцзян. После узурпации власти Юань Ши-каем и поражения «второй революции» Чан становится одним из тех, кто последовал за Чэнь Ци-мэем и Сунь Ят-сеном в Японию для подготовки продолжения революционной борьбы. Большую часть периода с 1913 по 1922 г. он проводит то в Японии, то в Шанхае, где постепенно завязывает связи в деловых кругах крупнейшего китайского метрополиса (через своего соратника по партии Чжан Цзин-цзяна) и среди руководства влиятельного в приморской полосе криминального синдиката «Зеленое братство» (*Цин бан*). В 1923 г., когда Сунь Ят-сен создает очередное правительство в Гуанчжоу и разворачивает сотрудничество с Советской Россией, Чан Кай-ши был послан в Москву для изучения опыта советского военного и партийного строительства. По возвращении Чан был назначен комендантом Военной академии Вампу, ставшей основной кузницей командирских кадров для гоминьдановской армии. Хотя на момент смерти Сунь Ят-сена (март 1925 г.) Чан не относился к числу предполагаемых преемников Суня, он был одной из ключевых фигур среди военных деятелей движения. В том же, 1925 г. он был назначен главнокомандующим Национально-революционной армией, а летом 1926 г. возглавил Северный поход.

Номинальное объединение страны под властью нанкинского режима произошло в числе прочего за счет компромисса, достигнутого Гоминьданом с рядом региональных военно-бюрократических группировок, на словах признавших власть центрального правительства и идеологию «трех народных принципов». Вооруженные силы этих полунезависимых правителей формально вошли в структуру национальной армии, а сами они заняли должности в правительстве «политической опеки».

Фактически после завершения Северного похода группировка Чан Кай-ши (место дислокации — Нанкин, 1-я армейская группа), олицетворявшая власть центра, была, хотя и самой сильной в военном отношении, лишь одним из полюсов силы, в то время как ей противостояли ряд других:

Кайфэн — Фэн Юй-сян — 2-я армейская группа,
Тайюань — Янь Си-шань — 3-я армейская группа,
Ухань — Ли Цзун-жэнь — 4-я армейская группа,
Гуанчжоу — Ли Цзи-шэнь — 8-я армия,
Шэньян — Чжан Сюэ-лян — Северо-Восточная пограничная армия.

Эта комбинация оказалась крайне шаткой, и впоследствии весь период нанкинского десятилетия был наполнен борьбой центрального правительства с этими «новыми милитаристами», постоянно готовыми выступить в той или иной комбинации с целью ослабить власть группировки Чан Кай-ши. Эта борьба напоминала милитаристские распри эпохи пекинского правительства, когда судьба сражений плохо обученных и приспособленных больше к грабежу мирного населения армий решалась в первом же бою, а наиболее эффективным способом одолеть противника подчас было перекупить на свою сторону его офицеров. Однако не один раз она принимала характер ожесточенной войны, иногда весьма масштабной, как это было, например, в кампании мая–сентября 1930 г., когда против Нанкина объединились Фэн Юй-сян, Янь Си-шань, южные милитаристы, а также античанкайшистские силы в самом Гоминьдане. В данной военной кампании было задействовано свыше миллиона солдат и потери сторон превысили 250 тыс. чел. Помимо «новых милитаристов» во многих периферийных и окраинных провинциях, таких, как Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Синьцзян и пр., продолжалось правление местных милитаристских режимов, власть которых почти не была затронута событиями Национальной революции и Северного похода. Все эти противоречия развивались на фоне продолжавшегося военного противостояния правительства с вооруженными силами КПК, сумевшими к началу 30-х годов захватить контроль над отдельными районами с общим населением до 10 млн. чел. Гоминьдан под руководством Чан Кай-ши организовал пять так называемых «карательных походов» против созданных коммунистами «советских районов», прежде всего Центрального советского района, существовавшего на юге пров. Цзянси. В целом если для периода 1927–1931 гг. главными являлись противоречия и военные действия между центром и региональными режимами, то после 1931 г. на первое место вышла борьба правительства с КПК

и противостояние нараставшей, начиная с захвата Маньчжурии (сентябрь 1931 г.), агрессии Японии.

На протяжении нанкинского десятилетия власть центра постепенно укреплялась, и к началу Антияпонской войны (июль 1937 г.) правительство смогло вытеснить силы КПК в глухие районы Северного Китая и добиться существенного ограничения власти местных военных лидеров. Особенно показательным был разгром летом 1936 г. милитаристов, контролировавших Гуандун и Гуанси, и внедрение центра в юго-западные провинции (Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань и др.) «на плечах» отступавших в ходе Великого похода частей Китайской красной армии. Правда эти достижения в области военно-политического объединения страны чуть было не пошли насмарку в декабре 1936 г. в ходе «сианьского инцидента», когда сам Чан Кай-ши был взят в плен подразделениями Чжан Сюэ-ляна.

В самом Гоминьдане после образования Нанкинского правительства продолжалось противоборство влиятельных группировок. От предыдущего периода было унаследовано разделение примерно на три довольно четко консолидировавшиеся в организационном и идеологическом плане группы партийных функционеров: сишаньцы («правые»), бывшие уханьцы («левые», затем — «реорганизационисты»), центристская группировка Чан Кай-ши (нанкинцы). В свое время в период Национальной революции большинство сишаньцев были исключены из партии, но затем восстановлены после образования Нанкинского правительства.

Бывшие уханьцы возглавлялись Ван Цзин-вэем. Фракция Ван Цзин-вэя, сторонников которой было довольно много среди рядовых членов партии, характеризовалась довольно высокой степенью организованности. В 1928 г. в Шанхае сторонниками Ван Цзин-вэя было учреждено «Общество единомышленников по реорганизации Китайского Гоминьдана» (Чжунго гоминьдан гайцзу тунчжихуй), послужившее организационной опорой для деятельности «левых».

Выдвижение Чан Кай-ши на роль единоличного лидера партии и страны вряд ли можно было предсказать в 1925 г., когда умер Сунь Ят-сен. Да и в начале нанкинского периода Чан Кай-ши, не являвшийся членом «старой гвардии» соратников Суня, таких, как Ван Цзин-вэй или Ху Хань-минь, казался временной фигурой. Тем не менее сочетание объективных обстоятельств и личных качеств этого незаурядного деятеля предопределило то, что гоминьдановскому режиму было суждено сначала кристаллизоваться вокруг чанкайшистской группировки как своего рода «сердцевины» партии, а затем на несколько десятилетий стать режимом личной власти генералиссимуса Чан Кай-ши.

Специалисты выделяют несколько факторов, способствовавших консолидации власти в руках генерала Чана. С одной стороны, он был наиболее видным военным среди лидеров националистов и мог опираться на поддержку командного звена их армии. Важную роль в этом имела его деятельность предшествующего периода в военной академии Вампу, выпускники которой составили костяк генералитета и офицерского корпуса вооруженных сил. С другой стороны, связи Чана в среде деловой элиты Шанхая позволили ему в ключевые моменты борьбы с КПК и левыми гоминьдановцами как в 1927 г., так и позднее мобилизовать финансовые ресурсы китайских предпринимательских кругов. Наконец, еще одним фактором было его мастерство в искусстве фракционной борьбы и специфической «милитаристской» политики, требовавшей умения угадать и вовремя расстроить планы врагов, использовать обман и подкуп, вероломство и гибкость в смене союзников, чтобы поочередно, не дав им объединиться, победить других претендентов на власть. В декабре 1927 г. Чан дополнил свои политические активы тем, что женился на Сун Мэй-лин, младшей сестре вдовы Сунь Ят-сена Сун Цин-лин, породнившись с самым именитым семейством в среде национального движения. По настоянию родителей невесты ему пришлось оформить развод с предыдущей женой и пообещать перейти в христианскую веру (официально крещен в 1929 г.). Через жену, получившую образование в США, ее брата Сун Цзывэня (выпускника Гарварда) и мужа ее старшей сестры Кун Сян-си (выпускника Йельского университета, представителя клана богатейших шаньсийских банкиров) Чан Кай-ши смог устанавливать более тесные и неформальные отношения с влиятельными деятелями стран Запада.

Тем не менее в начале эпохи «политической опеки» главной проблемой для Чан Кай-ши было консолидировать свое влияние внутри партии в противостоянии с такими деятелями «старой

гвардии», как возглавлявший левое крыло Ван Цзин-вэй и «правый» Ху Хань-минь. Чан вступал в союз то с одним, то с другим, иногда отдельно, иногда — в сочетании с группой так называемых ветеранов партии, не особенно смущаясь контрастами в идеологических позициях своих партнеров. Возвышение фигуры Чан Кай-ши в качестве сначала доминирующего, а затем единственного лидера партии-государства предопределило нарастание тенденции к преобланию военных и силовых методов в деятельности Гоминьдана (в ущерб политическим и идеологическим), относительному ослаблению роли правительства, бюрократизации, выхолащиванию реальной деятельности и даже атрофии партийной структуры. Однако статус безусловного лидера партийной и государственной иерархии Чан приобрел лишь в период Антияпонской войны.

Группа «левых»

В раннегоминьдановский период наиболее острой была оппозиция партийному руководству со стороны так называемых «левых». В мае 1928 г. Чэнь Гун-бо опубликовал статью с призывом к реорганизации Гоминьдана. Чэнь Гун-бо и Гу Мэн-юй, возглавлявшие соответсвенно два крыла среди реорганизационистов, издавали журналы «Гэмин пинлунь» и «Цяньцзинь». В публикациях этих изданий разоблачались коррупция и разложение в среде гоминьдановского аппарата, содержались призывы восстановить дух реорганизации партии 1924 г., провести новую реорганизацию. В декабре 1928 г. было учреждено «Общество единомышленников по реорганизации Китайского Гоминьдана». Реорганизационисты настаивали на повышении престижа партии, осуществлении партийной диктатуры, строгой организационной дисциплины, одновременно выступая против единоличной власти Чан Кай-ши. Они отмечали, что при нем большинство партийных должностей заполняется путем назначения, а не выборов, партийные решения принимаются узким кругом руководителей, а не обсуждением широкими массами членов партии.

Реорганизационисты выступали и против политики КПК, классовой борьбы и «аграрной революции». Они считали, что Коминтерн, так же как и империализм, является врагом национальной революции. В области реформирования политической и экономической системы реорганизационисты выдвинули целый ряд позитивных, хотя и не во всем практичных идей: демократизация деятельности Гоминьдана, более тесная связь с массами, восстановление массовых организаций (но под контролем партии), развитие крестьянских кооперативов, оживление деятельности крестьянских союзов и ассоциаций, сокращение арендной платы за землю на 25%, развитие профсоюзного движения, поощрение участия рабочих в прибылях предприятий, создание ассоциаций предпринимателей, стимулирование внутренних инвестиций, ограничение бесконтрольности местных властей в распоряжении финансами, усиление политического воспитания в армии, сокращение военных расходов и пр. При всей страстности риторики реорганизационистов их предложения и инициативы в принципе не выходили за рамки партийной идеологии, и то, что придавало наибольшую оппозиционность их деятельности, было связано с фракционной деятельностью, созданием собственных организационных структур на низовом уровне. Отчасти оппозиционность реорганизационистов обусловливалась тем, что при распределении власти в первые годы нанкинского режима они оказались отстранены от всех важных постов. Крупнейшим выступлением реорганизационистов стал их протест в ходе подготовки и проведения III съезда Гоминьдана в марте 1929 г. В частности, они выражали возмущение тем, что половина делегатов не выбирается на местах, а назначается центральными органами Гоминьдана. В результате ответных действий прочанкайшистского большинства съезда Ван Цзин-вэю было вынесено официальное предупреждение, Гу Мэн-юй был исключен из партии на три года, а Чэнь Гун-бо и Гань Най-гуан — «навечно». Несмотря на это, реорганизационисты продолжали попытки оттеснить от власти чанкайшистскую группировку с помощью внутрипартийной борьбы и блокирования с региональными политическими силами, участия в вооруженных мятежах северных и южных генералов. О накале противостояния свидетельствовало убийство в феврале 1930 г. одного из видных деятелей реорганизационистов — Ван Лэ-пина. В январе 1931 г. Ван Цзин-вэй заявил в Гонконге о роспуске организации реорганизационистов. Летом этого же года Ван вошел в созданное весьма разношерстной коалицией античанкайшистских сил отдельное от Нанкина «Национальное правительство» в Гуанчжоу, опиравшееся на милитаристов Гуандуна и Гуанси.

Гоминьдан в 1929—1949 гг.

После захвата Японией Маньчжурии сложились условия для очередного примирения враждующих фракций в Гоминьдане на основе патриотической риторики. Ван Цзин-вэй занял посты председателя Исполнительного юаня, министра иностранных дел, Гу Мэн-юй — министра путей сообщения, Чэнь Гун-бо — министра промышленности и т.д. Как организованное движение фракция реорганизационистов перестала существовать. Впоследствии группа Ван Цзин-вэя разошлась с Чан Кай-ши по вопросу об отношениях с Японией. В 1940 г. Ван Цзин-вэй, проделавший к тому времени серьезную эволюцию от «левых» идей к идеям антикоммунизма и паназиатизма, перешел на сторону японцев и основал отколовшееся от «Национального правительства» (находившегося в годы войны в Чунцине) марионеточное гоминьдановское правительство.

Группа «правых»

Столкновение Чан Кай-ши с Ху Хань-минем произошло в начале 1931 г. на почве противоречий по поводу необходимости принятия конституции (была принята прочанкайшистским большинством 5 мая 1931 г.). Оно закончилось уходом Ху с поста председателя Законодательного юаня и впоследствии его оппозиционной деятельностью по отношению к Нанкину на протяжении 1932–1935 гг. Своим авторитетом Ху в эти годы придавал видимость легитимности существовавшему в Гуандуне и Гуанси практически автономному правлению южных милитаристов.

Помимо враждебных к Чан Кай-ши группировок в партии (а также таких отколовшихся от Гоминьдана групп, как «третья партия» Дэн Янь-да и Тань Пин-шаня), в период «политической опеки» отмечалось противоборство ряда влиятельных группировок внутри прочанкайшистского «ядра» гоминьдановского режима. Основными из них были группировка *Си-Си* (контролировала партийный аппарат, спецслужбы, имела сильные позиции в гражданской администрации ряда провинций, в сфере пропаганды, образования, органов осуществления аграрной политики и пр.), вампуисты (в основном объединяла генералитет и офицерство из числа выпускников академии Вампу, контролировала армию, органы разведки и контрразведки, организации профашистского типа), группировка «политических наук» (*Чжэнсюэси*, состояла из представителей высшего чиновничества), «группировка родственников» (группа связанных с Чан Кайши узами родства высокопоставленных деятелей правительства, в основном контролировавших финансовый блок, и связанных с ними фигур из криминальных организаций Шанхая).

При описании успехов и неудач гоминьдановского режима историки обычно отмечают позитивные перемены в современном секторе, в промышленности и торговле, в области модернизации законодательства, финансовой системы, достижение таможенной автономии на фоне вялой политики по отношению к проблемам деревни, а также контроля на местном уровне. Несмотря на весь позитив, достигнутый Гоминьданом в крупных городах и приморских провинциях, именно аграрный вопрос стал главной предпосылкой слабости власти националистов и в итоге предопределил его поражение в столкновении с силами КПК.

После прихода к власти нанкинского правительства, возглавляемого Чан Кай-ши, несмотря на все обвинения, звучавшие в его адрес со стороны левой, прежде всего коммунистической оппозиции, преемственность в аграрной политике была сохранена. Законодательные акты, принятые на протяжении 1930-х годов, включая и Земельный закон 1930 г., включили все основные положения программы, выдвинутой Сунь Ят-сеном. Они предусматривали реформу арендных отношений, проведение широких земельных обследований, реорганизацию налоговой системы, а также предполагали преобразование структур местной власти, без чего все остальные реформы были вряд ли возможны. В принципе не исключалась и возможность проведения всеобщего перераспределения земли после введения налоговой системы, основанной на учете ее цены. В формулировании и осуществлении мероприятий по реформированию сельского сектора были активно, хотя и с различных позиций, вовлечены несколько ключевых фракций гоминьдановского режима. На протяжении 30-х годов были не только приняты законодательные акты, заложившие основы политики реформ в деревне, но также осуществлены и некоторые практические меры, призванные ускорить процесс ее модернизации. Несмотря на то что реальный эффект был не

слишком заметен, тем не менее нельзя недооценивать значение проводившихся на региональном уровне земельных обследований, попыток регулирования арендных отношений, налогового бремени, создания современных форм кооперативного движения и кредитования села, а также целого ряда мер, направленных на технологическую модернизацию деревни. Препятствиями, снижавшими результативность этой политики, были продолжавший сохраняться раскол страны на полуавтономные милитаристские владения, скудость финансовых ресурсов, а также вопросы, связанные с модернизацией и рационализацией самой управленческой системы, которая оказалась неспособной проникнуть на уровень ниже уездного, а в ряде случаев и ниже провинциального. Таким образом, накопленный опыт заставлял признать, что условием модернизации деревни являлась рационализация системы управления, которая вместо того, чтобы служить послушным инструментом мероприятий властей, сама становилась колоссальным источником проблем и трудностей.

Сложность оценки местной государственной структуры на рубеже милитаристского и гоминьдановского периодов состоит в том, что реорганизации и реформы, проходившие в предшествующие годы, изменили в большей степени внешний облик традиционной структуры управления, нежели ее внутреннее содержание.

После 1927 г. произошла очередная реорганизация административной структуры. Была ликвидирована трехзвенная система провинция–область–уезд, вместо нее осталось два уровня — провинция и уезд. На уровне провинции высшим органом управления стало провинциальное правительство, представлявшее из себя коллегиальный орган из 7–9 человек во главе с его председателем, назначаемым Национальным правительством. На уровне уезда исполнительную власть представляло уездное правительство. В сентябре 1928 г., а затем с уточнениями в июне 1929 г. был обнародован «Закон об организации уезда». Уезды делились на три категории: высшую, среднюю и низшую, что определялось в зависимости от площади, численности населения и объема налоговых поступлений.

Начальник уезда назначался из числа двух-трех кандидатур, представленных департаментом гражданской администрации провинции на рассмотрение провинциального правительства. Срок нахождения в должности начальника уезда составлял 3 года. В составе уездного правительства создавался уездный административный совет (*сяньчжэн хуйи*), в который входили начальник уезда, секретарь, начальники отделов и управлений. Совет решал вопросы уездного бюджета, займов, распоряжения казенным имуществом и предприятиями и т.д. Как правило, имелись еще 4 управления: безопасности, финансов, строительства и образования. В случае необходимости к перечисленным прибавлялись другие специализированные управления: земельное, продовольственное, санитарии и т.д. Закон 1929 г. предусматривал и формирование уездных представительных органов, однако на практике в нанкинский период их создание не получило заметного развития, что отражало как неготовность местных условий, так и общий более авторитарный тон, свойственный гоминьдановской эпохе. В обстановке продолжавшейся политической нестабильности и экономического кризиса та часть суньятсеновской программы государственного строительства, которая отводила ключевую роль самоуправлению на уровне уезда и вообще уповала на демократизацию снизу, вряд ли могла быть осуществлена. Кроме того, опыт существования институтов «самоуправления» в период ранней Республики обнаружил в большей степени издержки, чем достижения. «Самоуправляющиеся» советы и ассамблеи были далеки от идеала опоры на волеизъявление и участие масс населения, напротив, они представляли собой еще один легальный канал перераспределения властных полномочий в руки местных элит. Распространенным было впечатление, что члены новых законосовещательных органов — не «просвещенные *шэньши*», пользующиеся авторитетом односельчан, а беспринципные дельцы, с помощью взяток и ухищрений получившие свои посты и преследующие своекорыстные цели. Таким образом, эти органы, получившие прозвище «новых *ямыней*», были по характеру «местными», но вряд ли «представительными». Нередки были случаи стихийных выступлений против этих органов, олицетворявших собой, по мнению крестьян, корыстолюбие и аморальность *шэньши* и других местных элит. Наиболее распространенными объектами массового возмущения были современные школы, переписи населения, конфискации собственности религиозных

организаций, а также дополнительные налоги. В результате местные элиты оказывались в ситуации, когда различные модернизаторские проекты и меры воспринимались населением как усиление угнетения и подрыв традиционных деревенских ценностей.

Эпоха нанкинского правительства в целом была свидетелем тенденции к укреплению бюрократического контроля и единоначалия. Согласно решениям, принятым правительством в Нанкине в первые месяцы своей работы, серьезные изменения должны были произойти в той части уездного правительства, которая относилась к сфере действия подчиненного и вспомогательного персонала. Департаментам гражданской администрации провинциальных правительств было поручено реорганизовать уездные правительства, с тем чтобы хорошенько «просеять» персонал клерков и служителей. Ликвидация клерков и служителей «старого типа» была призвана стать коренной реформой, обеспечивающей создание «честной уездной администрации». Наследие периода пекинского правительства в области местной администрации заключалось в реорганизации официальной части уездной административной структуры, но нетронутой осталась вторая, «теневая» сторона управления. Изменились названия органов и должностей, но на старом месте остались все «вредные элементы» уездной управы. Против них-то и была направлена чистка раннегоминьдановского периода, совпавшая по времени с другими массовыми кампаниями, такими, как кампания борьбы против *тухао-лешэнь*, за ликвидацию земельных регистраторов и против «феодальных суеверий». Одновременно с преобразованием старых отделов и служб уездных управ в сектора уездного правительства проводилась чистка вспомогательного персонала. Увольнению подлежали лица преклонного возраста, «алчные и аморальные», «зараженные тлетворным духом старых *ямыней*», имеющие дурные пристрастия. Вакансии планировалось пополнять молодыми выпускниками учебных заведений выше уровня начальной школы.

При этом надлежало обеспечить, чтобы при чистке клерков и служителей не возник хаос в делопроизводстве. С этой целью было приказано продолжать использовать тех из числа старого персонала, кто обладал значительным административным опытом и знанием делопроизводства, а также «правильными моральными качествами». С другой стороны, клерки старого типа должны были выдать властям находившиеся в их распоряжении документы, дела, налоговые реестры, квитанции о платежах и пр.

Помещения прежних *ямыней* переименовывались в канцелярии уездного правительства, прежние наименования отделов и служб были запрещены, а клерки и служители теперь назывались секретарями или внештатными сотрудниками. Прежние «три службы» (*цзаобань*, *миньбань* и *куайбань*) преобразовывались в административную полицию. Полицейскими могли стать лица в возрасте не старше 30 лет, знавшие грамоту, не имевшие вредных пристрастий, не зараженные тлетворным духом старых порядков и не имевшие на совести притеснения крестьян в прошлом. К тому же они могли быть назначены под поручительство какого-либо купца или коммерсанта. По отношению к «клеркам старого типа», так же как и к полицейским, требовалось осуществлять перевоспитание и «политическую опеку», что включало в себя разъяснение основ партийного учения, «духовные наставления», занятия по гимнастике, искусству кулачного боя (для полицейских), преподавание элементарных юридических знаний, совместное пение. «Духовные наставления» делались начальником уезда лично, отдельные мероприятия по перевоспитанию и «опеке» осуществлялись уполномоченными чиновниками уездного правительства.

Не только клерки нуждались в перевоспитании. В приказах министерства внутренних дел постулировалось, что все служащие местных правительств должны усвоить новые духовные принципы. Прежде всего речь шла о том, что каждый чиновник, член он ГМД или нет, должен был считать следование партийному учению своей первейшей обязанностью. Ему следовало уразуметь тот принцип, что с победой революции чиновники становятся слугами народа, а не наоборот. Для этого местным административным работникам надлежало в своей деятельности «исходить из интересов народных масс», а для этого — действительно знать народные нужды и «слиться» с народом.

Одновременно от местных администраторов требовался революционный энтузиазм и разрыв с «пороками старого времени». Надлежало проявлять энергичность и трудолюбие, каждый день

вставать в 5–6 часов утра, быстро решать дела, проявлять бережливость и экономию. Должностным лицам надлежало отказываться от любых угощений и подношений. В крайнем случае, когда никак нельзя было избежать участия в застолье, стоимость угощения не должна была превышать 0,5 юаня на человека. Празднование дня рождения должностного лица разрешалось только для тех, кому более 60 лет. Участие в других церемониях (свадьбы, похороны) допускалось только в отношении непосредственных членов семьи. При этом подарки не должны были по стоимости превышать 2 юаня, а подарки от посторонних лиц запрещались. Чиновники были обязаны носить одежду из хлопчатобумажных тканей китайского производства.

На формирование местной административной структуры немалое влияние оказала так называемая «шаньсийская модель». При этом первым министром внутренних дел гоминьдановского правительства был шаньсийский губернатор Янь Си-шань. К началу нанкинского периода эксперимент с «деревенским правлением» в Шаньси насчитывал уже почти целый десяток лет, по масштабу не имея аналогов в других провинциях.

Истоки «шаньсийской модели» деревенского управления восходят к эксперименту, осуществлявшемуся местными *шэньши* в «образцовой деревне» Чжайчэн в уезде Динсянь пров. Хэбэй. Зачинателем эксперимента с «образцовой деревней» был Ми Ди-ган, представлявший самый многочисленный клан по фамилии Ми в Чжайчэне. Он стал основателем движения деревенского правления (*цуньчжи*), которое должно было стать основой преобразования всей страны. Цель «деревенского правления», по Ми Ди-гану, заключалась в том, чтобы сделать из деревни такое звено, которое позволило бы эффективно сопрягать семью как базовую ячейку общества с органами государства — уездными и другими властями. Его идеи предусматривали как нововведения технико-экономического характера (создание кооперативных обществ и т.д.), так и восстановление традиционных институтов социального регулирования, как, например, «колодезная система», с целью предотвращения чрезмерной имущественной поляризации крестьян.

Эксперимент с «деревенским правлением» имел большой резонанс в уезде Динсянь. В 20-е годы эксперимент был продолжен «Китайским обществом распространения образования для простого народа», создавшим на базе Динсяня «Северокитайский экспериментальный район». Новая система деревенской организации стала фундаментом политики Янь Си-шаня в пров. Шаньси в области местной администрации.

В целом шаньсийская система очень напоминала провозглашенный в 1914 г. Юань Ши-каем эксперимент с новым административным устройством, основным звеном которого был район (*цюй*) — субуездная единица, примерно соответствовавшая по размерам волости императорского периода. Можно предположить, что идея введения новой субуездной единицы, служившей бы приводным ремнем между уездом и деревенским обществом с его локальными конфигурациями власти, была подсказана опытом существования административной единицы *ку* (район) в Японии после реставрации Мэйдзи.

Деревенская система начала осуществляться в Шаньси с 1917 г. Вдохновляемые японскими образцами, шаньсийские власти намеревались выстроить «административную сеть», которая охватила бы все местное общество сверху донизу, не оставляя вне контроля власти ни один двор, ни одного человека. Программа этого массированного проникновения государства на нижние этажи сельского общества дополнялась традиционалистской по форме политикой «использования народа в управлении» (*юн минь чжэнчжи*). По убеждению Янь Си-шаня, старая деспотическая система управления базировалась на «успокоении» народа, но не на его «привлечении». В результате народные массы были заражены духом пассивности, инертности и отсутствия интереса к общественным делам. С началом Республики наступила эпоха «полупробуждения» от глубокого сна. В этих условиях политика «привлечения народа к управлению» должна была привнести некое активное начало, она к тому же требовала от правителей относиться к народу «как родители к детям или учитель к ученику».

Политика «привлечения народа к управлению», снискавшая Янь Си-шаню репутацию «образцового губернатора», включала весьма широкий набор мероприятий — начиная от морального преобразования людей на основе четырех принципов (искренность, правдивость, активность, коллективизм) до реформ организационно-технического характера в сфере ирригации,

введения новых сортов сельскохозяйственных культур, запрещения вредных привычек и т.д. С целью проведения в жизнь политики, получившей название «шесть работ и три дела», создавались специальные органы — «канцелярии обсуждения шести работ». Использовалась также такая форма, как посылка на места в уезды административных инспекторов, проверявших ход осуществления «шести работ и трех дел».

Немалое место во всех мероприятиях в Шаньси занимали методы командного, административно-принудительного воздействия, которые как бы иллюстрировали собой разрыв между идеалами «самоуправления» и повседневной реальностью республиканского аграрного Китая. «Искусство управления, — замечал Янь Си-шань, — состоит в том, чтобы заставлять делать то, что нужно делать, и не давать делать того, чего не нужно делать. Если же кто-то не подчиняется, он должен быть наказан со всей строгостью». Особенно широко репрессивные методы находили применение в таких аспектах преобразований, как борьба против опиума, азартных игр, бинтования ног, ношения кос (у мужчин). Насаждались и различные культово-идеологические церемонии. Для работников сферы образования и административных служащих было обязательным посещение «Общества очищения сердца», где раз в неделю осуществлялась процедура «самонаблюдения» (*цзысин*), состоявшая в медитации и в следовавшей за ней лекции с разъяснением основ учения Конфуция.

Новая система деревенского управления стала важной частью «политики привлечения народа», которая в результате трансформировалась в курс «опоры на деревню» (*цунь бэн чжэнчжи*). Здесь было четыре наиболее важных компонента: 1) упорядочение деревенских управленческих структур, 2) утверждение правил поведения крестьян, 3) создание контор по предотвращению судебных тяжб, 4) создание отрядов самообороны. «Канцелярии обсуждения 6 работ» были преобразованы в отделы по вопросам деревенской администрации. Провинция была разделена на 12 районов, в каждом из которых было по 8–9 уездов, находившихся под контролем отдела проверки. В каждый уезд направлялся один уполномоченный по упорядочению деревенских установлений. Каждый уезд в зависимости от расстояний между деревнями делился на несколько участков. Должность начальника участка обычно занималась по совместительству начальниками районов, судьями, ревизорами, помощниками технических советников, инспекторами учебных заведений, официальными лекторами, полицейскими офицерами или следователями. Начальник участка непосредственно руководил начальниками деревень.

В плане организации власти на сельском уровне осуществлялась модель «административной деревни» (*бяньцунь*), напоминавшей такую деревню цинского периода, где несколько отдельных поселений объединялись под началом назначенного сверху старосты. В новой модели назначался начальник деревни, помощник начальника деревни и создавалась деревенская канцелярия. Бюрократизация шаньсийской деревни означала увеличение количества официальных должностей с 5 тыс. до 500 тыс. Эта армия должностных лиц должна была стать эффективным инструментом доведения до всех уровней политики руководства, и прежде всего осуществления запланированных преобразований, имевших конечной целью «гуманизацию деревни» (*цунь жэньхуа*). Правда, в представлении специалистов помимо «гуманизации» имелась еще и более прагматическая причина — создание эффективной налоговой системы.

Шаньсийская система, делавшая упор на консервативные ценности и моральное оздоровление, представляла собой целенаправленную попытку агрессивно настроенного провинциального руководства распространить свою административную власть на нижние уровни деревенского общества.

Во второй половине нанкинского периода в организации низовых структур административного управления, стимулируемой государством, происходит еще целая серия изменений. Одно из них состояло в распространении системы *баоцзя* — круговой поруки, или «коллективной безопасности», существовавшей в китайской деревне при Цинах. Все деревенские жители должны были соблюдать правила *баоцзя*, в которых определялись следующие пункты: название и местонахождение *баоцзя*; составление подворных табличек, регистрация населения; проверка и контроль за приезжающими и уезжающими лицами; меры на случай стихийных бедствий и разбоя бандитов; строительство блокгаузов и других оборонительных сооружений; охрана элементов транспорт-

ной инфраструктуры — телеграфных столбов, мостов и т.д.; распоряжение средствами; меры наказания и поощрения работников *баоцзя*.

Но ключевым в существовании *баоцзя* было то, что определялось в первом пункте правил: «В каждом дворе глава семьи выступает в качестве начальника двора, он отвечает за управление и контроль над всеми членами семьи — мужского и женского пола, сообщает [начальству] о всех перемещениях членов семьи. Осуществляется взаимное поручительство нескольких дворов, так чтобы входящие в *бао* дворы взаимно гарантировали друг друга [от нарушений порядка], следили друг за другом и секретно сообщали [начальству] обо всех случаях нарушения тем или иным двором закона».

Этот же период становится свидетелем целой серии мероприятий, истоки которых восходят к комплексу военно-политических усилий по разгрому коммунистических советских районов на территории Центрального Китая. Провозглашенный в 1932 г. курс на использование «30% военных, а на 70% — политических средств» (подавления коммунистов) имел в виде источника традиционалистское основание и отчасти также базировался на использовании опыта реставрации Тунчжи, квинтэссенцией которого был известный принцип: «Когда в стране дурные чиновники, народу нечего есть, хоть каждый день убивай по тысяче разбойников, все равно делу не поможешь». Разработка программы административно-политических мероприятий и преобразований в рамках курса «70–30» осуществлялась рядом деятелей гоминьдановского режима, входивших в так называемую «группу политических наук» (*чжэнсюэ си*), таких, как Ян Юн-тай, Чжан Цюнь, Сюн Ши-хуй и др. Люди из этой фракции занимали ряд ключевых постов, связанных с проведением политики в сельских районах Центрального Китая. Так, Ян Юн-тай был назначен в 1932 г. начальником секретариата нанчанской ставки председателя Военного совета. Именно он предложил Чан Кай-ши план «70–30». Он же руководил составлением программ упорядочения работы местных партийных организаций, финансовой помощи деревне. В качестве руководителя аппарата ставки Чан Кай-ши, а впоследствии в должности губернатора провинции Хубэй Ян Юн-тай занимался осуществлением этих мероприятий на практике. То же можно сказать и о других членах фракции: Чжан Цюнь был губернатором Хубэя, Сюн Ши-хуй — Цзянси.

Курс «70–30» предусматривал: преобразования в административной системе; усиление «политической работы», что охватывалось четырьмя принципами — *гуань* [*1*] (управление), *цзяо* [*1*] (воспитание), *ян* [*3*] (вспомоществование), *вэй* [*2*] (обеспечение безопасности); трансформацию административной морали. Данные мероприятия были оформлены соответствующими решениями 4-го (1933) и 5-го пленумов ЦИК ГМД (1934).

Важной частью политики «70–30» было преобразование «духа управления», или «административной морали». Исходным мотивом такой политики служил традиционный постулат — управление основывается на людях, а не на законах. В понимании Чан Кай-ши этот принцип трансформировался в метафору людей и инструментов: административные органы, структуры, бюрократические нормы и процедуры — все это, так сказать, подобно станкам и машинам на фабрике. В то же время чиновники и население уподобляются инженерам и рабочим, которые и приводят в движение все механизмы. Если же люди не обладают необходимой трудовой дисциплиной, а, наоборот, занимаются очковтирательством и плутуют, то даже самые лучшие машины бесполезны. С этим была связана установка Чан Кай-ши по преодолению морального упадка и деградации в обществе.

«Еще с династии Цин в ряды государственных служащих стали набирать кого попало, людей без стыда и совести. В результате корыстолюбцы без зазрения совести злоупотребляют служебным положением, открыто воруют, казнокрадствуют, да еще и кичатся этим. Даже хорошие люди максимум, что могут сделать, — поддерживать видимость выполнения своих обязанностей. Нечего и говорить, чтобы добиться каких-то результатов или принести пользу [населению]... Что касается населения, то каждый в наше время думает лишь о личных интересах, не беспокоясь ни о делах родной местности, ни тем более о делах государства. Люди пребывают в бездействии и пассивности, в то же время не хотят, чтобы и правительство предпринимало какие-либо начинания. Они, как страусы, зарывая голову в песок, тешат себя иллюзиями сиюминутного спокойствия. Вот почему дух морального упадка и разложения распространился повсюду в области управления, грозя гибелью государству и нации».

Политика исправления «административной морали» была ориентирована как на чиновников, так и на всех граждан. Наиболее известной страницей этой эпопеи стала массовая всекитайская кампания «За новую жизнь» (*синь шэнхо юньдун*), начатая в феврале 1934 г. Цель ее состояла в том, чтобы утвердить в деревне новые формы организации жизни, основанные как на положениях конфуцианства, так и на некоторых принципах суньятсенизма. В речи, произнесенной Чан Кай-ши в Нанчане в феврале 1934 г., он заявил: «В чем состоит сущность предлагаемого мною движения? Если говорить коротко, то это полная милитаризация всех основ жизни с целью воспитания мужества, способности преодолевать невзгоды. Желания трудиться, воспитания привычки к общественному единению и готовности пожертвовать собой во имя интересов государства...» В определенном смысле эта кампания была предтечей идеологических кампаний периода КНР, основанных на «революционной морали». Отметим лишь, что четыре принципа правильного поведения *ли и лянь чи*, поставленные (возможно, Ян Юн-таем или Хэ Цзянем, заговорившим об этом за два года до Чан Кай-ши) в основу программы морального оздоровления, перекликаются с теми, на основе которых «образцовый губернатор» пров. Шаньси Янь Си-шань проводил политику «использования способностей народа».

Чан Кай-ши рассчитывал преодолеть дух пассивности, бездействия, беспринципного оппортунизма повседневной жизни и морального разложения. Янь Си-шань старался способствовать «пробуждению» масс, зараженных духом пассивности, инертности, отсутствия интереса к общественным делам. В обоих примерах традиционные этические принципы использовались как средство моральной мобилизации масс населения с целью преобразования общества, адаптации его к требованиям современной жизни.

В июне 1932 г. Чан Кай-ши объявляет так называемую политику «умиротворения внутри [страны] для отпора внешнему врагу». Тогда же появляется установка, что «искоренение бандитов» должно осуществляться на 30% военными, а на 70% — политическими средствами. В числе этих последних прежде всего «успокоение деревни» и решение земельного вопроса, ибо «если мы не решим земельного вопроса, то земельный вопрос порешит нас».

В разработке и организации мероприятий по решению земельного вопроса заметная роль принадлежала в 30-е годы ряду руководящих лиц, относящихся к фракции *Си-Си*. В июне 1932 г. Чан Кай-ши поручил только что вернувшемуся из Германии Сяо Чжэну заняться разработкой мероприятий по земельному упорядочению в районах, освобожденных от «красных бандитов», результатом чего явилась «Программа упорядочения земли в районах бандитизма», а также план по введению в деревне в целях водворения порядка «удостоверения личности».

Вскоре после этого Сяо Чжэну было поручено организовать исследовательскую структуру, призванную сыграть роль своего рода мозгового центра по вопросам, касающимся разработки земельной политики. Такая организация была создана. Пригласили несколько крупных специалистов по земельному вопросу, в июле 1932 г. состоялось первое заседание «семинара по земельным проблемам». Первым результатом работы семинара стали известные «10 принципов осуществления земельной политики партии». Основные положения сводились к следующему: 1) определение прав собственности на землю: право собственности на землю должно принадлежать всем гражданам государства, отдельные же лица могут обладать правом пользования, но оно не должно приводить к спекуляциям землей или к превращению ее в орудие эксплуатации человека. Для этого необходимо совершенствовать арендную систему, поддерживать крестьян-собственников; 2) установление равенства прав на землю: правительство обладает верховной распорядительной властью над землей. В соответствии со стоимостью земли оно взимает налог, причем использует прогрессивный налог для ограничения концентрации земли. В соответствии с потребностями общественного благосостояния государство может осуществлять отчуждение земли; 3) способствование рациональному землепользованию: осуществлять землеустройство, развивать научные методы производства с целью повышения отдачи; необходимо создавать сеть финансово-кредитных организаций, стимулировать мелиорацию, освоение пустующих земель и т.д.; 4) создание органов земельной администрации: центральное и местное правительства создают органы земельной администрации, которые ответственны за проведение земельной политики. В масштабе страны осуществляются земельный обмер и регистрация земельных владений.

В 1933 г. в Нанкине было создано «Китайское общество изучения проблем земельной администрации», его целями было не только изучение земельных вопросов, но и осуществление необходимых преобразований. Общество издавало ежемесячный журнал «Дичжэн юэкань», серию книг и переводов и т.д. Параллельно началась работа по подготовке кадров для учреждений земельной администрации. В рамках главной кузницы гоминьдановских кадров Центральной политической академии — вотчины группировки *Си-Си* — была создана учебная группа по вопросам земельной администрации.

Вскоре по указанию Чан Кай-ши, являвшегося номинально ректором Политической академии, учебная группа была преобразована в Институт земельной администрации (*дичжэн сюэюань*). Директором этого института стал Сяо Чжэн. Впоследствии выпускники Института составили основной кадровый костяк учреждений земельной администрации по всему Китаю, а после 1949 г. — на Тайване. Из числа начальников управлений земельной администрации городов и провинций страны, особенно после Антияпонской войны, за малым исключением, все являлись выпускниками или преподавателями института. Сам Сяо Чжэн занимал в это время должность замминистра земельной администрации.

В августе 1934 г. Национальным экономическим советом совместно с министерствами гражданской администрации и финансов был создан Земельный совет (*туди вэйюаньхуй*), главой которого был назначен Чэнь Ли-фу. Основным содержанием его работы стало проведение общекитайского земельного обследования, включавшего в себя такие проблемы, как уточнение категорий земель, выяснение ситуации с распределением земли, землепользованием, эксплуатацией земель, арендой и налогами с земли и пр.

Земельное обследование в масштабе страны предпринималось впервые в новой истории Китая, хотя в условиях нехватки средств и других причин обследование неизбежно приобрело выборочный, а не сплошной характер. Опираясь на контролируемый Чэнь Ли-фу партийный аппарат (Чэнь Ли-фу занимал пост заведующего орготделом ЦИК ГМД), Земельный совет сумел энергично развернуть работу и в течение полугода завершить этот проект. Материалы обследования по 22 провинциям были переданы в созданный позднее Специальный комитет по земельным проблемам. Исследовательские задачи Земельного совета было поручено осуществлять «Китайскому обществу изучения проблем земельной администрации».

Помимо вышеперечисленных организаций, представлявших сферу влияния группировки *Си-Си*, планированием и выработкой аграрной политики правительства занимались также Сельский отдел Национального экономического совета и Комитет возрождения деревни при Исполнительном юане. В категориях межфракционного соперничества принадлежность этих организаций выглядела таким образом: Национальный экономический совет представлял собой вотчину «клики родственников», так как во главе его стоял Сун Цзы-вэнь, а Комитет возрождения деревни — группы Ван Цзин-вэя, последний занимал в это время пост председателя Исполнительного юаня. В каждый из этих органов были привлечены известные специалисты-аграрники.

Кризис китайского общества и особенно его традиционной аграрной экономики, обострившийся в 30-е годы, заставлял различные по социально-политической ориентации силы искать пути «спасения государства и нации». Часть этих поисков реализовалась в попытках различных административных реформ, которые в условиях слабости межрегиональной интеграции и сегментации политической власти принимали характер локальных экспериментов, отличавшихся большой амплитудой по методам и целям. (К числу локальных экспериментов вполне уместно отнести и мероприятия, осуществлявшиеся в районах под контролем КПК.)

На территории, подчинявшейся гоминьдановскому правительству, преобразования вписывались в контекст организационно весьма аморфного «движения за сельскую реконструкцию» (охватывало широкий спектр мер, направленных на развитие аграрных районов). По данным Министерства промышленности, в середине 30-х годов в стране насчитывалось свыше 600 организаций, занимавшихся вопросами образования, исследований, администрации, финансов в деревне, а также свыше 1000 районов, где проводились различные эксперименты.

Организации, связанные с реформами и экспериментами, представляли центральные или провинциальные (а зачастую и уездные) власти, частные группы или общественные ассоциации,

местные политические группировки и отдельных милитаристов. Наибольшую известность получили реформы в так называемых «экспериментальных уездах».

Начиная с 1933 г. в 10 провинциях страны существовало полтора десятка экспериментальных уездов, причем в ряде мест их созданию предшествовали мероприятия по сельской реконструкции в течение нескольких лет.

В задачу экспериментов входили такие мероприятия: охрана порядка, преобразование местной администрации, упорядочение финансов, экономическое развитие деревни, распространение образования, гигиены и т.д. Однако в каждом конкретном случае организаторы экспериментов должны были ответить на вопрос, почему все подобные меры, которые и раньше являлись главным содержанием работы местных правительств, не дали ощутимых результатов в преодолении бедственного положения деревни, и определить главное звено, ухватившись за которое можно было сдвинуть дело «сельской реконструкции» с мертвой точки. Многовариантность ответов на этот вопрос обусловила разнообразие методов сельской реконструкции.

ГМД был и в своей политической риторике, и на практике предан основным постулатам суньятсенизма, в том числе и по аграрному вопросу. Однако главным фактором в вопросе о деревне оказался фактор не земли, а власти. Получается, что победа в борьбе за деревню смогла достаться не тому, кто смог бы наделить бедных крестьян землей, а тому, кто смог бы сломать старые структуры власти на низовом уровне и взамен их создать свои.

Смогли это сделать в итоге коммунисты. При этом перераспределение земли и другой собственности оказалось в сущности не конечной целью, а лишь инструментом, с помощью которого КПК удалось расколоть деревенское общество и противопоставить одну часть деревни другой. Еще одна ее сторона — это тактика КПК использовать против правящего режима традиционный тип социального раскола в деревне по линии «власть против местного сельского мира».

С высоты сегодняшних представлений достаточно ясно, что ни ГМД не был представителем интересов помещиков, ни КПК не была представителем интересов бедных и безземельных крестьян. Однако именно в силу того, что на местном уровне они сумели захватить власть (сначала в советских, потом в освобожденных районах), логика ее удержания и расширения стимулировала их в том, чтобы сделать ставку на эти категории крестьян как на наиболее надежную базу для конструирования новой власти. Гоминьдан тоже понимал необходимость сломать старые структуры, но так уж объективно получилось, что именно старые структуры были его союзниками в борьбе против КПК. Гоминьдан надеялся трансформировать эти структуры и элиты, которые их контролировали, методом «революции сверху». Однако такой путь, в принципе более рациональный, сталкивался с тупиком глубоко зашедшей дезинтеграции административной системы, что хорошо видно на примере налоговой сферы. Она поглощала все больше ресурсов аграрного сектора, не давая ощутимого роста средств на нужды властей и на преобразования. За период поздней империи и первых десятилетий Республики она превратилась в такой запутанный клубок противоречий, что ее было легче сломать методом грубого насилия, чем трансформировать, вдаваясь в бесчисленные хитросплетения местных интересов и особенностей.

Несмотря на огромные потери, которые страна понесла в годы Второй мировой войны, Китай выстоял в борьбе с Японией, и национальному правительству в определенной мере удалось обеспечить экономический рост, в том числе и сельскохозяйственного производства, на территориях, находившихся под его контролем. Освобождение страны от общего для коммунистов и националистов врага создавало предпосылки для их совместных действий на пользу возрождения Китая или же, напротив, возвращения к борьбе за Китай. Вторая альтернатива, как показало время, имела больше шансов быть реализованной, поскольку ни КПК, ни сторонники Гоминьдана, в сущности, искренне не стремились к сотрудничеству.

** *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977; *Цзян Юн-цзин.* Байнянь лаодянь гоминьдан цансан ши (Превратности судьбы столетней старой лавочки под названием Гоминьдан). Тайбэй, 1993; *Чжан Юй-фа.* Чжунхуа миньго шигао (Очерк истории Китайской Республики). Тайбэй, 1998; *Eastman L.E.* Nationalist China during the Nanking Decade, 1927–1937 // The Cambridge History of China.Vol. 13, pt 2. Cambr., 1986.

А.Н. Карнеев

Гоминьдан в процессе перехода от авторитаризма к многопартийности на Тайване (1949–2000)

Место, занимаемое Гоминьданом в политической системе Китайской Республики на Тайване, сохранение им влиятельных позиций в многопартийной политической системе и после поражения кандидата от Гоминьдана на президентских выборах 2000 г. и перехода в разряд оппозиционных партий непосредственным образом связаны с особенностями исторического развития партии Сунь Ят-сена. Пустивший глубокие корни в тайваньском обществе менталитет Гоминьдана как сильной партии основан на признании богатого опыта в области управления, востребованного и в новых условиях развития острова в XXI в.

В силу ряда объективных и субъективных причин Гоминьдан конца 40-х годов запятнал себя коррупцией, взяточничеством, раздирался фракционной борьбой, был дезорганизован и внутренне ослаблен.

В экстремальных условиях перемещения Гоминьдана на Тайвань, который до 1945 г. в течение полувека был японской колонией, перед партией встала задача выбора пути и методов построения государственности. Чан Кай-ши избрал путь создания партократического авторитарного правления, значительно более жесткого, чем предшествовавший авторитарный режим на материке. Создание парламентской республики, провозглашенной Конституцией 1947 г., было признано на данном этапе и в сложившихся условиях делом неосуществимым.

История Гоминьдана на Тайване, вплоть до середины 80-х годов, демонстрировала эффективность авторитарного правления и политической системы, характеризовавшейся, по сути дела, однопартийностью. Примечательно, что в течение этого периода использовался уже наработанный на материке опыт Гоминьдана в различных сферах. Вместе с тем новое развитие получили отдельные направления его теории и практики, не реализованные в предшествовавший период. Гоминьдану удалось в своей партийной и управленческой политике преодолеть многие слабости и ошибки, допущенные в годы его функционирования на материке. С новой энергией осмысливались наследие Сунь Ят-сена и опыт практической политики 20–40-х годов.

В основе усиления способности Гоминьдана к управлению после его поражения на материке лежала партийная реформа, о необходимости которой говорил Чан Кай-ши еще в 1947 г. Следует отметить, что вплоть до переезда Гоминьдана на Тайвань партия не играла существенной роли в системе управления островом. Соответствующей властью была наделена Тайваньская административная канцелярия, созданная согласно закону Национального правительства 1945 г. Она стала элементом двухполюсной политической структуры, характеризовавшейся тем, что в центре руководили переселенцы с материка, а на местах — тайваньцы. Ситуация противостояния переселенцев с материка и местных жителей, переместившихся на Тайвань в эпоху Цин, до сих пор остается важным фактором, влияющим на политическую жизнь острова. Для развития партийного строительства и политический системы, особенно с начала 70-х годов, характерен процесс «тайванизации» партии, ее местных и центральных органов, представительных и исполнительных органов власти, который стал составной частью развития демократических тенденций в политической жизни Тайваня.

Чан Кай-ши исходил из убеждения, что основой государственного строительства в новых условиях должна стать партийная реформа, реорганизация партии. Определенная подготовка партийного строительства началась еще в 1943 г., когда в Фучжоу (пров. Фуцзянь) Гоминьдан учредил Тайваньский партийный комитет с непосредственным его подчинением ЦК Гоминьдана. Реорганизованный в октябре 1945 г., в ноябре 1945 г. он переместился в Тайбэй, где уже действовала Тайваньская административная канцелярия, обладавшая всей полнотой власти. В отличие от Гоминьдана, проявлявшего пассивность в области партийного строительства на острове вплоть до 1949 г., китайские коммунисты предпринимали определенные попытки к распространению своего влияния на Тайвань даже в годы пребывания Тайваня под властью Японии. В завершающий период вооруженного противостояния Гоминьдана и КПК на материке, в 1948 г., КПК выдвинула лозунг создания в горах Тайваня революционных опорных баз — по схеме

развития коммунистического движения на материке. Эти попытки не увенчались успехом.

Поскольку Гоминьдан, согласно Основному закону и «Временным правилам» на период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа (1948 г.), уже не наделялся властными полномочиями, партия нуждалась в новых правилах, определяющих механизм ее воздействия на государственные органы. Кроме того, из горнила антияпонской и гражданской войны Гоминьдан вышел не просто ослабленным, но почти что раздавленным и раздираемым внутренними противоречиями. Выступления Чан Кай-ши 1949–1952 гг. свидетельствовали о переоценке ценностей в политике, прежде всего в области партийного строительства. Чан Кай-ши при реорганизации Гоминьдана 1949–1952 гг. стоял перед проблемами, похожими на те, которые решал Сунь Ят-сен, осуществляя реорганизацию партии в 1923–1924 гг. На передний план выдвинулись задачи преодоления в партии фракционности, амбициозных тенденций руководителей — бывших лидеров военных группировок и партийных лидеров провинциального уровня, восстановления и укрепления партийной дисциплины и упорядочения организационного строительства (вернее, нового строительства на «свободной территории»), выработки нового стиля и конечно четкого определения целей партии в новых условиях.

Исходя из объективной оценки просчетов и слабостей правления «периода политической опеки» на материке, Чан Кай-ши и созданный по его инициативе в июле 1950 г. Центральный реорганизационный комитет поставили во главу угла задачи организационного строительства и партийной дисциплины. Чан Кай-ши в выступлении 14 августа 1950 г. оценивал задачи партии следующим образом: «В настоящее время победа или поражение нашей революции, возрождение нации или утрата ею своего духа всецело зависят от нас. Поэтому единственно приемлемый путь состоит в том, чтобы отбросить тенденцию к групповщине и уклонам, привычки к склокам и с новой решимостью преобразовать партию... Необходимо решительно ликвидировать отрицательные явления — разложение и коррупцию среди членов партии, спекуляции, попрание законов, нарушение дисциплины, эгоистические замашки — с тем, чтобы возродить революционный дух Гоминьдана». Чан Кай-ши проявил решимость при проведении реорганизации партии. Прежде всего он осуществил принципиальное кадровое обновление центральных партийных органов. Если состав центральных представительных органов власти был, по существу, заморожен вплоть до 1991 г., то состав Центрального реорганизационного комитета, а позднее и избранных на VII съезде Гоминьдана (1952) ЦК и Центрального постоянного комитета Гоминьдана характеризовался существенным омоложением и обновлением. Высокие партийные должности заняли люди, не запятнанные грубыми нарушениями партийной дисциплины, не связанные с военными кликами и с сепаратистскими настроениями. Проводилась перерегистрация членов партии. Ко времени завершения реорганизации партии (октябрь 1952 г.) в Гоминьдане состояло 170 тыс. человек. Около половины численности партии составляли крестьяне, рабочие и лица, занимавшиеся торговлей. В ходе реорганизации было установлено, что из 589 членов ЦИК и ЦКК Гоминьдана на Тайвань переехало 296 человек. В результате «чистки старых членов партии» (март 1951 — март 1952 г.) по факту нарушения партийной дисциплины было рассмотрено 126 дел.

Обеспечение системы партийного правления при отсутствии правовой основы функционирования партократического режима осуществлялось на базе разработанной системы правил «соотношения партии и политики». Работу Гоминьдана с органами государственной власти регулировали специальные документы. В результате была создана система, обеспечившая партийный диктат при разработке и прохождении законопроектов, формировании пяти палат, подборе и расстановке административных кадров на все важные государственные посты. По тщательности проработки ряда вопросов «взаимодействия партии и политики» в высших органах государственной власти Гоминьдан не только не уступал КПК (КНР), но по некоторым направлениям превосходил ее. Уже в начале 50-х годов в Национальном собрании и в пяти палатах стала функционировать сложная пирамида партийных групп и комитетов, большинство которых напрямую подчинялось ЦК Гоминьдана. В Национальном собрании 995 членов Гоминьдана были организованы в 75 партийных ячеек, из 493 его членов, работавших в Законодательном юане, было составлено 50 партийных ячеек. В Контрольном юане функционировали 9 пар-

тийных ячеек. В Исполнительном, Судебном и Экзаменационном юанях были созданы «политические группы».

Территориально-производственный принцип организационного строительства, строгая дисциплина и чрезвычайно разветвленная сеть партийного контроля обеспечили проникновение Гоминьдана во все поры государства и общества. Члены партии были сведены в 30 тыс. первичных партийных ячеек, каждая из которых насчитывала примерно 6 членов.

В рамках создания системы «взаимодействия партии и политики» Чан Кай-ши придавал большое значение установлению партийного контроля над армией. И в этом вопросе он обратился к опыту реорганизации партии и армии 20-х годов, в арсенале которой активную роль играл институт политработников в вооруженных силах. Через систему политкомиссаров, тесно связанную с партией, Гоминьдану удалось занять прочные позиции в армии. Чан Кай-ши с помощью своего сына и единомышленника Цзян Цзин-го, получившего в годы учебы и работы в СССР (1925–1937) богатый опыт партийной, военной и административной работы, удалось реорганизовать армию, внедрив в нее институт политкомиссаров. Существенной характеристикой партийного строительства в 50-е годы выступал энергичный рост численности партии за счет военнослужащих. В вооруженных силах к 1954 г. состояло 210 тыс. членов Гоминьдана.

Реорганизация партийного строительства проявляла свою специфику не только в построении четкого механизма влияния на деятельность высших государственных органов. Она углубила тенденцию привлечения в Гоминьдан зарубежных китайцев, заложенную еще в уставе Гоминьдана 1924 г. Политика гоминьдановского руководства в этом направлении обеспечила Тайваню мощную материальную и финансовую поддержку в осуществлении модернизации.

Теоретической и идеологической основой созданного Гоминьданом фактически однопартийного партократического режима провозглашались «три народных принципа» Сунь Ят-сена. Между тем по некоторым направлениям их интерпретация получила нетрадиционное звучание, где превалировали идея воинствующего антикоммунизма и планы объединения страны под властью Гоминьдана методом «контратаки на материк».

Гоминьдан на Тайване значительно «усовершенствовал» собственную практику в области контрольной деятельности. Контрольные функции Гоминьдана формировались параллельно и взаимосвязанно с процессом упорядочения работы спецслужб. В итоге в деятельности Бюро госбезопасности, прошедшего начиная с 1949 г. ряд преобразований, теснейшим образом переплелись функции партии и государства. В структуру Бюро госбезопасности входили 8 организаций Гоминьдана, 5 подразделений Исполнительного юаня, 5 подразделений министерства обороны и т.д. Всего — 24 структурные единицы. К 1960 г. отделы госбезопасности, как и гоминьдановские ячейки, действовали в каждом ведомстве и на каждом крупном предприятии, что придавало чрезвычайную жесткость как партийному правлению, так и политической системе Тайваня в целом.

Особое место в модернизации тайваньского общества заняла аграрная реформа. В области аграрной политики Гоминьдан шел по пути исправления своих ошибок. Известно, что неудача с аграрной реформой стала одной из главных причин внутренней слабости его режима на материке. На Тайване Гоминьдан сумел мирным путем, через куплю-продажу земли, без использования репрессивных мер изменить социальную структуру деревни. Преобладание помещичьего землевладения сменилось преобладанием землевладения крестьян-собственников. К концу реформы, 1953 г., мелкие крестьянские хозяйства охватили большинство аграрного населения острова. В ходе успешной аграрной реформы партия реанимировала свой опыт работы в крестьянских союзах 20-х годов, точнее, опыт совместной с китайскими коммунистами деятельности по созданию крестьянских союзов и по вовлечению их в революционное движение. Через сеть крестьянских союзов, в которых ему удалось занять руководящие позиции, Гоминьдан внедрял идеи аграрной реформы в жизнь, одновременно укрепляя свое влияние среди крестьян острова.

С известной долей корректировки в ходе аграрной реформы был осуществлен провозглашенный Сунь Ят-сеном принцип «каждому пахарю — свое поле». К концу 80-х годов на острове была создана экономика с сильными позициями мелкого и среднего предпринимательства, что

в общих чертах соответствовало представлениям Сунь Ят-сена о строительстве экономического базиса, в котором крупное производство находится в руках государства, а мелкое и среднее принадлежит частным лицам.

Целенаправленная экономическая политика Гоминьдана по формированию среднего класса была тесно увязана с осуществлением принципа Сунь Ят-сена о «народном благосостоянии». Как считают тайваньские обществоведы, «прогресс тайваньской экономики в 1950–1980-е годы назвали чудом по той причине, что экономическое развитие и справедливое распределение богатства шли рука об руку». Недопущение резкой имущественной дифференциации в обществе и политика, направленная на сокращение разрыва между богатыми и бедными, придавали обществу периода управления Чан Кай-ши и Цзян Цзин-го привлекательные черты.

В социальной направленности курса тех лет и в формировании политической культуры в целом просматривается связь с китайской конфуцианской традицией, с учением Сунь Ят-сена и с веяниями мировых общественных процессов. В практике построения общества «народного благосостояния» в первые ряды выдвигается незаурядная личность Цзян Цзин-го, до 1972 г. стоявшего во главе армии и службы безопасности, затем возглавившего Исполнительный юань, а после смерти Чан Кай-ши ставшего председателем Гоминьдана и с 1978 г. — президентом Китайской Республики на Тайване.

12-летнее пребывание Цзян Цзин-го в СССР не прошло даром. Отметим сильное влияние социальной политики СССР на формирование представлений Цзян Цзин-го о модели модернизации Тайваня. Менталитет революционной эпохи, которую Цзян Цзин-го переживал вместе с советскими гражданами во время его пребывания в России, оставил в его душе неистребимое желание помогать обездоленным и слабым, ставить общественные интересы выше личных, уделять внимание делу воспитания молодежи, науке и т.д. Можно сказать, что Цзян Цзин-го воспринял лучшие стороны из советской действительности того времени, получил прекрасные профессиональные навыки, опыт пропагандистской и агитационной работы и с успехом применял их в своей деятельности на Тайване. Выпускники советских вузов были активно востребованы гоминьдановской властью. Из 85 выпускников около половины были членами Законодательной и Контрольной палат, входили в состав Национального собрания, многие в разное время занимали крупные партийные и административные должности.

Для «эпохи Цзян Цзин-го» (1972–1987) характерно последовательное осуществление провозглашенного принципа: «Главный принцип нашего экономического строительства — сокращать разрыв между богатством и бедностью, создавать равномерно богатое общество... Мы охотнее согласимся медленнее развивать экономику, чем ради слишком высоких темпов увеличивать отрыв богатых от бедных и создавать известные социальные проблемы».

В ряду мероприятий, обеспечивших Гоминьдану успех в деле модернизации Тайваня, важное место занимала и занимает политика в области образования и науки. Для китайской культуры ориентация на образование и науку традиционна. В приоритетном развитии образования Гоминьдан черпал возможности своевременного перевооружения производства и развития новых технологий.

Под флагом проведения «всеобщей национальной мобилизации», включавшей целый комплекс идеологических установок и план мероприятий в области партийного строительства, в экономике и политике, Гоминьдану в 50–80-е годы удалось достичь экономической и политической стабилизации и добиться впечатляющих успехов в экономическом развитии.

Между тем в обществе назревали серьезные противоречия, связанные с особой жесткостью утвердившегося режима и с деформацией политической системы. Начало перехода от авторитарного правления к политической системе, опирающейся, по Конституции, на представительные органы и на выборных глав администрации, строящейся на основе многопартийных выборов, тесно связано с именем Цзян Цзин-го. Политическая реформа готовилась и осуществлялась правящей партией, которая сумела почувствовать веяния времени и реализовать плавный переход к новой политической системе. Уже с начала 70-х годов в недрах Гоминьдана развернулся процесс «тайванизации», шедший рука об руку с формированием новой кадровой по-

литики, направленной на омоложение, ротацию, интеллектуализацию, повышение образовательного уровня руководящих кадров всех ступеней.

Изменения в политической системе Тайваня имели свою логику и специфику. Становилось все более явным отставание политической реформы от реформы в области экономического развития. Возникновение среднего класса и формирующийся в обществе новый менталитет ставили на повестку дня демократизацию политической системы, характеризовавшейся жесткостью и омертвелостью структуры представительных органов власти. Санкционированное Временными правилами замораживание кадрового состава Национального собрания и Законодательного юаня препятствовало нормальному функционированию системы и государственного механизма, вступало в вопиющее противоречие с поступательным развитием тайваньской экономики и политических процессов на местном уровне.

Специфика изменений в политической системе Китайской Республики на Тайване такова, что путь к конституционной реформе оказался чрезвычайно длительным и трудным. Невозможность избрания в течение десятилетий нового состава Национального собрания и Законодательного юаня деформировала деятельность государственных органов, создавала прецедент несменяемости кадрового состава высших органов власти, способствовала росту бюрократизма и коррупции. Предпринимавшиеся несколько раз дополнительные выборы в Национальное собрание и в Законодательный юань хотя и давали определенные навыки парламентаризма, однако существа сложившейся противоречивой ситуации не меняли. Сильнейшее противодействие конституционной реформе оказывали старейшие члены Гоминьдана, входившие в Национальное собрание.

Конституционной реформе на Тайване, по существу начавшейся с отмены архаичных Временных правил, предшествовал целый ряд законодательных актов, положивших юридическое начало либерализации политического режима и облегчивших переход к реформе. К их числу относятся Закон о национальной безопасности, принятый одновременно с отменой режима чрезвычайного положения (1987), Закон о собраниях и демонстрациях (1988), Закон о народных организациях (1987). Значительной вехой подготовки конституционной реформы стал созыв Гоминьданом Национальной конференции (28 июня — 6 июля 1991 г.), символизировавшей начало процесса участия различных партий и общественных организаций в управлении Тайванем.

Основы политики партии в области политической реформы были разработаны на III пленуме Гоминьдана (март 1986 г.), принявшем решение об отмене «режима ЧП» и давшем молчаливое согласие на существование оппозиционной политической партии — Демократической прогрессивной партии (ДПП). Существенной составной частью подготовки к «всеобщим перевыборам центральных представительных органов» стало решение Центрального постоянного комитета (ЦПК) Гоминьдана от 3 февраля 1988 г. — о поощрении отставки старейших парламентариев. Оно легло в основу Закона о добровольной отставке старейших парламентариев, принятого Законодательным юанем 26 января 1989 г. В ходе дальнейшей юридической процедуры удалось решить и вопрос об ограничении срока полномочий старейших представителей Национального собрания.

Большую роль в проведении конституционной реформы сыграл Комитет Гоминьдана по планированию конституционной реформы, учрежденный в июле 1990 г. Разработанные им положения легли в основу принятых Законодательным юанем и внеочередной сессией Национального собрания (апрель 1991 г.) дополнительных статей Конституции. Эта же сессия приняла историческое решение об отмене Временных правил.

Внесение изменений в Конституцию как один из основных механизмов политической реформы прошло несколько стадий — в 1991, 1992, 1994 и в 1997 гг. Процесс характеризовался, с одной стороны, руководящей и направляющей деятельностью Гоминьдана, с другой стороны, расширением практики консультаций Гоминьдана с ДПП и с беспартийными, с государственными органами и общественными организациями.

После отставки старейших парламентариев 1-я внеочередная сессия Национального собрания второго созыва (март–май 1992 г.) созывалась уже по новым правилам. Она открыла период

Гоминьдан в 1949–2000 гг.

конституционного правления, провозглашенный Конституцией 1947 г. $^3/_4$ мест в Национальном собрании заняли члены Гоминьдана. Ее решения затронули 30 статей Конституции. Для дальнейшей деятельности Гоминьдана по совершенствованию Конституции характерны расширение процесса политического участия, одновременно стремление к усилению контроля над деятельностью членов Гоминьдана — представителей Национального собрания.

В течение 1991–1994 гг. Гоминьдан разрабатывал и внедрял следующие направления политической реформы:

— введение всеобщих, равных, прямых выборов президента и вице-президента при тайном голосовании;

— систематизация законов о местном самоуправлении, организация контроля над проведением прямых выборов местных глав администраций через создание системы контрольных органов провинций, городов и уездов;

— разработка конкретных задач государственной политики;

— ослабление противостояния между Китайской Республикой на Тайване и КНР, тенденция к сближению с КНР;

— расширение и углубление партийно-политической учебы, имеющей по форме организации процесса много общего с системой подготовки кадров, принятой в КНР.

С превращением Гоминьдана из «партии контролирующей в партию конкурирующую» на передний план работы все более выдвигались вопросы, связанные с выборами. Формирование новой политической культуры требовало тщательной разработки механизма подготовки и участия Гоминьдана в процессе выборов. В партийной политике значительное место заняла разработка правил выдвижения от Гоминьдана кандидатур в президенты, способов выдвижения кандидатур от партии в Национальное собрание. XIII съезд Гоминьдана (1988) принял решение о большей открытости внутрипартийных первичных выборов кандидатур от партии в Национальное собрание. Параллельно шел процесс развития альтернативности при выдвижении членами партии своих кандидатов в Национальное собрание. Уровень демократизации этого направления политики характеризуют выборы в Национальное собрание 1989 г. Гоминьдан выдвинул 670 кандидатур, количество, более чем в три раза превышавшее квоту — 212. Развитие демократических начал во внутрипартийной жизни проявилось также по вопросу формирования ЦК Гоминьдана. Если вплоть до XII съезда партии список кандидатов в ЦК составлял председатель Гоминьдана, а делегаты его единодушно утверждали, то на XIII съезде половина кандидатов в члены ЦК предлагалась для голосования председателем партии, а половина выдвигалась съездом.

Всеобщие открытые прямые выборы при тайном голосовании за президента Китайской Республики Ли Дэн-хуя в 1996 г. продемонстрировали один из результатов политической реформы, разрабатываемой и инициируемой главным образом Гоминьданом. Можно констатировать, что на рубеже 80–90-х годов Гоминьдан преодолел сложный рубеж. Выступив инициатором построения новой политической системы, он встроился в нее, сохранив при этом руководящие позиции во всех ветвях власти.

Между тем в середине 90-х годов на фоне успешного развития реформы политической системы появились признаки отставания партийной реформы. На повестку дня выдвинулись вопросы сочетания работы по всестороннему обеспечению деятельности партии на выборах — с развитием внутрипартийной демократии, регулированием коммерческой деятельности партии и перераспределением финансовых средств между центром и местами, сокращением центрального аппарата Гоминьдана, с активизацией работы низовых партийных ячеек и рядовых членов партии, особенно в подготовке и в проведении избирательных кампаний. Впервые обнажилась проблема оптимизации избирательной системы и создания механизма, который обеспечил бы чистоту рядов, отсутствие коррупции, подкупа, грязных технологий.

XV съезд Гоминьдана (25–28 августа 1997 г.), хотя и продемонстрировал определенные успехи в области внутрипартийной демократии, прежде всего усиление альтернативного подхода при выборах ЦК партии (на 230 мест претендовало 383 кандидата), однако не предпринял реши-

тельных шагов в борьбе со злоупотреблениями и коррупцией в своем аппарате и в среде чиновников — членов Гоминьдана. Основное внимание уделялось выборным технологиям и отработке механизма продвижения своих кандидатов в органы власти, в чем Гоминьдан, несмотря на отдельные неудачи, продолжал преуспевать. Крупной победы над другими партиями, и прежде всего над ДПП, добился Гоминьдан на выборах в Законодательный юань и в городское собрание города Гаосюн в 1998 г.

Как и в КНР, на Тайване длительное время экономическая реформа значительно опережала политическую. Но если в КНР изменения в политической системе носят постепенный и поэтапный характер и не выглядят столь «революционными», как в области экономики, то на Тайване либерализация политической системы, заимствованная во многом из опыта западных демократий, осуществляется стремительно. Этот факт таит в себе определенную опасность, поскольку резкий переход к политической либерализации не имеет достаточно проработанной законодательной основы и осуществляется в обществе, которое функционировало десятилетиями в рамках закостенелой, особенно на верхних уровнях, политической структуры.

Действующая на Тайване Конституция подчеркивает независимость всех структур государственного устройства «от партийных влияний». Между тем многолетний опыт Гоминьдана как политической партии по сравнению с другими, более молодыми партиями, особенно в области влияния на политику, и разветвленная структура ее организации — факторы, усиливающие позиции Гоминьдана в многопартийной политической системе. Устав Гоминьдана обеспечивает функционирование сильной партийной вертикали и высокую степень концентрации власти в высших руководящих партийных органах. В нем очень тщательно прописаны функции партийных органов пяти уровней. Организационному строительству центрального уровня отведено больше места, чем вопросам партийной программы и партийного воспитания. Регламентация процесса выборов в органы власти, отражающая требования новой политической реальности, стала составной частью партийного строительства. Право членов Гоминьдана на прямое выдвижение своих представителей в органы власти при достаточно высокой степени альтернативности символизирует тенденцию внутренней перестройки деятельности партии в партию парламентского типа. Партийная политика в области совершенствования избирательных технологий четко зафиксирована в уставе Гоминьдана. О внимании к этому нетрадиционному направлению работы свидетельствует и тот факт, что в структуре партийных комитетов созданы спецотделы по организации выборов.

О значительной роли Гоминьдана в политической жизни Тайваня свидетельствовали и такие факторы, как численность партии и ее центральных органов. На период созыва XV съезда в Гоминьдане насчитывалось 2,4 млн. членов, что составляло приблизительно 11% от всего населения острова. Не меньше впечатляли и цифры численного состава центральных партийных органов Гоминьдана на Тайване, которые приближались к штатам центральных партийных органов КПК — при огромной разнице численности населения и численного состава партий.

Победа кандидата в президенты Китайской Республики (на Тайване) от ДПП Чэнь Шуй-бяня на выборах 18 марта 2000 г. не только обозначила тенденцию к обновлению и к дальнейшей демократизации политической жизни острова, но и обнажила трудности и сложности процесса политических реформ на Тайване, стремительно и неравномерно развивающихся с конца 80-х годов XX в.. Эти события выявили состояние партийного кризиса в Гоминьдане, пришедшем на выборы фактически расколотым. Большая часть гоминьдановского электората проголосовала за исключенного из партии и выдвигавшегося в качестве независимого кандидата Сун Чу-юя, первого всенародно избранного в 1994 г. губернатора провинции Тайвань, бывшего генерального секретаря Гоминьдана. Сун Чу-юй получил 36,84% голосов, немного уступив Чэнь Шуй-бяню и значительно опередив кандидата от Гоминьдана Лянь Чжаня. Подобная ситуация обозначила недовольство членов Гоминьдана и населения как внутрипартийной практикой, так и в целом государственным правлением, осуществлявшимся в значительной степени через представителей «партии большинства» в структуре государственной власти.

Вместе с тем победа ДПП на президентских выборах 2000 г. не должна приводить к завышенным оценкам ее реального влияния на политической арене Тайваня. Успех Чэнь Шуй-бяня был свя-

зан не только с ростом популярности ДПП, но и с расколом Гоминьдана, который не был преодолен и к президентским выборам 2004 г.

Итоги выборов вновь выдвинули на передний план проблему партийной реформы, которая более полно адаптировала бы партию к новым условиям. Гоминьдан, инициировавший в 80-е годы процесс политических реформ, занимавший вплоть до избрания президентом члена ДПП Чэнь Шуй-бяня руководящие позиции во властных структурах, оказался в положении партии, не нашедшей эффективных способов борьбы с коррупцией как в собственных рядах, так и в масштабах острова. Не случайно одной из основных программных установок, способствовавших победе Чэнь Шуй-бяня на выборах президента, стала критика деятельности Гоминьдана в области борьбы с коррупцией.

Характеризуя внутреннее содержание политического периода 90-х годов, в течение которого осуществлялся переход от авторитаризма к многопартийности, отметим некоторые черты, четко обозначившиеся в тайваньском обществе на рубеже тысячелетий и получившие дальнейшее развитие в начале XXI в.:

— наряду с впечатляющими успехами в построении новой политической культуры отдельные стороны экономической, политической, социальной и духовной жизни приобрели некоторые негативные характеристики. Наметилась тенденция к увеличению разрыва между богатыми и бедными слоями населения, труднопредсказуемым стало развитие крупного финансового капитала. Политическая либерализация на Тайване сопровождалась усилением власти президента и снижением доли самостоятельности других ветвей власти. Переход к всеобщим, прямым, тайным выборам президента сопровождался также частичной ликвидацией отдельных демократических процедур на местом уровне. Переживает определенную трансформацию единственная в своем роде политическая модель «пяти конституционных властей», провозглашенная Конституцией 1946 г. в качестве основы государственного устройства;

— наблюдались явления коррупции и сращивания власти с преступным миром и олигархией;

— резко обозначился внутрипартийный кризис в Гоминьдане. Подобно тому как накануне падения гоминьдановского режима на материке в 1949 г. в партии имели место произвол, коррупция, взяточничество, фракционная борьба, отдельные проявления подобных явлений наблюдались в Гоминьдане перед президентскими выборами 2000 г. Очевидно сужение социальной базы Гоминьдана. Опасность разрушения связи с традицией, согласно которой Гоминьдан ощущал себя партией общенациональной, тесно связанной с широкими слоями населения, видится в ослаблении смычки со средними слоями и в сближении с крупными финансовыми группами;

— весьма тревожный фактор — внутрипартийное размежевание, фактически второй раскол Гоминьдана в течение десятилетия (первый — в 1992 г.), ставший очевидным после создания Сун Чу-юем (Джеймс Сун) в 2000 г. новой партии — Первой народной партии (*Циньминьдан*). Оживление этого негативного для партии явления представляет большую опасность для Гоминьдана, в истории которого фракционная борьба явилась одной из основных причин падения его власти в 1949 г.

Нельзя не отметить, что бывшему председателю Гоминьдана и президенту Ли Дэн-хую, возглавлявшему Гоминьдан и Тайвань во второй половине 90-х годов, приходилось действовать в условиях, к которым, по сути, не применим традиционный китайский опыт. В отличие от предшествовавшего этапа развития Тайваня, в течение которого имели место связь с традициями и значительное использование собственного исторического опыта, для периода построения политической системы на основе многопартийных выборов скорее характерно заимствование американского и западного опыта, мало совместимого с китайским духовным наследием и политическими традициями. Этими обстоятельствами можно частично объяснить трудности, которые испытывал Гоминьдан на рубеже веков.

Решения заседания Центрального постоянного комитета (июнь 2000 г.) и чрезвычайного съезда Гоминьдана (16–19 июня 2000 г.) ориентировали на активизацию партийной реформы. Хотя она несколько запоздала, однако объявленные мероприятия обозначили стремление партии к углублению демократических начал во внутрипартийной жизни и к расширению социальной

базы партии. Желание вернуть утраченные позиции среди населения и более гармонично встроиться в парламентскую систему было отражено в конкретных решениях о создании партийных ячеек в учебных заведениях, о привлечении к руководящей работе рабочих и женщин, об упорядочении организационной структуры партии и др. Важными результатами работы съезда стали решения о ротации ЦПК Гоминьдана и о переходе к новой процедуре избрания съездом всего состава ЦПК, а не половины, как раньше, что соответствующим образом ограничивало полномочия председателя Гоминьдана. Была также поставлена важная для судьбы Гоминьдана проблема — взаимодействие партии с ее финансовой империей. Эта специфическая особенность партийного строительства неоднократно обсуждалась в партийной среде, поскольку с наличием у Гоминьдана огромных материальных средств связывалось усиление коррупции во властных структурах. На ближайшую перспективу планировалось создание системы общественного контроля над финансовыми средствами партии.

На пороге XXI в. перед Гоминьданом встала задача внести свой вклад в построение парламентской системы, свободной от негативных проявлений и отражающей китайскую специфику. У Гоминьдана, имеющего почти столетнюю историю и огромный управленческий опыт, всегда остается шанс сказать новое слово в экономике и политике и продемонстрировать свои преимущества перед ДПП, обозначив конструктивную позицию, прежде всего в принципиальном вопросе воссоединения с исторической родиной.

***** Чжунго гоминьдан. Ди и, эр, сань, сы цы цюаньго дайбяо дахуй хуйкань (Сборник документов I–IV съездов китайского Гоминьдана). [Б.м.], 1934, с. 88–89, 121–170; Конституция Китайской Республики. Разработана и принята Национальным собранием 25 декабря 1946 года, обнародована Национальным правительством 1 января 1947 года, вступила в силу с 25 декабря 1947 года. Тайбэй, 1998; Устав партии Гоминьдан Китая // Многопартийность на Тайване. М., 1999, с. 78–112. ****** *Батчаев Э.О.* Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване. М., 2003; *Буров В.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998; *Гудошников Л.М.*, *Кокарев К.* Политическая система Тайваня. 2-е изд. М., 1999; *Иванов П.М.* Очерк истории Тайваня. Современный Тайвань. Иркутск, 1994; История Тайваня. Общество / *Чун О.*, *Хаер К.*, *Шэн В.*, *Чан В.* Тайбэй, 2000; *Ларин А.* Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М., 2000; *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М., 1999; *она же.* Проблема исторической преемственности и политика Гоминьдана на Тайване // Президентские выборы 2000 на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: Материалы науч. конф. М., 2000; Многопартийность на Тайване / Сост. Л.М. Гудошников. М., 1999; *Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М., 1999; *Хуан Яо-юань.* Политическая история Китайской Республики (1986–1995): Канд. дис. М., 1998 (рукопись); *Тянь Хун-мао.* Да чжуаньсин (Великий перелом). Тайбэй, 1991

Н.Л. Мамаева

Гоминьдан в начале XXI в.

После поражения Гоминьдана на президентских выборах в марте 2000 г., когда его кандидат получил всего 23% голосов, роль правящей партии впервые за 50 с лишним лет перешла от Гоминьдана к ДПП. В последние годы численный состав Гоминьдана резко сократился в связи с образованием вскоре после президентских выборов двух новых партий — Циньминьдан (Первая народная партия) и Тайлянь (Тайваньский союз солидарности) и оттоком в них большого количества бывших членов Гоминьдана. В настоящее время в его рядах состоит приблизительно 1 млн. членов. Председателем партии до созыва очередного съезда в августе 2009 г. является У Бо-сюн.

Гоминьдан имеет стройную организационную структуру. Высшим представительным органом партии является съезд, который созывается один раз в четыре года. В перерыве между съездами высшим партийным органом является Центральный комитет, избираемый съездом. Пленумы ЦК созываются ежегодно, в перерыве между пленумами ЦК высшим исполнительным органом партии является Центральный Постоянный комитет (ЦПК), избираемый Центральным комитетом. На заседаниях ЦПК, которые проводятся еженедельно, обсуждаются и утверждаются основные политические установки, выдвигаются кандидаты на важные посты. Общими делами ведает секретариат ЦК, который возглавляет генеральный секретарь. На более низком уровне действуют городские, уездные, районные съезды и комитеты. Низшей организационной формой являются партийные ячейки. Гоминьдан, как полагают, является самой богатой политической партией в мире. Его активы оцениваются приблизительно в 6 млрд. ам. долларов. Значительный финансовый капитал, которым располагает партия, позволяет содержать весь партийный аппарат Гоминьдана, а также финансировать проведение избирательных компаний.

После поражения Гоминьдана на выборах 2000 г. Ли Дэн-хуй досрочно оставил свой пост председателя партии, который он занимал с 1986 г. Основных причин неудачных для Гоминьдана выборов в 2000 г., по мнению наблюдателей и самих членов партии, было несколько. Это раскол и внутренняя борьба в партии, отрыв партии от народа и непонимание его нужд, это и авторитарный стиль партии, привыкшей командовать всем. Чрезмерная бюрократия и устаревшее мышление также назывались в числе причин поражения Гоминьдана. Не последнюю роль сыграла и борьба с «черным золотом» (т.е. коррупцией и покупкой голосов, что было характерным явлением в период правления Гоминьдана), умело развернутая ДПП в предвыборной кампании с целью дискредитации Гоминьдана.

Очутившись в роли оппозиционной партии, Гоминьдан был вынужден осуществить собственную реорганизацию. Для этого после выборов был создан специальный комитет, задачами которого были осуществление децентрализации партии, принятие мер к недопущению явлений коррупции при выдвижении кандидатов на выборы и т.д. Предполагалось, что проведение реформ превратит Гоминьдан в партию, готовую удовлетворять требования народа, поскольку без создания «нового облика» и прочных корней на местах ему не удастся снова заручиться поддержкой избирателей.

На съезде, созванном в июне 2000 г., Лянь Чжань большинством голосов был избран новым председателем партии. Впервые путем открытого голосования был избран весь Центральный Постоянный комитет в количестве 31 человека. На съезде было заявлено о проведении широкой организационной перестройки партии, о необходимости уделять больше внимания общественному мнению, прозвучало заверение в том, что Гоминьдан через 4 года, т.е. в 2004 г., вернет себе высшее руководство на острове путем восстановления своей внутренней жизнеспособности. В устав были внесены изменения, в частности, было принято важное решение о выборах будущего председателя партии путем прямого голосования всех ее членов.

К числу нововведений в партии после унизительного поражения на президентских выборах 2000 г. относится и создание «мозгового центра» для подбора талантливых членов Гоминьдана, которых в дальнейшем можно ввести в состав партийной элиты. Этот центр был задуман как консультативный орган для законодателей Гоминьдана, призванный содействовать превращению партии в высокоэффективную оппозиционную силу.

В марте 2001 г. первым председателем Гоминьдана, избранным путем прямого голосования, стал Лянь Чжань, получивший 97% голосов. На очередном 16-м съезде Гоминьдана, состояв-

шемся в июле 2001 г., в политической декларации заявлялось, что приход к власти ДПП привел к социальному и экономическому краху на Тайване. В обращении съезда к президенту Чэнь Шуй-бяню звучал призыв занять более четкую позицию по отношению к КНР. Съезд избрал новый состав ЦК Гоминьдана в количестве 210 человек и Центральный Постоянный комитет в составе 31 человека. Среди тех, кто набрал наибольшее количество голосов на выборах ЦПК, был мэр Тайбэя Ма Ин-цзю. В состав ЦПК был избран также внук Чан Кай-ши, внебрачный сын Цзян Цзин-го Джон Цзян (Чжан Сяоянь), занимавший в свое время пост генерального секретаря Гоминьдана. В адрес съезда было получено поздравление от руководства КПК, в котором выражалась надежда на то, что Гоминьдан будет придерживаться принципа «одного Китая» и выступать против «независимости Тайваня». В устав было внесено изменение, согласно которому запрещается выдвигать кандидатуры тех, чья вина в совершении преступлений криминального и сексуального характера доказана.

Председатель Гоминьдана выступал в тандеме с председателем Циньминьдана Сун Чу-юем на президентских выборах в марте 2004 г. Гоминьдан снова потерпел поражение, проиграв, правда с очень незначительным перевесом голосов всего в 0,22%, представителям правящей ДПП — тандему Чэнь Шуй-бянь — Люй Сю-лянь. Поэтому второй 4-летний срок пост президента Тайваня снова занял представитель правящей ДПП, а не Гоминьдана.

Важным показателем влиятельности и весомости политических партий является их представительство в Законодательной палате. В конце 2001 г. Гоминьдан потерпел крупное поражение — на этот раз на выборах в Законодательную палату: вместо 123 мандатов, которыми он располагал после 1998 г., ему удалось получить всего 68. Партия лишилась своего господствующего положения в Законодательной палате, насчитывающей всего 225 мест. В значительной степени поражение кандидатов Гоминьдана снова объяснялось кампанией против взяточничества и покупки голосов избирателей, которая была успешно проведена правительством острова. Через 3 года, в декабре 2004 г., Гоминьдану вместе с его союзниками из лагеря «синих» удалось на очередных выборах в Законодательную палату увеличить свое представительство в этом органе до 79 человек, а общее количество мандатов «синего лагеря» — до 114 человек, что обеспечило им большинство в Законодательной палате.

В отличие от неудач Гоминьдана на президентских выборах 2000 и 2004 гг. и не совсем убедительной победы на выборах в Законодательную палату в 2004 г. известный деятель партии Ма Ин-цзю уверенно занял пост мэра Тайбэя второй срок подряд. Так, на выборах в декабре 2002 г. он был переизбран на новый срок, получив более 64% и на 28% опередив своего соперника в борьбе за этот пост от ДПП. Большинством голосов заручился в конце 2002 г. лагерь «синих» и в городском собрании Тайбэя. В целом Гоминьдан традиционно пользуется поддержкой электората на севере острова. Например, на президентских выборах 2004 г. в Тайбэе 56,5% голосов было отдано тандему Лянь Чжань — Сун Чу-юй от «синего» лагеря, тогда как в Гаосюне, на юге, наблюдалась обратная картина: 55,6% голосов было отдано кандидатам от лагеря «зеленых». Успех сопутствовал Гоминьдану и на выборах на низовом уровне, а именно в местные органы власти, состоявшихся в январе 2002 г. 225 кандидатов Гоминьдана заняли посты мэров (из 319), а также 424 другие выборные должности из 790.

В отношениях с континентальным Китаем Гоминьдан придерживается политики, направленной на сохранение мира и развитие отношений, не делает заявлений о независимости Тайваня, старается избежать конфронтации и напряженности в отношениях с КНР. Уже после того, как Гоминьдан утратил свое руководящее положение на Тайване, отмечено налаживание его неофициальных контактов с официальными руководителями Пекина. Деятели Гоминьдана, например, совершают поездки в города Восточного Китая, где проживает множество тайваньских бизнесменов, вложивших свои капиталы в экономику Китая. Практически в КНР постоянно проживает более 1 млн. тайваньцев, имеющих на ее территории свои предприятия. Поездки представителей руководства Гоминьдана, в частности, имели своей целью убедить тайваньских бизнесменов прибыть ко времени очередных выборов на Тайвань и проголосовать за кандидатов от Гоминьдана, поскольку поддержка на выборах со стороны столь внушительной политической силы имеет большое значение для партии.

Гоминьдан в начале XXI в.

После поражения Гоминьдана на выборах 2004 г. внутри партии стали раздаваться требования об отставке Лянь Чжаня с поста председателя. Лянь Чжань отверг это, заявляя, что Гоминьдан нуждается в «сильной руке» для управления. Несмотря на успешное выступление Гоминьдана на выборах в Законодательную палату в декабре 2004 г., члены партии снова выступили с требованиями отставки Лянь Чжаня, чтобы он уступил место более молодым членам партии. Эти призывы можно расценивать, как признаки нестабильности внутри партии.

По результатам выборов Центрального Постоянного комитета Гоминьдана в сентябре 2004 г. (31 чел.) большинство его состава заняли сторонники Лянь Чжаня, что, по мнению наблюдателей, неблагоприятно для улучшения имиджа Гоминьдана и сохранения его влияния в обществе. 12 членов ЦПК являются законодателями, семь — представители бизнеса, двое — члены «мозгового центра» Гоминьдана, остальные представляют различные круги общества. В состав ЦПК были избраны два члена семьи бывшего президента Тайваня Цзян Цзин-го: снова был избран его внебрачный сын Джон Цзян и невестка Цзяна — Фан Чжи-и, вдова одного из его сыновей.

В целом, несмотря на утрату своего руководящего положения на Тайване, Гоминьдан продолжал оставаться политической силой, с которой считаются как на острове, так и за его пределами. Десятилетиями складывавшийся менталитет партии, так долго стоявшей у руководства острова, в значительной степени сохраняется и в настоящее время. Не случайно победивший в 2000 г. на президентских выборах Чэнь Шуй-бянь предложил пост премьера в составе нового правительства видному деятелю Гоминьдана, бывшему министру обороны Тан Фэю, который, правда, в октябре того же года ушел в отставку. На пост министра финансов в 2000 г. был назначен другой деятель Гоминьдана, Янь Цзин-чжан. В мае 2003 г. Чэнь Шуй-бянь назначил еще одного руководящего члена Гоминьдана, заместителя председателя партии Винсента Сью (Су Ваньчжан) главой экономической консультативной команды при президенте. Представляется неслучайным, что именно официальная делегация Гоминьдана, а не правящей ДПП, стала первой, которая была принята в КНР на самом высоком уровне и вела переговоры по самым актуальным вопросам. Новая страница в отношениях между Гоминьданом и КПК (а если смотреть шире, то между Тайванем и континентальным Китаем) была открыта в 2005 г., когда представительная делегация Гоминьдана из 70 человек, возглавляемая председателем партии Лянь Чжанем, совершила поездку в КНР по приглашению ЦК КПК и Генерального секретаря Ху Цзинь-тао. В ходе 8-дневной поездки по Китаю делегация посетила четыре города — Пекин, Шанхай, Нанкин и Сиань. Впервые за 60 лет состоялась встреча руководителей Гоминьдана и КПК, которую Ху Цзинь-тао охарактеризовал как «историческую», как «важное событие в истории отношений между КПК и Гоминьданом». Обе партии, по словам Ху Цзинь-тао, имеют политическую основу для диалога — это признание консенсуса 1992 г., противодействие «независимости Тайваня», общие усилия по защите мира и стабильности в районе Тайваньского пролива, стремление к развитию отношений между берегами, к великому возрождению китайской нации. Лянь Чжань на встрече с руководителем КПК отметил, что визит делегации Гоминьдана имеет историческое значение для мирного развития района Тайваньского пролива, что Гоминьдан надеется сыграть свою роль в стимулировании новой эры отношений между берегами Тайваньского пролива. Лянь Чжань предложил создать общественный форум, на котором видные деятели финансовых и экономических кругов от обеих сторон могут обсуждать основные вопросы сотрудничества, а также создать платформу для регулярных межпартийных контактов. В пресс-коммюнике по итогам встречи Ху Цзинь-тао и Лянь Чжаня отмечалось, что обе партии будут прилагать усилия к возобновлению переговоров и консультаций на основе «Договоренности 1992 г.», содействовать всесторонним экономическим обменам, прекращению враждебности и достижению мирного соглашения.

Во время визита делегации Гоминьдана в КНР Лянь Чжань, уроженец г. Сиани, посетил свой родной город, в котором он не был с 1945 г. Впервые за 56 лет делегация Гоминьдана посетила в Нанкине мавзолей Сунь Ят-сена. Делегация была принята также членом ПК ПБ ЦК КПК председателем ВК НПКСК Цзя Цин-линем, состоялись встречи делегации с партийными

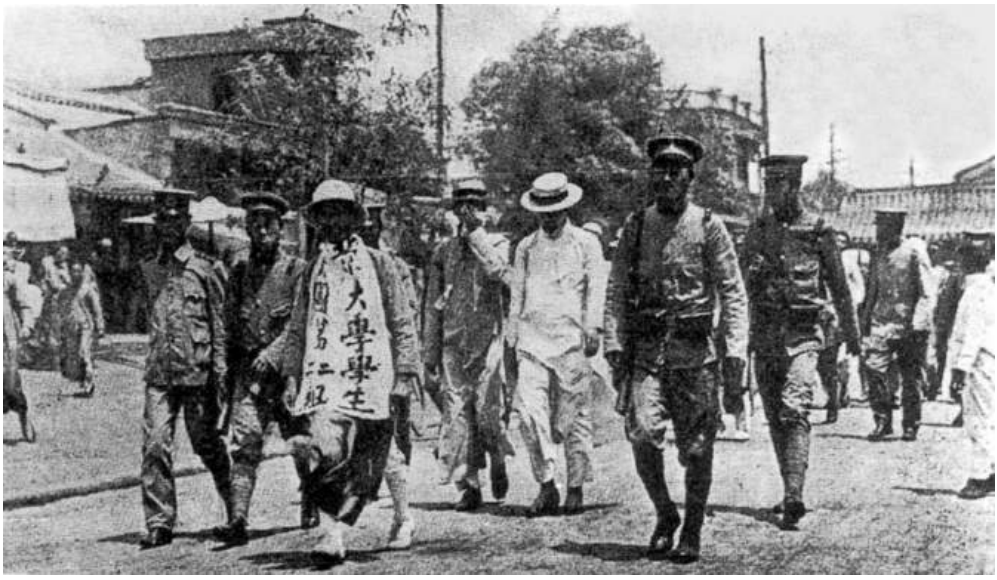
руководителями провинций Цзянсу и Шэньси, пекинского и шанхайского горкомов КПК, а также переговорыс работниками Канцелярии ЦК КПК по работе с Тайванем.

Кардинальные изменения для Гоминьдана произошли в 2008 г. На прошедших в январе 2008 г. выборах в Законодательную палату Гоминьдану удалось получить по результатам голосования абсолютное большинство мандатов — 81 от общего количества 113. На состоявшихся затем в марте президентских выборах с большим отрывом от своего конкурента Чэнь Шуй-бяня (58% против 41,5%) одержал победу Ма Ин-цзю. Гоминьдан таким образом вернул себе статус правящей на острове партии, утраченный им в 2000 г. Вскоре после инаугурации в мае 2008 г. Ма Ин-цзю в качестве нового, 12-го по счету президента Тайваня представительная делегация Гоминьдана во главе с председателем партии У Бо-сюном отправилась в Китай. Впервые после почти 60 лет состоялась официальная встреча руководителей правящих партий Китая и Тайваня — Ху Цзинь-тао и У Бо-сюна.

** Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI века. 2-е изд., доп. и обновл. М., 2004, с. 128–156; *Гудошников Л.М.*, *Кокарев К.* Политическая система Тайваня. 2-е изд., доп. М., 1999; Многопартийность на Тайване. М., 1999; Политическая система и право КНР. М., 2007, с. 193–204; Проблемы модернизации Тайваня. М., 2001; Современный Тайвань: Справ.-аналит. материалы. Вып. 5. М., 2002.

Г.А. Степанова

Арест пекинских студентов, участвовавших в «движении 4 мая» (1919 г.)



1

2

1. Пекинские преподаватели и студенты приветствуют возвращение освобожденных из-под ареста студентов (7 мая 1919 г.)

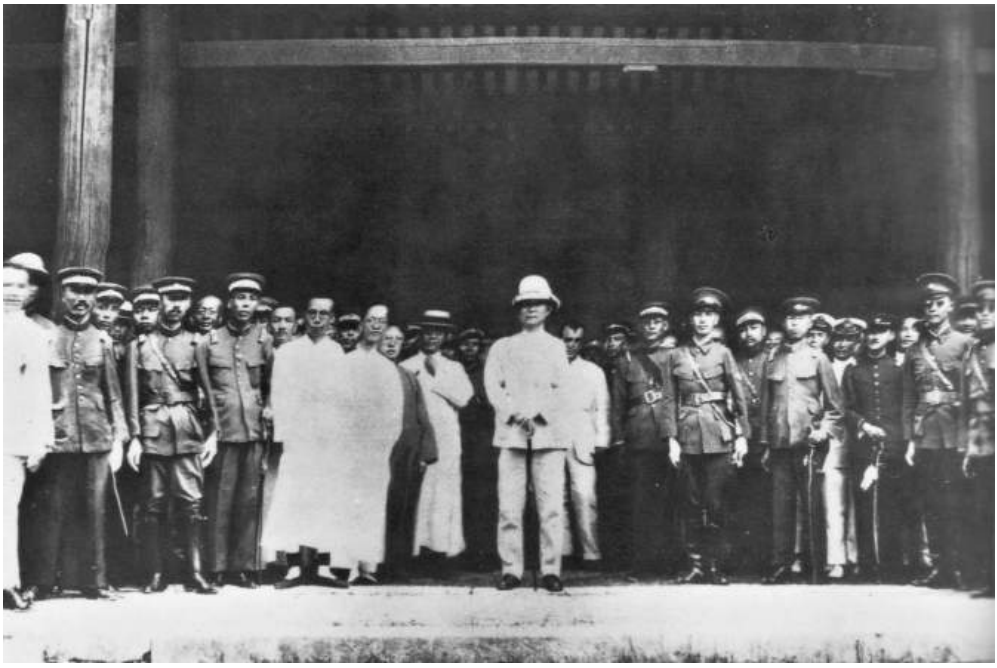
2. Демонстрация бастующих торговцев в Шанхае (1919 г.)

3. Копия лодки, на которой закончился I съезд КПК (1921 г.)

4. Место в Шанхае, где проходил I съезд КПК (1921 г.)

3

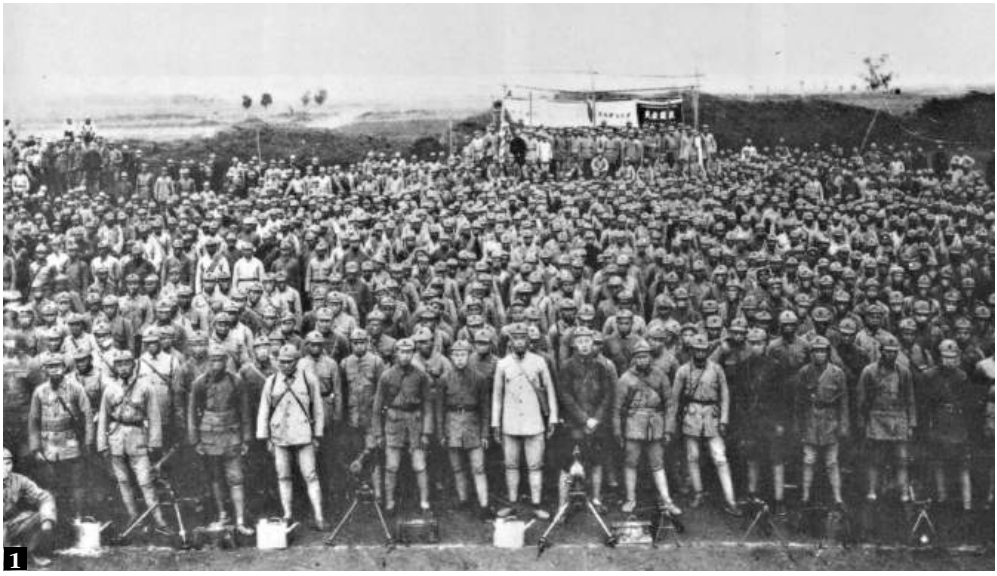
4



Официальное открытие школы Вампу (1924 г.)

II съезд объединенной ячейки Гоминьдана во Франции (июль 1924 г.)

1. Руководство гоминьдановского правительства (1925 г.)
2. Жертвы гуанчжоуского восстания (11 декабря 1927 г.)
3. Гоминьдановское правительство в Ханькоу (10 марта 1927 г.)
4. Японские отряды охраняют арестованных (1928 г.)
5. Члены Центрального исполнительного комитета Гоминьдана (1928 г.)



1. Красная армия Китая перед Великим походом
2. Центральный комитет советского правительства (1931 г.)
3. Солдаты Красной армии на Гуандунской революционной базе (1930-е гг.)
4. Формирование Гоминьданом батальона в г. Ухань (март 1933 г.)
5. Возведение блокгауза во время пятого похода Чан Кай-ши против коммунистов (сентябрь 1933 г.)

1. Возвращение Чжоу Энь-лая в Яньань после мирного разрешения Сианьского конфликта (декабрь 1936 г.)
2. Расправа японских войск над гражданским населением Нанкина (декабрь 1937 г.)
3. Зверства японских оккупантов в Нанкине (декабрь 1937 г.)
4. Японские войска (ноябрь 1937 г.)
5. 8-я армия в период Войны сопротивления Японии

Коммунистическая партия Китая

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ

КПК в 1921–1949 гг.

КПК, под руководством которой осуществлены социалистические преобразования и проходит процесс социалистической модернизации в КНР, является, согласно своему последнему Уставу, «авангардом китайского рабочего класса и в то же время авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела построения специфического китайского социализма».

Коммунистическое движение в Китае было организовано и развивалось в первоначальный период своего существования под непосредственным руководством Коминтерна, во многом определявшего стратегию и тактику КПК в китайской революции. Ее созданию предшествовал подъем общественно-политической активности патриотически настроенных слоев населения в ходе «движения 4 мая» 1919 г., направленного против усиления иностранного господства над Китаем. Немалую роль в нарастании революционного движения в Китае сыграл пример Октябрьской революции 1917 г. в России.

В 1920 г. Коминтерн направил в Китай группу представителей для организации коммунистического движения. В Шанхае, Пекине и других городах были созданы коммунистические кружки и группы.

Почти одновременно в феврале 1921 г. во Франции возник Социалистический союз молодежи Китая. Он дал впоследствии значительное число будущих видных руководителей КПК и КНР (Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин, Цай Хэ-сэнь, Ли Ли-сань, Чэнь И, Ли Фу-чунь, Не Жун-чжэнь, Цай Чан, Сюй Тэ-ли, У Юй-чжан, Ли Вэй-хань, Ван Жо-фэй и др.).

На базе созданных в Китае коммунистических кружков и групп в июле — августе 1921 г. был нелегально проведен I съезд Коммунистической партии Китая, провозгласивший ее создание. 13 делегатов съезда, представлявших 53 участника коммунистических групп из семи городов, с участием уполномоченного представителя Коминтерна, приняли первую Программу КПК.

Для руководства партией съезд избрал Центральное бюро во главе с секретарем Чэнь Ду-сю.

По определению Коминтерна, на текущем этапе «центральной задачей для Китая» являлась «национальная революция против империалистов и их внутренних феодальных агентов», бороться против которых Коминтерн рекомендовал китайским коммунистам в союзе с Гоминьданом как «единственной серьезной национально-революционной группировкой в Китае». В то же время, наряду с созданием единого антиимпериалистического фронта, Коминтерн в качестве важнейшей задачи китайских коммунистов рассматривал укрепление самостоятельной политической партии китайского пролетариата и развитие широкого рабочего движения. Установки Коминтерна нашли отражение в решениях II съезда партии. Съезд был нелегально проведен в Шанхае в июле 1922 г. с участием 12 делегатов, представлявших 123 члена партии. Была принята Декларация, представлявшая собой программу-минимум деятельности КПК на текущем этапе, который характеризовался как антиимпериалистическая («национальная») и антифеодальная («демократическая») революция. Характер текущего этапа революции предопределил и тактику действий, заключавшуюся в создании единого национального фронта КПК и Гоминьдана, представлявших пролетариат и буржуазию, временно объединившихся в борьбе против империалистического господства и тесно связанного с ним милитаризма. При этом ставилась задача сохранения политической и организационной самостоятельности пролетариата в едином фронте. Съезд принял Устав КПК, которым определялись основные организационные принципы построения партии по большевистскому образцу, принял решение о вступлении в Коминтерн.

Был избран ЦИК КПК во главе с председателем Чэнь Ду-сю.

Решения съезда сыграли важную роль в налаживании практического сотрудничества компартии и Гоминьдана в деле совместной борьбы за достижение реальной независимости и обеспечение единства страны в борьбе против разных милитаристских группировок, а также проведение демократических преобразований в соответствии с «тремя народными принципами» Сунь Ятсена, стоявшего в то время во главе Гоминьдана. Благодаря союзу с Гоминьданом КПК получила возможность для организации легальной деятельности на подвластной ему территории. В ию-

не 1923 г. в Гуанчжоу, где находилось возглавляемое Сунь Ят-сеном Южное правительство, легально был проведен III съезд КПК, рассмотревший вопрос о тактике партии в условиях осуществления политического союза с Гоминьданом. В основу принятого съездом решения легла установка Коминтерна на вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении идейной и организационной самостоятельности компартии и продолжении ею борьбы за защиту классовых интересов пролетариата и организацию рабочих и крестьян.

В работе съезда участвовало 30 делегатов от 420 членов партии, а также представитель Коминтерна. Съезд избрал ЦИК, в составе которого было образовано Центральное бюро из пяти человек во главе с Чэнь Ду-сю (в состав которого впервые вошел и Мао Цзэ-дун).

В январе 1925 г., в обстановке нарастания революционного подъема, был проведен IV съезд КПК, состоявшийся нелегально в Шанхае с участием 20 делегатов от 1000 членов партии и представителя Коминтерна. Съезд расценил текущий момент как период ускоряющегося политического краха милитаристов внутри страны и прихода национальной революции. Констатировав широкие возможности для КПК по ведению легальной практической деятельности среди рабочих и крестьян благодаря тактике единого антиимпериалистического фронта съезд в качестве ближайшей задачи назвал завоевание гегемонии пролетариата в революции и максимальное распространение своего влияния в рабочих массах. Была принята резолюция по крестьянскому вопросу, в которой подчеркивалось, что без вовлечения крестьянства в революцию под руководством пролетариата достичь в ней успеха невозможно. Вместе с тем, учитывая раскол Гоминьдана на левое и правое крыло, съезд фактически принял установку на борьбу с Гоминьданом за массы.

На съезде был избран ЦИК КПК во главе с Генеральным секретарем Чэнь Ду-сю.

Испытанием правильности стратегической и тактической линии КПК и ее организационной дееспособности стала национальная революция 1925–1927 гг., поставившая перед руководством КПК и Коминтерном сложнейшую проблему определения правильного соотношения национальных и социальных интересов в своей политике. Коминтерн рассматривал эту революцию как антиимпериалистическую и буржуазно-демократическую, находящуюся еще на начальной стадии развития. В соответствии с данной характеристикой революции Коминтерн ориентировал КПК на превращение в массовую политическую партию пролетариата, практическое соединение марксизма с рабочим движением, создание союза пролетариата и крестьянства, формирование в союзе с Гоминьданом единого антиимпериалистического фронта, в рамках которого пролетариат должен бороться за гегемонию в революции с целью последующего перехода на некапиталистический путь развития.

По мере развития революции началось размежевание классовых сил внутри национального единого фронта, когда для КПК возникла, как отмечалось на VII расширенном пленуме ИККИ в декабре 1926 г., проблема «выбора между перспективой блока со значительными слоями буржуазии и перспективой дальнейшего укрепления своего союза с крестьянством», требовавшим проведения в жизнь радикальной аграрной программы. Пленум рекомендовал КПК взять курс на укрепление союза с крестьянством, вместе с тем по возможности дольше сохраняя единый национальный фронт, чтобы дать возможность революционным силам подготовиться к дальнейшей борьбе. Такая политика предполагала разработку перспективной аграрной программы, предусматривающей разрешение аграрного вопроса, а также временной аграрной программы, призванной сохранить национальный единый фронт при максимально возможном удовлетворении материальных интересов крестьянства.

После осуществленного Чан Кай-ши в апреле 1927 г. переворота, приведшего к спаду революционного движения, КПК приняла новую тактику революции. На состоявшемся в г. Ухань после переворота V съезде КПК (апрель–май 1927 г.) была дана оценка текущего этапа революции как «серьезного революционного наступления». К моменту проведения съезда численность КПК выросла до 58 тыс. человек, из которых половину составляли рабочие. В решениях съезда содержались установки на развертывание аграрной революции, завоевание гегемонии пролетариата и установление революционно-демократической диктатуры рабочего класса, крестьянства и мелкой городской буржуазии через Гоминьдан. Предусматривалось широкое развитие рабочего движе-

Коммунистическая партия Китая

ния, включая повсеместное вооружение рабочих с целью политического и экономического наступления на буржуазию, включающего реализацию курса на экспроприацию у нее ключевых отраслей и предприятий.

На съезде присутствовали делегации Коминтерна и представители левого крыла Гоминьдана. Съезд переизбрал ЦК КПК во главе с Генеральным секретарем Чэнь Ду-сю.

В результате нового раскола в едином фронте (июль 1927 г.) он по существу распался, а еще слабое рабочее и крестьянское движение, которое КПК пыталась охватить своим организационно-политическим влиянием, оказалось перед лицом превосходящих сил уханьского правительства Гоминьдана, осуществлявшего политический террор, опираясь на свои вооруженные силы. В июле 1927 г. от руководства КПК были отстранены Чэнь Ду-сю и его сторонники и создан новый руководящий орган — Временное Политбюро во главе с Цюй Цю-бо. ЦК КПК (августовское совещание ЦК КПК 1927 г.) разработал новую тактику революции. В документах совещания указывалось, что китайская революция по своему основному содержанию является буржуазно-демократической, главными задачами которой остаются борьба за достижение полной национальной независимости, объединение страны и ликвидацию пережитков феодализма.

Обстановка, сложившаяся после поражения революции 1925–1927 гг., была проанализирована на VI съезде КПК, проходившем, из-за обстановки антикоммунистического террора в Китае, в Подмосковье в июне–июле 1928 г. Исходя из того, что в условиях, когда «первая волна революции закончилась рядом тяжелых поражений, а новая еще не наступила, когда силы контрреволюции еще превышают силы рабочего класса и крестьянства», съезд постановил, что «генеральной линией партии является борьба за массы».

Численность КПК тогда составляла до 130 тыс. человек, в основном крестьян. Съезд переизбрал новый состав ЦК КПК (бывшие руководители КПК подверглись на съезде критике: Чэнь Ду-сю за то, что не отстаивал самостоятельность партии в едином фронте, а Цюй Цю-бо за преуменьшение сил противника, что способствовало путчистским тенденциям). ЦК избрал Политбюро из семи человек и семи кандидатов в члены Политбюро. Генеральным секретарем Секретариата ЦК был избран Сян Чжун-фа.

Намеченные КПК стратегия и тактика в целом шли в русле установок Коминтерна на завершение буржуазно-демократической революции и перенесение центра тяжести работы КПК на завоевание массовой рабоче-крестьянской социальной базы, организацию рабочих и крестьян вокруг КПК под лозунгом советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также Центрального советского правительства. Этот лозунг был предложен Исполкомом Коминтерна в качестве формы власти, обеспечивающей гегемонию пролетариата в крестьянской революции и активное участие широких масс населения в деятельности органов революционной власти. Развитие борьбы крестьянства рассматривалось Коминтерном как залог успеха в деле советского строительства и выполнения задачи по созданию «настоящей Красной армии», поставленной Коминтерном в качестве первоочередной задачи КПК на данном этапе революции.

В обстановке кризиса, сложившегося в результате окружения Центрального советского района войсками Чан Кай-ши в 1933–1934 гг., в руководстве КПК обострилась борьба за власть в партии и армии. После выхода частей Красной Армии из окружения по требованию Мао Цзэ-дуна и его сторонников в январе 1935 г. в г. Цзуньи было проведено расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, на котором на руководство ЦК КПК была возложена ответственность за «военные ошибки», а Мао Цзэ-дун был введен в состав Секретариата ЦК КПК.

В 1935 г. Коминтерн приступил к осуществлению тактики единого антифашистского фронта в западных странах и единого антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах Востока. В связи с этим VII конгресс Коминтерна (июль–август 1935 г.) дал новую трактовку текущего этапа антиимпериалистической национальной революции. Поскольку главной задачей компартий стран Востока стало создание и укрепление антиимпериалистических национальных фронтов, в качестве стратегической цели была выдвинута борьба за создание на базе единого фронта «народного революционного антиимпериалистического правительства». Это государственное образование должно было представлять собой союз всех классов, входящих в единый фронт (включая и антиимпериалистически настроенную национальную буржуазию),

и на данном этапе рассматривалось Коминтерном как государство переходного типа, промежуточная ступень на пути перерастания народно-демократической революции в социалистическую. VII конгресс Коминтерна рекомендовал китайским коммунистам тактику развертывания широкого народного антиимпериалистического движения под лозунгом национально-революционной борьбы.

В 1935 г. Япония усилила военно-политическое наступление на Китай, поставив под свой контроль значительную часть Северного Китая. Под влиянием реальной политической ситуации, настоятельно требовавшей союза КПК с Гоминьданом для отпора японской агрессии, а также в соответствии с начавшимся поворотом Коминтерна в сторону осуществления тактики единого антиимпериалистического фронта, закрепленной в решениях VII конгресса Коминтерна, КПК также стала постепенно осуществлять поворот к проведению тактики единого антияпонского национального фронта. На основе решений VII конгресса Коминтерна и рекомендаций китайской делегации в Коминтерне Политбюро ЦК КПК приняло курс на создание единого антияпонского национального фронта, который был образован в сентябре 1937 г., когда КПК и Гоминьдан официально объявили о прекращении гражданской войны и установлении сотрудничества между обеими партиями.

В ходе наступившего в 1935 г. нового подъема антияпонской борьбы и реализации решений Коминтерна о создании антиимпериалистических национальных фронтов Мао Цзэ-дун приступил к разработке теоретической основы единого антияпонского фронта в Китае. В докладе «О тактике борьбы против японского империализма» 27 декабря 1935 г. он дал оценку текущему этапу китайской революции как буржуазно-демократическому по своему содержанию, задачами которого являются борьба против империализма и феодализма, а не против капитализма, и включил в состав единого фронта рабочий класс, крестьянство, национальную буржуазию, а также часть помещиков, компрадорской буржуазии и милитаристов, временно примкнувших к антияпонской борьбе. Под влиянием Коминтерна Мао Цзэ-дун изменил свою позицию в отношении национальной буржуазии. В докладе от 3 мая 1937 г. «Задачи антияпонского единого национального фронта на современном этапе» он признал, что единый фронт «охватывает буржуазию и всех тех, кто хочет защищать свою родину».

В условиях проведения новой тактики КПК в период антияпонской войны Мао Цзэ-дун, призывая к учету национальных особенностей китайской революции, поставил вопрос о разработке «правильной теоретической основы китайской революции» путем приведения «в соответствие субъективного с объективным», в связи с чем «самым важным видом учебы» он провозгласил практику, отодвинув «изучение книг» на второй план. В соответствии с этим принципом он призвал отказаться от односторонней опоры «лишь на опыт революционной войны в России» и «особенно ценить собственный опыт революции и войны в Китае». Согласно этому опыту, война провозглашалась главной формой революции в Китае, а армия — главной силой революции. Утверждалось, что войны «являются высшей формой разрешения противоречий между классами, нациями, государствами, политическими блоками на определенном этапе развития этих противоречий».

Важнейшим этапом разработки теоретической основы китайской революции стал VI пленум ЦК КПК 6-го созыва (октябрь–ноябрь 1938 г.), посвященный проблеме укрепления антияпонского единого фронта и, прежде всего, сотрудничества между КПК и Гоминьданом. В выступлении на пленуме Мао Цзэ-дун заявил о готовности признать руководящее положение Гоминьдана и Чан Кай-ши в едином фронте и рассматривать их программу «войны сопротивления и строительства государства» в качестве общей платформы единого фронта. Вместе с тем он выдвинул курс на превращение КПК в «великую массовую партию» с тем, чтобы создать на ее основе «единое сплоченное ядро нации», призвав к «смелому расширению» рядов КПК за счет любых сочувствующих элементов, независимо от их социального происхождения.

Учитывая специфику Китая, Мао Цзэ-дун выдвинул тезис о необходимости «приспособления» марксизма к условиям страны, в связи с чем он поставил задачу «китаизации» марксизма. Проводимая под лозунгом борьбы с догматизмом «китаизация» марксизма открывала путь для оформления разрабатывавшейся Мао Цзэ-дуном теоретической основы китайской революции в самостоятельную теоретическую платформу КПК.

Коммунистическая партия Китая

Основные положения «китаизированного марксизма» были сформулированы Мао Цзэ-дуном в теории новой демократии, которая в общих чертах была изложена им в работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (1939), а в окончательном виде — в работе «О новой демократии» (1940) (см. об этом статью «Теория „новой демократии“ Мао Цзэ-дуна»).

Теория новой демократии представляла собой первую развернутую долгосрочную программу модернизации и «самоусиления» страны, принятую руководством КПК. Содержание этой теории и политическая практика коммунистов в освобожденных районах позволяют проследить следующие основные направления строительства государства новой демократии.

Экономическая программа новой демократии предусматривала уничтожение феодальной системы землевладения и передачу земли крестьянам в частную собственность, ликвидацию бюрократического и компрадорского капитала, а также ограничение крупного национального капитала. Перечисленные меры открывали простор для развития национального капитализма. Ключевые позиции в экономике предполагалось передать государству, которое бы поощряло развитие частнокапиталистического предпринимательства и широко привлекало в страну иностранный капитал. По существу речь шла об использовании капитализма в целях скорейшего наращивания экономического потенциала и превращения Китая в высокоразвитое индустриально-аграрное государство.

Политическая программа новой демократии, с одной стороны, была направлена на обеспечение единства китайской нации путем объединения возможно более широких социально-политических сил вокруг КПК в рамках новодемократического блока и создание на его основе государства новой демократии, с другой — на раскол и изоляцию Гоминьдана.

По своему классовому содержанию государство новой демократии должно было олицетворять власть крестьянства. Функциональное назначение данной системы заключалось в другом — в обеспечении классовой гармонии в целях поддержания единства китайской нации в борьбе за изгнание японских захватчиков на текущем этапе новодемократической революции и в борьбе за власть в стране с верхушкой Гоминьдана на послевоенном этапе.

Выдвинутая в качестве особого «третьего пути», призванного предотвратить развитие в Китае капитализма западноевропейского образца посредством сдерживания социальных противоречий и «ограничения капитала», теория новой демократии во многом была сходна с учением о «государственном социализме» Сунь Ят-сена. Признание КПК этого учения, пользовавшегося огромным авторитетом у китайского народа и являвшегося официальной идейно-теоретической платформой Гоминьдана, было обусловлено в первую очередь задачами создания и укрепления антияпонского единого национального фронта. Детальное сравнение основных положений теории новой демократии с «тремя народными принципами» Сунь Ят-сена позволяет, на наш взгляд, рассматривать последние по существу в качестве одного из основных идейных источников теории новой демократии.

В апреле–июне 1945 г. в г. Яньань состоялся VII съезд КПК, в котором участвовали 544 делегата с решающим и 208 с совещательным голосом от 1211 тыс. членов партии. Съезд утвердил руководящее положение Мао Цзэ-дуна в партии, избрав его на вновь созданный пост Председателя ЦК КПК. Предвидя близкое изгнание японских захватчиков, Мао Цзэ-дун в своем докладе на съезде «О коалиционном правительстве» повторил прежнюю характеристику текущего этапа китайской революции как революции буржуазно-демократической, направленной против империализма и феодализма, и выдвинул программу деятельности партии в новых условиях. Основное место в ней заняли вопросы идеологической, политической и организационной подготовки к войне с Гоминьданом и построения на послевоенном этапе государства «новой демократии» под лозунгом создания временного демократического коалиционного правительства, которое должно было заменить однопартийную диктатуру Гоминьдана.

Освобождение Советской армией Северо-Восточного Китая создало благоприятные условия для развития китайской революции. Опираясь на маньчжурскую военно-революционную базу, летом 1947 г. НОАК развернула стратегическое наступление, в ходе которого к концу 1949 г. от власти Гоминьдана была освобождена практически вся территория континентального Китая.

В условиях начавшейся гражданской войны с Гоминьданом перед КПК по-новому встали конкретные практические задачи по налаживанию политико-административного и экономического управления освобожденными районами, по определению политической линии в отношении своих союзников в деревне и городе.

По мере расширения освобожденных территорий нарастала напряженность в деревне, где беднейшая часть крестьянства уже не удовлетворялась снижением арендной платы и ссудного процента, а требовала решения вопроса о собственности на землю.

4 мая 1946 г. ЦК КПК разослал на места документ, получивший название «Указания», где решение земельного вопроса объявлялось «основным ключевым звеном всей текущей работы» и предписывалось поддерживать требования крестьянства об отказе выплачивать арендную плату и ссудный процент, захват крестьянами помещичьей земли и ее раздел по принципу «каждому пахарю — свое поле».

Летом 1947 г. в Сибайпо состоялось организованное ЦК КПК всекитайское совещание по земельному вопросу, на котором под руководством Лю Шао-ци была принята «Программа по земельному законодательству в Китае», предусматривавшая уничтожение феодальной системы на основе ликвидации всех помещичьих прав на землю. Программа определяла принципы и способы раздела земли на основе равного раздела по едокам, хотя Лю Шао-ци и пытался скорректировать политику раздела земли таким образом, чтобы сохранить союз с середняком и осуществлять дифференцированный подход к кулакам и помещикам.

Важнейшей частью проведения КПК новодемократической политики в рассматриваемый период была защита национальной промышленности и торговли от проявлений получившего распространение в те годы так называемого «крестьянского социализма» с его уравнительными тенденциями. На совещании по финансово-экономическим вопросам в Северном Китае в июне 1947 г. было заявлено: «Новодемократическая экономика состоит из трех частей — общественной, частной и кооперативной», причем «общественное хозяйство должно занимать ведущие позиции в финансах, внешней торговле, транспорте и в тяжелой промышленности». Но поскольку «в настоящее время общественное хозяйство еще не может занимать главное место в экономике освобожденных районов, на сегодня главным все еще остается развитие частной и кооперативной экономики».

Новодемократические установки нашли отражение и в социальной политике КПК, направленной на смягчение классового антагонизма между рабочими и капиталистами. В «Указаниях по вопросам экономического строительства в освобожденных районах» (март 1946 г.) подчеркивалось: «В освобожденных районах в сфере взаимоотношений труда и капитала следует проводить курс на сотрудничество, чтобы обеспечить развитие производства... а благосостояние рабочих должно достигаться через развитие производства и процветание экономики, любые односторонние чрезмерные требования будут подрывать экономику освобожденных районов».

В ходе развертывания в 1947 г. стратегического контрнаступления НОАК, открывшего перспективу скорого завершения освободительной войны и наступления периода мирного строительства, перед руководством КПК встала проблема переосмысления политики новой демократии по мере решения задач революции и перехода к строительству новодемократического государства в масштабах всей страны.

Рассматривая вопросы управления новодемократическим государством на расширенном заседании ЦК КПК в декабре 1947 г., Мао Цзэ-дун следующим образом определил структуру новодемократической экономики: «1) государственный сектор — ведущий; 2) сельское хозяйство, развивающееся постепенно по пути от единоличного к коллективному; 3) сектор самостоятельных мелких предпринимателей и торговцев и мелкий, средний и прочий частнокапиталистический сектор». В своем выступлении Мао подчеркивал, что «из-за отсталости экономики Китая даже после победы революции по всей стране в течение длительного периода времени нужно будет допустить существование капиталистического хозяйства, представленного широкими слоями верхнего слоя мелкой буржуазии и средней буржуазией».

Исходя из закрепленного в решениях VII съезда КПК курса на создание новодемократической экономики, предусматривавшего широкое привлечение иностранного капитала, и в целях ис-

Коммунистическая партия Китая

правления имевших место при освобождении крупных городов перегибов в отношении иностранных предприятий ЦК КПК издал в феврале 1948 г. «Указания о проведении политики в отношении иностранцев, находящихся в Китае», в соответствии с которыми «никакие созданные или управляемые иностранцами на вложенные в Китае капиталы частные заводы, шахты или другие предприятия не должны подвергаться конфискации или разрушению, и им разрешается продолжать свою деятельность при соблюдении законов и постановлений демократического правительства и определенных трудовых условий». При этом вводился государственный контроль над внешней торговлей, реформировалась таможенная система и отменялись какие-либо особые права и привилегии иностранцев в Китае.
По мере расширения территории освобожденных районов и накопления опыта практической работы по решению аграрного вопроса ЦК КПК в принятых 25 мая 1948 г. «Указаниях о работе в 1948 г. по проведению аграрной реформы и упорядочению партии» была принята гибкая дифференцированная политика в решении земельного вопроса, предусматривавшая постепенное завершение земельной реформы в «старых» и недавно освобожденных районах и продолжение политики снижения арендной платы и ссудного процента, а также временное приостановление развертывания аграрной реформы в «новых».
На состоявшемся в сентябре 1948 г. заседании Политбюро ЦК КПК было решено «усилить работу по управлению городами и постепенно перенести центр тяжести работы из деревни в город».
В новых политических условиях Мао Цзэ-дун пошел на пересмотр своей политической платформы. В ряде опубликованных в 1948 г. статей он заявил о приверженности КПК марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму, подчеркивая, что «Коммунистическая партия Китая и есть такая партия, которая создана и развивается по образцу Коммунистической партии Советского Союза».
Пересмотр основного положения теории новой демократии — вопроса о классовой гегемонии, несмотря на все оговорки касательно практического проведения его в жизнь, означал начало процесса пересмотра самой идейно-теоретической платформы партии применительно к новому историческому этапу, связанному с грядущей победой народной революции в Китае и приходом к власти партии коммунистов. Уже в марте 1948 г. Мао Цзэ-дун изменил определение характера новодемократической революции. Если в прежних работах она определялась им как буржуазно-демократическая, то теперь текущий ее этап характеризовался как этап народно-демократической революции. На состоявшемся в сентябре 1948 г. расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Сибайпо (известном как «сентябрьское совещание ЦК») были определены следующие характеристики будущего новодемократического государства.
В политическом плане: демократическая диктатура народа под руководством пролетариата и на основе союза рабочих и крестьян.
В экономическом плане: Мао Цзэ-дун не согласился с определением экономики государства новой демократии как «нового капитализма», ссылаясь на то, что в этом государстве решающую роль будут играть государственный и общественный сектора, поскольку государство находится под руководством пролетариата, а значит, эта экономика носит социалистический характер, несмотря на значительный удельный вес единоличного сельского хозяйства и городского частного хозяйства. Лю Шао-ци следующим образом определил новодемократическую экономику: «Вся национальная экономика охватывает натуральное хозяйство, мелкое производство, капиталистическое хозяйство, полусоциалистическое хозяйство, государственно-капиталистическое хозяйство, а также государственное социалистическое хозяйство. В целом национальная экономика называется новодемократической экономикой».
В сфере социальных противоречий: Мао Цзэ-дун подчеркивал на заседании Политбюро, что после победы буржуазно-демократической революции главным внутренним противоречием станет противоречие между пролетариатом и буржуазией, а внешним — между Китаем и империализмом. А что касается противоречий между рабочим классом и крестьянством, то это — неантагонистические противоречия, и их можно решить через снабжение техникой, организацию кооперативов, участие в управлении государством и т.д.

В связи с вытеснением к началу 1949 г. гоминьдановских армий с большей части территории Китая и приближавшимся полным разгромом чанкайшистского режима в стране стала складываться новая политическая ситуация, требовавшая внесения необходимых коррективов в программу действий КПК. В своей программной статье «Довести революцию до конца» (30 декабря 1948 г.) Мао Цзэ-дун выдвинул теоретическое положение об установлении в Китае демократической диктатуры народа, основанной на союзе рабочего класса и крестьянства и руководимой рабочим классом. Положение о демократической диктатуре народа легло в основу решений состоявшегося в марте 1949 г. II пленума ЦК КПК 7-го созыва в Сибайпо. На пленуме Мао Цзэ-дун объявил о том, что центр тяжести работы партии переместился из деревни в город, поставив во главу угла этой работы экономическое строительство и выдвинув курс на превращение Китая из аграрной страны в индустриальную, а новодемократического общества в социалистическое. В связи с этим им были рассмотрены основные положения новодемократической политики.

Он отметил две главные особенности Китая. Первая: современная промышленность составляет лишь около 10% всего объема национальной экономики, но она обладает очень высокой степенью концентрации и сосредоточена в основном в руках империалистов и связанной с ними китайской бюрократической буржуазии и потому должна быть экспроприирована и составить основу государственного сектора, который займет ведущее место в национальной экономике. Этот сектор по своему характеру будет «социалистическим, а не капиталистическим».

Вторая: 90% экономики Китая представлено раздробленным единоличным крестьянским и кустарным хозяйством. После разрушения феодального строя появились предпосылки для модернизации этих отраслей народного хозяйства, но очень длительное время они будут оставаться раздробленными и единоличными, почти как в древности.

Подчеркивая эти особенности, Мао Цзэ-дун предостерег от их недооценки, приводящей к ошибкам как «левого», так и «правого» толка, выражавшимся в односторонней поддержке либо государственных, либо частных предприятий. В работе по развитию производства он потребовал на первое место ставить государственную промышленность, на второе — частнокапиталистическую и на третье — ремесленное производство.

Указав на то, что частнокапиталистический сектор занимает в Китае второе место в современной промышленности и что политическая позиция национальной буржуазии определяется давлением на нее со стороны империализма, феодализма и бюрократического капитала, в силу чего она приняла участие либо занимала нейтральную позицию в новодемократической революции, Мао Цзэ-дун призвал «после победы революции в течение сравнительно длительного периода времени... использовать активность городского и сельского частного капитализма в целях поступательного развития национальной экономики... Этого не только невозможно избежать, но это необходимо для экономики». Одновременно он потребовал проводить политику контроля и ограничения национальной буржуазии через налоги, контроль над рыночными ценами, условиями труда, исходя из конкретной обстановки в конкретном месте, отрасли и в конкретное время, но таким образом, чтобы дать ей возможность развиваться.

После вступления НОАК в крупные города в 1948 г. на местах получили распространение перегибы в отношении национальной буржуазии и иностранного капитала, выражавшиеся в закрытии предприятий и выдвижении рабочими завышенных требований о повышении заработной платы и улучшении условий труда. Руководство КПК решительно противодействовало этим явлениям. 25 апреля 1949 г. ЦК КПК издал «Объявление НОАК» (сокращенно «8 статей Временного закона»), в котором предписывалось «защищать национальную промышленность, торговлю, сельское хозяйство и животноводство», «защищать все и не посягать ни на какие находящиеся в частном владении заводы, магазины, банки, склады, суда, причалы, фермы, пастбища и т.д.».

В подготовленных в июне 1949 г. под руководством Лю Шао-ци тезисах для встречи со Сталиным в Москве «О курсе экономического строительства в новом Китае» уточнялась структура новодемократической экономики по сравнению с предыдущими партийными документами. Эта структура включает следующие пять укладов: государственный, кооперативный, государствен-

но-капиталистический, частнокапиталистический, мелкотоварный и полунатуральный. Преобладающими были мелкотоварный и полунатуральный уклады. «Национальную экономику, состоящую из этих пяти укладов, под руководством пролетариата и компартии мы называем новодемократической экономикой». Государственный сектор новодемократического государства, руководимого пролетариатом, носит социалистический характер; государственно-капиталистический сектор «очень приближается к социалистическому», кооперативный «в разной степени носит социалистический характер»; частнокапиталистический сектор является «основой тенденции к развитию капитализма», а большое количество самостоятельных мелких производителей, с одной стороны, может в разной степени принять кооперативные формы организации, но с другой — постоянно стихийно порождает капитализм и буржуазию. В тезисах отмечалась необходимость развития всех пяти основных экономических укладов, подчеркивалась главная роль госсектора в подъеме экономики.

В этом документе впервые поставлен вопрос об оказании Советским Союзом и странами народной демократии в Восточной Европе «пролетарской помощи Китаю» — экономической, технической и финансовой, а также о налаживании экономического сотрудничества в разных областях в целях «ускорения продвижения Китая к социализму».

Основные положения курса на создание новодемократического государства вошли в подготовленный под руководством Чжоу Энь-лая в сентябре 1949 г. проект «Совместной программы Народного политического консультативного совета Китая». В этом проекте использовалось выдвинутое Мао Цзэ-дуном понятие «демократическая диктатура народа» для обозначения новодемократического революционного лагеря, включавшего рабочий класс, крестьянство, мелкую буржуазию, национальную буржуазию и часть патриотически настроенных «элементов» из «реакционных классов», к которым относились бюрократическая буржуазия и класс помещиков.

В утвержденную на 1-й сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) в сентябре 1949 г. «Совместную программу НПКСК» вошли все принятые руководством КПК формулировки, характеризующие создаваемое в Китае новое государственное образование — Китайскую Народную Республику. КНР определялась в «Программе» как «новодемократическое государство демократической диктатуры народа», «руководимое рабочим классом на основе союза рабочих и крестьян». Формой осуществления государственной власти провозглашалась система собраний народных представителей. В «Программе» констатировалось наличие пяти экономических укладов, главным из которых признавался государственный, носящий «социалистический» характер.

В программу не было вписано положение о социалистической перспективе новодемократического государства, поскольку, как позже разъяснил Чжоу Энь-лай, первоначально готовивший ее текст, в тех условиях это могло привести к возникновению ошибок левацкого толка, и «в экономической части этой программы уже было определено, что на практике надо гарантировать продвижение в сторону этой перспективы».

По окончании 30 сентября работы сессии НПКСК 1 октября в Пекине Мао Цзэ-дун официально провозгласил образование Китайской Народной Республики.

** *Лу Сянь-фу*, *Жуй Му-цзе*. Чжунго чжичжэндан цзяньшэ яньцзю (Изучение строительства партии власти в Китае). Шанхай, 2002; *Ляо Гай-лун*. Мао Цзэ-дун сысян ши (История идей Мао Цзэ-дуна). Сянган, 1993; Чжунго гунчаньдан баши нянь чжунда шицзянь шилу (Важнейшие события в истории КПК за 80 лет): В 2 т. / Гл. ред. Чжан Шу-цзюнь, Ши Янь. Чанша, 2001; Чжунго гунчаньдан лиши (шан цзюан) чжуши цзи (Сборник комментариев к «Истории КПК»). Ч. 1. Пекин, 1991; Чжунго гунчаньдан сысян ши (Идеологическая история КПК). Циндао, 1991; Чжунго гунчаньдан цзинцзи сысян фачжань ши (История развития экономической мысли КПК). Тайюань, 1996; Чжунго гунчаньдан чуаньцзянь ши (История создания КПК). Шанхай, 1991.

Д.А. Смирнов

Теория «новой демократии» Мао Цзэ-дуна

Теория «новой демократии» была выдвинута Мао Цзэ-дуном в годы антияпонской войны в качестве программы объединения вокруг КПК всех патриотических сил китайского общества на борьбу за национальное освобождение страны и ее послевоенное устройство и развитие. Впервые о «новой демократии» он заявил в докладе от 3 мая 1937 г. «Задачи антияпонского единого национального фронта на современном этапе», в котором призвал к созданию «государства союза рабочих, крестьян и буржуазии», названного им «новой демократической республикой».

Развитие теоретической основы китайской революции Мао Цзэ-дун связывал с необходимостью «приспособления» марксизма к условиям Китая, для чего в 1938 г. выдвинул тезис о «китаизации» марксизма.

Основные положения «китаизированного марксизма» были сформулированы Мао Цзэ-дуном в теории новой демократии («новодемократизма» — синь миньчжучжуи), которая в общих чертах была им изложена в работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (1939), а в окончательном виде — в работе «О новой демократии» (1940). Содержание этих трудов направлено на обоснование особого характера китайской революции, обусловливавшего необходимость создания собственной теории китайской революции, которая бы строилась на основе учета национальной специфики Китая. «...Определить „специфические особенности" Китая, — писал Мао Цзэ-дун, — значит объяснить сущность всех проблем революции». Определив текущий этап китайской революции как этап буржуазно-демократический, Мао выделил в ней ту особенность, которая «резко отличала» ее как от «демократических революций, имевших место в странах Европы и Америки», так и от социалистической революции в России. «Новая историческая особенность» китайской революции заключалась, по словам Мао Цзэ-дуна, в том, что «китайская революция делится на два исторических этапа», первый из которых представляет собой «революцию особого, нового типа... начавшего развиваться в Китае и во всех колониальных и полуколониальных странах». Этому «особому типу» революции он дал название «новодемократическая революция». Новодемократическая революция являлась, по его определению, «антиимпериалистической, антифеодальной революцией широких народных масс», задачей которой является «превращение колониального, полуколониального и полуфеодального общества в общество независимое и демократическое». После этого китайская революция должна была вступить во «второй этап — этап построения социалистического общества».

Движущие силы новодемократической революции включали в себя «пролетариат, крестьянство и мелкую городскую буржуазию, а в определенные периоды и в определенной степени и национальную буржуазию». «Основной силой, определяющей судьбы страны», по Мао Цзэ-дуну, были «китайский пролетариат, крестьянство, интеллигенция и другие слои мелкой буржуазии». Политический союз этих классов представлял собой «революционно-демократическую диктатуру революционных классов, объединившихся для борьбы против империалистов и предателей-реакционеров». Государственная организация новой демократии должна была представлять собой «демократическую республику революционного блока рабочих, крестьян, интеллигенции и всех других антиимпериалистических и антифеодальных элементов», образованную на основе «диктатуры нескольких партий» антияпонского единого национального фронта.

Основу новодемократической экономики должны были составить переданные в государственную собственность республики новой демократии «крупные банки, крупные промышленные и торговые предприятия». В аграрном секторе экономики предполагалось «принятие некоторых необходимых мер для конфискации земель крупных помещиков, для раздела их между безземельными и малоземельными крестьянами в целях реализации лозунга «Каждому пахарю — свое поле».

Перечисленные меры, подчеркивал Мао Цзэ-дун, не были направлены на изменение капиталистического характера экономики в республике новой демократии. Национализация затрагивала лишь крупные капиталистические предприятия, вся остальная капиталистическая частная собственность оставалась в неприкосновенности. Кроме того, ввиду отсталости китайской эконо-

Коммунистическая партия Китая

мики предполагалось оказание помощи средним и мелким частным предприятиям со стороны новодемократического государства, но таким образом, чтобы частный капитал «не мог контролировать жизнь народа».

Идеологическую базу новой демократии должны были составить три народных принципа Сунь Ят-сена, являвшиеся «политической основой антияпонского единого национального фронта». При этом Мао Цзэ-дун отмечал совпадение в основном содержания трех народных принципов с «коммунистической программой демократической революции в Китае». Но это совпадение относилось только к новым трем народным принципам, заново истолкованным Сунь Ятсеном в 1924 г. на I съезде Гоминьдана, где они были дополнены «тремя великими политическими установками» — союзом с СССР, союзом с КПК, поддержкой крестьян и рабочих.

Классовое содержание новодемократической политической власти Мао Цзэ-дун выводил из особенности китайской революции, заключавшейся в том, что единственной формой революции в Китае является вооруженная борьба, фактически представлявшая собой «крестьянскую партизанскую войну».

Поскольку китайские города находились в руках японских империалистов и сил внутренней контрреволюции, Мао Цзэ-дун поставил задачу «из отсталых крестьянских районов создать устойчивую, прочную, передовую базу», чтобы достичь «победы китайской революции сначала в сельских районах», а затем в длительной борьбе постепенно завоевать полную победу революции. В данных условиях война против японских захватчиков по существу становилась «войной крестьянской». Поскольку эта война составляла главное содержание новодемократической революции на том этапе, противоречие между крестьянством и классом помещиков оставалось главным внутренним противоречием китайского общества, а крестьянство — главной силой революции. Новые три народных принципа, составлявшие идеологическую основу новодемократической революции, Мао провозгласил «идеологией крестьянской революции». Исходя из того, что новодемократическая революция представляла собой «крестьянскую революцию», Мао Цзэ-дун пришел к заключению о том, что и новодемократическая политическая власть «есть, в сущности, передача власти крестьянству».

В работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» говорилось о том, что в новодемократическом обществе «будут развиваться социалистические элементы», включающие в себя «увеличение удельного веса пролетариата и коммунистической партии, которая уже получила и может получить еще более широкое признание со стороны крестьянства, интеллигенции и мелкой буржуазии». Но этому утверждению о руководящей роли пролетариата в новодемократическом государстве противоречил выдвинутый позднее в работе «О новой демократии» тезис о политической власти крестьянства в новодемократическом государстве и о «неизменности» «основного содержания» новодемократического государственного строя вплоть до осуществления социалистической революции.

Как вытекает из содержания работ Мао Цзэ-дуна, развитие новодемократического общества должно было составить самостоятельный длительный исторический этап. Для обоснования объективной необходимости такого самостоятельного исторического этапа Мао выстроил следующую схему основных форм революционного движения в современную эпоху. Первая форма — буржуазно-демократические революции «старого типа», которые привели к утверждению в странах Западной Европы и Северной Америки демократии «старого типа», воплощенной в «республиках диктатуры буржуазии». Вторая форма — пролетарско-социалистическая революция «новейшего типа», в результате которой в СССР победила демократия «новейшего типа», воплощенная в «республике диктатуры пролетариата». И буржуазно-демократическая революция «нового типа», происходящая в Китае, в результате которой должна была утвердиться «третья форма» демократии — «особая демократия, демократия нового типа — новая демократия», воплощенная в республике «объединенной диктатуры нескольких антиимпериалистических классов», при решающей роли крестьянства.

Выдвигая концепцию «третьего пути» развития китайской революции, Мао Цзэ-дун выводил особенности развития китайской революции за рамки признанной в международном ком-

Теория «новой демократии» Мао Цзэ-дуна

мунистическом движении в тот период системы общих закономерностей исторического развития, основанных на практическом опыте России.

По существу, речь шла не просто о «китаизации» марксизма в смысле адаптации общей теории марксизма к конкретным условиям Китая, а о создании «китаизированного марксизма», разработанного в качестве теоретического руководства антиимпериалистической, антифеодальной революцией в колониальных и зависимых странах. Исходя из наличия общих для этой категории стран объективных закономерностей общественного развития, Мао Цзэ-дун считал обязательным создание в них «третьей формы» государства — государства новой демократии — «демократии китайского типа». «...На определенном историческом отрезке времени в ходе революции во всех колониальных и полуколониальных странах в качестве формы государственного устройства может быть принята только третья форма, — говорилось в работе „О новой демократии“, — то, что мы называем республикой новой демократии. Это — форма, присущая определенному историческому периоду и, следовательно, переходная, однако она является необходимой и обязательной».

В начале 1942 г. началась официальная пропаганда идей Мао Цзэ-дуна в партийной печати, которая призывала всех членов КПК «изучать и усваивать теорию и стратегию товарища Мао Цзэ-дуна». Выступления Мао Цзэ-дуна, включая работу «О новой демократии», были рекомендованы в качестве «основных учебников» в теоретической учебе.

Одновременно Мао Цзэ-дун начал зондировать возможность получения помощи со стороны Соединенных Штатов Америки в деле послевоенного развития новодемократического Китая. «...Очевидно, что у России не будет ни добавочного капитала, ни технического персонала, способного помочь нам в индустриализации Китая», — было сказано сотруднику американской дипломатической службы в Китае Джону Сервису в ходе одной из бесед с Мао Цзэ-дуном. В директиве ЦК КПК «О дипломатической работе» от 16 августа 1944 г., предназначенной для руководящих работников КПК, предусматривалось установление непосредственного военного сотрудничества новодемократического Китая с США в антияпонской войне, а впоследствии «установление культурного, а затем политического и экономического сотрудничества». При этом Советский Союз не упоминался.

Пытаясь привлечь на свою сторону США идеями новой демократии, Мао убеждал американцев в том, что КПК в отличие от ВКП(б) и других коммунистических партий является«партией китайских крестьян», политический курс которой был «всего-навсего либеральным», так что «даже самые консервативные американские бизнесмены не могли бы возразить против чего бы то ни было в нашей программе».

Послевоенный экономический рост Китая Мао Цзэ-дун также связывал с развитием капитализма, поскольку «ни крестьяне, ни китайский народ в целом не готовы к социализму» и «не будут готовы к этому в течение длительного времени в будущем», а для «самостоятельного выполнения» задачи экономического развития Китаю «недостает капиталистической основы». Проведение индустриализации Китая, говорил Мао американцам, возможно «только путем свободного предпринимательства и с помощью иностранного капитала. Китайские и американские интересы взаимосвязаны и близки друг другу. Они совпадают в экономическом и политическом отношениях. Мы можем и должны работать вместе».

Государство новой демократии должно было опираться на промышленных рабочих, ремесленных рабочих и батраков, на крестьян, мелкую буржуазию, «либеральную буржуазию», «передовых» джентри и «других патриотов». Но главной социальной опорой этого государства он попрежнему считал крестьянство, подчеркнув, что «крестьянство является основной базой демократического режима в Китае на данном этапе». «Если Китай нуждается в создании мощной национальной промышленности и в строительстве многих крупных современных городов, — говорится в докладе Мао Цзэ-дуна на VII съезде КПК (1945) «О коалиционном правительстве», — он должен пережить длительный процесс превращения сельского населения в городское». Именно крестьянство, подчеркивал Мао Цзэ-дун, «может дать самое большое количество продовольствия и сырья и поглотить самое большое количество промышленных товаров». Также и процесс новодемократического культурного строительства он связывал с крестьянст-

вом, объявляя его «основной базой культурного движения в Китае на современном этапе».

Хотя в докладе и говорилось о пролетариате как о «наиболее последовательной революционно-демократической силе» китайского общества, пролетариат не рассматривается в нем в качестве руководящей силы китайской революции.

В целях предотвращения классовых конфликтов между рабочим классом и национальной буржуазией в государстве новой демократии Мао Цзэ-дун предлагал проводить политику «регулирования отношений между трудом и капиталом», при которой, с одной стороны, «будут сохраняться права рабочих», а с другой — «будет гарантироваться соответствующая прибыль предпринимателям».

Цель экономической политики новой демократии согласно Мао Цзэ-дуну — «превращение Китая из страны сельскохозяйственной в страну индустриальную», создание «прочной экономической основы в виде во много раз более передового, чем сейчас, сельского хозяйства, крупной промышленности, занимающей господствующее положение в экономике страны, и соответственно развитых путей сообщения, торговли, денежного обращения и т.д.», т.е. проведение широкомасштабной модернизации народного хозяйства с целью превращения Китая в высокоразвитую в экономическом отношении «могучую и богатую» державу.

Как вытекает из содержания доклада «О коалиционном правительстве», теория новой демократии представляла собой программу развития национального капитализма под контролем новодемократического государства. Эта теория выдвигалась в качестве особого «третьего пути» развития революции в Китае и во всех колониальных и зависимых странах, пути, не ведущего ни в капитализм, отождествлявшийся с эксплуатацией трудящихся западным капиталом, ни в социализм, для которого еще не сложились объективные предпосылки. «Третий путь» развития замысливался Мао Цзэ-дуном как специфическая форма модернизации китайского общества и его производительных сил, которая рассматривалась им в качестве объективной закономерности развития Китая, отличающей его от развитых стран.

В условиях начавшейся гражданской войны с Гоминьданом перед КПК по-новому встали конкретные практические задачи по налаживанию политико-административного и экономического управления освобожденными районами, по определению политической линии в отношении своих союзников в деревне и городе.

Кардинальное изменение внутриполитической обстановки после капитуляции Японии в августе 1945 г. и в ходе развернувшейся после нее войны под руководством КПК за свержение гоминдановского режима потребовало внесения серьезных коррективов в проведение политики новой демократии. В новых политических условиях Мао Цзэ-дун пошел на коренной пересмотр своей политической платформы. Новая трактовка теории новой демократии и легла в основу партийных и государственных документов, определявших послевоенное развитие Китая.

Пересмотр теории новой демократии мог быть вызван как внутренними, так и внешними факторами.

При разработке стратегии новодемократической революции Мао Цзэ-дун рассчитывал на поддержку США в послевоенном строительстве новодемократической экономики. Вместо этой поддержки США открыто вмешались во внутрикитайский конфликт на стороне Гоминьдана, оказав большую военную и экономическую помощь этому режиму, ставшему тормозом на пути исторического прогресса и модернизации Китая. А реальную помощь Мао Цзэ-дуну оказал Советский Союз, прежде всего путем создания военно-революционной базы в Маньчжурии. Опираясь на эту базу, НОАК сумела достичь перелома в военном противостоянии с Гоминьданом, что, в сочетании с политическим курсом КПК, обеспечившим ей поддержку со стороны самых широких слоев китайского народа, привело к конечной победе новодемократической революции.

Реальная международная и внутриполитическая ситуация к моменту победы новодемократической революции и образования КНР коренным образом отличалась от ситуации момента начала Второй мировой войны, когда была выдвинута теория новой демократии. Все вышеперечис-

Теория «новой демократии» Мао Цзэ-дуна

ленные факторы обусловили неизбежность пересмотра теории новой демократии, разрабатывавшейся в иное историческое время. Но так или иначе, лозунг «новой демократии» и проводившаяся под этим лозунгом политика со всеми вносимыми в нее коррективами сыграли решающую роль в объединении вокруг возглавлявшейся Мао Цзэ-дуном Компартии Китая широких социально-политических сил, в первую очередь крестьянства, что позволило ей добиться победы в многолетней революционной войне с Гоминьданом в 1949 г. и приступить к осуществлению модернизации Китая на социалистической основе.

* Мао Цзэ-дун сюаньцзи (Избр. соч. Мао Цзэ-дуна). Харбин, 1948. ** *Панюшкин А.С.* Записки посла: Китай, 1939–1944 гг. / ИДВ АН СССР. М., 1981; *Смирнов Д.А.* Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэ-дуна к Дэн Сяо-пину. М., 2005; *Ляо Гай-лун.* Мао Цзэ-дун сысян ши (История идей Мао Цзэ-дуна). Сянган, 1993; *Юй Гуан-юань.* Цун «синь миньчжучжуи шэхуэй лунь» дао «шэхуэйчжуи чуцзи цзедуань лунь» (От «теории новодемократического общества» к «теории начальной стадии социализма»). Пекин, [б.г.]; Lost Chance in China: The World War II Despatches of John S. Service / Ed. by J.W. Esherick. N.Y., 1974.

Д.А. Смирнов

Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг.

Кампании по идеологическому перевоспитанию (*сысян гайцзао*, в буквальном смысле «перестройка мышления») с первых дней существования КНР явились одним из основных методов, использовавшихся наряду с политическими и экономическими мерами для подчинения (а часто и подавления) и привлечения на свою сторону различных социальных групп китайского общества, и в первую очередь интеллигенции.

Обычно они выливались в кампании по искоренению буржуазной идеологии. Таких кампаний было несколько. Вот наиболее крупные их них.

Кампания по перевоспитанию интеллигенции. Мао Цзэ-дун был убежден в том, что человеческая природа довольно податлива и может быстро изменяться в любом заданном направлении, нужно лишь уметь выбрать средства политического и психологического воздействия, в должных дозах сочетать нажим и поощрение.

Отсюда и вытекала та серия разного рода кампаний по перевоспитанию за первые 29 лет со дня основания КНР, то длительных и жестоких, то сравнительно коротких и «мягких». Американский синолог С. Гринблат насчитал за период с 1949 по 1965 г. не менее 63 политико-идеологических кампаний.

Перевоспитание интеллигенции начали сразу же после основания КНР. По данным Лу Дин-и, уже зимой 1949/50 г. 200 тыс. интеллигентов учились в краткосрочных «политических университетах».

С осени 1951 по осень 1952 г. была развернута специальная кампания по «идейному перевоспитанию интеллигенции». Сигнал был дан Мао Цзэ-дуном. В октябре 1951 г. он заявил, что «одним из важнейших условий осуществления глубоких демократических преобразований во всех отраслях и постепенного проведения индустриализации» является идейное перевоспитание интеллигенции.

В начальный период образования КНР среди широких слоев интеллигенции, особенно старшего поколения, были весьма сильны патриотические настроения. Одним из доказательств этого было то, что значительное число ее представителей не хотело покидать Родину вслед за Гоминьданом, а осталось на материке, приветствуя освобождение страны. Известные деятели интеллигенции, в число которых входили Ли Сы-гуан, Лао Шэ, возвращались в Китай, чтобы принять участие в созидательном труде на Родине. Ее представители стремились понять новое создаваемое общество, адаптироваться в нем, понять политику КПК, разобраться в марксизме и идеях Мао Цзэ-дуна, так как раньше они (за некоторым исключением) были довольно далеки от всего этого. Некоторые действительно считали себя недостаточно подготовленными идеологически для полнокровного участия в созидательном труде на благо нового общества.

Широкие мероприятия в связи с празднованием в 1951 г. 30-й годовщины КПК и выходом в свет первых томов «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна подогревали их интерес.

1 июня 1951 г. руководителем старейшего Пекинского университета стал экономист Ма Иньчу (1882–1982). Он, поддержанный другими руководителями вуза, решил организовать во время летних каникул курсы политической учебы в университете для преподавателей и сотрудников. Участники курсов добровольно должны были заниматься идеологическим перевоспитанием.

3 сентября Ма Инь-чу доложил Чжоу Энь-лаю обстановку по политической учебе в университете, предложив сделать университет «экспериментальным полем» и в дальнейшем его опыт распространить на всю страну. Чжоу Энь-лай посоветовал собеседнику оформить накопленный опыт и свои предложения в письменной форме. 7 сентября 1951 г. Чжоу Энь-лай получил письменный отчет, где говорилось, что 12 известных профессоров Пекинского университета выступили инициаторами движения за организацию политической учебы для преподавателей. В документе предлагалось — с целью поднять уровень курсов и привлечь к ним большее внимание — пригласить в качестве преподавателей все высшее руководство страны: Мао Цзэдуна, Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лая, Чжу Дэ, Дун Би-у, Чэнь Юня, Пэн Чжэня, Лу Дин-и и Ху Цяо-му.

Данная информация была доложена Мао Цзэ-дуну, который в ответном письме от 11 сентября 1951 г. сообщал, что «такой вид учебы очень хорош, можно попросить нескольких товарищей выступить», но сам он приехать не может. Реакция на это письмо была незамедлительной. ЦК КПК решил, что такого рода политическую учебу необходимо распространить во всех вузах страны, но в первую очередь в 20 ведущих вузах двух городов — Пекина и Тяньцзиня. Ответственными за руководство движением были назначены Пэн Чжэнь и Ху Цяо-му. Была создана специальная группа, ответственная за конкретное осуществление кампании. В качестве материалов для изучения определялись работы классиков марксизма и Мао Цзэ-дуна. Причем этой группой отрабатывался образчик проведения кампаний, который можно было бы использовать в дальнейшем. Методы учебы рекомендовались следующие: заслушивание докладов, чтение документов, увязывание этих материалов с личными взглядами и обстановкой в учебном заведении, развертывание широкой критики и самокритики.

По поручению ЦК КПК 29 сентября 1951 г. был созван семинар преподавателей вузов двух городов, в котором приняло участие более 3 тыс. преподавателей. С докладом «К вопросу о перевоспитании интеллигенции» выступил Чжоу Энь-лай. Он подчеркнул важность проведения грани между врагами и друзьями, подверг критике идейное влияние, оказываемое со стороны империализма, феодализма и компрадорской буржуазии на все общество, и в первую очередь на интеллигенцию, призвал всех представителей интеллигенции, придерживающихся национально-патриотических взглядов, тверже стоять на позициях народа, стремиться к тому, чтобы встать на позиции пролетариата. Доклад Чжоу Энь-лая вызвал интерес со стороны участвующих в семинаре преподавателей. В ходе учебы, заслушивая сообщения и изучая документы, каждый слушатель должен был определить свою идеологическую позицию. В результате была развернута кампания критики и самокритики. Проанализировав опыт занятий, организованных для преподавателей 20 вузов, партия приступила к распространению его в высших и средних учебных заведениях страны. Постепенно этот опыт начал внедряться среди представителей различных слоев интеллигенции, что привело к перерастанию этой деятельности в движение по идеологическому перевоспитанию интеллигенции в масштабах страны.

7 января 1952 г. руководством КНР было издано «Решение относительно разворачивания движения по идеологическому перевоспитанию представителей различных кругов населения», где от местных властей требовалось взять на себя ответственность за организацию и руководство по мобилизации интеллигенции на изучение марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэ-дуна, политики партии, разворачивание критики и самокритики.

Начиная с 23 октября 1951 г. такие газеты, как «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Тяньцзинь жибао», «Цзиньбу жибао» открыли специальную колонку, где печатали статьи с самокритикой известных ученых и интеллигенции. Эти статьи в то время сыграли как бы мобилизующую роль по развертыванию критики и самокритики среди интеллигенции по всей стране, но позднее, в 60-е годы, были использованы Кан Шэном и его сторонниками для нанесения по этим ученым и интеллигенции ударов и их дискредитации.

Движение было завершено к осени 1952 г. Всего учебой было охвачено 91% профессорско-преподавательского и 80% студенческого состава высших, а также 75% преподавателей средних учебных заведений Китая.

Как сегодня признают историки КНР, в ходе этого движения хотя и были достигнуты «положительные результаты», выявились и недочеты и упущения. Они сводились к тому, что «в процессе идейной критики по отдельным проблемам неправильно разграничивалось истинное и ложное» (читай: было много клеветнических «ложных» материалов в адрес критикуемых, не соответствовавших действительности). Признавалось, что в некоторых учреждениях использовались «грубые приемы и методы борьбы, наносившие определенным лицам душевные травмы» (только ли душевные?).

Сущность этих методов сводилась к тому, чтобы путем массированного и длительного психологического нажима заставить интеллигентов публично «вывернуть наизнанку» свою душу, покаяться во всех политических, идеологических и моральных отношениях (в просторечии это называлось «снять штаны»), отбросить интеллигентское «самомнение».

Коммунистическая партия Китая

Критика кинофильма «Жизнь У Сюня». Одной из первых подверглась критике кинокартина «Жизнь У Сюня, которая была названа «капитуляцией перед феодализмом».

У Сюнь (1838–1896) — бедный шаньдунский крестьянин, всевозможными путями — сбором милостыни, глотанием змей перед публикой, ростовщичеством — накопил денег и истратил их на строительство школы для детей бедных крестьян.

Личность У Сюня импонировала гоминьдановским историкам либерального толка, которые объявили его чуть ли не народным героем. В 1934 г. по приказу Чан Кай-ши в стране торжественно отмечалось 96-летие со дня рождения У Сюня. Но и тогда находились прогрессивно настроенные публицисты и педагоги, которые пытались подчеркнуть демократизм У Сюня в пику диктаторским порядкам Чан Кай-ши.

Автор сценария и режиссер фильма Сунь Юй являлся одним из старейших китайских кинематографистов. Наиболее известной его работой был фильм «Дорога» (1934), где созданы образы патриотической молодежи, сплачивающейся для борьбы с врагами родины. Патриотизм автора проявился и в кинокартине «Жизнь У Сюня». Однако Сунь Юй, явно идеализируя образ героя, изобразил его в чрезмерно светлых тонах, представил его деятельность абсолютно прогрессивной, и не только просветительской, но даже будто бы политической, оппозиционной правительству. Причем эта «оппозиция» была в кинокартине противопоставлена вспыхнувшему в то же время в Китае крестьянскому восстанию, закончившемуся поражением, тогда как деятельность У Сюня, по фильму, принесла достойные плоды. Сунь Юй называл своего героя «типичным носителем благородных моральных качеств китайской нации», борцом против феодальных правителей. Однако по-иному думал Мао Цзэ-дун. В кинокартине, как считал последний, по существу отрицалась классовая борьба, воспевались «реформаторство», капитулянтство перед силами феодализма, проповедовались покорность и подчинение народных масс угнетателям и эксплуататорам.

Любопытно, что перед началом кампании критики фильма «Жизнь У Сюня» только за три с лишним месяца после выхода его на экран в крупных городах страны в ведущих изданиях Пекина, Тяньцзиня и Шанхая было опубликовано свыше 30 положительных рецензий и статей о фильме и его герое. Только в столице за 2 месяца фильм посмотрело 130 тыс. зрителей. Некоторые сравнивали фильм с советской кинокартиной «Сельская учительница».

Мао Цзэ-дун, познакомившись с фильмом, написал анонимную редакционную статью для «Жэньминь жибао», опубликованную 20 мая 1951 г. и озаглавленную «Серьезно отнестись к обсуждению кинофильма „Жизнь У Сюня“».

«Кинофильм „Жизнь У Сюня“ ставит принципиальный вопрос, — говорилось в статье. — У Сюнь, живший в последние годы цинской династии, в эпоху великой борьбы китайского народа против иностранных агрессоров и реакционных феодальных правителей страны, ничуть не посягал на феодальный экономический базис и его надстройку, наоборот, он фанатично проповедовал феодальную культуру. Более того, рабски пресмыкаясь перед реакционными феодальными правителями, он вымаливал для себя место проповедника феодальной культуры. Но разве такая мерзость достойна нашего воспевания?»

Мао Цзэ-дун в этой статье призывал обратить «особое внимание на тех коммунистов, которые выдавали себя за знатоков марксизма», а на самом деле «капитулировали перед реакционными идеями» и «сдались на милость буржуазной идеологии», позволив ей «проникнуть в коммунистическую партию».

«Жэньминь жибао» потребовала развернуть обсуждение кинофильма «Жизнь У Сюня» и других произведений и статей об У Сюне, «положив конец идейной неразберихе в этом вопросе».

Однако, несмотря на рекомендации газеты, большинство печатных изданий страны за десять дней не откликнулись на этот призыв и не начали критику кинофильма, в лучшем случае, и то не все, перепечатав только редакционную статью «Жэньминь жибао».

Когда они стали подвергаться критике за такую позицию, то в ответ заявляли, что в их районе фильм «Жизнь У Сюня» не демонстрировался, поэтому местное население не могло попасть под его влияние.

Критика фильма по существу явилась составной частью кампании по идеологическому воспитанию интеллигенции.

Издательство «Жэньминь жибао» совместно с министерством культуры создали специальную группу по исследованию истории У Сюня, состоявшую из 13 человек, куда вошла и супруга Мао Цзян Цин (под псевдонимом Ли Цзинь).

Перед тем как группа выехала в Шаньдун, Мао Цзэ-дун дал ей указание, заявив, что У Сюнь как человек не важен, он уже умер много лет назад, школа, им созданная, также не очень важна, в ней несколько раз уже произошли перемены. «Важным является то, как рассматривают это дело коммунисты — должны ли они воспевать реформистский путь У Сюня? Либо должны выступать решительно против?»

Эта группа, около 20 дней в июне находясь на родине У Сюня, собирала материалы, беседовала с местными жителями. На основании собранных материалов она пришла к выводу, что У Сюнь не может служить образцом национального героя.

Затем трое членов группы, включая Цзян Цин, написали «Записки по обследованию истории У Сюня», которые после редактуры Мао Цзэ-дуна были опубликованы с 23 по 28 июля 1951 г. в «Жэньминь жибао».

После развертывания кампании демонстрация фильма была прекращена, работы по У Сюню прекратили издаваться и распространяться, был пересмотрен взгляд на У Сюня в различных словарях. Отдел образования ЦК КПК издал специальное указание о немедленном переименовании всех школ, носящих имя У Сюня, и редактировании всех специальных дисциплин в учебных заведениях, где упоминается его имя, чтобы ликвидировать влияние последнего.

Кампания критики фильма продолжалась около четырех месяцев.

Почти все деятели культуры, особенно члены партии, должны были высказаться относительно фильма и самого героя с заранее заданных позиций. В печати с критикой фильма выступили Го Мо-жо, школьный учитель Мао Цзэ-дуна — Сюй Тэ-ли и многие другие.

За это время был издан двухтомный сборник «Критика кинофильма „Жизнь У Сюня“» и еще ряд книг на эту тему, не считая огромного количества статей в периодической печати.

С того времени исследования по У Сюню стали запретной темой и никто не осмеливался ее поднимать.

В результате этой кампании и боязни кинематографистов аналогичной критики в их адрес количество фильмов резко уменьшилось. Так, в 1950 г. государственные и частные студии страны сделали 39 художественных и несколько десятков документальных и научно-популярных фильмов. А в 1951 г. было выпущено 12 фильмов и только один художественный, а уже в 1952 г. — только 5.

Следует подчеркнуть, что тон кампании по сравнению со следующими был еще довольно мягким, особых «оргвыводов» (если не считать запрета на демонстрацию фильма и упоминание У Сюня) сделано не было. Сценарист и режиссер Сунь Юй, например, не был отстранен от работы, хотя к следующему фильму он приступил только в 1956 г.

Почти через 30 лет, в 1980 г. в № 4 шаньдунского журнала «Цзилу сюэкань» был опубликован первый материал, реабилитирующий У Сюня и потребовавший открыть эту запретную до сего дня тему.

В 1985 г. не без помощи Дэн Сяо-пина Ху Цяо-му подверг резкой критике эту кампанию, осудив и назвав ее «односторонней», «примитивной» и «очень грубой».

Борьба против «пяти зол». В ходе кампании «против трех зол» (с декабря 1951 по октябрь 1952 г.) ЦК КПК обнародовал новое указание с требованием развернуть, «опираясь на рабочий класс в союзе с лояльной буржуазией», широкую кампанию борьбы против «пяти злоупотреблений» (*у фань*) (их еще именовали «пять отрав»): взяточничества и подкупа должностных лиц, уклонения от уплаты налогов, недобросовестного отношения к государственным заказам, присвоения государственного имущества, хищения с целью наживы у государства экономической информации. В ходе расследований было установлено, что три четверти предпринимателей уклонялись от уплаты налогов.

Мао Цзэ-дун призывал городские парторганизации создать единый фронт борьбы против «пяти злоупотреблений». Он предлагал разделить «объекты борьбы» на пять категорий: 1) промышлен-

ники и торговцы, соблюдающие законы; 2) в основном соблюдающие законы; 3) наполовину соблюдающие и наполовину нарушающие законы; 4) серьезно нарушающие законы; 5) полностью нарушающие законы.

Он считал, что в крупных городах первые три категории составляют около 95% и их пока трогать не надо, две последние — около 5% — должны стать основным объектом кампании. К примеру, в Пекине насчитывалось 50 тыс. промышленников и торговцев (включая самостоятельных ремесленников и торговцев, не считая лоточников), из них, по взглядам Мао Цзэ-дуна, к первой категории относится около 10% (5 тыс. человек), ко второй — 60% (30 тыс.), к третьей — около 25% (12,5 тыс.), к четвертой — около 4% (2 тыс.) и к пятой — около 1% (500 человек).

Определяя цели кампании, Мао Цзэ-дун 23 марта 1952 г. выделил главные: 1) полностью выяснить обстановку в частной промышленности и торговле и установить над ней контроль; 2) «провести четкую грань между рабочим классом и буржуазией, искоренить в профсоюзах коррупцию и бюрократизм», «виновных в тяжелых преступлениях прихвостней капиталистов исключить из профсоюзов»; 3) реорганизовать гильдии и ассоциации промышленников и торговцев, исключить из их руководства тех, кто пускает в ход «пять отрав», заменив на хорошо зарекомендовавших себя в борьбе против «пяти злоупотреблений»; 4) упорядочить Ассоциацию демократического национального строительства, исключив тех, кто пускает в ход «пять отрав», пополнить «ее состав более или менее достойными людьми». Сделать организацию способной представлять законные интересы главным образом промышленной буржуазии, воспитывая ее в духе Общей программы и принципов борьбы против «пяти зол»; 5) добиться того, чтобы вся буржуазия в целом подчинялась государственным законам и распоряжениям и занималась промышленно-торговой деятельностью, полезной для национальной экономики и народного благосостояния, уничтожив спекулятивную торговлю и «пять отрав». Развивать в установленных государством рамках частную промышленность и постепенно сокращать частную торговлю, заново установить лимит прибыли для частного капитала, чтобы он не наживал громадные барыши; 6) ликвидировать тайную бухгалтерию, вводить систему рабочего контроля над производством и торговлей; 7) восполнить большую часть экономического ущерба, нанесенного государству и народу, путем взыскания задолженности по налогам, востребования незаконно присвоенного госимущества и конфискации, наложения штрафа; 8) создать партячейки на всех крупных и средних частных предприятиях среди рабочих и служащих.

Итак, по разнарядке определили, что около 5% капиталистов от их общего числа должны подвергнуться наказанию. По воспоминаниям Бо И-бо, когда он 25 февраля 1952 г. приехал в Шанхай, там кампания шла вовсю. Было арестовано более 200 человек, атмосфера в стране накалялась, это подогревалось центральной и местной прессой. В отдельных местах арестованных вынуждали к даче показаний с применением пыток. В результате кампании 48 капиталистов покончили жизнь самоубийством, 34 человека умерли. Шанхайское налоговое управление дало данные на более чем 158 тыс. человек, с 1949 г. не доплативших налогов на общую сумму свыше 26 млн. юаней. А Шанхайский горком партии собрал изобличительные материалы на 240 тыс. человек.

Из кадровых работников, рабочих, работников торговли и интеллигенции были сформированы «рабочие отряды» и «группы обследования», которые были направлены на частные предприятия для обследования положения на месте и осуществления кампании. Движение «против пяти зол» закончилось в октябре 1952 г. Движением было охвачено свыше 999 тыс. семей промышленников, арестовано — 1,5 тыс. человек, 19 человек приговорено к смертной казни. Благодаря проведенной кампании с предпринимателей были взысканы значительные средства в качестве компенсации за похищенное госимущество, задолженности по налогам, штрафам, а также конфисковано имущества всего на 1,7 млрд. долл. — сумму по тем временам астрономическую.

В связи с данной кампанией теоретический орган Отдела пропаганды ЦК КПК «Сюэси» в № 1, 2 и 3 за 1952 г. выступил с серией статей, в которых отрицал «положительную роль буржуазии» (статья во втором номере так и называлась «Об „активности“ буржуазии»), призывая «развернуть работу по окончательной критике идеологии буржуазии». «Для разворачивания критики буржуазной идеологии в народных массах, — призывал журнал, — мы должны осуществить движение по решительной критике идеологии буржуазии внутри партии, среди революционных ка-

дровых работников, в газетах и периодических изданиях, в учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях». Все это напугало буржуазию, стали высказываться мнения, что КПК отбросила «Общую программу», где давалась положительная характеристика политическому и экономическому положению буржуазии. Такая точка зрения подверглась критике со стороны части руководящих работников партии (Чэнь Юнь, Мао Цзэ-дун и др.).

Уже в резолюции ЦК КПК от 21 января 1952 г. по докладу Бо И-бо о борьбе против коррупции, расточительства и бюрократизма в центральных органах отмечалось, что «политическое и экономическое положение национальной буржуазии, занимаемое согласно „Общей программе“, по-прежнему не претерпело изменений».

Заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Дин-и и ответственные работники журнала «Сюэси» вынуждены были выступить с самокритикой.

Данная кампания явилась прямым наступлением на частный капитал. Возникла напряженность в отношениях между государственным и частным секторами экономики, трудящимися и капиталистами, КПК и рабочими. Практически был опустошен рынок. Важнейший экономический эффект движений «против трех» и «пяти злоупотреблений» Чэнь Юнь определил как еще один шаг к переводу частнокапиталистических предприятий на рельсы госкапиталистического развития. Несмотря на попытки временно успокоить буржуазию заверениями, что «частные торговля и промышленность отнюдь не являются бесперспективными», ее экономическая деятельность ставилась под жесткий контроль центра, снимавший вопрос о ее прямом воздействии на социально-политическую ориентацию нового строя и во многом предопределивший пути и методы ее экспроприации в дальнейшем.

Однако данные кампании, несмотря на «определенные ошибки и перегибы», как было признано позднее, все же способствовали оздоровлению деятельности органов власти и других учреждений и организаций страны, в них влился новый кадровый состав (большинство составляли рабочие и крестьяне — активисты массовых политических кампаний и аграрной реформы, — всего 1,73 млн. человек, или 57,7% от 3,31 млн. новых кадров), пришедший на смену разоблаченным и осужденным бюрократам, казнокрадам и взяточникам. Кампании содействовали формированию органов рабочего контроля и проведению демократических преобразований на частных предприятиях.

Движение по «упорядочению стиля». Помимо упомянутых общекитайских кампаний почти в это же время проходила и еще одна, но уже внутрипартийная —движение по «упорядочению стиля». Уже 1 мая 1950 г. ЦК КПК принял решение «об упорядочении стиля», развернув в стране первую крупномасштабную кампанию, скопированную, по сути, с яньаньского *чжэн фэна* и направленную на чистки партии. Кампания, по замыслу руководителей, должна была изменить образ мыслей части членов партии, особенно из рядов городской интеллигенции, в первую очередь тех, кто обучался на Западе и проникся, по их понятиям, буржуазными идеями; ее целью было очиститься от тех, кто не желал изменять свои взгляды. По данным на июль 1953 г., в результате трехлетнего *чжэн фэна* из КПК было исключено более 238 тыс. членов партии, более 90 тыс. человек «добровольно» вышли из партии, за тот же период в КПК было принято около 1 млн. 70 тыс. новых членов.

Критика романа «Сон в красном тереме». В 1954 г. началась критика величайшего романа XVIII в. Цао Сюэ-циня (1724–1764) «Сон в красном тереме». В романе на конкретном историческом фоне описана жизнь древнего аристократического рода с момента его возвышения до падения — своеобразная энциклопедия китайской действительности XVIII в. Цао Сюэ-цинь показал противоречия феодального общества, разложение и духовное обнищание господствующего класса, его вырождение и неизбежность гибели. Загнивающему, умирающему обществу автор противопоставил людей, стремящихся к свободе и независимости, их борьбу за раскрепощение народа.

В марте 1954 г. известный литературовед старой школы Юй Пин-бо в журнале «Синь цзяньшэ» («Новое строительство») опубликовал статью «Коротко о „Сне в красном тереме“». Юй Пин-бо и Ху Ши уже давно занимались исследованием романа. Еще в 1923 г. Юй издал книгу «Иссле-

Коммунистическая партия Китая

дование „Сна в красном тереме“». Тогда Юй Пин-бо заявил, что главное в романе — натурализм и мистика, и отрицал большое социальное значение этого произведения. Книга уже в новой редакции вышла в 1952 г. в КНР, но без особых концептуальных изменений.

Юй Пин-бо пытался доказать в своем исследовании справедливость утверждений Цао Сюэ-циня о том, что роман носит в основном автобиографический характер и не содержит критики правящей маньчжурской династии. (Данное утверждение не совсем верно, — известно, что именно за критику правящего класса сочинение Цао Сюэ-циня по цензурным соображениям было включено властями в число «запрещенных книг» и запрет сохранял силу до конца правления последней династии. Издавались только отдельные фрагменты книги. Это усиливало привлекательность романа, любознательные читатели стремились иметь первоначальный, не подвергшийся цензуре текст романа. Книга переписывалась от руки, поэтому возникло несколько неадекватных первоначальному тексту копий романа.)

Неожиданно два молодых автора Ли Си-фань и Лань Лин в журнале — органе Шаньдунского университета в 1954 г. опубликовали статью с критикой посвященных роману работ Юй Пин-бо. Авторы объявили их методологически порочными, написанными с позиций буржуазного идеализма; утверждалось, что исследователь не увидел антифеодальной направленности и реалистической глубины романа, рассматривал его лишь как выражение субъективных взглядов писателя, чрезмерно увлекался фактологическими изысканиями. Авторы статьи упростили и модернизировали идейный смысл и социальное звучание романа «Сон в красном тереме».

Цзян Цин немедленно проявила интерес к этим провинциальным публикациям. Она познакомилась с редкими изданиями романа, хранившимися в Пекинской библиотеке, и попросила сделать ей фотокопии самого полного из них. Это издание было очень редким и уникальным, так как на его полях сохранились многочисленные пометки автора. В романе насчитывалось до 400 действующих лиц, из которых главное внимание Цао Сюэ-цина сосредоточено на двадцати. «Эти двадцать — господа, — утверждала Цзян Цин, — а остальные — рабы, питающиеся кухонными отбросами из дворцов, где живут господа».

Цзян Цин пришла в бешенство от той «ядовитой травы», которую якобы распространяет Юй Пин-бо. Она считала, что роман следует проанализировать, пользуясь методом диалектического материализма. Вся проблематика романа сводится к одному коренному вопросу: каким образом относиться к культурному наследию? Юй Пин-бо и другие рассматривают «Сон в красном тереме» как роман — описание жизни действительно существовавших людей. Но не будет ли правильнее считать, что этот роман лишь по форме биографический? Разве в нем не содержится широкая обобщающая картина китайского общества? Разве это произведение — не образец критического реализма, дополненного романтизмом? По ее мнению, этот исторический роман следует рассматривать с позиций классовой борьбы.

Через своих людей Цзян Цин выяснила, что авторы предлагали свою статью литературной газете Шанхая «Вэньхуй бао» (редакторами которой были Ху Фэн и писательница Дин Лин), но та отказалась печать статью.

Статью она показала супругу. Мао Цзэ-дун рекомендовал жене напечатать ее в «Жэньминь жибао» без ссылок на его указание. Ряд руководителей идеологического ведомства КПК высказались против этого, ссылаясь на дискуссионный характер статьи и ее резкий тон. Когда она передала статью в Отдел пропаганды ЦК КПК Чжоу Яну и Ху Цяо-му, те, познакомившись с материалом, с усмешкой заявили: «Это написано такими маленькими людьми. Как столь маленькие люди осмеливаются критиковать другого маленького человека, Юй Пин-бо?» Под давлением Цзян Цин статья все же была перепечатана в «Вэньи бао», но с редакционным примечанием, где говорилось о молодости авторов и читателей предупреждали о необходимости осторожно относиться к их оценкам и выводам. А «Жэньминь жибао» отмолчалась.

16 октября 1954 г. недовольный Мао Цзэ-дун направил письмо по поводу исследования романа «Сон в красном тереме» членам Политбюро ЦК КПК (оно было открыто опубликовано в 1967 г.) и приложил две статьи, затем созвал совещание для рассмотрения проблемы.

«Кое-кто предложил перепечатать эту статью (молодых авторов. — *В.У.*) в газете „Жэньминь жибао“, чтобы вызвать дискуссию и развернуть критику. Но это предложение под разными предло-

гами (главные из которых — это-де „статья маленьких людей“ и „партийный орган — не трибуна для свободной полемики“) опять-таки было отвергнуто некими людьми и не могло осуществиться. В конце концов пошли на компромисс и разрешили перепечатать эту статью в журнале „Вэньи бао“. Затем газета „Гуанмин жибао“ под рубрикой „Литературное наследие“ опубликовала еще одну статью этих двух юношей с критикой книги Юй Пин-бо „Исследования романа „Сон в красном тереме“ “. ...Дело было поднято двумя „маленькими людьми“, но, как обычно, „большие люди“ не удостоили их своим вниманием и создали немало помех. Они установили с буржуазными писателями единый фронт в области идеализма и добровольно сдались в плен буржуазии», — делал вывод Мао Цзэ-дун.

Через неделю 23 октября 1954 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Больше внимания критике ошибочных взглядов в изучении романа „Сон в красном тереме“». В ней уже указывалось, что критика Ли Си-фанем и Лань Лином формалистических, антинаучных воззрений Юй Пин-бо явилась первым за тридцать с лишним лет ударом по «маститым ученым» реакционной, буржуазно-идеалистической школы Ху Ши, которые, занимая господствующее положение в области изучения китайской классики, фальсифицировали историю литературы, проповедовали порочные, идеалистические концепции в литературе и искусстве.

В конце октября — после публикации в «Жэньминь жибао» написанной в духе письма Мао Цзэдуна статьи с открытой критикой руководителей фронта культуры — Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) и Союзу китайских писателей пришлось вплотную заняться «делом» Юй Пин-бо. Этому разбирательству было посвящено восемь совместных заседаний президиумов упомянутых организаций. В критическую кампанию, развязанную Мао Цзэ-дуном при активном содействии Кан Шэна и Цзян Цин, вынуждена была активно включиться печать. Зам. заведующего Отделом пропаганды Чжоу Ян и его приближенные, на которых намекал Мао в своем письме, назвав «большими людьми», произнеся подобающие самокритичные слова, сумели представить основным виновником всего случившегося редакцию «Вэньи бао». На объединенном расширенном заседании президиума ВАРЛИ и президиума Союза китайских писателей был рассмотрен вопрос об ошибках журнала «Вэньи бао», который якобы не позволял молодым авторам критиковать буржуазные взгляды в области исследования романа «Сон в красном тереме». В декабре 1954 г. было принято решение о реорганизации редколлегии журнала, призвав к усилению борьбы против буржуазной идеологии. В это решение вошли три предложения Го Мо-жо: «Во-первых, мы должны развернуть решительную идеологическую борьбу с буржуазным идеализмом; во-вторых, мы должны широко развернуть свободную научную дискуссию и осуществлять конструктивную критику; в-третьих, мы должны поддерживать свежие, молодые силы». «Если критика фильма „Жизнь У Сюня“, — говорил Чжоу Ян, — была связана с вопросом об отношении к революционным традициям китайского народа, то критика монографии Юй Пин-бо о романе „Сон в красном тереме“ связана с вопросом об отношении к нашему наследию... Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы буржуазные ученые и писатели, стоящие на идеалистических позициях, извращали и уничтожали подлинную ценность литературных памятников нашей родины, нигилистически опошляли их».

Несмотря на призыв Го Мо-жо к свободной научной дискуссии и конструктивной критике, в стране началась «охота на ведьм», травля писательской интеллигенции. Отделение классической литературы Союза китайских писателей организовало в Пекине дискуссию о понимании романа Юй Пин-бо. Последний был обвинен в идеализме, непатриотическом отношении к национальному культурному наследию, приверженности идеям Ху Ши.

В результате идеологического давления, угроз и резкой критики Юй Пин-бо вынужден был изменить свои прежние суждения о романе.

Дискуссия о «Сне в красном тереме» послужила началом и поводом к осуждению всей системы философских, эстетических и политических взглядов Ху Ши.

С конца 1954 г. началось идеологическое наступление на мировоззрение Ху Ши и его приверженцев в КНР, на его философские и политические взгляды.

Академией наук Китая и Союзом китайских писателей был создан специальный «Комитет критики» идеологии Ху Ши с секциями философии, истории, литературы, искусства и т.д. В по-

явившихся многочисленных статьях в прессе, сборниках китайские ученые разоблачали Ху Ши как грубого фальсификатора науки, проводника империалистического влияния на идеологическом фронте. В печати отмечалось, что Ху Ши длительное время провел в США, что его мировоззрение формировалось под непосредственным сильным влиянием крупнейшего представителя прагматизма — Дж. Дьюи.

В ходе разоблачения «реакционного мировоззрения» Ху Ши было показано, что он отрицал какую бы то ни было взаимосвязь и обусловленность событий, не говоря уже об исторических закономерностях в общественном развитии. Подчеркивалось, что Ху Ши отрицал также классовую борьбу. Вместо этого он предлагал свою «теорию множества причин» общественных явлений (идеологических, политических, экономических и др.) и — как практический вывод из нее — метод «разбрасывания сил для решения частных, изолированных вопросов, реформы вместо революции». Реакционность взглядов Ху Ши, утверждала «Жэньминь жибао», проявлялась также и в вульгарном эволюционизме, ибо, отрицая борьбу нового со старым, отрицая классовые противоречия, Ху Ши толковал историческое развитие как чисто количественный процесс, без каких-либо качественных изменений.

Значительное место во взглядах Ху Ши занимает учение о роли личности в истории, согласно которому он всячески превозносил историческую роль одиночек, героев. Он сравнивал историю с послушным ребенком, которого люди по своему усмотрению могут рядить в любые платья, или с куском мрамора, из которого можно изваять все, что заблагорассудится. Иными словами, Ху Ши утверждал, что люди могут по своему желанию направлять развитие истории, не считаясь с объективными условиями. Историк Ху Шэн обращал внимание на то, что уже в период «движения 4 мая», последовавшего за Октябрьской революцией, Ху Ши выступал с теорией «здорового индивидуализма», внося разброд в ряды борцов, затуманивая сознание интеллигенции и студенчества, мешая их союзу с трудящимися.

Кампания критики Ху Ши предоставляла китайским ученым возможность широких выступлений по многим вопросам отечественной истории, литературы, философии.

Однако этой кампании уже были присущи те характерные черты идеологических движений, которые мы более рельефно увидим в последующих кампаниях, — предрешенность выводов и заранее спланированная направленность критики, директивно-административный тон выступлений, вульгаризаторская и легковесная критика, навешивание разнообразных ярлыков и грубых эпитетов на критикуемых. Многие участники кампании не затрудняли себя поисками настоящих аргументов для разоблачения взглядов Ху Ши. Газеты и журналы пестрели легковесными статьями с использованием таких выражений, как «невежественный хулиган и обманщик», «политический интриган в мантии ученого», «идеолог раболепия перед Америкой», «бешено лающий, как злая собака» и т.д. Начисто перечеркивалась литературно-научная деятельность Ху Ши в период «движения 4 мая» 1919 г., когда он выступал за распространение разговорного языка *байхуа*, за раскрепощение китайской литературы и очищение литературного языка от омертвевших канонов *вэньяня*. Даже тот факт, что Ху Ши в свое время негодовал по поводу наиболее косных и реакционных сторон общественной жизни Китая (с позиций либерально-реформаторских), вменялся ему в вину и интерпретировался как «антипатриотизм» или «проповедь национального самоуничижения».

Недостаточная убедительность и доказательность выступлений, ярко выраженный политический характер дискуссии отпугивали интеллигенцию старой школы, которая приходила к выводу, что «перестройка сознания» носит принудительный характер, а отнюдь не ведется официально прокламированными методами убеждения. Ее представители с недоверием и опасением следили за тем, как ожесточается тон кампании, в ходе которой появлялись и такие обобщенные заключения: «Старики не могут быть авторитетами — у них старье в головах» (Го Мо-жо), означавшие по существу политическое недоверие ко всей интеллигенции старшего поколения.

Критика Ху Фэна. В марте 1955 г. по инициативе Мао Цзэ-дуна началась новая идеологическая кампания против «контрреволюционной клики Ху Фэна». Известно, что Ху Фэн (1902–1985) с начала 20-х годов выступал как прогрессивный писатель и редактор различных журналов,

в 30-х годах входил в Лигу левых писателей, был близок к Лу Синю. Весной 1934 г. у него возникли открытые столкновения с секретарем Лиги левых писателей Чжоу Яном (видимо, нельзя скидывать со счетов и его личную неприязнь к Ху Фэну), Линь Мо-ханем и др. В 1936 г. Ху Фэн покинул Лигу и вступил в дискуссию с Чжоу Яном. Вскоре у них возникло второе столкновение. Ху Фэн стал выступать с критикой «двух догматических тенденций» в китайской литературе среди партийных и прогрессивных писателей. Первое направление — это то, что все работы строились исходя из одного вида идеологии и совершенно не описывали реального человека и жизни. Второе направление — это то, что в художественных произведениях разрешали изображать только светлые стороны жизни общества и нельзя было затрагивать ее темные стороны.

Итак, Ху Фэн был человеком популярным и авторитетным в кругах китайской интеллигенции еще до образования КНР.

30 января 1953 г. Линь Мо-хань в «Вэньи бао» опубликовал статью «Антимарксистские взгляды на литературу Ху Фэна». Затем Ху Фэн вновь подвергся критике в этом журнале 15 февраля 1953 г.

В июле 1954 г. литератор, по предложению Чжоу Энь-лая, проработав три месяца, подал Си Чжун-сюню написанную им «Докладную записку» (она называлась также «Доклад о литературной практике начиная с основания КНР», который состоял из четырех частей) как выражение собственного мнения, хотя разделяли его взгляды и помогали в подготовке записки несколько человек; затем она была передана в ЦК КПК. В ней он полемизировал с Чжоу Яном, Линь Моханем, Лу Дин-и и другими официальными толкователями и пропагандистами «идей Мао». В записке он выступал против того, чтобы «прорабатывали» людей за чтение произведений советской литературы и зарубежной классики, он считал, что «принцип социалистического реализма с самого своего возникновения предполагал необходимость и возможность изображения всех сфер жизни», он предлагал «всеми силами осваивать богатство и опыт международной революционной литературы и великой литературы критического реализма».

На совместном заседании президиума ВАРЛИ и правления Союза китайских писателей в ноябре–декабре 1954 г., посвященном обсуждению «записки» Ху Фэна, была развернута резкая критика последнего. Примечательно, что первым выступил тогда еще малоизвестный литератор и журналист Яо Вэнь-юань (в будущем один из печально известной «банды четырех»). Он назвал Ху Фэна «идеалистом, превозносящим западную культуру и не интересующимся марксизмом». Чжоу Ян посвятил почти половину своего выступления изложению разногласий с Ху Фэном начиная с 40-х годов. Это выступление послужило стимулом для дальнейшей критики Ху Фэна. Литератор был обвинен в борьбе против партийного руководства и в прямой «контрреволюционной деятельности».

10 декабря 1954 г. Чжоу Ян опубликовал статью с нападками на Ху Фэна, ставшую сигналом к началу открытой критики.

11 января 1955 г. Ху Фэн вынужден был написать «самокритику», признав часть ошибок. Когда эта «самокритика» попала на стол Мао Цзэ-дуну, тот написал резко негативную резолюцию, утверждая, что идеи Ху Фэна «являются антинародными и антипартийными». Однако все эти события шли пока без широкой огласки.

17 января 1955 г. по указанию Мао Цзэ-дуна третья и четвертая части записки Ху Фэна были опубликованы в приложении к «Вэньи бао» с предложением развернуть дискуссию. К марту уже было получено более 100 писем, которыми располагал Отдел пропаганды ЦК КПК, они были переданы Мао Цзэ-дуну.

Последовали публикации в печати критических выступлений Го Мо-жо, Мао Дуня, Чжоу Яна на указанном выше совещании. Лавина критики нарастала.

В марте 1955 г. ЦК КПК разослал «Указание по пропаганде материалистического и критике буржуазно-идеалистического мировоззрения». Знакомство с документом убеждает, что здесь много правильного, казалось, что намечены правильные демократичные формы свободных научных дискуссий, в них будет предоставляться слово не только критикам, но и их оппонентам, мнения которых будут уважаться. Документ был подготовлен (видимо, наиболее трезвомыслящими лицами в руководстве страны) с учетом накопленного отрицательного опыта предыдущих идеоло-

гических кампаний и нацелен на предотвращение совершенных ошибок в дальнейшем.

В документе ЦК КПК отмечалось, что научная критика и полемика должны вестись доказательно, с учетом реальной обстановки. «Они должны основываться на результатах исследований, нельзя прибегать к упрощениям и вульгаризации. Научные споры должны решаться в ходе свободных дискуссий, использование административно-командных методов при этом недопустимо. Тем, кто подвергся критике, необходимо дать возможность изложить свои контраргументы, а не лишать их возможности защищаться. Необходимо гарантировать несогласному меньшинству возможность отстаивать свои взгляды, отказаться от принципа его подчинения мнению большинства». Документ предлагал делать упор на сплочение с интеллигенцией и ее перевоспитание. Ей обещали обеспечить возможности для продолжения полезных обществу исследований, с уважением относиться к ее профессиональным знаниям, давать возможность их совершенствовать и передавать молодежи, поощрять участие интеллигенции в научных и критических дискуссиях. Однако разворачивавшаяся открытая критика и борьба с Ху Фэном показали, что заявления в Указании ЦК были голословными и попросту игнорировались.

1 апреля 1955 г. в «Жэньминь жибао» появилась статья Го Мо-жо «Антисоциалистическая программа Ху Фэна» с критикой последнего. 13 апреля в этой же газете появилась статья «Антипартийная, антинародная сущность идей Ху Фэна о литературе и искусстве».

В мае–июне последовали очередные указания Мао Цзэ-дуна относительно Ху Фэна.

«Хуфэновцы представляют собой довольно солидную группировку, — констатировал Мао. — Раньше говорили, что они — „небольшая группка“. Но это неверно, людей у них совсем не мало. Раньше говорили, что они просто работники культуры. Но это тоже неверно. Их люди пробрались в самые различные учреждения — политические, военные, хозяйственные, культурные, просветительные. Раньше о них говорили как о какой-то группе революционеров, выступивших с открытым забралом. Но и это неверно. Большинство их — люди с темным прошлым. Их основные ряды состоят из агентов империалистической и гоминьдановской разведки, троцкистов, реакционных офицеров и изменников коммунистической партии. Из этих людей в качестве костяка сформировалась контрреволюционная фракция, притаившаяся в лагере революции, образовалось целое подпольное независимое княжество. Эта контрреволюционная фракция, это подпольное царство ставит своей задачей свержение Китайской Народной Республики и восстановление господства империалистов и Гоминьдана. Она всегда и везде выискивает наши недостатки и использует их как лазейку для подрывной работы».

В апреле 1955 г. «Жэньминь жибао» стала публиковать подборку частных писем Ху Фэна, переданных редакции его бывшим единомышленником, написанных до и после освобождения страны и призванных доказать «антипартийный, заговорщический» характер деятельности Ху Фэна и его сторонников.

24 мая 1955 г. Мао Цзэ-дун пишет специальную статью «Отповедь „идентичности общественного мнения“», с критикой взглядов Ху Фэна.

Активно выступавшие против Ху Фэна Чжоу Ян, Линь Мо-хань называли его «буржуазным субъективным идеалистом», «противником партийного руководства литературой и социалистического реализма», врагом идей Мао Цзэ-дуна.

На самом же деле Ху Фэн являлся убежденным противником вульгарно-упрощенного толкования проблем марксистской этики и в особенности маоистской интерпретации задач литературного творчества и роли партии и руководстве литературой (недаром Ху Фэн называл своих оппонентов «вульгарными механицистами» рапповского толка, фальсификаторами марксизма-ленинизма). Изображать жизнь и борьбу народа во всей полноте и сложности — к этому призывал Ху Фэн писателей Китая. В результате тематических и иных ограничений, справедливо отмечал Ху Фэн, «всякие резкие изменения, острая борьба, трудные и болезненные процессы... все это закрыто (для писателей. — *В.У.*)... Если и пишут немного о трудностях и борьбе, то сразу же с помощью нескольких частушек героям „вправляют мозги“, и все успешно преодолевается». В связи с этим Ху Фэн многократно поднимал вопрос о правдивости литературы, о верности художника действительности.

В той ситуации Ху Фэн не мог поднять голос против Мао Цзэ-дуна и поэтому выступал против тех, кто якобы ложно и порочно интерпретировал взгляды вождя. Об этом говорят, в частности, строки из его письма в ЦК КПК: «Я очень хочу переделать себя, на практике шаг за шагом добиться того, чтобы стать скромным учеником председателя Мао, но я не могу переделывать себя согласно „марксизму“ и „идеям Мао Цзэ-дуна“, истолкованным Линь Мо-ханем и др., т.е. согласно сочиненным ими теориям».

В июне 1955 г. был выпущен сборник под заглавием «Материалы о контрреволюционной группировке Ху Фэна», куда вошли статьи из «Жэньминь жибао», «Моя самокритика» Ху Фэна и другие материалы, с предисловием и комментариями Мао Цзэ-дуна.

Уже в начале мая 1955 г. Отделом агитации ЦК КПК и Министерством общественной безопасности КНР была сформирована «Спецгруппа по расследованию» его «дела», руководил ею Чжоу Ян. Со второй половины мая 1955 г. по стране начались аресты участников «антипартийной группировки Ху Фэна» (официально считалось, что в этой «группировке» насчитывалось 78 человек, среди них 61 был снят с занимаемой должности, отправлен на «курсы трудового воспитания», выслан в деревню на трудовые работы, по «делу» же Ху Фэна было привлечено более 2 тыс. человек). 17 мая Ху Фэн был арестован (объявили об этом 2 июля 1955 г.), три месяца его продержали в предварительном заключении, а затем посадили в тюрьму. Была арестована и его жена. Произведен обыск в его квартире.

С 18 мая «Жэньминь жибао» под рубрикой «Повысим бдительность, разоблачим Ху Фэна» стала публиковать критику в его адрес, заявляя о существовании «антипартийной группы Ху Фэна». Через десять лет, в 1965 г., Чжоу Ян говорил: «Ху Фэн был ренегатом, который пробрался в революционные ряды и организовал антипартийную клику в революционном литературном движении левого крыла, продолжая свою контрреволюционную деятельность после освобождения... Он выдвинул целую систему ревизионистских идей в искусстве и литературе, явившись первым ревизионистом в нашем литературном движении, выдававшим себя за „марксистского литературного критика“». (Не прошло и года как сам Чжоу Ян также оказался в списке главных ревизионистов страны и ему были предъявлены аналогичные обвинения.)

10 лет, до ноября 1965 г., Ху Фэн без суда и следствия просидел в тюрьме, затем Верховным судом КНР он был осужден на 14 лет, но так как уже провел в заключении десять, ему осталось еще 4 года. Затем это решение было пересмотрено. Только в январе 1979 г. он был выпущен на свободу, просидев в общей сложности 24 года.

29 сентября 1980 г. было принято «Уведомление» ЦК КПК, где «антипартийная группировка Ху Фэна» была реабилитирована.

Скончался Ху Фэн 8 июня 1985 г.

Все описанные выше кампании, направленные против интеллигенции, с критикой, арестами, «самокритикой», приклеиванием ярлыков «антинародный», «антипартийный» и т.д., заставляли ее очень настороженно относиться к новому провозглашенному партией курсу в отношении интеллигенции.

Уже в январе 1956 г. ЦК КПК созвал специальное совещание по вопросу о новом курсе. Выступивший на совещании Чжоу Энь-лай подчеркнул: «Если мы хотим развивать социалистическое строительство в еще больших масштабах, быстрее, лучше, экономнее, то нам необходимо опираться не только на трудовую активность рабочего класса и широких масс крестьянства, но также и на трудовую активность интеллигенции». Чжоу Энь-лай обещал, что условия жизни творческих работников будут улучшены, что их будут меньше загружать политучебой. Он призвал правильно разрешать вопросы, связанные с интеллигенцией, прислушиваться к ее мнению. Он косвенно признавал, что вина за «известную дистанцию», возникшую между партией и интеллигенцией в предыдущие годы, отчасти ложится на партийных работников, заявляя, что в Китае «вплоть до недавнего времени наблюдались случаи применения грубых методов по отношению к ученым и при разрешении научных вопросов». «Без высшей интеллигенции не обойтись, — вторил ему Мао Цзэ-дун. — Сейчас, когда мы это поняли, можно начинать действовать».

Кампания «Пусть расцветают все цветы». Для выполнения обширной намеченной программы экономического развития страны китайскому руководству необходимы были серьезные усилия

всей нации, и в первую очередь ее наиболее грамотной части — интеллигенции, насчитывавшей более 5 млн. человек. Однако в условиях запугивания и постоянных угроз, многочисленных «кампаний по перевоспитанию» о полной самоотдаче работников умственного труда делу строительства социализма не могло быть и речи, и это, естественно, не устраивало руководство КНР. Каково бы ни было истинное отношение Мао Цзэ-дуна к старой интеллигенции (к примеру, в период «культурной революции» он ее называл «девятым поганцем»), он понимал, что ему без нее не обойтись — по крайней мере на определенном историческом этапе. И объективные потребности страны, и растущие амбиции Мао Цзэ-дуна, его стремление к «сверхбыстрому» движению вперед требовали активного участия в работе именно людей умственного труда, особенно научно-технической интеллигенции. «Сложилось новое положение, — заявляла „Жэньминь жибао“, — при котором интеллигенты, особенно те, кто занимает известное положение в области науки и техники, должны внести более существенный вклад в общее дело».

Руководству стала ясна настоятельная необходимость пересмотра политики по отношению к интеллигенции. Чувствуя к себе пренебрежительное, а иногда и враждебное отношение, интеллигенция без особого энтузиазма относилась к социалистической революции. Этому способствовали резкие нападки на отдельных представителей ее уже в первые годы существования КНР. Так, одним из первых объектов идеологической «проработки» стал философ Ху Ши, чьи лекции молодой Мао Цзэ-дун посещал, когда работал помощником библиотекаря в Пекинском университете. О лозунге «пусть расцветают все цветы» (*бай хуа ци фан*) Мао впервые заговорил в 1951 г., при создании института по изучению китайской оперы и драмы. В 1953 г. Чэнь Бо-да, возглавив комитет по исследованию китайской истории, вновь упомянул данный лозунг. 28 апреля 1956 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Чэнь Бо-да вновь коснулся его, на что Мао Цзэ-дун сказал, что лозунг «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» должен стать «нашим курсом», в вопросах искусства — «пусть расцветают все цветы», в вопросах науки — «пусть соперничают все школы» (вторая часть лозунга имеет многовековую историю и относится к VI–III вв. до н.э. — эпохе Чунь-цю и Чжань-го).

После выдвижения Мао Цзэ-дуном данного лозунга он в апреле–мае 1956 г. был утвержден ЦК КПК.

Открыто впервые Мао Цзэ-дун объявил о новом курсе 3 мая 1956 г. в своем обращении к Верховному государственному совещанию, хотя в СМИ это обращение не публиковалось. «Курс „пусть расцветают все цветы в области литературы, пусть соперничают все ученые в области науки“ — необходим, — заявил он. — ...Сейчас пришла весна, пусть расцветают все цветы, не следует давать расцвести только нескольким цветам».

А уже 26 мая 1956 г. Лу Дин-и на совещании деятелей науки и культуры выдвинул этот лозунг как политическую линию КПК по отношению к литературе, искусству и науке. «„...Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые“ — это политика, на которой мы настаиваем; она заключается в поощрении независимой мысли в литературе и искусстве и научно-исследовательской работе, в поощрении свободы дискуссий, творчества, критики и высказывания своего мнения, твердого отстаивания своего мнения и свободы оставаться при нем».

Развивая мысль о том, что литература, искусство и наука, несомненно, отражают классовую борьбу, служат политике, но не идентичны ей, Лу Дин-и отмечал, что в стране существуют откровенные контрреволюционеры, чьи взгляды отражаются в общественных науках, литературе и искусстве, — с ними надо решительно и беспощадно бороться. Иначе, говорил он, обстоит дело «внутри народа», где тоже существуют расхождения, но здесь должна соблюдаться «свобода выражения мысли». Внутри народа, говорил Лу Дин-и, «есть не только свобода пропаганды материализма, есть свобода пропаганды идеализма. Все, если только они не являются контрреволюционерами, пользуются свободой вне зависимости от того, пропагандируют ли они материализм или же пропагандируют идеализм. Свободной является также и дискуссия между представителями этих двух направлений».

Итак, в докладе указывалось, и это особенно важно, что новый курс означал не только свободу мнений, научных подходов — как материалистического, так и идеалистического — и методов, но

и свободу критики и контркритики. Лу Дин-и призывал интеллигенцию к «свободной конкуренции», к «открытым дискуссиям» как способу решения идеологических и чисто художественных проблем. Впрочем, он не скрывал и политической направленности этого движения: «Мы стоим за проведение четкой грани между врагами и нами в политическом отношении».

Существует несколько версий, объясняющих возникновение такого курса. Одна из них сводится к тому, что «Мао Цзэ-дун совершил колоссальную ошибку, так как наивно верил в ошеломляющую популярность своего режима». Другая версия была сформулирована китайской пропагандой уже задним числом. Существо ее заключается в том, что курс «ста цветов» был ловушкой, заранее расставленной для того, чтобы в нее попали все «враги социализма».

Однако в 1956 г. движение не получило развития. Интеллигенция не спешила включиться в него, и всю вторую половину 1956 г. пропагандистский аппарат продолжал призывать ее к активности. Так, обозреватель газеты «Жэньминь жибао» отмечал, что курс не возник внезапно, что в Конституции КНР записано право на свободу печати, собраний и научных изысканий и лозунг «пусть соперничают все ученые» — это всего лишь дальнейшее развитие и конкретизация этого положения Основного закона. Что же касается критики, то ее не следует бояться, говорилось в статье, ведь если критика Ху Ши и Ху Фэна носила характер горячего, ожесточенного разоблачения, то это происходило лишь по той причине, что они — «наши идейные и политические враги»; многие теперь ошибочно полагают, что «свободные высказывания» непременно повлекут за собой именно такого рода критику; а ведь здоровой, справедливой критики нечего бояться. Деятели науки и культуры еще не очень привыкли к критике, писала далее «Жэньминь жибао», не считают ее чем-то столь же обычным и необходимым, как повседневное умывание; покритиковали человека в газетах, и все считают его «конченым» — и он сам себя тоже, на деле же, если критика несправедливая, он должен бороться, а если справедливая — сделать надлежащие выводы, и всё; таким образом, споры просто предполагают взаимную критику, не нужна лишь грубая, несправедливая, заушательская критика. Однако практика предыдущих лет (многие это почувствовали на себе) достаточно убедительно показала интеллигентам: раскритикованных действительно считали «кончеными», а борьба с «несправедливой критикой» исключалась, права была всегда только одна сторона — никто не мог быть гарантирован от «ожесточенного разоблачения» и от ярлыка «идейного политического врага».

Интеллигенция, говорил известный историк, профессор Цзянь Бо-цзань, не знала, верить Мао Цзэ-дуну или нет: «Приходилось гадать, шел ли его призыв от сердца или представлял собой красивый жест. Приходилось гадать, до какого момента цветам будет позволено цвести и не развернется ли политика вспять, когда хрупкие растения окажутся в полном цвету. Приходилось гадать, является ли кампания конечной целью или она лишь средство выявить потаенные мысли с тем, чтобы потом подвергнуть „очищению“ их носителя. Можно было только догадываться, какие проблемы разрешены к обсуждению, какие — нет». (Видимо, за такие сомнения и недоверие к словам председателя Мао известный историк и пострадал одним из первых на начальном этапе «культурной революции».) В результате, добавлял старейший историк, большинство предпочитали хранить молчание.

Библиотекарь Шанхайского университета в письме в «Гуанмин жибао» также делился своими тревогами: «Мы были полны радости, когда председатель Мао вновь поднял вопрос о переходе к свободному выражению мнений. Но сомнения не покидают нас. Сегодня я могу говорить что хочу, однако не окажется ли, что спустя какое-то время, через год или два, запись моих слов будет использована против меня?».

Мао Цзэ-дун в мягком и даже благожелательном тоне пытался их успокоить и убедить, что курс меняется, а то, что делалось в прошлом, — это перегибы отдельных безымянных товарищей. «Многие из наших товарищей, — говорил он в феврале 1957 г., — не умеют сплачивать интеллигенцию, допускают жесткий подход к ней, не уважают ее труд, в научной и культурной работе позволяют неуместное вмешательство в такие дела, в которые не следовало бы вмешиваться».

Действительно, многие интеллигенты видели, что коммунисты, которых они встретили в 1949 г. как освободителей от царившего тогда гоминьдановского произвола, не пробыв у власти и вось-

Коммунистическая партия Китая

ми лет, стали превращаться в класс новой бюрократии, монополизировавший власть и абсолютно оторванный от народа и его жизни. Главный редактор газеты «Гуанмин жибао» Чу Ань-пин заметил, что КПК «выкрасила страну в один цвет и сделала ее своей вотчиной».

В полную силу движение развернулось с весны 1957 г. Одними из первых в него включились молодые студенты вузов, положение большинства которых было довольно тяжелым. «У нас есть студенты-философы, которые занимаются составлением каталогов в библиотеках, студенты-юристы, которые работают счетоводами, химики, преподающие иностранные языки в средних школах, студенты инженерных факультетов, которые учат истории, — писал 23 марта 1957 г. в „Жэньминь жибао“ заместитель председателя Демократической лиги Китая, министр сельского хозяйства Ло Лун-цзи. — Среди высокообразованных интеллигентов — студенты, вернувшиеся из Англии, которые зарабатывают на жизнь, работая рикшами, и другие, которые по возвращении из США содержат табачные лавки».

На собраниях и митингах в пекинских институте Цинхуа, Народном университете, Пекинском и Нанкинском университетах, вузах Тяньцзиня и Шанхая, в университете Шэньяна, других вузах и школах страны студенты, школьники и преподаватели стали выступать с резкими заявлениями, критикуя политику партии в отношении учащихся, студенчества и образования в целом. На первых порах они критиковали бытовые условия (плохое питание, тесноту в общежитиях), но вскоре критика переместилась в политическую плоскость: «Почему партия вмешивается в работу университета?» — спрашивали они; «Наука может расцветать лишь в атмосфере свободы»; «Марксизм — это догматизм»; «В коммунистическом обществе люди перестают быть людьми»; «Газета „Жэньминь жибао“ — тюремная стена, за которой гибнет правда». Они требовали «свободного выбора литературы и чтения», «свободного выбора профессий». Студентка филологического факультета Пекинского университета обвинила КПК в насаждении «феодального социализма», потребовала свернуть все реформы и гарантировать населению основные гражданские свободы. Появились и такие лозунги: «Долой фашизм!», «Войне — да, миру — нет!», «У социализма нет преимуществ!». Студент института Цинхуа предложил «убить 10 млн. членов КПК из 12», другой студент публично изрек: «Настанет день, когда я перережу тысячи и десятки тысяч людей!» Прибывший туда и выступивший с речью Дэн Сяо-пин парировал: «Попробуй только порезать тысячи и десятки тысяч людей, мы применим к тебе диктатуру!» Профессор Гэ Пэй-ци заявил: «Нет свинины, народ не может ее купить. Некоторые говорят о повышении жизненного уровня. Но кто те люди, которые наслаждаются повысившимся жизненным уровнем? Это члены партии и функционеры; раньше они ходили в рваных ботинках, а ныне разъезжают в роскошных автомобилях и носят шерстяную форму... Ваша установка: „Государство — это мы“ — недопустима... вы не имеете права быть заносчивыми, высокомерными и проявлять недоверие к интеллигенции. Если вы делаете ваше дело как следует — очень хорошо, если нет — массы свергнут вашу власть и будут убивать коммунистов. Это не будет антипатриотичным, если коммунисты перестали служить народу. Тогда крушение КПК не будет означать крушение Китая». Студенческий городок Пекинского университета гудел как улей. Рядом со столовой соорудили из кирпича «стену демократии», куда учащиеся и преподаватели вывешивали свои *дацзыбао*, 20 мая на стенах всех корпусов можно было видеть уже сотни *дацзыбао.* На одной из аллей повесили плакат «Дорога свободы», на другой — «Дорога правды». В майские дни стали возникать студенческие ассоциации и общества: «Общество ста цветов» (главный девиз которого был: «Марксизм устарел»), «Горькое лекарство», «Голос снизу», «Дикие травы», «Весенний гром» и др. Они занимались распространением написанных от руки и размноженных на ротаторе листовок, брошюрок, журнальчиков для «обмена опытом». Тысячные толпы собирались вокруг ораторствующих студентов, чтобы послушать их рассуждения о многопартийной системе или сравнительный анализ социализма и капитализма. Возбужденная молодежь стала выходить на городские улицы со своими *дацзыбао*, устраивала демонстрации, в некоторых местах начались беспорядки.

Согласно статистическим данным, за полгода, с сентября 1956 по март 1957 г., в стране прошел ряд забастовок, в которых участвовало более 10 тыс. рабочих, свыше 10 тыс. студентов прекра-

тили занятия, требуя удовлетворения выдвигаемых ими требований. После завершения летней страды во многих сельских районах начались волнения среди крестьян, требовавших права выхода из кооперативов и недовольных нехваткой продовольствия.

Учащиеся средних школ г. Ухань вышли на улицы и штурмом взяли здание городской администрации, подобные же беспорядки имели место в Сычуани и Шаньдуне.

Мао Цзэ-дун, выступая на одном из совещаний, признал: «Неполадки возникли и в учебных заведениях, кое-где наблюдаются волнения учащихся».

Для многих членов КПК и кадровых работников эта новая противоречивая ситуация оказалась неожиданной, застав их врасплох. Другие же пытались решить возникшие проблемы старыми методами, принимая выражение недовольства и острую критику со стороны масс за проявление классовой борьбы. Они стремились с помощью грубой силы подавить это недовольство.

В феврале 1957 г. на расширенном Верховном государственном совещании Мао Цзэ-дун выступил с важной речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа», призвав к улучшению взаимоотношений между партией и интеллигенцией.

Он подчеркнул, что в социалистическом обществе имеются два типа социальных противоречий: «противоречия между нами и нашими врагами и противоречия внутри народа. Они различны по своему характеру. Первое из них антагонистическое, его следует разрешать методами принуждения и диктатуры, а второе можно разрешить лишь с помощью демократических методов, убеждения и воспитания, метода «сплочение–критика–сплочение», но отнюдь не теми методами, которые применяются для разрешения противоречий между нами и нашими врагами». Противоречия между интеллигенцией и партией были отнесены к разряду неантагонистических, которые следует разрешать не жесткими методами, а посредством деловой дискуссии и убеждения, «подобных нежному ветерку и теплому дождику».

Им было признано, что «классовая борьба масс периода революции в основном закончилась».

Мао Цзэ-дун призвал беспартийных критиковать деятельность партии: «Марксисты не должны бояться критики со стороны любого человека. Наоборот, марксисты должны закаляться, расти и расширять свои позиции в условиях критики, в буре борьбы».

В марте 1957 г. Мао Цзэ-дун выступил на Всекитайском совещании по вопросам пропаганды. Он дал более детальную оценку интеллигенции (большинство ее поддерживает социалистический строй, меньшинство относится к нему сдержанно, но тем не менее настроено патриотически, и лишь незначительная доля не скрывает враждебных чувств к социализму). Мао Цзэ-дун подчеркнул необходимость перевоспитания интеллигенции и обеспечения ее слияния с рабоче-крестьянскими массами. Одновременно он провозгласил, что курс «пусть расцветают все цветы» имеет основополагающий характер и рассчитан на длительный срок; что, руководя страной, мы должны взять курс на «раскрепощение», т.е. дать людям возможность смело высказывать свои мнения, смело критиковать и спорить.

14 апреля 1957 г. «Жэньминь жибао» выступила с передовой статьей «Как надо отнестись к противоречиям внутри народа». «Можно сказать, что в рамках всей страны была в основном завершена классовая борьба большого масштаба между нами и врагами; иначе говоря, уже в основном разрешены длительное время существовавшие, как главные противоречия в стране, противоречия между нами и врагами», — говорилось в ней. Поэтому ставился следующий вопрос о разрешении противоречий между народными массами и их руководителями.

23 апреля появилась следующая статья: «Вся партия должна серьезно учиться правильному разрешению противоречий внутри народа». «Особенно настороженно следует отнестись к тому, что некоторые партийные работники, занимая руководящее положение в различных областях, в большей или меньшей степени заражены стилем работы господствующего класса старого общества, гоминьдановским стилем отрыва от масс, субъективистским, бюрократическим и сектантским стилем работы. Они начали забывать учение партии о народной демократии и линии масс, начали забывать учение о служении народу, о неразрывном единстве с массами и заботе о нуждах масс». «Жэньминь жибао» призывала в каждом учреждении, в каждой организации выявлять противоречия между руководством и массами.

Движение по «упорядочению стиля» и борьба с «правыми элементами». Вслед за кампанией «всех цветов» началось движение по «упорядочению стиля партийной работы» (директива ЦК КПК появилась 27 апреля 1957 г.).

Поскольку партия является правящей в масштабах всей страны и пользуется поддержкой масс, говорилось в директиве ЦК, многие товарищи с легкостью прибегают к чисто административным методам руководства для решения различных проблем, при этом определенная часть людей, не имеющих твердой позиции, легко подвержена разлагающему влиянию нравов старого общества, озабочена мыслью о получении привилегий и способна даже на использование репрессивных методов в отношении народных масс. В связи с этим существует необходимость повсеместно развернуть широкое движение борьбы с бюрократизмом, сектантством и субъективизмом, за упорядочение стиля работы всей партии.

Мао Цзэ-дун, со своей стороны, давал следующее разъяснение этой кампании: «Цель упорядочения стиля состоит в том, чтобы направить борьбу в сторону выправления политической ориентации, повышения идеологического уровня, устранения недостатков в работе, сплочения широких масс, изоляции и расслоения буржуазных правых и всех антисоциалистических элементов». Далее, характеризуя «буржуазные правые» элементы, которые якобы влились в КПК и Союз молодежи, он утверждал, что они «изменили революционному делу пролетариата и повели бешеное наступление на партию». Поэтому он призывал «полностью разоблачить и исключить их из наших рядов».

16 мая ЦК КПК распространил директиву, где подчеркивалось, что хотя «более 90% критических замечаний беспартийных в наш адрес являются искренними и правильными, в то же время необходимо обратить внимание на то, что за последние дни в обществе отмечена активизация антикоммунистических настроений некоторого числа людей. Они выступают с провокационными речами, пытаясь заставить нас двигаться в ошибочном направлении».

Как утверждается в «Краткой истории КПК» (Пекин, 1993 г.), ЦК в тот момент принял решение дать возможность свободно высказать такие ошибочные взгляды, публиковать их на страницах печати в первоначальном виде, временно не критиковать их, с тем чтобы более четко обнаружилась их реакционная сущность.

15 мая 1957 г. Мао Цзэ-дун опубликовал статью «Дело принимает другой оборот». В ней он сообщал, что «в последнее время с особой яростью и бешенством выступили правые элементы в демократических партиях и вузах». Мы дадим им еще некоторое время понеистовствовать, чтобы они дошли до апогея. Чем больше они будут неистовствовать, тем выгоднее будет нам. Некоторые говорят, что боятся попасться на удочку или оказаться заманенными в ловушку и быть полностью уничтоженными. Целая стая рыб сейчас сама всплыла на поверхность, и нет необходимости браться за удочку. Притом всплыли не обычные рыбы, а, вероятно, акулы с острыми зубами, которые любят пожирать людей».

Вместо разрешения противоречий внутри народа, комментировали данное выступление Мао Цзэ-дуна китайские историки, основная направленность движения стала смещаться в сторону борьбы с противниками, а взамен упорядочения партийного стиля — нацеливаться на ответный удар по правым элементам. 8 июня 1957 г. ЦК КПК издал директиву об организации сил для отражения нападок правых, начав массовое движение.

10 июня был опубликован текст февральского выступления Мао Цзэ-дуна «О правильном разрешении противоречий внутри народа». Автор вновь отредактировал текст и внес в него некоторые дополнения, которые являются довольно существенными.

В первую очередь были внесены критерии так называемой «ядовитости цветов». «Что является для нас сегодня критериями для распознания благоухающих цветов и ядовитых трав?» — спрашивал Мао.

Далее он устанавливал следующие критерии. «Благоухающие цветы» должны:

«1) способствовать сплочению многонационального народа нашей страны, а не вызывать в нем раскол;

2) идти на пользу, а не во вред социалистическим преобразованиям и социалистическому строительству;

3) способствовать укреплению демократической диктатуры народа, а не подрывать или ослаблять ее;
4) способствовать укреплению демократического централизма, а не подрывать или ослаблять его;
5) способствовать укреплению руководства коммунистической партии, а не вести к отходу от такого руководства или к его ослаблению;
6) идти на пользу, а не в ущерб международной социалистической солидарности всех миролюбивых народов».

Если бы подобные критерии были предложены Мао Цзэ-дуном еще в феврале 1957 г., то вряд ли «ядовитым цветам» удалось бы так пышно расцвести на страницах прессы вплоть до июня. Выдвинув эти критерии, он тем самым ограничил рамки курса. Отныне «расцветать» уже должны были не «все цветы», а их ограниченное количество.

Сопоставление материалов прессы КНР, выступлений руководителей до начала движения, в ходе его и в позднейший период (особенно за последние два месяца) показывает, что взгляды руководства и, как их отражение, направленность китайской пропаганды претерпели коренные изменения.

Стали подвергаться нападкам газеты и журналы, которые в период всеобщего «цветения», подчиняясь курсу на «развертывание», предоставляли свои страницы для всякого рода критических выступлений. 10 июня в шанхайской газете «Вэньхуй бао» появилась статья, озаглавленная «Для справки». Она была написана Яо Вэнь-юанем, а Мао Цзэ-дун, придавая ей важное значение, переработал ее в редакционную статью для «Жэньминь жибао», вышедшую 14 июня. В статье говорилось, что газеты «Вэньхуй бао» и «Гуанмин жибао» в прошлом опубликовали массу хороших корреспонденций и статей. Однако основное политическое направление этих газет за короткий срок превратилось в направление, присущее буржуазной прессе. Обе они в течение определенного периода, используя лозунг *бай цзи чжэн мин* и движение КПК за упорядочение стиля работы, опубликовали массу статей, содержавших буржуазные взгляды и в которых они не собирались критиковать эти взгляды, а также сообщения провокационного характера. Несмотря на самокритику газет, Мао Цзэ-дун считал ее недостаточной. Позицию «Вэньхуй бао» в месяц наиболее бурного «цветения» он назвал «бешеным наступлением на пролетариат», утверждая, что «ее курс ставил целью развалить коммунистическую партию, учинить смуту в Поднебесной, чтобы захватить власть». Мао Цзэ-дун неоднократно высказывал недовольство и позицией «Жэньминь жибао». Хотя «Вэньхуй бао», как и все другие газеты, выполняла указание ЦК КПК. «За период с 8 мая по 7 июня в соответствии с указанием ЦК, — признавалась „Жэньминь жибао“, — наша газета и партийная печать почти не выступали против ошибочных взглядов», чтобы дать «ядовитым травам» возможность бурно разрастись, чтобы «народ увидел это и пришел в ужас от таких явлений, чтобы он собственноручно мог уничтожить эту нечисть».

13 июля 1957 г. в газете «Чанцзян жибао» было опубликовано пространное письмо преподавателя, адресованное Мао Цзэ-дуну. В нем говорилось: «В ходе кампании за подавление контрреволюционеров в 1955 г. по всей стране определенное число граждан было задержано по месту работы... Большинство из них умерло, не вынеся борьбы за перестройку сознания... Это тирания! Статьи о правах человека превратились у нас в декорацию для обмана народа... Я признаю, что за прошедшие семь лет у нас преобладали достижения. Однако наша политика по отношению к интеллигенции, по-моему, была провалом. За последние семь лет было несчетное число интеллигентов, которые предпочли умереть: выбрасывались из домов, топились в реках, принимали яд, перерезали себе горло или убивали себя еще каким-то образом».

Один из китайских интеллигентов, прошедший все стадии «критики» и «перевоспитания», рассказывал писателю Эдгару Сноу: «Вы не можете представить себе, какими убийственными могут быть самокритика и групповые собрания. Каждый в моем учреждении, начиная с мальчика-рассыльного и уборщицы, может говорить мне, насколько я буржуазен, критиковать мои личные привычки, мою семейную жизнь, мое интеллектуальное невежество, то, как я провожу свой досуг, даже мое молчание. Я должен сидеть и выслушивать. Некоторые предпочитают покончить с собой, чем выносить это».

По утверждению одного автора письма, преследования ученых при Цинь Ши-хуане (246–207 до н.э., заживо закопал 460 конфуцианцев) уступают «избиению интеллигенции» в современном

Китае. При этом речь шла не столько о физическом уничтожении, сколько о духовном убийстве путем «перестройки сознания».

В июле 1957 г. Мао Цзэ-дун созвал совещание секретарей парткомов провинциального звена, на котором изложил свои планы и этапы новой кампании.

С новой силой расцвела система взаимных доносов. Буквально миллионы людей, чтобы обезопасить себя, отрывали время от учебы, работы, отдыха, чтобы сочинять *дацзыбао*, оклеивая ими стены предприятий, учреждений, учебных заведений, в которых они бичевали себя, своих товарищей и близких за подлинные, а чаще всего мнимые провинности и недостатки.

Администрация Пекинского университета заявила студентам, что многие из них недавно проявили политическую незрелость, поэтому каникулы с 1 июля для них отменяются. Их призвали подвергнуть себя серьезному самоанализу.

Собрания ежедневно проходили по многу часов, разбирались все случаи «неправильного мышления». До собраний студенты группами по 15–20 человек прорабатывали и обсуждали то, что говорилось накануне, критиковали друг друга, занимались самокритикой. В центре университетского парка был сооружен помост, на который поочередно всходили студенты, скомпрометировавшие себя в дни бурного «цветения»; группа из 10–12 человек засыпала их вопросами, требовала от них саморазоблачения и выдачи единомышленников. В случае отказа студенту как минимальная мера угрожала опасность быть исключенным из вуза.

1 августа было издано постановление с требованием принудительных работ для лиц, выступающих «против социализма» или уклоняющихся от выполнения порученной им физической работы. Специальный пункт постановления обязывал университеты, родителей и воспитателей ходатайствовать от своего имени о направлении провинившихся студентов на принудительные работы.

О размахе этой кампании можно судить хотя бы по таким официальным цифрам: согласно статистическим данным на 15 ноября 1957 г., в 60 государственных учреждениях (на уровне министерства) было вывешено 320 тыс. *дацзыбао*, проведено более 34 тыс. бесед. Посредством таких форм было высказано более 855 тыс. мнений.

Дэн Сяо-пин 23 сентября 1957 г. специально выступил с докладом «О движении за упорядочение стиля работы» на III расширенном пленуме ЦК КПК 8-го созыва. Анализ доклада показывает, что он выдержан в духе установок Мао Цзэ-дуна (может быть, поэтому доклад не попал в «Избранные произведения» Дэн Сяо-пина, изданные в 1989 г.). Выступавший подчеркнул, что кампанию против правых и кампанию «Пусть расцветают все цветы» следует оценивать вместе. Говоря об объектах борьбы, Дэн Сяо-пин подчеркивал, что «настоящая борьба против правых ведется главным образом в среде буржуазии и интеллигенции». Докладчик констатировал, что «большинство интеллигентов являются выходцами из буржуазных и мелкобуржуазных семей и получили буржуазное образование, поэтому для удобства изложения речь о них будет идти вместе с буржуазией». Он подчеркнул, что «среди 1,88 млн. коммунистов-интеллигентов большинство не было закалено в труде на производстве, не прошло серьезного испытания в классовой борьбе». Борьба против правого крыла буржуазии — это «социалистическая революция на политическом и идеологическом фронте». Касаясь выступления Мао Цзэ-дуна «О противоречиях внутри народа» применительно к новой ситуации, Дэн Сяо-пин указал, что противоречия между массами и правыми буржуазными элементами носят «антагонистический характер», поэтому последних следует разоблачать, изолировать и подавлять. Он признал, что небольшое число правых элементов есть среди членов КПК и комсомольцев (Мао давал более точные данные: у членов КПК — 3–5%, у комсомольцев — до 10%). Главным полем деятельности правых, по мнению докладчика, являются те места, где сконцентрировано много интеллигенции: в вузах, в некоторых государственных учреждениях, в органах печати и издательствах, в литературно-художественных организациях, в юридических кругах, среди работников науки и техники, медицины и фармацевтики. Правые, сказал он, стремились к реставрации капитализма и власти реакционных сил, они считали, что «профаны не могут руководить специалистами» (в 80-е годы Дэн Сяо-пин уже придерживался позиции критикуемых), требовали «свободы изданий», свободы литературы и искусства, отрицали успехи демократической и социалистической революции, выступили против ру-

ководящей роли партии в управлении государством и во многих областях, в основном в литературе, образовании, науке и технике.

Говоря об идеологическом перевоспитании интеллигенции, Дэн Сяопин заявил, что для этого потребуется свыше десяти лет (Мао — от 10 до 15). «Для того чтобы построить социализм, — подчеркивал докладчик, — рабочий класс должен иметь свою армию профессоров, преподавателей, ученых, журналистов, литераторов, деятелей искусства и марксистских теоретиков». Он доказывал, что такая армия «должна быть огромной» и вся партия должна обратить внимание на подготовку «революционных специалистов», они «должны стать настоящими красными специалистами — „и красными, и специалистами“».

Для того чтобы поставить предел развитию села в сторону капитализма, Дэн Сяо-пин призвал «ограничить размеры приусадебных участков, пустырей, поднимаемых в частном порядке, личного подсобного промысла и деятельности на свободном рынке в деревне» (в 80-е годы он будет призывать к прямо противоположному).

Он поставил перед кадровыми работниками разного уровня следующие задачи: постоянное участие в физическом труде, сокращение их аппаратов, выявление и преодоление бюрократизма, субъективизма и сектантства.

Через 23 года, 29 февраля 1980 г., Дэн Сяо-пин вынужден был признать: «В движении против правых элементов в 1957 г. я был активистом и несу ответственность за перегибы, ведь тогда я был Генеральным секретарем».

По признанию самого Мао Цзэ-дуна, 800 тыс. человек, выступивших с критикой его ошибок, подверглись преследованиям в этой кампании. По другим данным, количество жертв не ограничивалось этой цифрой, а было намного больше. В их числе были многие кадровые работники партии, деятели литературы и искусства, а также большинство руководителей и членов демократических партий и ассоциаций.

Во многих партийных организациях существовала квота: 5% членов подлежали разоблачению как «правые», а в комсомольских организациях — 10%.

29 июня 1957 г. ЦК в директиве указал, что число правых, подлежащих той или иной критике, составляет в Пекине около 400 человек, а по всей стране — примерно 2000 человек. Но уже через 10 дней количество тех, кто должен был подвергаться поименной критике, согласно директивам ЦК, увеличилось вдвое.

7 октября 1957 г. Мао Цзэ-дун, явно занижая данные, чтобы не очень пугать аудиторию, констатировал, что «сейчас выявлено 60 тысяч правых, в будущем число их достигнет максимум 150–200 тысяч». Чуть позже он заявил, что «с декабря прошлого года только среди учителей начальной школы выявили 100 с лишним тысяч правых».

По китайским данным, к концу кампании число лиц, причисленных к правым, достигло 552 877 человек (это каждый десятый китайский интеллигент), а включая их семьи (по три человека в семье) — около 3 млн., по данным министра общественной безопасности Ло Жуй-цина, органы общественной безопасности рассмотрели тогда 1,7 млн. дел. Причем люди несли наказание не за плохие поступки, а за высказанные вслух мысли.

Главарями правых элементов были признаны Чжан Бо-цзюнь (председатель Крестьянско-рабочей демократической партии, заместитель председателя Демократической лиги Китая, министр путей сообщения) и Ло Лун-цзи (заместитель председателя Демократической лиги Китая, министр лесного хозяйства), которых назвали «блоком Ло–Чжана».

Среди множества интеллигентов, причисленных к правым, видимо, было небольшое количество откровенных или скрытых противников нового общества, однако достаточно взглянуть на список ведущих деятелей культуры, подвергшихся осуждению в этот период, чтобы убедиться: в подавляющем большинстве это были люди, преданные народу, работавшие во имя блага своей родины. Так, в «правые» были причислены один из талантливейших китайских поэтов Ай Цин, крупная писательница, чье творчество оказывало большое влияние на молодежь, Дин Лин, министр культуры 80-х годов Ван Мэн, как «правые» элементы были раскритикованы критики Чэнь Ци-ся, литературовед Фэн Сюэ-фэн, молодые литераторы Лю Шао-тан, Лю Бинь-нянь, журналист Сяо Цянь, кинематографист Чжун Дянь-фэй, художник Чэнь Бань-дин и многие другие.

Коммунистическая партия Китая

Среди множества материалов, посвященных критике «правых» литераторов, следует обратить внимание на сборник статей Яо Вэнь-юаня «О ревизионистской волне в литературе», изданный в 1958 г. в Шанхае. В нем он «разоблачал» Фэн Сюэ-фэна, Дин Лин, Ай Цина за то, что они, «маскируясь под революционеров, писали контрреволюционные вещи», являлись «мозговым центром правых в области литературы и искусства». Яо Вэнь-юань упрекал своих «противников» в том, что они якобы при оценке художественного произведения не считаются с политически критерием, — на первое место ставят художественный критерий.

К январю 1958 г. все причисленные к правым элементам были сняты с руководящих постов, лишены депутатских мандатов, многие высланы в отдаленные районы либо арестованы. Полностью кампания завершилась к лету 1958 г.

Интересно, как быстро Мао Цзэ-дун менял свои взгляды на характеристику современного китайского общества. Весной, в ходе кампании «ста цветов» он неустанно повторял одобренную VIII съездом КПК формулу о «фактическом завершении» классовой борьбы. Но после начала повсеместной критики правых в июне 1957 г. он уже утверждал, что, хотя «основные классовые битвы уже выиграны», классовая борьба как таковая еще далека от окончания. Главные противоречия общества лежат не в сфере экономики, как утверждалось ошибочно раньше, а на разделительной полосе между дорогами, ведущими к капитализму или к социализму. Выступая на III пленуме ЦК КПК 8-го созыва, он заявил об ошибочности формулировки VIII съезда КПК о том, что «главным противоречием является противоречие между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами». Он утверждал, что главным противоречием в обществе, как и прежде, остается противоречие между пролетариатом и буржуазией, между социалистическим и капиталистическим путями развития, что «классовая борьба отнюдь не затухла». Немалое число участников пленума, как сообщают историки КНР, выразило сомнение относительно таких взглядов. Они считали, что выводы VIII съезда КПК по этому вопросу по-прежнему являются правильными и не подлежат ревизии даже в случае борьбы с правыми. Историки считают, что новая точка зрения Мао Цзэ-дуна стала одной из важнейших причин «серьезных перегибов в борьбе против правых».

Итак, если с позиции сегодняшнего дня оценивать курс «всех цветов» и движения за упорядочение стиля в работе и борьбы против правых, то они, несомненно, представляются как политическая авантюра руководства, возглавляемого Мао Цзэ-дуном, закончившаяся, по существу, провалом. Руководство не сумело использовать в интересах страны ту конструктивную критику, которая шла «снизу», произвести трезвый анализ критических выступлений, часто не могло «отличить друзей от врагов». Как признавалось в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» 1981 г.: «В борьбе против правых элементов был допущен серьезный перегиб: многих интеллигентов, патриотов и партийцев-работников заклеймили как „правых элементов“, что привело к печальным последствиям».

Среди тех, кто был причислен к «правым элементам», подчеркивают историки КНР, лишь незначительное меньшинство выступало против партии и социализма. Многие просто высказывали критические замечания по поводу деятельности партии и руководящих работников КПК. Эти замечания в целом были правильными, хотя некоторые и носили односторонний характер. Но ни одно из них не было направлено против партии и социализма. «В то же время многие руководящие кадровые работники считали себя непогрешимыми, им было неприятно выслушивать резкие критические замечания, которые они рассматривали как происки против партии и социализма, — говорилось в „Краткой истории КПК“. — Многим преданным товарищам, многим друзьям партии, которые долгое время сотрудничали с ней, талантливым представителям интеллигенции, молодым энтузиастам, политически активным, но житейски незрелым, был ошибочно навешен ярлык „правых элементов“».

Одним из важнейших последствий серьезных перегибов в борьбе против правых стало внесение III пленумом ЦК КПК изменения в принятые на 1-й сессии VIII съезда КПК определения характера основного противоречия китайского общества. «Практика движения за упорядочение партийного стиля и борьбы против правых элементов еще раз показала, — утверждалось на

2-й сессии VIII съезда, — что за весь переходный период, то есть до построения социалистического общества, борьба между пролетариатом и буржуазией, между социалистическим и капиталистическим путями [развития] будет главным противоречием внутри нашей партии». Одновременно на этой сессии было объявлено, что в Китае «существует два класса эксплуататоров»: «правые элементы, свергнутые помещики-компрадоры и другие реакционные силы составляют один класс», «национальная буржуазия, которая постепенно смиряется с социалистическими преобразованиями, и интеллигенция» являются вторым таким классом. Интеллигенция по существу оказывалась включенной в состав класса эксплуататоров.

Если же вспомнить, что вслед за этими политическими и идеологическими кампаниями последовали тяжелейшие провалы в области социально-экономической — «большой скачок» и народные коммуны, то события 1956–1957 гг. окажутся не просто изолированным, хотя и важным фактором, а одним из первых звеньев в цепи ошибок, корнями уходящих в извращенное толкование теории, в неспособность части руководства эффективно решать важнейшие вопросы строительства социализма в Китае.

Критика романа «Лю Чжи-дань» в 1962 г. Поводом для критики послужила публикация глав романа «Лю Чжи-дань» в прессе.

Лю Чжи-дань — реальный персонаж, деятель китайской революции, родился в уезде Баоань провинции Шэньси в 1903 г. В 1924 г. вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а в 1925 г. — в КПК. В 1926 г. окончил Военную академию Вампу, участвовал в Северном походе, был начальником политотдела в национальных войсках Фэн Юй-сяна. В 1928 г. участвовал в Вэйхуаском восстании в Южной Шэньси. В начале 1929 г. Шэньсийский комитет КПК поручил ему руководство отрядом курсантов и охраны Сианьской военно-политической школы. Был председателем военного комитета Рабоче-крестьянской революционной армии Северо-Запада (командующий Тан Шу, заместитель — Се Цзы-чжан). В конце апреля 1928 г. колонна под командованием Лю Чжи-даня, Тан Шу и Се Цзы-чжана, используя новую вспышку столкновений между милитаристами, захватила часть волостей уездов Вэйнань и Хуасянь и совместно с комитетом КПК Вэйнаня провозгласила создание советского правительства. Власть в этом районе продержалась менее месяца, превосходящие силы противника окружили и почти полностью уничтожили отряд Лю Чжи-даня. Лишь группе повстанцев во главе с Лю удалось прорваться в его родные места. Лю Чжи-дань был секретарем военного комитета и кандидатом в члены парткома Северной Шэньси, начальником штаба и заместителем главнокомандующего объединенной армии Северной Шэньси, затем преобразованной в 15-ю армейскую группу во главе с Сюй Хай-дуном. Начальником политуправления был Гао Ган. Как писал О. Браун (в книгах, изданных в КНР, трактовка событий несколько иная), перед приходом 1-го фронта в Северную Шэньси там произошел своего рода переворот. В 1934 г. по указанию представителя ЦК КПК Лю Чжи-дань, Гао Ган и другие местные руководители были арестованы за «уклоны и даже контрреволюционный заговор». Политбюро ЦК КПК в 1935 г. рассмотрело «дело», после чего они были освобождены и восстановлены на руководящих постах. О. Браун и П.П. Владимиров высказывали предположение, что эти события были благоприятны для Мао Цзэ-дуна, который стразу же обеспечил себе роль высшего арбитра и заручился поддержкой создателей Советского района Северной Шэньси, войска которого значительно превосходили по численности 1-ю и 3-ю армейские группировки, руководимые Мао Цзэ-дуном. Лю Чжи-дань стал заместителем командующего 15-й армейской группировкой, начальником штаба, заместителем председателя военного комитета революционной армии Северной Шэньси.

В ходе боев в этом районе в 1935–1936 гг. при отступлении 1-я армейская группа не оказала необходимой помощи 15-й армейской группе, которая понесла большие потери; 1 апреля 1936 г. ее командующий — Лю Чжи-дань — погиб.

Предыстория написания романа такова. После того как невестка Лю Чжи-даня Ли Цзян-гун в 1955 г. написала статью о девере, издательство «Гунжэнь» («Рабочий») попросило ее написать роман о его жизненном пути. К весне 1959 г. автор закончила третий вариант романа, и изда-

тельство планировало его напечатать для массового читателя. Однако, когда весной 1960 г. его просмотрел член ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета Си Чжун-сюнь, он решил, что роман еще не готов для открытой печати, над ним надо поработать, и рекомендовал не писать о Гао Гане. Ли Цзян-гун предложили переработать роман. К весне 1962 г. она закончила уже пятый вариант первой части книги, описав жизненный путь Лю Чжи-даня до сентября 1933 г., когда главный герой вернулся в Советский район Китая. Основное внимание в произведении было уделено детским и юношеским годам героя, участию в революционной деятельности и его роли в создании революционной базы.

В период работы над книгой автор неоднократно обращалась к брату героя Лю Цзин-фаню, а также Цзя То-фу и Си Чжун-сюню, работавшим в свое время на территории базы Шэньси–Ганьсу–Нинся. Последний был председателем Советского района, где находился в то время Лю Чжи-дань. Они помогли советами и материалами, высказали свои замечания и мнения по улучшению рукописи. Последний вариант книги автор направила Чжоу Яну, а отдельные ее части — бывшим кадровым работникам Северной Шэньси, участникам событий, для знакомства с подготовленными материалами. В связи с тем, что по событиям на Северо-Западе в 1934–1935 гг. ЦК в свое время принял специальное решение, у отдельных товарищей, работавших ранее на территории революционной базы, после знакомства с рукописью возникли вопросы. Так, секретарь парткома провинции Юньнань Янь Ху-нянь, участвовавший в создании этой революционной базы, в письме к Ли отметил, что роман затрагивает «вопрос, связанный с историей Северо-Запада, а по этим проблемам заключение должен делать ЦК» и что никто не давал права делать это одному писателю. Он считал, что рукопись романа затрагивает «множество принципиальных вопросов, которые не соответствуют историческим фактам», поэтому высказался против издания.

С 28 июля по 4 августа 1962 г., т.е. в период работы известного совещания в Бэйдайхэ, «Гунжэнь жибао» публиковала отрывки из романа «Лю Чжи-дань». Отрывки появилась также в газете «Гуанмин жибао» и в молодежном издании «Чжунго циннянь».

Янь Ху-нянь позвонил руководству Всекитайской федерации профсоюзов и в ЦК КСМК, требуя приостановить публикацию, а свое мнение доложил Кан Шэну, одновременно направив письмо заведующему канцелярией ЦК КПК Ян Шан-куню, требуя разобраться с этим вопросом в Секретариате ЦК партии.

Кан Шэн немедленно потребовал, чтобы Отдел пропаганды ЦК КПК уведомил периодические издания о запрете на публикацию романа. 24 августа он написал письмо Ян Шан-куню, требуя разобраться с этим вопросом на Секретариате ЦК. Признавая, что он еще не читал романа, Кан Шэн в письме утверждал, что «это не простой вопрос, связанный с созданием произведений литературы и искусства, а вопрос, имеющий политическую направленность». «Я как только увидел этот роман, — писал Кан Шэн, — сразу же определил, что он написан с целью полностью пересмотреть дело Гао Гана». 8 сентября Янь Ху-нянь выступил на совещании в Бэйдайхэ с критикой книги «Лю Чжи-дань». Он заявил, что роман, который написан при непосредственной поддержке Си Чжун-сюня, «восхвалял Лю Чжи-даня, пропагандирует Гао Гана». Кан Шэн также выступил на совещании в Бэйдайхэ с критикой романа, назвав последний «антипартийным романом», подготовленным с целью пересмотреть дело Гао Гана.

В середине сентября в ходе критики Пэн Дэ-хуая стали критиковать и роман «Лю Чжи-дань», Си Чжун-сюня, Цзя То-фу и Лю Цзин-фаня, как «антипартийную группировку Пэн Дэ-хуая, Гао Гана и Си Чжун-сюня», утверждалось, что роман является их «антипартийной программой».

Кан Шэн стал быстро «раскручивать» это дело в своих целях, связывая его с попытками реабилитировать Гао Гана. Уже в первые дни работы X пленума ЦК КПК 8-го созыва Кан Шэн написал Мао Цзэ-дуну записку следующего содержания: «Использование романа в целях антипартийной деятельности — это большое открытие». Вскоре Мао Цзэ-дун, огласив эту записку участникам пленума, добавил, что отлично понимает, какие аналогии стремятся провести некоторые писатели, обращаясь к жанру исторических пьес и романов, их «эзоповский язык», и квалифицировал это как «антипартийную деятельность».

«Использование художественной литературы в целях антипартийной деятельности, — еще раз подчеркнул Мао Цзэ-дун, — это большое открытие. Чтобы свергнуть ту или иную политическую

власть, всегда необходимо прежде всего подготовить общественное мнение, проделать работу в области идеологии. Так поступают революционные классы, так поступают и контрреволюционные классы».

Это высказывание подстегнуло критику Си Чжун-сюня, Цзя То-фу и Лю Цзин-фаня. Кан Шэн был в первых рядах критиков, заявив, что их истинная цель — «пересмотреть дело антипартийного элемента Гао Гана». Они «используют роман для пересмотра дела Гао Гана, а также для пересмотра дела Пэн Дэхуая». «Пэн Дэ-хуай написал письмо в 80 тыс. иероглифов, — заявил Кан Шэн на пленуме, обращаясь к Си Чжун-сюню, — а ты с помощью романа приукрашиваешь Гао Гана, а в действительности ты кричишь о несправедливом отношении к Пэн Дэ-хуаю».

Любопытны обвинения в адрес автора романа и поддерживающих его людей. В романе Лю Чжи-дань, по мнению критиков, изображается «мудрее Председателя Мао и дальновиднее его». Революционную базу Шэнси–Ганьсу–Нинся в книге представили более значительной, чем базу Цзинганшань, где был Мао Цзэ-дун. Автор романа-де показывает, что «колыбелью» китайской революции и «революционных традиций» была именно эта революционная база, а не Цзинганшань; с помощью романа Си Чжун-сюнь и его сторонники намеревались утвердить свою «программу узурпации власти в партии». В итоге Си Чжун-сюнь, Цзя То-фу и Лю Цзин-фань были связаны с Гао Ганом и Пэн Дэ-хуаем и квалифицированы как «антипартийная группа Северо-Западного Китая».

27 сентября 1962 г. по решению пленума была создана «специальная группа» по расследованию дела Си Чжун-сюня в составе 20 человек, руководителем ее стал Кан Шэн. По инициативе последнего ее разбили на несколько «маленьких групп»: «малая группа» по расследованию подготовки романа «Лю Чжи-дань», «спецгруппа по делу Си Чжун-сюня» и «спецгруппа по делу Лю Цзин-фаня». К этим «делам» были пристегнуты несколько десятков тысяч человек, которых, как сейчас признается в КНР, незаслуженно обвинили в «антипартийной деятельности» и подвергли преследованиям. Си Чжун-сюнь был снят со своих постов и отправлен на «перевоспитание», позднее был заключен в тюрьму. Расследование его дела тянулось 16 лет. По его делу проходил даже десяток поваров из столовой, где он обедал до 1962 г., 10 сотрудников гостиницы «Хунань» были арестованы, несколько человек из арестованных скончались от пыток.

Лица, проходившие по «делу» о романе «Лю Чжи-дань», были реабилитированы, как и сам роман, а также «группа Си Чжун-сюня», только в 1979–1980 гг. В решении (февраль 1980 г.) о реабилитации говорилось, что «данное ошибочное дело являлось великой фальсификацией Кан Шэна».

«Великая пролетарская культурная революция». Десять лет «культурной революции» с мая 1966 по октябрь 1976 г. — как считают современные политики и историки КНР, великое и страшное бедствие в истории Китая, которое принесло стране наиболее серьезные неудачи и потери за тридцать лет со времени основания КНР. «По глубине влияния на судьбы страны, по широте охвата народных масс, по масштабам разрухи, — писала дочь Дэн Сяо-пина Маомао, — этому периоду нет аналогов в истории Китая». Эту кампанию развернул и руководил ей лично Мао Цзэ-дун.

Сам Мао Цзэ-дун, на склоне лет оценивая свою деятельность, заявил, что за всю свою жизнь он совершил два величайших дела. Первое — сверг Чан Кай-ши и выгнал его на Тайвань, победил японский империализм и изгнал его из Китая. Второе — «победоносно провел великую пролетарскую культурную революцию».

Изначальная цель начатой им «культурной революции», как пишут историки КНР, состояла в предотвращении в Китае «реставрации капитализма». Мао Цзэ-дун считал, что в ЦК партии и на более низком уровне пустил корни ревизионизм, который смыкается с ревизионизмом за пределами страны, в первую очередь с советским, и поэтому партия и государство находятся перед лицом реальной угрозы реставрации капитализма. Он считал, что борьба между пролетариатом и буржуазией в стране достигла крайне серьезной стадии. В условиях бешеного наступления со стороны буржуазии не только в городах, но и в деревнях к руководству во многих организациях пришли не марксисты и не народные массы. Но для него гораздо важнее было, что в руководящем партийном звене обнаружился ревизионизм («Одна треть власти в руках наших врагов», — как-то заявил Мао).

Мао Цзэ-дун, якобы беспокоясь за чистоту партийных рядов, считал, что это можно исправить в ходе новой политической кампании, что с ее помощью также можно осуществить поиск страной собственного особенного пути развития. Он полагал, что в результате проведенных на протяжении нескольких прошлых лет кампаний «четырех чисток» в деревне, «борьбы против пяти зол» в городах и критических выступлений в сфере идеологии и культуры многие проблемы решить так и не удалось, и, лишь прибегнув к такой форме, как «культурная революция», «открыто, всесторонне, снизу доверху мобилизовав широкие народные массы, можно до конца разоблачить происки темных сил в жизни партии и страны», отвоевать власть, узурпированную теми, кого он назвал «стоящими у власти и идущими по капиталистическому пути».

Китайские историки видят три причины развязывания «культурной революции».

1) Мао Цзэ-дун слишком переоценивал и абсолютизировал роль классовой борьбы в социалистическом обществе, особенно начиная с 1957 г., искусственно раздувал ее вплоть до провозглашения врагами своих сторонников. Сейчас признаются такие взгляды Мао Цзэ-дуна как «левая утопия, полностью противоречащая марксизму и идущая вразрез с действительностью страны». «Дело дошло до того, что даже обыденные внутрипартийные споры между товарищами, придерживающимися разных мнений, — говорилось в „Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР“, — рассматривались как проявление ревизионистской линии или борьбы двух линий, что создавало атмосферу все большей напряженности во внутрипартийных отношениях».

Эскалацию этой «левой утопии» хронологически историки делят на пять этапов: 1. Начало — с «борьбы против правых» в 1957 г.; 2. После Лушаньского совещания и пленума ЦК КПК в 1959 г., когда подвергли резкой критике Пэн Дэ-хуая и его сторонников и началась новая кампания «борьбы против правого оппортунизма»; 3. После X пленума ЦК КПК 8-го созыва, когда по инициативе Мао Цзэ-дуна «классовая борьба» была определена как «программа» на всем этапе строительства социализма, о чем следовало «говорить каждый год, каждый месяц и каждый день»; 4. После января 1965 г., когда «главным объектом классовой борьбы» были намечены «стоящие у власти и идущие по капиталистическому пути» руководители страны; 5. С выработки в мае 1966 г. «Сообщения ЦК КПК от 16 мая» и затем «Постановления ЦК КПК о великой пролетарской культурной революции», принятого XI пленумом ЦК КПК 8 августа 1966 г., которые явились программными документами развязываемой «культурной революции».

2) Все шире распространялся культ личности Мао Цзэ-дуна, достигший своего апогея в «культурной революции». «Мао Цзэ-дун стал все больше зазнаваться, отрываться от действительности и масс, впадать в субъективизм, самоуправствовать и возвышать себя над ЦК партии, — говорилось в „Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР“, — что постепенно ослабляло и даже подрывало принцип коллективного руководства и демократического централизма в партийной и государственной жизни».

Дэн Сяо-пин признавал, что «после развернувшейся в 1958 г. критики выступления против слепого забегания вперед и борьбы в 1959 г. против „правого уклона“ демократическая жизнь в партии и государстве начала выходить из нормы, стали углубляться явления патриархальщины, такие, как монополия слова, единоличное решение важных вопросов, культ личности, возвышение отдельных лиц над организацией и т.д. Линь Бяо трубил о том, что высказывания председателя Мао Цзэ-дуна являются высочайшим указанием, что он достиг „вершины“, и такой взгляд получил широкое распространение во всей партии, во всей стране и в армии».

3) Левые ошибочные взгляды Мао Цзэ-дуна, его культ личности и стиль единоначалия широко использовались такими корыстолюбцами, как Линь Бяо, Цзян Цин и Кан Шэн. Их вожделенное стремление к личной власти росло по мере изменения условий в Китае. «В силу целого ряда исторических причин после образования КНР демократический процесс в политической жизни партии и государства не мог развиваться достаточно успешно, — писали историки КНР. — Организационная система и система руководства в партии и государстве были очень далеки от совершенства». Это и способствовало совершению «безостановочных ошибок» Мао Цзэ-дуном, использованию их в своих корыстных целях Линь Бяо, Кан Шэном и Цзян Цин, невозможности

предотвратить новую политическую кампанию, названную Мао Цзэдуном «культурной революцией».

История «культурной революции» в «Решении по некоторым вопросам истории КПК», а затем и большинством историков КНР была разделена на три крупных этапа.

Этап до мая 1966 г. чаще всего называется **периодом подготовки** общественного мнения и организационной подготовки кампании.

Поводом для начала движения послужила публикация в ноябре 1965 г. в шанхайской газете «Вэньхуй бао» статьи Яо Вэнь-юаня «О новой редакции исторической драмы „Разжалование Хай Жуя“». Автор У Хань был обвинен в том, что, рассказывая в своей драме об эпизоде из истории средневекового Китая, он якобы намекал на несправедливость гонений и разжалование министра обороны Пэн Дэ-хуая, давшего негативную оценку «большому скачку» и народным коммунам КНР. Пьеса была названа в статье Яо Вэнь-юаня «антисоциалистической ядовитой травой». После этого драма была подвергнута критике с исторической, литературной и философской точек зрения. За этим последовали обвинения против руководителей Пекинского горкома партии и Отдела пропаганды ЦК КПК. В конце 1965 г. был снят со своих постов заместитель министра обороны КНР, начальник Генерального штаба НОАК, секретарь ЦК КПК Ло Жуй-цин, обвиняемый в «выступлении против партии» и «узурпации власти в армии». К концу 1965 г. Мао Цзэ-дун пришел к выводу, что из руководства страны надо устранять председателя КНР Лю Шао-ци. По словам Чэнь Бо-да, когда он в декабре 1965 г. встретился с Мао Цзэ-дуном, то впервые узнал от вождя о его стратегическом плане по борьбе с Лю Шао-ци. Якобы об этом плане знали тогда в стране всего семь человек: Чэнь Бо-да, Линь Бяо, Цзян Цин, Чжоу Энь-лай, Кан Шэн, Се Фу-чжи и главный охранник вождя Ван Дун-син.

3 февраля 1966 г. Пэн Чжэнь в качестве руководителя Группы по делам «культурной революции» («Группа пяти» была создана в 1964 г. и состояла из Пэн Чжэня, Лу Дин-и, Кан Шэна, Чжоу Яна и зам. заведующего Отделом пропаганды, главного редактора «Жэньминь жибао» У Лэн-си) созвал ее совещание для разработки «Сводных тезисов Группы пяти о ведущейся ныне научной дискуссии» (которые впоследствии стали называть «Февральскими тезисами»). Они были нацелены на то, чтобы соответствующим образом ограничить уже достаточно четко проявившуюся ультралевую тенденцию в отношении характера, направления, требований и других аспектов этой научно-критической кампании, вернуть ее в русло партийного руководства и вести в рамках научной дискуссии, избегая соблазна превратить ее в кампанию серьезной политической критики. Намечая линию критики и дискуссии, авторы Тезисов указывали на необходимость отстаивать объективный подход, «принцип равенства всех перед лицом истины», отмечали, что «следует правдой склонять людей на свою сторону». Они подчеркивали, что «нельзя подобно ученым-сатрапам» проявлять своеволие и подавлять силой своей власти, «необходимо проявлять осторожность при открытом упоминании имен в печати в перенесении центра тяжести на осуждение тех или иных людей». Рекомендовалось «позволить людям зарезервировать свою точку зрения и после этого продолжать дискуссию». Авторы предупреждали, что не следует сводить дело к взаимным склокам «при выявлении и исправлении ошибок». В Тезисах хотя формально и признавался лозунг Мао Цзэ-дуна о «необходимости разрушения и созидания», делалась оговорка, что «если не будет созидания, то нельзя достичь правильного и окончательного разрушения». Авторы отмечали «продолжительность, сложность и трудность предстоящей борьбы» и призывали не спешить с политическими выводами в отношении лиц, подвергшихся критике. 12 февраля ЦК довел содержание «Тезисов» до сведения всех членов партии. Исходя из изложенных в тезисах принципов, Отдел пропаганды ЦК не дал согласие на публикацию критической статьи Гуань Фэна и Ци Бэнь-юя по поводу драмы «Разжалование Хай Жуя».

Убедившись, что кампания критики драмы У Ханя сталкивается с противодействием, Цзян Цин при поддержке Линь Бяо созвала прошедшее со 2 по 20 февраля 1966 г. в Шанхае армейское совещание по проблемам литературы и искусства. Отредактированная протокольная запись выступлений на данном совещании свидетельствует, что в ходе его целиком и полностью отрицались значительные успехи в области искусства и литературы, достигнутые после образования КНР, выдвигались голословные обвинения в том, что за предыдущие годы представители твор-

ческих кругов постоянно стране «навязывали антипартийную, антисоциалистическую черную линию», был брошен призыв «решительно проводить революцию на культурном фронте». После троекратного редактирования этого документа Мао Цзэ-дуном «протокол» был направлен от имени Военного совета ЦК на утверждение в ЦК партии и 10 апреля доведен до сведения членов партии.

Таким образом, в конце февраля 1966 г. сложились две определенные точки зрения на формы и методы проведения кампании, которые и были отражены в соответствующих документах — «Протоколе» и «Февральских тезисах»; сложились два неофициальных центра: один в Пекине во главе с Лю Шао-ци, Пэн Чжэнем, Дэн Сяо-пином, другой — в Шанхае во главе с Цзян Цин и стоящими за ней Мао Цзэ-дуном, Яо Вэнь-юанем, Чжан Чунь-цяо и т.д. Каждый из центров планировал проводить кампанию в соответствии со своими взглядами и выработанными документами, причем первые пытались действовать, опираясь на партийные организации страны, в формах, уже использовавшихся в прошлых кампаниях, вторые — в новых, еще не известных никому формах.

В конце марта 1966 г. Мао Цзэ-дун, находившийся на юге, подробнее ознакомившись с тезисами, провел ряд бесед с Кан Шэном, Цзян Цин и Чжан Чунь-цяо. 28 марта он резко осудил «Февральские тезисы» за стирание классовых граней, смешение истинного и ложного, назвав их ошибочными. Далее он призвал разгромить Отдел пропаганды ЦК КПК, который назвал «дворцом владыки ада», и, сделав персональный выпад в адрес Пэн Чжэня, заявил: «Пэн Чжэнь, Пекинский горком, Отдел пропаганды ЦК покрывают плохих лиц. Отдел пропаганды необходимо распустить, „Группу пяти“ необходимо распустить». 30 марта в беседе с Кан Шэном и Цзян Цин в Шанхае Мао вновь подверг критике Отдел пропаганды, призвав «свергнуть владыку ада и освободить чертенят!». Далее он заявил: «Я всегда считал: если центральные органы совершают плохие дела, надо призвать к бунту на местах и развернуть наступление на центр». Он вновь повторил тезис о «появлении ревизионизма в ЦК КПК» и возникшей с этим «опасности» для страны, потребовал проведения «великой культурной революции».

31 марта Кан Шэн вернулся в Пекин и передал Чжоу Энь-лаю и Пэн Чжэню последние указания Мао. С 9 по 12 апреля состоялось заседание Секретариата ЦК КПК, на котором Кан Шэн вновь изложил указания Мао Цзэ-дуна всем присутствующим, Пэн Чжэнь изложил свою позицию. Кан Шэн и Чэнь Бо-да подвергли резкой критике «серьезные ошибки» Пэн Чжэня. После этого было решено: 1) подготовить проект документа, критикующий ошибки «Тезисов пяти», а также аннулировать эти тезисы; 2) создать группу по подготовке документа по «великой культурной революции». Эти решения затем были утверждены Мао Цзэ-дуном и Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК.

12 апреля Чэнь Бо-да подготовил проект документа с критикой «Февральских тезисов» и отослал его Мао Цзэ-дуну. 14 апреля Мао Цзэ-дун отредактировал документ, вписав туда: «Аннулировать прежнюю „Группу пяти по культурной революции“, создать новую „Группу по подготовке проекта документа по великой культурной революции“».

Секретариат ЦК КПК отстранил от работы Пэн Чжэня. Вслед за призывом Мао о свержении «владыки ада» с политической арены исчезает Лу Дин-и.

17 апреля 1966 г. в Пекине парткомом Министерства высшего образования были собраны на совещание партийные секретари пекинских и тяньцзиньских вузов, заведующие отделами пропаганды для обсуждения вопроса углубления кампании научной критики. Было подчеркнуто, что появилось много научных критических статей, но очень мало политических, многие не понимают, что идет классовая борьба на идеологическом фронте. Было указано, что руководство учебных заведений должно уяснить, что идет борьба двух путей: пролетарского и капиталистического на фронте образования, литературы и искусства, что следует ликвидировать монополию буржуазных специалистов в образовании, надо вести борьбу за захват у них власти в этой сфере. Всю работу в вузах следует сочетать с научной критикой, с ее помощью осуществлять революцию в образовании и реформирование учебного процесса, мобилизовать и организовать массы, преподавателей, учащихся, рабочих и служащих на активное участие в этой борьбе. 23 апреля 1966 г. Мао Цзэ-дун, оценив этот документ как «хороший», наложил резолюцию, призвав всех препо-

давателей и студентов вузов, преподавателей средних школ участвовать в «культурной революции».

22–24 апреля 1966 г. Мао Цзэ-дун в Ханчжоу созвал расширенное совещание Политбюро ЦК КПК. Он заявил: «Я не верю, что вопрос связан только с У Ханем, это является борьбой, затрагивающей душу, формы общественного сознания. Вопрос с У Ханем является серьезным именно потому, что „при дворе есть люди“, в центре есть, в округах, во всех провинциях и городах тоже есть. В армии тоже есть. Появился ревизионизм, не только в сфере культуры, главным является то, что он появился в партии и армии, и это действительно уже является типичным». Далее, касаясь тезиса оппозиции, что «без созидания не может быть и настоящего разрушения», Мао Цзэ-дун заявил: «Без разрушения нет созидания. Не разрушив, не создашь, в самом разрушении уже заложено созидание. Разрушение требует выяснения истины, а выяснение истины и есть созидание». 24 апреля 1966 г. совещание приняло отредактированный Мао Цзэ-дуном проект «Сообщения» (до его принятия 16 мая 1966 г. Мао Цзэ-дун восемь раз его редактировал и исправлял).

28 и 29 апреля Мао Цзэ-дун, вновь резко критикуя Пэн Чжэня и Пекинский горком партии, заявил, что в Пекине негде и иголки воткнуть, негде и капле воды просочиться, потребовав раскритиковать в пух и прах их ошибки.

Первый этап «культурной революции» охватывает временны́е рамки от ее развертывания Мао Цзэ-дуном в мае 1966 г. до IX съезда КПК, прошедшего в апреле 1969 г., — это была наиболее активная и разрушительная фаза «культурной революции».

В мае 1966 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК (4–26 мая — на нем Мао Цзэ-дун отсутствовал, а от его имени выступал Кан Шэн) было принято «Сообщение ЦК КПК от 16 мая» (в его составлении участвовали Кан Шэн и Чэнь Бо-да), где излагались основные идеи Мао Цзэ-дуна о «культурной революции». «Представители буржуазии, проникшие в партию, правительство, армию и различные сферы культуры, представляют собой группу контрреволюционных ревизионистов, — утверждалось в нем. — Они готовы при первом удобном случае захватить власть в свои руки и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии. Одних из этих людей мы уже распознали, других — еще нет, а третьи все еще пользуются нашим доверием и готовятся прийти нам на смену. К примеру, люди, подобные Хрущеву, находятся бок о бок с нами. Партийные комитеты всех ступеней должны отнестись к этому с полным вниманием».

На заседании были подвергнуты резкой критике по обвинению в создании «антипартийной группировки» четыре руководителя партии, правительства и армии: секретарь ЦК КПК, первый секретарь Пекинского горкома партии Пэн Чжэнь, заместитель министра обороны КНР, начальник Генерального штаба НОАК, секретарь ЦК КПК Ло Жуй-цин, секретарь ЦК КПК, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Дин-и, кандидат в члены Секретариата ЦК КПК, заведующий канцелярией ЦК КПК Ян Шан-кунь. По настоянию Мао Цзэ-дуна они были сняты со всех постов.

24 мая 1966 г. ЦК КПК издал «Пояснения относительно ошибок товарищей Лу Дин-и и Ян Шан-куня», где говорилось: «Совещание решило, чтобы ЦК учредил специальный комитет по расследованию, который в дальнейшем займется расследованием антипартийной деятельности четырех товарищей: Пэна, Лу, Ло и Яна... Материалы по вопросу ошибок Пэна и Ло уже имеются. Относительно ошибок товарищей Лу Дин-и и Ян Шан-куня необходимо сделать следующие пояснения. В последние годы Лу Дин-и, пользуясь случаем, бешено выступал против идей Мао Цзэ-дуна, против того, чтобы творчески изучать и творчески применять идеи Мао Цзэ-дуна — вершину современного марксизма-ленинизма. Он их ругал за „прагматизм“, „упрощенчество“ и „примитивизм“. В вопросе культурной революции позиция и взгляды Лу Дин-и полностью идентичны позиции и взглядам Пэн Чжэня.

Что касается вопроса товарища Ян Шан-куня, то разъясняем, что его основная ошибка, что он за спиной ЦК незаконно установил подслушивающие устройства, разглашал важные партийные секреты, имел ненормальные взаимоотношения с Ло Жуй-цином, активно участвовал в антипартийной деятельности».

В тот же день ЦК КПК сформировал специальный комитет по проверке Пэн Чжэня, Ло Жуйцина и Ян Шан-куня.

Было принято решение о расформировании «Группы пяти» во главе с Пэн Чжэнем и учреждении новой Группы по делам «культурной революции» при ЦК КПК» («ГКР»), непосредственно подчиненной Постоянному комитету Политбюро. Группу сформировали из 18 человек. Ее руководителем стал Чэнь Бо-да, советником — Кан Шэн, заместителями руководителя — Цзян Цин (в дополнительном указании от 30 августа 1966 г. говорилось: «Во время болезни Чэнь Бо-да или выезде за пределы Пекина все обязанности по руководству Группой возлагаются на первого заместителя Цзян Цин»), Чжан Чунь-цяо, Ван Жэнь-чжун, Лю Чжи-цзянь. Вскоре эта группа не без помощи Мао Цзэ-дуна превратилась в особый орган, осуществлявший свою деятельность независимо от Политбюро и Секретариата ЦК КПК, став практически штабом «культурной революции».

На совещании также подверглись критике Чжоу Ян, Ян Сянь-чжэнь, секретарь Мао Цзэ-дуна Тянь Цзя-ин, Дэн То, Ляо Мо-ша, Линь Мо-хань.

Во время совещания публикуется серия открытых статей с критикой Пекинского горкома и его печатных органов. В статьях резко критикуется «черный притон», основанный на паях Дэн То, У Ханем и Ляо Мо-ша, заявляется, что печатные органы Пекинского горкома превращены в орудие оппозиции партии и социализму, используемые для бешеного наступления на партию. Эти публикации должны были подготовить общественное мнение и создать внешний фон совещания.

В эти же дни происходит переписка между Линь Бяо и Мао Цзэ-дуном. Первый 6 мая 1966 г. послал второму «Доклад о дальнейшем развертывании подсобного сельскохозяйственного производства в армии», подготовленный Главным управлением тыла НОАК. Мао Цзэ-дун, прочитав доклад, уже 7 мая дал ответ. В нем он концентрированно изложил свои утопические представления о социально-экономической модели развития Китая в духе «казарменного коммунизма», того идеального общества, о котором он мечтал. Замысел документа сводился к созданию во всем Китае автаркических аграрно-промышленных общин, которые должны были сами обеспечивать свои потребности. План состоял из трех пунктов:

1) Создать общество, где будет уничтожено разделение труда. В «Указании» содержались требования, обращенные ко всем ведомствам и производственным единицам, создавать «великие школы», где бы занимались как основным трудом, так и подсобным. Эти «школы» рассматривались как «маленькие общества», не связанные с внешним миром, способные заниматься и промышленным и сельскохозяйственным производством, вести культурные и военные дела, критиковать буржуазию, способные вводить последовательные ограничения в отношении разделения общественного труда и товарного производства, постепенно ограничивать принципы распределения по труду и материальной заинтересованности (Мао Цзэ-дун полагал, что при отсутствии указанных ограничений существует вероятность возникновения капитализма). На деле осуществление этого «плана» вело к резкому подрыву производительных сил общества и его регрессу. Реализация «указания» в учебных заведениях приводила к тому, что в них воспитывалось новое поколение недоучек, а в армии — к серьезному снижению ее боевых качеств.

2) Создать общество, в котором постепенно будут ликвидированы товарно-денежные отношения. Мао считал, что постепенно следует ликвидировать систему товарного производства и денежного обращения именно путем создания «великих школ», которые сами производят все необходимое для себя либо наполовину снабжают себя всем необходимым. Характерно, что с момента обнародования данного «указания» и вплоть до своей смерти он не менял своего мнения по этому вопросу. Мао Цзэ-дун хотел заменить товарно-денежную экономику не продуктопроизводящей, а натуральной, что на практике означало бы разрушение производительных сил.

3) Создать общество, в котором будут ликвидированы «три больших различия». Ликвидация общественного разделения труда и товарно-денежных отношений, по мысли Мао Цзэ-дуна, ставила целью постепенное стирание различий между рабочими и крестьянами, между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. Мао Цзэ-дун, игнорируя необходимость дальнейшего развития производительных сил общества, видел способ ликвидации «трех больших различий» в обществе с помощью всеобщей уравниловки.

Председатель в своем письме поддержал призыв Линь Бяо к превращению всей армии в «великую школу идей Мао Цзэ-дуна», одновременно настаивая на распространении военных форм

организации на все сферы жизни и деятельности общества, тем самым требуя милитаризации всего народного хозяйства страны.

И наконец, он призывал народ и армию «постоянно принимать участие в битвах в ходе культурной революции, которая призвана осудить буржуазию». «Жэньминь жибао» дала высокую оценку подобным намерениям, рассматривая их как программу преобразования КНР «в великую школу коммунизма». «На самом же деле эти замыслы представляли собой дальнейшее развитие высказанных им в 1958 г. идей относительно народных коммун, — справедливо пишут сегодня историки КНР. — Однако воплощение в жизнь подобных замыслов, имевших характер социалистических утопий — с чертами уравниловки, было совершенно нереальным и не могло не вызвать определенное сопротивление со стороны многих членов партии». Тех же, кто был не согласен с ошибочными взглядами и установками Мао Цзэ-дуна и пытался отстаивать свои взгляды и убеждения (однако не мог или не хотел давать должного отпора), последний называл «ревизионистами или идущими по капиталистическому пути».

Еще до окончания совещания 10 мая 1966 г. был арестован Дэн То, покончивший жизнь самоубийством. 23 мая покончил с собой личный секретарь Мао Цзэ-дуна Тянь Цзя-ин (1922–1966). Вскоре был объявлен «шпионом» и брошен в тюрьму Ляо Мо-ша.

Итак, совещание, по настоянию Мао Цзэ-дуна приняв «Сообщение» и сделав соответствующие перемещения в руководстве, практически санкционировало начало «культурной революции» как «великой политической революции, в результате которой один класс свергает другой». Как позднее признавал Мао Цзэ-дун, «большинство участников майского расширенного совещания Политбюро ЦК КПК не было согласно с его мнением, а порой он оставался в одиночестве».

Уже по первым документам и решениям совещания видно, что здесь речь не шла о какой-то «культуре», налицо фактические разногласия и острейшее столкновение по целому ряду проблем, связанных с оценкой текущей обстановки и выбором политического курса, о методах осуществления политики партии, столкновение по теоретическим и идейно-политическим, стратегическим и тактическим проблемам, соперничество по личным мотивам за власть над партией и страной, острое противоборство в верхнем эшелоне руководства. Ранее перед лицом серьезных трудностей, вызванных политикой «большого скачка» и народных коммун, и их преодоления эти разногласия временно отступили на задний план.

Хотя совещание было закрытым и основной документ был опубликован открыто только через год, члены новой Группы оповестили о его проведении и содержании своих сторонников уже в ходе совещания.

Еще до закрытия совещания ближайшее окружение Мао Цзэ-дуна спешило донести его содержание до своих людей и открыто начать новую политическую кампанию. Причем они исходили из нового изречения Мао Цзэ-дуна: «Только установив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там великий порядок». 17 мая Кан Шэн дал указание специальной «группе теоретических исследований ЦК», возглавляемой его женой Цао И-оу, выехать в Пекинский университет. Инструктируя эту «группу», он призвал «разжечь в Пекинском университете пламя („культурной революции“. — *В.У.*) и направить его наверх».

Цао И-оу нашла свою знакомую Не Юань-цзы, занимавшую должность секретаря объединенного парткома философского факультета и подвергшуюся критике со стороны секретаря Пекинского университета Лу Пина в период кампании «четырех чисток», и предложила ей выступить против Лу Пина, со своей стороны обещая всяческую поддержку. Не Юань-цзы согласилась. 25 мая 1966 г. она вместе с шестью другими студентами и аспирантами университета вывесила первую *дацзыбао*. В ней чернился партком университета как «осуществляющий ревизионизм», содержался призыв «решительно и полностью уничтожить все контрреволюционные ревизионистские элементы». В *дацзыбао* упоминался и Дэн То, с которым якобы поддерживали связи критикуемые Лу Пин и зам. секретаря парткома университета Пэн Пэй-юнь.

Таким образом, «культурная революция» впервые выплеснулась из стен закрытых совещаний на улицу, и первым местом этого стал старейший Пекинский университет. Появление *дацзыбао* в университете было первой акцией ГКР.

Получив 26 мая копию с содержанием *дацзыбао* Не Юань-цзы, Кан Шэн за спиной Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина, осуществлявших в Пекине руководство ЦК КПК, отослал ее Мао Цзэ-дуну, на-

ходившемуся на юге страны. 1 июня 1966 г. Мао Цзэ-дун позвонил Кан Шэну и дал указание немедленно опубликовать эту «марксистско-ленинскую» *дацзыбао* как «очень необходимую». Сразу же без согласования с Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пином она была передана по центральному радио, а 2 июня напечатана в «Жэньминь жибао» вместе со статьей обозревателя газеты, под именем которого скрывались Чэнь Бо-да, Ван Ли и Гуань Фэн, под заголовком: «Приветствуем первую *дацзыбао* Пекинского университета».

Публикация в «Жэньминь жибао» стала возможной после того, как Чэнь Бо-да, направленный 31 мая 1966 г. во главе рабочей группы в редакцию, взял в свои руки руководство газетой, в которой с 1 по 5 июня 1966 г. была опубликована серия подстрекательских статей. 1 июня — передовая статья «Решительно вымести всю и всякую нечисть», с призывом к проведению «культурной революции». Там прямо ставился вопрос о «захвате власти». В ней впервые в открытой печати была выдвинута сразу подхваченная хунвэйбинами задача «полной ликвидации старой идеологии, старой культуры, старых нравов и обычаев» и «формирования абсолютно новой, пролетарской идеологии, культуры, обычаев и нравов».

2 июня — статья «Великая революция, затрагивающая душу людей», где подчеркивалось, что ход событий «выдвигает на первый план вопрос о пролетарской культурной революции», для решения которого народ должен «вести решительную и беспощадную борьбу против антипартийных, антисоциалистических представителей буржуазии, против „ученых авторитетов“».

3 июня — статья «Отвоевать у буржуазии захваченные ею позиции в исторической науке», где утверждалось, что «представители буржуазии превратили историческую науку в важную позицию в их борьбе против партии, против социализма».

4 июня — статья «Сорвать буржуазную маску „Свободы, равенства и братства“», где развивалась мысль об обострении классовой борьбы со ссылкой на соответствующее указание Мао Цзэ-дуна. Обращаясь к «буржуазным авторитетам», газета заявляла: «Выращенные вами ядовитые сорняки наводнили наши газеты, радиопередачи, периодические издания, книги, учебники, доклады, художественную литературу, кино, театры, эстраду, изобразительное искусство, музыку, хореографию и т.д.». О «свободе высказываний», которую якобы проповедовали эти «авторитеты», в статье говорилось, что «это не что иное, как свобода для организации черного притона „Села трех“, свобода для распространения черных „Вечерних Яньшаньских бесед“, свобода для широкого показа черных постановок и кинофильма..., свобода заступничества за правых оппортунистов и поощрения их к реваншу». В статье признавалось, что тех, кто начал «культурную революцию», в народе называют «взрывниками». «Мы действительно являемся пролетарскими „взрывниками“ и взорвем все антипартийные, антисоциалистические черные села и черные притоны. Вооруженные пролетарской „золотой палкой“, мы перебьем всю и всякую нечисть».

5 июня появляется последняя из этой серии статей «Быть пролетарским революционером или буржуазным „монархистом?“». В ней давался обзор событий в Пекинском университете, критикуемому Лу Пину был приклеен ярлык «буржуазного монархиста», здесь же намекалось, кто стоит за его спиной.

Учащиеся высших и средних учебных заведений во многих городах страны откликнулись на эти публикации, что привело к быстрому подъему так называемой кампании «борьбы с черной бандой», жертвами которой стали директора и преподаватели учебных заведений.

«После 1 июня дворы пекинских учебных заведений были, как хлопьями снега, завалены множеством *дацзыбао*, — вспоминала дочь Дэн Сяо-пина. — Атмосфера кипучей лихорадочной деятельности распространялась неудержимо, как эпидемия. Высшие и средние учебные заведения Пекина внезапно полностью погрузились в атмосферу смуты. Бунтарские действия непрестанно расширялись, происходила их эскалация. В некоторых учебных заведениях критика директоров и преподавателей приняла крайние формы: их вытаскивали на сцену перед толпой и устраивали над ними форменную расправу; это называлось „вести борьбу“, при этом дело доходило до телесных наказаний и избиений». По данным первого секретаря столичного горкома партии Ли Сюэ-фэна, более 100 преподавателей и студентов из 24 вузов столицы были объявлены «контрреволюционерами», 10 тыс. учащимся были приклеены различные политические ярлыки.

После публикации первого *дацзыбао*, подстрекательских статей в «Жэньминь жибао» инициаторам новой политической кампании удалось спровоцировать студентов и учащихся на выступления против руководства парткомов и профессуры в 55 вузах Пекина.

Партийные организации во многих вузах и средних учебных заведениях, столкнувшись с такими явлениями, заняли пассивную позицию.

В первой декаде июня 1966 г. Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК под руководством Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина принял решение направить «рабочие группы» в учебные заведения для оказания помощи в руководстве этим движением. Были также разработаны требования из восьми пунктов, нацеленные на контролируемое партией и упорядоченное развертывание этой кампании. На их основании кампанию следовало проводить в рамках только своего учреждения, института, школы, факультета, курса, строго запрещалось расширять ее за пределы своего ведомства, требовалось строго сохранять тайну, не вывешивать *дацзыбао* на улицах, не устраивать демонстраций и шествий, не окружать дома «черной банды».

После этого горком партии приступил к откомандированию «рабочих групп». В вузы они формировались из сотрудников Организационного и других отделов ЦК КПК, в средние школы из аппарата ЦК КСМК. Всего было откомандировано в Пекине более 400 групп в количестве от 10 до 20 тыс. человек, в том числе в средние школы — более 1,5 тыс. человек.

Вскоре по примеру Пекина «рабочие группы» стали направлять и в других городах страны. Так, в Шанхае в их составе насчитывалось около 40 тыс. человек, а по всей стране, по заявлению Чэнь И, — около 400 тыс. человек.

В деятельности «рабочих групп» можно условно выделить три периода. Первый — с 3 июня по 18 июля 1966 г. (их формирование и направление); второй — с 18 июля (т.е. с момента приезда Мао Цзэ-дуна в Пекин из Ханчжоу) до 28 июля 1966 г. (деятельность «рабочих групп» на местах, борьба в руководстве по поводу их использования); третий — с конца июля 1966 по январь 1967 г. (отзыв «рабочих групп» и борьба с ними).

В связи с тем, что отношение к приходу «рабочих групп» в учебные заведения было неодинаковым, в самих вузах и средних школах возникшие там массовые организации тут же разделились на два больших лагеря, т.е. на «консерваторов», стоящих на позициях партийного руководства в лице Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина, и «бунтарей», поддерживающих «левых» и ГКР.

«Рабочие группы» даже в случаях, когда они вынуждены были идти на немедленное отстранение ректоров и секретарей парткомов вузов, принимали вместе с тем меры к восстановлению деятельности партийных и комсомольских организаций. Они пытались смягчить удары по «отстраненным от постов» руководителям высших и средних учебных заведений, ограничиваясь требованием представить «покаяние» или направлением на «курсы концентрации и воспитания» творческой интеллигенции, решительно пресекая, там где они могли, применение физического насилия. Дэн Сяо-пин и Лю Шао-ци в своих наставлениях «рабочим группам» подчеркивали, что последние являются представителями партийного руководства: «Вы посылаетесь нами, выступление против вас является выступлением против нас». Поэтому члены групп выступления против себя квалифицировали как антипартийные, контрреволюционные действия.

18 июня в Пекинском университете возникли беспорядки и драки. Не Юань-цзы и ее сторонниками была «вытащена для борьбы» большая группа (около 60 человек) руководящих кадровых работников, профессоров и преподавателей университета. «Рабочая группа» предприняла соответствующие меры, чтобы своевременно прекратить этот инцидент, изолировав нескольких человек. 20 июня Лю Шао-ци распространил по всей стране информацию о пресечении драк и беспорядков этой «рабочей группой», считая действия «правильными и своевременными» и призывая на местах действовать так же. Однако его оппоненты так не думали. Цзян Цин, Чэнь Бо-да, Кан Шэн и их сторонники сначала всячески провоцировали студентов, а затем представляли односторонние доклады Мао Цзэ-дуну. По словам Лю Шао-ци, противодействие «рабочим группам» было отмечено в 39 из 50 учебных заведений Пекина, а Кан Шэн заявил, что ошибки совершило свыше 90% «рабочих групп».

Когда 9 июня Мао Цзэ-дуну в Ханчжоу Лю Шао-ци докладывал обстановку и коснулся «рабочих групп», Мао заявил, что не следует спешить с их откомандированием без подготовки. «Детям на-

до бунтовать, и их надо поддерживать в этом, дать им возможность самим выработать свою линию, не надо бояться, что они наделают ошибок».

Но вскоре, уяснив, в каком направлении действуют «рабочие группы», Мао Цзэ-дун строго их осудил за то, что «они играют негативную роль и тормозят движение».

В руководстве возникла острая борьба по поводу оценки деятельности «рабочих групп». Трижды — 13, 19 и 22 июля собиралось центральное руководство и обсуждало этот вопрос. Чэнь Бо-да от имени ГКР заявлял, что «рабочие группы» подавляют развитие демократии, окатывают холодной водой массы, он требовал их отзыва. Лю Шао-ци выступал против такой точки зрения, у него произошел на эту тему крупный разговор с Кан Шэном. Дэн Сяо-пин также встал на сторону Лю Шао-ци и, парировав обвинения в свой адрес со стороны членов ГКР и, в частности, Чэнь Бо-да, заявил: «Вы утверждаете, что мы боимся масс, а попробуйте вы сами отправиться на передовую!.. С отзывом рабочих групп я не согласен!»

К середине июля Мао Цзэ-дун наконец решает вернуться в столицу, считая, что ситуация в Пекине стала очень жаркой и следует в нее вмешаться. 16 июля он устраивает свой знаменитый заплыв по Янцзы. «Гуанмин жибао» так резюмировала смысл «заплыва»: «Наш любимый вождь Председатель Мао вполне здоров. Это самое большое счастье китайского народа!» Газета «Цанькао сяоси», предназначенная для кадровых работников, опровергая всевозможные слухи о плохом здоровье Мао в связи с долгим его отсутствием в столице, сообщила, что многие иностранные специалисты-медики, исследовавшие Мао Цзэ-дуна, считают, что организм вождя настолько хорош, что он может уверенно прожить по меньшей мере до 150 лет.

18 июля 1966 г. Мао Цзэ-дун неожиданно для многих (он не оповестил об этом даже Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина) вернулся в Пекин. Отказавшись от встречи с главой страны Лю Шао-ци, в тот же день он пригласил к себе в резиденцию Чэнь Бо-да и Кан Шэна. 24–25 июля 1966 г. по инициативе Мао созывается совместное заседание членов Постоянного комитета Политбюро ЦК и секретарей региональных бюро ЦК КПК и ГКР, на котором резкой критике подверглись Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пин, было заявлено, что они «совершили серьезную ошибку» в откомандировании «рабочих групп». Мао Цзэ-дун впервые открыто заявил, что «рабочие группы», во-первых, не могут вести борьбу, во-вторых, не могут проводить реформы, они только могут играть роль «препятствующих движению». Лю Шао-ци и другие руководители, посылавшие «рабочие группы», вновь не высказали отрицательного отношения к роспуску этих групп, но 26 июля Постоянный комитет Политбюро ЦК принял официальное решение об их роспуске. В этот же день Цзян Цин и Чэнь Бо-да, выступая в Пекинском университете, впервые открыто заявили об этом.

28 июля под давлением Мао Цзэ-дуна и членов ГКР принимается решение «О роспуске рабочих групп во всех высших, специальных и средних учебных заведениях». На следующий день об этом решении было объявлено на 10-тысячном митинге «активистов» учебных заведений Пекина, созванном Пекинским горкомом в здании ВСНП. Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин, Чжоу Энь-лай выступили с «самоанализом», взяв на себя ответственность за «рабочие группы» (одновременно подчеркнув, что направление их в учебные заведения осуществлялось в соответствии с мнением ЦК партии) и заявив, что ни у кого не было опыта и что «старые революционеры столкнулись с новыми проблемами».

Во всех высших и средних учебных заведениях занятия были прекращены, там непрерывно, сутки напролет шли митинги и диспуты. Представители ГКР, и в первую очередь Чэнь Бо-да, Цзян Цин, Кан Шэн, Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юань, почти ежедневно, начиная с 20-х чисел июля, направлялись в учебные заведения Пекина и раздували «пожар культурной революции», подстрекая учащихся к бунту, к борьбе с «рабочими группами», к созданию своих собственных организаций. Митинги проходили при массовом стечении учащихся, иногда яблоку было негде упасть, выступления транслировались через усилители и громкоговорители, громоподобные лозунги и крики типа «долой черную банду!«, «*ша, ша*!» (смерть, смерть!) сотрясали небо.

В последней декаде июля 1966 г., очевидно чтобы быстрее раскачать новую кампанию, так как он считал, что «культурная революция», которая начала набирать силу после майского «Сообщения ЦК КПК», сходит на нет, Мао Цзэ-дун затеял переписку с учащимися. Если судить по текстам первых *дацзыбао* хунвэйбинов средней школы при Пекинском университете Цинхуа и сравнить

их с последующими выступлениями лидеров ГКР, то можно сделать вывод о том, что появление этих дацзыбао было инспирировано сверху. Именно *дацзыбао* от 24 июня «Да здравствует революционный бунтарский дух пролетариата!» и от 4 июля «Еще раз да здравствует революционный бунтарский дух пролетариата!» вместе с письмом пекинских учащихся оказались у Мао Цзэ-дуна (их передала Цзян Цин). Лейтмотив у этих *дацзыбао* был один — призыв к бунту. «Революция, — говорилось в первом из них, — это бунт, душа идей Мао Цзэ-дуна — это бунт!.. Смело думать, смело говорить, смело действовать, смело дерзать, смело совершать революцию — одним словом, смело бунтовать, отказываться от бунта — это стопроцентный ревизионизм».

Эпиграфом второго *дацзыбао* были слова Мао Цзэ-дуна «бунт — дело правое!». «Нынешняя великая пролетарская культурная революция является великим революционным бунтом. Мы поднимаем большой бунт против тех, кто является ревизионистами, кто выступает против идей Мао Цзэ-дуна. Бунт — это традиция пролетарских революционеров, традиция, которую необходимо продолжать и развивать хунвэйбинам. Мы в прошлом бунтовали, сейчас бунтуем и в будущем будем бунтовать!»

1 августа 1966 г. Мао Цзэ-дун ответил на письма и *дацзыбао* пекинских учащихся, с воодушевлением одобрив их лозунг «бунт — дело правое!» и призвал к более активным действиям. «Я горячо поддерживаю вас, — заявил вождь. — ...Я и мои революционные соратники стоим на таких же позициях».

С 1 по 12 августа 1966 г. по инициативе и под руководством Мао Цзэ-дуна, который считал, что необходимо срочно активизировать новую политическую кампанию, был проведен XI пленум ЦК КПК 8-го созыва. В работе пленума не принимали участие «по решению» по меньшей мере 26 членов и кандидатов и по «собственной просьбе» 13 членов и кандидатов в члены ЦК КПК, т.е. 39 человек (28%) из 74 членов и 67 кандидатов списочного состава пленума ЦК КПК. Очевидно, для кворума на пленум пригласили 47 человек, включая членов ГКР, «делегатов» от «революционных преподавателей и студентов» из вузов столицы, включая Не Юань-цзы. Первоначально планировалось провести пленум за пять дней. В повестку дня пленума были включены следующие вопросы: 1. Принятие решения о «культурной революции»; 2. Обсуждение и одобрение мероприятий в области внутренней и внешней политики, принятых в период после X пленума ЦК КПК 1962 г.; 3. Принятие коммюнике пленума; 4. Утверждение решения совещания Политбюро ЦК КПК (май 1966 г.) о персональных перемещениях в составе руководства, т.е. об освобождении от своих обязанностей Пэн Чжэня, Ло Жуй-цина и Ян Шан-куня.

На пленуме инициаторы кампании во главе с Мао Цзэ-дуном хотели задним числом одобрить развязанную вождем «культурную революцию», санкционировать от имени ЦК КПК ее проведение, втянуть страну в это движение уже именем партийного форума, получить возможность для более интенсивной атаки на своих политических оппонентов и противников. Работа пленума проходила секретно «в крайне напряженной обстановке». Не было создано условий даже для обсуждения утвержденной повестки дня пленума. В качестве дополнительного средства давления на участников пленума по указанию Мао Цзэ-дуна собравшимся были розданы три документа: «Дацзыбао Не Юань-цзы» от 25 мая 1966 г., «Выступление Линь Бяо от 18 мая» и «Письмо Мао Цзэ-дуна хунвэйбинам» от 1 августа, квалифицированные как «документы пленума».

Лю Шао-ци от имени партийного руководства сделал доклад об основных моментах работы ЦК КПК начиная с X пленума 1962 г., содержание которого официально не было опубликовано. Он взял на себя основную ответственность за откомандирование «рабочих групп». «...В период культурной революции об обстановке в Пекине я раз в неделю докладывал Мао Цзэ-дуну. В это время я был в Пекине, в культурной революции имелись ошибки, особенно в вопросе откомандирования рабочих групп. Основную ответственность за это несу я...»

Упущения в движении Лю Шао-ци объяснял недостаточной ясностью цели, а не принципиальными ошибками в политической линии. Во время доклада Мао Цзэ-дун бросил реплику, что «рабочие группы сыграли роль подавления масс», что «более 90% рабочих групп совершали плохие дела». Лю Шао-ци объяснял откомандирование рабочих групп боязнью, что без них может прерваться партийное руководство движением.

Такие реплики еще более нагнетали обстановку неуверенности, напряженности и страха ввиду того, что многие из присутствующих имели отношение к рабочим группам. В последующие два дня, разбившись по секциям, некоторые члены ЦК КПК выступали с «самоанализом», заявляя, что они «не успевали за обстановкой», «не успевали за председателем», «совершили ошибки в направлении и в линии», однако мало кто откликнулся на призыв Мао Цзэ-дуна — критиковать Лю Шао-ци. Тогда 4 августа Мао Цзэ-дун решил созвать расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК. На нем он выступил с еще более суровой критикой Лю Шао-ци, упрекая и обвиняя того в связи с направлением «рабочих групп», расценивая это как «самое настоящее подавление [студенческого движения], самый настоящий террор, причем террор, который исходил из ЦК партии», заявив, что сейчас предельно ясно, что те, кто настаивал на откомандировании групп, «стояли на буржуазной позиции, выступая против пролетариата». Он также заявил — и было совершенно очевидно, кого он при этом имел в виду, — следующее: «Мы рассуждаем о нечисти, но ведь эта нечисть присутствует сейчас и здесь, среди присутствующих».

В связи с тем, что 4-го числа Мао выступил очень резко, пленум решено было продлить. 5 августа Мао Цзэ-дун написал новый документ, назвав его «Огонь по штабу! Мое первое *дацзыбао*». Высоко оценив *дацзыбао* Не Юань-цзы и статью комментатора «Жэньминь жибао», он предложил перечитать их еще раз. «Однако на протяжении 50 с лишним дней некоторые руководящие товарищи в центре и на местах действуют как раз вопреки этим документам. Они, заняв реакционную буржуазную позицию, осуществляют диктатуру буржуазии и пытаются подавить мощное движение великой пролетарской культурной революции, — писал он в *дацзыбао*. — Извращая истинное положение вещей и выдавая черное за белое, они преследуют революционеров, подавляют инакомыслие, организуют белый террор и, будучи преисполнены самодовольства, вовсю демонстрируют свою буржуазную спесь, принижая боевой дух пролетариата. До чего же это подло!» 17 августа канцелярия ЦК КПК уже разослала это *дацзыбао* на места до уездного и полкового уровня (хотя официально оно было опубликовано только через год — 5 августа 1967 г.).

В ней он осудил сам факт создания «рабочих групп», а также их действия, бросил обвинение «некоторым руководящим товарищам как в центре, так и на местах, от ЦК КПК до местных парторганов», что они «стоят на реакционных буржуазных позициях и осуществляют диктатуру буржуазии». И хотя в *дацзыбао* не были упомянуты имена и фамилии, но было понятно, против кого направлено ее острие. Расшифровывая позже, что имел Мао Цзэ-дун под «штабом», по которому следовало «открыть огонь», журнал «Хунци» указывал: «Буржуазный штаб состоит из горстки самых крупных лиц в партии, облеченных властью и идущих по капиталистическому пути. Именно они — главный объект нынешней культурной революции, а ее главная задача — полностью ниспровергнуть их». Иными словами, первая *дацзыбао* Мао Цзэ-дуна призвало к разгрому центральных и местных партийных органов как «буржуазных штабов», и в первую очередь центрального «штаба», возглавляемого Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пином.

Чэнь Бо-да и Яо Вэнь-юань вслед за Мао Цзэ-дуном написали свои *дацзыбао*, первый — «Поддержим *дацзыбао* председателя Мао», второй — «Всегда идти вперед за председателем Мао».

6 августа Линь Бяо, который, как сообщалось ранее на пленуме, «отпросился на длительное лечение» и вместе с семьей спасался от летней жары в Даляне, спешно вылетел на самолете, присланном Мао, в Пекин для участия в работе пленума. В аэропорту его встретил Чжоу Энь-лай, обрисовавший ситуацию, сложившуюся на пленуме.

Затем, уже во время личной встречи с вождем, министр обороны узнал, что вот-вот займет место Лю Шао-ци и станет заместителем председателя партии. Зная характер Мао Цзэ-дуна и отлично представляя себе все опасности столь головокружительного взлета, Линь Бяо якобы под предлогом плохого здоровья (и это было правдой) попытался отказаться от столь почетного поста. Но вождь уже принял решение и отказываться от него не спешил.

«В последнее время меня серьезно беспокоит то, что моя работа и мои силы не соответствуют друг другу, не соответствуют должности, — заявил Линь Бяо на пленуме. — Я предвижу, что в будущем у меня появятся ошибки, и я буду добиваться уменьшения ошибок, буду опираться на Председателя Мао, опираться на всех товарищей из Постоянного комитета Политбюро ЦК

КПК, на товарищей из Группы по делам «культурной революции» при ЦК. Мы должны действовать в соответствии с идеями Председателя Мао, рассматривая Председателя осью, а себя — жерновами. Другой метод не подходит. Нельзя придерживаться двух курсов, нельзя иметь два штаба. Нельзя домыслами подменять идеи Председателя Мао, нельзя сидеть между двух стульев, необходимо единство, необходимо решительно идти за Председателем Мао. Председатель Мао, разрешая вопросы, всесторонне обдумывает их, смотрит далеко вперед; у него есть свои собственные методы мышления, есть очень много таких методов мышления, которые нам недоступны. Мы должны решительно осуществлять указания Председателя Мао. ...Председатель Мао — это гений мировой революции нашего времени, между ним и нами очень большая разница».

«Начиная с этого момента (появления первой *дацзыбао* Мао Цзэ-дуна. — *В.У.*) на пленуме ЦК партии началось разоблачение „ошибок“ Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина, — вспоминала дочь последнего, — и стала звучать критика в их адрес. Разного рода персонажи из лагеря „культурной революции“ ставили каждое лыко в строку и обвиняли Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина начиная с осуждения самого факта направления рабочих групп с целью подавления движения учащихся и вплоть до обращения к прошлому, к тому, что происходило начиная с 1962 года, то есть выискивая всевозможные „ошибки“ в деятельности тех, кто, находясь на первой линии, руководил в те годы повседневной деятельностью ЦК партии... В результате критики, прозвучавшей на пленуме, был сделан вывод о том, что помимо ЦК КПК, возглавляемого Мао Цзэ-дуном, есть еще и иной буржуазный штаб во главе с Лю Шао-ци».

По свидетельству Мао Цзэ-дуна, принятие пленумом нужных ему документов и решений оказалось возможным только в результате «упорядочения» рядов Политбюро и Секретариата ЦК КПК, предпринятого по его инициативе в качестве дополнительного пункта повестки дня. Из состава Политбюро были официально выведены Пэн Дэ-хуай (давно уже находившийся под домашним арестом) и Пэн Чжэнь, из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК Чжан Вэнь-тянь и Лу Дин-и. Семь членов Секретариата ЦК были отстранены от выполнения своих функций. Пленум кооптировал в Политбюро шесть новых членов: Тао Чжу, Чэнь Бо-да, Кан Шэна, Сюй Сян-цяня, Не Жун-чжэня и Е Цзянь-ина. Число членов Постоянного комитета Политбюро было увеличено с семи до одиннадцати человек. В него были дополнительно введены Чэнь Бо-да, бывший первый секретарь Центрально-Южного бюро ЦК КПК Тао Чжу, Кан Шэн и Ли Фучунь. Это изменило соотношение сил в высшем партийном органе в пользу Мао. «Упорядочение рядов, проведенное среди членов и кандидатов в члены Политбюро, членов Секретариата, членов Постоянного комитета, обеспечивает реализацию этого постановления, а также Коммюнике ЦК», — заявил Мао в заключительном слове на пленуме.

Не было принято решений об избрании заместителей Председателя ЦК КПК, и четыре прежних поста заместителей (Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ и Чэнь Юнь) больше не упоминались, так же как и пост Генерального секретаря ЦК КПК, ранее занимаемый Дэн Сяо-пином. Только Линь Бяо продолжал упоминаться как заместитель Председателя ЦК КПК. При этом при расположении членов этих руководящих органов в порядке их значимости и важности Лю Шао-ци был понижен со второго на восьмое место. Линь Бяо же стремительно взлетел вверх с шестого на второе место, став единственным упоминаемым заместителем Председателя КНР, «ближайшим боевым соратником товарища Мао Цзэ-дуна».

В результате готовившихся организационных перемещений, всевозможного давления на участников пленума, как на самом форуме, так и вне стен его Мао Цзэ-дуну и его ближайшему окружению удалось большинством лишь в несколько голосов провести резолюцию, которая оформила пересмотр прежнего курса и развертывание «культурной революции». В «Постановлении ЦК КПК о великой пролетарской культурной революции» (так называемых «16 пунктах»), проект которого готовился ГКР при непосредственном участии Мао, призывали: «сосредоточить все силы для нанесения удара по горстке ультрареакционных буржуазных правых элементов, контрреволюционеров-ревизионистов, полностью разоблачить и поставить под огонь критики их преступления против партии, против социализма, против идей Мао Цзэ-дуна, максимально изолировать их». При этом говорилось, что населению и членам партии не следует «бояться бес-

порядков». При определении движущих сил новой политической кампании роль «застрельщиков» отводилась большому отряду «неизвестных дотоле революционных юношей, девушек и подростков», которые «повели решительное наступление на открытых и скрытых представителей буржуазии» (сам термин «хунвэйбин» еще не употреблялся в документах пленума). Для активизации действий будущих «красных охранников» им авансом отпускались все прошлые и будущие «грехи».

Однако принятие определенных документов на пленуме еще не означало, что они будут полностью выполняться на местах всеми участниками партийного форума. Видимо, поэтому в заключительном слове на XI пленуме Мао заметил: «Сейчас-то они согласились, но что будет, когда они вернуться по домам? ...Обязательно найдется часть лиц, которая не пожелает что-то проводить в жизнь». Чэнь Бо-да также признавал, что, несмотря на принятие основного документа пленума, довольно значительная часть товарищей сопротивлялась.

Проект Коммюнике пленума готовился Кан Шэном, несколько его вариантов передавались на редактирование Мао.

«Товарищ Мао Цзэ-дун является величайшим марксистом-ленинцем нашего времени, — утверждалось в Коммюнике пленума. — Он гениально, творчески и всесторонне унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм, поднял его на совершенно новый этап. Идеи Мао Цзэ-дуна служат для всей партии и всей страны руководящим курсом в любой работе».

Коммюнике пленума призвало «одолевать противодействие со стороны контрреволюционного ревизионизма, „левого“ и правого оппортунизма, преодолевать трудности, исправлять недостатки и ошибки. Устранить внутри партии и в обществе теневые стороны, довести культурную революцию до конца».

Эти документы XI пленума ЦК КПК, санкционировавшие развертывание «культурной революции» как сегодня верно пишут историки КНР, «породили слепое, стихийное, массовое политическое движение, в котором произошло стирание всех граней между своими и врагами». «Культурная революция» как мощный тайфун вскоре после XI пленума захватила все китайское общество.

После окончания пленума ЦК КПК Мао Цзэ-дун решил, что необходимо созвать под председательством Линь Бяо расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Первоначально было решено, что на нем будет продолжена критика Лю Шао-ци, однако Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн и их сторонники полагали, что на практике Лю Шао-ци уже повержен и что главной опасностью и самым большим препятствием на пути развертывания массового движения сегодня является Дэн Сяо-пин. В связи с этим острие критики на совещании было повернуто против последнего. Линь Бяо открыто заявил, что вопрос о Дэн Сяо-пине — это вопрос, который «относится к категории борьбы между нами и нашими врагами».

После этого заседания Дэн Сяо-пин, понимая, что начинается полоса критики его деятельности, что ему попытаются припомнить всё, поднимут всю историю, ему уже не дадут работать, передал в ведение Кан Шэна часть тех обязанностей, которые ранее были возложены на него, — курирование Отдела ЦК КПК по связям с зарубежными партиями, Отдела расследований ЦК КПК. «Я больше работать не могу, я передаю свою работу тебе», — заявил он.

Почти одновременно с появлением первой *дацзыбао* 29 мая 1966 г. в средней школе при университете Цинхуа появляется первая внепартийная «молодежная организация», назвавшая себя «хунвэйбинами» («красными охранниками»), в ней насчитывалось первоначально около 100 человек. В их Манифесте, появившемся 2 июня 1966 г., где впервые стояла подпись «хунвэйбины», говорилось буквально следующее: «Мы — стражи, защищающие красную власть, ЦК партии. Председатель Мао — наша опора. Освобождение всего человечества — наша обязанность... Идеи Мао Цзэ-дуна — самые высшие указания во всех наших действиях. Мы клянемся, что ради защиты ЦК, защиты великого вождя Председателя Мао мы не задумываясь отдадим последнюю каплю крови, решительно доведем до конца культурную революцию». Первые организации появились сначала в средних школах, а в вузах они появились позже.

Воспитывавшаяся в первой половине 1960-х годов в духе национализма, антисоветизма, «идей Мао Цзэ-дуна», молодежь КНР, как показали дальнейшие события, готовилась определенной группой лиц для осуществления массового политического террора против партийных, профсо-

юзных, комсомольских кадров и руководителей других общественных организаций, их физического и морального уничтожения, запугивания и устрашения широких слоев населения.

Некоторые историки КНР утверждают, что если бы не было «культурной революции», то не могло бы появится и хунвэйбиновского движения, что эти явления взаимосвязаны. Они признают, что повышенная активность молодежи в «культурной революции» объясняется тем направлением, в котором формировались и развивались взгляды молодежи в предшествующие годы. Одной из причин такой активности была обстановка непрерывной эскалации идей «левого» толка, «расширения классовой борьбы» и т.п., которые подталкивали молодежь на бунтарские действия. «Левые» теория и практика постоянно распространялись по стране, и представления о необходимости ведения «классовой борьбы» в такой атмосфере естественно запали в сознание молодежи и подростков. Молодежь перед лицом якобы существующей серьезной угрозы «превращения партии в ревизионистскую», «изменения цвета государства», о чем постоянно твердилось в то время, пыталась энергично защитить оказавшиеся под угрозой исторические завоевания социализма в Китае. И неожиданно развязанная «культурная революция» подхлестнула эти настроения, помноженные на энергию и энтузиазм молодежи, предоставила ей арену действий.

Вторая причина — поощрение и организация преклонения перед Мао Цзэ-дуном молодежи и учащихся, доведенного до идолопоклонства. Возникновению хунвэйбиновского движения способствовал «культ личности Мао Цзэ-дуна», насаждавшийся в предшествовавшие годы в КНР, «хунвэйбиновское движение явилось детищем культа личности».

Еще одной причиной возникновения хунвэйбиновского движения считают историки КНР наличие некоторых негативных моментов в китайской традиционной культуре и их постепенное и незаметное воздействие на молодежь, на ее идеологию и взгляды. Действия хунвэйбинов были неразрывно связаны с пережитками феодализма, глубоко укоренившимися в традиционной культуре. Когда хунвэйбины начали войну против «всех авторитетов», они превратили Мао Цзэ-дуна в святого и в своем отношении к нему, по сути, следовали традиционной установке «быть преданным государю». Когда же они под лозунгом «бунта» втаптывали в грязь права человека и попирали законность, по их мнению, они действовали в духе принципа «революционизации идеологии». Трагедия хунвэйбинов заключалась в том, что они считали себя авангардом, «разрушающим старый мир», а на самом деле они находились в плену старых китайских традиций.

В процессе воспитания молодежи очень мало уделялось внимания развитию самостоятельного мышления, пропагандировалась «теория послушного орудия».

Хотя первые хунвэйбины появились в Пекине в конце мая 1966 г., однако в КНР днем рождения «красных охранников» считается 18 августа 1966 г. В этот день Мао Цзэ-дун и его сторонники устроили в честь хунвэйбиновских отрядов массовый митинг на площади Тяньаньмэнь. К этому времени со всех концов страны на него съехались около миллиона учащихся. В начале шестого утра он вышел из ворот Запретного пурпурного города и поднялся на башню Тяньаньмэнь, где его уже ждали представители хунвэйбинов — этих «маленьких генералов», как он их называл, «культурной революции».

Чтобы подчеркнуть боевой дух происходящего, вождь облачился в зеленый мундир НОАК. Последний раз он появлялся перед народом в военной форме 16 лет назад, в 1950 г. при отправке китайских добровольцев в Корею. Тем самым подчеркивалась важность акции и то, что ее поддерживают военные.

«Мы должны разгромить лиц, облеченных властью и идущих по капиталистическому пути, разгромить буржуазные реакционные авторитеты, разгромить всех буржуазных монархистов, выступить против всяких действий, зажимающих революцию, и смести всякую нечисть! — неслись над площадью слова Линь Бяо. — Мы должны всемерно ликвидировать всю эксплуататорскую идеологию, старую культуру, старые нравы и старые обычаи!».

В выступлениях Чэнь Бо-да и Линь Бяо, а также Чжоу Энь-лая неоднократно подчеркивалась мысль, что Мао Цзэ-дун и ГКР одобряют создание новых хунвэйбиновских организаций. Подчеркивалась роль Мао Цзэ-дуна в этой политической кампании, которого все выступавшие называли «верховным главнокомандующим» и «полководцем» «культурной революции», неслись

призывы повсеместно «утверждать его идеи» и беспрекословно подчиняться вождю. «В открытом море не обойтись без кормчего, а нашим кормчим является Председатель Мао», — заявляли они. Кульминационным моментом митинга явилось вручение одной из школьниц, поднявшихся из толпы, красной повязки с написанными на ней белыми иероглифами *хун—вэй—бин* Мао Цзэ-дуну. Когда она прикалывала булавками повязку на руке Мао, стоящая внизу миллионная толпа неистовствовала. Такие же повязки были вручены Линь Бяо и другим партийным руководителям. Мао, благосклонно принимая повязку, произнес единственную за весь митинг фразу: «Я решительно поддерживаю вас!» Этим он хотел еще раз показать, что лично узаконил организацию хунвэйбинов, санкционировал ее действия. Таким образом, основное значение этого митинга заключалось в том, что он дал возможность вождю через головы всех партийных, комсомольских, профсоюзных организаций прямо обратиться к «красным охранникам», официально от своего имени узаконивая новую организацию. Итак, с этого момента начали формироваться военизированные ударные отряды фанатичной учащейся молодежи, специально предназначенной для осуществления массового политического террора в отношении различных кадровых работников, интеллигенции и запугивания широких слоев населения страны и беспрекословной моральной (а часто и физической) поддержки Мао Цзэ-дуна и его ближайшего окружения.

С 18 августа по 26 ноября 1966 г. Мао Цзэ-дун в Пекине восемь раз подряд встречался с хунвэйбинами, а также с «революционными» преподавателями и студентами высших и средних учебных заведений страны. В этих встречах приняло участие свыше 11 миллионов человек. ЦК КПК и Госсовет (видимо, не без давления Мао Цзэ-дуна и ГКР, требовавших осуществления «великих смычек» хунвэйбинов по всей стране) обнародовали директиву (5 сентября 1966 г.) с требованием организовать на местах бесплатные поездки в Пекин учащихся высших и средних учебных заведений или их представителей, а также делегаций преподавателей, рабочих и служащих для ознакомления с мероприятиями «культурной революции», что привело к крупномасштабным бесплатным перемещениям десятков миллионов хунвэйбинов.

17 августа 1966 г. хунвэйбины 2-й средней школы Пекина обнародовали документ «Объявляем войну старому миру», в котором провозглашалась «необходимость критики и уничтожения всех старых идеологий, культуры, привычек и обычаев». Этот лозунг впервые прозвучал в статье, подготовленной Чэнь Бо-да, еще в июне, а 18 августа был поддержан в выступлении Линь Бяо на массовом митинге в столице, что послужило началом движения за «ликвидацию четырех старых». По всей стране начались широкомасштабные антиконституционные действия: совершались переименования площадей и улиц, акты вандализма в отношении памятников истории, архитектуры и культуры, погромы в домах, библиотеках и музеях, религиозных и культовых храмах, на старых кладбищах, избиение простых смертных. В глазах хунвэйбинов все это были «четыре старых».

Вслед за борьбой с «четырьмя старыми» следовали потасовки и драки различных молодежных группировок, избиения мирных граждан, откровенный грабеж. Видные ученые, общественные деятели, представители прессы, сферы образования, искусства, издательского дела, демократических партий и организаций, государственного и военного руководства стали рассматриваться хунвэйбинами, при прямом подстрекательстве сверху, как «буржуазные элементы, ревизионисты, контрреволюционная черная банда, нечисть». Причем Кан Шэн призвал в одном из своих выступлений водружать на таких лиц высокой шутовской колпак и навешивать черную дощечку с указанием, кем является этот человек — нечистью, ревизионистом, контрреволюционером, помещиком, буржуазным элементом и т.д. И вскоре пропагандируемый Кан Шэном метод стал широко применяться по всей стране. Все ведущие информационные агентства мира публиковали материалы и фотографии этой «нечисти», переданные из Китая.

Первой жертвой столичных хунвэйбинов стал известный писатель, маньчжур Лао Шэ (03.02.1899—24.08.1966), автор романов «Рикша», «Развод», «Записки о Кошачьем городе», «Под пурпурными стягами». 23 августа 1966 г., по воспоминаниям его сына, Лао Шэ вместе с другими тридцатью представителями творческой интеллигенции затащили во двор конфуцианского храма в Пекине и подвергли унизительной процедуре стрижки «по фасону *инь-ян*», обрив половину головы. Затем на лица им выплеснули пузырьки черной туши, а на грудь попытались повесить

табличку с надписью «проводящий контрреволюционную деятельность черный бандит». «Отец решительно отказался вновь склонять голову, вешать табличку и не желал больше разговаривать, — вспоминал сын. — Он возмущенно поднял свою голову, всю в ранах, в кровоподтеках. „Склони голову! Надень табличку!“ — послышался приказ хунвэйбинов. Отец, собрав все оставшиеся силы, швырнул находившуюся у него в руках табличку на землю».

После этого хунвэйбины поставили свои жертвы на колени и принялись хлестать их прутьями и кожаными военными ремнями. Лао Шэ пинали ногами, били по голове, таскали за волосы. Разбили его очки. Некая женщина лет сорока надрывно кричала: «Я хочу разоблачить его: до Освобождения Лао Шэ запродал Америке права на издание романа „Рикша“». «Я не предавал родину. Я честный человек, — парировал писатель, — говорить надо правду. Я не могу выдумывать того, чего не было». Когда от Лао Шэ хунвэйбины потребовали «признать свои преступления», сунув в его руку бумагу и ручку, он дрожащей рукой написал: «Я бил хунвэйбинов. Лао Шэ». И это было последней строкой знаменитого писателя.

Лао Шэ потерял сознание. Когда рано утром следующего дня знаменитого писателя принесли домой, одежда его была так пропитана кровью, что жене его пришлось разрезать заскорузлую, засохшую корку из сочившейся крови ножницами. Она аккуратно промыла его раны.

Через сутки Лао Шэ покончил с собой, бросившись в воду неглубокого пруда рядом с Запретным городом.

На центральных площадях китайских городов высились горы книг, добытых хунвэйбинами в храмах и библиотеках, магазинах и частных коллекциях, которые сжигали на глазах толпы.

В качестве наиболее ярких примеров травли Мао Цзэ-дуном и его ближайшим окружением уже в начальный период «культурной революции» китайской профессуры можно привести судьбу ректора Уханьского университета, известного ученого, участника I съезда КПК в 1921 г., члена Общества китайско-советской дружбы, члена Постоянного комитета ВСНП Ли Да. В университете на него навесили ярлыки «черного главаря „села трех“», «предателя», «помещичьего элемента», исключили из партии. 19 июля 1966 г. он вынужден был обратиться к Мао Цзэ-дуну с письмом, в котором просил «спасти его жизнь». Однако это был глас вопиющего в пустыне. 4 августа Ли Да в «Жэньминь жибао» был назван «черным бандитом». В результате репрессий 86-летний ветеран партии скончался 24 августа 1966 г. И это был далеко не единичный случай.

По неполным данным, представленным Пекинским отделением Министерства общественной безопасности, с 23 августа по конец сентября 1966 г., т.е. в течение только одного месяца, в столице хунвэйбинами было убито 1722 человека. Только с 27 августа по 1 сентября 1966 г. в 48 коммунах уезда Дасин под Пекином было уничтожено 325 человек, из них самому старшему было 80 лет, а самому маленькому 38 дней от роду, 22 двора были вырезаны полностью. За это время конфисковано имущество у 38 695 семей, произведены обыски и сосланы из Пекина 85 198 человек, не принадлежащих к «пяти хорошим категориям» жителей. Среди тех, у кого конфисковали имущество, 1231 столичная семья относилась к категории преподавателей и высшей интеллигенции. В Шанхае только за две недели, с 23 августа по 8 сентября 1966 г., произведены обыски в 84 222 домах, в Тяньцзине — в 12 тыс. Только в Сучжоу были конфискованы материальные ценности в 64 тыс. домах — среди них: книги, свитки с каллиграфией, культурные ценности количеством более 170 тыс. экземпляров. К началу октября 1966 г. из городов по всей стране было изгнано 397,4 тыс. человек, попавших в разряд «нечисти».

Из 6843 исторических и культурных памятников Пекина, с 1958 г. охраняемых как национальное достояние, 4922 подверглись разрушению, причем большинство из них в августе–сентябре 1966 г.

Во время обысков вызывало подозрение, а значит, подлежало конфискации абсолютно все: предметы антиквариата, каллиграфические свитки, иностранная валюта, золото, серебро, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, живопись, фарфор, старые фотографии, манускрипты, научная литература, пластинки. То, что не уносили с собой, ломали и разбивали вдребезги. В Шанхае в результате таких «обысков» конфисковали 32 т золота, 150 т жемчуга и нефрита, 450 т ювелирных изделий и более шести миллионов долларов США наличными деньгами,

в Пекине только за месяц таких «обысков», проводимых хунвэйбинами, найдено 5155 кг золота, 17 260 кг серебра и 55 456 600 юаней наличными деньгами; было конфисковано 613 600 единиц материальных ценностей и драгоценностей. За 1966–1976 гг. у частных лиц незаконно было конфисковано 520 тыс. жилых домов и комнат, среди них 82 230 домов частных владельцев. В 12 районах Шанхая в этот же период было незаконно конфисковано 1 240 тыс. кв. метров частной площади.

В итоге действий хунвэйбинов по борьбе с «четырьмя старыми» было разрушено, по неполным данным, более 6 тыс. памятников культуры, уничтожено 2 357 тыс. исторических книг, 185 тыс. картин и свитков с каллиграфией, 538 единиц других культурных ценностей, разбито более 1 тыс. стел, имеющих историческую ценность. Среди них более 70 — это бесценные памятники культуры, охраняемые ранее государством как национальные реликвии.

Еще 26 июля 1966 г. Мао Цзэ-дун потребовал серьезно разобраться с ЦК КСМК, активно посылавшим «рабочие группы». Вскоре ЦК комсомола был реорганизован.

Уже 15 августа 1966 г. 1-й секретарь ЦК КСМК Ху Яо-бан, секретари Ху Ци-ли, Ху Кэ-ши и Ван Вэй приостанавливают свою деятельность. 16-го числа вышел последний номер журнала ЦК КСМК «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь»), а 29 августа — последний номер комсомольской газеты «Чжунго циньнянь бао» («Китайская молодежь»). КСМК был ликвидирован как неугодная Мао Цзэ-дуну и его ближайшему окружению организация, которая якобы «стала слишком пестрой по социальному составу» и носит характер «общенародной организации» (именно так охарактеризовал ее Кан Шэн 6 августа 1966 г.), а это якобы расходится с теорией Мао Цзэ-дуна об обострении классовой борьбы.

Вскоре после появления хунвэйбинов были распущены и пионерские организации в школах. Им было предъявлено обвинение в том, что они «затушевывают классовую борьбу, совершенно не выдвигают на первое место идеи Мао Цзэ-дуна, на практике потеряли роль авангарда» среди детей. Их заменили отряды хунсяобинов («красных солдатиков» 7–14 лет), которые были созданы во всех начальных школах и просуществовали около 11 лет, когда были вновь заменены пионерскими организациями.

В Пекине и на периферии были созданы крупные хунвэйбиновские организации типа «Лянь-дун» («Объединенных действий»), включавшие до 400–500 средних школ и имевшие свои филиалы в Шанхае, Шэньяне, Ухани, Нанкине, Гуанчжоу и Синьцзяне.

Между хунвэйбиновскими организациями различного толка стало наблюдаться расслоение и противоборство, борьба «старых» (к ним относились те, которые были созданы до 18 августа 1966 г. из учащихся «пяти красных категорий»: детей революционных кадровых работников, революционных военных, революционеров — павших героев, рабочих и крестьян, бывших бедняков и низших середняков, их костяк составляли дети кадровых работников и военных) и «новых» организаций.

В декабре 1966 г. наряду с хунвэйбиновскими отрядами появились отряды цзаофаней (бунтарей), в которые вовлекались молодые, обычно неквалифицированные рабочие, учащиеся, служащие. Они должны были перенести «культурную революцию» на предприятия и учреждения, преодолеть сопротивление рабочих хунвэйбинам. Чтобы преодолеть сопротивление противников «культурной революции», была развернута Мао Цзэ-дуном кампания по «захвату власти».

В начале 1967 г. в Шанхае подстрекаемые и руководимые Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юанем организации цзаофаней захватили партийную и административную власть в городе. Вслед за этим волна захватов власти у «каппутистов» прокатилась по всей стране. КНР превратилась в страну, где царил полный хаос и правил террор. Партийные и правительственные органы на всех уровнях были либо разогнаны, либо парализованы. Руководящие кадры и обладавшие знаниями и опытом интеллигенты выслеживались и подвергались гонениям. По сфабрикованным обвинениям глава государства Лю Шао-ци решением XII пленума ЦК КПК в октябре 1968 г. был снят со своего поста. Насилие становилось все более жестоким вследствие борьбы за власть различных группировок. Страна почти скатилась к гражданской войне. В этой ситуации НОАК был дан приказ «вмешаться в кампанию». «Пропагандистские отряды рабочих», куда включались и военные, были направлены в учебные заведения для предотвращения там насилия. Ветераны рево-

люции в партии и правительстве, такие как Тань Чжэнь-линь, Чэнь И, Е Цзянь-ин, Не Жун-чжэнь и другие, резко критиковавшие «культурную революцию», подверглись критике и были репрессированы.

Второй этап «культурной революции» охватывает период с IX до X съезда КПК, состоявшегося в августе 1973 г. (1969–1973).

Главным событием периода было исчезновение «преемника» Мао Цзэдуна Линь Бяо в сентябре 1971 г. Мао Цзэ-дун принял решение о пересмотре Конституции КНР, высказав предложение об упразднении поста Председателя КНР. Линь Бяо и Чэнь Бо-да высказались за сохранение этого поста. В августе 1970 г. в Лушане был проведен II пленум ЦК КПК 9-го созыва. Линь Бяо и Чэнь Бо-да вновь заявили о необходимости сохранения поста Председателя КНР в новом варианте Конституции КНР. На пленуме разгорелась борьба. Мао Цзэ-дун 31 августа 1970 г. написал документ «Мое мнение», в котором подверг резкой критике взгляды Чэнь Бо-да. После этого развернулась критика Чэнь Бо-да, было заявлено о проведении расследования в отношении его. 10 ноября 1970 г. ЦК издал «Указания по вопросу антипартийной деятельности Чэнь Бо-да», где его назвали «лжемарксистом», «интриганом», «карьеристом» и «антипартийным элементом».

Вслед за исчезновением с политической арены Чэнь Бо-да в сентябре 1971 г. исчезают министр обороны Линь Бяо и группа военных руководителей (шесть из них были членами Политбюро ЦК КПК). По сообщению китайской стороны, Линь Бяо 13 сентября 1971 г. погиб в авиационной катастрофе вблизи Ундэрхана на территории Монголии, пытаясь после неудавшегося «переворота» удрать за границу. Вслед за этим прошла новая чистка армии, в ходе которой десятки тысяч офицеров подверглись репрессиям. В стране была развернута кампания «критики Линь Бяо и упорядочения стиля». За повседневную работу Военного совета ЦК КПК стал отвечать маршал Е Цзянь-ин, а текущей работой в ЦК КПК Чжоу Энь-лай. Были восстановлены на постах некоторые руководители, которые подвергались преследованиям в прошлом, а марте 1973 г. был восстановлен в должности заместителя премьера Госсовета Дэн Сяо-пин.

Третий этап охватывает период от X съезда КПК до октября 1976 г. включительно, когда в октябре 1976 г. была арестована «четверка» приближенных к Мао Цзэ-дуну активных проводников «культурной революции» (три последних года).

В августе 1973 г. прошел X съезд КПК, в центре внимания которого находились внутриполитические проблемы. Съезд единодушно осудил Линь Бяо и Чэнь Бо-да, признал «правильность» линии «культурной революции», ориентировал партию и народ на продолжение прежнего политического курса, теоретической основой которого являлись установки Мао Цзэ-дуна о «продолжении революции в условиях диктатуры пролетариата», об «обострении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией». Таким образом, «левацкие» ошибки «культурной революции» не были осуждены. «Молодого цзаофаня» Ван Хун-вэня на съезде избрали заместителем председателя ЦК КПК. Это дало возможность Цзян Цин, Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юаню и Ван Хунвэню образовать «группу четырех» в Политбюро ЦК, что укрепило силы группировки Цзян Цин. Дэн Сяо-пин был избран членом ЦК КПК, а с января 1975 г. стал одним из заместителей председателя ЦК КПК.

На третьем этапе кампании обстановка в стране продолжала оставаться напряженной. В начале 1974 г. по предложению Цзян Цин, Ван Хун-вэня и их сторонников, одобренному Мао Цзэ-дуном, была развернута новая общенациональная политико-идеологическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция». Начало ей положили выступления в печати, направленные на развенчание конфуцианства и восхваление легизма. Специфической чертой кампании, как и некоторых предыдущих, явилось обращение к историческим аналогиям, к аргументам из области китайской политической мысли в целях решения актуальных идеологических и политических проблем. Острие атак было также направлено на Чжоу Энь-лая. В 1974 г. Чжоу Энь-лай тяжело заболел, при его содействии текущую работу в стране ЦК КПК с согласия Мао Цзэ-дуна поручил Дэн Сяо-пину.

В январе 1975 г. после 10-летнего перерыва была созвана 1-я сессия ВСНП 4-го созыва, принявшая новую Конституцию КНР и сформировавшая высшие государственные органы власти. В Постоянный комитет ВСНП вошли в большинстве своем старейшие кадровые работники:

председатель Чжу Дэ и 22 его заместителя (среди них Дун Би-у, Лю Бочэн, Не Жун-чжэнь, Сюй Сян-цянь, Сун Цин-лин, Чэнь Юнь, Тань Чжэнь-линь). В то же время в состав правительства вошли и сторонники Цзян Цин (Кан Шэн, У Дэ).

После завершения работы сессии ВСНП выдвиженцы «культурной революции» предприняли очередную попытку упрочить свои пошатнувшиеся позиции. С этой целью по инициативе Мао Цзэ-дуна на рубеже 1974–1975 гг. была развернута кампания под лозунгом борьбы «за изучение теории диктатуры пролетариата». Важной задачей этой кампании являлась борьба против тех представителей руководства КПК (Чжоу Энь-лай, Чэнь Юнь, Дэн Сяо-пин), которые отстаивали необходимость повышения внимания к развитию экономики, применению более рациональных методов управления народным хозяйством, высказывали критические нотки в адрес «культурной революции».

В ходе новой кампании распределение по труду, право на приусадебные участки, торгово-денежные отношения объявлялись «буржуазным правом», которое необходимо «ограничивать», т.е. вводить уравниловку.

Мао Цзэ-дун не мог согласиться даже с незначительной критикой его «детища» — «культурной революции», и в ноябре 1975 г. по его указанию была развернута новая кампания «борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов культурной революции», направленная против Дэн Сяо-пина и тех, кто его поддерживал.

В январе 1976 г. умер Чжоу Энь-лай. В апреле в праздник Цин-мин (поминовения усопших) во время церемонии, посвященной его памяти, произошли массовые выступления на главной площади Пекина — Тяньаньмэнь. Миллионы людей в течение нескольких дней собирались на площади, чтобы возложить венки и прочитать стихи в честь памяти о Чжоу Энь-лае, а также выразить недовольство действиями «группы четырех», требуя их устранения. Однако «четверка» и ее сторонники назвали это стихийное движение народа «контрреволюционным инцидентом» и подавили его силой. Дэн Сяо-пина, обвиненного в организации этого движения, сместили со всех постов в партии и правительстве. Премьером Госсовета КНР стал министр общественной безопасности Хуа Го-фэн. Начался новый тур борьбы с «каппутистами». После выступлений на площади Тяньаньмэнь «Жэньминь жибао» писала: «Инцидент еще более убедительно доказал, что буржуазия находится как раз внутри самой коммунистической партии. Если раньше некоторые люди не понимали, что идущие по капиталистическому пути — это как раз и есть внутрипартийная буржуазия, которая является главным объектом продолжения революции при диктатуре пролетариата, то контрреволюционный политический инцидент на площади Тяньаньмэнь заставил их осознать это».

9 сентября 1976 г. на 83-м году жизни скончался Мао Цзэ-дун. Смерть Мао Цзэ-дуна и последующие события, связанные с арестом и устранением по инициативе маршала Е Цзянь-ина от власти «банды четырех», явились важным рубежом в истории КНР. Они поставили точку на крупнейшей политической кампании, продолжавшейся 10 лет и принесшей столько горя и жертв китайскому народу, — «культурной революции». Начался новый этап развития страны.

***** Лю Шао-ци сюаньцзи (Избр. произведения Лю Шао-ци). Т. 2. Пекин, 1985; Чжан Вэнь-тянь сюаньцзи. (Избр. произведения Чжан Вэнь-тяня). Пекин, 1985; Цзяньго илай Мао Цзэ-дун вэньгао (Рукописи Мао Цзэ-дуна, начиная с основания государства): В 13 т. Пекин, 1990–1998; *Пэн Дэ-хуай.* Мемуары маршала. М., 1988; «Вэньгэ» данъань (Архив «культурной революции»): В 2 т. / Гл. ред. Ли Сун-чэн. Пекин, 2004; Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая: В 3 т. Пекин, 1956; Социалистический подъем в китайской деревне: Сб. избр. ст. / Подгот. канцелярией ЦК КПК. М., 1956; *Дэн Сяо-пин.* О движении за упорядочение стиля работы. Пекин, 1957; Материалы 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва. Пекин, 1959; Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин, 1970; X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1973; *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977; XI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1977; Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981; *Дэн Сяо-пин.* Избранное (1975–1982). Пекин, 1985. ****** *Галено-*

вич Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.). М., 1988; *Делюсин Л.П.* Борьба с правыми элементами буржуазии в Китае (1957 г.). М., 1961; *Дэн То.* Вечерние беседы в Яньшане: Записки публициста. М., 1974; Краткая история КПК (1921–1991) / Гл. ред. Ху Шэн. Пекин, 1993; *Кюзаджан Л.С.* Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М., 1970; *Ли Даньхуй.* Некоторые вопросы советско-китайских отношений в 1960-е годы // ПДВ. 2005, № 1; *Лу Дин-и.* Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые! (Выступление 26 мая 1956 г. зав. Отделом пропаганды ЦК КПК о политике Компартии Китая в отношении литературы, искусства и науки). Пекин, 1956; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяо-пин в годы «культурной революции». М., 2003; *Маркова С.Д.* Маоизм и интеллигенция: Проблемы и события (1956–1973 гг.) М., 1975; *Румянцев А.М.* Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). М., 1972; Судьбы культуры КНР (1949–1974). М., 1978; *Усов В.Н.* История КНР: Учебник: В 2 т. М., 2006; *он же.* К вопросу об оценке маоистской «культурной революции» // ВИ. 1982, № 2; *он же.* Китайские авторы о культе личности // ПДВ. 1988, № 4, 5; *он же.* Китайский Берия — Кан Шэн. М., 2004; *он же.* «Рабочие группы» в «культурной революции» // НАА. 1977, № 6; *он же.* Так начиналась «культурная революция» // ПДВ. 1976, № 2; *он же.* Трагедия на Уссури // ПДВ. 1994, № 3; *он же.* Хунвэйбины — штурмовые отряды маоистов // ПДВ. 1976, № 3; *Шорт Ф.* Мао Цзэдун. М., 2002; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюэцэ ю шицзяньды хуйгу (Воспоминания о некоторых важнейших решениях и событиях): В 2 т. Пекин, 1991–1993; *Ван Нянь-и.* Да дунлуаньды няньдай (Время великих потрясений). Хэнань, 1989; *Ван Сюэ-вэнь.* Вэньхуа да гэмин юй хунвэйбин (Великая культурная революция и хунвэйбины): В 2 т. Тайбэй, 1969; Ли Жуй вэньцзи (Сборник произведений Ли Жуя): В 2 т. Гуанчжоу-Ханькоу, 1999. Т. 1: Истинное лицо Лушаньского совещания; Т. 2: Трагедия Мао Цзэ-дуна в последние годы жизни; *Ли Кэ, Хао Шэ-чжан.* «Вэньхуа да гэмин» чжун Жэньминь цзефанцзюнь (Народно-освободительная армия в «великой культурной революции). Пекин, 1989; *Ло Пин-хань.* Нунсунь жэньминь гуншэ ши (История народных коммун в деревне). Пекин, 2003; *Си Сюань, Цзинь Чуньмин.* «Вэньхуа да гэмин» цзяньши (Краткая история «великой культурной революции»). Пекин, 1995; Хуйшоу «вэньгэ» — Чжунго шинянь «вэньгэ» фэньси ю фансу (Вспоминаем «культурную революцию»: Анализ и переосмысление десяти лет китайской «культурной революции»): В 2 т. Пекин, 1999; *Цун Цзинь.* Цюйчжэ фачжаньды суйюэ (Годы зигзагообразного развития). Хэнань, 1991; Чжунго гунчаньдан люшинянь (Шестьдесят лет КПК). Нанкин, 1984; Чжунгун данши цзяосюэ цанькао цзыляо (Справочные материалы по изучению истории КПК). Т. 23–24 / Акад. обороны НОАК. [Пекин, 1986]; Чжунгун няньбао, 1969 (Ежегодник по Коммунистическому Китаю за 1969 г.). Тайбэй, 1969; то же за 1975. Тайбэй, 1975; *Bennett G.A., Montaperto R.N.* Red Guard: The Political Biography of Dai Hsiao-ai. N.Y., 1972; China Year Book, 1962–1963. Taipei, 1963; The Chinese Cultural Revolution as History / Ed. by J.W. Esherick, P.G. Pickowicz, A.G. Walder. Stanf., 2006; The Cultural Revolution in China / Ed. by T.W. Robinson. Berk., 1971; The Cultural Revolution in the Provinces. Cambr. (Mass.), 1971; *Hong Yung Lee.* The Politics of the Chinese Cultural Revolution: A Case Study. Berk., 1980; *MacFarquhar R.* The Origins of the Cultural Revolution. Vol. 3. The Coming of the Cataclysm, 1961–1966. N.Y., 1997; *Nee V., Layman D.* The Cultural Revolution at Peking University. N.Y., 1969; The Politics of the Chinese Red Army. Stanf., 1966; *Waider A.G.* Chang Ch'un-ch'iao and Shanghai's January Revolution. Ann Arbor, 1977; *Witke R.* Comrade Chiang Ch'ing. Boston, 1977.

В.Н. Усов

Теория Дэн Сяо-пина: путь к реформам и открытости

Теория Дэн Сяо-пина как программа экономической модернизации КНР методами рыночной экономики при сохранении общественной собственности как доминирующей основы сложилась в середине 70-х — начале 80-х годов в ходе претворения в жизнь принятого руководством КНР в январе 1975 г. курса на осуществление четырех модернизаций — сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники. В первую очередь он приступил к проведению «всестороннего упорядочения» всей подорванной в результате «культурной революции» административно-хозяйственной жизни, поставив задачи по созданию эффективной структуры управления производством, реформированию системы взаимоотношений центра и мест на основе передачи части полномочий низовым организациям, упрощению военного и административного аппарата, восстановлению нормативной базы, внедрению «системы ответственности» за руководство предприятиями и проведению в жизнь принципа распределения по труду.

1975 г. считается началом формирования и проверки на практике основных идей Дэн Сяо-пина о проведении реформ и открытой политики, в первую очередь его центральной идеи о приоритете экономического строительства, сформулированной им еще в 50-е годы.

Однако вскоре Дэна обвинили в игнорировании «успехов культурной революции» и насаждении «теории» приоритета производительных сил. Эти обвинения были поддержаны Мао Цзэ-дуном, и в конце 1975 г. Дэн вновь был отстранен от государственного управления и снят со всех занимаемых постов.

Вернуться к осуществлению программы модернизации Дэн Сяо-пину удалось лишь после обеспечения необходимых для этого политических условий, связанных с отстранением от власти «банды четырех» в октябре 1976 г. и окончательным завершением «культурной революции».

Такие условия были созданы на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., принявшем историческое решение отказаться от теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» и установки на ведение «классовой борьбы» в качестве главной задачи деятельности КПК и перенести центр тяжести партийной работы на осуществление социалистической модернизации. После III пленума Дэн сформулировал ключевые теоретические и программные положения стратегии реформ.

Цель социалистической модернизации — выведение Китая к середине XXI в. на уровень среднеразвитых государств по производству на душу населения и достижение на этой основе всеобщего благосостояния граждан. Путь модернизации — ускоренный экономический рост, качественное обновление экономики и повышение ее эффективности на базе развития научно-технического потенциала. Исходя из того, что наука есть «главная производительная сила», он относил ее развитие к важнейшим задачам экономического строительства, одновременно призывая к заимствованию передовых зарубежных научно-технических достижений. Постановка задачи по развитию науки и техники связывалась Дэн Сяо-пином с повышением роли интеллектуального труда в осуществлении модернизации и положения интеллигенции в обществе.

Дэн Сяо-пин полагал, что социализм дает возможность обеспечить необходимую концентрацию материальных и людских ресурсов для ускоренного социально-экономического развития и достижения всеобщего благосостояния, не допуская сосредоточения основной части общественного богатства в руках малой части общества. Социализм в Китае строится с учетом национальной специфики, заключающейся в исторически сложившейся и объективно обусловленной социально-экономической отсталости, в условиях дефицита пахотной земли и других необходимых ресурсов для обеспечения нормальных условий жизни и развития страны с миллиардным населением. Учитывая, что преодоление отсталости Китая потребует длительного времени, было принято принципиальное теоретическое положение о том, что КНР находится на начальной стадии социализма, которая продлится до середины XXI в.

Экономическую основу этой модели составляет общественная собственность на средства производства, при этом поощряется развитие несоциалистических секторов экономики, включая частный сектор. Дэн считал неверным противопоставление плана и рынка, рассматривая и то и другое лишь как средства в руках государства. В период реформ 80–90-х годов роль рыночных отношений как главного регулятора развития экономики была расширена.

Теория Дэн Сяо-пина: путь к реформам и открытости

Основные средства осуществления модернизации — реформы и политика открытости. Реформы направлены на приведение производственных отношений в соответствие с задачами развития производительных сил, с тем чтобы производственные отношения не становились тормозящим фактором для развития страны. Политика открытости призвана включить КНР в процесс экономической глобализации, содействовать активному привлечению зарубежных капиталов, использованию достижений науки и техники, заимствованию управленческого опыта, с тем чтобы в конечном счете повысить конкурентоспособность Китая в мире.

Процесс реформ охарактеризован Дэн Сяо-пином как «вторая революция» после 1949 г., но революция, не направленная на слом старой надстройки и свержение какого-либо общественного класса, а революция в смысле революционного обновления социализма на его собственной основе путем самосовершенствования.

Экономическая реформа невозможна без реформы политической системы. Политико-идеологическая надстройка характеризуется в его теории как диктатура пролетариата под руководством КПК. Политическая жизнь страны строится в соответствии с выдвинутыми Дэн Сяо-пином «четырьмя основными принципами»: следовать социалистическому пути, придерживаться диктатуры пролетариата, руководства КПК и марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэ-дуна ради обеспечения главного условия нормального хода реформ — политической стабильности. Никакие отклонения от этой линии в сторону политико-идеологической либерализации недопустимы. Дэн принципиально возражал против заимствования западной модели демократии с разделением трех ветвей власти и борьбой партий за власть, считая ее неподходящей для китайских условий, поскольку вместо гарантированного социального мира она может привести к анархии и политическому хаосу со всеми вытекающими отсюда последствиями как для КНР, так и для его соседей и всего мира. Содержание же реформы политической системы состоит в повышении эффективности существующей ныне системы представительных органов власти (собрания народных представителей и т.п.), расширении их контролирующих функций и демократических начал в их деятельности, упрощении и сокращении управленческого аппарата, разделении полномочий между партийными и административными органами, между центром и местами и т.д.

Первостепенную, ключевую роль здесь имело реформирование механизма формирования и функционирования корпуса кадровой номенклатуры (*ганьбу*), особенно его руководящих звеньев в центре и на местах, с тем чтобы обеспечить проведение политики модернизации и реформ политически лояльными, компетентными и дееспособными руководителями на всех уровнях. Важнейшим направлением этой работы было проведение процесса институциализации самого механизма подбора и назначения кадров, прежде всего на руководящие посты, чтобы снизить влияние на этот механизм субъективного фактора, укорененного как в политической культуре Китая, так и в политической практике эпохи Мао Цзэ-дуна. На рубеже 80–90-х годов Дэн формально отошел на второй план в высшей партийно-государственной иерархии, выдвинув на первые роли представителей более молодой генерации руководства КНР, при этом продолжая реально контролировать разработку, принятие и проведение в жизнь стратегических решений. Это дало ему возможность и моральное право обновить руководящий состав управленческого аппарата, переведя многих руководителей — ветеранов революции на положение советников. Проведенная Дэн Сяо-пином реформа механизма партийно-государственного управления заложила основы для последующего решения проблемы преемственности власти в рамках принятого в Китае законодательства и процедурных норм без всяких политических эксцессов и общественных потрясений.

Проведение в жизнь курса Дэн Сяо-пина неразрывно связывается с превращением КНР в современное правовое государство, «управляемое на основе закона», при сохранении руководящего статуса компартии и существующей в стране системы собраний народных представителей и многопартийного сотрудничества под руководством КПК. За годы реформ разработан массив законодательных актов, регламентирующий все стороны экономической, государственной и общественной жизни.

Коммунистическая партия Китая

Особое место и в проведении реформы политической системы, и в целом в процессе модернизации уделяется правящей партии — КПК как гаранту обеспечения социально-политической стабильности, без которой невозможно успешное проведение курса на модернизацию.

Важнейшее значение в теории модернизации Дэн Сяо-пина отводится человеческому фактору. Воспитание «нового человека» проводится с начала 80-х годов в рамках курса на создание социалистической духовной культуры, охватывающей всю духовную сферу жизни общества — идеологию, собственно культуру, мораль, право — и нацеленную на формирование современной культурно-цивилизационной среды, без которой модернизация немыслима.

Таким образом, в процессе практических поисков путей социалистической модернизации в КНР само это понятие постепенно расширялось от форсированного проведения индустриализации при опоре на административные ресурсы государства до модернизации всех основных сфер экономики с использованием рыночных механизмов, а затем и политико-административной и духовной основ жизнедеятельности китайского общества. Эволюция политики модернизации КНР связана с постепенным расширением границ экономической свободы при одновременном совершенствовании механизма управления с помощью внедрения в него отдельных элементов демократизации и формировании современной цивилизованной культурной среды. Но неизменным условием проведения политики модернизации КНР оставалось сохранение руководящей роли КПК.

В процессе разработки стратегии модернизации Китая Дэн Сяо-пином была пересмотрена прежняя концепция развития современного мира, сводившаяся к тому, что его основу составляли мировая война и революция. Согласно его теории, основными тенденциями, определяющими состояние современных международных отношений, являются мир и развитие.

Неотъемлемой частью программы модернизации Дэн Сяо-пина является завершение процесса объединения страны по формуле «одно государство — два строя», предусматривающее сохранение на длительное время в Сянгане, Аомыне и на Тайване, после их воссоединения с КНР, существующего там капиталистического строя.

При разработке программы социалистической модернизации Дэн Сяо-пин не имел готовых ответов на сложнейшие вопросы ее осуществления в столь огромной стране. Коллективная разработка этой программы под руководством Дэн Сяо-пина велась методом «переходить реку, нащупывая камни». При этом большое внимание в Китае уделялось и продолжает уделяться активному изучению мирового опыта социально-экономического и общественно-политического развития, учету и использованию тех его аспектов, особенно в сфере управления, которые представляют интерес для КНР и не противоречат условиям страны.

Разрабатывая стратегию дальнейшего проведения курса на модернизацию КНР в 90-е годы, Дэн Сяо-пин опирался на анализ кризисной ситуации, охватившей в 1989 г. весь социалистический мир. Причины кризиса были внимательно изучены и учтены при корректировке курса на модернизацию КНР применительно к наступившему тогда новому этапу всемирно-исторического развития, связанному с распадом СССР и социалистического лагеря в Восточной Европе и иными факторами.

В ходе инспекционной поездки на юг Китая в начале 1992 г. Дэн Сяо-пин делает вывод о необходимости дальнейшего ускорения реформ на основе расширения сферы действия рыночных отношений и предлагает для определения действенности проводимых реформ и политики открытости три критерия: способствуют ли реформы развитию производительных сил, способствуют ли они укреплению совокупной государственной мощи, способствуют ли повышению жизненного уровня народа. Проводимый с конца 70-х годов курс, основанный на последовательном возрастании степени экономической свободы при одновременном совершенствовании механизма управления и формировании цивилизованной культурной среды в условиях сохранения руководства КПК, он предложил сохранять практически на весь период социалистической модернизации (100 лет). Развивая реформу, руководство КНР во главе с Дэн Сяо-пином объявило в 1993 г. о соединении рыночной экономики с социализмом.

На XV съезде КПК в 1997 г. в Устав партии было включено положение о руководящей роли «теории Дэн Сяо-пина» на начальной стадии социализма. Она рассматривается в качестве нового

Теория Дэн Сяо-пина: путь к реформам и открытости

этапа развития марксизма, второго теоретического достижения в Китае после «идей Мао Цзэ-дуна», и научной системы строительства социализма с китайской спецификой.

В процессе дальнейшего развития теории Дэн Сяо-пина его идеи оформляются в развернутую многоплановую, цельную теоретическую конструкцию, «законченную научную систему», направленную на решение главных задач на перспективу: формирования сравнительно совершенной системы социалистической рыночной экономики; создания реального фундамента для осуществления модернизации к середине XX в.; продолжения реформы политической системы и построения социалистического правового государства; формирования социалистической духовной культуры; проведения курса на мирное объединение страны по формуле «одно государство — два строя».

В теории Дэн Сяо-пина китайские обществоведы выделяют учение о развитии, политическую идеологию, экономическую философию и другие аспекты. Сердцевиной учения о развитии является вывод о социалистическом характере модернизации КНР, единстве политики и экономики, гарантирующем, в отличие от СССР и стран Восточной Европы, социалистический путь развития Китая. Основа экономической философии Дэн Сяо-пина — сбалансированность экономических и внеэкономических противоречий: во взаимоотношениях между экономикой и политикой, экономикой и обществом, экономикой и культурой и т.д. Как подчеркивают китайские теоретики, Дэн Сяо-пин вышел на новый уровень понимания социализма, стержнем которого становится освобождение и развитие производительных сил, а система организации нацелена на избавление общества от эксплуатации, имущественной поляризации и достижение всеобщего благосостояния. Экономическая философия Дэн Сяо-пина основана на комплексном подходе к проблемам модернизации, увязывая воедино производственные отношения, надстройку, политическую систему, культуру, мораль, развитие самого человека и т.д. Важнейшей заслугой Дэн Сяо-пина признано философское осмысление возможностей «использования шанса» для подъема производительных сил Китая. Ядро идеологии Дэн Сяо-пина составляет политическая стабильность как гарантия успеха модернизации. Она базируется на «четырех постоянствах»: неизменности курса на модернизацию, проведении политики открытости, реформировании экономической и политической систем, объединении КНР по формуле «одно государство — два строя». Этот политический курс рассчитан на весь период модернизации.

Опыт тридцати лет реформ показал, что Дэн Сяо-пину благодаря критическому переосмыслению исторического опыта построения социализма в КНР, исправлению левацких ошибок и перегибов удалось вывести страну из тупика догматического застоя и обеспечить начало ее поступательного развития. Прежний метод руководства страной с помощью непрерывно сменяющих друг друга политико-идеологических кампаний уступил место долговременному целенаправленному курсу, ключевыми понятиями которого становятся «государство», «китайская нация», «патриотизм», «социалистическая демократия», «правление на основе закона», «справедливость» и др. Последовательный курс Дэн Сяо-пина на внедрение рыночных отношений в экономику не сопровождался столь же радикальными преобразованиями в политической системе. Содержание разрабатывавшейся им реформы политической системы сводилось не к постепенному демонтажу существующего строя вслед за повышением степени либерализации экономики, а к совершенствованию исторически сложившегося административно-политического механизма. Реформа проводится таким образом, чтобы ее темпы соответствовали потребностям реформирования экономики и развития общества, не отставая от решения возникающих в связи с этим задач, но и не «забегая вперед», поэтапно, с учетом существующих объективных условий. Основу учения Дэн Сяо-пина характеризует единство теории с практикой. Однако достижение такого эффекта стало возможным лишь при условии пересмотра самой теории, освобождения ее от элементов, не свойственных национальному мышлению китайского народа и не соответствующих по существу и условиям того времени, в котором осуществляется в КНР построение нового общества. Невозможность достижения целей построения социализма в отсталой стране в кратчайшие сроки, постоянная оглядка на колебания в политике и идеологии соседних стран социалистической ориентации вели в 50–70-е годы к неустойчивости собственного политико-идеологического и экономического курса КНР, «разрешавшейся» в многочисленных массовых

политических кампаниях. Стабильный курс реформ сочетается с активной деятельностью по созданию благоприятных международных условий для стабильного экономического развития и ведения свободной конкурентной борьбы за место на мировых рынках. Провозглашая политику открытости миру, Китай, как явствует из теории Дэн Сяо-пина, сохраняет за собой право на самостоятельное и самобытное решение всех своих экономических и социально-политических проблем. Подход к их решению рассматривается как внутреннее дело страны и ставится в зависимость от ее реальных возможностей.

Разумеется, в условиях глубокого реформирования всей административно-хозяйственной жизни страны на рыночной основе, сопровождающейся появлением новых и обострением старых противоречий, при отсутствии достаточного опыта такого реформирования невозможно избежать сопутствующих этому процессу негативных явлений, таких, как рост имущественного расслоения и поляризации общества, растущий разрыв в уровне развития города и деревни, приморских и внутренних регионов, разрастание коррупции на фоне бедности все еще огромных масс населения, особенно в деревне, эрозия традиционных и социалистических морально-этических ценностей. Условия для этих явлений постоянно воспроизводятся самой рыночной средой и открытостью страны внешнему миру. Им способствует и обострение проблемы занятости вследствие проводимой в КНР перестройки экономики в целях повышения ее конкурентоспособности после вступления Китая в ВТО. Поэтому сохранение социально-политической стабильности и предотвращение кризисных явлений во многом зависит от политической воли, умения и способности власти противодействовать негативным явлениям, ограничивая их масштабы и степень воздействия на экономику, общество и саму государственную власть, умения учитывать и регулировать интересы новых социальных слоев и решать возникающие в связи с этим противоречия. Особое значение здесь имеет вопрос о дальнейшем развитии и углублении реформы политической системы, направленной на укрепление в ней демократических начал.

И власть, и общество в КНР осознают, что, несмотря на все трудности и издержки, рыночные реформы, направленные на дальнейшее развитие производительных сил и повышение мировой конкурентоспособности экономики страны, необходимо решительно и последовательно продолжать, ибо только на этом пути Китай сможет достигнуть к середине XXI в. уровня среднеразвитых стран по производству на душу населения. Четко осознается и то, что любые попытки самоизоляции от внешнего мира неизбежно приведут к застою, особенно в условиях резкого ускорения процесса экономической глобализации и вступления мира в информационную эпоху.

Решение задачи дальнейшего повышения уровня жизни народа связывается с выполнением программы построения общества «малого достатка» — *сяо кан* как долговременной цели, достичь которую планируется за несколько десятилетий — к середине наступившего столетия. Реализация этой программы намечена на базе выдвинутой Ху Цзинь-тао «концепции научного развития», направленной на обеспечение всесторонне сбалансированного, комплексного, устойчивого развития страны, акцент в котором делается на достижение качественного роста вместо прежней погони за количественными показателями, на всестороннее развитие человеческих ресурсов, на сбережение окружающей среды.

Важнейшая особенность процесса эволюции идейно-теоретической платформы КПК в ходе проведения политики реформ и открытости — его строго контролируемый характер, ибо его целью является не выполнение каких-либо идеологических установок (что было характерно для дореформенной модели социализма в КНР), а обеспечение устойчивого комплексного развития страны. Это рассматривается в КНР как категорический императив, особенно при нынешней жесткой конкурентной борьбе между крупными державами и транснациональными корпорациями за мировые ресурсы и рынки, тем более что серьезный сбой в темпах и в качестве социально-экономического развития, в условиях перенаселенности и дефицита основных природных ресурсов в КНР чреват социальным взрывом. Заданная цель развития должна быть достигнута в первую очередь путем обеспечения эффективного управления страной, опираясь на исторически сложившийся государственно-политический механизм.

Опыт проводившихся под руководством Дэн Сяо-пина реформ, основанный на реальных достижениях Китая в кратчайшие по историческим меркам сроки, высоко оценивается в мире. Ряд

Теория Дэн Сяо-пина: путь к реформам и открытости

принципиальных моментов теории Дэн Сяо-пина в практике осуществления политики реформ и открытости привлекают внимание политиков развивающихся стран. Это дает акцент на интересы своего народа, а не на формально декларируемые цели преобразований, предопределяющие средства их проведения, прежде всего их «социальную цену». Это учет реальной специфики страны, а не односторонняя ориентация на те или иные отечественные или заимствованные за рубежом теоретические построения. Это реальная самостоятельность страны в определении целей, методов и темпов преобразований.

Дэн Сяо-пин проводил реформы в тяжелейших исходных условиях, когда на объективно существующее противоречие между перенаселенностью КНР и ограниченностью пахотной земли, питьевой воды и других природных ресурсов наложилась катастрофа «культурной революции», усугубившая и без того низкий уровень развития производительных сил, образования, науки и техники и поставившая на грань развала само государство. Исходя из специфики и исторического опыта Китая, где решающую роль играет крестьянство, до сих пор составляющее подавляющее большинство его населения, Дэн начал реформы в первую очередь в деревне, дав крестьянам свободу распоряжаться продуктами своего труда, а затем, стабилизировав ситуацию и создав основу для формирования рынка, в середине 80-х годов приступил к проведению реформы в городе. Он отбросил стереотипы уравниловки и призвал дать возможность на первом этапе достичь зажиточности части людей и части регионов, чтобы добиться ускорения общего экономического развития, которое позволит впоследствии «подтянуть» отстающие регионы, отрасли и т.д. Действуя в столь непростой экономической и политической обстановке, Дэн придавал первостепенное значение общеполитической стабильности, идя на самые жесткие меры для ее обеспечения.

Под этим углом зрения строится и отношение Дэн Сяо-пина к идейно-теоретическому наследию КПК — «идеям Мао Цзэ-дуна», выступающим в качестве «китаизированного марксизма». Будучи поставлен перед необходимостью устранения идеологических барьеров на пути проведения модернизации и реформ, Дэн Сяо-пин не пошел по пути ни полного отказа от «идей Мао Цзэ-дуна», ни «встраивания» своей теории модернизации КНР в рамки их содержания. На проведенном в 1981 г., в самом начале начатой Дэном эпохи реформ, пленуме ЦК КПК была принята официальная оценка «идей Мао Цзэ-дуна» с позиций политики реформ и открытости. «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» пленума носило компромиссный характер. С одной стороны, в нем были подвергнуты критике отдельные левацкие «ошибки» Мао Цзэ-дуна, на которого возложена главная ответственность за «культурную революцию». Подверглась критике и установка Хуа Го-фэна на «два абсолюта» («абсолютно все решения, вынесенные Председателем Мао, мы должны решительно соблюдать, абсолютно всеми указаниями Председателя Мао мы должны неизменно руководствоваться»). Прагматический принцип «реалистического подхода к действительности» объявлен «основным принципом марксизма», обеспечивающим освобождение от «догматического отношения» к нему и «идеям Мао Цзэ-дуна». С другой стороны, в решении говорится, что «заслуги» Мао Цзэ-дуна «в значительной степени преобладают над промахами». «Идеи Мао Цзэ-дуна» объявлены «продуктом соединения общих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». При этом в нем поставлен вопрос об отделении «правильных» «идей Мао Цзэ-дуна» от его же «ошибок», которые предстают, таким образом, как «ошибки» отдельной личности, противоречащие научному содержанию «идей Мао Цзэ-дуна».

В результате проведенного на пленуме пересмотра роли и места Мао Цзэ-дуна в китайской революции и в строительстве социализма в КНР «идеи Мао Цзэ-дуна» были сведены к двум теориям, сохранившим свою ценность и на современном этапе: теории новой демократии и теории демократической диктатуры народа. «Идеи Мао Цзэ-дуна» были провозглашены «коллективной мудростью партии», вобравшей в себя теоретические достижения всех видных деятелей КПК, что вкупе с принципом соединения марксизма с практикой Китая позволило вносить в них коррективы, диктуемые проведением курса на реформы и открытость.

Поставив задачу правильного овладения «идеями Мао Цзэ-дуна» как научной теорией, авторы решения подтвердили, что эти идеи «остаются и останутся и в будущем ценным ядром в деле со-

циалистической модернизации страны». Такая оценка «идей Мао Цзэдуна» позволяла смягчить идеологическую напряженность в стране, связанную с противоречивым восприятием фигуры Мао как в среде кадровых работников, так и в партии и в обществе в целом. В то же время она не создавала идеологических препятствий для разработки теории социалистической модернизации на основе установок Дэн Сяо-пина, поскольку главным в содержании «идей Мао Цзэ-дуна» провозглашался методологический принцип учета китайской специфики.

Дэн Сяо-пин следовал принципу «исходить из практики» (в этом смысле показательно отсутствие в собраниях его сочинений объемных теоретических трудов). Ключевым вопросом политики модернизации страны он считал подъем производительных сил, основным методом руководства — по сути учет материальных интересов, реализуемый через механизм рыночных отношений. Отсюда — широкое внедрение семейного подряда в деревне вместо народных коммун, основанных на внеэкономическом принуждении, многообразие форм собственности в экономике города и деревни, внедрение принципа распределения по труду, выдвижение установки на целесообразность достижения зажиточности первоначально частью населения и регионов, отход от ненужной зацентрализованности сферы управления, курс на всемерное развитие науки и техники как первой производительной силы, широкая экономическая, внешнеполитическая и культурная интеграция с внешним миром.

В дэновской теории «строительства социализма с китайской спецификой» воплощены в жизнь основные идеи и принципы «новой демократии»: фактическая опора на крестьянство как решающую социально-политическую силу общества, во всяком случае на начальном этапе реформ в 1979–1984 гг., связанным с преобразованиями в деревне, развитие национального капитализма при опоре на государственный сектор, широкое привлечение иностранных инвестиций.

Завершение процесса построения социализма растягивается на многие десятилетия, но само по себе построение социализма неизменно сохраняется в программных документах КПК в качестве конечной цели.

Со времени начала реформ, инициированных и проводившихся под руководством Дэн Сяо-пина и в целом успешно продолжающихся и сейчас, прошло уже 30 лет. Именно за это время КНР совершила невиданный скачок в развитии производительных сил и в деле построения общества «малого достатка», обретя в мире достойный статус великой державы.

***** Дэн Сяо-пин вэньсюань (Избр. соч. Дэн Сяо-пина): В 3 т. Пекин, 2004; *Дэн Сяо-пин.* Избранное. Пекин, 1982; *он же.* Основные вопросы современного Китая: [Речи и беседы, сент. 1982 — июнь 1987]. М., 1988; *он же.* Строительство социализма с китайской спецификой: Статьи и выступления. М., 1997, 2002. ****** *Пан Юань-чжэн.* Дэн Сяо-пин лилунь цзинсуй (Квинтэссенция теории Дэн Сяо-пина). Пекин, 1998; Цзюши няньдай Дэн Сяо-пин лилунь яньцзю (Изучение теории Дэн Сяо-пина в 90-е годы). Тяньцзинь, 1999; Дэн Сяо-пин юй дандай чжунго хэ шицзе (Дэн Сяо-пин и современный Китай и мир). Пекин, 2004; *Си Юй-чжи.* Цун Мао Цзэ-дун дао Дэн Сяо-пин (От Мао Цзэ-дуна к Дэн Сяо-пину). Пекин, 2004; *Титаренко М.Л.* Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999; *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай–Россия 2050: стратегия развития. М., 2006; КНР 55 лет. Политика, экономика, культура. М., 2004; *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998.

Д.А. Смирнов

КПК в период реформ и открытости (1978–2007)

От III пленума ЦК КПК 11-го созыва к XIII съезду КПК. КПК имеет длительную историю. Ее создание было провозглашено на I съезде партии (23 июля — 5 августа 1921 г.). Коммунистическое движение в Китае формировалось в специфических условиях начала XX столетия, характеризовавшихся повсеместным развитием и взаимодействием национально-освободительных и коммунистических движений во многих странах и регионах земного шара, ростом национального самосознания.

Одна из важных характеристик партийного строительства КПК — постоянный рост численности партии и расширение ее социальной базы. Как до образования КНР, так и в последующий период наблюдался постоянный рост численности КПК. Если к I съезду КПК было зарегистрировано 53 члена партии, то к XVI 66 355 млн., а к XVII — более 72 млн. Это около 5% населения КНР. В КПК действуют 3 451 млн. первичных организаций. Число членов КПК в возрасте моложе 35 лет в 2003 г. составляло 15 297 млн. человек. В 2001 г. в столичных вузах в КПК вступили 9 309 новых членов, в 2003 г. это число достигло 17 000 человек. На середину 2003 г. в КПК состояло около 7% обучавшихся в столичных вузах студентов и приблизительно одна треть аспирантов.

Существенной особенностью современного партийного строительства является неуклонное повышение образовательного и культурного уровня партийцев. Число коммунистов со средним образованием второй ступени и высшим образованием составляло на конец 2003 г. 55,2 и 25,7% соответственно. По данным на 2003 г., в рядах КПК насчитывалось 7 942 млн. рабочих, 22 17 млн. крестьян, скотоводов и рыбаков, 20 млн. представителей интеллигенции, кадровых и технических работников. Новая прослойка в Компартии Китая — технический персонал предприятий, насчитывает приблизительно 11,6%.

Руководящие позиции КПК в государстве и обществе были закреплены уже в первой Конституции КНР 1954 г. Они подтверждены в Конституции КНР 1982 г. и в ее последующих редакциях, принятых 1-й сессией ВСНП 7-го созыва (4 декабря 1988 г.), 1-й сессией ВСНП 8-го созыва (29 марта 1993 г.), 2-й сессией ВСНП 9-го созыва (15 марта 1999 г.), 2-й сессией 10-го созыва (март 2004 г.). Во всех редакциях Основного закона страны представлено лишь самое общее описание места КПК в политической системе и в государственной структуре КНР. Только положение о партийном руководстве вооруженными силами получило юридические гарантии государства в Законе КНР об обороне (принят на 5-й сессии ВСНП 8-го созыва в марте 1997 г.).

Наиболее полную информацию о направлениях и механизме партийного руководства страной содержат Устав КПК и другие документы и решения съездов КПК, пленумов ЦК КПК, а также постановления и циркуляры ЦК КПК и ЦКПД (Центральная комиссия по проверке дисциплины) по различным партийным и политическим вопросам.

Прописанные в Уставе КПК (принят в 1982 г. на XII съезде КПК; на XIII–XVII съездах КПК в Общую программу и часть статей Устава были внесены поправки) вопросы партийного строительства, включая кадровую политику, дают общую картину внутрипартийной жизни и направлений влияния партии на государство и общество.

Положение КПК как правящей партии предопределило сильное влияние внутрипартийных событий и изменений на политическую систему страны в целом. Это воздействие усиливалось рядом особенностей исторического и политического характера, среди которых особое место занимало беспрецедентное сращивание в годы «культурной революции» аппаратов партии и государства в центре и на местах, в рамках системы «ревкомов» и «народных коммун».

Историки КНР делят историю КНР и КПК на два больших этапа. Официальной датой начала второго этапа считается III пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Деятельность партии периода реформ наглядно демонстрирует ее руководящую роль в процессе модернизации страны, в разработке теории и политического курса «реформ и открытости». Начиная с III пленума ЦК КПК 11-го созыва партия последовательно определяла и развивала основные принципы и направления экономического и политического развития страны, одновременно формируя общие положения теории построения «социализма с китайской спецификой» и его начального этапа.

Коммунистическая партия Китая

Новые теоретические подходы, обсуждавшиеся и принимавшиеся на пленумах и съездах КПК, нашли первоначально отражение в Конституции КНР (1982), а в дальнейшем — в поправках к преамбуле и к конкретным ее статьям. Принятая в КНР практика поправок к Конституции обеспечивает своевременное законодательное оформление новых теоретических и практических подходов, вызванных потребностями текущего времени.

III пленум ЦК КПК 11-го созыва вошел в историю КПК как поворотный момент в жизни партии и страны. В качестве основополагающих стали сформулированные Дэн Сяо-пином принципы «освобождения сознания», «реалистического подхода к делу» и внутрипартийного единства, отказ от приоритета идеи классовой борьбы в пользу экономического строительства как главного направления; на первый план выступили задачи развития производительных сил и преодоления в общественном сознании «болезни левизны», особенно поразившей политическую элиту в годы «культурной революции». Для Китая эти решения имели исключительно важное значение, положив начало формированию в стране новой политической культуры, отвечающей требованиям времени.

Партия формировала общие принципы и конкретную экономическую политику, прошедшую путь от «плановой товарной экономики» к «социалистической рыночной экономике», курс на построение которой был принят на XIV съезде КПК (1992) и на III пленуме ЦК КПК 14-го созыва (ноябрь 1993 г.). Одновременно разрабатывалась ее неотъемлемая часть — «политика открытости». Постепенность и поэтапность развития, включая методы проб и ошибок, являются специфической чертой политики реформ, направляемой КПК.

Новый экономический и политический курс, отраженный в решениях XII–XVII съездов КПК и пленумов ЦК, преобразовывался в «государственную волю» и внедрялся в политическую жизнь и в общественное сознание через механизм взаимодействия партии с государством и обществом.

Устранение из руководящей элиты различных уровней выдвиженцев «культурной революции», работа по пересмотру сфабрикованных дел и по реабилитации целого ряда руководителей, по восстановлению принципов демократического централизма, коллективного руководства в сочетании с личной ответственностью, соблюдению норм партийной дисциплины требовали от КПК большого напряжения и дополнительных усилий.

Инициативы партии по укреплению политической стабильности и исправлению стиля являлись важной частью партийной работы в течение 80-х годов, занимали большой удельный вес в общем объеме деятельности КПК. Об этом прежде всего свидетельствуют принятые партией постановления и решения: Постановление III пленума ЦК КПК 11-го созыва об упорядочении внутрипартийных норм и требований, Постановление V пленума ЦК КПК 11-го созыва (23–29 февраля 1980 г.) о некоторых нормах внутрипартийной политической жизни, Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР, принятое на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва (июнь 1981 г.), новый Устав КПК, принятый XII съездом КПК (сентябрь 1982 г.), Решение II пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1983 г.) об упорядочении партийных рядов. К концу 1982 г. было реабилитировано свыше 3 млн. кадровых работников. По данным на 1987 г., 33 896 человек были исключены из КПК, а 184 071 член партии получил партийные взыскания. Лишь к концу 1984 г. была решена задача выделения органов власти из структуры народных коммун и превращения волостной администрации в низовые органы исполнительной власти.

«Расчистка» поля деятельности для политики реформ сопровождалась развитием процесса институционально-политических изменений, сформулированных в рамках плана политических реформ на XIII съезде КПК (1987 г.), не потерявшего своей актуальности и в настоящее время. В основе этого процесса лежало стремление партии к поискам оптимальной формы взаимодействия с государственными органами в целях достижения наибольшей эффективности управленческого механизма.

Вопрос о политической реформе был поставлен Дэн Сяо-пином еще в 1980 г. В его выступлении — «Перестройка системы руководства партии и государства» — на расширенном заседании

Политбюро ЦК КПК по сути были поставлены все основные проблемы переустройства политической структуры, среди которых одно из центральных мест занял вопрос о разделении функций партии и правительства, в том числе проблема совмещения отдельными лицами многих важных должностей в партийных и правительственных учреждениях. Преодоление «чрезмерной концентрации власти» рассматривалось им в качестве одного из основных пунктов политической реформы, имеющей долгосрочный характер.

Принятый XII съездом Устав КПК дал новую формулировку содержания функций партийного руководства, в которой отразилось стремление КПК к отказу от подмены работы государственных органов и была выражена тенденция к концентрации усилий на разработке стратегических направлений политики развития. «Партийное руководство есть главным образом руководство в политическом, идеологическом и организационном отношениях». Эта формулировка вкупе с положением Устава о том, что «партия должна действовать в рамках Конституции и закона», ориентировала всю партию к изменению акцентов в управлении государством и обществом.

В структуре аппарата ЦК КПК в значительной степени была упразднена специализация по конкретным направлениям производства, науки и техники, устранен параллелизм в работе внутренних подразделений, ликвидирована система политотделов по отраслям народного хозяйства. Это отражало тенденцию к сужению сферы непосредственного партийного руководства отраслями народного хозяйства и свидетельствовало о попытках партии к концентрации усилий на разработке генеральной линии и стратегических направлений реформы и на развитии контрольных функций партии над работой государственных органов. Одновременно были восстановлены подразделения ЦК, практически прекратившие свою деятельность в годы «культурной революции»: Организационный отдел ЦК КПК, Центральная партийная школа, Секретариат ЦК КПК, взявший на себя ответственную роль посредника между ЦК КПК и Госсоветом, Отдел Единого фронта и Отдел внешних связей ЦК КПК, комиссия ЦК КПК по секретности и ряд других, которые и в настоящее время сохраняют свое место и значение в структуре аппарата ЦК КПК.

Значительное внимание партия уделяла идеологическим вопросам и воспитательной работе. Эти направления руководящей деятельности изначально и по сегодняшний день остаются в монопольном ведении партии. Особое место в области идеологической работы заняли вопросы изучения истории КПК. Результатом деятельности КПК на этом направлении явилось принятое VI пленумом ЦК КПК 11-го созыва «Решение по некоторым вопросам истории Коммунистической партии Китая со времени образования КНР». Осуждение в нем периода «культурной революции», ошибок и заблуждений Мао Цзэ-дуна, культа личности и догматических идеологических схем подавалось под углом зрения поисков партией пути развития методом «проб и ошибок». Решение давало членам партии и обществу новые ориентиры — в направлении построения «социалистической модернизации». Одновременно оно частично сохраняло идеологическую преемственность, подчеркивая универсальность сформулированных Мао Цзэ-дуном методов — «соединения всеобщих положений марксизма-ленинизма» с китайской практикой и «реалистического подхода к делу».

Сосредоточение на стратегических направлениях демонстрировали руководящая группа ЦК КПК по финансам и экономике, созданная решением Политбюро ЦК от 17 марта 1980 г., и исследовательский кабинет Секретариата ЦК КПК по работе в деревне, образованный в 1982 г.

Важной составной частью выдвинутых Дэн Сяо-пином «мероприятий по перестройке системы руководства партии и государства» являлось фомирование системы законности и правопорядка. Курс на развитие законотворческой деятельности государственных органов стимулировал процесс передачи партией своих полномочий в этой области. По мере развития государственных структур и активизации законотворческой работы ВСНП и его Постоянного комитета, Госсовета и народных правительств роль нормотворческой деятельности КПК в управлении страной снижалась, хотя и в настоящее время занимает важное место в многосубъектном правотворчестве КНР.

Учреждение в структуре аппарата ЦК КПК в январе 1980 г. Политико-юридической комиссии осуществлялось в соответствии с подходами Дэн Сяо-пина к определению места и роли в политике реформ системы социалистической законности.

Коммунистическая партия Китая

Значительную роль в формировании партийно-политического механизма управления играла политика КПК по преодолению застойной системы «пожизненного занятия руководящих должностей» в партийном и правительственном аппаратах.

Основную роль в деле построения системы омоложения и ротации кадров руководящего звена партии и государства играли утвержденная XII съездом КПК Центральная и провинциальные комиссии советников — новые подразделения в партийной структуре. Они создавались в качестве инструмента «своего рода перехода от пожизненного пребывания ответственных лиц на руководящих постах к порядку ухода на пенсию». Определенным этапом работы комиссий советников в данном направлении стали решения IV–V пленумов ЦК КПК 12-го созыва (1985 г.), определившие принципы ротации и обновления руководящего аппарата ЦК КПК, а также решения Всекитайской конференции КПК (18–23 сентября 1985 г.). Конференция удовлетворила просьбы об отставке большой группы руководящих работников, одновременно доизбрала в члены ЦК 56 человек, в кандидаты в члены ЦК КПК — 35 человек. Создание и функционирование в течение 1982–1992 гг. комиссий советников представляют специфическую особенность политической системы КНР тех лет.

Партийный механизм «правил и распорядков», прежде всего Постановление ЦК КПК о порядке выхода на пенсию кадровых работников пожилого возраста (февраль 1982 г.), проложил дорогу формированию политического механизма сменяемости руководящих работников высшего звена, который в настоящее время определяется сочетанием и взаимодействием партийных «правил и распорядков» с государственными и партийно-государственными законами и нормативными актами. Курс КПК на разделение функций партии и государства, правительственной администрации и предприятий реализовывался в попытках реформы государственного аппарата, которая входила в общий план политических преобразований.

Изменения в направлениях и механизме партийного руководства государством и обществом шли одновременно с изменениями в системе партийного строительства, главным образом в областях организационного строительства партии и ее кадровой политики. Устав КПК, принятый XII съездом партии в 1982 г., и поныне определяет, с учетом более поздних поправок к нему, основные принципы организации и деятельности КПК сверху донизу. Влияние Устава КПК выходит далеко за рамки внутрипартийной жизни. Закрепление в нем положений по восстановлению элементарных норм жизни и стиля партии, по «упорядочению» ее рядов, по восстановлению партийной вертикали — в условиях дезорганизации экономической и политической жизни страны, вызванной «культурной революцией», — способствовало наведению элементарного порядка в стране. Положения Устава о сменяемости кадров на высших должностях, о восстановлении принципа коллективности руководства, о запрещении «культа личности в любой его форме» и об аннулировании должности председателя КПК выводили партию и руководимое ею общество из-под обломков «культурной революции».

Прописанные в Уставе КПК основные параметры кадровой политики определяли ее в качестве основного канала партийного влияния на государственный механизм.

Деятельности КПК в настоящее время присущ ряд особенностей, связанных с конкретными историческими и политическими условиями развития страны. К специфическим условиям формирования партийного строительства относятся такие факторы, как многочисленность населения и социальная разнородность общества, неравномерность развития различных регионов страны и общий невысокий культурный уровень населения, отсутствие демократических традиций деятельности политических партий и укоренившиеся традиции авторитета вождя. Все эти обстоятельства предопределили более жесткие нормы внутрипартийной жизни, высокую степень нетерпимости к инакомыслию в партии и в обществе.

Значительное место во внутри- и внепартийной жизни заняли Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины и ее отделения на местах. Полномочия этих органов не ограничиваются расследованием дел о нарушении партийной дисциплины. Они распространяются на области «идеологии и стиля», «проверки и контроля». В течение 80-х годов комиссии по проверке дисциплины активно выполняли также и роль контрольных государственных органов, размежевание функций с которыми ожидалось лишь в будущем.

Высокий статус в системе центральных органов КПК имеет Военный совет ЦК КПК, состав которого определяется Центральным комитетом КПК. В этой области партия проявляет особую осторожность при осуществлении политики разграничения партийных и правительственных функций. Об исключительно высокой роли Военного совета ЦК в механизме управления государством и обществом со стороны партии свидетельствует и тот факт, что пост председателя Военного совета ЦК КПК был последним из высоких партийных должностей, который оставил Дэн Сяо-пин в процессе своего официального ухода с политической арены.

Специфической особенностью строительства КПК, направленной на достижение большей централизации управленческого партийно-правительственного механизма, является также функционирование института «партийных групп руководства», назначаемых (но не избираемых) партийными комитетами КПК соответствующих ступеней. Сфера их деятельности — «руководящий аппарат центральных и местных государственных органов, народных организаций, хозяйственных и культурных учреждений и других непартийных организаций...», а также «государственные ведомства, которым надлежит осуществлять в высшей степени единое централизованное руководство по отношению к подчиненным им организациям...».

События весны–лета 1989 г. оказали большое влияние на общую политику партии, в том числе на подходы к политической реформе. На передний план ввиду появившихся вызовов политической и социальной нестабильности вышли проблемы партийного строительства, в основном идейно-политического и организационного плана. В центр работы выдвинулись задачи дисциплинарной проверки членов партии, переподготовки кадров, политической учебы, а также борьбы с коррупцией и привилегиями в партийно-государственном аппарате. Решениями VI пленума ЦК КПК 13-го созыва (9–12 марта 1989 г.), принявшего Постановление об укреплении связей партии с народными массами, идейно-политическое направление в работе выдвигалось на передний план. Партия стремилась скорректировать ситуацию одностороннего увлечения экономической политикой.

Произошли изменения и в верхних эшелонах власти: на состоявшихся в июне и ноябре пленумах ЦК КПК 13-го созыва осуществилась смена второго поколения партийных руководителей третьим. Чжао Цзы-ян был освобожден с постов Генерального секретаря, члена Политбюро ЦК КПК и его Постоянного комитета, члена ЦК КПК и заместителя председателя Военного совета ЦК КПК. В результате кадровых перестановок шанхайский партийный лидер Цзян Цзэ-минь был выдвинут на пост генерального секретаря ЦК и председателя Военного совета ЦК КПК.

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось развертыванием идейно-воспитательной кампании по пропаганде «социализма с китайской спецификой». Начиная с 1990 г. она стала, по сути дела, постоянным фактором общей линии на укрепление политической стабильности в стране. Идейно-воспитательная работа осуществляется с различной степенью интенсивности, по различным направлениям и в разнообразных формах: по воспитанию патриотизма, дисциплины, коллективизма, по борьбе с коррупцией, с порнографией, за неподкупное и честное правительство. Используются также традиционные формы пропаганды — воспевание героев, лозунги, связанные с курсом «Пусть расцветают сто цветов и соперничают сто школ» и т.д.

Политика передачи административного управления в руки государственных органов, определившая основное направление изменений в политической системе КНР в 80-х — начале 90-х годов, и новые акценты в руководящей деятельности партии нашли свое отражение в структуре аппарата ЦК КПК. Общее количество подразделений аппарата ЦК было сокращено почти на одну треть. Функции упраздненных органов передавались в ведение государственных структур. Вместе с тем активизировалась деятельность организационного отдела ЦК и отдела пропаганды ЦК КПК.

Постепенно возрастала роль политико-юридической комиссии ЦК КПК, эффективно действовавшей в тесном взаимодействии с Центральной комиссией КПК по проверке дисциплины, а также с государственными контрольными органами министерств и ведомств.

Курс на усиление роли КПК в политической системе КНР (от XIV к XVI съезду КПК). Решения XIV съезда КПК (октябрь 1992 г.) продемонстрировали выход партии из состояния раздумий,

вызванного трагическими событиями весны-лета 1989 г. Партия подтвердила свою приверженность теории Дэн Сяо-пина и курсу политики реформ и открытости, поставила задачу построения «социализма с китайской спецификой» и ускорения процесса экономических реформ. Идейно-политические и организационные установки партии решением съезда были зафиксированы в Уставе КПК путем включения поправок к части статей. Важнейшие из них — это внесение в Устав тезисов о теории строительства «социализма с китайской спецификой» как единой идеологии для всех членов партии и о создании системы социалистической рыночной экономики как целевой установки реформы экономической системы.

XIV съезд КПК, провозгласивший курс на ускорение и углубление экономических реформ, вновь оживил политику «реформ и открытости», а III пленум ЦК КПК 14-го созыва открыл новый этап в развитии экономической реформы, этап перехода от «плановой товарной экономики» к «социалистической рыночной экономике». Историография КНР основные заслуги в формировании нового этапа политики реформ единодушно приписывает Дэн Сяо-пину, изложившему основные принципы перехода к социалистической рыночной экономике в ходе своей инспекционной поездки на юг Китая в январе–феврале 1992 г.

Важным направлением, определявшим содержание политического процесса и формирующим определенный уровень политической культуры в обществе, стала законодательная и нормативная деятельность центральных представительных и исполнительных органов власти. Направленная прежде всего на юридическое обеспечение и регулирование экономических преобразований, она тем не менее охватывала в той или иной степени широкий спектр жизнедеятельности страны. Общее количество законов и нормативных актов, принятых в эти годы ВСНП и его Постоянным комитетом, провинциальными СНП, Госсоветом и министерствами, значительно превосходило прежние цифры. С 1979 по 1997 г. ВСНП и Постоянный комитет ВСНП приняли 321 законодательный акт, из них 119 — после XIV съезда КПК. Госсовет за 18 лет принял 770 нормативных актов.

Система управления страной на легитимной основе постепенно затрагивала и области, ранее регулировавшиеся преимущественно партийными «правилами и распорядками». Осуществлялась разработка законодательства по созданию системы государственной службы, которой придавалось исключительно важное значение в деле преодоления чрезмерно централизованного кадрового управления. Начало было положено Временным положением о государственных служащих, принятым Госсоветом КНР в 1993 г., в 1995 г. был принят партийный документ — Временное положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов — первый открытый акт, регулирующий формирование партийно-государственной номенклатуры в руководящих структурах.

Одним из результатов текущего законотворческого процесса являлся факт его влияния на регулирование властных функций КПК в государстве и в обществе. Уходила в прошлое мелочная опека, смещались акценты в способах управления, формировались новые методы.

Усиление законодательных полномочий ВСНП и его Постоянного комитета и активная нормотворческая работа Госсовета в целом не создавали противоречивой ситуации в отношениях с партийным центром. Складывалась система взаимодействия партийных и государственных органов в сфере законотворчества.

Одним из результатов сотрудничества партии и государственных органов в области законотворчества являются совместные нормативные акты ЦК КПК и Госсовета, опубликование которых нередко предшествует принятию аналогичных государственных законов. Совместная нормативная деятельность осуществляется по актуальным направлениям экономической и политической жизни. К примеру, совместные нормативные акты регулировали вопросы управления землей (Циркуляр о дальнейшем усилении управления землей и эффективной защите пахотных земель, 15 апреля 1997 г.), развития демократических норм на низовом уровне, а также охватывали проблемы управления и борьбы с коррупцией (Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР об упорядочении произвольных сборов, штрафов и различных видов разверстки на предприятиях, 7 июля 1997 г.) и т.д.

Рост в обществе внутренних противоречий усилил внимание партии к воспитательной работе. На передний план в общей стратегии реформ все более выдвигалась проблема обеспечения равновесия между реформой и ее социальными последствиями. Негативные явления в духовной сфере стимулировали процесс теоретического формирования третьей составляющей политики реформ — политики «строительства социалистической культуры с китайской спецификой». Выдвижение в партийной политике начиная с VI пленума ЦК КПК 14-го созыва задачи «строительства духовной цивилизации» несколько смещало акцент с экономической и политической реформы в пользу более синхронного развития трех составляющих политики реформ: экономической реформы с китайской спецификой, политической реформы и политики строительства социалистической культуры с китайской спецификой. Идеи строительства духовной цивилизации заняли особое место в выступлениях Цзян Цзэ-миня в 1995–1997 гг.

Идейно-политическая и воспитательная работа, получившая широкий размах в 90-е годы, осуществлялась в различных формах. Помимо постоянной идейно-политической подготовки и переподготовки членов партии в рамках требований Устава, руководство активно использовало опыт проведения массовых кампаний, которые выходили за партийные рамки и охватывали широкие слои населения. В отличие от времен «культурной революции», идейно-политические кампании 90-х годов — это скорее движения образовательного и воспитательного характера, призванные создать в обществе атмосферу понимания политического курса и стоящих перед страной задач, сформировать необходимый уровень правового самосознания, способствовать утверждению высокой морали и в конечном итоге — помочь властным органам в их управленческой работе. Широкий размах во второй половине 90-х годов получило патриотическое движение, достигшее высокой точки в мероприятиях лета 1997 г., связанных с возвращением в лоно КНР Сянгана.

Специфической чертой организуемых КПК движений является их комплексный характер, включающий помимо идеологии правовое, патриотическое и духовное содержание. Важное место в этом процессе принадлежало и все больше занимает борьба против злоупотреблений и коррупции, против преступности, за исправление стиля работы партийного руководства и за ужесточение контроля внутри партии. Согласно законодательным актам о государственной службе, в той или иной мере этот комплекс вопросов отражается в планах обучения и переподготовки государственных служащих.

Сложность процесса укрепления правительственной вертикали в условиях перехода «к социалистическому рынку», рост регионализма и усиление коррупции в партийно-правительственном аппарате — иными словами, ослабление управляемости страной в переходный период вызвало необходимость усиления контрольной деятельности партии среди своих членов, в государстве и в обществе. Борьба с коррупцией стала одним из основных направлений работы Политико-юридической комиссии ЦК КПК и комиссий по проверке дисциплины всех ступеней, действовавших в тесной взаимосвязи с парткомами и государственными органами.

Отставание теории от практики в вопросах партийного строительства на местах требовало новых подходов и тщательной разработки механизмов влияния партии на предприятиях различной формы собственности. Однако более кризисная ситуация в области партстроительства сложилась в сельских районах, где организационное строительство изначально было подорвано еще в «культурную революцию», а затем ослаблено миграцией сельского населения в города.

XV съезд КПК (сентябрь 1997 г.) подвел итоги периода эволюционных изменений в партийной области и политической сфере. Ко времени созыва съезда политическая система КНР демонстрировала наличие своего рода функциональной специализации между партией, СНП всех уровней, народными правительствами и судебно-прокурорскими органами.

КПК находится в постоянном поиске оптимизации отношений между партией и государством, партией и обществом, не только не отказываясь при этом от руководящих позиций, но, напротив, изыскивая пути их усиления. Более того, по некоторым направлениям в результате применения метода «проб и ошибок» наблюдается возвращение к прежним позициям «единого руководства», хотя в иных формах и на новом уровне.

Коммунистическая партия Китая

Методы партийного руководства характеризовались тенденцией к усилению коллективного характера принятия решений. Развивавшаяся во внутрипартийной жизни, она соответствующим образом распространялась и на правительственный уровень. На съезде обозначились некоторые новые явления в области партийного строительства и в механизме партийного управления страной.

XV съезд КПК состоялся в ответственный период развития, когда, с одной стороны, выявились успехи политики реформ и открытости, с другой стороны, заявили о себе противоречия экономического, политического и теоретического толка на пути реформ. Теория, экономика, политика, культура — по всем этим направлениям накопились проблемы, требовавшие обсуждения и новых подходов.

В процессе подготовки съезда, в принятых им решениях и в механизме их реализации в «государственную волю» проявились как преемственность всех основных подходов партии к экономической и политической реформам, к принципам партийного строительства, так и новые качества.

В ходе подготовки съезда активно использовался старый проверенный метод работы руководства с членами партии и с населением — метод «обследования и изучения» экономической, политической и социальной ситуации на местах, что позволило партии критически осмыслить положение в стране.

Съезд, а также последовавшие за ним I и II пленумы ЦК КПК 15-го созыва продемонстрировали более значительное, чем прежде, расширение внутрипартийной демократии и практики консультаций с демократическими партиями и с беспартийными.

В истории КПК XV съезд стал первым съездом, к подготовке и к работе которого было привлечено такое широкое представительство от различных социальных слоев общества. По-прежнему активная роль в партийной жизни принадлежала старейшим деятелям КПК, хотя их участие в политической жизни уже не носило столь массового уровня, как раньше. По приглашению ЦК КПК в работе съезда с правом решающего голоса принимала участие группа ветеранов партии из 60 человек, вступивших в КПК до 1927 г. В работе съезда с правом совещательного голоса принимали участие 296 человек — ответственные руководители различных партийных и государственных органов и представители «некоммунистической общественности». На церемониях открытия и закрытия в качестве гостей присутствовало 140 человек.

Текст доклада, с которым выступил на съезде от имени ЦК КПК Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэ-минь, прошел предварительное тщательное обсуждение в партийных организациях и корректировался среди более чем 4000 специалистов различного профиля.

Важнейшим результатом съезда было принятие решения о переходе к новому этапу экономических реформ. Выдвинув требования о перестройке и усовершенствовании структуры форм собственности, об ускорении реформы госпредприятий, которая в течение 1995–1997 гг. осуществлялась в порядке эксперимента, по существу открыв шлюзы развитию различных форм собственности, съезд однозначно сделал выбор в пользу дальнейшего развития рыночных отношений. И в Китае, и за его пределами решения съезда, касающиеся реформы госпредприятий, расценивались как окончательный и необратимый поворот в направлении рыночных отношений.

Позиция съезда в области политической реформы отразила преемственность политики КПК в области политических преобразований. Съезд четко определил характер политической системы КНР. Он квалифицировал систему собраний народных представителей и систему многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК как ядро политической системы КНР, подчеркнув тем самым ее специфический характер и неприемлемость для Китая западных политических моделей.

Подтвердив тезис о поэтапном характере политической реформы, съезд продемонстрировал солидарность с известными взглядами Дэн Сяо-пина на политическую реформу, согласно которым ее всестороннее развитие возможно лишь на основе полной экономической стабилизации. Намеченная XV съездом КПК структурная административная реформа по своей глубине превосходила предыдущие мероприятия в этой области. К лету 2002 г. реформа в целом была завершена. В результате административной перестройки за 4 года число ведомств Госсовета было со-

кращено с 40 до 29, количество департаментов и управлений, учреждаемых ведомствами Госсовета, уменьшилось более чем на 200. Цифра сокращения штатов партийных и правительственных органов всех ступеней составила 1,15 млн. человек.

Другое важное направление политической реформы, четко обозначенное в докладе Цзян Цзэ-миня, — это ускорение формирования системы законности и правопорядка, активизация законотворческого направления в работе ВСНП и ПК ВСНП. Поставлен конкретный срок завершения «формирования социалистической правовой системы» и законодательной базы социалистической рыночной экономики — к 2010 г. Развитие данного направления рассматривалось в качестве одного из основных структурообразующих элементов политической реформы.

Принятый съездом курс на построение целостной системы управления страной на легитимной основе и создание нового правового поля жизнедеятельности государства и общества решениями 2-й сессии ВСНП 9-го созыва (5–15 марта 1999 г.) о внесении соответствующих поправок в Конституцию КНР получили законодательное оформление.

Принципиальная веха реформы права — принятие 3-й сессией ВСНП 9-го созыва (март 2000 г.) Закона о правотворчестве, который относится к числу наиболее важных законов государства.

В области кадровой политики партия продолжала прежний курс на «революционизацию, омоложение, интеллектуализацию и специализацию». Успешному развитию кадровой политики способствовал отлаженный механизм партийного и политического обучения кадров в системе таких учреждений, как Центральная партийная школа, Государственная административная академия, их филиалы в провинциях, кадровые школы, Центральная академия национальностей, Академия военных наук Китая, Академия национальной обороны НОАК и др.

Стабильным показателем партийного и государственного строительства стала система ротации партийных кадров высшего звена. Новый состав членов ЦК КПК, избранный XV съездом партии, обновился почти на $^1/_3$, а кандидатов в члены ЦК — на $^2/_3$. Высшее образование имели 318 членов и кандидатов в члены ЦК КПК (92,4%).

XV съезд сфокусировал свое внимание на задаче усиления всех каналов воздействия правящей партии на государство и общество, соответственно — на повышении требований к соблюдению членами КПК норм партийной жизни.

Усиление централизации в КПК и ее влияния на государство и общество, провозглашенное съездом как необходимая составная часть реформы политической системы, осуществлялось прежде всего на пути совмещения высших должностей внутри партии, а также партийных и государственных постов.

Усиление партийного влияния в государственных органах проявилось при формировании кадрового корпуса. Все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 15-го созыва были депутатами ВСНП, а в состав Постоянного комитета ВСНП 9-го созыва входили четыре члена Политбюро ЦК КПК 15-го созыва.

Процесс совмещения постов к 2000 г. принял массовый характер, охватив частично и провинциальный уровень. Если в конце 80-х годов количество совмещений постов партийных секретарей и должностей председателей постоянных комитетов провинциальных СНП практически равнялось нулю, то к началу 2000 г. оно имело место уже в 11 провинциях Китая.

Предметом особой озабоченности продолжало оставаться организационное строительство партии в сельских районах. Проведенное по поручению ЦК КПК уже после XV съезда КПК «обследование и изучение» состояния партийного строительства в сельских районах десяти провинций показало, что деревенские партийные ячейки «местами утратили былое влияние, уступив часть своего авторитета лидерам общин и даже руководителям нелегальных религиозных и культовых сект». Углубление процесса выборности местной администрации на деревенском и волостном уровне, предусмотренное решениями III пленума ЦК КПК 15-го созыва (октябрь 1998 г.), предполагалось осуществлять во взаимодействии с «повышением руководящих функций» сельских партийных ячеек.

Большое значение в партийном строительстве и в политике усиления партийного влияния на государственные структуры придавалось развитию воспитательной и контрольной функций

партии. Повышение роли этих направлений партийной работы в период между XV и XVI съездами КПК демонстрировало инициированное партийным руководством «движение по обучению в трех направлениях» (*сань цзян цзяо юй*): в теории, в политике и в области партийного стиля.

На рубеже веков по мере обострения внутренних противоречий, связанных с ростом безработицы и усилением социального неравенства, ясно обозначилась необходимость разработки новых подходов к политике развития. Подготовка к XVI съезду КПК (8–14 ноября 2002 г.) стимулировала развитие партийного строительства по широкому спектру: от общественных наук до обновления партийной теории, от экспериментальной практики в области внутрипартийной жизни и кадровой политики до нормотворческой деятельности и обобщений в области отдельных направлений реформы политической системы. Результаты социологических исследований представили новую картину социального состава китайского общества и соответственно поставили перед высшим руководством задачу корректировки политики с учетом изменившейся социальной структуры и вызовов глобализации. Научно обоснованный вывод об изменившейся социальной структуре китайского общества, включающей в настоящее время, по данным обследования, 10 социальных слоев, стал исходным пунктом для формирования новых направлений в партийном и политическом строительстве. Констатация наличия среднего класса и выявленная тенденция к росту его численности поставили руководство КПК перед необходимостью учитывать в своей политике его интересы.

Процесс «политического обновления» КПК в области партийной теории обозначился в начале 2000 г. в рамках выдвинутой Цзян Цзэ-минем идеи «трех представительств», согласно которой партия в новых условиях должна представлять и выражать интересы развития передовых производительных сил, передовой культуры и абсолютного числа населения. Впервые прозвучавшая 25 февраля 2000 г. во время инспекционной поездки Цзян Цзэ-миня в провинцию Гуандун, эта идея развивалась в ряде выступлений Генерального секретаря ЦК КПК и получила относительную завершенность в его докладе по случаю 80-летия КПК от 1 июля 2001 г. Свое дальнейшее развитие она нашла в докладе от 31 мая 2002 г., с которым Цзян Цзэ-минь выступил в Высшей партийной школе на церемонии по случаю окончания курсов переподготовки кадровых работников провинциального и министерского уровня.

Курс на расширение социальной базы, в целом адекватный потребностям внутриполитического развития, принял в докладах Цзян Цзэ-миня достаточно конкретное звучание. Выдвигалось требование повышения уровня жизни народа как отправная точка для продолжения реформ и как задача текущего дня. Предложением Цзян Цзэ-миня о возможности вступления в КПК частных предпринимателей идея реформирования партии выводилась на практические рельсы. Акцентировалась ответственность партии как гаранта сохранения и утверждения в обществе духовности, высоких нравственных ценностей, дефицит которых остро ощущался. Подчеркивалась значимость новых подходов к системе управления, главным образом через реформирование кадровой системы. Развертывание политической реформы ставилось в зависимость от достигнутого уровня внутрипартийной демократии. Поиски путей развития партийной реформы в конечном счете были обусловлены стремлением остановить процесс отчуждения партийного руководства от партийных масс и пресечь рост коррупции в партийно-правительственном аппарате. Внимание к социальной сфере и идея совершенствования управленческих функций партии, представленные в рамках формировавшейся концепции «трех представительств», легли в основу новых подходов к политике модернизации, приняли четкие очертания в решениях пленумов ЦК КПК 16-го созыва и получили закрепление на XVII съезде КПК.

По мере того как идеи «трех представительств» приобретали новые характеристики и добивались признания и поддержки у политической элиты, параллельно осуществлялся предварительный этап смены поколений руководителей партийных и государственных органов провинциального уровня.

Обновление руководящего состава КПК провинциального уровня выявило ряд принципиальных моментов, свидетельствовавших о тенденции повышения уровня политической культуры. Обозначились признаки усиления внутрипартийной демократии в конкретной форме использования системы выборов при тайном голосовании, которая в порядке эксперимента отрабатыва-

лась в последние годы в Гуандуне. Проявилась тенденция к омоложению и повышению образовательного уровня членов парткомов провинциального звена, к повышению удельного веса при назначениях и выборах принципа профессионализма.

За годы реформ в КНР сложилась достаточно эффективная кадровая система. Она характеризуется системным характером, высоким уровнем образования партийно-государственных кадров, постепенной, но стабильной тенденцией к омоложению функционеров и повышению их профессионального уровня. Необходимость дальнейшей разработки кадровой политики, прежде всего в направлении расширения ее законодательной и нормативной основы, стала особенно очевидной в ходе подготовки процесса смены поколений коллективного руководства, который втянул в свою орбиту весь слой партийно-государственных руководителей КНР. Важным этапом в процессе включения кадровой политики Компартии Китая в нормативное русло стало принятие и введение в действие в июле 2002 г. — Положения о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов, разработанного Организационным отделом ЦК КПК.

Требования политического, нравственного и профессионального толка, предъявляемые к кандидатам на руководящие посты, дополняются задачами овладения теорией Дэн Сяо-пина и идеями «трех представительств». Специальное упоминание в Положении нашли требования «идти в ногу со временем» и «раскрепощения сознания», в нем акцентирована задача «соблюдения законов» (ст. 8).

Кадровая политика как основа оптимизации системы управления страной остается в фокусе партийной политики и после XVI съезда КПК. В июне 2003 г. Канцелярия ЦК КПК опубликовала новый нормативный акт, который вводит в экспериментальном порядке дополнительные правила контроля и проверки работы по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов, призванные усилить контрольный механизм в системе управления.

XVI и XVII съезды КПК и проблема адаптации политической системы к вызовам времени. С 8 по 14 ноября 2002 г. проходил очередной ***XVI съезд КПК***. Он продемонстрировал изменившуюся ментальность политической элиты и общества в целом, ставшего более открытым и готовым к переменам.

К моменту созыва съезда партия насчитывала около 3,5 млн. первичных организаций, причем имело место двукратное увеличение числа парторганизаций в негосударственном секторе китайской экономики по сравнению с 1997 г. Этот факт отразил стремление партии учитывать новые реальности и свидетельствовал о развитии тенденции усиления партийного контроля над различными секторами экономики и общества в целом.

Делегатский корпус XVI съезда КПК отразил общие тенденции партийного строительства. Средний возраст делегатов съезда составил чуть старше 51 года, что на один год меньше, чем у делегатов XV съезда КПК; доля делегатов с высшим образованием возросла с 83,5 до 92%.

Изменившаяся за годы реформ социальная структура общества не нашла существенного отражения в социальном составе делегатского корпуса, который в целом сохранил свои традиционные составляющие. Представители партийно-государственной номенклатуры, как и на XV съезде КПК, заняли около 76% от состава делегатов. Вместе с тем среди 2120 делегатов съезда появилось около десятка выходцев из предпринимательских слоев.

Внешним показателем нового стиля партийного строительства стала информационная открытость работы съезда. Было аккредитовано рекордное число журналистов — более 1,3 тыс., в том числе более 540 зарубежных из 71 страны и регионов мира. Речь на съезде Цзян Цзэ-миня с отчетным докладом транслировалась 201 телекомпанией. Журналисты имели возможность присутствовать на обсуждении его доклада в делегациях съезда.

Основная идея доклада включала поиск новых подходов к политике развития. Акцентировалась идея построения общества *сяо кан* — «малого благоденствия». Активное внедрение в общественно-политическую жизнь понятия *сяо кан*, непосредственно связанного с традиционными цен-

ностями, делало более конкретными, понятными и приемлемыми для широкого спектра социальных слоев и групп ближайшие задачи начального этапа строительства «социализма с китайской спецификой». Охватывая материальную, духовную и политическую сферы, идея построения общества *сяо кан* отразила тенденцию к более сбалансированному развитию экономики, политических процессов и социальной сферы. Это означало, что проблема занятости и социальная политика, отставшая от экономической составляющей процесса реформ, все более выдвигались в качестве важных критериев и базисных положений продолжения политики развития.

Согласно решениям съезда, к 100-летию КПК планируется «построить общество *сяо кан* более высокого уровня... а к 100-летию со дня образования КНР поднять ВВП на душу населения до уровня среднеразвитых стран и в основном осуществить модернизацию».

На съезде заявлено, что за годы реформ в целом создан новый механизм экономики, имеющий собственную инерцию развития. Был подтвержден курс на развитие социалистической рыночной экономики. Сделан акцент на осуществлении к 2020 г. индустриализации нового типа и на углублении реформы системы управления государственным имуществом, в рамках которой запланирована корректировка реформы госпредприятий. Поставлены задачи развития наукоемких, техноемких, ресурсосберегающих и экологически безопасных производств.

Новацией съезда является утверждение концепции «трех представительств» в качестве руководящей идеи партии наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэ-дуна и теорией Дэн Сяо-пина. Открывается клапан дальнейшему «освобождению сознания» от стереотипов прошлого.

В политической области XVI съезд КПК возвращает настрой к более активному проведению в стране реформы политической системы, подобный тому, который был характерен для XIII съезда КПК (1987). В этой сфере съезд выдвинул ряд новых подходов:

— сформулировал потенциальные возможности и направления развития политических институтов;

— предложил более четкую и частично обновленную трактовку места и роли КПК в политической системе страны;

— новое партийное строительство представлено в качестве предпосылки и одновременно составной части процесса развития реформы политической системы.

В общий план реформы политической системы, как и прежде, включается построение и усиление системы законности и правопорядка, развитие которой наиболее интенсивным было в 90-х годах XX в.

В конечном счете все усилия к оптимизации партийного и политического строительства сконцентрировались на проблеме «реформирования и совершенствования методов партийного руководства и партийного управления государством».

Съезд положил начало поиску новых направлений партийного строительства, связанных с расширением функций и форм деятельности съездов КПК и делегатов съездов в период между съездами. Намечены планы совершенствования «порядка внутрипартийной информации», «порядка сигнализации об обстановке в партии и порядка заслушивания мнений при разработке важных решений». В области партийного и политического строительства КПК идет по «непроторенному пути», пытаясь адаптировать партию и политическую систему к потребностям текущего времени.

Зафиксированное в новой редакции Устава положение о расширении социального состава КПК и возможности вступления в нее представителей предпринимательских слоев отражает готовность и решимость партии к обновлению партийного строительства и политической системы в целом.

Документы съезда, и прежде всего новая редакция Устава КПК, продемонстрировали новый уровень внутрипартийной демократии. Ее развитие тесно связывается с повышением роли «коллективности руководства» — принципа партийной жизни, прочно вошедшего в партийно-политическую практику в годы реформ. В новой редакции Устава подтверждается и развивается демократическая процедура тайного голосования при избрании делегатов партийных съездов и членов парткомов. Предусматривается «коллективное обсуждение» на парткомах решений по

важным проблемам. По «важнейшим вопросам», согласно новой статье 16 Устава, вводится процедура голосования. Использование демократических процедур по широкому спектру вопросов партийной жизни положениями Устава выносится на обязательный уровень.

Усиление открытости и более масштабное, чем прежде, использование процедуры тайного голосования в кадровых вопросах, как продемонстрировали события смены поколений руководителей, уже в известной степени определяют ментальность политической элиты. Формируется специфический тип правящей партии как института управления государством, сочетающий авторитарные черты с демократическими тенденциями.

Новые черты партийного строительства четко обозначились и при избрании состава ЦК КПК и ЦКПД. Многоступенчатая система отбора и «фильтрации» кандидатур в члены ЦК и ЦКПД 16-го созыва продемонстрировала более высокую, чем прежде, степень открытости и конкурентности.

ЦК КПК 16-го созыва обновился наполовину. Уровень образованности членов нового состава ЦК вполне соответствует новым потребностям государства в области формирования высокообразованного и деятельного корпуса руководителей. Количество руководителей с высшим образованием поднялось с 92,4 до 98,6%.

Изменение социальной структуры общества хотя и не нашло вполне адекватного отражения в составе делегатского корпуса и ЦК КПК, однако определенная корректировка имела место. В ЦК 16-го созыва, особенно среди кандидатов в члены ЦК КПК, получили представительство, хотя и незначительное, центральные финансовые круги и менеджмент важнейших государственных предприятий.

По сути, полная передача власти на съезде от третьего поколения руководителей четвертому поколению была продемонстрирована фактом выхода из состава ЦК Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэ-миня и его пятерых соратников по Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК — Ли Пэна, Чжу Жун-цзи, Ли Жуй-хуаня, Вэй Цзянь-синя и Ли Лань-цина. Это событие продемонстрировало новые качества партийного стиля и новый уровень политической культуры. XVI съезд останется в истории партии первым съездом, на котором широкомасштабно и в установленном порядке осуществилась смена поколений руководителей.

Избрание нового состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, увеличенного с 7 до 9 человек и обновившегося почти полностью, за исключением Ху Цзинь-тао, ставшего Генеральным секретарем ЦК, показало потенциальные возможности совершенствования существующих институтов политической системы страны. Практически полное обновление чрезвычайно важного в системе власти и управления органа, осуществившееся не через механизм конкуренции политических партий, но «изнутри», в рамках следования партийным правилам, на пути расширения внутрипартийной демократии, открытости и усиления «коллективности руководства», может расцениваться как показатель стремления партии к институционализации партийно-политических процессов.

Деятельность четвертого поколения руководителей во главе с Генеральным секретарем ЦК, Председателем КНР Ху Цзинь-тао демонстрирует преемственность основных положений общего политического курса партии. Вместе с тем новый корпус руководителей, как это было во времена Дэн Сяо-пина и Цзян Цзэ-миня, взяв в основу предыдущий опыт, формирует и собственные приоритеты. Есть определенные основания считать их весьма существенными. Общая установка XVI съезда на сбалансированное развитие экономики, политики и культуры за короткий срок была существенно доработана и приняла конкретные формы в решениях III (2003 г.) и IV (2004 г.) пленумов ЦК КПК 16-го созыва, она вошла в новую редакцию Конституции КНР, принятую 2-й сессией ВСНП 10-го созыва. Модель развития, формировавшаяся со времени III пленума ЦК КПК 11-го созыва и получившая в научных кругах КНР название «экономической модернизации» (*цзинцзи сяньдайхуа*), т.е. модернизации с центром тяжести на экономической реформе, корректируется. Выдвигается задача формирования новой модели, в большей степени, чем прежде, характеризующейся системными признаками. И если в материалах XVI съезда КПК идея перехода от модели «экономической модернизации» к модели «системной модерни-

зации» отражена в общей форме, то в решениях III и IV пленумов ЦК КПК 16-го созыва тенденция сбалансированного и скоординированного развития страны получила более четко выраженное предметное содержание. Идея гармонии, лежащая в основе «нового поворота» к «системной модернизации», в текущей политике реализуется по ряду направлений.

Сохранение стабильности в обществе потребовало нового отношения к развитию социальной сферы. Активная и эффективная социальная политика правительства во всех направлениях и сферах, но прежде всего в деревне, воспринимается как существенный корректив в политике реформ. Принятая 2-й сессией ВСНП программа «единого и всестороннего планирования в пяти направлениях» — «города и деревни, регионального развития и центра, экономики и социальной сферы, человека и природы, развития внутри страны и открытости для внешнего мира» — конкретизирует политику сбалансированного развития, определяет конкретные задачи, решение которых приблизит общество к уровню «среднего достатка».

Согласно принятому курсу на сбалансированное развитие, наряду с широкомасштабными задачами «урегулирования» экономики и социальной политики, КПК уделяет внимание партийно-политическим преобразованиям. Определены четыре основных направления, по которым предусматривается активизация реформаторской деятельности: партийная реформа, реформа собраний народных представителей, реформа правительства и реформа юстиции.

Особенность современного развития состоит в том, что центр тяжести в процессе «совершенствования» политической системы переносится на партийную реформу.

В плане оптимизации системы партийного управления большое значение приобретает развитие внутрипартийной демократии, а также кадровая и контрольная политика, наиболее зримо связанная с системой государственного управления. Как накануне XVI съезда КПК, так и сегодня в фокусе партийно-политических процессов находится реформа кадровой системы.

В первой половине 2004 г. ЦК КПК и ЦКПД подготовили шесть новых Документов о кадровой политике, в том числе Временные правила работы по открытому выдвижению партийных и государственных кадров. Размах реформы кадровой системы, охватывающей в настоящее время государственные и партийные учреждения, предприятия и непроизводственные единицы, создает предпосылки скоординированного развития, нацелен на недопущение роста коррупции в органах власти и управления.

Ретроспективный взгляд на развитие политической системы КНР в течение 30 лет реформ показывает эволюцию руководящей функции правящей партии. Суть эволюции видится в переходе от «революционных» методов прямого управления государством и обществом к косвенному управлению. Ее характеризуют отказ от подмены правительственных функций и относительное размежевание партийной и государственной структур, новая кадровая политика, поставившая заслон «пожизненному» занятию руководящих постов и постепенно формирующая новый механизм смены политического руководства в стране, постепенное включение управленческой работы партии и государственных структур в нормативные и законодательные рамки.

***** Чжунго гунчаньдан ди шиуцы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзянь хуйбянь (Сборник материалов XV Всекитайского съезда КПК). Пекин, 1977; *Дэн Сяо-пин.* Избранное: В 3 т. Пекин, 1994–1995; Данды цзучжи гунцзо дашицзи (1993–1997) (Хроника работы организационного отдела КПК, 1993–1997). Пекин, 1995; Ганьбу гуаньли гунцзо вэньсян сюаньбянь (Избранные материалы о работе кадров в области управления). Пекин, 1998; Шиуда илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь (Сборник важных документов, принятых после XV съезда КПК): В 3 т. Пекин, 2000–2003; Чжунго гунчаньдан чжанчэн (Устав КПК). Пекин, 2002; *Цзян Цзэ-минь.* О социализме с китайской спецификой: Сборник высказываний по темам: В 3 т. М., 2002–2004; XVI Всекитайский съезд КПК: Приход к власти четвертого поколения руководителей: [Материалы и статьи]. М., 2003. (ИМ. Сер. В; Вып. 16); Современное законодательство Китайской Народной Республики: Сб. норматив. актов / Сост., ред., авт. предисл. Л.М. Гудошников. М., 2004; XVII Всекитайский съезд КПК. Официальные документы: Политический доклад ЦК и устав партии. М., 2007. (ЭИ; № 11). ****** Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI века. 2-е изд., доп. и обновл. М., 2004; *Кока-*

рев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004; *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007; Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978–2005): [Монография] / Гудошников Л.М. и др. М., 2007; *Титаренко М.Л.* XVII съезд КПК: «Перспективы светлые, но путь извилистый» // Междунар. жизнь. 2007, № 12, с. 60–75; Гоцзя чжиду цзяньшэ (Строительство государственной системы) / Гл. ред. Ху Ань-ган, Ван Чжао-гуан, Чжоу Цзянь-мин. Пекин, 2003; Чжунго гайгэ кайфан ши (История китайских реформ и открытости). Шэньян, 2002; Чжунго гунчаньдан лиши дашицзи (1919.5–2005.12) (Хроника истории Коммунистической партии Китая, май 1919 — декабрь 2005 г.). Пекин, 2006; *Ши Цзю-цин.* Дандай чжунго чжэнчжи юньсин цзичжи (Политический механизм современного Китая). Цзинань, 2002; *Heike Holbig.* Der XVI Parteitag der KPCh / China aktuell. 2002, № 11.

Н.Л. Мамаева

XVII съезд КПК проходил 15–21 октября 2007 г. Он подвел пятилетние итоги правления так называемого четвертого поколения китайских руководителей во главе с Ху Цзинь-тао, обозначил политический курс КПК до первой половины второго десятилетия XXI в.

В докладе Ху Цзинь-тао особое внимание было уделено теме «социализма с китайской спецификой». На XVII съезде было введено расширенное понятие «теоретической системы социализма с китайской спецификой», которая включает теорию Дэн Сяо-пина, важные идеи «тройного представительства», а также «научную концепцию развития и прочие стратегические идеи огромного значения». Среди идейных источников «теоретической системы китайского социализма» были названы три концепции, связанные с тремя поколениями китайского руководства периода реформ (Дэн Сяо-пин, Цзян Цзэ-минь, Ху Цзинь-тао).

В материалах съезда подчеркивается особая важность «теории знамени» (*цичжилунь*), которая призвана дать ответ на вопросы о том, под каким лозунгом и куда движется КПК. Необходимость четкого обозначения официального курса была связана с оживленными дискуссиями о направлении реформ, развернувшимися в Китае в 2005–2006 гг. Объективным основанием для споров стало накопление социальных противоречий, затронувших широкие слои общества, — рост имущественного неравенства, махинации при переводе государственных активов в частную собственность, падение доступности образовательных и медицинских услуг, подорожание жилья. Критики реформ заявили, что реальные преобразования отклонились от социалистического пути и не соответствуют провозглашенным целям КПК.

Отвечая критикам, КПК заявила о том, что «социализм с китайской спецификой» следует рассматривать не как отступление от классических канонов марксизма, а как его творческое развитие в современных условиях.

В докладе были указаны «десять соединений» (*шигэ цзехэ*), осуществленных КПК за годы реформ. Партия соединила отстаивание основных положений марксизма с продвижением его китаизации, отстаивание четырех кардинальных принципов с твердым осуществлением реформы и открытости, уважение творческого духа народа с усилением партийного руководства, приверженность основам социалистического строя с развитием рыночной экономики, осуществление преобразований экономического базиса с реформированием надстройки, развитие общественных производительных сил с повышением цивилизованности всей нации, повышение эффективности с продвижением социальной справедливости, сохранение независимости и самостоятельности страны с участием в экономической глобализации, реформу и развитие с поддержанием социальной стабильности, а «стимулирование великого дела построения специфически китайского социализма» — с «великим проектом нового партийного строительства».

В документах съезда обобщены как успешные результаты пятилетия работы нового руководства КПК во главе с Ху Цзинь-тао, так и уроки трех десятилетий политики реформ и открытости. В докладе была обозначена линия преемственности нынешнего и предыдущих поколений руководителей. Названы заслуги Мао Цзэ-дуна в победе новодемократической революции и создании базовых институтов социализма, дана научная оценка его исторической роли и идей. Осо-

бо отмечен вклад Дэн Сяо-пина, под руководством которого была выработана политика реформ и открытости. Отказавшись от выдвижения на первый план классовой борьбы, он призвал идти своим путем и строить социализм с китайской спецификой. Цзян Цзэ-минь, высоко подняв знамя теории Дэн Сяо-пина, «отстоял социализм с китайской спецификой, создал новую систему социалистической рыночной экономики», выдвинул важные идеи «тройного представительства». Нынешнее поколение руководителей КНР ставит себе в заслугу то, что оно «продвигало научное развитие, стимулировало социальную гармонию, совершенствовало систему социалистической рыночной экономики, твердо и неуклонно продвигало вперед великое дело реформы и открытости».

Закрепленные на съезде в качестве компонентов официальной идеологии лозунги «научного взгляда на развитие» (*кэсюэ фачжаньгуань*) и «социальной гармонии» (*шэхуй хэсе*) указывают на стремление властей исправить перекосы 1990-х годов, когда рыночная эффективность оказалась выше социальной справедливости. Партия осознала, что прогрессирующее расслоение общества на богатых и бедных, дисбаланс между регионами и огромная ресурсно-экологическая плата за экономический рост угрожают стабильному и устойчивому развитию КНР.

В докладе Ху Цзинь-тао были выдвинуты требования «углубленного претворения в жизнь научной концепции развития» и «продвижения социальной гармонии», выступающих «основными требованиями развития социализма с китайской спецификой». Идейно-теоретические инновации эпохи Ху Цзинь-тао стали элементами истолкования лозунга «научного взгляда на развитие»: «Его первостепенным содержанием является развитие, центром — [подход] к человеку как к основе (*и жэнь вэй бэнь*), его основные требования — всесторонность, скоординированность и устойчивость, основной метод — единое комплексное планирование». Подчеркивалось, что «социальная гармония является сущностным атрибутом социализма с китайской спецификой. Научное развитие и социальная гармония внутренне едины. Без научного развития не может быть социальной гармонии, без социальной гармонии трудно осуществить научное развитие». В развитие нового курса на решение социальных проблем прежняя триединая задача экономического, политического и культурного строительства была дополнена четвертым компонентом «социального строительства», прямо затрагивающим «народное счастье и спокойствие» (*синфу анькан*).

В программную преамбулу к Уставу КПК было внесено дополнение, которое включило «научный взгляд на развитие» в число идейно-теоретических основ КПК.

В качестве программной цели КПК Устав провозглашает «превращение Китая в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и *гармоничное* (определение добавлено на XVII съезде. — *А.Л.*) модернизированное социалистическое государство». Партия заявила, что «ведет народ на создание гармоничного социалистического общества». Введение в Устав КПК новых теоретических концепций продолжило тенденцию к расширению официальной идеологии партии, проявившуюся на двух предыдущих съездах. На XV съезде была канонизирована теория Дэн Сяо-пина, а важные идеи «тройного представительства» Цзян Цзэ-миня получили официальный статус в 2002 г. на XVI съезде КПК. Теоретические новации XVII съезда напрямую не связываются с именем Ху Цзинь-тао, а преподносятся как плод коллективной мудрости компартии.

В своем докладе Ху Цзинь-тао признал наличие «довольно большого количества проблем в области трудоустройства, социального обеспечения, распределения доходов, образования и здравоохранения, жилья, безопасности производства, правосудия и общественного порядка, которые затрагивают кровные интересы народа, а также то обстоятельство, что части людей с низкими доходами живется довольно трудно». В докладе впервые появился отдельный раздел, посвященный проблемам народного благосостояния. Партия обещала народу сделать так, чтобы у всех граждан страны была возможность получать образование, зарабатывать себе на жизнь, лечиться от болезней, иметь жилье и получать обеспечение в старости. Стилистика формулировки повторяет описание древней утопии Великого единения (*да тун*), представленной в конфуцианском каноне «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности», IV–I вв. до н.э.): «Старцы имели призрение, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены».

Предлагаемый руководством КПК «научный взгляд на развитие» предполагает увеличение поддержки для бедных без ущерба для богатых, что отличает его от прежних вариантов левосоциа-

листической идеологии. Курс на построение «гармоничного общества» дает возможность партии сохранить рыночный курс реформ, защитить политическую систему от социальной нестабильности и укрепить легитимность правления КПК. Руководство КПК сочетает внимание к социальной проблематике с учетом интересов деловой элиты. В 2004 г. на сессии ВСНП были приняты поправки к Конституции, в которых государство обязалось защищать «законные права и интересы индивидуальной, частной и других форм экономики необщественной собственности». Несмотря на критические замечания со стороны левых, протестовавших против эрозии общественного сектора экономики и легализации владения незаконно присвоенным государственным имуществом, весной 2007 г. на сессии ВСНП был принят Закон о вещном праве, предоставивший конкретные юридические гарантии прав собственника.

Проблемы справедливости и эффективности вновь четко прозвучали на XVII съезде. КПК частично пересмотрела прежнюю установку на необходимость исходить из критериев эффективности при первичном распределении доходов, опираясь на принципы справедливости лишь при вторичном перераспределении. Ху Цзинь-тао указал на важность соблюдения справедливости и при начальном распределении. Он призвал постепенно увеличивать долю населения в распределении национального дохода, повышать долю вознаграждения за труд при начальном распределении, уделяя особое внимание повышению доходов низкооплачиваемых работников. Но при этом в духе прежнего курса на защиту частной собственности Ху Цзинь-тао выступил с призывом «создавать условия для того, чтобы еще больше людей получало доходы от имущества». Эта инициатива была адресована тем слоям общества, представители которых уже владеют способным приносить доход имуществом — недвижимостью, акциями, банковскими депозитами и т.д. Была скорректирована поставленная ранее задача увеличить к 2020 г. ВВП в 4 раза по сравнению с 2000 г. Теперь речь идет уже не об абсолютном, а о подушевом показателе. Задача стала более сложной, поскольку к тому времени население страны вырастет примерно на 200 млн. человек. Вместе с тем новая формулировка является отражением политики партии, провозгласившей человека «основой всего», что и обусловило пересчет показателя в расчете на душу населения. Сходным образом прежний призыв «изменить модель прироста экономики» был переформулирован в требование «изменить модель развития экономики» — замена одного слова указывает на повышение внимания к оптимизации структуры хозяйства и отказ от стремления поддерживать рост любой ценой. В том же русле в КНР трактуется призыв съезда «развивать экономику хорошо и быстро» (а не «быстро и хорошо»), ставящий на первое место качество экономического роста, а не его темп.

В материалах съезда появилось новое понятие «экологической цивилизации» (*шэнтай вэньмин*), дополняющее прежние партийные установки на строительство материальной, духовной и политической цивилизаций. Ху Цзинь-тао признал, что КНР платит чрезмерную ресурсную и экологическую цену за экономический рост. Новое требование «экологической цивилизации» входит в набор характеристик общества *сяо кан*, которое должно быть построено в Китае к 2020 г. Оно также соответствует входящему в характеристику «гармоничного общества» требованию поддержания гармонии человека и природы. Формирование «экологической цивилизации» включает создание основ производственной структуры, формы роста и модели потребления, основанных на экономии энергоресурсов и сырья, а также на охране окружающей среды. Помимо практических мероприятий (повторное использование отходов, увеличение доли возобновляемых источников энергии, контроль над выбросом вредных веществ) предполагается утверждение в обществе ценностных представлений, основанных на нормах «экологической цивилизации».

Заявленные на съезде планы «углубления реформы политической системы» и развития «социалистической демократии» основаны на расширении возможностей участия людей в политических процессах в рамках сложившейся модели однопартийной власти. Провозглашенный курс на расширение «народной демократии» предусматривает развитие системы собраний народных представителей и рекомендует перевести выборы на одинаковую норму представительства для городского и сельского населения. При этом собрания народных представителей должны совершенствовать умение «превращать через установленные законом процедуры позицию партии

Коммунистическая партия Китая

в волю государства». Были поставлены задачи расширения «низовой демократии» с упором на развитие самоуправления, реализацию стратегии «управления государством с помощью закона», реформы административной системы и создание правительства «обслуживающего типа», совершенствование механизма ограничения исполнительной власти и контроля над ней.

Одним из важных аспектов доклада Ху Цзинь-тао стала тема развития китайской культуры, повышения ее международного влияния и конкурентоспособности. Было заявлено, что «в современную эпоху культура становится все более важным источником цементирующих и творческих сил нации и одновременно все более важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи». Помимо богатств традиционной культуры ставится задача знакомить внешний мир с лучшими достижениями философии и общественных наук Китая, «выводить вовне» лучшие научные кадры.

Выдвинутые Ху Цзинь-тао идеи «социалистических взглядов на славу и позор» (*шэхуйчжуи жунжугуань*) прозвучали в докладе среди проблем культуры и вошли в новую редакцию Устава КПК. С помощью «взгляда на славу и позор» предполагается исправлять общественные нравы, следование этим нормам является обязанностью члена КПК. Впервые эта концепция была предложена Ху Цзинь-тао в марте 2006 г., как «восемь славных и восемь позорных дел» (*ба жун ба чи*): «Славно горячо любить родину, позорно создавать угрозу родине; славно служить народу, позорно поворачиваться спиной к народу; славно возвышать науку, позорно быть темным и не иметь знаний; славно усердно трудиться, позорно отлынивать и презирать труд; славны единство и взаимопомощь, позорно наносить ущерб другим ради своей выгоды; славны искренность и верность обещанию, позорно смотреть на выгоду и забывать о долге; славно уважать дисциплину и соблюдать закон, позорно нарушать закон и дисциплину; славно упорно бороться, позорно заноситься, транжирить, развратничать и бездельничать». Стремление государственного руководителя внести свой вклад в улучшение общественных нравов коренится в традиции имперского конфуцианства. Обращаясь к опыту последнего десятилетия, можно отметить появившуюся в конце правления Цзян Цзэ-миня программу укоренения в массах ценностей «гражданской морали» (*гунминь даодэ*).

На съезде впервые в Устав вошло упоминание о религии. В преамбуле раздел о работе КПК по сплочению различных национальностей внутри страны был дополнен призывом «всесторонне проводить основной курс партии в области религиозной работы, сплачивать массы верующих с тем, чтобы они вносили вклад в социально-экономическое развитие». Эта новация направлена на то, чтобы состыковать атеистическое мировоззрение партии с практикой свободы вероисповедания и отказа от искусственного подавления религиозной деятельности в КНР. Данное дополнение в Уставе стало развитием призыва VI пленума ЦК КПК 16-го созыва «развивать позитивную роль религии в продвижении социальной гармонии».

Состав ПК Политбюро 16-го созыва называли «комитет инженеров» (их вузовские специальности — радиоэлектроника, автоматика, энергетика, гидротехника, геология, металлургия). Они переходили на комсомольскую и партийную работу после вузов. Представители пятого поколения руководителей, вошедшие в состав ПК Политбюро на XVII съезде (Си Цзинь-пин, Ли Кэцян), родились после образования КНР, их юность пришлась на времена «культурной революции», когда знания стали недоступны. Им довелось поработать в деревне, приступить к учебе они смогли только в конце 1970-х. После начала политики реформ китайская интеллигенция стремилась переосмыслить путь развития страны, что сказалось на настроениях студенчества 1980-х. В образовании пятого поколения заметны новые тенденции политической культуры, широта взглядов, системный научный подход как к социально-экономическим, так и к международным проблемам, большая открытость к диалогу. Для них реформы и открытость внешнему миру стали естественной и привычной средой работы.

***** Чжунго гунчаньдан ди шицицы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзянь хуйбянь (Собрание документов XVII всекитайского съезда КПК). Пекин, 2007; Древнекитайская философия: Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М., 1973, с. 100.

А.В. Ломанов

1. Арест «банды вредителей» в провинции Сычуань (1951 г.)

2. Суд над помещиком во время аграрной реформы в Сычуани (1950 г.)

3. Крестьяне во время аграрной реформы обмеряют землю в окрестностях Пекина (1950 г.)

4. Земляные работы по укреплению дамбы (зима 1950 г.)

1. Уйгур в Синьцзяне записывается в кооператив (1954 г.)

2. Хэбэйский крестьянин записывается в кооператив (1954 г.)

3. Женский отряд самообороны во время земельной реформы

4. Мао Цзэ-дун в танцевальном зале

5. Детский сад в деревне (1955 г).

1. Руководители КНР Лю Шао-ци, Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай (11 февраля 1953 г.)

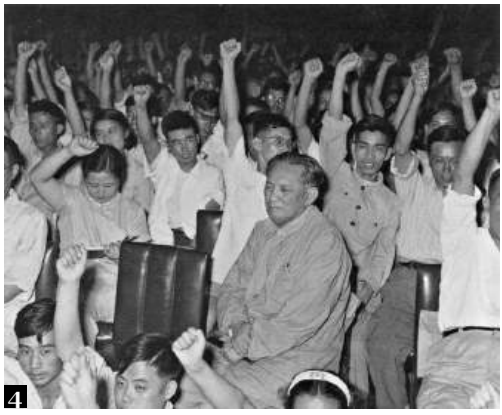
2. Рабочие проверяют продукцию на Шанхайском консервном заводе (нач. 50-х гг.)

3. Борьба против «пяти зол» в разгаре (1953 г.)

4. Критика министра связи Чжан Бо-цзюня во время кампании «борьбы с правыми элементами» (1957 г.)

5. Профессор исторического факультета Пекинского университета Дэн Гуан-мин на проработке (1957 г.)

6. Мао Цзэ-дун в Шанхае читает *дацзыбао* (1957 г.)



1. Мао Цзэ-дун наблюдает за выплавкой стали в правительственной резиденции Чжуннаньхай во время «большого скачка» (1958 г.)

2. Первая народная коммуна пров. Хунань

3, 4. Хэнаньские крестьяне участвуют в движении за массовую выплавку стали

5. Кустарные доменные печи

1. Кампания «войны с воробьями» (1958 г.)
2. Мао Цзэ-дун на пляже (начало 1960-х гг.)
3. Осужденные в Синьцзяне во время кампании «четырех чисток» (май 1965 г.)
4. Критика «вредных элементов» в коммуне (1964 г.)
5. Суд над «контрреволюционной группировкой» в коммуне под Тяньцзинем (октябрь 1964 г.)

1. «Культурная революция». Волна *дацзыбао* захлестнула всю страну

2. Выступление на собрании сельской коммуны

3. *Дацзыбао* «Нанесем ответный удар по правоуклонистскому поветрию в литературе и искусстве!»

4. Секретари Хэйлунцзянского провинциального комитета КПК выступают с «самокритикой»

5. Выступление Линь Бяо на начальном этапе «культурной революции»

1. Мао Цзэ-дун и Линь Бяо на площади Тяньаньмэнь

2. Харбинские *хунвэйбины* получают сборники «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна»

3. *Хунвэйбины* идут по площади Тяньаньмэнь с лозунгами «Долой Лю Шао-ци! Долой Дэн Сяо-пина!»

4. Публичная критика жены Лю Шао-ци Ван Гуан-мэй

1. Кадровый работник, схваченный *цзаофанями*

2. Мао Цзэ-дун и Линь Бяо с *хунвэйбинами*

3. Чжоу Энь-лай на X съезде КПК

4. *Хунвэйбины* разбивают надпись на арке в парке университета Цинхуа

1. *Хунвэйбины* исполняют танец верности Мао Цзэ-дуну

2. Мао Цзэ-дун в хунвэйбиновской нарукавной повязке в знак поддержки *хунвэйбинов*

3. «Самокритика» монахов во время «культурной революции»

4. Митинг времен «культурной революции»

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО

Правовая культура древнего Китая. Основы правовой культуры древнего Китая были сформулированы в VI–I вв. до н.э. в недрах и параллельно с расцветом китайской общественной мысли. Роль правителя-*вана*, методы управления, которые должен был использовать *ван*, находились в центре внимания всех философских школ старого Китая.

До конца I тыс. до н.э. правосознание китайской правящей элиты было озабочено (в основном в идеологическом плане) вопросом о том, какие средства управления должен в первую очередь использовать государь — нормы конфуцианского *ли* [*2*] или наказания *син* [*4*]. *Ли* [*2*] к этому времени были записаны в основном в трех книгах: «Чжоу ли», «И ли» и «Ли цзи». Правосознание древних китайцев никогда не смешивало *ли* [*2*] и *фа* [*1*] (закон). *Ли* [*2*] не обладали силой закона и находились вне уголовного права (т.е. вне имеющихся текстов законов). Но *ли* [*2*] оказывали влияние на право, и уже законы Хань стали включать в свой состав ряд положений из книг о *ли* [*2*]. *Ли* [*2*] твердо регламентировали место индивидуума в социуме и его поведение по отношению к высшим, равным себе и низшим. *Ли* [*2*] не были законом, в целом они не являлись и нормами обычного права, ибо выросли из ритуальной практики и этикета при дворах правителей Китая, которые отличались от обычного права. Кроме того, несоблюдение *ли* [*2*] необязательно влекло за собой санкцию, наказание. Но *ли* [*2*] и закон роднило требование их неукоснительного соблюдения. *Ли* [*2*] как социальные нормы были социально атрибутированы, они предполагали их включение в правовое сознание общества, его правовую культуру в целом. В китайском обществе социальное санкционирование *ли* [*2*] нашло свое жесткое отражение в том, что книги о *ли* [*2*] были признаны каноническими, обязательными для изучения и практического следования их положениям. *Ли* [*2*] отличались от законов тем, что они признавались государственной властью, но не были санкционированы государством. Только тогда, когда отдельные положения *ли* [*2*] оказались в сфере материального права, они приобрели силу закона. В качестве примера можно сослаться на запрет кровосмесительных связей, вошедших в число неамнистируемых преступлений. В кодексе династии Тан «Тан люй шу и» имеются ссылки на «И ли» и «Ли цзи», в которых кровосмесительные связи осуждаются как поведение животных. При формировании права древнего Китая одним из его источников, начиная с династии Хань, стали книги о *ли*. Императивность социальных норм *ли* [*2*] была связана с высоким идеологическим и общекультурным авторитетом Конфуция.

В обеспечении социального порядка большое место отводилось благодати (благой силе) *дэ* государя. Предполагалось, что ванам не подобает прибегать к наказаниям. Ваны прежде всего наставляли подданных своей благой силой *дэ* и только после этого наказывали. Оппоненты же утверждали примат закона и наказания; с их точки зрения, мир нуждается не только в благой силе *дэ* государя, как год не ограничивается только весной, мандат государя — закон, закон в руках государя — это узда и кнут, а народ — это колесница государя, которой он управляет.

Наконец, были мыслители, которые полагали, что высшие слои общества должны руководствоваться *ли* [*2*] и подлежать управлению с помощью *ли* [*2*]; простым же народом надо управлять, прибегая к закону и наказаниям. В частности, Сюнь-цзы считал, что ученых и тех, кто находится выше их, следует направлять с помощью *ли* [*2*] и музыки, а простой народ призывать к порядку с помощью законов. Мо Ди выступал за равное использование законов и *ли* [*2*].

Взаимодействие государевой благодати *дэ* и наказаний *син* [*4*] в ханьское время стало восприниматься как двуединство основополагающих сил природы *инь* [*1*] и *ян* [*1*]. Дун Чжун-шу полагал, что *дэ* — это *ян* [*1*], а *син* [*4*] — это *инь* [*1*].

Правосознание эпохи увязало правосудие с космическим миропорядком. Поведение государя, получившего право на управление от Неба, влияло на состояние космоса. Если государь был несправедлив, это вызывало дождь, если он допускал ошибки — засуху, если он был небрежен, наступал зной, опрометчив — морозы. Государева апатия вызывала ветер, а если государь увлекался женщинами, то начинались наводнения. Наказания, увязанные с *инь* [*1*], следовало осуществлять в осенне-зимний период. Важнейшим условием гармонии в природе было соответствие тяжести преступления и наказания. Сезоны осени и зимы были признаны наиболее благоприят-

ным временем осуществления наказаний, потому что осенью впервые выпадает иней, травы и деревья вянут.

Велись также дебаты о том, какими должны быть наказания. Одни выступали за гуманность и отказ от жестоких увечащих наказаний даже за тяжкие преступления, другие считали, что, наоборот, следует жестоко карать даже за незначительные преступления, дабы суровое наказание одних служило предостережением для других, чтобы народ жил в страхе. В целом, однако, в правосознании эпохи Хань утверждается синтез легизма и конфуцианства. Было признано, что мера наказания должна определяться не только характером преступления, но и социальным положением в системе родства субъекта и объекта преступлений. Из классических книг о *ли* [*2*] в право переносятся важнейшие положения традиционного китайского права (такие как «восемь суждений» об учете при определении меры наказания чинов и заслуг). Соотнесенность терминов родства со сроками траура по умершему родственнику включается в кодекс из «И ли». Влияние *ли* [*2*] отражается на законах, регулирующих брачные отношения. Полностью из *ли* [*2*] вошли в право «семь [законных оснований] для развода». Ссылки на *ли* [*2*] встречаются в кодексах достаточно часто (в кодексе Тан — более 60 раз).

Соперничество *ли* [*2*] (норм поведения и ритуала) и права — не уникальное китайское явление. Все народы мира знали каноны, священные книги, бывшие источниками права. Таковы Авеста, Библия, Талмуд, Коран и т.д. У всех народов социальные нормы и обычаи всегда сосуществовали с правом, влияли на него, а их моральный авторитет был достаточно высок. В Китае социальные нормы, получившие название *ли* [*2*], были систематизированы, обработаны в духе закрепления интересов социальных верхов и записаны. В своей классово-социальной интерпретации *ли* [*2*] даже соперничали с законом и уголовным наказанием. Однако вне теоретических дискуссий жизнь доказала, что как бы ни было действенно моральное осуждение, общество не может обойтись без законов и уголовных наказаний. Поэтому, воздав должный пиетет *ли* [*2*], право восторжествовало, тем более что реально оно никогда окончательно не уступало своего места *ли* [*2*]. Государство и созданное им право выбрали из *ли* [*2*] все, что сочли нужным, и включили это содержание в уголовные кодексы и иные формы законодательства. Но в правосознании общества и его правовой культуре роль *ли* [*2*] осталась весьма значительной. Помимо учета положений *ли* [*2*] в материальном праве это выразилось в явлении, получившем в литературе наименование «конфуцианизация права». «Конфуцианизация права» не завершилась в эпоху Хань, поскольку в последующие столетия менялось и содержание *ли* [*2*], и содержание традиционного китайского права.

Особенности формирования правосознания древних китайцев имели своим следствием то, что в Китае закон не защищал права индивидуума против государства, а лишь права одного индивидуума (групп индивидуумов) против другого индивидуума (групп индивидуумов). Главными признавались не отношения «государство — подданные», а более второстепенные отношения подданных с подданными. Отсутствие частных юристов (адвокатуры) и независимого от администрации (государства) суда тоже стало многовековой особенностью китайского права. Все это связано и с теоретической неразработанностью древнекитайской идеологией учения о государстве как самостоятельном институте, существующем вне обязательной прямой связи между государем и подданными.

Основные положения традиционного права. *Лица.* В традиционном китайском праве лица, субъекты права, рассматривались исключительно с точки зрения их принадлежности к тому или иному сословию. В разное время основные сословные группы именовались по-разному: для древности это были *ван* и его окружение, сановники *дафу* и простолюдины *бай син*, а также рабы; в период Хань и Тан — *шижэнь*, служилое и ученое сословие, *шужэнь* — простолюдины и рабы; при Тан–Цин — чиновничество, лица, имеющие ранги, — *ю гуань*, простолюдины — *фаньжэнь* и служилые, не имеющие рангов, различные группы людей, лишенных личной свободы, и рабы. Существовало деление всего населения на две группы — людей лично свободных (*лянжэнь*) и лично несвободных (*цзяньжэнь*). Важно подчеркнуть, что это было противопоставление всех лично свободных людей людям, лишенным личной свободы. В танско-сунское время особый статус лично несвободных людей обозначался термином *сэ* — «цвет», сопоставимым с древнеин-

дийским «варна» и древнеперсидским «пишта». В чжурчжэньском государстве Цзинь (1115–1234) и при монгольской династии Юань (1271–1368) выделялись этнические сословия (которые при Юань именовались *сэму*) и к социальному неравенству было добавлено неравенство по этническому признаку. По законодательству династии Цин маньчжуры имели целый ряд преимуществ, но они не были выделены в особое этническое сословие. Неравенство перед законом в случае совершения преступлений касалось наемных работников и крестьян-арендаторов в их взаимоотношениях с хозяевами.

Преступное действие. Субъектом преступления в старом Китае являлся «естественный человек» (*цзыжань жэнь*) вне зависимости от пола, возраста, этнической или социальной принадлежности. Это отвечает представлениям современного права о том, что субъектом преступления может быть только человек.

Объектом преступления могли стать человек или вещь. В большинстве случаев раб, если он становился объектом преступления, приравнивался к вещи. Считалось, что человеку свойственно наличие преступной воли, ее носителем полагался прежде всего низкий человек (*сяо жэнь*) (низкий не только социально, но и в соблюдении принятых моральных норм). К преступлению приравнивалась и утрата *ли* [*2*]. «Отмени *ли* [*2*] вступления в брак, и путь (*дао*) супружеской жизни будет затруднен, а преступлений, связанных с развратным поведением, станет много. Отмени *ли* [*2*] распития вина в волостях (*сян* [*3*]), и порядок отношений между старшими и младшими будет нарушен, и возрастет число тяжб из-за драк и ссор».

Совершение большинства преступлений полагалось следствием наличия у субъекта преступления преступной воли, осознанного желания (намерения) совершить преступление. В целом ряде случаев традиционное китайское право само наличие умысла (*моу*) приравнивало к совершению преступного деяния. Китайский теоретик права Чжан Пэй, живший при династии Цзинь (265–419), писал: «Двух людей, советовавшихся друг с другом о совершении преступного действия, называют злоумышленниками, людьми, действовавшими предумышленно (*моу*)». Помимо умысла (*моу*) традиционное китайское право выделяло преднамеренность (*гу* [*1*], *гу и*). Преднамеренность предполагала, что преступник совершал преступное деяние, «зная, что делает». Преступные действия могли быть и непреднамеренными — по неосторожности (нечаянно, небрежно — *гоши* или по ошибке — *ши* [*26*]). Неосторожность (небрежность), нечаянные действия предполагали, что у преступника не было намерения совершить преступление.

Совершение преступления группой лиц предполагало выделение главаря (*шоу* [*1*]) и пособников (*цун*). Оперируя в ряде случаев понятием «неоконченное преступление», традиционное китайское право недостаточно разработало такие этапы анализа преступного действия, как приготовление к совершению преступления и покушение.

Особенностью старого китайского права стало выделение особой группы не подлежащих амнистии преступлений, направленных против государя, государства и моральных устоев общества (в значительной своей части пришедших в право из *ли* [*2*]). Эти преступления, совокупно именуемые *ши э* — «десять зол» или «десять злодеяний», — были вычленены из массы преступных действий к VI в. н.э. В литературе встречаются разные их наименования; приведем варианты переводов Е.И. Кычанова (ниже — Е.К.), В.М. Рыбакова (В.Р.) и Н.П. Свистуновой (Н.С.).

Моу фань — заговор о мятеже против государя (Е.К.), умысел переворота (Н.С.), умысел восстания против (В.Р.). Преступление по-китайски трактовалось как умысел повредить алтари Земли и Злаков (*моу вэй шэ цзи*); реально это было преступление, направленное против императора и династии.

Моу да ни — великое непокорство, бунт (Е.К.), умысел великого непокорства (Н.С.), умысел великой строптивости (В.Р.). Умысел состоял в разрушении храма предков государя, гробницы его предков и императорского дворца.

Моу пань — заговор, измена (Е.К.), умысел измены (Н.С.), умысел измены (В.Р.). Имелась в виду государственная измена.

При совершении всех этих трех групп преступлений, направленных против императора, символов его власти, дворца, храма его предков, против государства, властей, включая измену и переход на сторону врага, уже сам умысел был приравнен к совершению преступного действия и наказывал-

ся как преступное действие. Эти группы преступлений объединяло «неисполнение долга подданного» (*бу чэнь*). Современные китайские историки права полагают, что эти концепции «мятежа, ниспровержения и дезертирства» были схожи с западными законами об измене, хотя термин «измена» не может служить их точным переводом.

Э ни — неподчинение, непокорство (Е.К.), отталкивающее нарушение родственных отношений (Н.С.), злостная строптивость (В.Р.). Эта группа преступлений касалась нарушений основ *сяо* (убийство, причинение ранения или избиение близких родственников старшего поколения) и не подлежала прощению при «обычных амнистиях» (*чан шэ*).

Бу дао — несправедливость, порочность (Е.К.), бесчеловечность (Н.С.), извращения (В.Р.). Имелось в виду убийство в одной семье трех человек сразу, из которых ни один не совершил преступления, наказуемого смертной казнью; жестокие формы убийства с расчленением тела жертвы; использование колдовства для причинения вреда другому лицу; хранение и использование ядов в преступных целях.

Да бу цзин — выражение великого непочтения (Е.К.), высочайшая непочтительность (Н.С.), великая непочтительность (В.Р.). Она означала кражу или небрежное отношение с вещами императора или предназначенными императору, включая императорскую печать и печати императрицы и вдовствующих императриц (матерей и бабушки); злословие в адрес императора, сопротивление послу с императорским указом.

Бу сяо — выражение сыновней непочтительности, непочтение к родителям (Е.К.), сыновняя непочтительность (Н.С.), сыновняя непочтительность (В.Р.): оскорбление деда, бабки, отца, матери, мужа или донос на них; плохое содержание родителей, деда, бабки, раздел имущества при их жизни; нарушение траура (вступление в брак во время траура, ношение праздничной одежды во время траура, веселье во время траура и т.п.); сокрытие смерти старших родственников.

Бу му — несогласие, разногласия (Е.К.), отсутствие родственной любви (Н.С.), вражда (В.Р.): умысел убить или продать родственника, по которому по закону носишь траур, донос на мужа и нанесение побоев мужу, донос на старших родственников, по которым носишь траур.

Бу и — несправедливость (Е.К.), неправедность, отсутствие чувства долга (Н.С.), нарушение долга (В.Р.): преступления между людьми, не состоящими в кровном родстве, но связанными нормами *ли* [*2*]; убийство подчиненным начальника, учеником — учителя; несоблюдение женой траура по мужу или вступление во второй брак во время ношения траура.

Нэй луань — кровосмесительные половые связи (Е.К.), кровосмешение (Н.С.), внутренний хаос (В.Р.): кровосмесительные связи между родственниками, по которым следует носить пятимесячный траур и более продолжительный, интимная связь с наложницей деда или отца.

В сфере должностных преступлений китайское право выделяло *сы цзуй* — преступления частного характера, лично-корыстные преступления, и *гун цзуй* — преступления общественного характера, лично-бескорыстные преступления (Н.С.). Первые могли быть совершены чиновником в пределах его служебной компетенции и были обусловлены его личным интересом или пристрастностью. Преступления *гун цзуй* предполагали неверное ведение дел чиновником, нарушение им его служебных прерогатив, но при этом личный интерес в преступных действиях чиновника отсутствовал. В принципе это были небрежность (например, порча казенного имущества) или ошибка, допущенная в ходе исполнения дела общественного характера.

В учение о преступлении старое китайское право ввело понятие *лю цзан* — шесть способов незаконного присвоения имущества. Сюда относились тайная кража, ограбление, незаконные приобретения в сфере служебной деятельности, взятка с нарушением закона, взятка без нарушения закона, приобретение имущества с использованием служебного положения. Отдельно было выделено должностное преступление *юн* [*2*] — использование должностным лицом в личных интересах людей, отбывающих трудовую повинность, и «взятие в долг» у подчиненных средств транспорта. Преступное деяние должностного лица, именовавшееся *жэнь*, означало взятие в аренду или в наем у подчиненного каких-либо материальных ценностей.

Китайское право выделяло в качестве самостоятельного преступления *ци со* — вымогательство, различая простое вымогательство и вымогательство с применением силы. Вымогательство не всегда отличалось от «приобретения или отдачи без согласия» (*цюй юй бу хэ*) путем запугивания

или применения силы, покупки под угрозой применения силы, взимания поборов силой. К этой группе преступлений относили и мошенничество. В особый вид преступлений было выделено хищение людей, без различия лично свободных или лично несвободных.

При коллективном преступлении (*гун фань*) вводилось понятие группы (*чжун*). Умысел (*моу*) предполагал наличие двух человек. Однако старое китайское право допускало, что если обстоятельства сговора и его цели были ясны, то «и один человек мог считаться за двоих».

Наказание рассматривалось как ответное действие (*бао* [*4*]), как возмездие за совершенное преступление. При династии Хань термин *бао* означал вынесение приговора и определение меры наказания. Преступление было как бы отомщено наказанием. Наказание должно было быть неотвратимым и служить для устрашения потенциальных преступников. Считалось, что нельзя «не предать смерти убийцу, не наказать того, кто ранил человека», «накажи одного человека, и люди Поднебесной испугаются».

С течением времени разные виды смертной казни, членовредительных наказаний, порки сложились в «пять видов наказаний» — *у син*, очевидно в подражание учению о «пяти первоэлементах». Пять видов наказаний окончательно сложились при династии Северная Вэй после реформы 431 г. Стандартная форма «пяти видов наказаний» была установлена при династии Суй и воспринята династией Тан. *У син* включали наказания битьем толстыми и тонкими палками, каторгой, ссылкой и смертной казнью. Для изготовления палок использовался кустарник из семейства вересковых, бамбуковые палки для телесных наказаний стали использоваться только при династии Цин. Число ударов палкой варьировалось при разных династиях, но в основном тонкими палками (*чи* [*8*]) наносили от 10 до 50 ударов, толстыми (*чжан*) — от 60 до 100. Наказание каторжными работами (*ту* [*4*]) назначалось на срок до трех лет (один год, полтора, два, два с половиной и три). Работы, на которые привлекались каторжные, были самыми разнообразными — строительство дорог, ремонт городских стен, работа на соляных промыслах, в шахтах и т.п. На каторжанина надевали шейную колодку (*кангу*) или сковывали ноги железной цепью. Работали как по месту жительства, так и в других районах страны. Ссылка (*лю*) была трех видов: на расстояние в две, две с половиной и три тысячи *ли* [*10*]. В разные эпохи она могла сопровождаться каторжными работами. Тяжесть ссылки состояла в том, что осужденный не мог возвратиться на родину, ссылка сравнивалась «с потоком воды, который, пробежав, никогда не возвращается обратно». Ссыльного могли сопровождать жена и наложница и близкие кровные родственники от деда до внука.

Смертная казнь осуществлялась двумя способами — удавлением и обезглавливанием. Удавление считалось более легким наказанием, так как после казни не нарушалась целостность тела казненного. С начала правления династии Ляо (X в.) стал применяться еще один вид смертной казни — *линчи* (разрезание на куски). Это был жестокий вид казни — от четвертования до срезания мягких тканей с тела казнимого постепенно в течение нескольких дней. Смертной казнью карались, по кодексу Тан, 233 преступления, по кодексу Сун — 293, Юань — 135, Мин — 282.

В кодексах большое значение имело понятие «степень наказания» (*син дэн*, *дэн*). Во многих случаях в статьях кодекса мера наказания не определяется одним из видов *у син*, а говорится, что наказание увеличивается (*цзя*) или уменьшается (*цзянь* [*12*]) на одну, две и т.д. степени. Основные наказания составляли 20 степеней.

Наряду с основными существовали сопутствующие (*цзи син*) и дополнительные наказания, конфискации (*могуань*) и разжалование чиновников (*чу мин*). Частью *чу мин* было наказание снятием с занимаемой должности (*мянь со цзюй гуань*) и лишением должностей (*мянь гуань*). Разжалование, даже полное, действовало только в течение определенного срока (при Тан — шесть лет). Мера наказания в китайских кодексах всегда указывалась точно, т.е. не было допустимых за данное преступление мер наказания «от — до».

Традиционное китайское право исходило из того, что наказание должно накладываться с учетом всей совокупности обстоятельств совершения преступления (*цин* [*2*]) и с учетом социального положения и места преступника в системе родства (если объектом преступления стал родственник). Мера наказания зависела от разницы в поколениях или в возрасте в пределах одного поколения. Родством определялось попадание человека, не совершавшего преступления, под обще-

семейную ответственность и уменьшение меры наказания преступнику, воспользовавшемуся «тенью» своего знатного родственника. Критерием родства в праве служили сроки ношения траура родственниками в случае смерти друг друга. Таких сроков было установлено пять (*у фу*) (три года, год, девять месяцев, пять месяцев и три месяца). Трехгодичный траур носили дети по отцу и матери и жена и наложницы по мужу. Родством объяснялась норма старого китайского права *сян жун инь*, т.е. обязанность родственников укрывать друг друга в случае совершения одним из них преступления (содействие в избежании ареста, бегстве и т.п.)

При назначении меры наказания учитывался возраст и физическое состояние осужденного. Возраст освобождал не от любого наказания. Лица в возрасте 90 лет и старше и 7 лет и младше освобождались от уголовных наказаний за любые преступления, но их имущество подлежало конфискации и передаче в казну (в казенное рабство), если они попадали под общесемейную ответственность. Лица старше 80 и младше 10 лет имели право подачи прошения на высочайшее имя (*шан цин*), если они за совершенное ими преступление заслуживали смертной казни. Лица в возрасте от 70 до 80 лет и от 15 лет и младше в случае наказания их ссылкой и менее тяжкими мерами наказания имели право на откуп от наказания (*шу* [*12*]). При вынесении меры наказания принимался также во внимание пол преступника. Женщины не подлежали наказанию ссылкой — их подвергали порке и оставляли на принудительные работы по месту жительства.

Китайское право определяло три вида инвалидности:

дуцзи — слепые на оба глаза, лишенные двух конечностей, сумасшедшие и тяжелобольные. Эта группа инвалидов в случае совершения преступления, наказуемого смертной казнью, имела право подать прошение на высочайшее имя;

фэйцзи — лица без одной конечности, с переломом позвоночника, немые, лилипуты, слабоумные. Они имели право на откуп от наказания за все преступления, кроме наказуемых смертной казнью;

цаньцзи — лишенные одного глаза, глухие, лишенные двух пальцев на руке или трех пальцев на руках и ногах, лишенные большого пальца на руке и ноге, лица, больные стригущим лишаем, с хроническими свищами и зобом. Они получали смягчение наказания.

По закону, если лицо не было престарелым или инвалидом в момент совершения преступления, а преступление было раскрыто и преступник осужден, когда он уже стал престарелым или инвалидом, его возраст и инвалидность должны были быть приняты во внимание при определении меры наказания.

Социальный статус осуждаемого также принимался во внимание целым рядом законоположений. Первым из них следует назвать *ба и* — «восемь суждений» или «восемь оснований для рассмотрения дела в особом порядке» (Н.С.). Источником *ба и* явилась книга «Чжоу ли». Для лиц, в отношении которых могло быть использовано положение о *ба и*, привилегия (в случае если они совершили преступление, наказуемое смертной казнью) состояла в том, что дело передавалось в высшие инстанции с просьбой «вынести суждение» (*цин и*); отсюда и произошел термин *ба и* — «восемь суждений». Было выделено восемь групп лиц, имевших право на привилегию:

родственники императора (*цинь*),

те, кто долгое время служил императору (*гу* [*1*]),

благородные мужи, поступки которых могли служить образцом для подражания (*сянь* [*2*]),

способные в делах управления и командования войсками (*нэн*),

имеющие воинские заслуги (*гун* [*3*]),

знатные (*гуй* [*5*]), т.е. чиновники, имевшие ранги первой–третьей степени или почетные должности первого и второго рангов,

усердные на гражданской и военной службе (*цинь* [*4*]),

«гости» (*бинь*) — потомки прежде царствовавших в Китае династий.

Исследователи отмечают отсутствие четкого круга лиц, пользовавшихся привилегией *ба и*. Норма *ба и* не распространялась на виновных в совершении одного из десяти неамнистируемых преступлений.

Дела лиц, к которым применялась норма *ба и*, докладывались императору, и, если он давал согласие на осуществление следствия, дело обсуждалось на особом совещании, решение которого до-

водилось до сведения императора. Если виновный подлежал смертной казни, то в докладе императору сообщалось: «достоин смерти», а способ казни указывал император. Иногда осужденным разрешали покончить жизнь самоубийством.

Дальняя родня императора, его свойственники, чиновники четвертого разряда и ниже имели возможность — в случае угрозы наказания смертной казнью — подать прошение на высочайшее имя. Если лица, пользовавшиеся правами *ба и* или *шан цин*, заслуживали наказания ссылкой и менее тяжкими мерами наказания, наказание им автоматически уменьшалось на одну степень. Чиновники седьмого ранга и выше и их ближайшие родственники имели привилегию *цзянь* [*12*] — уменьшение меры наказания на одну степень, если речь шла о наказании ссылкой или менее тяжкой мерой наказания.

Лица, обладавшие привилегиями *ба и*, *шан цин* и *цзянь* [*12*], а также имеющие ранги женщины, наложницы чиновников, престарелые и малолетние имели право на откуп от наказания (*шу* [*12*]). Откуп осуществлялся медью, медными деньгами, ассигнациями, серебром, при династии Мин — отработками.

Существенной привилегией при наказании чиновников являлась норма *гуань дан* — «расплата чином»; существовала разработанная такса зачета (*дан* [*1*]) чина (*гуань* [*3*]).

Таким образом, названные выше традиционные нормы старого китайского права составляли систему привилегий, которая избавляла высшие слои общества, прежде всего дальнюю и близкую родню императора, чиновничество и их родственников, от прямого применения к ним мер наказания, предусмотренных уголовными законами. Здесь следует сказать и об институте «тени» (*инь* [*1*]), осуществлявшем социально-правовую и уголовно-правовую функции. Чиновник своим рангом оказывал протекцию своим сыновьям, внукам и близким родственникам. В уголовно-правовом аспекте «тень» тенедателя могла стать основанием для смягчения меры наказания, а в ряде случаев даже избавления от наказания. Традиционное китайское право, как и право других древних и средневековых обществ, было «правом-привилегией», в котором неравенство лиц в системах родственных отношений и отношений социальных было закреплено законом.

На стыке учения о наказании и применения наказания находились нормы коллективной ответственности — общесемейной (*юань цзо*) и общеслужебной (*лянь цзо*). Общесемейная ответственность наступала при осуждении виновных в антигосударственных преступлениях. Казнь самого преступника считалась недостаточной, поэтому казнили или конфисковали имущество и обращали в рабство его ближайших кровных родственников. Общеслужебная ответственность распространялась на лиц, связанных с осужденным общей службой. Совершивший преступление считался главарем, а лица, связанные с ним службой, особенно знавшие о его преступлении и не донесшие о нем, — пособниками. За преступление чиновника отвечал и его начальник, допустивший своими действиями или бездействием совершение преступления.

При установлении личной ответственности обвиняемого следователь и судья должны были установить его личную вину в соответствии с тремя позициями — зачинщик, главарь или пособник. Китайское право полагало преступление групповым, если имел место умысел и составление плана совершения преступления (в противном случае преступление могло быть квалифицировано как «совпадение действий» его участников). При наличии умысла тот, кому принадлежал умысел совершения преступления (*цзао и*), считался главарем (*шоу* [*1*]), а прочие пособниками (*цун*). Если преступление было совершено членами одной семьи, главарем всегда признавался старший в семье мужчина, даже если умысел совершить преступление принадлежал женщине. В служебной сфере главарем также считался начальник. В ряде случаев зачинщик мог быть сочтен пособником (например, если кому-то принадлежал умысел совершить хищение, но он сам в хищении не участвовал и доли из похищенного имущества не получал). В драке зачинщиком мог быть признан, в зависимости от обстоятельств, тот, кто затеял драку, тот, кто нанес самый тяжелый удар, тот, кто нанес жертве последний удар. В случаях групповых преступлений, когда кодекс не выделял главаря и пособников, это обозначалось словом «все» (*цзе* [*5*]); к числу таких преступлений относились умысел убить старшего родственника, похищение людей, изнасилование и т.п.

Амнистии (*шэ*) объявлялись императорским указом. Поводом для них были события в императорском доме — восшествие на престол, смена девиза царствования, объявление наследника престо-

ла, а также небесные и иные знамения, стихийные бедствия, обрушившиеся на страну. Амнистия была призвана остановить или ослабить действие стихии. Амнистии подразделялись на «великие амнистии» (*да шэ*), отличавшиеся бóльшим числом амнистируемых преступлений, и «постоянные амнистии» (*чан шэ*). Кроме того, амнистии различались по территориальному признаку — это были амнистии всекитайские (*пу шэ*) или объявляемые только для какого-то региона (*цюй шэ*). Наконец, амнистии делились по составу амнистируемых: одни распространялись на всех осужденных, кроме тех, кто по закону не подлежал амнистии (*тун шэ*), другие — особые амнистии (*тэ шэ*) — касались только особой группы осужденных. Амнистировались и те преступления, в которых преступник сознавался до объявления амнистии; соответственно не амнистировались те, в которых признавались во время амнистии, или те, кто заведомо знал о предстоящем объявлении амнистии. Как правило, амнистировались и основные, и дополнительные наказания (например, каторга и порка, положенная перед отправкой на каторгу). Для осуществления амнистии выделялся стодневный срок с момента прибытия указа об амнистии в данную местность. Осужденные за незаконное присвоение имущества и при амнистии должны были или возвратить, или компенсировать его. При откупе от наказания осужденные освобождались от внесения той части откупа, которую они еще не успели внести до амнистии.

Помимо амнистий существовала практика помилований (*цзян*). Она осуществлялась местными властями и означала лишь уменьшение меры наказания, а не полное избавление от него. Второй вид помилования (*люй* [*2*]) мог иметь место после подачи прошения о помиловании в центр.

Явка с повинной (*цзы шоу*). Если преступление еще не было раскрыто и преступник сам являлся к властям с повинной, он мог рассчитывать на прощение (*юань*). Явка с повинной могла трактоваться как «самообновление» (*цзы синь*). В случае хищения имущества явка с повинной не избавляла от возвращения похищенного. При совершении двух и более преступлений явка с повинной освобождала от наказания за более легкие из них. Закон допускал на первый раз явку с повинной не самого преступника, а его родственника, родство с которым предполагало взаимоукрывательство. Преступник мог послать и постороннего человека, не родственника, но в любом случае при явке с повинной преступник сам должен был отдаться в руки властей. При явке с повинной не освобождался от наказания тот, кто дал ложные показания, утаил часть показаний или не возвратил часть похищенного имущества.

При мелких кражах, мошенничестве допускалась явка с повинной не к властям, а к хозяину имущества. Прощение было обеспечено, если явившийся с повинной участник группового преступления принимал участие в поимке своих подельников или выдавал их властям. Если до явки с повинной на преступника уже поступил донос, он по явке с повинной освобождался лишь от части наказания. Это же касалось и тех обстоятельств, когда преступник до явки сбежал из-под стражи или если речь шла об антигосударственных преступлениях, к совершению которых уже были сделаны первые шаги. При явке с повинной не прощались изнасилование, незаконный переход таможенных застав, недозволенные занятия астрономией.

Получал прощение чиновник, совершивший ошибку и добровольно, до ее обнаружения признавшийся в ее совершении. Не прощалась судебная ошибка, если из-за нее осужденный уже подвергся наказанию.

Арест, следствие и суд. Властям становилось известно о совершении преступления или подготовке к его совершению из доноса (*гао*) или заявления потерпевшего (*су*). Если доносчик был грамотен, то донос подавался в письменном виде. От доноса требовалась достоверность, за неточные сведения могли наказать доносчика или чиновника, записавшего устный донос и исказившего его содержание. Донос мог быть подан только в низшую инстанцию того административного органа, к которому доносчик относился. Доносить через голову начальства запрещалось. Нельзя было доносить на родителей, деда и бабку. Наказанием было удавление. Исключением являлось убийство отца — за убийство отца можно было доносить и на родную мать. Китайское традиционное право не признавало анонимного доноса, за анонимный донос или донос под чужим именем полагалась ссылка. Исключение составляли доносы о преступлениях против государя и государства. Лжедонос подпадал под норму старого китайского права *фань цзо* — «возврат обвинения и наказания», лжедоносчик должен был получить то же наказание, которое мог бы получить тот, на кого был подан донос.

Традиционное право

Получив донос или заявление пострадавшего, власти были обязаны принять меры к задержанию преступника. Делали это главы околотков (*ли* [*10*]), волостей или главы кварталов в городах. Очевидец совершения преступления должен был оказывать всяческое содействие задержанию преступника, бездействие могло быть наказуемо. Кроме того, имелась полицейская служба, патрульные, в обязанность которых входили выслеживание и задержание преступника.

В старом Китае следствие и суд не были выделены в особую независимую прокурорскую и судебную системы и следствие и суд осуществляли уездная и окружная администрация во главе с начальником уезда или округа. Донос, заявление пострадавшего или поимка на месте преступления, арест преступника становились основанием для расследования дела. Чиновники ямыня, среди которых были и специализировавшиеся по уголовным делам, производили осмотр места происшествия и, при необходимости, судебно-медицинскую экспертизу. Затем допрашивали свидетелей. Материалы следствия записывались на специальных бланках. Следователь не мог состоять с обвиняемым в родстве или в отношениях «учитель–ученик».

Компетенция суда зависела от предполагаемой меры наказания. Если дело касалось преступлений, наказываемых поркой, дело рассматривалось и решалось в уездном ямыне, а судьей выступал начальник уезда. Если дело касалось преступлений, наказуемых каторжными работами и ссылкой или даже смертной казнью, то следствие также осуществлялось в уездном ямыне, но начальник уезда как судья мог определить только предполагаемую меру наказания; затем материалы следствия и обвинения передавались в окружной ямынь. Уездная администрация не рассматривала дел о мятеже и государственной измене, дела лиц, подпадающих под привилегию *ба и* («восемь суждений», см. выше), старших чиновников.

Процесс носил инквизиционный характер. Следователь и судья исходили из презумпции заведомой виновности обвиняемого, и их задача состояла в том, чтобы добиться от него признания. Обвиняемый стоял перед судьей на коленях, судья, задавая вопросы, обязан был следить за выражением глаз обвиняемого, частотой его дыхания, выражением лица, речью, другими признаками, которые могли бы выявить лживость показаний обвиняемого. Допрос свидетелей осуществлялся при обвиняемом. Свидетелями не могли выступать близкие родственники обвиняемого, связанные с ним правом взаимоукрывательства, лица старше 80 и младше 10 лет, недееспособные группы *дуцзи* (умалишенные, слепые и т.п.), лично несвободные против своего хозяина. Если обвиняемый был не китаец, суд мог пользоваться помощью переводчика. Свидетели несли ответственность за свои показания. Лжесвидетельство, как правило, предполагало наказание на две степени меньше того, что получал осужденный.

По закону, если свидетельские показания и улики против обвиняемого казались следователю правдивыми, а обвиняемый не признавал своей вины, его следовало подвергнуть физическому воздействию. Официально допускалось только битье палками в три приема с общим числом ударов не более 200. Между каждым допросом под палками должен был быть перерыв в 20 дней. Следователь подлежал наказанию, если число ударов превышало 200, или были применены иные приемы пытки, или если обвиняемый умирал под палками и было доказано, что смерть его наступила именно вследствие применения к нему физического воздействия. Беременную женщину нельзя было допрашивать под палками, которые, однако, могли применяться к ней через 100 дней после родов. Если обвиняемый не признавался и после трехкратного применения порки, то под палки могли лечь и обвинители. Если обвиняемый признавался в совершении преступления, ему выносили приговор с обязательной ссылкой на точный текст закона. Если имело место изменение закона и между законом, действовавшим во время совершения преступления, и законом, действовавшим во время вынесения приговора, были расхождения, приговор выносился по тому закону, который предусматривал более легкую меру наказания.

Кодексы не предусматривали всех видов преступных действий, и китайское право широко пользовалось методом аналогии, наказания «за наиболее сходное преступление».

Приговор подписывали правитель уезда и округа и сам осужденный; если он был неграмотен, то ставил отпечаток пальца. По закону осужденный должен был выразить согласие с мерой наказания. В случае наказания каторжными работами и более сурового приговор оглашался и родственникам осужденного. Их согласия с мерой наказания не требовалось. При осуждении за ряд

преступлений осужденный наказывался за самое тяжкое из них. Наказывать по совокупности преступлений и суммировать меры наказания запрещалось. Суммирование допускалось только при неоднократных хищениях имущества.

Судья мог завысить меру наказания (*жу цзуй*) или занизить ее (*чу цзуй*). Закон оценивал такие действия как преднамеренные, и в случае доказательства его вины судья наказывался по принципу *фань цзо*. Если же было установлено, что имела место простая ошибка, судья мог получить «разницу» в мерах наказания между той, которая требовалась по закону, и той, которую получил осужденный.

Если осужденный не признавал себя виновным, он и его родственники имели право подать апелляцию. Дела о наказании ссылкой и смертной казнью в любом случае попадали в высшие судебные инстанции. Этими органами были *Далисы* (Верховный суд, со времени династии Северная Ци) и Министерство юстиции (*Синбу*). При династии Цин *Далисы* именовался *Далиюань*. Смертные приговоры, как правило, утверждались императором. Далисы и Синбу были укомплектованы профессиональными юристами. В случае особо сложных дел эти органы прибегали к консультациям Академии Ханьлинь.

Инородцев, совершивших преступления на территории Китая, если они являлись подданными одного государства, судили по их законам. Если же это были подданные разных государств, их судили по китайским законам. По китайским законам судили и тогда, когда одна из сторон состояла из подданных Китая.

Исполнение приговоров. В случае наказания палками оно осуществлялось на месте. Толстыми палками полагалось бить так, чтобы треть ударов пришлась на ягодицы, треть — на бедра и треть — по спине. Осужденных на каторгу после оглашения приговора и вступления его в силу без промедления отправляли на казенные работы. Наказанных ссылкой отправляли по этапу, партии ссыльных составлялись один раз в 30 дней. Смертные казни преимущественно совершались осенью и зимой, казнили публично, на рыночной площади. Чиновники пятого разряда и выше при наказании смертной казнью получали «милостивое разрешение» покончить с собой. Их публично казнили только за мятеж. Членов императорской фамилии и придворных, чиновников седьмого разряда и выше казнили не прилюдно. Кодекс династии Мин содержал особый раздел, в котором имелся перечень преступлений, за которые казнили в любое время года, «не дожидаясь подходящего времени». В основном это были преступления из группы «десяти зол», за которые в период Мин казнили способом *линчи*. Был особо определен и перечень преступлений, за которые казнили только осенью.

Уголовное право. В сферу уголовного права в традиционном китайском праве включались преступления против императора, государства и символов императорской власти, преступления против личности (убийство, причинение ранения, побоев), похищение людей, преступления сексуального характера, разные формы незаконного присвоения имущества — кража, ограбление, вымогательство, мошенничество. К уголовным относились и должностные преступления — взятка и различные формы злоупотребления властью.

Преступления против императора, помимо заговора или мятежа, не входившие в список «десяти зол», включали осуждение действий императора, неправильное приготовление еды и питья для императора, приготовление лекарств не по рецепту, отступление от правил хранения императорского платья, нарушение правил доступа в Запретный город и резиденцию императора. Закон жестоко карал за кражу или порчу императорской печати, императорских указов. Каторга или ссылка ожидали тех, кто самовольно проникал в храм предков императора или места их погребения. При династии Мин, не дожидаясь осени, обезглавливали лиц, «испортивших императорский эдикт, а также высочайшее распоряжение с императорской печатью на использование лошадей», «неправильно передавших императорский указ», карали удавлением «перелезших через стену императорского города», «самовольно отперших или заперших ворота императорского города в неположенное время» и т.п.

При расследовании убийств традиционное китайское право выделяло заговор с целью убийства, преднамеренное убийство, убийство в драке, убийство по ошибке, убийство во время игры. При

Традиционное право

наказании за убийство важно было установить, кем были убийца и его жертва, их отношения в системе кровнородственных связей и социально-сословной структуре общества. Стандартной мерой наказания за убийство в драке было удавление, за преднамеренное убийство — обезглавливание. За убийство во время игры мера наказания уменьшалась на две степени, за убийство по ошибке допускался откуп от наказания. Если замысел совершить убийство не был осуществлен, виновного наказывали каторжными работами, если был осуществлен — смертной казнью путем обезглавливания. Хозяин за намеренное убийство принадлежавшего ему лично несвободного человека смертной казнью не наказывался. Причинение ранения рассматривалось в тех же ситуациях, что и убийство. Квалификацией преступления в качестве причинения ранения считалось появление крови. Исходным для определения наказания за причинение ранения было наказание за причинение ранения в драке без применения или с применением оружия. Любой металлический предмет, которым можно было убить человека, приравнивался к ножу. С причинением ранения был связан принцип старого китайского права *баогу*. Травма (*сунь*) по истечении определенного срока могла быть по своим последствиям квалифицирована или как причинение ранения (*шан* [*4*]), или как убийство. Если жертва погибала от побоев руками и ногами или каким-либо предметом через 10 или 20 дней (соответственно) либо умирала от переломов конечностей через 50 дней, то преступление квалифицировалось как убийство.

Сурово каралось изготовление и применение ядов и различные колдовские и магические действия, направленные на то, чтобы причинить вред другому человеку.

Похищением человека считался насильный его увод. Если ребенок пяти лет и младше даже был согласен, чтобы его увели, то это все равно считалось похищением. Похищение человека и продажа его в рабство наказывались удавлением. Похищение чужого раба квалифицировалось как ограбление. Таким образом, преступление, именуемое похищением человека, рассматривалось двояко. Это было преступление против личности, когда речь шла о похищении лично свободного человека, и преступлением против имущества, когда речь шла о похищении раба.

В квалификации преступлений сексуального характера старое китайское право выделяло совращение (*цзянь* [*5*]), прелюбодеяние (*хэ цзянь*) и изнасилование (*цян цзянь*). Совращение, по китайскому праву, не предполагало обоюдного согласия, оно могло иметь место при отношениях родства или подчинения. За прелюбодеяние и мужчина, и женщина оба подлежали наказанию и наказывались одинаково. Прелюбодеяние предполагало взаимное согласие и могло быть только между лично свободными людьми, не состоявшими в родстве или подчинении один у другого. За изнасилование к ответственности привлекался только мужчина. При этом во внимание принималось и нанесение травм и ранений женщине. Наказанием могла быть смертная казнь. Особую ответственность несло должностное лицо, совратившее или изнасиловавшее подчиненную ему женщину, а также рабы — за изнасилование хозяйки или женщин из семьи хозяина. Средневековые китайские кодексы не квалифицировали как преступные действия «сексуальных меньшинств» — мужской и женский гомосексуализм и половые связи с животными.

Незаконное присвоение имущества. Кражей считалось тайное похищение имущества, когда виновный «скрывал свой облик и прятал лицо». Кража отличалась от ограбления, при котором хищение совершалось «с применением угрозы или силы», безразлично, до или после захвата вещи. Ограблением считалось и хищение имущества у человека пьяного или одурманенного каким-либо иным способом.

При краже явка с повинной к хозяину имущества приравнивалась к явке с повинной к властям. Наказание за незаконное приобретение имущества всегда накладывалось исходя из его стоимости. Если имущество было сохранено в своем первоначальном виде, оно подлежало возврату хозяину или казне. Возврату подлежал и «естественный прирост» (например, у украденной коровы появился теленок). При наказании за кражу или ограбление закон различал покушение на совершение преступления и совершенное преступление. Хищение казенного имущества каралось на одну степень строже, чем имущество частного лица. Помимо наказания за кражу вор нередко выплачивал еще компенсацию в двойном размере по отношению к стоимости украденного.

Закон различал кражу у родственника и у чужого человека. Кража, совершенная одним родственником у другого, если они жили одной семьей, не квалифицировалась как кража. Если род-

ственники жили не одной семьей, то мера наказания была значительно меньшей, чем за кражу имущества на эту же сумму у неродственника.
При ограблении мера наказания зависела от применения или неприменения оружия и действий в одиночку или группой. При ограблении оружием считалась даже палка. Мерой наказания за ограбление чаще всего была смертная казнь. Если при совершении ограбления был ранен или убит раб, то наказание за убийство или причинение ранения рабу в данном случае было то же, что и за убийство или причинение ранения лично свободному человеку.
Если действовала группа, то в силу вступал принцип коллективной ответственности. Если 10 человек похищали имущества на 10 единиц, то каждый из них наказывался не за одну единицу, а за все 10. В действиях группы в случае кражи выделяли главаря и пособников. В случае ограбления главаря и пособников не выделяли.
Рецидивистов за кражи трижды наказывали по обычным нормам наказания за кражу, но если кража была совершена в четвертый и более раз, мера наказания резко увеличивалась и достигала наказания смертной казнью.
К краже приравнивались вымогательство и мошенничество. Однако за приобретение имущества обманом не требовали двойную компенсацию. Поскольку закон не одобрял азартные игры, то к кражам приравнивались и крупные выигрыши. Подмена хорошего казенного имущества на свое плохое тоже считалось кражей.
Как кража наказывалось причинение ущерба чужому имуществу посредством затопления, поджога, рубки деревьев, порчи посевов. За преднамеренный поджог наказывали каторгой, ссылкой и удавлением. Заронивший огонь по неосторожности при причинении значительного ущерба тоже мог быть наказан каторжными работами. Уголовно наказуемым было оставление костра непотушенным, сходные меры наказания были и за затопление, даже если оно было нечаянным или по небрежности.
Должностные преступления. К числу уголовных были отнесены и должностные преступления. В стране со столь развитой и древней системой бюрократии законодатель полагал, что чиновничество подвержено двум порокам — стяжательству и пренебрежению своими обязанностями.
Основным должностным преступлением являлась взятка. При наказании за взятку действовали три общих правила: 1) виновными считались и получивший взятку чиновник, и взяткодатель; 2) мера наказания определялась стоимостью незаконно приобретенного имущества; 3) если взяточник раскаивался и возвращал взятое в качестве взятки взяткодателю, то им обоим мера наказания уменьшалась на три степени.
Чиновник, получивший взятку и решавший дело, мог при этом нарушить закон, и тогда это квалифицировалось как «взятка с нарушением закона», а мог закон и не нарушать, и тогда это была «взятка без нарушения закона». За взятку с нарушением закона высшей мерой наказания была смертная казнь (удавление).
Чиновник не имел права получать подарки от своих подчиненных и административно подчиненных ему лиц, брать у них что-нибудь в долг. В зависимости от стоимости подарка чиновник мог быть наказан как вымогатель или взяточник. Недопустимо было использование в личных целях труда подчиненных, принадлежащего подчиненному скота, пользование прочим имуществом подчиненных. Исключением являлись так называемые «дни счастья» — свадьба или жертвоприношения в храме предков начальника, или «дни горя» — похороны в его семье. Чиновник нес ответственность и в том случае, если незаконные приобретения имущества с его подчиненных имели члены его семьи.
Если чиновник вступал в брак с женщиной из подчиненной ему семьи, такой брак расторгался. Удавлением каралось разглашение чиновником служебной или государственной тайны.
Составляя бумаги, чиновник должен был тщательно избегать табуированных иероглифов и ошибок в написании ряда иероглифов, например, за ошибку в написании имени предка императора полагалось три года каторги. Очень ответственной была служба чиновников-курьеров с верительными бирками (*пайцзы*). За опоздание, если следствием его было военное поражение, курьер подлежал удавлению. Уголовная ответственность могла наступить при нарушении правил о выдвижении людей на государственные экзамены. Казнокрадство наказывалось как кража казенного имущества.

Традиционное право

Хотя бытовало и бытует мнение, что китайское право было в основном уголовным, вся совокупность законов старого Китая включала нормы гражданского, административного и военного права.

Брачное и семейное законодательство. Молодые люди в Китае были лишены возможности самим заключать браки. За них это делали или родители, или дед и бабка, или иные родственники старшего поколения. Закон не требовал оформления брака какой-либо религиозной церемонией или регистрации его в административных учреждениях государства. Закон карал лишь за нарушение освященных традицией правил заключения браков. Законом не устанавливался и брачный возраст. В разные периоды в разных районах Китая брачный возраст для мужчин колебался в пределах от 15 до 30 лет, для женщин от 12 до 20 лет. Инициатива сватовства принадлежала семье жениха. Установленной точкой завершения сговора служило принятие семьей невесты подарков от семьи жениха. После этого отказ семьи девушки выдать ее замуж влек за собой ответственность ее родителей или иных старших родственников. Если от заключения брака отказывалась семья жениха, она теряла сделанные подарки. Брак всегда считался заключенным окончательно, если жених и невеста «видели друг друга», т.е. вступали в подлинные брачные отношения. С этого момента жена могла быть привлечена к общесемейной ответственности в случае совершения преступления мужем или членами его семьи. Не допускалось и было уголовно наказуемо согласие выдать замуж девушку сразу двум женихам. Если девушка уже была сосватана за одного, а ее выдали за второго, ее родителям грозила каторга. Недопустимой была подмена жениха или невесты.

Закон запрещал браки между однофамильцами и между людьми, состоявшими даже в отдаленном родстве. Нельзя было вступать в брак во время ношения траура, в то время, когда родители или дед и бабка находились под следствием. Запрещалось выдавать вторично замуж вдову, если она этого не желала, особенно ссылаясь на верность памяти покойного мужа. Осуждались браки учителя с ученицей, между детьми двух друзей. Если муж при живой жене женился вторично, его наказывали за двоеженство каторжными работами. В данном случае имелись в виду именно жены, а не наложницы. Китайское право исходило из тезиса «один муж, одна жена — не подлежащий изменению порядок».

Закон запрещал браки между лично свободными и лично несвободными. При некоторых династиях были запреты на браки по национальному признаку. Были периоды, когда запрещались браки между хозяевами и наемными работниками. Недозволенные законом браки подлежали расторжению, а виновные в их заключении — уголовному наказанию.

Кодексы устанавливали допустимые основания для развода. Таковыми были: 1) развод по взаимному согласию; 2) нарушение супружеского долга (измена жены мужу; половая свобода мужчин законом не ограничивалась); 3) неправомерные действия одного из супругов против родственников супруга (супруги) — причинение побоев, ранение, убийство, прелюбодеяние, например, мужа с матерью жены. В случае *и цзюэ* — нарушения супружеского долга — развод был обязательным. За сокрытие таких действий наказывали каторжными работами.

Кроме того, муж имел семь законных оснований для развода с женой: 1) отсутствие детей; 2) супружеская неверность жены; 3) неспособность жены служить свекру и свекрови; 4) болтливость жены; 5) кража, совершенная женой; 6) ревность жены к мужу; 7) тяжелое заболевание у жены. Эти семь оснований не могли быть использованы мужем, если жена носила траур по свекру или свекрови, если до заключения брака семья мужа была бедной, а благодаря женитьбе разбогатела, если жене некуда было уйти от мужа (из семьи мужа). Муж, давший жене необоснованный развод, наказывался каторжными работами. Супружеская неверность жены и ее тяжелая хроническая болезнь допускали развод в любом случае, без всяких исключений. Отсутствие детей могло служить основанием для развода только в том случае, если жене уже исполнилось 50 лет. Развод не требовал судебного разбирательства. Муж оповещал жену и ее семью письмом, в котором излагал причину или основание для развода. Но если семья жены ее не принимала, в дело вмешивались власти и могло дойти до судебной тяжбы.

Состоятельный мужчина кроме жены мог иметь наложниц. Число наложниц законом не ограничивалось. Брак с наложницей оформлялся контрактом, наложница считалась таковой после того, как муж вносил плату за нее ее семье. Запрещалось брать в наложницы однофамилиц, быв-

ших наложниц старших родственников, чиновникам — женщин из подчиненных им семей. Наложницей могла стать только лично свободная женщина.

По своему правовому статусу наложницы делились на наложниц *ин* и *це*. *Ин* именовались наложницы чиновников пятого разряда и выше, а наложницы чиновников девятого–шестого разрядов и нечиновных лично свободных людей звались *це*. Различие состояло в том, что за ряд преступлений против жены мужа и за преступления, совершенные наложницами друг против друга, наложницы *ин* и *це* наказывались неодинаково.

Статус наложницы в семье был ниже статуса жены, наложница звала жену мужа «госпожа» и в случае ее смерти носила по ней траур. Жена в случае смерти наложницы своего мужа траур по ней не носила. Муж также не носил траур по своей наложнице, наложница же носила траур по своему мужу. Преступные действия мужа против наложницы рассматривались не как преступные действия против жены, а только как против дальнего родственника. За преступные действия против жены своего мужа наложница наказывалась так же, как за преступления против мужа. Наложницы не рассматривались членами семьи мужа как их родственницы и не имели доли в имуществе семьи. Разной была и ответственность жены и наложницы в случае совершения ими преступления против родителей мужа.

Усыновление имело целью продолжение рода, обеспечение жертвоприношений духам предков и поддержку в старости. Предпочтительно было усыновить мальчика, происходящего по одной мужской линии с усыновителем, или однофамильца. Очередь кандидатов на усыновление была такова: сын одного из братьев, внук одного из дядей, правнук одного из братьев деда, сын сестры, внук тетки, однофамилец. Усыновляемый обязательно должен был принадлежать к нисходящему поколению. Запрещалось усыновлять детей людей лично несвободных, наказанием были каторжные работы. Если у усыновителей рождался свой сын или родители, отдавшие своего сына в усыновление, почему-либо решали вернуть его обратно, то усыновление аннулировалось.

Усыновленный представлялся в храме предков и приносил своим вновь обретенным предкам жертвы. Он имел все права родного сына. В усыновление нельзя было отдавать единственного сына в семье. Усыновление оформлялось соответствующими документами.

Наследование по завещанию в старом Китае не имело значения, завещатель не мог лишить сына-наследника наследства. Наследниками являлись все сыновья наследодателя, как от жены, так и от наложниц. Имущество наследовалось сыновьями в разных долях. Вдова после смерти мужа имела право управлять имуществом семьи и на долю из него на свои похороны. Незамужние дочери наследодателя получали половинную долю братьев, или братья были обязаны обеспечить замужество сестер. Замужние дочери права на наследство не имели. Преимущество старшего сына (или внука) состояло только в том, что он являлся наследником чина отца (деда). Нарушение этих законоположений каралось каторжными работами. Если вдова вторично выходила замуж, она ничего не брала с собой из имущества покойного мужа.

Собственность. Старое китайское право не выработало специального термина для обозначения права собственности и для выражения прав собственности пользовалось обычным глаголом «иметь». Имущество делилось на движимое и недвижимое. Критерий различения этих двух видов имущества был прост: движимым имуществом считалось «то, что нужно перемещать», недвижимым — «то, что невозможно переместить». Классическим предметом недвижимости считалась земля.

Традиционным китайским правом выделялись следующие виды собственности: 1) личная (*цзи* [*10*]); 2) частная (*сы* [*1*]); 3) казенная (*гуань* [*3*]); 4) общественная (*гун* [*2*]); 5) собственность храмов (буддийских и даосских). Субъектом права частной собственности был хозяин (*чжу* [*1*]), казенной — казна. Правом выделять имущество в общественную собственность обладало государство; субъектом общественной собственности могли быть государство, часть населения или все население данной местности (пользование выпасами скота, местами сбора топлива, водой и т.п.). Сложным является вопрос об общесемейной собственности, наиболее ярким выражением которой было право наследования. Был ли глава семьи полноправным собственником своей част-

ной собственности (*сы* [*1*]) или же его правомочия собственника были ограничены, так как члены его семьи (прежде всего сыновья) не только были пользователями имущества семьи, но и обладали правом собственности на него, а глава семьи лишь представлял ее интересы? Крупнейшие специалисты по истории китайского права расходятся в своих мнениях по этому вопросу. Слабым местом позиции сторонников наличия права общесемейной собственности является то, что с позиций современных представлений о правах собственника трудно объяснить, почему отец не мог лишить сына наследства, не имел возможности увеличить долю одного сына за счет другого, выдать по завещанию долю постороннему лицу. Сын же не имел права отказаться от наследства. На сына переходили долги отца. Очевидно, что идеология патронимии, большой семьи влияла на правосознание общества и в данном случае, при формуле *тун цзюй тун чань* (совместное проживание, совместное имущество), права собственника, хозяина, главы семьи в сфере наследования имущества были ограничены. Но это не означало, что имела место общесемейная собственность или что глава семьи, «домовладыка» не был полноправным собственником имущества семьи, ибо при его жизни его сыновья не могли самовластно распоряжаться имуществом семьи. Но клановое семейное правосознание ограничивало меры наказания за кражу членом семьи семейного имущества или за отдачу его в залог, в долг членом семьи без согласия отца.

За попытку присвоения выгод от общественной собственности *гун* [*2*] при династии Тан наказывали 60 ударами толстой палкой. «Продукция гор, болот, водоемов и озер, произрастающее на них, приносимые ими выгоды предоставляются в общее пользование народу, и если кто-то захватит их, тому 60 толстых палок».

Храмовая собственность именовалась у буддистов «неисчерпаемым сокровищем» или «постоянно возрастающим сокровищем», она состояла из храмовых построек (храм можно было основать только с разрешения властей), ритуальной утвари, обычного имущества и рабов. Земельные владения храмов (монастырей) состояли из дарений императоров и пожертвований верующих. О размерах рабовладения монастырей говорит тот пример, что в 843–845 гг. во время гонений на буддистов из монастырей было освобождено около 150 тыс. рабов.

Залог. Китайское право различало залог движимого и залог недвижимого имущества. Общим правилом при расплате по займам, в том числе и по займам под залог, было то, что рост не должен был превышать сумму капитала. Выплата процента, равного стоимости взятого в долг, означала прекращение долгового обязательства. Заем под залог заключался при наличии поручителя (*баожэнь*). При залоге залогодатель оставался собственником заложенной вещи. Заем под залог оформлялся договором в письменном виде. Свои особенности имел заклад земли. Залогодатель, если даже он не расплачивался и договорные сроки прошли, не терял на заложенную землю прав собственности, за ним сохранялось право выкупа земли, которое переходило даже к его потомкам. Если залогодатель был согласен на продажу земли, залогодержатель был обязан в первую очередь предложить купить землю родственникам залогодателя, затем, если те отказывались, его соседям, т.е. поступать так же, как был бы обязан действовать и залогодатель. Если земля и вообще имущество страдали от стихийных бедствий, убытки возмещал залогодержатель.

При закладе движимого имущества, если залогодатель не расплачивался в срок, залогодержатель мог продать вещь и, получив свои деньги, излишки вернуть залогодателю. При залоге людей, если это был раб, то он оставался заложенным до тех пор, пока не отрабатывал сумму займа и проценты на нее. Для этой цели законом устанавливалась стоимость рабочего дня человека в зависимости от его пола и возраста. В залог отдавали и своих детей, правда в экстренных случаях (голод и т.п.).

Особенностью обязательственного права старого Китая было то, что власть, за некоторыми исключениями, не участвовала в заключении обязательств. Сделки оформлялись частными документами (*сы цзе*), и «чиновники не вмешивались». Власти вмешивались тогда, когда нарушались установленные государством нормы (например, роста) или стороны вступали в конфликт и сами обращались за помощью к властям. Обязательство подписывала просящая сторона, и просящая же сторона должна была иметь поручителя своей способности исполнить обязательство.

Заем мог быть беспроцентным и под проценты. При займе денег проценты (рост) чаще всего исчислялись помесячно, при займе зерна действовал годовой процент (до нового урожая). Как

правило, долг возвращался тем же, что было взято в долг. По закону процент не должен был превышать сумму займа. Начислять проценты на проценты запрещалось. Брать взаймы мог только глава семьи. Заемщик отвечал перед заимодавцем своим имуществом, хотя заимодавец, в случае неуплаты долга, не имел права сам забрать у должника его имущество. Такие действия квалифицировались законом как лихоимство и были уголовно наказуемы. Установленный законом порядок при наступлении несостоятельности был таков: сначала должник отвечал всем своим имуществом, если такового было недостаточно, то он сам или члены его семьи направлялись на отработку долга. Если заемщик скрывался, за него в таком же порядке отвечал поручитель. Если заемщик умирал, долг переходил на его сыновей.

В договорах купли-продажи в старом Китае часто указывался мотив сделки (нужда в такой-то вещи, в таких-то средствах и т.п.). Составления купчей на продажу обычных вещей не требовалось. Купчая была необходима при купле-продаже недвижимости, земли, людей, скота. Без купчей сделка не имела силы передачи права собственности. При составлении купчей всегда требовались поручители и свидетели. Сделка на вышеперечисленные виды имущества всегда регистрировалась властями, и с нее взимался налог (в пределах 4–6% от стоимости сделки). Если на продажу выставлялась земля, то право первой руки на ее покупку имели родственники продавца, затем его соседи и только после этого иные покупатели. На проданную землю власти выдавали документ об ее учете за новым собственником. Продажа земли, как правило, означала и продажу того, что находится на земле (например, деревьев), и того, что находится в земле (прав на недра). При династии Цин иногда при продаже земли оговаривалось, что продавалась только «поверхность», а права на недра оставались за продавцом. Если купля-продажа земли была оформлена по действующему законодательству, продавец лишался права требовать землю обратно и расторгнуть сделку. Продажа чужой земли как собственной каралась, в зависимости от размера участка, от порки до каторжных работ. Покупная цена при этом конфисковалась в казну; если поле было засеяно, урожай подлежал возврату подлинному хозяину.

При продаже построек действовало правило, что растущие подле них деревья должны относиться к постройкам. При продаже людей закон требовал свидетельства того, что продаваемый человек был действительно лично несвободен. Представитель власти был обязан осмотреть человека и выяснить это обстоятельство. Продавец отвечал и за состояние здоровья продаваемого человека, а местные власти, администрация рынка — за своевременное составление купчей. Все упущения в этом деле наказывались палками. Правила купли-продажи людей и скота были одинаковыми.

В старом Китае рынки управлялись местными властями, употреблялись только стандартные, утвержденные законом меры веса, объема и длины. Отступления от стандартных мер были наказуемы, а обвес и обмер наказывались как кража. Как кража рассматривались и злоупотребления администрации рынков и чиновников, приобретавших товар на подведомственных им рынках силой или по заниженной цене. Данные действия рассматривались и как взятка. Эвикция допускалась в тех случаях, когда была продана заведомо краденная вещь или, например, земля была продана постороннему человеку без учета интересов родственников и соседей.

Административное право. Многие нормы были зафиксированы вне кодексов, в законах типа *гэ* [*2*] или *ши* [*14*], в разного рода постановлениях. Административное право регулировало деятельность государственного аппарата и было очень детально разработано в том, что касалось штатов и делопроизводства. В сферу административного права входил учет населения и составление списков налогоплательщиков. Важно было определить число лиц, способных платить налог и выполнять трудовые повинности, служить в армии. Не менее важным был учет конкретных лиц, получавших законные льготы. Ошибки в составлении списков сурово карались, равно как и злоупотребления (например, внесение в списки здорового человека как инвалида и т.п.). При установлении преднамеренного характера действий мерой наказания при Тан–Сун могла быть ссылка. Злоупотребления при сборе налогов или отправке на работы по трудовой повинности наказывались каторжными работами. Мера наказания зависела и от того, попадали ли

суммы незаконно собранного налога в казну или в карман чиновников. Чиновники отвечали за недоимки по сбору налогов, за несвоевременную доставку зерна на склады, за его должное хранение. Китайские право и практика не допускали откупов при сборах налогов.

Сферой действия административного права являлась почтово-ямская служба. Были наказуемы незаконное использование средств передвижения, нарушение нормативного проезда за день, использование почтово-ямской службы не по назначению, средств передвижения не по чину, поборы с местного населения по дороге.

Регулирование службы в армии. В круг законов, регулировавших армейскую службу, кодексы включали статьи об уголовной ответственности за недоставку мобилизационных предписаний, нарушение сроков и порядка мобилизации, несвоевременную выдачу и сохранение воинского снаряжения и оружия. Частой мерой наказания при нарушении этой группы законов являлись каторжные работы. Дезертиров во время войны карали смертной казнью, смертной казнью карали и за неявку на службу в течении трех дней и более. Смертная казнь была наказанием за выдачу военной тайны и шпионаж, отступление с поля боя, сдачу крепости врагу.

Имелись и специализированные своды военных законов. В них, помимо наказаний за воинские преступления, включался и порядок награждений за воинские заслуги. Этим своды военных законов отличались от обычных кодексов, которые предусматривали только наказания. При награждениях критерием часто избиралось число убитых врагов. Помимо повышения в рангах и должностях все награды носили конкретный потребительский характер — деньги, шелк, ценные вещи. Символических наград — орденов, знаков отличия и т.п. — в старом Китае не было.

Китайское право — автономная система, развивавшаяся практически без всякого влияния извне. Есть предположения, что некоторые моменты обязательственного права сложились под воздействием древнеиндийского права и права ираноязычных народов (в частности, формы хозяйственных документов). Но в целом это была самостоятельная оригинальная правовая система, собственная традиционная правовая культура и самобытное правосознание, положившие начало дальневосточной правовой семье. Рецептированное из Китая, право сыграло большую роль в формировании административных и даже социальных структур Кореи, Японии, Вьетнама.

***** Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М., 1968; 2-е изд., доп. М., 1993; 3-е изд., доп. М., 2007; *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи»). Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина. М., 1972; Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли): В 2 ч. / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. М., 1997–2002; Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цз. 1–8 / Пер. с кит., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999; то же. Цз. 9–16. 2001; то же. Цз. 17–25. 2005; *Утида Тэмоо.* Якутю тюгоку рэкидай кэй хо си (Пер. и коммент. разделов «право» из китайских династийных историй). Токио, 1964; The T'ang Code: In 2 vol. / Tr. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979–1997; Law in Imperial China: Exemplified by 190 Ch'ing Dynasty Cases / Tr. from the Hsing-an hui-lan with hist., social, and jur. comment. by D. Bodde, Cl. Morris. Cambr. (Mass.), 1967. ****** *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986; *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае // Изв. Вост. ин-та. 1908, т. 2, вып. 1; *Дай Янь-хуй.* Тан люй тун лунь (Введение в изучение уголовных законов Тан). Тайбэй, 1964; *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо (Исследования по истории китайского права. Уголовные законы). Токио, 1959; Чжунго фалюй сысян ши (История правовой мысли в Китае). Пекин, 1986; *Bünger K.* Quellen zur Rechtsgeschichte der T'ang-Zeit. Peiping, 1946; *Chang Chen Fu-Mei.* An Analogy in Ch'ing law // HJAS. 1970, vol. 30; *Ch'ü T'ung-tsu.* Law and Society in Traditional China. Paris — La Haye, 1961; *Franke H.* Zum Militärstrafrecht im chinesischen Mittelalter. München, 1970. (Bayerische Akad. der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte; Jg. 1970, H. 3.)

Е.И. Кычанов

Кодификация традиционного права

Самые древние китайские кодексы именовались *син* [*4*] — «[свод] уголовных наказаний». В период Чунь-цю (VIII–V вв. до н.э.) их именовали «Син дин» — «Уголовные законы, [записанные] на [бронзовых] сосудах типа *дин*», и «Син шу» — «Книга уголовных законов». В период Чжань-го (IV–III вв. до н.э.) *син* [*4*] были заменены на *фа* [*1*] (закон), а Шан Ян заменил *фа* [*1*] на *люй* [*1*] — кодекс законов.

№ 1. Первым упоминающимся в источниках кодексом законов в древнем Китае был «Фу син» — «Кодекс наказаний, [составленный] Фу[-хоу]», появившийся в правление Му-вана (947–927 до н.э.). Состоял из 3 тысяч статей.

№ 2. Чжу син шу (Книга уголовных законов, отлитая на [бронзовых сосудах]). Составитель Цзы Чань, 535 г. до н.э. Не сохранилась.

№ 3. Чжу син (Книга уголовных законов, записанная на бамбуковых планках. Составитель Дэн Си (?–501 до н.э.). Не сохранилась.

№ 4. Фа цзин (Канон законов), составитель Ли Куй, дата составления около 407 г. до н.э. Традиционно считается одним из первых китайских кодексов. Современные китайские историки права считают «Фа цзин» первой полной и систематизированной книгой законов. Кодекс имел разделы о кражах и иных хищениях имущества, об аресте и содержании под стражей, раздел «разные законы», раздел о грабежах (ограблениях), содержал статьи о наказаниях за мятеж, убийство и причинение ранения; специальный раздел об увеличении или уменьшении мер наказания. До наших дней не сохранился.

№ 5. Цзю чжан люй [Кодекс в девяти главах (разделах)]; второе название «Хань люй цзю чжан» [Кодекс Хань, девять глав (разделов)]. Составитель Сяо Хэ. Составлен в правление ханьского императора Гао-цзу (206–194 до н.э.) на основе «Фа цзина» Ли Куя. К шести разделам кодекса Ли Куя были добавлены еще три, отсюда и название «девять глав» (девять разделов), которые включали: 1) законы о кражах; 2) законы о грабежах (разбое); 3) законы о содержании под стражей; 4) законы об аресте; 5) «разные законы»; 6) законы об утвари и оружии; 7) законы о семьях (дворах); 8) законы о мобилизации на военную службу и трудовые повинности; 9) законы об императорских конюшнях.

Историки китайского права полагают, что так или иначе все последующие китайские кодексы пошли от «Цзю чжан люй» династии Хань, который до наших дней не сохранился.

Разделы кодексов менялись от династии к династии, хотя в них было много общего, восходящего к древности. В качестве примера приведем основные разделы кодексов династий Тан и Мин:

Основные разделы кодекса династии Тан

Определение наказаний и нормы их применения
Охрана и соблюдение запретов
Служебные обязанности и порядок их исполнения
Семья и брак
Государственные конюшни и хранилища
Самовластные действия
Разбой и хищения
Драки и тяжбы
Мошенничества и подлоги
Смешанные уголовные установления
Задержание беглых
Судопроизводство и тюремное содержание.

Основные разделы кодекса династии Мин

Глава 1. Меры наказания и принципы применения законов
Законы по Ведомству чинов
Глава 2. Должностные обязанности чиновников
Глава 3. Формы казенных бумаг
Законы по Ведомству финансов

Глава 4. Домохозяйства и повинности
Глава 5. Земля и жилища
Глава 6. Бракосочетания
Глава 7. Житницы и хранилище
Глава 8. Различные налоговые сборы
Глава 9. Денежные ссуды
Глава 10. Торговые сделки
Законы по ведомству церемоний
Глава 11. Жертвоприношения
Глава 12. Нормативные установления
Законы по военному ведомству
Глава 13. Охрана дворца
Глава 14. Управление войском
Глава 15. Заставы и переправы
Глава 16. Конюшни и пастбища
Глава 17. Почтовые и транспортно-курьерские станции
Законы по ведомству наказаний
Глава 18. Воровство и разбой
Глава 19. Убийство
Глава 20. Драки и избиения
Глава 21. Словесные оскорбления
Глава 22. Тяжбы
Глава 23. Взяточничество
Глава 24. Мошенничество и подделки
Глава 25. Прелюбодеяние
Глава 26. Разнородные преступления
Глава 27. Арест и побеги
Глава 28. Вынесение приговоров и тюремное заключение
Законы по ведомству работ
Глава 29. Строительство
Глава 30. Речные плотины.

Несмотря на некоторую разницу в наименованиях, все дошедшие до наших дней основные собрания законов той или иной династии являлись кодексами. Это было кодифицированное право, обладавшее внутренней гармонией и согласованностью всех его составных частей.

Помимо кодексов традиционное китайское право оформлялось еще в ряде типов законодательства. Прежде всего следует назвать законы *лин*, весьма условно переводимые как статуты или общеобязательные постановления. Считалось, что уголовные законы *люй* [*1*] составляют более или менее постоянное ядро традиционного права, а статуты *лин* вводятся дополнительно каждой династией или отдельными императорами. При Хань законы *люй* [*1*] и *лин* не были строго разграничены, *лин* являлись сводами императорских указов. Позже *лин* устанавливали общеобязательные социальные нормы и стандарты и регулировали деятельность администрации. При династии Сун большую роль играла практика издания собраний императорских указов *чи*. Наряду с *люй* [*1*] и *лин* в практику вошли собрания нормативных правил *гэ* [*2*] и внутриведомственных правил *ши* [*14*]. *Гэ* [*2*] были правилами, регулировавшими деятельность чиновников при Северной Вэй; при Сун это было административное законодательство; при Юань законы *гэ* [*2*] были включены в кодекс; при Мин и Цин — в сборники важнейших законодательных актов (*хуй дянь*). *Ши* [*14*] — правила административного делопроизводства, внутриведомственные инструкции были введены при династии Западная Вэй в 544 г. Они просуществовали вплоть до династии Мин и при Мин и Цин были включены в своды законодательных актов «Хуй дянь». По мнению Икэда Он и Окано Макото, в западном понимании *люй* [*1*] чаще всего соответствуют уголовным законам, а *лин*, *гэ* [*2*] и *ши* [*14*] были главным образом административными законами, толкуемыми расширительно. В принципе совокупность текстов материального права традиционного Китая включала все основные положения уголовного, гражданского, административного права.

Кодификация традиционного права

Поэтому квалифицировать традиционное китайское право только как уголовное (как об этом иногда пишут) было бы неверным. Вместе с тем китайское традиционное право отличалось от современного тем, что оно не выдвигало на первый план индивидуальные и гражданские права. Коренное отличие западноевропейских и восточных цивилизаций в области права заключалось в том, что первые чаще всего ставили во главу угла права личности, тогда как для традиционного китайского права интересы общества, коллектива, общественной группы, к которой принадлежал индивидуум, были выше прав личности. Это представление и по сей день сохраняется в массовом правосознании китайцев.

***** Тайцин Гурунь и Ухери Коли, то есть Все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства: В 3 т. / Пер. с маньчж. ... А. Леонтьев (Леонтиев). СПб., 1781–1783; Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169): В 4 кн. / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. М., 1987–1989; *Ikeda On, Okano Makoto.* Tun-huang and Turfan Documents Concerning Social and Economic History. Vol. 1. Legal Textes (A): Introductions and Textes. Tokyo, 1980; *Boulais G.* Manuel du code chinios. Shanghai, 1924. ****** *Алабастер Е.* Заметки и комментарии на китайское уголовное право // Изв. Вост. ин-та. 1903, т. 6; *Попов П.С.* Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X в. по Р.Х. СПб., 1880; Синь бянь фасюэ цыдянь (Юридический словарь в новой редакции). Цзинань, 1985; *Ши Цзинь-бо, Не Хун-инь, Бай Бинь.* Тянь-шэн гай цзю синь дин люй лин (Измененные законы девиза царствования Тянь-шэн). Пекин, 1999; *Pokora T.* The Canon of Laws by Li K'uei — a Double Falsification? // AO. 1957, vol. 27, № 1, p. 96–121.

См. также лит-ру к ст. «Традиционное право»

Е.И. Кычанов

Традиционное право как фактор формирования правосознания современного китайского общества

Среди факторов, определяющих правовое развитие современного Китая, важную роль играет исторически сложившееся в общественном сознании отношение к праву. Это отношение специфично, отлично от европейского и уходит корнями в историю страны. Современную ситуацию в Китае нельзя понять вне соотнесения традиционализма с новейшими установками относительно роли права в развитии и модернизации страны.

В современном китайском обществе нет достаточных условий для существенного ослабления регулятивных возможностей неюридического права. По мнению Цзо Кай-да, за более чем тридцатилетний период после освобождения, несмотря на смену эпох и происшедшие глубокие изменения в общественном строе, еще не была отброшена историческая однобокость в вопросах о праве, морали и регулировании их взаимоотношений или отношений конфуцианской идеологии мягких законов, с одной стороны, и легкой морали легистов — с другой.

В китайской правовой литературе совокупность неюридических норм системы социального регулирования обычно весьма неточно именуют моралью. Между тем содержание этих норм выходит далеко за пределы чисто моральных регуляторов общественной жизни. Учитывая исторические особенности и длительность генезиса китайских неюридических норм, широкую сферу их воздействия и реальные регулятивные возможности, более корректным термином для их обозначения следует считать общее понятие традиционализма.

По мнению китайских ученых, возможности права ограничены: оно не в состоянии учитывать быстро меняющуюся социальную ситуацию, не может вмешиваться в «тонкие» сферы человеческих отношений (как, например, семейно-брачные), не всегда способно точно отразить нюансы конкретной ситуации. При этом аргументы, которые выдвигаются «против» права при его сопоставлении с моралью, такие же, как и при сопоставлении права с политикой. Иначе говоря, в совокупности норм социального контроля в Китае право неизменно отличают от остальных норм системы и выделяют в особую категорию. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что «правление людей» в социальной практике Китая (как альтернатива «правлению на основе законов») есть не что иное, как правление личности (действия которой практически не регламентированы положениями материального и процессуального права) на основе морали, политики, традиций и обычаев.

Рассуждая о содержании права, Цзо Кай-да утверждает, что право определяет лишь те основные стороны социальной, политической, экономической и культурной жизни, где существует необходимость вмешательства государственной власти, в то время как нормы морали влияют на все сферы общественной жизни. Выступая, таким образом, за узкое понимание функций закона и расширяя сферу действия традиционализма, китайский правовед обосновывает мысль о «регулирующих возможностях морали в экономике». С его точки зрения, моралью должны руководствоваться и при выпуске качественной продукции, и при обеспечении договорных поставок, и при установлении взаимоотношений с торговыми партнерами, поскольку углубление и развитие реформы экономической системы будет сопровождаться расширением регулирующих функций социалистической морали в сфере экономики.

Придание традиционализму функций «горизонтального» регулятора в условиях товарной экономики — явление закономерное. Период буржуазных отношений в Китае не был настолько продолжительным, чтобы правовое регулирование хозяйственных связей стало преобладающим фактором регулирования социального. Поэтому есть все основания считать нынешнюю активизацию гражданского оборота и настойчивые усилия его правового опосредования первым в истории китайского общества опытом подобного рода. В силу исторических особенностей развития он совпал по времени с начальным периодом становления социалистического товарного хозяйства, не имеющего достаточно широкой материальной базы.

Обоснованным можно считать и более широкий взгляд на историческую роль традиционализма в период серьезных социальных преобразований (в частности, на роль его «правовых» функций

Традиционное право как фактор формирования правосознания

в деле реформирования Китая в условиях дефицита в стране современных законов). С одной стороны, «традиционность» общества в силу своей консервативной природы не позволяет проводить социальные преобразования «методом шока»; с другой — традиционализм предполагает именно поэтапное, а значит, продуманное, решение задач реформ. Поэтому духовное господство традиционализма в современной китайской системе нормативного регулирования способствовало преобладанию двух важнейших факторов в стратегии реформ — ключевой роли государства и постепенности в проведении экономических преобразований. Последнее обстоятельство имеет особое значение для сферы права, так как обеспечивает социальную адаптацию законов, усиливает их всеобщий и обязательный характер, способствует их реальному внедрению в массовое правосознание. Таким образом, традиционное общество отвергает — как иллюзорный — путь быстрого формирования стройной и непротиворечивой системы национального законодательства в условиях реформ. Правовой негативизм и общий консерватизм, присущие китайскому традиционализму, сыграли стабилизирующую роль в критический период движения страны от плана к рынку, удержав Китай от соблазна легкого скачка в развитой капитализм посредством публикации «правильных» законов и кодификаций.

Тормозя, в известном смысле, социальные процессы, традиционализм одновременно выполнял в современном Китае функции некоего подменяющего нормативного регулятора, столь необходимого стране в переходный период, когда отсутствует новое законодательство или наблюдается его пробельность. Именно традиционализм снял многие противоречия в юридической практике Китая, продемонстрировав свою эффективность как в условиях плановой, так и нарождающейся рыночной экономики. Классический пример тому — решение вопроса об объемах частной собственности путем установления жесткой очередности в маркетизации экономики и, соответственно, предварительного обогащения в условиях рынка части населения. При этом большей части населения по-прежнему адресовались императивные поведенческие нормы (суть традиционализма), а меньшинству — диспозитивные нормы, предоставляющие правомочие сторонам в конкретных условиях действовать по своему усмотрению (суть рыночной координации). Связь между установлением очередности обогащения и характером норм, регулирующих поведение различных слоев населения из «очереди», отражает не только политику сохранения объемов «правления людей», но и тактику возобладания последнего над частной собственностью.

Очевидно, что такая схема перехода к рынку требует существования мощной подсистемы страха для удержания основной части населения в долгосрочной «очереди» за материальными благами. При этом строжайшему контролю прежде всего подлежат «первоочередники», т.е. те слои населения, которые уже получили адекватные источники дохода. Извлечение доходов и обращение их в собственность также регламентируются; нарушение этой регламентации, т.е. превышение уровня доходов, оценивается в современной китайской системе социального контроля как экономическое преступление. Даже в том случае, если происходящее объективно способствует углублению реформ, чрезмерная активность в частнопредпринимательской деятельности будет квалифицирована как «контрреволюционное» экономическое преступление, подрывающее устои социализма.

Пример жесткого удержания необходимого соотношения бюрократической и рыночной координации был продемонстрирован после известных событий в Пекине летом 1989 г. Эти события отражали реальную угрозу возобладания в китайском обществе рыночной координации над бюрократической. В рамках ограничительно-репрессивных «кампаний по упорядочению» было закрыто множество фирм, резко ограничили выход на внешние рынки новых экономических структур, ужесточили налоговый пресс, повсеместно наблюдалось немотивированное вмешательство властей в дела частного бизнеса.

В ходе этой кампании было выявлено много преступников, «подрывающих устои социализма», что подавалось как выполнение требований демонстрантов о борьбе с коррупцией. Однако глубинной причиной происходящего было стремление властей оптимизировать свои отношения с рынком путем распространения бюрократической координации на частный сектор экономики. В результате рыночная координация была в прямом и переносном смысле урезана, а тради-

ционалистское субъективное право индивида на совершение действий по восстановлению порядка в обществе получило свою реализацию.

Таким образом, современная китайская концепция «регулирующих возможностей морали в экономике» на самом деле является концепцией регулирующих возможностей традиционализма (с его центральным институтом «правления людей») в условиях дефицита права и навыков его применения. Она укрепляет позицию «правления людей», так как широкое распространение действия моральных норм в сфере, где должна преобладать компетенция закона, объективно усиливает значение личности, наделенной властью, во всей системе социального нормативного регулирования. Такой личности чужды правовые методы упорядочивания социальных отношений, ей удобны и понятны только оценочные регламенты социального контроля. В своей эволюции управляющая личность неизбежно приходит к необходимости иметь «врага» и бороться с ним посредством частых и бесконтрольных обращений к уголовно-правовым средствам. При этом последние должны быть всеохватывающими, так чтобы любое отклоняющееся поведение потенциально подпадало под действие наказательных норм. В возможности реализовать эту потенцию как раз и состоит сила и эффективность управляющей личности, действующей в системе «правления людей».

В условиях социального контроля, отличающегося выраженными репрессивными тенденциями, происходит интенсивная социализация правосознания адресатов права. Их повышенная склонность к конформизму углубляется, уважение и подчинение властям усиливается, что дает последним свободу в управленческих шагах, включая суровые превентивные меры («казнить одного в назидание ста», «убить цыпленка, чтобы запугать обезьяну», «истребить всех тигров, чтобы крупные тигры не убежали в горы»). Для того чтобы подобные меры могли быть реализованы, границы девиантного и преступного поведения в правосознании масс должны стать условными, размытыми и основываться не на всеобщем позитивном законе, а на конкретных оценках поведения конкретных лиц в той или иной ситуации. Обязательным условием при этом является возможность признания всякого отклоняющегося поведения (в том числе и аморального) в качестве преступления, что допускало бы применение мер уголовно-правового воздействия. «Гнев народа» (крайне оценочная категория, которая используется в правоприменении Китая для определения степени общественной опасности любого правонарушения) как реакция на аморальный поступок может оказаться настолько сильным, что сам поступок превращается в преступное деяние, а моральный упрек — в уголовное наказание.

Подобная управленческая и регулирующая деятельность неизбежно ведет к идее солидарной ответственности, которая получила в Китае широкое распространение. Коротко она выражается формулой *мэй ши* (нет историй), предполагающей отсутствие тяжб и каких-либо претензий как идеал социального порядка в Поднебесной. В результате преступления скрываются, так как их рост означает неумение руководить; споры и тяжбы улаживаются всеми средствами, включая наказательные, но исключительно с целью демонстрации служебного рвения.

Определенными особенностями обладают также уголовный закон и практика правоприменения в сфере борьбы с преступностью в современном китайском обществе. К ним следует отнести активное использование института явки с повинной; всемерное стимулирование (в том числе на законодательном уровне) массового доносительства; частое применение института *лигун*; введение в закон новелл об уголовной ответственности юридических лиц (нормативное выражение в современном законе идеи солидарной ответственности) и признание — в качестве состава преступления — факта невозможности доказать законность источника доходов; практика смертной казни на стадионах при стечении большого количества людей; применение смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года.

Кроме того, уголовно-правовые нормы включены во многие другие государственные законы (в том числе и цивилистического профиля), что позволяет приблизить уголовное право к реальной жизни, внедрить в общественное сознание и в практику социальной жизни запретительные нормы и строгие санкции.

Перечисленные особенности нормативной базы и правоприменения в современном Китае значительно упрощают процедуру привлечения лиц к уголовной ответственности; в такой ситуации

Традиционное право как фактор формирования правосознания

реакция социального контроля на однотипные общественно опасные действия становится многовариантной. Разветвленный механизм получения тотальной информации о населении также значительно укрепляет позиции органов контроля: власти получают неограниченные возможности манипулирования информацией, достоверность которой, равно как и добросовестность ее источников, проверить нельзя.

Социальный контроль, пронизанный уголовным правом, должен обладать возможностью, без каких-либо правовых условностей и ограничительных процедур, жертвовать отдельными личностями ради поддержания хрупкого равновесия в китайском социуме. Очевидно, что в такой атмосфере не может идти речь о высших — охранительно-гарантийных — функциях уголовного права, они могут быть только принудительно-регулятивными. Традиционализм также не может полностью выполнять в современном китайском обществе функции классического права, в частности, потому, что природа этих явлений во многом противоположна. Содержание норм права рационально, традиционализма — иррационально; практика возникновения и применения права есть развитие и созидание нового, т.е. отображение динамики реальной жизни; практика традиционализма есть консервация существующего и наличного, и потому она в высшей степени мистифицирована. Конкретные решения традиционализма предсказуемы, и в глазах адресатов его норм бесспорны, его общий авторитет в китайском обществе сопоставим с авторитетом истины в последней инстанции; между тем правовые решения всегда есть результат состязательного процесса, выводы которого могут быть оспорены в рамках соответствующих процедур.

Как социальный регулятор, традиционализм не нуждается в совокупности стройных и непротиворечивых законов, содержащих качественные нормы. Если же появление последних, обусловленное историческим и экономическим процессом, становится неизбежным, традиционализм искажает сущность закона, подстраивает его «под себя», делает его «инструментом» и сужает сферу его действия.

Анализ традиционализма — важнейшего компонента системы нормативного регулирования в Китае — в соотношении с современными правовыми институтами, вызванными к жизни социально-экономическими реформами, показывает, что взаимодействие этих факторов социальной регуляции приводит к существенному искажению юридических подходов упорядочения социальных связей в китайском обществе. Декларируемые правовые определения не вполне соответствуют реальным отношениям между властью и гражданином, а также между различными категориями граждан и собственников, поскольку эти отношения преимущественно опосредованы традиционализмом. Это несоответствие превращает сущность современных писаных законов в правовой паллиатив.

Вместе с тем китайский традиционализм по-прежнему выступает в качестве социального института, выполняющего функции эффективного нормативного регулятора, что позволяет говорить о правовых функциях традиционализма.

Современный китайский традиционализм, взаимодействующий с нарождающимся позитивным правом, следует отнести к категории специфического правового образования, являющегося, в свою очередь, системообразующим и всепроникающим элементом социального контроля в современном китайском обществе. Это тип социального контроля, который делает невозможной четкую дифференциацию различных групп нормативных регуляторов, обособление сфер их влияния, выделение особенностей механизма действия, имманентно присущих тем или иным нормам. Важнейшим свойством центрального элемента китайской системы традиционализма — как специфического правового образования — является присутствие социобиологических характеристик китайского этноса, основу которых составляет психологический тип классического конфуцианца. В этом кроется причина сверхустойчивости позиций традиционализма в современном китайском обществе, социальная значимость которого до сих пор несопоставима ни с какими иными нормативными регуляторами, включая современное писаное право КНР.

Именно по этой причине реализация как традиционализма, так и позитивного права в Китае, а также их непротиворечивое взаимодействие (в качестве ведущего и производного явлений) невозможны вне всеохватывающего участия уголовного права. В связи с этим современное право КНР предстает как сложное образование, включающее в себя: а) систему глубоко укоренивших-

Традиционное право

ся в сознании народа традиционных представлений о должном поведении, которая поддерживается силой моральной ответственности и наказательными тенденциями социального контроля; б) систему современных общеобязательных формально-определенных норм (правовой паллиатив), выступающих в качестве государственно-властного критерия правомерного и неправомерного поведения, которая поддерживается силой государственного принуждения, включающего в себя мощные репрессивные аспекты.

Такое понимание китайского права отражает органическое единство его двух парных компонентов — традиционалистских представлений в сочетании с традиционалистским субъективным правом и современного объективного права с неизбежно порождаемым им (пусть в незначительном объеме) субъективным правом в европейском его значении. Это правопонимание демонстрирует также всеохватывающую роль наказательно-репрессивных тенденций социального контроля, выступающих основой успешного функционирования его двух компонентов. Иначе говоря, социальный контроль (право) китайского общества представляет собой единство системы традиционализма, системы позитивного права и общей для них подсистемы страха, формируемой наказательно-репрессивным *фа* [*1*].

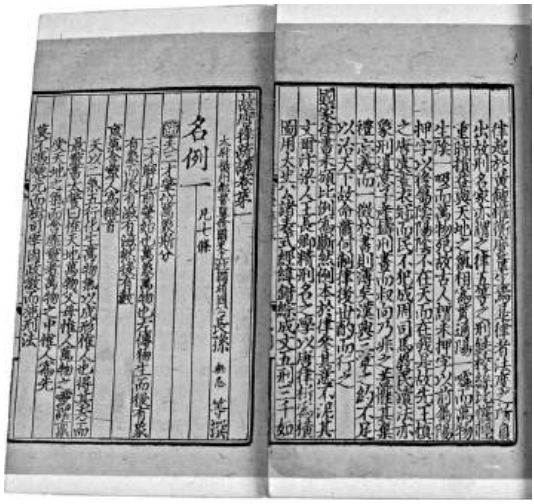
***** Чжунхуа жэньминь гунхэго Гоуюань гунбао (Вестник Государственного совета Китайской Народной Республики). Пекин, 1954–2000. ****** *Ахметшин Х.М.*, *Ахметшин Н.Х.*, *Петухов А.А.* Современное уголовное законодательство Китайской Народной Республики. М., 2000; *Имамов Э.З.* Уголовное право Китайской Народной Республики: теоретические вопросы Общей части. М., 1990; *Инако Цунэо.* Право и политика современного Китая. М, 1978; *Куманин Е.В.* Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М., 1990; *Пащенко Е.Г.* Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М., 1997; *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; Пекин, 1986; *Ли Пэй-чуань.* Чжунго шэхуйчжуи лифа ды лилунь юй шицзянь (Китайское социалистическое законодательство: теория и практика). Пекин, 1991; Фалисюэ цзичу лилунь (Основы теории права) / Под ред. Сунь Го-хуа. Пекин, 1987; Чжунго фалюй сысян лиши (История юридической мысли Китая). Пекин, 1997; Чжунго фачжи сяндайхуа ды цзиньчэн, 1840–1949 (Процесс модернизации китайского права, 1840–1949) / Гл. ред. Гун Пи-сян. Пекин, 1991; *Cohen J.A.* The Criminal Process in the People's Republic of China, 1949–1963: an introduction. Cambr. (Mass.), 1968; *Weggel O.* Geschichte der chinesischen Rechts. Leiden–Köln, 1980.

Э.З. Имамов

禮記卷第一
曲禮上第一　禮記　鄭氏注
曲禮曰毋不敬儼若思安定辭安民哉
可長欲不可從志不可滿樂不可極敖不
賢者狎而敬之愛而知其惡憎而
畏而愛之愛而知其惡憎而
知其善積而能散安安而能遷
臨財毋苟得臨難毋苟免

此撫州公使庫刻本禮記是
南宋淳熙四年官書於今日
為最古矣宋有名銜一紙裝
匠誤分入釋文首不知者輒
認以為舊監本非也
嘉慶丙寅顧廣圻題

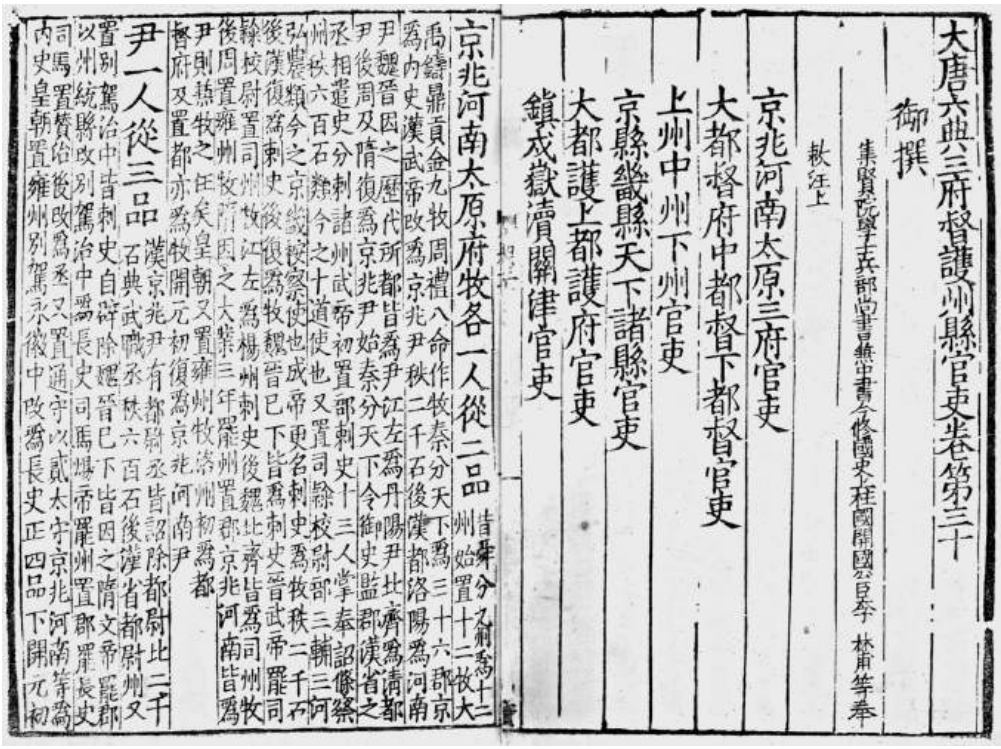
«Ли цзи» («Книга ритуалов»). Ксилограф, 1777 г.

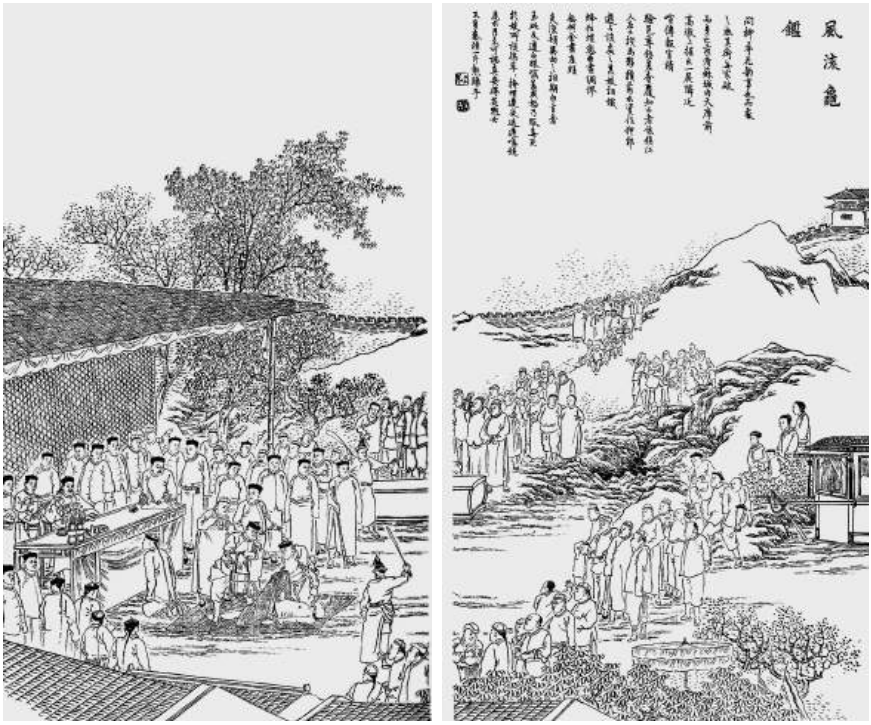


«Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы»).
Ксилограф, дин. Сун

«Гу Тан люй шу и («Кодекс династии Тан с комментариями и разъяснениями»).
Ксилограф

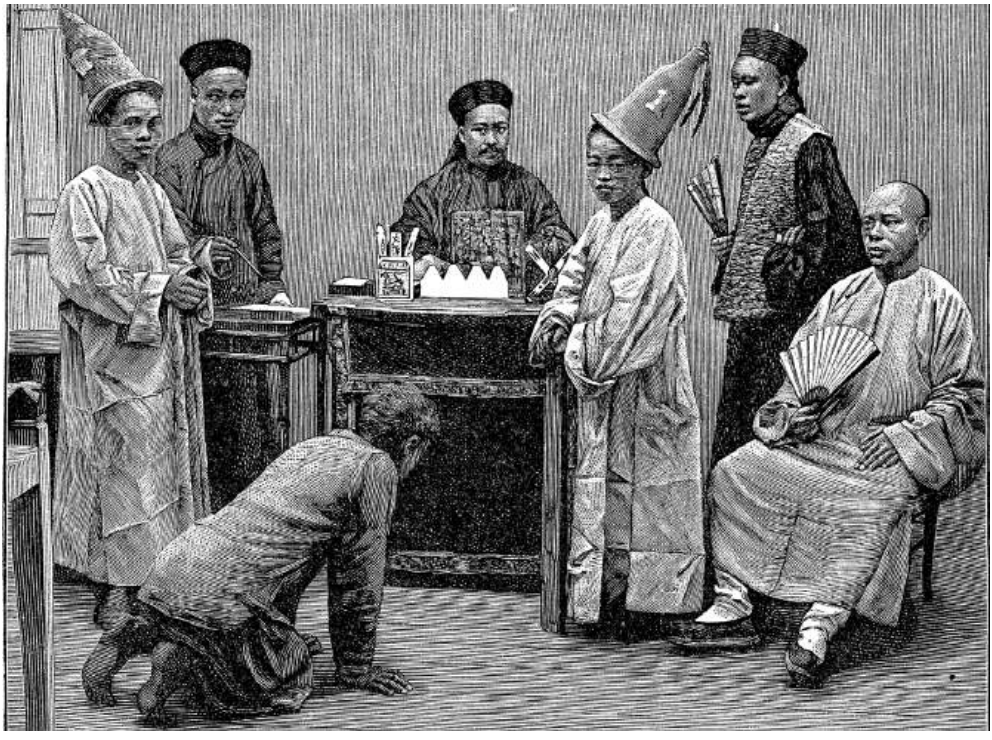
«Дай Тан лю дянь» («Административное уложение для шести [палат] Великой [династии] Тан»).
Ксилограф





Сцены суда из иллюстрированного приложения к газ. «Дяньшичжай» (1880-е гг.)

Судебный процесс в цинском Китае



Dixième année. — N° 506. Huit pages : CINQ centimes Dimanche 16 Octobre 1898.

Le Petit Parisien

TOUS LES JOURS Le Petit Parisien 5 CENTIMES.

SUPPLÉMENT LITTÉRAIRE ILLUSTRÉ

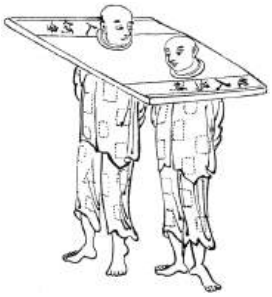
DIRECTION : 18, rue d'Enghien, PARIS

TOUS LES JEUDIS SUPPLÉMENT LITTÉRAIRE 5 CENTIMES.

La Révolution en Chine

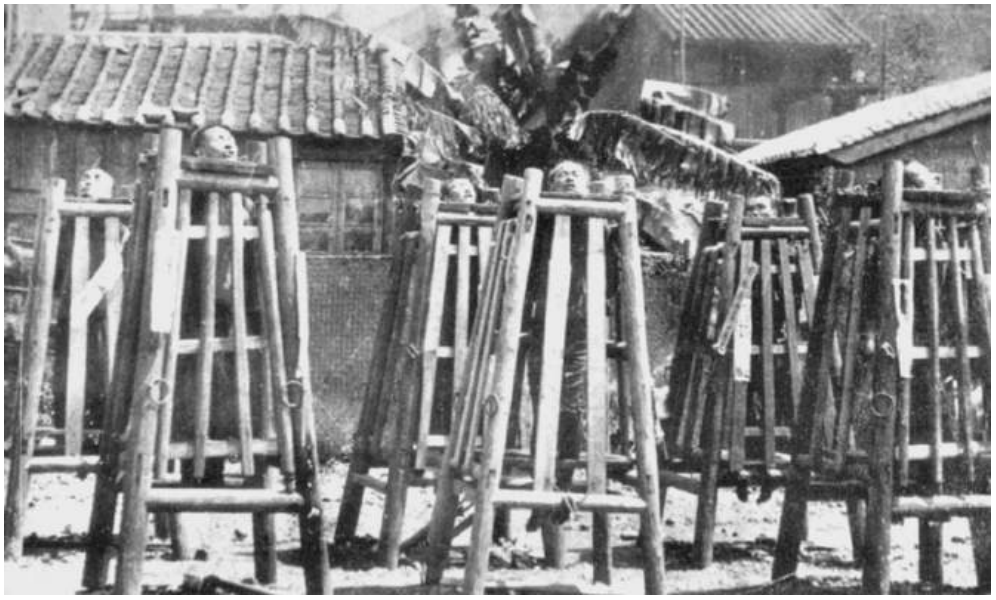
RÉVOLTÉS MIS AU PILORI POUR AVOIR ATTAQUÉ DES EUROPÉENS

Публичное наказание в Китае
(иллюстрация из газ. «Le Petit Parisien», 1898 г.)



Наиболее распространенное наказание — заключение в деревянные колодки (*канга*)

Один из видов казни — медленное удушение в бамбуковых клетках



КИТАЙСКОЕ ПРАВО В XX в.

История законодательства гражданской службы Китайской Республики

Сразу же после создания в 1912 г. Временного правительства была начата подготовка правовой базы государственной службы. 16 октября 1912 г. были обнародованы «Закон о рангах центральных административных работников» и «Закон о жалованьи центральных административных работников». 9 января 1913 г. были опубликованы проекты целого ряда законов относительно правовой системы государственной службы. До официального введения в действие эти проекты использовались как сами законы. Среди проектов были «Проект закона о назначении гражданских служащих», «Проект Закона о назначении секретарей», «Проект Закона о взысканиях с гражданских чиновников», «Проект Закона о гарантиях гражданским служащим», «Проект Закона о проверке гражданских служащих». С самого начала в основу правовой системы государственной службы был положен принцип принятия отдельных законов, а не единого законодательства (скажем, кодекса гражданской службы).

Вопрос управления страной был слишком важным, чтобы ждать окончания долгой юридической работы по разработке единого законодательства. Содержание указанных законов касалось самых животрепещущих проблем — назначения госслужащих, рангов и жалованья, гарантий для госслужащих, взысканий, налагаемых на госслужащих, — т.е. того минимума, который позволял этой службе работать.

В соответствии с первыми законопроектами были выделены четыре ранга (*гуаньдэн*): 1) чиновник особого назначения (*тэжэнь*), т.е. чиновник, назначаемый особым указом центрального правительства (например, министр); 2) чиновник выборочного назначения (*цзяньжэнь* [*1*]), т.е. чиновник, назначаемый по выбору центрального правительства (например, заместитель министра, член провинциального правительства); 3) чиновник рекомендованного назначения (*цзяньжэнь* [*2*]), т.е. чиновник, назначенный по ведомственному представлению (например, начальник департамента министерства, начальник уезда); 4) чиновник приказного назначения (*вэйжэнь*), т.е. чиновник, назначаемый приказом непосредственного начальника (например, сотрудники департамента в министерстве). Гражданские чиновники всех рангов могли вновь назначаться через экзамены или повышаться в должности «в соответствии с опытом работы».

Помимо рангов были также установлены разряды жалованья, не включавшие чиновников особого назначения. Всего было выделено 22 разряда от самого высокого разряда чиновника выборочного назначения до самого низкого 12-го разряда чиновника приказного назначения. Разница в размерах жалованья между самым высоким и самым низким разрядами составляла 12 раз.

Гарантии для гражданских чиновников состояли в том, что, за исключением случаев уголовного преступления, взыскания, болезни и старости либо собственной просьбы, чиновника нельзя было отстранить от должности. Требовались законные основания, чтобы без согласия служащего понизить его в должности или уволить. Эти гарантии получили подтверждение в «Регламенте рангов гражданских чиновников» (обнародован 1 ноября 1925 г.). В сентябре 1927 г. был опубликован «Регламент пенсионного обеспечения членов семей государственных служащих», что расширило систему правового регулирования государственной службы, а родственники государственного служащего получили определенные права на получение пенсии в случае его гибели или утраты трудоспособности.

В 1928 г. указанные выше законопроекты о государственной службе были переработаны и приняты в качестве официальных законов. Кроме того, были приняты законы об аттестации (*каоцзи*) и пенсионном обеспечении. В целом в этот период ранги гражданских чиновников остались прежними, квалификация на занятие должности увеличилась за счет особых заслуг перед партией и государством или нескольких лет работы на пользу революции, наличия особых научных работ, опыта, а также наличия научных открытий. Жалованье делилось на 6 разрядов при выборном назначении, 6 разрядов при рекомендованном назначении, 12 разрядов при доверенном назначении — всего 24 разряда, разница между самым высоким и самым низким жалованьем составляла 15 раз. Ежегодно в июне и декабре проводились (всего два раза) аттестации (*каоцзи*).

25 декабря 1947 г. официально была введена в действие Конституция Китайской Республики. В ней есть несколько положений о системе государственной службы, которые имеют следующее нормативное содержание:

— граждане имеют право путем экзаменов вступать в исполнение государственной службы (ст. 18);

— президент на основании закона назначает и снимает гражданских и военных чиновников (ст. 41);

— судебный юань налагает взыскания на государственных служащих (ст. 77);

— судебные чиновники имеют пожизненное назначение. Если не обнародовано решение об уголовном преступлении, взыскании или поражении в правах собственности, их нельзя снять с должности. Кроме как на законных основаниях, их нельзя отстранить от должности, перевести на другую работу или снизить им жалованье (ст. 81);

— экзаменационный юань является высшим экзаменационным органом. Он отвечает за экзамены, назначение, документационную аттестацию (*цюань сюй*), аттестацию (*каоцзи*), разряды и жалованья, повышение и перемещение, гарантии, вознаграждения, пенсионное обеспечение родственников, пенсионное обеспечение госслужащих, обеспечение по старости (ст. 83);

— отбор государственных служащих должен проходить путем открытых конкурсных экзаменов (ст. 85).

Старые законы о госслужащих были вновь подтверждены после введения Конституции. Основанием для них стало положение Конституции о привлечении кадров к государственной службе посредством экзаменов. Однако реально в правовой системе использовались и некоторые нормативные акты, которые не основывались на Конституции, а также сохранялась практика особого назначения государственных служащих, которая не поддерживалась никакими законами или другими нормативными актами. Например, в «Регламенте о назначении технических работников», который до сих пор действует на Тайване, существуют некоторые редакционные нестыковки с Конституцией.

2 февраля 1949 г. президентом республики был опубликован «Закон о назначении государственных служащих», который устанавливал деление государственных служащих на категории выборочного, рекомендованного и приказного назначения. Вопросы о госслужащих особого назначения в законе не оговаривались и устанавливались особо. Каждая категория делилась на три уровня, что в сумме составило три категории и девять уровней. Кроме того, был опубликован «Закон о жалованьи государственных служащих», который устанавливал 36 разрядов жалованья для 9 уровней трех категорий.

Современная система классификации должностей была привнесена на Тайвань из Америки вместе с системой управления кадрами, которая стала применяться на Тайване после длительного периода ее нормирования и приспособления к местным условиям. С 1958 по 1972 г. на Тайване был опубликован целый ряд законов о новой, современной классификационной системе должностей государственных служащих. Ее применение объяснялось тайваньскими правоведами необходимостью стандартизации системы должностей, в основу которой закладывался круг обязанностей исполнителя конкретной должности.

Классификационная система должностей на Тайване имеет в своем составе 159 наименований должностей (*чжи си*), 14 категорий должностей (*чжи дэн*). Должности в каждом административном органе начиная с 16 октября 1969 г. были аттестованы в соответствии со штатным расписанием, была официально проведена их классификация. К маю 1972 г. новая система должностей была введена уже в 816 органах, 57 453 должности прошли новую аттестацию. Однако уже в ноябре 1973 г. классификация государственных должностей была изменена: в статью 3 «Закона о классификации должностей государственной службы» была внесена оговорка, что судебные, дипломатические, полицейские, санитарные, выборно-представительные и другие органы, образованные в законном порядке, не подлежат классификации, так как новая классификация не отвечала потребностям деятельности этих органов. В связи с этим рамки действующей системы классификации должностей оказались ограниченными, на Тайване сложилась ситуация, при которой параллельно существовали традиционная система выборочного, рекомендованного и приказного назначения и классификационная система должностей.

В связи с тем, что параллельно существовали две системы должностей, правовые акты, относящиеся к старой системе, продолжали использоваться для этой системы. Что касается общих законов о государственной службе, которые не имели какого-либо отношения к управлению кадрами (например, законы о службе государственных служащих, закон о взысканиях с государственных служащих, закон о пенсионном обеспечении государственных служащих и т.д.), то они применялись к служащим обеих систем. При одновременном использовании двух систем существовали отличия в их основах, в структуре и распределении должностей, в регулировании экзаменов, назначений, жалованья, аттестаций и т.д. От этого проистекало юридическое неравенство госслужащих, принадлежавших к разным системам, а это, в свою очередь, влияло на использование людских ресурсов, создавало недовольство госслужащих.

Необходимость унификации государственной службы потребовала исследования направлений объединения двух систем. В ноябре 1978 г. были изменены Закон о назначениях государственных служащих учреждений классификационной системы, а также некоторые другие законы, что сократило различия между двумя системами. Несколько раз проводилось изменение «Реестра названий должностей рабочего характера», что привело к расширению пределов номинальной должности и позволило более свободно использовать сотрудников.

Однако из-за существовавших различий в структуре систем не было возможности разрешить все проблемы. После повторного изучения проблемы центральным правительством было решено создать новую кадровую систему, использовать преимущества и отказаться от недостатков двух первоначальных систем, объединить обе системы.

Основной вклад в создание единой должностной системы внесли Экзаменационно-отборочное министерство (*Каосюаньбу*) и Документационно-аттестационное министерство (*Цюаньсюйбу*) Экзаменационного юаня и Кадрово-административное управление Исполнительного юаня. Были предложены четыре проекта законов об экзаменах, назначениях, аттестациях и жалованьи по новой кадровой системе. Распоряжением Экзаменационного юаня законы были введены в действие с 16 января 1987 г. Таким образом, была создана единая правовая система государственной службы Тайваня.

В соответствии с законами ранговое деление новой системы было представлено выборочным, рекомендованным и доверенным рангами, которые устанавливались в соответствии с уровнями назначения и рамками требуемых основных качеств. Кроме того, выделялись должностные категории (*чжи дэн*) по степени должностной ответственности и требованиям, предъявляемым к основным качествам исполняющего должность. Доверенный ранг включал должности от первой до пятой категорий, рекомендованный — с 6-й по 9-ю, выборочный — с 10-й по 14-ю. Ранги и должностные категории были сопряжены. Содержание должностных обязанностей стало основной единицей управления кадрами, каждая должность должна была быть отнесена по описанию и характеру работы к соответствующему наименованию должности. Уровень ее должностной категории определялся по штатному расписанию, распространенному Экзаменационным юанем. При необходимости некоторые должности могли иметь между собой разрыв в две-три категории. Что касается наименования должности по новой системе, то 159 наименований классификационной системы были сокращены и сведены в 55 новых наименований для облегчения распределения и переводов сотрудников с должности на должность. Для аттестаций были определены требования на соответствие должности, все уровни соответствия были разбиты на категории от первой (*цзя* [*Jia*]) до четвертой (*дин* [*Ding*]). По новому законодательству, кроме вопросов основного жалованья и выслуги лет, разрешалось дополнительно устанавливать жалованье в зависимости от вида должности, ее характера и места работы. В целом в новой системе использовались более широкие стандарты классификации, что позволяло классифицировать все должности и способствовало управлению кадрами. В то же время использование традиционной системы выборочного, рекомендованного и приказного рангов придавало системе гибкость и способствовало лучшему использованию кадров.

Указанные выше законы послужили целям укрепления правовой основы системы государственной службы. Однако для дальнейшего совершенствования правовая система государственной

История законодательства гражданской службы

службы Тайваня еще нуждалась в систематизации и принятии правовых актов по развитию системы подготовки кадров, по вопросам прав и ответственности государственного служащего, оценки заслуг и результатов работы. В более четком определении нуждалось само понятие «государственный служащий», необходимо было более четкое разграничение полномочий не только государственных служащих, но и государственных органов. Наконец, требовалось внести ясность в систему управления кадрами государственной службы, решить вопрос о взаимоотношениях двух высших ведомств кадровой администрации — Управления кадров Исполнительного юаня и Документационно-аттестационного министерства Экзаменационного юаня.

После 1990 г. Национальное собрание три раза вносило исправления и дополнения в Конституцию. Среди них 9-я и 14-я статьи направлены на усиление правовой системы государственной службы.

Потребность в основном законе о государственном служащем объясняется тем, что в правовой системе Тайваня государственная служба регулируется отдельными законами, а это приводит к разночтениям относительно прав и обязанностей госслужащих. Кроме того, понятие «государственный служащий» остается нечетким. Поэтому правительство Тайваня в 1993 г. рассмотрело «Проект нормативного закона о государственном служащем», который определял общие нормы, касающиеся экзаменов и аттестаций госслужащих. В проекте проводилось деление государственных служащих на пять родов: политических сотрудников, государственных работников, судебных служащих, работников просвещения и работников общественных предприятий. Определялись их права, гарантии и обязанности. Устанавливались нормы по управлению экзаменами, назначениями, жалованьем, аттестациями, пенсионным обеспечением и пенсионным обеспечением родственников в случае утраты госслужащим работоспособности. В «Проекте нормативного закона о государственном служащем» Экзаменационного юаня, принятом от 15 августа 2002 г., были отражены все эти положения, также необходимость устранения госслужащих от рассмотрения дел супругов, родственников и свойственников вплоть до третьей степени родства (т.е. включая поколение деда), запрет на совместительство и предпринимательство в период работы и на предпринимательство по профилю своей бывшей службы в течение трех лет после оставления должности. «Проект закона об административном нейтралитете» государственного служащего был вызван к жизни изменениями в политической ситуации в стране, произошедшими в последние годы, в частности тем, что на Тайване сформировались политические партии и движения. В проекте устанавливается, что государственные служащие имеют право входить в политические партии или иные политические организации, однако они не должны заниматься политической деятельностью в рабочее время и использовать свои должностные права для занятия политической деятельностью. В середине 2000-х годов появились предложения переработать и переименовать проект в «Закон о политическом нейтралитете государственного служащего».

Все ныне действующие тайваньские законы об экзаменах (последние поправки действуют с 16 января 2008 г.), назначении (16.01.2008), повышениях и понижениях в должности (16.07.2000), аттестациях (21.03.2007), жалованьи (16.01.2008), пенсионном обеспечении (01.07.1995), гарантиях для государственных служащих (28.05.2004) касаются в основном категории государственных работников, а деятельность политических сотрудников либо не определяется правовыми актами, либо соответствующие нормы рассеяны по разным законам. Это создает трудности в регулировании их деятельности. В связи с этим Документационно-аттестационное министерство в 1994 г. разработало проект «Закона о политических сотрудниках», который позволил бы, по замыслу составителей, применять четкие правовые нормы к вопросам вступления в должность и отставки, прав и обязанностей этой категории государственных служащих, послужил бы оздоровлению правовой системы политических сотрудников Тайваня.

***** Гражданский кодекс Китайской Республики. М., 1948. ****** *Сюй Ю-шоу.* Каоцюань чжиду (Экзаменационно-аттестационная система). Тайбэй, 1997; *Сяо Цюань-чжэн.* Чунцзянь вэньгуань тичжи (Перестройка системы гражданского чиновничества). Тайбэй, 1994; *Чжан Цзинь-фань.* Чжунго синчжэн фа ши (История административного права Китая). Пекин, 1991.

В.М. Майоров

Право Китайской Республики (1912–1949)

Первые шаги по модернизации традиционного китайского права имели место еще в последние годы династии Цин. Так, накануне Синьхайской революции 1911–1912 гг. была проделана большая работа по совершенствованию Кодекса законов Великой Цин, приведению его норм в соответствие с новыми реалиями китайского общества. Из кодекса были исключены наказания палочными ударами, а все меры физического воздействия, предусматривавшиеся в качестве санкций по гражданским делам, заменялись системой штрафов. Одновременно из кодекса было исключено большое количество устаревших положений, сдерживавших развивающийся рыночный оборот. В модернизированном виде кодекс «Да Цин люй ли» существовал в качестве свода законов, к которому обращались суды, и после падения империи Цин во многих своих положениях он действовал до 5 мая 1931 г., т.е. до вступления в силу двух последних книг гражданского кодекса Китайской Республики.

Первым Кодексом законов, принятым в Китае после Синьхайской революции, было Уголовное уложение 1912 г. Первоначально оно состояло из 411 статей. В 1928 г. в него был внесен ряд изменений и оно было переименовано в Уголовный кодекс (УК). Позднее этот кодекс действовал в редакции 1935 г. и состоял из 357 статей. Уложение и УК вобрали в себя много прогрессивных по тем временам положений уголовного права. Например, в статье 10 Уложения в принципе отрицалось назначение наказания по аналогии. В кодексе отсутствовали безусловно неопределенные санкции, были достаточно подробно решены вопросы уголовной ответственности, субъективной стороны преступления, соучастия и т.д. УК включал статьи о досрочном освобождении, телесные наказания не предусматривались. Почти целиком заимствованный из уголовного законодательства Японии, Франции, Бельгии, Германии и Нидерландов, этот кодекс внес в уголовное право Китая много новых идей и институтов. В области же гражданско-правовых отношений продолжали действовать относящиеся к гражданскому праву положения «Да Цин люй ли».

Большую роль во внедрении положений буржуазного права в практику сыграл Верховный суд, выполнявший в те годы определенные нормотворческие функции. Своими решениями он приспосабливал законодательство цинской династии к потребностям буржуазии и таким же путем заполнял многочисленные пробелы гражданского законодательства, ссылаясь при отсутствии законов и обычаев на принципы права. При этом в качестве последних применялась европейская буржуазная правовая доктрина. Таким образом, западные правовые идеи оказывали определенное влияние на китайскую судебную практику. Они нашли благодатную почву в сравнительно развитых приморских районах страны. Что же касается более отдаленных провинций, то в них судебные чиновники продолжали творить суд в соответствии с местными обычаями и цинским законодательством.

В последующие два этапа реформы национального права, т.е. в периоды до конца 20-х, а затем до середины 30-х годов, в кодификационных работах возобладало стремление в большей степени учитывать особенности национальной правовой культуры, правосознания китайского народа, специфику мышления юристов страны. В частности, это выразилось в том, что законодатели стали постепенно вводить в нормативные акты чисто китайские понятия, которые были легко отброшены в самом начале кодификационных работ.

Так, Уголовный кодекс 1928 г. вернулся к трактовке соучастия, принятой в «Да Цин люй ли», предусматривающей преимущественный анализ субъективной стороны преступления. При этом к главным преступникам относились автор идеи преступления и подстрекатель, даже если они физически не участвовали в совершении преступления. Эти положения о соучастии были в дальнейшем развиты в УК 1935 г. (подстрекатель привлекался к уголовной ответственности и в том случае, если исполнитель не совершил никаких действий для реализации преступных целей).

УК 1935 г. в регламентации наказаний посчитал возможным восстановить в современной форме традиционный для Китая институт выкупа наказаний (ст. 41). Так, если имелись препятствия для исполнения приговора, последний мог быть обращен в штраф из расчета от одного до трех юаней за один день тюремного заключения или ареста.

Все упомянутые кодексы в соответствии с традициями Китая устанавливали повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и честь родственников. В своих нормах кодексы определяли родственников по прямой восходящей и боковой восходящей линиям, и посягательство на жизнь и здоровье каждого из них подробно регламентировалось в нормах Особой части. Ограничение применения смертной казни к лицам моложе 18 лет не распространялось в случае умышленного убийства ими родственников по прямой восходящей линии.

Характерно, что Кодекс 1935 г. вернулся в некоторых вопросах к регулированию отношений по дореволюционному законодательству, отмененному Уголовным уложением 1912 г. Так, например, в Кодексе Цинов предусматривалась уголовная ответственность за посягательство на нормальное функционирование хозяйственных связей — продуктообмен, перевозку и поставку сельхозудобрений, семян, сырья и оборудования, за подделку и присвоение торговых марок и т.д. Уложение 1912 г. отказалось от уголовной ответственности за правонарушения в этой сфере, посчитав необходимым наказывать правонарушителей в рамках гражданского права. Однако, как показала практика, гражданский оборот в Китае не достиг той степени свободы, когда его функционирование полностью обусловливается экономическими интересами, не допускающими какого-либо волевого вмешательства извне. Поэтому Кодекс 1935 г. вернулся к наказуемости деяний, препятствующих в той или иной форме свободному движению интересов на уровне горизонтальных хозяйственных связей. Внеэкономическое волевое давление оказалось весьма эффективным в период интенсивного развития в стране капиталистических отношений. Вековые традиции господства и подчинения возобладали в Китае над энергией капиталистического предпринимательства.

Проект Гражданского кодекса Китайской Республики был разработан к концу 1925 г. Однако последующие бурные события в стране (национальная революция 1925–1927 гг.) помешали его принятию. Окончательный проект кодекса полностью вступил в действие в мае 1931 г. Гражданский кодекс (ГК) Китайской Республики был разработан с ориентацией на соответствующий Кодекс Японии и Германское гражданское уложение (ГГУ). Гоминьдановские законодатели пошли по пути рецепции европейского гражданского права (как известно, и японский ГК был составлен под сильным влиянием ГГУ). Вместе с тем гоминьдановский ГК имел свои определенные особенности. Так, с точки зрения общей формы и отдельных институтов он выглядел несколько упрощенным, примитивизированным — многие его положения не были разработаны столь подробно и тщательно, как в японском ГК и ГГУ. Характерно, что в китайский ГК прямо включались отсылки к некоторым нормам обычного права, причем в ряде случаев не исключалось прямое применение обычая, а не закона.

В целом гоминьдановский ГК регулировал имущественные отношения в общей форме. Многие вопросы промышленной и торговой деятельности им не охватывались, и это требовало разработки отдельных законов, которые в совокупности позволяли говорить о появлении в Китае торгового права. Среди актов торгового права, принятых до начала антияпонской войны (1937–1945), можно упомянуть о принятых в 1929 г. Положении о торговых товариществах, Законе о купеческих гильдиях, Законе о биржах, Законе о страховании, Законе о товарораспорядительных документах. За этими актами последовали законодательство о товарных знаках и ценных бумагах (1930), Закон о банках (1930), Земельный закон и Временное положение о патентах (1932), Положение о торговых портах (1933), Законы о несостоятельности и страховых предприятиях (1935). Параллельно с каждым законом принималось подробное положение или правила о порядке его применения.

На конец 20-х — начало 30-х годов приходится всплеск гоминьдановского трудового законодательства. После переворота 1927 г. гоминьдановцы дополнили репрессивные методы разработкой трудового законодательства, которое должно было придать режиму более респектабельный вид. Приказом Чан Кай-ши были введены в действие Временные правила работы арбитражных комиссий и правила урегулирования конфликтов между рабочими и предпринимателями для Шанхая (май 1927 г.). По образцу этих региональных правил были изданы соответствующие акты и в других городах. По мере расширения территории, подвластной Нанкину, стали разрабатываться и общегосударственные акты. Одним из первых был выработан Закон об

урегулировании конфликтов между рабочими и предпринимателями. Окончательно он был утвержден лишь после ряда изменений в марте 1930 г. Закон предусматривал строгую обязательность обращения к услугам примирительной или арбитражной комиссии. Нарушивших это правило штрафовали или даже подвергали тюремному заключению. В период разбирательства конфликта не разрешались забастовки, а предпринимателям запрещалось объявлять локаут или увольнять рабочих.

В 1928 г. нанкинские власти опубликовали Фабричный закон. В нем нашли отражение такие важные вопросы условий труда, как рабочее время, минимум заработной платы, договоры о найме, трудовое страхование, условия труда женщин и детей и др. Однако гоминьдановское законодательство об условиях труда и найма являлось скорее декларацией, чем правовым актом. Кроме того, оно даже формально не распространялось на значительную массу рабочих, занятых на мелких предприятиях, в кустарно-ремесленных мастерских, мелких лавках и т.п. Закон вступил в силу только в 1931 г., но некоторые его статьи было решено ввести в действие лишь после «созревания соответствующих условий». Позднее Фабричный закон был дополнен целым рядом законодательных актов, детализировавших отдельные стороны труда и найма. В 1930 г. был опубликован Закон о коллективных договорах, в 1931 г. — Положение о технике безопасности, а в 1936 г. — Закон о минимуме заработной платы. При всей его декларативности гоминьдановское трудовое законодательство являлось законодательным закреплением требований, выдвигавшихся китайским рабочим классом.

В целом законодательство Китая в довоенный период было достаточно подробным во всех отраслях и, кроме того, непрерывно уточнялось или дополнялось. Основные гоминьдановские законы были сведены в «Люфа цюаньшу» — «Полную книгу шести законов» (или «шести отраслей права»), куда вошли законодательные акты, сгруппированные по следующей системе: конституционное, гражданское, гражданско-процессуальное, уголовное, уголовно-процессуальное, административное право (трудовое, финансовое и земельное право включалось, и включается сейчас на Тайване, в этот раздел). Однако реальные результаты усилий Гоминьдана модернизировать правовую систему страны оказались незначительными. Последовательному проведению в жизнь новых законов препятствовала раздробленность страны. С началом японской агрессии юрисдикция гоминьдановского правительства не распространялась на Северо-Восточный Китай и приморские районы, оккупированные захватчиками. Различные группировки милитаристов не признавали власть нанкинского правительства и издавали собственные законы на подвластных им территориях. Вдобавок почти весь этот исторический период Китай сотрясала гражданская война.

***** Гоминь чжэнфу цзуйцзинь баньбу сянь синфа гуй (Сборник действующих законов гоминьдановского правительства): В 2 т. Шанхай, 1928–1929; Люфа лию паньцзе хуйбянь (Свод законов Китайской Республики): В 6 т. Шанхай, 1947; Конституция Китайской Республики. Тайбэй, 1998; Гражданский кодекс Китайской Республики. М., 1948. ****** *Березный Л.А.* О характере гоминьдановской государственности в период «нанкинского десятилетия» (проблемы историографии) // ИИИСАА. Вып. 9. 1986, с. 21–61; *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность. М., 1998; *Занегина Н.Б.* К характеристике теории и практики государственного строительства в гоминьдановском Китае // Китай: общество и государство. М., 1973, с. 261–278; *Зубков Б.Н.* Первая постоянная конституция Китайской Республики // Там же, с. 241–260; *Карнеев А.Н.*, *Козырев В.А.*, *Писарев А.А.* Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949). М., 2005; *Ван Хуан-хуй.* Чжунго сяньфа ши (История китайской конституции). Шанхай, 1931; *Го Синцунь.* Миньши сусун фа (Гражданский процессуальный кодекс): В 2 т. Шанхай, 1936; *Чжан Го-фу.* Чжунхуа миньго фачжи цзяньши (Государственные и правовые институты Китая периода республики, 1911–1949). Пекин, 1986; *Escarra J.* Le Droit chinois. Paris–Peiping, 1936; *Wu Chih-fang.* Chinese Government and Politics. Shanghai, 1934.

Л.М. Гудошников

Правовые акты освобожденных районов

Освобожденные районы в Китае стали создаваться с осени 1927 г. после разрыва КПК с Гоминьданом. Сначала эти районы назывались Советскими. С первых лет своего существования они находились под руководством КПК, но в течение ряда лет не имели общих органов власти, управления и суда. Лишь в 1931 г. такие органы были созданы на состоявшемся в ноябре 1931 г. в Жуйцзине (пров. Цзянсу) Всекитайском съезде Советов. Съезд образовал Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и Совет народных комиссаров Китайской Советской Республики (КСР). Оба эти органа имели право издавать законы. Одновременно был образован Верховный суд. Местные органы власти создавали Советы депутатов, которые формировали исполнительные комитеты. Во вновь освобожденных и прифронтовых районах вся власть сосредоточивалась в руках революционных комитетов. Местными судебными органами в Советских районах Китая являлись судебные отделы местных советских правительств (так обычно называли исполнительные комитеты).

На I Всекитайском съезде Советов был утвержден проект Основной конституционной программы КСР и приняты законы о земле и труде. Земли милитаристов, помещиков и «кулаков», а также храмовые земли подлежали конфискации и распределению между трудящимися крестьянами, бедняками и середняками. Батраки и красноармейцы обеспечивались землей наравне со всеми. «Кулакам» вместо конфискованной предоставлялась земля худшего качества. У всех указанных категорий эксплуататоров, кроме «кулаков», конфисковывалось все имущество; у «кулаков» — только лишний скот и сельскохозяйственные орудия. Законом подтверждалось право крестьян на куплю-продажу и сдачу в аренду земли.

Закон о труде устанавливал на предприятиях 8-часовой рабочий день для взрослых и 4–6-часовой для подростков, еженедельный оплачиваемый день отдыха, ежегодные отпуска для всех лиц наемного труда, равную плату за равный труд и предусматривал осуществление специальных мероприятий по охране труда женщин и подростков, введение системы коллективных договоров и социального страхования, а также свободу деятельности профсоюзов.

Основная конституционная программа КСР была принята на II Всекитайском съезде Советов в 1934 г. Она провозгласила демократические свободы для трудящихся, национальное равноправие, равноправие мужчин и женщин. Одновременно было провозглашено право всех народов Китая на самоопределение вплоть до государственного отделения и создания самостоятельных государств, была признана независимость Внешней Монголии.

Первым нормативным актом, принятым ЦИК КСР, явилось Положение о браке от 28 ноября 1931 г., вскоре замененное более совершенным Законом о браке (8 апреля 1932 г.). Оба законодательных акта провозглашали свободу брака и развода, объявляли об упразднении заключения брака по воле родителей, запрещали куплю-продажу невест и многоженство (в Законе о браке говорилось и о запрещении полиандрии — многомужества), а также воспитание невест в семьях будущих мужей.

Дважды принимались и нормативные акты по вопросам судопроизводства, а именно: Временные правила об организации судебных отделов и судопроизводстве (9 июня 1932 г.) и Порядок судопроизводства в КСР (8 апреля 1934 г.), причем второй отменял первый. Уголовно-правовое законодательство было представлено Директивой ЦИК КСР о временном порядке решения дел о контрреволюционных преступлениях от 13 декабря 1931 г. и Положением КСР о наказании за контрреволюционные преступления (8 апреля 1934 г.). Эти довольно жесткие акты устанавливали общие принципы уголовной ответственности за этот род преступлений, предоставляя судам широкие полномочия детализировать эти принципы в каждом конкретном случае.

Важными актами КСР в области гражданского права явились Временные правила о вложении капиталов в торговые и промышленные предприятия (1 января 1932 г.) и Временные правила о ссудах (1 февраля 1932 г.). Первый акт предоставлял свободу деятельности предпринимателям, соблюдающим законы и постановления КСР. Второй акт объявлял недействительными всякие займы, носившие ростовщический характер. Он устанавливал наивысший размер процента по краткосрочным и долгосрочным займам.

Китайское право в XX в.

Многие законы и другие нормативные акты, принятые центральными органами советских районов Китая, не могли быть проведены в жизнь в условиях гражданской войны, они носили декларативный характер и были скорее политическими документами.

Неблагоприятная военная обстановка, сложившаяся для Красной армии Китая в южной части страны, потребовала перебазирования вооруженных сил коммунистов в Северо-Западный Китай. Оно началось осенью 1934 г. и завершилось в 1936 г. Эта беспримерная операция вошла в историю под названием «Великого похода». На границе провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся в староосвобожденном районе, где власть коммунистов установилась до прихода основных сил Красной армии, была создана главная революционная база — Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся. Здесь на основе центральных учреждений КСР организовалась Северо-Западная канцелярия Центрального советского правительства.

В соответствии с условиями Соглашения о внутреннем мире между КПК и Гоминьданом (1937) Северо-Западная канцелярия Центрального советского правительства Китая была преобразована в правительство Особого района Китайской Республики, а Красная армия Китая — в Народно-революционную армию (вскоре получила наименование 8-я армия, позднее коммунистами была сформирована 4-я Новая армия). На территории освобожденных районов провозглашался режим, основанный на всеобщем избирательном праве. На время войны в освобожденных районах — антияпонских революционных базах была прекращена конфискация земель у помещиков. Но это не означало возвращения уже конфискованных земель, всякие попытки в этом направлении строго пресекались. Вместе с тем проводилась политика снижения арендной платы и ссудного процента.

Правительственные органы Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся и других антияпонских революционных баз принимали документы конституционного характера, называвшиеся административно-политическими или политическими программами. Программы предусматривали меры по укреплению антияпонского единого фронта и улучшению жизни народа, охране его прав, развитию сельскохозяйственного и промышленного производства. Они провозглашали равноправие национальностей и полов, проведение политики ликвидации неграмотности, реформирование судебной системы и всего государственного аппарата.

В освобожденных районах в период антияпонской войны также был издан ряд нормативных актов, которые предусматривали проведение социальных преобразований, возможных в условиях войны и в рамках соглашения с Гоминьданом. Это, например, такие акты Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся, как Положение об охране личных и имущественных прав (1942), Положение о земле (1941), Положения о землепользовании (1944) и земельной ренте (1942 и 1944 гг.) и др. Реализация этих актов вела к разрушению феодальной системы землевладения, превращению задавленных ростовщическими долгами крестьян-арендаторов в относительно свободных землевладельцев, ликвидации жестоких форм эксплуатации.

В силу разрозненности освобожденных районов, объединенных только политическим и военным руководством КПК, их законодательство не могло не носить партикулярного характера. Вместе с тем следует отметить наличие довольно развитой правовой базы в Маньчжурии, на большей части территории которой власть КПК установилась сразу после окончания Второй мировой войны. Нормативные акты Маньчжурской революционной базы, ставшей основным оплотом власти КПК, несли на себе определенное влияние советского права, особенно в отношении организации хозяйственной жизни региона. Большой пласт нормативных материалов создало за период своего существования в 1948–1949 гг. и Народное правительство Северного Китая.

Еще до образования КНР в феврале 1949 г. директивой ЦК КПК было отменено действие гоминьдановского законодательства на территории освобожденных районов. За партийным документом последовал Инструктивный приказ Народного правительства Северного Китая, воспроизводивший и расширявший основные положения партийной директивы. Взамен отмененного старого законодательства судам и правительственным органам было предложено руководствоваться установлениями, выраженными в «программах, положениях, приказах, постановле-

Правовые акты освобожденных районов

ниях и других документах, опубликованных Народными правительствами и Народно-освободительной армией, а при отсутствии их — политикой новой демократии». Действительно, освобожденные районы обладали определенной правовой базой, первоначально заложенной еще на советском этапе революции в Китае. Однако они не могли создать достаточно систематизированного законодательства в силу исторических условий своего существования.

В целом созданная в освобожденных районах правовая база новой власти не была широкой, и полный отказ от старого законодательства вряд ли был целесообразен. Сохранение старой правовой формы, наполненной в нужных случаях новым содержанием, могло бы способствовать строительству права переходного периода. Но здесь главную роль сыграли идеологические стереотипы ортодоксального марксизма, в соответствии с которыми гоминьдановское право не могло расцениваться иначе, как реакционное и враждебное, обреченное на уничтожение. Тем не менее во время кампании за судебную реформу 1952–1953 гг. выяснилось, что судьи на местах продолжали применять дореволюционное законодательство.

* Советы в Китае: Сб. материалов и документов. М., 1934; Советские районы Китая: Законодательство Китайской Советской Республики, 1931–1934. М., 1977. ** *Майстрова З.Е.* Установление революционной власти в советских районах Китая, 1927–1937. Новосиб., 1988; The Legal System of the Chinese Soviet Republic, 1931–1934 / Ed. by W.E. Butler. N.Y., 1983.

Л.М. Гудошников

Начальный этап формирования права КНР

Во вспыхнувшей вновь гражданской войне (1946–1949) Гоминьдан потерпел жестокое поражение. В то время в глазах интеллигенции и патриотически настроенной буржуазии коммунисты, выступая в роли борцов за национальную независимость страны, олицетворяли демократические устремления прогрессивных слоев китайского народа, тогда как Гоминьдан стал символом не только национального предательства, но и деспотической власти.

В 1948–1949 гг. в важнейших экономических, политических и культурных центрах страны была установлена власть КПК, главной опорой которой стала Народно-освободительная армия Китая (НОАК). Главной формой революционной власти были военно-контрольные комитеты (ВКК) НОАК, которые назначались непосредственно фронтовыми военными и политическими органами. На протяжении всего периода военного контроля ВКК были главными органами власти на местах. Им были подчинены все другие местные органы, в том числе и правительственные. При ВКК функционировали свои военные трибуналы.

Ликвидируя гоминьдановскую администрацию, ВКК создавали новую власть: местные народные правительства и массовые представительные органы — конференции представителей всех слоев народа (конференции народных представителей), которые одновременно были местными организациями формируемого коммунистами единого народно-демократического фронта.

Весной–летом 1949 г. этот фронт организационно оформился в масштабе страны как Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). К осени того же года в руках Гоминьдана оставался только один крупный город — Гуанчжоу. Наступило время объединения освобожденных районов страны в единое государство. В процессе объединения важную роль сыграли правительства и военно-административные комитеты крупных освобожденных районов. Народные правительства были созданы в ранее освобожденных Северо-Восточном и Северном Китае. Военно-административные комитеты были созданы в Северо-Западном, Восточном, Южно-Центральном и Юго-Западном Китае. До образования КНР и некоторое время спустя эти органы играли большую самостоятельную роль в процессе установления новой власти, создании ее нормативно-правовой базы.

КНР была провозглашена 1 октября 1949 г. по решению пленарной сессии НПКСК, принявшей на себя функции Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и сыгравшей роль Учредительного собрания республики. Сессия приняла Общую (совместную) программу НПКСК и его Организационный статут, Закон об организации Центрального народного правительства, постановления о государственном флаге, гимне, новом летоисчислении и перенесении столицы государства в Пекин.

Эта же программа стала и отправным пунктом законодательства КНР в период до принятия Конституции 1954 г. Все законы того времени издавались со ссылкой на нее. В соответствии со ст. 17 Общей программы все прежнее китайское законодательство отменялось (в сущности, этим была подтверждена изданная ЦК КПК в феврале 1949 г. «Директива об отмене гоминьдановской „полной книги шести законов“ и установлении принципов юстиции освобожденных районов»). После образования КНР правовая партикулярность сохранилась. До 1954 г. страна была разделена на большие административные районы, военно-административные комитеты которых осуществляли обширное нормотворчество. Некоторые нормативные акты этих районов помещались в общекитайских сборниках законов и постановлений, особенно по вопросам, еще не отрегулированным национальным законодательством.

Правотворчество в КНР в первые годы ее существования отличала многосубъектность, которая выражалась в предоставлении нормотворческих прав широкому кругу органов. Кроме властей больших административных районов, субъектами местного правотворчества выступали ВКК НОАК. С образованием КНР законодательные права в общегосударственном масштабе стали осуществлять Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), Административный совет и комитеты этого Совета, в частности большое количество нормативных актов издал Финансово-экономический комитет. Всего до «культурной революции» (1966–1976), когда законодательная деятельность прекратилась, было издано 1500 законов и постановлений только

Начальный этап формирования права КНР

на национальном уровне. Кроме того, большое значение имели обобщения судебной практики и различные проекты нормативных актов, которые чаще применялись выборочно, но иногда в сравнительно широких масштабах.

Первым законодательным актом, принятым ЦНПС, был опубликованный 1 мая 1950 г. Закон о браке, продолжавший традиции семейно-брачного законодательства освобожденных районов. Закон уже в масштабе всей страны устанавливал одинаковые права и обязанности мужчин и женщин в браке, закреплял обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей, равноправие внебрачных детей с детьми, родившимися в браке. Вместе с тем по образцу предшественников этим законом закреплялись неопределенные правовые санкции за нарушения его положений. За ним последовал Закон о земельной реформе (21 июня 1950 г.), целью которого была ликвидация помещичьего землевладения. Закон регулировал конфискацию помещичьей земли, принадлежавших помещикам сельхозинвентаря, излишков зерна, части жилых строений в сельской местности и их распределение среди «безземельных и малоземельных крестьян». Реформа вела к коренному изменению классовых отношений в деревне.

Первые акты в области трудового права были приняты Всекитайской федерацией профсоюзов (Временные правила о порядке разрешения трудовых конфликтов от 20 ноября 1949 г., Временные правила о заключении договоров между трудящимися и предпринимателями на частных предприятиях от 22 ноября 1949 г., Временные правила взаимоотношений труда и капитала от того же числа). Тогда же принимаются и государственные акты в этой области. Так, 22 ноября 1949 г. Министерством труда принимаются Правила организации и работы городских комиссий третейского суда по конфликтам между трудом и капиталом. Во всех актах, касающихся взаимоотношений труда и капитала, говорилось о сочетании государственных интересов с частными, о достижении обоюдной выгоды труда и капитала и исключались забастовки как метод разрешения трудовых конфликтов. В Правилах Министерства труда отмечалось: «Предприниматели не должны принимать мер, направленных на закрытие предприятия, на прекращение выдачи заработной платы и продовольственного снабжения, а также других мер, ущемляющих интересы рабочих и служащих; трудящиеся, в свою очередь, должны вести обычную производственную деятельность и соблюдать трудовую дисциплину». В 1950 г. Административный совет принимает Временные правила оказания помощи безработным (17 июля), а ЦНПС — Закон о профсоюзах (28 июня).

Хозяйственные отношения в промышленности и торговле в восстановительный период регулировались главным образом множеством ведомственных инструкций и положений. Однако тогда же были изданы основополагающие акты, направленные на централизацию управления экономикой, которыми явились принятые в марте 1950 г. два постановления Административного совета: о централизации финансово-экономической работы и об осуществлении мероприятий по централизации государственной торговли в стране. Постановление о централизации финансово-экономической работы предусматривало централизованное распоряжение финансовыми поступлениями и расходами, ранее находившимися в ведении местных властей, установило строгую финансовую систему, в результате чего была приостановлена инфляция. В декабре того же года Административным советом принимается Временное положение о частных предприятиях, создававшее определенную правовую базу для предпринимательской деятельности национальной буржуазии. В нем регулировался порядок создания, регистрации и деятельности частных предприятий, закреплялись их формы (простые товарищества, товарищества с ограниченной ответственностью, акционерные компании и т.п.), права и обязанности участников и другие вопросы.

Что касается государственной собственности, то в этом комплексном правовом институте решающую роль играли нормативные акты, регулировавшие административные, налоговые, финансово-бюджетные отношения государства с различными государственными организациями и предприятиями. Гражданско-правовые отношения между этими субъектами были незначительны. Однако, несмотря на командно-разверсточную систему в китайской экономике, в праве КНР в 50-е годы прослеживались тенденции к формированию нескольких видов и даже

групп хозяйственных договоров, регулировавшихся ведомственными инструкциями.

В самом начале 50-х годов за короткое время было подготовлено и принято несколько важных общекитайских нормативных актов по уголовному праву. Первый из них — Циркулярный приказ о строгом запрещении опиума и других наркотиков — был принят Административным советом в феврале 1950 г. В том же году Административный совет совместно с Верховным народным судом издал утвержденную затем председателем ЦНПС Директиву о подавлении контрреволюционной деятельности, а в 1951 г. ЦНПС издал подробное Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность. Административным советом принимаются Временное положение о наказаниях за подрыв государственной денежной системы и Временное положение об охране государственной тайны, которому предшествовало Постановление об охране государственной тайны работниками народных правительств. 18 апреля 1952 г. ЦНПС принял Положение о наказаниях за коррупцию. Уголовно-правовые акты издавались и большими административными районами. Так, 18 октября 1950 г. Военно-административный комитет Восточного Китая принял Положение о наказании бесчинствующих помещиков (речь шла о помещиках, сопротивляющихся Закону о земельной реформе).

Указанные акты продолжали нормотворческие традиции правительственных структур освобожденных районов: законодатель КНР шел по пути издания нормативных актов об уголовной ответственности по группам однородных преступлений. Помимо перечисленных специальных актов, в первые годы существования КНР вопросы уголовного права решались и в других законодательных актах (например, уголовную ответственность устанавливали Закон о браке, некоторые акты по вопросам преобразований в экономике).

Незадолго до принятия первой Конституции КНР, в августе 1954 г. появился первый общегосударственный акт, регулирующий вопросы исправительно-трудового права, — Положение о трудовом перевоспитании, принятое Административным советом. В нем определялись виды исправительно-трудовых учреждений, регулировалась их воспитательная и производственная деятельность, определялся порядок содержания заключенных. Одновременно с Положением были приняты Временные правила о порядке освобождения заключенных исправительно-трудовых учреждений после отбытия ими срока наказания и об их трудоустройстве. Эти правила существенно ограничивали возможность ухода заключенного, отбывшего срок наказания, из места расположения исправительно-трудового учреждения. По этим правилам органы общественной безопасности могли самостоятельно решать вопросы об оставлении заключенных в местах отбытия наказания «для трудоустройства».

* Чжунъянь жэньминь чжэнфу фалин хуйбянь, 1949–1954 (Сборники постановлений Центрального народного правительства за 1949–1954 гг.). Пекин, 1952–1955; Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы. М., 1950; Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952; Материалы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей. М., 1954; Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955.

Л.М. Гудошников

Правотворчество во второй половине 50-х — 70-е годы

Принятие Конституции КНР 1954 г. и конституционных органических законов вызвало к жизни большой поток нормативных актов, приводивших правовую систему страны в соответствие с конституционными положениями. Правда, в большинстве случаев это осуществлялось на уровне административных актов Государственного совета. Например, актом этого органа в 1955 г. была осуществлена реорганизация не предусмотренных конституцией местных объединенных демократических правительств различных национальностей. Своим постановлением Госсовет в 1957 г. упразднил специальные суды на железнодорожном и водном транспорте. Предусмотренные Конституцией преобразования в частной промышленности и торговле, кустарной промышленности также осуществлялись актами Госсовета на основании решений Политбюро ЦК КПК. В частности, в феврале 1956 г. Госсоветом был принят целый ряд нормативных актов, связанных с преобразованием частных торговых и промышленных предприятий и предприятий кустарной промышленности. Этим актам предшествовало принятое Политбюро ЦК КПК «Решение о преобразовании частной промышленности и торговли».

В середине 50-х годов была несколько смягчена карательная политика в отношении противников режима. В 1956 г. ПК ВСНП принял «Постановление о великодушном разрешении дел и о трудоустройстве остатков контрреволюционных элементов в городах». Согласно ему установление надзора за контрреволюционными элементами могло иметь место лишь на основании решения суда, и таким образом исключалась практика установления такого надзора решением органа общественной безопасности. В 1957 г. постановлением сессии ВСНП был установлен принцип, согласно которому все приговоры к смертной казни подлежали утверждению Верховного народного суда.

В эти годы был принят ряд важных актов по трудовому праву. Среди них — Постановление Госсовета КНР о реорганизации заработной платы (1956), согласно которому в основу организации оплаты труда рабочих была положена тарифная система, позволяющая производить оплату труда рабочих в зависимости от их квалификации, условий и общественной значимости труда. Госсоветом были приняты также акты (чаще временного характера), регулирующие отпуска, пенсионное обеспечение, порядок увольнения рабочих и служащих и другие вопросы трудового права. В целом объем правотворческой деятельности высших государственных органов был довольно значителен. При этом, однако, не было принято ни одного кодекса законов, следовательно, не было и сколько-нибудь целостной системы права, а сам процесс создания правовых основ государства был далек от завершения.

Тревога по этому поводу прозвучала в выступлении на VIII съезде КПК (1956) члена Политбюро ЦК КПК, председателя Верховного суда Дун Би-у. В качестве серьезного недостатка он назвал отсутствие в Китае сравнительно полных правовых актов, таких как Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, процессуальные кодексы, Закон о труде, Закон о землепользовании и др. Он указывал на необходимость принятия прежде всего УК и УПК, проекты которых в то время уже имелись. Вместе с тем Дун Би-у отметил необходимость исправления ряда устаревших правовых актов, к которым, в частности, отнес Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность, Временные правила надзора за контрреволюционными элементами, Положение о частных предприятиях, Положение о наказаниях за коррупцию и некоторые другие. Пренебрежение к законности Дун Би-у отнес к проявлениям мелкобуржуазного анархизма. Он сказал, что если существующее положение с законностью не изменится, то это безусловно станет серьезным недостатком. Эти слова свидетельствовали о здравом анализе обстановки и, принимая во внимание дальнейшее развитие событий в Китае, оказались пророческими.

Нигилистические тенденции по отношению к праву и законности, в том числе и к правовым основам государства, впервые открыто проявились во время кампании борьбы против «правых буржуазных элементов» в 1957 г. Этой кампании предшествовала «необыкновенная весна» 1957 г., когда были выдвинуты призывы к безбоязненному развертыванию критики ошибок и недостатков в работе партийно-государственного аппарата. Широкая волна острых критических выступлений продолжалась с начала мая по начало июня 1957 г., когда она была

объявлена «бешеным наступлением» правых. К числу «пролезших в партию правых элементов» были отнесены многие работники политико-юридических органов. На работников суда и прокуратуры сыпались кары за отстаивание конституционных положений о независимости судей, об осуществлении правосудия только судами, о независимости осуществления прокурорских функций и т.д. Требования усилить законность в деятельности государственных учреждений стали рассматриваться как проявления «буржуазного правового мировоззрения», как попытка «связать диктатуру по рукам и ногам». Даже предложения о принятии гражданского и уголовного кодексов стали характеризоваться как «подрыв демократической диктатуры народа». Вместо законов судебным работникам предлагалось использовать в качестве критериев разрешения дел установки, содержащиеся в выступлениях Мао Цзэ-дуна. Сформулированные им общие указания о том, кого следует относить к «народу», а кого к его «врагам», должны были заменить определение признаков преступлений и правонарушений, оснований и условий ответственности.

Проект Уголовного кодекса КНР, рекомендованный в 1957 г. сессией ВСНП для опытного применения, никогда не публиковался и был, по сути дела, закрытой инструкцией для судебных работников. Закрытой инструкцией определялся и порядок рассмотрения дел в суде. Существовало и много других нормативных предписаний, распространявшихся в закрытом порядке по различным учреждениям. Постепенно такой порядок стал нормой государственной жизни. Число публикуемых актов сначала сократилось, затем нормативные акты перестали публиковаться совсем.

Проявления правового нигилизма усилились в период «большого скачка» (1958–1960). Право стало рассматриваться исключительно как орудие подавления, необходимое только «для борьбы с врагами народа». В период начатого в 1960 г. «урегулирования» появились некоторые симптомы возвращения к правовому регулированию экономических отношений. В частности, в 1961 г. получил некоторое практическое отражение проект Положения о промышленно-сырьевом предприятии. В 1961–1962 гг. рассылались и другие проекты положений, регулировавших деятельность народных коммун, а также торговли, науки, образования. В этот период велась интенсивная работа над проектами кодексов законов (УК и УПК).

В преддверии «культурной революции» пропаганда правового нигилизма приняла еще более наступательный характер. В начале 1965 г. ведущий юридический журнал КНР «Чжэн-фа яньцзю» выступил со следующими рекомендациями: «Мы должны опираться на революционную точку зрения классовой борьбы, а не относиться к различным установлениям законов метафизически».

«Культурная революция» 1966–1976 гг. вылилась в вакханалию произвола и беззакония, санкционированную властями. Согласно принятому ЦК КПК решению от 8 августа 1966 г., «революционные учащиеся» (*хунвэйбины*) заранее освобождались от ответственности за совершенные «в ходе движения» преступления. Это открыло путь стихии грубого насилия. Отряды *хунвэйбинов* арестовывали граждан, водворяли их в официальные и самодеятельные тюрьмы, выносили приговоры и приводили их в исполнение. В годы «культурной революции» закрепилась практика расправ на «судах масс» с участием десятков тысяч зрителей, мобилизованных для заслушивания и «одобрения» заранее вынесенных приговоров. Для подобных судилищ было характерно выставление подставных свидетелей, составление обвинительных заключений на основе ложных доносов или показаний обвиняемых, полученных под пыткой, унижение человеческого достоинства подсудимых перед вынесением и исполнением приговора, глумление над трупами казненных.

В социально-экономической сфере в период «культурной революции» проводилась политика превращения страны в большую военизированную коммуну, осуществления системы уравнительного снабжения едой и предметами первой необходимости. Под предлогом «отрезания капиталистических хвостов» были ликвидированы приусадебные хозяйства, все чаще стал раздаваться призыв «больше работать, меньше получать». Следуют одна за другой шумные кампании «учиться у...» с акцентом на ударный труд, опору на собственные силы, отказ от материальной заинтересованности.

Таким образом, можно констатировать, что период «культурной революции» выпадает из истории права Китая.

См. лит-ру к ст.: **Восстановление и развитие правовой системы КНР (конец 70-х — 90-е годы)**.

Л.М. Гудошников

Восстановление и развитие правовой системы КНР (конец 70-х — 90-е годы)

Восстановление и развитие правовой системы КНР

Восстановление правовой системы КНР после «культурной революции» связано с введением в действие Конституции КНР 1978 г., ставшей первоначальной базой этого процесса. В том же году в форме доклада политико-юридической комиссии ЦК КПК на Всекитайском совещании по вопросам законодательного строительства была обнародована программа восстановления действия наиболее важных для страны законодательных актов. В качестве приоритетных были определены нормативные акты в хозяйственной и природоохранной сферах, в области охраны общественного порядка и организации государственных органов. Программный характер для возрождения правовой системы КНР и преодоления правового нигилизма имели решения III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). На пленуме подчеркивалось, что «социалистическая модернизация нуждается в строгом соблюдении закона и дисциплины... Необходимо добиться, чтобы у нас были строгие законы, на которые можно положиться, исполнение законов должно быть строгим, нарушение законов должно расследоваться и пресекаться». Первые после пятнадцатилетнего перерыва нормативные акты были опубликованы в начале 1979 г. — ими стали Положение об арестах и задержаниях и введенный в экспериментальном порядке Закон КНР о лесном хозяйстве (Лесной кодекс КНР). Первый из указанных актов основывался на аналогичном положении 1954 г. и заново вводил отброшенные «культурной революцией» правовые нормы, касавшиеся органов, имеющих право производить аресты и задержания, и гарантий прав в связи с действиями этих органов. Совсем не случайно и появление в числе первых актов Закона о лесном хозяйстве. В упомянутом выше докладе политико-юридической комиссии ЦК КПК было официально заявлено, что бессистемная вырубка лесов в ряде районов страны отрицательно повлияла на климатические условия и сельскохозяйственное производство. Позднее в печати указывалось, что чрезмерный урон, нанесенный лесам, привел к тому, что ряду городов страны, в том числе и Пекину, «серьезно угрожают пески».

Началу современного этапа развития китайского права сопутствовала дискуссия о двух формах правления — посредством права (*фачжи*) и гуманного правления (*жэнь жи*). Первая ассоциировалась с легистской концепцией закона, вторая — с концепцией *ли* [*2*] (правил должного поведения) в учении Конфуция. Как отмечалось в печати, «вопрос о гуманном правлении и правлении посредством законов — важный вопрос теории права». На первый взгляд создавалось впечатление, что атаке подвергается традиционализм, так как по существу решался вопрос: ограничить законом кадровых работников (*ганьбу*) или, управляя на основе «добродетели» (*дэ чжэн*), «человеколюбия» (*жэнь чжэн*) и т.д., предоставить им широкие возможности для личного усмотрения. Однако цель дискуссии состояла не в том, чтобы отрицать опыт прошлого. Осуждался только один его аспект — реакционное понимание кадровыми работниками социального назначения права как категории, относящейся исключительно к народу и обязательной только для него. Такая оценка права, как отмечалось в публикациях тех лет, неизбежно способствует появлению привилегированной элиты, стоящей над законом, над волей масс. *Ганьбу* призывали повернуться лицом к законам и руководствоваться ими в повседневной деятельности, что должно было служить воспитательным примером для народа. Таким образом, была обозначена задача начального этапа правового строительства в Китае — адресовать новые законы прежде всего властям.

На состоявшейся в 1979 г. сессии ВСНП были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, законы об организации местных органов власти и управления, народных судов и народных прокуратур, а также Закон о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом. Последний закон положил начало серии законодательных и иных нормативных актов, направленных на создание в стране благоприятного для иностранных вкладчиков инвестиционного климата.

В дальнейшем хозяйственное законодательство, закрепляющее курс III пленума ЦК КПК 1978 г. на модернизацию страны, стало преобладающей по количеству нормативных актов отраслью

права КНР (70% действующих актов). Вместе с ним получили первоочередное развитие акты, направленные на создание эффективной государственной структуры и усиление борьбы с преступностью. Затем начинается постепенное развитие других отраслей права страны, вылившееся в 80-е годы в своего рода «законодательный бум».

Период, последовавший за принятием Конституции КНР 1982 г., характеризовался бурным, но осмотрительным правовым строительством: многие нормативные акты принимаются в качестве временных положений, широко практикуется издание актов, проходящих экспериментальную проверку на практике. В КНР до сих пор не принят Гражданский кодекс. Вместо него в 1986 г. введены в действие Общие положения гражданского права. В них собраны преимущественно те институты и нормы гражданского права, которые не будут требовать последующей корректировки по мере продолжения экономических преобразований либо будут нуждаться в незначительных изменениях. Иначе говоря, содержание Общих положений оказалось близко к функциям традиционно понимаемой Общей части Гражданского кодекса. По отдельным гражданско-правовым институтам китайские законодатели предпочитают «принимать отдельные законы, в которых возникает потребность и для которых созревают условия». В частности, были изданы такие значительные акты, как законы о хозяйственном договоре (1981), о товарных знаках (1982), о патентах (1984), о внешнеэкономическом договоре (1989), о наследовании (1985), о техническом договоре (1987), об авторском праве (1990), о компаниях (1993), о векселях (1995). Некоторые из упомянутых актов состояли только из установлений общего характера, что затрудняло использование их на практике. Выход был найден благодаря принятию государственными органами общей компетенции (прежде всего Госсоветом) подзаконных актов (обычно именуемых «положениями о порядке применения» того или иного закона), в которых развивались и конкретизировались нормы исходного акта, уточнялся порядок их применения. Таким образом, сложилась двухуровневая система источников гражданско-правового регулирования, применяемых в общегосударственном масштабе. При этом разработке общекитайских законодательных актов нередко предшествует появление местных актов, регламентирующих новые права и обязанности субъектов, которые закрепляют за ними по ходу экономической реформы.

Гражданско-процессуальный кодекс (ГПК) КНР был сначала принят ПК ВСНП для применения в опытном порядке (1982). В качестве экспериментального закона он действовал 9 лет. По мере развития регулируемой рыночной экономики и проведения политики открытости Китая для внешнего мира потребовалось внести изменения в положения, регулирующие процессуальную сторону рассмотрения гражданских дел в судах. ГПК в новой редакции и в постоянном варианте был принят сессией ВСНП 9 апреля 1991 г. В результате изменений, внесенных в кодекс на основании опытного применения, количество его статей было увеличено с 205 до 270; была уточнена процедура рассмотрения гражданских дел, касающихся иностранных граждан, апатридов, иностранных предприятий и организаций.

Административно-процессуальный кодекс КНР был принят сессией ВСНП 7 апреля 1989 г. (также в отсутствие административного кодекса) и введен в действие с 1 октября 1990 г. Но еще в 1982 г. принятый в опытном порядке ГПК предоставил народным судам право принимать к рассмотрению административные дела; тогда же в Верховном и некоторых местных народных судах начали создаваться палаты (коллегии) по административным делам. До введения в действие кодекса был принят ряд законов и постановлений, устанавливавших основания для административного производства по обращениям граждан и организаций. Новейшим актом, играющим в настоящее время роль важной составной части Административного кодекса КНР, является Закон о наказаниях за административные правонарушения (март 1996 г.).

Трудовой кодекс КНР был принят только в 1994 г. (введен в действие с 1 января 1995 г.). До этого трудовые отношения регулировались отдельными нормативными актами. Трудовой кодекс кодифицировал ранее принятые акты в области трудового права и вместе с тем ввел новые правовые нормы, порожденные нынешним социально-экономическим развитием Китая, его движением к регулируемой рыночной экономике. Состоящий из 13 глав Трудовой кодекс регулировал вопросы заключения трудовых и коллективных договоров, рабочего времени и времени отдыха,

заработной платы, безопасности и гигиены труда, профессионального обучения и подготовки, социального страхования и обеспечения, порядка разрешения трудовых споров. Двумя годами ранее — 3 апреля 1992 г. на 5-й сессии ВСНП 7-го созыва был принят новый Закон КНР о профсоюзах.

Начиная с 1979 г. в КНР было введено в действие значительное количество нормативных актов в области охраны окружающей среды. Некоторые из них первоначально принимались в качестве экспериментальных, затем стали постоянными. Законом 1989 г. была создана ступенчатая система органов по административному управлению охраной окружающей среды вплоть до уездного уровня, а также в экономических ведомствах и в армии. Экспериментальный Лесной кодекс 1979 г. был пересмотрен и утвержден в качестве постоянного закона в 1984 г. Он является одним из самых больших по объему и внутренней разработанности природоохранных законов КНР и регулирует охрану и рациональное использование лесных ресурсов, а также лесоразведение. В приложении к закону воспроизводятся статьи Уголовного кодекса, регламентирующие наказания за причинение ущерба лесам. Вслед за тогда еще опытными Законом об охране окружающей среды и Лесным кодексом с начала 80-х годов принимается ряд других природоохранных нормативных актов: Закон об охране окружающей среды морей и океанов (1982), Закон о предотвращении загрязнения водной среды (1985), Закон о предотвращении загрязнения атмосферы (1987), Водный кодекс (1988), Закон об охране диких животных (1988), Положение об охраняемых природных зонах (1994). Последний из перечисленных законов укрепил правовую базу заповедного дела в КНР, разрешив многие проблемы дифференцированного статуса заповедников, их внутреннего организационно-функционального устройства, соподчинения и координации, правовой ответственности. Впервые были четко обозначены права и обязанности иностранцев, посещающих заповедники. Принятие нормативных актов, связанных с охраной окружающей среды, продолжалось в КНР и в последующие годы (в частности, Закон о предотвращении шумового воздействия на окружающую среду 1996 г.).

Обновление законодательства коснулось также некоторых силовых структур и мест заключения. Сначала Госсовет КНР принял Положение о местах предварительного заключения (1990), с введением которого прекратил свое действие соответствующий раздел Положения о трудовом перевоспитании 1954 г. Этим актом регулируется содержание подследственных заключенных и заключенных, отбывающих наказание по вошедшим в силу приговорам о краткосрочном заключении (до одного года). В конце 1994 г. за этим Положением последовал Закон КНР о тюрьмах, принятый ПК ВСНП. Общее направление этих актов можно определить как гуманизацию содержания заключенных под стражей, а применительно ко второму из них — как общую гуманизацию системы исполнения наказаний. Вместе с тем режим содержания заключенных продолжает оставаться достаточно строгим.

Новое законодательство КНР не предусматривает исправительно-трудовых лагерей (отрядов) в качестве мест заключения, ограничивая последние тюрьмами и воспитательными учреждениями для несовершеннолетних преступников. Тюрьмы возвращены в ведение Министерства юстиции, но при этом их внешнюю охрану осуществляют войска вооруженной народной полиции (китайский аналог российских внутренних войск). Места предварительного заключения по-прежнему оставлены в ведении Министерства общественной безопасности, а некоторые — в ведении Министерства государственной безопасности или НОАК. Законом также не предусмотрены нормы, легализующие «трудоустройство» заключенных после отбытия ими наказания, как это было предусмотрено в Положении 1954 г.

Закон не относит к местам заключения воспитательно-трудовые учреждения, являющиеся формой социальной изоляции правонарушителей, которые не подлежат уголовной ответственности. Эти учреждения были созданы в соответствии с Постановлением Госсовета по вопросам трудового воспитания от 1 августа 1957 г. и Дополнительными установлениями к Постановлению Госсовета по вопросам трудового воспитания от 29 ноября 1979 г. Изоляция производится в административном порядке и не является теперь бессрочной (до перевоспитания), но тем не менее может достигать четырех лет.

Китайское право в XX в.

Одной из тенденций современного правового развития КНР является постепенная замена ранее принятых законов их новыми редакциями, которые во многих случаях могут рассматриваться как новые законы. Так, в 1996 г. на сессии ВСНП был принят в новой редакции Уголовно-процессуальный кодекс КНР (с вводом в действие с 1 января 1997 г.). Принятие кодекса после многих лет произвола и беззакония стало важным событием в жизни китайского общества, однако его пришлось дополнять различными параллельно действовавшими нормативными актами, которые теперь вошли в основной текст УПК либо отменены. Новый кодекс должен был учесть рост правовой грамотности населения и существенное расширение числа дипломированных юристов. УПК 1996 г. существенно усилил правовые гарантии судебного разбирательства, что, в частности, выразилось в значительном увеличении числа статей — со 164 до 225. С вступлением УПК в силу прекратили действие Положение КНР об арестах и задержаниях, Постановление ПК ВСНП о порядке срочного вынесения судебных решений в отношении преступников, серьезно нарушающих общественный порядок, Постановление ПК ВСНП по вопросу о сроках разрешения уголовных дел.

Аналогичной была и судьба Уголовного кодекса КНР, впервые принятого одновременно с УПК в 1979 г. Его действующая редакция была принята ВСНП в 1997 г. Вскоре после введения УК в действие он стал обрастать всевозможными положениями и иными нормативными актами, содержавшими уголовные санкции. Кроме того, отдельные статьи законов по другим отраслям права содержали основания для привлечения нарушителей соответствующих актов к уголовной ответственности. В 1989 г. Постановлением ПК ВСНП о дополнительных мерах наказания за коррупцию была впервые введена уголовная ответственность для юридических лиц. В 1995 г. такая же ответственность была введена Постановлением ПК ВСНП о санкциях за нарушение Закона о компаниях. Эти постановления, как и многие другие, были инкорпорированы в новую редакцию кодекса. В этой связи в нем резко возросло как общее количество статей (с 192 до 452), так и статей Особенной части (с 101 до 351). В связи с этим из Общей части кодекса была устранена статья о возможности назначения уголовного наказания по аналогии (ст. 79 УК в редакции 1979 г.), исключено понятие контрреволюционного преступления, а первая глава Особенной части УК озаглавлена «Преступления против государственной безопасности». Увеличилось число статей в главе об экономических преступлениях (с 15 до 90), которая также изменила свое название: вместо «Преступлений против социалистического экономического порядка» она теперь называется «Преступления против порядка социалистической рыночной экономики». Всего в Особенной части кодекса содержится 10 глав (вместо 8 в первой редакции). В специальную (заключительную) главу выделены воинские преступления, отдельные главы составляют коррупция и взяточничество, а также преступления против интересов национальной безопасности; в то же время преступления против семьи и брака сейчас не выделены в отдельную главу. Уголовный кодекс может быть охарактеризован как шаг вперед в уголовном праве КНР. Он сочетает задачи поддержания строгого порядка в государстве и обществе с гуманизацией права и правосудия. В марте 1999 г. 2-й сессией ВСНП 9-го созыва была внесена серия поправок в Конституцию КНР. Эти поправки были направлены в основном на закрепление в высшем законе государства формулировки существующего строя как «социализма с китайской спецификой», т.е. регулируемой государством рыночной экономики при сохранении ряда социальных завоеваний революции. Одна из поправок (дополнение к ст. 5) ставила задачу превращения Китая в «социалистическое правовое государство». Та же сессия приняла обширный (428 статей) Закон КНР о договорах, весьма важный для развития рыночной экономики. Закрепленные в нем модели договоров характерны именно для рыночной экономики, в связи с чем прежние нормативные акты, которые регулировали отдельные виды договоров, прекратили свое действие. Установлено равноправие сторон договора независимо от того, какие формы собственности они представляют. Закон дифференцирует договорные обязательства по их содержанию (купля-продажа, подряд, аренда), а не по составу участников. При этом государство оставляет за собой определенные регулирующие функции правового характера.

Следующим важным шагом в совершенствовании правовой системы КНР явилось принятие на сессии ВСНП (март 2000 г.) Закона КНР о правотворчестве, который регулирует порядок при-

нятия правовых актов различными законодательными и административными органами и определяет сферы осуществляемого ими правотворчества. Большое значение имеет установление перечня вопросов, по которым могут приниматься только законы: это вопросы государственного суверенитета, образования, организации и полномочий представительных органов, правительств, судов и прокуратур; систем национальной автономии, особых административных районов и низового самоуправления; основ экономического строя и финансовой, налоговой, таможенной и внешнеторговой систем. Эти вопросы не будут более регулироваться административными постановлениями.

Все это свидетельствует о том, что в КНР продолжается процесс наращивания и модернизации законодательства по различным отраслям права, что представляет собой позитивный фактор социального развития. Применение на практике модернизированного законодательства в определенной мере ограничивается также спецификой национального правосознания.

2001 г. явился годом вступления КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО), что потребовало серьезных изменений в законодательстве страны. В большинстве случаев принимались новые редакции законов, принятых ранее. Характерный пример — новая редакция Закона о смешанных предприятиях, с китайским и иностранным капиталом. Действующая редакция Закона была принята в марте 2001 г. на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва. Исправлениям был подвергнут ряд статей, не отвечавших нормам ВТО и взятым КНР обязательствам при вступлении в эту организацию. Были исправлены статьи, не отвечающие действующим новым законам и постановлениям государства, и статьи, не отвечающие новым требованиям проведения реформ и развития. Вслед за законом Госсоветом КНР было принято постановление о поправках к Положению о его применении. Им, в частности, был отменен ряд ограничений в отношении закупок смешанными предприятиями сырьевых материалов и продажи на китайском рынке собственной продукции. Упрощена и процедура регистрации предприятий с участием иностранного капитала.

В связи с вступлением КНР в ВТО потребовалось усилить законодательную базу борьбы с поддельными и недоброкачественными товарами. Законодательными органами внесены поправки в соответствующие законы, согласно которым производители таких товаров будут подвергаться более строгим наказаниям. В 2001 г. вступили в силу новые редакции законов о патентах, товарных знаках и контроле над медикаментами, также учитывающие стандарты ВТО.

Одновременно поставлена задача создания законодательной базы для содействия развитию малых и средних предприятий, обеспечения безопасности коммуникаций и производства, регулирования народонаселения и других производственных и социальных процессов. Принимаются различного рода нормативные акты по административно-правовым вопросам. Идет процесс совершенствования и другого законодательства.

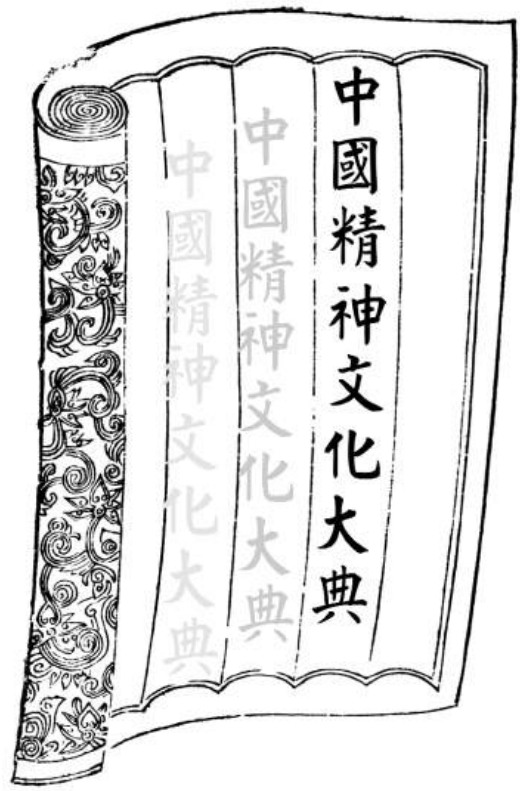
Все это свидетельствует о том, что в стране продолжает наращиваться и модернизироваться достаточно обширный пласт законодательства по различным отраслям права, что само по себе весьма позитивный фактор общественного развития. Однако обеспечение действия права в социально-экономической и политической жизни Китая — непростая задача. Она тесно связана со всем ходом развития страны, преодолением экономической и культурной отсталости, распространением образования, преодолением пережитков прошлого.

* Чжунхуа жэньминь гунхэго фалин хуйбянь (Сборник законов и постановлений Китайской Народной Республики). Т. 1–2. Пекин, 1956–1962; Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики [1954–1958]. М., 1959; Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1959; Китайская Народная Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1984; Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001; Гражданское законодательство КНР: [Сб. нормативных актов]. М, 1997; Современное законодательство Китайской Народной Республики: Сб. нормативных актов. М., 2004; Новое законодательство Китайской Народной Республики // ЭИ. 2003, № 4; 2006, № 5; 2007, № 2; Конституции и политическая система Китайской Народной Республики / Сост. Е.Г. Доронин. СПб., 2007; ** *Ахметшин Х.М.*, *Ахметшин Н.Х.*, *Петухов А.А.* Уголовное право Китайской Народной Республики: Теоретические вопросы Общей части. М., 2000;

Гудошников Л.М. Эволюция китайского права во второй половине XX и начале XXI в. как отражение политико-правовой специфики Китая // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006; *Бирюлин Е.В.*, *Кранина Е.И.* Экологические проблемы: опыт правового регулирования. М., 2005; Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI в. 2-е обновл. и доп. изд. М., 2004; *Куманин Е.В.* Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М, 1990; Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978–2005). М., 2007; Правовые аспекты модернизации в КНР. М., 1990; Современное право КНР. М., 1985; Юридическая жизнь в Китае. М., 1990; Дандай чжунгоды фалюй гэмин (Правовая революция в современном Китае). Пекин, 1999; Синь Чжунго фалюй цзяньшэ уши нянь (50 лет строительства правопорядка в новом Китае) / Гл. ред. Го Чэн-вэй. Нанкин, 1999; *Фэн Юй-цзюнь*. Цюаньцюхуа юй Чжунго фачжи ды хуйин (Глобализация и отклик на нее законодательной системы КНР). Чэнду, 2002; Чжунго фалюй няньцзянь (Ежегодник китайского права). Пекин, 1987–2000; *Lubman S.B.* Bird in a Cage: Legal Reform in China after Mao. Stanf., 1999; *Saich T.* Governance and Politics of China. Houndmills etc., 2001; State and Society in 21st Century China: Crisis, Contention and Legitimation / Ed. by P.H. Gries, S. Rosen. N.Y., 2004.

Л.М. Гудошников

Словарный раздел



Абахай *см.* **Хуантайцзи**

АНАРХИЗМ В КИТАЕ

無政府主義

Анархизм в Китае (кит. *учжэнфучжуи*, букв. «без правительства — главная идея») — теория и социальная практика, получившие распространение в Китае в 1-й пол. XX в. и в течение полувека остававшиеся идейным фоном для социальных поисков кит. интеллигенции. Анархизм (от греч. anarchia — «безвластие») — философское и социально-политическое течение, призывающее к полному отказу от всех форм государственного управления об-вом.

Начиная с первых обобщающих работ по кит. анархизму сложилась схема его описания как поступательного движения в направлении марксизма. Принято считать, что идейная победа коммунистов над анархистами после «движения 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*) обозначила рубеж спада интереса к анархизму и последующего его исчезновения. Эта схема использована в исследованиях М. Бернала, А. Дирлика, Р. Скалапино и Г.Т. Юя (см. также: Стабурова Е.Ю., 1983). Сближение истории кит. анархизма и истории КПК вызвано тем, что исследователи, с одной стороны, стремились показать, что анархизм — достойное внимания учение, способствовавшее самоидентификации КПК, с другой — что именно анархисты создали почву для быстрого распространения коммунистич. идей, т.о., безусловно, умалялась степень самостоятельности КПК и ставилась под сомнение «чистота» ее идей. В свою очередь, кит. историкам этот рубеж был нужен для того, чтобы зафиксировать победу коммунистич. идей над анархистскими. Представляется, что слабая сторона такого подхода — в укорачивании собств. истории кит. анархизма, а также подмене анархистской проблематики близкой, но не тождественной ей историей коммунизма.

Кит. анархизм развивался под непосредственным влиянием яп., рос., европ., североамер. анархизма. Интерес к учениям анархизма впервые зародился среди кит. интеллигенции, жившей в Японии, на рубеже XIX–XX вв. Она же стала первым проводником идей «без правительства», перепечатывая на кит. языке яп. переводы и компиляции зап. лит-ры. К этому были причастны даже те деятели кит. культуры, к-рые никогда не поддерживали идею безвластия, напр. **Лян Ци-чао** (см. т. 1 и 3). Именно он первым среди китайцев употребил в 1901 слово *учжэнфучжуи*, т.е. «анархизм». В последующие годы кол-во разрозненных публикаций по анархизму неуклонно росло. Начиная с 1902 в кит. прессе встречаются имена П.-Ж. Прудона, М.А. Бакунина, Эммы Голдман, Э. Малатесты, П.А. Кропоткина. Наиб. притягательными в анархизме для авторов первых публикаций оказались три идеи: бунт против власти, свобода индивидуума, равенство.

В июне 1907 в Токио по инициативе **Лю Ши-пэя** (см. т. 1) и его жены Хэ Чжэнь началось издание анархистского журн. «Тянь и бао» («Небесная истина» / «Веление Неба» / «Естественный закон»). А в авг. 1907 Чжан Цзи совместно с Лю Ши-пэем основали «Шэхуйчжуи цзянсихуй» («Социалистический лекторий»). Редакция «Тянь и бао» успела выпустить 19 номеров, после чего издание и лекторий были запрещены пр-вом Японии. В апр.-авг. 1908 увидели свет 11 номеров анархистского журн. «Хэн бао» («Мера»), автором всех статей в к-ром был сам Лю Ши-пэй. Но и этот журнал, изд. отдел к-рого находился в Токио, а финансовый — в Макао, попал под запрет яп. властей. Лю Ши-пэй считал, что задачами анархизма являются: 1) «осуществление коммунизма (букв. „общая собственность“)» и свержение пр-в во всех странах; 2) поддержка идеи разоружения и всеобщей стачки; 3) напоминание о страданиях простого народа; 4) налаживание связей с рабочими союзами и нар. партиями всего мира, выступающими за прямое действие. Благодаря Хэ Чжэнь в журнале громко зазвучала тема положения женщины: в кит. об-ве, писала она, три типа женщин — домашние хозяйки, работницы шанхайских текстильных фабрик и проститутки, и все они порабощены. Изменить положение, по мнению Хэ Чжэнь, может просвещение женщин и обобществление частной

社會主義講習所廣告

發起人 同啓

собственности. Особый колорит журналу придавали статьи Лю Ши-пэя. В них идеи зап. борцов за социальную справедливость внедрялись в кит. полит. культуру. Чтение его статей даже сейчас оставляет сильное впечатление (не случайно мыслитель и революционер тех лет — **Чжан Бин-линь** говорил, что беседовать с Лю Ши-пэем так же приятно, как выпить три бутылки вина). Лю Ши-пэй считал, что в школе *жу* (т.е. в конфуцианстве) заложены антиавторитарные начала. По его словам, именно опора на **конфуцианство** (см. т. 1) поможет «разрушить теорию божественного происхождения власти правителя». Пристальное внимание Лю Ши-пэй уделял полузабытым фигурам кит. истории — из числа тех, кто осуждал правителей, напр., мыслителю IV–V вв. **Бао Цзин-яню** (см. т. 1).

В 1906 в Париже было создано проанархистское революц. об-во *Шицзе шэ* («Всемирное об-во» / «Мир»). Его основателями стали Ли Ши-цзэн, окончивший во Франции с.-х. ун-т и работавший в Институте Луи Пастера; известный в то время как революц. публицист У Чжи-хуй; изучавший в Париже социальные науки Чу Минь-и, а также финансировавший их крупный предприниматель и дипломат Чжан Цзин-цзян. При об-ве открыли изд-во, а в 1907 организовали регулярный выпуск журн. «Синь шицзи» («Новый век» / «Новое время»). Журнал выходил еженедельно в течение трех лет. Об-во издавало брошюры в сер. «Синь шицзи цуншу» («Библиотека „Нового века“»), «Синь шицзи цзакань» («Бюллетень „Нового века“»), а также «Шицзе хуабао» («Всемирная иллюстрированная газета»). Между двумя группами анархистов, токийской и парижской, существовала идейная близость и поддерживались личные контакты. Кроме этого, обе группы анархистов имели тесные связи с орг-циями революционеров, боровшихся с цинским режимом. Для парижской группы был характерен больший радикализм. Ее члены заявляли, что для достижения своей цели — революц. свержения полит. режима в Китае они готовы не останавливаться перед кровопролитием. Впрочем, сама ситуация в Китае того времени была настолько жесткой, что просто толкала на экстремальные меры. В брошюре «Революция», написанной Ли Ши-цзэном и теоретически обосновывавшей необходимость непримиримой борьбы со всеми представителями полит. власти, для вящей убедительности помещены картинки, на к-рых показано, как бессмысленно и праздно проводят свою жизнь кит. чиновники, а в конце имеется рисунок, где на взрывной волне летят скипетры, короны, куски тел и брызжущие кровью головы. Текст к картинке поясняет, что этот стирающий все с лица земли взрыв — мечта революционеров всего мира — должен привести к рождению мира **да тун** (Великое единение; см. т. 1). Авторами картинки, скорее всего, были зап. анархисты. Впрочем, идея террористич. актов, так увлекшая кит. анархистов, тоже имела зап. происхождение. Неслучаен поэтому зловещий тон комментария на смерть регентши **Цы Си** и имп. Гуан-сюя (см. **Цзай Тянь**): «Сердца людей преисполнены радости. Двум злым духам пришел конец... Эти умерли, но другие-то остались!» Критич. отношение к любой власти, безотносительно ее этнич. принадлежности, позволило кит. анархистам нач. XX в. избежать враждебности к маньчжурам как к нации, что было распространено в революц. кругах, боровшихся за свержение Цинской монархии. Анархисты не принимали лозунга «месть маньчжурам». Более того, они считали, что от свержения маньчж. пр-ва «выиграют как ханьцы, так и маньчжуры». Одной из гл. тем журнала была революция. Ее пропагандисты были уверены, что «XX век — это век мировой революции, к-рой не удастся избежать ни одному гос-ву». Только «социальная/социалистическая революция», по их мнению, способна обеспечить глубинные преобразования. Революция была для них императивом: «Если бы среди китайцев нашлись люди, к-рые бы сочли, что Китаю не нужна революция, то это были бы люди, к-рых родила свинья и воспитала собака». Идеи революции парижские анархисты распространяли и на культуру. Некрые из них даже утверждали, что «плоды революции кратковременны, плоды же просвещения — вечны». Поэтому занимались просвещением соотечественников: знакомили их с зап. наукой, культурой, социальными теориями (преж-

де всего, с социализмом, анархизмом), рассказывали о важнейших событиях и знаменательных датах, публиковали множество переводов. Важное место в просветительских программах анархистов заняла популяризация эсперанто. Многие интеллигенты Китая кон. XIX — нач. XX в., в т.ч. парижские и токийские анархисты, были заняты проблемами стандартизации и демократизации кит. яз. (см. **Го юй** в т. 3). Анархистам казалось, что эсперанто дает китайцам шанс радикально преодолеть нац. ограниченность и заговорить на языке, понятном всему миру. После свержения дин. Цин именно популяризация зап. знаний становится для Ли Ши-цзэна и У Чжи-хуя гл. формой претворения в жизнь анархистских идеалов. Личная активность, широкие связи в Китае и Европе позволили им выступить с инициативой программы «работы и учебы», предусматривавшей помощь в отправке кит. молодежи в Европу для учебы на заработанные там же деньги. Ли Ши-цзэн выдвинул лозунг: «Год работаешь, два года читаешь книги». Благодаря этой программе в Европу сумели попасть многие в будущем выдающиеся деятели Китая XX в. Организованный в рамках этой программы ун-т работал еще в 1930-е.

Но еще продолжались революц. бои с цинскими войсками, а бывшие издатели «Синь шицзи» уже резко сменили революц. лозунги на призывы к моральному очищению на основе принципов **дао** и **дэ [1]** (обе ст. см. в т. 1). Вернувшись в Китай, в янв. 1912 в Шанхае они создали об-во *Цзинь дэ хуй* («Об-во продвижения к *дэ*» / «Об-во развития морали»). В него входили Ли Ши-цзэн, У Чжи-хуй, Чжан Цзи, Чжан Цзин-цзян, Чу Минь-и, Ван Цзинвэй. Они считали, что новый социум, возникающий на развалинах монархии, будут создавать люди, обладающие *дэ* [*1*]. Для этого, по их мнению, важно было начать с искоренения в самих себе унаследованных от прошлого пороков и предрассудков: распутства, увлечения азартными играми, заключения браков, стремления к чиновничьей должности и к депутатскому мандату, курения, пьянства, употребления мяса. Сохраняя верность анархистским принципам, члены об-ва отказывались служить новой республиканской власти. Об-во объединяло более тыс. чел. У Чжи-хуй писал: «Люди, движущиеся по пути прогресса, в основе своей исходят из „доброго *дэ*“ (*лян дэ*)». То же слово «добрый» было использовано в названии др. схожего об-ва, созданного в Пекине в февр. 1912, — «Социалистическое об-во за исправление [принципа] доброты» (*Шэхуй гай лян хуй*). Одним из его создателей числился Ли Ши-цзэн. Помимо упомянутых запретов об-во призывало еще и к ограничению деторождения. В Гуанчжоу в июле 1912 было создано анархистское об-во, главным в к-ром была индивидуальная верность этич. принципам, — *Синь шэ* («Сердце»). Организатор (**Лю Ши-фу**) и его сподвижники (Чжэн Би-ань, Мо Цзи-пэн) до революции входили в террористич. группу. После революции они переключились на совершенствование своего внутр. мира. При этом, находясь под влиянием публикаций парижских анархистов, встали в непримиримую оппозицию к гос-ву и полит. деятельности вообще. Они заявляли: «Полит. активность мешает нам согласовывать свои поступки с *дао* и поэтому должна быть отвергнута». Об-во не признавало никакой орг-ции, руководства, но требовало от своих членов соблюдения 12 запретов: не есть мяса, не пить вина, не курить, не прибегать к помощи слуг, не садиться в паланкины и повозки рикш, не вступать в брак, не употреблять фамилий, не становиться чиновниками, не становиться депутатами, не вступать в полит. партии, не служить в сухопутных войсках и военно-морском флоте, не следовать религ. учениям. Нек-рые члены об-ва сразу же начали бракоразводные процессы. Лю Ши-фу даже тогда, когда мясная пища, по мнению врачей, была необходима его слабеющему организму, оставался вегетарианцем (он умер от туберкулеза в марте 1915).

Параллельно об-ву *Синь шэ*, концентрировавшемуся на индивидуальной этике, Лю Ши-фу создает в Гуанчжоу об-во *Хуймин-сюэ шэ* («Науч. об-во „Предрассветный крик петуха“»), к-рое вскоре было переименовано в *Минь шэн шэ* («Голос народа»). Из-за преследования властей об-ву пришлось менять не только названия, но и адреса, пока оно окончательно не обосновалось в Шан-

хае. Костяк об-ва составляли соратники Лю Ши-фу по революц. борьбе, друзья и родственники. Все его восемь братьев и сестер были анархистами. Сначала они перепечатывали и бесплатно распространяли материалы парижской группы, но летом 1913 создали свой журнал «Хуй мин лу» («Предрассветный крик петуха»), переименованный в «Минь шэн» («Голос народа»). Благодаря необыкновенной энергии, к-рую развило об-во, и беззаветному служению Лю Ши-фу антиавторитарным идеям само об-во и личность его руководителя стали образцом для кит. анархистов последующих лет. Широта распространения журнала была беспрецедентной. Этому способствовало и то, что отдельные номера печатались на эсперанто. Подобно своим парижским предшественникам, анархо-коммунисты из «Голоса народа» выступали за эсперанто как за общемировой язык, к-рый сотрет «границы между далеким и близким, Востоком и Западом». 55 зарубежных анархистов выразили желание вступить в анархо-коммунистич. об-во Китая. «Голос народа» наладил обмен изданиями с 79 эсперантистскими и анархистскими журналами мира. Журнал пропагандировал анархо-коммунизм и синдикализм. Синдикалисты считали профсоюзное движение и экономич. борьбу единств. путем к социализму, при к-ром синдикаты (профсоюзы) должны управлять обществ. производством. Кумиром Лю Ши-фу был П.А. Кропоткин, учение к-рого он считал самым совершенным за то, что оно вобрало в себя антиавторитарные идеи, направленные против полит. орг-ции об-ва и призывающие к изменению его экономич. основы. Понимая разницу между анархизмом и социализмом, Лю Ши-фу тем не менее считал себя социалистом. Чтобы защитить свое понимание социализма как антиавторитарного учения, Лю Ши-фу в 1913–1915 стал инициатором первой в истории Китая дискуссии о социализме.

Начиная с 1914 можно уже говорить о складывании анархистского движения в масштабах страны. Сам Лю Ши-фу в июле 1914 в Шанхае создает *Шанхай учжэнфу гунчаньчжуи тунчжи шэ* («Товарищество анархо-коммунистов Шанхая»). В своей декларации оно заявило о приверженности коммунизму: «Анархо-коммунисты считают, что надо уничтожить капиталистич. систему, создать коммунистич. об-во, не прибегая к помощи пр-ва и политики. По существу, они стремятся к полной свободе в экономике и политике. Капиталистич. система является главным врагом простого народа, а также источником преступлений и зла в об-ве. Земля, капитал, орудия труда целиком принадлежат тем, кто не трудится, — землевладельцам и капиталистам. Мы, простой народ, являемся наемными работниками и трудимся как рабы. Произведенные блага достаются небольшой группе тунеядцев. Трудящимся же, напротив, достаются болезни, страдания, нищета, им не на что опереться в жизни. Разве не в этом причина всех преступлений в об-ве? Поэтому наша партия клянется уничтожить право частной собственности. Все средства производства, сосредоточенные сейчас в руках немногих (земля, заводы, машины и т.д.), забрать у меньшинства и вернуть в общественное владение. Клянемся на основании принципа „от каждого по способностям, каждому по потребностям“ создать свободное коммунистич. об-во». Весной 1914 в Нанкине по инициативе Ян Чжи-дао образовалось *Учжэнфучжуи таолуньхуй* («Об-во по обсуждению анархизма»). В авг. того же года в г. Чаншу (пров. Цзянсу) анархисты во главе с Цзян Ай-чжэнем объявили о создании *Учжэнфу гунчаньчжуи чуаньбо шэ* («Об-во по распространению идей анархо-коммунизма»), к-рое вскоре было переименовано в *Чаншу учжэнфу гунчаньчжуи тунчжи шэ* («Товарищество анархо-коммунистов Чаншу»). В июле 1914 под рук-вом Лю Ши-синя (брат Лю Ши-фу) было создано *Гуанчжоу учжэнфу гунчаньчжуи тунчжи шэ* («Товарищество анархо-коммунистов Гуанчжоу»). При «Товариществе», в свою очередь, был открыт обществ. клуб, где обсуждались анархистские идеи и теории. В 1914 «пункты связи» кит. анархистов существовали в Рангуне, Сянгане, на о. Пенанг. В 1914 в Сан-Франциско создали *Учжэнфучжуи сюэси шэ* («Об-во по изучению анархизма»). Картина распространения анархистских идей после Синьхайской революции 1911 будет неполной без упоминания Цзян Кан-ху и созданной им в Шанхае

летом–осенью 1911 Кит. социалистич. партии (*Чжунго шэхуй дан*). В ноябре 1912 входившие в партию анархисты выделились в новую организацию, к-рую назвали Социалистич. партией (*Шэхуй дан*), убрав из названия слово «Китай», т.к. указание на гос. принадлежность, по их мнению, противоречило анархистскому интернационализму. Партию возглавили Ша Гань и Чжоу Цзи-сян. Партия призывала «осуществить коммунизм», «уничтожить власть» и «подготовить приход великой всемирной революции». Отделения партии на местах по приказу президента **Юань Ши-кая** были быстро закрыты. На территории иностр. концессии в Шанхае партия выпустила два номера журн. «Лян синь» («Доброе сердце» / «Совесть»). Сам Ша Гань погиб в 1913. Анархисты послесиньхайского времени выпускали множество кит. и переводной лит-ры, создавали бесплатные школы для народа и отдельно — для женщин, учили трудящихся азам профсоюзного движения, отслеживали случаи социальной борьбы. Усиление протестных настроений в Китае, вызванных вступлением страны в Первую мировую войну в 1917, привело к студенческим волнениям и забастовкам в мае–июне 1919 («движение 4 мая» — *у сы юньдун*) и всплеску самой широкой социальной активности. Анархистские группы в эти годы были многочисленными и идейно разнообразными. Накануне 1919 в Китае, по самым приблизительным подсчетам, выходило более 70 анархистских изданий, действовало более 50 анархистских орг-ций, из к-рых по крайней мере 22 существовали долго и были многочисленными.

Накануне «движения 4 мая» и вплоть до 1930-х гл. силы анархистов сосредоточивались в Пекине. В 1917 там было создано об-во *Ши шэ* («Правда»). Его членами были в основном студенты Пекинского ун-та: Ли Чжэнь-ин, Чао Хай, Чжао Тай-моу. Об-во издавало журн. «Цзыю лу» («Свободные записки»). После того как в 1918 деятельность об-ва подверглась запрету, оно объединилось с единомышленниками из Шанхая и Нанкина в об-во *Цзиньхуа шэ* («Эволюция»). В «движении 4 мая» в Пекине участвовали такие видные анархисты, как Хуан Лин-шуан, Чжу Цянь-чжи, Чэнь Дэ-жун, И Цзя-юэ, Ли Чан-жэнь, Куан Ху-шэн, Хуа Линь, Цзин Мэй-цзю. В нач. 1920 центр. орг-цией анархистов Пекина становится *Учжэнфучжуи тунмэнхуй* («Анархистский объединенный союз»). Весной 1921 в Пекине начал выходить анархистский журн. «Шэхуй юньдун» («Социальное движение»), в к-ром работали Чэнь Тин-фань, Чэнь Дэ-жун, Ван Бай-ши, Люй Чуань-чжоу, Лю Го-хан, Чэнь Шэн-шу. На базе журнала было создано *Шэхуй гэмин туань* («Объединение социальной революции»). В том же году Чэнь Тин-фань, Хуан Лин-шуан, Ван Бай-ши начали выпуск анархо-коммунистич. газеты «Го бао» («Государство»). Газета сразу же напечатала 2 тыс. экз. приложения, посвященного Кропоткину, к-рые разошлись на состоявшемся в Пекине собрании памяти основателя анархо-коммунизма. В февр. 1921 появилась анархистская орг-ция *Хучжу туань* («Объединение взаимопомощи») с печатным органом «Чэнь бао» («Утро»). Ее создали студенты Пекинского ун-та и Пекинского пед. ун-та. Бэйянское пр-во боролось с лит-рой анархистского содержания. В янв. 1921 Чжу Цянь-чжи за распространение листовок был арестован и приговорен к трем месяцам тюремного заключения. В марте 1921 по инициативе Цзин Мэй-цзю студенты Чжан Чунь, И Цзе-и, Лю Го-хан основали *Ань шэ* («Мирное об-во»). На следующий год в него вступил тайваньский студент Фань Бэнь-лян, к-рый в 1924–1926 возглавил об-во тайваньских анархистов Пекина с филиалом в Шанхае — *Синь Тайвань ань шэ* («Мирное об-во „Новый Тайвань“»). В 1924 оно начало выпуск собств. журн. «Синь Тайвань» («Новый Тайвань»). Фань Бэнь-лян в статье, посвященной яп. анархисту Вада Кютаро, написал, что «один выстрел действеннее, чем десятилетия устной пропаганды, чем миллион экземпляров тайно распространенных книг». Начиная с 1922 Цзин Мэй-цзю в качестве приложения к своей возобновленной газ. «Гофэн жибао» («Веяния в стране») выпустил 237 номеров ежедневн. приложения «Сюэ хуй» («Собрание учебных [материалов]»), полностью посвященного вопросам анархизма. В 1924 Гао Чжан-хун выпускает 17 номеров проанархистского журн. «Куанбяо» («Буря»). В 1923 Ли Ши-цзэн, У Чжи-хуй

и Цзин Мэй-цзю открывают в Пекине Специализированную школу эсперанто (Шицзеюй чжуаньмэнь сюэсяо).

В Шанхае после смерти Лю Ши-фу вышло неск. номеров журн. «Минь шэн» под рук-вом Оу Шэн-бая. С нояб. 1916 по март 1921 журн. не выходил. Но продолжало существование об-во «Минь шэн шэ». Гл. роль в нем играл Чжэн Пэй-ган. Работая профессиональным печатником на территории англ. концессии в Шанхае, Чжэн тайно издал большое кол-во анархистской лит-ры. В 1920–1923 он возглавлял об-во анархистов *Хуймин-сюэ шэ* («Науч. об-во „Предрассветный крик петуха“»). В 1918 Лян Бин-сянь (соратник Лю Ши-фу) начал издавать журн. «Лаодун» («Труд»), в к-ром печатались У Чжи-хуй, Хуан Лин-шуан, Хуа Линь, Чжэнь Фэн. В янв. 1919 об-во «Цзиньхуа шэ» начало издавать журн. «Цзиньхуа» («Эволюция»), пропагандировавший анархизм и синдикализм. В июне 1919 в Шанхае планировалось проведение Всекит. конгресса анархо-коммунистов, однако этот план не удалось реализовать. В нач. 1921 в Шанхай из Владивостока вернулся Фэй Чжэ-вэнь — последователь Лю Ши-фу. На привезенные деньги он организовал публикацию материалов о Кропоткине, к-рые бесплатно распространялись на заводах, в учеб. заведениях, воинских частях. Свою сплоченность и активность кит. анархисты в Шанхае продемонстрировали во время Олимпийских игр Дальнего Востока. 4 июля 1921 в день открытия Олимпиады более ста анархистов из провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Шаньси, Хунань вышли на трибуны стадиона с голубыми и красными знаменами. Они принесли с собой неск. тыс. брошюр и листовок на кит., яп. и англ. языках — «Одним ударом разгромим капиталистическую систему», «Свергнем правительство». Раздав всю лит-ру, молодые люди пропели «Гимн анархистов» и открыли пальбу из пистолета для «привлечения внимания». Выступление показало, что часть кит. анархистов была готова к решительным действиям.

Благоприятные условия для деятельности анархистов в нач. 1920-х сложились в р-нах провинций Фуцзянь и Гуандун, к-рые контролировались войсками милитариста и бывшего революционера Чэнь Цзюн-мина. Сделав своей столицей г. Чжанчжоу (пров. Фуцзянь), он пригласил к себе Лян Бин-сяня на должность советника по культуре. Лян Бин-сянь организовал изд-во, в к-ром с дек. 1919 печатали журнал с анархо-коммунистич. уклоном «Минь син» («Звезда Фуцзяни»). В апр. 1920 в Чжанчжоу был созван съезд студентов Китая. Анархисты к съезду напечатали 200 тыс. экз. брошюр. В нач. 1921 в Гуанчжоу был возобновлен журн. «Минь шэн». В марте 1921 наряду с Пекином и Шанхаем в Гуанчжоу прошел вечер памяти Кропоткина. Более 800 чел. — рабочих, студентов, торговцев, чиновников и депутатов местных органов власти — собрались в одном из училищ. Над сценой висел портрет Кропоткина в обрамлении цветов. Слева и справа от портрета были вывешены лозунги: «Взаимная помощь», «Свободные объединения», «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Выступавшие рассказывали о Кропоткине, пели песни, разыгрывали театр. сцены, а зал скандировал: «Да здравствует анархизм!» Было распространено 4 тыс. экз. брошюр об анархизме и открыток с портретом Кропоткина. В том же 1921 анархисты в Гуанчжоу отметили десятилетие пропаганды анархизма в Китае и провели заседание памяти Лю Ши-фу. В июле 1922 увидел свет первый номер журн. «Минь чжун» («Народный колокол»), к-рый выходил до июля 1927. Известно, что в марте 1927 в Гуанчжоу действовало *Аньнаци яньцзю хуй* («Об-во изучения анархизма»), члены к-рого работали в профсоюзах, в част. анархист Май Цзинь-цюань — в профсоюзе парикмахеров, а Шэнь Яо — в профсоюзе работников ресторанов и чайных.

Многочисл. группы анархистов в 1920-е действовали также в провинциях Сычуань и Хунань. Как известно, учение П.А. Кропоткина оказало кратковременное, но сильное влияние на молодого хунаньца **Мао Цзэ-дуна** и на выходца из Сычуани Ли Фэй-ганя, более известного по своему лит. псевдониму — **Ба Цзинь** (см. т. 3), составленному из первого слога фамилии Бакунин и последнего слога фамилии Кропоткин в кит. произношении. Когда в авг. 1945 Ба Цзинь и Мао Цзэ-дун впервые встретились, Мао Цзэ-дун сказал:

«Странно, но кое-кто утверждает, будто вы анархист». Ба Цзинь отреагировал: «Да? А я вот слышал, что вы прежде тоже им были...»

Все анархисты Китая проповедовали общий идеал — «без правительства», однако представления о ведущих к нему путях были весьма различны. Анархо-коммунисты считали, что надо создавать свободные коммуны. Синдикалисты видели спасение в прямом действии профсоюзов, постепенно добивающихся не только социальных благ, но и сокращения роли производств. и гос. управления. Овладение знаниями на Западе, по мнению части анархистов, было призвано подорвать авторитарную основу кит. об-ва, чтобы в далеком будущем обеспечить ему исчезновение пр-ва. Другие, наоборот, призывали отказаться от копирования зап. образцов и в поиске ответов обратиться к изначально анархистской по своей сути, как им казалось, кит. культуре (Чжэн Тай-пу). Нек-рые анархисты не видели смысла в социальных проектах и проблему антиавторитаризма сводили к индивидуальной свободе от власти и от всех порочных зависимостей. Философски образованный Чжу Цянь-чжи сформулировал теорию «неонигилизма», с ее акцентом на постоянной борьбе с существующим миром. Он заявил, что «не обязательно обсуждать вопросы созидания до того, как разрушение еще не завершено». Отличались кит. анархисты также степенью включенности в полит. жизнь страны. Одни анархисты старались полностью самоустраниться из политики. Другие же шли на компромисс с властью во имя создания предпосылок для неизбежного, но все-таки нескорого наступления об-ва «без правительства». Амплитуда методов их деятельности была весьма широка, от мирных (индивидуальное очищение, интеллигентская пропаганда, свободные объединения, просвещение) до радикальных (террористич. акты, руководство восстаниями и забастовками, призывы к насилию).

На рубеже 1920-х анархистам пришлось кардинально перестраиваться, что было вызвано появлением новой силы — марксистских кружков, к-рые в 1921 оформились в КПК. Интересы марксистов и кит. синдикалистов и анархо-коммунистов пересеклись в двух сферах — практике профсоюзного движения и коммунистич. теории. Сначала анархисты, за редкими исключениями, восприняли марксистов как своих союзников — ездили в Москву, вступали в марксистские кружки и вводили марксистов в контролируемые анархистами профсоюзы. Однако скоро выяснилось, что марксисты и анархисты не способны уживаться в рамках одной орг-ции. Кроме того, кит. коммунисты, наряду с другими заимствованиями из Советской России, перенимали оттуда и неприятие анархизма. Частичному отсечению анархистов от коммунизма способствовала прошедшая в 1920–1922 вторая дискуссия о социализме, инициаторами к-рой на сей раз были марксисты.

О репрессиях против коммунистов, организованных **Чан Кай-ши** в 1927, под лозунгом *цин дан* («очищение партии») хорошо известно, но мало известно о том, что против анархистов также была развязана кампания — под лозунгом *цюй у* («изгнание анархистов»). В 1929 гоминьдановское пр-во запретило журн. «Минь фэн» («Народный авангард»), к-рый выпускала в шанхайском изд-ве «Цзыю шудянь» («Свобода») орг-ция *Чжунго циннянь учжэнфучжуичжэ ляньмэн* («Объединенный союз молодых анархистов Китая»). В том же году были запрещены еще два анархистских журнала — «Дунфан» («Восток») — «за пропаганду анархизма, за нападки на нашу партию [Гоминьдан] и подрывную работу в армии» — и «Время и волны» («Ши юй чао»). В 1929–1930 были объявлены вне закона *Учжэнфучжуи цзун тунмэн* («Анархистский генеральный объединенный союз») и фуцзяньская орг-ция *Хэйсэ циннянь цзухэ* («Молодежное объединение „Черный цвет“»).

Особенностями кит. культуры можно объяснить то, что несмотря на политику репрессий против анархистов, проводившуюся гоминьдановским пр-вом, Гоминьдан сотрудничал с анархистами в профсоюзном движении, правда, постепенно вытесняя их из профсоюзов, а также допускал в своих рядах существование влиятельной фракции анархистов. С 1927 она легально издавала журн. «Гэмин» («Революция»). Кстати, в 1928 спрос на него вырос. В 1930-е продолжало легально издавать анархистскую лит-ру изд-во «Цзыю

шудянь». В кон. 1930–1940-х анархистское движение теряет свои позиции. В марте 1949 Ба Цзинь писал единомышленикам во Францию, что в Китае анархистское движение сошло на нет, что он один занимается пропагандой идей анархизма и почти в одиночку издал 4 тома «Полного иллюстрированного собр. соч. П. Кропоткина» на кит. яз. и только в пров. Фуцзянь еще существует движение защитников свободы. Объяснение причин уменьшения интереса к анархизму следует искать в деятельности КПК, к-рая притягивала к себе социально активных людей, ориентировавшихся на теории социализма. Немаловажно и то, что в условиях яп. агрессии и гражданской войны анархисты Китая не перестроились, не предложили адекватных ответов на новые вызовы.

Анархисты с первых лет XX в. положили начало систематич. обсуждению многих важных тем, изменяя социальный климат страны и обогащая ее обществ. мысль. В числе этих тем — развенчание авторитета власти, профсоюзы, эсперанто, интернационализм, освобождение женщин, индивидуализм, совр. наука, взаимопомощь как условие развития об-ва, демократизация и стандартизация кит. яз., борьба с религ. суевериями. Как оказывается, даже призывы к ограничению деторождения звучали уже у анархистов, т.к. согласовывались с их идеей освобождения женщин. Велика была роль анархистов в культурном и просветительском движении. Ба Цзинь на склоне лет писал, что в прошлом Китай «слишком мало обращал внимания на права человека». Это ключ к пониманию увлечения анархизмом, к-рое пережил Китай в 1-й пол. XX в. Сюда же можно добавить список элементов традиц. кит. культуры, к-рые при благоприятных условиях могли сработать в качестве детонатора повышенного интереса к зап. анархизму: озвученный нек-рыми учениями скепсис по отношению к власти; описанная еще **Конфуцием** практика уклонения от гос. службы; уважение внутр. свободы интеллектуала; проповедовавшееся многими школами социальное равенство; передававшийся из поколения в поколение образ утопич. страны всеобщего счастья, в к-рой не было никакого принуждения; принцип «всеобщей любви» (*цзянь ай*) **Мо Ди** (см. т. 1); утверждение Конфуция о том, что «в пределах четырех морей все должны быть братьями». Сами сторонники безвластия, видимо не без влияния пришедших с Запада стереотипов, провозгласили **Лао-цзы** (см. т. 1) «первым кит. анархистом». Однако ист. парадокс состоит в том, что после полувековой теоретич. и практич. агитации анархистов в Китае установился порядок, основанный на сильной власти.

***** Синь шицзи (Новый век). Париж, 1907–1910, № 1–21; Гэмин (Революция). Шанхай, 1928, № 64, 65, 69; Минь шэн (Голос народа). Сянган, 1962, № 1–33; Чжунго учжэнфучжуи хэ Чжунго шэхуйсюэ (Китайский анархизм и китайские социалистические учения) / Сост. Чжунго сюэ эр лиши данъаньгуань (Второй исторический архив изучения Китая). Нанкин, 1981; Учжэнфучжуи сысян цзыляо сюань (Собрание источников по идеям анархизма) / Ред. Гэ Мао-чунь, Цзян Цзюнь, Ли Гуанчжи. Пекин, 1984; Учжэнфучжуи цзай Чжунго (Анархизм в Китае) // Чжунго сяньдай чжэнчжи сысян ши цзыляо цункань (Материалы по истории политической мысли современного Китая). Т. 1. Чанша, 1984.

****** *Евгеньев А.Г.* Начало распространения марксизма в Китае и борьба первых китайских марксистов с анархистами // Движение «4 мая» 1919 года в Китае. М., 1971; *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917 гг.). М., 1972; *Стабурова Е.Ю.* Анархизм в Китае, 1900–1921. М., 1983; *она же.* Анархисты в нанкинском Гоминьдане (1927–1931 гг.) // VIII НК ОГК. Ч. 3. М., 1977; *она же.* Утопии китайских анархистов // Китайские социальные утопии. М., 1987; *Ли И.* Цзиньдай Чжунго учжэнфучжуи сычао юй Чжунго чуаньтун вэньхуа (Идейные волны китайского анархизма и китайская традиционная культура). Ухань, 2001; *Мэн Цин-шу.* Учжэнфучжуи юй у сы синь вэньхуа (Анархизм и новая культура «4 мая»). Кайфэн, 2006; *Сюй Вэнь-тан.* Ли Юй-ин юй Чжунго учжэнфучжуи юньдун (Ли Юй-ин и китайское анархистское движение) // Цзиньдай Чжунго лиши жэньу луньвэньцзи. Тайбэй, 1993; *Ху Чжи-фан.* Шилунь Тань Сы-тун «Жэнь сюэ» чжун тисяньды учжэнфучжуи сысян (Об анархистских идеях

в произведении Тань Сы-туна «Учение о гуманности») // Ичунь сюэюань сюэбао. 2001, № 1; *Ши Лянь-на* (*Стабурова Е.*) Усы шици Кэлупаотецзинь дуй Чжунгоды иньсян (Влияние Кропоткина на Китай во время движения «4 мая») // Ханьсюэ яньцзю. 1996, т. 14, № 1(27); *Шэнь Цзюнь.* Чжунго цзаоци учжэнфучжуи сычао чутань (Предварительное исследование идейной волны анархизма в Китае на раннем этапе) // Хуачжун шиюань сюэбао. 1981, № 12; *Bernal M.* The Triumph of Anarchism over Marxism, 1906–1907 // China in Revolution: The First Phase, 1900–1913. New Haven — London, 1968; *Dirlik A.* Anarchism in the Chinese Revolution. Berk., 1991; *Internationalist* (*Meltzer A.*). The Origins of the Anarchist Movement in China. L., 1968; *Onogawa Hidemi.* Liu Shi-pei and anarchism // Acta Asiatica. 1967, № 12; *Scalapino R., Yu G.T.* The Chinese Anarchist Movement. Berk., 1961; *Zarrow P.G.* Anarchism and Chinese Political Culture. N.Y., 1990.

Е.Ю. Стабурова

АНЬФУСИ

安福系

Аньфуси, сокр. *Аньси* — Аньхойская группировка. Возникла в 1916 после смерти **Юань Ши-кая**. Милитаристы Китая в осн. делились на два крупных лагеря: северный (бэйянский), к-рый контролировал провинции Сев. и Вост. Китая, и южный, контролировавший южные и юго-зап. провинции страны. *Аньси* была одной из группировок т.н. бэйянских милитаристов — военно-полит. объединения, к-рое сложилось еще при маньчж. Бэйянской армии, реорганизованной и руководимой Юань Ши-каем.

Войска *Аньси* размещались в провинциях Хэнань, Чахар, Чжили, Шаньдун и во Внутр. Монголии с целью утверждения ее господства в Сев. Китае и объединения страны под властью данной группировки. Т.к. лишь немногие командиры были воен. или гражданскими губернаторами провинций, *Аньси* имела под своим контролем ограниченную территорию и, соответственно, финанс. и др. материальные ресурсы и вынужденно зависела от внешнего «спонсора» — Японии.

Лидер *Аньси*, уроженец пров. Аньхой, генерал Дуань Ци-жуй (1865–1936) в 1896 был назначен Юань Ши-каем начальником артиллерии армии, с 1912 был воен. министром, в 1916–1918 — премьер-министром. Опирался на финанс. группу банка Цзяотун, управляющий к-рого Цао Жу-линь при Юань Ши-кае был министром иностр. дел и вел переговоры с Японией о ее «21 требовании» (1915) к Китаю. Др. представитель *Аньси* — Чжан Цзун-сян, бывший министр юстиции, при Дуань Ци-жуе был посланником Китая в Японии. Лу Цзун-юй, ранее занимавший этот пост, был зам. управляющего банка Цзяотун, а позднее управляющим. Именно эти деятели, получившие образование в Японии и составлявшие мозговой центр Аньхойской группировки, являлись связующим звеном в заключении союза *Аньси* с Японией. Все кит. милитаристские группировки в той или иной степени были связаны с иностр. державами и получали помощь из-за рубежа, но масштабы сотрудничества *Аньси* с яп. военно-бюрократич. и финансовыми кругами были особенно впечатляющими. В 1917–1918 практически вся политика пр-ва Дуань Ци-жуя, как внутренняя, так и внешняя, была под контролем Японии. Займы, предоставленные Японией для поддержки режима *Аньси*, получили название «займов Нисихары» (барон Нисихара Камэдзо был доверенным лицом премьер-министра яп. пр-ва милитариста Тэраути). Восемь «нисихаровских» займов составили 145 млн. иен из всей суммы в 386,45 млн. иен, предоставленных Японией Китаю в 1916–1918. Когда Дуань Ци-жуй решил приступить к объединению страны воен. силой и начал наступление на юг, казна была пуста, и он обратился к Японии за финанс. помощью. Кабинет Тэраути снова поддержал Дуань Ци-жуя, предоставив ему в течение двух лет займы на сумму 200 млн. иен. Условием получения займов было участие Китая в мировой войне, и 14 авг. 1917 пр-во Дуань Ци-жуя объявило войну Германии. Воен. кампания на юг Китая с целью объединить страну оказалась неудачной: генералы потер-

пели поражение в Хунани и Сычуани. Дуань Ци-жуй был вынужден уйти в отставку с поста командующего армией и с должности премьер-министра (ноябрь 1917). Однако через три месяца вновь был в кресле премьера.

В 1917–1920 лидеры *Аньси* неоднократно возглавляли пекинское пр-во. Дуань Ци-жуй, усвоив уроки своего наставника Юань Ши-кая, с успехом применил их на практике, в точности повторив и методы объединения Китая воен. силой, и способы борьбы с парламентом. Так же как и Юань Ши-кай, Дуань Цижуй понимал необходимость использования поддержки полит. партии. Однако полит. платформа для него была не так важна, как результат. Поэтому для устранения соперников в марте 1918 в парламенте был создан «Клуб Аньфу» (*Аньфу цзюйлэбу*; «Аньфу», по одной из версий, составлено из первых иероглифов названий провинций Аньхой и Фуцзянь, выходцами из к-рых были большинство членов группировки; по другой — переулок Аньфу в Пекине) в качестве «карманной» партии, и как продукт ее деятельности появился новый парламент. Внешне законность власти была соблюдена, но этого оказалось недостаточно, чтобы ее удержать. Слабым местом в обеспечении власти Дуань Цижуя были отсутствие надлежащей материальной базы в виде контролируемой территории и зависимость от внеш. поддержки в ущерб нац. интересам страны.

Борьба между милитаристскими группировками обострилась в 1920. После продолжительных воен. столкновений Аньхойской группировки с Чжилийской (**Чжиси**) с 14 по 18 июля 1920, в к-рых участвовали с обеих сторон 120 тыс. чел., войска *Аньси* потерпели поражение. В начале авг. 1920 «Клуб Аньфу», как и аньфуистский парламент, были распущены. В Пекине у власти встала группировка *Чжиси*. Потеряв армию, Дуань Ци-жуй пытался застрелиться, но остался жив и вскоре удалился на территорию яп. концессии в Тяньцзине, где предался изучению буддизма.

Пережив горечь поражения, Дуань Ци-жуй продолжал следить за ходом полит. событий в стране. В 1924 тройственному союзу, возглавляемому Чжан Цзо-линем, Дуань Ци-жуем и **Сунь Ят-сеном**, удалось разбить войска *Чжиси*. В результате компромисса победителей Дуань Ци-жуй занял пост временного правителя Китая.

Аньхойская группировка прекратила свое существование в апреле 1926. Весной 1926 мукденские войска подошли к Пекину, пр-во Дуань Ци-жуя было свергнуто, а ряд министров арестованы. Дуань Ци-жуй скрылся в посольском квартале. Он умер 2 ноября 1936 после тяжелой болезни. Следует отметить, что бэйянские милитаристы (следуя конф. традиции) обычно не допускали физич. уничтожения своих полит. противников и их армий. Лишь в исключительных случаях применялись казнь или полит. убийства.

Период правления в Пекине Аньхойской группировки — важная составная часть в формировании в 1920-х системы кит. милитаризма. До 1928 попытки милитаристских группировок объединить страну с помощью воен. силы не удавались. 1 июня 1925 Гоминьдан провозгласил кантонское пр-во национальным пр-вом Китайской Республики, демонстрируя намерение добиться объединения страны под своей властью. Это удалось сделать **Чан Кай-ши** в 1928 после разгрома северных милитаристов.

** *Каретина Г.С.* Военно-политические группировки Северного Китая (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001; *она же.* Китайский милитаризм и иностранная интервенция на Дальнем Востоке (1917–1931) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2001; *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005; Новая история Китая. М., 1972; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1983; Бэйян цзюньфа шиляо сюаньцзи (Сборники материалов по истории северных милитаристов). Т. 2. Чанша, 1981; *Син Пай-лин.* Цзюньфа лечжуань (Биографии милитаристов). Харбин, 1987; *Чжан Бо-фэн.* Аньси цзюньфа юй Жибэнь (Милитаристы Аньси и Япония). Чэнду, 1988; Чжунгун данши цзяньмин цыдянь (Краткий словарь истории КПК). Т. 1. Пекин, 1987, с. 80; Цзяньмин Чжунго цзинь сяндайши цыдянь (Краткий словарь по новой и новейшей истории Китая). Т. 1. Пекин, 1985, с. 341–342.

В.Н. Усов

БА И

八議

Ба и («восемь [причин] для обсуждения», «восемь суждений») — преимущественное правовое состояние, предназначенное для выведения лиц, принадлежащих к особым восьми группам, из-под обычных уголовных норм в случае совершения ими преступлений. *Ба и* — один из самых древних механизмов традиц. кит. права. Он упоминается еще в классич. соч. **«Чжоу ли»** («Чжоуские ритуалы», IV–III вв. до н.э.; см. т. 1). Учет происхождения и социального положения преступника при определении ему наказания является обычным для архаичного права, но в Китае этим факторам был придан моральный характер, и уже в морализованной интерпретации он был усвоен традиц. правом вплоть до конца имперского периода (1911). Во время становления собственно уголовного права против принципа привилегий в Китае велась напряженная борьба, и в период господства т.н. «школы закона» (*фа-цзя*; см. **Легизм** в т. 1) в империи Цинь (221–207 до н.э.) была сделана попытка установить полное равенство всех подданных перед законом, т.е. применять к ближайшему окружению правителя и к бюрократии те же правовые нормы, что и к простолюдинам, однако она оказалась недолговечной. Уже при следующей дин. Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) привилегии стали возникать вновь. В 200 до н.э. был издан эдикт, предписывавший в случае совершения определенных преступлений лицами, служившими во дворце, испрашивать разрешения императора для того, чтобы начать следствие. Статья о *ба и* появилась впервые в кодексе дин. Вэй (220–265) и стала затем обязательной в уголовных законах императорского Китая. Правда, с течением времени она претерпевала незначит. вариации, напр., менялся порядок перечисления особых восьми групп. Классич. образцом является ст. 7 **«Тан люй шу и»** — уголовного кодекса дин. Тан (618–907).

«Восемь обсуждений» (соответственно — восемь особых групп лиц, подпадавших под действие статьи) включали: 1) «обсуждение родственников» (*и цинь*); согласно Кодексу, подразумевались родственники (*цинь*) различной степени близости к императору, а также родственники его бабки по мужской линии, его матери и его супруги; 2) «обсуждение издавна приближенных» (*и гу*); подразумевались лица, долгое время (*гу* [*1*]) служившие в непосредств. близости от персоны императора; 3) «обсуждение достойных» (*и сянь*); «достойные» (*сянь* [*2*]) — «благородные мужи, чьи слова и поступки могут служить образцом» для подражания; 4) «обсуждение способных» (*и нэн*); имелись в виду «те, кто обладает большими талантами и дарованиями», а именно «кто способен поддерживать в порядке войска, заниматься делами управления, [чьи советы] бесценны... и кто являет образцы человеческих взаимоотношений»; 5) «обсуждение имеющих заслуги» (*и гун*); согласно Кодексу, это лица, имевшие воинские заслуги, т.е. те, кто смог «зарубить вражеского полководца, захватить вражеское знамя», осуществить победоносную воен. экспедицию и пр.; 6) «обсуждение знатных» (*и гуй*); это лица, занимавшие должности 3-го ранга и выше или имевшие титулы знатности 1-го ранга; 7) «обсуждение усердных» (*и цинь*); к «усердным» (*цинь* [*4*]) относились «высшие воен. и гражданские руководители, занимающие свои должности с благоговением, дни и ночи отдающие обществ. делам, или же те, кто, будучи отправлен на службу вдаль, на окраины, перенес опасности и тяготы»; 8) «обсуждение гостей» (*и бинь*); под *бинь* (букв. «гость») имелись в виду потомки двух предшествовавших Тан династий.

Определения состава большинства групп, за исключением родственников, знатных и гостей, в Кодексе носит расплывчатый характер, но именно благодаря этому в случае необходимости к той или иной группе можно было отнести тех, кто в противном случае, совершив преступление, рассматривались бы по обычным законам.

Если лица, входившие в к.-л. из указанных восьми групп, совершали преступления, наказуемые смертной казнью, их дела передавались в коллегию (*Дутан* — совещание старших чиновников исполнительной власти), к-рая должна была испросить у императора разрешения на проведение обсуждения. По завершении обсуждения коллегия докладывала императору о том, следует ли виновного казнить или нет. Окончательное решение оставалось за императором. Если совершенному преступлению по закону соответствовала не смертная казнь, а менее строгое наказание, то обсуждения не проводилось — мера нака-

зания уменьшалась на одну степень (*дэн*; см. **У син**), и затем действовали обычные нормы, напр., знатный мог использовать зачет должностью (**гуань дан**) или откуп (*шу* [*12*]).

Привилегия *ба и* действовала при наибольшем кол-ве типов преступлений, но если было совершено преступление, входящее в список «десяти зол» (**ши э**), не полагалось ни обсуждения, ни уменьшения наказания и предусмотренные законом карательные санкции проводились в полном объеме. Единств. послабление состояло в том, что смертная казнь не проводилась, как обычно, публично. Преступника подвергали удавлению в уединенном месте или даже разрешали покончить с собой самому.

* Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 7. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). В 2 ч. Ч. 1 / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. М., 1997, с. 310–311; Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цз. 1–8. СПб., 1999, с. 100–103. *Hulsewe A.F.P.* Remnants of Han Law. Vol. 1. Leiden, 1955. The T'ang Code. Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979, p. 83–87.

См. также лит-ру к ст. **Ши э**.

В.М. Рыбаков

БАЙ ШОУ-И

白壽彝

Бай Шоу-и, Бай Чжао-лунь, Чжэмалудин, Чжэмалуньдин. 19.02.1909, Кайфэн пров. Хэнань, — 21.03.2000, Пекин. Историк, по национальности *хуэй*. В 1929 поступил в Ин-т отечеств. науки при Яньцзинском ун-те, закончил его в 1932. В 1930–1940-х публиковался в ист. печати, принимал участие в создании и редактировании ряда журналов, сотрудничал с **Гу Цзе-ганом**. С 1938 преподавал в Гуйлиньском педагогич. ин-те Чэнда, Юньнаньском ун-те и Центральном ун-те. После 1949 занимал должности декана и преподавателя ист. ф-та Пекинского педагогич. ун-та, а также директора Ин-та истории. Совместно с **Го Мо-жо** (см. также т. 3) и др. являлся учредителем Кит. ист. об-ва в 1949. Принимал активное участие в издании источников по истории Китая. Сфера научных интересов Бай Шоу-и включала историю путей сообщения, ислама, нац. меньшинств, кит. мысли, историографию, общую историю Китая и теорию ист. науки. В 1950-е сформулировал подходы к исследованию нек-рых комплексных вопросов общей истории Китая, предложил в исследовании территориальных проблем исходить не из исторического, а из совр. территориального состава КНР. Эта концепция стала общепризнанной в ист. науке КНР. Бай Шоу-и планировал подготовить полную, среднюю и краткую редакции истории Китая, из к-рых были завершены краткая (1980) и 12-томная полная (1989–1999). Последняя рассматривает историю Китая с позиций марксистской теории, излагает закономерности ист. развития и особенности различных эпох, показывает роль личности и нар. масс в истории Китая, анализирует соотношения производительных сил, производств. отношений и обществ. надстройки, рассматривает межнациональные отношения и связи Китая с остальным миром в различные ист. периоды. «Общая история Китая» под ред. Бай Шоу-и включала 4 крупных раздела: введение, общее повествование, основную историю и описания. Она получила высокую оценку ист. общественности и рук-ва КНР.

***** *Бай Шоу-и*. Чжунго цзяотун ши (История путей сообщения Китая). Тяньцзинь, 1937; то же. Пекин, 1984, 1987, 1993; *он же*. Чжунго хуйцзяо сяо ши (Краткая история ислама в Китае). Чунцин, 1942; *он же*. Хуйхуй миньцзу ды синь шэн (Новая жизнь мусульманских народов). Шанхай, 1951; *он же*. Пин Цзинь Юй-фу «Чжунго шисюэши» (Об «Историографии Китая» Цзинь Юй-фу) // Вэньсинь. 1947, № 1; *он же*. Лунь лиши шан цзуго готу вэньти ды чули (Об историческом решении территориальных вопросов Китая) // Гуанмин жибао. 05.05.1951; *он же* (гл. ред.). Чжунго тунши ганъяо (Краткий очерк общей истории Китая). Пекин, 1980; *он же*. Чжунго шисюэши (Историографии Китая). Т. 1. Шанхай, 1986; *он же* (гл. ред.). Чжунго тунши (Общая история

Китая: В 12 т. Пекин, 1989–1999; *idem* (*ed.*). An Outline History of China. Beijing, 1982; *idem* (испр. и доп.). 2002; *idem* (*ed.*). An Outline History of China, 1919–1949. Beijing, 1993. ** *Чжоу Вэнь-цзю*, *Ван Цзи-лу*. Бай Шоу-и ды чжисюэ цзинли цзи ци шисюэши яньцзю (Научная биография Бай Шоу-и и его историографические исследования) // Хэнань дасюэ сюэбао. 2002, № 2; *Чжоу Вэнь-цзю*. Бай Шоу-и сяньшэн ды чжисюэ юй тады Чжунго тунши бяньцзуань (Научная биография проф. Бай Шоу-и и его работа по составлению общей истории Китая) // Хуйцзу яньцзю. 2003, № 2.

В.М. Майоров

БАНЬ ГУ

班固

Бань Гу, Бань Мэн-цзянь. 32 н.э., Фуфэн (совр. Сяньян пров. Шэньси), — 92, Лоян пров. Хэнань. Известный кит. историк, ученый-конфуцианец, создатель двух энциклопедич. сочинений по истории и идеологии Китая III в. до н.э. — I в. н.э.: «История Ранней Хань» (**«Хань шу»**; см. также в т. 1) и «Диспут в Зале Белого тигра» (**«Бо (Бай) ху тун»**; см. т. 1). Род. в семье знаменитого ученого Бань Бяо (3–54). Бань Гу считал себя потомком древнего аристократич. рода царства Чу.

В возрасте 4 лет вместе с семьей переселился в столицу империи Вост. Хань — Лоян. Получил классич. образование: в 9 лет мог уже писать стихи и прозу, знал наизусть «Книгу песен» (**«Ши цзин»**; см. т. 1 и 3) и «Книгу истории» (**«Шу цзин»**; см. также т. 1). Его биограф **Фань Е** (398–445; см. т. 1) в «Истории Поздней Хань» (**«Хоу Хань шу»**) сообщает: «Став взрослым, он в совершенстве знал литературу, из всех авторов „девяти школ“ не было такого, кого бы он не изучил досконально. В учебе у него не было постоянного наставника. Он не разбрасывался на мелочи, а сразу схватывал общий смысл. Характером он был мягкий и общительный, не считал себя выше других по способностям. Все ученые за это восхищались им».

В 47-м Бань Гу поступил учиться в столичное Высшее учеб. заведение (*Тайсюэ*), где служил его отец. Это было привилегированное заведение, готовившее знатную молодежь к поступлению на гос. службу. В 54 он, оставив учебу, вернулся на родину в Фуфэн и занялся лит. и публицистич. деятельностью. К 55 относятся первые дошедшие до нас стихи Бань Гу, а к 58 — его первое публицист. выступление «Доклад дунпинскому вану Цану» с ходатайством о принятии на службу шестерых друзей Бань Гу, в т.ч. его соученика по Тайсюэ. Примерно в то же время он приступил к составлению большого ист. труда «Хань шу» на основе материалов, собранных его отцом. Однако в 62 был арестован за то, что самовольно взялся писать историю царствующей династии. По ходатайству его брата Бань Чао имп. Мин-ди (58–75) ознакомился с отобранными у Бань Гу записями и повелел освободить заключенного. После этого Бань Гу был назначен в группу придворных т.н. «историков из Орхидеевой башни» (*Ланьтай линши*) и принял участие в составлении хроники царствования ханьского имп. Гуан У-ди (25–56).

Поначалу Бань Гу занимал невысокий пост, и семья жила бедно. Средства к существованию он зарабатывал перепиской книг для учреждений. Постепенно Бань Гу стал входить во все большую милость к императору. В 64 ему поручили составление истории дин. Хань, освободив от всех др. служебных дел. Всецело отдаваясь работе, Бань Гу никуда не выезжал из Лояна. Приблизительно в 82 он закончил «Хань шу» (позднее получившую назв. «Цянь Хань шу»), ставшую первой в серии трудов по истории отдельных периодов или династий. По стилю изложения и расположению материала «История Хань» представляет собой подражание «Историческим запискам» (**«Ши цзи»**) **Сыма Цяня** (145–87/86 до н.э.).

В 79 Бань Гу участвовал в дискуссии по вопросам конф. учения и по повелению имп. Чжан-ди (76–88) написал соч. «Отчет о дискуссии в Зале Белого тигра» («Бо (Бай) ху тун»), содержавшее офиц. изложение сущности **конфуцианства** (см. т. 1). В 86 Бань Гу по заданию императора вел работу «по исправлению придворных обрядов». В 88 из-за смерти матери ушел в отставку.

В 89–90 участвовал в походах кит. войск против *сюнну* под командованием известного полководца Доу Сяня. В 91 Доу Сянь впал в немилость, весь его род был истреблен. Немилость императора распространялась и на приближенных к Доу Сяню лиц. В 92 Бань Гу (покровительствовавший ему имп. Мин-ди уже скончался) был брошен в тюрьму, где вскоре умер.

По филос. взглядам Бань Гу наиболее близок к **Сюнь-цзы** (IV–III вв. до н.э.; см. также т. 1). В споре между конфуцианцами и легистами (см. **Легизм**) о том, как управлять гос-вом: посредством этико-ритуальных норм (**ли [2]**; см. т. 1) или юридич. законов (**фа [1]**; см. т. 1), — он занял компромис. позицию. Подобно легистам, он признавал возможность ист. прогресса (свидетельство к-рого, по его мнению, — создание централизованной империи Хань) и необходимость широкого контроля гос-ва над экономикой. Вместе с тем вслед за конфуцианцем **Мэн-цзы** (IV–III вв. до н.э.; см. т. 1) Бань Гу отстаивал естественную («небесную») правомерность (**тянь мин** — «небесный мандат»; см. т. 2) устранения порочного государя и целесообразность организации сельского хоз-ва по утопической системе «колодезных полей» (**цзин тянь**; см. т. 1).

После смерти Бань Гу имп. Хэ-ди (89–105) поручил его сестре поэтессе Бань Чжао продолжить работу над «Хань шу». Ей открыли архивы и книгохранилища. Она добавила разд. «Таблицы», а ее земляк и помощник ученый Ма Сюй написал разд. «Астрономия».

См. также ст. **Бань Гу** в т. 1 и 3.

***** Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Т. 5, цз. 40(11). Пекин, 1973, с. 1359–1394; Бань Лань-тай цзи цзяочжу («Собр. произведений Баня из Башни орхидей» с комментариями). Ланьчжоу, 2002. ****** Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов; М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. М., 1983; *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М., 1983, указ.; *Синицын Е.П.* Бань Гу — историк древнего Китая. М., 1975; *Сторчевая Т.Г.* «Шесть искусств» у Бань Гу: По материалам библиографии «Категории искусств и словесности», составленной Бань Гу // XIX НК ОГК. Ч. 1. М., 1988, с. 138–141; Страны и народы Востока. Вып. 32, кн. 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М., 2005; *Жань Чжао-дэ.* Бань Гу юй «Хань шу» (Бань Гу и «История [династии] Хань») // Лиши яньцзю. 1962, № 4; *он же.* Цзяньян дуйдай Бань Гу юй «Хань шу» (Как относиться к Бань Гу и «Истории [династии] Хань») // Вэньшичжэ. 1966, № 1; *Чжэн Хэшэн.* Бань Гу няньпу (Летопись жизни Бань Гу). Шанхай, 1933.

См. также лит-ру к ст. **«Цянь Хань шу».**

В.Н. Усов

БЯНЬ НЯНЬ

编年

Бянь нянь, *бянь нянь ти* (букв. «составленное по годам») — хроника. Наиб. распространенный в древнем и ср.-век. Китае тип ист. произведения. В своей первонач. — анналистической — разновидности *бянь нянь* появились по меньшей мере в IX–VIII вв. до н.э. Это были скомпонованные в очередности лет краткие реестры наиб. значительных событий, слагавшиеся из записей придворных писцов (*ши* [*9*]). В разных уделах и царствах такие произведения назывались неодинаково: *цзи нянь* («записи по годам») — первонач. наименование хроники царства Вэй **«Чжу шу цзи нянь»** («Бамбуковые анналы»), *бянь нянь цзи* («записи, составленные по годам») — анналы царства Цинь, *чжи* [*13*] («записи») — царства Чжэн, *чэн* [*4*] («записи») — царства Цзинь и т.д., — но чаще *чунь цю* («вёсны и осени»). Последнее название, выражавшее представление о посезонном временно́м циклизме с его базовыми составляющими — животворящей весной и несущей урожай осенью, стало фактически жанровым, хотя ассоциируется обычно лишь с анналами царства Лу **«Чунь цю»** («Вёсны и осени»; см. т. 1), к созданию к-рых, согласно восходящей к последним столетиям до н.э. — началу н.э. традиции, якобы имел прямую причастность **Конфуций**. В действительности же это жанровое обозначение входило и в заголовки анналов дин. Чжоу (1027–221 до н.э.), уделов и царств III–II вв. до н.э. Сун, Янь, Ци и др.; **Мо Ди** (см. т. 1) писал, что «видел „вёсны и осени“ многих

(букв. „ста“) царств». Посезонная компоновка событийной информации в рамках каждого года стала непременным атрибутом последующей кит. хронистики, а термин *чунь цю* использовался на протяжении еще многих столетий (до XVII в.) в названиях ист. произведений, как правило посвященных периодам полит. разъединения в древние и средние века, но в приложении и к др. разновидностям *бянь нянь*, а не только лишь к собственно анналам.

С кон. IV — сер. III в. до н.э. ведет начало новая стадия в развитии *бянь нянь*. Наряду с «Чжу шу цзи нянь», временна́я «емкость» к-рых — от мифич. первопредка китайцев Хуан-ди по 299 до н.э., свидетельство тому — первая из известных сейчас древнейших хроник общекит. содержания **«Цзо чжуань»** («Хроника Цзо»; см. т. 1), или «Цзо-ши чунь цю» («Вёсны и осени г-на Цзо»). Это уже не анналы, а тоже выдержанное во временно́й последовательности, но гораздо более подробное в датировке и фактологически развернутое повествование о событиях и персонажах последней четверти VIII — первых двух третей V в. до н.э. во всех главных владениях на территории тогдашнего Китая. Для *бянь нянь* это произведение надолго стало одним из типологич. эталонов. Его важное достоинство среди прочих в том, что в отличие от анналов, составители к-рых видели свое назначение лишь в фиксации событий, в «Цзо чжуань» содержатся авторские суждения по поводу излагаемого, приводятся монологи и диалоги ист. лиц. Это позволяет выявить истоки и принципы применения в древнем Китае религиозных, натурфилос., обществ.-полит. и этич. воззрений, влиявших на практич. решение социальных, экономических, полит. и др. проблем как жизни отд. царств, так и их отношений между собой. Тем самым засвидетельствована и закреплена издревле складывавшаяся в Китае взаимосопряженность филос.-социологич. мысли и историописания, включая *бянь нянь*, а «Цзо чжуань» не случайно признается в синологии памятником не только историческим, но и философским.

О месте и значении *бянь нянь* в последующем кит. историописании свидетельствует тот факт, что офиц. хронистика во всех ее разновидностях значилась в появившейся в нач. VI в. классификационной категории *чжэн ши* («нормативные/образцовые истории») наравне с постепенно утверждавшимся в кач-ве главенствующего аннало-биографическим (*цзи чжуань*) жанром трудов, к-рые обычно именуются в отечеств. синологии «династийными историями». (Лишь позднее номинация *чжэн ши* мало-помалу закреплялась только за последними, а на исходе XVIII в. такой их статус был и официально санкционирован.)

Тесное взаимодействие хронистики и аннало-биографич. жанра в рамках *чжэн ши* сопровождалось двоякими последствиями для *бянь нянь*. Наряду с хрониками, временно́е содержание к-рых не ограничивалось к.-л. династийным периодом, напр. «Тун ли» («Сводные анналы») Ма Цзуна (?–823) или «Тун ши» («Сводная история») Яо Кана (IX в.), появились собственно династийные хроники, и первые среди них — «Хань цзи» («Записки о [Ранней] Хань») Сюнь Юэ (148–209), «Хоу Хань цзи» («Записки о Поздней Хань») Чжан Фаня (кон. III — нач. IV в.) и одноимен. произведение Юань Хуна (328–376), несколько книг под назв. «Цзинь цзи» («Записки о Цзинь») Дэн Цаня (? — ок. 384). Зарождались и утверждались также жанры **ци цзюй чжу** («подневные записи деяний и речений государевых») и **ши лу** («записи событий»). Тем не менее с 1-й четверти VII в. прежде лидировавшая и доминировавшая хронистика стала заметно уступать жанру династийных историй, на что предостерегающе указывал уже автор первого в Китае науч.-ист. трактата «Ши тун» («Проникновение в историю») **Лю Чжи-цзи** (661–721).

Оживление и взлет данной отрасли историописания начались во II в., а одним из импульсов к тому послужили связанные с зарождением и становлением **неоконфуцианства** (см. т. 1) новые толкования «Чунь цю» и «Цзо чжуань» наряду с др. конф. каноническими памятниками; возникла объединившая мн. историков и философов *чуньцю-сюэ* (школа «Вёсен и осеней»; см. ст. **Традиционная историография**), к-рая ратовала за приоритетность хронист. формы ист. повествования. Самым значительным произведением в числе тогдашних *бянь нянь* явилось **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всепроницающее зерцало, управлению

помогающее», XI в.), рожденное в недрах *чуньцю-сюэ* и одновременно сообщившее ее развитию, а с ним и общему прогрессу хронистики мощный импульс. Именно тогда вспыхнула т.н. *бянь нянь жэ* («хронистич. лихорадка»), и, согласно оценкам кит. ученых XVIII и последующих веков, в частн. **Ван Мин-шэна** (1722–1797), «началось процветание хронистики».

2-я пол. XIX в. отмечена упадком кит. хронистики, что отразило обострившуюся потребность в более углубленном осмыслении причинно-следственных связей ист. событий и явлений.

***** *Чэнь Бин-цай, Гао Дэ.* Чжунго гудай ды бянь нянь ти ши шу (Исторические книги хронистического жанра в Китае прошлых эпох). Пекин, 1987.

Г.Я. Смолин

ВАН АНЬ-ШИ

王安石

Ван Ань-ши, Ван Цзе-фу, псевдоним Баньшань лао-жэнь. 1021, Линьчуань (Фучжоу) уезда Циньцзян пров. Цзянси, — 1086, Цзянин (совр. Нанкин). Идеолог реформ, известный гос. деятель, философ-конфуцианец, литератор. Выходец из семьи мелкого провинциального чиновника Ван И. В 1042 успешно сдал экзамен на степень *цзинь ши*. Дважды занимал пост первого министра / канцлера (*цзайсян*) (1069–1074 и 1075–1076), имел титул Цзинского князя (*гун* [*2*]). Социальный, военный и финанс. кризисы дин. Сун настоятельно требовали реформ полит. управления, преодоления финанс. трудностей и укрепления обороноспособности страны. В период правления имп. Жэнь-цзуна (прав. 1022–1063) **Фань Чжун-янь** (989–1052) внес проект реформ, включавший предложения по улучшению земледелия и шелководства, сокращению трудовых повинностей, усовершенствованию военной подготовки, реорганизации административного аппарата и подбору руководящих чиновников. Полит. мыслителя **Ли Гоу** (1009–1059; см. т. 1), призывавшего к различным политико-экономич. мерам для усиления гос-ва, нек-рые ученые считают предшественником и «духовным отцом» Ван Ань-ши. С предложением реформ выступал и **Оуян Сю** (1007–1072; см. т. 3). Реформаторы опирались на учение **цзин цзи** («упорядочение мира и вспомоществование народу»; см. т. 1), предписывающее правителю достижение гармонии с целью не допускать «мятежей» и обеспечивать социальное спокойствие. Но все они встретили противодействие со стороны крупной чиновной бюрократии и феодалов, и реформы остались неосуществленными.

Дальнейшее углубление кризиса империи вынудило Ван Ань-ши в 1068 подать доклад императору, где предлагалось начать реформы. Пришедший к власти имп. Шэнь-цзун (прав. 1068–1085), сам сторонник реформ, назначил его первым министром. Несмотря на сопротивление консервативных сил, Ван Ань-ши в 1069 приступил к осуществлению своих реформ, основные принципы к-рых, как и его концепция «нового управления» (*синь фа*), заключались в «урегулировании финансов, реорганизации армии, обогащении страны и повышении боеспособности вооруженных сил».

Центральным органом по проведению реформ стало специальное финанс. управление *Саньсы тяолисы* (полное назв. *Чжичжи саньсы тяолисы*), призванное осуществлять контроль над поступлениями и расходами казны. Первым практич. шагом была командировка в провинции спец. комиссии из 8 чел. для изучения состояния сельского хоз-ва, ирригации и налогообложения.

Ван Ань-ши считал сельское хоз-во главным в экономике страны, а крестьянство — основой гос-ва и хотел облегчить положение крестьянства, переложив часть его бремени на богачей. С этой целью он предложил выдавать зерновую ссуду крестьянам непосредственно из специально созданных казенных фондов под 20% за полугодие. Раньше крестьяне для получения ссуды закладывали помещикам и ростовщикам свой будущий урожай под ссудный процент, нередко превышающий цифру 100. Предложение Ван Ань-ши давало возможность крестьянам в весеннюю пору дотянуть до нового урожая, не влезая в долги к ростовщикам. Эта ссуда (*цин мяо цянь* — «деньги за ранние всходы»), полученная весной, погашалась после уборки урожая, а полученная

осенью, возвращалась зимой. Как утверждается в **«Сун ши»** («История [династии] Сун»), эти условия были «приемлемыми для населения». Данный закон стал предвестником системы земельных и банковских кредитов, начавшей складываться в Китае только в период Республики (1911–1949).

Реформы предусматривали осуществление ирригационных работ в сельском хоз-ве, восстановление старых и строительство новых оросительных сооружений, распашку залежей и пустошей, посадку деревьев (тутов, вязов). Лица, не участвовавшие в этих мероприятиях, могли откупаться деньгами или продуктами. В течение 5-6 лет в различных р-нах страны была произведена расчистка многих рек, отремонтировано более 10 700 ирригационных сооружений.

Согласно реформам, принудительная трудовая повинность на гос. работах заменялась многоуровневым денежным налогом в соответствии с размерами имущества (было установлено пять ступеней благосостояния, от к-рых зависела величина налога). Этот налог, называемый *мянь и цянь* («деньги за освобождение от трудовых повинностей»), должны были платить и многочисл. чиновники и помещики, ранее освобожденные от него. Беднейшие хоз-ва не несли никаких трудовых повинностей и не платили налог, но поставляли рекрутов. На собранные деньги нанимались работники. Если надобности в работниках временно не возникало, доход поступал в казну и мог использоваться для др. целей, напр. на помощь пострадавшим от стихийных бедствий и голода.

В целях равномерного распределения налогов производился обмер полей. Земля делилась на квадраты со стороной в 1 тыс. шагов (*бу*) (там, где это было возможно). При этом предполагалось выявить участки, не внесенные в прежние списки. Одновременно в зависимости от плодородия почвы устанавливалось пять ставок налога; были составлены спец. описи, выработано новое налоговое законодательство. Сухие, пустынные земли и солончаки, горы, леса, рвы, овраги, дороги и кладбища не подлежали налогообложению. Запрещалось взимать налоги, округляя меры начисления. Каждое хоз-во или деревня подлежали регистрации, а для каждого уезда устанавливалась общая сумма налогов, к-рую нельзя было превышать. Система обмера полей не позволяла чиновникам вымогать у крестьян деньги, мешала крупным помещикам уклоняться от уплаты налогов и перекладывать налоговое бремя на плечи крестьян-бедняков. Однако эти мероприятия наносили значительный ущерб интересам крупных чиновников и феодалов, и они всеми силами сопротивлялись нововведениям. В итоге удалось обмерить только 2480 тыс. *цинов* земли (403 646 га), и затем обмер был прекращен.

Одним из самых важных нововведений стала система гос. фиксированных цен и ограничения доходов. Чиновникам было вменено в обязанность определить стоимость всей собственности в своих землях и установить цену, по к-рой она может продаваться. Прибыль не должна была превышать одной пятой продажной цены. Сюда не включалась домашняя утварь и инструменты, еда и зерно. Каждый владелец должен был предоставить список своей собственности, не занижая ее стоимости. На основании этих сведений собственность делилась на пять категорий. Если к.-л. уезд оказывался более богатым, чем в среднем по стране, устанавливались и соответствующие налоги, так чтобы богатые р-ны помогали более бедным.

Гос-во взяло под свой контроль торговлю, учредив постоянные торговые ведомства. После установления закона о регулировании цен появились должности чиновников по перевозке (*фаюнь ши*), к-рые ведали централизованными закупками. Они руководствовались принципом «покупать, где дешевле и ближе». Приобретались товары по твердой цене и продавались населению в рассрочку. Натуральные поставки из провинций в казну были заменены централизованными закупками по регулированным ценам. Согласно новому закону, зерно следовало не доставлять в столицу, а складывать в гос. амбары на местах и затем продавать по низким ценам. При старой системе в столице зачастую скапливалось в избытке зерна, в то время как в провинциях его не хватало, что приводило к недовольству местного населения и восстаниям. Во избежание перенасыщения рынка цены старались выровнять, что обеспечивало крестьянству стабильную и равную востребованность урожая.

Военные реформы были направлены на создание регулярной, хорошо обученной армии. Был введен набор в ополчение, формировавшееся на базе общинной орг-ции по т.н. системе *бао цзя* (группы 10 дворов/семей, объединенных круговой порукой). Каждая семья, имеющая более двух совершеннолетних мужчин, должна была одного из них, вооруженного луком и копьем и умеющего обращаться с оружием, выделить для несения сторожевой службы. 10 семей («десятидворка»), объединенных в группу *бао* [*2*], выбирали из числа постоянных жителей самого способного и энергичного старшиной (*бао чжан*). 50 семейств объединялись в *да бао* (большие группы); 10 *да бао* составляли *дубао* во главе с *дубаочжаном*, к-рый пользовался всеобщим доверием. *Да бао* выделяла 5 чел. для ночной сторожевой службы. Каждый член группы нес ответственность за проступки другого; за любое преступление отвечала вся группа целиком. Впоследствии членов *бао* [*2*] стали обучать военному делу в свободное от сельхозработ время. Эти меры способствовали постепенному переходу от системы вербовки солдат к системе народного ополчения *бао цзя*. Уменьшалась численность постоянных войск, а удельный вес ополчения в укреплении обороноспособности страны все более возрастал. В 1076 численность ополчения насчитывала св. 7 млн. чел. Учитывая, что бороться с кочевниками, у к-рых ударной силой была конница, трудно, Ван Ань-ши принял решение отказаться от завоза лошадей из Монголии. В северных и сев.-зап. провинциях (там, где были удобные пастбища) каждая семья, входившая в систему *бао цзя*, должна была держать одну лошадь, а состоятельная — двух (средства на содержание и корм зимой выделялись казной). В провинциях учреждались должности командующих местными войсками. Стали создавать военные арсеналы.

Эта система *бао цзя* возрождалась и последующими правителями Китая. Известно, что **Чан Кай-ши** ввел ее в р-нах, прилегающих к территориям коммунистов, не найдя лучшего способа борьбы с их влиянием.

Ван Ань-ши расходился со своими оппонентами в вопросах управления страной. Существовавшая система представлялась ему малоэффективной и слишком жесткой. Будучи конфуцианцем, он не отрицал принципа нравств. авторитета, но был убежден, что природные катаклизмы и голод обусловлены естеств. причинами, а не божеств. наказанием за ошибки императора, и что конф. добродетелей правителя и чиновников недостаточно для отражения угрозы извне.

Реформы Ван Ань-ши — уникальная в императорском Китае попытка радикального усиления гос-ва за счет нек-рого урезания эгоистич. поползновений крупных частных собственников. Однако реформы не затрагивали основ сложившейся земельной системы и связанной с ней эксплуатации, но усиливали регулирующую роль административных властей страны. Эти реформы были контрастом другим знаменитым в истории Китая реформам Ван Мана (прав. 9–23 н.э.), сопровождавшимся нарушением экономич. связей и заменой их прямым насилием гос-ва.

Реформы Ван Ань-ши были направлены на спасение от внешней и внутренней угрозы того обществ. строя, к-рый обеспечивал существование крупной земельной собственности и ее дальнейший рост. Позднее стало модным называть Вань Ань-ши «социалистом» и объяснять провал его реформ ошибочностью его «социалистической» экономич. теории. Как справедливо утверждает рос. историк В.Н. Никифоров, «в реформах Ван Ань-ши не было не только ни грана социализма, но и ни грана капитализма. В случае даже полного успеха преобразований не было бы роста капиталистических элементов — в сунском Китае они еще не зародились». К Ван Ань-ши и его реформам обращался, полемизируя с легальными марксистами, Г.В. Плеханов, а вслед за ним и В.И. Ленин (когда речь шла о национализации земли).

Против реформ Ван Ань-ши с самого начала выступила сплоченная группировка консерваторов во главе с виднейшим историком **Сыма Гуаном** (1019–1086), поддерживаемым матерью имп. Шэнь-цзуна — императрицей Гао. Дважды они добивались отставки Ван Ань-ши (в 1074 и 1076), а после смерти Шэнь-цзуна, при его малолетнем сыне Чжэ-цзуне, они на время пришли

к власти и остановили реформы. Разочарованный Ван Ань-ши умер в 1086. Выросший Чжэ-цзун (прав. 1086–1100), заняв после смерти императрицы трон, возобновил реформы, назначив в 1094 министром Цай Цзина (1074–1126), ревностного сторонника Ван Ань-ши. Министры-консерваторы и преданные им чиновники были лишены постов и сосланы, а Сыма Гуан и его единомышленники посмертно осуждены. Вся внутр. дворцовая борьба сосредоточилась вокруг Цай Цзина, к-рого неск. раз смещали, но он вновь возвращался на высоты власти и оставался в силе вплоть до падения в 1127 северосунской столицы под натиском чжурчжэней.

См. также ст. **Ван Ань-ши** в т. 1 и 3.

***** Сюй Цзычжи тунцзянь чанбянь (Материалы, продолжающие «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее») / Сост. Ли Тао. [Ханчжоу, 1881]; Сун ши цзиши бэньмо (Записи исторических событий [династии] Сун от их начала до конца) / Сост. Фэн Ци, Чэнь Бао-чжэнь. Шанхай, 1955, т. 1, цз. 29, т. 2, цз. 37; Сюй Цзычжи тунцзянь (Продолжение «Всепроницающего зерцала, управлению помогающего»). Кн. 3–4 / Сост. Би Юань. Пекин, 1957; Сун ши (История [династии] Сун). Кн. 15–18. Ч. 1–4. Шанхай, 1958; Линьчуань сяньшэн вэньцзи (Собр. соч. г-на из Линьчуаня). Шанхай, 1959; Ван Вэнь-гун вэньцзи (Собр. литературных творений Вана, князя Культуры). Пекин, 1962; *Ли Гоу.* План обогащения государства. План усиления армии. План успокоения народа / Пер. с кит. З.Г. Лапиной // Искусство властвовать. М., 2001, с. 33–164. ****** *Иванов А.И.* Ван Ань-ши и его реформы. XI в. СПб., 1909; *он же.* Из истории социального реформаторства в Китае // Бюл. Народного Комиссариата иностр. дел. 1930, № 9–10; *Калкаева А.Б.* Связь этики и онтологии в философии Ван Ань-ши // Человек и духовная культура Востока. Вып. 1. М., 2003, с. 83–104; *Лапина З.Г.* Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е гг. XI в.). М., 1970; *она же.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985, указ.; *она же.* Феодальные концепции китайских средневековых и буржуазных историков в освещении реформаторского движения в Китае XI в. // ИИИСАА. Вып. 11. 1968; *Позднеева Л.Д.* Китайский преобразователь XI в. в современном ему памфлете // ВМУ. Востоковедение. 1970, № 1; *Смолин Г.Я.* Антифеодальное восстание в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974; *Хоу Вай-лу*, *Цю Ханьшэн.* Вэйучжуичжэ Ван Ань-ши (Материалист Ван Ань-ши) // Лиши яньцзю. 1958, № 10; *Ци Ся.* Ван Ань-ши бяньфа (Реформы Ван Ань-ши). Шанхай, 1959; *Liu T.C.J.* Reform in Sung China: Wang An-shih (1021–1086) and His New Policies. Cambr., 1959; Wang An-shih: Practical Reformer? / Ed. by J.T. Meskill. Bost., 1963; *Williamson H.R.* Wang An-shih, a Chinese Statesman and Educationalist of the Sung Dynasty: In 2 vols. L., 1935–1937.

В.Н. Усов

ВАН ГО-ВЭЙ

王國維

Ван Го-вэй, Ван Дэ-чжэнь, Ван Цзин-ань, Ван Гуань-тан. 03.12.1877, г. Яньгуань уезда Хайнин пров. Чжэцзян, — 02.06.1927, Пекин. Историк, филолог, лит. критик, философ, поэт, первый историк кит. театра.

Ван Го-вэй — основоположник нового кит. источниковедения. С 1911 под влиянием кит. историка Ло Чжэнь-юя (1866–1940) сосредоточился на ист. исследованиях. Его исследования гадательных надписей, надписей на ритуальных сосудах, а также древних письм. памятников радикально преобразили изучение истории эпох Чжоу, Хань и Тан. В 1917 он издал реконструированный «древний текст» (*гу бэнь*) **«Чжу шу цзи нянь»** («Бамбуковые анналы») — летописи царства Вэй периода Чжань-го (V–III вв. до н.э.), утерянной и восстановленной из фрагментов. В кн. «Гуань-тан цзи линь» («Сборник Гуань-тана», 1921), ставшей новой вехой в исследовании др.-кит. истории, многие главы были пионерскими в области ист. познания и методологии ист. исследования. Ван Го-вэй предложил принцип «определения фактов посредством фактов» (*и шиши цзюэ шиши*) без подгонки их под позднейшие теории. Выступил против традиционных конф. концепций ист. роли «мудрых и достойных»

(*шэн сянь*), подчеркивал необходимость объективного познания, отказываясь беспрекословно доверять сведениям древних книг. В работе «Гу ши синь чжэн» («Новые обоснования древней истории», 1926) представил «метод двойного доказательства» (*эр чун чжэнцзюй фа*), к-рый предполагал перекрестное подтверждение ист. данных по древней истории, содержащихся в дошедших до нас письм. текстах и предметах материальной культуры, полученных в результате археологич. раскопок, а также др. источников. «Метод двойного доказательства» состоял и в привлечении фольклорного материала неханьских народов для изучения истории Китая. Ван Го-вэю также принадлежат важные исследования по эпиграфике др. эпох, особенно Хань и Вэй. Значительные результаты были им достигнуты в изучении ист. географии древнего Китая. В ср.-век. истории особое внимание Ван Го-вэя привлекали вопросы орг-ции чиновничьей службы и системы равных полей (*цзюнь тянь*) — надельной системы в эпоху Тан. Сравнение источников позволило ему дополнить содержание офиц. историй дин. Тан. Важные открытия были сделаны в изучении истории *сюнну* и монголов.

Ван Го-вэй считается основоположником совр. истории кит. музыки и театра. Его «История сунской и юаньской драмы» явилась важным вкладом в становление совр. кит. теории искусства. Еще при жизни Ван Го-вэя было опубликовано более 60 его трудов. Собрания сочинений выходили в неск. вариантах, наиб. полное издано на Тайване в 1976.

См. также ст. **Ван Го-вэй** в т. 1.

***** Ван Го-вэй сяньшэн цюань цзи (Полное собр. соч. проф. Ван Го-вэя). [Тайбэй], 1976; *Чжао Вань-ли.* Ван Цзин-ань сяньшэн няньпу (Хронологическая биография проф. Ван Цзин-аня). Тайбэй, 1971; *Сунь Дунь-хэн.* Ван Го-вэй няньпу синьбянь (Новая редакция хронологии жизни Ван Го-вэя). Пекин, 1991; *Юань Ин-гуан.* Ван Го-вэй няньпу чанбянь (Пространная редакция хронологии жизни Ван Го-вэя). Тяньцзинь, 1996. ****** *Сюй Фэн-ся.* Цяньтань Ван Го-вэй чжиши (Кратко об исторических исследованиях Ван Го-вэя) // Шэньян цзяоюй сюэюань сюэбао. 2002, № 4; Чжуйи Ван Го-вэй (Памяти Ван Го-вэя). Пекин, 1997.

В.М. Майоров

ВАН МИН

王明

Ван Мин, наст. имя Чэнь Шао-юй, он же Шао Юй, Му Ши, Чжао Юй, Пу Дин, Ван Чжун-ши, И. Голубев, Иванов, И. Джек. 23.05.1904, уезд Люань (совр. Цзиньчжай) пров. Аньхой, — 27.03.1974, Москва. Парт. и обществ. деятель. В 1924 вступил в Социалистич. союз молодежи Китая, в 1925 стал чл. КПК. В 1924–1925 редактировал и публиковал первые статьи в студенч. изданиях «Ваньгуан» («Вечерний свет»), «Шанда чжоукань» («Еженедельное обозрение Шанхайского ун-та»). В кон. 1925 был направлен на учебу в СССР в Ун-т трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена, впоследствии Коммунистич. ун-т трудящихся Китая (КУТК).

Весной 1927 выехал в Китай в составе группы кит. студентов во главе с ректором КУТК, чл. Вост. секретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ) П.А. Мифом для оказания помощи КПК в орг-ции краткосрочных курсов командиров и политработников и налаживания выпуска ежедневного печатного органа партии. В апр.–мае 1927 принимал участие в работе секретариата V съезда КПК, сотрудничал в еженедельном журн. «Сяндао» («Проводник») — легальном центр. полит. органе КПК.

В авг. 1927 по возвращении в Москву продолжил учебу в КУТК. В 1928 перевел на кит. яз. книгу «Вооруженное восстание», изданную специально к VI съезду КПК, и написал к ней предисловие. Летом 1928 участвовал в подготовке и проведении в Наро-Фоминском р-не Моск. обл. VI съезда КПК. После съезда стал секретарем партячейки КУТК. Был инициатором создания группы «28 большевиков».

Вернулся в Китай в февр. 1929. С марта по июль 1929 собирал материал для парт. печати, затем был назначен секретарем отдела пропаганды комитета КПК

р-на Худун (Чжабэй) г. Шанхая, одновременно работал корреспондентом, а с окт. 1929 редактором журн. «Хунци» («Красное знамя»). 11 нояб. 1929 был арестован полицией англ. сеттльмента в Шанхае, в нач. февр. 1930 был выпущен под залог, внесенный представителем Дальбюро ИККИ в Шанхае. В марте 1930 работал референтом в отделе пропаганды комфракции Шанхайского генсовета профсоюзов, редактировал газ. «Лаодун» («Труд»). В это время опубликовал более 50 статей, в т.ч. с критикой курса левацкой линии **Ли Лисаня** на «одновременные восстания в Китае и во всем мире», за что был на полгода условно исключен из партии и 25 нояб. 1930 переведен в качестве секретаря в отдел пропаганды Цзянсуского провинциального комитета КПК. III расширенный пленум ЦК КПК 6-го созыва (24–28 сент. 1930) подтвердил наложенное взыскание.

После пленума и получения в КПК «Письма ИККИ в ЦК КПК о лилисаневщине» опубликовал брошюру «Две линии», позже получившую назв. «Бороться за дальнейшую большевизацию КПК». В условиях резкого поворота Коминтерна влево предлагал не менее левацкую программу работы партии. 27 янв. 1931 на IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва при поддержке присутствовавшего на пленуме представителя Коминтерна П.А. Мифа был избран чл. Политбюро ЦК КПК, а позже, в конце февр. 1931, — чл. Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, ответственным за текущую работу ЦК партии. В 1931 совместно с **Чжоу Энь-лаем** редактировал журн. «Наньчжэнь» («Компас»), публиковался в изданиях «Шихуа» («Правда»), «Хунци чжоубао» (Еженедельник «Красное знамя»), «Данды цзяньшэ» («Партийное строительство»). После отъезда в апр. 1931 **Чжан Го-тао** в советские р-ны (так назывались в 1927–1937 нек-рые сельские р-ны Китая, находившиеся под контролем КПК), ареста и расстрела в июне 1931 ген. секретаря ЦК КПК **Сян Чжун-фа** в течение неск. месяцев исполнял обязанности ген. секретаря партии. Весной–летом 1931 участвовал в подготовке документов — проектов законов Кит. Советской Республики — к I Всекит. съезду представителей советских р-нов: земельного закона, закона о труде, временного положения об организации кооперативов и резолюции по вопросу о кадрах.

В окт. 1931 в качестве представителя КПК был откомандирован в Москву в делегацию КПК в ИККИ и возглавил ее по приезде в Москву в нояб. 1931. При поддержке зав. Вост. секретариатом ИККИ П.А. Мифа был утвержден чл. Политсекретариата ИККИ. Со времени работы в Коминтерне в осн. известен под именем Ван Мин. С нояб. 1931 по нояб. 1937 был представителем КПК в Коминтерне. С 1932 по 1943 избирался чл. Президиума ИККИ, с 1932 по 1935 — чл. Политсекретариата ИККИ. С 1935 до роспуска Коминтерна в 1943 был кандидатом в чл. Секретариата ИККИ. Был участником XII, XIII пленумов ИККИ, XVII съезда ВКП(б). В янв. 1934 на V пленуме ЦК КПК 6-го созыва был избран чл. Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Позже в «Решении по некоторым вопросам истории партии», принятом 20 апр. 1945 VII пленумом ЦК КПК 6-го созыва, этот период в истории партии получил назв. «левоуклонистской линии Ван Мина».

В авг. 1935 принимал участие в подготовке и работе VII конгресса Коминтерна, выступил с докладом «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике компартий». Делегацией КПК в ИККИ при участии Ван Мина было подготовлено «Обращение ко всем соотечественникам по поводу сопротивления Японии и спасения родины», получившее известность как «Обращение 1 августа», вышедшее за подписью руководства КПК и Кит. советского пр-ва. Гл. целью «Обращения» стала орг-ция единого антияпонского фронта, создание Всекит. пр-ва нац. обороны и единой армии. Как глава делегации КПК в Коминтерне в 1931–1937 опубликовал в коминтерновской печати ряд статей по тактике компартии Китая в условиях яп. агрессии, внес значительный вклад в поворот КПК от сектантской политики единого фронта «снизу» к широкому единому нац. антияпонскому фронту.

В нояб. 1937 вернулся в Китай. В качестве чл. Политбюро и секретаря ЦК КПК руководил работой ряда региональных бюро, отделов и комиссий ЦК КПК. С дек. 1937 до окт. 1938 Ван Мин, оставаясь чл. Постоянного комитета

Политбюро ЦК КПК, чл. Секретариата ЦК КПК, руководил Южнокит. (Чанцзянским) бюро ЦК КПК в Ханькоу, затем в Чунцине. По рекомендации Коминтерна в г. Ухань и Чанша участвовал в орг-ции легальных печатных изданий: всекит. ежедневной газеты ЦК КПК «Синьхуа жибао» («Новый Китай») и журнала Чанцзянского бюро ЦК КПК «Цюньчжун» («Массы»), в к-рых в основном публиковались его статьи. В марте 1938 в Ханькоу был инициатором учреждения Всекит. ассоциации работников лит-ры и искусства по отпору врагу (ВАРЛИ). В июле 1938 стал делегатом от коммунистов на 1-й сессии Нац.-полит. совета (НПС), чл. Постоянного комитета. Деятельность Ван Мина по орг-ции единого фронта противоречила курсу ЦК КПК на «независимое и самостоятельное» ведение войны. В результате противостояния Чанцзянского бюро ЦК КПК и яньаньского руководства во главе с **Мао Цзэ-дуном** осенью 1938 на VI пленуме ЦК КПК 6-го созыва подвергся критике. Мао Цзэ-дуну и его сторонникам удалось оттеснить от руководства Ван Мина и др. «москвичей». Чанцзянское бюро ЦК КПК было реорганизовано в Южное бюро во главе с Чжоу Энь-лаем. Ван Мин потерял возможность широко публиковать свои работы. В «Решении по нек-рым вопросам истории партии» (1945) период 1935–1938 получил назв. «правоуклонистской линии Ван Мина».

С 1938 в качестве представителя КПК работал по реализации тактики единого фронта в НПС и двухпартийной комиссии, затем назначен зав. Отделом единого фронта ЦК КПК, пред. комиссии женского движения ЦК КПК. В 1941 руководил женским ун-том в Яньани. В 1942–1943 в результате острых разногласий с Мао Цзэ-дуном и его окружением оказался в изоляции, был выведен из состава Секретариата ЦК КПК. В нояб. 1943 на заседании Политбюро ЦК КПК коминтерновское крыло в КПК было осуждено и подавлено. Тем не менее на VII съезде КПК (1945) Ван Мин был избран чл. ЦК КПК. В 1946–1949 работал пред. Законодательной комиссии ЦК КПК по подготовке проекта Конституции Китайской Республики, в дек. 1948 реорганизованной по решению Секретариата ЦК КПК в Законодательный комитет. В февр. 1949 написал заявление-покаяние, приуроченное ко II пленуму ЦК КПК 7-го созыва, с признанием собств. ошибок. После провозглашения КНР в 1949 был назначен пред. Комиссии законодательных предложений Центр. народного прва, зам. пред. Политико-юридического комитета. III пленум ЦК КПК в июне 1950, рассмотрев заявление Ван Мина, признал ошибочность его деятельности в 1931–1938. С окт. 1950 по нояб. 1953 выезжал на лечение в СССР.

Потерпев поражение во внутрипарт. борьбе, будучи фактически отстраненным от руководящей работы в КПК, в дек. 1954 попросил освободить его по состоянию здоровья от работы. Весной 1955 по решению ЦК КПК освобожден от работы по состоянию здоровья. В янв. 1956 выехал в СССР. На VIII съезде КПК (заочно) избран чл. ЦК КПК. В Москве написал ряд статей с критикой руководства КПК, работал над собств. версией ее истории. Умер и похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. В 1975 в Москве вышла его кн. «Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна», к-рая позже была переведена на кит. яз. и вышла в Китае под грифом «для внутр. пользования» с сокр. назв. «50 лет КПК».

***** Ван Мин сюаньцзи (Избр. произведения Ван Мина): В 5 т. Токио, 1971–1973; *он же.* О событиях в Китае. М., 1969; *он же.* Ленин, ленинизм и китайская революция. М., 1970; *он же.* Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, 1979; *он же.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1984–1987. ****** *Гу Ян.* По мандату Коминтерна: К 100-летию со дня рождения Ван Мина // Сов. Россия. 05.06.2004; *Сотникова И.Н.* Роль Ван Мина в разработке стратегии и тактики КПК в 30-е годы. М., 1991 (ИБ; № 11); *Чжоу Го-цюань, Го Дэ-хун.* Ван Мин няньпу (Хроника жизни Ван Мина). Хэфэй, 1991; *они же.* Ван Мин цижэнь (Ван Мин — другой человек). Пекин, 1992; *они же.* Ван Мин чжуань (Биография Ван Мина). Хэфэй, 1998; *Brown Z.A.* The Russification of Wang Ming: A Study of the Comintern Career of Chen Shao-yu. 1925–1937. Jackson (MI), 1977.

И.Н. Сотникова

ВАН МИН-ШЭН

王鳴盛

Ван Мин-шэн, Ван Фэн-цзе, Ван Ли-тан, прозв. Си-чжуан, Си-чжи. 1722, уезд Цзядин пров. Чжэцзян, — 1798. Один из крупнейших ученых империи Цин (1644–1911), историк и каноновед. Его творчество считается олицетворением «ист. науки периодов правления Цянь-луна и Цзя-цина» (*Цянь Цзя ши-сюэ*).

Родился в семье ученых. Большие способности и тяга к знаниям позволили ему в 1747 успешно сдать провинциальные экзамены, в 1754 отличился на дворцовых экзаменах, обратив на себя внимание императора. Как обладатель ученой степени *цзинь ши*, свою служебную карьеру Ван Мин-шэн начал в **Ханьлинь академии** (см. т. 1), занимал ряд крупных постов в др. учреждениях, его заслуги были высоко оценены двором. Однако, столкнувшись с неприятностями, в начале 1760-х решил оставить службу. В 1763, взяв отпуск по случаю смерти матери, Ван Мин-шэн отправился домой и всю оставшуюся жизнь посвятил занятиям наукой, довольно быстро завоевав известность среди ученой элиты провинций Чжэцзян и Цзянсу. Большое влияние на становление Ван Мин-шэна как ученого оказал крупнейший каноновед того времени Хуй Дун (1697–1758).

В историю науки императорского Китая Ван Мин-шэн вошел прежде всего как автор «Критического исследования 17 династийных историй» («Ши ци ши шанцюэ», 100 цз.). Этот труд — результат многолетнего изучения сунского офиц. комплекта династийных историй по методу *као чжэн* («критика текста») — был опубликован в 1787. Половина его посвящена «Истории [династии] Хань» (**«Хань шу»**; см. также т. 1), «Старой истории [династии] Тан» (**«Цзю Тан шу»**), «Новой истории [династии] Тан» (**«Синь Тан шу»**) и «Истории южных [династий]» («Нань ши»). Проблематика, к к-рой Ван Мин-шэн обратился, пользовалась в то время особым вниманием властей и была необычайно популярна среди ученой элиты.

Изучая тексты памятников, Ван Мин-шэн прежде всего стремился выявить присутствовавшие в них ошибки и разночтения. Интересовало его также освещение в династийных историях основ императорской государственности, бюрократич. системы, ист. география, а также трактовка крупных событий и деятельности отдельных ист. персонажей. В ряде случаев он попытался дать собств. оценку изучаемым трудам. Это сочинение Ван Мин-шэна, не свободное от недостатков и далеко не во всем приемлемое для современников, стало первым комплексным фундамент. источниковедческим исследованием династийных историй — главного звена всей системы гос. историописания, оказав большое влияние на развитие этого направления в кит. ист. науке.

Др. капитальный труд Ван Мин-шэна, составляющий основу его науч. наследия, — «Комментарии к „Книге истории“» («Шан шу хоуань», 30 цз.), посвященный истории текста «Книги истории» (**«Шу цзин»**) — одной из важнейших книг конф. канона, был опубликован в 1780. Выступая здесь как каноновед, представитель усяньского направления (*у сюэ-пай*) цинской школы ханьских учений (*хань сюэ-пай*), Ван Мин-шэн развивает взгляды своего учителя Хуй Дуна, к-рый доказывал аутентичность сохранившегося текста памятника. Обращение к данной теме позволило Ван Мин-шэну внести свой вклад в обоснование весьма популярной в его время трактовки книг конф. канона как главных источников по истории древнего Китая. «Комментарии к „Книге истории“» и поныне считаются одним из наиб. важных трудов по этой проблематике.

Различного рода заметки, к-рые делал Ван Мин-шэн в процессе изучения памятников, вошли в состав сб. «Творение трудолюбивого муравья» («И шу бянь», ок. 100 цз.), опубликованного в сер. XIX в.

См. также ст. **Традиционная историография (основные жанры, виды и школы)** в Общем разделе.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая. XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 241–242; *Лай Синь-ся.* Ван Мин-шэн // Чжунго шисюэцзя пинчжуань (Биографии китайских историков). Т. 2 / Чэнь Цинцюань и др. Чжунчжоу, 1985, с. 964–985; Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912). Vol. 2 / Ed. by A.W. Hummel. Wash., 1944, p. 828.

Б.Г. Доронин

Ван Хун-вэнь *см.* **Сы жэнь бан**

魏徵

Вэй Чжэн, Вэй Сюань-чэн. 580, уезд Цзюйлу пров. Хэбэй, — 643, Чанъань. Гос. деятель, политик, сановник периода правления танского имп. Тай-цзуна (см. **Тан Тай-цзун**) под девизом Чжэнь-гуань (627–649). Родился в семье мелкого чиновника, получил хорошее конф. образование, посещая частную школу знаменитого **Ван Туна** (584–617; см. т. 1), проповедовавшего принцип единства «трех учений» (**сань цзяо**) — **конфуцианства**, **даосизма** и **буддизма** (все ст. см. т. 1). Нек-рое время Вэй Чжэн находился в даос. монастыре Даоцзан. В 617 он присоединился к повстанцу Юань Бао-цзану. Когда последний выразил покорность руководителю повстанцев Ли Ми (582–618) и получил от него почетные титулы, Вэй Чжэн был направлен для выражения благодарности. Ли Ми обратил внимание на изысканный лит. стиль Вэя и пригласил его на должность советника по пропаганде при штабе (*юаньшуайфу вэньсюэ цаньцзюнь*). Осн. занятием Вэй Чжэна в этот период было составление манифестов, обращений к армии и населению. После поражения Ли Ми Вэй Чжэн поступил на службу к повстанцу Доу Цзянь-дэ (573–621) на должность хроникера (*цицзюй шэжэнь*). В 621 Вэй Чжэн был принят на службу к наследнику танского престола Ли Цзянь-чэну в качестве библиотекаря (*сима*). Находясь на этом невысоком посту, Вэй Чжэн сумел привлечь к себе внимание патрона и стал выполнять обязанности его советника, в частности, давал ему рекомендации о том, как лучше действовать против Ли Ши-миня, будущего имп. Тай-цзуна. Несмотря на это, после дворцового переворота 626 Вэй Чжэн был сразу же приглашен Тай-цзуном на должность советника-секретаря (*цзяньи дафу*), к-рую он сохранил за собой до конца своей жизни. В 629–636 Вэй Чжэн вместе с Фан Сюань-лином руководил составлением пяти офиц. историй династий Лян (502–557), Северной Ци (550–577), Северной Чэнь (557–581), Северной Чжоу (557–581) и Суй — «Лян шу», «Чэнь шу», «Ци шу», «Бэй Чжоу шу» и «**Суй шу**». В 628 был назначен начальником Библиотечного приказа (*Мишуцзянь*). В 633 Вэй Чжэн получил должность главы Имп. канцелярии (*шичжун*), а также титул *чжэнго-гун*, но вскоре по причине болезни ходатайствовал об отставке. Тай-цзун согласился освободить его от должности, пожаловав почетный титул *тэ цзинь*, а в 643 — одну из трех высших совещательных должностей Танского гос-ва — главного наставника (*тай ши*).

Развивая идеи Ван Туна, Вэй Чжэн первостепенное внимание уделял вопросам гос. управления, считая, что определяющую роль в достижении стабильности и процветания гос-ва играет нравств. поведение монарха. Он полагал, что результаты управления зависят от бережливости правителя, от его умения выслушивать и применять советы подданных, от способности воздерживаться от применения военной силы внутри и вне страны. Взгляды Вэй Чжэна нашли отражение в его докладных записках трону, эссе филос.-полит. содержания, стихотворениях.

Отношение Тай-цзуна к Вэй Чжэну — уважение просвещенного монарха к мудрому сановнику — иллюстрировалось множеством эпизодов, приведенных в танских ист. и полит. сочинениях. Пространные, содержащие множество поучительных ист. примеров, параллелей, цитат, речи Вэй Чжэна Тай-цзун выслушивал с вниманием, часто благодарил его, жаловал подарки, подчеркивал, что высоко ценит его советы. Когда в 643 Вэй Чжэн скончался, Тай-цзун лично прибыл оплакать его, посмертно присвоил ему должность главного советника (*сыкун*) и почетное имя Вэнь-чжэнь (Нравственный и Непоколебимый), сам сочинил эпитафию и повелел высечь ее на камне, а также особым указом пожаловал семье Вэй Чжэна в кормление 900 дворов. Вэй Чжэн, обладавший глубокой ученостью и замечательным красноречием, стал одной из наиболее мифологизированных фигур блестящего периода Чжэнь-гуань. Тай-цзун сравнивал его с «зеркалом монарха», поскольку именно от него узнавал о своих недостатках.

* Вэй Чжэн-гун цзянь лу (Сб. наставлений Вэй Чжэн-гуна) / Сост. Ван Фан-цин. Тинчжоу, 1892 (Цзифу цуншу); Вэй Чжэн-гун вэнь цзи (Собр. соч. Вэй Чжэн-гуна) / Сост. Ван Хао. Шанхай, 1937 (ЦШЦЧ); *У Цзин.* Чжэнь-гуань чжэн яо (Основы управления периода Чжэнь-гуань). Шанхай, 1936 (СББЯ; Т. 1159–1162); *Лю Сюй.* Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Тайбэй, 1976, т. 2, цз. 71–21, с. 2545–2563; *Оуян Сю.* Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан). Пекин, 1986,

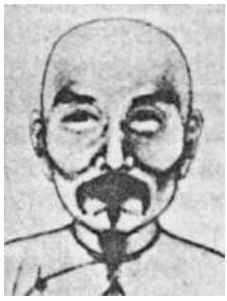
乙

т. 12, цз. 97.22, с. 3867–3885; *Попова И.Ф.* Главные положения сочинения VII века «Основы управления в период Чжэнь-гуань» («Чжэнь гуань чжэн яо»). [Пер. с кит.]. Цз. 1 // ПВ. 1993, вып. 4, с. 267–280. ** *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999, указ.; *Wechsler H.J.* Mirror to the Son of Heaven: Wei Cheng at the Court of T'ang T'ai-tsung. New Haven — London, 1974; *idem.* The Confucian Impact on Early T'ang Decision-Making // TP. 1980, vol. 66, p. 1–40; *idem.* The Confucian Teacher Wang T'ung (584?–617): One Thousand Years of Controversy // TP. 1977, vol. 63, p. 225–272.

И.Ф. Попова

ВЭЙ ЮАНЬ

魏源



Вэй Юань. 23.04.1794, уезд Шаоян пров. Хунань, — Ханчжоу пров. Чжэцзян, 1856/7. Известный историк, философ и географ. Родился в семье уездного чиновника. Рано проявил интерес к истории и философии. В возрасте 15 лет стал *сю цаем*. За участие в подготовке компилятивного труда «Хуан-чао цзинши вэньбянь», посвященного различным отраслям гос. управления, в 1822 был удостоен степени *цзюй жэнь*. В 1842 составил краткую (12 цз.) историю военных походов цинских войск (до периода правления Дао-гуан) под назв. «Шэн у цзи» («Записки о священных войнах»).

Через неск. месяцев после окончания первой «опиумной» войны (1839–1842) Вэй Юань подготовил географ. описание иностр. гос-в под назв. «Хай го ту чжи» («Описания заморских государств [с приложением] карт»). Одним из источников при подготовке нового труда стала работа **Линь Цзэ-сюя** (см. также т. 1) «Сы чжоу чжи» («Описание четырех материков»). Соч. «Хай го ту чжи» появилось сначала в 1844 в 50 цз., а затем опубликовано в 1847 в 60 цз.

В последние годы жизни Вэй Юань активно занимался разработкой истории монг. дин. Юань (1271–1368) и в 1853 представил цинскому трону доклад о составлении им нового ист. труда «Юань ши синь бянь» («История [династии] Юань в новой редакции») в 95 цз., но эта работа увидела свет лишь в 1905.

Труды Вэй Юаня пользовались вниманием как рус., так и англ. синологов. Так, 1-я гл. «Хай го ту чжи» была переведена Т. Уэйдом (T. Wade, 1818–1895) и опубликована в 1850 в т. XIX выходившего в Гуанчжоу журн. «Chinese Repository». В июне 1848 иеромонах Палладий (П.И. **Кафаров**, 1817–1878; см. т. 2), член Пекинской духовной миссии, сделал перевод неск. глав из труда Вэй Юаня «Шэн у цзи», изданного в Пекине в 1844. Приводя из него отдельные выдержки, глава Рос. духовной миссии в Пекине архим. Поликарп (П.А. Тугаринов) писал в Азиатский департамент МИД: «Для нас эта книга особенно любопытна тем, что в ней Россия едва ли не в первый раз представлена в том виде, в каком она есть, т.е. державою могущественною и совершенно равною Китаю».

Ист. труды Вэй Юаня пользовались популярностью и в Японии, где в 1856 был издан сокр. вариант «Шэн у цзи».

См. также ст. **Вэй Юань** в т. 1.

* *Вэй Юань.* Шэн у цзи (Записки о священных войнах): В 2 т. [Б.м.], 1967; Вэй Юань цзи (Собр. соч. Вэй Юаня): В 2 т. Пекин, 1983; *он же.* Юань ши синь бянь (Новая редакция истории [династии] Юань). Янчжоу, 1990; *он же.* Хай го ту чжи (Описания заморских государств [с приложением] карт). Чэнчжоу, 1999; *он же.* Предисловие к сборнику «Материалы эпохи царствующей династии» // Избр. произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени. М., 1961, с. 39–42; *он же.* Записки Мо // Там же, с. 42–52; *Wei Yuan.* Chinese account of the Opium War. Shanghai, 1888. ** *Вредий С.Ю.* Произведение Линь Цзэсюя как источник для изучения представлений о России в Китае XIX в. // Изв. Вост. ин-та ДВГУ. 1996, № 3, с. 167–186; *он же.* Линь Цзэ-сюй и «Хай го ту чжи» // Китай и АТР на пороге XXI века: Тез. докл. IX МНК ККЦиМ. Ч. 2. М., 1998, с. 135–139; *Хохлов А.Н.* П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (Краткий биографический очерк) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение: (К 100-летию со дня смерти): Материалы конф. Ч. 1. М., 1979, с. 29; *Гао Хун.* Фанянь шицзе: Вэй Юань юй «Хай го ту чжи» (Взгляд на весь мир: Вэй Юань и «Хай го ту чжи»). Шэньян, 1997; *Ли Хань-у.* Вэй Юань чжуань (Биография Вэй Юаня). Чанша, 1988; *Ли Ху.* Вэй Юань

яньцзю (Исследование жизни и творчества Вэй Юаня). Пекин, 2002; *Leonard J.K.* Wei Yuan and China's Rediscovery of the Maritime World. Cambr. (Mass.), 1984.

А.Н. Хохлов

ВЭНЬ СЯН

文祥

Вэнь Сян. 16.10.1818, Лоян, — 02.05.1876, Пекин. Видный маньчж. сановник, сыгравший в 1860-х заметную роль в модернизации воен. дела и просвещения в цинском Китае. Потомок влиятельного маньчж. рода в Мукдене, родился в семье мелкого чиновника. Благодаря поддержке богатого приемного отца в 1837 поступил в местное училище для маньчж. князей. По окончании учебы в 1840 отправился в Пекин, где после сдачи экзаменов получил ученую степень *цзюй жэнь*, а в 1845 — степень *цзинь ши*. В 1853, когда *тайпины* начали поход против Пекина, участвовал в укреплении обороны столицы.

Служебная карьера Вэнь Сяна как администратора крупного масштаба началась с назначения его в 1857 помощником главы Ведомства чинов (*Либу*). Позднее он был перемещен на аналогичную должность в Ведомство общественных работ (*Гунбу*), а затем служил в Ведомстве налогов (*Хубу*).

После захвата Тяньцзиня англо-франц. войсками в 1860 и бегства имп. Сяньфэна (**И Чжу**) в Маньчжурию Вэнь Сян продолжал оставаться военным комендантом Пекина и начальником императорской гвардии, дислоцированной в его окрестностях. В начале окт. 1860 его освободили от воен. руководства для участия в переговорах с дипломатами Англии и Франции. После подписания договоров с последними, а также с Россией, принявшей участие в урегулировании воен. конфликта Китая в качестве посредника, Вэнь Сян приступил к обучению маньчж. знаменных войск столицы европ. строю с использованием совр. огнестрельного оружия, полученного из России. В связи с этим в Пекине был сформирован воен. отряд под назв. *Шэнь цзи ин* («Божественный механизм»), и одним из его начальников стал Вэнь Сян.

Серьезной проверкой для испытания боевой силы нового формирования стали операции против *хунхузов*, проникших из южной части Маньчжурии через Великую кит. стену на территорию, прилегающую к Пекину. Прогнав *хунхузов* за Великую стену, Вэнь Сян с помощью воинов, обученных обращению с европ. оружием, в 1865 спас Мукден от разграбления. После неск. успешных операций Вэнь Сян вернулся в Пекин, где был назначен главой *Либу*. До конца своих дней он занимался обучением войск и подготовкой переводчиков в созданной при **Цзунли ямэне** (Главном ведомстве по иностр. делам) школе иностр. языков — **Тунвэньгуань**.

***** [*Вэнь Сян*]. Вэнь Вэнь чжун гун ши люэ (Описание деяний Вэнь Сяна). [Б.м.], 1968. ****** *Хохлов А.Н.* Попытки укрепления маньчжурских восьмизнаменных войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968, с. 103–142.

А.Н. Хохлов

«ВЭНЬ СЯНЬ ТУН КАО»

文獻通考

«Вэнь сянь тун као» — «Свод письменных памятников и суждений к ним». Ист. труд энциклопедич. хар-ра и масштаба, завершенный после 20-летней подготовительной работы **Ма Дуань-линем** (1254–1323) в 1307. Содержит извлеченные из разного рода первоисточников (по большей части несохранившихся) материалы, запечатлевшие хозяйственные, политические, социальные, правовые, нравственные и духовные традиции Срединного гос-ва. Вместе с **«Тун дянь»** («Свод уложений») **Ду Ю** (735–812) и **«Тун чжи»** («Свод обозрений») **Чжэн Цяо** (1104–1162) составляет общепризнанную в синологии «Триаду сводов» («Сань тун»). Ма Дуань-линь не только «продлил» (до 2-й четв. XIII в.) хронологич. содержание трудов Ду Ю и Чжэн Цяо, но и существенно пополнил, во мн. случаях исправил либо уточнил, а при необходимости снабдил комментариями или пояснениями сведения, касающиеся и более ранних периодов.

Как у Ду Ю и Чжэн Цяо, в «Вэнь сянь тун као» Ма Дуань-линь располагает информацию по тематич. принципу и в хронологич. последовательности, но прибегает к более дробной классификации. В «Вэнь сянь тун као» 24 основ-

ных раздела: «Земельные налоги» (*тянь фу*), «Деньги» (*цянь би*), «Кол-во дворов и число жителей» (*ху коу*), «Натур. и трудовые повинности» (*чжи и*), «Налоги с монопольной продукции» (*чжэн цюэ*), «Купля-продажа зерна казной» (*ши ди*), «Поставки продукции местного производства» (*ту гун*), «Бюджет гос-ва» (*го юн*), «Экзаменац. отбор для назначения на должности» (*сюань цзюй*), «Учебные заведения» (*сюэ сяо*), «Должности и чины» (*чжи гуань*), «Жертвоприношения Небу и Земле» (*цзяо шэ*), «Святилища предков» (*цзун мяо*), «Государевы этико-ритуальные нормы» (*ван ли*), «Музыка» (*юэ* [*I*]), «Дела военные» (*бин*), «Наказания» (*син* [*4*]), «Литература» (*цзин цзи*), «Генеалогия императоров» (*ди си*), «Пожалования уделов» (*фэн цзянь*), «Астрология» (*сян вэй*), «Необычные природные явления» (*у и*), «География» (*юй ди*), «Инородцы четырех стран света» (*сы и*). Значительное пополнение и обновление сведений связаны у Ма Дуань-линя с детализацией фактологич. материала, о чем свидетельствуют и заголовки параграфов основных разделов. Напр., разд. «Дела военные» состоит из след. параграфов: система орг-ции армии (*бин чжи*), дворцовая гвардия (*цзинь вэй бин*), вооруженные силы на периферии (*цзюнь го бин*), обучение и инспекция (*цзяо юэ*), бои колесничих (*цзюй чжань*), сражения судов (*чжоуши шуй чжань*), кавалерия (*ма чжэн*), вооружение (*цзюнь ци*). Разд. «Литература» более чем в 6 раз превосходит по объему соответствующий разд. в «Тун чжи», а в его подразделе «История» к 6 рубрикам добавлены еще 10.

«Вэнь сянь тун као» сыграл огромную роль в дальнейшем развитии кит. историописания. В кон. XVI — XVIII, а также в нач. XX в. по типу «Вэнь сянь тун као» были созданы четыре труда, «удлинившие» (соответственно до 1573, 1644, 1785 и 1912) хронологич. содержание ист. энциклопедии Ма Дуань-линя; почти все они, кроме первого из этих четырех, вошли (наряду с «Вэнь сянь тун као») в состав серии **«Ши тун»** («Десять сводов»).

***** Вэнь сянь тун као (Свод письменных памятников и суждений к ним) / Сост. Ма Дуань-линь. Шанхай, 1936.

См. также лит-ру к ст. **Ма Дуань-линь**.

Г.Я. Смолин

«ВЭНЬ-ЧАН ЦЗА ЛУ»

文昌雜錄

«Вэнь-чан цза лу» — «Различные заметки из ведомства Вэнь-чана». Ист. сочинение, содержащее разные заметки о событиях при дворе, администр. управлении, должностях, экзаменах, посольствах. Автор — Пан Юань-ин (1020? — после 1085), второе имя — Мао Сянь, внук первого министра при имп. Жэньцзуне (прав. 1022–1063).

Пан Юань-ин писал «Заметки» на протяжении четырех лет во время пребывания на посту начальника Ведомства по приему иностр. гостей. Общий объем составил 6 цзюаней. Позже, когда книга уже была вырезана на досках, автор внес в нее нек-рые дополнения (1082–1085) и поправки в виде приложений. Поэтому в одних кит. библиографиях указывается, что книга содержит 6 цзюаней, в других говорится, что их 7. В «Заметках» четко прослеживается хронологич. порядок: цз. 1 и 2 написаны в 1082, цз. 3 и 4 — в 1083, цз. 5 — в 1084, цз. 6 — в 1085. Среди датированных определенным числом и месяцем статей попадаются и недатированные. В них сообщается о событиях более ранних лет или времен предыдущих династий.

Название книги связано с тем, что Управление министерств (*Шаншушэн*), в подчинении у к-рого находилось Ведомство по приему иноземных гостей, образно было названо писателем **Ду Ю** (735–812) в соч. **«Тун дянь»** («Исторический свод»/«Свод уложений») «Обителью просвещения» (*Вэнь-чан тянь фу* — букв. «Небесная обитель бога-покровителя лит-ры и просвещения Вэнь-чана»). Большая часть «Заметок» посвящена описанию изменений в придворном этикете и церемониале, сообщениям относительно должностных назначений и перемещений внутри различных ведомств, описанию событий и порядков, связанных с гос. экзаменами. Упоминается также о посольствах из Китая и в Китай. Примечательно, что в описаниях соседних стран встречаются названия, к-рые впервые упоминаются именно в «Заметках» Пан Юань-ина.

Эта книга считается источником, дополняющим сведения кит. династийных историй и др. ист. работ; кроме того, она важна и тем, что в ней нашел опре-

деленное отражение ряд изменений в аппарате управления, введенных в Китае после 1080.

* *Пан Юань-ин.* Вэнь-чан цза лу (Различные заметки из ведомства Вэнь-чана). Тяньцзинь, 1982. ** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 4–6; Цинь дин Сы ку цюань шу цзун му тияо (Высочайше утвержденный Аннотированный генеральный каталог книг по четырем разделам) / Сост. Цзи Юнь и др. Шанхай, 1933, т. 3, цз. 120, с. 2519–2520.

По материалам ***В.А. Вельгуса***

ГО МО-ЖО

郭沫若

Го Мо-жо, Го Кай-чжэнь, псевд. Шан-у, Дин-тан. 16.11.1892, дер. Шаовань уезда Лэшань пров. Сычуань, — 12.06.1978, Пекин. Ученый, историк, писатель, поэт, драматург, обществ. и гос. деятель. Выходец из помещичьей семьи, в к-рой царил культ классич. лит-ры. Любимым поэтом был танский **Сыкун Ту** (837–908; см. т. 3). Поэзия Сыкун Ту, как и др. произведения кит. классики — «Книга песен» (**«Ши цзин»**; см. т. 1 и 3), «Чуские строфы» (**«Чу цы»**; см. т. 3), «Исторические записки» (**«Ши цзи»**; см. также т. 1), оказали большое влияние на творчество Го Мо-жо. Шести лет мальчик поступил в частную школу, где в дополнение к кит. классич. книгам преподавали арифметику и др. дисциплины, совершенно новые для системы образования Китая того времени. В школе начал писать первые стихи, увлекся чтением кит. исторической и художественной, а также иностр. лит-ры.

В 1907 Го Мо-жо поступает в среднюю школу в Цзядине, из к-рой его исключают за участие в конфликте учащихся со школьным начальством. В 1910 юноша переходит в среднюю школу в Чэнду и заканчивает ее в 1912. В те годы особенной популярностью среди кит. молодежи стали пользоваться естеств. науки, европ. медицина. Путь к превращению Китая в страну богатую с сильной армией молодые люди видели через овладение технич. знаниями, считая, что лит-ра и искусство не имеют никакой практич. ценности. Под влиянием этих взглядов Го Мо-жо также выбирает медицину. «Я думал, что медицина способна оздоровить наш народ и тем самым сделать мою родину богатой и сильной», — писал он позднее. В 1914 уехал учиться в Японию, в 1923 окончил мед. ф-т ун-та Кюсю. По возвращении на родину обратился к лит. деятельности и публицистике. В 1918 начал писать стихи.

Начало лит. тв-ва связано с «движением 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*). Печатался с 1919 на страницах шанхайского журн. «Сюэдэн» («Светоч науки»). Был одним из организаторов и руководителей в Шанхае (1921) лит. об-ва «Творчество» (*Чуанцзао*). В него вошли известные писатели, поэты, драматурги: **Тянь Хань**, **Юй Да-фу** (все ст. см. в т. 3), Чэн Фан-у и др. Го Мо-жо организует издание одноименного журнала. Ранняя поэзия Го Мо-жо представлена сб. «Богини» («Нюй шэнь», 1921) и «Звездное пространство» («Син кун», 1923), для к-рых характерны антифеодальные настроения, революц. романтизм.

Участник революции 1925–1927 в Китае. В те годы, а затем в период антияпонской войны большинство сторонников «Творчества» были активными участниками революц. борьбы, сражались за национальное и социальное раскрепощение кит. народа. Го Мо-жо работал в политотделе Национально-революционной армии, в 1926 участвовал в знаменитом Северном походе, к-рый описал в повести «Северный поход» («Бэй фа ту цы»). После переворота **Чан Кай-ши** в 1927 Го Мо-жо выступил с брошюрой «Взгляните на сегодняшнего Чан Кай-ши» («Цин кань цзиньжи чжи Цзян Цзе-ши»), в к-рой резко критиковал политику Гоминьдана. Приказ об аресте Го Мо-жо, отданный Чан Кай-ши, был отменен только через 10 лет в 1937. В 1927 Го Мо-жо участвовал в Наньчанском восстании, в авг. вступил в КПК.

В 1928 Го Мо-жо был вынужден тайно эмигрировать в Японию, где пробыл на положении полит. изгнанника в течение 10 лет.

В 1930 сторонники «Творчества» и Го Мо-жо вошли в Лигу левых писателей Китая (**Чжунго цзои цзоцзя ляньмэн**; см. т. 3).

В годы вынужденной эмиграции в Японии Го Мо-жо занялся изучением истории и археологии древнего Китая. В 1928 написал «Исследование древнего

乙

общества Китая» («Чжунго гудай шэхуй яньцзю»), выходившее отд. главами. К марту 1930 издание было запрещено (опубликовано отд. книгой в 1954 в Пекине). В 1931–1937 Го Мо-жо опубликовал ряд спец. статей, посвященных исследованию надписей на иньских костях и бронзовых сосудах периодов Инь–Чжоу. В Японии им были также написаны автобиография и ист. рассказы.

В начальный период Войны сопротивления Японии вернулся в Китай, выступал за сотрудничество КПК и Гоминьдана. Возглавлял Всекит. ассоциацию деятелей лит-ры и искусства по отпору врагу (ВАРЛИ). Активно участвовал в антияпонском движении спасения Родины. Был директором газ. «Цзюван жибао» («Спасение от гибели»), начальником 3-го отд. Политуправления Военного совета нац. пр-ва Гоминьдана, пред. Комитета по работе в области культуры. После капитуляции Японии участвовал в борьбе за демократизацию страны, в 1948 перебрался в Освобожденные районы.

В годы национально-освободительной войны против яп. нашествия и особенно в период Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии в поэтич. творчестве Го Мо-жо находит свое утверждение тема СССР: «Памяти Горького» («Цзинянь Гаоэрцзи»), «Слава советской Красной Армии» («Сулянь Хунцзюнь ваньсуй»). Главная тема драматургии Го Мо-жо в это время — героическое прошлое кит. народа. В янв. 1942 в период разгула гоминьдановской реакции написана пьеса «Цюй Юань».

Длительное время Го Мо-жо занимался исследованием проблемы периодизации древней истории Китая, в основном — вопроса о нижней границе рабовладельч. строя. После 1949 продолжил исследование этой темы. Сначала этот период он относил к 770 до н.э. — переходу от Западной Чжоу к Восточной, затем отодвинул эту границу к 206 до н.э. — границе между династиями Цинь и Хань. И наконец, в 1952 в сб. «Эпоха рабовладельческого строя» («Нули чжиду шидай») отнес нижнюю границу рабовладельч. строя к 475 до н.э., т.е. к границе между эпохами Чунь-цю и Чжань-го. В своих работах Го Мо-жо подверг анализу с марксистских позиций воззрения крупнейших др.-кит. мыслителей. Отмечал демократич. характер древнего **конфуцианства** (см. т. 1), сочувствие **Конфуция** идее «народного освобождения». Учение **Мо Ди** считал чисто религиозным, **Хань Фэя** (все ст. см. в т. 1) рассматривал как теоретика тоталитаризма. В 1950-е ученый издал сб. «Эпоха рабовладельческого строя» и переработал свои прежние труды: «Бронзовый век» («Цинтун шидай», 1954) и «Десять критических статей» («Ши пи паньшу», 1954; в рус. пер. «Философы древнего Китая»).

Го Мо-жо перевел на кит. яз. «Немецкую идеологию» К. Маркса и Ф. Энгельса, «К критике политической экономии» К. Маркса, часть «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Фауста» И.В. Гёте, «Рубайат» Омара Хайяма. В 1929 в «Антологии новейшей русской поэзии» первым перевел и издал стихи В.В. Маяковского и ряда др. поэтов.

После посещения СССР в первый раз в 1945 опубликовал книгу «Сулянь цзисин» («Записки о поездке в СССР», Шанхай, 1946). В 1951 был награжден междунар. премией «За укрепление мира между народами». В 1957 участвовал в Москве в работе сессии Всемирного совета мира и был награжден медалью им. Ф. Жолио-Кюри.

После образования КНР занимал ряд высших административных постов. Член Центр. народного правительственного совета, пред. Комитета по делам культуры и просвещения при Гос. административном совете. В 1950 — вице-председатель Бюро Всемирного совета мира, с 1959 — член его президиума. Зам. премьера Госсовета, президент Кит. академии наук, руководитель Отд-ния философии и обществ. наук Академии наук. Директор 1-го Ин-та истории АН Китая. Делегат IX, X, XI съездов КПК, чл. ЦК КПК 9–11-го созывов. Избирался зам. пред. Постоянного комитета ВСНП с 1 по 5-й созывы, зам. пред. комитета НПКСК. Почетный председатель Об-ва китайско-японской дружбы.

На начальном этапе **«культурной революции»** подвергся критике со стороны **хунвэйбинов**, против него было вывешено неск. *дацзыбао*. **Мао Цзэ-дун** лично дал указание усилить охрану Го Мо-жо, и это спасло его от возможной расправы.

См. также ст. **Го Мо-жо** в т. 3.

* *Го Мо-жо.* Чжунго гудай шэхуй яньцзю (Исследование древнего общества Китая). Шанхай, 1930; то же. Пекин, 1951, 1954, 1960, 1977; *он же.* Нуличжи шидай (Эпоха рабовладельческого строя). Шанхай, 1952; то же. Пекин, 1952, 1954, 1956, 1962, 1973; [Го] Мо-жо цзы чжуань (Автобиография): В 2 т. Шанхай, 1953; *он же.* Цинтун шидай (Бронзовый век). Шанхай, 1954; [Го] Мо-жо вэнь цзи (Собр. соч. Го Мо-жо): В 16 т. Пекин, 1957–1963; *он же.* Избранное. М., 1953; *он же.* Изучение истории в Китае во время войны // ВИ. 1945, № 5–6; *он же.* Сочинения: В 3 т. М., 1958; *он же.* Философы древнего Китая. М., 1961; *он же.* Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956; *он же.* Бронзовый век. М., 1959; *он же.* Сочинения. М., 1990. ** *Маркова С.Д.* Китайская интеллигенция на изломах XX века: (очерки выживания). М., 2004; *Тихвинский С.Л.* Мои встречи с Го Мо-жо // ПДВ. 2002, № 5, с. 143–147; Го Мо-жо пинчжуань (Критическая биография Го Мо-жо). Пекин, 1987; Го Мо-жо яньцзю (Изучение жизни и творчества Го Мо-жо): В 6 т. Пекин, 1985–1986; *Гун Цзи-минь, Фан Жэнь-нянь.* Го Мо-жо няньпу (Хроника жизни Го Мо-жо): В 2 кн. Тяньцзинь, 1982.

Л.С. Переломов, В.Н. Усов

ГУАНЬ ДАН

官當

Гуань дан («зачет должностью») — строго систематизированное аннулирование всех или части рангов преступника взамен осн. наказания (см. **У син**) и смещение с тех должностей, ранги к-рых использовались для зачета. Специфич. наказание *гуань дан* применялось исключительно к чиновничеству (в отличие от откупа *шу* [*12*], к-рым в определенных ситуациях заменялись осн. наказания не только для чиновников, но и для престарелых или, напр., обоснованно подозреваемых в преступлениях, к-рые невозможно доказать), занимало промежуточное положение между основными и должностными наказаниями (**чу мянь**).

Приговор сначала выносился в рамках шкалы осн. наказаний (вероятно, это вполне можно назвать равенством всех перед законом) и затем трансформировался. Механизм такой трансформации начал возникать еще при дин. Хань (206 до н.э. — 220 н.э.), оформился лишь в период Суй (581–618) и почти без изменений был унаследован танским правом (см. **«Тан люй шу и»**). Если по приговору осн. наказание было нестрогим и полагалось лишь битье палками, оно погашалось откупом. Зачетом должностью наказывались преступления, за к-рые по шкале осн. наказаний полагались каторга (*ту* [*4*]) или ссылка (*лю*). Не могли быть зачтены должностью наказания за нечаянное убийство и за сманивание в побег казенных рабов и рабынь, за кражу или убийство казенных лошадей и верблюдов, а также подделку монеты. Если человек имел ранг, но не имел должности, зачет был невозможен.

Фактически зачет состоял в конфискации у преступника удостоверения на должности (*гао шэнь*), к-рые он занимал и к-рыми производился зачет. Обычно удостоверения не отбирались у чиновника, если уход с данных должностей был вызван достижением престарелого возраста, болезнью, необходимостью ухаживать за больным родственником, прибытием смены или упразднением должности. При совершении преступлений с корыстным мотивом одной должностью 5-го ранга или выше зачитывались 2 года каторги, одной должностью рангов с 9-го по 6-й — 1 год каторги. В случае, если была совершена всего лишь бескорыстная ошибка или был недосмотр по службе, зачтены могли быть соответственно 3 и 2 года. Все три разновидности ссылки при зачете приравнивались к 4 годам каторги. Применение зачета должностью было принудительным. Преступник не мог, даже если бы и захотел, отказаться от этого.

Наказания каторгой или ссылкой далеко не всегда могли быть зачтены или погашены одной должностью. Вначале применялся зачет должностью наиболее высокого ранга. Относительно дальнейшего приведения зачета в исполнение были разработаны сложные методики в зависимости от того, какие, помимо основной, должности могли быть применены для зачета, сопровож-

далось ли основное, т.е. то, к-рое погашалось зачетом, наказание каким-либо из должностных наказаний и пр.

Хотя смещение было временным, отобранные удостоверения не возвращались. Впоследствии обязательное восстановление на службе и получение очередных должностей происходили с понижением в ранге. Понижение, как и срок смещения, зависели от тяжести преступления, точнее — от соотношения тяжести преступления и ранга должности, используемой для зачета. В зависимости от того, использовались ли все пригодные для зачета должности или нет, менялись нормы последующего служеб. восстановления. Если для зачета полностью были использованы пригодные должности, восстановление должно было произойти через 3 года с понижением на два ранга. В противоположном случае восстановление происходило через год с понижением на один ранг. На срок до восстановления наказанные зачетом должностью, хотя бы у них и оставались удостоверения на прежние должности, полностью отстранялись от полит. жизни. Им не разрешалось выполнять никаких служеб. обязанностей, они не входили в круг лиц, допущенных к присутствию на императорских аудиенциях. На период в один или в три года карьера их полностью прерывалась.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 17, 22. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цз. 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999, с. 128–133, 156–158. The T'ang Code. Vol. 1. General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979, p. 112–119, 141–144. ****** *Дай Янь-хуй.* Тан люй тун лунь (Исследование общих принципов Танского кодекса). Тайбэй, 1964.

См. также лит-ру к ст. **Чу мянь**.

В.М. Рыбаков

Гуань Чжун *см.* т. 1.

ГУ ВЭЙ-ЦЗЮНЬ

顧維鈞

Гу Вэй-цзюнь. Зап. имя: V.K. Wellington Koo. 29.01.1887, пров. Цзянсу, — 14.11.1985, Нью-Йорк. Известный дипломат, внесший вклад в создание Лиги Наций и ООН и в восстановление суверенных прав Китая. Родился в состоятельной семье. Конф. принципы воспитания сформировали его характер и мировоззрение.

Гу Вэй-цзюнь учился в англо-кит. колледже (1899–1900), в школе Юйцай в Шанхае (1900–1901), в католическом ун-те Св. Иоанна в Шанхае (1901–1904), где получил степени бакалавра и магистра. В 1905 поступил в Колумбийский ун-т, в к-ром изучал полит. науки. В 1912 защитил дис. на тему «Статус иностранцев в Китае» и ему была присвоена степень д-ра философии. В апр. 1912 по приглашению Бэйянского пр-ва Гу Вэй-цзюнь вернулся в Китай. Его карьера развивалась быстро. Сначала работал секретарем при президенте Китайской Республики, затем советником в МИДе. В июле 1915 Гу Вэй-цзюнь назначен посланником в США и на Кубе. Его выдающиеся действия как дипломата были в 1916 отмечены Йельским ун-том, присвоившим ему почетную степень д-ра юриспруденции.

По поручению Бэйянского пр-ва участвовал в Парижской мирной (1919) и Вашингтонской (1921) конференциях. В 1922–1927 в часто меняющихся милитаристских пр-вах занимал высокие посты премьера и министра иностр. дел. В это время вся его деятельность была направлена на усиление международных позиций Китая. После вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 Гу Вэй-цзюнь сотрудничает с Нанкинским пр-вом. Был членом Центр. Политсовета (*Вайвэйхуй*), созданного нац. пр-вом для поисков путей выхода из конфликта с Японией, членом Комиссии Г. Литтона по расследованию событий в Маньчжурии, созданной в февр. 1932 по решению Совета Лиги Наций и закончившей свою работу в марте 1933 в связи с выходом Японии из Лиги Наций. Его активность в переговорах на конференциях по учреждению ООН в Думбартон-Оксе (1944) и Сан-Франциско (1945) улучшила образ Китая как

одной из пяти великих держав. Даже полит. противники Гу Вэй-цзюня признавали его патриотизм и преданность интересам Китая. В мае 1946 Гу Вэй-цзюнь был назначен послом Китайской Республики в США. Ему была поручена ответств. задача обеспечить помощь Америки пр-ву **Чан Кай-ши** в гражданской войне с КПК. В марте 1956 Гу Вэй-цзюнь вышел в отставку, что вызвало разочарование госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса и англ. премьер-министра А. Идена. Чан Кай-ши предложил Гу Вэй-цзюню пост посла по особым поручениям, от к-рого он отказался. С 1956 до 1967 работал в Международном суде в Гааге, в т.ч. в должности вице-президента (с 1964). В 1967 вернулся в Нью-Йорк, где прожил до конца своих дней.

* Гу Вэй-цзюнь хуйи лу (Мемуары Гу Вэй-цзюня): В 8 т. Пекин, 1983–1989. ** Гу Вэй-цзюнь юй Чжунго вайцзяо (Гу Вэй-цзюнь и дипломатия Китая). Шанхай, 2001; Biographical Dictionary of Republican China. N.Y.–L.,1968; Diplomats in Crisis: United States – Chinese — Japanese Relations, 1911–1941. Oxf., 1974; Uncertain years China — American Relations, 1947–1950. N.Y., 1980.

З.Д. Каткова

ГУЙ ЛЯН

桂良

Гуй Лян. 1785–1862. Известный маньчж. сановник и дипломат. Род. в семье Юй Дэ — генерал-губернатора приморских провинций Фуцзянь и Чжэцзян, к-рый за неспособность принять эффективные меры борьбы с морскими пиратами был смещен с этого поста. В 1809 Гуй Лян купил чиновничью должность 2-го секретаря, а в 1814 — помощника директора департамента в столичном Ведомстве церемоний (*Либу*). Был послан в пров. Сычуань, где служил начальником уезда, а затем округа. С 1827 по 1834 выполнял обязанности финанс. инспектора в провинциях Сычуань, Гуандун и Гуанси. В 1834 его назначили губернатором пров. Хунань, в 1839 — генерал-губернатором провинций Хунань и Хубэй, после чего перевели на должность генерал-губернатора провинций Фуцзянь и Чжэцзян, а затем провинций Юньнань и Гуйчжоу. В 1845, когда Гуй Ляну исполнилось 60 лет, он стал военным губернатором в пров. Жэхэ, откуда был переведен в Пекин по случаю бракосочетания его дочери с сыном имп. **Минь Нина** (прав. под девизом Дао-гуан в 1821–1850) князем Гуном (**И Синь**).

В 1852 Гуй Ляна назначили главой Военного ведомства (*Бинбу*), а в следующем году направили в г. Баодин (центр пров. Чжили) для орг-ции обороны на случай нападения *тайпинов*. В 1853 стал генерал-губернатором пров. Чжили.

Гуй Лян был участником переговоров по урегулированию вооруженного конфликта с Англией и Францией в 1858.

Когда 1 авг. 1860 в местечке Бэйтан вновь высадился англо-франц. десант, угрожая Пекину, напуганный цинский двор опять направил к зап. дипломатам Гуй Ляна. Общее же руководство переговорами с лордом Эльджином и бароном Гро взял в свои руки маньчж. князь 1-й степени И Синь. Ценою серьезных уступок ему удалось 22–23 окт. 1860 подписать невыгодные Китаю договоры с представителями Англии и Франции, к-рые получили не только право иметь постоянное официальное представительство в Пекине, но и важные льготы в развитии торговли и миссионерской деятельности в бассейне Янцзы. 14 нояб. 1860 князь Гун подписал договор с рос. дипломатом Н.П. Игнатьевым, принявшим на себя роль посредника в ликвидации острого вооруженного конфликта Китая. Этот договор окончательно определил рус.-кит. границу на ее вост. участке в Приморье, а также восстановил право россиян на традиц. караванную торговлю с Пекином.

После смерти имп. **И Чжу** (прав. под девизом Сянь-фэн в 1851–1861) и гос. переворота, осуществленного **Цы Си** в нояб. 1861, к-рый завершился физическим устранением с полит. арены императорского советника и фаворита Су Шуня — главы Ведомства налогов (*Хубу*) и его сторонников, выступавших против нововведений и за восстановление изоляции Китая, Гуй Лян и И Синь были возведены в почетное звание *дасюэ ши*. Шесть месяцев спустя Гуй Лян скончался, успев принять участие в создании **Цзунли ямэня** (Главного

ведомства по иностр. делам) и в др. мерах по частичной модернизации цинского Китая, в рамках провозглашенной цинским двором политики «самоусиления» (*цзы цян*).

** *Зарецкая С.И.* Внешняя политика Китая в 1856–1860 годах: отношения с Англией и Францией. М., 1976, указ.; *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о военной помощи России Китаю // Документы опровергают. М., 1982, указ.

А.Н. Хохлов

«ГУЙХАЙ ЮЙ ХЭН ЧЖИ»

桂海虞衡志

«Гуйхай юй хэн чжи» — «Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод», 1175. Автор — Фань Чэн-да (второе имя — Чжи-нэн, псевдоним — Шиху цзюйши, 1126–1193) — знаменитый администратор и литератор периода Южная Сун (1127–1279). В 1173–1175 занимал высший пост *аньфу цзинлюэши* — генерал-губернатора с особыми полномочиями в ведении гражд. и военных дел губернии Гуаннаньсилу на юге Китая.

«Гуйхай юй хэн чжи» был сравнительно широко известен в сунское, минское и цинское время. Памятник упомянут в каталогах императорских и частных книжных собраний, включался во многие книжные серии **цун шу**. Целиком не сохранился, известен в 13 частях, опубликованных в книжных сериях «Шо фу» («Предместье речений») и «Чжибуцзу чжай цун шу» («Собрание книг из кабинета Чжибуцзу»), последняя часть — описание народов Южного Китая — фрагментарна. Кроме того, отдельные описания тех же народов, но в более полной форме были включены в историко-полит. свод **Ма Дуань-линя «Вэнь сянь тун као»** («Всеобщее обозрение письменных документов, представленных [трону]», ок. 1280).

В ч. I «Гуйхай юй хэн чжи» дано описание различных географич. объектов Гуанси, затем описываются полезные ископаемые (ч. II) и благовония (ч. III), т.е. важнейшее, что вывозилось из Гуанси. Далее сообщается о вине (ч. IV) и утвари (ч. V), т.е. о том, что сопровождало и украшало жизнь кит. чиновника на Юге, затем следует описание фауны и флоры (части VI–XI). Завершают текст (ч. XII) разнообразные данные об отличит. особенностях Гуанси (климате, обычаях местных народов и т.п.). Последняя (поврежденная) часть (XIII) включает сведения об основных местных народах. Более подробные варианты текстов этой части сохранились в «Вэнь сянь тун као», где они приводятся в качестве приложения к описаниям различных народов и стран со ссылкой на Фань Чэн-да и его произведение. Тексты из ч. XIII при сравнении с помещенными в «Вэнь сянь тун као» напоминают конспективные выписки, поэтому можно предположить, что ч. XIII не является целостной. Проблема установления первоначального текста памятника осложняется тем, что в этих описаниях встречается информация, к-рая отсутствует в тексте, помещенном в «Вэнь сянь тун као», поэтому не исключено, что сам Фань Чэн-да мог составить и подробные, и краткие описания. Это вполне вероятно, если принять во внимание, что, занимая высокий пост генерал-губернатора, он был обязан собирать и систематизировать материал о Гуанси и соседних странах, писать различные доклады и отчеты. Так, в «Сун хуй яо цзи гао» («Черновой свод важнейших материалов [династии] Сун») содержатся четыре доклада Фань Чэн-да.

«Гуйхай юй хэн чжи» на европ. языки не переводился. Этому произведению посвящена статья рос. синолога И.А. Алимова, в к-рой приводится биография автора и излагается содержание памятника. Полный перевод на рус. яз. осуществлен М.Ю. Ульяновым в 2001.

* *Фань Чэн-да.* Гуйхай юй хэн чжи (Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод) // Чжибуцзу чжай цун шу (Собрание книг из кабинета Чжибуцзу). Сб. 23. Т. 4. Гуанчжоу, 1882; *Ма Дуань-линь.* Вэнь сянь тун као (Всеобщее обозрение письменных документов, представленных [трону]). Шанхай. 1935; *Ци Чжи-пин.* «Гуйхай юй хэн чжи» цзяочжу (Сверенное и снабженное комментарием издание «Гуйхай юй хэн

чжи»). Лючжоу, 1984; *Ху Ци-ван*, *Тань Гуан-гуан*. «Гуйхай юй хэн чжи» цзиши сяочжу (Дополненное, исправленное, сверенное и снабженное комментарием издание «Гуйхай юй хэн чжи»). Чэнду, 1986; *Янь Пэй*. «Гуйхай юй хэн чжи» цзяочжу (Сверенное и снабженное комментарием издание «Гуйхай юй хэн чжи»). Наньнин, 1986; *Чжоу Цюй-фэй*. За Хребтами. Вместо ответов. (Лин вай дай да) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М., 2001. ** *Алимов И.А.* О сборнике Фань Чэн-да «Записки гуйхайского попечителя гор и вод» (Гуй хай юй хэн чжи) // Кунсткамера. Вып. 2–3. СПб., 1993; *Ульянов М.Ю.* Сочинение Чжу Фу «Симань цунсяо» (XII в.) — источник по культуре народов Южного Китая периода Сун (сопоставление с трудами Фань Чэн-да и Чжоу Цюй-фэя) // Ломоносовские чтения. Востоковедение: науч. конф., апр. 2005 г.: тез. докл. М., 2005.

М.Ю. Ульянов

ГУ ЦЗЕ-ГАН

顧頡剛

Гу Цзе-ган, Гу Сун-кунь, Гу Мин-цзянь. 08.05.1893, Сучжоу пров. Цзянсу, — 25.12.1980, Пекин. Историк, специалист по древней истории Китая, один из создателей совр. кит. историографии. Родился в семье потомственных конф. ученых. Получил традиц. образование, с пятилетнего возраста посещая частную школу. Затем поступил в учеб. заведение нового типа, где приобрел начальные знания в зап. науках. В 1913 поступил на Подготовительное отд-ние Пекинского ун-та, в 1916 начал обучение на филос. ф-те. В 1920 окончил курс, занимался научно-исследовательской и преподавательской работой в Пекинском ун-те и др. учеб. заведениях Пекина, вел обширную работу по редактированию и изданию науч. журналов, организации науч. обществ, много публиковался. В 1937–1954 продолжал свою преподавательскую и науч. деятельность в учеб. заведениях Ланьчжоу, Куньмина, Чунцина и Шанхая. В 1948 был избран членом АН Китая по отд-нию гуманитарных наук. С 1954 работал главным науч. сотрудником академич. Ин-та истории в Пекине. Избирался членом ВСНП 4-го и 5-го созывов.

Вместе с **Ху Ши** и др. участвовал в движении по «реорганизации прошлого Китая». Выдвинул собств. концепцию «недоверия к древности». В «Письме господину Цянь Сюань-туну о древней истории», опубликованном в журн. «Душу цзачжи», изложил гипотезу «послойного создания истории Китая», согласно к-рой 1) в более поздних ист. сочинениях излагается более древний мифологич. период истории; 2) более поздние ист. сочинения содержат предания о большем числе культурных героев и включают больше подробностей; 3) при невозможности точно определить реальный характер древнего события можно судить о нем по самым ранним преданиям. Анализируя образ Да Юя (см. **Юй** в т. 2), Гу Цзе-ган показал, напр., эволюцию этого якобы основателя первой кит. дин. Ся от персонажа мифологии южных соседей китайцев до ханьского культурного героя и ист. лица, представленного в традиц. кит. историографии. Гу Цзе-ган выступил против методологич. оснований традиц. историографии, исходившей из предположений о едином происхождении кит. нации, о стремлении разных местностей к объединению, о человеческой природе героев древности, о древности как золотом веке истории. Концепция Гу Цзе-гана вызвала широкую дискуссию, в к-рой приняли участие Ху Ши, Цянь Сюань-тун, Жун Гэн и мн. др. известные ученые того времени. В 1926 Гу Цзе-ган, собрав и переработав ранее опубликованные статьи и письма кит. историков, издал 1-й том «Гу ши бянь» («Критика древней истории»), снабдив его обширным введением с изложением своего науч. метода. Сборник был с энтузиазмом воспринят кит. историками, к-рые увидели в нем новые начала совр. ист. науки. В 1941 вышел последний 7-й том (Гу Цзе-ган был редактором 4 томов). Всего в издание вошло 350 работ разных авторов по ист. материалам древнего Китая.

В Пекинском ун-те Гу Цзе-ган учился у **Чжан Бин-линя** (см. также т. 1), разделяя его мнение о необходимости сохранения ученым независимости от полит.

сил и объективности исследования. Вместе с тем испытал влияние **Кан Ю-вэя**, призывавшего поставить историю на службу современности. Гу Цзе-ган считал, что для успешного развития Китая надо отказаться от всего устаревшего в нац. наследии. Не доверяя фактам в сочинениях традиц. историографии, требовал науч. анализа ист. источника. Фальсификацию др.-кит. истории связывал с важными обществ. процессами в IV–III вв. до н.э. и становлением конф. элиты на рубеже н.э., взгляды и задачи к-рой стала выражать традиц. кит. историография. Довольно прямолинейно он проводил связь между интересами доминирующих социальных слоев и идеями историографии. Залог реформирования ист. науки видел в постановке ее на службу кит. народу, призывал интеллигенцию изучать простой народ и учиться у него. Занимался исследованием кит. фольклора, этнографии, народной культуры, ист. географии. В результате пришел к отрицанию неизменной «нац. сути» кит. этноса, показал значительную роль заимствований и внеш. влияний в развитии кит. цивилизации. Оставаясь на позициях кит. национализма, тем не менее находился в оппозиции офиц. гоминьдановской идеологии, национализм к-рой принимал форму модернизированного конфуцианства. После победы коммунистов Гу Цзе-ган предпочел остаться в КНР, при этом не занимал административных постов, не принимал активного участия в кампаниях критики и ист. дискуссиях. Много времени он уделял работе по подготовке совр. научных изданий материалов традиц. историографии Китая.

В 2006 была завершена ред. работа над 8-томным полным собр. соч. Гу Цзе-гана.

***** *Гу Цзе-ган.* Чжэн Цзяо чжуань (Биография Чжэн Цзяо) // Госюэ цзикань. Пекин, 1923, № 2; *он же* (ред.). Гу ши бянь (Критика древней истории): В 7 т. [Б.м.], 1926–1941. Совм. с Ло Гэнь-цзэ, Люй Сы-мянем; то же. Гонконг, 1962–1963, Тайбэй, 1970, Шанхай, 1982; *он же* (ред.). Бянь вэй цункань (Библиотека-серия критики поддельных сочинений): В 8 т. Пекин, 1928–1935. Совм. с Лю Вань-чжаном; *он же.* Су Юэ ды хунь сан (Свадебные и похоронные церемонии Сучжоу и Гуанчжоу). Гуанчжоу, 1928; *он же.* Чжунго цзянъюй яньгэ ши (История эволюции окраин Китая). Шанхай, 1938. Соавт.: Ши Нянь-хай; *он же.* Сибэй каоча жицзи (Дневник обследования Северо-Запада [Китая]). Пекин, 1949; Гу Цзе-ган гу ши луньвэнь цзи (Сборник статей по древней истории Гу Цзе-гана): В 2 т. Пекин, 1988; Гу Цзе-ган сюань цзи (Избранное Гу Цзе-гана). Тяньцзинь, 1988; *Ku Chieh-kang.* Autobiography of a Chinese Historian, Being the Preface to a Symposium on Ancient Chinese History (Ku shih pien). Leiden, 1931; *idem.* A Study of Literary Persecution During The Ming // HJAS. 1938, № 3–4. ****** *Агеева Н.Ю.* Гу Цзе-ган о «Чжоу и» // XXXVII НК ОГК. 2007, с. 172–177; *Березный Л.А.* Парадоксы Гу Цзе-гана: Американский журнал ["Modern China"] о китайской историографии 1930-х годов // XXIX НК ОГК. 1999, с. 302–306; *Гу Чао.* Гу Цзе-ган няньпу (Хроника жизни Гу Цзе-гана). Пекин, 1993; *она же.* Гу Цзе-ган пинчжуань (Научная биография Гу Цзе-гана). Наньчан, 1995; *Лю Ци-юй.* Гу Цзе-ган сяньшэн сюэшу (Ученые занятия проф. Гу Цзе-гана). Пекин, 1986; Чжумин лишисюэцзя Гу Цзе-ган сяньшэн шиши (Скончался знаменитый историк проф. Гу Цзе-ган) // Жэньминь жибао. 30.12.1980; *Чжэн Шу-лян.* Гу Цзе-ган сяньшэн чжушу няньпу (Хронология трудов проф. Гу Цзе-гана). Пекин, 1987; *Hon Tze-Ki.* Ethnic and Cultural Pluralism: Gu Jie-gang's Vision of a New China in His Studies of Ancient History // Modern China, 1996, № 7; *Richter U.* Gu Jie-gang: His Last Thirty Years // CQ. 1982, № 90; *idem.* Gu Jie-gang (1893–1980) und die Diskussion über alte Geschichte. München, 1982; *idem.* Zweifel am Altertum, Gu Jie-gang und die Diskussion über Chinas alte Geschichte als Konsequenz der "Neuen Kulturbewegung", ca. 1915–1923. Fr./M., 1992; *Schneider L.A.* From Textual Criticism to Social Criticism: The Historiography of Ku Chieh-kang // JAS. 1969, № 4; *idem.* Ku Chieh-kang and China's New History. Berk., 1971.

В.М. Майоров

«ГУЦЗИНЬ ТУШУ ЦЗИЧЭН»

古今圖書集成

«Гуцзинь тушу цзичэн» («Полное собрание книг древности и современности», «Полное собрание древних и современных книг»), полное назв. «Циньдин гуцзинь тушу цзичэн» («Высочайше утвержденное полное собрание книг древности и современности»), сокр. назв. «Тушу цзичэн» («Полное собрание книг»). Самое крупное из сохранившихся сочинений типа **лэй шу**, первая нац. энциклопедия императорского Китая. Основной текст состоит из 10 тыс. цз., оглавление — 40 цз.; общий объем 160 млн. иероглифов. Составлением *лэй шу* (собраний текстов и фрагментов из текстов различных памятников), к-рые имели особую орг-цию и стали со временем частью офиц. культуры императорского Китая, занимались придворные ученые, по особому распоряжению императора.

По данным кит. ученых, основную работу над текстом выполнил Чэнь Мэнлэй (род. 1661). Он пользовался особым расположением имп. Шэн-цзу (прав. под девизом **Кан-си** в 1662–1722), был наставником и советником его третьего сына Инь Чжи (1677–1732).

Согласно существующей версии, при активной поддержке принца Чэнь Мэнлэй приступил к работе в 1701 и уже в 1706 представил черновик императору. Кан-си его одобрил, дал ему название, под к-рым сочинение ныне известно, и направил чиновников помогать Чэнь Мэн-лэю, разрешив пользоваться императорской б-кой. В 1722 незадолго до смерти императора Чэнь Мэн-лэй представил ему окончательный вариант текста, к-рый был утвержден к печати. Но смерть Кан-си и вступление на престол имп. Ши-цзуна (прав. под девизом Юн-чжэн в 1723–1735) радикально изменили судьбу автора и его труда. Новый император начал преследование всех, кто мешал ему овладеть престолом, не пощадил и своего брата, расположением к-рого пользовался Чэнь Мэн-лэй. Ученый попал в опалу и был сослан, а рукопись была конфискована. Но уничтожать ее Юн-чжэн не стал, решив взять ее под свою опеку и придать ей офиц. статус. Для ревизии текста и подготовки окончательного варианта по распоряжению императора была создана спец. комиссия во главе с одним из крупнейших сановников империи Цзян Тин-си (1669–1738). Под его рук-вом работа была завершена в 1726. Император утвердил представленный текст, написал к нему предисловие, и в 1728 он был издан в 64 экз. под назв. «Высочайше утвержденное полное собрание книг древности и современности». Личная причастность императора к созданию данного труда придавала ему необычайно высокий статус; этого удостаивались лишь немногие произведения придворных ученых.

В отличие от большинства сочинений *лэй шу*, где классификационные схемы построены по фонетич. принципу, составители «Тушу цзичэн» положили в основу тематический (предметный) принцип, что сближает его с совр. энциклопедиями.

Труд делится на шесть сборников (*хуйбянь*): «Небесные тела» («Ли сян»), «Земли» («Фан юй»), «Суждения о народах» («Минь лунь»), «Естествоведение» («Бо у»), «Гуманитарные знания» («Ли сюэ»), «Дела правления» («Цзин цзи»). Каждый сборник состоит из разделов (*дянь*), их 32: «Летосчисление» («Ли фа»), «Горы и реки» («Шань чуань»), «Взаимоотношения между людьми» («Жэнь ши»), «Растительность» («Цао му»), «Библиография» («Цзин цзи»), «Товары и деньги» («Ши хо») и т.д. В свою очередь, разделы состоят из рубрик (*бу* [*4*]), их всего 6109. Это — основная структурная единица «Тушу цзичэн». Материал в рубриках организован по общей для всего труда схеме и расположен в хронологич. порядке. Каждая рубрика снабжена своеобразным резюме.

Составленная в XVIII в., «Тушу цзичэн» содержит в себе много нового, отсутствующего в более ранних *лэй шу*. Так, вслед за блоком из трех сборников, к-рые тематически связаны с конф. представлением о «трех началах» (Небо, Земля, Человек — **сань цай**; см. т. 1), помещен раздел естествоведения (*бо у*), содержащий обширные сведения о флоре, фауне, сверхъестественном и пр., и только потом идет описание гуманитарных знаний, к-рые с древности считались в Китае приоритетными. А дела правления (**цзин цзи**; см. т. 1), к-рые также всегда находились в центре внимания составителей *лэй шу*, занимают здесь последнее — 6-е место. Впервые в истории *лэй шу* составители «Тушу

乙

цзичэн» включили в свой труд большое кол-во биографий ист. персонажей: известных чиновников, выдающихся конфуцианцев, мудрецов, прославленных жен (*чжумин фунюй*; их биографии занимают 313 цз.). Есть и нек-рые сведения о точных науках (математике, геометрии). Т.о., «Тушу цзичэн» действительно напоминает совр. энциклопедию, содержит огромную, во многом уникальную информацию, нередко отсутствующую в др. источниках. Не менее важно и историко-культурное значение этого труда для сохранения преемственности нац. культурной традиции: являясь своего рода антологией текстов различных эпох, «Тушу цзичэн» хранит сведения (нередко малодоступные) о многих сочинениях и их авторах.

Интерес к «Тушу цзичэн» резко возрос в конце правления дин. Цин, когда в условиях надвигающегося нац. кризиса кит. об-во искало опоры в цивилизационных ценностях. В 1884–1885 одно из шанхайских изд-в опубликовало этот труд огромным для того времени тиражом (1500 экз.), а еще через неск. лет там же вышло 3-е изд.; текст был предварительно выверен и снабжен комментарием. После Синьхайской революции (1911) этот труд издавался неск. раз в Китае и на Тайване. Наиболее известны публикации изд-ва «Чжунхуа шуцзюй» 1934 и 1985 (с указателями). В кон. XX в. на Тайване под ред. Ян Цзяло начали выпускать дополнения к разделам «Тушу цзичэн».

С конца XIX в. «Тушу цзичэн» привлекает внимание заруб. синологов. Однако, ориентированный на кит. интеллектуальную элиту, он был очень труден для иностранцев. Это подвигло англ. синолога Л. Джайлса (1875–1958) подготовить спец. указатель к нему на англ. яз., к-рый стал надежным помощником не одного поколения китаистов.

Высоко оценивал «Тушу цзичэн» глава отечеств. китаеведной школы акад. В.М. Алексеев (1881–1951). Считая ее самой полной энциклопедией кит. культуры, он постоянно обращался к ней в своих исследованиях. В 1929 он представил проект создания «подробного биобиблиографического указателя к колоссальной энциклопедии XVII в.», но реализован этот проект у нас, к сожалению, не был. С 1972 к созданию такого указателя приступили в Японии: литературным ф-том ун-та Обирин в Токио были изданы составленные Тотио Такэси два первых выпуска «Библиографии книг, использованных в „Гуцзинь тушу цзичэн“» («Гуцзинь тушу цзичэн инъё сёмокуко»).

* Гуцзинь тушу цзичэн (Полное собрание книг древности и современности): В 800 т. Шанхай, 1934; *Giles L.* An Alphabetical Index to the Chinese Encyclopedia, Ch'in-ting Ku-chin t`ushu chi-ch'êng. L., 1911.
** *Алексеев В.М.* Заявление непременному секретарю Академии наук о моих проектах // *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982, с. 204; *Ли Цзун-е.* Чжунго лиши яоцзи цзешао (Важнейшие книги по истории Китая). Шанхай, 1982, с. 470–475; Чжунго шисюэ минчжу тицзе (Наиболее известные книги по истории Китая) / Гл. ред. Чжан Шунь-хуй. Пекин, 1984, с. 419–421; *Фэн Эр-кан.* Цин ши шиляосюэ (Источниковедение истории Цин). Шэньян, 2004, с. 387–390.

Б.Г. Доронин

«ДАЙ МИН ЛЮЙ»

大明律

«Дай Мин люй» — «Законы Великой [династии] Мин»). Минский кодекс, составленный в период правления родоначальника дин. Мин (1368–1644) **Чжу Юань-чжана** (имп. Тай-цзу, прав. 1368–1398). В истории составления кодекса прослеживаются несколько этапов.

Еще до офиц. провозглашения династии Чжу Юань-чжан собрал в 1364 спец. совещание для обсуждения проблем, связанных с разработкой нового законодательства. 3 нояб. 1367 он назначил комиссию из 20 чел. во главе с первым канцлером Ли Шань-чаном для составления законов (*люй* [*Л*]) и декретов/установлений (*лин*). 23 дек. 1367 комиссия закончила работу и представила 285 законов (не сохранились до наших дней) и 145 декретов (под назв. «Дай Мин лин»). 6 янв. 1374 глава Ведомства наказаний (*Синбу*) Лю Вэй-цянь получил повеление составить новые законы. О причинах такого приказа в источниках ничего не говорится, внутр. обстановка того времени также не

объясняет этого. Комиссия завершила работу во 2-м месяце того же года. Сборник включал 606 статей, к-рые по примеру кодекса дин. Тан (618–907) **«Тан люй шу и»** («Уголовные установления Тан с разъяснениями») были разбиты на 30 глав и одновременно тематически сгруппированы в 12 разделов. Наименования глав и разделов полностью соответствовали оглавлению Танского кодекса.

Чжу Юань-чжан распорядился в 1374 обнародовать и ввести в действие новый законодательный свод под назв. «Дай Мин люй» («Законы Великой [династии] Мин»). Однако законодательная деятельность продолжалась и в последующие годы: производился пересмотр отдельных статей и создавались новые законы. Добавления к законам стали настолько многочисленными, что Чжу Юань-чжан приказал **Ханьлинь академии** (см. т. 1) совместно с чиновниками Ведомства наказаний рассмотреть все добавления последних лет, «примирить» их смысл, классифицировать и внести в кодекс. Эта работа завершилась в 1389 кардинальной ревизией кодекса. В новом варианте осталось всего 460 статей. Они были сгруппированы в 7 разделов, к-рые подразделялись на 30 глав. Новый свод значительно отличался от предыдущего, имел более продуманную и логич. систематизацию материала. Принятая в нем классификация законов просуществовала в течение всего минского периода и была воспринята составителями кодексов маньчж. дин. Цин (1644–1911; см. **«Дай Цин люй ли»**; **«Дай Цин хуй дянь»**). Источники не сообщают, какое наименование получил завершенный в 1389 вариант. По указу Чжу Юань-чжана новый свод сразу же был опубликован и введен в действие.

На заключительном этапе формирования Минского кодекса в него были включены нек-рые положения из прецедентного права (сб. «Да гао» — «Великие рескрипты») и правовые установления *ли* [*12*] –– временные меры для дополнения и корректировки основных законов. 29 мая 1397 была составлена новая версия кодекса — «Дай Мин люй гао» («Законы Великой [династии] Мин [с добавлениями из „Великих] рескриптов“»); в законы были внесены важнейшие положения из «Да гао». В остальном — по своей структуре, кол-ву разделов, глав и статей данный вариант не отличался от предыдущего. Чжу Юань-чжан распорядился отпечатать новый кодекс в столице и на периферии. Т.о., после 30-летней работы был создан окончательный вариант Минского кодекса. Кит. историки права дают ему высокую оценку, определяя его как высшую ступень в развитии кит. законодательства дореспубликанского периода.

Законы, включенные в кодекс в 1397, сохранились в первонач. виде вплоть до конца минской эпохи и без к.-л. изменений входили в более поздние законодательные своды. Разработанный в 1607–1610 кодекс «Дай Мин люй цзи цзе фу ли» («Законы Великой [династии] Мин со сводным комментарием и приложением постановлений») включает в себя:

1. «Дай Мин люй», содержащий 30 глав и 460 статей (в ред. 1397).
2. 405 «дополнительных установлений» (*ли* [*12*]). Они были составлены в период между 1443 и 1607 и вносили в действующее законодательство нек-рые коррективы в связи с изменением реальной обстановки в стране.
3. Комментарий, принадлежащий составителям-издателям памятника, включающий толкования предшествующих комментариев минских законов, а нередко и полемику с ними.
4. Комментарий законодателя, присутствующий в 53 статьях. Будучи инкорпорированным внутрь последних, данный комментарий является их интегральной частью.

Структура памятника «Дай Мин люй цзи цзе фу ли» следующая: I. Предисловие Чжу Юань-чжана; II. Таблицы; III. Порядок ношения траура по родственникам; IV. Основные разделы (см. ст. **Кодификация традиционного права** в Общем разделе).

***** Дай Мин лин (Декреты Великой [династии] Мин). Хуан Мин чжи шу. Т. 1. Тайбэй, 1969; Дай Мин люй (Законы Великой [династии] Мин). Хуан Мин чжи шу. Т. 4. Тайбэй, 1969; Дай Мин люй цзи цзе фу ли

(Законы Великой [династии] Мин со сводным комментарием и приложением постановлений). Т. 1–10. [Б.м.], 1908; Законы Великой [династии] Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. Ч. I. М., 1997; Ч. II. М., 2002. ** *Бокщанин А.А.* Удельная система в позднесредневековом Китае (Период Мин, 1368–1644). М., 1986; *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права. М., 1986; *Свистунова Н.П.* Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в. М., 1966; *она же.* Законы о наследовании в минских кодексах *Да Мин лин* и *Да Мин люй* // XXXII НК ОГК. 2002, с. 88–115; Установления о соли и чае / Пер. Н.П. Свистуновой. М., 1975; *Вада Сэй.* Мэй си сёкука си якутю (Комментированный перевод [раздела] «Шихо чжи» [из] «Мин ши»). Токио, 1957; *Ся Се.* Мин тун цзянь (Полное отображение [истории династии] Мин). Т. 1–8. Пекин, 1959; *У Хань.* Чжу Юань-чжан чжуань (Жизнеописание Чжу Юань-чжана). Пекин, 1987; *Хуан Чжан-цзянь.* Мин дай люй ли хуйбянь сюй (Очередность [составления] сборников законов и дополнительных постановлений [династии] Мин) // Далу цзачжи. Т. 53. 1976, № 4; *Hoshi Ayao.* The Ming Tribute Grain System. Ann Arbor, 1969; *Hucker Ch.* The Censorial System of Ming China. Stanf., 1966.

По материалам ***Н.П. Свистуновой***

ДАЙ ХУН-ЦЫ

戴鴻慈

Дай Хун-цы. 1853, Наньхай, пров. Гуандун, — Пекин, 1910. Известный кит. сановник и дипломат, дважды посетивший Петербург — в 1906 и 1909. Получив образование в Европе и США, был назначен секретарем посольства цинского Китая в Лондоне. Будучи принят на службу в Главное ведомство по иностр. делам (**Цзунли ямэнь**), работал под наблюдением видного кит. гос. деятеля и дипломата **Ли Хун-чжана** (1823–1901). Благодаря знанию иностр. языков приобрел известность крупного специалиста в области междунар. права. Его как руководителя Ведомства церемоний (*Либу*) в 1905 направили с группой видных сановников во главе с маньчж. князем Цзай Цзэ (1876–1928) в США и страны Зап. Европы для ознакомления с конституционной формой правления.

Отправившись из Шанхая 19 дек. 1905, члены кит. ознакомительной миссии посетили США, Англию, Францию, Германию, Италию и в апр. 1906 прибыли в Россию. В Петербурге они были приняты Николаем II и побывали на заседании Гос. думы.

Когда после 4-месячного заграничного путешествия миссия вернулась в Китай, ее глава Цзай Цзэ представил трону отчет о поездке под назв. «Каоча чжэнчжи жицзи» («Ежедневные записки о политических исследованиях»), а члены миссии Дуань Фан (1861–1911) и Дай Хун-цы — соч. «Ле го чжэн яо» («Основы управления разных стран») о системе управления в ряде иностр. гос-в. В нем говорилось о необходимости установления в Китае конституц. формы правления. Кроме того, Дай Хун-цы составил хронику путешествия под назв. «Чу ши цзю го жи цзи» («Ежедневные записи о поездке в девять стран»), к-рая была издана в Пекине в 1907.

В 1909 Дай Хун-цы в качестве министра юстиции был послан в Петербург с письмом от имени малолетнего **Пу И** к царю Николаю II с благодарностью за отправление им спец. миссии во главе с генералом Палицыным на похороны имп. **Цзай Тяня** (прав. под девизом Гуан-сюй в 1875–1908). Для поездки в Россию правление КВЖД предоставило Дай Хун-цы отдельный вагон. Дай Хун-цы сопровождал хорошо знавший рус. яз. Ли Цзя-ао, к-рый в течение неск. лет служил во Владивостоке коммерческим агентом. По распоряжению царя высоким гостям из Китая была предоставлена в столице лучшая гостиница «Европа»; все расходы кит. миссии оплачивались из царской казны.

22 июня 1909 Дай Хун-цы был принят царем, после чего посетил Красное Село, где присутствовал на учениях лейб-гвардии Измайловского полка. При

отъезде кит. миссии из Петербурга (27 июня) в Москву к ней был прикомандирован почетный караул, к-рый должен был сопровождать ее в поезде до Иркутска.

После возвращения на родину Дай Хун-цы стал пользоваться бóльшим расположением со стороны цинского двора. После кончины видного гос. деятеля **Чжан Чжи-дуна** он был назначен в сент. 1909 вице-канцлером и членом Гос. совета. Эти посты он занимал до конца своих дней.

** *Самойлов Н.А.* О визите Дуань Фаня и Дай Хун-цы в Россию в 1906 г. // XXVIII НК ОГК. Ч. 2. 1998, с. 250–257.

А.Н. Хохлов

ДАЙ ЦЗИ-ТАО

戴季陶

Дай Цзи-тао, Дай Лян-би, Дай Чжуань-сянь, Дай Сюань-тан, псевд. Дай Тянь-чоу, прозв. Сяо-юань. 1890 (или 1891), Гуанхань пров. Сычуань, — 11.02.1949, Гуанчжоу. Обществ. и полит. деятель, один из главных идеологов партии Гоминьдан. Получил традиц. кит. образование, учился в Японии (1905–1909), там познакомился с **Чан Кай-ши** (1887–1975). После возвращения в Китай стал гл. редактором газ. «Тяньдобао» («Небесный колокол»). В 1911 вступил в *Тунмэнхуй* («Объединенный союз»), организованный **Сунь Ят-сеном** (1866–1925). В это же время участвовал в создании в Шанхае газ. «Миньцюань бао» («Власть народа»), в ней опубликовал серию статей с резкой критикой попыток **Юань Ши-кая** (1859–1916) реставрировать монархию.

С 1912 стал личным секретарем Сунь Ят-сена, выполнял его доверительные поручения. В период «движения 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*) вместе с Шэнь Сюань-лу основал журн. «Синци пинлунь» («Недельное обозрение»), опубликовал большое число материалов о социализме, о рабочем движении в Китае и мире. В начале 20-х занимался изучением марксизма и входил в шанхайскую коммунистич. группу, от к-рой отошел, отказавшись вступить в КПК. На I съезде Гоминьдана (1924) избран чл. ЦИК и назначен зав. отделом пропаганды. После смерти Сунь Ят-сена стал идеологом крайне правого крыла Гоминьдана — т.н. сишаньской группы. (Сишаньская конференция правых гоминьдановцев прошла в нояб.1925 под Пекином, сформировав свое рук-во из 14 чел., включая Дай Цзи-тао. Они выступали против сотрудничества с КПК и СССР.) В дальнейшем Дай Цзи-тао выступал с правых позиций, хотя и не так открыто, как нек-рые «сишаньцы». Он претендовал на роль продолжателя теоретич. деятельности Сунь Ят-сена, сторонники к-рого объединились в «Об-во по изучению суньятсенизма» (*Суньвэньчжуи сюэхуй*), созданное 29 дек. 1925 в Гуанчжоу.

Дай Цзи-тао на III пленуме ЦИК Гоминьдана (май 1925) выступил с требованиями ограничить права коммунистов в Гоминьдане и «определить высший принцип Гоминьдана», направленный против идей классовой борьбы. Пленум не принял этих предложений.

В 1926 стал ректором Ун-та Сунь Ят-сена в Гуанчжоу, в февр. 1928 — зав. Отделом пропаганды пр-ва Гоминьдана. В 1928 Дай Цзи-тао был приглашен Чан Кай-ши на пост пред. Экзаменационного юаня (департамента, ведавшего назначениями на гос. должности), где проработал в течение 20 лет. В 1936 возглавил кит. делегацию на Олимпийских играх в Берлине. Перед открытием Игр имел 20-мин. беседу с Гитлером. В 1940 во главе делегации Гоминьдана посетил Индию, встречался с М.К. Ганди (1869–1948). 10 июля 1948 становится руководителем Комиссии по истории Китая (*Гошигуань*). В янв. 1948, находясь в Гуанчжоу, Дай Цзи-тао заболел, у него началась бессонница, постоянно принимал снотворное. Покончил жизнь самоубийством в февр. 1949 в Гуанчжоу.

После смерти Сунь Ят-сена первым предложил свою трактовку его идейного наследия, выступая против политики «новых трех народных принципов» (*синь сань минь чжуи*), состоявших в союзе с Россией, союзе с компартией, поддержке рабочих и крестьян (*лянь э, лянь гун, фучжу нун гун*). В июне-июле 1925 Дай Цзи-тao опубликовал две филос. работы, направленные против марксистской теории классовой борьбы: «Филос. основы суньятсенизма» («Сунь-

вэньчжуи чжи чжэсюэ цзичу») и «Нац. революция и кит. Гоминьдан» («Гоминь гэмин юй Чжунго Гоминьдан»). Дай Цзи-тао уверял читателей в том, что после смерти Сунь Ят-сена его учение искажается, неверно излагается и потому назрела необходимость восстановить «три народных принципа в их чистом виде». Считал, что только они (т.е. «национализм», «народовластие», «народное благосостояние») — единств. путь к спасению Китая. По его мнению, необходимо было рассматривать принципы Сунь Ят-сена в контексте развития традиц. этико-полит. мысли Китая, начиная с древних мудрых императоров **Яо** и **Шуня** (см. т. 2), а также философов **Конфуция** и **Мэн-цзы** (см. т. 1). Само слово «принцип» (*чжуи*) он трактовал как «путь» (**дао**; см. т. 1), главное назначение к-рого состоит в спасении кит. нации. Главным врагом кит. нации, как и др. угнетенных народов, препятствующим достижению об-ва Великого единения (**да тун**; см. т. 1), объявлялся империализм.

Дай Цзи-тао упрекал молодежь, увлекшуюся идеями коммунизма, в том, что у нее «под влиянием пропаганды Коминтерна» недостаточно развито нац. сознание, что она не любит историю своей страны, не любит свою нацию, а это мешает осуществить социальную революцию. Он также обвинял молодых в забвении нац. культуры (что противоречило заветам Сунь Ят-сена). У него вызывали раздражение симпатии кит. молодежи к рус. революции и изучение ее опыта, стремление оценить положение ее в мире и роль империализма с позиций марксизма-ленинизма, а не в свете «трех народных принципов». Он квалифицировал коммунистов как «утопистов», «фантазеров», обвинял их в том, что, выступая против **анархистов,** они сами являются их учениками и последователями.

В своем осуждении марксизма Дай Цзи-тао полностью использовал критич. замечания Сунь Ят-сена о теории классовой борьбы К.Маркса и ее роли в истории человечества. Но если Сунь Ят-сен делал это в мягкой форме, предлагая не вести идейно-полит. борьбу с марксизмом и считая необходимым подчеркнуть, что марксизм «является другом трех народных принципов», то Дай Цзи-тао резко противопоставлял суньятсенизм марксизму, национальное — иностранному и настаивал на полном разрыве с марксизмом.

Он представил «три народных принципа» как целиком вытекающие из кит. «ортодоксальной идеи» и имеющие преемственность с учением о «гуманности» (**жэнь [2]**; см. т. 1) Конфуция: «гуманность/человеколюбие» рождает «разум» (**чжи [1]**; см. т. 1), а от «разума» проистекает «мужество» (*юн* [*Л*]). Соединяясь между собой, эти три понятия образуют «честность» («искренность» — **чэн [1]**; см. т. 1), с помощью к-рых можно воплотить в жизнь «три народных принципа». Центральным в них Дай Цзи-тао считал принцип «народного благосостояния» (*миньшэн*), к-рый, по его представлениям, является прямым наследованием конф. идеи идеального об-ва *Да тун* и выражением «философии народного благосостояния» (**миньшэн чжэсюэ**; см. т. 1). Считал «народное благосостояние» проявлением вселенской добродетели, а «гуманность» — филос. основой «народного благосостояния».

Представляя свои взгляды как выражение интересов всей нации, Дай Цзи-тао призывал к возрождению Китая на основе социальной гармонии. Опираясь на идеи китаецентризма, исключительности кит. нации, он абсолютизировал националистич. ядро социальной философии Сунь Ят-сена. Пытаясь соединить традиц. представления о ведущей роли гос-ва в социально-экономич. жизни об-ва с достижениями промышленной цивилизации, отвергал капиталистич. развитие по зап. образцу со свойственными ему социальными противоречиями и классовыми антагонизмами. Гарантами должного развития Китая являлись, по его мнению, гос-во и воспитание народа в духе конф. морали. Отрицая зап. влияние на идеи Сунь Ят-сена и исходя из превосходства традиц. социально-полит. институтов, культурных и морально-этич. ценностей кит. цивилизации, Дай Цзи-тао выступал как против империализма и установления буржуазно-демократич. республики, так и против марксизма и КПК. В работе «Нац. революция и кит. Гоминьдан» Дай Цзи-тао требовал выхода коммунистов из Гоминьдана, т.к. последователи коммунистич. учения

не могут быть сторонниками «трех народных принципов». Тем не менее он считал возможным на данной стадии сохранение союза (внешнего) между Гоминьданом и КПК.

Отмечая «наличие общей цели и полное совпадение по характеру» принципов «народного благоденствия» и коммунизма, в то же время указывал на их отличия в филос. основах и методах осуществления, полагая, что материалистич. взгляд на историю «не может объяснить нац. революцию через соединение всех классов во имя революции».

КПК резко выступила против установок Дай Цзи-тао. В статьях лидеров компартии, а также в брошюре **Цюй Цю-бо** (1899–1935) «Китайская национальная революция и дайцзитаоизм» («Чжунго гоминь гэмин юй дайцзитаочжуи»), опубликованных в сент. 1925, концепция «классового мира» была охарактеризована как кит. разновидность буржуазного национализма, направленного на обман народных масс. Его конечная цель — создание «империализма китайской буржуазии». В «Решении по некоторым вопросам нашей партии», принятом VII расширенным пленумом ЦК КПК 6-го созыва 20 апр. 1945, специально подчеркивалось, что «тов. Цюй Цю-бо активно боролся против „идей" Дай Цзи-тао, представителя правого крыла Гоминьдана, выступившего против компартии и народа».

Дай Цзи-тао был убежденным националистом, китаецентристом, пропагандировавшим историко-культурное превосходство Китая и кит. нации, кит. морально-этических ценностей. Взгляды Дай Цзи-тао были использованы Чан Кай-ши (подлинное авторство многих его речей, статей и книг принадлежит Дай Цзи-тао) для теоретич. обоснования разрыва с КПК (1927). Они оказали существ. влияние на формирование и развитие офиц. идеологич. доктрины Гоминьдана.

***** Дай Цзи-тао сяньшэн вэньцунь (Собр. соч. Дай Цзи-тао): В 4 т. Тайбэй, 1959; Дай Тянь-чоу вэньцзи (Собр. соч. Дай Тянь-чоу). Тайбэй, 1962; Дай Цзи-тао цзи (Собр. соч. Дай Цзи-тао). Тайбэй, 1963; Дай Цзи-тао сяньшэн вэньцунь цзай сюйбянь (Приложение к Собр. соч. Дай Цзи-тао). Тайбэй, 1968. ****** *Глунин В.И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921–1927 гг.): В 2 кн. М., 1975**;** *Делюсин Л.П.* Борьба вокруг идейного наследия Сунь Ят-сена // Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX – начало XX в.). М., 1988, с. 199–242; *Каткова З.Д.* Дай Цзи-тао о характере японской цивилизации // XV НК ОГК. Ч. 3. 1984, с. 156–158; *Корсун В.А.* Некоторые концепции китаецентризма и империализма во внешнеполитических воззрениях Дай Цзи-тао // Проблемы востоковедения: Сб. науч. трудов. Вып. 7 / МГИМО. М., 1978, с. 54–69; *он же.* Общественно-политические взгляды Дай Цзи-тао и эволюция китайского национализма: Канд. дис. М., 1980; *Лукин А.В.* Идеология китайского национализма в работах Дай Цзи-тао // XVII НК ОГК. Ч. 3. 1986, с. 169–175; *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана, 1927–1949. М., 1977, с. 47–48; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1984; Новейшая история Китая, 1928–1949. М., 1984, с. 336–341; *Цюй Цю-бо.* Чжунго гоминь гэмин юй дайцзитаочжуи (Китайская национальная революция и дайцзитаоизм). Пекин, 1925; Цыхай. Лиши фэньсэ. Чжунго сяньдайши ([Словарь] Море слов. История. Современная история Китая). Шанхай, 1984, с. 178; Чжунго сяньдай ши цыдянь (Словарь современной истории Китая). Пекин, 1987, с. 824.

А.В. Виноградов, В.Н. Усов

«ДАЙ ЦИН ЛЮЙ ЛИ»

大清律例

«Дай Цин люй ли» («Основные законы и постановления Великой [династии] Цин») — первый свод законов маньчж. дин. Цин (1644–1911). История этого памятника связана с начальным этапом завоевания Китая маньчжурами, когда цинский двор после захвата Пекина в 1644 принял ряд мер по укреплению своих полит. и экономич. позиций.

Сохранив почти целиком старую систему правительств. ведомств и учреждений, маньчжуры, стоявшие на более низком уровне обществ. развития, чем китайцы, были вынуждены воспользоваться и традиц. системой судопроизводства. Распоряжение относительно использования старого кодекса дин. Мин (1368–1644) **«Дай Мин люй»** последовало уже в июле 1644, когда маньчж. двором был получен доклад главного инспектора столичной обл. Шуньтянь Лю Ин-дуна. Инспектор предлагал перейти к более широкой системе наказаний для удержания населения в повиновении. Сославшись на то, что прежние правители Китая в целях поддержания своей власти никогда не отменяли системы «пяти наказаний» (**у син**), автор доклада высказывал сомнение относительно эффективности используемого маньчжурами наказания плетью, полагая, что этой меры будет недостаточно для устрашения населения. Указывая на необходимость четкого определения видов наказаний, Лю Ин-дун предлагал скорее приступить к составлению нового свода законов, издание к-рого должно способствовать прекращению «смуты». Ознакомившись с этим докладом, маньчж. князь Доргонь, регент при малолетнем богдохане (имп. Ши-цзу, прав. под девизом Шунь-чжи в 1644–1661), 21 июля 1644 предписал судебным органам руководствоваться в своей деятельности положениями старого Минского кодекса.

Пока местные кит. власти, следуя полученному указанию, вершили правосудие на основе Минского кодекса, цинский двор принимал срочные меры к составлению нового кодекса. 1 сент. 1644 регент на основе предложения кит. чиновника Сун Жаня приказал руководителям судебных ведомств совместно с придворными сановниками рассмотреть Минский кодекс с целью внесения в него исправлений и дополнений в соответствии с полит. переменами, произошедшими в Сев. Китае. 2 окт. 1644 всем столичным ведомствам от его имени было предписано выделить наиболее способных, разбирающихся в юриспруденции чиновников для включения их в состав кодификационной комиссии в качестве редакторов, контрольных сверщиков и пр.

Несмотря на подготовительные меры, цинскому двору пришлось еще раз вернуться к старому законодательству. Поводом послужил доклад кит. чиновника Дан Чун-и. Сообщая о произвольном вынесении приговоров в провинциях, он предлагал до введения единой системы гос. управления в масштабе страны временно руководствоваться положениями Минского кодекса. Поддержав это предложение, цинский двор 19 нояб. 1644 предписал провинциальным властям отстранять от должности и сурово наказывать тех чиновников, к-рые будут действовать по собств. почину.

Между тем по мере захвата маньчжурами новых р-нов в центр. части Китая потребность в новом законодательстве становилась все более ощутимой. Об этом свидетельствовали, в частности, доклады чиновников судебных ведомств, содержавшие настоятельные просьбы о скорейшем составлении нового рук-ва и в нек-рых случаях конкретные предложения относительно характера и видов наказаний, подкреплявшиеся, как правило, ссылками на существование тех или иных постановлений в прошлом. Призывая к использованию традиц. правовых норм, кит. чиновники высказывались иногда за установление в стране такого правопорядка, при к-ром император в качестве верховного судьи должен был выносить окончательное решение по каждому преступлению.

3 марта 1645 комиссии по составлению нового кодекса было предложено рассмотреть постановления, касающиеся маньчжуров и китайцев, с целью более детальной дифференциации наказаний как для первых, так и для вторых. В связи с этим 11 марта последовало новое распоряжение, чтобы столичные ведомства передали в Ведомство наказаний (*Синбу*) все следственные материалы, касающиеся маньчжуров и китайцев.

Несмотря на критич. замечания в адрес кодификационной комиссии и распоряжения цинского двора об ускорении ее работы, составление нового ко-

декса продвигалось крайне медленно. Еще до того, как работники дворцовой типографии приступили к вырезанию нового иероглифич. текста на досках, кодекс, представленный на утверждение императора, был возвращен на доп. рассмотрение. Лишь после того, как группа высших кит. и маньчж. сановников (Фань Вэнь-чэн, Ган Линь, Ци Кэ-гэ, Нин Вань-во, Сун Цюань) вновь рассмотрела постановления, касающиеся маньчжуров и китайцев, а чиновники *Синбу* проверили весь текст кодекса по статьям, последний был отдан в типографию. Только 28 апр. 1647 цинский двор получил кодекс в отпечатанном виде, дав указание обнародовать его по всей империи.
Первое издание кодекса называлось «Дай Цин люй цзи цзе фу ли» («Законы и постановления Великой [династии] Цин с комментариями»), сокр. «Дай Цин люй ли». В предисловии, написанном от имени императора, указывалось, что чиновники, служащие внутри Китая и на его окраинах, должны неукоснительно соблюдать кодекс, строго сообразуя свои решения с духом и буквой его законов.
Хотя в составлении кодекса принимали участие и маньчж. сановники, он был опубликован сначала только на кит. яз. Что же касается маньчж. текста, то его издали значительно позднее (в 1656–1657).
В результате работы кодификационной комиссии подавляющее большинство постановлений дин. Мин вошло в Цинский кодекс почти без изменений, причем часть из них в качестве основных законов — *люй* [*1*]. Что касается новых постановлений, впервые принятых цинским двором в качестве дополнений к Минскому кодексу, то они были включены в свод в виде дополнительных постановлений — *ли* [*12*]. В этих постановлениях фиксировались гл. обр. права маньчж. завоевателей, поставленных в привилегированное положение по отношению к китайцам, составлявшим абсолютное большинство населения империи. За один и тот же проступок кодекс устанавливал для китайцев более суровое наказание, чем для маньчжуров, монголов и китайцев (*ханьцзюнь*), принадлежавших к служилому сословию — т.н. знаменным (*ци жэнь*). Последние, кроме того, пользовались правом замены одного вида наказания другим — более легким или менее унизительным. Представители маньчж. знати и служилого сословия были неподсудны местным кит. судам, между тем как маньчж. чиновники, заседавшие в кит. судах, могли выносить решения по делам, касающимся китайцев.
Заимствовав кит. традиц. систему правовых отношений, маньчжуры внесли в законодательство и нек-рые нормы своего обычного права. Примером могут служить постановления о родовых старшинах (*цзу чжан*) в т.н. восьмизнаменных войсках (*ба ци*). Их обязанности заключались в том, чтобы «поучать» и «наставлять» знаменных — членов своего или чужого рода.
По своему содержанию «Дай Цин люй ли» являлся преимущественно уголовным кодексом, хотя в нем было немало статей, относившихся к др. отраслям права.
В «Дай Цин люй ли» не были предусмотрены такие виды смертной казни, как зарывание живого человека в землю, колесование, сожжение, сажание на кол, вливание расплавленного свинца в горло, какие можно было встретить в нек-рых совр. ему уголовных кодексах Зап. Европы. В «Дай Цин люй ли» не было и таких видов наказаний, как выкалывание глаз, отрубание рук и пальцев, отсечение носа и ушей, к-рые были зафиксированы, напр., в германском кодексе «Каролина». Однако цинский кодекс предусматривал медленное разрубание живого человека на части, отсечение головы, удушение с помощью шелкового шнура и др. виды смертной казни, широко практиковавшиеся в Китае в период раннего и позднего средневековья.

大清律例新修統纂集成

Законодательные акты в кодексе были размещены в 7 крупных разделах: одном общем и в шести специальных — по числу главных ведомств империи Цин. В общем разделе перечислялись преступления, наиболее часто встречающиеся в судебной практике и особо важные (в т.ч. политические). Здесь же перечислялись различные меры и виды наказаний и определялся порядок замены одного наказания другим (в частности, для чиновников, освобожденных от телесных наказаний).

新修律例統纂集成序
律一成而不易例則逐年增刪五年
一小修又五年一大修通行天下俾
知遵守故律文自雍正年間改增併
歟定爲四百六十三門至今仍循其舊徐例
世輕世輕因時地而酌量變通增纂
刪改款目繁多我
國家

В шести специальных разделах содержались постановления о преступлениях, к-рые в большей или меньшей степени касались профиля соответствующего ведомства — Ведомства чинов (*Либу*), Ведомства финансов (*Хубу*), Ведомства обрядов, или церемоний (*Либу*), Воен. ведомства (*Бинбу*), Ведомства наказаний (*Синбу*) и Ведомства общественных работ (*Гунбу*).

В целях систематизации нормативного материала цинские власти неоднократно пересматривали кодекс. Новые издания «Дай Цин люй ли» подготавливались в 1679, 1707, 1725, 1741, а также в более поздний период маньчж. господства. После пересмотра кодекса в 1723–1725 в нем насчитывалось 436 гл., включая 46 гл. общего раздела.

Согласно указу, принятому в 1746, доп. постановления (*ли* [*12*]) следовало пересматривать через каждые 5 лет. Впоследствии было решено осуществлять такие пересмотры через 5 и 10 лет для соответственно краткого и полного исправления законодательных актов.

Кодекс затрагивал весьма широкий круг вопросов и содержал решения по значительному числу частных случаев. Согласно **«Дай Цин хуйдянь»** («Свод узаконений Великой [династии] Цин»), составленному в 1818 (предпоследняя редакция), только в основных законах (*люй* [*1*]) упоминалось более 3 тыс. преступлений. Столь детальный характер кодекса объяснялся тем, что цинское право, основанное на юридич. нормах дин. Мин, развивалось на почве обсуждения и решения конкретных дел-казусов. Однако из-за того, что законодательные акты были расположены в кодексе по ведомств. признаку (эта схема сохранялась вплоть до нач. XX в.), в одном и том же разделе нередко объединялись постановления, имевшие между собой мало общего. Впрочем, в разд. «Син люй» («Законы о наказаниях»), состоявшем из 170 гл., постановления были сгруппированы в систематическом порядке.

Кодекс был снабжен кратким комментарием, пояснявшим смысл отдельных фраз или понятий, к-рые могли вызвать различное толкование. Этот комментарий, включенный непосредственно в текст основных законов, имел такую же силу, как и сами законоположения. При последующих изданиях кодекса к этому комментарию присоединялся другой офиц. комментарий, к-рый в отличие от первого следовал за текстом основных законов каждой главы. Новый комментарий представлял собой стилистич. обработку этих законов в более доступной для понимания (и толкования) форме и имел целью дать исполнительным органам власти четкое представление о существе основных законов. В отличие от первого комментария, называемого *сяо чжу* («малый комментарий») за мелкий шрифт, второй назывался *цзун чжу* («общий комментарий»). Иногда в нем приводились (в кач-ве ист. параллели) примеры существования тех или иных обществ. ин-тов в прошлом.

Начиная с кодекса, составленного в 1741, «общий комментарий» почти полностью исчезает в офиц. публикациях во избежание путаницы, к-рая могла возникнуть из-за толкования статей разными комментариями. Хотя в последующих изданиях кодекса (напр., в офиц. издании, подготовленном в 1836) в «Общих правилах» («Фань ли»), помещаемых после докладов составителей и оглавления, всегда указывалось, что «общий комментарий» опущен во избежание разночтения статей, в виде кратких примечаний иногда он давался после текста основных законов для разъяснения либо уточнения их содержания.

外親服圖

В частных же публикациях, получивших широкое распространение в кон. XVIII — нач. XIX в., комментирование статей кодекса приобретает еще более детальный и целенаправленный характер: к комментариям *сяо чжу* и *цзун чжу* присоединяется новый комментарий, состоящий из подборки прецедентов, наиболее показательных с т.зр. судебной практики, и доп. пояснений, написанных к статьям кодекса видными цинскими юристами. В отличие от *сяо чжу* и *цзун чжу* этот комментарий располагался в верхней части страницы — над текстом основных законов и постановлений — и состоял из имп. указов, правительств. постановлений и решений судебных инстанций, утвержденных высшей властью. Для частных (а позднее и для казенных) изданий кодекса XIX в. особенно характерно широкое использование материалов из «Син ань хуй

лань» («Собрания решений по уголовным делам»), в к-ром представлены многие решения судебных органов, принятые во 2-й пол. XVIII — нач. XIX в.

С введением в 1746 периодич. кодификации появился новый вид публикации законодательных актов в виде самостоятельных сборников, известных под назв. «Дай Цин люй сюйцзуань тяоли» («Дополнительные постановления к „Основным законам Великой [династии] Цин“») и «Дай Цин люй цзуаньсю тяоли» («Исправленные дополнительные постановления к „Основным законам Великой [династии] Цин“»). В них публиковались дополнения и поправки к действующему кодексу, принятые цинским пр-вом в течение известного периода. При подготовке нового издания кодекса эти дополнения и поправки учитывались кодификационной комиссией либо заменялись новыми в зависимости от обстановки.

Хотя при каждой переработке кодекса основные законы сохранялись в прежнем виде, каждый новый свод, включавший в себя дополнения и изменения к существующему законодательству, представлял собой самостоятельный памятник, фиксировавший определенные сдвиги в полит., экономич. и культурной жизни страны. В то же время следует подчеркнуть, что изменения, к-рым подвергался кодекс на протяжении двух с половиной столетий, не были столь значительными, чтобы это могло коренным образом изменить его характер, т.к. при каждом новом издании кодекса полностью сохранялась первоначальная основа. Такая устойчивость цинского законодательства объяснялась прежде всего сравнительно медленными темпами развития кит. об-ва в силу целого ряда внутр. и внеш. причин. Весьма важную роль в сохранении старой правовой системы играл цинский двор, стремившийся законсервировать старые феод. порядки.

Работа по пересмотру старого законодательства в Китае началась лишь в нач. XX в., когда под влиянием буржуазных идей, проникающих с Запада и Востока, в стране развернулось широкое обществ. движение за реформы. Первый проект нового кодекса, составленный в 1907 видным кит. юристом Шэнь Цзя-бэнем (1840–1913) совместно с яп. проф. Окада Асатаро по образцу совр. яп. законодательства, подвергся резкой критике со стороны видных сановников **Чжан Чжи-дуна**, Лао Най-сюаня и др. консерваторов, усмотревших в нем возможность подрыва норм конф. морали и этики. В результате этот проект, исключавший из юриспруденции такие сословные понятия, как «раб» и др., был отвергнут. Лишь в 1910 появился новый кодекс под названием «Дай Цин сяньсин синлюй» («Действующий уголовный кодекс Великой [династии] Цин»). В его составлении также принял участие Шэнь Цзя-бэнь. Этот кодекс представлял собой собрание действующих уголовных законов и по существу мало отличался от предшествовавших ему изданий. В нем, как и в старом кодексе, сохранялись старые сословные ограничения, установленные для различных групп феодально зависимого населения, в т.ч. для крестьян-батраков, работавших у крупных земельных собственников. Эти ограничения были отменены лишь после свержения маньчж. дин. Цин.

Первый рус. пер. «Дай Цин люй ли» был опубликован А.Л. Леонтьевым (1716–1786) в 1778–1779. Оригиналом для перевода послужил маньчж. вариант «Дай Цин люй ли», подготовленный особой комиссией в 1725 по указу 1723.

«Дай Цин люй ли» в англ. пер. впервые появился в Лондоне в 1810. Его осуществил Дж.Т. Стонтон (1781–1859). Этот перевод через 2 года был опубликован в Париже и Милане. Из др. наиб. полных переводов Цинского кодекса следует указать работу франц. миссионера Г. Буле (1843–1894), вышедшую в свет в Шанхае в 1924. Если для Дж.Т. Стонтона исходным материалом был изданный в 1801 кодекс под назв. «Дай Цин люй ли цюаньцзуань цзичэн хуйчжу» («Полное собрание „Основных законов и постановлений Великой [династии] Цин“ с комментариями»), то для Г. Буле — офиц. изд. 1890.

Основанный преимущественно на кит. традиц. системе права, Цинский кодекс оказал серьезное влияние на судопроизводство в соседних странах: в Японии, где его издания были особенно популярны до введения во 2-й пол. XIX в. нового яп. кодекса, а также во Вьетнаме и Корее, о чем позволяют

судить франц. переводы кодексов этих стран, появившиеся во 2-й пол. XIX — нач. XX в.

* Китайское уложение: В 2 ч. / Пер. с маньчж. ...А. Леонтиев (Леонтьев). СПб., 1778–1779. ** *Хохлов А.Н.* «Да Цин люй ли» как источник по аграрной истории Китая середины XVIII — начала XIX в. // Страны Дальнего Востока (история и экономика). М., 1971, с. 106–128; *он же.* К характеристике кодекса маньчжурской династии Цин // Симпозиум «Роль традиций в истории Китая». М., 1968, с. 88–91; *он же.* Несколько замечаний о переводах кодекса династии Цин // Доклады, представленные на XX Междунар. конгресс синологов в Праге. М., 1968, с. 106–116; *он же.* Лунь Дай Цин люй ды бяньсюань цзи ци синь-чжи (Подготовка и характер кодекса «Дай Цин люй ли») // Ди эр цзе Мин-Цин ши гоцзи сюэшу тао лунь хуй лунь вэньцзи (Сб. статей 2-й Междунар. конф. по истории династий Мин-Цин). Тяньцзинь, 1993, с. 57–64; *Khoklov A.N.* «Ta Ch'ing Lu Li», the Code of the Ch'ing or Manchu Dynasty: Its Origin and Nature. Moscow, 1970, p. 1–9 (XXVIII International Congress of Orientalists, Canberra, Jan. 6–12, 1971).

А.Н. Хохлов

«ДАЙ ЦИН ХУЙ ДЯНЬ»

大清會典

«Дай Цин хуй дянь» — «Свод узаконений Великой [династии] Цин». Памятник по истории права Китая XVII–XIX вв., содержащий сведения о гос. актах и постановлениях цинского двора. Состав свода обновлялся и редактировался четырежды: в 1690, 1732, 1764 и 1818.

В марте 1657 чиновник Воен. ведомства (*Бинбу*) Цзинь Хань-дин предложил трону приступить к составлению свода законов под назв. «Дай Цин хуй дянь», к-рый бы определил основы нового правопорядка, введенного маньчжурами на захваченной кит. территории. Пока соответствующие правительств. ведомства занимались рассмотрением этого предложения, основным рук-вом в практич. деятельности местных и столичных властей продолжал оставаться «Дай Мин хуй дянь» («Свод узаконений Великой [династии] Мин»), к-рый стал известен маньчж. двору благодаря переводу известного лингвиста Дахая (ум. 1632).

В июле 1670 Ведомство церемоний (*Либу*), сославшись на доклад цензора Чжан Со-чжи, вновь возбудило вопрос о необходимости составления нового свода законов. Хотя представление этого ведомства было одобрено цинским двором, практич. действий не последовало. Лишь после того, как были подавлены последние очаги сопротивления кит. населения в пров. Юньнань и на Тайване, цинский двор смог заняться составлением нового свода. Указом от 16 июня 1684 была образована спец. комиссия, в к-рую вошли видные маньчж. и кит. сановники. Главными редакторами (*цзунцайгуань*) были назначены Лэ Дэ-хун, Мин Чжу, Ли Вэй, Ван Си, У Чжан-чжи, а их помощниками — Маэрту, Ван Хун-сюй и др. В составлении свода приняли участие более 70 чел., включая штат переводчиков и переписчиков. К моменту завершения работы над сводом главными редакторами были маньчжур Исаньга и китаец Ван Си. Основным документальным источником цинского свода явились архивные материалы различных правительств. ведомств и учреждений. В качестве дополнительного и справочного материала были использованы офиц. публикации по отдельным вопросам гос. и хозяйственного управления, в частности **«Дай Цин люй ли»** («Основные законы и постановления Великой [династии] Цин»), «Пинь цзи као» («Табель о рангах», 1671), «Фу и цюань шу» («Полная книга о налогах и повинностях») и др.

續脩大清會典序
洪惟我
太祖高皇帝受
天景命肇陽建都
太宗文皇帝式廓版圖設官
立政

В 1690, когда составление «Дай Цин хуй дянь» было завершено, имп. Сюань Е (прав. под девизом **Кан-си** в 1662–1722) написал к своду пространное предисловие, где, в частности, заявил о стремлении цинского двора следовать древним установлениям.

Подобно тому как «Дай Цин люй ли» составлялся на основе минского кодекса **«Дай Мин люй»**, образцом для «Дай Цин хуй дянь» служил свод законо-

дательных актов дин. Мин — «Дай Мин хуй дянь». Как и в минском своде, весь актовый материал в цинском своде был расположен по крупным и мелким разделам соответственно числу ведомств и учреждений, существовавших при дин. Мин, представленных в след. порядке: Управление по делам князей (*Цзунжэньфу*), Гос. (Императорская) канцелярия (*Нэйгэ*), Военный совет (**Цзюньцзичу**), Ведомство чинов (*Либу*), Ведомство финансов (*Хубу*), Ведомство обрядов, или церемоний (*Либу*), Ведомство наказаний (*Синбу*), Ведомство общественных работ (*Гунбу*), Палата по делам вассальных владений (**Лифаньюань**), Цензорат (*Дучаюань*), Дворцовое управление (*Нэйуфу*).

В цинском своде были представлены такие учреждения, как **Ханьлинь академия** (см. т. 1), Педагогическое училище (*Гоцзыцзянь*), Императорская обсерватория (*Циньтяньцзянь*), а также управления, непосредственно связанные с обслуживанием императорского дома.

Свод содержал материалы учреждений и ведомств не только Пекина, но и Шэньцзина (Мукдена), где раньше находилась столица маньчж. династии и где были сохранены в качестве самостоятельных учреждений нек-рые ведомства (финансов, обрядов, наказаний, общественных работ), а также Дворцовое управление. В разных изданиях «Дай Цин хуй дянь» материалы, имеющие отношение к этим ведомствам, расположены отдельно — в виде самостоятельных разделов либо при соответствующих разделах центр. столичных ведомств.

По своему содержанию «Дай Цин хуй дянь» представлял собой систематич. свод законоположений по всем отраслям гос. управления и хозяйства. Свод определял характер полит. власти и структуру ее высших органов, прерогативы центр. правительств. ведомств и функции местного гос. аппарата, устройство вооруженных сил и систему судопроизводства, порядок сдачи гос. экзаменов для военных и гражданских лиц и правила заполнения вакансий в гос. аппарате маньчжурами, монголами и китайцами, виды налогов с населения и способы взимания их, порядок ремонта ирригационных сооружений и систему оплаты труда ремесленников, занятых на дворцовых и казенных предприятиях-мануфактурах, формы орг-ции внутр. и внеш. торговли (через систему откупов) и нек-рые правила разработки недр.

Свод устанавливал степени знатности для членов имп. дома и ранги для военных и гражданских чиновников, размеры земельных пожалований князьям и различные виды материальных льгот для военного сословия и размеры жалованья чиновникам, офицерам и солдатам восьмизнаменных войск (*ба ци*) и войск зеленого знамени (*люй ци ин*). В своде было указано кол-во зерна и серебра, следуемого к уплате каждой провинцией и областью, и число билетов-лицензий, выдаваемых казной купцам-откупщикам для продажи соли и чая, кол-во меди, необходимое для выплавки медной монеты в столице и провинциях, и число мастеров, используемых императорским двором в различных целях. Свод устанавливал размеры налогов с рудников, образцы казенных строений, порядок совершения отдельных обрядов, правила придворного этикета и т.д.

Благодаря широкому охвату отраслей гос. управления и полноте сведений по отдельным вопросам гос. экономики «Дай Цин хуй дянь» в течение многих лет являлся своеобразным сводом уложений для центр. и местных органов власти. Первоначально (при первой и второй редакциях — в 1690 и 1732) в цинский свод вносились как основные законы — т.н. коренные узаконения (*дянь*), так и различного рода дополнительные постановления (*ли* [*12*]), изданные в развитие основных законов.

世祖章皇帝入關定鼎肇造
區夏六部八旗文備武
備草前明之秕政立昭
代之規模
聖祖仁皇帝沖齡踐阼創守
相

Наиболее ценным для изучения соц.-экономич. отношений, в частности аграрных, является свод, составленный в 1732 (т.е. вторая редакция). Решение о его подготовке было принято вскоре после того, как кит. сановник Цзян Тин-си предложил трону приступить к составлению нового свода законов, сославшись на то, что со времени императорского указа о составлении «Дай Цин хуй дянь» в 1684 прошло 40 лет. Согласно указу от 14 июля 1724, главными редакторами будущего свода были назначены Лун Кэ-до, **Чжан Тин-юй**, Инь Тай и Чжу Ши. После того как работа по составлению свода была завер-

шена, богдохан, правивший под девизом Юн-чжэн (1723–1735), 24 нояб. 1732 написал предисловие. После передачи рукописи в придворную типографию (*Уиндянь*) новый свод к кон. июля 1733 был отпечатан и вышел в свет в 250 цз. В него вошли как старые постановления, утратившие силу закона, так и новые, действующие. Большинство постановлений датировано, что позволяет судить об эволюции законодательных норм, в к-рые облекались те или иные полит. и соц.-экономич. отношения. Для наиб. ранних постановлений, принятых маньчж. двором до 1644 либо в первые годы правления дин. Цин в Китае, в ряде случаев принята условная датировка. Вместе с тем для указания того, кем или какой инстанцией было представлено, рассмотрено и утверждено то или иное законодательное предложение, в своде приняты спец. обозначения. Так, если это предложение было выдвинуто центр. ведомством или учреждением, оно начиналось (после указания даты) с выражения *ти чжунь*, что означало «представлено и утверждено». Если же с таким предложением к трону обращался чиновник столичного ведомства, генерал-губернатор провинции или наместник и оно рассматривалось соответствующими центр. органами, оно помечалось выражением *фу чжунь* («рассмотрено и одобрено»). Законодательные акты, происхождение к-рых составителям установить не удалось из-за отсутствия документации, обозначены в своде как *цзю ли* («старые постановления»).

Помимо материалов по аграрной истории цинского Китая в «Дай Цин хуй дянь» немало постановлений, характеризующих ин-т рабства, причем наиболее полно даны сведения о купле-продаже рабов представителями служилого сословия – знаменными. Так, в своде имеются постановления о запрещении маньчжурам и монголам продавать своих рабов китайцам — как перешедшим на воен. службу к цинскому двору до 1644 (*ханьцзюнь*), так и свободным китайцам (*миньжэнь*), о запрещении знаменным (маньчжурам, монголам и *ханьцзюням*) покупать и продавать рабов вне территории своих «знамен» (корпусов), о запрещении знаменным и свободным китайцам разлучать семьи военнопленных при их продаже.

Важным шагом по пути специализации законодательства явилась параллельная подготовка в 1764 двух сводов: «Дай Цин хуй дянь» (с включением в свод «коренных узаконений» — *дянь*) и «Дай Цин хуй дянь цзэли» («[Ведомственные] уложения „Свода узаконений Великой [династии] Цин“») в 180 цз. В последнее собрание законодательных актов, расположенных в хронологич. последовательности, вошли как старые постановления, к-рые ранее включались в свод в качестве дополнительных (*ли* [*12*]), так и новые, принятые цинским двором до 1758. С появлением «Ведомств. уложений» (*цзэли*) «Дай Цин хуй дянь» несколько утратил уникальный характер всеобъемлющего свода, однако все-таки не потерял своего первонач. значения.

В 1786 группой сановников было выдвинуто предложение о необходимости создания нового свода, однако оно не встретило полной поддержки со стороны имп. Хун Ли (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795). Заявив, что в настоящее время гос-во находится в зените своего могущества и что он намерен через 9 лет отказаться от престола, 75-летний император отложил составление свода до передачи власти своему наследнику. В то же время он распорядился о том, чтобы правительств. ведомства и учреждения занимались подготовкой нормативного материала для будущего свода путем учета в особых книгах новых постановлений, принятых после 1758, т.к. почти все постановления, включенные в «Дай Цин хуй дянь», подготовленный в 1764, были приняты до 1758, за исключением постановлений Палаты по делам вассальных владений (*Лифаньюань*) с датировкой ее документов до 1762.

В кон. 1795 имп. Хун Ли передал власть своему 15-летнему сыну. Отказавшись от престола, он тем не менее фактически оставался правителем страны. Решением важных гос. дел в этот период продолжал заниматься его фаворит — известный маньчж. сановник Хэ Шэнь (1750–1799), на дочери к-рого был женат Хун Ли. Пользуясь неограниченным доверием своего высокого покровителя, Хэ Шэнь занимался продажей чиновничьих должностей, присваивал казен-

ные суммы и брал взятки. Его влияние при дворе было настолько значительным, что преемник престола с опасением следил за деятельностью Хэ Шэня. Начало правления нового имп. Юн Яня (прав. под девизом Цзя-цин в 1796–1820) ознаменовалось мощным восстанием крестьян под рук-вом тайной секты **Байлянь-цзяо** («Учение Белого лотоса»; см. т. 2) в 1796.

После смерти Хун Ли в февр. 1799 против Хэ Шэня было возбуждено судебное дело, суд князей приговорил его к смертной казни, а его огромное состояние стало собственностью нового императора. Удаление Хэ Шэня с полит. арены оздоровило обстановку внутри правительств. лагеря, что позволило активизировать действия против повстанцев. Однако только после того, как в ходе воен. действий наступил решительный перелом в пользу правительств. войск и местных помещичьих отрядов, цинскому двору удалось заняться решением важных текущих дел. 9 нояб. 1801 император одобрил доклад цензора Лян Шань-го о необходимости нового изд. «Дай Цин хуй дянь». После рассмотрения и утверждения проекта сановника Ван Цзе о принципах работы над этим сводом последовало распоряжение о назначении лиц, ответственных за его исполнение. Согласно указу от 13 дек. 1801 главными редакторами (*цзунцайгуань*) были назначены Ван Цзе, Цин Гуй, Лю Юн, Дун Гао, а их помощниками — **Цзи Юнь** (см. т. 3), Пэн Юань-жуй, Лю Цюань-чжи, Чжу Гуй и др. Участие в подготовке цинского свода приняли и др. видные ученые: Цао Чжэнь-юн, Цянь И-цзи, к-рые неоднократно привлекались двором к составлению многотомных офиц. трудов по кит. истории, географии и лит-ре.

Работа над новым сводом с самого начала велась параллельно с подготовкой **«Дай Цин хуй дянь шили»** («Собрание постановлений к „Своду узаконений Великой [династии] Цин“»). Уже в докладе Ван Цзе, утвержденном императором 5 дек. 1801, предлагалось, чтобы отбор и систематизация нормативного материала осуществлялись в соответствии с указом 1747, когда составителям «Дай Цин хуй дянь» было предписано одновременно готовить два свода: основных, или коренных, узаконений (*дянь*) и доп. постановлений (*ли* [*12*]).

Осн. источником должны были послужить архивные материалы центр. гос. учреждений и ведомств, расположенных в Пекине. Кроме них составители обязаны были ознакомиться с материалами будущей хроники (**ши лу**) имп. Хун Ли, в составлении к-рой принимали участие многие из редакторов законодательных сводов.

Первоначально весь актовый материал подбирался по хронологич. принципу в архивах и частями поступал к членам комиссии. Это порой приводило к тому, что документы ранних лет, отобранные для включения в «Дай Цин хуй дянь», с получением новых документов за более поздний период часто исключались из свода как претерпевшие впоследствии изменения и утратившие законодательную силу. В 1802 Цзи Юнь, имевший солидный опыт в подготовке компилятивных изданий, предложил всю работу по выявлению, отбору и переписке документов в ведомств. архивах производить по определенной схеме. Предложение Цзи Юня было принято, архивные поиски получили более целенаправленный характер, а деятельность членов ред. комиссии стала более эффективной.

Чтобы ускорить работу, один из главных редакторов, Цин Гуй, предложил весь иллюстративный материал к «Дай Цин хуй дянь» (рисунки, чертежи, географич. карты) издать отд. приложением. Указом от 7 янв. 1808 это предложение было одобрено, что значительно облегчило работу составителей «Дай Цин хуй дянь шили».

В кон. 1812, когда были готовы рукописные экземпляры сводов, сановник Дун Гао предложил дополнить их постановлениями последних лет, включая решения текущего года. Это потребовало новых усилий от составителей, и лишь к 1818 работа над составлением и изданием сводов была завершена. Большинство членов комиссии (к-рых насчитывалось до 100 чел.) работали над сводами в течение 7–12 лет, а нек-рые — 16–17 лет.

Новое изд. «Дай Цин хуй дянь» в 80 цз., включавшее основные узаконения (*дянь*), вышло в свет в 1818. Одновременно было издано своеобразное прило-

жение к своду — «Дай Цин хуй дянь ту» («Рисунки к „Своду узаконений Великой [династии] Цин“») в 132 цз., представлявшее собой ценное собрание географич. карт, чертежей и рисунков, на к-рых изображены самые различные предметы (астрономич. приборы, муз. инструменты, воинское снаряжение, ритуальная посуда, имп. одежда и т.д.).

Широкий охват и сравнительная полнота сведений «Дай Цин хуй дянь» по различным отраслям гос. управления и хоз-ва позволяют считать его одним из важнейших источников по полит., экономич. и духовной истории цинского Китая.

Первый рус. пер. «Дай Цин хуй дянь» был опубликован в 1781–1783 А.Л. Леонтьевым (1716–1786), избравшим в качестве оригинала маньчж. вариант первого свода, составленного в 1690. Труд Леонтьева, снабженный примеч. и указателем маньчж. и кит. слов, имел большое науч. и познавательное значение, хотя и не был свободен от существ. недостатков. По неизвестной причине перевод остался незавершенным. В нем представлены лишь законоположения, касающиеся Управления по делам князей, Гос. канцелярии и пяти центр. ведомств (чинов, финансов, обрядов, наказаний и военного). В ряде случаев А. Леонтьев опустил нек-рые числен. данные и законоположения. Так, в переводе отсутствует важная статья кодекса, вошедшего целиком в «Дай Цин хуй дянь», о внесении тяглового населения в реестры соответственно занятию или профессии для несения гос. повинностей (уплаты налогов и т.п.).

Особенно большое значение материалам «Дай Цин хуй дянь» придавал Н.Я. **Бичурин** (1777–1853; см. т. 2). Во время пребывания в Кяхте в 1835–1838 он занимался переводом свода, составленного в 1818 и изданного на кит. яз. в Пекине в 1821 в 80 цз. Список перевода (с редакцией Бичурина) хранится в Казани (Нац. архив Республики Татарстан). Благодаря материалам этого свода рус. ученому удалось в своих книгах, крупных статьях и науч. заметках детально обрисовать многие стороны обществ. и гос. устройства империи Цин первых десятилетий XIX в.

Переводами «Дай Цин хуй дянь» помимо Н.Я. Бичурина занимались многие китаисты — члены Рос. духовной миссии в Пекине, особенно плодотворно работали Е.И. Сычевский (перевод к-рого мог использовать Бичурин) и К.И. Павлинов. Так, К.И. Павлинов кроме материалов из разд. *Цзюньцзичу* (Военный совет) перевел законоположения из разд. *Нэйгэ*. На основе материалов «Дай Цин хуй дянь» он составил терминологич. словарь, в к-ром даны названия учреждений империи и перечислены важнейшие должности администр. аппарата. Им же были сделаны переводы из «Дай Цин хуй дянь ту» об одежде императоров и императриц, воен. и гражданских чиновников. Кроме того, из указ. источника он перевел небольшую главу о нек-рых пограничных реках Маньчжурии.

***** Тайцин гурунь и Ухери коли, т.е. Все законы и постановления китайского (ныне манчжурского) правительства: В 3 т. / Пер. с маньчж.... А. Леонтиев (Леонтьев). СПб., 1781–1783 гг. ****** *Хохлов А.Н.* «Да Цин хуэй-дянь» как источник по аграрной истории Китая (середина XVII — начало XIX в.) // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (вопросы истории и экономики). М., 1970, с. 163–180; *он же*. Свод законов маньчжурской династии Цин — документальная основа публикаций Н.Я. Бичурина о современном ему Китае // *Бичурин Н.Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., 2002, с. 5–28; *Escarra J.* Le droit chinois. Conception et évolution. Institutions législatives et judiciares. Science et enseignement. Peking–Paris, 1936, p. 484.

А.Н. Хохлов

«ДАЙ ЦИН ХУЙ ДЯНЬ ШИЛИ»

大清會典事例

«Дай Цин хуй дянь шили» — «Собрание постановлений к „Своду узаконений Великой [династии] Цин“». Один из важнейших законодательных памятников Китая эпохи Цин (1644–1911), издание к-рого было впервые осуществлено цинским двором в 1818, а затем в 1899. В 1909 издание свода на частные средства было осуществлено изд-вом «Шанъу иншугуань» в Шанхае.

История этого памятника изначально была связана с подготовкой нового издания свода **«Дай Цин хуй дянь»** («Свод узаконений Великой [династии] Цин») в 1818. Работа велась параллельно с подготовкой «Дай Цин хуй дянь шили», соединившего в себе старые и новые постановления цинского двора. Новый свод состоял из 920 цз. и представлял собой наиб. полное собрание законов дин. Цин, принятых ею в основном после утверждения своей власти в Пекине в 1644. Издание охватывало огромный ист. период (примерно два столетия), начиная с момента возвышения **Нурхаци** и кончая упадком империи Цин.

По своей структуре этот свод почти не отличался от «Дай Цин хуй дянь», где весь материал расположен по крупным и мелким разделам соответственно числу ведомств и учреждений, существовавших в империи. За исключением материалов Военного совета **(Цзюньцзичу)**, в «Дай Цин хуй дянь шили» были представлены законодательные акты почти 40 учреждений и ведомств, из к-рых наиболее важные даны в след. порядке: 1) Управление по делам князей (*Цзунжэньфу*), 2) Гос. канцелярия (*Нэйгэ*), 3) Ведомство чинов (*Либу*), 4) Ведомство финансов (*Хубу*), 5) Ведомство обрядов, или церемоний (*Либу*), 6) Военное ведомство (*Бинбу*), 7) Ведомство наказаний (*Синбу*), 8) Ведомство общественных работ (*Гунбу*), 9) Палата по делам вассальных владений (**Лифаньюань**), 10) Цензорат (*Дучаюань*), 11) Дворцовое управление (*Нэйуфу*).

В своде также представлены законодательные акты таких учреждений, как **Ханьлинь академия** (см. т. 1), Педагогическое училище (*Гоцзыцзянь*), Императорская обсерватория (*Циньтяньцзянь*), а также управления, непосредственно связанные с обслуживанием имп. дома: Музыкальное (*Юэбу*), Банкетное (*Гуанлусы*), Церемониальное (*Хунлусы*), жертвоприношений (*Тайчансы*), Кортежное (*Маньивэй*), имп. табунов и пастбищ (*Тайпусы*), Медицинское (*Тайюань*) и др.

По содержанию свод «Дай Цин хуй дянь шили» принципиально отличался от «Дай Цин хуй дянь», в к-ром в основном были определены прерогативы центр. ведомств и функции местного гос. аппарата. Что касается «Дай Цин хуй дянь шили», то здесь была представлена непосредств. деятельность законодательных и исполнительных органов в виде решений по самым различным вопросам полит., хозяйственной и духовной жизни страны. В этом отношении «Дай Цин хуй дянь шили» отчасти напоминал издания прежних кит. династий Тан, Сун и Мин, к-рые соответственно назывались «Тан хуй яо» («Собрание важнейших сведений о [династии] Тан»), «Сун хуй яо» («Собрание важнейших сведений о [династии] Сун») и «Мин хуй яо» («Собрание важнейших сведений о [династии] Мин»).

Законодательные акты в «Дай Цин хуй дянь шили» расположены, как правило, в зависимости от того, к какому учреждению или ведомству они имели наибольшее отношение, причем нек-рые из них, аналогичные по форме и содержанию, иногда повторялись в разных разделах. Для отличия старых постановлений, утративших силу закона, от действующих в своде приняты спец. обозначения. Так, для наиболее ранних постановлений, принятых маньчж. двором до установления своего господства в Китае, характерна фраза «первоначально установлено» — *юань дин*. Постановления и законы, принятые после 1644 и утратившие впоследствии силу закона, обычно начинаются с фразы «по докладу решено» — *цзоу чжунь* или «по обсуждении решено» — *и чжунь*, причем в отличие от наиболее ранних постановлений маньчж. двора в этих документах обычно указан год.

Комментарии к документам свода даны в сжатой форме для того, чтобы указать на более позднюю редакцию (сокращение или видоизменение текста). В отличие от предшествовавших сводов это собрание актов снабжено подробным оглавлением-указателем.

В старой и совр. ист. лит-ре о «Дай Цин хуй дянь шили» имеются весьма скудные сведения, что является свидетельством слабой изученности данного

источника, хотя его материалами в различной степени пользовались и отеч. и заруб. исследователи. Отдельные упоминания можно найти в работах А.А. Рудакова, О. Франке, П. Пельо и Ян Хун-ле.

Между тем «Дай Цин хуй дянь шили» является ценным многоаспектным источником по истории цинского Китая, т.к. в нем можно найти важные сведения об аграрном строе и налоговом обложении, казенных мануфактурах и системе откупов, таможенной службе и внеш. торговле. Свод содержит интересные данные о деятельности центр. и местных органов власти, орг-ции вооруженных сил в центре и на местах и средствах связи, порядке судопроизводства и мерах наказаний, положении различных социальных групп города и деревни. Особого внимания заслуживают законоположения о запрещении деятельности тайных об-в и религ. сект, нередко руководивших восстаниями нар. масс.

Для исследователей истории рус.-кит. отношений в XVII–XIX вв. представляют интерес материалы свода о полит. и экономич. связях Китая с соседними гос-вами, и в частности с Россией, о политике самоизоляции, проводимой цинским двором в области внешних сношений до первой «опиумной» войны (1840–1842), и др. проблемах междунар. жизни.

** *Хохлов А.Н.* «Да Цин хуйдянь шили» как источник по истории аграрных отношений Китая (середина XVII — начало XIX в.) // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: (Проблемы истории и экономики). М., 1969, с. 102–114; *он же.* Своды законов маньчжурской династии Цин (1644–1912) — важнейшие источники по истории Китая в новое время // Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения: (К 25-летию создания). М., 1983, с. 85–122. Прил.: Ксилографические издания цинских сводов, хранящиеся в Синологической библиотеке, с. 123–125.

А.Н. Хохлов

Да тун *см.* т. 1

Дифан чжи *см.* **Фан чжи**

«ДИ ФАНЬ»

帝範

«Ди фань» («Правила императоров») — полит. завещание имп. **Тан Тай-цзуна** (прав. 627–649). Написано в 648 как наставление наследнику престола Цзиньвану Ли Чжи, будущему имп. Гао-цзуну (прав. 650–683). Представляет собой свод предписаний о том, как управлять страной и совершенствовать себя в добродетели. Состоит из введения, заключения, 4 частей (*цзюань*), 12 глав (*пянь*): 1. «Сущность правителя»; 2. «Жаловать родственников уделами»; 3. «Искать мудрецов»; 4. «Быть внимательным, назначая на должности»; 5. «Внимать увещеваниям»; 6. «Отстранять клеветников»; 7. «Остерегаться излишеств»; 8. «Почитать бережливость»; 9. «Награждать и наказывать»; 10. «Полагаться на земледелие»; 11. «Уделять внимание военному делу»; 12. «Ценить гражданские занятия». В танское время к «Ди фань» было составлено два комментария: Вэй Гун-су и Цзя Сина. При дин. Сун (960–1279) сочинение было частично утрачено и затем восстановлено при Юань (1271–1368) философом У Лаем (1297–1340), к-рый в 1326 обнаружил полный текст в пров. Юньнань, составил к нему комментарии и предисловие.

Новизна «Ди фань» заключалась в том, что его автор трактовал верховную власть как рациональную деятельность, направленную на достижение конкретных задач, главной опорой трона считал императорских родственников, представителей правящего клана, а сановникам отводил функцию не практической, а совещательной помощи монарху. Благодаря Тай-цзуну прагматич. идеи гос. управления обрели высокий статус в кит. полит. философии и оказали большое влияние на воззрения последующих эпох. Под непосредств. влиянием «Ди фань» был написан ряд полит. трактатов, в частности, написанное танской императрицей **У-хоу** (624–705) соч. **«Чэнь гуй»** («Правила подданных»), труды Ван Юня (1227–1304) «Чэнхуа ши люэ» («Изложение деяний, подобающих наследнику престола») и «Юань-чжэнь шоу чэн ши цзянь»

(«Зерцало деяний, содействующих сохранению достижений [эпохи] Юаньчжэнь»), адресованные представителям правящего дома Юань. При дин. Мин (1368–1644) текст «Ди фань» в ред. У Лая был включен в **«Юн-лэ да дянь»** («Энциклопедия годов Юн-лэ»), а затем при Цин (1644–1911) — в **«Сы ку цюань шу»** («Полное собрание книг по четырем разделам»). В разное время «Ди фань» переводился на монг., яп. и маньчж. языки.

* Тан Тай-цзун цюань цзи (Полн. собр. соч. танского Тай-цзуна) / Ред. У Юнь, Цзи Юй. Тяньцзинь, 2004, с. 591–622; *Танский Тай-цзун.* Правила императоров / Предисл., пер. и коммент. И.Ф. Поповой // ПВ. 1995, вып. 7, с. 42–73. ** *У Лай.* Юаньин У сяньшэн цзи (Собр. соч. г-на У из Юаньин). Шанхай, 1936 (СБЦК); *Twitchett D.* How to Be an Emperor: T'ang T'ai-tsung: Vision of His Role // Asia Major. 3d ser. 1996, vol. 9, pt 1–2, p. 1–102.

И.Ф. Попова

ДУН СЮНЬ

董恂

Дун Сюнь. 05.09.1807, Ганьцюань пров. Цзянсу, — 1892. Кит. сановник и дипломат, автор ряда трудов по ист. географии и лит. произведений. В 1861 его как помощника главы Ведомства финансов (*Хубу*) назначили членом только что созданного Главного ведомства по иностр. делам — **Цзунли ямэнь**, где он прослужил 20 лет. Ему принадлежат две серьезные работы по истории водного транспорта цинского Китая. Первая из них под назв. «Чу цао цзян чэн» («Водный маршрут перевозки зерна из Чу») в16 цз. написана в 1854 и опубл. в 1877. В ней рассказывается о транспортировке казенного зерна из г. Чанша по Янцзы до г. Янчжоу (через провинции Хубэй, Цзянси и Аньхой). Вторая, озаглавленная «Цзян бэй юнь чэн» («Маршрут перевозки зерна на север от Янцзы») в 40 цз., написана в 1860 и опубл. в 1867. В ней сообщается о перевозке грузов (гл. обр. зерна) из г. Янчжоу в Пекин (через провинции Шаньдун и Чжили).

Дун Сюнь известен также как автор трех путевых дневников: «Дулун цзи» («Записки о поездке в Ганьсу») 1849–1850; «Фэнтай чжи е бицзи» («Заметки о визите почитания в Фэнтай») и «Юннин чжи е бицзи» («Заметки о визите почитания в Юннин») о поездках автора к восточным императорским могилам в 1870.

При жизни Дун Сюня вышли в свет сборники его прозаич. произведений «Ди фэнь шуу вэньгао» («Рукопись из Кабинета благоухающего тростника»; 2 цз.) и стихотворений «Ди фэнь шуу ши као» («Поэтические изыскания из Кабинета благоухающего тростника»).

** Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644–1912) / Ed. by A.W. Hummel. Vol. 2. Wash., 1943, p. 789.

А.Н. Хохлов

ДУ ЧЖЭН-ШЭН

杜正勝

Ду Чжэн-шэн. 10.06.1944, община Мида р-на Окаяма субпреф. Такао (ныне вол. Юнъань уезда Гаосюн), Тайвань. Историк, преподаватель истории, гос. деятель Тайваня.

Род. в бедной семье даос. медиума в рыбацкой деревне. В 1966 окончил среднее пед. училище в г. Тайнане. Затем учился на ист. ф-те Гос. Тайваньского ун-та в г. Тайбэе, в 1974 получил степень магистра. В 1974–1976 обучался в востоковедных учеб. заведениях Лондона. С 1976 преподавал историю в ун-те Дунъу (Тайбэй). В 1980 перешел на работу в академический Ин-т истории и языка, в 1995 назначен директором. В 1986–1987 зав. отделом магистратуры ист. ф-та ун-та Цинхуа (Синьчжу, Тайвань). В качестве приглашенного исследователя работал также в Гарвардском ун-те (1983), Академии Новой Азии Гонконгского кит. ун-та (1985), Школе востоковедения и африканистики Лондонского ун-та (1992). В 1992 избран акад. Академии наук на Тайване. В 2000 возглавил тайваньский Гос. музей Гугун. В 2004 назначен министром образования Тайваня.

Основные ист. работы Ду Чжэн-шэна посвящены социально-экономич. истории Китая X–III вв. до н.э. В методологии ученого заметно влияние школы «ист. материалов». Он отвергает рук-во теории или идеологии в вынесении ист. оценок, но признает решающую роль современности в выборе историком темы исследования. Задача историка, по мнению Ду Чжэн-шэна, состоит в изучении «фрагментарных ист. материалов», создании на их основе «органичного и полного облика» ист. явления и извлечении из них «существенных представлений» для его оценки. Творцом истории, согласно Ду Чжэн-шэну, являются нар. массы. Эволюция представляется закономерностью ист. развития, однако историк воздерживается от обобщений на этот счет и объясняет ист. переходы в развитии др.-кит. об-ва как результат конкретных обстоятельств.

Работы Ду Чжэн-шэна полемичны. Ист. облик эпохи Чжоу на протяжении X–VI вв. до н.э., по его мнению, определили «вооруженная колонизация» чжоускими племенами вост. регионов Китая и орг-ция чжоусцев в многочисленные «города-государства» (*чэн бан*). Эта гипотеза идет вразрез с концепцией традиц. кит. историографии мирного признания власти чжоуской династии. Ду Чжэн-шэн оспаривает мнение нек-рых кит. историков о рабовладельческом характере чжоуского об-ва, т.к. источники нигде не упоминают о праве завоевателей на отчуждение жизни (убийство) представителей этого населения, хотя покоренное иньское население и привлекалось к массовым работам. Орг-ция чжоуского «города-государства», считает Ду Чжэн-шэн, также не может считаться феодальной, поскольку покоренное население не находилось в личной зависимости от завоевателей. Кроме того, сам процесс чжоуской колонизации не сопровождался распадом кровнородственной общины, но, напротив, приводил к усилению патронимической орг-ции в Китае. Чжоуское население через обществ. мнение традиционно оказывало влияние на политику своих укрепленных «городов-государств» (*го*). Эти города контролировали окрестности (*е*), заселенные покоренными племенами, к-рые также сохраняли клановую орг-цию. Кризис системы «городов-государств», набиравший силу с IV в. до н.э., выражался в уравнивании прав завоеванного населения с правами бывших колонизаторов и происходил под воздействием внеш. угрозы со стороны «северных варваров» и «южного империализма». К началу III в. до н.э., по мнению Ду Чжэн-шэна, в Китае сформировался слой свободного и экономически самостоятельного населения, к-рый он обозначает термином из источников ханьского времени «учтенные простолюдины» (*бяньху цимминь*). Под ними понимаются самостоятельные крестьяне (*цзы гэн нун*), к-рые вели хоз-во, не прибегая ни к аренде земли, ни к найму рабочей силы. «Учтенные простолюдины» стали социальной основой кит. империй и, по словам ученого, определили своеобразие кит. цивилизации на протяжении 2000 лет.

Ду Чжэн-шэн является автором «концепции концентров», к-рая внедряется в преподавание истории на Тайване. История представлена пятью концентрами — история своей местности, история Тайваня, Китая, Азии и, наконец, всего мира. Программа преподавания зависит от уровня обучения. В начальной школе она ограничивается первым и вторым концентрами, тогда как в ун-те изучаются концентры с третьего по пятый. Эта концепция получила неоднозначную оценку в науч. и политических кругах Тайваня и вызвала многочисленные споры.

* *Ду Чжэн-шэн.* Чжоу дай чэнбан (Город-государство эпохи Чжоу). Тайбэй, 1979; *он же.* Бяньху цимминь: Чуаньтун чжэнчжи шэхуй цзегоу чжи синчэн (Учтенные простолюдины: Формирование традиционной политической и социальной структуры). Тайбэй, 1990; *он же.* Гудай шэхуй юй гоцзя (Древнее общество и государство). Тайбэй, 1992; *он же.* Цзоуго гуаньцзянь ши нянь (1990–2000) (Ключевые десять лет, 1990–2000). Т. 2. Тайбэй, 2000. ** *Hyghes Ch., Stone R.* Nation-Building and Curriculum Reform in Hong Kong and Taiwan // CQ. 1999, № 160.

В.М. Майоров

杜佑

Ду Ю, прозв. Цзюнь-цин. 735, Ваньнянь (совр. г. Сиань пров. Шэньси), — 812. Историк, полит. мыслитель, гос. деятель. Родился в знатной и богатой семье. Занимал высокие администр. посты (гражданские и военные) на периферии и в столице империи Тан (618–907) Чанъани, нек-рое время был *цзайсяном* — одним из высш. должностных лиц гос-ва, поддерживал реформаторские акции министра, ведавшего финансами, Ян Яня (727–781), но впоследствии изведал и опалу, и остракизм. Посмертно удостоился одного из самых высоких тогдашних титулов знатности — Го-гун (Державный князь).

Был высокообразован, отличался широтой интересов, особенно к прошлому Китая, уяснение к-рого, по его словам, позволяет «обрести возможность вершить дела текущие», «учиться управлять страной»; под этим углом зрения интерпретировал в нескольких своих сочинениях такие, напр., базовые категории кит. классич. философии и обществ. мысли, как «путь/абсолют» (**дао**) и «принцип/закон» (**ли [1]**), а равно и нек-рые положения родоначальника **легизма** (*фа-цзя*) **Гуань Чжуна** (ум. 645 до н.э.) и названного его именем трактата **«Гуань-цзы»** (все ст. см. т. 1). Вообще же стремился противостоять распространенному в ту пору среди историков настрою «быть приверженцем былого и отвергать современное» (*ши гу фэй цзинь*). В воззрениях на жизнь об-ва и гос-ва акцентировал место и значение финанс.-хозяйств. сферы, высказывался против непомерного налогообложения «малого люда» и за дальнейшее совершенствование законодательства. И как гос. деятель (нек-рое время сам был линнаньским, а затем хуайнаньским генерал-губернатором — *цзедуши*), и как историк отвергал сепаратистские умыслы, исходившие от многих др. *цзедуши*, и придерживался установок на гос.-полит. целостность страны, а в качестве образца принимал соответствующую ориентацию основателей династий Хань (206 до н.э. — 220 н.э.), Суй (581–618) и Тан.

Неоднократно давал знать, что настроен против канонизации династийных историй (*чжэн ши*) и абсолютизации их места и значения в историописании, т.к. они сужают возможности получать цельное представление о прошлом и отслеживать традиции и уроки истории. Отсюда пиетет Ду Ю к **«Ши цзи»** («Исторические записки») **Сыма Цяня** (135–87/86 до н.э.) как первому образцу *тун ши* — общей (сводной) истории.

В толковании и освещении ист. явлений и событий признавал, но вместе с тем не абсолютизировал место и роль Неба (**тянь [1]**; см. т. 1, 2) как верховной сакральной силы, устанавливающей и поддерживающей миропорядок. По словам Ду Ю, «благоустроение и смута в гос-ве» коренятся не только в «произволении Неба (*тянь ши*)», способны давать знать о себе и «человеческие страсти/вожделения» (*жэнь юй/моу*). Именно в таких «страстях/вожделениях» усматривал Ду Ю подоплеку у него на глазах расползавшегося по Поднебесной «зла поглощения/скопления» (*цзяньбин*) земли в частных руках, как и военно-феодальных мятежей, с сер. VIII в. сотрясавших империю Тан: то «были [порождения] деяний человеческих, а вовсе не только волеизъявлений Неба». Главное детище Ду Ю как историка — завершенный в 801 **«Тун дянь»** («Свод уложений»), над к-рым он трудился 36 лет, полагая «долгом для себя [споспешествовать] обогащению государства (*фу го*) и благоденствию народа (*ань минь*)» и сочтя, что в предшествующей лит-ре «содержится записей речей августейших лиц много, а правовых установлений — мало», соответствующие материалы из 148 «достойных того книг времен минувших» скомпоновал по систематическому (тематическому) принципу, а в рамках каждого тематич. раздела — в хронологич. последовательности. За этим трудом Ду Ю в синологии издавна общепризнано место и значение первой ист. энциклопедии гос. управления среди т.н. «Десяти сводов» (**«Ши тун»**).

***** Цзю Тан шу (Старая история Тан). Цз. 147; Синь Тан шу (Новая история Тан). Цз. 166. ****** *Чжэн Хао-шэн.* Ду Ю нянь пу (Погодные записи о Ду Ю). Шанхай, 1933; то же. Тайбэй, 1980; *Смолин Г.Я.* Китайский ученый-энциклопедист Ду Ю (735–812) и его «Свод уложений» («Тун дянь») // Восток–Запад: Ист.-лит. альманах, 2002. М., 2002, с. 184–204; *Чэнь Гуан-чун.* Ду Ю // Чжунго шисюэцзя пин чжуань (Аналитические жизнеописания китайских историков). Т. 1 / Под ред. Чэнь Цинцзюаня и др. Чжунчжоу, 1985.

Г.Я. Смолин

ДЭН СЯО-ПИН

鄧小平

Дэн Сяо-пин, Дэн Сянь-шэн, Дэн Си-сянь. 22.04.1904, вол. Сесин уезда Гуанъань пров. Сычуань, — 19.02.1997, Пекин. Полит. и гос. деятель КНР, Ген. секретарь ЦК КПК (1956–1966), идеолог и теоретик партии.

Род. в семье землевладельца. В пять лет был отдан в частную школу. Местный учитель, к-рому не понравилось имя мальчика Сянь-шэн («Учитель», «Мудрец»), дал ему имя Си-сянь. Учился в начальной школе уезда Гуанъань, по настоянию отца поступил в спец. школу (официально открылась в начале сент. 1919) в Чунцине, готовившую для поездки на учебу и работу во Францию. Осенью 1920 Дэн с большой группой юношей из Чунцинской школы прибыл на пароходе в Марсель. Через 5 месяцев учебы в Байе, когда закончились привезенные с собой деньги, был вынужден, как и другие кит. учащиеся, поступить на завод в Крезо в сталепрокатный цех. В 1921 работал на фабрике в Париже, в 1922 — на заводе к югу от Парижа. Надеялся поступить в среднюю школу, но не хватило средств.

Летом 1922 вступил в созданную в июне 1922 во Франции Молодую коммунистич. партию китайцев, в 1923 переименованную в Коммунистич. союз молодых китайцев, проживающих в Европе. С нач. 1923 ее руководителем стал **Чжоу Энь-лай**. В ней состояли такие в будущем видные деятели КПК и КНР, как Ли Вэй-хань, Ван Жо-фэй**,** Цай Хэ-сэнь, Ли Фу-чунь, **Ли Ли-сань**, **Чэнь И**. Дэн Сяо-пин, по собств. признанию, теснее всего тогда общался с Чжоу Энь-лаем, считая его своим старшим братом. С 1 авг. 1922 в Париже стал выходить журн. «Шаонянь» («Молодежь»). Дэн Сяо-пин принимает активное участие в его издании. В нояб. 1925 устроился на завод Рено в слесарный цех. В янв. 1926 из-за преследований полиции тайно выехал в СССР.

Еще в мае 1925 в европ. секции КПК было решено направить на учебу в СССР группу молодежи, в т.ч. Дэн Сяо-пина. Приехав в Москву в янв. 1926, он был определен в Ун-т трудящихся Востока, вскоре его перевели в Ун-т им. Сунь Ят-сена, где училось более 300 китайцев. Там он познакомился с **Цзян Цзинго** — сыном **Чан Кай-ши**. В конце 1926 Дэна отозвали в Китай для участия в революции.

В июле 1927 прибыл в Ухань и начал работать в Секретариате ЦК КПК, к-рым руководил **Дэн Чжун-ся**. Именно тогда в целях конспирации Дэн изменил свое имя Си-сянь на Сяо-пин. Вместе с ЦК КПК переехал в Шанхай осенью 1927. После переезда важной задачей стала работа по восстановлению и упорядочению парт. орг-ций в условиях гоминьдановского террора. Была создана система конспиративных орг-ций, аппарат по секретной работе, начала выходить нелегальная газета. Дэн Сяо-пин, назначенный зав. Секретариатом ЦК, помогал зав. Оргбюро Чжоу Энь-лаю и др. парт. руководителям в текущей работе. В 1928 он женился на Чжан Си-юань (ум. в 1930).

Через полтора года его направили в пров. Гуанси для подготовки вооруж. восстания. В окт. 1930 Политбюро ЦК КПК утверждает состав Военного комитета Центр. советского р-на. В него включают Е Цзянь-ина, **Пэн Дэ-хуая**, Хэ Луна, Лю Бо-чэна, Дэн Сяо-пина и др. Участвует в боях 7-го корпуса Рабоче-крестьянской Красной армии Китая с войсками милитаристских группировок. На территории опорных баз КПК был начальником политотдела корпуса, политкомиссаром армии, зам. начальника Главного политуправления Красной армии Китая. Участвовал в Великом походе Красной армии в 1934–1935. В 1937–1949 занимал руководящие должности в политорганах 8-й и 2-й полевых армий, был секретарем региональных бюро ЦК КПК. С созданием единого фронта 25 авг. 1937 Военный комитет издал приказ о преобразовании Красной армии в 8-ю Национально-революционную армию (НРА), командующим армии стал **Чжу Дэ**, заместителем — Пэн Дэ-хуай. Дэн Сяо-пин назначен зам. начальника политотдела. В 1945 на V съезде КПК избран чл. ЦК КПК.

После образования КНР (1949) был чл. Центр. правительственного совета КНР (1949–1954), с сент. 1953 по июль 1954 — министром финансов. В 1954–1956 Дэн Сяо-пин — зам. премьера Гос. административного совета, зам. Пред. Гос. комитета обороны КНР. С 1955 чл. Политбюро ЦК КПК, в 1956–1966 Ген. секретарь ЦК КПК, чл. ПК Политбюро ЦК КПК.

В марте 1955 Дэн Сяо-пин выступил со спец. докладом по делу Гао Гана и Жао Шу-ши, обвинив их «в заговорщической деятельности с целью захвата руководства в партии и гос-ве». На III пленуме ЦК КПК 8-го созыва 23 сент. 1957 выступил с докладом «О движении за упорядочение стиля работы», после чего началась кампания по чистке партии и борьба с «правыми элементами». 16 сент. 1956 на VIII съезде КПК сделал доклад «Об изменениях в Уставе партии», в к-ром подверг критике культ личности, и из Устава было изъято положение об «идеях Мао Цзэ-дуна» как теоретич. основе орг-ции.

В 1961–1965 вместе с **Лю Шао-ци**, Пэн Чжэнем, Ли Сянь-нянем участвовал в восстановлении народного хоз-ва, подорванного «большим скачком» (1958–1960). Тогда же произнес ставшую широко известной фразу: «Не важно, какого цвета кошка: белого или черного, главное, чтобы она ловила мышей».

С 1956 по 1963 неоднократно посещал СССР с делегациями КПК.

С началом **«культурной революции»** (1966) подвергся преследованиям, был назван «вторым лицом в партии, стоящим у власти и идущим по капиталистич. пути», снят со всех постов, находился вместе с женой в ссылке в пров. Цзянси. В 1973 возвращается к полит. деятельности: в марте назначен зам. премьера Госсовета КНР, избирается чл. ЦК КПК, в 1974 — чл. Политбюро ЦК КПК, в 1975 — чл. ПК Политбюро и зам. пред. ЦК КПК, зам. пред. Военного совета ЦК КПК, нач. Генштаба НОАК. В апр. 1976 вновь лишился всех парт. и гос. постов. После смерти **Мао Цзэ-дуна** (сент. 1976) и разгрома «банды четырех» (**сы жэнь бан**) реабилитирован и восстановлен на всех руководящих постах (1977–1978). В июне 1981 под его рук-вом было принято «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», где признавались ошибки Мао Цзэ-дуна начиная с «большого скачка», особенно в период «культурной революции». В 1987 по своей инициативе вышел из состава ЦК КПК и был назначен пред. Военного совета ЦК КПК (до 1988). В 1990 уходит с последнего офиц. поста — пред. Центрального военного совета КНР.

Как идеолог и теоретик КПК Дэн Сяо-пин наиболее ярко проявил себя в 1980-е, выступив инициатором и теоретиком политики реформ, автором концепции строительства «социализма с кит. спецификой» (сент. 1982). Методологич. принципы концепции Дэн Сяо-пина, изложенные им в выступлениях 1978–1980, сводились гл. обр. к тезису о необходимости «реалистич. подхода к делу», т.е. учета реальных условий обществ. жизни КНР при решении теоретич. и полит. вопросов. Такой подход открывал перспективу творческого, критич. отношения к идейному наследию КПК и выработке концепции социально-экономического, полит. и духовного развития Китая. Мысль о необходимости выработки нац. модели социализма, базирующейся на строгом учете реалий совр. Китая, являлась центральной во всех выступлениях Дэн Сяо-пина. Он призывал к творч. подходу к марксистскому наследию в новых ист. условиях.

Основой системы взглядов Дэн Сяо-пина на обновление кит. об-ва является идея глобальной (или «всесторонней») реформы. Согласно ей, «коренной задачей периода социализма» является всемерное развитие производительных сил, результатом к-рого станет «постепенное улучшение материальной и культурной жизни народа» и ликвидация бедности. «Бедность — не социализм... Преимущества социализма именно в том и состоят, что он постепенно улучшает материальную и культурную жизнь народа».

Другой базовый тезис Дэн Сяо-пина — обеспечение «первоначального уровня зажиточности» (**сяо кан**) на принципах реальной оплаты по труду, к-рая допускает объективное при социализме фактич. материальное неравенство людей и возможность для части трудящихся стать зажиточными «раньше других» за счет «честного труда». Гарантом же того, чтобы это неравенство не привело к новой поляризации кит. об-ва, Дэн Сяо-пин считал сохранение ведущей роли социалистич. общественной собственности, а также «утверждение высоких идеалов коммунизма в сознании одного-двух последующих поколений».

Цель концепции глобальной реформы — преодоление бедности, отсталости, развитие производительных сил и обеспечение «среднезажиточного» уровня

жизни народа, подъем его духовной культуры. Эта концепция включает в себя след. компоненты: 1. Раскрепощение сознания, смелое ведение теоретич. поисков и духовное творчество. 2. Демократизация полит. и экономич. структур кит. об-ва — «перестройка системы руководства со стороны партии и гос-ва», главным содержанием к-рой является разграничение функций парт. и административных органов. Эта перестройка подразумевает также изживание «бюрократизма, чрезмерной концентрации власти, патриархальщины... всякого рода привилегий культа личности». 3. Социалистич. модернизация Китая, ядро к-рой составляет политика «расширения сношений с внешним миром и оживления экономики внутри страны». Особое внимание Дэн Сяопин уделял проблеме «внешней открытости» страны, видя в этом объективную тенденцию развития совр. мира. Одним из магистральных путей реализации курса на «открытость внешнему миру» он считал создание на территории КНР «специальных экономич. зон» и «открытых городов», через к-рые реализуется политика расширения внешних сношений.

Существ. чертой концепции глобальной реформы Дэн Сяо-пина является тезис о необходимости создания «духовной культуры социализма». Если экономич. реформа призвана создать материальную культуру социализма, то нравств. воспитание трудящихся, повышение их культурного и идейного уровня составляют содержание строящейся духовной культуры нового об-ва. Духовное строительство социализма Дэн Сяо-пин непосредственно связывал с борьбой против буржуазной и феод. идеологии, прежде всего «буржуазной либерализации», ведущей к утверждению «ценностей западной демократии», к-рую он категорически отрицал.

Дэн Сяо-пин много сделал для объединения страны, предложив концепцию «одна страна — два строя». Уже в 1980 была решена проблема возвращения Китаю Сянгана и Аомэня. Сама концепция «одна страна — два строя» появилась в связи с поиском путей решения тайваньской проблемы. «Предлагаемый нами способ объединения континента и Тайваня является разумным, — сказал Дэн Сяо-пин 22 февр. 1984. — После объединения страны на Тайване по-прежнему будет капитализм, а на континенте — социализм, зато обе части территории образуют единый Китай. Словом, в одном Китае допускаются два разных строя».

В новейшей истории Китая имя Дэн Сяо-пина поставлено в один ряд после Сунь Ят-сена и Мао Цзэ-дуна.

См. также ст. **Теория Дэн Сяо-пина — путь к реформам и открытости** в Общем разделе.

***** *Дэн Сяо-пин.* Цзяньшэ ю чжунго тэсэ ды шэхуйчжуи (Строить социализм с китайской спецификой). Пекин, 1984; *он же.* Избранное (1975–1982). Пекин, 1985; *он же.* Основные вопросы современного Китая: [Речи и беседы, сент. 1982 — июнь 1987 г.]. Пекин, 1987; то же. М., 1988; *он же.* Строительство социализма с китайской спецификой: Статьи и выступления М., 1997, 2002. ****** *Барач Д.* Дэн Сяо-пин. М., 1989; *Галенович Ю.М.* Путешествие на родину Дэн Сяо-пина. М., 2002; *Делюсин Л.П.* Дэн Сяо-пин и реформа китайского социализма. М., 2003; *Кудашев Р.* Вспоминая Дэн Сяо-пина... // ПДВ. 2004, № 5, с. 48–53; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995; *она же.* Мой отец Дэн Сяопин в годы «культурной революции». М., 2003; *Ли Чжан-фу.* Дэн Сяо-пин чжэсюэ сысян яньцзю (Исследование философских взглядов Дэн Сяопина). Пекин, 1989; *Хань Вэнь-юн.* Дэн Сяо-пин чжуань (Биография Дэн Сяо-пина). Тайбэй, 1993; *Чэн Чжун-юань, Ся Син-чжэнь.* Чжуаньчжэ юй синь лу (Поворот и новый путь). Пекин, 2008; *Chi Hsin.* Teng Hsiao-ping: Political Biography. Hong Kong, 1978.

В.Ф. Феоктистов, В.Н. Усов

Дэн То *см.* т. 3

ДЭН ЧЖИ-ЧЭН

鄧之誠

Дэн Чжи-чэн, Дэн Вэнь-жу, Дэн Мин-чжай, У Ши-чжай. 19.11.1887, Цзяннин (Нанкин) пров. Цзянсу, — 06.01.1960, Пекин. Историк, специалист по истории культуры династий Мин и Цин, оппонент «движения за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*), преподаватель истории. Получил традиц. конф. образование в семье, затем окончил спец. школу иностр. яз. в Чэнду. В 1917 по приглашению Пекинского ун-та занял место историографа Китайской Республики в Комиссии по истории Китая (*Гошигуань*). После 1921 преподавал в Пекинском ун-те, Бэйпинском пед. ун-те. С 1930 преподаватель ист. ф-та Яньцзинского, с 1952 — Пекинского ун-тов.

Внес большой вклад в преподавание истории страны. Его «Лекции по общей истории Китая» («Чжунго тунши цзянъи») вошли в начале 1930-х в серию учебников для высш. школы под назв. «Две тысячи лет кит. истории» («Чжунхуа эрцянь нянь ши»). Книга охватывает период начиная с дин. Цинь до Синьхайской революции (1911). В «Записках о старине» («Гудун соцзи») Дэн Чжи-чэн исследует историю культуры периодов Мин–Цин, в «Записях о прочитанном в Тутовом саду» («Санъюань душу цзи») — развитие традиц. кит. мысли. Составленный им 8-томный сб. «Начальная редакция исторических записей из цинской поэзии» («Цинши цзиши чубянь») посвящен цинской поэзии. Дэн Чжи-чэн, следуя философу **Хуан Цзун-си** (XVII в.; см. т. 1), использовал поэтич. материалы в качестве ист. источников для дополнения сведений офиц. историографии. Принимал участие в составлении сб. материалов по Тайпинскому восстанию.

***** *Дэн Чжи-чэн.* Гудун соцзи (Записки о старине). [Пекин], 1926; *он же.* Гудун соцзи цюаньбянь (Полная редакция «Записок о старине»). Пекин, 1955; *он же.* Чжунхуа эрцянь нянь ши (История китайской цивилизации за две тысячи лет): В 2 т. Пекин–Шанхай, 1934; то же. В 3 т. Пекин, 1954; то же: В 2 т. Пекин, 1983; *он же.* Санъюань душу цзи (Записи о прочитанном в Тутовом саду). Шэньян, 1998; *он же.* У Ши-чжай сяопинь (Мелкие произведения У Ши-чжая [Дэн Чжи-чэна]). Пекин, 1998; *он же* (сост.). Цинши цзиши чубянь (Начальная редакция исторических записей из цинской поэзии): В 8 т. Пекин, 1965; то же. Шанхай, 1984; *он же* (сост.). Тайпин тяньго цзыляо (Материалы по государству тайпинов). Юнхэ, 1976. Совм. с Се Син-яо. ****** *Ван Чжун-хань, Дэн Тун.* Дэн Вэнь-жу чжуаньлюэ (Краткая биография Дэн Вэнь-жу [Дэн Чжи-чэна]) // Чжунго дандай шэхуйкэсюэ цзя (Современные ученые-обществоведы Китая). Вып. 4. Пекин, 1983; *Ван Чжун-хань, Дэн Сы-юй, Чжоу И-лян.* Дэн Чжи-чэн чжуань (Биография Дэн Чжи-чэна) // Чжунго шисюэцзя пинчжуань (Биографии историков Китая). Т. 3. Пекин, 1985; Дэн Чжи-чэн // Чжунго жэньмин да цыдянь (Большой китайский словарь имен). Шанхай, 1992; Дэн Чжи-чэн // Чжунхуа дандай вэньхуа минжэнь да цыдянь (Большой словарь имен современных культурологов Китая). Пекин, 1992.

В.М. Майоров

ДЭН ЧЖУН-СЯ

鄧中夏

Дэн Чжун-ся. 07.09.1894, уезд Ичжан пров. Хунань, — окт. 1933, Нанкин. Видный деятель КПК, руководитель профсоюзного движения в Китае.

В 1917 поступил в Пекинский ун-т, к-рый окончил в 1923. Был чл. лекторской Группы просвещения народа при Пекинском ун-те.

Будучи студентом Пекинского ун-та, принимал участие в патриотич. «движении 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*), направленном против унизительных уступок Японии, сделанных пр-вом Китая. Движение вскоре вышло далеко за пределы патриотич., антиимпериалистического выступления учащейся молодежи. Оно поставило вопрос о коренной переоценке традиц. ценностей и норм феод. Китая и замене их демократич. и гуманистическими идеалами. С «движением 4 мая» связано распространение в Китае марксизма и идей Октябрьской революции в России. В 1920 Дэн Чжун-ся вступил в марксистский кружок в Пекине, вместе с **Ли Да-чжао** (1889–1927) создал «Об-во по изучению марксизма» (*Макэсы сюэшо яньцзюхуй*). В 1921 участвовал в создании орг-ции

Пекинского социалистич. союза молодежи, организовал один из первых в Китае «рабочих клубов» в Чансиньдяне, своеобразный профсоюз железнодорожников. После создания КПК возглавлял секретариат ее рук-ва. В развитие решений I съезда КПК 11 авг. 1921 в Шанхае был учрежден Всекит. секретариат профсоюзов, призванный постепенно возглавить рабочее движение в стране. Он действовал как легальная рабочая орг-ция, одним из руководителей к-рой был Дэн Чжун-ся.

В 1922 на II съезде КПК избран членом ЦИК КПК, в 1923 на III съезде — кандидатом в чл. ЦИК. Руководил забастовками на железной дороге в Чансиньдяне, на Пекин-Ханькоуской магистрали. В 1922–1925 возглавлял Всекит. рабочий секретариат, с 1925 — чл. Исполкома и зав. отделом пропаганды организованной коммунистами Всекит. федерации профсоюзов, был зав. орг. отделом Социалистич. союза молодежи Китая, чл. редколлегии изд. «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь»). В период Сянган-Гуанчжоуской забастовки 1925–1926 — советник, секретарь коммунистич. фракции стачечного комитета. В 1927–1928 — чл. ЦК КПК, секретарь комитета КПК пров. Цзянсу, затем — пров. Гуандун, участвовал в гуанчжоуском восстании. Когда Дэн Чжун-ся посадили в тюрьму в Сянгане, его освобождению из заключения способствовал работавший тогда в Сянгане **Чжоу Энь-лай.**

В 1928–1933 — канд. в чл. ЦК КПК. В 1928–1930 находился в СССР. 9 июня 1928 Дэн Чжун-ся вместе с **Цюй Цю-бо**, Чжоу Энь-лаем, Ли Сянь-нянем и др. был принят И.В. Сталиным, 14–15 июня — Н.И. Бухариным**.** 17 июля — 1 сент. 1928 — чл. делегации КПК на VI конгрессе Коминтерна в Москве, чл. делегации КПК в ИККИ, представитель ВФП в Профинтерне. В 1930–1932 — секретарь Особого комитета КПК советского р-на в зап. части провинций Хунань и Хубэй (Хунань-Хубэйская революционная опорная база), политкомиссар 2-й армейской группы Красной армии Китая. В 1932 прибыл в Шанхай для орг-ции подпольной работы. В 1933 — руководитель и одновременно секретарь коммунистич. фракции Всекит. об-ва помощи борцам революции. 15 мая 1933 арестован гоминьдановской полицией в Шанхае, перевезен в столицу — Нанкин, где после суда расстрелян.

Автор кн. «Краткая история профсоюзного движения в Китае» («Чжунго чжигун юньдун цзяньши», 1930, рус. пер.: 1952).

***** *Дэн Чжун-ся.* Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952. ****** *Картунова А.И.* Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925–1927 годов. М., 1983; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1983; Чжунго гунчаньдан жэньмин цыдянь (Словарь деятелей КПК). Шэньян, 1988, с. 51–52.

В.Н. Усов

ЕВНУХ

太监

Евнух — *тайцзянь* («великий смотритель/надзиратель»), *нэйсян* («внутренний вельможа»), *нэйцзянь* («внутренний надзиратель»). Ин-т придворных евнухов, просуществовавший в Китае до 1911, как часть гос. управления оказал большое влияние на всю полит. культуру традиц. Китая.

Евнушество связано с фактом оскопления человека, к-рое практиковалось как наказание задолго до того, как появился ин-т евнухов. Нек-рые историки считают, что ин-т евнухов в Китае насчитывает не менее 3–4 тыс. лет, о нем упоминается еще в древнем соч. **«Чжоу ли»** («Чжоуские ритуалы», VII–V вв. до н.э.; см. т. 1), где встречаются сочетания иероглифов *хуань гуань*, *янь жэнь*, *янь ши*, *сы жэнь*, к-рые имели значение «евнух». В **«Ши цзине»** («Книга песен», X–VI вв. до н.э.; см. т. 1, 2) есть «Ода о клеветниках», в к-рой евнух обличает царедворцев, подвергнувших его унизительному наказанию. Из пяти видов членовредительских наказаний в древнем Китае (клеймение, отрезание носа, отрубание рук и ног, оскопление и обезглавливание) оскопление (*гун син*, букв. «дворцовое наказание») было одним из самых жестоких. Ему подвергались за такие тяжкие преступления, как «очернение владыки», предательство, бунт, полит. интриги, но прежде всего за блуд.

Для традиц. Китая ин-т евнухов был вполне обычным гос. образованием. Он рассматривался как важный придаток императорского двора, куда лица муж. пола не допускались.

Первыми евнухами при дворе были военнопленные из соседних племен, воевавших с Поднебесной, постепенно их заменили евнухи, к-рые добровольно шли на оскопление ради карьеры и службы во дворце. Евнухи должны были обслуживать не только императора, но и всю его семью, включая многочисл. наложниц. Считалось, что в силу своей искусств. бесполости они обладают рациональным мышлением и в то же время способны понимать женскую психологию, из-за отсутствия детей будут хорошо исполнять свои обязанности во дворце. В «Чжоу ли» утверждалось, что у Сына Неба должна быть одна императрица (*хоу*), три дополнительные супруги (*фужэнь*), девять наложниц (*пинь*), 81 гаремная девушка (*юйци*). Во дворцах имп. **Цинь Ши-хуана** (246–210 до н.э.) их насчитывалось уже 10 тыс., у имп. **Хань У-ди** (140–87 до н.э.; см. также т. 2, 3) — 20 тыс., у танского имп. Сюань-цзуна (712–756) — ок. 40 тыс. наложниц. Соответственно росло и число евнухов.

По нек-рым источникам, император мог иметь до 3 тыс. евнухов, принцы и принцессы — до 30 каждый, младшие дети и племянники — до 20, их двоюродные браться — до 10 евнухов. В древности вассальные князья обязаны были каждые 5 лет предоставлять по 8 евнухов, за что им выплачивалось приличное вознаграждение. В отдельные периоды правления, напр. в годы Вань-ли (1573–1620) дин. Мин, число евнухов достигало 10 тыс. чел., а в 40-х XVII в. — 90–100 тыс. чел. При дин. Цин (1644–1911) ежегодно ко двору поставляли до 40 кастрированных мальчиков (при маньчжурах брали в евнухи только детей кит. национальности).

Служба евнуха во дворце на Дальнем Востоке была престижной без всякого оттенка уничижительности. В Китае, Корее и во Вьетнаме, пожалуй, лишь лауреаты столичных конф. конкурсов стояли на более высокой ступени обществ. положения. Для многих это был путь к славе и благополучию не только лично для себя, но и для всего рода, поэтому не было недостатка в добровольцах, к-рые либо сами, либо по настоянию семьи стремились выдвинуться таким путем. Как правило, бедные родители продавали своих детей для службы при дворе. В масштабе гос-ва заслуженные евнухи пользовались обществ. уважением в той же мере, что и любой др. чиновник. Потомки поклонялись своим предкам-евнухам в семейных, общинных и буд. храмах. Родовые общины могли выбрать евнуха главным духом деревенского пантеона: духом-хранителем местности.

Евнухи при дворе делились на две категории. Принадлежавшие к первой обслуживали императора, императрицу, мать императора и наложниц, они пользовались особыми привилегиями; принадлежавшие ко второй — всех остальных. Все стороны жизни и деятельности евнухов были строго регламентированы: их поведение, образ жизни, внешний вид. Среди множества гос. ин-тов значительное место занимал аппарат евнухов — Внутренний надзор (*Нэйгуаньцзянь*), или Приказ внутренних смотрителей, к-рый среди 24 отделений и управлений дворца считался одним из самых важных, т.к. отвечал за внутр. распорядок во дворце. В обязанности евнухов входило ухаживать за Сыном Неба, исполнять любые его прихоти, постоянно сопровождать императора и его свиту. Они также распространяли высочайшие указы, провожали чиновников и иностр. гостей и дипломатов на аудиенцию к императору и принимали прошения, знакомили разл. отделы дворцовой канцелярии с документами и бумагами; получали деньги и зерно от казначеев вне двора. Евнухам поручалось следить за хранением книг в б-ках, драгоценностей, картин, домашней утвари и пр. Они сопровождали врачей, готовили лекарства, проверяли приход и уход чиновников всех рангов, регистрировали все деяния монарха (в т.ч. сексуальные), убирали дворцовые палаты, сады, парки, играли в дворцовом театре и т.д. Часто исполняли и обязанности жрецов во дворце.

Пользуясь близостью к власти и — нередко — огромным влиянием на правителя, евнухи становились активными участниками дворцовых интриг и пере-

воротов, весьма влиятельной полит. силой. В истории императорского Китая было три периода могущества евнухов: Восточная Хань (II–III вв.), Поздняя Тан (750–907) и наиб. продолжительный — эпоха Мин (1368–1644). В эпоху Тан, напр., именно евнухи посадили на трон семерых из девяти последних императоров.

Отдельные императоры пытались ограничить их влияние и власть. В эпоху Мин это был первый имп. Тай-цзу (**Чжу Юань-чжан**, прав. 1368–1398), цинские императоры Шунь-чжи (прав. 1644–1661), **Кан-си** (прав. 1662–1722), Юн-чжэн (прав. 1723–1735) и **Цянь-лун** (прав. 1736–1795).

Так, Тай-цзу пытался заложить осн. принципы использования евнухов на службе и завещал потомкам в «Заветах родоначальника царствующей династии Мин» («Хуан Мин цзу сюнь») «держать евнухов в узде». По его мнению, евнухи и родственники императора по женской линии приносят зло управлению страной. Нельзя было использовать евнухов в качестве доверенных лиц, «глаз и ушей» императора, «нужно заставить их соблюдать закон, а если они будут соблюдать закон, то не будут творить дурные дела. Не следует позволять им иметь заслуги, ибо как только они будут иметь заслуги, то трудно будет обуздать их». Не разрешалось евнухам занимать гражданские и военные посты и должности в пр-ве, а также носить форму правительств. чиновников. Евнух получал 2 *даня* риса в месяц, обеспечением его одеждой и питанием ведала казна. Правительств. учреждениям не разрешалась переписка с Приказом внутренних смотрителей (евнухов). В 1371 была составлена спец. «табель о рангах» для евнухов, к-рая состояла из 10 чинов, 5 рангов, 24 должностей. В 1384 была специально отлита и установлена на воротах дворца табличка с надписью: «Евнухам запрещается участвовать в гос. делах, нарушивший [это правило] будет обезглавлен». Евнуха, лишь обмолвившегося о гос. делах в разговоре, следовало лишать внутридворцовой службы, и всю жизнь он больше не вызывался ко двору. С целью предотвращения возможного усиления влияния евнухов при дворе было также введено правило, согласно к-рому их запрещалось обучать грамоте. Однако уже при четвертом минском имп. Сюаньцзуне в 1429 это правило было нарушено, открыли придворную школу для мальчиков-евнухов.

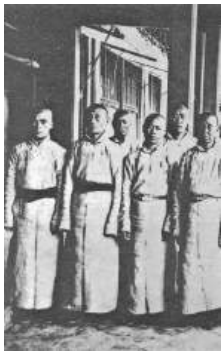
Опасения и предостережения Тай-цзу были не напрасны. Уже следующий имп. Чэн-цзу (прав. 1403–1424) захватил власть путем гос. переворота, опираясь на евнухов. Последние в его правление добились права осуществлять дип. представительство, решать вопросы войны и мира, захватили в свои руки инспектирование армии, командование войсками на местах, организацию слежки за министрами. Власть императора оказалась узурпированной евнухами. При дворе они захватили под свой контроль 24 присутств. места: 12 приказов, 4 департамента и 8 управлений.

При цинском имп. Шунь-чжи в 1653 были изданы 6 положений, запрещающих евнухам вмешиваться в дела гос-ва и покидать дворец. При Кан-си в 1672 придворные евнухи стали получать ранги с низшего 8-го по 5-й, а при имп. Юн-чжэне — уже до 3-го ранга. Однако начиная с Ли Лянь-ина (1848–1911) (любимый евнух **Цы Си**) были случаи награждения евнухов куда более высоким титулом знатности 2-го ранга.

Символами их коварства и жестокости были Лю Цзинь и Вэй Чжун-сянь (1568–1627), сколотивший «партию евнухов» (*хуаньгуань цзитуань*) и ставший вершителем судеб императорского двора в первые десятилетия XVII в., евнух-казнокрад Ван Чжэнь, после смерти к-рого обнаружили более 60 кладовых золота и серебра, Лю Цзинь, конфискованная собственность к-рого оценивалась в 7 т серебра, у него было также найдено 2 комплекта доспехов из чистого золота, 3 тыс. золотых колец и брошей и пр. Огромное состояние на взятках, торговле должностями, подрядах и поставках материалов для дворцовых работ нажил Ли Лянь-ин.

Если на протяжении всего периода императорской власти в Китае, согласно традиц. концепции благой силы *дэ* монарха (см. **Императорское *дэ* как символ верховной власти**), император воплощал сакральную власть Неба, был симво-

лом гармонии и порядка, начала *ян* [*Л*] (см. **Инь–ян** в т. 1), то евнухи воплощали теневую, «иньскую» сторону власти, на к-рую списывали беспорядки и дисгармонию. Как пишет А.А. Маслов, «ин-т евнухов, ин-т „бесполого“ правления, при к-ром по определению никогда не может установиться баланс *инь* [*Л*] и *ян* [*Л*], был необходим императорской власти как лучшее объяснение „великой смуты“ (*да луань*), к-рая иногда охватывала Поднебесную».



***** *Пу И.* Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И — последнего императора Китая / Пер. с кит. Н.А. Спешнева. М., 1968; 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1999; *Пу И.* Последний император / Пер. с кит. Н. Спешнева. М., 2006. ****** *Антощенко В.И.* Роль евнухов в истории Китая в эпоху Мин и Вьетнама в эпоху Позднее Ле // Традиционный Вьетнам: Сб. статей. Вып. 1. М., 1993; *Бокщанин А.А.*, *Непомнин О.Е.* Лики Срединного царства. М., 2002; *Воскресенский Д.Н.*, *Усов В.Н.* Книга дворцовых интриг: Евнухи у кормила власти. М., 2002; *Маслов А.А.* Дисперсия силы *ян* императора *// он же.* Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М., 2003, с. 157–163; *Теннэхилл Р.* Секс в истории М., 1995; *Усов В.Н.* Евнухи в Китае. М., 2000; *Лю Да-линь.* Син юй Чжунго вэньхуа (Секс и китайская культура). Пекин, 1999; *Цзя Ин-хуа.* Модай тайцзянь мивэнь — Сунь Яо-тан чжуань (Тайны евнухов последней династии: Биография Сунь Яотана). Пекин, 1993; Чжангун хуаньгуань цюаньшу. Лиши тайцзянь мишу (Евнухи, управляющие дворцом, — тайная история евнухов в истории). В 3 т. Харбин, 1996; Чжунго дашикэ цюаньши. Чжунго лиши (Большая китайская энциклопедия. История Китая). Т. 2. Пекин, 1998.

В.Н. Усов

ИНЬ

陰

乙

Инь («тень») — специфич. механизм традиц. кит. права, предусматривавший передачу дифференцированных, согласно высоте ранга тенедателя, особых правовых состояний от предков к потомкам. Как наказание представлялось в рамках традиц. кит. воззрений в качестве ответа, отклика, эха на преступление, и это ассоциировалось с закономерным, поэтапным ходом природного процесса, начатого преступлением и переросшего в наказание, так и для обозначения системы использования прямыми потомками мужского пола высокого статуса и заслуг прямых предков были найдены аналогия и термин из природного мира. Первоначально «тень», вероятно, возникла как обозначение любой помощи и защиты, прикрытия, оказываемых старшим, более влиятельным, родственником младшему, менее влиятельному. Как и все категории морального долженствования, она постепенно проникла в право и была взята им на вооружение. «Тень» являлась одной из основных составляющих правильного функционирования связи, основанной на родств. отношениях определенной степени близости. Критерием близости была длительность траура, к-рый надлежало бы носить тенеполучателю по тенедателю в случае смерти последнего. Интенсивность «тени», одна из ее основных характеристик, зависела от статуса тенедателя: чем выше была интенсивность «тени», тем более широкий круг родственников она прикрывала. Помимо интенсивности, неотъемлемой характеристикой «тени» была ее необратимость. Передаваемая «тенью» привилегия переставала действовать лишь при ряде преступлений, связанных с нарушением родств. связи и перечисленных в кодексе **«Тан люй шу и»** («Уголовные установления Тан с разъяснениями»). Т.о., пользование «тенью» не было рез-том субъективного желания или нежелания. В силу статуса предка потомок совершенно автоматически и постоянно оказывался прикрыт «тенью» той или иной степени интенсивности.

Напр., привилегия «восьми причин для обсуждения» (**ба и**) передавалась «тенями» императора, его бабки по отцу, его матери и жены. Следующая по уровню привилегия — возможность подачи прошения о рассмотрении судебного дела преступника императором — передавалась «тенями» тех, кто сам подпадал под действие одной из «восьми причин для обсуждения». Третья привилегия — возможность автоматич. уменьшения наказания на одну степень (*дэн*; см. **У син**) в случае совершения преступлений, наказуемых менее строго, чем

смертной казнью, — передавалась «тенями» чиновников, пользовавшихся в соответствии с их собств. рангами возможностью подачи прошения. Наконец, привилегия откупа (*шу* [*12*]) от наказания менее строгого, чем смертная казнь, передавалась «тенями» чиновников, пользовавшихся благодаря собств. статусу привилегией уменьшения наказания на одну степень.

В зависимости от ситуации, в к-рой тенеполучатель хотел воспользоваться «тенью», одна и та же «тень» могла выполнять или правовую, или должностную функцию. «Тень» не просто определяла статус тенеполучателя, постоянно и неизменно принадлежа ему, — она, как бы пребывая в состоянии «недеяния» (*у вэй*), немедленно срабатывала в к.-л. из своих функциональных составляющих в зависимости от нужд тенеполучателя, поскольку в ней имманентно заключались определенные свойства — способность давать допуск для назначения на должность определенного ранга (при желании тенеполучателя поступить на службу), способность предоставлять преимущественное состояние (при рассмотрении в суде совершенного тенеполучателем преступления) и способность, в свою очередь, передавать потомкам «тень» определенной интенсивности (меньшей, чем первоначальная «тень»).

«Тень» содержала в себе не только ту или иную правовую привилегию, но и тот или иной должностной допуск. Напр., ближайшие родственники императора и императриц при поступлении на службу имели возможность сразу занимать должности 6-го ранга, а сыновья чиновников, занимавших должности 1-го ранга, имели возможность при поступлении на службу занимать должности 7-го ранга. Чиновники рангов с 1-го по 3-й передавали свои «тени» даже правнукам по мужской линии, но интенсивность «тени» с каждой последующей передачей уменьшалась. Поэтому ниже становились и ранги, соответственно к-рым внуки и правнуки могли получать первые в служебной карьере должности. Сыновья чиновников 5-го ранга могли рассчитывать на должности лишь 8-го ранга.

Тщательно разработанные нормы существовали и для «теней», возникавших благодаря титулам знатности, почетным званиям и пр.

** *Рыбаков В.М.* Правовые привилегии и понятие «тени» (по материалам Танского кодекса «Тан люй шу и») // Общество и государство в Китае. М., 1981, с. 58–74.

См. также лит-ру к ст. **«Тан люй шу и»**.

В.М. Рыбаков

И СИНЬ

奕訢

И Синь, великий князь Гун. 1833–1898. Гос. деятель и дипломат. В 1850 получил высший титул Гун (князь 1-й степени). В 1853, когда *тайпины* предприняли наступление в направлении Пекина, был назначен одним из руководителей обороны столичного округа. За нарушение траурного обета по умершей в 1853 матери был лишен всех занимаемых постов, но в 1857 восстановлен в должности начальника маньчж. воинского формирования — «знамени» (*ци*), через 2 года занял высший пост в императорской гвардии.

В период англо-франко-кит. войны 1856–1860 И Синь находился в Пекине, но после разграбления загородного дворца в Юаньминъюане в сент. 1861 был вынужден выехать в Лугоуцяо. По возвращении 24 окт. в столицу И Синь на след. день подписал неравноправные для Китая договоры с представителями Англии и Франции — лордом Эльджином и бароном Гро, а позднее с рос. дипломатом Н.П. Игнатьевым, выступившим по просьбе цинских властей в качестве посредника в вооруженном конфликте зап. союзников с цинским двором.

Приняв активное участие в переговорах с зап. державами и Россией, И Синь вместе с **Гуй Ляном** и **Вэнь Сяном** представил богдохану (имп. **И Чжу**, прав. под девизом Сянь-фэн в 1851–1861), бежавшему в пров. Жэхэ, доклад о необходимости создания нового внешнеполит. органа **Цзунли ямэнь** для сношений с иностранцами, что было одобрено императорским указом в янв. 1861. В течение 27 лет (в 1861–1884 и 1891–1894) И Синь возглавлял это учреждение, проводя политику примирения и возможного компромисса с иностр. державами, особенно Англией, Францией и США, к-рые стремились добиться для

своих подданных особых привилегий не только в открытых для иностранцев портах, но и в сеттльментах и прилегающих к ним территориях, связанных с их предпринимательской деятельностью.

Убедившись в преимуществах западноевроп. военной техники в период англо-франко-кит. войны, И Синь по примеру иностранцев создал в Пекине новое воинское формирование под назв. *Шэнь цзи ин* («Божественный механизм») — отряд, вооруженный ружьями и пушками, полученными из России. Этот отряд под рук-вом **Вэнь Сяна** одержал ряд побед над *хунхузами* в Маньчжурии.

Гос. деятельность не мешала И Синю заниматься лит-рой (о чем свидетельствуют его сб. прозы и стихов), а также работой по составлению и изданию офиц. ист. трудов. Труд под назв. «Чаопин юэфэй фан люэ» («Описание успешного подавления [восстания] южных разбойников», 422 цз.) был посвящен подавлению восстания *тайпинов* в 1850–1866; другой — «Цзяопин няньфэй фан люэ» («Описание успешного подавления [восстания] разбойников-факельщиков», 321 цз.) — усмирению *няньцзюней* в 1851–1868. Под контролем И Синя были также составлены: «Пиндин Юньнань хуйфэй фан люэ» («Описание усмирения разбойников-мусульман в Юньнани») о подавлении восстаний мусульман в пров. Юньнань в 1855–1879 (50 цз.); «Пиндин Гуйчжоу мяофэй фан люэ» («Описание усмирения разбойников-*мяо* в Гуйчжоу») о подавлении антиправительств. выступлений в 1855–1879 племен *мяо*, проживавших в пров. Гуйчжоу (40 цз.); «Пиндин Шань Гань Синьцзян фан люэ» («Описание усмирения в Шэньси, Ганьсу и Синьцзяне») о подавлении восстаний некит. народов, проживавших в Шэньси, Ганьсу и Синьцзяне, в 1855–1879 (320 цз.). Доклады И Синя широко представлены в «Чоубань и у шимо» («История урегулирования дел с варварами»). Первый выпуск этого труда (80 цз.), вышедший в 1867, включает документы за 1850–1861; второй (100 цз.), составленный в 1880, — за 1861–1875. Эти два сб. вместе с материалами за 1836–1850 под назв. «Дао-гуан чао» («Правление [под девизом] Дао-гуан», 80 цз.) были изданы дворцовым музеем Гугун в Пекине в 1929–1931.

** *Хохлов А.Н.* Военная помощь России Китаю в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточная Азия: (История и экономика). М., 1967, с. 121–130; Документы опровергают. М., 1982, указ.

А.Н. Хохлов

И ЧЖУ

奕訢

И Чжу (1831–1861) — седьмой император дин. Цин (1644–1911), правил в 1851–1861 под девизом (**нянь хао**) Сянь-фэн. И Чжу — это личное имя, храмовое имя (*мяо хао*) — Вэнь-цзун.

Безынициативный и нерешительный политик, он слепо следовал советам своих подчиненных в решении важных гос. вопросов. Ему пришлось править страной в годы внутр. неурядиц, связанных с коррупцией гос. аппарата и внеш. давлением зап. держав, стремившихся с помощью оружия «открыть» Китай для своих промышленных товаров и ведения активной миссионерской деятельности. Достижению этих целей благоприятствовала длительная крестьянская война *тайпинов* (1850–1864), к-рые после захвата Нанкина в 1853 создали свое гос-во — Тайпин тяньго. Сильный удар по престижу цинского пр-ва был нанесен иностранцами в период англо-франко-кит. войны (1856–1860), когда императору и его ближайшему окружению пришлось в 1860 бежать в Маньчжурию во время наступления на Пекин англо-франц. войск. Будучи больным, И Чжу не решался вернуться в Пекин, чему немало способствовало его окружение во главе с сановником Су Шунем. Последний сделал все возможное, чтобы сорвать переговоры с рос. дипломатом Н.П. Игнатьевым, прибывшим в Пекин в 1859 с намерением оказать военную помощь Китаю, если будут благоприятно решены проблемы, касающиеся окончательного разграничения земель в Приморье и восстановления традиц. русской караванной торговли с Пекином, прерванной цинскими властями вопреки договорным актам, в т.ч. Нерчинскому договору 1689.

22 авг. 1861 И Чжу скончался в Жэхэ, откуда гроб с его телом был доставлен в Пекин членами регентского совета и с почестями похоронен. При подъезде к столице траурного кортежа Су Шунь и его единомышленники были схвачены и казнены за ложную информацию, удерживавшую императора от возвращения в Пекин.

** *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) // Документы опровергают. М., 1982, с. 281–339.

А.Н. Хохлов

КАН-СИ

康熙

Кан-си (1662–1722) — девиз правления (**нянь хао**) второго цинского имп. Сюань Е, храмовое имя (*мяо хао*) — Шэн-цзу. 1654 — 20.12.1722, Пекин. Сын основателя дин. Цин (1644–1911) Фу Линя (имп. Ши-цзу, прав. по девизом Шунь-чжи в 1644–1661), выходца из маньчж. дома Айсинь Гиоро, к-рый в 1644 овладел кит. престолом. Один из самых известных и популярных в Китае и за его пределами кит. императоров.

Правителем Китая, как и его отец, стал в малолетнем возрасте (ему было 8 лет). Причина тому — острая борьба между различными группировками при дворе. В помощь юному монарху были назначены 4 регента, однако реальная власть оказалась у Обоя (ум. 1669), представлявшего интересы наиб. консервативной части маньчж. аристократии. Освободиться от опекунов и взять бразды правления в свои руки Кан-си смог лишь к сер. 1670-х.

Огромное влияние на монарха оказала его бабушка, вдовствующая императрица Сяо-чжуан (1613–1688) — дочь одного из влиятельных монг. князей из рода **Чингис-хана**. С детства активно приобщался к кит. классич. культуре. На протяжении неск. лет регулярно посещал занятия с наставниками. Позже по распоряжению Кан-си фундамент. кит. образование стало обязательным для всех наследников цинских императоров. Став крупным знатоком и ценителем кит. культуры, внес в нее и свой вклад: его кисти принадлежат неск. сборников прозы и стихов.

На формирование взглядов Кан-си большое влияние оказал один из его наставников Сюн Цы-люй (1635–1709) — крупный гос. деятель, к-рого считают офиц. философом империи; всю жизнь он пользовался особым расположением императора. Сюн Цы-люй познакомил Кан-си с учением сунских неоконфуцианцев **Чэн Хао** (1032–1085; см. т. 1) и **Чжу Си** (1130–1200; см. т. 1), приверженцем учения к-рого он был. Кан-си много сделал для его пропаганды и, как считают, использовал его в своей полит. практике, хотя основатели династии провозгласили гос. доктриной империи ханьское **конфуцианство** (см. т. 1).

Кан-си пришел к власти в период становления династии, когда мн. проблемы, стоявшие на ее пути к окончательному утверждению на престоле, еще не были решены. Главными среди них были те, что породили кризис кон. XVI — нач. XVII в., поразивший фундамент. ценности, к-рые определяли существование конф. монархии. Смена династий и появление на кит. престоле инородческой династии еще больше осложнили ситуацию в стране. Необходима была также адаптация нового режима к переменам, происходившим в то время в дальневост. регионе и мире. С подобной ситуацией еще не сталкивался никто из предшественников Кан-си на кит. престоле. Закладывая основы внутр. и внеш. политики, он исходил из необходимости реставрации и всемерного укрепления традиц. государственного и обществ. устройства и превращения империи Цин в мощную державу.

Первые годы самостоятельного правления Кан-си заполнены борьбой за установление полного контроля над территорией всей страны. Наиб. крупными событиями этого процесса стали подавление восстания трех вассалов-князей — генералов У Сань-гуя, Гэн Чжун-мина и Шан Кэ-си в сер. 1670-х (*сань фань*), представлявшего смертельную угрозу для нового режима, и переход Тайваня (1683) под власть цинского пр-ва. После этих событий длившаяся без малого 40 лет война была завершена и страна обрела относительное спокойствие.

Кан-си берет курс на сосредоточение всей власти в руках императора. Начиная с Кан-си цинские императоры начинают уподоблять себя совершенномудрым правителям древности (см. **Шэн [1]** в т. 1), власть к-рых была беспредельна. В империи Цин традиционному для императорского Китая противостоянию двора и элиты приходит конец, теперь она могла быть лишь верной слугой трона. Режим, к-рый утверждает Кан-си, нередко квалифицируют как абсолютизм. Его опорой стали такие учреждения, как Гос. канцелярия (*Нэйгэ*), **Ханьлинь академия** (см. т. 1), другие традиц. институты, к-рые при Кан-си обретают новую жизнь и занимают центр. место в гос. аппарате. Были созданы новые службы, характерные именно для этого периода.

Важнейшим компонентом сильного полит. центра, создаваемого Кан-си, его опорой должна была стать армия — предмет особой заботы императора. Она была реорганизована: основой вооруж. сил страны стали претерпевшие серьезные изменения восьмизнаменные (*ба ци*) войска. Кан-си лично проверял состояние армии, устраивал смотры. Положение армии в империи Цин, ее роль в жизни гос-ва существенно отличались от того, что было при предыдущих династиях. Кан-си с полным правом можно считать создателем цинской государственности, при нем она обретает все присущие ей особенности.

Возрождение конф. монархии потребовало особого внимания к цивилизационным основам, духовной культуре. Кризис кон. XVI — нач. XVII в. серьезно поразил эту важнейшую для традиц. государственности сферу, и Кан-си много сделал, чтобы преодолеть набиравшие силу негативные тенденции и утвердить конф. первооснову духовной культуры империи. Доминантой его правления стала политика *вэнь чжи* («управлять, опираясь на культуру»; см. **Вэнь** в т. 1). Особое внимание уделялось письм. культуре. По своим масштабам и интенсивности деятельность Кан-си на данном направлении, получившем назв. «Изучать древность, почитать словесность» (*цзи гу ю вэнь*), аналогов в предыдущей истории Китая не имеет.

Цинские власти начали с ревизии письм. наследия и изъятия всего, что противоречило офиц. доктрине и представляло угрозу существующим порядкам. Важнейшей составной частью этой кампании стала «литературная инквизиция» с офиц. названием «письменные судилища» (*вэньцзы юй*). Ее целью было уничтожение оппозиционных авторов и «крамольных» произведений. Начало кампании датируется 1663, а ее завершение — последней третью XVIII в.

Одновременно по инициативе Кан-си и при его участии власти империи приступили к подготовке фундамент. трудов по различным аспектам гуманитарного знания того времени. Была реорганизована работа по всемерной пропаганде осн. положений конф. канона. Под личным контролем императора было подготовлено и издано полн. собр. соч. Чжу Си.

В период правления Кан-си была создана самая большая энциклопедия **«Гуцзинь тушу цзичэн»** («Полное собрание книг древности и современности»), знаменитый «Кан-си цзыдянь» («Словарь иероглифов, [составленный в годы под девизом правления] Кан-си», 1716), к к-рому восходит совр. система из 214 ключей (**бушоу**; см. т. 3) для поиска и орг-ции иероглифов, словарь рифм (**юнь [3]**; см. т. 3) «Пэй вэнь юнь фу» («Сокровищница рифм с приложением текстов»), первое полное собр. произведений танских поэтов «Цюань Тан ши» («Полный свод танской поэзии»), свод «Цзы Ши цзин хуа» («Избранное из разделов *Цзы* и *Ши*») — выборки наиб. важных материалов из соч. мыслителей (*цзы* [*3*]) и историков (*ши* [*9*]), словарь «Пяньцзы лэй-бянь» («Тематический словарь парных сочетаний»), энциклопедич. справочник по лит-ре «Юань цзянь лэй хань» («Полная энциклопедия основных знаний»), «Цин вэнь цзянь» («Зерцало маньчжурской словесности»), труд о календаре «Ли сян као чэн» («Справочник для астрономических расчетов»); к концу правления Кан-си в осн. была завершена работа над текстом «Истории [династии] Мин» (**«Мин ши»**). Всего в период Кан-си подготовлено более 60 офиц. трудов, многие из к-рых вошли в сокровищницу кит. духовной культуры и не утратили своего значения поныне.

Своеобр. центром офиц. культуры империи Цин стал дворцовый комплекс Гугун, где работали составители и создатели этих фундамент. изданий, были раз-

мещены службы, причастные к подготовке таких трудов. Т.о., Кан-си утвердил монополию гос-ва в сфере духовной культуры. Кит. историки говорят о становлении в этот период «культурного абсолютизма» (*вэньхуа чжуаньчжи*).

Кан-си пришел к власти, когда традиц. социальный порядок оказался основательно разрушенным, перестали работать сложившиеся механизмы социального контроля. Эти процессы начались в конце эпохи Мин (1368–1644), а коллизии, сопровождавшие смену династий и превращение империи в многонац. гос-во, сделали их еще более разрушительными. Поэтому консолидация об-ва, восстановление и упрочение традиц. устоев жизни стали еще одним важным направлением во внутр. политике Кан-си. На протяжении мн. веков фундаментом консолидации кит. об-ва прежде всего выступала офиц. культура империи, становлению к-рой посвятил себя Кан-си. Принципиальное значение имело утверждение норм конф. морали. В 1670 (императору тогда было 16 лет) при дворе был подготовлен документ «Шэн юй ши лю тяо» («Шестнадцать наставлений императора», «Шестнадцать максим Кан-си») — набор лаконичных наставлений по семейной морали. Позже они были дополнены примерами из истории и изданы под назв. «Шэн юй гуан сюнь» («Мудрые предназначения и всеобъемлющие наставления»). Этот труд активно использовался Кан-си и его преемниками в полит. практике; его регулярное изучение стало обязательным для населения империи Цин. Упрочению нравственности чиновников был посвящен подготовленный Кан-си в 1702 документ «Внушение чиновникам» («Сюньчи шицзы вэнь»).

Необходимостью решения социальных проблем было обусловлено и пристальное внимание Кан-си к школьному образованию: в системе конф. монархии оно не только обеспечивало необходимый властям минимум грамотности подданных, но и приобщало подрастающее поколение (ту его часть, что могла посещать школы) к осн. ценностям кит. цивилизации. Еще в 1675 он подготовил трактат «Суждения о школе» («Сюэсяо лунь»), в 1686 и 1699 были изданы указы о реорганизации системы школьного образования. К этой проблеме обращался император и позже. Он стремился создать стройную гос. систему школьного образования, способную выполнять определенные ей властями функции. Сначала осн. типом начальной школы при Кан-си были *жусюэ* («конф. школы»), затем повсеместно стали создавать *и-сюэ* («училище верности») — бесплатные начальные школы, первая из к-рых появилась в 1672 (император пожаловал ей доску с собственноручно выполненной надписью).

Благополучие династии во многом зависело от наличия надежной социальной базы — полит. и интеллектуальной элиты, твердо придерживающейся гос. доктрины и преданной престолу. Ее формирование в условиях многонац. гос-ва, где на престоле находилась инородческая династия, а маньчж. аристократия обладала особым статусом, ставило перед Кан-си проблемы, решение к-рых давалось нелегко.

Осн. инструментом формирования такой элиты являлась **гос. экзаменационная система** (см. Общий раздел), открывавшая доступ к поступлению на гос. службу. Это был важнейший ин-т конф. монархии, его нормальное функционирование рассматривалось как свидетельство легитимности династии, ее стабильности, и в империи Цин он начал действовать уже в 1646. Система гос. экзаменов (*кэ цзюй*) находилась под личным контролем императора, по его указанию были разработаны и неоднократно корректировались правила, определявшие все аспекты ее деятельности (содержание и форма экзаменационных сочинений, длительность проведения экзаменов, их матер. обеспечение, требования к помещению для их проведения и т.д.). При Кан-си осн. видом экзаменационных сочинений становится *ба гу вэнь* («восьмичленное сочинение, восьмичленная проза»), к-рый сложился еще при дин. Мин. Но теперь его гл. достоинством стало считаться строгое соблюдение формы. Крупным актом на пути создания социальной базы династии стали «особые экзамены» (*босюэ хунцы*), за почти 300 лет существования империи Цин они проводились дважды (1679, 1736). Их офиц. предназначением был отбор лучших умов империи для работы над историей дин. Мин. Но они должны были также проде-

монстрировать стремление властей сотрудничать с кит. элитой, их верность фундамент. ценностям полит. культуры императорского Китая.

Под опеку Кан-си попал и еще один ин-т, имевший самое непосредств. отношение к воспитанию элиты. Это — региональные академии (*шу юань*). Возникнув в эпоху Тан (VII–IX вв.), к кон. XVI в. они превратились в оплот оппозиционно настроенной по отношению к дин. Мин местной элиты, рассадник «крамольных» идей. Поэтому основатели дин. Цин видели в них потенциальную угрозу и старались максимально ограничить их деятельность, поставить под контроль гос-ва и превратить в региональные центры офиц. науки и культуры. В период правления Кан-си число академий начинает стремительно расти, их было создано более 500, к нач. 1720-х насчитывалось ок. 1000. Под своим контролем Кан-си держал и *Гоцзыцзянь* (*Тайсюэ*) — Высшее гос. училище, также имевшее отношение к подготовке кадров для гос. аппарата.

Ко времени вступления Кан-си на престол серьезно обострились противоречия между различными кланами маньчж. аристократии, затронули они и членов императорского дома. Постепенно эти противоречия локализовались вокруг проблемы определения наследника престола и привели к расколу императорской семьи и ее окружения. В борьбу, к-рая развертывалась при дворе, пытались вмешаться миссионеры. Новый статус правящего дома потребовал от Кан-си серьезной корректировки отношений в лагере маньчжуров и самых решительных мер. 7 из его 15 сыновей в разное время были подвергнуты аресту, нек-рые из них погибли в тюрьме. Еще более сурово он расправлялся с др. участниками борьбы придворных клик.

Как считают кит. историки, Кан-си удалось снять осн. противоречия, существовавшие между маньчж. и ханьской элитами. Маньчж. аристократия была лишена нек-рых привилегий, предоставленных ей в первые годы существования династии. Большую роль сыграло также ее приобщение к ценностям кит. цивилизации, настойчиво стимулируемое Кан-си. Уже к кон. XVII в. появляются ученые-маньчжуры, крупные знатоки кит. культуры, и число их неуклонно растет. Одновременно немало представителей кит. интеллектуальной элиты демонстрирует хорошее знание языка и культуры маньчжуров. Все это способствовало сближению различных групп, представленных при дворе. Разумеется, социальная политика Кан-си не могла полностью решить проблему консолидации об-ва, но он настойчиво стремился к этому и внес опред. вклад в ее решение. Кит. историки подчеркивают, что Кан-си немало сделал и для консолидации народов империи, заложил основы единой кит. нации (*чжунхуа миньцзу*).

Кризис конца эпохи Мин и бедствия, обрушившиеся на страну в период смены династий, нанесли тяжелый урон экономике. Упрочение власти и постепенная стабилизация внутриполит. положения, достигнутые Кан-си к кон. XVII в., создали предпосылки для ее восстановления. Под строгим гос. контролем и при активном участии императора, особенно в сельском хоз-ве, принимались такие меры, как расширение площади пахотных земель, упорядочение налоговой системы, крупномасштабные гидротехнич. работы и т.д. Кан-си поощрял развитие ремесла и торговли, но частная инициатива в этом секторе, к-рая в конце Мин дала импульс появлению в Китае «ростков капитализма», при нем поддержки гос-ва не получила.

Принятые меры позволили оздоровить экономику империи и обеспечить ее значительный подъем. Кан-си не только декларировал «заботу о народе», как этого требовали от императора нормы полит. культуры, но и предпринял реальные действия, сократив, напр., налоговое бремя. Не случайно в период его правления в империи не было отмечено к.-л. серьезных социальных конфликтов. Кан-си ввел в полит. практику цинского двора объезд императором страны (*сюнь син*). За время своего правления совершил 6 таких поездок (1684, 1689, 1699, 1703, 1705, 1707). Этот традиц. ин-т конф. монархии при Кан-си в значит. мере утратил ритуальный характер — во время своих вояжей (иногда по многу месяцев) в разл. р-ны страны он решал неотложные гос. задачи.

Кан-си приступил к благоустройству столицы, по его указанию началось большое строительство, были построены новые дворцы и дворцово-парковые

ансамбли. Большой комплекс был построен для наследника престола Инь Чжэня (позже — летняя резиденция цинских императоров Юаньминъюань). На сев.-западе столицы закладывается один из самых знаменитых дворцово-парковых ансамблей Китая — Ихэюань.

Создавая Великую Цин (Дай Цин), Кан-си не мог не размышлять о положении империи в меняющемся мире. Разрабатывая основы внешнеполит. курса империи, Кан-си исходил из необходимости обеспечить ее геополит. интересы в регионе, к-рый входил в сферу интересов Китая. Ставка делается на установление контроля над сопредельными территориями, населяющими их народами и более четкое разграничение с соседями. Реализуя этот курс, Кан-си выступает как искусный политик. В то же время при нем важнейшим инструментом решения внешнеполит. проблем становится армия. Кан-си неоднократно лично водил ее в походы против соседей. С кон. XVII в. он предпринимает серию крупных военно-полит. акций, к-рые позволили ему существенно расширить границы империи. Он сумел включить в ее состав большую часть монгольских земель. При нем практически окончательно перешел под контроль империи Тибет, утвердилось влияние империи в нек-рых др. приграничных районах.

Расширение границ империи требовало особого внимания к налаживанию отношений двора с нац. окраинами, состояние этих отношений начинает все больше влиять на положение дел в стране, стабильность внутриполит. ситуации. Устанавливая связи с нац. элитами, Кан-си в то же время заменил в нац. р-нах местную администрацию на чиновников, присланных из центра, что должно было усилить контроль над ними Пекина.

Особое место во внешней политике цинского двора занимает Россия, уже давно пытавшаяся установить с Цин дипломатич. и торговые связи. Появление рус. послов в Пекине встретили настороженно, а продвижение России на восток расценили как угрозу интересам Китая и попытались его пресечь. Кан-си лично контролировал развитие событий в Приамурье. В июне 1684 маньчж. войска, воспользовавшись большим превосходством в силах, осадили и взяли острог Албазин. Русские уже в авг. 1685 вернулись на старое место и вскоре восстановили Албазин. Маньчж. войска вновь его осадили, но 10-месячная осада не принесла успеха, и в авг. 1687 они отступили. Начались сложные переговоры между двумя сторонами, в результате к-рых конфликт удалось разрешить. В 1689 в Нерчинске был подписан договор (рус. посольство возглавлял Ф.А. Головин), на долгие годы определивший рус.-кит. отношения. В истории Китая это было первое соглашение, регулирующее его отношения с европ. гос-вом. С этого момента отношения с сев. соседом стали занимать в политике Кан-си важное место. До конца его правления состоялся обмен посольствами: в Пекине побывали рус. послы Э.И. Идес (1693) и Л. Измайлов (1720), а в 1713 в Россию было направлено посольство чиновника Тулишэня (1667–1741). Его соч. «И юй лу» («Записки о путешествии на край света», 1723; рус. пер. с маньчж. яз. А. Леонтьева «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских», СПб., 1772, 1788), где он рассказал о своей миссии, стало первой в Китае книгой о России. Значительно активизировались торговые отношения между двумя странами.

康熙字典 子集上 一部

По указанию Кан-си оказавшихся в плену защитников Албазина поселили в Пекине, и из них была сформирована «русская рота», к-рая вошла в состав столичного гарнизона маньчж. знаменных войск. Для отправления религ. потребностей им было предоставлено спец. помещение — Русское подворье. С 1715 здесь начала действовать **Российская духовная миссия в Китае** (см. т. 2), офиц. статус к-рой был определен позже.

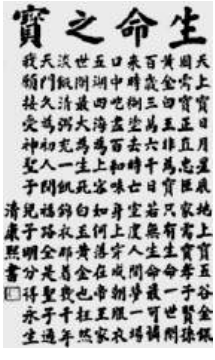
Понимая значение развития отношений с Россией, Кан-си в 1708 принял решение организовать в Пекине изучение рус. языка. 24 марта 1708 открылась школа рус. языка, к-рая в 1716 по спец. указу императора получила назв. «Училище русского языка» (*Элосы вэньгуань*). Оно было подчинено Гос. канцелярии (*Нэйгэ*), что существенно повышало его статус.

Иначе складывались отношения империи Цин со странами Запада. После изгнания голландцев с Тайваня юго-вост. побережье страны было поставлено под особый контроль властей. Но европ. купеческие корпорации настойчиво пытались овладеть кит. рынком и наращивали свое присутствие. Кан-си понимал, что торговля с ними может быть выгодна казне, однако активность заруб. купцов вызывала у него серьезные опасения, что делало его политику в этом вопросе непоследовательной: послабления чередуются в ней с ограничениями и строгими запретами.

Значительно больших успехов добились миссионеры. Кан-си стал одним из первых кит. императоров, при к-ром миссионеров официально допустили ко двору. Папский престол направлял туда таких опытных проповедников, как Шалль фон Белль, Ф. Вербист, Ж.-Ф. Жербийон, Т. Перейра, Пьер Жарто, Маттео Рипа. Они знакомили Кан-си с европ. наукой и культурой, к к-рым он проявлял большой интерес. Для занятий с ними во дворце Тайцзидянь было выделено спец. помещение — Палата исполнения желаний, где император знакомился с основами естеств. наук, воен. дела, картографией, нек-рыми технич. достижениями, европ. искусством. Очевидно, Кан-си получал от них также информацию о европ. гос-вах, их политике, положении дел в мире. Миссионеры были допущены к исполнению таких важнейших гос. обязанностей, как корректировка и составление календаря и подготовка карты империи (завершена в 1718, позже в перераб. виде издана в Париже). Кан-си привлекал миссионеров и к дипломатич. деятельности. Во время обострения отношений с русскими в Приамурье Ф. Вербист сопровождал императора в инспекционной поездке в Маньчжурию, а Ж.-Ф. Жербийон по его поручению участвовал в переговорах с рус. послами в Нерчинске в 1689. Ф. Вербист нек-рое время исполнял обязанности одного из руководителей Ведомства обществ. работ (*Гунбу*), где занимался реализацией программы оснащения цинской армии европ. оружием. По распоряжению Кан-си была сформирована группа из кит. и маньчж. молодежи, к-рая должна была под рук-вом миссионеров изучать астрономию, математику, календарное дело.

Т.о., впервые в истории Китая императорский двор при Кан-си начинает поворачиваться лицом к Западу. Однако, стремясь использовать в интересах империи знания и опыт миссионеров, Кан-си старался не допустить роста их влияния при дворе. Особенно подозрительно он относился к их проповеднической деятельности, к-рая подрывала устои традиц. общественного и гос. порядка, и он всемерно ее ограничивал. Так, в 1693 за заслуги перед императором франц. миссионеры получили участок на территории Запретного города, где позже была построена церковь. Но когда власти познакомились с содержанием проповедей, они немедленно их запретили, а в 1717 появился указ, предписывавший миссионерам получать на подобную деятельность спец. патент. Неоднократные попытки папского престола добиться разрешения на свободу проповеди и обращение подданных Сына Неба в христианство результатов не дали и вызвали раздражение при дворе.

Кан-си умер во дворце Юаньминъюань 20 дек. 1722 после непродолжительной болезни. Для многих его смерть оказалась неожиданной, высказывалось предположение, что он пал жертвой дворцовых интриг вокруг проблемы престолонаследия. Выбор наследника оказался для Кан-си очень трудным, за время своего правления он неск. раз пересматривал свое решение. Так, в 1675 он объявил наследником своего 6-го сына Инь Жэна, в 1708 лишил его этого звания, на след. год Инь Жэн вновь был провозглашен наследником, а в 1712 снова перестал им быть, теперь уже окончательно. В последние годы жизни Кан-си видел своим наследником любимого внука Хун Ли, однако, имея взрослых сыновей, оставить ему престол не мог, и это, как полагают, определило окончательный выбор наследника: им стал отец Хун Ли — Инь Чжэнь (имп. Ши-цзун, прав. под девизом Юн-чжэн в 1723–1735), что дало возможность Хун Ли впоследствии также стать императором (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795). Однако полной ясности относительно того, какое имя



乙

значилось в окончательном тексте завещания Кан-си, нет, по одной из версий, после смерти императора текст был заменен. Похоронен Кан-си в уезде Цзуньхуа пров. Хэбэй (там находятся Восточные могилы дин. Цин), в мавзолее Цзинлин.

Кан-си правил очень долго — 61 год, мало кто из его предшественников может сравниться с ним и по значимости содеянного. Являясь представителем маньчж. правящего дома, Кан-си сумел поставить интересы гос-ва выше интересов маньчж. аристократии и выступал как император, пекущийся о делах империи. Это был необычайно деятельный правитель, стремившийся во всем разобраться сам, он не только брал на себя решение важных вопросов жизни гос-ва, но и занимался будничными проблемами. Он многое сделал для возрождения конф. монархии после кризиса в кон. XVI в. и внес решающий вклад в становление дин. Цин. При нем закончился длительный период нестабильности и династия обретает все те черты, к-рые определяли ее облик по крайней мере до сер. XIX в. Своим преемникам он оставил гос-во, находящееся на подъеме, авторитет к-рого признавался не только в дальневост. регионе. Как считают кит. историки, по своей экономич. мощи оно было вполне сопоставимо с крупными европ. державами того времени.

В Китае время правления Кан-си считают отправной вехой «эры всеобщего процветания» (*цюань шэн*), к-рая продолжалась почти до кон. XVIII в. В традиц. кит. историографии этот термин обозначает ту фазу династийного цикла, к-рая следует за завершением «создания династии» (*кай го*) и имеет прежде всего социально-полит. содержание: он подразумевает стабилизацию внутриполит. ситуации, консолидацию власти, установление ею твердого контроля над территорией всей страны. Как считают кит. историки, особое значение для «эры процветания», начавшейся при Кан-си, имело расширение границ империи и вклад Кан-си в развитие культуры.

Кан-си нередко сравнивают с его современником — рос. императором Петром I (1672–1725). Их, действительно, многое роднит, каждый из них внес огромный вклад в укрепление могущества своей страны и занимает одно из центр. мест в нац. истории. Как и Петр I, Кан-си — фигура во многом необычная, это правитель новой формации, к-рого время поставило перед необходимостью решать проблемы, никогда прежде не стоявшие перед кит. монархами. Но если Петр I стремился обновить страну, решительно отбрасывая все отжившее свой век, то Кан-си возрождал конф. монархию и старался не выходить за рамки традиц. общественного и гос. устройства, всемерно их укреплял, хотя и вынужден был иногда идти к этой цели своим путем.

****** История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток, 1987; Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М., 1974; *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М., 2005; *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб., 2006; Кан-си хуанди цюаньчжуань (Полная биография императора Канси) / Гл. ред. Бай Синь-лян. Пекин, 1997; *Мэн Чжао-синь.* Кан-си да ди цюаньчжуань (Полная биография великого императора Канси). Чанчунь, 1988; Die Briefe des K'ang-Hsi-Kaisers aus den Jahren 1696–1697 an den Kronprinzen Yin-Ch'en aus mandschurischen Geheimdokumenten: Ein Beitrag zum ersten Dsungarenkrieg der Ch'ing, 1690–1697 / Hrsg. J. Čimeddorji. Wiesbaden, 1991; *Fang Chao-ying.* Hsuan-yeh // Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912) / Ed. by A. Hummel. Vol. 1. Wash., 1943, p. 327–331; *Kessler L.D.* K'ang-hsi and the Consolidation of Ch'ing rule, 1661–1684. Chic., 1976; *Spence J.D.* Emperor of China: Self Portrait of Kang-hsi. N.Y., 1974.

Б.Г. Доронин

КАН Ю-ВЭЙ

康有為

Кан Ю-вэй, Кан Нань-хай, Кан Гуан-ся, Кан Цзу-и, Кан Чан-су. 19.03.1858, уезд Наньхай пров. Гуандун, — 31.03.1927, Циндао. Мыслитель, гос. и обществ. деятель, лидер реформаторского движения в Китае на рубеже XIX–XX вв.

Выходец из семьи ученого сословия **шэнь ши**, насчитывавшей 13 поколений ученых. Отец был сельским учителем и кандидатом на должность начальника уезда пров. Цзянсу. Уже в 5-летнем возрасте, обладая феноменальной памятью, он заучивал наизусть стихи танских поэтов и классич. конф. каноны, в 7 лет писал сочинения на темы классич. книг. Был воспитан в духе неприязни к участникам движения *тайпинов*, посягнувшим на основы помещичьего землевладения, т.к. почти все старшие члены рода (отец, дядя, два брата деда) принимали участие в подавлении восстания. С 11 лет, после смерти отца, стал воспитываться у деда, зав. департаментом просвещения в обл. Лянчжоу, известного педагога пров. Гуандун и ортодоксального последователя офиц. **конфуцианства** (см. т. 1). Под его рук-вом приступил к систематич. изучению кит. истории, читал дин. истории и офиц. хроники, жизнеописания выдающихся представителей маньчж. династии. Регулярно читал столичную газ. «Цзин бао», из к-рой узнавал о совр. событиях в империи и за ее пределами.

В 1871 юноша держал первые экзамены, но неудачно написал экзаменац. сочинение (*ба гу вэнь*). В 1873 блестяще сдал экзамены на аттестат зрелости. В 1874 впервые ознакомился с историей иностр. гос-в и с географией мира по немногочисл. переводным книгам. Под рук-вом деда усиленно готовился к экзаменам на соискание ученой степени *цзюй жэнь*, но на провинц. экзаменах в Гуанчжоу в 1876 вновь провалился на *ба гу вэнь*. Три года учился в частной школе известного гуандунского философа-педагога, знатока **неоконфуцианства** (см. т. 1) Чжу Цы-ци, к-рый разделял теории ученых-конфуцианцев начала дин. Цин — **Гу Янь-у** (1613–1682; см. т. 1) и **Ван Фу-чжи** (1619–1692; см. т. 1), кит. патриотов и противников маньчж. господства. Взгляды Чжу Цы-ци оказали на Кан Ю-вэя исключительно большое влияние. Чжу Цы-ци критиковал противоречивые комментарии ханьских и сунских неоконфуцианцев и говорил о необходимости возврата к подлинному учению **Конфуция**. «Учась у Чжу Цзю-цзяна (Чжу Цы-ци. — *В.У.*), — писал в своей „Автобиографии“ Кан Ю-вэй, — я чувствовал себя, словно усталый спутник, достигший хижины, словно слепец, к-рый внезапно прозрел... Я решил, что к 30-летнему возрасту прочту все без исключения книги и смогу улучшить положение Китая. Я решил не писать экзаменационных сочинений, т.к. не собирался стать ни богачом, ни чиновником».

В 1879 полгода он провел в Пещере Белых облаков (Байюньдун) и на горе Сицяошань близ Гуанчжоу, где изучал буд. и даос. тексты, стремясь постичь «искусство самосозерцания». Там написал первую филос. работу «Комментарий к Лао-цзы» («Лао-цзы чжу»), но вскоре, когда увлечение **даосизмом** (см. т. 1) прошло, уничтожил рукопись.

В 1879 впервые посетил Гонконг и был поражен «красотой и удобством иностр. домов, чистотой улиц, эффективностью действий полиции». Он стал читать всю доступную ему лит-ру о зап. странах. Больше всего его удивило то, что «при управлении гос-вом иностранцы следуют законам».

В связи с ухудшением матер. положения семьи после смерти деда поселился в родном селе, преподавал в школе и продолжал готовиться к экзаменам. В 25 лет, уступив настояниям родных, выезжает в Пекин для участия в гос. экзаменах, но вновь проваливается. В Шанхае знакомится с жизнью иностранцев на территории сеттльмента. Он скупает все иностр. книги, переведенные на кит. яз., и в нач. 1883 намеревается даже составить спец. энциклопедию, содержащую сведения об иностр. гос-вах, о развитии естеств. наук, о музыке, поэзии Запада. В том же году в своем селе решительно выступил против того, чтобы его дочерям бинтовали ноги, ссылаясь на отсутствие такого обычая при Конфуции. В июле 1897 **Лян Ци-чао**, **Тань Сы-тун** (обе ст. см. также в т. 1), Кан Гуань-жэнь и др. написали программу и устав и официально создали орг-цию «Союз против бинтования ног» (*Бу чань цзу хуй*) с центром в Шанхае и филиалами в провинциях, городах и уездах (в т.ч. в уездах Гуандуна).

乙

В него вошли отдельные либерально настроенные **шэнь ши** и купечество. Однако из-за враждебного отношения уездных властей и местных помещиков орг-ция вскоре была распущена.

В 1884–1902 Кан Ю-вэй создал свой гл. теоретич. труд «Да тун шу» («Книга о Великом единении»), к-рый ознаменовал собой возникновение в Китае новой полит. философии. Работа над «Да тун шу» в осн. была завершена во время пребывания автора в Индии. Книгу частично опубликовали только после Синьхайской революции (1911), полностью была издана только через 8 лет после смерти автора в 1935. Спасение человечества автор видел в установлении об-ва Великого единения (**да тун**; см. т. 1). Он призвал ликвидировать гос. границы, армию, уничтожить семью — главную для конфуцианцев ячейку об-ва, сделать каждого человека независимым в мире, основать один Великий союз стран. Большое внимание в своем соч. он уделял вопросу равенства женщин. В об-ве Великого единения царит изобилие; все работают ради удовольствия и всего по неск. часов в день; все радуются жизни. Кан Ю-вэй полагал, что новая техника возьмет на себя осн. тяжесть труда. Частная собственность на землю упраздняется, все налоги заменяются одним — десятой частью дохода. Всех детей с рождения забирают в гос. воспитательные дома, а стариков направляют в дома престарелых разной категории, льготные места предоставляются самым заслуженным членам об-ва.

Весной 1886 Кан Ю-вэй направил тогдашнему генерал-губернатору пров. Гуандун **Чжан Чжи-дуну** письмо с предложением организовать в Гуанчжоу спец. бюро переводов для популяризации в стране зап. лит-ры по полит. вопросам, однако из-за отсутствия средств план не был осуществлен.

В 1891 в Гуанчжоу Кан Ю-вэй создал частную школу, где был директором и гл. преподавателем. Там помимо конф. дисциплин преподавались предметы, связанные с **буддизмом** (см. т. 1), даосизмом, естеств. и гуманитарные науки Запада. «Это была первая настоящая школа в Китае за многие столетия, — писал ученик этой школы Лян Ци-чао. — Кан Ю-вэй пытался соединить воедино кит. и зап. науки».

Когда в 1893 в Гуанчжоу проходили провинц. экзамены, Кан Ю-вэй, уступая настойчивым просьбам матери и родственников, согласился последний раз принять в них участие и наконец получил вторую ученую степень — *цзюй жэнь*. Весной 1894, прибыв в Пекин вместе с Лян Ци-чао для сдачи экзаменов на высш. степень *цзинь ши*, открывавшую перспективы для чиновничьей карьеры, заболел и вернулся на Юг на лечение. В начале 1895 вновь выехал в Пекин, чтобы успеть на экзамены, состоявшиеся позже обычного из-за войны с Японией.

30 апреля–1 мая под рук-вом Кан Ю-вэя, выступившего со страстными патриотич. речами, в одной из пекинских кумирен состоялся митинг, в к-ром участвовало более 1200 обладателей ученой степени *цзюй жэнь*. Собравшиеся единодушно одобрили и подписали текст меморандума императору, написанный Кан Ю-вэем и Лян Ци-чао. Уже на след. день его содержание узнала вся страна. Меморандум состоял из двух частей: в ч. 1 авторы выступали против ратификации мирного договора с Японией и указывали практич. мероприятия, к-рые позволили бы продолжить войну; в ч. 2 содержалась обширная программа полит., экономич. и культурных преобразований с целью усилить и возвысить Китай: издать манифест для поднятия нац. духа, перенести столицу из Пекина в Сиань, открыть школы, в к-рых ввести преподавание истории Китая и заруб. гос-в и совр. точных наук, сделать конфуцианство общегос. религией.

В 1895 Кан Ю-вэй получил степень *цзинь ши* и стал делопроизводителем в Приказе обществ. работ в Пекине. Единств. газетой, выходившей тогда в Пекине, была «Цзин бао» («Столичный вестник»), печатавшая указы и правительств. распоряжения. С июня 1895 на личные средства Кан Ю-вэя стала выходить газ. «Вань го гунбао» («Всемирный вестник»), а затем газ. «Цян сюэ бао» («Усиление государства»). В авг. 1895 была организована «Ассоциация усиления государства» (*Цянсюэхуй*). Члены Ассоциации собирались раз в три

дня, обсуждали пути усиления Китая, пути преобразований в области экономики, политики и культуры. Ассоциация завоевала широкую популярность среди столичной интеллигенции и чиновничества. Ее денежный фонд непрерывно увеличивался. 12 окт. 1895 было получено 2 тыс. *лянов* серебра от **Ли Хун-чжана**, выразившего желание вступить в Ассоциацию, но против выступили ее члены. Под нажимом **Цы Си** уже в дек. 1895 ее деятельность была запрещена имп. **Цзай Тянем** (прав. под девизом Гуан-сюй в 1875–1908), к-рый получил меморандум об антиправительств. намерениях Кан Ю-вэя.

Ввиду угрозы ареста Кан Ю-вэй вынужден был выехать на Юг и заняться педагогич. работой в пров. Гуандун. Но в 1898 возобновил свою полит. деятельность, основав в столице сначала вместе с земляками Гуандунское научное об-во (*Юэсюэхуй*), а затем всекит. «Общество защиты государства» (*Баогохуй*).

Филос. и обществ.-полит. взгляды Кан Ю-вэя формировались гл. обр. под влиянием традиц. кит. мысли. Поражение Китая во франко-кит. войне (1884–1885) и др. неудачи империи обусловили его интерес к зап. общественным и полит. ин-там и ценностям.

Отстаивая тезис «изменение — это путь (*дао*) Неба», в 7 докладах-меморандумах имп. Цзай Тяню, равных к-рым по силе и страстности обличения пороков маньчж. двора еще не было, он рекомендовал повторить опыт «революции Мэйдзи» в Японии и реформ Петра I в России, писал о необходимости предоставления свободы слова, предлагал унифицировать денежные знаки, построить Пекин-Цинцзянпускую жел. дорогу, запретить «флотский займ», прекратить строительство летнего имп. дворца, отстранить от полит. дел отца императора — князя Чуня, чл. Императорского секретариата Сунь Юй-вэня и гл. евнуха двора Ли Лянь-ина и т.д.

В июле 1898 Гуан-сюй принял предложения Кан Ю-вэя, что нашло отражение в спец. императорском указе. Он ознаменовал начало кратковременного периода «ста дней реформ» (11 июня — 20 сент. 1898), в течение к-рого Кан Ю-вэй в качестве одного из гл. советников трона разработал детальные рекомендации по осуществлению преобразований: отмена старой системы экзаменов на ученые степени, создание ун-та в Пекине и учеб. заведений зап. образца в провинции, введение бюджетной системы, модернизация армии и флота, полная ревизия администр. управления и др. Дворцовый переворот императрицы Цы Си, узурпировавшей власть в сент. 1898, положил конец реформаторской деятельности. Император был заключен под домашний арест. Шесть руководителей и идеологов партии реформ были казнены без суда и следствия (в т.ч. Тань Сы-тун и брат Кан Ю-вэя Кан Ю-пу). Кан Ю-вэй был приговорен к смертной казни заочно, т.к. ему удалось с помощью англичан бежать в Гонконг. Он прожил 16 лет за границей; в 1899 в Канаде преобразовал созданное им ранее «Общество защиты государства» (*Баогохуй*) в «Партию защиты императора» (*Баохуандан*) с филиалами в США, Латинской Америке, Японии, Юго-Вост. Азии и на Гавайях. Разочаровавшись в зап. цивилизации, он вновь возвращается к традиц. кит. мысли. Синьхайская революция заставила Кан Ю-вэя начать кампанию против республиканцев. В работах, написанных в кон. 1911, настаивал на том, что только приспособление ин-та конституционной монархии к кит. почве может уберечь страну от губительного хаоса. В 1913 в Шанхае он основал журнал «Бу жэнь» («Не терпите»), где продолжал публиковать конф. статьи, предлагал восстановить монархию и т.д. С энтузиазмом поддержав создание Чэнь Хань-чжаном в Шанхае в 1912 Конфуцианского об-ва (*Кунцзяохуй*), стал его руководителем. Об-во издавало журнал «Кунцзяо-хуй цзачжи». После учреждения Республики он остался адептом конфуцианства как самобытной доктрины, наиболее соответствовавшей нац. специфике Китая. Он не оставлял своих планов реставрации к.-л. из «гуманных» и «добродетельных» императоров. В 1917 принял участие в попытке милитариста Чжан Сюня (Чжан Шао-сюаня) посадить на престол малолетнего **Пу И**.

Последние годы жизни стремился отрешиться от мира, в к-ром разочаровался из-за несбыточности своих замыслов. Скончался в Циндао от пищевого отравления в возрасте 70 лет .

Кан Ю-вэй, Лян Ци-чао и др. реформаторы сыграли в Китае роль энциклопедистов, пропагандируя зап. идеи в науке, выступали горячими поборниками демократич. свобод — свободы слова, союзов, печати и собраний, борцами за раскрепощение женщины.

В 1958 в связи со 100-летием со дня рождения Кан Ю-вэя в Пекине был издан сб. избранных стихов и прозы Кан Ю-вэя («Кан Ю-вэй ши вэнь сюань»). См. также ст. **Кан Ю-вэй** в т. 1.

* *Кан Ю-вэй.* Кан Нань-хай сяньшэн вэньчао (Свод творений г-на Кан Нань-хая). Шанхай, 1914; *он же.* Кан Нань-хай вэньцзи (Собр. соч. Кан Нань-хая): В 8 т. Шанхай, 1915; Избр. произведения прогрессивных китайских мыслителей. М., 1961, с. 105–134. ** *Борох Л.Н.* Влияние буддийской философии на утопию Кан Ю-вэя // XXXIV НК ОГК. 2004, с. 153–160; *Максимов Д.* Политико-правовые взгляды Кан Ю-вэя // ПДВ. 2001, № 5, с. 108–118; *Никифоров В.Н.* Очерки истории Китая, II тысячелетие до н.э. — начало XX столетия. М., 2002; *Плешаков К.В.* Универсалистский пацифизм Кан Ю-вэя // Пацифизм в истории: идеи и движения мира. М., 1998, с. 149–161; *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй. М., 1959; 2-е изд. 1980; *Фельбер Р.* Учение Кан Ю-вэя о мире Датун — теория утопического коммунизма или положительный идеал либеральных реформаторов? // Общественно-политическая мысль Китая (конец XIX — начало XX в.). М., 1988, с. 39–62; *Hsiao Kung-chuan.* A Modern and a New World: Kang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle–London, 1975; *Лян Ци-чао.* Кан Наньхай чжуань (Биография Кан Нань-хая). N.Y., 1928.

В.Н. Усов

КОНФУЦИЙ

孔子

Конфуций, Кун-цзы (Учитель Кун), Кун Цю, Кун Чжун-ни. 552/551 до н.э., Цзоу в царстве Лу (совр. г. Цюйфу, пров. Шаньдун), — 479 до н.э. Выдающийся кит. философ, основатель **конфуцианства** (см. т. 1). В истории цивилизации имя Конфуция стоит в одном ряду с основателями мировых религий: Иисусом Христом, Буддой и Мухаммедом. Формально конфуцианство не являлось религией, т.к. в нем никогда не было ин-та церкви. Но по своей значимости, роли в воспитании человека, своему воздействию на формирование стереотипа поведения кит. нации оно успешно выполняло роль религии.

Учение Конфуция — это прежде всего **«Лунь юй»** («Суждения и беседы»; см. т. 1), осн. корпус к-рого составили прижизненные записи высказываний Конфуция, сделанные его учениками. По мнению совр. кит. исследователя Ян Боцзюня, на составление текста «Лунь юя», начатое еще при жизни Конфуция, ушло по крайней мере 30–50 лет. С т.зр. акад. Н.И.Конрада (1891–1970), на окончательное создание «Лунь юя» ученики затратили ок. 80 лет и он появился ок. 400 до н.э. Судьба «Лунь юя» была тесно связана с судьбой учения Конфуция. До тех пор пока учение не получило офиц. общегосударственного признания, возможно было сосуществование нескольких текстов. При имп. **Хань У-ди** (прав. 140–87 до н.э.; см. также т. 2) конфуцианство было провозглашено гос. идеологией; все наследники Конфуция получили ранги знатности. В 59 н.э. имп. Мин-ди издал декрет об офиц. жертвоприношениях Конфуцию во всех учеб. заведениях страны. В период канонизации личности Учителя был канонизирован и сам текст, к-рый в течение многих последующих столетий обязан был досконально знать любой образованный человек. Став каноническим, «Лунь юй» сформировал ядро традиц. кит. культуры.

Конфуций жил в один из самых драматич. периодов, когда Китай (VI–III вв. до н.э.) сотрясали постоянные междоусобные войны. Правители различных царств боролись с наследств. аристократией, традиционно занимавшей высшие администр. посты, за усиление личной власти главы гос-ва. В стране появился новый социальный слой образованных людей, или «книжников» (*ши* [*13*]). Представляя разные полит. школы, они упорно трудились над созданием такой модели управления, где бы сочетались интересы человека,

об-ва и гос-ва. Если легисты — сторонники «школы закона» (*фа-цзя*; см. **Легизм**) пропагандировали концепцию «народ для гос-ва», то конфуцианцы отстаивали кардинально противоположную доктрину — «гос-во для народа».

Конфуций происходил из родовитой, но обедневшей семьи царства Лу на востоке страны. Отцом его был луский аристократ Шулян Хэ. Его третий брак с Янь Чжи современники нарекли «союзом, не соответствующим правилам», т.к. мужчине старше 63 лет не полагалось заново заводить семью: Шулян Хэ исполнилось 66, а Янь Чжи не было и 20. Мечтавший о сыне Шулян Хэ отправился с женой просить о наследнике духа-правителя священного Глиняного холма недалеко от Цюйфу. Там в пещере Янь Чжи родила сына. Его назвали Цю (Холм) в честь священного холма и дали прозвище Чжун-ни (Второй с глинозема), с к-рым он вошел в историю кит. цивилизации. Отец скончался, когда сыну было три года, его воспитывала мать. Семья жила замкнуто и бедно. Чжун-ни пришлось заниматься тяжелым физич. трудом, зарабатывая на пропитание. Мать умерла, когда ему не было и 17. С 15 лет он занялся самообразованием. В 19 лет Конфуций женился, и в 531 до н.э. у него родился единств. сын. Конфуцию удалось поступить управляющим в семью местного аристократа, затем он стал надсмотрщиком и лишь в 27 лет поступил на службу в главную кумирню царства Лу. В 30 лет Конфуций открыл частную школу, и у него появились первые ученики. В 500 до н.э. был назначен на одну из высших должностей в царстве Лу — главой судебного ведомства. Именно в этот период в Лу был совершен беспрецедентный акт — по решению Конфуция был казнен аристократ Шаочжэн Мао за неподчинение верховной власти. В 499 до н.э. благодаря дипломатич. искусству Конфуция длительный спор между царствами Лу и Ци закончился в пользу правителя Лу, цисцы вынуждены были пойти на компромисс и вернуть лусцам некогда захваченные ими земли. Опасаясь чрезмерного усиления влияния Конфуция, цисцы вынудили Конфуция в знак протеста против нарушения правителем Лу гос. жертвенной церемонии покинуть царство. После безуспешных 14-летних странствий по стране в поисках желающих осуществить его доктрину «истинного правления» (*чжэн ши*) Конфуций вернулся в Лу и посвятил себя занятиям с учениками (по словам **Сыма Цяня**, у него было более 3 тыс. учеников) и сочинительскому и редакторскому труду. Закончив свой главный ист. труд — летопись **«Чунь цю»** («Вёсны и осени»), охватывающую события с 722 по 479 до н.э., Конфуций приступил к редактированию таких произведений, как **«Шу цзин»** («Канон истории»), **«Ши цзин»** («Канон стихов»; см. т. 1, 3), **«Ли цзи»** («Записи о ритуале»; см. т. 1), «Юэ цзин» («Канон музыки») и «И цзин» («Канон перемен»; см. **«Чжоу и»** в т. 1). Эти пять книг вместе с «Чунь цю» вошли в кит. культуру как «Лю цзин» («Шестиканоние»), без утерянного впоследствии «Юэ цзина» они получили наименование «Пятиканоние» (см. **«У цзин» [2]** в т. 1). Наряду с конф. **«Сы шу»** («Четверокнижие») позднее были включены в собрание **«Ши сань цзин»** («Тринадцатиканоние»; см. т. 1) и по сей день являются самым ценным наследием духовной культуры Китая.

Скончался Конфуций на 73-м году жизни в 479 до н.э., его могила в Цюйфу (**Цюйфу сань Кун**; см. т. 2) стала местом паломничества. Начиная с эпохи Хань императоры, высшие сановники и простой люд на протяжении более 2 тыс. лет поклонялись его могиле (см. **Культ Конфуция** в т. 2), ставшей самым священным местом на территории страны, и, хотя офиц. жертвоприношения Конфуцию (см. **Кун сы** в т. 2) были отменены приказом мин-ва образования Китайской Республики в 1928, в кон. XX в. церемония была восстановлена.

Конфуция, как и многих мыслителей древнего Китая, интересовала индивидуальная природа человека (**син [1]**; см. т. 1). Стремление к богатству и знатности, равно как и страх оказаться бедным и презираемым, одинаково присущи человеческой природе: «Богатство и знатность — вот к чему стремятся все люди... Бедность и презрение — вот что ненавидят все люди» («Лунь юй», IV, 5). Более развернутая характеристика индивидуальной природы человека в понимании Конфуция встречается в комментирующей части **«Да сюэ»** («Великое учение»; см. т. 1) в варианте **Чжу Си** (1130–1200): «Человек в род-

ственности и любви пристрастен, в презрении и ненависти пристрастен, в благоговейном трепете и почтительной осторожности пристрастен, в печали и жалости пристрастен, в надменности и лености пристрастен. Поэтому мало в Поднебесной таких, кто, любя, признает плохое в любимом и, ненавидя, признает красивое в ненавидимом» (пер. А.И. Кобзева).

Человек может осуществить свои стремления, если самостоятельно преодолеет эгоистич. наклонности, следуя установленному Дао-Пути (см. **Дао** в т. 1): «Сумей преодолеть себя и вернуться [в словах и поступках] к Правилам» («Лунь юй», XII, 1). Это обращение можно считать основополагающим для конф. модели личности. Конфуций подразделял людей на три категории: **цзюнь цзы** («благородный муж»; см. т. 1), *жэнь* [*1*] («человек», «обычный человек») и *сяо жэнь* (досл. «маленький человек», «низкий человек»).

Цзюнь цзы занимает одно из центр. мест в учении Конфуция, ему отведена роль идеального человека, наглядного примера для подражания представителями двух др. категорий. Учитель наделил *цзюнь цзы* такими качествами, как справедливость, скромность, правдивость, приветливость, почтительность, искренность, осторожность, умение сдерживать свои желания, отвращение к клеветникам и т.п. «Благородный муж» никогда не успокаивается на достигнутом, он постоянно занимается самосовершенствованием в надежде достичь Дао-Пути. Из нек-рых суждений проглядывает и социальный статус *цзюнь цзы*: при жизни Конфуция выдвигать людей и предоставлять им министр. посты мог только правитель, иногда прислушивавшийся к советам ближайших сановников. В последней главе «Лунь юя», где говорится о надлежащих методах управления народом и гос-вом, образ *цзюнь цзы* уже ассоциируется с правителем царства (XX, 2).

В перечень моральных достоинств «благородного мужа» входят «человеколюбие» (**жэнь [2]**), «духовная культура» (**вэнь**), «единение через разномыслие» (**хэ [1]**) и «добродетель» (**дэ [1]**; все ст. см. т. 1) — четыре важнейших понятия в учении Конфуция. *Жэнь* [*2*], по Конфуцию, — это все лучшие нравств. ценности и нормы поведения человека. Носителем таких нравств. ценностей мог быть только «благородный муж». Причем *цзюнь цзы* должен был обладать еще и *вэнь* — тем, что человек приобретает в процессе обучения, и каждый человек должен стремиться овладеть духовной культурой предков: «Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота — быть уважительными к старшим, в делах — осторожными, в словах — правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение *вэнь* — культуры» («Лунь юй», I, 6).

Конфуций выделил в качестве определяющего критерия отличия «благородного мужа» от «маленького человека» приверженность принципу *хэ* [*1*], заимствованному им у Янь Ина (советника царства Ци) и заключавшемуся в свободной состязательности мнений при выработке оптимального решения насущной гос. проблемы. Эту идею разномыслия, созвучную идее плюрализма, Конфуций сделал одним из центр. принципов, к-рому должны следовать все облеченные властью и причастные к управлению гос-вом. «Благородный муж», усвоивший принцип *хэ* [*1*], обретал самостоятельность мышления, активность, умение решать проблемы, признавая за противной стороной право на собств. мнение.

Еще одним из важнейших моральных качеств «благородного мужа» является «добродетель» (*дэ*). По определению рос. китаеведа А.С. Мартынова, это «достигнутое учебой и самосовершенствованием внутреннее состояние этически безупречной личности, по содержанию своему близкое к категории *жэнь*, но возникшее в процессе строгого самоограничения (*кэ цзи*)».

Термин *сяо жэнь* также многозначен. Прежде всего это этич. категория. В образе *сяо жэня* сочетается все отрицательное, что встречается в людях. *Сяо жэнь* обычно противопоставляется *цзюнь цзы*. Помыслы «маленького человека» сосредоточены лишь на самом себе, на удовлетворении любыми способами тех

стремлений, к-рые присущи человеку от природы («стремление к знатности и богатству»). Поэтому одной из характерных черт «маленького человека», если не самой главной, является стремление к выгоде: «Благородный муж думает только о справедливости, маленький человек помышляет лишь о выгоде» («Лунь юй», IV, 16). Нежелание самостоятельно мыслить, бездумное соглашательство и постоянная готовность одобрять любое начинание, исходящее от правителя, — характерные черты «маленького человека»: «Благородный муж стремится к единению через разномыслие, но не стремится к единению через послушание. Маленький человек стремится к единению через послушание, но не стремится к единению через разномыслие» («Лунь юй», XIII, 23).

Идеальное гармоничное об-во, где сочетаются интересы власти и личности, по Конфуцию, строится на нравств. категориях и ценностях, к-рые бытовали в кит. общине и были по-новому им осмыслены и обобщены. Основой поведения человека в об-ве является человеколюбие (*жэнь* [*2*]): «Что же такое человеколюбие? Если ты сам хочешь твердо стоять на ногах, то сделай, чтобы и другой крепко стоял на ногах. Если ты сам хочешь, чтобы твои дела шли хорошо, то сделай, чтобы и у другого они шли хорошо» («Лунь юй», VI, 30). Лишь достигший внутр. совершенства будет вести себя подобающим образом: заботиться о старших, следуя принципу сыновней почтительности (*сяо* [*1*]; см. **Сяо ти** в т. 1); соблюдать ритуал, руководствуясь Правилами-*ли* (**ли [2]**; см. т. 1); стремиться к знаниям, прежде всего истории, образцовых деяний правителей прошлого.

Забота о старших, пожилых людях, прежде всего о родителях, проходит красной нитью через все суждения Конфуция о гармоничном об-ве. Он разрабатывает и пропагандирует принцип *сяо* [*1*], призванный сыграть цементирующую роль в устанавливаемых им нормах поведения людей: «Когда отец жив — наблюдай за стремлениями его [сына]; когда отец умер, наблюдай за поведением его [сына]. Если он в течение трех лет не сошел с Дао-Пути отца, то его можно назвать обладающим сыновней почтительностью» («Лунь юй», I, 11). Исполнение прижизненных желаний отца, неукоснительное следование Пути отца после его смерти должно было установить прочную связь между поколениями, уважение к традиции своей семьи, а через нее — и к культурным традициям всего кит. этноса. Именно в этом главная функциональная значимость принципа сыновней почтительности.

Все критерии нравственности, разработанные Конфуцием, органически объединялись им в Правила-*ли* — систему морально-этических и ритуальных норм, к-рой должен был руководствоваться в повседневной жизни каждый член об-ва с рождения и до своей кончины.

У Конфуция об-во не могло противостоять гос-ву, т.к. их связывали общие ценности, но в случае нарушения верхами Правил-*ли* оно могло оказывать на верхи пассивное давление. Впоследствии **Мэн-цзы** (372–289 до н.э.; см. т. 1) развил эту мысль, наделив об-во правом смещения правителей, нарушивших кодекс «благородного мужа», к-рый был идеальным примером воплощения всех Правил-*ли*.

Конфуций всячески поощрял тягу к знаниям. Он первый в истории Китая провозгласил принцип равных возможностей на пути к знаниям: «В обучении не может быть различий по происхождению» («Лунь юй», XV). В «Лунь юе» (XVI, 9) приводится градация людей в зависимости от отношения к знаниям: «Высший — тот, кто обладает знаниями от рождения; следующий — тот, кто приобретает знания в учении; за ним следует тот, кто приступил к учению, столкнувшись с трудностями. Того, кто, столкнувшись с трудностями, не приступил к учению, народ причисляет к низшим». Отсюда его уважительное отношение к профессионалам, людям, достигшим высоких знаний в своей области. Конфуций говорил, что он не может сравнить себя со «старым земледельцем» или «старым огородником», к-рые в своем деле обладают бóльшими умением и знаниями.

У Конфуция не было четкой схемы орг-ции управления, этим занялись впоследствии легисты, но он выдвинул и разработал ряд принципиально новых

идей, ставших фундаментом всей дальнейшей кит. государственности. Прежде всего он определил, что всякое управление гос-вом начинается с введения принципа «упорядочения названий» (**чжэн мин**; см. т. 1): «Начать необходимо с упорядочения названий, к-рые не соответствуют сути... Если названия не соответствуют сути, то и со словами неблагополучно. А если со словами неблагополучно, то и дела не будут ладиться... Поэтому благородный муж, вводя названия, должен произносить их правильно, а то, что произносит, непременно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть и грана неточности» («Лунь юй», XIII, 3).

Именно Конфуций создал идеальный образ кит. бюрократа. В своих суждениях о гос-ве он выделял два типа людей, два соц. слоя: управляющих и управляемых. Управляющий — это тот же *цзюнь цзы*, но уже «благородный чиновник», олицетворяющий всех причастных к делам управления гос-вом и народом — от мелкого чиновника до сановника и самого царя, хотя чаще всего это представитель высшей прослойки управляющих. Для Конфуция главное — избежать конфликтов между управляемыми и управляющими; последние должны добиваться доверия народа и уметь сохранить это доверие. Отвечая на вопрос любимого ученика Цзы Гуна о сущности истинного управления гос-вом, Конфуций отмечал, что в хорошо управляемом гос-ве «достаточно продовольствия, достаточно оружия и есть доверие народа». В случае крайней нужды можно отказаться от вооружения, продовольствия, но не от доверия народа, ибо если «народ перестанет доверять, то [гос-ву] не устоять» («Лунь юй», XII, 7).

Проблему взаимоотношений власти и личности Конфуций всегда увязывал с определенным типом гос-ва. Сам он выделял три типа в зависимости от нравств. и деловых качеств управляющих, ответственных за благосостояние народа: 1) хорошо управляемое гос-во («гос-во, где царит Дао-Путь»); 2) плохо управляемое гос-во («гос-во, лишенное Дао-Пути»); 3) лишенное всякого управления гос-во («гос-во, где царит хаос»). В первом гос-ве перед каждым открываются возможности реализации «естественных устремлений» — все зависит от самого человека: нищим может оказаться только бездельник. Во втором процветать могут лишь люди, для к-рых не существует моральных устоев, а честные, знающие и трудолюбивые обречены на нищету. Что же касается третьего типа, то Конфуций говорит о невозможности длительного проживания в таком гос-ве: «Гос-во, где неспокойно, не посещай; в гос-ве, где царит хаос, не живи... В гос-ве, где царит Дао-Путь, стыдно быть бедным и незнатным. В гос-ве, лишенном Дао-Пути, стыдно быть богатым и знатным» («Лунь юй», VIII, 13).

Большое место в учении Конфуция отведено концепции «породнения с народом» (*цинь минь*), с к-рой начинается первая книга «Четверокнижия» — «Да сюэ». В ней Конфуций устанавливает прямую зависимость нравств. состояния народа от морального облика представителей властей: «Когда верхи подобающе относятся к старым, в народе процветает преданность родителям. Когда верхи подобающе относятся к старшим, в народе процветает братская любовь. Когда верхи жалеют сирот, народ не отворачивается [от них]. Поэтому у благородного мужа есть точно вымеренный Путь» («Да сюэ», II, 10.1; пер. А.И. Кобзева).

Конфуций завещал своим потомкам две социальные утопии, к-рые в случае их реализации должны были гарантировать Китаю стабильное будущее: **сяо кан** («малое благоденствие») и **да тун** («великое единение»; см. т. 1). Обе они оказали большое влияние на развитие обществ. сознания китайцев и полит. культуры Китая и особенно в период модернизации XX в. В течение многих веков, как отмечается в «Кун-цзы вэньхуа да дянь» (Культурологическая энциклопедия «Конфуций»), понятие *сяо кан* в народном сознании существовало по преимуществу в двух значениях: «Внутри государства — как символ спокойствия и экономического улучшения; внутри семьи — как символ относительной зажиточности, когда семья уже не тоскует о тепле и сытости».

Весь путь становления конфуцианства как офиц. идеологии был неразрывно связан с развитием гос-ва и — прежде всего — императорской системы. Выработанные древними критерии оценки личности прочно инкорпорировались

в конф. культуру и стали реальными ориентирами для сложившейся в традиц. Китае системы ценностей, воспринятыми также странами конф. культурного региона — Кореей, Японией и Вьетнамом. См. также ст. **Конфуций** в т. 1.

КИТАЙСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ЛУНЬ-ЮЙ.

С.-Петербургъ
1894 г.

***** *Конфуций.* Лунь юй / Пер. на совр. кит. яз. Ян Бо-цзюнь. Пекин, 1958; то же / ... Мао цзы-шуй. 1975; то же / ... Се Бин-ин, Цю Се-ю, Ли Си, Лай Янь-юань, Лю Чжэн-хао, Чэнь Мань-мин. 1980; то же / ... Тан Ман-сянь. 1982; то же / ... Ло Чэн-ле и др.; то же / ... Гоу Чэн-и, Ли Я-дун. 1992; то же / ... Бао Ши-сян. 1992; то же / ... Цай Си-цинь. 1994; *Попов П.С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910; *Конфуций.* Луньюй / Пер. В.А. Кривцова // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972, с. 139–174; Конфуций. Я верю в древность / Сост., авт. 1-го разд., предисл. и пер. И.И. Семененко. М., 1995, 1998; *Переломов Л.С.* Конфуций. «Лунь юй»: Исслед., пер., коммент.; Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., 1998, 2000; Беседы и суждения Конфуция: [В рус. пер. XIX–XX вв.] / Сост., подгот. текста, примеч. и общ. ред. Р.В. Грищенкова; предисл. Л.С. Переломова. СПб., 1999. 2-е изд., испр. 2001; *Мартынов А.С.* Конфуцианство. «Лунь юй»: [Статьи и пер.]: В 2 т. СПб., 2001; *Конфуций.* Суждения и беседы / Пер., коммент., послесл. П.С. Попова. СПб., 2001, 2004, 2005, 2006, 2007; Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Пер. и исслед. / Сост. А.Е. Лукьянов; Пер. Д. Конисси, В.Г. Бурова, А.Е. Лукьянова, В.Б. Югай; Исслед. А.Е. Лукьянова, В.Б. Югай. М., 2003; Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. М., 2004.

****** *Кобзев А.И.* «Великое учение» — конфуцианский катехизис // Историко-философский ежегодник'86. М., 1986; Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982: *Лукьянов А.Е.* Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2000; *Малявин В.В.* Конфуций. М., 1992; *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; *он же.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007; *он же.* Конфуций : жизнь, учение, судьба. М.,1993; *он же.* Слово Конфуция. М., 1992; *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае: Избр. труды. М., 1993; то же: Собр. трудов. М., 1999; *Семененко И.И.* Афоризмы Конфуция. М., 1987; *Куан Я-мин.* Кун-цзы пинчжуань (Критическая биография Конфуция). Цзинань, 1985; то же. Нанкин, 1990; *Кун Фань-цзин.* Кун-цзы вэньхуа да дянь (Культурологическая энциклопедия «Конфуций»). Пекин, 1994, с. 164–165; Кун сюэ чжиши цыдянь (Словарь знаний о Конфуции). Шэньян, 1990; *Цай Шан-сы.* Кун-цзы сысян тиси (Система идей Конфуция). Шанхай,1982; *Creel H.G.* Confucius, the Man and the Myth. N.Y., 1949; *Dawson R.* Confucius. Oxf., 1981; *Fingarette H.* Confucius: the Secular as Sacred. N.Y., 1972; *Wilhelm R.* Confucius and Confucianism. L., 1931.

Л.С. Переломов

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

文化大革命

«Культурная революция» (*вэньгэ*, *вэньхуа да гэмин*), «великая пролетарская культурная революция» (*учань цзецзи вэньхуа да гэмин*). Идейно-полит. кампания 1966–1976, развернутая и руководимая лично **Мао Цзэ-дуном**, к-рый под надуманными предлогами возможной «реставрации капитализма» в КНР и «борьбы с внутренним и внешним ревизионизмом» поставил цели дискредитировать и уничтожить полит. оппозицию, установить режим личной власти. По свидетельству кит. историков, основные причины состояли в следующем: 1) абсолютизация Мао Цзэ-дуном роли классовой борьбы в социалистич. об-ве; 2) нарастание культа личности Мао Цзэ-дуна, достигшее апогея в 1966–1976; 3) борьба за лидерство в партии, активное использование высшими парт. руководителями, в т.ч. **Линь Бяо**, Кан Шэном, Цзян Цин и др., левых ошибочных взглядов Мао Цзэ-дуна, его культа личности и стиля единоначалия в собств. целях усиления личной власти.

«Культурная революция» привела к широкомасштабным репрессиям против интеллигенции, разгрому КПК, обществ. орг-ций (КСМК, профсоюзов, пионерской орг-ции и т.д.), колоссальному урону культуре и образованию, уничтожению памятников культуры под лозунгом борьбы с феодальными

нравами и традициями, изменению внешнеполит. курса, резкому повышению уровня антисоветизма в стране.

Мао Цзэ-дун полагал, что кампания проводится ради сохранения чистоты парт. рядов, т.к. даже в ЦК КПК «пустил корни ревизионизм». Все виды борьбы, имевшие место в прошлом, — кампании «четырех чисток» (*сы цин*) в деревне, «борьба против пяти зол» (*у фань*) в городах и критич. выступления в сфере идеологии и культуры — не помогли решению мн. проблем. И лишь прибегнув к такой форме, как «культурная революция», «открыто, всесторонне, снизу доверху мобилизовав широкие народные массы», можно до конца разоблачить «происки темных сил» в жизни партии и страны, отвоевать власть, узурпированную «облеченными властью и идущими по капиталистич. пути». Он считал, что это, по существу, «полит. революция для свержения одного класса другим». Причем исходил из того, что такие встряски стране следует давать через каждые 6–7 лет.

«Культурная революция», по утверждению кит. офиц. документов, была развернута в мае 1966 и продолжалась под рук-вом Мао Цзэ-дуна в течение 10 лет до его смерти и ареста т.н. «группы четырех», или «банды четырех» (**сы жэнь бан**), во главе с его женой Цзян Цин в окт. 1976. Характерно, что, начиная кампанию, Мао не представлял себе, когда она закончится. Вначале считал, что она завершится через два-три года, затем — через 5 лет.

Хронологически кампания делится на три этапа.

1. 1966–1969. Развертывание «культурной революции»; активная разрушительная «хунвэйбиновская» фаза; замена коллективного рук-ва единоличным в лице Мао Цзэ-дуна; создание Группы по делам «культурной революции» во главе с Чэнь Бо-да, Цзян Цин, Кан Шэном (советник Группы), заменившей собой Политбюро ЦК; открытый выход на арену полит. борьбы НОАК, ее поддержка «левых», осуществление ею воен. контроля и военно-полит. обучения **хунвэйбинов** («красные охранники») и *цзаофаней* («бунтари»). Попытки создания новых органов власти — коммун и ревкомов. Подготовка и созыв IX съезда КПК, узаконившего ошибочную теорию и практику «культурной революции», укрепившего позиции Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэна и их сторонников в партии.

2. 1969–1973. Обострение борьбы в парт. рук-ве (между группами Линь Бяо–Чэнь Бо-да, Цзян Цин–Кан Шэна–Чжан Чунь-цяо–Яо Вэнь-юаня–Ван Хун-вэня и группой **Чжоу Энь-лая** и его сторонников). Воссоздание парткомов сверху донизу, воссоздание кит. комсомола. «Дела» Чэнь Бо-да и Линь Бяо и попытка бегства последнего за границу. Борьба с «ультраправым уклоном». X съезд КПК; укрепление позиций «левых»; образование «группы четырех» (Цзян Цин, Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юань, Ван Хун-вэнь). Выдвижение Ван Хун-вэня на пост зам. пред. ЦК КПК (пред. ЦК — Мао Цзэ-дун).

3. 1973–1976. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» (*пи Линь пи Кун*), направленной против Чжоу Энь-лая и его сторонников. Болезнь Чжоу Энь-лая (1975) и реабилитация **Дэн Сяо-пина**, к-рый приступил к рук-ву повседневной работой ЦК. Попытка Дэн Сяо-пина разрешить ряд вопросов, связанных с промышленностью, сельским хоз-вом, транспортом, связью, наукой и техникой. Движение «критики Дэн Сяо-пина и отпора правоуклонистскому вихрю пересмотра правильных выводов культурной революции». Смерть Чжоу Энь-лая (янв. 1976). События на площади Тяньаньмэнь в апр. 1976. Снятие Дэн Сяо-пина со всех постов в партии и гос-ве. Назначение **Хуа Гофэна** первым зам. пред. ЦК КПК и премьером Госсовета. Смерть Мао Цзэ-дуна 11 сент. 1976. Арест «группы четырех» 6 окт. 1976.

На 1-м этапе Мао Цзэ-дун планировал расправиться с неугодными элементами с помощью орг-ций *хунвэйбинов*, созданных летом-осенью 1966 для массового полит. и идеологич. террора против парт., профсоюзных, комсомольских кадров и руководителей др. орг-ций, их физич. и морального уничтожения и устрашения населения. Они формировались из школьников и студентов в атмосфере непрерывной эскалации идей «левого» толка и «расширения классовой борьбы» в об-ве. Инициаторы «культурной революции»

провоцировали молодежь на действия под лозунгом Мао Цзэ-дуна: «Бунт — дело правое».

Все школы и вузы были закрыты на 4 года. Это должно было стимулировать городскую молодежь активнее участвовать в «культурной революции». После открытия вузов в 1970 была упразднена единая система приема в вузы абитуриентов на основе конкурсных экзаменов, практиковавшаяся ранее, был введен набор «на основе сочетания рекомендации масс, одобрения со стороны рук-ва и повторной вузовской проверки». Сроки обучения сократились до 2–3 лет, кол-во спец. и общеобразовательных дисциплин как в школах, так и вузах было сокращено, широко практиковался прием в вузы по протекции, ухудшилось качество обучения.

В связи с закрытием учеб. заведений, заводов и фабрик, застоем в сфере торговли и бытового обслуживания выпускники средних школ в городах были лишены возможности продолжать учебу или найти подходящую работу. По декабрьскому 1968 призыву Мао Цзэ-дуна «отправить образованную городскую молодежь в горные и сельские р-ны для перевоспитания под рук-вом бедняков и низших середняков» началась кампания по высылке молодежи из городов. За эти годы 16 млн. молодых людей было выслано в деревни. Расходы гос-ва на обустройство молодежи на селе, в горных и пограничных р-нах превысили 10 млрд. юаней.

Под лозунгами «борьбы, критики и преобразований» была также развернута кампания по направлению кадровых работников в низовые орг-ции на «перевоспитание». Сотни тыс. кадровых работников, интеллигенции были отправлены в сельскую местность для занятий физич. трудом и в т.н. «школах 7 мая» (*у ци ганьсяо*).

В помощь *хунвэйбинам* вскоре были созданы отряды *цзаофаней* из молодых рабочих, учащихся тех. училищ. Контролировать их и руководить ими по указанию Мао должна была армия.

С янв. 1967 началась волна «захвата власти» у «лиц, идущих по капиталистич. пути», прокатившаяся по всей стране. Вместо парткомов провинц., уездного, городского и ведомств. уровней создавались т.н. ревкомы, к-рые должны были взять на себя всю полит. и административную власть на местах. В стране, по признанию совр. рук-ва КНР, царил хаос и осуществлялся террор. Китай находился на грани гражданской войны, усилилась борьба за власть различных группировок. По неполным кит. данным, во время «культурной революции» погибло более 20 млн. чел., репрессиями были искалечены судьбы почти 100 млн. чел., на все акции и мероприятия ушло ок. 800 млрд. юаней. Уровень жизни населения резко снизился. Увеличился разрыв между КНР и развитыми странами мира в науч.-технич. области. Кол-во неграмотных и полуграмотных выросло на 230 млн. чел. в результате закрытия школ и вузов, дискредитации учителей и преподавателей, гонений на интеллигенцию, к-рую именовали не иначе как «девятым поганцем» (*чоу лао цзю*) наряду с «помещиками, кулаками, контрреволюционерами, вредными элементами, правыми, изменниками, шпионами и лицами, идущими по капиталистич. пути».

Итак, когда *хунвэйбины* и *цзаофани* выполнили свою «черновую работу» по разгрому оппозиции, на полит. арену выпустили армию, установив в стране воен. контроль, а молодежь отправили на «перевоспитание» в деревню.

По сфабрикованным обвинениям со своих постов были сняты многие высшие руководители страны, включая главу гос-ва **Лю Шао-ци**, ген. секретаря ЦК КПК Дэн Сяо-пина, первого секретаря Пекинского горкома, чл. Политбюро Пэн Чжэня, подверглись нападкам и были репрессированы многие ветераны партии и кит. революции, резко критиковавшие «культурную революцию». Преемник Мао Цзэ-дуна и его единств. заместитель, министр обороны КНР Линь Бяо после неудачного захвата власти и «попыток покушения на Мао Цзэ-дуна», как гласят кит. офиц. документы, 13 сент. 1971 на самолете пытался бежать из страны, но погиб в авиакатастрофе в МНР недалеко от Ундэрхана.

Офиц. кит. источники признают, что «культурная революция» не была и не могла быть революцией или социальным прогрессом в каком бы то ни было

смысле: она «была смутой, вызванной сверху по вине руководителя, смутой... к-рая принесла серьезные бедствия партии, гос-ву, всему народу»; «не имела под собой ни экономич., ни полит. оснований». «Ошибочное левацкое единоличное рук-во тов. Мао Цзэ-дуна фактически заменило собой коллективное рук-во ЦК партии, культ личности тов. Мао Цзэ-дуна был раздут до фанатизма», — записано в решении VI пленума ЦК КПК 11-го созыва (1981). Именно на Мао Цзэ-дуна была возложена главная ответственность за «культурную революцию».

См. также ст. **«Великая пролетарская культурная революция»** и лит-ру к ст. **Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг.** в Общем разделе.

***** Великая социалистическая культурная революция в Китае: [В 7 вып.]. Пекин, 1966–1967; Чжунгун вэньхуа да гэмин цзыляо хуйбянь (Сборники материалов по «великой культурной революции» в коммунистическом Китае): В 5 т. / Под. ред. Дин Вана. Гонконг, 1967–1970; Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. 1964–1967 гг. М., 1976; то же. Вып. 6. Выступления и статьи Мао Цзэ-дуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати. 1976; The Great Cultural Revolution in China. Hong Kong, 1976; CCP Documents of the Great Proletarian Cultural Revolution, 1966–1967. Hong Kong, 1968.
****** *Бовин А.*, *Делюсин Л.* Политический кризис в Китае: События и причины. М., 1968; *Волохова А.А.* Буржуазная историография об итогах «культурной революции» в Китае // Буржуазная историография Китая (статьи и материалы). М., 1974, с. 5–17 (ИБ; № 55); *Галенович Ю.* Смерть Мао Цзэ-дуна. М., 2005; *Ли Чжи-суй.* Мао Цзэдун: Записки личного врача: В 2 кн. Смоленск, 1996; *Лян Сяо-чэн.* Исповедь бывшего хунвэйбина. Минск, 1999; *Маркова С.Д.* Китайская интеллигенция на изломах XX века: (Очерки выживания). М., 2004; *Усов В.Н.* «Культурная революция» в Китае // Китай: история в лицах и событиях. М., 1991, с. 157–179; *он же.* История КНР: В 2 т. М., 2006; *Гао Гао*, *Янь Цзяци.* «Вэньхуа дагэмин» шиняньши, 1966–1976 (История десяти лет «великой культурной революции»). Тяньцзинь, 1986; *Чжао У-мянь.* Вэньгэ даняньбяо (Хроника «культурной революции»). Нью-Йорк, 1996; Хуйшоу «Вэньгэ» — Чжунго шинянь «Вэньгэ» фэньси ю фаньсы» (Оглянуться на «культурную революцию» — анализ и переосмысление десяти лет «культурной революции» в Китае) / Гл. ред. Чжан Хуа, Су Цайцин. Пекин, 1999; Дундан суйюэ мивэнь: «Вэньхуа да гэмин» чжунды мин жэнь чжи сы, чжи юй (Тайные известия беспокойных лет: Люди, умершие и посаженные в тюрьмы в период «великой культурной революции»). Хух-Хото, 2003.

В.Н. Усов

Кун-цзы *см.* **Конфуций**

ЛЕГИЗМ

法家

Легизм, *фа-цзя* («школа законников/легистов») — филос. школа в древнем Китае, представители к-рой разрабатывали проблемы управления гос-вом и народом. Осн. положения *фа-цзя* сформулировал **Шан Ян** (390–338 до н.э.; см. т. 1). Большой вклад в учение легистов внес **Хань Фэй** (280–233 до н.э.; см. т. 1).

Полит. программа легистов была направлена на абсолютизацию царской власти и создание мощного гос-ва, способного поглотить своих соседей. В отличие от конфуцианцев (см. **Конфуцианство** в т. 1), допускавших критику и даже смещение правителя в случае нарушения им норм конф. морали, легисты осуждали даже малейшее недовольство правителем. В их учении роль верховной силы, к-рой должны беспрекословно подчиняться все жители страны, отводилась закону (**фа [1]**; см. т. 1). Творцом законов являлся правитель, поэтому исключалась всякая критика его действий.

Легисты доказывали, что гос-во может быть могущественным лишь в том случае, если оно одновременно с развитием земледелия проводит завоевательную внеш. политику. Поэтому они выступали за то, чтобы все усилия народа были

сосредоточены на земледелии и войне. Их идеалом был ограниченный человек, занимающийся сельским хоз-вом и войной. Легисты выдвинули тезис, что «глупым народом» управлять гораздо легче, чем умным. Они разработали также учение о наградах и наказаниях (*син мин*) как наиболее эффективных методах воспитания народа в нужном им духе, при этом наказаниям (*син* [*4*]) отводили гл. роль. «Хорошее управление, — говорится в легистском каноне **„Шан цзюнь шу“** („Книга правителя [области] Шан“; см. т. 1), — осуществляется путем наказаний».

Легисты боролись против наследств. аристократии, выступая за отмену традиц. системы наследования чиновничьих должностей, за допуск к администр. постам всякого, кто доказал свою личную преданность императору. В *фа-цзя* существовало направление, представленное **Шэнь Бу-хаем** (ок. 385 — ок. 337 до н.э.; см. т. 1), сторонники к-рого специально разрабатывали проблему управления чиновничьим аппаратом.

Многие легистские концепции были осуществлены при проведении реформ Шан Яна в царстве Цинь. Легизм являлся офиц. идеологией первого кит. единого гос-ва — империи Цинь (221–207 до н.э.). В период правления дин. Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) легизм был инкорпорирован в конфуцианство и способствовал превращению его в офиц. идеологию правящего класса. Начиная со II в. до н.э. учение легистов уже не выступало в чистом виде, но оказывало большое влияние на формирование и развитие кит. государственности, законодательства и методов управления на протяжении многих сотен лет. См. также ст. **Легизм** в т. 1.

***** *Чжу Ши-чэ.* Шан-цзюнь шу цзе гу дин бэнь (Аутентичный текст «Шан цзюнь шу» с комментарием). Пекин, 1956; Лидай фа-цзя чжуцзо сюаньчжу (Избранные произведения с комментариями легистов различных эпох). Пекин, 1974; *Иванов А.* Материалы по китайской философии: Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы: Пер. с кит. СПб., 1912; Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл. Л.С. Переломова. М., 1968; 2-е изд., доп. М., 1993.

****** *Переломов Л.С.* Вклад легизма в формирование традиционных институтов государственности // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972; *он же.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; *Фэн Ю-лань.* Чжунго чжэсюэ ши (История китайской философии): В 2 т. Пекин, 1961; *Хоу Вай-лу.* Чжунго сысян тунши (История китайских идеологий). Т. 1. Пекин, 1957.

Л.С. Переломов

ЛИ ДА

李達

Ли Да, псевд. Ли Цзян-чунь, Ли Хэ-мин. 02.10.1890, уезд Линлин пров. Хунань, — 24.08.1966, Ухань. Один из основателей КПК, философ-марксист, деятель сферы образования.

Род. в крестьянской семье, в 1905 поступил в среднюю школу своего уезда, в 1909 — в Пекинское пед. училище. В 1912 стал преподавать в спец. промышленной школе пров. Хунань. В 1913 уехал на учебу в Японию, в 1917 поступил в Токийский ун-т на фак-т разработки недр и металлургии. После Октябрьской революции в России начал изучать марксизм. В 1918 вернулся в Китай и участвовал (вместе с **Дэн Чжун-ся**) в демонстрациях протеста против секретного соглашения (от 24 сент. 1918) между Японией и пр-вом Дуань Цижуя о Шаньдуне. Затем вновь уехал в Японию. В 1920 вернулся в Шанхай и вместе с **Чэнь Ду-сю** стал инициатором создания коммунистич. кружка. Редактировал журн. «Гунчаньдан» («Коммунист»), участвовал в изд. журн. «Синь циннянь» («Новая молодежь»). В февр. 1921 работал секретарем шанхайского коммунистич. кружка, участвовал в подготовке и проведении I съезда КПК, где был избран зав. отд. пропаганды ЦК КПК. Руководил первым подпольным изд-вом КПК «Жэньминь чубаньшэ», возглавил издание классич. марксистских трудов — «Манифест коммунистич. партии», «Гос-во и революция». В 1922 в Шанхае открыл школу для девушек, став ее директором. В июле 1922 участвовал во II съезде КПК, был избран чл. ЦИК. В нояб. по просьбе **Мао**

Цзэ-дуна уехал в Чанша, став директором и одновременно преподавателем Хунаньского ин-та повышения квалификации, редактором печатного органа данного ин-та «Синь шидай». Там же Ли Да подготовил учеб. материалы под общ. назв. «Объяснение марксистских терминов». В сент. 1923 при обсуждении вопроса о сотрудничестве в междунар. коммунистич. движении у него возникли разногласия с Чэнь Ду-сю по вопросу о единоличном (Ли Да) или коллективном вступлении в КПК; первая точка зрения была отвергнута, и он вышел из КПК. Вновь вступил в КПК только через 26 лет, в 1949.

После поражения революции 1925–1927 преподавал в ун-тах Шанхая, Пекина, Хунани, Гуанси, Учана.

После 1949 Ли Да продолжал работать в системе высш. образования страны. Был зам. директора Центр. школы права для кадровых работников, ректором Хунаньского и Уханьского ун-тов, чл. президиума Отделения философии и обществ. наук АН Китая, пред. Кит. об-ва изучения философии. Чл. НПКСК 1-го и 2-го созывов, депутат ВСНП 1–3-го созывов, член ПК ВСНП 3-го созыва, делегат VIII съезда КПК. На начальном этапе **«культурной революции»** одним из первых подвергся репрессиям. Уже к лету 1966 в местной печати была начата кампания травли и преследований Ли Да. Застрельщиком кампании выступила газ. «Хунань жибао», назвавшая его еще в июле 1965 «антипарт. элементом». 30 июня 1966 его подвергла резкой критике газ. «Хубэй жибао», а 19 июня 1966 он вынужден был обратиться к Мао Цзэ-дуну с письмом, в к-ром просил «спасти его жизнь». Ответа не последовало. 4 авг. 1966 «Жэньминь жибао» назвала его «черным бандитом». В результате травли 76-летний Ли Да скончался.

В 20-е Ли Да принимал активное участие в «дискуссии о социализме», пропаганде идей науч. социализма, борьбе с антимарксистскими идейными течениями. Подвергал критике представления **Лян Ци-чао** о возможности изменить эксплуататорскую сущность буржуазии посредством законодательных актов и морального воспитания и о различии кит. и иностр. буржуазии, а также тезис **Чжан Дун-суня** о «бесклассовости» кит. об-ва. Критиковал анархистов (см. **Анархизм в Китае**), признавая в то же время наличие в их взглядах точек соприкосновения с позицией коммунистов. Указывал на несостоятельность использования П.А. Кропоткиным биологич. законов для объяснения социальных явлений. Ли Да считал, что ни парламентская борьба, ни профсоюзное движение не могут привести к победе социалистич. революции, поэтому необходимо как можно быстрее поднять пролетариат и захватить власть, не дожидаясь созревания объективных и субъективных предпосылок.

После 1949 осн. внимание Ли Да уделял проблемам диалектич. материализма (роль видов обществ. практики, формы чувств. и рационального познания, процесс познания форм движения материи), а также истории философии и филос. вопросам естествознания. Разделяя социальные противоречия на антагонистические и неантагонистические, он отмечал, что при социализме существуют лишь свойственные ему противоречия неантагонистического характера. Для переходного периода он считал таковыми противоречия между нац. буржуазией и рабочим классом (впоследствии Ли Да пересмотрел эту точку зрения). Он отвергал положение о чувств. природе знаний индивида, подчеркивал роль косвенного опыта в получении знания. По целому ряду филос. проблем Ли Да занимал противоположную (или иную) позицию, чем Мао Цзэ-дун. Две работы философа — «Комментарий к работе Мао Цзэ-дуна „Относительно практики“» и «Комментарий „Относительно противоречий“», изданные отд. кн. в 1953, подверглись резкой критике в годы «культурной революции» за содержащиеся в них положения о том, что Мао Цзэ-дун не сумел существенно обогатить марксистскую философию. Ли Да внес заметный вклад не только в изучение философии в Китае, но и в распространение в стране марксизма, в теорию полит. экономии и анализ финанс. политики.

* *Ли Да.* Хобинсюэ гайлунь (Введение в науку финансов). Шанхай, 1949; *он же.* «Маодунь лунь» цзешо (Комментарий к работе «Относительно противоречий»). Пекин, 1953; *он же.* «Шицзянь лунь» цзешо

(Комментарий к работе «Относительно практики»). Пекин, 1953; *он же*. Ли Да вэньсюэ (Собр. соч.): В 4 т. Пекин, 1980–1983. ** *Буров В.Г.* Ли Да и марксистская социология в Китае // НАА. 1986, № 1, с. 56–63; *он же*. Ли Да и распространение марксистских идей в Китае // ПДВ. 1983, № 2, с. 103–114; *он же*. Ли Да — пропагандист идей марксизма-ленинизма в Китае // XIV НК ОГК. Ч. 3. 1983, с. 69–76; *он же*. Современная китайская философия. М., 1980, указ.; *Делюсин Л.П.* Спор о социализме в Китае. М., 1980; Китайская философия. Энц. словарь. М., 1994, с. 172; Гуанмин жибао. 15.08, 12.12.1978; Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии видных деятелей КПК). Т. 13. Сиань, 1984; Чжунгун данши цзяньмин цыдянь (Краткий словарь по истории КПК). Т. 2. Пекин, 1987, с. 710.

В.Н. Усов

ЛИ ДА-ЧЖАО

李大釗

Ли Да-чжао, Ли Шоу-чан. 06.10.1889, уезд Лэтин пров. Хэбэй, — 28.04.1927, Пекин. Ученый, публицист, полит. и обществ. деятель, один из первых пропагандистов и сторонников марксизма в Китае, организатор революц. движения. Получил образование в Китае и Японии (ун-т Васэда). Сотрудничал с Социалистич. партией Китая (1912–1913), Прогрессивной партией и Исследовательской группой (1913–1916). Гл. редактор журн. «Минь и» (1915), газет «Чэньчжун бао» (1916), «Цзяинь жикань» (1917), с 1918 — соредактор журналов «Синь циннянь» и «Мэйчжоу пинлунь», газ. «Чэнь бао фукань». Проф. Пекинского ун-та (1918–1927). Организатор «Об-ва изучения марксистской теории» (Пекин, 1920), чл. ЦИК КПК и секретарь Сев. бюро КПК (1922–1927), чл. ЦИК Гоминьдана (1924–1926). Казнен по приказу милитариста Чжан Цзо-линя.

В эволюции идейно-полит. взглядов Ли Да-чжао можно выделить три этапа. На первом (до 1917) революционно-демократич. настроения переплетались у него с наивными либеральными иллюзиями, материалистич. взгляды — с элементами традиц. идеологии. Отпечаток на мировоззрение Ли Да-чжао наложили некритически воспринятые толстовство (идея «непротивления злу насилием»); бергсонианство (противопоставление идеи «свободной воли» А. Бергсона «пассивному детерминизму» и «пессимизму» А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше); квазисоциалистич. идеи («биосоциологич. закон взаимопомощи» П.А. Кропоткина, «стихийной революции» М.А. Бакунина и «собств. свободы» М. Шитцингера); эгалитаристские концепции (тезис «уравнения бедности и богатства» — Цзян Кан-ху); социал-дарвинизм Г. Спенсера (к-рый Ли Да-чжао интерпретировал в свете борьбы Китая «за место под солнцем»). Тем не менее во взглядах Ли Да-чжао преобладала революционно-демократич. тенденция, что подтверждается его решительным антимонархизмом, критикой конф. идеологич. ортодоксии и традиц. морали. Причины стагнации полит. жизни Китая и консервативности его филос. и обществ. мысли он усматривал в слепой приверженности старым стереотипам. Новая эпоха, по мнению Ли Да-чжао, требует новых идей, главные и наиболее актуальные из к-рых — идеи нац. революции и демократич. республики.

После Октябрьской революции 1917 в России Ли Да-чжао начал рассматривать марксизм как учение, предлагающее действенный путь решения социально-полит. проблем Китая. Отстаивал положения о междунар. значении опыта рус. революции и необходимости ликвидации существующего строя в целом, предпосылкой наступления новой эпохи считал пробуждение революц. потенций масс, говорил об актуальности внесения элемента сознательности в рабочее движение. Однако революц. события в России воспринимал скорее романтически, увидев, в частности, прообраз Февральской революции в Синьхайской (1911) в Китае. Для него по-прежнему были характерны нек-рые анархистские иллюзии (попытки синтезировать теорию взаимопомощи с теорией классовой борьбы), внеклассовая трактовка нац.

солидарности, сочувствие идеям социального партнерства. Вместе с тем он критиковал мальтузианство, утверждая, что причина социального неравенства не в перенаселении, но в несовершенстве обществ. отношений. Постепенно «субъективный социализм» Ли Да-чжао приобретал черты марксистского мировоззрения. Ли Да-чжао выделял в учении К. Маркса три составные части: «учение об истории» (т.е. ист. материализм), «учение об экономике» (т.е. теорию прибавочной стоимости) и «учение о политике и социализме», называя связующим звеном между ними и «стержнем» марксизма теорию классовой борьбы.

Заключительный этап духовной эволюции Ли Да-чжао (с 1921) характеризовался целенаправленной пропагандой марксизма, поисками оптимальных путей его адаптации на кит. почве. Он отказался от идеалистической трактовки историко-филос. науки, анализировал проблемы демократии и полит. власти при социализме, поддерживал идею диктатуры пролетариата. Говоря об эргатократии и пролетарской диктатуре, Ли Да-чжао связывал последнюю непосредственно с преобразованием об-ва путем насильственного захвата власти рабочим классом. В его работах звучит критика теории «героев» как вершителей ист. судеб, развивается идея единства патриотизма и интернационализма как условия взаимосвязи и взаимообусловленности кит. и мирового революц. движения.

***** Ли Да-чжао сюаньцзи (Избр. соч. Ли Да-чжао). Пекин, 1962; Ли Да-чжао вэньцзи (Собр. соч. Ли Да-чжао). Пекин, 1985; *он же.* Избр. статьи и речи. М., 1965; *он же.* Мое марксистское мировоззрение // Рабочий класс и соврем. мир. 1971, № 2, с. 89–117; Материалы о пребывании Ли Да-чжао в СССР: [Тексты выступлений и бесед, 1924 г.] / Публ. К.В. Шевелева // ПДВ. 1985, № 1, с. 180–186; *Ли Да-чжао*. Избр. произведения / Предисл. Н.Г. Сенина. М., 1989.

****** *Афанасьев А.Г.* Ли Да-чжао и «движение 4 мая» // «Движение 4 мая» 1919 года в Китае. М., 1971; *Белоусов С.Р.* Рыцарь китайской революции. М., 1988; *Кривцов В.А., Краснова В.А.* Ли Да-чжао: от революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978; *Фельбер Р.* Отношение Ли Да-чжао к традициям старого Китая // Китай: общество и государство. М., 1973; *Хохлов А.Н.* Пребывание Ли Да-чжао в Советском Союзе и создание в СССР общества «Руки прочь от Китая» // XXI НК ОГК. Ч. 3. 1990, с. 156–171; *Meisner M.* Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. Cambr. (Mass.), 1967.

По материалам ***С.Р. Белоусова***

ЛИ КЭ-ЦЯН

李克強

Ли Кэ-цян. Июль 1955, уезд Динъюань пров. Аньхой. Совр. партийный и гос. деятель КНР.

В 1974 после окончания средней школы высш. ступени начал трудовую деятельность в коммуне Дамяо уезда Фэнъян пров. Аньхой. В мае 1976 вступил в КПК, в 1976–1978 — секретарь парторганизации бригады Дамяо коммуны Дамяо. В 1978–1982 — студент юридич. ф-та и член студенч. союза Пекинского ун-та. В 1982–1983 — секретарь комитета Пекинского ун-та КСМК.

В 1983–1985 — руководитель департамента КСМК по делам учеб. заведений и одновременно отв. секретарь Всекит. союза студентов, кандидат в члены Секретариата ЦК КСМК. В 1985–1993 — член Секретариата ЦК КСМК и зам. пред. Всекит. федерации молодежи; в сент.–нояб. 1991 учился в парт. школе при ЦК КПК. В 1993–1998 — первый секретарь Секретариата ЦК КСМК и ректор Политического ин-та молодежи Китая. В 1988–1994 учился заочно в магистратуре и аспирантуре Ин-та экономики при Пекинском ун-те. Доктор экономич. наук.

В 1998–1999 зам. секретаря (с 2002 — секретарь) комитета КПК пров. Хэнань и и.о. пред. (с 1999 — пред.) пр-ва пров. Хэнань. В 2003–2004 — секретарь комитета КПК и пред. ПК СНП пров. Хэнань. В 2004–2005 — секретарь комитета КПК пров. Ляонин, в 2005–2007 также пред. ПК СНП пров. Ляо-

нин, чл. ЦК КПК 15-го, 16-го созывов. На XVII съезде КПК (21.10.2007) избран чл. ЦК КПК. На I пленуме ЦК КПК 17-го созыва (22.10.2007) избран чл. Политбюро ЦК КПК, чл. ПК Политбюро ЦК КПК. Является чл. ПК ВСНП 8-го созыва, вице-премьером Госсовета КНР.

* Чжунго гунчаньдан ди шицицы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзянь хуйбянь (Документы XVII Всекитайского съезда КПК). Пекин, 2007.

В.И. Антонов, В.Н. Усов

ЛИ ЛИ-САНЬ

李立三

Ли Ли-сань, Ли Лун-чжи, более 20 псевдонимов: Нэн-чжи, Бо-шань, Ли Мин, Ли Чэн, Лапин и др. 18.11.1899, уезд Лилин пров. Хунань, — 22.06.1967, Пекин. Один из организаторов рабочего и профсоюзного движения Китая. Род. в помещичьей семье, отец был *сю цай*. Ли Ли-сань был старшим среди шестерых детей. В 6 лет его отдали учиться. Обладая хорошей памятью, штудировал **«Сы шу»** («Четверокнижие»), **«У цзин»** («Пятиканоние»; см. т. 1), а позже романы — **«Шуй ху чжуань»** («Речные заводи»), **«Саньго яньи»** («Троецарствие»; см. т. 3). В 1910 поступил в начальную школу нового типа, открывшуюся в уезде, на след. год — в среднюю школу в уезде Лилин. В 1912 перешел в среднюю школу в Чанша, к-рую закончил в 1917. В 1915 познакомился с Ло Чжан-луном (будущим деятелем кит. коммунистич. движения), встречался в местной б-ке с **Мао Цзэ-дуном**.

В связи с трудным положением в семье юноша не смог продолжить учебу, вернулся домой и стал преподавать в местной начальной школе, женился. Летом 1918 он выступил с критикой старой системы образования, чем вызвал недовольство части преподавателей, вынужден был уйти из школы и поступить на службу в Хунаньскую армию. Часть квартировала в г. Чанша, поэтому он смог воспользоваться библиотекой, принялся за чтение газет и журналов, книг. В частности, большое впечатление на него произвел журн. «Синь цинянь» («Новая молодежь»). В 1919, демобилизовавшись, поехал в Пекин — продолжать образование. Т.к. у него не было денег на учебу в ун-те, он поступил на подготовительные курсы франц. яз. с целью дальнейшей работы и учебы во Франции. Участвовал в студенч. демонстрациях в «движении 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*). 6 окт. 1919 группа из 48 студентов с курсов франц. яз., в т.ч. Ли Ли-сань, отправились во Францию.

Ли Ли-сань старательно продолжал учить франц. яз. в Париже на спец. курсах в Монтаржи. Уже через неск. месяцев мог читать франц. газеты. Затем поступил во Франко-кит. ун-т в Лионе, где обучалось более 100 кит. студентов, среди них известные впоследствии деятели КПК Цай Хэ-сэнь, Ли Вэй-хань, **Чэнь И**, Сюй Тэ-ли.

В февр. 1920 во Франции было создано «Об-во содействия работе и учебе» (*Гунсюэ лицзиньхуй*), вскоре переименованное в «Мир работы и учебы» (*Гун сюэ шицзе шэ*), к-рое объединяло более 30 членов. Это была первая орг-ция кит. учащихся во Франции, носившая социалистич. характер. В нач. 1921 Ли Ли-сань и Чжао Ши-янь организовали в Крезо, где было много кит. учащихся и рабочих, «Об-во труда» (*Лаодун сюэхуй*). Члены Об-ва считали, что для осуществления революции прежде всего необходимо сплотить кит. рабочих. Ли Ли-сань, знакомясь с марксистской лит-рой, постепенно стал отходить от анархистских взглядов и переходить на позиции марксизма. Кит. приверженцы марксизма во Франции еще не были организационно оформлены, хотя нек-рые из них (напр., Цай Хэ-сэнь) с лета 1920 поднимали вопрос о необходимости основания в Китае коммунистич. партии.

15 сент. 1921 франц. пр-во решило прекратить выплату кит. студентам стипендий во Франко-кит. ун-те в Лионе, поставив их в безвыходное положение. Еще раньше было принято решение, что в ун-т может поступать только вновь прибывшая из Китая молодежь, а доступ уже обучающимся во Франции китайцам закрыт. Кит. молодежь развернула кампанию «за отвоевание Франко-кит. ун-та». В сент. 1921 Ли Ли-сань и Чжао Ши-янь из Крезо, Цай Хэ-сэнь

и др. из Монтаржи решили совместно провести кампанию за предоставление работающим и учащимся возможности поступать во Франко-кит. ун-т в Лионе. 17 сент. они создали в Париже Союз рабочих и учащихся, и 20 сент. авангардный отряд в 100 с лишним чел. направился в Лион. Там произошли столкновения с франц. полицией.

14 окт. 1921 кит. посольство в Париже, сговорившись с франц. пр-вом, выслало из Франции группу из 104 наиб. активных китайцев. В нее входили Цай Хэ-сэнь, Чэнь И и Ли Ли-сань. По приезде в 1921 в Китай Ли Ли-сань вступил в КПК. В 1922 — активный участник и организатор вместе с **Лю Шао-ци** рабочего движения на Аньюаньских угольных копях (пров. Цзянси) и в Хунани, управляющий рабочей школой в Аньюани, секретарь ячейки КПК Аньюаньских угольных копей. В 1923 — секретарь Уханьского комитета КПК. В 1924–1925 — секретарь Профсоюзной комиссии Шанхайского горкома КПК, пред. Шанхайской федерации профсоюзов, чл. комитета рабочего движения отделения Гоминьдана в Шанхае. В дек. 1924 ЦК КПК организовал спец. комитет по рук-ву забастовкой на яп. текстильных предприятиях Шанхая, к-рый возглавили Ли Ли-сань и **Дэн Чжун-ся**. В янв. 1925 Ли Ли-сань — участник IV съезда КПК в Шанхае, избирается в ЦК КПК. Участвовал и возглавил «движение 30 мая» 1925 в Шанхае.

После февр. забастовки на яп. текстильных предприятиях в Шанхае было создано примерно 20 профсоюзов, объединивших ок. 20 тыс. чел. 31 мая состоялась конференция представителей профсоюзов, где была принята резолюция о создании Шанхайского совета профсоюзов, руководителем к-рого стал Ли Ли-сань. К 5 июня в нем насчитывалось уже свыше 170 профсоюзных орг-ций, включавших около 200 тыс. рабочих. Ли Ли-сань отдал приказ о начале общей рабочей забастовки в Шанхае, к-рая началась 1 июня. В ней помимо рабочих участвовали студенты и торговцы. В целях единства действий разл. слоев населения Шанхайский совет профсоюзов обратился к Гл. торговой палате (она отказалась вступить в комитет), к уличным объединениям торговцев, ко Всекит. и Шанхайской ассоциациям студентов с предложением создать Объединенный комитет рабочих, торговцев и студентов как руководящий орган. Объединенный комитет был создан. 18 сент. командующий шанхайским гарнизоном — милитарист мукденской группировки Син Шилянь — закрыл Совет профсоюзов и отдал приказ об аресте Ли Ли-саня и др. руководителей. Тайно был убит зам. пред. совета Лю Хуа, готовилось покушение на Ли Ли-саня. Совет профсоюзов ушел в подполье.

В окт. 1925 Ли Ли-сань вместе с Цай Хэ-сэнем едут в Москву и участвуют в работе VI расширенного пленума ИККИ и заседаниях Профинтерна. В 1925–1926 он — чл. делегации КПК в Коминтерне. В 1926 возвращается в Китай. Организует рабочее движение в г. Ухань. В 1926–1927 избирается чл. Исполкома Всекит. федерации профсоюзов, участвует в III и IV съездах этой федерации, заведует орг. отделом, руководит секретариатом и отделением в Ухани.

КПК после распада Единого фронта в 1927 попыталась организовать контрнаступление на Гоминьдан. В критич. дни июля 1927 произошло переформирование рук-ва КПК. **Чэнь Ду-сю** отказался от поста генсека ЦК КПК. По согласованию с новым представителем Коминтерна Б. Ломинадзе был определен состав Постоянного комитета Временного Политбюро ЦК КПК в составе 5 чел.: **Цюй Цю-бо** (глава), **Чжан Го-тао**, **Чжоу Энь-лай**, Чжан Тайлэй и Ли Ли-сань. В среде нового рук-ва вызрел план, предусматривающий орг-цию восстания в расположенных в р-не Наньчан–Цзюцзян (Цзянси) частях гоминьдановской армии и переход ее в Гуандун для создания там территор. базы кит. революции. Ли Ли-сань руководил бунтом, в к-ром также участвовали Чэнь И, **Линь Бяо**, Чэнь Гэн и др. Войска повстанцев после реорганизации получили наименование 2-й Нац.-революц. армии в составе трех корпусов, главнокомандующим был назначен Хэ Лун; Ли Ли-сань возглавил отдел полит. охраны. После поражения Наньчанского восстания Ли Ли-сань уехал в Гонконг В начале нояб. 1927 вместе с Линь Бо-цюем пере-

брался в Шанхай. Затем был на подпольной работе в Гуанчжоу и Гонконге, секретарем парт. орг-ции пров. Гуандун. В мае 1928 выехал в Москву на VI съезд КПК, проходивший с 18 июля 1928 в с. Первомайском Наро-Фоминского р-на Моск. обл. На съезде выступил с докладом об аграрной программе и крестьянском движении в Китае. На I пленуме ЦК КПК 6-го созыва избран канд. в чл. Политбюро. В 1929 был введен в чл. Политбюро ЦК КПК и его Постоянного комитета, работал по совместительству руководителем секретариата ЦК, зав. отделом пропаганды, сменив на этом посту Цай Хэсэня, секретарем крестьянской комиссии.

В период VI съезда и конгресса Коминтерна ИККИ рассматривал ситуацию в Китае как «спад революц. волны». К кон. 1929 Коминтерн и его представители в Китае оценивали положение в стране уже как «полосу глубокого нац. кризиса» и «начальный этап нового революц. подъема». Курс на преодоление «левопутчистских уклонов» сменила установка, согласно к-рой опасностью в КПК стал «правый уклон».

Нарастанию «левизны» в кит. политике в большой мере способствовал проходивший 3–29 июля 1929 X пленум ИККИ, в материалах и решениях к-рого центр. место заняли выводы о «междунар. характере революц. подъема» и «правой опасности» как главной во всех партиях Коминтерна. Главный сдвиг в оценке ситуации в КПК, толкавший ИККИ и КПК «влево», состоял в выдвинутом на пленуме в выступлении П.А. Мифа выводе о том, что «правая опасность» в КПК приняла «угрожающие формы». В 1929 Коминтерн прислал КПК 4 письма, в к-рых делал упор на «борьбу против правого уклона». Новые шаги «влево» в политике ИККИ были связаны с развитием конфликта на КВЖД и информацией о возможной войне между Нанкином и блоком Фэн Юй-сяна, Янь Си-шаня и группировкой «реорганизационалистов».

В директиве Коминтерна от 15 окт., принятой Политбюро ЦК ВКП(б), утверждалось, что Китай вступил в полосу глубокого общенац. кризиса, что сейчас необходимо развертывать массовое движение против блока помещиков и буржуазии, ведущее к созданию диктатуры рабочих и крестьян в форме Советов, к активному применению и расширению революц. форм классовой борьбы (массовых полит. забастовок и стачек, революц. манифестаций, партизанской войны и т.д.). Причем считалось, что путчистские ошибки уже в основном преодолены. (В зап. и кит. лит-ре распространена точка зрения, что именно эта директива ИККИ дала непосредств. импульс формированию платформы Ли Ли-саня. А.М. Григорьев считает, что в действительности эта директива, напротив, на время затормозила ее дальнейшее развитие и превращение в платформу непосредств. действия, в ней оценки значительно осторожнее по сравнению с установками ноябрьской партконференции в пров. Цзянсу.)

Упор на борьбу с «правым» и «праволиквидаторским» уклоном и соответственно крен «влево» в КПК усилились в авг. с началом полемики с Чэнь Ду-сю, выступившим с критикой тактики и лозунгов КПК в связи с конфликтом на КВЖД, а затем и общего курса Коминтерна и КПК и открыто поддержавшим оценку положения в стране как «длительного спада революц. волны».

В обстановке междоусобной войны и прямых вооруженных столкновений между частями Красной армии Китая и войсками Чжан Сюэ-ляна в Маньчжурии, учитывая документы и решения, поступающие от ИККИ, рук-во КПК в нояб. 1929 сформировало концепцию, включавшую в той или иной форме практически все осн. элементы платформы, получившей в 1930 назв. «лилисаневской линии». Эта концепция была выдвинута и апробирована на проходившей 18–26 нояб. 2-й конференции парторг-ции Цзянсу. Ввиду присутствия на конференции высших руководителей КПК и роли парторг-ции Цзянсу (включавшей крупнейшую в Китае шанхайскую парторг-цию) в партии в целом этот форум по своему значению был равен пленуму ЦК партии или всекит. партконференции. Именно здесь в выступлениях Ли Ли-саня были развернуты осн. моменты его концепции (о взаимосвязи мировой войны, мировой и кит. революции, о роли Китая и кит. революции в развязывании всемирной революции и т.п.), тезисы об объективном характере на-

ступления революц. подъема и прямой революц. ситуации, о возможности и необходимости в условиях Китая ускорить приход революции активными действиями немногочисл. авангарда путем орг-ции полит. стачек, солдатских бунтов и наступления частей Красной армии. По оценке Ли Ли-саня, в Китае уже начался революц. подъем, между ним и прямой революц. ситуацией нет принципиальных различий. Хотя отдельные участники (несмотря на угрозы быть причисленными к «правым» или к «ликвидаторам») возражали против этих построений, большинство их поддержало и включило в резолюцию конференции.

Ли Ли-санем и его единомышленниками был разработан авантюристич. план вооруженных восстаний в крупных городах страны и сосредоточения всех войск Красной армии для штурма этих городов. Главную часть плана составляли восстания в Ухани и Нанкине и шанхайская всеобщая забастовка солидарности. Хотя этот «левый уклон» доминировал в КПК всего три с небольшим месяца (с июня по сент. 1930), он нанес серьезный урон КПК.

Исполком Коминтерна отказался одобрить план всеобщей забастовки и всеобщего восстания в Китае, согласие на к-рый требовало Политбюро ЦК КПК в телеграмме от 18 июля 1930.

На заседании Политбюро ЦК КПК 2 авг. Ли Ли-сань выступил с провокационной установкой на развязывание мировой войны и втягивание в нее СССР. По представлению Ли Ли-саня, мировая война должна обязательно перерасти в мировую революцию и обеспечить ей победу во всем мире, и в частности в Китае.

Из-за поспешной подготовки восстаний были раскрыты многие парторг-ции в гоминьдановских р-нах. Парткомы 11 провинций были разгромлены. В Ухани, Нанкине и др. городах распались чуть ли не все парт. орг-ции. Огромные потери понесла и Красная армия при штурме крупных городов. Так, соединения Красной армии под рук-вом **Пэн Дэ-хуая** заняли Чанша, но были вынуждены оставить город под давлением превосходящих сил противника. После занятия Чанша гоминьдановцы казнили более 3 тыс. чел.

Созданные с большим трудом красные профсоюзы и их объединения, включая ВФП, и орг-ции комсомола были превращены в «комитеты действия», задачей к-рых была подготовка восстаний. Т.о. были разрушены организационные основы революц. профсоюзного и молодежного движения.

24–28 сент. 1930 в Шанхае нелегально состоялся III пленум ЦК КПК, работой к-рого руководили приехавшие из Москвы Цюй Цю-бо (член ИККИ) и Чжоу Энь-лай, имевшие спец. поручение ИККИ «по преодолению линии Ли Ли-саня». Пленум отменил план всекит. восстания и наступления Красной армии на крупные города, высказался за восстановление организационной самостоятельности парт., комсомольских и профсоюзных орг-ций. Ли Ли-сань выступил с самокритикой. После пленума ушел со своего поста. 5 дек. 1930 из Шанхая выехал в Москву.

Состоявшийся в Шанхае 7–8 янв. 1931 IV пленум ЦК КПК, осудив «лили-саневскую линию», вывел Ли Ли-саня из состава ЦК КПК.

С 1931 по 1945 Ли Ли-сань находился в СССР. В 1932–1935 он — чл. делегации КПК в ИККИ, представитель ВФП в Профинтерне. В февр. 1936 женился на Е.П. Кишкиной. В 1938 Ли Ли-саня арестовали органы НКВД. К этому приложил руку Кан Шэн, к-рый перед возвращением на родину заявил, что Ли Ли-сань — «троцкист, опасный человек». Как «троцкиста» и «яп. шпиона» его посадили в тюрьму на 22 месяца. Был освобожден в нояб. 1939. В 1940 с помощью сотрудника ИККИ Д.З. Мануильского устроился в Изд-во лит-ры на иностр. языках, где проработал до кон. 1945. В янв. 1946 выехал на родину. В окт. в Китай приехала его рус. жена. В 1947–1948 основал и возглавил бюро переводов при Северо-Вост. бюро ЦК КПК. Переводил «Избр. произведения Мао Цзэ-дуна» и др. работы. В июле 1948 по указанию ЦК КПК стал секретарем Северо-Вост. бюро ЦК КПК. Работал зам. зав. отделом ЦК КПК по работе в промышленности и на транспорте, участник VIII съезда КПК (1956). Зав. 3-й канцелярией ЦК КПК. В 1958 становится зам. зав. транспортно-про-

мышленного отдела ЦК КПК. В 1960 отдел был ликвидирован и Ли Ли-сань стал секретарем секретариата Бюро ЦК КПК Северного Китая. В кон. 1963 центр. рук-во предлагало Ли Ли-саню либо развестись с рус. женой, либо обязать ее взять гражданство КНР, что она и сделала. В 1964–1965 Ли Ли-сань участвует в кампании «четырех чисток» (*сы цин*). С началом **«культурной революции»** (1966–1976) **хунвэйбины** и *цзаофани*, подстрекаемые сверху, требуют от Ли Ли-саня выступить с «основательной самокритикой» и покаяться в совершенных «серьезных ошибках». Весной 1967 чл. Группы по делам «культурной революции» Ци Бэнь-юй на встрече с главарями *цзаофаней* объявляет Ли Ли-саня «спецагентом советского ревизионизма», «поддерживающим тайные связи с заграницей». Начинается его травля. 31 мая 1967 на «собрании борьбы и критики» *хунвэйбины* требуют от Ли Ли-саня, чтобы он письменно признался, что является «старым контрреволюц. ревизионистом». В июне 1967 создается спец. «пункт связи 58 цзаофаневских орг-ций по борьбе с контрреволюц. группировкой Ли Ли-саня», начинаются постоянные собрания «борьбы и критики». Ли Ли-сань пять раз писал письма в ЦК КПК и лично Мао Цзэ-дуну о том, каким издевательствам подвергается за неведомые ему «преступления». В ответ его и членов семьи сажают в тюрьму в разные камеры. 22 июня 1967 Ли Ли-сань умер при неизвестных обстоятельствах. 20 марта 1980 посмертно реабилитирован, прах похоронен на правительств. мемориальном кладбище Бабаошань в Пекине.

***** ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1927–1931: В 2 ч. М., 1999. ****** *Григорьев А.М.* Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928–1930) // Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969, с. 313–349; *он же.* Революционное движение в Китае, 1927–1931 гг.: (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980; Краткая история КПК (1921–1991) / Гл. ред. Ху Шэн. Пекин, 1993; *Дэн Чжун-ся.* Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952; *Ли И.* Дело о «советских шпионах»: К 100-летию со дня рождения Ли Ли-саня // ПДВ. 1999, № 6, с. 85–90; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1983; Новейшая история Китая, 1928–1949. М., 1984; *Шэно Ж.* Китайское рабочее движение в 1919–1927 гг. М., 1969; *Го Чэн, Лю Чуань-чжэн.* Ли Ли-сань. Пекин, 1984; Ли Ли-сань банянь даньчэнь цзинянь цзи (Юбилейный сборник, посвященный 100-летию Ли Ли-саня). Пекин, 1999.

В.Н. Усов

«ЛИН ВАЙ ДАЙ ДА»

岭外代答

«Лин вай дай да» — «За Хребтами. Вместо ответов». Наиболее содержательный памятник 2-й пол. XII в., в к-ром описаны земли Южного Китая (прежде всего территории совр. Гуанси-Чжуанского АР) — администр. устройство, система управления, история, география, экономика, междунар. отношения, приводятся подробные сведения о флоре и фауне, а также детальные сообщения о самых разнообр. сторонах жизни не только ханьского, но и местного, неханьского, населения (*яо*, *лао*, *ли* [*11*], *дань* [*6*] и др.).

Автор соч. Чжоу Цюй-фэй (1135–1189) родом из окр. Юнцзя пров. Вэнь (на территории совр. пров. Чжэцзян). Свою чиновничью службу начал в 1163 после прохождения экзаменов и получения ученой степени *цзинь ши*. По сведениям ист.-географич. описания его родной пров. Вэнь «Цзя-цзин Вэнь чжоу-фу чжи» («Описание центральной провинции Вэнь в годы правления под девизом Цзя-цзин (1522–1566)», цз. III), Чжоу Цюй-фэй являлся одним из старших учеников известного сунского мыслителя Чжан Ши (псевдоним — Ньсюань, 1133–1180). В Гуанси он прослужил шесть лет и отбыл оттуда в 1178.

Чжоу Цюй-фэй опирался на сочинение своего друга, известного администратора и литератора Фань Чэн-да (1120–1193) **«Гуйхай юй хэн чжи»** («Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод», 1175), в к-ром намечены мн. темы, значительно расширенные и дополненные в «Лин вай дай да».

В период Мин (1368–1644) «Лин вай дай да» в 2 цз. был включен в ныне утраченные разделы крупнейшего собр. текстов и фрагментов из древних памятников (**лэй шу**) **«Юн-лэ дадянь»** («Большой свод [годов правления] Юн-лэ», 1403–1408).

Совр. вариант текста «Лин вай дай да» по форме, вероятнее всего, несколько отличается от первоначального, но незначительно. Он состоит из 10 цз., 19 разделов. В цз. I–III содержатся сообщения ист.-географич. характера. В цз. I рассказывается о том, как складывалось администр.-территор. деление Гуанси и о системе управления этой губернией. Особое внимание уделено описанию природы, прежде всего гор и пещер, рек и каналов. В цз. II–III сначала приводятся общие сведения об известном китайцам мире от Южного Китая до стран на вост. побережье Африки и на Ближнем Востоке (включая их наименования, перечисление осн. торговых маршрутов и торговых центров), затем даны описания отдельных иноземных гос-в и земель Юго-Вост., Южной и Зап. Азии, а также Вост. Африки. Нек-рые описания содержат уникальную информацию об орг-ции системы управления, особенностях придворного ритуала, о местных преданиях, традициях и т.п. В конце цз. III повествуется о народах, населявших Гуанси и о-в Хайнань.

Первый раздел цз. IV включает гл. обр. описание климатич. условий Гуанси, а также нек-рые данные о быте, обычаях и культуре местного ханьского и части неханьского населения. Во втором разделе говорится о порядке администр. управления — представление докладов, экзамены, назначение на должности и т.п.

В цз. V описываются виды хозяйств. деятельности кит. администрации в Гуанси — сбор продовольств. налога, закупка соли, лошадей, а также рассказывается о рынках в различных провинциях этой губернии. Цз. VI состоит из 3 разделов и носит этнографич. характер, приводятся сведения о предметах быта, одежде, продуктах питания и способах приготовления пищи, распространенных в Гуанси.

В цз. VII, включающей 4 раздела, подробно описаны осн. виды продукции — благовония, полезные ископаемые, драгоценности, а также муз. инструменты и своего рода «антиквариат», к-рый ценился у северян, — бронзовые барабаны и т.п. Цз. VIII–IX посвящены соответственно флоре и фауне Гуанси.

Цз. X состоит из 4 разделов. Первый продолжает тематику цз. IX и содержит описание насекомых и рыб. Второй повествует о старинных достопримечательностях, в осн. связанных с пребыванием ханьцев на землях Гуанси. В третьем разделе представлена богатая картина обычаев местных народов *яо*, *лао*, *вьет*, *ли* [*11*] и др., в четвертом содержится описание «удивительного» и «чудесного», а именно культов местных храмов, духов, магии, гаданий и т.п. Такая структура памятника, вероятно, близка к первоначальной. Поскольку в тексте заметны места состыковок различных по содержанию разделов внутри цзюаней и статей внутри разделов (это было отмечено и цинскими редакторами), то можно предположить, что на каком-то этапе редактирования были произведены нек-рые перестановки.

Характерной чертой построения отд. описаний в соч. Чжоу Цюй-фэя является наличие особых концовок — итоговых реплик автора, к-рые придают описаниям законченный вид, т.к. в них подытоживается явная или скрытая суть изложенного.

«Лин вай дай да» переведен на нем. яз. А. Нетолицким (1977). Перевод предваряет введение, где памятник рассматривается как географич. компендиум и важный ист. источник. Из работ кит. ученых следует выделить публикацию «Лин вай дай да» Ян У-цюаня (1999). Во вводной статье даны уникальные сведения о биографии Чжоу Цюй-фэя, что особенно важно, т.к. долгое время считалось, что о нем почти ничего неизвестно. На рус. яз. существует краткое описание произведения В.А. Вельгуса (1978). Пер. на рус. яз. опубликован М.Ю. Ульяновым (2001).

* Вэньюаньгэ шуму (Каталог книгохранилища Вэньюаньгэ): В 4 т. // ЦШЦЧ. Шанхай, 1936; *Чжоу Цюй-фэй*. Лин вай дай да (За Хребтами. Вместо ответов) // ЦШЦЧ. Шанхай, 1936; Юн-лэ да дянь мулу

(Каталог Юн-лэ да дянь). [Б.м., б.г.]; *Ян У-цюань.* Лин вай дай да цзяочжу (Сверенное и снабженное комментарием издание «Лин вай дай да»). Пекин, 1999; *Чжоу Цюй-фэй.* За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова. М., 2001; *Netolitzky A.* Das Ling-wai tai-ta von Chou Ch'u-fei: Eine Landeskunde Sudhinas aus dem 12. Jahrhundert // Münchener Ostasiatische Studien. Bd 21. Wiesbaden, 1977. ** *Вельгус В.А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов: (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978; *он же.* Средневековый Китай. Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987; *Ульянов М.Ю.* Сообщения о культах, магии, магических и мантических практиках в провинции Гуанси в эпоху Южная Сун в труде Чжоу Цюй-фэя «Лин вай дай да» («За Хребтами. Вместо ответов». 1178 г.) // Религиозный мир Китая: Альманах, 2003. М., 2003; *он же.* Сочинение Чжу Фу «Симань цунсяо» (XII в.) — источник по культуре народов Южного Китая периода Сун (сопоставление с трудами Фань Чэн-да и Чжоу Цюй-фэя) // Ломоносовские чтения. Востоковедение: науч. конф., апр. 2005 г.: тез. докл. М., 2005; *Ян У-цюань.* Чжоу Цюй-фэй юй Лин вай дай да (Чжоу Цюй-фэй и «Лин вай дай да») // Чжуннань миньцзуюань сюэбао. 1994, № 2; *Whitmore J.K.* Elephants Can Actually Swim: Contemporary Chinese View of Late Ly Dai Viet // Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries. Singapore, 1986.

М.Ю. Ульянов

ЛИНЬ БЯО

林彪

Линь Бяо. 05.12.1906/07, дер. Хуйлуншань уезда Хуанган пров. Хубэй — 13.09.1971, р-н Ундэрхан МНР. Маршал КНР, полит. и гос. деятель, «преемник» Мао Цзэ-дуна.

Род. в большой семье мелкого фабриканта, при рождении получил имя Юй-жун. Его отец имел небольшую текстильную фабрику, к-рая, по словам Линь Бяо, «процветала непродолжительное время в период Первой мировой войны, но затем обанкротилась из-за непосильных налогов, к-рыми обложили местные милитаристы». После банкротства отец стал работать кассиром на пароходе на р. Янцзы. В возрасте 10 лет Юй-жун ушел из дома, сначала учился в Хуйлуншаньской школе, затем в Утайской средней школе. 17-летним юношей вступил в Социалистич. союз молодежи Китая, а в 1925 — в КПК. В том же году поступил в военную школу Вампу, в 1927 стал командиром взвода, затем роты отд. полка Нац.-революц. армии (НРА). К тому времени сменил имя на Линь Бяо. В 1926 участвовал в Северном походе, в 1927 принимал участие в Наньчанском восстании. После поражения восстания участвовал в совещании в Маочжи, в ходе к-рого нек-рые командиры предлагали распустить войска. Линь Бяо с **Чэнь И** поддержали **Чжу Дэ**, воспротивившегося этому предложению. После создания в 1928 4-го корпуса Красной армии Китая Линь Бяо командовал полком. Когда в 1930 была сформирована 1-я армейская группа, командовал корпусом. В нояб. 1931 Линь Бяо становится чл. Реввоенсовета, созданного по решению I Всекит. съезда представителей советских районов Китая. В 1932 назначен командующим 1-й армейской группой Красной армии, участвовал в отражении пятого карательного похода Гоминьдана. 1-я армейская группа под его командованием в окт. 1934 шла в авангарде Великого похода (окт. 1934 — янв. 1935). Интересна характеристика Линь Бяо того времени, данная Отто Брауном, нем. коммунистом, в 1932 посланным ИККИ в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК: «Линь Бяо, несомненно, был блестящим тактиком партизанской и маневренной войны. Других форм боевых действий он не признавал. В воен. вопросах, особенно когда речь шла об оперативном или тактич. рук-ве, он не слушал ничьих советов». В 1934–1936 войска под командованием Линь Бяо вели боевые действия против гоминьдановских войск. Нападение Японии на Китай в июле 1937 создало новую обстановку в стране и ускорило образование единого нац. фронта. Произошла реорг-ция Красной армии, была образована 8-я армия НРА. Линь Бяо назначается в ней командиром 115-й дивизии.

Сражаясь с японцами, войска под рук-вом Линь Бяо одержали ряд побед. После тяжелого ранения Линь Бяо в 1939 уехал в СССР на лечение. В Советском Союзе был представителем КПК в Коминтерне. В 1942 вернулся в Яньань и стал секретарем Северо-Вост. бюро ЦК КПК. На VII съезде КПК в 1945 Линь Бяо был избран чл. ЦК КПК. В это время на базе отрядов 8-й армии и Новой 4-й армии была образована маньчж. Объединенная демократич. армия численностью до 300 тыс. чел., командующим к-рой был назначен Линь Бяо, комиссаром — Пэн Чжэнь. В январе–марте 1947 войска под рук-вом Линь Бяо трижды форсировали р. Сунгари и нанесли сильные удары противнику в р-не севернее Чанчуня. В 1948 Линь Бяо стал командующим войсками Северо-Вост. полевой армии. В сент. 1948 его войска начали крупную операцию по разгрому гоминьдановской армии в Маньчжурии. В результате Ляошэньской операции НОАК впервые получила количеств. перевес над армией Гоминьдана. В 1948 Линь Бяо командовал Бэйпин-Тяньцзиньским фронтом, в марте 1949 был представителем КПК на переговорах с Гоминьданом. В сент. 1949 был избран чл. Всекит. комитета НПКСК, в окт. 1949 назначен командующим Центральнокит. военным округом. С дек. 1949 по янв. 1953 Линь Бяо является пред. Центрально-Южного военно-административного комитета, а с июля 1950 — первым секретарем Центрально-Южного бюро ЦК КПК. В 1950 выступил против участия Китая в войне в Корее и отказался возглавить кит. добровольцев в Корее, сославшись на плохое здоровье. В авг. 1954 Линь Бяо был избран депутатом ВСНП, переизбран в июле 1958 и сент. 1964. С 1954 — зам. пред. Гос. комитета обороны. С 1954 — зам. премьера Госсовета КНР. В 1955 Линь Бяо присвоено воинское звание маршала КНР, он был награжден многими орденами. С сент. 1956 — чл. Политбюро ЦК КПК, с мая 1958 — чл. ПК Политбюро ЦК и один из зам. пред. ЦК КПК. С сент. 1959, после Лушаньского совещания и снятия маршала **Пэн Дэ-хуая** с поста министра обороны, Линь Бяо становится министром обороны КНР. Он активно способствовал распространению в Китае культа личности **Мао Цзэ-дуна**. В армии по его указанию уже в мае 1964 издается «Цитатник» Мао Цзэ-дуна (**«Мао чжуси юйлу»**). Линь Бяо заявил, что эту книгу, так же как и личное оружие, должен иметь каждый солдат. Он становится активным участником и проводником **«культурной революции»**. На XI пленуме ЦК КПК в авг. 1966 вновь избирается в состав ПК Политбюро ЦК, называется в списке вторым после Мао Цзэ-дуна. После IX съезда КПК с апр. 1969 официально становится единственным зам. пред. ЦК партии и определяется как «преемник» Мао Цзэ-дуна.

20 авг. 1973, уже после гибели Линь Бяо в авиакатастрофе в Монголии, ЦК КПК принял решение о посмертном исключении Линь Бяо из партии как «буржуазного карьериста», «интригана», «контрреволюц. двурушника», «предателя», «нац. изменника».

На X съезде КПК 24 авг. 1973 **Чжоу Энь-лаем** была озвучена офиц. версия гибели Линь Бяо. «Он [Линь Бяо] дошел до того, что в авг. 1970 на II пленуме ЦК КПК 9-го созыва предпринял неудавшуюся попытку контрреволюц. переворота, — сообщил Чжоу Энь-лай, — в марте 1971 состряпал план контрреволюц. вооруженного переворота „Тезисы об объекте 571“ и затем, 8 сент., организовал контрреволюц. вооруженный переворот, тщетно пытаясь совершить покушение на жизнь великого вождя Председателя Мао Цзэ-дуна и создать свой Центральный Комитет. 13 сент., после провала своего заговора, он незаконно взял самолет и вылетел на нем, чтобы переметнуться к советским ревизионистам, изменив партии и родине, но разбился на территории Монг. Нар. Республики в р-не Ундэрхана». Со времени гибели Линь Бяо прошло более трех десятилетий, но версия его гибели в КНР не пересматривалась, и Линь Бяо в отличие от др. кит. руководителей не был реабилитирован. Архивные материалы о его деятельности в последние дни перед гибелью и о самой гибели являются секретными. Все эти обстоятельства до сих пор продолжают привлекать внимание заруб. исследователей.

* *Линь Бяо.* Да здравствует победа народной войны: К 20-й годовщине победы китайского народа в войне Сопротивления японским захват-

чикам. Пекин, 1965; IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1969; Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин, 1970. ** *Панцов А.* Мао Цзэ-дун и «дело Линь Бяо» // ПДВ. 2006, № 5, с. 111–124; *Усов В.Н.* Нераскрытая тайна Линь Бяо // Новое время. 1995, № 19–20, с. 43–44; *он же*. Хроника гибели Линь Бяо // Китай: история в лицах и событиях. М., 1991, с. 167–179; Ван Дун-син хуйи: Мао Цзэ-дун юй Линь Бяо фаньгэмин цзитуань доучжэн (Воспоминания Ван Дун-сина о борьбе Мао Цзэ-дуна с контрреволюционной группировкой Линь Бяо). Пекин, 1997; Линь Бяо шицзин чжэньсян (Правда о деле Линь Бяо). Шаньдун, 1988; *Линь Цин-шань.* Линь Бяо чжуань (Биография Линь Бяо): В 2 кн. Пекин, 1988; *Чжан Юнь-шэн.* Маоцзявань цзиши: Линь Бяо мишу хуйилу (Записки из Маоцзяваня: Воспоминания секретаря Линь Бяо). Пекин, 1988; Шэньганьсяды Линь Бяо (Линь Бяо, сброшенный с божественного пьедестала). Пекин, 1993; *Jin Qiu.* The Culture of Power: the Lin Biao Incident in the Cultural Revolution. Stanf., 1999; The Lin Biao Affair: Power Politics and Military Coup. White Plains (N.Y.), 1975; *Teiwes F.C., Sun W.* The Tragedy of Lin Biao: Riding the Tiger during the Cultural Revolution, 1966–1971. Honolulu, 1996; *Yao Ming-le.* The Conspiracy and Death of Lin Biao. N.Y., 1973.

В.Н. Усов

ЛИНЬ ЦЗЭ-СЮЙ

林則徐

Линь Цзэ-сюй. 30.08.1785, уезд Хугуан пров. Фуцзянь, — 22.11.1850, уезд Чаочжоу пров. Гуандун. Известный гос. деятель, мыслитель, ученый, вошедший в историю страны как решительный борец против ввоза иностр. купцами опиума в Гуанчжоу, активный участник событий, связанных с началом первой «опиумной» войны (1840–1842). Получив в 1804 ученую степень *цзюй жэнь*, а в 1811 — степень *цзинь ши*, успешно трудился на ниве просвещения. В 1823 был назначен судьей в пров. Цзянсу, где своей честностью и гуманным отношением к людям снискал уважение местного населения; о нем говорили: «Линь чист, как небо». В 1825 стал гл. смотрителем дамб на р. Хуанхэ, а через два года — вновь судьей в пров. Шэньси. Позднее был переведен в Нанкин на должность финанс. контролера. В 1828 его назначили генеральным инспектором по поддержанию в порядке дамб и др. ирригационных сооружений на Хуанхэ и Великом канале с резиденцией в г. Цзинань (пров. Шаньдун). В 1835–1836 выполнял обязанности генерал-губернатора провинций Цзянси и Цзянсу.

В 1838 Линь Цзэ-сюй решительно поддержал Хуан Цзюэ-цзы (1793–1853), представившего цинскому двору доклад о необходимости принятия суровых мер против торговцев опиумом. Против опиумной торговли выступали также известные ученые **Вэй Юань**, **Гун Цзы-чжэнь** (см. т. 1), многие местные чиновники и **шэнь ши**. 31 дек. 1838 Линь Цзэ-сюя назначили чрезвычайным уполномоченным по борьбе с опиумной торговлей. 10 марта 1839 он прибыл в Гуанчжоу, куда ежегодно доставлялось до 30 тыс. ящиков запретного зелья. Линь Цзэ-сюй потребовал от участников незаконного торга сдать принадлежащий им товар в течение трех дней и дать подписку о добровольном отказе от дальнейшего ввоза опиума в Гуанчжоу. Представитель англ. купцов капитан Ч. Эллиот сдал более 20 тыс. ящиков с наркотиком, к-рые по распоряжению кит. уполномоченного были публично сожжены. Это послужило поводом для начала первой «опиумной» войны, завершившейся подписанием в Нанкине неравноправного для Китая англо-кит. договора.

Действия Линь Цзэ-сюя в Гуанчжоу вызвали недовольство цинского двора, и «возмутитель спокойствия» был отправлен в ссылку в Илийский край (Синьцзян). Здесь он активно занялся выявлением невозделанных земель, пригодных для земледелия. Такое поведение опального сановника, пекущегося о пополнении казны, побудило цинский двор отозвать его в Пекин и назначить в 1845 генерал-губернатором провинций Шэньси и Ганьсу. В 1847, будучи генерал-губернатором провинций Юньнань и Гуйчжоу, из-за болезни подал в отставку. Осенью 1850 в связи с начавшимся восстанием

乙

тайпинов был направлен императорским уполномоченным в пров. Гуанси, но при следовании к месту нового назначения скончался.

Линь Цзэ-сюй, выступая за обновление социальной и экономич. политики Китая, призывал изучать достижения зап. стран, чтобы знать их силу и слабости. Эти взгляды отражены в его трактате «Сы чжоу чжи» («Описание четырех материков»), где приведены сведения о разл. странах. См. также ст. **Линь Цзэ-сюй** в т. 1.

***** *Линь Цзэ-сюй.* Обращение к английской королеве // Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени. М., 1961, с. 53–58; *он же.* Секретное донесение императору о необходимости не ослаблять усилия в делах, связанных с варварами // Там же, с. 58–64; *он же.* Основные сведения о Российском государстве. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. С.Ю. Врадий. Владивосток, 1996. ****** *Врадий С.Ю.* Линь Цзэ-сюй: патриот, мыслитель, государственный деятель цинского Китая. Владивосток, 1993; *он же.* Произведение Линь Цзэ-сюя как источник для изучения представлений о России в Китае XIX в. // Изв. Вост. ин-та ДВГУ. 1996, № 3, с. 167–172; *Ипатова А.С.* Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976.

А.Н. Хохлов

ЛИФАНЬЮАНЬ

理藩院

Лифаньюань — Палата по делам внешних сношений, иногда в рус. документах XVII–XVIII вв. называется Трибуналом внешних сношений. Учреждена цинским двором в 1632 для урегулирования дел с правителями соседних владений, прежде всего с Монголией, к-рая была включена в состав Цинской империи в 1690. По мере завоевания цинскими войсками Джунгарского ханства и владений ходжей в Вост. Туркестане, а также Кукунора в 50-х XVIII в. деятельность Палаты значительно расширилась.

В соответствии с Кяхтинским трактатом 1728, через *Лифаньюань* велась дипломатич. переписка с Россией (от имени Сената) вплоть до учреждения в Пекине в 1861 **Цзунли ямэня** (Главное ведомство по иностр. делам). В ходе администр. реформ в Китае в 1-м десятилетии XX в. это учреждение было преобразовано в *Лифаньбу* — министерство иностр. дел (многие иностранцы, в т.ч. русские, порой неправильно переводили это название как «министерство колоний/колонизации»).

В своей практич. деятельности, связанной с управлением некит. народами, проживавшими на северо-западе Цинской империи, кит. и маньчж. чиновники руководствовались законоположениями «Лифаньюань цзэли» — «Уложением Палаты внешних сношений», к-рое распространялось на жителей пограничных с Россией нац. окраин Кит. империи. Поэтому рос. китаеведы первыми обратили внимание на эти правовые акты, о чем свидетельствуют их науч. труды, опубликованные либо оставшиеся в рукописи.

***** Уложение Палаты внешних сношений: В 2 т. / Пер. с маньчж. С. Липовцов. СПб., 1828. ****** *Хохлов А.Н.* Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньюань цзэ-ли» // История и культура Востока Азии. Т. 1. Новосиб., 2002, с. 70–73.

А.Н. Хохлов

ЛИ ХУН-ЧЖАН

李鴻章

Ли Хун-чжан. 1823, г. Хэфэй пров. Аньхой, — 1901. Видный кит. гос. деятель и дипломат, вошел в историю цинского Китая как один из активных поборников политики «самоусиления» (*цзы цян*). Сторонник модернизации страны, прежде всего в области военного дела, а также промышленности, транспорта и средств связи. Род. в семье известного чиновника Ли Вэнь-аня. Став в 1844 обладателем ученой степени *сю цай*, отправился в Пекин, где получил классич. образование при содействии видного цинского сановника Цзэн Гофаня (1811–1872). В 1847 стал *цзинь ши*. Его приняли в **Ханьлинь академию** (см. т. 1), где через три года назначили составителем офиц. трудов по истории и географии. Однако ученую карьеру ему пришлось оставить из-за восстания *тайпинов*, охватившего его родную пров. Аньхой, куда он поспешил вернуться

вместе с отцом. По рекомендации Цзэн Го-фаня губернатор пров. Аньхой назначил его на ответств. пост. В 1858, он, уже будучи губернатором пров. Цзянси, присоединился со своим войском «Хуай цзюнь» к Цзэн Го-фаню, находившемуся в Наньчане. В Шанхае Ли Хун-чжан соединился с хорошо вооруженным отрядом наемников, к-рый был организован американцем Ф. Вардом. После взятия г. Чжанчжоу в 1864 этот отряд был распущен. Ли Хун-чжан как военачальник, отличившийся в подавлении *тайпинов*, в 1865 был назначен наместником Нанкина, а в марте 1869 занял ту же должность в г. Учан.

Следуя политике «самоусиления», Ли Хун-чжан уже в период тайпинского восстания активно занимался перевооружением войск и строительством новых военно-промышленных объектов. В 1862 он открыл в Шанхае арсенал, для к-рого Цзэн Го-фань закупил у США оборудование, необходимое для литья пушек и производства разрывных снарядов. В 1864 по его инициативе был построен по европ. образцу артиллерийский арсенал в Сучжоу, а в Шанхае создан Цзяннаньский арсенал, производивший ружья и пушки. В 1867 он открыл в Нанкине Цзиньлинские механические мастерские. В 1870 Ли Хун-чжана назначили наместником столичной пров. Чжили с резиденцией в Тяньцзине, и в этой должности он оставался в продолжение четверти века. Там он расширил Тяньцзиньские механические мастерские за счет ввода в эксплуатацию четырех новых цехов.

Особое внимание им было уделено орг-ции в Шанхае пароходной компании, первоначально предназначавшейся для доставки казенного зерна с юга на север. Чтобы воспрепятствовать росту импорта в Китай иностр. хлопчатобумажных тканей и пряжи, Ли Хун-чжан в 1882 приступил к строительству в Шанхае текстильной фабрики.

После неудачного эксперимента с открытием железной дороги между Шанхаем и Усуном (на Янцзы) в 1872–1873 (из-за несчастного случая с одним местным жителем) Ли Хун-чжан с помощью инженеров-англичан построил железнодорожную ветку, соединяющую его резиденцию (Тяньцзинь) с морским побережьем в р-не Дагу, известного оборонительного пункта на пути к Пекину.

Как и в случае с постройкой первой железной дороги в Китае (в р-не Янцзы), Ли Хун-чжана как инициатора нового вида связи отчасти постигла неудача с реализацией представленного им в 1880 проекта соединения Пекина телеграфом с Нанкином, Ханькоу, Мукденом и пров. Ганьсу, т.к. ему удалось построить лишь одну линию, связывающую Тяньцзинь с угольными копями Таншаня.

Ли Хун-чжан проявлял заботу о подготовке новых технич. кадров, предлагая меры обучения китайцев (за границей и дома) новым специальностям, в т.ч. связанным с управлением совр. предприятиями фабрично-заводского типа.

Во время его пребывания на посту наместника в Тяньцзине ему не раз поручали дела, связанные с ответств. переговорами с представителями зап. держав и Японии. Следуя др.-кит. концепции о верховенстве правителя Китая над народами Поднебесной, Ли Хун-чжан в дипломатич. практике придерживался принципа *и и чжи и* (букв. «использование варваров для обуздания варваров»), суть к-рого выражалась в том, чтобы ценой уступок или компромисса с одной державой противодействовать другой.

Дебютом Ли Хун-чжана на дипломатич. поприще стала попытка урегулирования спора с Японией из-за Люцю (Рюкю), где после поражения Китая в первой «опиумной» войне (1840–1842) и особенно в англо-франко-кит. войне (1858–1860) его традиц. влияние значительно ослабло. После подписания Ли Хун-чжаном (29 июля 1871) невыгодного для яп. стороны договора Япония захватила о-ва Люцю, включив их в одностороннем порядке в свои владения. В 1880 приехавший в Китай представитель Японии предложил разделить эти о-ва между Японией и Китаем. Это дало Ли Хун-чжану повод надеяться в случае полюбовной сделки использовать Японию в спорах Китая с зап. державами, однако Япония действовала самостоятельно. Так, еще в 1876 она подписала с Кореей договор, проигнорировав традиц. отношения Китая с Кореей,

присылавшей ранее своих посланцев в Пекин с дарами, к-рые кит. дипломаты считали данью.

Японо-кит. война 1894–1895 окончилась серьезным поражением цинского Китая на суше и на море. Во время японо-кит. переговоров в Симоносеки на Ли Хун-чжана было совершено покушение, он получил ранение в глаз. Подписанный им договор (с передачей Японии Тайваня) вызвал глубокое возмущение в широких слоях кит. об-ва, в результате имидж Ли Хун-чжана как дееспособного дипломата был серьезно подорван.

Горечь тяжелого поражения в японо-кит. войне рассеяла иллюзии Ли Хун-чжана относительно Японии. Его взоры обратились к России, куда он в 1896 направился с визитом для участия в торжествах по случаю коронации великого князя Николая Александровича (Николая II). После блестящей встречи, оказанной ему в Одессе, и последующих переговоров в Санкт-Петербурге и Москве (сначала с министром иностр. дел А.Б. Лобановым-Ростовским, а затем с С.Ю. Витте) Ли Хун-чжану удалось заключить секретный договор о рус.-кит. оборонительном союзе против возможных агрессивных действий Японии и принять решение о предоставлении России права построить ветку Транссиб. железной дороги, идущую из Забайкалья в направлении Владивостока через Маньчжурию. После посещения Всерос. Нижегородской ярмарки кит. дипломат отправился в страны Зап. Европы (Германию, Францию и Англию), совершил морское путешествие в США, а оттуда вернулся на родину.

В период «ста дней реформ» (*у-сюй бяньфа*) Ли Хун-чжан был впервые отстранен от рук-ва Главным ведомством по иностр. делам (**Цзунли ямэнь**) самим императором, принявшим бразды правления гос-вом в свои руки. Затребовав журналы заседаний ведомства, имп. **Цзай Тянь** (прав. под девизом Гуан-сюй в 1875–1908) лично убедился в том, что от него были сознательно скрыты претензии англ. посланника по поводу строительства железных дорог Шаньхайгуань–Пукоу и особенно Пекин–Ханькоу. Англ. дипломат в присутствии великого князя Цина и др. членов *Цзунли ямэня* открыто упрекал Ли Хун-чжана в предвзятом отношении к Англии, что привело к сосредоточению англ. эскадры в Вэйхайвэе. Внезапная опала столь крупной полит. фигуры, вызвавшая разные догадки у иностр. дипломатич. корпуса, оказалась недолгой благодаря скорому возвращению к власти вдовствующей императрицы **Цы Си**. Цзай Тянь был изолирован, став пешкой в руках его тетки, к-рая сразу же издала от имени императора нужные ей указы, в т.ч. о наказании его советников **Кан Ю-вэя**, **Лян Ци-чао** и др.

Во время восстания *ихэтуаней* (1898–1901), поддержанного частью правительств. войск, цинский двор после долгих колебаний принял сторону повстанцев, выступавших против иностранцев, но был вынужден бежать в г. Сиань из столицы, в к-рую вошли войска 8 иностр. гос-в. В этой опасной для цинского Китая ситуации Цы Си поручила Ли Хун-чжану вместе с князем Цином урегулировать военный конфликт. В ходе переговоров с дипломатами зап. стран, Японии и России в сент. 1901 был подписан «Заключительный протокол», подтвердивший намерение цинского двора ликвидировать *Цзунли ямэнь*. Напряженная ситуация в Пекине и его окрестностях, где продолжались стычки иностр. войск с *ихэтуанями*, а также утомительная процедура выработки приемлемого соглашения относительно мер наказания гл. руководителей повстанцев (на ужесточении к-рых особенно настаивали представители Германии) не могли не повлиять на состояние духа Ли Хун-чжана. Он тяжело заболел и вскоре умер.

О популярности Ли Хун-чжана как гос. деятеля и дипломата свидетельствует тот факт, что еще при его жизни о нем было написано немало статей и даже книг. О сильных и слабых сторонах его деятельности писал, в частности, Лян Ци-чао. В 50–60-х гг. XX в. нек-рые историки КНР оценивали его довольно негативно. Но в последнее время в кит. историографии наблюдается тенденция более объективного анализа его действий с учетом трудностей, препятствовавших ему в выполнении задач, поставленных цинским двором, и состоявших в слабости тогдашнего Китая в военном отношении. Примечатель-

ным фактом остается высокая оценка Ли Хун-чжана, данная ему С.Ю. Витте, имевшим возможность общаться с ним в Москве во время торжеств по случаю коронации Николая II.

***** Ли Вэнь Чжун гун цюань цзи (Полн. собр. соч. Ли Хун-чжана): В 100 цз. Нанкин, 1908. ****** *Дубровская Д.В.* К характеристике внешнеполитической концепции Ли Хун-чжана в начале 80-х гг. XIX в. // XIX НК ОГК. Ч. 3. 1988, с. 189–195; *Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1978; *Лян Ци-чао.* Ли Хун-чжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905; *Меньшикова М.Л.* Ли Хун-чжан и Николай II: К вопросу об истории некоторых китайских вещей в коллекции Эрмитажа // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга (1893–1972). СПб., 1994, с. 80–83; *Тойберт А.Ж.* Русская периодика конца XIX в. о деятельности Ли Хун-чжана // Филология и история стран Азии и Африки. СПб., 1994, с. 67–69; *она же.* Современные китайские источники о внешнеполитической деятельности Ли Хун-чжана // XXVII НК ОГК. 1996, с. 165–169; *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901. М., 1955; *Хохлов А.Н.* Ли Хун-чжан в Москве в мае 1896 г. [по случаю коронации Николая II] // Снесаревские чтения, 96. Душанбе, 1997, с. 60–73; *он же.* Ли Хун-чжан глазами россиян: К 100-летию визита государственного деятеля цинского Китая в Россию в 1896 г. // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке: Тез. докл. VII МНК ККЦиМ. Ч. 2. М., 1996, с. 123–128; *Bland J.O.P.* Li Hung-chang. L., 1917; Li Hung-chang and China's Early Modernization / Ed. by S.C. Chu, Liu Kwan-ching. Armonk (N.Y.), 1994; *Spector S.* Li Hung-Chang and the Huai Army: A Study in Nineteenth-Century Regionalism. Seattle, 1964.

А.Н. Хохлов

ЛИ ЦЗЫ-ЧЭН

李自成

Ли Цзы-чэн. 1606, Мичжи, пров. Шэньси, — окт. 1646, пров. Хубэй. Лидер крестьянского повстанческого движения (1628–1646).

Родился в семье среднего достатка, но отец обеднел, поэтому проучился всего неск. лет и был вынужден пасти овец у местного помещика. Вскоре ушел в город, чтобы учиться военному делу. После женитьбы поступил на службу конным курьером почтовой станции. Из ревности убил свою жену, был арестован и приговорен к смерти. Бежал в пров. Ганьсу и нанялся солдатом в местное провинц. войско.

Вся 2-я пол. правления дин. Мин (1368–1644) отмечена крестьянскими выступлениями. В 30–40-е гг. XVII в. особенно активны были повстанцы в Шаньдуне и Гуйчжоу. Сюда были направлены войска из Сев.-Зап. Китая. Часть войск была переброшена на северо-восток, на войну с маньчжурами. В результате северо-запад оказался значительно ослабленным и стал главным театром начинающейся крестьянской войны. Голодающие крестьяне, беглые солдаты, персонал закрытых властями ради экономии почтовых станций — весь этот люд собирался в горах, объединялся в отряды и шайки, атаманы объявляли себя князьями-*ванами*. Многочисл. отряды со всех сторон сходились вблизи центра пров. Шэньси — г. Сиань. 1628-й условно считается началом всекит. крестьянской войны – одного из наиболее продолжительных и мощных народных восстаний. Крестьянская война развернулась не на экономически развитом Юге, а в Сев. Китае, оплоте консерватизма, где положение крестьянства было особенно тяжелым.

В 1629 Ли Цзы-чэн присоединяется к повстанцам. В 1629 в пров. Шэньси были переброшены правительств. войска, вступившие в борьбу с повстанцами и разбившие неск. отрядов. 36 повстанческих отрядов в 1631 объединились, избрав вождем Ван Цзы-юна. Согласно плану, весной 1632 они покинули разоренную Шэньси, форсировали Хуанхэ и вступили на территорию Шаньси, где встретили широкую поддержку в деревнях и небольших городах. Они предприняли общий поход на восток к столице. Численность крестьянских войск быстро росла, т.к. крестьяне и беглые солдаты охотно вступали в их

ряды. Они осаждали и брали уездные города, наносили поражения провинц. войскам, убивали представителей господств. класса, забирали их имущество. В одном из сражений Ван Цзы-юн был убит. Восстание то разгоралось, то шло на убыль, и тогда атаманы отводили свои отряды в горы.

Ли Цзы-чэн сначала служил в отряде Ван Цзо-гуа, в 1631 перешел в отряд Гао Ин-сяна, где стал командиром батальона. Он оказался способным полководцем. Победоносное шествие восставших было остановлено, когда они столкнулись с отборным минским войском, вооруженным огнестрельным оружием. В 1634 в южной части Шэньси отряд, возглавляемый Гао Ин-сяном и его побратимом Ли Цзы-чэном, попал в засаду и был заперт минскими войсками в узком ущелье. В течение 2 месяцев они оборонялись, однако кончились запасы стрел и продовольствия, кони пали. Повстанцы заявили, что они сдаются. Но когда их отправили под конвоем небольшими группами в тыл, пленные взбунтовались и перебили охрану. К ним присоединились окрестные крестьяне. Повстанцы захватили ряд городов в зап. Шэньси — вост. Гансу. В нач. 1635 в Инъяне (пров. Хэнань) 13 крестьянских вождей приняли предложенный Ли Цзы-чэном план общего наступления на г. Гуйдэ. Кроме того, они договорились делить захваченные трофеи поровну. Однако это объединение оказалось временным, вскоре отряды вновь разъединились, часть из них отправилась в Хэнань, другая — в Шэньси. Частичные успехи сменялись поражениями. В 1636 был разбит в южной Шэньси, взят в плен и казнен в Пекине Гао Ин-сян.

Восстание охватило огромную территорию. Правительств. войска терпели поражения. Но повстанцы, у к-рых были сильны настроения «разбойной вольницы», не воспользовались победой для нового объединения своих сил, продолжая борьбу раздробленными мелкими отрядами. Повстанцам противостояли карательные части минских генералов, творившие суд и расправу на местах. Пр-во решилось на самые серьезные меры, сняв войска с маньчж. фронта, где наступило нек-рое затишье, и бросив их против восставших. В июне 1636 императорским эдиктом объявлялась амнистия всем повстанцам, к-рых призывали вернуться в родные деревни и города или в войско. Сдавшимся вождям предлагались офицерские чины. В эдикте содержалось обещание снизить налоги. Это возымело действие. Крестьяне, по эдикту освобождавшиеся от старых долгов и налогов, спешили домой, чтобы заняться сельским трудом. В 1637 крестьянское движение идет на спад. Соединения повстанцев терпят поражения. Нек-рые из видных вождей движения погибли, другие, как Чжан Сянь-чжун, раненный в бою, сдавались и переходили на службу к Минам. Продолжавший сражаться отряд Ли Цзы-чэна в 1638 был разгромлен под Тунгуанем, на границе Хэнани и Шэньси. 18 всадников, еле спасшихся от преследования, скитались в горах. Но на этом крестьянская война не закончилась, это только был ее первый этап.

Между тем крестьяне, вернувшиеся в родные деревни, попадали в еще бóльшую кабалу, солдаты были обречены на нищету, горожане не находили себе работы. Неурожай 1639–1640 привел к оживлению крестьянской войны. Восстания стали вспыхивать вновь. Начался второй этап (1639–1644). Крестьяне становились в ряды повстанцев, к ним примыкала не только городская беднота, но и представители разных слоев об-ва. В лагерь восставших вернулся Чжан Сянь-чжун, приведший с собой весь гарнизон города, где служил. Ли Цзы-чэн с группой верных соратников спустился с гор и вскоре, собрав под своими знаменами большое повстанческое войско, совершил поход в Хэнань, занял 50 городов и сильную крепость г. Хэнань (Лоян). Во время троекратной осады Кайфэна повстанцы проявили особую настойчивость. Они пытались добиться сдачи города мирным путем, затем неоднократно штурмовали крепость, вели подкопы под стенами, полностью окружили город. Подкрепление, посылаемое Кайфэну, переходило на сторону восставших. Тогда один из минских военачальников, открыв плотину, затопил город.

Двинувшись на юго-запад, повстанцы в 1643 совершили поход в Шэньси. Ли Цзы-чэн начал подготовку к созданию новой гос. власти. Военный совет при

Ли Цзы-чэне стал началом нового пр-ва. В 1643 Ли Цзы-чэн принял титул Великого полководца, руководствующегося велениями Неба и возрождающего справедливость. Он казнил неск. полководцев, стремившихся отделиться от его войск и «свободно разгуливать по Поднебесной». Осенью 1643 заняв г. Сиань, Ли Цзы-чэн отдал город на 3-дневное разграбление, однако затем потребовал установить твердый порядок. Сокрушив зап. провинции и уничтожив власть минской династии на Севере, Ли Цзы-чэн в нач. 1644 официально провозгласил себя императором новой дин. Да Шунь (Великое послушание), избрал девизом правления (**нянь хао**) Юн-чан (Вечное изобилие) и переименовал Сиань в Сицзин (Западная столица). Учредил должности секретарей Гос. совета и сформировал 6 ведомств — чинов, налогов, обрядов, военных дел, наказаний и работ. Была отчеканена новая монета, введены экзамены на соискание ученых степеней. Его командиры получили аристократич. титулы.

24–25 апр. 1644 после 2-дневной осады миллионная крестьянская армия во главе с Ли Цзы-чэном захватила Пекин. Все 10 тыс. **евнухов** бежали из Запретного города. Имп. Сы-цзун (прав. под девизом Чун-чжэнь в 1628–1644) повесился. Пекин стал ареной грабежа и насилия. Это способствовало разложению крестьянской армии. 16 мая Ли Цзы-чэн выступил из столицы против минской армии, руководимой опытным полководцем У Сань-гуем, к-рый вступил в союз с маньчж. князем-регентом Доргонем и его войском. Ставка генерала находилась в Шаньхайгуане. У Сань-гуй не подчинился крестьянскому пр-ву (помимо общей вражды к повстанцам, он лично пострадал: один из повстанческих вождей в Пекине взял в свой гарем его любимую наложницу, в руках повстанцев находился его отец).

26 и 27 мая 1644 под Шаньхайгуанем Ли Цзы-чэн вступил в бой с армией У Сань-гуя. В разгар боя маньчж. конница ударила во фланг повстанцам, и это решило судьбу сражения. Ли Цзы-чэн оставил Пекин. В столице была провозглашена власть новой маньчж. дин. Цин. Войска У Сань-гуя преследовали отступавшего Ли Цзы-чэна, но в битве у Чжэндина (пров. Хэбэй) не смогли разгромить повстанцев. Последние сильно потрепали войска У Сань-гуя и отошли на запад. Чжан Сянь-чжун, действуя независимо от Ли Цзы-чэна, совершил победоносный поход в Сычуань и создал здесь Великое Западное государство (Да Сиго) со столицей в Чэнду. Вскоре он погиб в бою.

Около года повстанцы сражались с превосходящими силами своих врагов. В 1645 войска Ли Цзы-чэна были разгромлены цинской армией в битве у Тунгуаня. Повстанцы продолжили отступление на юг — в долину р. Хань. В их рук-ве начался разброд. В окт. 1646 при невыясненных обстоятельствах погиб Ли Цзы-чэн. Крестьяне Сев. Китая потерпели жестокое поражение. В 1646 было уничтожено и повстанческое гос-во в Сычуани.

Эта крестьянская война XVII в. отличалась от предыдущих тем, что в ней не играла сколько-нибудь заметной роли религ. сектантская идеология, обычная в крестьянских движениях кит. средневековья; движение не носило антииностранный патриотич. характер. Подобно империи Хань, дин. Мин вначале сама вышла из народного восстания и, в конце концов, была низвергнута им.

* Мин ши (История [династии] Мин). Шанхай, 1936, цз. 309, л. 10а.

** *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Звезда, разящая войска: Боевой путь Ли Цзы-чэна // *Они же.* Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М., 2002, с. 171–181; История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998; *Непомнин О.Е.* История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005; *Симоновская Л.В.* Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966; *Фицджеральд Ч.П.* Китай: Краткая история культуры. СПб., 1998; Чжунго цюаньши (Полная история Китая): В 2 т. Пекин, 2004.

В.Н. Усов

Ли Цзэ-хоу *см.* т. 1

ЛИШИ ГУШИ

歷史故事

Лиши гуши («рассказы по истории») — самый массовый вид лит-ры в Китае, доступный человеку, получившему начальное образование и владеющему иероглифич. минимумом. Это небольшие по объему, чаще всего иллюстрированные книги, повествующие о событиях нац. истории. Издаются большими тиражами, очень дешевы и пользуются популярностью у читателей всех возрастов. Впервые этот вид ист. прозы появился, видимо, в эпоху Мин (1368–1644), расцвет приходится на XX в., когда он превратился в очень важное средство приобщения простого человека к истории страны, в т.ч. и последнего столетия.

Б.Г. Доронин

ЛИ ШУ

黎澍

Ли Шу, Ли Шу-цан. 07.02.1912, Чашаньлин уезда Лилин пров. Хунань, — 09.12.1988, Пекин. Историк, обществовед-марксист, журналист.

Учился в Коммерческом училище при Бэйпинском ун-те. В 1948 в Гонконге вышла его первая работа «Синьхайская революция и Юань Ши-кай». После 1955 занимался исследованиями в области обществ. наук, ред. работой. Был гл. редактором журналов «Лиши яньцзю» и «Чжунго шэхуй кэсюэ», зам. директора Ин-та новой истории АОН Китая, зам. пред. Современного ист. об-ва Китая.

Ли Шу уделял большое внимание исправлению догматических и прагматических тенденций в ист. исследованиях. С 1979, сосредоточившись на изучении развития обществ. наук в Китае после образования КНР, опубликовал много статей, посвященных методам науч. исследования ист. процессов и вопросам рук-ва КПК научной работой. Стремясь устранить путаницу в понимании учеными марксистской теории, предлагал «освободить марксизм от уз вульгарной догмы». Он считал тезисы «народные массы — это творцы истории» и «вся история есть история классовой борьбы» самыми распространенными «левыми» догмами. При этом полагал, что первый тезис берет свое начало от некорректного толкования советскими историками нек-рых положений «Краткого курса истории ВКП(б)» и, следовательно, лишен марксистской теоретич. основы. Тезис, по мнению ученого, не выдержал проверки историей и содержит очевидные логич. ошибки.

В 80-х Ли Шу был одной из ведущих фигур, определявших идейные поиски в науч. кругах Китая. Выдвинутые им и его сторонниками концепции получили в совр. историографии название «нового просветительства». В 90-х они постепенно потеряли свою популярность и часто критиковались за «радикализм» и «антитрадиционализм».

***** *Ли Шу.* Синьхай гэмин юй Юань Ши-кай (Синьхайская революция и Юань Ши-кай). Гонконг, 1948; *он же.* Синьхай гэмин цяньхоу ды Чжунго чжэнчжи (Китайская политика в период до и после Синьхайской революции). Пекин, 1954; *он же.* Макэсычжуи юй чжунго гэмин (Марксизм и китайская революция). Пекин, 1963; *он же* (сост.). Макэсы, Эньгэсы, Ленин, Сыдалинь лунь лиши кэсюэ (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин об исторической науке). Пекин, 1980; *он же.* Цзай сы цзи (Переосмысление: Сб. статей). Пекин, 1985; *он же.* Лунь лиши ды чуанцзао цзи цита (О творении истории и др.). Чанша, 1988; *он же.* Политическая жизнь Китая в период революции 1911 года: Пер. с кит. / Ред. и авт. предисл. Л.В. Симоновская. М., 1956. ****** Ли Шу ши нянь цзи (Десять лет помним Ли Шу). Пекин, 1998.

В.М. Майоров

ЛО ЭР-ГАН

羅爾剛

Ло Эр-ган. 29.01.1901, уезд Гуйсянь пров. Гуанси, — 25.05.1997, Пекин. Историк, специалист по истории тайпинского восстания (1850–1866). В 1930 окончил университетское отд-ние Общего училища Китая (*Чжунго гунсюэ*), где обучался у **Ху Ши**. Затем работал на кафедре археологии Ин-та гуманитарных наук при Пекинском ун-те и в Ин-те обществ. наук АН. После образования КНР заведовал Нанкинской ред. комиссией по ист. материалам Тайпинского гос-ва. В 1954 стал науч. сотрудником Ин-та новой истории АОН.

Ло Эр-ган проявлял интерес к зап. методам науч. исследования. Во время работы на кафедре археологии познакомился с цинской источниковедческой школой. В своих трудах стремился к синтезу этих методик. Осн. внимание в трудах, посвященных истории тайпинского восстания и гос-ва *тайпинов*, обращал на анализ ист. материалов, выявление поддельных документов, проводил текстологический и почерковедческий анализ документов. Основал музей истории гос-ва *тайпинов*. Характеризовал тайпинское восстание как крестьянскую войну, направленную против феодалов и «внешней агрессии», а кит. об-во того времени как полуфеодальное и полуколониальное. Утверждал что с сер. XIX в. массовые движения в Китае носили характер нац.-демократич. революций. Перу Ло Эр-гана принадлежат более 400 науч. статей и более 40 крупных ист. работ.

***** *Ло Эр-ган.* Тайпин тяньго ши цункао (Сб. статей по истории тайпинов). [Б.м.], 1947; *он же.* Тайпин тяньго ши гао (История Тайпинского государства). Шанхай, 1951; *он же.* Тайпин тяньго ши ляо бянь вэй цзи (Выявление фальсификаций в материалах по истории Тайпинского государства). Пекин, 1955; *он же.* Тайпин тяньго ши цзицзай динмю цзи (Сб. статей по критическому анализу поддельных документов, приписываемых тайпинам). Пекин, 1955; *он же.* Тайпин тяньго ши ши као (Исследование фактов истории Тайпинского государства). Пекин, 1955; *он же.* Тайпин тяньго шиляо каоши цзи (Сб. статей по исследованию и комментированию исторических материалов тайпинов). Пекин, 1956; *он же.* Тайпин тяньго шицзи дяоча цзи (Сб. статей по обследованию следов истории тайпинов). Пекин, 1958; *он же.* Сянцзюнь бин чжи (Военное описание Хунаньского ополчения). Пекин, 1984; *он же.* Дискуссия о подлинности рукописи автобиографии Ли Сю-чэна // ВИ. 1958, № 9, с. 213–220. ****** *Белелюбский Ф.Б.* [Рец. на:] *Ло Эр-ган.* Подлинник автобиографии Чжунвана Ли Сю-чэна. Пекин, 1955. Кит. яз. // ВИ. 1957, № 3, с. 187–188; *Смолин Г.Я.* [Рец. на:] *Ло Эр-ган.* Очерк истории тайпинского государства. 2-е изд. Пекин, 1951. Кит. яз. // Сов. востоковедение. 1955, № 6, с. 148–155; *Го И-шэн.* Ло Эр-ган чжуань (Биография Ло Эр-гана). Гуйлинь, 2005.

В.М. Майоров

ЛЭЙ ХАЙ-ЦЗУН

雷海宗

Лэй Хай-цзун, Лэй Бо-лунь. 18.06.1902, уезд Юнцин пров. Хэбэй, — 25.12.1962, Тяньцзинь. Историк, преподаватель истории.

После окончания в 1922 ун-та Цинхуа в Пекине был направлен на стажировку в США, где изучал историю и философию. В 1927 получил докт. степень за диссертацию, посвященную полит. мысли А.Р.Ж. Тюрго (1727–1781). В том же году вернулся в Китай. Занимал должности преподавателя и декана в Центральном ун-те, преподавателя ист. ф-та Цзиньлинского женского ун-та и науч. сотрудника Ин-та культуры Китая. В 1931 работал на ист. ф-те и ф-те филос. образования Уханьского ун-та. С 1932 был преподавателем ист. ф-та ун-та Цинхуа, а затем профессором, деканом ист. ф-та и исполняющим обязанности декана Гуманитарного колледжа Юго-Западного объединенного ун-та. В 1952 получил место преподавателя ист. ф-та в Нанькайском ун-те (Тяньцзинь). В 1957 подвергся острой критике как «правый элемент».

В течение более чем 30-летней преподавательской карьеры читал курсы по общей истории и по спец. аспектам истории Китая, Запада, по отдельным периодам всеобщей истории. Составил многочисл. учебные материалы и хрестоматии. Опубликовал науч. монографии по истории Китая, Евразии,

методологии ист. исследований. Являлся одним из создателей группы «Планы сражающихся государств» (**Чжаньгоцэ-пай**; см. т. 1) — идейно-филос. течения 40-х гг., представителями к-рого были **Чэнь Цюань** (см. т. 1) и Линь Тун-цзи.

Лэй Хай-цзун испытал влияние концепции культурной морфологии О. Шпенглера (1880–1936). Полагал, что настоящая ист. наука познает историю с помощью филос. метода, а ист. сочинение не должно быть нагромождением фактов. Как Н.Я. Данилевский (1822–1885) и О. Шпенглер, а также нек-рые рус. евразийцы, считал, что история не едина, а состоит из различных неповторимых, самостоятельно и свободно развивающихся культур, зарождающихся в разное время и в разных регионах и гибнущих по прошествии определенного жизненного цикла. Эта концепция представлена в работах Лэй Хай-цзуна «Китайская культура и китайская армия», «Исторические типы и их примеры» и др.

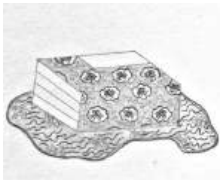
***** *Лэй Хай-цзун.* Чжунго вэньхуа юй чжунго ды бин (Китайская культура и китайская армия). Чанша, 1940; *он же.* Бо-лунь шисюэ цзи (Сб. статей Бо-луня [Лэй Хай-цзуна] по истории). Пекин, 2002; *он же.* Вэньхуа синтай шигуань (Историческая концепция морфологии культуры). Тайбэй, 1988. Соавт.: Линь Тун; *Lei Hai-tsung.* The Warring States (473–221 B.C.). The Modern Period in Ancient China. Kunming, 1943. ****** Лэй Хай-цзун юй эрши шицзи чжунго шисюэ (Лэй Хай-цзун и китайская историческая наука XX в.). Пекин, 2005; *Цзян Пэй.* Чжаньгоцэ-пай сычао яньцзю (Исследования идейного течения группы Чжаньгоцэ). Тяньцзинь, 2001; *Чэнь Хуй-фэнь.* Вэньхуа синтай шигуань юй гоши яньцзю — Лунь Лэй Хай-цзун ды шисюэ («Историческая концепция морфологии культуры» и исследования истории Китая: Относительно историографии Лэй Хай-цзуна) // Шида лиши сюэбао. 1988, № 16; *Liu J.T.C.* The Neo-Traditional Period (ca. 800–1900) in Chinese History: A Note in Memory of the Late Professor Lei Hai-Tsung // JAS. 1964, № 1; Lei Hai-Tsung // Biographical Dictionary of Republican China. Vol. 2. N.Y., 1968.

В.М. Майоров

ЛЭЙ ШУ

類書

Лэй шу (букв. «книги [с распределением материала] по категориям/разрядам») — классифицированные антологии, своды, энциклопедии; особый тип изданий справочного характера, в к-рых материал (тексты или фрагменты текстов) расположен по классификационным разрядам (*лэй*). В отличие от европ. справочников (энциклопедий) в *лэй шу* не даются толкования отдельных понятий, а приводятся цитаты, фрагменты текстов или даже целиком небольшие произведения, в к-рых соответствующие слова употреблены. Можно говорить о двух видах *лэй шу*: 1) энциклопедические, или универсальные, содержавшие материалы по всем областям знаний (напр., «Тай-пин юй лань»), 2) тематические, или специальные, в к-рых собирался материал, посвященный одной теме (напр., чиновничьим должностям). Создавались исторические, литературные *лэй шу*, в к-рых представлены лит. тексты, распределенные по рубрикам. В словарных *лэй шу* приводились только фразы из текстов с употреблением данного знака (без объяснения значений), материал располагался либо по первому, либо по последнему иероглифу (напр., в «Пэй вэнь юнь фу»).



Т.о., *лэй шу* отличаются орг-цией материала, самостоятельно разрабатываемой составителем, с учетом тех задач, к-рые он перед собой ставил (но при этом он всегда ориентировался на свойственные офиц. доктрине представления об иерархии ценностей). Выборки из текстов произведений (в т.ч. и рукописных) позволяли увидеть понятие в контексте, познакомиться с его использованием или описанием авторами разных эпох. Тексты или комментарии от составителей в *лэй шу* практически отсутствуют.

Появление произведений типа *лэй шу* кит. ученые связывают со стремлением властей обеспечить знанием всех, стремившихся получить традиц. образование и принять участие в гос. экзаменах. У истоков стоят два офиц. труда:

«Хуан лань» («Императором просмотренное», 120 цз.), составленный Лю Шао и Ван Сяном по распоряжению правителя гос-ва Вэй Вэнь-ди (прав. 220–226), и «Сю вэнь дянь юйлань» («Высочайше одобренное [сочинение] „Палата совершенствования в литературном мастерстве“»; 360 цз.), подготовленный группой ученых во главе с Цзу Тином по указанию правителя гос-ва Сев. Ци (479–502). Фрагмент рукописи второго труда был найден в Дуньхуане (хранится в Париже).

Становление *лэй шу* приходится на периоды Тан (618–907) и Сун (960–1279), когда потребность в подобных трудах возросла, а набиравшее силы книгопечатание позволяло удовлетворить ее максимально полно. Характеризуя эту ситуацию, К.К. Флуг писал: «Наметившиеся стремления замещения прежнего целостного синтетич. комплекса начетнической учености механич. доступами к ней, а вместе с тем и более сложные требования, предъявлявшиеся к объему образования в смысле его разносторонности и широты, вызвали появление многочисл. изданий... обозначаемых обычно термином *лэй шу*».

Значительная часть созданных в этот период *лэй шу*, как и прежде, была ориентирована на людей, не получивших систематического классич. образования, но стремившихся приобщиться к ценностям культурной традиции. Эти труды в Китае называли *ту юань цэ цзы* («книги для деревенщины», «книги для малограмотных»). Но одновременно появляются и иные *лэй шу* — фундамент. справочники универсального характера, подготовленные придворными учеными по спец. распоряжению императора и рассчитанные на высокообразованного читателя.

Одним из первых произведений подобного рода стал труд танского ученого Оуян Сюня (557–641) «И вэнь лэй цзюй» («Собрание литературы, классифицированное по разрядам», 100 цз.). Но наиб. заметным событием в истории *лэй шу* стало создание «Четырех великих книг [эпохи] Сун» («Сун цзуань сы бу да шу») учеными империи Сун: «Тай-пин юй лань» («Отобранное императором в годы Тай-пин», 1000 цз.), «Тай-пин гуан цзи» («Наиболее известные сочинения годов Тай-пин», 500 цз.), «Вэнь юань ин хуа» («Цветы мира словесности», 1000 цз.) и **«Цэ фу юань гуй»** («Зерцало императорской библиотеки», «Исходное/магическое отражение [августейшего] книгохранилища», 1000 цз.). Эти 4 огромных труда общим объемом 3500 цз. были подготовлены практически одновременно вскоре после прихода к власти дин. Сун; над тремя из них работала одна и та же группа ученых.

Каждая новая династия стремится продолжить это масштабное дело, начатое сунскими правителями. *Лэй шу* становятся неотъемлемой частью офиц. культуры императорского Китая. Юаньские императоры позаботились о создании «Цзин ши да дянь» («Классические произведения о делах правления»; соч. не сохранилось). В нач. XV в. по распоряжению только что вступившего на трон минского имп. Чжу Ди (прав. под девизом Юн-лэ в 1403–1424) был создан самый большой свод: **«Юн-лэ да дянь»** («Важнейшие сочинения периода правления Юн-лэ»; 360 млн. иероглифов, 22 877 цз. осн. текста и 60 цз. оглавления; сохранились лишь фрагменты текста). А в империи Цин в 1-й пол. XVIII в. была составлена *лэй шу* **«Гуцзинь тушу цзичэн»** («Полное собрание книг древности и современности»; 160 млн. иероглифов, 10 тыс. цз. осн. текста и 40 цз. оглавления). Это самое объемное из сохранившихся произведений данного вида и, как считают в Китае, самая большая энциклопедия в мире. Тогда же по спец. распоряжению имп. Шэн-цзу (прав. под девизом **Кан-си** в 1662–1722) придворные ученые создали еще один фундамент. труд подобного рода — «Пэй вэнь юнь фу» («Сокровищница рифм с приложением текстов»; завершен в 1711, объем 106 цз., 550 тыс. слов и словосочетаний).

С развитием кит. города во 2-й пол. XVI — нач. XVII в. стали издавать *лэй шу*, содержавшие необходимые для горожан сведения. Это «Жи юэ лэй шу» («*Лэй шу* на каждый день»), «Вань ши бу цю жэнь» («Обо всем без чужой помощи») и др. За неск. десятилетий было создано ок. 30 таких справочников. В 1727 У Сян подготовил «Цзы Ши цзин хуа» («Избранное из разделов *Цзы* и *Ши*», 160 цз.), где собрал наиб. важные материалы из соч. мыслителей (*цзы* [*3*]) и историков (*ши* [*9*]).

С концом монархии в Китае составление *лэй шу* прекратилось. В течение почти 20 веков было создано более 1000 *лэй шу*, до наших дней сохранилось неск. сотен. Построенные на материалах, отобранных из памятников прошлых эпох, *лэй шу* стали своеобр. аккумуляторами и хранителями этих текстов. Постепенно они превратились в первоисточник малоизвестных или утраченных текстов и стали важным фактором сохранения культурной традиции и обеспечения ее преемственности. *Лэй шу* содержат огромную информацию о самых различных аспектах жизни старого Китая и его культуре. И поныне в Китае *лэй шу* считают энциклопедиями и лучшие из них рассматривают как нац. достояние. Велика роль *лэй шу* и в становлении заруб. китаеведения, они значительно облегчили процесс изучения кит. цивилизации.

** *Меньшиков Л.Н.* Фрагмент неизвестной *лэйшу* из Дуньхуана // Краткие сообщения Института народов Азии. № 69. М., 1965, с. 77–98; *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., 1959, с. 148–153; *Се Го-чжэнь.* Шиляосюэ (Очерки источниковедения). Фучжоу, 1985, с. 250–255; *Фэн Эр-кан.* Цин ши шиляосюэ (Источниковедение истории Цин). Шэньян, 2004, с. 309–316.

Б.Г. Доронин

ЛЮ ДА-НЯНЬ

劉大年

Лю Да-нянь. 08.08.1915, Хуажун пров. Хунань, — 28.12.1999, Пекин. Известный историк, пред. Ассоциации кит. историков, директор Ин-та новой истории АН Китая.

Род. в небогатой семье сельского интеллигента. С 1929 по 1931 участвовал в революц. движении в советском р-не в зап. части провинций Хунань и Хубэй, был одним из руководителей отрядов «молодой гвардии». После занятия советского р-на карателями, с трудом избежав ареста, вернулся на родину, где продолжал учебу. В 1936 поступил в спец. гос. училище в г. Чанша.

С началом Войны сопротивления Японии направился в 1938 в Особый район на севере пров. Шэньси, где поступил в Кит. народный антияпонский военно-полит. ун-т (кит. сокр. *Канда*). В том же году вступил в КПК. После окончания ун-та в 1939 работал в частях 8-й полевой армии, а затем в Освобожденных р-нах на севере и юге пров. Хэбэй, занимал различные руководящие посты на курсах по подготовке кадров, а также вел преподавательскую и пропагандистскую работу в войсках и среди населения.

После победы над Японией занимал ответств. должности в ряде высших учеб. заведений в Освобожденных р-нах Сев. Китая, был деканом ист. ф-та Северокитайского ун-та (*Хуабэй дасюэ*), руководил науч.-исслед. отделом истории.

После образования КНР в 1949 был зам. руководителя ред.-изд. отдела АН, ученым секретарем, гл. редактором «Вестника Академии», зам. директора Ин-та новой истории, членом рук-ва Отделения филос. и общественных наук АН. В 1950 стал членом парт. ячейки в АН. С 1958 руководил работой Ин-та новой истории Китая АН, был пред. Ассоциации кит. историков и зам. пред. Об-ва по изучению наследия **Сунь Ят-сена**. В период **«культурной революции»** Лю Да-нянь был обвинен в том, что «следовал по капиталистич. пути», и фактически отстранен от работы. Лишь в 1978 был восстановлен в АН и назначен директором Ин-та новой истории, проф. Ин-та аспирантуры АОН КНР, руководил подготовкой докторов наук. В 1982 по возрасту «перешел на вторую линию» и стал почетным директором Ин-та новой истории, этот пост занимал до самой кончины. Когда в 1980 в КНР после «культурной революции» была восстановлена Ассоциация кит. историков, дважды избирался ее председателем, был зам. пред. Об-ва по изучению наследия Сунь Ят-сена и пред. Об-ва по изучению истории антияп. войны Китая. В марте 1999 Лю Да-нянь на заседании Отделения истории, а затем на общем собрании Рос. академии наук был избран иностр. членом РАН. Это был второй, после **Го Мо-жо**, кит. историк, избранный иностр. членом РАН.

В период антияп. войны Лю Да-нянь читал курсы по истории развития об-ва и революц. движения в Китае. В 1947 приступил к исследованиям истории

кит.-амер. отношений. В 1949 появляются его первые науч. публикации, в августе-октябре в газ. «Жэньминь жибао» печатаются его статьи об амер. агрессии против Китая, изданные затем отд. книгой. Ее расширенный вариант выдержал два издания в КНР (1951 и 1954); переводы этой книги, вышедшие в Советском Союзе, КНДР, Чехословакии и ГДР, вызвали широкий отклик науч. общественности. В БСЭ (1953) о ней упоминалось в ст. «Китай».

Исследования Лю Да-няня по истории Китая нашли отражение в ряде науч. публикаций. Совместно с Дин Мин-нанем и Юй Шэн-у был издан «Очерк истории Тайваня», в 1965 — сб. статей «Вопросы новой истории Китая» (переизд. 1978), куда вошли его работы 50–60-х гг. В 1981 опубликована кн. «Записи разговоров об истории у Красных ворот», посвященная различным аспектам Синьхайской революции 1911–1912, в 1987 — «Сборник избранных статей по истории», в 1996 — кн. «Эпоха Войны сопротивления Японии».

Много времени и сил Лю Да-нянь отдавал ред. работе. Он был гл. редактором т. 4 «Чжунго шигао» («Очерки истории Китая»), 1, 2 и 3-го вып. «Чжунго цзиньдай шигао» («Очерки новой истории Китая»), вышедших в Пекине в 1978 и 1984.

Изданная в 1997 кн. «Чжунго фусин шуню — канжи чжань чжэнды банянь» («Поворотный момент в возрождении Китая — восьмилетняя Война сопротивления Японии») являлась частью, выходившей под ред. Лю Да-няня «Библиотеки по истории антияпонской войны».

За месяц до своей кончины Лю Да-нянь завершил работу об изучении классических конф. канонов в новое время, к-рой открывается его сб. статей по истории династий Мин и Цин.

Особое внимание Лю Да-нянь уделял новой истории Китая и теоретич. вопросам ист. науки. Он делил историю страны 1840–1919 на три периода: 1) от «опиумных» войн до поражения тайпинского восстания; 2) от 1864 до переворота года *у-сюй* и поражения движения *ихэтуаней*; 3) с 1901 до начала «движения 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*). Он считал, что в науч. работе следует руководствоваться марксизмом, что объект ист. исследования — это классы об-ва и классовая борьба. Исходя из этого, он искал закономерности самого движения истории.

Лю Да-нянь уделял также внимание проблемам экономич. и общественного развития Китая и других стран Востока, вступивших на путь модернизации. Пытался показать пагубность слепого следования заруб. моделям развития, т.н. «вестернизации», подчеркивая важность учета нац. особенностей и традиций.

В своем обращении к читателям рус. издания его трудов Лю Да-нянь писал: «Горы и воды связывают Китай и Советский Союз, и не стоит лишний раз напоминать о том, что культурный и научный обмен между нашими двумя странами уходит корнями в глубину веков... Контакты и сотрудничество в области культуры и науки отличаются от таковых в сфере экономики. Обмен в экономич. области предполагает материальный эффект, здесь желателен по возможности немедленный и ощутимый результат. Научный же обмен, даже очень серьезный, несет в себе лишь определенную надежду на эффект, польза от к-рого неизмерима... Нам следует распахнуть окна и двери, дать доступ свежему воздуху, чтобы познать историю, познать мир и соединить концепции, мысли и чувства всех народов. Может быть, в этом и заключается реальная ценность научного и культурного обмена и отличие их от результатов сотрудничества в сфере экономики».

***** *Лю Да-нянь* (гл. ред.). Чжунго шигао (Очерки истории Китая). Пекин, 1962; *он же.* Чжунго цзиньдай ши чжу вэньти (Основные вопросы новой и новейшей истории: Сб. статей). Пекин, 1965; *он же* (ред.). Чжунго цзиньдай шигао (Очерки новой истории Китая): В 3 т. Пекин, 1978–1984. Совм. с др.; *он же.* Чимэнь таньши лу (Записи разговоров об истории у Красных ворот). Пекин, 1981; Лю Да-нянь шисюэ луньвэнь сюаньцзи (Избр. статьи Лю Да-няня по проблемам исторической науки). Пекин, 1987; *он же* (ред. и авт. послесл.). Сунь Чжун-шань

шусинь шоу цзи сюань (Избр. автографы писем Сунь Ят-сена): В 2 т. Пекин, 1986; *он же.* Мин Цин луньцзи (Сб. статей о династиях Мин и Цин). Пекин, 1999; *он же.* История американской агрессии в Китае. М., 1951; *он же.* О Канси // Историческая наука в КНР. М., 1971, с. 261–279; 2-е изд. 1981, с. 308–330; *он же.* О путях развития Китая // ПДВ. 1988, № 1, с. 146–154; *он же.* Избранные статьи по проблемам исторической науки / Сост. и авт. предисл. Л.С. Переломов. М., 1992; *он же.* Там горы высоки, там вдаль бежит вода: Поздравление старому другу акад. С.Л. Тихвинскому // Востоковедение и мировая культура. М., 1998, с. 18–27. ** *Тихвинский С.Л.* Памяти проф. Лю Да-няня — коллеги и друга // ПДВ. 2000, № 2, с. 154–158; *Лю Лу.* Лю Да-нянь и Го Мо-жо (Лю Да-нянь вспоминает Го Мо-жо) // Байнянь чао. 1998, № 4, с. 58–65.

В.Н. Усов

ЛЮЙ СЫ-МЯНЬ

呂思勉

Люй Сы-мянь, Люй Чэн-чжи. 27.02.1884, Уцзинь уезда Янху преф. Чанчжоу (ныне г. Чанчжоу) пров. Цзянсу, — 09.10.1957, Шанхай. Историк, литературовед. С 1905 занимался преподаванием и исследованием кит. истории и лит-ры. Работал в Сучжоуском ун-те Дунъу, Чанчжоуской средней школе, а также в др. средних и высших учеб. заведениях Восточного и Сев.-Вост. Китая. С 1926 преподаватель филологии, а затем проф. и декан ист. ф-та ун-та Гуанхуа. Работал также редактором изд-в «Чжунхуа шуцзюй» и «Шанъу иньшугуань». С 1949 проф. ист. ф-та Восточнокитайского пед. ун-та.

В печатном наследии Люй Сы-мяня осн. место занимают работы по общей истории и истории отдельных династий древнего и ср.-век. Китая III в. до н.э. — X в. н.э. Большой известностью пользуется его «История Китая на *байхуа*» («Байхуа бэньго ши», 1923), в к-рой впервые история страны была изложена на яз. **байхуа** (см. т. 3). Во 2-й пол. 20-х — нач. 30-х вышло неск. работ Люй Сы-мяня по истории др.-кит. философии и **неоконфуцианству** (см. т. 1), истории лит-ры периода Сун (X–XIII вв.), истории кит. письменности. В кн. «История национальностей Китая» («Чжунго миньцзу ши», 1934) история страны рассматривается как процесс взаимодействия разных народов Китая. Свои подходы к ист. исследованию Люй Сы-мянь обобщил в труде «Метод исторических исследований» («Лиши яньцзю фа», 1945). Ряд работ он посвятил гос. строю, формам правления, родовому строю и ин-ту брака в Китае. В трудах по истории отдельных династий Люй Сы-мянь сочетал принципы общеист. и тематич. описаний материала. Как правило, первая часть таких трудов посвящена событиям полит. жизни династии и весьма напоминает жанр **цзи ши бэнь мо** («записи событий от начала до конца») традиц. историографии, к-рый содержит пространные описания к.-л. событий династийного периода, а вторая часть — это очерки истории об-ва, экономики, полит. ин-тов, культуры, науки и т.д.

* *Люй Сы-мянь.* Байхуа бэньго ши (История Китая на *байхуа*). Шанхай, 1923, 1990, 2005; *он же.* Чжунго миньцзу ши (История национальностей Китая), Шанхай, 1934, 1987; *он же.* Лиши яньцзю фа (Метод исторических исследований). Шанхай, 1945; Люй Сы-мянь души чжацзи (Записки Люй Сы-мяня по изучению истории). Шанхай, 1982; Люй Сы-мянь ивэнь цзи (Посмертный сборник соч. Люй Сы-мяня). Ч. 1. Шанхай, 1997. ** *Чжан Гэн-хуа.* Люй Сы-мянь: шисюэ даши (Люй Сы-мянь: Корифей исторической науки). Шанхай, 2000; *Юй Чжэньцзи.* Хаолу вэньсюэ цзи: Люй Сы-мянь шэнпин юй сюэшу шэнхо (Записки из хижины об учении: Биография и научная жизнь Люй Сы-мяня). Пекин, 1996.

В.М. Майоров

ЛЮЙ ЧЖЭНЬ-ЮЙ

呂振羽

Люй Чжэнь-юй, Люй Лю-ган, Люй Син жэнь. 28.01.1900, Цзиньчэн уезда Уган (ныне г. Шаоян) пров. Хунань, — 17.07.1980, Пекин. Историк, педагог, гос. и парт. деятель. Род. в крестьянской семье. В 1921 поступил в Хунаньское высшее промышленное училище, к-рое окончил в 1926. Принимал активное участие в революц. деятельности, участвовал в Северном походе против милитаристов. В 1928 выехал в Японию для изучения политэкономии, но из-за недостатка средств вернулся в Китай. Занимался ред. работой в журналах Пекина. В 1933 приступил к преподаванию в Кит. ун-те, ун-те Чаоян, читал лекции по истории кит. экономики. В 1935 принимал участие в переговорах по подготовке сотрудничества между Гоминьданом и КПК, с 1936 — чл. КПК. В 1937–1941, выполняя различную работу по заданию КПК, преподавал в учеб. заведениях Хунани и Чунцина. С 1941 читал лекции в партшколе Северо-Сучжоуской антияпонской опорной базы. В 1942 прибыл в Яньань в качестве секретаря **Лю Шао-ци**. В 1948 — ректор Даляньского ун-та. После провозглашения КНР находился на партийной и гос. работе, был ректором Даляньского и Северо-Восточного народного ун-тов. С 1955 — акад. АН Китая. С 1963 удерживался в заключении под следствием, а с 1967 — официально в тюрьме как сторонник Лю Шао-ци. Реабилитирован и освобожден из заключения в 1975 по распоряжению **Дэн Сяо-пина**.

Люй Чжэнь-юй известен работами по истории экономики, общей истории, истории полит. мысли и истории народов Китая. Вместе с **Го Мо-жо** и др. является основателем марксистской ист. науки в Китае. В 1930-х принимал активное участие в дискуссиях по истории кит. об-ва и азиатскому способу производства. С позиций ист. материализма анализировал эволюцию кит. об-ва древнего периода, показывал наличие в нем черт перехода от матриархата к патриархату. Основываясь на результатах археологич. раскопок, утверждал, что кит. об-во периода Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.) было рабовладельческим. По его мнению, к III в. до н.э. в Китае уже господствовал феодализм, а его зарождение относится ко времени Зап. Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.). Эта точка зрения нашла поддержку среди большинства кит. историков. В монографии «История политической мысли Китая» («Чжунго чжэнчжи сысян ши», 1937) Люй Чжэнь-юй рассматривал развитие философии и полит. мысли в Китае в терминах классовой борьбы. Критика трактовки проблемы азиатского способа производства яп. учеными и их концепции «застойности» кит. об-ва содержалась в его кн. «Проблемы истории китайского общества» («Чжунго шэхуй ши чжу вэньти», 1939). Люй Чжэнь-юй впервые среди кит. ученых-марксистов опубликовал работу по общей истории Китая — «Краткая общая история Китая» («Цзяньмин Чжунго тунши»), т. 1 вышел в 1941. Вместе с **Фань Вэнь-ланем** считается основателем совр. жанра общеисторических исследований. Его монография «Краткая история народов Китая» («Чжунго миньцзу цзяньши»), написанная накануне образования КНР, содержала критику великоханьского шовинизма и разрушала многие традиц. стереотипы.

***** *Люй Чжэнь-юй.* Чжунго чжэнчжи сысян ши (История политической мысли Китая). Шанхай, 1937; *он же.* Цзяньмин Чжунго тунши (Краткая общая история Китая). Т. 1. Гонконг, 1941; *он же.* Чжунго шэхуй ши чжу вэньти (Проблемы истории китайского общества). Шанхай, 1942; *он же.* Цзяньмин Чжунго тунши (Краткая общая история Китая): В 2 т. Далянь, 1948; *он же.* Чжунго миньцзу цзяньши (Краткая история народов Китая). Пекин, 1950; *он же.* Шицяньци Чжунго шэхуй яньцзю (Исследование доисторического китайского общества). Шанхай, 1961; *он же.* Инь Чжоу шидай ды Чжунго шэхуй (Китайское общество эпохи Инь-Чжоу). Шанхай, 1962; Люй Чжэнь-юй шилунь сюаньцзи (Избр. работы Люй Чжэнь-юя по истории). Шанхай, 1981; Люй Чжэнь-юй цзи (Собр. соч. Люй Чжэнь-юя). Пекин, 2001. ****** *Цзян Да-чунь.* Люй Чжэнь-юй шисюэ ды чуанцзаосин гунсянь (Творческий вклад Люй Чжэнь-юя в историческую науку) // Сянтань дасюэ сюэбао, 1997, № 2; *Чжу Чжэнхуй.* Люй Чжэнь-юй сюэшу сысян пинчжуань (Критическое описание научной мысли Люй Чжэнь-юя). Пекин, 2000.

В.М. Майоров

ЛЮ ЦЗАН

六藏

Лю цзан — «шесть присвоений». Все многообразие преступлений против имущества в традиц. кит. праве было сведено к шести видам присвоений. Даже если совершалось имуществ. преступление, к-рое не могло быть точно охарактеризовано как одно из присвоений (напр., случайное нанесение ущерба), наказание следовало согласно стоимости пропавшего либо испорченного имущества определять по нормам, предусмотренным в законе для того вида присвоения, с к-рым закон данное преступление ассоциировал, а затем увеличивать или уменьшать на означенное в соответств. статье Кодекса кол-во степеней (*дэн*; см. **У син**). Напр., с уменьшением на то или иное кол-во степеней относительно незаконного присвоения имущества определялось наказание, если чье-то имущество пострадало вследствие неисправных или плохо починенных водозащитных сооружений или если кто-либо, выжигая поля, ненароком пустил огонь на имущество соседа.

Термин «присвоение» (*цзан*) чрезвычайно емок. В самом общем плане он означает некое действие, в результате к-рого к.-л. имущество оказалось не там, не в тех руках, где ему надлежало бы пребывать в данный момент, если бы его движение было правильным, законным и естественным. Поэтому в тех случаях, когда виновник «неправильного» движения имущества и его новый «неправильный» владелец не совпадали, наказывался зачастую не столько этот новый владелец, сколько виновник «неправильного» движения. Напр., когда в уезде или округе происходило неправильное взимание налога — больше или меньше нормы, разница между нормой и реальным сбором рассматривалась как присвоение, и наказание согласно величине этого присвоения получал виновный администратор. Причем приговор определялся т.о. вне зависимости от того, осталась ли эта разница у земледельцев или ушла по ошибке казну. Разумеется, если виновный чиновник брал этот излишек себе, он наказывался по нормам другого из «шести присвоений», уже не ошибочного и бескорыстного, а преступного и корыстного.

Конкретное наказание определялось, во-первых, соответственно ситуации, в к-рой (вернее, благодаря к-рой) совершилось «неправильное» движение собственности, и, во-вторых, соответственно величине присвоенного. Единицами измерения величины, или стоимости, присвоения служили штуки (*пи*) шелка (1244 × 55,98 см) или отрезки (*чи* [*Л*]) стандартного рулона шелка длиной в 31 см, если присвоение было небольшим.

В танском праве (см. **«Тан люй шу и»**) в зависимости от способа хищения были выделены след. шесть видов присвоений: 1) грабеж (*цян дао*) — хищение имущества с применением запугивания или силы; 2) кража (*це дао*) — тайное, скрытное взятие имущества; 3) получение взятки с нарушением закона (*шоу цай ван фа*) — взятка, получив к-рую чиновник исказил (нарушил) закон в пользу взяткодателя; 4) получение взятки без нарушения закона (*шоу цай бу ван фа*) — взятка, к-рая была получена, но закон в пользу взяткодателя не был искажен; 5) получение имущества в сфере полномочий (*шоу со цзянь линь цай у*) — присвоение подведомственного имущества в пользование не в качестве взятки; 6) незаконное присвоение (*цзо цзан*) — получение имущества неполномочным чиновником в процессе ведения служебных дел. Симптоматично, что из шести видов присвоений четыре (с третьего по шестой) касались специально и почти исключительно действий чиновников.

В зависимости от вида присвоения весьма широко варьировались наказания за присвоение одной и той же стоимости. С целью установления точного соответствия величины присвоения и тяжести наказания в «Тан люй шу и» был разработан интересный механизм.

Для каждого вида присвоений, во-первых, устанавливались миним. стоимость (присвоение меньшей стоимости приравнивалось к «безрезультатной попытке», наказуемой отнюдь не при всяком присвоении) и соответствующее ей миним. наказание — их можно назвать исходными величинами.

Во-вторых, задавалась нек-рая величина, при возрастании на к-рую стоимости присвоения увеличивалось наказание на одну степень — ее можно назвать разностью, используя термин, применяемый в математике для обозначения

численной разницы между любыми двумя соседними членами арифметич. прогрессии. Так выстраивались, скажем, две параллельные последовательности типа: 1 *пи* — 1 год каторги (*му* [*4*]), 2 *пи* — 1,5 года каторги, 3 *пи* — 2 года каторги и т. д. (разность здесь — 1 *пи*). Это означало, что присвоение любой стоимости в интервале от 1 до 2 *пи* наказывалось годом каторги, в интервале от 2 до 3 *пи* — полутора годами и т. д.

В-третьих, при нек-рых видах присвоений численные последовательности были разбиты на неск. областей, каждая из к-рых имела свои исходные величины и свою разность, — эти области можно назвать фазами.

Наконец, всем фазам задавались верхние границы, по достижении к-рых дальнейшее увеличение стоимости присвоения не влекло дальнейшего увеличения тяжести наказания (у промежуточных фаз ограничение действовало до того момента, когда величина присвоения и, соответственно, полагающееся при этой величине наказание достигали исходных величин след. фазы). Для каждого вида присвоения эти параметры задавались отдельно. Фиксирование верхней границы имело важную теоретич. подоплеку. Преступная воля должна была соответствовать наказанию, уровень испорченности преступника — мощности ответного воздействия на него, поэтому меньшая преступная воля не могла подвергнуться наказанию, сопоставимому с наказанием большей преступной воли, даже если кол-во подвергшихся воздействию этой меньшей воли объектов было тем же, что и кол-во объектов, подвергшихся воздействию качественно большей преступной воли. Поэтому, напр., сколь бы ни была большой величина присвоения, оцениваемого как незаконное (*цзо цзан*), наказание не могло превысить 3 лет каторги, тогда как уже при стоимости присвоения в 10 *пи*, если присвоение квалифицировалось как грабеж (*цян дао*), полагалось удавление (*цзяо*).

Т.о., определение степени виновности при имуществ. преступлениях распадалось на два этапа. На первом проводился качеств. анализ — определение способа/вида присвоения и, следовательно, уровня преступных намерений, преступной воли подсудимого. На втором этапе вводилась количеств. характеристика — стоимость присвоенного.

Вне системы *лю цзан* оставались лишь преступления, связанные с хищением предметов, выполнявших специфические, экстраординарные функции и ценность к-рых не могла быть исчерпана их материальной стоимостью. Случаи хищения таких предметов рассматривались в Танском кодексе особо, и для каждой ситуации назначались конкретные меры наказания. Это относилось, напр., к императорским печатям (ссылка на 2500 *ли*), предметам, поднесенным духам во время жертвоприношений (ссылка на 2500 *ли*, если предмет уже поднесен духам и те пребывают на нем, 2 года каторги, если предмет лишь предназначен к поднесению либо уже был поднесен и использован духами, и жертвоприношение завершилось) и пр.

* Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 7, 138, 140, 270, 271, 281, 282, 389. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ; Т. 775–780); Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цз. 9–16. СПб., 2001, с. 89–97; то же. Цз. 17–25. СПб., 2005, с. 68–74, 91–95; The T'ang Code. Vol. 2: Specific Articles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1997, p. 108–110, 278–280, 290–293, 456–457. ** *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М., 1986; Танское законодательство о преступлениях против имущества / Пер. с кит., вступ. и коммент. В.М. Рыбакова. Ч. 1 // НАА. 1985, № 6, с. 96–104; то же. (доп.). Ч. 1–2 // ПВ. 1992, вып. 1, с. 185–223.

В.М. Рыбаков

Лю Цзун-чжоу *см.* т. 1

ЛЮ ЧЖИ-ЦЗИ

劉知幾

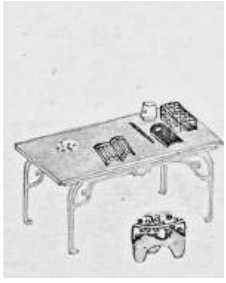
Лю Чжи-цзи, Лю Цзы-сюань. 661, Пэнчэн (совр. Туншань, пров. Цзянсу), — 721, Аньчжоу (совр. Аньлу, пров. Хубэй). Историк, каноновед, филолог, литератор. Выходец из семьи потомственной интеллект. элиты. Один из наиб. образованных и эрудированных людей своего времени. В 20 лет получил звание *цзинь ши*. С юности проявлял особый интерес к изучению истории. Служебную карьеру начал архивариусом в управе одного из хэнаньских уездов, затем, после неск. лет пребывания на невысоких периферийных должностях, занимал различные посты в центр. структурах гос. историописания, в т.ч. старшего («левого») хрониста (*цзо ши*), а также в дворцовом архиво- и книгохранилище. В 699–701 с группой коллег «по августейшему повелению» составил получивший назв. «Сань цзяо чжу ин» («Лучшие из жемчужин трех учений») печатный каталог конф., даос. и буд. книг из дворцовой библиотеки. Начиная с 702 вел «подневные записи речений и деяний [при дворе]» (**ци цзюй чжу**), участвовал в подготовке «историй царствований» (*го ши*), а также «записей событий» (**ши лу**) за время правления танских императоров Гао-цзуна (650–683), Чжун-цзуна (684, 705–710), Жуй-цзуна (684, 710–712) и императрицы **У Цзэ-тянь** (684–705) и на этой основе — охватившей первое столетие царствования дин. Тан — «Тан шу» («Книга об [истории династии] Тан») объемом 80 цз. Параллельно занимался генеалогией своей фамилии и написал «Лю ши цзя ши» («История рода Лю») и «Лю ши пу као» («Генеалогия рода Лю и суждения о ней»), а в 712–713 принял участие в составлении «Син цзу си лу» («Генеалогический реестр именитых родов»).

Мировоззрение Лю Чжи-цзи отмечено эклектичностью: хотя в его основе — конф. принципы (преимущественно в интерпретации **Мэн-цзы**, ок. 372–289 до н.э.; см. т. 1), дало себя знать воздействие **даосизма** и еще больше — **буддизма** (см. т. 1), а также рационально-критических подходов в рамках этих составляющих. Не был сторонником учения о пяти элементах (**у син**; см. т. 1) как мирописательной системы.

Из памятников конф. мысли внимание Лю Чжи-цзи привлек **«Сяо цзин»** («Канон сыновнего благочестия»; см. т. 1), а из даос. канонов — основополагающий **«Дао дэ цзин»** («Канон пути и благодати»; см. т. 1); им он посвятил спец. опусы, поставив под вопрос аутентичность комментариев к ним соответственно Чжэн Сюаня (127–200) и Хэ-шан-гуна (II в. до н.э.).

Все его указанные ист. произведения, а также содержавшее литературно-художественные творения Лю Чжи-цзи «Лю Цзы-сюань цзи» («Собрание сочинений Лю Цзы-сюаня») давно утрачены, не считая нек-рых фрагментов из них, вошедших в «Цюань Тан вэнь» («Полный свод танской прозы»), «Цюань Тан ши» («Полный свод танской поэзии») и «Тан хуй яо» («Изборник важнейших материалов [династии] Тан»). Сохранилось, и то не в полном объеме, лишь соч. «Ши тун» («Проникновение в историю») — главное детище Лю Чжи-цзи — историка.

Он отличался острокритическим подходом как к общим проблемам и конкретным реалиям тогдашней полит. жизни страны (свидетельство этому, напр., составленное им в 695 послание трону о «нынешних благих и оплошных делах в управлении», нек-рые поэтич. творения), так и в историописании, философии, др. сферах духовной деятельности. Весьма отчетливо и подчас в чрезмерно полемич. форме такой подход проявлен в соч. «Ши тун», напр., в главах «И гу» («Сомнения относительно былого») и «Хо цзин» («Сомнения относительно канонов»).



Болезненно реагируя на изъяны и упущения в функционировании служб гос. историописания и вместе с тем осознавая, что его собств. способности и возможности рук-во этих служб недооценивает и не использует в должной мере, Лю Чжи-цзи в 708 подал прошение об отставке. Отставка не была принята: «верхи» учли заслуги и дарования Лю Чжи-цзи, и он продолжил деятельность в качестве придворного историка (одновременно завершая «Ши тун»). Тем не менее в 721 порожденная одним неосмотрительным высказыванием Лю Чжи-цзи коллизия обернулась для него высылкой из столицы (с понижением в должности и ранге) в Аньчжоу, где он вскоре и скончался.

* *Лю Чжи-цзи*. Ши тун (Проникновение в историю). Пекин, 1978; Цзю Тан шу (Старая история Тан). Цз. 102; Синь Тан шу (Новая история Тан). Цз. 132. ** *Фу Чжэн-лунь*. Лю Чжи-цзи нянь пу (Погодные записи ЛюЧжи-цзи). Пекин, 1963; *Су Юань-лэй*. Лю Чжи-цзи // Чжунго шисюэцзя пин чжуань (Аналитические жизнеописания китайских историков). Т. 1 / Под ред. Чэнь Цин-цюаня и др. Чжунчжоу. 1985.

Г.Я. Смолин

ЛЮ ШАО-ЦИ

劉少奇

Лю Шао-ци, Лю Шао-сюань, Лю Вэй-хуан, Лю Цзо-хуан, Тао Шан-син, Ху Фу, Лю Сян, С.J., С.Т. 24.11.1898, уезд Нинсян пров. Хунань, — 12.11.1969, Кайфэн. Гос. деятель, один из руководителей КПК, Председатель КНР в 1959–1968. Был репрессирован во время **«культурной революции»**.

Род. в крестьянской семье, был младшим ребенком. Учился в частной домашней школе в своей деревне. В 1919 окончил среднюю школу г. Чанша. Принимал участие в патриотич. «движении 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*). Под влиянием популярной в те годы среди кит. учащейся молодежи кампании «ехать работать и учиться за границу» также решил отправиться за рубеж. Для изучения франц. языка поступил в одну из школ г. Баодин, неподалеку от Пекина, но, не окончив ее, в 1920 уехал в Шанхай. Там он вступил в Социалистич. союз молодежи Китая (ССМК), затем поступил на курсы рус. яз., организованные для чл. ССМК, к-рые выразили желание учиться в Советской России. В 1921 Лю Шао-ци выехал на учебу в Москву. Был зачислен в Коммунистич. ун-т трудящихся Востока (КУТВ). В Москве в 1921 вступил в КПК. Весной 1922 Лю Шао-ци покинул КУТВ и вернулся на родину, где нек-рое время работал вместе с **Ли Ли-санем** во Всекит. секретариате профсоюзов, созданном КПК. В сент. 1922 партия направила его на Аньюаньские угольные копи, расположенные недалеко от г. Пинсян на границе провинций Цзянси и Хунань. Там он участвовал в орг-ции стачечной борьбы, создании профсоюза, рабочего клуба, к-рым затем и заведовал. На II Всекит. съезде профсоюзов в мае 1925 Лю Шао-ци был избран зам. пред. Всекит. федерации профсоюзов (ВФП). Несколько позднее руководил рабочим движением в Шанхае, Гуанчжоу и Ухани. В Ухани в результате забастовок рабочие добились значительного повышения зарплаты и улучшения условий труда, особенно на иностр. предприятиях. 3 янв. 1927 отряды рабочих, возглавляемые Лю Шао-ци, заняли англ. концессию и добились возвращения ее кит. народу. На V съезде КПК, проходившем в Ухани весной 1927, Лю Шао-ци избрали чл. ЦК КПК. В годы гоминьдановского террора, последовавшие за поражением кит. революции в 1927, по указанию партии он перешел на подпольную работу, руководил рабочим и профсоюзным движением сначала в Шанхае, затем в 1928 в Тяньцзине, Дунбэе и Сев. Китае. На VI съезде КПК (к-рый проходил под Москвой в 1928) Лю Шао-ци был заочно избран чл. Центр. ревизионной комиссии. В июле 1929 парт. рук-во направило его на работу в Маньчжурию в качестве секретаря Маньчж. провинциального комитета КПК. В авг. 1930 он участвовал в работе V конгресса Профинтерна в Москве (в качестве руководителя кит. делегации), был избран в состав Президиума конгресса, а также чл. Исполнительного бюро Профинтерна. В 1931 на IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва избран чл. ЦК и Политбюро ЦК КПК. Затем Лю Шао-ци возглавил отдел профдвижения ЦК КПК и стал секретарем парт. фракции ВФП.

В кон. 1932 Лю Шао-ци прибыл в Центр. советский район, где возглавил Бюро ВФП, а затем работал в качестве секретаря Фуцзяньского провинц. комитета КПК. Он также входил в состав ЦИК Кит. Советской Республики.

Во время Великого похода Красной армии Китая Лю Шао-ци представлял ЦК КПК в 8-м и 5-м корпусах, занимал пост начальника политотдела в 3-м корпусе. В янв. 1935 на совещании в Цзуньи поддержал **Мао Цзэ-дуна**.

В марте 1936 ЦК КПК направил Лю Шао-ци на подпольную работу в Тяньцзинь секретарем Северокит. бюро ЦК КПК. В апр. 1936 он написал статью о состоянии рабочего движения в «белых» (т.е. гоминьдановских) р-нах, где отмечал слабое влияние КПК на рабочих в крупных городах и пром. центрах.

乙

В это время в Сев. Китае развернулось патриотич. «движение 9 декабря» (*и эр цзю юньдун*), превратившееся во всекит. движение за отпор яп. агрессии и спасение Китая. Коммунисты и комсомольцы были активными участниками и организаторами этого движения. В авг. 1937 стали создаваться первые партизанские отряды и отряды самообороны в яп. тылу в Сев. Китае (в провинциях Хэбэй, Чахар, Шаньси и Шаньдун). Их организаторами были прежде всего коммунисты. «На территории Сев. Китая, захваченной яп. империалистами, — писал Лю Шао-ци, — бороться с врагом хотят не только коммунисты, но и члены других партий и групп, нар. массы. В этой ситуации компартия Китая выступает за сплочение различных полит. сил на основе общей полит. платформы, т.е. единого нац. антияп. фронта».

Большую роль в активизации сопротивления яп. захватчикам сыграла деятельность кит. коммунистов в пров. Шаньси. При участии Лю Шао-ци была достигнута договоренность с губернатором Шаньси Янь Си-шанем о совместной борьбе против оккупантов. Ян Си-шань назначил нек-рых коммунистов на посты особоуполномоченных в специальных администр. р-нах Шаньси. В 60 из 105 уездов пров. Шаньси уездные пр-ва возглавляли коммунисты или сочувствующие им.

В качестве секретаря Северокит. бюро ЦК КПК Лю Шао-ци принимал участие в работе конференции парт. орг-ций Пограничного р-на Шэньси–Ганьсу–Нинся, состоявшейся в Яньани в мае 1937.

В тесном контакте с командованием 8-й армии Лю Шао-ци и возглавляемое им бюро ЦК КПК продолжали развивать партизанское движение в Сев. Китае и создавать там опорные базы и р-ны сопротивления Японии. Вместе с **Чжу Дэ**, **Пэн Дэ-хуаем** и **Чжоу Энь-лаем** Лю Шао-ци разрабатывал меры по осуществлению политики единого нац. антияп. фронта применительно к военно-полит. обстановке начального этапа антияп. войны.

16 окт. 1937 Лю Шао-ци опубликовал статью, посвященную проблемам партизанской войны в Сев. Китае («Основные полит. вопросы антияп. партизанской войны»). Гл. ее положения получили отражение в написанном им решении Сев. бюро ЦК КПК от 15 нояб. 1937. В статье отмечалось, что в общекит. масштабе гл. видом вооруженной борьбы против яп. агрессоров является регулярная война; в Сев. Китае из-за ошибок Гоминьдана, а также изъянов в подготовке войск вести регулярную войну не удалось. Поэтому гл. формой борьбы с яп. захватчиками становится партизанская война, к-рая потребует создания опорных баз с «подлинно народной антияп. властью».

5 февр. 1938 была издана брошюра Лю Шао-ци «Относительно полит. вопросов партизанской войны сопротивления Японии». В ней обобщен опыт ведения антияп. партизанской войны в Сев. Китае. Подчеркивая, что полит. проблемы были и остаются важнейшими в партизанской войне против Японии, Лю Шао-ци особо отмечал стратегич. значение партизанской войны в общей Войне сопротивления Японии. Для мобилизации и орг-ции населения Лю Шао-ци рекомендовал осуществлять мероприятия по улучшению жизни народа: снижать арендную плату и ссудный процент, сокращать рабочий день и увеличивать зарплату, пресекать взяточничество чиновников. Он подчеркивал, что такие мероприятия должны проводиться гибко, с учетом интересов различных слоев об-ва, не вызывать трений, вражды и обострения отношений. «Цель всей нашей политики состоит в том, — писал он в заключение, — чтобы в партизанской войне привлечь на свою сторону широкие народные массы и победить яп. захватчиков в затяжной войне».

Осенью 1938 Лю Шао-ци принял участие в работе VI пленума ЦК КПК, проходившего в Яньани, где выступил с докладом. В 1939 был назначен секретарем вновь созданного регионального бюро ЦК КПК Центр. равнины для рук-ва партизанской работой.

В янв. 1941, после нападения войск **Чан Кай-ши** на Новую 4-ю армию, он назначается политкомиссаром этой армии, секретарем бюро ЦК КПК по Центр. Китаю. Лю Шао-ци сыграл важную роль в укреплении и расширении Новой 4-й армии, а также в создании в тылу врага обширных баз сопротивления яп. захватчикам.

Параллельно Лю Шао-ци занимался вопросами парт. строительства. Начиная с 1938 он неоднократно выступал с лекциями в Ин-те марксизма-ленинизма в Яньани и в парт. школе бюро ЦК КПК Центр. Китая в Яньчэне. Его курс лекций, прочитанный в июле 1939, был издан отд. брошюрой «Сю ян» («О самовоспитании коммуниста», др. пер. «О работе коммуниста над собой»). Подвергнув резкой критике отдельные негативные явления в КПК, Лю Шао-ци уделил гл. внимание вопросам идейного воспитания членов партии. Периодом с 1939 по 1941 помечен также ряд его теоретич. работ, в частности — «О борьбе в партии».

С 1943 Лю Шао-ци работал в Яньани. С марта 1943 он — чл. Секретариата ЦК КПК (вместе с Мао Цзэ-дуном и Жэнь Би-ши), в функции к-рого входило осуществление контроля за текущей парт. работой.

В апр. 1945 в Яньани состоялся VII съезд КПК. Лю Шао-ци, избранный в президиум съезда, выступил с докладом «Об изменениях в Уставе партии», где наряду с положениями, направленными на сплочение КПК и народа для окончательной победы в антияп. войне, впервые содержалось обоснование тезиса о том, что идеи Мао Цзэ-дуна (**маоцзэдун сысян**) являются руководящими идеями КПК. Лю Шао-ци был избран чл. ЦК КПК, а на I пленуме ЦК 7-го созыва — в состав Политбюро и нового Секретариата ЦК КПК. Во время отъезда Мао Цзэ-дуна в Чунцин для участия в мирных переговорах с делегацией Гоминьдана (28.08–10.10.1945) исполнял обязанности пред. ЦК КПК. В марте 1947, в момент захвата войсками Гоминьдана Яньани, был секретарем рабочего комитета ЦК КПК, эвакуированного в Сев. Китай. В кон. 40-х — один из руководителей военно-революционной базы в Дунбэе.

С 17 июля по 13 сент. 1947 в Сибайпо была проведена под рук-вом Лю Шао-ци Всекит. земельная конференция. На ней был обобщен опыт проведения аграрной реформы в Освобожденных р-нах и приняты «Основные положения земельного закона». Этот документ предусматривал конфискацию земельной и пр. собственности помещиков, излишков земельной собственности богатых крестьян, равный раздел земли между всеми жителями деревни, независимо от пола и возраста.

В нояб. 1948 Лю Шао-ци опубликовал работу «Об интернационализме и национализме», вскоре переведенную на иностр. языки и получившую известность за пределами Китая. «КПК всегда была вождем и организатором антиимпериалистич. нац. единого фронта кит. народа. Этот нац. фронт широк. Он включает рабочих, крестьян, интеллигенцию, мелкую буржуазию, представителей нац. капитала и даже прогрессивные слои землевладельцев. Такое революц. национально-освободительное движение не противоречит пролетарскому интернационализму. Оно полностью совместимо с ним, составляет важную органич. часть пролетарского интернационалистич. движения и является его крупным и непосредств. союзником».

В сент. 1949 на 1-й сессии НПКСК Лю Шао-ци был избран зам. пред. Центр. нар. пр-ва КНР и зам. пред. Народно-революционного военного совета. 5 окт. 1949 на Всекит. конференции в Пекине было создано Об-во китайско-советской дружбы, и Лю Шао-ци стал его первым председателем. Он — член Политбюро ЦК КПК 6, 7 и 8-го созывов, на VIII съезде КПК избирается в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, а также зам. пред. КПК. В 1952 Лю Шао-ци возглавил кит. парт. делегацию на XIX съезде ВКП(б) в Москве.

В 1952 ЦК партии стал разрабатывать свою генеральную линию, суть к-рой состояла в том, чтобы в течение относительно продолжительного периода времени постепенно осуществить в КНР социалистич. модернизацию, провести социалистич. преобразования в сельском хоз-ве, кустарной промышленности и капиталистич. промышленно-торговом секторе. Была поставлена задача построения социализма.

15 сент. 1954 на 1-й сессии ВСНП Лю Шао-ци, входивший в состав комитета по подготовке Конституции, выступил с докладом «О проекте Конституции КНР». Проект Конституции, подчеркнул Лю Шао-ци, является обобщением ист. опыта движения за конституц. образ правления в Китае. Конституцию

КНР он назвал «народно-демократической конституцией, к-рая относится к конституциям социалистического, а не буржуазного типа». По новой Конституции высшим органом власти стало ВСНП, а в период между сессиями — Постоянный комитет (ПК) ВСНП, председателем к-рого был избран Лю Шао-ци. Был учрежден новый пост — Председателя КНР (его занял Мао Цзэдун, а с апр. 1959 — Лю Шао-ци), премьером Гос. совета — пр-ва КНР стал Чжоу Энь-лай.

15–27 сент. 1956 состоялся VIII съезд КПК, с полит. отчетом съезду выступил Лю Шао-ци. В докладе отмечались недостатки и ошибки в работе КПК в области социалистич. преобразований, причем особый акцент был сделан на критике «левацких» отклонений от генеральной линии (требований построить социализм «в одно прекрасное утро»; ликвидировать нац. буржуазию в Китае методом экспроприации или же привести капиталистич. промышленность и торговлю к экономич. краху путем их вытеснения; отказа признать, что переход к социализму нужно осуществлять, двигаясь вперед постепенно; неверия, что КПК сможет достичь целей социалистич. революции мирным путем). Однако выполнение решений съезда было сорвано навязанной Мао Цзэ-дуном партии и стране политикой «большого скачка» и народных коммун. Многие сторонники генеральной линии партии, к-рая вырабатывалась в течение года и была принята в 1953, были объявлены «правыми уклонистами, консерваторами», началась кампания за «упорядочение стиля работы в партии», направленная в первую очередь против тех, кто выступал против «бездумного забегания вперед».

В этой обстановке Лю Шао-ци вынужден был занять примиренческую позицию. Выступая с докладом «О работе ЦК КПК» на 2-й сессии VIII съезда КПК, он, в частности, сказал, что еще во время разработки 1-го пятилетнего плана развития нар. хоз-ва ЦК партии критиковал ошибочные взгляды тех, кто стоял за замедление темпов строительства. Предусмотренные в 1-м пятилетнем плане темпы развития были «небывалыми» в истории Китая, однако ЦК считал, что этот план можно не только выполнить, но выполнить досрочно и даже перевыполнить. Вместе с тем Лю Шао-ци предупреждал, что «никто не должен поддаваться беспочвенным мечтаниям и не может планировать свои действия, выходя за пределы того, что позволяют объективные условия. Нельзя пытаться через силу сделать то, что невозможно».

С 1959 Лю Шао-ци возглавил Государственный комитет обороны (ГКО).

На проходившем в Лушане совещании высших руководящих кадров партии (2 июля — 16 авг. 1959) политика «большого скачка» вызвала резкую критику в адрес Мао Цзэ-дуна и всех тех, кто его поддерживал, со стороны видных деятелей КПК: министра обороны Пэн Дэ-хуая, зам. министра иностр. дел **Чжан Вэнь-тяня**, провинц. секретарей Хуан Кэ-чэна и Чжоу Сяо-чжоу. Но и на этот раз под нажимом Мао Цзэ-дуна вновь был подтвержден курс на продолжение «большого скачка».

Просчеты и ошибки политики «большого скачка» стали причиной тяжелого состояния нар. хоз-ва КНР. Объем сельскохозяйственного и промышленного производства стал резко сокращаться. В стране не хватало зерна. Возникли серьезные диспропорции в промышленности, усилилась инфляция, резко упал уровень жизни населения.

IX пленум ЦК КПК (янв. 1961) принял решение (подготовленное Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лаем и др.) начиная с 1961 изменить курс и проводить политику урегулирования и укрепления нар. хоз-ва, направленную на ликвидацию последствий «большого скачка». Как Председатель КНР Лю Шао-ци занимался организационной работой по осуществлению этого курса. Учитывая, что в результате резкой смены полит. установок многие руководители на местах занимали выжидательную позицию, с 11 янв. по 7 февр. 1962 было проведено расширенное рабочее совещание ЦК КПК, в к-ром приняло участие более 7 тыс. чел. На нем от имени ЦК КПК был распространен письменный доклад Лю Шао-ци, помимо этого он несколько раз выступал устно. В докладе были обобщены уроки развития КНР с 1958 и дан анализ причин и характера

возникших в стране трудностей. Среди главных причин Лю Шао-ци назвал ошибки субъективного плана (завышение показателей объема производств. строительства, нарушение принципа распределения по труду, насаждение уравниловки). Устное выступление Лю Шао-ци 27 янв. 1962 было выдержано в более критич. духе, чем письменное: «Сейчас не только нет прогресса, а напротив, мы далеко отброшены назад. В чем причина этого? Имеется две причины: первая... три года подряд стихийные бедствия (нек-рые на совещании и за его пределами пытались списать все на стихийные бедствия. — *В.У.*)... вторая — то, что начиная с 1958 в нашей работе были ошибки и недостатки... Когда я спрашивал крестьян: какова причина ваших трудностей? виноваты ли стихийные бедствия? — они отвечали: „Стихийные бедствия были, но это мелочь, причина трудностей на 30% из-за стихийных бедствий, на 70% — по вине людей“» (эту фразу **хунвэйбины** постоянно вспоминали в период «культурной революции», обвиняя Лю Шао-ци в том, что он выступал против Мао Цзэ-дуна). Лю Шао-ци предлагал сделать упор на развитии сельского хоз-ва, а развитие промышленности должно было определяться возможностями первого. Планируемые показатели уровня производства должны быть реальными и обеспечивать соблюдение пропорций между легкой и тяжелой промышленностью, между промышленностью и сельским хоз-вом.

В 1963 обстановка в нар. хоз-ве стала меняться к лучшему. В 1964 задачи по урегулированию в основном были выполнены, и в 1965 вновь началось поступательное развитие кит. экономики.

В этот период Лю Шао-ци стремился по возможности поддерживать контакты с Мао Цзэ-дуном, формально отошедшим от практич. дел, обсуждал и согласовывал с ним различные вопросы, хотя Мао в эти годы редко бывал в Пекине, предпочитая под предлогом болезни проживать в Вост., Центр. или Южном Китае. Отношения между Лю Шао-ци и Мао Цзэ-дуном внешне были вполне корректными. Однако между ними усилились разногласия по осн. вопросам внутр. и внеш. политики.

Лю Шао-ци и др. руководители КПК, разделявшие его взгляды, надеялись на естеств. отход Мао Цзэ-дуна от полит. деятельности (ему было уже за 70), не хотели обострять противоречий в рук-ве и шли на компромиссы. Однако Мао Цзэ-дун призвал к развертыванию «культурной революции», направленной, по его словам, против «представителей буржуазии, стоящих у власти в партии и идущих по капиталистич. пути». Вскоре «каппутистом номер один» он назвал Лю Шао-ци. Уже на первом этапе «культурной революции» Лю Шао-ци был снят со всех постов и заключен под домашний арест. Начались допросы и издевательства. В окт. 1968 на XII пленуме ЦК КПК был представлен доклад «О расследовании преступлений изменника, провокатора и штрейкбрехера Лю Шао-ци», сфабрикованный «спец. следственной группой» и зачитанный Чжоу Энь-лаем. Было принято решение об исключении Лю Шао-ци из КПК и снятии его со всех постов.

17 окт. 1969 тяжело больного Лю Шао-ци на носилках доставили на аэродром Пекина и отправили на самолете в г. Кайфэн, где его под вымышленным именем заключили в спец. тюрьму. Там, лишенный всякой мед. помощи, он скончался 12 нояб. 1969. Последняя жена Лю Шао-ци Ван Гуан-мэй, арестованная 13 сент. 1967, провела в тюрьме 11 лет. Репрессиям подверглись и все ближайшие родственники Лю Шао-ци.

29 февр. 1980, через 10 лет после смерти Лю Шао-ци, на V пленуме ЦК КПК 11-го созыва он был реабилитирован, обвинения, выдвинутые в его адрес, и постановление о его исключении из партии и снятии с постов были аннулированы.

***** *Лю Шао-ци.* Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии: Докл. тов. Лю Шао-ци. Пекин, 1956; Лю Шао-ци сюаньцзи (Избр. произведения Лю Шао-ци): В 2 т. Пекин, 1981–1985. ****** *Галенович Ю.М.* Гибель Лю Шаоци. М., 2000; *Титов А.С.* Лю Шао-ци // Китай: история в лицах и событиях. М., 1991, с. 105–139; *Титов А.С.*, *Усов В.Н.* Лю Шао-ци // ВИ. 1989, № 8; *Юрьев М.Ф.* О двух статьях Лю Шао-ци

(октябрь 1937 г. и февраль 1938 г.) // Некоторые вопросы истории КПК. М., 1984, с. 83–86. (ИБ; № 128); Да луньчжэн. Цзянго илай чжуняо луньчжэн шилу (Большие дискуссии: Запись важнейших дискуссий со времени основания КНР): В 3 т. Пекин, 2001; *Кэ Ай*. Лю Шао-ци. Цзинань, 1984; Лю Шао-ци вэньти цзыляо чжуаньцзи (Специальный сборник материалов о Лю Шао-ци). Тайбэй, 1970; Лю Шао-ци цзинцзи сысян яньцзю (Исследования экономических взглядов Лю Шао-ци). Тяньцзинь, 2000; Лю Шао-ци юй Аньюань гунжэнь юньдун (Лю Шао-ци и рабочее движение в Аньюани). Пекин, 1981; Сюэси Лю Шао-ци гуаньюй данды цзяньшэды лилунь (Изучаем теорию Лю Шао-ци о строительстве партии). Шанхай, 1980; Сюэсэ дадиды нюэр: Лю Ай-цин чжуаньцзи (Дочь кровавой земли: Биография Лю Ай-цин [дочери Лю Шао-ци]). Шицзячжуан, 1995; Хоу Лю Шао-ци няньпу, 1898–1969 (Хроника жизни Лю Шао-ци, 1898–1969): В 2 т. Пекин, 1996; Хуайнянь Лю Шао-ци тунчжи (Вспоминаем тов. Лю Шао-ци). Чанша, 1980; *Чжу Кэ-сянь, Ка Ка*. Цзуйхоуды эршици тянь (Последние 27 дней) // Лиши цзай чжэли чэньсы. Т. 1. Пекин, 1986, с. 49–55; Чжунго гунчаньдан жэньмин цыдянь (Словарь имен деятелей КПК). Шэньян, 1988; *Dittmer L.* Liu Shao-ch'i and Chinese Cultural Revolution: The Politics of Mass Criticism. Berk. etc., 1974.

В.Н. Усов

Лю Ши-пэй см. т. 1.

ЛЮ ШИ-ФУ

劉師復

Лю Ши-фу, Лю Сы-фу, Лю Шао-бинь, Лю Цзы-линь. 27.06.1884, г. Сяншань (совр. Чжуншань) пров. Гуандун, — 1915, Шанхай. Революционер, террорист, идеолог анархизма (*учжэнфучжуи*; см. **Анархизм в Китае**).

Род. в богатой семье. В детстве получил традиц. образование, уже в 15 лет успешно сдал экзамены на низшую ученую степень *сю цай*. В 1901 создает в своем городе лекторий *Янь шо шэ* («Общество выступлений и обсуждений»). В 1904 поехал на учебу в Японию, где сблизился с яп. социалистами-анархистами. В 1905 вступил в кит. революционную орг-цию *Тунмэнхуй* («Объединенный союз») и вскоре вернулся на родину. Весной 1906 в Гонконге писал статьи в газ. «Дунфан жибао» («Восток»), агитируя за революцию. В Сяншани открыл школу для девочек. В 1907 он приезжает в Гуанчжоу, где на встрече членов «Объединенного союза» ему поручают подготовку покушения на командующего флотом провинции Ли Чжуня. Случайно взорвавшаяся в квартире бомба оторвала Лю левую руку. Лю Ши-фу оказался в тюрьме родного города, а в кон. 1909, благодаря протекциям, его освободили. В тюрьме он читал журн. «Синь шицзи» («Новый век» / «Новое время») группы парижских анархистов. В февр. 1910 Лю Ши-фу с единомышленниками создали в Гонконге группу *Чжина аньша туань* («Группа террористов Китая»). Пока они разрабатывали планы покушений, дин. Цин (1644–1911) рухнула. Весной 1912 Лю Ши-фу объявляет о роспуске террористич. группы и со своими последователями уезжает на оз. Сиху (пров. Чжэцзян), там они месяц живут в буд. монастыре Байюньань (Белые облака).

Кардинально пересмотрев свои взгляды, Лю Ши-фу сосредоточился на этич. и социальных вопросах. «Бомбизм» уступает место внутр. самосовершенствованию и социализму; основой его идейных исканий становится анархизм. В мае 1912 в Гуанчжоу он создает анархистскую орг-цию *Хуймин-сюэ шэ* («Научное об-во „Предрассветный крик петуха“»), провозгласив, что «если петух на рассвете будет кричать не переставая, то недалеко то время, когда разрушатся все псевдоморальные, порочные системы». Вскоре об-во было переименовано в *Минь шэн шэ* («Голос народа»). В июне 1912 он также объявляет о создании общества *Синь шэ* («Сердце»), целью к-рого стало развитие индивидуальной морали. После изгнания маньчжуров Гуанчжоу контролируется войсками соратника Лю Ши-фу по группе террористов Чэнь Цзюнмина. В августе 1913 во время т.н. «второй революции», направленной против **Юань Ши-кая**, город переходит в руки сторонника Юаня, к-рый начал охоту

на членов союза *Тунмэнхуй*. Снова втянутому в полит. борьбу Лю Ши-фу пришлось перебраться в Шанхай. Именно здесь Ши-фу становится духовным лидером и руководителем деятельности анархистов. Благодаря ему складывается всекит. анархистское движение.

В Китае его считают создателем особого направления *шифучжуи* («шифуизм»). Под этим, видимо, подразумевается разработанная Лю Ши-фу применительно к условиям Китая идеология, к-рая вобрала в себя анархо-коммунизм, синдикализм, авторитет просвещения и науки, феминизм, атеизм, интернационализм и пропаганду эсперанто. Ее источником были идеи зап. анархистов (особенно – анархо-коммунистов), яп. социалистов и кит. анархистов досиньхайского времени. Будучи убежденным глобалистом и защитником общемировых ценностей (существовавшим в те годы лишь в зап. версии), к к-рым он спешил приобщить кит. народ, Лю Ши-фу искал опору в кит. духовной традиции, избирательно заимствуя из нее отдельные элементы: **дао**, **дэ [1]**, **синь [1]** («сердце»), **да тун** («Великое единение») (все ст. см. в т. 1), буд. идею о равенстве мужчин и женщин, конф. мысль о том, что все люди – братья.

Он умер в 31 год и был похоронен вблизи оз. Сиху. Впоследствии надгробная плита была установлена в тех же местах на горе Наньгаофэн, ее посещение входит в туристич. маршрут восхождения на гору. В последние годы в Китае наблюдается повышенный интерес к личности Лю Ши-фу и его деятельности как эсперантиста и защитника справедливости, жертвовавшего своим здоровьем во имя всеобщего блага.

***** [*Лю*] *Ши-фу*. Учжэнфу цянь шо (Анархизм простым языком) // Синь Тайвань. Пекин, 1924, № 2, с. 21–22; Ши-фу вэньцунь (Собр. соч. [Лю] Ши-фу). Гуанчжоу, 1929; Миньшэн (Голос народа). Сянган, 1962, № 1–33 (факс. изд.). ****** *Стабурова Е.Ю.* Из истории развития социалистических идей в Китае в 1913–1915 гг.: Анархисты – Сунь Ятсен – Цзян Кан-ху // VI НК ОГК. Т. 2. 1975; *она же*. Организации анархистов в Китае после революции 1911 г. // VII НК ОГК. Т. 2. 1976; *Чжуань-фу*. Ши-фу цзюнь син люэ (Вкратце о деятельности Лю Ши-фу) // Минь шэн (Голос народа). Шанхай, № 23 (15.05.1915), с. 1–3; *Чжэн Пэй-ган*. Гуаньюй Лю Сы-фу чжи аньша ходун (Относительно террористической деятельности Лю Сы-фу) // Гуанчжоу вэнь ши цзыляо. Вып. 5. Гуанчжоу, 1962; In memory of Sifo // La Voco de la Popolo. Shanghai, № 32 (Majo 1921); A strange society // The World's Chinese Student's Journal. Vol. 8, No. 1 (September 1912), p. 87–88; *Krebs E.S.* Shifu, Soul of Chinese Anarchism. Lanham (Md.), 1998; *Shaw H.E.* A Chinese Revolutionist // Mother Earth. N.Y., 1915, vol. 10, № 8, p. 284–285.

Е.Ю. Стабурова

ЛЯН ЦИ-ЧАО

梁啟超

Лян Ци-чао, Лян Чжо-жу, Лян Жэнь-гун, прозвище Инь-бин-ши чжу-жэнь (Хозяин Кабинета охлаждения жара [букв. «питья ледяной воды»]). 23.02.1873, Синьхуй, пров. Гуандун, — 19.01.1923, Пекин. Выдающийся ученый, философ, историк философии, гос. и обществ. деятель, представитель либеральной реформистской полит. мысли Китая нового времени, литератор.

Был эрудитом и имел универсальные интересы. Содержание его работ богато и разнообразно: они затрагивают политику, экономику, философию, историю, журналистику, культуру и искусство, письменность и фонетику, языки и религии; превосходно знал канонич. и ист. лит-ру, в своих работах вел полемику с древними и совр. авторами.

После поражения политики «ста дней реформ» (*бай жи вэй синь*) в 1898 эмигрировал в Японию, стал гл. редактором изд. «Цин и бао» («Газета широких дискуссий») и «Синь минь цунбао» («Новый народ»). Перейдя на конституционно-монархич. позиции, совместно с **Кан Ю-вэем** создал в Японии «Союз защиты императора» (*Баохуанхуй*). В нач. XX в. выступил против революционно-демократич. движения, возглавляемого **Сунь Ят-сеном**, отвергал установление республики путем насильств. революции, призывал остановиться на «просвещенной монархии». После Синьхайской революции (1911–1913) вхо-

дил в пр-во **Юань Ши-кая**, в 1916 выступил против его планов реставрации императорского правления, в 1917 был министром финансов в пр-ве Дуань Ци-жуя.

В 1898–1911 деятельность Лян Ци-чао сосредоточена на пропаганде зап. теорий либерализма, попытках синтеза идей свободы у Дж. Милля, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта с эволюционизмом Ч. Дарвина и Г. Спенсера. Принципы эволюции он распространял на полит. устройство об-ва и ист. процесс, отказываясь от традиционной для кит. мысли теории циклизма в обществ. развитии.

Большой популярностью пользовалась библиографич. работа Лян Ци-чао «Си сюэ шу му бяо» («Каталог книг о западных науках»), составленная в 1896 и изданная в Шанхае в 1897. В предисловии он призывал кит. интеллигенцию изучать «зап. науки» для усиления Китая. В каталоге упоминались 654 книги, давались краткие характеристики наиболее важных из них.

В 1901 в Японии Лян Ци-чао начал разработку новой концепции, формы и нового стиля общей истории Китая, но написал лишь гл. «Введение в историю Китая». В след. году он дополнил ее, создав работу «Синь ши сюэ» («Новая историческая наука»). В названных трудах он подверг критике старую ист. науку Китая, выдвигая лозунг «революции в сфере истории» (*шисюэ гэмин*), а также дал первоначальное обоснование буржуазной теории «новой ист. науки». Появление этих двух работ знаменует начало кит. буржуазной ист. науки. Осуждение традиц. ист. науки как «родословной императоров, князей, полководцев и министров», «истории резни», «могильной эпитафии», «музея восковых фигур» имело большое значение для разрушения феодальных суеверий и раскрепощения сознания в Китае нач. XX в.

В 1921 Лян Ци-чао издал «Цин дай сюэшу гайлунь» («Очерк учений эпохи Цин»), в 1923 — «Чжунго цзинь сань бай нянь сюэшу ши» («История кит. учений трех последних столетий»). Им были также написаны «Чжунго лиши яньцзю фа» («Метод исследования истории Китая»), «Сянь Цинь чжэнчжи сысян ши» («История доциньской политической мысли»); все они составили целостную систему новой ист. науки.

Лян Ци-чао сформулировал новый подход к функциям ист. науки, способам и движущим силам ист. развития, методам ист. исследования и воспитания историков. Он выдвинул эволюционистскую концепцию истории, полагая, что ист. процесс находится в состоянии бесконечного движения. Эволюция направлена «от элементарного к сложному, от простоты к культуре, от зла к добру; она обладает определенным порядком и определенными периодами». Принцип эволюции — это «естеств. отбор, победа лучших над худшими».

Лян Ци-чао изложил собств. взгляд на роль героев в истории, внес большой вклад в исследования истории кит. учений, моизма (**мо-цзя**; см. т. 1), истории народов Китая, доциньских об-в и идеологии. По этой причине ему принадлежит почетное место «истока десяти тысяч течений» в ист. науке того времени. См. также ст. **Лян Ци-чао** в т. 1.

***** *Лян Ци-чао.* Си сюэ шу му бяо (Каталог книг о западных науках). Шанхай, 1898; *он же.* Цин дай сюэшу гайлунь (Очерк учений эпохи Цин). Шанхай, 1927; *он же.* Инь-бин-ши хэ цзи (Свод соч. из Кабинета охлаждения жара). Шанхай, 1936. ****** *Белоусов С.Р.* Китайская версия «государственного социализма». М., 1989; *Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков: Лян Ци-чао: теория обновления народа. М., 2001; *она же.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.) М., 1984; *Ломанов А.В.* Лян Ци-чао // Китайская философия: Энцикл. словарь. М., 1994, с. 205–207; *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М., 1980; Чжунго цзиньдай чжумин чжэсюэцзя пинчжуань (Критические биографии знаменитых китайских философов нового времени). Т. 1. Цзинань, 1982, с. 636–670; *Huang Ph.C.* Liang Ch'i-ch'ao and Modern Chinese Liberalism. Seattle–London, 1978; *Levenson T.R.* Liang Ch'i-ch'ao and the Mind of Modern China. Cambr. (Mass.), 1959.

В.Н. Усов

ЛЯНЬ ЦЗО

連坐

Лянь цзо («объединенная ответственность»). Один из видов коллективной ответственности наряду с общесемейной (**юань цзо**). Принцип коллективной ответственности был органичным элементом кит. права с момента его возникновения и мыслился как одна из осн. методик устрашения и усиления круговой поруки среди родственников, соседей, сослуживцев и пр. Заключался в привлечении к ответственности фактически невиновных лиц и применении к ним наказаний, определенным образом ослабленных относительно наказания, полагавшегося самому преступнику.

Наказанию по объединенной ответственности подвергались сослуживцы чиновника, допустившего ошибку или проступок, или — тем более — чиновника, совершившего преступление по службе с корыстной целью.

Помимо сослуживцев, объединенной ответственности подлежали лица, преступный характер действий к-рых явился источником серьезных преступлений, совершенных др. лицами, но связь тех и др. не могла быть описана понятиями «главарь — соучастник» и подобными им. Напр., если любовник замужней женщины убивал ее мужа, женщина, даже не знавшая о замыслах и действиях любовника, получала одинаковое с убийцей наказание. Если члены семьи чиновника вымогали у подведомственных этому чиновнику лиц имущество, сам чиновник, если знал о вымогательстве, получал одинаковое с вымогателями наказание, а если не знал — на пять степеней меньшее. Если члены пятидворки (миним. ячейки соседской общины, объединенные круговой порукой) знали о совершении одним из ее членов преступления и не сообщали о нем властям, то если за преступление полагалась смертная казнь, все они наказывались годом каторги (*ту* [*4*]), если полагалась ссылка (*лю*) — 100 ударами тяжелыми палками (*чжан*), если же каторга — 70 ударами тяжелыми палками.· Если младшие члены семьи приводили чужака, чтобы тот украл принадлежащее семье имущество, а сами убивали к.-л. из старших членов своей семьи, то чужак, даже не знавший о совершившемся убийстве, наказывался не как за простой грабеж или кражу, а как за убийство постороннего человека при грабеже; если в этой же ситуации убийство совершал чужак, приведшие его, даже не зная об убийстве, подлежали ответственности как за убийство старшего члена семьи.

См. лит-ру к ст. **Юань цзо**.

В.М. Рыбаков

ЛЯО ЧЖУН-КАЙ

廖仲愷

Ляо Чжун-кай, Ляо Энь-сюй. 23.04.1877, Сан-Франциско, — 20.08.1925, Гуанчжоу. Один из ближайших соратников **Сунь Ят-сена**, руководящий деятель партии Гоминьдан.

Ляо Чжун-кай происходил из семьи кит. эмигрантов. Его отец Ляо Чжу-бинь, уроженец Хуйяна (пров. Гуандун), уехал в Америку в сер. XIX в. Там он был вначале рабочим на золотых приисках, затем стал коммерсантом, служил в Гонконг-Шанхайском банке. Будучи патриотически настроенным человеком, с детства прививал сыну идеи борьбы за возрождение былого могущества страны. Мальчик рос в обеспеченной семье и имел возможность получить хорошее зап. образование. Для изучения классического кит. яз. и лит-ры он посещал колледж «Великая Цин», созданный в Чайна-тауне в Сан-Франциско по образцу амер. школ. Сюда специально присылали наставников для воспитания учеников в духе верности и преданности цинской династии. Занятия в колледже проходили вечером, что позволяло Ляо Чжун-каю посещать амер. школы. Владение англ. и кит. яз. в дальнейшем помогло ему в переводческой и пропагандистской работе.

В 1893 после смерти отца Ляо Чжун-кай вернулся в пров. Гуандун. Жил у дяди, к-рый был гл. управляющим иностр. делами Гуанчжоу и контролировал Кит. коммерческое пароходное об-во и Телеграфное об-во. Затем он выехал в Гонконг для продолжения образования и поступил в «Куинз колледж» (к-рый окончил также Сунь Ят-сен).

В 1897 Ляо Чжун-кай женился на Хэ Сян-нин, дочери крупного гонконгского торговца чаем, к-рая стала его верным помощником. В 1902 Ляо Чжун-кай поехал с женой на учебу в Японию, поступил в ун-т Васэда, изучал полит. и экономич. науки, Хэ Сян-нин стала студенткой ун-та Мэйдзи. В ун-те Ляо активно включился в обществ. деятельность, познакомился со многими революционно настроенными студентами, вскоре — с Сунь Ят-сеном. В 1905 Сунь Ят-сен создал в Токио революц. орг-цию *Тунмэнхуй* («Объединенный союз», полное назв. *Чжунго гэмин тунмэнхуй* — «Кит. революционный объединенный союз»), в к-рую вступили эмигранты и студенты, обучавшиеся в Японии. Дом Ляо Чжун-кая в Японии стал штаб-квартирой и местом проведения собраний союза.

Союз стал издавать журн. «Миньбао» («Народ»), где печатались статьи видных его деятелей — Сунь Ят-сена, Ху Хань-миня, Ван Цзин-вэя, Чжу Чжи-синя и др. Ляо Чжун-кай также опубликовал в журнале ряд статей. В основном это были переводы, представлявшие собой вольное изложение произведений зап. и яп. ученых на полит. и экономич. темы (предисл. к кн. Г. Джорджа «Прогресс и бедность», разд. «Анархизм и социализм» из кн. Блисса «Справочник по социализму», гл. «Краткая история партии нигилистов» из работы Кэмуямы «Современный анархизм» и др.). В статьях он знакомил с обществ. жизнью в др. странах, описывал выдающихся полит. деятелей XIX в., раскрывал смысл многих науч. терминов, раньше не встречавшихся в Китае, — таких как «анархизм», «социализм», «нигилизм».

В 1909 Ляо Чжун-кай закончил ун-т и вернулся в Китай. Сдав экзамены, к-рые проводились цинским пр-вом для студентов, обучавшихся за границей, он получил степень *цзюй жэнь*, дававшую ему право занять пост чиновника в аппарате маньчж. администрации.

Во время Синьхайской революции в 1911, когда восстание охватило всю пров. Гуандун, а бывший цинский наместник бежал, местная буржуазия провозгласила независимость Гуандуна и поддержала республиканскую форму правления. На пост воен. губернатора был выдвинут один из руководителей «Объединенного союза» Ху Хань-минь. По его просьбе Ляо Чжун-кай приехал в Гуанчжоу и вскоре стал министром финансов.

Весной 1913 Ляо Чжун-кай уехал в Пекин, чтобы вести борьбу против **Юань Ши-кая**, стремившегося захватить верховную власть в стране. В сер. 1913 Юань Ши-кай разогнал парламент, арестовал и физически уничтожил ряд его членов. Ляо Чжун-каю с помощью друзей удалось бежать. За его голову обещали 10 тыс. юаней. Вскоре он вновь оказался в Японии, где уже находился Сунь Ят-сен с группой преданных соратников, к-рым также пришлось эмигрировать после контрреволюц. переворота Юань Ши-кая.

Летом 1914 в Токио Сунь Ят-сен создал партию *Чжунхуа гэминдан* («Кит. революционная партия», сокр. Гэминдан — «Революционная партия»), к-рая в октябре 1919 была реорганизована в *Чжунго гоминьдан* («Кит. национальная партия», сокр. Гоминьдан — «Национальная партия»). В Токио стал выходить центр. печатный орган партии — журн. «Республика» («Миньго цзачжи»). Его гл. редактором был Ху Хань-минь, Ляо Чжун-кай вошел в редколлегию. Одной из важнейших сторон деятельности Гэминдана был сбор средств для орг-ции пропаганды и закупки оружия. За финанс. работу фактически отвечал Ляо Чжун-кай.

После Синьхайской революции развернулось «движение за новую культуру», направленное против засилья реакц. идеологии. Его участники — писатели, журналисты, преподаватели, студенты — выступали за полит. преобразования в стране, за отмену отживших конф. догм, за реформу языка и лит-ры. В Китае под влиянием Октября 1917 в России разгорелась острая полемика о перспективах развития страны, какой путь избрать — капиталистический или социалистический.

Философ и обществ. деятель **Ху Ши**, обучавшийся в США, стоял за капиталистич. путь развития по зап. образцу. Он считал, что система частной собственности уходит своими корнями в глубокое прошлое и нет смысла ее менять.

Прогресс США, стран Зап. Европы, Японии показал, какого успеха можно добиться на этом пути.

Ли Да-чжао, **Чэнь Ду-сю** предлагали социалистич. путь развития. Они приветствовали Великий Октябрь, начали изучать марксизм и активно пропагандировали его, видя в нем ключ к нац. и социальному возрождению Китая. Сунь Ят-сен и его партия занимали особую позицию. Они не поддерживали те методы решения проблемы отсталости страны, к-рые предлагали участники споров. Сунь Ят-сен отрицал капитализм с его кризисами и безработицей, но ему был чужд и науч. социализм Маркса. Свои представления о социализме Сунь Ят-сен изложил в работе «План строительства гос-ва» и в статье о «трех народных принципах» (*сань минь чжуи*). Он считал, что только его учение применимо к условиям Китая и содержит наиболее ценное, что встречается в передовых теориях Запада. В 1919 в Шанхай приехал Сунь Ят-сен и его сподвижники, ими был организован новый журн. «Цзяньшэ» («Строительство»). Ляо Чжун-кай активно сотрудничал в этом журнале, входил в состав редколлегии. Именно в 1919–1920 раскрылся его талант переводчика и публициста, интерпретатора идей Сунь Ят-сена. Темы его работ касались экономич. и полит. строительства нового гос-ва. Он принял участие в дискуссии о социализме. В частности, при обсуждении характера обществ. строя древнего Китая он вместе с Ху Хань-минем и Чжу Чжи-синем вступил в полемику с Ху Ши по проблеме «колодезных полей» (**цзин тянь**; см. т. 1). Ху Ши считал, что системы «колодезных полей» не существовало, на протяжении всей истории Китая господствовала частная собственность и об-во было разбито на противоположные классы. Поэтому буржуазный строй — это естеств. и единственно возможный путь развития страны.

По мнению Ляо Чжун-кая, система *цзин тянь* была характерна для бесклассового первобытно-общинного строя в Китае. Ее разрушение и привело к образованию классов и возникновению частной собственности. Он аргументировал свое мнение многочисл. выдержками из конф. книг и ссылками на работы иностр. специалистов по древней истории Китая.

Ляо Чжун-кай критиковал как апологетов капитализма в Китае, так и сторонников теории науч. социализма, к-рая только начала распространяться в стране. Участвуя в идеологич. спорах, он считал своей главной задачей разработать концепцию создания мощного совр. гос-ва. «Строительство совр. сильного гос-ва позволит Китаю, — писал он в статье „Китай и мир“, — не только успешно конкурировать с другими странами, но внести самый большой вклад в мировую цивилизацию, потому что Китай в избытке обладает двумя главными факторами роста производительных сил: большой территорией и многочисленным населением». Он не соглашался с известным мнением Ж.-Ж. Руссо о том, что «малое гос-во сильнее, чем крупное, ибо обширность территории, большое кол-во населения, неравномерность экономич. и полит. развития затрудняют управление, что в конечном итоге приводит это гос-во к гибели».

Выступая против тех, кто считал, что корень всех бед страны в многочисленности населения, Ляо Чжун-кай отмечал, что такая т.зр. была выдвинута еще в XVIII в. Мальтусом. Ляо Чжун-кай ссылался на Г. Джорджа, к-рый заявлял, что причину бедности нельзя сводить к нехватке земли или увеличению населения. Она кроется в обществ. условиях, в частной собственности на землю. Г. Джордж доказывал ошибочность выводов Мальтуса, оперируя данными о Китае, что особенно импонировало Ляо Чжун-каю.

Бедственное положение Китая, по мнению Ляо Чжун-кая, вызвано не многочисленностью населения и обширностью территории, а бедностью его народа и истощением нац. богатств. Решение проблемы бедности невозможно без улучшения способа производства. Использование машин, строительство заводов и фабрик, стимулирование предпринимательства — именно эти меры обеспечат рост нац. богатства. Но самым важным он считал улучшение путей сообщения, прежде всего строительство жел. дорог. Неразвитость инфраструктуры, по его мнению, есть причина трех отриц. явлений в экономике Китая: во-первых, невозможности миграции населения внутри страны, мешающей

освоению природных богатств в труднодоступных р-нах, а также эмиграции трудовых ресурсов, необходимых для Китая; во-вторых, господства натур. хоз-ва, отсутствия интеграции и кооперации между р-нами страны, что порождает низкий уровень производства и неспособность к конкуренции с иностр. гос-вами; в-третьих, идеологич. застоя. Развитие Китая невозможно без воспитания народа, без обогащения его новыми идеями. Однако население внутр. р-нов неразвито в полит. и идеологич. отношениях. Отсутствие тесных связей между р-нами создает трудности в обмене и передаче информации. Ляо Чжун-кай, будучи по образованию экономистом, помогал разрабатывать Сунь Ят-сену экономич. сторону его теории, углубляя и развивая осн. положения его концепции в своих работах.

Важное место Ляо Чжун-кай отводил решению финанс. проблемы в стране и стабилизации положения в экономике. В статьях «Денежная революция и строительство», «Еще раз о денежной революции» он предлагал осуществить «денежную революцию» — заменить металлич. деньги бумажными банкнотами. Проведение этой реформы препятствовало бы оттоку серебра из страны и снизило бы уровень инфляции.

Принцип народовластия был также осн. темой многих публикаций Ляо Чжун-кая. Он отдавал немало сил для исследования и развития этого принципа, выявления его ист. прецедентов. В апр. 1924 в одной из лекций Сунь Ят-сен признал вклад Ляо Чжун-кая в разработку этого принципа и рекомендовал его перевод кн. Вилкоса «Правительство для народа» как ценный справочник по этой проблеме.

Ляо Чжун-кай считал, что будущее Китая — в демократии, к-рая будет реализована через парламентскую систему. Рассматривая различные формы гос. устройства и управления, он пришел к выводу, что парламентаризм является исторически сложившейся и проверенной веками полит. системой, к-рую не следует менять, нужно лишь улучшить, ликвидировав те негативные моменты, к-рые наблюдаются в странах Запада: «Сейчас можно обнаружить недостатки этой системы и увидеть злоупотребления со стороны полит. партий. Небольшое количество политиканов используют силы партии и прикрываются вывеской „Политика для народа“, чтобы достичь привилегий и обогащения. Выборы полностью находятся под контролем лиц, связанных с политиканами, и хорошие люди не проходят в парламент, а членами парламента становятся те, кто использует политику в качестве купли-продажи». Преодолеть недостатки парламентской системы Ляо Чжун-кай предлагал путем сочетания традиц. кит. методов управления и лучших зап. образцов. В центре его концепции — идея сильного гос-ва, к-рое заботится о своем народе. Он писал: «Богатые, бедные классы, население севера, юга, запада, востока — все они народ гос-ва. Поэтому классовые, местные интересы должны уступать интересам гос-ва, интересам всего народа. Только при этом условии можно создать совр. гос-во».

Подготавливая вооруженный мятеж против Сунь Ят-сена, бывш. губернатор пров. Гуандун, министр внутр. дел и министр обороны Гоминьдана, к-рого Сунь Ят-сен в апр. 1922 сместил за неподчинение со всех занимаемых постов, кроме должности воен. министра, Чэнь Цзюн-мин решил избавиться от его преданного сторонника — Ляо Чжун-кая. 14 июня 1922, за два дня до мятежа, он послал Ляо Чжун-каю телеграмму с приглашением приехать в его ставку в Хуйчжоу для обсуждения нек-рых вопросов и сбора денег для Северного похода. Ляо Чжун-кай принял приглашение. Однако по приезде в ставку он был арестован, закован в кандалы и заточен в Шилунский арсенал. Хэ Сян-нин лично выехала в штаб мятежников, и ей удалось уговорить Чэнь Цзюн-мина отпустить мужа. После выхода из тюрьмы Ляо Чжун-кай уехал в Шанхай.

На I съезде Гоминьдана в 1924 Ляо Чжун-кай занял одну из самых высоких ступеней в партийной иерархии, став членом Постоянного комитета ЦИК. Он возглавил левую группировку в партии. Выполнение принятого на I съезде решения о создании собств. вооруженных сил было возложено на Ляо Чжун-кая. Когда обсуждался вопрос о создании воен. школы, Сунь Ят-сен назначил председателем комитета по ее орг-ции **Чан Кай-ши**. Однако вся подготови-

тельная работа легла на плечи Ляо Чжун-кая. По предложению М.М. Бородина он был назначен на должность комиссара воен. школы Вампу.

Ляо Чжун-кай был одним из немногих руководящих деятелей Гоминьдана, к-рые симпатизировали СССР. У него сложились устойчивые контакты с рус. советниками в Гоминьдане — М.М. Бородиным и В.К. Блюхером. Он начал учить рус. яз. и собирался при случае поехать в Россию, чтобы познакомиться с опытом парт. и гос. строительства. Ляо Чжун-кай поддерживал тесные связи с кит. коммунистами, такими как Тань Пин-шань, Линь Бо-цюй. Однако он, как и Сунь Ят-сен, был противником марксизма.

Решительную и принципиальную роль сыграл Ляо Чжун-кай, будучи губернатором Гуандуна, в борьбе с мятежом *шантуаней* («купцов») осенью 1924.

После того как 17 июня 1925 вспыхнула Гонконг-Гуанчжоуская забастовка, Ляо Чжун-кай, понимая ее важность, поддержал забастовку, считая, что по значимости она превосходит борьбу за свержение Цинов, войну с Юань Шикаем и сев. милитаристами. Он полагал, что проведение стачки эффективнее, чем использование ружей, пушек и воен. кораблей. Гонконг-Гуанчжоуская забастовка, по его мнению, имеет все предпосылки для успешного противодействия империализму.

Со смертью Сунь Ят-сена (12.03.1925), когда в Гоминьдане начался раскол, был поставлен вопрос о реорг-ции пр-ва. После реорг-ции, проведенной в июле 1925, в состав пр-ва вошли гоминьдановцы разных полит. направлений. Поддерживалось видимое равновесие, но командные высоты оставались за левыми, к-рые во главе с Ляо Чжун-каем пытались упрочить свое влияние в партии и пр-ве и постепенно изолировать правых. Последние, в свою очередь, старались всеми способами удержаться у власти и, накопив силы, лишить левых их главенствующего положения.

20 авг. 1925 утром Ляо Чжун-кай вместе с Хэ Сян-нин поехали на заседание ЦИК Гоминьдана. Когда машина остановилась перед зданием ЦИК и из нее вышел Ляо Чжун-кай, раздались выстрелы. Он был смертельно ранен и скончался в тот же день в больнице не приходя в сознание. За спиной наемных убийц стояли правые гоминьдановцы, выступавшие против единого фронта и сплочения революц. сил страны, против проводившегося Ляо Чжун-каем курса на союз с Советской Россией и КПК, против новых прогрессивных тенденций в полит. жизни партии Сунь Ят-сена, к-рые были закреплены I съездом Гоминьдана в янв. 1924. На всех постах Ляо Чжун-кай проявил себя как непримиримый борец против империализма и милитаризма. Во многом благодаря его последовательной революц. линии Гоминьдану удалось укрепить свою базу на юге, в пров. Гуандун.

***** Ляо Чжун-кай цзи (Собр. соч. Ляо Чжун-кая). Пекин, 1963. ****** *Семенов А.В.* Ляо Чжункай: Политическая деятельность китайского революционера. М., 1985; *Ло И-нун.* Ляо Чжун-кай юйцы цяньхоуды Гуанчжоу чжэнцзюй (Политическое положение в Гуанчжоу до и после убийства Ляо Чжун-кая) // Сяндао. 1925, № 130; Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей Китайской Республики). Т. 2. Пекин, 1980; *Хэ Сян-нин.* Во ды хуйи (Мои воспоминания) // Синьхай гэмин хуйи лу (Воспоминания о Синьхайской революции). Пекин, 1961; *она же.* Хуйи Сунь Чжун-шань хэ Ляо Чжун-кай (Воспоминания о Сунь Ят-сене и Ляо Чжун-кае). Пекин, 1957; *Чэнь Ли-фу.* Чжуйнянь Ляо Чэнь-чжи сяньле (Вспоминая погибшего героя Ляо Чжун-кая) // Чжуаньцзи вэньсюэ. 1982, № 224; *Шан Мин-цзянь*, *Ван Сюэ-чжуан.* Ляо Чжун-кай хэ шоуцы гогунхэцзо (Ляо Чжун-кай и первое сотрудничество Гоминьдана и КПК) // Жэньминь жибао. 20.08.1982; *Юй Ян-гуан.* Люэлунь Ляо Чжун-кай (Краткий очерк о Ляо Чжун-кае) // Лиши цзяосюэ. 1964, № 1; *он же.* Ляо Чжун-кай хэ гуннун юньдун (Ляо Чжун-кай и движение рабочих и крестьян) // Сюэшу юэкань. 1980, № 4; *он же.* Шилунь Ляо Чжун-кай ды фаньди сысян (Антиимпериалистические взгляды Ляо Чжун-кая) // Цзинань дасюэ сюэбао. 1984, № 4; *Chan F.G.* Liao Chung-k'ai (1878–1925): The Career of a Chinese Revolutionary // Essays in Chinese Studies Presented to Professor Lo Hsiang-lim. Honkong, 1970.

В.Н. Усов

МА ДУАНЬ-ЛИНЬ

馬端臨

Ма Дуань-линь, прозвище Чжу-чжоу. 1254, уезд Лэпин, обл. Жаочжоу пров. Цзянси, — 1323, Тайчжоу (Линьхай, пров. Чжэцзян). Ученый-энциклопедист. Выходец из семьи южносунского канцлера (*цзайсян*) Ма Тин-луаня (1222–1289), сторонника всемерного противостояния монг. нашествию. Глубоко потрясенный захватом монголами кит. земель и низвержением дин. Сун (960–1279), Ма Дуань-линь оставил администр. службу и предался отшельничеству. Будучи в юности приверженцем чжусианства (см. **Чжу Си**), он стал наставником конфуцианцев и одновременно занялся сбором актовых материалов, содержащих информацию о разных сторонах жизни кит. об-ва и гос-ва с древности до 2-й пол. XIII в., о полит., нравственных и духовных традициях страны. В 1307, более чем через 20 лет, был завершен его гл. труд **«Вэнь сянь тун као»** («Свод письменных памятников и суждений к ним», 348 цз.). Характер и масштабность этого сводного энциклопедич. труда давали представление, как и насколько «былое и современность разнятся» и в чем «причины злоключений и благоденствия, взлетов и падений» в далеком и недавнем прошлом Срединного гос-ва. Относительно же династийных историй (*чжэн ши*), считавшихся в традиц. кит. историописании жанром-«фаворитом», Ма Дуань-линь высказывался весьма скептически.

О широте науч. интересов Ма Дуань-линя свидетельствуют также его труды «До ши лу» («Заметки о множестве областей знания»), «Да сюэ цзи чжуань» («Собрание комментариев к „Великому учению“»), «И гэнь шоу мо» («В обосновании долга/справедливости [следует] придерживаться [воззрений] моистов») и др. (все в наст. вр. утрачены).

** *Ван Вэй-минь.* Ма Дуань-линь нянь пу (Погодные записи о Ма Дуань-лине) // Чжэцзян сюэкань. 1996, № 6; *Дэн Жуй.* Ма Дуань-линь // Чжунго шисюэцзя пин чжуань (Аналитические жизнеописания китайских историков / Под ред. Чэнь Цин-цюаня и др. Т. 2. Чжунчжоу, 1985; *он же.* Ма Дуань-линь юй «Вэнь сянь тун као». Тайюань, 2003; *Yamauchi Mashiro.* Ma Tuan-lin // Sung Biographies. Bd 2 / Ed. by H. Franke. Wiesbaden, 1976.

См. также лит-ру к ст. **«Вэнь сянь тун као»**.

Г.Я. Смолин

Маоизм *см.* **Маоцзэдун сысян**

МАО ЦЗЭ-ДУН

毛澤東

Мао Цзэ-дун, Мао Жунь-чжи. 26.12.1893, дер. Шаошань уезда Сянтань пров. Хунань, — 09.09.1976, Пекин. Гос. и полит. деятель, сыгравший большую роль в совр. кит. и мировой истории, один из основателей КПК, руководитель и идеолог, Председатель КПК (1943–1976); основатель и руководитель КНР (1949–1976), первый Председатель КНР (1954–1959). С именем Мао связано идейно-полит. течение «маоизм» (*маочжуи*), оказавшее значительное влияние на междунар. коммунистическое, молодежное и нац.-освоб. движения. В офиц. документах КПК система полит. идей и установок Мао Цзэ-дуна чаще всего именовалась термином **маоцзэдун сысян** («идеи Мао Цзэ-дуна»).

Родился в крестьянской семье. С 8 до 13 лет учился в частной школе в дер. Шаошань, затем работал в хоз-ве своего отца. В 1908 родители, следуя провинц. традициям, женили 14-летнего Мао Цзэ-дуна на девушке старше его на 4 года (ум. в 1910).

Осенью 1910 Мао Цзэ-дун поступил в Дуншаньскую начальную школу 2-й ступени в уезде Сянсян, а затем весной 1911 в Сянсянскую среднюю школу г. Чанша. После Синьхайской революции (1911) полгода служил солдатом в восставшей Новой Хунаньской армии. Впервые из газет, в частности «Сянцзян жибао», узнает об идеях социализма. Штудирует **Конфуция** и др. кит. классиков, а также труды лидеров движения за реформы в Китае на рубеже XIX–XX вв. **Кан Ю-вэя** и **Лян Ци-чао** и в течение неск. лет «боготворит» их, по его собств. выражению, «выучив наизусть» нек-рые их работы.

Решающее влияние на пробуждение полит. сознания молодого Мао оказала брошюра видного кит. революционера и публициста Чэнь Тянь-хуа (1875–1905), резко выступавшего против иностр. засилья и угрозы расчленения Китая империалистич. державами. Брошюра начиналась словами: «Увы! Китай будет покорен!» Именно тревога за будущее своей страны, по словам Мао Цзэ-дуна, заставила его вопреки воле отца снова взяться за учебу.

Весной 1913, блестяще сдав экзамены, поступил в только что открытое Хунаньское 4-е провинциальное педучилище в Чанша (там не взималась плата за обучение), через год в марте 1914 по решению местных властей училище объединили с более крупным и известным 1-м провинциальным педучилищем, основанным еще в 1903. Юноша автоматически был переведен в новое училище и окончил его в 1918. В училище увлекается идеалистич. учениями кит. и зап. философов и социологов. По воспоминаниям Эми Сяо (см. **Сяо Сань** в т. 3), к-рый учился вместе с ним в школе и в училище, Мао «запоем читал кит. и европ. философов и писателей, конспектируя и развивая их мысли в своих дневниках. Все его классные сочинения, как образцовые, вывешивались на стенах училища. Он мог читать вдвое и втрое быстрее любого человека. В б-ке он всегда окружал себя стеной книг». Наиб. впечатление из книг зап. авторов на него в эти годы произвели, по его собственному признанию, «Принципы социологии» Г. Спенсера, «Эволюция и этика» Т. Гексли, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, «О свободе» Дж.Ст. Милля, «Богатство народов» А. Смита, «Дух законов» Ш. Монтескье.

В то же время Мао впервые услышал о **Сунь Ят-сене** и о созданном им «Объединенном союзе» (*Тунмэнхуй*).

В период учебы в Чанша «политические идеи» Мао, по его словам, «стали принимать отчетливую форму». Когда вокруг одного из преподавателей, проведшего 10 лет за границей, декана филос. ф-та, неоконфуцианца Ян Чанцзи, к-рый читал этику, логику, психологию и педагогику, образовалась группа серьезно мыслящих учеников, Мао Цзэ-дун примкнул к ней.

С 1918 начинается длительное и глубокое увлечение Мао анархизмом (см. **Анархизм в Китае**). Он знакомится в Пекине с активными деятелями анархизма, вступает с ними в переписку, одобряет многие их положения, даже пытается создать в Хунани анархистское об-во. Мао Цзэ-дун верит в необходимость децентрализации управления в Китае, увлеченно читает работы П.А. Кропоткина и др. анархо-социалистов.

В апр. 1918, накануне окончания училища, вместе с др. сверстниками под влиянием либерально-просветит. «движения за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*) создал в Чанша об-во *Синьминь сюэхуй* («Новый народ»), в к-ром состояло до 80 чел.

Усвоенные к этому времени Мао Цзэ-дуном ценности как кит. традиционной культуры, к-рую тогда называли «старым знанием», так и зап. буржуазной культуры («новые знания») способствовали формированию его мировоззрения. С одной стороны — взгляды Конфуция, Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао, Сунь Ят-сена, с другой — Л.Н. Толстого, П.А. Кропоткина, а также философов неокантианской и неогегельянской школы.

В авг. 1917 Китай объявил войну Германии и Италии. Вскоре после этого страны Антанты обратились к кит. пр-ву с просьбой послать во Францию рабочих для рытья окопов и работы на военных заводах. Кит. пр-во согласилось и начало отправлять группы рабочих, в т.ч. из Хунани, во Францию. Об-во «Новый народ» оказывало материальную помощь выезжающим за границу рабочим. В 1918 в связи с возникшим в Китае движением «работа и учеба во Франции», инициатором к-рого была группа кит. студентов, проживавших в годы Первой мировой войны в Париже и входивших в анархистское об-во «Труд и бережливость», к отправляемым рабочим решила присоединиться и часть хунаньских студентов с целью «изучения прогрессивных идей и революц. опыта». Мао был организатором группы для поездки во Францию, планировал и сам выехать с этой группой, для чего в сент. 1918 вместе с компанией студентов приехал в Пекин. Однако вскоре передумал и решил остаться на родине.

В Пекине был вынужден искать работу. По рекомендации своего бывшего учителя Ян Чан-цзи, читавшего лекции в Пекинском ун-те, он поступил в помощники к **Ли Да-чжао** (1889–1927), к-рый заведовал тогда б-кой Пекинского ун-та. Это была незаурядная личность, один из лучших знатоков марксизма в Китае, а также видный деятель левого крыла «движения за новую культуру».

Весной 1919 Мао Цзэ-дун бросает работу в б-ке и предпринимает путешествие по ист. местам Китая. Вернувшись в апр. 1919 в Хунань, устроился учителем начальной школы в Чанша, в июле начал издавать журн. «Сянцзян пинлунь» («Сянцзянское обозрение»), в след. году организовал «Об-во культурного чтения» (*Вэньхуа шу шэ*). Работая редактором, много внимания уделяет «движению за новую культуру» и ратует за то, чтобы заменить архаичный **вэньянь** разговорным языком **байхуа** (см. т. 3), стараясь и сам писать на *байхуа*. Эта умеренная просветительская деятельность вызвала недовольство местных властей, и в авг. того же года журнал был закрыт. Тогда Мао становится редактором др. студенч. журнала в Чанша — «Синь Хунань» («Новая Хунань»).

В дек. 1919 Мао Цзэ-дун вновь едет в Пекин. К этому времени умер проф. Ян Чан-цзи, и молодой человек хотел выразить соболезнование его дочери. После возвращения в Чанша он получил должность директора начальной школы, это укрепило его материальное и обществ. положение, и в 1920 он женится на Ян Кай-хуй (1901–1930), дочери Ян Чан-цзи. Примерно тогда же, в период «движения 4 мая» (1919), как утверждают его биографы, Мао Цзэ-дун впервые знакомится с марксизмом и постепенно становится сторонником этого учения.

В 1899 англ. миссионеры впервые упомянули о К. Марксе и марксизме в журн. «Ваньго гунбао» («Chinese Globe Magazine»). О Марксе и его учении стали писать Лян Ци-чао и др. реформаторы. Октябрьская революция в России вызвала в Китае новые надежды на нац. освобождение. Она «создает новую жизнь, новую культуру, новый мир», и кит. народ должен идти по ее пути, писал Ли Да-чжао в 1919 в ст. «Новая эра». В окт. 1920 он становится секретарем созданного им вместе с **Дэн Чжун-ся**, **Чжан Го-тао** и др. в Пекине коммунистич. кружка. Мао Цзэ-дун принимает участие в его работе. Аналогичные кружки появляются в Тяньцзине, Таншане, Тайюани, Цзинани и др. городах.

Поздней осенью 1920 Мао Цзэ-дун организовал в Чанша кружок Социалистич. союза молодежи Китая, насчитывавший около 50 чел.

В июле 1921 Мао присутствовал на I съезде КПК в числе 13 представителей от 6 созданных к тому времени коммунистич. кружков (в Шанхае, Пекине, Чанша, Ухани, Гуанчжоу и Цзинани). Одна группа, в к-рую входили кит. студенты (в т.ч. **Чжоу Энь-лай**), находилась в Париже и своих представителей не прислала. Съезд ознаменовал офиц. образование КПК. Затем Мао Цзэ-дун, вернувшись в Хунань, работал в местной парт. орг-ции, активно участвовал в рабочем движении в Чанша и Аньюани вместе с **Ли Ли-санем** и **Лю Шао-ци**.

В июне 1923 участвовал в работе III съезда КПК, выработавшего политику сотрудничества с Гоминьданом, руководимым Сунь Ят-сеном, с целью создания нац. антиимпериалистического и антифеод. фронта, включающего все демократич. силы. Съезд также принял решение о том, чтобы все члены КПК в индивидуальном порядке вступили в Гоминьдан. На съезде Мао Цзэ-дун был избран чл. ЦИК. После установления сотрудничества между Гоминьданом и КПК он избирается кандидатом в чл. ЦИК Гоминьдана на его I (янв. 1924) и II (янв. 1926) съездах. Он работал в Гуанчжоу, исполняя обязанности главы центр. отдела пропаганды Гоминьдана, редактировал журн. «Полит. еженедельник» («Чжэнчжи чжоубао») и преподавал в Ин-те крестьянского движения. В 1926 был секретарем Комиссии по крестьянскому движению ЦК КПК, возглавлял курсы по крестьянскому движению в Гуанчжоу. В 1926–1927 обследовал орг-ции крестьян в ряде уездов пров. Хунань.

7 авг. 1927 избран кандидатом в чл. временного Политбюро ЦК. Как уполномоченный ЦК возглавлял одно из «восстаний осеннего урожая» на границе провинций Хунань и Цзянси, закончившееся поражением. Под его командо-

ванием повстанцы отступили в труднодоступный горный р-н Цзинганшань на границе этих провинций. Там была сформирована 1-я дивизия Рабоче-крестьянской Красной армии Китая и создана 1-я Революционная опорная база в деревне.

После соединения в Цзинганшане в апр. 1928 отрядов Наньчанского восстания, руководимых **Чжу Дэ** и **Чэнь И**, с Хунаньской крестьянской армией и образования 4-го корпуса Рабоче-крестьянской Красной армии выполнял обязанности уполномоченного партии, секретаря фронтового комитета КПК 4-го корпуса (командир Чжу Дэ).

После гибели от рук гоминьдановцев второй жены Ян Кай-хуй в 1930 Мао женился в третий раз на Хэ Цзы-чжэнь (1909–1984), своей соратнице по революц. борьбе. Она участвовала в Великом походе, имела несколько ранений. Летом 1937 после ряда любовных похождений Мао Цзэ-дуна объявила о своем решении покинуть его. Весной 1938 она уже была в Москве, вернулась в Китай в 1947.

В 1930 Мао стал политкомиссаром 1-го фронта Красной армии. На III пленуме ЦК КПК 6-го созыва (28 сент. 1930) стал кандидатом в чл. Политбюро ЦК КПК. В 1931 на I Всекит. съезде представителей советских р-нов Китая в г. Жуйцзинь (пров. Цзянси) избран пред. ЦИК, пред. СНК и пред. Центр. революционного военного совета Кит. Советской Республики.

В апр.-нояб. 1931 был и.о. секретаря Бюро ЦК КПК по советским р-нам Китая. В нояб. 1930 — марте 1933 вместе с Чжу Дэ руководил действиями Красной армии по отражению четырех карательных походов армии Гоминьдана против революц. базы. В янв. 1934 на V пленуме ЦК КПК 6-го созыва избран чл. Политбюро ЦК КПК.

Во время Великого похода Красной армии, вынужденной в окт. 1934 оставить революц. базу, в янв. 1935 в Цзуньи (пров. Гуйчжоу) был избран чл. Постоянного комитета Политбюро ЦК, чл. Секретариата ЦК КПК и фактически возглавил группу по рук-ву военными действиями в составе Чжоу Энь-лая и Ван Цзя-сяна. В дек. 1936 стал пред. Военно-революционного комитета ЦК КПК. Тогда же после ареста **Чан Кай-ши** в Сиани участвовал вместе с Чжоу Энь-лаем в переговорах, к-рые привели к мирному исходу инцидента.

В 1937 в Яньани появилась молодая киноактриса Цзян Цин (1914–1991), через год Мао женился на ней. В августе 1940 у Цзян Цин и Мао Цзэ-дуна родилась дочь Ли На. (В годы **«культурной революции»** Цзян Цин возглавила Группу по делам «культурной революции», вошла в парт. рук-во, стала членом «четверки» — **сы жэнь бан**.)

В 1937–1945 Мао внес вклад в мобилизацию и сплочение всех патриотич. сил страны на борьбу с агрессией Японии и создание единого фронта сопротивления яп. захватчикам, оказал решающее влияние на определение идеологич. основы Войны сопротивления Японии. В авг. 1937 назначен секретарем Военного совета ЦК КПК. В окт. 1942 в г. Яньань возглавил движение «за упорядочение стиля» (*чжэн фэн*) работы партии в Пограничном р-не Шэньси–Ганьсу–Нинся, в ходе к-рого коммунисты, включая мн. руководителей, выступали с самокритикой. На заседании Политбюро ЦК КПК 20 марта 1943 избран пред. Политбюро ЦК КПК и пред. Секретариата ЦК КПК.

На VII съезде КПК (1945) выступил с докладом «О коалиционном правительстве», избран чл. ЦК КПК. На I пленуме ЦК КПК 7-го созыва избран пред. ЦК КПК (переизбирался на этот пост и на всех последующих съездах партии до своей смерти в 1976), пред. Военного совета ЦК КПК.

В 1945 после поражения Японии вылетел во главе делегации КПК в Чунцин для переговоров с делегацией Гоминьдана, в ходе к-рых КПК и Гоминьдан взяли на себя обязательство добиваться решения мирным путем проблем послевоенного демократич. переустройства Китая.

С сент. 1948 по янв. 1949 принимал личное участие в рук-ве Народно-освободительной армией Китая (НОАК) в ходе стратегически решающих операций против войск Гоминьдана. В марте 1949, руководя работой II пленума ЦК КПК 7-го созыва, указал, что после победы демократич. революции на терри-

тории всей страны она должна перерасти в социалистическую, а центр тяжести работы партии должен переместиться из деревни в город. В сент. 1949 избран пред. Центр. народного пр-ва, а вскоре после того — пред. НПКСК. 1 окт. 1949 Мао Цзэ-дун торжественно провозгласил образование КНР.

В дек. 1949 Мао Цзэ-дун посетил СССР. Вместе с премьером Гос. административного совета Чжоу Энь-лаем вел переговоры с И.В. Сталиным и подписал перед возвращением в Китай 14 февр. 1950 китайско-советский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи».

С 1949 по 1956 руководил аграрной реформой, подавлением «контрреволюции», оказанием военной помощи Сев. Корее, осуществлением социалистич. преобразований. По предложению Мао Цзэ-дуна в 1953 ЦК КПК после длившейся почти год подготовительной работы выдвинул генеральную линию переходного периода к социализму, направленную на социалистич. индустриализацию и установление социалистич. производств. отношений во всех сферах народного хоз-ва. В основном преобразования были завершены к сен. 1955.

Осенью 1952 Мао стал отмежевываться от **теории «новой демократии»** (*синь миньчжучжуи*; см. в Общем разделе), созданной им на рубеже 30–40-х и содержавшей долгосрочную стратегию послевоенной модернизации Китая, и призывал сделать «рывок к социализму».

В сент. 1954 в первый раз было созвано Всекит. собрание народных представителей (ВСНП), принявшее Конституцию КНР и избравшее Мао Цзэ-дуна первым Председателем КНР. Этот пост он занимал до 1959.

В апр. 1955 на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэ-дун выступил с речью «О десяти важнейших взаимоотношениях», где попытался обобщить первый опыт социалистич. строительства в КНР и нащупать дальнейший путь развития страны, соответствующий традициям Китая.

На VIII съезде КПК в 1956 было отмечено, что гл. задачей, стоящей перед кит. народом, является сосредоточение всех усилий на развитии обществ. производительных сил. Однако этот принцип не был реализован в полной мере.

В февр. 1957 Мао Цзэ-дун выдвинул теорию «о двух типах различных по своей природе противоречий» — «внутри народа» и «между врагами и народом», а также подчеркнул, что вопрос «о правильном разрешении противоречий внутри народа» стал важнейшим в полит. развитии Китая. Однако эта теория, как подчеркивают совр. кит. ученые, никогда не проводилась Мао Цзэ-дуном на практике, что видно из его последующих действий.

В нояб. 1957 Мао Цзэ-дун возглавил парт. делегацию, прибывшую в СССР, присутствовал на торжествах в честь 40-й годовщины Октябрьской революции и на Совещании представителей коммунистич. и рабочих партий, подписал принятые Совещанием документы.

На VIII, IX и X съездах КПК избирался пред. ЦК и Политбюро ЦК КПК.

В 1957 выдвинул тезис о классовой борьбе внутри страны как «главном противоречии», развернул в партии борьбу с «правым уклоном».

Летом и осенью 1958 он выступил с инициативой осуществления «большого скачка» (1958–1960) и движения за создание народных коммун, нанесших значительный ущерб экономике страны.

В 1959 Мао Цзэ-дун начал борьбу с **Пэн Дэ-хуаем**, к-рый подверг критике политику «большого скачка» и коммунизацию деревни, охарактеризовав ее как «мелкобуржуазный фанатизм», «субъективизм» и «авангардизм». Пэн Дэ-хуая поддержали зам. министра иностр. дел **Чжан Вэнь-тянь**, начальник Генштаба Хуан Кэ-чэн и др. Началась кампания против «правого уклона».

В 1963–1965 Мао Цзэ-дун развернул в деревнях и городах страны новую полит. кампанию «за социалистич. воспитание», или «четыре чистки» (*сы цин*), заявив, что «гл. объектом удара в движении являются те облеченные властью лица в партии, к-рые идут по капиталистич. пути», акцентировав внимание «на классовой борьбе», в к-рой видел гл. проявление внутр. конфликта в стране.

В 1966 Мао Цзэ-дун развязал «культурную революцию», к-рая переросла в крупные полит. беспорядки, нанесла стране огромный экономич. и полит.

урон и впоследствии была осуждена КПК как «ошибочная». Кит. историк **Ли Шу** отмечал, что идеологич. опорой Мао Цзэ-дуна в этот период были, во-первых, догматизм и, во-вторых, культ личности. В «Решении по нек-рым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом VI пленумом ЦК КПК 11-го созыва 27 июня 1981, отмечалось, что «вследствие различных ист. причин внутрипарт. демократия и демократия в общественно-полит. жизни гос-ва не были закреплены режимом и законом, а уже выработанные законы не пользовались должным авторитетом. Все это создало своего рода почву для чрезмерного сосредоточения власти партии в руках одного человека, для роста явлений, связанных с самоуправством и культом личности». Начало культа личности Мао Цзэ-дуна отмечено еще в конце 30-х в Яньани. С 1945 «идеи Мао Цзэ-дуна» становятся офиц. идеологией КПК и затем КНР, однако культ Мао был непомерно раздут в ходе «культурной революции», о чем свидетельствовали массовые полит. акции **хунвэйбинов**, «детища культа личности», подстрекаемых «бандой четырех» (*сы жэнь бан*), тиражирование пропагандистских произведений, в т.ч. «Цитатника Мао» (**«Мао чжуси юйлу»**), предназначенного для обязательного заучивания наизусть, и т.п. Так, за первые 15 лет КНР было напечатано более 11 млн. экз. «Избр. произведений» Мао Цзэ-дуна, а за один только 1967 во время «культурной революции» выпущено в 8 раз больше — более 91 млн. экз.

В последние годы жизни Мао Цзэ-дун выдвинул направленную против «гегемонизма» теорию «трех миров» («сверхдержав», развитых и развивающихся стран) и положение о том, что Китай никогда не станет «сверхдержавой».

Осн. труды Мао Цзэ-дуна опубликованы в «Избр. произведениях» в пяти томах. Др. его работы помещены в «Избр. высказываниях», «Избр. военных произведениях», «Произведениях Мао Цзэ-дуна о положении в деревне», «Избр. произведениях Мао Цзэ-дуна о журналистской работе», «Избр. переписке Мао Цзэ-дуна», «Стихотворениях Мао Цзэ-дуна» (о его стихах см. ст. **Мао Цзэ-дун** в т. 3), в 13 томах «Рукописей и черновиков Мао Цзэ-дуна с основания гос-ва» и т.д.

Кит. историки и обществ. деятели выделяют шесть осн. аспектов теоретич. наследия Мао: 1) теория «новодемократич. революции»; 2) теория социалистич. революции и социалистич. строительства; 3) теория строительства революц. армии; 4) военная стратегия; 5) идейно-полит. работа и работа в обл. культуры; 6) теория парт. строительства.

В «Решении по нек-рым вопросам истории КПК» в 1981 особо выделены его заслуги в разработке «ядра марксистской диалектики — закона единства противоположностей» и понятия «специфичность». По Мао, не упуская из виду всеобщность противоречий, следует особое внимание уделять их своеобразию, выявить осн. противоречие и его гл. стороны, для разрешения разных по характеру противоречий использовать неодинаковые методы.

Методологич. принципы, составившие филос. основу совр. социально-экономич. курса КПК, определены в Китае как «позиция, подход и метод» «идей Мао Цзэ-дуна», их «живая душа» и сформулированы как «реалистич. подход к делу», «линия масс», «независимость, самостоятельность и опора на собств. силы».

Важнейшее место среди этих принципов занимает «реалистич. подход к делу», содержание и суть к-рого заключается в необходимости «во всем исходить из реальной действительности, увязывать теорию с практикой, сочетать всеобщие положения марксизма-ленинизма с конкретной практикой революции в Китае». Принцип необходимости придерживаться «линии масс», по оценке кит. ученых, имел важное значение, позволяя учитывать социально-психологич. настрой населения, реальные и субъективные интересы его широких слоев, опыт, полученный в результате апробации экономич. и полит. реформ путем локальных экспериментов. Принцип «независимости, самостоятельности и опоры на собств. силы» в упоминавшемся «Решении» определяется как диалектич. единство нац. усилий в строительстве нового об-ва и использования передового заруб. опыта с акцентом на «опору на собств. силы».

В «Решении по нек-рым вопросам истории КПК» (1981) был осужден и догматическо-апологетический подход к «идеям Мао Цзэ-дуна» («как к непреложной истине, к-рую следует слепо исполнять»), и нигилистич. отношение к ним, обусловленное его «ошибками».

Мао Цзэ-дун, несомненно, являлся самой крупной фигурой в истории Китая XX в. Все победы и поражения Мао Цзэ-дуна («серьезные ошибки» и «заслуги перед кит. революцией»), его вклад в полит. культуру и нац. историю — важная составная часть истории КНР, истории КПК.

***** *Мао Цзэ-дун.* Избр. произведения: В 5 т. Пекин, 1977; *он же.* Избр. произведения: В 4 т. М., 1952–1953; *он же.* Революция и строительство в Китае. М., 2000. ****** *Бурлацкий Ф.* Мао Цзэ-дун и его наследники. М.,1979; *он же.* Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер — это война, диктатура...». М., 1976; *Ван Мин.* Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975; *Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005; *Глунин В.И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921–1927 гг.): В 2 кн. М., 1975; *Делюсин Л.П.* Каково место Мао Цзэдуна в истории? // ААС. 2001, № 2, с. 22–26; *Панцов. А.* Мао Цзэ-дун. М., 2007; *Рахманин О.Б.* Взаимоотношения И.В. Сталина и Мао Цзэдуна глазами очевидца // ННИ. 1998, № 1, с. 78–91; *Румянцев А.М.* Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна». М., 1972; *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: Сравнительный анализ. М., 1983; *Титов А.С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэ-дуна: В 2 т. М., 1969–1970; *Усов В.Н.* История КНР: Учебник: В 2 т. М., 2006; *Чжан Юн, Холлидей Д.* Неизвестный Мао. М., 2007. *Шорт Ф.* Мао Цзэдун. М., 2001; Ваньнянь Мао Цзэ-дун (Мао Цзэ-дун в поздние годы жизни). Пекин, 1989; Ли Жуй вэньцзи: В 3 т. (Собр. соч. Ли Жуя). Чжуншань, 1999; *Ли Жуй.* Мао Цзэ-дун тунчжиды чуци гэмин ходун (Начальный период революционной деятельности тов. Мао Цзэ-дуна). Пекин, 1957; *Ли Ин-яо.* Цзоу сян шэньтаньды Мао Цзэ-дун (Мао Цзэ-дун, идущий к своей святости). Пекин, 1989; Мао Цзэ-дун цзяши (Род Мао Цзэдуна) / Сост. Ли Сян-вэнь. Пекин, 1989; Цзай лиши цюйжэнь шэньбянь. Ши Чжэ хуйилу (Рядом с историческим исполином: Воспоминания Ши Чжэ). Пекин, 1991; *Ян Куй-сун.* Мао Цзэ-дун юй Мосыкэды эньэньюаньюань (Мао Цзэ-дун и любовь и ненависть Москвы). Наньчан, 1999; *Kurland I.* Mao Tse-tung the Founder Communist China. N.Y., 1972; Mao Tse-tung Unrehearsed: Talks and Letters, 1956–1971 / Ed. and introd. by S. Schram. L., 1974; *Payne R.* Portrait of a Revolutionary: Mao Tse-tung. L., 1961; *Rice E.E.* Mao's Way. L., 1974; *Schram S.* Political Leaders of the Twentieth Century: Mao Tse-Tung. L., 1966; *idem.* The Political Thought of Mao Tse-tung. N.Y., 1969.

В.Н. Усов

МАОЦЗЭДУН СЫСЯН

毛澤東思想

Маоцзэдун сысян — «идеи Мао Цзэ-дуна». Полит. теория и практика, основой к-рых является система идеологич. установок **Мао Цзэ-дуна** (1893–1976). Были приняты в качестве офиц. идеологии КПК и КНР до его смерти. В 60–70-х XX в. стали базой идейно-полит. течения в рамках коммунистич. и нац.-освоб. движения под назв. «маоизм» (*маочжуи*). В КНР избегали употреблять термин «маоизм», хотя во время **«культурной революции»** (1966–1976) в листовках, воззваниях и *дацзыбао* **хунвэйбинов** была попытка легализовать термин «маоцзэдунизм» (*маоцзэдун чжуи*) как «дальнейшее развитие марксизма-ленинизма». Официально в парт. документах принят термин *маоцзэдун сысян*.

«Идеи Мао Цзэ-дуна» прошли длительную эволюцию, в ходе к-рой формировались политические и теоретич. взгляды Мао Цзэ-дуна, и в первую очередь это базовые полит. установки КПК, разработанные Мао в годы Войны сопротивления Японии (1937–1945). Кит. историография связывает формирование этих установок с совещанием в Цзуньи (янв. 1935), на к-ром был положен конец «господству» в партии «левоавантюристич. линии» **Ван Мина**. В 1943 в выступлениях руководителей КПК появился термин «идеи Мао Цзэ-

дуна» (считается, что его ввели Ван Цзя-сян и **Чжан Вэнь-тянь**), а сам он стал именоваться «Председателем Мао» (*Мао чжуси*) и «вождем партии» (*данды линсю*). В принятом на VII пленуме ЦК КПК 6-го созыва (апр. 1945) «Решении по нек-рым вопросам истории нашей партии» появление «идей Мао Цзэ-дуна» трактовалось как объективная закономерность развития марксизма в Китае, «идеи Мао Цзэ-дуна» стали представлять как «китаизированную марксистскую философию». В отличие от прежних программных документов КПК в нем не было упоминания ни о влиянии Октябрьской революции на подъем революц. движения в Китае, ни о роли Коминтерна в создании КПК и разработке ее стратегии и тактики. На состоявшемся в том же году VII съезде КПК «идеи Мао Цзэ-дуна» были объявлены «превосходным образцом нац. марксизма» и закреплены в новом Уставе партии в качестве ее теоретич. платформы.

К тому времени гл. содержание «идей Мао Цзэ-дуна» составляла **теория «новой демократии»** (*синь миньчжучжуи*; см. в Общем разделе), созданная им на рубеже 30–40-х в соответствии с принципом «китаизации марксизма» применительно к конкретным условиям страны. Теория «новой демократии», тесно связанная с тактикой сохранения антияп. единого нац. фронта, содержала в себе долгосрочную стратегию послевоенной модернизации Китая. Полит. программа «новой демократии», с одной стороны, была направлена на обеспечение единства кит. нации путем объединения широких социально-полит. сил вокруг КПК в рамках «новодемократического» блока и создания на его основе гос-ва «новой демократии» под рук-вом коалиционного пр-ва, с другой — на раскол и изоляцию Гоминьдана, представлявшего интересы помещиков, компрадорской и бюрократич. буржуазии, к-рые рассматривались как враги кит. нации. Экономич. программа предусматривала уничтожение феодальной системы землевладения и передачу земли крестьянам в частную собственность, ликвидацию бюрократич. и компрадорского капитала, а также ограничение крупного нац. капитала. Ключевые позиции в экономике предполагалось передать «новодемократическому» гос-ву, к-рое поощряло бы частнокапиталистич. предпринимательство и широко привлекало в страну иностр. капитал. По существу, речь шла об использовании капитализма в целях скорейшего наращивания экономич. потенциала и превращения Китая в высокоразвитое индустриально-аграрное гос-во.

С разгромом милитаристской Японии в 1945 рук-во КПК не только не отказалось от лозунга «новой демократии», но, напротив, продолжало проведение этой политики. В то же время Мао Цзэ-дун стал постепенно склоняться к «ограничению» буржуазии и накануне революции 1949 пошел на пересмотр теории «новой демократии» с целью начать процесс развития кит. об-ва по пути к социализму. Был принят курс на установление демократич. диктатуры народа, руководящей силой к-рой провозглашался рабочий класс, что по существу отменяло концепцию «новодемократического» об-ва как отдельного ист. этапа в послевоенном развитии страны. Новый курс лег в основу парт. и гос. документов, определявших послевоенное развитие Китая.

В 1953 Мао Цзэ-дун утвердил генеральную линию переходного периода к социализму, разработанную с учетом опыта построения социализма в СССР и специфич. условий Китая и направленную на социалистич. индустриализацию и установление социалистич. производств. отношений путем постепенного преобразования всех сфер народного хоз-ва. Построение социализма в Китае предполагало тесный союз с СССР и получение от него всесторонней помощи.

В 1956 в выступлении «О десяти важнейших взаимоотношениях» Мао Цзэ-дун подверг критике советскую модель строительства социализма и призвал учитывать специфич. условия Китая, требующие «правильного» регулирования взаимоотношений между различными отраслями экономики и осн. направлениями внутр. и внеш. политики. В 1957 в речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» он провозгласил курс на «длительную классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией», вылившуюся в нескончаемую борьбу с «правым уклоном» внутри партии.

На VIII съезде КПК в 1956 курс на ускоренное социально-экономич. развитие КНР был расширен до «трех модернизаций»: промышленности, сельского хоз-ва, науки и культуры. Однако попытка реализации этого плана методами «большого скачка» (1958–1960) нанесла катастрофич. ущерб экономике и привела к социальному кризису. В КНР вернулись к установке на модернизацию страны, и в кон. дек. 1964 на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва **Чжоу Энь-лай** заявил о необходимости проведения «четырех модернизаций»: промышленности, сельского хоз-ва, науки и обороны. Начавшаяся в 1966 «культурная революция» вновь надолго затормозила развитие страны.

Выдвинутый Мао Цзэ-дуном тезис о «классовой борьбе как главном противоречии» в жизни страны составил теоретич. обоснование проводившейся им с 1966 по 1976 «культурной революции». Внешнеполит. составляющей этого тезиса явилась концепция «трех миров» — двух «сверхдержав», развитых стран и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, включая КНР, совместно борющихся против «гегемонизма» «сверхдержав», прежде всего против «социал-империализма» (под к-рым подразумевался Советский Союз).

После завершения «культурной революции» вопрос об отношении к «идеям Мао Цзэ-дуна» и его роли в истории кит. революции и строительства социализма в КНР был по итогам длительной дискуссии рассмотрен в 1981 на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва, принявшем подготовленное под рук-вом **Дэн Сяо-пина** «Решение по нек-рым вопросам истории КПК со времени образования КНР». В нем были подвергнуты критике «левацкие ошибки» Мао Цзэ-дуна, на к-рого возлагалась гл. ответственность за «культурную революцию». Подверглись критике и основанные на положениях Мао о «продолжении революции при диктатуре пролетариата» «левацкие руководящие идеи» преемника Мао Цзэ-дуна на посту Председателя ЦК КПК **Хуа Го-фэна**, к-рый проводил курс на «два абсолюта» («абсолютно все решения, вынесенные Председателем Мао, мы должны решительно соблюдать; абсолютно всеми указаниями Председателя Мао мы должны неизменно руководствоваться»).

Вместе с тем в «Решении» отмечалось, что «заслуги» Мао Цзэ-дуна в целом «в значительной степени преобладают над промахами», и подчеркивалась главенствующая роль Мао и его «идей» в периоды революции и социалистич. строительства. «Идеи Мао Цзэ-дуна» были объявлены «продуктом соединения общих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой кит. революции», выработанным «коллективным разумом партии». Что касается «ошибок», то авторы «Решения» представляли их противоречащими «науч. содержанию идей Мао Цзэ-дуна».

При освещении истории КПК с 1921 по 1949 была взята за основу версия, принятая VII пленумом ЦК КПК (апр. 1945), согласно к-рой история партии представляла собой борьбу Мао Цзэ-дуна с различными внутрипарт. «уклонами». При перечислении различных аспектов «обогащения и развития марксизма-ленинизма» Мао Цзэ-дуном особо выделялась его теория «новой демократии». Вторым важнейшим «вкладом в марксизм-ленинизм» объявлена его концепция социалистич. революции и социалистич. строительства. «Идеи Мао Цзэ-дуна» провозглашены «коллективной мудростью партии», вобравшей в себя теоретич. достижения всех ее видных деятелей.

Основываясь на данном «Решении», исследователи КНР включали в состав «идей Мао Цзэ-дуна» учение о социалистич. преобразовании сельского хоз-ва, кустарной промышленности и торговли, о «демократич. диктатуре народа» как гос-ве переходного периода от «новой демократии» к социализму, о разрешении противоречий внутри народа в период построения социализма и о пути индустриализации Китая. К системе «идей Мао Цзэ-дуна» относились также теория строительства народных вооруженных сил и военной стратегии (принципы воен. строительства, идея народной войны, разработка доктрины модернизации обороны Китая), учение о стратегии и тактике, об идейно-полит. и культурной работе, о парт. строительстве.

Особое значение кит. исследователи придают теориям Мао о «новой демократии» и социалистич. строительстве, целью к-рых было воплощение

нац. идеи «сильного гос-ва и богатого народа». Подчеркивая закономерность возникновения науч. системы «идей Мао Цзэ-дуна», обусловленного кит. спецификой, офиц. наука КНР в то же время уделяет большое внимание развитию в «идеях Мао Цзэ-дуна» самой теории марксизма-ленинизма.

毛泽东同志是当代最伟大的马克思列宁主义者

По мнению кит. авторов, «идеи Мао Цзэ-дуна» имели два источника: один — марксистская философия (ее советский вариант), другой — кит. традиц. мысль; Мао был плохо знаком с оригинальными филос. трудами К. Маркса, поэтому в его филос. идеях отчетливо видно «отсутствие гуманистич. фактора». Личный секретарь Мао Цзэ-дуна Ли Жуй отмечал, что знание Мао кит. классики «намного превышало уровень его знания марксизма». В последний период жизни Мао Цзэ-дуна его идеи имели явный характер волюнтаризма и утопизма. Он непрерывно развязывал полит. кампании, надеясь с помощью циклических «великих потрясений в Поднебесной установить в ней великий порядок», т.о. в его идеях отражались характерные для кит. традиции полит. представления о чередовании смуты и порядка. Мао часто приравнивал теорию классовой борьбы к материалистич. пониманию истории, что, по оценке кит. авторов, было извращением взглядов Маркса.

Установки Мао 1956–1976 — периода преобладания «левой» тенденции в его теоретич. и практич. деятельности принято относить к его т.н. поздним идеям. «В строгом смысле», подчеркивали кит. обществоведы, к ним можно относить лишь установки периода «культурной революции», т.к. в 1957–1966 его «ошибочные» идеи еще не составляли единую систему взглядов.

Но даже и в позднейший период, как утверждается в Китае, Мао высказывал наряду с «ошибочными» и «правильные» взгляды; «переплетение» тех и других было «очевидной особенностью» «поздних идей Мао Цзэ-дуна». К его осн. «ошибкам» отнесены прежде всего «отрицание правильных положений» VIII съезда КПК о главном противоречии при социализме, к-рое Мао Цзэ-дун отождествлял с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией, приведшее в конечном итоге к развязыванию «культурной революции», а также все его установки периода «культурной революции».

Вместе с тем кит. исследователи отметили объективные и субъективные причины, обусловившие появление «левых ошибок» у Мао Цзэ-дуна. Это отрыв от социальной реальности, от масс, подмена волюнтаристскими идеями объективного анализа реальной ситуации, опасения по поводу «возрождения капитализма» и «возникновения ревизионизма» в КНР, желание сохранить «чистоту» революции, отсутствие соответствующего механизма ограничений перед лицом абсолютной власти Мао Цзэ-дуна.

***** Мао Цзэ-дун сюаньцзи (Избр. соч. Мао Цзэ-дуна). Харбин, 1948; Мао Цзэ-дун сюньцзи (Избр. соч. Мао Цзэ-дуна). Т. 3–4. Пекин, 1964; *он же.* Выдержки из произведений. Пекин, 1967; Мао Цзэ-дун чжуцзо сюаньду (Избр. соч. Мао Цзэ-дуна). Т. 2. Пекин, 1986; *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения: В 4 т. М., 1952–1953; *он же.* Революция и строительство в Китае. М., 2000. ****** Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1977; *Румянцев А.М.* Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна»: (Об антимарксистской сущности маоизма). М., 1972; *Ли Жуй.* Мао Цзэ-дун в последние годы жизни // ПДВ. 1990, № 1, с. 129–132; *Шорт Ф.* Мао Цзэ-дун. М., 2005; Ли Жуй вэньцзи (Собр. соч. Ли Жуя): В 3 т. Хайкоу, 1999; *Ляо Гай-лун.* Мао Цзэ-дун сысян ши (История идей Мао Цзэ-дуна). Сянган, 1993; Мао Цзэ-дун юй Чжунго сяньдайхуа (Мао Цзэ-дун и модернизация Китая) / Ред. Чжан Вэнь-жу. Пекин, 1993; *Не Юань-дун.* Новое понимание философских идей Мао Цзэ-дуна // Вопр. философии. 2007, № 5; *Цю Цин-бяо.* Чаоюэ утобан: Мао Цзэ-дун ды шэхуйчжуи гуань (Преодоление утопий: Социалистические взгляды Мао Цзэ-дуна). Пекин, 1996; *Чэнь Мин-сянь.* Ван нянь Мао Цзэ-дун. 1953–1976 (Последние годы Мао Цзэ-дуна, 1953–1976). Наньчан, 1998; *Chang Jung, Halliday J.* Mao: the Unknown Story. N.Y., 2006.

Д.А. Смирнов, В.Н. Усов

从毛主席为代表的无产阶级革命路线万岁!

«МАО ЧЖУСИ ЮЙЛУ»

毛主席語錄

«Мао чжуси юйлу» — «Изречения Председателя Мао», «Выдержки из произведений Председателя Мао», «Цитатник Председателя Мао». На Западе сборник цитат **Мао Цзэ-дуна** известен под назв. «The Little Red Book» («Красная книжечка») по цвету и размеру массового карманного издания. В годы **«культурной революции»** (1966–1976) каждый гражданин КНР был обязан иметь при себе «Цитатник» и ежедневно читать его. В открытой печати появился в Пекине в сер. авг. 1966. Судя по предисловию Гл. полит. управления НОАК (датировано 1 авг. 1965), закрытое издание для военных было предпринято еще в мае 1964. Начиная с мая 1961 армейская газ. «Цзефанцзюнь бао» по указанию **Линь Бяо** из номера в номер стала публиковать в качестве своеобр. эпиграфа к газ. номерам изречения (*юйлу*) Мао Цзэ-дуна для переписывания и пропаганды их в виде лозунгов и транспарантов. Военнослужащие должны были вырезать из газеты эти изречения и собирать в самодельные сборники. Составленный на основе газ. публикаций «Цитатник» был напечатан отд. брошюрой по указанию министра обороны Линь Бяо для того, чтобы его имел при себе каждый солдат НОАК.

Сигналом к массовому тиражированию послужило решение ЦК КПК от 7 авг. 1966, к-рое призывало «кадровых работников и рабочих всех изд-в, типографий и учреждений страны немедленно мобилизоваться и приложить все усилия к выпуску и распространению трудов Председателя Мао Цзэ-дуна», и уже 22 авг. 1966 **хунвэйбинам** Пекина были выданы книжки объемом 270 с. в красной пластиковой обложке.

В сборнике всего 427 цитат из ок. двух десятков работ и выступлений Мао, опубликованных до 60-х XX в. Материал распределен по 33 тематич. главам: «Коммунистическая партия», «Классы и классовая борьба», «Правильно разрешать противоречия внутри народа», «Империализм и все реакционеры — бумажные тигры», «Трудолюбие и бережливость в строительстве страны», «Опираться на собств. силы, упорно и самоотверженно бороться», «Метод мышления и метод работы», «Искоренять ошибочные взгляды», «Культура, искусство» и т.д.

По мысли составителей, «Цитатник» должен был кратко представить читателю осн. «идеи Мао Цзэ-дуна» (**маоцзэдун сысян**), по отдельным выражениям и фразам путем «творческого применения» цитат предлагалось найти решение любой проблемы или дать ответ на любой вопрос. Как утверждал Линь Бяо, «идеи Мао Цзэ-дуна — как только ими овладеют широкие народные массы — становятся неиссякаемой силой, всесокрушающей духовной атомной бомбой». Они наделялись почти магич. силой, фактически им придавался характер религ. догм и заклинаний, с помощью к-рых можно якобы совершать чудеса. «Цитатник» должен был стать в кит. об-ве чуть ли не новым **«Лунь юем»** («Суждения и беседы»; см. т. 1) **Конфуция** (552/551–479 до н.э.), к-рый в традиц. Китае заучивали и знали наизусть все образованные люди. Постоянное повторение, как и многократное переписывание одних и тех же цитат из «Цитатника» без уяснения их смысла, было схоже с буд. практикой произнесения мантр и дхарани (**толони**; см. т. 2) или переписывания сутр с целью обретения блага.

В кон. 1966 вышло след. издание «Цитатника» с предисл. Линь Бяо. А к нояб. 1968, т.е. всего за 2 года, было напечатано более 740 млн. экз. «Цитатник» был переведен на 22 языка, включая все осн. европ. и азиатские яз., а также эсперанто. Общий тираж «Цитатника», по кит. данным, составил 6,28 млрд. экз. Офиц. издание на рус. яз. (*Мао Цзэ-дун*. Выдержки из произведений) вышло в Пекине в 1967 и неск. раз переиздавалось (напр., в 1972).

Цитаты Мао должны были изучать как в рабочее время (считалось, что это является не отвлечением от работы, а, наоборот, стимулом к более эффективной работе), так и во время отдыха, организовывались спец. кружки по их изучению. Они зачитывались хором пассажирами автобусов, троллейбусов, трамваев и поездов. На фотографиях и плакатах 1966–1971 нередко можно видеть людей с «Цитатниками» в руках. *Хунвэйбины* и *цзаофани* могли потребовать у любого предъявить «красную книжечку» и привести на память

отрывок, и если книги не было или он не помнил цитат, могли жестоко избить или арестовать.

После гибели Линь Бяо в сент. 1971 его предисловие и все упоминания о нем были изъяты из «Цитатника», однако издание и организованное изучение цитат Мао Цзэ-дуна было прекращено лишь к концу «культурной революции». «Цитатник» превратился в реликвию «культурной революции», ныне его можно купить как сувенир на кит. рынках.

***** Мао чжуси юйлу (Выдержки из произведений председателя Мао). Пекин, 1966.

См. также лит-ру к ст. **Маоцзэдун сысян.**

В.Н. Усов

«МИН ШИ»

明史

«Мин ши» — «История [династии] Мин». Офиц. история (*чжэн ши*) дин. Мин (1368–1644). Состоит из четырех разделов, 332 частей (цзюаней): 1. «Основные анналы» (*бэнь цзи*), цз. 1–24; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]): астрономия (*тянь-вэнь*), пять первоэлементов (*у син*), календарь (*ли*), география (*ди ли*), ритуал (*ли* [*2*]), музыка (*юэ* [*1*]), гвардия (*и вэй*); колесницы и одежда (*юй фу*), экзаменационная система (*сюаньцзюй*), чиновничество (*чжигуань*), экономика (*ши хо*), реки и каналы (*хэ цюй*), войско (*бин*), уголовное законодательство (*син фа*), лит.-библиографич. раздел (*цзин цзи*), цз. 25–99; 3. «Таблицы» (*бяо*), цз. 100–113; 4. «Биографии» (*ле чжуань*), цз. 114–332. Время составления 1679–1739. Составитель — комиссия во главе с **Чжан Тин-юем** (1672–1755).

Первая историографич. комиссия для написания истории Мин во главе с Фэн Цюанем и Хун Чэн-чоу была учреждена указом имп. Ши-цзу (прав. под девизом Шунь-чжи в 1644–1661) в 1645, однако спустя 10 лет составители, занимавшиеся в основном сбором материала, фактически прекратили свою деятельность. В 1665 был издан новый указ о возобновлении работы по составлению «Мин ши», но она началась только после того, как указом 1679 была создана другая историографич. комиссия. В нее вошли ученые, получившие степень «выдающихся эрудитов» (*босюэ хунцы*, *босюэ хунжу*) на гос. экзаменах, специально проведенных в 1679 для привлечения талантливых людей на гос. службу. В комиссию были включены Чжу И-цзунь (1629–1709), Мао Ци-лин (1623–1716), Ю Тун (1618–1704), Пань Лэй (1646–1708), Пэн Суньюй (1631–1700), Е Фан-ай (1629–1682) и др. Возглавил ее Сюй Юань-вэнь (1634–1691), к-рого впоследствии на посту гл. редактора (*цзунцай*) сменяли Чэнь Янь-цзин (1639–1712), Чжан Юй-шу (1642–1715) и Ван Хун-сюй (1645–1723). Последний в 1714 представил имп. Шэн-цзу (прав. под девизом **Кан-си** в 1662–1722) черновой вариант разд. «Биографии» «Мин ши», а затем и черновик всего труда, состоящий из 310 цз. Этот текст позже стал именоваться «Черновой рукописью истории Мин» («Мин ши гао»). Значительный вклад в его создание внес выдающийся историк Вань Сы-тун (1638–1702), последователь ученого-просветителя **Хуан Цзун-си** (1610–1695; см. т. 1). В 1724 был издан новый указ, предписывающий комиссии во главе с Чжан Тин-юем на основе черновика подготовить окончательный текст «Мин ши». Эта работа полностью была завершена в 1739, в царствование имп. Гао-цзуна (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795).

***** *Чжан Тин-юй.* Мин ши (История [династии] Мин). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 864–915); *Пещуров Д.А.* Землетрясения, бывшие в Китае во время Минской династии: (Извлечения из истории Минской династии Мин-ши) // Записки Имп. Русского географического общества. 1860, т. 29, разд. V, 8, с. 41–59; Хрестоматия по истории Китая в средние века. М., 1960. ****** *Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы: Лекции, читанные заслуж. проф. С.-Петерб. Имп. университета В.П. Васильевым. СПб., [1887], с. 260; *Горбачева З.И.* Краткое описание китайских ксилографических изданий в коллекции Института народов Азии. Вып. 2. История. Л., 1961, с. 60–63; *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *он же.* «История (династии) Мин»: происхождение текста и некоторые его особенности // ИИИСАА. 1974, вып. 3, с. 91–107; *Покотилов Д.Д.* История

восточных монголов в период династии Мин, 1368–1644: (По китайским источникам). СПб., 1893; *Ли Цзу-е.* Чжунго лиши яоцзи цзешао (Важнейшие труды по истории Китая). Шанхай, 1982, с. 391–400; *Хуан Юн-мэй.* «Мин ши» каочжэн (Исследование «Мин ши»): В 2 т. Пекин, 1979–1980; *Цюй Линь-дун.* Лунь эрши лю ши (О 26 династийных историях) // Шисюэ юй шисюэ пинлунь (История и историческая критика). Хэфэй, 1998, с. 105–108; Чжунго шисюэ минчжу тицзе (Аннотированное описание знаменитых произведений китайской историографии) / Ред. Чжан Шунь-хуй. Пекин, 1984, с. 163–168; *Courant M.* Catalogue des livres chinois, coréens, japonais, etc. T. 1. P., 1902, p. 9; *Wylie A.* Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and a List of Translations from the Chinese into Various European Languages. Shanghai–London, 1867, p. 19.

Б.Г. Доронин, И.Ф. Попова

МИНЬ НИН

旻寧

Минь Нин (1781–1850) — шестой император дин. Цин (1644–1911), храмовое имя (*мяо хао*) Сюань-цзун, правил в 1820–1850 под девизом (**нянь хао**) Дао-гуан. В 1813 за личное мужество в отражении атаки заговорщиков на императорский дворец в период антицинского восстания секты *тяньли-цзяо* («учение Небесного принципа»), к-рая относилась к традиции **байлянь-цзяо** («учение Белого лотоса»; см. т. 2), ему был присвоен титул князя 1-й степени (великого князя) — *Чжи цин-ван.*

После смерти отца 2 сент. 1820 Минь Нин официально был объявлен наследником престола, а 3 окт. — императором. Тогда же его первонач. имя Мянь Нин было заменено на Минь Нин. После подавления восстания мусульман в Вост. Туркестане в 1825–1828 и казни его руководителя Джехангира новый правитель Китая сосредоточил свое внимание на внутр. проблемах страны. Еще в 1825 он попытался организовать перевозку казенного зерна, поступавшего от сбора налогов, морским путем, т.к. состояние Великого канала, а также ирригационных сооружений на Хуанхэ было крайне неблагополучным.

Богдохан, активно проводивший политику всемерной экономии денежных средств, был серьезно обеспокоен ввозом иностр. купцами (гл. обр. англичанами и американцами) в Гуанчжоу опиума, за к-рый мелким торговцам и потребителям приходилось расплачиваться серебром. Утечка серебра за границу в обмен на опиум, потребление к-рого негативно сказывалось на здоровье населения и его нравах, побудила Минь Нина отправить в Гуанчжоу своего уполномоченного **Линь Цзэ-сюя** (1785–1850). Предпринятые им решительные меры (конфискация ввезенного опиума и публичное сожжение его) вызвали недовольство иностр. негоциантов и их администрации, что в конце концов привело к первой «опиумной» войне (1840–1842). Она завершилась подписанием в Нанкине 29 авг. 1842 первого для Китая неравноправного договора, узаконившего ввоз опиума и открытие для иностр. торговли пяти портов. Острая нехватка казенных денежных средств, часть к-рых шла на уплату военной контрибуции Англии за счет провинц. кассы и отчасти купечества, не могла не сказаться на положении осн. массы населения, жестоко страдавшего не только от роста цен на продукты и предметы первой необходимости, но и лихоимства коррумпированного чиновничества. Из-за отсутствия казенных средств остановилась транспортировка зерна по Великому каналу, в результате остались без работы сотни тыс. людей, занятых в его обслуживании. Недовольство простого люда в провинциях Юньнань, Хунань и Гуанси переросло в антиправительств. выступления, ставшие прелюдией мощной крестьянской войны *тайпинов* (1850–1864).

После смерти имп. Минь Нина престол занял его сын **И Чжу**.

** *Дай И.* Чжунго цзиньдай шигао (Очерк истории Китая в новое время). Т. 1. Пекин, 1958; *Сунь Вэнь-фань, Фэн Ши-бо, Ю Бо-мин.* Дао-гуан ди (Император Дао-гуан). Тяньцзинь, 1993.

А.Н. Хохлов

Мо Ди *см.* т. 1

Мулу — «каталог». Термин появился еще в древности и, скорее всего, соответствовал совр. понятию «оглавление», в значении «каталог» встречается уже в «Истории [династии] Хань» (**«Хань шу»**), подготовленной под рук-вом ученого и гос. деятеля **Бань Гу** (32–92). В кит. традиции каталоги относили к трудам по истории, рассматривая их как тип произведений ист. лит-ры. Как правило, это систематизированные аннотированные списки лит-ры, составленные в соответствии с гос. доктриной. Использовавшиеся в этих трудах классификационные схемы имели сложную структуру, к-рая отражала представления об осн. отраслях знаний, их иерархии и роли в жизни об-ва. Каталогам придавалось очень важное значение, их готовили под эгидой гос-ва, т.к. задача составителей состояла в регистрации путем отбора наиб. значимых с т. зр. властей письм. памятников, их систематизации и описании. К тому же только гос-во в старом Китае располагало самыми полными собраниями книг, доступ к к-рым имели лишь придворные ученые. Составление *мулу* поручалось наиболее известным из них. Уже в древности все, связанное с их подготовкой, выделилось в особое направление *мулу-сюэ* («каталоговедение», совр. «библиография»).

Создателями первых *мулу* считают известного ханьского ученого, хранителя императорской библиотеки **Лю Сяна** (77–6 до н.э.; см. т. 1) и его сына Лю Синя (53 до н.э. — 23 н.э.). Лю Сян не имел предшественников, и его труд «Бе лу» («Особые реестры») стал первым опытом описания памятников письм. культуры. По спец. указу императора группа придворных ученых под рук-вом Лю Синя подготовила труд «Ци люэ» («Семь сводов»), содержавший описание книг, хранившихся в императорской библиотеке в Чанъани. Его составители старались следовать рекомендациям, изложенным Лю Сяном. С этого рубежа процесс становления и развития *мулу* происходил в основном на двух уровнях: подготовка сводных каталогов (за всю историю императорского Китая их было создано сравнительно немного), а также составление библиографич. разделов династийных историй и нек-рых др. трудов. Первый раздел «И вэнь чжи» («Библиографический трактат», «Трактат о литературе и искусствах») в «Хань шу» (цз. 30), ставший образцом для последующих «И вэнь чжи», представляет собой основанный на труде Лю Синя каталог важнейших сочинений кит. лит-ры, сохранившихся ко времени падения дин. Ранняя Хань. В III–VI вв., когда страна распадалась на отдельные гос-ва и объединялась под властью сменявших друг друга династий, многие хранилища книг и императорские библиотеки погибли, однако собирание книг и восполнение утраченного путем приобретения или переписки, а также составление каталогов не прекращалось. Было создано неск. крупных каталогов дворцовых и частных библиотек.

Со времен правления дин. Тан (618–907), когда составление династийных историй приобрело регулярный характер, раздел «И вэнь чжи» (в **«Суй шу»** и **«Цзю Тан шу»** именуется «Цзин цзи чжи» — «Трактат о канонах и литературе») стал важной составной их частью. Династийные истории — гл. произведение кит. историографии, их авторитет в ученой среде был непререкаем. Поэтому содержащиеся в них библиографич. сведения пользовались особым доверием и были более доступны, чем те, что содержались в сводных каталогах. Из 24 династийных историй такие разделы имеются в восьми, причем в трех из них они появились лишь в XVIII в., много веков спустя после появления самих историй. Разделы эти и поныне пользуются в Китае огромной популярностью и неоднократно издавались самостоятельно. В эпоху Тан библиографич. разделы появились также в сводных трудах энциклопедич. характера, а несколько позже и в ист.-географич. описаниях (**фан чжи**). Т.о., *мулу* стали неотъемлемой частью офиц. историописания.

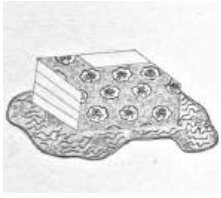
Разработка классификационных схем составителями *мулу* органически связана с «учением о символах и числах» (**сяншучжи-сюэ**; см. т. 1), к-рое в древнем Китае выступало своеобр. методологией науч. знания. Немаловажное значение имела также концепция «выправления имен» (**чжэн мин**; см. т. 1). Становление и развитие классификационных схем нередко связывают с именем

Конфуция (см. также т. 1). Большое внимание данной проблематике уделял также **Сюнь-цзы** (ок. 313 — 238 до н.э.; см. также т. 1) и др. мыслители древнего Китая. Приступая к работе над «Ци люэ», Лю Синь опирался на богатую и хорошо разработанную традицию. В его труде все книги классифицированы по 7 разделам (*люэ*), к-рые соответствовали осн. направлениям науки того времени: «шестикнижие» (*лю и*), «мыслители разных школ» (*чжу цзы*), «стихи и оды» (*ши фу*), «военные трактаты» (*бин шу*), «гадания и предсказания» (*шу шу*) и «медицина и магия» (*фан цзи*), «сборники деловых текстов» (*цзи* [*21*]). Разработанная Лю Синем схема очертила сложившиеся границы науч. знания и определила место каждого из его направлений. Кроме того, расположив в определенном порядке в пределах каждого раздела относящиеся к нему жанры, Лю Синь попытался закрепить за каждым из них его место в классификационной схеме.

Дальнейшее развитие *мулу* шло по линии совершенствования классификационных схем, определения общих принципов классификации лит-ры. До конца III в. доминировала 7-членная схема, разработанная Лю Синем. В каталоге «Чжун цзин» («Каноны из внутренних [покоев]»), составленном ученым из гос-ва Зап. Цзинь (265–316) Сюнь Сюем (ум. в 289), впервые появляется 4-членная схема — классификация по четырем разделам (*сы бу*). Осн. разделы названий не имели и обозначались первыми четырьмя циклич. знаками (*цзя* [*1*], *и* [*9*], *бин* [*1*], *дин* [*1*]). Содержание каждого раздела было четко определено: в них оказались сгруппированы 4 осн. категории сочинений — «каноны» (*цзин* [*1*]), «мыслители» (*цзы* [*3*]), «история» (*ши* [*9*]) и «сборники» (*цзи* [*6*]). Схему Сюнь Сюя видоизменил Ли Чун (455–525), к-рый в своем «Каталоге по четырем разделам» («Сы бу шу му») на второе место поставил «историю», отодвинув «мыслителей» на третью позицию. Очень важное место в эволюции классификационных схем занимает труд ученого из гос-ва Лян (502–557) Жуань Сяо-сюя «Ци лу» («Семь реестров»), в к-ром предпринята попытка совместить два осн. принципа систематизации. Законченный вид 4-членная схема обрела в библиографич. разделе «Цзин цзи чжи» «Истории [династии] Суй» (**«Суй шу»**) — каждый из 4 разделов окончательно обрел свое место и получил название.

Своеобраз. итогом многовековой работы по совершенствованию каталогов стал «Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам» («Сы ку цюань шу цзунму тияо», 200 цз.), в к-ром классификация ист. произведений обрела завершенный вид. Он был создан во 2-й пол. XVIII в. по указанию имп. Гао-цзуна (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795) и, венчая проводившуюся в империи Цин на протяжении неск. десятков лет тотальную ревизию всего письм. наследия, зафиксировал лишь то, что получило одобрение властей и на долгие годы должно было стать ориентиром для ученой элиты. Подготовка каталога была тесно сопряжена с реализацией др. крупномасштабного проекта цинских властей — создания «Коллекции всех книг по четырем разделам» (**«Сы ку цюань шу»**), в к-рой все произведения сгруппированы по 4 разделам (*ку* — «хранилище») и к-рая считается одним из высших достижений офиц. письменной культуры императорского Китая.

Над составлением «Сы ку цюань шу цзунму тияо» на протяжении 10 лет трудились неск. сот ученых и неск. тыс. переписчиков, сверщиков текста и т.д. Руководила работой группа из 16 чел., в т.ч. и три сына императора; возглавлял ее ученый и литератор, гос. деятель **Цзи Юнь** (1724–1805; см. т. 3). Каталог содержит сведения о 10 289 трудах. Весь материал делится на 4 раздела: «каноны», «история», «мыслители» и «сборники». Каждый из них снабжен спец. предисловием, раскрывающим содержание раздела. В свою очередь, все сочинения, отнесенные к определенному разделу, подразделяются на виды (их в каталоге 44), в нек-рых случаях на подвиды (всего их 65). В текстах-заставках сообщается об особенностях каждой такой группы произведений. Все названия произведений сопровождаются аннотациями (часто пространными) со сведениями о нем и авторе.



Высокий офиц. статус каталога, личная причастность к его созданию императора и его семьи превращали этот труд в важнейший нормативный гос.

документ. Он во многих отношениях уникален и рассматривается в Китае как одно из важнейших достояний нац. культуры и поныне продолжает оказывать огромное воздействие на изучение культурного наследия. Почти до сер. XX в. в Китае готовились различные дополнения к этому каталогу, пытались создавать по его подобию новые.

После падения империи Цин *мулу* как особый тип произведений ист. лит-ры перестал существовать. Этим термином стали обозначать обычные библиографич. каталоги, а их составлением занимаются специалисты библиотечного дела.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 146–149; *Меньшиков Л.Н.* Из истории китайской книги. СПб., 2005, с. 10–132; *Ван Би-цзян.* Мулу-сюэ яньцзю (Изучение «мулу сюэ»). Шанхай, 1956; *Яо Мин-да.* Чжунго мулу сюэ ши (История «мулу сюэ» в Китае). Шанхай, 1957.

Б.Г. Доронин

Мэн-цзы *см.* т. 1

МЯНЬ ГУАНЬ

免官

Мянь гуань («лишение должностей») — второе по тяжести из триады должностных наказаний (**чу мянь**). Лишению должностей подвергались:

осужденные на разжалование (**чу мин**) за вовлечение в развратные сношения, хищение, похищение людей или получение взятки с последующим нарушением (искажением) закона в пользу взяткодателя (*шоу цай ван фа*; см. **Лю цзан**) — если по вынесении приговора провозглашалась амнистия, не отменяющая приговор к наказанию по осн. шкале (см. **У син**) полностью, но лишь уменьшающая степень тяжести наказания;

виновные в вовлечении в развратные сношения, хищении или похищении людей, совершенных вне сферы администр. ответственности, — если мерой осн. наказания была каторга (*ту* [*4*]) или более тяжкое наказание;

виновные в преступлениях, наказуемых каторгой или ссылкой, — если по окончании судебного дела совершили побег;

виновные в том, что музицировали, слушали исполняемую другими музыку или женились в то время, когда кто-либо из их родителей или родителей их отца, совершивший наказуемое смертной казнью преступление, находился в предварительном заключении (ответственность за брак в этот период возлагалась только на мужчин).

При лишении должностей у преступника отбирались удостоверения (*гао шэнь*) лишь на те должности, ранги к-рых были выше, чем тот, в к-ром ему предстояло восстановиться на службе после наказания. Титулы знатности оставались в неприкосновенности. Через три года осужденные получали возможность служебного восстановления и получения очередных должностей — ниже на два ранга, чем до осуждения.

На протяжении срока наказания до служебного восстановления наказанные лишением должностей, хотя бы у них оставались удостоверения на ранее занимаемые ими низкие должности, полностью отстранялись от администр. деятельности. Однако с социально-экономической т.зр. они продолжали оставаться членами высш. сословия: налоги с них не взимались, к отработке повинностей они не привлекались.

* Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 19, 21, 23. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780).

См. также лит-ру к ст. **Чу мянь**.

В.М. Рыбаков

МЯНЬ СО ЦЗЮЙ ГУАНЬ

免所居官

Мянь со цзюй гуань («лишение занимаемой должности») — наименее строгое из триады должностных наказаний (**чу мянь**). Лишением занимаемой должности наказывались осужденные на разжалование (**чу мин**) за вовлечение в развратные сношения, хищение, похищение людей или взятку с последующим искажением (нарушением) закона в пользу взяткодателя (*шоу цай ван фа*; см. **Лю цзан**), если после вынесения судебного решения провозглашалась амнистия, полностью отменявшая приговоры к осн. наказаниям (см. **У син**);
виновные в том, что заняли должность, в названии к-рой (или в названии учреждения, в штате к-рого значилась данная должность) были употреблены иероглифы, входившие в имя отца или деда по мужской линии;
виновные в том, что с целью поступления на службу покинули престарелых, нуждающихся в уходе родителей или родителей отца;
виновные в том, что в период траура по родителям вступили в брак или зачали ребенка, осуществили раздел имущества или перемену места приписки, поступили на службу и получили должности;
виновные в вовлечении в развратные сношения лиц лично зависимого статуса, совершенном с использованием своего служебного положения, т.е. в сфере своей администр. ответственности (то же самое деяние вне сферы администр. ответственности должностному наказанию не подлежало).
Наказанные лишались только одной из должностей — той, к-рую преступник занимал в момент совершения преступления. Через год осужденный получал право служебного восстановления с понижением на один ранг. В период до восстановления он не подлежал обложению налогами и повинностями и не имел права исполнять к.-л. реальные администр. обязанности.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 20, 21, 23. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780).
См. также лит-ру к ст. **Чу мянь**.

В.М. Рыбаков

НУРХАЦИ

努爾哈赤

Нурхаци. Объединитель чжурчжэньских племен, создатель Маньчжурского гос-ва (Маньчжоу), основатель и император маньчж. дин. Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь), переименованной в Дай Цин (Великая Цин) в 1636, правил под девизом (**нянь хао**) Тянь-мин в 1616–1626. Храмовое имя (*мяо хао*) Тай-цзу. 1559, г. Фэйала на р. Суцзыхэ, удел Маньчжоу (к востоку от совр. г. Фушунь), — 23.09.1626. В общем составе населения, жившего на территории нынешнего Сев.-Вост. Китая (Дунбэй), маньчжуры (*маньчжоу*) были частью родственных чжурчжэньских этносов, причем нек-рые из них являлись потомками тех чжурчжэней, что в 1115 основали дин. Цзинь (Золотая; 1115–1234) и завоевали всю сев. часть Китая. В науке нет единства по вопросу о связи рода Нурхаци Айсинь Гиоро (Золотой род, Золотая орда) с чжурчжэньским домом Ваньянь и даже о возведении маньчж. яз. непосредственно к чжурчжэньскому. (По мнению нек-рых исследователей, наименование Айсинь Гиоро принадлежало цинскому имп. **Хуантайцзи**, а предки Нурхаци назывались Тун.)
Легенды приписывают Нурхаци необыкновенное рождение — не через 9, а через 12 месяцев, новорожденный имел тело дракона и глаза феникса и т.п. Детские годы Нурхаци были тяжелыми. Когда ему исполнилось 10 лет, умерла мать. В 1583 в междоусобных войнах погибли дед и отец. В 1586 Нурхаци убил своего гл. соперника Никан-вайлана, одного из чжурчжэньских князьков, пользовавшегося поддержкой местных минских властей. Это позволило Нурхаци установить прямую связь с минскими пограничными властями и официально наследовать кит. титул отца — *чжихуйши* (командующий воинским подразделением), с пожалованием 800 *лянов* серебра и 15 кусков атласа. Нурхаци (как и его потомки), претендовавший на родство с Цзинь, был охвачен идеей чжурчжэньской государственности и восстановления великого прошлого предков. Был перестроен г. Фэйала, возведен администр. центр Ямэнь

лоутай, расширен аппарат управления, принимались законы. По сведениям кор. источников, уже в это время в своих владениях Нурхаци титуловался *ваном*. Экономически он опирался на благоприятные природные условия — земли были удобны для хлебопашества, скотоводства, особенно коневодства. Процветали железоделательное пр-во, горное дело, торговля женьшенем. Широко использовался труд рабов.

К 1589 Нурхаци объединил соседних цзяньчжоуских чжурчжэней. Минские власти повысили его в должности до *дуду цяньши* (помощник губернатора). В 1594 Нурхаци покорил чанбайшаньских чжурчжэней. Он контролировал р-н к северу от гор Чанбайшань, у слияния рек Муданьцзян и Сунгари, вплоть до р. Суйфэнь. В его армии было 30–40 тыс. конницы и 40–50 тыс. пехоты. Войсковой единицей была «рота» — *ниру* (букв. «стрела», термин из практики чжурчжэньских облавных охот, кит. *нюлу*). Первое упоминание о *ниру* относится к 1584. Группа *ниру* объединялась в «знамя». Каждым таким объединением (корпусом) командовал *бэйлэ* — родовой князь. По сообщению кор. посла, использовались знамена шести цветов: зеленые, голубые, желтые, красные, белые, черные.

Еще с XV в. вместо собств. письма в сношениях с Китаем чжурчжэни стали употреблять монг. письмо. Нурхаци знал монг. яз. и мог пользоваться монг. письмом. Нет сомнений и в том, что он в какой-то мере владел кит. яз. и письменностью. По указу Нурхаци усилиями двух его советников, Эрдэна и Гагая, в 1599 на базе монг. письма была создана маньчж. письменность, усовершенствованная позже Дахаем при правлении сына Нурхаци Хуантайцзи (Абахая), к-рый, как полагает ряд авторов, официально ввел этноним *маньчжоу* (маньчжуры) и название правящей дин. Цин. На маньчж. яз. наряду с китайским оформлялись все императорские и гос. документы империи Цин, поэтому на маньчж. письме сохранилось значит. число источников.

В 1601 Нурхаци проводит военно-администр. реформу. *Ниру* становится не только военной, но и администр.-хозяйств. единицей, в к-рой состоит 300 военнообязанных (*хаха*). Типологически это напоминало кит. военно-поселенческую систему (*тунь*) или систему казачьего войска в России. Выступая в поход, *хаха* становились солдатами, в мирное время, прикрепленные к *ниру*, они не могли покидать своих поселений, были землепашцами и пастухами, а на них и их семьи работали *аха* — рабы. При Нурхаци военнообязанными и налогоплательщиками (тягловыми) считались мужчины в возрасте от 15 до 60 лет ростом не ниже 160 см. В каждой *ниру* воины составляли примерно треть ее численности, а руководил ею *эчжэн*. Ядром *ниру* были или кланы (*мукунь*), или поселения (*гашань*). Главы кланов (*мукуньда*) и поселений (*гашаньда*) часто становились *эчжэнами*. По кит. образцу раз в три года составлялись подворные списки *ниру*.

В 1603 Нурхаци переносит столицу из Фэйала в Хэтуала (совр. Синбинлаочэн пров. Ляодун). В переписке он именует свои владения гос-вом Цзяньчжоу, а себя титулует *ваном* гос-ва Цзяньчжоу и др. областей.

В союзе с Нурхаци действовали вост. монголы. Они признавали его старшинство и в 1606 даровали ему титул Кундэлэн-хана (кит. *Шэнь у хуан-ди* — Мудрый и воинственный император). По-маньчжурски Нурхаци в эти годы титуловался *сурэ хан* («мудрый хан»). В 1615 было завершено формирование войск по системе «восьми знамен» (кит. *ба ци*) — восьми корпусов, к-рые различались по цвету своих треугольных знамен. К прежним четырем знаменам — желтому, красному, голубому и белому были добавлены четыре с каймой (у желтого, белого и голубого знамен кайма была красной, у красного знамени — белой).

В 1616 Нурхаци после торжеств. церемонии официально принимает титул хана, свою династию называет Хоу Цзинь, столицей становится Синцзин, а девизом правления — Тянь-мин («Мандат Неба»). По нек-рым источникам, эти перемены относятся к 1619.

Китайцы делили чжурчжэней на цзяньчжоуских, к к-рым принадлежал Нурхаци, *хайси*, живших в части совр. пров. Гирин, к востоку от Харбина, и *ежэнь*, обитавших по нижнему течению р. Сунгари и в р-не впадения ее в Амур.

Нек-рые кит. историки полагают, что цзяньчжоуские чжурчжэни являются прямыми предками маньчжуров. Они вели свою родословную от правящего рода гос-ва Бохай (VIII–X вв.). Сунгарийские чжурчжэни считали себя потомками рода дин. Цзинь. После подчинения цзяньчжоуских чжурчжэней Нурхаци получил от минских властей генеральский чин — *лун ху цзянцзюнь* («генерал дракон-тигр»). Однако он поставил себе задачу подчинения своей власти всех чжурчжэней. На пути к этому стояли кит. караулы и вся мощь кит. гос-ва, не заинтересованного в объединении чжурчжэней. Усиление Нурхаци и его приближение к кит. границе в Ляодуне обострили отношения между ним и империей Мин.

Чжурчжэньская группировка *ехэ* (тунгусо-маньчжурское племя, жившее в бассейне р. Ехэхэ), не подчинившаяся Нурхаци, вступила с ним в войну. Китайцы выступили на стороне *ехэ*, и Нурхаци понял, что без войны с Китаем объединение всех чжурчжэней в Маньчжурии под его властью невозможно. В 1618 публично в храме предков Нурхаци объявил о своих «семи великих обидах» на китайцев — китайцы погубили его деда и отца, они послали войска в помощь *ехэ*, мешают сельхозработам на его землях и грабят людей, оскорбляют его лично в своих письмах и т.д. Кроме того, китайцы поступают против воли Неба, он, Нурхаци, не в силах стерпеть позора и идет войной на Китай. В 1619 в битве при Сарху 200-тыс. кит. армия потерпела поражение, Мины потеряли г. Кайюань и прилегающий к нему регион — опору минского господства в Южной Маньчжурии. Вслед за тем были разгромлены чжурчжэни *ехэ*, и остатки их влиты в восьмизнаменные войска как «говорящие на одном языке».

Успешные войны с Минами продолжались, Нурхаци овладел всем Ляодуном. Он перенес столицу вначале в г. Ляоян, а затем в 1625 в Мукден. В 1626 разразилась битва под г. Нинъюань (совр. Цзяньчан, пров. Ляонин), падение к-рого позволяло маньчжурам овладеть территориями к западу от р. Ляохэ. Но взять его они не смогли. На этот раз китайцы подвезли новое оружие — полученные от португальцев пушки. 27 февр. 1626 Нурхаци лично участвовал в штурме города и был тяжело ранен. Маньчжуры сожгли 2 тыс. кит. судов и склады с провиантом, подорвав осн. силы минского флота в Бохайском заливе. Умер Нурхаци 23 сент. 1626, как полагают, от гангрены.

В возвышении Нурхаци сыграли роль как объективные, так и субъективные факторы. Ослабевала центр. власть минской династии в Китае и, как следствие этого, система минских караулов и кит. контроля в Центр. и Южной Маньчжурии. Налицо был процесс консолидации и экономич. и полит. подъема чжурчжэньских объединений. Нурхаци и цзяньчжоуским чжурчжэням активно помогали вост. монголы. В той или иной форме жила идея о переходе Мандата Неба (**тянь мин**; см. т. 2) на управление Поднебесной к некит. правителю Севера, к-рая питалась воспоминаниями о чжурчжэньском и монг. господстве над Китаем.

После смерти Нурхаци ханом и императором был избран его четвертый сын Хуантайцзи.

** *Кузнецов В.С.* Нурхаци. Новосиб., 1985; *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997; *Мелихов Г.В.* Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаци и Абахае (1591–1666 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; *он же.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974; *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М., 2005; *Сун Вэнь-шэн.* Тайцзу Нурхаци (Император Тай-цзу Нурхаци). Харбин, 2005; *Цзян Сянь-шунь.* Дай Цин Тай-цзу Нурхаци (Император Дай Цин Нурхаци). Шэньян, 2004; *Ян Чунь-нянь.* Нурхачи чжуань (Жизнеописание Нурхаци). Пекин, 1983; *Michael F.H.* The Origin of Manchu Rule in China. Baltimore, 1942, 1965.

См. также лит-ру к ст. **Хуантайцзи.**

Е.И. Кычанов

年號

Нянь хао — «девиз годов [правления]», «эра [правления]». Обычно составлялся из 2–3 иероглифов, выбору к-рых придавалось большое значение. Они должны были означать счастье, благополучие, благоденствие, мир, преуспевание и т.д. По девизам правления велось офиц. летосчисление.

Традиция давать девизы годам царствования императоров возникла в Китае во II в. до н.э. Первым императором, введшим *нянь хао*, считается **Хань У-ди** (140–87 до н.э.). С этого момента каждый государь при вступлении на престол открывал новую эру, в названии к-рой определялись принципы его правления. При выборе иероглифов для *нянь хао* следовало с большим вниманием относиться к возможности критики их со стороны ученых, к-рые могли (гл. обр. путем деления иероглифов на составляющие) найти дурной смысл или дурное предзнаменование в названии нового *нянь хао*. Смена девизов происходила неск. раз за период правления одного императора, когда появлялась необходимость в «обновлении» правления. Помимо имп. У-ди, к-рый 11 раз менял девиз правления, часто меняли *нянь хао* след. императоры: уский Сунь Хао (прав. 264–280) — 8 раз; циньский Хуй-ди (прав. 290–307) — 10 раз; танский Гао-цзун (прав. 650–684) — 14 раз; танская императрица **У-хоу** (прав. 684–705) — 18 раз. При дин. Мин отказались от перемен *нянь хао*, исключением был имп. Ин-цзун (прав. 1436–1450 и 1457–1465), к-рый, занимая дважды престол, объявил первым девизом своего правления Чжэн-тун, а вторым — Тянь-шунь. При дин. Цин следовали тому же принципу, хотя были два исключения: напр., **Хуантайцзи** эру своего правления с 1627 по 1636 назвал Тянь-цун, а с 1636 по 1643 — Чун-дэ. Нек-рые девизы использовались повторно разными императорами в разные периоды.

Нянь хао заменяли табуированные при жизни личные имена императоров и правителей. В истории императоры становились известными под т.н. храмовыми (династийными) именами (*мяо хао*), к-рые устанавливались посмертно и писались на их усыпальницах, а также под посмертными почетными титулами (*ши хао*), к-рые давались им за заслуги. «В Китае существует закон, — писал Н.Я. **Бичурин** (см. т. 2), — давать государям и заслуженным вельможам имена, или, точнее сказать, качеств. наименования, по смерти. Сии наименования государю и государыне, по кончине их, полагаются министрами в общем собрании гос. чинов и шести прокурорских контор; потом представляются государю на утверждение».

Точное обозначение *нянь хао* имеет большое значение. Приводится много не подлежащих сомнению случаев, когда то или иное ист. событие, искаженное историками или забытое, было восстановлено лишь благодаря сохранившимся точным данным начала и конца того или иного *нянь хао*. Точные даты *нянь хао*, иногда менявшиеся по неск. раз в течение года и известные очень ограниченному числу ученых, часто помогали изобличать подделку документов. Как правило, императоры, вступая на престол, вводили новый девиз не сразу, а с 1-го месяца следующего нового года. Бывали случаи, что нек-рые императоры в Китае (это же относится и к Японии) при вступлении на престол не меняли *нянь хао* своего предшественника. Так, ханьский Инь-ди (прав. 948–950) царствовал под девизом Цянь-ю, принятым его отцом.

В ист. лит-ре встречается персонифицированное употребление *нянь хао*, т.е. подмена храмовых имен императоров девизами их правления, напр., цинских императоров Шэн-цзу, Гао-цзуна, Дэ-цзуна называют соответственно **Кан-си**, **Цянь-лун**, Гуан-сюй (см. **Цзай Тянь**). Эта характерная в осн. для работ зап. синологов практика иногда переносится в совр. кит. издания и издания на рус. яз.

Традиция устанавливать девизы правления была заимствована соседними с Китаем странами. В Корее они начали употребляться сначала в Когурё: ван Квангэтхо (прав. 391–413) имел девиз правления Ённак, а затем в гос-ве Силла начиная с вана Попхына (прав. 514–540). С VII в., когда Корея вынуждена была признать себя (хотя и формально) вассалом Китая, корейцы стали использовать (в отличие от японцев и вьетнамцев) девизы правления кит. императоров. В 1897 Корея стала независимой, и ее монархи вновь ввели собств. девизы правления. См. также ст. **Нянь хао** в т. 2.

* *Бичурин Н.Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., 2002. ** *Концевич Л.Р.* Китайские имена собственные и термины в русском языке: Пособие по транскрипции. М., 2002, с. 56–59, 66–67; *Шкуркин П.В.* Справочник по истории стран Дальнего Востока. Ч. 1. Китай: Полные хронологические таблицы императорской линии собственно Китая с указанием важнейших моментов китайской и всеобщей истории. Прил.: Исторические таблицы Китая. Харбин, 1918. (Вестн. Азии; № 47).

В.Н. Усов

ОУЯН СЮ

欧陽修

Оуян Сю, Оуян Юн-шу, псевд. Цзуй-вэн (Пьяный старец), Лю-и цзюй-ши (Отшельник Лю-и). 06.08.1007, Юнфэн (совр. пров. Цзянси), — 09.08.1072. Сунский ученый — историк и филолог, писатель, поэт, публицист, гос. и обществ. деятель. Родился в семье мелкого провинциального чиновника. В 1030 получил звание *цзинь ши*. В разное время занимал высокие посты при сунском императорском дворе, но, попадая в опалу, оказывался на администр. службе в периферийных р-нах. С 1054 состоял чл. **Ханьлинь академии** (см. т. 1). Участвовал в развертывавшихся со 2-й трети XI в. идейно-полит. баталиях вокруг реформ «сверху», выступал на стороне реформаторских проектов **Фань Чжун-яня** (989–1052), поддерживал выдвижение **Ван Ань-ши** (1021–1086; см. также т. 1 и 3) на полит. авансцену, но с весны 1069 разошелся с ним в ряде вопросов программы, методов и темпов преобразований.

Отличался широтой знаний, интересов и занятий. Автор ботанич. опуса «Лоян мудань цзи» («Заметки о лоянском пионе древовидном»), один из инициаторов и участников создания сводной описи дворцового книгохранилища «Чун вэнь цзун му» («Генеральный каталог [Палаты] во славу словесности»). Считался одним из лидеров движения «за возрождение древности» (*фу гу*) и развитие лит. стиля **гувэнь** (см. т. 3). Он — автор весьма ценных в качестве источников информации о жизни тогдашнего кит. об-ва и гос-ва прозаич. и поэтич. произведений филос., ист. и гражданского содержания, написанных в стиле *гувэнь* с присущей последнему дидактич. направленностью.

Внес вклад в каноноведение (**цзин-сюэ**; см. т. 1), в частности, касательно **«Чунь цю»** («Вёсны и осени»; см. т. 1), **«Чжоу и»** («Чжоуские перемены»; см. т. 1) и «Мао Ши» («[Канон] стихов [в версии] Мао»; см. **«Ши цзин»** в т. 1 и 3), что (не только в случае с «Чунь цю») было связано с его деятельностью в сфере историописания. Являлся одним из первых активных поборников *чуньцю-сюэ* (школа «Вёсен и осеней»; см. ст**. Традиционная историография**) и, сам будучи сотворцом нормативных (династийных) историй (*чжэн ши*), вместе с тем ратовал за развитие хронистики. Резко критиковал с конф. позиций учение **буддизма** (см. т. 2), что отразилось на его воззрениях как историка, напр., в характеристике благоволившего к буд. церкви имп. **Тан Тай-цзуна** (прав. 626–649). В 1043–1044 с группой соавторов во главе с Фу Би (1004–1083) подготовил «Сань-чао чжэн яо» («Важнейшее из дел управления при трех царствованиях»), или «Сань-чао шэн чжэн лу» («Записки о всесовершенном правлении при трех царствованиях»), — сводку главных полит. событий при первых трех сунских императорах (т.е. 960–1022). Наиболее же известен Оуян Сю как один из авторов составленной в 1044–1060 при его (с 1054) вкупе с **Сун Ци** (998–1061; см. т. 3) рук-ве и участии нормативной **«Синь Тан шу»** («Новая история [династии] Тан»), а еще ранее, в 1036–1053, также подготовленных им самим «У-дай ши цзи» («Исторические записки о Пяти династиях»), впоследствии (уже после кончины Оуян Сю) под назв. «Синь У-дай ши» («Новая история Пяти династий») тоже включенных в разряд нормативных историй. В обеих этих книгах, но более ощутимо во второй, особый акцент сделан на принципы ист. легитимности и этич. природы полит. власти, толкуемые в духе конф. концепций «Небесного мандата» (**тянь мин**; см. т. 2) и «ортодоксальной преемственности власти» (*чжэн тун*) с одновременным признанием — применительно к конкретным ист. ситуациям — роли человеч. фактора в судьбах гос-ва: «Хотя и сказано, что в основе процветания и упадка — Небесное

предопределение (*тянь мин*), а как же деяния людские (*жэнь ши*)?!» Факторами благоустроения (*чжи* [*б*]) социума полагал добродетель (**дэ [1]**; см. т. 1), гуманность (**жэнь [2]**; см. т. 1) и справедливость (**и [1]**; см. т. 1) и под этим углом зрения негативно расценивал сепаратистский разгул региональных правителей (*цзедуши*) в сер. VIII — сер. X в. и, наоборот, позитивно — действие указанных факторов, наступившее с воцарением дин. Сун (960–1279).

Учитывая меняющиеся реалии в жизни страны, Оуян Сю и его коллеги при создании обеих «Историй» стремились раздвинуть содержательные рамки каждой из них по сравнению с их предшественницами по жанру, вводя новые рубрики в их структуру (напр., администр.-территориальное районирование, экзаменац. отбор на чиновничьи должности, «дела военные» и т.д.) либо расширяя диапазон традиц. рубрик, напр., относящейся к экономике рубрики «продовольствия и товары», библиографических, посвященных соседним народам и гос-вам, а также связям Китая с ними. «Синь У дай ши» гораздо богаче **«Цзю Тан шу»** («Старая история [династии] Тан») сведениями о 10 царствах соответствующего периода. Вместе с тем, как отмечали уже современники Оуян Сю, фактографическим наполнением нек-рых др. рубрик «новые истории» и Тан и Пяти династий ощутимо уступают «старым историям».

Новым в кит. ист. науке явлением, засвидетельствовавшим ее общий подъем в ту пору, стало посмертное издание начатых в 1045 трудов Оуян Сю «Цзи гу лу» («Собрание старинных надписей»), или «Цзи гу лу бавэнь» («Собрание старинных надписей с послесловиями»), — публикация сопровождаемых комментариями Оуян Сю более 400 разнообразных по содержанию инскрипций на камне и металле (на стелах, сосудах, колоколах, во дворцах и храмах и др.) в копиях, имевшихся в его дом. коллекции и относящихся к 20-вековому отрезку времени, начиная с периода Чжоу (1027–221 до н.э.), но в большинстве своем — с VII в. н.э. «Послесловия» Оуян Сю помогают раскрыть познавательно-историческую значимость эпиграфич. памятников. Засвидетельствована она и привлечением последних при работе Оуян Сю над упомянутыми нормативными историями, в частности для корректировки либо даже опровержения показаний письменных и иных источников. Обладая высокой информативной ценностью, труд «Цзи гу лу» вместе с тем заложил первые в Китае основы эпиграфики как отрасли научно-исторического комплекса, и уже XI–XIII вв. дали (преимущественно по инициативе частных лиц, а не только гос. учреждений и монастырей) немало примеров коллекционирования, систематизации, каталогизирования, публикаций и истолкования старинных надписей на костях, металле, камне, керамике, бамбуке и др. материале; с XII в. в кит. библиографич. классификации появляется спец. рубрика. Соответственно Оуян Сю считается зачинателем кит. эпиграфики — «науки о [надписях] на бронзе и камне» (*цзиньши-сюэ*).

См. также ст. **Оуян Сю** в т. 3.

***** *Оуян Сю.* Чун вэнь цзун му (Генеральный каталог [Палаты] во славу словесности): В 2 т. [Б.м.], 1975; Оуян Сю цюань цзи (Полн. собр. соч. Оуян Сю). Пекин, 1986; *он же.* У дай ши цзи (Исторические записки о Пяти династиях). Чэнду, 1991; Оуян Сю сань вэнь цюань цзи (Полное собр. прозаических соч. Оуян Сю): В 2 т. Пекин, 1996; *он же.* Шихуа отшельника Лю-и / Пер., вступ. ст. (с. 67–76) и примеч. И. Алимова // ПВ. 1992, вып. 1, с. 77–104; то же // *Алимов И.А., Серебряков Е.А.* Вслед за кистью. Ч. 2. СПб., 2004, с. 77–103 (вступ. ст., с. 71–76); *Ouyang Xiu.* Historical Records of the Five Dynasties / Tr. with an introd. by R.L. Davis. N.Y., 2004. ****** *Лапина З.Г.* Эпиграфические исследования средневекового историка Оуян Сю (1007–1072) // Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972, с. 48–72; *она же.* Доклады Оуян Сю как источник для характеристики его политических взглядов // Китай: история, культура и историография. М., 1977, с. 84–96; *Рыбаков В.М.* Представления Оуян Сю об историческом процессе // ПВ. 1993, вып. 3, с. 310–335; *Го Чжэн-чжун.* Оуян Сю // Чжунго шисюэцзя пин чжуань (Аналитические жизнеописания китайских историков). Т. 2 / Под ред. Чэнь Цин-цюаня и др. Чжунчжоу, 1985; *Лю Цзы-цзянь.* Оуян Сю ды чжисюэ юй цунчжэн (Учение и карьера Оуян Сю). Сянган, 1963; *Чжао Люй-ну.*

Оуян Сю шисюэ чу тань (Исследования исторических штудий Оуян Сю) // Лиши цзяосюэ. 1963, № 1; *Чжао Чжэн-синь.* Оуян Сю дуй цзинсюэ шан ды гунсянь (Вклад Оуян Сю в каноноведение) // Вэньшичжэ. 1958, № 3; *Чэнь Гуан-чун.* Оуян Сю ды шисюэ (Оуян Сю — историк) // Чжунго шисюэ ши лунь цун (Сб. статей по истории китайской исторической науки). Шэньян, 1984; *он же.* Оуян Сю цзиньшисюэ шулюэ (Кратко об эпиграфических штудиях Оуян Сю) // Там же; *Liu J.T.* Ou-Yang Hsiu, an Eleventh Century Neo-Confucianist. Stanf., 1967; *idem.* Ou-Yang-Hsiu // Sung Biographies. Bd 2. Wiesbaden, 1976, S. 808–816.

См. также лит-ру к ст. **«Синь Тан шу»**.

Г.Я. Смолин

ПИНХУА

平話

Пинхуа (букв. «простая/прозаическая речь») — одно из обозначений народных книг ист. содержания в XII–XIV вв., к-рые сложились на базе популярного в X–XII вв. устного ист. сказа *цзян ши* с использованием народных преданий, офиц. династийных историй *чжэн ши* и трудов летописной формы *тун цзянь* (см. **«Цзы чжи тун цзянь»** — «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее»). Материалы, позаимствованные из ист. сочинений, нередко составляли в *пинхуа* значит. часть текста, напр. в «Синь бянь „У-дай ши“ пинхуа» («Вновь составленный сказ-*пинхуа* по „Истории Пяти династий“» ; рус. пер.: Л.К. Павловская, 1984) — ок. 80%. Связь с офиц. историописанием отражена в названиях ряда народных книг, включавших заглавия соответств. династийных историй, напр. «„Саньго чжи“ пинхуа» («Сказ-*пинхуа* по „Истории Трех царств“»). Всего сохранилось 7 народных книг-*пинхуа* ист. жанра, нек-рые из них в заглавии обозначены как *шилюэ* («краткое [описание] событий»), а не *пинхуа*.

Не все сохранившиеся народные книги идентичны по худ. манере, но имеют нечто общее в своей структуре. Строились они по принципу летописи («Синь бянь „У-дай ши“ пинхуа», «„Саньго чжи“ пинхуа»). Повествование состоит из эпизодов, скрепленных последовательным обозначением дат. Чем меньше интервал между временны́ми отметками, тем обычно скупее запись о событиях. Народные книги-*пинхуа* нередко иллюстрировались гравюрами, занимавшими верхнюю треть каждой страницы. Известна серия из пяти иллюстрированных *пинхуа*, изданных в пров. Фуцзянь в начале 1320-х. К *пинхуа* примыкает и народная книга «Сюань-хэ и ши» («Забытые деяния годов Сюань-хэ») о событиях эпохи Сун. Из народных книг выросли почти все первые кит. романы-эпопеи, в ранних изданиях к-рых иллюстрации сделаны вверху каждой страницы.

Близкий по написанию (1-й знак *пин* [*Л*]) термин *пинхуа* (в Пекине — *пиншу*) позднее, начиная с эпохи Мин, и в совр. Китае означает прозаический сказ, большей частью ист. содержания, к-рый исполняют сказители-*шошуды*.

***** Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий (Синь бянь У-дай ши пинхуа) / Пер. с кит., исслед. и коммент. Л.К. Павловской. М., 1984; ** *Гуревич И.С.* Историческая грамматика китайского языка. Язык прозы на *байхуа* периода Сун–Юань: (пинхуа). СПб., 2008; *Рифтин Б.Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: (Устные и книжные версии «Троецарствия»). М., 1970; *он же.* Организация повествования в народных книгах (пинхуа) // Изучение китайской литературы в СССР. М., 1963, с. 112–120; *он же.* «Пинхуа о походе У-вана против Чжоу Синя» как образец китайской народной книги // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с. 104–117; *он же.* Эпопея «Троецарствие» в иллюстрациях // Слово и мудрость Востока: Литература. Фольклор. Культура. М., 2006, с. 365–388; *Софронов М.В.* Об источнике и времени составления «Синь бянь Удай ши пинхуа» («Заново составленное простое изложение истории Пяти династий») // Пробл. востоковедения. 1960. № 1, с. 144–149; *Спешнев Н.А.* Китайская простонародная литература: Песенно-повествовательные жанры. М., 1986; *Crump J.K.* Ping-hua and the Early History of San-kuo chih // JAOS. 1951. Vol. 50, p. 249–256; *Idema W.L.* Some Remarks and Speculations concerning pinghua // TP. 1974, Vol. 50, Livr. 1–3.

Б.Л. Рифтин

«ПИНЧЖОУ КЭ ТАНЬ»

萍洲可談

«Пинчжоу кэ тань» («Из бесед в Пинчжоу»); сокр. «Кэ тань» («Из бесед»). Автор — Чжу Юй (1075? – после 1119), второе имя У-хо, прозв. Пинчжоу лао-пу. Жил в Пинчжоу (обл. Хуанчжоу). Сын известного в свое время правительств. чиновника Чжу Фу (1048 – после 1102), побывавшего с посольством у киданей, служившего в кон. XI в. в портовом ведомстве г. Гуанчжоу, а затем в 1099–1102 правителем обл. Гуанчжоу. Наиболее вероятной датой завершения, по-видимому, следует считать 1118 или 1119. Книга утрачена и дошла до нас в выдержках, воспроизведенных в **«Юн-лэ да дянь»** («Энциклопедия [годов] Юн-лэ»). По форме относится к авторским сборникам **бицзи** (см. т. 3). Повествует о людях и событиях 1056–1118. Чжу Юй писал не только о том, что видел и слышал сам, но и о том, что поведал ему отец из своих наблюдений и бесед с людьми. Скорее всего, именно из рассказов отца Чжу Юй почерпнул сведения относительно таможенных дел, торговых кораблей и иностранцев.

«Из бесед в Пинчжоу» — заслуживающий доверия источник историко-этнографич. характера. В цз. 1 немало заметок о материальной культуре китайцев, самых различных сторонах быта, о нравах и порядках, существовавших при дворе императора и в аппарате управления, т.е. таких сведений, к-рые трудно найти в справочниках или в др. изд. В цз. 2 содержится материал по истории мореходства и развития торговых связей Китая с заморскими странами, есть сведения об иностр. колонии в г. Гуанчжоу. Там же, в частности, приводятся сообщения о живших в Китае рабах-неграх, впервые упоминается о применении компаса на морских судах. В цз. 3 гл. обр. приводятся заметки об интересных и поучительных случаях из жизни известных людей, необычных явлениях, а также остроумные реплики, удивительные предсказания, рассказы о вещих снах и т.п.

* *Чжу Юй.* Пинчжоу кэтань (Из бесед в Пинчжоу): В 3 цз. Шанхай, 1921 (Мо хай цзинь ху; Т. 149); *он же.* Из бесед в Пинчжоу (Пинчжоу кэтань). Цз. 1–3 / Пер., коммент. и примеч. И.А. Алимова // ПВ. 1993, вып. 3, с. 73–128. ** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 7–8; Цинь дин Сы ку цюань шу цзун му тияо (Высочайше утвержденный Аннотированный генеральный каталог книг по четырем разделам). Цз. 141. Т. 3 / Сост. Цзи Юнь и др. Шанхай, 1933, с. 2919–2920; *Needham J.* Science and Civilisation in China. Vol. 4. Pt 1. Cambr., 1962, p. 279, 353.

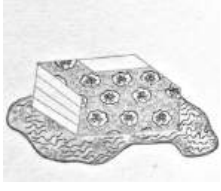
По материалам ***В.А. Вельгуса***

ПУ ДЕ

譜牒

Пу де — «родословия». Общее название ист. сочинений, посвященных генеалогии семейных коллективов (семьи, рода, патронимии).

Возникновение подобного жанра связано с особенностями социальной структуры кит. об-ва, где вплоть до XX в. такие коллективы играли очень большую роль. Первые генеалогии правителей и знати (*ши бэнь*) появились в гос-вах древнего Китая. Они стали крупным явлением в письм. культуре того времени и положили начало ист. трудам. Позже, уже в императорском Китае, появились генеалогии семей, родов, патронимий. Составители не ограничивались собственно генеалогией и включали в них богатый и разнообр. материал о жизни данного коллектива. Родословия были совершенно необходимы для сохранения родового коллектива и его формального функционирования. Их создание входило в обязанности родовых храмов, и возглавлявшие эти храмы члены общины внимательно следили за непрерывностью записей и систематич. пополнением их новыми материалами. Некрые родословия содержали сведения за 500 и более лет.



Очень рано большой интерес к родословиям проявило гос-во. В системе конф. монархии родовые коллективы неизменно пользовались покровительством и поддержкой властей как ин-т, от состояния к-рого многое зависело в империи. Поэтому всемерное укрепление патриархальных основ жизни об-ва являлось их постоянной заботой. В родословиях они видели эффективное средство социального контроля и воздействия на родовые коллективы.

Поэтому гос-во не только стимулировало подготовку родословий, но нередко пыталось установить над ними контроль, регламентировать их. Особенно активно действовали власти империи Цин (1644–1911), что дало импульс небывалому развитию жанра в этот период. Практика составления родословий была распространена и на «знаменных» – маньчжуров, для культуры к-рых подобного рода документы были чужды. Было предусмотрено регулярное (один раз в 10 лет) составление каждым «знаменем» своего родословия. А в 1744 по указанию императора подготовили и издали «Ба ци маньчжоу шицзу тунпу» («Сводное родословие маньчжурских родов восьми знамен», 80 цз.).

Особую группу родословий составляют генеалогии императорского дома (*юй де*). Родословные книги цинских императоров начали составлять с 1661. Каждые 10 лет спец. Комитет по составлению родословных книг (*Юйдегуань*), в к-рый входили представители Гос. канцелярии, **Ханьлинь академии** (см. т. 1), Ведомства обрядов (*Либу*) и др. важнейших учреждений империи, сводил весь зафиксированный в спец. реестрах материал в родословные книги. Была разработана особая церемония представления их императору. Наиболее активно эта работа велась при имп. Гао-цзуне (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795).

В императорском Китае роль родословий в жизни об-ва была очень велика: содержавшиеся в них сведения были необходимы не только в повседневной жизни родового коллектива, но и для участия в гос. экзаменах *кэ цзюй*, при поступлении на службу и продвижении по служебной лестнице. С падением монархии в Китае практика составления родословий не пресеклась, в нек-рых регионах она сохраняется поныне. Но свое былое значение в XX в. родословия утрачивают.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая. XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 112–113; *Цан Сюй-лян, Вэй Дэ-лян.* Чжунго гудай шисюэ ши цзяньбянь (Краткая история историографии древнего Китая). Харбин, 1983.

Б.Г. Доронин

ПУ И

溥儀

Пу И, Айсинь Гиоро Пу И, девиз правления (**нянь хао**) Сюань-тун (1909–1911). 07.02.1906, Пекин, — 17.10.1967, Пекин. Десятый император дин. Цин (1644–1911), последний император Китая.

В 1908 Пу И двухлетним ребенком по решению **Цы Си** был возведен на престол. Регентом при малолетнем Пу И стал великий князь Чунь — его отец Цзай Фэн, брат имп. Дэ-цзуна (прав. под девизом Гуан-сюй в 1875–1908; см. **Цзай Тянь**). Синьхайская революция 1911–1912 вынудила цинский двор во главе с Пу И отречься от престола 12 февр. 1912. Власть от маньчж. династии перешла к **Юань Ши-каю**, избранному временным президентом Китайской Республики.

В нояб. 1924 один из генералов Чжилийской группировки (**Чжиси**) Фэн Юйсян захватил Пекин и предложил императору и его семье покинуть императорский дворец Гугун. Вскоре Пу И оказался в яп. миссии в Тяньцзине, где и прожил до 1931.

18 сент. 1931, организовав провокационный «маньчж. инцидент», яп. войска оккупировали Сев.-Вост. Китай и вскоре создали там марионеточное гос-во Маньчжоу-го. Во главе его они поставили 26-летнего Пу И, сначала в качестве верховного правителя Маньчжоу-го, а затем, с 1 марта 1934, — императора. Пу И преданно служил своим яп. хозяевам почти 14 лет. Маньчжоу-го вступила в «Антикоминтерновский пакт», куда входили также Япония, Германия, Италия, Венгрия и Испания. Весной 1935 Пу И нанес трехнедельный визит в Японию, побывал у вдовствующей императрицы — матери имп. Хирохито. Брат Пу И Пу Цзе окончил в Японии императорский лицей и поступил в воен. училище. Зимой 1935 Пу Цзе вернулся в Чанчунь и был назначен в дворцовую охрану. По настоянию японцев женился в Токио на Сага Хиро, дочери знатного вельможи.

В мае 1940 Пу И вторично посетил Японию, где пробыл 8 дней.

17 авг. 1945 советские десантники захватили в плен на воен. аэродроме в Шэньяне (Мукдене) Пу И и его свиту, генералов штаба Квантунской армии, ожидавших самолета для вылета в Японию. Около 5 лет провел бывший кит. император в качестве военнопленного в СССР (в Чите и в лагере под Хабаровском) и 31 июля 1950 был передан властям КНР. После 9-летнего заключения в кит. тюрьме Пу И по спец. амнистии был выпущен на свободу. Рядовой гражданин КНР, он работал в Пекинском ботаническом саду, затем стал сотрудником Комитета по изучению ист. материалов при Всекит. комитете НПКСК. В апр. 1962 стал депутатом НПКСК. В 1964 в Пекине была издана его ставшая широко известной кн. «Во ды цянь бань шэн» («Первая половина моей жизни»). Во 2-й пол. 1960-х Пу И заболел раком, ему сделали неск. операций. Скончался в 1967. Был похоронен на правительств. кладбище Бабаошань, затем в 1995 вдова перенесла его прах на семейное кладбище маньчж. императоров Цинсилин, что в 125 км от Пекина.

* *Пу И.* Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И — последнего императора Китая: Пер. с кит. / Отв. ред. и авт. вступ. ст. С.Л. Тихвинский. М., 1968; 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1999; *он же.* Последний император. М., 2006. ** Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942; *Ковтун-Станкевич А.И.* Комендант Мукдена // На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев, 1925–1945. М., 1974; *Семанов В.И.* Из жизни императрицы Цыси, 1835–1908 / Предисл. Л.П. Делюсина. М., 1976; 2-е изд., испр., доп. 1979; *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. М., 1985; *Сидоров Н.* Последний император Китая // Спецслужбы и человеческие судьбы. М., 2000; *Смирнов Л.Н., Зайцев К.Б.* Суд в Токио. М., 1984; *Усов В.* Последний император Китая Пу И (1906–1967). М., 2003; *Ван Цин-сян.* Вань Жун/Вэнь Сю чжуань — Чжунго модай хуанхоу хэ хуанфэй (Биография Вань Жун/Вэнь Сю — последней императрицы и императорской наложницы). Пекин, 2005; *он же.* Вэй дигун нэйму (За кулисами дворца императора марионеточного режима). Чанчунь, 1987; *он же.* Хуанди чэнла гунминь икоу: Пу И хоубаньшэн ишилу (Когда император стал гражданином: Биография второй половины жизни Пу И). Пекин, 1985; Сюаньтун хуанди иши (Неофициальная история императора Сюань-туна) / Сост. Лю Син-цзюнь. Тайюань, 1993.

В.Н. Усов

ПЭН ДЭ-ХУАЙ

彭德懷

Пэн Дэ-хуай. 1898, дер. Шисян уезда Сяньтань пров. Хунань, — 29.11.1974, Пекин. Полит. и военный деятель, маршал КНР (1955–1965 — до отмены воинских званий).

Родился в крестьянской семье. В 6 лет был отдан в частную школу. Когда ему исполнилось 7 лет, умерла мать, заболел отец, семья обнищала. Мальчику неск. лет пришлось пасти скот. В 13 лет ушел из дома на угольные копи, где вынужден был работать по 12–13 час. ежедневно. Трудности, выпавшие на его долю в детские и юношеские годы, закалили Пэна и способствовали формированию у него твердого характера.

Во время голода в его родном уезде в 1915 он возглавил бунт нескольких сот обездоленных крестьян против местных помещиков и богатеев. После подавления бунта юноше пришлось оставить родные места. В марте 1916 он вступил в Хунань-Гуансийскую армию. За 3 года службы Пэн Дэ-хуай вырос от рядового до командира взвода. Летом 1922 поступил учиться на офицерские курсы в Хунани. За год успешно окончил курсы и вернулся в Нац.-революц. армию (НРА) в качестве командира роты. С мая 1926 стал командиром батальона, а меньше чем через год — командиром полка. К этому времени он уже был знаком с идеями **Сунь Ят-сена** и, в частности, с его «тремя народными принципами» (*сань минь чжуи*).

В период революции 1925–1927 Пэн Дэ-хуай начал интересоваться марксистской лит-рой, читал «Коммунистич. манифест». С помощью коммунистов во

время Северного похода (июль 1926 — март 1927) в его полку были организованы полит. курсы и солдатский комитет.

После поражения революции в условиях царившего в стране террора Пэн Дэхуай сделал окончательный выбор, вступив в апр. 1928 в КПК. В июле 1928 он возглавил восстание в Пинцзяне. Восставшим удалось освободить из тюрем тысячи политзаключенных, а местные реакционеры были арестованы. После восстания дивизия Пэн Дэ-хуая была реорганизована в 5-й корпус Рабоче-крестьянской Красной армии Китая (Пэн Дэ-хуай был назначен командующим корпусом, Тэн Дай-юань — представителем КПК в корпусе), а в р-не было образовано советское пр-во. Гоминьдановцы и местные милитаристы бросили против советского р-на крупные воинские подразделения. Под напором превосходящих сил противника Пэн Дэ-хуай и Тэн Дай-юань решили двигаться в Цзинганшань на соединение с частями 4-го корпуса, возглавляемого **Чжу Дэ** и **Мао Цзэ-дуном**. Впоследствии эти части Красной армии основали самый крупный в стране Центр. советский р-н.

Талантливый военачальник, искусный тактик, Пэн Дэ-хуай принимал активное участие в разработке и осуществлении планов по отражению карательных походов **Чан Кай-ши** против советских р-нов, участвовал в Великом походе (1934–1935), в ходе к-рого руководил мн. важнейшими операциями и боями. В тот же период времени у Пэн Дэ-хуая стали возникать разногласия с Мао Цзэ-дуном, так, он считал, что после прибытия войск в Сев. Шэньси следует «остановиться, укрепиться, а уже потом продолжать движение», Мао же считал, что вести реорганизацию можно в ходе продвижения вперед. В то же время он поддержал Мао Цзэ-дуна на совещании в Цзуньи (янв. 1935), в борьбе против **Чжан Го-тао**, когда последний, стремясь создать свой «собственный» ЦК, пытался перетянуть Пэн Дэ-хуая на свою сторону, чтобы нанести удар по Мао Цзэ-дуну и **Чжоу Энь-лаю**. Встал на сторону Мао Цзэ-дуна и на VI расширенном пленуме ЦК КПК (нояб. 1938), когда боролись с линией **Ван Мина**.

В период Войны сопротивления Японии (1937–1945) Пэн Дэ-хуай стал зам. командующего 8-й армией, и.о. секретаря Северокит. бюро ЦК КПК. Он помогал Чжу Дэ в рук-ве 8-й армией и в ее наступлении на противника, а также в создании обширных опорных баз сопротивления яп. захватчикам в Сев. Китае.

В период гражданской войны (1946–1949) Пэн Дэ-хуай в сложных условиях борьбы с численно преобладающим гоминьдановскими соединениями осуществлял командование войсковыми частями и освободил сев.-зап. часть Китая. Занимал пост командующего, а с сент. 1948 и политкомиссара войск Народно-освободительной армии Сев.-Зап. Китая (в 1948 реорганизованной в 1-ю Полевую армию), начальника Генштаба.

После образования КНР в 1949 Пэн Дэ-хуай становится чл. Центр. народного пр-ва, зам. пред. Народно-революц. военного совета КНР, 1-м секретарем Сев.-Зап. бюро ЦК (1949–1954), зам. пред. Военного совета ЦК КПК.

В окт. 1950 в начальный период корейской войны (1950–1953) в Пекине было созвано совещание высшего парт. рук-ва, к-рое приняло решение о вступлении кит. войск в КНДР для оказания ей помощи. Пэн Дэ-хуай был назначен командующим частями кит. народных добровольцев на кор. фронте, к-рые совместно с Корейской народной армией сражались вплоть до окончания войны. Он был награжден орденом «Национальный флаг» 1-й степени и званием Героя КНДР. В сент. 1954 назначен министром обороны КНР и одновременно зам. премьера Госсовета КНР. В 1955 ему было присвоено воинское звание маршала КНР. По инициативе Пэн Дэ-хуая в НОАК была проведена реформа: установлена обязательность воинской службы, введена новая военная форма, назначено жалованье для профессиональных военных, учреждено 18 воинских званий, введены регулярное обучение и строгая воинская дисциплина, начата модернизация армии.

На VIII съезде КПК в 1956 Пэн Дэ-хуай выступил с развернутым докладом о проблемах воен. строительства НОАК и модернизации армии. Он открыто выразил свое негативное отношение к культу личности в Китае, поддержав

предложение об исключении из Устава КПК «идей Мао Цзэ-дуна» (**маоцзэдун сысян**) как теоретич. основы партии. Как отмечали историки КНР в 1980-е, чл. Политбюро ЦК КПК Кан Шэн, именовавшийся за глаза «палачом партии» нек-рыми руководителями страны, выступления и действия маршала по критике культа личности позднее трактовал как «величайшее преступление». Пэн Дэ-хуай требовал прекратить повсеместное развешивание портретов Мао Цзэ-дуна и восхваление его в песнях. На совещаниях в Политбюро он дважды предлагал прекратить исполнение песни «Алеет Восток», возражал против здравиц в честь Мао, был против того, чтобы военнослужащие в своей присяге клялись в верности Мао. Он запретил воздвигать бронзовую статую Мао Цзэ-дуна в Пекинском военном музее. Все это ему припомнили его недруги в ходе **«культурной революции»**.

Когда в КНР начался «большой скачок», нанесший колоссальный вред народному хоз-ву, Пэн Дэ-хуай, совершив поездку по стране, объективно оценил обстановку и выступил с критикой политики коммунизации деревни, массовой кампании по выплавке стали в кустарных печах.

В июле–авг. 1959 на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК и на состоявшемся затем пленуме ЦК КПК, проходившем в Лушане (пров. Цзянси), Пэн Дэ-хуай, основываясь на материалах проведенного им обследования и множества документов, подверг критике левацкий курс на кустарную выплавку стали и создание без предварительной подготовки народных коммун. Маршал обратил внимание участников совещания на нарушение принципа коллективного рук-ва в КПК, на удушающую атмосферу культа личности, поставил вопрос о недопустимости пренебрежения экономич. законами и подмены экономич. работы игрой в полит. лозунги: «Политика как командная сила не может заменить экономич. законов и тем более не может заменить конкретных мероприятий в экономич. работе». Его мнение поддерживала часть парт. рук-ва, в т.ч. секретарь ЦК КПК Хуан Кэ-чэн, канд. в чл. Политбюро ЦК КПК **Чжан Вэнь-тянь**, 1-й секретарь комитета КПК пров. Хунань Чжоу Сяо-чжоу. 14 июля 1959 Пэн Дэ-хуай изложил свою позицию по ряду важных вопросов экономич. политики в письме на имя Пред. ЦК КПК Мао Цзэ-дуна.

Мао Цзэ-дун решил, что ему лично и всему рук-ву ЦК брошен вызов. 23 июля 1959 на совещании он выступил с жесткой критикой Пэн Дэ-хуая, заявив, что письмо является «атакой на партию», «антипарт. программой правого оппортунизма». После этого выступления совещание, круто изменив направление, стало критиковать Пэн Дэ-хуая, Хуан Кэ-чэна, Чжан Вэнь-тяня и Чжоу Сяо-чжоу за т.н. правый уклон. Самый резкий тон критики, помимо Мао, был задан **Линь Бяо**, к-рый обвинил министра обороны в «лицемерии», «интриганстве» и «карьеризме», не отставал от них и Кан Шэн. На Пэн Дэ-хуая было навешано множество полит. ярлыков: «буржуазный демократ», «попутчик в демократической и оппозиционер в социалистич. революции», «поддерживающий тайные связи с заграницей», «организовавший военный клуб», «пытавшийся заставить Мао Цзэ-дуна отказаться от власти» и т.д. Совещание приняло постановление об освобождении Пэн Дэ-хуая и его сторонников от занимаемых постов. По решению Лушаньского пленума Линь Бяо заменил Пэн Дэ-хуая в Военном совете ЦК КПК и вскоре был назначен министром обороны КНР.

После Лушаньского совещания Пэн Дэ-хуая выселили из правительств. резиденции Чжуннаньхай в зап. пригород Пекина в парк Уцзя. Почти 6 лет опальный маршал прожил практически под домашним арестом. Он передал в ЦК свою маршальскую форму, награды и ордена: «Освобождение», «Свободы и независимости» 1-й степени, «1 августа», отказался от услуг медсестры.

Осенью 1965 Пэн Дэ-хуаю передали предложение Мао Цзэ-дуна поехать на юго-запад страны, чтобы руководить строительством воен. сооружений. Пэн Дэ-хуай не согласился, сославшись на то, что давно оторвался от армии и ничего не понимает в воен. строительстве, и попросил, чтобы его послали работать в деревню, где он станет простым крестьянином. 23 сент. 1965 Мао вызвал

Пэн Дэ-хуая к себе и в личной беседе уговорил его согласиться на предложенную работу.

Чтобы опровергнуть чудовищные измышления в свой адрес, Пэн Дэ-хуай написал Мао Цзэ-дуну огромное письмо, составившее целую книгу (80 тыс. иероглифов), — исчерпывающий отчет о своей деятельности, не оставляющий никаких сомнений в честности Пэн Дэ-хуая и его преданности делу партии и нац. интересам страны. Однако Мао Цзэ-дун остался глух к нему. «Пэн Дэ-хуая нельзя реабилитировать» — таков был его ответ.

Во время «культурной революции» в 1966 Пэн Дэ-хуай был арестован, в тюрьме подвергался жестоким истязаниям и избиениям. В 1973 у него обнаружили рак и перевели в тюремный госпиталь. В 1974, несмотря на проведенную операцию, болезнь обострилась. Ему было отказано в обезболивающих уколах. Он скончался 29 нояб. 1974.

Пэн Дэ-хуай был посмертно реабилитирован в 1978 на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва.

***** *Пэн Дэ-хуай.* Пэн Дэ-хуай цзышу (Автобиография). Пекин, 1981; Пэн Дэ-хуай цзюньши вэньсянь (Военные труды Пэн Дэ-хуая). Пекин, 1988; *он же.* Страницы воспоминаний Пэн Дэ-хуая / Пер., коммент. и примеч. А.В. Панцова; Предисл. В.Н. Усова // ПДВ. 1987, № 4, с. 181–195; то же: Продолж. / Пер. и предисл. В.Н. Усова // Там же. № 5, с. 134–145; № 6, с. 130–141; *он же.* Мемуары маршала / Пер. А.В. Панцова и др.; Под ред. М.Л. Титаренко; Предисл. В.Н. Усова. М., 1988; The Case of Peng The-Huai, 1959–1968. Hong Kong, 1968. ****** *Галенович Ю.М.* Пэн Дэ-хуай и Мао Цзэ-дун. М., 2005; *Ульянов В.Г.* Пэн Дэ-хуай и битва «ста полков» (1940 г.) // XVII НК ОГК. Ч. 3. 1986, с. 209–216; *Усов В.Н.* Его не смогли сломить // Китай: история в лицах и событиях. М., 1991, с. 242–253; *он же.* Маршал Пэн Дэ-хуай. Страницы жизни: (К 100-летию со дня рождения) // ПДВ. 1998, № 5, с. 119–125; Пэн Дэ-хуай чжуань (Биография Пэн Дэ-хуая). Пекин, 1993.

В.Н. Усов

САНЬГЭ ДАЙБЯО

三個代表

Саньгэ дайбяо — концепция «трех представительств», идея «тройного представительства». Сформулирована на XVI съезде КПК (нояб. 2002) в докладе **Цзян Цзэ-миня**. Призвана служить идейно-теоретич. основой партии на период реформ, перехода КНР от системы обществ. фондов потребления, социальных льгот и гарантий к системе сугубо рыночных отношений, отражает «новые требования к работе партии и страны, порожденные переменами и развитием в совр. мире и Китае». В этих условиях КПК, согласно новой концепции, должна представлять интересы развития передовых производительных сил, передовой кит. культуры, коренные интересы самых широких слоев кит. населения.

Впервые концепция «трех представительств» была обнародована 25 февр. 2000 в выступлении Цзян Цзэ-миня во время инспекционной поездки в пров. Гуандун. Дальнейшее развитие получила в его докладе по случаю 80-летия КПК 1 июля 2001.

В докладе на XVI съезде отмечалось, что в процессе успешного строительства об-ва среднего достатка (**сяо кан** — «малое благоденствие») и борьбы за возрастание междунар. авторитета КНР рук-во КПК накопило значит. опыт, к-рый должен стать фундаментом и программой дальнейшего продвижения страны к возрождению кит. нации. Этот опыт, по словам Цзян Цзэ-миня, заключается в том, чтобы по-прежнему стимулировать новаторский поиск в развитии теории **Дэн Сяо-пина** (см. **Теория Дэн Сяо-пина — путь к реформам и открытости** в Общем разделе); продолжать считать главным экономич. строительство, а развитие — определяющим принципом движения вперед; осуществлять реформы и политику открытости, совершенствовать систему социалистич. рыночной экономики. В идейно-полит. сфере, как и прежде, следует придерживаться «четырех принципов» (*сы сян цзибэнь юаньцзэ*), т.е. отстаивать социалистич. путь, диктатуру пролетариата, рук-во со стороны

компартии, отстаивать марксизм-ленинизм, идеи **Мао Цзэ-дуна**, а также развивать полит. строй социалистич. демократии, уделять равное внимание как материальной, так и духовной культуре, управлять гос-вом на основе права и нравственности, продолжать разрешать проблемы реформы, развития и обществ. стабильности.

На XVI съезде был сделан акцент на том, что концепция «трех представительств» является продолжением и развитием марксизма-ленинизма, «идей Мао Цзэ-дуна» (**маоцзэдун сысян**) и теории Дэн Сяо-пина. Вместе с тем она представляет собой самостоятельный вклад в теорию строительства «социализма с кит. спецификой», к-рая предусматривает модернизацию экономич. базы страны на основе расширения сотрудничества с развитыми капиталистич. странами, что исключает идеологич. и классовый подход. Нынешний этап продвижения Китая вперед требует не антагонистич. противостояния в об-ве, а созидательного начала, что и призвана обеспечить концепция «трех представительств», к-рая служит ответом партии на позитивные и негативные проявления рыночных принципов в стране, где рыночная экономика далеко отстоит от идей социализма Мао Цзэ-дуна и уже заметно отличается от социализма Дэн Сяо-пина. Развитие производительных сил — гл. задача партии. Без ее решения невозможно обеспечить развитие прогрессивной кит. культуры и удовлетворение материальных потребностей большинства населения страны. В процесс развития и возрождения кит. нации, кроме рабочего класса, интеллигенции и крестьянства, надо вовлекать новые слои об-ва, к-рые появились в ходе социальных перемен, учитывать их производств. и деловую активность, оказывающую серьезное влияние на совр. экономич. жизнь страны.

Говоря о необходимости создания атмосферы благожелательного отношения простого народа к новым социальным элементам, Цзян Цзэ-минь подчеркнул, что не имуществ. положение является определяющим в оценке людей, а идейно-полит. содержание и результаты деятельности, их вклад в строительство социализма. Поэтому курс и политика партии должны представлять коренные интересы самых широких слоев населения. Развитие экономики и осуществление реформ во многом зависят от социально-полит. стабильности.

Концепция «трех представительств», особенно акцент на приоритет производительных сил, имеет важное значение для расширения экономич. сотрудничества КНР с развитыми странами. Сохранение стабильности в об-ве потребовало проведения активной социальной политики от кит. пр-ва на всех направлениях его работы после съезда. На XVII съезде КПК (окт. 2007) концепция *саньгэ дайбяо* названа одним из идейных источников «теоретич. системы социализма с кит. спецификой».

***** *Цзян Цзэ-минь.* Доклад Цзян Цзэ-миня на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2002 г. // Документы XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 2002, с. 1–77; *он же.* Лунь «саньгэ дайбяо» (О «трех представительствах»). Пекин, 2001. ****** *Асланов Р.М.* Концепция «трех представительств»: ее содержание и реальное значение // Социально-политические и идеологические процессы в КНР накануне XVI съезда КПК. М., 2002, с. 27–32 (ЭИ; № 3); *он же.* Концепция «трех представительств»: путь к социальному миру в Китае? // Актуальные проблемы внутреннего положения в Китае. М., 2003, с. 42–61 (ИМ. Сер. В; Вып. 14/15); *Виноградов А.В.* Идея «3-х представительств» как элемент китайской модели модернизации: хронология выдвижения // Там же, с. 61–68; Круглый стол [журн.] ПДВ: Решения XVI съезда Компартии Китая // ПДВ. 2003, № 1, с. 49–99; *Ломанов А.В.* Новое руководство Китая и перспективы политических реформ // Общество и государство в Китае: Спец. вып.: К 80-летию Л.П. Делюсина. М., 2004, с. 137–156; *Смирнов Д.А.* Концепция «трех представительств» — новый этап эволюции государственной идеологии в КНР // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004, с. 193–200; *Се Чунь-тао.* «Саньгэ дайбяо» юй данды цзяньшэ («Три представительства» и партийное строительство) // Байнянь чао. 2000, № 9, с. 4–13.

Р.М. Асланов

«САНЬ ШИ ЛЮ ЦЗИ»

三十六計

«Сань ши лю цзи» — «Тридцать шесть стратагем» («Сань ши лю цзи мибэнь бинфа» — «Тридцать шесть стратагем. Сокровенная книга о военном искусстве»). Знаменитый сборник, в к-ром распределены по категориям и представлены с разъяснениями и комментариями 36 кит. стратагем.

В европ. и в кит. культуре знания о стратагемах в первую очередь связаны с искусством военной стратегии. Слово «стратагема» (др.-греч. strategema) означает военное дело вообще и в частности военную хитрость. Приемы и правила военного искусства описаны в **«Сунь-цзы»** (VI–V вв. до н.э.; рус. пер.: Н.И. Конрад, 1950; В.В. Малявин, 2002), **«У-цзы»** (IV в. до н.э.; рус. пер.: Н.И. Конрад, 1958) и др. трактатах представителей др.-кит. школы «военной философии» (**бин-цзя**), вошедших в свод «Военный канон» (**«У цзин» [1]**; все ст. см. в т. 1). Их идеи легли в основу традиц. военно-политических и дипломатических доктрин Китая и стран Дальнего Востока.

Стратагемность как элемент полит. культуры традиц. Китая, в частности дипломатии, была проанализирована в работах рос. акад. В.С. Мясникова, к-рого считают на Западе первым китаеведом-исследователем стратагем. Понятие «стратагема», по его определению, означает стратегический план, в к-ром для противника заключена к.-л. ловушка или хитрость, а «дипломатическая стратагема — по-китайски *цэ* [*2*] или *цэ люэ*, *фан люэ* — это нацеленный на решение крупной внешнеполитич. задачи план, рассчитанный на длительный период и отвечающий гос. или нац. интересам так, как они интерпретируются господствующим классом». Первым зап. деятелем, к-рый упомянул применительно к Китаю сам термин «стратагема», согласно В.С. Мясникову, был рус. дипломат нач. XVIII в. С.Л. Рагузинский-Владиславич. В 1727 он писал о кит. сановниках: «И сию вторую стратагему они чинили, чем меня обмануть».

Анализ употребления и полного спектра значений в классич. текстах иероглифов *моу*, *цзи* [*12*], *цэ* [*2*], *люэ*, *ту* [*2*] и т.д., к-рые в совр. кит. яз. входят в состав слов, имеющих значение «стратагема», выполненный Т.Г. Завьяловой, показал, что уже к началу правления дин. Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) в кит. яз. был богатый арсенал лексических средств как для описания мыслительной деятельности по составлению стратагем, так и для обозначения результатов этой деятельности. Первое полное определение понятия «стратагема» встречается в библиографич. разделе «И вэнь чжи» **«Хань шу»** («История [династии] Хань»; см. также т. 1): «Использующий хитрые планы (*цюань моу*) с помощью истины-справедливости сохраняет гос-во, с помощью необычно-изумляющего использует войска, сначала рассчитывает, потом воюет, использует форму и обстановку, объемля *инь* [*1*] и *ян* [*1*], применяет искусство-мастерство» (пер. Т.Г. Завьяловой). Оценка умения перспективно мыслить, в т.ч. строить долгосрочные планы, присутствует не только в филос., военных, политических, историографич. и др. текстах. Биномом **фан люэ** в традиц. классификации ист. лит-ры обозначают и сами труды, составлявшиеся в основном при дин. Цин (1644–1911) и посвященные описаниям войн и усмирительных походов (напр., «Пиндин лоча фан люэ» — «Описание усмирения русских»).

До 2-й пол. XX в. собрание 36 стратагем в целом оставалось в Китае в нек-ром роде тайным знанием. Первая ссылка на 36 стратагем (*сань ши лю цэ*) встречается в «Нань Ци шу» («Книга [об эпохе] Южная Ци», VI в.). Список 36 стратагем содержится в тексте под назв. «Хунмэнь чжэсюэ» («Философия Хунмэнь»), принадлежавшем одному из тайных об-в *Хунмэнь* (см. **Се-цзяо** в т. 2), основанному ок. 1674. В 1941 в Чэнду (пров. Сычуань) был напечатан трактат о 36 стратагемах более раннего происхождения. Судя по упоминавшимся в нем эпизодам, он относится к кон. эпохи Мин (1368–1644). В 1961 этот текст был опубликован в КНР «для внутреннего пользования» в НОАК. Только после окончания **«культурной революции»** в Китае, а потом и в сопредельных странах стали одна за другой появляться открытые публикации ранее загадочного текста.

Текст «Сань ши лю цзи» состоит из неск. слоев: 36 изречений, состоящих из 4, реже 3 иероглифов, представляющих собой названия стратагем (всего 138 иероглифов); краткого разъяснения принципа данной стратагемы; ссылок на гексаграммы (**гуа [2]**; см. т. 1) и цитаты из «Книги перемен» («И цзин»; см. **«Чжоу и»** в т. 1); комментария к стратагеме, содержащего указания на ист. прецеденты ее применения. Так, стратагема № 9 «С противоположного берега наблюдать за пожаром» иллюстрируется примерами из сражений эпохи Чжань-го и Троецарствия, а стратагема № 27 «Притворяться глупцом, не поддаваясь вожделениям» — примерами из истории Сун.

Создание и применение стратагем не являются уникальным свойством кит. культуры. Как пишет Т.Г. Завьялова, уникально наличие в кит. традиции произведений, посвященных теории применения стратагем в различных сферах человеческой деятельности. В КНР и на Тайване как классич. памятники, так и совр. произведения по стратагематике издаются сериями, содержащими иногда сотни томов. Нек-рые кит. исследователи классифицируют стратагемы и тексты, им посвященные, в зависимости от сферы их применения (напр., в «Большом словаре китайских стратагем» или в «Сокровищнице стратагем») по разделам — «Политика», «Дипломатия», «Экономика», «Образовательная деятельность» и т.д. Попытки адаптации памятников кит. военной мысли применительно к проблемам совр. бизнеса и менеджмента наблюдаются в России и в др. странах.

Первое исследование на европ. яз. и перевод 36 стратагем опубликовал в 1988 швейцарский ученый Х. фон Зенгер. Книга выдержала неск. изданий, переведена на многие языки, в т.ч. на рус. яз. (1995, 2004). В 2006 в Лондоне вышла его кн. «36 стратагем для бизнеса». На рус. яз. «Тридцать шесть стратагем» переведены с кит. яз. В.В. Малявиным (1998, 2002).

***** Чжунго моулюэ дадянь (Большой словарь китайских стратагем) / Ред. У Цзин-тянь. Пекин, 1995; Моулюэ ку (Сокровищница стратагем) / Ред. Цзы Ю-цю. Пекин, 1996; *Конрад Н.И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве: Пер. и исслед. М., 1950; *он же.* У-цзы. Трактат о военном искусстве: Пер. и исслед. М., 1958; *Васильев К.В.* Планы сражающихся царств (исследования и переводы). М., 1968; Тридцать шесть стратагем: Китайские секреты успеха / Пер. В.В. Малявина. М., 1998; У-цзин. Семь военных канонов древнего Китая: Пер. с англ. СПб., 1998; Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М., 2002; *Зенгер Х. фон.* Стратагемы: О китайском искусстве жить и выживать: Впервые полное современное прочтение всех 36 знаменитых стратагем истинного воплощения трехтысячелетней мудрости: В 2 т. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. В.С. Мясникова. М., 2004. ****** *Завьялова Т.Г.* Место стратагем в современных трансформационных процессах в китайской культуре // Китай: шансы и вызовы глобализации: Тез. XIV МНК ККЦиМ. Ч. 2. М., 2003, с. 140–144; *она же.* Формирование терминологических средств стратагематики в китайской культуре // Восток–Запад: Ист.-лит. альманах, 2003–2004. М., 2005, с. 255–274; *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980; *он же.* Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. М., 1977; Цзимоу шидянь (Практический словарь стратагем) / Ред. Ма Чжуань-шэн, Лю Вэнь-фу. Шанхай, 2000; *Senger H.* The 36 Stratagems for Business. L., 2006.

С.М. Аникеева, В.Н. Усов

«СИНЬ ТАН ШУ»

新唐書

«Синь Тан шу» — «Новая история [династии] Тан», «Новая книга об [истории династии] Тан». Офиц. история (*чжэн ши*) дин. Тан (618–907). Состоит из 4 разделов, 225 частей (цзюаней): 1. «Основные анналы» (*бэнь цзи*), цз. 1–10; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]): ритуал и музыка (*ли юэ*); императорская гвардия (*и вэй*); колесницы и одежда (*чэ фу*); календарь (*ли*); астрономия (*тянь вэнь*); пять первоэлементов (*у син*); география (*ди ли*); экзаменационная система (*сюань цзюй*); чиновничество (*бай гуань*); армия (*бин*); экономика (*ши хо*); уголовное законодательство (*син фа*); лит.-библиографич. раздел (*и вэнь*), цз. 11–60; 3. «Таблицы» (*бяо*), цз. 61–75. 4. «Биографии» (*ле чжуань*), цз. 76–225, из них цз. 215–222 — описание сопредельных с Китаем стран и народов и цз. 223–225 — биографии изменников и смутьянов. Время составления: 1045–1060. Составитель — комиссия во главе с **Оуян Сю** (1007–1072; см. также т. 3) и **Сун Ци** (998–1061; см. т. 3). В 1044 сановник Цзя Чан-чао выступил с предложением о новой редакции истории дин. Тан взамен **«Цзю Тан шу»** («Старая история [династии] Тан»). В 1045 императорским указом для этой цели было назначено неск. ученых, во главе к-рых стоял один из высших сановников. В 1058–1060 эту должность занимал Цзэн Гун-лян, к-рый написал предисл. к истории перед представлением ее императору 10 авг. 1060. В число ее составителей входили **Фань Чжэнь** (см. т. 1), Сун Минь-цю, Ван Чоу, Люй Ся-цин, Лю Си-соу, Лю И-соу. Работу составителей текста проверяли редакторы (*каньсюгуань*). В 1045–1060 должность редактора выполнял Сун Ци, к-рый с 1054 разделял свои обязанности с Оуян Сю. Поскольку последний неоднократно получал назначения на разные ответств. посты, к-рые едва ли позволяли ему исполнять обязанности редактора, то осн. работу осуществлял, по-видимому, Сун Ци. «Новая история Тан» описывает те же события, что и «Старая история», с нек-рыми дополнениями. К числу ее недостатков относится то, что из разделов «Основные анналы» и «Биографии» исключены тексты указов и докладов императору. Кроме того, составители исключили все события, относящиеся к истории **буддизма** (см. т. 1), а также нек-рые даты. Появление новой танской истории сразу же вызвало большой интерес. Было опубликовано неск. работ, посвященных ее критич. обсуждению, в частн., «Синь Тан шу цзю мю» («Исправленные ошибки „Новой истории Тан“») У Чжэня и «Тан шу чжи би синь ли» («Беспристрастно изложенные новые принципы [составления] танской истории») Люй Ся-цина. Совр. текст «Синь Тан шу», включенный в «Полное собрание книг по четырем разделам» **(«Сы ку цюань шу»)**, базируется на минском изд. 1539.

***** *Оуян Сю.* Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 676–707); *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950, т. 1, с. 220–374; т. 2, с. 98–137, 289–333; *Ouyan Xiu.* Le Traité des examens: Tr. de la Nouvelle histoire des T'ang (chap. 44–45) / Tr. par R. des Rotours. P., 1932; *idem.* 2 éd. rev. et corr. San Francisco, 1976; *idem.* Le Traité des fonctionnaires et Traité de l'armée: Tr. de la Nouvelle histoire des T'ang (chap. 46–50): In 2 vol. / Tr. par R. des Rotours. Leyde, 1947–1948; *idem.* 2 éd. rev. et corr. San Francisco, 1974. ****** *Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы. СПб., [1887], с. 250; *Горбачева З.И.* Краткое описание китайских ксилографических изданий в коллекции Института народов Азии. Вып. 2. История. Л., 1961, с. 46–48; *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., 1959, с. 228–230; *Хуан Юн-нянь.* Тан ши шикэсюэ (Историография танской истории). Шанхай, 2002, с. 18–33; Catalogue of Translations from the Chinese Dynastic Histories for the Period 220–960 / Comp. by H. Frankel. Berk., 1957, p. 203–240; *Courant M.* Catalogue des livres chinois, coréens, japonais. T. 1. P., 1902, p. 4.; *Wylie A.* Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and a List of Translations from the Chinese into Variuos European Languages. New ed. Shanghai, 1902, p. 21–22; *Twitchett D.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. L., 1970; *idem.* The Writing of Official History under the T'ang. Cambr., 1992.

И.Ф. Попова

СИ ЦЗИНЬ-ПИН

习近平

Си Цзинь-пин. Июнь 1953, уезд Фупин, пров. Шэньси. Совр. партийный и гос. деятель.

Трудовую деятельность начал в янв. 1969, в янв. 1974 вступил в КПК. В 1975–1979 учился на химико-технологич. ф-те ун-та Цинхуа. Окончил заочную аспирантуру по специальности «марксистская теория и идейно-полит. воспитание» Ин-та гуманитарных и социальных наук ун-та Цинхуа. Доктор юридич. наук.

1979–1982 — секретарь Канцелярии Госсовета КНР и Канцелярии Центр. военного совета КНР. В 1982–1983 — заместитель, в 1983–1985 — секретарь комитета КПК уезда Чжэндин пров. Хэбэй.

С 1985 по 2002 занимает парт. и руководящие должности в пров. Фуцзянь: 1985–1988 — чл. ПК КПК и вице-мэр г. Сямэнь; 1988–1990 — секретарь комитета КПК округа Ниндэ; 1990–1993 — секретарь комитета КПК и пред. ПК СНП г. Фучжоу; 1993–1995 — чл. Бюро провинц. комитета КПК, секретарь комитета КПК и пред. ПК СНП г. Фучжоу; 1995–1996 — зам. секретаря провинц. комитета КПК, секретарь комитета КПК и пред. ПК СНП г. Фучжоу; 1996–1999 — зам. секретаря провинц. комитета КПК; 1999–2000 — зам. секретаря комитета КПК, и.о. главы провинц. администрации; 2000–2002 — зам. секретаря комитета КПК и глава провинц. администрации. С 2002 — зам. секретаря комитета КПК, а также и.о. главы администрации пров. Чжэцзян. В той же провинции в 2002–2003 — секретарь комитета КПК, а также и.о. пред. пр-ва; в 2003–2007 — также и пред. ПК СНП. 2007 — секретарь комитета КПК г. Шанхай. С 2007 — чл. ПК Политбюро ЦК КПК, чл. Секретариата ЦК КПК, секретарь комитета КПК г. Шанхай. Кандидат в чл. ЦК КПК 15-го созыва, чл. ЦК КПК 16-го созыва. На XVII съезде КПК (21.10.2007) избран чл. ЦК КПК. На I пленуме ЦК КПК 17-го созыва (22.10.2007) избран чл. Политбюро ЦК КПК, чл. ПК Политбюро ЦК КПК, чл. Секретариата ЦК КПК.

* Чжунго гунчаньдан ди шицы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзянь хуйбянь (Собрание документов XVII съезда КПК). Пекин, 2007.

В.И. Антонов, В.Н. Усов

乙

«СУЙ ШУ»

隋書

«Суй шу» — «История [династии] Суй», «Книга [об эпохе] Суй». Офиц. история (*чжэн ши*) дин. Суй (581–617). Состоит из 3 разделов, 85 частей (цзюаней): 1. «Императорские анналы» (*ди цзи*), цз. 1–5; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]): ритуал (*ли и*), музыка (*инь юэ*), календарь (*люй ли*), астрономия (*тянь вэнь*), пять первоэлементов (*у син*), экономика (*ши хо*), уголовное законодательство (*син фа*), чиновничество (*бай гуань*), география (*ди ли*) и лит.-библиографич. трактат (*цзин цзи чжи*), цз. 6–35; 3. «Биографии» (*ле чжуань*), цз. 36–85, включая разделы, посвященные описанию сопредельных с Китаем стран и народов: вост. племен *и*, южных *мань*, Западного края (*Си юй*), северных *ди* [*8*]. Время составления 621–636. Составитель — комиссия во главе с **Вэй Чжэном**. В работе принимали участие Фэн Дэ-и (568–627), Янь Ши-гу (581–645), а с 630 также Кун Ин-да (574–648), Сюй Цзин-цзун (592–672) и др. В 641 по императорскому указу «Трактаты» (цз. 6–35) были составлены заново под рук-вом Чжансунь У-цзи (ум. 659). Текст «Суй шу», наряду с историями династий Лян, Чэнь, Северной Ци и Чжоу, полностью вошел в соч. «У-дай ши чжи» («Обзор истории Пяти династий») в 30 цз., представленное трону в 656 комиссией Чжансунь У-цзи.

* *Вэй Чжэн.* Суй шу (История [династии] Суй). Шанхай, 1936 (СББЯ; Т. 602–613); *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950, т. 1, с. 220–246, 279–300; т. 2, с. 81–97; Суй шу. Цз. 24. Ши хо чжи (История династии Суй. Цз. 24. Записи о продовольствии и ценностях) // Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье / Пер. с кит. и коммент. А.А. Бокщанина, Лин Кюн-и. М., 1980, с. 86–120, 192–232; Le Traité économique du “Souei-chou” / Tr. and annot. by *É. Balazs*. Leiden,

1953; Le Traité juridique du “Souei-chou” / Tr. and annot. by *É. Balazs*. Leiden, 1954. ** *Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы: Лекции, читанные заслуж. проф. С.-Петерб. Имп. университета В.П. Васильевым. СПб., [1887], с. 248; *Горбачева З.И.* Краткое описание китайских ксилографических изданий в коллекции Института народов Азии. Вып. 2. История. Л., 1961, с. 45–46; *Хуан Юн-нянь.* Тан ши шикэсюэ (Историография танской истории). Шанхай, 2002, с. 33–35; *Courant M.* Catalogue des livres chinois, coréens, japonais. T. 1. P., 1902, p. 4; Catalogue of Translations from the Chinese Dynastic Histories for the Period 220–960 / Comp. by H. Frankel. Berk., 1957, p. 125–146.
См. также лит-ру к ст. **Вэй Чжэн**.

И.Ф. Попова

СУН ЦИН-ЛИН

宋慶齡

Сун Цин-лин. 21.01.1893, Шанхай, — 29.05.1981, Пекин. Видная гос. и обществ. деятельница, супруга **Сунь Ят-сена**. Родилась в Шанхае в богатой семье, окончила Шанхайскую женскую гимназию. В 1908–1913 училась в Уэслианском (протестантском) женском колледже г. Мэйкон (штат Джорджия, США). С юных лет ее полит. идеалом был Сунь Ят-сен, друг ее родителей. По возвращении из США с 1913 становится секретарем Сунь Ят-сена. В 1914 вступила в *Чжунго гэминдан* (Кит. революционная партия). В окт. 1915 в Токио сочеталась браком с Сунь Ят-сеном. Решение выйти замуж за Сунь Ят-сена было с негодованием встречено ее семьей и вызвало потоки клеветы со стороны полит. врагов. Ее сестра Сун Мэй-лин через 12 лет вышла замуж за **Чан Кай-ши**.

В 1924 участвовала в работе I съезда Гоминьдана, решительно поддержала три осн. полит. установки (*сань да чжэнцэ*) Сунь Ят-сена: на союз с Советской Россией, союз с КПК, поддержку крестьян и рабочих. После кончины Сунь Ят-сена (12.03.1925) продолжала проводить его политику единого фронта Гоминьдана. В 1926 на II съезде Гоминьдана избрана чл. ЦИК (переизбиралась на III–IV съездах; на V съезде Гоминьдана избиралась кандидатом в чл. ЦИК) и руководителем сектора по работе среди женщин. На III пленуме ЦИК Гоминьдана 2-го созыва (март 1927) избрана чл. Центр. полит. комиссии Гоминьдана, чл. гоминьдановского пр-ва в Ухани. Тесно сотрудничала с КПК. До и особенно после переворота Чан Кай-ши (12.04.1927) выступала против правого крыла Гоминьдана. В 1927–1931 совершила поездку в СССР и страны Европы. Прибыв в мае 1929 в Китай после двухлетнего отсутствия на церемонию захоронения праха Сунь Ят-сена в мавзолее в Нанкине, Сун Цин-лин выступила с осуждением политики Нанкинского пр-ва. В 1927 и 1929 участвовала в работе конгрессов междунар. антиимпериалистических сил, в 1929 избрана почетным пред. Второго конгресса Антиимпериалистической лиги. «Никогда предательский характер контрреволюционных гоминьдановских лидеров не проявлял себя так бесстыдно перед миром, как сегодня, — писала она в 1929. — Они, предав нац. революцию, неизбежно деградировали до положения орудия в руках империалистов и пытались спровоцировать войну с Россией».

По возвращении в Китай в ходе «событий 18 сентября» 1931 — вторжения японцев в Сев.-Вост. Китай (Дунбэй) — поддержала курс КПК на создание единого нац. фронта сопротивления яп. захватчикам.

19 февр. 1932 Сун Цин-лин обратилась в секретариат Антиимпериалистической лиги с призывом «к междунар. антиимпериалистическим действиям против вооруженного нападения Японии на Шанхай, к-рое было проведено при помощи др. иностр. империалистов и создало угрозу расчленения и порабощения Китая».

В кон. 1932 Сун Цин-лин была одним из учредителей в Шанхае Кит. нац. лиги движения за гражданские права (*Чжунго миньцюань баочжан тунмэн)*, избрана председателем ее исполкома. В нее вошли прогрессивные юристы, писатели, преподаватели школ и вузов, художники. Лига организовала сбор медика-

ментов и др. материалов в разных странах и доставила их на контролировавшиеся коммунистами базы, находившиеся в яп. тылу и блокированные Чан Кай-ши. Сун Цин-лин смело выступала против гоминьдановского террора, открыто поддерживала полит. заключенных, борясь за их освобождение. Она критиковала организованное Чан Кай-ши «движение за новую жизнь» (*синь шэнхо юньдун*), опубликовав в нью-йоркском журн. «Asia» статью, направленную против традиций реакционной феод. философии, к-рые лежали в основе этого движения. В 1934 стала инициатором сбора подписей в поддержку разработанной КПК «Основной программы войны кит. народа против яп. империализма». В 1935 поддержала манифест КПК от 1 авг. с призывом прекратить гражданскую войну и создать единый патриотич. фронт. В 1936 в Шанхае на учредительном съезде Всекит. ассоциации нац. спасения (*Цюаньго гэцзе цзюго ляньхэхуй)* избрана чл. исполкома. В 1938 по ее инициативе в Сянгане была создана Лига защиты Китая (*Баовэй Чжунго тунмэн*), состоявшая как из китайских, так и иностр. членов. Провела большую работу по сбору средств для оказания помощи 8-й и Новой 5-й армиям. С дек. 1941 проживала в Чунцине. В течение 8 лет Войны сопротивления Японии (1937–1945) Сун Цин-лин вела активную работу, направленную на укрепление всех антияпонских сил. В 1945 была пред. Кит. благотворительного фонда.

В сент. 1949 на 1-й сессии НПКСК избрана зам. пред. Центр. народного правительственного совета (ЦНПС); с окт. 1949 — зам. пред. Об-ва кит.-советской дружбы (ОКСД), позже — пред. ОКСД. Сун Цин-лин уделяла большое внимание работе среди женщин КНР, проявляла заботу о здоровье подрастающего поколения. В 1949–1981 — почетный пред. Всекит. демократич. федерации женщин (ВКДФЖ, с 1957 — Всекит. федерация женщин — ВКФЖ). С 1950 — чл. исполкома Кит. об-ва вспомоществования. С 1951 — пред. его исполкома. В 1950 на II Всемирном конгрессе сторонников мира введена в состав Всемирного совета мира и его Бюро. В апр. 1951 удостоена междунар. Сталинской премии «За укрепление мира между народами» за 1950, передала полученные ею 100 тыс. руб. в фонд кит. детей и женщин. В 1951 назначена пред. Всекит. народного комитета защиты детей, входила в руководство Кит. об-ва Красного Креста. С 1952 — пред. Комитета связи сторонников мира района Азии и Тихого океана. В 1954–1981 — зам. пред. ПК ВСНП, зам. пред. ВК НПКСК. Была депутатом ВСНП 1–5-го созывов. На сессиях ВСНП (апр. 1959 и янв. 1965) избиралась зам. Председателя КНР. Перед смертью в мае 1981 вступила в КПК. Решением ПК ВСНП 5-го созыва удостоена звания Почетного Председателя КНР.

***** *Сун Цин-лин.* Вэй синь Чжунго фэньдоу (Борьба за новый Китай). Пекин, 1952; *она же.* Юнъюань хэ дан цзай ици (Навсегда вместе с партией: Речи, статьи, письма, 1938–1978). Шанхай, 1983. ****** *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Энь-лая. М., 1996, указ.; Чжунго гунчаньдан жэньмин цыдянь (Словарь имен китайских коммунистов). Шэньян, 1988, с. 284. *Eunson R.* The Soon Sisters. N.Y., 1975.

В.И. Антонов*, *В.Н. Усов

«СУН ШИ»

宋史

«Сун ши» — «История [династии] Сун». Офиц. история (*чжэн ши*) дин. Сун (960–1279), самая большая из 24 династийных историй (см. табл. в Справочном разделе). Состоит из 4 разделов, 496 цзюаней и охватывает ист. период с 960 по 1279, включая Северную (960–1127) и Южную (1127–1279) Сун: 1. «Основные записи/анналы» (*бэнь цзи*) — 47 цз.; 2. «Трактаты» (*чжи* [*З*]) — 162 цз., всего 15 трактатов: астрономия, пять элементов, география, реки и каналы, ритуал, музыка, календарь, чиновничество, выборы, пища, законодательство, воинская служба, несение охраны, искусство и лит-ра; 3. «Хронологические таблицы» (*бяо*) — 32 цз.; 4. «Биографии» (*ле чжуань*) — 255 цз. (более 2 тыс. биографий) с подрубрикой «Биографии неоконфуцианцев». В «Сун ши» зафиксированы астрономич. календарь той эпохи, свод законов,

состояние экономики, процесс развития административных органов, каталог книг и т.д.

При дин. Юань имп. Хуй-цзун (Тогон-Тэмур, прав. 1333–1368) в марте 1343 издал указ об исправлении «Историй» династий Ляо, Цзинь и Сун к окт. 1345, т.е. всего за два с половиной года. В составлении и редактировании «Сун ши» под рук-вом Токто (1314–1355) участвовали 30 редакторов и историков Палаты по составлению истории, среди к-рых были Хэ Вэй-и, Чжан Ци-янь, Оуян Сюань, Ли Хао-вэнь. Спешка и большой объем текстов были причиной поверхностной обработки материалов, небрежного редактирования, массивного заимствования из других ист. источников той эпохи — «Истории государства» («Го ши»), «Свода письменных памятников и суждений к ним» (**«Вэнь сянь тун као»**) и т.д.

В последующие эпохи «Сун ши» вызывала серьезные нарекания ученых, считавших, что в ней много неясностей и путаницы и указывавших на многочисл. ошибки, неточности и упущения ее составителей. Переписать ее пытались известные цинские ученые **Цянь Да-синь** (1728–1804) и **Чжан Сюэ-чэн** (1738–1801). Известны издания «Сун ши» при дин. Мин (Нанкин, 1480), при дин. Цин (Пекин, 1739; Чжэцзян, 1875), в республиканском Китае (Шанхай, 1936), в КНР (Пекин, 1977).

***** Сун ши (История Сун): В 496 цз. / Сост. Токто. Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 726–805); то же. Пекин, 1985. ****** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, указ.; *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи. X–XIII вв. М.–Л., 1959, с. 315 (примеч.); *У Хань.* Сун дай лян цы цзюнь чань юньдун (Два движения за уравнение имущества в период Сун) // *он же.* Дэн ся цзи (При лампе: Сб.). Пекин, 1961; *Ци Ся.* Сюэси Сун дай лиши ди игэ душу баогао (Об источниках для изучения истории периода Сун) // Лиши цзяосюэ. 1975, № 2; Чжунго лиши дацзыдянь (Большой исторический словарь). Шанхай, 1984, с. 235; Чжунго да байкэ цюаньшу. Чжунго лиши (Большая китайская энциклопедия. История Китая). Т. 3. Пекин, 1998, с. 1020–1021; *Kracke T.* Civil Service in Early Sung China, 960–1067. Cambr. (Mass.), 1953; *idem.* Sung Society: Change within Tradition // Far Eastern Quarterly. 1955, № 14.

В.Н. Усов

«СУН ШУ»

«Сун шу» — «История [династии] Сун», «Книга [об эпохе] Сун».

1. Офиц. история (*чжэн ши*) Южной дин. Сун (Лю Сун, 420–479) эпохи Южных и Северных династий (Нань-бэй-чао, 420–589). Написана в анналобиографическом (*цзи чжуань*) жанре. Состоит из трех разделов, 100 частей (цзюаней): 1. «Основные анналы/записи» (*бэнь цзи*), цз. 1–10; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]), цз. 11–40; 3. «Биографии» (*ле чжуань*), цз. 41–100. Составитель **Шэнь Юэ** (Шэнь Сю-вэнь, 441–513; см. т. 1 и 3). В 487 Шэнь Юэ, совмещавший должности эконома при наследнике престола (*тай-цзы цзялин*) и начальника составительского бюро (*чжуцзолан*), получил императорский указ о написании «Сун шу». В течение довольно короткого срока (ок. 6 лет) ему удалось полностью завершить написание 70 цз. разделов *бэнь цзи* и *ле чжуань*. Затем он приступил к составлению разд. «Трактаты». В «Сун шу» описываются события начиная с 405, со времени постепенного возвышения будущего сунского имп. У-ди (прав. 420–422), до 479, когда дин. Лю Сун прекратила свое существование. «Сун шу» содержит многочисл. фрагменты ист. первоисточников. Помимо описания событий и деяний императоров в разд. «Основные анналы» приводятся докладные и объяснительные записки (*цзоуи*) того времени, описаны порядок приглашения чиновников на должность и атрибуты ритуала (*шу ли*) и т.д. Разд. «Трактаты» включает след. трактаты: календарь (*ли*); ритуал (*ли* [*2*]); музыка (*юэ* [*1*]); астрономия (*тянь вэнь*); благие предзнаменования (*фу жуй*); пять первоэлементов (*у син*); округа и области (*чжоу цзюнь*). Цз. 11–13 содержат полностью три календаря: «Цзинчу ли» («Календарь, [разработанный в годы царствования под девизом] Цзинчу», сост. Ян Вэем в 237), «Юань-цзя ли» («Календарь, [разработанный в годы

царствования под девизом] Юань-цзя», сост. **Хэ Чэн-тянем** [см. т. 1] в 443), «Да-мин ли» («Календарь, [разработанный в годы царствования под девизом] Да-мин», сост. Цзу Чун-чжи в 462). Трактаты о ритуале (цз. 14–18) включают детальное описание нек-рых ритуалов данного периода и обзор императорских ритуалов со времен дин. Хань, т.к. составитель считал ее эталоном для последующих династий, в т.ч. жертвоприношения Небу и Земле (*цзяо сы*), жертвоприношения предкам (*цзи цзу*), дворцовые аудиенции (*чао хуй*), выезд и одеяния (*юй фу*). В трактатах о музыке (*юэ чжи*) подробно описаны муз. инструменты, пьесы, воспроизведены песни-**юэфу** (см. т. 3) и др. поэтич. произведения соответств. периода. В трактатах об округах и областях подробно описывается географич. развитие южного региона со времен Троецарствия, ситуация с переименованием нек-рых областей со времен Вост. Цзинь, а также дается информация о численности населения каждой области. В разд. «Биографии» (60 цз.) сосредоточена осн. часть материалов по полит. истории данного периода. Его основу составляют жизнеописания деятелей дин. Лю Сун, а также предшествующего периода, описания многочисл. знатных родов. Как правило, каждая цзюань состоит из неск. биографий, нередко в текст включены небольшие по объему жизнеописания и др. людей.

«Сун шу» является ценным источником информации о периоде III–V вв., когда на фоне сложной полит. обстановки наблюдался кризис в культурной сфере, и в частности в историографич. науке. Составителем была предпринята попытка отразить положение дел в обществ.-полит., экономич. и культурной жизни того времени. Однако ввиду того что Шэнь Юэ служил историографом при трех династиях (Сун, Ци и Лян), его описание полит. явлений, сопутствующих смене династий, отражающее их офиц. трактовки, зачастую не является достоверным. Кроме этого, «Сун шу» не содержит обычных для династийных историй трактатов о продовольствии и товарах (*ши хо*) и лит.-библиографич. трактата (*и вэнь чжи*).

2. Сочинение из 65 цз., составленное Сунь Янем (дин. Южная Ци). Посвящено ист. событиям времен Южной дин. Лю Сун (420–479). Написано в аннало-биографическом (*цзи чжуань*) жанре. Утрачено.

***** *Шэнь Юэ.* Сун шу (История [династии] Сун): В 100 цз. Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 538–553); то же. Пекин, 1974. ****** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; Чжунго лиши да цыдянь: Шисюэ ши (Большой словарь по истории Китая: Историография). Шанхай, 1984, с. 235; Чжунго да байкэ цюаньшу: Чжунго лиши (Большая китайская энциклопедия: История Китая). Т. 2. Пекин, 1998, с. 1021.

М.В. Сухов

СУНЬ ЯТ-СЕН

孫中山

Сунь Ят-сен. В сев. стандартном произношении Сунь И-сянь; лит. псевдоним Сунь Чжун-шань, Сунь Вэнь. 12.11.1866, дер. Цуйхэн уезд Сяншань (ныне Чжуншань) пров. Гуандун, — 12.03.1925, Пекин; похоронен в Нанкине.

Революционер, создатель первой в стране орг-ции революционных демократов — «Союза возрождения Китая» (*Синчжунхуй*), ставившей своей целью свержение маньчж. дин. Цин (1644–1911), основатель и глава первой общекит. революционно-демократической партии «Объединенный союз» (*Тунмэнхуй*), основатель партии Гоминьдан, вождь кит. республиканской революции, первый президент Китайской Республики.

Род. в зажиточной крестьянской семье. Окончив традиционную кит. школу, был отправлен родителями на Гавайи, в Гонолулу, к старшему брату Сунь Мэю, к-рый эмигрировал в поисках работы в 1871. На Гавайях Сунь Ят-сен неск. лет учился в англ. миссионерской школе на о. Мауи. В 1883 вернулся на родину. В 1884 переехал в Сянган, где 2 года учился в школе, а затем поступил в мед. училище в Гуанчжоу, в 1887–1892 изучал медицину в Сянганском мед. ин-те. Получив диплом врача, занялся мед. практикой в близлежащей

португальской колонии Аомынь (Макао), однако из-за дискриминации местных властей вынужден был вернуться в Гуанчжоу.

Сунь Ят-сен лучше других представителей кит. интеллигенции был знаком с обществ.-полит. теориями Европы и Америки. Он пытался разработать свой план переустройства страны, к-рый помог бы вывести Китай в разряд передовых могущественных держав. Отказавшись от карьеры врача, переключился на борьбу за свержение маньчж. монархии, в к-рой он видел осн. силу, препятствующую революции в Китае.

В конце 1893 Сунь Ят-сен сформулировал программу возрождения страны, предусматривавшую умеренные реформы «сверху» под рук-вом опытного пр-ва. Они состояли в ограничении произвола и коррупции маньчж.-кит. чиновников, содействии гос-ва развитию торговли и промышленности, просвещении народа, снятии ограничений на издание лит-ры по вопросам политики, географии, юриспруденции, военного дела, отмене запретов на нововведения и критику властей и т.п. Свой план реформ он изложил в памятной записке «Представление Ли Хун-чжану» на имя видного цинского сановника **Ли Хун-чжана** (1823–1901). Чтобы лично вручить свой меморандум, Сунь Ят-сен отправился в Тяньцзинь, но не был принят Ли Хун-чжаном, а его «Представление» осталось без ответа. Выдвигая в меморандуме программу буржуазного развития Китая, Сунь Ят-сен надеялся склонить Ли Хун-чжана к проведению коренных преобразований в стране, опираясь на новую кит. интеллигенцию, осознавшую необходимость заимствования зап. методов в политике, экономике и науке.

Первые поражения кит. войск в начавшейся летом 1894 войне с Японией еще раз показали полную неспособность маньчж. пр-ва защищать нац. интересы Китая. Это привело Сунь Ят-сена к выводу, что расчистить дорогу для развития страны и завоевать нац. независимость можно лишь активной борьбой за свержение маньчж. монархии. В авг. 1894 он выехал на Гавайские о-ва и уже в нояб. создал «Союз возрождения Китая». В янв. 1895 организовал отд-ния Союза в Сянгане (Гонконге) и Гуанчжоу, установив связи с местными тайными антиманьчж. орг-циями. Правление Союза находилось в Гонконге, укрываясь под вывеской фирмы «Цянь хэн». Название ее, составленное из названий гексаграмм «Книги перемен» (см. **«Чжоу и»** в т. 1), означало: «Следуя велению Неба (*цянь*), придем к процветанию (*хэн*)».

После неудачного вооруженного выступления в Гуанчжоу 26–27 окт. 1895 власти арестовали 70 чел., казнили неск. членов Союза. Сунь Ят-сен был объявлен вне закона и с двумя друзьями бежал в Гонконг, а затем в Японию. В г. Кобэ в яп. газете он прочел заметку о «руководителе кит. революционной (кит. чтение *гэмин*) партии — Сунь Ят-сене». С этого времени в кит. яз. из японского вошел термин *гэмин* («революция»). Из Японии Сунь Ят-сен едет в США и Европу. В 1896 в Лондоне маньчж. дипломаты завлекли его обманным путем в здание дип. миссии; его ожидала отправка в Китай и мучительная казнь. Лишь в результате шумихи, поднятой общественностью в англ. прессе, Сунь Ят-сен был выпущен на свободу. Вернувшись в Японию, он разрабатывал планы подготовки новых вооруженных выступлений в Китае, добиваясь консолидации антиманьчж. сил и стремясь получить поддержку заруб. китайцев. Летом 1905 в Токио он создал революционную орг-цию *Чжунго гэмин тунмэнхуй* («Китайский объединенный революционный союз»).

Программой «Объединенного союза» стали выработанные Сунь Ят-сеном «три народных принципа» (*сань минь чжуи*): «национализм» (*миньцзучжуи*), «народовластие» (*миньцюаньчжуи*), «народное благосостояние» (*миньшэнчжуи*). До 1911 Сунь Ят-сен под принципом «национализма» подразумевал «нац. революцию» — ликвидацию господства маньчжуров и установление собственно китайской (ханьской) государственности; под принципом «народовластия» — «полит. революцию», т.е. свержение монархич. строя и установление демократич. республики; под принципом «народного благосостояния» — «социальную революцию», уравнение прав на землю и обеспечение социальной справедливости.

В 1905–1911 под руководством «Объединенного союза» в разл. провинциях Южного и Центр. Китая произошло 10 локальных антиманьчж. вооруженных восстаний. Победоносное Учанское восстание 10 окт. 1911, положившее начало Синьхайской революции (1911 — год под циклическими знаками *синь-хай* по традиц. кит. календарю), провозгласило Китайскую Республику. По возвращении из эмиграции в конце дек. 1911 Сунь Ят-сен был избран первым временным президентом Китайской Республики (приступил к выполнению обязанностей 1 янв. 1912). В своей присяге он обещал быть преданным интересам страны, всегда служить народу и сложить с себя полномочия лишь тогда, когда маньчж. самодержавие будет свергнуто, в стране воцарится мир, когда «Китайская Республика займет подобающее ей место среди других гос-в мира и будет признана ими». Одновременно с текстом присяги была обнародована «Декларация при вступлении на пост Временного Президента Республики», в к-рой Сунь Ят-сен излагал основные принципы внутр. и внеш. политики своего пр-ва.

Подчеркивая свою верность нац. традициям, **конфуцианству** (см. т. 1), в то же время Сунь Ят-сен говорил о будущем обществе **да тун** (см. т. 1), в к-ром будет реализован лозунг франц. революции — «Свобода, равенство, братство». Он связывал идеал *да тун* с идеей «Великой Азии», веря, что счастье всего человечества будет создано «людьми желтой расы».

Под рук-вом Сунь Ят-сена была выработана и принята демократическая в тех условиях временная конституция Республики.

12 февр. 1912 регентша, вдовствующая императрица Лун Юй от имени малолетнего имп. **Пу И** и всей династии отреклась от престола. Гос. власть перешла к генералу **Юань Ши-каю**. Через день после отречения Сунь Ят-сен был вынужден отказаться от президентского поста. 15 февр. временным президентом Республики был избран лидер бэйянских (северокитайских) милитаристов Юань Ши-кай. Офиц. сдача президентских полномочий состоялась 1 апр. 1912. Уступая президентский пост, Сунь Ят-сен рассчитывал, что республиканцам — представителям буржуазии и помещиков Южного и Центр. Китая удастся обеспечить большинство мест в будущем парламенте, избранном на основе временной конституции 1912, и т.о. активно влиять на Юань Ши-кая.

13 авг. 1912 во время пребывания Сунь Ят-сена в Пекине «Объединенный союз» слился с четырьмя мелкими либеральными партиями Южного и Центр. Китая, образовав новую «Национальную партию» — Гоминьдан. Однако ее программа представляла шаг назад по сравнению с программой «Объединенного союза». Важнейший пункт — о равных правах на землю — отсутствовал.

После образования в 1912 республики Сунь Ят-сен стал трактовать «уравнение прав на землю» не только как уплату налога в соответствии с ценой на землю, но и как ее национализацию, к-рая осуществляется посредством единого налога в духе теории амер. экономиста Г. Джорджа. Он считал также необходимым обобществление капитала по К. Марксу — путем создания крупного производства под контролем гос-ва как основы «гос. социализма». Фактически он пытался в равной степени использовать идеи **Конфуция** (см. т. 1), Г. Джорджа и Карла Маркса.

После вынужденного ухода с поста временного президента Республики Сунь Ят-сен неоднократно выступал с разъяснениями своей программы социальных и экономич. преобразований. Он подчеркивал свое отрицательное отношение к капитализму как обществ. строю в связи с «несправедливостью» его природы: «Мы являемся сторонниками принципа народного благосостояния, потому что мы против капитала, против капиталистов, против экономич. силы меньшинства, монополизирующего богатства об-ва». Утверждая, что капитализм в Китае находится лишь в самом зачаточном состоянии, он призывал республиканское пр-во проводить политику, к-рая не дала бы возможности развития в стране капиталистич. монополий. Рекомендовал установить гос. контроль за производством и разработкой природных богатств, национализировать крупные предприятия и жел. дороги и передать земельную ренту в руки гос-ва.

В связи с началом юаньшикаевской реакции Сунь Ят-сен отправил 2 июля 1913 телеграмму Юань Ши-каю, требуя его немедленного ухода с поста президента. В южных и центр. провинциях поднялась волна выступлений против Юань Ши-кая. Последний, заручившись поддержкой капиталистич. держав, заставил парламент «избрать» его президентом Республики сроком на 5 лет.

Вынужденный эмигрировать в Японию, Сунь Ят-сен занялся воссозданием революц. партии для орг-ции борьбы с Юань Ши-каем, к-рый после признания его Европой и США лишил 4 нояб. 1913 парламентских мандатов 438 депутатов от Гоминьдана, объявив партию вне закона, 12 янв. 1914 распустил не желавший подчиняться ему парламент, а 1 мая отменил временную конституцию, обнародовав собственную, предоставившую ему диктаторские права.

8 июня 1914 в Токио в условиях глубокой конспирации состоялось учредительное собрание созданной Сунь Ят-сеном новой революц. орг-ции — *Чжунхуа гэминдан* («Китайская революционная партия»), поставившей своей задачей свержение диктатуры Юань Ши-кая, к-рый в 1915 развернул кампанию за провозглашение себя императором. Амер. советник Юань Ши-кая по конституционным вопросам проф. Ф. Гудноу в кн. «О республике и монархии» (1915) «научно доказывал»: поскольку в стране «низкий уровень народного образования», «китайцы совершенно не умеют политически мыслить» и «народ не сталкивается еще в своей повседневной жизни с полит. делами», для Китая монархич. форма правления подходит больше, чем республиканская. Отвечая Гудноу, проф. Пекинского ун-та, один из основателей КПК **Ли Да-чжао** (1889–1927) предупреждал, что дух республики жив и если по совету Гудноу будет предпринята попытка реставрации монархии, то это «не оставит китайскому народу иного исхода, кроме борьбы». Даже империалистич. державы советовали Юань Ши-каю «временно отложить изменение формы правления во избежание возможных беспорядков». Накануне офиц. вступления на престол нового императора, назначенного на 1 янв. 1916, в пров. Юньнань началось восстание под лозунгом защиты республики от «вора-узурпатора Юань Ши-кая». Во главе восстания встал бежавший из столицы сторонник республики генерал Цай Э. Справиться с повстанцами бэйянским войскам не удалось. Юань Ши-кай был вынужден 22 марта 1916 официально объявить о своем отказе от попытки восстановления монархии, а 6 июня он неожиданно умер. Вице-президент Ли Юань-хун, занявший пост президента, восстановил республиканскую конституцию 1912, собрал разогнанный Юань Шикаем парламент, тем не менее вся реальная военная и полит. власть оказалась в руках главаря Аньхойской группировки сев. милитаристов (**Аньфуси**), премьер-министра Дуань Ци-жуя. Ли Юань-хун по его требованию вновь распустил парламент. Затем в Пекине был созван новый т.н. болотный парламент, избравший президентом родственника Дуань Ци-жуя Сюй Ши-чана (1918–1922).

В окт. 1915 в Токио Сунь Ят-сен женился на **Сун Цин-лин** (1893–1981).

21 июня 1916 Сунь Ят-сен вернулся из эмиграции и отправился в Гуанчжоу — столицу созданной генералами Цай Э (бывш. губернатор Юньнани), Тан Цзияо и Дай Цзи «Южной федерации независимых провинций», объединившей Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси и Гуандун с целью орг-ции опорной базы для борьбы против милитаристов бэйянской клики, установивших контроль над пр-вом в Пекине. В июне 1917 в Гуанчжоу стали съезжаться изгнанные из Пекина члены парламента. Южное пр-во отказалось признать избранного в Пекине президента Сюй Ши-чана и 18 сент. собрало старый парламент, признавший президентом Ли Юань-хуна. Т.о., в стране стало два президента и два парламента. 3 сент. 1917 Сунь Ят-сен был избран «генералиссимусом Южного Китая» и стал командующим вооруженными силами «Южной федерации». Было принято решение о проведении военной экспедиции против милитаристов Севера.

В начале мая 1918 главарь Гуансийской милитаристской группировки генерал Лу Жун-тин, поддерживавший тесные связи с Чжилийской группировкой

(**Чжиси**), потребовал смещения Сунь Ят-сена с поста верховного главнокомандующего и расширения состава пр-ва путем включения в него своих ставленников. Сунь Ят-сену, не располагавшему военной опорой, пришлось подать в отставку и выехать в Шанхай, где он на время отошел от активной деятельности и занялся завершением своего фундаментального теоретич. труда «Программа строительства государства» («Цзяньго фанлюэ»), состоявшего из трех книг (частей): 1. «Духовное строительство» (с подзаголовком «Учение Сунь Вэня»), 2. «Материальное строительство» («Промышленный план»), 3. «Социальное строительство» («Первые шаги народовластия»). Это было систематизированное изложение его политических и экономич. планов как идеолога демократического крыла кит. нац. буржуазии, преследовавшее цель сплотить вокруг формально восстановленной им 10 окт. 1919 в Шанхае «Национальной партии Китая» (*Чжунго гоминьдан*) — Гоминьдана все антимилитаристские, антифеодальные силы.

До 1917 мировой ист. опыт мог предложить Китаю лишь один путь — путь капитализма. Примером эффективности развития по этому пути служила соседняя Япония, предмет зависти и подражания многих кит. националистов. Но Сунь Ят-сен отвергал капиталистич. путь как непригодный для нац. возрождения страны и разрешения ее социально-экономич. проблем. «Моя идея состоит в желании использовать иностр. капитализм для создания социализма в Китае так, чтобы, гармонично сочетая эти две экономич. силы, двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации». Как утверждал Сунь Ят-сен, общественный строй Запада несовершенен: капитал и машинное производство лишают трудящихся справедливой доли жизненных ресурсов. Имуществ. неравенство — главная социальная болезнь Запада. Ее симптом — классовая борьба, отсутствовавшая в Китае домашинного периода. Хотя технические и естеств.-науч. достижения Запада необходимо использовать, следует предупредить возникновение капитализма в Китае, благо там нет капитала, ибо имуществ. традиции не выходят за рамки «бедности». Поэтому осуществить принцип «народного благосостояния» в Китае будет легче, чем на Западе. Рост частного капитала там проистекает из бесконтрольного возрастания цен на землю, обогащающего отдельные лица. Для предотвращения этого следует «уравнять права на землю», установив на нее цены. По мере их возрастания в ходе развития промышленности разница между установленной и фактической ценой через систему поземельного налогообложения будет сосредоточиваться в руках государства — «всех».

Конституция будущей республики, по мнению Сунь Ят-сена, должна была наделить граждан страны правами властей: исполнительной, законодательной, юридической, контрольной и экзаменационной, а будущий центр. правительств. аппарат соответственно должен состоять из пяти палат.

Временное блокирование с одними милитаристами против других, ненадежность заключенных с ними соглашений и их измены — все это убедило Сунь Ят-сена в ошибочности проводимой ранее политики. Он обращает внимание на Советскую Россию. Тот факт, что в стране, к-рая недавно потерпела поражение от Японии в рус.-яп. войне 1904–1905, совершилась революция, привлекал пристальное внимание прогрессивных, демократически настроенных кругов кит. об-ва, и не только прогрессивных. О социализме заговорили представители разных слоев интеллигенции, буржуазии, революционеры-демократы, анархисты (см. **Анархизм в Китае**) и даже милитаристы. Победа Октябрьской революции еще раз убедила Сунь Ят-сена в том, что преобразование страны возможно лишь революц. путем. Летом 1918 он направил телеграмму В.И. Ленину и советскому правительству. Восхищаясь тяжелой борьбой революц. масс России, он выражал надежду на то, что в будущем революц. партии Китая и России объединятся для совместной борьбы.

В 1919 Сунь Ят-сен планировал послать в Советскую Россию для изучения революц. опыта своих ближайших помощников, однако сделать это не удалось. Он хотел установить с народным комиссаром по иностр. делам РСФСР

Г.В. Чичериным личный контакт. В одном из писем последнему он сообщал, что внимательно следит за всеми делами в России, особенно за «орг-цией Советов, армии и образования». Когда в 1920 в Гуанчжоу приехал представитель Коминтерна Г.И. Войтинский, Сунь Ят-сен выразил желание поддерживать постоянный контакт с Россией.

Сунь Ят-сен стремился взять на вооружение опыт рус. большевиков, чтобы использовать его для революц. переустройства Китая. Вместе с тем он отвергал марксистское учение, считая, что в целом оно неприменимо в условиях Китая. Когда Сунь Ят-сен говорил о социалистическом будущем своей страны, он не связывал его с идеями науч. социализма.

7 апр. 1921 на чрезвычайной сессии парламента в Гуанчжоу Сунь Ят-сен был избран президентом Китайской Республики.

Весной 1922 резко обострились отношения между Сунь Ят-сеном и Чэнь Цзюн-мином, всячески противодействовавшим военному походу на Север. Последний был смещен с постов губернатора и главнокомандующего вооруж. силами Гуандуна и 20 апр. 1922, покинув Гуанчжоу, во главе верных ему частей направился в Хуйчжоу. Сунь Ят-сен, готовясь к походу, перенес свою ставку в Шаогуань. 6 мая 1922, уже после того, как войска Чжан Цзо-линя были разбиты сев. милитаристом У Пэй-фу, началось наступление войск Сунь Ят-сена. В разгар военных действий 18 мая 1922 из Гуанси в Гуанчжоу вернулись 12 тыс. солдат под командованием Е Цзюя и потребовали возвращения Чэнь Цзюн-мина на прежние посты. 27 мая 1922 Сунь Ят-сен был вынужден назначить Чэнь Цзюн-мина главнокомандующим вооруж. силами Гуандуна и Гуанси и 1 июня 1922 возвратился в Гуанчжоу. Однако вскоре возникший мятеж сторонников Чэнь Цзюн-мина заставил его покинуть город. В ночь с 15 на 16 июня 1922 путчисты подвергли обстрелу и сожгли резиденцию Сунь Ят-сена в Гуанчжоу. В огне погибла б-ка и многие его рукописи. Сунь Ят-сену удалось укрыться на военном корабле «Юнфэн». Он надеялся подавить путч с помощью флота и войск, снятых с фронта. Однако иностр. консулы в Гуанчжоу вынудили военно-морские суда Сунь Ят-сена покинуть гуанчжоуский рейд, устроив военную демонстрацию с участием 8 иностр. кораблей.

После открытого вмешательства держав и разгрома верных ему войск Сунь Ят-сен вынужден был отплыть в Шанхай. «Много я думал в дни эти о судьбе кит. революции, — заявил он. — Я разочаровался почти во всем, во что раньше верил. И теперь убедился, что единственным действительным и искренним другом кит. революции является Советская Россия». Осенью–зимой 1922 Сунь Ят-сен встречался с Г. Марингом, к-рый передал предложения Коминтерна организовать полит. партию, способную объединить разл. слои народа, прежде всего рабочих и крестьян, а также создать военное училище для подготовки революц. кадров. В сент.–нояб. 1922 Сунь Ят-сен тайно направил **Ляо Чжун-кая** (1878–1925) в Японию с особым поручением: детально обсудить с сов. дипломатами вопрос о военных связях и военной помощи РСФСР Гоминьдану. При встрече Сунь Ят-сена с А.А. Иоффе в янв. 1923 в Шанхае он попросил финансовую и «советническую» помощь СССР.

В янв. 1923 оставшиеся верными Сунь Ят-сену войска выбили из Гуанчжоу контрреволюц. части Чэнь Цзюн-мина. 21 февр. Сунь Ят-сен, вернувшись на Юг, становится во главе революц. пр-ва и начинает подготовку к реорг-ции Гоминьдана.

1 мая 1923 советское пр-во направило Сунь Ят-сену телеграмму с выражением готовности оказать Китаю необходимую поддержку и помощь. 2 сент. 1923 в Москву приехала военная делегация Гоминьдана, возглавляемая начальником Генштаба армии Южнокит. пр-ва **Чан Кай-ши** (1887–1975), для обсуждения вопросов помощи России Китаю и знакомства со структурой и вооружением Красной Армии.

Осенью 1923 на пост гл. полит. советника Сунь Ят-сена Коминтерн направил М.М. Бородина. По просьбе Сунь Ят-сена советское пр-во летом 1923 прислало в Гуанчжоу группу военных советников во главе с комкором П.А. Павловым, в окт. 1924 — еще одну группу во главе с В.К. Блюхером.

В 1919 Сунь Ят-сен познакомился с одним из первых кит. марксистов — проф. Пекинского ун-та **Ли Да-чжао**. На III съезде КПК, проходившем в июне 1923 в Гуанчжоу, был рассмотрен вопрос о создании единого революц. фронта КПК с Гоминьданом. Подвергнув дружеской критике прошлые ошибки Сунь Ят-сена, его надежды добиться победы, опираясь на отд. группировки империалистов и милитаристов, съезд поддержал борьбу Сунь Ят-сена за демократию, его стремление создать революц. армию и реорганизовать Гоминьдан в массовую революц. полит. партию. Было принято решение о сотрудничестве КПК с Сунь Ят-сеном и вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении компартией политической и организац. самостоятельности.

В нояб. 1923 Сунь Ят-сен объявил о реорганизации Гоминьдана и о своей решимости впредь опираться на широкие народные массы, изучать и применять в Китае опыт рус. коммунистов.

20 янв. 1924 в Гуанчжоу открылся I съезд Гоминьдана, на к-ром присутствовало 165 делегатов от провинциальных и заграничных орг-ций. Председателем и докладчиком был Сунь Ят-сен. В работе съезда принимали участие руководители КПК. Съезд одобрил реорг-цию Гоминьдана и линию на сотрудничество с КПК. В выступлениях Сунь Ят-сена и манифесте съезда содержалось изложение его новой полит. программы, новая интерпретация «трех народных принципов» (*сань минь чжуи*), отражавшая дальнейший рост его идейно-теоретич. уровня, его способность совершенствовать свои воззрения, учитывать реальную обстановку.

В последние годы жизни Сунь Ят-сена «три народных принципа» были преобразованы в программу политической, социально-экономической и идеологич. деятельности Гоминьдана. Принцип «национализма» стал интерпретироваться как учение о сплочении нации для борьбы с империализмом и кит. милитаристами за объединение страны. Принцип «народовластия» получил развитие как полит. устройство, основанное на всеобщем избирательном праве и разделении властей. Помимо исполнительной, законодательной и судебной властей предусматривались еще экзаменационная (ответственная за систему аттестации гос. кадров) и контрольная власти как положительные элементы нац. полит. традиции. Переустройство страны должно было пройти три этапа: «период военного правления» с задачей уничтожения сил реакции и распространения революц. идеологии; «период полит. опеки» — фактически парт. диктатура для орг-ции новых политических и экономич. форм; «период конституционного правления». Принцип «народного благосостояния» трактовался как «социализм, идентичный конф. утопии Великого единения (**да тун**)». Вместе с тем этот принцип был отличен от коммунизма в методе реализации, ибо в Китае, считал Сунь Ят-сен, нет условий для классовой борьбы, зато есть возможность сотрудничества всех бедных социальных групп. Условия реализации принципа «народного благосостояния» — устранение иностранного экономич. гнета и осуществление принципа «каждому пахарю — свое поле». Аграрная революция посредством выкупа земли у помещиков должна быть постепенно подготовлена организационной и разъяснительной работой, поскольку прямая конфискация земли в пользу крестьян приведет к сопротивлению интеллигенции, рабочих и купечества, к-рые, по мысли Сунь Ят-сена, в разной мере являются землевладельцами.

Залог успеха реализации своих проектов Сунь Ят-сен видел в превосходстве кит. цивилизации как культурно-гуманитарной традиции над западной даже в условиях временного естественно-научного и технич. отставания.

«Три народных принципа» в их новой трактовке (*синь сань минь чжуи*) были положены в основу полит. программы Гоминьдана, выработанной на I съезде.

Среди самых неотложных полит. требований съезд назвал ликвидацию неравноправных договоров с иностр. гос-вами и заключение новых на принципах равенства и полного суверенитета сторон, восстановление демократич. свобод, упорядочение сбора земельного налога, отмену всякого рода поборов с крестьян, улучшение их жизни, восстановление профсоюзов, разделение

функций центр. и провинциальных органов власти. Съезд одобрил выдвинутые Сунь Ят-сеном три основные полит. установки: союз с СССР, союз с КПК и поддержка борьбы крестьянских и рабочих масс Китая (*лянь э*, *лянь гун*, *фучжу нун гун*).

23 окт. 1924 один из генералов северной, Чжилийской группировки милитаристов Фэн Юй-сян занял своими силами Пекин, изгнал У Пэй-фу и призвал к прекращению гражданской войны и созыву нац. собрания для разработки планов мирного объединения страны. Сунь Ят-сен откликнулся на этот призыв. Перед отъездом из Гуанчжоу он изложил неотложные внешне- и внутриполитические задачи, призвал к мирному объединению страны в борьбе с империализмом и демократизации полит. и обществ. жизни в Китае, требовал проведения свободных выборов делегатов на эту конференцию, освобождения всех политзаключенных. По прибытии на Север в конце 1924 он тяжело заболел и 12 марта 1925 скончался в Пекине. Перед смертью он оставил свое «Завещание» Гоминьдану и письмо ЦИК СССР, в к-ром призвал к сохранению союза Китая с СССР.

См. также ст. **Сунь Ят-сен** в т. 1.

С.Л. Тихвинский

***** *Сунь Ят-сен.* Сунь Чжун-шань цюаньцзи (Полн. собр. соч.): В 5 т. Пекин, 1981–1985; *он же.* Гофу цюаньшу (Полн. собр. соч. Отца государства). Тайбэй, 1963; *он же.* Капиталистическое развитие Китая. М.–Л., 1925; *он же.* Записки китайского революционера: (Программа национального строительства Китая). М.–Л., 1926; *он же.* Избранные произведения. М., 1964; 2-е изд., испр. и доп. М., 1985; *он же.* The Principle of Democracy. Westport, 1970. ****** *Березный Л.А.* Сунь Ят-сен и проблема создания новой национальной государственности (к постановке проблемы) // Всемирная история и Восток. М., 1989; *Борох Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм (нач. XX в.). М., 1984; *она же.* Традиционные утопии в восприятии Сунь Ят-сена // Китайские социальные утопии. М., 1987, с. 271–309; *Глунин В.И.* Первая миссия Гоминьдана в Москве // ПДВ. 1999, № 5; *Делюсин Л.П.* Спор о социализме: Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980; *Ермашев И.И.* Сунь Ят-сен. М., 1964; *Ефимов Г.В.* Сунь Ят-сен: поиск пути, 1914–1922. М., 1981; *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917 гг.). М., 1972; *Крюков М.В.* Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ят-сен (1918–1923) // ПДВ. 1999, № 2, 3; *Мамаева Н.Л.* Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991; *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977; *Никифоров В.Н.* Сунь Ят-сен, октябрь 1896: Две недели из жизни китайского революционера: (Док. повесть). М., 1978; *Сенин Н.Г.* Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ят-сена. М., 1956; Сунь Ят-сен, 1866–1986: К 120-летию со дня рождения. М., 1987; *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: Сравнительный анализ. М., 1983; *Титаренко М.Л.* Сунь Ятсен о социальном прогрессе // ПДВ. 1987, № 2; *Тихвинский С.Л.* Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964; *он же.* Завещание китайского революционера. Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов. М., 1986; *Хэ Сян-нин.* Воспоминания о Сунь Ят-сене. М., 1966; *Чудодеев Ю.В.* Накануне революции 1911 г. в Китае: Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1966; *Ван Фу-минь.* Сунь Чжун-шань янчжуань (Полная биография Сунь Ят-сена). Пекин, 1993; *Вэй Цзэ-тин.* Сунь Чжун-шань чжэсюэ сысян яньцзю (Исследование философских взглядов Сунь Ят-сена). Чанша, 1981; *Лю Юй-чжэнь.*Сунь Чжун-шань юй гунчаньгоцзи (Сунь Ят-сен и Коминтерн). Тайбэй, 1996; Сунь Чжун-шань хэ тады шидай (Сунь Ят-сен и его эпоха). Пекин, 1989; *Шан Мин-сюань.* Сунь Чжун-шань. Пекин, 1981; *Anschel E.* Homer Lea, Sun Yat-sen and the Chinese Revolution.

N.Y., 1984; *Bruce R.* Sun Yat-sen. L., 1969; Chronology of Dr. Sun Yat-sen: the Founding Father of the Republic of China. Taipei, 1972; *Hensman Ch.R.Y.* Sun Yat-sen. L., 1976; *Schiffrin H.Z.* Sun Yat-sen, Reluctant Revolutionary. Bost., 1980; *Wilbur C.M.* Sun Yat-sen. N.Y., 1975; *idem.* Sun Yat-sen: Frustrated Patriot. N.Y., 1976; *Wu J.C.H.* Sun Yat-sen: The Man and His Ideas. Taipei, 1971.

В.Н. Усов

СЫ ЖЭНЬ БАН

四人幫

Сы жэнь бан («группа четырех», «банда четырех», «четверка», «группа левых радикалов»). Группа членов ЦК КПК, руководителей и наиболее активных организаторов **«культурной революции»** (1966–1976), к-рых после смерти **Мао Цзэ-дуна** в 1976 арестовали и на судебном процессе 1980–1981 обвинили в попытке «фашистского переворота», в массовых репрессиях — фабрикации обвинений против 700 тыс. чел., брошенных в тюрьмы, и гибели как минимум 35 тыс. чел. В группу входили Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо, Цзян Цин и Яо Вэнь-юань.

Ван Хун-вэнь. Янв. 1935, Чанчунь, — 03.08.1992, Пекин. Выдвинулся в период «культурной революции» как «активист» 17-й шанхайской текстильной фабрики.

Род. в бедной семье, в 10 лет лишился отца. В 16 лет в 1951 вступил в НОАК, добровольцем участвовал в корейской войне, служил охранником и связистом. В армии вступил в партию. После демобилизации направлен на 17-ю гос. текстильную фабрику в Шанхае, был рабочим, а после перевода в 1964 в отдел внутр. охраны стал кадровым работником низшего ранга и одновременно командиром роты кадровых народных ополченцев, обучал воен. делу работников фабрики. В период «четырех чисток» (*сы цин*) в 1964–1965 в парткоме появились сведения о том, что Ван во время ремонта своего дома использовал украденный с фабрики стройматериал, приносил домой сигареты, оставшиеся в канцелярии заводоуправления после приема иностр. гостей. Разбирательством занялась посланная на фабрику «рабочая группа» (*гунцзо цзу*), но с началом «культурной революции» его дело сошло на нет.

После появления в Пекинском ун-те первой *дацзыбао* при содействии Ван Хун-вэня за 12 дней в июле 1966 было вывешено 7525 *дацзыбао* с критикой парткома фабрики. Узнав о появившихся в Пекине отрядах **хунвэйбинов**, Ван Хун-вэнь немедленно предложил создать такие орг-ции среди народных ополченцев фабрики.

В окт. 1966, когда «рабочие группы» в Шанхае были распущены, Ван Хун-вэнь отправился в Пекин, где был принят руководителями Группы по делам «культурной революции» (ГКР) Чэнь Бо-да, Чжан Чунь-цяо и Цзян Цин. Затем его приняли Мао Цзэ-дун и **Линь Бяо**. После этого и начался его взлет. В Шанхай по приказу Цзян Цин в октябре для разгрома горкома КПК была отправлена Не Юань-цзы. С помощью Ван Хун-вэня был создан «Штаб революционных *цзаофаней* (бунтарей) — рабочих Шанхая». ГКР от имени ЦК КПК выступила с документом о создании орг-ций *цзаофаней* на промышленных предприятиях. 3–6 янв. 1967 орг-ции «бунтарей» Шанхая захватили редакции газет «Цзефан жибао» и «Вэнь хуйбао». Члены ГКР — Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юань лично прибыли в Шанхай и с помощью Ван Хун-вэня организовали миллионный митинг, где было заявлено, что «бунтари» больше не признают руководителей горкома КПК и снимают их со всех постов. Одновременно были подвергнуты критике сотни кадровых работников Шанхайского горкома, регионального Бюро ЦК КПК по Вост. Китаю и различных отделов городского пр-ва. Мао Цзэ-дун поддержал такие действия, охарактеризовав их как «свержение одного класса другим», «великую январскую революцию» в Шанхае «по захвату власти». Это послужило сигналом к «захвату власти» для всей страны.

Благодаря тесным контактам с Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юанем и Цзян Цин Ван Хун-вэнь вошел в созданный 25 мая 1967 Шанхайский революционный

комитет («ревком»), стал заместителем Чжан Чунь-цяо. 1 окт. 1968 Ван в качестве представителя Шанхайского «ревкома» присутствовал в Пекине на праздновании 19-й годовщины создания КНР. На IX съезде КПК (апр. 1969) он был чл. президиума, выступил с речью на пленарном заседании, был введен в состав ЦК. В апр. 1970 в составе делегации КНР впервые выехал за границу в Албанию. В янв. 1971 стал секретарем Шанхайского горкома партии. После «сентябрьского кризиса» 1971, связанного с «делом Линь Бяо», перед Мао Цзэ-дуном вновь встал вопрос о выборе преемника. В нач. сент. 1972 Вана вызвали на учебу в Пекин. Вскоре Мао Цзэ-дун предложил перевести его на работу в ЦК в Пекин и разрешить участвовать в работе Политбюро ЦК с правом совещательного голоса. Затем ему было поручено совместно с Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юанем подготовить проект полит. доклада на X съезде КПК и организовать под своим рук-вом рабочую группу по пересмотру Устава КПК. Это означало, что с этого момента Ван Хун-вэнь был избран преемником Мао Цзэ-дуна вместо Линь Бяо. На X съезде КПК (авг. 1973) Ван Хун-вэнь выступил с докладом об изменениях в Уставе КПК. На съезде он сидел в президиуме по правую руку от Мао Цзэ-дуна, по левую сидел **Чжоу Энь-лай**. Был избран чл. ЦК, на I пленуме ЦК КПК 10-го созыва утвержден зам. Председателя ЦК КПК, введен в состав Политбюро, утвержден чл. ПК Политбюро ЦК КПК. Это был пик его карьеры. В Шанхае на текстильной фабрике, где он работал, уже создавали музей его имени. После его офиц. смещения и ареста в составе «банды четырех» в окт. 1976 пресса КНР стала писать, что «он не читал книг и газет, смотрел лишь неприличные фильмы, утопал в роскоши и разложился до мозга костей»; кроме того, приводились свидетельства того, что в 1975 в Шанхае за 3 месяца он израсходовал на личные нужды 13 тыс. юаней, сумму, к-рую простой рабочий мог заработать только за 30 лет.

III пленум ЦК КПК 10-го созыва в июле 1977 решил исключить его из КПК без права восстановления. С 20 нояб. 1980 по 25 янв. 1981 прошел открытый процесс по делу Ван Хун-вэня. Ему предъявили обвинения в репрессивных действиях в отношении интеллигенции, рабочих и служащих, студентов, *хунвэйбинов* и *цзаофаней*, спортсменов, а также в «клевете» в адрес министра иностр. дел **Чэнь И** и премьера Госсовета Чжоу Энь-лая. 25 янв. 1981 Верховный суд КНР приговорил его к бессрочному лишению свободы с пожизненным поражением в полит. правах. Он скончался в тюрьме 03.08.1992.

Чжан Чунь-цяо. 1917, Шаньдун — 21.04.2005, Пекин. По профессии журналист. Его отец был врачом. Чжан Чунь-цяо начал писать в 1933. В 30-е выступил с критикой писателей **Лао Шэ** и **Лу Синя** (см. т. 3). В мае 1935 в Шанхае Чжан Чунь-цяо начал сотрудничать в местных журналах. Выступая под псевдонимом Ди Кэ, за два с лишним года опубликовал более 40 статей. Вступил в КПК в апр. 1936, будучи в то время активным деятелем Шанхайской ассоциации писателей. В 1942–1943 занимался вопросами культпросветработы в пограничном р-не Шаньси–Хэбэй–Шаньдун, к-рым руководил Не Жун-чжэнь. Работал зам. директора типографии «Синьвэнь» и и.о. директора Восточнокитайского филиала агентства «Синьхуа». В 1951 возглавил газ. «Цзефан жибао», орган Шанхайского горкома партии, а в 1954 стал зам. гл. ред. «Жэньминь жибао». В янв. 1954 с делегацией кит. журналистов посетил СССР, а в нояб. 1954 опубликовал книгу о впечатлениях от поездки. В 1956 Чжан Чунь-цяо вновь приехал в СССР. В Ленинграде во время экскурсии на крейсер «Аврора» он встал на колени и поцеловал палубу «корабля революции». В 50-е выступил с призывами «ликвидировать буржуазное право» (к-рые вновь повторил уже в период «культурной революции»). Чжан Чунь-цяо предлагал заменить зарплату по труду уравниловкой и ввести «всеобщую» диктатуру пролетариата — эти идеи понравились Мао Цзэ-дуну.

После начала «культурной революции» стал одним из руководителей Группы по делам «культурной революции» при ЦК КПК. В янв. 1967 при его содействии в результате «январского штурма» было свергнуто рук-во Шанхайского

горкома КПК и создана «шанхайская коммуна». Он предлагал создать такую коммуну в масштабах всей страны, но Мао Цзэ-дун эту инициативу не поддержал. В Шанхае был создан «ревком».

Весной 1968 принимал активное участие в создании «ревкомов» в провинциях Цзянсу, Чжэцзян и Аньхой и выступил с «важными речами» на учредительных митингах. На IX съезде (апр. 1969) был избран чл. ЦК, на I пленуме ЦК КПК 9-го созыва введен в состав Политбюро ЦК. С янв. 1971 являлся первым секретарем Шанхайского горкома КПК. После X съезда КПК в 1973 стал чл. ПК Политбюро. В янв. 1975 на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва выступил с докладом об изменениях в Конституции КНР и был назначен зам. премьера Госсовета КНР. С того времени занимал пост начальника Главного политуправления НОАК.

С 20 нояб. 1980 по 25 янв. 1981 Спец. судебная коллегия провела разбирательство «контрреволюционной группировки» Цзян Цин и приговорила Чжан Чунь-цяо к смерти с отсрочкой исполнения на два года и пожизненным поражением в полит. правах.

В 1983 палата по уголовным делам при Верховном народном суде КНР заменила смертный приговор Чжан Чунь-цяо (так же как и Цзян Цин) пожизненным лишением свободы. С 1998 находился на лечении в госпитале. Скончался 21 апр. 2005.

Цзян Цин, наст. имя Ли Юнь-хэ, была известна также как Ли Цин-юнь, театр. псевдоним Лань Пин, в Яньани изменила имя на Цзян Цин (Лазурная река). 14.03.1914, г. Чжучжэн пров. Шаньдун — 14.05.1991, Пекин. Род. в семье плотника. В 16 лет присоединилась к труппе бродячих актеров. В 30-х выступала в шанхайском театре, снималась в кино, ездила с концертной бригадой по стране. В 1933 вступила в КПК. Однако через 2 месяца, когда ее муж был брошен в тюрьму, бежала в Шанхай. Осенью 1934 ее арестовали, но через 3 месяца без всяких объяснений выпустили. В парт. орг-ции, где она состояла, распространилось мнение, будто она в тюрьме предала своих подруг. Вскоре под псевд. Лань Пин она начала выступать на шанхайской театр. сцене и в кино. Особенно ей удался образ Норы в спектакле по пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом». Лань Пин стала известной провинц. актрисой. Однако в силу личных обстоятельств Цзян Цин вынуждена была пожертвовать актерской карьерой и в 1937 появилась в Яньани, где 19 нояб. 1939 вышла замуж за **Мао Цзэ-дуна**, став его четвертой женой.

После провозглашения КНР по состоянию здоровья Цзян Цин долгое время не принимала участия в полит. деятельности, только в 1953, приехав в Советский Союз на отдых и лечение, участвовала в качестве кит. представителя в похоронах Сталина. С 1962 вышла на полит. арену. Мао Цзэ-дун поручил ей контроль за сферой культуры. С кон. 1962 она стала выступать режиссером «образцовых революционных спектаклей».

Цзян Цин решила начать реформирование культуры с критики пьесы **У Ханя** (1909–1969; см. также т. 3) «Разжалование Хай Жуя» («Хай Жуй багуань»). Предложила руководителям отделов культуры и пропаганды ЦК КПК поддержать ее, но натолкнулась на сопротивление и нежелание с ней сотрудничать. Тогда она обратилась к Кан Шэну, но тот сказал, что сейчас, когда народ голодает, не время говорить о каком-то Хай Жуе. К этому вопросу они вернулись уже во 2-й пол. 1964, обратившись за поддержкой к Мао Цзэ-дуну, к-рый дал согласие на проведение кампании. В февр. 1965 Цзян Цин выехала в Шанхай для подготовки публикации критич. статьи, т.к. в Пекине, по мнению ее и Кан Шэна, из-за противодействия сделать это было невозможно. В Шанхае она встретилась с Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юанем. Публикация готовилась в течение 7 месяцев, и все это время Цзян Цин была связующим звеном между этими шанхайскими руководителями и Мао Цзэ-дуном. Статья появилась 10 нояб. 1965 в шанхайской газ. «Вэнь хуйбао» и стала сигналом к новому массовому движению, получившему вскоре название «великая пролетарская культурная революция».

Убедившись, что кампания критики драмы У Ханя сталкивается с противодействием, Цзян Цин при поддержке Линь Бяо созвала в Шанхае армейское совещание по проблемам лит-ры и искусства (2–20 февр. 1966). На нем отрицались значительные успехи в этих областях, достигнутые после 1949, выдвигались голословные обвинения в том, что за предыдущие годы представители творческих кругов постоянно «навязывали антипартийную, антисоциалистическую черную линию», был брошен призыв «решительно проводить революцию на культурном фронте», Протокол совещания трижды просматривался и редактировался Мао Цзэ-дуном и затем был доведен до сведения членов КПК.

Цзян Цин была одним из руководителей Группы по делам «культурной революции» при ЦК КПК, созданной в мае 1966. Ближайшими подручными ее стали шанхайские «леваки» Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юань. Все они вместе с Мао Цзэ-дуном и явились гл. застрельщиками «беспорядков в Поднебесной». Особенно усилилась власть Цзян Цин в февр. 1967, после того как Мао Цзэ-дун распустил Политбюро ЦК КПК и Госсовет КНР, а их функции передал ГКР. «Теперь вы, Чжоу Энь-лай, должны являться на наши заседания, т.к. ваши больше не имеют значения», — заявила она. На IX съезде КПК (апр. 1969) Цзян Цин впервые была избрана чл. ЦК, на I пленуме ЦК КПК 9-го созыва введена в состав Политбюро. После X съезда КПК (авг. 1973) вновь вошла в Политбюро ЦК. Однако Мао Цзэ-дун сознательно не хотел давать Цзян Цин и ее сторонникам излишнюю власть. Даже находясь в тяжелом физическом состоянии в 1971, после «дела Линь Бяо», Мао не терял способности контролировать баланс сил в рук-ве, поддерживая относительное равновесие между разл. соперничавшими группировками. Как утверждают историки КНР, в конце жизни Мао Цзэ-дун иногда выражал недовольство чрезмерной полит. активностью своей жены.

6 окт. 1976, менее чем через месяц после смерти Мао Цзэ-дуна, Цзян Цин была арестована. С 20 нояб. 1980 по 25 мая 1981 Спец. судебная коллегия при Верховном народном суде КНР провела судебное разбирательство по делу Цзян Цин. Ее обвинили в заговоре против партии. Своей вины она не признала, заявив, что была лишь «собакой Председателя Мао и кусала тех, кого он велел кусать». В соответствии с Уголовным кодексом КНР 25 янв. 1981 Цзян Цин была приговорена к смерти с отсрочкой исполнения приговора на два года и пожизненному поражению в полит. правах. Цзян Цин находилась за решеткой до мая 1984, затем режим содержания был изменен на домашний. В 1989 ее опять поместили в тюрьму, но вскоре вновь отправили под домашний арест. 14 мая 1991 она покончила с собой.

Яо Вэнь-юань. 1931, Чжэцзян — 23.12.2005, Пекин. Сын известного шанхайского писателя Яо Пэн-цзы, бывшего чл. Лиги левых писателей Китая (**Чжунго цзои цзоцзя ляньмэн**; см. т. 3). После окончания ун-та Яо Вэнь-юань стал работать в Шанхае как литературовед и журналист. В 1948 вступил в КПК. После 1949 вначале работал в райкоме комсомола, а затем в отделе пропаганды одного из райкомов КПК Шанхая. В 1955 выступил с критич. статьей в адрес лит. критика и теоретика **Ху Фэна** (1910–1995; см. т. 3), озаглавленной «Проведем четкую грань между правдой и неправдой», хотя ранее подготовил кн. «О взглядах Ху Фэна на литературу и искусство», где воспевал его как «самого выдающегося теоретика». В 1957 публиковал резкие статьи с критикой «правых элементов». Его статью, направленную против писателя **Яо Сюэ-иня** (1910–1999; см. т. 3), напечатанную 6 февр. 1957 в «Вэнь хуйбао», заметил Мао Цзэ-дун. В тот же день в своем выступлении он упомянул эту статью как «хорошую». Вскоре Яо Вэнь-юань был направлен на конференцию по пропагандистской работе в Пекин, где вновь был отмечен Мао Цзэ-дуном. Став чл. партбюро Шанхайской литературной ассоциации, в 1958 опубликовал сб. статей «О ревизионистской волне в литературе» с «разоблачениями» писательницы **Дин Лин** (1904–1986), поэта **Ай Цина** (1910–1996; обе ст. см. т. 3), литературоведа Фэн Сюэ-фэна. Яо Вэнь-юань

обвинял их в том, что при оценке худ. произведений они якобы ставят на первое место худ. критерий, не считаясь с политическим. В канун «культурной революции» был гл. редактором шанхайской партийной газ. «Цзефан жибао». 10 нояб. 1965 в газ. «Вэнь хуйбао» появилась подписанная Яо Вэнь-юанем статья с критикой пьесы У Ханя «Разжалование Хай Жуя» («Хай Жуй багуань»). На самом деле статья готовилась спец. группой, состоявшей из 4 историков — выпускников Фуданьского ун-та, созданной при Шанхайском горкоме под рук-вом Яо Вэнь-юаня. Публикация статьи, предварительно просмотренной и одобренной Мао Цзэ-дуном, послужила сигналом к началу «культурной революции». Яо Вэнь-юань известен как «теоретик» и один из руководителей «культурной революции», много написавший в ее защиту и в оправдание ее последствий. Напр., 26 авг. 1968 в «Жэньминь жибао» была опубликована его статья «Рабочий класс должен руководить всем». В ней он сообщил о «плановом вступлении при наличии единого рук-ва большой армии промышленных рабочих в учебные заведения и все др. учреждения и орг-ции, где еще не выполнены задачи „борьбы, критики и преобразований“». В статье подчеркивалось, что «пролетарский штаб» во главе с Мао Цзэ-дуном и Линь Бяо является «единственным руководящим центром всей партии, всей армии и всей страны». Яо Вэнь-юань критиковал распространившуюся теорию «многих центров», объявив «недопустимым существование к.-л. больших или малых независимых вотчин, действующих в противовес пролетарскому штабу Председателя Мао». Он заявил также, что силами одних только *хунвэйбинов* невозможно завершить «культурную революцию», необходимо участие рабочего класса и армии. Вместе с Чжан Чунь-цяо и Ван Хунвэнем участвовал в январском (1967) «захвате власти» у Шанхайского горкома КПК. Стал зам. пред. «ревкома» Шанхая. На IX и X съездах КПК Яо Вэнь-юань избирался чл. ЦК, в авг. 1973 — чл. Политбюро ЦК КПК, назначается чл. группы пропаганды ЦК КПК. С 1971 был вторым секретарем Шанхайского горкома партии. В 1974 участвовал в кампании критики Чжоу Энь-лая. 6 окт. 1976 вместе с Чжан Чунь-цяо, Ван Хун-вэнем и Цзян Цин был арестован.

С 20 нояб. 1980 по 25 янв. 1981 Спец. судебная коллегия провела разбирательство «контрреволюционной группировки» Цзян Цин и приговорила Яо Вэнь-юаня к 20 годам лишения свободы с поражением в полит. правах на 5 лет. Был освобожден в окт. 1996. В тюрьме начать писать воспоминания, охватывающие период с 1956 по 1976 (опубликованы в закрытом порядке в 2001 с условием, что не появятся за границей). Умер 23 дек. 2005.

** *Бурлацкий Ф.* Мао Цзэ-дун и его наследники. М., 1979; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэ-дун. Пекин, 2004; *Панцов А.* «Лазурная река»: Взлет и падение Цзян Цин // Россия–Китай. XXI век. 2006, авг./сент., с. 44–49; *Е Юн-ле.* Ван Хун-вэнь синшуай лу (Записи подъема и падения Ван Хун-вэня). Чанчунь, 1989; *он же.* Чжан Чунь-цяо фучэнь ши (История взлета и падения Чжан Чунь-цяо). Чанчунь, 1988; Лиши-ды шэньпань (Суд истории). Пекин, 1981; *Чжу Чжан-ли.* Нюйхуан мэн — Цзян Цин вайчжуань (Сон императрицы: Биография Цзян Цин). Пекин, 1988; Чжунго да бэйцзюйды жэньу (Персоналии великой трагедии Китая). Пекин, 1989; «Сы жэнь бан» пипань (Критика «банды четырех»). Пекин, 1983; Чжунгун шоуяо шилюэ хуйбянь (Сборник кратких биографий китайских коммунистических деятелей). Тайбэй, 1969; *Chung Hua-Min.* A Biography of Chiang Ch'ing. Hong Kong, 1967; *Witke R.* Comrade Chiang Ch'ing. Boston–Toronto, 1977.

В.Н. Усов

«СЫ КУ ЦЮАНЬ ШУ»

四庫全書

«Сы ку цюань шу» — «Коллекция книг по четырем разделам», «Полное собрание книг по четырем разделам». Фундаментальный труд категории **цун шу** («библиотека-серия»), собрание текстов ок. 3500 сочинений, созданных в период с III в. до н.э. по сер. XVIII в., считается одним из высших достижений офиц. письменной культуры императорского Китая.

С предложением создать коллекцию наиболее ценных из сохранившихся к тому времени книг в 1772 обратился к цинскому имп. Гао-цзуну (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795) крупный чиновник, известный ученый и каллиграф Чжу Юнь (1729–1781). Оно было принято, и в 1773 последовал указ о создании комиссии для реализации этого проекта. Ее возглавили 16 гл. редакторов (*цзунцай*; в их число входил и один из сыновей императора), руководили работой трое известных ученых: **Цзи Юнь** (1724–1805; см. т. 3), Лу Си-сюн (1734–1792) и Сунь Ши-и (1720–1796). Всего в работе участвовали 360 ученых и более 3 тыс. переписчиков, сверщиков текста и др.

На начальном этапе своей деятельности комиссия уделяла осн. внимание подбору книг. По распоряжению императора книги собирали по всей стране: просматривали фонды дворцовых б-к, покупали и получали книги от библиофилов и местных властей, ок. 400 утраченных к тому времени книг скопировали из **«Юн-лэ да дянь»** («Энциклопедия [годов] Юн-лэ»). Все поступившие в комиссию книги (их было более 10 тыс.) тщательно изучались. Лит-ра, крамольная с т.зр. властей, изымалась, а из остальной отбиралось лишь самое ценное. Признанные пригодными тексты скрупулезно выверялись и после редактирования поступали переписчикам, к-рые копировали их по единым правилам, придавая им единообразный вид. К 1782 эта работа была завершена, собрание было представлено императору, и он его утвердил. Разл. авторы оценивают его объем неодинаково, согласно толковому словарю «Цы хай» («Море слов»), «Сы ку цюань шу» включает в себя 3503 сочинения, созданных в период с III в. до н.э. по сер. XVIII в., общим объемом 79 337 цз. В соответствии с утвердившейся библиографич. классификацией, впервые зафиксированной Сюнь Сюем в III в., все включенные сочинения были сгруппированы по 4 разделам (*ку* — «хранилища»), что и нашло отражение в названии свода. Но издавать «Сы ку цюань шу» цинские власти не стали — это требовало времени и огромных затрат. По указанию императора к 1785 было подготовлено 4 рукописные копии для хранения в дворцовых б-ках в Гугуне и Юаньминъюане (Пекин), во второй столице империи Мукдене (Шэньяне) и летней резиденции цинских императоров в Чэндэ. Эти хранилища получили назв. «Четыре северные палаты» (*Сы бэй гэ*). Одновременно император распорядился изготовить еще 3 копии, предназначенные для ученого сословия. Они были готовы к 1787 и размещены в специально построенных для них помещениях в Ханчжоу, Янчжоу и Чжэньцзяне; их называли «Три южные палаты» (*Сань нань гэ*). Оригинал сначала хранился в **Ханьлинь академии** (см. т. 1), а позже — во дворце Юаньминъюань. Кроме того, из числа включенных в «Сы ку цюань шу» книг отобрали и сделали для императора 2 рукописные копии наиболее ценных трудов объемом 12 тыс. цз. Они получили назв. «Сы ку цюань шу хуй яо» («Собрание раритетов из „Коллекции книг по четырем разделам“») и хранились в дворцовых б-ках Гугуна и Юаньминъюаня. Нек-рые книги, не попавшие в «Сы ку цюань шу», позже были изданы дворцовой печатней.

Создание «Сы ку цюань шу», ставшее крупнейшим актом цинских властей на ниве духовной культуры, нередко рассматривается кит. учеными как продолжение начатой в сер. XVII в. т.н. лит. инквизиции, или «письменных судилищ» (*вэньцзы юй*), с помощью к-рых власти утверждали жесткий контроль над интеллектуальной элитой империи. «Коллекция книг по четырем разделам», а также составленный одновременно с нею «Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам» («Сы ку цюань шу цзунму тияо», 200 цз.; см. **Мулу**) стали важной составной частью тотальной ревизии культурного наследия. «Аннотированный сводный каталог» и «Коллекция книг по четырем разделам» фактически являлись двумя частями одного

проекта, но по своему характеру и предназначению это разные труды, поразному сложилась и их судьба. На основе «Аннотированного сводного каталога» в 1782 был подготовлен его сокр. вариант «Сы ку цюань шу цзяньмин мулу» («Краткий каталог всех книг по четырем разделам») в 20 цз.

Свод «Сы ку цюань шу» стал своеобр. эталоном, на к-рый должно было ориентироваться ученое сословие империи. Не случайно 3 комплекта «Сы ку цюань шу» были размещены в регионах, к-рые всегда рассматривались цинскими властями как оплот идеологич. крамолы. Тем не менее его создание — безусловно одно из крупнейших событий в истории офиц. культуры Китая, его и поныне справедливо рассматривают как нац. достояние. Судьба «Сы ку цюань шу» сложилась драматически, долгое время этот труд оставался малодоступным и едва не был утрачен.

Уже в кон. XVIII в. в только что подготовленных копиях для 3 южных б-к была обнаружена крамола, что вызвало гнев императора и репрессии в отношении людей, руководивших этой работой. Цянь-лун распорядился заново выверить эти комплекты. Часть комплектов погибла во время восстания *тайпинов* и после вторжения в Китай войск зап. держав.

После Синьхайской революции 1911 на протяжении всего XX в. в Китае неоднократно предпринимались попытки издать «Сы ку цюань шу». Впервые с таким предложением выступила группа ученых в 1919, и крупнейшее шанхайское изд-во «Шанъу иншугуань» попыталось его реализовать, но не смогло. В 1927 попытку издать предпринял правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян. С сер. 30-х XX в. в Китае начали издавать выборки из «Сы ку цюань шу» (с 50-х к этой работе подключились и тайваньские издатели). Наиб. известностью пользуется изд. «Шанъу иньшугуань» (1934). Ко времени образования КНР сохранилось лишь три полных комплекта «Сы ку цюань шу»: два из них находились в Гос. Пекинской б-ке и музее Гугун, а один оказался на Тайване. Последний, ранее находившийся в императорской б-ке Вэньюаньгэ, был наконец издан в 1986 тайваньским филиалом изд-ва «Шанъу иньшугуань». Помимо самого свода «Сы ку цюань шу» это издание включает в себя также нек-рые наиб. значимые труды, посвященные его характеристике, объем издания составил 1500 *цэ*.

***** Сы ку цюань шу мулу соинь (Библиографический указатель «Коллекции книг по четырем разделам»). Шанхай, 2003; ** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, указ.; *Ли Цун-е.* Чжунго лиши яоцзи цзешао (Важнейшие книги по истории Китая). Шанхай, 1982, с. 465–466; *Фэн Эр-кан.* Цин ши шиляо-сюэ (Источниковедение истории Цин). Шэнъян, 2004, с. 402–404; *Хуан Ай-пин.* Сы ку цюань шу цзуаньсю яньцзю (Составление «Коллекции книг по четырем разделам»). Пекин, 2001; *Guy R.K.* The Emperor's Four Treasures: Scholars and the State in the Late Ch'ien-lung era. Cambr. (Mass.), 1987.

Б.Г. Доронин

СЫМА ГУАН

司馬光

Сыма Гуан, Сыма Цзюнь-ши, прозв. Юй-соу, Сушуй сянь-шэн (Учитель из Сушуй). 17.11.1019, Шаньчжоу уезда Ся (совр. пров. Цзянси), — 11.10.1086. Историк, философ, литературовед, писатель, полит. мыслитель, гос. деятель. Из семьи крупного сановника. На пороге 20-летия (1038) стал обладателем высшей ученой степени *цзинь ши*. До конца 1045 занимал администр. посты на периферии, а затем — в правительств. сферах. Состоял в **Ханьлинь академии** (см. т. 1). С 1069 возглавлял оппозицию «новой политике» (*синь фа*) **Ван Аньши** (1021–1086; см. также т. 1, 3), а в марте 1086 став высшим должностным лицом гос-ва, добился ее отмены. Отсюда возникшее тогда и утвердившееся впоследствии в ист. лит-ре представление о Сыма Гуане как противнике всех и всяческих реформ, одном из столпов полит. и идейного консерватизма (что сказалось и на его реноме как историка). В действительности, однако, Сыма Гуан и его единомышленники не отрицали необходимости реформ, но

придерживались иных, чем Ван Ань-ши, взглядов на модель и темпы преобразований. В противовес «новой политике», фундамент к-рой составляла монополизация гос-вом ключевых позиций в экономике, а также дальнейшее усиление гос. контроля в социальной жизни деревни и города, Сыма Гуан и его приверженцы отстаивали интересы частного сектора в сферах земельной собственности, торговли, ремесел и промыслов. После смерти Сыма Гуана его полит. платформа была отвергнута императорским двором, имя политически дискредитировано различными способами, а сочинения занесены в офиц. список запрещенных книг, и если гл. труд Сыма Гуана как историка — **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всепроницающее зерцало, управлению помогающее») — избежал тогда сожжения, то обязан этим одобрительному предисловию, к-рое еще в 1067 написал собственноручно имп. Шэнь-цзун (Чжао Сюй, прав. 1068–1085).

Сыма Гуан был человеком разносторонних интересов и наклонностей. Список его книг (почти 40 названий, из них сохранились до наших дней, и то не все в полном объеме, лишь ок. 15) свидетельствует, что Сыма Гуана занимали и музыка, и астрология, и медицина и т.д. Однако главными для него как ученого были история, философия и филология; тем самым Сыма Гуан продолжил, а своим авторитетом закрепил издревле сложившуюся в Китае взаимосопряженность этих составляющих духовной культуры. Одно из конкретных подтверждений тому — прямая причастность Сыма Гуана к становлению историограф. школы «Вёсен и осеней» (*чуньцю-сюэ*; см. **Традиционная историография** в Общем разделе).

Будучи стихотворцем и прозаиком, Сыма Гуан посвятил неск. сочинений темам и проблемам поэтики. Более 10 его книг представляют собой комментарии, толкования и разъяснения канонич. текстов **конфуцианства** (см. т. 1): «И цзин» («Канон перемен»; см**. «Чжоу и»** в т. 1), **«Ши цзин»** («Канон стихов»; см. т. 1, 3), «И ли» («Образцовые церемонии и [правила] благопристойности»), **«Сяо цзин»** («Канон сыновнего благочестия»; см. т. 1), **«Чжун юн»** («Срединное и неизменное»; см. т. 1), **«Да сюэ»** («Великое учение»; см. т. 1), а также трактатов **Ян Сюна** (53 до н.э. — 18 н.э.; см. т. 1, 3) «Тай сюань [цзин]» («[Канон] великого сокровенного») и **«Фа янь»** («Образцовые речи»; см. т. 3), основополагающего даос. памятника **«Дао дэ цзин»** («Канон *дао* и *дэ*»; см. т. 1, 3) и др. О значении этих разысканий свидетельствует, напр., тот факт, что именно Сыма Гуан своим резюмирующим комментарием к «Да сюэ» первым мотивировал статус этого — открывающего собою конф. **«Сы шу»** («Четверокнижие») — произведения как самостоятельного (раньше оно признавалось лишь одной из глав **«Ли цзи»** — «Записок о правилах благопристойности»; см. т. 1). Выдвигая свои толкования и разъяснения к памятникам др.-кит. мысли, Сыма Гуан вместе с тем излагал собств. натурфилософские, социополитические и этич. воззрения. Высоко оценивая заслуги Сыма Гуана, гл. представитель **неоконфуцианства** (см. т. 1) **Чжу Си** (1130–1200; см. также т. 1) причислял его к «шести учителям/наставникам (*сяньшэн*)» — самым видным мыслителям империи Сев. Сун (960–1127), заложившим в XI в. основы обновленного и преобразованного конфуцианства в его систематизированном облике.

Наибольшую известность снискал Сыма Гуан как ученый на поприще историописания. Он оставил свой след в таких, в совр. понимании, составляющих научно-исторического цикла, как источниковедение, историография (история историописания), ист. хронология, этнография, генеалогия и др.; тем или иным конкретным темам и проблемам каждой из этих дисциплин посвящена хотя бы одна книга Сыма Гуана. Главным же детищем Сыма Гуана-историка, с созданием к-рого оказалась непосредственно связанной треть его жизни, явилась хроника «Цзы чжи тун цзянь» (сокр. «Тун цзянь»), повествующая о почти 14-вековом (с 403 до н.э. по янв. 960) отрезке кит. истории. Сыма Гуан был инициатором ее создания и руководителем авторской коллегии, ядро к-рой наряду с ним составили Лю Бинь (1023–1089), Лю Шу (1032–1078) и Фань Цзу-юй (1041–1098). Непосредственно к подготовке этого хронистич.

свода они приступили летом 1066, а закончили на исходе 1084. 15 лет из этих почти 19 лет, начиная с мая 1071, пребывавший в полит. опале и потому вынужденный покинуть Восточную (главную) столицу Северосунской империи (Кайфэн) Сыма Гуан провел в Западной столице (Лояне); это был период наиболее интенсивной работы над «Тун цзянь». Фактически же подготовку «Тун цзянь» Сыма Гуан начал еще в кон. 1050-х, а венцом этой стадии явились анналы «Ли нянь ту» («Погодные таблицы») — своего рода «примерка» и предварительный остов временно́го содержания будущего свода, хотя, завершенные весной 1064 в качестве самостоятельного творения, они были представлены для опубликования лишь за полгода до кончины автора как 2-й раздел «Цзи гу лу» («Записки о постижении былого») — последнего среди сочинений Сыма Гуана. 3-й раздел «Цзи гу лу» — «Го чао гуань гун цин бяо да ши цзи» («Таблицы должностных лиц и сановных особ, [а также] хроника важнейших деяний при царствующей династии») тоже выдержан по большей части в форме анналов и тоже готовился первоначально в качестве самостоятельного опуса, но был завершен в 1081, т.е. в разгар работы над «Тун цзянь». Это свидетельствует о том, что параллельно с «Тун цзянь» Сыма Гуан занимался и современной ему историей. Еще одно свидетельство тому — сб. «Сушуй цзи вэнь» («Записки [уроженца] Сушуй о том, что слышал»), в к-ром обильно представлены самые разнообразные сведения о Китае при дин. Сун со времени ее воцарения до последней трети XI в. Эти сведения Сыма Гуан и его коллеги предназначали для написания в дальнейшем своего рода эпилога (*хоуцзи*) к «Тун цзянь» (но осуществить свое намерение им не довелось). Важной приметой прямой связи «Цзи гу лу» и «Тун цзянь» явилось также наличие в обоих трудах заслуживающих того, с т.зр. Сыма Гуана, случаев оценочных — нередко критических — суждений автора, оформленных в виде рубрики «Чэнь Гуан юэ» («Я, Гуан, скажу так»), применительно к соответствующим персонажам и событиям.

Непосредств. зачином «Тун цзянь» стало завершенное Сыма Гуаном в нач. 1066 **«Тун чжи»** («Всепроницающее обозрение»), где весьма подробно излагается в хронологич. последовательности история Китая с 403 по 207 до н.э. Двор удостоил это произведение похвалы и благословения на его продолжение. «Тун чжи» со временем вошло в «Тун цзянь» в качестве его завязки.

В «Тун чжи» (как затем и в «Тун цзянь»), повествуя о **Шан Яне** (390–338 до н.э.; см. т. 1) и предпринятых им в 359–348 до н.э. реформах в царстве Цинь, Сыма Гуан не высказал ни неприятия тогдашних нововведений, ни их упрощенной трактовки и одномерного освещения, ни негативной характеристики и оценки их инициатора. (Аналогичный вывод может быть сделан и относительно изложения и трактовки в «Тун цзянь» осуществлявшихся в империи Тан (618–907) в 760–780-х преобразований, к-рые известны как реформы Ян Яня.)

«Задавая» жанровую принадлежность «Тун чжи», как затем и «Тун цзянь», Сыма Гуан остановил свой выбор на хронистике, т.к. был убежден в предпочтительности именно этой типологич. формы историописания и не был склонен абсолютизировать место и значение *чжэн ши* (династийные истории), хотя за последними прочно утвердилась уже репутация «премьера» среди всех жанров кит. ист. лит-ры, и Сыма Гуан сам их отнюдь не игнорировал. В отличие от *чжэн ши* с их сложной композицией (когда повествование об одних и тех же событиях либо персонажах расчленялось по двум–трем, если не четырем–пяти разделам и, стало быть, разрывалось единство изложения, затруднялось восприятие общей картины таких событий или жизнедеятельности таких персонажей), хроники позволяют проще и легче отслеживать и усваивать познавательно-историческую информацию, а значит, извлекать из нее соответствующие уроки и предостережения. Между тем гл. контрапунктом в многоаспектном кредо Сыма Гуана-историка, как это выявилось уже в «Тун чжи», еще рельефнее — в «Тун цзянь», да и в др. его сочинениях, было как раз признание за историописанием прежде и больше всего именно социально-дидактич. предназначенности: оно призвано «служить наставительным зерцалом» тем, кому уготовано обустраивать Поднебесную, должно

стать для них назидательной сводкой благих и дурных примеров, чтобы легче было «вникать в то хорошее и плохое, что имелось в деяниях прежних поколений» и чтобы из прошлого «благое стало образцом, а дурное — предостережением», и тем самым «заполучить от древних их наставления для руководительства» и вершить добродетельную политику в настоящем и будущем.

В основе такого подхода-восприятия Сыма Гуана лежит стародавняя концепция и, стоит отметить, благодаря его авторитету еще больше утвердившаяся, согласно к-рой Небо (**тянь [1]**; см. т. 1, 2) — высшая направляющая и контролирующая все и вся на уровне как космоса, так и социума природная сила, и оно своим негласным «повелением» («мандатом» — **мин [1]**; см. т. 1) наделяет властью в Поднебесной собств. репрезентанта — Сына Неба (*тянь цзы*), функциональное назначение к-рого — вершить мироустроение. Чтобы оказаться и оставаться достойными такого предназначения, земным правителям надлежало обладать изначально, от природы, соответствующими креативными потенциями, воплощенными в «благодати-добродетели» (**дэ [1]**; см. т. 1), и не только не утрачивать их с течением времени, но и постоянно наращивать посредством нравств. совершенствования — собственного, а также своего окружения, — осуществляемого с непременным морально-дидактич. воздействием конф. ученых. Неспособность либо нежелание земных «верхов» придерживаться «Небесного предопределения» (**тянь мин**; см. т. 2) чреваты дезорганизацией социума, дисфункцией миропорядка, подданных настигает не «благо», а «неправедность», и тогда Небо, чье доверие и волю его «сын» не подтвердил, прибегает к каре, вплоть до отзыва у последнего «мандата» на благоустроение Поднебесной. Во избежание подобных ситуаций, помимо всего прочего, и оказывалось всегда остро востребованным историописание в качестве подспорья для «верхов». Как раз случай с «Тун цзянь» в этом смысле крайне примечателен: столь выразительный — лестный и одновременно обязывающий — заголовочный титул был труду Сыма Гуана и его коллег «августейше пожалован» сунским имп. Ин-цзуном (Чжао Шу, прав. 1064–1067).

Сочинения Сыма Гуана сведены в сборники «Вэньго Вэнь-чжэн гун вэнь цзи» («Собрание сочинений г-на Вэньго Вэнь-чжэна»), «Цзи гу лу» («Записки о постижении былого»), «Сыма Гуан цзоу и» («Доклады и представления Сыма Гуана»).

См. также ст. **Сыма Гуан** в т. 1.

** *Смолин Г.Я.* Был ли Сыма Гуан антиреформатором?: (О новой тенденции в историографии) // ИИИСАА. 1995, вып. 15, с. 160–177; *он же.* «Записки о постижении былого» Сыма Гуана // XXIV НК ОГК. Ч. 2. 1993, с. 164–169; *Гу Дун-гао.* Сыма Вэнь-гун няньпу (Хроника жизни Сыма Вэнь гуна). Сюйчан, 1987; *Гу Куй-сян.* Сыма Гуан. Харбин, 1985; *Сунь Юй-сю.* Сыма Гуан. Шанхай, 1917; *Сун Янь-шэнь.* Сыма Гуан чжуань (Биография Сыма Гуана). Пекин, 1990; Сыма Гуан юй «Цзы чжи тун цзянь» (Сыма Гуан и «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее») / Под ред. Лю Най-хэ, Сун Янь-шэня. Цзилинь, 1986; *Фэн Хуй-минь.* Сыма Гуан хэ «Цзы чжи тун цзянь» (Сыма Гуан и «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее»). Пекин, 1981; *Цзи Пин.* Сыма Гуан синь лунь (Новые суждения о Сыма Гуане). Чунцин, 1987; *Pulleyblank E.G.* Chinese Historical Criticism: Liu Chih-chi and Ssu-ma Kuang // Historians of China and Japan. L., 1971, p. 135–166; *Sariti A.* Monarchy, Bureaucracy and Absolutism in the Political Thought of Ssu-ma Kuang // JAS. 1972, vol. 32, № 1, p. 53–76.

См. также лит-ру к ст. **«Цзы чжи тун цзянь»**.

Г.Я. Смолин

СЫМА ЦЯНЬ

司馬遷

Сыма Цянь, Сыма Цзы-чжан. 145 (?) до н.э., Сяян (к югу от совр. г. Ханьчэн пров. Шэньси), — 86 (?) до н.э. Великий историк, мыслитель, «отец китайской истории», создатель выдающегося памятника кит. историографии **«Ши цзи»** («Исторические записки»; см. также т. 1).

Происходил из древнего рода Сыма, из к-рого вышли правители княжеств, полководцы, военные теоретики. Сын Сыма Таня — гл. историографа и астролога (*тайшилин*) при дворе имп. **Хань У-ди** (140–87 до н.э.; см. также в т. 2, 3 [**Лю Чэ**]) в 140–110 до н.э., в обязанности к-рого помимо фиксации событий и хранения документов входили составление календаря, определение дней совершения императорских жертвоприношений и др. религ. ритуалов. Сыма Таню принадлежит трактат, в к-ром дан критич. обзор осн. идей 6 филос. школ, существовавших в то время (включен в «Ши цзи»).

Осн. источниками биографии Сыма Цяня являются его «Автобиография» («Тайшигун цзы сюй») в последнем томе «Ши цзи» и **«Хань шу»** («История [династии] Хань»; см. т. 1) **Бань Гу** (32–92 н.э.).

Точная дата рождения Сыма Цяня неизвестна. Дискуссия ведется вокруг двух версий — 135 и 145 до н.э., хотя ученые Китая и Японии указывают и др. годы: 129, 141, 150, 163 до н.э. До сего дня существуют вопросы и с точной датой смерти историка.

Сыма Цянь с детства был приучен к труду, упорно учился. Огромное влияние на его воспитание оказал Сыма Тань, активно поддерживавший его тягу к познанию истории. Его учителями были известные знатоки конф. ист. лит-ры **Дун Чжун-шу** (см. т. 1) и Кун Ань-го. Как сын придворного историографа-астролога, он имел возможность познакомиться с древнейшими ист. текстами. В 20-летнем возрасте Сыма Цянь отправился в поездку по стране. В этом путешествии, к-рое продолжалось не менее трех лет, он проехал 3–4 тыс. км, побывал в местах, связанных с ист. событиями и преданиями, с жизнью **Конфуция** и др. известных ист. деятелей. Объехав страну с северо-запада на восток, побывав на юге и затем вернувшись на северо-запад, Сыма Цянь обогатил свои знания истории, лит-ры, философии, географии Китая, познакомился с местными нравами и обычаями.

После возвращения Сыма Цянь поступил на службу при дворе в звании *ланчжун* (чин дворцовой охраны). В его обязанности входило повсюду сопровождать императора, по его поручениям ездить в дальние области страны. В 110 до н.э. побывал в р-нах Ба и Шу (совр. пров. Сычуань), населенных юго-зап. племенами *и* [*21*], на горе **Тайшань** (см. т. 2) и у Великой Китайской стены. В 110 до н.э. в Лояне умер Сыма Тань, завещавший сыну продолжить начатый им труд по истории Китая. В 107 до н.э., по истечении трехлетнего траура, Сыма Цянь занял должность гл. историографа при дворе. Ему был разрешен доступ в императорские б-ки, к ценнейшим материалам из императорских архивов. Вместе с известным астрономом Тан Ду (учителем Сыма Таня), Ло Ся-хуном и др. учеными-сановниками по приказу имп. У-ди он руководил работой по усовершенствованию календаря, результатом к-рой стал «Тай-чу ли» («Календарь, [созданный в период правления под девизом] Тай-чу»), обнародованный в 104 до н.э. (первый год первого собственно девиза правления **нянь хао** Тай-чу: 104–101 до н.э.) и послуживший основой совр. кит. лунного календаря. В 104 до н.э. Сыма Цянь приступил к написанию своего гл. труда «Ши цзи», к-рый был завершен им через 12 лет — в 92 до н.э. Совр. название труд получил уже после смерти автора, первоначально он назывался «Тайшигун шу» («Книга придворного историографа»).

В 99 до н.э. Сыма Цянь вступился за полководца Ли Лина, отряд к-рого был разбит *сюнну*, а сам Ли Лин попал в плен. Своей речью о заслугах Ли Лина навлек на себя гнев императора, был брошен в тюрьму и наказан кастрацией. Находясь в заключении, остро осознавая значимость своего труда, продолжил работать над «Ши цзи». После освобождения из тюрьмы в 96 до н.э. Сыма Цянь получил почетную должность *чжуншулин* (гл. секретарь гос. канцелярии, хранитель имп. печати), к-рую мог занимать только **евнух**, и потому она постоянно напоминала Сыма Цяню о перенесенном унижении.

«Ши цзи» состоят из 5 разделов, 130 глав (цзюаней). Сыма Цянь не имел в своем распоряжении сводных трудов по истории Китая, перед ним стояла задача обобщения и систематизации разрозненных ист. материалов и текстов, разнообразных свидетельств и записей. Хронологич. метод изложения, использовавшийся в ист. сочинениях до него, не мог помочь в решении такой задачи. Сыма Цянь ввел в кит. историографию биографич. принцип изложения истории через жизнеописания ист. деятелей (разд. «Основные записи», «Наследственные дома», «Жизнеописания»), соединив его с хронологич. и тематическим (разд. «Трактаты») принципами. Ход истории Сыма Цянь представлял с т.зр. идеи «небесного предопределения» (**тянь мин**; см. т. 2) и как круговорот различных состояний об-ва, имевший назидательный смысл. Ист. развитие, по Сыма Цяню, проходит своеобразными циклами, при этом каждый цикл состоит из периода процветания и сопровождающего его периода упадка. Эти взгляды роднят его с философом-эниклопедистом **Ван Чуном** (см. т. 1). Труд Сыма Цяня был первой в кит. историографии т.н. официальной историей (*чжэн ши*), по образцу к-рой придворные историки создавали династийные истории.

Сыма Цянь был не только историком, но и художником слова, блестящим стилистом. Жизнеописания в «Ши цзи», как и авторские послесловия к каждой главе, представляют собой шедевры лит. тв-ва, поэтому, как отмечал акад. В.М. Алексеев, Сыма Цянь считается также «одним из родоначальников изящной повествовательной лит-ры, извлечения из к-рой всегда занимают весьма значительную часть любой кит. хрестоматии, а подражать ему и в стиле и в методе не перестают китайцы до сих пор».

См. также ст. **Сыма Цянь** в т. 1.

***Воскресенский А.Д.* Этико-эстетический идеал Сыма Цяня (по материалам «Цыкэ лечжуань» и «Юся лечжуань») // Теоретические проблемы изучения литератур Востока. Ч. 1. М., 1987, с. 129–142; *Вяткин Р.В.* Изучение научного наследия Сыма Цяня на Востоке и Западе: (Ист.-библиогр. обзор) // ВДИ. 1993, № 1, с. 204–212; *он же.* О культовом ансамбле Сыма Цяня в Шэньси и о потомках историка // XXV НК ОГК. 1994, с. 41–45; *Конрад Н.И.* Полибий и Сыма Цянь // ВДИ. 1965, № 4, с. 3–25; то же // *Конрад Н.И.* Запад и Восток. Изд. 2-е. М., 1972, с. 47–76; *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970; *он же.* Теория пяти элементов и взгляды Сыма Цяня и Бань Гу на историю // XXVIII НК ОГК. Ч. 1. 1998, с. 86–94; *Крюков М.В.* Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня // Сов. востоковедение. 1957, № 3, с. 106–122; *он же.* Сыма Цянь и его «Исторические записки» // *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи»). Т. 1. М., 1972, с. 12–65; 2-е изд., испр. и доп. 2001; *Померанцева Л.Е.* Воля Неба и судьба человека (Цюй Юань — Сыма Цянь) // XXIV НК ОГК. Ч. 1. 1993, с. 54–57; *Сяо Ли.* Сыма Цянь пинчжуань (Критическая биография Сыма Цяня). Тунляо, 1986; Сыма Цянь // Чжунхуа сысян да цзыдянь (Большой словарь идеологии Китая). Чанчунь, 1991, с. 79–80, 516–519; *Чжан Да-кэ.* Сыма Цянь пинчжуань (Критическая биография Сыма Цяня). Нанкин, 1994; *Чэнь Сюэ-лянь.* Сыма Цянь жэнь гэ лунь (О Сыма Цяне как о человеке). Шанхай, 1998; *Dzo Ching-chuan.* Sseu-ma Ts'ien et l'historiographie chinoise. P., 1978; *Durrant S.W.* The Cloudy Mirror: Tension and Conflict in the Writings of Sima Qian. Albany, 1995; *Kierman F.A. jr.* Ssu-ma Ch'ien Historiographical Attitude as Reflected in Four Late Warring States Biographies. Wiesbaden, 1962; *Nylan M.* Sima Qian: A True Historian? // EC. 1998/1999, vol. 23–24, p. 203–246.

См. также лит-ру к ст. **Ши цзи**.

В.Н. Усов

四書

«Сы шу» — «Четверокнижие». Свод, состоящий из 4 конф. канонич. текстов: **«Да сюэ»** («Великое учение»; см. т. 1), **«Чжун юн»** («Следование середине»; см. т. 1), **«Лунь юй»** («Суждения и беседы»; см. т. 1) и «Мэн-цзы», приписываемых традицией Цзэн-цзы, Цзы Сы, **Конфуцию** (см. также т. 1) и **Мэн-цзы** (см. т. 1) соответственно. Известен также как «Сы цзы шу» («Книги четырех учителей»).

До эпохи Сун (960–1279) канонич. сводом считалось «Пятиканоние» (**«У цзин»**; см. т. 1). В 1190 выдающийся философ и комментатор **Чжу Си** (1130–1200; см. также т. 1) впервые опубликовал «Четверокнижие» («Сы шу чжан цзюй цзи чжу» — «„Четверокнижие“ с постатейными и пофразовыми [разъяснениями] и собранием комментариев»), в к-ром были сведены воедино творение Конфуция и его ближайших учеников и последователей с комментариями Чжу Си, при этом лишь текст «Да сюэ» был подвергнут им перекомпоновке и переструктурированию. К тому времени, когда Чжу Си приступил к составлению и комментированию «Сы шу», каждый из текстов имел свою биографию, насчитывавшую не менее 1500 лет, и многочисл. комментарии. Особенности кит. иероглифич. письма, существ. изменения в кит. яз. с VI–III вв. до н.э., когда создавались классич. тексты кит. философии и полит. культуры, требовали толкований и комментариев, т.к. уже к началу н.э. древние тексты изобиловали темными и весьма спорными местами. Традиция комментирования конф. канонич. текстов — каноноведение (**цзин-сюэ**; см. т. 1) возникает с провозглашением **конфуцианства** (см. т. 1) гос. идеологией при имп. **Хань У-ди** (140–87 до н.э.; см. также т. 2). Комментаторы и редакторы в течение многих веков занимались толкованием и интерпретацией многозначных терминов и понятий, зафиксированных в канонич. текстах.

Свод Чжу Си, к-рому он отдал свыше 40 лет, был утвержден властями, став офиц. интерпретацией раннего конфуцианства. Т.о., в XII в. тексты «Четверокнижия» дополнили конф. канон и вошли также в состав «Тринадцатиканония» (**«Ши сань цзин»**; см. т. 1). Тексты «Сы шу» стали источником разработки учения Конфуция ср.-век. мыслителями не только Китая, но и Кореи, Японии и Вьетнама, к-рые на этой базе создавали свое корейское, японское и вьетнамское конфуцианство. Они стали основой классич. конф. образования, т.к. школьное образование, не говоря уже о гос. экзаменах для получения званий и чиновничьих должностей (*кэ цзюй*), с тех пор строилось на знании «Сы шу». В совр. эпоху глобализации пр-во КНР, стремясь усилить воспитание юного поколения в духе нац. духовных традиций, ввело во все школьные программы (факультативно) практику заучивания отд. частей «Сы шу», и прежде всего «Лунь юя».

История рус. переводов и исследований текстов «Сы шу» связана с историей рос. китаеведения, к-рое с самого своего возникновения уделяло первостепенное внимание конф. канонич. лит-ре. Десятки опубликованных переводов текстов из «Сы шу» качественно неоднородны и отражают уровень знания и понимания духовной культуры Китая на тот период, когда они создавались. Первыми из отечеств. китаистов, кто приоткрыл эту сокровищницу для России, были А.Л. Леонтьев (1716–1786, пер. «Да сюэ»: 1780; «Чжун юн»: 1784), П.С.Попов (1842–1913; пер. «Мэн-цзы»: 1904). Рукописи нескольких вариантов перевода текстов «Четверокнижия», осуществленных в XIX в. Н.Я. **Бичуриным** (1777–1853; см. т. 2), хранятся в Ин-те восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. В 2004 был издан впервые полный рус. пер. «Сы шу».

***** Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; Отв. ред и авт. вступ. ст. Л.С. Переломов. М., 2004.

Л.С. Переломов

«СЮАНЬ-ХЭ ФЭН ШИ ГАОЛИ ТУ ЦЗИН»

宣和奉使高麗圖經

«Сюань-хэ фэн ши Гаоли ту цзин» («Иллюстрированное описание посольства в Гаоли в годы правления Сюань-хэ»). Географич. сочинение, содержащее всеобщее описание Кореи (1124). Автор Сюй Цзин (1091–1153), второе имя Мин-шу, прозв. Цзысинь цзюй-ши.

Сюй Цзин завершил работу и преподнес ее сунскому имп. Хуй-цзуну (прав. под девизом Сюань-хэ в 1119–1125) в 1124, на след. год после возвращения из Кореи, куда он ездил в 1123 в составе посольства, возглавляемого Лу Юнь-ди. Копия хранилась у Сюй Цзина дома, но иллюстрации были утеряны. В таком виде сочинение впервые было издано в 1167 его племянником Сюй Чанем в 40 цз.: 1. Основание гос-ва; 2. Поколения правителей; 3. Города; 4. Ворота столицы; 5–6. Дворцы; 7. Головные уборы. Одежда; 8. Должностные лица; 9–10. Регалии; 11–12. Свита и охрана; 13. Оружие; 14. Знамена; 15. Повозки, носилки, кони; 16. Учреждения; 17. Храмы и кумирни; 18. Даосы и буддисты; 19. Население; 20. Женщины; 21. Служащие и чиновники; 22–23. Быт и нравы; 24. Процессия при встрече послов, прибывших с указом от кит. императора; 25. Церемония оглашения и вручения указа; 26. Пир [по случаю прибытия императорских послов]; 27. Посольская резиденция; 28–29. Принадлежности помещения; 30–32. Утварь и посуда; 33. Суда; 34–39. Путь по морю [из Китая в Корею]; 40. О схожем в культуре Китая и Кореи.

Выдержки из этой работы были скомпонованы в виде отдельных небольших сочинений, напр.: «Гаоли цзи» («Заметки о Гаоли»), «Ши Гаоли лу» («Описания о посольстве в Гаоли»).

* *Сюй Цзин.* Сюань-хэ фэн ши Гаоли тунцзин (Иллюстрированное описание посольства в Гаоли в годы правления Сюань-хэ): В 40 цз. с прил. Шанхай, 1921 (Чжибуцзу чжай цуншу [Собр. книг из кабинета Чжибуцзу]. Сб. 16, т. 3); Цинь дин Сы ку цюань шу цзунму тияо (Высочайше утвержденный Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам) / Сост. Цзи Юнь и др. Шанхай, 1933, т. 2, цз. 71, с. 1541–1542.** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 10–11; *Флуг А.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М., 1959, с. 213, 214.

По материалам ***В.А. Вельгуса***

乙

«СЮЙ БО У ЧЖИ»

續博物志

«Сюй бо у чжи» («Продолжение „Записок о познании вещей“»; в 12 цз., прибл. сер. XII в.) — собрание заметок на различные темы, напоминающее малую энциклопедию (см. **Бицзи** в т. 3).

Автор Ли Ши (1108–1181), второе имя Чжи-цзи, прозв. Фан-чжоу. Обладая степенью *цзинь ши*, он преподавал в Высшем гос. училище *Гоцзыцзянь* сначала в столице, а затем в г. Чэнду. Сюда, как свидетельствуют источники, к нему «стекалась масса народу, и учеников у него насчитывалось несколько тыс. чел.». В Чэнду он прожил до конца своих дней.

Согласно авт. предисловию, книга представляет собой дополнение и продолжение соч. «Бо у чжи» («Записки о познании вещей», «Трактат обо всех вещах») **Чжан Хуа** (232–300; см. т. 3), одного из ведущих литераторов периода Зап. Цзинь (265–316). Ли Ши расположил свои заметки в том же порядке, в каком материал расположен у Чжан Хуа: он обычно или дополнял какими-то подробностями тему, затронутую Чжан Хуа, или же писал о чем-то близком, подобном. «Сюй бо у чжи» начинается с гл. «О сфере небесной», а «Бо у чжи» — с разд. «Земля». Приведенные данные Ли Ши черпал в осн. из сочинений предшественников. По-видимому, он не очень тщательно редактировал свои заметки или не успел их отредактировать, т.к. порой он повторяет сведения Чжан Хуа; наблюдаются у него и анахронизмы. Несмотря на это, книга несомненно заслуживает внимания. Особый интерес представляют сведения из личной жизни деятелей эпохи Сун, к-рых нет в др. источниках.

Ли Ши является автором и ряда др. работ: «Фан-чжоу И сюэ» («Изучение „И цзина“ [г-ном] Фан-чжоу»; в 2 цз.), «Фан-чжоу цзи» («Собр. соч. [г-на] Фан-чжоу»; в 24 цз.).

* *Ли Ши*. Сюй бо у чжи (Продолжение „Записок о познании вещей"). Чанша, 1993 (Сер.: Бай цзы цюаньшу [Собр. соч. древних философов], 5); Цинь дин Сы ку цюань шу цзунму тияо (Высочайше утвержденный Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам) / Сост. Цзи Юнь и др. Шанхай, 1933, т. 1, цз. 7, с. 116; т. 3, цз. 142, с. 2963–2964, цз. 159, с. 33–39.** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 11–13.

По материалам ***В.А. Вельгуса***

СЮЙ ЦЯНЬ-СЮЭ

徐乾學

Сюй Цянь-сюэ. 1631, пров. Цзянсу, — 1694. Известный ученый, историк и библиофил. Племянник писателя и философа **Гу Янь-у** (1613–1682; см. т. 1). В 1670 после сдачи дворцовых экзаменов получил степень *тань хуа*. В 1672 присутствовал как приглашенное лицо на экзаменах в столичной обл. Шуньтянь. Принимал участие в составлении **«Мин ши»** («Истории [династии] Мин») в 1682, а затем в подготовке антологии избр. произведений имп. Шэн-цзу, озаглавленной им «Гувэнь юань цзянь» («Зерцало древних письмен»). В 1687 стал главой Цензората (*Дучаюань*) и руководителем комиссии по составлению «Дай Цин и тун чжи» («Сводное описание империи Великая Цин»), важнейшего труда по географии Цинской империи. Через год его назначили гл. экзаменатором на столичных экзаменах, а затем главой Ведомства наказаний (*Синбу*), что явно указывало на его весьма высокое положение в полит. структуре цинского Китая. Однако из-за проступка сына, получившего ученую степень незаконным путем, ему пришлось оставить высокий столичный пост и уехать в свое поместье в местечке Дунтиншань (близ оз. Тайху, юго-западнее Сучжоу). Здесь в об-ве единомышленников-ученых при их активном участии он продолжил работу по составлению «Дай Цин и тун чжи», одновременно занимаясь подготовкой своего дополнения к соч. **«Цзы чжи тун цзянь ган му»** («Всепроницающее зерцало, управлению помогающее, в сжатом изложении и с комментариями»). После кончины Сюй Цянь-сюэ труд был завершен его коллегами, широко пользовавшимися богатой б-кой ученого. «Дай Цин и тун чжи» был опубликован в 1744. 2-е изд. этого историко-географич. труда с включением в него сведений о землях, завоеванных Цинской империей в 50-х гг. XVIII в. за Великой китайской стеной, появилось в 1790 (424 цз.). 3-е изд. было осуществлено лишь в 1934 (560 цз.). Благодаря этим публикациям ценные сведения «Дай Цин и тун чжи» стали доступны историкам-синологам разных стран.

* *Сюй Цян-сюэ*. Дань Юань вэнь цзи (Собр. соч. из Сада спокойствия). [Б.м.], 1971; Цзы чжи тун цзянь хоу бянь (Продолжение «Всеобщего зерцала, управлению помогающего»: В 20 т. [Б.м.], 1971; Ду ли тун као (Обобщающее исследование изысканий о ритуале: В 3 т. [Тайбэй, 1983]. (СКЦШ; Т. 112–114); Чжуань ши лоу ши му (Каталог книг из Терема правдивости). Шанхай, [1995].

А.Н. Хохлов

СЮЙ ЧЖУН-ШУ

徐中舒

Сюй Чжун-шу, Сюй Дао-вэй. 1898, Хуайнин (совр. г. Аньцин) пров. Аньхой, — 09.01.1991, Чэнду. Историк, исследователь др.-кит. письменности. В 1925 поступил на отд-ние отечеств. науки ин-та Цинхуа. В 1928 стал преподавателем Фуданьского ун-та и ф-та кит. яз. Цзинаньского ун-та. В 1930 по рекомендации **Чэнь Инь-кэ** (1890–1969) поступил на должность ответств. редактора Ин-та истории и языка АН Китая, спустя два года стал науч. сотрудником этого ин-та, опубликовал неск. работ, привлекших внимание специалистов. В нач. 30-х участвовал в описании и каталогизации минских и цинских архивов. Одновременно читал курс «Иньские и чжоуские ист. материалы» на ист. ф-те Пекинского ун-та. В 1934 вместе с Жун Гэном выступил инициатором создания Археологич. об-ва. В 1937 с нач. Войны сопротивления Японии переходит на преподавательскую работу на ист. ф-т Сычуаньского ун-та.

В 40-х преподает также в Лэшаньском ун-те в г. Ухань, Яньцзинском ун-те в Чэнду, в Зап. ун-те Сехэ и в Нанкинском центр. ун-те. После 1949, продолжая преподавать в Сычуаньском ун-те, являлся директором Юго-зап. музея и Сычуаньского музея, чл. Отд-ния философии и обществ. наук АН Китая, консультантом Группы по упорядочению древних текстов при Госсовете и пред. Об-ва по изучению истории пров. Сычуань.

Гл. направлениями научной и преподавательской деятельности Сюй Чжун-шу были др.-кит. история (от доист. эпохи до III в. до н.э.) и др.-кит. письменность. Заметный вклад Сюй Чжун-шу внес также в изучение истории династий Мин и Цин и истории Сычуани. В нач. научной карьеры опубликовал неск. работ по классич. кит. лит-ре. В его методике ист. исследований сильно влияние «метода двойного доказательства» (*эр чун чжэнцзюй фа*) **Ван Го-вэя** (1877–1927; см. также т. 1). Характерно стремление к максимально широкому привлечению разнородных источников из смежных дисциплин: истории философии, полевой археологии, этнографии, антропологии, ист. социологии и истории ремесла. Древнейший период истории Китая рассматривал в контексте широкого географич. евразийского ареала. Изучение др.-кит. письменности неизменно подкреплял результатами своих исследований древней истории.

Начиная с 40-х Сюй Чжун-шу активно занимался исследованиями истории пров. Сычуань, гл. обр. древнего периода, а также источниковедением древней истории Сычуани. Незаменимый справочный материал для исследования др.-кит. эпиграфики и письменных источников содержится в словарях кит. иероглифов, знаков надписей на гадательных костях (**цзягувэнь**; см. т. 3) и др. лексикографич. трудах, подготовленных под рук-вом Сюй Чжун-шу.

***** *Сюй Чжун-шу.* Лунь Ба Шу вэньхуа (О культуре Ба и Шу). Чэнду, 1981; *он же.* Сянь Цинь ши луньгао (Очерк доциньской истории). Чэнду, 1992; Сюй Чжун-шу лиши луньвэнь сюаньцзи: В 2 т. (Сб. избранных статей Сюй Чжун-шу по истории). Пекин, 1998; *он же* (гл. ред.). Ханьюй да цзыдянь (Большой словарь иероглифов китайского языка): В 9 т. Чэнду, 1986–1990; *он же* (гл. ред.). Цзягувэнь цзыдянь (Словарь иероглифов надписей на гадательных костях). Чэнду, 1998. ****** *Чжоу Шу-цань.* Сюй Чжун-шу ды сюэшу сысян цзи шицзянь (Научная мысль и практика Сюй Чжун-шу) // Гуанси шифань дасюэ сюэбао.Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. Гуйлинь, 2001, № 3; *Чэнь Лин-лин.* Сюй Чжун-шу сяньшэн юй Ся Шан ши яньцзю (Проф. Сюй Чжун-шу и исследования истории династий Ся и Шан) // Иньду сюэкань. 2002, № 3.

В.М. Майоров

СЮНЬ-ЦЗЫ

荀子

Сюнь-цзы (Учитель Сюнь), Сюнь Куан, Сюнь Цин, Сунь Цин. 313/290, царство Чжао (южн. часть совр. пров. Шаньси), — 238/215 до н.э., Ланьлин (совр. пров. Шаньдун). Крупнейший философ и просветитель древнего Китая, принадлежал к конф. школе (см. **Конфуцианство** в т. 1), испытал сильное влияние **даосизма** (см. т. 1), **легизма** и моизма (**мо-цзя**; см. т. 1).

Достоверных сведений о жизни Сюнь Куана сохранилось мало — в основном в **«Ши цзи»** («Исторические записки») **Сыма Цяня** (II–I вв. до н.э.), в предисловии **Лю Сяна** (I в. до н.э.; см. т. 1) и в самом тексте кн. «Сюнь-цзы» («Учитель Сюнь»). Происходил, очевидно, из состоятельной семьи, получил блестящее по тем временам образование. По приглашению владетельных князей совершил поездки в царства Цинь, Ци и Чу, где беседовал с правителями и сановниками о принципах управления страной. В 264–255 до н.э. проповедовал свое учение в **Цзися академии** (см. т. 1) в царстве Ци и был признан главой находившихся там ученых. В 255 до н.э. переехал в царство Чу, где был назначен правителем уезда Ланьлин. После отстранения от должности примерно в 238 до н.э. основал там же частную школу.

«Сюнь-цзы» — сб. трактатов Сюнь Куана и записей его учеников составлен в 30-е III в. до н.э. и дошел до наст. времени почти полностью. Не подпал под

указ имп. **Цинь Ши-хуана** (221–210 до н.э.) о сожжении конф. книг и был распространен в III–I вв. до н.э. в многочисл. списках. В I в. до н.э. Лю Сян упорядочил их и свел в 32 главы (*пянь*), дав им общее назв. «Сунь Цин синь шу» («Новая книга Сунь Цина») и снабдив предисловием. В 818 Ян Лян дополнил их своими комментариями и изменил группировку глав. В дальнейшем структура памятника, получившего окончательное назв. «Сюнь-цзы», осталась без изменения. Версия Ян Ляна воспроизведена Люй Ся-цином (1068) и Тан Чжун-ю (1181). В 1884 этот текст обнаружен Ян Шоу-цзином и опубликован в составе «Гу мянь цун шу» («Сборник утерянных древних [книг]», 1886). В 1891 Ван Сянь-цянь выпустил наиболее полное собр. текстов Сюнь Куана с анализом всех прежних версий и комментариев, к-рые в 1956 дополнены Лян Ци-сюном. В 1979 вышел «Сюнь-цзы синь чжу» («Новый комментарий к „Сюнь-цзы“»), подготовленный на филос. ф-те Пекинского ун-та. Из 32 глав-трактатов «Сюнь-цзы» 22 главы принадлежат Сюнь Куану, 9 — его ученикам, одну главу («Чжун-ни») ряд совр. исследователей считают подделкой. Текст упоминавшегося в библиогр. разделе «Истории [династии] Хань» (**«Хань шу»**; см. также в т. 1) сб. «Сунь Цин ши фу» («Десять од Сунь Цина»), возможно, был включен в «Сюнь-цзы» в виде глав «Фу» («Оды») и «Чэн сян» («Песни»). Трактаты Сюнь Куана отличаются оригинальным лит. стилем, единой логикой изложения, объединены общей системой взглядов, что существенно выделяет «Сюнь-цзы» из др.-кит. филос. лит-ры. Филос. взгляды Сюнь Куана изложены гл. обр. в главах-трактатах «Тянь лунь» («О Небе»), «Цзе би» («Освободить от заблуждений»), «Фэй сян» («Против прорицательства»), «Чжэн мин» («Исправление имен»). Трактат «Син э» («О злой природе человека») посвящен этич. проблематике, «Юэ лунь» («О музыке») выражает эстетич. взгляды автора. Последние 6 глав созданы учениками после смерти философа. Три главы, записанные учениками, — «Жу сяо» («Конфуцианский образец»), «И бин» («Обсуждение военных дел») и «Цян го» («Сильное государство»), содержат беседы Сюнь Куана с правителями и министрами царств, его рассуждения о путях управления гос-вом. В «Фу» и «Чэн сян» представлена филос. поэзия Сюнь Куана.

Взгляды Сюнь Куана носили синтетический характер и являлись оригинальной переработкой этико-полит. учения **Конфуция** (см. также т. 1), дополненного существ. компонентами др. «знаменитых учений» древнего Китая, гл. обр. легизма. По существу он первым в конфуцианстве подвел теоретическую филос. базу под этич. учение Конфуция и обосновал идею просвещенной монархии, опирающейся как на принципы традиц. морали (**ли [2]**; см. т. 1), так и на авторитет и силу закона (**фа [1]**; см. т. 1).

Сюнь Куан в отличие от своего знаменитого предшественника **Мэн-цзы** (372/371–289/305 до н.э.; см. т. 1) считал врожденные свойства, «природу» (**син [1]**; см. т. 1) человека «злой», «дурной», чем навлек на себя впоследствии немилость ортодоксальных конфуцианцев. В основе полит. взглядов Сюнь Куана лежала концепция добродетельного управления страной «совершенным правителем», с помощью «совершенных мужей» (**цзюнь цзы**; см. т. 1).

Особенность социально-полит. учения Сюнь Куана состоит в попытке подвести под полит. концепцию филос. базу. Развивая учение **«Дао дэ цзина»** (см. т. 1, 3) о «естественности» мира, Сюнь Куан различал «естественность» природных явлений и их закономерности (**дао**; см. т. 1). Объективно существующее постоянство «пути» природы влияет и на обществ. существование людей, к-рые должны следовать *дао*. Но обществ. «путь» философ рассматривал как творение «совершенномудрых» (**шэн [1]**; см. т. 1) правителей-предков, сущность к-рого составляют «ритуал» (*ли* [*2*]) и «чувство долга» (**и [1]**; см. т. 1), проявляющее себя только благодаря «совершенному мужу». Выработка понятий *ли* [*2*], *и* [*1*] обусловлена тем, что дурную («злую» — э) природу человека можно «выправить», «преодолеть» лишь с помощью этих норм.

Представлениям Сюнь Куана свойственны наивно-материалистич. догадки о влиянии материальных условий жизни людей на обществ. процессы. Впервые в истории кит. философии Сюнь Куан высказал догадку об обществ.

сущности человека, выделяющей его из мира животных. Материально обеспеченным может быть лишь обществ. существование людей, бесконфликтность к-рого обусловливается «разделением обязанностей» в соответствии с «ритуалом» и «чувством долга». К характеристике этих конф. норм как высшего мерила нравственности он добавил их социально-экономич. значимость. «Путь к богатству государства», по Сюнь Куану, «в экономичном расходовании вещей и в обеспечении достатка народу». Нормы «ритуала» являются рычагом «экономичного расходования», регулятором распределения обществ. продукта, предполагающим экономич. и полит. неравенство. Во главе социальной иерархии должен стоять мудрый и добродетельный правитель; «удел правителя — быть добродетельным, удел простых людей — заниматься физич. трудом».

Под влиянием **Мо Ди** (V в. до н.э.; см. т. 1) и **Шан Яна** (IV в. до н.э.; см. т. 1) Сюнь Куан ввел в свое социально-полит. учение концепцию привлечения людей на гос. службу независимо от их социального положения. Гарантом успешного осуществления этого принципа является система поощрений и наказаний, подкрепляемая конф. воспитанием с помощью «ритуала» и «чувства долга». Учение Сюнь Куана, будучи критич. итогом определенного этапа формирования филос. и общественно-полит. мысли Китая, оказало большое влияние на ее последующее развитие. Его филос. взгляды сыграли важную роль в развитии материалистич. тенденций кит. философии (**Хань Фэй**, III в. до н.э.; **Ван Чун**, I в.; **Хань Юй**, VIII–IX вв.; **Чжоу Дунь-и**, **Чжан Цзай**, XI в.; все ст. см. т. 1). Полит. концепция Сюнь Куана по существу заложила теоретич. основу офиц. идеологии императорского Китая. Отрывки из «Сюнь-цзы» (о ритуале — *ли* [*2*] и музыке — *юэ* [*1*]) вошли в конф. канон «**Ли цзи**» («Книга ритуалов», гл. XIX, XXXVIII; см. т. 1). Вместе с тем начиная с периода правления дин. Сун (960–1279) труд Сюнь Куана исключается из конф. канонич. лит-ры, очевидно, вследствие отрицания им «воли Неба» (**тянь мин**; см. т. 2) и божеств. происхождения власти правителя, а также трактовки «природы» человека как «злой», что противоречило общей тенденции этич. учения Конфуция–Мэнцзы к признанию ее изначально «добрых» свойств (см. **Полезно-прекрасное добро и вредно-безобразное зло** в т. 2).

См. также ст. **Сюнь-цзы** в т. 1.

***** Сюнь-цзы цзи цзе (Сб. соч. Сюнь-цзы с комментарием) / Сост. Ван Сянь-цянь. Шанхай, 1935 (ЧЦЦЧ; Т. 2); *Лян Ци-сюн.* Сюнь-цзы цзяньши (Соч. Сюнь-цзы с краткими комментариями). Пекин, 1956; Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973, с. 142–209; *Феоктистов В.Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и перевод. М., 1976; *он же.* Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа. М., 2005; The Works of Hsuntze / Tr. by H. Dubs. L., 1928; *Hsun Tzu.* Samtliche Schriften / Ubertr. von H. Koster. Leiden, 1967; Xunzi: A Translation and Study of the Complete Works: In 3 vol. / By J. Knoblock. Stanf., 1988–1994. ****** *Гао Чжэн.* «Сюнь-цзы» баньбэнь юаньляо као (Исследование изданий памятника «Сюнь-цзы»). Пекин, 1992; *Кэ Сюн-вэнь* (*Antonio S. Cua*). Луньли луньбянь. Сюнь-цзы даоды жэньшилунь чжи яньцзю (Рассуждения о морали. Исследование моральной гносеологии Сюнь-цзы). Тайбэй, 1990; *Ли Дэ-юн.* Сюнь-цзы гунъюань цянь сань шицзи Чжунго вэйучжуи чжэсюэцзя (Сюнь-цзы — китайский философ-материалист III в. до н.э.). Шанхай, 1959; Сюнь-цзы синь ши (Новый комментарий к «Сюнь-цзы»). Пекин, 1979; *Ян Сян-куй.* Сюнь-цзы ды сысян (Взгляды Сюнь-цзы) // Вэнь ши чжэ. 1957, № 10; *Kanaya Osamu.* Junshi (Hsun tzu). Tokyo, 1962; Moulder of Ancient Confucianism. L., 1927; *Duyvendak J.J.* Hsun Tzu on the Rectification of Names // TP. 1924, vol. 24; *Munro D.J.* The Conception of Man in Early China. Stanf., 1969.

В.Ф. Феоктистов

Сюнь Юэ см. т. 1

СЯН ДА

向達

Сян Да, Сян Цзюэ-мин. 21.02.1900, уезд Сюйпу пров. Хунань, — 24.11.1966, Пекин. Историк, дуньхуановед, специалист по истории контактов Китая с гос-вами Центральное Азии, или Западного края (*Сиюй*), переводчик и ред. ист. лит-ры. По национальности *ту-цзя*. В 1924 окончил Юго-Восточный ун-т в Нанкине. Затем работал переводчиком и ред. в шанхайском изд-ве «Шанъу иньшугуань». С 1930 на ред. работе в Гос. Пекинской б-ке, с 1933 по совместительству преподавал в Пекинском ун-те. В 1935–1938 по заданию б-ки знакомился с фондами крупных б-к Англии, Германии и Франции, копировал материалы по дуньхуановедению, истории отношений Китая с соседними странами и т.д. Осенью 1938 вернулся в Китай, преподавал на ф-те ист. географии Чжэцзянского ун-та, эвакуированного в пров. Гуанси. Вскоре перешел на ист. ф-т Юго-Западного объединенного ун-та (Куньмин), работал в Ин-те обществ. наук Пекинского ун-та. С 1942 заведовал археологич. отделом Северо-Западной историко-географич. экспедиции АН Китая. Неоднократно проводил полевые исследования в Дуньхуане. Выступил с предложением объявить пещеры Дуньхуана (Могао ку) нац. достоянием, обеспечить их сохранность и развернуть там науч. исследования. С 1945 Сян Да — проф. Пекинского ун-та и директор университетской б-ки. В 1954 стал чл. (акад.) АН Китая по Отд-нию философии и обществ. наук, а также зам. директора Ин-та истории АН Китая, чл. редколлегий журналов «Лиши яньцзю» и «Каогу сюэбао». В 1957 в ходе идеологич. кампании был объявлен «правым уклонистом», подвергался преследованиям во время **«культурной революции»**. Реабилитирован посмертно в 1980.

Наибольший вклад Сян Да в ист. науку Китая связан с разработкой малоисследованных тем. В области истории контактов с зап. соседями и истории приграничных р-нов Китая большую известность Сян Да принесли публикации 1933–1934. Работы Сян Да по дуньхуановедению послужили лучшему знакомству кит. и зарубежных коллег с общим корпусом материалов Дуньхуана, хранящихся в разл. странах. Внимание ученого в этих материалах неизменно привлекали сочинения, отражавшие народную культуру своего времени. Изыскания в этой области он подкреплял полевыми исследованиями. На протяжении всей науч. карьеры Сян Да сохранил интерес к мореплаваниям **Чжэн Хэ** (1371–1433) и подготовил ценные ист. материалы по этой теме. Занимался комментаторской и переводческой деятельностью, в числе его переводов на кит.яз. учебник по истории СССР.

***** *Сян Да*. Тандай Чанъань юй Сиюй вэньмин (Чанъань и цивилизация Западного края в эпоху Тан). Пекин, 1933; *он же*. Чжун си цзяотун ши (История сношений Китая и Запада). Пекин, 1934; *он же* (ред.). Дуньхуан ишу гайлунь (Обзор искусства Дуньхуана) // Вэньу цанькао цзыляо. 1951, № 4; *он же* (пер.). Сулянь тунши (Пер. кн.: История СССР / Гл. ред. А.М. Панкратова. М., 1935). Пекин, 1951. Совм. с др.; *он же* (подгот. изд.). Чжэн Хэ ханхай ту (Навигационные карты Чжэн Хэ). Пекин, 1961; *Чжу Жуй-фэнь*. Цзеду Сян Да ды Дуньхуан синьчжа данъань (Расшифровка Дуньхуанского архива переписки Сян Да) // Шаньси данъань. 2004, № 5. ****** *Сю Цай-бо*, *Юй Сяо-хуй*. Сян Да дуй чжэнли чжунвай гуаньси шиляо ды гунсянь (Вклад Сян Да в обработку исторических материалов по связям Китая с зарубежными странами) // Дунфан луньтань. 2005, № 4; Сян Да сяньшэн цзинянь луньвэнь цзи (Сб. статей памяти проф. Сян Да). Урумчи, 1986.

В.М. Майоров

СЯН ЖУН ИНЬ

相容蔭

Сян жун инь — «взаимное предоставление убежища», «взаимное укрывательство». Специфич. принцип традиц. кит. права, один из наиболее ярких примеров трансформации кит. права в духе конф. морали. Во время своего становления при зарождении филос. школ Китая в периоды Чунь-цю (VIII–V вв. до н.э.) и Чжань-го (V–III вв. до н.э.) уголовное право не признавало никаких иных связей между людьми, кроме связи «правитель–подданный», и сознательно старалось их разрушить. Оно не признавало никаких моральных обязательств людей друг перед другом, все сводя к обязанностям перед гос-вом. Но спустя неск. веков, ко времени дин. Суй (581–618), ситуация радикально изменилась, и эти изменения были тщательно зафиксированы в уголовном кодексе дин. Тан (618–907) — **«Тан люй шу и»**.

Осознание необходимости поддержки и укрепления морали и семейных связей, к-рые мыслились как зачатки и образцы связей социальных, привело к тому, что уголовное право Китая перестало требовать от родственников доносить друг на друга в случаях совершения кем-либо из них преступлений, но, напротив, вменило им в обязанность скрывать преступления друг друга, укрывать преступных родственников от властей. Наказуемым стало не укрывательство родственника, а, наоборот, донос на него. Особенно строго наказывались доносы на прямых предков по мужской линии.

Этот принцип был тщательно разработан и отградуирован в зависимости гл. обр. от двух факторов: от степени родства между преступником и его укрывателем и от тяжести совершенного преступления. Не разрешалось укрывать родственников, повинных в тяжких антигосударственных деяниях, и нельзя было укрывать родственников средних степеней родства, если они живут отдельно от укрывателя, т.е. зарегистрированы по иному месту приписки. Раб обязан был укрывать преступного хозяина, но хозяин не мог укрывать преступного раба.

К укрывательству приравнивалось предупреждение о намерении властей произвести внезапный арест, а также «прово́д и снабжение» (*гочжи цзыцзи*; вид оказания помощи, приравниваемый к предоставлению убежища; в разъяснении к ст. 468 Танского кодекса термин объясняется так: «...имеется в виду, что указал и объяснил путь, или провел через опасное место, или помог [куда-либо] доехать либо же снабдил одеждой или едой») родственника, к-рый бежал от наказания и скрывается.

Предпринятая в Танском кодексе попытка сделать право абсолютно этичным, подменив им муки совести и личный выбор, породила ряд разработанных для частных ситуаций норм, к-рые выглядят весьма странно. Напр., родственники некоего преступника не привлекались к ответственности за укрывательство совершенно постороннего им человека, если он являлся «подельником» виновного. Поскольку задержание «подельника» могло привести к даче им нежелательных для его сообщников показаний и задержанию этих сообщников, непредоставление «подельнику» убежища рассматривалось опосредованной формой запрещенного законом доноса на родственника. Более того, если один из родственников, не участвовавший ни в каком преступлении, по каким-то причинам предоставлял убежище совершенно постороннему семье преступнику, другие родственники, не подозревавшие о происшедшем и не участвовавшие в принятии решения, сами обязаны были укрывать своего укрывшего преступника родственника, а из-за этого — и самого преступника.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 46, 468. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ; Т. 775–780); Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цз. 1–8. СПб., 1999, с. 259–262; The T'ang Code. Vol. 1. General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979, p. 246–249; *idem*. Vol. 2. Specific Articles. 1997, p. 532–535.

****** *Рыбаков В.М.* Преломление морали в праве: механизм «сянжунъинь» // ПВ. 1997, вып. 9, с. 162–204.

В.М. Рыбаков

СЯН ЧЖУН-ФА

向忠發

Сян Чжун-фа, псевд. Тэ Шэн. 1880, уезд Ханьчунь пров. Хубэй, — 24.06.1931, Шанхай. Парт. деятель, занимавший в течение 3 лет (1928–1931) пост Генерального секретаря ЦК КПК.

В юности был рабочим, потом включился в рабочее движение, был зам. пред. профкома Ханьянского металлургич. завода, зам. пред. генерального совета профсоюзов Ханьепинской компании. В 1922 вступил в КПК. Назначен чл. Исполкома КПК р-на Ухань. Принимал участие в крупной забастовке рабочих Пекин–Ханькоуской железной дороги. В 1925 участвовал в работе IV съезда КПК. В 1926 был чл. Исполкома КПК р-на Хубэй, пред. генерального совета профсоюзов пров. Хубэй, зав. отделом рабочих гор. комитета партии Гоминьдан г. Ханькоу. В мае 1927 на V съезде КПК избран чл. ЦК КПК. В июне 1927 назначен чл. Исполкома Всекитайского генерального совета профсоюзов. На совещании ЦК КПК 7 авг. 1927 избран чл. Временного Политбюро ЦК КПК. В окт. 1927 направлен в Советский Союз представителем КПК в Коминтерне. В 1928 на 9-м расширенном заседании Исполкома Коминтерна избран чл. Исполкома Коминтерна и чл. Президиума Коминтерна. В том же году участвовал в работе VI съезда КПК под Москвой. На I пленуме ЦК КПК 6-го созыва в связи с тем, что в то время в партии подчеркивали важность участия рабочих в рук-ве, Сян Чжун-фа был избран Генеральным секретарем ЦК КПК, пред. Политбюро ЦК КПК и его Постоянного комитета. Однако он практически не смог сыграть роль гл. руководителя партии и в конце года вернулся в Китай, где в февр. 1930 назначен пред. Оргбюро ЦК КПК (по совместительству). В 1930 примкнул к **Ли Ли-саню** (1899–1967), деятельность к-рого была осуждена на IV пленуме ЦК КПК в 1931 как «левоуклонистская ошибочная линия».

По воспоминаниям дочери **Дэн Сяо-пина** (1904–1997) Мао-мао, Сян Чжун-фа, не обладавший полит. знаниями и организаторскими способностями, стал ген. секретарем исключительно по протекции Коминтерна. 22 июня 1931 был опознан после одного из тайных свиданий и арестован франц. полицией, передавшей его гоминьдановской контрразведке. Как пишут кит. источники, уже 24 июня Сян Чжун-фа «изменил партии». Сразу же после его ареста шанхайская полиция передала сообщение в штаб-квартиру Гоминьдана в Нанкине. Во второй телеграмме из Шанхая сообщалось, что арестованный «раскалывается». **Чан Кай-ши**, прочитав телеграмму о поимке «главаря» КПК, приказал его немедленно расстрелять. Приказ был исполнен 24 июня 1931.

***** ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931: В 2 ч. М., 1999. ****** *Акатова Т.Н.* Революционное движение в гоминьдановском Китае в 1927–1937 гг. М., 1983; *Григорьев А.М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.) М., 1976; *Мао-мао.* Мой отец Дэн Сяо-пин. М., 1995, с. 163–164; Чжунго гунчаньдан жэньмин цыдянь (Словарь персоналий КПК). Шэньян, 1988; Чжунгундан ши цзяньмин цыдянь (Краткий словарь по истории КПК): В 2 т. Пекин, 1986; Чжунго гунчаньдан данъу гунцзо дацзыдянь (Большой словарь партийной работы КПК). Пекин, 1989, с. 641–642.

В.И. Антонов, В.Н. Усов

СЯО КАН

小康

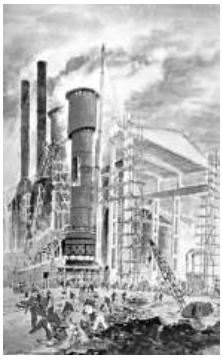
Сяо кан («Малое благоденствие») — одна из двух социальных утопий **Конфуция** (см. т. 1). Как и др. категории кит. традиционной полит. культуры, понятие *сяо кан* отличается многозначностью; за две с лишним тыс. лет своего существования применялось в разных контекстах, обрастало многочисл. толкованиями и приобретало новые смысловые оттенки. Самый ранний памятник, где встречается словосочетание *сяо кан*, — **«Ши цзин»** («Книга песен»; см. т. 1, 3), к-рый складывался в течение XI–VI вв. до н.э. и включал более 3 тыс. стихотворных произведений. Работая над редактированием его текста, Конфуций оставил лишь 305 стихов, соответствующих, по его мнению, осн.

концепциям его учения — «правилам» (**ли [2]**; см. т. 1) и «долгу» (**и [1]**; см. т. 1). Именно в «Ши цзине» он искал сокровенную основу гармонизации мира. Мотивом поиска для него служило состояние хаоса, охватившее современное ему об-во.

В разделе«Да я» («Великие оды») «Ши цзина» имеется ода «Минь лао» («Народ страждет»), где говорится о разнообразных тяготах, обрушившихся на жителей Поднебесной, и содержится призыв к умиротворению страны: «Народ наш страждет ныне от трудов. Удел его пусть будет облегчен (*сяо кан*)». Более подробно понятие *сяо кан* Конфуций раскрывает в отредактированном им трактате **«Ли цзи»** («Записи о ритуале»; см. т. 1). Позднее концепция об-ва, в к-ром правление основано на правилах и долге, была изложена философом **Мэн-цзы** (IV–III вв. до н.э.; см. т. 1). История Китая показала, что в течение последующих столетий понятие *сяо кан* использовалось в двух значениях: внутри гос-ва — как символ спокойствия и экономич. улучшения; внутри семьи — как символ относительной зажиточности. Важно отметить, что не только на теоретич. уровне, но и в народном сознании термин *сяо кан* запечатлелся именно в этих двух значениях.

К идее *сяо кан* как одной из двух социальных утопий Конфуция — об-ва *сяо кан* и об-ва **да тун** («Великое единение»; см. т. 1) — в преддверии своих реформ в XX в. обращался лишь **Чан Кай-ши**. Потерпев сокрушительное поражение от коммунистов и оказавшись в изгнании на Тайване, лидеры Гоминьдана были вынуждены в корне пересмотреть идеологич. обоснование своей социально-экономич. политики. При этом значительное влияние на трансформацию идейных воззрений Чан Кай-ши оказали давние приверженцы **конфуцианства** (см. т. 1) **Дай Цзи-тао** и **Чэнь Ли-фу** (см. также т. 1). Формально оставаясь наследником «трех народных принципов» (*сань минь чжуи*) **Сунь Ят-сена**, Чан Кай-ши, под воздействием идеолога Гоминьдана Чэнь Ли-фу, совершил крутой поворот к расширению социальной базы Гоминьдана, что было возможно лишь на основе возрождения конф. ценностей. Чан Кай-ши соотнес концепцию *сяо кан* с переходным периодом и конкретизировал ее экономич. составляющую как построение об-ва свободного частного предпринимательства. На одном из завершающих этапов строительства своего об-ва *сяо кан*, в нояб. 1972, гоминьдановцы обнародовали «План *сяо кан*, или Программу ликвидации бедности» на Тайване.

Зная о реализации на Тайване идеи «об-ва малого благоденствия», **Дэн Сяо-пин** был также осведомлен о критике, к-рая доносилась с другой стороны пролива, когда лидеров КПК обвиняли в измене конф. традициям. О своей приверженности принципу *сяо кан* (в его интерпретации — «достижение уровня малой зажиточности» до 2000 г.) Дэн Сяо-пин заявил в 1979, вскоре после III пленума ЦК КПК 11-го созыва, внесшего кардинальные изменения в методы строительства социализма. Эта установка была затем закреплена в материалах XII–XVII съездов КПК, в решениях ЦК КПК и постановлениях ВСНП по развитию экономики КНР, а также в пятилетних планах КНР.



Поскольку Дэн Сяо-пин во главу угла своей трактовки принципа *сяо кан* поставил сугубо экономич. цели, то первыми ее разработчиками стали кит. экономисты во главе с президентом АОН КНР Ма Хуном: «В будущем мы уничтожим явления бедности и создадим специфическую модель потребления, к-рая должна иметь следующие характеристики: весь народ будет жить, имея в обилии одежду, в достатке пищу, в мире и спокойствии... должно возрасти производство на душу населения потребительских благ и услуг. Жизнь народа будет комфортной, но не расточительной. Мы не только в производстве изо всех сил стремимся к экономии, но и в потреблении также стремимся к реальной пользе. При капитализме осуществляется принцип „высокий уровень потребления — высокие расходы“. Мы не можем и не должны допускать такую модель потребления. Мы будем стремиться при не очень высоком уровне доходов сравнительно хорошо удовлетворять потребности населения, непрерывно и постепенно увеличивать доходы населения, побуждать его создавать социалистическую модель потребления, кит. *сяо кан*».

* Дэн Сяо-пин вэньсюань (Избр. произведения Дэн Сяо-пина). Т. 2. Пекин, 1983. ** *Барский К.М.* Что такое *сяо кан*? // Восток. 1992, № 5, с. 44–51; КНР: Проблемы построения общества *сяокан*. М., 2005 (ЭИ; № 8); *Лукьянов А., Переломов Л.* Из истории идеологемы *сяо кан* // ПДВ. 2003, № 3, с. 26–38; *они же.* Конфуцианский социализм и концепция «сяо кан» // Мир Востока. 2003, № 1, с. 29–35; *Наумов И.Н.* Понятие *сяо кан* и проблемы подъема народного благосостояния // ПДВ. 1997, № 6; *Переломов Л.С. Сяо кан* Дэн Сяо-пина — символ построения социализма с китайской спецификой // Общество и государство в Китае. Спец. вып.: К 80-летию Л.П. Делюсина. М., 2004, с. 109–120; *Феоктистов В.Ф.* Общество «сяо кан» и «социализм с китайской спецификой» // Китай: шансы и вызовы глобализации: Тез. докл. XIV МНК ККЦиМ. Ч. 2. М., 2003, с. 153–155; Сяо кан Чжунго (Китайский *сяо кан*) / Отв. ред. Ли Цзюнь-жу. Пекин, 2003.

Л.С. Переломов

СЯ ЦЗЭН-Ю

夏曾佑

Ся Цзэн-ю, Ся Суй-шэн, Ся Суй-цин, Ся Суй-фо, псевд. Бе-ши. 11.1861, уезд Цяньтан/Жэньхэ (совр. г. Ханчжоу) пров. Чжэцзян, — 18.04.1924, Пекин. Историк, литератор и литературовед. Род. в семье математика. В 1890 получил степень *цзинь ши*. Входил в число сторонников реформирования Цинской монархии. Был близок с **Лян Ци-чао** и **Янь Фу** (см. т. 1). После Синьхайской революции занимал должности начальника отд. образования министерства образования в Бэйянском пр-ве и зав. Столичной (позднее Пекинской, ныне Государственной) б-кой. Активно откликнулся на призыв Лян Ци-чао к «революции в сфере истории». В 1904–1906 издал «Цзуй синь чжунсюэ лиши цзяокэшу» («Новейший учебник истории Китая для средней школы»). В 1933 этот учебник был переиздан под загл. «Чжунго гудай ши» («Древняя история Китая»), но предназначался уже для студентов высшей школы. Учебник Ся Цзэн-ю стал первым в Китае совр. систематическим и популярным изложением общей истории страны, хотя повествование в нем доведено лишь до дин. Суй (кон. VI в.). Эта книга выходила за рамки традиционных кит. ист. сочинений. Осн. материал был почерпнут, не всегда критически, из офиц. династийных историй. Ист. события излагались в хронологич. порядке. Состав событий подбирался по степени важности, много внимания уделялось обстоятельствам установления и падения династий. Распределение материала по темам зачастую было неравномерным. Значимость работы заключалась в том, что кит. читателю впервые было представлено поступательное движение истории Китая на протяжении нескольких тыс. лет. Большое влияние на Ся Цзэн-ю оказало дарвиновское эволюционное учение, положения к-рого кит. ученый пытался применить и к истории человечества. По его мнению, история всех стран мира была историей развития, а не утраты первозданного совершенства. Ся Цзэн-ю выделял три большие эпохи в истории Китая: глубокую древность (до III в. до н.э.), среднюю древность (III в. до н.э. — IX в. н.э.) и ближнюю древность (IX — нач. XX в.), к-рые, в свою очередь, подразделялись на семь периодов. Тем самым Ся Цзэн-ю выступил против учения традиционной кит. историографии о династийных циклах. Ся Цзэн-ю оставил также работы по каноноведению (**цзин-сюэ**; см. т. 1), традиции «школы канонов в новых знаках» (*цзиньвэньцзин-сюэ*) и **буддизму** (см. т. 1).

* *Ся Цзэн-ю.* Чжунго гудай ши (Древняя история Китая). Пекин, 1933. ** *Ли Кай-цзюнь.* Ся Цзэн-ю шэнцзу хэ чжуцзо цзянькао (Кратко о жизни и трудах Ся Цзэн-ю) // Вэньцзяо цзыляо. 2001, № 2; *Лю Гао.* Цяньси Ся Цзэн-ю вэньхуа сысян цзи ци инсян (К анализу идей Ся Цзэн-ю о культуре и их влиянии) // Бэйцзин шэхуй кэсюэ. 2001, № 3; Цяньтан Ся Цзэн-ю Суй-цин сяньшэн цзинянь вэньцзи (Сб. статей в память проф. Ся Цзэн-ю (Суй-цина) из Цяньтана). Тайбэй, 1998; *Чу Чжу-у, Тан Чэн.* Лиши цзяокэшу юй синь шисюэ: И Ся Цзэн-ю Лю Ши-пэй вэй чжунсинь таньтао (Учебники истории и новая историческая наука: Рассмотрение вопроса с акцентом на Ся Цзэн-ю и Лю Ши-пэя) // Хэбэй сюэкань. 2005, № 5; *Чэнь Е-дун.* Ся Цзэн-ю яньцзю (Исследования творчества Ся Цзэн-ю). Аомынь, 2001.

В.М. Майоров

«ТАН ЛЮЙ ШУ И»

唐律疏議

«Тан люй шу и» («Уголовные установления Тан с разъяснениями») — Танский кодекс. Один из наиболее известных памятников правовой мысли традиц. Китая, первый полностью дошедший до нас свод кит. уголовных законов.

Начало оформлению танского права положили приказы основателя танской династии Гао-цзу (618–627), когда он, взяв власть, повелел отменить все наиболее жестокие законы свергнутой им дин. Суй (581–618). Смертную казнь Гао-цзу оставил лишь для преступников, повинных в гос. измене, убийстве, грабеже и дезертирстве.

Затем началась поэтапная, занявшая неск. десятилетий работа над составлением нового уголовного кодекса; во главе ее в разное время находились сподвижник имп. Гао-цзу и глава Императорской канцелярии (*шичжун*) Лю Вэнь-цзин и зять второго танского имп. **Тан Тай-цзуна** (627–649), один из высших сановников страны, носивший титул Великого защитника (*тайвэй*), Чжансунь У-цзи. В 653 был создан окончательный вариант.

Кодекс «Тан люй шу и» состоит из 30 глав (цзюаней) и подразделен на 502 статьи, сведенные в 12 тематич. разделов: 1) «Наказания и нормы их применения» (*мин ли*). 57 статей. Цз. 1–6; 2) «Охрана и обеспечение запретов» (*вэй цзинь*). 33 статьи. Цз. 7–8; 3) «Служебные обязанности и порядок их исполнения» (*чжи чжи*). 59 статей. Цз. 9–11; 4) «Семья и брак» (*ху хунь*). 46 статей. Цз. 12–14; 5) «Государственные конюшни и хранилища» (*цзю ку*). 28 статей. Цз. 15; 6) «Самовластные мобилизационные действия» (*шань син*). 24 статьи. Цз. 16; 7) «Разбой и хищения» (*цзэй дао*). 54 статьи. Цз. 17–20; 8) «Драки и тяжбы» (*доу сун*). 60 статей. Цз. 21–24; 9) «Мошенничества и подлоги» (*чжа вэй*). 27 статей. Цз. 25; 10) «Разнородные уголовные установления» (*цза люй*). 62 статьи. Цз. 26–27; 11) «Задержания и побеги» (*бу ван*). 18 статей. Цз. 28; 12) «Судопроизводство и тюремное содержание» (*дуань юй*). 34 статьи. Цз. 29–30.

Первый раздел, самый большой (примерно пятая часть «Тан люй шу и»), дает сведения о видах основных (см. **У син**) и дополнительных (см. **Чу мянь**; **Гуань дан**) наказаний и об общих принципах их применения (напр., об ограничениях применения наказаний в связи с недееспособностью либо возрастом). В др. разделах разбираются конкретные типы преступлений и устанавливается их соответствие тем или иным наказаниям.

Всякое преступление мыслилось как акт, нарушающий гармонию мироздания, а наказание — как закономерный и естеств. отклик мироздания на него, поэтому тяжесть наказания должна была точно соответствовать тяжести преступления, чтобы неадекватный ответ не вызвал еще большей дисгармонии. Идея полной адекватности наказания и преступления — одна из основных теоретич. основ Кодекса. С целью ее практич. достижения был выработан ряд механизмов, порой достаточно сложных, т.к. требовалось учесть как конкретную специфику субъекта преступного деяния (возраст, дееспособность, социальное положение, наличие или отсутствие между преступником и жертвой родственных, семейных, служебных либо к.-л. иных субординативных связей, наличие или отсутствие у преступника престарелых родственников, нуждающихся в уходе, и пр.), так и конкретную ситуацию совершения преступления (было ли оно корыстным или бескорыстным, совершено ли в процессе осуществления служебных обязанностей или нет, совершено ли преднамеренно или случайно и пр.). Как и во всех достаточно развитых системах права, одно и то же деяние могло наказываться по-разному в зависимости от всех этих факторов. Требования высокой теории вызвали к жизни изощренную и для своего времени весьма гуманную практику. Танское право стремилось не столько карать преступное деяние (т.к. сделанного не поправишь), сколько исправлять преступные умонастроения.

Раскаяние преступника и исправление им содеянного (напр., возвращение украденной вещи ее истинному владельцу) рассматривалось как восстановление нарушенной гармонии, поэтому дальнейшего вмешательства карательных органов не требовалось, за исключением тех случаев, когда даже самое чистосердечное раскаяние не могло компенсировать ущерб. Преступления же

особенно нетерпимые, напр. антигосударственные, не могли быть компенсированы обычными мерами и требовали мер чрезвычайных, устрашающих, направленных на то, чтобы предостеречь народ на будущее, — таких мер, напр., как общесемейная ответственность (**юань цзо**).

Доносительство считалось естеств. поведением доброго подданного, но ложный донос наказывался применением к клеветнику того наказания, к-рое получил бы оклеветанный, если бы донос ошибочно был признан справедливым. Этот принцип носил название «обратной ответственности» (**фань цзо**). Он же распространялся и на судей, преднамеренно завысивших или занизивших человеку наказание по сравнению с полагающимся по закону.

Стремление сделать наказание максимально справедливым и максимально соответствующим конкретной персоне преступника (в т.ч. даже в духовной сфере) проявлялось в отсрочке наказаний беременным женщинам или тем, кто имел на своем попечении нуждающихся в уходе престарелых или больных родственников (если им грозило остаться без попечения в случае наказания совершившего преступление их кормильца), в предоставлении права на откуп от наказания определенным категориям лиц, напр. чиновникам или старикам, в том, что, если субъект и объект совершенного на территории Китая преступления принадлежали к одной и той же некит. народности, внешней по отношению к империи, преступник должен был быть осужден не по сформулированным в «Тан люй шу и» законам, а по законам своей страны, в предоставлении родственникам в случае совершения кем-л. из них преступлений малой и средней тяжести права не доносить друг на друга и даже укрывать друг друга от властей (**сян жун инь**), а также в ряде др. случаев.

«Тан люй шу и» подытожил многовековой процесс развития права в Китае, дал образец для всего дальнейшего правотворчества как в Китае вплоть до конца имперского периода (1911), так и для мн. стран, входивших в кит. культурный ареал (Япония, Корея, Вьетнам, Си Ся и пр.). В нем окончательно было преодолено изначально возникшее еще при зарождении филос. школ Китая в периоды Чунь-цю (VIII–V вв. до н.э.) и Чжань-го (V–III вв. до н.э.) противопоставление морали, отвергающей механич., нелицеприятный закон ради человечности, и закона, отвергающего беспомощную, субъективную мораль ради эффективности и единообразия. Ко времени дин. Тан закон оказался подчинен морали, а все аморальное стало уголовным, и этот принцип четко прослеживается в Кодексе от самых общих его принципов до самых детальных предписаний.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); Синь Тан шу (Новая история Тан). Т. 5. Пекин, 1975; Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цз. 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999; The T'ang Code. Vol. 1. General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979. ****** *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986.

В.М. Рыбаков

ТАН ТАЙ-ЦЗУН

唐太宗

Тан Тай-цзун, Тай-цзун [династии] Тан, Ли Ши-минь. 599, уезд Угун (совр. пров. Шэньси), — 28.05.649, Чанъань. Второй император дин. Тан (618–907), гос. деятель, полководец. Правил под девизом Чжэнь-гуань в 627–649. Второй сын Ли Юаня, первого танского имп. Гао-цзу (618–626). Мать Ли Ши-миня — дочь суйского аристократа тюркского происхождения Шэньу-гуна Доу И. В 613 Ли Ши-миня женили на представительнице клана Чжансунь, восходящего к имп. роду Тоба гос-ва Сев. Вэй (386–534). От брака с ней у Ли Ши-миня было четверо детей, в т.ч. Ли Чжи (имп. Гао-цзун, прав. 650–683). Всего у Тай-цзуна было 14 сыновей и 21 дочь.

Уже в юном возрасте Ли Ши-минь проявил незаурядные личные качества и талант полководца. В 8-м месяце 615 благодаря блестяще проведенной им

операции был спасен суйский имп. Ян-ди (605–617), атакованный и осажденный конницей Шиби-кагана в небольшом приграничном г. Яньмэнь. После назначения Ли Юаня наместником (*люшоу*) Тайюани в 617 Ли Ши-минь, последовавший за отцом, принимал активное участие в подавлении повстанческих сил в Шаньси. В соответствии с анналами династийных историй, именно он убедил своего нерешительного отца поднять восстание против правящей дин. Суй (581–618). После начала Тайюаньского восстания 27 авг. 617 Ли Ши-минь активно участвовал в боевых действиях танской армии — т.н. Справедливого воинства (*И бин*). Достигнутые под его рук-вом победы над Сюэ Цзюем и Сюэ Жэнь-го в 618, Лю У-чжоу в 619–620, Ван Ши-чуном и Доу Цзянь-дэ в 620–621, Лю Хэй-та в 621–623 обеспечили объединение Китая под эгидой дин. Тан. Слава блестящего полководца досталась Ли Ши-миню вполне заслуженно: он был отважен, удачлив, обладал способностями стратега. Крупные военные успехи способствовали его личному возвышению: Гао-цзу, вступивший на престол 30 мая 618, даровал ему титул *Цинь-ван*, почетные воинские звания гл. воеводы (*тайвэй*) и военного посланника (*шичицзе*), назначил главой Кабинета министров (*Шаншулин*), наместником округа (*дасинтай*) Шэньдундао, а также управителем ряда областей, охватывавших значительную часть Великой Китайской равнины. В 621 Гао-цзу учредил для Ли Ши-миня особый титул — Генерал Небесной стратегии (*Тяньцэ шанцзян*).

В 618–626 *Цинь-ван* Ли Ши-минь, облеченный большой военной властью, сумел сплотить под своим началом многих одаренных генералов: Цзун Ло-хоу, Ди Чжан-суня, Юйчи Цзин-дэ, Цинь Шу-бао, Чэн Чжи-цзэ. Будучи наместником обширной территории, охватывавшей почти полностью земли совр. провинций Хэнань и Хэбэй, а также часть пров. Шаньси, Ли Ши-минь выполнял важные хоз.-администр. функции. В 621 он учредил Литературную палату (*Вэньсюэгуань*), выполнявшую роль совещательного органа при его персоне. В палату были приглашены 18 компетентных ученых мужей (*сюэ ши*): Ду Жу-хуй, Фан Сюань-лин, Юй Чжи-нин, Су Ши-чжан, Сюэ Шоу, Чу Лян, Яо Сы-лянь, Лу Дэ-мин, Кун Ин-да, Ли Сюань-дао, Ли Шоу-су, Юй Ши-нань, Цай Юнь-гун, Янь Сян-ши, Сюй Цзин-цзун, Сюэ Юань-цзин, Гай Вэнь-да, Су Сюй.

Полит. амбиции и возвышение Ли Ши-миня не могли не внушать опасений его старшему брату наследнику престола Ли Цзянь-чэну, старшему сыну имп. Гао-цзу. Военные заслуги, талантливое окружение *Цинь-вана*, почести, к-рые ему оказывал отец, вызывали болезненную ревность наследника, изображенного в офиц. источниках распущенным, праздным и порочным. С годами соперничество братьев усилилось. В конце 622 Ли Цзянь-чэн сблизился с др. братом Ли Юань-цзи, к-рый стал открыто его поддерживать против Ли Ши-миня. Длившаяся в течение почти 4 лет борьба за престолонаследие завершилась 26 июля 626 вооруженным столкновением у северных ворот Сюаньумэнь дворцового комплекса Тайцзигун в Чанъани, когда Цзянь-чэн и Юань-цзи были убиты Ли Ши-минем и его сторонниками. На третий день после переворота Гао-цзу возвел Ли Ши-миня в ранг наследника престола (*хуан-тайцзы*), а спустя еще два месяца отрекся в его пользу, приняв титул Божественный удалившийся император (*Тай-шан-хуан*). 25 сент. 626 во дворце Сяньдэдянь в Чанъани состоялась церемония инаугурации Ли Ши-миня, принявшего девиз правления Чжэнь-гуань — «Истинное рассмотрение».

Преобразования Тай-цзуна в сфере управления состояли в развитии структур, сложившихся при дин. Суй и в правление Гао-цзу. В гос. устройстве сохранялась система Трех управлений (*сань шэн*): Кабинета министров (*Шаншушэн*), Гос. секретариата (*Чжуншушэн*) и Императорской канцелярии (*Мэньсяшэн*). Уточняя задачи и роль Гос. секретариата и Императорской канцелярии, Тайцзун стремился придать им характер взаимозависимых учреждений, задачей к-рых было составление и согласование текстов имп. указов. Важнейшая заслуга Тай-цзуна состояла в формализации полит. отношений: отлаженная придворная совещательная деятельность в период Чжэнь-гуань стала существ. механизмом, обеспечивавшим полит. согласие и регулировавшим

скрытое напряжение внутри правящего класса. Император создал большое кол-во коллегиальных совещательных органов для обсуждения важнейших полит. дел. Регулярно 1-го и 15-го числа каждого месяца он приглашал чиновников выше 9-го ранга для обсуждения вопросов текущей политики в зале Тайцзидянь дворцового комплекса в Чанъани. В 627–639 проводились ежедневные аудиенции в зале Лянъидянь для сановников выше 5-го ранга, в 639–649 их проводили 1 раз в 3 дня. Еще один совещательный орган составляли главы Трех управлений, собиравшиеся, как правило, ежедневно в зале Чжэншитан. Два помощника главы Кабинета министров и шесть министров составляли совет из «восьми сидельцев (заседателей)» (*ба цзо*) и время от времени созывались Тай-цзуном для рассмотрения дел управления. Перечисленные неформальные совещательные органы фактически имели характер постоянных учреждений. Придворная совещательная практика давала возможность императору, устанавливавшему периодичность и состав участников аудиенций, гибко проводить политику управления и обосновывать главнейшие свои решения не произволом, а необходимостью, признанной и поддержанной большинством сановников. В то же время совещательная деятельность позволяла полит. оппозиции добиваться от монарха шагов, соответствовавших ее интересам, как это, в частности, проявилось в отношении удельных пожалований. Создание системы родственных уделов по древним чжоуским образцам Тай-цзун считал важнейшим условием для сохранения власти танского дома на всей территории Китая и для формирования верного правящей династии привилегированного сословия. В свое время имп. Гао-цзу, стремясь ослабить старую аристократию на местах, пожаловал титулами князей (*цинь-ван* и *цзюнь-ван*) неск. десятков своих родственников. Но эти титулы в большинстве своем были номинальными, и их присвоение не сопровождалось передачей во владение земель. Границы уделов в нач. Тан, как правило, совпадали с территориями областей и уездов, а обладатели титулов должны были выполнять функции областных и уездных начальников. С кон. 626 Тай-цзун предпринимал шаги по замене номинальных пожалований действительными и пытался поставить уделы в прочную зависимость от центр. власти. Придворные дискуссии 628–629 и 637 заставили Тай-цзуна отказаться от первонач. намерения полностью раздать территорию Китая в уделы родственникам: слишком сильным оказалось противодействие высш. бюрократии.

В правление Тай-цзуна большое упорядочение и развитие получила система экзаменов на чин как эффективное средство отбора на гос. службу. По распоряжению Тай-цзуна были основаны Школа каллиграфии (*Шу-сюэ*) в 628 и Школа права (*Люй-сюэ*) в 632. Контроль над учебными заведениями осуществлялся Ведомством гос. училищ (*Гоцзыцзянь*). Подготовленные под надзором гос-ва кандидаты участвовали в столичных экзаменах, проводившихся почти ежегодно. Много внимания уделялось систематизации канонич. произведений: было осуществлено издание классич. «Пятикнижия с выправленными комментариями» («У цзин чжэн и»; см. **«У цзин» [2]** в т. 1). Комиссия историографов во главе с **Вэй Чжэном** работала над составлением историй пяти династий, сменивших друг друга в Китае в эпоху между Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) и Тан. Были составлены своды «И вэнь лэй цзюй» («Литературный свод», 624), «Вэнь сы бо яо» («Энциклопедия литературы», 641), «Синь ли» («Новый ритуал», 627). При этом танское гос-во, стремясь к устойчивости и влиянию, оказывало знаки внимания всем «трем учениям» (**сань цзяо**) — **конфуцианству**, **даосизму** и **буддизму** (все ст. см. в т. 1), составлявшим неотъемлемые части синкретич. мировоззрения об-ва. По распоряжению Тай-цзуна проводились буд. молебны в столице, наиболее значительными из к-рых были: в 626 в память всех тех, кто был убит его рукой во время военных походов, и в 642 в память его матери. Тай-цзун встречался со знаменитым паломником **Сюань-цзаном** (600–664; см. т. 2), в 636 по приказу императора наследный принц присутствовал на похоронах наставника Сюань-юаня (562–636), в столице создавались буд. храмы, имп. б-ки пополнялись буд. сочинениями. Личное отношение Тай-цзуна к буд. учению не было однозначным и менялось

с годами. В 637 Тай-цзун издал эдикт, предоставлявший даосам более почетное положение по сравнению с буд. духовенством на офиц. церемониях. Данное решение было связано с офиц. признанием легенды о происхождении царствующего рода Ли от Великого Ли Эра — **Лао-цзы** (см. т. 1).

Большие усилия государь направлял на восстановление подорванной многолетними войнами экономики страны. Предпринимал меры, направленные на поощрение обработки пустошей. Танское законодательство позволяло земледельцам в «просторных деревнях» (*куань сян*) занимать участки выше установленной нормы. В стране повсеместно строились ирригационные сооружения, было проложено более 446 *ли* оросительных каналов. В результате целенаправленной демограф. политики к концу периода Чжэнь-гуань общее кол-во податных дворов Поднебесной составило около 3 млн. 800 тыс. Для того чтобы стимулировать развитие земледелия, в 629 Тай-цзун восстановил имевшую огромный культовый смысл церемонию вспашки первой борозды (**гэн цзи**; см. т. 2); в последний раз она проводилась во времена Вост. Цзинь (317–420). Развитие экономики, упорядочение территориально-администр. управления, фиска, законодательства (см. **«Тан люй шу и»**), системы гос. экзаменов, унификация в области идеологии и культуры были проявлением стабилизации танского режима. По мере разрешения внутр. проблем Тай-цзун все больше внимания начинает уделять совершенствованию и усилению армии. В орг-ции армии с 543 использовалась система военных подразделений (*цзюньфу*). Военная власть на местах была сосредоточена в военно-администр. управах (*цзунгуаньфу*). Воины-*фубин*, входившие в эти подразделения, в мирное время занимались сельскохозяйств. трудом, а в течение одного месяца в году несли охранную службу. Воинская повинность возлагалась на мужчин в возрасте от 20 до 60 лет. К 636 общая численность воинов-*фубин* составила 600 тыс. Широкое распространение в нач. Тан получила система наемников-*мубин*: в армии Тай-цзуна их насчитывалось ок. 100 тыс.

В нач. периода Чжэнь-гуань наиболее сильным противником Китая был Восточнотюркский каганат. Осенью 626 Сели-каган и его племянник Тули-каган вторглись в Шэньси и дошли до Чанъани. Тай-цзун, не имевший в тот период сил для ведения войны, был вынужден от них откупиться. Вскоре внутр. единство вост. тюрков было подорвано: в 627 произошло восстание ряда зависимых от каганата племен, и разгорелась вражда между Сели и Тули. Последний обратился к Китаю с просьбой о военной помощи. Тай-цзун оставил просьбу без внимания и продолжал мирными дипломатич. средствами добиваться раскола каганата. Только в кон. 629, после признания Сели-каганом сюзеренитета Китая, он направил на север 100-тыс. армию генералов Ли Цзи и Ли Цзина. В результате была присоединена большая территория на севере от гор Иньшань до пустыни Гоби, а весной 630 главы племен прибыли в Чанъань с изъявлением покорности и просьбой к Тай-цзуну принять титул Небесного кагана (*Тянь кэхань*), означавший сюзеренитет кит. императора над всеми тюрками.

После победы над вост. тюрками внеш. политика танского гос-ва стала более активной. В 634 обширный Западнотюркский каганат раскололся на два племенных союза, занимавших территории к востоку и западу от р. Или. В конечном итоге при содействии Тай-цзуна Западнотюркский каганат был объединен главой одного из племенных союзов, изъявившим покорность Китаю. Важными объектами завоевательных войн при Тан стали государства-оазисы в Турфанской низменности, через к-рые пролегали торговые пути на запад. В 639–640 кит. армией было побеждено гос-во Гаочан (Каракоя), в 644 завоеваны Яньци (Карашар) и Цюцы (Куча). Покорность кит. императору изъявили Шулэ (Кашгар), Юйтянь (Хотан), Шачэ (Яркенд). В 648 в Чанъань прибыли послы киргизов, земли к-рых были также объявлены частью империи. Менее удачными оказались войны на востоке. В 643 гос-во Когурё напало на царство Силла, находившееся на юге Корейского п-ова, и захватило территорию, по к-рой проходила дорога в Чанъань. Тай-цзун объявил о начале карательного похода против Когурё и во главе большой армии, поддержанной

флотом, лично выступил в поход. В Южной Маньчжурии кит. войско понесло большие потери и не сумело пройти в глубь п-ова ни во время первого похода в 645, ни во время второго — в 647. На лето 649 Тай-цзун наметил еще один поход против Когурё, но незадолго до него, 28 мая 649, скончался.

Правление Тай-цзуна по праву считается одним из наиболее ярких периодов в кит. истории, отличавшимся экономич. расцветом, полит. могуществом и блестящими достижениями культуры. Именно в это время Кит. империя сумела в наибольшей степени реализовать свои геополитические возможности и распространить свое влияние на огромную территорию в Вост. Азии. Наименование *Чжэнь-гуань чжи чжи* («порядок [периода] Чжэнь-гуань») стало нарицательным для обозначения совершенного гос. управления. Полит. доктрина Тай-цзуна была изложена им самим в ряде произведений, в т.ч. в его полит. завещании «**Ди фань**» («Правила императоров»).

***** *У Цзин.* Чжэнь-гуань чжэн яо (Основы управления [периода] Чжэнь-гуань). Шанхай, 1936 (СББЯ; Т. 1159–1162); Тан Тай-цзун цюань цзи (Полн. собр. соч. танского Тай-цзуна) / Ред. У Юнь, Цзи Юй. Тянь-цзинь, 2004; *Танский Тай-цзун.* Правила императоров / Пер., предисл. и коммент. И.Ф. Поповой) // ПВ. 1995, вып. 7, с. 42–73. ****** *Попова И.Ф.* Административные и правовые установления танского государства для окраинных территорий // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004, с. 721–728; *она же.* Военно-политическая доктрина танского Тай-цзуна (627–649) // XX НК ОГК. Ч. 2. 1989, с. 116–120; *она же.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999; *она же.* «Правила императоров» танского Тай-цзуна и «Государь» Н. Макиавелли // Восток–Запад: Ист.-лит. альманах, 2003–2004. М., 2005, с. 191–203; *Вань Цзюнь.* Тан Тай-цзун. Шанхай, 1955; *Ли Тан.* Тан Тай-цзун. Тайбэй, 1978; *Сэйкэ Эйдзабуро.* То но Тай сю (Танский Тай-цзун). Токио, 1950; *Чжао Кэ-яо, Сюй Дао-сюнь.* Тан Тай-цзун чжуань (Биография танского Тай-цзуна). Пекин, 1987; *Чэнь Фэй.* Тан Тай-цзун. Тайбэй, 1995; *Юй Лин.* Тан Тай-цзун Ли Ши-минь. Тайбэй, 1997; *Fitzgerald C.P.* Son of Heaven: A Biography of Li Shih-min, Founder of the T'ang Dynasty. Cambr., 1933; *Twitchett D.* How to Be an Emperor: T'ang T'ai-tsung: Vision of His Role // Asia Major. 3d ser. 1996, vol. 9, pt 1–2, p. 1–102; *idem.* T'ang Imperial Family // Asia Major. 1994, vol. 7, pt 2, p. 1–61.

И.Ф. Попова

ТАН ЧАН-ЖУ

唐長儒

Тан Чан-жу. 07.1911, уезд Уцзян пров. Цзянсу, — 10.1994, Пекин. Историк, преподаватель истории, редактор и комментатор ист. материалов. Окончил Шанхайский ун-т Датун в 1932, работал в высшей школе. С 1944 преподавал на ист. ф-те Уханьского ун-та. После 1949 зав. каф. др.-кит. истории, истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий, декан ист. ф-та, директор Ин-та Китая III–IX вв. Уханьского ун-та, по совместительству — старший науч. сотрудник Ин-та истории АН Китая и зав. кабинетом древних письменных памятников Гос. управления памятников культуры.

Науч. карьеру начинал с исследования истории гос-в Ляо, Цзинь и дин. Юань. Наибольшую известность Тан Чан-жу принесли работы по истории раннего средневековья Китая (III–IX вв.), гл. обр. по социальной истории. Считался одним из ведущих специалистов в КНР по этому периоду. Опубликовал значит. число работ, многие из к-рых сохранили науч. актуальность. Для Тан Чан-жу была характерна тщательная источниковедческая подготовка исследований. В 1975 по инициативе Тан Чан-жу и под его рук-вом началась работа по сохранению и описанию письменных памятников, обнаруженных в Турфане. Результатом этой работы стала 10-томная публикация материалов, датируемых III–VIII вв., к-рая значительно расширила объем источников по указанному периоду кит. истории.

***** *Тан Чан-жу.* Вэй Цзинь Нань-бэй-чао ши луньцун (Сб. статей по истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий). Пекин, 1955; *он же.* Сань чжи лю шицзи Цзяннань да туди соючжи ды фачжань (Развитие крупной земельной собственности в Южном Китае в III–

VI вв.). Шанхай, 1957; *он же.* Тан шу бин чжи цзяньчжэн (Комментарии и исправления к разделу «Описание войска» «Истории Тан»). Пекин, 1957; *он же.* Вэй Цзинь Нань-бэй-чао ши луньцун сюйбянь (Сб. статей по истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий. Продолжение). Пекин, 1959; то же. Дополнения. Пекин, 1983; *он же.* Тан Чан-жу вэньцунь (Сб. статей). Шанхай, 2006; *он же* (гл. ред.). Тулуфань чуту вэньшу (Документы из раскопок Турфана): В 10 т. Пекин, 1981–1990; *он же* (гл. ред.). Дуньхуан Тулуфань вэньшу чутань (Предварительный анализ документов Дуньхуана и Турфана). Ухань, 1983. ** *Моу Фа-сун.* Тан Чан-жу сяньшэн юй Вэй Цзинь Нань-бэй-чао ши яньцзю (Проф. Тан Чан-жу и исследование истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий) // Хуайинь шифань сюэюань сюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 2005, № 5; *Чжан Гун.* Таньсо Чжунго гудай шэхуй ды «ячжоу син» тэчжэн: Ду Тан Чан-жу ши луньчжу бицзи (Обсуждение «азиатского типа» древнекитайского общества: Записки, сделанные при чтении работ проф. Тан Чан-жу) // Там же.

В.М. Майоров

ТАНЬ СЫ-ТУН

譚嗣同

Тань Сы-тун, Тань Фу-шэн, прозв. Чжуан-фэй. 10.03.1865, Пекин, — 28.09.1898, Пекин. Мыслитель, философ, поэт. Известен прежде всего как активный участник группировки при императорском дворе, члены к-рой в 1898 в течение 103 дней получили от имп. Дэ-цзуна (**Цзай Тянь**; прав. под девизом Гуан-сюй в 1875–1908) карт-бланш на проведение радикальных преобразований сверху, — событие, вошедшее в историю Китая как *у-сюй бянь фа* («изменение законов [года] *у-сюй*»), в рос. историографии — «сто дней реформ» (11.06.–20.09.1898).

Родовым гнездом Тань Сы-туна был г. Люян (пров. Хунань). Рос в семье потомственных ученых и чиновников: его отец в 1889 дослужился до должности губернатора пров. Хубэй. С пяти лет он получал систематич. образование. Тем не менее шесть попыток сдать гос. экзамены окончились неудачей. Детство его было омрачено строгостью отца, бесправием матери и ранней ее смертью, злобой мачехи, в этом нек-рые историки усматривают психологич. мотивы его дальнейших поступков. Он сумел оправиться от дифтерии, унесшей в его семье неск. жизней, после чего отец дал ему второе имя Фу-шэн (Вновь рожденный). С 1877 отец служил в пров. Ганьсу, Тань Сы-туну пришлось 5 раз преодолевать путь от родной пров. Хунань до столицы Ганьсу г. Ланьчжоу. Он познакомился с жизнью разных частей Китая и полюбил путешествия. В 1884 получил должность при ставке губернатора пров. Синьцзян. Через год оставил работу и 10 лет странствовал по Китаю, посетил даже Тайвань. В Хубэе отец представил его влиятельному сановнику **Чжан Чжидуну**, отвечавшему в провинции за проведение в жизнь политики «самоусиления» путем заимствования «заморских» образцов. После этого Тань Сы-тун заинтересовался естеств. науками и устройством зап. об-ва. Поражение Китая в войне с Японией 1894–1895 стало переломным пунктом в формировании личности Тань Сы-туна. Он сам писал, что в 30 лет так резко изменился, что можно говорить о двух разных людях. С этого времени он взял себе прозв. Чжуан-фэй (Полет повзрослевшего), заимствованное у ханьского мыслителя **Ян Сюна** (см. т. 1, 3). Как и у многих его современников, ощущение нац. позора совместилось у него с убеждением в необходимости следовать по стопам Японии в деле освоения зап. ценностей и технических достижений. Решив, что реформирование Китая надо начинать с малого, он в 1895 в Люяне создал «Общество учебы» (*Сюэхуй*), где читал лекции о зап. науках, а также открыл Училище повышения квалификации по математике (*Суаньсюэ гэчжи гуань*). По протекции отца в 1896 в Нанкине он получил место кандидата на должность при областном пр-ве, но вместо службы стал изучать **буддизм** (см. т. 1) и завершил работу над философско-полит. трактатом **«Жэнь сюэ»** («Учение о гуманности»; см. т. 1; рус. пер.: 1961).

В 1897 он ищет возможности встретиться с признанным идеологом реформ **Кан Ю-вэем** (см. также т. 1), но знакомится лишь с его учеником — **Лян Ци-чао** (см. также т. 1), с к-рым сразу же находит взаимопонимание. В том же году его приглашает в г. Чанша губернатор пров. Хунань Чэнь Бао-чжэнь для участия в проведении реформ. Одновременно назначение на должности получают др. сторонники зап. нововведений, в т.ч. **Хуан Цзунь-сянь** (см. т. 3) и Лян Ци-чао. Тань Сы-тун налаживает выпуск первой в Хунани газ. «Сян сюэ синь бао» («Новая учебная газета Хунани»), возглавляет *Наньсюэхуй* («Южное об-во учебы»; др. пер. — «Южное науч. об-во»). В Пекине с 11 июня по 20 сент. 1898 имп. Дэ-цзуном подписаны составленные реформаторами указы, призванные обновить Китай. Из-за болезни Тань Сы-тун смог выехать в Пекин только в конце авг. (по др. версии — в нач. сент.). Все реформаторы получили высокие должности при дворе. Тань Сы-туна император назначил секретарем 4-го ранга при высшем полит. органе страны **Цзюньцзичу** (Военный совет). Реформаторы замышляли покушение на императрицу-регентшу **Цы Си**, державшую в своих руках реальные бразды правления страной. Тань Сы-туну было поручено встретиться с предполагаемым союзником — влиятельным царедворцем и командующим армией **Юань Ши-каем**. Тань Сы-тун доверчиво изложил план убийства Цы Си и получил заверения в поддержке, после чего его собеседник известил об этом саму правительницу. Она отстранила императора от дел и приказала схватить реформаторов. Тань Сы-тун, имевший возможность скрыться, сознательно отказался бежать и спокойно отдал себя в руки врагов. Он писал: «На протяжении двухсот лет в нашей стране не было никого, кто бы пролил кровь во имя изменения законов для народа, пролитие крови прошу начинать с меня, с Сы-туна». Шесть участников движения были схвачены и казнены. Одним из них был Тань Сы-тун. В ист. книгах их называют *у-сюй лю цзюнь цзы* («шесть благородных мужей года *у-сюй*»; см. **цзюнь цзы** в т. 1). Гибель Тань Сы-туна получила широкий резонанс, а его образ стал символом верности идеалам для последующих поколений борцов за новый Китай.

Лит. наследие Тань Сы-туна помимо гл. труда «Жэнь сюэ» в 2 разд. и 50 главах, опубликованного лишь после смерти автора, составляют более 200 стихотворений, письма, статьи, выступления. Его поэтич. тв-во также признано началом «революции в области стиха». Истоками его мировоззрения была классическая кит. лит-ра, входившая в обязательную учебную программу. Для него авторитетами также были **Мо Ди**, **Чжуан-цзы**, учение к-рого он считал одной из ветвей **конфуцианства**, из авторов более близкого времени — **Хуан Цзун-си**, **Ван Фу-чжи**, резко отрицательно он относился к идеям **Лао-цзы** и **Сюнь-цзы** (все ст. см. т. 1). Его буд. взгляды складывались под влиянием трех школ: **хуаянь-цзун**, **чань-сюэ** и **вэйши-цзун** (все ст. см. т. 1) . Кроме того, в круг его чтения входила лит-ра о естеств. и обществ. науках Запада. Не зная иностр. яз., он черпал информацию из лит-ры христианских миссионеров и книг, издававшихся шанхайским *Цзяннань чжицзао цзюй* (Цзяннаньское бюро по производству механизмов) — гос. учреждением, созданным в 1865 сановниками Цзэн Го-фанем и **Ли Хун-чжаном**. Он изучал опыт борьбы *тайпинов* и тайно читал антиманьчж. лит-ру. Его произведения, публиковавшиеся при жизни и после его гибели, свидетельствуют о том, что он был оригинальным мыслителем. Нек-рые исследователи (Ян Чжэн-дянь) считают, что как политик он был гораздо радикальнее Кан Ю-вэя и значительно превзошел последнего как философ. Сам Тань Сы-тун претендовал на создание новой школы, суть к-рой формулировал языком кит. махаяны (**да шэн**; см. т. 2) — «не Китай и не Запад, при поддержке Китая и поддержке Запада».

Его полит. заявления были полемически острыми, но вряд ли могут считаться аналитически безупречными. Трудно согласиться с его утверждением о том, что в течение 20 веков в Китае были лишь разбойники да лицемеры: «Двухтысячелетнее правление было правлением [династии] Цинь, и все были крупными разбойниками. Двухтысячелетнее учение было учением Сюнь-цзы, и все были лицемерами. Только крупным разбойникам выгодно использовать

лицемеров, только лицемеры искусны в пресмыкательстве перед крупными разбойниками».

В контексте нынешних дискуссий о единстве мира и глобализации пророчески звучат слова Тань Сы-туна о необходимости объединения отсталых стран, к-рые он называл «больными», с такими передовыми странами, как Англия, Америка, Германия, Франция, во имя решения общечеловеческих задач. Этот порядок, по его мнению, станет олицетворением гуманности (**жэнь [2]**; см. т. 1), а также буд. тезиса о том, что «одно входит во все; все входит в одно». Теоретически он отвергал гос-во как институт, мешающий объединению человечества. Он писал: «Смысл Великого единения (**да тун**; см. т. 1) в том, чтобы между небом и землей не возникали гос-ва». Но пока гос-во существует, оно должно опираться на народ, к-рый является его «корнем». Высоко ценя **Конфуция**, он выступал против конф. моральных норм современного ему об-ва, считая их позднейшим извращением идей Учителя.

Отсутствие полит. опыта сказалось на его предложениях по текущей политике страны: продать Тибет России, Синьцзян — Англии, а на вырученные деньги усилить Китай. Хотя первые книги зап. ученых по математике, астрономии переводились в Китае еще при дин. Мин, Тань Сы-тун как бы открывал все заново. На лекциях рассказывал о том, что «зап. люди считают, что земля круглая» или «зап. люди считают, что внизу — земля, а наверху воздух (**ци [1]**; см. т. 1)».

Историки называют Тань Сы-туна реформатором, просветителем, патриотом, буржуазным мыслителем, борцом с феодализмом. Однако ни одно из этих определений не является, по-видимому, достаточным, учитывая, что он не только нес знания народу, но и распространял идеи зап. колонизаторов; что в его планы входило ускорение развития Китая путем присоединения к Японии; что конечную цель развития об-ва он представлял себе как растворение его материальной составляющей в «едином сердце/сознании» (*и синь*) в буд. смысле этого термина. Неоднозначность его деятельности и идей объясняет то, что его оценка в истории кардинально менялась. В сер. XX в. деятельность Тань Сы-туна и его соратников рассматривалась как «проимператорское движение». Сейчас в историографии КНР его оценивают в свете политики реформ и открытости внешнему миру и проводят прямую линию от реформаторов конца XIX в. к совр. полит. курсу. В этом контексте Тань Сы-тун оказывается предвозвестником совр. экономич. роста и полит. развития Китая. Его произведение «Жэнь сюэ» считается образцом успешного синтеза кит. и зап. идей на поле кит. культуры.

См. также ст. **Тань Сы-тун** в т. 1 и 3.

***** Тань Сы-тун цюаньцзи (Полн. собр. соч. Тань Сы-туна): В 2 т. Пекин, 1981; *Тань Сы-тун.* Беспокойство за судьбу родины: Ответ Бэй Юань-чжэну // Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени. М., 1961, с. 214–242; *он же.* Учение о гуманности // Там же, с. 242–286. ****** *Стабурова Е.Ю.* Утопия Тань Сы-туна // Китайские социальные утопии. М., 1987; *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века. 2-е изд., доп. М., 1980; *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. М., 1965; *Вэй Дэ-дун.* Лунь Тань Сы-тун ды чэн жэнь линянь (Идеи Тань Сы-туна о создании *жэнь*) // Чжэсюэ юй вэньхуа. 1999, т. 26, № 8; *Ли Вэнь-хай.* Шицзи чжи цзяо ды вань Цин шэхуй (Связанное с веком позднецинское общество). Пекин, 1995; *Лян Ци-чао.* Цин дай сюэшу гайлунь (Очерк учений цинской эпохи). Пекин, 1996; *Чжан Чун-бо.* Тань Сы-тун // Чжунго цзиньдай чжумин чжэсюэцзя пинчжуань (Биографии с комментариями знаменитых философов Китая Нового времени). Т. 1. Цзинань, 1982; *Ян Чжэн-дянь.* Тань Сы-тун — цзиньдай Чжунго цимэн сысянцзя (Тань Сы-тун — мыслитель просвещения Китая Нового времени). Ухань, 1957.

Е.Ю. Стабурова

谈遷

Тань Цянь, Тань И-сюнь, Тань Гуань-жо, Тань Жу-му. 1594, Хайнин (совр. пров. Чжэцзян), — 1657. Один из крупнейших историков, в своем тв-ве воплотивший новые тенденции ист. науки императорского Китая на рубеже XVI–XVII вв. Автор «Го цюэ» («Оценка событий нашей династии») — единственного неофиц. сводного труда по истории дин. Мин (1368–1644).

Родился в ученой, но небогатой семье. Несмотря на рано проявившиеся способности и интерес к наукам, он не смог сдать гос. экзамены, на гос. службе не состоял и к ученой элите не принадлежал. На жизнь вынужден был зарабатывать в качестве домашнего учителя либо секретаря у знатных особ. Как и многие его современники, Тань Цянь был озабочен состоянием дел в империи, переменами, к-рые стремительно разрушали привычный уклад жизни. Пытаясь понять происходящее, он берется за написание труда по истории правящей династии. Ничего подобного минскими историками к нач. XVII в. создано не было: попытки властей создать офиц. историю успехом не увенчались («История [династии] Мин» — **«Мин ши»** была создана только в 1679–1739). Написать неофиц. труд было чрезвычайно трудно, и к тому же делать это было запрещено. Но в 1-й пол. XVII в. деградирующая власть уже плохо контролировала ситуацию в империи, и многие историки, пренебрегая существующими нормами, обратились к истории династии. Однако на создание ее сводной истории рискнули немногие: обстановка в стране не располагала к систематич. и длительной работе — в условиях безвременья это было не только трудно, но и крайне опасно. Впрочем, трудности не испугали Тань Цяня, в нач. 1620-х он приступил к реализации своего замысла, и это стало смыслом всей его жизни. Очевидно, к тому времени он сумел заручиться поддержкой нек-рых влиятельных лиц, что открыло ему доступ в крупные б-ки и несколько облегчило работу.

Стремясь максимально полно осветить историю династии, Тань Цянь использовал все доступные ему труды на эту тему, но гл. источником фактич. материала для него стали «правдивые записи» (**ши лу**) о делах правления минских императоров, к-рые, хотя и считались секретными гос. документами, в то время распространялись в списках и имелись в некоторых частных б-ках. К 1626 первый вариант текста был готов, однако Тань Цянь считал необходимым описать не только прошлое, но и те драматич. события, очевидцем к-рых он был. Тем временем династия пала, и это придало работе историка новый смысл, он упорно продолжал ее, несмотря на строжайший запрет цинских властей на неофиц. труды по истории дин. Мин, особенно последних десятилетий ее правления. Для сбора необходимой информации Тань Цянь добился расположения одного из крупных чиновников при дворе южноминского правителя Фу-вана и в качестве его секретаря побывал в Нанкине.

В 1647 рукопись, над к-рой Тань Цянь работал более 20 лет, похитили. Но остались собранные материалы, и он принялся восстанавливать утраченный текст, одновременно пополняя его все новыми данными. Беспримерное трудолюбие и целеустремленность позволили ему к нач. 1650-х эту работу в основном завершить, однако, когда представился случай, Тань Цянь устроился секретарем к молодому, но влиятельному цинскому сановнику и вместе с ним отправился в Пекин, где, встречаясь с очевидцами и участниками событий, крупными учеными, продолжал собирать сведения о последних днях дин. Мин. Закончить и издать свой труд Тань Цянь так и не сумел: в 1656, отправившись по служебным делам на юг, он заболел и вскоре умер. Оставшиеся рукописи чудом избежали цинской цензуры, были сохранены близкими Тань Цяня и дошли до наших дней. В 1958 его труд «Го цюэ» увидел свет. Это один из пяти сводных трудов по истории дин. Мин, подготовленных в императорском Китае, и единственный, выполненный вне рамок офиц. историописания. Его общий объем 108 цз., 4300 тыс. иероглифов, 6 огромных томов напечатанного типографским способом текста, где в летописной форме повествуется о событиях, происходивших в Китае с 1328 по 1645. Особенно обстоятельно, с привлечением малодоступных для совр. историка источников, Тань Цянь описал события последних десятилетий правления дин. Мин — им посвящен весь 6-й том.

Совр. кит. историки чрезвычайно высоко оценивают науч. подвиг Тань Цяня. Особенно большой вклад в изучение его тв-ва внес **У Хань** (1909–1969; см. также т. 3) — один из крупнейших историков КНР, павший жертвой **«культурной революции»**.

* *Тан Цянь.* Го цюэ (Оценка событий нашей династии). Пекин, 1958. ** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, указ.; *Чэнь Цин-цюань.* Тань Цянь // Чжунго шисюэцзя пинчжуань (Биографии китайских историков). Т. 2 / Чэнь Цин-цюань и др. Чжунчжоу, 1985, с. 763–789: Dictionary of Ming Biography, 1368–1644. Vol. 2 / Ed. by L.C. Goodrich. N.Y.–L., 1976, p. 1239–1242.

Б.Г. Доронин

«ТАН ЮЙ ЛИНЬ»

唐語林

«Тан юй линь» («Лес преданий [периода] Тан», прибл. 1106). Сборник разных заметок в 8 цз. Относится к жанру **бицзи** (см. т. 3). Бóльшая часть материала касается различных сторон истории, истории культуры, лит-ры, политики, управления гос-вом, быта и нравов периода Тан (618–907), эпизодов из жизни известных людей, императоров и пр. Встречаются также заметки о водном транспорте, джонках и мореходных кораблях, о явлениях из области физики, математики и мн. др. Составитель — Ван Дан (1050? — после 1110), второе имя Чжэн-фу, родом из Чанъани; был зятем крупного гос. и полит. деятеля, министра Люй Да-фана (1027–1097).

В «Тан юй линь» включены заметки из 50 сочинений периода Тан (618–907), многие из к-рых не дошли до наших дней. Сборник существовал еще в нач. периода Мин (1368–1644), но затем его полный текст был утрачен. Сохранились лишь 2 цз. в минском издании (1522), к-рые соответствуют содержанию первых 4 цз. книги, известной в наши дни и состоящей из 8 цз. Текст был восстановлен по этому неполному минскому изданию с добавлением в него выдержек из «Тан юй линь», извлеченных из **«Юн-лэ да дянь»** («Энциклопедия [годов] Юн-лэ»).

Первоначально в сборнике материал был распределен по 52 темам. В восстановленном виде только цз. 1–4 сохранили тематич. распределение под 18 заголовками. Материал из «Юн-лэ да дянь» распределен в цз. 5–7 в хронологич. порядке, а тот материал, к-рый нельзя было разместить по хронологич. принципу, вошел в цз. 8. По этой причине цз. 5–8 значатся как «Дополнения». Оглавление «Тан юй линь» в его нынешнем виде:

Цз. 1: (1) Добродетельные деяния и поступки; (2) Высказывания; (3) Дела службы и управления. Цз. 2: Дела службы и управления (продолжение); (4) Обстоятельства, эпизоды, связанные с написанием книг, сочинений. Литература. Цз. 3: (5) Прямые, честные; (6) Благородные натуры; (7) Проницательные, знающие и понимающие; (8) Отдавшие должное достойным; (9) Оценки, квалификации; (10) Усовершенствования, предостережения; (11) Люди с врожденным умом. Цз. 4: (12) Смешливые, люди веселого нрава, люди широкой натуры; (13) Манеры и внешность; (14) Исправление своих ошибок; (15) Достойные мечты и восхищения; (16) Печаль по умершим; (17) В уединении и покое; (18) Мудрые и добродетельные женщины. Цз. 5: Дополнения [от имп. Гао-цзу (618–626) до Дай-цзуна (763–779)]. Цз. 6: Дополнения [от имп. Дэ-цзуна (780–804) до Вэнь-цзуна (827–840)]. Цз. 7: Дополнения [от имп. У-цзуна (841–846) до Чжао-цзуна (889–904)]. Цз. 8: Дополнения (не имеющие дат).

* *Ван Дан.* Тан юй линь (Лес преданий [периода] Тан): В 8 цз. Шанхай, 1921. (Мо хай цзинь ху; Т. 145–148.) ** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 13–15; Цинь дин Сы ку цюань шу цзунму тияо (Высочайше утвержденный Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам) / Сост. Цзи Юнь и др. Шанхай, 1933, т. 3, цз. 141, с. 2917–2918; *Needham J.* Science and Civilisation in China. Vol. 3–4. Cambr., 1959–1962, vol. 3, 1959, p. 192, 477, 717; vol. 4, pt 1, 1962, p. 38, 186, 194.

По материалам ***В.А. Вельгуса***

«ТИН ШИ»

程史

«Тин ши» («Истории на столике», 1214). Основное содержание сборника заметок (**бицзи**; см. т. 3) посвящено делам правления и эпизодам из жизни известных ученых и чиновников эпохи Сун (960–1279). В 15 цз. Автор — Юэ Кэ, второе имя Су-чжи, прозв. Цзюань-вэн, И-чжай (1183 — после 1240). Внук известного полководца-патриота Юэ Фэя (1104–1142); занимал различные посты на гос. службе. Является автором еще 8 работ. Название этой книги связано с тем, что Юэ Кэ имел обыкновение записывать прямо на лакированной поверхности маленького столика услышанные истории или случаи, свидетелем к-рых ему довелось быть. Книга содержат историко-биографические, историко-этнографические заметки; необыкновенные происшествия, удивительные сны, гадания, остроумные высказывания; заметки об иноземцах в Гуанчжоу. Многие события освещены гораздо подробнее, чем в офиц. династийных историях, и потому «Тин ши» служит важным доп. источником по истории сунского периода.

Книга была издана в годы правления под девизом (**нянь хао**) Цзя-цзин (1522–1566). Тогда в ее состав были включены в виде приложений биография Юэ Фэя, его прозаические и стихотв. произведения, один из докладов Юэ Кэ императору по поводу дела Юэ Фэя, а также две эпитафии Юэ Фэю, написанные Лю Жуем. В последующих изданиях эти приложения в одних случаях были сохранены целиком или частично, в других — полностью элиминированы. Существует также авторское предисловие к книге, датированное 1214. Как правило, в изданиях с приложениями отсутствует авторское предисловие, а в изданиях с предисловием изъяты приложения. В сокр. изданиях нет ни предисловия, ни приложений. Книга имеет подробное оглавление.

В период Тан (618–907) также существовала книга под назв. «Тин ши» о событиях времен правления имп. Сюань-цзуна (713–756), впоследствии переименованная в «Цы Лю ши цзю вэнь».

***** *Юэ Кэ.* Тин ши (История на столике): В 15 цз. Шанхай, 1922. (Цзинь дай би шу / Сост. Мао Цзинь; Сб. 8, т. 2869–2870). ****** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 15–16; Цинь дин Сы ку юань шу цзунму тияо (Высочайше утвержденный Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам) / Сост. Цзи Юнь и др. Шанхай, 1933, т. 3, цз. 141, с. 2927; *Ху Юй-цзинь.* Сы ку цюань шу цзунму тияо бу чжэн (Дополнения и исправления к «Аннотированному сводному каталогу всех книг по четырем разделам») / Сост. Ван Синь-фу. Пекин, 1964, т. 2, цз. 3, с. 1116–1117.

По материалам ***В.А. Вельгуса***

乙

ТРОЦКИЗМ В КИТАЕ

托洛茨基主義

Троцкизм в Китае — оппозиционное идейно-полит. движение в Китае, охватывающее период с 1926 по 40-е гг. XX в.

Кит. троцкисты принадлежали к международному идейно-полит. течению, основы к-рого были заложены еще в окт. 1923 в Советской России главным оппонентом И.В. Сталина в большевистской партии Л.Д. Троцким (1879–1940), являвшимся до янв. 1925 наркомом по военным и морским делам и пред. Революционного военного совета СССР.

Идеи троцкистской оппозиции оказали влияние на все секции Коминтерна, включая китайскую, к-рая была второй по величине — после партии большевиков — секцией.

Несмотря на то что после снятия Г. Зиновьева с поста пред. Исполкома Коминтерна в кон. 1926 Коминтерн в целом уже находился под рук-вом Сталина, к кон. 1927 троцкистские фракции возникли почти во всех компартиях.

Тогда же сталинистам удалось подавить сопротивление троцкистской оппозиции в СССР, и в нояб. 1927 Троцкий, а в дек. 1927 и остальные члены его группы были исключены из ВКП(б). В 1928 они были депортированы в отдаленные р-ны СССР, а в нач. 1929 Троцкий был выдворен за границу. Однако это не привело к краху междунар. оппозиции, с изгнанием Троцкого из СССР коммунистическое оппозиционное движение получило новый

импульс. Под рук-вом Троцкого коммунисты-диссиденты из разных стран в 1930-е только усилили антисталинскую пропаганду.

До апр. 1926 Троцкий внешне поддерживал линию Коминтерна в Китае, ни разу не дав понять, что имеет на этот счет особое мнение. Только изменение баланса сил в Гоминьдане в пользу гоминьдановских «центристов» и «правых» после «событий 20 марта 1926», когда **Чан Кай-ши** ввел в Кантоне военное положение, заявив о «коммунистическом заговоре», заставило его пересмотреть эту тактику.

Троцкий и его сторонники не соглашались с рядом положений Сталина по вопросам внутренней и внешней политики большевистской партии, в т.ч. в определении важнейших направлений тактич. линии КПК в кит. революции. Троцкий выступал за полную полит. и организационную независимость КПК в ее нац.-революционном фронте с Гоминьданом, подчеркивая, что действительной целью коммунистов является освобождение трудящихся. Троцкий настаивал на том, что для КПК пришло время выйти из Гоминьдана и действовать более самостоятельно, как соруководителю нац. народной революции, на основе межпартийного сотрудничества с Гоминьданом.

Сталин ратовал за теснейшее антиимпериалистич. сотрудничество между кит. компартией и Гоминьданом, фактически обрекая кит. коммунистов на постоянное отступление перед более сильным союзником.

В 1925–1927 Троцкий и его сторонники считали вопрос о борьбе за классовую пролетарскую политику в кит. революции равным по важности «рус. вопросу».

Весной 1927 Троцкий и его сторонники приняли наконец решение начать открытую дискуссию по «кит. вопросу». В первую очередь их волновала необходимость обеспечения безопасности коммунистов Китая на случай вооруженных выступлений гоминьдановских генералов. С подчинением контролю НРА промышленных районов Вост. Китая нац. революция приближалась к своей окончательной победе. По мере этого, с т. зр. оппозиционеров, обострялся вопрос о неизбежном «предательстве» Чан Кай-ши. Единств. вывод из создавшейся ситуации большинство из них видело в немедленной активизации, расширении и радикализации кит. рабоче-крестьянского движения, в соединении революции с массовым социальным переворотом. Их рекомендации отражали рос. революционный опыт. 4 апр. 1927, за неделю до шанхайского кризиса, Троцкий подчеркивает, что Чан Кай-ши готовит квазибонапартистский или фашистский переворот, к-рый могут предотвратить лишь Советы, созданные рабочими. Такие Советы сперва должны стать противовесом гоминьдановской администрации, а затем, после периода «двоевластия», превратиться в органы восстания и революц. пр-ва. Точку зрения оппозиции 5 апр. защитил и К.Б. Радек, вновь предупредивший, что дело в Китае идет к кровавой расправе Чан Кай-ши над коммунистами. На следующий день он был снят с поста ректора Ун-та трудящихся Китая. 10 апр. 1927 А. Мартынов, в прошлом теоретик меньшевизма, публикует статью в «Правде» — «Проблема кит. революции» с панегириком Гоминьдану. В статье единственный из всех участников оппозиции Радек был подвергнут открытой персональной критике. Обострение дискуссии совпало с шанхайским переворотом 12 апр. 1927. Заручившись поддержкой империалистов, Чан Кай-ши развязал «белый террор» в Шанхае и др. местах. Несмотря на предчувствие переворота, многие из сторонников Троцкого были глубоко потрясены случившимся, так же как и большинство членов большевистской партии. «Тревожные предсказания представителей оппозиции насчет близости неизбежного предательства Чан Кай-ши многие из нас считали, полагаясь на решительный и успокоительный тон „Правды“, неосновательными, — сообщали в своем письме в ЦК и Центр. контрольную комиссию ВКП(б) оппозиционеры В.Д. Каспарова и Г.Л. Шкловский. — Поэтому переворот Чан Кай-ши и измена национальной буржуазии глубоко потрясли партийную толщу...».

Начало формированию кит. левой оппозиции было положено в советских интернац. школах и вузах, где учились кит. студенты с 20-х гг. XX в.: Коммунистический ун-т трудящихся Востока (КУТВ) был основан в апр. 1921;

Ун-т трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (УТК) — в нояб. 1925, в сент. 1928 переименован в Коммунистич. ун-т трудящихся Китая (КУТК); Междунар. ленинская школа — в мае 1925. Борьба с троцкизмом началась в УТК в 1926. С 1925 по 1927 УТК возглавлял Радек, один из наиболее видных оппозиционеров-троцкистов. В окт. 1926 было созвано расширенное антитроцкистское заседание бюро партячейки. За ним последовало общее собрание коммунистов и комсомольцев. На них главным объектом нападок стал Радек. Чтение оппозиционной лит-ры студентам не разрешалось, им все время напоминали о необходимости соблюдать строгую парт. дисциплину и подчиняться вышестоящему рук-ву. Однако части кит. студентов хотелось прояснить существо поднимаемых Троцким и Радеком проблем, они, несмотря на запреты, старались ознакомиться с материалами оппозиции. Именно в среде этих кит. студентов в Москве и зародилась левая оппозиция КПК (к авг. 1927 в ней насчитывалось чуть более 30 чел. — 10% общего числа студентов). До сер. апр. 1927 интерес кит. студентов к троцкистской оппозиции в целом носил академич. характер. Однако обстановка коренным образом изменилась в связи с драматич. поворотом в ходе кит. нац. революции, когда Чан Кай-ши инициировал антикоммунистический путч в Китае. Студенты-оппозиционеры знакомились с троцкистской лит-рой и ее переводами, к-рую они затем отсылали в ЦК КПК. Наиболее ярким их выступлением явилось участие в демонстрации на Красной площади 7 нояб. 1927. После демонстрации 8 активистов оппозиции исключили из ун-та (никто не был арестован) и отправили в Китай. Там они приступили к созданию орг-ции левой оппозиции, названной «Китайская оппозиция большевиков-ленинцев» (*Чжунго буэршивэйкэ-ленин фаньдуйпай*), уже в нояб. 1928 в Шанхае был проведен ее I съезд. С апр. 1929 они сменили назв. на *Вомэньды хуа* («Наше слово»), в соответствии с назв. журнала, к-рый они начали издавать. Группа возглавлялась ген. секретарем Ши Таном (Ши Шу-юнь). Она функционировала как неофиц. фракция КПК.

Кит. троцкисты в СССР осенью 1928 создали свою конспиративную орг-цию, насчитывавшую ок. 40 членов. Вся их работа была направлена на обеспечение условий для дальнейшей оппозиционной деятельности на родине. Они активно занимались изучением, переводом и распространением лит-ры, к-рую получали от рос. троцкистов в Москве. В 1929 кит. оппозиционеры активизировали свою работу. Так, летом в КУТК был образован новый орган, «Боевой комитет», главные функции к-рого заключались в координации усилий троцкистов и всех остальных, недовольных действиями партбюро ун-та. В июне 1929 члены «Боевого комитета» провели парт. собрание, на к-ром в присутствии представителей КПК в Исполкоме Коминтерна **Цюй Цю-бо** и **Чжан Го-тао** выдвинули резкие обвинения в адрес парт. рук-ва КУТК. К кон. 1930 число кит. троцкистов в Москве увеличилось до 60–70 чел. Их поддерживало неск. десятков сочувствующих студентов. Центром орг-ции был КУТК, в к-ром имелось наибольшее число оппозиционеров (считалось, что под влиянием троцкистских идей находилось около 20% общего числа кит. учащихся в Москве). Др. крупная группа вне КУТК находилась в Московской пехотной школе. Сторонники Троцкого были еще в Инженерной и Артиллерийской школах, а также в Междунар. ленинской школе. В нач. 1930 в КУТК было арестовано 25 «троцкистов», затем еще 11 чел. В результате изнуряющих ночных допросов и пыток уже к 8 марта 1930 был собран материал на 171 «троцкиста-китайца, находящегося на территории СССР». Арестованные дали показания не только о деятельности своей группы, но и о троцкистах в Китае, назвав ок. 70 имен и раскрыв большое кол-во адресов и явок. В сент. 24 кит. троцкиста были приговорены к разл. срокам заключения в лагерях или ссылке. Большинство из них погибли, выжить смогли не более 10 чел. По данным С. Пирани, в ссылку в Сибирь было выслано около 200 китайцев. Начались чистки оппозиции и в КПК на территории Китая. II пленум ЦК КПК 6-го созыва в июне 1929 принял решение «о чистке руководящих деятелей оппозиции внутри партии». В особом циркуляре ЦК под № 44 от 13 авг. 1929

говорилось: «Разногласиям, раздуваемым и пропагандируемым горсткой студентов, вернувшихся из Москвы, до поры до времени было позволено развиваться и распространяться... [Но] они (оппозиционеры. — *А.П.*) имеют уже свои секретные ячейки внутри и вне партии. У них есть уже и свои тайные издания». Циркуляр вновь призывал всех членов КПК вести «бесстрашную» борьбу с оппозицией. Это послужило началом целенаправленной антитроцкистской кампании в КПК. Из партии был исключен целый ряд «оппозиционеров». Ген. секретарь партии **Чэнь Ду-сю** в июле 1927 ушел со своего поста. В сент. в Шанхай прибыл троцкист Лю Жэнь-цзин, встречавшийся с Троцким. Он привез платформу, написанную лично Троцким, а также полит. рекомендации, совпадавшие с тактикой Чэнь Ду-сю: оставаться в партии, навязать дискуссию, собирать сторонников.

В сент. 1929 ЦК КПК в письмах местным орг-циям предупредил об опасности деятельности троцкистов в КПК. 6 окт. ЦК направил Чэнь Ду-сю письмо, в к-ром ему предлагалось подготовить статью с критикой взглядов Троцкого по вопросам кит. революции. Чэнь Ду-сю отказался критиковать «товарища Троцкого». Позднее он признавал, что не желал выступать против платформы Троцкого, т.к. уже в то время полностью разделял его взгляды. 10 и 26 окт. он направил в ЦК КПК письма, где предлагал ввести «8-часовой рабочий день», осуществить «отмену неравноправных договоров», бороться с военной диктатурой Гоминьдана, требовал созыва Нац. собрания, утверждал, что «VI съезд КПК, проходивший под непосредственным рук-вом Коминтерна, совершил оппортунистическую ошибку в вопросе о характере кит. революции». Чэнь Ду-сю было предложено выехать в СССР для обсуждения выдвинутых им вопросов с представителями ЦК и Дальбюро ЦК, он ответил отказом. Тогда 15 нояб. 1929 он вместе с четырьмя его ближайшими сторонниками был исключен из партии. В дек. 1929 из партии были «вычищены» остальные члены оппозиционной фракции. 10 дек. 1929 Чэнь Ду-сю опубликовал открытое письмо ко всем членам КПК, в к-ром вслед за Троцким обвинил Коминтерн в поражении революции 1925–1927, главной среди его ошибок считал вступление КПК в Гоминьдан. В нач. 1930 он организовал собств. группу вне КПК — Коммунистическую левую оппозицию. С марта они стали издавать протроцкистский журнал «Учаньчжэ» («Пролетарий»). Вместе со своими единомышленниками он продолжал критиковать рук-во Коминтерна и КПК, отстаивая при этом идеи Троцкого.

К весне 1930 все осн. кадры кит. левой оппозиции оказались исключенными из КПК. Помимо групп, сплотившихся вокруг «Вомэньды хуа» и «Учаньчжэ», ими были созданы еще две небольшие орг-ции: Левая коммунистическая лига Китая и Кит. левая коммунистическая орг-ция. Они стали издавать собств. журналы: первая — «Ши юэ» («Октябрь»), вторая — «Чжаньдоу» («Борьба»). В мае 1931 все кит. троцкистские группы на учредительном съезде объединились в партию, насчитывавшую 483 члена. Определенная часть троцкистов считала, что ответственность за преступную полит. линию, навязанную КПК Коминтерном и Сталиным, несет Чэнь Ду-сю. Пришлось вмешаться самому Троцкому, к-рый высказался за прием Чэнь Ду-сю в ряды оппозиции, т.к. тот признал свои ошибки. Чэнь Ду-сю стал секретарем ее Нац. исполнительного комитета. В окт. 1932 она была разгромлена тайной полицией Гоминьдана, а все ее деятели оказались за решеткой. 15 окт. был арестован Чэнь Ду-сю, весной 1933 был приговорен к 15 годам тюрьмы (освободился в авг. 1937 по амнистии). В 1933–1934 южноафриканский троцкист Фрэнк Гласс с помощью нек-рых уцелевших членов кит. левой оппозиции пытался возродить троцкистское движение в Китае, однако значительного успеха не достиг.

В 1937 началась яп. агрессия в Китае. КПК и Гоминьдан заключили соглашение о совместной борьбе против японцев. Большинство кит. троцкистов решили принять участие в войне против японцев, одновременно готовя рабочее движение к борьбе против Гоминьдана и КПК.

В Шанхае и р-нах, оккупированных японцами, троцкисты продолжали вести революц. пропаганду, в то же время участвуя в боевых действиях на стороне

китайцев. Однако как только обнаруживалась полит. принадлежность троцкистов, от них пытались избавиться как гоминьдановцы, так и кит. коммунисты. Многие были брошены в спецлагеря, другие расстреляны.

После выхода из тюрьмы в авг. 1937 Чэнь Ду-сю объявил об отказе от полит. деятельности. В 1938 уехал в уезд Цзянцзинь пров. Сычуань. Там погрузился в изучение философии, филологии и полит. наук. В статьях и письмах последних лет он признавался в неприятии любых форм тотальной диктатуры. Троцкистское движение организационно с тех пор так и не возродилось в Китае.

А.В. Панцов, В.Н. Усов

***** *Троцкий Л.Д.* Сталин и китайская революция: Факты и документы // Бюл. оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929, № 3–4, 7; 1930, № 9, 15–16, 23; 1932, № 32; 1937, № 58–59; Учаньчжэ (Пролетарий. Орган группировки китайских троцкистов) // Гл. ред. Чэнь Ду-сю. Шанхай, 1930, № 1–10; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. Т. 2, 3. М., 1990; *Троцкий Л.Д.* Итоги и перспективы китайской революции, ее уроки для стран Востока и всего Коминтерна; Китайский вопрос после VI конгресса // *он же.* Коммунистический интернационал после Ленина: (Великий организатор поражений). М., 1993, с. 186–270; Судьба китайского троцкиста: [Воспоминания Лю Жэнь-цзина, 1918–1949 гг.] / Публ. А.В. Панцова // ПДВ. 1998, № 3, с. 97–107; № 4, с. 81–90; *Троцкий Л.Д.* Перманентная революция. М., 2005; Карл Радек о Китае: документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. М., 2005; *Trotsky L.* Problems of Chinese Revolution. N.Y., 1932; 2d ed. Ann Arbor, 1962; *idem.* The Third International after Lenin. N.Y., 1936; Chen Duxiu's Last Articles, 1937–1942. Richmond, 1999.

****** *Григорьев А.М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М., 1976; *Панцов А.В.* Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–30-х годов. М., 1985; *он же.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001; *Пирани С.* Троцкий и революции в Китае и Вьетнаме // Идейное наследие Л.Д. Троцкого: история и современность: Материалы междунар. науч. конф. ... М., 1996; *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; *он же.* Власть и оппозиция. М., 1993; *Сироткин В.* Почему проиграл Троцкий. М., 2005; *Ли Чжи-цян.* Лунь Толоцыцзи дуй чжунго гэминды чжучжан цзи инсян (О взглядах и влиянии Троцкого на китайскую революцию) // Цзиньдай ши яньцзю. 1985, № 1, с. 68–100; *Тан Бао-линь.* Чжунго топай ши (История троцкистских групп в Китае). Тайбэй, 1994; *он же.* Чэнь Дусю чжуань (Биография Чэнь Ду-сю): В 2 т. Шанхай, 1989; *Pantsov A.* From Students to Dissidents: the Chinese Trotskysists in Soviet Russia // Issues and Studies. 1994, vol. 30, № 3, p. 97–112; № 4, p. 56–73; № 5, p. 77–109; *Sheng Yueh.* Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution: A Personal Account. N.Y., 1971; *Zhang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party: The Autobiography: [1921–1938]: In 2 vol. Lawrence, 1971–1972.

В.Н. Усов

ТУНВЭНЬГУАНЬ

同文館

Тунвэньгуань — школа иностранных языков. Создана Пекине в 1862 по инициативе князя 1-й степени Гуна (**И Синя**) при учреждении Главного ведомства по иностр. делам — **Цзунли ямэня**. Первоначально она функционировала в виде курсов, учащиеся к-рых раздельно изучали англ., франц. и рус. языки. Преподаванием рус. яз. занимался член **Российской духовной миссии в Китае** (см. т. 2) А.Ф. Попов, к-рый переводил официальные бумаги для первого рос. посланника в Китае Л.Ф. Баллюзека, прибывшего в Пекин в июле 1861.

В 1866 И Синь предложил расширить круг изучаемых дисциплин в школе за счет математики и астрономии и привлечь к преподаванию лиц, имеющих ученые степени *цзюй жэнь* и *цзинь ши*, либо младших сотрудников **Ханьлинь академии** (см. т. 1). Против этого предложения выступил сановник Во Жэнь,

знаток сунского **конфуцианства** (см. т. 1) и опытный администратор, в разное время занимавший ответственные гос. посты. Выражая мнение наиболее консервативной части чиновничества, он в своем докладе цинскому двору заявил, что для кит. нации было бы лучше, если бы она духовно опиралась на прежние конф. церемонии и законы этики, что главные потребности Китая заключаются не в знании иностр. техники, а в духовном воспитании. Желая сохранить баланс сил между сторонниками разных направлений в политике «самоусиления», императрица **Цы Си** согласилась с необходимостью расширения контингента учащихся и числа дисциплин в школе *Тунвэньгуань*, а лидеру консерваторов Во Жэню предложила незначительный пост в *Цзунли ямэне*. Отказавшись от разных постов, он остался в должности наставника при императоре. С 1867 круг дисциплин, изучаемых в школе *Тунвэньгуань*, заметно расширился за счет введения курсов математики, астрономии и междунар. права, а позднее и др. предметов. Преподаванием математики занимался Ли Шаньлань (1810–1882), первый из китайцев, осуществивший перевод на кит. яз. европейской алгебры, составитель терминологич. словаря, не утратившего своей ценности до наших дней. Междунар. право преподавал амер. миссионер В.А. Мартин (1827–1916).

С 1868 по 1894 Мартин оставался проф. междунар. права в школе *Тунвэньгуань*, а в 1894 его избрали президентом Пекинского у-та, и в этом звании он находился до 1900.

Лучших учеников школы обычно посылали за границу в качестве секретарей и драгоманов дип. миссий либо оставляли на месте для дальнейшего усовершенствования в иностр. яз. и др. науках.

В 1900 школа была закрыта, а преподавание иностр. яз. перешло в *Исюэгуань*, ин-т переводчиков, в к-рый принимали молодых людей после окончания средней школы и не всегда пригодных к работе переводчика.

** Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644–1912). Vol. 1 / Ed. by A.W. Hummel. Wash., 1943, p. 479; *Hsü Immanuel Chung-yueh*. China's Entrance into the Family of Nations: The Diplomatic Phase, 1858–1880. Cambr. (Mass.), 1960.

А.Н. Хохлов

«ТУН ДЯНЬ»

通典

«Тун дянь» — «Свод уложений» («Свод установлений», «Общие установления», «Всеобщий свод», «Политический свод»). Первая ист. энциклопедия гос. управления. Составитель — **Ду Ю** (735–812). Работал над сводом с 766 по 801. С «Тун дянь» генетически сопряжены **«Тун чжи»** («Свод обозрений») **Чжэн Цяо** (1104–1162) и **«Вэнь сянь тун као»** («Свод письменных памятников и суждений к ним») **Ма Дуань-линя** (1254–1323), вместе с «Тун дянь» именуемые «Сань тун» («Триада сводов»).

В ситуации охватившего с сер. VIII в. империю Тан (618–907) глубокого кризиса Ду Ю счел, что следует «обдумать прежде, каким было прошлое, дабы обрести возможность вершить дела текущие», иными словами, обзавестись «вечным зерцалом для дней настоящих», и он, «составляя „Тун дянь“, брал на заметку и отбирал из всех речений, а также выявлял среди всех деяний людских такие, что учили бы управлять страной». Серьезным подспорьем для него при создании «Тун дянь» явился тоже сводного характера труд (завершенный в 756) Лю Чжи (ок. 690 — ок. 763), сына историка и каноноведа **Лю Чжи-цзи** (661–721), «Чжэн дянь» («Уложения государственного управления»). Всего же в качестве первоисточников Ду Ю при подготовке «Тун дянь» привлек 148 всевозможных сочинений (в т.ч. много к наст. времени утраченных). Почерпнутый из них материал по истории Китая от мифич. первопредков либо первых гос. образований до середины, а местами даже до кон. VIII в. (вообще же сведения, относящиеся к танскому периоду, превышают четверть всего объема «Тун дянь») скомпонован в 9 основных разделов: «Экономика / Продовольствие и товары» (*ши хо*), «Экзаменационный отбор на гос. службу» (*сюань цзюй*), «Должности и чины» (*чжи гуань*), «Этико-ритуальные

нормы» (*ли* [*2*]), «Музыка» (*юэ* [*1*]), «Дела военные» (*бин*), «Наказания» (*син* [*4*]), «Администр.-территориальные подразделения / Области и округа» (*чжоу цзюнь*), «Охрана границ» (*бянь фан*). Дробных рубрик, из к-рых слагаются эти разделы, в общей сложности около 1600. В рамках каждого из тематич. подразделов материал расположен по по хронологич. принципу.

Что примечательно, на первое место среди основных разделов выведен тот, что посвящен темам и сюжетам экономич. блока. Мотивируя, почему и зачем именно этот раздел занял первенствующую позицию, Ду Ю в общем предисл. к «Тун дянь», а также в послесловии-резюме к данному разделу привел собств. доводы об экономике как «первоначале» (*сянь*), общей «основе» (*бэнь*) и, придерживаясь издревле существовавшей в духовной культуре Китая традиции, предпослал этим своим доводам ссылки на соответствующие положения «И цзина» («Канон перемен»; см. **«Чжоу и»** в т. 1) и **«Гуань-цзы»** (см. т. 1), а также главы «Хун фань» («Великий план/закон») из **«Шу цзина»** («Канон писаний / Книга преданий»; см. также т. 1). В 1-м разделе «Тун дянь» приоритетное положение отведено рубрике «Земельные установления» (*тянь чжи*), большая часть остальных рубрик также преимущественно связана с ней, и этому дано объяснение: «Сельское хозяйство (*нун*) — не что иное, как основа гос-ва (*го бэнь*)».

Об информационной насыщенности «Тун дянь» можно судить и по др. его разделам. Так, под заголовком «Области и округа» вслед за очерком общей эволюции системы территориальной орг-ции Срединного гос-ва излагается, пусть кратко, история каждой, начиная со столичной (Чанъань) и кончая окраинными, единицы администр. районирования, во мн. случаях дана — тоже сжатая — характеристика этнокультурных особенностей («нравов и обычаев» — *фэн су*) соответствующих территориальных подразделений. В разд. «Охрана границ» содержатся обширные сведения об этнических общностях и странах, с к-рыми Китай был так или иначе в древности и раннем средневековье связан; в заголовках слагающих этот раздел рубрик приведено почти 200 этнонимов.

На рубеже XI–XII и в кон. XVIII в. были созданы три труда-продолжения «Тун дянь», «удлинившие» (соответственно до 960, 1644 и 1785) хронологич. содержание свода Ду Ю. Первый из них был утрачен, остальные два продолжения вместе с первонач. сводом Ду Ю вошли в состав сер. **«Ши тун»**.

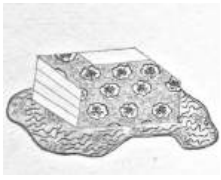
***** Тун дянь / Сост. Ду Ю. Шанхай, 1935.

Г.Я. Смолин

ТУНЦЗЯНЬ-СЮЭ

通鑒學

Тунцзянь-сюэ — «школа „Всепроницающего зерцала“». Направление в кит. ист. науке, объект к-рого — хроника **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всепроницающее зерцало, управлению помогающее»), а также ее дополнения, продолжения, подражания, реструктурированные разновидности, равно как характерные для тех и др. и отраженные в посвященной им комментаторской и аналитич. лит-ре общие и преемственные принципы и методы. Термин *тунцзянь-сюэ* введен в науч. обращение в 1287 Ху Сань-шэном (1230–1302), к-рый тем самым обозначил веху на долгом пути школы, отмеченном уже к тому времени немалыми достижениями. В их числе написанные по завершении «Цзы чжи тун цзянь», но генетически связанные с последним труды основоположников *тунцзянь-сюэ*, троих из ведущих соавторов хроники: **Сыма Гуана** (1019–1086), Лю Шу (1032–1078) и Фань Цзу-юя (1041–1098). Дополнения и продолжения хроники были подготовлены их последователями: Ли Дао (1115–1184), Сюй Мэн-синем (1126–1207), Люй Цзу-цянем (1137–1181), Цай Ю-сюэ (1154–1217), Ян Юнь-и (1170–1228), Чэнь Цзюнем (1174–1244), Лю Ши-цзюем (ок. 1220–1280), Цзинь Люй-сяном (1232–1303), Ян Чжун-ляном (ок. 1241 — ок. 1271) и др. Комментарии и глосссарии к «Цзы чжи тун цзянь» были созданы учениками и приверженцами создателей *тунцзянь-сюэ*: Люй Гун-чжу (1018–1089), сыном Сыма Гуана Сыма Каном (1050–1090), сыном Лю



Шу Лю Си-чжуном (ок. 1059 — ок. 1120), Лю Ань-ши (1048–1125), Ши Чжао (ок. 1092 — ок. 1161) и др.

Как и его сверстник Ван Ин-линь (1223–1296), сам Ху Сань-син — составитель двух наиболее солидных комментаторских сводов к «Цзы чжи тун цзянь» — придал *тунцзянь-сюэ* сильный доп. импульс, что выразилось в ориентации ее представителей на бóльшую информ. насыщенность и тщательную выверку сведений в трудах. Только над комментариями к «Цзы чжи тун цзянь» в XVII–XIX вв., когда наблюдался новый подъем *тунцзянь-сюэ*, трудились Янь Янь (1575–1645), Ли Хао (XVII в.), Чжан Ин (1637–1708), Чэнь Цзин-юнь (1669–1747), Чжан Гэн (1681–1756), Дун И-чжоу (XVIII в.), **Цянь Да-синь** (1728–1804), Чжао Шао-цзу (1752–1833), Чжан Дунь-жэнь (1754–1834), Пэн Чжао-сунь (1768–1821), Гу Гуан-ци (1770–1839), У Си-цзай (1799–1870) и др., а плоды их трудов — ок. 10 книг. Хронологич. содержание «Цзы чжи тун цзянь» было «продлено» вплоть до сер. XVII в. стараниями многих представителей *тунцзянь-сюэ*, творивших в XIV–XIX вв.: это Чэнь Чэн (XIV в.), Ли Дун-ян (1447–1516), Чэнь Цзянь (1497–1567), Сюэ Ин-ци (XVI в.), Ван Цзун-му (1523–1591), Хуан Гуан-шэн (XVI в.), Чжан Цюань (1577–1621), Чжу Линь (XVII в.), **Сюй Цянь-сюэ** (1631–1694), Вань Сы-тун (1638–1702), У Чэн-цюань, Ян Лу-жун (2-я пол. XVII — нач. XVIII в.), Фу Хэн (ум. 1779), **Чжао И** (1727–1814), Шао Цзинь-хань (1755–1796), Би Юань (1730–1797), Чэнь Хэ (1757–1811), То Цзинь (1755–1835), Ся Се (1800–1875), Цинь Сян-е (1813–1883), Хуан И-чжоу (1828–1899) и др. При всех индивидуальных различиях каждого из произведений, созданных за 8 веков приверженцами *тунцзянь-сюэ*, налицо преемственность, устойчивость и живучесть гл. характерных свойств данной школы.

Научно-исследовательское звено *тунцзянь-сюэ*, помимо комментаторских трудов, представлено, наряду с уже упоминавшимися Лю Си-чжуном, Ли Дао, Ван Ин-линем и Ху Сань-сином, именами Чжан Ши (1133–1180), Чжан Пу (1602–1641) и др., но особо следует отметить монографию **Ван Фу-чжи** (1619–1692; см. т. 1) «Ду „Тун цзянь“ лунь» («Суждения по прочтении „Всепроницающего зерцала“», 1688).

В 1948 впервые увидела свет (затем не раз переиздавалась) написанная Чжан Сюй-хоу (1895–1968) кн. «Тунцзянь-сюэ», к-рая подвела общий итог достижениям этой науч. школы к нач. XX в. и окончательно утвердила за ней это название. Почин Чжан Сюй-хоу получил развитие в опубликованных во 2-й пол. XX в., большей частью в 80-х гг., монографиях, сб. статей и сообщениях в периодич. печати.

См. лит-ру к ст.: **Сыма Гуан**; **«Цзы чжи тун цзянь»**.

Г.Я. Смолин

«ТУН ЧЖИ»

通志

«Тун чжи» — «Свод обозрений/описаний/трактатов», «Общее обозрение». Труд ученого-энциклопедиста **Чжэн Цяо** (1104–1162), завершенный в 1161. Вторая составляющая «Сань тун» («Триада сводов»), традиционно признаваемых в синологии самыми ранними ист. энциклопедиями гос. управления. Вместе с тем по ряду признаков «Тун чжи» ощутимо отличается и от **«Тун дянь»** («Свод уложений») **Ду Ю** (735–812), и от **«Вэнь сянь тун као»** («Свод письменных памятников и суждений к ним») **Ма Дуань-линя** (1254–1323). В частности, хронологич. содержание «Тун чжи» (доведенное, пусть не во всем, до нач. X в.) на 2–2,5 столетия «длинней», чем у «Тун дянь». Значительно шире также у Чжэн Цяо тематич. спектр информации. «Тун чжи» отличается и архитектоникой; у Чжэн Цяо (пусть не без новаций, но большей частью лишь назывного свойства) воспроизводится, как своего рода эталонная, структура **«Ши цзи»** («Исторические записки») **Сыма Цяня** (ок. 145 — ок. 86 до н.э.; обе ст. см. также в т. 1) с пятью стержневыми разделами: «Основные записи / Императорские анналы», дополненные в «Тун чжи» «биографиями супруг и вторых жен императоров» (*хоу фэй чжуань*); «Погодные/Хронологические

таблицы»; «Наследственные дома»; «Очерки» и самый большой (почти 60% общего объема «Тун чжи») — «Жизнеописания», включая подраздел «Варвары четырех стран света», посвященный соседним с Срединным гос-вом этническим общностям.

Во втором по объему разделе «Тун чжи» — «Очерках» (*люэ*; названы так потому, что, по словам самого Чжэн Цяо, в них изложены «реалии не исчерпывающе»), — являющемся аналогом «Трактатов» (*шу* [*4*]) у Сыма Цяня или «Обозрений/Описаний» (*чжи* [*3*]) в последующих нормативных историях, заключена почерпнутая из соответствующих разделов «Тун дянь», а также династийных историй обильная информация по самым различным аспектам жизни кит. об-ва и гос-ва с древности до нач. X в. Скомпонована эта информация по тематич. принципу в 20 подразделов: фамилии и кланы (*ши цзу*), шесть категорий иероглифов (*лю шу*), семь категорий слоговых инициалей (*ци инь*), астрология (*тянь вэнь*), география (*ди ли*), столицы и города (*ду и*), этико-ритуальные нормы (*ли* [*2*]), посмертная титулатура (*ши* [*25*]), одежда и утварь (*фу ци*), музыка (*юэ* [*1*]), должности и чины (*чжи гуань*), (экзаменационный) отбор на гос. службу (*сюань цзюй*), уголовные законы (*син фа*), продовольствие и товары / экономика (*ши хо*), библиография (*и вэнь*), текстология (*цзяо чоу*), карты и регистры (*ту пу*), надписи на металле и камне / эпиграфика (*цзинь ши*), зловещие знамения (*цзай сян*), флора и фауна / травы, деревья, насекомые (*цао му куньчун*). В каждой рубрике информация излагается в хронологич. последовательности.

Содержание «Очерков», сама 20-членная рубрикация красноречиво засвидетельствовали универсальность познаний Чжэн Цяо. Примечательно, что нек-рые композиции данного раздела «Тун чжи» вошли в структуру создававшихся начиная с XIV в. династийных историй, а также ряда сводных науч. трудов. Высокая информативная самоценность разд. «Очерки» сделала уже в XIV в. и позднее востребованным отд. издание этой части «Тун чжи» под назв. «Тун чжи люэ» («Очерки из „Свода обозрений“»). Отдельной книгой выпускался и библиографич. подраздел (*и вэнь*) «Очерков» с его 12-членной разбивкой: конф. канонич. книги (*цзин* [*1*]), этико-ритуальные нормы (*ли* [*2*]), музыка (*юэ* [*1*]), языковые пособия (*сяо сюэ*), история (*ши* [*9*]), сочинения философов (*чжу цзы*), астрология (*тянь вэнь*), пять элементов (*у син*), искусство (*и шу*), медицина (*и фан*), энциклопедии (*лэй шу*), худ. лит-ра (*вэнь*). Что касается ист. лит-ры, то она классифицируется в «Тун чжи» след. обр.: нормативные истории (*чжэн ши*), хронистика (*бянь нянь*), истории лжегосударств (*ба ши*), ист. сочинения частного содержания (*цза ши*), подневные записи речений и деяний (при дворе) (*ци цзюй чжу*), сказания (*гуши*), должности и чины (*чжи гуань*), уголовные законы (*син фа*), жизнеописания (*чжуань цзи*), география (*дили*), генеалогия (*пу си*), продовольствие и товары (*ши хо*), библиография (*мулу*). В рамках каждой из этих рубрик налицо еще более дробные.

В кон. XVIII в. были составлены два труда-продолжения, «удлинившие» (соответственно до 1644 и 1785) хронологич. содержание «Тун чжи» и включенные наряду со сводом Чжэн Цяо в состав сер. **«Ши тун»**.

* Тун чжи / Сост. Чжэн Цяо. Шанхай, 1935; то же. Пекин, 1978, 1995.

См. также лит-ру к ст. **Чжэн Цяо**.

Г.Я. Смолин

У СИН

五刑

У син — «пять видов наказаний». Система *у син* формировалась в течение длительного периода времени. Традиционно ее структуру возводят к структуре «пяти первоэлементов» (**у син**; см. т. 1). Законченные формы система начала принимать во время Северной Вэй (386–534), сформировалась при Суй (581–618) и была окончательно сформулирована и закреплена в Танском кодексе (**«Тан люй шу и»**), просуществовав затем в практически неизменном виде до конца имперского периода (1911). Согласно традиц. правовой теории Китая, у наказания есть неск. функций: это воздаяние, понимаемое

максимально широко, как восстановление искаженной преступным деянием структуры мироздания; это вразумление и воспитание преступника через стыд и через относительно легкое страдание; это строгое запугивающее предостережение тем, кто еще не запятнал себя серьезными преступлениями; и это искупление преступником своей вины путем принесения пользы об-ву. С этой концепцией соотносились и наказания: легкое битье призвано было стыдить, тяжелое — сдерживать, каторга — позорить и порабощать, ссылка считалась милосердной заменой смертной казни, полагавшейся за те же преступления в древности, а сама смертная казнь полностью пресекала жизнь человека, к-рый своим вопиющим деянием продемонстрировал полную невозможность раскаяния и исправления. Традиц. кит. понимание смертной казни, похоже, весьма близко к пониманию ее как «высшей меры социальной защиты».

«Пять видов наказаний» включали 20 разновидностей:

1) Наказание легкими палками (*чи* [*8*]): 10 ударов, откуп (*шу* [*12*]) — 1 *цзинь* (ок. 597 г) меди; 20 ударов, откуп — 2 *цзиня* меди; 30 ударов, откуп — 3 *цзиня* меди; 40 ударов, откуп — 4 *цзиня* меди; 50 ударов, откуп — 5 *цзиней* меди.

2) Наказание тяжелыми палками (*чжан*): 60 ударов, откуп — 6 *цзиней* меди; 70 ударов, откуп — 7 *цзиней* меди; 80 ударов, откуп — 8 *цзиней* меди; 90 ударов, откуп — 9 *цзиней* меди; 100 ударов, откуп — 10 *цзиней* меди.

3) Наказание каторгой (*ту* [*4*]): 1 год, откуп — 20 *цзиней* меди; 1,5 года, откуп — 30 *цзиней* меди; 2 года, откуп — 40 *цзиней* меди; 2,5 года, откуп — 50 *цзиней* меди; 3 года, откуп — 60 *цзиней* меди.

4) Наказание ссылкой (*лю*): на 2000 *ли* (1 *ли* — ок. 559 м), откуп — 80 *цзиней* меди; на 2500 *ли*, откуп — 90 *цзиней* меди; на 3000 *ли*, откуп — 100 *цзиней* меди.

5) Наказание смертной казнью: удавление (*цзяо*), откуп — 120 *цзиней* меди; обезглавливание (*чжань*), откуп — 120 *цзиней* меди.

Палки для битья по закону следовало изготавливать из прутняка (*Vitex negundo* var. *cannabifolia*), срезав и сгладив все сучки и неровности. Длина палок, и тяжелых и легких, в танское время равнялась прибл. 108 см. Толщина легких палок колебалась прибл. от 6,2 мм в толстом конце до 4,6 мм в тонком, толщина тяжелых соответственно — от 8,4 до 5,2 мм. В последующие времена в основном следовали установленному в танскую эпоху стандарту. Легкими палками надлежало бить по ногам и по ягодицам, тяжелыми — по ногам, ягодицам и спине. Каторга всех пяти разновидностей отбывалась по месту жительства на обществ. работах, напр. в казенных мастерских или копях. Ссылка означала пожизненное удаление от места жительства на окраины страны. Каждая из ссылок включала год каторжных работ по месту ссылки, затем ссыльные переводились на поселение и приравнивались к обычным местным жителям. Обезглавливание как казнь, связанная с нарушением целостности тела, считалось более суровой карой, чем удавление, — и с т. зр. проявленной т.о. непочтительности к давшим преступнику это тело родителям, и с т.зр. последующей судьбы души казненного в загробном мире.

Особняком стояли в системе основных наказаний т.н. «пять ссылок» (*у лю*), к-рые выделялись танским правом вследствие не столько особого характера их применения, сколько особого характера самих преступлений, этими ссылками наказываемых. Круг этих преступлений был крайне ограничен. Первая из «пяти ссылок» представляла собою модификацию обычной ссылки на 3000 *ли*, утяжеленную тремя годами каторжных работ (вместо одного года). Эта ссылка применялась в основном как наказание, из милосердия заменяющее смертную казнь. К «пяти ссылкам» относились также: ссылка родственников лиц, замешанных в антигосударственных преступлениях — «умысле восстания против» (*моу фань*) или «умысле великой строптивости» (*моу да ни*) и др. (см. **Ши э**); ссылка за нечаянное убийство отца, матери либо деда или бабки по мужской линии; ссылка за «сыновнюю непочтительность» (*бу сяо*) тех, кто творил ворожбу с целью нанести вред или, напротив, снискать «безрассудную любовь» (*ай мэй*) со стороны отца, матери, деда или бабки по мужской линии, кто принимал участие в доносе на них, кто скрыл известие

о кончине кого-либо из них или не выказал скорбь надлежащим образом; ссылка за такие деяния, как, напр., изготовление ядов, к-рая не отменялась даже в случае отмены приговоров. Эти ссылки по содержанию не отличались от обычных, но исполнение приговора было более жестким, напр. не действовал ряд привилегий.

Право оперировало также понятием степени наказания (*дэн*), напр., в связи с особыми обстоятельствами совершения преступления полагалось увеличить или уменьшить наказание на то или иное кол-во степеней по сравнению с предписанным по стандарту. В основном разновидности наказаний соответствовали степеням, но были исключения. Когда наказание надо было уменьшить, все три разновидности ссылки сводились в одну степень, то же самое происходило с обеими разновидностями смертной казни. Т.о., при уменьшении наказания 20 разновидностей *у син* сводились в 17 степеней. В этом был определенный гуманизм: в ситуациях с наиболее суровыми наказаниями уменьшение резко понижало тяжесть карательных санкций, уже одной степенью понижения делая невозможной смертную казнь, а двумя — и ссылку. При увеличении же наказания все разновидности приравнивались к степеням, но перерасти в смертную казнь наказание не могло, если только это не было оговорено специально. Автоматич. увеличение наказания более чем до ссылки на 3000 *ли* не допускалось. Более того, даже если в тексте соответств. статьи содержалось указание на то, что при увеличении по степеням мерой наказания может быть смертная казнь, это всегда было только удавление, но ни в коем случае не обезглавливание. Значит, при увеличении наказания 20 разновидностей сводились в 19 степеней. Особые ссылки (*у лю*) в шкалу степеней не входили. В этом также просматривается тенденция к максимально представимой для данной культуры мягкости по отношению к преступникам.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 1–5. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); *Ниида Нобору*. То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964; Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Ч. 1 / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. М., 1997, с. 304–305; Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цз. 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999, с. 76–80; The T'ang Code. Vol. 1. General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979, p. 55–61. ****** *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986.

В.М. Рыбаков

У ХАНЬ

吳晗

У Хань, У Чунь-хань, У Чэнь-бо. 1909, уезд Иу пров. Чжэцзян, — 11.10.1969, Пекин. Историк, драматург и публицист.

Его отец был *сю цаем* в последние годы правления дин. Цин. С 7 лет У Хань прилежно учился в деревенской школе, любил читать ист. романы и книги. Уже в 11 лет прочитал ист. свод «Юй пи тун цзянь» («Высочайше утвержденное собрание „Всеобщих зерцал" в порядке очередности династий», составлен по указу имп. **Цянь-луна**). В средней школе познакомился с работами **Лян Ци-чао**, покупал и читал дин. истории. Закончив школу в 1925, из-за тяжелого материального положения семьи устроился учителем в начальной школе своей деревни. Однако он хотел продолжить образование. Юноша уехал в Ханчжоу и поступил в частный ун-т. Мать помогла ему деньгами, продав свои свадебные подарки. Через год ун-т закрыли, У Хань переехал в Шанхай и поступил в филиал Кит. нац. ун-та. В нач. 1930 он написал курсовую работу «Экономич. обстановка в период Зап. Хань». Ее одобрил ректор ун-та **Ху Ши** (1891–1962; см. также т. 1), читавший лекции по истории кит. культуры, и У Хань обратился к Ху Ши с просьбой стать его науч. руководителем. Вскоре Ху Ши покинул Шанхайский ун-т. У Хань также решил уехать и уже в авг. 1930 приехал в Пекин. На ист. ф-т Яньцзинского

ун-та ему не удается поступить из-за плохого знания англ. яз., и он много занимается в Пекинской б-ке, изучая кит.-яп. материалы и источники. В февр.–марте 1931 он написал «Биографию Ху Ин-линя» («Ху Ин-линь чжуань»), затем составил «Хронику жизни Ху Ин-линя» («Ху Ин-линь нянь-пу») объемом в 30–40 тыс. знаков. «Хронику» он отослал 5 мая 1931 Ху Ши, к-рый заинтересовался этой работой. С этого времени Ху Ши помогал У Ханю и имел на последнего большое влияние.

В нач. авг. 1931 У Хань поступил в ун-т Цинхуа и сам оплачивал свою учебу. По ходатайству Ху Ши устроился на работу в ист. архив, получая 25 серебряных долл. в месяц. После окончания в 1934 ун-та Цинхуа преподавал там историю. В 1937–1946 У Хань — проф. Юньнаньского ун-та в г. Куньмине, проф. ун-та Юго-Зап. Китая. В 1944 вступил в Демократич. лигу Китая. В 1946–1948 — проф. ун-та Цинхуа; в 1949–1952 — декан ист. ф-та ун-та Цинхуа, директор Ин-та лит-ры. В 1949–1954 — чл. Комитета по делам культуры и просвещения Гос. административного совета Китая, чл. правления Об-ва кит.-сов. дружбы. В 1949–1965 чл. бюро Всекит. комитета НПКСК, начальник секретариата, зам. руководителя Всекит. федерации молодежи, зам. руководителя пр-ва Пекина, чл. Комитета научного об-ва философов АН Китая, пред. Пекинской ассоциации историков. В 1957 вступил в КПК. В 1958 на III съезде Демократич. лиги Китая был избран зам. пред. Центр. комитета.

Занимался исследованием древней и ср.-век. истории Китая. Писал очерки по общей истории Китая (в 5 т.), периоду Юань (1271–1368). Опубликовал серию работ по эпохе Мин (1368–1644), в т.ч. «Лунь Хай Жуй» («О Хай Жуе») — о прославленном своей честностью чиновнике Хай Жуе, к-рый был несправедливо расжалован, «Чжу Юань-чжан чжуань» («Жизнеописание Чжу Юань-чжана»; рус. пер.: 1980) — о первом минском имп. Тай-цзу (**Чжу Юань-чжан**, 1368–1398), и др. В 1961 была впервые поставлена его пьеса «Хай Жуй багуань» («Разжалование Хай Жуя»; рус. пер.: 1976, 1983). С окт. 1961 по июль 1964 вместе с **Дэн То** (см. т. 3) и зав. отделом Единого фронта столичного горкома партии Ляо Мо-ша напечатал в журн. Пекинского горкома «Цянь-сянь» («Передовая») серию публицистич. статей «Сань цзя цунь чжацзи» («Записки из села Трех»), из 67 статей 21 была написана У Ханем. В статьях иносказательно осуждались отрицательные явления жизни совр. кит. об-ва. 10 нояб. 1965 в шанхайской газ. «Вэнь хуйбао» появилась подписанная одним из членов «группы четырех» (**сы жэнь бан**) Яо Вэнь-юанем статья с критикой пьесы «Хай Жуй багуань». У Хань был обвинен в том, что в пьесе, основанной на эпизоде из истории ср.-век. Китая, якобы намекал на несправедливость гонений и разжалование министра обороны **Пэн Дэ-хуая**, давшего негативную оценку «большому скачку» и народным коммунам в 1959. Публикация статьи, предварительно просмотренной и одобренной **Мао Цзэ-дуном**, послужила сигналом к началу **«культурной революции»**. В нач. 1968 У Хань был арестован. В окт. 1969 погиб в тюрьме. Так же трагически погибли его жена и дочь. См. также ст. **У Хань** в т. 3.

***** *У Хань.* Юань дай чжи шэхуй (Общество периода династии Юань). Пекин, 1936; *он же.* Чжунго лиши чанши (История Китая: Популярный очерк): В 5 т. Пекин, 1964; *он же.* Чжу Юань-чжан чжуань (Жизнеописание Чжу Юань-чжана). [Б.м.], 1972; У Хань цзивэнь сюань (Публицистические статьи У Ханя). Пекин, 1979; *он же.* Мин ши цзянь шу (Краткая история эпохи Мин). Пекин, 1980, 2005; У Хань шисюэ луньчжу сюаньцзи (Исторические работы У Ханя): В 4 т. Пекин, 1984–1988; *он же.* Жизнеописание Чжу Юань-чжана. М., 1980; *он же.* Разжалование Хай Жуя: Ист. драма в 9 д. // Иностр. лит. 1976, № 10, с. 143–170; то же // Избр. произведения драматургов Азии. М., 1983, с. 162–204. ****** *Су Шуан-би*, *Ван Ху-чжи.* У Хань // Чжунгун дан ши жэньу (Люди из истории КПК). Т. 7. Сиань, 1983, с. 244–294; Цинхуа дасюэ ши гао (История университета Цинхуа). Пекин, 1981; У Хань юй «Хай Жуй багуань» (У Хань и «Разжалование Хай Жуя»). Пекин, 1979; Цы хай. Лиши фэньцэ: Чжунго сяньдайши (Море слов. Разд. История: Современная история Китая). Шанхай, 1984, с. 211; *Ansley C.M.* The

Heresy of Wu Han: His play «Hai Jui's Dismissal» and its Role in China's Cultural Revolution. Toronto, 1971; *Mazur M.G.* Intellectual Activism in China during the 1940s: Wu Han in the United Front and the Democratic League // CQ. 1993, № 133, p. 27–55; *Pusey J.R.* Wu Han: Attacking the Present through the Past. Cambr. (Mass.), 1969.

В.Н. Усов

У-ХОУ

武后

У-хоу, У Цзэ-тянь, У Чжао, У Хуа-гу, У Мэй. 624, уезд Вэньшуй (совр. пров. Шаньси), — 705, Лоян. Единственная женщина-правитель в истории Китая, принявшая титул «император» (*хуан-ди*). Правила Поднебесной сначала как императрица (*хуан-хоу*, *тянь-хоу*) при супруге имп. Гао-цзуне (650–683), потом в качестве регентши при сыновьях имп. Чжун-цзуне (684) и имп. Жуй-цзуне (684–690), а затем самовластно (690–705). Отец У-хоу — У Ши-хо происходил из клана У из Бинчжоу (пров. Шаньси), близ Тайюани, наместником к-рой в 617 был назначен Ли Юань, будущий танский имп. Гао-цзу (618–626). У Ши-хо, богатый торговец лесом, оказал ему поддержку в начале Тайюаньского восстания и впоследствии занял в танском пр-ве должность министра обществ. работ (*гунбу шаншу*), а затем был назначен губернатором (*дуду*) г. Личжоу пров. Сычуань. Мать У-хоу происходила из имп. рода Ян дин. Суй (581–618). В 637 в возрасте 14 лет У Цзэ-тянь была призвана во дворец в качестве наложницы 5-го ранга (*цай-жэнь*) имп. **Тан Тай-цзуна** (627–649). По преданию, связь между У-хоу и наследником престола Ли Чжи, будущим Гао-цзуном, возникла уже в это время. После смерти Тай-цзуна в 649 У Цзэ-тянь вместе с др. женами и наложницами, не родившими детей императору, была сослана в монастырь Ганье-сы, где провела 2 года. В 651 Гао-цзун посетил Ганье-сы и призвал У Цзэ-тянь вновь во дворец. Вскоре она стала супругой 2-го ранга (*чжао-и*), а в 655, после низложения императрицы Ван, супруги Гао-цзуна, была провозглашена императрицей (*хуан-хоу*). Благодаря большому влиянию на Гао-цзуна У-хоу за неск. лет удалось избавиться от высших сановников старшего поколения, к-рые выступали против ее возвышения. В 655 были отправлены на службу в провинцию Лю Ши и Чу Суй-лян, в 657 — Хань Юань и Лай Цзи, в 659 разжалован и сослан в Цяньчжоу (пров. Гуйчжоу) соратник Тай-цзуна, брат его супруги, Чжансунь У-цзи, к-рому вскоре было велено покончить жизнь самоубийством.

С 655 У-хоу активно участвовала в гос. делах, в 674 в меморандуме на имя императора она предложила осуществить «12 принципов управления», направленных на упорядочение налоговой системы и бюрократич. аппарата. В 674 впервые в истории Китая Гао-цзун принял титул Небесный император (*тянь-хуан*), а У-хоу — Небесная императрица (*тянь-хоу*). После смерти Гао-цзуна престол занял Чжун-цзун — Ли Сянь, а У Цзэ-тянь приняла титул Вдовствующей императрицы (*тай-хоу*). Попытка Чжун-цзуна возвысить своего тестя Вэй Сюань-чжэня привела к тому, что У Цзэ-тянь своим указом разжаловала императора до статуса Лулин-вана и сослала в Цзюньчжоу (пров. Хубэй). В том же году императором стал ее 4-й сын Жуй-цзун — Ли Дань. Сместив его в 690, У Цзэ-тянь провозгласила себя императором (*хуан-ди*), установив новую дин. Чжоу (690–705). В 705 под давлением чиновников, лояльных дому Тан, среди к-рых были Чжан Цзянь-чжи, Цуй Сюань-вэй, Цзин Хуй, Хуань Янь-фань, Юань Шу-цзи, У Цзэ-тянь отреклась от престола в пользу Чжун-цзуна. В том же году она скончалась и была захоронена в могилу к Гао-цзуну. Стелу над могилой оставили по велению У-хоу без надписей, чтобы потомки сами имели возможность начертать письмена о ней и ее заслугах.

Источником долговременности царствования У-хоу стали рациональные, отвечавшие потребностям момента преобразования в сферах экономики, налогообложения, военно-администр. управления и культуры. Социальную основу режима составили средние и низшие слои служилого сословия, к-рым экзаменац. система, приобретшая при У-хоу регулярный и гибкий характер, предоставила реальный доступ к высшим гос. должностям. Отличаясь в целом

консерватизмом, политика У-хоу содержала ряд новаторских элементов, к к-рым относятся прежде всего изменения в ритуальной практике. В 666 впервые в кит. истории императрица участвовала вместе с императором в ритуале Великих жертвоприношений Небу и Земле (**фэн шань**; см. т. 2), в к-ром приняли участие также и др. женщины — родственницы и наложницы императора, жены сановников и т.д. В 662 были изменены наименования большинства женских должностей внутридворцового аппарата, они приобрели более универсальный характер. Офиц. срок траура по матери был увеличен до трех лет и приравнен к сроку траура по отцу. Мерой, направленной на создание новой аристократии как полит. опоры собств. режима, стал пересмотр У-хоу составленного при Тай-цзуне «Ши цзу чжи» («Свод родов и кланов»). Вместо него был принят свод «Син ши лу» («Записи о фамилиях и родах»), в к-ром на первые места по знатности были поставлены кланы Ли, танского правящего дома, и У, откуда происходила императрица. Значительное внимание уделялось развитию экзаменац. системы (*кэ цзюй*), получившей большое распространение: кол-во обладателей степени *цзинь ши* среди премьер-министров (*цзайсян*) при У-хоу достигло 40%. Регулярными стали дворцовые экзамены (*дянь ши*), к-рые императрица проводила лично. Большое внимание в своей деятельности У-хоу, как и Тай-цзун, уделяла полит. взаимодействию с бюрократией. Под ее рук-вом был написан ряд сочинений о роли и предназначении высшего чиновничества, в т.ч. трактат **«Чэнь гуй»** («Правила подданных»; рус. пер.: И.Ф. Попова, 2001), а также «Ле нюй чжуань» («Биографии образцовых женщин»), «Бай ляо синь цзе» («Новые увещевания чиновникам»), «Юэ шу» («Книга о музыке»), «Сяо цзы чжуань» («Биографии почтительных сыновей»), «Шаоян чэн фань» («Правила управления, изложенные для наследника») и др. Опору режима У-хоу составили также буд. и даос. клерикальные слои. Обширные земли были переданы во владение буд. монастырей. Для обоснования легитимности своего правления императрица использовала идеи **буддизма** и **даосизма** (см. т. 1), в частности изложенную в «Сутре Больших облаков» («Махамегха-сутра», «Да юнь цзин») легенду о **Майтрейе** (см. т. 2), к-рый возродится в образе женщины – правителя мира, несущей всеобщее благоденствие. В 674 трактат **«Дао дэ цзин»** (см. т. 1, 3) вошел в список произведений, знание к-рых было необходимо для сдачи гос. экзаменов. Развитие экзаменац. системы содействовало и общему подъему культуры. Для увековечивания памяти о своем царствовании У-хоу ввела 19 новых иероглифов, в т.ч. *чжао* [*Ѕ*] («солнце и луна в пустоте»), обозначающий ее собств. имя Чжао. Внешнеполит. курс У-хоу продолжал политику Ранней Тан. В 679 был разгромлен Западноуйгурский каганат. В 668 завоеваны гос-ва Корейского п-ова. В 679 для укрепления границ на Юге было учреждено наместничество Аньнань (Умиротворенный Юг). В 705 между гос-вом Бохай, образованным в 698, и Танской империей установились торговые отношения. В целом, хотя традиционная кит. историография резко осуждала жесткий полит. курс У-хоу, он коснулся в основном высшей бюрократии и старых аристократич. кланов. На экономич. и социальную жизнь Кит. империи реформаторская деятельность У-хоу оказала благотворное влияние.

* *У Цзэ-тянь.* Чэнь гуй (Правила подданных). Шанхай, 1936 (ЦШЦЧ; Т. 893); *Попова И.Ф.* Наставление «Правила подданных» («Чэнь гуй») танской императрицы У-хоу: Предисл., пер. и коммент. // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. М., 2001, с. 127–168.

** *Демидова М.И.* Императрица У-хоу и Дуньхуанская библиотека // IV НК ОГК. Вып. 1. 1973, с. 170–173; *Гао Ши-юй.* Тан дай фунюй (Танские женщины). Сиань, 1988; *Дай Кай-цзюнь.* У Цзэ-тянь моу чжэн цзин го ды цзюцзю фанлюэ (99 направлений политики У Цзэ-тянь). Пекин, 2001; *Дуань Та-ли.* Тан дай фунюй дивэй яньцзю (Исследование положения женщин при Тан). Пекин, 2000; *У Фэн*, *Чан Вань-шэн.* Нюйхуан У Цзэ-тянь (Императрица У Цзэ-тянь). Ляонин, 1986; *Хэ Лэй.* У Цзэ-тянь чжуань (Биография У Цзэ-тянь). Куньмин, 1992; *Чжу Цзы-янь.* Хоугун чжиду яньцзю (Исследование системы Внутреннего дворца). Шанхай, 1998; *Ян Цзянь-хун.* У Цзэ-тянь синь чжуань (Новая био-

графия У Цзэ-тянь). Ухань, 1993; *Chen Jo-shui.* Empress Wu and Proto-Feminist Sentiments in T'ang China // Imperial Rulership and Cultural Change in Traditional China. Taipei, 1995; *Fitzgerald C.P.* The Empress Wu. L., 1968; *Forte A.* Mingtang and Buddhist Utopias in the History of the Astronomical Clock: The Tower, Statue and Armillary Sphere Constructed by Empress Wu. Roma–Paris, 1988; *Guisso R.W.L.* Wu Tse-t'ien and the politics of legitimation in T'ang China. Bellingham (Wash.), 1978; *Popova I.F.* The Precept of T'ang Empress Wu-hou "The Rules for Subordinates" (*Ch'en-kuei*) // Russian Orientalists to the 36th ICANAS. M., 2000, p. 135–139.

Н.В. Коткова

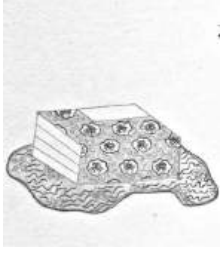
ФАН ЛЮЭ

方略

Фан люэ — «описание войн», «стратегический план», «стратагема» (см. **«Сань ши лю цзи»**). В традиц. кит. историографии обозначение категории ист. сочинений, составлявшихся при дин. Цин (1644–1911) и посвященных описаниям войн и усмирительных походов. Др. название таких трудов — *цзи люэ* («краткая история»).

В традиц. классификации ист. лит-ры эти труды отнесены к жанру «описание событий от начала до конца» (**цзи ши бэнь мо**), но в действительности они имеют все признаки самостоятельного жанра, становление к-рого происходило в кон. XVII — XVIII в. в империи Цин. Первыми сочинениями этого жанра стали «Пиндин сань ни фан люэ» («Описание усмирения трех изменников», 60 цз., 1682) — о подавлении «мятежа трех [вассалов-князей]» (*сань фань*) — У Сань-гуя и двух др. генералов в 1670-х; «Пиндин лоча фан люэ» («Описание усмирения русских», 4 цз., нач. 1690-х; рус. пер.: 1972) — описываются события, развернувшиеся вокруг Албазина и подписания Нерчинского договора (1689), и «Цинь чжэн пиндин шо мо фан люэ» («Описание государева похода и усмирение населения территории к северу от пустыни», 48 цз., 1708) — о действиях цинских войск в Халхе и их борьбе против джунгарского хана Галдана в 1690-х.

Появление нового, не имеющего глубоких корней в историограф. традиции жанра — событие неординарное. На создание подобных сочинений историков вдохновило отнюдь не стремление прославить подвиги императоров. Они решали иную, несравненно более важную задачу: необходимо было привести полит. практику властей, где военные дела играли большую роль, в строгое соответствие с офиц. доктриной, в к-рой места для подобных акций не было. И в «описаниях войн» многочисл. военные походы цинских императоров интерпретируются как особый вид мироустроения — важнейшей функции Сына Неба (*тянь цзы*), легитимного обладателя престола. В такой трактовке военная кампания приобретала характер своего рода ритуального, не сопровождающегося кровопролитием похода, завершающего консолидацию (*тун и*) территории империи. Не случайно стандартное название сочинений этого жанра начинается с формулы *пин дин* («успокаивать, умиротворять, усмирять»), к-рая напрямую отношения к войне не имела. Имп. Гао-цзун (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795) трактовал 10 крупнейших военных акций, осуществленных в XVIII в. под его непосредственным рук-вом, как «десять свершений», а себя приказал именовать «старцем десяти свершений» (*ши цюань лао*). О необычности данного жанра и его высоком статусе свидетельствует также и то, что в отличие от большинства др. офиц. трудов, составление к-рых курировали **Ханьлинь академия** (см. т. 1) и Гос. канцелярия (*Нэйгэ*), «описания войн» готовились под эгидой Военного совета (**Цзюньцзичу**), к-рый занимал центр. место в системе цинской государственности. В его состав входило спец. учреждение — Комитет по составлению и хранению «описаний войн» настоящей династии (*Фанлюэгуань*), впервые созданный в 1749. Комитет, возглавляемый одним из руководителей Цзюньцзичу или одним из членов императорского дома, функционировал не постоянно, каждый раз его работа возобновлялась по указу императора. В подготовке текста принимали участие группы сановников, нередко непосредств. участ-



ники описываемых событий. По данным кит. историка Ли Цзун-туна, было составлено 23 «описания войн» объемом 2835 цз., но, возможно, их было намного больше. До кон. периода Цин была опубликована лишь часть трудов жанра *фан люэ*. Большой их комплект вошел в состав многотомной серии, опубликованной на Тайване в кон. 60-х – нач. 70-х XX в.

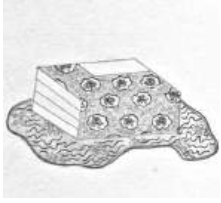
* Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы в 2 т. Т. 2: 1686–1691. М., 1972, с. 660–701. ** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 102–105; *он же.* Китай XVII–XVIII вв.: Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988; *Ван Шу-минь.* Шибу яоцзи цзети (Аннотации на важнейшие труды по разделу истории). Пекин, 1981; *Ли Цзун-тун.* Чжунго шисюэ ши (История китайской историографии). Пекин, 1984.

Б.Г. Доронин

ФАН ЧЖИ

方志

Фан чжи, *дифан чжи* — историко-географические описания. Жанр кит. ист. лит-ры. В традиц. классификации это самая многочисл. категория трудов комплексного характера, содержащих различные сведения о регионах и сводные описания гос-ва. Уже на ранних этапах становления жанра определяются две темы, к-рые доминируют в сочинениях, посвященных регионам: история и «устроение земель» (*ди ли*), позже отождествляемое с понятием «география». Объединение обеих тем в одном сочинении и включение в него иной необходимой властям информации о регионе и определило развитие жанра *фан чжи*. По данным кит. историков, до наших дней дошло 7413 таких сочинений общим объемом 109 413 цз. Бóльшая их часть готовилась под эгидой местных властей и составляла основу офиц. историописания регионального уровня. Именно казенные труды определяли лицо жанра, хотя немало описаний, особенно на начальном этапе существования жанра, готовились в частном порядке. Описания изначально имели прикладной характер: их осн. предназначение — обеспечить власти необходимой информацией о регионе. Важны они были и для самого региона — местной элите представлялся удобный случай заявить о себе. Использовались эти сочинения и для воспитания местного патриотизма, укрепления земляческих, а возможно, и клановых связей. Составители, руководствуясь доктриной Небесного мандата (**тянь мин**; см. т. 2), исходили из того, что происходящее в регионе являлось отражением правления династии, эффективности мироустроительной силы монарха. Это определяло характер включенных сведений и композицию сочинения; негативные факты не фиксировались. Бóльшая часть описаний составлялась по унифицированной единообразной схеме, где были определены наиболее важные с т. зр. властей аспекты жизни региона, поэтому их основу составлял стандартный и весьма своеобр. набор сведений. Одно из центр. мест отводилось жизнеописаниям местных знаменитостей; были представлены определенные сведения о хозяйств. жизни региона. Многое из того, что сообщалось в *фан чжи*, было уникально — другие труды подобной информации не содержали. Представление о ее характере может дать, напр., оглавление «Сводного описания пров. Шэньси» («Шэньси тун чжи»). В нем представлены след. рубрики: астрономич. положение по отношению к созвездиям (*син е*), изменение названий и границ (*цзянь чжи*), границы (*цзян юй*), горы и реки (*шань чуань*), города (*чэн и*), присутственные места (*гун шу*), заставы и мосты (*гуань лян*), пожалования и почетные достоинства (*фэн цзюэ*), чины (*чжи гуань*), дань и подать (*гун фу*), учеб. заведения (*сюэ сяо*), жертвоприношения (*цы сы*), отбор и назначение на должность (*сюань цзюй*), войска и военные поселения (*бин фан*), почта (*и чуань*), амбары и перевозка зерна (*тунь юнь*), ирригация (*шуй ли*), законы о соли (*янь фа*), чай и лошади (*ча ма*), предметы местного производства (*у чань*), нравы и обычаи (*фэн су*), добрые предзнаменования и необычайное (*сян и*), имп. генеалогия (*ди си*), знаменитые чиновники (*мин хуань*), биографии достойных людей (*жэнь у*), кладбища (*лин му*), памятники древности (*гу цзи*), конф. канон (*цзин цзи*), описание событий (*цзи ши*), возвышенные звуки (*дэ инь*), лит. произведения (*и вэнь*), дополнения (*ши и*).



В своем становлении жанр прошел долгий путь от различного рода материалов (в т.ч. и картографических), содержащих сведения о регионе, до сводных всекит. трудов. Первые сочинения появляются на заре кит. государственности, — уже тогда сбор сведений о положении дел в регионах рассматривался как непременное условие ее нормального функционирования. По мнению кит. историков, жанр берет начало с главы «Юй гун» «Канона истории» («Шан шу»; см. **«Шу цзин»**) — одного из центр. сочинений конф. канона, и «Канона гор и морей» (**«Шань хай цзин»**; см. т. 1). Немало данных о разл. частях древнего Китая содержали истории царств, составлением к-рых занимались спец. чиновники. Отработка принципов орг-ции материала в описаниях и определение места *фан чжи* в системе историописания шли постепенно. Предшественниками *фан чжи*, по мнению нек-рых кит. историков, являются *цзи чжи* — записи, посвященные географии и истории различных р-нов страны, а также *ту цзин* — географ. карты с пространными текстами. Важным рубежом в истории жанра стали VII–VIII вв., когда при дин. Тан появились комплексные описания регионов и империи, а их составление начали курировать власти. Окончательное его становление произошло на рубеже I–II тыс. в эпоху Сун. В библиограф. разделе «Истории Сун» (**«Сун ши»**) зарегистрировано более 100 подобных сочинений. Иногда их еще продолжают именовать *ту цзин*. Высшей точки своего развития жанр достиг к XVII–XVIII вв. В империи Цин описания стали активно использоваться в полит. практике властей. В условиях становления нового режима, формирования им сильного полит. центра и эффективного управления огромной территорией информация, содержавшаяся в *фан чжи*, приобретала особую цену. К тому же составление огромного кол-ва описаний регионов позволяло привлечь к этой работе мн. представителей местной ученой элиты, сломав т.о. традиционную для нее оппозицию новой династии. Одновременно это являлось важным средством полит. и идеологического контроля. Цинские правила для чиновника любого ранга, вступающего в должность или отправляющегося служить на периферию, предусматривали обязательное ознакомление с местными описаниями. Именно в этот период была подготовлена бóльшая часть всех созданных *фан чжи* и наиболее полно раскрылись все свойственные жанру черты. Ядро жанра в то время составляла серия взаимосвязанных и дополняющих друг друга описаний основных администр. единиц империи различного уровня. Основным звеном были описания провинций — обширные компиляции, выполненные на базе широкого круга источников. Было предусмотрено регулярное обновление всех описаний. Система замыкалась на сводных описаниях империи (*и тун чжи*), впервые появившихся в кон. XIII в. В эпоху Цин они составлялись трижды, каждый раз пополняясь новыми материалами, в т.ч. и заимствованными из региональных описаний и нек-рых офиц. источников. Это были фундаментальные многотомные сочинения (последний вариант сводного описания империи Цин, подготовленный в 1847, состоял из 560 цз.). Круг вопросов, освещавшихся в описаниях империи, и их композиция, естественно, отличались от региональных *фан чжи*, но принципы, положенные в основу жанра, для описания любого уровня были едины и неукоснительно соблюдались.

Небывалый расцвет жанра *фан чжи* в империи Цин потребовал его спец. изучения и выработки рекомендаций по его совершенствованию. Эту задачу впервые в кит. историографии пытался решить крупнейший ученый того времени **Чжан Сюэ-чэн** (1738–1801).

Фан чжи — единств. компонент традиц. историописания, к-рый оказался востребован в наши дни: историки КНР активно работают над созданием совр. сочинений этого жанра.

** *Доронин Б.Г.* Историко-географические описания (фан чжи): К характеристике жанра // ИИИСАА. 1983, вып. 7, с. 54–71; *он же.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 149–162; *Ван Шу-минь.* Шибу яоцзи цзети (Аннотация на важнейшие труды по разделу истории). Пекин, 1981.

Б.Г. Доронин

ФАНЬ ВЭНЬ-ЛАНЬ

范文瀾

Фань Вэнь-лань, Фань Чжун-тань, Фань Юнь-тай. 15.11.1893, Шаосин пров. Чжэцзян, — 29.07.1969, Пекин. Историк, филолог. Получил традиц. образование в частной школе, потом обучался в гос. средней школе. В 1917 окончил филол. ф-т Пекинского ун-та. Преподавал в средних учебных заведениях Шэньяна и Тяньцзиня, а также в Нанькайском ун-те. В 20-е гг. публиковал работы по классич. кит. лит-ре. Его комментарии к лит. трактату **Лю Се** (465–520/21; см. т. 3) **«Вэнь синь дяо лун»** («Резной дракон литературной мысли»; см. т. 3), изданные первоначально в 1925 в виде лекций, а затем переработанные в 1958, входят в набор обязательной лит-ры при изучении совр. литературоведения. В 1926 вступил в КПК, однако после распада партячейки формально в партии не состоял. Повторно принят в КПК в 1939. В 1926 из-за угрозы ареста за прокоммунистич. высказывания перебирается в Пекин, где преподает в Пекинском ун-те и др. учебных заведениях. Неоднократно подвергался аресту по подозрению в сотрудничестве с КПК. С 1936 был на преподавательской работе в Хэнаньском ун-те (Кайфэн). С началом антияп. войны в 1937 активно занимается пропагандистской и др. работой по сопротивлению яп. агрессии. В 1940 прибыл в Яньань, где стал зав. кафедрой истории Ин-та марксизма-ленинизма, затем был преподавателем и пропагандистом в освобожденных районах. С основанием Ин-та новой истории АН Китая в 1950 стал его директором. Кандидат в чл. ЦК КПК 8-го созыва (1956) и чл. ЦК КПК 9-го созыва (1969).

Ист. труды Фань Вэнь-ланя заложили основы офиц. концепции истории Китая, принятой в КНР. В 1940 он приступил к созданию учебника по истории Китая для системы парт. учебы. В 1941 вышел т. 1 «Чжунго тунши цзяньбянь» («Общая история Китая в краткой редакции», «Краткая история Китая»), а в 1942 — т. 2. Позднее, в 1946, был подготовлен т. 3. Он вышел как первый том отдельного издания, озаглавленного «Чжунго цзиньдай ши» («Новая история Китая»). Все вместе эти работы обнимали период кит. истории с древности до восстания *ихэтуаней* в 1900. В 1950–1960-х Фань Вэнь-лань продолжал работать над испр. редакцией «Краткой истории Китая». При его жизни вышли ч. 1–2 и два тома ч. 3 (соответственно в 1953, 1957 и 1965), остальные два тома ч. 3, а также ч. 4 (до начала «опиумных» войн) были изданы посмертно. Новыми для кит. историографии стали систематич. применение в книге марксистской методологии и последовательное стремление ее адаптации к особенностям ист. процесса в Китае. Марксизм представлен в работе не только как научная методология, но и как авторское убеждение и классовая позиция. Фань Вэнь-лань ставил задачу написать историю, к-рая «нужна кит. народу» и к-рая была бы «историей самого народа». Повествование следовало привычному для кит. читателя порядку смены династий, но методологически в книге представлена марксистская периодизация с выделением в истории Китая первобытного, рабовладельческого и феодального периодов. Эпоха феодализма делится на начальный, средний и поздний этапы. Автор анализировал закономерности развития кит. истории и объяснял раннее образование единого гос-ва, высокую степень экономич. и культурного развития древнего и ср.-век. Китая стабильностью и богатым творческим потенциалом кит. нации. Он подчеркивал, что китайцы — это уникальная нация, сформировавшаяся в особых социальных условиях. Творцом истории в «Краткой истории» выступает трудовой народ. Теория классовой борьбы используется в качестве метода анализа ист. развития кит. об-ва. Ход истории описан как объективный процесс разложения правящего феодального класса, ужесточения эксплуатации крестьян и, как результат, взрыва народного гнева в виде крестьянских восстаний. Тем самым протест эксплуатируемых представлен как движущая сила истории.

В «Новой истории Китая» Фань Вэнь-лань предложил марксистскую периодизацию этой ист. эпохи. Были выделены 4 больших периода, соотносившиеся с крупными ист. событиями: 1) 1840–1864 («опиумные» войны, движение *тайпинов*); 2) 1864–1895 (франко-кит., японо-кит. войны); 3) 1895–1905 (реформы 1898, восстание *ихэтуаней*); 4) 1905–1919 (Синьхайская революция, «дви-

жение 4 мая»). Гл. содержанием эпохи автор считал постепенное превращение Китая в полуфеодальное и полуколониальное об-во. Обществ. кризис проявлялся в усилении разрыва между интересами народных масс и правящего класса. Высоко было оценено Фань Вэнь-ланем ист. значение народных антимонархич. и антифеодальных движений. Автор постарался объективно представить состояние правящего феодального класса и дать оценку отдельным ист. личностям. Он также выдвинул ряд конкретных идей относительно ист. места и характера движения за усвоение иностр. опыта, восстания *ихэтуаней*, а также присущих крестьянским движениям идеологич. незрелости и полит. слабости. Все они в дальнейшем получили поддержку и развитие в работах историков КНР. Подходы, оценки, характеристики, периодизация и мн. др. положения указанных работ Фань Вэнь-ланя стали во многом эталонными для последующей историографии КНР. Популярности его работ способствовали также широта охвата событий и явлений истории Китая, подробность и ясность изложения.

***** Фань Вэнь-лань лиши луньвэнь сюаньцзи (Избр. статьи Фан Вэнь-ланя по истории). Пекин, 1979; Фань Вэнь-лань цзи (Сб. статей Фань Вэнь-ланя). Пекин, 2001; Фань Вэнь-лань цюаньцзи (Полн. собр. соч. Фань Вэнь-ланя): В 10 т. Шицзячжуан, 2002; *он же.* Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901. М., 1955; *он же.* Древняя история Китая. М., 1958; *Fan Wen-lan.* Neue Geschichte Chinas. B., 1959. ****** Фань Вэнь-лань // Китайская философия: Энц. словарь. М., 1994, с. 348; Фань Вэнь-лань чжуаньлюэ (Краткая биография Фань Вэнь-ланя) // Чжунго сяньдай шэхуй кэсюэцзя чжуаньлюэ. Тайюань, 1983, № 4; Чжунго дандай шэхуй кэсюэ минцзя (Известные современные китайские обществоведы). Пекин, 1989; *Чэнь Ци-тай.* Фань Вэнь-лань ды шисюэ (Историческая наука Фань Вэнь-ланя) // Синь шисюэ у да цзя. Пекин, 1996; *он же.* Фань Вэнь-лань сюэшу сысян пинчжуань (Критическое описание научной мысли Фань Вэнь-ланя). Пекин, 2000; *Ли Син.* Фань Вэнь-лань ды цзигэ «шиу» (Несколько «промахов» Фань Вэнь-ланя // Байнянь чао. 1997, № 5; *Дун Юй-куй.* Синь шисюэ цзунши: Фань Вэнь-лань чжуань (Основоположник новой исторической науки: Биография Фань Вэнь-ланя). Ханчжоу, 2004.

В.М. Майоров

ФАНЬ ЦЗО

反坐

Фань цзо — «обратная ответственность». Специфич. механизм традиц. кит. права, применявшийся в таких ситуациях, как наказание клеветников за ложный донос, следователей за подведение под наказание невиновных или выведение из-под наказания виновных, чиновников, вынуждавших свидетелей давать неверные показания, способные увеличить или уменьшить приговор относительно правильного, т.е. предусмотренного Кодексом (см. **«Тан люй шу и»**), и пр.

Общим правилом «обратной ответственности» было применение к клеветнику того самого наказания, к-рое получил бы оклеветанный, если бы донос был признан справедливым. Аналогично действовал этот принцип в тех ситуациях, если некто давал показания, способные подвести человека под наказание, и в иных подобных ситуациях. То же самое происходило, если кто-то реально виновный выводился из-под наказания. Тогда виновный в этом выведении мог получить то же наказание, от к-рого он спас преступника. Если речь шла не о доносе на невиновного и не о полном обелении виновного, а о том, что кто-то своими показаниями или иными действиями способствовал занижению или завышению меры наказания относительно предусмотренного по закону, по принципу «обратной ответственности» виновный в таком искажении получал наказание, соответствующее разнице между правильным наказанием и тем, какое полагалось бы согласно его показанию, доносу, обвинению и пр. Для ситуаций, когда, напр., клеветник и оклеветанный принадлежали к различным социальным или иным группам, к членам к-рых наказания применялись различно, были разработаны сложные методики достижения эквивалентности. Напр., должностные наказания

(чу мянь) имели эквивалентное выражение в основной шкале наказаний **у син**: разжалование **(чу мин)** приравнивалось к трем годам каторги (*му* [*4*]), лишение должностей **(мянь гуань)** — к двум, лишение занимаемой должности **(мянь со цзюй гуань)** — к одному году. Если донос о преступлении чиновника, за к-рое его полагалось бы разжаловать, поступал от клеветника, не имевшего должностей, к-рого разжаловать было невозможно, его наказывали тремя годами каторги.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 342. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цз. 17–25 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 2005, с. 251–256; The T'ang Code. Vol. 2: Specific Articles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1997, p. 386–389. ****** *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М., 1986.

В.М. Рыбаков

ФАНЬ ЧЖУН-ЯНЬ

范仲淹

Фань Чжун-янь, Фань Си-вэнь. 989, Усянь округ Сучжоу (совр. Сучжоу пров. Цзянсу), — 1052. Гос. деятель, литератор, один из родоначальников реформаторства эпохи Сун, предшественник **Ван Ань-ши** (см. также т. 1, 3). Испытал влияние взглядов ученых-конфуцианцев Ху Юаня (993–1059) и Сунь Фу (992–1057). Имел высшую ученую степень *цзинь ши*. Преподавал в частной академии *Интянь* (совр. пров. Хэнань). Служил в провинции, затем в столице, был управляющим инспекцией учебных заведений, временным правителем столичной обл. Кайфэн. В 1036 за подачу императору доклада против фаворитизма сослан в провинцию. За отличия в войне с тангутским гос-вом Западная Ся (Си Ся) и в подавлении крестьянских восстаний в 1040 назначен помощником *цзайсяна* (гл. министра). В 1043 подал на высочайшее имя доклад, содержащий проект политико-экономич. реформ. В 1044, не успев приступить к их осуществлению, был сослан за границу. Основные сочинения сведены в сб. «Фань Вэньчжэн-гун цзи» («Собрание сочинений Фаня — князя Культурной Правильности»).

Особое внимание в проекте реформ Фань Чжун-янь уделил проблеме обучения чиновников, связывая с их деловыми качествами судьбу гос-ва. Предложил изменить содержание экзаменов на ученые степени, открывавшие путь к чиновничьей карьере: на первый план ставить не умение сочинять в древних поэтич. жанрах **фу** (ода; см. т. 3) и **ши** (песня-стих; см. т. 3), а способность толковать классические конф. «Шесть канонов» («Лю цзин»; см. **«Ши сань цзин»** в т. 1), свидетельствующую о постижении испытуемыми принципов конф. мировоззрения. Для этого рекомендовал ввести в программу экзаменов сочинение в жанре *цэ* [*2*] («замысел», «план») и *лунь* («суждение») на темы идеологической, полит., хозяйственной практики, ист. опыта и т.п., а вместо комментирования классиков — толкование смысла канонов (*цзин* [*1*]) в свете задач, стоящих перед страной, прежде всего задачи предотвращения «смуты» в гос-ве. Прошедшие такие испытания доказали бы свою способность на воплощение идеи «упорядочивающего управления» Поднебесной **(цзин цзи**; см. т. 1). По Фань Чжун-яню, «добродетель заключается в хорошем правлении, а правление — в обеспечении народа».

Полагал, что «путь государя» (*ван дао*) не сводится к механич. копированию древних образцов, поэтому «восстановить» его невозможно, но можно следовать ему, опираясь на познание сути конф. канонов. Добивался ограничения привилегий крупных чиновников, в т.ч. назначения их сыновей на должности, выступал против системы повышения в должности за выслугу лет. Предлагал создание системы поручительства, при к-рой рекомендующий был бы лично ответствен за лояльность рекомендуемого. Считал необходимым восстановить земельные наделы, предназначенные для «кормления» администраторов, и строго следить за соответствием их площадей рангу чиновника. Предложил программу поощрения земледелия, развертывания казенных ирригационных работ с учетом специфики разных регионов, что должно было

обеспечить достаток земледельцам и увеличение налоговых поступлений. Рекомендовал для прекращения оттока рабочих рук из земледелия уменьшить казенные повинности. Выдвинул идею восстановления существовавшей в эпоху Тан (VII–X вв.) системы сочетания воинской службы с занятием земледелием, что уменьшило бы военные расходы и усилило контроль за армией.

* *Фань Чжун-янь.* Фань Вэньчжэн-гун цзи (Собр. соч. Фаня, князя Культурной Правильности). Шанхай, [б.г.]. (СБЦК. Разд. Цзи. Т. 45).
** *Лапина З.Г.* Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970, с. 125–149; *она же.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985; Сун Юань чжэнчжи сысян ши (История политической мысли в эпохи Сун и Юань). Тайбэй, 1969.

З.Г. Лапина, Сюй Юань-хэ

Фа-цзя *см.* **Легизм**.

ФА-ШУ-ШИ

法術勢

Фа-шу-ши («закон–искусство–власть/насилие») — термин, выражающий триединство основных установок **легизма** (см. также т. 1). Под «законом» (**фа** [**1**]; см. т. 1) имелись в виду нормы поведения, гарантией соблюдения к-рых является сила принуждения гос-ва; под «искусством» (*шу* [*2*]) — тактические установки и применение средств сохранения единовластия монарха; под «властью/насилием» (*ши* [*5*]) — статус государя и средства его утверждения. **Шан Ян** ставил на первое место в этой триаде закон, **Шэнь Бу-хай** — искусство, Шэнь Дао (все — IV в. до н.э.) — власть/насилие. **Хань Фэй** (III в. до н.э.; все ст. см. в т. 1)) синтезировал их идеи, создав целостное учение, акцентировавшее взаимообусловленность всех трех компонентов «правления на основе закона» (*фа чжи*).

А.Г. Юркевич

ФЕМИНИЗМ В КИТАЕ

女性主義

Феминизм в Китае (*нюйсинчжуи*). Проникновение идей феминизма в Китай шло извне как результат экстрарелигиозной деятельности христианских миссионеров.

Последние были традиционно активны в воспитании молодежи и особенно женщин. Именно с периода создания миссионерских школ большинство исследователей ведут историю женского вопроса в Китае. Такие школы создавались в открытых портах (первая школа для девочек была открыта в 1844, в 1902 их было уже несколько и в них обучалось ок. 4 тыс. девочек). Одни выпускницы становились женами новых политиков, бизнесменов Китая — они были подготовлены к общению с зап. женщинами; другие становились активными обществ. деятельницами, преданными сторонницами **Сунь Ятсена** (см. также т. 1), выступали за эмансипацию женщин.

Особенно активными сторонниками эмансипации женщин были известные кит. реформаторы. Так, напр., **Кан Ю-вэй** (см. также т. 1) в 1883 выступил против бинтования ног. Другой видный реформатор — **Лян Ци-чао** (см. также т. 1) вообще выдвинул идею тотального освобождения женщин. Он объяснял причину презрительного отношения мужчин к женщинам тем, что половина женщин, не принимая участия в производстве, потребляют определенную часть произведенного продукта. Но для участия в производительном труде женщине необходимо образование. Т.о., залог усиления нации он усматривал в образовании женщин.

Самый радикальный из реформаторов, **Тань Сы-тун** (см. также т. 1, 3), активно выступал против традиц. морали, в т.ч. за сексуальную либерализацию, правда в рамках вполне еще традиц. терминологии. Он настаивал, что мужчины и женщины — сущности Неба и Земли, что те и др. обладают многочисл. добродетелями, что они равны и рождены не только для похоти.

Первое жен. издание «Нюйбао», начавшее революц. пропаганду среди женщин, стало выходить в 1902 в Шанхае. В нем утверждалось, что освобождение

乙

женщин должно происходить не только сверху, но необходимо и освобождение снизу — женщины должны освободить себя сами. Тем не менее движение за освобождение женщин было инициировано мужчинами (что характерно для многих вост. стран). Начавшееся с Синьхайской революции 1911 полит. строительство в Китае привело к стимулированному сверху организац. оформлению жен. движения в стране, в т.ч. путем создания жен. орг-ций разной полит. направленности (так, при Гоминьдане в 1924 был сформирован Женотдел, при КПК — Союз женской эмансипации).

Существ. значение для развития феминизма в Китае имело «движение 4 мая» (*у сы юньдун*) 1919. Активно переводится зап. философская и худ. лит-ра, по-новому ставится идея пола: как в «высоком», руссоистско-ибсеновском плане, так и в плане хлынувшей из США гангстерско-порнографической продукции.

В 1929 в рамках Гоминьдана была образована Женская ассоциация, объединившая жен крупных полит. и финансовых деятелей Китая, представительниц обеспеченных слоев интеллигенции, получивших образование в зап. ун-тах (под патронажем супруги президента Кит. Республики **Чан Кай-ши** — Сун Мэй-лин). Один из первых инициированных Ассоциацией законов касался мужей, имеющих больше одной жены, к-рых следовало «подвергать строгому наказанию вплоть до заключения в тюрьму». Реально, однако, законы часто не проводились в жизнь, хотя нек-рые китаянки, опираясь на них, пытались бороться за свои права. Гоминьдан учитывал гендерный фактор, считая его более важным, чем классовый, и создавал спец. женские орг-ции (в т.ч. и для поддержки Единого фронта).

На территории, находившейся в сфере действия КПК, также шла законотворческая деятельность, направленная на предоставление женщинам равных прав. Так, в 1934 вступил в силу «Закон о браке Китайской Советской Республики», в к-ром запрещались браки, основанные на купле-продаже женщин, ин-т наложниц, обычай отдавать в жены сыну девочку, взятую на удочерение в раннем детстве, обычай выкупа невесты, система приданого и система залогов. Большинство статей было скопировано с Закона о браке СССР.

После 1949 законодательно было закреплено равенство женщин и мужчин перед законом; существовали гос. (и только) союзы женщин, деятельность к-рых и в КНР и на Тайване показывает, что их взгляды на женщину ограничивались видением ее лишь как матери (производительницы новых рабочих и солдат) и как производительной силы, энтузиазм к-рой надо было стимулировать в целях роста производства и укрепления гос-ва. В КНР при наличии положительных сдвигов (ликвидация неграмотности, профессиональная подготовка женщин, вовлечение их в производств. и обществ. деятельность) жизнь женщины, осложненная совмещением традиционных (матери и жены) и новых ролей, связанных с социальной, профессиональной реализацией, все более осложнялась. Равенство полов в определенной степени превращалось на практике в десексуализацию, оставляя без существ. изменений личностные отношения.

Науч. исследование жен. вопроса начала в 1980 «на негосударственном уровне», как реализацию личного интереса, преподаватель англояз. лит-ры Чжэнчжоуского ун-та (пров. Хэнань) Ли Сяо-цзян. Побудительным мотивом «новой феминистки КНР» стало стремление «вывести кит. женщин из летаргического сна, проявляющегося в характерной зависимости от гос-ва». С 1987 в Чжэнчжоу формируется негос. Центр жен. исследований под ее рук-вом. Инициатива была подвергнута критике со стороны рук-ва Всекит. федерации женщин, но одновременно побудила к орг-ции под эгидой ВКФЖ первых науч. конференций по изучению жен. вопроса в масштабах всей страны, что было вызвано также и оживающими традиционалистскими тенденциями в кит. об-ве в условиях новой экономич. политики.

Идеология феминизма в последней трети XX в. приобретает широкую популярность и на Тайване. По выработанным в мировом сообществе гендерным

показателям (процентная доля женщин среди законодателей всех уровней, старших менеджеров, высококвалифицированных специалистов и соотношение между доходами мужчин и женщин) Тайвань вышел на 1-е место в Азии и 21-е место в мире.

Вопросам феминизма в Китае посвящены многочисл. издания — как произведения худ. лит-ры (напр., сб. рассказов и повести известных кит. писательниц **Дин Лин** и **Чжан Цзе**; обе ст. см. т. 3), так и исследования совр. авторов; с 2004 в Пекине выходит журн. «Чжунго нюйсинчжуи» («Феминизм в Китае»). С развитием теоретич. базы феминизма в Китае идет формирование терминологии в этой сфере. Традиционно феминизм обозначают как *нюйсинчжуи*, на Тайване иногда — *нюйцюаньчжуи*. В наст. вр. более употребим термин *лянсинчжуи* — «гендер», «социальный пол». «Китаизация» феминизма, попытка произвести его от нац. корней и тем самым отмежеваться от Запада привели даже к появлению спец. термина *синь нюйсинчжуи* — «новый феминизм».

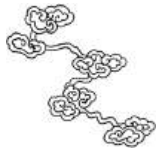
***** *Люй Сю-лянь.* Синь нюйсинчжуи (Новый феминизм). Тайбэй, 1974, 1986; *Ли Сяо-цзян.* Сява ды таньсо. Фунюй яньцзю луньгао (В поисках Евы: Эскиз женских исследований). Чжэнчжоу, 1988; *Ху Ин, Тан Сяобин.* Фунюй юньдун, нюйцюаньчжуи юй нюйсин лунь (Женское движение, феминизм и теории «женского вопроса») // Дандай. Тайбэй, 1988, № 27; *Гу Янь-лин.* У сы фуюнь ды чжибянь (Изменения женского движения в процессе «движения 4 мая») // Чжунго луньтянь, 1989, № 327; Дандай шицзе нючао юй нюйсюэ (Интернациональные тенденции современных женских исследований). Чжэнчжоу, 1990; *Ли Вэй-ша.* Сифан нюйцюань юньдун юй шэхуйчжуи фунюй юньдун бяоцзяо (Сравнение западного и социалистического женского движения) // Фунюй яньцзю. Пекин, 1990, № 6; *Лю Мэй-и, Чжэн Юн-фу.* Чжунго фунюй юньдун, 1840–1921 (Женское движение в Китае, 1840–1921). Чжэнчжоу, 1990; Фунюй яньцзю цзай Чжунго (Женские исследования в Китае). Чжэнчжоу. 1991; *У Хань.* Цун цзуйда дошу жэньда синьфу юаньцзе чуфа яньцзю нюйцюань вэньши (Попытка изучения вопроса о правах женщин с точки зрения теории о человеческом счастье) // Хуанань шифань дасюэ сюэбао. Шихуй кэсюэ бань. 2001, № 3;
****** *Аджимамудова В.С.* Юй Да-фу и литературное общество «Творчество». М., 1971; *Бергер Я.М.* Положение женщин в современном Китае // XXV НК ОГК. 1994; *Емельянова Т.М.* Проблемы женского движения в КНР (90-е годы) // Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Сб. докладов. М., 1995, ч. II; *Петр Иванов*, свящ. Из истории христианства в Китае. М., 2005; *Синецкая Э.А.* Элементы традиционализма в ментальности современной китаянки // V науч. сессия по историографии и источниковедению истории Китая, 7–9 апреля 1998 г. СПб., 2003; *она же.* О национальных особенностях китайского феминизма // XXXVII НК ОГК. 2007; *Черкасский Л.* Я рядом с корнем душу успокою: Монологи востоковеда. Иерусалим, 2001; Frauenforschung in China: Analysen, Texte, Bibliographie / Hrsg. von H. Frick, L. Mechthild, N. Spakowski). München, 1995; *Freudenberg M.* Die Frauenbewegung in China am Ende der Qing-Dynastie. Bochum, 1985; *Ono Kazuko.* Chinese Women in a Century of Revolution, 1850–1950. Stanf., 1989; *Siu B.* Women of China: Imperialism and women's resistance, 1900–1949. L., 1982.

Э.А. Синецкая

ФУ СИН

復興

Фу син — «возрождение/восстановление», «новый/повторный подъем/расцвет [после упадка]». Термин используется в ранних текстах при описании таких действий носителя власти, как возобновление жертвоприношений на алтарях духов земли в лесной чаще (текст примерно 240 до н.э.), «дел, [связанных с тайными] средствами и методами божественных бессмертных» (текст I в. н.э.), восстановление обрядов, соблюдая к-рые император лично проявляет внимание к заболевшим сановникам и оплакивает умерших (текст 33 н.э.), возрождение мероприятий типа строительства и заселения столиц



Чжоу Вэнь-ваном и Чжоу-гуном (текст 5 н.э.) и даже возрождение целой эпохи **тай пин** (см. т. 2) — «Великого спокойствия» (текст примерно 44 до н.э.). Ок. 150 до н.э., если не раньше, термин *фу син* встречается в описании эпизода истории дин. Чжоу. В «Хань Ши вай чжуань» («Внешний комментарий Ханя на „[Классическую книгу] стихов“») сказано, что когда «сила (**дэ [1]**; см. т. 1) Чжоу достигла великого упадка, а путь [династии] захирел при Ли[-ване], Шэнь-бо и Чжун Шань-фу помогли Сюань-вану „водворить порядок в век смуты и вернуть тогдашних [людей] на правильный [путь]“. Поднебесная была до нек-рой степени упорядочена, храмы предков [династии] возродились». На рубеже II–I вв. до н.э. **Сыма Цянь** (см. также т. 1) сообщает о «возрождении» дин. Инь или ее «пути» при четырех монархах — Тай-у, Цзу-и, Пань-гэне и У-дине. **Лю Сян** (см. т. 1) ок. 42 (?) до н.э. указывает, что в период Чунь-цю «у дома Чжоу было много бед... Затем он докатился до [такого] упадка, [что] не мог возродиться».

У Сыма Цяня термин *фу син* образует оппозицию с термином (*фу*) *шуай* («[новый, или повторный] упадок»); с его помощью описана история дин. Инь. После монарха, при к-ром «путь Инь пришел в упадок и нек-рые из удельных правителей перестали приезжать [ко двору]», государем сделался его младший брат Тай-у; при нем «путь Инь возродился, удельные правители примкнули к нему, потому его назвали „Вторым образцовым [правителем]“ (*цзун*)». Пань-гэн тоже воцарился после своего старшего брата, при к-ром «Инь пришла в упадок», а «из удельных правителей никто не являлся ко двору», но сумел справиться и с тем, и с другим. При Сяо-сине, младшем брате Пань-гэна, «Инь снова пришла в упадок». После Сяо-синя правил его младший брат, а затем сын этого брата У-дин. Последний думал о «возрождении Инь», но у него не было «помощников». Наконец, сперва во сне, а потом наяву он обрел «совершенномудрого» помощника по имени Юэ (=Фу Юэ), ставшего первым министром, что привело к «великому устроению гос-ва Инь». После принесения жертвы Чэн Тану У-дину было знамение, толкователь к-рого Цзу-цзя посоветовал ему сперва «привести в порядок дела правленья», а потом «осуществлять силу *дэ*». Совет был принят и принес долгое и спокойное царствование, «и путь Инь возродился». Цзу-цзя восхвалил его за осуществление *дэ* и учредил для него храм, назвав его «Высоким образцовым [правителем]» (*цзун*). Больше «возрождений» у дин. Инь не было. Во время второго царствования после У-дина «Инь снова пришла в упадок», при пятом государе после этого она «еще больше пришла в упадок», а на сыне этого государя Чжоу-сине прервалась.

Т.о., для Сыма Цяня история Инь — это череда повторяющихся «расцветов» и «упадков», «возрождений» и «новых упадков» династии и ее «пути» от монарха к монарху. Прекращение «возрождений» ведет к гибели династии. Признак «[нового] расцвета» — приезд удельных правителей, подданных династии, к ее двору для выражения покорности, признак «упадка» — их неприезд туда. Их привлекает *дэ* монарха, поэтому их приезд и «возрождение» династии требуют ее активизации — «осуществления силы *дэ*». Согласно Сыма Цяню, Пань-гэн принялся «осуществлять правление [Чэн] Тана; только после этого и по этой причине сто кланов [начали жить] спокойно, путь Инь возродился, удельные правители стали являться ко двору [династии], т.к. он последовал силе *дэ* Чэн Тана». «Возрождение» представлялось невозможным и без «достойных» или даже «совершенномудрых» помощников, таких как Шэнь-бо и Чжун Шань-фу при чжоуском Сюань-ване и Фу Юэ при иньском У-дине.

Термин *фу син* употреблялся наряду со своим синонимом **чжун син**, видимо, получившим хождение позже него; в нек-рых текстах встречаются оба термина. Известны случаи употребления *фу син* и после Хань, в VI и XI вв., а также при дин. Цин (XVII–XX вв.).

***** *Хань Ин.* Хань Ши вай чжуань (Внешний комментарий Ханя на «Классическую книгу стихов»). Шанхай, 1935–1937, гл. 8, с. 100 (Цуншу цзичэн чу бянь); Ши цзи хуй чжу као чжэн («Записи историка» [Сыма Цяня] с собр. коммент. и критич. исслед. Такикава Сигэна). Пекин, 1955, гл. 3, с. 16–23; гл. 28, с. 6; *Фань Е.* Хоу Хань шу (История

Поздней Хань). Пекин, 1958, гл. 20, с. 13а, 13б (Бо-на-бэнь эр-ши-сы ши); *Чжун Жун*. Ши пинь чжу (Категории поэтических произведений) / Коммент. Чэнь Янь-цзе. Пекин. 1958, с. 2–3; Хань шу бу чжу («История Хань» с доп. коммент. Ван Сянь-цяня). Пекин, 1959, гл. 36, с. 3381, 3392; гл. 72, с. 4610; гл. 99А, с. 5690–5691 (Го сюэ цзи бэнь цуншу); *Люй Бу-вэй*. Люй-ши чунь цю (Вёсны и осени г-на Люя). Шанхай, 1989, гл. 5, с. 58 (Чжу цзы бай цзя цуншу; Св. 7); *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. М., 1972, с. 170–175; то же. Т. 4. 1986, с. 154; *Морохаси Тэцудзи*. Дай Кан Ва дзитэн (Большой китайско-японский словарь). Т. 4. Токио, 1955–1960, с. 905, № 60; Хань юй да цыдянь (Большой словарь китайского языка). Т. 3. Шанхай, 1989, с. 1039.

Ю.Л. Кроль

ФУ СЫ-НЯНЬ

傅斯年

Фу Сы-нянь, Фу Мэн-чжэнь. 26.03.1896, Ляочэн пров. Шаньдун, — 20.12.1950, Тайбэй. Историк, лингвист. Род. в семье потомственных цинских конф. ученых, получил традиционное конф. домашнее и школьное образование. В 1913 поступил на подготовительное отд-ние Пекинского ун-та. Принимал активное участие в студенческом движении, вместе с **Гу Цзе-ганом** и др. организовал науч. об-во и журн. «Синь чао» («Обновление»). Был заметной фигурой и сподвижником **Ху Ши** (см. также т. 1) в «движении за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*). В 1919 уехал на стажировку в Англию, затем поступил в Ин-т философии при Берлинском ун-те. Изучал совр. философию, обществ. науки и естествознание. Находился под влиянием теории и методологии зап. ист. науки, в особенности школы Л. Ранке (1795–1886). Вернулся в Китай в 1926. В 1927 стал директором Ин-та лит-ры при ун-те Сунь Ят-сена в Гуанчжоу, а также деканом и преподавателем ф-тов отечеств. словесности и истории. Вместе с Гу Цзе-ганом основал Ин-т истории и языка при ун-те Сунь Ят-сена, выпускал сборники статей, работал с аспирантами. В 1928 был образован Ин-т истории и языка АН Китая, директором к-рого Фу Сы-нянь оставался вплоть до своей смерти на Тайване в 1950. В 1949–1950 являлся также ректором Гос. Тайваньского ун-та.

Взгляды Фу Сы-няня на историю близки нем. ист. школе Л. Ранке. В своей программной статье «Лиши юйянь яньцзюсо гунцзо чжи чжицюй» («Цели и задачи работы Ин-та истории и языка») в 1928 он выражал намерение создать на основе этого ин-та «истинную традицию науч. востоковедения» и так строить яз-знание, чтобы оно «вышло на один уровень с такими науками, как биология или геология». В историографии Фу Сы-нянь выдвинул тезис «ист. наука есть ист. материалы», по сути повторив положение Ранке о том, что исследование не должно выходить за рамки имеющихся ист. источников. Для Фу Сы-няня «совр. ист. наука — лишь наука об ист. материалах; при помощи средств, предоставляемых нам естеств. науками, она упорядочивает любые возможные ист. факты». Прочные факты, по его мнению, могут быть предоставлены самыми разными источниками, в т.ч. и «ист. материалами самого низкого уровня». Соответственно прогресс ист. науки Фу Сы-нянем связывался гл. обр. с увеличением объема ист. материалов. Фу Сы-нянь не только добросовестно усвоил ист. метод зап. позитивизма, но и внес в него свои усовершенствования. Предложенная им классификация ист. материалов для сравнительных исследований состоит из 8 разнородных пар источников: 1) непосредственные и опосредованные материалы; 2) офиц. и народные сведения; 3) кит. и зарубежные материалы; 4) сведения непосредств. участников и вторичные сведения от людей, не соприкасавшихся с событиями непосредственно; 5) незаинтересованные и предвзятые сведения; 6) прямые и косвенные упоминания; 7) прямое изложение и метафоры; 8) устные и письменные материалы. Фу Сы-нянь обогатил кит. историографию принадлежавшими Л. Ранке методами исследования, сравнения и анализа ист. материалов с помощью филологии.

Достижения Фу Сы-няня в основном лежат в области критики сведений источников и обоснования фактов древней истории Китая. Его основные

работы по древней и ср.-век. истории Китая базируются на филол. и лингвистич. методах анализа, показывают решающее воздействие структуры кит. яз. на истоки и развитие др.-кит. мысли. Велики заслуги Фу Сы-няня в орг-ции работы по описанию и упорядочению минских и цинских архивов, орг-ции археологических раскопок иньских городищ.

* *Фу Сы-нянь.* Лиши юйянь яньцзюсо гунцзо чжи чжицюй (Цели и задачи работы Института истории и языка) // Цикань. 1928, № 1; Фу Сы-нянь сюаньцзи (Избр. соч. Фу Сы-няня): В 10 т. Тайбэй, 1967; Фу Сы-нянь цюаньцзи (Полн. собр. соч. Фу Сы-няня): В 7 т. Тайбэй, 1980.
** *Фу Лэ-чэн.* Фу Мэн-чжэнь сяньшэн няньпу (Хроника жизни проф. Фу Мэн-чжэня [Фу Сы-няня]). Тайбэй, 1964; *Цзяо Жунь-мин.* Фу Сы-нянь чжуань (Биография Фу Сы-няня). Пекин, 2002; *Twitchett D.C.* The Historian, his Readers and the Passage of Time: the Fu Ssu-nien Memorial lectures, 1996. Taipei, 1997; *Wang Fan-sen.* Fu Ssu-nien: An Intellectual Biography (Ph.D. diss., Princeton University). Princ., 1993; *idem.* Fu Ssu-nien: A Life in Chinese History and Politics. N.Y., 2000.

В.М. Майоров

ФЭНТЯНЬСИ

奉天系

Фэнтяньси — Фэнтяньская группировка, др. назв. Мукденская группировка. Одна из самых могуществ. группировок кит. милитаристов, игравших значительную роль в полит. жизни Китая в 1916–1928. Фэнтянь (маньчж. Мукден, совр. Шэньян) — кит. назв. провинции и города на северо-востоке Китая в период дин. Цин. Группировка имела своей базой три богатые ресурсами сев.-вост. провинции — Фэньтянь, Цзилинь и Хэйлунцзян, т.е. Маньчжурию. Географич. положение этого региона, близость России и Японии сделали его ареной борьбы внешних сил, противостояние к-рым было почти невозможным. Внутренним полит. силам оставалось лавирование между транснациональными силами, использование их противоречий и поддержки. Возглавлял эту группировку, к-рая ориентировалась на Японию, генерал Чжан Цзо-линь (1873–1928).

Чжан Цзо-линь был неординарной фигурой. Вышел из низших слоев кит. обва, благодаря своим личным качествам, умелому использованию полит. конъюнктуры и др. факторов добрался до самых верхних ступеней власти. Начав как предводитель банды *хунхузов* в лесах Маньчжурии во время рус.-яп. войны 1904–1905, действовавших на стороне Японии, закончил карьеру генералиссимусом объединенной армии сев. милитаристов. Полит. и военная орг-ция *Фэнтяньси* в руках Чжан Цзо-линя обеспечила не только длительную жизнеспособность этой группировки, но и последовательное увеличение военного могущества и полит. власти.

В период Синьхайской революции 1911 генерал Чжан Цзо-линь ввел свои войска в Мукден и помог генерал-губернатору Чжао Эр-сюню сохранить власть и расправиться с руководителями и членами революционных орг-ций. Оказав поддержку **Юань Ши-каю** в период его попытки восстановить монархич. строй, Чжан затем не допустил его ставленника в пров. Фэнтянь. Отказавшись от восстановления монархии, Юань Ши-кай издал указ о назначении Чжан Цзо-линя генерал-губернатором пров. Фэнтянь.

Став губернатором, Чжан Цзо-линь не выполнил претензий оказывавших на него финанс. давление яп. банков, к-рые требовали обмена скупленных ими бумажных денег на серебро, чтобы обанкротить местные провинц. банки. Тогда яп. агенты организовали на него покушение. Так Япония дала ему понять, кто истинный хозяин в Маньчжурии. С тех пор отношения Чжан Цзо-линя с Японией характеризуются постоянными противоречиями и борьбой. Но поскольку Чжан Цзо-линь использовал для упрочения своей власти яп. капиталовложения, оружие и советников, то ему приходилось расплачиваться за это все большей экономич. и полит. зависимостью от Японии, от влияния к-рой он временами пытался избавиться. Через посредничество яп. советников Чжан Цзо-линь стал совладельцем многих яп.-кит. предприятий на Северо-Востоке.

В сент. 1918 в связи с заключением яп.-кит. соглашений и курсом пр-ва Дуань Ци-жуя на укрепление границ и борьбу с «распространением коммунизма» Чжан Цзо-линь был назначен генерал-инспектором трех сев.-вост. провинций и получил возможность увеличить численность своих войск. Теперь в его подчинении находилась фактически вся Маньчжурия.

В период борьбы за советскую власть на Дальнем Востоке на северо-востоке Китая оказалось множество отступивших в Маньчжурию белогвардейцев, к-рые часто нанимались в войска Чжан Цзо-линя в качестве инструкторов и советников.

В кон. мая 1922 Чжан Цзо-линь провозгласил автономию сев.-вост. провинций и объявил об учреждении Управления главнокомандующего по обеспечению спокойствия сев.-вост. провинций. Декларация независимости была передана дипкорпусу в Пекине и иностр. консулам в Тяньцзине. Независимость от Пекина Чжан Цзо-линь подтвердил, конфисковав в свою пользу сбор соляных, табачных и винных пошлин. Сев.-вост. провинции формально становились независимыми в полит., финансовом и дипломатич. отношении. Чжан Цзо-линь начал осуществлять политику «реорганизации Маньчжурии», предусматривающую развитие экономики, улучшение администр. управления и реорганизацию армии. После реорганизации армии все фэнтяньские войска трех провинций были непосредственно подчинены главнокомандующему Чжан Цзо-линю и состояли из 27 пехотных и 5 конных бригад. Имелись также отд. артиллерийские бригады и полк тяжелой артиллерии. Возраст для службы в армии устанавливался от 17 до 40 лет, запрещалось курение опиума, нарушители строго карались. Было расширено Северо-восточное военное училище, готовившее офицерские кадры. Чжан Цзо-линь финансировал обучение молодых офицеров в Японии. Были созданы т.н. образцовые части: 2-я бригада Чжан Сюэ-ляна и 6-я — Го Сун-лина. При назначении на офицерскую должность претенденты сдавали экзамены, а прежняя система рекомендаций была отменена. Кроме наземных родов войск Чжан Цзо-линь развивал авиацию и флот. Он вступил в союз с Чжилийской группировкой милитаристов (**Чжиси**), и вместе они разгромили в 1920 войска Аньхойской группировки (**Аньфуси**), возглавляемой Дуань Ци-жуем. Чжан Цзо-линь, получив неск. самолетов Дуань Ци-жуя, учредил Управление авиации. В 1923 была основана авиационная школа, готовившая летные экипажи. Во главе управления и школы встал Чжан Сюэ-лян. После приобретения в Германии и Италии самолетов их кол-во достигло 250–300 единиц. Чжан Цзо-линь открыл военно-морские училища в Харбине и Хулудао. Накануне военных действий 1922, когда Чжан Цзо-линь объединился уже с аньфуистами и **Сунь Ят-сеном** против У Пэй-фу — лидера *Чжиси*, в его флоте насчитывалось 21 большое и малое судно общим водоизмещением более 32 200 т, что составляло 76% тоннажа всего кит. флота в то время.

Чжан Цзо-линь понимал, что для военных побед большое значение имело вооружение его армии совр. оружием. Для его производства был полностью реконструирован и расширен Мукденский арсенал. Реконструкцией руководили отставной капитан британской армии, получивший звание генерал-майора фэнтяньской армии, Ф.А. Сеттон, американец А.У. Хоффман, яп. инженеры, устанавливавшие оборудование, закупленное в Японии. К 1928 Мукденский арсенал стал самым мощным в Китае, производя ежегодно 150 пушек, 60 тыс. винтовок, 1 тыс. пулеметов. Много готового оружия покупалось также в Японии, Италии, Дании, Германии и Франции. Резко возросло количество яп. советников (к июлю 1928 более 50 чел.), офицеров связи и инструкторов. В результате уровень военной подготовки и оснащения совр. оружием армии *Фэнтяньси* значительно вырос.

Администрация Чжан Цзо-линя предприняла определенные меры для улучшения системы образования сев.-вост. провинций. В 1923 был основан Северо-Восточный ун-т, в 1928 был открыт ун-т в пров. Цзилинь.

В период с 1920 по 1925 Чжан Цзо-линь получил 9 займов у Японии, в т.ч. 4 в 1925 на общую сумму 14 млн. иен.

Находясь у власти, милитаристы и их приближенные чиновники присваивали себе часть прибылей предприятий, финансируемых из правительств. казны. Не был исключением и Чжан Цзо-линь. Его состояние после смерти оценивалось в 80–100 млн. юаней, от 13 до 40 млн. из к-рых было вложено в различные «полуправительственные и правительством поддерживаемые частные яп. предприятия» и коммерч. предприятия.

Огромные прибыли получали фэнтяньские милитаристские власти от высокого налогового обложения торговли опиумом. Так, в статье особых доходов пров. Ляонин в 1929 доходы от опиума составляли 60% всех обычных доходов. Мукденские власти поощряли выращивание опиума, облагая в то же время это занятие налогами. Курение опиума было запрещено и наказывалось высокими штрафами. Во время созревания опиумного мака в р-ны его выращивания направлялись рейды солдат, собиравших налоги и штрафы.

Когда нац. пр-во Гоминьдана 1 июня 1926 опубликовало манифест о Северном походе, это побудило милитаристов к объединению. Объединенную армию *Аньгоцзюнь* («Армия умиротворения гос-ва») возглавил Чжан Цзолинь. Последним средством удержания позиций милитаристов в Сев. Китае явилось образование Чжан Цзо-линем военного пр-ва в Пекине 18 июня 1927. Перед этим в февр. 1927 Чжан Цзо-линь опубликовал декларацию, в к-рой изложил принципы своей внутр. и внеш. политики, а затем Манифест о междунар. отношениях. В нем говорилось, что для обеспечения нац. интересов и благополучия народа все «красные» движения должны быть подавлены, неравноправные договоры должны исчезнуть навсегда: «Мы, китайцы Сев. Китая, являемся такими же националистами, как наши южные соотечественники. На самом деле мы являемся ими в гораздо большей степени, ибо наша политика в следующем: Китай — китайцам, но не [политика]: Китай — красным». Под флагом национализма Чжан Цзо-линь проводил и кампанию против коммунизма. 6 апр. 1927 по его приказу был совершен полицейский налет на сов. полпредство в Пекине и произведены обыски в апартаментах военного атташе и жилых помещениях служащих, а также в помещении сов. Дальбанка, представительстве КВЖД и др. 15 сов. сотрудников и 60 кит. граждан (включая **Ли Да-чжао** с двумя дочерьми) были арестованы. 25 кит. коммунистов, в т.ч. Ли Да-чжао, были казнены.

В 1927–1928 Чжан Цзо-линь попытался переориентироваться на англо-амер. капиталы и стал отдавать им предпочтение перед японскими, пытаясь использовать яп.-амер. противоречия в Маньчжурии. 4 июня 1928 Чжан Цзолинь погиб при взрыве поезда, по одной версии, организованном яп. разведкой, по другой — сов. спецслужбами. После смерти Чжан Цзо-линя группировка, возглавляемая его сыном Чжан Сюэ-ляном, признала власть гоминьдановского пр-ва в Нанкине.

** *Аварин В.* Империализм в Маньчжурии: Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. М.–Л., 1931, 1934; *Виленский-Сибиряков В.* Чжан Цзолинь. Маньчжурская проблема. М.–Л., 1925; *Каретина Г.С.* Военно-политические группировки Северного Китая: (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001; *она же.* Чжан Цзо-линь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984; *Кюнер Н.В.* Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск–Владивосток, 1927; *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005; Новая история Китая. М., 1972; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1983; Бэйян цзюньфа шиляо сюаньцзи (Сборники материалов по истории северных милитаристов). Т. 2. Хунань, 1981; *Син Пай-лин.* Цзюньфа лечжуань (Биографии милитаристов). Харбин, 1987; Чжан Цзо-линь / Под ред. Чан Чэна. Шэньян, 1980; *MacCormack G.* Chang Tso-lin in the Northeast China, 1911–1928: China, Japan and the Manchurian Idea. Stanf., 1977; *Sheridan J.* Chinese Warlord: The Career of Feng Yu-hsiang. Stanf., 1976; *Woe O.* Militarism in Modern China as Examplified in the Career of Wu Pei-fu. Columbia, 1970.

В.Н. Усов

ХАНЬ У-ДИ

漢武帝

Хань У-ди, У-ди [династии] Хань, Лю Чэ. 156–87 до н.э. Шестой император дин. Западная Хань (206 до н.э. – 8 н.э.). Правил в 141–87 до н.э. Храмовое имя (*мяо хао*) Ши-цзун.

Правление У-ди, ознаменованное многочислен. нововведениями в области полит., духовной и религиозно-ритуальной культуры, считается одним из самых блистательных периодов в истории императорского Китая. Умный и властный политик, У-ди проводил активную внутр. и внешнюю политику. Столица империи Чанъань была одним из крупнейших городов мира. При У-ди были пресечены сепаратистские тенденции местных правителей и *ванов*. В 127 до н.э. он издал указ о разделе пожалованных территорий между всеми наследниками владельца, ослабив тем самым влияние «сильных домов» (*чжу хоу*). Была восстановлена циньская гос. структура управления с сильной центр. властью и огромным администр. аппаратом. Вновь появился ин-т цензоров, отмененный в нач. Хань, в каждой из 102 областей находился цензор, следивший за деятельностью местной администрации. У-ди возобновил гос. монополию на добычу и производство железа, соли, отливку монет и ввел монополию на вино. Центр. аппарат занялся регулированием хозяйств.-экономич. деятельности. Были созданы благоприятные условия для службы в администр. аппарате торговцев и представителей имуществ. власти; действовала система купли-продажи рангов знатности и право откупа от повинностей.

При У-ди **конфуцианство** (см. т. 1), развитое и реформированное **Дун Чжун-шу** (см. т. 1), названным «ханьским Конфуцием», стало гос. идеологией. В отличие от **Конфуция** и **Мэн-цзы**, проповедовавших гуманные методы правления, основанные на моральном воздействии, Дун Чжун-шу, испытавший сильное влияние **легизма**, в своей программе уже не осуждал насилия, выступал за применение легистского метода наград и наказаний, считая его наиб. эффективным методом управления народом. Желая иметь штат чиновников, безусловно послушных исполнителей своей воли, У-ди создал школу, в к-рой обучались способные дети незнатных фамилий. По окончании они сдавали экзамены в присутствии государя. Этим было положено начало экзаменац. системе, важнейшей составной части полит. культуры Китая, просуществовавшей до нач. XX в. Права советника императора были ограничены. Вновь созданная императорская канцелярия позволяла У-ди лично контролировать деятельность начальников ведомств и др. чиновников. По указу У-ди была проведена календарная реформа, введены девизы годов правления (**нянь хао**), составлена первая в кит. историографии официальная история (*чжэн ши*) **«Ши цзи»** («Исторические записки») **Сыма Цяня**, ставшая образцом для всех последующих династийных историй.

Успешная внеш. политика У-ди способствовала не только развитию торговых связей с дальними странами, но и расширению территории империи, укреплению ее границ. Серьезную опасность для сев. рубежей империи Хань представлял союз племен *сюнну*, созданный на рубеже III–II вв. В 138 до н.э. У-ди послал Чжан Цяня во главе миссии из 100 чел. на запад на поиски союзников, чтобы единым фронтом выступить против *сюнну*. Однако он был схвачен противником и провел в плену 10 лет, прежде чем смог убежать. Затем Чжан Цянь продолжил свое путешествие и в 126 до н.э. вернулся в Чанъань, собрав много сведений о «западных странах». Он впервые открыл путь из Китая через пустыни и горы в Среднюю Азию, к-рый получил в Европе назв. Великий Шелковый путь. При У-ди по этому пути стали доставлять отборных коней из Ферганы в обмен на шелк и др. товары.

Ханьские войска начали военные действия против *сюнну* в 129 до н.э. На протяжении 8 лет они сражались и вытеснили кочевников из сев. и северовост. приграничных районов (Ганьсу), куда впоследствии переселились 100 тыс. ханьских колонистов. В 112 У-ди предпринял поход против гос-ва Намвьет, захватил часть территории этого гос-ва и учредил 9 областей. Т.о., к 87 до н.э., в конце эпохи правления У-ди, гос-во Хань занимало бóльшую часть территории совр. Китая. Население, численность к-рого достигла 50 млн., отличалось пестрым этнич. составом.

См. также ст.: **Хань У-ди** в т. 2; **Лю Чэ** в т. 3.

** Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. М., 1983; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974; *Крюгер Р.* Полная история Поднебесной. М., 2006; *Лёве М.* Китай династии Хань: быт, религия, культура. М., 2005; Очерки истории Китая. С древности до «опиумных войн» / Под ред. Шан Юэ. М., 1959; Чжунго да байкэ цюаньшу: Чжунго лиши (Большая китайская энциклопедия: Китайская история). Пекин, 1998, с. 351.

Л.С. Переломов

«Хань Фэй-цзы» *см.* т. 1

«ХАНЬ ШУ»

漢書

«Хань шу» — «История [династии] Хань», «Книга об [истории династии] Хань». Др. назв. «Цянь Хань шу» — «История Ранней [династии] Хань», «Книга об [истории] Ранней [династии] Хань». Офиц. история (*чжэн ши*) Ранней (Первой, Западной, Старшей) дин. Хань (206 до н.э. — 8 н.э.). Состоит из четырех разделов, 100 частей (цзюаней): 1. «Императорские анналы» (*ди цзи*), цз. 1–12; 2. «Хронологические таблицы» (*бяо*), цз. 13–20; 3. «Трактаты» (*чжи* [*3*]): календарь (*ли*), ритуал и музыка (*ли юэ*), уголовное законодательство (*син фа*), экономика (*ши хо*), жертвоприношения (*цзяо сы*), астрономия (*тянь вэнь*), пять первоэлементов (*у син*), география (*ди ли*), каналы (*гоу сюй*), лит.-библиографич. раздел (*и вэнь*), цз. 21–30; 4. «Биографии» (*ле чжуань*, *чжуань*), цз. 31–100, в т.ч. цз. 94–96 — описание сопредельных с Китаем стран и народов: *сюнну*, юго-западных «варваров», Западного края (*Си юй*). Время составления по офиц. указу: 58–82 н.э. Автор — **Бань Гу** (32–92; см. также т. 1, 3), использовавший труд своего отца Бань Бяо (3–54) «Повествование в продолжение „Исторических записок“» («Ши цзи хоу чжуань»). После смерти Бань Бяо Бань Гу решил продолжить начатое им дело, но был арестован по доносу в том, что самовольно занимается написанием истории правящей династии (*го ши*), искажая подлинный смысл событий. Опасаясь за жизнь Бань Гу, его младший брат Бань Чао написал имп. Мин-ди (58–75) письмо, разъясняющее значение данного труда. Одновременно письмо в защиту Бань Гу с приложением его записей было подано местными властями. Бань Гу был помилован и пожалован придворной должностью историка-секретаря из Орхидейной башни (*Ланьтай линши*). Вскоре он представил на высочайшее имя план-изложение «Истории Хань» и официально начал ее писать. Труд был закончен приблизительно в 82. Впоследствии Бань Гу назначался на должности придворного редактора (*цзяошулан*), редактора-секретаря (*дяньцзяо мишу*), получил почетный титул Воеводы черного воинства (*Сюань-у сыма*). В 88 ушел в отставку. В 92 был обвинен в измене, скончался в тюрьме. Жизнеописание Бань Гу приведено в **«Хоу Хань шу»** («История Поздней Хань»), составленной в V в. **Фань Е** (см. т. 1).

После смерти Бань Гу его труд был дополнен его сестрой Бань Чжао (32–102) — разд. «Таблицы» из 8 цз. и ученым Ма Сюем — разд. «Астрономия». Библиографич. раздел «Хань шу» был написан Бань Гу на основе первого аннотированного каталога (**мулу**) императорского книжного собрания «Семь сводов» («Ци люэ»), составленного **Лю Сяном** (ок. 77 – 6 до н.э.; см. т. 1) и его сыном Лю Синем (53 до н.э. – 23 н.э.). При дин. Тан (618–907) Янь Ши-гу (581–645) составил комментарий к «Хань шу», сохранив комментарий автора в географич. и лит. разделах.

См. также ст. **«Хань шу»** в т. 1.

* *Бань Гу.* Цянь Хань шу (История Ранней [династии] Хань). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 440–471); *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829, с. 1–90; *он же.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950, т. 1, с. 86–113; т. 2, с. 16–20; *Штейн В.М.* Экономические и культурные связи Китая и Индии в древности (до III в. н.э.). М., 1960, с. 167–173; Материалы по

истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М., 1968, с. 73–79; то же. Вып. 2. 1973, с. 18–67, 100–134; *Pan Ku*. The History of the Former Han Dynasty: In 5 vol. / Tr. by H. Dubs. Baltimore, 1938–1955. ** *Боровкова Л.А.* Царства «Западного края» во II–I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001; *Горбачева З.И.* Краткое описание китайских ксилографических изданий в коллекции Института народов Азии. Вып. 2. История. Л., 1961, с. 26–29; *Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуж. проф. С.-Петерб. Имп. университета В.П. Васильевым. СПб., [1887], с. 243; Чжунго шисюэ минчжу тицзе (Аннотированное описание знаменитых произведений китайской историографии) / Ред. Чжан Шунь-хуй. Пекин, 1984, с. 67–72; *Courant M.* Catalogue des livres chinois, coréens, japonais. T. 1. P., 1902, p. 8; *Wylie A.* Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and a List of Translations from the Chinese into Various European Languages. New ed. Shanghai, 1902, p. 13–14; *Sprenkel van der O.B.* Pan Piao, Pan Ku and Han History. Canberra, 1964; *Hulsewé A.F.P.* Remnants of Han Law. Vol. 1. Leiden, 1955.

См. также лит-ру к ст. **Бань Гу**.

И.Ф. Попова

ХОУ ВАЙ-ЛУ

候外廬

Хоу Вай-лу, Хоу Чжао-линь, Хоу Юй-шу. 06.02.1903, д. Сиванчжи уезда Пинъяо пров. Шаньси, — 14.09.1987, Пекин. Историк, философ. Род. в семье прогрессивно настроенного **шэнь ши**. Во время учебы в средней школе получил также домашнее традиц. конф. образование. В 1923 поступил на юридич. ф-т Пекинского ун-та права и политики. Одновременно обучался на ист. ф-те Пекинского пед. ин-та. В 1927 выехал во Францию для учебы в Сорбонне. Там в 1928 вступил в КПК (после «утраты связи с парторганизацией» повторно принят в КПК в 1950). В 1930 через Москву вернулся в Китай. Преподавал в Харбинском ун-те права и политики и Пекинском пед. ун-те. Тогда же в составе группы переводчиков приступил к переводу 1-го тома «Капитала» К. Маркса (опубл. в 1936). В 1930-е с марксистских позиций исследует философию **Лао-цзы** (см. т. 1), обращая особое внимание на обществ. предпосылки возникновения и развития **даосизма** (см. т. 1). Во время антияп. войны работает гл. редактором журн. «Чжун Су вэньхуа» («Культура Китая и СССР») в Чунцине, шанхайского и гонконгского приложения к «Вэнь хуйбао» («Культурный вестник»). После образования КНР — декан ист. ф-та Пекинского пед. ун-та, проф. Пекинского ун-та, ректор Сев.-Зап. ун-та, директор Ин-та истории АОН Китая, акад. АОН Китая. Депутат ВСНП ряда созывов.

Основные ист. труды Хоу Вай-лу написаны и опубликованы в кон. 30-х и в 40-е. Гл. место в его исследованиях занимали история кит. об-ва разных периодов с древности до сер. XIX в. и история кит. философии. Хоу Вай-лу видел свою задачу в приспособлении марксистской теории к специфич. условиям Китая и создании, т.о., китаизированной марксистской концепции кит. истории. Он являлся последовательным сторонником версии об азиатском способе производства в древнем Китае. С этих позиций написана его кн. «Чжунго гудянь шэхуй лунь» («Классическое общество Китая»). Большое место в ней занимает рассмотрение марксистских понятий рода, частной собственности и гос-ва в применении к др.-кит. об-ву. Зависимость и производность филос. идей от социально-экономич. процессов подчеркнута в его монографиях и статьях по истории кит. философии. В кн. «Чжунго гудай сысян сюэшо ши» («История древнекитайских идеологических учений», 1943) рассматривались вопросы кит. классич. философии (до кон. III в. до н.э.). В двухтомнике «Чжунго цзиньдай сысян сюэшо ши» («История китайских идеологических учений Нового времени», 1944–1945) дается систематич. описание учений (от мыслителей позднеминского времени до **Ван Го**-вэя — нач. республиканского периода), их анализ марксистскими методами и де-

лается попытка дать им оценку в контексте мировой истории философии. Работу над историей кит. философии Хоу Вай-лу продолжил в 50-е в сотрудничестве с Ду Го-яном, Цю Хань-шэном и др., итогом стал выход 5-томной «Чжунго сысян тунши» («Общая история китайской мысли»). Ее отд. тома издавались с 1947 по 1960. Опубликованная в 1956 монография Хоу Вай-лу по раннему Просвещению вышла в 1963 в виде 5-го заключительного тома.

* *Хоу Вай-лу.* Чжунго гудай сысян сюэшо ши (История древнекитайских идеологических учений). Чунцин, 1943; *он же.* Чжунго гудянь шэхуй лунь (Классическое общество Китая). Чунцин, 1943; *он же.* Чжунго цзиньдай сысян сюэшо ши (История китайских идеологических учений Нового времени): В 2 т. Чунцин, 1944–1945; *он же.* Чжунго цзаоци цимэн сысян ши (шици шицзи чжи шицзю шицзи сыши няньдай) (История мысли раннего Просвещения в Китае: XVII в. — 40-е гг. XIX в.). Пекин, 1956; *он же.* Чжунго фэнцзянь шэхуй шилунь (История феодального общества Китая). Пекин, 1979; Хоу Вай-лу цзи (Сб. статей Хоу Вай-лу). Пекин, 2001; *он же.* Чжунго сысян тунши (Общая история китайской мысли) / Хоу Вай-лу и др.: В 5 т. Пекин, 1963; *он же.* A Short History of Chinese Philosophy. Peking, 1959. Совм. с др. ** *Ван Цзюнь-фу.* Ясия шэнчань фанши юй Хоу Вай-лу сяньшэн ды Чжунго гудай шэхуй ши яньцзю (Азиатский способ производства и исследования проф. Хоу Вай-лу древнего общества Китая) // Цзиньян сюэкань. 2003, № 4; *Лу Синь-ли.* Шилунь Хой Вай-лу «сюэшу чжунгохуа» ды чжоюэ чэнцзю (К вопросу о выдающемся успехе «научной китаизации» Хоу Вай-лу) // Дунфан луньтань. 2006, № 1; Цзинянь Хоу Вай-лу вэньцзи (Сб. статей памяти Хоу Вай-лу). Сиань, 1991; *Чжан Цзюнь-сяо.* Макэсычжуи шисюэцзя сысянцзя хэ цзяоюйцзя Хоу Вай-лу (Марксистский историк, мыслитель и педагог Хоу Вай-лу) // Хуася вэньхуа. 2003, № 2; *Чэнь Хань-мин.* Хоу Вай-лу юй Хоу Вай-лу сюэпай (Хоу Вай-лу и научная школа Хоу Вай-лу) // Лиши цзяосюэ. 2004, № 4.

В.М. Майоров

«ХОУ ХАНЬ ШУ»

後漢書

後漢書卷之一上
光武帝紀第一上
世祖光武皇帝諱秀字文叔
九世之孫也出自景帝長沙定王發生春陵節侯

«Хоу Хань шу» — «История Поздней [династии] Хань», «Книга об [истории] Поздней [династии] Хань». Офиц. история (*чжэн ши*) Поздней (Второй, Восточной, Младшей) дин. Хань (25–220). Время составления — V в. Состоит из трех разделов, 120 частей (цзюаней): 1. «Анналы императоров и императриц» (*ди хоу цзи*), цз. 1–10; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]): календарь (*люй ли*), ритуал (*ли* [*2*]), жертвоприношения (*цзи сы*), астрономия (*тянь вэнь*), пять первоэлементов (*у син*), география (*цзюнь го*), чиновничество (*бай гуань*), императорский выезд и одеяния (*юй фу*), цз. 11–40; 3. «Биографии» (*ле чжуань*), цз. 41–120, в т.ч. цз. 115–120 — описание сопредельных с Китаем стран и народов: вост. инородцев *и*, южных *маней*, зап. *цянов*, Западного края (*Си юй*), южных *сюнну*, *усуней*, *сяньби.* Сост. — **Фань Е** (398–445; см. т. 1), написавший разд. «Анналы», «Биографии» и «Трактаты» на основании более десятка трудов, наиболее крупным из к-рых является «Дунгуань Хань цзи» («Записи о [династии] Хань, [составленные] в Дунгуань») Лю Чжэня (ум. 126). После казни Фань Е по обвинению в заговоре труд завершил Лю Чжао, использовавший также работу Сыма Бяо (240–305) «Сюй Хань шу» («Продолжение „Истории Хань“»). Комментарии к «Анналам» и «Биографиям» были составлены сыном танского имп. Гао-цзуна (650–683) Ли Сянем при участии Чжан Да-аня, Лю На-яня, Гэ Си-юаня, комментарии к «Трактатам» составил Лю Чжао в V в.

* *Фань Е.* Хоу Хань шу (История Поздней [династии] Хань). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 472–501); *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950, т. 1, с. 142–159; т. 2, с. 21–36; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2 / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М., 1973, с. 100–134. ** *Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы: Лекции, читанные заслуж. проф. С.-Петерб. Имп. университета В.П. Васильевым. СПб., [1887], с. 244; *Горбачева З.И.*

Краткое описание китайских ксилографических изданий в коллекции Института народов Азии. Вып. 2. История. Л., 1961, с. 26–31; *Штейн В.М.* Экономические и культурные связи Китая и Индии в древности (до III в. н.э.). М., 1960, с. 174; Чжунго шисюэ минчжу тицзе (Аннотированное описание знаменитых произведений китайской историографии) / Ред. Чжан Шунь-хуй. Пекин, 1984, с. 72–74; *Bielenstein H.* The Restoration of the Han Dynasty with Prolegomena on the Historiography of the Hou-Han-Shu. Stockh., 1953; *Courant M.* Catalogue des livres chinois, coréens, japonais. T. 1. P., 1902, p. 8; *Wylie A.* Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and a List of Translations from the Chinese into Various European Languages. New ed. Shanghai, 1902, p. 14.

И.Ф. Попова

ХУА ГО-ФЭН

華國鋒

Хуа Го-фэн. 16.02.1921, уезд Цзяочэн пров. Шаньси. Парт. и гос. деятель КНР. Председатель ЦК КПК (окт. 1976 — июнь 1981), премьер Госсовета КНР с 1976 по 1980. Сыграл важную роль в разгроме «группы (банды) четырех» (**сы жэнь бан**).

Род. в бедной крестьянской семье. В 1935 вступил в Красную армию Китая. В 1938 включился в революц. деятельность, вступил в КПК. Был командиром партизанского отряда, пред. Объединенного комитета по сопротивлению Японии за спасение Родины уезда Цзяочэн, секретарем уездных комитетов КПК, политкомиссаром вооруж. отряда. В конце гражд. войны был секретарем парткома окр. Янгу в пров. Шэньси, организатором партизанского движения в 1947–1948.

В 1949 вслед за НОАК отправился на юг, занимал парт. руководящие должности в пров. Хунань — от секретаря уездного комитета КПК до вице-губернатора пров. Хунань. С 1968 возглавлял ревком, был политкомиссаром Хунаньского и Гуанчжоуского военных округов. На IX (1969) и X съездах КПК (авг. 1973) избирался чл. ЦК КПК. С 1971 работал в аппарате Госсовета. В мае 1973 переведен на работу в Политбюро ЦК КПК. На I пленуме ЦК КПК 10-го созыва (1973) избран чл. Политбюро ЦК КПК. С 1975 — зам. премьера Госсовета, с февр. 1976 и.о. премьера Госсовета. С апр. 1976 по рекомендации **Мао Цзэ-дуна** — 1-й заместитель пред. ЦК КПК, премьер Госсовета КНР. 6 окт. 1976 вместе с Е Цзянь-ином, Ли Сянь-нянем принял решительные меры по изоляции и аресту «банды четырех» (*сы жэнь бан*) — Цзян Цин, Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юаня, Ван Хун-вэня. Этим был положен конец **«культурной революции»** (1966–1976), КНР вступила в новый ист. период развития. На заседании Политбюро ЦК КПК 7 окт. 1976 Хуа Го-фэн был назначен Председателем ЦК КПК и Военного совета ЦК КПК. В авг. 1977 утвержден премьером Госсовета. В 1977–1982 был ректором Центральной парт. школы КПК.

В авг.–сент. 1980 сессия ВСНП 5-го созыва удовлетворила его просьбу об уходе с поста премьера Госсовета (его заменил **Чжао Цзы-ян**). В нояб.–дек. 1980 Политбюро ЦК КПК на совещании подвергло Хуа Го-фэна критике, признало «отсутствие у него... полит. и орг. способностей» и рекомендовало также освободить его от обязанностей Председателя ЦК КПК и Военного совета ЦК КПК.

Как записано в «Решении по нек-рым вопросам истории КПК со времени основания КНР» (1981), «Хуа Го-фэн проводил и долгое время отстаивал ошибочный курс, ориентирующий на „два абсолюта“ („абсолютно все решения, вынесенные Председателем Мао Цзэ-дуном, мы должны решительно соблюдать; абсолютно всеми указаниями Председателя Мао Цзэ-дуна мы должны неизменно руководствоваться“). В 1978 он препятствовал дискуссиям, имевшим важное значение для выправления всего ошибочного и восстановления всего правильного, дискуссии по вопросу о том, является ли практика единств. критерием проверки истины; оттягивал и препятствовал восстановлению на работе старых кадровых работников и проведению мероприятий по пересмотру оставшихся от прошлого дел, сфабрикованных на

основании надуманных, ложных и ошибочных обвинений, в т.ч. и тяньаньмэньских событий (1976); продолжая защищать прежний культ личности, он в то же время допускал и насаждал культ личности по отношению к себе». Он критиковался «за проведение левацких установок» и «новый скачок» — «погоню за нереально быстрым эффектом в экономич. работе» в 1976–1978.

VI пленум ЦК КПК 11-го созыва (1981) по рекомендации Политбюро ЦК КПК удовлетворил «просьбу» Хуа Го-фэна об освобождении его от обязанностей Председателя ЦК КПК (пленум избрал **Ху Яо-бана** Председателем ЦК КПК) и председателя Военного совета ЦК КПК, он был оставлен чл. ПК Политбюро ЦК КПК и зам. пред. ЦК КПК. На XII–XV съездах КПК (1982–1997) избирался чл. ЦК КПК. Принимал участие в работе по обследованию деревень, проводившейся Гос. комитетом по сельскому хоз-ву.

* Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981. ** Краткая история КПК (1921–1991) / Гл. ред. Ху Шэн. Пекин, 1993; *Усов В.Н.* История КНР. М., 2006; *Фань Ин.* Е Цзянь-ин цзай фэйчан шици, 1966–1976 (Е Цзянь-ин в чрезвычайное время, 1966–1976). Пекин, 2002; *Onate A.D.* Hua Kuo-feng and the Arrest of the "Gang of Four" // CQ. 1978, № 75, p. 540–565.

В.И. Антонов, В.Н. Усов

ХУАН СИН

黃興

Хуан Син, Хуан Кэ-цян. 25.10.1874, г. Чанша пров. Хунань, — 31.10.1916, Шанхай. Известный военно-полит. деятель, активно боровшийся за свержение дин. Цин (1644–1911) и учреждение республиканской формы правления.

Род. в семье начальника уезда. Как обладателя ученой степени *сю цай* его приняли в колледж Лянху, открытый в г. Учан **Чжан Чжи-дуном**. Успешная учеба в колледже в течение 5 лет позволила ему в числе лучших учеников отправиться для продолжения образования в Токио. В течение года он не только овладел предметами в объеме обычной средней школы, но и наладил издание ежемес. журнала, публиковавшего работы яп. и зап. авторов о методах гос. управления. Одновременно он создал «Об-во по распространению военных знаний» (*Цзюнь гоминь цзяоюйхуй*).

По возвращении на родину Хуан Син стал учителем истории во вновь созданной в Чанша на казенные и частные средства школе (Миндэ), но за распространение антиправительств. взглядов был уволен. Недовольный таким началом пед. карьеры, он примкнул к противникам цинского режима и вскоре оказался замешанным в убийстве бывш. губернатора пров. Аньхой. Лишь вмешательство его влиятельных родителей спасло Хуан Сина от суда. Выпущенный из-под ареста, он уехал в Японию. Здесь познакомился с **Сунь Ят-сеном** (см. также т. 1) и его ближайшими соратниками (Ху Хань-минем и др.) и принял активное участие в создании будущего ядра тайного антицинского «Объединенного союза» (*Тунмэнхуй*).

Приехав в пров. Хунань для вербовки новых противников цинской монархии, Хуан Син организовал «Об-во возрождения Китая» (*Хуасинхуй*), привлек к пропагандистской работе Сун Цзяо-жэня, Чжан Цзи, Чжан Ши-чжао, Лю Куй-и, а также Ма Фу-и, лидера местного тайного «Об-ва старших братьев» (*Гэлаохуй*). Потерпев неудачу в ряде терактов, Хуан Син направился на юг Китая, где антиманьчж. настроения были более сильными. Здесь принял активное участие в антиправительств. выступлениях, в т.ч. в приграничной с Индокитаем зоне. Самое крупное и дерзкое выступление группы революционеров под рук-вом Хуан Сина произошло в мае 1911 в Гуанчжоу, где заговорщики напали на резиденцию генерал-губернатора. Во время атаки в руках Хуан Сина разорвалась бомба, оторвавшая ему два пальца на правой руке.

Новый импульс борьбы против цинского режима был дан 10 окт. 1911 победоносным восстанием «новых войск» (*синь цзюнь*) в Учане, к-рое положило

начало Синьхайской революции. Узнав об этом событии, Хуан Син из Гонконга поспешил в Шанхай, а оттуда под видом представителя Красного Креста направился по Янцзы в Учан. Здесь он принял участие в обороне Ханьяна, к-рый пришлось сдать из-за явного превосходства правительств. войск.

С приездом Сунь Ят-сена в Шанхай и образованием республиканского пр-ва Хуан Син вошел в его состав в качестве военного министра. Он оставался на этом посту и после провозглашения Сунь Ят-сена временным президентом Кит. Республики в Нанкине. После согласия Сунь Ят-сена уступить президентское кресло **Юань Ши-каю**, обладавшему реальной властью в стране, и отказа маньчж. династии от кит. престола в нач. 1912 Хуан Син продолжал возглавлять вооруженные силы республиканцев в Центр. Китае. Затем он был назначен военным наместником Нанкина для наведения порядка в республиканской армии, сокращения ее численности. В результате принятых мер армия, насчитывавшая 200 тыс. солдат и офицеров, была сокращена на 70–80 тыс. чел. Полагая, что в условиях единого пр-ва в стране нанкинское наместничество утратило свою роль, и учитывая фин. затруднения, связанные с отсутствием обещанных Юань Ши-каем средств для выплаты выходного пособия демобилизованным военным, Хуан Син в мае 1912 подал прошение об отставке. Он надеялся сосредоточить свои усилия на борьбе против заключения пр-вом внешнего займа, организовав общенац. подписку.

Приняв отставку Хуан Сина, Юань Ши-кай пригласил его посетить Пекин, где ему, как и в свое время Сунь Ят-сену, был устроен торжеств. прием. Желая привлечь на свою сторону популярного военного деятеля республиканцев, Юань Ши-кай в окт. 1912 пожаловал Хуан Сину (как и Фэн Го-чжану, Дуань Ци-жую и др.) почетный титул *сюнь и вэй*, а в нояб. назначил его гл. директором жел. дороги Ханькоу–Гуанчжоу с веткой в пров. Сычуань. Из-за отказа пекинского пр-ва дать средства на строительство новых жел. дорог Хуан Син не раз просил вышестоящие инстанции об отставке, пока в янв. 1913 не последовал декрет Юань Ши-кая о снятии его с занимаемого поста.

Убийство Сун Цзяо-жэня в марте 1913 и преследование Юань Ши-каем сторонников и членов созданной Сунь Ят-сеном в 1912 партии Гоминьдан побудило Хуан Сина отправиться в Нанкин, где находилась 8-я дивизия, чтобы с ее помощью поднять восстание против диктаторского режима Юань Ши-кая. Попытки вооруж. выступлений в разл. местах, расположенных в зоне Янцзы, были подавлены войсками, посланными Юань Ши-каем, пообещавшим денежную награду за поимку или убийство главаря заговора. Хуан Сину пришлось бежать в Японию и просить убежища.

Хуан Син всегда оставался верен своим республиканским убеждениям. Когда Сунь Ят-сен предложил преобразовать Гоминьдан в *Чжунхуа гэминдан* (Китайская революционная партия), члены к-рой должны были давать клятву в личной преданности Сунь Ят-сену, Хуан Син отказался выполнить это требование, усматривая в этом нарушение духа революции. В это время он находился в США, откуда внимательно следил за полит. событиями в Китае, где Юань Ши-кай собирался провозгласить себя императором. Когда же несостоявшийся монарх умер, Хуан Син поспешил вернуться на родину и поселился в Шанхае. Скончался 31 окт. 1916 в возрасте 42 лет.

** *Белов Е.А.* О роли Сунь Ят-сена и Хуан Сина в Синьхайской революции // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы: Тез. докл. XI МНК ККЦиМ. Ч. 2. М., 2000; *Стабурова Е.Ю.* Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М., 1992; *Чунь Ду-сюэ* (*Сюэ Цзюнь-ду*). Комментарий к историографии революции 1911 г.: Двойное руководство Сунь Ят-сена и Хуан Сина. М., 2000; *Hsüeh Ch'un-du.* Huang Hsing and the Chinese Revolution. Stanf., 1961.

А.Н. Хохлов

ХУАНТАЙЦЗИ

皇太極

Хуантайцзи, Хун Тайчжи, Абахай, Айсинь Гиоро Абахай. 28.11.1592–10.09.1643. Император маньчж. дин. Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь), переименованной им в Дай Цин (Великая Цин) в 1636, правил в 1627–1643. Храмовое имя (*мяо хао*) Тай-цзун. Восьмой сын имп. **Нурхаци** (Тай-цзу, прав. 1616–1626). После смерти отца был избран на ханский престол. 19 февр. 1627 был объявлен девиз правления (**нянь хао**) нового хана маньчж. гос-ва Хоу Цзинь — Тянь-цун. Продолжая завоевательные походы отца, Хуантайцзи полагал, что, прежде чем начинать войну с Китаем, нужно покорить его вассала — Корею. Уже 28 февр. 1627 маньчж. армия форсировала р. Амноккан и вторглась в Корею. В апр. 1627 был заключен мир. Кор. ван Инджо признал себя «младшим братом» Хуантайцзи.

Маньчж. гос-во было многонациональным. Его населяли маньчжуры, монголы и китайцы. Поначалу в сношениях с минским Китаем Хуантайцзи признавал зависимый статус маньчж. гос-ва. В отношениях с монголами проводил двоякую политику — с теми, кто помогал созданию маньчж. гос-ва, заключал клятвенные союзы равных сторон, других понуждал подчиниться ему. К числу монголов-соперников относился чахарский Лигдан-хан. По слухам, Лигдан-хан владел «печатью **Чингис-хан**а», к-рая якобы давала легитимное право на управление всеми монголами и Китаем. В окт. 1628, встав во главе маньчж. и союзных ему монг. войск, Хуантайцзи выступил в поход на чахаров. Лигдан-хан от прямого сражения уклонился. Поход повторился в 1632, и снова он уклонился от прямого столкновения с маньчж. войсками. После внезапной смерти Лигдан-хана все его владения перешли маньчжурам. Весной 1635 Хуантайцзи получил от сына Лигдан-хана Эдже «печать Чингис-хана». Это была одна из печатей императоров дин. Юань (1271–1368), сделанная из яшмы с легендой по-китайски, начертанной древним почерком *чжуань* [*3*]: «Императорская печать, удостоверяющая приказы». Получение печати было истолковано как знамение Неба, означающее скорый переход Мандата Неба (**тянь мин**; см. т. 2) на управление Поднебесной от минских императоров к маньчж. ханам.

Хуантайцзи начал глубокие рейды на территорию минского Китая. Во время походов следовало обходить города и мощные крепости, но разрушать и увозить все, что возможно, пленных угонять в Маньчжурию. Одновременно был отдан приказ: «Я, смиренно взирая снизу вверх, унаследовал Мандат Неба, поднял войска и иду войною на Мин. Оказывающих сопротивление в бою невозможно не убивать. А вот у подчинившихся добровольно не следует забирать даже курицы или поросенка. Взятых в плен не разлучать с их отцами и сыновьями, мужьями и женами. Не насиловать женщин и не отбирать одежду, не разрушать домов и храмов, не бить посуды и не срубать фруктовых деревьев... Убившего сдавшегося добровольно и насильнику — смерть! Грабителю — сто плетей!» Во время первого похода за Великую Кит. стену маньчжуры впервые столкнулись с огнестрельным оружием. Они почти подошли к стенам Пекина, но штурмовать город не решились. В апр. 1630 Хуантайцзи возвратился в Мукден. Он приказал наладить производство пушек, а солдат обучать пользованию огнестрельным оружием. Летом 1634 Хуантайцзи совершил второй поход в глубь территории Китая. На этот раз удар был нанесен по западным р-нам в направлении на Датун, но взять город не удалось.

Готовясь принять титул императора, Хуантайцзи организовал Департамент истории, чтобы написать историю его предков — дома Айсинь Гиоро, а также вести хронику собств. правления. 5 мая 1636 на церемонии принятия императорского титула он доложил о принятии им титула «Щедрый и ласковый, человеколюбивый, священномудрый император» в храме предков и на могиле Нурхаци. Династия была переименована из Хоу Цзинь в Дай Цин — «Великая чистота/непорочность», девиз правления изменен на Чун-дэ — «Накопленная благая сила–*дэ*». Затем маньчж. армия снова вторглась на территорию Мин юго-западнее Пекина, было взято 12 городов, захвачено много людей и скота. Сам Хуантайцзи в этом походе не участвовал. В янв. 1638 он напал на Корею.

Вана Инджо принудили к позорной капитуляции, два его сына стали заложниками при маньчж. дворе.

Во внутр. политике Хуантайцзи продолжал успешно линию своего отца на укрепление маньчж. гос-ва. Он продвинул границы Цин на севере до Амура, подчинил солонов и предков современных нанайцев, людей «одного языка». В 1635 по его приказу были переведены на маньчж. язык «Истории» династий Ляо, Цзинь и Юань. Он развивал земледелие, в осн. за счет рабского труда военнопленных. Хуантайцзи освобождал часть рабов-китайцев от прямой рабской зависимости и формировал из них земледельческие воен. поселения, доход от к-рых шел в казну гос-ва. Население было распределено по «знаменам», являвшимся единицами как гражданской, так и воен. орг-ции. Были введены должности командующих восьмизнаменными войсками (кит. *ба ци*) и их заместителей. Главы «знамен» обсуждали гос. дела вместе с советом *бэйлэ* (маньчж. князей императорской родни 3-й степени). Их заместители осуществляли судебную власть. В 1629 для подготовки кадров была введена система гос. экзаменов, к экзаменам допускались маньчжуры, китайцы и монголы. В 1631 Хуантайцзи учредил «шесть министерств», все образованные чиновники получили титулы *бакши*. Делопроизводство велось на маньчж. и кит. языках. В штате чиновников более половины составляли маньчжуры. В 1633 *Мэнгуюань* — орган управления, ведавший делами монголов, был преобразован в **Лифаньюань**, спец. канцелярию, выполнявшую функции мин-ва иностр. дел. В 1636 по кит. образцу был создан контрольный орган *Дучаюань*. Хуантайцзи не препятствовал проникновению в Маньчжурию **буддизма** (см. т. 1), но, как и в Китае, буд. храмы могли учреждаться только с разрешения гос-ва. За годы правления Хуантайцзи в Маньчжурии сложилось сильное гос-во. Как и гос-во монголов, оно претендовало на управление всей Поднебесной.

Хуантайцзи любил читать «Истории» некитайских династий Ляо, Цзинь и Юань. Он много думал над тем, что уже мог бы сокрушить Китай, но сомневался — не станет ли победа концом его династии: «Небо вверило мне Поднебесную, и Мин скоро придет конец. Но не станет ли это и концом нашего маньчж. дома? Не станет ли он постепенно китайским?» Хуантайцзи был провидцем, поэтому не спешил овладеть всем Китаем. В 1639 маньчж. войска на западе дошли до пров. Шаньси, на востоке до окрестностей Пекина и в Шаньдуне до г. Цинаньфу. Но они не смогли взять ни одного крупного города. Маньчжуры осадили г. Суншань на сев.-зап. оконечности Ляодунского залива. Обе стороны широко использовали артиллерию. Кит. гарнизон стойко оборонялся, но в марте 1642 предательство командующего гарнизоном крепости Хун Чэн-чоу решило исход сражения в пользу маньчжуров. Первоначально маньчжуры заставляли покорившихся китайцев еще только брить голову наголо, а не отращивать косу по образцу своей прически.

Минский двор предложил переговоры о мире. Требования маньчжуров были провокационны: императоры заключают договор лично, минский двор выплачивает маньчжурам ежегодно 10 тыс. *лянов* золота и 1 млн. *лянов* серебра в обмен на тысячу *цзиней* женьшеня и тысячу собольих шкурок. Китайцы же требовали, чтобы между китайским и цинским императорами были установлены «отношения сына и внука», никакого равенства не допускалось. Переговоры провалились, и в нач. зимы 1642 маньчжуры начали очередной поход, в к-ром Хуантайцзи лично не участвовал. Маньчж. армия довольно свободно передвигалась по Сев. Китаю, охваченному народным восстанием. Летом 1643 войска, обремененные добычей, возвратились обратно. Хуантайцзи рассчитывал, что под ударами крестьянского восстания и цинских армий минский Китай вот-вот падет к его ногам. Но судьба распорядилась иначе. 10 сент. 1643 Хуантайцзи неожиданно скончался, возможно, от гипертонического криза.

Е.И. Кычанов

В рус. и зап. синологической лит-ре Хуантайцзи известен как Абахай. Слово «Абахай», к-рое не является его именем, в произведениях офиц. историографии **ши лу** («правдивые записи») входит в маньчж. название девиза правления (*нянь хао*) первых маньчж. императоров — *Abkai sure* («Небесная мудрость», кит. Тянь-цун). На эту историограф. ошибку обратила внимание рос. историк Т.А. Пан (2006). В своем переводе (точнее, пересказе) с кит. на рус. яз. маньчж. истории «Цин кай го фан люэ» (изд. в 1852 под назв. «Начало и первые дела маньчжурского дома») рус. китаевед В. Горский (бывш. студент 12-й Рос. духовной миссии в Китае) принял слово *Abka* («небо») в род. падеже за имя собственное и перевел *Abkai sure* как «мудрый Абкай», назвав имп. Тайцзуна «четвертым *бэйлэ* Абахаем».

В 1858 текст В. Горского был переведен на нем. яз. К. Абелем и Ф.И. Мекленбургом в кн. «Работы русского императорского посольства в Китае», этот перевод был известен Э. Хауэру, к-рый в ст. «Маньчжурский царствующий дом. Его имя, происхождение и родословная» приводит имя восьмого сына Нурхаци — Абахай (нем. Abachai) без ссылки на к.-л. источники. Позднее А. Хаммел создает справочный труд, используя работы известных синологов, и начинает словарь со статьи, посвященной Абахаю. Так эта историограф. ошибка вошла в науч. лит-ру: в русскую — с легкой руки В. Горского, в западную — Э. Хауэра и А. Хаммела.

* Цин Тай-цзу маньчжоу ши лу (Летопись на маньчжурском языке цинского Тай-цзу). Рукописный отдел ИВР РАН; Цин Тай-цзун ши лу (Летопись царствования цинского Тай-цзуна). Токио, 1937–1938.
** *Волкова М.П.* Политика Абахая и первые опыты по созданию маньчжурской литературы // VII НК ОГК. Вып. 1. 1976; *Горский В.В.* О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб., 1852; *Кычанов Е.И.* Абахай. Новосиб., 1986; *он же.* Основатель династии Цин: Абахай // *он же.* Властители Азии. М., 2004, с. 431–513; *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на северо-востоке Китая (XVII в.). М., 1974; *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб., 2006; *Stary G.* The Problem "Abahai" — Hong Taiji: A Definitive Answer to an Old Question? // CAJ. 1999, vol. 43, № 2; *idem.* A Dictionary of Manchu Names: A Name-Index of the Manchu Version of the "Complete Genealogies of the Manchu Clans and Families of the Eight Banners". Wiesbaden, 2000.

В.Н. Усов

ХУАН ЧАО

黃巢

Хуан Чао. ?–884. Род. в Юаньцзюй, обл. Цаочжоу (совр. пров. Шаньдун). Один из вождей крестьянской войны, основатель новой династии Да Ци (Великая Ци). Происходил из семьи солеторговца. Получил образование, бегло читал, был красноречив, писал стихи. После неудачных попыток получить степень *цзинь ши* решил, что «лучше всего уметь владеть копьем и мечом да при удобном случае устроить бунт».

К концу дин. Тан (608–907) в связи с ростом повинностей и долгов, истощением хозяйств и частых неурожаев, голода и эпидемий в стране периодически вспыхивали восстания крестьян, мелких торговцев, солдатские бунты. В 875 Хуан Чао присоединился к лидеру начавшегося в 874 повстанческого движения на юге совр. пров. Шаньдун Ван Сянь-чжи, провозгласив себя «великим полководцем». Восстание охватило междуречье Хуанхэ и Янцзы. Число повстанцев быстро росло, за неск. месяцев достигло десятков тыс. чел. Крестьяне сжигали налоговые списки и долговые записи, прекращали платить гос. налоги, исполнять повинности, грабили и убивали чиновников и частных землевладельцев. Для действий повстанцев характерно передвижение их сил с места на место: сначала центром была южная часть совр. пров. Шаньдун, затем бассейн Янцзы, совр. провинции Хубэй и Цзянси.

Пр-во пыталось подкупить лидера повстанцев, послав через местного чиновника Пэй Во указ о назначении Ван Сянь-чжи одним из командующих

дворцовой гвардией. После этого инцидента между Хуан Чао и Ван Сянь-чжи произошел разрыв, их отряды стали действовать порознь. В 878 Ван Сянь-чжи со своими сторонниками совершил поход на запад в направлении Лояна. Подступы к вост. столице охранялись правительств. войсками и конницей кочевников. Ван Сянь-чжи потерпел жестокое поражение, его схватили и казнили, было убито более 50 тыс. повстанцев и мирного населения.

Возглавив все повстанческие силы, Хуан Чао провозгласил себя *ваном*, «Великим полководцем, штурмующим Небо» (*чун тянь дацзянцзюнь*). В манифестах к населению он обличал господство в стране евнухов, взяточничество, злоупотребления на экзаменах, накопление неправедными путями богатств. Своей целью он объявил свержение дома Танов.

Хуан Чао форсировал Янцзы и, захватив ряд округов в Цзянси, перешел в вост. часть Чжэцзяна, затем, построив горные дороги, вступил в Фуцзянь. Совершив со своей армией, численность к-рой достигла полумиллиона, поход через весь Южный Китай, в 879 Хуан Чао вошел в Гуандун и подошел к богатому порту Гуанчжоу, служившему империи осн. окном в мир, базой торговли со Средним и Ближним Востоком. На юго-зап. окраине порта в многолюдном иностр. квартале в осн. жили арабские, персидские и еврейские купцы, во внутр. жизнь к-рых императорская администрация старалась не вмешиваться. Хуан Чао потребовал у танского двора назначить его протектором Аннама (Вьетнама) и *цзедуши* (генерал-губернатором) Гуанчжоу; когда же правящие круги отклонили это требование, Хуан Чао захватил Гуанчжоу и провозгласил себя командующим Армии справедливости. В манифесте он заявил, что изменит существующую порочную систему управления страной. Против Хуан Чао были направлены правительств. войска под командованием первого министра Ван До.

Большинство армии повстанцев составляли уроженцы Сев. Китая, климат Юга был для них трудно переносимым; в войске началась тропическая малярия, оставшиеся в живых требовали возвращения на Север. Хуан Чао вынужден был подчиниться, летом 880 войска двинулись в обратный путь и, достигнув Янцзы, форсировали ее, вступив в пределы Хэнани, где находилась вторая столица Китая — Лоян. Повстанцы в дек. 880 захватили город, почти не встретив сопротивления. Их встречал сам наместник Лояна. Отсюда Хуан Чао двинул свою 600-тыс. армию на запад, к основной столице — г. Чанъань. Танские генералы с помощью личной охраны императора пытались задержать его у горного прохода Тунгуань, но безуспешно. Танский двор во главе с имп. Ли Сюанем (Си-цзун, прав. 874–888) бежал на юг в пров. Сычуань.

В янв. 881 Хуан Чао провозгласил себя императором новой династии Да Ци (Великая Ци) и объявил девиз правления Цзинь-тун («Золотое правление»). Ближайшие его соратники и военачальники получили назначения на посты особых советников и членов различных коллегий. Он стал формировать гос. аппарат, не трогая средних и низших чиновников, заменил лишь императорских родственников и высших сановников своими ставленниками. Было запрещено убивать и грабить население. Хуан Чао не стал преследовать бежавшего императора и его войско. Повстанцы контролировали Чанъань и неск. небольших прилегающих р-нов. Танские войска, поддержанные частью населения, на время ворвались в город и начали его грабить. Повстанцы, вытеснив их из столицы, жестоко расправились с населением. Оставшиеся жители бежали из разграбленного города. Танское пр-во сумело оправиться от поражения и мобилизовало новые силы на борьбу с повстанцами. 20 мая 883 Хуан Чао был вынужден оставить столицу. Ланьтяньской дорогой через горы он направился в Хэнань. Повстанческое войско распадалось. Один из руководителей восстания Чжу Вэнь, побратим Хуан Чао, перешел на сторону танского пр-ва. У пр-ва появился и другой союзник и защитник — воинственное тюркское племя *шато*, когда-то поселившееся на территории Китая в р-не пров. Суйюань. 17-тыс. конное войско *шато* выступило на помощь правительств. частям. Они разграбили Чанъань и жестоко расправились с мирными жителями. За безудержную жестокость и черные одеяния народ-

ная молва прозвала их «черными воронами»; а вождя *шато* Ли Кэ-юна нарекла «одноглазым драконом» (*ду янь лун*).

В 883 в Хэнани «черные вороны» нанесли Хуан Чао серьезное поражение; с остатками войск он ушел на север, в р-н, где начиналось восстание. В июне 884 основные очаги сопротивления повстанцев были подавлены, Хуан Чао покончил с собой. Его племянник Хуан Хао во главе 7-тыс. отряда продолжал до 901 действовать в р-не оз. Дунтинху, но в конце концов был разбит и погиб.

После крестьянской войны реальная сила на севере Китая находилась в руках двух клик: Чжу Вэня и вождя *шато* Ли Кэ-юна. Чжу Вэнь, изменив Хуан Чао, изменил затем и Танам: в 907 он занял Чанъань, отстранил последнего танского императора и объявил о воцарении новой династии Лян, перенеся столицу в Кайфэн. Традиция рассматривает это событие (формальный конец дин. Тан) как начало нового периода — «Пяти династий, десяти государств» (*У дай ши го*).

***** *Оуян Сю*. Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 676–707), Ле чжуань, гл. 225, с. 1727–1733; *Лю Сюй*. Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 646–675), Ле чжуань: Хуан Чао чжуань; *Сыма Гуан*. Цзычжи тунцзянь. Т.17. Пекин, 1956; Биография Хуан Чао из «Синь-Тан-шу» — «Новой истории [династии] Тан» / Пер. и примеч. В.А. Рубина // *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае: Собр. трудов. М., 1999, с. 308–314; Заново составленное пинхуа по истории пяти династий (Синь бянь У-дай ши пинхуа) / Пер. с кит., исслед. и коммент. Л.К. Павловской. М., 1984; Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. М., 1961, с. 71–82. ****** *Рубин В.А.* Восстание Хуан Чао // Преподавание истории в школе. 1953, № 6, с. 57–67; *он же*. Походы Хуан Чао: (Из истории крестьянской войны) // Сб. ст. по истории стран Дальнего Востока. М., 1952, с. 81–98; *Смолин Г.Я*. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974, указ.; *он же* О наименовании повстанческого государства 881–884 гг. в Китае // Страны и народы Востока. Вып. 31. Кн. 6. СПб., 2002, с. 315–320; *он же*. О новом источнике по истории крестьянской войны в Китае под руководством Ван Сянь-чжи и Хуан Чао: (К 1100-летию гибели Хуан Чао) // Вестн. ЛГУ. 1984, № 14. Вып. 3, с. 36–42; *он же*. Они бросили вызов Небу: О крестьянской войне 874–901 гг. в Китае: В 2 ч. СПб., 1997–2000; *Чжан Го-хуа*. Хуан Чао. Харбин, 1982; Чжунго цюаньши (Полная история Китая): В 2 т. Пекин, 2004.

В.Н. Усов

ХУБИЛАЙ

忽必烈

Хубилай. 1215–18.02.1294. Основатель и император монг. дин. Юань (1271–1368). Храмовое имя (*мяо хао*) Ши-цзу (прав. 1271–1294). Внук **Чингис-хана**, сын Тулуя — младшего сына Чингис-хана. Его матерью была Слогатани, христианка несторианского толка, племянница Ван-хана кереитского, отданная в жены Тулую после разгрома Чингис-ханом кереитов. Младший брат великого хана Мункэ.

Хубилай с раннего детства жил в кит. среде. Мать имела удел в Чжэньдине (совр. пров. Хубэй). В 1236 Хубилай тоже получил удел в Синчжоу (пров. Хубэй). Говорил по-китайски, читал и писал только по-монгольски. В молодости интересовался **конфуцианством** (см. т. 1).

В 1251 по приказу Мункэ возглавил кампанию по покорению Южного Китая. В 1253 монголы под его рук-вом уничтожили гос-во народа *бай* Дали (совр. пров. Юньнань). В 1256 Хубилай построил собств. ставку — г. Кайпин (в совр. АР Внутренняя Монголия). В 1258, когда монголы начали наступление против империи Сун, возглавил войска, действовавшие на вост. направлении. Многие кит. города и армии упорно сопротивлялись завоевателям. В 1259 в сражении в Сычуани погиб Мункэ. Получив тайное донесение от своей жены, что его младший брат Ариг-Буга претендует на ханский престол, Хубилай спешно заключил перемирие с Сунами и возвратился в Кайпин. Когда в Каракоруме великим ханом был объявлен Ариг-Буга, Хубилай созвал свой

куралтай (съезд князей), взошел на великоханский престол, стал титуловаться *хуан-ди* (император) и объявил по кит. образцу свой девиз правления — Чжунтун.

Началась война за власть, продолжавшаяся до 1264, когда Ариг-Буга сдался Хубилаю. Тот простил его, но Ариг-Буга вскоре умер.

В 8-м месяце 1271 Хубилай назвал свое гос-во Дай Юань (Великая Юань. Юань означало «первоначальное творение мира»). В 1272 столицей был объявлен г. Даду (совр. Пекин). Затем Хубилай предпринял активное наступление на Южную Сун. В 1273 монголы взяли Сянъян. В 1274 начался решающий поход под командованием генералов Баяня и Ши Тянь-цзэ. В 1276 пала столица Южной Сун г. Линьань (совр. Ханчжоу). Последний малолетний сунский имп. Гун-цзун, члены имп. семьи были захвачены монголами в плен и увезены на север.

Хубилай долго жил в Китае и с ранних лет знал его. В окружении Хубилая было много кит. чиновников-конфуцианцев. При построении системы управления Юаньской империи он действовал по кит. образцам. Но когда в 1262 в г. Цзинань восстал кит. сановник и генерал Ли Тань, Хубилай подавил мятеж и сделал ставку на *сэму жэнь* («цветноглазых») — мусульман, тангутов, найманов и др., более близких к монголам, чем китайцы. Большую роль в управлении страной играли ханские гвардейцы — кешиктены. Сбор налогов и другие финанс. дела Хубилай доверил мусульманам. Ведавшая финансами купеческая группировка во главе с Ахмадом широко практиковала откуп налогов и продажу должностей. С 1276 Ахмад увеличил выпуск ассигнаций, что привело к тому, что «вещи стали тяжелыми, а ассигнации легкими», т.е. к инфляции. В 1282 Ахмад был убит, налогами и монополиями стал ведать китаец Лу Ши-жун. Но и он вскоре попал в тюрьму и был казнен. С 1287 финансы перешли в руки уйгура Санге.

При выборе религии Хубилай предпочел **буддизм**. В 1258 в Кайпине он организовал диспут между буддистами и даосами. Буддисты победили, и часть даос. храмов была отдана им. Это был кит. буддизм. Для себя же Хубилай избрал тибет. буддизм школы Сакья. В 1254 он подтвердил передачу власти над Тибетом Пагба-ламе и в его лице школе сакьяпа. В 1260 Пагба-лама объявил Хубилая перерожденцем бодхисаттвы Манджушри (**Вэньшушили**; см. т. 2). Хубилай присвоил ему титул наставника императора и поручил создать новое письмо с целью объединить единым письмом разные народы империи. **Квадратное письмо** (см. т. 3) было официально введено в употребление в 1269 во всех администр. учреждениях империи. По приказу Хубилая было предпринято издание буд. сутр на тангутском языке тангутским письмом. После подчинения Китая главой всех буддистов к югу от р. Янцзы был назначен Янлянь Чжэнь-цзя. Буддисты, даосы, представители др. религий были освобождены от уплаты налогов.

Во 2-й пол. XIII в. части Великой Монгольской империи стали постепенно обособляться друг от друга. Золотая Орда, гос-ва Хулагуидов и Чагатаидов нередко враждовали друг с другом. Каждая часть былой империи опиралась на свои экономич. и культурные зоны. Создавая империю Юань, Хубилай опирался на экономич. и культурную мощь Китая, на монголов и *сэму*, к-рые за заслуги получали поместья на кит. территории, на ту часть кит. землевладельцев и бюрократии, к-рая поступила на монг. службу. При нем в Китае жили и христиане, и мусульмане. Из европейцев там побывал известный венецианец Марко Поло. В год смерти Хубилая в Даду прибыл посол римского папы Джованни Монтекорвино. О «европейской» политике Хубилая нет никаких сведений. Но он неск. раз направлял свои войска на восток — к берегам Японии и на юг — в Индокитай. Корея уже была вассалом Юань. В 1268 корейцам было приказано строить монг. флот для завоевания Японии. В 1274 и в 1281, когда японцы убили посла Хубилая, юаньский флот направлялся на покорение Японии, но во время бури большая часть его кораблей погибла.

В последние годы жизни Хубилай стал тучным, неумеренно пил и ел, вел менее активный образ жизни. В Новый год по лунному календарю 28 янв. 1294

из-за болезни не смог посетить обычные новогодние церемонии. Хан постоянно слабел и 18 февр. 1294 на 79-м году жизни скончался.

* Юань чао ши / Хань Жу-линь чжубянь (История династии Юань / Гл. ред. Хань Жу-линь). Т. 1. Пекин, 1986; Юань ши (История [династии] Юань) Шанхай, 1936. (СББЯ). ** *Цай Мэй-бяо и др.* Чжунго тунши (Всеобщая история Китая). Т. 7. Пекин, 1983; *Кадырбаев А.Ш.* Тюрки Великой Степи в правящей элите юаньской империи при Хубилай-хане, 1260–1294 гг.: (По материалам «Юаньши») // Вост. архив. 2000, № 4–5, с. 66–76; *Мэн Дж.* Хубилай от Ксанаду до сверхдержавы. М, 2008; *Rossabi M.* Khubilai Khan: His Life and Times. Berk., 1988.

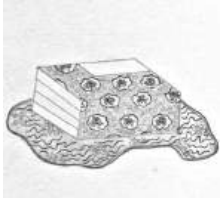
Е.И. Кычанов

ХУЙ ЯО

會要

Хуй яо — «изборник/свод важнейших материалов». Жанровое обозначение сводных публикаций разноуровневой офиц. документации (указы, постановления и предписания императоров, актовые материалы центр. администрации, местных органов власти, доклады, отчеты и донесения столичных и периферийных должностных лиц), отражающих различные стороны жизни об-ва и гос-ва при той или иной династии либо сразу при нескольких династиях (в периоды полит. раздробленности Китая). Публикуемые документы систематизированы по тематич. разделам, внутри разделов — в хронологич. последовательности, с датировкой согласно офиц. системе времяисчисления, Самым ранним произведением, давшим название жанру, был «Хуй яо» («Изборник важнейших материалов»), завершенный в 804, в к-ром Су Мянь (ум. 805) скомпоновал документы, относящиеся к правлению 11 первых танских императоров (618–779). В «Продолжении» (*сюй* [*4*]) изборника Су Мяня, завершенном в 852 под рук-вом Цуй Сюаня (ум. 868) и Ян Шао-фу, представлены документальные материалы за последующие 100 лет. Ученый Ван Пу (922–982), высокопоставленный сановник того периода, свел воедино оба изборника и пополнил их новыми материалами, оказавшимися недоступными ни для Су Мяня, ни для Цуй Сюаня и его коллег, а сверх того присовокупил относящиеся ко 2-й пол. IX в. — сер. 907 (когда пала дин. Тан). В 961 он представил сунскому двору скомпонованный т.о. труд под назв. «Синь бянь Тан хуй яо» («Заново составленный изборник важнейших материалов [династии] Тан»; сокр. «Тан хуй яо»).

Сообразно с классификацией, в основе своей воспринятой еще Су Мянем у **Ду Ю** (735–812) — составителя первой в Китае ист. энциклопедии гос. управления **«Тун дянь»** («Свод уложений»), «Тан хуй яо» заключает в себе 13 тематич. разделов: «Родословная императорского дома» (*ди си*); «Этико-ритуальные нормы» (*ли* [*2*]); «Дворцовый град» (*гун дянь*); «Императорский выезд и одеяния» (*юй фу*); «Музыка» (*юэ* [*1*]); «Учебные заведения» (*сюэ сяо*); «Наказания / уголовные законы» (*син* [*4*]); «Астрологич. явления» (*ли сян*); «Удостоенные пожалований» (*фэн цзянь*); «Буддизм и даосизм» (*фо дао*); «Чины и ранги / структура администрации» (*гуань чжи*); «Экономика / продовольствие и товары» (*ши хо*); «Инородцы четырех стран света» (*сы и*). Каждый раздел слагается из параграфов (всего 571), напр., «Жертвоприношения Небу и Земле» (*фэн шань*) в разд. «Этико-ритуальные нормы»; «Придворная ритуальная музыка» (*я юэ*) в разд. «Музыка»; «Поземельная арендная плата и налоги» (*цзу шуй*) в разд. «Экономика»; «Тюрки» (*туцзюэ*) в разд. «Инородцы четырех стран света» и т.д.



В 963 Ван Пу завершил составленный по тому же, что и «Тан хуй яо», образцу «У-дай хуй яо» («Изборник важнейших материалов [периода] Пяти династий») (279 тематич. позиций).

Становление *хуй яо* как жанра началось с 30–40-х XI в. и выразилось в создании одного за другим трудов данной типологич. принадлежности. Если первые изборники подготавливались частным образом, вне служб гос. историописания, то с указ. времени по инициативе сановника и ученого Чжан Дэсяна (978–1048) эта деятельность стала сосредоточиваться в созданном при дворцовом архиво- и книгохранилище (*Мишушэн*) специальном бюро (*Хуйяо-*

со), а с 1139 была за последним закреплена. В течение 1030–1242 этим бюро подготовлены ок. 10 *хуй яо* (общим объемом свыше 2400 цз.) по периоду с 960 по 1224. Затем в разное время абсолютное большинство таких «заготовок», оставшихся в рукописях, оказалось по различным причинам и обстоятельствам утраченным.

Между тем параллельно с этой работой *хуй яо* составлялись и вне этого учреждения. Во всяком случае, в 1210 свод по периоду 960–1189 представил Чжан Цзун-цзу, а в 1226 — продолжение этого свода (до кон. 1-й четверти XIII в.) Ли Синь-чуань (1166–1243). Труд Ли Синь-чуаня был тогда напечатан, а потому, в отличие от др. сунских *хуй яо*, избежал печальной участи исчезнуть и был без малого два века спустя воспроизведен в составленном в 1403–1408 **«Юн-лэ да дянь»** («Великий свод [годов царствования] Юн-лэ»]), а затем, наряду с уцелевшими фрагментами др. сунских *хуй яо* и актовыми материалами, извлеченными из др. первоисточников (включая хранившиеся в частных коллекциях), стал основой подготавливавшегося в 1-й трети XIX и 1-й пол. XX в. «Сун хуй яо цзи гао» («Вчерне сведенный изборник важнейших материалов [династии] Сун»). Композиция этого (самого большого по объему среди *хуй яо*) свода пополнилась след. разделами: «Императорские жены» (*хоу фэй*); «Зловещие приметы» (*сюн*); «Благовещие предзнаменования» (*жуй и*); «Почитание конфуцианцев» (*чун жу*); «Дела военные» (*бин*) и др.

Утверждение *хуй яо* как жанра засвидетельствовано и созданием Сюй Тянь-линем (2-я пол. XII — 2-я четв. XIII в.) «самолично», по собственному почину, «Си Хань хуй яо» («Изборник важнейших материалов Западной Хань») и «Дун Хань хуй яо» («Изборник важнейших материалов Восточной Хань») — соответственно в 1211 и 1226.

В кон. XIX — 1-й пол. XX в. появились новые изборники по ист. периодам: Чунь-цю (сост. Яо Янь-цюй), Цинь (сост. Сунь Кай, Сюй Фу), Троецарствие (сост. Ян Чэнь), Зап. и Вост. Цзинь (сост. Чжу Мин-пань). Чжу Мин-пань подготовил также серию *хуй яо* кит. династий периода Нань-бэй-чао: Сун, Ци, Лян и Чэнь. Лун Вэнь-бинем (1821–1893) был составлен свод по дин. Мин.

К категории *хуй яо* нек-рые кит. ученые склонны, пусть не безоговорочно, относить и своды сходным образом скомпонованной актовой документации, в названиях к-рых, однако, отсутствует данное жанровое обозначение: составленная Дун Шо (1620–1686) подборка соответствующих материалов о периоде Чжань-го «Ци го као» («Разысканное о Семи царствах»); сб. «Цзянь-янь илай чао е цза цзи» («Разные записи [о событиях] при дворе и на периферии, начиная с [годов царствования] Цзянь-янь»]) упоминавшегося выше Ли Синь-чуаня; подготовленные Чжао Ши-янем (1260–1336), Юй Цзи (1272–1348), Оуян Сюанем (1274–1358) и их коллегами «Юань цзин ши да дянь» («Главные установления [династии] Юань по управлению страной»); «**Дай Цин хуй дянь**» («Свод узаконений Великой [династии] Цин»); «Дай Мин хуй дянь» («Свод узаконений Великой [династии] Мин»).

** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 22–25; *Ван Шу-минь.* Ши бу яо цзи цзети (Аннотации важнейших книг отдела «История»). Пекин, 1986, с. 222–234; *Ли Цзун-е.* Чжунго лиши яо цзи цзешао (Рекомендации по важнейшим книгам по истории Китая). Шанхай, 1982, с. 331–335; Чжунго шисюэ фачжань ши (История развития ктайской исторической науки) / Отв. ред. Инь Да. Чжунчжоу, 1985, с. 195–198.

Г.Я. Смолин

ХУНВЭЙБИН

紅衛兵

Хунвэйбин (букв. «красный охранник»), *хунвэйбины* — молодежные штурмовые орг-ции, осуществлявшие массовый полит. террор против парт., профсоюзных, комсомольских кадров, деятелей науки, образования, представителей творческой интеллигенции, широких слоев населения в период **«культурной революции»** (1966–1976).

Хунвэйбиновское движение прошло неск. этапов: 1) май–июль 1966 (зарождение), 2) авг.–дек. 1966 (подъем), 3) дек. 1966 — авг. 1968 (активная фаза), 4) сент. 1968 — авг. 1970 (высылка образованной молодежи в горные и сельские р-ны, что стало фактически завершением движения). На 4-м этапе созданные в школах орг-ции *хунвэйбинов*, после возобновления занятий и восстановления кит. комсомола, практически прекратили свое существование, хотя и были официально распущены только в 1978.

29 мая 1966 (после известной *дацзыбао*, составленной Не Юань-цзы, инспирированной Кан Шэном и поддержанной **Мао Цзэ-дуном**) в средней школе при ун-те Цинхуа неск. десятков учащихся объединились в «боевую орг-цию» *хунвэйбин*. Вскоре такие орг-ции появились в 25 учеб. заведениях Пекина. Большинство в них составляли дети руководящих кадровых работников. Вначале акции *хунвэйбинов* в учеб. заведениях были направлены в первую очередь против «ревизионистской линии в области образования». Затем, после появления 5 авг. 1966 первой *дацзыбао* Мао Цзэ-дуна «Огонь по штабам», они переключились на борьбу против «штабов»: членов партии, «стоящих у власти и идущих по кап. пути», «ревизионистов» и интеллигенции. Борьба шла под лозунгом «Бунт — дело правое», одобренным Мао Цзэ-дуном. Возраст *хунвэйбинов* — 13–20 лет. По разным оценкам, число *хунвэйбинов* в КНР составляло от 40 до 90 млн. чел. Им предоставлялись определенные льготы: прекращение на неопределенное время занятий в школах и вузах, разрешение на приезд в столицу и др. места «революц. славы» для осуществления «революц. смычки», бесплатный проезд на обществ. транспорте, воен. форма, общежитие, бесплатная еда. Днем рождения «красных охранников» стало считаться 18 авг. 1966, когда Мао Цзэ-дун и его сторонники устроили в честь *хунвэйбинов* массовый митинг на площади Тяньаньмэнь. С созданием многочисл. орг-ций *хунвэйбинов* начиная со 2-й пол. авг. 1966 началась фракционная борьба между «старыми» и «новыми», «левыми» и «правыми» орг-циями, иногда доходившая до сражений с применением огнестрельного оружия. В помощь *хунвэйбинам* были созданы отряды *цзаофаней* («бунтарей») из молодых рабочих, учащихся тех. училищ. Поощряемые сверху экстремистскими лозунгами, отряды творили самосуд, применяли жестокие, а иногда и бесчеловечные истязания и пытки своих противников. Под лозунгом борьбы с «четырьмя старыми» (*сы цзю*) (т.е. обычаями, традициями, привычками и культурой) по всей стране совершались акты вандализма в отношении памятников истории, архитектуры и культуры, погромы в домах, библиотеках и музеях, религиозных и культовых храмах. Только в Пекине из 6843 ист. и культурных памятников, охранявшихся как нац. достояние, 4922 были разрушены, причем большинство из них уже в авг.–сент. 1966.

Движение *хунвэйбинов*, ставшее неотъемлемой частью «культурной революции», искалечило судьбы миллионов молодых людей, вольно или невольно оказавшихся его участниками, нанесло колоссальный урон традиц. культуре и образованию страны.

См. также ст. **«Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг.»** и лит-ру к ней в Общем разделе.

** *Усов В.Н.* К характеристике хунвэйбиновских изданий // VI НК ОГК. Ч. 3. М., 1975, с. 580–587; *Усов В.Н., Илларионова Т.И.* Сводный каталог хунвэйбиновских изданий. М., 1975; *Ван Хай-гуан.* Хунвэйбин юньдун шупин (чугао) (Обзор хунвэйбиновского движения [наброски]). Пекин, 1989; *Гуань Ли.* Хунвэйбин юньдун синши ды юаньин (Причины возникновения и роста хунвэйбиновского движения) // Данши яньцзю цзыляо. Пекин, 1989, № 7–8, с. 27–30; *Ши Юнь.* Хунвэйбин юньдун шупин (Обзор хунвэйбиновского движения) // Чжунго

циннянь. 1989, № 1, с. 20–26; *Bennent A. Gordon. Montaperto Ronaid N.* Red guard. The Political Biography of Dai Hsiao-ai. N.Y., 1972; *Heaslet J.* The Red Guards: Instruments of Destruction in the Cultural Revolution // Asian Survey. 1972, vol. 12, № 12, p. 1032–1047.

В.Н. Усов

ХУ ЦЗИНЬ-ТАО

胡錦濤

Ху Цзинь-тао. 25.12.1942, уезд Цзиси пров. Аньхой. Генеральный секретарь ЦК КПК (с 2002), Председатель КНР (с 2003).

Род. в семье школьного учителя. После окончания средней школы в 1959 поступил на ф-т гидротехнич. строительства в Пекинский ун-т Цинхуа. В 1964 вступил в КПК. С 1965 по 1968 работал политруком в ун-те Цинхуа и одновременно занимался науч.-исслед. деятельностью на гидротехнич. ф-те ун-та. В 1968 в ходе **«культурной революции»** был выслан для «перевоспитания физич. трудом» в пров. Ганьсу, где работал в домостроительном отряде Люцзясяского инженерного управления при мин-ве водного хоз-ва и электроэнергетики. В 1969–1974 Ху Цзинь-тао работал техником, тех. секретарем, зам. секретаря объединенной партячейки 813-го подбюро 4-го инженерного управления при том же мин-ве. Затем его перевели в аппарат пр-ва пров. Ганьсу, где он работал в строительном комитете. В 1981 окончил курсы для кадровых работников Центр. парт. школы при ЦК КПК. В сент. 1982, после воссоздания КСМК, Ху Цзинь-тао был избран секретарем КСМК пров. Ганьсу.

Умение работать с людьми, хорошее образование и работоспособность стали гл. факторами карьеры Ху Цзинь-тао. «Он образован, не совершал ошибок в личном плане; у Ху Цзинь-тао сложились хорошие отношения как с вышестоящими руководителями, так и с подчиненными, — комментировал его успешную карьеру один из сослуживцев. — Он уважительно относится к людям. Ху Цзинь-тао спокойный человек, все свое свободное время он посвящает чтению. При этом он очень общителен».

В дек. 1982 на XI съезде КСМК Ху Цзинь-тао избирают секретарем ЦК КСМК. Одновременно он являлся пред. Рабочего комитета пионерских отрядов Китая и пред. Всекит. федерации молодежи. На XII съезде КПК (сент. 1982) Ху Цзинь-тао избран канд. в чл. ЦК КПК; он стал самым молодым в составе ЦК КПК. В 1983–1988 — чл. ВК НПКСК 6-го созыва. В 1984 Ху Цзинь-тао был избран 1-м секретарем ЦК КСМК и возглавлял ЦК до нояб. 1985.

В 1985 Ху Цзинь-тао был назначен секретарем комитета КПК пров. Гуйчжоу (на этом посту проработал до 1988). Он принимал все меры к тому, чтобы вывести провинцию из ранга одной из беднейших в стране и немало сделал для возрождения здесь сельского хоз-ва, подорванного за годы «большого скачка», коммунизации деревни и «культурной революции». На Всекит. парт. конф. (22 сент. 1985) и на XIII съезде КПК в 1987 Ху Цзинь-тао избирался чл. ЦК КПК.

С дек. 1988 до 1993 Ху Цзинь-тао занимал ответств. пост секретаря комитета КПК Тибетского автономного р-на, имеющего важное стратегич. значение. В 1989 Ху Цзинь-тао встретился со вторым духовным лидером Тибета панченламой. 3 февр. он выступил в Лхасе от лица руководителей автономного р-на и ЦК КПК. Он стал первым гражданским руководителем, представлявшим Центр. народное пр-во в Тибете.

В то же время Ху Цзинь-тао был представлен **Дэн Сяо-пину**, к-рый увидел в нем будущего нового руководителя партии и страны. На XIV съезде КПК в окт. 1992 он был избран чл. ЦК КПК, на I пленуме ЦК КПК 14-го созыва — чл. Политбюро ЦК КПК и его Постоянного комитета, чл. Секретариата ЦК КПК. Ху Цзинь-тао был направлен на новый участок работы — он стал ректором (1993–2002) Центр. парт. школы ЦК КПК, к-рая готовила новые руководящие кадры для парт. и гос. органов страны.

На XV съезде КПК 18 сент. 1997 его вновь избрали чл. ЦК КПК, на I пленуме ЦК КПК 15-го созыва 19 сент. 1997 — чл. Политбюро ЦК КПК и его

Постоянного комитета, чл. Секретариата ЦК КПК. На 1-й сессии ВСНП 9-го созыва 16 марта 1998 Ху Цзинь-тао избирается зам. Председателя КНР. На XVI съезде КПК 14 нояб. 2002 Ху Цзинь-тао вновь избирается чл. ЦК КПК, на I пленуме ЦК КПК 16-го созыва 15 нояб. 2002 — Генеральным секретарем ЦК КПК, чл. Политбюро ЦК КПК и его Постоянного комитета. 15 марта 2003 на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва 60-летний Ху Цзинь-тао был избран Председателем КНР. Т.о., в марте 2003 верховная власть в КНР была передана представителю «4-го поколения руководителей» (первые три олицетворяют **Мао Цзэ-дун**, Дэн Сяо-пин, **Цзян Цзэ-минь**).

С 2001 Ху Цзинь-тао неоднократно посещал Россию с рабочими и офиц. визитами, участвовал в Москве во встрече лидеров государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), принимал участие в юбилейных торжествах в связи с 300-летием Санкт-Петербурга. В 2003 по итогам переговоров Ху Цзинь-тао и В.В. Путина в Кремле была подписана Совместная декларация, где подчеркивалось, что «стороны преисполнены желания принять эстафету от предшествующих поколений и пронести ее в будущее, прилагать совместные усилия для раскрытия новых перспектив развития рос.-кит. отношений». В мае 2008 в Пекине состоялись переговоры между Ху Цзинь-тао и президентом РФ Д.А. Медведевым, были рассмотрены итоги и опыт развития рос.-кит. отношений и перспективы дальнейшего сотрудничества. Была дана высокая оценка мероприятиям в рамках совместно объявленных в 2006–2007 национальных годов (Год России в Китае и Год Китая в России), к-рые стали знаменательными вехами в истории отношений между двумя странами.

Ху Цзинь-тао увлекается лит-рой и искусством, неплохо знает рус. классич. и совр. лит-ру, музыку. Любит танцевать, играет в настольный теннис, как правило, сам готовит свои выступления.

***** *Ху Цзинь-тао.* Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новые победы в деле полного построения среднезажиточного общества: Доклад на XVII съезде КПК 15 окт. 2007 г. // ЭИ. 2007, № 11(144), с. 4–65. ****** *Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзинь-тао: социальная гармония в Китае. М., 2006; *Илларионова Т.И., Усов В.Н.* Об XI съезде КСМК // ПДВ. 1983, № 3, с. 183–185; Форумы общественных организаций КНР в минувшем году // ПДВ. 1984, № 1, с. 160–169; *Ломанов А.В.* Новое руководство Китая и перспективы политических реформ // Общество и государство в Китае. Спец. вып.: К 80-летию Л.П. Делюсина. М., 2004, с. 137–156; Чжунго жэньмин да цзыдянь (Большой словарь имен китайцев). Пекин, 1994, с. 210–211; Чжунгун дишиуцзе чжунъян вэйюаньхуй, чжунъян цзилюй цзяньча вэйюаньхуй (ЦК КПК 15-го созыва, Центральный комитет Комиссии по проверке дисциплины). Пекин, 1999, с. 247; *You Ji.* The Heir Apparent // China Journ. 2002, № 48, p. 125–134.

В.И. Антонов, В.Н. Усов

ХУ ШИ

胡適

Ху Ши, Ху Хун-син, Ху Ши-чжи. 17.12.1891, Шанхай, — 24.02.1962, Тайбэй. Философ, литературовед, историк философии и лит-ры. Род. в семье гос. чиновника, получил домашнее образование, затем учился в средней школе в Шанхае. В 1910 выехал на учебу в США. Получил гуманитарное образование в Корнельском ун-те (бакалавр в 1914). Изучал философию в Колумбийском ун-те под рук-вом видного амер. философа и основателя концепции инструментализма Дж. Дьюи (1859–1952). В 1917 получил степень д-ра философии за диссертационное исслед. «История развития метода др.-кит. философии». В 1917 вернулся в Китай и стал проф. Пекинского ун-та, в основном вел курсы по истории кит. философии. Один из инициаторов и активный участник «движения за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*). В 1938–1942 был послом Китая в США. Затем работал в Б-ке конгресса США, читал лекции по истории кит. философии в Гарвардском ун-те. В 1946 возвратился в Китай, занял

пост ректора Пекинского ун-та. В 1948 избран акад. АН Китая. В 1949–1958 занимался научно-педагогич. работой в ун-тах США и Тайваня. С кон. 1957 президент АН Тайваня.

Ху Ши оказал большое влияние на развитие совр. обществ.-полит. мысли и совр. гуманитарных наук в Китае. Сформулированный им науч. метод «смелого предположения» (*дадань ды цзяшэ*) и «осмотрительного доказательства» (*сяосинь ды цючжэн*) нашел широкую поддержку среди кит. ученых и был конкретизирован в «Критике древней истории» («Гу ши бянь») **Гу Цзе-гана**, источниковедч. методах Фу Сы-няня, текстологии **Ло Эр-гана** и т.д. Одна из ранних идеологич. кампаний, начатая в КНР в 1954, была посвящена критике Ху Ши и имела целью устранить влияние его оппозиционных официальному коммунизму идей на науч. общественность страны. Под влиянием инструментализма Ху Ши видел задачу ист. науки в служении интересам совр. об-ва Китая. В исследованиях стремился к «научности», к-рую понимал как анализ разрозненных конкретных фактов и отказ от предварительной постановки общей цели. В работах Ху Ши прослеживается постепенный перенос внимания от выдвижения гипотез с относительно слабым обоснованием к более серьезному доказательству высказываемых положений, что позволяет нек-рым совр. исследователям его науч. тв-ва говорить о влиянии позитивизма. Зап. эволюционизм нашел отражение в лит.-ист. трудах Ху Ши. Преемственность с традиц. кит. историографией заметна в призыве Ху Ши «исправить» традиц. ученость, привив ей зап. науч. метод. Рассмотрение **конфуцианства** (см. т. 1) наравне с др. ист.-филос. учениями имело прецеденты в традиц. кит. историографии XVIII в. и реформаторской мысли кон. XIX — нач. XX в.

Ист. работы Ху Ши поднимают важные вопросы истории кит. философии, лит-ры, **буддизма** (см. т. 1), а также источниковедения. Главные ист.-филос. сочинения Ху Ши являлись переработанными материалами лекционных курсов и были опубликованы в кон. 1910-х — нач. 1930-х. Хронологич. рамки исследований простираются от древности до нач. XI в. Революционным для своего времени стало критич. исследование конфуцианства, к-рое было лишено в работах Ху Ши «священного ореола» и порицалось как причина отсталости Китая. Др.-кит. философия представлена в работах Ху Ши различными учениями, испытывавшими взаимные влияния. Исследователь отметил несоответствие древних и ср.-век. кит. учений западным критериям философии, предпочитая использовать более широкий термин «кит. мысль». Его периодизация древней и ср.-век. истории базировалась на понятиях зап. ист. науки. Эпоха феодализма, по его мнению, закончилась в Китае к III в. до н.э., после чего началась долгая эпоха «торгового капитала». Значительно чаще в работах Ху Ши представлено деление истории на древность и средневековье. Границей между ними он считал создание империи Хань (кон. III в. до н.э.), но иногда указывал и на время ее распада (III в.). Средневековье, в свою очередь, подразделялось им на первый период до V в. и второй период V–IX вв. Главным содержанием интеллектуальной истории кит. средневековья Ху Ши считал эволюцию кит. мысли в направлении религии, «индианизацию» «философии жизни» и борьбу между кит. и индийской мыслью. Согласно Ху Ши, религ. трансформация конфуцианства обеспечила ему завоевание высокого положения при ханьском дворе. Внутр. эволюция этого учения состояла в соединении идей древнего конфуцианства, моизма (**мо-цзя**) и натурфилос. учений. Наиболее авторитетным конфуцианцем того времени назван **Дун Чжун-шу** (II в. до н.э.). Высокой оценки Ху Ши заслужил **Ван Чун** (I в.), к-рый противостоял суевериям и демонстрировал дух рационализма во времена широкого распространения религиозного мистицизма. Большое внимание в исследованиях Ху Ши было уделено **даосизму** (все ст. см. т. 1). Споры вызвали его утверждения о позднем формировании даосизма (IV–III вв. до н.э.) и появлении в нем идеи недеяния (**у вэй**; см. т. 1). Под «индианизацией» Ху Ши понимал распространение буддизма в Китае и в целом оценивал это явление отрицательно. Помимо общих работ эта позиция представлена также в его исследованиях истории кит. чань-буддизма (см. **Чань**

школа в т. 1), выполненных с привлечением большого числа рукописей из европ. фондов дуньхуанских материалов. Борьба между кит. и инд. мыслью, по мнению Ху Ши, проходила в три этапа. Первый этап закончился полной победой инд. мысли, на втором разворачивалась их борьба, а на последнем этапе кит. мысль смогла постепенно преодолеть буддизм. Тогда при дин. Сун (X–XIII вв.) **неоконфуцианство** (см. т. 1) заняло господствующее обществ. положение, но не смогло полностью избавиться от «шрамов инд. мысли».

С именем Ху Ши также связано начало совр. исследований истории лит-ры в Китае. Его внимание к лит-ре на совр. кит. яз. (**байхуа**; см. т. 3) определялось общей ист. концепцией прогресса кит. об-ва через пробуждение сознания народных масс и преодоление пропасти между интеллигенцией и народом. Согласно его концепции «развития по двум линиям», кит. лит-ра развивалась с III в. по линиям живого разговорного яз. (*байхуа*) и мертвого аристократич. яз. (**вэньянь**). Замена в лит. произведениях классич. письменного языка совр. кит. языком расценивается Ху Ши как прогрессивное явление, а жанры кит. лит-ры выстраиваются им в эволюц. ряд от поэзии **ши** к поэзии *цы* и далее к драме и роману. Исследованию жанра романа Ху Ши уделил наиб. внимание. Его анализ романа **Цао Сюэ-циня** (XVIII в.) «Сон в красном тереме» (**«Хун лоу мэн»**; все ст. см. т. 3) стал основой совр. «текстологического» направления в этой области. Исследователи тв-ва Ху Ши отмечают его склонность к «историзации» романа, к рассмотрению его в качестве биографич. материала писателя.

Много лет Ху Ши посвятил исследованию «Шуй цзин чжу» («„Канон рек" с комментариями»). Канонич. часть этого источника по ист. географии Китая восходит к III в., а самый ранний комментарий принадлежит Ли Дао-юаню (466/472–527). Сравнив и проанализировав множество списков, Ху Ши предложил свой выверенный текст памятника, а также доказал ошибочность мнения **Ван Го-вэя** (см. также т. 1) и нек-рых др. историков, что комментарий **Дай Чжэня** (1724–1777; см. т. 1) был плагиатом труда др. цинского комментатора Чжао И-цина (1711–1764).

Опубликованные многотомные дневники Ху Ши являются важным источником по истории обществ. и науч. жизни Китая 1-й пол. XX в. См. также ст. **Ху Ши** в т. 1.

***** *Ху Ши.* Чжунго чжэсюэ даган (Очерк истории китайской философии). Т. 1. Шанхай, 1919; *он же.* Байхуа вэньсюэ ши (История литературы на современном китайском языке). Т. 1. Шанхай, 1928; *он же.* Цзинтянь чжиду юу чжияньцзю (Была ли система колодезных полей: Исследования). Шанхай, [1930]. Совм. с др.; то же. Тайбэй, 1965; *он же.* Чжунго чжунгу сысян ши чан пянь: Фу Чжунго чжунгу сысян сяоши ичжун (История китайской средневековой мысли в пространной редакции. С приложением краткой истории китайской средневековой мысли). Тайбэй, 1986; Ху Ши сюэшу вэньцзи: Чжунго чжэсюэ ши (Сб. науч. соч. Ху Ши: История китайской философии). Пекин, 1991; Ху Ши сюэшу вэньцзи: Чжунго фосюэ ши (Сб. науч. соч. Ху Ши: История буддизма в Китае). Пекин, 1997; Ху Ши жицзи цюаньцзи (Полн. собр. дневников): В 10 т. Тайбэй, 2004; *Hu Shi.* The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai, 1922; *idem.* China's Own Critics: a Selection of Essays. Shanghai, 1931. Соавт.: *Lin Yu-tang*; *idem*. The Chinese Renaissance. Chic., [1934]; то же. N.Y., 1969; Two self-portraits: Liang Ch'i-ch'ao and Hu Shih. N.Y., 1992. ****** *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. М., 2002–2003, указ.; *Ли Ао.* Ху Ши пинчжуань (Биография Ху Ши). Тайбэй, 1964; *Мао Пэй-ци. Лу Яо-дун.* Ху Ши юй дандай шисюэцзя (Ху Ши и современные историки). Тайбэй, 1998; Ху Ши сысян пипань (Критика идеологии Ху Ши): В 8 т. Пекин, 1955–1956; *Чэнь Пин-юань.* Чжунго сяньдай сюэшу чжи цзяньли: И Чжан Тай-янь, Ху Ши чжи вэй чжунсинь (Становление современного китайского учения: С акцентом на Чжан Тай-яне, Ху Ши). Тайбэй, 2000; *Юй Ин-ши.* Чунсюнь Ху Ши личэн: Ху Ши шэнпин юй сысян цзай жэньши (Вновь прослеживая путь Ху Ши: Повторное знакомство с жизнью и мыслью Ху Ши). Тайбэй, 2004; *Chang Han-liang.* Hu Shih and

John Dewey: «scientific method» in the May Fourth Era — China 1919 and after // Comparative Criticism. Cambr., 2000, vol. 22; *Chou Min-chih.* Hu Shi and Intellectual Choice in Modern China. Ann Arbor, 1984; Hu Shi and Friends: Pt. 1–11 // Chinese Studies in History. Armonk, 2004–2007, vol. 37, № 2–4; vol. 38, № 1–2; vol. 39, № 1–4; vol. 40, № 1–2.

В.М. Майоров

ХУ ШЭН

胡繩

Ху Шэн. 11.01.1918, Сучжоу, — 05.11.2000, Шанхай. Историк, философ, полит. деятель. В 1934 поступил на филос. ф-т Пекинского ун-та. В 1935 переехал в Шанхай, где занимался самообразованием, участвовал в революц. деятельности и антияп. пропаганде. Чл. КПК с 1938. В 1940-е был на парт. культурно-просветительной и пропагандистской работе в Вост. и Южном Китае, гл. редактором и чл. редколлегий ряда журналов. После 1949 он — секретарь партячейки Гл. издательского управления Госсовета, начальник секретариата Отд. пропаганды ЦК КПК. С 1955 зам. зав. Кабинетом полит. исследований ЦК КПК, зам. гл. ред. журн. «Хунци». В 1975–1982 на различных должностях участвует в редактировании трудов **Мао Цзэ-дуна**. Зав. Кабинетом истории партии при ЦК КПК (1982), президент АОН Китая (1985–1998). Делегат ряда съездов КПК, чл. ЦК КПК (1982–1987), зам. пред. НПКСК (1988–1998), депутат ВСНП нескольких созывов, чл. ПК ВСНП (1975–1983).

Свои исследования по философии марксизма Ху Шэн начал еще в 1930-х. После **«культурной революции»** оказал заметное влияние на идеологич. обоснование курса на модернизацию и открытость. Оживленные дискуссии науч. общественности вызвали его статьи о необходимости сохранения социализма для успешного хода реформ в КНР, о постепенности перерастания капитализма в социализм, о переоценке нек-рых полит. решений Мао Цзэ-дуна. Ху Шэн при этом всегда указывал на ист. заслуги Мао Цзэ-дуна в победе революции и творч. применении идей социализма к условиям Китая, сохранении независимости КПК от КПСС и Коминтерна. Под рук-вом Ху Шэна была подготовлена новая ред. «Истории КПК». Он неизменно выступал за применение ист. материализма при выборе обществ. значимых тем в ист. исследованиях, с этих позиций критиковал **Фу Сы-няня** и его «источниковедч. школу». Большую известность получили работы Ху Шэна, посвященные новой и новейшей истории Китая. В кн. 1948 «Агрессия империалистических держав в Китае» он показал ключевую роль империалистич. держав в закабалении и консервации феод. порядков в Китае 1840–1918. Более поздняя работа «От „опиумных“ войн до „движения 4 мая“» (1982) также уделяет главное внимание классовой борьбе в Китае. В книге дана периодизация революц. борьбы кит. народа, ист. вехами к-рой стали восстания *тайпинов*, *ихэтуаней* и Синьхайская революция 1911. В своих поздних статьях Ху Шэн подчеркивал, что главным в истории Китая 1-й пол. XX в. был вопрос модернизации, а отнюдь не борьба между сторонниками капитализма и социализма. Конкретные ист. условия Китая привели к победе социализма, т.к. социалистич. модернизация обеспечивала достижение цели с меньшими обществ. затратами.

***** *Ху Шэн* (гл. ред.). Краткая история КПК (1921–1991). Пекин, 1993; Ху Шэн цюань шу (Полн. собр. соч. Ху Шэна): В 6 т. Пекин, 1998; Ху Шэн цзи (Сб. трудов Ху Шэна). Пекин, 2003; *Ху Шэн.* Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951; *он же.* Из истории агрессии империалистических держав в Китае // ПДВ. 1986, № 1, с. 150–153; *он же.* О социалистических идеях Сунь Ят-сена // ПДВ. 1987, № 2, с. 109–121; *он же.* Почему Китай не может идти по капиталистическому пути? // Там же. № 5, с. 94–105; *он же.* Роль Китая в XXI веке // ЭИ. 1996, № 8, с. 6–12; *Hu Sheng.* Imperialism and Chinese Politics. Beijing, 1955; то же. Westport, [1973], Beijing, 1981; *idem.* From the Opium War to the May 4th Movement: In 2 vol. San Francisco, 1991; *idem.* A Concise History of the Communist Party of China. Beijing, 1994; *idem.* Reflec-

tions on China's Road to Development: Nine Essays by Hu Sheng, 1983–1996. Beijing, 1997. ** *Ван Вэнь-цзы.* Ху Шэн ваньянь гуаньюй цзиньдай ши шан ды Чжунго гоминьдан ды цзай пинцзя (Переоценка Ху Шэном в поздние годы роли Гоминьдана в новой истории) // Хайнань дасюэ сюэ бао (Жэньвэнь шэхуй кэсюэ бань). 2003, № 1; *Лю Дэ-цзюнь.* Лиши юй сяньши ды гуаньси: Ху Шэн яньцзю данши ды чжисюэ цзиншэнь (История и реальность: Научный дух исследования истории партии Ху Шэна) // Чичжоу шичжуань сюэбао. 2003, № 4; *Пан Сянь-чжи.* Ху Шэн тунчжи цзяо вомэнь цзэньян душу цзо сюэвэнь (Тов. Ху Шэн учил нас, как учиться и исследовать) // Дан ды вэньсянь. 2002, № 2; *Сюй Сяо-сюй.* Ху Шэн ваньянь лиши гуань ды бяньхуа (Изменение исторических взглядов Ху Шэна в поздние годы его жизни) // Наньтун дасюэ сюэбао (Цзяоюй кэсюэ бань). 2004, № 2.

В.М. Майоров

ХУ ЯО-БАН

胡耀邦

Ху Яо-бан. 20.11.1915, уезд Люян пров. Хунань, — 15.04.1989, Пекин. Партийный и гос. деятель КНР. Генеральный секретарь ЦК КПК (1980–1987), Председатель ЦК КПК (1981–1987).

Род. в крестьянской семье. Родители дали ему имя Яо-бан, что означало «славная страна», подразумевая, что в будущем он будет жить в «славном Китае». В 8 лет поступил в местную начальную школу, в 1929 — в гор. среднюю школу.

В 1930 Ху Яо-бан вступил в комсомол и позднее в КПК, возглавил молодежную орг-цию, созданную на территории опорной базы в Люяне. В 1930–1933 Ху Яо-бан — активный организатор молодежного коммунистич. движения в провинциях Хунань и Цзянси, редактор молодежных изданий. В 1933 работал рядом с **Мао Цзэ-дуном** в качестве его связного. В 1934–1936 участвовал в Сев.-Зап. (Великом) походе Рабоче-крестьянской Красной армии Китая, был чл. рабочей комиссии ЦК КПК, секретарем отд. по местной работе политуправления 3-го армейского корпуса, секретарем объединенной ячейки парторганизации 13-го полка. Был тяжело ранен. В 1937–1945 учился в Военно-полит. академии сопротивления яп. захватчикам (Яньань), политкомиссаром к-рой был Мао Цзэ-дун, начальником — **Линь Бяо**. С 1939 по 1945 — зам. начальника орг. отдела Гл. политуправления Военного совета ЦК КПК. В 1945 участвовал в работе VII съезда КПК. С 1946 — и.о. начальника политуправления Хэбэй–Жэхэ–Ляонинского военного округа, с 1949 начальник политотдела 18-й армейской группы.

После образования КНР — чл. военно-административного комитета Юго-Зап. Китая, пред. пр-ва и секретарь комитета КПК административного р-на на севере пров. Сычуань. Ху Яо-бан долгое время работал под непосредств. рук-вом **Дэн Сяо-пина**. Весной 1952 был направлен на работу в ЦК комсомола в качестве секретаря, с 1957 — 1-й секретарь ЦК КСМК.

С 1954 Ху Яо-бан — чл. ПК ВСНП, чл. ВК НПКСК; на VIII съезде КПК (1956) избран чл. ЦК КПК. С 1962 по 1964 находился в пров. Хунань, где за год посетил более 30 коммун. С кон. 1964 по кон. 1965 работал 2-м секретарем бюро ЦК КПК по Сев.-Зап. Китаю и 1-м секретарем комитета КПК пров. Шэньси. В период кампании «социалистического воспитания» Ху Яо-бан направил доклад в ЦК КПК, где предлагал не использовать «сильных мер» во время «упорядочения» и настаивал на том, чтобы временно «не арестовывать людей», «прекратить захват власти», «не исключать из партии» и «не снимать с занимаемых постов».

С началом **«культурной революции»** он подвергся критике и преследованиям, не раз бывал объектом нападок во время «митингов борьбы и критики», был снят со всех постов, с мая 1969 по 1972 находился в Хэнани в школе кадровых работников на «перевоспитании физическим трудом». В апр. 1974 ему было предъявлено офиц. обвинение в «выступлении против партии, против социализма, против идей Мао Цзэ-дуна». Ху Яо-бан был реабилитирован в мае 1975, когда к полит. деятельности вернулся Дэн Сяо-пин. В авг. 1975 Ху Яо-

бан был направлен в Академию наук для обследования положения дел и подготовки предложений для ЦК КПК и Госсовета КНР об улучшении и активизации ее работы. Он стал зам. пред. парт. группы рук-ва АН Китая, обследовал более 30 ин-тов. К окт. 1975 были подготовлены «Сводные тезисы отчета Академии наук», в обсуждении к-рых принимали участие Дэн Сяо-пин, Е Цзянь-ин, **Хуа Го-фэн**. В документе помимо научно-технич. проблем поднимался вопрос об отказе от наиб. одиозных аспектов практики «культурной революции», о преодолении ее пагубных последствий и о реабилитации ее жертв. Затем проект «Сводных тезисов» был направлен Мао Цзэ-дуну.

Эти предложения, направленные на пересмотр ряда прежних установок, обеспокоили Мао Цзэ-дуна и выдвиженцев «культурной революции». В качестве противодействия развернулись новые полит. кампании борьбы с «капитулянтством», «критики Дэн Сяо-пина и отпора правоуклонистскому поветрию пересмотра правильных выводов культурной революции». «Сводные тезисы», выработанные Дэн Сяо-пином и Ху Яо-баном, были названы «большой ядовитой травой». Ху Яо-бан подвергся резкой критике в Академии наук.

После смерти Мао Цзэ-дуна и ареста «банды четырех» (**сы жэнь бан**) на XI съезде КПК (1977) Ху Яо-бан был избран чл. ЦК КПК. В 1977 он был направлен в Центральную парт. школу ЦК КПК в качестве проректора (ректором был Хуа Го-фэн). Ху Яо-бан активно включился в реорганизацию учеб. процесса и повышение его качества; отобрал произведения классиков марксизма-ленинизма для передачи в Бюро по переводу при ЦК КПК для проверки и издания их полного собрания для слушателей школы. Он лично занялся пересмотром в парт. школе дел, сфабрикованных в свое время Чэнь Бо-да и Кан Шэном. Вскоре более 90 чел. было реабилитировано.

В дек. 1977 Ху Яо-бан стал зав. Орготделом ЦК КПК, под его рук-вом заметно активизировался процесс полит. реабилитации. Были мобилизованы сотни тыс. кадровых работников для обследования дел на местах, выявления ошибочных и сфабрикованных дел до и в годы «культурной революции» и последующей реабилитации невинно осужденных. Всего же, по оценкам Ху Яобана, репрессиям подверглись 8–10 млн. чел. По словам Ху Яо-бана, «процесс массовой реабилитации», начатый вслед за разгромом «банды четырех», затронул 100 млн. чел., т.е. десятую часть населения страны. К нач. 80-х было реабилитировано более 3 млн. чел.

Ху Яо-бан содействовал открытию в Центральной парт. школе спец. печатного органа — журн. «Лилунь дунтай» («Ситуация в области теории»). 10 мая 1978 в этом журн. была опубликована статья слушателя школы, заказанная и отредактированная Ху Яо-баном, под загл. «Практика — единственный критерий истины». Ее перепечатка в газ. «Гуанмин жибао» 11 мая дала старт широкой идеологич. дискуссии Дэн Сяо-пина и его сторонников с выдвиженцами «культурной революции», включая Хуа Го-фэна. Дискуссия развернулась по всей стране и привела к более четкой поляризации полит. сил.

На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва (1978) Ху Яо-бан избран чл. ПК ВСНП; на III пленуме 11-го созыва (1978) — чл. Политбюро ЦК КПК, 3-м секретарем Центральной комисиии по проверке дисциплины, зав. Секретариатом ЦК КПК. С 25 дек. 1978 Ху Яо-бан — зав. отд. пропаганды ЦК КПК. На V пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1980) избран чл. ПК Политбюро ЦК КПК, Генеральным секретарем ЦК КПК; на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1981) избран Председателем ЦК КПК.

В 1982 на I пленуме 12-го созыва был вновь избран Генеральным секретарем ЦК КПК. В этом ранге Ху Яо-бан посетил более 1600 уездов Китая. Как сообщала «Жэньминь жибао» (09.09.1985), с янв. 1979 по июль 1985 Ху Яо-бан прочел более 2 тыс. писем трудящихся, на многие письма ответил. Все выступления и доклады он писал сам; много читал, наряду с марксистской литературой хорошо знал кит. классич. сочинения и зарубежную лит-ру. С большим уважением Ху Яо-бан относился к старейшему кит. писателю **Ба Цзиню** (см. т/ 3). В окт. 1981 Ху Яо-бан специально пригласил его в резиденцию Чжуннаньхай, где имел с ним долгую и дружескую беседу.

В 1983–1987 Ху Яо-бан был пред. Центр. комиссии КПК по рук-ву упорядочением партии.

В кон. нояб. — декаб. 1986 в ряде городов КНР прошли выступления и манифестации студенческой молодежи, недовольной парт. рук-вом и его методами работы, ходом полит. реформ. Тысячи студентов выходили на демонстрации под лозунгами «Хотим свободы!», «Хотим демократии!», они выступали против «четырех основных принципов» (*сы сян цзибэнь юаньцзэ*), т.е. против отстаивания социалистич. пути, диктатуры пролетариата, рук-ва со стороны компартии, марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэ-дуна (**маоцзэдун сысян**), выдвинутых ранее Дэн Сяо-пином. Дэн Сяо-пин и нек-рые др. руководящие работники выступили за запрет подобных демонстраций, тогда как Ху Яо-бан ратовал за усиление рук-ва студенческим движением.

2 янв. 1987 Ху Яо-бан написал Дэн Сяо-пину письмо с просьбой об отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПК. 16 янв. 1987 состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, к-рое, с одной стороны, подвергло Ху Яо-бана резкой критике, а с другой — отметило его заслуги. В коммюнике пленума отмечалось, что Ху Яо-бан признал «ошибки, допущенные им при решении важнейших полит. проблем принципиального характера и выразившиеся в нарушении принципа коллективного руководства». Пленум принял его отставку, сохранив за ним посты чл. Политбюро и чл. ПК Политбюро ЦК КПК.

Длительное время Ху Яо-бан не появлялся в обществ. местах.

На XIII съезде КПК (1987) он был избран чл. ЦК КПК. На I пленуме ЦК КПК 13-го созыва избран чл. Политбюро ЦК КПК. В кон. 1987 совершил поездку по стране, посетив провинции Шаньдун, Хунань и Гуанси. Умер от сердечного приступа 15 апр. 1989.

***** Славная страница в жизни комсомола Китая (Материалы III съезда Новодемократического союза молодежи Китая, 15–25 мая 1957 г.). М., 1957. ****** *Галенович Ю.М.* К 90-летию со дня рождения и к 17-й годовщине ухода из жизни Ху Яо-бана // ИМ. Сер. В. 2007, вып. 21, с. 42–75; *Митбрейт Б.А.* Очерки истории Коммунистического союза молодежи Китая. М., 1961; *Усов В.Н.* Историческая судьба китайского комсомола: (К 60-летию КСМК) // ПДВ. 1982, № 2, с. 121–132; *он же*. К 90-летию со дня рождения Ху Яо-бана // ПДВ. 2006, № 2, с. 136–145; *он же*. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.). М., 2003; [Ху Яо-бан] // 40 лет КНР. М., 1989, с. 500; *Мань Мэй*. Сынянь ижан уцзинь: хуйи фуцинь Ху Яо-бан (По-прежнему постоянно вспоминаю своего отца Ху Яо-бана). Пекин, 2005; *Тянь Го-лян, Сунь Дасюнь*. Ху Яо-бан чжуань (Биография Ху Яо-бана). Пекин, 1989: Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ, 1949–1985 (Справочник материалов по КНР). Пекин, 1986, с. 747; Ху Яо-бан чжуань (Биография Ху Яо-бана). Т. 1 (1915–1976) / Под ред. Чжан Лю-цзюня и др. Пекин, 2005; *Юань Мин*. Лиши чжуаньчжэдяньшан ды Ху Яо-бан (Ху Яо-бан в поворотный исторический момент). Нью-Джерси (США), 1991; *Barzov N.* The Betrayed Generation. Moscow–Dresden, 1973; *Elnikov A., Turusov V.* Maoism and the Youth Movement. Moscow, 1975; *Singer M.* Educated Youth and the Cultural Revolution in China. Ann Arbor, 1971.

В.Н. Усов

ХЭХЭ-СЮЭ

和合學

Хэхэ-сюэ — «концепция гармоничного объединения». Концепция кит. культуры, предложенная в 90-х XX в. проф. философии Народного ун-та Китая Чжан Ли-вэнем (род. 1935). В ее основе лежит понятие гармоничного объединения (*хэхэ*), к-рое в историко-филос. плане противопоставляется понятию *тун* — «объединению через уподобление». *Хэхэ* объявляется основополагающим методом разрешения противоречий, возникающих в отношениях между человеком и природой и между людьми в об-ве. Утверждается, что это понятие в конечном счете определило своеобразный облик кит. духовной цивилизации и особенности нац. мировоззрения китайцев. Гармоничное объединение предлагается в качестве универсального способа мировых ответов на

совр. вызовы — глобализацию, экологич. кризис, неравномерное экономич. и полит. развитие человечества и т.д.

Выделяются пять существ. черт гармоничного объединения: различие и гармония; существование явления и его жизнеспособность; столкновение и слияние; отбор лучшего; тревога и радость [достижения] гармонии. Осн. тематикой исследования гармоничного объединения провозглашаются конкретные формы бытия и их условия: изменение и форма; распространение и переход в новое качество; симметрия и целостность; гармония и чувство прекрасного. Соответственно намечаются пять фундаментальных принципов этой концепции для развития в XXI в. Это, прежде всего, принцип ценности гармонии жизни (букв. «гармоничной жизни», *хэ шэн*) человека и природы, человека и об-ва, различных народов и т.д. Гармония места (*хэ чу*) подразумевает общность жизненного пространства всего сущего и обреченность человечества на исчезновение вне такого пространства. Гармония самостояния (*хэ ли*) предусматривает признание ценности всех форм существования и отказ от узкого эгоизма в общении человека с миром. Гармония достижения (*хэ да*) подразумевает признание права на развитие за всеми формами существования. Гармония любви (*хэ ай*) является основой и ядром сознания, к-рое стремится к осуществлению указанных выше фундаментальных принципов. Без воспитания такой любви человечество закоснеет во вражде и ненависти, что поставит под угрозу само его существование.

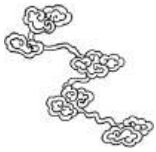
Очевидно, что концепция гармоничного объединения пока представляет собой рабочую гипотезу, полагающуюся на цивилизационный метод исследования и описания культуры. До определенной степени она сохраняет преемственность с концепцией конф. капитализма, популярной в китаеведении 70–90-х XX в.

Задолго до обнародования *хэхэ-сюэ* «гармония» (**хэ [1]**; см. т. 1) и «соединение» (*хэ* [*3*]) были выделены, описаны и определены исследователями в качестве важных категорий традиц. кит. философии. Работы Чжан Ли-вэня и его последователей зачастую вторят выводам своих предшественников, но при этом больший акцент делается на системной роли понятия *хэхэ* и его важности для кит. культуры. *Хэхэ* представляется «квинтэссенцией гуманистического духа кит. культуры».

Главным в *хэхэ-сюэ* является утверждение, что традиц. кит. культура в самых разнообр. ее проявлениях развивалась в направлении постепенного усиления идеи гармоничного объединения. Кит. философия стремилась сформулировать филос. понятие гармоничного объединения. В народной культуре эта идея предстает в виде фундаментальной культурной ценности. Другие — как спекулятивные, так и прикладные — области кит. культуры также в той или иной степени либо воплощают идею гармоничного объединения, либо основываются на ней. По мнению приверженцев этой концепции, наглядным подтверждением ее действенности является мирное сосуществование многочисленных народов и религий Китая; ее универсальность им видится в заимствовании Японией и Кореей кит. культурной модели, а успешное экономич. развитие стран Вост. Азии определенно указывает на перспективность применения идеи гармоничного объединения в общемировом масштабе.

Такой постановке проблемы кит. культуры соответствует преобладание историко-филос. исследований *хэхэ*, а также идентификация и описание этой идеи в различных явлениях кит. культуры. Методы исследования при этом оказываются достаточно традиционными. Большинство исследователей обращают внимание на раздельное или совместное употребление двух омонимичных, но разных по смыслу и написанию иероглифов *хэ* и дают свою трактовку их значения в контексте филос. высказывания или иного явления культуры. Эта операция повторяется на достаточно большом и исторически разновременном материале, что позволяет затем сделать вывод о традиц. ценности *хэхэ* в кит. культуре.

Среди кит. исследователей нет единого мнения относительно времени формирования филос. категории *хэхэ*. Чаще всего называются ист. периоды Чунь-



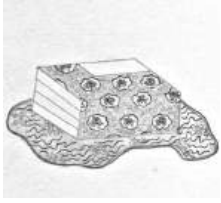
цю (722–481 до н.э.) и Чжань-го (475–221 до н.э.), но есть и высказывания в пользу Зап. Чжоу (XI в. — 771 до н.э.), а также Хань (206 до н.э. — 220 н.э.). Концепция не ограничивается теорией гармонии, изложенной в филос. сочинениях. Предлагается значительно расширить круг исследований и вскрыть механизм влияния этого понятия «на политику, право, повседневную жизнь, а также на целый ряд обществ. отношений между правителем и чиновником, правителем и народом, китайцами и некит. народностями».

В ист. исследованиях кит. ученые не всегда различают полит. идеалы и реальные полит. курсы правящих династий. Отсюда проистекают общие утверждения, что т.н. «века процветания» характеризовались «относительной социальной гармонией», сочетавшей «основательную администрацию» и «гармоничные отношения населения». Эти взгляды противоречат одной из посылок Чжан Ли-вэня, к-рый ясно дает понять, что идеи гармоничного объединения в об-ве проявляются наиболее заметно во времена кризисов. Мнению о широком распространении ценности гармонии в офиц. практике кит. гос-ва противоречат и некоторые ист. факты.

Анализ ценностных ориентаций социальных слоев традиц. Китая, проведенный совр. кит. учеными, показывает нек-рую нацеленность на гармонизацию отношений среди наиболее привилегированной социальной группы политиков и наиболее бесправного крестьянства. Положение политиков-царедворцев никогда не отличалось стабильностью, поэтому они чаще всего прибегали к методам «следования середине», а под гармонией (*хэ* [*Л*]) по сути понимали беспринципное взаимовыгодное сотрудничество, не проводя различий между «добром и злом». У кит. крестьянства, как утверждается, стремление к гармонии было выражено наиболее сильно, хотя сама эта ценность отнюдь не главная. Важными для крестьянина остаются достижение счастья и практичность. Исследования фразеологизмов кит. яз., напр., позволяют выявить наличие ценности гармоничного объединения в отношениях с родственниками и соседями. Гармония и терпение провозглашаются высшими моральными качествами и обществ. нормами поведения. Вместе с тем на практике крестьянская психология зачастую видит путь к гармонии в уступчивости и моральном утилитаризме.

Гармония является важной категорией традиц. кит. эстетики. В последнее время нет недостатка упоминаний *хэхэ* в исследованиях традиц. искусства и лит-ры, однако значительных работ с использованием этой концепции в качестве методики исследования пока не появилось.

В целом развитие *хэхэ-сюэ* требует как более широкого охвата тематики традиц. культуры, так и более основательного ее подтверждения в конкретных исследованиях. В соответствии с новыми вызовами времени рук-во КПК в последние годы выдвинуло научную концепцию развития, к-рая видит в человеке основу основ и требует всестороннего, гармоничного и устойчивого развития. Партия объявила курс на социальную гармонизацию об-ва. Ценности обществ. стабильности внутри страны, мирного объединения с Тайванем, гармоничного сосуществования с ближайшими соседями по Восточной Азии и со всем миром делают применение *хэхэ-сюэ* в таком качестве также весьма вероятным.



* *Чжан Ли-вэнь.* Хэхэ-сюэ гайлунь — 21 шицзи вэньхуа чжаньлюэ ды гоусян (Учение гармоничного объединения — концепция стратегии культуры 21-го века): В 2 т. Пекин, 1996; *Вэй Вэнь-бинь.* Цяньтань «Чжоу и» чжун «чжун чжэн» юй «хэхэ» ды бяньчжэн гуаньси (О диалектической связи «срединной правильности» и «гармоничного объединения» в «Чжоу и») // Шэньси шэхуйчжуи сюэюань сюэбао. 1997, № 2; *Чжан Дай-нянь.* Маньтань хэхэ (О гармоничном объединении) // Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1997, № 5; *Ян Цзянь-хуа.* Тянь жэнь хэ и: Чжунго гудай сысян вэньхуа ды чжунчжоу цзегоу (Единство неба и человека: Осевая структура древнекитайской мысли и культуры) // Чжуцзян сюэкань, 1998, № 5 (112); *Лю Сюэ-чжи.* «Тянь жэнь хэ и» цзи «тянь жэнь хэсе» ма? (Является ли «единство Неба и человека» «гармонией Неба и человека»?) // Жусюэ юй 21 шицзи Чжунго. Шанхай, 2000,

с. 251–265; *Ли Ган.* Хэхэ сысян цзи ци яньбянь (Идея гармоничного объединения и ее эволюция) // Сибэй дасюэ сюэбао. 2001, т. 31, № 1; *Чжан Ли-вэнь.* Чжунго хэхэ вэньхуа даолунь (Введение в китайскую культуру гармоничного объединения). Пекин, 2001; *Чэнь Фэй, Ван Фэнин, Ли Сянь-цэн.* Чжунго чуаньтун вэньхуа чжунды бутун цзячжигуань цюньти цзи ци пинцзя (Различные ценностные группы в традиционной культуре Китая и их оценка) // Чжуегун Нинбоши вэйдансяо сюэбао. 2001, т. 21, № 6; *Чу Чжуан.* Чжунъюань хэло вэньхуа юй «хэхэ вэньхуа» (Китайская культура *хэ ту* и *ло шу* и «культура гармоничного объединения») // Хуанхэ вэньхуа. 2004, № 1; *Ouyang Kang.* Hehe xue (Theory of Harmony and Integration) // Routledge Curzon Encyclopedia of Confucianism. Vol. 1. L.–N.Y., 2003, p. 257–258.

В.М. Майоров

ХЭ ЦЗЫ-ЦЮАНЬ

何茲全

Хэ Цзы-цюань. 07.09.1911, Хэцзэ пров. Шаньдун. Историк, преподаватель истории. В 1935 окончил ист. ф-т Пекинского ун-та. Стажировался в Японии. В 1939–1940 занимался исследованием раннесредневек. истории Китая и преподавал на ист. ф-те Центрального ун-та в Чунцине. В 1941–1944 был редактором в учеб. комитете ЦК Гоминьдана. С 1944 на науч. работе в Ин-те истории и языка АН Китая. В 1947 выехал в США, учился в Колумбийском ун-те, был стипендиатом ун-та Джона Гопкинса. После возвращения в Китай в 1950 преподавал в Пекинском пед. ун-те, заведовал кафедрой истории Вэй, Цзинь, Южн. и Сев. династий. Чл. Центр. ревизионной комиссии Революц. комитета Гоминьдана, чл. КПК.

По признанию Хэ Цзы-цюаня, на формирование его науч. взглядов большое влияние оказали ист. работы Ф. Энгельса. Ученый неоднократно заявлял о своей приверженности материализму, а также подчеркивал необходимость уделять равное внимание ист. теории и работе с источниками. Начиная с 1930-х осн. исследования Хэ Цзы-цюаня нацелены на историю кит. об-ва древности и средневековья (до VI в.), а также на историю монастырского хозва и военной системы Китая с кон. III в. до н.э. по нач. X в. н.э. Он является стойким приверженцем мнения о начале феодализма в Китае в III в. н.э. Аргументация состоит в том, что к этому времени распалась процветавшая ранее городская экономика, начинает доминировать натуральное хоз-во, происходит рост полузависимого населения, в условиях запустения земель начинается борьба за рабочие руки, усиливается прикрепление населения к земле. Др.-кит. об-во XIV–V вв. до н.э. Хэ Цзы-цюань характеризует как «раннее гос-во», или «племенное гос-во», в недрах к-рого идет первоначальный процесс классообразования, однако осн. единицей об-ва остается племя, или клан (*ши цзу*). Период с V до нач. III в. до н.э. Хэ Цзы-цюань относит к древности, отмечая существование сильных городских центров, контролировавших окружающие сельские местности. Работы ученого по экономике буд. монастырей открыли новую область исследования обществ. и полит. роли **буддизма** (см. т. 1) в структуре феодального об-ва Китая. Военная система раннего средневековья также привлекает Хэ Цзы-цюаня в качестве темы изысканий по кит. феодализму. Он выявляет различные категории военного населения, показывает преемственность военных систем различных династий и закономерности их эволюции.

***** *Хэ Цзы-цюань.* Душу цзи (Чтение. Сб. ст.). Шанхай, 1982; *он же.* Чжунго гудай шэхуй (Древнее общество Китая). Чжэнчжоу, 1991; *он же.* Цзюши цзыво сюэшу пиншу (Научная самооценка в 90 лет) // Бэйцзин шифань дасюэ сюэбао (Шэхуй кэсюэ бань). 2001, № 5; Хэ Цзы-цюань вэньцзи (Собр. соч. Хэ Цзы-цюаня): В 6 т. Пекин, 2006.
****** *Линь Цзя-мин.* Пин Хэ Цзы-цюань цзяошоу «Чжунго гудай шэхуй» (Рец. на кн. Хэ Цзы-цюаня «Древнее общество Китая») // Чжунго ши яньцзю. Пекин, 1992, № 3; Хэ Цзы-цюань сяньшэн башиу хуадань цзинянь вэньцзи (Сб. статей в честь 85-летия проф. Хэ Цзы-цюаня). Пекин, 1997; Цинчжу Хэ Цзы-цюань сяньшэн цзюши суй лунвэнь цзи

乙

(Сб. статей в честь 90-летия проф. Хэ Цзы-цюаня). Пекин, 2001; *Чэнь Линь-го.* Хэ Цзы-цюань цзяошоу: Цзяньчи вэйу шигуань, чжожань ючэн ды Чжунго шэхуй шисюэчжэ (Проф. Хэ Цзы-цюань: Выдающийся исследователь китайского общества, твердо придерживающийся материалистического взгляда на историю) // Гаосяо лилунь чжаньсянь. Пекин, 2002, № 3.

В.М. Майоров

ЦЗАЙ ТЯНЬ

載湉

Цзай Тянь (1871 — 14.11.1908, Пекин) — девятый император маньчж. дин. Цин (1644–1911), храмовое имя (*мяо хао*) Дэ-цзун, правил в 1875–1908 под девизом (**нянь хао**) Гуан-сюй.

После смерти 12 янв. 1875 богдохана Цзай Чуня, правившего под девизом Тун-чжи (1862–1874), не оставившего после себя наследника, его мать, вдовствующая императрица **Цы Си** в нарушение всех правил престолонаследия возвела на трон своего 3-летнего племянника Цзай Тяня с девизом правления Гуан-сюй. Началось второе регентство Цы Си (1875–1889), благодаря к-рому она удерживала в руках всю полноту власти.

В 1886 Цзай Тянь достиг совершеннолетия, и Цы Си предстояло передать ему власть. Императрица организовала коллективную «просьбу» маньчж. знати и придворных сановников об установлении «полит. опеки» над молодым богдоханом и фактически продлила свое регентство еще на 3 года. Лишь весной 1889 она была вынуждена согласиться на инаугурацию племянника и формально отошла от дел. Тем не менее все главные нити управления гос-вом фактически остались в руках Цы Си и верного ей **Ли Хун-чжана**. Царствование молодого богдохана приобрело номинальный характер.

После вступления Цзай Тяня на престол образовалась группировка его сторонников во главе с Вэн Тун-хэ — воспитателем императора и главой Налогового ведомства (*Хубу*). Эта весьма слабая «партия императора», или «южн. группировка», выступала за передачу реальной власти богдохану, за оттеснение Цы Си и Ли Хун-чжана на второй план. «Южане» требовали решительного отпора натиску держав и изгнания «заморских варваров» из Китая. Им противостояла мощная «партия императрицы», или «сев. группировка», под покровительством Цы Си. Поражение Китая в японо-кит. войне 1894–1895 и унизительные условия Симоносекского договора (апр. 1895) вызвали взрыв негодования в Пекине, куда весной 1895 съехались со всей страны обладатели средней ученой степени (*цзюй жэнь*) для участия в столичных экзаменах на высшую степень (*цзинь ши*). 30 апреля и 1 мая прошли бурные собрания, на к-рых председательствовал ученый и политик **Кан Ю-вэй**. Он создал своеобр. теорию об-ва Великого единения (**да тун**; см. т. 1) — утопич. коммунизма с ликвидацией частной собственности и орг-цией обществ. производства. Кан Ю-вэй синтезировал учения **конфуцианства, буддизма, даосизма** (все ст. см. в т. 1), уравнительного крестьянского социализма и нек-рые сведения об обществ. строе буржуазного Запада.

В конце апреля Кан Ю-вэй и его ученики **Лян Ци-чао** и Май Мэн-хуа составили одобренный собраниями «Коллективный меморандум» императору. Он содержал ряд требований, среди к-рых был отказ от ратификации договора, наказание виновных в поражении, перенесение столицы в Сиань, модернизация армии. Для укрепления Китая предлагалось активно строить жел. дороги, развивать фабричную и горно-добывающую промышленность, создать совр. почту. Предусматривались модернизация сельского хоз-ва и просвещения, создание при императоре совещательного органа, состоящего из выбранных населением представителей. Цинское пр-во проигнорировало меморандум. Тем не менее он положил начало обществ. движению за реформы 1895–1898.

Кан Ю-вэй и его сторонники в 1895 стали издавать в Пекине газ. «Усиление государства» («Цян сюэ бао») и создали «Ассоциацию усиления государства» (*Цянсюэхуй*). Гл. цель реформаторов состояла не в создании буржуазного об-ва, а в возрождении могучей конф. империи. По мнению Кан Ю-вэя, через

10 лет после осуществления его программы Китай смог бы завоевать гегемонию над др. странами. В деятельности Ассоциации принимали участие мн. столичные чиновники и **шэнь ши**, в т.ч. **Юань Ши-кай**. Ее поддержали своими пожертвованиями ряд наместников — **Чжан Чжи-дун**, Лю Кунь-и и Ван Вэнь-шао. В дек. 1895 под нажимом столичных сановников и Цы Си богдохан Цзай Тянь запретил деятельность Ассоциации и ее филиалов в Шанхае и Нанкине, закрыл газету.

Цинское пр-во вновь приступило к модернизации вооруженных сил, возвращаясь к однобокой практике «усвоения заморских дел» и к политике «самоусиления». Передовая часть *шэнь ши* и старой интеллигенции все настойчивее требовала реформ. Одно за другим возникали «научные ассоциации» для изучения экономич. и науч. достижений Запада. Эти клубы строились по земляческому признаку — уроженцы той или иной провинции объединялись в свою ассоциацию. В сер. апреля 1898 Кан Ю-вэй и его окружение основали всекит. «Об-во защиты государства» (*Баогохуй*) с центрами в Пекине и Шанхае и отд-ниями во всех провинциях и округах. Эти умеренные реформаторы все свои надежды возлагали на 28-летнего имп. Цзай Тяня. Кан Ю-вэй продолжал направлять во дворец все новые меморандумы с призывом к реформам и с критикой существующего положения. Реформаторы намеревались соединить традиц. бюрократическую основу об-ва с «обновленным» конфуцианством, рассчитывали укрепить страну, проводя политику протекционизма и поощрения нац. капитала, просвещения и восстановления междунар. престижа Китая.

В нач. июня 1898 г. умер князь Гун (**И Синь**), что открыло реформаторам доступ во дворец. Там царила растерянность. Цинская бюрократия ничего конструктивного предложить не могла. Это побудило богдохана прислушаться к советам Кан Ю-вэя. С проведением реформ Цзай Тянь связывал и свои честолюбивые замыслы — стать спасителем гос-ва и укрепить дин. Цин.

11 июня 1898 был издан императорский указ, возвещавший о новом курсе гос. политики. Начался краткий период преобразований, или «сто дней реформ» (*у-сюй бяньфа*).

Боясь встретить противодействие Цы Си, Цзай Тянь не решился назначить Кан Ю-вэя на руководящую должность. Тем не менее он создал при себе своего рода «внутр. кабинет» по проведению новой политики. В качестве особо доверенных сановников в него вошли 4 видных представителя движения реформаторов, в т.ч. **Тань Сы-тун**. Фактически их деятельностью руководил Кан Ю-вэй, получивший второстепенную должность в **Цзунли ямэне**. Через «внутр. кабинет» стали проходить все документы, направляемые во дворец. Его члены готовили докладные записки и проекты императорских эдиктов. В течение 103 дней — с 11 июня до 21 сент. 1898 — Цзай Тянь по инициативе реформаторов издал неск. десятков указов, направленных на «искоренение старого и распространение нового». В них речь шла об устранении второстепенных, но уже явно бесполезных звеньев системы. В равной мере в нее привносились столь же далекие от радикализма новшества. В сфере экономики прокламировалось поощрение земледелия, промышленности, в т.ч. горнодобывающей, а также ремесла и торговли. Купцам была обещана защита от незаконных поборов со стороны чиновников. Указами предусматривалось создание в Пекине трех центр. управлений — угольных шахт, жел. дорог, а также сельского хоз-ва, промышленности и торговли. Предполагалось создание новых оборонных предприятий.

Ряд реформаторских указов был посвящен делам просвещения. В Пекине намечалось открытие ун-та и мед. ин-та, а также подготовительных школ для поступающих в эти вузы. Поощрялось создание частных школ и развитие новых типов школ. Особый упор делался на изучение «западных наук», включенных в школьные программы. Для этого предполагалось переводить и издавать иностр. книги и учебники. Планировалось открытие спец. училищ. В старой и новой системах образования отменялись традиц. архаичные «восьмичленные сочинения» (*ба гу вэнь*) на школьных и уездных экзаменах.

Большое внимание уделялось реорганизации армии по зап. образцу и оснащению ее совр. оружием. Началось обновление госаппарата: упразднялись ненужные и архаичные учреждения в Пекине, ликвидировались нек-рые должности и сокращались чиновные штаты. Менялась система гос. экзаменов на получение ученого звания и чиновной должности. Здесь также были отменены «восьмичленные сочинения», вводились экзамены по совр. политике и экономике. Было объявлено о реформе системы военных и отмене придворных экзаменов. Всем чиновникам, *шэнь ши* и лицам др. сословий разрешалось подавать меморандумы императору. Планировалось создание местной полиции и совр. почты, а также развитие телеграфной сети. Предполагалась разработка и публикация гос. бюджета, а также его исполнения.

Т.о., «партия реформ» осмелилась лишь на весьма безобидные практич. мероприятия в обл. экономики, просвещения и госаппарата. Могущество реакц. лагеря было столь велико, что Цзай Тянь и его «внутр. кабинет» не торопились начать реформу гос. строя империи. Реформы 1898 были направлены не на разрушение старой системы, а на ее омоложение за счет устранения наиб. одиозной, уже нетерпимой архаики. Движение за реформы 1895–1898 не имело прочной социальной базы и было обречено. Сторонники Кан Ю-вэя не могли опереться на кит. буржуазию, к-рая была еще крайне малочисленна и предельно слаба. Тем не менее реформы в целом были встречены в штыки традиционалистской массой бюрократии и военных, особенно придворными и «восьмизнаменными». Император был вынужден издать более 20 указов с угрозами и строгими предупреждениями в адрес противников реформ. Когда это не подействовало, богдохан уволил со службы нек-рых из высокопоставленных саботажников, в т.ч. Ли Хун-чжана. Более того, Цзай Тянь просил у Цы Си разрешения провести чистку в среде сановников-реакционеров.

Обстановка в Пекине предельно обострилась. Цы Си, князь Цин и др. лидеры «партии императрицы» начали готовить гос. переворот с целью свержения богдохана и реформаторского «кабинета». Операцию планировалось осуществить в октябре, когда весь двор должен был собраться в Тяньцзине на показательные маневры «новых войск» Юань Ши-кая. Положение реформаторов и Цзай Тяня оказалось настолько шатким, что они, в свою очередь, решили использовать войска и планировали во время маневров арестовать Цы Си и др. Решающую роль они доверили Юань Ши-каю. Этот лицемер и карьерист разыгрывал из себя преданного реформатора, был обласкан богдоханом и получил сановную должность. Он выдал замыслы «партии императора» своему непосредств. начальнику Жун Лу, а тот императрице.

Ночью 21 сент. Цы Си силами дворцовой гвардии осуществила гос. переворот. Цзай Тяня арестовали и упрятали под дом. арестом. Его приближенные были казнены. Цы Си от имени богдохана издала указ о передаче ей всей верховной власти в стране. В Пекине прошли обыски и аресты реформаторов, были схвачены Тань Сы-тун и еще 5 видных последователей Кан Ю-вэя. 28 сент. их казнили без суда и следствия. Однако Кан Ю-вэю и Лян Ци-чао при помощи иностранцев удалось бежать. Почти 40 сановников, столичных и провинциальных чиновников подверглись репрессиям — разжалованию, ссылке, отставке или понижению в должности. Все уволенные Цзай Тянем были восстановлены на своих постах, а участники переворота щедро награждены. Большинство указов Цзай Тяня, изданных в течение «ста дней реформ», было отменено.

德宗爱新觉罗载湉

Спасая свой авторитет и желая укрепить цинский режим, императрица и ее окружение перешли к более жесткой политике в отношении иностр. держав. Из крупных начинаний сторонников Кан Ю-вэя Цы Си сохранила лишь программу военной реформы. Кроме того, в дек. 1898 Цы Си открыла задуманный реформаторами Пекинский ун-т, как бы демонстрируя, что и она не чужда прогрессу.

Во время восстания *ихэтуаней* в 1900 Цы Си, прихватив Цзай Тяня, с частью войск и приближенных бежала на северо-запад, а затем обосновалась в Сиани. После эвакуации иностр. войск из Пекина Цы Си вернулась в столицу,

Цзай Тянь был снова отправлен под дом. арест. Он умер незадолго до смерти самой Цы Си, к-рая и отравила его. Наследником трона на Военном совете (**Цзюньцзичу**) Цы Си объявила его 2-летнего племянника **Пу И**.

***** Дай Цин Гуан-сюй синь фалин (Новые законы и установления правления Гуан-сюй Великой Цин). Шанхай, 1909. ****** *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005; *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. Минск, 2004; *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй. М., 1959; *Ван Шу-хуай.* Вайжэнь юй у-сюй бяньфа (Иностранцы и реформы 1898 г.). Тайбэй, 1965; *Сунь Сяо-энь.* Гуан-сюй пинчжуань (Жизнеописание императора [Цзай Тяня], правившего под девизом Гуан-сюй). Шэньян, 1985; *Тан Чжи-цзюнь.* У-сюй бяньфа ши луньцун (Избр. статьи по истории реформ 1898 г.). Ухань, 1957; *Хэ Ли.* Гуан-сюй можи чжуанци (Последние дни жизни императора [Цзай Тяня], правившего под девизом Гуан-сюй). Харбин, 1985.

О.Е. Непомнин

ЦЗИ ШИ БЭНЬ МО

紀事本末

Цзи ши бэнь мо — букв. «записи событий от начала до конца». Жанр кит. историописания, возникший в кон. XII в. Его появление было обусловлено прежде всего потребностью упростить и облегчить восприятие и освоение познавательно-исторической информации из обильной и продолжавшей пополняться ист. лит-ры, в к-рой доминировали, во-первых, династийные истории (*чжэн ши*) с их сложной композицией, когда сведения об одних и тех же событиях могли быть расчленены по двум-трем, если не четырем или даже пяти разделам, и, во-вторых, хронистика (см. **Бянь нянь**), где подобные сведения предстают разорванными временны́ми интервалами. В произведениях жанра *цзи ши бэнь мо* стержнем повествования служат не персонажи, как по большей части в династийных историях, и не время, как в хрониках, а темы: каждая (непременно снабженная названием) глава либо рубрика (*пянь* или *цзэ*) внутри глав посвящена к.-л. событию либо событийному комплексу. При этом общий план подобных сочинений хронологически последователен, и внутри каждой главы (рубрики) выдержана временна́я очередность изложения. Отдавая дань традиции увязывать явления духовной жизни, не исключая историописания, с памятниками др.-кит. мысли, канонизированными **конфуцианством** (см. т. 1), отдельные исследователи усматривают в генезисе жанра *цзи ши бэнь мо* связь с **«Шу цзином»** («Канон преданий»; см. также т. 1), где событийно-тематич. ракурс действительно присутствует.

Предшественником жанра считается написанный в нач. VI в. крупномасштабный по хронологич. охвату (от мифич. Фу-си до посл. четверти V в. н.э.) и по объему (270 цз.) сводный труд Юань Хуя (ум. 519), Цуй Хуна (ум. 525) и их соавторов под назв. «Кэ лу» («Систематизированные по темам записи [о прошлом]»).

Первым произведением жанра является «Тун цзянь цзи ши бэнь мо» («„Всепроницающее зерцало“ в записи событий от начала до конца») Юань Шу (1131–1205), завершенное на исходе 3-й четверти XII в. Содержательный спектр этого труда, появившегося в результате тематич. реструктуризации хроники **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всепроницающее зерцало, управлению помогающее»), весьма широк, охватывает все осн. сферы и стороны жизни кит. об-ва и гос-ва, в т.ч. и взаимоотношения с соседями, на протяжении длительного времени.

В общей сложности насчитывается ок. 50 трудов данного типологич. круга (хотя в заголовках отнюдь не каждого из них присутствует жанр. обозначение *цзи ши бэнь мо*). Это прежде всего дополнения и продолжения труда Юань Шу, как, напр., «„Тун цзянь цзи ши бэнь мо“ бухоу бянь» («Свод дополнений к „Всепроницающему зерцалу в записи событий от начала до конца“») Чжан Син-юэ (ок. 1633 — ок. 1711) или книга Ма Су (1621–1673), посвященная кит. истории с древнейших времен до кон. III в. до н.э., и труд Шэнь Чао-яна

(XX в.) о прошлом Срединного гос-ва тоже начиная с мифич. первопредков, но до 403 до н.э., а также произведения Чжан Чуна (XII в.) и Гао Ши-ци (1645–1704) о периоде Чунь-цю.

Значительная часть общего массива *цзи ши бэнь мо* «выстроена» по династийному принципу. Это соч. Ян Чжун-ляна (ок. 1241 — ок. 1271), а также совместный труд Фэн Ци (1558–1604) и Чэнь Бан-чжаня (1557–1623), посвященный периоду Сун (960–1279), произведение Чэнь Бан-чжаня о времени правления монг. дин. Юань (1271–1368), творения Гу Ин-тая (1620–1690), Ни Цзайтяня, Пэн Сунь-и (оба — XVII в.) и Сунь И-жаня (1849–1908) о периоде Мин (1368–1644), Хуан Шао-хуна (XX в.) о времени маньчж. дин. Цин (1644–1911). В кн. Ли Мин-ханя (1809–1891) излагается история сунского и юаньского периодов. Чжан Цзянь (1768–1850) посвятил одну из своих книг танг. гос-ву Си Ся (1032–1227), а Ли Ю-тан (1837–1905) одну — киданьской империи Ляо (907–1125), другую же — чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234).

Абсолютное большинство авторов основывали свои «записи событий» отнюдь не только на материалах соответствующих династийных историй либо хроник. Мало того, соч. «Си Ся цзи ши бэнь мо» («Записи событий в Си Ся от начала до конца») Чжан Цзяня вообще не имело к.-л. прототипа, а книги Гу Ин-тая и Пэн Сунь-и о минском Китае написаны еще до завершения (в 1739) **«Мин ши»** («Истории [династии] Мин»). Об основательности источникового обеспечения трудов данной жанровой категории свидетельствует, напр., привлечение Чжан Цзянем нескольких десятков сочинений своих предшественников, а Ли Ю-таном — соответственно более 500 и 700 для создания «записей событий» Цзинь и Ляо.

Расцвет жанра пришелся на XVII–XIX вв., и выразилось это не только в ощутимом умножении произведений данной категории. По-разному трансформировалось изначальное жанровое обозначение *цзи ши бэнь мо* в заголовках ряда произведений. Значительно расширился общий тематич. спектр, сузилась хронологич. объемность многих сочинений, но зато выросла степень детальности изложения. Таковы труды Ян Лу-жуна (ум. 1710), Шэнь Юня и Цянь Мин-ши об антиманьчж. вооруженных выступлениях сер. — 2-й пол. XVII в., Вэнь Цина (ум. 1856), Лу Юань-дина (1839–1908) и Ло Дунь-жуна (1885–1924) о войнах и дипломатич. отношениях цинского Китая с Англией, Францией, Японией, Россией и др. державами в XIX в.

** *Смолин Г.Я.* Первенец жанра китайского историописания «Записи событий от начала до конца» (Цзи ши бэнь мо) // ИИИСАА. 2004, вып. 20, с. 132–158; *Цуй Вэнь-инь.* Цзи ши бэнь мо ти ши шу ды тэдянь цзи ци фачжань (Отличительные особенности исторических соч. жанра *цзи ши бэнь мо* и его эволюция) // Шисюэ ши яньцзю. 1981, № 3.

Г.Я. Смолин

ЦЗОУ ЖУН

邹容

Цзоу Жун, Цзоу Шао-тао, Цзоу Вэй-дань. 1885, уезд Басянь пров. Сычуань, — 1905. Радикальный революционер-демократ.

Род. в семье торговца-компрадора. По окончании частной школы учился в Сычуаньском училище каноноведения, был исключен за непочтительное отношение к авторитету древних «совершенномудрых» (**шэн [1]**; см. т. 1) правителей и **Конфуция**. В 1901 поступил в колледж иностр. яз. в Шанхае, где изучал англ. яз. и основы совр. естественных и гуманитарных наук. В 1902 выехал на учебу в Японию, участвовал там в патриотич. движении кит. студентов, вел пропаганду антиманьчж. революции. В 1903 вернулся на родину, вступил в «Шанхайское патриотическое научное об-во» (*Шанхай айго сюэшэ*). На территории междунар. сеттльмента в Шанхае опубликовал памфлет «Гэмин цзюнь» («Армия революции»), призывающий к революционному антиманьчж. и антимонархическому выступлению. Памфлет имел большой обществ. резонанс и вызвал репрессии властей в отношении газ. «Су бао» («Возрождение»), поместившей похвальную рецензию **Чжан Бин-линя** (см. также т. 1) на сочинение Цзоу Жуна. После полицейского налета на редакцию

«Су бао» и ареста Чжан Бин-линя Цзоу Жун добровольно явился в жандармское управление Шанхая и передал себя в руки полиции. Состоялся открытый судебный процесс, широко освещавшийся в кит. прессе. Чжан Бин-линь был осужден на 3 года, а Цзоу Жун был приговорен к 2 годам каторги. Он умер в заключении 19-летним, не дождавшись нескольких месяцев до окончания срока. В 1912 Временным пр-вом Китайской Республики посмертно удостоен звания армейского генерала (*луцзюнь дацзянцзюнь*).

В «Гэмин цзюнь» Цзоу Жун охарактеризовал революцию как «общий закон естеств. эволюции» и «мировой принцип справедливости», «сообразующийся с Небом и отвечающий чаяниям людей». Китай испытывает и «внутр. гнет со стороны маньчжуров», и внешнее угнетение со стороны империалистич. держав, для противостояния к-рым необходимо в первую очередь избавиться от внутр. врага. В качестве источника своих взглядов называл «великую мудрость Лютера, Вашингтона, Уитмена», а также труды Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Дж. Милля, опыт революц. движения во Франции, в т.ч. Парижской коммуны, Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783, англ. революции сер. XVII в., национально-освободительного движения в Италии XIX в. Подкреплял выводы о правомерности революц. насилия тезисами об «исконных правах, дарованных человеку Небом», «о равенстве и свободе всех людей от рождения». Для идеологич. подготовки к революции считал необходимым пропагандировать: 1) лозунг «изгнания маньчжуров» и восстановления власти китайцев (ханьцев); 2) «великие истины: свободу и равенство»; 3) идею участия в управлении гос. делами народа — «главной пружины» полит. жизни страны. За образец гос. устройства предлагал взять полит. институты Франции и США (президентская республика), обеспечить равенство граждан (мужчин и женщин) перед законом, «свободу слова, мнений, печати». Цзоу Жун первым в истории Китая открыто выступил за учреждение республиканского строя. Памфлет «Гэмин цзюнь» получил высокую оценку **Сунь Ят-сена**, к-рый активно способствовал его распространению в Китае и за рубежом. Предложенное Цзоу Жуном название Китайская Республика (*Чжунхуа гунхэго*) вошло с 1949 в наименование Китайской Народной Республики — *Чжунхуа жэньминь гунхэго* (до этого в качестве термина «республика» фигурировало *миньго* — «народное государство»).

** *Белов Е.А.* Цзоу Жун — пропагандист буржуазных республиканских идей в Китае // VII НК ОГК. Ч. 2. 1976, с. 287–293; Революционная армия // Вестн. Азии. 1910, № 5–6; Гэмин цзюнь (Армия революции). Шанхай, 1958; *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае, 1900–1917. М., 1972, с. 69–70; *Вэй Ин-тао.* Цзоу Жун. Нанкин, 1982; *Чжу Цин-бао.* Цзоу Жун, Чэнь Тянь-хуа пинчжуань (Биографии Цзоу Жуна и Чэнь Тянь-хуа). Нанкин, 2006; *Чэнь Сюй-лу.* Цзоу Жун юй Чэнь Тянь-хуа ды сысян (Идеи Цзоу Жуна и Чэнь Тянь-хуа). Пекин, 1959.

А.Г. Юркевич

ЦЗУНЛИ ЯМЭНЬ

總理衙門

Цзунли ямэнь (полн. назв. *Цзунли гэго шиу ямэнь*) — Главное ведомство/Управление по иностранным делам (с 1861 до 1901). Было учреждено указом богдохана (императора) для поддержания контактов цинского пр-ва с аккредитованными в Пекине офиц. представителями иностр. гос-в, прежде всего Англии, Франции, США и России, получившими по Тяньцзиньскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам право на их постоянное пребывание в кит. столице.

Инициатором учреждения этого гос. органа выступил маньчж. князь 1-й степени Гун (**И Синь**), представивший вместе с **Гуй Ляном** и **Вэнь Сяном** доклад богдохану. В ходе начавшейся переписки по поводу доклада в название ведомства одним из приближенных богдохана было внесено дополнение — слово «торговля» (*тун шан*). Но это предложение И Синь и его помощники категорически отвергли. В результате для официальной дипломатич. переписки

было решено оставить первонач. название, а второе использовать во внутр. служебной переписке.

В соответствии с императорским указом от 20 янв. 1861 делами *Цзунли ямэня* должны были коллегиально управлять маньчж. князья и видные сановники. Среди них наибольшим влиянием и властью пользовался до франко-кит. войны 1884–1885 князь 1-й степени Гун. Ему на первых порах активно помогал маньчж. сановник Вэнь Сян, связанный службой с Военным ведомством (*Бинбу*). Вначале состав канцелярских служащих комплектовался из 8 маньчж. и 8 кит. секретарей, находившихся на службе в различных гос. учреждениях империи. Но вскоре было решено, что лица, принятые в *Цзунли ямэнь* в качестве секретарей, не должны служить в др. месте. Иногда на заседаниях *Цзунли ямэня* присутствовали до 11 действительных членов и приглашенных лиц. После франко-кит. войны лидирующее положение во внешнеполит. ведомстве занял маньчж. князь 1-й степени Цин по имени И Куан (1836–1916), к-рому часто приходилось обращаться к **Ли Хун-чжану**, принимавшему активное участие во многих переговорах с представителями зап. держав и Японии. Отсутствие интереса к дипломатич. деятельности у нек-рых членов *Цзунли ямэня* и особенно приглашаемых на его заседания лиц, занимавших порой по нескольку гос. постов, их некомпетентность в вопросах общения местных властей с иностранцами, а также канцелярская волокита низшего звена чиновников нередко обрекали дипломатов на длительные бесполезные переговоры. Такая ситуация явно указывала на необходимость перемен в сфере общения, отягощенной устарелыми традициями кит. дипломатич. этикета, уходящего своими корнями в древность. Неслучайно «Заключительным протоколом», подписанным 7 сент. 1901 Ли Хун-чжаном и князем Цином с представителями 8 иностр. гос-в, принимавших участие в подавлении восстания *ихэтуаней*, было документально подтверждено решение цинского пр-ва от 24 июля 1901 о преобразовании *Цзунли ямэня* в мин-во иностранных дел (*Вайубу*). Главой нового мин-ва стал князь Цин, а его помощником китаец Ван Вэнь-шао.

Еще до падения цинского режима в янв. 1912 образовалось два ведомства иностр. дел — одно в Пекине во главе с Лу Чжэн-сяном в пр-ве **Юань Ши-кая**, а другое в Шанхае во главе с Ван Чун-хуем при республиканском пр-ве **Сунь Ят-сена**. Этот администр. дуализм во внешней политике Китая был преодолен роспуском Нанкинского пр-ва в 1912.

** *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая / Под ред. драгомана Н.Ф. Колесова. Пекин, Типогр. Успенского монастыря, 1910.

А.Н. Хохлов

Цзы Чань *см.* т. 1

«ЦЗЫ ЧЖИ ТУН ЦЗЯНЬ»

資治通鑑

«Цзы чжи тун цзянь» — «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее», сокр. «Тун цзянь» — «Всепроницающее зерцало». Начальное слово в заголовке переводится на рус. яз. также как «всеобщее», «всеобъемлющее», «всеотражающее» и т.п. Сводный труд-хроника, повествующий о почти 14-вековом (с 403 до н.э. по янв. 960) отрезке кит. истории. Создан коллегией ученых, костяк к-рой составили **Сыма Гуан** (1019–1086; см. также т. 1), Лю Бинь (1023–1089), Лю Шу (1032–1078) и Фань Цзу-юй (1041–1098). Объем осн. корпуса свода — 294 цз., свыше 3 млн. иероглифов. Непосредственно на подготовку и написание «Тун цзянь» коллегии потребовалось ок. 19 лет (с лета 1066 до кон. 1084). Фактически свод предварили сочинения Сыма Гуана «Ли нянь ту» («Погодные таблицы», 1064) и **«Тун чжи»** («Всепроницающее обозрение», нач. 1066). Второе сочинение послужило зачином для «Тун цзянь». Столь выразительный — лестный и одновременно обязывающий — заголовок был «августейше пожалован» в 1066.

При создании «Тун цзянь» использованы в качестве источников более 300 (по существующим в науч. лит-ре версиям, от 301 до 359) рукописных и ксило-

графич. книг общим объемом ок. 7 тыс. цз., или свыше 50 млн. иероглифов. Столь же беспрецедентно для ср.-век. кит. хронистики и видовое многообразие источников — от гос. документации, биографич. и генеалогич. материалов, собственно ист. лит-ры (включая историко-географич. описания), трудов по ист. и астрономич. хронологии до произведений древних и ср.-век. мыслителей, а также худ. прозы и поэзии. Особо следует отметить, что по численности названий доминируют источники неофициальные.

Параллельно с работой над «Тун цзянь» Сыма Гуан, помимо пр. трудов, подготавливал и к кон. 1084 завершил «Цзы чжи тун цзянь мулу» («Указатель к „Всепроницающему зерцалу, управлению помогающему“», 30 цз.), а также обширный (тоже 30 цз.) блок источниковедч. и историографич. комментариев (2 977 позиций) к хронике, к-рый назвал «Као и» («Исследование разночтений»). В последнем труде — поистине новаторском — Сыма Гуан суммировал и соотнес по возможности все имевшиеся в привлеченных для составления «Тун цзянь» письменных материалах версии (в ряде случаев — до 10) касательно существа соответствующего события либо той или иной его грани, временны́х и географич. координат, вплоть до написания иероглифов, в частности в именах собственных, включая «инородческие».

Одним из гл. концептуальных стержней повествования в «Тун цзянь» явилась тема «смут» (*луань* [*l*]), каковых в кит. истории, по словам Сыма Гуана, «исчислить нельзя», а исходили они и от «верхов», и от «низов», и изнутри, и извне Срединного гос-ва и принимали самые различные формы, но при всем том, по выражению Сыма Гуана, «в гос-ве согласие и смута — все от властелина». Не случайно отправной точкой повествования в «Тун цзянь» его авторы избрали события 403 до н.э, когда не устоявший перед сепаратистскими притязаниями аристократич. домов тогдашний чжоуский Сын Неба дал добро на расчленение царства Цзинь и тем самым, по сути, подписал наперед приговор своей династии как владычице Поднебесной: смута стала растекаться и вширь, и вглубь. Далее авторы «Тун цзянь» кистью хронистов прошлись по всем подобного рода «болевым точкам» кит. истории вплоть до рубежа IX–X вв. Примечательно, что заключительные сюжеты тоже посвящены «смутам» времени начавшегося в сер. VIII в. распада империи Тан (618–907), а также эпохи Пяти династий и Десяти царств (907–960), причем под эти сюжеты двухвековой продолжительности отведены 77 цз., или свыше четверти всего объема хроники; тем самым особое внимание «верхов», к-рым данное творение предназначалось в качестве «управлению помогающего», нарочито привлекалось к урокам недавнего прошлого как наиболее поучительным. Точно так же примечательно, что в «Тун цзянь» большинство (а в «Ли нянь ту» даже все) из сопровождающих повествование комментариев — «суждений» (*лунь*), к-рые содержат оценку Сыма Гуаном соответствующих событий и персонажей либо его резюме по к.-л. конкретному поводу или же сентенции широкого свойства, касаются именно фактов, связанных с перипетиями смутных лет в истории Срединного гос-ва.

Многогранностью и детальностью освещаемых событий и явлений, информативной насыщенностью каждой временно́й составляющей хроники, будь то год, сезон, месяц или число, «Тун цзянь» намного превосходит любое из предшествующих ему ист. сочинений такой же типологич. принадлежности. Тематически наиболее разносторонни и емки разделы свода, посвященные империям Суй (581–618) и особенно Тан, а также периоду Пяти династий и Десяти царств: их содержание охватывает будни августейшего двора, структуру гос. власти в центре и на местах, административно-территориальное районирование, экономику, правотворчество и законодательство, коллизии в верхах, повстанческие акции и др. проявления социального протеста, реформы, дипломатию, войны, жизнь иноэтнич. общностей и т.д. Словом, обоснованно наличие в заголовке «Тун цзянь» эпитета «всепроницающее».

Перечисленные достоинства «Тун цзянь» придавали повышенную репрезентативность и убедительность заключенной в нем познавательно-исторической информации и ее социально-назидательный целенаправленности. Это-

му способствовали и лит.-худ. приемы: живое воспроизведение монологов, диалогов и дискуссий ист. персонажей, вложенные в их уста поговорки, пословицы, поэтич. пассажи, песенные фрагменты; введение в текст афористич. сентенций самих авторов свода, преимущественно Сыма Гуана. Т.о., выдерживалась традиция кит. историописания — удовлетворять критериям изящной словесности и тем самым сообщать бóльшую выразительность и доходчивость дидактич. интерпретации излагаемого.

Свод явил собой не только итог предшествующего развития ист. хронистики, но и зачин нового, значительно более высокого этапа в ее эволюции. По оценке ученого **Ван Мин-шэна** (1722–1797), подтвержденной в последующей спец. лит-ре, именно с созданием этого свода «началось процветание» хронистики и она «стала вровень» с династийными историями. «Тун цзянь» послужил своего рода эталоном для историков и породил начиная с XII в. множество продолжений и подражаний, что служит основанием констатировать жанрообразующее влияние и значение этого свода. Начиная с того же времени сложилась весьма обширная комментаторская и аналитич. лит-ра о «Тун цзянь», а с легкой руки одного из ее зачинателей, Ху Сань-сина (1230–1302), вошел в науч. употребление термин **тунцзянь-сюэ** (школа «Всепроницающего зерцала»), утвердившийся за науч. направлением, объектом к-рого служит сама хроника, а также относящаяся к ней источниковедч. и историографич. проблематика. Особенно ощутимо пополнилась такая лит-ра в 80-х — нач. 90-х XX в. (в связи с 900-летием завершения «Тун цзянь» и кончины Сыма Гуана).

Первая (санкционированная сунским двором) публикация «Тун цзянь» относится к весне 1092. Однако вскоре в отплату за противодействие Сыма Гуана в 1069–1086 «новой политике» (*синь фа*) **Ван Ань-ши** (1021–1086; см. также т. 1, 3) хроника была занесена в офиц. список запрещенных книг. Избежать участи кануть в небытие ей позволило краткое одобрительное предисловие к своду, к-рое еще в нояб. 1067 написал собственноручно сунский имп. Шэньцзун (Чжао Сюй, прав. 1068–1085). После отмены в марте 1126 запрета на печатание хроника издавалась многократно — к нач. XXI в. свыше 80 раз, в 1980–1990-х в Тайбэе и Пекине в переводе на *байхуа*.

Информативная насыщенность «Тун цзянь» подвигнула ученого Юань Шу (1131–1205) к тематич. реструктуризации хроники, и т.о. на свет появилось «Тун цзянь цзи ши бэнь мо» („Всепроницающее зерцало“ в записи событий от начала до конца») — сочинение, давшее начало еще одному жанру кит. историописания **цзи ши бэнь мо** («записи событий от начала до конца»). Сверстник Юань Шу, гл. представитель сунского **неоконфуцианства** (см. т. 1) **Чжу Си** (1130–1200; см. также т. 1) с группой последователей создали свою версию «Цзы чжи тун цзянь» — труд под назв. **«Цзы чжи тун цзянь ган му»** („Всепроницающее зерцало, управлению помогающее“ в сжатом изложении и с комментариями»). Помимо всего прочего, тем самым засвидетельствована сопряженность кит. историописания с общественно-политической и филос. мыслью.

* Цзы чжи тун цзянь: В 20 т. Пекин, 1986. *Ван Фу-чжи*. Ду Тун цзянь лунь (Суждения по прочтении «Всепроницающего зерцала»). Пекин, 1975; ** *Смолин Г.Я.* «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее» и взлет китайской исторической хронистики // Востоковедение и мировая культура. М., 1998; *он же*. О сочинении Сыма Гуана, ставшем зачином «Всепроницающего зерцала, управлению помогающего» // ИИИСАА. Вып. 17. 1997; *он же*. О хронологическом содержании «Всепроницающего зерцала, управлению помогающего» // Вестн. СПбГУ. 1995. Сер. 2, вып. 2; *он же*. Частные сочинения в источниковом арсенале китайской хроники XI в. «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее» // XXVIII НК ОГК. Ч. 1. 1998; *Ли Цзе-фэнь*. Фань лунь «Цзы чжи тун цзянь» (Свод суждений о «Всепроницающем зерцале, управлению помогающем»). Тайбэй, 1979; *Ню Чжи-гун*. Тан дай ды шисюэ юй Тун цзянь (Историческая наука периода Тан и «Всепроницающего зерцала»). Сиань, 1989; *Пань Ин*. Цзы чжи тун цзянь Сыма Гуан ши лунь чжи яньцзю (Исследование суждений Сыма Гуана —

историка во «Всепроницающем зерцале, управлению помогающем»). Тайбэй, 1987; Цзы чжи тун цзянь цун лунь (Сборник статей о «Всепроницающем зерцале, управлению помогающем»). Чжэнчжоу, 1985; *Цуй Вань-цю*. Тун цзянь яньцзю (Исследование «Всепроницающего зерцала»). Шанхай, 1934; *Чжан Сюй-хоу*. Тунцзянь-сюэ (Школа «Всепроницающего зерцала»). Шанхай, 1948;
См. также лит-ру к ст. **Сыма Гуан**.

Г.Я. Смолин

«ЦЗЫ ЧЖИ ТУН ЦЗЯНЬ ГАН МУ»

資治通鑑綱目

«Цзы чжи тун цзянь ган му» — «„Всепроницающее зерцало, управлению помогающее“ в сжатом изложении и с комментариями», сокр. «Тун цзянь ган му». Труд (в 59 цз.), созданный по инициативе и при ведущем участии гл. основоположника сунского **неоконфуцианства** (см. т. 1) **Чжу Си** (1130–1200; см. также т. 1) вкупе с его учениками (Чжао Ши-юань и др.). Завершен в 1172. Как явствует из названия, написан на основе материалов подготовленного почти столетием раньше под рук-вом и с участием **Сыма Гуана** (1019–1086; см. также т. 1) свода **«Цзы чжи тун цзянь»**; выдержан в той же, хронистической, форме, с сохранением того же почти 14-векового временно́го содержания (403 до н.э. — нач. 960). Целью создателей «Тун цзянь ган му» отнюдь не являлась всего лишь своя версия упомянутого свода — сокращенная (59 цз. против 294), а потому более доступная для пользования и восприятия насыщенной информации, к-рая заключена в творении Сыма Гуана и его коллег. И дело не сводится к расхождениям в чрезвычайно важном, с т.зр. гос.-полит. доктрины имп. Китая, фактологическом истолковании легитимности в отдельных звеньях цепи т.н. ортодоксальной преемственности верховной власти (*чжэн тун*), будь то, напр., дома Цао и Лю, соответственно в 220 и 221 основавшие царства Вэй и Шу–Хань — первые гос. образования периода Троецарствия (220–265), или императрица **У-хоу** (У Цзэ-тянь, 624–705), провозгласившая в 690 дин. Чжоу и тем самым на 15 лет лишившая власти дин. Тан (618–907). Не случайно в традиц. библиотечно-библиографич. классификации «Тун цзянь ган му» значится, в отличие от «Цзы чжи тун цзянь», по разряду историко-критич. литры (**ши пин**), а не хронистики (**бянь нянь**). В подборе сведений, а тем более в характере и направленности комментариев к ним «Тун цзянь ган му» последовательно выдержано в «заданном» установочной главой самого Чжу Си духе освещения и оценки ист. событий и персонажей, примеров «согласия и смут в стране, благих дел и упущений государей и подданных» с позиций присущего сунскому неоконфуцианству социально-этического универсализма. Стараниями Чжу Си и его соавторов «Цзы чжи тун цзянь», по словам акад. В.М. Алексеева (1881–1951), в их творении «доработано... до конф. как бы катехизиса». Налицо, по сути дела, попытка отождествить ист. сочинение с каноном, засвидетельствовавшая новую фазу в характерном для кит. духовной культуры единении историописания и идеологии. Историознание и историописание к тому времени более других сфер духовной деятельности продвинулись в выработке принципов и приемов описания прошлого для истолкования актуальных общественно-политических, идеологич. и социально-этических проблем. Претендовавшая на решение своими средствами тех же самых проблем филос.-социологич. мысль с ее изначальной в Китае нацеленностью на историзацию логического, ориентацией на ист. факт и документ все больше тяготела к взаимодействию с историописанием.

Общепризнано, что по уровню познавательно-исторической информативности «Тун цзянь ган му» намного уступает труду Сыма Гуана и его коллег. Однако обретение чжусианством в XIII–XIV вв. статуса офиц. идеологии и доминирование в последующие столетия объясняют, почему «Тун цзянь ган му» надолго стало в Китае учебно-вспомогательным рук-вом по истории и в этом качестве оставалось весьма востребованным.

Впервые «Тун цзянь ган му» было издано ок. 1190. Впоследствии усилиями Цзинь Люй-сяна (1232–1303), Чэнь Цзина (XIV в.), Шан Лу (1414–1486),

Нань Сюаня (XVI в.), Чэнь Жэнь-си (1581–1635) и др. повествование в «Тун цзянь ган му» было, по преимуществу в форме анналов, удревлено до времен мифич. первопредка **Пань-гу** (см. т. 2) и продлено до воцарения дин. Мин (1368–1644). Выросший в объеме (до 104 цз., не считая вводной главы) труд состоял уже из 3 разделов, «первооснователем» (*чжэн*) и самым большим оставался тот, что дал название всему своду. В таком составе книга впервые была издана в 1692 на маньчж. и в 1707 на кит. яз.

«Тун цзянь ган му» оказало на кит. историописание большое влияние, к-рое выразилось в появлении на протяжении XII–XVIII вв. тоже, как правило, выдержанных в неоконф. духе дополнений, продолжений и подражаний, а также комментаторских и аналитич. трудов. К числу последних относятся, напр., книги Чжоу Ми (1232–1298), Инь Ци-синя, Лю Юн-и и др. ученых XII–XIII вв., Хэ Чжуна (1265–1332), Ван Кэ-куаня (1304–1372), Ван Ю-сюэ (XIV в.), Сюй Чжао-вэня (XIV в.), Чэнь Цзи (1364–1424), Чэнь Цзин-юня (1669–1747), Чжан Гэна (1681–1756) и др. Под воздействием «Тун цзянь ган му», наряду с сочинениями нек-рых из выше упомянутых авторов, а также анонимов, появились труды Чэнь Цзюня (1174–1244), Ху Цуй-чжуна (2-я пол. XIV — 1-я четверть XV в.), Ли Дун-яна (1447–1516), Чжу Линя (XVII в.), Ян Лу-жуна (ум. 1710), У Чэн-цюаня (2-я пол. XVII — нач. XVIII в.), коллективный труд Фу Хэна (ум. 1770), Лу Си-сюна (1734–1814), Би Юаня (1730–1797), Ван Чана (1725–1806), **Чжао И** (1727–1814) и др. (отнюдь не обязательно в их названиях присутствовало слово *ган му*.)

Влияние «Тун цзянь ган му» испытало на себе историописание нек-рых соседних с Китаем стран (Вьетнама, Кореи, Японии и др.). Одно из свидетельств тому — возникновение и последующая эволюция, начиная с XIV в., «неоконф. направления» во вьетнамской ист. хронистике, что наиболее явственно отразилось в идеологич. оснащении и структуре трудов, написанных в разное время под рук-вом Нго Ши Лиена (XV в.) и Фан Тхань Зяна (1796–1867). Оба историка прямо ссылались на «Тун цзянь ган му» как образец при создании своих книг.

В 1714–1736 миссионер-католик Ж. Майя (1669–1748) перевел книгу на франц. яз. и на ее основе в 1731–1737 написал наиболее полную для того времени на Западе «Сводную историю Китая» (13 т., изд. в 1777–1785), со всеми воспринятыми от «Тун цзянь ган му» очень существ. изъянами и упущениями фактографич. и фактологич. свойства, и В.М. Алексеев не случайно причислял ее к тем, к-рые «никогда не были авторитетными источниками» и «к науке историков относились мало». Ее материалы использованы в трудах А. Кордье (1849–1925), Л. Вигера (1856–1933), Р. Груссе (1885–1952), высоко оценивались П. Демьевилем (1894–1979).

Частичный пер. «Тун цзянь ган му» на рус. яз. осуществил И.К. Россохин (1717–1761), а полный (завершен в 1825) — Н.Я. **Бичурин** (1777–1853; см. т. 2); оба перевода остались неопубликованными.

***** Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet empire. T. 1–13 / Tr. du Tong-kien-kang-mou par J.A.M de Moyriac de Mailla. P., 1777–1785.
****** *Алексеев В.М.* Китайская литература: Избр. труды М., 1978, с. 37; *он же.* Наука о Востоке. М., 1982, с. 163, 307, 405, 409; *Познер П.В.* Древний Вьетнам: проблемы историописания. М., 1980; *Ван Шу-минь.* Ши бу яо цзи цзети (Аннотации важнейших книг отдела «История»). Пекин, 1986, с. 183–192; *Цянь Му.* Чжунго шисюэ мин Чжу-цзы «Тун цзянь ган му» юй Юань Шу «Тун цзянь цзи ши бэнь мо» (Знаменитые китайские исторические [книги] «Всепроницающее зерцало в сжатом изложении» с комментариями Чжу Си и «Всепроницающее зерцало в записи событий от начала до конца» Юань Шу) // Вэньи фусин. 1972, № 27, с. 9–13; *Franke O.* Das Tse tschi t'ung kien und das T'ung kien kang mu, ihr Wesen, ihr Verhältnis zueinander und ihr Quellenwert // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. B., 1930.

Г.Я. Смолин

ЦЗЮНЬЦЗИЧУ

軍機處

Цзюньцзичу — Военный совет при особе цинского императора, состоял из наиболее преданных ему сановников, преимущественно маньчжуров и отчасти китайцев, доказавших свою лояльность трону. Был создан для более оперативного рук-ва военными действиями цинских войск против Джунгарского ханства. До офиц. учреждения *Цзюньцзичу* в 1732 функции этого стратегически важного центра выполняла группа советников из *Цзюньцзифана* (Отдела военных дел) и *Цзюньсюйфана* (Отдела военного снабжения). При имп. Хун Ли (прав. под девизом **Цянь-лун** в 1736–1795) *Цзюньцзичу* был ликвидирован и вместо него образован *Цзунли шиу ван дачэнь* (Совет князей и высших сановников по общему управлению гос. делами). Однако в янв. 1738 *Цзюньцзичу* в качестве тайного совета при императоре был восстановлен. Роль этого органа, сосредоточившего всю полноту власти в решении наиболее важных гос. дел, значительно возросла отчасти за счет ослабления позиций *Нэйгэ* (Гос. канцелярии).

Военная сфера деятельности *Цзюньцзичу* преимущественно регламентировалась определением количеств. состава войск (маньчж. «восьмизнаменных» *ба ци* и кит. войск «зеленого знамени» *люй ци ин*) и их содержанием, сбором сведений о сухопутных и водных маршрутах, составлением карт и описаний отдаленных и особенно погран. р-нов, назначением чиновников (гражданских и военных) в Монголию, Илийский край и Восточный Туркестан, Кукунор и Тибет, а также в места антиправительств. выступлений.

Дипломатич. функции *Цзюньцзичу* были связаны с приемом представителей подвластных Цинской империи народов, а также посольств зависимых и суверенных гос-в, относимых маньчж. двором и его дипломатией к категории «данников». Важную роль члены *Цзюньцзичу* играли в подготовке ист. трудов (типа **фан люэ** и *цзи люэ*), посвященных походам цинских войск против внеш. или внутр. врагов. Законодательные, судебные и администр. прерогативы *Цзюньцзичу* позволяли этому органу оказывать серьезное влияние на решение важных полит. задач правящей маньчж. династии.

С образованием в янв. 1861 **Цзунли ямэня** (Главного ведомства по иностранным делам) роль *Цзюньцзичу* в решении междунар. вопросов практически не ослабла, т.к. его члены нередко присутствовали на заседаниях нового ведомства в качестве его функционеров или приглашенных лиц.

В ходе администр. реформ *Цзюньцзичу* был ликвидирован в 1911, но вместо него появился новый тайный совет маньчж. князей *Бидэюань*, ставший слабой опорой для цинской династии в условиях назревающего полит. кризиса накануне Синьхайской революции 1911–1912.

Несмотря на то что деятельность *Цзюньцзичу* как тайного органа носила секретный характер, интересные сведения о нем содержатся не только в своде законов **«Дай Цин хуй дянь»** («Свод узаконений Великой [династии] Цин»), но и в записках цинских чиновников, служивших в разное время в этом учреждении либо имевших возможность наблюдать за его работой: напр., в трудах Ван Чана, выполнявшего обязанности *чжанцзина* (чин штаб-офицерского разряда; начальник отд-ния в министерстве) в *Цзюньцзичу* с 1759 по 1763, историка **Чжао И** (1727–1814), Вэн Тун-хэ — известного наставника имп. **Цзай Тяня** и др.

** *Хохлов А.Н.* Цзюньцзичу (Военный Совет) и его место в политической системе цинского Китая // III НК ОГК. Вып. 1. 1972, с. 159–162; *Ду Лян-чжэ.* Гуань юй Цзюньцзичу ды цзянь-чжи (О создании Цзюньцзичу) // Аочжоу голи дасюэ дунфансюэ яньцзю чжунсин. Луньвэнь данькан (Отдельный выпуск статей Центра востоковедения Австралийского университета). Канберра, 1963, № 2.

А.Н. Хохлов

«ЦЗЮ ТАН ШУ»

舊唐書

«Цзю Тан шу» — «Старая история [династии] Тан», «Старая книга [об истории династии] Тан». Офиц. история (*чжэн ши*) дин. Тан (618–907). Состоит из трех разделов, 200 частей (цзюаней): 1. «Основные анналы» (*бэнь цзи*), цз. 1–20; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]): ритуал (*ли и*); музыка (*инь юэ*); календарь (*ли*); астрономия (*тянь вэнь*); пять первоэлементов (*у син*); география (*ди ли*); чиновничество (*чжи гуань*); экипажи и одежда (*юй фу*); лит.-библиографич. раздел (*цзин цзи*); экономика (*ши хо*); уголовное законодательство (*син фа*); цз. 21–50; 3. «Биографии» (*ле чжуань*), цз. 51–199, из них цз. 194–199 — описание сопредельных с Китаем стран и народов, цз. 200 — биографии смутьянов — лидеров антитанских восстаний. Время составления: 941–945. Составитель — комиссия во главе с Лю Сюем (888–947). Указ о создании истории Тан был издан в 941 имп. Гао-цзу (936–942), основателем дин. Поздняя Цзинь (936–946). Первоначально работу возглавлял Чжао Ин, в 943 его сменил Сан Вэйхань (898–947), а в 944 — Лю Сюй. В составлении текста принимали участие Чжан Чжао-юань (895–972), Цзя Вэй (ум. 952), Чжао Си, Чжэн Шоу-и, Ли Вэй-гуан, Люй Ци (ум. 943), Инь Чжо (891–971). При написании истории Тан впервые была проведена систематич. работа с подготовительным материалом, составлявшимся гос. историографической комиссией (*шигуань*). В основу текста были положены: «подлинные записи» (**ши лу**), к-рые составлялись в кон. каждого царствования на основании «годичных дневниковых записей» (*жи ли*), «подневных хроник» (**ци цзюй чжу**) и «записей о делах управления» (*ши чжэн цзи*). Эти материалы первоначально использовались правящей династией для составления полной гос. истории (*го ши*), впоследствии заменявшейся офиц. историей (*чжэн ши*), к-рую составляла династия-преемница. Первое изд. было опубликовано в 1000–1002, уже при дин. Сун (960–1279). Позже появилось изд. годов Шао-син (1131–1162), напечатанное в Юэчжоу (совр. уезд Шаосин, пров. Чжэцзян). В 1044 сановник Цзя Чан-чао выступил с предложением о составлении новой редакции истории дин. Тан взамен старой, к-рой ставили в упрек несистематичность в изложении материала, произвольное опущение фактов и недостаточно изящный стиль. Однако, по мнению как старых кит. ученых, так и совр. исследователей, за исключением таблиц и трактатов, текст «Цзю Тан шу» имеет большие достоинства перед текстом **«Синь Тан шу»** («Новой истории Тан»). Совр. текст «Цзю Тан шу», включенный в «Полное собрание книг по четырем разделам» (**«Сы ку цюань шу»**), базируется на минском изд. 1539.

***** *Лю Сюй.* Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 646–675). ****** *Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы: Лекции, читанные заслуж. проф. С.-Петерб. Имп. университета В.П. Васильевым. СПб., [1887], с. 249; *Горбачева З.И.* Краткое описание китайских ксилографических изданий в коллекции Института народов Азии. Вып. 2. История. Л., 1961, с. 45–46; *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., 1959, с. 227–229; *Хуан Юн-нянь.* Тан ши шикэ-сюэ (Историография танской истории). Шанхай, 2002, с. 3–18; Catalogue of Translations from the Chinese Dynastic Histories for the Period 220–960 / Comp. by H. Frankel. Berk., 1957, p. 171–202; *Courant M.* Catalogue des livres chinois, coréens, japonais. T. 1. P., 1902, p. 8; *Twitchett D.* The Writing of Official History under the T'ang. Cambr., 1992; *Wylie A.* Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and a List of Translations from the Chinese into Various European Languages. New ed. Shanghai, 1902, p. 17.

И.Ф. Попова

ЦЗЯН ЛЯН-ЦИ

蔣良騏

Цзян Лян-ци. 1722, Цюаньчжоу пров. Гуанси, — 1789, Пекин. Историк, каллиграф, поэт и гос. деятель эпохи Цин.

Его отец, Цзян Линь (1694–1748), служил после получения ученой степени *цзинь ши* в 1715 в **Ханьлинь академии** (см. т. 1) корректором. Цзян Лян-ци получил ученую степень *цзинь ши* в 1751. Был приглашен в историографич. комиссию редактором будущей офиц. истории дин. Цин. Получив доступ к материалам офиц. хроники («правдивые записи» — **ши лу**), он копировал наиболее интересные из них, и они легли в основу его ист. труда «Дунхуа лу» («Записки, [составленные у ворот] Дунхуа») в 32 цз. Представленные в хронологич. порядке, эти документы охватывают ист. период начиная с возвышения **Нурхаци** (1559–1626), вождя маньчж. племен, до начала правления **Цянь-луна**, вступившего на кит. престол в 1735. Труд получил свое название от местоположения историографич. комиссии, работавшей близ ворот Дунхуа на территории императорского дворца.

В 1779–1784 Цзян Лян-ци был помощником губернатора в Маньчжурии, занимался гл. обр. вопросами образования в обл. Фэнтянь. Позднее его вызвали в Пекин, назначили инспектором школы, где обучались дети маньчж. чиновников, связанных кровным родством с правящей династией. Цзян Лян-ци был также прекрасным каллиграфом и стихотворцем. Он умер в Пекине, но был похоронен на родине,

Продолжателем дела Цзян Лян-ци стал Ван Сянь-цянь (1842–1912). Он составил более объемистый (в 625 цз.) труд, охватывающий более широкий круг событий, «Ши и чао Дунхуа лу» («Записи [у ворот] Дунхуа о деяниях 11 императоров династии [Цин]»), изд. в 1911. Этот труд содержит важные подробности и дополнения, не вошедшие в опубликованную в 1937 японцами фундамент. хронику правления дин. Цин «Дай Цин ли чао ши лу» («Правдивые записи о правлении Великой династии Цин по девизам царствования ее императоров», 4474 цз.).

Др. продолжателем Цзян Лян-ци стал Чжу Шоу-пэн, составитель «Гуан-сюй Дунхуа лу» («Записки [у ворот] Дунхуа [о событиях периода правления] Гуан-сюй», 220 цз.), увидевшего свет при имп. **Пу И**.

***** *Цзян Лян-ци.* Дунхуа лу (Записки, [составленные у ворот] Дунхуа). Пекин, 1980. ****** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, 118–119; *Biggerstaff K.* Some Notes on the Tung-hua-lu and the Shih-lu // HJAS. 1939, vol. 4, № 2.

А.Н. Хохлов

ЦЗЯН ТИН-ФУ

蔣廷黻

Цзян Тин-фу, Цзян Шоу-чжан. 07.12.1895, уезд Баоцин (ныне Шаоян) пров. Хунань, — 09.10.1965, Нью-Йорк. Историк, преподаватель истории, дипломат. Выходец из крестьянской семьи. В детстве получил традиц. образование, затем учился в миссионерской пресвитерианской школе. В 1911 выехал в США, где продолжил среднее и получил высшее ист. образование. Затем был миссионером во Франции. В 1919 вернулся в США, учился в аспирантуре Колумбийского ун-та под рук-вом одного из ведущих представителей течения амер. «новой истории» проф. К.Дж. Хейеса (C.J. Hayes, 1882–1964). В 1923 защитил диссертацию по лейбористскому движению в Англии кон. XIX — нач. XX в. и вернулся в Китай. Читал курсы зап. истории в Нанькайском ун-те, был деканом ист. ф-та и зав. гуманитарным отд-нием. Серьезно занимался историей дипломатии Китая нового времени. С 1929 декан ист. ф-та ун-та Цинхуа. В 1932 вместе с **Ху Ши**, **Фу Сы-нянем** и др. основал полит. периодическое изд. «Дули пинлунь» («Независимое суждение»). С 1935 работал в пр-ве. В 1936–1938 посол Китая в СССР. С 1947 представитель Китая при ООН. В 1961–1965 посол Тайваня в США. В 1958 избран акад. АН Китая на Тайване.

Цзян Тин-фу — зачинатель совр. исследований истории дипломатии Китая и один из первых совр. исследователей новой истории Китая. Считал, что история дипломатии должна быть науч. дисциплиной и оставаться вне

乙

влияния политики и пропаганды. Начал свои исследования с подготовки науч. изданий ист. материалов по дипломатии Китая, опубликовал неск. статей по внеш. политике Китая XVII–XX вв. Выделял свидетельства участников событий как первичные источники и отдавал им приоритет в исследовании перед вторичными источниками. Настаивал на использовании как кит., так и зарубежных источников, полагал, что с кон. XIX в. более важными для исследований становятся зарубежные ист. материалы. Проводил оценку ист. источников по критериям надежности, важности и новизны. Большую известность получила его «Новая история Китая» (1938), посвященная примерно 100-летнему периоду после «опиумных» войн. Монография пропагандировалась гоминьдановским пр-вом. Цзян Тин-фу видел главное содержание описываемого периода в ист. конфликте Запада, к-рый уже перешел в эпоху нового времени, и Китая, к-рый оставался в эпохе феодализма и подвергался империалистич. эксплуатации наряду с др. феодальными странами. Новая история в основном рассматривается как полит. история, большое место занимает также история внешнеполит. событий. Согласно Цзян Тин-фу, разрешение конфликта для Китая состояло в «переходе в новое время» (*цзиньдайхуа*), т.е. в модернизации. В этом процессе выделены 4 этапа: «движение самоусиления», реформы **Кан Ю-вэя**, движение *ихэтуаней*, Синьхайская революция. Реформы не имели успеха, по мнению исследователя, из-за приверженности китайцев старым порядкам, зависимости образа жизни правящего класса от традиц. культуры, его нерешительности и отсутствии самостоятельности мышления. Модернизация понималась Цзян Тин-фу как постепенный и углубляющийся процесс заимствования передовых достижений, полит. реформ, социальных преобразований и, наконец, изменения образа мыслей.

Цзян Тин-фу внес значительный вклад в орг-цию совр. ист. образования. Перестройка учеб. процесса под его рук-вом сделала ист. ф-т ун-та Цинхуа одним из ведущих в Китае. Призывал в преподавании и исследовании заруб. истории осн. внимание уделять истории ближайших соседей Китая — Сов. Союза и Японии.

***** *Цзян Тин-фу.* Цзиньдай Чжунго ши цзыляо цзияо (Краткое. собр. материалов по истории дипломатии Китая в новое время): В 2 т. Шанхай, 1931–1934; *он же.* Чжунго цзиньдай ши (Новая история Китая). Шанхай, 1939; *он же.* Цзян Тин-фу сюаньцзи (Избр. соч. Цзян Тин-фу): В 6 т. Тайбэй, 1965; *он же.* Цзян Тин-фу хуйи лу (Мемуары Цзян Тин-фу). Тайбэй, 1984; *Tsiang T.F.* Labor and Empire: A Study of the Reaction of British Labor, Mainly as Represented in Parliament to British Imperialism since 1880. N.Y., 1923; *idem.* China, England and Russia in 1860 // The Cambridge Historical Journal. 1929, № 1; *idem.* China after the Victory of Taku, June 25, 1859 [Documents] // American Historical Review. Wash., 1930, vol. 35; *idem.* The Extension of Equal Commercial Privileges to Other Nations than the British after the Treaty of Nanking // The Chinese Social and Political Science Review. 1931, № 3; *idem.* New Light on Chinese Diplomacy, 1836–1849 // Journal of Modern History. 1931, vol. 3; *idem.* Origins of Tsungli Yamen // The Chinese Social and Political Science Review. 1931, № 1; *idem.* A Note in Reply // Ibid., 1932, № 1; *idem.* Difficulties of Reconstruction after the Treaty of Nanking // Ibid., 1932, № 16; *idem.* Sino-Japanese Diplomatic Relations, 1870–1894 // Ibid., 1933, № 1; *Chiang T.F.* China and European Expansion // Politica. [S.l.], 1936, vol. 2, № 5; *Jiang Tingfu.* Revolution and Absolutism // Sources of Chinese Tradition. Vol. 2. N.Y., 1999. ****** *Ли Цзянь-цзюнь.* Цзян Тин-фу ды вайцзяо ши гуань (Взгляды Цзян Тин-фу на историю дипломатии) // Аньхой шисюэ. Хэфэй, 2000, № 3; *Линь Цзы-хоу.* Цзян Тин-фу чжуань (Биография Цзян Тин-фу). Тайбэй, 1997; *Лю Вэнь-пэй.* Цзян Тин-фу шисюэ чэнцзю гайшу (Обзор достижений Цзян Тин-фу в исторической науке) // Ибинь сюэюань сюэбао, 2006, № 9; *Оуян Цзюнь-си.* Цзян Тин-фу юй Чжунго цзиньдай ши яньцзю эр ти (Цзян Тин-фу и два вопроса в исследованиях новой истории Китая) // Фудань сюэбао (Шэхуй кэсюэ бань). Шанхай, 2001, № 2; *Цай Лэ-су.* Цзян Тин-фу юй Цинхуа дасюэ лиши сюэси кэчэн синь моши ды цзяньли (Цзян Тин-фу и организация

нового образца учебного плана на историческом факультете университета Цинхуа) // Бэйцзин шэхуй кэсюэ. 2004, № 4; *Чжан Юй-лун.* Цзян Тин-фу яньцзю шупин (Обзор исследований по Цзян Тин-фу) // Юньмэн сюэкань. 2004, № 2; *Чэнь Чжи-май.* Цзян Тин-фу ды чжиши юй пиншэн (Идеалы, дела и жизнь Цзян Тин-фу). Тайбэй, 1985; *Шэнь Вэй-бинь.* Цзян Тин-фу юй Чжунго цзиньдай ши яньцзю (Цзян Тин-фу и исследования истории Китая нового времени) // Фудань сюэбао (Шэхуй кэсюэ бань). 1999, № 4; *Fairbank J.K.* Chinabound: A Fifty-Year Memoir. N.Y., 1982, p. 86–91; *Ren Jun*, *Jiang Yun*. The Fifty-Year Relationship between Hu Shi and Jiang Tingfu // Chinese Studies in History. Armonk, 2005, № 1.

В.М. Майоров

ЦЗЯН ЦЗИН-ГО

蔣經國

Цзян Цзин-го, Цзян Цзян-фэн, Елизаров Николай Владимирович. 27.04.1910, г. Сикоу уезд Фэнхуа пров. Чжэцзян, — 13.01. 1988, Тайбэй. Полит. деятель, президент Китайской Республики на Тайване (1978–1988).

Цзян Цзин-го — старший сын **Чан Кай-ши**. Начал учиться по традиц. кит. системе с 6 лет, с 10 лет занимался с домашним учителем. В 1922 уехал в Шанхай, где уже существовали школы нового типа: в них преподавали математику, биологию, географию и т.п. Увлекся спортом и политикой, участвовал в бойкоте иностр. товаров и в демонстрациях «движения 30 мая» 1925 в Шанхае, ставших началом кит. революции 1925–1927. Затем в Пекине познакомился с одним из основателей КПК и распространителем идей марксизма в Китае **Ли Да-чжао**, через него приобрел советских знакомых и решил поехать в СССР. В окт. 1925 вступил в Гоминьдан. Из Шанхая в трюме грузового судна вместе с товарищами добрался до Владивостока. Оттуда на поезде они приехали в Москву, где Цзян Цзин-го стал Николаем Владимировичем Елизаровым (у всех кит. студентов были рус. псевдонимы), студентом Ун-та трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (КУТК). Затем учился в военной школе, окончив ее, по рекомендации Исполкома Коминтерна поступил в Военно-полит. академию РККА в Ленинграде. В февр. 1929 Н.В. Елизаров стал кандидатом в чл. ВКП(б).

С отличием окончив в 1930 академию, Елизаров обратился к советским властям с просьбой отпустить его на родину. В его характеристике, составленной на 3-м курсе Академии, написано: «Политически развит хорошо. В парт. работе активен. В силу молодости, отсутствия практич. работы и соц. происхождения посылать сразу в Китай на ответств. работу не следует. Желательно послать на год на производство». Он становится учеником слесаря на заводе «Динамо», учится на вечерних инженерно-технич. курсах, преподает на заводе военное дело. В 1931 в период коллективизации сельского хоз-ва был отправлен в дер. Жоково Зарайского р-на Московской обл., там работал председателем колхоза.

В 1931 у Чан Кай-ши была возможность вернуть сына в обмен на освобождение из тюрьмы в Шанхае нелегального сотрудника Коминтерна Х. Нуленса (Я.М. Рудника), однако он отказался из идейных убеждений: «Нет, я скорее соглашусь, чтобы Цзин-го оставался в ссылке и даже погиб в России, чем выменяю его на преступника... Не могу пожертвовать интересами гос-ва даже ради сына».

В нач. 30-х Елизаров едет по призыву партии в Свердловск на строительство завода «Уралмаш», становится организатором первой коммунистич. штурмовой бригады. В окт. 1932 Елизарову пришло распоряжение вернуться в Москву; в 1933 он попал рабочим на золотые прииски на Алтае, где трудился 9 мес. За образцовое поведение и трудовые успехи ему разрешили покинуть прииски, и вскоре он вновь поступил на «Уралмаш». С 1934 Елизаров работал редактором заводской газ. «За тяжелое машиностроение». В 1935 женился на Фаине Ипатьевне Вахревой (Цзян Фан-лян).

В 1936 Елизаров подает заявление с просьбой перевести его из кандидатов в чл. ВКП(б): «Коммунистич. партия большевиков заботливо и внимательно

воспитывала и выращивала меня, она переделала и сделала меня настоящим, свободным и счастливым человеком. Настоящее счастье — это бороться за дело миллионов. Настоящая свобода — это жить, бороться и мыслить передовой революц. идеей Маркса–Ленина–Сталина. Мой отец, Чан Кай-ши, является изменником и предателем великой кит. революции и в настоящее время — главой кит. черной реакции. С первого же момента его измены я вел борьбу против него. Прошло 10 лет, проходя школу большевизма, мое коммунистич. убеждение стало еще тверже, еще решительнее». Н. Елизаров единогласно переводится из кандидатов в чл. ВКП(б). Его имя появилось и в списках депутатов райсовета г. Свердловска.

В дек. 1936 после ареста в Сиани Чан Кай-ши и др. деятелей Нанкинского пр-ва Цзян Цзин-го написал личное письмо Сталину с просьбой разрешить ему вернуться на родину. Однако рук-во ВКП(б) не только не удовлетворило его просьбу, но и уволило его с должности редактора газеты и аннулировало его членство в партии. Секретарь райкома, давший рекомендацию в партию Елизарову, попал в ряды «врагов народа». Вскоре Елизаров был взят под стражу органами НКВД.

После т.н. сианьских событий, в результате к-рых Чан Кай-ши согласился на прекращение гражданской войны с КПК и создание единого фронта против яп. агрессии, отношения между СССР и Чан Кай-ши изменились в лучшую сторону. В 1937 Сталин согласился выполнить просьбу Чан Кай-ши, и Цзян Цзин-го вернулся с женой в Китай.

Чан Кай-ши, решив привлечь сына к гос. управлению, потребовал, чтобы тот читал кит. классиков, а также изучал труды **Сунь Ят-сена** и Цзэн Го-фаня — полит. деятеля и публициста, военачальника XIX в., подавившего тайпинское восстание. Задачей номер один было углубленное изучение кит. яз., к-рый Цзян Цзин-го успел основательно забыть. В 1938–1939 он работал в пров. Цзянси зам. начальника управления безопасности, начальником 4-го администр. р-на, отвечал за эвакуацию войск с о-вов Хайнань и Чжоушань. Был прост в общении, легко сходился с людьми, не отделял себя от солдат, жил с ними под одной крышей, питался из одного котла. Эти качества у него сохранились на всю жизнь и очень помогли ему десятилетия спустя, когда пришло время демократич. преобразований на Тайване.

В 1945 был направлен в Чанчунь в качестве спец. эмиссара МИД по Сев.-Вост. Китаю. Был в Москве на переговорах по вопросу о будущем территории Сев.-Вост. Китая. Когда стало ясно, что придется перебираться на Тайвань, Цзян Цзин-го была поручена переправка запасов золота, серебра и иностр. валюты из подвалов Центр. банка в Шанхае на Тайвань и в Сямэнь. Операция проводилась в строжайшей тайне. Кол-во вывезенного оценивается в 150 млн. долл.

В 1949 Цзян Цзин-го переехал на Тайвань. В 1950 был назначен начальником Главного полит. управления мин-ва обороны Тайваня.

Осенью 1952 в обстановке секретности состоялся VII съезд Гоминьдана. Цзян Цзин-го был избран в ЦК и в состав Центр. постоянного комитета. В окт. 1952 по личному указанию Чан Кай-ши был создан тайваньский Антикоммунистич. союз молодежи для спасения Родины (Антикомсомол), председателем к-рого стал Цзян Цзин-го. С 1954 фактически становится главой Управления нац. безопасности под эгидой Совета обороны. В 1964 был назначен зам. министра обороны Тайваня, а в 1965 — министром обороны.

В 1969 стал зам. пред. Исполнительного юаня (вице-премьером), возглавил кампанию за нравственность, трудолюбие и бережливость. К Цзян Цзин-го переходит выполнение наиболее ответств. миссий в сношениях с внешним миром. Он встречается с амер. президентами Кеннеди и Джонсоном, с Ли Сын Маном в Южной Корее, наносит визиты в Японию, Таиланд. Возглавляет Комитет по развитию междунар. экономич. сотрудничества. В 1970 во время визита Цзян Цзин-го в США на него было совершено покушение. В 1972 его назначают пред. Исполнительного юаня (премьером). За первые 4 года в должности он совершил более 190 выездов в деревни, малые поселки,

небольшие городки острова. В 1973 Цзян Цзин-го для ускорения экономич. развития Тайваня предложил план строительства 10 крупных промышленных объектов: сталелитейного завода, нефтехим. комплекса, судоверфи, атомной электростанции, скоростной дороги Север–Юг, др. ж.-д. линий, порта. Незадолго до завершения первой группы строек он объявил о новых 20 проектах, среди них строительство нового здания Центр. гос. б-ки, создание культ. центров во всех крупных уездных городах.

5 апр. 1975 скончался Чан Кай-ши. 28 апр. Цзян Цзин-го стал пред. Гоминьдана. 21 марта 1978 был избран президентом Китайской Республики на Тайване, в 1984 избран на второй 6-летний срок. В 1987 Цзян Цзин-го объявил об отмене военного положения и снятии запрета на посещение жителями Тайваня родственников в КНР. В 1988 он скончался в своей офиц. резиденции; похоронен в усыпальнице в Тоуляо (уезд Таоюань).

Цзян Цзин-го прошел необычный жизненный путь от студента советского вуза, рабочего, газетчика в России до президента непризнанной Китайской Республики на Тайване (*Чжунхуа миньго*). С именем Цзян Цзин-го неразрывно связаны нынешнее благосостояние и демократизация более чем 20-млн. островного сооб-ва. В период его пребывания у власти Тайвань вошел в четверку «азиатских тигров». В его биографии причудливо отразились противоречия XX в.: он был сознательным строителем социализма в СССР и одним из самых непримиримых врагов коммунизма на Тайване.

* *Цзян Цзин-го.* И вэй пинфань ды жэнь (Великий простой человек) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуйбянь (Г-н президент Цзян Цзин-го. Собр. соч.). Т. 4. Тайбэй, 1982; *он же.* Во цзай сулянь ды жицзы (Мои дни в Советском Союзе) // Цзян Цзин-го сяньшэн цюань цзи (Полн. собр. соч. г-на Цзян Цзин-го). Т. 1. Тайбэй, 1991. ** *Воронцов В.Б.* Наследник диктатора // ПДВ. 1988, № 6; 1989, № 1; *он же.* Судьба китайского Бонапарта. М., 1989; *Галицкий В.П.* Цзян Цзин-го: Трагедия и триумф сына Чан Кай-ши. М., 2002; К 10-летию со дня кончины Цзян Цзин-го: жизнь в фотодокументах; Вехи жизненного пути Цзян Цзин-го // Свободный Китай. 1998, № 2, с. 26–37; *Ларин А.* Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М., 2000; Цзян Цзин-го и сегодня жив в памяти людей. Одинокая береза в бамбуковой роще. История жизни Фаины Цзян // Свободный Китай. 1997, № 5, с. 33–41; № 6, с. 34–41; *Чжоу Юй-коу.* Цзян Фан-лян юй Цзян Цзин-го (Цзян Фан-лян и Цзян Цзин-го). Тайбэй, 1993; *Юй Минь-лин.* Эго данъань чжун ды лю Су сюэшэн Цзян Цзин-го (Цзян Цзин-го — советский студент: По материалам российских архивов) // Цзиньдайши яньцзюсо цзикань (Сб. трудов Института новой истории). Тайбэй, 1998, № 29; *Cline R.S.* Chiang Ching-kuo Remembered: The Man and His Political Legacy. Wash., 1989.

В.Н. Усов

ЦЗЯН ЦЗЭ-МИНЬ

江澤民

Цзян Цзэ-минь. 17.08.1926, Янчжоу пров. Цзянсу. Полит. и гос. деятель КНР. Генеральный секретарь ЦК КПК (1989–2002), Председатель КНР (1993–2003). Род. в семье патриотически настроенной интеллигенции; с детства воспитывался в атмосфере любви к родине, к нац. культуре. В 1943 поступил на электротехнич. ф-т Нанкинского Центрального ун-та, активно включился в антияпонское движение патриотической учащейся молодежи. После победы над Японией перешел на электротехнич. ф-т Шанхайского ун-та транспорта и связи. В апр. 1946 вступил в КПК. После окончания ун-та в 1947 работал на заводе, вел пропагандистскую работу среди молодежи, обучавшейся в вечерних школах.

После образования КНР работал зам. директора на 1-м Шанхайском заводе продовольственных товаров «Иминь», мыловаренном заводе, в Шанхайском филиале конструкторского бюро мин-ва машиностроения. В 1955 был послан на практику в Москву на автозавод им. Сталина (ЗИС), бывал на Горьковском автозаводе. С 1956 до 1962 работает на 1-м Чанчуньском автозаводе, становит-

ся директором его энергетич. филиала. В 1962 был переведен на должность зам. директора Шанхайского НИИ электроаппаратуры при мин-ве машиностроения, затем стал директором и и.о. секретаря комитета КПК Уханьского НИИ теплотехники при этом мин-ве.

В 1971–1973 Цзян Цзэ-минь был руководителем группы кит. специалистов мин-ва машиностроения КНР в Румынии. С 1973 работал зам. начальника, начальником Управления по иностр. делам этого мин-ва.

В 1980 назначен зам. пред. и отв. секретарем Госкомитета по делам управления импортом и экспортом, отв. секретарем Госкомитета по иностр. инвестициям, был чл. руководящей парт. группы этого комитета. Участвовал в разработке программы по привлечению иностр. капиталов, ввозу совр. зарубежного оборудования, расширению внешнеторговой деятельности. По поручению Госсовета КНР в авг. 1980 на заседании ПК ВСНП 5-го созыва выступил с разъяснением «Положения о статусе особых экономических зон пров. Гуандун».

С 1982 являлся первым зам. министра, министром электронной промышленности КНР, зам. секретаря и секретарем парт. орг-ции мин-ва.

На XII съезде КПК (сент. 1982) Цзян Цзэ-минь избран чл. ЦК КПК. В 1985 стал мэром Шанхая, зам. секретаря Шанхайского горкома, в 1987 — секретарем Шанхайского горкома КПК. Руководил разработкой плана экономич. развития и строительства города, объявил курс на превращение Шанхая к кон. XX в. в открытый, многофункциональный город с рациональной структурой промышленности, передовыми научными технологиями и высокой культурой. Он активно поддержал идею превращения Пудуна в открытый р-н экономич. развития, с самой совр. в Китае гор. инфраструктурой, самый крупный коммерч. центр с передовой базой переработки экспортных товаров, зону свободной торговли с наивысшей степенью открытости.

На XIII съезде КПК (1987) вновь избран чл. ЦК КПК; в нояб. 1987 избран чл. Политбюро ЦК КПК. В июне 1989 на IV пленуме ЦК 13-го созыва избран чл. ПК Политбюро ЦК КПК. Именно в этом качестве Цзян Цзэ-минь начал реализацию стратегич. целевых установок XIII съезда КПК, согласно к-рым в экономич. строительстве Китая было намечено три этапа. I этап — увеличить валовый национальный продукт (ВНП) вдвое по сравнению с 1980, решить проблему питания и одежды населения (эти цели в осн. были достигнуты к кон. 80-х). II этап — добиться к кон. XX в. 4-кратного увеличения ВНП по сравнению с 1980 (цели II этапа досрочно достигнуты в 1995). III этап — добиться удвоения ВНП к 2010 по сравнению с 2000, значительно улучшить благосостояние кит. народа. Под рук-вом Цзян Цзэ-миня были разработаны 9-й пятилетний план и перспективно-целевая программа до 2010, принятые в марте 1996 на 4-й сессии ВСНП 8-го созыва. Главные цели пятилетки — покончить в осн. с нищетой и обеспечить народу среднезажиточный уровень жизни (**сяо кан**), ускорить перевод предприятий на совр. режим и создать в первонач. виде систему социалистич. рыночной экономики.

Весной–летом 1989 в период студенч. демонстраций на площади Тяньаньмэнь в Пекине Цзян Цзэ-минь поддержал тех членов Политбюро и Секретариата ЦК КПК, кто ратовал за политику сохранения гос. независимости, безопасности и стабильности, сумел сохранить в Шанхае стабильную ситуацию.

На IV пленуме ЦК КПК 13-го созыва (июнь 1989) Цзян Цзэ-минь был избран чл. ПК Политбюро ЦК КПК и Генеральным секретарем ЦК КПК (его предшественник **Чжао Цзы-ян** был снят за «ошибки во время антипарт. и антисоциалистич. волнений и беспорядков» весны–лета 1989). 14 июня 1989, выступая на пленуме, Цзян Цзэ-минь заявил: «Реформа и расширение внешних связей, к-рые выдвинул **Дэн Сяо-пин** и твердо осуществляем мы, проводятся в условиях отстаивания социалистич. пути, отстаивания демократич. диктатуры народа, руководства со стороны КПК, марксизма-ленинизма и идей **Мао Цзэ-дуна** (**маоцзэдун сысян**). Основа основ так называемых „реформы и расширения внешних связей“ — это не восстановление капитализма. Такого, разумеется, ни в коем случае не допустят партия и народ».

На V пленуме ЦК КПК 13-го созыва (9 нояб. 1989) Цзян Цзэ-минь был избран пред. Военного совета ЦК КПК, а на 3-й сессии ВСНП 7-го созыва (3 апр. 1990) — пред. Центрального военного совета КНР.

В окт. 1992 на XIV съезде КПК Цзян Цзэ-минь выступил с полит. докладом, в к-ром был обобщен практич. опыт осуществления реформ и открытости, сформулированы положения о строительстве социализма с кит. спецификой, ставилась задача создания системы социалистич. рыночной экономики. На I пленуме ЦК КПК 14-го созыва Цзян Цзэ-минь вновь избран чл. ПК Политбюро и Генеральным секретарем ЦК КПК, пред. Военного совета ЦК КПК. На 1-й сессии ВСНП 8-го созыва (27 марта 1993) его избрали Председателем КНР и пред. Центр. военного совета КНР. На XV съезде КПК (12–18 сент. 1997) Цзян Цзэ-минь вновь избран чл. ЦК КПК, на I пленуме ЦК КПК 15-го созыва (19 сент. 1997) — чл. ПК Политбюро, Генеральным секретарем ЦК КПК, пред. Военного совета ЦК КПК.

Цзян Цзэ-минь являлся депутатом ВСНП 6–9-го созывов.

Заслугой Цзян Цзэ-миня и достижением кит. дипломатии можно считать воссоединение с Китаем Сянгана (Гонконга) и Аомыня (Макао). В 1982 по инициативе Дэн Сяо-пина пр-ва КНР и Великобритании поручили своим делегациям проведение переговоров по проблеме Сянгана. 19 дек. 1984 была подписана в Пекине совместная декларация по вопросу о Сянгане; 1 июля 1997 Сянган перешел под юрисдикцию КНР. Решение проблемы Сянгана явилось прецедентом для урегулирования вопроса об Аомыне: подписанной 13 апр. 1987 руководителями пр-в КНР и Португалии декларацией предусматривалось, что КНР возобновит свои суверенные права в отношении Аомыня с 20 дек. 1999.

Цзян Цзэ-минь неоднократно посещал Россию с гос. визитами, в ходе к-рых развивались и укреплялись отношения партнерства и взаимодействия между двумя странами. В 1997 главы гос-в подписали «Российско-китайскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка». Цзян Цзэ-минь посетил музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. В нояб. 1998 и дек. 1999 между Цзян Цзэ-минем и Президентом РФ Б.Н. Ельциным прошли две неформальные («без галстуков») встречи глав гос-в, на к-рых состоялся углубленный обмен мнениями по проблемам, представляющим взаимный интерес.

Цзян Цзэ-минь — инженер высшего разряда, проф. Шанхайского ун-та транспорта и связи; автор ряда науч. трудов: «Рациональное использование электроэнергии на машиностроительном заводе», «Тенденции развития энергоресурсов и основные меры экономии» и др. Хорошо знает кит. лит-ру и искусство, любит классич. музыку, играет на флейте, любит петь песни, в т.ч. и русские, часто использует в разговоре пословицы и поговорки. Он владеет рус. яз., говорит по-английски.

***** Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 года). Пекин, 1988, с. 224–225; *Цзян Цзэ-минь.* Реформа. Развитие. Стабильность: Статьи и выступления. М., 2002. ****** *Ломанов А.В.* Новое руководство Китая и перспективы политических реформ // Общество и государство в Китае: Спец. вып.: К 80-летию Л.П. Делюсина. М., 2004, с. 137–156.

В.Н. Усов

Цзян Цин *см.* **Сы жэнь бан**

ЦЗЯНЬ БО-ЦЗАНЬ

翦伯贊

Цзянь Бо-цзань. 14.04.1898, уезд Таоюань пров. Хунань, — 18.12.1968, Пекин. Историк и обществ. деятель. По национальности уйгур. Окончив ср. школу, в 1916 поступил в Пекинскую политико-правовую спец. школу, но вскоре перешел в Учанское коммерческое спец. училище. В 1924 отправился в Калифорнийский ун-т (США) изучать экономику, в 1926 вернулся в Китай, стал изучать историю и философию. Участвовал в пекинской антиимпериалистич. демонстрации 18 марта 1926, расстрелянной войсками Дуань Ци-жуя. В 1926 в Гуандуне вступил в НРА. Был чл. Гоминьдана.

После поражения революции 1925–1927 за обсуждением причин ее поражения в КПК и Коминтерне последовала дискуссия по истории обществ. строя в Китае в кругах теоретиков. С 1930 Цзянь Бо-цзань был одним из ее основных участников наряду с историками-марксистами **Го Мо-жо** и **Люй Чжэньюем**. Опубликовал работы «Сущность аграрного общества в Китае и периодизация его исторического развития» («Чжунго нунцунь шэхуй чжи баньчжи цзи ци лиши ды фачжань цзедуань чжи хуафэнь»), «Китайское аграрное общество дофеодального периода» («Цянь фэнцзянь шици чжи Чжунго нунцунь шэхуй»). В 1933 приехал в Шанхай, занялся изучением древней истории Китая.

В мае 1937 вступил в КПК в Нанкине. Во время антияпонской войны преподавал в гос. школе в уезде Ляньтянь (пров. Хунань) и вел научно-исследовательскую работу. В 1940 приехал в Чунцин, затем под рук-вом **Чжоу Энь-лая** по указаниям КПК по 1946 включительно работал в Едином фронте (*Туньи чжаньсянь*) в Чунцине, Нанкине, Шанхае и Гонконге.

В 1949 принимал участие в работе НПКСК, был назначен чл. Комитета по делам культуры и просвещения при Гос. административном совете. В том же году избран чл. Центрального правления Об-ва китайско-советской дружбы. С 1954 депутат ВСНП. В 1955 избран чл. Отд-ния филос. и обществ. наук АН Китая. До **«культурной революции»** был деканом, профессором ист. ф-та, проректором Пекинского ун-та. Выезжал на междунар. конференции по истории в Нидерланды, Францию, Японию.

Науч. творчество Цзянь Бо-цзаня характеризовалось необычайной широтой и разносторонностью. Он исследовал конкретные проблемы археологии, вопросы гос. и частного рабовладения, крестьянские восстания, феод. экономику, историю культуры. Особый вклад внес в создание теории и методологии кит. ист. науки.

В 1938 издал кн. «Курс философии истории» («Лиши чжэсюэ цзяочэн»), посвященную задачам и специфике ист. науки, рациональности ист. развития, внутр. связей ист. процесса, развитию обществ. формаций в Китае. Автор утверждал, что историю творит само человечество, но нельзя отрицать и роли личности в истории.

В 1942–1946 создал «Очерки истории Китая» («Чжунго ши ган». Т. 1–2), охватывающие период от палеолита до III в. н.э. (империи Цинь и Хань), и последовательно выпустил оба тома. Он новаторски использовал все доступные материалы, проанализировал их, удалил «невнятные тени, приплывшие из легенд и сказок», превратил доист. историю «из истории духов в историю людей». Рассмотрел первобытное, рабовладельческое и раннефеод. об-ва древнего Китая в социально-экономич., полит. и культурном аспектах. В своих «Очерках», следуя Люй Чжэнь-юю и **Фань Вэнь-ланю**, он отказался от старой структуры истории, изображавшей только «генеалогии семей князей и императоров». Активно использовал лит. источники на др.-кит. яз., материалы археологич. раскопок. В 1947 издал «Сборник статей по истории Китая» («Чжунго ши лунь цзи»).

После 1949 он придавал большое значение преобразованию старой ист. науки в новую, основанную на марксистских концепциях. В 1959–1962 выступил с серией теоретическо-методологич. статей, отстаивающих принцип историзма и критиковавших упрощенчество, односторонность, категоричность, догматизм и схематизм при изучении кит. истории: «К вопросу о сочетании истории и теории», «Некоторые существенные вопросы преподавания истории в настоящее время» (1959), «О феодальном обществе в древнем Китае» («Лунь

Чжунго гудай фэнцзянь шэхуй», 1961), «О крестьянских войнах в китайской древности» («Лунь Чжунго гудай ды нунминь чжаньчжэн», 1962) и др. «Чем бессодержательнее — тем лучше, чем отвлеченнее — тем лучше, чем суше — тем лучше, одно время это стало как бы своего рода обычаем, — писал он в 1962. — В нашем изучении истории и ист. исследованиях... мы превращаем богатую ярким внутренним содержанием и конкретной жизненностью историю в единообразные, одеревенелые, сухие и пресные догмы, превращаем ее в ровную песчаную пустыню». В 1962 его статьи «Некоторые проблемы в изучении Китая и вопрос о национальных связях в китайской истории», «Как подходить к национальным и классовым связям в прошлом» вызвали огромный резонанс среди историков; развернулась длившаяся много лет дискуссия об историзме и классич. теории.

В 1962 под его редакцией вышло 3-томное учеб. пособие для вузов «Основы истории Китая» («Чжунго ши ганъяо»), где изложение событий доведено до новейшего времени. Цзянь Бо-цзань был одним из составителей и ответств. ред. 4-томных сборников документов «Восстание ихэтуаней» («Ихэтуань», 1951), «Реформы 1898 г.» («У-сюй бяньфа», 1955) и двухтомника «Сведения о различных народностях, содержащиеся в китайских хрониках» («Лидай гэцзу чжуаньцзи хуй бянь», 1958–1959).

Уже на начальном этапе «культурной революции» Цзянь Бо-цзань одним из первых подвергся резкой критике в центр. печати, был снят со своих постов и репрессирован. В дек. 1968 покончил жизнь самоубийством. Посмертно реабилитирован в 1979.

* *Цзянь Бо-цзань.*Чжунго ши ган (Очерки истории Китая): В 2 т. [Б.м.], 1942–1946; *он же.* Муцянь шисюэ яньцзю чжун цунцзай ды цзигэ вэньти (Некоторые проблемы, существующие ныне в исторической науке) // Цзяхай сюэкань. 1962, № 6; *он же.* Югуань лиши сюэ фанмянь ды исе вэньти (О некоторых вопросах исторической науки) // Нэй Мэнгу жибао. 16.01.1962; *он же.* Шиляо юй шисюэ (Исторические источники и историческая наука). Пекин, 1976, 2005; *он же.* Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем // Историческая наука в КНР. М., 1971, с. 246–255.

** *Свистунова Н.П.* Об исторических взглядах Цзянь Бо-цзаня и их критике в КНР // Историческая наука в КНР. 2-е изд. М., 1981; *Ли Хун-линь.* Цзянь Бо-цзань тунчжи ши нянь цзи: бо Ци Бэнь-юй дуй Цзянь Бо-цзай тунчжи ды усянь (К 10-летию со дня смерти тов. Цзянь Бо-цзаня: опровержение клеветы Ци Бэнь-юя в адрес Цзянь Бо-цзаня) // Лиши яньцзю. 1978, № 9; Синь шисюэ у да цзя (Пять крупнейших китайских историков XX в.). Пекин, 1996; *Сыма Хун-шао.* Пин Цзянь Бо-цзань ды «Чжунго ши ганъяо» (Критика «Основ истории Китая» Цзянь Бо-цзаня // Жэньминь жибао. 01.01.1966; Цзянь Бо-цзань тунчжи ды фаньмакэсычжуи лиши гуаньдянь (Антимарксистские исторические взгляды тов. Цзянь Бо-цзаня) // Жэньминь жибао. 23.04.1966; *Ци Бэнь-юй, Линь Цзэ, Ян Чан-гуй.* Цзянь Бо-цзань тунчжи ды лиши гуаньдянь индан пипань (Исторические взгляды товарища Цзянь Бо-цзаня следует критиковать) // Гуанмин жибао. 23.03.1966.

В.Н. Усов

ЦИ ИН

Ци Ин (ум. 1858) — маньчж. сановник и дипломат. Род. в семье влиятельного чиновника, занимавшего ряд ответств. постов. Ци Ин начал свою карьеру в 1806 внештат. секретарем в Правлении маньчж. князей (*Цзунжэньфу*). В 1815–1816 совмещал свои обязанности в указ. ведомстве с должностью начальника таможни в Шаньхайгуане. После вступления на престол нового богдохана **Минь Нина** (прав. под девизом Дао-гуан в 1821–1850) ему было предложено место управляющего летнего дворца Юаньминъюаня. В 1823–1836 занимал должность младшего помощника главы **Лифаньюаня**, в Военном ведомстве (*Бинбу*) и Ведомстве обществ. работ (*Гунбу*), в 1834–1836 руководил Ведомствами налогов (*Хубу*), чинов (*Либу*) и церемоний (*Либу*), возглавлял Дворцовое управление (*Нэйуфу*) и пекинскую полицию (с 1827 по 1837).

С июня 1838 по март 1842 Ци Ин являлся военным губернатором пров. Шэнцзин с резиденцией в Мукдене, где с началом англо-китайской, или первой «опиумной», войны (1840–1842) занимался приведением в порядок береговых укреплений на п-ове Ляодун на случай вторжения англичан в Маньчжурию. После захвата англичанами Шанхая и Чжэнхая он получил из Пекина уведомление о назначении его императорским уполномоченным для ведения переговоров с представителем Англии об урегулировании вооруженного конфликта. 29 авг. 1842 Ци Ин вместе с Илипу и Ню Цзянем подписали с Г. Потингером в Нанкине договор, предусматривавший уступку Англии о-ва Сянган (Гонконг), уплату англ. стороне 20 млн. долл. в качестве контрибуции, открытие для иностр. торговли пяти кит. портов — Гуанчжоу, Сямэня, Фучжоу, Нинбо и Шанхая. Такие же неравноправные договоры были подписаны с США (3 июля 1844) и Францией (24 окт. 1844), а позднее, 20 нояб. 1847, со Швецией. Т.о., была заложена правовая основа для активного проникновения в Китай зап. держав, стремившихся подчинить себе кит. рынок.

Оставаясь в роли полномочного представителя цинского Китая на переговорах с зап. державами, Ци Ин в 1858 был командирован в Тяньцзинь для решения вопроса об аккредитации представителей зап. держав в кит. столице. Однако дипломаты Англии и Франции, в руки к-рых попала компрометирующая его переписка, отказались вести с ним переговоры. Ци Ин уехал в Пекин, где его по решению княжеского суда и настоянию императорского советника и фаворита Су Шуня приговорили к смертной казни за то, что он оставил Тяньцзинь, не испросив на то разрешение богдохана. Хотя суд приговорил Ци Ина к самоудушению шелковым шнурком, нек-рые историки считают, что он принял яд.

* Modern Chinese History: Selected Readings: A Collection of Extracts from Various Sources Chosen to Illustrate Some of the Chief Phases of China's International Relations during the Past Hundred Years / Ed. by H.F. MacNair. Shanghai, 1933; то же. N.Y., 1967. ** *Хохлов А.Н.* Переговоры Е.В. Путятина с Ци Ином в 1858 г. // X НК ОГК. Ч. 2. 1979, с. 36–53.

А.Н. Хохлов

«ЦИНБО ЦЗА ЧЖИ»

清波雜志

«Цинбо цза чжи» («Заметки живущего возле ворот Цинбо», «Разные записи Цин-бо»), цз. 1–12 (1192); «Цинбо бе чжи» («Дополнительные заметки живущего возле ворот Цинбо»), цз. 1–3 (1194). По форме относятся к авторским сборникам **бицзи** (см. т. 3).

Автор — Чжоу Хуй (1126 — после 1198), второе имя Чжао-ли, литератор и эрудит своего времени. Вопреки сведениям ряда биобиблиографич. работ, Чжоу Хуй не держал экзаменов для поступления на должность и никогда не служил.

Обе работы, к-рые всегда рассматривались кит. учеными как важные и интересные источники, содержат ценные сведения о личной жизни известных людей эпохи Сун (960–1279), в осн. о периоде 1023–1189, о деятельности императоров. Приводятся воспоминания Чжоу Хуя о его собств. жизни, жизни его отца и деда. Содержатся также нек-рые весьма ориг. размышления и взгляды автора на историописание, на современные ему быт и нравы, немало сведений этнографич. характера.

Чжоу Хую принадлежит также соч. «Бэй юань лу» («Заметки о посольстве-путешествии на Север»). Эти заметки (в виде путевого дневника), явившиеся результатом поездки автора в составе посольства в гос-во Цзинь к чжурчжэням в 1177, расцениваются как важный вспомогательный ист. источник.

* *Чжоу Хуй.* Цинбо цза чжи: В 12 цз. (Заметки живущего возле ворот Цинбо). Шанхай, 1921. (Чжибуцзу цзай цуншу; Т. 18); то же. Пекин, 1999. ** *Вельгус В.А.* Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987, с. 19–21; Цинь дин Сы ку цюань шу цзунму тияо (Высочайше утвержденный Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам) / Сост. Цзи Юнь и др. Шанхай, 1933, т. 3, цз. 141, с. 2923–2924; *Чжан Юань-цзи.* Шэ Юань сюй ба цзилу (Собрание предисловий и послесловий из коллекции Шэ Юаня). Шанхай, 1957, с. 192.

По материалам ***В.А. Вельгуса***

«Цин ши гао» — «Черновой свод истории [династии] Цин». История последней правившей в Китае дин. Цин (1644–1911). Изложение начинается с деятельности **Нурхаци** (1559–1626), считающегося предком-основателем династии. Объем 536 цз. (в ред. 1934 г. — 529 цз.).

Решение о создании труда по истории Цин было принято в 1914 **Юань Шикаем**, к-рый в то время являлся лидером группировки сев. милитаристов и возглавлял республиканское пр-во. Это было продиктовано не только стремлением продолжить традицию составления офиц. династийных историй (*чжэн ши*), но и сложившейся в то время полит. конъюнктурой, логикой борьбы за власть. В соответствии с принятой в Китае практикой гос. историописания была сформирована спец. комиссия (*Циншигуань*), состоявшая из нескольких сот чел. Ее возглавил Чжао Эр-сюнь (1844–1927), долгие годы верой и правдой служивший правившей династии: после сдачи гос. экзаменов нек-рое время состоял в **Ханьлинь академии** (см. т. 1), был правителем пров. Хунань, возглавлял Ведомство финансов (*Хубу*), в 1911 являлся наместником в Маньчжурии. В своем полном составе комиссия практически никогда не работала, труд готовили несколько десятков чел. Наибольший вклад внесли Кэ Шао-минь, Мяо Цюань-сунь, Ся Сунь-тун, Чжао Эр-сюнь и нек-рые др.

Перед создателями стояла очень непростая задача — написать историю последней династии, правление к-рой пришлось на время крупных перемен и в Китае, и в окружающем его мире, рассказать о крахе кит. монархии. Необходимо было разобраться в оценках (нередко взаимоисключающих друг друга) рухнувшего режима. Задуманная как классич. династийная история (составители заявляли, что образцом для них была одна из лучших — **«Мин ши»** — «История [династии] Мин»), «Цин ши гао» готовилась в республиканском Китае, когда основополагающие принципы, к-рыми руководствовались придворные историографы, утратили свой смысл, а многое из того, что происходило в Цинской империи в XIX и в нач. XX в., с позиций традиц. историографии описать было просто невозможно. К тому же нек-рые реалии того времени вообще не соответствовали сложившимся представлениям о завершающей фазе династийного цикла. Осложняли работу комиссии и др. обстоятельства. Инициаторы — сев. милитаристы — не смогли обеспечить нормальную работу комиссии (в тех условиях это было, видимо, и невозможно), она плохо финансировалась, не раз работа оказывалась на грани прекращения. Члены комиссии — цинские чиновники, получившие классич. образование, и многое из того, что происходило в Китае в конце правления династии, им было непонятно и неприемлемо. Возглавлявший ее Чжао Эр-сюнь, человек преклонного возраста, так и не сумел организовать работу комиссии. Не могла не сказаться и необычайно сложная обстановка тех лет. Все это делало подготовку полноценной династийной истории задачей трудновыполнимой.

Свою работу комиссия завершила в 1927. Результатом ее 14-летнего труда стал свод объемом в 536 цз. (это самый большой труд подобного рода). В нем 4 раздела: 1. «Анналы» (*бэнь цзи*), сост. Кэ Шао-минь; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]), сост. Ван Шу-нань; 3. «Таблицы» (*бяо*), сост. У Тин-се; 4. «Биографии» (*ле чжуань*), сост. Ся Сунь-тун, Цзинь Чжао-фань. Однако содержание этих традиц. разделов существенно отличалось от того, что было в династийных историях. Так, в «Трактатах» появилось описание почты, телеграфа, телефона, путей сообщения, междунар. отношений. В целом текст был плохо отредактирован. Сравнительно невелика ценность «Цин ши гао» и как источника. Обычно династийные истории являлись хранителями материалов, к-рые унесло время или недоступных ученым. А практически все осн. материалы по истории империи Цин (включая и гос. документацию) сохранились и начали использоваться кит. историками еще до публикации «Цин ши гао». К тому же текст не прошел обязательной для подобных сочинений процедуры утверждения императором. Очевидно, понимая несовершенство своего труда, составители и назвали его «черновым сводом» (*гао* [*2*]). Тем не менее кит. историки нередко относят «Цин ши гао» к *чжэн ши*, рассматривая его как 26-е сочине-

ние этого жанра, написанное в аннало-биографической форме (*цзи чжуань*), начало к-рому положил **Сыма Цянь** (см. также т. 1).

Как только труд вышел в свет, последовала его резкая критика со стороны директора музея Гугун И Пэй-цзи. В подготовленном им документе отмечался контрреволюц. и антикит. характер этого труда, стремление его авторов прославить дин. Цин и маньчжуров и фактическое замалчивание ими революц. движения и его героев, многочисл. ошибки (всего указывалось на 19 крупных недостатков «Цин ши гао»). И Пэй-цзи обратился к Нанкинскому пр-ву с требованием запретить его распространение. После захвата Маньчжурии японцами в Шэньяне появилась еще одна редакция «Цин ши гао». В 1934 была предпринята попытка переделать текст «Цин ши гао», но реализована она тогда не была, к этой идее вернулись по завершении антияп. войны. В 1947 Нанкинское пр-во создало спец. комиссию, но вскоре гоминьдановский режим пал. В КНР попытки ревизии текста «Цин ши гао» не предпринимались, но издавался он с учетом трех имеющихся редакций неоднократно.

***** Цин ши гао (Черновой свод истории [династии] Цин): В 536 цз. / Сост. Чжао Эр-сюнь. Пекин, [1927]. ****** *Ли Цзун-е.* Чжунго лиши яоцзи цзешао (Важнейшие книги по истории Китая). Шанхай, 1982, с. 391–400; *Фэн Эр-кан.* Цин ши шиляосюэ (Источниковедение истории Цин). Шэньян, 2004, с. 45–57; *Цюй Линь-дун.* Лунь эрши лю ши (О 26 династийных историях) // Шисюэ юй шисюэ пинлунь (История и историческая критика). Хэфэй, 1998, с. 108–111; *Чжу Шичжэ.* Цин ши шувэнь (Сведения об истории Цин). Пекин, 1957.

Б.Г. Доронин

ЦИНЬ ШИ-ХУАН

秦始皇

Цинь Ши-хуан, Цинь Ши-хуан-ди, Ши-хуан-ди, Ин Чжэн. 259–210 до н.э. Основатель, первый император (прав. 221–210 до н.э.) дин. Цинь (221–207 до н.э.). После смерти отца Чжуан Сян-вана в 246 до н.э. в 13-летнем возрасте вступил на престол царства Цинь. До совершеннолетия Ин Чжэна (21 год) в 238 до н.э. гос-вом управлял первый советник, богатый купец Люй Бу-вэй — один из любовников вдовствующей царицы, матери Ин Чжэна.

Свои первые познания об искусстве управления гос-вом Ин Чжэн черпал из трактата **Шан Яна** (390–338 до н.э.; см. т. 1) «Книга правителя области Шан» (**«Шан цзюнь шу»**; см. т. 1). Существ. влияние на него оказал энциклопедич. труд «Вёсны и осени господина Люя» (**«Люй-ши чунь цю»**; см. т. 1), законченный в 241 до н.э. учеными, собранными при его дворе Люй Бу-вэем. В нем нашли отражение идеи конфуцианцев, даосов, последователей разных школ относительно верховной власти, полит. и социального устройства и т.д. Конф. главы «Люй-ши чунь цю» отводили доминирующую роль воспитанию народа: правитель обязан постоянно учиться, и не только ориентируясь на мудрецов прошлого, но и учитывая ошибки неспособных государей, приведших свои царства к гибели. Плодотворна была и идея обязательных дискуссий среди чиновников накануне принятия важных решений. Конфуцианцы учили уважать интересы народа, «ибо использование народа — это великое сокровище правителя».

Большую роль в формировании полит. взглядов императора сыграли трактаты **Хань Фэя** (см. т. 1) «Гу фэнь» («Ропот одинокого») и «У ду» («Пять паразитов»). Из «Книги правителя области Шан» Ин Чжэн уже усвоил, что в политике вероломство, коварство и сила всегда ставились выше человеколюбия (**жэнь [2]**; см. т. 1), милосердия (*шу* [*3*]) и долга (**и [1]**; см. т. 1). Правителю надлежит стремиться к неограниченной власти и усилению собств. гос-ва за счет соседей, постоянно помня, что политика ориентирована на реальность, а не на духовные ценности. Хань Фэй развивает концепцию Шан Яна об органич. связи внешней политики с внутренней и о приоритете внутренних дел: «Упорядоченности и силы нельзя приобрести извне, они кроются во внутренней политике». Оценивая негативно **конфуцианство** (см. т. 1) как учение, Хань Фэй отделяет самого **Конфуция** от учения, отдавая дань его мудрости: «Чжун Ни

(Конфуций. — *Л.П.*) был в Поднебесной совершенномудрым, он совершенствовал свое поведение и понял сущность *дао*... но за ним последовало лишь семьдесят человек, а на самом деле следовал человеколюбию и [чувству] долга лишь один человек».

Вся последующая деятельность Ин Чжэна, особенно на троне, свидетельствует о том, что он умел ценить людей знающих, профессионалов в обл. искусства управления, активно использовал их и не скупился на награды. Но как только тот или иной чиновник превышал рамки дозволенного или создавал собств. группировку, следовала неминуемая расплата. И чем более высокий пост занимал провинившийся, тем суровее было наказание.

В 239–237 до н.э. Ин Чжэн раскрыл заговор вдовствующей царицы и ее всесильного любовника Лао Ая, сместил и фактически уничтожил Люй Бу-вэя, взял в руки всю полноту власти в царстве Цинь. Последующие 9 лет Ин Чжэн посвятил завоевательным войнам; покорив последовательно шесть царств, объединил страну в 221 до н.э. Он обнародовал указ, в к-ром перечислил все грехи шести царей, якобы «творивших смуту» и препятствовавших водворению мира в Поднебесной. Вторым шагом было принятие Ин Чжэном титула *хуан-ди* — «высочайшего императора». Все императоры дин. Цинь должны были именоваться в порядке очередности престолонаследия. Себя он приказал называть *Ши-хуан-ди* — «Первым высочайшим императором».

Первые годы своего правления (221–216 до н.э.) Цинь Ши-хуан целиком посвятил гос. строительству и укреплению собств. власти. В 221 до н.э. 120 тыс. семей наследств. аристократии, крупного чиновничества и богатых купцов шести покоренных царств были насильственно переселены в столицу империи — г. Сянъян. Применяя репрессивные меры к наследств. аристократии шести царств и связанному с ней чиновничеству, император благосклонно относился к чиновничеству царства Цинь и командному составу циньской армии. На все руководящие должности местного администр. аппарата на территории бывших шести царств назначались только выходцы из царства Цинь. Т.о., объединение страны под эгидой Цинь принесло его чиновничеству вполне осязаемые выгоды и открыло богатые возможности для карьеры.

В интересах богатых землевладельцев Цинь Ши-хуан в 220 до н.э. издал эдикт о повышении на один ранг всех, имеющих ранги знатности. В том же году император приступил к двум грандиозным стройкам — дорожному строительству и сооружению оборонительной стены на севере страны, известной в истории как Великая Китайская стена. На строительстве трудились десятки тыс. общинников, мобилизованных в порядке трудовой повинности, а также заключенные.

Были уничтожены границы самостоятельных царств, и вся страна разделена на 36 округов. Одновременно были проведены реформы по введению единого законодательства, унификации денежной системы, письменности, мер длины и веса. В столице были сосредоточены центр. администр. органы, к-рые подразделялись на неск. крупных ведомств: военное, судебное, финансовое, ведомство императорского двора, ведомство обрядов, ведомство по охране императора и верховная прокуратура. Они отвечали за работу местных органов власти. Каждый из 36 округов (*цзюнь*) империи делился, в свою очередь, на уезды (*сянь* [*7*]), уезд — на волости (*сян* [*3*]), волость — на 10 *тинов* — низшие администр. единицы, объединявшие ок. 10 общин (*ли* [*10*]). Общины же сохраняли свои органы самоуправления в лице *сань лао* («три старца») и *фу лао* («отцы-старейшины»).

Управление этим грандиозным аппаратом сосредоточивалось в руках императора, к-рому помогали два советника (*чэнсян*). Они выполняли все указания императора и руководили администр. органами. В их ведении находился штат гос. чиновников, получавших четко дифференцированное натуральное довольствие зерном. Взаимная слежка и контроль были характерной чертой гос. аппарата. Представителям высшего чиновничества разрешалось высказывать свои мнения и давать советы императору. Ежедневно Цинь Ши-хуан рассматривал до 30 кг документации, к-рая велась на бамбуковых планках.

«Император, — сообщал **Сыма Цянь**, — выслушивал доклады о состоянии различных дел, многочисленные чиновники получали уже готовые решения... Все дела в Поднебесной, независимо от того, большие или малые, решались императором».

Основой деспотич. власти Цинь Ши-хуана была верховная собственность императора на воду, монополия на добычу и реализацию соли и железа, надзор за рыночными ценами на зерно, над производством и хранением оружия. В его руках была сосредоточена вся законодательная, административная, исполнительная и высш. судебная власть. Роль чиновничьего аппарата была сведена к чисто исполнительским функциям.

Стабилизация положения внутри страны позволила Цинь Ши-хуану перейти к наступательным действиям. В 215 до н.э. он направил на север армию полководца Мэн Тяня (ок. 300 тыс. воинов). В результате двухлетней войны циньские войска отвоевали у *сюнну* обширную территорию протяженностью с севера на юг ок. 400 км. Цинь Ши-хуан создал там 44 уезда, на льготных условиях переселил колонистов из центр. р-нов. Объектом циньской экспансии на юге стали племена *юэ* [*8*], населявшие совр. провинции Гуандун и Гуанси, а также гос-во Аулак, расположенное на северо-востоке Индокитая. В 214 до н.э. Цинь Ши-хуан захватил Намвьет и северо-вост. часть Аулака и учредил там 3 округа.

Начиная с 220 до н.э. Цинь Ши-хуан совершил неск. инспекционных поездок по стране. Всюду воздвигались стелы, славившие его заслуги.

Грандиозное строительство и войны привели к резкому повышению налоговых обязательств — началось бегство из страны. В этой кризисной обстановке активизировала свою деятельность и наследств. аристократия шести покоренных царств. Конфуцианцы, идейные руководители наследств. аристократии и противники **легизма**, стали пророчить скорую гибель династии, сеять среди населения недоверие к реформам и законоположениям. Тогда был издан имп. указ об уничтожении конф. лит-ры (исключались гадательные тексты, книги по медицине, фармакологии и земледелию); 460 наиболее активных противников режима из приверженцев конфуцианства были заживо закопаны.

В последние годы жизни Цинь Ши-хуан стал болезненно настороженным, не доверял почти никому из своих ближайших помощников. С 212 до н.э. он, как правило, никогда не жил подолгу в одном дворце, переезжал с места на место, не уведомляя заранее никого из приближенных. На территории в радиусе 200 км от столицы в различных местах было возведено 270 дворцов. Одновременно на горе Лишань близ столицы велось строительство грандиозной гробницы. Скончался император в 210 до н.э. в возрасте 50 лет во время последней инспекционной поездки на восток страны.

* *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 1–7. М., 1972–1996.

** *Кычанов Е.И.* Объединитель Поднебесной: Цинь Ши-хуан // *Кычанов Е.И.* Властители Азии. М., 2004, с. 7–75; *Переломов Л.С.* Империя Цинь — первое централизованное государство в истории Китая (221–202 гг. до н.э.). М., 1962; *он же.* Становление императорской системы в Китае // ВИ. 1973, № 5, с. 113–132; *он же.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая (VI в. до н.э. — 80-е годы XX в.). М., 1981; *Ульянов М.Ю.* Первый император и его армия // ВК. 2007, № 2(29), с. 20–38; *Го Чжи-кунь.* Цинь Ши-хуан да чжуань (Полное описание жизни первого императора Цинь). Шанхай, 1989; Гуаньюй Цинь Ши-хуан (О Цинь Ши-хуане). Тяньцзинь, 1974; *Ма Юань-кай.* Цинь Ши-хуан-ди чжуань (Жизнеописание Цинь Ши-хуан-ди). Янчжоу, 1985; *Сунь Вэнь шэн.* Цинь Ши-хуан-ди. Харбин, 2005; *Сунь Кай, Сюй Фу.* Цинь хуйяо динпу (Сб. важнейших материалов по истории Цинь). Пекин, 1956; Цинь ши (История [династии] Цинь) / Сост. Ван Цюй-чан. Шанхай, 2000; *Ян Куань.* Цинь Ши-хуан. Пекин, 1956; *Bodde D.* China's First Unifier: A Study of the Ch'in Dynasty as Seen in the Life of Li Ssu, 280?–208 B.C. Hong Kong – London, 1967 (repr. 1938); The Cambridge History of China. Vol. 1. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. — A.D. 220. Cambr., 1986; *Cotterell A.* The First Emperor of China:

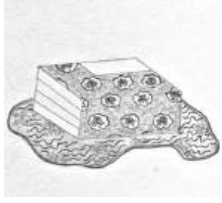
the Greatest Archaelogical Find of Our Time. L., 1981; *idem.* The Tiger of Ch'in: the Dramatic Emergence of China as a Nation. N.Y., 1962; *Simons S.* Das Bild Qin Shi-huang's in der Geschichtsschreibung der Volksrepublik China: die Historiographie des ersten Kaiser von China, 1949–1979. Hamb., 1984; *Wei Wei-yi.* The Great Wall. Taipei, 1963.

Л.С. Переломов

ЦИ ЦЗЮЙ ЧЖУ

起居注

Ци цзюй чжу — «записи ежедневных деяний и речей [правителя]», «дневники». Вид ист. трудов, в к-рых в строго хронологич. порядке фиксировались повседневные свершения государя. Эти записи, к-рые велись в эпоху Чжоу спец. чиновниками («левый» и «правый» историки/астрологи), должны были предостеречь правителя от неверных поступков, т.к. все они станут достоянием грядущих поколений. Непосредств. предшественником дневников считаются ханьские «произведенные записи» (*чжу цзи*), где также фиксировались деяния правителя. Позже ханьские ученые станут именовать их *ци цзюй чжу.* Окончательно этот вид ист. трудов сложился в империи Тан (618–907). Статус дневников был очень высок, они имели самое непосредств. отношение не только к истории, но и к политике гос-ва, и это предопределило дальнейшую судьбу этих сочинений и их место в системе историописания. Постепенно они становятся документами строго конфиденциальными, их перестают издавать и отражать в каталогах, а составление и распространение регламентировалось спец. правилами, согласно к-рым деяния императора должна фиксировать группа специально назначенных чиновников из числа тех, что пользовались особым доверием правителя. Постоянное их присутствие при особе императора не предусматривалось, свои труды они готовили гл. обр. на основе подобранных для них офиц. материалов. После смерти императора текст дневника утверждался его преемником и хранился в особом помещении; доступ к нему имели немногие. В системе гос. историописания дневники (*ци цзюй чжу*) рассматривались как первооснова для составления «правдивых записей» (**ши лу**), к-рые, в свою очередь, должны были стать гл. источником для тех, кто будет готовить династийную историю (*чжэн ши*). В силу своей специфики дневники сильно зависели от полит. конъюнктуры, ни одной династии не удалось наладить их систематич. и бесперебойное составление в строгом соответствии с регламентом. Исключение составляет лишь дин. Цин (1644–1911), в период правления к-рой составление дневников, начатое в кон. XVII в. при имп. **Канси** (1662–1722), продолжалось с небольшой паузой почти до падения династии. Полный их комплект в наст. время хранится в Первом ист. архиве КНР, к-рый с начала 80-х XX в. приступил к их публикации, что стало науч. сенсацией — впервые эти секретные документы стали достоянием ученых.



** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Цан Сюй-лян, Вэй Дэ-лян.* Чжунго гудай шисюэ цзяньбянь (Краткая история историографии древнего Китая). Харбин, 1983.

Б.Г. Доронин

ЦУЙ ШУ

催述

Цуй Шу, Цуй У-чэн. 1740, пров. Дунби, — 1816, Вэйшань пров. Чжили (совр. Хубэй). Крупный историк и каноновед, один из наиболее ярких представителей *цяньцзя ши-сюэ* — «ист. науки [периода правления императоров] **Цянь[-луна** и] Цзя[-цина]» (см. **Традиционная историография** в Общем разделе).

Род. в небогатой семье школьного учителя. Первую ученую степень *цзюй жэнь* получил в 1762, сдать экзамен на степень *цзинь ши*, несмотря на неоднократные попытки, так и не смог. Служебная карьера не сложилась, всю жизнь он оставался мелким служащим в местной администрации разл. регионов Южного Китая. В начале 90-х Цуй Шу оставил службу и, вернувшись домой, целиком отдался ученым занятиям. Круг его интересов был очень широк, но осн. усилия он сосредоточил на изучении древней истории и канона (*цзин* [*I*]).

Еще в молодости Цуй Шу обратил внимание на несоответствие содержащихся в конф. канонич. сочинениях сведений о начальном этапе кит. истории тому, что сообщалось в ист. трудах. Смущала его и такая особенность этих трудов: чем позднее они были написаны, тем больше сведений о древней истории они содержали. Это заставило Цуй Шу усомниться в достоверности этих сведений, и, стремясь восстановить истинную картину, он обратился к изучению текстов. В своей работе он опирался на весьма разработанную в то время методику, получившую название *као чжэн* («критич. исследование текста»), признанным знатоком к-рой он был. Цуй Шу исходил из того, что в древности канон и история были неразделимы и наиболее достоверные данные содержатся в сочинениях, к-рые вошли в состав конф. канона, т.к. они были созданы в описываемый в них либо близкий к нему период. И хотя Цуй Шу знал, что тексты канона имеют более поздние включения, при изучении истории древнего Китая он ориентировался именно на них, а все, что расходилось с данными канона, считал недостоверным. Тем самым он стремился привести историю в строгое соответствие с каноном, по-своему решая центральную для офиц. науки того времени задачу: утверждение ортодоксального начала нац. культурной традиции и освобождение ее от всего, что этому не соответствовало. Этой проблематике Цуй Шу посвятил свой гл. труд «Установление истины» («Као синь лу»), к-рый в окончательном варианте как итог его 10-летней работы был опубл. в 1814. В нем дан обстоятельный анализ данных о древнейшем периоде кит. истории (со времен мифич. правителей до эпохи Чжоу), содержащихся в трудах историков. Кроме того, Цуй Шу изучил, что́ сообщают их авторы о жизни **Конфуция** и **Мэн-цзы** (см. т. 1), — этому он посвятил четверть своего труда. Последовательно сопоставляя написанное историками со сведениями в канонич. сочинениях, Цуй Шу сумел выявить немало разночтений в текстах и указал на преднамеренную фальсификацию нек-рых из них. Его труд содержит также немало интересных соображений о методике изучения памятников. Ученая элита оценила труд Цуй Шу как серьезный вклад в ист. науку и канoноведение (**цзин-сюэ**; см. т. 1) того времени, хотя и не все его суждения представлялись бесспорными. По мнению специалистов, этот труд не утратил своего значения и в наши дни.

Цуй Шу оставил богатое лит. наследие. Это труды по канону, географии, стихи, проза. Впервые собр. его трудов подготовил и издал в XX в. известный историк **Гу Цзе-ган**. Слава пришла к Цуй Шу не сразу, в Китае он стал широко известен лишь в кон. XIX — нач. XX в., когда в об-ве пробудился обостренный интерес к цивилизационным ценностям, опираясь на к-рые оно пыталось преодолеть поразивший Китай кризис. Именно тогда Цуй Шу оказался востребован как ученый, внесший большой вклад в нац. науку. Фигура Цуй Шу привлекает внимание и историков КНР. Они полагают, что своим тв-вом Цуй Шу, наряду с нек-рыми своими современниками, заложил в Китае основы новой ист. науки.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; Чжунго шисюэцзя чжуань (Биографии китайских историков) / Гл. ред. Чжан Шунь-хуй. Шэньян, 1984, с. 246–249; *Шао Дун-фан.* Лунь Ху Ши, Гу Цзе-ган ды Цуй Шу яньцзю (Изучение Цуй Шу Ху Ши и Гу Цзе-ганом). Сингапур, 1996; Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912) / Ed. By A.W. Hummel. Vol. 2. Wash., 1944, p. 770–777.

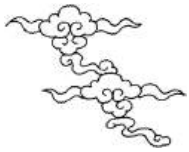
Б.Г. Доронин

ЦУН ШУ

丛書

Цун шу — «собрание сочинений», «книжная серия», «библиотека-серия». Тип издания в традиц. Китае. В основном подготовка и издание *цун шу* предпринимались по личной инициативе составителя и на его средства. Как и все другие неофиц. издания, *цун шу* печатались небольшими тиражами, имели ограниченное распространение и не все выдерживали испытание временем. Состав собрания, его характер и предназначение составитель определял сам. Это могли быть сочинения одного автора, членов родового клана или земляков, раритеты из частных коллекций; нек-рые *цун шу* были подборкой

по определенным отраслям знаний, проблематика других четко определена не была. В сериях, созданных при дин. Цин (1644–1911) и позднее, сочинения систематизировались в соответствии с традиц. классификационной схемой по четырем разделам (*сы бу*) — «каноны» (*цзин* [*1*]), «мыслители» (*цзы* [*3*]), «история» (*ши* [*9*]) и «сборники» (*цзи* [*6*]). Как правило, в *цун шу* включали книги, хранившиеся в частных б-ках. Многие из этих сочинений не числились в офиц. каталогах (**мулу**) и были малоизвестны либо вовсе не известны современникам, и только включение в состав *цун шу* спасало их от забвения.



Появление изданий типа *цун шу* относят к эпохе Сун (960–1279) и связывают с процессами, к-рые стремительно набирали силу в тот период: развитие традиц. наук и системы образования, расцвет книгопечатания и пр. Первыми *цун шу* принято считать сунские «Байчуань сюэхай» («Кладезь премудрости») Цзо Гуя и «Жу-сюэ цзин у» («Постижение конфуцианства») Юй Дин-суня и Юй Цзина. В последующие века кол-во *цун шу* неуклонно росло, форма совершенствовалась, а состав становился шире и разнообразнее. Крупным событием стало создание юаньским ученым Тао Цзун-и фундамент. серии «Шо фу» («Городские предместья»), в к-рую вошло неск. сот книг. Приблизительно с сер. XVI в. за сравнительно короткий период минские ученые подготовили и издали более 100 *цун шу*. Одна из самых известных — «Цзилу хуй бянь» («Собрание записей»). Составитель Шэнь Цзе-фу (1533–1601) включил в нее 127 соч. минских авторов общим объемом 216 цз. Прославленным составителем *цун шу* был Мао Вэй (1575–1640?). Интерес к книжным сериям был обусловлен возросшей в этот период активностью региональных «книжных палат/академий» (*шу юань*) — средоточий интеллектуальной элиты империи, и очевидным ослаблением контроля над письм. культурой со стороны гос-ва. Видимо, под эгидой региональных академий и была подготовлена большая часть *цун шу* этого периода. Как полагают кит. ученые, они вместили в себя многие сохранившиеся к тому времени редкие книги.

Первые 150 лет правления дин. Цин — время беспрецедентной активности властей на ниве словесности, реализации грандиозных офиц. проектов и тотальной ревизии письм. наследия. Все это стимулировало деятельность составителей *цун шу*, но она строго контролировалась властями и не могла выходить за рамки установленных ими регламентов. Бóльшая часть дошедших до нас *цун шу* была подготовлена цинскими учеными. Среди них «Сюэхай лэйбянь» («Классифицированный кладезь премудрости»; 431 соч.; сост. Цао Жун, 1613–1685), «Шисюэ цун шу» («Серия трудов по истории»; 43 соч.; анонимный сост.), «Чжибуцзу чжай цун шу» («Собрание книг из Кабинета Чжибуцзу»; 207 соч.; сост. Бао Тин-бо, 1728–1814), «Цзи фу цун шу» («Коллекция трудов авторов столичного региона»; 170 соч.; сост. Ван Хао, 1823–1888).

Существ. вклад внесли и власти империи. Во 2-й пол. XVIII в. по распоряжению имп. **Цянь-луна** (прав. 1736–1795) придворные ученые подготовили самую крупную из когда-либо создававшихся в Китае библиотек-серий **«Сы ку цюань шу»** («Коллекция книг по четырем разделам»; 3503 соч. общим объемом 79 337 цз.).

С падением монархии история *цун шу* не пресеклась: в условиях нац. кризиса, поразившего страну после Синьхайской революции (1911–1912), преодолеть к-рый кит. об-во пыталось, опираясь на цивилизационные ценности, книги, посвященные прошлому Китая, его культуре, оказались как никогда востребованы. К числу крупнейших библиотек-серий *цун шу*, изданных в 20–30-е XX в., относятся «Сы бу цун кань» («Собрание публикаций по четырем разделам»), «Сы бу бэй яо» («Собрание наиболее важных книг по четырем разделам») и «Цун шу цзи чэн» («Полное собрание серий *цун шу*»).

Серия «Сы бу цун кань» подготовлена и издана шанхайским изд-вом «Шанъу иньшугуань» в 1922 (инициатор и руководитель — известный книгоиздатель Чжан Юань-цзи). В состав серии, организованной по четырем разделам (*сы бу*), включены 323 редкие книги периода Сун–Юань общим объемом 8528 цз. В 1934 вышло продолжение серии (*сюй бянь*); в нее вошла еще 81 книга, а через год опубликовали 3-ю часть этой серии (*сань бянь*) — 73 книги. Всего

в 3 частях «Сы бу цун кань» было опубликовано почти 500 сунских и юаньских раритетов.

Серия «Сы бу бэй яо» была опубликована в 1924 изд-вом «Чжунхуа шуцзюй». В нее вошли 336 сочинений, сгруппированных по четырем разделам, общим объемом 11 305 цз. В 1935 серия издана по европ. образцу в 100 томах; все тексты снабжены пунктуацией. Переиздание осуществлено в 1936. Одновременно был подготовлен и издан аннотированный каталог серии, а в 1971 на Тайване вышел индекс к ней.

Серия «Цун шу цзи чэн» опубликована шанхайским изд-вом «Шанъу иньшугуань» в 1935. В Китае подобное издание было подготовлено, видимо, впервые. Оно включает в себя более 100 *цун шу*, созданных за 10 веков (от Сун до Цин) и содержащих 3111 произведений авторов этого периода. Позже был издан индекс книг, вошедших в эту серию.

По данным кит. ученых, всего было издано от 5 до 6 тыс. *цун шу*, до нашего времени дошла лишь часть их. Многие из них принадлежат малоизвестным или неизвестным составителям, отражают взгляды ученого сословия, к-рые в офиц. трудах были недопустимы. Изданный в КНР в 1959–1962 фундаментальный 3-томный «Каталог китайских *цун шу*» («Чжунго цун шу мулу»), где подробно описаны 2797 серий (они содержат 38 891 соч.), хранящихся в 41 крупнейшей б-ке страны, открывает широкий доступ к ценнейшим памятникам письм. культуры Китая.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., 1959; *Се Го-чжэнь.* Шиляосюэ гайлунь (Очерки источниковедения). Фучжоу, 1985, с. 155–162; *Фэн Эр-кан.* Цин ши шиляосюэ (Источниковедение истории Цин). Шэньян, 2004, с. 401–412.

Б.Г. Доронин

ЦЫ СИ

慈禧

Цы Си (вар. Цыси), маньчж. Ехэнара, Ниласы, кит. имя Лань-эр (Орхидея). 29.11.1835, Пекин, — 15.11.1908, Пекин. Императрица маньчж. дин. Цин (1644–1911), фактически правила Китаем в 1861–1908 в периоды правления двух императоров Цзай Чуня (Тун-чжи) и **Цзай Тяня** (Гуан-сюй). Офиц. периодами ее регентства считаются 1861–1873 и 1875–1889. Имя Цы Си получила в 1862 с титулом императрицы-матери. Вышла из чиновной маньчж. семьи. Ее отец правил сначала округом, затем областями. Его обвинили во взяточничестве, хищении крупных сумм из казны, и он умер под следствием в тюрьме. Семья перебралась в Пекин.

В 1851 (первый год правления имп. **И Чжу** под девизом Сянь-фэн) попала во дворец претенденткой в наложницы. В 1854 Ехэнара получила один из низших рангов наложниц — *пинь*. Имп. И Чжу, жена к-рого умерла до его восхождения на трон, избрал новую жену — Нюхулу (Нюгуру, 1837–1881), ей был дарован титул императрицы Восточного дворца и офиц. тронное имя Цы Ань. Любимой наложницей И Чжу стала Ехэнара. Родив сына (будущего имп. Цзай Чуня) в 1856, она была повышена в ранге до наложницы 4-го (*фэй*), а вскоре и 3-го класса (*гуй фэй*), что в дальнейшем открывало ей дорогу к титулу императрицы-матери, а после смерти И Чжу — к титулу вдовствующей императрицы, т.к. ни Цы Ань, ни др. наложницы не сумели родить сына физически слабому и больному императору. Имеются две версии появления на свет «сына» Цы Си. Согласно первой, Ехэнара забрала в свои покои одну из дворцовых служанок, якобы забеременевшую от Сына Неба, и, когда родился мальчик, убила ее, затем убедила всех, включая императора, что это ее сын. По второй версии, отцом ребенка был ее дальний родственник, маньчж. офицер дворцовой стражи Жун Лу.

После смерти имп. И Чжу в авг. 1861 на престол вступил 6-летний Цзай Чунь (1856–1875), к-рый правил под девизом Тун-чжи (1862–1874).

До совершеннолетия Цзай Чуня все дела должен был вершить Совет князей-регентов и сановников во главе с зам. пред. Гос. совета и начальником Нало-

гового ведомства (*Хубу*) Су Шунем. В нояб. 1861 в результате гос. переворота в столице Су Шунь и три регента были казнены, власть захватили Цы Си и дядя императора великий князь Гун (**И Синь**). По изданному эдикту за Цы Ань и Цы Си закреплялся титул вдовствующих императриц и провозглашалось их совместное регентство. Однако вскоре Цы Си оттеснила скромную и покладистую Цы Ань, ведшую строгий и однообразный образ жизни. У Цы Си проявился вкус к нарядам, мало кто из придворных дам мог соперничать с ней в пышности головных уборов. После 3-летнего траура по усопшему императору Цы Си стала устраивать оргии и пирушки, давая волю своим плотским страстям. Укрепив свою власть, Цы Си в 1865 отстранила от власти князя Гуна (покончив с его регентством) и стала единовластной правительницей Китая. Вплоть до 1908 пользовалась неограниченной властью. В ее правление при дворе особым влиянием пользовался гл. евнух Ань Дэ-хай, а затем сменивший его в 1869 Ли Лянь-ин. В своей внутр. политике Цы Си делала ставку на лидеров региональных группировок — Цзэн Го-фаня, **Ли Хунчжана** и Цзо Цзун-тана.

В февр. 1873 Цы Си официально передала власть имп. Цзай Чуню, достигшему совершеннолетия, сохранив за собой реальное управление империей. В янв. 1875 император умер, не оставив наследника (в 1881 Цы Си, опасаясь соперничества, расправилась с его женой, возможно, из-за тайного указа, составленного еще Цзай Чунем и дающего право казнить Цы Си, если она узурпирует власть). Не дожидаясь окончания прений о престолонаследии, Цы Си возвела на трон своего 3-летнего племянника Цзай Тяня, дав новому царствованию девиз правления (**нянь хао**) Гуан-сюй (1875–1908). Началось второе регентство Цы Си.

Пользуясь влиянием среди маньчж. знати и преданных Цинам кит. сановников, Цы Си за ценные подарки, подносимые ей по разным случаям, часто назначала на высшие гос. должности бездарных администраторов. Охотно тратила огромные суммы казенных денег на личные прихоти, напр. на строительство нового летнего дворца и парка Ихэюань.

В 1888 17-летний Цзай Тянь женился, а в 1889 принял бразды правления. На императора оказывали известное влияние люди, выступавшие за преобразования и реформы и против лагеря Цы Си, к-рая вместе со старыми маньчж. сановниками видела в реформах угрозу не только традиц. устоям самодержавия, но и опасность ослабления личной власти. После смерти в 1898 князя Гуна реформаторы получили доступ во дворец. 11 июня 1898 начался краткий период преобразований, или «сто дней реформ» (*у-сюй бяньфа*). Цзай Тянь по инициативе реформаторов издал неск. десятков указов, направленных на «искоренение старого и распространение нового». Однако 21 сент. 1898 произошел очередной гос. переворот: император был схвачен слугами Цы Си, отстранен от власти и помещен под дом. арест. В тот же день был издан указ об отмене всех реформ и возвращении на службу их противников, в свое время уволенных Цзай Тянем. Шестеро захваченных реформаторов (**Тань Сытун**, Ян Жуй, Линь Сюй, Лю Гуан-ди, Ян Шэнь-сю и Кан Ю-пу) были публично казнены. Расправа с реформаторами и отстранение от власти Цзай Тяня укрепили позиции Цы Си. Для власти ее группировки были характерны боязнь зап. новшеств, неприязнь и скрытая враждебность к иностранцам.

В кон. XIX в. в Сев. Китае одно за другим вспыхивают антииностр. выступления, к-рые превращаются в мощное восстание *ихэтуаней* («боксеров»). Вначале цинский двор с опаской и настороженностью взирал на действия повстанцев, затем попытался использовать эти стихийные силы для отпора натиску иностр. держав. Пр-во Цы Си привлекало провозглашение повстанцами процинских лозунгов, их консерватизм и религиозность. Это создало предпосылки для союза *ихэтуаней* с пр-вом. Однако он продолжался недолго. 21 июня 1900 в Пекине был обнародован указ, объявлявший войну иностр. державам. Как только началась вооруженная интервенция, Цы Си и пр-во отказали повстанцам в помощи, начали их жестоко преследовать. Стремясь обелить себя в глазах иностр. держав, войска к-рых в авг. 1900 захватили

Пекин, Цы Си, через день бежавшая с Цзай Тянем в Сиань, всю вину за антииностр. выступления переложила на руководителей союза *Ихэтуань*. Не сумев нанести удар по ненавистным ей иностранцам с помощью *ихэтуаней*, Цы Си уже с помощью иностранцев обрушила на восставших кровавые репрессии, более сотни руководителей *ихэтуаней* и сочувствующих им министров были казнены или пожизненно заключены в тюрьмы.

В январе 1902 Цы Си возвращается в Пекин. В знак примирения с «варварами» принимает посланников иностр. гос-в, сидя на золоченом троне, не допуская их контактов с опальным имп. Цзай Тянем. Крайний консерватизм Цы Си, ее упорный отказ приспособиться к новой обстановке, сложившейся в Китае, объективно способствовал изоляции цинского двора, падению его авторитета в стране. Цы Си отличалась большой подозрительностью, боялась покушений, плела бесконечные интриги, имея собств. сеть доносительства. В последние годы жизни она проявила интерес к таким новшествам, как электричество и фотография. Ее видели разъезжающей по своим апартаментам на трехколесном велосипеде.

Последние годы правления Цы Си характеризуются судорожными попытками сохранить маньчж. господство, провести верхушечные реформы, рассчитанные на укрепление империи. Они выразились гл. обр. в переустройстве армии и системы образования. В 1906 была упразднена просуществовавшая 13 веков конф. экзаменационная система. Для подготовки кандидатов на гос. службу (гражданскую и военную) открывались новые начальные, средние и высшие учеб. заведения по зап. образцу. Доступ в них впервые в истории получили и девочки. Надежды возлагались на выпускников заруб. учебных заведений — в Японии и Америке. Одним из актов императрицы, свидетельствовавших об осознании ею и ее советниками безысходности положения, было издание в сент. 1906 указа о подготовке к введению конституции. Указ, предусматривая сохранение верховной власти в руках императора, все же предоставлял народу право участвовать в обсуждении вопросов управления страной. Но уже никакие реформы, никакие уступки не могли спасти монархию. Результатом правления Цы Си было несколько проигранных войн (франко-китайская война 1884–1885, японо-китайская война 1894–1895), серия крупных с трудом подавленных восстаний (восстание *тайпинов* в 1850–1864, восстание «больших мечей» в Шаньдуне в 1896, *ихэтуаней* в 1899–1901), противодействие прогрессивным реформам и консервация технической и экономич. отсталости страны.

14 нояб. 1908 скончался имп. Цзай Тянь. Цы Си, назначив 2-летнего **Пу И** наследником престола, скончалась через сутки на 73-м году жизни якобы от дизентерии.

Публикуемые в последние годы в КНР книги о Цы Си в осн. посвящены ее личности, а не ее гос. деятельности, при этом нек-рые авторы, в т.ч. дальние родственники Цы Си, пытаются снять с нее прежние обвинения в ее исключительной жестокости.

***** Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968; *Пу И.* Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И — последнего императора Китая. М., 1968; *он же.* Последний император. М., 2006.

****** *Бак П.* Императрица. М., 1994; *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин, XVII — начало XX в. М., 2005; *он же.* Придворная борьба за власть в Китае середины XIX в. // Политическая интрига на Востоке. М., 2000, с. 206–235; Новая история Китая. М., 1972; *Семанов В.И.* Из жизни императрицы Цыси, 1835–1908. М., 1976; *он же.* Из наложниц — в императрицы. М., 2000; *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. М., 1985; *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М., 1980; *Гао Ян.* Цы Си цюань чжуань (Полная биография Цы Си). Т. 1–6. Пекин, 1984; *Ехэнала Гэнь Чжэн.* Во со чжидао ды Цы Си тай-хоу (Императрица Цы Си, какой я ее знал). Пекин, 2005; *Жун Лин.* Цингун соцзи (Заметки о цинском дворе). Пекин, 1957; Чжунго цюаньши (Полная история Китая) / Гл. ред. Чжай Вэнь-мин. Пекин, 2004; *Der Ling.* Two Years in the Forbidden City. L.,

1912; *Haldene Ch.* The Last Great Empress of China. L., 1955; *Hussey H.* Venerable Ancestor: The Life and Times of Ts'u Hsi, 1835–1908: Empress of China. N.Y., 1949; *Warner M.* The Dragon Empress: a Biography of Ts'u-hsi, 1835–1908. L., 1972.

В.Н. Усов

«ЦЭ ФУ ЮАНЬ ГУЙ»

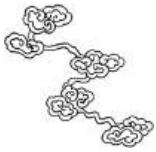
冊府元龜

«Цэ фу юань гуй» — «Исходное/магическое отражение (букв.: большая черепаха/великий оракул) [августейшего] книгохранилища», первоначально: «Ли дай цзюнь чэнь ши цзи» («Исторические следы деяний государей и подданных»), — одна из крупнейших кит. энциклопедий (**лэй шу**) и самая крупная из «Четырех великих книг, составленных в [эпоху] Сун» («Сун цзуань сы бу да шу»): «Тай-пин гуан цзи» («Обширные записи [годов] Тай-пин»), «Тай-пин юй лань» («Высочайшее обозрение [годов] Тай-пин»), «Вэнь юань ин хуа» («Цветник литературного сада»). Указом имп. Чжэнь-цзуна (прав. 998–1022) от 27 окт. 1005 ее создание в офиц. жанре *цэ фу*, подразумевавшем использование династийных историй и ортодоксальных трактатов, было поручено группе виднейших ученых и сановников, в т.ч. Ли Вэю (*цзинь ши*, 985), Чэнь Пэнняню (Чэнь Юн-нянь, 961–1017), Лю Цзюню (Лю Цзы-и, 971–1031) и др., во главе с членами **Ханьлинь академии** (см. т. 1): канцлером (*сян* [*2*]) Ван Цинь-жо (Ван Дин-го, 962–1025) и придворным историографом Ян И (Ян Да-нянь, 974–1020). Завершилась работа через 8 лет представлением императору 20 сент. 1013.

Колоссальный текст, объемом более 9 млн. иероглифов, в два раза превышающий ранее составленную энциклопедию «Тай-пин юй лань», состоит из 1 тыс. цз., включающих 31 раздел (*бу* [*4*]) и 1104/1116 рубрик. Каждая рубрика представляет собой аннотированную компиляцию тематически подобранных ист. материалов от древнейших времен до нач. Сун с наиболее подробным освещением эпох Тан и Пяти династий (У-дай). Эти два последних периода кит. истории (618–960) в отличие от предыдущих описаны с привлечением не только офиц. текстов, но и всех доступных составителям данных, что делает «Цэ фу юань гуй» ценнейшим источником для изучения культуры Тан и Пяти династий.

Архитектоника «Цэ фу юань гуй», начинающегося «Разделом императоров и царей» (*хуан ван бу*) и завершающегося «Разделом внешних подданных» (*вай чэнь бу*), отражая преимуществ. интерес к реалиям администр. жизни, знаменует собой переход от общеонтологич. модели «Тай-пин юй лань», восходящей к древним канонам типа **«Чжоу ли»** («Чжоуские ритуалы»; см. т. 1) и построенной на триаде Небо–Земля–Человек (**сань цай**; см. т.1), к социально-полит. классификации, что, по-видимому, было вызвано конкретно-ист. ситуацией того времени, когда Кит. империя оказалась в тяжелейшем внешнеполит. кризисе и по договору нач. 1005 с киданьским гос-вом Ляо, вопреки фундаментальным принципам своей гос. идеологии, была вынуждена принять на себя обязательство платить ему дань. Создание этой энциклопедии стало первым большим шагом в оформлении новой цивилизационной доктрины, отличавшейся от господствовавшей при дин. Тан и в дальнейшем получившей развитие в таких капитальных трудах, как «Сун хуй яо» («Главное из собрания [сведений об эпохе] Сун») Чжан Дэ-сяна (978–1048) и др. и **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всеобщее зерцало, управлению помогающее») **Сыма Гуана** (см. также т. 1).

В эпоху Сун увидели свет три издания «Цэ фу юань гуй». Первое — северосунское «государственное» (*цзянь бэнь*) — ныне утрачено. Второе — южносунское (рубеж XII — XIII вв.), «напечатанное в Шу [уезда Мэйшань пров. Сычуань] мелкими иероглифами» (*Шу кань сяо цзы*), от к-рого сохранились 108 цз., находящиеся в Пекинской б-ке и факсимильно воспроизведенные на старой бумаге в 1999 изд-вом «Чжунхуа шуцзюй». Третье — также южносунское с определением в заглавии «Заново напечатанное государственное...»



(«Синь кань цзянь бэнь Цэ фу юань гуй»). Четвертое — полностью сохранившееся до наших дней, было осуществлено уже в кон. эпохи Мин, в 1642, под ред. и с предисловиями регионального цензора (*сюньань юйши*) пров. Фуцзянь Ли Сы-цзина (*цзинь ши*, 1628) и комментариями префекта фуцзяньского уезда Цзяньян Хуан Го-ци. Пятое издание в нач. эпохи Цин, в 1672, осуществил Хуан Цзю-си. Наилучшие совр. издания, факсимильно воспроизведя минский вариант с дополнениями из сунских экземпляров, выпустило изд-во «Чжунхуа шуцзюй» в 12 и 20 томах в Гонконге (1960), Пекине (1960) и Тайбэе (1967).

** *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи, X–XIII вв. М.–Л., 1959, с. 151–152; *Мэн Цзы-вэй*. Тань Цэ фу юань гуй (Обсуждение «Цэ фу юань гуй» // И-линь цун-лу (Записи о книжных собраниях). Вып. 1. 1961, с. 98–101; *Цюй Мянь-лян*. Чжунго гу-цзи банькэ цыдянь (Словарь изданий древнекитайской литературы). Цзинань, 1999, с. 288; *Yamauchi Masahiro*. Ts'e-fu yüan-kuei // A Sung Bibliography = Bibliographie des Sung / Ed. by E. Balazs, Y. Hervouet. Hong Kong, 1978, p. 320–321.

А.И. Кобзев

ЦЮЙ ЦЮ-БО

瞿秋白

Цюй Цю-бо, псевд. Литератор, Страхов. 29.01.1899, Чанчжоу, — 17.06.1935, Чантин. Публицист, пропагандист марксизма, обществ. деятель, один из основателей и руководителей КПК. Окончил Спец. колледж рус. яз. в Пекине (1917–1919). Участвовал в «движении 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*), в создании радикального журн. «Синь шэхуй» («Новое общество»), в деятельности организованного **Ли Да-чжао** в Пекине в 1920 «Об-ва изучения марксизма» (*Макэсы сюэшо яньцзюхуй*). Работал корреспондентом в Советской России (1920–1923), где вступил в КПК (1922). После возвращения в Китай в 1923 редактировал журналы «Синь циннянь» («Новая молодежь»), «Сяндао» («Путеводитель»), «Цяньфэн» («Авангард»); назначен деканом ф-та социологии Шанхайского ун-та. На III съезде КПК был избран чл. ЦК; участник I Всекит. съезда Гоминьдана (1924), секретарь временного ЦК КПК (1927), чл. ЦК и секретарь ЦК КПК (1928–1930); участник VI Конгресса Коминтерна, чл. Исполкома Коминтерна (Москва, 1928). Вместе с **Лу Синем** (см. т. 3) в Шанхае возглавлял движение деятелей «левой культуры» (1931–1933). В февр. 1935 арестован гоминьдановскими властями, в июне казнен.

На раннем этапе формирования мировоззрения Цюй Цю-бо можно охарактеризовать как стихийного революц. демократа, требовавшего «осуществить подлинную демократию, народовластие, построить народное гос-во». После 1922 в эволюции его взглядов наметилась марксистская тенденция. Цюй Цю-бо с марксистских позиций подверг анализу взаимоотношения между свободой и необходимостью в ходе **дискуссии о науке и метафизике** (*кэсюэ юй сюаньсюэ луньчжань*; см. т. 1) в 1923; позднее критиковал и группу «традиционалистов», или сторонников «восточной культуры» (**Лян Шу-мин** [см. т. 1] и др.), и «западников» (**Ху Ши** [см. также т. 1] и др.), и идеологов Гоминьдана (**Дай Цзи-тао**), т.е. все наиболее влиятельные немарксистские идеологич. течения. Впервые в Китае довольно систематизированно изложил марксистские взгляды на искусство, пропагандировал лозунги «искусство — в массы» и «искусство — для народа», внес заметный вклад в дело культурной революции в Китае.

* *Цюй Цю-бо*. Шэхуй кэсюэ гайлунь (Об общественных науках). Гуанчжоу, 1926; *он же*. Чжунго гэмин юй гунчаньдан (Китайская революция и компартия). М., 1928; Цюй Цю-бо вэньцзи (Собр. соч. Цюй Цю-бо): В 4 т. Пекин, 1954; то же: В 14 т. Пекин, 1985; *он же*. Очерки и статьи. М., 1959; *он же*. Избранное. М., 1975; *он же*. Публицистика разных лет. М., 1979. ** *Делюсин Л.П.* Дважды казненный // ПДВ. 1989, № 1, с. 165–172; *Шнейдер М.Е.* Творческий путь Цюй Цю-бо (1899–1935). М., 1964; *Ван Гуань-цюань*. Игэ жэнь хэ игэ шидай: Цюй Цю-бо чжуань (Человек и эпоха: Биография Цюй Цю-бо). Тяньцзинь, 1989; *Дин Шоухэ*. Цюй Цю-бo сысян яньцзю (Общественно-политические взгляды

Цюй Цю-бо). Чэнду, 1985; Цюй Цю-бо тунчжи сишэн чжоунянь цзинянь (Памяти тов. Цюй Цю-бо). М., 1936; Цюй Цю-бо чжу и мулу (Указатель произведений и переводов Цюй Цю-бо). Шанхай, 1984; *Чэнь Тэ-цзянь.* Цюй Цю-бо чжуань (Биография Цюй Цю-бо). Шанхай, 1986; *Ян Чжи-хуа.* Хуйи Цюй Цю-бо (Вспоминая Цюй Цю-бо). Пекин, 1984; И Цю-бо (Вспоминая Цю-бо). Пекин, 1985.

С.Р. Белоусов

ЦЯНЬ ДА-СИНЬ

钱大昕

Цянь Да-синь, Цянь Сяо-чжэн, Цянь Цзи-чжи, прозв. Синь-мэй, Чжу-тин. 1728, Цзядин пров. Цзянсу, — 1804. Крупнейший историк и каноновед. Как считают совр. кит. ученые, его тв-во во многом определило лицо «ист. науки [периода правления императоров] Цянь[-луна и] Цзя[-цина]» (*цяньцзя-сюэпай*; см. в ст. **Традиционная историография** в Общем разделе) и оказало глубокое влияние на развитие историографии в Китае в последующий период. Цянь Да-синь рано овладел грамотой и пристрастился к чтению. Первую ученую степень *сю цай* получил уже в 15 лет, а в начале 50-х XVIII в. отличился на дворцовых экзаменах и был отмечен императором. Став *цзинь ши*, Цянь Да-синь поступил на гос. службу, и его чиновничья карьера складывалась весьма успешно. В качестве члена **Ханьлинь академии** (см. т. 1) он участвовал в составлении нескольких офиц. трудов, курировал систему образования и проведение экзаменов в ряде провинций. Он пользовался доверием императора и поэтому руководил учебой принцев и воспитывал одного из них. Однако в 1768, получив отпуск в связи со смертью отца, он оставил службу и в дальнейшем все свои силы отдал занятиям наукой, лишь иногда выполняя отдельные поручения двора.

Современникам Цянь Да-синь был известен своими глубокими познаниями в самых разных областях (фонетика, астрономия, география, календарь, эпиграфика, математика). Интересовали его и естеств. науки, к-рые в то время начали проникать в Китай из Европы. Но гл. сферой его интересов всегда оставались история и канон. Из 30 с лишним работ, включенных в его собр. соч. (впервые опубл. в 1806), 23 посвящены истории и 3 — канону.

Трудом, к-рый прославил Цянь Да-синя как историка, стало соч. «Нянь эр ши као и» («Исследование разночтений в [текстах] 22 [династийных] историй», 100 цз.). Над ним он работал более 20 лет и завершил в 1797. Анализ сложившегося к тому времени офиц. комплекта династийных историй выполнен на основе метода *као чжэн* («критич. исследование текста»), к-рый, как считают, утвердился в ист. науке во многом благодаря Цянь Да-синю. Ок. половины труда посвящено трем историям: **«Цзю Тан шу»** («Старая история [династии] Тан»), **«Синь Тан шу»** («Новая история [династии] Тан») и **«Юань ши»** («История [династии] Юань»). Кроме того, Цянь Да-синь исследовал созданное Сыма Бяо (ум. ок. 306) соч. «Сюй Хань шу» («Продолжение „Истории [династии] Хань“»), к-рое в офиц. комплект династийных историй не входило. Особое внимание он уделил ист. хронологии, значение к-рой в системе конф. монархии было необычайно велико, географии, описанию гос. устройства и бюрократич. системы, а также нек-рым ист. реалиям, относящимся ко времени пребывания на престоле некитайских династий. Ему удалось выявить немало ошибок и разночтений в текстах. То был серьезный вклад в осуществлявшуюся в те годы под эгидой властей унификацию текстов династийных историй, оформление их канонич. варианта. Труд Цянь Да-синя — большое явление в ист. науке Китая, в ее источниковедческом направлении. Он получил высокую оценку ученой элиты империи и цинских властей, не утратив своего значения и поныне.

Кисти Цянь Да-синя принадлежит еще неск. книг источниковедческого хар-ра. Так, в «Тун цзянь чжу бянь чжэн» («Замечания на „Комментарий к ‘Всеобщему зерцалу’“») дан анализ труда известного историка XIII в. Ху Сань-шэна (1230–1302). Значительный интерес представляют труды Цянь Да-синя, посвященные девизам правления (**нянь хао**) императоров династий Сун,

Ляо, Цзинь и Юань, а также хронологии этого сложного периода. Широкий круг вопросов источниковедения и историографии рассмотрел Цянь Да-синь в заметках, к-рые он делал в процессе изучения памятников. Они были опубликованы уже после смерти ученого в сб. «Шицзячжай янсинь лу» («Заметки Шицзячжая (Цянь Да-синя)», 20 цз.). Его особо интересовал период правления монг. дин. Юань (1271–1368). Он попытался создать собств. «Черновой свод истории [династии] Юань» («Юань ши гао»), однако завершить и издать его не сумел, и до наших дней сохранились лишь несколько фрагментов этого сочинения.

В каноноведении (**цзин-сюэ**; см. т. 1) Цянь Да-синь считал себя последователем **Гу Янь-у** (1613–1682; см. т. 1) и принадлежал к Усяньской школе (*усянь-сюэпай*), или «школе [ученых из уезда] У» (*у-пай*). Его взгляды формировались под сильным влиянием основателя этого направления Хуй Дуна (1697–1758). Ученые этой школы осн. внимание уделяли сбору и обобщению каноноведческих исследований эпохи Хань и комментариев к ним. Этой проблематике Цянь Да-синь посвятил неск. трудов, а также часть своих заметок.

***** *Цянь Да-синь.* Цзядин Цянь Да-синь цюаньцзи (Полн. собр. соч. Цянь Да-синя). Нанкин, 1997; *он же.* Шицзячжай янсинь лу (Заметки Шицзячжая [Цянь Да-синя]). Нанкин, 2000; *он же.* Эр ши эр ши као лунь (Исследование разночтений в [текстах] 22 династийных историй). Пекин, 2005. ****** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 252–253; *Чжоу Цин-шу.* Цянь Да-синь // Чжунго шисюэцзя пинчжуань (Биографии китайских историков). Т. 2 / Чэнь Цин-цюань и др. Чжунчжоу, 1985, с. 999–1027; Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912). Vol. 1 / Ed. by A.W. Hummel. Wash., 1943, p. 152–155.

Б.Г. Доронин

ЦЯНЬ-ЛУН

乾隆

Цянь-лун (1736–1795) — девиз правления (**нянь хао**) четвертого цинского имп. Хун Ли, храмовое имя (*мяо хао*) Гао-цзун. 25.09.1711 — 07.02.1799, Пекин. Четвертый сын имп. Инь Чжэня (прав. под девизом Юн-чжэн в 1723–1735). Один из самых известных и просвещенных правителей в истории кит. монархии.

Детские и юношеские годы Хун Ли прошли при дворе, где шла постоянная борьба. Хун Ли был любимым внуком имп. **Кан-си**, к-рый видел в нем своего преемника, заботился о его воспитании. В шесть лет Хун Ли начал самостоятельно читать, а с девяти приступил к регулярным занятиям под рук-вом наставников. Первым из них стал служивший в **Ханьлинь академии** (см. т. 1) ученый Фу Минь (1673–1756), затем не менее крупные ученые Сюй Юань-мэнь (1655–1741), **Чжан Тин-юй** (1672–1755), Цзи Цзэн-юн (1671–1739) и Чжу Ши (1665–1736). Получив блестящее образование, Хун Ли продолжал пополнять свои знания всю жизнь.

На престол Хун Ли вступил 3 сент. 1735 после неожиданной смерти имп. Инь Чжэня (нек-рые специалисты полагают, что он хотел передать престол др. сыну, но завещание подменили). Хун Ли был образован, хорошо знал жизнь двора, получил определенный опыт в военных и гос. делах. В своем обращении к Небу по случаю коронации он просил даровать ему такое же блестящее и долгое правление, как деду — имп. Кан-си (1662–1722). По вступлении на престол Хун Ли заявил о своем стремлении продолжать учебу, подобрав себе новых наставников.

Через неск. месяцев после коронации была завершена работа над «Историей [династии] Мин» (**«Мин ши»**). Текст был представлен на утверждение императору и по его распоряжению в 1739 издан. В 1736 были проведены экзамены *босюэ хунцы*, к-рые впервые состоялись в 1679 в период Кан-си. Одним из первых актов Хун Ли стало запрещение труда «О пробуждении чувства долга в заблудших» («Дай и цзюэ ми лу»), подготовленного по распоряжению его отца. Он подлежал изъятию и уничтожению, а причастные к его

созданию Цзэн Цзин и Чжан Си были арестованы и казнены, пострадали и др. сподвижники покойного императора. Эти действия указывали на стремление Хун Ли следовать курсу, заложенному Кан-си, и неприятие крайне непопулярных при дворе новаций отца. Определить собственный полит. курс ему помогали два крупнейших гос. деятеля — Чжан Тин-юй и Оэртай (1680–1745).

Хун Ли с первых дней пребывания на престоле демонстрировал свою приверженность офиц. **конфуцианству** (см. т. 1). Он подарил офиц. текст канонич. «Тринадцатикнижия» (**«Ши сань цзин»**; см. т. 1) начальным школам (*и-сюэ*) всех администр. единиц империи. Для них император написал также неск. сочинений на конф. темы. Затем дал распоряжение дворцовой печатне подготовить новое издание канона, предназначенное для региональных «книжных палат» (*шу юань*). Через нек-рое время этот текст был перенесен на стелы и стал эталоном, с к-рым должны были сверяться все последующие его переиздания. На упрочение позиций конфуцианства были ориентированы также и гос. экзамены.

Хун Ли выступал и как блюститель норм конф. морали. Именно при нем моральные заповеди Кан-си («Шестнадцать максим Кан-си» — «Шэн юй ши лю тяо») обрели окончательный вид и заняли важное место в полит. практике двора. Была создана галерея героев и «антигероев» периода смены династий (XVII в.). Часть ист. персонажей того времени посмертно была отмечена почетными титулами и канонизирована. Наиболее знаменитым среди них стал генерал Ши Кэ-фа, погибший в 1645 при обороне г. Янчжоу, а центр. фигурой среди «антигероев» стал генерал У Сань-гуй (1612–1678). Все это создало ему имидж едва ли не самого преданного конфуцианству правителя.

Особое внимание Хун Ли уделял установлению контроля над звеньями гос. механизма. Большую тревогу вызывало состояние дел в императорской семье: еще со времен Кан-си она была расколота на группы, между к-рыми шла борьба за наследование трона. В нее были втянуты люди из окружения императора, высшие сановники двора. Летом 1736 Хун Ли подготовил секретный указ, в соответствии с к-рым наследовать престол должен был второй сын императора Юн Лянь, однако он вскоре умер, и в 1738 наследником был назначен его 15-й сын Юн Янь. Одновременно император начал борьбу против дворцовых группировок и их лидеров. Позже он подготовил документы, регламентирующие положение разл. категорий членов правящего дома.

Ротация кадров продолжалась до начала 50-х Устранялись, а нередко и жестоко наказывались нек-рые бывшие сподвижники Юн-чжэна, люди, не пользовавшиеся доверием императора; мн. чиновники получили новые назначения. Изменилось ближайшее окружение императора, появилось немало лиц из числа переведенных в столицу с периферии или занявших более высокие посты столичных чиновников, беспрекословно послушных и лично преданных Хун Ли.

Гл. инструментом формирования корпуса чиновников являлась **гос. экзаменационная система** (см. Общий раздел), находившаяся под непосредств. контролем императора. Была узаконена и продажа нек-рых категорий гражданских и военных чинов. Новые назначения и перемещения чиновников проводились на основании их аттестации через каждые 3 года. Чиновники, достигшие 55 лет, проходили спец. аттестацию на пригодность к дальнейшей службе. Пытался Хун Ли бороться и со злоупотреблениями гос. служащих, но даже суровые меры давали лишь кратковременный результат, коррупция все сильнее поражала гос. механизм империи.

В начале 40-х гг. был ликвидирован Совет князей и центр. место занял Гос. военный совет (**Цзюньцзичу**). По распоряжению Хун Ли был заново отредактирован и дополнен текст «Свод узаконений Великой [династии] Цин» (**«Дай Цин хуй дянь»**, ок. 1500 цз.; первый вариант свода появился при Кан-си). В нем были определены функции и порядок работы всех учреждений империи и должностные обязанности чиновников. Усилия императора позволили обеспечить исправную работу бюрократич. машины на протяжении неск. десятков лет. Но в конце его правления она начала давать серьезные сбои,

связанные прежде всего с коррупцией. Обычно это объясняют сменой советников и появлением в окружении императора таких сановников, как легендарный мздоимец Хэ Шэнь (1750–1799). Однако это стало возможным лишь в условиях начавшегося к тому времени кризиса Кит. империи.

К началу 50-х XVIII в. Хун Ли сумел сосредоточить в своих руках все нити власти. Именно с ним чаще всего кит. историки связывают понятие «абсолютизм».

Своему правлению Хун Ли стремился придать величие и блеск. Жизнь двора приобрела небывалую пышность. Поездки императора по стране по примеру совершенномудрых правителей древности, введенные в практику цинского двора имп. Кан-си, стали утрачивать свой рабочий характер, превращаясь в грандиозные ритуалы, весьма обременительные для казны и разорительные для регионов. Во время поездок Хун Ли посещал могилы предков в Маньчжурии, могилу **Конфуция** (см. также т.1) в Шаньдуне, поднимался на гору **Утайшань** (см. т. 2). Останавливаясь на отдых, император обычно посвящал новому месту свои стихи и оставлял стелу с собственноручно выполненной надписью. Гордился полученным в народе прозвищем «монарх-всадник».

Хорошо зная историю маньчж. народа, император всегда был приверженцем кит. культуры, к-рая стала для него родной. Уделял большое внимание изучению конф. канонов и трудов основоположников **неоконфуцианства** (см. т. 1), неплохо разбирался в **буддизме** (см. т. 1). В истории он видел источник полит. опыта и важную опору власти императора. Его любимым сочинением было **«Чжэнь-гуань чжэн яо»** («Основы управления [периода] Чжэнь-гуань») об основании дин. Тан. Император был инициатором издания многих фундаментальных ист. трудов, рецензировал их тексты, писал предисловия. Большой интерес проявлял к географии. В 1743 было подготовлено «Сводное описание [империи] Великая Цин» («Дай Цин и тун чжи») и налажена систематич. работа по созданию аналогичных описаний всех регионов империи.

Помимо маньчж. и кит. яз. Цянь-лун владел также тибет., монг. и нек-рыми др. яз., и поэтому во время приема посланцев из этих регионов переводчики ему были не нужны. Он считался самым плодовитым поэтом Китая — его кисти принадлежат 41 800 стихотворений. Оставил он и неск. сборников прозы, сочинения науч. характера (труды по конфуцианству, истории и т.д.). Был известен также как искусный каллиграф, с 18 лет пристрастился к рисованию, интересовался европ. живописью, с к-рой его знакомили миссионеры, знал толк в архитектуре. Император любил театр (особенно пьесы жанра *куньцюй*), музыку, праздники и торжеств. ритуалы, ледовые забавы. Был страстным коллекционером, собрал во дворце коллекцию живописи и каллиграфии, коллекцию часов, механических игрушек и др. заморских диковинок, к-рые подносили ему иностранцы. Дед привил ему любовь к охоте (в последний раз он выезжал на охоту в 1789, когда ему было уже под 80).

Император заботился о благоустройстве столицы и ее украшении. Строятся дороги и мосты, ведутся гидротехнич. работы, сооружаются дворцы и храмы, правительств. учреждения и казармы, создаются пейзажные парки и грандиозные дворцово-парковые ансамбли. Строительство шло практически непрерывно, особенно интенсивно оно велось на севере и северо-западе Пекина. Здесь был создан огромный дворцово-парковый комплекс, получивший назв. «Три горы, пять парков» (Сань шань у юань). В него входили ансамбли Чанчуньюань, Юаньминъюань (ставший постоянной резиденцией цинских правителей, разграблен и разрушен англо-франц. отрядом в 1860), Цинъиюань (позже — Ихэюань), Цзинминъюань и Цзинъиюань (в горах Сяншань). Хун Ли заново отстроил дворец Юнхэгун, превратив его в гл. ламаистский храм. Более 30 лет велись работы на водохранилище Бэйхай, а вся система озер, частью к-рой оно является (Бэйхай, Чжунхай и Наньхай), обрела тот вид, к-рый знаком жителям совр. Пекина.

Как и в период правления Кан-си, при дворе Хун Ли было немало миссионеров, нек-рые входили в окружение императора. Одним из наиболее известных был иезуит Дж. Кастильоне (1688–1766), прибывший в Китай в 1715.

Однако положение миссионеров при Хун Ли существенно изменилось, они использовались им преимущественно как носители зап. культуры, занимались с императором живописью, давали рекомендации при постройке дворцов, знакомили с европ. наукой и техникой. Но любые попытки вмешаться в полит. жизнь империи решительно пресекались, ограничена была и их проповедническая деятельность.

В кит. историографии период Цянь-лун относят к периоду «всеобщего процветания» (*цюань шэн*), к-рый начался при Кан-си, а к сер. XVIII в. вступил в свою высшую, завершающую фазу. По мнению историков, гл. фактором «процветания» при Хун Ли стали его свершения на военном поприще. Сам Хун Ли, определяя приоритеты своей политики, обозначил их термином *у гун* («военный фактор»). Он вступил на престол, когда цинская армия вела тяжелые бои с повстанцами в пров. Сычуань, а уходил под грозные раскаты восстаний, организованных разл. сектами официально запрещенного «учения Белого лотоса» (**байлянь-цзяо**; см. т. 2). При нем империя воевала очень много. Он особо выделил «десять свершений» (*ши цюань*) — крупнейших кампаний, осуществленных по его инициативе с 1747 по 1792: два похода в Джунгарию, поход в Туркестан, подавление двух восстаний в Цзиньчуани, подавление восстания на Тайване, поход в Бирму, поход в Аннам, две кампании против гуркхов в Тибете и Непале. Все кампании проходили в приграничных р-нах или на прилегающих к ним территориях др. народов и гос-в, закончились победой кит. оружия и утверждением контроля империи над этими регионами. Он лично готовил наиболее важные кампании, подбирал командный состав, выверял карты, организовывал подготовку войск и их материальное обеспечение, устраивал смотры. В неск. походах Хун Ли участвовал лично и вошел в историю как талантливый полководец.

Предпринятые им военные кампании превратили империю в огромную многонациональную мировую державу, ее границы простирались от Тихого океана до Средней Азии и от Амура до Сев. Вьетнама и Бирмы. В ее состав вошли территории с пестрым по своей этнич. принадлежности населением, к-рое исповедовало ислам, **буддизм** (см. т. 1) и др. религии. Политику в отношении нац. окраин он сформулировал так: совершенствовать их правила поведения (*цзяо* [*Л*]) и не менять обычаи, упорядочивать управление ими, но не менять существующие у них порядки. Приграничные регионы выводились за рамки регулярного администр. устройства империи и ставились под жесткий контроль центр. властей. В них размещались крупные контингенты правительств. войск, а местную администрацию возглавлял генерал-губернатор (*цзянцзюнь*), любое неповиновение сурово подавлялось. Одновременно Хун Ли стремился привлечь на свою сторону местную верхушку, оказывая ей всяческие знаки внимания (участие в императорских охотах, торжеств. церемонии и пр.), сохраняя за ней нек-рые администр. функции.

Предметом особой заботы Хун Ли был Тибет — регион, имевший огромное стратегич. значение. Он старался привести к рук-ву Тибетом людей, лояльных к Пекину, наладить сотрудничество с ними, демонстрируя им свое внимание и поддержку. Видимо, прежде всего полит. мотивами было обусловлено и его особое внимание к ламаизму: Хун Ли всемерно поощрял его распространение. При нем Пекин фактически превратился во второй центр этой религии в Китае. Крупнейшим актом стала передача в 1744 ламаистской церкви дворца Юнхэгун в столице, к-рый стал местом паломничества верующих. При этом, как свидетельствуют историки, сам император ламаистом не был. Цинский двор бдительно следил за деятельностью внешних сил у границ Тибета, решительно пресекал любую попытку вмешаться в его дела. Окончательное оформление отношений цинского Китая с Тибетом произошло в 1793, когда по завершении войны с гуркхами был опубликован «Высочайше утвержденный статус Тибета» («Циньдин Сицзан чжанчэн»). По распоряжению императора и под его контролем документ готовил главнокомандующий цинскими войсками в Тибете генерал Фу Кан-ань (ум. 1796) совместно с Далай-ламой VIII и панчен-ламой. Статус предусматривал зависимость Тибета от Пекина

и определял основы его полит. и религ. положения в империи, орг-цию местной власти (духовной и светской) и принципы ее взаимоотношений с центром.

Осн. силой многочисл. военных кампаний, к-рые вел Хун Ли, являлась 8-я знаменная армия. В окружении императора заметно возросло число маньчж. генералов. В результате достигнутый Кан-си относительный баланс интересов нац. элит был нарушен в пользу маньчж. верхушки, ее влияние и роль при дворе неуклонно росли. Но это была уже не та маньчж. аристократия, представители к-рой овладели кит. престолом в 1644, во 2-й пол. XVIII в. ее мало что отличало от кит. полит. элиты.

В своей политике Хун Ли опирался на принцип *вэнь чжи* («управлять, опираясь на культуру»; см. **Вэнь** в т. 1). Он сформулировал его так: «Учиться у древних и почитать просвещенность, почитать ученых и развивать ученость» (*цзи гу ю вэнь*, *чун жу син сюэ*). Наиболее полно и последовательно он реализовал это в области письменной культуры. При Хун Ли борьба с «ересью» становится осн. содержанием «лит. инквизиции» (*вэньцзы юй*). Запрещались для издания, изучения и использования при обучении или уничтожались сочинения, противоречившие офиц. доктрине империи, содержавшие антиманьчж. высказывания, произведения худ. лит-ры (напр., роман **«Цзинь пин мэй»**; см. т. 3) как «аморальные». Было приказано докладывать властям об имеющихся книгах крамольного содержания, для их выявления во все концы империи направлялись спец. чиновники. Стремительно росло кол-во возбуждаемых дел, все более жестокими становились репрессии. Император лично просматривал запрещенные книги (**цзинь шу**; см. т. 3), после чего они уничтожались.

В то же время со 2-й пол. XVIII в. по инициативе императора проводилась тотальная ревизия всего сохранившегося к тому времени письменного наследия. Одновременно шла подготовка офиц. трудов по всем отраслям знания того времени. К работе были привлечены и местные власти (их гл. задача состояла в подготовке ист.-географич. описаний регионов — **фан чжи**). По подсчетам историков, в этот период ежегодно готовилось не менее двух фундамент. трудов. Особое внимание уделялось созданию сочинений, посвященных истории дин. Цин, ее приходу к власти и первому веку пребывания на престоле. Одним из самых крупных проектов стало продолжение «Трех сводов» («Сань тун»): **«Тун дянь»** («Свод уложений»), **«Тун чжи»** («Свод обозрений») и **«Вэнь сянь тун као»** («Свод письменных памятников и суждений к ним»). Освещая историю кит. гос-ва со времени его возникновения, они демонстрировали его жизнеспособность, незыблемость принципов, на к-рых оно создавалось, и преемственность полит. традиции. Это и предопределило особый интерес к ним цинских властей. За неск. десятилетий после указа императора от 1767 было подготовлено 6 огромных трудов общим объемом 1566 цз., вместивших материалы за весь прошедший со времени составления «Трех сводов» период. Позднее «Три свода» с продолжениями получили наименование «Десять сводов» (**«Ши тун»**). По указу 1768 началось составление «Высочайше утвержденного собрания „Всеобщих зерцал“ в порядке очередности династий» («Юйпи лидай Тун цзянь цзи лань», 120 цз.) — продолжения и развития хроники **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всеобщее зерцало, управлению помогающее») великого ученого **Сыма Гуана**. К сер. 80-х был подготовлен труд «Высочайше утвержденное описание основания Августейшей династии Цин» («Циньдин Хуан Цин кайго фан люэ»), к-рый содержал офиц. версию прихода к власти дин. Цин. Венцом огромной работы неск. тысяч цинских ученых стало составление «Коллекции всех книг по четырем разделам» (**«Сы ку цюань шу»**) и «Аннотированного сводного каталога всех книг по четырем разделам» («Сы ку цюань шу цзунму тияо»). Жесткий контроль над наукой и лит-рой, преследования за прогрессивные идеи, с одной стороны, и организованные с широким размахом «обществ. работы» по ревизии письменного наследия и подготовке новых трудов — с другой, заставили цинских ученых заниматься в осн. не проблемами настоящего, а прошлого — анализом древних текстов, составлением комментариев, дополнений и приложений.

Время правления Хун Ли пришлось на период усиления колониальной экспансии стран Европы. Их все больше привлекал Китай, он становился гл. объектом их устремлений. Среди экспортируемых в Китай зап. товаров постепенно все большее место занимал опиум. Хун Ли старался ограничить деятельность зап. купцов одним портом Гуанчжоу и поставить ее под контроль властей. С этой целью он в 1760 возрождает купеческую корпорацию «Гунхан», к-рой было предоставлено монопольное право на торговлю с иностранцами. Это позволило местному купечеству добиться серьезных преимуществ над их зап. коллегами и значительно упрочить свои позиции. «Гунхан» стал предметом постоянных споров при дворе. Лишь в 1842 подписание Нанкинского договора положило конец его существованию.

В сент. 1793 в Пекин прибыла первая англ. миссия, возглавляемая лордом Дж. Макартнеем. Он был принят благожелательно, даже приглашен на торжества по случаю 83-летия императора. Но когда он в ультимативной форме потребовал снятия торговых ограничений и предоставления Англии особых привилегий, это вызвало раздражение Хун Ли: эти требования не только противоречили многовековой практике взаимоотношений Китая с иностр. гос-вами, но и серьезно ущемляли суверенитет страны. Домогательства Макартнея получили резкий отпор: императором он принят не был, переданное ему личное послание Хун Ли королю Георгу III было преднамеренно написано весьма жестко и напоминало обращение кит. императоров к вассальным правителям. Оно положило начало обострению отношений Цинской империи с Англией.

Часть кит. историков охотно воспроизводят этот эпизод в своих работах как свидетельство мощи Китая, стремления Хун Ли отстаивать его суверенитет, другие полагают, что, отказавшись вести переговоры с Макартнеем, Хун Ли упустил возможность установить равноправные отношения со странами Европы.

Стремление ограничить связи с внешним миром привело к усилению изоляции Китая — к «закрытию» империи для «заморских варваров». Эта политика сказалась и на отношениях империи с Россией. Начинание имп. Юн-чжэна, направившего в нач. 30-х XVIII в. миссию к рус. двору, при Хун Ли развития не получило. Максимально упрочив западные и сев.-зап. границы империи, Хун Ли фактически отказался от дип. контактов с Россией, неск. российских миссий, направленных в Китай для решения вопросов двусторонних отношений, результатов почти не дали. В то же время император распорядился с 1773 ввести ежегодное инспектирование границы. Однако торговля между двумя странами продолжалась, она приносила им немалую выгоду, хотя и была поставлена в тяжелые условия. В 1758 в Китай отправился последний (16-й) караван из России, на этом казенная торговля с Китаем была прекращена, и с 1762 она перешла в частные руки. Центром рус.-кит. торговли стал г. Кяхта. Она неск. раз закрывалась цинскими властями, но каждый раз возобновлялась, постепенно набирая силу. А в Пекине продолжала свою деятельность **Рос. духовная миссия** (см. т. 2).

Вступая на престол, Хун Ли заявил, что будет во всем следовать своему деду — имп. Кан-си и не останется на престоле дольше 60 лет. И когда этот срок наступил, он передал престол своему 15-му сыну Юн Яню.

Хун Ли умер 7 февр. 1799 во дворце Цяньцингун, ему было 88 лет, еще ни один кит. император не достигал такого возраста. Его усыпальница Юйлин, расположенная в вост. комплексе могил цинских императоров (Дунлин), одна из самых богатых. В 1928 этот могильный комплекс был разграблен, но и по наст. время он является важным турист. объектом.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005; *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. Минск, 2004; *Дай И.* Цянь-лун ди цзи ци шидай (Император Цянь-лун и его эпоха). Пекин, 1997; Цянь-лун хуан-ди цюаньчжуань (Полная биография императора Цянь-луна) / Го Чэн-кан и др. Пекин, 1994; *Fang Chao-ying.* Hung-li // Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912). Vol. 1 / Ed. by A.W. Hummel. Wash., 1943, p. 369–373.

Б.Г. Доронин

ЦЯНЬ МУ

錢穆

Цянь Му, Цянь Бинь-сы. 30.07.1895, уезд Уси пров. Цзянсу, — 30.08.1990, Тайбэй. Историк, философ. Получил традиц. образование, учился в школе нового типа. Из-за бедности среднюю школу не закончил. Занимался самообразованием. В 17 лет стал учителем в начальной школе. Затем преподавал в средних и высших учебных заведениях пров. Цзянсу. В 1930 опубликовал статью о ханьских конф. ученых **Лю Сяне** (см. т. 1) и Лю Сине, в к-рой опроверг утверждение **Кан Ю-вэя** о фальсификации ими конф. канонов. Был приглашен для преподавания в Пекин, работал в Яньцзинском (1930–1931) и Пекинском (1931–1937) ун-тах. Во время Войны сопротивления Японии переехал на юго-запад Китая, преподавал и занимался науч. работой, был на администр. постах в ун-тах и др. учебных заведениях. В 1940 опубликовал «Очерк отечественной истории» («Го ши да ган»), к-рый долгое время использовался в качестве стандартного учебника истории Китая. В 1949 переехал в Гонконг (Сянган), где участвовал в орг-ции Академии Новой Азии (*Синь Я шу юань*) (ныне колледж в составе Кит. ун-та Гонконга), был ее ректором. Под его рук-вом Академия становится одним из признанных центров **нового конфуцианства** (см. т. 1). В 1967 по приглашению **Чан Кай-ши** переехал в Тайбэй, работал в Ин-те кит. культуры (ныне ун-т), сотрудничал с Тайваньским музеем Гугун. В 1968 избран чл. АН Тайваня.

Научное тв-во Цянь Му в равной мере принадлежит ист. науке и философии, он признается одним из основоположников нового конфуцианства. Гл. областями ист. исследований Цянь Му были история др.-кит. учений — **конфуцианства**, моизма (**мо-цзя**) и **даосизма**, история ханьского каноноведения (**цзин-сюэ**), раннесредневековая история даосизма и **буддизма**, история **неоконфуцианства** (все ст. см. т. 1), общая история Китая и теория ист. исследований. В совр. историографии считается одним из последних выдающихся представителей «традиционной ист. школы» XX в. Многие его работы написаны в традиц. стиле с использованием классич. письменного языка. Тематически в научных трудах преобладает история кит. мысли и философии, выступая титульной темой в небольших работах и оставаясь организующим принципом изложения материала в книгах по общей истории. В «Чжунго цзинь сань бай нянь сюэшу ши» («История учености Китая за последние 300 лет», 1937) изменения в интеллектуальной сфере представляются первопричиной значительных социальных процессов, утверждается, что ослабление цинского Китая было вызвано извращением ортодоксального неоконфуцианства в учении школы «новых письмен» (*цзиньвэньцзин-сюэ*), в частности в работах Кан Ю-вэя. Цянь Му не придерживался каких-либо зап. теорий социальных процессов. В его ранних работах изменения в об-ве объясняются традиционными и довольно смутными универсальными принципами «объединения» и «разъединения». Позднее двигателем обществ. развития объявляется разделение населения на *ши* [*13*] («служилые») и простолюдинов. В 70-е Цянь Му признает существование феодализма в Китае до V в. до н.э., а общество последующего времени определяет как сословное с выделением «четырех [видов] народа» (*сы минь*) — крестьян, ремесленников, торговцев, служилых мужей, основывая свою периодизацию на изменениях в полит. системе. По мнению Цянь Му, понятие абсолютизма неприменимо для характеристики традиц. социально-полит. системы Китая, т.к. экзаменац. система и весь комплекс традиц. культуры обеспечивали высокую социальную мобильность населения. Его методология истории отрицает роль внешнего воздействия на ист. развитие кит. нации. Ученый проводит различие между «ист. фактом» и «ист. знанием», указывая на неизменность и данность первого и изменяемость второго в каждую новую эпоху. Не принимает позитивистских выводов совр. исследований др.-кит. культуры. Утверждает, что лит-ра традиц. классификационных разделов «каноны» (*цзин* [*1*]) и «философы» (*цзы* [*3*]) имеет системный характер. Настаивает на необходимости тотального исследования этой системы, когда каждый новый факт вызывает переоценку и всех др. частных фактов. Следуя традициям конфуцианства, видит задачу истории в использовании «древности» (*гу* [*2*]) для объяснения и «созидания» «совре-

менности» (*цзинь*). По его мнению, то, как мы излагаем историю, определяет то, как мы реагируем на реальность. С этих позиций выступая против школы «критики древней истории» **Гу Цзе-гана**, Цянь Му причисляет себя к течению «новой кит. истории», но видит путь к ее созданию не в заимствовании зап. научного арсенала, а в том, чтобы «глазами китайцев открыть дух, содержащийся в самой кит. истории, познать его развитие и направление движения». См. также ст. **Цянь Му** в т. 1.

***** Цянь Бинь-сы сяньшэн цюаньцзи (Полн. собр. соч. Цянь Бинь-сы): В 54 т. Тайбэй, 1994–1998; *Ch'ien Mu*. Traditional Government in Imperial China: A Critical Analysis. Hong Kong, 1982. ****** *Ван Сюэ-цюнь*. Цянь Му сюэшу сысян пинчжуань (Критическое описание научной мысли Цянь Му). Пекин, 1998; *Ли Му-мяо*. Гоши даши Цянь Му цзяошоу шэнпин цзи ци чжуцзо (Жизнь и труды корифея китайской истории проф. Цянь Му) // Синь Я сюэбао. Гонконг, 1994, вып. 17; Цянь Му сяньшэн баши суй цзинянь луньвэнь цзи (Сб. ст. в честь 80-летия проф. Цянь Му). Тайбэй, 1974; Цянь Му чжуаньцзи цзыляо (Материалы для биографии Цянь Му). Тайбэй, 1981; *Чэнь Юн*. Цянь Му чжуань (Биография Цянь Му). Пекин, 2001; *Ши Гуан-дун*. Цянь Му юй Чжунго синь шисюэ (Цянь Му и новая историческая наука в Китае) // Синань цзяотун дасюэ сюэбао (Шэхуй кэсюэ бань). Чэнду, 2001, № 4; *Isay G.C.* Qian Mu and the Modern Transformation of Filial Piety // JCP. 2005, № 3.

В.М. Майоров

«Цянь Хань шу» *см.* **«Хань шу».**

ЧАН КАЙ-ШИ

蔣介石

Чан Кай-ши, Chiang Kai-shek, в стандартном пекинском произношении Цзян Цзе-ши, офиц. имя Цзян Чжун-чжэн. 31.10.1887, пос. Сикоу уезда Фэнхуа пров. Чжэцзян, — 05.04.1975, Тайбэй. Один из видных полит. деятелей XX в., лидер партии Гоминьдан с 1925 по 1975, президент Китайской Республики на Тайване (1949–1975).

Род. в семье торговца солью. В школе воспринял патриотич. идеи и проникся критич. отношением к цинской императорской власти, не способной защитить страну от экспансии иностр. держав. Решив посвятить себя военной службе, в 1907 поступил в Баодинскую (пров. Хэбэй) офицерскую школу. В 1910 после двухлетней учебы в Токио в спец. подготовительной школе для китайцев стал курсантом яп. военной академии Сикан Гакко. В том же году вступил в созданную **Сунь Ят-сеном** революц. орг-цию «Объединенный союз» (*Тунмэнхуй*).

10 окт. 1911 в г. Учан вспыхнуло восстание, послужившее началом Синьхайской революции. Узнав о восстании, Чан Кай-ши вместе с неск. единомышленниками отправился в Шанхай и принял участие в действиях революц. частей в пров. Чжэцзян, был произведен в командиры полка. В 1913–1915, курсируя между Японией, где обосновался Сунь Ят-сен, и Китаем, организовывал вооруженные выступления в Шанхае, в пров. Чжэцзян и в Нанкине против гл. полит. противника Сунь Ят-сена — **Юань Ши-кая**, стремившегося к утверждению личной власти, вплоть до восстановления монархии, и проводившего соглашательскую политику в отношениях с империалистич. державами.

В 1915–1920 Чан Кай-ши интенсивно занимался в Шанхае финанс. операциями, частью окруженными завесой секретности, и, согласно нек-рым свидетельствам, установил тесные контакты с влиятельным тайным об-вом «Зеленое братство» (*Цин бан*). Однако связи между Чан Кай-ши и Сунь Ят-сеном не прерывались. В 1922 гуандунский милитарист Чэнь Цзюн-мин, основная военная опора Суня, в то время — главы пр-ва в Кантоне (Гуанчжоу), организовал антиправительств. заговор. Предупрежденный заранее, Сунь нашел убежище на борту канонерки «Юнфэн», где к нему вскоре присоединился Чан Кай-ши. Вместе они покинули Кантон, куда Сунь смог вернуться уже на следующий год.

Задумав укрепить революц. силы и предпринять поход на Север с целью объединения страны, раздробленной на зоны влияния милитаристских группировок, Сунь Ят-сен в 1923 обратился за помощью к Советскому Союзу и направил туда делегацию во главе с Чан Кай-ши. Делегация знакомилась с постановкой партийной, гос. и военной работы, встречалась с руководителями Советского гос-ва и Коминтерна. Результатом ее переговоров стало предоставление Суню военной, финансовой, технич. помощи, а также посылка советников. Важнейшим следствием сближения Сунь Ят-сена с Советской Россией стало сотрудничество его Кит. Нац. партии (*Чжунго Гоминьдан*) с коммунистами, к-рые участвовали в реорганизации Гоминьдана и получили ряд ответств. постов в его структуре.

Летом 1924 неподалеку от Кантона при финанс. помощи СССР была открыта военная школа Вампу (Хуанпу), сыгравшая впоследствии исключит. роль в подготовке офицерских кадров для революц. вооруженных сил, как гоминьдановских, так и коммунистических. Чан Кай-ши был назначен начальником школы. В соответствии с установками Гоминьдана он работал в тесном контакте с Бородиным, Блюхером и др. советниками из СССР, а также со мн. коммунистами, начиная с начальника политотдела школы **Чжоу Энь-лая**.

Новые революц. части продемонстрировали свою боеспособность уже осенью 1924, когда под командованием Чан Кай-ши подавили в Кантоне мятеж, устроенный местными коммерсантами с помощью состоявших у них на службе милицейских отрядов (*шантуань*). В следующем году Чан был одним из высших командиров частей, разгромивших во время двух «восточных походов» наиб. опасного противника гоминьдановского пр-ва — генерала Чэнь Цзюн-мина, действовавшего при англ. поддержке. Все эти операции разрабатывались с участием сов. военных советников.

9 июля 1926 после длительной подготовки Национально-революционная армия (НРА) выступила из Кантона в Северный поход, план к-рого был составлен при участии сов. специалистов. Чан Кай-ши был назначен главнокомандующим НРА. К началу 1927 НРА уже овладела бассейном Янцзы.

Успехи похода привели к углублению разногласий между правым крылом Гоминьдана и его левой частью, поддержанной коммунистами. Соответственно на территории, контролируемой Гоминьданом, сложились два центра власти: Наньчан, где находилась ставка Чан Кай-ши (он еще раньше добивался ограничения деятельности коммунистов в партии), и Ухань. 12 апр. 1927 Чан развернул в Шанхае карательную кампанию против коммунистов (первая попытка была сделана еще в марте 1926). Кампания распространилась и на др. р-ны и привела к тотальной «чистке» Гоминьдана от коммунистов.

В дек. 1927 Чан Кай-ши сочетался браком с Сун Мэй-лин (ее сестра **Сун Цин-лин** была женой Сунь Ят-сена), войдя, т.о., в один из самых влиятельных кланов страны, и вскоре принял христианство.

В янв. 1928 в Китае было образовано новое Нац. пр-во. Столицей Китая был объявлен Нанкин. Чан Кай-ши возглавил пр-во и стал главнокомандующим второго этапа Северного похода. К концу 1928 власть Гоминьдана распространилась почти на весь Китай (на Тибет — в марте 1929). Однако объединение страны было непрочным. Чан Кай-ши пришлось вести борьбу с сильной оппозицией внутри партии и открывать военные действия против недавних союзников — генералов, возглавлявших различные милитаристские группировки. Особую опасность для режима Гоминьдана представляли коммунисты, под лозунгом Советов создавшие свои базы в ряде провинций Центр. Китая.

В тот же период над кит. нацией нависла внешняя угроза в лице яп. империалистов, в 1931 оккупировавших Маньчжурию, а затем взявших под контроль Сев. Китай. В повестку дня встала консолидация всех сил страны.

Чан Кай-ши, выступая как носитель идей патриотизма и нац. единства, сделался самой влиятельной полит. фигурой Китая. Однако он строил свою политику исходя из убеждения, что победить внешнего врага можно только после победы над внутренним, к-рый бьет с тыла. В 1930–1934 он провел пять

карательных походов против коммунистов, вытеснив их гл. силы на сев.-вост. окраину страны.

Со своей стороны, коммунисты рассматривали Чан Кай-ши и яп. захватчиков одинаково — как врагов. Результатом вражды к первому стал т.н. сианьский инцидент: 12 дек. 1936 Чан Кай-ши был арестован группой генералов, к-рые получили поддержку со стороны руководителей КПК, намеревавшихся уничтожить его. Благодаря вмешательству Коминтерна инцидент был улажен, и в обстановке общенац. патриотич. подъема стороны пошли на сотрудничество в орг-ции отпора Японии.

Несмотря на столь напряженную обстановку в стране, за «нанкинское десятилетие» (1927–1937) Чану, проводившему курс на гос. регулирование экономики, удалось достичь серьезных успехов. Были обеспечены рост пром. производства и развитие транспорта, введено прогрессивное рабочее законодательство, несколько повысилось благосостояние крестьянства. В области внеш. политики была начата ликвидация системы неравноправных договоров, восстановлена таможенная самостоятельность страны. Однако дипломатич. отношения СССР с Китаем в 1929 были разорваны в связи с захватом кит. властями КВЖД, а до того — с непосредств. вовлеченностью сов. представительств в борьбу КПК против Гоминьдана. Восстановление дипломатич. отношений в 1932 диктовалось необходимостью взаимодействия перед лицом яп. опасности. В 1935–1937 в Китае началась подготовка к надвигавшейся войне с Японией.

В июле 1937 яп. военщина, спровоцировав «инцидент у моста Лугоуцяо», развернула широкомасштабные военные действия и стала быстро продвигаться внутрь материка. Пр-во из Нанкина переехало в Чунцин. Яп. агрессия ускорила налаживание военно-полит. сотрудничества Гоминьдана с КПК. Чан Кай-ши признал законность КПК, коммунисты отказались от борьбы за свержение Гоминьдана и советизацию Китая, их вооруженные силы были номинально включены в состав правительств. армии.

Урегулирование отношений с КПК помогло Чан Кай-ши взять на себя роль общенац. лидера, организатора Войны сопротивления Японии. В авг. 1937 он был назначен верховным главнокомандующим, в 1938 получил специально для него учрежденный в Гоминьдане титул *цзунцай* — парт. вождя, имеющего право налагать вето на все парт. решения. В 1939 назначен пред. Высшего совета нац. обороны.

Не располагая достаточной мощью, кит. армия была обречена на пассивную оборону, однако благодаря упорному сопротивлению ей удалось сорвать яп. планы «молниеносной войны». Обстановку на кит. стороне осложняли противоречия между Гоминьданом и КПК, чья политика строилась с расчетом на будущую борьбу за власть. В нач. 1941 эти противоречия привели к крупному вооруженному столкновению гоминьдановских войск и коммунистич. Новой 4-й армии.

В первые годы войны единств. страной, пришедшей на помощь Китаю, оказался Советский Союз. В авг. 1937 он заключил с Китаем Договор о ненападении, а затем поставлял ему боевую технику, направлял военных советников и добровольцев-летчиков. Только после нападения Японии в 1941 на Пирл-Харбор и нач. Тихоокеанской войны США активизировали свое военное сотрудничество с Китаем. Чан Кай-ши был назначен верховным главнокомандующим кит. театра военных действий, включавшего в себя помимо Китая Индокитай и Таиланд.

В новых условиях США и Великобритания отказались от своих прежних особых прав в Китае, включая экстерриториальность, и в 1943 подписали с ним новые договоры. В 1945 Чан Кай-ши выпустил кн. «Судьбы Китая» («Чжунго чжи минъюнь»). В ней он клеймил систему неравноправных договоров, обрекших Китай на полуколониальное положение, воздавал хвалу кит. традиционной социально-полит. системе, нашедшей свое продолжение в однопартийном правлении Гоминьдана, и призывал народ создать для страны светлые перспективы. В том же году увидела свет кн. «Китайская экономи-

ческая теория» («Чжунго цзинцзи сюэшо»), в к-рой Чан Кай-ши дал набросок особого, «китайского» пути развития об-ва. Этот путь, предположительно свободный от негативных черт и капитализма, и социализма, подразумевал полное господство гос-ва в экономике и полит. жизни об-ва, а в перспективе — осуществление идеала **да тун** («Великое единение»; см. т. 1).

В дек. 1943 Чан Кай-ши вместе с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем провели в Каире конференцию, на к-рой было провозглашено решение сторон после победы над Японией возвратить Китаю Маньчжурию, Тайвань и о-ва Пэнху. В качестве одной из четырех великих держав Китай участвовал в разработке Устава ООН и при создании ООН в 1945 стал постоянным чл. Совета Безопасности. 14 авг. 1945 СССР и Китай заключили Договор о дружбе и союзе, предусматривавший оказание взаимной помощи в войне против Японии. 2 сент. состоялось подписание акта о капитуляции Японии.

Уже в ходе капитуляции яп. армии между вооруженными силами Гоминьдана и КПК начались конфликты. И Чан Кай-ши, и коммунистич. командование требовали, чтобы яп. части сдавались только им. В авг. 1945 Чан Кай-ши, стремясь урегулировать отношения с коммунистами, пригласил их в Чунцин на переговоры. При амер. посредничестве переговоры продолжались до марта 1947, но результатов не принесли. В стране вспыхнула гражданская война. С июня 1946 правительств. армия начала общее наступление и, пользуясь значительной поддержкой США, добилась серьезных успехов. На этой волне в нояб. 1946 Нац. собрание в Нанкине приняло новую, демократич. конституцию. Она вступила в действие с 1 янв. 1947.

Но летом 1947 нарастившая свои силы с помощью СССР Народно-освободительная армия перешла в стратегич. контрнаступление. Гоминьдановские войска, в т.ч. отборные части, обученные амер. инструкторами, стали терпеть одно поражение за другим. В этих условиях в нояб. 1947 состоялись новые выборы в Нац. собрание, в апр. 1948 были сформированы центр. органы власти в виде пяти палат, а Чан Кай-ши был избран президентом страны. И тут же «Временные правила на период подавления коммунистич. мятежа» отменили важнейшие конституционные свободы и наделили президента чрезвычайными полномочиями. Эти меры, однако, не помогли Чан Кай-ши справиться с кризисом. В новогоднем послании к нации президент обратился к КПК с предложением о переговорах. В ответ коммунисты потребовали наказания высших руководителей Гоминьдана, включая Чан Кай-ши, его сына и жену, как военных преступников и коренного преобразования всей гос. системы. Маневрируя, Чан Кай-ши ушел в отставку с поста президента и вернулся на родину в Сикоу, однако не отстранился от дел. Он посетил Филиппины и Южную Корею, намереваясь создать восточноазиатский антикоммунистич. блок, а затем попытался активизировать сопротивление коммунистич. войскам в провинциях Гуандун, Юньнань и Сычуань. Все эти попытки оказались тщетными, и 10 дек. 1949 Чан Кай-ши совершил перелет из Чэнду на Тайвань.

В кон. 1949 — нач. 1950 на Тайвань эвакуировались около двух млн. сторонников Гоминьдана, туда же были перевезены технич. оборудование, валютные запасы, ист. и художеств. ценности. НОАК начала готовить десантную операцию на Тайвань, а США решили не ввязываться в заведомо проигрышный для Гоминьдана конфликт. Однако после начала в 1950 Корейской войны Вашингтон изменил свою позицию, взял Тайвань под свое покровительство, и с 1951 по 1965 предоставил ему военную и экономич. помощь в размере около 4 млрд. долл., в т.ч. примерно 0,5 млрд. — на экономич. нужды. В 1954 Тайвань и США заключили Договор о взаимной обороне.

Оказавшись под защитой США, Чан Кай-ши поставил своей генеральной задачей взять реванш на материке. Признав свою ответственность за поражение, он за два-три года построил новую систему власти — однопартийную диктатуру полицейского типа с харизматическим лидером во главе. Он реорганизовал Гоминьдан, превратив его в централизованную партию со строгой дисциплиной, не допускающую фракционности и послушную своему *цзун-*

цаю. Укрепил армию, ввел ин-т политработников. Установил в 1950 чрезвычайное положение и создал огромный аппарат госбезопасности, боровшийся с «коммунистич. проникновением» и подавлявший всякое проявление недовольства. Запустил в ход мощную идеолого-пропагандистскую машину для распространения антикоммунистич. взглядов, к-рым противопоставлялись «три народных принципа» (*сань минь чжуи*) Сунь Ят-сена. Вместе с тем Чан Кай-ши снабдил авторитарную систему элементами демократии: выборностью местных органов власти (с 1950) и послаблениями в запрете на свободу печати.

В 1956 Чан Кай-ши выпустил кн. «Советская Россия в Китае», в к-рой подчеркивал роль СССР в победе кит. коммунистов, изображая последних как инструмент Москвы.

Особое внимание Чан Кай-ши уделял экономич. строительству, проводившемуся в значительной мере по рекомендациям амер. советников. Осн. направлениями экономич. модернизации стали: начатая уже в 1949 аграрная реформа с передачей земли крестьянам; с конца 50-х — приватизация гос. собственности и поощрение частного предпринимательства, в т.ч. среднего и мелкого, при сохранении за гос-вом регулирующих функций и контроля над рядом отраслей промышленности; последовательная структурная перестройка экономики. До кон. 50-х это было развитие импортзамещающих отраслей, затем производство на экспорт: сначала трудоемкой продукции, в сер. 60-х — более капиталоемкой, в 70–80-х — наукоемких технологий, электроники. Эффективная экономич. политика обеспечила быстрый рост ВНП (порядка 10% ежегодно в 60-х), повышение благосостояния населения — все то, что получило в 70-х название «тайваньского экономич. чуда».

В нач. 70-х оказались подорванными дипломатич. позиции Тайваня, Китайская Республика была исключена из ООН. В 1972 Чан Кай-ши предложил новую линию действий — «прагматич. стратегию выживания», с помощью к-рой Тайвань сумел сохранить обширную сеть неофиц. связей с внеш. миром. Все эти годы Чан Кай-ши регулярно переизбирался на посты президента и *цзунцая*. Он скончался в возрасте 87 лет. Его преемником на посту президента страны и лидера Гоминьдана стал его сын **Цзян Цзин-го**.

А.Г. Ларин

***** *Цзян Цзе-ши*. Чжунго чжи минъюнь (Судьбы Китая). [Б.м.], 1945; *он же*. Чжунго цзинцзи сюэшо (Китайская экономическая теория) // Гофу цюаньшу (Полн. собр. соч. Отца нации). Т. 1. Тайбэй, 1963; Переписка Чан Кай-ши с И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым, 1937–1939 гг. / Публ. и предисл. С.Л. Тихвинского // ННИ. 1995, № 4, с. 80–87; В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927 гг.: Новые документы главного военного советника / Сост., ред., авт. введ. и примеч. А.И. Картунова. М., 2003; *Chiang Kai-shek*. Soviet Russia in China. N.Y., 1957. ****** *Воронцов В.Б.* Судьба китайского Бонапарта. М., 1989; *Галенович Ю.М.* Цзян Чжун-чжэн, или Неизвестный Чан Кай-ши. М., 2000; Гоминьдан и Тайвань: история и современность: Материалы науч. конф. 23 апреля 1999 г. М., 1999; *Москалев А.А.* Проблемы нации, национализма, национального духа в текстах Чан Кай-ши (Цзян Чжун-чжэна) // ПДВ. 2004, № 5, с. 129–146; *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: Сравнит. анализ. М., 1983; *он же*. Социально-экономические взгляды Чан Кай-ши // Китай: поиски путей социального развития. М., 1978; *Ван Фу-минь*. Цзян Цзе-ши чжуань (Биография Чан Кай-ши). Пекин, 1993; Во со чжидао ды Цзян Цзе-ши (Чан Кай-ши, которого я знал) / Гл. ред. Вэнь Сы. Пекин, 2003; *Чэнь Бо-да*. Пин «Чжунго чжи минъюнь» (Критика [книги] «Судьбы Китая»). Пекин, 1949; *Taylor J.E.* The Production of Chiang Kai-shek personality cult, 1929–1975 // CQ. 2005, № 185, p. 96–110.

В.Н. Усов

ЧЖАН БИН-ЛИНЬ

章炳麟

Чжан Бин-линь, Чжан Тай-янь, Чжан Мэй-шу. 12.01.1869, уезд Юйхан пров. Чжэцзян, — 14.06.1936, Сучжоу. Ученый, обществ. деятель, историк, педагог. Род. в семье разорившегося землевладельца. Получил элитное традиц. образование. С 1897 сотрудничал в журналах реформаторской направленности в Шанхае, на Тайване и в Японии. За антиманьчж. пропаганду был осужден на 3 года тюремного заключения. После освобождения выехал в Японию, занимался публицистикой и преподавал на различных курсах для студентов-китайцев. После Синьхайской революции вернулся в Китай. Нек-рое время работал советником у **Юань Ши-кая**. Затем сотрудничал с **Сунь Ятсеном** и его сторонниками. В 1920-х выступил против «движения за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*). Впоследствии занимался публицистикой, преподаванием различных традиц. дисциплин, изд. деятельностью.

Ист. исследования составляют лишь часть огромного обществ.-полит. и научного наследия Чжан Бин-линя. Начало формирования ист. концепции Чжан Бин-линя можно отнести к 1902, когда он задумал большой труд по общей истории Китая. Обществ. ценность истории, по его мнению, состоит в выявлении закономерностей развития и упадка в об-ве и политике и показе «народных чаяний». Хотя Чжан Бин-линь был сторонником применения ист. эволюционизма для объяснения истории человечества, тем не менее он выступил против эволюционистского учения **Лян Ци-чао**, указывая на ограниченность его теории количественными изменениями и невнимание к качеств. изменениям. В статьях 1906 Чжан Бин-линь изложил свою теорию ист. науки и дал критику ист. циклизма и вульгарного эволюционизма. Считал основными темами ист. исследований историю об-ва, ин-тов и цивилизации. Предлагал учитывать в исследованиях расовые особенности, географич. среду, экономич. историю народа. Он первым среди кит. историков обратил внимание на историю развития в Китае орудий производства, ист. смену «матриархата» «патриархальным феодальным строем», проблемы классового противостояния, монархии и происхождения гос-ва в древнем Китае. Главное место в работах Чжан Бин-линя занимает история кит. мысли. Он считал **Конфуция** «классиком истории». Интерпретировал учения др.-кит. мыслителей с позиций нужд демократич. революции, давая высокую оценку учениям **Лао-цзы**, **Мо Ди**, **Сюнь-цзы** (все ст. см. т. 1) и легистов (*фа-цзя*; см. **Легизм**). В ист.-филос. работах Чжан Бин-линя исследуются также вопросы кит. мысли периода древности (III в. до н.э. — III в. н.э.), конф. каноноведения (**цзин-сюэ**; см. т. 1) династий Суй и Тан (VI–IX вв.), **буддизма**, **неоконфуцианства** (см. т. 1) эпох Сун и Мин (XI–XVII вв.), а также течения *хань-сюэ* («ханьское учение») в неоконфуцианстве эпохи Цин (2-я пол. XVIII — нач. XIX в.). См. также ст. **Чжан Бин-линь** в т. 1.

***** Чжан Тай-янь цюаньцзи (Полн. собр. соч. Чжан Тай-яня): В 6 т. Шанхай, 1982–1986; Чжан Тай-янь сюэшу ши лунь цзи (Сб. соч. Чжан Тай-яня по истории науки). Пекин, 1997. ****** *Калюжная Н.М.* Традиция и революция: Чжан Бин-линь (1869–1936) — китайский мыслитель и политический деятель нового времени. М., 1995; *Ван Сян-цин*, *Сян Чжи-янь.* Чжан Тай-янь цзюйфэнь цзиньхуалунь синчэн юаньинь као (О причинах формирования учения Чжан Тай-яня о всеобщем прогрессе) // Хусян луньтань. 2006, № 5; *Ван Юй-хуа.* Чжан Тай-янь лишигуань силунь (К анализу исторических взглядов Чжан Тай-яня) // Аньхой шисюэ. 2000, № 4; *Лу Бао-цянь.* Чжан Тай-янь чжи шисюэ цзяньцзе (Исторические взгляды Чжан Тай-яня) // Шида лиши сюэбао. Тайбэй, 1990, № 18; *Сюн Вэй-юй.* Чжан Тай-янь шисюэ сысян ды лиши гунсянь (Вклад Чжан Тай-яня в развитие исторической мысли) // Ибинь сюэюань сюэбао, 2006, № 5; *Сюн Юэ-чжи.* Чжан Тай-янь. Шанхай, 1982; *Тан Чжи-цзюнь.* Чжан Тай-янь чжуань (Биография Чжан Тай-яня). Тайбэй, 1996; *Хэ Чэн-сюань.* Чжан Тай-янь пинчжуань (Критическая биография Чжан Тай-яня). Чжэнчжоу, 1990; *Цюй Линь-дун.* Цзичэн чуаньтун юй цзоусян цзиньай: Чжан Тай-янь шисюэ сысян ды шидай ии (Наследовать традицию и идти к современности: Эпохальное значение исторической мысли Чжан Тай-яня) // Сюэшу яньцзю. Гуан-

чжоу, 2003, № 4; Чжан Тай-янь шэнпин юй сысян яньцзю вэньсюань (Исследования жизни и мысли Чжан Тай-яня: Избр. ст.). Ханчжоу, 1986; Чжан Тай-янь шэнпин юй сюэшу (Жизнь и научная деятельность Чжан Тай-яня). Пекин, 1988; *Чжан Чжао-цзюнь.* Чжан Тай-янь юй цин сюэ ши (Чжан Тай-янь и история цинской учености) // Чжунхуа вэньхуа луньтань. 2003, № 3.

В.М. Майоров

ЧЖАН ВЭНЬ-ТЯНЬ

張聞天

Чжан Вэнь-тянь, псевд. Ло Фу. 1900, уезд Наньхуй вблизи Шанхая, — 01.07.1976, г. Уси пров. Цзянсу. Один из первых кит. марксистских теоретиков, парт. и гос. деятель, Генеральный секретарь ЦК КПК (1935–1937).

Учился в Нанкинском училище речного и морского инженерного хоз-ва. На формирование его убеждений в то время оказали влияние публикации в журн. «Синь циннянь» («Новая молодежь»). Участвовал в студенч. демонстрациях «движения 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*). Занимался лит. работой и переводами, писал рецензии на известные труды иностр. авторов, включился в «движение за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*). В 1920–1923 побывал в Токио, учился в колледже в Сан-Франциско. В 1924–1925 работал преподавателем в Чунцине (пров. Сычуань), Сучжоу (пров. Цзянсу). В июне 1925 в Шанхае вступил в КПК. Зимой 1925 был направлен в Москву в Ун-т трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена. Затем в Ун-те красной профессуры изучал теорию марксизма и опыт строительства социализма в Советском Союзе; работал ассистентом, переводчиком и одновременно информатором Вост. секретариата Коминтерна. Вернувшись в февр. 1931 в Шанхай, был назначен зав. Отделом пропаганды ЦК КПК и по совместительству зав. Крестьянским отделом ЦК КПК. В 1931 летом, после разгрома аппарата ЦК КПК, по решению Коминтерна был сформирован Временный ЦК КПК. Чжан Вэнь-тянь стал чл. Временного Политбюро ЦК КПК, чл. ПК Временного Политбюро ЦК КПК, зав. Отделом пропаганды ЦК КПК, в 1932 — зав. Орг. отделом ЦК КПК. В нач. 1933 вместе с аппаратом ЦК КПК переехал из Шанхая на Центр. революц. опорную базу в пров. Цзянси и был назначен ректором парт. школы при ЦК КПК. В февр. 1934 на II Всекит. съезде Кит. Советской Республики стал пред. Совета нар. комиссаров Центр. пр-ва Кит. Советской Республики, чл. Центр. революц. военного совета. В окт. 1934 принял участие в Великом походе на Северо-Запад. Накануне совещания в Цзуньи (пров. Гуйчжоу) выступил в поддержку взглядов **Мао Цзэ-дуна** и на совещании в янв. 1935 по предложению Мао Цзэ-дуна сделал доклад с критикой «левоуклонистской» военной линии. После совещания был назначен Ген. секретарем ЦК КПК. Во время Великого похода также участвовал в борьбе против «раскольнической линии» **Чжан Готао**. После «сианьского инцидента» помогал Мао Цзэ-дуну, **Чжоу Энь-лаю**, **Чжу Дэ** совершить стратегич. поворот КПК от гражданской войны к Войне сопротивления Японии. В дек. 1937 должность Ген. секретаря была упразднена, но Чжан Вэнь-тянь по-прежнему оставался главным ответств. руководителем за работу ЦК КПК. В мае 1938 был назначен директором Ин-та марксизма-ленинизма (по совместительству) в Яньани. В сент. 1938 на VI пленуме ЦК КПК 6-го созыва выступил с докладом «О проблемах единого фронта Нац. войны сопротивления Японии и орг-ции партии в этой войне»; вновь избран чл. ПК Политбюро ЦК КПК, чл. Секретариата ЦК КПК, был инициатором постепенной передачи власти Мао Цзэ-дуну. С 1942 более года проводил обследование в деревнях в сев. части пров. Шэньси и сев.-зап. части пров. Шаньси. Длительное время работал зав. Отделом пропаганды ЦК КПК (по совместительству), пред. пром. комитета Сев.-Зап. Китая, гл. ред. еженедельника «Цзефан» («Освобождение»), ред. журн. «Гунчаньданжэнь» («Коммунист»). В 1945 на I пленуме ЦК КПК 7-го созыва избран чл. Политбюро ЦК КПК. После победы в Войне сопротивления Японии изъявил желание работать в Сев.-Вост. Китае. Весной 1946 назначен секретарем Комитета КПК пров. Хэцзян (ныне пров. Хэйлунцзян). Весной 1948 назначен чл. ПК Бюро

乙

ЦК КПК по Сев.-Вост. Китаю, зав. Орг. отделом (по совместительству), зам. пред. финанс.-экономич. комитета Сев.-Вост. Китая. В 1949 назначен секретарем Комитета КПК пров. Ляодун (ныне провинции Ляонин и Цзилинь), внес большой вклад в создание и строительство Сев.-Вост. опорной базы. После провозглашения КНР в апр. 1951 был назначен послом КНР в СССР. В кон. 1954, вернувшись в Китай, стал 1-м зам. министра иностр. дел КНР. В 1956 на I пленуме ЦК КПК 8-го созыва был избран кандидатом в чл. Политбюро. Он был чл. ПК ВСНП 1-го и 2-го созывов. На расширенном заседании Политбюро и VIII пленуме ЦК КПК 8-го созыва, известном под назв. Лушаньского совещания (2 июля — 16 авг. 1959), вместе с **Пэн Дэ-хуаем**, Хуан Кэ-чэном и Чжоу Сяо-чжоу выступил против политики «большого скачка» и коммун, подвергся критике за «ошибки» и был отстранен от работы в МИДе. Его специально направили в Ин-т экономики АН Китая заниматься исследованием по теме «Теория строительства социалистич. экономики». В период **«культурной революции»** (1966–1976) подвергался многократным допросам, был разлучен с семьей, 20 окт. 1969 был выслан в Гуандун. Он выступал против «группы четырех» (**сы жэнь бан**), возглавляемой Цзян Цин. Автор теоретич. работ «Политика и экономика при диктатуре пролетариата», «Надо правильно вести внутрипарт. борьбу» и др. Реабилитирован посмертно в 1978.

***** *Чжан Вэнь-тянь.* Цзай Лушань хуйишан ды фаянь (21.07.1959) (Выступление на Лушаньском совещании) // Цзянхай сюэкань. 1985, № 4, с. 3–23; Чжан Вэнь-тянь сюаньцзи (Избр. произведения Чжан Вэнь-тяня). Пекин, 1985. ****** *Го Шао-тан* (*А.Г. Крымов*). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990; *Усов В.Н.* Современная китайская историография о Лушаньском совещании и VIII пленуме ЦК КПК 8-го созыва (июль–август 1959 г.) // Некоторые проблемы истории Китая в новейшее время. М., 1990, с. 48–60 (ИБ; № 7); *Лю Ин.* Цзай лиши ды цзилю — Лю Ин хуйи лу (В историческом водовороте: Воспоминания Лю Ин). Пекин, 1992; Хуйи Чжан Вэнь-тянь (Вспоминая Чжан Вэнь-тяня). Пекин, 1985; Чжан Вэнь-тянь цзай Уси (Чжан Вэнь-тянь в Уси). Пекин, 1990; *Чэнь Чжу-юань.* Чжан Вэнь-тянь юй синь вэньсюэ юньдун (Чжан Вэнь-тянь и движение за новую литературу). Нанкин, 1987.

В.Н. Усов

ЧЖАН ГО-ТАО

張國燾

Чжан Го-тао, Чжан Тэ-ли, псевд. Спиридонов, Чжан Бяо. 26.11.1897, уезд Пинсян, пров. Цзянси, — 03.12.1979, Торонто, Канада. Кит. полит. деятель, один из основателей КПК.

Род. в помещичьей семье, отец был уездным судьей, имел ученое звание *сю цая*. После окончания начальной, затем средней уездной Пинсянской школы Чжан Го-тао отправился в 1916 в Пекин для продолжения учебы. Поступил в Пекинский ун-т на филос. ф-т, примкнул к революц. движению и стал одним из студенческих вожаков в период «движения 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*). В нач. июня 1919 был арестован и подвергся репрессиям.

В 1920 Чжан Го-тао как представитель пекинского студенчества установил контакт с **Сунь Ят-сеном** и его окружением, однако не примкнул к его сторонникам, считая, что они «не уделяют должного внимания яп. агрессии» и что сам Сунь Ят-сен «ясно не стоял на антияпонских позициях».

В окт. 1920 под рук-вом **Ли Да-чжао**, **Чэнь Ду-сю** и Чжан Го-тао в Пекине, очаге «движения за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*), был создан коммунистич. кружок, секретарем к-рого стал Ли Да-чжао. Чжан Го-тао был активным руководителем рабочего движения. Участвовал в забастовке железнодорожников Пекин-Ханькоуской дороги, в создании вечерней школы для рабочих Чансиндяня, а 1 мая 1921 — рабочего клуба Чансиндянь. С авг. 1921 — ген. секретарь Всекит. секретариата профсоюзов (ВСП). На I съезде КПК представлял коммунистов Пекина. На съезде развернулась острая борьба двух осн. течений. Большинство, возглавляемое Чжан Го-тао, выступило за создание дисциплинированной боеспособной пролетарской партии большевистского

типа, провозглашавшей своей конечной целью установление диктатуры пролетариата. «Легальные марксисты» во главе с Ли Хань-цзюнем стояли за создание аморфной легальной орг-ции передовой интеллигенции, задачи к-рой ограничивались изучением и пропагандой марксизма. Большинство съезда осудило Ли Хань-цзюня. «Легальные марксисты» вскоре были исключены или вышли из партии, и в дальнейшем это течение не имело серьезного влияния в рядах КПК. Ввиду малочисленности партии (53 чел.) I съезд решил избрать не ЦК, а Временное бюро из трех чел.: Чэнь Ду-сю — секретарь, Чжан Го-тао — отв. за пропагандистскую работу, Ли Да-чжао — отв. за оргработу.

Участвовал в работе II съезда КПК в июле 1922, избран членом ЦИК КПК, назначен зав. орготделом. Вместе с **Цюй Цю-бо**, Чжан Тай-лэем и Кэ Цин-ши участвовал в работе Съезда народов Дальнего Востока в Советской России (21 янв. — 2 февр. 1922).

На III съезде КПК, проходившем легально в Гуанчжоу с 10 по 23 июня 1923, развернулась острая дискуссия о тактике партии, о ее отношении к Гоминьдану. Большинство делегатов во главе с Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэем поддержали рекомендацию Коминтерна об индивид. вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении полной идейной и орг. самостоятельности КПК. Против этого выступили Чжан Го-тао, Цай Хэ-сэнь и др., обосновывавшие свое отрицательное отношение к единому фронту тем, что нац. буржуазия в Китае якобы не может играть революц. роль. Съезд отверг позицию «левых» и незначительным большинством принял офиц. решение о вступлении коммунистов в Гоминьдан, к-рый, т.о., признавался организац. формой единого нац. фронта и вместе с тем полит. руководителем нац.-рев. движения в Китае.

20–30 янв. 1924 в Гуанчжоу под председательством Сунь Ят-сена состоялся I Всекит. съезд Гоминьдана, на к-ром среди 165 делегатов было более 20 коммунистов, в т.ч. Чжан Го-тао, избранный кандидатом в чл. ЦИК Гоминьдана. В конце мая 1924 он был арестован пр-вом милитаристов.

Чжан Го-тао вошел в состав ЦК КПК на IV съезде (янв. 1925), став зав. Отделом по работе в деревне. В середине дек. 1925 как представитель ЦК КПК был направлен в Гуанчжоу для рук-ва фракцией КПК на II съезде Гоминьдана. В чл. ЦИК нового состава Гоминьдана он не был избран.

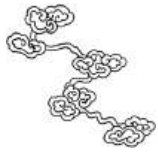
В 1926 был назначен секретарем Хубэйского комитета КПК. После V съезда (апр.–май 1927) вошел в Политбюро ЦК КПК.

После поражения кит. революции в июле 1927 Чжан Го-тао вошел в состав ПК Временного политбюро ЦК КПК. Был одним из организаторов Наньчанского восстания 1 авг. 1927. В нояб. 1927 по случаю 10-летия Октябрьской революции был награжден сов. орденом Красного Знамени.

Чжан Го-тао, участвуя в коммунистич. движении, ориентировался на кит. рабочий класс, был сторонником т.н. чисто пролетарского движения, считая, что крестьяне, составлявшие осн. массу населения, далеки от идей коммунизма. Он преувеличивал уровень капиталистич. развития и степень классовой дифференциации кит. об-ва, отрицал господство феодальных пережитков в экономич. и полит. жизни страны. Одно время для Чжан Го-тао были характерны упаднические и ликвидаторские настроения, он даже вынашивал план ликвидации КПК и создания вместо нее новой партии, к-рая «не должна больше быть секцией Коминтерна». Этими планами он делился с лидерами партии Цюй Цю-бо и Чэнь Ду-сю. Реакция Цюй Цю-бо была резко отрицательной, в то время как Чэнь Ду-сю проявил интерес, однако предположил, что реализовать этот план крайне трудно, т.к. Коминтерн будет против, кроме того, трудно будет решить финанс. вопрос.

На VI съезде КПК, проходившем под Москвой в июне 1928, Чжан Го-тао был подвергнут критике, но, несмотря на это, был вновь избран в ЦК и Политбюро ЦК КПК. На VI конгрессе Коминтерна возглавлял кит. делегацию и был избран кандидатом в чл. ИККИ.

В то время среди кит. коммунистов в Москве шла острая идейно-полит. борьба, являвшаяся отражением борьбы в самой КПК. Группа слушателей



КУТК, сторонников VI съезда КПК, в т.ч. Цинь Бан-сянь, **Чжан Вэнь-тянь** и Хэ Кэ-цюань, в нач. 1930 обвинила делегацию КПК в ИККИ в том, что ее члены Цюй Цю-бо, Чжан Го-тао, **Дэн Чжун-ся**, Юй Фэй и Лу Дин-и имеют собств. платформу, отличную от коминтерновской, и организовали среди кит. учащихся в Москве правую орг-цию, поддерживающую связь с кит. **троцкистами** (см. **Троцкизм в Китае**). Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в борьбе **Мао Цзэ-дуна** против Чжан Го-тао в 1935–1938.

В янв. 1931 вернулся из Москвы в Шанхай. По решению Политбюро ЦК в апр. 1931 был направлен главой советского р-на Хубэй–Хэнань–Аньхой, стал секретарем регионального бюро ЦК КПК, пред. Военного совета. На I Всекит. съезде представителей советских р-нов в Жуйцзине (нояб. 1931) Мао Цзэ-дун был избран пред. ЦИК Кит. Советской Республики, а Чжан Го-тао — его замом. Был командующим 4-м фронтом Красной армии Китая. В результате четвертого карательного похода Чан Кай-ши (июль 1932 — февр. 1933) войска Чжан Го-тао были вынуждены перебазироваться в Сев. Сычуань. В янв. 1934 он был избран в новое рук-во Политбюро ЦК КПК. В июне 1935 была проведена реорганизация кит. Красной армии: центр. армейская колонна численностью 10–15 тыс. бойцов была официально названа 1-й фронтовой армией, а 4-я армейская группа Чжан Го-тао численностью 80–100 тыс. чел. переименована в 4-ю фронтовую армию. Гл. политкомиссаром объединенных фронтов Красной армии был назначен Чжан Го-тао, главнокомандующим — **Чжу Дэ**. Во время Великого похода в июле 1935 Генштабом объединенной Красной армии было принято решение о разделении армии на две походные колонны, к-рые, двигаясь по разл. параллельным маршрутам, должны были воссоединиться в пров. Ганьсу. Западная колонна под командованием Чжу Дэ и Чжан Го-тао состояла из гл. сил 4-го фронта Красной армии, при ней находился Генштаб. Она должна была продвигаться по зап. краю плоскогорья, образующего водораздел между бассейнами рек Янцзы и Хуанхэ. Восточная колонна в составе 1-го фронта под командованием Сюй Сян-цяня и Чэнь Чан-хао, с к-рой следовали Мао Цзэ-дун, **Чжоу Энь-лай**, О.Браун, должна была продвигаться по вост. краю плоскогорья. Западная колонна испытывала большие трудности, не смогла преодолеть разлившиеся на ее пути бурные реки и вынуждена была из-за нехватки продовольствия возвратиться назад. Был передан приказ восточной колонне сделать то же самое. Однако части под рук-вом Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая не подчинились приказу и следовали ранее намеченным маршрутом. В такой ситуации Чжан Го-тао, сформировав параллельный ЦК партии, заявил, что отказывается подчиняться ЦК КПК и впредь до нового съезда партии будет признавать только рук-во Коминтерна. Вернувшись в советский р-н Сычуань–Сикан, он создал новое Политбюро ЦК КПК, провозгласив себя ген. секретарем. Осенью 1936 войска 4-го фронта все таки оставили р-н Сычуань–Сикан и двинулись на соединение с 1-м фронтом в советский р-н Шэньси–Ганьсу–Нинся. После тяжелых боев из 5 корпусов 4-го фронта уцелело только 2 (7 тыс. чел.), 3 корпуса (25 тыс. чел.) были направлены в т.н. Западный поход в пров. Ганьсу, где они были разгромлены в 1937 войсками Гоминьдана. Второй ЦК был ликвидирован, 4-й фронт заявил о подчинении ЦК КПК, находившемуся в Сев. Шэньси. После окончания второй гражданской войны в авг. 1937 Чжан Го-тао был назначен зам. пред. Пограничного р-на Шэньси–Ганьсу–Нинся.

С 1937 ЦК КПК, возглавляемый Мао Цзэ-дуном, начал против Чжан Го-тао серию «проработок». В марте 1937 на расширенном совещании Политбюро в Яньани его подвергли резкой критике и приняли спец. решение «Относительно ошибок Чжан Го-тао». Весной 1938 он был обвинен в предательстве, сотрудничестве с гоминьдановской тайной полицией. В апр. 1938, когда Чжан Го-тао покинул освобожденный р-н и перешел на сторону Чан Кай-ши, его исключили из партии. Он отошел от коммунистич. движения, поселился в Чунцине. В 1949 эмигрировал за границу. В 1968 написал предисловие к сб. произведений **Лю Шао-ци**, изданному в Гонконге. В 1971–1972 были опубликованы его мемуары в 2 томах. Умер в Торонто в дек. 1979.

* *Чжан Го-тао* (*Чжан Телли*). «Эрци» цяньхоу гунхуй юньдун люэши. (Краткий очерк истории профсоюзного движения до и после 7 февраля) // Синь циннянь. 1925, № 2, с. 14-32; *он же.* Ифэн гункайды синь чжи гоминьдан цюаньти данъюань (Открытое письмо ко всем членам Гоминьдана) // Сяндао. 1925, 20 дек. (№ 139), с. 1270; *он же.* Чжунго гоминьдан диэрцы дахуйды цзяосюнь (Уроки II съезда Гоминьдана) // Там же. 1926, 10 февр. (№ 145), с. 1323–1330; *он же.* Во ды хуйи (Мои воспоминания) // Минбао. 1967, № 2; *он же.* Текущий момент в Южном Китае: (Доклад 31 января 1927 г.) // *Бакулин А.В.* Записки об уханьском периоде китайской революции. М., 1930, с. 256–264; ИККИ и ВКП(б) по китайскому вопросу: Основные решения. М.–Л., 1927; Коминтерн и ВКП(б) о китайской революции: Основные решения. М.–Л., 1927; *Рой М.Н.* Китайская революция и Коммунистический Интернационал: Сб. статей и материалов. М.–Л., 1929; ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1927–1931: В 2 ч. М., 1999; то же. Т. 4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931–1937: В 2 ч. М., 2003; *Chang Guo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Movement, 1921–1938: The Autobiography: In 2 vol. Lawrence, 1971–1972. ** *Глунин В.И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921–1927 гг.): В 2 кн. М., 1975; *Григорьев А.М.* Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. (проблемы стратегии и тактики). М., 1980; *Титов А.С.* Борьба за единый национальный фронт в Китае, 1935–1937 гг. М., 1981; Чжунгундан ши цзянмин цыдянь (Краткий словарь по истории КПК). Пекин, 1986; *Chang Jung, Halliday J.* Mao: the Unknown Story. N.Y., 2006; *Heinzig D.* Die Anfänge der Kommunistischen Partei Chinas im Lichte der Memoiren Chang Kuo-t'aos. Hamb., 1970; *Rue J.E.* Mao Tse-tung in Opposition, 1927–1935. Stanf., 1966.

В.Н. Усов

ЧЖАН ДУН-СУНЬ

張東蓀

Чжан Дун-сунь, Чжан Вань-тянь, псевд. Чжан Шэн-синь. 1886, уезд Усянь пров. Цзянсу, — 1973. Философ и историк философии, пропагандист и интерпретатор зап. мысли, полит. деятель, ученик и последователь **Лян Ци-чао**.

Получил образование в Токийском ун-те (1905–1911). В 10–20-е сотрудничал с полит. орг-циями реформаторов — Прогрессивной партией и Исследовательской группой (*Яньцзю си*). Президент Публичного ун-та Китая (1925–1930), проф. философии Яньцзинского ун-та (1930–1952); гл. ред. еженедельника «Шиши синь бао» («Текущие события») в 1916–1930, журналов «Цзефан юй гайцзао» («Освобождение и перестройка») в 1919–1920, «Цзайшэн цзачжи» («Вновь возродиться») в 1932–1946. Вместе с **Чжан Цзюнь-маем** в 1934–1946 — организатор и руководитель Гос. социалистической партии Китая (позднее — Демократическо-социалистической партии), один из лидеров Демократич. лиги Китая. После образования КНР — чл. Центр. народного пр-ва. В февр. 1952 подвергся критике как «независимый» идеолог, смещен со всех постов. Дальнейшая судьба неизвестна.

Гл. проблемой философии Чжан Дун-сунь считал природу и сущность познания, выработал в 30–40-е теорию эпистемологического плюрализма (**доюань жэньшилунь**; см. т. 1), сочетавшую элементы «философии разума» в **неоконфуцианстве** (см. т. 1) с теориями Канта, К.И. Льюиса, А.Н. Уайтхеда и А.С. Эддингтона.

На взгляды Чжан Дун-суня оказали влияние конституционные идеи Лян Цичао, концепция синтеза культур Востока и Запада, социально-полит. воззрения Б. Рассела и «гильдейского социализма». В 1919 Чжан Дун-сунь выступил инициатором дискуссии о социализме (*шэхуйчжуи луньчжань*). Он высказывался против экспансии социалистич. отношений в докапиталистич. структуры. «Наиболее опасной болезнью Китая», как он писал, следует считать крайнюю нищету. Поэтому «единств. путь спасения страны» он видел не в пропаганде социализма, а в «увеличении ее богатства и силы», что подразумевает всемерное расширение сети отечеств. торгово-промышленных предприятий. Ход его рассуждений сводился к следующему: социализм, к-рый

в конечном счете можно считать оптимальной перспективой для Китая, должен вырасти из капитализма и парламентского либерализма, прийти после, а не вместо них. На кит. почве он может быть осуществлен лишь по мере появления достаточно многочисленного и дееспособного рабочего класса, к-рый, в свою очередь, может естеств. образом сформироваться и развиться только в условиях капиталистич. предпринимательства, ограниченного, правда, распространением кооперативных предприятий и контролем со стороны гос-ва. Эта позиция автора вызывала критику со стороны первых сторонников марксизма в Китае (**Чэнь Ду-сю**, Ли Цзи, **Ли Да** и др.).

Стремление Чжан Дун-суня к синтезу вост. и зап. ценностей сказалось на его подходе к проблемам социальной философии, в частности трактовке демократии, к-рая рассматривалась не только как система правления, но и как «определенный уровень развития цивилизации», основанный на высоких моральных принципах. Демократия, по Чжан Дун-суню, отвечает нуждам индивидуума, социума и об-ва в целом. Эквивалент зап. «свободы» он находил в кит. концепции «самоудовлетворения» (*цзы дэ*), к-рое достигается, когда «каждый следует своей природе» и «живет в гармонии с разумом». Чжан Дун-сунь был скептически настроен в отношении диктатуры пролетариата как «антидемократической» в своей основе и соответственно «аморальной». Утверждение примата национального по отношению к социальному, отрицание классовых антагонизмов в кит. об-ве и буржуазный либерализм социал-реформаторского толка приводили его к неприятию не только режима «полит. опеки» Гоминьдана, но и пропагандировавшихся КПК насильственных революц. методов преобразования об-ва. Результатом явилась выработка концепции «среднего [полит.] курса» (*чжунцзянь лусянь*), подразумевавшего социальное партнерство в об-ве, буржуазный демократизм в политике и социалистич. планирование в экономике. Гл. особенностью этой концепции была национал-реформистская модификация традиц. кит. идеи о руководящей и контролирующей функциях надклассового государства-нации.

См. также ст. **Чжан Дун-сунь**; **Доюань жэньшилунь** в т. 1.

***** *Чжан Дун-сунь.* Сяньцзай юй цзянлай (Настоящее и будущее) // Шэхуйчжуи таолунь цзи (Дискуссия о социализме). Гуанчжоу, 1922; *он же.* Жэньшилунь (Теория познания). Шанхай, 1934; *он же* Миньчжучжуи юй шэхуйчжуи (Демократия и социализм). Шанхай, 1947; *Chang Tung-sun.* A Chinese Philosopher's Theory of Knowledge // Rev. of General Semantics. 1952, vol. 9. ****** *Белоусов С.Р.* Китайские либералы XX века: поиски синтеза культур Востока и Запада // ПДВ. 1995, № 6, с. 93–104; *он же.* Об одной разновидности китайского буржуазного национализма // ПДВ. 1983, № 2, с. 115–126; Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994, с. 109–100; 443–444; *Е Цин.* Чжан Дун-сунь чжэсюэ пипань (Критика философии Чжан Дун-сюня). Шанхай, 1934; *Ху Сяо.* Пин Чжан Дун-сюнь фань макэсычжуи ды сань цы тяочжань (О трех попытках Чжан Дун-сюня бросить вызов марксизму) // Фудань сюэбао. Шанхай, 1938, № 2.

По материалам ***С.Р. Белоусова***

ЧЖАН СЮЭ-ЧЭН

章學誠

Чжан Сюэ-чэн, Чжан Ши-чжай, прозв. Шао-янь. 1738, Хуйцзи (совр. уезд Шаосин) пров. Чжэцзян, — 1801. Крупнейший историк, мыслитель и каноновед эпохи Цин. В кит. историографии его относят к Восточно-чжэцзянской школе историков (*чжэдун ши-сюэ*; см. **Традиционная историография** в Общем разделе), к-рая просуществовала в империи Цин до кон. XVIII в., Чжан Сюэ-чэн считается одним из последних и наиб. ярких ее представителей.

Род. в семье провинц. чиновника. Систематич. образование получить не смог и, несмотря на рано проявившийся интерес к наукам, экзамен на высшую ученую степень *цзинь ши* смог сдать лишь в 1778. Почти всю жизнь прослужил в региональной администрации, занимая невысокие посты. Чжан Сюэ-чэна постоянно преследовали бедность и нужда, а слабое здоровье и тяжелый неуживчивый характер серьезно осложняли ему жизнь, вызывая неприязненное

отношение окружающих. Лишь талант и огромная целеустремленность помогли ему не только выстоять в борьбе с жизненными невзгодами, но и прославиться в ученом мире. Большую роль в его судьбе сыграла поддержка таких известных, занимавших крупные посты ученых, как Би Юань (1730–1799), Ван Хуй-цзу (1731–1807) и Чжу Юнь (1729–1781), к-рые сумели по достоинству оценить способности Чжан Сюэ-чэна и привлекали его к составлению офиц. трудов и преподаванию в местных академиях (*шу юань*).

Посвятив себя науке, Чжан Сюэ-чэн при жизни сумел завершить и опубликовать немногое, все остальное было отредактировано и опубликовано уже после смерти ученого его старшим сыном и учениками. Сколько-нибудь цельного и последовательного изложения своих взглядов Чжан Сюэ-чэн не оставил, свои суждения он, как правило, излагал в форме заметок, лишь часть из к-рых вошла в текст его трудов, остальные же рассеяны в черновиках и эпистолярном наследии. Вышедшее в 1922 полное собр. соч. Чжан Сюэ-чэна невелико по объему (ок. 50 цз.) и включает в себя два гл. труда — «Вэнь ши тун и» («Проникновение в смысл литературы и истории», 9 цз.) и «Цзяо чоу тун и» («Проникновение в смысл текстологии», 3 цз.), а также сохранившиеся фрагменты нек-рых др. трудов, заметки и письма.

Среди общих проблем историописания приоритетным для Чжан Сюэ-чэна являлось предназначение истории, ее место в жизни об-ва и гос-ва. Он считал себя продолжателем дела, начатого великим танским ученым **Лю Чжи-цзи** (661–721), и в своих работах пытался осмыслить фундаментальные проблемы методики и методологии, с к-рыми столкнулась ист. наука. Он подчеркивал, что в противоположность Лю Чжи-цзи, к-рый делал акцент на *ши фа* («метод истории»), для него главным является *ши и* («смысл истории»). Предназначение историописания он видел в концепции *цзин ши чжи юн* («служить делам правления»): только сочинение, написанное с этих позиций, может выступать как источник полит. опыта для правителя, воспитывать его подданных и быть зеркалом для грядущих поколений. Эта концепция привлекла внимание совр. кит. ученых, к-рые видят в ней выражение особой гражданской позиции, якобы с глубокой древности присущей кит. историографии.

Не менее значимой для понимания предназначения истории была и формула «шесть канонов — это история» (*лю цзин цзе ши*). Впервые введенная в науч. оборот в империи Сун, она пользовалась необыкновенной популярностью среди ученой элиты 2-й пол. XVIII в., но ее утверждение в ист. науке в качестве одного из центр. положений связывают с Чжан Сюэ-чэном. По его мнению, шесть конф. канонич. книг, «Шестиканоние» («Лю цзин»; см. **«Ши сань цзин»** в т. 1), изначально были ист. трудами, в к-рых описывались деяния совершенномудрых правителей древности. Настойчиво подчеркивая ист. начала конф. канона (*цзин* [*1*]), он фактически рассматривал канон и историю как явления одного порядка, обладающие сходными качествами и одинаково значимые для дел правления. Не случайно Чжан Сюэ-чэн, как мало кто из его предшественников и современников, активно пользовался понятийным аппаратом офиц. **конфуцианства** (см. т. 1). Все это знаменовало значительное повышение статуса истории, чем озабочены были в то время власти, и имело первостепенное значение для обоснования Чжан Сюэ-чэном ее высокого предназначения.

Подобная трактовка истории предполагала особые требования к историку и его труду. Чжан Сюэ-чэн утверждал, что с задачами, к-рые стоят перед историком, может справиться только *лан ши* («подлинный историк»), наделенный особыми качествами. Самым важным из них является *ши дэ* (высокая нравственность, духовная чистота историка; см. **Дэ [1]** в т. 1) — особый образ мыслей и духовный настрой ученого, способный гарантировать его беспристрастность (*гун чжэн*), желание «писать прямой кистью» и отличать правду от неправды, давая ист. событиям и персонажам нравств. оценку (*бао бянь*). По мнению Чжан Сюэ-чэна, таких среди ученых немного. Из «трех достоинств» (*сань чан*) историка, выделенных танским Лю Чжи-цзи, наиб. значение он придавал «знанию/эрудиции» (*ши* [*4*]), к-рое интерпретировал как владение историка материалом и его умение анализировать при создании труда, досто-

верно повествующего о прошлом. Фактически у Чжан Сюэ-чэна это качество историка очень близко к *ши дэ*, они у него органически связаны друг с другом. Принципиальное значение для историописания и понимания его места в жизни об-ва имела сформулированная и разработанная Чжан Сюэ-чэном концепция *ши дао* («путь истории»), в соответствии с к-рой ист. факт (*ши* [*9*]) является манифестацией **дао** (см. т. 1), через него человек познает *дао*. Поэтому историк не вправе толковать описываемые им события — он должен лишь беспристрастно фиксировать их. Главное для историка, подчеркивал Чжан Сюэ-чэн, не «принцип» (**ли [1]**; см. т. 1), а факт. Именно так, по его мнению, поступили авторы первых ист. трудов, позже вошедших в состав канона. Только строгое следование этому принципу сближает ист. сочинение с каноном и позволяет ему выполнять те высокие функции, к-рые на него возложены.

Большое место в трудах Чжан Сюэ-чэна занимают вопросы методики историописания, орг-ции и оформления ист. материала. Он считается крупнейшим специалистом *бяньцзуань-сюэ* («наука о составлении/компилировании [сводов/собраний текстов]») — особого и очень важного направления в традиц. науке.

Второй аспект историописания, в развитие к-рого Чжан Сюэ-чэн внес большой вклад, — это теория и практика создания историко-географич. описаний (**фан чжи**), посвященных комплексному описанию различных регионов империи. Стараниями цинских властей этот жанр получил небывалое развитие, в подготовке описаний активное участие принимали мн. представители местной элиты. Участвовал в составлении нескольких таких сочинений и Чжан Сюэ-чэн. К тому же по своему характеру *фан чжи* в наиб. степени отвечали его представлениям об ист. сочинении. Выработке рекомендаций по совершенствованию *фан чжи* он посвятил свой первый труд «Сю чжи ши и» («Десять соображений о составлении описаний»), став впоследствии основателем существующего и поныне особого направления в кит. ист. науке *фанчжи-сюэ* («наука о [жанре] *фан чжи*»).

***** Чжан Сюэ-чэн ишу (Наследие Чжан Сюэ-чэна). Пекин, 1985; *Чжан Сюэ-чэн.* Вэнь ши тунъи. Синь бянь (Проникновение в смысл литературы и истории. Новое изд.) / Ред. Цан Сю-лян. Пекин, 1993, 2005. ****** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Лю Хань-пин.* Чжан Сюэ-чэн // Чжунго шисюэцзя пинчжуань (Биографии китайских историков). Т. 2 / Чэнь Цин-цюань и др. Чжунчжоу, 1985, с. 1039–1072; *Цан Сю-лян.* Чжан Сюэ-чэн хэ «Вэнь ши тунъи» (Чжан Сюэ-чэн и «Проникновение в смысл литературы и истории»). Пекин, 1984; *Цан Сю-лян, Е Цзянь-хуа.* Чжан Сюэ-чэн пин чжуань (Биография Чжан Сюэ-чэна). Нанкин, 1996; Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912) / Ed. by A.W. Hummel. Vol. 1. Wash., 1943, p. 39–41; *Nivison D.S.* The Life and Thought of Chang Hsüeh-ch'eng (1738–1801). Stanf., 1966.

Б.Г. Доронин

Чжан Тай-янь *см.* **Чжан Бин-линь**

ЧЖАН ТИН-ЮЙ

張廷玉

Чжан Тин-юй, Чжан Хэн-чэнь, прозв. Янь-чжай. 1672, Тунчэн пров. Аньхой, — 1755. Один из крупнейших представителей офиц. историографии империи Цин (1644–1911). Род. в семье известного сановника. Служебную карьеру начал в 1700, когда после успешной сдачи гос. экзамена был зачислен в штат **Ханьлинь академии** (см. т. 1). С этого времени на протяжении 50 лет Чжан Тин-юй служил трем императорам (**Кан-си**, Юн-чжэну и **Цянь-луну**), неизменно пользуясь их особым доверием. Довольно быстро стал одним из влиятельнейших сановников империи. Ему поручалось рук-во важнейшими гос. учреждениями; при его активном участии в 1732 был создан Военный совет (**Цзюньцзичу**), и в числе немногих он вошел в его первый состав. Чжан Тин-юй был воспитателем наследника престола и регентом при молодом имп.

Цянь-луне. Все основные указы имп. Юн-чжэна были подготовлены им. Влияние Чжан Тин-юя при дворе было велико, и, как полагают, в нек-рые периоды именно он определял его политику. За свою верную службу Чжан Тин-юй был отмечен высшими наградами империи. Он — единств. представитель полит. элиты, чье имя было прославлено в императорском храме предков — знак высшего признания заслуг перед престолом.

К числу важнейших гос. дел, поручавшихся Чжан Тин-юю, относится и его активная деятельность на лит. поприще — ему доверяли рук-во подготовкой офиц. трудов, имевших для династии особое значение. В общей сложности он курировал около 10 таких проектов, в т.ч. и исторических. Возглавлял работу над записями о делах правления Кан-си и Юн-чжэна, кодексом империи и нек-рыми др. трудами. Но в историю науки империи Цин Чжан Тин-юй вошел прежде всего как глава комиссии, готовившей «Историю [династии] Мин» (**«Мин ши»**). В 1739 почти столетняя работа была завершена, и авторитет Чжан Тин-юя в глазах двора многократно возрос. Это свершение поставило его в один ряд с наиб. известными историками цинского времени.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; Чжунго шисюэцзя пинчжуань (Биографии китайских историков). Т. 2 / Чэнь Цин-цюань и др. Чжунчжоу, 1985, с. 942–948; Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912). Vol. 1 / Ed. by A.W. Hummel. Wash., 1943, p. 54–56.

Б.Г. Доронин

ЧЖАН ЦЗЮНЬ-МАЙ

張君勱

Чжан Цзюнь-май, Чжан Цзя-сэнь, Карсун Чжан (Carsun Chang). 1887, уезд Баошань пров. Цзянсу, — 23.02.1969, Калифорния. Философ, политолог и обществ. деятель, ученик и последователь **Лян Ци-чао**. Получил образование в Японии, Германии и Англии. Активный участник буржуазно-либеральных «конституционной партии», Прогрессивной партии и Исследовательской группы (*Яньцзю си*), организатор и руководитель Гос. социалистической партии Китая (позднее — Демократическо-социалистической партии) (1932–1949). Ред. и постоянный автор изданий «Шиши синь бао» («Текущие события»), «Синь лу» («Новый путь»), «Цзайшэн цзачжи» («Вновь возродиться») и др. Ректор Гос. ин-та самоуправления, Ин-та нац. культуры, проф. Яньцзинского, Берлинского ун-тов, Ун-та им. Сунь Ят-сена и др.

Филос. взгляды Чжан Цзюнь-мая формировались под влиянием, с одной стороны, неоконф. мысли (см. **Неоконфуцианство** в т. 1), а с другой — концепций нем. философа-фихтеанца Р. Эйкена и франц. интуитивиста А. Бергсона. Иррациональные мотивы в мировоззрении Чжан Цзюнь-мая (см. **Жэньшэнгуань** в т. 1) особенно отчетливо проявились в ходе **дискуссии о науке и метафизике** (*кэсюэ юй сюаньсюэ луньчжань*; см. т. 1), выразившись в отрицании им самой возможности познания объективных законов обществ. развития и самого существования таких законов. Чжан Цзюнь-май являлся одним из гл. сторонников «неотрадиционалистской» концепции синтеза культур Востока и Запада, кит. духовного наследия и новейших буржуазных теорий.

В области полит. философии концепции синтеза экстраполировались на возможность сочетания преимуществ капитализма и социализма, буржуазного парламентаризма и планового хозяйствования («демократизм в политике, социализм в экономике») при руководящей и контролирующей роли буржуазного юнкерского гос-ва. Это нашло воплощение в выработанной Чжан Цзюнь-маем вместе с **Чжан Дун-сунем** (1886–1973) версии «гос. социализма» (*гоцзя шэхуйчжуи*) — концепции, подразумевающей самобытную модель развития Китая, один из вариантов теории «третьего пути». Элементы этой концепции присутствовали во взглядах мн. крупнейших мыслителей-немарксистов всех поколений и направлений (Лян Ци-чао, **Сунь Ят-сена**, **Чжан Бинлиня**, **Чан Кай-ши**, **Дай Цзи-тао**, **Чэнь Ли-фу** и др.). В их понятии термин «социализм» наполнялся конфуцианско-казенным («государственным» и в какой-то степени бюрократическим) содержанием. Они представляли, что

в экономически неразвитых странах, где не сложился развитый капиталистич. рынок и отсутствует монополизация производства, легче осуществить переход к социализму, приняв превентивные меры против имущественной и социальной поляризации об-ва и минуя этот этап.

В социально-полит. области концепция «гос. социализма» подразумевала создание «государства-нации» на принципах духовного единства всех китайцев, где каждый трудился на общее дело, вдохновленный общими внеклассовыми идеями. Отрицалась идея гос-ва как «простой суммы индивидов», подчеркивалась (в духе теории Т.Гоббса и И.Бентама), что в качестве его рациональной основы выступают «интересы большинства населения» или «обществ. природа человека». Полит. система «гос. социализма» предполагала своеобразный вариант зап. доктрины демократии, «китаизация» к-рой заключалась в тезисе о необходимости сочетания сильной центр. власти (*вэйцюань*), или «диктатуры», с духовной свободой (*цзыю*), или «демократией». В обл. экономики синкретизм этой концепции нашел проявление в идеях синтеза положительных сторон капиталистич. орг-ции производства с элементами социалистич. системы, т.е. рынка и плана, допущения среднего и мелкого частного предпринимательства при передаче ключевых отраслей экономики в ведение гос-ва. Постулировалось плановое развитие как гос., так и частного сектора.

В 20–30-х эта концепция воплотилась в формулу «среднего [полит.] курса» (*чжунцзянь лусянь*), поддерживаемую Чжан Цзюнь-маем, лежавшую между линиями Гоминьдана (как олицетворения капитализма) и КПК (как олицетворения социализма, но без «демократии») и ведущую к режиму, охарактеризованному как «демократия кит. типа».

Концепция «третьего пути» развития Китая осталась умозрительной конструкцией — немногочисленные и не обладавшие реальной военно-полит. базой «промежуточные» силы не могли всерьез конкурировать с Гоминьданом и КПК.

***** Пипань Чжунго цзычаньцзецзи чжунцзянь лусянь цзыляо (Справочные материалы по критике среднего курса китайской буржуазии). Т. 1–4. Пекин, 1958; *Чжан Цзюнь-май.* Ли го чжи дао. И мин: гоцзя шэхуйчжуи (Принципы создания основ государства: государственный социализм). [Б.м.], 1939; *он же.* Минжи чжи Чжунго вэньхуа (Китайская культура завтрашнего дня). Шанхай, 1936; *Chang Chün-mai* (*Chang Chia-sên*). The Development of Neo-Confucian Thought: In 2 vol. N.Y., 1957–1962; *idem.* Wang Yang-ming: Idealist Philosopher of Sixteenth-Century China. N.Y., 1962. ****** *Белоусов С.Р.* Об одной разновидности китайского буржуазного национализма // ПДВ. 1983, № 2; *он же.* Китайская версия «государственного социализма» (20 — 40-е годы XX в.). М., 1989; Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994, с. 66–67, 448; *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М., 1983; Чжунго сяньдай чжэнчжи сысян ши, 1919–1949 (История политической мысли Китая в новейшую эпоху). Харбин, 1984; *Ши И.* Во со чжидао Чжан Цзюнь-май сяньшэн ды шэнпин (Что я знаю о жизни г-на Чжан Цзюнь-мая) // Цзайшэн. 1953 (дек.) — 1954 (янв.), № 345–346.

По материалам ***С.Р. Белоусова***

ЧЖАН ЧЖИ-ДУН

張之洞

Чжан Чжи-дун. 1837, пров. Чжили, — 1909. Видный гос. деятель (кон. эпохи Цин), внесший весомый вклад в дело просвещения и орг-цию фабрично-заводского производства в Китае на основе европ. технологий.

Род. в чиновничьей семье. Его прадед был уездным начальником в пров. Чжэцзян, дед служил в той же должности в пров. Фуцзянь, отец Чжан Ин (1793–1856), обладатель ученой степени *цзюй жэнь*, с 1813 занимал важный административ. пост в пров. Гуйчжоу. Сам Чжан Чжи-дун получил блестящее классич. образование и в 1852 удостоился ученой степени *цзюй жэнь*. При сдаче экзаменов на степень *цзинь ши* своими знаниями и своеобр. стилем написания иероглифов поразил присутствующих. Ему был присвоен почетный титул *тань хуа*, благодаря чему он стал чл. **Ханьлинь академии** (см. т. 1).

С 1867 по 1877 занимал различные должности по приему экзаменов в провинциях Чжэцзян, Хубэй и Сычуань; в те же годы учредил бюро по изданию кит. классич. лит-ры и династийных историй. Для учащихся созданной им в пров. Сычуань школы он составил рук-во, изданное в 1878. Им же была издана библиография «Шу му да вэнь» («Вопросы и ответы по библиографии», 4 цз.) с предисловием, написанным в 1875. Вернувшись из пров. Сычуань в Пекин, он принял активное участие в составлении «Шуньтяньфу чжи» («Описание [столичной области] Шуньтяньфу»). Этот важный историко-географич. труд (**фан чжи**) был опубликован в 1885 (под ред. Мяо Цюаньсуня), а затем переиздан в 1889.

Заняв важный пост в академии *Ханьлинь* и став авторитетной фигурой, Чжан Чжи-дун выступил против подписанного в 1881 рус.-кит. соглашения — Петербургского договора, потребовав предания суду цинского уполномоченного Чун Хоу, в результате Гл. ведомство по иностр. делам (**Цзунли ямэнь**) было вынуждено отправить в Россию для переговоров нового представителя Цзэн Цзи-цзэ. Назначенный в 1882 губернатором пров. Шаньси, Чжан Чжи-дун попытался осуществить там ряд преобразований, направленных против выращивания и курения опиума.

С приездом в Гуанчжоу в качестве генерал-губернатора провинций Гуандун и Гуанси Чжан Чжи-дун занялся орг-цией снабжения отрядов «черных флагов» под командой Лю Юн-фу, боровшегося с франц. войсками в приграничной с Вьетнамом зоне. В целях укрепления обороны управляемой им территории Чжан Чжи-дун построил арсенал по производству оружия, открыл школу по подготовке офицеров для армии и флота. После учреждения академии *Гуан я шу юань* наладил работу типографии «Гуан я шуцзюй» по выпуску книг, написанных преимущественно цинскими авторами. За 20 лет было опубликовано более 170 книг. Часть из них появились в литограф. виде в Шанхае в сб. «Шисюэ цун шу» («Серия трудов по истории», 1902).

За время пребывания на посту генерал-губернатора провинций Хубэй и Хунань (в течение 18 лет) Чжан Чжи-дун сделал немало для создания в этом регионе совр. промышленных предприятий (с учетом технич. достижений зап. стран) по производству металла, добыче жел. руды и обработке шелковичных коконов для получения текстиля. Главной его заботой на первых порах стало открытие Ханьепинского металлургич. комбината в г. Ханъян в 1890, а в 1894 — открытие рудников для добычи железа и др. металлов в г. Дае. Из-за недостатка казенных средств эти предприятия впоследствии были уступлены известному кит. предпринимателю Шэн Сюань-хуаю (1844–1916), к-рому удалось прибрать к своим рукам и угольные копи в Пинсяне.

В 1891 Чжан Чжи-дуну довелось принимать наследника рус. престола великого князя Николая Александровича (будущего царя Николая II), прибывшего во время посещения им Китая в Ханькоу в апр. 1891 на пароходе «Владивосток». После встречи на борту парохода кит. генерал-губернатор устроил в Учане торжеств. прием. Стороны обменялись ценными подарками. Как отмечал рос. консул в Ханькоу П.А. Дмитревский, визит наследника рус. престола произвел на местное население сильное впечатление как знак дружественных намерений России в отношении Китая.

В период японо-кит. войны 1894–1895 Чжан Чжи-дун в качестве генерал-губернатора находился в Нанкине (с нояб. 1894 по февр. 1896), откуда резко критиковал **Ли Хун-чжана** за уступки в переговорах с Японией, выигравшей войну с Цинской империей. После заключения Симоносекского договора (1895) он вернулся в Учан, где активно занялся строительством жел. дороги Ханькоу–Гуанчжоу.

В 1898 Чжан Чжи-дун издал соч. «Цюань сюэ пянь» («Призыв к учению», 2 цз.), в к-ром выступил с программой реформ в области образования путем возрождения **конфуцианства** (см. т. 1) и усвоения технич. достижений Запада. С учетом важного значения этой книги для готовящихся реформ имп. **Цзай Тянь** (прав. под девизом Гуан-сюй в 1875–1908) предложил распространить ее среди чиновников разных рангов и учащейся молодежи. После провала «ста дней реформ» (*у-сюй бяньфа*) сторонники реформ и советники богдохана (**Кан**

Ю-вэй, **Лян Ци-чао** и др.) были вынуждены бежать за границу. Поскольку некрые из реформаторов (напр., Лян Ци-чао) были предложены цинскому двору Чжан Чжи-дуном, последнему пришлось временно уйти в тень.

Лишь в 1907 карьера Чжан Чжи-дуна как крупного провинц. администратора закончилась: его вызвали в Пекин и поручили наблюдение за деятельностью нового мин-ва образования. Затем на его плечи легли сложные переговоры с представителями Англии, Франции и Германии относительно дальнейшего их участия в финансировании жел. дороги Гуанчжоу–Ханькоу.

После смерти имп. Цзай Тяня и **Цы Си** в 1908 и последующих дворцовых перемен, связанных с приходом к власти князя Чуня — регента при малолетнем имп. **Пу И** и уходом в отставку **Юань Ши-кая** и Дуань Фана, Чжан Чжи-дун остался, пожалуй, единств. видной фигурой при цинском дворе.

* Чжан Чжи-дун вэнь-сянь гун цюаньцзи (Полн. собр. соч. Чжан Чжи-дуна): В 229 цз. [Б.м.], 1928; *он же* (сост.). Гуандун хайту шо (Пояснения к карте морского побережья пров. Гуандун). Тайбэй, 1969; Чжан Чжи-дун цюаньцзи (Полн. собр. соч. Чжан Чжи-дуна): В 12 т. / Сост. Юань Шу-и и др. Шицзячжуан, 1998. ** *Самойлов Н.А.* Конфуцианство и проблема модернизации Китая в конце XIX — начале XX в.: К вопросу о некоторых идеях Чжан Чжи-дуна // Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы: Тез. докл. IV МНК ККЦиМ. Ч. 2. М., 1993, с. 12–14; *он же.* Чжан Чжи-дун и его планы преобразований в оценках русских китаеведов конца XIX — начала XX в. // И не распалась связь времен... М., 1993, с. 274–283; *он же.* Чжан Чжи-дун и Россия // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации: Тез. докл. V МНК ККЦиМ. Ч. 1. М., 1994, с. 172–175; *Хохлов А.Н.* Наследник русского престола в гостях у китайского реформатора: (Из истории российской дипломатии в Китае 90-х гг. XIX в.) // XXIX НК ОГК. 1999, с. 104–117; *Ма Дун-юй.* Чжан Чжи-дун да чжуань (Полная биография Чжан Чжи-дуна). Шэньян, 1989.

А.Н. Хохлов

Чжан Чунь-цяо *см.* **Сы жэнь бан**

ЧЖАО И

趙翼

Чжао И, Чжао Юнь-сун, Чжао Оу-бэй. 1727, Янху пров. Цзянсу, — 1814, Уси пров. Цзянсу. Известный историк, представитель ученой элиты 2-й пол. XVIII — нач. XIX в. Род. в семье школьного учителя, с детства отличался необыкновенными способностями. В 1761, блестяще сдав экзамены на степень *цзинь ши*, Чжао И был зачислен в штат Гос. канцелярии (*Нэйгэ*), а затем в **Ханьлинь академию** (см. т. 1). Занимал высокие посты в региональной администрации. Его неоднократно привлекали к составлению офиц. трудов, готовившихся под личным контролем имп. **Цянь-луна**. Однако козни придворных заставили Чжао И в нач. 70-х покинуть службу. По возвращении домой он отдался науч. занятиям, хотя в этот период ему неоднократно приходилось выполнять ответств. поручения двора. Чжао И обратился к изучению династийных историй (*чжэн ши*), его интересовал весь офиц. комплект этих сочинений, сложившийся к сер. XVIII в. и состоявший из 22 трудов (**«Цзю Тан шу»** — «Старая история [династии] Тан» и «Цзю У-дай ши» — «Старая история [периода] Пяти династий» в него тогда не входили). Предметом его особого внимания стали **«Юань ши»** («История [династии] Юань») и **«Мин ши»** («История [династии] Мин»). Текст последней был утвержден имп. Цянь-луном совсем незадолго до этого — в 1739, и обращение к нему Чжао И требовало санкции властей.

Результаты своего многолетнего труда Чжао И изложил в «Заметках о [текстах] 22 [династийных] историй» («Нянь эр ши чжа цзи», 36 цз.). Это — фундамент. источниковедческое исследование, в к-ром дан критич. анализ текстов цинского офиц. комплекта с целью их унификации, выявления ошибок и разночтений. Не случайно в последнюю главу был включен фрагмент указа Цянь-луна, где император требовал от придворных историков единообразного написания имен и географич. названий в сочинениях о правлении в Китае инородческих династий. Как и мн. современники (напр., **Цянь Да-синь**,

автор «Исследования разночтений в [текстах] 22 [династийных] историй» — «Нянь эр ши као и»), Чжао И в работе использовал метод *као чжэн* («критич. исследование текста»). После него *чжа цзи* («заметки») как вид сочинений стали популярны у цинских историков, а сам труд не утратил своего значения и поныне.

Прославился Чжао И и как составитель «Хуан чао у гун цзи шэн» («Полное описание военных подвигов Августейшей династии», 4 цз.) — о 7 крупнейших военных кампаниях, предпринятых цинскими императорами. Очевидно, именно эта книга вдохновила ученого-энциклопедиста **Вэй Юаня** (1794–1856/7; см. также т. 1) на знаменитые «Записки о монаршей военной доблести» («Шэн у цзи», 1842). «Собрание сочинений Оу-бэя (Чжао И)» («Оу-бэй цзи», 53 цз.) помимо работ по историографии и истории содержит стихи, заметки по истории сунской поэзии и др.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 256–257; *Чжан Сяо-ху.* Чжао И // Чжунго шисюэцзя пинчжуань (Биографии китайских историков). Т. 2 / Чэнь Цин-цюань и др. Чжунчжоу, 1985, с. 1073–1103; Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912). Vol. 1 / Ed. by A.W. Hummel. Wash., 1943, p. 75–76.

Б.Г. Доронин

ЧЖАО ЦЗЫ-ЯН

趙紫陽

Чжао Цзы-ян. 17.10.1919, уезд Хуасянь пров. Хэнань, — 17.01.2005, Пекин. Партийный и гос. деятель КНР. Премьер Госсовета КНР (1980–1987), Генеральный секретарь ЦК КПК (1987–1989).

С 18 лет участвовал в революц. движении. В 1932 вступил в комсомол, в февр. 1938 — в КПК; получил высшее образование. В 1937–1946 вел активную парт. работу в низовых парт. орг-циях пров. Хэнань и опорной базы Хэбэй–Шаньдун–Хэнань. С 1947 — зам. секретаря Тунбайского р-на КПК (на стыке провинций Хэнань и Хубэй); секретарь Наньянского окружного комитета КПК пров. Хэнань.

После образования КНР как человек, хорошо знавший обстановку в деревне, Чжао Цзы-ян стал зав. секретариатом по работе в деревне в южных р-нах, чл. регионального бюро ЦК КПК по Южному Китаю. В 1951 руководил проведением земельной реформы в пров. Гуандун. С 1955 — в комитете КПК пров. Гуандун: зам. секретаря, 2-й секретарь, с 1965 — 1-й секретарь; чл. ПК регионального бюро по Южному Китаю, зам. секретаря; секретарь регионального бюро ЦК КПК по Центр.-Южному Китаю.

С началом **«культурной революции»** (1966–1976) подвергся преследованиям, был отстранен от руководящей работы и направлен для «перековки» на завод. В 1971 Чжао Цзы-ян назначен секретарем комитета КПК и зам. пред. «ревкома» Автономного р-на Внутренняя Монголия. В 1972 переведен в пров. Гуандун на должность секретаря провинциального комитета КПК и зам. пред. «ревкома» провинции.

На X съезде КПК в 1973 избран чл. ЦК КПК. С апр. 1974 по окт. 1975 — 1-й секретарь комитета КПК и пред. «ревкома» пров. Гуандун, политкомиссар Гуанчжоуского военного округа. В окт. 1975 переведен на работу в пров. Сычуань, где занимал посты 1-го секретаря провинциального комитета КПК, пред. «ревкома» провинции, 1-го политкомиссара Чэндуского военного округа (до дек. 1979).

В Сычуани одним из первых после «культурной революции» стал проводить в жизнь курс на «смягчение полит. мер» и «накопление сил». Приступил к осуществлению эксперимента по введению системы производств. ответственности в сельском хоз-ве. Увенчавшийся успехом эксперимент был затем распространен на всю страну.

На XI съезде КПК в 1977 избран чл. ЦК КПК, на I пленуме — кандидатом в чл. Политбюро ЦК КПК. В 1978–1980 — зам. пред. ВК НПКСК. На IV пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1979 избран чл. Политбюро ЦК КПК, а на V пленуме— чл. ПК Политбюро ЦК КПК. В 1980 назначен зам. премьера

Госсовета. На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва в 1980 назначен премьером Госсовета КНР, занимал этот пост до 24 нояб. 1987. В 1981 на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва избран зам. Председателя ЦК КПК. В 1982–1987 по совместительству был пред. Гос. комитета по реформе экономич. системы. Являлся также пред. Центральной комиссии по руководству финансово-экономич. работой. На XII съезде КПК в 1982 избран чл. ЦК КПК, на I пленуме — чл. Политбюро ЦК КПК и ПК Политбюро.

В окт. 1985 Чжао Цзы-ян как премьер Госсовета КНР выступил с речью на 40-й сессии Ген. Ассамблеи ООН, изложив внешнеполит. доктрину КНР.

16 янв. 1987 на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК избран и.о. Генерального секретаря ЦК КПК. На XIII съезде КПК в 1987 выступил с отчетным докладом «Вперед по пути строительства социализма с китайской спецификой»; избран чл. ЦК КПК. На I пленуме 13-го созыва избран чл. Политбюро ЦК КПК, чл. ПК Политбюро, Генеральным секретарем ЦК КПК, назначен 1-м зам. пред. Военного совета ЦК КПК. На 1-й сессии ВСНП 7-го созыва 9 апр. 1988 назначен зам. пред. Центр. Военного совета.

После событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 было проведено расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, затем созван IV пленум 13-го созыва (23–24 июня 1989), к-рый утвердил доклад Ли Пэна «Относительно ошибок, совершенных тов. Чжао Цзы-яном во время антипартийных, антисоциалистических волнений». В докладе указывалось, что Чжао Цзы-ян совершал нападки на тех, кто отстаивал «четыре основных принципа» (*сы сян цзибэнь юаньцзэ*), выдвинутые **Дэн Сяо-пином**, пассивно противодействовал влиянию «гнилых идей буржуазной либерализации», уделял мало внимания идейно-полит. работе. Пленум снял Чжао Цзы-яна с занимаемых постов, избрав Ген. секретарем ЦК КПК **Цзян Цзэ-миня**.

***** Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 окт. — 1 нояб. 1987 г.). Пекин, 1988. ****** *Бергер Я.М.* К кончине Чжао Цзы-яна // ПДВ. 2005, № 2, с. 57–62; Краткая история КПК (1921–1991) / Гл. ред. Ху Шэн. Пекин, 1993; *Портяков В.Я.* Экономические аспекты доклада премьера Госсовета КНР Чжао Цзы-яна о седьмом пятилетнем плане // ИБ. 1995, № 11, с. 117–123; *Усов В.Н.* КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984). М., 2003; [Чжао Цзы-ян] // 40 лет КНР. М., 1989, с. 502–503; Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ, 1949–1985 (Справочник материалов по истории КНР). Пекин, 1986; *Чэнь Мин-сянь.* Синь Чжунго уши нянь (Пятьдесят лет Новому Китаю). Пекин, 1999.

В.Н. Усов

ЧЖИСИ

直系

Чжиси — Чжилийская группировка. Одна из группировок бэйянских милитаристов в Китае, образовавшаяся после смерти **Юань Ши-кая** (1916). Большинство ее членов, включая лидеров У Пэй-фу, Цао Куня и др., были выходцами из столичной пров. Чжили. Осн. территориальной базой группировки были провинции Чжили, Хэнань, Хубэй и Хунань.

Основателем *Чжиси* считается генерал Фэн Го-чжан, в сент. 1911 получивший пост военного губернатора Чжили. В период Синьхайской революции Фэн возглавлял 1-ю и 2-ю императорские армии, подавлявшие революционеров. После «второй революции» (июль–сент. 1913) Фэн получил пост военного губернатора в пров. Цзянсу, к-рый занимал в течение 4 лет. В этот период он усилил свои позиции в бассейне Янцзы, в его распоряжении были две дивизии, а в сферу влияния вошли еще две провинции — Цзянси и Хубэй.

Второй по значимости лидер группировки — генерал Цао Кунь, командир 3-й дивизии, вокруг к-рого впоследствии сплотилось ядро чжилийской армии. Он был военным губернатором Чжили, в янв. 1918 получил от Дуань Ци-жуя назначение командующим «экспедицией по умиротворению» провинций Хунань и Хубэй и пост гражданского губернатора Чжили. После смерти Фэн Го-чжана в 1919 Цао Кунь формально оставался главой группировки, но

вскоре ее возглавил У Пэй-фу, к-рому Цао Кунь передал командование армией.

Группировка пользовалась финанс. поддержкой англ. и амер. монополий. Только в 1922 США предоставили У Пэй-фу вооружение на сумму 2 млн. долл. Кроме того, через посланника США в Китае амер. фирмы продали У Пэй-фу 10 тыс. винтовок, 250 пулеметов и 10 млн. патронов.

Наиб. заметную роль в полит. жизни Китая *Чжиси* играла в 1920–1924, в период между ее войнами с милитаристскими группировками **Аньфуси** и **Фэнтяньси**. После первой войны *Чжиси* делила власть с фэнтяньской группировкой, возглавляемой Чжан Цзо-линем, а с 1922, одержав победу над ним, чжилийская группировка установила контроль над провинциями Жэхэ, Чахар и Суйюань. В 1923, подкупив парламент, Цао Кунь был выбран президентом Китайской Республики.

В 1923 войска *Чжиси* зверски расправились с участниками Пекин-Ханькоуской стачки. В окт. 1924 потерпели поражение от войск Чжан Цзо-линя. Большую роль в этом сыграл «столичный переворот» Фэн Юй-сяна, бывшего подчиненного У Пэй-фу, изменившего своему командиру. Он оголил фронт в Жэхэ и повернул свои войска на Пекин, что дало возможность Чжан Цзо-линю сосредоточить мощную группировку под Шаньхайгуанем. 22–23 окт. 1924 войска Фэн Юй-сяна вошли в Пекин. Генерал посадил президента под домашний арест, распустил парламент, разогнал пр-во, сместил У Пэй-фу со всех постов. Затем Фэн Юй-сян передал в императорский дворец **Пу И** ультиматум под назв. «Пересмотр „Льготных условий для цинского двора“». Этим документом упразднялся титул императора, Пу И становился гражданином республики и изгонялся из Запретного города.

В февр. 1926 У Пэй-фу и Чжан Цзо-линь заключили соглашение о совместной борьбе с кит. революцией. В период Северного похода 1926–1927 Национально-революционная армия (НРА) разгромила войска У Пэй-фу, после этого поражения Чжилийская группировка сошла с полит. арены.

** *Каретина Г.С.* Военно-политические группировки Северного Китая: (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001; *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005; Новая история Китая. М., 1972; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1983; Бэйян цзюньфа шиляо сюаньцзи (Сборник материалов по истории северных милитаристов). Т. 2. Хунань, 1981; *Син Пай-лин*. Цзюньфа лечжуань (Биографии милитаристов). Харбин, 1987.

В.Н. Усов

ЧЖОУ И-ЛЯН

周一良

Чжоу И-лян, Чжоу Тай-чу. 19.01.1913, Циндао пров. Шаньдун, — 23.10.2001, Пекин. Историк, признанный специалист по истории Китая, Японии, Кореи, автор и редактор учебников по всеобщей истории и истории стран Азии.

Род. в семье выходцев из пров. Аньхой, известной в Китае 2-й пол. XIX в. успехами своих представителей на гос. службе и в предпринимательстве. Обучался с домашними учителями, освоил традиц. гуманитарные дисциплины, а также яп. и англ. языки. В 1930 в Пекине поступил на филол. ф-т Яньцзинского ун-та, через год — на ист. ф-т ун-та Фужэнь, еще через год вернулся в Яньцзинский ун-т, окончил ист. ф-т в 1935 и поступил в магистратуру. Под влиянием историка **Дэн Чжи-чэна** занялся раннесредневек. историей Китая. Удостоился похвал проф. **Чэнь Инь-кэ**. В 1936 оставляет магистратуру и поступает на работу в Ин-т истории и языка АН Китая в Нанкине. Получив стипендию Гарвардского ун-та, в 1939 выезжает на учебу в США, специализируется по яп. яз. и лит-ре. В 1944 защищает диссертацию на степень д-ра филос. по кит. тантризму (см. **Ми-цзун** в т. 1). Два года преподает яп. яз. в Гарвардском ун-те. В 1946 возвращается в Китай, работает доцентом на филол. ф-те Яньцзинского ун-та. В 1947–1952 — проф. ф-та

иностр. языков, затем проф. ист. ф-та ун-та Цинхуа. С 1952 в Пекинском ун-те — проф., зав. кафедрой, зам. декана, декан ист. ф-та. С 1954 ведет исследования и создает учеб. курсы по истории Азии, Японии и Кореи, много занимается междунар. науч. связями. Чл. КПК с 1956. Участник идеологич. кампаний 1950-х. Был вынужден выступить с резкой критикой **Ху Ши** и Чэнь Инь-кэ во время **«культурной революции»** (1966–1976). В 1974 в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (*пи Линь пи Кун*) привлечен в качестве советника в «группу критики», выступавшую в печати под псевд. Лян Сяо. В 1976 после ареста «банды четырех» (**сы жэнь бан**) был подвергнут критике. После оправдания в 1978 вернулся к преподаванию в Пекинском ун-те. В 1987 вышел на пенсию, занимался редактированием своих старых работ, опубликовал воспоминания.

Чжоу И-лян внес весомый вклад в исследование раннесредневек. истории Китая III–VI вв. Результаты изысканий представлены в трех сб. статей (1963, 1985, 1991). В первом рассматриваются различные вопросы социально-полит. и нац. истории, во втором — вопросы источниковедения и историографии этого периода по материалам 12 дин. историй, а третий сб., кроме статей по общей истории, включает также исследования по истории **буддизма** (см. т. 1) и дуньхуановедению. Классической в своей области остается ст. Чжоу И-ляна «Цихо као» («Исследование „голодных беженцев“») о восстаниях переселенцев на юг, вспыхнувших в нач. IV в. в бассейне Хуанхэ (впервые опубл. в 1948). Для работ Чжоу И-ляна характерны привлечение большого числа разнообр. источников, в т.ч. археологических, строгая система доказательств и надежность выводов, использование лит-ры на иностр. языках. Постоянным оставался интерес Чжоу И-ляна к вопросам нац. культуры, к-рый прослеживается в его работах по истории Китая (общность и различия региональных культур Севера и Юга), Японии и Кореи, истории культурных контактов Китая с дальневост. соседями. В понятии «культура» он выделял культуру в «узком» (лит-ра, искусство и т.д.), «широком» (орудия производства и т.п.), а также в «глубоком смысле». Последняя представлялась ему некой «потенциальной общей субстанцией», пронизывающей и связывающей различные слои культуры народа. Др. областями ист. исследований Чжоу И-ляна являются история буддизма и буд. переводов в Китае, тексты жанра **бянь вэнь** (см. т. 2, 3) и рукописные книги Дуньхуана.

***** *Чжоу И-лян.* Чжоу И-лян сюэшу луньчжу цзысюань цзи (Собр. науч. трудов Чжоу И-ляна, составленное автором). Пекин, 1995; *он же.* Бицзин ши шушэн (В конечном счете — книжник). Пекин, 1998; Чжоу И-лян цзи (Собр. соч. Чжоу И-ляна): В 5 т. Шэньян, 1998; *он же.* Цзаосоу пуянь (Откровенные речи старца из пригорода). Пекин, 2001; *Чжоу И-лян, Чжоу Ци-жуй.* Чжоу И-лян душу тицзи (Заметки Чжоу И-ляна по книгам [из домашней библиотеки]): В 4 ч. // Чжунго дяньцзи юй вэньхуа. 2005, № 1–4; *Chou Yi-liang.* Tantrism in China // HJAS. 1945, vol. 8, № 3, 4; *idem.* History of Humanity. Vol. 3 / Ed. by Zhou Yiliang et al. L., 1996. ****** *У Шоу-чжи.* Чжоу И-лян синьтай фавэй (О тонкостях психологии Чжоу И-ляна) // Ланьчжоу цзяоюй сюэюань сюэбао. 2004, № 2; *У Юн-чжан.* Во соляоцзе ды Чжоу И-лян сяньшэн (Проф. Чжоу И-лян, каким я его знал) // Чжуннань миньцзу дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуй кэсюэ бань). 2002, № 2; Цзайу цзи: Чжоу И-лян сяньшэн ды сюэшу юй жэньшэн (Груз ответственности: Исследования и жизнь проф. Чжоу И-ляна). Пекин, 2003; *Ци Ши-жун.* Сюэгуань чжунси ды цяньсюй сюэчжэ — шэньце хуайнянь Чжоу И-лян сяньшэн (Скромный ученый, познавший Китай и Запад: С сердечной памятью о проф. Чжоу И-ляне) // Шоуду шифань дасюэ сюэбао (Шэхуй кэсюэ бань). Пекин, 2004, № 1; Чжоу И-лян сяньшэн баши шэнжи цзинянь луньвэнь цзи (Сб. ст. в честь 80-летия проф. Чжоу И-ляна). Пекин, 1993.

В.М. Майоров

ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ

周恩來

Чжоу Энь-лай, псевдонимы: У Хао, Москвин, Су Гуан, Шао Шань, Чжоу Шао-шань. 05.03.1898, Хуайань пров. Цзянсу, — 08.01.1976, Пекин. Видный полит. и гос. деятель КНР, премьер Гос. администр. совета (1949–1954), Госсовета КНР (1954–1976), зам. Председателя ЦК КПК (1956–1966, 1973–1976), зам.пред. ВК НПКСК (1949–1976).

Род. в обедневшей семье ученого сословия **шэнь ши**. Его отец, рано овдовев, отдал 9-летнего сына в семью своего бездетного брата. Через год мальчика взял к себе на воспитание другой дядя по отцу, служивший офицером полиции в Маньчжурии. Здесь мальчик стал посещать начальную школу, организованную при поддержке иностр. миссионеров, где наряду с кит. классич. литрой читал произв. Ч. Дарвина, Ж.-Ж. Руссо и др. европ. авторов, знакомился с кит. патриотич. публицистикой, начал изучать англ. яз.

В 1913 Чжоу Энь-лай поступил в Нанькайскую ср. школу в Тяньцзине. Летом 1917 окончил школу, был отмечен как наиболее отличившийся на выпускных экзаменах. В сент. 1917 по приглашению одного из своих школьных друзей уехал в Японию. В 1917–1919 учился в ун-те Васэда. В апр. 1919 Чжоу Энь-лай вернулся в Тяньцзинь и вскоре активно включился в патриотич. движение против условий Версальского мирного договора 1919 о передаче Японии бывших германских колониальных владений в Китае. Осенью 1919 он был зачислен студентом Нанькайского ун-та, одновременно работал технич. сотрудником в ректорате. Узнав о революц. событиях в России, Чжоу Энь-лай стал инициатором встреч студентов с преподавателем Пекинского ун-та С. Полевым, выпускником Дальневосточного ун-та. Во время этих встреч молодежь обсуждала проблемы, связанные с местом и ролью в истории социалистов, анархистов, чартистов и особенно коммунистов.

В авг. 1919 Чжоу Энь-лай опубликовал статью с резкой критикой действий прояпонски настроенных милитаристов пров. Шаньдун, подвергших репрессиям местных студентов. Участники студенч. митинга, созванного по его инициативе, направили своих делегатов в Пекин для вручения резолюции протеста пр-ву и установления связей со столичным студенчеством. Когда пекинские власти арестовали их, Чжоу Энь-лай включился в орг-цию массового похода тяньцзиньских студентов на Пекин с требованием освобождения задержанных. Власти вынуждены были уступить. 6 сент. 1919 в Тяньцзине состоялось собрание, посвященное созданию патриотич. студенческого «Общества пробуждения сознания» (*Цзюэ у шэ*), на к-ром Чжоу выступил с призывом к свержению власти милитаристов, компрадорской буржуазии и бюрократов. Позже он пригласил на заседание Об-ва одного из первых кит. марксистов, проф. Пекинского ун-та **Ли Да-чжао**, встречался также с одним из основателей КПК **Чэнь Ду-сю**. В янв. 1920 во время разгона массового митинга Чжоу Энь-лай был арестован. Его отчислили из ун-та, и после выхода из тюрьмы он включился в движение за отъезд молодежи на учебу и работу в Европу, чтобы продолжить образование во Франции по правительств. программе. В 1920–1924 работал и учился во Франции и Германии, был одним из создателей Коммунистич. союза молодых китайцев, проживающих в Европе (куда входили Цай Хэ-сэнь, **Ли Ли-сань**, **Дэн Сяо-пин**, Ли Фу-чунь, **Чэнь И** и др.), стал ред. и осн. автором его печатного органа — журн. «La Jeunesse» («Молодежь»). С июня 1922 — секретарь объединенной ячейки этого Коммунистич. союза. После установления летом 1922 связи с КПК члены Лиги с участием представителей коммунистич. кружков китайцев, проживающих в Европе, приняли решение о вхождении в КПК и создали ее европ. секцию.

В сент. 1924 по указанию рук-ва КПК Чжоу Энь-лай вернулся в Китай, в Гуанчжоу, где находилось революц. пр-во во главе с **Сунь Ят-сеном**. Чжоу Энь-лай стал секретарем Гуандун-Гуансийского комитета КПК и начальником его военного отдела, а затем начальником политотдела военной школы Хуанпу (Вампу), созданной в мае 1924 при участии сов. военных советников и инструкторов. Начальником школы Вампу был **Чан Кай-ши**. С 1925 Чжоу Энь-лай — начальник политотдела 1-го корпуса НРА; участвовал в Вост. походе НРА против милитариста Чэнь Цзюн-мина, внес большой вклад в укрепление

революц. опорной базы в Гуандуне и в подготовку Северного похода НРА. В 1926 в Гуанчжоу вел занятия по военному делу на курсах организаторов крестьянского движения.

С 1926 находился на парт. подпольной работе в Шанхае. В марте 1927 руководил вооруженным восстанием рабочих Шанхая. На V съезде КПК в 1927 избран чл. ЦК КПК, являлся одним из руководителей Наньчанского восстания 1 авг. 1927. В нач. 1928 Чжоу Энь-лай при содействии Коминтерна нелегально прибыл в СССР. Участвовал в июне–июле того же года в Подмосковье в работе VI съезда КПК, был избран чл. Политбюро, секретарем ЦК и зав. Орготделом ЦК КПК. На VI конгрессе Коминтерна в Москве был избран канд. в чл. Исполкома Коминтерна. В окт. 1928 нелегально вернулся в Шанхай и до сер. 1931 работал в подполье зав. Орготделом ЦК КПК, секретарем Военного совета ЦК. Летом 1930 нелегально выехал в СССР для доклада ИККИ о деятельности КПК, 5 июня 1930 от имени своей партии в Москве приветствовал участников XVI съезда ВКП(б). В дек. 1931 он перебирается в Центр. советский район, где становится секретарем Центр. бюро ЦК КПК, гл. политкомиссаром Рабоче-крестьянской Красной армии Китая и политкомиссаром 1-го фронта. В янв. 1935 на совещании в Цзуньи он поддерживает **Мао Цзэ-дуна**, становится зам. пред. Реввоенсовета ЦК КПК, вскоре введен в группу военного командования, возглавляемую Мао. В 1935 на VII Конгрессе Коминтерна избран членом ИККИ.

В дек. 1936 во время т.н. сианьских событий, связанных с арестом Чан Кай-ши и др. деятелей Нанкинского пр-ва, Чжоу Энь-лай сыграл активную роль в мирном урегулировании конфликта и в февр.–сент. 1937 во главе делегации КПК провел 6 раундов переговоров с делегацией Гоминьдана о формировании единого нац. фронта борьбы против яп. агрессоров. В 1937–1945 был представителем ЦК КПК в Ухани и Чунцине в рамках единого нац. фронта сопротивления Японии, одновременно являлся зам. секретаря Чанцзянского бюро ЦК КПК, секретарем Южного бюро ЦК КПК.

В авг. 1939, приехав по делам в Яньань, где находились ЦК КПК и Политбюро ЦК, Чжоу Энь-лай при падении с лошади сломал руку и для лечения был направлен в СССР. В марте 1940 вернулся в Яньань, а оттуда — в Чунцин.

В февр. 1942 Мао Цзэ-дун развернул массовую кампанию «по упорядочению стиля» (*чжэн фэн*), направленную на уничтожение своих идеологич. противников. Как и многие коммунисты, в ходе этой кампании Чжоу Энь-лай был вынужден заниматься критикой и «самокритикой». Весной 1943 он выступил в Чунцине на собрании сотрудников Южного бюро ЦК КПК с двумя докладами: «Об отношениях КПК с Гоминьданом в 1924–1926 гг.» и «Как стать хорошим руководителем», а также написал в качестве самокритики пространную записку-исповедь «Основные принципы моей работы над собой», датированную 18 марта 1943. О кампании *чжэн фэн* стало известно в Москве, и Г.М. Димитров 22 дек. 1943 обратился с личным письмом к Мао Цзэ-дуну, где выразил озабоченность свертыванием КПК борьбы с яп. оккупантами и отклонением от политики единого нац. фронта, а также кампанией *чжэн фэн*: «...считаю политически неправильной проводимую кампанию против Чжоу Энь-лая и **Ван Мина**, к-рым инкриминируется... политика нац. фронта, в итоге к-рой они якобы вели партию к расколу. Таких людей, как Чжоу Энь-лай и Ван Мин, надо не отсекать от партии, а сохранять и всемерно использовать для дела партии».

На VII съезде КПК в 1945 Чжоу Энь-лай был избран чл. ЦК КПК, вошел в Политбюро и Секретариат ЦК КПК (переизбирался до X съезда включительно). В авг. 1945, накануне капитуляции Японии, он вместе с Мао Цзэ-дуном прибыл в Чунцин для переговоров с Гоминьданом и участвовал в подготовке соглашения, в соответствии с к-рым КПК и Гоминьдан обязались добиваться мирным путем решения проблем послевоенного демократич. переустройства Китая. С нояб. 1946 по 1949 Чжоу Энь-лай был начальником Генштаба НОАК; в сент. 1948 — янв. 1949 — одним из руководителей трех крупных операций НОАК (Ляоси-Шэньянской, Бэйпин-Тяньцзиньской, Хуайхайской).

После образования КНР он избирается премьером Гос. административного совета (1949–1954); зам. пред. Народно-революц. военного совета, чл. правления Об-ва кит.-сов. дружбы. В 1949–1976 — зам. пред. Военного совета ЦК КПК. 14 февр. 1950 Чжоу Энь-лай вместе с Мао Цзэ-дуном подписал в Москве Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. В 1954–1976 — премьер Госсовета, одновременно по совместительству министр иностр. дел, пред. Всекит. комитета НПКСК, депутат ВСНП. В 1956 избран зам. Председателя ЦК КПК (до начала **«культурной революции»** в 1966, с 1973 вновь избран на этот пост).

Будучи страстным патриотом, Чжоу Энь-лай придавал огромное значение делу воссоединения Тайваня с материковой частью КНР, призывал гоминьдановских деятелей на острове содействовать созданию третьего общенац. единого фронта КПК и Гоминьдана.

После краха «большого скачка» и коммунизации деревни Чжоу Энь-лай был одним из разработчиков (совместно с **Лю Шао-ци**, **Чэнь Юнем** и Ли Фучунем) курса на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» народного хоз-ва. В результате осуществления этого курса страна стала выходить из того тяжелого экономич. положения, в к-ром оказалась. Однако процесс оздоровления экономики был прерван «культурной революцией». Поддержав в самом начале «культурную революцию» и рассматривая ее как кампанию борьбы против бюрократизма, Чжоу Энь-лай в дальнейшем, когда это движение вышло из-под контроля партии и пр-ва, делал все, чтобы сохранить в существовавшем хаосе работоспособность правительств. органов страны, не допустить полного краха экономики, уберечь хотя бы часть гос., военных и парт. кадров, представителей науч. и творч. интеллигенции от разъяренных толп **хунвэйбинов** и *цзаофаней*. Его позиция и полит. роль в 1966–1975 была оценена Дэн Сяо-пином: «Чжоу Энь-лай был в крайне трудном положении и говорил и делал много того, чего не хотел бы. Но люди простили ему, потому что, если бы он не делал и не говорил этого, он не смог бы выжить и сыграть нейтрализующую роль, к-рая уменьшила потери».

Деятельность Чжоу Энь-лая вызывала острую неприязнь к нему со стороны «банды четырех» (**сы жэнь бан**) — супруги Мао Цзэ-дуна Цзян Цин и ее сторонников, натравливавших *хунвэйбинов* персонально на премьера. В течение неск. дней и ночей *хунвэйбины* буквально осаждали Чжоу Энь-лая в его резиденции, и ему стоило большого труда убедить ворвавшихся к нему разъяренных молодых людей в том, что он проводит линию Председателя Мао, а не «сторонников капиталистич. пути», к к-рым в то время причисляли всех неугодных Мао Цзэ-дуну лиц. Против Чжоу Энь-лая была затем направлена кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» (*пи Линь пи Кун*), развернутая после 1971. Листовки, появившиеся в те годы, напоминали, что по происхождению Чжоу Энь-лай принадлежит к «чиновной прослойке феодального класса». Организаторы кампании на все лады поносили др.-кит. мыслителя **Конфуция** (см. также т. 1), жившего в VI–V вв. до н.э., представляя его крайним реакционером, сторонником реставрации дин. Чжоу (обозначавшейся тем же иероглифом, что и фамилия Чжоу Энь-лая), царствовавшей в XI–VIII вв. до н.э. По распоряжению Цзян Цин и Кан Шэна была арестована и впоследствии замучена в тюрьме приемная дочь Чжоу Энь-лая талантливая актриса и режиссер Сунь Вэй-ши, в свое время учившаяся в СССР.

После X съезда КПК в 1973 Чжоу Энь-лай вновь был выбран зам. Председателя ЦК КПК. В 1975 на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва сделал доклад о работе пр-ва КНР, в к-ром вновь поставил задачу осуществления «четырех модернизаций» — промышленности, сельского хоз-ва, обороны, науки и техники Китая (впервые она была сформулирована на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва 20.12.1964).

Благодаря таланту Чжоу Энь-лая кит. дипломатия добилась значительных успехов на междунар. арене. Особенно ярко его талант проявился на Женевской конф. министров иностр. дел пяти держав (апр.–июль 1954). В июле 1954, после его визитов в Индию и Бирму, в совместных заявлениях сторон

была провозглашена формула «пяти принципов мирного сосуществования», в разработке к-рой он активно участвовал (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутр. дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование). Эти принципы были зафиксированы в кит.-инд. соглашении 29 апр. 1954. Он возглавлял делегации КНР на Женевском совещании по Индокитаю (1954–1959), на Бандунгской конференции (1955).

Чжоу Энь-лай участвовал в сов.-кит. переговорах в Москве в 1950, во главе делегации КПК присутствовал на XXII съезде КПСС в 1961. В последний раз в СССР он побывал в нояб. 1964 на праздновании 47-й годовщины Октября. 11 сент. 1969 в Пекинском аэропорту имел 3-час. встречу с сов. делегацией, к-рую возглавлял пред. Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Эта встреча положила начало процессу нормализации кит.-сов. отношений.

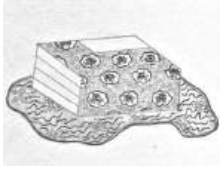
В 1972 врачи обнаружили у Чжоу Энь-лая рак, он перенес 14 операций, но продолжал напряженно работать. Весной 1974 его здоровье резко ухудшилось, он постоянно находился в госпитале, но не прекращал заниматься делами Госсовета. В янв. 1975 он в последний раз принял участие в сессии ВСНП, изложив в докладе программу «четырех модернизаций», якобы выдвинутую Мао Цзэ-дуном. Согласно этой программе, следовало превратить КНР в «могущественную совр. социалистическую державу» к кон. XX в. За последующие 20 лет на основе «четырех модернизаций»: сельского хоз-ва, промышленности, обороны, науки и техники вывести Китай в «первые ряды мира».

***** Чжоу Энь-лай сюаньцзи (Избр. произведения Чжоу Энь-лая): В 2 т. Пекин, 1981–1984; *он же.*Тунъи чжаньсянь вэньсюань (Избр. статьи о едином фронте). Пекин, 1984; Чжоу Энь-лай шусинь сюаньцзи (Сб. избр. писем Чжоу Энь-лая). Пекин, 1987. ****** *Волохова А.А.* Из истории дипломатии КНР: Некоторые аспекты наследия Чжоу Энь-лая // Всемирная история и Восток. М., 1989, с. 179–186; *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Энь-лая. М., 1996; *Усов В.Н.* КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.): В 2 ч. М., 1998. (ИБ; № 4, 5); *Федоренко Н.Т.* Вспоминаю Чжоу Энь-лая // ПДВ. 1989, № 5, с. 117–125; «Вэньхуа да гэмин» чжунды Чжоу Энь-лай (Чжоу Энь-лай в период «великой культурной революции»). Пекин, 1992; Чжоу Энь-лай чжуань, 1898–1949 (Биография Чжоу Энь-лая, 1898–1949) / Отв. ред. Цзинь Чжун-цзи. Пекин, 1989; Чжоу Энь-лай няньпу, 1898–1949 (Хроника жизни Чжоу Энь-лая, 1898–1949). Пекин, 1990; Чжоу Энь-лай няньпу (1949–1976) (Хроника жизни Чжоу Эньлая, 1949–1976): В 3 т. Пекин, 1997; Чжоу Энь-лай яньцзю вэньсюань (Сб. исследовательских статей о Чжоу Энь-лае). Тяньцзинь, 1987; *Aral T.* The Practice of a Revolutionary: Zhou En-lai. Tokio, 1979; *Archer J.* Chou En-lai. N.Y., 1973; *Fitzpatrick M.* Zhou En-lai. St. Lucia, 1984.

В.Н. Усов

ЧЖУАНЬ

傳



Чжуань, *чжуань цзи* («биография», «жизнеописание») — традиц. жанр кит. историографии. Биографии давали функциональную характеристику личности, показывали ее социальную роль и взаимоотношения с властью.

Первые материалы биографич. характера начали создавать придворные историографы правителей древних царств, но как самостоятельный вид ист. повествования биографии появляются лишь в империи Хань, на этапе становления и оформления конф. монархии и ее гос. доктрины. Создателем жанра стал **Сыма Цянь** (145 — 87/86 до н.э.; см. также т. 1). Центр. раздел «Исторических записок» (**«Ши цзи»**; см. также т. 1) он посвятил ист. персонажам всего предшествующего периода и назвал его «Ле чжуань» (букв. «то, что расположено в порядке и передается [от предков потомкам]», «упорядоченная традиция» в пер. Ю.Л. Кроля; «биография»). Сыма Цяня интересовала не

личная жизнь его героев, он описывал их дела, выполнение ими предписываемых **конфуцианством** (см. т. 1) норм поведения и обязанностей подданного, чтобы преподать грядущим поколениям уроки социального поведения, утвердить соотнесенные с гос. доктриной осн. принципы жизни об-ва. Личность в определенной ист. ситуации — главная тема биографий (*ле чжуань*) Сыма Цяня, построенных на конкретном ист. материале, значительная часть к-рого сосредоточена именно в биографиях. Это не только придавало особую убедительность урокам, к-рые он стремился преподать потомкам, но и облегчало закрепление в обществ. сознании осн. вех созданной им версии истории Китая.

«Исторические записки» положили начало новому виду офиц. трудов — династийным историям (*чжэн ши*). Их непременной составной частью стал раздел биографий — он самый обширный, содержит осн. сведения о периоде, к-рому данная династийная история посвящена. «Аннало-биографическим» (*цзи чжуань*) называется и сам жанр династийных историй.

Со 2-й пол. I тыс. н.э. биографич. разделы появились в сводных трудах энциклопедич. характера и нек-рых др. произведениях. Самым крупным средоточием биографий стали историко-географич. описания (**фан чжи**), до наших дней их сохранилось ок. 8 тыс. Регулярно готовились и издавались специальные (чаще всего тематические) сборники биографий. Общее кол-во ист. персонажей, сведения о деятельности к-рых можно найти на страницах ист. трудов, едва ли поддается учету.

Как правило, биографии создавали придворные историки — очевидное свидетельство того значения, к-рое придавали этим сочинениям офиц. власти. Система подготовки офиц. биографий исправно функционировала. Этим занимались как центр., так и региональные власти. Кроме того, с древних времен были широко распространены и др. жанры жизнеописаний, преимущественно мемориального характера (их было не менее 20 видов), а также родословия (**пу де**) — ист. сочинения, посвященные генеалогии семейных коллективов (семьи, рода, патронимии). Подготовка подобных материалов всегда находилась под контролем властей.

Вслед за основателями жанра кит. историки придавали биографиям дидактический, назидательный характер, что сближает их с агиографич. лит-рой — житиями, повествующими о религ. подвижниках или мудрых правителях. Это определяло отбор персонажей и событий жизни героев, характеризующих те или иные их качества, орг-цию материала. Биографии, как правило, не дают полного описания всего жизненного пути героя или его служебной карьеры. Они нацелены на то, чтобы выявить мотивацию общественно значимых поступков исследуемой личности, дать им нравств. оценку. Значительная часть биографий в династийных историях классифицирована (*лэй чжуань*). Каждой такой категории предпослано введение морально-назидательного характера.

Дидактич. потенциал биографий, как и биографич. материалов различного рода, был очень велик. Память о личности, чья биография была помещена в династийную историю или другой офиц. труд и не могла быть переписана, сохранялась навечно. Для всех членов его рода, а также земляков это могло быть предметом гордости или вечного позора, а для всех грядущих поколений подданных Сына Неба — либо образцом для подражания, либо предостережением. В конф. монархии такие возможности осмысления, духовного и обществ. воздействия биографий активно использовались в делах правления как эффективное средство социального контроля, формирования и закрепления стереотипов поведения и норм полит. культуры. Исключительно велика была роль биографий в деле воспитания столь важной для каждого об-ва ист. памяти.

Подготовленные придворными историками биографии оказали глубокое воздействие на всю духовную культуру Китая. Именно они чаще всего вдохновляли поэтов и писателей, являлись для них источником фактич. материала; образы многих героев в худ. лит-ре были навеяны биографиями, а в их трактовке авторы обычно следовали за придворными историками. Худ. биография

в кит. лит-ре появилась достаточно поздно и также несла на себе ощутимый отпечаток офиц. биографий.

С падением монархии жанр биографий хотя и претерпел существ. изменения, но не исчез. Он, как и прежде, популярен у кит. историков, массовыми тиражами в Китае выходят биографии ист. деятелей, рассчитанные как на специалистов, так и на массового читателя. Активно присутствуют в жизни совр. кит. об-ва и биографии, подготовленные придворными историками. К ним апеллируют, решая такие сложнейшие проблемы, стоящие на пути радикальной модернизации страны, как воспитание нац. духа (*цзин шэнь*), патриотизма, утверждение в об-ве ценностей нац. менталитета, воспитание ист. памяти, норм социального поведения и обществ. морали.

** *Доронин Б.Г.* Биография в средневековом Китае (К характеристике жанра) // ИИИСАА. 1990, вып. 13, с. 107–124; *он же.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 109–113; *Цан Сюлян*, *Вэй Дэ-лян.* Чжунго гудай шисюэ ши цзяньбянь (Краткий очерк истории исторической науки древнего Китая). Харбин, 1983; *Twitchett D.S.* Chinese Biographical Writing // Historians of China and Japan / Ed. by W.G. Beasly, E.G. Pulleyblank. L., 1961.

Б.Г. Доронин

ЧЖУ ДЭ

朱德

Чжу Дэ. 01.12.1886, дер. Мань уезда Илун пров. Сычуань, — 06.07.1976, Пекин. Видный полит. и гос. деятель, маршал КНР, один из основателей и руководителей Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Род. в многодетной крестьянской семье. Предки были выходцами из Гуандуна. Воспитывался в семье дяди, к-рый приложил немало усилий, чтобы дать ему образование. В шесть лет начал учиться в сельской, а с 1895 — в гор. частной школе по традиц. системе. В 1905 поступил в совр. школу в Чунцине. Здесь впервые встретился с противниками правящей маньчж. дин. Цин (1644–1911). Осенью 1905 юноша вошел в число 20 победителей конкурса на степень *сю цая* в уездном г. Илун. Его внимание привлекло недавно открытое в Чэнду гос. пед. училище, при к-ром имелось отд-ние физ. воспитания с годичным сроком обучения. Преподавание физкультуры как специальности было новшеством для кит. школы. Чжу Дэ поступил на это отд-ние. После окончания в 1907 вернулся в родные места, работал преподавателем физкультуры и одновременно управляющим школы. Однако вскоре местные власти закрыли школу, а физкультуру назвали «непристойным» предметом. Чжу Дэ был вынужден отправиться в Куньмин — столицу пров. Юньнань, где вступил в армию. В 1909 он решил поступить в военное училище нового образца в Куньмине.

К нач. XX в. армия все активнее выдвигается на авансцену обществ.-полит. жизни Китая, а военная профессия становится престижной. Среди части офицерского корпуса, познакомившегося с европ. и яп. образцами обучения, стали распространяться настроения, оппозиционные монархич. режиму: уже действовала нелегальная революц. орг-ция **Сунь Ят-сена** *Тунмэнхуй* («Объединенный союз»). В кон. 1909, в канун Синьхайской революции, Чжу Дэ вступил в эту орг-цию. В июле 1910 как один из лучших курсантов был зачислен в спец. группу ускоренной военной подготовки. За 2 года учебы в училище Чжу Дэ овладел основами военной науки и практики, получил физич. и нравств. закалку. Окончив летом 1911 училище, юноша сразу же очутился в водовороте вооруженной борьбы за свержение монархии. Уже в первых боях проявились военный талант и личное мужество Чжу Дэ. За 6 лет службы в Юньнанской армии прошел путь от командира взвода до командира бригады — генерала; участвовал в боях на границе с Вьетнамом, сражался против сторонников **Юань Ши-кая**, воевал в частях региональных милитаристов. Разочарованный результатами Синьхайской революции, как и многие его современники, Чжу Дэ пережил глубокий духовный кризис. Он писал стихи (18 стихотворений были напечатаны Об-вом поэзии в двух сборниках

в 1939), в к-рых выразил свои опасения и возмущение междоусобными войнами милитаристских группировок. Одно время он даже пристрастился к курению опиума, но сумел избавиться от этой пагубной привычки. В июле 1922 в Шанхае он встретился с лидерами Гоминьдана — Сунь Ят-сеном, Ван Цзин-вэем и Ху Хань-мином. Пообещав Чжу Дэ 100 тыс. юаней, они предложили ему сформировать армию в пров. Гуанси для борьбы против гуандунского милитариста Чэнь Цзюн-мина. Чжу Дэ отказался, сказав Сунь Ят-сену, что 11 лет воевал с милитаристами и теперь уезжает в Европу изучать марксизм и военное дело.

В сент. 1922 Чжу Дэ удалось установить контакты с представителями кит. коммунистов, к чему он давно стремился. В Шанхае встретился с **Чэнь Ду-сю**, Ген. секретарем ЦК КПК. На просьбу принять его в КПК Чжу Дэ получил отказ из-за своего участия в войнах милитаристов. Он покидает родину, с группой студентов едет в Германию, поступает на ф-т социологии и философии ун-та им. Георга Августа в Гёттингене.

В нояб. 1922 Чжу Дэ по рекомендации **Чжоу Энь-лая** и Чжан Шэнь-фу, ответственного за оргработу в германской секции европ. отд-ния КПК, вступил в партию. Три года в Германии (окт. 1922 — июль 1925) он знакомится с марксистско-ленинской лит-рой, изучает полит. науки и повышает свою военную квалификацию, изучает опыт Первой мировой войны, тактику и оперативное искусство европ. армий, ведет нелегальную работу среди кит. студентов. Еще в Гёттингене, а затем в Берлине он активно включается в работу ячеек Гоминьдана. Перед ним стояла задача вовлекать старых членов «Объединенного союза» в реорганизованный Гоминьдан, укреплять единый нац. фронт КПК и Гоминьдана. 3 янв. 1925 Чжу Дэ избирается чл. исполкома германской секции Гоминьдана, ему поручают оргработу и издание печатного органа «Минсин» («Венера»). Он пользуется авторитетом в студенч. землячестве, его избирают пред. Союза кит. студентов, обучающихся в Германии. Полит. деятельность молодого человека не осталась не замеченной нем. полицией; он дважды был арестован, а потом выслан из Германии.

С помощью Междунар. орг-ции помощи борцам революции Чжу Дэ 4 июля 1925 приехал в Ленинград, а затем в Москву. Учился в КУТВ и на военных курсах в подмосковном пос. Малаховка. Большое влияние на Чжу Дэ оказали военные идеи М.В. Фрунзе, как свидетельствует его ст. «О нек-рых осн. принципах тактики» (июнь 1933). Во время учебы он начал разработку принципов ведения партизанской войны в Китае, сформулированных им позднее в виде знаменитых «Шестнадцати иероглифов» и одобренных **Мао Цзэ-дуном** в начале их совместного рук-ва первыми отрядами Красной армии Китая: «Враг наступает — мы отступаем, враг остановился — мы ждем, враг утомился — мы бьем, враг отступает — мы наступаем». В Китай Чжу Дэ возвращается в июле 1926.

Полководческий талант Чжу Дэ, обогащенный новым мировоззрением, полит. кругозором и разносторонней военно-теоретич. подготовкой, с особой силой проявился после того, как КПК в 1927 развернула вооруженную борьбу против гоминьдановской контрреволюции. Первой военной акцией, предпринятой КПК в этой борьбе, явилось Нанчаньское восстание 1 авг. 1927, одним из организаторов и руководителей к-рого был Чжу Дэ. Это событие стало днем рождения Красной армии Китая (с 1946 — НОАК).

Красная армия рождалась в тяжелейших условиях поражения демократич. сил и спада революц. волны, подавляющего военного превосходства противника, антикоммунистич. террора. Первые части Красной армии возникли из разрозненных повстанческих отрядов. Гл. формой боевых действий стала партизанская война.

В 1927 Чжу Дэ написал один из первых строевых уставов пехоты, Устав нестроевой службы на фронте и др. наставления, в к-рых был учтен военный опыт Китая после Синьхайской революции и использованы знания, полученные Чжу Дэ во время его пребывания в Европе и СССР.

В конце янв. 1928 1-я дивизия Чжу Дэ в бою под Пинши разбила дивизию гоминьдановских войск Сюй Кэ-сяна, захватив св. 1 тыс. пленных и 2 тыс. винтовок. Вскоре его дивизия выросла вдвое — до 2 тыс. чел.

В 1930 Чжу Дэ был назначен главнокомандующим Красной армии Китая. Заслужил авторитет и уважение соратников благодаря не только военному таланту и доблести, но и своим человеческим качествам.

В ст. «О нек-рых осн. принципах тактики» Чжу Дэ изложил ряд выводов, следовавших из практики борьбы коммунистов против четырех походов Гоминьдана. Эти тактич. принципы применялись вооруженными силами компартии в течение последующих лет.

Нападение Японии на Китай 7 июля 1937 ускорило образование единого антияпонского нац. фронта. Осн. силы Красной армии в результате полит. переговоров между КПК и Гоминьданом 23 авг. 1937 были преобразованы в 8-ю армию Национально-революционной армии (НРА). Чжу Дэ был назначен командующим 8-й армией, **Пэн Дэ-хуай** — его заместителем, Е Цзянь-ин — начальником штаба, Жэнь Би-ши — начальником политотдела, **Дэн Сяопин** — заместителем.

Первое успешное сражение против яп. армии произошло под Пинсингуанем, когда 115-я дивизия 8-й армии под командованием **Линь Бяо** и 120-я — под командованием Пэн Дэ-хуая, устроив засаду, разгромили яп. 21-ю бригаду. Противник потерял свыше 3 тыс. убитыми, 1 тыс. винтовок, 40 пулеметов и минометов, 100 грузовиков, 200 повозок. Потери 115-й дивизии составили 1 тыс. убитыми и ранеными. Чжу Дэ, проанализировав ход Пинсингуаньского сражения, сделал вывод, что 8-я армия должна превзойти врага, невзирая на его преимущества (новое вооружение и продолжительное обучение), неожиданностью атаки, быстротой действий, выбором выгодных мест и времени, концентрацией превосходящих сил с лучшим вооружением и внезапным ударом по его слабым местам, решительным уничтожением его.

Под рук-вом Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуая в авг. 1940 8-я армия начала «битву ста полков» (*байтуань дачжань*) — самую крупную за все время войны операцию против яп. войск в Сев. Китае (в операции, продолжавшейся 3,5 мес., участвовали 105 полков 8-й армии, численностью более 200 тыс. чел.). Ее целью было разрушение коммуникаций и опорных пунктов противника, прорыв блокады антияпонских опорных баз, предотвращение яп. наступления на Сиань, воодушевление личного состава армии и населения, преодоление капитулянтских настроений в Гоминьдане. Подводя итоги военных действий за 7 лет войны с Японией (к июлю 1944), Чжу Дэ отмечал, что 8-я и Новая 4-я армии уничтожили и взяли в плен 1,1 млн. солдат и офицеров противника, установили контроль над территорией с населением 80 млн. чел., создали в Северном, Центральном и Южном Китае 15 крупных и небольших антияпонских опорных баз, организовали двухмиллионное народное ополчение.

5 июля 1945 на VII съезде КПК в Яньани Чжу Дэ сделал доклад «О фронте освобожденных районов». В нем он обобщил опыт борьбы руководимых КПК вооруженных сил, создания и развития освобожденных р-нов, подверг критике военную линию Гоминьдана и показал значение боевых успехов сил КПК в Войне сопротивления Японии. Отметив благоприятные для Китая изменения в междунар. обстановке, он подчеркнул необходимость подготовки к участию в общем контрнаступлении на яп. позиции и переходу от партизанской войны к маневренной, наметил конкретные задачи войск КПК.

Выдающиеся заслуги Чжу Дэ в борьбе за освобождение Китая отметил в 1946 Чжоу Энь-лай в поздравлении по случаю его 60-летия: «Дорогой главнокомандующий! Своей борьбой на протяжении десятков лет ты завоевал себе известность во всем мире, к-рый признает тебя спасителем кит. нации, вожаком трудового народа, основателем и руководителем народной армии!.. Я знаю тебя 25 лет, и меня всегда поражала твоя простота в общении с людьми, твоя твердость и непреклонность. Именно в этом твое величие! Оно реально проявляется в теплой заботе о народе, в жгучей ненависти к врагу».

Чжу Дэ с 1934 и до конца своей жизни входил в состав Политбюро ЦК КПК, в 1945 был избран секретарем ЦК КПК, в 1946–1954 — главнокомандующий НОАК. После образования КНР в 1949 работал на высших гос. постах — с 1954 зам. пред. Центр. народного пр-ва КНР, зам. пред. Гос. комитета обороны КНР и зам. пред. Военного совета ЦК КПК, в 1954–1959 — зам. Председателя КНР, а с 1959 и до дня своей смерти в 1976 оставался пред. Постоянного комитета ВСНП.

Выступления Чжу Дэ в 1950–1951 были посвящены освоению новых вооружений, совр. средств ведения военных действий: «...первым делом надо освоить технику, после чего взяться за тактику, а уж затем — за взаимодействие различных родов войск».

В 1955, когда в НОАК были введены воинские звания, Чжу Дэ и др. 9 военачальникам было присвоено звание маршала КНР. Был награжден орденами «Первого августа», «Независимости и свободы», «Освобождения» 1-й степени.

На всех занимаемых им постах Чжу Дэ служил примером принципиальности и дисциплинированности, боролся за единство и сплоченность партии. Выступал против отрицания экономич. законов, «коммунизации» крестьянства. В период «большого скачка» в беседах с руководителями местных парт. орг-ций (февр.–июль 1959) Чжу Дэ критиковал создание общих столовых на селе и военизацию жизни крестьян, что было характерно для народных коммун. Орг-цию коммун он характеризовал как «пагубный вихрь». В нач. 1962 выступил на расширенном совещании ЦК КПК с резкой критикой процветавшего в стране субъективизма, командного стиля, кампаний по борьбе с «уклонами».

Когда в ходе **«культурной революции»** многие руководители партии и страны, в т.ч. **Лю Шао-ци** и Дэн Сяо-пин, а также видные военачальники Хэ Лун, **Чэнь И**, Сюй Сян-цянь, Не Жун-чжэнь, Е Цзянь-ин подверглись нападкам и преследованиям, Чжу Дэ не стал молчать. На расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 15 дек. 1966 он выступил против огульных обвинений в «контрреволюционной деятельности» в их адрес. В ответ Цзян Цин (см. **Сы жэнь бан** — «банда четырех») инспирировала распространение **хунвэйбинами** листовок и *дацзыбао*, в к-рых его называли «милитаристом, втершимся в партию», «карьеристом, узурпировавшим власть в партии и армии», «черным главнокомандующим», с призывами: «Огонь по Чжу Дэ», «Долой Чжу Дэ».

18 окт. 1969 83-летний Чжу Дэ в числе др. видных деятелей КПК, на к-рых наклеили ярлык «старых оппортунистов», был выслан из Пекина в Гуандун, где прожил под строгим надзором до июля 1970.

После изменения ситуации в Пекине (в связи с обострением борьбы между Мао Цзэ-дуном и Линь Бяо и гибелью последнего в Монголии) Чжу Дэ вернули в столицу. На 1-й сессии ВСНП 4-го созыва (янв. 1975) он вновь избирается на пост пред. Постоянного комитета ВСНП.

Чжу Дэ известен своим стремлением к развитию и укреплению дружбы и сотрудничества с СССР. Встречаясь с советскими людьми, приезжая в Москву, он всегда призывал к добрососедским отношениям между Китаем и СССР. В 1956 был главой делегации КПК на XX съезде КПСС в Москве.

***** *Чжу Дэ.* Избранные произведения. Пекин, 1986; Чжу Дэ цзюньши вэньсюань (Избр. произведения Чжу Дэ по военному делу). Пекин, 1997. ****** *Галенович Ю.М.* Чжу Лао Цзун: (К 120-летию со дня рождения «Старого Главкома Чжу Дэ») // ПДВ. 2006, № 6, с. 96–100; *Михайлов А., Федоров В.* Полководец Чжу Дэ // Воен.-ист. журн. 1978, № 12, с. 67–73; *Пожилов И.Е.* Полководец Чжу Дэ: ранний период деятельности // ПДВ. 1986, № 4, с. 91–100; *Титов А.С., Арунов В.В.* К 90-летию со дня рождения Чжу Дэ // ПДВ. 1976, № 4, с. 112–121; *Эми Сяо.* Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ. М., 1939; *Юрьев М.Ф.* Чжу Дэ // Китай: история в лицах и событиях. М., 1991, с. 61–104; Вомэньды цзунсылин (Наш главнокомандующий). Чанша, 1980; Цзефанцзюнь цзянлин чжуань (Биографии основных руководителей НОАК). Т. 1. Пекин, 1984; *Ху Яо-бан.* Цай

Чжу Дэ тунчжи бай чжоунянь даньчэнь цзиняньхуй шанды цзянхуа (Выступление на юбилее, посвященном 100-летию со дня рождения тов. Чжу Дэ) // Жэньминь жибао. 02.12.1986; *Чжу Минь.* Мой отец Чжу Дэ: Пер. с кит. Пекин, 2006; *Чэнь Сюэ-мин.* Чжу Дэ тунчжиды душу шэнхуо (Жизнь и учеба товарища Чжу Дэ) // Чжунго сяньдай ши. Жэньда. 1986, № 1, с. 160–166; *Smedley A.* The Great Road: The Life and Times of Chu The. N.Y., 1956.

В.Н. Усов

ЧЖУН СИН

中興

Чжун син — «возрождение [династии]». Термин используется в ранних текстах при описании династийного цикла. В нек-рых кит. словарях указано значение «возрождение на полпути». Как отмечает Ян Лянь-шэн, первое слово *чжун* [*1*] в этом сочетании следует читать в 4-м **тоне** (см. т. 3) и значит оно не «посередине», а «второй», «снова», поэтому *чжун син* — «возрождение», а не «возрождение посередине [династии]». В текстах **Сыма Цяня** (145–87/86 до н.э.) и **Бань Гу** (32–92 н.э.) *чжун син* употребляется как синоним термина **фу син**, где *фу* [*4*] — «снова, повторно», и поясняется с помощью *фу син* (сунский Ван Гуань-го). Едва ли не единств. довод в пользу перевода *чжун син* как «возрождение на полпути» — наличие в др.-кит. яз. (в частности, во II в. до н.э. — I в. н.э.) антонимичного устойчивого сочетания *чжун шуай* («упадок на полпути [= посередине династийного периода]»).

Случаи употребления бинома *чжун син* известны со 2-й пол. I в. до н.э. При Ранней Хань (206 до н.э. — 8 н.э.) так называли царствование Сюань-ди (73–49 до н.э.), к-рый, по словам Бань Гу, «распространил грозное величие на северных варваров, [так что] *шаньюй* стал стремиться к [выполнению] долга [верности], бить челом и называть [свое гос-во вассальным] — „защитой [монарха в столице“. Его] подвиги были явлены основателю *цзу* [*1*] и образцовым [правителям]-*цзун* [династии; его] славные труды были переданы потомкам; [его правление] заслуживает названия „возрождение [династии]“ (*чжун син*)». В своей «Истории [династии] Хань» (**«Хань шу»**) он по-разному объяснял, почему царствование Сюань-ди назвали *чжун син*. Сюань-ди особо заботился о том, чтобы чиновники, получающие жалованье в размере 2000 *ши* (или *даней*) зерна (т.е. блюстители округов, первые министры удельных правителей), были «хорошими», «поэтому хорошие чиновники [этого] поколения Хань тогда стали процветать, отчего [царствование Сюань-ди] назвали „возрождением [династии]“».

Он же (а может быть, Ма Сюй или Бань Чжао, закончившие его «Историю» после его смерти) указал на еще один аспект значения *чжун син* при Сюань-ди — милостивое отношение к потомкам заслуженных сановников имп. Гао-цзу (храмовое имя Тай-цзу, прав. 206–195 до н.э.) — основателя дин. Хань, пожалованных титулами князей (*хоу* [*3*]). Сюань-ди велел составить списки этих потомков на основании данных архива храма предков Хань и результатов поисков чиновниками отпрысков захиревших родов. Найденные потомки были освобождены от повинностей и налогов, а нек-рые пожалованы золотом и шелком, чтобы «явить благую силу **дэ** (см. т. 1; см. также **Императорское *дэ* как символ верховной власти** в Общем разделе) возрождения (*чжун син*) [династии]». «Возрождение» касалось и стиля жизни монарха; тут оно означало экономность. По Бань Гу, Сюань-ди «своей силой *дэ* был равен иньскому образцовому [правителю] (*цзун*) и чжоускому Сюань[-вану] (827–782 до н.э.)». Знаком духовного подобия Сюань-ди и Сюань-вана было общее для них посмертное имя Сюань (Самый Добрый и Сведущий). На взгляд Бань Гу, оба правителя были похожи в том, что привели к покорности (прежде всего северных) варваров, этим «возродив» династию, а заслуженные сановники, помогавшие им в деле «возрождения», стояли в одном ряду, были под стать друг другу. О типе личности обоих монархов можно судить по словам **Лю Сяна** (см. т. 1), в 66 до н.э. назвавшего Сюань-вана «достойным» (*сянь* [*2*]). Не исключено, что монарх, способный «возродить» династию, рассматривался до

реставрации Хань как «достойный», а не «совершенномудрый» (**шэн [1]**; см. т. 1). Добавим, что часто (хоть и не всегда) в храмовое имя его входило слово *цзун* («образцовый [правитель]»). Т.о., «возрождение» рассматривалось как особая заслуга, «подвиг» и в то же время как дело монархов-продолжателей, а не основателя. «Возрождение» мыслилось как реализация монаршей силы *дэ*, вызывающая и благие изменения в гос. и социальной сферах, и благой ответ духов и космоса.

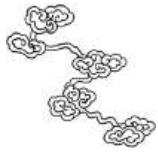
При Поздней Хань значение термина *чжун син* расширилось: отныне он мог указывать также на реставрацию низложенной династии. Эдиктом 57 н.э. имп. Мин-ди объявил, что принимает «наследие совершенномудрого» — своего покойного отца, основателя Поздней Хань имп. Гуан У-ди (25–57 н.э.), к-рый «получил мандат [Неба] (**мин [1]**; см. т. 1) и возродил [династию], силой *дэ* был равен божественным властителям (*ди* [*1*]) и царям (*ван*), привел [ею] в гармонию тьму гос-в, достиг [ею Неба] вверху и [Земли] внизу, „привлек к себе и умиротворил всех духов“, „был милостив к одиноким старикам и старухам“».

До этого «возрождение» происходило с династиями, погрузившимися в упадок, но не низложенными. Теперь офиц. сознание постепенно усваивало идею, что «возрождение» бывает и при отпрыске низложенной династии, в чьем лице та снова «получает мандат» (*шоу мин*) от Неба (**тянь [1]**; см. т. 1). Личность Гуан У-ди ставилась иерархически выше личностей тех, что прежде «возрождали» династии. Его звали «совершенномудрым», а не «достойным». По обилию знамений (см. **Жуй** в т. 2) его сопоставляли с Гао-цзу, противопоставляя прочим монархам дин. Хань. Воспринявший это же отношение к Гуан У-ди, историк **Фань Е** (398–445; см. т. 1), создатель «Истории Поздней [династии] Хань» (**«Хоу Хань шу»**), много раз называет его царствование «возрождением».

В 56 н.э. сановники Гуан У-ди сопоставили его с Сюань-ди, указав, что он вызывает добрые знамения, как и тот, советуя ему относиться к знамениям так же, как Сюань-ди, не скрывать их из скромности, а «велеть великому астрологу составить их сводное описание, чтобы передать грядущим поколениям», но император не принял совета. Это лишь частные случаи сходства образов двух монархов, но в них проявилось общее правило, по к-рому «получившие мандат [Неба]» и «возродившие [династию]» имеют общие черты, отличающие их от прочих государей. В «Историях» названы нек-рые из этих черт: правители обоих типов ищут себе в помощники «достойных», а также занимаются восстановлением гос. должностей и ин-тов и подбором для них кадров, возрождением уничтоженных гос-в и прервавшихся знатных родов.

В 57 н.э. Гуан У-ди дали храмовое имя Ши-цзу (Основатель [для Своего] Века), созвучное Тай-цзу (Великий Основатель), храмовому имени Гао-цзу. В обоих именах ключевое слово *цзу* [*1*] («основатель»), а не *цзун* («[образцовый] правитель»). На взгляд Сыма Бяо (ок. 240 — ок. 306), Мин-ди воздвиг храм Ши-цзу, «так как Гуан У-ди „водворил порядок в век смуты“ и возродил (*чжун син*) [династию]». Следует сравнить эти слова с характеристикой, данной Гао-цзу сановниками в 195 до н.э. при обсуждении его посмертного титула: «Гао-цзу поднялся из ничтожества, „водворил порядок в век смуты и вернул его [людей] на правильный [путь]“, умиротворил и успокоил Поднебесную, стал Великим основателем Хань, [его] подвиги выше, чем у всех других».

Сравнительная близость монарха, «получившего мандат [Неба]», и тех его преемников, к-рые «возродили [династию]», очень напоминает близость правителей *цзу* [*1*] и *цзун*. Видимо, это разные названия для комбинации одинаковых (*цзу* [*1*]) или однотипных («возродивших [династию]» и *цзунов*) династийных фигур, только не все императоры, после смерти признанные *цзунами*, осуществили *чжун син*, и не все, осуществившие *чжун син*, были названы *цзунами*. Напомним, что «подвиг» возрождения династии считался делом, к-рое пристало монарху-продолжателю, хоть и выдающемуся, а не основателю. Значит, офиц. представление о Гуан У-ди несколько противо-



речиво, т.к. приписывает этому монарху черты и *цзу* [*I*], и *цзуна*. Соответственно противоречива и характеристика «получил мандат и возродил [династию]». Гуан У-ди — совершенный мудрец, получивший мандат Неба (**тянь мин**; см. т. 2), что подтверждает ряд знамений, и совершивший ратные подвиги — и в этом он *цзу* [*I*]. Но сделанное им «по названию» — «возрождение» (*чжун син*) династии, поэтому в начале царствования он восстановил религ. культ Великого Основателя Гао-цзу, таких *цзунов*, как Вэнь-ди (179–156 до н.э.) и У-ди (140–87 до н.э.; см. **Хань У-ди**), и др. императоров Ранней Хань — и в этом он похож на *цзуна*. Чжан Чунь в 54 н.э. в докладе трону пытался смягчить это противоречие, говоря, что «возрождение» при Гуан У-ди — нечто большее, чем обычное «возрождение», что тот получил мандат Неба на то, чтобы его совершить, и сделал это не как простой продолжатель, а в корне изменил Поднебесную. Все же его современникам было ясно, что как *цзу* [*I*] Гуан У-ди уступает Гао-цзу. Его храмовое имя отражает это: он «Основатель [для Своего] Века», а не «Великий Основатель». Видимо, его не рассматривали как творца, создателя империи с ее законами, считалось, что он лишь «возродил» эту империю. Кит. культура, поставленная перед необходимостью описать реставрацию свергнутой династии, сделала это в терминах, традиционно описывавших возрождение династии, переживавшей пору упадка, как бы отвлекаясь от того, что та на время лишилась престола. В контексте же истории одной династии при том особом значении, к-рое придавалось фигуре и творч. вкладу Тай-цзу, Ши-цзу со своим вкладом неизбежно оказывался иерархически несколько ниже его, в чем-то напоминая «государей, продолживших дело» основателя.

В X в. Сяо Янь провел различие между *фань чжэн* — возвращением себе престола монархом, к-рый прежде сам его потерял, и *чжун син* — вступлением нового государя династии на престол, утраченный ее прежним монархом. Справедливо ли это для древности? Едва ли. Хуанфу Ми (215–282) назвал термином *чжун син* то, что совершил иньский Тай-цзя (= Тай-цзун), когда он, раскаявшись в прежних ошибках, вернулся снова на престол через 3 года после того, как **И-инь** (см. т. 2) прогнал его; в конце концов он стал «мудрым царем», «совершенствовал правленье, и путь Инь возродился».

Следует добавить, что термином *чжун син* нередко обозначали сохранение или восстановление власти к.-н. династии, напр. Вост. Цзинь (314–420) и Южной Сун (1127–1279), но не над всем Китаем, а лишь над его частью (*пянь ань*, букв. «спокойствие, или безопасность, на части [территории]»). Поэтому о «возрождении» говорили также отпрыски кит. или иноземных династий, какое-то время продолжавшие удерживать власть над отд. р-нами империи после свержения самих династий, напр., минские князья в Южном Китае после падения Мин, а за ними и кит. повстанцы, боровшиеся там в XVII в. под минскими знаменами против Цин. Термин *чжун син* прилагался и к династиям, вернувшим себе власть после перерыва (Поздняя Хань, Вост. Цзинь и Южная Сун), и к династиям, не прерывавшимся, но пережившим потрясение в результате большого восстания (к дин. Тан при имп. Су-цзуне, 756–762, после восстания Ань Лу-шаня; к дин. Цин при имп. Му-цзуне, 1862–1874, после восстания *тайпинов*). Наконец, термин *чжун син* прилагали к кит. госвам поры полит. раздробленности доимперского периода, напр., Чу (VII–VI вв. до н.э.) и Ци (IV в. до н.э.).

Термин *чжун син* употребляли также для описания явлений культуры: напр., говорили о «возрождении» (*чжун син*) произведений «изящной словесности» (**гувэнь**; см. т. 3).

***** Ши цзи хуй чжу као чжэн («Записи историка» Сыма Цяня с собр. коммент. и критич. исслед. Такикава Сигэна). Пекин, 1955, гл. 8, с. 86; *Чжун Жун*. Ши пинь чжу (Категории поэтических произведений) / Коммент. Чэнь Ян-цзе. Пекин, 1958, с. 2–6; Лунь хэн цзяо ши (Критические суждения и оценки. Сверенный текст с пояснениями Хуан Хуя). Тайбэй, 1964, гл. 9, с. 85–86; 88–90; *Ван Фу*. Цянь фу лунь цзянь цзяо чжэн (Рассуждения мужа, скрывшегося от мира. Сверенный и исправленный текст с коммент. Ван Цзи-пэя). Пекин, 1985,

гл. 13, с. 147; *Юань Хун.* Хоу Хань цзи цзяо чжу (Анналы Поздней Хань. Сверенный текст с коммент. Чжоу Тянь-ю). Тяньцзинь, 1987, гл. 3, с. 59–60; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973, с. 58, 108–109; *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина. Т. 2. М., 1975, с. 198; *Хуань Куань.* Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. 1 / Пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. СПб., 1997, с. 135, 212, примеч. 84; *Legge J.* Chinese Classics. Vol. 4. Pt 1. The She King, or the Book of Poetry. Hongkong–London, 1871, p. 77. *Pan Ku.* The History of the Former Han Dynasty: In 3 vol. / A critical tr. with annot. by H.H. Dubs. Baltimore, 1938–1955, vol. 1, p. 304–308; vol. 2, p. 239–241; vol. 3, p. 29–32, 80; *Po Hu T'ung.* The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall. Vol. 1 / Tr., introd., notes by Tjan Tjoe Som. Leiden, 1949, p. 249, 335–336; Hsin-lun (New Treatise) and Other Writings by Huan T'an (43 B.C. — 28 A.D.) / An annot. tr. with ind. by T. Pokora. Ann Arbor, 1975, p. 47–48. ** *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970, с. 144–150, 290–292; *он же.* Ханьская концепция «слабого руководства» варварами (цзи ми) // XVIII НК ОГК. Ч. 1. 1987, с. 77–84; *Фомина Н.И.* Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая, середина XVII в. М., 1974, с. 66, 71–74, 77 и др.; Хань юй да цыдянь (Большой словарь китайского языка). Шанхай, 1986–1988, т. 1, с. 601, 618; т. 2, с. 857; *Bielenstein H.* The Restoration of the Han Dynasty. Vol. 4. The Government. Göteborg–Stockholm, 1979, p. 163, 232; *Kroll J.L.* The Jimi Foreign Policy under the Han // Stockholm Journ. of East Asian Studies. 1996, vol. 7, p. 74; *Loewe M.A.* Biographical Dictionary of the Qin, Former Han and Xin Periods (221 B.C. — A.D. 24). Leiden, 2000, p. 76–77, 593–594; *idem.* Crisis and Conflict in Han China, 104 B.C. to A.D. 9. L., 1974, p. 278–280; *Yang Lien-sheng.* Toward a Study of Dynastic Configurations in Chinese History // HJAS. 1954, vol. 17, № 3–4, p. 330–332.

Ю.Л. Кроль

乙

ЧЖУНХУА ФУСИН ШЭ

中華復興社

Чжунхуа фусин шэ («Общество китайского возрождения»), сокр. *Фусин шэ* («Общество возрождения»). Одна из националистич. орг-ций, неофициально именуемых *Ланьи шэ* («Общество синерубашечников»). Создана в Нанкине в марте–апр. 1932 **Чан Кай-ши**; носила террористич. характер.

Обострение военно-полит. ситуации в стране, формально объединенной Нанкинским пр-вом Чан Кай-ши, начало 18 сент. 1931 яп. оккупации Сев.-Вост. Китая и отступление правительств. войск вызвали возмущение капитулянтской политикой Гоминьдана, привели к отставке с поста президента Чан Кай-ши (сохранившего за собой пост главнокомандующего НРА). Однако борьба в форме полит. и военного давления внутри Гоминьдана, прежде всего между группировками Ван Цзин-вэя и Чан Кай-ши, не прекратилась. Для укрепления своих позиций Чан Кай-ши приступил к формированию полусекретной орг-ции по принципу личной преданности ему. В кон. 1931 он собрал в Ханчжоу группу офицеров, к-рая стала ядром этой орг-ции. Большинство ее членов были молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, выходцы из провинций, расположенных вдоль Янцзы. В центре новой орг-ции оказались выпускники военной школы Вампу (Хуанпу), к-рую прежде возглавлял Чан Кай-ши. Идейным вдохновителем был Лю Цзянь-цюнь, взгляды к-рого изложены в его эссе «Несколько идей по реформе Гоминьдана». Объявляя Гоминьдан моральным банкротом, лишенным революц. настроя, Лю признавал, что «выбросить его в утиль» было бы непрактично по причине легитимности власти партии. Кроме того, упразднение Гоминьдана могло бы, по его мнению, спровоцировать «большую свару». Лю Цзянь-цюнь предлагал «сохранить старую раковину партии», но создать в ее недрах «корпус хлопчатобумажных одежд» (*буи туань*). Его членами должны были стать люди, целиком и полностью посвятившие себя революции, готовые жертвовать всем ради страны и народа, отвергающие материальные блага. Приоритетной задачей объявлялась защита нац. интересов: «Нация превыше всего и священна».

Каждый должен выполнять свой долг перед отечеством, а не разглагольствовать о своих правах. В программе особое внимание уделялось милитаризации образования, причем еще с дошкольного возраста. Обязательными для учеников средней школы, очевидно, по образцу военизированной нацистской орг-ции Гитлерюгенд, должны были стать военная форма, физич. тренировки и боевой дух. По замыслу организаторов об-ва, гос-во впредь должно воспитывать не «книжников», мечтающих о чиновничьей карьере, а людей с трудовой закалкой. Для этого учащимся старших классов вменялось в обязанность часть времени работать на фабриках или участвовать в сельскохозяйств. работах.

Гл. роль в осуществлении поставленных целей отводилась лидеру, повиновение к-рому провозглашалось безоговорочным, каждый должен был «жить и умереть с ним искренне и без колебаний». Т.о., программа нового об-ва вполне соответствовала амбициям Чан Кай-ши, культ личности к-рого к тому времени уже стал складываться: на военных совещаниях, где присутствовали порой сотни офицеров, при каждом упоминании имени Чан Кай-ши все вскакивали со своих мест с возгласом «Председатель!» (*чжуси*); в кинотеатрах перед началом демонстрации каждого фильма на экране появлялся портрет Чан Кай-ши на фоне гоминьдановского знамени; в обществ. местах все чаще появлялись портреты Чан Кай-ши, и люди, останавливаясь перед ними, обязаны были склоняться в низком поклоне.

Орг-ция «синерубашечников» по своей структуре напоминала концентрические круги. В центре — руководящий орган «Общество идущих до конца» (*Лисин шэ*). Чан Кай-ши стал его главой с резиденцией в Нанкине. Рядом с ним действовали «13 старших хранителей» (*шисань тайбао*), наиб. влиятельные среди них — Дай Ли, Кан Цзэ, Дэн Вэнь-и. Второй круг — несколько спец. орг-ций молодежи и военных. Третий круг составляли массовые обществ. орг-ции, куда мог свободно вступить каждый.

В лозунгах и практич. деятельности «синерубашечников» сочетались элементы конф. этики (см. **Конфуцианство** в т. 1) как исконно кит. учения и христианской морали; были заявлены и др. задачи: борьба с коррупцией чиновников и распространением наркотиков, пропаганда норм санитарии и гигиены, вербовка молодежи в армию. Они выступали за создание наряду с частным сильного гос. сектора экономики и отстаивали принцип всеобщей милитаризации. Численность их рядов достигала 10 тыс. чел. К кон. 1932 были учреждены отд-ния этой орг-ции в каждом крупном городе и в ряде сельских центров. Контроль «синерубашечников» проник в различные учреждения, напр. в нанкинскую полицию, Управление обществ. безопасности и др. ведомства. Они осуществляли террор против представителей передовой интеллигенции, против лиц, неугодных «вождю», устраняли родственников коммунистич. лидеров. Организатором террора был глава особого отд-ния *Фусин шэ* Дай Ли, прозванный позже «китайским Гиммлером». В кон. авг. 1932 «синерубашечники» разгромили помещение Антиимпериалистич. лиги в Шанхае и обстреляли находившихся там членов лиги. Были арестованы нек-рые прогрессивные деятели кит. лит-ры и искусства, в частности в Шанхае была похищена писательница **Дин Лин** (см. т. 3). Ее переправили в Нанкин, где долгое время содержали под стражей.

В целом на это националистическое и террористич. движение заметное влияние оказал европ. фашизм. Фашистские режимы в Италии и Германии были восприняты радикально настроенными членами Гоминьдана как «передовые и эффективно действующие системы». Чан Кай-ши заявил, что фашизм — это то, в чем «сейчас нуждается Китай». «Синерубашечники» создавались по образу нацистских «коричневых рубашек».

Вот как характеризовал орг-цию «синерубашечников» представитель Коминтерна в Китае А. Эверт в докладе чл. Политсекретариата ИККИ И.А. Пятницкому в нач. дек. 1932: «Чан Кай-ши внутри Гоминьдана организует фашистскую группу — „Ассоциацию синерубашечников“. Эта орг-ция насчитывает 3000 членов. Ее цель: до 5-й конф. Гоминьдана (V съезд Гоминьдана

состоялся в Нанкине 12–23 нояб. 1935. — *В.У.*) полностью подчинить его себе и установить более жесткую диктатуру Чан [Кай-ши]. Для этого старые генералы должны подвергнуться более жесткому контролю, а армия должна стать фашистской; внутри Гоминьдана ликвидируются группировки, вся орг-ция должна также быть поставлена под контроль синерубашечников. Существующую систему рук-ва должен сменить единый парт. вождь (как во времена **Сунь Ят-сена**). Чан Кай-ши должен в Китае играть роль Муссолини. Эта орг-ция выдвигает следующие национал-социалистич. лозунги: 1) аграрная реформа (уравнение прав на землю); 2) борьба с иностр. захватчиками, против неравноправных договоров; 3) развитие промышленности (для этих целей иностр. займы; часть из них должна быть использована на поддержание фашистской орг-ции); 4) „устранение конфликта между рабочими и капиталистами"; 5) укрепление армии и ее реорганизация на базе всеобщей воинской повинности; 6) равенство полов и т.д.».

Ланьи шэ стала одной из 2–3 самых сильных фракций в Гоминьдане, играла большую роль в об-ве, особенно среди военных. Почти целиком в руках этой орг-ции находилось полит. воспитание в армии, а после февр. 1933 не только в армии, но и в администр. аппарате и школах. Члены орг-ции направлялись в Италию и Германию для изучения фашистского движения в этих странах.

В период создания единого нац. фронта для борьбы с яп. агрессией деятельность этой антикоммунистич. и террористич. орг-ции стала мешать сближению Чан Кай-ши с КПК, вызывала осуждение со стороны КПК и Советского Союза, к-рый начал оказывать военную помощь Гоминьдану. Об-во «синерубашечников» было распущено в апр. 1938.

***** ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931–1937. Ч. 1. М., 2003. ****** *Воронцов В.* Судьба китайского Бонапарта. М., 1989; Новейшая история Китая, 1928–1949. М., 1984; *Рыкова С.Л.* «Общество синерубашечников» // XXXI НК ОГК. 2001, с. 164–168; *Фалиго Р., Коффер Р.* Всемирная история разведывательных служб. Т. 1. М., 1997; *Ван Цзюнь.* Дай Ли еши (Неофициальная история Дай Ли). Пекин, 2005; *Янь Хуй.* Цзюньтун мован Дай Ли (Дьявол Военно-статистического бюро Дай Ли). Пекин, 2001; *Eastman L.E.* Fascism in Kuomintang China: The Blue Shirts // CQ. 1972, № 49, p. 1–31.

В.Н. Усов

ЧЖУ СИ

朱熹

Чжу Си, Чжу Юань-хуй, Чжу Чжун-хуй, Чжу Хуй-ань. 18.10.1130, Юси пров. Фуцзянь, — 23.04.1200, Каотин пров. Фуцзянь. Ученый-энциклопедист, текстолог, литератор, философ, гл. представитель сунского **неоконфуцианства** (*ли-сюэ* — «учение о принципе»; см. т. 1).

Родом из семьи ученого — гос. служащего, занимавшего посты регионального, затем столичного уровня, одно время — в структурах офиц. историописания. Уже в 18 лет Чжу Си удостоился высшей ученой степени *цзинь ши*, после чего на протяжении почти 50 лет занимался научной, литературной, а также преподавательской деятельностью — в качестве комментатора и истолкователя памятников филос. и обществ.-полит. мысли и собственных воззрений; назначался на высокие администр. должности (в т.ч. в дворцовых архивах), большей частью периферийные. В 1196 за негативные суждения и деяния касательно нек-рых аспектов внутр. и внеш. политики властей подвергся опале, на его учение был наложен запрет. В 1199 полностью реабилитирован; посмертно удостоился титулов *го гун* («державный князь»), *тай ши* («великий наставник»), *вэнь гун* («просвещенный князь») и др. почестей.

Поистине необъятная эрудиция Чжу Си (включая различные темы и аспекты филологии, музыковедения и даже естествознания) запечатлена в его огромном письм. наследии (ок. 100 назв.), представленном (правда, не полностью) в нескольких сводных публикациях, большая часть к-рых была составлена учениками и последователями Чжу Си с кон. XII по нач. XVIII в. В этих сводах

заключены самого разного рода (от офиц. документации до эпистолярных материалов) источники познавательно-исторической информации о внутри- и внешнеполит. событиях, современником и прямым участником к-рых был Чжу Си, о деяниях и персонажах прошлого, начиная с глубокой древности. В частности, насыщены таким материалом «Чжу-цзы мин чэнь янь син лу» («Записи Учителя Чжу о речениях и деяниях знаменитых подданных [династии Сун]») и «Чжу-цзы юй лэй» («Классифицированные речи Учителя Чжу»). Особое место в лит. наследии Чжу Си заняли труды неоконф. антологии «Цзинь сы лу» («Записи размышлений о [временах] недавних»), составленной совместно с Люй Цзу-цянем (1137–1181), «И-Ло юаньюань лу» («Заметки о происхождении [школы] И-Ло») и др., содержащие комментарии и интерпретацию конф. канонич. текстов (прежде всего **«Сы шу»** — «Четверокнижия»), а также произведений неоконфуцианцев — непосредственных предшественников Чжу Си.

Главным ист. сочинением Чжу Си традиционно считается **«Цзы чжи тун цзянь ган му»** («„Всепроницающее зерцало, управлению помогающее“ в сжатом изложении и с комментариями») в 59 цз., после 10-летней работы завершенное им вместе с учениками в 1172. При его создании, приняв за образец приписываемую **Конфуцию** (см. т. 1) летопись **«Чунь цю»** («Вёсны и осени»; см. т. 1), Чжу Си стремился продемонстрировать органичную взаимосопряженность «канонов» (*цзин* [*1*]) и «историописания» (*ши* [*9*]): по его утверждению, «принцип» (**ли [1]**; см. т. 1) и отождествлявшийся с ним «[истинный] Путь» (**дао**; см. т. 1) проявляются не только в канонах, но и в ист. сочинениях. Доминантой — «корнем/стволом/основой» (*бэнь*) — такой взаимосопряженности Чжу Си полагал именно каноны, а историописание считал непременной, но не более чем «подсобной» составляющей — «верхушкой» (*мо*).

Чжу Си руководствовался в качестве отправного критерия такой категорией кит. филос. мысли, как универсальный и всерегулирующий «небесный принцип» (*тянь ли*; см. **Тянь ли жэнь юй** в т. 1), тождественный у него предвечно существующим и неуничтожимым нормативным этическим качествам — «трем устоям и пяти постоянствам» (**сань ган у чан**; см. т. 1) и противостоящий пагубным «человеческим страстям/вожделениям» (*жэнь юй*) как проявлениям индивидуального человеч. произвола. Такой критерий дал себя знать у Чжу Си, в частности, в приложении к восприятию и оценке им свидетельств соответствия либо, напротив, несоответствия реалий кит. прошлого исходным положениям ортодоксальной концепции *чжэн тун* — преемственности верховной власти над Срединным гос-вом неукоснительно в согласии с «небесным предопределением/мандатом» (**тянь мин**; см. т. 2).

Исторические, как и др. труды Чжу Си вызвали к жизни дополнения, продолжения, подражания, обильную комментаторскую и аналитич. лит-ру; «„Всепроницающее зерцало, управлению помогающее“ в сжатом изложении и с комментариями» возымело и жанрообразующее влияние. См. также ст. **Чжу Си** в т. 1.

***** Чжу-цзы да цюань (Полн. собр. соч. Учителя Чжу): В 12 т. Тайбэй, 1970; Биография Чжу Си // Сун ши (История Сун). Цз. 429. ****** *Ван Моухун.* Чжу-цзы нянь пу (Погодные записи об Учителе Чжу). Шанхай, 1937. (ЦШЦЧ; Т. 3420–3425); *Чжан Ли-вэнь.* Чжу Си // Чжунго шисюэ цзя пинчжуань (Аналитические жизнеописания китайских историков). Т. 2 / Под ред. Чэнь Цин-юаня и др. Чжунчжоу, 1985, с. 600–621; *Schirekauer C.M.* Chu Hsi's political career // Confucian personalities / Ed. by A.F. Wright, D. Twitchett. Stanf., 1962; *Chan Wing-tsit.* Chu Hsi // Sung Biographies. Bd 1 / Ed. by H. Franke. Wiesbaden, 1976, S. 282–290; *idem.* Chu Hsi: Life and Thought. Hong Kong — New York, 1987.

См. также лит-ру к ст. **«Цзы чжи тун цзянь ган му»**.

Г.Я. Смолин

«ЧЖУ ФАНЬ ЧЖИ»

諸蕃志

«Чжу фань чжи» — «Описание всего иноземного», «Описание иноземных народов». Один из наиболее значимых кит. источников эпохи Южная Сун (1127–1279), содержащий сведения этногеографич. характера о заморских странах и народах. Автор — Чжао Жу-гуа (ок. 1165 — после 1225). Согласно авт. предисловию, сочинение было завершено в 1225.

По данным **«Сун ши»** («История [династии] Сун»), Чжао Жу-гуа был потомком второго сунского имп. Тай-цзуна (прав. 976–997) в восьмом поколении. Из региональных описаний (**фан чжи**) «Бао-цин Сымин чжи» («Описание [округа] Сымин [в годы] Бао-цин [1225–1227]») и «Янь-ю Сымин чжи» («Описание [округа] Сымин [в годы] Янь-ю [1314–1320]») известно, что в 1196 он выдержал гос. экзамены и получил ученую степень *цзинь ши*. В 1217 был зам. начальника (*фу тунпань*) обл. Линьань (совр. пров. Чжэцзян). Примерно с 1224 Чжао Жу-гуа занимал высшую должность инспектора (*ти цзюй*) в Управлении торговых кораблей (*Шибосы*) в крупнейшем портовом г. Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь). Важнейшая задача этого ведомства заключалась в сборе пошлин и контроле за торговлей, к-рую вели приезжие купцы. Благодаря своей работе и, возможно, собств. любознательности, контактам с иноземными купцами и сообщениям из первых рук Чжао Жу-гуа располагал большим объемом ценных сведений об иноземных странах.

При составлении «Чжу фань чжи» автор пользовался также известными ему ист.-географич. источниками, в т.ч. **«Лин вай дай да»** («За Хребтами. Вместо ответов») Чжоу Цюй-фэя (1135–1189). В свою очередь, как отмечал рос. исследователь В.А. Вельгус (1922–1980), сведения из «Чжу фань чжи» были использованы впоследствии составителями династийных историй и авторами др. трудов.

«Чжу фань чжи» состоит из двух частей (цзюаней): цз. I «Чжи го» («Описание стран»), цз. II «Чжи у» («Описание товаров»). Первая часть делится на 45 разделов, озаглавленных по названиям описанных в них стран, иногда в них есть доп. данные о подвластных странах или отрывки из более ранних источников. Всего в сочинение включены сведения о 59 странах, причем они приводятся не произвольно, а сгруппированы в соответствии с их географич. расположением:

1. Вдоль магистрального морского маршрута из Китая на Ближний Восток (разд. 1–37) — страны на Индокитайском п-ове; страны, входившие в состав малайского гос-ва Шривиджая; яванские гос-ва Кедири, Сингасари; страны п-ова Индостан и Дацинь (Византия), неисламские гос-ва к западу от Китая; страны Даши (обобщенное назв. арабо-мусульманских стран и центра — г. Каир) и Моцзя (Мекка); страны Ближнего Востока: Вэньмань (Оман), Цзиши (о-в Кешм в Персидском заливе), Байда (Багдад), Бисыло (Басра), Цзицини (возможно, Триполи или к.-л. иной город крестоносцев на ближневост. побережье Средиземного моря); страны Европы: Лумэй (Рим, араб. Румийа), Муланьпи (Южная Испания); страны Сев. и Зап. Африки: Усыли (Египет, араб. Мыср), Эгеньто (г. Александрия в Египте), Цяньба (о-в Занзибар), Бипило (Бербера), Уба (возможно, г. Даба, столица Омана), Чжунли (Сомалийское побережье, возможно, р-н устья р. Джуба).

2. Страны, находившиеся на периферии известного китайцам мира, не связанные между собой ни морскими, ни сухопутными маршрутами (разд. 38).

3. Островные страны на региональном торговом маршруте Сев. Калимантан (Бруней) — Филиппины, а также страны к востоку от Китая (разд. 39–45) — Корея, Япония, о-в Тайвань, о-ва Рюкю.

Самое раннее упоминание соч. Чжао Жу-гуа сохранилось в ист.-полит. своде **Ма Дуань-линя** (1254–1323) **«Вэнь сянь тун као»** («Всеобщее обозрение письменных документов, представленных [трону]», ок. 1280), в его библиографич. разделе. В нем была воспроизведена часть каталога Чэнь Чжэн-суня (ум. 1261) «Чжи-чжай шилу цзети» («Каталог книг [господина] Чжи-чжая с аннотациями», ок. 1240, 10 цз.) с внесенным в него назв. «Чжу фань чжи».

В сохранившихся сунских и минских источниках ссылок на «Чжу фань чжи» нет, и только в нач. XVII в. название встречается в каталоге (**мулу**) Чэнь Ди

«Шишаньтан цан шу мулу» («Каталог книг, хранящихся в павильоне Шишань», 1616).

В нач. эпохи Мин (1368–1644) полный текст «Чжу фань чжи» был включен в разд. «Иноземное» (*фань* [7]) фундаментальной энциклопедии (**лэй шу**) **«Юн-лэ дадянь»** («Большой свод [годов] Юн-лэ», 1403–1408), крупнейшего собрания текстов и фрагментов из древних памятников. Судя по оглавлению, это была цзюань под номером 4262, позднее утраченная. Текст был оттуда скопирован и включен почти синхронно в кон. XVIII в. в состав двух книжных серий — **«Сы ку цюань шу»** («Коллекция книг по четырем разделам», 1782) и «Хань хай» («Вместилище футляров для книг» или «Огромное собрание книг», сост. Ли Тяо-юань [1734–1803]).

Перевод памятника на англ. яз. был выполнен Ф. Хиртом и В. Рокхиллом (СПб., 1911; переизд.: Токио, 1914, Нью-Йорк, 1966, Тайбэй, 1970), на рус. яз. — М.Ю. Ульяновым (М., 1996).

***** *Чжао Жу-гуа*. Чжу фань чжи (Описание всего иноземного) // ЦШЦЧ. Шанхай, 1935; *он же*. Чжу фань чжи (Описание всего иноземного) / Пер. с кит. М.Ю. Ульянова // *Ульянов М.Ю.* Китайские источники по истории Нусантары в средние века: Опыт системного исследования труда Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» («Описание всего иноземного»): канд. дис. М., 1996, прил. 2 (рукопись); *он же*. Чжу фань чжи. (1225 г.): (Сообщение о государстве Шривиджая): [№ 7. Страна Саньфоци] / Введ., пер. с кит. и коммент. М.Ю. Ульянова // ВИ. 1996, № 6, с. 141–155; то же: (Сообщения о подвластных Шривиджае государствах): [№ 8. Страна Даньмалин] // Там же. 1999, № 1, с. 156–166; *он же*. Описание всего иноземного: [Фрагменты] / Публ., пер. с кит. и предисл. М.Ю. Ульянова // ВК. 2001, № 1(4), с. 86–97; *Chau Ju-kua*. Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled *Chu-fan-chï* / Tr. and annot. by F. Hirth, W. Rockhill. St. Petersburg, 1911 (рец.: *Бартольд В.* // ЗВОРАО. 1913, т. 21, вып. 4; *Pelliot P.* // ТР. 1912, vol. 13). ****** *Бокщанин А.А.* К истории управления торговых кораблей Китае // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (История. Экономика). М., 1967; *Вельгус В.А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов: (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978; *он же*. Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987; *Ульянов М.Ю.* Восприятие столичных центров Нусантары в китайских источниках эпохи Сун // Малайско-индонезийские исследования. Вып. 6. Города-гиганты Нусантары и проблемы их развития. М., 1995; *он же*. Китайские источники по истории Индонезии (опыт количественного анализа труда Чжао Жугуа «Чжу фань чжи»), 1225 г. // Базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 4–5. М., 1996, с. 117–128; *он же*. Китайское восприятие Дайвьета в конце XII – начале XIII в. (опыт количественного и текстологического анализа историко-географического описания) // Традиционный Вьетнам. Вып. 2. М., 1996; *он же*. Сообщение о Филиппинах в труде Чжао Жу-гуа «Чжу фань чжи» // Малайско-индонезийские исследования. Вып. 5. Филиппины в Малайском мире. М., 1994; *Цзэн Чжао-сюань*. Чжунго гудай Наньхай чжудао вэньсянь чубу фэньси (Предварительный анализ древнекитайской литературы об островах в Южном море) // Чжунго лиши дили луньцун. 1991, № 1; *Blagden O.* Some Remarks on Jao Ju-kua “Chu fan chi” // JRAS. 1913, vol. 1; *Hirth F.* Chao Ju-kua: a New Source of Mediaeval Geography // JRAS. 1896; *idem*. Chao Ju-kua’s Ethnography: Table of Contents and Extracts Regarding Ceylon and India, and some Articles of Trade // YRAS. 1896.

М.Ю. Ульянов

«ЧЖУ ШУ ЦЗИ НЯНЬ

竹書紀年

«Чжу шу цзи нянь» — «Бамбуковые анналы», «Погодовые записи на бамбуковых планках». Один из важнейших письменных источников по истории древнего Китая. Др. назв. — «Цзи чжун цзи нянь» («Анналы из кургана в [округе] Цзи»). В первоначальном виде памятник не сохранился. В науч. и культурной традиции существует в двух версиях, к-рые принято называть «древним текстом» (*гу бэнь*) и «современным текстом» (*цзинь бэнь*). Каждый из этих текстов — разновидность реконструкции памятника.

История обнаружения памятника описана в «Цзинь шу» («История [династии Западная] Цзинь», 635). В кон. III в. (279 или 281 — сведения в двух главах «Истории» расходятся) в округе Цзицзюнь (совр. уезд Цзисянь пров. Хэнань) в погребении правителя восточночжоуского царства Вэй, по одной версии — Сян-вана (318–296 до н.э.), по другой, более вероятной, — Ань-ли-вана (276–243 до н.э.), были найдены тексты на бамбуковых планках (отсюда и название). Всего придворными учеными под рук-вом Сюнь Сюя (ум. 289) было выявлено 15 сочинений, в т.ч. **«Го юй»** («Речи царств»; см. т. 1), «И цзин» («Канон перемен»; см. **«Чжоу и»** в т. 1), **«Му тянь цзы чжуань»** («Жизнеописание сына Неба Му[-вана]»; см. т. 3) и др.; не удалось идентифицировать 19 разрозненных частей (*пянь*), а 7 оказались испорчены. Работа ученых была завершена в период 279/281–284. Среди обретенных т.о. памятников эпохи Чжань-го (453–221 до н.э.) был текст ист. содержания, к-рый вошел в культурный обиход под назв. «Чжу шу цзи нянь». Анализ приведенных в «Цзинь шу» сведений о находках позволяет сделать вывод, что «Чжу шу цзи нянь» был составлен цзиньскими учеными из неск. исходных текстов — в основу были положены сообщения «Цзи нянь» («Записи [событий] по годам» или «Анналы») в 13 частях (*пянь*) и некой летописи царства Вэй. В «Цзи нянь» были записаны события начиная с легендарного периода Ся и до убийства чжоуского Ю-вана *цюаньжунами*, т.е. до конца периода Зап. Чжоу (771 до н.э.). Во второй летописи были описаны деяния вэйских правителей начиная с того времени, когда три рода (Вэй, Чжао, Хань) разделили земли царства Цзинь (453 до н.э.), до 20-го года правления Ань-ли-вана (257 до н.э.). События из истории Цзинь периода Чунь-цю (771–453 до н.э.), возможно, либо входили в «Цзи нянь» (но почему-то не были упомянуты в «Цзинь шу»), либо были записаны на отдельных (разрозненных) планках. Последнее сообщение «Чжу шу цзи нянь», к-рое сохранилось до наст. времени, датировано 20-м годом правления вэйского Сян-вана (299 до н.э.).

С III по XII в. «Чжу шу цзи нянь» бытовал в разнообр. списках и под разными названиями: в библиографич. разделе **«Суй шу»** («История [династии] Суй») — «Цзи нянь» («Анналы») в 12 цз., в комментарии — «Цзи чжун шу» («Книга из кургана [округа] Цзи»), «Чжу шу тун и» («Общее и отличающееся в „Бамбуковых книгах“») в 1 цз.; в **«Цзю Тан шу»** («Старая история [династии] Тан») и в **«Синь Тан шу»** («Новая история [династии] Тан») — «Цзи нянь» в 14 цз., в **«Сун ши»** («История [династии] Сун») — «Чжу шу» в 3 цз. Комментаторы многих ист. сочинений использовали сообщения из него в качестве источника ист. сведений. Т.о., в периоды Суй–Сун «Чжу шу цзи нянь» содержался в императорских б-ках, возможно, уже в разных редакциях. К сер. XII в., как и многие памятники, все эти вариации были утеряны. В 1127 кидани заняли столицу сунского гос-ва г. Кайфэн, двор переместился далеко на юг, южнее Янцзы, в район г. Ханчжоу (пров. Чжэцзян). Эти события привели к потере значительной части книжного фонда.

К XVIII в. из сохранившихся в разл. источниках прямых цитат и всякого рода извлечений из них был восстановлен текст «Чжу шу цзи нянь». Этот реконструированный в рамках традиц. филологии текст отчасти состоит из сообщений, к-рые непосредственно восходят к «Чжу шу цзи нянь», а также включает сведения из разл. ист. сочинений, подобранных и стилизованных составителями нового времени под сообщения древней летописи. По существу, это произведение кит. историографии (результат тв-ва неск. поколений ученых), начатое еще в минскую эпоху (а не исключено, что и ранее) и завершенное в нач. XVIII в. Затем начался этап его комментирования и повторных публи-

каций (в XVIII в. было 6, а в XIX в. — 11 отдельных изданий, часть из к-рых переиздавалась по неск. раз).

Особое место в цинской традиции публикации «Чжу шу цзи нянь» принадлежит Чжу Ю-цэну (1-я пол. XIX в.), к-рый в 1846 издал «Цзи чжун цзи нянь цунь чжэнь» («Подлинные анналы из кургана в Цзи») с приложением «Чжоу нянь бяо» («Погодовые таблицы [периода] Чжоу»).Он был убежден, что лишь пятая часть сообщений, включенных в существовавший вариант «Чжу шу цзи нянь», имела отношение к подлинному тексту.

Начало нового этапа изучения памятника связано с именем известного кит. ученого **Ван Го-вэя** (1877–1927; см. также т. 1), к-рый, взяв за основу изд. Чжу Ю-цэна, дополнил его новыми цитатами, сверил варианты, снабдил пояснениями и указал источники цитат. Так появился «Гу бэнь Чжу шу цзи нянь цзи цзяо» («Древний текст „Бамбуковых анналов“, собранный и прокомментированный», 1917). Как и его предшественник, Ван Го-вэй расположил сообщения по правлениям носителей верховной власти — от мифич. Пяти императоров (**у ди**; см. т. 2) до конца Вост. Чжоу (III в. до н.э.). В результате его реконструкции «древний текст» предстал как самостоятельный памятник. Кроме того, он взял на себя труд найти предполагаемые источники цинской версии «Чжу шу цзи нянь», к-рую он назвал «современным текстом». Во введении к своей публикации «современного текста» («Цзинь бэнь Чжу шу цзи нянь шу чжэн» — «Современный текст „Бамбуковых анналов“ со ссылками на источники», 1917) Ван Го-вэй однозначно указал на то, что тот никакого отношения к первоначальному тексту не имеет.

Важнейшими изданиями «древнего текста» в XX в. являются публикации Фань Сян-юна (1956) и Фан Ши-мина, Ван Сю-лина (1981) (в последней приведен также «современный» текст «Бамбуковых анналов» по изд. Ван Го-вэя).

«Древний текст» представляет собой упорядоченную подборку сохранившихся в различных произведениях III–XII вв. сообщений из «Чжу шу цзи нянь». По форме записи текст близок к **«Чунь цю»** («Вёсны и осени»; см. т. 1), а по структуре, точнее по совр. компоновке сохранившихся сообщений, — к **«Ши цзи»** («Исторические записки»; см. также т. 1) **Сыма Цяня** (145–87/86 до н.э.; см. также т. 1). Сопоставление «древнего текста» «Чжу шу цзи нянь» с «Чунь цю», **«Цзо чжуань»** («Комментарий Цзо»; см. т. 1) и «Ши цзи» показывает, что к.-л. принципиально иная трактовка др.-кит. истории в нем отсутствует, а встречаются исключительно ценные и отличающиеся от уже известных нек-рые исторические (утерянные в др. источниках имена правителей, иные варианты сроков их правления и т.п.) или мифологич. детали (иные, «неконфуцизированные» варианты развития известных сюжетов). «Древний текст» содержит целый ряд уникальных сведений не только об истории царства Вэй и его предшественника — царства Цзинь, но и о более ранних периодах истории (Ся, Шан, Зап. Чжоу). Кроме того, в нем отражены нек-рые важнейшие события в истории царств Хань, Чжао, Юэ, Чу, Цинь, Янь, и эти сведения значительно дополняют и уточняют данные «Ши цзи», в частности при соотнесении их с приводимыми в др. источниках описаниями последовательности правлений государей отдельных царств, сроков их правления и датировки отдельных фактов. Т.о., для исследования периода Чжань-го «Чжу шу цзи нянь» сопоставим по значимости с «Чунь цю» и «Цзо чжуань» для изучения истории периода Чунь-цю. «Чжу шу цзи нянь» всегда оказывался востребованным, когда обсуждались проблемы датирования важнейших событий др.-кит. истории от Шан (ок. XVI — XI в. до н.э.) до конца Вост. Чжоу (771–221 до н.э.). В кит. науке хронология событий этого времени и датировки правлений государей царств Вэй, Хань, Чжао, Ци, Янь даются в первую очередь с учетом данных именно «древнего текста» «Чжу шу цзи нянь», а не «Ши цзи».

Первым в Европе осуществил перевод и исследование «Чжу шу цзи нянь» франц. ученый Э.К. Био (1803–1850). Второй перевод, уже на англ. яз., в 1865 опубликовал Дж. Легг (1814–1897). Он добавил в виде комментария перевод извлечений из трактата ученого времен дин. Лян (502–557) **Шэнь Юэ** (441–513; см. т. 1, 3) «Фу жуй чжи» («Трактат о благоприятных предзнаменовани-

ях»), к-рый в целостном виде содержится в **«Сун шу»** («История [Лю-]Сун»). Полный перевод «древнего» и «современного» текстов на рус. яз. с комментариями, исследование и реконструированный «древний текст» опубликованы в 2005 М.Ю. Ульяновым при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной.

Реконструированный «древний текст», по мнению исследователей, соответствует тексту «Чжу шу цзи нянь» конца III в. н.э., восстановленному из отдельных сочинений III в. до н.э. и просуществовавшему до утери в XII в. Эта реконструкция позволила выявить 350 сообщений, к-рые могут быть отнесены к «Чжу шу цзи нянь», в 63 различных источниках. Самым ранним из них является «Чунь цю цзин чжуань цзи цзе» («Комментарий к летописи „Вёсны и осени“»), составленный Ду Юем (до 284), самыми поздними — сочинения нач. Южной Сун (1127–1279): «Гань ин цзин» («Канон о [телесных] ощущениях и реакциях») и «Юй гун шань чуань ди ли ту» («Схемы расположения гор и рек в „Дарах Юя“», 1177). Выделены два осн. вида сообщений, дошедших от текстов, утерянных в целостном виде. Это — цитаты (фразы из оригинального текста в их первозданном виде или приближенном к нему) и извлечения (фрагменты исходного текста, так или иначе переработанные комментаторами).

Структура «древнего текста» «Чжу шу цзи нянь» в реконструированном виде включает след. разделы: 1) сведения о правителях мифич. древности (12 сообщений); 2) сведения о правителях Ся (39); 3) краткая история правителей Шан (42); 4) более развернутая история правителей Зап. Чжоу (46); 5) подробная история царства Цзинь (84); 6) подробная история царства Вэй (122); 7) отдельные извлечения (5). Сравнительно большое число источников сообщений позволяет предположить, что примерно такое же соотношение разделов было характерно и для «Чжу шу цзи нянь» III–XII вв. Реконструкция базировалась на установлении и обязательном указании даты события, что и предопределяло порядок размещения сообщений в тексте.

Отличительной чертой «древнего текста» являются подсчеты лет правления и сроков жизни отдельных правителей, а также даты и сроки правлений внутри периодов Шан (XVI в. — 1027 до н.э.) и Зап. Чжоу (1027–771 до н.э.). Приведенные в нем даты стали важнейшим источником для определения длительности периодов др.-кит. истории крупнейшим кит. историком Чэнь Мэн-цзя и др. учеными. Можно предположить, что эти подсчеты были выполнены на основе одного из списков целостного (до утери) варианта «Чжу шу цзи нянь» и заслуживают не меньшего доверия, чем даты, сохранившиеся в иных письменных источниках.

* *Ван Го-вэй.* Гу бэнь Чжу шу цзи нянь цзи цзяо (Древний текст «Бамбуковых анналов», собранный и прокомментированный). Шанхай, 1917; *Фань Сян-юн.* Гу бэнь Чжу шу цзи нянь цзи цзяо дин бу (Древний текст «Бамбуковых анналов», собранное, прокомментированное, сверенное, испр. и доп. изд.). Шанхай, 1956; *Фан Ши-мин*, *Ван Сюй-лин.* Гу бэнь Чжу шу цзи нянь цзи чжэн (Древний текст «Бамбуковых анналов», собранное и выверенное изд.) Шанхай, 1981; Бамбуковые анналы: древний текст: (Гу бэнь Чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика, А.И. Таркиной. М., 2005; *Legge J.* Chinese Classics. Vol. 3. The Shoo King (Prolegomena). Hong Kong — London, 1865, repr. 1960; Tchou-chou-ki-nien / Trad. par M. Biot // JA. 1841, vol. 12, 1842, vol. 13.

** *Ульянов М.Ю.* «Бамбуковые анналы»: (Древний текст и сведения о политической культуре Китая, VIII–III вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения... 2007: Востоковедение. М., 2007; *он же.* Текстологические аспекты исследования «Древнего текста „Бамбуковых анналов“» (*Гу бэнь Чжу шу цзи нянь*) // Ломоносовские чтения... 2006: Востоковедение. М., 2006; *У Цзинь-шэн*, *У Вэй-вэй.* Ся Шан Чжоу сань дай цзи нянь као бань. Лянь пин Чжу шу цзи нянь яньцзю ды ши у (Дискуссия о датировании трех эпох: Ся, Шан, Чжоу. Ошибки в изучении «Бамбуковых анналов») // Тяньцзинь шида сюэбао: Шэкэбань. 1998, № 1; *Фань Сян-юн.* Гуаньюй гу бэнь Чжу шу цзи нянь ды ван ши нянь дай (О времени утери древнего текста «Бамбуковых анналов») //

Вэньши. Вып. 25. 1985; *Чэнь Мэн-цзя.* Лю го цзи нянь (Хронология Шести царств). Шанхай, 1957; *Debnicki A.* The "Chu-shu-chi-nien" as a Source to the Social History of Ancient China. Warszawa, 1956; *Keightley D.N.* The Bamboo Annals and Shang–Chou Chronology // HJAS. 1978, vol. 38, № 2; *Nivison D.S.* Chu shu chi nian // Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / Ed. by M. Loewe. Berk., 1993; *idem.* The Dates of Western Chou // HJAS. 1983, vol. 43, № 2; *idem.* The Key to the Chronology of the Three Dynasties: The "Modern Text" Bamboo Annals // Sino-Platonic Papers. Vol. 93. 1999; *Pankenier D.W.* The *Bamboo Annals* Revised: Problems of Method in Using the Chronicle as a Source for the Chronology of Early Zhou. Pt 1 // BSOAS. 1992, vol. 55, № 2; *idem.* Pt. 2: The Congruent Mandate Chronology in "Yi Zhou shu" // Ibid. № 3; *Shaughnessy E.L.* The "Current" Bamboo Annals and the Date of the Zhou Conquest of Shang // EC. 1985/1987, vol. 11–12; *idem.* On the Authenticity of the Bamboo Annals // HJAS. 1986, vol. 46, № 1.

М.Ю. Ульянов

ЧЖУ ЮАНЬ-ЧЖАН

朱元璋

Чжу Юань-чжан. 21.10.1328, Хаочжоу (ныне Фэньян), пров. Аньхой, — 24.06.1398. Первый император, основатель дин. Мин (1368–1644). Правил под девизом (**нянь хао**) Хун-у в 1368–1398. Храмовое имя (*мяо хао*) Тай-цзу.

Чжу Юань-чжана, младшего в семье, в детстве звали Чун-ба (второе имя — Син-цзун). Семья была причислена к старателям, мывшим золото. Отец также арендовал участок у землевладельца, отдавая ему значительную часть урожая. Мальчик недолго ходил в школу, пас скот у помещика. В 1344 от голода и эпидемии чумы умерли родители и братья. Осиротев, Чжу Юань-чжан стал послушником в буд. монастыре. Как странствующий монах, живущий на подаяния, он скитался 3 года по провинциям Аньхой и Хэнань. Чжу Юань-чжан был крепким широкоплечим юношей со скуластым рябым лицом, с крупным носом и выдающейся вперед нижней челюстью, придававшей ему немного пугающий вид. Из-под густых бровей смотрели умные, злые глаза. По традиции считалось, что такая незаурядная внешность указывала на необычность судьбы. В 1348 он вернулся в монастырь, где прожил более 3 лет. Как раз в этих местах развернула свою деятельность тайная секта «Об-во Белого лотоса» (*Байлянь шэ*; см. **Байлянь-цзяо** в т. 2). Ее адепты, призывая вести борьбу против монг. дин. Юань, предрекали скорое пришествие на землю будды грядущего **Майтрейи** (Милэ; см. т. 2) или — по учению манихейской секты *мин-цзяо* («учение света») — Князя света (Мин-ван), когда установится царство вечной справедливости. Весной 1351 для строительства дамб на Хуанхэ было согнано 150 тыс. крестьян. Во время работ откопали каменного одноглазого идола с надписью: «Это и есть каменный одноглазый человек. Как только его найдут, Поднебесная восстанет». Эта находка послужила сигналом к крупному крестьянскому восстанию, вспыхнувшему в бассейнах Хуанхэ и Янцзы. Повстанцы повязывали головы красными повязками и шли в бой под красными знаменами, из-за чего их называли «красными войсками» или «войсками в красных повязках». В 1352 Чжу Юань-чжан примкнул к повстанцам, вступив в отряд Го Цзы-сина. Он оказался способным воином, и Го Цзы-син перевел его в свою личную охрану, назначил десятником, проникся к нему расположением (отдал в жены свою воспитанницу — дочь погибшего товарища, будущую императрицу Ма, славившуюся жестокостью под стать мужу). Уже через год отряд Чжу Юань-чжана насчитывал ок. 20 тыс. повстанцев. Летом 1353 отряд взял г. Чучжоу, к-рый стал резиденцией Чжу Юань-чжана. После смерти Го Цзы-сина и его сына Чжу Юань-чжан стал предводителем восставших. Его войска переправились через Янцзы и захватили г. Тайпин (в 20 км южнее Хэчжоу). Отряды, к-рыми руководил Чжу Юань-чжан, официально вошли в состав сев. армии «красных войск». Разбив правительств. флот на Янцзы в апр. 1356, он штурмом взял самый крупный в Юго-Вост. Китае г. Цзицин (совр. Нанкин), переименовал в Интянь и сделал его своей ставкой. Там стал постепенно формироваться администр. аппарат

новой власти. В течение последующих 3–4 лет, действуя под прикрытием сев. армии «красных войск», Чжу Юань-чжан разгромил гл. силы монг. войск южнее Янцзы и овладел территорией на юге совр. провинций Цзянсу и Аньхой и большей частью Чжэцзяна. С 30 авг. по 4 окт. 1363 произошла битва на крупном оз. Поянху к югу от Янцзы.

В 1360–1367 он вел ожесточенные бои и с др. повстанческими вождями, к-рые были конкурентами в борьбе за императорскую власть, ему удалось их разгромить и утвердить свое верховенство во всем Центрально-Южном Китае. 23 янв. 1368 Чжу Юань-чжан провозгласил начало правления новой дин. Мин (Светлая), а себя — императором Тай-цзу. Столицей был Интянь, отныне называвшийся Наньцзин (Южная столица). Канцлером (*цзайсян*) стал бывший помещик, ученый-конфуцианец Ли Шань-чан, его заместителем, фактическим главнокомандующим армией — Сюй Да. В воззвании к населению Сев. Китая Чжу Юань-чжан обвинил юаньских правителей в отходе от основных конф. норм отношений между «старшими и младшими», в смутах, коррупции, в нарушении принципа «варвары не должны править китайцами».

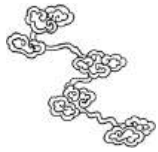
Весной 1368 200-тыс. армия, отвоевав провинции Хэнань и Шаньдун у монголов, прошла через Хэбэй и устремилась прямо к монг. столице. 14 сент. армия овладела г. Даду (был переименован в Бэйпин — Северное спокойствие, а затем в Бэйцзин/Пекин — Северная столица). Последний юаньский имп. Хуй-цзун (Тогон-Тэмур) и его двор бежали в монг. степи. В 1371 минская армия завоевала Сычуань, в 1382 была возвращена Юньнань, в 1387 покорен Ляодун. Так было завершено объединение Китая.

Чжу Юань-чжан принял меры к восстановлению и развитию сельскохозяйств. производства, чтобы обеспечить снабжение армии продовольствием. В 1356 было создано Управление полями (*Интяньсы*), в его обязанности входило строительство плотин и надзор за ирригационными сооружениями. Чжу Юань-чжан приказал военачальникам организовать распашку целины и создавать военные поселения в местах расположения частей. Через неск. лет армия уже обеспечивала себя продовольствием. В 1358 по его указу было образовано спец. ведомство для набора и обучения рекрутов, к-рые «в страдную пору занимались полевыми работами, на досуге обучались военному делу, а в случае необходимости использовались как военная сила». Постоянно следить за порядком на местах стало ополчение, а регулярные войска полностью высвобождались для боевых действий. Ополчение стало гл. источником пополнения регулярных войск.

Вместо одной главной военной коллегии, существовавшей при монголах, учредили 5 независимых друг от друга, но подчиненных непосредственно императору военных командований. Страна разделялась на 5 военных округов — центральный, левофланговый, правофланговый, авангардный и арьергардный. Начальник военного округа ведал составлением списков солдат; в его распоряжении находились военные уполномоченные, стоявшие во главе гарнизонов, насчитывавших, как правило, 5600 чел., и караулов (от 1120 до 112 чел.). Чжу Юань-чжан уделял особое внимание дисциплине и обучению войск, награждал отличившихся и строго наказывал провинившихся. В случае войны по указу императора назначался главнокомандующий, к-рый выступал в поход во главе войск. По окончании военных действий он сдавал полномочия, а солдаты возвращались в прежние места — в гарнизоны и караулы.

Аграрная политика Чжу Юань-чжана была направлена на расширение гос. фонда земли. Захваченные крестьянами во время войны земли закреплялись за теми, кто их обрабатывал. Т.к. пахотной земли не хватало, лица, поднимавшие целину, на 3 года освобождались от налогов. Поощрялось также переселение из густонаселенных областей на целинные земли с предоставлением льгот. Т.о. увеличилось число крестьян, получивших пахотную землю.

Император привлек на свою сторону служилое сословие. Все население страны было разделено на 3 сословия — гражданское (крестьяне, купечество и большая часть ремесленников — *миньху*), военное (*цзюньху*) и сословие зависимых ремесленников (*цзянху*). Подавляющее большинство рабов, крепост-



ных крестьян и ремесленников были освобождены и приписаны к гражданскому сословию. Сокращение торгового налога и освобождение ремесленников стимулировали развитие ремесла и торговли.

С 1376 для усиления императорской власти началось преобразование администр. системы. Чрезвычайно широкие полномочия губернаторов юаньского периода были ликвидированы. В 1380 произошла реорг-ция центр. управления: были ликвидированы посты канцлеров (*цзайсян*). Одновременно был упразднен Центр. правительственный совет (*Чжуншушэн*). Шесть ведомств (*Любу*) — чинов, финансов, церемоний, наказаний, работ и военное — стали высшими центр. органами и непосредственно подчинялись императору. Были созданы провинц. управления, где важнейшие функции распределялись между тремя уполномоченными (*сань сы*), ведавшими соответственно общегражданскими и налоговыми, контрольно-судебными и военно-полицейскими делами. Они же как представители двора на местах должны были обнародовать и проводить в жизнь императорские указы.

В крупные города император направил удельными *ванами* с самыми широкими полномочиями своих сыновей. К 80-м XIV в. стало уже 25 *ванов*. Ввиду обилия гос. дел были специально учреждены должности секретарей Госсовета (*нэйгэ дасюэши*). Однако они выполняли лишь функции советников, не имея права вмешиваться в гос. дела.

В 1382 Палата цензоров (*Юйшитай*), к-рая в определенном смысле стояла над императором, т.к. по традиции имела право и обязанность указывать монарху на его ошибки, поначалу упраздненная, была восстановлена в приемлемом для императора виде как Цензорат, или Палата всеобщего контроля (*Дучаюань*), к-рую возглавляли левый (старший) председатель (*цзофу юаньшуай*) и правый (младший) председатель (*юфу юаньшуай*). Под их началом находилось большое число цензоров, надзиравших за деятельностью правительств. и местных чиновников.

Правление Чжу Юань-чжана отличалось подозрительностью и недоверием к чиновничеству, традиционно склонному к казнокрадству, мздоимству, волоките и др. злоупотреблениям. Малейший намек на нелояльность, измену или коррупцию становился поводом к суровому наказанию. Причем кара настигала не только провинившегося, но и родственников и слуг. Считается, что жертвами гонений стали более 40 тыс. чел., в т.ч. бывшие соратники Чжу Юань-чжана (канцлеры Ху Вэй-юн, Ли Шань-чан и др.). В городах создавались уличные или квартальные орг-ции со своими старостами, доносчиками, мелочным надзором.

Непрерывная борьба Чжу Юань-чжана за оздоровление гос. аппарата, а также стремление сгладить остроту социальных противоречий, накопившихся в об-ве, привели его к тому, что он распорядился создать, обнародовать и ввести в действие в 1374 законодательный свод **«Дай Мин люй»** («Законы Великой [династии] Мин»), составленный по примеру кодекса дин. Тан **«Тан люй шу и»** («Уголовные установления Тан с разъяснениями»); окончательный вариант Минского кодекса был создан в 1397. Были изданы и сборники императорских посланий, к-рые сведены в один трактат «Да гао» («Великие рескрипты», «Великие предостережения»): «Юй чжи да гао» («Высочайше составленные великие рескрипты», нояб. 1385), «Юй чжи да гао сюй бянь» («Продолжение „Высочайше составленных великих рескриптов“»), «Юй чжи да гао сань бянь» («Третья часть Высочайше составленных великих рескриптов»). Составлением и изданием «Великих рескриптов» император стремился добиться искоренения пороков и недостатков в управлении страной, улучшения обществ. нравов, соблюдения законов и распоряжений центр. власти. Чтобы текст стал понятным простому народу, он составил его на языке, близком к разговорному.

В 1381 Чжу Юань-чжан издал указ о проведении всеобщей переписи и составлении подворных списков населения, получивших назв. «желтых реестров». В 1387 он поручил провести по всей стране обмер и обследование земли и составить поземельный кадастр, названный (по виду обложки) «книгой

рыбьей чешуи» (иногда называют «голубыми книгами»). Цель первой в истории Китая всеобщей регистрации земли состояла в том, чтобы заставить чиновников и помещиков также платить поземельный налог, что в какой-то мере облегчало бремя самостоятельных крестьян-собственников. Для поощрения ремесла и торговли в 1380 было упразднено много обременительных налогов, введенных при Сунах и Юанях, а многочисл. налоговые органы (их раньше было более 400) объединены в несколько учреждений.

В детстве Чжу Юань-чжан усвоил азы грамотности, в юности учился у буд. монахов в монастыре. Утвердив свою власть, в 1360-е он пригласил к себе на должности неск. ученых-конфуцианцев, у к-рых продолжал учиться, воспринимая идеи цивилизованного конф. гос-ва. Отменив в 1377 конф. экзамены на соискание чиновных степеней, император возобновил их в 1384. К обязательной программе, состоящей из проверки знания классич. произведений, ораторского искусства и полит. анализа, были добавлены экзамены по стрельбе из лука, верховой езде, каллиграфии, арифметике и юриспруденции. По приказу Чжу Юань-чжана была восстановлена **Ханьлинь академия** (см. т. 1). Чтобы уменьшить роль дворцовых **евнухов**, он вывел их из администр. органов. Запретил «Об-во Белого лотоса» и др. тайные орг-ции, утверждая реформированную **Чжу Си** (см. также т. 1) конф. идеологию, обряды и мораль. **Буддизм**, **даосизм** (см. т. 1) и ислам не попали под запрет, однако имущество буд. и даос. монастырей ограничивалось. Известно, что император составил комментарии к даос. трактату **«Дао дэ цзин»** («Канон Пути и благодати»; см. т. 1, 2).

Военные действия против монголов с целью усиления сев.-зап. рубежей велись с переменным успехом на обширных территориях, в т.ч. за Великой Китайской стеной, вплоть до 1374, затем в 1378–1381 и 1387–1388, и императорским войскам даже удалось сжечь монг. столицу — Каракорум. Предпринимались также военные походы в Тибет в начале 1370-х.

Когда имп. Тай-цзу скончался, самоубийство совершили 38 из 40 его наложниц. У него было 36 сыновей и 16 дочерей. Последним указом, выпущенным незадолго до смерти, Чжу Юань-чжан назначал наследником престола своего внука — 15-летнего Чжу Юнь-вэня.

***** Мин ши (История [династии] Мин): В 28 т. Пекин, 1984; Юйчжи да гао (Высочайше составленные Великие рескрипты) // Мин чао кай-го вэнь сянь. Т. 1. Тайбэй, 1966; Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли): В 2 ч. / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. М., 1997–2002. ****** *Бокщанин А.А.* Борьба Чжу Юань-чжана с «коварными сановниками», отраженная в тексте его «Заветов» // XVIII НК ОГК. Ч. 1. 1987, с. 194–200; *он же.* Императорский Китай в начале XV в. М., 1976; *он же.* Крамола и средства ее предупреждения в представлении основателя династии Мин (1368–1644) // XXXII НК ОГК. 2002, с. 78–87; *он же.* Личность основателя династии Мин Чжу Юань-чжана в его «Заветах» // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. М., 2001, с. 169–177; *он же.* Борьба за престолонаследие в Китае в конце XIV – начале XV в. // Политическая интрига на Востоке. М., 2000; *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* От монашеской кельи к трону — путь Чжу Юань-чжана // *они же.* Лики Срединного царства. М., 2002, с. 31–39; *Боровкова Л.А.* Восстание «красных войск». М., 1971; *она же.* О некоторых аспектах аграрной политики Чжу Юань-чжана // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974; *Крюгер Р.* Китай. Полная история Поднебесной. М., 2006; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974; Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн / Под ред. Шан Юэ. М., 1959; *Свистунова Н.П.* Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в. М., 1966; *она же.* Пожалование государственных земель в годы правления Чжу Юань-чжана (1368–1398) // Китай. Япония. М., 1961, с. 93–103; *У Хань.* Жизнеописание Чжу Юань-чжана. М., 1980; Чжунго да байкэ цюань шу. Чжунго лиши (Большая китайская энциклопедия. История Китая). Пекин, 1998, с. 699–700; Чжунго цюаньшу (Полная история Китая). Т. 1. Пекин, 2004, с. 90–91.

В.Н. Усов

ЧЖЭН ХЭ

鄭和

Чжэн Хэ. 1371, Куньян пров. Юннань, — 1434, Нанкин. Великий мореплаватель, флотоводец, дипломат и путешественник при дин. Мин (1368–1644). Род. в семье по фамилии Ма в пров. Юньнань. И отец и дед его были мусульманами. Был взят в плен в 1382 минскими войсками, овладевшими пров. Юньнань. Его оскопили, чтобы отправить на службу **евнухом** в к.-л. богатый дом. В 1385 попал в услужение к сыну основателя дин. Мин **Чжу Юань-чжана** — полководцу Чжу Ди, к-рый оборонял сев.-зап. рубежи империи от монголов. В 1390-х Чжу Ди стал брать с собой в походы и молодого евнуха, к-рый оказался способным воином.

В 1398 после смерти имп. Чжу Юань-чжана разразилась междоусобная война, закончившаяся в 1403 воцарением на престоле Чжу Ди (имп. Чэн-цзу, прав. под девизом Юн-лэ в 1403–1424). В виде поощрения в февр. 1404 евнуху была пожалована фамилия Чжэн и звание «высшего евнуха» в управлении дворцовых евнухов. Вскоре новый император назначил Чжэн Хэ командующим флотом.

В период наивысшего расцвета кит. флот насчитывал ок. 3500 кораблей. Кит. суда считались одними из лучших. Начавшиеся вслед за строительством флота морские экспедиции способствовали укреплению и расширению торговых связей Китая с внешним миром. Новый император также «стремился показать иноземным странам силу своих войск, богатство и мощь Китая». В **«Мин ши»** («История [династии] Мин») указывается еще одна причина морских экспедиций: якобы Чжу Ди не был уверен в смерти низложенного им племянника — имп. Чжу Юнь-вэня (прав. 1399–1402), подозревая, что тот бежал за море, и намеревался его отыскать.

На протяжении 28 лет (1405–1433) Чжэн Хэ 7 раз совершал далекие морские плавания. Флотилия под его рук-вом посетила свыше 56 стран и крупных городов Юго-Вост. Азии и бассейна Индийского океана. Кит. корабли доходили до берегов Аравии и Вост. Африки. Первое плавание Чжэн Хэ состоялось в 1405–1407 по маршруту Сучжоу — берега Тямпы — о. Ява — Сев.-Зап. Суматра — Малаккский пролив — о. Цейлон. Затем, обогнув южную оконечность Индостана, флотилия двинулась к торговым городам Малабарского побережья Индии, добравшись до самого крупного инд. порта — Каликута (Кожикоде). Примерно такими же были маршруты второго (1407–1409) и третьего (1409–1411) походов. Четвертая (1413–1415), пятая (1417–1419), шестая (1421–1422) и седьмая (1431–1433) экспедиции доходили до Ормуза, до африканского берега в р-не совр. Сомали, заходили в Красное море. Мореплаватели вели подробные и точные записи увиденного, составляли карты. В них регистрировалось время отплытия, места стоянок, помечалось расположение рифов и мелей. Были составлены описания заморских гос-в и городов, полит. порядков, климата, местных обычаев, легенд. Чжэн Хэ доставлял в заруб. страны послания императора, поощрял прибытие в Китай иностр. посольств, вел торговлю. Для достижения своих целей он прибегал и к вооруженной силе. Путешествия Чжэн Хэ, популярные при минском дворе, не были таковыми среди чиновников. Стоимость экспедиций, а также то, что их возглавляли и контролировали евнухи, вызывали недовольство чиновников.

После смерти имп. Чжу Ди чиновники постепенно добились прекращения океанских плаваний, остановили строительство новых кораблей и ввели ограничения на частное судоходство. В 1525 пр-во приказало уничтожить все океанские суда.

** *Бокщанин А.А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968, указ.; *он же.* Императорский Китай в начале XV в. М., 1976, указ.; *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Волшебный свет на мачтах: Заморские экспедиции Чжэн Хэ // *они же.* Лики Срединного царства. М., 2002, с. 53–59; *Вельгус В.А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов: (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978, указ.; *он же.* Китайское судостроение и мореходство ранее XV века // IX НК ОГК. 1978, с. 231–233; *он же.* Средневековый Китай. М., 1987, указ.; *Свет Я.М.* За кормой сто тысяч ли. М., 1960; *Усов В.Н.* Евнухи в Китае. М., 2000; *Чжан Сюань.* Мореход-

ство в древнем Китае. М., 1960; *Чжу Се*. Чжэн Хэ. Пекин, 1956; *Чжэн Хао-шэн*. Чжэн Хэ. Чунцин, 1945; *Church S.K.* Zheng He: an Investigation into the Plausibility of 450-ft Treasure Ships // Monumenta Serica. 2005, vol. 53, p. 1–43; *Dars J.* Les Jonques chinoises des haute mer sous les Song et les Yuan // Archipel. P., 1979, № 8; *Lo Jung-pang*. The Decline of the Early Ming Navy // Orients Extremus. 1958, Jg. 5, H. 2; *idem*. Chinese Shipping and East-West Trade from the 10th to the 14th Century // Communication to the International Congress of Maritime History. Beirut, 1966. *Needham J.* Science and Civilisation in China. Vol. 4. Pt 3. Cambr., 1971, указ.

В.Н. Усов

ЧЖЭН ЦЯО

鄭樵

Чжэн Цяо, Чжэн Юй-чжун. 26.04.1104, Путянь пров. Фуцзянь, — 22.04.1162. Ученый-энциклопедист, историк. В отличие от отца — обладателя ученой степени *цзинь ши*, сановника, чл. **Ханьлинь академии** (см. т. 1), не стал проходить экзаменац. отбор на администр. посты, всецело предался чтению и изучению книг о природе и об-ве. Однако, потрясенный захватом в 1127 армией чжурчжэньского гос-ва Цзинь (1115–1234) Кайфэна — столицы империи Северная Сун (960–1127) и пленением императора, Чжэн Цяо стал добиваться привлечения на гос. службу и с кон. 1140-х занимал довольно высокие посты при сунском дворе.

Смолоду отличался широтой интересов, наклонностей и знаний. Он составил ок. 85 (по большей части доныне несохранившихся) разножанровых трудов («записок» — *цзи* [*3*], «заметок» — *лу*, «разысканий» — *као*, «этюдов» — *лунь* и др.), касающихся зоологии и ботаники, медицины и фармакологии, филологии и музыки. Осваивая **буддизм** (см. т. 1) и буд. тексты, овладел санскритом. Внес заметный вклад в каноноведение (**цзин-сюэ**; см. т. 1), в частности, в изучение **«Шу цзина»** («Канон писаний»), **«Ши цзина»** («Канон стихов»), **«Ли цзи»** («Записки о [правилах] благопристойности»), **«Чунь цю»** («Вёсны и осени»; все ст. см. т. 1), «Юэ цзина» («Канон музыки») и **«Эр я»** («Приближение к правильному [языку]»; см. т. 3). Особый интерес питал к истории, к-рую воспринимал и оценивал как научно-познавательный комплекс, объемлющий не только социум. Из собственно исторических и смежных дисциплин внимание Чжэн Цяо привлекали этнография, археология, эпиграфика, ист. генеалогия, ист. метрология, хронология, ист. география, топонимика и картография, ист. библиография. Важное место отводил историографии (истории историописания); признан в синологии одним из самых видных в ср.-век. Китае представителей критич. направления (**ши пин**) в этой отрасли ист. науки. Разделяя и развивая позицию **Лю Чжи-цзи** (661–721), Чжэн Цяо выступал против канонизации нормативных (т.н. династийных) историй (*чжэн ши*), против абсолютизации их места и значения в историописании и высоко отзывался о **«Ши цзи»** («Исторические записки») **Сыма Цяня**, а также еще о нескольких ист. трудах сводного характера, содержание к-рых не ограничивалось периодом правления одной или сразу неск. синхронно царствовавших династий.

Плодом генерализации замыслов и наработок Чжэн Цяо — историка стал завершенный в 1161 энциклопедический по характеру и масштабности его гл. труд **«Тун чжи»** («Свод обозрений»), вошедший наряду с **«Тун дянь»** («Свод уложений») **Ду Ю** (735–812) и **«Вэнь сянь тун као»** («Свод письменных памятников и суждений к ним») **Ма Дуань-линя** (1254–1323) в «Сань тун» («Триада сводов»). В этом труде, в к-ром заключена обширная информация по различным аспектам жизни кит. об-ва и гос-ва с древности до нач. X в., особенно в разд. «Очерки» (*люэ*), во всей полноте раскрылась универсальность познаний Чжэн Цяо.

* Тун чжи (Свод обозрений) / Сост. Чжэн Цяо. Шанхай, 1935; Сун ши (История [династии] Сун). Цз. 436 / Сост. Токто и др. Шанхай, 1936.
** *Гу Цзе-ган*. Чжэн Цяо чжушу као (О сочинениях Чжэн Цяо) // Госюэ цзикань. 1923, т. 1, № 1, 2; *он же*. Чжэн Цяо чжуань (Жизнеописание Чжэн Цяо) // Там же. 1923, т. 1, № 2; *У Хуай-ци*. Чжэн Цяо пин чжуань

(Биография Чжэн Цяо). Наньнин, 1997; *Чжан Тан-ху.* Чжэн Цяо яньцзю (Исследование о Чжэн Цяо) // Фуцзянь вэньхуа. 1934, № 2; *Шэн Цзюнь.* Чжэн Цяо чжуань (Жизнеописание Чжэн Цяо) // Синь минь цун бао. 1903, т. 2, № 42; *Teng S.Y.* Cheng Ch'iao // Sung Biographies / Ed. by H. Franke. Bd. 1. Wiesbaden, 1976, S. 146–156.

Г.Я. Смолин

ЧЖЭН ШУ

政書

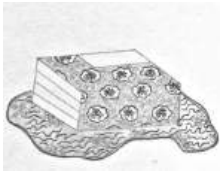
Чжэн шу («книги о [делах] правления») — категория ист. сочинений. В традиц. историографии к ней относят труды шести видов: «сводные установления» (*тун чжи*), «нормативные акты и ритуалы» (*дянь ли*), «планы государства» (*бан цзи*), «управление военными делами» (*цзюнь чжэн*), «законы и приказы» (*фа лин*), «надзор за состоянием ремесел» (*као гун*). Как правило, это обобщающие фундаментальные труды энциклопедич. характера, содержащие обширную информацию о самых разных аспектах жизни страны на протяжении правления многих (иногда всех) предшествующих династий. В них сконцентрирован огромный полит. опыт кит. монархии за многие века ее существования. Информация строго соотнесена с гос. доктриной и распределена по рубрикам по схеме, отражавшей представление о делах правления и степени их важности. К числу наиб. известных трудов этой категории относятся, напр., ист. энциклопедии, вошедшие в «Десять сводов» (**«Ши тун»**), сводные публикации важнейших материалов (**хуй яо**), своды законов / установления (*хуй дянь*; напр., **«Дай Цин хуй дянь»** — «Свод узаконений Великой [династии] Цин») и др. Практически все *чжэн шу* — труды официальные, над ними трудились большие группы придворных ученых. К созданию многих из них были лично причастны императоры, т.к. это рассматривалось как важнейший гос. акт, призванный прославить династию в глазах потомков. Как считают кит. историки, этот вид ист. сочинений восходит к существовавшему в древнем Китае жанру *гу ши* («факты прошлого / прецеденты»), но как особую категорию трудов в каталогах ист. лит-ры их стали фиксировать лишь со 2-й пол. XVIII в.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002; *Сюй Лин-юнь.* Души жумэнь (Введение в изучение истории). Пекин, 1984; *Чан Дэ-гэн.* Шицзи цзюйяо (Основные труды по истории Китая). Пекин, 1982.

Б.Г. Доронин

«ЧЖЭНЬ-ГУАНЬ ЧЖЭН ЯО»

貞觀政要



«Чжэнь-гуань чжэн яо» — «Основы управления [периода] Чжэнь-гуань». Сочинение создано в 705. Гл. источник по истории гос. управления Китая в период царствования имп. **Тан Тай-цзуна** под девизом Чжэнь-гуань («Истинное рассмотрение», 627–649). Представляет собой изложение бесед имп. Тай-цзуна с приближенными по вопросам управления и морали, включает тексты докладов трону, выдержки из приказов и др. офиц. документов.

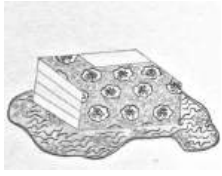
Автор-составитель У Цзин (670–749), второе имя У Си-чжай, род. в уезде Сюнъи обл. Бяньчжоу (совр. пров. Хэнань). В царствование императрицы **У-хоу** (684–705) состоял в должности историографа (*ши гуань*), работал с текстами подневных записей (**ши лу**). Назначался советником-секретарем (*ши и*), цензором (*буцюэ*), начальником области (*цы ши*). Появление «Чжэнь-гуань чжэн яо» было обусловлено полит. ситуацией, сложившейся к концу правления У-хоу, фактически отменившей совещательную деятельность сановников. После отречения императрицы в кит. полит. мысли довольно остро ставились вопросы возрождения принципов управления начала дин. Тан (618–907). Представленное имп. Чжун-цзуну (705–710) произв. У Цзина было подчинено той же цели. Структурно «Чжэнь-гуань чжэн яо» построено в соответствии с традиц. кит. аксиологией — все вопросы рассмотрены от наиболее к наименее важному.

Произведение состоит из 10 частей (цзюаней), 40 глав (*пянь*): 1.1. «О Пути-Дао правителя»; 1.2. «О сути управления»; 2.3. «О назначении на должности мудрецов»; 2.4. «Об испрошении наставлений»; 2.5. «О внимательном отношении

к наставлениям»; 3.6. «О предостережениях государям и подданным»; 3.7. «О назначении чиновников»; 3.8. «О пожалованиях уделами»; 4.9. «О статусе наследника престола и князей»; 4.10. «Об оказании почета наставникам [наследника престола]»; 4.11. «Об обучении наследника престола»; 4.12. «О наставлениях наследнику престола»; 5.13. «О гуманности и справедливости»; 5.14. «О верности и справедливости»; 5.15. «О сыновней почтительности и братской привязанности»; 5.16. «О беспристрастности»; 5.17. «О честности и доверии»; 6.18. «О бережливости и сдержанности»; 6.19. «О скромности и уступчивости»; 6.20. «О человеколюбии и сострадании»; 6.21. «Об ограничении желаний»; 6.22. «Об осторожности в словах»; 6.23. «О пресечении злословия и коварства»; 6.24. «О раскаянии»; 6.25. «О расточительности и попустительстве»; 6.26. «Об алчности и подлости»; 7.27. «О почитании конфуцианства»; 7.28. «О литературе и истории»; 7.29. «О ритуале и музыке»; 8.30. «О сельском хозяйстве»; 8.31. «О применении наказаний»; 8.32. «О помилованиях»; 8.33. «О процветании и упадке»; 8.34. «О подношениях и налогах»; 9.35. «О карательных походах»; 9.36. «Об усмирении окраин»; 10.37. «О высочайших инспекциях»; 10.38. «Об охоте»; 10.39. «О недобрых и счастливых предзнаменованиях»; 10.40. «О погребальных обрядах».

Первые две главы — «О Пути-Дао правителя» (*цзюнь дао*) и «О сути управления» (*чжэн ти*) — посвящены сущности верховной власти. Затем следуют главы о назначении на должности мудрых и об умении государя оценивать и использовать их советы, приводятся биографии крупнейших сановников. В главах о воспитании наследника престола первостепенное значение придается выбору наставников. В целом ряде глав приводятся диалоги императора и видных гос. деятелей по конкретным вопросам управления (умиротворение на границах, взимание налогов, использование наград и наказаний и т.д.). Все вопросы сосредоточены вокруг важнейшей проблемы — достижения вечного царствования династии, продления времени ее правления. Большинство решений рассматривается как результат обсуждения с сановниками. Диалог государя и сановника составлял содержание полит. идеологии традиц. Китая и был вариантом идеологич. доктрины, наиболее оптимальной для обоснования государственности, существовавшей в форме бюрократич. империи. В основу этого диалога легло коренящееся в древнейшем полит. сознании Китая представление о единстве сакрального и этич. начал верховной власти. В раннетанском Китае такой диалог имел особую актуальность, т.к. за период Лю-чао (Шесть династий; 220–589) значительно изменилось полит. сознание служилого сословия, к-рое нуждалось в признании своего права на участие в принятии гос. решений. Тай-цзуну удалось не только привлечь на свою сторону служилые слои, старую и новую аристократию, но и продемонстрировать, что танский правящий дом видит в гос. человеке достойного полит. партнера. За сановником признавалось право в любой момент указать государю на его просчеты. Быть терпимым к заявлениям назидательного характера, более того — поощрять их, уметь воспринимать критику считалось важнейшим достоинством правителя.

Изложенные в «Чжэнь-гуань чжэн яо» принципы управления гос-вом соответствовали конф. системе ценностей (см. **Конфуцианство** в т. 1) и интересам высшей бюрократии, поэтому сочинение долгие столетия не теряло актуальности, а приводимый в нем материал неоднократно использовался не только в Китае, но и в сопредельных гос-вах. При династиях Цзинь (1115–1234) и Юань (1271–1368) кит. интеллектуалы и гос. деятели адресовали иноземным правителям назидательные трактаты, в к-рых отводили эпохе Тан выдающееся место в истории своей страны. Цзиньский автор Ван Жо-сюй (1174–1243) в соч. «Цзюнь ши ши бянь» («Достоверные суждения о деяниях государей») привел целый ряд поучительных примеров правления Тай-цзуна. Чжао Бин-вэнь (1159–1232) составил «Чжэнь-гуань чжэн яо шэнь цзянь» («Краткое изложение [сочинения] „Основы управления [периода] Чжэнь-гуань“»). Он же совместно с Ян Юнь-и написал в подражание «Чжэнь-гуань



чжэн яо» назидательное произв. «Цзюнь чэнь чжэн яо» («Основы управления, [изложенные для] государя и подданного»). Восхищенные отзывы о «Чжэнь-гуань чжэн яо» оставили минский имп. Сянь-цзун (прав. 1465–1487), цинский имп. **Цянь-лун** (прав. 1736–1795). Оно было известно в Корее и Японии, тангутском гос-ве Си Ся (X–XIII вв.), в киданьском Ляо (X–XII вв.), в чжурчжэньском Цзинь (XII–XIII вв.), было переведено на монг. и маньчж. языки. В Китае и сопредельных странах «Чжэнь-гуань чжэн яо» рано стало объектом филологич. исследования. Большую текстологическую работу проделал юаньский ученый Гэ Чжи, к-рый в 1333 издал «Чжэнь-гуань чжэн яо» со своим предисловием и комментарием. В его редакции «Чжэнь-гуань чжэн яо» было включено в сер. «Сы бу бэй яо» («Собрание наиболее важных книг по четырем разделам»).

* *У Цзин.* Чжэнь-гуань чжэн яо (Основы управления [периода] Чжэнь-гуань). Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 1159–1162); *он же.* Основы управления в период Чжэнь-гуань. Цз. 2.3. О назначении на должности мудрых / Предисл., пер. и коммент. И.Ф. Поповой // ПВ. 1996, вып. 8, с. 22–40. ** *Попова И.Ф.* Главные положения сочинения VIII в. «Основы управления в период Чжэнь-гуань» («Чжэнь-гуань чжэн яо») // Там же. 1993, вып. 4, с. 267–280; *Хуан Юн-нянь.* Тан ши шикэсюэ (Историография танской истории). Шанхай, 2002, с. 131–134; *Харада Танэсигэ.* Дзоган сэйё но кэнкю (Исследование «Основ управления [периода] Чжэнь-гуань»). Токио, 1968; *Lewis W.J.* The Cheng-kuan cheng-yao: A Source for the Study of Early T'ang Government. M.A. thesis. University of Hong Kong, 1962.

И.Ф. Попова

ЧИНГИС-ХАН

成吉思汗

Чингис-хан (кит. Чэнцзисы хань, Юань Тай-цзу) — титул монг. хана Темучжина, основателя Монгольской империи, великого полководца и завоевателя. 1155/1162–1227. Его внук — хан **Хубилай** стал императором (храмовое имя Ши-цзу, прав. 1271–1294) и основателем дин. Юань (1271–1368).

Темучжин происходил из монг. племени кият-борджигин. Отец, Есугай, скончался, когда Темучжину было 9 лет. Есугай имел свой улус, к-рый распался после его смерти. Темучжин остался с матерью и четырьмя братьями; два брата были от др. жены Есугая, между ними и Темучжином были постоянные распри. Темучжин и его брат Хасар в одной из таких ссор убили своего единокровного брата Бектера. Как старший, Темучжин был признан виновным. На него надели деревянную шейную колодку — *кангу* и отправили в родств. племя тайчиутов, к-рое ранее входило в улус Есугая. Темучжину удалось бежать. Со временем он обзавелся своими нукерами, женился и нашел себе первого союзника в лице Тоорил-хана кереитского (татары, монголы, кереиты, найманы, меркиты были самыми крупными локальными этносами, составлявшими улусы на территории Монголии), пообещавшего Темучжину вернуть ему улус отца. Когда на Темучжина напали меркиты, он едва спасся, но те пленили его жену Борте. Темучжину представился случай воспользоваться покровительством Тоорил-хана. Против меркитов выступили Темучжин, Тоорил-хан и дальний родственник и побратим Темучжина Чжамуха, к-рому тогда подчинялась большая часть монголов. Меркиты были разгромлены, жена возвращена Темучжину. Между Тоорил-ханом, Чжамухой и Темучжином сложились отношения вассалитета, в к-рых по принятой в ту эпоху системе родств. отношений Тоорил-хан считался отцом Темучжина, Чжамуха — его младшим братом. В конце 80-х XII в. Темучжин восстановил свой улус и стал титуловаться ханом, возможно, даже впервые Чингис-ханом.

Последующие 15–17 лет были годами постоянной борьбы за власть над Монголией. Основным ее фигурантом постепенно становится Темучжин, ощущавший себя ханом, имеющим право на власть. Более того, он верил в свою избранность Небом, к-рое вручило ему право властвовать над соседними народами.

Однако первое большое сражение со своими же монголами, к-рые шли за Чжамухой, Темучжин проиграл. В 1196 большая армия чжурчжэньской империи Цзинь, к к-рой присоединились Тоорил-хан и Темучжин, выступила в поход против татар. За помощь, оказанную чжурчжэням в разгроме татар, Тоорил-хан получил кит. титул *ван*, став Ван-ханом, а Темучжин — чин джаутхури, чиновника-военачальника на цзиньской пограничной службе. В 1201 Чжамуха был избран подчинявшимися ему монголами и др. этносами гурханом («хан ханов»), заявив тем самым свои права на власть над Монголией. Темучжин в это время одержал свою первую большую победу, разгромив тайчиутов, некогда разрушивших улус его отца. В 1202 Темучжин решил, что пришло время отомстить татарам за смерть отца, по преданию отравленного ими. Идея мести, лозунг мести занимали важное место в идейном багаже Темучжина. Татары были разгромлены неподалеку от оз. Буир-Нор, все мужчины, взрослые и подростки, ростом выше тележной оси, были истреблены. Укрепивший свое господство в Вост. Монголии, Темучжин стал опасен для Ван-хана и Чжамухи. Сражение с кереитами и Чжамухой он проиграл и вынужден был спасаться бегством у р. Бальчжуна, к юго-западу от оз. Хулунь. Те, кто был с ним на Бальчжуне, пили мутную воду из реки и клялись в вечной верности Темучжину. Воду в знак верности пил и сам Темучжин. Все эти люди в дальнейшем пользовались особыми привилегиями.

Осенью 1203, получив данные разведки о том, что Ван-хан, посчитав, что загнал Темучжина в дальний угол, беспечно пирует, он внезапным маршброском атаковал кереитов. После трех дней ожесточенных боев кереиты были разгромлены в своем коренном становище к югу от р. Керулен. Самому Ван-хану и его сыну Сангуму удалось бежать, но и они вскоре погибли. Оставались найманы и Чжамуха. Готовясь к новой войне, Темучжин провел реформы в своем улусе. Была реорганизована армия — введена система десятков, сотен и тысяч. Введена должность черби — служилых людей, к-рые управляли людьми и хозяйством улуса. Сформирована личная гвардия хана. В нач. лета 1204 45-тыс. армия Темучжина выступила против найманов. Темучжин лично установил строй войска перед сражением и сам шел с передовым отрядом. Чжамуха отметил особый порядок монг. войска, засомневался в победе найманов и покинул их. Найманы были разгромлены. Чингис перевалил через Монгольский Алтай и вышел к Иртышу. Здесь он провел зиму 1204–1205. Возможно, в кон. 1205 люди Чжамухи связали его и доставили к Темучжину. Чжамуха через нек-рое время был казнен. К кон. 1205 вся Монголия оказалась под властью Темучжина. В том же 1205 монголы совершили первый поход за пределы Монголии — были разорены нек-рые зап. р-ны тангутского гос-ва Си Ся, прилегающие к Дуньхуану.

Весной 1206 у истоков р. Онон на великом курултае, всемонг. съезде представителей знати, Темучжин был провозглашен всемонг. ханом с титулом Чингис-хан («хан над ханами»). Монг. гос-во стало строиться по практиковавшейся столетиями схеме построения кочевых гос-в. Территория Монголии была поделена на 95 военно-администр. р-нов — тысяч во главе с нойоном-тысячником. Тысячи делились на сотни. Сотники и тысячники получали от хана вознаграждение за службу. В идеале сотни и тысячи должны были выставлять в случае нужды из своего р-на сотню или тысячу воинов. Должность нойона-тысячника была наследуемой. Люди в сотнях и тысячах не были свободны в своем передвижении. Население регистрировалось в т.н. «синих книгах». Делопроизводство велось уйгурским письмом. Администраторами служили чиновники-джаургучи. Члены Чингисова урука, его родня получили в кормление уделы-хуби, в к-рых было от 1500 до 10 тыс. юрт (дворов). Администр. р-ны гос-ва были скреплены почтовой ямской службой. Почтой пользовались обладатели верительных бирок — *пайцзы* разных достоинств, и сам ин-т почтовой службы и *пайцзы* были заимствованы из Китая через чжурчжэней и тангутов. Легитимация власти Чингис-хана жаловалась ему Небом и основывалась на подчинении др. народов.

В последующие 5 лет до начала масштабной войны с Цзинь были покорены «лесные народы» — киргизы, ойраты и хори-туматы. Уйгуры и тюрки-карлуки, проживавшие в юго-зап. части совр. Казахстана, добровольно вступили в подданство Чингис-хана. Осенью 1207 монголы заняли сев.-зап. угол территории Ся и до лета 1208 грабили окрестности. Чингис-хан лично принимал участие в этом походе. В апр. 1209 монг. войска под командованием Чингис-хана снова вторглись в Си Ся. Осенью монголы осадили столицу Ся г. Чжунсин (совр. Иньчуань). Осада была неудачной. Во время переговоров о мире монголы главным условием выдвинули участие тангутов в предстоящей войне с Цзинь; по договору 1210 тангуты заплатили большую дань, а тангутская принцесса Чахэ стала женой Чингис-хана. Тылы с юга и запада были вне опасности, и в 1211 Чингис-хан начал свою первую большую войну против Цзинь. Поводом была месть за гибель от рук чжурчжэней побочного предка Чингиса Амбагай-хагана. Чингис-хан не дожил до победы в этой затянувшейся войне, Цзинь погибла в 1234. Поручив продолжение войны в Сев. Китае своим полководцам, Чингис-хан обратил свой взор на запад, на гос-во хорезмшаха. В 1219 в г. Отраре людьми хорезмшаха был уничтожен торговый караван монголов. Это дало повод для войны на западе. По данным «Тайной истории монголов» («Юань чао би ши»), Чингис-хан объявил: «Пойду войною на сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей!»

10 февр. 1220 монголы вступили в Бухару, в апреле гос-во хорезмшаха фактически было разрушено. Лето 1220 Чингис-хан провел в р-не г. Несефа, зиму 1220–1221 на берегах Аму-Дарьи. К осени 1221 пали города Ургенч, столица хорезмшаха, Балх, Термез, Зазуан, Мерв, Нишапур и Герат. Однако у г. Первана монголы потерпели первое крупное поражение от сына хорезмшаха Джелал-ад-дина. Чингис-хан лично выступил против Джелал-ад-дина. В сражении 23 нояб. 1221 на берегах р. Инд Джелал-ад-дин был разгромлен. Лето 1222 Чингис-хан провел к югу от Гиндукуша и принял решение о возвращении в Монголию. Зиму 1222–1223 Чингис прожил в р-не Самарканда, лето 1223 — в р-не р. Чу, лето 1224 — в долине Иртыша, а зиму 1224–1225 — в долине р. Эмиль. Он не спешил, и в этом есть некая интрига, возможно связанная с его здоровьем — весной 1223 во время охоты он упал с коня и сильно расшибся — или с состоянием дел в самой Монголии. Его армии в это время воевали и в Китае и на западе, 31 мая 1223 в сражении у р. Калки монг. корпус под командованием Чжэбе и Субетая разгромил объединенную армию половцев и русских.

Осенью 1225 Чингис откочевал в сторону границ Си Ся, но во время охоты на диких лошадей снова упал с коня и разбился. Ему предлагали отложить поход на Ся и поправить здоровье, но он был полон решимости отомстить тангутам за то, что они отказались идти с ним в зап. поход. Весной 1226 во главе своего войска Чингис-хан вторгся в пределы тангутского гос-ва. Война длилась меньше года и закончилась гибелью Си Ся и смертью Чингис-хана на его территории. Неизвестна достоверно причина смерти Чингис-хана, неизвестно, где он был похоронен. Ихэ-эджен-хоро, юрта якобы с прахом Чингис-хана на р. Циншуй, и затем построенный в 1962 на этом месте мавзолей (в совр. АР Внутренняя Монголия, КНР) — лишь знаки вероятного места смерти Чингис-хана.

Ист. личности такого масштаба, как Чингис-хан, не имеют однозначной оценки. Для монголов он хан, превративший население Монголии в монг. народ, создавший монг. гос-во. Для потомков населения регионов, в к-рых он воевал, это жестокий завоеватель — многочисленные мусульманские рукописи, кит. источники полны описаний творимых им и его войсками жестокостей. Сам Темучжин — Чингис-хан верил в свое предназначение, в особую силу, дарованную ему Небом.

* *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). История первых четырех ханов из Дома Чингисова. СПб., 1829; *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием «Mongol-un niuca tobciyan» = Юань

чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1. Введение в изучение памятника, пер., тексты, глоссарии. М.–Л., 1941; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.–Л., 1952; то же. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. М.–Л., 1952. ** *Владимирцов Б.Я.* Чингис-хан. СПб., 2000 (перепеч. 1922 г.); *Капица М.С.* Еще раз о роли Чингис-хана в истории // ВИ. 1988, № 7, с. 48–58; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006; *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995; *он же.* Завоеватель Вселенной: Чингис-хан // *он же.* Властители Азии. М., 2004, с. 273–429; *Стари Дж.* Чингис-хан в «Сокровенных хрониках маньчжурской династии» // Письменные памятники Востока. 2006. № 2, с. 217–222; *Хань Жу-линь.* О Чингис-хане // Историческая наука в КНР. М., 1971, с. 280–292; *Martin H.S.* Chingis Khan and His Conquest of North China / Introd. by O. Lattomore. Baltimore, 1950; *Ratschnevsky P.* Chingis-Khan: sein Leben und Wirken. Wiesbden, 1983.

Е.И. Кычанов

ЧУ МИН

除名

Чу мин («разжалование») — наиболее тяжелое из трех должностных наказаний (**чу мянь**). Разжалование применялось в случаях совершения преступлений из списка «десяти зол» (**ши э**); предумышленного или преднамеренного убийства человека; привлечения по общесемейной ответственности (**юань цзо**) за «умысел восстания против» (*моу фань*) или «умысел великой строптивости» (*моу да ни*); совершения чиновниками таких деяний в сфере их администр. ответственности, как вовлечение в развратные сношения, хищение в размере выше стоимости одной штуки (*пи*) шелка, похищение людей, получение взятки с последующим нарушением (искажением) закона в пользу взяткодателя (*шоу цай ван фа* — одно из «шести присвоений»; см. **Лю цзан**) в размере выше стоимости одной штуки шелка; в случаях совершения любых преступлений, наказуемых смертной казнью; совершения преступлений, наказуемых смертной казнью, даже если казнь была высочайше заменена ссылкой или каторгой; совершения преступлений, наказуемых смертной казнью, с последующим побегом; совершения преступлений, наказуемых к.-л. из пяти особых видов ссылки (*у лю*); чеканки фальшивой монеты.

Все оставлявшиеся обычно чиновнику удостоверения на должности (*гао шэнь*), с к-рых он ушел по возрасту, по болезни, из-за необходимости ухаживать за больным родственником, вследствие прибытия смены или упразднения данной должности, при разжаловании отбирались. Его лишали также всех титулов знатности. Человек, наказанный разжалованием, отбрасывался к тому исходному статусу, к-рый он имел до начала служебной карьеры, а если он был знатен — то переставал быть таковым. Разжалованные лишались всех преимуществ, выделенных им в соответствии со статусом, к-рого они добились к моменту разжалования.

Через 6 лет разжалованные могли возобновить службу со значительным понижением в ранге и соответственно — в должности (*сюй*). Однако ранг, в к-ром они восстанавливались и согласно к-рому могли получать должности, резко понижался, причем относительный размер понижения был тем более велик, чем более высокий ранг имел преступник в момент совершения преступления. Для преступников первых трех рангов ранг восстановления произвольно определял сам император. Затем вступала в действие регулярная таблица: напр., чиновники 4-го ранга при попытке служебного восстановления могли претендовать на должность 8-го ранга, чиновники 8-го ранга — на должность 9-го ранга. Титулы знатности не восстанавливались. Возможно, это было одним из проявлений продолжавшейся в танское время борьбы госва со старой знатью.

* Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 18, 21, 23. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780).

См. также лит-ру к ст. **Чу мянь**.

В.М. Рыбаков

ЧУ МЯНЬ

除免

Чу мянь («разжалование–лишение») — собирательное название должностных наказаний, к-рые применялись только к чиновникам. Специфика положения чиновника в традиц. кит. об-ве, как с т.зр. прав и престижа, так и с т.зр. ответственности и повышенных требований к его моральному облику, еще в древности привела к возникновению специфич. мер воздействия, не связанных или лишь частично связанных с применением обычных наказаний (см. **У син**). Должностные наказания применялись уже при Хань (206 до н.э. — 220 н.э.), и тогда же начала возникать практика восстановления на службе после определенного срока (напр., после окончания царствования данного императора или по прошествии определенного числа лет). В танское время (618–907) система должностных наказаний была окончательно отлажена.

Специфика их применения была троякой. С одной стороны, замена обычного наказания должностным облегчала положение чиновников при совершении ими обычных преступлений средней тяжести. С др. стороны, при совершении обычных преступлений большой тяжести обычное наказание утяжелялось ущербом, наиболее чувствительным для служилого человека. Наконец, при совершении чиновниками преступлений, связанных со служебной деятельностью или несовместимых с нею в плане морали, должностными наказаниями ужесточались применяемые к чиновникам санкции даже в тех ситуациях, когда по обычной шкале наказания полагались нестрогие или их вовсе не полагалось.

Существовало три вида должностных наказаний: разжалование (**чу мин**), лишение должностей (**мянь гуань**) и лишение занимаемой должности (**мянь со цзюй гуань**).

Разжалованием наказывались антигосударственные преступления, совершенные представителями бюрократии и аристократии, лишением должностей — совершенные ими антиобществ. преступления. Лишением занимаемой должности наказывались специфич. действия, к-рые, не нанося реального обществ. вреда, считались этически недопустимыми для чиновника, дискредитирующими гос-во и его аппарат. Нек-рые из этих преступлений демонстрировали чрезмерное, нездоровое стремление занять должность или остаться на должности даже вопреки требованиям морали, — и именно поэтому закон лишал преступника права на дальнейшее пребывание в данной должности, принудительно осуществляя то, что чиновнику следовало бы совершить самому. Т.о., требования уголовного права прямо выполняли функцию этич. требований в тех случаях, когда этика для данного индивидуума оказывалась недостаточно авторитетной.

Должностные наказания имели эквивалентное выражение в осн. шкале наказаний *у син*: разжалование приравнивалось к трем годам каторги, лишение должностей — к двум, лишение занимаемой должности — к одному году. Принцип эквивалентности применялся в трех случаях.

Во-первых: при ложном доносе. По закону человеку, оклеветавшему другого, назначалось то самое наказание, какое полагалось за указанное в ложном доносе преступление. Этот принцип назывался «обратной ответственностью» (**фань цзо**). Однако, если клеветник не был чиновником и не мог быть, напр., разжалован, он наказывался 3 годами каторги.

Во-вторых, при завышении или занижении меры наказания относительно той, к-рая предписана по закону. Если, напр., чиновника неверно приговорили к разжалованию, судье за такую ошибку разжалование не полагалось, но по осн. шкале он наказывался 3 годами каторги, а дальше, в зависимости от ситуации, пользовался полагающимися ему по рангу привилегиями или зачетом должностью (**гуань дан**).

В-третьих, при укрывательстве преступника, преднамеренном попустительстве преступнику и пр. Укрывателю, напр., полагалось наказание, уменьшенное на 1 степень относительно наказания преступника, а тому, кто преднамеренно попустительствовал, — одинаковое с преступником. Если преступника следовало наказать к.-л. из должностных наказаний, а укрыватель

или попуститель не был чиновником, вступал в силу принцип эквивалентности.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 18–21, 23. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); *Ниида Нобору.* То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964; Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цз. 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999, с. 134–156, 158–161; The T'ang Code. Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979, p. 119–141, 144–147. ****** *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986; *Рыбаков В.М.* О правовом положении чиновничества в средневековом Китае // НАА. 1982, № 3, с. 51–60; *Hulsewe A.F.P.* Remnants of Han Law. Vol. 1. Leiden, 1955.

В.М. Рыбаков

«ЧЭНЬ ГУЙ»

臣規

«Чэнь гуй» — «Правила подданных». Сочинение условно приписывается танской императрице **У-хоу** (684–705). Составлено в 685 в подражание полит. завещанию имп. **Тан Тай-цзуна** (прав. 627–649) — соч. **«Ди фань»** («Правила императоров»): иероглифы *гуй* [*2*] и *фань* в названиях сочинений имеют одинаковое значение («правило, образец») и взаимозаменяемы. В «Чэнь гуй» изложены моральные принципы, к-рыми должен руководствоваться сановник, подавая императору доклады и верноподданнические советы.

Весной 675 У-хоу дала распоряжение группе сановников во главе с начальником составительского бюро (*чжуцзолан*) Юань Вань-цином и старшим историографом (*цзо ши*) Лю И-чжи приступить к написанию морально-дидактич. сочинений. В результате на свет появилось более 10 произведений общим объемом ок. 1000 цз., в т.ч. «Чэнь гуй». В окончательный текст У-хоу внесла поправки и написала собств. предисловие. В отличие от соч. Тай-цзуна, представлявшего полит. программу, «Чэнь гуй» не содержал планов рук-ва страной. «12 принципов управления» (т.н. «12 дел») были опубликованы У-хоу ранее — в 674, когда имп. Гао-цзун (650–683) возвел ее в ранг августейшей императрицы (*тянь-хоу*).

«Чэнь гуй» состоит из введения, двух частей (*бу* [*4*]), 10 глав (*чжан* [*1*]). Названия глав по образцу «Ди фань» состоят из двух иероглифов, и в основном в них определяются моральные принципы, к-рые должны были воплощать образцовые сановники: 1.1. «О единосущности [государя и сановника]»; 1.2. «О подлинной преданности»; 1.3. «О верности Дао-Пути»; 1.4. «О справедливости и честности»; 1.5. «О прямых увещеваниях»; 2.1. «Об искренности и верности»; 2.2. «Об осмотрительности и скрытности»; 2.3. «О нестяжании и бескорыстии»; 2.4. «Об искусных военачальниках»; 2.5. «О принесении пользы людям». В сочинении подчеркивалось, что единосущность государя и сановника обусловлена высшей мудростью жизни, а преданное и бескорыстное служение подданного правителю столь же естественно и доверительно, что и служение детей родителям. В период правления Гао-цзуна и У-хоу стиль правления имп. Тай-цзуна, обсуждавшего при дворе важнейшие гос. дела со своими сановниками, был утрачен. У императрицы не было сподвижников, обладавших красноречием **Вэй Чжэна** (580–643) и Ма Чжоу (601–648), компетентностью Ду Жу-хуя (585–630) и Фан Сюань-лина (578–648), проницательностью Ван Гуя (578–665), искренностью и прямотой Юй Шинаня (558–638). Остававшиеся в живых при Гао-цзуне сановники Тай-цзуна были против возвышения У-хоу и позже были ею уничтожены или сосланы. Труд «Чэнь гуй» с его трактовкой гос. роли сановников был, безусловно, реакцией императрицы на недовольство высшего чиновничества, отстраненного от принятия важнейших полит. решений и от активной совещательной деятельности в эпоху ее царствования. Поэтому, подробно рассматривая в «Чэнь гуй» качества, присущие образцовым сановникам, У-хоу гл. внимание уделяла не их личным талантам и способностям, к-рые необходимо полностью использовать во благо гос-ва, а внутр. гармонии, скромности, осмотри-

тельности, способности держаться в тени, жертвенности, умению маневрировать и убеждать, скрытности, бесконфликтности, искусству намека, умению вложить свои мысли в уста правителя. Объективно «Чэнь гуй» служил задаче деперсонализации высших сановников: в нем к минимуму было сведено значение воспитательной роли сановников, а отношения между государем и подданными приобретали безличный характер. Сформулированные в «Чэнь гуй» принципы были подчинены задаче подтверждения ее полит. нормативности. При Южной Сун (1127–1279) «Чэнь гуй» был утрачен, но сохранился в Японии, где предпринимались «парные» издания «Ди фань» и «Чэнь гуй». В Китай текст был возвращен в XVIII в. Сочинение переведено на рус. яз. И.Ф. Поповой (2001).

* *У Цзэ-тянь.* Чэнь гуй (Правила подданных). Шанхай, 1936 (ЦШЦЧ; Т. 893). ** *Попова И.Ф.* Наставление «Правила подданных» («Чэнь гуй») танской императрицы У-хоу: Предисл., пер. и коммент. // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. М., 2001, с. 127–168.

См. также лит-ру к ст. **У-хоу**.

И.Ф. Попова

ЧЭНЬ ДУ-СЮ

陳獨秀

Чэнь Ду-сю, Чэнь Цянь-шэн, псевдонимы: Чэнь Ю-цзи, Чэнь Чжун-фу, Старик. 08.10.1880, уезд Хуайнин пров. Аньхой, — 24.05.1942, Цзянцзинь пров. Сычуань. Полит. деятель, один из основателей и первый Генеральный секретарь КПК (1925–1927).

Когда Чэню было 6 лет, умер отец, поэтому его воспитанием и обучением занимались дед и старший брат. В 1896 Чэнь Ду-сю прошел первый этап экзаменов на степень *сю цая*. В 1897 женился на дочери зам. военачальника пров. Аньхой, к-рая была старше его на 3 года. Тогда же он провалился на экзаменах на степень *цзюй жэня* в Нанкине и вернулся домой. Начал знакомиться с работами **Кан Ю-вэя** и **Лян Ци-чао**.

В 1901 Чэнь Ду-сю основал в Аньцине частную б-ку, где выступал перед молодыми земляками с антицинскими речами. Местные власти вскоре закрыли б-ку и выдали ордер на арест Чэня. Однако он вовремя скрылся, переехав в Нанкин. В окт. 1901 выехал на учебу в Японию. В Токио прошел ускоренные курсы яп. яз. и поступил в пед. ин-т (ин-т Кобун). Весной 1902 вернулся в Китай.

По инициативе и при активном участии Чэнь Ду-сю в Аньцине создается тайное молодежное об-во, объединившее учащихся Аньхойского высшего учеб. заведения и военного училища; члены об-ва собирались еженедельно, обсуждали события, спорили о причинах слабости и бедности Китая и искали пути борьбы с этим. Под угрозой ареста Чэнь Ду-сю вновь вынужден выехать в Токио в сент. 1902. Поступив в военное училище Сэйдзё, вместе с китайцами, обучавшимися там, создает об-во *Шаонянь Чжунго* («Молодой Китай»), его девиз: «Основная идея — национализм, гл. цель — разрушение». При вступлении в об-во Чэнь Ду-сю отрезал косу, выражая тем самым отказ подчиняться маньчж. монархии. В 1903 был выслан из Японии за оскорбительные действия в отношении агента цинского пр-ва. В 1904 Чэнь Ду-сю создает газ. «Аньхой сухуабао» («Аньхойская газета на разговорном языке»), 1-й номер выходит 31 марта.

В деятельности радикальной интеллигенции пров. Аньхой наступает качественно новый период — происходит постепенное оформление сети тайных орг-ций с центром в г. Уху. Летом 1905 Чэнь Ду-сю становится одним из создателей и руководителей такой орг-ции *Юэван хуй* («Союз князя Юэ»), названной в честь патриота сунской эпохи Юэ Фэя. Отд-ния *Юэванхуй* появились в Нанкине и Аньцине. Вербовка в орг-цию велась гл. обр. среди учащихся воен. училищ и в армейских частях. Слухи о неблагонадежности курсантов дошли до губернатора пров. Аньхой. Он отдал приказ усилить надзор. Во избежание неприятностей нек-рые из руководителей уже в 1906 эмигрировали в Японию, туда же снова вынужден был бежать весной 1907 Чэнь Ду-сю. Он

поступил в школу англ. яз., брал доп. уроки англ. яз. и санскрита. В 1908 он навещает родных, а в сент. 1909 уезжает из Японии в связи со смертью старшего брата.

Чэнь Ду-сю начал заниматься филол. исследованиями, каллиграфией, сочинением стихов в классич. стиле. О его лит. таланте высоко отзывался **Ли Да-чжао**, его стихи знал и **Чжоу Энь-лай**.

Синьхайскую революцию 1911 в пров. Аньхой поддержали отдельные группировки, в частности в р-нах, где прежде вели революц. работу Чэнь Ду-сю и его сподвижники. Когда на пост воен. губернатора провинции (*дуду*) сессия временного провинц. собрания выдвинула соратника Чэнь Ду-сю Сунь Юй-юня, тот вызвал из Ханчжоу Чэня и назначил его начальником секретариата губернатора провинции. Весной 1912 Сунь Юй-юнь ушел со своего поста, получив предложение **Юань Ши-кая** занять офиц. должность в Пекине. Чэнь Ду-сю покинул Аньхойское пр-во, стал директором Аньхойской высшей школы, вскоре переименованной в Аньхойский ун-т.

В ходе развернувшихся в пров. Аньхой военных действий, когда чл. Гоминьдана Бо Вэнь-вэй 17 июля 1913 поднял войска против Юань Ши-кая, Чэнь Ду-сю вернулся в Аньцин, заняв прежний пост секретаря при губернаторе. Однако план борьбы со сторонниками Юань Ши-кая оказался в руках его сподвижника Дуань Ци-жуя. Бо Вэнь-вэю пришлось срочно бежать, а Чэнь Ду-сю был схвачен, связан и приговорен к расстрелу. Только благодаря тому, что на выручку подоспел отряд Чжан Юн-чжэна, жизнь Чэня была спасена. Новый губернатор Аньхоя издал распоряжение о задержании членов революционных партий, и первым в списке из 20 чел. значился «важный преступник» Чэнь Ду-сю. Ему удалось бежать в Шанхай, его племянник был схвачен, сыновья укрылись в деревне. Дом Чэней был разграблен (второй раз его разграбили гоминьдановцы в конце 20-х, а третий раз — японцы в 1938). В июле 1914 Чэнь Ду-сю в последний раз едет в Японию и поступает в классич. школу франц. яз., активно участвует в издании журн. «Цзя-инь». 10 нояб. 1914 он публикует в журнале ст. «Самосознание и патриотизм» («Цзыцзюэсинь юй айгосинь»), в к-рой заключает, что реально Китай не представляет собой нацию, гос-во, поскольку китайцам недостает «самосознания» и настоящего патриотизма. В сент. 1915 Чэнь Ду-сю начинает издавать в Шанхае журн. «Циннянь» («Молодежь»), переименованный впоследствии в «Синь циннянь» («Новая молодежь»), становится ведущим идеологом и лидером «движения за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*). В 1917 редакция переехала в Пекин, в нее вошли Ли Да-чжао, **Лу Синь** (см. т. 3), **Ху Ши** (см. также т. 1), ставшие гл. авторами журнала. В янв. 1917 ректором Пекинского ун-та становится Цай Юань-пэй, и он предлагает Чэнь Ду-сю должность декана ф-та гуманитарных наук.

Вдохновитель и участник «движения 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*), Чэнь Ду-сю принял активное участие в дискуссии о социализме (*шэхуйчжуи луньчжань*), инициатором к-рой выступил **Чжан Дун-сунь**. К кон. 1920 он пришел к выводу, что существовавшую тогда в стране «обществ. систему невозможно реформировать мирным путем» и поэтому единств. средством является «только революция». В дальнейшем он дает более или менее систематизированное изложение марксизма, причем в первую очередь его занимают полит. аспекты марксистского учения. Особенно энергично он пропагандировал и защищал от нападок марксистское понимание учения о гос-ве, теорию классовой борьбы, учение о диктатуре пролетариата. В ходе острой полемики с идейными противниками он и Ли Да-чжао пытались доказать, что учение К. Маркса применимо к Китаю. Т.о., Чэнь Ду-сю проделал путь от «радикального демократа» к «раннему марксисту», став распространителем марксизма и одним из основателей коммунистич. движения в Китае. В 1920–1921 он участвует в создании КПК. На I съезде в 1921 его избирают секретарем Центр. бюро КПК, в 1922–1925 — пред. ЦИК КПК. В 1925–1927 он — Ген. секретарь ЦИК (ЦК) КПК. Однако, приглашенный на VI съезд КПК, проходивший в Подмосковье с 18 июня по 11 июля 1928, выехать в Москву отказался. И не слу-

чайно — ибо ответственность за неудачи в стратегии и тактике КПК и последовавшее за этим поражение революции 1925–1927 ЦК КПК и Коминтерн возложили на Чэнь Ду-сю. Он был обвинен в правом оппортунизме, капитулянтстве, а затем в **троцкизме**, отстранен от рук-ва КПК. 15 июля 1927 от Чэнь Ду-сю поступило заявление об отставке с поста Ген. секретаря ЦК КПК. На чрезвычайном совещании ЦК КПК 7 авг. 1927 было избрано новое Временное Политбюро ЦК.

В кон. 1928 — нач. 1929 в Китае появились первые троцкистские группы, созданные бывшими слушателями КУТК — сторонниками троцкистской оппозиции, исключенными из партии в кон. 1928 и высланными в Китай. Деятельность троцкистов в КПК активизировалась летом–осенью 1929 в связи с переходом на их позиции Чэнь Ду-сю и группы его сторонников. Этот переход был реакцией на объективные трудности работы партии, на новые явления в революц. борьбе, в особенности на курс КПК, предусматривавший создание Красной армии в ходе партизанской войны в деревне. Сказалось и прямое влияние выступлений Троцкого по вопросам кит. революции, установление связей осенью 1929 между кит. троцкистами и «центром» Троцкого. В кон. июля — нач. авг. 1929 Чэнь Ду-сю направил в ЦК КПК три письма. В первом письме (28 июля) он подверг критике отдельные тактич. лозунги и формулировки документов ЦК, связанные с конфликтом на КВЖД (захват в июле маньчж. властями КВЖД получил поддержку общественности и Нац. пр-ва, и ранее требовавшего вернуть КВЖД и закрыть советские учреждения в Китае). Чэнь Ду-сю выступил против лозунга «защиты СССР», выдвигавшегося нек-рыми коммунистами в связи с конфликтом. Он считал, что его следует заменить указанием на антинац. характер политики Гоминьдана в этом вопросе, что будет понятней и доступней широким слоям населения Китая, «зараженным националистич. предрассудками». Кроме того, Чэнь Ду-сю указывал на двусмысленность тезиса в циркуляре ЦК КПК о том, что война империалистов и Гоминьдана против СССР приведет к вспышке «революц. борьбы пролетариата в странах капитала, к мировой революции, что создает еще более благоприятные условия для кит. революции». В последующих письмах (5 и 11 августа) он выступил против осн. решений VI съезда и II пленума ЦК КПК, объявил ошибочной оценку Гоминьдана как буржуазно-помещичьей, а не буржуазной партии, говорил о победе буржуазии в революции 1925–1927, ставил под сомнение тезис о господстве феодальных отношений в деревне (о них якобы можно говорить лишь как об «остатках остатков»), обвинял ЦК в преувеличении роли феодальных сил, утверждал, что в деревне осн. фигура эксплуататора — «кулак» (причисляя к ним мелких помещиков). Чэнь Ду-сю предлагал обнародовать различные т.зр. в органах печати КПК, требовал опубликования его писем «для обсуждения всей партией», ссылаясь на то, что «ряд товарищей, к-рые раньше работали для партии или работают для партии сейчас, говорят, что по многим полит. вопросам и методам работы их мнения расходятся с позицией ЦК, но они не смеют высказать их», и обвинил ЦК в «полицейском режиме» в партии. Чэнь Ду-сю начал распространять свои письма в парторг-циях Шанхая. В сент. 1929 в Шанхай приехал троцкист Лю Жэнь-цзин, встречавшийся с Троцким. Он привез платформу, написанную лично Троцким, а также практич. рекомендации, совпадавшие с тактикой Чэнь Ду-сю: оставаться в партии, навязать дискуссию, собирать сторонников. Деятельность оппозиционных групп, письма Чэнь Ду-сю побудили ЦК КПК принять меры против распространения троцкистских взглядов. В сент. 1929 ЦК в письмах местным орг-циям предупредил об опасности деятельности троцкистов в КПК. В письме ЦК от 6 окт. Чэнь Ду-сю предлагалось подготовить статью с критикой взглядов Троцкого по вопросам кит. революции. Позднее он говорил, что не желал выступать против платформы Троцкого, т.к. уже в то время полностью разделял его взгляды. 10 окт. он направил в ЦК новое письмо, где открыто излагал свою оценку этапа и настоящего момента кит. революции и предлагал взамен курса КПК свои установки: 8-часовой рабочий день, «отмена неравноправных договоров», «долой воен. диктатуру

Гоминьдана», «созыв Нац. собрания». Учитывая авторитет Чэнь Ду-сю в партии, его прежние заслуги перед КПК, опасность откола его группы, глава Дальбюро ИККИ И.А.Рыльский предложил Чэнь Ду-сю обсудить выдвигаемые им вопросы с представителями ЦК и Дальбюро. ЦК рекомендовал Чэнь Ду-сю выехать в Советский Союз. На все эти предложения он ответил отказом. Тогда 15 нояб. 1929 Политбюро ЦК КПК утвердило решение парткома пров. Цзянсу об исключении Чэнь Ду-сю и четырех его ближайших сторонников из КПК. Решение предлагало всем парторг-циям принять строгие меры в отношении всех групп оппозиции, исключать их лидеров, вести воспитательную работу с рядовыми членами. 10 дек. 1929 Чэнь Ду-сю выступил с открытым письмом ко всем товарищам по партии, в к-ром призвал всех членов партии «стать в ряды руководимой тов. Троцким междунар. оппозиции», вести борьбу с «оппортунизмом Коминтерна и кит. ЦК, не боясь выйти из партии». 15 дек. группа троцкистов подписала заявление «Наши политические взгляды» («Вомэнь ды чжэнчжи ицзянь шу»), или «Заявление 81». В документах особое место занимали нападки на Коминтерн и ВКП(б), рук-во КПК объявлялось «послушным, слепым орудием Сталина», «тезисы» о кит. революции и КПК рассматривались как «разменная монета в руках Москвы», рассчитанная на то, чтобы сыграть на амбициях отд. руководителей КПК, на нац. самолюбии или националистич. настроениях.

6 дек. 1929 на 2-й конф. представителей парторг-ций Политбюро был принят документ, обвинявший Дальбюро ИККИ в «систематич. правом уклоне» и «примиренческом отношении к ликвидаторской группе Чэнь Ду-сю» (в связи с предложением Дальбюро в свое время, до исключения Чэнь Ду-сю, провести в партии глубокую разъяснительную работу). В 1930 неск. десятков чл. партии перешли в троцкистские группировки. С марта 1930 в Шанхае стал выходить ежемесячно журн. «Учаньчжэ» («Пролетарий»), орган троцкистов группировки Чэнь Ду-сю — Пэн Шу-чжи. В нем они пропагандировали свою платформу, нападали на Коминтерн и КПК. В мае 1931 прошел «объединительный съезд» троцкистских группировок, избравший ЦК «левой партии» во главе с Чэнь Ду-сю. Т.о., с 1931 он — ген. секретарь исполкома объединенной кит. троцкистской оппозиции. В окт. 1932 был арестован гоминьдановцами и приговорен к 13 годам тюрьмы и 15 годам лишения «гражданских прав». В 1937, находясь в тюрьме, Чэнь Ду-сю приступил к написанию автобиографии (частично опубликована в нояб. 1937 в журн. «Юйчжоу фэн» — «Космический ветер»). В связи с созданием второго единого фронта КПК и Гоминьдана для отражения яп. агрессии в авг. 1937 Чэнь Ду-сю неожиданно освободили из тюрьмы. После этого он отошел от коммунистич. движения, уехал в Сычуань, где провел остаток своей жизни в изучении совр. полит. наук, философии и филологии. В 1940–1942 он написал ряд работ и писем друзьям, в к-рых выразил глубочайшее разочарование в любых формах тоталитарной диктатуры, включая пролетарскую.

***** Ду-сю вэньцюань (Соч. [Чэнь] Ду-сю). Шанхай, 1922; Чэнь Ду-сю вэньцунь (Сб. соч. Чэнь Ду-сю): В 2 т. Сянган, 1965; Чэнь Ду-сю чжуцзо сюань (Сб. произв. Чэнь Ду-сю). Шанхай, 1984; Чэнь Ду-сю вэньчжан сюаньбянь (Сб. статей Чэнь Ду-сю): В 3 т. Пекин, 1984; Чэнь Ду-сю шусиньцзи (Сб. писем Чэнь Ду-сю). Пекин, 1987; Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981. ****** *Асланова М.А.* «Обращение к молодежи» Чэнь Ду-сю и его социально-политическое значение // III НК ОГК. Вып. 2. 1972; *она же.* Чэнь Дусю // Китайская философия: Энц. словарь. М., 1994, с. 481–482; *Борох Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933, июль (№ 35); *Григорьев А.М.* Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг.: (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980; *Делюсин Л.П.* Спор о социализме: Из истории общественно-политической жизни Китая в начале 20-х годов. М., 1970, указ.; Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969; Краткая история КПК

(1921–1991) / Гл. ред. Ху Шэн. Пекин, 1993; *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917 гг.). М., 1972; Новейшая история Китая, 1917–1927. М., 1983; Новейшая история Китая, 1928–1949. М., 1984; *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001; *Рыкова С.Л.* Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Ду-сю. М., 2004; Судьба китайского троцкиста: [Воспоминания Лю Жэнь-цзина, 1918–1949 гг.] / Публ. А.В. Панцова // ПДВ. 1998, № 3, с. 97–107; № 4, с. 81–90; *Хохлов А.Н.* О первой публикации работы Чэнь Ду-сю в советской России // Китай и социализм. Ч. 2. М., 1990, с. 91–94; *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая // Проблемы Китая. 1929, № 1, с. 1–77; *Шевелев К.В.* Из истории образования Коммунистической партии Китая // ИБ. 1976, № 79; *Ван Хунмо.* Чэнь Ду-сю ишэнхо ходун ды пинцзя (Оценка всей жизнедеятельности Чэнь Ду-сю) // Чжунго шэхуй кэсюэ. 1985, № 5; Чжунго гунчаньдан жэньмин цыдянь (Словарь членов КПК). Шэньян, 1988; *Чжу Янь.* Вань нянь Чэнь Ду-сю, 1927–1942 (Последние годы Чэнь Ду-сю). Пекин, 2006; Чэнь Ду-сю (1903.5–1915.7) // Данши цзыляо. 1980, № 4; Чэнь Ду-сю // Шэлянь тунсюнь, Шанхай, 1982; *Lee Fei-gon.* Chen Du-xiu, Founder of the Chinese Communist Party. Princ., 1983; *Tai Wan-chin.* Chen Du-xiu's Conversion from a Liberal Democrat to a Marxist-Leninist: Motivations and Impact // Russia and China: Traditional Values and Modernization. [Taipei, 2002].

В.Н. Усов

乙

ЧЭНЬ И

陳毅

Чэнь И. 26.08.1901, уезд Лечжи пров. Сычуань, — 06.01.1972, Пекин. Полит. и гос. деятель, один из создателей и руководителей Народно-освободительной армии Китая, маршал КНР, министр иностр. дел (1958–1968).

Начал учиться с 5 лет, после Синьхайской революции поступил в нач. школу высшей ступени в Чэнду, в 1915 — на пром. курсы; 2 года учился в пром. школе. Весной 1918 поступил в подготовительную школу для работы и учебы во Франции. В авг. 1919 Чэнь И отплыл во Францию. Жил в окрестностях Парижа у кит. эмигрантов, посещал среднюю школу, где учил франц. яз. Работал чернорабочим на заводе, жил в общежитии. Вскоре он стал принимать активное участие в студенч. движении, в митингах протеста против получения кит. пр-вом от Франции займа на покупку вооружений.

В сент. 1921 кит. молодежь под рук-вом Цай Хэ-сэня, Чэнь И и **Чжоу Энь-лая**, приехавшего во Францию в конце 1920, развернула кампанию «за отвоевание Франко-кит. ун-та». Этот ун-т, номинально связанный с движением за учебу и работу во Франции, на деле служил интересам небольшого числа бюрократов и политиков. В него был закрыт доступ уже обучавшимся во Франции китайцам, туда принимались только вновь приехавшие из Китая. 20 сент. «Союз работающих и учащихся во Франции китайцев» направил в Лион «авангардный отряд». 22 сент. прибывшие в Лион были немедленно окружены вооруженной жандармерией и отвезены в казармы. 14 окт. 1921 франц. власти выслали группу из 104 арестованных китайцев, включая Цай Хэ-сэня, Чэнь И и Ли Ли-саня. Чэнь И появился в Шанхае в нояб. 1921. В 1922 по рекомендации Цай Хэ-сэня Чэнь И вступил в Социалистический союз молодежи Китая. Переехав в Чунцин, работал в местной газете. В окт. 1923 он поступил в Кит.-франц. ун-т в Пекине (окончил в 1926); вступил в КПК. Подрабатывал переводами, под псевдонимом публиковал стихи и рассказы.

После расстрела в Пекине 18 марта 1926 массовой антиимпериалистич. демонстрации Чэнь И вернулся в Сычуань. Весной 1927 учился в в Центральной военно-полит. школе в Ухани (*Ухань чжуньян цзюньши чжэнчжи сюэсяо*, сокр. Уханьская военная школа), к-рая официально подчинялась центр. рук-ву Гоминьдана. Был секретарем комитета КПК этой школы, в ней училось ок. 1 тыс. курсантов. Активно участвовал в восстании в Наньчане 31 июля — 1 авг. 1927 военных частей Хэ Луна, Е Тина и **Чжу Дэ**. В апр. 1928 Чэнь И вместе с отрядом **Мао Цзэ-дуна** прибыл в Цзинганшань, участвовал в создании

революц. базы. Занимал высокие посты в Красной армии Китая, воевал в пров. Цзянси, отражал карательные походы **Чан Кай-ши**. В 1937–1945 он — командующий Новой 4-й армией, чл. Юго-Вост. бюро ЦК КПК. В 1945–1949 командующий 3-й полевой армией НОА, участвовал в освобождении Нанкина и Шанхая и юго-вост. р-нов страны.

В период 1949–1965 Чэнь И был заметной фигурой на полит. арене КНР. В 1949–1954 — чл. Центр. народного правительств. совета, Народно-революц. военного совета, командующий военным округом Вост. Китая, секретарь Вост.-Кит. бюро ЦК КПК, в 1949–1958 мэр г. Шанхая.

В окт. 1952 Чэнь И в составе делегации КПК присутствовал на XIX съезде ВКП(б) и имел встречу со Сталиным. С 1954 — зам. премьера Госсовета КНР, зам. пред. Гос. комитета обороны. В сент. 1955 Чэнь И в числе 10 выдающихся военачальников было присвоено звание маршала. В 1954–1959 — чл. бюро ВК НПКСК, с апр. 1959 — зам. пред. ВК НПКСК. В 1956 избран чл. Политбюро ЦК КПК. С февр. 1958 — министр иностр. дел.

Принимал участие в разработке и определении внешнеполит. курса КНР, в 1-й пол. 1960-х приведшего к ухудшению отношений с СССР и КПСС, часто озвучивал мысли Мао Цзэ-дуна, высказывал позицию КНР тех лет о «неравноправных договорах» и «захвате Россией у Китая около 1,5 млн. кв. км его территории». В окт. 1964 были прерваны двусторонние консультации между СССР и КНР по пограничному вопросу, начавшиеся в февр. 1964. Чтобы расширить влияние КНР в развивающихся странах, вместе с Чжоу Энь-лаем участвовал в ряде важных дипломатич. мероприятий. В 1960 посетил Бирму, Индию, Непал, Камбоджу, Монголию и Афганистан. В 1961–1962 возглавлял кит. делегацию на 2-м Женевском совещании, где обсуждалась проблема мирного разрешения лаосского вопроса. С кон. 1963 по нач. 1964 Чэнь И вместе с Чжоу Энь-лаем совершил турне по двум азиатским и 10 африканским странам и Албании. С апр. 1964 по июнь 1965 в ходе подготовки второй афро-азиатской конференции на уровне глав гос-в и пр-в Чэнь И посетил Джакарту, Каир, Алжир. В 1963–1966 сопровождал **Лю Шао-ци** с визитами в Индонезию, Бирму, Камбоджу, Вьетнам, Пакистан и Афганистан.

В марте 1962 в Гуанчжоу на Всекит. совещании по вопросам оперно-драматич. искусства Чжоу Энь-лай подверг критике «левый» уклон, возникший в партии и стране после 1957, заявив, что подавляющее большинство интеллигенции принадлежит к трудовому народу, а не буржуазии, как утверждали ранее. Чэнь И осудил идеологич. кампании, выступил против «коммунистического чванства» в парт. рук-ве, против вмешательства в творчество писателей и интеллигенции, а интеллигенцию призвал отказаться от пассивной позиции «только размышлять», подчеркнув, что нужно думать об общем деле и смело выступать. Сам он любил классич. драму, пекинскую оперу, обожал танцы, с удовольствием играл в кит. облавные шашки *вэйци*.

В 1966 с началом **«культурной революции»** под лозунгом борьбы с «четырьмя старыми» (*сы цзю*) началось уничтожение произведений и памятников культуры и искусства, погромы в музеях, храмах и т.д. 13 сент. 1966 в выступлении перед **хунвэйбинами** и «революционными массами» Чэнь И заявил, что нельзя позволять разрушать производительные силы страны. Он также высказывал сомнения в отношении лозунга «Бунт — дело правое», под к-рым шли погромы в стране, осуждал действия по «захвату власти», начавшиеся с янв. 1967.

13–16 февр. 1967 под рук-вом Чжоу Энь-лая состоялось совещание, на к-ром Чэнь И вместе с Тань Чжэнь-линем резко критиковал действия Группы по делам «культурной революции», к-рая подстрекала *хунвэйбинов* и *цзаофаней* к хаосу в стране, призывая их атаковать армию и ее руководителей. Он обвинил Группу и **Линь Бяо** в том, что «они рвутся к власти, осуществляют ревизионизм».

Мао Цзэ-дун 18 февр. собрал Политбюро ЦК. Выступления Чэнь И, Тань Чжэнь-линя и их сторонников были названы «февральским противотечением». К нему были также причислены Чжу Дэ и **Чэнь Юнь**. Началась кампания по борьбе с этим «противотечением», проходили совещания и митинги,

14 марта в Пекине состоялась 100-тыс. демонстрация с осуждением сторонников «февральского противотечения». На XII пленуме ЦК КПК (окт. 1968) Мао Цзэ-дун вновь подверг резкой критике поименно Чэнь И, Чжу Дэ, Ли Фу-чуня, Ли Сянь-няня, Е Цзянь-ина, Тань Чжэнь-линя, Не Жун-чжэня и др. Чэнь И он прямо назвал «лидером правых». В документах пленума особо подчеркивалось, что разгром «февральского противотечения» является «крупной победой» линии Мао Цзэ-дуна.

После «культурной революции» было признано, что участники «февральского регрессивного течения ошибочно подверглись всяческим притеснениям и ударам». Позднее они были реабилитированы.

После XII пленума Чэнь И был отстранен от работы в МИД. В февр. 1969 его направили на «перевоспитание» на паровозо-ремонтный завод, затем в окт. 1969 — на завод в Шицзячжуане. В 1970 Чэнь И серьезно заболел. Чжоу Эньлай дал согласие на возвращение Чэнь И в Пекин. Он скончался на 71-м году жизни. 10 янв. 1972 на кладбище Бабаошань в Пекине состоялись похороны, на к-рые приехал и Мао Цзэ-дун.

***** Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая: В 3 кн. Пекин, 1956; Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин, 1973; Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981; Не Жун-чжэнь хуйилу (Воспомининания Не Жун-чжэня): В 2 кн. Пекин, 1984; Вэньгэ данъань (Архив «культурной революции»): В 2 кн. Пекин, 2004; «Хунвэйбиновская» печать о Лу Дин-и, Цзянь Нань-сяне, Хэ Фэе, Лю Цзи-пине, Ху Цяо-му, У Лэн-си, У Сю-цюане, Чэнь И, Ляо Чэн-чжи и Фан Фане // ИБ. Сер. А. 1968, вып. 5; Выступления Чэнь И, Е Цзянь-ина, Хэ Луна и др. китайских лидеров. Беседы с хунвэйбинами в приемных ЦК КПК, Госсовета и ВСНП (ноябрь 1966 — июнь 1968 гг.) // Там же. 1974, вып. 16. ****** *Ван Нянь-и.* Дадунлуаньды няньдай (Эпоха большой смуты). Хэнань, 1988; *Ду И.* Дасюэ я цинсун — Вэньгэ чжунды Чэнь И (Зеленая сосна, придавленная большим снегом: Чэнь И в «культурной революции»). Пекин, 1997; Дундан суйюэ мивэнь — «вэньхуа да гэмин» чжунды минжэнь чжи сы, чжи юй (Тайные известия беспокойных лет: Люди, погибшие и попавшие в тюрьмы в период «великой культурной революции»). Хух-Хото, 2003; Лиши цзай чжэли чэньсы — 1966–1976 нянь цзиши (История здесь остановилась в раздумьи: записки 1966–1976 гг.). Т. 2 / Гл. ред. Чжоу Мин. Пекин, 1986; Хуйи Чэнь И (Воспоминания о Чэнь И). Пекин, 1980; Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуай, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жун-хуань цзюньши ходун дашицзи (Крупные события из военной деятельности Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуая, Хэ Луна, Чэнь И, Ло Жун-хуаня). Пекин, 1983; Чэнь И цзаоняньды хуйи хэ вэньгао (Воспоминания о ранних годах Чэнь И и его рукописи). Сычуань, 1981; Чэнь И чжуань (Биография Чэнь И). Пекин, 1991; Чэнь И няньпу (Хроника жизни Чэнь И) / Ред. Лю Шифа. Пекин, 1995; *Ma Ji-sen*. The Cultural Revolution in the Foreign Ministry of China. Hong Kong, 2004.

В.Н. Усов

ЧЭНЬ ИНЬ-КЭ

陳寅恪

Чэнь Инь-кэ. 16.06.1890, Чанша пров. Хунань, — 07.10.1969, Гуанчжоу. Историк, литературовед, лингвист. Начальное образование получил дома, учился в учеб. заведениях Японии и Шанхая. В 1910–1914 обучался политологии в Берлинском и Цюрихском ун-тах, в Высшей полит. школе (Париж). С 1918 изучал санскрит, пали и сравнительное яз-знание в Гарвардском и Берлинском ун-тах. После возвращения в Китай в 1925 работал в Научно-исследовательском ин-те китаеведения ун-та Цинхуа, входил вместе с **Ван Го-вэем** и **Лян Ци-чао** в число «трех заправил» ин-та. Был профессором ист. ф-та, ф-та кит. яз., филос. ф-та ун-та Цинхуа, зав. первым сектором Ин-та истории и языка, чл. правления музея Гугун. В период антияпонской войны преподавал в Юго-Зап. Объединенном ун-те. Был приглашен в Оксфордский ун-т на должность проф. синологии, но не смог выехать из Гонконга из-за

военных действий. С 1942 преподавал в Гуансийском ун-те, затем в Яньцзинском ун-те. С 1948 преподал в Линнаньском ун-те (Гуанчжоу). С 1952, после вхождения его в состав ун-та Сунь Ят-сена, Чэнь Инь-кэ работал на ист. ф-те ун-та Сунь Ят-сена. Чл. АН Китая с 1948.

В своих изысканиях Чэнь Инь-кэ особое внимание обращал на работу с ист. источниками. В этом был близок Ван Го-вэю, с к-рым его связывала многолетняя дружба учителя и ученика. Метод исследований Чэнь Инь-кэ отличает внимание к истокам и эволюции ист. институтов. Напр., этот метод наглядно представлен в кн. «Суй Тан чжиду юаньюань люэлунь гао» («Краткий очерк истоков строя [династий] Суй и Тан»). Значительное влияние на исследования кит. средневековья оказала и др. работа Чэнь Инь-кэ — «Тандай чжэнчжи ши шу лунь гао» («Очерк политической истории эпохи Тан»). Оригинальный метод, открывающий новые перспективы, был использован Чэнь Инь-кэ при исследовании поэзии Юань Чжэня (779–831) и **Бо Цзюй-и** (772–846; см. т. 3) в качестве ист. источников. Для него вообще было характерно стремление к всемерному расширению круга источников с привлечением нетрадиционных для кит. историографии материалов. Большие возможности в этом плане открывало его владение несколькими зап. и вост. языками. Все это делало выводы ученого весьма надежными и обоснованными.

Чэнь Инь-кэ гл. обр. специализировался на истории народностей пограничных областей Китая, истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий, династий Суй и Тан, истории лит-ры Тан и Цин. В последние годы, полностью ослепнув, Чэнь Инь-кэ в течение 10 лет диктовал «Лю Жу-ши бечжуань» («Альтернативное жизнеописание Лю Жу-ши»), в к-ром сквозь призму жизни и поэзии аристократич. поэтессы была воссоздана ист. атмосфера кит. об-ва XVII в. Эта работа стала итогом разработки темы кит. женщин в многочисленных ист. исследованиях ученого. Чэнь Инь-кэ внес также заметный вклад в изучение и толкование буд. канонич. текстов, литературоведение, фонологию и дуньхуановедение.

***** Чэнь Инь-кэ сяньшэн вэньцзи (Собр. соч. проф. Чэнь Инь-кэ): В 5 т. Тайбэй, 1981. ****** *Ли Юй-мэй.* Чэнь Инь-кэ чжи шисюэ (Исторические исследования Чэнь Инь-кэ). Гонконг, 1997; Лю Жу-ши бечжуань юй госюэ яньцзю (Альтернативное жизнеописание Лю Жу-ши и исследования отечественной науки). Ханчжоу, 1995; *Лю И-хуань.* Госюэ даши Чэнь Инь-кэ (Корифей отечественной науки Чэнь Инь-кэ). Чунцин, 1996; *Фэн И-бэй.* Чэнь Инь-кэ шивэнь цзи цита (Исторические и литературные работы Чэнь Инь-кэ и прочее). Гуанчжоу, 1986.

В.М. Майоров

ЧЭНЬ ЛИ-ФУ

陳立夫

Чэнь Ли-фу, Чэнь Цзу-янь. 21.08.1900, уезд Усин пров. Чжэцзян, — 08.02.2001, Тайбэй, Тайвань. Обществ. и полит. деятель, идеолог Гоминьдана. Окончил горное училище (Шанхай) и Бэйянский ун-т (Тяньцзинь). Продолжил образование в США (1923–1925), магистр Питтсбургского ун-та (Пенсильвания). В 1925 в Сан-Франциско вступил в Гоминьдан. После возвращения в Китай стал личным секретарем **Чан Кай-ши** по особо важным делам в воен. школе Вампу (Хуанпу). Зав. сектором обследований, секретарь, начальник секретариата, зав. орготделом ЦИК Гоминьдана, секретарь комитета по строительству, министр просвещения в гоминьдановском пр-ве, президент Законодательного юаня. С 1935 чл. ПК ЦИК Гоминьдана. Вместе со старшим братом Чэнь Го-фу создал полит. группировку *Чжуньян цзюйлэбу* («Центральный клуб», англ. «Central Club», сокр. «Си-Си») и *Дяоча тунцзи цзюй* (Управление обследования и статистики) при ЦИК Гоминьдана, по сути разведслужбу. Один из представителей «четырех семейств» (*сы цзя*) — кланов, связанных с высшими эшелонами власти. В 1949 вместе с Чан Кай-ши уехал на Тайвань, в 1951 — в США, где написал фундаментальные работы, посвященные «И цзину» («Канон перемен»; см. **«Чжоу и»** в т. 1) и **конфуцианству** (см. т. 1). В 1966 приехал на Тайвань для участия в церемонии празднования 80-летия

Чан Кай-ши. По приглашению Чан Кай-ши в 1969 вернулся на Тайвань, был советником канцелярии президента, пред. президиума Центр. консультативного комитета Гоминьдана, вице-президентом Комитета возрождения кит. культуры, президентом *Кун Мэн сюэхуй* (Ассоциация изучения Конфуция и Мэн-цзы), пред. совета директоров Ин-та кит. медицины. Друг и личный советник **Цзян Цзин-го** (сына и преемника Чан Кай-ши).

Идеологич. доктрина Гоминьдана, созданная Чэнь Ли-фу, базируется на кит. этико-полит. традиции, для нее характерно традиц. построение теории кит. мироустройства. Отбирая из духовного наследия, прежде всего из канонич. текстов, вошедших в **«Сы шу»** («Четверокнижие»), конф. ценности, наиб. внимание он уделяет учению **Мэн-цзы** (см. т. 1) и его концепции «гуманного правления» (*жэнь чжэн*; см. **Жэнь [2]** в т. 1). Оказавшись на Тайване, Чан Кай-ши по совету Чэнь Ли-фу и **Дай Цзи-тао** провозгласил стратегию построения об-ва **сяо кан** («малое благоденствие»). Тайваньский опыт модернизации социальной утопии **Конфуция** оказал определенное влияние на использование **Дэн Сяо-пином** принципа *сяо кан* (в его интерпретации — «достижение уровня средней зажиточности») в качестве цели экономич. преобразований, что было отражено в документах и постановлениях ЦК КПК в 80–90-х.

Одной из основ тайваньского об-ва *сяо кан*, по признанию Чэнь Ли-фу, явилось суждение Конфуция из **«Лунь юя»** («Суждения и беседы»; см. т. 1): «В деле образования не должно быть [социальных] различий» («Лунь юй», XV, 39). Раскрывая практич. значимость этой теоретич. установки, Чэнь Ли-фу заявил: «Руководствуясь именно этим суждением Конфуция, я как министр образования послал за казенный счет десятки тысяч молодых людей на Запад. И то, что вы видите ныне на Тайване, сделали именно эти юноши» (из личной беседы с Л.С. Переломовым, Тайбэй, 1995). Чэнь Ли-фу считал, что именно конф. педагогические идеи «помогли внедрению аграрной политики на Тайване, что, в свою очередь, значительно помогло развитию экономики». Более того, придавая конфуцианству структурообразующую роль в преобразовании всего человечества, он писал: «Квинтэссенция конфуцианства „ценить человека и одновременно с этим ценить добродетель“ отличается от капиталистич. концепции „ценить богатство и пренебрегать моралью“ и от коммунистич. концепции „ценить материю и пренебрегать человеком“. Обе эти системы имеют свои отклонения, каждая из них лишилась корней и одинаково имеет безрадостные виды на будущее, и только кит. культура по-прежнему способна по-настоящему заботиться о счастье и мире для человечества и ввести мир в **да тун** (Великое единение; см. т. 1)».

Из последних работ Чэнь Ли-фу наиболее репрезентативна книга с весьма претенциозным назв. «Каким образом кит. культура сможет заслужить уважение всех людей, чтобы стать фундаментом незыблемого мирного существования» (1998). В этой работе автор подводит итоги своей многолетней творч. деятельности, посвященной анализу кит. духовной цивилизации. По его мнению, ее специфика сводится к пяти понятиям (принципам): справедливость (**и [1]**; см. т. 1), искренность (**чэн [1]**; см. т. 1), человеколюбие (*жэнь* [*2*]), золотая середина (*чжун* [*1*]) и практика (*син* [*3*]).

Объясняя значение первого из них, Чэнь Ли-фу отмечает: «Само Небо не проявляет ни к кому хорошего либо плохого отношения. Если мы ведем себя плохо, то сами и несем за это ответственность. Нельзя винить в этом кого-то другого. Если ты сам прилагаешь усилия, то и Небо непременно поможет тебе; а если ты опустил руки, то Небо не будет спешить тебе на помощь. Это чрезвычайно справедливо и в корне отлично от такого явления, какое наблюдается в др. гос-вах, когда люди взывают к Богу о помощи. Если каждый сможет, подражая Небу, идти его Дао-Путем, то только тогда все смогут жить в совместном мире (сосуществовать мирно)». Здесь Чэнь Ли-фу развивает суждение Конфуция *кэ цзи фу ли* («сумей преодолеть себя, дабы вернуться к Правилам»).

Второе понятие, искренность, по мнению Чэнь Ли-фу, — это движущая сила всего мира на все времена. Он цитирует **«Чжун юн»** (см. т. 1) — «стремись

к искренности беспрестанно» — и добавляет: «Искренность — именно в этом заключается небесный Дао-Путь». Свой анализ данного понятия он заключает: «Искренность — это правдивость, мудрость, человеколюбие и сила. Если мы хотим исправить себя, то вначале мы должны выправить свое сердце; но перед тем как направить на истинный путь наше сердце, необходимо добиться искренности». Здесь он дает совр. трактовку традиц. учения «о выправлении сердца» (*чжэн синь*; см. **Синь [1]** в т. 1).

Третьему принципу уделено самое большое внимание, ибо «человеколюбие — сущность человека». Человеколюбие должно воспитываться с детства, начинается оно с почитания родителей и старших братьев: «Сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям это и есть корень человеколюбия» («Лунь юй», I, 2). Чэнь Ли-фу отмечает, что в «Лунь юе» термин *жэнь* [*2*] встречается 105 раз, цитируя при этом Мэн-цзы: «лишенный человеколюбия не может считаться человеком».

Объясняя *чжун* [*1*], Чэнь Ли-фу пишет: «Принцип золотой середины является важнейшим моральным принципом кит. культуры. Благодаря ему можно избежать своекорыстия. А там, где нет своей корысти, ладятся все дела и люди пребывают в гармонии. Интеллект человечества прогрессирует стремительно, и уже всем ясно, что нельзя доходить до крайностей. Стремящийся к крайностям совершает ошибку, ибо известно, что „когда вещь достигает предела, она оборачивается против себя“».

Пятым принципом является *син* [*3*] — практика/действие. Как гласит гексаграмма № 1 *Цянь* (см. **Гуа [2]** в т. 1), «Небо неутомимо». Оно призывает человека ежедневно двигаться вперед, что является прогрессом. «Нельзя останавливаться на полпути, — отмечает Чэнь Ли-фу, — необходимо прилагать усилия, дабы „обновить народ“. Мы можем существовать только тогда, когда, как говорится, „если обновился, то обновляйся ежедневно“». Известно, что теория «обновления народа» (*синь минь*) изложена в **«Да сюэ»** («Великое учение»; см. т. 1) с коммент. **Чжу Си** (1130–1220; см. также т. 1).

Впоследствии, указывает Чэнь Ли-фу, чтобы народ лучше усвоил эти дарованные небесным Дао-Путем пять принципов, **Сунь Ят-сен** объяснил их как «восемь добродетелей»: верность, сыновняя почтительность, человеколюбие, любовь, честность, справедливость, гармония и мир. Не избежал их трактовки и Чан Кай-ши. Обратившись к одному из основоположников **легизма Гуань Чжуну** (VII в. до н.э.; см. т. 1), он добавил еще «три добродетели» — правило, неподкупность и стыд.

См. также ст. **Чэнь Ли-фу** в т. 1.

***** *Чэнь Ли-фу.* Чжунго чжи кэсюэ юй вэньмин (Китайская наука и цивилизация). Тайбэй, 1971; *он же.* Мэн-цзы чжи чжэнчжи сысян (Политические взгляды Мэн-цзы). Тайбэй, 1973; *он же.* Жэньвэнь цзяоюй шиэр цзян (Двенадцать лекций о гуманитарном образовании). Тайбэй, 1987; *он же.* Чжунго вэньхуа кайлунь (Дискуссия о китайской культуре). Тайбэй, 1989; *он же.* Чжунхуа вэньхуа хэи цзян хуй куаншоу шижэнь чжи цзуньцзин ици нэн вэй цюань жэньлэй цзунцзин хэпин чжи юнцзи (Каким образом китайская культура сможет заслужить уважение всех людей, чтобы стать фундаментом незыблемого мирного существования). Тайбэй, 1998; *Chen Li-fu.* The Confucian Way: A New and Systematic Study of the “Four Books”. L.–N.Y., 1986; *idem.* The Storm Clouds Clear Over China: The Memoir of Ch’en Li-fu, 1900–1993 / Ed. and comp., with an introd. and notes by S.H. Chang, R.H. Myers. Stanf., 1994.
****** *Е Юй-фу.* Чэнь Ли-фу сяньшэн ды чжэсюэ сысян яньцзю (Изучение философских взглядов Чэнь Ли-фу). Гаосюн, 1991; *Чжан Шань-чжэнь.* Чэнь Ли-фу шэнпин юй сысян пин чжуань (Жизнь и идеи Чэнь Ли-фу). Пекин, 2006; Чэнь Го-фу сяньшэн цюаньцзи (Полн. собр. соч. Чэнь Го-фу): В 10 т. Тайбэй, 1991; *Ян Шу-бяо.* Чэнь Ли-фу цзя ши (События в семье Чэнь Ли-фу). Наньчан, 2005.

Л.С. Переломов

ЧЭНЬ ЮАНЬ

陳垣

Чэнь Юань, Чэнь Юань-ань. 12.11.1880, дер. Фуган волости Шитоу р-на Тансяуезда Синьхуй пров. Гуандун, — 21.06.1971, Пекин. Историк, преподаватель истории. Род. в семье торговца лекарствами. Детство провел в Гуанчжоу, получил традиц. образование в конф. духе. Используя аннотированный каталог **«Сы ку цюань шу»** («Энциклопедия книг по четырем разделам»), самостоятельно изучал содержание письменной традиции Китая. С 1905 принимал участие в антицинской революц. деятельности, являясь соучредителем прогрессивных газет. В 1907 поступил в миссионерский мед. ин-т Боцзи, через год перевелся в мед. ин-т Гуанхуа, к-рый закончил в 1911. Избранный в парламент Китайской Республики, переехал в Пекин в 1913. Преподавал в ряде ун-тов Пекина. Нек-рое время занимал пост зам. министра образования. Работал директором Столичной (позднее Пекинской, ныне Государственной) б-ки, а также директором б-ки музея Гугун. С 1926 — ректор ун-та Фужэнь, а после реформы университетской системы с 1952 до своей смерти — ректор Пекинского пед. ун-та. Нек-рое время по совместительству был директором академического Второго ин-та истории. Чл. АН Китая с 1948. Чл. КПК с 1959. Депутат ВСНП ряда созывов. В 1949 в газ. «Жэньминь жибао» опубликовал открытое письмо, адресованное **Ху Ши**, с заявлением своих идейных разногласий с ним. Затем неоднократно выступал с самокритикой. Умер во время **«культурной революции»**, находясь под домашним арестом.

Ист. взгляды и исследовательские методы Чэнь Юаня сформировались под сильным влиянием традиц. кит. историографии. Знания по истории Китая были приобретены им путем самообразования. Осн. вклад в ист. науку связан с разработкой истории религий Китая и истории дин. Юань, а также смежных с ними тем — истории контактов Китая с зап. соседями и дуньхуановедения. Его публикации в области прикладных и вспомогательных ист. дисциплин — хронологии, текстологии, источниковедения, библиографии — остаются надежными инструментами в работе совр. историков-китаеведов.

Труды Чэнь Юаня по истории религий открыли новую область исследований и обогатили тематику совр. кит. историографии. Известность в науч. кругах пришла к нему после публикации в 1917 результатов изысканий по истории христианства в Китае при дин. Юань (1271–1368). Он показал, что христианство (несторианского толка) появилось в Китае еще в танскую эпоху (VII–IX вв.) и продолжало существовать вплоть до XIV в. Следующий этап проникновения христианства в Китай начался в XVI в. и был связан уже с католич. миссионерством. В 20–40-х, продолжая исследования истории христианства в Китае, Чэнь Юань издал работы по истории иудейства в Кайфэне, истории проникновения зороастризма, манихейства, ислама в Китай. Интерес Чэнь Юаня к истории **буддизма** и **даосизма** (см. т. 1) совпал по времени с публикацией в 20–30-х полных текстов канонов этих религий. Свои исследования кит. буддизма Чэнь Юань основывал на тщательном изучении ист. лит-ры и документов, в т.ч. из Дуньхуана. Временны́е рамки исследований охватывают период III — 2-й пол. XVII в. Работа о даосизме в пров. Хэбэй при Южной Сун (1127–1279) была создана с привлечением богатого эпиграфич. материала; она развеяла представление о традиц. закрытости религ. даосизма. В целом при исследовании к.-л. религии Чэнь Юаня интересовала ее обществ. роль, обстоятельства распространения и эволюции на кит. почве. Многие ист. публикации, а также учеб. курсы, читавшиеся им в оккупированном яп. войсками Пекине, были навеяны современной ему ситуацией, неизменно были пронизаны верой в силу кит. народа и торжество кит. культуры. В монографии «Тун цзянь Ху чжу бяо вэй» («Комментарии Ху к „Всепроницающему зерцалу“ в подробном рассмотрении», 1945) Чэнь Юань привлек внимание общественности к юаньскому историку-комментатору Ху Сань-шэну (1230–1302), с к-рого началась традиция критич. комментариев к великому труду **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всепроницающее зерцало, управлению помогающее») **Сыма Гуана** (1019–1086; см. также т. 1), и изложил свои взгляды на задачи и методы ист. науки. Обществ. функция истории формулировалась Чэнь Юанем традиционно — дать урок совр. политикам на примере прошлого. Он подчеркивал,

что история не ограничивается своим осн. методом критич. анализа ист. текста, но является способом «управления миром» (*цзин ши*).

***** Чэнь Юань сяньшэн цзинь эрши нянь шисюэ луньцзи (Сб. статей Чэнь Юаня по истории за последние 20 лет). Гонконг, 1971; Чэнь Юань шиюаньсюэ цза вэнь (Сб. статей Чэнь Юаня по источниковедению). Пекин, 1980; Чэнь Юань шисюэ луньчжу сюань (Избр. труды Чэнь Юаня по истории). Шанхай, 1981; *он же.* Лиюнь шуу цункэ (Библиотека Кабинета усердной прополки): В 2 т. Пекин, 1982; Чэнь Юань-ань сяньшэн цюаньцзи (Полн. собр. соч. Чэнь Юань-аня): В 16 т. Тайбэй, 1993; Чэнь Юань цзи (Сб. статей Чэнь Юаня). Пекин, 1995; *Ch'en Yuan.* Western and Central Asians in China under the Mongols: Their Transformation into Chinese. Los Ang., 1966. Repr.: Nettetal, 1989. ****** *Ван Хуа-шу.* Чэнь Юань шисюэ сысян ды чжуаньбянь юй чэнцзю (Метаморфозы и достижения исторической мысли Чэнь Юаня) // Чжунчжоу сюэкань. Чжэнчжоу, 2002, № 6; *Дэн Жуй-цюань.* Чэнь Юань цзяокань фанфалунь (Текстологическая методика Чэнь Юаня) // Уи дасюэ сюэбао. Шэхуй кэсюэ бань. 2002, № 1; Лиюнь шуу вэнь сюэ цзи: Шисюэцзя Чэнь Юань ды чжисюэ (Записи расспросов об учении в Кабинете усердной прополки: Научные занятия историка Чэнь Юаня [Сб. автобиогр. ст. Чэнь Юаня и воспоминаний о нем]). Пекин, 1982; 2-е, доп. изд. 2006; *Ло Хуй-жун*, *Цю Шу-линь.* Чэнь Юань дуй Чжунго цзунцзяо ши яньцзю ды гунсянь (Вклад Чэнь Юаня в исследования истории религий в Китае) // Уи дасюэ сюэбао. Шэхуй кэсюэ бань. 2001, № 3; *Ню Жунь-чжэнь.* Чэнь Юань дуй Цин ши яньцзю ды гунсянь (Вклад Чэнь Юаня в исследования истории Цин) // Цин ши яньцзю. 2001, № 4; *Сюй Дянь-цай.* Чэнь Юань цзай цзиньдай шисюэ линъюй ды кайто (Открытия Чэнь Юаня в исторической науке Нового времени) // Шисюэ цзикань. 2004, № 2; *Хуан Юн.* Чэнь Юань цзи ци вэньсянь чжэнли фанфа яньцзю (Чэнь Юань и его методы научной подготовки источников) // Нэй Мэнгу нунъе дасюэ сюэбао. Шэхуй кэсюэ бань. 2006, № 3; *Хэ Лин-сю.* Ду «Минцзи Дянь Цянь фоцзяо као» (Читая [работу Чэнь Юаня] «Исследование буддизма провинций Юньнань и Гуйчжоу эпохи Мин») // Цзинань сюэ бао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 2001, № 2; *Цю Шу-линь.* Чэнь Юань дуй исыланьцзяо ши яньцзю ды гунсянь (Вклад Чэнь Юаня в исследования истории ислама) // Нинся шэхуй кэсюэ. 2000, № 3; *Чжан Цзюнь-янь.* Лунь Чэнь Юань дуй Чжунго мулу-сюэ ды гунсянь (Вклад Чэнь Юаня в китайскую библиографию) // Гуанси шэхуй кэсюэ. 2002, № 3; *Чжао Янь-чан.* Лунь Чэнь Юань сяньшэн дуй Мин Цин данъань ды лиши гунсянь (Исторический вклад проф. Чэнь Юаня в исследование минских и цинских архивов) // Ланьтай шицзе. Шэньян, 2007, № 2; *Чэнь Вэнь-юань*, *Тан Кай-цзянь.* Чэнь Юань юй Чжунго цзидуцзяо ши яньцзю (Чэнь Юань и исследования истории христианства в Китае) // Цзинань сюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 2002, № 3.

В.М. Майоров

ЧЭНЬ ЮНЬ

陳雲

Чэнь Юнь. 13.06.1905, уезд Цинпу (ныне г. Шанхай), — 10.04.1995, Пекин. Партийный и гос. деятель КНР.

В 7 лет пошел в школу, но из-за отсутствия денег вскоре бросил учебу. Работал в лавке, пока директор школы, к-рому он понравился за сообразительность, не разрешил ему снова учиться, но уже бесплатно. В 14 лет закончил нач. школу, был музыкально одарен, сам выучился играть на дудке и кит. скрипке. В 15-летнем возрасте поступил на работу в шанхайское книжное изд-во «Шанъу иньшугуань», выпускавшее учебники, журналы, научную и худ. литру, в т.ч. первый в Китае новый энциклопедич. словарь «Цы юань» («Источник слов»). Юноша старался по возможности пополнить свои знания, овладел каллиграфией. В 1925 вступил в КПК. Участвовал в рабочем и крестьянском движении, был одним из организаторов профсоюзных объединений Шанхая, «движения 30 мая» 1925 (*у са юньдун*). В 1927 участвовал в трех восстаниях

шанхайских рабочих. Был ответств. работником подпольной орг-ции КПК в Шанхае, чл. комитета КПК пров. Цзянсу, работал в аппарате временного ЦК КПК. На III пленуме ЦК КПК 6-го созыва в 1930 избран канд. в чл. ЦК КПК. С янв. 1931 — чл. ЦК КПК, с 1932 — секретарь парт. фракции Всекит. федерации профсоюзов. С 1933 работал в Центр. советском р-не. На V пленуме ЦК КПК 6-го созыва в 1934 избран чл. Политбюро ЦК КПК. Участвовал в Северо-Западном (Великом) походе Красной армии Китая. В 1935 выехал на учебу в СССР. Его заметки о походе в марте 1936 изданы в СССР, во Франции и в Китае. Учился в Ленинской школе и преподавал в КУТВ. Был чл. делегации КПК в Коминтерне. В апр. 1937 вернулся в Китай, в Дихуа (Урумчи) стал представителем ЦК КПК в Синьцзяне. Здесь создал первую летную эскадрилью КПК. В кон. 1937 переехал в Яньань, работал в ЦК КПК. Был назначен зав. Орготделом ЦК КПК; руководил финансово-экономич. работой в Пограничном р-не Шэньси–Ганьсу–Нинся. На VII съезде КПК в 1945 избран чл. Секретариата ЦК КПК.

В 1945 Чэнь Юнь назначен зам. секретаря бюро ЦК КПК по Сев.-Вост. Китаю, зам. политкомиссара Сев.-Вост. военного округа, пред. финансово-экономич. комитета Сев.-Вост. Китая.

Чэнь Юнь внес важный вклад в управление экономикой КНР. После образования КНР был зам. премьера Гос. административного совета КНР. В нач. 1949 по предложению **Чжоу Энь-лая** он был переведен на руководящую финансово-экономич. работу в центр, стал зам. премьера Госсовета (1954—1965) и пред. Финансово-экономич. комитета, министром тяжелой промышленности и министром торговли (1954–1959). При участии Чэнь Юня менее чем за год были решены проблемы инфляции, сбалансированы финанс. доходы и расходы, стабилизированы рыночные цены. Чэнь Юнь призывал «не пытаться перепрыгивать через стадию „новой демократии“, позволить каждому из пяти экономич. укладов полностью выявить свою роль».

В 1948–1953 — пред. Всекитайской федерации профсоюзов. В 1950–1956 — секретарь ЦК КПК. В 1956 избран чл. ПК Политбюро ЦК, зам. пред. ЦК КПК, руководителем группы ЦК КПК по финансово-экономич. вопросам. В 1958–1965 — пред. Комитета по вопросам капитального строительства.

С его именем связаны разработка и осуществление первого 5-летнего плана (1953–1957), курс «урегулирования» народного хоз-ва Китая в 1961–1965. Чэнь Юня всегда отличало стремление к трезвому учету особенностей страны при выработке экономич. политики. Его взгляды формировались в процессе борьбы с теорией и практикой левачества в хозяйств. жизни КНР и являлись альтернативой ошибочной экономич. линии, проводившейся с кон. 50-х, особенно в период «большого скачка», **Мао Цзэ-дуном** и теми, кто его поддерживал. Чэнь Юнь выступал против авантюризма в экономич. строительстве, выражавшегося в «малом забегании вперед» в 1956. Он показал себя противником «теории ускорения» и «больших скачков», субъективизма и волюнтаризма в экономич. политике. Мужественно критиковал чрезмерную политизацию жизни во 2-й пол. 50-х — 60-х. «Мы, коммунисты, должны каждодневно заботиться о насущных интересах народных масс. Люди должны иметь пищу, они не могут изо дня в день питаться только марксизмом». В период «урегулирования» Чэнь Юнь предлагал пойти на нек-рые послабления для крестьян, «поменьше закупать, побольше оставлять крестьянам».

С начала **«культурной революции»** подвергся резким нападкам, фактически был отстранен от руководящей работы. На IX (1969) и X (1973) съездах партии избирался чл. ЦК, но не вводился в состав Политбюро ЦК КПК.

В 1975 и 1978 избирался зам. пред. ПК ВСНП (до 1983). В дек. 1978 вновь стал чл. Политбюро, чл. ПК Политбюро ЦК КПК, зам. пред. ЦК КПК. В июле 1979 — сент. 1980 — зам. премьера Госсовета. Чэнь Юнь играл важную роль в процессе реабилитации высших парт. руководителей, пострадавших в ходе «культурной революции». В марте 1979 он высказался за возвращение к активной работе **Дэн Сяо-пина**, за пересмотр приговора участникам событий на площади Тяньаньмэнь в апр. 1976. Выступая на III пленуме ЦК КПК 11-го со-

зыва, Чэнь Юнь потребовал посмертно реабилитировать бывшего министра обороны **Пэн Дэ-хуая**. На I пленуме ЦК КПК 12-го созыва в 1982 утвержден 1-м секретарем Центр. комиссии по проверке дисциплины. На XIII съезде в 1987 была удовлетворена его просьба о выходе из состава ЦК КПК (вместе с группой ветеранов партии). На I пленуме ЦК КПК 13-го созыва утвержден пред. Центр. комиссии советников КПК.

Он пользовался в Китае репутацией знатока теории марксизма, особенно экономич. вопросов. По его мнению, в экономич. развитии социалистич. страны «плановое хоз-во является главным, а рыночная экономика — вспомогательным». Эту идею он пытался сформулировать еще на VIII съезде КПК в 1956. «Обстановка в нашей социалистич. экономике будет следующей: в области производств. и хозяйств. деятельности, на промышленных и торговых предприятиях осн. формой будет государственная и коллективная, наряду с этим будет сохранена в определенных размерах единоличная форма хозяйств. деятельности, к-рая служит дополнением. В области планирования осн. часть промышленной и сельскохозяйств. продукции в стране будет производиться по плану, однако в то же время часть продукции будет производиться свободно, исходя из обстановки на рынке и в рамках, допускаемых гос. планом». Он выдвинул положение о «трех основных»: экономика, основанная на социалистич. обществ. собственности, плановое производство и гос. рынок, и «трех дополнениях»: индивидуальное хоз-во, свободное производство в рамках, допускаемых гос. планом, и свободный рынок.

***** Чэнь Юнь тунчжи вэньгао сюаньбянь (1956–1962) (Избр. статьи и выступления тов. Чэнь Юня). Цзилинь, 1981; Чэнь Юнь вэньсюань (1949–1956) (Избр. статьи Чэнь Юня). Пекин, 1984; Чэнь Юнь вэньсюань (1956–1985) (Избр. статьи Чэнь Юня). Пекин, 1986; Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Т. 2. Выступления. Пекин, 1956. ****** *Галенович Ю.М.* О Чэнь Юне // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004, с. 265–273; *Портяков В.Я.* К изучению в Китае экономических идей Чэнь Юня // ИБ. 1995, № 10, с. 140–163; *Усов В.Н.* КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.): В 2 ч. М., 1998 (ИБ; № 5, 6); *он же.* КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.). М., 2003; [Чэнь Юнь] // 40 лет КНР. М., 1989, с. 506–507; Экономические идеи Чэнь Юня и их изучение в Китае (1981–1982). М., 1983. (Спец. информ. / ИНИОН АН СССР); *Дэн Ли-цюнь.* Сян Чэнь Юнь тунчжи сюэси цзо цзинцзи гунцзо (Учиться ведению экономической работы у тов. Чэнь Юня). Наньчан, 1981; *Сун Цзянь-юн.* Дуй Чэнь Юнь цзихуа цзинцзи сысян ды цзидянь сыкао (К изучению экономических концепций Чэнь Юня) // Шэхуйчжуи цзинцзи лилунь юй шицзянь. 1991, № 9, с. 109–113; Чэнь Юнь юй синь Чжунго цзинцзи цзяньшэ (Роль Чэнь Юня в экономическом строительстве нового Китая). Пекин, 1991; Ch'en Yün's Strategy for China's Development: A Non-Maoist Alternative / Ed. with an introd. by R. Lardy, R. Lieberthal. Armonk (N.Y.), 1983.

В.Н. Усов

«Шан цзюнь шу» *см.* т. 1

ШАН ЮЭ

尚鉞

Шан Юэ, Шан Цзянь-ань. 23.03.1902, уезд Лошань пров. Хэнань, — 06.01.1982, Пекин. Историк, писатель, автор ряда рассказов и романов.

В 1917 начал обучение во Второй средней школе Кайфэна. Включился в «движение 4 мая» 1919 (*у сы юньдун*). В 1921 поступил на подготовительное отд-ние Пекинского ун-та, учился на ф-те англ. яз. и лит-ры. Под влиянием **Лу Синя** (см. т. 3) и рук-вом **Ли Да-чжао** продолжал участвовать в «движении за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*). В 1927 выехал на юг Хэнани, участвовал в вооруженных столкновениях, вступил в КПК. В 1929–1936 ведет революц. деятельность в Цзилине, Шанхае, Нинся. С 1942 — старший преподаватель, доцент в Юньнаньском ун-те. В 1945 по направлению КПК работает в Демо-

кратич. лиге Китая. В 1947 преподает в Шаньдунском ун-те. С 1948 — декан ф-та истории и географии Второго (педагогического) отд-ния Сев.-Кит. ун-та. С 1950 — зав. кафедрой истории Китая Народного ун-та Китая, чл. ученого совета Ин-та истории АН Китая. С 1972 — зам. зав. группой исследований цинской истории. После восстановления высшего образования в КНР с 1978 до своей смерти — декан ист. ф-та Народного ун-та Китая. За стойкую приверженность своей концепции начала феодализма в Китае в III в., противоречившей высказыванию **Мао Цзэ-дуна**, он стал одним из гл. объектов кампании критики «правых оппортунистов» и подвергался жестокой обществ. травле во время **«культурной революции»**. Не выдержав морального давления, его жена и старший сын покончили жизнь самоубийством.

Спец. знания в обл. истории Шан Юэ приобрел путем самообразования, читая работы совр. кит. и зарубежных историков. Последовательно выступал за применение марксистской методологии в ист. исследованиях. Вместе с тем считал, что Китай идет по собств. пути развития. В исследованиях гл. внимание уделял древней, ср.-век. и новой социально-экономич. истории Китая. Шан Юэ известен как один из гл. сторонников идеи начала кит. феодализма в III в. В «Очерках истории Китая», подготовленных под его рук-вом и ставших первой опубликованной в КНР работой по общей истории Китая (пер. на рус. яз.: 1959), утверждалась следующая периодизация истории Китая. Дописьменный период древнейшей истории Китая определялся Шан Юэ как эпоха первобытного строя. На смену ему пришло рабовладение, начало к-рого примерно совпадало с началом дин. Шан (II тыс. до н.э.). Формирование феодализма, по мнению историка, начинается только в III в., а расцвет феодального строя приходится на VI–XIII вв. Правление династий Мин и Цин (XIV — нач. XX в.) рассматривается как поздний феодализм. Первые признаки капиталистич. отношений усматриваются исследователем в ремесленном производстве кон. XVI — нач. XVII в., а выделение «опиумных» войн в качестве ист. вехи, согласно его мнению, является искусственным. Исходной позицией в аргументации Шан Юэ является марксистский закон соответствия уровня развития производительных сил и производственных отношений. При этом отмечается, что более древние общественно-экономические формации имеют бóльшую ист. протяженность, а признаки нового способа производства (кроме социализма) зарождаются в недрах существующей формации. Т.о., обществ. отношения к.-л. формации никогда не выступают в чистом виде, а внешне сходные обществ. явления могут иметь различный ист. смысл. Обществ. противоречия, толкуемые другими кит. историками как свидетельство раннего перехода к феодализму, Шан Юэ считает лишь отражением противоречий внутри класса рабовладельцев. Признаки созревания феод. отношений в III–VI вв. Шан Юэ видит в укреплении натурального хозва, распространении крепостной зависимости, устранении рабского труда из гос. и частного ремесленного производства. Этим явлениям в об-ве и экономике страны, по мнению историка, соответствуют, с одной стороны, усиление религ. настроений, а с другой — появление материалистич. мысли **Ван Чуна** (см. т. 1) и расцвет лит-ры и науки.

* *Шан юэ* (гл. ред.). Чжунго лиши ганъяо (Очерки истории Китая). Пекин, 1954; *он же* (сост.). Нули шэхуй лиши ивэньцзи (Сб. переводов по истории рабовладельческого общества). Пекин, 1955; *он же* (сост.). Фэнцзянь шэхуй лиши ивэньцзи (Сб. переводов по истории феодального общества). Пекин, 1955; *он же.* Чжунго цзыбэньчжуи гуаньси фашэн цзи яньбянь ды чубу яньцзю (Первый опыт исследования вопроса о возникновении и развитии капиталистических отношений в Китае). Пекин. 1956; *он же.* Чжунго юаньши шэхуй вэньти ды таньсо (Исследование проблем первобытного общества Китая) // Лиши яньцзю. Пекин, 1956, № 7; *он же.* Шан-ши Чжунго гудай тунши (История древнего Китая Шан [Юэ]): В 2 т. Пекин, 1991; *он же.* Шан Юэ шисюэ луньвэнь сюаньцзи (Сб. избр. статей по истории). Пекин, 1984; *он же* (ред.). Очерки истории Китая (с древности до «опиумных» войн). М., 1959. ** *Ма Цзы-шу.* Лу Сюнь чжунши ды сюэшэн: Чжаньши, цзоцзя,

сюэчжэ Шан Юэ (Верный ученик Лу Синя: боец, писатель, ученый Шан Юэ) // Лу Сюнь яньцзю юэкань. Пекин, 2001, № 8; *Ню Жунь-чжэнь.* Шан Юэ сяньшэн юй «Вэй Цзинь фэнцзянь шо» (Проф. Шан Юэ и «учение о феодализме при Вэй и Цзинь») // Хуайбэй мэйтань шифань сюэюань сюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 2003, № 1; *Шан Сяо-юань.* Бу нэн ванцюэ ды лиши — Цзай цзинянь Шан Юэ даньчэнь 100 чжоунянь дахуй шан ды фаянь (Незабвенная история: Речь на собрании в честь 100-летия Шан Юэ) // Лиши цзяосюэ. 2002, № 5.

В.М. Майоров

Шан Ян *см.* т. 1

ШИ ЛУ

實錄

Ши лу — «правдивые записи». Вид офиц. трудов летописной формы, в к-рых день за днем фиксировались события периода правления императора. Главное предназначение— сохранить для потомков историю данного царствования, и в этом своем качестве «правдивые записи» рассматривались как осн. источник для будущих составителей истории династии (*чжэн ши*). Как правило, это были многотомные труды. Так, описание правления цинского имп. **Цянь-луна** (прав. 1736–1795) состоит из 1500 цз. Ни одно другое произведение офиц. историографии не содержало такого объема информации о жизни империи, как *ши лу.* Т.о., они, наряду с «дневниками» (**ци цзюй чжу**), занимали место у истоков историописания Китая. Кроме того, «правдивые записи» аккумулировали полит. опыт династий и всегда относились к числу важнейших гос. документов. Исключительное значение и для гос. доктрины, и для полит. практики властей имело также и то, что, последовательно фиксируя свершения легитимных обладателей престола, *ши лу* выступали как своеобразные вехи, обозначавшие линию ортодоксального наследования власти (*чжэн тун*), а значит, и контуры династийного цикла. Первые такие сочинения появились в гос-ве Ранняя Лян (313–376), но в системе гос. историописания они утвердились лишь при дин. Тан (618–907).

В соответствии с регламентом к работе над «правдивыми записями» приступали после смерти императора по спец. указу его преемника. Этот акт считался важным свидетельством законности происшедшей смены власти. Одновременно велась работа и над составлением «священных наставлений» (**шэн сюнь**) — сборников отобранных указов и высказываний императора, связанных с утверждением конф. морали. Составление *ши лу* доверялось лишь чиновникам из ближайшего окружения императора, пользовавшимся его особым доверием. Описывая дела правления императора, они в своей работе строго следовали сложившимся в Китае представлениям о том, что относится к данной сфере. Необходимые им сведения составители черпали из дневников (*ци цзюй чжу*) и нек-рых специально подготовленных для них офиц. материалов; непосредственного доступа к гос. документации они не имели. Окончательный вариант текста *ши лу* подлежал обязательному утверждению правящим монархом. Они довольно рано обрели статус секретного документа, поэтому не печатались, а с утвержденного императором экземпляра делалось неск. копий (их кол-во каждая династия определяла по-своему), хранение к-рых определялось спец. правилами, а доступ к ним помимо императора имели лишь немногие высшие сановники империи. Поскольку в «правдивых записях» описывались события недавнего прошлого, они представляли собой весьма острый полит. документ, и поэтому их составление всегда привлекало к себе напряженное внимание полит. элиты империи и сопровождалось борьбой группировок при дворе. Поэтому подготовка окончательного офиц. текста, к-рый претерпевал весьма серьезные изменения, иногда растягивалась на десятки лет.

Всего в императорском Китае было подготовлено более 100 таких трудов, но до нас дошла лишь часть из них, в т.ч. два полных династийных комплекта — за периоды Мин и Цин. Достоянием науки «правдивые записи» впервые стали

только в нач. XX в., после падения монархии, и это стало сенсацией нац. масштаба. Минский и цинский комплекты *ши лу* изданы и активно используются историками как важнейшие источники по истории Китая XIV–XIX вв.

** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 56–78; *Ли Цзун-тун.* Чжунго шисюэ ши (История китайской историографии). Пекин, 1984; *Сюй Лин-юнь.* Души жумэнь (Введение в изучение истории). Пекин, 1984; *Цан Сюй-лян*, *Вэй Дэ-лян.* Чжунго гудай шисюэ ши цзяньбянь (Краткая история историографии древнего Китая). Харбин, 1983.

Б.Г. Доронин

ШИ ПИН

史評

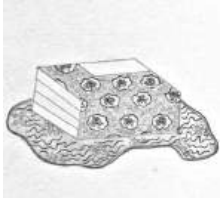
Ши пин — «критические [суждения] об истории», «историческая критика», «исторический комментарий». В традиц. классификации ист. лит-ры общее название критико-библиографич. исследований по истории и критических комментариев к ист. текстам. Представлены сравнительно небольшим числом трудов. Впервые упомянуты в труде сунского ученого Чао Гун-у (XII в.).

В кит. историографии принято различать два направления *ши пин*: *лиши пинлунь* («критические суждения об истории») и *шисюэ пинлунь* («критические суждения об исторической науке»); подобному разграничению придавалось принципиальное значение.

Появление *лиши пинлунь* связано с утвердившимся в старом Китае представлением об объективном ист. сочинении, к-рое может быть лишь изложением фактов, а авторские суждения должны быть вынесены за рамки основного текста в виде комментариев. Именно так оформлен один из самых ранних ист. трудов **«Цзо чжуань»** («Комментарий Цзо», V в. до н.э.; см. т. 1), где авторские ремарки вводятся особой формулой *цзюнь цзы юэ* («благородный муж сказал»). Позже **Сыма Цянь** (145–87/86 до н.э.; см. также т. 1) свои соображения о событиях и ист. персонажах, о к-рых шла речь в **«Ши цзи»** («Исторические записки»; см. также т. 1), приводит в заключении к соответствующей главе, предваряя его фразой *тайшигун юэ* («господин великий астролог говорит»); в нек-рых случаях главы «Ши цзи» снабжены предисловием. Так же стали оформлять текст и составители всех др. династийных историй.

Следующим этапом в развитии критического комментария стали особые главы в трудах таких ханьских историков, как **Цзя И** (200–168 до н.э.; см. т. 3), Бань Бяо (3–54) и др., где они размышляли о достижениях и пороках в делах правления, о расцвете, упадке и возрождении (**фу син**; **чжун син**) династий, давали оценку ист. персонажам. А к сер. I тыс. н.э. появились и спец. сочинения подобного характера. Одно из самых ранних среди них — труд танского историка Юй Ши-наня (558–638) «Ди ван люэ лунь» («Краткие суждения о государях»); до наших дней дошли лишь его фрагменты. Обретениям и упущениям танских императоров, правивших страной почти 300 лет, посвятил свой труд «Тан цзянь» («Танское зерцало») сунский историк Фань Цзу-юй (1041–1098). Крупным вкладом в развитие данного направления стали труды известного ученого XVII в. **Ван Фу-чжи** (1619–1692; см. т. 1): «Ду Тун цзянь лунь» («Заметки о „Всеобщем зерцале, [управлению помогающем]“»), содержащий его суждения о **«Цзы чжи тун цзянь»** («Всепроницающее зерцало, управлению помогающее»), и «Сун лунь» («Суждения о [династии] Сун»).

Зарождение *шисюэ пинлунь* кит. историки связывают с высказываниями **Конфуция** о др.-кит. историке Дун Ху (VII в. до н.э.), прославившемся прямотой своих суждений о драматич. событиях, разыгравшихся в царстве Цзинь, а также с замечаниями **Мэн-цзы** (см. т. 1) о летописи **«Чунь цю»** («Вёсны и осени»; см. т. 1). Свое развитие это направление получило в трудах Сыма Цяня и нек-рых др. ханьских историков. В сочинении **Лю Се** (V в.; см. т. 3) **«Вэнь синь дяо лун»** («Резной дракон литературной мысли»; см. т. 3) появилась уже спец. глава *Ши чжуань* («Исторические сочинения»), где обсуждается появление историописания, принципы создания ист. труда, задачи историка, достоинства и недостатки нек-рых ист. сочинений.



Важнейшим рубежом в развитии этого направления, да и всего историописания стало появление труда танского историка **Лю Чжи-цзи** (661–721) «Ши тун» («Проникновение в историю») — первого фундаментального сочинения, посвященного проблемам историографии (принципы подготовки ист. сочинений и их жанры, заметки о династийных историях и нек-рых др. трудах и их авторах, гос. историографические службы и т.д.). С этого времени историограф. проблематика все больше привлекает ученых, хотя нек-рые особенности историописания, и прежде всего его преимущественно офиц. характер, сдерживали развитие этого направления, а самим трудам придавали специфич. характер. Крупным вкладом в развитие *шисюэ пинлунь* стали труды сунского историка У Чжэня «Синь Тан шу цзю мю» («Исправление ошибок, [допущенных при составлении] „Новой истории [династии] Тан“») и «У-дай ши цзуань у» («Ошибки, допущенные при составлении „Истории Пяти [династий]“»). К *шисюэ пинлунь* кит. историки относят и комментарии, содержащиеся в различного рода аннотированных библиографиях, к-рые появились в послетанский период.

Развернутая во 2-й пол. XVIII в. по инициативе цинских властей ревизия письменного (в т.ч. и историографического) наследия дала мощный импульс разработке проблем историописания. В этот период появилось большое число исследований текстов памятников, особенно обстоятельно изучались династийные истории. Своеобразным символом той эпохи стали «три труда» (*сань бу*) — «Ши ци ши шанцюэ» («Критическое исследование [текстов] 17 [династийных] историй») **Ван Мин-шэна** (1722–1798), «Нянь эр ши чжа цзи» («Заметки о [текстах] 22 [династийных] историй») **Чжао И** (1727–1814) и «Нянь эр ши као и» («Исследование разночтений в 22 династийных историях») **Цянь Да-синя** (1728–1804). А венчает это направление труд одного из крупнейших историков **Чжан Сюэ-чэна** (1738–1801) «Вэнь ши тун и» («Проникновение в смысл литературы и истории»), где автор попытался осмыслить путь, пройденный ист. наукой Китая за 10 веков после Лю Чжи-цзи.

Б.Г. Доронин

乙

«ШИ ТУН»

十通

«Ши тун» — «Десять сводов». Серия трудов, за к-рыми в синологии утвердился статус ист. энциклопедий гос. управления. Первые из них — **«Тун дянь»** («Свод уложений») **Ду Ю** (735–812), **«Тун чжи»** («Свод обозрений») **Чжэн Цяо** (1104–1162) и **«Вэнь сянь тун као»** («Свод письменных памятников и суждений к ним») **Ма Дуань-линя** (1254–1323) — составили серию «Сань тун» («Триада сводов»). Три свода, созданные в разное время (с интервалом почти в 500 лет) и имеющие собств. специфику, пользовались высоким авторитетом. Это предопределило особый интерес к ним цинских властей, приступивших к их продолжению. С появлением (с кон. XVIII в.) двукратных продолжений каждого из трех сводов (общим объемом 1566 цз.) серия переросла в «Цзю тун» («Девять сводов»): «Сюй Тун дянь» («Продолжение „Свода уложений“»), «Сюй Тун чжи» («Продолжение „Свода обозрений“»), «Сюй Вэнь сянь тун као» («Продолжение „Свода письменных памятников и суждений к ним“»), «Хуан чао Тун дянь» («„Свод уложений“ Августейшей династии [Цин]»), «Хуан чао Тун чжи» («„Свод обозрений“ Августейшей династии [Цин]»), «Хуан чао Вэнь сянь тун као» («„Свод письменных памятников и суждений к ним“ Августейшей династии [Цин]»). В нач. XX в., с созданием еще одного продолжения к «Вэнь сянь тун као» («Цин чао сюй Вэнь сянь тун као» — «Продолжение „Свода письменных памятников и суждений к ним“ династии Цин»), серия обрела окончательный состав и получила наименование «Ши тун».

***** Ши тун (Десять сводов). Шанхай, 1935. ****** *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 141–144.

Г.Я. Смолин

«ШИ ЦЗИ»

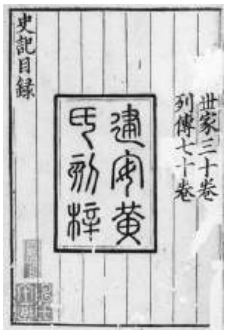
史記

«Ши цзи» — «Исторические записки», «Записки историка». Выдающийся памятник кит. историографии, первая «образцовая/стандартная история» (*чжэн ши*), составленная ханьскими придворными историографами Сыма Танем (ум. 110 до н.э.) и его сыном **Сыма Цянем** (145–86 до н.э.; см. также т. 1). Завершен в 92 до н.э. Общий объем — 130 глав (цзюаней), ок. 526 тыс. иероглифов. Охватывает период от легендарного Желтого императора (**Хуанди**; см. т. 2) до правления **Хань У-ди** (140–87 до н.э.; см. также т. 2). В «Ши цзи» не только зафиксированы ист. факты и предания, но также излагаются взгляды и теории, оказавшие значительное влияние на полит. деятелей, философов и историков позднейших поколений. Благодаря тематич. широте, грандиозному объему информации по многим отраслям знаний памятник был признан энциклопедией Китая II в. до н.э.

В «Ши цзи» пять разделов: «Основные записи», или «Анналы» (*бэнь цзи*, 12 гл.), «Хронологические таблицы» (*бяо*, 10 гл.), «Трактаты» (*шу* [*4*], 8 гл.), «Наследственные дома» (*ши цзя*, 30 гл.) и «Жизнеописания» (*ле чжуань*, 70 гл.). Впервые в кит. историографии биографич. принцип изложения истории через жизнеописания ист. деятелей (разд. «Основные записи», «Наследственные дома», «Жизнеописания») соединен у Сыма Цяня с хронологич. и тематическим (разд. «Трактаты»). Сыма Цянь, к-рому выпала судьба и структурировать, и завершать этот гигантский труд, был не только великим историком и энциклопедистом, но и выдающимся писателем и тонким стилистом.

Разд. «Основные записи» представляет собой своеобразные анналы главных правителей Китая, преимущественно царей и императоров, с легендарных времен до конца II в. до н.э. Разд. «Хронологические таблицы» является титанической по объему и трудоемкости попыткой создания синхронистической истории ханьской ойкумены с IX по II в. до н.э. Скромный по размерам разд. «Трактаты» посвящен разнообразным и весьма важным аспектам социально-экономич. и культурной жизни: содержанием 8 трактатов стали обряды, музыка, календарь, астрология и астрономия, хозяйств. деятельность, ирригация и др. темы. Разд. «Наследственные дома» описывает историю княжеств Китая времен удельной раздробленности при дин. Чжоу и домов знати периода Хань. Последний разд. «Жизнеописания» — самый большой и яркий — содержит не только биографии десятков крупнейших полит. деятелей, философов, поэтов, врачей и др. выдающихся личностей, но и этнографич. описания многих соседних народов.

Особенности «Ши цзи» обусловлены филос. и полит. взглядами Сыма Цяня, его пониманием закономерностей ист. процесса и задач историографии, сложившимся под влиянием школы *гунъян* (см. **«Гунъян чжуань»** в т. 1) и гл. обр. идей его наставника — конф. ученого **Дун Чжун-шу** (II в. до н.э.; см. т. 1). Он разделял представления о мире как о едином континууме, гармоническом целом, в к-ром мир людей и мир природы тесно связаны и подчинены всеобщим законам. Мировоззрение кит. историка пронизано нумерологией (**сяншучжи-сюэ**; см. т. 1): это и дуализм, к-рый проявляется в представлении о двух началах **инь–ян** (см. т. 1, 2); и пятерицы — пять планет, пять элементов (**у син**; см. т. 1), пять божеств. правителей (**у ди**; см. т. 2); и троичность — «три вида наставлений» (**сань цзяо**; см. т. 1), к-рые доминировали при Трех династиях (*сань дай*), — «преданность» (*чжун* [*2*]) при Ся, «благоговейное почитание» (*цзин* [*4*]) при Шан-Инь, «цивилизованность» (**вэнь**; см. т. 1, 3) при Чжоу. Признавая роль «небесного предопределения» (**тянь мин**; см. т. 2) в ист. событиях, тем не менее Сыма Цянь стремился дать нравств. оценку действиям людей, и прежде всего правителей, и т.о. высказать свой взгляд на совр. об-во и вопросы управления страной.



На Западе интерес к этому важнейшему памятнику кит. историографии обозначился уже в XVIII в. Энциклопедич. характер труда отца и сына Сыма способствовал многочисленным попыткам европ. синологов XIX–XX вв. перевода отдельных глав и их фрагментов. Науч. изучение и перевод начались в XIX в. работами А. Фицмайера (1808–1887), к-рый перевел и издал 24 гл. «Ши цзи». Великий франц. синолог Э. Шаванн (1865–1918) первым отважил-

ся предпринять полный комментированный перевод, ему удалось перевести 49 гл. полностью (т.е. 38% объема памятника) и еще 2 гл. частично. Следующей была попытка известного амер. синолога Б. Уотсона (род. 1925); в 1958–1969 были опубликованы его полные переводы 62 гл. (48%) и еще 9 гл. частично. (Заметим, что работы Б. Уотсона отличались литературностью и слабостью комментариев.) В 1990-е в США началась работа над новым академич. переводом. С 1994 по 2008 различные переводческие коллективы (всего 23 чел.) под рук-вом У. Нинхаузера (W.H. Nienhauser, Jr.) опубликовали 5 томов, включающие 66 гл. (51% текста).

Отечеств. синология проявила первый интерес к «Ши цзи» еще в кон. XVIII в., когда был опубликован перевод М. Веревкина с франц. яз. обширного рассказа о жизни и творчестве Сыма Цяня в изд. «Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине» (т. V, М., 1788). В сер. XIX в. знаменитый рос. китаевед Н. Я. **Бичурин** (см. т. 2) перевел гл. 110 и 123 «Ши цзи». В XX в. были опубликованы избр. переводы В.М. Алексеева, В.А. Панасюка, Л.С. Переломова, Н.В. Кюнера. В сер. 1960-х Р.В. Вяткин (1910–1995) приступил к полному науч. переводу «Ши цзи» на рус. яз. Два первых тома (гл. 1–12) опубликованы им в соавторстве с В.С. Таскиным (1917–1995) в 1972 (2-е изд.: 2001) и 1975 (2-е изд.: 2003); в дальнейшем Р.В. Вяткин работал самостоятельно, сумев завершить полностью 120 гл. (92% текста): т. 3 (гл. 13–22) — 1984, т. 4 (гл. 23–30) — 1986, т. 5 (гл. 31–40) — 1987, т. 6 (гл. 41–60) — 1992, т. 7 (гл. 61–85) — 1996, т. 8 (гл. 86–110) — 2002. Т. 7–8 опубликованы под ред. А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца. К 100-летию со дня рождения Р.В. Вяткина готовится к изданию заключительный, 9-й том. В знак глубокого уважения к достижениям рос. синологии У. Нинхаузер посвятил один из томов своего англ. перевода (Vol. V.1. The Hereditary Houses of Pre-Han China, Pt 1. Indiana Univ. Press, 2006) Р.В. Вяткину, поместив там же обширную статью о его науч. и жизненном пути. См. также ст. **«Ши цзи»** в т. 1.

***** *Сыма Цянь.* Ши цзи (Исторические записки): В 24 т. Шанхай, 1936. (СББЯ; Т. 416–439); то же, в 130 гл. Т. 1–6, Пекин, 1959; *он же.* Избранное / Пер. В. Панасюка. М., 1956; *он же.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 1–8. М., 1972–2002; то же. Т. 1–2. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001–2003; *он же.* Ши цзи (Исторические записки): Избранное: В 2 т. / Пер. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 2006; *он же.* Сыма Цянь о Чэнь Шэне / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова // Сов. китаеведение. 1958, № 4, с. 192–205; Шедевры китайской классической прозы в переводах акад. В.М. Алексеева: В 2 кн. Кн. 1. М., 2006, с. 108–163; *Ssu-ma Ch'ien.* Statesman, Patriot, and General in Ancient China: Three Ancient Biographies of the Ch'in dynasty (225–206 B.C.) / Tr. and discussed by D. Bodde. New Haven, 1940; *idem.* Die Kapitel 101 und 102 (die Biographien des Yüan Ang und Ch'ao Ts'oh, Chang Shih-chi und Feng T'ang) aus Szyma Ts'iens Shi-ki / Übers. von G. Debon. München, 1953; *idem.* Records of the Grand Historian: Qin Dynasty / Tr. by B. Watson. Hong Kong – New York, 1993 The Grand Scribe's Records / Ed. W.H. Nienhauser, Jr. Vols. 1, 2, 5.1, 7, 8.1. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1994–2008.

****** *Вяткин Р.В.* О комментировании и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня // НАА. 1986, № 6, с. 90–95; *Кроль Ю.Л.* Рудольф Всеволодович Вяткин и «Исторические записки» Сыма Цяня // *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001, с. 406–413; *Нейман В.В.* Новая трактовка астрономических данных Сыма Цяня // XXI НК ОГК. Ч. 1. 1990, с. 48–50; «Ши цзи» цыдянь (Словарь-справочник к «Ши цзи») / Гл. ред. Цан Сю-лян. Цзинань, 1991, 1994; *Hardy G.* Worlds of Bronze and Bamboo: Sima Qian's Conquest of History. N.Y., 1999; *Nienhauser W.H.* A Reexamination of "The Biographies of the Reasonable Officials" in the "Records of the Grand Historian" // EC. 1991, vol. 16, p. 209–233; *Schaab-Hanke D.* Der Herrscher und sein Richter: Zur Bedeutung von Biao und Li in Kapitel 28 des "Shiji" // Oriens Extremus. 2002, Jg. 43, H. 1/2, S. 117–144.

См. также лит-ру к ст. **Сыма Цянь**.

По материалам ***Ю.Л. Кроля, А.Р. Вяткина***

十惡

Ши э — «десять зол (злодеяний, непрощаемых преступлений)». Среди всего многообразия социально нежелательных действий кит. право выделяло ряд деяний, к-рые считались наиболее опасными и отвратительными. Их отрицательное воздействие на мир было особенно мощным. Такого рода преступления были сведены в список «десяти зол», по-видимому, не без воздействия **буддизма** (см. т. 1) и его «десяти зол» — дурных деяний трех видов (телесного, вербального и ментального), противоположных «десяти добрым [деяниям]» (**ши шань**; см. т. 2). Термины, обозначающие нек-рые преступления списка, такие как «великая строптивость», «извращение», «великая непочтительность», встречаются еще в доханьское время как моральные, описательные характеристики злодеяний применительно к ситуациям убийства правителя и его семьи подданными, убийства отца или матери сыном, убийства правителем своих министров. В эпоху Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) эти термины применялись как юридич. категории, но одни и те же преступления могли быть охарактеризованы разными терминами, четкой классификации еще не было. Она возникла лишь во время Сев. Ци (550–577), была заимствована с уточнениями кодексом дин. Суй (581–618) и затем повторена кодексом **«Тан люй шу и»** («Уголовные установления Тан с разъяснениями»).

Преступления, входящие в «десять зол», заключались в нарушении наиболее существенных социальных связей по вертикали со стороны подчиненных или младших элементов и в основном сводились к действиям, совершаемым по линии «мой старший — мой младший» лицами, связанными либо по строгой вертикали, либо по ближним диагоналям. Комплекс моральных стереотипов, обеспечивавший функционирование вертикальных связей, охватывал весьма широкий круг поведенческих актов, поэтому спектр подлежащих наказанию действий отнюдь не исчерпывался попытками нанести прямой действительный вред, но включал поступки просто вопиюще аморальные. В каждое из «десяти зол» включался комплекс нарушений той или иной социальной связи, обеспеченной определенными моральными обязанностями, поэтому каждое из «зол» было не конкретным преступлением, но категорией преступлений, кустом действий, сходных по вектору и уровню аморальности.

В первую группу списка *ши э* входили: «умысел восстания против» (*моу фань*) — покушение на царствующего императора, гос. переворот; «умысел великой строптивости» (*моу да ни*) — разрушение храмов предков императора и императорских усыпальниц; «умысел измены» (*моу пань*) — бунт или переход на сторону иного гос-ва. При совершении этих преступлений наказанию подлежали, в отличие от мн. иных ситуаций, даже те, кто еще не начал претворять свои замыслы в реальность. Эти преступления наказывались с применением общесемейной ответственности (**юань цзо**).

Преступления второй группы: «злостная строптивость» (*э ни*) — нанесение побоев прямым предкам либо умысел убить кого-то из них, убийство брата отца или его жены, сестры отца, собств. старших братьев и сестер, деда или бабки по женской линии, мужа или кого-то из его прямых предков; «извращение» (*бу дао*) — убийство трех человек в одной семье, убийство с расчленением тела, изготовление и хранение ядов, ворожба или колдовство; «великая непочтительность» (*да бу цзин*) — хищение предметов, поднесенных духам во время жертвоприношений, или личных вещей императора, ошибка при составлении лекарства или изготовлении пищи для императора, изготовление ненадежных и непрочных кораблей для императора, непочтительные высказывания в адрес императорской особы, а также неподчинение императорским посланцам; «сыновняя непочтительность» (*бу сяо*) — донос, заклятья или брань на прямых предков, отдельная регистрация либо отделение имущества при жизни деда или бабки по мужской линии, отца или матери, скупое их содержание, нарушение траура (свадебный сговор, музицирование, смена траурной одежды на «одежду радости» во время траура по отцу или матери), сокрытие известия о кончине кого-либо из прямых предков и неизъявление скорби, ложное заявление о смерти кого-либо из них; «вражда» (*бу му*) — умысел убить или продажа родственника, нанесение побоев

мужу либо старшему родственнику, донос на кого-либо из них; «нарушение долга» (*бу и*) — убийство главы своего учреждения, своего начальника округа или уезда, своего наставника, сокрытие известия о кончине мужа и неизъявление скорби, музицирование либо смена траурной одежды на «одежду радости» во время траура по мужу или новое замужество до истечения этого траура; «внутренний хаос» (*нэй луань*) — вовлечение в развратные сношения родственницы или наложницы отца или деда по мужской линии.

Конкретные наказания за перечисленные преступления устанавливались соответствующими статьями Танского кодекса. Преступления, сведенные в список *ши э*, отнюдь не всегда наказывались смертью, но наказания за эти преступления не могли быть ни погашены привилегиями, ни прощены, и предписанное законом наказание исполнялось безо всяких изменений.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Ст. 6. Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). В 2 ч. Ч. 1 / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. М., 1997, с. 309–310; Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цз. 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999, с. 80–99; The T'ang Code. Vol. 1. General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princ., 1979, p. 61–83. ****** *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М., 1986; *Hulsewe A.F.P.* Remnants of Han Law. Vol. 1. Leiden, 1955.

В.М. Рыбаков

«ШУ ЦЗИН»

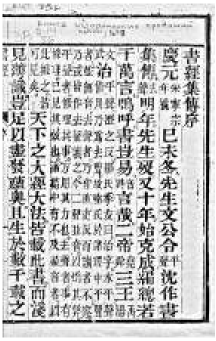
書經

«Шу цзин» — «Канон документов/истории/писаний», «Книга документов/истории», «Книга [исторических] документов», «Летописный канон». Др. назв. — «Шу» («Писания», «Документы», «Книга»), «Шан шу» («Древняя/Высшая книга», «Почтенные писания»). Один из древнейших кит. письменных памятников, как канонич. произведение входит в состав классических конф. сводов «Пятиканоние» (**«У цзин»**) и «Тринадцатикнижие» (**«Ши сань цзин»**; обе ст. см. т. 1). В кит. традиции считался значимым элементом полит. культуры, т.к. содержал в себе идеологему «небесного повеления» (**тянь мин**; см. т. 2), оправдывающую насильственную смену династии, утратившей добродетель (**дэ [1]**; см. т. 1); конкретные ист. примеры «Шу цзина» служили рук-вом по управлению гос-вом для чиновников и правителей.

Первоначально памятник существовал в виде сборника документов/писаний (*шу* [*4*]). По преданию, **Конфуций** (см. также т. 1) отобрал нек-рое количество этих документов и составил из них книгу. Памятник подвергся уничтожению при **Цинь Ши-хуане** в 213 до н.э. вместе с др. конф. книгами, затем был восстановлен. В 178 до н.э. тексты «Шу цзина» были частично восстановлены Фу Шэном (либо найдены, либо записаны по памяти): в источниках сказано, что он замуровал в глинобитной стене дощечки с текстом «Шу цзина», и из спрятанных 35 глав (*пянь*) книги уцелело 29. Этот вариант, известный как «Цзинь вэнь Шан шу» («„Почтенные писания“ в современных знаках»), был канонизирован при имп. **Хань У-ди** (прав. 140–87 до н.э.; см. также т. 2).

Через 25 лет, ок. 154 до н.э. якобы были найдены главы «Шу цзина», записанные «древними знаками» (**гувэнь**; см. т. 3). По версии **«Хань шу»** («Книга об [эпохе] Хань», I в.), записанные иероглифами *гувэнь* конф. тексты, в т.ч. и «Шу цзин», были обнаружены в стене дома, принадлежавшего Конфуцию, в I в. до н.э. На основе дешифровки найденных глав и их сопоставления с вариантом Фу Шэна один из потомков Конфуция, Кун Ань-го (I в. до н.э. –– I в. н.э.), составил 25 глав «Гу вэнь Шан шу» («„Почтенные писания“ в древних знаках»), снабдив их комментарием.

С этого момента начался спор двух каноноведческих школ (**цзин-сюэ**; см. т. 1) — *цзиньвэньцзин-сюэ* («школа канонов новых письмен») и *гувэньцзин-сюэ* («школа канонов старых письмен»), к-рый, вероятнее всего, происходил из


書經集傳序
慶元己未冬先生文公令沈作書集傳明年先生歿又十年始克成編總若干萬言嗚呼書豈易言哉二帝三王治天下之大經大法皆載此書而淺見薄識豈足以盡發蘊奧且生於數千載之

идеологических и полит. соображений, а также из-за их регионального соперничества, но отнюдь не из-за достоверности содержания «Шу цзина», как обычно считается в историографии. Вариант «Гу вэнь Шан шу» был канонизирован при преемнике Хань — Ван Мане (прав. 9–23 н.э.), когда начала преобладать «школа канонов старых письмен». В свете вышеизложенного применяемое зачастую понятие «аутентичности» версии *цзиньвэнь* (или *гувэнь*) кажется неправомерным.

На первоначальный состав памятника в III–II вв. до н.э. принадлежность отдельных его глав-*пяней* к разным версиям едва ли влияла, поскольку **Сыма Цянь** (см. также т. 1) на рубеже II–I вв. до н.э. при написании **«Ши цзи»** («Исторические записки»; см. также т. 1) использовал в качестве ист. источника главы-*пяни* обеих версий, указывал их названия и цитировал тексты с одинаковой частотой. Он процитировал частично или полностью тексты 18 глав-*пяней* памятника и упомянул названия 31 главы из имеющихся в наст. время и 16 утраченных глав. К III в. н.э. оба варианта «Шу цзина» были утрачены, но в IV в. н.э. (Вост. Цзинь, 317–420) были опубликованы Мэй Цзэ как версия Кун Ань-го.

В разл. изданиях нумерация глав расходится, т.к. нек-рые главы версии *гувэнь* («Тай-цзя», «Пань-гэн», «Юэ мин», «Тай ши») состоят из 3 частей (*шан* [*2*], *чжун* [*1*], *ся* [*2*]), принимаемых в стандарте за отдельные главы-*пяни*. Во избежание путаницы принята двойная нумерация глав (1-я цифра – номер главы без деления на части , 2-я цифра – номер по сплошной стандартной нумерации).

В наст. время «Шу цзин» включает в себя 50/58 глав-*пяней* и делится на 4 раздела: «Юй шу» («Документы Юя») — 5/5 глав, «Ся шу» («Документы Ся») — 4/4 главы, «Шан шу» («Документы Шан») — 11/17 глав, «Чжоу шу» («Документы Чжоу») — 30/32 главы.

Краткое содержание разделов «Шу цзина». Разд. «Юй шу»: описание правлений идеальных мифич. правителей — **Яо** и **Шуня** (обе ст. см. т. 2).

Разд. «Ся шу» (Ся — мифич. династия, основателем к-рой в кит. историографии считается культурный герой **Юй** [см. т. 2]): деяния Юя; речь, произнесенная сыном Юя перед битвой в Гань; песни братьев Юя в качестве предупреждения для императора о противозаконных действиях его вассала; речь о карательном походе, относящаяся ко времени 4-го правителя Ся.

Разд. «Шан шу» (дин. Шан: XVI–XI вв. до н.э.): речи, относящиеся ко времени правления первого *вана* Шан — Чэн Тана (XVI в. до н.э.); речи сановника **И-иня** (см. т. 2), относящиеся ко времени правления пятого *вана* Шан — Тай-цзя; главы, содержащие информацию о переносе шанской столицы Пань-гэном (ок. 1300 до н.э.); главы, относящиеся к следующему *вану* У-дину (кон. XIII в. до н.э.); две последние главы — о возможности завоевания Шан чжоуским У-ваном.

Разд. «Чжоу шу» (дин. Чжоу: XI–III вв. до н.э.): главы охватывают время с 1027 по кон. X в. до н.э. и включают тексты, относящиеся последовательно к У-вану (21% всего объема «Чжоу шу»), Чэн-вану, — причем бóльшая часть глав посвящена Чжоу-гуну, регенту при малолетнем сыне У-вана (60%), Кан-вану (4,7%), Чжао-вану (1,1%), Му-вану (7,8%). Затем следует большой временной перерыв, и оставшиеся 3 главы относятся к периоду кон. VIII – кон. VII в. до н.э., т.е. к периоду Чунь-цю (770–403) и царству Цинь, а не чжоускому домену.

第三卷
商書
湯誓 仲虺之誥 湯誥
伊訓 太甲上 太甲中
太甲下 咸有一德 盤庚上
盤庚中 盤庚下 說命上
說命中 說命下 高宗肜日
西伯戡黎 微子
第四卷

По содержанию можно выделить след. группы глав: 1) содержащие идею добродетельного управления гос-вом (31,8% текста); 2) содержащие оправдание насильственной смены династий (14,4%); 3) описывающие упорядочение страны совершенными правителями древности (9,7%); 4) указы о назначении на должность (9,6%); 5) разное — в основном эти главы относятся к разд. «Чжоу шу» и детализируют события периода Западной Чжоу (33,6%).

Из всего массива текста «Шу цзина» сходством (наличие датировки, устойчивых оборотов речи, сюжетов) с аутентичными источниками (западночжоуской эпиграфикой) обладают только отдельные главы «Чжоу шу» (в частности, гл. 23/31 «У чэн», гл. 48/56 «Вэнь-хоу чжи мин»), остальные по времени

возникновения относятся, вероятно, к более позднему периоду, а нек-рые из них, возможно, — к началу н.э.

Имеются переводы на рус. яз. следующих глав «Шу цзина»: гл. 3/3 «Да Юй мо» и гл. 5/5 «И Цзи» из «Юй шу»; гл. 6/6 «Юй гун», гл. 7/7 «Гань ши» из «Ся шу»; гл. 10/10 «Тан ши», гл. 15/17 «Сянь ю и дэ», гл. 16/19 «Пань-гэн» (ч. 2), гл. 18/24 «Гао цзун жун жи», гл. 19/25 «Си-бо кань ли» и гл. 20/26 «Вэй-цзы» из «Шан шу»; гл. 21/29 «Тай ши» (ч. 3), гл. 22/30 «Му ши», гл. 24/32 «Хун фань», гл. 26/34 «Цзинь тэн», гл. 36/44 «Цзюнь ши», гл. 43/51 «Кан-ван чжи гао», гл. 47/55 «Люй син» из «Чжоу шу», что составляет 30,8% всего текста памятника.

См. также ст. **«Шу цзин»** в т. 1.

***** Шу цзин. Пекин, 1957. (Ши сань цзин; Т. 3–4); Гу чжу у цзин (Пятикнижие с древними комментариями). Т. 1. Тайбэй, 1961; Цзинь гувэнь Шаншу цюань и (Полный перевод версий цзиньвэнь и гувэнь «Шаншу»). Гуйчжоу, 1990; Сышу Уцзин (Четверокнижие и Пятикнижие). Т. 1. Пекин, 1996; Из «Книги преданий» («Шу цзин»): Вместе с И и Цзи, Речи Ци к войскам перед битвой в Гань, Великая речь к войскам / Пер. Л.Д. Позднеевой // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963, с. 435–436; Приказ Люю о наказаниях / Пер. Т.В. Степугиной // Там же, с. 436–440; Шу цзин: Гл. «Пань-гэн», ч. 2; гл. «Великий закон» / Предисл. и пер. С. Кучеры // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972, с. 100–111; то же. Гл. «Цзюнь ши» / Пер. М.В. Крюкова // Там же, с. 111–113; Речь государя Тана к воинству / Пер. А. Владыкина // Муза. 1976, № 4, с. 193–195; *Карапетьянц А.М.* Древнейшая китайская культура по свидетельству «Великих правил» [гл. из «Шуцзин»] // V НК ОГК. Ч. 1. 1974, с. 24–34; *Кучера С.* Древнекитайские тексты: цзягувэнь и *Шан шу* — зерцало истории и культов эпохи Шан–Инь. Ч. 4: [Исслед., пер. и коммент.] // В. 2005, № 6, с. 22–36; *Karlgren B.* The Book of Documents: [the text, with a translation]. Stockh., 1950. (BMFEA; № 22); *idem.* Glosses on the Book of Documents, 1–11. Stockh., 1948–1949. (BMFEA; № 20, 21); *Legge J.* Chinese Classics. Vol. 3. The Shoo King: In 2 pt. Hong-Kong — London, 1865, 1982.

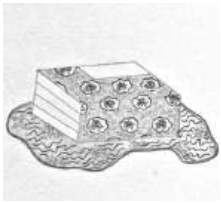
****** *Васильев К.В.* «Хун фань» («Всеобъемлющий образец» об идеальном правителе и его месте в мире // VI НК ОГК. Ч. 1. 1975, с. 5–14; *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. 1. М., 1995, указ.; *Кучера С.* «Великий закон» — великая политическая утопия древнего Китая // III НК ОГК. Вып. 1. 1972, с. 18–32; *Федоренко Н.Т.* Шуцзин // Литература древнего Китая. М., 1969, с. 68–97; *Чжао Ню-лань.* Историзация китайских мифов в «Шуцзине» // Научные труды / МГИМО. Филол. вып.: Вопр. яз. и лит. 1973, № 11, с. 134–153; *она же.* Некоторые проблемы изучения «Шу цзина» // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с. 22–29; *она же.* О главе «Дары Юя» («Юй гун») в «Книге преданий» («Шан шу») // XI НК ОГК. Ч. 1. 1980, с. 54–60; *Лю Ци-юй.* Шан шу сюэ ши (История изучения «Шу цзина»). Пекин, 1989; Цзинь гувэнь Шан шу цюань и (Полный перевод версий цзиньвэнь и гувэнь «Шан шу»). Гуйчжоу, 1990; Цзяншань гочжуань: Шан шу цзунь-шу (Сводное описание «Шу цзина»). Шанхай, 1988; *Чжан Синь-чэн.* Вэйшу тункао (Исследование разночтений древних исторических, литературных и других трудов). Т. 1. Шанхай, 1957, с. 148–251; *Чжэнь Мэн-цзя.* Шан шу дун лунь (О «Шан шу»). Пекин, 1985.

Г.С. Попова

ШЭН СЮНЬ

聖訓

Шэн сюнь — «священные наставления»; до XVII в. — *бао сюнь* («драгоценные наставления»). Жанр ист. трудов, в традиц. классификации отнесен к категории «высочайшие указы и доклады чиновников» (*чжаолин цзоуи*). Представляет собой подготовленные придворными историками сборники особым образом отобранных и скомпонованных фрагментов указов и высказываний императора по вопросам конф. этики и морали. Весь материал в текстах *шэн сюнь* сгруппирован по рубрикам (напр., «Почитание Неба», «Совершенная добродетель», «О законе правления», «Помощь народу» и т.п.). Очень важной



частью было предисловие, написанное императором, при к-ром составлялся данный труд. В нем давалась офиц. оценка достижений правителя, содержались формулировки, включавшиеся в его офиц. титулатуру. Прежде всего «священные наставления» были ориентированы на формирование особого имиджа императора как блюстителя гос. доктрины. Но главным предназначением этих дидактических по своей природе трудов являлось утверждение в обществ. сознании базовых ценностей офиц. **конфуцианства** (см. т. 1). Для нормального функционирования конф. монархии все это было крайне важно, и поэтому «священные наставления» изначально предназначались для самого широкого распространения. При дин. Цин (1644–1911) на основе «Шестнадцати наставлений императора [Кан-си]» («Шэн юй ши лю тяо») были подготовлены «Милостивые наставления монарха» («Шэн юй гуан сюнь»), к-рые вплоть до XX в. изучались всеми жителями Поднебесной. В императорском Китае существовала хорошо продуманная и отлаженная система мер, делавшая такие тексты доступными практически любому.

Время возникновения этого вида ист. трудов неизвестно, но при двух последних династиях — Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) — они составлялись регулярно. К этой работе придворные историки приступали после смерти императора по спец. указу его преемника. Как правило, делалось это одновременно с подготовкой «правдивых записей» (**ши лу**) о правлении данного императора, и на утверждение правящему монарху они представлялись вместе. Но в отличие от «правдивых записей», носивших секретный характер, «священные наставления» издавались. После свержения цинской монархии сохранившийся комплект «священных наставлений» цинского периода был издан под назв. «Священные наставления императоров Великой Цин» («Дай Цин ли чао шэн сюнь», 922 цз.).

****** *Доронин Б.Г.* Китай XVII–XVIII вв.: Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988; *он же.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 78–80; *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб., 2006, с. 63–64; *Хохлов А.Н.* О традиционной основе экономической политики цинского правительства в Китае (конец XVIII — начало XIX в.) // IV НК ОГК. Ч. 3. 1973, с. 503–509.

Б.Г. Доронин

ШЭНЬ ШИ

紳士

Шэнь ши — букв. «ученые мужи (*ши* [*13*]), [носящие] чиновный пояс (*шэнь* [*5*])». Привилегированное сословие, зародившееся в первых веках н.э., в период расцвета **конфуцианства** (см. т. 1) и развития экзаменац. системы. Формировалось из лиц, овладевших соответствующим объемом знаний, прежде всего в области конфуцианства, и успешно сдавших установленные правилами экзамены. Расцвет экзаменац. системы падает на X–XIII вв. (дин. Сун) и XIV–XVII вв. (дин. Мин). Роль *шэнь ши* сохранилась и при маньчж. дин. Цин (1644–1911). Чиновный пояс в древности служил символом власти. Термин *шэнь ши* получил распространение в новое время, до этого употреблялись: *сян шэнь* («сельские пояса власти»), *жу линь* («конфуцианцы») и др. Выдержавшие только первый низший экзаменац. тур уездного уровня получали степень *сю цай*. У них не было права на занятие чиновничьей должности — то был как бы ин-т кандидатов в *шэнь ши*. Из них формировались кадры сельских и городских школьных учителей и самых низших по званию чиновников. Обладателей первого ученого звания в XIX в. насчитывалось до 90% от всех «остепененных» носителей званий — ок. 1 млн. чел. Они существовали в основном на зарплату, к-рая составляла в год лишь 100 с небольшим *лянов*. Одолевшие экзамены второго (провинциального) и третьего (столичного) тура становились обладателями званий *гун шэн* (степень для выпускников гос. школы, избранных по квоте), *цзюй жэнь* (лауреат провинциальных экзаменов) и *цзинь ши* (высшая степень, присваиваемая лауреатам столичных экзаменов). Все обладатели степеней, а также частично и их соискатели

составляли в старом Китае сословие *шэнь ши*. Оно имело социальные и весьма ощутимые материальные привилегии: поставляло кадры для всех звеньев гос. аппарата и местного помещичье-общинного самоуправления, составляло ядро господствующего класса в столице и провинц. центрах. В каждом уезде их было неск. сотен; они группировались вокруг т.н. общинных школ (*шэ сюэ*).

С помощью экзаменац. квот и торговли степенями и должностями гос-во регулировало численность *шэнь ши*, к-рая колебалась в разные эпохи от 500 тыс. до 2–3 млн. чел. Формально экзамены мог сдавать всякий китаец, но т.к. для этого требовалось много лет занятий, практически сословие *шэнь ши* охватывало сравнительно ограниченный круг богатых фамилий и комплектовалось часто по наследству из самих *шэнь ши*. При желании они не поступали на гос. службу, а занимали негосударственные, но высокооплачиваемые должности уездных судей и общинных учителей, руководителей ополчений и обществ. работ.

Имуществ. положение *шэнь ши* определялось высоким должностным окладом и доходами от предоставленных гос-вом земельных участков. Преимущественно они были землевладельцами. При Цинах во 2-й пол. XIX в. им принадлежало до 25% всех возделываемых в стране площадей. Привилегированное положение подчеркивалось всеобщим уважением, готовностью окружения и властей принять во внимание их профессиональное мнение по тому или иному вопросу, пользоваться их советами, а также льготным налогообложением, они освобождались от рекрутского набора, не подлежали телесным наказаниям и т.д.

С отменой экзаменац. системы в 1905 сам термин *шэнь ши* еще продолжал употребляться, но с основанием КНР в 1949 сословие *шэнь ши* было ликвидировано.

Англ. gentry, нередко употреблявшееся в зап. лит-ре как эквивалент *шэнь ши*, не передает адекватно специфику кит. понятия, т.к. в Англии оно означало помещика нового типа, привилегии к-рого основывались не на титулах, не на происхождении и не на внеэкономич. принуждении, а на имуществе, на частной земельной собственности.

** *Ермаченко И.С.* Роль аристократии и ученого сословия в традиционном китайском обществе: (Свод. реф.) // Соц. и гуманит. науки: Зарубеж. лит.: РЖ. Сер. 10. Китаеведение / РАН. ИНИОН. 1994, № 1, с. 122–127; *Костяева А.С.* Социальное размежевание в среде шэньши в 20-х годах XX в. // Социальная и социально-экономическая история Китая: Сб. статей. М., 1979; *Никифоров В.Н.* Специфика господствующего класса в старом Китае (сословие шэньши) // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972; *Померанц Г.С.* Шэньши как тип средневекового книжника // НК ОГК. Ч. 1. 1971, с. 79–86; *Chang Chung-li.* The Income of the Chinese Gentry: A Sequel to the Chinese Gentry: Studies on their Role in Nineteenth-Century Chinese Society / Introd. by F. Michael. Seattle, 1962.

В.Н. Усов

ЮАНЬ ТУН-ЛИ

袁同禮

Юань Тун-ли. 23.03.1895, уезд Хэйшуай пров. Чжили, — 06.02.1965. Обществ. деятель, известный библиограф, исследователь и пропагандист кит. культурного наследия.

В авг. 1920 Юань Тун-ли отправился в Нью-Йорк, поступил в Колумбийский ун-т. В 1921–1922 был секретарем при представителе Китая на Вашингтонской конференции, работал в Гос. б-ке Нью-Йорка, Б-ке Конгресса, помогая в описании и каталогизации ее кит. коллекций. В 1923 в течение года занимался в Ин-те ист. исследований при Лондонском ун-те.

После возвращения на родину в 1924 Юань Тун-ли работал библиотекарем Гуандунского ун-та (в Гуанчжоу), принимал участие в создании Нац. дворцового музея Гугун в Пекине. В 1925 получил должность проф. библиотеко-

ведения Пекинского ун-та. С созданием в Пекине Провинциальной б-ки во главе с **Лян Ци-чао** (см. также т. 1), ставшим первым шагом на пути орг-ции Национальной б-ки, Юань Тун-ли стал ее вице-директором. Когда же в Пекине в 1929 была создана Международная б-ка во главе с Цай Юань-пэем (на базе слияния Провинциальной б-ки с Национальной), он принял пост зам. директора и в этой должности оставался до 1942, когда его назначили преемником Цай Юань-пэя.

Юань Тун-ли многое сделал для пополнения книжных и рукописных фондов б-ки, наладил обмен материалами со многими странами. В 1934 он отправил своих сотрудников в Национальную б-ку в Париже и б-ку Британского музея в Лондоне для фотокопирования редких кит. рукописей из Дуньхуана. В том же году ему удалось организовать издание «Тушу цзикань» («Ежеквартальный библиографический бюллетень»).

В сент. 1934 Юань Тун-ли посетил Ленинград и Москву с целью налаживания обмена лит-рой и установления контактов с китаеведами акад. В.М. Алексеевым, А.И. Ивановым и др. учеными, встретившими кит. гостя весьма доброжелательно и пригласившими его выступить на конференции с докладом.

Накануне антияпонской войны (1937–1945) Юань Тун-ли — стремясь уберечь книжные сокровища Китая в случае вооруженной агрессии Японии — по личной инициативе отправил из Пекина на юг страны мало пригодные для перемещения книги и манускрипты общим числом 2800 названий, к-рые впоследствии были перевезены для лучшей сохранности в Б-ку Конгресса США. После захвата яп. войсками Сев. Китая и кит. столицы он уехал в Куньмин (на юго-западе страны), где продолжал свою работу библиографа-исследователя в организованном там ун-те.

В 1942 Юань Тун-ли отправился в Чунцин и там открыл филиал Пекинской Национальной б-ки, пополнив ее фонды книгами, приходившими к нему из разных стран, в т.ч. из СССР. В конце 1944 пр-во Кит. Республики направило его в Англию и США для установления более тесных связей в области культуры. В 1945 в составе правительств. делегации он участвовал в конференции в Сан-Франциско по случаю создания ООН.

Вернувшись на родину в сент. 1945, Юань Тун-ли с новой энергией взял в свои руки рук-во Пекинской Национальной б-кой. Он предпринял ряд поездок по странам Европы и США, в Лондоне присутствовал на заседании ЮНЕСКО в качестве вице-председателя Комитета по охране ист. памятников культуры.

В 1949 Юань Тун-ли вновь отправился в США. Его пригласили в Б-ку Конгресса консультантом по кит. лит-ре. С 1951 по 1953 работал гл. библиографом в Стэнфордском исследовательском ин-те в Калифорнии, но в 1957 его вновь пригласили в Б-ку Конгресса как знатока кит. культуры. Здесь он получил грант на подготовку библиографии по кит. искусству и археологии. В июле того же года, находясь в командировке в Мюнхене, Юань Тун-ли заболел и был вынужден вернуться в США для лечения. 15 янв. 1965 он подал заявление об отставке, а в февр. скончался.

Всю свою жизнь Юань Тун-ли посвятил изучению и пропаганде многогранного культурного наследия Китая. Среди его науч. трудов особого внимания заслуживают его библиографии работ по Китаю на зап. языках.

***** *Yuan Tong-li.* Economic and Social Development of Modern China: A Bibliographical Guide. New Haven, 1956; *idem.* China in Western Literature: A Continuation of Cordier's Bibliotheca Sinica. New Haven, 1958; *idem.* Russian Works on China, 1918–1960, in American Libraries. New Haven, 1961; *idem.* Bibliography of Chinese Mathematics, 1918–1960. Wash., 1963; *idem.* Bibliography of Western Writings on Chinese Art and Archaeology. L., 1975. ****** *Хохлов А.Н.* Директор Пекинской национальной библиотеки Юань Тун-ли: Поездка в СССР в 1934 г. и контакты с российскими китаеведами: (Из истории культурных связей России с Китаем в 30-х годах XX в.) // XXXV НК ОГК. 2005, с. 159–180.

А.Н. Хохлов

ЮАНЬ ЦЗО

缘坐

Юань цзо («общесемейная ответственность»). Род коллективной ответственности. Принцип коллективной ответственности был введен в кит. право еще его создателями, основателями «школы закона» (*фа-цзя*; см. **Легизм**), как методика устрашения и усиления круговой поруки среди соседей, сослуживцев и пр. Во времена Зап. Хань (206 до н.э. — 8 н.э.) делались попытки дискредитировать идею коллективной ответственности, однако она вполне вписалась в конф. доктрины с их повышенным вниманием к семье и правовому стимулированию семейного и семейноподобного единства. В танском праве (см. **«Тан люй шу и»**) и впоследствии применялась достаточно широко. В зависимости от родств. или функционального характера единства коллективная ответственность подразделялась на общесемейную и объединенную (**лянь цзо**), чаще всего выступавшую в качестве общеслужебной, т.е. применительно к преступлениям и проступкам, совершенным сослуживцами.

Общесемейная ответственность заключалась в наказании родственников преступника (или иным образом связанных с преступником лиц) даже в тех ситуациях, когда они не только не участвовали в подготовке и совершении преступления, но даже не знали о нем. Наказанию по общесемейной ответственности подвергались родственники лиц, повинных в совершении преступлений из списка «десяти зол» (**ши э**) — «умысла восстания против» (*моу фань*), «умысла великой строптивости» (*моу да ни*), «умысла измены» (*моу пань*) и «извращения» (*бу дао*), а также жены и дети лиц, повинных в передаче противнику информации о выступлении правительств. войск. Напр., за «умысел восстания против» сами заговорщики наказывались обезглавливанием, привлеченные по общесемейной ответственности их отцы и сыновья 16 лет и старше наказывались удавлением, а сыновья 15 лет и младше, матери, дочери, жены и наложницы, деды и внуки по мужской линии, братья и сестры обращались в казенное рабство.

Из-под действия коллективной ответственности освобождались мужчины 80 лет и старше или принадлежащие к высш. группе инвалидности и женщины 60 лет и старше или принадлежащие к высш. и средней группам инвалидности.

***** Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Шанхай, 1936–1939 (ЦШЦЧ. Т. 775–780); Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цз. 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999. ****** *Кроль Ю.Л.* Правовые воззрения ханьских конфуцианцев // XI НК ОГК. М., 1980; *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986.

В.М. Рыбаков

«ЮАНЬ ШИ»

元史

«Юань ши» — «История [династии] Юань». Офиц. история (*чжэн ши*) монг. дин. Юань (1271–1368). Состоит из 210 цз.: 1. «Основные анналы» (*бэнь цзи*) — 47 цз.; 2. «Трактаты» (*чжи* [*3*]) — 58 цз.; 3. «Таблицы» (*бяо*) — 8 цз.; 4. «Биографии» (*ле чжуань*) — 97 цз. Время составления — 1368–1369. Составитель — комиссия из 16 чел. во главе с Сун Лянем (1310–1381) и Ван Вэем (1322–1373). Изгнав из Китая монголов, основатель дин. Мин (1368–1644) **Чжу Юань-чжан** (прав. под девизом Хун-у в 1368–1398), пришедший к власти на волне народного восстания, уже в 1368 издал указ о составлении истории правления монголов в Китае. Дело было поручено спец. комиссии, к-рую возглавил Сун Лянь, известный литератор. Он не служил при монголах, более 10 лет жил отшельником и писал книги. При Минах обучал наследника престола, вошел в **Ханьлинь академию** (см. т. 1), готовил манифесты, послания и т.п. Вышел в отставку, но был приговорен к ссылке из-за участия в заговоре его старшего внука.

В качестве осн. источников были использованы офиц. записи-хроники (**ши лу**) «Юань чао ши лу» («Повседневные записи-хроники [правления императоров] династии Юань»), свод (**лэй шу**) «Цзин ши да дянь» («Сводные материалы по правлениям императоров») и др., в большинстве своем ныне

乙

утраченные. Работа велась интенсивно и завершилась в короткие сроки. В 1369, меньше чем за год, «Юань ши» была закончена и представлена трону; в 1370 вырезаны доски для ее печати.

Проявленная спешка сказалась на качестве работы: множество фактич. ошибок, разнобой и ошибки в написании имен, прежде всего некитайских. Составители «Юань ши» были слабо осведомлены об истории монголов до **Чингис-хана**, о походах монголов в Вост. Европу, в «Юань ши» нет жизнеописания внука Чингис-хана Баду (Батыя), полководца Чжэбе и т.п. Составители не различали имен деятелей не только раннего, но и др. периодов правления династии, принимая разные кит. транскрипции одного имени за имена разных людей. Это привело к тому, что были включены жизнеописания одних и тех же людей под разными именами как разных людей, напр. два жизнеописания выдающегося полководца Субетая.

В 1370 вышло в свет 1-е изд. «Юань ши» (*Хун-у бэнь*), затем при дин. Мин были еще 2 изд. — «южное» (*нань цзянь бэнь*), когда столица Мин находилась в Нанкине, и «северное» (*бэй цзянь бэнь*). При дин. Цин «Юань ши» была издана в 1739 и 1782. В последнем издании благими намерениями маньчж. и кит. историков на цинской службе были «исправлены», а фактически ошибочно изменены имена более сотни неханьских деятелей дин. Юань. К сожалению, все эти ошибки повторены в труде Н.Я. **Бичурина** (см. т. 2) «История первых четырех ханов из дома Чингисова». 3-е цинское издание относится к 1824. Особенно много работал над «Юань ши» известный историк **Цянь Да-синь** (1728–1804), к-рый также начал составлять собств. вариант юаньской истории «Юань ши гао» («Черновой свод истории [династии] Юань»).

***** *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова / Пер. с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829; *Hambis L.* Le chapitre 57 du Yuan che. Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officille de la dynastie mongole / Notes suppl. par P. Pelliot. Leiden, 1945; *idem.* Le chapitre 108 du Yuan che. Les fiels fiefs attribués aux membres de la famille impériale et aux ministres de la cour mongole d'aprés l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1954. ****** *Алексеев В.М.* История китайской поэзии в письме историка монголов Сун Ляня к *сюцаю* Чжану // *он же.* Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 1. М., 2002, с. 404–407 и др.; *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002, с. 122; История монголов. М., 2005; *Кадырбаев А.Ш.* «Юань-ши» о тюркских правителях Китая (1308–1333) // Вост. архив. 2001, № 6–7, с. 24–34; *Мункуев Н.Ц.* Новая интерпретация одного абзаца из «Юань ши» // XV НК ОГК. Ч. 1. 1984, с. 223–229; Чжунго лиши да цыдянь: Ляо, Ся, Цзинь, Юань ши (Большой словарь китайской истории: Истории Ляо, Ся, Цзинь и Юань). Шанхай, 1986; *Чжан Яо-вэй.* Чжунго шисюэ минчжу тицзо (Пояснения к некоторым известным сочинениям китайской историографии). Пекин, 1994.

Е.И. Кычанов

ЮАНЬ ШИ-КАЙ

袁世凱

Юань Ши-кай, Юань Вэй-тин. 16.09.1859, уезд Сянчэн пров. Хэнань, — 06.06.1916, Пекин. Военный и полит. деятель, глава Бэйянской группировки милитаристов, временный президент Китайской Республики, пытавшийся реставрировать монархич. строй в Китае. Происходил из известной феодально-бюрократич. семьи. В 1880, купив чин секретаря, поступил на службу в штаб генерала У Чан-цина. В 1882 во главе группы войск был направлен в Корею для усмирения антикитайского восстания. В 1884 возглавлял штаб кит. гарнизона в Сеуле. По личному ходатайству полит. деятеля и дипломата **Ли Хун-чжана** в 1885 был назначен кит. наместником в Корее. Во время войны с Японией (1894–1895) выполнял интендантские поручения в Маньчжурии. В 1895 **Кан Ю-вэем** (см. также т. 1) и его соратниками была создана «Ассоциация усиления государства» (*Цянсюэхуй*), ее органом стала газ. «Цянсюэ бао», в редакцию к-рой вошел и Юань Ши-кай.

После японо-кит. войны и заключения Симоносекского мира вошел в доверие к князю Цину (И Куан) и к Жун Лу — маньчж. офицеру, родственнику **Цы Си**, и получил в свое командование учебный корпус «новых войск» (*синь цзюнь*) под Тяньцзинем, Корпус вскоре был переименован в Новую полевую армию. Это были модернизированные войска, оснащенные совр. оружием, численностью до 10 тыс. чел., дислоцировавшиеся в Сев. Китае. Эти войска затем стали ядром Бэйянской (Северной) милитаристской группировки. Обычно солдат набирали из местных жителей, благонадежных и физически выносливых крестьян, владевших элементарной грамотой. Их обучали иностр. (нем. и яп.) инструкторы; была создана новая организац. структура. Рядовые, офицеры и их семьи обладали определенными льготами: военные освобождались от уплаты земельного налога, а с их семей он взимался в сокр. размере. Подготовка строилась по зап. образцу, были введены новые уставы. В дополнение к пехоте и кавалерии создавались артиллерийские (включая тяжелую и скорострельную артиллерию) и инженерные части, а также резерв. Для пополнения личного состава создавались новые военные училища и школы.

В 1898 Юань Ши-кай примкнул к либеральному реформаторскому движению, к-рым фактически руководил в период «ста дней реформ» (*у-сюй бяньфа*) Кан Ю-вэй, вошел в доверие к реформаторам, но затем выдал их планы реакционной придворной группировке, предав движение. После этого **Цы Си** выделила войскам Юань Ши-кая 4 тыс. *лянов*.

В 1899–1901 на посту губернатора пров. Шаньдун Юань Ши-кай активно участвовал в подавлении восстания *ихэтуаней* и аресте его вожаков. Восставших он называл в донесениях двору не иначе как «бандитами». Беспорядки в Шаньдуне и устранение трений между населением и иностранцами он предлагал трону разрешить с помощью тщательного подбора и замены чиновничьего аппарата провинции, изучения местными чиновниками междунар. соглашений, орг-ции патрульной службы военных лагерей и назначения спец. комиссара «исключительно для ведения дипломатических переговоров с варварами»: «Когда варвары-немцы поймут, что у нас повсюду патрули и военные лагеря, они уже не будут под любым предлогом посылать свои войска». Не будучи сторонником распространения христианства, предлагал начальникам уездов и областей провинции пытаться «вернуть китайцев в лоно кит. церкви».

В 1901–1908, будучи наместником столичной пров. Чжили (Хэбэй), сосредоточив в своих руках огромную власть, стал верховным управляющим жел. дорогами, главой пароходной компании, главноуправляющим почтой и телеграфом, верховным управляющим по делам торговли и главнокомандующим соединениями Новой армии, ведал иностр. делами в Сев. Китае. Был тесно связан с иностр. фирмами. В 1902 Юань Ши-кай добился создания Баодинской военной академии, готовившей кадры для Бэйянской армии. К 1913 Новая армия должна была иметь 36 дивизий по 12 тыс. чел. в каждой, а общая численность совр. частей должна была превысить 430 тыс. Однако к 1911 было сформировано лишь 14 дивизий. На вооружении «новых войск» находилось 1 тыс. орудий и 130 пулеметов.

В кон. 1908 цинский двор, стремившийся сосредоточить всю полит. и военную власть в руках маньчж. бюрократии и опасавшийся чрезмерного усиления Бэйянской группировки во главе с Юань Ши-каем, под предлогом «ухудшения его здоровья» отстранил от власти Юань Ши-кая, бывшего тогда чл. Военного совета, на него даже готовилось покушение. Однако иностр. державы, видевшие в нем своего надежного человека, в нач. 1909 выразили решительный протест по поводу его отставки и гарантировали Юань Ши-каю его безопасность. В это время генерал Чжан Цзо-линь (1873–1928), впоследствии возглавивший Фэнтяньскую группировку милитаристов (**Фэнтяньси**), установил тайную связь с временно опальным Юань Ши-каем.

После начала в окт. 1911 Синьхайской революции напуганные восстаниями пекинские власти решили срочно вернуть из ссылки Юань Ши-кая, рассчитывая его руками подавить «мятежников», а затем вновь отправить его

в отставку. 2 нояб. 1911 Юань Ши-кай был назначен премьер-министром и главнокомандующим всеми вооруженными силами страны. Балансируя между монархией и республикой, революционерами и либералами, династией и революционерами, он делал все, чтобы ни одна из сторон не усилилась во вред его честолюбивым замыслам. Юань Ши-кай запугивал маньчжуров возможной резней со стороны революционеров и в то же время шантажировал республиканцев возможностью своей сделки с Цинами. Он использовал все данные ему полномочия для укрепления своей личной власти, готов был временно идти на компромисс с республиканским Югом с целью устранения дин. Цин.

Опираясь на Бэйянскую армию и поддержку держав, а также используя соглашательские элементы в революц. лагере, после отречения от престола малолетнего императора **Пу И** 12 февр. 1912 Юань Ши-кай добился сложения **Сунь Ят-сеном** (см. также т. 1) полномочий временного президента, принятых им 1 янв. 1912 в Нанкине. 15 февр. Юань Ши-кай был избран Нац. собранием временным президентом Китайской Республики. Формируется новое пр-во, столица переносится в Пекин. На Севере начинается усиление военной власти Юань Ши-кая. Подавив в 1913 «вторую революцию», вспыхнувшую на юге страны и направленную против узурпации им власти, Юань Ши-кай установил в Китае военную диктатуру.

Когда в Китае вспыхнула Синьхайская революция, Монголию и Тибет охватило освободительное движение. Монголия была объявлена независимым гос-вом, территория Внешней Монголии и Барги была освобождена от кит. войск. В освобожденной части Монголии у власти встали местные феодалы; глава ламаистской церкви в Урге, богдо-гэгэн, был провозглашен ханом. Однако период независимости оказался недолгим. В окт. 1913 пр-ва России и Юань Ши-кая подписали декларацию, признававшую Внешнюю Монголию автономной частью Китая. Она получила полную независимость во внутр. делах, но в междунар. делах могла решать независимо от Китая лишь экономич. вопросы.

Тибет также сделал попытку завоевать самостоятельность. В апр. 1912 вспыхнуло антикит. восстание, возглавленное тибет. феодалами, к-рое продолжалось до августа. 21 апр. Юань Ши-кай издал декрет о том, что Тибет, Монголия и Восточный Туркестан являются неотъемлемой составной частью Китайской Республики. Был отдан приказ войскам провинций Сычуань и Юньнань начать военный поход с целью превратить Тибет в кит. провинцию. По пути войска жестоко расправлялись с местным населением. В авг. 1912 Англия потребовала от кит. пр-ва вывести войска из Тибета: «если кит. пр-во не согласится выполнить вышеуказанные требования, то англ. пр-во откажется признать Китайскую Республику». Юань Ши-каю намекнули, что если Китай пошлет войска в Тибет, то Англия также пошлет туда свои войска и займет важнейшие стратегич. пункты. Юань Ши-кай вынужден был отдать приказ войскам прекратить наступление на Тибет. В Лхасу с согласия далай-ламы и его окружения, в это время уже ориентировавшихся на Англию, вступил 3-тыс. англ. отряд. Прокитайские деятели в Тибете были отстранены от власти, нек-рые казнены. Последние кит. стражи оставили Тибет в янв. 1913. Тибет стал фактически независимым. Далай-лама стал создавать тибет. армию.

В мае 1915 пр-во Юань Ши-кая приняло кабальное для Китая «21 требование» Японии, что было воспринято как предательство нац. интересов.

В том же году он развернул широкую кампанию за провозглашение себя императором. Несмотря на рекомендации Англии, Японии, России, Франции и Италии «временно отложить изменение формы правления во избежание возможных беспорядков», 11 дек. 1915 Юань Ши-кай издал указ о своем вступлении на престол (на проведение коронации было ассигновано 20 млн. юаней), к-рый вызвал в стране широкое антимонархич. движение. Военные руководители ряда провинций (Юньнань, Сычуань, Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу) заявили о своей независимости от Пекина и потребовали отречения Юань Ши-кая от престола, отказалась его поддержать и Япония. 8 марта 1916

Юань Ши-кай вынужденно заявил об отказе от восстановления монархии, 22 марта издал декрет об «отмене» монархии, а 6 июня внезапно умер (есть предположение, что он принял яд). Его внезапная смерть сняла вопрос о реставрации монархии.

** *Белов Е.А.* Краткая история Синьхайской революции 1911–1913 гг. М., 2001; *он же.* Революция 1911–1913 гг. в Китае. М., 1958; *он же*: Россия и Китай в начале в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997; *он же.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999; *Жуков В.В.* Китайский милитаризм в 10–20-е годы XX в. М., 1988; *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917 гг.). М., 1972; *Кузнецов В.С.* Юань Ши-кай // ВИ. 2002, № 8, с. 39–58; *Ли Шу.* Политическая жизнь Китая в период революции 1911 года. М., 1956; *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005; *Никифоров В.Н.* Первые китайские революционеры. М., 1980; *он же.* Очерки истории Китая, II тысячелетие до н.э. — начало XX столетия. М., 2002; Новая история Китая. М., 1972; *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. 2-е изд., доп. М., 1980; *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901. М., 1955; *Чудодеев Ю.В.* Накануне революции 1911 г. в Китае: Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1966; *Чжан Сюэ-цзи.* Юань Ши-кай му фу (Штаб Юань Ши-кая). Пекин, 2005; The Cambridge History of China. Vol. 10–11 / Ed. by D. Twitchett, J.K. Fairbank. Cambr., 1978–1980; *Chen J.* Yuan Shih-kai (1859–1916): Brutus Assumes the Purple. L., 1961; *MacKinnon S.R.* Power and Politics in Late Imperial China: Yuan Shi-kai in Beijing and Tianjin, 1901–1908. Berk., 1980; *Young E.P.* The Presidency of Yuan Shih-kai: Liberalism and Dictatorship in Early Republican China. Ann Arbor, 1977.

В.Н. Усов

«ЮН-ЛЭ ДА ДЯНЬ»

永樂大典

«Юн-лэ да дянь» — «Энциклопедия [годов] Юн-лэ», «Важнейшие сочинения периода правления Юн-лэ». Самое большое по объему произведение в письменной культуре Китая, состоявшее из 22 877 цз., 11 095 томов (*цэ* [*I*]), 370 млн. иероглифов. Относится к особому типу изданий справочного характера **лэй шу**. Подготовлено по распоряжению Чэн-цзу (Чжу Ди), третьего императора дин. Мин (1368–1644), правившего под девизом Юн-лэ (1403–1424). В 1403 по его приказу была образована комиссия из 147 ученых во главе с членом **Ханьлинь академии** (см. т. 1) Се Цзинем (1369–1415), назначенным гл. редактором (*цзунцай*), для составления свода всех существовавших в то время сочинений, включая канонические, исторические, философские, художественные, буддийские, даос. произведения, труды по астрономии, географии, медицине, архитектуре, ремеслам и искусству. Через 17 месяцев, в 1404, завершенная комиссией энциклопедия была представлена императору, к-рый первоначально дал ей назв. «Великий литературный свод» («Вэнь сянь да чэн»). Однако уже в 1405 Чэн-цзу распорядился о переработке энциклопедии. Была создана новая комиссия под рук-вом трех гл. редакторов Яо Гуансяо (1335–1418), Лю Цзи-чи и Се Цзиня. 28 известных ученых — Ван Цзин, Цзоу Цзи и др. были назначены зам. гл. редакторов (*фу цзунцай*); всего было приглашено почти 3 тыс. составителей и переписчиков со всех концов Китая. Составители были допущены в императорскую б-ку Вэньюаньгэ и нек-рые др. гос. и частные книгохранилища, где они отобрали 7–8 тыс. произведений, написанных с древности до кон. эпохи Юань (XIV в.). Материалы в «Юн-лэ да дянь» располагались не по категориям (*лэй*), как обычно было принято в *лэй шу*, а в порядке знаков словаря «Правильные рифмы [годов] Хун-у» («Хун-у чжэн юнь», 1375). Каждый раздел представлял собой собр. выдержек (а иногда и целых глав) из разнообр. сочинений на одну общую тему, обозначенную иероглифом-названием раздела. Работа по составлению энциклопедии проходила в Нанкине. Пространный труд, одно оглавление к-рого занимало 60 цз., был представлен императору в нач. 1408. Чэн-цзу его утвердил, присвоил назв. «Юн-лэ да дянь» и снабдил собств. предисловием.

Дальнейшая судьба «Юн-лэ да дянь» сложилась драматически. Первоначально текст хранился в б-ке Вэньюаньгэ в Нанкине, а в 1421 был перевезен в Пекин и помещен в хранилище Вэньлоу. После пожара 1557 с оригинала (*чжэн бэнь*) сняли копию (*фу бэнь*), к-рую поместили в каменное здание императорского ист. архива Хуаншичэн в Пекине. Все тома копии помечали словами «повторно записано» (*чун лу*), ее создавали в 1562–1567 108 переписчиков (для них была установлена норма 3 страницы в день) под рук-вом Сюй Цзе и Гао Гуна. Впоследствии долгое время ошибочно считалось, что с осн. текста было снято две копии. Оригинал «Юн-лэ да дянь» был утрачен, очевидно, в кон. Мин, с того же времени начинает уменьшаться кол-во томов его копии. В правление цинского Юн-чжэна (1723–1735) оставшиеся тома передали в академию *Ханьлинь*. К кон. XIX в. сохранилось лишь около 600 томов (*цэ* [*Г*]) энциклопедии. Большие потери она понесла во время междунар. оккупации Пекина в 1860 и в 1900, когда часть томов была вывезена в Европу, США и Японию. В итоге, согласно данным, опубликованным Пекинской б-кой, в 1926 в Китае сохранилось лишь 285 томов «Юн-лэ да дянь». Благодаря усилиям кит. ученых к наст. времени удалось собрать и издать 797 цз. энциклопедии, включая тома, предоставленные зарубеж. востоковедными б-ками.

***** Юн-лэ да дянь (Энциклопедия [годов] Юн-лэ). Пекин, 1960, 1986; Юн-лэ да дянь соинь (Указатель к «Энциклопедии [годов] Юн-лэ»). Пекин, 1997. ****** *Маракуев А.В.* Каталог китайских рукописей в библиотеке Дальневосточного отделения АН СССР. Владивосток, 1932, с. 30–32; [Работа ДВ филиала АН СССР. Библиотека] // Вестн. Дальневост. филиала АН СССР. 1932, № 3–4, с. 67–68; *Флуг К.К.* Две заметки о новых поступлениях в рукописный отдел Института востоковедения // Библиогр. Востока. Вып. 10 (1936). М.–Л., 1937, с. 131–138; *Го Бо-гун.* Юн-лэ да дянь као (Исследование «Энциклопедии [годов] Юн-лэ)». Тайбэй, 1967; Сюэ хэн (Научный курс). 1924, № 26; Тушугуань сюэцзикань (Бюллетень [Национальной] библиотеки). 1926, т. 2, № 3–4; *Чжан Чэнь-ши.* Юн-лэ да дянь ши хуа (История «Энциклопедии [годов] Юн-лэ»). Пекин, 1986; Чжунго шисюэ минчжу тицзе (Аннотированное описание знаменитых произведений китайской историографии) / Ред. Чжан Шунь-хуй. Пекин, 1984, с. 416–418; Юн-лэ да дянь бяньцзуань 600 чжоунянь гоцзи яньтаохуй луньвэнь цзи (Сборник докладов междунар. симпозиума, посвященного 600-летию составления «Энциклопедии [годов] Юн-лэ»). Пекин, 2003; *Wylie A.* Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and a List of Translations from the Chinese into Various European Languages. Shanghai–London, 1867, p. 148–149.

И.Ф. Попова

ЯН ШАН-КУНЬ

楊尚昆

Ян Шан-кунь. 03.08.1907, уезд Туннань пров. Сычуань, — 14.09.1998, Пекин. Гос. деятель, Председатель КНР в 1988–1993.

Учиться начал дома с 6 лет, затем в частной школе в Чэнду. В 1915, переехав с родными в Чунцин, поступил в частную начальную школу, в 1920 — в пед. училище. В 1925, закончив училище, вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а весной 1926 — в ряды КПК. В том же году поступил в Шанхайский ун-т. В 1927 был направлен в Москву в Ун-т им. Сунь Ят-сена, где учился под псевд. Салтыков. В 1929 в Москве женился.

В 1930 большинство слушателей КУТК, прибывших в кон. 1927 — нач. 1928, закончили 2-годичный курс, их средний возраст составлял 26–27 лет. Кроме интенсивной языковой подготовки (русский и один из зап. языков) 2-годичная программа КУТК включала курсы по ист. и диалектич. материализму, истории революц. борьбы в странах Запада, истории кит. революции, курсы парт. и профсоюзного строительства и общей военной подготовки. По общему признанию, эта программа была довольно эффективна. Из слушателей КУТК вышла группа видных теоретиков КПК, организаторов работы партии в советских, а затем освобожденных районах Китая. Нек-рые из слушателей, в т.ч. Ян Шан-кунь, **Чжан Вэнь-тянь** и Цинь Бан-сянь (Бо Гу), в 1928 активно сотрудничали с московским НИИ по Китаю, переводили материалы КУТК,

работы основоположников марксизма-ленинизма. Позднее Ян Шан-кунь поступил в аспирантуру. Подготовка кадров КУТК проходила в острой идейно-полит. борьбе, к-рая отражала обстановку в КПК накануне VI съезда: дробление на местные группировки и фракции, влияние левацких установок, «авангардизм» членов КСМК, пессимистич. настроения.

Против проявлений фракционности и сектантства, в защиту решений VI съезда КПК выступила группа кутковцев, выделявшихся своей общей и теоретич. подготовкой. Представители скрытой оппозиции и «авангардисты» из КСМК прозвали их истинными «28 большевиками» (*эршибагэ буэршивэйкэ*). В их числе оказались Ян Шан-кунь, Чжан Вэнь-тянь, Ван Цзя-сян, Цинь Бансянь, Ся Си и др. Это прозвище стало нарицательным.

В февр. 1931 Ян Шан-кунь вернулся в Шанхай, был назначен зав. отделом пропаганды Всекит. федерации профсоюзов, секретарем ее парт. фракции. С вторжением в Шанхай в 1932 яп. войск в городе была объявлена всеобщая забастовка, создан объединенный стачечный комитет. Народное антияпонское об-во Шанхая (*Шанхай миньчжун фань жи цзюго ляньхэхуй*), незадолго до этого запрещенное властями, вышло из подполья и приступило к формированию рабочих отрядов. В этих событиях активно участвовал Ян Шан-кунь. Рабочие отряды вместе с 19-й армией Гоминьдана вели ожесточенные сражения, но, обескровленные в боях, вынуждены были отступить.

Вскоре ЦК КПК направил Ян Шан-куня в пров. Цзянсу для поднятия массового антияп. движения. Осенью он был переведен в Отдел пропаганды ЦК КПК, где отвечал за связь с прогрессивными кит. орг-циями (Ассоциацией левых писателей, Лигой нац. спасения Китая, Лигой деятелей обществ. наук, Союзом защиты прав кит. народа и др.). В янв. 1933 Ян Шан-кунь, прибыв в Центр. советский р-н в Жуйцзине (пров. Цзянси), стал работать в отделе пропаганды и редактором таких парт. изданий как «Хунсэ Чжунхуа» («Красный Китай») и «Доучжэн» («Борьба»). В марте 1933 в Жуйцзине был создан Марксистско-коммунистич. ун-т, и Ян Шан-кунь стал его проректором.

С июня 1933 по 1937 — он зам. начальника политуправления 1-го фронта Красной армии Китая, политкомиссар полка 3-й армейской группировки (корпуса), зам. начальника Гл. политуправления РККА.

В янв. 1934 был избран канд. в чл. ЦК КПК; на II Всекитайском съезде Советов — чл. ЦИК Китайской Советской Республики. Участвовал в Великом походе Красной армии Китая, был начальником политуправления Шэньси-Ганьсуского отряда, начальником полевого управления Красной армии. На заседании Политбюро ЦК КПК в янв. 1935 в Цзуньи выступил с критикой Бо Гу и Ли Дэ и поддержал **Мао Цзэ-дуна**.

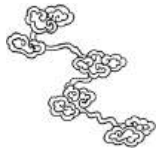
В 1937 стал зам. секретаря Северного бюро ЦК КПК, а в ноябре 1938 — секретарем. В период кампании за «упорядочение стиля» (*чжэн фэн*) в Яньани вместе с Бо Гу, Ло Фу, Ван Цзя-сяном и др. подвергся критике как представитель «линии **Ван Мина**» и Коминтерна.

В 1945 назначен начальником секретариата Военного совета ЦК КПК, зам. секретаря тылового комитета войск, непосредственно подчиненных ЦК партии. После 1948 занимал должности зав. Канцелярией ЦК КПК, секретаря парткома учреждений, непосредственно подчиненных ЦК, зам. зав. Секретариата ЦК КПК. С 1954 Ян Шан-кунь работает в Секретариате ЦК под непосредств. рук-вом **Дэн Сяо-пина**. В это же году избран чл. Постоянного Комитета ВК НПКСК (занимал этот пост до 1965).

На VIII съезде КПК в 1956 избран чл. ЦК КПК. Весной 1958 Ян Шан-кунь подвергся критике со стороны Мао Цзэ-дуна в связи с тем, что во время кампании «борьбы против правых» Секретариат ЦК занимал якобы «правую» позицию.

В 1957–1960 вместе с Дэн Сяо-пином и **Лю Шао-ци** принимал участие в подготовке и проведении Междунар. совещаний коммунистич. и рабочих партий в Москве.

После «большого скачка» (1958) в 1961 был принят курс на «урегулирование» народного хозяйства. 18–27 окт. 1961 было проведено совещание и принят спец. документ, где говорилось о сокращении администр. аппарата и пред-



лагалось сокращенных использовать на низовой работе в деревне, рабочими, продавцами, учителями сельских школ, тех, кто достиг пенсионного возраста, отправить на пенсию, часть — на работу в госхозы и коммуны. В связи с продовольственными трудностями в городах и невозможностью прокормить резко выросшее городское население по предложению **Чэнь Юня** было решено сократить население городов на 20 млн. чел., а также управленческий аппарат. 6 янв. 1962 была создана группа по сокращению населения городов, к-рую возглавил Ян Шан-кунь, а 22 февр. он же возглавил спец. малую группу ЦК КПК по сокращению штатов. 6–9 февр. 1963 состоялось совещание первых секретарей региональных бюро ЦК КПК, на к-ром Ян Шан-кунь выступил с докладом о проделанной работе: по всей стране число рабочих и служащих уменьшилось более чем на 18 870 тыс. чел.

В 1965 Ян Шан-кунь был избран чл. ПК ВСНП, в том же году назначен секретарем комитета КПК пров. Гуандун.

Ян Шан-кунь одним из первых пострадал в ходе **«культурной революции»**. О приостановлении его деятельности в Секретариате ЦК КПК было принято решение уже 23 мая 1966. На следующий день в «Пояснениях ЦК КПК относительно ошибок тов. Лу Дин-и и Ян Шан-куня» говорилось, что последний «активно участвовал в антипарт. деятельности», и была сформирована спец. комиссия по расследованию этого дела. Она вскоре предъявила ему серьезные обвинения в «заговорщицкой, антипарт. деятельности». 12 дек. 1966 по наущению Цзян Цин (см. **Сы жэнь бан**) **хунвэйбины** устроили на Рабочем стадионе в Пекине грандиозный митинг-судилище над Ян Шан-кунем, Ло Жуй-цином, Пэн Чжэнем и Лу Дин-и. 10 лет Ян Шан-кунь находился под негласным арестом. 18 июля 1975 он написал личное письмо Мао Цзэ-дуну, отвергая выводы «спецгруппы», однако ответа не последовало.

На III пленуме ЦК КПК 11-го созыва, состоявшемся в дек. 1978, Ян Шан-куня официально реабилитировали. Он был назначен вторым секретарем парткома пров. Гуандун и первым секретарем парткома и пред. ревкома г. Гуанчжоу. 4 сент. 1979 на IV пленуме 11-го созыва он был кооптирован в чл. ЦК КПК, в сент. 1980 на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва избран зам. пред. ПК ВСНП и по совместительству ген. секретарем, секретарем партгруппы рук-ва аппарата. В 1981 Ян Шан-кунь стал чл. ПК Военного совета ЦК КПК, а в июне 1983 назначен зам. пред. ПК Центр. Военного совета и по совместительству гл. секретарем, зам. начальника, затем начальником руководящей группы по делам Тайваня при ЦК. Он принимал активное участие в модернизации НОАК, создании совр. родов и видов войск.

На XII съезде КПК в 1982 Ян Шан-кунь был избран чл. ЦК КПК, в 1984 — чл. руководящей группы ЦК КПК по подготовке и написанию истории партии. На XIII съезде КПК в 1987 возглавил группу делегатов съезда от НОАК, был избран чл. ЦК КПК; на I пленуме ЦК КПК 13-го созыва — чл. Политбюро ЦК КПК; на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва в апр. 1988 — Председателем КНР (занимал эту должность до 1993), утвержден зам. пред. Центр. военного совета. Принимал участие в работе XIV и XV съездов КПК.

На торжеств. заседании в Пекине 20 авг. 2007 по случаю 100-летия со дня рождения Ян Шан-куня Ген. секретарь ЦК КПК **Ху Цзинь-тао** охарактеризовал его как великого революционера, убежденного марксиста и выдающегося деятеля, внесшего важный вклад в дело строительства и реформы в Китае.

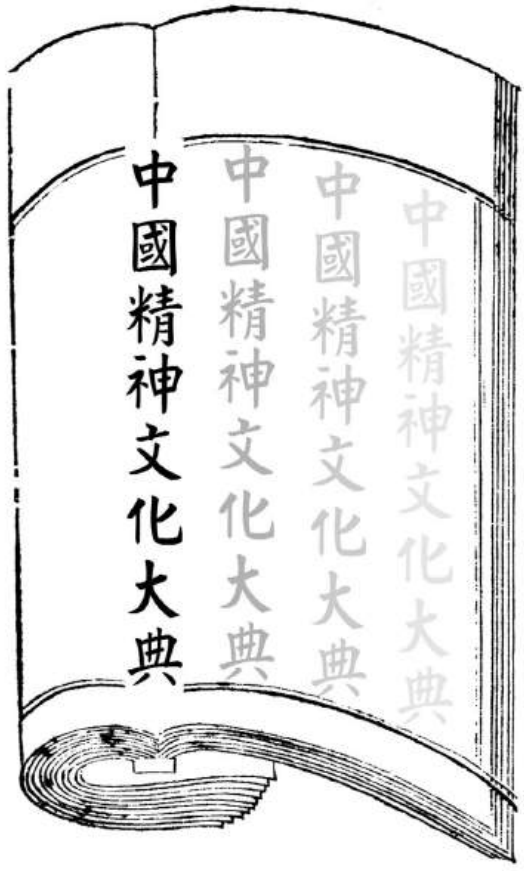
* *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977; Вэньгэ данъань (Архив «культурной революции»): В 2-х кн. Пекин, 2004.

** *Григорьев А.М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 — сентябрь 1931 г.). М., 1976; *Ли Чжисуй.* Мао Цзэдун: Записки личного врача. Минск, 1996; Ян Шан-кунь // 40 лет КНР. М., 1989, с. 507–508; Лицзе Чжунгун чжунян вэйюаньжэнь мин цыдянь, 1921–1987 (Словарь членов ЦК КПК всех созывов, 1921–1987). Пекин, 1992, с. 126–127; Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ (Справочные материалы по Китайской Народной Республике). Пекин, 1999; The Economist. 1998. October 3rd, p. 153.

В.Н. Усов

丙

Справочный раздел



Список сокращений

т. 1 — Духовная культура Китая: Энциклопедия. [Т. 1]. Философия. М., 2006
т. 2 — Духовная культура Китая: Энциклопедия. [Т. 2]. Мифология. Религия. М., 2007
т. 3 — Духовная культура Китая: Энциклопедия. [Т. 3]. Литература. Язык и письменность. М., 2008

Основные сокращения

абс. — абсолютный
авг. — август
авт. — автор
азиат. — азиатский
акад. — академик
амер. — американский
англ. — английский
апр. — апрель
АР — автономный район
араб. — арабский
архим. — архимандрит
б-ка — библиотека
библиогр. — библиография, библиографический
буд. — буддийский
букв. — буквально
бурж. — буржуазный
вар. — вариант
введ. — введение
ввод. — вводный
венг. — венгерский
вестн. — вестник
внеш. — внешний
ВНП — валовый национальный продукт
внутр. — внутренний
вол. — волость
вост. — восточный
вступ. — вступительный
в т.ч. — в том числе
гл. — главный
гл. обр. — главным образом
гол. — голландский
гор. — городской
гос. — государственный
гос-во — государство
греч. — греческий
даос. — даосский
дек. — декабрь
дер. — деревня
диал. — диалект
дин. — династия, династийный
дип. — дипломатический
дис. — диссертация
докл. — доклад, доклады
доп. — дополненный
д-р — доктор
др. — другой, другие
др.-кит. — древнекитайский
европ. — европейский
журн. — журнал
зав. — заведующий
зам. — заместитель
зап. — западный
избр. — избранный
изв. — известный
изд. — издание
изд-во — издательство
ил. — иллюстрация
им. — имени
имп. — император, императорский
инд. — индийский
иностр. — иностранный
ин-т — институт
исп. — испанский
испр. — исправленный
исслед. — исследование
ист. — исторический
итал. — итальянский
канад. — канадский
канд. — кандидат
кит. — китайский
к.-л. — какой-либо
к.-н. — какой-нибудь
кн. — книга
коммент. — комментарий, комментированный
кон. — конец
конф. — конфуцианский; конференция
кор. — корейский
крест. — крестьянский
к-рый — который
л. — лист, листы
лат. — латинский
лит. — литературный
лит-ра — литература
макс. — максимальный
м.б. — может быть
маньчж. — маньчжурский
междунар. — международный
митр. — митрополит
млн. — миллион
мн. — многие
монг. — монгольский
моск. — московский
назв. — название, названный
напр. — например
нар. — народный
наст. — настоящий
науч. — научный
нац. — национальный
нач. — начало, начальный
нек-рый — некоторый
нем. — немецкий
неск. — несколько
нидерл. — нидерландский
нояб. — ноябрь
об-во — общество
обл. — область, областной
обраб. — обработка, обработанный
общ. — общий
ок. — около
окт. — октябрь, октябрьский
опубл. — опубликован, опубликованный
орг-ция — организация
ориг. — оригинальный

осн. — основной
отв. — ответственный
отд. — отдельный, отдел
отд-ние — отделение
офиц. — официальный
парт. — партийный
пер. — перевод
перераб. — переработанный
перс. — персидский
п-ов — полуостров
пол. — половина
полит. — политический
послеслов. — послесловие
прав. — правил
пр-во — правительство
пред. — председатель
предисл. — предисловие
прил. — приложение
примеч. — примечание
пров. — провинция
произв. — произведение
пром. — промышленный
проф. — профессор
псевд. — псевдоним
р-н — район
разд. — раздел
разл. — различный
ред. — редакция, редакционный, редактор
редкол. — редколлегия
религ. — религиозный
респ. — республиканский
реф. — реферативный, реферат
род. — родился
рос. — российский
рук. — руководитель
рум. — румынский
рус. — русский
санскр. — санскритский
сб. — сборник
сев. — северный
сент. — сентябрь
сер. — середина; серия
сиб. — сибирский
след. — следующий
собр. — собрание
собств. — собственный
совм. — совместно
совр. — современный
сокр. — сокращенно, сокращенный
сост. — составитель
соц. — социальный
соч. — сочинение
спец. — специальный
ср.-век. — средневековый
ср. века — средние века
ст. — статья
стер. — стереотипный
стихотв. — стихотворение, стихотворный
с.-х. — сельскохозяйственный
т. — том, тома
тангут. — тангутский
тв-во — творчество
темат., тематич. — тематический
т.зр. — точка зрения
тибет., тиб. — тибетский
т.к. — так как
т.н. — так называемый
т.о. — таким образом
тр. — труды
тыс. — тысячелетие, тысяча
указ. — указатель
ум. — умер
ун-т — университет
учеб. — учебный
уч. зап. — ученые записки
фак-т *см.* ф-т
февр. — февраль
феод. — феодальный
филол. — филологический
филос. — философский
франц. — французский
ф-т, фак-т — факультет
хоз. — хозяйственный
хоз-во — хозяйство
худ. — художественный
центр. — центральный
цз. — цзюань
цит. — цитата, цитируемый
чл. — член
чл.-кор. — член-корреспондент
швед. — шведский
яз. — язык
янв. — январь
япон., яп. — японский

Названия учреждений и организаций

АН СССР — Академия наук СССР
АОН — Академия общественных наук
БАК — Буддийская ассоциация Китая
БИОН — Бурятский институт общественных наук Сибирского отделения РАН
Бурят. кн. изд-во — Бурятское книжное издательство
ВАРЛИ — Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства по отпору врагу
ВГБИЛ — Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы. М.
ВК — Всекитайский комитет
ВКДФЖ/ВКФЖ — Всекитайская демократическая федерация женщин
Вост. лит. — Издательская фирма «Восточная литература» РАН
ВСНП — Всекитайское собрание народных представителей
ВФП — Всекитайская федерация профсоюзов
ГМВ — Государственный музей Востока. М.
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
ИВЛ — Издательство восточной литературы
ИВ РАН — Институт востоковедения РАН
ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН. СПб.

丙

ИДВ — Институт Дальнего Востока АН СССР (ныне РАН)
Изв. АН СССР — Известия АН СССР. М.
ИКАН — Институт китаеведения АН СССР
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (Исполком Коминтерна)
ИЛ — Издательство иностранной литературы
ИМЛИ — Институт мировой литературы АН СССР (ныне РАН)
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН СССР (ныне РАН)
ИСАА — Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КПК — Коммунистическая партия Китая
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МГИМО — Московский государственный институт международных отношений МИД СССР/РФ
МИД — Министерство иностранных дел
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
НИИ — научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НОАК — Народно-освободительная армия Китая
НПКСК — Народный политический консультативный совет Китая
НРА — Национально-революционная армия
ОКСД — Общество китайско-советской дружбы
Петерб. востоковедение — Центр «Петербургское Востоковедение»
ПК — Постоянный комитет
РАН — Российская академия наук
РГБ — Российская Государственная библиотека
СКП — Союз китайских писателей
СНП — Собрание народных представителей
СПбГТУ — Санкт-Петербургский государственный технический университет
СПбФ ИВ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН (ныне Институт восточных рукописей РАН)
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЦНПС — Центральный народный правительственный совет

Место издания (город, штат)

Л. — Ленинград
М. — Москва
Новосиб. — Новосибирск
Пг. — Петроград
Ростов н/Д — Ростов-на-Дону
СПб. — Санкт-Петербург

B. — Berlin
Berk. — Berkeley
Bost. — Boston
Brux. — Bruxelles
Cambr. — Cambridge
Chic. — Chicago
Fr./M. — Frankfurt-am-Main
Hamb. — Hamburg
Ill. — Illinois
L. — London
Los Ang. — Los Angeles
Lpz. — Leipzig
Mass. — Massachusetts
N.J. — New Jersey
N.Y. — New York
Oxf. — Oxford
P. — Paris
Phil. — Philadelphia
Princ. — Princeton
S.F. — San Francisco
Stanf. — Stanford
Stockh. — Stockholm
Wash. — Washington

Периодические и продолжающиеся издания, книжные серии

ААС — Азия и Африка сегодня. М.
В. — Восток. М.
ВА — Восточный альманах. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВК — Восточная коллекция. М.
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета. Л.
ВМУ — Вестник Московского университета. М.
ВП — Вэньсюэ пинлунь (Литературное обозрение). Пекин
ВУ — Вэнь у (Культурное наследие. Пекин
ВФ — Вопросы философии. М.
ВШЧ — Вэнь ши чжэ (Литература, история, философия). Пекин
ЖМП — Журнал Московской патриархии. М.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
ИБ — Информационный бюллетень / РАН. Институт Дальнего Востока. М.
ИИИСАА — Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л./СПб.

ИЛ — Иностранная литература. М.
ИМ. Сер. В. — Информационные материалы. Серия В: Общество и государство в Китае в ходе реформ / РАН. Институт Дальнего Востока. М.
ИМ. Сер. Г — Информационные материалы. Серия Г: Идейно-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации / РАН. Институт Дальнего Востока. М.
ИМ. ИТТ *см.* ИМ. Сер. Г.
ИМЭИ — Информационные материалы: Экспресс-информация / АН СССР. Институт Дальнего Востока. М.
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН
КБ — Китайский благовестник. М.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
КЭТ — Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.
МНК. ККЦиМ — Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы». М.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
НК ОГК — Научная конференция «Общество и государство в Китае». М.
ННИ — Новая и новейшая история. М.
ПВ — Петербургское востоковедение. СПб.
ПДВ — Проблемы Дальнего Востока. М.
ПП и ПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.–Л.
Р. — Религиоведение. Благовещенск–Москва
СББЯ — Сы бу бэй яо (Главные в полноте [всех произведений] по четырем разделам), серия. Шанхай, Пекин, 1936
СБЦК — Сы бу цун кань (Собрание публикаций по четырем разделам), серия. Шанхай, Пекин, 1929–1937
ТПИЛДВ — Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока (сб. статей; науч. конф.)
ТСД — Тайсё синсю дайдзокё 大正新脩大藏經 (Заново отредактированное собрание сутр [годов] Тайсё). Токио, 1924–1931
ТЧРДМ — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб.
ЦШЦЧ — Цун шу цзи чэн (Корпус классических книг), серия. Шанхай, Пекин, 1935
ЧЦЦЧ — Чжу цзы цзи чэн (Корпус философской классики), серия. Т. 1–8. Шанхай, Пекин, 1935 (Пекин, 1988)
ЭИ — Экспресс-информация / РАН. Институт Дальнего Востока. М.
ЮВС — Юй вэнь сюэси (Изучение языка и литературы). Пекин

BEFEO — Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Hanoï (Paris–Saïgon)
BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquites (Ostasiatiska Sammlingarna). Stockh.
BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)
CQ — China Quarterly
EC — Early China. Berk.
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambr. (Mass.)
HR — History of Religions
JA — Journal asiatique. P.
JAS — Journal of Asian Studies. Ann Arbor
JAOS — Journal of the American Oriental Society. New York–New Haven
JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
JCP — Journal of Chinese Philosophy. Honolulu
JNCBRAS — Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. Shanghai
PEW — Philosophy East and West. Honolulu
TP — T'oung Pao, ou Archives concernent l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris–Leiden

Библиография

Книги по исторической, политической и правовой мысли Китая

(избранная литература на русском языке)*

Источники

Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. 1: Античность. Восточные цивилизации. М., 1999.

Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы, VI–IV вв. до н.э. / Вступ. ст., пер. и коммент. Л.Д. Позднеевой. М., 1967.

Бамбуковые анналы: древний текст: (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика, А.И. Таркиной. М., 2005.

Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / Сост., науч. ред., авт. предисл. и примеч. К.М. Тертицкий. М., 2002. Перепеч. изд.: СПб., 1848.

Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М., 2002. Перепеч. 1842.

Васильев В.П. История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в. с приложением перевода известий о киданях, чжурчжэнях и монголах. СПб., 1859.

Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств»: (Исследование и переводы). М., 1968.

Го юй (Речи царств) / Пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987.

Двенадцать царств. Факсимиле рукописи / Изд. текста, исслед., пер. с тангут., коммент., табл. и указ. К.Ю. Солонина. СПб., 1995.

Древнекитайская философия: Собр. текстов: Пер. с кит.: В 2 т. / Сост. Ян Хиншун; Вступ. ст. В.Г. Бурова, М.Л. Титаренко. М., 1972–1973, 1994.

Древнекитайская философия: Эпоха Хань: Собр. текстов: Пер. с кит. / Сост. Ян Хиншун; Вступ. ст. В.Г. Бурова. М., 1990.

Духовный опыт Китая / Сост., пер. с кит. и коммент. В.В. Малявина. М., 2006.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В.С. Таскина. М., 1979.

Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли): В 2 ч. / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. М., 1997–2002.

Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий: (Синь бянь у-дай ши пинхуа) / Пер. с кит., исслед. и коммент. Л.К. Павловской. М., 1984.

Зенгер Х. фон. Стратагемы: о китайском искусстве жить и выживать: Впервые полное современное прочтение всех знаменитых стратагем, истинного воплощения трехтысячелетней мудрости: В 2 т. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. В.С. Мясникова. М., 2004.

Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1898): Пер. с кит. / Под общ. ред. Н.Г. Сенина, Ян Хиншуна. М., 1961.

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169): В 4 кн. / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. М., 1987–1989.

Искусство властвовать: [*Ли Гоу.* План обогащения государства. План усиления армии. План успокоения народа / Пер. с кит. З.Г. Лапиной; *Лю Шао.* О человеческом существе / Пер. с кит. Г.А. Зиновьева]. М., 2001.

Искусство управления / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М., 2003.

История Великой Железной империи: (Дайляо гуруни судури) / Пер. с маньчж. и коммент. Л.В. Тюрюминой // История Железной империи. Новосиб., 2007. С. 41–176.

История Золотой империи / Пер. с маньчж. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина; отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосиб., 1998.

Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. с кит. и коммент. Э.М. Яншиной. М., 1977, 2004.

Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева / Отв. ред., авт. вступ. ст. и коммент. Л.З. Эйдлин. М.: АН СССР, 1958, 1959.

Китайское уложение: В 2 ч. / Пер. с маньчж. А. Леонтьева (Леонтиева). СПб., 1778.

Классическое конфуцианство: Лунь юй. Мэн-цзы. Сюнь-цзы: В 2 т. СПб.; М., 2000. Т. 1: *Конфуций.* Лунь юй / Введ., пер., коммент. и ст. А.С. Мартынова; Т. 2: Мэн-цзы. Сюнь-цзы / Введ., пер., коммент. и ст. И.Т. Зограф.

Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл. Л.С. Переломова. М., 1968, 1993.

Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве: Пер. и исслед. М.–Л., 1950.

Конрад Н.И. У-цзы. Трактат о военном искусстве: Пер. и коммент. М., 1958.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 07-01-00183а.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; отв. ред. и авт. вступ. ст. Л.С. Переломов. М., 2004.

Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. с кит. и примеч. Н.И. Монастырева; исслед. Д.В. Деопика, А.М. Карапетьянца. М., 1999.

Линь Цзэ-сюй. Основные сведения о Российском государстве. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. С.Ю. Врадий. Владивосток, 1996.

Литература Древнего Востока: Иран, Индия, Китай: Тексты. М., 1984.

Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосиб., 1981.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосиб., 1989.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. с кит., коммент. В.С. Таскина. М., 1984.

Материалы по истории кочевых народов в Китае, III–V вв.: В 4 вып. / Пер.с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М., 1989–1992. Вып. 1–3.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам): В 2 вып. / Пер.с кит., предисл. и примеч. В.С. Таскина. М., 1968–1973.

Материалы по экономической истории Китая в раннее Средневековье: (Раздел «Ши хо чжи» из династийных историй) / Пер. с кит. А.А. Бокщанина, Лин Кюнъи; ред., вступ. ст. и коммент. А.А. Бокщанина. М., 1980.

Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй»: Исслед., пер. с кит., коммент.; Факсимильный текст «Лунь юя» с комментариями Чжу Си. М., 1998.

Синицын Е.П. Материалы по экономической истории династии Хань (III в. до н.э. — I в. н.э.): Пер. главы «Ши хо чжи» из «Цянь Хань шу». М., 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 31646.

Страны и народы Востока / РАН. Вост. комис. Рус. геогр. о-ва и др.; Вып. 32, кн. 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исслед. и пер. / Ю.Л. Кроль, М.Е. Ермаков, Е.А. Торчинов. М., 2005.

Сунь Цзы. Искусство стратегии: Древнекитайские трактаты, ставшие основой целого ряда управленческих теорий / Пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М., 2006.

Сыма Цянь. Избранное / Пер. с кит. В. Панасюка; общ. ред., предисл. и коммент. Л.И. Думана. М., 1956.

Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки): Избранное: В 2 т. / Пер. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 2006.

Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»): В 8 т. М., 1972–2002. [Т. 1–2 в пер. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина; Т. 3–7 в пер. Р.В. Вяткина; Т. 8 в пер. Р.В. Вяткина, А.М. Карапетьянца]. То же. Т. 1–2. 2-е изд. 2001–2003.

Тайцин гурунь и ухери коли, то есть Все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства: В 3 т. / Пер. с маньчж. А. Леонтьев (Леонтиев). СПб., 1781–1783.

Тридцать шесть стратагем: Китайские секреты успеха / Пер. с кит. В.В. Малявина. М., 1998.

Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»): [В 3 т.] / Пер. с кит., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 1999–2005.

Уложение китайской палаты внешних сношений: В 2 т. / Пер. с маньчж. С. Липовцов. СПб., 1828.

Установление о соли и чае / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Н.П. Свистуновой. М., 1975.

Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: Исследование и перевод. М., 1976.

Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы: Исследование, перевод, размышления китаеведа. 2-е изд., доп. и испр. М., 2005.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В.В. Струве, Д.Г. Редера. М., 1963.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. Ч. 2. М., 1980.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и коммент. А.А. Вигасина. М., 1997.

Хрестоматия по истории Китая в Средние века (XV–XVII вв.) / Ред. Л.В. Симоновская, К.В. Лепешинский. М., 1960.

Хрестоматия по истории Средних веков: В 2 т. / Под ред. С. Сказкина. М., 1961–1963.

Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. 1 / Пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. СПб., 1997. То же: В 2 т. М., 2001.

Цааджин бичиг («Монгольское уложение»): Цинское законодательство для монголов, 1627–1694. Монгольский текст / Введ., транслит., пер. и коммент. С.Д. Дылыкова. М., 1998.

Чжао Хун. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. М., 1975.

Чжоу Цюй-фэй. За хребтами: вместо ответов = Лин вай дай да / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова. М., 2001. В кн. также: *Фань Чэн-да.* Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод (Гуйхай юйхэн чжи). [Описание южных земель сунского Китая и иноземных стран.]

Чэнь Чэн, *Ли Сянь*. Описание иностранных государств на Западе [«Си юй фань го чжи»]: Герат / Пер. с кит. Б.И. Панкратова; Публ., предисл. и примеч. Ю.Л. Кроля // Страны и народы Востока. 1989. Вып. 26, кн. 3. С. 101–116. То же: [полный вариант] // Там же. 1998. Вып. 29. С. 245–274.

Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В.М. Алексеева: В 2 кн. М., 2006. Кн. 1 / Ст. и примеч. Л.З. Эйдлина, Л.Н. Меньшикова: отв. ред. Л.Н. Меньшиков; Кн. 2 / Ст. А.С. Мартынова, И.А. Алимова; примеч. Л.З. Эйдлина, А.С. Мартынова, И.А. Алимова; отв. ред. А.С. Мартынов, И.А. Алимов.

Работы деятелей КПК

Материалы съездов

Ван Мин. Ленин, ленинизм и китайская революция. М., 1970.

Ван Мин. О событиях в Китае. М., 1969.

Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, 1979.

Ван Мин. Собр. соч.: В 4 т. / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. сост. Ван Даньчжи. М., 1984–1987.

Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: [Речи и беседы, сент. 1982 — июнь 1987 г.]. М., 1988.

Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой: Ст. и выступления. М., 1997, 2002.

Ли Дачжао. Избранные произведения / Сост. и предисл. Н.Г. Сенин. М., 1989.

Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи / Сост., пер. с кит., предисл. и коммент. Ю.М. Гарушянца. М., 1965.

Лю Шао-ци. О проекте Конституции Китайской Народной Республики: Доклад на первой сессии ВСНП в Пекине 15 сент. 1954 г. Политический отчет ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая 15 сент. 1956 г. Отчетный доклад о работе ЦК КПК второй сессии VIII Всекитайского съезда партии 5 мая 1958 г. М., 1960.

Лю Шао-ци. Об интернационализме и национализме. М., 1949.

Лю Шао-ци. Политический отчет ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая 15 сент. 1956 г. М., 1956.

Мао Цзэ-дун. Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати [1950–1967]: В 6 вып. / Общ. ред. О. Борисова, М. Титаренко. М., 1975–1976.

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения: В 4 т. М., 1952–1953.

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения по военным вопросам. М., 1958.

Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. О новой демократии. О демократической диктатуре народа. М., 1960.

Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М., 1949.

Мао Цзэ-дун. Революция и строительство в Китае: [Речи и выступления]. М., 2000, 2002.

Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15–17 сент. 1956 г.). М., 1956.

Материалы и документы XII съезда КПК (1–11 сентября 1982 г.). М., 1983.

Пэн Бай (*Пэн Пай*). Записки Пэн Пая. М., 1936, 1938.

Пэн Бай (*Пэн Пай*). Красный Хайфын. М.–Л., 1932.

XVII Всекитайский съезд КПК. Офиц. док.: Полит. докл. ЦК и Устав партии. М., 2007. (ЭИ; № 11).

XIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, 25 окт. — 1 нояб. 1987 г.: [Материалы]. М., 1988.

Устав Коммунистической партии Китая: (Принят Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 26 сент. 1956 г.). М., 1956.

Фан Чжи-минь. Тюремные записки. М., 1959.

Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. М., 1952.

Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой: Сб. высказываний по темам: Пер. с кит.: В 3 т. М., 2002–2004.

Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность: Статьи и выступления. М.,1996, 2001, 2002.

Цюй Цю-бо. Избранное / Сост., пер., предисл. и примеч. М.Е. Шнейдера. М., 1975.

Цюй Цю-бо. Очерки и статьи / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. М.Е. Шнейдера. М., 1959.

Цюй Цю-бо. Публицистика разных лет: Пер. с кит. / Предисл. Л.П. Делюсина, Примеч. Л.П. Делюсина, М.Е. Шненйдера. М., 1979.

XVI Всекитайский съезд КПК: приход к власти четвертого поколения руководителей: [Офиц. материалы. Реф. сб.] М., 2003. (ИМ. Сер. В; Вып. 16).

Документы. Мемуары. Литература*

Абрамова Н.А. Методологические проблемы исследования политической культуры Китая и пути их решения. Чита, 2001.

Абрамова Н.А. Политическая культура Китая: традиции и современность. М., 2001.

Абрамова Н.А., *Юйшина Е.А.* Конфуцианский рационализм как духовный ресурс цивилизационного развития. Чита, 2005.

Ай Сы-ци. Лекции по диалектическому материализму. М., 1959.

Алабастер Е. Заметки и комментарии на китайское уголовное право. Владивосток, 1903.

Алимов И.А., *Ермаков М.Е.*, *Мартынов А.С.* Срединное государство: Введение в традиционную культуру Китая. М., 1998.

Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX века: Материалы науч. конф. М., 1999.

Ахметшин Н.Х. История уголовного права КНР. М., 2005.

* В раздел включены информационные издания Института Дальнего Востока РАН и Института научной информации по общественным наукам РАН.

Ахметшин Х.М., *Ахметшин Н.Х.*, *Петухов А.А.* Современное уголовное право КНР: Уголовный кодекс КНР. М., 2000.
Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007.
Барач Д. Дэн Сяопин. М., 1989.
Белов Е.А. Революция 1911–1913 годов в Китае. М., 1958.
Белоусов С.Р. Китайская версия «государственного социализма» (20-е–40-е гг. XX в.). М., 1989.
Белоусов С.Р. Судьба китайского марксиста: (К 100-летию со дня рождения Ли Дачжао). М., 1988.
Белякова А.М. Некоторые вопросы гражданского права Китайской Народной Республики. М., 1961.
Бирюлин Е.В. Охрана окружающей среды в КНР: экологическая ситуация, политика, право. М., 1994. (ИБ; № 6).
Бовин А.Е., *Делюсин Л.П.* Политический кризис в Китае: события и причины. М., 1968.
Богословский В.А., *Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984.
Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV в.: (Внутренняя политика). М., 1976.
Бокщанин А.А. Современные историки КНР о проблемах феодализма в Китае. М., 1998.
Бокщанин А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае: период Мин, 1368–1644. М., 1986.
Бокщанин А.А., *Непомнин О.Е.* Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М., 2002.
Борисов О.Б. Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы: Политический очерк. М., 1982.
Борисов О.Б. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах: К дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне. М., 1981, 1982.
Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005.
Боровкова Л.А. Царства «Западного Края» во II–I веках до н.э.: Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001.
Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков: Лян Цичао: теория обновления народа. М., 2001.
Борох Л.Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984.
Борох Л.Н. Союз возрождения Китая. М., 1971.
Бруннерт И.С., *Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910.
Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб. ст. М., 1987.
Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун, Цзян Цин и советник Дэн. М., 2002.
Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000.
Буров В.Г. Современная китайская философия. М., 1980.
Быков Ф.С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966.
В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927: Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введ. и примеч. А.И. Картунова. М., 2003.
Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
Васильев Л.С. Аграрные отношения и община в Древнем Китае. М., 1961.
Васильев Л.С. Древний Китай: В 3 т. М., 1995–2006.
Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.
Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли: (формирование основ мировоззрения и менталитета). М., 1989.
Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации: Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.
Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов: (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978.
Вельгус В.А. Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987.
Виленский-Сибиряков В. Гоминьдан: партия китайской революции. М.–Л., 1926.
Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности. М., 2005.
ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы: [1920–1937]: В 5 т. / Рук. работы М.Л. Титаренко (с рос. стороны) и др. М., 1994–2007. Загл. Т. 1 и 2: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. [Совм. рос.-нем. изд.]
Владимиров О.Е., *Рязанцев В.И.* Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна. М., 1969, 1973, 1975, 1980.
Владимиров П.П. Особый район Китая, 1942–1945. М., 1973, 1977.
Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики: В 2 т. / Под общ. ред. Г.В. Астафьева, А.М. Дубинского. М., 1974.
Внуков К.В. Советология КНР и советско-китайские отношения (1970–1990). М., 1992. (ИБ; № 8).
Воеводин Л.Д. Государственный строй Китайской Народной Республики. М., 1956.
Военная политика и военное строительство в Китае*:* современные проблемы: [Сб. реф. и пер.]. М., 2002. (ЭИ; № 5).
Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая: [Реф. сб.]. М., 2004. (ЭИ; № 1).

丙

Возможности и вызовы глобализации (взгляды китайских ученых): [Реф. сб.]. М., 2001. (ЭИ; № 8).
Волохова А.А. Основы китайской дипломатии. М., 2007.
Вооруженные силы КНР: История и современность / Рук. авт. коллектива А.М. Носков. М., 1989.
Вооруженные силы КНР и проблема Тайваня (история и современность): [Реф. сб.]. М., 2005. (ЭИ; № 3).
Вопросы национального строительства в КНР (80-е годы). М., 1993. (ИБ; № 1).
Вопросы теории социализма в китайской печати: [Реф. сб.]. М., 1991. (ИМЭИ; Вып. 3).
Воронцов В.Б. Судьба китайского Бонапарта [Чан Кайши]. М., 1989.
Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
Воскресенский Д.Н. Записки китайского дипломата о западных странах (Лондон–Санкт-Петербург: конец XIX в.). М., 2003.
Восток–Россия–Запад: Исторические и культурологические исследования: К 70-летию акад. В.С. Мясникова: Сб. ст. / Редкол.: С.Л. Тихвинский (отв. ред.) и др. М., 2001.
Востоковедение и мировая культура: К 80-летию акад. С.Л. Тихвинского: Сб. ст. / Редкол.: М.Л. Титатренко и др. М., 1998.
Врадий С.Ю. Линь Цзэсюй: патриот, мыслитель, государственный деятель цинского Китая. Владивосток, 1993.
Всемирная история и Восток: Сб. ст.: [К 70-летию акад. С.Л. Тихвинского] / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1989.
Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М., 2006.
Галенович Ю.М. История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых. М., 2007.
Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М., 2003.
Галенович Ю.М. Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. М., 2005.
Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005.
Ганшин В.Г. Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу: Особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР. М., 2004.
Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР, 50–60-е гг. М., 1980.
Глунин В.И. Третья гражданская революционная война в Китае (1946–1949): Очерк политической истории. М., 1958.
Го Мо-жо. Бронзовый век. М., 1959.
Го Мо-жо. Философы Древнего Китая: (Десять критических статей). М.,1961.
Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.
Го Шаотан (*Крымов А.Г.*). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990.
Гоминьдан и Тайвань: история и современность: Материалы науч. конф. М., 1999.
Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: Отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М., 1986.
Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосиб., 2006.
Горбачев Б.Н. Вооруженные силы Китая: Роль в общественно-политической жизни КНР в 1949–1979 годы. М., 1999. (ИБ; № 3).
Горбачев Б.Н. Социально-политическая роль китайской армии (1958–1969). М., 1980.
Горбунова С.А. Коммунистический интернационал и тактика КПК в национально-освободительном движении (1919–1924). М., 1988.
Горбунова С.А. Политика Коммунистической партии Китая в рабочем движении в условиях единого национального фронта (1921–1927). М., 1982. (ИБ; № 35).
Государственный строй Китайской Народной Республики / Отв. ред. Л.М. Гудошников. М., 1988.
Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб. ст. / Отв. ред. Г.Ф. Ким, К.З. Ашрафян. М., 1987.
Государство в истории общества: (К проблеме критериев государственности): Сб. ст. / Отв. ред Д.Н. Лелюхин, Ю.В. Любимов. М., 1998.
Государство и общество в Китае: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1978.
Государство на Древнем Востоке / Отв. ред. Э.А. Грантовский, Т.В. Степугина. М., 2004.
Гражданский кодекс Китайской Республики. М., 1948.
Гражданское законодательство КНР: [Сб. нормативных актов]. М., 1997.
Границы Китая: история формирования: [Монография] / Под общ. ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова. М., 2001.
Григорьев А.М. Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895–1905). М., 1966.
Григорьев А.М. Проблемы истории КПК и китайской революции (1917–1949) в маоистской историографии: Научно-аналитический обзор / ИНИОН АН СССР. М., 1980.
Григорьев А.М. Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг.: (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980.
Груссе Р. Чингисхан: покоритель вселенной. Изд. 4-е. М., 2008.
Грэй Дж.Г. История Древнего Китая. М., 2006.
Губайдулин В.М. Революционная власть в освобожденных районах Китая (1937–1945). Новосиб., 1981.
Гудошников Л.М. Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1960.
Гудошников Л.М. Местные органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1958.
Гудошников Л.М. Политический механизм Китайской Народной Республики. М., 1974.

Гудошников Л.М. Судебные органы Китайской Народной Республики. М., 1957.
Гудошников Л.М., *Кокарев К.А.* Гонконг — особая автономия Китая. М.,1999. (ИБ; № 8).
Гудошников Л.М., *Асланов Р.М.*, *Степанова Г.А.* Политическая система Китайской Народной Республики: (Структура основных институтов власти). М., 1996. (ЭИ; № 1).
Гудошников Л.М., *Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. М., 1997, 1999.
Гудошников Л.М., *Копков А.* Система государственной службы в Китайской Народной Республике. М., 2001.
Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
Далин С.А. Китайские мемуары, 1921–1927. 2-е изд. М., 1982.
Движение «4 мая» 1919 года в Китае: Документы и материалы / Пер. с кит., сост., авт. предисл. и примеч. Ю.М. Гарушянц. М., 1969.
Движение «4 мая» 1919 года в Китае: Сб. ст. / Редкол.: А.Г. Афанасьев и др. М.,1971.
Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М., 2003.
Делюсин Л.П. Китай в поисках путей развития. М., 2004.
Делюсин Л.П. Спор о социализме в Китае: Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х гг. М., 1970,1980.
Делюсин Л.П., *Костяева А.С.* Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985.
Дин Шоу-хэ, *Инь Сюй-и*, *Чжан Бо-чжао.* Влияние Октябрьской революции на Китай. М., 1959.
Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002.
Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. М., 1983.
Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. [Т. 1]. Философия / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006.
Дэн То. Вечерние беседы в Яньшани: Заметки публициста. М., 1974.
Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952.
Егоров К.А. Государственный аппарат КНР, 1967–1981. М., 1982.
Егоров К.А. Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы). М., 1993.
Егоров К.А. Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
Елисеефф В. Цивилизация классического Китая. Екатеринбург, 2007.
Ермаченко И.С. Национальный вопрос в Китае и проблемы национальной политики на начальной стадии социализма: Обзор материалов китайской печати / АН СССР. ИНИОН. М., 1989.
Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии XVII в. М., 1974.
Ермаченко И.С. Проблемы генезиса капитализма в Китае в современной историографии КНР: Науч.-аналит. обзор / АН СССР. ИНИОН. М., 1990.
Ермаченко И.С. Синьхайская революция (1911–1913) в современной историографии КНР: Науч.-аналит. обзор / АН СССР. ИНИОН. М., 1988.
Ермаченко И.С. Современная историография КНР о проблемах новой истории Китая: Науч.-аналит. обзор / АН СССР. ИНИОН. М., 1987.
Ермашев И. Сунь Ят-сен. М., 1964.
Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911–1913): факты и проблемы. М., 1974.
Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М., 1958.
Ефимов Г.В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой [и новейшей] истории Китая: В 4 ч. Л., 1965–1980.
Ефимов Г.В. Сунь Ят-сен: поиск пути, 1914–1922. М., 1981.
Желоховцев А.Н. «Культурная революция» с близкого расстояния. М., 1973.
Желоховцев А.Н. Литературная теория и политическая борьба в КНР. М., 1979.
Жемчугов А.А. Китайская головоломка: Интриги политической элиты. М., 2004.
Жоголев Д.А. Малые народности и великий Китай. М., 1994. (ИБ; №2).
Жуков В.В. Китайский милитаризм, 10–20-е годы XX в. М., 1988.
Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952.
Иванов А.И. Ван Ань-ши и его реформы, XI в. СПб., 1909.
Иванов П.М. Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928–1949). М., 1999.
Иванов П.М. Современная китайская печать о многопартийном сотрудничестве в КНР: Обзор / АН СССР. ИНИОН. М., 1989.
Игнатенко Г.В. Система представительных органов Китайской Народной Республики. М., 1959.
Идеологическая борьба в Китае (1976–1979): Сб. ст. / Отв. ред. В.Я. Сидихменов. М., 1980.
Идеологический курс КПК на современном этапе проведения реформ: (Реф. сб.). М., 2000. (ЭИ; № 12).
Из истории китайской философии: становление и основные направления (даосизм, буддизм, неоконфуцианство): Сб. ст. / АН СССР. Ин-т философии. М., 1978.
Из истории традиционной китайской идеологии: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. О.Л. Фишман. М., 1984.
Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая: (Опыт системно-структурного анализа). М., 1986.
Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики: теоретические вопросы Общей части. М., 1990.
Инако Цунэо. Право и политика современного Китая, 1949–1975. М., 1978.

丙

Исаева М.В. Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н.э. (по данным «нормативных историописаний»). М., 2000.
Историко-филологические исследования: Сб. к 75-летию акад. Н.И Конрада. М., 1967.
Историко-филологические исследования: Сб. памяти акад. Н.И. Конрада. М., 1974.
Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / Под ред. В.И. Кузищина. СПб., 2002.
Историография новейшей истории Китая (1917–1949): Сб. обзоров / АН СССР. ИНИОН. М., 1987.
Историография новейшей истории КНР (1949–1982): Сб. обзоров / АН СССР. ИНИОН. М., 1985.
Историческая наука в КНР: Сб. ст. / Отв. ред. Р.В. Вяткин, Н.П. Свистунова. М., 1971, 1981.
История Востока: В 6 т. / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др. М., 1995–2006.
История политических и правовых учений: Древний мир. М., 1985.
История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение. М., 1986.
История современной китайской революции / Под ред. Хэ Гань-чжи. М., 1959.
Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — нач. XXI века. 2-е изд., доп. и обновл. / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2004.
Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901): Историография. М., 1973.
Калюжная Н.М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей (начало XX века). М., 2002.
Калюжная Н.М. Традиция и революция: Чжан Бинлинь (1869–1936) — китайский мыслитель и политический деятель нового времени. М., 1995.
Кантонская коммуна: (К сорокалетию восстания в Гуанчжоу): Сборник / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1967.
Капица М.С. Три десятилетия — три политики. М., 1979.
Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая: (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001.
Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984.
Карл Радек о Китае: документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. М., 2005.
Карнеев А.Н., *Козырев В.А.*, *Писарев А.А.* Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949). М., 2005.
Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). М., 1997.
Картунова А.И. Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925–1927 годов. М., 1983.
Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М., 2000, 2001.
Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). М., 1978.
Каткова З.Д., *Чудодеев Ю.В.* Китай — Япония: любовь или ненависть?: К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. — 30–40-е годы XX в.). [Изд. 2-е, испр. и доп.]. М., 2001.
Кирмасов Б.А. XX век. Китай: молодежные организации в 20–30-е годы. М., 1993.
Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности: Сб. ст. / Под ред. Г.И. Чуфрина. М., 2007.
Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию акад. М.Л. Титаренко: Сб. ст. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2004.
Китай в мировой политике / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М., 2001.
Китай в мировой и региональной политике: [Сб. ст. Вып. 1–12] / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 1995–2007.
Китай в новое и новейшее время: история и историография: Сб. ст. / Редкол.: А.М. Григорьев (отв. ред.) и др. М., 1981.
Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945) / Отв. ред. В.И. Глунин. М., 1988.
Китай в эпоху древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосиб., 1990.
Китай и соседи в древности и Средневековье: Сб. ст. / Отв. ред С.Л. Тихвинский, Л.С. Переломов. М., 1970.
Китай и соседи в новое и новейшее время: Сб. ст. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1982.
Китай: история, культура и историография: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М., 1977.
Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999: Сб. ст. / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
Китай после «культурной революции»: (Политическая система, внутриполитическое положение). М., 1979.
Китай: государство и общество: Сб. ст. / Редкол.: Л.П. Делюсин (отв. ред.) и др. М., 1977.
Китай: история в лицах и событиях / Под общ. ред. С.Л. Тихвинского. М., 1991.
Китай: история, культура и историография / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М., 1977.
Китай: общество и государство: Сб. ст. / Редкол.: Г.Д. Сухарчук (отв. ред.) и др. М., 1973.
Китай: поиски путей социального развития: (Из истории общественно-политической мысли XX в.) / Редкол.: Л.П. Делюсин и др. М., 1979.
Китайская Народная Республика: Законодательные акты. Вып. 2. 1984–1988 / Редкол.: В.А. Туманов (пред.) и др. М., 1989.
Китайская Народная Республика: Конституция и законодательные акты. [Вып. 1] / Сост.: К.А. Егоров; Под ред. Л.М. Гудошникова. М., 1984.

Китайская Народная Республика: руководящие партийные и государственные органы, научные учреждения, демократические партии и основные общественные организации (по состоянию на июнь 1991 г.) / РАН. ИДВ; Подгот. В.И. Антонов и др. М., 1991. 54 с.

Китайская философия: Энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.

Китайская философия и современная цивилизация: Сб. ст. М.,1997.

Китайские социальные утопии: Сб. ст. / Отв. ред. и авт. предисл. Л.П. Делюсин, Л.Н. Борох. М., 1987.

Клинов А.С. Проблема сохранения единства Китая (XX век). Майкоп, 2000.

Книга дворцовых интриг: Евнухи у кормила власти / Сост. Д.Н. Воскресенский, В.Н. Усов. М., 2002.

КНР: Высшие государственные и партийные органы: Биографии руководителей (по состоянию на март 2005 г.) / РАН. ИДВ; Сост. В.И. Антонов. М., 2005.

КНР: Высшие органы военного управления / Сост. и пер. с кит. Е.Н. Румянцева. М., 2005. (ЭИ; № 7).

КНР: Государственные и партийные органы провинциального уровня: Биографии руководителей. М., 2006. (ЭИ; № 8).

КНР: Проблемы демократизации и государственного управления: (Материалы ежегодной научной конференции Центра истории и политики Китая ИДВ РАН, Москва, 2006). М., 2007. (ИМ. Сер. В.; Вып. 21).

КНР: Проблемы построения общества сяокан: [Сб. ст.]. М., 2005. (ЭИ; № 8).

КНР 55 лет: политика, экономика, культура / Редкол.: М.Л. Титаренко (гл. ред.) и др. М., 2004.

Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1977.

Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.,1983.

Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.

Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М., 2004.

Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.

Колосков Б.Т. Внешняя политика Китая, 1969–1976. М., 1977.

Коммунистическая партия Китая: история и современные проблемы: Сб. ст. / Сост. Р.М. Асланов, Н.Л. Мамаева. М., 2001.

Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1986.

Кондратьев Р.С., *Грачев Л.А.* Государственный строй Китайской Народной Республики. М., 1959.

Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М., 2006.

Конституции и политическая система Китайской Народной Республики / Сост. Б.Г. Доронин. СПб., 2007.

Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / Под ред. Н.Г. Сударикова. М., 1955.

Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики, 1954–1958 / Под ред. А.Г. Крымова, М.А. Шафира. М., 1959.

Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1982.

Коробов Н.Д. Борьба КПК за мир и демократию в Китае в 1944–1946 гг.: (Политическое консультативное совещание 1946 г.). Саратов, 1959.

Косарева И.А. Некоторые положения семейного права Китая. Хабаровск, 2006.

Костяева А.С. Тайные общества в первой четверти XX века. М., 1995.

Котенев А.А., *Лукьянов А.Е.* Архетипы власти. М., 2000.

Котова Р.И. Аграрная политика КПК (1921–1949) в китайской историографии: (Науч.-аналит. обзор) / АН СССР. ИНИОН. М., 1989.

Крадин Н.Н., *Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. М., 2006.

Кривцов В.А., *Краснова В.А.* Ли Да-чжао: От революционного демократизма к марксизму. М., 1978.

Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае: империя Западная Чжоу. СПб., 2001.

Критика теоретических основ маоизма: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Григорян, В.Г. Георгиев. М., 1973.

Кроль Ю.Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.

Крымов А.Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917). М., 1972.

Крюгер Р. Китай: Полная история Поднебесной. М., 2007.

Крюков М.В., *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Китайский этнос в Средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.

Крюков М.В., *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979.

Крюков М.В., *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже Средневековья и нового времени. М., 1987.

Крюков М.В., *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1983.

Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.

Кузнецов В.С. Буддийский фактор во внешней политике КНР. М., 2006.

Кузнецов В.С. Гоминьдановский режим в Китае [1928–1937]: В 2 ч. М., 1984–1988. Ч. 1. (ИБ; № 37); Ч. 2. (ИБ; Без номера).

Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002.

Кузнецов В.С. Нурхаци. Новосиб., 1985.

Кузнецов В.С. От стен Новой столицы до Великой стены. Новосиб., 1987.

Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосиб., 1983.

丙

Кузык Б.Н., *Титаренко М.Л.* Китай–Россия, 2050: стратегия соразвития. М., 2006.
Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М., 1990.
Кычанов Е.И. Абахай. Новосиб., 1986.
Кычанов Е.И. Властители Азии. М., 2004.
Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. М., 1973, 1995.
Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986.
Кюзаджян Л.С. Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М., 1970.
Кюнер Н.В. Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск–Владивосток, 1927.
Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР, 1949–1999. М., 2001.
Лапина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е годы XI в.). М., 1970.
Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
Ларин А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М., 2000.
Ларин А.Г. Президент, или Демократия с тайваньской спецификой. М., 2004.
Ледовский А.М. Дело Гао Гана–Жао Шуши / АН СССР. ИДВ. М., 1990.
Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий, 1937–1952. М., 1999.
Ледовский А.М. СССР, США и китайская революция глазами очевидца, 1946–1949. М., 2005.
Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня. М., 2000.
Ли Минь. Мой отец Мао Цзэдун: Пер. с кит. Пекин, 2004.
Ли Чжисуй. Мао Цзэдун: Записки личного врача: В 2 кн. М.–Смоленск, 1996.
Ли Шу. Политическая жизнь Китая в период революции 1911 года. М., 1956.
Литвинов О.В. Китайский путь к демократии. М., 2004.
Личность в традиционном Китае: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1992.
Ломанов А.В. Современное конфуцианство: Философия Фэн Юланя. М., 1996.
Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2000.
Лунев А.Е. Суд, прокуратура и государственный контроль в Китайской Народной Республике. М., 1956.
Лунев А.Е. Сущность Конституции Китайской Народной Республики. М., 1958.
Лю Данянь. Избранные статьи по проблемам исторической науки / Сост. и авт. предисл. Л.С. Переломов. М., 1992.
Лю Цзэхуа. Концепция человека в политической мысли Древнего Китая: Анализ традиционных политических идей Китая / АН СССР. ИНИОН. М., 1991.
Лян Ци-чао. Ли Хун-чжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905.
Майстрова З.Е. Становление революционной власти в советских районах Китая, 1927–1937. Новосиб., 1988.
Малухин А.М. Пэн Бай — герой китайской революции. М., 1975.
Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.
Малявин В.В. Империя ученых. М., 2007.
Малявин В.В. Китай управляемый: старый добрый менеджмент. М., 2005.
Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000, 2001.
Мамаева Н.Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991.
Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М., 1999.
Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007.
Маомао. Мой отец Дэн Сяо-пин. М., 1995.
Маомао. Мой отец Дэн Сяо-пин. Культурная революция: годы испытаний. М., 2001.
Маркова С.Д. Китайская интеллигенция на изломах XX века: (Очерки выживания). М., 2004.
Мартынов А.С. Конфуцианство: классический период. СПб., 2006.
Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй»: [Исслед. и пер.]: В 2 т. СПб., 2001.
Мартынов А.С. Конфуцианство: этапы развития. Конфуций. «Лунь юй»: [Исслед. и пер.]. СПб., 2006.
Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.
Мартынов Д.Е. Конфуцианское учение и маоизм: Из истории социально-политической теории и практики Китая в XX в. Казань, 2006.
Махмутходжаев М.Х. Национальная политика Гоминьдана (1927–1937). М., 1986.
Меликсетов А.В. История Китая в новейшее время: В 3 ч. М., 1980–1985.
Меликсетов А.В. Победа китайской революции, 1945-1949. М., 1989.
Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977.
Меньшиков Л.Н. Из истории китайской книги. СПб., 2005.
Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае: годы Тихоокеанской войны, 1941–1945. М., 1999.
Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990.
Митбрейт Б.А. Очерки истории Коммунистического союза молодежи Китая. М., 1961.
Многопартийность на Тайване / Сост. Л.М. Гудошников. М., 1999.
Модернизация китайской армии в оценках западных специалистов. М., 1997. (ЭИ; № 6).

Москалев А.А. Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР: (Вопросы политики районной национальной автономии). М., 1979.
Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: Эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., 2005.
Москалев А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978). М., 1981.
Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., 2001.
Мугрузин А.С. Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М., 1994.
Мяо Чу-хуан. Краткая история Коммунистической партии Китая. М., 1958.
Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980; 2-е изд., доп. Хабаровск, 1987.
Мясников В.С. Квадратура китайского круга: Избр. ст.: В 2 кн. М., 2006.
Мясников В.С. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. Lewiston (N.Y.), 2001.
Национальный вопрос в КНР (1949–1994): В 2 ч. М., 1996. (ИБ; № 2).
Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. М., 2005.
Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая (1894–1914). М., 1980.
Непомнин О.Е., *Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999.
Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975, 1977.
Никифоров В.Н. Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982.
Никифоров В.Н. Очерк истории Китая, II тысячелетие до н.э. — начало XX столетия. М., 2002.
Никифоров В.Н. Первые китайские революционеры. М., 1980.
Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
Новая история Китая / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1972.
Новейшая история Китая, 1917–1927 / Гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1983.
Новейшая история Китая, 1917–1970 / Редкол.: М.И. Сладковский и др. М., 1972.
Новейшая история Китая, 1928–1949 / Гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1984.
Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая: Сб. ст. / Отв. ред. А.Г. Яковлев. М., 1994.
Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы. М., 1950.
Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966.
Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX — начало XX в.: Сб. ст. / Редкол.: Л.П. Делюсин (отв. ред.) и др. М., 1988.
Общественные науки в КНР: Сб. ст. / Редкол.: Л.П. Делюсин (отв. ред.) и др. М., 1986.
Общественные объединения Китайской Народной Республики, 80-е — начало 90-х гг.: В 2 т. / Отв. ред. Ф.Б. Белелюбский, Л.М. Гудошников. М., 1992.
Общество и государство в Китае: Сб. ст. / Редкол.: Л.П. Делюсин (отв. ред.) и др. М., 1981.
Опыт и уроки истории КПК: (К 60-летию образования КПК). М., 1982. (ИБ; № 34).
Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики: Сб. документов: Пер. с кит. / Ред. Л.М. Гудошников. М., 1959.
От магической силы к моральному императиву: Категория *дэ* в китайской культуре / Сост. и отв. ред. Л.Н. Борох, А.И. Кобзев. М., 1998.
Очерки истории Китая (с древности до «опиумных войн» / Под ред. Шан Юэ. М., 1959.
Очерки истории Китая в новейшее время / Редкол.: А.С. Перевертайло (отв. ред.) и др. М., 1959.
Панцов А.В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М., 1985.
Панцов А.В. Мао Цзэ-дун. М., 2007.
Панцов А.Е. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.
Пащенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М., 1997.
Переломов Л.С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае, 221–202 гг. до н.э. М., 1962.
Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.
Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М., 1999.
Пивоварова Э.П. Строительство социализма со спецификой Китая: поиск пути. М., 1992.
Писарев А.А. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20–30-е годы XX в. М., 1986.
Подолько Е.О. Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. М., 2006.
Политическая интрига на Востоке / Ред.-сост. Н.И. Фомина. М., 2000.
Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978–2005) / Л.М. Гудошников и др. М., 2007.
Политическая система КНР: 100 вопросов и ответов. М., 1990.
Политические традиции в КНР: (Сб. ст. по материалам науч. конф., состоявшейся в ИДВ АН СССР в дек. 1979 г.): В 2 ч. / Гл. ред. В.И. Акимов. М., 1980. (ИБ; № 20).
Политологи КНР об актуальных международных проблемах: [Реф. сб.]. М., 2001. (ЭИ; № 2).
Попов П.С. Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших

丙

времен до второй половины X века по Р.Х. СПб., 1880.
Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века: Очерки. М., 2006.
Правовые аспекты модернизации в КНР: (Экономика и научно-технический прогресс) / Отв. ред. Л.М. Гудошников. М., 1990.
Природоохранное законодательство КНР. М. 1990. (ИМЭИ; Вып. 13).
Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года: Правовые аспекты: Материалы российско-китайского симпозиума / Моск. гос. юрид. акад.; Нар. ун-т Китая. М., 2006.
Пу И. Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И — последнего императора Китая. М., 1968 [2-е изд.], 1999. То же. *Пу И.* Последний император [3-е изд., доп.]. М., 2006.
Пэн Дэхуай. Мемуары маршала. М., 1988.
Рабочее движение в Китае: Нанкинский Гоминьдан и рабочий вопрос (1927–1931): Документы и материалы / Сост., пер. с кит., предисл. В.И. Хорькова. М., 1982.
Рабство в странах Востока в Средние века: Сб. ст. / Отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. М., 1986.
Раздвигая горизонты науки: К 90-летию акад. С.Л. Тихвинского / Редкол.: М.Л. Титаренко (гл. ред.) и др. М., 2008.
Революция 1925–1927 гг. в Китае: Сб. ст. / Редкол.: Л.П. Делюсин (отв. ред.) и др. М., 1978.
Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития: Сб. ст. / Ред.-сост. В.А. Козырев. М., 2004.
Реформа политической системы КНР: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН. М., 1991.
Рогожин А.И., *Страхов Н.Н.* История государства и права рабовладельческого Китая. М., 1960.
Роль политико-идеологических кампаний в общественной жизни КНР. М., 1976. (ИБ: № 7).
Роль традиций в истории и культуре Китая / Редкол.: Л.С. Васильев (отв. ред.) и др. М., 1972.
Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая (четыре силуэта). М., 1970.
Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Избр. труды / Сост., ред., авт. предисл. А.И. Кобзев. М., 1993.
Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. трудов / Сост., ред., авт. предисл. А.И. Кобзев. М., 1999.
Рыкова С.Л. Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Дусю (1879–1914). М., 2004.
Салтыков Г.Ф. Социально-психологические факторы в политической жизни рабочего класса КНР 70-х годов. М., 1982.
Сапожников Б.Г. Китай в огне войны, 1931–1950. М., 1977.
Сапожников Б.Г. Народно-освободительная война в Китае (1946–1950). М., 1984.
Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников. М., 1999. (ИБ; № 1).
Семанов В.И. Из наложниц в императрицы. М., 2000.
Семенов А.В. Ляо Чжункай: Политическая деятельность китайского революционера. М., 1985.
Сенин Н.Г. Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ят-сена. М., 1956.
Сергеева Э.А. Внешняя политика и внешнеполитическая пропаганда руководства КПК. М., 1978.
Серкина А.А. Символы рабства в Древнем Китае: Дешифровка гадательных надписей. М., 1982.
Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М., 1974, 1987, 1978.
Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. М., 1985. То же. Минск, 2004.
Сидихменов В.Я. Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994). М., 1996. (ИБ; № 12).
Симпозиум «Роль традиций в истории Китая» / АН СССР. Ин-т народов Азии. М., 1968.
Синицын Е.П. Бань Гу — историк Древнего Китая. М., 1975.
Синьхайская революция в Китае: Сб. ст. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский М., 1962.
Синьхайская революция, 1911–1913: Сб. документов и материалов / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1968.
Смирнов Д.А. Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2005.
Смолин Г.Я. Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987.
Смолин Г.Я. Они бросили вызов Небу: О крестьянской войне 874–901 гг. в Китае: В 2 ч. СПб., 1997–2000.
Советские районы Китая: Законодательство Китайской Советской Республики, 1931–1934. М., 1977.
Советы в Китае: Сб. материалов и документов. М., 1934.
Современная историография стран зарубежного Востока. Вып. 1. Китай. М., 1963.
Современное законодательство Китайской Народной Республики: Сб. норматив. актов / Сост., ред., авт. предисл. Л.М. Гудошников. М., 2004.
Современное право КНР / Под общ. ред. Л.М. Гудошникова, Л. Кржижковского. М., 1985.
Сотникова И.Н. Роль Ван Мина в разработке и осуществлении стратегии и тактики КПК в 30-е годы. М., 1991. (ИБ; № 11).
Социальная и социально-экономическая история Китая: Сб. ст. / Отв. ред. В.П. Илюшечкин. М., 1979.
Социально-политические и идеологические процессы в КНР накануне XVI съезда КПК. М., 2002. 72 с. (ЭИ; № 3).
Социальные организации в Китае: Сб. ст. / Редкол.: Л.С. Васильев (отв. ред.) и др. М., 1981.

Стабурова Е.Ю. Анархизм в Китае, 1900–1921. М., 1983.
Стабурова Е.Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М., 1992.
Степанова Г.А. История формирования парткомов провинциального уровня и их роль в политической системе КНР (1966–1976). М., 1980. (ИБ; № 18).
Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М.,1999.
Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: Экономическая и социальная жизнь. М.,1979.
Сунь Ят-сен, 1866–1966: К 100-летию со дня рождения: Сб. статей, воспоминаний, документов и материалов / Редкол.: С.Л. Тихвинский (отв. ред.) и др. М., 1966.
Сунь Ятсен, 1866–1986: К 120-летию со дня рождения: Сб. статей, воспоминаний, документов и материалов / Редкол.: С.Л. Тихвинский (отв. ред.) и др. М., 1987.
Сунь Ят-сен. Записки китайского революционера: (Программа национального строительства Китая). М.–Л., 1926.
Сунь Ят-сен. Избранные произведения. М., 1964, 1985.
Сунь Ят-сен. Капиталистическое развитие Китая. М.; Л., 1925.
Сунь Ят-сен: Биобиблиографический указатель / ВГБИЛ; Сост. И.К. Глаголева. М., 1966.
Сухарчук Г.Д. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: сравнительный анализ. М., 1983.
Сыроежкин К.А. Национально-государственное строительство в Китае: теория и практика. Алматы, 1998.
Сыроежкин К.Л. Эволюция формирования и основные черты концепции национальной политики КПК. Алматы, 1998.
Тайные общества в старом Китае: Сборник / Отв. ред. В.П. Илюшечкин. М., 1970.
Теоретические дискуссии о пути развития КНР: [Реф. сб.]. М., 1998. (ЭИ; № 2).
Терентьев-Катанский А.П. С Востока на Запад: Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII веков. М., 1990.
Тертицкий К.М., *Белогурова А.Э.* Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932): Исследование. Документы. М., 2005.
Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.
Титаренко М.Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М., 2000.
Титаренко М.Л. Россия. Безопасность через сотрудничество: Восточно-Азиатский вектор. М., 2003.
Титов А.С. Борьба за единый национальный фронт в Китае, 1935–1937. М., 1981.
*Титов А.*С. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК. М., 1979.
Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен. М., 2005.
Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия. М., 2002.
Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй. М., 1959. То же. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. 2-е изд., доп. 1980.
Тихвинский С.Л. Завещание китайского революционера: Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов. М., 1986.
Тихвинский С.Л. Избранные произведения: В 5 кн. М., 2006.
Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М., 1988.
Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996.
Тихвинский С.Л. Сунь Ят-сен: внешнеполитические воззрения и практика: (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа, 1885–1925). М., 1964.
Ткаченко Г.А. Культура Китая: Словарь-справочник. М., 1999. То же. Культура Китая от А до Я. М., 2008.
Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР / Отв. ред. М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов. М., 1994.
Традиции Китая и «четыре модернизации»: Сб. ст. В 2 ч. М., 1982. (ИБ; № 33).
Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1984.
У Хань. Жизнеописание Чжу Юань-чжана. М., 1980.
Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. То же. СПб., 2001.
Усов В.Н. Борьба Мао Цзэ-дуна и его сторонников против партии в ходе «культурной революции». М., 1976. (ИБ; № 10).
Усов В.Н. Евнухи в Китае. М., 2000. 223 с.
Усов В.Н. Жены и наложницы Поднебесной. М., 2006.
Усов В.Н. История КНР: Учебник: В 2 т. М., 2006.
Усов В.Н. Китайский Берия Кан Шэн. М., 2004.
Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966): В 2 ч. М., 1998. (ИБ; № 5, 6).
Усов В.Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984). М., 2003.
Усов В.Н. Последний император Китая Пу И (1906–1967). М., 2003.
Ушков А.М. Утопическая мысль в странах Востока: традиции и современность. М., 1982.
Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая: От первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958.
Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901. М., 1955.
Федоров И.Ф., *Зубаков В.Г.* Членство в КПК: Как строилась партия «идей Мао Цзэдуна». М., 1980.

丙

Фенби Дж. Генералиссимус Чан Кайши и Китай, который он потерял. М., 2006.
Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти / Отв. ред Н.А. Иванов. М., 1993.
Феоктистов В.Ф. Эволюция идейно-теоретической платформы Коммунистической партии Китая в 1976–1987 гг. М., 1991. (ИБ; № 9).
Фэн Юлань. Краткая история китайской философии. СПб., 1998.
Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003.
Флуг К.К. История китайской печатной книги Сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., 1959.
Хабибулин А.Г., *Шахрай С.М.*, *Ян Синьюй.* Модернизация государства и права на современном этапе: российско-китайский взгляд. М., 2006.
Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв). Алматы, 1995.
Хорьков В.И. Нанкинский Гоминьдан и рабочий вопрос, 1927–1932. М., 1977.
Ху Яньсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае и России: Сравнительный анализ теоретических и социальных практик в конце XX — начале XXI веков. М., 2006.
Хуан Тао. Тридцать лет Народно-освободительной армии Китая. М., 1958.
Хэ Сян-нин. Воспоминания о Сунь Ят-сене. М., 1966.
Цзэн Сю-фу. Коммунистическая партия Китая в борьбе за единый фронт. М., 1959.
Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий. М., 2006.
Чжан Сянго. Формирование идеи политической модернизации в современном Китае. СПб., 2000.
Чжан Юн, *Халлидей Д.* Неизвестный Мао. М., 2007.
Чжоу Биндэ. Мой дядя Чжоу Эньлай: Пер. с кит. Пекин, 2008.
Чжоу Фан. Государственные органы Китайской Народной Республики. М., 1958.
Чжу Минь. Мой отец Чжу Дэ: Пер. с кит. Пекин, 2006.
Чугунов В.Е. Уголовное производство Китайской Народной Республики: Очерки. М., 1959.
Чудодеев Ю.В. Накануне революции 1911 г. в Китае: Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1966.
Чэнь Бо-да. Чан Кай-ши — враг китайского народа. М., 1950.
Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. М., 2001.
Шайкова Т.В. Военная политика КПК (1921–1927). М., 1991.
Шепенко Р.А. Налоговое право Гонконга. М., 2003.
Шепенко Р.А. Налоговое право Китая: источники и субъекты. М., 2004.
Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2005.
Эми Сяо (*Сяо Сань*). Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ. М., 1939.
Этика и ритуал в традиционном Китае: Сб. ст. / Редкол.: Л.С. Васильев (отв. ред.) и др. М., 1988.
Этническая история китайцев в XIX — начале XX века / Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. М., 1993.
Юридическая жизнь в Китае. М., 1990.
Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа, 20–40-е годы. М., 1982.
Юрьев М.Ф. Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968.
Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии: [до III в. до н.э.]. М., 1957.
Ященко Г.Н. Идеологическая борьба в КНР, 1957–1964. М., 1977.

Составитель ***В.П. Журавлева***

№	Название сочинения	Хронологические рамки описания	Объем в цзюанях	Составитель
1	«Ши цзи»	с правления «пяти императоров» по 104 до н.э.	130	Сыма Цянь (145–87/86 до н.э.)
2	«Хань шу» («Цянь Хань шу»)	206 до н.э. — 23 н.э.	120	Бань Гу (32–92)
3	«Хоу Хань шу»	25–220	130	Фань Е (398–445)
4	«Сань-го чжи»	184–280	65	Чэнь Шоу (233–297)
5	«Цзинь шу»	265–420	130	Фан Сюань-лин (579–648)
6	«Сун шу»	405–479	100	Шэнь Юэ (441–513)
7	«Нань Ци шу»	479–502	59	Сяо Цзы-сян (489–537)
8	«Лян шу»	502–557	56	Яо Сы-лянь (557–637)
9	«Чэнь шу»	557–589	36	Яо Сы-лянь (557–637)
10	«Вэй шу»	386–534	130	Вэй Шоу (510–572)
11	«Бэй Ци шу»	550–577	50	Ли Бай-яо (565–648)
12	«Чжоу шу»	557–581	50	Линху Дэ-фэнь (583–666)
13	«Суй шу»	581–618	85	Вэй Чжэн (580–643)
14	«Нань ши»	420–589	80	Ли Янь-шоу (618?–678?)
15	«Бэй ши»	386–618	100	Ли Янь-шоу (618?–678?)
16	«Цзю Тан шу»	618–907	200	Лю Сюй (888–947)
17	«Синь Тан шу»	618–907	225	Оуян Сю (1007–1072)
18	«Цзю У-дай ши»	907–960	150	Се Цзюй-чжэн (912–981)
19	«Синь У-дай ши»	907–960	74	Оуян Сю (1007–1072)
20	«Сун ши»	960–1279	496	Токто/Тото (1314–1355)
21	«Ляо ши»	916–1125	116	Токто/Тото (1314–1355)
22	«Цзинь ши»	1115–1234	135	Токто/Тото (1314–1355)
23	«Юань ши»	1271–1368	210	Сун Лянь (1310–1381)
24	«Мин ши»	1368–1644	332	Чжан Тин-юй (1672–1755)

Сочинения, которые иногда относят к династийным историям

№	Название сочинения	Хронологические рамки описания	Объем в цзюанях	Составитель
1	«Синь Юань ши»	1271–1368	257	Кэ Шао-минь (1850–1933)
2	«Цин ши гао»	1644–1911	536	Чжао Эр-сюнь (1844–1927)

Таблицы перевода китайских мер и весов в метрические

Меры длины, веса и объема в эпоху Мин

Меры длины

китайские	метрические	китайские	метрические
цунь 寸	3,17 см	*бу* 步	1,585м
чи 尺	31,7 см	*ли* 里	570,6 м

Меры веса

китайские	метрические	китайские	метрические
сы 絲	0,000373 г	*цянь* 錢	3,73 г
хао 毫	0,00373 г	*лян* 兩	37,3 г
ли 釐	0,0373 г	*цзинь* 斤	596,8 г
фэнь 分	0,373 г		

Меры объема

китайские	метрические
шэн 升	1,07337 л
доу 斗	10,7337 л
дань 石	107,337 л

Современные меры длины, веса и объема

Меры длины

1 *ли* 里 = 180 *чжанов* = 360 *бу* = 1800 *чи* = 576 м
1 *инь* 引 = 10 *чжанов* = 20 *бу* = 100 *чи* =1000 *цуней* = 321 м
1 *чжан* 丈 = 2 *бу* = 10 *чи* = 3,2 м
1 *бу* 步 = 5 *чи* = 5 шагов = 1,6 м
1 *чи* 尺 = 0,32 м
1 *цунь* 寸 = 0,1 *чи* = 3,2 см
1 *фэнь* 分 =3,2 мм
1 *ли* 釐 = 0,32 мм
1 *хао* 毫 = 0,032 мм

Меры веса

1 *инь* 引 = 2 *даня* = 200 *цзиней* = 119,3632 кг
1 *дань* 担 (пикуль) = 100 *цзиней* = 59,6816 кг
1 *цзинь* 斤 = 596,816 г
1 *лян* 兩 = 37, 301 г
1 *цянь* 錢 = 3,7301 г
1 *фэнь* 分 = 0,01 *ляна* = 0,37301 г)
1 *ли* 釐 = 37,301 мг
1 *хао* 毫 = 3,7301 мг
1 *сы* 絲 = 0,37301 мг

Меры объема

1 *инь* 引 = 2 *даня* = 4 *ху* = 20 *доу* =200 *шэнов* = 207,09376 л
1 *дань* 石 =2 *ху* = 10 *доу* = 100 *шэнов* = 103,54688 л
1 *ху* 斛 = 5 *доу* = 50 *шэнов* = 500 *гэ* = 51,77344 л
1 *доу* 斗 = 10 *шэнов* = 1000 *шао* = 10,354688 л
1 *шэн* 升 = 100 *шао* = 1,0354688 л
1 *гэ* 合 = 0,1 *шэна* = 10 *шао* = 0,10354688 л
1 *шао* 勺 = 0,01 *шэна* = 0,0103547 л

Династия Ся 夏 (XXI–XVI вв. до н.э.)

Юй (Да Юй, Хоу Юй)	禹 (大禹, 后禹)
Ци	啟
Тай-кан	太康
Чжун-кан	仲康
Сян	相
Шао-кан	少康
[Ди] Чжу	[帝] 杼
[Ди] Хуай	[帝] 槐
[Ди] Ман	[帝] 芒
[Ди] Се	[帝] 泄
[Ди] Бу-сян	[帝] 不降
[Ди] Цзюн	[帝] 扃
[Ди] Инь-цзя (Цзинь)	[帝] 胤甲 (廑)
[Ди] Кун-цзя	[帝] 孔甲
[Ди] Гао	[帝] 皋
[Ди] Фа	[帝] 發
[Ди] Люй-гуй (Цзе)	[帝] 履癸(桀)

Династия Шан-Инь 商殷 (XVI–XI вв. до н.э.)

Шан 商

[Чэн] Тан (Шан-тан)	[成]湯 (商湯)
Вай-бин	外丙
Чжун-жэнь	中壬
Тай-цзя	太甲
Во-дин	沃丁
Тай-гэн	太庚
Сяо-цзя	小甲
Юн-цзи	雍己
Тай-у	太戊
Чжун-дин	中丁
Вай-жэнь	外壬
Хэ-дань-цзя	河亶甲
Цзу-и	祖乙
Цзу-синь	祖辛
Во-цзя	沃甲
Цзу-дин	祖丁
Нань-гэн	南庚
Ян-цзя	陽甲

Инь 殷

1300–?*	Пань-гэн	盤庚
	Сяо-синь	小辛
	Сяо-и	小乙
1238–1179*	У-дин	武丁
1179–1172*	Цзу-гэн	祖庚
1172–1139*	Цзу-цзя	祖甲
1139–?*	Линь-синь	廩辛
	Гэн-дин (Кан-дин)	更丁 (康丁)
1129–1094*	У-и	武乙
1094–1084 (1080)*	Вэнь-дин (Тай-дин)	文丁 (太丁)
1084 (1080)–1060 (1050)*	[Ди] И	[帝] 乙
1060 (1050)–1047 (1027)*	[Ди] Синь (Чжоу)	[帝] 辛 (紂)

[1] Встречающиеся в китайской литературе имена древних правителей, годы правления которых не установлены, даются без дат. Знаком * помечены даты, являющиеся предположительными.

Династия Чжоу 周 (1122–247 до н.э.)

Династия Западная Чжоу 西周

Годы правления (до н.э.)	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя	
1027–1024*	У-ван	武王	Цзи Фа	姬發
1024–1004*	Чэн-ван	成王	Цзи Сун	姬誦
1004–966*	Кан-ван	康王	Цзи Чжао	姬釗
966–947*	Чжао-ван	昭王	Цзи Ся	姬瑕
947–927*	Му-ван	穆王	Цзи Мань	姬滿
927–907*	Гун-ван	共王	Цзи И-ху	姬繄扈
907–897*	И-ван	懿王	Цзи Цзянь	姬囏
897–887*	Сяо-ван	孝王	Цзи Би-фан	姬辟方
887–857*	И-ван	夷王	Цзи Се	姬燮
857–841*	Ли-ван	厲王	Цзи Ху	姬胡

Династия Восточная Чжоу 東周

Годы правления (до н.э.)	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя	
841–828	Гун-хэ (регентство)	共和	—	
827–782	Сюань-ван	宣王	Цзи Цзин	姬靜
781–771	Ю-ван	幽王	Цзи Гун-шэн	姬宮涅
770–720	Пин-ван	平王	Цзи И-цзю	姬宜臼
719–697	Хуань-ван	桓王	Цзи Линь	姬林
696–682	Чжуан-ван	莊王	Цзи То	姬佗
681–677	Си-ван	僖王	Цзи Ху-ци	姬胡齊
676–652	Хуй-ван	惠王	Цзи Лан	姬閬
651–619	Сян-ван	襄王	Цзи Чжэн	姬鄭
618–613	Цин-ван	傾王	Цзи Жэнь-чэнь	姬壬臣
612–607	Куан-ван	匡王	Цзи Бань	姬班
606–586	Дин-ван	定王	Цзи Юй	姬瑜
585–572	Цзянь-ван	簡王	Цзи И	姬夷
571–545	Лин-ван	靈王	Цзи Се-синь	姬泄心
544–521	Цзин-ван	景王	Цзи Гуй	姬貴
520 (6 мес.)	Дао-ван	悼王	Цзи Мэн	姬猛
519–476	Цзин-ван	敬王	Цзи Гай	姬丐
475–469	Юань-ван	元王	Цзи Жэнь	姬仁
468–441	Чжэнь Дин-ван	貞盯王	Цзи Цзе	姬介
441 (3 мес.)	Ай-ван	哀王	Цзи Цюй-цзи	姬去疾
441 (5 мес.)	Сы-ван	思王	Цзи Шу	姬叔
440–426	Као-ван	考王	Цзи Вэй	姬嵬
425–402	Вэй Ле-ван	威烈王	Цзи У	姬午
401–376	Ань-ван	安王	Цзи Цзяо	姬驕
375–369	Ле-ван	烈王	Цзи Си	姬喜
368–321	Сянь-ван	顯王	Цзи Бянь	姬扁
320–315	Шэнь Цзин-ван	慎靚王	Цзи Дин	姬定
314–256	Нань-ван	赧王	Цзи Янь	姬延
255–249	Хуй-ван	惠王	—	

Династия Цинь 秦 **(221–207 до н.э.)**

Годы правления (до н.э.)	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя	
221–210	Ши Хуан-ди	始皇帝	Ин Чжэн	嬴政
209–207	Эр-ши Хуан-ди	二世皇帝	Ин Ху-хай	嬴胡亥
207	—		Ин Цзы-ин	嬴子嬰

Династия Западная Хань 西漢 **(206 до н.э. — 25 н.э.)**

Годы правления (до н.э., н.э.)	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
206–195	Гао-[Хуан-]ди 高皇帝, *храм. имя* Тай-цзу 太祖 (Гао-цзу 高祖)		Лю Бан	劉邦	—		
195–187	Хуй-ди	惠帝	Лю Ин	劉盈	—		
187–180	Гао-хоу (Люй-хоу)	高後 (呂后)	Люй Чжи	呂雉	—		
179–156	Вэнь-ди	文帝	Лю Хэн	劉恆	—		
156-141	Цзин-ди	景帝	Лю Ци	劉啟	—		
140–87	У-ди, *храм. имя* Ши-цзун 世宗	武帝	Лю Чэ	劉徹	140–135	Цзянь-юань	建元
					134–129	Юань-гуан	元光
					128–123	Юань-шо	元朔
					122–117	Юань-шоу	元狩
					116–110	Юань-дин	元鼎
					110–105	Юань-фэн	元封
					104–101	Тай-чу	太初
					96–93	Тай-ши	太始
					92–89	Чжэн-хэ	政和
					88–87	Хоу-юань	後元
86–74	Чжао-ди	昭帝	Лю Фу-лин	劉弗陵	86–81	Ши-юань	始元
					80–75	Юань-фэн	元封
					74	Юань-пин	元平
73–49	Сюань-ди	宣帝	Лю Сюнь	劉詢	73–70	Бэнь-ши	本始
					69–66	Ди-цзе	地節
					65–61	Юань-кан	元康
					61–58	Шэнь-цзюэ	神爵
					57–54	У-фэн	五風
					53–50	Гань-лу	甘露
					49	Хуан-лун	黃龍
48–33	Юань-ди	元帝	Лю Ши	劉奭	48–44	Чу-юань	處元
					43–39	Юн-гуан	永光
					38–34	Цзянь-чжао	建昭
					33	Цзин-нин	景寧
32–7	Чэн-ди	成帝	Лю Ао	劉驁	32–28	Цзянь-ши	建始
					28–25	Хэ-пин	河平
					24–21	Ян-шо	陽朔
					20–27	Хун-цзя	鴻嘉
					16–13	Юн-ши	永始
					12–9	Юань-янь	元延
					8–7	Суй-хэ	綏和
6–1 до н.э.	Ай-ди	哀帝	Лю Синь	劉欣	6–3	Цзянь-пин	建平
					2–1 до н.э.	Юань-шоу	元壽
1–5	Пин-ди	平帝	Лю Кань	劉衎	1–5	Юань-ши	元始
6–8	Жуцзы Ин	孺子嬰	Лю Ин	劉嬰	6–8	Цзюй-шэ	居攝
					8	Чу-ши	初始
23–25	Гэн-ши-ди (Хуай-ян-ван)	更始帝 (淮陽王)	Лю Сюань	劉玄	23–25	Гэн-ши	更始

Династия Синь 新 **(9–25)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
9–23	Ван Ман	王莽	9–13	Шицзянь-го	始見國
			14–19	Тянь-фэн	天風
			20–23	Ди-хуан	地皇

Династия Восточная Хань 東漢 **(25–220)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
25–57	Гуан У-ди	光武帝	Лю Сю	劉秀	25–56	Цзянь-у	建武
					56–57	Цзянь-у чжун-юань	建武中元
58–75	Мин-ди	明帝	Лю Чжуан	劉莊	58–75	Юн-пин	永平
76–88	Чжан-ди	章帝	Лю Да	劉炟	76–84	Цзянь-чу	建初
					84–87	Юань-хэ	元和
					87–88	Чжан-хэ	章和
89–105	Хэ-ди	和帝	Лю Чжао	劉肇	89–105	Юн-юань	永元
					105	Юань-син	元興
106	Шан-ди	殤帝	Лю Лун	劉隆	106	Янь-пин	延平
107–125	Ань-ди	安帝	Лю Ху	劉祜	107–113	Юн-чу	永初
					114–120	Юань-чу	元初
					120–121	Юн-нин	永寧
					121–122	Цзянь-гуан	建光
					122–125	Янь-гуан	延光
125	Шао-ди	少帝	Лю И	劉懿	125	Янь-гуан	延光
126–144	Шунь-ди	順帝	Лю Бао	劉保	126–132	Юн-цзянь	永建
					132–135	Ян-цзя	陽嘉
					136–141	Юн-хэ	永和
					142–144	Хань-ань	漢安
					144	Цзянь-кан	建康
145	Чун-ди	沖帝	Лю Бин	劉炳	145	Юн-цзя	永嘉
146	Чжи-ди	質帝	Лю Цзуань	劉纘	146	Бэнь-чу	本初
147–167	Хуань-ди	桓帝	Лю Чжи	劉志	147–149	Цзянь-хэ	建和
					150	Хэ-пин	和平
					151–153	Юань-цзя	元嘉
					153–154	Юн-син	永興
					155–158	Юн-шоу	永壽
					158–167	Янь-си	延熹
					167	Юн-кан	永康
168–189	Лин-ди	靈帝	Лю Хун	劉宏	168–172	Цзянь-нин	建寧
					172–178	Си-пин	熹平
					178–184	Гуан-хэ	光和
					184–188	Чжун-пин	中平
189	Шао-ди	少 帝	Лю Бянь	劉辯	189	Гуан-си	光熹
					189	Чжао-нин	昭寧
190–220	Сянь-ди	獻帝	Лю Се	劉協	189	Юн-хань (Чжун-пин)	永漢 (中平)
					190–193	Чу-пин	初評
					194–195	Син-пин	興平
					196–220	Цзянь-ань	建安
					220	Янь-кан	延康

Эпоха Троецарствия 三國 (220–280)

Царство Вэй 魏 (220–265)

Династия Вэй 魏

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
220–226	Вэнь-ди	文帝	Цао Пи	曹丕	220–226	Хуан-чу	黃初
227–239	Мин-ди	明帝	Цао Жуй	曹叡	227–233	Тай-хэ	太和
					233–237	Цин-лун	青龍
					237–239	Цзин-чу	景初
240–254	Ци-ван	齊王	Цао Фан	曹芳	240–249	Чжэн-ши	正始
					249–254	Цзя-пин	嘉平
254–260	Гао-гуй-сян-гун	高貴鄉公	Цао Мао	曹髦	254–256	Чжэн-юань	正元
					256–260	Гань-Лу	甘露
260–265	Юань-ди	元帝	Цао Хуань	曹奐	260–264	Цзин-юань	景元
					264–265	Сянь-си	咸熙

Царство Шу 蜀

Династия Шухань 蜀漢 (220–263)

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 號)		
221–223	Чжао-ле-ди	昭列帝	Лю Бэй	劉備	221–223	Чжан-у	章武
223–263	Хоу-чжу	後住	Лю Шань	劉禪	223–237	Цзянь-син	建興
					238–257	Янь-си	延熙
					258–263	Цзин-яо	景耀
					263	Янь-син	炎興

Царство У 吳 (220–280)

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
222–252	Да-ди	大帝	Сунь Цюань	孫權	222–229	Хуан-у	黃武
					229–231	Хуан-лун	黃龍
					232–237	Цзя-хэ	嘉禾
					238–250	Чи-у	赤烏
					251	Тай-юань	太元
					252	Шэнь-фэн	神鳳
252–258	Куай-цзи-ван	會稽王	Сунь Лян	孫亮	252–253	Цзянь-син	建興
					254–256	У-фэн	五鳳
					256–258	Тай-пин	太平
258–264	Цзин-ди	景帝	Сунь Сю	孫休	258–264	Юн-ань	永安
264–280	У Чэн-хоу	烏程侯	Сунь Хао	孫皓	264–265	Юань-син	元興
					265–266	Гань-лу	甘露
					266–269	Бао-дин	寶鼎
					269–271	Цзянь-хэн	建衡
					272–274	Фэн-хуан	鳳凰
					275–276	Тянь-цэ	天冊
					276	Тянь-си	天璽
					277–280	Тянь-цзи	天紀

Династия Цзинь 晉 (265–420)

Династия Западная Цзинь 西晉 (265–316)

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
265–290	У-ди	武帝	Сыма Янь	司馬炎	265–274	Тай-ши	泰始
					275–280	Сянь-нин	咸寧
					280–289	Тай-кан	太康
					290	Тай-си	太熙
290–306	Хуй-ди	惠帝	Сыма Чжун	司馬衷	290	Юн-си	永熙
					291	Юн-пин	永平
					291–299	Юань-кан	元康
					300–301	Юн-кан	永康
					301–302	Юн-нин	永寧
					302–303	Тай-ань	太安
					304	Юн-ань	永安
					304	Цзянь-у	建武
					304–306	Юн-син	永興
					306	Гуан-си	光熙
307–313	Хуай-ди	懷帝	Сыма Чи	司馬熾	307–313	Юн-цзя	永嘉
313–317	Минь-ди	愍 帝	Сыма Е	司馬鄴	313–317	Цзянь-син	建興

Династия Восточная Цзинь 東晉 (317–420)

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
317–323	Юань-ди	元帝	Сыма Жуй	司馬睿	317–318	Цзянь-у	建武
					318–321	Да-син	大興
					321–322	Юн-чан	永昌
323–325	Мин-ди	明帝	Сыма Шао	司馬紹	322–323	Юн-чан	永昌
					323–325	Тай-нин	太寧
325–342	Чэн-ди	成帝	Сыма Янь	司馬衍	325	Тай-нин	太寧
					326–334	Сянь-хэ	咸和
					335–342	Сянь-кан	咸康
342–344	Кан-ди	康帝	Сыма Юэ	司馬岳	343–344	Цзянь-юань	建元
345–361	Му-ди	穆帝	Сыма Дань	司馬聃	345–356	Юн-хэ	永和
					357–361	Шэн-пин	升平
362–365	Ай-ди	哀帝	Сыма Пи	司馬丕	362–363	Лун-хэ	隆和
					363–365	Син-нин	興寧
366–371	Фэй-ди (Хай-си-гун)	廢帝 (海西公)	Сыма И	司馬奕	366–371	Тай-хэ	太和
371–373	Цзянь Вэнь-ди	簡文帝	Сыма Юй	司馬昱	371–372	Сянь-ань	咸安
373–396	Сяо У-ди	孝武帝	Сыма Яо	司馬曜	373–375	Нин-кан	寧康
					376–396	Тай-юань	太元
397–418	Ань-ди	安帝	Сыма Дэ-цзун	司馬德宗	397–401	Лун-ань	隆安
					402–404	Юань-син	元興
					405–418	И-си	義熙
419–420	Гун-ди	恭帝	Сыма Дэ-вэнь	司馬德文	419–420	Юань-си	元熙

Эпоха Южных и Северных династий 南北朝 (420–589)

1. Южные династии 南朝

Династия Сун 宋 (420–479)

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
420–422	У-ди	武帝	Лю Юй	劉裕	420–422	Юн-чу	永初
423–424	Шао-ди	少帝	Лю И-фу	劉義符	423–424	Цзин-пин	景平
424–453	Вэнь-ди	文帝	Лю И-лун	劉義隆	424–453	Юань-цзя	元嘉
453	—		Лю Шао	劉劭	453	Тай-чу	太初
454–464	Сяо У-ди	孝武帝	Лю Цзюнь	劉駿	454–456	Сяо-цзянь	孝建
					457–464	Да-мин	大明
465	Цянь-фэй-ди	前廢帝	Лю Цзы-е	劉子業	465	Юн-гуан	永光
					465	Цзин-хэ	景和
465–472	Мин-ди	明帝	Лю Юй	劉彧	465–471	Тай-ши	泰始
					472	Тай-юй	泰豫
473–477	Хоу-фэй-ди	後廢帝	Лю Юй	劉昱	473–477	Юань-хуй	元徽
477–479	Шунь-ди	順帝	Лю Чжунь	劉準	477–479	Шэн-мин	昇明

Династия Ци 齊 (479–502)

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
479–482	Гао-ди	高帝	Сяо Дао-чэн	蕭道成	479–482	Цзянь-юань	建元
483–493	У-ди	武帝	Сяо Цзэ	蕭賾	483–493	Юн-мин	永明
494	Юй-линь-ван	鬱林王	Сяо Чжао-е	蕭昭業	494	Лун-чан	隆昌
494	Гун-ван	恭王	Сяо Чжао-вэнь	蕭昭文	494	Янь-син	延興
494–498	Мин-ди	明帝	Сяо Луань	蕭鸞	494–498	Цзянь-у	建武
					498	Юн-тай	永泰
499–501	Дун-хунь-хоу	東昏侯	Сяо Бао-цзюань	蕭寶卷	499–501	Юн-юань	永元
501–502	Хэ-ди	和帝	Сяо Бао-жун	蕭寶融	501–502	Чжун-син	中興

Династия Лян 梁 (502–557)

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
502–549	У-ди	武帝	Сяо Янь	蕭衍	502–519	Тянь-цзянь	天監
					520–527	Пу-тун	普通
					527–529	Да-тун	大通
					529–534	Чжун Да-тун	中大通
					535–546	Да-тун	大同
					546–547	Чжун Да-тун	中大通
					547–549	Тай-цин	太清
549–551	Цзянь Вэнь-ди	簡文帝	Сяо Ган	蕭綱	549–551	Да-бао	大保
551–552	У Лин-ван	武陵王	Сяо Дун	蕭棟	551–552	Тянь-чжэн	天正
552–555	Юань-ди	元帝	Сяо И	蕭繹	552–555	Чэн-шэн	承聖
555	Чжэнь Ян-хоу	貞陽侯	Сяо Юань-мин	蕭淵明	555	Тянь-чэн	天成
555–557	Цзин-ди	景帝	Сяо Фан-чжи	蕭方智	555–556	Шао-тай	紹泰
					556–557	Тай-пин	太平

Династия Поздняя Лян 後梁 **(555–587)**

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
555–562	Чжун-цзун	中宗	Сюань-ди	宣帝	Сяо Ча	蕭察	555–562	Да-дин	打定
562–585	Ши-цзун	世宗	Сяо Мин-ди	孝明帝	Сяо Куй	蕭巋	562–585	Тянь-бао	天保
585–587	—		Сяо Цзин-ди	孝靜帝	Сяо Цун	蕭琮	585–587	Гуан-юнь	廣運

Династия Чэнь 陳 **(557–589)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
557–559	У-ди	武帝	Чэнь Ба-сянь	陳霸先	557–559	Юн-дин	永定
560–566	Вэнь-ди	文帝	Чэнь Цянь	陳蒨	560–566	Тянь-цзя	天嘉
					566	Тянь-кан	天康
567–568	Фэй-ди	廢帝	Чэнь Бо-цзун	陳伯宗	567–568	Гуан-да	光達
569–582	Сюань-ди	宣帝	Чэнь Сюй	陳頊	569–582	Тай-цзянь	太建
583–589	Хоу-чжу	後主	Чэнь Шу-бао	陳叔寶	583–586	Чжи-дэ	至德
					583–589	Чжэнь-мин	貞明

2. Северные династии 北朝

Династия Северная Вэй 北魏 **(386–534)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
386–409	Дао-у-ди	道武帝	Тоба Гуй	拓拔圭	386–396	Дэн-го	登國
					396–398	Хуан-ши	皇始
					398–404	Тянь-син	天興
					404–409	Тянь-цы	天賜
409–423	Мин-юань-ди	明园地	Тоба Сы	拓拔嗣	409–413	Юн-син	永興
					414–416	Шэнь-жуй	神瑞
					416–423	Тай-чан	泰常
424–452	Тай-у-ди	太武帝	Тоба Тао	拓八焘	424–428	Ши-гуан	始光
					428–431	Шэнь-цзя	神麚
					432–434	Янь-хэ	延和
					435–440	Тай-янь	太延
					440–451	Тайпин-чжэньцзюнь	太平真君
					451-452	Чжэн-пин	正平
452	Нань-ань-ван	南安王	Тоба Юй	拓拔余	452	Чэн-пин	承平
452–465	Вэнь-чэн-ди	文成帝	Тоба Цзюнь	拓拔濬	452–454	Син-ань	興安
					454–455	Син-гуан	興光
					455–459	Тай-ань	太安
					460–465	Хэ-пин	和平
466–471	Сянь-вэнь-ди	献文帝	Тоба Хун	拓拔弘	466–467	Тянь-ань	天安
					467–471	Хуан-син	皇興
471	Сяо-вэнь-ди	孝文帝	Юань Хун	元宏	471–476	Янь-син	延興
					476	Чэн-мин	承明
					477–499	Тай-хэ	太和
500–515	Сюань-у-ди	宣武帝	Юань Кэ	元恪	500–503	Цзин-мин	景明
					504–508	Чжэн-ши	正始
					508–512	Юн-пин	永平
					512–515	Янь-чан	延昌

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
516–528	Сяо-мин-ди	晓明帝	Юань Сюй	元詡	516–518	Си-пин	熙平
					518–520	Шэнь-гуй	神龜
					520–525	Чжэн-гуан	正光
					525–527	Сяо-чан	孝昌
					528	У-тай	武泰
528–530	Сяо-чжуан-ди	孝莊 帝	Юань Цзы-ю	元子攸	528	Цзянь-и	建義
					528–530	Юн-ань	永安
530–531	Дун-хай-ван	東海王	Юань Е	元曄	530–531	Цзянь-мин	建明
531–532	Цзе-минь-ди	節閔地	Юань Гун	元恭	531–532	Пу-тай	普泰
531–532	Ань-дин-ван	安定王	Юань Лан	元朗	531–532	Чжун-син	中興
532–534	Сяо-у-ди	孝武帝	Юань Сю	元脩	532	Тай-чан	太昌
					532	Юн-син	永興
					532–534	Юн-си	永熙

Династия Западная Вэй 西魏 **(534–556)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
535	Вэнь-ди	文帝	Юань Бао-цзюй	元寶炬	535–551	Да-тун	大統
552–554	Фэй-ди	廢帝	Юань Цинь	元欽	552–554	—	
554–556	Гун-ди	恭帝	Юань Ко	元廓	554–556	—	

Династия Восточная Вэй 東魏 **(534–550)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
534–550	Сяо-цзин-ди	孝静帝	Юань Шань-цзянь	元善見	534–537	Тянь-пин	天平
					538–539	Юань-сян	元象
					539–542	Син-хэ	兴和
					543–550	У-дин	武定

Династия Северная Ци 北齊 **(550–577)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
550–559	Вэнь-сюань-ди	文宣帝	Гао Ян	高洋	550–559	Тянь-бао	天保
560	Фэй-ди	廢帝	Гао Инь	高殷	560	Цянь-мин	乾明
560–561	Сяо-чжао-ди	小昭帝	Гао Янь	高演	560–561	Хуан-цзянь	皇建
561–565	У-чэн-ди	武成帝	Гао Чжань	高湛	561–562	Тай-нин	太寧
					562–565	Хэ-цин	河清
565–577	Хоу-чжу	後主	Гао Вэй	高緯	565–569	Тянь-тун	天統
					570–576	У-пин	武平
					576–577	Лун-хуа	隆化
576	Ань-дэ-ван	安德王	Гао Янь-цзун	高延宗	576	Дэ-чан	德昌
577	Ю-чжу	幼主	Гао Хэн	高恆	577	Чэн-гуан	承光

Династия Северная Чжоу 北周 **(557–581)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
557	Сяо-минь-ди	孝閔帝	Юйвэнь Цзюэ	宇文覺	—		
557–560	Мин-ди	明帝	Юйвэнь Юй	宇文毓	557–560	У-чэн	武成
561–579	У-ди	武帝	Юйвэнь Юн	宇文邕	561–565	Бао-дин	寶定
					566–572	Тянь-хэ	天和
					572–578	Цзянь-дэ	建德
					578	Сюань-чжэн	宣政
566–572	Сюань-ди	宣帝	Юйвэнь Юнь	宇文贇	579	Да-чэн	大成
572–578	Цзин-ди	静帝	Юйвэнь Чань	宇文闡	579–580	Да-сян	大象
					581	Да-дин	大定

Династия Суй 隋 **(581–618)**

Годы правления	Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
581–604	Вэнь-ди	文帝	Ян Цзянь	楊堅	581–600	Кай-хуан	開皇
					601–604	Жэнь-шоу	仁壽
605–618	Ян-ди	煬帝	Ян Гуан	楊廣	605–618	Да-е	大業
617–618	Гун-ди	恭帝	Ян Ю	楊侑	617–618	И-нин	義寧
618	Юэ-ван	越王	Ян Дун	楊侗	618–619	Хуан-тай	皇泰

Династия Тан 唐 **(618–907)**

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
618–626	Гао-цзу	高祖	Ли Юань	李淵	618–626	У-дэ	武德
627–649	Тай-цзун	太宗	Ли Ши-минь	李世民	627–649	Чжэнь-гуань	貞觀
650–683	Гао-цзун	高宗	Ли Чжи	李治	650–655	Юн-хуй	永徽
					656–661	Сянь-цин	顯慶
					661–663	Лун-шо	龍朔
					664–665	Линь-дэ	麟德
					666–668	Цянь-фэн	乾封
					668–670	Цзун-чжан	總章
					670–674	Сянь-хэн	咸亨
					674–676	Шан-Юань	上元
					676–679	И-фэн	儀鳳
					679–680	Тяо-лу	調露
					680–681	Юн-лун	永隆
					681–682	Кай-яо	開耀
					682–683	Юн-чунь	永淳
					683	Хун-дао	弘道
684	Чжун-цзун	中宗	Ли Сянь	李顯	684	Сы-шэн	嗣聖
684	Жуй-цзун	睿宗	Ли Дань	李旦	684	Вэнь-мин	文明
684–690	У-хоу	武后	У Цзэ-тянь (У Чжао)	武則天 (武曌)	684	Гуан-чжай	光宅
					685–688	Чуй-гун	垂拱
					689	Юн-чан	永昌
					689–690	Цзай-чу	載初

Династия Чжоу 周 (690–705)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
690–705	Цзэ-тянь-ди	則天帝	У Цзэ-тянь (У Чжао)	武則天 (武曌)	690–692	Тянь-шоу	天授
					692	Жу-и	如意
					692–694	Чан-шоу	長壽
					694	Янь-цзай	延載
					695	Чжэн-шэн	證聖
					695–696	Тяньцэ-ваньсуй	天冊萬歲
					696	Ваньсуй-дэнфэн	萬歲登封
					696	Ваньсуй-тунтянь	萬歲通天
					697	Шэнь-гун	神功
					698–700	Шэн-ли	聖曆
					700	Цзю-ши	久視
					701	Да-цзу	大足
					701–704	Чан-ань	長安
					705	Шэнь-лун	神龍

Продолжение династии Тан 唐 (705–907)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
705–710	Чжун-цзун	中宗	Ли Сянь	李顯	705–707	Шэнь-лун	神龍
					707–710	Цзин-лун	景龍
710	Шан-ди	殤帝	Ли Чун-мао	李重茂	710	Тан-лун	唐隆
710–712	Жуй-цзун	睿宗	Ли Дань	李旦	710–711	Цзин-юнь	景雲
					712	Тай-цзи	太極
					712	Янь-хэ	延和
712–756	Сюань-цзун	玄宗	Ли Лун-цзи	李隆基	712–713	Сянь-тянь	先天
					713–741	Кай-юань	開元
					742–756	Тянь-бао	天寶
756–762	Су-цзун	肅宗	Ли Хэн	李亨	756–758	Чжи-дэ	至德
					758–760	Цянь-юань	乾元
					760–761	Шан-юань	上元
					762	Бао-ин	寶應
763–779	Дай-цзун	代宗	Ли Юй	李豫	763–764	Гуан-дэ	廣德
					765–766	Юн-тай	永泰
					766–779	Да-ли	大曆
780–805	Дэ-цзун	德宗	Ли Ко	李适	780–783	Цзянь-чжун	建中
					784	Син-юань	興元
					785–805	Чжэнь-юань	貞元
805	Шунь-цзун	順宗	Ли Сун	李誦	805	Юн-чжэнь	永貞
806–820	Сянь-цзун	憲宗	Ли Чунь	李純	806–820	Юань-хэ	元和
821–824	Му-цзун	穆宗	Ли Хэн	李恆	821–824	Чан-цин	長慶
825–827	Цзин-цзун	敬宗	Ли Чжань	李湛	825–827	Бао-ли	寶曆
827–840	Вэнь-цзун	文宗	Ли Ан	李昂	827–835	Тай-хэ	太和
					836–840	Кай-чэн	開成
841–846	У-цзун	武宗	Ли Янь	李炎	841–846	Хуй-чан	會昌
847–859	Сюань-цзун	宣宗	Ли Чэнь	李忱	847–859	Да-чжун	大中
860–873	И-цзун	懿宗	Ли Цуй	李漼	860–873	Сянь-тун	咸通

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
874–888	Си-цзун	僖宗	Ли Сюань	李儇	874–879	Цянь-фу	乾符
					880–881	Гуан-мин	廣明
					881–885	Чжун-хэ	中和
					885–888	Гуан-ци	光啟
					888	Вэнь-дэ	文德
889–904	Чжао-цзун	昭宗	Ли Е	李曄	889	Лун-цзи	龍紀
					890–891	Да-шунь	大順
					892–893	Цзин-фу	景福
					894–898	Цянь-нин	乾寧
					898–901	Гуан-хуа	光化
					901–904	Тянь-фу	天復
					904	Тянь-ю	天祐
904–907	Ай-ди (Чжао-сюань-ди)	哀帝 (照宣帝)	Ли Чжу	李柷	904–907	Тянь-ю	天祐

Эпоха Пяти династий 五代 (907–960)

Династия Поздняя Лян 後梁 (907–923)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
907–912	Тай-цзу	太祖	—		Чжу Вэнь	朱溫	907–911	Кай-пин	開平
							911–912	Цянь-хуа	乾化
	—		Шу-жэнь	庶人	Чжу Ю-гуй	朱友珪	913	Фэн-ли	鳳曆
913–923	—		Мо-ди	末帝	Чжу Ю-чжэнь	朱友貞	913–915	Цянь-хуа	乾化
							915–921	Чжэнь-мин	貞明
							921–923	Лун-дэ	龍德

Династия Поздняя Тан 後唐 (923–936)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
923–926	Чжуан-цзун	莊宗	—		Ли Цунь-сюй	李存勗	923–926	Тун-гуан	同光
926–933	Мин-цзун	明宗	—		Ли Сы-юань	李嗣源	926–930	Тянь-чэн	天成
							930–933	Чан-син	長興
934	—		Минь-ди	閔帝	Ли Цун-хоу	李從厚	934	Ин-шунь	應順
934–937	—		Мо-ди	末帝	Ли Цун-кэ	李從珂	934–936	Цин-тай	清泰

Династия Поздняя Цзинь 後晉 (936–946)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
936–942	Гао-цзу	高祖	—		Ши Цзин-тан	石敬瑭	936–942	Тянь-фу	天福
942–946	—		Чу-ди	出帝	Ши Чун-гуй	石重貴	942–944	Тянь-фу	天福
							944–946	Кай-юнь	開運

Династия Поздняя Хань 後漢 (947–950)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
947–948	Гао-цзу	高祖	—		Лю Чжи-юань	劉知遠	947	Тянь-фу	天福
							948	Цянь-ю	乾佑
948–950	—		Инь-ди	隱帝	Лю Чэн-ю	劉承祐	948–950	Цянь-ю	乾佑

Династия Поздняя Чжоу 後周 (951–960)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
951–953	Тай-цзу	太祖	—		Го Вэй	郭威	951–953	Гуан-шунь	廣順
							954	Сянь-дэ	顯德
954–959	Ши-цзун	世宗	—		Чай Жун	柴榮	954–959	Сянь-дэ	顯德
959–960	—		Гун-ди	恭帝	Чай Цзун-сюнь	柴宗訓	959–960	Сянь-дэ	顯德

Династия Сун 宋 (960–1279)

Династия Северная Сун 北宋 (960–1127)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
960–976	Тай-цзу	太祖	Чжао Куан-инь	趙匡胤	960–963	Цзянь-лун	建隆
					963–968	Цзянь-дэ	乾德
					968–976	Кай-бао	開寶
976–997	Тай-цзун	太宗	Чжао Гуан-и (Чжао Куан-и, Чжао Цзюн)	趙光義 (趙匡義, 趙炅)	976–984	Тайпин-синго	太平興國
					984–987	Юн-си	雍熙
					988–989	Дуань-гун	端拱
					990–994	Чунь-хуа	淳化
					995–997	Чжи-дао	至道
998–1022	Чжэнь-цзун	眞宗	Чжао Хэн	趙恆	998–1003	Сянь-пин	咸平
					1004–1007	Цзин-дэ	景德
					1008–1016	Дачжун-сянфу	大中祥符
					1017–1021	Тянь-си	天禧
					1022	Цянь-син	乾興
1022–1063	Жэнь-цзун	仁宗	Чжао Чжэнь	趙禎	1023–1032	Тянь-шэн	天聖
					1032–1033	Мин-дао	明道
					1034–1038	Цзин-ю	景祐
					1038–1040	Бао-юань	寶元
					1040–1041	Кан-дин	康定
					1041–1048	Цин-ли	慶曆
					1049–1054	Хуан-ю	皇祐
					1054–1056	Чжи-хэ	至和
					1056–1063	Цзя-ю	嘉祐

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1064–1067	Ин-цзун	英宗	Чжао Шу	趙曙	1064–1067	Чжи-пин	治平
1068–1085	Шэнь-цзун	神宗	Чжао Сюй	趙頊	1068–1077	Си-нин	熙寧
					1078–1085	Юань-фэн	元豐
1086–1100	Чжэ-цзун	哲宗	Чжао Сюй	趙煦	1086–1094	Юань-ю	元祐
					1094–1098	Шао-шэн	紹聖
					1098–1100	Юань-фу	元符
1101–1125	Хуй-цзун	徽宗	Чжао Цзи	趙佶	1101	Цзяньчжун-цзинго	建中靖國
					1102–1106	Чун-нин	崇寧
					1107–1110	Да-гуань	大觀
					1111–1118	Чжэн-хэ	政和
					1118–1119	Чун-хэ	重和
					1119–1125	Сюань-хэ	宣和
1126–1127	Цинь-цзун	欽宗	Чжао Хуань	趙桓	1126–1127	Цзин-кан	靖康

Династия Южная Сун 南宋 **(1127–1279)**

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1127–1162	Гао-цзун	高宗	Чжао Гоу	趙構	1127–1130	Цзин-янь	靖炎
					1131–1162	Шао-син	紹興
1162–1189	Сяо-цзун	孝宗	Чжао Шэнь	趙昚	1163–1164	Лун-син	隆興
					1165–1173	Цянь-дао	乾道
					1174–1189	Чунь-си	淳熙
1190–1194	Гуан-цзун	光宗	Чжао Дунь	趙惇	1190–1194	Шао-си	紹熙
1195–1224	Нин-цзун	寧宗	Чжао Ко	趙擴	1195–1200	Цин-юань	慶元
					1201–1204	Цзя-тай	嘉泰
					1205–1207	Кай-си	開禧
					1208–1224	Цзя-дин	嘉定
1225–1264	Ли-цзун	理宗	Чжао Юнь	趙昀	1225–1227	Бао-цин	寶慶
					1228–1233	Шао-дин	紹定
					1234–1236	Дуань-пин	端平
					1237–1240	Цзя-си	嘉熙
					1241–1252	Чунь-ю	淳祐
					1253–1258	Бао-ю	寶祐
					1259	Кай-цин	開慶
					1260–1264	Цзин-дин	景定
1265–1274	Ду-цзун	度宗	Чжао Ци	趙禥	1265–1274	Сянь-чунь	咸淳
1275–1276	Гун-цзун	恭宗	Чжао Сянь	趙顯	1275–1276	Дэ-ю	德祐
1276–1278	Дуань-цзун	端宗	Чжао Ши	趙昰	1276–1278	Цзин-янь	景炎
1278–1279	Вэй-ван (*посм. имя*)	衛王	Чжао Бин	趙昺	1278–1279	Сянь-син	祥興

Династия Юань 元 **(1271–1368)**

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1271–1294	Ши-цзу	世宗	Хубилай	忽必烈	1260–1264	Чжун-тун	中統
					1264–1294	Чжи-юань	至元
1295–1307	Чэн-цзун	成宗	Тэмур	鐵木耳 (鐵穆耳)	1295–1297	Юань-чжэнь	元貞
					1297–1307	Да-дэ	大德
1308–1311	У-цзун	武宗	Кайшан	海山	1308–1311	Чжи-да	至大
1312–1320	Жэнь-цзун	仁宗	Аюрпарибхадра (Буянту-хан)	愛育黎拔力八達	1312–1313	Хуан-цин	皇慶
					1314–1320	Янь-ю	延祐
1321–1323	Ин-цзун	英宗	Шидэбал (Суддхипала, Гэгэн-хан)	碩德八剌	1321–1323	Чжи-чжи	至治
1324–1328	Цзинь-цзун	晉宗	Есун-Тэмур (Эсэн-Тэмур)	也孫鐵木兒	1324–1328	Тай-дин	泰定
					1328	Чжи-хэ	致和
1328–1329	Ю-чжу	幼主	Ариг-Буга (Аригаба)	阿剌吉八 (阿速吉八)	1328	Тянь-шунь	天順
1328–1331	Вэнь-цзун	文宗	Тог-Тэмур	圖鐵木兒	1328–1329	Тянь-ли	天曆
					1330–1331	Чжи-шунь	至順
1329	Мин-цзун	明宗	Кушала	和世剌	—		
1332	Нин-цзун	寧宗	Ринчинбал	懿璘質班	1332	Чжи-шунь	至順
1333–1368	Хуй-цзун	惠宗	Тогон-Тэмур (Ухан-ту-хан)	妥懽鐵木兒	1333–1335	Юань-тун	元統
					1335–1340	Чжи-юань	至元
					1341–1370	Чжи-чжэн	至正

Династия Мин 明 **(1368–1644)**

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號), *сокр. форма*		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1368–1398	Тай-цзу	太祖	Гао-ди	高帝	Чжу Юань-чжан	朱元璋	1368–1398	Хун-у	洪武
1399–1402	—		Хуй-ди	惠帝	Чжу Юнь-вэнь	朱允炆	1399–1402	Цзянь-вэнь	建文
1403–1424	Чэн-цзу (Тай-цзун)	成祖 (太宗)	Вэнь-ди	文帝	Чжу Ди	朱棣	1403–1424	Юн-лэ	永乐
1425	Жэнь-цзун	仁宗	Чжао-ди	昭帝	Чжу Гао-чи	朱高熾	1425	Хун-си	洪熙
1426–1435	Сюань-цзун	宣宗	Чжан-ди	章帝	Чжу Чжань-цзи	朱瞻基	1426–1435	Сюань-дэ	宣宗
1435–1449	Ин-цзун	英宗	Жуй-ди	睿帝	Чжу Ци-чжэнь	朱祁鎮	1436–1449	Чжэн-тун	正統
1450–1457	Дай-цзун	代宗	Цзин-ди	景帝	Чжу Ци-юй	朱祁鈺	1450–1457	Цзин-тай	景泰
1457–1464	Ин-цзун	英宗	Жуй-ди	睿帝	Чжу Ци-чжэнь	朱祁鎮	1457–1464	Тянь-шунь	天順
1465–1487	Сянь-цзун	憲宗	Чунь-ди	純帝	Чжу Цзянь-шэнь	朱見深	1465–1487	Чэн-хуа	成華
1488–1505	Сяо-цзун	孝宗	Цзин-ди	敬帝	Чжу Ю-тао	朱祐樘	1488–1505	Хун-чжи	弘治
1506–1521	У-цзун	武宗	И-ди	毅帝	Чжу Хоу-чжао	朱厚照	1506–1521	Чжэн-дэ	正德
1522–1566	Ши-цзун	世宗	Су-ди	肅帝	Чжу Хоу-цун	朱厚熜	1522–1566	Цзя-цзин	嘉靖
1567–1672	Му-цзун	穆宗	Чжуан-ди	莊帝	Чжу Цзай-хоу	朱載垕	1567–1572	Лун-цин	隆慶

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號), *сокр. форма*		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1573–1620	Шэнь-цзун	神宗	Сянь-ди	顯帝	Чжу И-цзюнь	朱翊鈞	1573–1620	Вань-ли	萬曆
1620	Гуан-цзун	光宗	Чжэнь-ди	貞帝	Чжу Чан-ло	朱常洛	1620	Тай-чан	泰昌
1621–1627	Си-цзун	熹宗	Чжэ-ди	悊帝	Чжу Ю-цзяо	朱由校	1621–1627	Тянь-ци	天啟
1628–1644	Сы-цзун	思宗	Чжуан-ле-ди	莊烈愍	Чжу Ю-цзянь	朱由檢	1628–1644	Чун-чжэнь	崇禎

Династия Цин 清 **(1644–1911)**

(в Маньчжурии, 1616–1643)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號), *сокр. форма*		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1616–1626	Тай-цзу	太祖	Гао-ди	高帝	Нурхаци	努爾哈赤	1616–1626	Тянь-мин	天命
1627–1643	Тай-цзун	太宗	Вэнь-ди	文帝	Хуантайцзи (Хунтайцзи)	皇太極 (洪太極)	1627–1636	Тянь-цун	天聰
							1636–1643	Чун-дэ	崇德

(в Китае, 1644–1911)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號), *сокр. форма*		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1644–1661	Ши-цзу	世祖	Чжан-ди	章帝	Фу Линь	福臨	1644–1661	Шунь-чжи	順治
1662–1722	Шэн-цзу	聖祖	Жэнь-ди	仁帝	Сюань Е	玄燁	1662–1722	Кан-си	康熙
1723–1735	Ши-цзун	世宗	Сянь-ди	憲帝	Инь Чжэнь	胤禛	1723–1735	Юн-чжэн	雍正
1736–1795	Гао-цзун	高宗	Чунь-ди	純帝	Хун Ли	弘曆	1736–1795	Цянь-лун	乾隆
1796–1820	Жэнь-цзун	仁宗	Жуй-ди	睿帝	Юн Янь	顒琰	1796–1820	Цзя-цин	嘉慶
1821–1850	Сюань-цзун	宣宗	Чэн-ди	成帝	Минь Нин	旻寧	1821–1850	Дао-гуан	道光
1851–1861	Вэнь-цзун	温宗	Сянь-ди	顯帝	И Чжу	奕詝	1851–1861	Сянь-фэн	咸豐
1862–1874*	Му-цзун	穆宗	И-ди	毅帝	Цзай Чунь	載淳	1862–1874	Тун-чжи	同治
1875–1908*	Дэ-цзун	德宗	Цзин-ди	景帝	Цзай Тянь	載湉	1875–1908	Гуан-сюй	光緒
1909–1911	—		Сюнь-ди	遜帝	Пу И	溥儀	1909–1911	Сюань-тун	宣統

Китайская Республика 中華民國 **(1912–1949)**

Китайская Народная Республика 中華人民共和國 **(с 1949 г.)**

* В 1862–1889 и 1898–1908 гг. фактическая власть находилась в руках вдовствующей императрицы Цы Си 慈禧.

Государство киданей Ляо 遼 (916–1125)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
916–927	Тай-цзу	太祖	Елюй Абаоцзи (Елюй И)	耶律阿保機 (耶律億)	916–922	神冊	Шэнь-цэ
					922–926	天贊	Тянь-цзань
					926–927	天顯	Тянь-сянь
927–947	Тай-цзун	太宗	Елюй Дэ-гуан	耶律德光	927–938	天顯	Тянь-сянь
					938–947	會同	Хуй-тун
					947	大同	Да-тун
947–951	Ши-цзун	世宗	Елюй Юань	耶律阮	947–951	天祿	Тянь-лу
951–969	Му-цзун	穆宗	Елюй Цзин	耶律璟	951–969	應曆	Ин-ли
969–983	Цзин-цзун	景宗	Елюй Сянь	耶律賢	969–979	保寧	Бао-нин
					979–983	乾亨	Цянь-хэн
983–1031	Шэн-цзун	聖宗	Елюй Лун-сюй	耶律隆緒	983–1012	統和	Тун-хэ
					1012–1021	開泰	Кай-тай
					1021–1031	太平	Тай-пин
1031–1055	Син-цзун	興宗	Елюй Цзун-чжэнь	耶律宗真	1031–1032	景福	Цзин-фу
					1032–1055	重熙	Чун-си
1055–1101	Дао-цзун	道宗	Елюй Хун-цзи	耶律洪基	1055–1065	清寧	Цин-нин
					1065–1075	咸雍	Сянь-юн
					1075–1085	太康 (大康)	Тай-кан (Да-кан)
					1085–1095	大安	Да-ань
					1095–1101	壽昌 (壽隆)	Шоу-чан (Шоу-лун)
1101–1125	Тянь-цзо-ди (*посм. имя*)	天祚帝 (謚號)	Елюй Янь-си	耶律延禧	1101–1111	乾統	Цянь-тун
					1111–1121	天慶	Тянь-цин
					1121–1125	保大	Бао-да

Государство Западное Ляо 西遼 (1124–1211)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1124–1144	Дэ-цзун	德宗	Елюй Да-ши	耶律大石	1124–1134	Янь-цин	延慶
					1134–1144	Кан-го	康國
1144–1151	Гань-тянь-хоу	感天后	Сяота Бу-янь	蕭塔不煙	1144–1151	Сянь-цин	咸清
1151–1164	Жэнь-цзун	仁宗	Елюй И-ле	耶律夷列	1151–1164	Шао-син	紹興
1164–1178	Чэн-тянь-хоу	承天后	Елюй Пусувань	耶律普速完	1164–1178	Чун-фу	崇福
1178–1211	Мо-чжу	末主	Елюй Чжилугу	耶律直魯古	1178–1211	Тянь-си	天禧

Государство тангутов Си Ся
西夏 **(1032–1227)**

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Посмертное имя (*ши хао* 諡號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао*年號)		
1032–1049	Цзин-цзун	景宗	У-ле-ди	武烈帝	Ли Юань-хао	李元昊	1032–1034	Сянь-дао	顯道
							1034	Кай-юнь	開運
							1034–1036	Гуан-пин	廣平
							1036–1038	Да-цин	大慶
							1038–1049	Тяньшоу-лифа-яньцзо	天授禮法延祚
1049–1068	И-цзун	毅宗	Чжао-ин-ди	昭英帝	Ли Лян-цзо	李諒祚	1049–1050	Яньсы-нинго	延嗣寧國
							1049–1053	Тянью-чуйшэн	天祐垂聖
							1053–1057	Фушэн-чэндао	福聖承道
							1057–1063	До-ду	饒都
							1063–1068	Гун-хуа	拱化
1068–1086	Хуй-цзун	惠宗	Кан-цзин-ди	康靖帝	Ли Бин-чан	李秉常	1068–1069	Цянь-дао	乾道
							1069–1075	Тяньцы-лишэн-гоцин	天賜禮盛國慶
							1075–1086	Да-ань	大安
							1086	Тяньань-лидин	天安禮定
1086–1140	Чун-цзун	崇宗	Шэн-вэнь-ди	聖文帝	Ли Цянь-шунь	李乾順	1086–1090	Тяньи-чжипин	天儀治平
							1090–1098	Тянью-миньань	天祐民安
							1098–1101	Юн-ань	永安
							1100–1114	Чжэнь-гуань	貞觀
							1114–1119	Юн-нин	雍寧
							1119–1127	Юань-дэ	元德
							1127–1135	Чжэн-дэ	正德
							1135–1140	Да-дэ	大德
1140–1194	Жэнь-цзун	仁宗	Шэн-чжэнь-ди	聖禎帝	Ли Жэнь-сяо	李仁孝	1140–1144	Да-цин	大慶
							1144–1149	Жэнь-цин	人慶
							1149–1170	Тянь-шэн	天盛
							1170–1194	Цянь-ю	乾祐
1194–1206	Хуань-цзун	桓宗	Чжао-цзянь-ди	昭簡帝	Ли Чунь-ю	李純佑	1194–1206	Тянь-цин	天慶
1206–1211	Сян-цзун	襄宗	Цзин-у-ди	景武帝	Ли Ань-цюань	李安全	1206–1210	Ин-тянь	應天
							1210–1211	Хуан-цзянь	皇建
1211–1223	Шэнь-цзун	神宗	Ин-вэнь-ди	英文帝	Ли Цзунь-сюй	李遵頊	1211–1223	Гуан-дин	光定
1223–1227	Сянь-цзун	獻宗	—		Ли Дэ-ван	李德旺	1223–1227	Цянь-дин	乾定
1227	Мо-чжу	末主	Шидур-ку		Ли Сянь	李睍	1227	Бао-и	寶義

Государство чжурчжэней Цзинь 金 (1115–1234)

Годы правления	Храмовое имя (*мяо хао* 廟號)		Личное имя		Девиз правления (*нянь хао* 年號)		
1115–1123	Тай-цзу	太祖	Ваньянь Агуда	完顏阿骨打	1115–1117	Шоу-го	收國
					1117–1123	Тянь-фу	天輔
1123–1136	Тай-цзун	太宗	Ваньянь Уцимай (Ваньянь Шэн)	完顏吳乞買 (完顏晟)	1123–1136	Тянь-хуй	天會
1136-1149	Си-цзун	熙宗	Ваньянь Хэ-ла (Ваньянь Дань)	完顏合剌 (完顏亶)	1136–1338	Тянь-хуй	天會
					1138–1141	Тянь-цзюань	天眷
					1141–1149	Хуан-тун	皇統
1149–1161	Хай-лин-ван (*посм. имя*)	海陵王	Ваньянь Лян	完顏亮	1149–1153	Тянь-дэ	天德
					1153–1156	Чжэнь-юань	貞元
					1156–1161	Чжэн-лун	正隆
1161–1190	Ши-цзун	世宗	Ваньянь Юн	完顏雍	1161–1190	Да-дин	大定
1190–1209	Чжан-цзун	章宗	Ваньянь Цзин	完顏璟	1190–1196	Мин-чан	明昌
					1196–1201	Чэн-ань	承安
					1201–1209	Тай-хэ	泰和
1209–1213	Вэй-шао-ван (*посм. имя*)	衛紹王	Ваньянь Юнцзи	完顏永濟	1209–1212	Да-ань	大安
					1212–1213	Чун-цин	崇慶
					1213	Чжи-нин	至寧
1213–1224	Сюань-цзун	宣宗	Ваньянь Сюнь	完顏珣	1213–1217	Чжэнь-ю	貞祐
					1217–1222	Син-дин	興定
					1222–1224	Юань-гуан	元光
1224–1234	Ай-цзун	哀宗	Ваньянь Шоусюй	完顏守緒	1224–1232	Чжэн-да	正大
					1232	Кай-син	開興
					1232–1234	Тянь-син	天興
1234	Мо-ди (*посм. имя*)	末帝	Ваньянь Чэнлинь	完顏承麟	1234	Шэн-чан	盛昌

Источники:
Большой китайско-русский словарь. Т. 1. М., 1983.
中国大百科全书. 中国历史. 北京, 1998年.
中国历代任命大辞典. 上海, 1999年.

Высшие руководители КНР и КПК с 1949 г.

Председатели ВК НПКСК

1949–1954 — Мао Цзэ-дун
1954–1976 — Чжоу Энь-лай
1978–1983 — Дэн Сяо-пин
1983–1992 — Ли Сянь-нянь
1993–2003 — Ли Жуй-хуань
с 2003 — Цзя Цин-линь

Председатели КНР

1954–1959 — Мао Цзэ-дун
1959–1966 — Лю Шао-ци
1981 май — Сун Цин-лин
(почетный Председатель КНР)
1988–1993 — Ян Шан-кунь
1993–2003 — Цзян Цзэ-минь
с 2003 — Ху Цзинь-тао

Председатели ПК ВСНП

1954–1959 — Лю Шао-ци
1959–1976 — Чжу Дэ
1977–1983 — Е Цзянь-ин
1983–1988 — Пэн Чжэнь
1988–1993 — Вань Ли
1993–1998 — Цао Ши
1998–2003 — Ли Пэн
с 2003 — У Бан-го

Председатель Центрального народного правительства

1949–1954 — Мао Цзэ-дун

Премьер Государственного административного совета

1949–1954 — Чжоу Энь-лай

Премьеры Государственного совета

1954–1976 — Чжоу Энь-лай
1976–1980 — Хуа Го-фэн
1980–1987 — Чжао Цзы-ян
1987–1998 — Ли Пэн
1998–2003 — Чжу Жун-цзи
с 2003 — Вэнь Цзя-бао

Председатель Народно-революционного Военного совета

1949–1954 — Мао Цзэ-дун

Председатели Государственного комитета обороны

1954–1959 — Мао Цзэ-дун
1959–1966 — Лю Шао-ци

Председатели Центрального Военного совета КНР

1976–1983 — Хуа Го-фэн
1983–1990 — Дэн Сяо-пин
1990–2004 — Цзян Цзэ-минь
с 2004 — Ху Цзинь-тао

Председатели ЦК КПК

1949–1976 — Мао Цзэ-дун
1976–1981 — Хуа Го-фэн
1981–1987 — Ху Яо-бан

Генеральные секретари ЦК КПК

1956–1966 — Дэн Сяо-пин
1980–1987 — Ху Яо-бан
1987–1989 — Чжао Цзы-ян
1989–2002 — Цзян Цзэ-минь
с 2002 — Ху Цзинь-тао

Демократические партии в КНР

№	Название партии	Год образования	Численный состав, тыс.	Председатель ЦК партии
1	*Чжунго Гоминьдан гэмин вэйюаньхуй* (Революционный комитет Гоминьдана Китая — РКГ)	1948	79	Хэ Лу-ли, род. 1934, врач по образованию, зам. председателя ПК ВСНП 10-го созыва, ректор Центральной социалистической академии
2	*Чжунго миньчжу тунмэн* (Демократическая лига Китая — ДЛК)	1941	160	Цзян Шу-шэн, род. 1940, профессор-физик, ректор Нанкинского университета
3	*Чжунго миньчжу цзяньгохуй* (Ассоциация демократического национального строительства Китая — АДНСК)	1945	85	Чэн Сы-вэй, род. 1935, по образованию химик, инженер высшей квалификации, зам. председателя ПК ВСНП 10-го созыва
4	*Чжунго миньчжу цуцзиньхуй* (Ассоциация содействия развитию демократии Китая — АСРДК)	1945	81	Сюй Цзя-лу, род. 1937, профессор-лингвист, зам. председателя ПК ВСНП 10-го созыва, председатель Государственного комитета по работе в области языка и письменности
5	*Чжунго нунгун миньчжудан* (Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая — КРДПК)	1930	80	Цзян Чжэн-хуа, род. 1937, профессор-демограф, зам. председателя ПК ВСНП 10-го созыва, зам. председателя Государственного комитета по планированию рождаемости
6	*Чжунго чжигундан* (Китайская партия стремления к справедливости)	1925	30	Ло Хао-цай, род. 1934, юрист, член КПК, зам. председателя ВК НПКСК 10-го созыва, зам. председателя Верховного народного суда, зам. председателя Всекитайской ассоциации соотечественников-тайваньцев
7	*Цзю сань сюэшэ* (Общество «3 сентября»)	1944	93	Хань Ци-дэ, род. 1945, член КПК, врач по образованию, действительный член АН Китая, зам. председателя ПК ВСНП 10-го созыва, председатель Научно-технической ассоциации Китая
8	*Тайвань миньчжу цзычжи тунмэн* (Лига демократического самоуправления Тайваня — ЛДСТ)	1947	2	Линь Вэнь-и, род. 1944, член ПК ВСНП, зам. начальника секретариата ВСНП

Политические партии на Тайване

Более 140 политических партий различных направлений зарегистрировано на Тайване. На политической арене активно проявляют себя однако лишь несколько названных ниже партий. Другие мелкие партии существенной роли в общественно-политической жизни не играют. В последние годы основные политические партии объединились в два соперничающих друг с другом партийных блока — так называемые «зеленый лагерь» и «синий лагерь». В первый лагерь входят ДПП и ее союзник *Тайлянь*. Во второй, во главе которого стоит Гоминьдан, входят отколовшиеся от него в свое время *Синьдан* и *Циньминьдан*.

№	Название партии	Год образования	Статус	Руководящие органы	Председатель партии
1	*Чжунго Гоминьдан* — Гоминьдан (Национальная партия Китая)	1912	Правящая — 1949–2000 В оппозиции — 2000–2008 Правящая — с марта 2008	Национальный съезд Центральный Постоянный комитет	У Бо-сюн
2	*Миньчжу цзиньбудан* (Демократическая прогрессивная партия — ДПП)	1986	В оппозиции — 1986–2000 Правящая — 2000–2008 В оппозиции — с марта 2008	Национальный съезд Центральный исполнительный комитет Центральный Постоянный комитет	Цай Ин-вэнь
3	*Синьдан* (Новая партия)	1993	Союзник Гоминьдана	Национальный совет	Йок Му-мин
4	*Циньминьдан* (Первая народная партия)	2000	Союзник Гоминьдана	Национальный совет Центральный исполнительный комитет	Сун Чу-юй
5	*Тайвань туаньцзе ляньмэн — Тайлянь* (Тайваньский союз солидарности)	2001	Союзник ДПП	Партийный съезд Центральный исполнительный комитет	Су Цзинь-тян

Ок. 400 тыс. лет до н.э. — стоянка синантропа Homo erectus pekinensis (ранний палеолит)
Ок. 35 тыс. лет до н.э. — стоянка ордосского (хэтаоского) человека (средний палеолит)
Ок. 20 тыс. лет до н.э. — стоянка шаньдиндунского человека (поздний палеолит)
V–III тыс. до н.э. — неолитическая культура Яншао (расписная керамика, на территории пров. Шаньдун)
III–II тыс. до н.э. — неолитическая культура Луншань (черная керамика, на территории пров. Шаньдун)
XVII в. до н.э. — зарождение китайской иероглифической письменности

XVI–XI вв. до н.э. — период Шан–Инь
XV–XI вв. до н.э. — цивилизация бронзы в Сычуани
XIII в. до н.э. — возведение первых городов, окруженных стенами
1122 до н.э. — битва при Муе. Гибель государства Шан–Инь

1122–247 до н.э. — эпоха Чжоу
распространение влияния китайской культуры на соседние регионы;
создание классических произведений: «Ши цзин» («Книга песен»), «Шу цзин» («Книга преданий»), «И цзин» («Книга перемен»);
появление письменных описаний системы ритуалов и организации управления

770–476 до н.э. — период Чунь-цю (Вёсны и Осени)
VI–V вв. до н.э. — возникновение философских учений: конфуцианства и даосизма

475–221 до н.э. — период Чжань-го (Сражающиеся царства)
VI–III вв. до н.э. — расцвет китайской философской мысли («соперничество ста школ»);
появление укрепленных городов;
сооружение оборонительных стен на границах страны
230–221 до н.э. — покорение царством Цинь царств Хань, Чжао, Вэй, Чу, Янь и Ци

221–207 до н.э. — создание императором Цинь Ши-хуан-ди первого китайского централизованного государства
215–213 до н.э. — завершение строительства Великой Китайской стены (для защиты от вторжений кочевников);
унификация письменности и системы мер и весов
211–210 до н.э. — возведение гробницы Цинь Ши-хуан-ди

206 до н.э. — 220 н.э. — эпоха Хань
коренная перестройка системы управления
II в. до н.э. — начало контактов с Западом; караванная торговля между Китаем и Центральной Азией
134 до н.э. — официальное учреждение экзаменационной системы
119 до н.э. — введение монополии государства на соль и железо
I в. до н.э. — открытие Великого Шелкового пути
92 до н.э. — завершение Сыма Цянем первой китайской историко-биографической энциклопедии «Ши цзи» («Исторические записки»);
проникновение буддизма в Китай;
походы китайцев в Наньюэ, Миньюэ, Корею, Фергану;
изобретение бумаги, сейсмографа и создание небесного глобуса;
процветание ремесел: изготовление лаковых и терракотовых изделий, бронзовых зеркал; развитие художественного ткачества из шелка
184 н.э. — начало восстания «желтых повязок»

220–280 — эпоха Сань-го (Троецарствие) (царства Вэй, Шу, У)
III в. — междоусобные войны (за 60 лет население Китая сократилось с 50 до 7 млн. чел.);
развитие технологий металлургического производства;
вторжение кочевников; воцарение некитайских династий

420–589 — эпоха Нань-бэй-чао (Южные и Северные династии)
развитие медицины;
распространение культуры чая;
расцвет литературы и изящных искусств

581–618 — династия Суй
VII в. — объединение Китая в единую империю (столица Чанъань);
унификация денежных знаков, аграрная и налоговая реформы
605–607 — начало строительства Великого канала
610 — сооружение первого моста с арочными сегментами;
административная, денежная, аграрная и фискальная реформы;
появление техники книгопечатания с помощью деревянных резных досок (ксилография)

618–907 — династия Тан
630 — восстановление системы обязательных экзаменов
652 — принятие Уголовного кодекса династии Тан;
подъем торговли, добычи полезных ископаемых и развитие ремесел

VII–VIII вв. — начало использования пороха; появление изделий из фарфора
VIII в. — потеря влияния Китая в Тибете
738 — основание академии Ханьлинь; «золотой век» поэзии: Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй и др.; расцвет живописи и каллиграфии
751 — утрата Китаем влияния на Великом Шелковом пути
755 — мятеж Ань Лу-шаня
875–884 — крестьянская война под предводительством Хуан Чао

907–960 — эпоха У-дай (Пять династий)

960–1279 — династия Сун
960–980 — объединение империи (столица Кайфэн)
1041–1048 — изобретение подвижного шрифта для книгопечатания
1069–1086 — реформы Ван Ань-ши
XI в. — первое свидетельство китайских источников о появлении компаса
XI–XII вв. — возникновение неоконфуцианства
XIII в. — завоевание Китая монголами

1271–1368 — династия Юань
1275–1292 — путешествие Марко Поло в Китай и Индию
1351–1368 — восстание «красных повязок»; свержение монгольской династии Юань

1368–1644 — династия Мин
1405–1430 — морские экспедиции Чжэн Хэ
1405 — создание литературной энциклопедии «Юн-лэ да дянь» («Великое собрание [образцовых сочинений, составленное в годы правления] Юн-лэ»)
1557 — передача Макао (Аомэнь) в аренду Португалии
1639–1644 — крестьянское восстание под руководством Ли Цзы-чэна
1644 — взятие Пекина маньчжурами

1644–1911 — династия Цин
1654–1656 — первое официальное русское посольство Ф.И. Байкова в Китае
1675–1677 — посольство Н.Г. Спафария в Китай; образование тайных обществ *Тяньдихуй* («Общество Неба и Земли») и *Саньхэхуй* («Общество Трех согласий», или «Триада»)
1689 — Нерчинский договор с Россией
1715 — создание иностранных факторий на территории Китая
1796–1804 — восстание «Белого лотоса»
1840–1842 — первая «опиумная война»
29 авг. 1842 — подписание Нанкинского договора, по которому Гонконг (Сянган) переходил в «вечное владение» Великобритании
1850–1864 — Тайпинское восстание
1856–1860 — вторая «опиумная война»
1884–1885 — франко-китайская война
1894–1895 — японо-китайская война
17 апр. 1895 — Симоносекский договор: упразднение вассалитета Кореи по отношению к Китаю; передача Японии о-ва Тайвань
1896–1902 — строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)
1898 — раздел Китая на сферы влияния европейских держав
11 июня – 21 сент. 1898 — «сто дней реформ»
1899–1901 — восстание *ихэтуаней*
1905 — создание Сунь Ят-сеном революционной политической организации *Тунмэнхуй* («Объединенный союз»)
1911–1912 — Синьхайская революция; свержение маньчжурской династии Цин

1 янв. 1912 — провозглашение Китайской Республики
12 февр. 1912 — обнародование акта об отречении императора Пу И; упразднение монархии
авг. 1912 — создание партии Гоминьдан
1915 — попытка восстановления монархии Юань Ши-каем
май–июнь 1919 — «движение 4 мая»
1920 — появление первых марксистских кружков
июль 1921 — I съезд Коммунистической партии Китая (КПК)
янв. 1924 — I съезд Гоминьдана
1925–1927 — Национальная революция
июль 1926 — март 1927 — Северный поход Национально-революционной армии (НРА)
1 авг. 1927 — Наньчанское восстание; создание Народно-освободительной армии Китая (НОАК)
1927–1937 — «Нанкинское десятилетие»
1932–1945 — создание марионеточного государства Маньчжоу-го на территории Китая
1934–1935 — Великий (Северо-Западный) поход Красной армии Китая
12 дек. 1936 — «сианьский инцидент»
7 июля 1937 — 2 янв. 1945 — Война сопротивления Японии
14 авг. 1945 — подписание Договора о дружбе и союзе между СССР и Китаем
1946–1949 — гражданская война в Китае

1 окт. 1949 — провозглашение Китайской Народной Республики (КНР)
2 окт. 1949 — установление дипломатических отношений между СССР и КНР
14 февр. 1950 — подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР
19 окт. 1950 — вступление китайских добровольцев на территорию Кореи для участия в войне
20 сент. 1954 — первая Конституция КНР
28 апр. 1956 — выдвижение курса «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы»
15–27 сент. 1956 — VIII съезд КПК
июнь 1957 — начало кампании борьбы с «правыми элементами»

1958–1960 — политика «трех красных знамен»: «генеральной линии», народных коммун и «большого скачка»

1959 — эмиграция Далай-ламы в Индию

1961–1965 — период «урегулирования» народного хозяйства КНР после «большого скачка»

24–27 сент. 1962 — X пленум ЦК КПК — курс на обострение классовой борьбы

1963–1965 — кампания «четырех чисток»

16 окт. 1964 — первое испытание атомной бомбы

20 дек. – 4 янв. 1964 — 1-я сессия ВСНП 3-го созыва; выдвижение Чжоу Энь-лаем идеи «четырех модернизаций»

авг. 1966 — начало «культурной революции»

1–24 апр. 1969 — IX съезд КПК; провозглашение Линь Бяо «преемником» Мао Цзэ-дуна

24 апр. 1970 — запуск первого китайского искусственного спутника

1971 — КНР становится постоянным членом Совета безопасности ООН

8–10 янв. 1975 — II пленум ЦК КПК 10-го созыва; избрание Дэн Сяо-пина зам. Председателя ЦК КПК и членом ПК Политбюро ЦК КПК.

7 апр. 1976 — снятие Дэн Сяо-пина со всех постов в партии и государственном аппарате

9 сент. 1976 — смерть Мао Цзэ-дуна

6 окт. 1976 — арест «банды четырех» (Цзян Цин, Чжан Чунь-цяо, Ван Хун-вэнь, Яо Вэнь-юань)

18–22 дек. 1978 — III пленум ЦК КПК 11-го созыва; провозглашение курса на проведение экономической реформы и политики открытости

1979 — установление дипломатических отношений между США и КНР

27–29 июня 1981 — VI пленум ЦК КПК 11-го созыва; избрание Дэн Сяо-пина председателем Военного совета ЦК КПК; «Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории нашей партии со времени образования КНР».

1–12 сент. 1982 — XII съезд КПК; курс на строительство «социализма с китайской спецификой»

1982 — численность населения КНР превысила 1 млрд. человек

13 мая – 4 июня 1989 — студенческие выступления в Пекине на площади Тяньаньмэнь

23–24 июня 1989 — IV пленум ЦК КПК 13-го созыва; избрание Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэ-миня

12–18 окт. 1992 — XIV съезд КПК; решение о создании системы социалистической рыночной экономики на основе теории Дэн Сяо-пина о «строительстве социализма с китайской спецификой»

15–31 марта 1993 — 1-я сессия ВСНП 8-го созыва; избрание Цзян Цзэ-миня Председателем КНР; назначение Ли Пэна премьером Госсовета КНР

1 июля 1997 — переход Гонконга (Сянгана) под юрисдикцию КНР

20 нояб. 1999 — запуск первого китайского беспилотного космического корабля «Шэньчжоу»

20 декабря 1999 — переход Аомэня (Макао) под юрисдикцию КНР

15 июня 2001 — создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (КНР, Российская Федерация, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан)

16 июля 2001 — подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР

10 нояб. 2001 — принятие КНР в ВТО

15 нояб. 2002 — I пленум ЦК КПК 14-го созыва; избрание Ху Цзинь-тао Генеральным секретарем ЦК КПК

15–16 окт. 2003 — запуск первого китайского космического корабля с человеком на борту (космонавт Ян Ли-вэй)

17 окт. 2005 — запуск второго пилотируемого китайского космического корабля с двумя космонавтами на борту (Фэй Цзюнь-лунь и Не Хай-шэнь провели на орбите 115 час. 32 мин.)

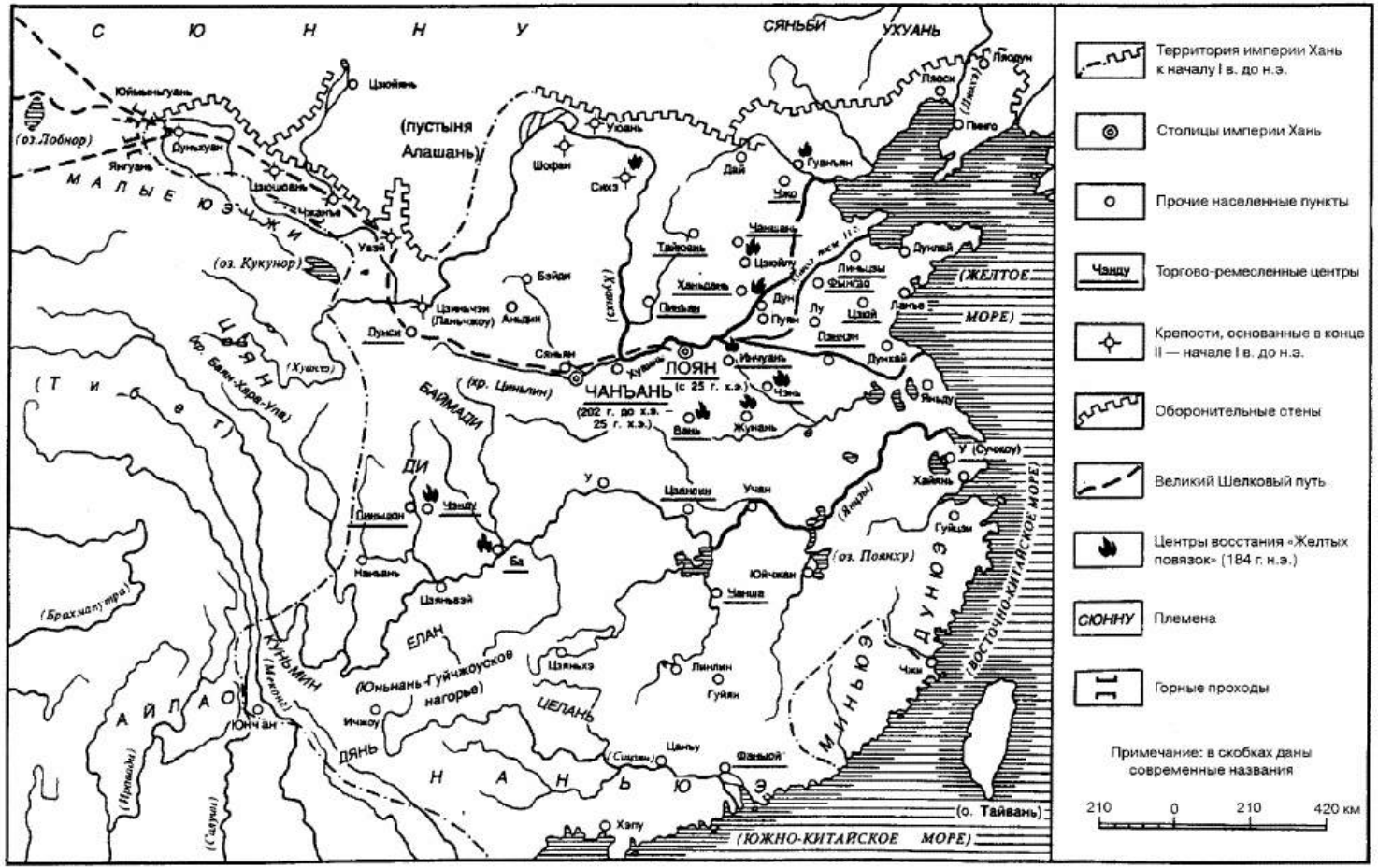
21–22 марта 2006 — открытие Года России в Китае

8–24 авг. 2008 — XXIX Летние Олимпийские игры в Пекине

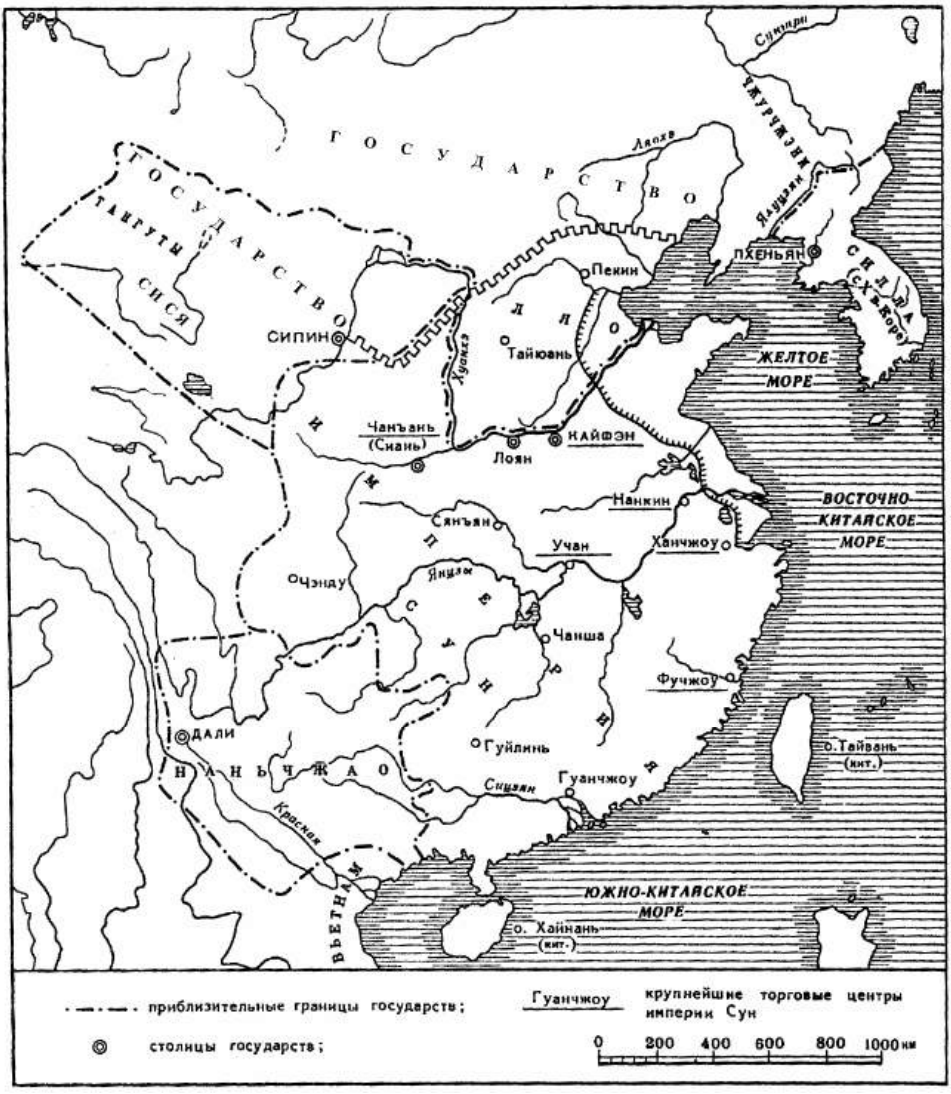
27 сент. 2008 — первый выход в открытый космос космонавта из КНР Чжай Чжи-гана

май 2008 — официальная встреча руководителей правящих партий Китая и Тайваня — Ху Цзинь-тао и У Бо-сюна

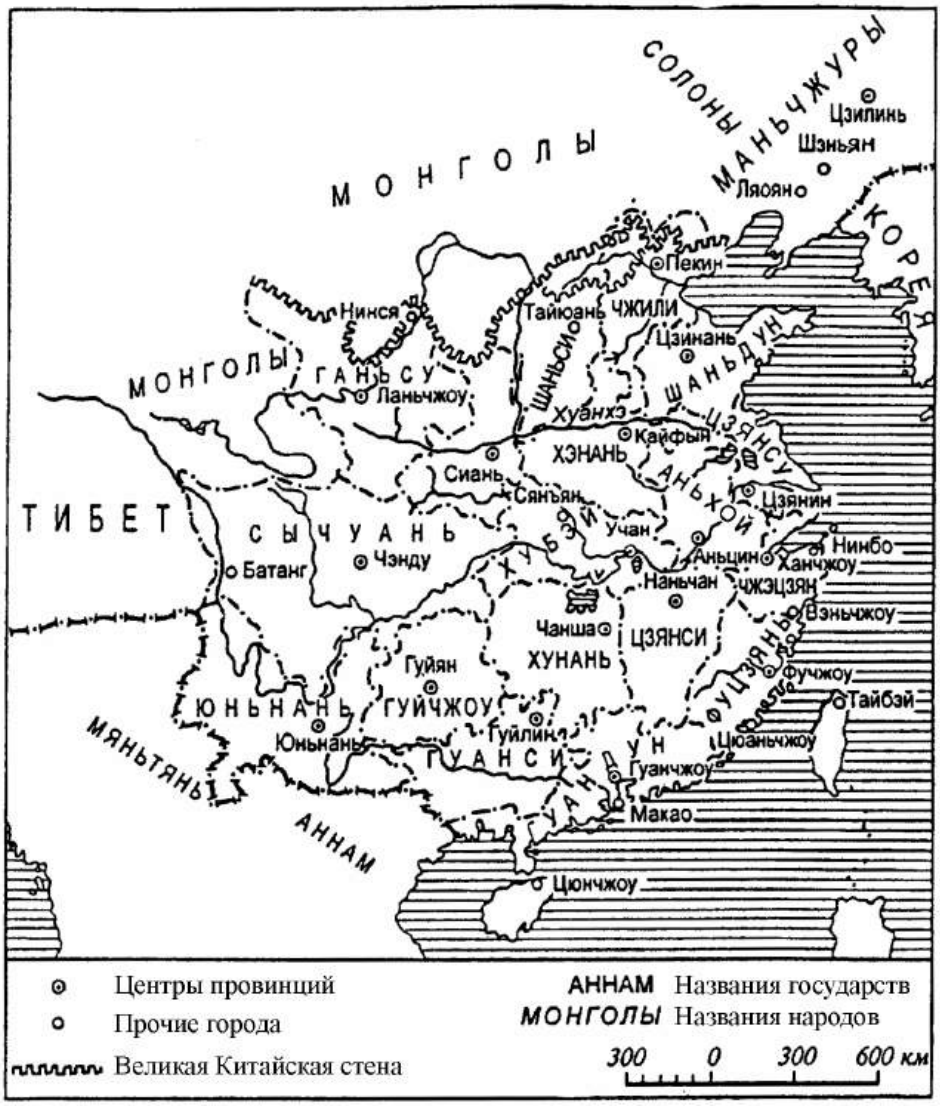
Империя Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.)



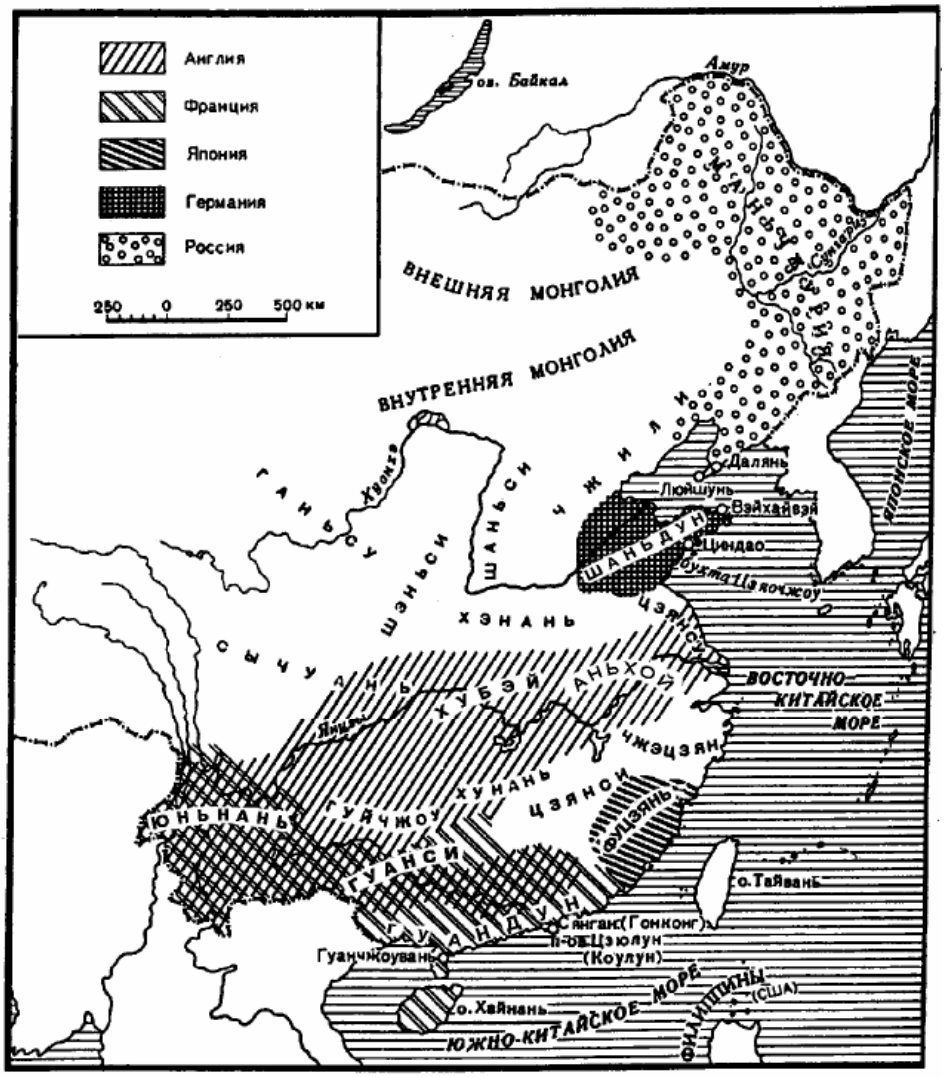
Китай и сопредельные государства в XI в.



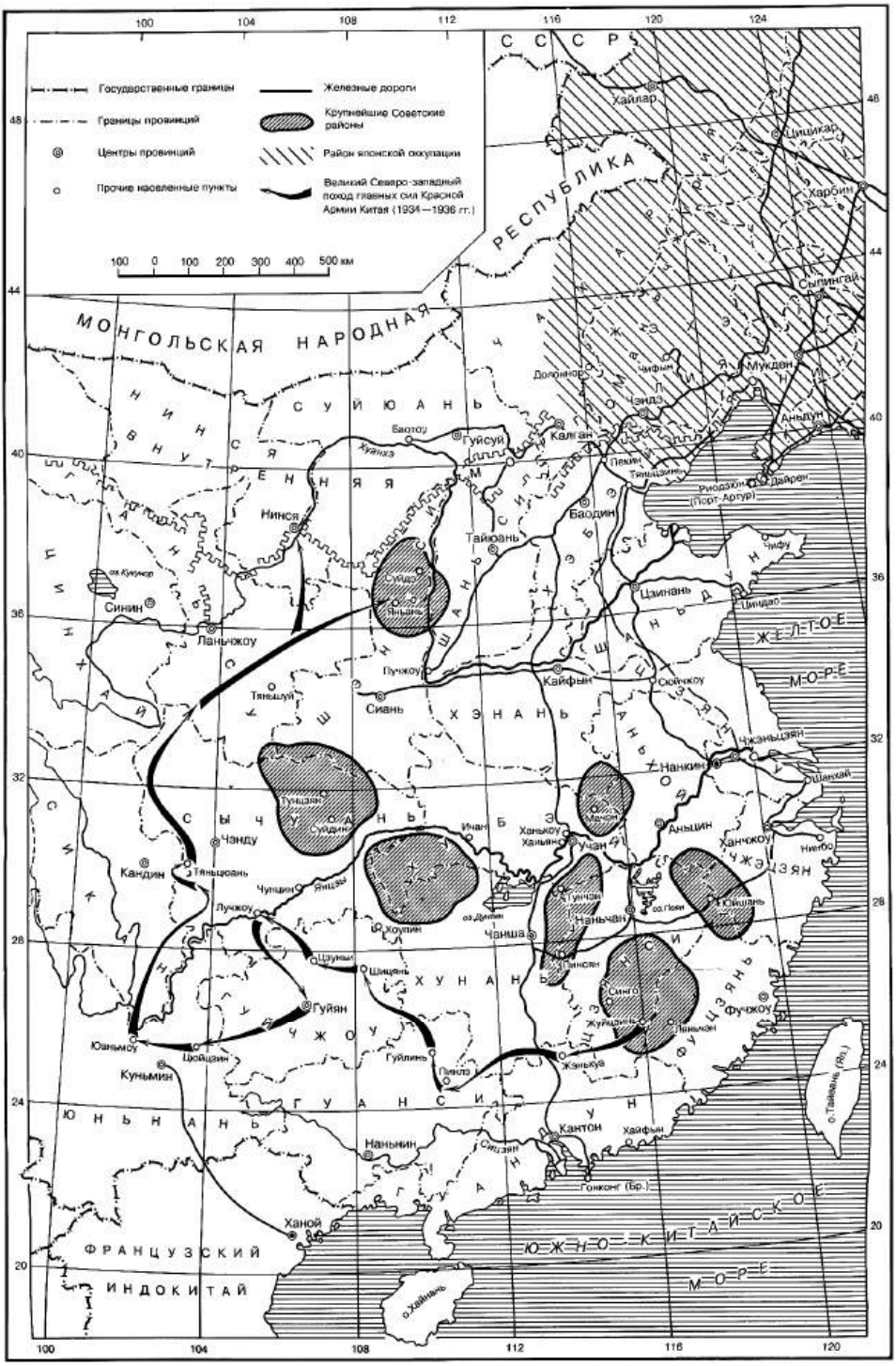
Китай в XVIII в.



Раздел Китая на сферы влияния в XIX в.



Китай в 1931–1937 гг.



ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ
ХЭЙЛУНЦЗЯН
Харбин
ЦЗИЛИНЬ
Чанчунь
Шэньян
ЛЯОНИН
Урумчи
СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
ГАНЬСУ
АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
Хух-Хото
ПЕКИН
ТЯНЬЦЗИНЬ
Иньчуань
Синин
ЦИНХАЙ
Ланьчжоу
ШЭНЬСИ
Тайюань
ХЭБЭЙ
Цзинань
ШАНЬДУН
Чжэнчжоу
Сиань
ХЭНАНЬ
ЦЗЯНЬСУ
Нанкин
Хэфэй
ШАНХАЙ
ТИБЕТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
Лхаса
СЫЧУАНЬ
Чэнду
Чунцин
Ухань
Наньчан
Ханчжоу
ЧЖЭЦЗЯН
ГУЙЧЖОУ
Чанша
ХУНАНЬ
ЦЗЯНСИ
ФУЦЗЯНЬ
Фучжоу
Тайбэй
Куньмин
Гуйян
о. Тайвань (Кит.)
ЮНЬНАНЬ
ГУАНСИ-ЧЖУАНСКИЙ АВТ. РАЙОН
Наньнин
ГУАНДУН
Гуанчжоу
Сянган (3)
Аомэнь (Макао)
Хайкоу
2
о. Хайнань (Кит.)
ПЕКИН Столица КНР
ШАНХАЙ Города центрального подчинения
Ланьчжоу Административные центры провинций и автономных районов
Государственная граница КНР
Границы провинций, автономных районов и городов центрального подчинения
1 – Нинся-Хуэйский автономный район
2 – пров. Хайнань
3 – Сянганский особый административный район
250 0 250 250 км

Указатель имен

Абахай 阿巴亥 *см.* Хуантайцзи
Абель К. (Abel C.) 682
Агуда 阿骨打 (1068–1123) 185
Ай-ди 哀帝 (дин. Зап. Хань, прав. 6–1 до н.э.) 45, 48, 49
Айсинь Гиоро 504, 582, 680
Ай Цин 艾青 (1910–1996) 327, 328, 614
Алексеев В.М. (1881–1951) 474, 622, 709, 710, 819, 826
Алимов И.А. 470
Амбагай-хаган 796
Андерсон Ю.Г. (Andersson J.G.; 1874–1960)
Ань-ди 安帝 (дин. Вост. Хань; прав. 106–125) 50
Ань Дэ-хай 安德海 (1844–1869) 731
Ань Лу-шань安祿山 (703–747) 59, 182, 776
Ариг-Буга (Аригаба, *кит.* Алацзиба 阿剌吉八, Асуцзиба 阿速吉八; дин. Юань; прав. 1328–1329) 684, 685

Бай Шоу-и 白壽彝 (Бай Чжао-лунь 白肇倫, Чжэ-малудин 哲瑪魯丁; 1909–1999) 69, 73, **449**
Бакунин М.А. (1814–1876) 203, 438, 443, 525
Баллюзек Л.Ф. (1822–1879) 649
Бань Бяо 班彪 (3–54) 450, 674, 816
Бань Гу 班固 (32–92) 29, 30, 34, 52, 53, 57, 85, **450**, 451, 579, 621, 674, 774
Бань Чао 班超 (32–102) 450, 674
Бань Чжао 班昭 (ок. 49 – ок. 120) 45, 674, 774
Бао Тин-бо 鮑廷博 (1728–1814) 729
Ба Цзинь 巴金 (Ли Яо-тан 李堯棠, *наст. имя* Ли Фэй-гань 李芾甘; 1904–2005) 443, 444, 445, 695
Бао Цзин-янь 鮑敬言 (III–IV вв.) 439
Батый (*кит.* Баду 拔都; 1207–1255) 828
Баянь 伯顏 (1236–1294) 685
Бектер 794
Белль И.А.Ш. фон (Bell J.A.Sch. von) *см.* Шалль А.
Бергсон А. (Bergson H.; 1859–1941) 525, 757
Бернал М. (Bernal M.; род. 1937) 438
Бест Дж. (Best J.W.) 181
Бичурин Н.Я. (о. Иакинф, *кит.* Бицюлинь 比丘林, Иациньтэ 乙阿欽特; 1777–1853) 488, 585, 623, 710, 819, 828
Би Юань 畢沅 (1730–1797) 652, 710, 755
Блюнчли И.К. (Bluntschli J.C.; 1808–1881) 20
Блюхер В.К. (1890–1938) 257, 565, 608, 744
Бо Вэнь-вэй 柏文蔚 (1876–1946) 801
Бо Гу 博古 *см.* Цинь Бан-сянь
Бо И-бо 薄一波 (1908–2007) 312, 313
Бо Цзюй-и 白居易 (Бо Лэ-тянь 白樂天; 772–846) 807
Бодде Д. (Bodde D.; 1909–2003) 48
Бородин М.М. (1884–1951) 260, 565, 608, 744
Браун О. (Braun O., *кит.* Ли Дэ; 1900–1974) 329, 533, 833
Брюс Дж. (Bruce J., лорд Эльджин; 1811–1863) 469, 502
Буле Г. (Boulais G.; 1843–1894) 483
Бухарин Н.И. (1888–1938) 89, 498
Бяо Ху-чэнь 172

Вада Кютаро 和田久太郎 442
Ван Ань-ши 王安石 (Ван Цзе-фу 王介甫, *прозв.* Бань-шань 半山, *титул* Цзин-гун; 1021–1086) 133, 158, 159, **453**, 455, 456, 586, 617, 618, 664, 708
Ван Бай-ши 王佰時 442
Ван Вэй 王微 (1897–1979) 348
Ван Вэй 王禕 (1322–1373) 827, 827
Ван Вэнь-шао 王文韶 (1830–1908) 701, 706
Ван Го-вэй 王國維 (Дэ-чжэнь 德楨, Цзин-ань 靜安, Бо-юй 伯隅, Гуань-тан 觀堂, Юн-гуань 永觀; 1877–1927) 65, 66, **456**, 457, 626, 675, 692, 784, 806, 807
Ван Гуан-мэй 王光美 (1921–2006) 383, 557
Ван Гуй 王珪 (578–665) 799
Ван Дан 王黨 (Чжэн-фу 正甫; ок. 1050 – после 1110) 59, 644
Ван Дун-син 汪東興 (род. 1916) 333
Ван Жо-сюй 王若虛 (1174–1243) 793
Ван Жо-фэй 王若飛 (1896–1946) 294, 494
Ван Жэнь-чжун 王任重 (1917–1992) 336
Ван И 王益 (993–1038) 453
Ван Ин-линь 王應麟 (1223–1296) 652
Ван Ин-чэнь 王應辰 (1118–1176) 173
Ван И-чан 王宜昌 67
Ван Кэ-куань 汪克寬 (1304–1372) 710
Ван Ли 王力 (1922–1996) 338
Ван Лэ-пин 王樂平 (1884–1930) 266
Ван Ман 王莽 (45 до н.э. — 23 н.э.) 49, 52, 455
Ван Мин 王明 (Чэнь Шао-юй 陳紹禹; 1904–1974) 207, **457**–459, 572, 592, 766, 833
Ван Мин-шэн 王鳴盛 (Ван Фэн-цзе 王鳳喈, Ван Ли-тан 王禮堂; *прозв.* Си-чжуан 西莊, Си-чжи 西沚; 1722–1797) 39, 62, 453, **460**, 708, 817
Ван Мэн 王蒙 (род. 1934) 327
Ван Нянь-и 106
Ван Пу 王溥 (922–982) 686
Ван Си 王熙 484
Ван Сю-лин 王修齡 784
Ван Сян 王象 545
Ван Сянь-цянь 王先謙 (1842–1917) 52, 627, 713
Ван Сянь-чжи 王仙芝 (ум. 878) 682, 683
Ван Тун 王通 (584–617) 461
Ван Тун-лин 185
Ван Фу 王符 (76/85 – 157/167) 133
Ван Фу-чжи 王夫之 (Ван Чуань-шань 王船山; 1619–1692) 511, 641, 652, 816
Ван Хао (1823–1888) 729
Ван Хуй-цзу 王輝祖 (1731–1807) 755
Ван Хун-вэнь 王洪文 (1935–1992) 209, 210, 245, 349, 520, 611, 612, 615, 677
Ван Хун-сюй 王鴻緒 (1645–1723) 484, 577
Ван Хэ 77
Ван Цзе 王傑 (1725–1805) 487
Ван Цзин 王景 (XV в.) 831
Ван Цзин-вэй 汪精衛 (1883–1944) 22, 265, 266, 440, 562, 771, 777

Ван Цзо-гуа 王佐掛 540
Ван Цзун-му 王宗沐 (1523–1591) 652
Ван Цзы-юн 539, 540
Ван Цзюнь-жэнь 81
Ван Цзя-сян 王稼祥 (1906–1974) 569, 573, 833
Ван Цинь-жо 王欽若 (Ван Дин-го 王定國; 962–1025) 733
Ван Чан 王昶 (1725–1806) 710, 711
Ван Чжао-го 236
Ван Чжун-ло 王仲犖 70
Ван Чжэнь 王禎 (XI в.) 59, 500
Ван Чоу 王疇 (1046–1060) 598
Ван Чуань-шань 王船山 *см.* Ван Фу-чжи
Ван Чун王充 (27 — ок. 97) 47, 48, 133, 622, 628, 691, 814
Ван Чун-хуй 王寵惠 (1881–1958) 263, 706
Ван Ши-чун 王世充 (ум. 621) 636
Ван Шу-нань 王樹楠 (1851–1936) 723
Ван Шунь 王舜 50, 52
Вань Сы-тун 萬斯同 (1638–1702) 60, 652
Ван Юнь 王惲 (1227–1304) 490
Ван Ю-сюэ 王幼學 (XIV в.) 710
Ван Я-нань 王亞南 68
Ван Ян-мин 王陽明 (1472–1529)
Вард Ф. 537
Василевский А.М. (1895–1977) 243
Васильев В.П. (1818–1900) 183
Вахрева Ф.И. (Цзян Фан-лян 蔣方良; 1916–2004) 715
Вельгус В.А. (1922–1980) 532, 781
Вербист Ф. (Verbist F.) 509
Вигер Л. (Wieger L.; 1856–1933) 710
Витте С.Ю. (1849–1915) 538, 539
Владимиров П.В. (Власов П.В.; 1905–1953) 329
Во Жэнь 倭仁 (1804–1871) 649
Войтинский Г.Н. (1893–1953) 207, 608
Вэй Гун-су 韋公肅 490
Вэйд Т.Ф. *см.* Уэйд Т.Ф.
Вэй Лу-минь 174
Вэй Сюань-чжэнь 韋玄貞 (ум. 684) 657
Вэй Цзянь-синь 371
Вэй Чжун-сянь 魏忠賢 (1573–1620) 500
Вэй Чжэн 魏徵 (Вэй Сюань-чэн, *титулы* Чжэнго-гун 鄭國公, Вэнь-чжэнь 文貞; 580–643) **461**, 599, 637, 799
Вэй Юань 魏源 (1794–1856/7) 39, **462**, 535, 761
Вэн Тун-хэ 翁同龢 (1830–1904) 700, 711
Вэнь Сян 文祥 (1818–1876) **463**, 502, 503, 705, 706
Вэнь-ван 文王 18, 46, 47, 121, 125, 172
Вэнь-гун 文公 49
Вэнь-ди 文帝 (дин. Зап. Хань, прав. 179–156 до н.э.; Вэнь Хуан-ди 文皇帝) 45, 47, 50, 51, 52, 53, 132
Вэнь-ди 文帝 (дин. Суй, прав. 581–604) 155
Вэнь-цзун 文宗 (дин. Тан, прав. 827–840) 644
Вэнь Цзя-бао 溫家寶 (род. 1942) 215, 240
Вэнь Цин (ум. 1856) 704
Вяткин Р.В. (1910–1995) 819

Гагай 583
Гай Вэнь-да 蓋文達 (578–644) 636
Галдан (1671–1697) 659
Ганди М. (Gandhi M.; 1869–1948) 477, 488
Ган Линь 剛林 (ум. 1651) 481
Гао Ганн 高崗 (1905–1954) 329, 330, 331, 495
Гао Гун 高拱 832
Гао-ди 高帝 (дин. Зап. Хань, Гао Хуан-ди 高皇帝, Гао-цзу, Лю Бан) 45, 46, 47, 50, 51, 104, 403, 774, 776
Гао Ин-сян 高迎祥 (ум. 1636) 540
Гао-мэй 高楳 48, 49
Гао-синь 高辛 48
Гао-цзу 高祖 (дин. Зап. Хань) *см.* Гао-ди
Гао-цзу 高祖 (дин. Тан, Ли Юань; 566–635) 634, 635, 636, 637, 644, 657
Гао-цзу 高祖 (дин. Поздняя Цзинь, прав. 936–942) 712
Гао-цзун 高宗 (дин. Тан, Ли Чжи; прав. 650–683) 490, 552, 635, 657, 659
Гао-цзун 高宗 (дин. Цин) *см.* Цянь-лун
Гао Чжан-хун 高長虹 442
Гао Ши-ци 高士奇 (1645–1704) 704
Гао Юй-юань 82
Гартман Э. фон (Hartmann E. von; 1842–1906) 525
Гарушянц Ю.М. (род. 1930)
Гегель Г.В.Ф. (Hegel G.W.F.; 1770–1831) 91
Гексли Т.Г. (Huxley T.H.; 1825–1895) 567
Георг III (George III; 1760–1820) 741
Гёте И.В. (Goethe J.W.; 1749–1832) 466
Гитлер А. (Hitler A.; 1889–1945) 477
Гласс Ф. (Glass F.; 1901–1988) 648
Го Бао-цзюнь 郭寶鈞 (1893–1971) 67
Голдман Э. (Goldman E.; 1869–1940) 438
Головин Ф.А. (1650–1706) 508
Го Мо-жо 郭沫若 (*наст. имя* Го Кай-чжэнь 郭開貞, *псевд.* Го Дин-тан 郭鼎堂, *прозв.* Шан-у 尚武; 1892–1978) 65–69, 72, 103, 311, 315, 317, 318, 449, **465**, 466, 546, 549, 720
Горский В.В. (1819–1847) 682
Го Сун-лин 郭松齡 (1883–1925) 671
Го Цзы-син 郭子興 (1302–1355) 786
Григорьев А.М. (род. 1933) 529
Гринблатт С. (Greenblatt S.; род.1938) 308
Гро Ж.-Б. Л. (Gros J.-B. L.; 1793–1870) 502
Груссе Р. (Grousset R.; 1885–1952) 710
Гуан-сюй 光緒 *см.* Цзай Тянь
Гуан У-ди 光武帝 (дин. Вост. Хань; 6 до н.э. — 57 н.э.) 45, 450, 775
Гуань Фэн 關鋒 (род. 1918) 333, 338
Гуань Чжун 管仲 (Гуань-цзы 管子; ум. 645 до н.э.) 112, 468, 493, 809
Гу Вэй-цзюнь 顧維鈞 (Wellington-Koo V.K.; 1887–1985) **468**, 469
Гу Гуан-ци 顧廣圻 (1776–1835) 652
Гудноу Ф. (Goodnow F.J.; 1859–1939) 606
Гу Ин-тай 谷應泰 (1620–1690) 704
Гуй Лян 桂良 (1785–1862) **469**, 502, 705
Гу Му 谷牧 (род. 1914) 211
Гу Мэн-юй 顧孟余 (1888–1972) 266, 267
Гун (великий князь) 恭親王 *см.* И Синь
Гунсунь Цяо 公孫僑 *см.* Цзы Чань
Гун-цзун 恭宗 (дин. Южная Сун; прав. 1275–1276) 685
Гун Цзы-чжэнь 龔自珍 (1792–1841) 535

Гун Юй 52
Гу Цзе-ган 顧頡剛 (Гу Сун-кунь 顧誦坤, Гу Мин-цзянь 顧銘堅; 1893–1980) 65, 67, 449, **471**, 472, 668, 691, 728, 743
Гу Чжунь 顧准 (1915–1974) 70
Гу Юн 顧雍 (I в. до н.э.)
Гу Янь-у 顧炎武 (1613–1682) 511, 625, 736
Гэн Бяо 耿飚 (1909–2000)
Гэн Юй 48, 49
Гэн Чжун-мин 耿仲明 (1604–1649) 504
Гэ Пэй-ци 322
Гэ Си-юань 格希元 676
Гэ Хун 葛洪 (284–364)
Гэ Чжи 戈直 (XIV в.) 794

Дабс Х.Х. (Dubs H.H.; 1892–1969) 49, 50
Дай И 73
Дай Ли 戴笠 (1896–1946) 778
Дай Хун-цы 戴鴻慈 (1853–1910) **476**, 477
Дай Цзи 606
Дай Цзи-тао 戴季陶 (Лян-би 良弼, Чжуань-сянь 傳賢, Сюань-тан 选堂, *псевд.* Дай Тянь-чоу 戴天仇; 1890/1891–1949) 203, 206, 263, **477**–479, 487–489, 632, 734, 757, 808
Дай-цзун 代宗 (дин. Тан; прав. 763–779) 644
Дай Чжэнь 戴震 (1724–1777) 86, 692
Далай-лама VIII (1758–1804) 739
Даллес Дж.Ф. (Dulles J.F.; 1888–1959) 469
Данилевский Н.Я. (1822–1885) 544
Дан Чун-и 480
Дао-гуан 道光 *см.* Минь Нин
Дарвин Ч. (Darwin Ch.R.; 1809–1882) 560, 567, 765
Дахай 大/達海 (ум. 1632) 484, 583
Демьевиль П. (Demiéville P.; 1894–1979) 710
Деопик Д.В. (род. 1932) 785
Джайлс Л. (Giles L.; 1875–1958) 474
Джелал-ад-дин 796
Джехангир[-ходжа] (1783?–1828) 578
Джонсон Л.Б. (Johnson L.B.; 1908–1973) 716
Джордж Г. (George H.; 1839–1897) 562, 563, 605
Димитров Г.М. (1882–1949) 766
Дин Вэй-чжи 丁偉志 73, 75
Дин Лин 丁玲 (1904–1986) 314, 327, 328, 614, 667, 778
Дин Мин-нань 丁名楠 (1917–1999) 72, 547
Ди Чжан-сунь 翟長孫 636
Дирлик А. (Dirlik A.; род. 1940) 438
Дмитриевский П.А. 759
Доргонь 多爾袞 (1612–1650) 480
Доу И 竇毅 635
Доу Сянь 竇宪 (ум. 92) 451
Доу Цзянь-дэ 竇建德 (573–621) 461, 636
Дуань Фан 端方 (1861–1911) 476, 760
Дуань Ци-жуй 段祺瑞 (1864–1936) 446, 447, 523, 560, 606, 671, 679, 720, 762, 801
Ду Вэй-чжи 杜偉志 67
Ду Го-ян 杜國瘖 (1889–1961) 676
Ду Жу-хуй 杜如晦 (585–630) 636, 799
Дун Би-у 董必武 (1886–1975) 104, 308, 350, 429
Дун Гао 董誥 (1740–1818) 487
Дун И-чжоу 董以周 (XVIII в.) 652
Дун Сюнь 董恂 (1807–1892) **491**
Дун Ху 董狐 (VII в. до н.э.) 37, 816
Дун Цзянь-хуа 240
Дун Чжо 董卓 (ум. 192) 50
Дун Чжун-шу 董仲舒 (II в. до н.э.) 48, 127, 132, 134, 157, 213, 386, 621, 673, 818
Ду Чжэн-шэн 杜正勝 (род. 1944) **491**, 492, 691
Дун Шо 董說 (1620–1686) 687
Ду Ю 杜佑 (735–812) 31, 32, 463, 464, **493**, 650–652, 686, 791, 817
Ду Юй 杜預 (III в.) 785
Дьюи Дж. (Dewey J.; 1859–1952) 205, 316, 690
Дэн Вэнь-и 鄧文儀 (1905–1998) 778
Дэн Гуан-мин 鄧廣銘 (1907–1998) 379
Дэн Ин-чао 鄧穎超 (1904–1992) 240
Дэн Мин-ши 鄧名世 (XII в.) 59
Дэн Си 鄧析 (545–501 до н.э.) 403
Дэн Сяо-пин 鄧小平 (Си-шэн 先聖, Си-сянь 希賢; 1904–1997) 83, 85, 86, 88, 95–100, 105, 106, 110, 125, 200, 209–213, 216, 224, 294, 311, 322, 326, 327, 331–334, 337–340, 342–344, 350, 352–357, 360, 361, 363, 364, 366, 369–371, 373, 374, 383, **494**–496, 520, 521, 549, 574, 594, 595, 631, 632, 689, 690, 694, 695, 696, 718, 719, 762, 765, 767, 772, 773, 808, 812, 833
Дэн То 鄧拓 (1912–1966) 70, 336, 337, 656
Дэн Цань 鄧粲 (ум. ок. 384) 452
Дэн Чжи-чэн 鄧之誠 (Дэн Вэнь-жу 鄧文如, Дэн Мин-чжай 鄧明齋, *прозв.* У Ши-чжай 五石齋; 1887–1960) **497**, 763
Дэн Чжун-ся 鄧中夏 (1894–1933) 494, **497**, 498, 523, 528, 568, 752
Дэн Ян-да 267
Дэ-цзун 德宗 *см.* Цзай Тянь

Елизаров Н.В. *см.* Цзян Цзин-го
Ельцин Б.Н. (1931–2007) 719
Елюй Дэ-гуан 耶律德光 (гос-во Ляо; прав. 927–947) 183
Есугай 794
Е Тин 葉挺 (1896–1946) 804
Е Фан-ай 葉方藹 (1629–1682) 577
Е Цзюй 葉舉 (1881–1925) 608
Е Цзянь-ин 葉劍英 (1897–1986) 96, 100, 230, 231, 244, 245, 343, 349, 350, 494, 677, 695, 772, 773, 806
Е Цин-чэнь 葉清臣 (1003–1049) 59

Жао Шу-ши 饒漱石 (1903–1975) 495
Жарто П. (Jartoux P.) 509
Жербийон Ж.-Ф. (Gerbillion J.F.) 509
Жи Чжи 日知 68
Жуань Сяо-сюй 阮孝緒 (479–536) 580
Жуань Юань 86
Жуй-цзун 睿宗 (Ли Дань; 684–710/12) 552, 657
Жун Гэн 容庚 (1894–1983) 471, 625
Жун И-жэнь 榮毅仁 (1916–2005)
Жун Лу 榮祿 (1836–1903) 702, 730, 829
Жун Шэн 69
Жэнь Би-ши 任弼時 (1904–1950) 555, 772
Жэнь Цзи-юй 任繼愈 (род. 1916) 73
Жэнь-цзун 仁宗 (Чжао Чжэнь 趙禎, дин. Сев. Сун; прав. 1022–1063) 453, 464

Завьялова Т.Г. 596, 597
Зенгер Х. фон (Senger H. von; род. 1944) 597
Зиновьев Г.Е. (1883–1936) 645

Игнатьев Н.П. (1832–1908) 469, 502
Иден А. (Eden A.; 1897–1977) 469
Идес Э.И. (Ides E.Y.; 1657–1708/1709) 508
Измайлов Л.В. (1685–1738) 508
И Инь 伊尹 776, 822
И Куан 奕劻 (великий князь Цин; 1836–1916) 706, 829
Икэда Он 池田温 (род. 1931) 404
Илипу 伊里布 (1772–1843) 722
Инь-ди 隱帝 (948–951)
Ин Чжэн 嬴政 *см.* Цинь Ши-хуан
Ин Шао 應劭 (ок.140–206) 50
Ин-цзун 英宗 (дин. Мин) 585
Инь Да 尹達 (1906–1983) 72
Инь Жэн 胤礽 (1674–1725) 509
Инь Тай 尹泰 50, 485
Инь Ци-синь 尹起莘 710
Инь Чжи 胤祉 (1677–1732) 473
Инь Чжо 尹拙 (891–971) 712
Инь Чжу 尹洙 (1001–1047) 59
Иоффе А.А. (1883–1927) 608
И Пэй-цзи 易培基 (1880–1937) 724
Исаньга 伊桑阿 484
И Синь 奕訢 (великий князь Гун; 1832–1898) 469, **502**, 503, 649, 701, 705, 731
И Сюань 奕譞 (1840–1891)
И Цзе-и 易介一442
И Цзя-юэ 易家越 442
И Чжу 奕訢 (дин. Цин, девиз Сянь-фэн, 1831–1861) 166, 463, 469, 502, **503**, 578, 730

Йок Му-мин (Юй Му-мин 郁慕明; род. 1940) 876

Кан-ван 康王 822
Кан Гуань-жэнь 康廣仁 (1867–1898) 511
Кан-си 康熙 (Сюань Е 玄燁; дин. Цин) 104, 129, 138, 473, 484, 500, **504**–510, 545, 577, 585, 727, 736, 737, 739, 740, 756, 757, 824
Кант И. (Kant I.; 1724–1804) 560, 753
Кан Цзэ 康澤 (1904–1967) 778
Кан Шэн 康生 (1898–1975) 315, 330–340, 343, 344, 346, 348, 350, 519, 520, 530, 593, 613, 688, 695, 767
Кан Ю-вэй 康有為 (Нань-хай 南海, Гуан-ся 廣廈, Цзу-и 祖詒, Чан-су 長素; 1858–1927) 110, 125, 133, 202, 472, **511**–514, 538, 559, 566, 567, 641, 665, 700–702, 714, 742, 759, 760, 800, 828, 829
Кан Ю-пу 康有溥 (1867–1898) 513, 731
Каспарова В.Д. 646
Кастильоне Дж. (Castiglione G.; 1688–1766) 738
Кафаров П.И. (Палладий; 1817–1878) 462
Квангэтхо (*кит.* Гуанкайту[ван] 廣開土[王]; 374–413) 585
Кеннеди Дж. (Kennedy J.F.; 1917–1963) 716
Кидд Б. (Kidd B.; 1858–1916) 203
Кишкина Е.П. (род. 1914) 530
Кобзев А.И. (род. 1953) 516
Конрад Н.И. (1891–1970) 514, 596

Конфуций (Кун-цзы, Кун Цю 孔丘, Кун Чжун-ни 孔仲尼; 552/551–479 до н.э.) 21, 28, 37, 39, 45, 47, 54, 58, 62, 80–82, 84, 110, 112, 113, 116–132, 134, 157, 209, 249–251, 386, 451, 466, 478, 488, 489, 511, **514**–519, 566, 567, 576, 580, 605, 621, 623, 627, 631, 632, 642, 673, 704, 724, 725, 728, 738, 748, 764, 767, 780, 808, 816, 821
Кордье А. (Cordier H.; 1849–1925) 710
Косыгин А.Н. (1904–1980) 768
Кроль Ю.Л. (род. 1931) 179, 180, 768
Кропоткин П.А. (1842–1921) 203, 205, 438, 441, 443, 445, 524, 567
Крюков М.В. (род. 1932) 176
Куан Хэн 匡衡 (I в. до н.э.) 45, 52
Куан Ху-шэн 匡互生 442
Кун Ань-го 孔安國 (I в. до н.э. — I в. н.э.) 621, 821, 822
Кун Ин-да 孔穎達 (574–648) 599, 636
Кун Сян-си 孔祥熙 (1881–1967) 265
Кун-цзы 孔子 *см.* Конфуций
Кычанов Е.И. (род. 1932) 388
Кэмуяма Сэнтарō 煙山專太郎 (1877–1954) 562
Кэ Цин-ши 柯慶施 (1902–1965) 751
Кэ Шао-минь 柯劭忞 (1850–1933) 723

Лай Цзи 來濟 (610–662) 657
Лань Лин 藍翎 314, 315
Лао Ай 725
Лао Най-сюань 483
Лао-цзы 老子 (Ли Эр 李耳; ок. 580 — ок. 500 до н.э.) 445, 638, 641, 675, 748
Лао Шэ 老舍 (1899–1966) 308, 346, 347, 612
Ленин В.И. (1870–1924) 68, 69, 87, 89, 106, 204, 208, 455, 607, 716
Леонтьев А.Л. (1716–1786) 483, 488, 508, 623
Ли Вэй 李霸 484, 733
Ли Вэй-гуан 李為光 712
Ли Вэй-хань 李維漢 (1896–1984) 294, 494, 527
Ли Вэнь-ань 李文安 (1801–1855) 536
Ли Вэнь-чжи 李文治 70
Ли Гоу 李覯 (1009–1059) 453
Ли Гу 李固 (II в.)
Ли Гуан-би 李光璧 72
Ли Да 李達 (*псевд.* Ли Хэ-мин 李鶴鳴, Ли Цзян-чунь李江春; 1890–1966) 206, 347, **523**, 524, 754
Ли Дань 李旦 *см.* Жуй-цзун
Ли Дао 李燾 (1115–1184) 652
Ли Дао-юань酈道元 (466–527)
Ли Да-чжао李大釗 (Ли Шоу-чан 李守常; 1889–1927) 65–67, 204–206, 497, **525**, 526, 563, 568, 606, 609, 672, 715, 734, 750, 751, 765, 801, 813
Ли Дун-ян 李東楊 (1447–1516) 652, 710
Ли Дэ 李德 *см.* Браун О.
Ли Дэн-хуй 李登輝 (род. 1923) 281, 283, 285
Ли Дэн-хун 481
Ли Жуй 李銳 (род. 1917) 575
Ли Жуй-хуань 李瑞環 (род. 1934) 232, 240, 371
Ли Кань 李侃 (род. 1922) 75
Ли Куй 李悝 (455–395) 403
Ли Кэ-цян 李克強 (род. 1955) 376, **526**
Ли Кэ-юн 李克用 (856–908) 684
Ли Лань-цин 李岚清 (род. 1932) 371

Ли Лин 李陵 (ум. до 74 до н.э.) 621
Ли Ли-сань 李立三 (Ли Лун-чжи 李隆郅; 1899–1967) 207, 294, 458, 494, **527**–531, 553, 568, 631, 765, 804
Ли Лянь-ин 李蓮英 (1848–1911) 500, 513, 731
Ли Ми 李密 (582–618) 461
Ли Мин-хань 李銘漢 (1809–1891) 704
Ли На 李訥 (род. 1940) 569
Линь Бо-цюй 林伯渠 (1886–1960) 240, 528, 565
Линь Бяо 林彪 (Юй-жун 育蓉; 1906–1971) 98, 110, 209, 210, 244, 249, 332, 333, 336, 341, 342, 344, 345, 349, 382–384, 519–521, 528, **533**, 534, 576, 577, 593, 611, 612, 614, 694, 764, 767, 772, 773, 805
Линь Гань-цюань 林甘泉 78
Линь Мо-хань 林默涵 (род. 1913) 317–319, 336
Линь Сюй 林旭 (1875–1898) 731
Линь Тун-цзи 544
Линь Цзэ-сюй 林則徐 (1785–1850) 462, **535**, 536, 578
Линь Чжи-чунь 73
Линь Яо-хуа 林耀華 (1910–2000) 73
Ли Пэн 李鵬 (род. 1928) 371, 762
Ли Синь 李新 72
Ли Синь-чуань 李心傳 (1166–1243) 171, 687, 687
Ли Си-фань 李希凡 (род.1927) 314, 315
Ли Сы 李斯 (ум. 208 до н.э.) 134
Ли Сы-гуан 李四光 (1889–1971) 308
Ли Сын Ман (*кит.* 李承晚; 1875–1965) 716
Ли Сы-цзин 李嗣京 734
Ли Сюань-дао 李玄道 636
Ли Сюэ-кунь 104
Ли Сюэ-фэн 338
Ли Сянь 李賢 (651/53–684) 46, 657, 676
Ли Сянь-нянь 李先念 (1909–1992) 96, 240, 495, 498, 677, 806
Ли Сяо-цзян 李小江 666
Ли Тань 李璮 (ум. 1262) 685
Литтон Г. 468
Ли Тяо-юань 李調元 (1734–1803) 782
Ли Фу-чунь 李富春 (1900–1975) 294, 343, 494, 765, 767, 806
Ли Хань-цзюнь 李漢俊 (1890–1927) 751
Ли Хао 李灝 (XVII в.) 652
Ли Хао-вэнь 李好文602
Ли Хун-чжан 李鴻章 (1823–1901) 476, 513, **536**–539, 604, 641, 700, 702, 706, 731, 759, 828
Ли Цзи 李勣 (594–669) 638
Ли Цзи 李濟 (1896–1979) 67, 206, 754
Ли Цзин 李靖 (571–640) 638
Ли Цзи-шэнь 李濟深 (1886–1959) 217, 264
Ли Цзун-жэнь 李宗仁 (1890–1969) 264
Ли Цзы-чэн 李自成 (1606–1644) **539**–541
Ли Цзя-ао 李家鏊 (1863–1926) 476
Ли Цзянь-мин 李建明 (род. 1956) 73
Ли Цзянь-тун 李建彤 (1919–2005) 329, 330
Ли Цзянь-чэн 李建成 (589–626) 461, 636
Ли Чан-жэнь 李昌仁 442
Ли Чжи 李治 *см.* Гао-цзун (дин. Тан)
Ли Чжунь 558
Ли Чжэнь-ин 李震瀛 442
Ли Чун 李崇 (455–525) 580
Ли Шань-лань 李善蘭 (1810–1882) 650
Ли Шань-чан 李善長 (1314–1390) 474, 787, 788
Ли Ши 李 石 (Ли Чжи-цзи 李知幾, Ли Фан-чжоу 李方舟; 1108–1181) 624
Ли Ши-минь 李世民 *см.* Тан Тай-цзун
Ли Ши-цзэн 李石曾 (Ли Юй-ин 李煜瀛, 1881–1973) 439, 440, 442
Ли Шоу-су 李守素 636
Ли Шу 黎澍 (Ли Шу-цан; 1912–1988) **542**, 571
Ли Шу-сянь 李淑賢 (1926/27–1997)
Ли Юань 李淵 *см.* Гао-цзу (дин. Тан)
Ли Юань-хун 黎元洪 (1864–1928) 606
Ли Юань-цзи 李元吉 (603–626) 636
Ли Ю-тан 李有棠 (1837–1905) 704
Ли Янь 68
Лобанов-Ростовский А.Б. (1824–1896) 538
Ло Дунь-жун 羅惇融 (1885–1924) 704
Ло Жуй-цин 羅瑞卿 (1906–1978) 327, 333, 335, 341, 834
Ло Лун-цзи 羅隆基 (1896–1965) 322, 327
Ло Ся-хун 落下閎 (156–87 до н.э.) 621
Лоу Яо 樓鑰 (1137–1213) 172
Ло Фу 洛甫 *см.* Чжан Вэнь-тянь
Ло Чжан-лун 罗章龙 (1896–1995) 527
Ло Чжэнь-юй 羅振玉 (1866–1940) 456
Ло Эр-ган 羅爾剛 (1901–1997) 72, **543**, 691
Ло Янь-цзю 103
Лу Дин-и 陸定一 (1906–1996) 308, 313, 317, 320, 321, 333–335, 343, 752, 834
Лу Дэ-мин 陸德明 (556–627) 636
Лу Жун-тин 陸榮廷 (1858–1928) 606
Лун Вэнь-бинь 龍文彬 (1821–1893) 687
Лун Кэ-до 隆科多 (ум. 1728) 485
Лун Юй 隆裕 (1868–1914) 605
Лу Пин 337, 338
Лу Синь 魯迅 (1881–1936) 131, 205, 317, 612, 734, 801, 813
Лу Си-сюн 陸錫熊 (1734–1792) 616, 710
Лу Цзун-юй 446
Лу Чжэн-сян 陸徵祥 (1871–1949) 706
Лу Ши-жун 685
Лу Юань-дин 陆元鼎 (1839–1908) 704
Лу Юнь-ди 路允迪 624,
Лэ Дэ-хун 勒德洪 484
Лэй Фэн 雷鋒 (1940–1962) 81, 85
Лэй Хай-цзун 雷海宗 (Бо-лунь 伯倫; 1902–1962) **543**, 544
Лэй Цзе-цюн 雷潔瓊 (род. 1905) 217
Лю Ань-ши 劉安世 (1048–1125) 652
Лю Бан 劉邦 *см.* Гао-ди
Лю Бин-нянь 327
Лю Бинь 劉放 (1023–1089) 618, 706
Лю Бо-чэн 劉伯承 (1892–1986) 240, 350, 494
Лю Вэй-цянь 劉惟謙 474
Лю Вэнь-ин 80
Лю Вэнь-цзин 劉文靜 (568–619) 634
Лю Ган-цзи 82
Лю Го-хан 劉果航 442
Лю Гуан-ди 劉光第 (1859–1898) 731
Лю Да-нянь 劉大年 (1915–1999) 72, 76, 106, **546**, 547
Лю Дэ 85
Лю Жуй 劉瑞 645

Лю Жэнь-цзин 劉仁靜 (1902–1987) 648, 802
Лю Ин-дун 480
Лю И-соу 劉義叟 598
Лю И-чжи 劉禕之 (631–687) 799
Люй Бу-вэй 呂不韋 (III в. до н.э.) 725
Люй Гун-чжу 呂公著 (1018–1089) 651
Люй Да-фан 呂大防 (1027–1097) 644
Люй Сы-мянь 呂思勉 (Люй Чэн-чжи 呂誠之; 1884–1957) 65, **548**
Люй Сю-лянь 呂秀蓮 (род. 1944) 286
Люй Ся-цин 呂夏卿 (1015–1068) 598, 627
Люй Цзу-цянь 呂祖謙 (1137–1181) 651, 780
Люй Ци 呂琦 (ум. 943) 712
Люй Чжэнь-юй 呂振羽 (Люй Лю-ган 呂柳崗, Люй Син-жэнь 呂行仁; 1900–1980) 65, 66, 67, 70, 72, **549**, 720
Люй Чуань-чжоу 呂傳周 442
Лю Куй-и 劉揆一 (1878–1950) 678
Лю На-янь 劉納言 676
Лю Се 劉勰 (ок. 465 — ок. 522) 38, 662, 816
Лю Синь 劉歆 (I в.) 29, 30, 50, 52, 579, 674
Лю Си-соу 劉羲叟 (1018–1060) 598
Лю Си-чжун 劉羲仲 (ок. 1059 – ок. 1120) 652
Лю Сюй 劉昫 (888–947) 712
Лю Сян 劉向 (77–6 до н.э.) 29, 30, 133, 579, 626, 627, 668, 674, 742, 774
Лю У-чжоу 劉武周 (ум. 622) 636
Лю Фу 劉弗 *см.* Чжао-ди
Лю Хуа 劉華 (1899–1925) 528
Лю Хэй-та 劉黑闥 (ум. 623) 636
Лю Цзин-фань 劉景範 (1910–1990) 330, 331
Лю Цзинь 劉瑾 (1451–1510) 500
Лю Цзи-чи 劉季篪 831
Лю Цзун-сянь 81
Лю Цзэ-хуа 劉澤華 (род. 1935) 77
Лю Цзя-хэ 劉家和 73
Лю Цзянь-синь 84
Лю Цзянь-цюнь 劉健群 (1902–1972) 777
Лю Цин-фэн 劉青峰 76
Лю Цюань-чжи 劉權之 (1739–1818) 487
Лю Чан 劉敞 (1019–1068) 59
Лю Чжао 劉昭 676
Лю Чжи 劉秩 (ок. 690 — ок. 763)
Лю Чжи-дань 劉志丹 (1903–1936) 329–331
Лю Чжи-цзи 劉知幾 (Лю Цзы-сюань 劉子玄; 661–721) 31, 32, 37, 62, 452, **552**, 650, 755, 791, 817
Лю Чжи-цзянь 336
Лю Чжи-цин 劉志清 74
Лю Чжэнь 劉珍 (ум. 126) 676
Лю Чэ 劉徹 *см.* Хань У-ди
Лю Шао 劉劭 545
Лю Шао-тан 327
Лю Шао-ци 劉少奇 (Шао-сюань 紹選, Вэй-хуан 渭璜, Цзо-хуан, Тао Шан-син, Ху Фу, Лю Сян, C.J., C.T.; 1898–1969) 104, 105, 209, 230, 299–301, 308, 333, 334, 337–344, 348, 379, 383, 495, 520, 528, 549, **553**–568, 752, 767, 773, 805, 833
Лю Ши 柳奭 (ум. 659) 657
Лю Ши-пэй 劉師培 (1884–1919) 86, 438, 439
Лю Ши-синь 劉石心 441
Лю Ши-фу 劉師復 (Лю Сы-фу, 1884–1915) 440, 441, 443, **558**
Лю Ши-цзюй 李世炬 (ок. 1220–1280) 651
Лю Шу 劉恕 (1032–1078) 618, 651, 706
Лю Ю-и 劉友益 710
Лю Юн 劉墉 (1720–1805) 487
Лю Юн-фу 劉永福 (1837–1917) 759
Лю Юн-чэн 70
Лю Юнь 劉筠 (Лю Цзы-и 劉子儀; 971–1031) 733
Лю Я-лоу 劉亚楼 243
Лян Бин-сянь 梁冰絃 443
Лян Ци-сюн 梁啟雄 (1900–1965) 627
Лян Ци-чао 梁啟超 (Лян Чжо-жу 梁卓如, Лян Жэнь-гун 梁任公, *прозв.* Иньбинши чжужэнь 飲冰室主任; 1873–1923) 19–22, 24, 26, 39, 61, 64, 66, 134, 158, 202–205, 438, 511, 512, 514, 524, 538, **559**, 560, 566, 567, 633, 641, 655, 665, 700, 702, 748, 753, 757, 760, 800, 806, 826
Лян Шань-го 487
Лян Шу-мин 梁漱溟 (1893–1988) 734
Лянь Чжань 連戰 (род. 1936) 285–287
Ляо Мо-ша 廖沫沙 (1907–1990) 336, 337
Ляо Чжу-бинь 廖竹賓 (ум. 1893) 561
Ляо Чжун-кай 廖仲愷 (Ляо Энь-сюй 廖恩煦; 1877–1925) **561**–565, 608

Ма Дуань-линь 馬端臨 (Ма Чжу-чжоу 馬竹州; 1254–1323) 463, 464, 470, **566**, 650, 652, 781, 791, 817
Ма Ин-цзю 馬英九 (род. 1950) 286, 288
Ма Инь-чу 馬寅初 (1882–1982) 308
Майя Ж. (Mailla J.-F.; 1669–1748) 710
Май Мэн-хуа 麥孟華 (1875–1916) 134, 700
Майтрейя 658
Май Цзинь-цюань 麥錦泉 443
Макартней Дж. (Macartney G.; 1737–1806) 741
Малатеста Э. (Malatesta E.; 1853–1932) 438
Мальтус Т.Р. (Malthus T.R.; 1766–1834) 563
Малявин В.В. (род. 1950) 596
Манджушри (*кит.* Вэньшушили 文殊師利) 685
Мануильский Д.З. (1883–1959) 530
Мао Вэй 茅維 (1575–1640?) 729
Мао Дунь 茅盾 (1896–1981) 317
Мао Цзэ-дун 毛澤東 (Мао Жунь-чжи 毛潤之; 1893–1976) 69, 85, 86, 92, 96–100, 102–106, 110, 111, 125, 198, 200, 204, 209, 210, 243, 295–321, 323–350, 353, 357, 358, 361, 370, 373, 378–381, 383–385, 430, 443, 459, 466, 495, 496, 519, 520–522, 524, 527, 531, 534, 553, 555–557, **566**–577, 592–595, 611–615, 656, 677, 688, 690, 693–696, 718, 749, 752, 766–768, 771, 773, 804, 805, 812, 814, 833, 834
Мао Ци-лин 毛奇齡 (1623–1716) 577
Маринг Г. (Maring H., *наст. фам.* Sneevliet; 1883–1942) 257, 608
Маркс К. (Marx K.; 1818–1883) 68, 74, 87–90, 92, 101, 106, 203, 205, 466, 478, 488, 526, 563, 568, 575, 605, 675, 801
Мартин В.А. (Martin W.A.; 1827–1916) 650
Мартынов А.С. (род. 1933) 118, 176, 179, 516, 646
Ма Синь 74
Ма Су 馬驌 (1621–1673) 703
Ма Сюй 馬續 (70?–141) 451, 674, 774
Ма Тин-луань 馬廷鸞 (1222–1289) 566
Ма Фу-и 馬福益 (1866–1905) 678

Ма Хун 馬洪 (род. 1920) 212, 632
Ма Цзун 馬總 (ум. 823) 452
Ма Чжоу 馬周 (601–648) 799
Маэрту 麻爾圖 484
Маяковский В.В. (1893–1930) 466
Медведев Д.А. (род. 1965) 690
Мекленбург Ф.А. (Meklenburg F.A.) 682
Ми Ди-ган 米迪剛 270
Милль Дж. Ст. (Mill J.S.; 1806–1873) 560, 567, 705
Мин-ди 明帝 (прав. 58–75) 45, 47, 49, 50, 450, 451
Мин Чжу 明珠 484
Минь Нин 旻寧 (Мянь Нин 綿寧; дин. Цин; прав. 1821–1850) 166, 469, **578**, 721
Миф П.А. 458, 529
Мо Ди 墨翟 (Мо-цзы; 490/468 – 403/376 до н.э.) 28, 112, 386, 445, 451, 466, 628, 641, 748
Монтекорвино Джованни (Montecorvino Giovanni) 685
Монтескье Ш.Л. (Montesquieu Ch. L.; 1689–1755) 567, 705
Мо Цзи-пэн 莫紀彭 440
Мо-цзы 墨子 *см.* Мо Ди
Му-ван 穆王 (прав. 947? – 927? до н.э.) 403, 822
Мункэ 蒙哥 (1208–1259) 684
Мураи Томоёси 村井知至 203
Муссолини (Mussolini; 1883–1945) 779
Му-цзун 穆宗 *см.* Цзай Чунь
Мэй Сы-пин 梅思平 (1896–1946) 67
Мэн-цзы 孟子 (Мэн К 孟軻; ок. 372 — 289 до н.э.) 45, 126, 127, 131, 132, 171, 175, 212, 214, 215, 451, 478, 488, 517, 623, 628, 632, 673, 728, 808, 816
Мэн Тянь 蒙恬 (210 г. до н.э.) 726
Мяо Цюань-сунь 繆荃孫 (1844–1919) 723, 759
Мясников В.С. (род. 1931) 596

Нань Сюань 南軒 (XVI в.) 710
Нго Ши Лиен (XV в.) 710
Не Жун-чжэнь 聶榮臻 (1899–1992) 294, 343, 349, 350, 773, 806
Не Хай-шэн 聶海勝 (род. 1964) 247
Не Юань-цзы 聶元梓 (род. 1921) 337, 341, 611, 688
Никан-вайлан 尼堪外蘭 (ум. 1586) 582
Никифоров В.Н. (1920–1990) 455
Николай II (1868–1918) 476, 538, 539, 759
Нин Вань-во 寧完我 (ум. 1665) 481
Нин Кэ 寧可 69, 75
Нин Сао 寧騷 (род. 1943)
Нинхаузер У. (Nienhauser W.H.) 819
Нисихара Камэдзо 西原亀三 (1872–1954) 446
Ни Цзай-тянь 倪在田 704
Ницше Ф. (Nietzsche F. W.; 1844–1900) 525
Нулэнс Х. *см.* Рудник Я.М.
Нурхаци 努爾哈齊 (Шэнь у хуан-ди 神武皇帝, Кундэлэн-хан; 1559–1626) 137, 140, 489, **582**–584, 713, 723
Ню Цзянь 牛鑒 (ум. 1858) 722
Нюхулу 鈕祜祿 (1837–1881) 730

Обой (*кит.* Аобай 鰲拜; ум. 1669) 504
Окано Макото 岡野誠 404
Окада Асатарō 岡田朝太郎 (1868–1936) 480
Оу Шэн-бай 區聲白 443
Оуян Сю 歐陽修 (Оуян Юн-шу 歐陽永叔, *прозв.* Цзуй-вэн 醉翁, Люи цзюйши 六一居士; 1007–1072) 59, 171, 453, **586**, 587, 598
Оуян Сюань 歐陽玄 (1274–1358) 602
Оуян Сюнь 歐陽詢 (557–641) 545
Оэртай 鄂爾泰 (1677–1745) 737

Павлинов К.И. 488
Павлов П.А. 608
Павловская Л.К. (1926–2002) 588
Пагпа-лама (1235–1280) 685
Палладий *см.* Кафаров П.И.
Пан Т.А. (род. 1955) 682
Панасюк В.А. (1924–1990) 819
Пан Пу 龐樸 (род. 1928) 78
Пан Чжо-хэн 龐卓恆 73
Пан Юань-ин 龐元英 (Мао Сянь 懋賢; 1020? — после 1085) 464
Пань-гу 盤古 710
Пань-гэн 盤庚 (XIII в. до н.э.) 668, 822
Пань Лэй 潘耒 (1646–1708) 577
Пань Лян-гуй 170
Пань Юнь-чао 潘雲超
Пельо П. (Pelliot P.; 1878–1945) 490
Перейра Т. (Pereira T.) 509
Переломов Л.С. (род. 1928) 808, 819
Петр I (1672–1725) 510, 513
Пин Дан 45
Пин-ди 平帝 (прав. 1 до н.э. — 5 н.э.) 45, 51, 52
Плеханов Г.В. (1856–1918) 89, 90, 106, 455
Поло Марко (Polo M.; ок. 1254–1324) 685
Поликарп *см.* Тугаринов П.А.
Попов А.Ф. 649
Попова И.Ф. (род. 1961) 658
Попхын (*кит.* Фасин 法興; 514–540) 585
Поттингер Г. (Pottinger H.; 1789–1856) 720
Прудон П.-Ж. (Proudhon P.-J.; 1809–1865) 438
Пу И 溥儀 (1906–1967) 476, 513, **590**, 591, 605, 703, 732, 760, 763, 830
Путин В.В. (род. 1952) 690
Пу Цзе 溥傑 (1907–1994) 590
Пэй Во 裴倭 682
Пэн Дэ-хуай 彭德懷 (1898–1974) 244, 330–333, 343, 494, 530, 534, 554, 556, 570, **591**–594, 656, 750, 772, 813
Пэн Мин 彭明 (род. 1924) 73
Пэн Пэй-юнь 彭珮雲 337
Пэн Сунь-и 彭孫貽 (1615–1673) 704
Пэн Сунь-юй 彭孫遹 (1631–1700) 577
Пэн Цзэ-и 70
Пэн Чжао-сунь 彭兆蓀 (1769–1821) 652
Пэн Чжэнь 彭真 (1902–1997) 231, 308, 309, 333–336, 341, 495, 521, 534
Пэн Шу-чжи 彭述之 803
Пэн Юань-жуй 彭元瑞 (1731–1803) 487
Пятницкий И.А. (1882–1938) 778

Рагузинский-Владиславич С.Л. (1670–1738) 596
Радек К.Б. (1885–1939) 646, 647
Рамсес II 178
Ранке Л. фон (Ranke L. von; 1795–1886) 65, 669

Рассел Б. (Russel B.; 1872–1970) 205
Рипа М. (Ripa M.; 1682–1746) 509
Рокхилл У. (Rockhill W.; 1854–1914) 782
Россохин И.К. (1717–1761) 710
Рудаков А.А. 490
Рудник Я.М. (Нулэнс Х.; 1894–1963) 715
Рузвельт Т. (Rousevelt T.; 1882–1945) 746
Руссо Ж.-Ж. (Russeau J.-J.; 1712–1778) 560, 705, 765
Рыбаков В.М. (род. 1954) 388

Сага Хиро 嵯峨浩 (1914–1987) 590
Сан Вэй-хань 桑維翰 (898–971) 712
Санге 685
Сан Хун-ян 桑弘羊 (152–80) 132, 133
Свистунова Н.П. (род. 1930) 388
Сен-Симон А. (Rouvroy C.H. de, Comte de Saint-Simon; 1760–1825) 203
Се Фан-дэ 謝枋德 (1226–1289) 175
Се Фу-чжи 謝富治 (1909–1972) 333
Се Цзинь 解縉 (1369–1415) 831
Се Цзы-чжан 329
Сервис Дж. (Service J.S.; 1909–1999) 305
Симада Сабуро 島田三郎 (1852–1923) 203
Син-цзун 興宗 (1015–1055) 184
Син Ши-лянь 邢士廉 (1885–1954) 528
Си Сюнь 104
Си Цзинь-пин 習近平 (род. 1953) 376, **599**
Си Чжун-сюнь 習仲勛 (род.1913) 317, 330, 331
Скалапино Р. (Scalapino R.A.) 438
Слогагтани 唆魯禾帖尼 684
Смит А. (Smith A.; 1723–1790) 567
Сноу Э. (Snow E.; 1905–1972) 106, 325
Спенсер Г. (Spencer H.; 1820–1903) 525, 560, 567
Сталин И.В. (1878–1953) 89, 105, 106, 243, 498, 570, 645, 646, 805
Стонтон Д.Т. (Staunton G.T.; 1781–1859) 483
Субетай 796, 828
Су Мянь 蘇免 (ум. 805) 686
Сун Жань 480
Сун Лянь 宋濂 (1310–1381) 827
Сун Минь-цю 宋敏求 (1019–1079) 598
Сун Мэй-лин 宋美齡 (1897–2003) 210, 265, 600, 666, 744
Сун Цзы-вэнь 宋字文(1894–1971) 274
Сун Цзяо-жэнь 宋教仁 (1882–1913) 678, 679
Сун Ци宋祁 (998–1061) 586, 598
Сун Цин-лин 宋慶齡 (1893–1981) 265, 350, **600**, 601, 606, 744
Сун Цюань 宋權481
Сун Чу-юй 宋楚瑜 (Сун Дж., Soong J.; род. 1942) 286
Сунь Вэй-ши 孫维世 (1921–1968) 767
Сунь Вэнь 孫文 *см.* Сунь Ят-сен
Сунь Е-фан 孫冶方 (1908–1983) 208
Сунь И-жан 孫詒讓 (1848–1909) 704
Сунь Кай 孫楷 (1870–1907) 687
Сунь Мэй 孫眉 (1854–1915) 603
Сунь Фу 孫復 (992–1057) 59, 664
Сунь Хао 孫皓 (242–284) 585
Сунь Цзо-минь 69
Сунь Ци-мэн 孫起孟 (род. 1911) 217
Сунь Ши-и 孫士毅 (1720–1796) 616
Сунь Юй 孫瑜 (1900–1990) 310, 311
Сунь Юй-вэнь 513, 801
Сунь Юй-юнь 孫毓筠 (1869–1924) 801
Сунь Янь 孫嚴 (V в.) 603
Сунь Ят-сен 孫逸仙 (Сунь И-сянь, *псевд.* Чжуншань 中山, Сунь Вэнь 孫文; 1866–1925) 22–26, 110, 125, 195–197, 203, 204, 254–262, 287, 295, 298, 304, 447, 457, 477, 478, 487–489, 494, 496, 546, 559, 561–567, 591, 600, **603**–610, 632, 647, 665, 669, 671, 678, 679, 705, 706, 715, 716, 743, 744, 747, 748, 750, 751, 757, 765, 770, 771, 779, 809, 830
Су Сюй 蘇勛636
Су-цзун 肅宗 (дин. Тан; прав. 756–762) 50, 776
Су Ши-чжан 蘇世長 636
Су Шунь 肅順 (1816–1861) 469, 503, 722, 731
Сыкун Ту 司空圖 (837–908年) 465
Сыма Бяо 司馬彪 (ум. 306) 676
Сыма Гуан 司馬光 (Сыма Цзюнь-ши 司馬君實, *прозв.* Юй-соу 迂叟, Сушуй сяньшэн 涑水先生; 1019–1086) 31, 32, 34, 54–56, 59, 455, **617**–620, 651, 706, 707–709, 733
Сыма Канн 司馬康 (1050–1090) 651
Сыма Тань 司馬談 (ум. 110 до н.э.) 621
Сыма Цянь 司馬遷 (Сыма Цзы-чжан 司馬子長; 145–87/86? до н.э.) 29–31, 35, 43, 46, 55–58, 493, 515, **621**, 622, 626, 652, 653, 668, 673, 724, 726, 768, 769, 774, 791, 810, 816, 818, 822
Сыма Чжэнь 司馬貞 (713–742) 46
Сычевский Е.И. 488
Сью В. (Siew V.C.; Сяо Вань-чжан 蕭萬長; род. 1939)
Сюань-ван 宣王 (прав. 827–782 до н.э.) 668
Сюань-ван 宣王 (прав. 342–324 до н.э.) 126
Сюань-ди 宣帝 (дин. Зап. Хань; прав. 73–49 до н.э.) 51–53, 128, 774, 775
Сюань-дэ 宣德 (Чжу Чжань-цзи 朱瞻基; 1398–1435)
Сюань-цзан 玄奘 (600–664) 637
Сюань-цзун 玄宗 (дин. Тан; прав. 712–756) 499, 645
Сюань-юань 軒轅 *см.* Хуан-ди
Сюй Жэнь-лянь 202
Сюй Кэ-сян 許克祥 (1890–1967) 772
Сюй Да 787
Сюй Мэн-синь 徐夢莘 (1126–1207) 651
Сюй Сюй-шэн 徐旭生 (1888–1976) 70
Сюй Сян-цянь 徐向前(1901–1990) 343, 350,752, 773
Сюй Тэ-ли 徐特立 (1877–1968) 294, 311, 527
Сюй Тянь-линь 徐天麟 (XII–XIII вв.) 687
Сюй Фу 徐復 687
Сюй Хай-дун 徐海东 (1900–1970) 329
Сюй Цзе 徐階 (1503–1583) 832
Сюй Цзин 徐兢 (Мин-шу 明叔, *прозв.* Цзысинь цзюйши 自信居士; 1091–1153) 624
Сюй Цзин-цзун 許敬宗 (592–672) 599, 636
Сюй Цзянь-хуа 105, 106
Сюй Цянь-сюэ 徐乾學 (1631–1694) **625**, 652
Сюй Чань 徐蒇 (ум. 1170) 624
Сюй Чжао-вэнь 徐昭文 (XIV в.) 710

Сюй Чжун-шу 徐中舒 (Дао-вэй 道威; 1898–1991) **625**, 626
Сюй Ши-чан 徐世昌 (1855–1939) 606
Сюй Юань-вэнь 徐元文 (1634–1691) 577
Сюй Юань-мэн 徐元夢 (1655–1741) 736
Сюн Цы-люй 熊賜履 (1635–1709) 504
Сюн Ши-хуй 熊式輝 (1893–1974) 272
Сюнь Куан 荀況 *см.* Сюнь-цзы
Сюнь Сюй 荀勗 (ум. 289) 580, 616, 783
Сюнь Юэ 荀悦 (148–209) 29, 34, 35, 133, 452
Сюнь-цзы 荀子 (Сюнь Куан; Сюнь Цин 荀卿, Сунь Цин 孫卿; 313/290 – 238/215 до н.э.) 127, 386, 451, 580, **626**–628, 641, 748
Сюэ Жэнь-го 薛仁果 (ум. 618) 636
Сюэ Ин-ци 薛應旂 (род. 1500) 652
Сюэ Цзи-сюань 薛季宣 (1125–1173) 59
Сюэ Цзюй 薛舉 636
Сюэ Шоу 薛收636
Сюэ Юань-цзин 薛元敬636
Сян Да向達 (Цзюэ-мин 覺明; 1900–1966) 66, **629**
Сян Чжун-фа向忠發 (1879–1931) 296, 458, **631**
Сян Цзы-хуй 172
Сянь-фэн 咸豐 *см.* И Чжу
Сянь-цзун 憲宗 (прав. 1465–1487) 50
Сяо-гун 孝公 (царство Цинь; прав. 361–338 до. н.э.)
Сяо Кэ 蕭克 (род. 1908)
Сяо Сань 蕭三 (Эми Сяо; 1896–1983) 567
Сяо Хэ 蕭何 (ум. 193 до н.э.) 403
Сяо-цзун 孝宗 *см.* Чжао Шэнь
Сяо Цянь 萧乾 (1910–1999) 327
Сяо-чжуан 孝莊 (1613–1688) 504
Сяо Чжэн 蕭錚 273, 274
Сяо Янь 蕭衍 776
Ся Се 夏燮 (1800–1875) 652
Ся Си 夏曦 (1901–1936) 833
Ся Сунь-тун 夏孫桐 (1857–1941) 723
Сяхоу Шэн 夏侯燊 51
Ся Цзэн-ю 夏曾佑 (Суй-цин 穗(遂)卿, Суй-фо 碎佛, Бе-ши 别士, Суй-шэн; 1863–1924) 39, 64, **633**

Тай-ван 太王 47
Тай-у 太戊 (Цзы Ми 子密, Цзы Чжоу 子伷) 50
Тай-цзу 太祖 (дин. Тан) *см.* Гао-цзу (дин. Тан)
Тай-цзу太祖 (дин. Сев. Сун) *см.* Чжао Куан-инь
Тай-цзу 太祖 (дин. Юань) *см.* Чингис-хан
Тай-цзу 太祖 (дин. Мин) *см.* Чжу Юань-чжан
Тай-цзун 太宗 (дин. Тан) *см.* Тан Тай-цзун
Тай-цзун 太宗 (дин. Сев. Сун; прав. 976–997)
Тай-цзя 太甲 822
Тан Ду 唐都 621
Тан Лань 唐蘭 (1900–1979) 103
Тан Тай-цзун (Ли Ши-минь, *титулы* Тяньцэ шан-цзян 天策上將, Тай-шан-хуан 太上皇, Тянь кэ-хань 天可汗; 599–649) 461, 490, 585, 586, 634, **635**–639, 657, 658, 792, 799
Тан Фэй 唐飛 (род. 1933) 287
Тан Цзи-яо 唐繼堯 (1883–1927) 606
Тан Чан-жу 唐長儒 (1911–1995) 72, **639**
Тан Чжи-цзюнь 湯志鈞 73
Тан Чжун-ю 唐仲友 (1136–1188) 627
Тан Шу 329
Тань Пин-шань 譚平山 (1886–1956) 267, 565
Тань Сы-тун 譚嗣同 (Фу-шэн 復生, *прозв.* Чжуан-фэй 壯飛; 1865–1898) 511, 513, **640**–642, 665, 701, 702, 731
Тань Тин-сян 譚廷襄 (ум. 1870)
Тань Ци-сян 譚其驤 (1911–1992) 73
Тань Цянь 談遷 (Тань И-сюнь 談以訓, Тань Гуань-жо 談觀若, Тань Жу-му 談孺木, Тань Чжун-му 談仲木; 1593–1657) **643**, 644
Тань Чжэнь-линь 譚震林 (1902–1983) 349, 350, 805, 806
Тань Янь-кай 譚延闓 (1800–1930) 263
Тан Юн-тун 湯用彤 (1893–1964) 72
Тао Си-шэн 陶希聖 (1899–1988) 67
Тао Цзун-и 陶宗儀 (род. 1316) 729
Тао Чжу 陶鑄 (1908–1969) 343
Таркина А.И. 785
Таскин В.С. (1917–1995) 819
Темучжин *см.* Чингис-хан
Титаренко М.Л. (род. 1934) 210
Тоба 拓拔 635
Тоба Хун 拓拔宏 (прав. 466–471) 183
Токто (Тото 脫脫; Токэто 托克托; 1314–1355) 602
Толстой Л.Н. (1829–1910) 466, 567, 719
Тоорил-хан (Ван-хан кереитский) 794, 795
Тотио Такэси 朽尾武 (род. 1936) 474
То Цзинь (1755–1835) 652
Троцкий Л.Д. (1879–1940) 645–648, 802, 803
Тугаринов П.А. (архим. Поликарп) 462
Тулии-каган 638
Тулишэнь 圖理琛 (Туличэнь; 1667–1740) 508
Тулуй 拖雷 (1190–1232) 684
Тун-чжи 同治 *см.* Цзай Чунь
Тун Шу-е 童書業 (1908–1968) 68
Тэн Дай-юань 滕代遠 (1904–1974) 592
Тэраути Масатакэ 寺内正毅 (1852–1919) 446
Тюрго А.Р.Ж. (Turgot A.R.J.; 1727–1781) 543
Тянь Хань 田漢 (1898–1968) 464
Тянь Цзя-ин 田家英 (1922–1966) 336, 337
Тянь Цзюй-цзянь 田居儉 75
Тянь Янь-нянь 田延年 (ум. 72 до н.э.) 48

У Бан-го 吳邦國 (род.1941) 240
У Бо-сюн 288
У-ван 武王 (XI в. до н.э.) 47, 125, 172, 822
У Да-кунь 吳大琨 (род.1916) 70
У-ди 武帝 (дин. Хань) *см.* Хань У-ди
У-дин 武丁 (XIII–XII вв. до н.э.) 50, 668, 822
У Дэ 350
У Лай 吳萊 (1297–1340) 490, 491
Улу 烏祿 *см.* Ши-цзун (дин. Цзинь)
Ульянов М.Ю. 532, 785
У Лэн-си 吳冷西333
У Пэй-фу 吳佩孚 (1874–1939) 608, 610, 671, 762, 763
У Сань-гуй 吳三桂 (1612 –1678) 504, 541, 659, 737
У Си-цзай 吳熙載 (1799–1870) 652
У Сюнь 武訓 (1838–1896) 310, 311
У Сян 吳襄 545
У Тин-се 吳廷燮(1865–1947) 723
У Тин-цзя 吳廷嘉 (род. 1943) 75
У Фэн 吳楓 (род. 1926) 72
У Хань 吳晗 (1909–1969) 333, 335, 613, 614, **655**, 656

У-хоу 武后 (У Цзэ-тянь 武則天, У Чжао 武曌, У Хуа-гу 武華姑, У Мэй 武媚; 624–705) 103, 490, 552, 585, **657**–658, 709, 792, 799
У Цзин 吳競 (У Си-чжай 吳西齋; 670–749) 792
У-цзун 武宗 (прав. 841–846) 644
У Цзэ 吳澤 68
У Чан-цин 吳長慶 (1834–1884) 828
У Чжэн-чжи 吳正治 484
У Чжи-хуй 吳稚暉439, 440, 442, 443
У Чжэнь 吳縝 (XI–XII вв.) 598, 817
У Чэн-цюань 吳乘權 (2-я пол. XVII — нач. XVIII в.) 652, 710
У Ши-хо 武士彠 (577–635) 657
Уэйд (Вэйд) Т.Ф. (Wade T.F.; 1818–1895) 462
У Юй 吳虞 (1872–1949) 130
У Юй-цинь 吳玉摺 72
У Юй-чжан 吳玉章 (1878–1966) 294
У Янь-цзя 76

Фан Сюань-лин 房玄齡 (Фан Цяо 房喬; 579–648) 461, 636, 799
Фан Тхань Зян (1796–1867) 710
Фан Чжи-и 方智怡 (род. 1949) 287
Фан Ши-мин 方詩銘 784
Фань Бэнь-лян 范本梁 (1897–1945) 442
Фань Вэнь-лань 范文瀾 (Фань Чжун-тань 范仲潭, Фань Юнь-тай 范芸臺; 1893–1969) 65–67, 70, 72, 549, **662**, 663, 720
Фань Вэнь-чэн 范文程 (1597–1666) 481
Фань Е 范曄 (398–446) 450, 674, 676, 775
Фань Сян-юн 784
Фань Цзу-юй 范祖禹 (1041–1098) 59, 618, 651, 706, 816
Фань Цзюн-ю 172
Фань Чжун-янь 范仲淹 (Фань Си-вэнь范希文; 989–1052) 158, 453, 586, **664**
Фань Чжэнь 范鎮 (1008–1089) 598
Фань Чи 樊遲 118
Фань Чэн-да 范成大 (Чжи-нэн 致能, *прозв.* Шиху цзюйши 石湖居士; 1120–1193) 470, 531
Фейербах Л.А. фон (Feuerbach L.A. von; 1804–1872) 91
Флуг К.К. (1893–1942) 545
Франке О. (Franke O.; 1863–1946) 490
Фрунзе М.В. (1885–1925) 771
Фу Би 富弼 (1004–1083) 184, 185, 586
Фу-ван 福王 (прав. 1607–1646) 643
Фу И-лин 傅衣淩 (1911–1988) 70
Фу Кан-ань 福康安 (ум. 1796) 739
Фукуи Дзюндзо 福井準造 (1871–1937) 203
Фу Линь 福臨 (Шунь-чжи; 1638–1661) 500, 504, 577
Фуминь 傅敏 (1673–1756) 736
Фурье Ш. (Fourier F. M. Ch.; 1772–1837) 203
Фу-си 伏羲703
Фу Сы-нянь 傅斯年 (Фу Мэн-чжэнь 傅孟真; 1896–1950) 65, **669**, 691, 693, 713
Фу Хэн 傅恆 (ум. 1779) 652, 710
Фу Чжу-фу 傅筑夫 (1902–1985) 73
Фу Шэн 伏勝 (260–161 до н.э.) 821
Фу Юэ 傅說 668
Фэй Сяо-тун 費孝通 (1910–2005) 217
Фэй Цзюнь-лун 費俊龍 (род. 1965) 247
Фэй Чжэ-вэнь 費哲文 443
Фэн Го-чжан 馮國璋 (1859–1919) 679, 762
Фэн Дэ-и 封德彝 (568–627) 599
Фэн Сюэ-фэн 馮雪峰 (1903–1976) 327, 328, 614
Фэн Ци 馮琦 (1558–1603) 704
Фэн Цюань 馮銓 (1595–1672) 577
Фэн Юй-сян 馮玉祥 (1882–1948) 264, 329, 529, 590, 610, 763
Фэн Ю-лань 馮友蘭(1895–1990) 118

Хай Жуй 海瑞 (1514–1587) 613
Хайям Омар (1048–1131) 466
Хаммел А. (Hummel A.; 1884–1975) 682
Хань Го-пань 韓國磐 (род. 1919) 68
Хань У-ди 漢武帝 (Лю Чэ, Ши-цзун; 157–87 до н.э.) 42, 47, 48, 51, 52, 132, 499, 514, 585, 621, 623, **673**, 776, 818, 821
Хань Фэй-цзы 韓非子(288–233 до н.э.) 132, 466, 522, 628, 665, 724
Хань Юань 韓瑗 (606–659) 657
Хао Ши-юань 郝時遠 (род. 1952) 23
Хасар 794
Хаттушиль III 178
Хауэр Э. (Hauer E.; 1878–1936) 682
Хейес К.Дж. (Hayes C.J.; 1882–1964) 713
Хирохито 裕仁 (1901–1989) 590
Хирт Ф. (Hirth F.; 1845–1927) 782
Хо Чжи-цзян 76
Хоу Вай-лу 侯外廬 (Хоу Чжао-линь 侯兆麟; Хоу Юй-шу 侯玉樞; 1903–1987) 65–70, **675**, 676
Хрущев Н.С. (1894–1971) 335
Хуа Го-фэн 華國鋒 (род. 1921) 85, 96–99, 350, 357, 520, 574, **677**, 678, 695
Хуа Линь 華林 442, 443
Хуан Го-ци 黃國琦 734
Хуан Гуан-шэн 黃光升 (1507–1586) 652
Хуан-ди 黃帝 (Сюань-юань) 27, 49, 81, 452
Хуан И-чжоу 黃以周 (1828–1899) 652
Хуан Кэ-чэн 黃克誠 (1902–1986) 556, 570, 593, 750
Хуан Лин-шуан 黃凌霜 442, 443
Хуан Лю-чжу 黃留珠 77
Хуан Син 黃興 (Хуан Кэ-цян黃克強; 1874–1916) **678**, 679
Хуантайцзи 皇太極 (Хун Тайчжи, Абахай; 1592–1643) 140, 438, **680**
Хуанфу Ми 皇甫謐 (215–282) 776
Хуан Хао 黃浩 684
Хуан Цзун-си 黃宗羲 (1610–1695) 60, 61, 497, 577, 641
Хуан Цзунь-сянь 黃遵憲 (1848–1905) 39, 641
Хуан Цзю-си 黃九錫 734
Хуан Цзюэ-цзы 黃爵滋 (1793–1853) 535
Хуан Чао 黃巢 (ум. 884) **682**–684
Хуан Шао-хун 黃紹竑 (1895–1966) 704
Ху Ань-го 胡安國 (1074–1138) 59
Хуань-гун 桓公 (685–643 до н. э.)
Хуань-ди 桓帝 (прав. 147–168) 50
Хуань Куань 桓寬 132
Хуань Янь-фань 桓彥範 (653–706) 657
Хубилай 忽必烈 (Ши-цзу; 1215–1294) 104, 480, **684**, 685, 794

Ху Бинь 胡彬 72
Ху Вэй-юн 788
Ху Жу-лэй 胡如雷 (1926–1998) 69, 73
Ху Инь 胡寅 (1098–1156) 59, 172
Хуй-ди 惠帝 (дин. Зап. Цзинь; прав. 290–306) 50
Хуй Дун 惠棟 (1697–1758) 460, 736
Хуй-цзун 徽宗 (1082–1135) 169, 602, 624
Ху Кэ-ши 348
Хун Гуа (1117–1168) 175
Хун Ли 弘曆 *см.* Цянь-лун
Хунтайцзи 洪太極 *см.* Хуантайцзи
Хун Хао 洪皓 (1088–1155) 175
Хун Чэн-чоу 洪承畴 (1593–1665) 577, 681
Ху Сань-шэн 胡三省 (1230–1302) 651, 652, 708, 735, 810
Ху Фэн 胡風 (1902–1985) 314, 316–319, 321, 614
Ху Хань-минь 胡漢民 (1879–1936) 263, 265–267, 562, 563, 678, 771
Ху Хуа 胡華(1921–1987) 72
Ху Хун 胡宏 (1105–1155) 172
Ху Цзинь-тао 胡錦濤 (род. 1942) 214, 215, 240, 287, 288, 371, 373–376, **689**, 690, 834
Ху Ци-ли 胡啟立 (род. 1929) 348
Ху Цуй-чжун 胡粹中 (2-я пол. XIV — 1-я четв. XV в.) 710
Ху Цяо-му 胡喬木 (1912–1992) 88, 101, 104, 308, 309, 311, 314, 348
Ху Ши 胡適 (Ху Хун-син 胡洪骍; Ху Ши-чжи 胡適之; 1891–1962) 65, 204–206, 313, 315, 316, 320, 321, 471, 543, 562, 563, 655, 656, 669, **690**–692, 713, 734, 764, 801, 810
Ху Шэн 胡繩 (1918–2000) 66, 71–73, 316, **693**
Ху Юань 胡瑗 (993–1059) 59, 664
Ху Яо-бан 胡耀邦 (1915–1989) 85, 88, 106, 678, **694**–696
Хэ Бин-сун 何炳松 (1890–1946) 64
Хэ Вэй-и 賀惟一 602
Хэ Гань-чжи 何干之 (1906–2006) 72
Хэ-ди 和帝 (прав. 89–105) 50, 451
Хэ Кэ-цюань 何克全 (1906–1955) 752
Хэ Лун 賀龍 (1896–1969) 494, 528, 773, 804
Хэ Сю 何休 (129–182) 45, 46
Хэ Сян-нин 何香凝 (1879–1972) 562, 564, 565
Хэ Цзы-цюань 何兹全 (род. 1911) 72, **699**
Хэ Цзы-чжэнь 贺子珍 (1909–1984) 569
Хэ Цзянь 何健 (1887–1956) 273
Хэ Чан-цюнь 賀昌群 (1903–1973) 68
Хэ Чжун 何中 (1265–1332) 710
Хэ Чжэнь 何震 438
Хэ Чэн-тянь 何承天 (370–447) 603
Хэ-шан-гун 河上公(II в. до н.э.) 552
Хэ Шэнь 和珅 (1750–1799) 486, 487, 738

Цай Фан-лу 80, 81
Цай Хэ-сэнь 蔡和森 (1890–1931) 294, 494, 527–529, 765, 804
Цай Цзин 蔡京 (1074–1126) 456
Цай Чан 蔡暢 (1900–1990) 294
Цай Э 蔡鍔 (1992–1916) 606
Цай Юань-пэй 蔡元培 (1868–1940) 204, 205, 263, 826
Цай Юн 蔡邕 (133–192) 50, 52
Цай Юнь-гун 蔡允恭 636
Цай Ю-сюэ 蔡幼學 (1154–1217) 651
Цан Цзе 倉頡 27
Цао Жун 曹溶 (1613–1685) 729
Цао Жу-линь 曹汝霖 (1877–1966) 446
Цао И-оу 曹軼歐 (1903–1989) 337
Цао Кунь 曹錕 (1862–1938) 762, 763
Цао Сюэ-цинь 曹雪芹(1724–1764) 313, 314, 692
Цао Цао 曹操 (155–220) 103
Цао Чжэнь-юн 曹振鏞 (1755–1835) 487
Цзай Тянь 載湉 (Дэ-цзун, девиз Гуан-сюй; 1871–1908) 166, 439, 476, 513, 538, 585, 590, 640, 644, **700**–703, 711, 730–732, 759, 760
Цзай Цзэ 載澤 (1876–1928) 476
Цзай Чунь 載淳 (Му-цзун, девиз Тун-чжи; 1856–1875) 166, 700, 730, 776
Цзин-ди 景帝 (прав. 156–141 до н.э.) 46, 50, 51
Цзин Кэ 荊軻 (ум. 227 до н.э.) 103
Цзин Мэй-цзю 景梅九 442, 443
Цзин Хуй 敬暉 (ум. 706) 657
Цзинь Гуань-тао 金觀濤 (род. 1947) 76
Цзинь Люй-сян 金履祥 (1232–1303) 651, 709
Цзинь Хань-дин 484
Цзинь Чжао-фань 金兆蕃 (1867–1938) 723
Цзи Цзэн-юнь 嵇曾筠 (1671–1739) 736
Цзи Юнь 紀昀 (1724–1805) 487, 580, 616
Цзо Гуй 左圭 729
Цзо Кай-да 406
Цзо Цзун-тан 左宗棠 (1812–1885) 731
Цзоу Жун 鄒容 (Шао-тао紹陶, Вэй-дань 蔚丹; 1885–1905) **704**, 705
Цзоу Цзи 鄒緝 (ум. 1422) 831
Цзун Ло-хоу 宗羅侯 636
Цзу Тин 祖珽 545
Цзу Чун-чжи 祖沖之 (429–500) 603
Цзы Гун 子貢 117, 518
Цзы Лу 子路 123
Цзы Чань 子產 (Гунсунь Цяо 公孫僑, Гунсунь Цзы-чань 子產公孫; род. 552 до н.э.) 112, 120, 403
Цзэн Го-фань 曾國藩 (1811–1872) 86, 536, 537, 641, 716, 731
Цзэн Гун-лян 曾公亮 (999–1078) 598
Цзэн Цзин 曾静 (1679–1736) 737
Цзэн Цзи-цзэ 曾紀澤 (1839–1890) 191, 759
Цзюй Сун 沮誦 27
Цзя Вэй 賈緯 (ум. 952) 712
Цзя И 賈誼 (200–168 до н.э.) 816
Цзян Ай-чжэнь 蔣愛真441
Цзян Дж. (Chiang J.) *см.* Чжан Сяо-янь
Цзян Кан-ху 江亢虎 (1883–1954) 441, 525
Цзян Линь (1694–1748) 713
Цзян Лян-ци 蔣良騏 (1722–1789) **713**
Цзян Тин-си 蔣廷錫 (1669–1732) 473, 485
Цзян Тин-фу 蔣廷黻 (1895–1965) **713**, 714
Цзян Фан-лян 蔣方良 *см.* Вахрева Ф.И.
Цзян Цзин-го 蔣經國 (1910–1988) 110, 278, 286, 287, 494, **715**–717, 747, 808
Цзян Цзэ-минь 江澤民 (род. 1926) 85, 87, 111, 211, 363, 364, 366–369, 371, 373, 374, 376, 594, 595, 690, **717**–719, 762
Цзян Цин 江青 (Ли Юнь-хэ李雲鶴, *псевд.* Лань Пин 蓝苹; 1914–1991) 209, 210, 244, 311, 314,

315, 332–334, 336, 339–341, 344, 349, 350, 519, 520, 569, 611, 613–615, 677, 741, 750, 767, 773, 834
Цзян Чун-юнь 234
Цзянь Бо-цзань 翦伯贊 (1898–1968) 65–67, 69, 70, 72, 103, 321, **720**, 721
Цзяо Го-чэн 83
Цзяо-мэй 郊媒48
Цзя Син 賈行 490
Цзя То-фу 賈拓夫 (1912–1967) 330, 331
Цзя-цин 嘉慶(Юн Янь; 1796–1820) 33, 61, 62, 65, 487, 737
Цзя Цин-линь 賈慶林 (род. 1940) 240, 287
Цзя Чан-чао 賈昌朝 (998–1065) 598, 712
Ци Бэнь-юй 戚本禹 (род. 1931) 333, 531
Ци Ин 耆英 (1790–1858) **721**, 722
Ци Кэ-гэ 481
Цин (великий князь) 慶親王*см.* И Куан
Цин-ван 傾王 (прав. 618–613 до н.э.) 46
Цин Гуй 慶桂 (1737–1816) 487
Цинь Бан-сянь 秦邦憲 (Бо Гу; 1907–1946) 752, 832, 833
Цинь Сян-е 秦湘業 (1813–1883) 652
Цинь Хуй 秦檜 (Цинь Гуй; 1090–1155) 171–173
Цинь-цзун 欽宗 (1100–1156) 169
Цинь Ши-хуан 秦始皇 (Ин Чжэн 嬴政; 246–207 до н.э.) 103, 104, 120, 134, 499, 627, **724**–726, 821
Цинь Шу-бао 秦叔寶 (ум. 638) 636
Ци Ши-жун 齊世榮 (род. 1926) 73
Цуй Сюань 崔璇 (ум. 868) 686
Цуй Сюань-вэй 崔玄暐 (638–706) 657
Цуй У-чэн *см.* Цуй Шу
Цуй Хун 崔鴻 (496–525) 703
Цуй Шу 崔述 (1740–1816) **727**, 728
Цы Ань 慈安 (1837–1881) 731
Цы Си 慈禧 (Ехнара, Ниласы, Лань Эр 蘭兒; 1835–1908) 166, 439, 469, 500, 513, 538, 590, 641, 650, 700–703, **730**–732, 760, 829
Цю Хань-шэн 邱漢生 (1912–1992) 676
Цюань Цзу-ван 全祖望 (1705–1755) 60
Цюй Линь-дун 瞿林東 (род. 1937) 75, 77
Цюй Цю-бо 瞿秋白 (1899–1935) 296, 479, 489, 498, 528, 530, 647, **734**, 751, 752
Цюй Юань 屈原 (ок. 348 — ок. 278) 103
Цянь Да-синь 錢大昕 (Цянь Сяо-чжэн 錢曉徵; Цянь Цзи-чжи 錢及之; *прозв.* Синь-мэй 辛楣; Чжу-тин竹汀; 1728–1804) 39, 62, 602, 652, **735**, 736, 760, 817, 828
Цянь И-цзи 錢儀吉 (1783–1850) 487
Цянь-лун 乾隆 (Хун Ли弘曆, Гао-цзун; 1711–1799) 33, 55, 61, 62, 65, 460, 483, 486, 487, 500, 509, 577, 580, 590, 616, 655, 659, 711, 713, 729, **736**–741, 756, 757, 760, 794, 815
Цянь Мин-ши 錢名世 (XVIII в.) 704
Цянь Му 錢穆 (Цянь Бинь-сы 錢賓四; 1895–1990) 65, **742**, 743
Цянь Сюань-тун 錢玄同 (1887–1939) 205, 471

Чан Кай-ши (Цзян Цзе-ши 蔣介石, Цзян Чжунчжэн 蔣中正; 1887–1975) 24–26, 110, 125, 134, 135, 210, 259, 260–267, 292, 295–297, 310, 331, 421, 444, 447, 455, 465, 469, 477, 479, 487–489, 494, 554, 564, 569, 600, 601, 608, 631, 632, 646, 647, 666, 715–717, 742, **743**–747, 752, 757, 765, 766, 777–779, 805, 807–809
Чао Гун-у 晁公武 (XII в.) 816
Чао Хай 超海 442
Черчилль У. (Churchill W.; 1874–1965) 746
Чжамуха 794, 795
Чжан Ай-пин 張爱萍 (1910–2003) 243
Чжан Бин-линь 章炳麟 (Чжан Тай-янь, Чжан Мэй-шу章枚叔; 1869–1936) 64, 86, 439, 471, 704, 705, **748**, 757
Чжан Бо-цзюнь 章伯鈞 (1896–1969) 327, 379
Чжан Вэнь-тянь 張聞天 (*псевд.* Ло Фу 洛甫; 1900–1976) 343, 556, 573, 593, **749**, 752, 832, 833
Чжан Го-ган 張國剛 (род. 1956) 75
Чжан Го-тао 張國燾 (Чжан Тэ-ли 張特立; 1897–1979) 458, 528, 568, 570, 592, 647, 749, **750**–752
Чжан Гэн 張賡 (1681–1756) 652, 710
Чжан Да-ань 張大安 676
Чжан-ди 章帝 (57–88 47–50, 450
Чжан Дун-сунь 張東孫 (Чжан Вань-тянь 張萬田, *псевд.* Шэн-синь 聖心; 1886–1973) 205, 524, **753**, 754, 757, 801
Чжан Дунь-жэнь 張敦仁 (1754–1834) 652
Чжан Дэ-сян 張德祥 (978–1048) 733
Чжан Ин 張英 (1637–1708) 652
Чжан Ин 張瑛 (1793–1856) 758
Чжан Инь-линь 張蔭麟 (1905–1942) 65
Чжан Кай-юань 章開沅 77
Чжан Ли-вэнь 張立文 (род. 1935) 698
Чжан Пу 張溥 (1602–1641) 652
Чжан Пэй 388
Чжан Пэй-хэн 章培恒 (род. 1934) 104
Чжан Се 174
Чжан Си 張熙 (ум. 1736) 737
Чжан Син-юэ 張杏月 (ок. 1633 — ок. 1711) 703
Чжан Си-юань 494
Чжан Со-чжи 484
Чжансунь 長孫 635
Чжансунь У-цзи 長孫無忌 (ум. 659) 599, 634, 657
Чжан Сюй-хоу 張煦候 (1895–1968) 652
Чжан Сюнь 張勛 (1854–1923) 513
Чжан Сюэ-лян 張學良 (1898/1901–2001) 264, 265, 529, 617, 671, 672
Чжан Сюэ-чэн 章學誠 (Чжан Ши-чжай 章實齋, *прозв.* Шао-янь 少岩; 1738–1801) 32, 37, 39, 60, 62, 602, 661, **754**–756, 817
Чжан Сянь-чжун 張獻忠 (1606–1647) 540, 541
Чжан Сяо-янь 蔣孝嚴 (Цзян Дж.; род. 1942) 286, 287
Чжан Тай-лэй 張太雷 (1898–1927) 528, 751
Чжан Тай-янь 章太炎 *см.* Чжан Бин-линь
Чжан Тин-юй 張廷玉 (Чжан Хэн-чэнь 張衡臣, *прозв.* Янь-чжай 研齋; 1672–1755) 485, 577, 736, 737, **756**, 757
Чжан Фань 張璠 (кон. III — нач. IV в) 452
Чжан Хуа 張華 (232–300) 624
Чжан Хэн 張衡 (78–139) 59
Чжан Цзай 張載 (1020–1077) 628
Чжан Цзи 張繼 (1882–1947) 438, 440, 678

Чжан Цзин-цзян 張靜江 264, 439, 440
Чжан Цзо-линь 張作霖 (1873–1928) 447, 525, 608, 670–672, 763, 829
Чжан Цзун-сян 章宗祥 (1879–1962) 446
Чжан Цзун-цзу 687
Чжан Цзы-шао 172
Чжан Цзюнь-май 張君勱 (Чжан Цзя-сэнь 張嘉森, Чжан Ши-линь 張士林; 1887–1969) 753, **757**, 758
Чжан Цзянь 張鑑 (1768–1850)
Чжан Цзянь-чжи 張柬之 (625–706) 657
Чжан Цзя-фу 208
Чжан Ци-янь 張起岩 (1282–1353) 602
Чжан Цюань 張銓 (1577– 1621) 652
Чжан Цюнь 張群 (1889–1990) 272
Чжан Цянь 張騫 673
Чжан Чжао-юань 張昭遠 (895–972) 712
Чжан Чжи-дун 張之洞 (1837–1909) 477, 483, 512, 640, 678, 701, 758, 759, 760
Чжан Чун 張翀 (XII в) 59, 704
Чжан Чунь 442
Чжан Чунь-цяо 張春橋 (*псевд.* Ди Кэ 狄克1917–2005) 209, 210, 230, 245, 334, 336, 340, 348, 349, 520, 611–615, 677
Чжан Ши 張栻 (*псевд.* Чжан Нань-сюань 張南軒; 1133–1180) 531, 652
Чжан Ши-чжао 章士釗 (1881–1973) 678
Чжан Шоу 170
Чжан Шоу-цзе 張守節 (VIII в.) 46
Чжан Шэнь-фу 張申府 (1893–1986) 771
Чжан Юань-цзи 張元濟 (1867–1959) 729
Чжан Юй-шу 張玉書 (1642–1715) 577
Чжао Бин-вэнь 趙秉文 (1159–1232) 793
Чжао-ван 昭王 822
Чжао Гоу 趙構 *см.* Гао-цзун (дин. Сун)
Чжао Гуан-сянь 趙光賢 (1910–2003) 78
Чжао-ди 昭帝 (прав. 87–74 до н.э.) 132
Чжао Жу-гуа趙汝適 (ок. 1165 — после 1225) 781
Чжао И 趙翼 (Чжао Юнь-сун 趙雲崧, Чжао Оу-бэй; 趙甌北; 1727–1814) 62, 175, 652, 710, 711, **760**, 761, 817
Чжао Ин 趙瑩 (ок. 885 — ок. 951) 712
Чжао И-цин 趙一清 (1709–1764) 692
Чжао Куан-инь 趙匡胤 (дин. Сев. Сун, Тай-цзу; 927–976)
Чжао Лян 134
Чжао Му-чжи 174
Чжао Си 趙熙 712
Чжао Сюй 趙頊 (дин. Сев. Сун, Шэнь-цзун; прав. 1068–1085) 32, 453, 455, 618, 708
Чжао Тай-моу趙太侔442
Чжао-цзун 昭宗 (прав. 889–904) 644
Чжао Цзун-чжэн 85
Чжао Цзы-ян 趙紫陽 (1919–2005) 98, 100, 102, 225, 677, 718, **761**, 762
Чжао Шао-цзу 趙紹祖 (1752–1833) 652
Чжао Ши-юань 趙師淵 (ок. 1150 — 1210) 709
Чжао Ши-янь 趙世延 (1260–1336) 687
Чжао Ши-янь 趙世炎 (1901–1927) 527
Чжао Шу 趙曙 (дин. Сев. Сун, Ин-цзун 英宗; 1032–1067) 620
Чжао Шэнь 趙昚 (прав. 1162–1189) 173
Чжао Эр-сюнь 趙爾巽 (1844–1927) 670, 723
Чжоу Вэнь-ван 周文王 (1152–1056 до н.э.) 668
Чжоу-гун 周公 34, 125, 172, 668, 822
Чжоу Гу-чэн 周谷城 (1898–1996) 66
Чжоу И-лян 周一良 (Чжоу Тай-чу 周太初; 1913–2001) 72, **763**, 764
Чжоу Ми 周密 (1232–1298) 710
Чжоу-синь 紂辛 103, 668
Чжоу Сяо-чжоу 周小舟 (1912–1966) 556, 593, 750
Чжоу Цзи-сян 周繼香 442
Чжоу Цзи-чжи 81
Чжоу Хуй 周煇 (Чжоу Чжао-ли 周昭禮; 1126 – после 1198) 722
Чжоу Цюй-фэй 周去非 (Чжи-фу 直夫; 1135–1189) 531, 532, 781
Чжоу Энь-лай 周恩來 (1898-1976) 96, 209, 218, 293, 294, 302, 308, 309, 317, 319, 333, 334, 340, 343, 345, 349, 350, 379, 384, 458, 459, 494, 498, 520, 528, 530, 534, 554, 556, 568, 569, 570, 574, 592, 612, 614, 615, 720, 744, 749, 752, **765**–768, 771, 772, 801, 804–806, 812
Чжоу Ян 周揚 (1908–1989) 314, 315, 317–319, 330, 333, 336
Чжуан-цзы 莊子 (Чжуан Чжоу莊周; 369–286 до н.э.) 641
Чжуан Цин-чжай 47
Чжу Бо 朱博 (I в. до н.э.) 46
Чжу Вэнь 朱温 (852–912) 684
Чжу Гуй 朱珪 (1731–1807) 487
Чжу Ди 朱棣 (Чэн-цзу, девиз Юн-лэ; 1360–1424) 500, 545, 790, 831
Чжу Дэ 朱德 (1886–1976) 308, 343, 350, 494, 533, 554, 569, 592, 749, 752, **770**–773, 804–806
Чжу Жун-цзи 朱鎔基 (род. 1928) 371
Чжу И-цзунь 朱彝尊 (1629–1709) 577
Чжу Линь 朱璘 (XVII в.) 652, 710
Чжу Мин-пань 朱銘盤 (1852–1893) 687
Чжун Дянь-фэй 鐘惦棐 (1919–1987) 327
Чжун-цзун 中宗 (прав. 656–710) 51, 552, 657, 792
Чжун Цзюнь 47, 48
Чжун Шань-фу 仲山甫 668
Чжу Си 朱熹 (Юань-хуй 元晦, Чжун-хуй 仲晦; Хуй-ань 晦庵; 1130–1200) 59, 80, 127, 152, 157, 158, 171, 173, 223, 504, 505, 515, 566, 618, 623, 708, 709, **779**, 780, 809
Чжу Си-цзу 朱希祖 (1879–1944) 64
Чжу Сунн 朱松 (1097–1143) 172
Чжу Сюэ-фань 217
Чжу Фу 朱服 (1048 – после 1102) 589
Чжу Цы-ци 朱次琦 (Чжу Цзю-цзян 朱九江; 1807–1881) 511
Чжу Цянь-чжи 朱謙之 442, 444
Чжу Чжи-синь 朱執信 (1885–1920) 203, 562, 563
Чжу Шао-хоу 朱紹侯 (род. 1925) 73
Чжу Ши 朱軾 (1665–1736) 485, 736
Чжу Шоу-пэн 朱壽朋 (род. 1868) 713
Чжу Юань-чжан 朱元璋 (Тай-цзу, Чжу Чун-ба 朱重八, Чжу Син-цзун朱興宗; 1368–1399) 129, 153, 213, 474, 475, 500, 656, **786**–790, 827
Чжу Юй 朱彧 (Чжу У-хо 朱無惑; *прозв.* Пинчжоу лаопу 萍洲老圃; 1075?–1119) 589
Чжу Юнь 朱筠 (1729–1781) 616, 755
Чжу Юнь-вэнь 789, 790

Чжу Ю-цэн 784
Чжэ Бе 796, 828
Чжэн Би-ань 鄭彼岸 440
Чжэн Пэй-ган 鄭佩剛 443
Чжэн Сюань 鄭玄 (127–200) 85, 552
Чжэн Тай-пу 鄭太樸 (1901–1949) 444
Чжэн Хэ 鄭和 (1371–1434) 629, **790**
Чжэн Цяо 鄭樵 (*прозв.* Чжэн Юй-чжун 鄭漁仲; 1104–1162) 32, 463, 650, 652, 653, **791**, 817
Чжэн Шоу-и 鄭受益 712
Чжэнь Фэн 眞風 443
Чжэнь-цзун 眞宗 (прав. 998–1022) 733
Чжэ-цзун 哲宗 (прав. 1086–1100) 455, 456
Чингис-хан 成吉思汗 (Темучжин; 1162–1227) 104, 504, 680, 684, **794**–796, 828
Чичерин Г.В. (1872–1936) 608
Чу Ань-пин 儲安平 (1909–1966) 322
Чу Лян 褚亮 636
Чу Минь-и 褚民谊 (1884–1946) 439, 440
Чун Хоу 崇厚 (1826–1893) 759
Чу Суй-лян 褚遂良 (597–658) 657
Чу Ту-нань 217
Чэн-ван 成王 (XI в. до н.э.) 125, 172, 822
Чэн-ди 成帝 (прав. 32–7 до н.э.) 48, 49
Чэн И 程頤 (1033–1107) 59, 60, 152
Чэн Тан 成湯 668
Чэн Хао 程顥 (1032–1085) 504
Чэн Цзу 成祖 *см.* Чжу-ди
Чэн Чжи-цзе 程知節 (593–665) 636
Чэнь Бан-го 陳邦國 (род. 1943) 67
Чэнь Бан-чжань 陳邦瞻 (1557–1623) 704
Чэнь Бань-дин 陳半丁 (1877–1970) 327
Чэнь Бао-чжэнь 陳寶箴 (1831–1900) 641
Чэнь Бо-да 陳伯達 (1904–1989) 320, 333, 335, 336, 338–340, 342–345, 349, 520, 611, 695
Чэнь Ван-дао 205
Чэнь Го-фу 陳果夫 (1892–1951) 807
Чэнь Гун-бо 陳公博 (1892–1946) 266, 267
Чэнь Гэн 陳賡 (1903–1961) 528
Чэнь Ду-сю 陳獨秀 (Чэнь Цянь-шэн 陳乾生, Чэнь Чжун-фу 陳仲甫; 1879–1942) 205–207, 257, 294, 295, 296, 523, 524, 528, 529, 563, 648, 649, 750, 751, 754, 765, 771, **800**–803
Чэнь Дэ-жун 陳德榮 442
Чэнь Жэнь-си 陳仁錫 (1581–1635) 710
Чэнь И 陳毅 (1883–1950) 240, 294, 339, 349, 494, 527, 528, 533, 569, 612, 765, 773, **804**–806
Чэнь Инь-кэ 陳寅恪 (1890–1969) 65, 66, 625, 763, 764, **806**, 807
Чэнь Ли-фу 陳立夫 (Чэнь Цзу-янь 陳祖燕; 1900–2001) 110, 274, 632, 757, **807**–809
Чэнь Лян 陳亮 (1143–1194) 170, 171
Чэнь Мэн-лэй 陳夢雷 (1650–1741) 473
Чэнь Пин 陳平 (род. 1946) 76
Чэнь Пэн-нянь 陳彭年 (Чэнь Юн-нянь 陳永年; 961–1017) 733
Чэнь Тин-фань 陳廷璠 442
Чэнь Тянь-хуа 陳天華 (1875–1905) 567
Чэнь Фу-лян 陳傅良 (1137–1203) 59
Чэнь Фу-чэнь 陳黻宸 (1859–1917) 64
Чэнь Хань-чжан 陳漢章 (1863–1938) 513
Чэнь Хань-шэн 陳翰笙(1897–2004) 208
Чэнь Хэ 陳鶴 (1757–1811) 652
Чэнь Цзи 陳濟 (1364–1424) 710
Чэнь Цзин 陳經 (XIV в.) 709
Чэнь Цзин-юнь 陳景雲 (1669–1747) 652, 710
Чэнь Цзюн-мин 陳炯明 (1878–1933) 443, 558, 564, 608, 743, 765, 771
Чэнь Цзюнь 陳均 (1174–1244) 651, 710
Чэнь Цзянь 陳建 (1497–1567) 652
Чэнь Ци-мэй 陳其美 (1878–1916) 263, 264
Чэнь Ци-ся 327
Чэнь Ци-тай 陳其泰 (род. 1939) 73, 82
Чэнь Ци-тянь 陳啟天 (1893–1984) 134, 135
Чэнь Ци-чжи 85
Чэнь Чан-хао 752
Чэнь Чжэн-фу 80
Чэнь Чжэнь-сунь 陳振孫 (ум. 1261) 781
Чэнь Чэн 陳誠 (1897–1965) 652
Чэнь Шао-юй 陳紹禹 *см.* Ван Мин
Чэнь Шуй-бянь 陳水扁 (род.1951) 286–288
Чэнь Шэн-шу 陳聲樹 442
Чэнь Юань 陳垣 (Чэнь Юань-ань 陳援庵; 1880–1971) 65, 66, **810**, 834
Чэнь Юнь陳雲 (1905–1995) 96, 308, 313, 343, 350, 767, 805, **811**–813
Чэнь Янь-цзин 陳延敬 (1639–1712) 577
Чэнь Яо-чэнь 185, 186

Шаванн Э. (Chavannes E.; 1865–1918) 818
Ша Гань 沙淦 442
Шалль А. (Schall A., Белль И.А.Ш. фон; 1592–1666) 509
Шан-ди 上帝 48, 177
Шан Кэ-си 尚可喜 (1604–1676) 504
Шан Лу 商輅 (1414–1486) 709
Шан Юэ 尚鉞 (Шан Цзянь-ань 尚健庵; 1902–1982) 71, **813**, 814
Шан Ян 商鞅 (Гунсунь Ян 公孫鞅, Вэй Ян 衛鞅; 390–338 до н.э.) 112–115, 120, 126, 132–134, 187, 209, 403, 522, 523, 619, 628, 665, 724
Шао Цзинь-хань 紹晉涵 (1743–1796) 60, 652
Шаочжэн Мао 少正卯 (ум. 498 до н.э.) 515
Шао Юань-чун 邵元冲 (1890–1936)
Шао Юн 邵雍(1011–1077)
Шварц Б. 178
Ши-жань 175
Ши Кэ-фа 史可法 (1601–1645) 103, 737
Ши Сы-мин 史思明 (703–761) 59, 182
Шитцингер М. 525
Ши Тянь-цзэ 史天澤 (1202–1275) 685
Ши Цзе 石介 (1005–1045) 59
Ши Цзин-тан 石敬瑭 (892–942) 183
Ши-цзу 世祖 (дин. Юань) *см.* Хубилай
Ши-цзун 世宗 (дин. Зап. Хань) *см.* Хань У-ди
Ши-цзун 世宗 (Улу, дин. Цзинь; 1123–1189) 183
Ши Цунь-тун 施存统 (1899–1970) 206
Ши Чжао 史炤 (ок. 1092 – ок. 1161) 652
Ши Чун-гуй 石重貴 (прав. 942–947) 183
Шкловский Г.Л. 646
Шопенгауэр А. (Schopenhauer A.; 1788–1860) 525
Шпенглер О. (Spengler O.; 1880–1936) 544
Шулян Хэ 叔梁紇 515
Шунь 舜 47, 64, 478, 488, 822
Шунь-ди 順帶 (прав. 125–144) 50, 154

Шунь-чжи 順治 *см.* Фу Линь
Шэ-гун 葉公 120
Шэн Сюань-хуай 盛宣懷 (1844–1916) 759
Шэн-цзу 聖祖 *см.* Кан-си
Шэнь-бо 申伯 668
Шэнь Бу-хай 申不害 (ок. 385 — ок. 337 до н.э.) 132, 523, 665
Шэнь Дао 慎到 (ок. 395 — ок. 315 до н.э.) 665
Шэнь Ко 沈括 (1031–1095) 59
Шэнь Цзе-фу 沈節甫 (1533–1601) 729
Шэнь Цзун 神宗 *см.* Чжао Сюй
Шэнь Цзюнь-жу 沈鈞儒 (1875–1963) 217
Шэнь Цзя-бэнь 沈家本 (1840–1913) 483
Шэнь Чао-ян 沈朝陽 (XX в.) 703
Шэнь Чжи-хуа 沈志華 (род. 1950) 244
Шэнь Юй-цю 沈與求 (1086–1137) 169
Шэнь Юнь 沈筠 704
Шэнь Юэ 沈約 (Сю-вэнь 休文; 441–513) 602, 603, 784
Шэнь Яо 申耀 443

Эверт А. (Ewert A.; 1890–1959) 778
Эйкен Р. (Eucken R.C.; 1846–1926) 757
Элиот Ч. (Elliot Ch.; 1801–1875) 535
Эльджин, лорд (Elgin; Earl of Elgin) *см.* Брюс Дж.
Энгельс Ф. (Engels F.; 1820–1895) 68, 89, 90, 92, 106, 203, 205, 466, 699
Эрдэн 583
Эр-ши [хуан-ди] 二世[皇帝] (229–207 до н.э.) 49

Юань Бао-цзан 元寶藏 461
Юань Вань-цин 元萬頃 (ум. 689) 799
Юань-ди 元帝 (прав. 48–33 до.н.э.) 45, 51, 52
Юань Тун-ли袁同禮 (1895–1965) **825**, 826
Юань-хао 元昊 (Ли Юань-хао李元昊; 1003–1048) 184
Юань Хуй 元暉 (ум. 519) 703
Юань Хун 袁宏 (328–376) 452
Юань Чжэнь 元稹 (779–831) 807
Юань Ши-кай 袁世凱 (Юань Вэй-тин 袁慰庭; 1859–1916) 196, 264, 255, 270, 442, 446, 447, 477, 487, 542, 558, 560, 562, 565, 605, 606, 641, 670, 679, 701, 702, 706, 723, 743, 748, 760, 762, 770, 801, **828**–831
Юань Шу 袁樞 (1131–1205) 31, 55, 703, 708
Юань Шу-цзи 袁恕己 (ум. 706) 657
Юй (Великий Юй, Да Юй) (大)禹 18, 64, 121, 125, 471, 822
Юй Г.Т. (Yu G.T.) 438
Юй Гуан-юань 於光遠 (род. 1915) 208
Юй Да-фу 464
Юй Дин-сунь 俞鼎孫 729
Юй Пин-бо 俞平伯 (1899/1900–1990) 313–315
Юй Фэй 于飛 (1922–1998) 752
Юй Цзи 虞集 (1272–1348) 687
Юй Цзин 俞經 729
Юйчи Цзин-дэ 尉迟敬德 (585–658) 636
Юй Чжи-нин 於志寧 (588–665) 636
Юй Ши-нань 虞世南 (558–638) 636, 799, 816
Юй Шэн-у 于省吾(1896–1984) 547
Юн-лэ 永樂 *см.* Чжу Ди
Юн Лянь 顒璉 (1730–1738) 737
Юн-чжэн 雍正 (Инь Чжэнь 胤禛; 1678–1735) 486, 500, 741, 756, 757, 832
Юн Янь 顒琰 *см.* Цзя-цин
Ю Тун 尤侗 (1618–1704) 577
Юэ Кэ 岳珂 (Юэ Су-чжи 岳肅之, *прозв.* Цзюань-вэн 倦翁, И-чжай 亦齋; 1183 – после 1240) 645
Юэ Фэй 岳飛 (1104–1142) 103, 645, 800

Ян Бо-цзюнь 楊伯峻 (1909–1992) 514
Ян Вань-ли 楊萬里 (1127–1206) 172
Ян Вэй 揚偉 (III в.) 602
Ян-ди 煬帝 (569–617) 104, 155, 635, 636
Ян Жуй 楊銳 (1857–1898) 731
Ян И 楊億 (Ян Да-нянь 楊大年; 974–1020) 733
Ян Кай-хуй 楊開慧 (1901–1930) 568, 569
Ян Куань 楊寬 (род. 1914) 72, 103
Ян Ли-вэй 楊利偉 (род.1965) 247
Ян Лу-жун 楊陸榮 (ум. 1710) 652, 704, 710
Ян Лян 楊倞 627
Ян Лянь-шэн 楊聯升 (1914–1990) 774
Янлянь Чжэнь-цзя 楊連真伽 685
Ян Сань-шэн 104, 105
Ян Сюн 楊雄 (53 до н.э. — 18 н.э.) 618, 640
Ян Сян-куй 楊向奎 (1910–2000) 68
Ян Сянь-чжэнь 336
Ян У-цюань 楊武泉 532
Ян Хун-ле 楊鴻烈 (1903–1977) 490
Ян Цзя-ло 楊家駱 (1912–1991) 474
Ян Чан-цзи 楊昌濟 (1871–1920) 568
Ян Чжи-дао 楊志道 441
Ян Чжу 楊朱 (440–334 до н.э.) 116
Ян Чжун-лян 杨仲良 (ок. 1241 — ок. 1271) 651, 704
Ян Чжэн-дянь 641
Ян Чэнь 楊晨 (1845–1922) 687
Ян Шан-кунь 楊尚昆 (1907–1998) 330, 335, 341, **832**–834
Ян Шао-фу 楊紹復 686
Ян Шоу-цзин 楊守敬 (1839–1915) 627
Ян Шэнь-сю 楊深秀 (1849–1898) 731
Янь-ди 炎帝 81
Янь Ин 晏嬰 516
Янь Си-шань 閻錫山 (1883–1960) 264, 270, 271, 273, 529, 554
Янь Сян-ши 顏相時 636
Янь Фу 嚴復 (1854–1921) 633
Янь Ху-нянь 330
Янь Цзя-гань 嚴家淦 (1905–1993)
Янь Цзин-чжан 287
Янь Чжи 顏徵 515
Янь Ши-гу 顏師古 (581–645) 46, 85, 599, 674
Янь Янь 嚴衍 (1575–1645) 493, 652
Ян Юн-тай 楊永泰 (1880–1936) 272, 273
Ян Юнь-и 楊雲翼 (1170–1228) 651, 793
Ян Янь 楊炎 (727–781) 493, 619
Яо 堯 64, 478, 488, 822
Яо Вэнь-юань 姚文元 (1932–2005) 325, 328, 333, 334, 340, 342, 348, 349, 520, 611–615, 656, 677
Яо Гуан-сяо 姚廣孝(1335–1418) 831
Яо Кан 姚康 (IX в.) 452
Яо Пэн-цзы 姚蓬子 (1891–1969) 614
Яо Сы-лянь 姚思廉 (557–637) 636
Яо Сюэ-инь 姚雪垠 (1910–1999) 614
Яо Янь-цюй 姚彦渠 (1770–1840) 614, 687

Авеста 387
«Агрессия империалистических держав в Китае» 693
«Анти-Дюринг» 208
«Антикоминтерновский пакт» 590
«Антимарксистские взгляды на литературу Ху Фэна» 317
«Антипартийная, антинародная сущность идей Ху Фэна о литературе и искусстве» 318
«Антисоциалистическая программа Ху Фэна» 318
«Антология новейшей русской поэзии» 466
Аньхой сухуабао 安徽俗話報 (*газ.*) 800

Бай ляо синь цзе 百僚新誡 «Новые увещевания чиновникам» 658
Байхуа бэньго ши 百話本國史 «История Китая на байхуа» 548
Байчуань сюэхай 百川學海 «Кладезь премудрости» 729
«Бамбуковые анналы» *см.* Чжу шу цзи нянь
Бао-цин Сымин чжи 寶慶四明志 «Описание [округа] Сымин [в годы] Бао-цин» 781
Ба ци маньчжоу шицзу тунпу 八旗滿洲氏族通譜 «Сводное родословие маньчжурских родов восьми знамен» 590
Бе лу 別錄 «Особые реестры» 579
«Библиография исторических книг за восемьдесят лет» 73
«Библиотека по истории антияпонской войны» 547
Библия 387
«Богатство народов» 567
«Богини» *см.* Нюй шэнь
«Большой словарь китайских стратагем» 597
«Больше внимания критике ошибочных взглядов в изучении романа „Сон в красном тереме"» 315
«Больше изучать проблемы, меньше говорить об „измах"» 205
Бо у 博物 «Естествоведение» 473
Бо (Бай) ху тун 白虎通 «Диспут в Зале Белого тигра», «Отчет [о дискуссии в Зале] белого тигра» (*др. назв.* Бо ху тун дэ лунь, Бо ху тун и) 450
Бо у чжи 博物志 «Записки о познании вещей» 624
«Бронзовый век» *см.* Цинтун шидай
Бу жэнь 不忍 (*журн.*) 513
«Быть пролетарским революционером или буржуазным „монархистом"» 338
Бэй фа ту цы 北伐途次 «Северный поход» 465
Бэй Чжоу шу 北周書 «История [династии] Северная Чжоу» 461
Бэй юань лу 北轅錄 «Заметки о посольстве-путешествии на Север» 722

Ваньго гунбао 萬國公報 (*журн.*) 512, 568
Ваньгуан 晚光 (*газ.*) 457
Вань ши бу цю жэнь 萬事不求人 «Обо всем без чужой помощи» 545
«Введение в историю Китая» 560
«Великая революция, затрагивающая душу людей» 338
«Великое учение» *см.* Да сюэ
«Вёсны и осени» *см.* Чунь цю
«Вестник академии» 546
«Вестник археологии» 73
«Вечерние беседы в Яньшани» *см.* Яньшань е хуа
«Война и мир» 466
Воды цянь бань шэн 我的前半生 «Первая половина моей жизни» 591
Вомэньды хуа 我們的話 (*журн.*) 647
Вомэньды чжэнчжи ицзянь шу 我們的政治意見書 «Наши политические взгляды» («Заявление 81») 803
«Вооруженное восстание» 457
«Вопросы новой истории Китая» 547
«Вперед по пути строительства социализма с китайской спецификой» 762
«Временные правила на период подавления коммунистического мятежа» 746
«Всегда идти вперед за председателем Мао» 342
«Всемирная история» 66
«Всеобщее зерцало» *см.* Тун цзянь
«Всеобщее зерцало, управлению помогающее» *см.* Цзы чжи тун цзянь
«Выдержки из произведений Председателя Мао» *см.* Мао чжуси юйлу
«Выступление Линь Бяо от 18 мая» 341
Вэй Цзинь Нань-бэй-чао ши луньцун 魏晉南北朝史論叢 «Сборник [статей/суждений] по истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий» 72
Вэй шу 魏書 «История [династии] Вэй», «Книга [об эпохе] Вэй» 108
Вэньго Вэнь-чжэн гун вэнь цзи 溫國文正公文集 «Собрание сочинений г-на Вэньго Вэнь-чжэна» 620
Вэньи бао 文藝報 (*газ.*) 314, 315, 317
Вэнь синь дяо лун 文心雕龍 «Резной дракон литературной мысли», «Дракон, изваянный в сердце письмен» 38, 662, 816
Вэнь сы бо яо 文思博要 «Энциклопедия литературы» 637
Вэнь сянь да чэн 文獻大成 «Великий литературный свод» 831
Вэнь сянь тун као 文獻通考 «Свод письменных памятников и суждений к ним», «Всеобщее обозрение письменных документов, представленных [трону]» **463**, 464, 470, 566, 602, 650, 652, 740, 781, 791, 817
Вэнь хуйбао 文彙報 (*газ.*) 314, 325, 333, 611, 613–615, 656, 675
Вэнь-чан цзалу 文昌雜錄 «Различные заметки из ведомства Вэнь-чана» **464**

Вэнь ши тун и 文史通義 «Проникновение в смысл литературы и истории» 755, 817
Вэньшичжэ 文史哲 (*журн.*) 68
Вэнь юань ин хуа 文苑英華 «Цветы мира словесности», «Цветник литературного сада» 545, 733

Гайцзао 改造 (*газ.*) 205
Гань ин цзин 感應經 «Канон о [телесных] ощущениях и реакциях» 785
Гаоли цзи 高麗記 «Заметки о Гаоли» 624
«Государство и революция» 523
Го бао 國報 (*газ.*) 442
Гоминь гэмин юй Чжунго Гоминьдан 國民革命與中國國民黨 «Национальная революция и китайский Гоминьдан» 478, 479
Гофэн [жи]бао 國風[日]報 (*газ.*) 442
Го цюэ 国榷 «Оценка событий нашей династии» 643
Го чао гуань гун цин бяо да ши цзи 國朝官公卿表大事記 «Таблицы должностных лиц и сановных особ, [а также] хроника важнейших деяний при царствующей династии» 619
Го ши 國史 «Истории государств» 602
Го ши да ган 國史大綱 «Очерк отечественной истории» 742
Го юй 國語 «Речи царств» 28, 54, 783
«Граждане нации» 22
Гуанмин жибао光明日報 (*газ.*) 67, 74, 75, 84, 85, 97, 309, 315, 321, 322, 325, 330, 340, 695
Гуан-сюй Дунхуа лу 光緒東華錄 «Записки у [ворот] Дунхуа о [событиях периода правления] Гуан-сюй» 713
Гуань-тан цзи линь 觀堂集林 «Сборник Гуань-тана» 456
Гуань-цзы 管子 114, 493, 651
Гу бэнь Чжу шу цзи нянь цзи цзяо 古本竹書紀年輯校 «Древний текст „Бамбуковых анналов“, собранный и прокомментированный» 784
Гувэнь юань цзянь 古文淵鑒 «Зерцало древних письмен» 625
Гу вэнь Шан шу 古文尚書 «„Почтенные писания“ в древних знаках» 821, 822
Гудун соцзи 骨董瑣記 «Записки о старине» 497
Гуйхай юй хэн чжи 桂海虞衡志 «Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод» *сокр.* Юй хэн чжи) **470**, 531
Гулян чжуань 穀梁傳 «Комментарий Гуляна» 28
«Гуманитарный дух в конфуцианстве» 81
Гу мянь цун шу 古逸叢書 «Сборник утерянных древних [книг]» 627
Гунжэнь жибао 工人日報 (*газ.*) 330
Гунчаньдан 共產黨 (*журн.*) 523
Гунчаньданжэнь 共產黨人 (*журн.*) 749
Гунъян чжуань 公羊傳 «Комментарий Гунъяна» 28, 45, 46
Гу Тан люй шу и 故唐律疏議 *см.* Тан люй шу и
Гу фэнь 孤憤 «Ропот одинокого» 724
Гуцзинь тушу цзичэн 古今圖書集成 «Полное собрание книг древности и современности» (*сокр.* Тушу цзичэн) **473**, 474, 505, 545
Гу ши бянь 古史辨 «Критика древней истории» 471, 691
Гу ши синь чжэн 古史新證 «Новые обоснования древней истории» 66, 457
Гэмин 革命 «Революция» 439
Гэмин 革命 (*журн.*) 444
Гэмин пинлунь 革命評論 (*журн.*) 266
Гэмин цзюнь 革命軍 «Армия революции» 704, 705

Да гао 大誥 «Великие рескрипты», «Великие предостережения» 475, 788
Дай и цзюэ ми лу 大義覺迷錄 «О пробуждении чувства долга в заблудших» 736
Дай Мин лин 大明令 «Декреты Великой [династии] Мин» 474
Дай Мин люй 大明律 «Кодекс Великой Мин», «Законы Великой [династии] Мин» **474**, 475, 480, 484, 788
Дай Мин люй гао 大明律誥 «Законы Великой [династии] Мин [с добавлением из Великих] рескриптов» 475
Дай Мин люй цзи цзе фу ли 大明律集解附例 «Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений» 475
Дай Мин хуй дянь大明會典«Свод узаконений Великой [династии] Мин» 484, 485
Дай Цин и тун чжи 大清一統志 «Сводное описание [империи] Великая Цин», «Свод описаний [империи] Великая Цин» 625, 738
Дай Цин ли чао ши лу 大清歷朝實錄 «Правдивые записи о правлении Великой династии Цин по девизам царствования ее императоров» 713
Дай Цин ли чао шэн сюнь 大清歷朝聖訓 «Священные наставления императоров Великой Цин» 824
Дай Цин люй ли 大清律例 «Кодекс Великой [династии] Цин», «Основные законы и постановления Великой [династии] Цин» 420, 475, **480**–484
Дай Цин люй ли цюаньцзуань цзичэн хуйчжу 大清律例全纂集成彙註 «Полное собрание „Основных законов и постановлений Великой [династии] Цин“ с комментариями» 480, 481, 483
Дай Цин люй сюйцзуань тяоли 大清律續纂條例 «Дополнительные постановления к „Основным законам Великой [династии] Цин“» 483
Дай Цин люй цзи цзе фу ли 大清律集解附例 «Законы Великой [династии] Цин со сводным комментарием и приложением постановлений» (*сокр.* Дай Цин люй) 478, 481
Дай Цин люй цзуаньсю тяоли 大清律纂修条例 «Исправленные дополнительные постановления к „Основным законам Великой [династии] Цин“» 483
Дай Цин сяньсин синлюй 大清現行刑律 «Действующий уголовный кодекс Великой [династии] Цин» 483
Дай Цин хуй дянь 大清會典 «Свод узаконений Великой [династии] Цин» 475, 482, **484**–489, 687, 711, 737

Дай Цин хуй дянь ту 大清會典圖 «Рисунки к „Своду узаконений Великой [династии] Цин“» 488
Дай Цин хуй дянь цзэли 大清會典則例 «[Ведомственные] уложения „Свода узаконений Великой [династии] Цин“» 486
Дай Цин хуй дянь шили 大清會典事例 «Собрание постановлений к „Своду узаконений Великой [династии] Цин“» 487, **489**, 490
Да-мин ли 大明曆 «Календарь [разработанный в годы царствования под девизом] Да-мин» 603
Данды цзяньшэ 黨的建設 «Партийное строительство» (*журн.*) 458
Данши яньцзю 黨史研究 (*журн.*) 104
Дао-гуан чао 道光朝 «Правление [под девизом] Дао-гуан» 503
Дао дэ цзин 道德經 «Канон *дао* и *дэ*», «Канон Пути и благодати» (*др. назв*. Дао дэ чжэн цзин, Лао-цзы) 552, 618, 627, 789
«Дары Юя» *см.* Юй гун
Да сюэ 大學 «Великое учение» 173, 174, 214, 515, 518, 618, 623, 809
Да сюэ цзи чжуань 大學集傅 «Собрание комментариев к „ Великому учению“» 566
Да Тан лю дянь 大唐六典 *см.* Тан лю дянь
Да тун шу 大同書 «Книга о Великом единении» 512
«Дацзыбао Не Юань-цзы» *см.* Не Юаньцзы ды дацзыбао
Да юнь цзин 大雲經 «Сутра Больших облаков», «Махамегха-сутра» 658
Да я 大雅 «Великие оды» (разд. «Ши цзина») 632
«Двадцать четыре династийные истории» 58, 72
«Две линии» («Бороться за дальнейшую большевизацию КПК») 458
«Двенадцать пунктов» 96
«Две тысячи лет китайской истории» *см.* Чжунхуа эрцянь нянь ши
«Декларация при вступлении на пост Временного Президента Республики» 605
«Дело принимает другой оборот» 324
«Денежная революция и строительство» 564
«Десять критических статей» *см.* Ши пипань шу
«Десять сводов» *см.* Ши тун
«Диалектика природы» 208
Ди ван люэ лунь 帝王略論 «Краткие суждения о государях» 816
Ди фань 帝範 «Правила императоров» **490**, 491, 639, 799, 800
Ди фэнь шуу вэньгао 荻芬書屋文稿 «Рукопись из Кабинета благоухающего тростника» 491
Ди фэнь шуу ши као 荻芬書屋詩考 «Поэтические изыскания из Кабинета благоухающего тростника» 491
Дичжэн юэкань 地政月刊 (*журн.*) 274
«Директива об отмене гоминьдановской „Полной книги шести законов“ и установлении принципов юстиции освобожденных районов» 426
«Довести революцию до конца» 301
Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР 570, 767
«Доклад дунпинскому вану Цану» 450
Доучжэн 鬥爭 (*газ.*) 833
До ши лу 多識錄 «Заметки о множестве областей знания» 566
«Древняя всемирная история» 73
«Древняя история Китая» *см.* Чжунго гудай ши
Дуй чули жогань лиши вэньти ды чубу ицзянь 對處理若干歷史問題的初步意見 «Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем» 72
Дули пинлунь 獨立評論 (*журн.*) 713
Дулун цзи 度隴記 «Записки о поездке в Ганьсу» 491
Дун гуань Хань цзи 東觀漢記 «Записки о Хань, [составленные] в Восточном павильоне» 29, 676
Дунфан жибао 東方日報 (*газ.*) 558
Дунфан хун 東方紅 «Алеет Восток» 104, 593
Дунфан [цзачжи] 東方[雜志] (*журн.*) 444
Дун Хань хуй яо 東漢會要 «Изборник важнейших материалов Восточной Хань» 687
Дунхуа лу 東華錄 «Записки, составленные у [ворот] Дунхуа» 713
Ду Тун цзянь лунь 讀通鑒論 «Заметки о „Всеобщем зерцале, [управлению помогающем]“», «Суждения по прочтении „Всепроницающего зерцала“» 652, 816
«Дух законов» 567
«Духовное строительство» («Учение Сунь Вэня») *см.* Сунь Вэнь сюэшо
Душу цзачжи 讀書雜志 (*журн.*) 67, 471
Дэн Сяо-пин сюань цзи 鄧小平選集 «Избранные произведения Дэн Сяо-пина» 326
Дяньшичжай 點石齋 (*газ.*) 188, 190–192, 490

«Единство и многообразие истории и сравнительное исследование истории» 73
«Еще раз о денежной революции» 564
«Еще раз о конкретных проблемах и „измах“» 205

Жи юэ лэй шу 日月類書 «*Лэй шу* на каждый день» 545
Жу-сюэ цзин у 儒學警悟 «Постижение конфуцианства» 729
Жу сяо 儒效 «Конфуцианский образец» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Жэньминь жибао 人民日報 (*газ.*) 104, 105, 210, 212, 215, 309–311, 314–316, 318–323, 325, 333, 337–339, 342, 347, 350, 524, 547, 612, 615, 695, 810
Жэнь сюэ 仁學 «Учение о гуманности» 640–642
Жэнь ши 人事 «Взаимоотношения между людьми» 473

«Задачи антияпонского единого национального фронта на современном этапе» 297, 303,
«Закономерности социально-экономической структуры и модели социальной статистики» 76
«Закономерность истории и богатство истории» 73
«Закон КНР о государственных служащих» 225
«Закон об организации уезда» 268
«Закон о браке Китайской Советской Республики» 666

«Закон о жалованьи государственных служащих» 417
«Закон о жалованьи центральных административных работников» 416
«Закон о классификации должностей государственной службы» 417
«Закон о политическом нейтралитете государственного служащего» 419
«Закон о рангах центральных административных работников» 416
«Заметки о текстах 22 династийных историй» *см.* Нянь эр ши чжа цзи
«Записи об известных людях периода возрождения династии» 172
«Записки из села Трех» *см.* Сань цзя цунь чжацзи
«Записки, надлежащие до истории наук, художеств. нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине» 819
«Записи о прочитанном в Тутовом саду» *см.* Сан юань душу цзи
«Записки о Кошачьем городе» 346
«Записки о монаршей военной доблести» *см.* Шэн у цзи
«Записки по обследованию истории У Сюня» 311
«За тяжелое машиностроение» (*газ.*) 715
«Звездное пространство» *см.* Син кун

И бин 議兵 «Обсуждение военных дел» (гл. «Сюньцзы») 627
И вэнь лэй цзюй 藝文類聚 «Собрание литературы, классифицированное по разрядам» 545, 637
И вэнь чжи 藝文志 «Библиографический справочник по литературе и искусствам», «Трактат об искусствах и текстах» 579, 596
И гу 疑古 «Сомнения относительно былого» (гл. «Ши тун») 552
И гэнь шоу мо 義根守墨 «В обосновании долга/справедливости [следует] придерживаться [воззрений] моистов» 566
«Избранная переписка Мао Цзэ-дуна» 571
«Избранные военные произведения» 571
«Избранные высказывания Мао Цзэ-дуна» 571
«Избранные материалы по всеобщей истории» 72
«Избранные произведения Дэн Сяо-пина» *см.* Дэн Сяо-пин сюань цзи
«Избранные произведения Мао Цзэ-дуна» *см.* Мао Цзэ-дун сюань цзи
«Избранные произведения Мао Цзэ-дуна о журналистской работе» 571
«Изменение функций исторической науки» 74
И ли 儀禮 «Образцовые церемонии и правила благопристойности», «Церемониал и обряды» 370, 387, 618
И-Ло юаньюань лу 伊洛淵源錄 «Заметки о происхождении [школы] И-Ло» 780
«Империализм и китайская политика» («Империализм и политика Китая») 66, 72
«Иньские и чжоуские исторические материалы» 625
«Исследование доисторического китайского общества» 66
«Исследование древнего общества Китая» 66
«Исследование надписей на бронзе эпох Инь и Чжоу» 66
«Исследование надписей на панцирях и костях» 66
«Исследование романа „Сон в красном тереме“» 314
«Исследование феодальной общественной формации в Китае» 73
«Исторические записки» *см.* Ши цзи
«Исторические типы и их примеры» 544
«Историческое исследование культа личности в партии» 104
«История Борющихся царств» 72
«История буддизма при Хань, Вэй, двух Цзинь, Северных и Южных династиях» 72
«История вторжения Америки в Китай» 72
«История [династии] Мин» *см.* Мин ши
«История [династии] Хань» *см.* Хань шу
«История движения 4 мая» 73
«История доциньской политической мысли» *см.* Сянь цинь чжэнчжи сысян ши
«История древнекитайского общества» 66
«История империалистического вторжения в Китай» 72
«История китайских учений трех последних столетий» *см.* Чжунго цзинь сань бай нянь сюэшу ши
«История китайского буддизма» 73
«История Китая на *байхуа*» *см.* Байхуа бэньго ши
«История КПК» 693
«История [монгольской династии] Юань» *см.* Юань ши
«История новой демократической революции в Китае (наброски)» 72
«История первобытного общества» 73
«История первых четырех ханов из дома Чингисова» 828
«История Поздней [династии] Хань» *см.* Хоу Хань шу
«История развития метода древнекитайской философии» 690
«История реформ года у-сюй» 73
«История Суй, Тан и Пяти династий» 72
«История сунской и юаньской драмы» 457
«История учений древнекитайской мысли» 66
«История учений китайской мысли Нового времени» 66
«История Чжоу» *см.* Чжоу шу
«История – это единство в многообразии» 73
Ихэтуань 義和團 «Восстание ихэтуаней» 721
И цзин 易經 «Канон перемен», «Книга перемен» (*др. назв.* «Чжоу и») 515, 586, 597, 604, 618, 651, 783, 807
И шу бянь 蛾術編 «Творение трудолюбивого муравья» 460
И юй лу 異域錄 «Записки о путешествиях на край света» 508

«Каким образом китайская культура сможет заслужить уважение всех людей, чтобы стать фундаментом незыблемого мирного существования» 808

«Как исследование истории общества становится наукой» 71
«Как поступать, будучи *ганьбу*?» 84
«Как подходить к национальным и классовым связям в прошлом» 721
«Как стать хорошим руководителем» 766
«Канон гор и морей» *см.* Шань хай цзин
«Канон законов» *см.* Фа цзин
«Канон стихов» *см.* Ши цзин
Кан-си цзыдянь 康熙字典 «Словарь иероглифов, [составленный в годы под девизом правления] Кан-си» 505
Кан Ю-вэй ши вэнь сюань 康有為詩文選 «Сборник избранных стихов и прозы Кан Ю-вэя» 514
Каогу сюэбао 考古學報 (*журн.*) 629
Као и 考異 «Исследование разночтений» 707
Као синь лу 考信錄 «Установление истины» 728
Каоча чжэнчжи жицзи 考察政治日記 «Ежедневные записки о политических исследованиях» 476
«Капитал» 89, 203, 675
«Каролина» 481
«Каталог гор и морей» *см.* Шань хай цзин
«К вопросу о перевоспитании интеллигенции» 309
«К вопросу о сочетании истории и теории» 720
«К вопросу о форме земельной собственности в китайском феодальном обществе» 68
«Китай и мир» 563
«Китайская идеология реформ Нового времени» 72
«Китайская культура и китайская армия» 544
«Китайская молодежь» *см.* Чжунго циннянь
«Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» 69, 70, 298, 303, 304
«Китайский неолит» 72
«Китайский социализм» *см.* Чжунго чжи шэхуйчжуи
«Китайско-английский словарь терминов в области политики, военного дела и культуры»
«Китайское общество эпох Инь и Чжоу» 66
«К критике политической экономии» 466
«Классовая борьба и взаимопомощь» 205
«Книга истории» *см.* Шу цзин
«Книга о Великом Единении» *см.* Да тун шу
«Книга перемен» *см.* И цзин
«Книга песен» *см.* Ши цзин
«Книга правителя области Шан» *см.* Шан цзюнь шу
«Книга ритуалов» *см.* Ли цзи
«Книга установлений» *см.* Ли цзи
«Коллекция всех книг по четырем разделам» *см.* Сы ку цюань шу
«Комментарий к работе Мао Цзэдуна „Относительно практики“» 524
«Комментарий „Относительно противоречий“» 524
«Конкретные положения о гуманитарном характере в конфуцианской доктрине» 81
«Конституция Китайской Республики» 24–26, 417, 459, 607, 746
«Конституция КНР» (Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа 中華人民共和國憲法) 102, 220, 221, 228–240, 263, 276, 321, 349, 359, 367, 371, 375, 426, 428, 429, 431, 432, 434, 555, 570, 613
«Конфуцианство в XXI веке» 80
«Конфуцианство в современном Китае» 82
«Конфуциевы анналы» 59
Коран 387
«Коротко о „Сне в красном тереме“» 313
«Краткая история КПК» 324, 328
«Краткая история партии нигилистов» 562; *см. тж.* «Справочник по социализму»
«Краткая история профсоюзного движения в Китае» *см.* Чжунго чжигун юньдун цзяньши
«Краткая общая история Китая» *см.* Цзяньмин Чжунго тунши
«Краткий курс истории ВКП(б)» 542
«Краткий очерк истоков строя династий Суй и Тан» *см.* Суй Тан чжиду юаньюань люэлунь гао
«Критика древней истории» *см.* Гу ши бянь
Куанбяо 狂飆 (*журн.*) 442
«Кукольный дом» 613
Кун-цзы цзя юй 孔子家語 «Учение Конфуция» 187, 518
Кунцзяо-хуй цзачжи 孔教會雜志 (*журн.*) 513
Кэ лу 科錄 «Систематизированные по темам записи [о прошлом]» 703

Лаодун 勞動 (*журн.*) 204, 443, 458,
Лаодун инь 勞動音(*газ.*) 206
Лаодун цзе 勞動節 (*газ.*) 206
Лаодунчжэ 勞動者 (*газ.*) 206
Лао-цзы 老子 *см.* Дао дэ цзин
Лао-цзы чжу 老子註 «Комментарии к Лао-цзы» 511
Ле го чжэн яо 列國政要 «Основы управления разных стран» 476
«Лекции по истории современной китайской революции» 72
Ле нюй чжуань 烈女傳 «Биографии образцовых женщин» 658
Лидай гэцзу чжуаньцзи хуй бянь 歷代各族傳記會編 «Сведения о различных народностях, содержащиеся в китайских хрониках» 721
Ли дай цзюнь чэнь ши цзи 歷代君臣事跡 «Исторические следы деяний государей и подданных» *см.* Цэ фу юань гуй
Лилунь дунтай 理論動態 (*журн.*) 694
Лин вай дай да 嶺外代答 «Вместо ответа [на вопросы о землях юго-запада] за горными хребтами», «За хребтами. Вместо ответов» **531**, 532, 781
Ли нянь ту 曆年圖 «Погодные таблицы» 619, 706, 707
Ли сюэ 理學 «Гуманитарные знания» 473
Ли сян 曆象 «Небесные тела» 473
Ли сян као чэн 曆象考成 «Справочник для астрономических расчетов» 505
Ли фа 曆法 «Летосчисление» 473
Лифаньюань цзэли 理藩院則例 «Уложение Палаты внешних сношений» 536

丙

Ли цзи 禮記 «Книга ритуалов», «Книга установлений», «Записки о ритуалах», «Трактат о правилах поведения», «Записки о правилах благопристойности» 125, 128, 130, 186, 188, 211, 374, 386, 410, 515, 618, 628, 632, 791
Лиши чжэсюэ цзяочэн 歷史哲學教程 «Курс философии истории» 720
Лиши юйянь яньцзюсо гунцзо чжи чжицюй 歷史語言研究所工作之旨趣 «Цели и задачи работы Института истории и языка» 669
Лиши яньцзю 歷史研究 (*журн.*) 68, 73, 79, 629
Лиши яньцзю фа 歷史研究法 «Метод исторических исследований» 548
Ли юнь 禮運 «Действенность установлений», «Закономерности движения установлений» 125
Лото Сянцзы 駱駝祥子 «Рикша» 346, 347
Лоян мудань цзи 洛陽牡丹記 «Заметки о лоянском пионе древовидном» 586
Лунь Хай Жуй 論海瑞 «О Хай Жуе» 656
Лунь Чжунго гудай фэнцзянь шэхуй 論中國古代封建社會 «О феодальном обществе в древнем Китае» 720, 721
Лунь Чжунго гудай ды нунминь чжаньчжэн 論中國古代的農民戰爭 «О крестьянских войнах в китайской древности» 721
Лунь юй 論語 «Суждения и беседы» 117–124, 126, 209, 514–518, 623, 808, 809
«Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» 208
Лю Жу-ши бечжуань 柳如是別傳 «Неофициальная (дополнительная) биография Лю Жу-ши» 807
Люй-ши чунь цю 呂氏春秋 «Вёсны и осени господина Люя» 724
Люй шу 律書 «Книга уголовных законов» *см.* Тан люй шу и
Лю цзин 六經 «Шестиканоние», «Шесть канонов» 515, 664, 755
Лю Цзы-сюань цзи 劉子玄集 «Собрание сочинений Лю Цзы-сюаня» 552
Лю Чжи-дань 劉志丹 «Лю Чжи-дань» 229–331
Лю ши пу као 劉氏譜考 «Генеалогия рода Лю и суждения к ней» 552
Лю ши цзя ши 劉氏家史 «История рода Лю» 552
Лян синь 良心 (*журн.*) 442
Лян шу 梁書 «Книга [об эпохе] Лян», «История [династии] Лян» 108, 461

«Манифест коммунистической партии» 203, 205, 524
«Маньчжурский царствующий дом. Его имя, происхождение и родословная» 682
Мао Цзэ-дун сюань цзи 毛澤東選集 «Избранные произведения Мао Цзэ-дуна» 96–98, 308, 530, 571
Мао чжуси юйлу 毛主席語錄 «Изречения Председателя Мао», «Выдержки из произведений Председателя Мао», «Цитатник Председателя Мао» 534, 571, **576**, 577
Мао Ши 毛詩 «[Канон] стихов [в версии] Мао» 586
«Материализм и эмпириокритицизм» 208
«Материалы по истории Мин и Цин» 72
«Материалы по истории Цин» 73
«Материальное строительство» («Промышленный план») *см.* Шие цзихуа
«Место КПК в национальной войне» 86
«Методы исследования китайской истории» *см.* Чжунго лиши яньцзю фа
Мин хуй яо 明會要 «Собрание важнейших материалов [династии] Мин» 489
Мин ши 明史 «История [династии] Мин» 60, 505, **577**, 625, 643, 704, 723, 736, 757, 760, 790
Мин ши гао 明史稿 «Черновая рукопись истории Мин» 577
Миньбао 民報 (*газ.*) 22, 203, 562
Миньго цзачжи 民國雜志 (*журн.*) 562
Минь и 民彝 (*журн.*) 525
Минь лао 民勞 «Народ страждет» 632
Минь лунь «Суждения о народах» 473
Минь син 閩星 (*журн.*) 443, 771
Минь фэн 民鋒 (*журн.*) 444
Миньцюань бао (*газ.*) 477
Миньцюань чубу 民權初步 «Социальное строительство» («Первые шаги народовластия») 197, 607
Минь чжун 民鐘 (*журн.*) 443
Минь шэн 民聲 (*журн.*) 441, 443
«Мнение ЦК КПК об усилении работы НПКСК» 242
«Мое мнение» 349
«Мои марксистские взгляды» 205
«Моя самокритика» 319
Му тянь цзы чжуань 穆天子傳 «Жизнеописание Сына Неба Му[-вана]» 783
Мэйчжоу пинлунь 每周評論 (*журн.*) 205, 525
Мэн-цзы 孟子 «Мэн-цзы», «Учитель Мэн» 83, 126, 127, 209, 214

«Надо правильно вести внутрипартийную борьбу» 750
Наньфан жибао 南方日報 (*газ.*) 210
Нань Ци шу 南齊書 «История [династии] Южная Ци» 108, 596
Наньчжэнь 南針 (*журн.*) 458
Нань ши 南史 «История Южных [династий]» 109, 460
«Национальная революция и китайский Гоминьдан» 489
«Наше слово» *см.* Вомэньды хуа
«Наши политические взгляды» («Заявление 81») *см.* Вомэньды чжэнчжи ицзянь шу
«Некоторые проблемы в изучении Китая и вопрос о национальных связях в китайской истории» 721
«Некоторые существенные вопросы преподавания истории в настоящее время» 720
«Немецкая идеология» 466
«Неофициальная (дополнительная) биография Лю Жу-ши» *см.* Лю Жу-ши бечжуань
«Несколько вопросов, существующих ныне в исторических исследованиях» 72
Не Юань-цзы ды дацзыбао 聶元梓大字報 «Дацзыбао Не Юань-цзы» 341

«Новая историческая наука» *см.* Синь ши сюэ
«Новая история [династии] Тан» *см.* СиньТан шу
«Новая история Китая» *см.* Чжунго цзиньдай ши
«Новая эра» 568
«Новое строительство» (*журн.*) 313
«Новые обоснования древней истории» *см.* Гу ши синь чжэн
Нули чжиду шидай 奴隸制度時代 «Эпоха рабовладельческого строя» 67, 466
Нюйбао 女報 (*газ.*) 665
Нюй шэнь 女神 «Богини» 465
Нянь эр ши као и 廿二史考异 «Исследование разночтений в [текстах] 22 [династийных] историй» 62, 735, 761, 817
Нянь эр ши чжа цзи 廿二史札記 «Заметки о [текстах] 22 [династийных] историй» 62, 760, 817

«Об азиатском способе производства» 68
«Об „активности“ буржуазии» 312
«Об антипартийной группировке Гао Гана–Жао Шу-ши» 105
«Обзор истории Китая» 72
«Обзор социалистических учений» 203
«Об изменениях в Уставе партии» 105, 495, 555
«Об интернационализме и национализме» 555
«Об историческом опыте диктатуры пролетариата» 105
«О борьбе в партии» 555
«Об отношениях КПК с Гоминьданом в 1924–26 гг.» 766
«Обращение 1 августа» («Обращение ко всем соотечественникам по поводу сопротивления Японии и спасения родины») 458
«Общая история Китая» 67, 73, 449
«Общая история новой демократической революции в Китае» 72
«Общая ответственность китайской нации» 25
«Об учении Маркса о „четырех способах производства“ и периодизации древней истории» 73
«Объявление НОАК» 301
«Объявляем войну старому миру» 346
«Объяснение марксистских терминов» 524
«О взглядах Ху Фэна на литературу и искусство» 614
«О вождях и массах» 106
«Огонь по штабам! Моя первая дацзыбао» 342, 783
«Ода о клеветниках» 498
«О движении за упорядочение стиля работы» 326, 495
«О двух вопросах исследований древнекитайской истории» 68
«О десяти важнейших взаимоотношений» 570, 573
«О дипломатической работе» 305
«О коалиционном правительстве» 305, 306
«О курсе экономического строительства в новом Китае» 301
«О некоторых основных принципах тактики» 771, 772
«О новой демократии» 70, 298, 303–305
«О новой редакции исторической драмы „Разжалование Хай Жуя“»
«Описание деяний» 175
«О политике» 206
«О правильном разрешении противоречий внутри народа» 323, 324, 573
«О проблемах единого фронта Национальной войны сопротивления Японии и организации партии в этой войне» 749
«О проекте конституции КНР» 555
«О противоречиях внутри народа» 326
«О работе [коммуниста] над собой» *см.* Сю ян
«О работе ЦК КПК» 556
«О расследовании преступлений изменника, провокатора и штрейкбрехера Лю Шао-ци» 557
«О ревизионистской волне в литературе» 327, 614
«О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике компартий» 458
«О республике и монархии» 606
«О роспуске рабочих групп во всех высших, специальных и средних учебных заведениях» 340
«О самовоспитании коммуниста» *см.* Сю ян
«О свободе» 567
«Основная программа войны китайского народа против японских империализма» 601
«Основные положения Земельного закона» 552
«Основные политические вопросы антияпонской партизанской войны» 553
«Основные принципы моей работы над собой» 766
«Основы древней истории мира» 73
«Основы общей истории Китая» 73
«О тактике борьбы против японского империализма» 297
«Отвоевать у буржуазии захваченные ею позиции в исторической науке» 338
«Относительно ошибок, совершенных товарищем Чжао Цзы-яном во время антипартийных, антисоциалистических волнений» 762
«Относительно ошибок Чжан Го-тао » 752
«Относительно политических вопросов партизанской войны сопротивления Японии» 553
«Отношения социальной традиции и экономической структуры» 76
«От опиумных войн до „движения 4 мая“» 73, 693
«Отповедь „идентичности общественного мнения”» 318
«Отчет [о дискуссии в Зале] белого тигра» см. Бо (Бай) ху тун
Оу-бэй цзи 甌北集 «Собрание сочинений Оу-бэя (Чжао И)» 761
«О „феодальной государственной земельной собственности“ в Китае» 68
«О фронте освобожденных районов» 772
«Очерки истории Китая» 68, 72, 814
«Очерки новой истории Китая» *см.* Чжунго цзиньдай шигао
«Очерк истории династии Мин» 72
«Очерк истории легизма в Китае» 134
«Очерк истории Небесного государства тайпинов» 72
«Очерк истории Тайваня» 547
«Очерк истории Цинь» 73

丙

«Очерк истории Цинь и Хань» 72
«Очерк о немецких социалистах-революционерах» 203
«Очерк учений эпохи Цин» 64

«Первая половина моей жизни» *см.* Воды цянь бань шэн
«Первая программа КПК» 207
«Перестройка системы руководства партии и государства» 360
Пиндин Гуйчжоу мяофэй фан люэ 平定貴州苗匪方略 «Описание усмирения разбойников-*мяо* в Гуйчжоу» 503
Пиндин лоча фан люэ 平定羅剎方略 «Описание усмирения русских» 659
Пиндин сань ни фан люэ 平定三逆方略 «Описание усмирения трех изменников» 596, 659
Пиндин Шань Гань Синьцзян фан люэ 平定陝甘新疆方略 «Описание усмирения [некитайских народов] в Шэньси, Ганьсу и Синьцзяне» 503
Пиндин Юньнань хуйфэй фан люэ 平定雲南回匪方略 «Описание усмирения разбойников-мусульман в Юньнани» 503
Пинчжоу кэ тань 萍洲可談 «Из бесед в Пинчжоу» **589**
Пинь цзи као 品級考 «Табель о рангах» 484
«Письмо господину Цянь Сюань-туну о древней истории» *см.* Юй Цянь Сюань-тун сяньшэн лунь гу ши шу
«Письмо Мао Цзэ-дуна хунвэйбинам» 341
«План строительства государства» 563
«План *сяо кан,* или Программа ликвидации бедности» 632
«Повысим бдительность, разоблачим Ху Фэна» 319
«Под пурпурными стягами» 346
«Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна» («50 лет КПК») 459
«Политика и экономика при диктатуре пролетариата» 750
«Полное иллюстрированное собрание сочинений П. Кропоткина» 445
«Полное собрание гадательных надписей» 66
«Полное собрание книг четырех хранилищ» *см.* Сы ку цюань шу
«Полное собрание сочинений Чжан Сюэ-чэна» 755
«Постановление ЦК КПК о великой пролетарской культурной революции» («Шестнадцать пунктов») 343
«Почему мы должны изучать историю» 71
«Пояснения относительно ошибок товарищей Лу Дин-и и Ян Шан-куня» 335, 834
«Правда» (*газ.*) 646
«Практика — единственный критерий истины» 84, 97, 694
«Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем» *см.* Дуй чули жогань лиши вэньти ды чубу ицзянь
«Представление Ли Хун-чжану» 604
«Принципы социологии» 567
«Проблема китайской революции» 646
«Проблемы истории китайского общества» 66
«Проведем четкую грань между правдой и неправдой» 614
«Программа по земельному законодательству в Китае» 299
«Программа политической опеки» 263
«Программа по строительству гражданской морали» 83
«Программа распределения полномочий и власти между партией, правительством народом» 263
«Программа строительства государства» *см.* Цзяньго фанлюэ
«Прогресс и бедность» 562
«Продолжение истории династии Хань» *см.* Сюй Хань шу
«Проект Закона о взысканиях с гражданских чиновников» 416
«Проект Закона о назначении гражданских служащих» 416
«Проект Закона о назначении секретарей» 416
«Проект закона об административном нейтралитете» 419
«Проект нормативного закона о государственном служащем» 419
«Произведения Мао Цзэ-дуна о положении в деревне» 571
«Происхождение видов» 567
«Проникновение в историю» *см.* Ши тун
«Простая история Цин» 73
«Протокол» 334
«Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских» 508
Пэй вэнь юнь фу 佩文韻府 «Сокровищница рифм с приложением текстов» 505, 544, 545
Пяньцзы лэйбянь 駢字類編 «Тематический словарь парных сочетаний» 505
«Пятикнижие» *см.* У цзин

«Рабовладельческая эпоха» 72
«Работы русского императорского посольства в Китае» 682
«Рабочий класс должен руководить всем» 615
«Развитие социализма от утопии к науке» 203, 205
«Развод» 346
«Разжалование Хай Жуя» *см.* Хай Жуй багуань
«Раскрепощение сознания, самостоятельное мышление» 86
«Рациональное использование электроэнергии на машиностроительном заводе» 719
«Регламент о назначении технических работников» 416
«Регламент пенсионного обеспечения членов семей государственных служащих 416
«Реестр названий должностей рабочего характера» 418
«Речи царств» *см.* Го юй
«Речные заводи» *см.* Шуй ху чжуань
«Решение II пленума ЦК КПК 12-го созыва об упорядочении партийных рядов» 360
«Решение о преобразовании частной промышленности и торговли» 429
«Решение о работе демократических партий» 218

«Решение относительно разворачивания движения по идеологическому перевоспитанию представителей различных кругов населения» 309
«Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» 102, 106, 328, 332, 357, 360, 361, 495, 571, 574, 677
«Решение по некоторым вопросам истории нашей партии» 458, 479, 571, 572
«Решительно вымести всю и всякую нечисть» 338
«Рикша» *см.* Лото Сянцзы
«Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка» 719
«Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» 784
«Рубайат» 466
«Рукописи и черновики Мао Цзэ-дуна с основания государства» 571

Сан юань душу цзи 桑園讀書記 «Записи о прочитанном в Тутовом саду» 497
Сань го чжи 三國志 «История трех царств», «История Троецарствия» 109
«Саньго чжи» пинхуа («Сказ-*пинхуа* по „Истории Трех царств“») 588
Сань го чжи тунсу янь и 三國志通俗演義 «Популярное переложение „Истории Трех царств“» 109
Сань го янь и 三國演義 «Троецарствие» 109, 527
Сань минь чжуи 三民主義 «Три народных принципа» 22, 23
Сань минь чжуи чжи чжэсюэ цзичу 三民主義之哲學基礎 «Философские основы трех народных принципов»
Сань тун 三通 «Триада сводов», «Три свода» 463, 650, 652, 740, 791, 817
Сань цзяо чжу ин 三教朱英 «Лучшие из жемчужин трех учений» 552
Сань цзя цунь чжацзи 三家村札記 «Записки из села Трех» 656
Сань-чао чжэн яо 三朝政要 «Важнейшее из дел управления при трех царствованиях» 586
Сань-чао шэн чжэн лу 三朝聖政錄 «Записки о всесовершенном правлении при трех царствованиях» 586
Сань чжуань 三傳 «Три комментария/повествования» 59
Сань ши лю цзи 三十六計 «Тридцать шесть стратагем» **596**, 597, 659
Сань ши лю цзи мибэнь бинфа 三十六計秘本兵法 «Тридцать шесть стратагем. Сокровенная книга о военном искусстве» 596
«Сборник архивных материалов династии Цин» 73
«Сборник Гуань-тана» *см.* Гуань-тан цзи линь
«Сборник исследований надписей на металле» 66
«Сборник исторической литературы по связям Китая с зарубежьем» 73
«Сборник материалов по исследованию двадцати четырех династийных историй» 73
«Сборник материалов по исследованию истории Китая» 73
«Сборник [статей/суждений] по истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий» *см.* Вэй Цзинь Нань Бэй чао ши луньцун
«Сводная история Китая» 710
«Сводные тезисы Группы пяти о ведущейся ныне научной дискуссии» («Февральские тезисы») 333, 334
«Свод трактатов» *см.* Тун чжи
«Свод уложений» *см.* Тун дянь
«Северный поход» *см.* Бэй фа ту цы
«Сегодня» 206
«Семь сводов» *см.* Ци люэ
Син ань хуйлань 刑案彙覽 «Собрание решений по уголовным делам» 482, 483
Син дин 刑鼎 «Уголовные законы, [записанные] на [бронзовых] сосудах типа *дин*» 403
Син кун 星空 «Звездное пространство» 465
Син люй 刑律 «Законы о наказаниях» 482
Син цзу си лу 姓族系錄 «Генеалогический реестр именитых родов» 552
Синци пинлунь星期評論 (*журн.*) 477
Син ши лу 姓氏錄 «Записи о фамилиях и родах» 658
Син шу 刑書 «Книга уголовных законов» 403
Синь бянь Тан хуй яо 新編唐會要 «Заново составленный изборник важнейших материалов [династии] Тан» (*сокр.* Тан хуй яо) 686
Синь бянь У-дай ши пинхуа 新編五代史評話 «Заново составленное *пинхуа* по истории Пяти династий» 588
Синь кань цзянь бэнь Цэ фу юань гуй 新刊監本冊府元龜 «Заново напечатанное государственное „Исходное отражение книгохранилища“» 733–734
Синь ли 新禮 «Новый свод ритуала» 637
Синь лу 新路 (*журн.*) 757
Синь минь цунбао 新民叢報 (*газ.*) 64, 203, 559
Синь Тайвань 新臺灣 (*журн.*) 442
Синь Тан шу 新唐書 «Новая история [династии] Тан», «Новая книга [об эпохе] Тан» 460, 586, 588, **598**, 712, 735, 783
Синь Тан шу цзю мю 新唐書糾謬 «Исправление ошибок [допущенных при составлении] „Новой истории [династии] Тан“», «Исправленные ошибки „Новой истории [династии] Тан“» 598, 817
Синь У-дай ши 新五代史 «Новая история Пяти династий» 586, 587
«Синьхайская революция и Юань Ши-кай» 542
Синьхуа жибао 新華日報 (*газ.*) 459
Синь Хунань 新湖南 (*журн.*) 568
Синь цзяньшэ 新建設 (*журн.*) 313
Синь циннянь 新青年 (*журн.*) 205, 206, 523, 525, 527, 734, 749, 801
Синь чао 新潮 (*журн.*) 669
Синь шидай 新時代 (*газ.*) 524
Синь ши сюэ 新史學 «Новая историческая наука» 64, 560
Синь шицзе 新世界 (*журн.*) 203
Синь шицзи 新世紀 (*журн.*) 439, 440, 558
Синь шицзи цзакань 新世紀雜刊 «Бюллетень „Нового века“» 439

Синь шицзи цуншу 新世紀叢書 «Библиотека „Нового века“» 439
Синь шэхуй 新社會 (*журн.*) 734
Синь Юань ши 新元史 «Новая история [династии] Юань» 58
Син э 性惡 «О злой природе человека» (гл. «Сюнь-цзы») 627
«Система политических партий Китая» 221
«Системный подход и кибернетика могут стать инструментами исторического исследования» 76
Си сюэ шу му бяо 西學書目表 «Каталог книг о западных науках» 560
Си Ся цзи ши бэнь мо 西夏紀事本末 «Записи событий в Си Ся от начала до конца» 704
Си Хань хуй яо 西漢會要 «Изборник важнейших материалов Западной Хань» 687
«Скрытая связь и общие моменты идеи „трех представительств“ Цзян Цзэ-миня и идеи Мэн-цзы „народ как основа“» 214
«Собрание архивных материалов по истории Китайской Республики» 73
«Собрание иньских надписей на панцирях» 66
«Собрание исследований древних гравировок» 66
«Собрание карт по истории Китая» 73
«Собрание надписей на бронзе двух периодов Чжоу» 66
«Советская Россия в Китае» 747
«Совместная программа Народного политического консультативного совета Китая» 302
«Современная всемирная история» 73
«Современная история Китая» 73
«Современный анархизм» 562
«Современный социализм» 203
«Сокровищница стратагем» 597
«Сообщение ЦК КПК от 16 мая» 332, 334
«Сон в красном тереме» *см.* Хун лоу мэн
«Сорвать буржуазную маску „Свободы, равенства и братства“» 338
«Социализм» *см.* Шэхуйчжуи
«Социальное строительство» («Первые шаги народовластия») *см.* Миньцюань чубу
«Спор о соли и железе» *см.* Янь те лунь
«Справочник по социализму» 562
«Справочные материалы по общей истории Китая» 72
«Старая книга [об эпохе] Тан» *см.* Цзю Тан шу
«Старое и новое» 206
«Статус иностранцев в Китае» 468
«Стихотворения Мао Цзэ-дуна» 571
«Структура феодального общества в истории Китая: сверхстабильная система» 76
Су бао 蘇報 (*газ.*) 704, 705
«Судьбы Китая» *см.* Чжунго чжи минъюнь
«Суждения и беседы» *см.* Лунь юй
Суй Тан чжиду юаньюань люэлунь гао 隋唐制度淵源略論稿 «Краткий очерк истоков строя [династий] Суй и Тан» 807
Суй шу 隋書 «История [династии] Суй», «Книга [об эпохе] Суй» 461, 579, 580, **599**, 783
Сулянь Хунцзюнь ваньсуй 蘇聯紅軍萬歲 «Слава Советской Красной Армии» 466
Сулянь цзисин 蘇聯紀行 «Записки о поездке в СССР» 466
Сун лунь 宋論 «Суждения о [династии] Сун» 816
Сун хуй яо 宋會要 «Собрание важнейших сведений [династии] Сун», «Главное из собрания [сведений об эпохе] Сун» 489, 733
Сун хуй яо цзи гао 宋會要輯稿 «Первичная рукопись собранных извлечений из „Сводов установлений [династии] Сун“», «Вчерне сведенный изборник важнейших материалов [династии] Сун» 470, 687
Сун цзуань сы бу да шу 宋纂四部大書 «Четыре великие книги [эпохи] Сун» 545, 733
Сун ши 宋史 «История [династии] Сун» 59, 453, **601**, 602, 661, 781, 783
Сун шу 宋書 «История [династии Лю] Сун», «Книга [об эпохе] Сун» **602**, 603, 785
Сунь Вэнь сюэшо 孫文學說 «Духовное строительство» («Учение Сунь Вэня») 197, 607
Суньвэньчжуи чжи чжэсюэ цзичу 孫文主義之哲學基礎 «Философские основы суньятсенизма» 477, 478
Сунь-цзы 孫子 596
Сунь Цин синь шу 孫卿新書 «Новая книга Сунь Цина» 627
Сунь Цин ши фу 孫卿十賦 «Десять од Сунь Цина» 627
Сун Юань сюэань 宋元學案 «Учения [эпох] Сун и Юань» 60
Сушуй цзи вэнь 涑水紀聞 «Записки [уроженца] Сушуй о том, что слышал» 619
Сы бу бэй яо 四部備要 «Собрание наиболее важных книг по четырем разделам» 729, 730, 794
Сы бу цун кань 四部叢刊 «Библиотека-серия по четырем разделам» 729, 730
Сы бу шу му 四部書目 «Каталог по четырем разделам» 580
Сы ку цюань шу 四庫全書 «Коллекция всех книг по четырем разделам», «Полное собрание книг по четырем разделам», «Полное собрание книг четырех хранилищ», «Энциклопедия книг по четырем разделам» 33, 59, 491, 580, 598, **616**, 617, 712, 729, 740, 782, 810
Сы ку цюань шу хуй яо 四庫全書會要 «Собрание раритетов из „Коллекции книг по четырем разделам“» 616
Сы ку цюань шу цзунму тияо 四庫全書總目提要 «Аннотированный сводный каталог всех книг по четырем разделам» 33, 55, 580, 616, 740
Сы ку цюань шу цзяньмин мулу 四庫全書簡明目錄 «Краткий каталог всех книг по четырем разделам» 617
Сыма Гуан цзоу и 司馬光奏議 «Доклады и представления Сыма Гуана» 620
Сы чжоу чжи 四洲志 «Описание четырех материков» 462, 536
Сы шу 四書 «Четверокнижие» 156, 158, 214, 515, 518, 527, 618, **623**, 780, 808
Сы шу чжан цзюй цзи чжу四書章句集註 «„Четверокнижие“ с постатейными и пофразовыми [разъяснениями] и собранием комментариев» 623

Сы шу чжи цзе цзин 四書直解經 «Комментарий [Чжан Цзюй-чжэна] к „Четверокнижию“» 188
Сюань-хэ и ши 宣和遺事 «Забытые деяния годов Сюань-хэ» 588
Сюань-хэ фэн ши Гаоли ту цзин 宣和奉使高麗圖經 «Иллюстрированное описание посольства в Гаоли в годы правления Сюань-хэ» (*сокр*. Фэн ши Гаоли ту цзин) 624
Сю вэнь дянь юйлань 修文殿御覽 «Высочайше одобренное [сочинение] „Палата совершенствования в литературном мастерстве“» 545
Сюй Бо у чжи 續博物志 «Продолжение „Записок о познании вещей“» 624
Сюй Вэнь сянь тун као 續文獻通考 «Продолжение „Свода письменных памятников и суждений к ним“» 817
Сюй Тун дянь 續通典 «Продолжение „Свода уложений“» 817
Сюй Тун чжи 續通志 «Продолжение „Свода обозрений“» 817
Сюй Хань шу 續漢書 «Продолжение „Истории [династии] Хань“» 676, 735
Сюнь-цзы 荀子 «Сюнь-цзы», «Учитель Сюнь» 626–628
Сюнь-цзы синь чжу 荀子新釋 «Новый комментарий к „Сюнь-цзы“» 627
Сюньчи шицзы вэнь 訓飭士子文 «Внушение чиновникам» 506
Сю чжи ши и 修志十議 «Десять соображений о составлении *фан чжи*» 756
Сюэдэн 學燈 (*журн.*) 465
Сюэси 學習 (*журн.*) 312, 313
Сюэси таньсо 學習探索 (*журн.*) 76
Сюэсяо лунь 學校論 «Суждения о школе» 506
Сюэхай лэйбянь 學海類編 «Классифицированный кладезь премудрости» 729
Сюэхуй 學匯 (*газ.*) 442
Сю ян 修養 «О самовоспитании [коммуниста]», «О работе [коммуниста] над собой» 555
Сяндао 向導 (*журн.*) 457, 734
Сян сюэ синьбао 湘學新報 (*газ.*) 641
Сянцзян жибао 湘江日報 (*газ.*) 566
Сянцзян пинлунь 湘江評論 (*журн.*) 568
Сянь Цинь чжэнчжи сысян ши 先秦政治思想史 «История доциньской политической мысли» 560
Сяо цзин 孝經 «Канон сыновнего благочестия» 137, 552, 618
Сяо цзы чжуань 孝子傳 «Биографии почтительных сыновей» 658

«Тайная история монголов» *см.* Юань чао би ши
Тай-пин гуан цзи 太平廣記 «Наиболее известные сочинения годов Тай-пин», «Обширные записи [годов] Тай-пин [син-го 976–984]» 545, 733
Тай-пин юй лань 太平御覽 «Отобранное императором [в годы] Тай-пин», «Высочайшее обозрение [годов] Тай-пин [син-го 976–984]» 544, 545, 733
Тай сюань [цзин] 太玄[經] «[Канон] великого сокровенного» 618
Тай-чу ли 太初歷 («Календарь [созданный в период правления под девизом] Тай-чу», «Календарь Великого начинания») 621
Тайшигун цзы сюй 太史公自序 «Автобиография Придворного историографа» 621
Тайшигун шу 太史公書 «Книга Придворного историографа» *см.* «Ши цзи»
Талмуд 387
Тандай Чанъань юй сиюй вэньмин 唐代長安與西域文明 «Чанъань при династии Тан и цивилизация Западных земель» 66
Тандай чжэнчжи ши шу лунь гао 唐代政治史述論稿 «Очерк политической истории эпохи Тан» 807
Тан лю дянь 唐六典 «Административное уложение для шести [палат] Тан» 150, 411
Тан люй шу и 唐律疏議 «Уголовные установления Тан с разъяснениями», «Кодекс династии Тан с комментариями и разъяснениями» 386, 411, 448, 467, 475, 501, 550, 630, **634**, 635, 638, 653, 663, 788, 820, 827
Тан хуй яо 唐會要 «Изборник важнейших материалов [династии] Тан» 489, 552
Тан цзянь 唐鑒 «Танское зерцало» 816
Тан шу 唐書 «История Тан», «Книга [об эпохе] Тан» 552
Тан шу чжи би синь ли 唐書直筆新例 «Беспристрастно изложенные новые принципы [составления] танской истории» 598
Тан юй линь 唐語林 «Лес преданий периода Тан» **644**
«Тенденции развития энергоресурсов и основные меры экономии» 719
«Теория „новой демократии“ Мао Цзэ-дуна» 298
«Теория строительства социалистической экономики» 750
Тин ши 桯史 «Истории на столике» **645**
«Товарищ Мао Цзэдун — от борьбы против культа личности к поклонению культу личности» 105
«Традиционная этика и ее современное значение» 83
«Три комментария» 59
«Тридцать шесть стратагем» *см.* Сань ши лю цзи
«Тридцать шесть стратагем для бизнеса» 597
«Три народных принципа» *см.* Сань минь чжуи
«Троецарствие» *см.* Сань го янь и
Тун дянь 通典 «Свод уложений», «Свод установлений», «Общие установления», «Всеобщий свод», «Политический свод» 31, 463, 464, 493, **650**–652, 686, 740, 791, 817
Тун ли 通歷 «Сводные анналы» 452
Тун цзянь 通鑒 «Всеобщее зерцало» *см.* Цзы чжи тун цзянь 56
Тун цзянь-сюэ «Школа „Всеобщего зерцала“» 通鑒學 652
Тун цзянь Ху чжу бяо вэй 胡註通鑒表微 «Комментарии Ху к „Всепроницающему зерцалу“ в подробном рассмотрении» 810
Тун цзянь цзи ши бэнь мо 通鑒紀事本末 «Полное описание событий, о которых сообщается в хронике „Цзы чжи тун цзянь“», «„Всеобщее зерцало“ в записи событий от начала до конца» 31, 55, 703, 708
Тун цзянь цзи ши бэнь мо бу хоу бянь 通鑒紀事本末補後編 «Свод дополнений к „Всеобщему

зерцалу' в записи событий от начала до конца“» 703
Тун цзянь чжу бянь чжэн 通鑒註辯正 «Замечания на „Комментарий к 'Всеобщему зерцалу'“» 735
Тун чжи 通志 «Свод обозрений/описаний/трактатов», «Общее обозрение», «Всепроницающее обозрение» 32, 463, 464, 619, 650, **652**, 653, 706, 740, 791, 817
Тун чжи люэ 通志略 «Очерки из „Свода обозрений“» 653
Тун ши 通史 «Сводная история», «Общая история» 452
Тушу цзикань 圖書季刊 (*журн.*) 826
Тяньдобао 天鐸報 (*газ.*) 477
Тяньи бао 天義報 (*газ.*) 203, 438
Тянь лунь 天論 «О небе» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Тяньцзинь жибао 天津日報 (*газ.*) 309

«Уголовные законы, [записанные] на бамбуке» *см.* Чжу син
«Уголовный кодекс КНР» 231, 429–431, 434
У-дай хуй яо 五代會要 «Изборник важнейших материалов [периода] Пяти династий» 686
У-дай ши цзи 五代史記 «Исторические записки о Пяти династиях» 586
У-дай ши цзуань у 五代史纂誤 «Ошибки, допущенные при составлении „Истории Пяти династий“» 817
У-дай ши чжи 五代史志 «Обзор истории Пяти династий» 599
У ду 五蠹 «Пять паразитов» 724
«Указание по пропаганде материалистического и критике буржуазно-идеалистического мировоззрения» 317
«Указания о проведении политики в отношении иностранцев, находящихся в Китае» 300
«Указания о работе в 1948 г. по проведению аграрной реформы и упорядочению партии» 300
«Указания от 4 мая» 299
«Указания по вопросам экономического строительства в освобожденных районах» 299
«Указания по вопросу антипартийной деятельности Чэнь Бо-да» 349
«Установление истины» *см.* Као синь лу
«Установления периода политической опеки» 263
У-сюй бяньфа 戊戌變法 «Реформы 1898 г.» 721
У цзин 五經 «Пятикнижие» 128, 156, 158, 505, 515, 527, 623, 821
У цзин 武經 «Военный канон» 596
У цзин чжэн и 五經正義 «„Пятикнижие“ с выправленными комментариями» 637
У-цзы 吳子 «У-цзы» 596
Учаньчжэ 無產者 (*журн.*) 648, 803

Фан-чжоу и сюэ 方舟易學 «Изучение „И цзина“ господином Фан-чжоу» 624
Фан-чжоу цзи 方舟集 «Собрание сочинений господина Фан-чжоу» 624
Фань Вэньчжэн-гун цзи 范文正公集 «Собрание сочинений Фаня — Князя Культурной Правильности» 664
Фань ли 凡例 «Общие правила» 482
Фан юй 方域 «Земли» 473
«Фауст» 466
Фа цзин 法經 «Канон законов» 403
Фа янь 法言 «Образцовые речи» 618
Фу 賦 «Оды» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Фу жуй чжи 符瑞志 «Трактат о благоприятных предзнаменованиях» 784, 785
Фу и цюань шу 服役全書 «Полная книга о налогах и повинностях» 484
Фу син 甫刑 «Кодекс наказаний, [составленный] Фу[-хоу]» 403
Фэй сян 非相 «Против прорицательства» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Фэнтай чжи е бицзи 鳳台祇謁筆記 «Заметки о визите почтения в Фэнтай» 491,

Хай го ту чжи 海國圖志 «Описание заморских государств [с приложением] карт» 462
Хай Жуй багуань 海瑞罷官 «Разжалование Хай Жуя» 333, 613, 615, 656
Хань люй цзю чжан 漢律九章 «Кодекс Хань, девять глав/разделов» *см.* Цзю чжан люй
Хань Фэй-цзы 韓非子 «Хань Фэй-цзы» 133
Хань хай 函海 «Вместилище футляров для книг», «Огромное собрание книг» 782
Хань цзи 漢紀 «Записки о [династии] Хань» 29, 34, 452
Хань Ши вай чжуань 韓詩外傳 «Внешний комментарий Ханя на „Классическую книгу стихов“» 668
Хань шу 漢書 «История [династии] Хань», «Ханьская история», «Книга [об эпохе] Хань» 29, 50, 57, 85, 158, 449, 460, 579, 596, 621, 627, **674**, 774, 821 *см. тж.* Цянь Хань шу
Хо цзин 惑經 «Сомнения относительно канонов» (гл. «Ши тун») 552
Хоу Хань цзи 後漢紀 «Записки о Поздней Хань» 452
Хоу Хань шу 後漢書 «История Поздней [династии] Хань» 450, 674, **676**, 775
«Хронология китайской исторической науки» 73
Хуан лань 皇覽 «Императором просмотренное» 545
Хуан Мин цзу сюнь 皇明祖訓 «Заветы родоначальника царствующей династии Мин» 500
Хуан чао Вэнь сянь тун као 皇朝通典文獻通考 «„Свод письменных памятников и суждений к ним“» Августейшей династии [Цин]» 817
Хуан чао Тун дянь 皇朝通典 «„Свод уложений“ Августейшей династии [Цин]» 817
Хуан чао Тун чжи 皇朝通志 «„Свод обозрений“ Августейшей династии [Цин]» 817
Хуан чао у гун цзи шэн 皇朝武功紀盛 «Полное описание военных подвигов Августейшей династии» 761
Хуан-чао цзинши вэньбянь 皇朝經世文編 462
Хубэй жибао 湖北日報 (*газ.*) 524
Ху Ин-линь няньпу 胡應麟年譜 «Хроника жизни Ху Ин-линя» 656
Ху Ин-линь чжуань胡應麟傳 «Биография Ху Ин-линя» 656
Хуй дянь會典 «Собрания установлений» 404
Хуй мин лу 晦鳴錄 (*журн.*) 441

Хунань жибао 湖南日報 (*газ.*) 524
Хун лоу мэн 紅樓夢 «Сон в красном тереме» 70, 313, 692
Хунмэнь чжэсюэ 洪門哲學 «Философия Хунмэнь» 596
Хунсэ Чжунхуа 紅色中華 (*газ.*) 833
Хун-у чжэн юнь 洪武正韻 «Правильные рифмы [годов] Хун-у» 831
Хун фань 宏範 «Великий план» (гл. «Шу цзин») 823
Хунци 紅旗 (*журн.*) 342, 458, 693
Хунци чжоубао 紅旗周報 (*газ.*) 458
Хэн бао 衡報 (*журн.*) 438

Цао му «Растительность» 473
Цзайшэн цзачжи 再生雜志 (*журн.*) 753, 757
Цзе би 解蔽 «Освободить от заблуждений» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Цзефан жибао 解放日報 (*газ.*) 104, 611, 612, 615
Цзефанцзюнь бао 解放軍報 (*газ.*) 576
Цзефан [чжоубао] 解放[周報] (*газ.*) 749
Цзефан юй гайцзао 解放與改造 (*журн.*) 753
Цзи гу лу稽古录 «Собрание старинных надписей», «Записки о постижении былого» 587, 619, 620
Цзи гу лу бавэнь 集古錄跋文 «Собрание старинных надписей с послесловиями» 587
Цзилу сюэкань 齊魯學刊 (*журн.*) 311
Цзилу хуй бянь 紀錄彙編 «Собрание трудов» 729
Цзин бао 京報 (*газ.*) 511, 512
Цзин цзи чжи 經籍志 «Трактат о канонах и литературе» 579, 580
Цзин-чу ли 景初曆 «Календарь [разработанный в годы царствования под девизом] Цзин-чу» 602
Цзин ши да дянь 經世大典 «Классические произведения о делах правления», «Сводные материалы по правлениям императоров» 545; *см. тж.* Юань цзин ши да дянь
Цзиньбу жибао 進步日報 (*газ.*) 309, 827
Цзинь бэнь Чжу шу цзи нянь шу чжэн 今本竹書紀年疏證 «Современный текст „Бамбуковых анналов“ со ссылками на источники» 784
Цзинь вэнь Шан шу 今文尚書 «„Почтенные писания“ в современных знаках» 821
Цзинь пин мэй 金瓶梅 «Цзинь, Пин, Мэй, или „Цветы сливы в золотой вазе“» 740
Цзинь сы лу 近思錄 «Записи размышлений о временах недавних» 780
Цзиньхуа 進化 (*журн.*) 443
Цзинь цзи 金記 «Записки о Цзинь» 452
Цзинь ши 金史 «История [династии] Цзинь» 109
Цзинь шу 晉書 «История [государства Западная] Цзинь» 109, 783
Цзи нянь 紀年 «Записи [событий] по годам», «Анналы» 783
Цзинянь Гаоэрцзи 紀念高爾基 «Памяти Горького» 466
Цзи фу цун шу 畿輔叢書 «Коллекция трудов авторов столичного региона» 729
Цзи чжун цзи нянь 汲冢紀年 «Анналы из кургана в [округе] Цзи» *см.* Чжу шу цзи нянь
Цзи чжун цзи нянь цунь чжэнь 汲冢紀年存真 «Подлинные анналы из кургана в Цзи» 784
Цзи чжун шу 汲冢書 «Книга из кургана [округа] Цзи» 783
Цзо чжуань 左傳 «Комментарий Цзо», «Хроника Цзо» 28, 83, 452, 784, 816
Цзо-ши чунь цю 左氏春秋 «Весны и осени господина Цзо» 452
Цзуй синь чжунсюэ лиши цзяокэшу 最新中學歷史教科書 «Новейший учебник истории Китая для средней школы» 633
Цзыцзюэсинь юй айгосинь 自覺心與愛國心 «Самосознание и патриотизм» 801
Цзы чжи тун цзянь 資治通鑒 «Всепроницающее/Всеобщее зерцало, управлению помогающее» 31, 34, 54–56, 72, 452, 588, 618–620, 651, 652, 703, **706**–709, 733, 740, 810, 816
Цзы чжи тун цзянь ган му 資治通鑒綱目«„Всепроницающее/Всеобщее зерцало, управлению помогающее“ в сжатом изложении и с комментариями» 625, 708, **709**, 710, 780
Цзы чжи тун цзянь мулу 資治通鑒目錄 «Указатель к „Цзы чжи тун цзянь“» 707
Цзы Ши цзин хуа 子史精華 «Избранное из разделов *Цзы* и *Ши*» 505, 545
Цзыю лу 自由錄 (*журн.*) 442
Цзюван жибао 救亡日報 (*газ.*) 466
Цзюнь чэнь чжэн яо 君臣政要 «Основы управления, [изложенные для] государя и подданного» 794
Цзюнь ши ши бянь 君事實辨 «Достоверные суждения о деяниях государей» 793
Цзю Тан шу 舊唐書 «Старая книга [об эпохе] Тан», «Старая история [династии] Тан» 109, 460, 579, 587, 598, **711**, 712, 735, 760, 783
Цзю тун 九通 *см.* Ши тун
Цзю чжан люй 九章律 «Кодекс в девяти главах/разделах» (Хань люй цзю чжан) 403
Цзяинь [жикань] 甲寅[日刊] (*журн.*) 525
Цзян бэй юнь чэн 江北運程 491
Цзяньго фанлюэ 建國方略 «Программа строительства государства» 197, 223, 607
Цзяньмин Чжунго тунши 簡明中國通史 «Краткая общая история Китая» 66, 72, 549
Цзяньшэ [цзачжи] 建設[雜志] (*журн.*) 563
Цзянь-янь илай чао е цза цзи 建炎以來朝野雜記 «Разные записи о событиях при дворе и на периферии, начиная с [годов царствования] Цзянь-янь» 687
Цзяопин няньфэй фан люэ 剿平捻匪方略 «Описание успешного подавления [восстания] разбойников-факельщиков» 503
Цзяо чоу тун и 校讎通義 «Проникновение в смысл текстологии» 755
Цзя-инь [цзачжи] 甲寅雜志 (*журн.*) 801
Цзя-цзин Вэнь чжоуфу чжи 嘉靖溫州府志 «Описание центральной провинции Вэнь в годы правления под девизом Цзя-цзин» 531
Ци го као 七國考 «Разысканное о Семи царствах» 687
Ци лу 七錄 «Семь реестров» 580
Ци люэ 七略 «Семь сводов» 30, 579, 580, 674

Цинбо бе чжи 清波別志 «Дополнительные заметки живущего возле ворот Цинбо» 722
Цинбо цза чжи 清波雜志 «Заметки живущего возле ворот Цинбо» **722**
Цин вэнь цзянь 清文鑒 «Зерцало маньчжурской словесности» 505
Цин дай сюэшу гайлунь 清代學術概論 «Очерк учений эпохи Цин» 560
Цин и бао 清議報 (*газ.*) 64, 559
Цин кань цзиньжи чжи Цзян Цзе-ши 請看今日之蔣介石 «Взгляните на сегодняшнего Чан Кайши» 465
Циннянь цзачжи 青年雜志 (*журн.*) 205, 801
Цинтун шидай 青銅時代 «Бронзовый век» 66, 466
Цин чао сюй Вэнь сянь тун као 清朝續文獻通考 «Продолжение „Свода письменных памятников и суждений к ним" династии Цин» 817
Цин ши гао 清史稿 «Черновой свод истории [династии] Цин» 58, **723**, 724
Цинши цзиши чубянь 清詩紀事初編 «Начальная редакция исторических записей из цинской поэзии» 497
Циньчжэн пиндин шо мо фан люэ 親征平定朔漠方略 «Описание государева похода и усмирения населения территории к северу от пустыни» 659
Циньдин гуцзинь тушу цзичэн 欽定古今圖書集成 «Высочайше утвержденное полное собрание иллюстраций и книг древности и современности» 473
Циньдин Сицзан чжанчэн 欽定西藏章程 «Высочайше утвержденный статус Тибета» 739
Циньдин хуан Цин кайго фан люэ 欽定皇清開國方略 «Высочайше утвержденное описание основания Августейшей династии Цин» 740
Цин-юань тяофа шилэй 慶元條法事類 «Систематизированные статьи законов, составленные в годы Цин-юань», «Систематизированные статьи законов периода правления под девизом Цин-юань» 150
«Цитатник Мао Цзэ-дуна» *см.* Мао чжуси юйлу
Цихо као 乞活考 «Исследование „голодных беженцев"» 764
Ци шу 齊書 «История [династии Северная] Ци» 461
Цун шу цзи чэн 叢書集成 «Полное собрание серий *цун шу*» 729, 730
Цы лю ши цзю вэнь 次柳氏舊聞 *см.* Тин ши
Цы хай 辭海 «Море слов» 616
Цы юань 辞源 «Источник слов» 811
Цэ фу юань гуй 冊府元龜 «Зерцало императорской библиотеки», «Исходное/магическое отражение [августейшего] книгохранилища» 545, **733**
Цю ши 求是 87
Цюань сюэ пянь 勸學篇 «Призыв к учению» 759
Цюань Тан вэнь 全唐文 «Полный свод танской прозы» 552
Цюань Тан ши 全唐詩 «Полный свод танской поэзии» 505, 552
Цюй Юань 屈原 466
Цюньчжун 群眾 (*журн.*) 459
Цян го 強國 «Сильное государство» (гл. «Сюньцзы») 627
Цян сюэ бао 強學報 (*газ.*) 512, 700
Цяньсянь 前線 (*журн.*) 656
Цяньфэн 前鋒 (*журн.*) 734
Цянь фэнцзянь шици чжи Чжунго нунцунь шэхуй 前封建時期之中國農村社會 «Китайское аграрное общество дофеодального периода» 720
Цянь Хань шу 前漢書 «Книга о Ранней Хань», «История ранней [династии] Хань»; *см.* Хань шу
Цяньцзинь 前進 (*журн.*) 266

Чанцзян жибао長江日報 (*газ.*) 325
«Чанъань при династии Тан и цивилизация Западных земель» *см.* Тан дай Чанъань юй сиюй вэньмин
Чаопин юэфэй фан люэ 剿平粵匪方略 «Описание успешного подавления [восстания] южных разбойников» 503
«Четверокнижие» *см.* Сы шу
Чжан-ши и шу 章氏遺書 «Наследие господина Чжана»
Чжань го цэ 戰國策 «Планы сражающихся царств» 29
Чжаньдоу 戰鬥 (*журн.*) 648
Чжибуцзу чжай цун шу 知不足齋叢書 «Серия книг из библиотеки „Чжибуцзу чжай"», «Собрание книг из кабинета Чжибуцзу» 470, 729
Чжи го 志國 «Описание стран» 781
Чжи у 志物 «Описание товаров» 781
Чжи-чжай шулу цзети 直齋書錄解題 «Каталог книг [господина] Чжи-чжая с аннотациями» 781
Чжоу и 周易 «[Канон] перемен [периода] Чжоу» *см.* «И цзин»
Чжоу ли 周禮 «[Правила] благопристойности [эпохи] Чжоу», «Чжоуские ритуалы» 386, 391, 411, 448, 498, 499, 733
Чжоу нянь бяо 周年表 «Погодовые таблицы [периода] Чжоу» 784
Чжоу шу 周書 «История Чжоу» 28, 108
Чжунго гоминь гэмин юй дайцзитаочжуи 中國國民革命與戴季陶主義 «Китайская национальная революция и дайцзитаоизм» 479
Чжунго гудай сысян сюэшо ши 中國古代思想學說史 «История учений древнекитайской мысли» 675
Чжунго гудай ши 中國古代史 «Древняя история Китая» 64, 73, 633
Чжунго гудай шэхуй яньцзю 中國古代社會研究 «Исследование древнего общества Китая» 465, 466
Чжунго гудянь шэхуй лунь 中國古典社會論 «Классическое общество Китая» 675
Чжунго лиши яньцзю фа 中國曆史研究法 «Методы исследования китайской истории» 64, 560
Чжунго миньцзу цзяньши 中國民族簡史 «Краткая история народов Китая» 549
Чжунго миньцзу ши 中國民族史 «История национальностей Китая» 548, 549
Чжунго нунцунь шэхуй чжи бэньчжи цзи ци лиши ды фачжань цзедуань чжи хуафэнь 中國農村社會之本質及其歷史的發展階段之劃分

«Сущность аграрного общества в Китае и периодизация его исторического развития» 720
Чжунго нюйсинчжуи 中國女性主義 «Феминизм в Китае» (*журн.*) 667
Чжунго сысян тунши 中國思想通史 «Общая история китайской мысли» 676
Чжунго тунши цзяньбянь 中國通史簡便 «Общая истории Китая в краткой редакции» , «Краткая история Китая» 72, 662
Чжунго тунши цзянъи 中國通史講義 «Лекции по общей истории Китая» 497
Чжунго фусин шуню – канжи чжань чжэнды банянь 中國復興樞紐——抗日戰爭的八年 «Поворотный момент в деле возрождения Китая – восьмилетняя война сопротивления Японии» 547
Чжунго цзинцзи сюэшо 中國經濟學說 «Китайская экономическая теория» 745, 746
Чжунго цзиньдай сысян сюэшо ши 中國近代思想學說史 «История учений китайской мысли нового времени» 675
Чжунго цзиньдай ши 中國近代史 «Новая история Китая» 66, 72, 662
Чжунго цзиньдай шигао 中國近代史告 «Очерки новой истории Китая» 547
Чжунго цзинь сань бай нянь сюэшу ши 中國近三百年學術史 «История китайских учений трех последних столетий», «История учености Китая за последние 300 лет» 64, 560, 742
Чжунго циннянь [бао] 中國青年[報] (*журн.*) 330, 348
Чжунго цун шу мулу 中國叢書目錄 «Каталог китайских *цун шу*» 730
Чжунго чжигун юньдун цзяньши 中國職工運動簡史 «Краткая история профсоюзного движения в Китае» 498
Чжунго чжи минъюнь 中國之命運 «Судьбы Китая» 745
Чжунго чжи шэхуйчжуи 中國之社會主義 «Китайский социализм» 203
Чжунго чжэнчжи сысян ши 中國政治思想史 «История политической мысли Китая» 549
Чжунго ши ган 中國史綱 «Очерки истории Китая», «Основы истории Китая» 720
Чжунго ши ганъяо 中國史綱要 «Очерки истории Китая» 66, 721
Чжунго ши лунь цзи 中國史論集 «Сборник статей по истории Китая» 720
Чжунго шэхуй кэсюэ 中國社會科學 (*журн.*) 542
Чжунго шэхуй ши чжу вэньти 中國社會史諸問題 «Проблемы истории китайского общества» 549
Чжун-ни 仲尼 (гл. «Сюнь-цзы») 627
Чжун Су вэньхуа 中蘇文化 (*журн.*) 675
Чжунхуа эрцянь нянь ши 中華二千年史 «Две тысячи лет китайской истории» 497
Чжун цзин 中經 «Каноны из внутренних [покоев]» 580
Чжун юн 中庸 «Чжун юн», «Срединное и неизменное» 618, 623
Чжу син 竹刑 «Книга уголовных законов, записанная на бамбуковых планках», «Уголовные законы, [записанные] на бамбуке» 403
Чжу син шу 鑄刑書 «Книга уголовных законов, отлитая на [бронзовых сосудах]» 403
Чжу фань чжи 諸蕃志 «Описание всего иноземного», «Описание иноземных народов» **781**, 782
Чжу-цзы мин чэнь янь син лу 朱子名臣言行錄 «Записи Учителя Чжу о речениях и деяниях знаменитых подданных династии Сун» 780
Чжу-цзы юй лэй 朱子語類 «Классифицированные речи Учителя Чжу» 780
Чжу шу тун и 竹書同異 «Общее и отличающееся в „Бамбуковых книгах“» 783
Чжу шу цзи нянь 竹書紀年 «Бамбуковые анналы», «Погодовые записи на бамбуковых планках» 28, 451, 452, 456, **783**–785
Чжу Юань-чжан чжуань 朱元璋傳 «Жизнеописание Чжу Юань-чжана» 656
Чжэн дянь 政典 «Уложения государственного управления» 650
Чжэн мин 正名 «Исправление имен» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Чжэн-фа яньцзю 政法研究 (*журн.*) 430
Чжэнчжи чжоубао 政治周報 (*журн.*) 568
Чжэнь-гуань чжэн яо 貞觀政要 «Основы управления [периода] Чжэнь-гуань» 738, **792**–794
Чжэнь-гуань чжэн яо шэнь цзянь 貞觀政要申鑒 «Краткое изложение [сочинения] „Основы управления периода Чжэнь-гуань“» 793
Чимэнь тань шилу 赤門談實錄 «Записи разговоров об истории у Красных ворот» 547
Чоубань и у шимо 籌辦夷務始末 «История урегулирования дел с варварами» 503
Чун вэнь цзун му 崇文總目 «Генеральный каталог [Палаты] во славу словесности» 586
Чунь цю 春秋 «Вёсны и осени» 28, 29, 34, 49, 54, 56, 59, 158, 451, 452, 515, 586, 780, 784, 791, 816
Чунь цю фань лу 春秋繁露 «Обильные росы „Вёсен и осеней“» 132
Чунь цю цзин чжуань цзи цзе 春秋經傳集解 «Комментарий к летописи „Вёсны и осени“» 785
Чу цао цзян чэн 楚漕江程 «Водный маршрут перевозки зерна из Чу» 491
Чу цы 楚辭 «Чуские строфы» 465
Чу ши цзю го жи цзи 出使九國日記 «Ежедневные записи о поездке в девять стран» 476
Чэн сян 成相 «Песни» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Чэнхуа ши люэ 承華事略 «Изложение деяний, подобающих наследнику престола» 490
Чэнь бао 晨報 (*газ.*) 442
Чэнь бао фукань 晨報副刊 (*газ.*) 525
Чэнь Гуан юэ 臣光曰 619
Чэнь гуй 臣規 «Правила подданных» 490, 658, **799**, 800
Чэньчжун бао 晨鐘報 (*газ.*) 525
Чэнь шу 陳書 «История [династии Северная] Чэнь» 109, 461

Шанда чжоукань 上大周刊 (*газ.*) 457
Шан цзюнь шу 商君書 «Книга правителя области Шан» 112, 126, 127, 133, 523, 724

Шан шу 尚書 «Документы Шан», «Книга истории» (разд. «Шу цзина») 28, 54, 173, 661, 822
Шан шу хоуань 尚書後案 «Комментарий к „Книге истории“» 460
Шань хай цзин 山海經 «Канон гор и морей», «Каталог гор и морей» 661
Шань чуань 山川 «Горы и реки» 473
Шаонянь 少年 (*журн.*) 494
Шаоян чжэн фань 少陽政範 «Правила управления, изложенные для наследника» 658
«Шестнадцать иероглифов» 771
«Шестнадцать максим Кан-си» *см.* Шэн юй ши лю тяо
«Шесть великих политических деятелей Китая» 134
Ши Гаоли лу 使高麗錄 «Описания о посольстве в Гаоли» 624
Шие цзихуа 實業計劃 «Материальное строительство» («Промышленный план») 197, 607
Ши и чао Дунхуа лу 十一朝東華錄 «Записи у [ворот] Дунхуа о деяниях 11-ти императоров династии [Цин]» 713
Ши пипань шу 十批判書 «Десять критических статей» 466
«Широкий союз народа» 205
Ши сань цзин 十三經 «Тринадцатиканоние», «Тринадцатикнижие» 515, 623, 664, 737, 821
Шисюэ цун шу 史學叢書 «Серия трудов по истории» 729, 759
Ши тун 史通 «Проникновение в историю» 31, 452, 552
Ши тун 十通 «Десять сводов» 31, 464, 493, 740, 792, **817**
Шихуа 實話 (*газ.*) 458
Шицзе хуабао 世界畫報 (*газ.*) 439
Ши цзи 史記 «Исторические записки» (Тайшигун шу) 29, 34, 43, 55–57, 158, 465, 493, 621, 622, 626, 652, 673, 768, 769, 784, 791, 816, **818**, 819, 822
Ши цзин 詩經 «Канон стихов», «Книга песен» 19, 48, 54, 450, 465, 515, 586, 618, 631, 632, 791
Ши цзи хоу чжуань 史記後傳 «Повествование в продолжение „Исторических записок“» 674
Ши цзу чжи 氏族志 «Свод родов и кланов» 658
Шицзячжай янсинь лу 十駕齋養新錄 «Заметки Шицзячжая [Цянь Да-сяня]» 736
Шици ши шанцюэ 十七史商榷 «Критическое исследование [текстов] 17 [династийных] историй» 62, 460, 817
Шишаньтан цаншу мулу 世善堂藏書目錄 «Собрание книг, хранящихся в павильоне Шишань» 782
Шиши синь бао 時事新報 (*газ.*) 205, 753, 757
Ши юй чао 時與潮 (*журн.*) 444
Ши юэ 十月 (*журн.*) 648
Шо фу 說郛 «Городские предместья», «Предместья речений» 470, 729
Шуй ху чжуань 水滸傳 «Речные заводи» 527
Шуй цзин чжу 水經註 «„Канон рек“ с комментариями» 692
Шу му да вэнь 書目答問 «Вопросы и ответы по библиографии» 759
Шуньтяньфу чжи 順天府志 «Описание [столичной области] Шуньтяньфу» 759
Шу цзин 書經 «Книга исторических писаний/Книга преданий», «Книга документов», «Канон преданий» 136, 138, 450, 460, 515, 651, 703, 791, **821**–823
Шэн у цзи 聖武記 «Записки о монаршей военной доблести», «Записки о священных воинах» 462, 761
Шэньси тун чжи 陝西通志 «Сводное описание провинции Шэньси» 660
Шэн юй гуан сюнь 聖諭廣訓 «Милостивые наставления монарха», «Мудрые предназначения и всеобъемлющие наставления» 506, 824
Шэн юй ши лю тяо 聖諭十六條 («Шестнадцать наставлений императора», «Шестнадцать максим [Кан-си]») 506, 737, 824
Шэнь цзянь 神鑒 «Божественное зерцало» 34
Шэхуй юньдун 社會運動 (*журн.*) 442
Шэхуйсюэ 社會學 (*журн.*) 202
Шэхуйчжуи 社會主義 «Социализм» 203

«Эволюция и этика» 567
«Экономическая история феодального общества Китая» 73
«Экономическая обстановка в период Западной Хань» 655
«Эпоха Войны сопротивления Японии» 547
«Эпоха рабовладельческого строя» *см.* Нуличжи [ду] шидай
Эр я 爾雅 «Приближение к классике» 791

Юань цзин ши да дянь 元經世大典 «Главные установления [династии] Юань по управлению страной» (*сокр.* Цзин ши да дянь) 687
Юань-цзя ли 元嘉曆 «Календарь [разработанный в годы царствования под девизом] Юань-цзя» 602, 603
Юань цзянь лэй хань 淵鑒類函 «Полная энциклопедия основных знаний» 505
Юань чао би ши 元朝祕史 «Тайная история монголов» 796
Юань чао ши лу 元朝實錄 «Повседневные записи-хроники [правления императоров] династии Юань» 827
Юань-чжэнь шоу чэн ши цзянь 元貞守成事鑒 «Зерцало деяний, содействующих сохранению достижений [эпохи] Юань-чжэнь» 490, 491
Юань ши 元史 «История [династии] Юань» 735, 760, **827**, 828
Юань ши гао 元史稿 «Черновой свод истории [династии] Юань» 736, 828
Юань ши синь бянь 元史新編 «История [династии] Юань в новой редакции» 462
Юй гун 禹貢 «Дары Юя» 661
Юй гун шань чуань ди ли ту 禹貢山川地理圖 «Схемы расположения гор и рек в „Дарах Юя“» 785
Юйпи лидай Тун цзянь цзи лань 御批歷代通鑒集覽 «Высочайше утвержденное собрание „Всеобщих зерцал“ в порядке очередности династий» (*сокр.* Юй пи тун цзянь) 655, 740

Юй Цянь Сюань-тун сяньшэн лунь гу ши шу 與錢玄同先生論古史書 «Письмо господину Цянь Сюань-туну о древней истории» 471
Юй чжи да гао 御製大誥 «Высочайше составленные великие рескрипты» 788
Юй чжи да гао сань бянь 御製大誥三編 «Третья часть „Высочайше составленных великих рескриптов“» 788
Юй чжи да гао сюй бянь 御製大誥續編 «Продолжение „Высочайше составленных великих рескриптов“» 788
Юйчжоу фэн 宇宙風 (*журн.*) 803
Юй шу 禹書 «Документы Юя» (разд. «Шу цзина») 822
Юн-лэ да дянь 永樂大典 «Энциклопедия [годов] Юн-лэ», «Великий свод [годов царствования] Юн-лэ», «Важнейшие сочинения периода правления Юн-лэ» 491, 532, 545, 589, 616, 644, 687, 782, **831**, 832
Юннин чжи е бицзи 永寧祇謁筆記 «Заметки о визите почитания в Юннин» 491
Юэ лунь 樂論 «О музыке» (гл. «Сюнь-цзы») 627
Юэ цзин 樂經 «Канон музыки» 515, 791
Юэ шу 樂書 «Книга о музыке» 658

Янь те лунь 鹽鐵論 «Спор о соли и железе» 47, 49, 50, 132
Яньшань е хуа 燕山夜話 «Вечерние беседы в Яньшани» 338
Янь-ю Сымин чжи 延佑四明志 «Описание [округа] Сымин [в годы] Янь-ю» 781

«Asia» (*журн.*) 601
«Chinese Repository» (*журн.*) 462
«La Jeunesse» (*журн.*) 765

ай мэй 爱媚 654
анархизм в Китае 438, 478, 524, 558, 567
ань минь 安民 493
Ань шэ 安社 442
Аньнаци яньцзю хуй 安那其研究會 443
Аньфуси 安福系 (*сокр.* Аньси 安系) **446**, 606, 671, 763
Аньфуси цзюйлэбу 安福系俱樂部 447
аньфу цзинлюэши 安撫經略使 470
арабы 177
Ассоциация демократического национального строительства Китая (*сокр.* АДНСК, *кит.* Чжунго миньчжу цзяньгохуй 中國民主建國會) 217
Ассоциация содействия развитию демократии Китая (*сокр.* АСРДК, *кит.* Чжунго миньчжу цуцзиньхуй 中國民主促進會) 217
аха (*чжурчж.*) 583

Бабаошань 八寶山 531, 591
ба гу [вэнь] 八股[文] 155, 506, 511, 701
ба жун ба чи 八榮八恥 376
ба и 八議 128, 387, 391, 392, 394, **448**, 449, 501
бай 白 684
бай гуань 百官 598, 599, 676
бай жи вэй синь 百日維新 559; *см. тж.* «сто дней реформ»
Байлянь шэ 白蓮社 786
байлянь-цзяо 白蓮教 487, 578, 739
бай син 百姓 387
байтуань дачжань 百團大戰 772
байхуа 白話 223, 316, 548, 568, 692, 708
Байюньдун 白雲洞 511
бакши 681
«банда четырех» *см.* сы жэнь бан
бан цзи 邦計 792
бан янь 榜眼 156–157
бао 報 152, 390
бао [2] 保 272, 455
бао бянь褒貶 37, 755
Баовэй Чжунго тунмэн 保衛中國同盟 601
Баогохуй 保國會 513, 701
баогу 保辜 396
баожэнь 保人 400
бао сюнь 寶訓 823
Баохуандан 保皇黨 513
Баохуанхуй 保皇會 559
баоцзя 保甲 271, 272, 455
бао чжан 保長 455
ба цзо 八座 637
ба ци 八旗 481, 485, 505, 584, 583, 681, 702, 711
ба ши 霸史 653
бе ши 別史 55
Бидэюань 弼德院 711
бин 兵 140, 464, 577, 598, 651, 687
бин [1] 丙 580
Бинбу 兵部 469, 482, 489, 706, 721
бин фан 兵防 660
бин-цзя 兵家 596
бин чжи 兵制 464
бин шу 兵書 580
бинь 賓 391, 448
бицзи 筆記 589, 644, 645, 722
богдо-гэгэн (*монг.*) 830
бодхисаттва (bodhisattva) 685
«большой скачок» (да юэцзинь 大躍進) 97, 100, 105, 229, 329, 333, 337, 381, 430, 495, 556, 570, 574, 593, 656, 750, 767, 773, 812, 833
босюэ хунцы 博學弘詞 506, 577, 736
босюэ хунжу 博學鴻儒 577
бо у 博物 473
бу 步 454
бу [4] 部 20, 473, 799
бу ван 捕亡 634
бу Дао 不道 389, 820, 827
буддизм (фо-цзяо 佛教) 60, 128, 202, 213, 461, 512, 552, 586, 637, 658, 681, 685, 691, 699, 700, 738, 739, 742, 748, 764, 789, 791, 810, 820
бу дэ 布德 139
бу и 不義 389, 821
буи туань 布衣團 777
буминь 部民 20
бу му 不睦 389, 820
бу сяо 不孝 389, 654, 820
буцюэ 補闕 792
Бу чань цзу хуй 不纏足會 511
бу чэнь 不臣 389
бэйлэ 貝勒 583, 681, 682
Бэйхай 北海 738
бэй цзянь бэнь 北監本 828
бэнь 本 651, 780
бэнь цзи 本紀 577, 598, 601, 602, 712, 723, 818, 827
бянь вэнь 變文 764
бянь нянь жэ 編年熱 59, 453
бянь нянь [ти] 編年[體] 44, 54, 55, **451**, 452, 653, 709
бянь нянь цзи 編年紀 451
бянь фан 邊防 651
бяньху циминь 編戶齊民 492
бяньцзуань-сюэ 編纂學 756
бяньцунь 編村 271
бяо 表 150, 151, 577, 598, 601, 674, 723, 818, 827

Вайвэйхуй 外委會 468
Вайубу 外務部 706
вайфань 外藩 164, 166
вай чэнь бу 外臣部 733
Вампу (Хуанпу 黃埔) 256, 264, 265, 267, 290, 329, 565, 715, 744, 765, 777, 807
ван 王 45, 103, 126, 138, 139, 143, 162, 163, 386, 387, 539, 583, 673, 681, 683, 775, 788, 795, 822
ван дао 王道 164, 664
ван ли 王禮 464
ваньянь 完顏 (Ваньянь) 185
варна (*санскр.* varṇa) 388
ВАРЛИ *см.* Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства по отпору врагу
Васэда [дайгаку] 早稲田[大学] 525, 562, 767

Великий поход (Чан чжэн 長征) 265, 292, 424, 494, 569, 592, 694, 749, 752, 812
ВКП(б) 197, 260, 305, 529, 555, 645, 646, 715, 716, 766, 803, 805
Вомэньды хуа 我們的話 647
«восемь суждений» *см.* ба и
«восьмизнаменные» войска *см.* ба ци
во чжоу бан 我周邦 18
Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства по отпору врагу (*сокр.* ВАРЛИ; *кит.* Чжунхуа цюаньго вэньицзе кан ди сехуй 中華全國文藝界抗敵協會) 315, 317, 459, 466
Всекитайское собрание народных представителей (*сокр.* ВСНП, *кит.* Цюаньго жэньминь дайбяо дахуй 全國人民代表大會) 96, 99, 100, 212, 219, 220, 228–241, 252, 253, 340, 347, 349, 350, 359, 361, 364, 367, 371, 372, 375, 426, 429, 430–435, 466, 471, 524, 527, 534, 555, 556, 570, 574, 632, 601, 613, 675, 677, 690, 693, 694, 695, 718–720, 750, 762, 767, 768, 773, 812, 834
высшие гуны *см.* шан гун
вьет 532
вэй 衛 272
вэй [2] 威140
вэй дэ ши фу 惟德是甫 138
вэйжэнь 委任 416
вэй цзинь 衛禁 634
вэйцюань 威權 758
вэйци 圍棋 805
вэйши-цзун 唯識宗 641
вэнь 文 46, 117–120, 124, 516, 653, 818
вэнь гун 文公 779
вэньгэ 文革 *см.* «культурная революция»
Вэньсюэгуань 文學官 636
вэньхуа да гэмин *см.* «культурная революция»
вэньхуа чжуаньчжи 文化專制 506
Вэньхуа шу шэ 文化書社 568
вэньцзы юй 文字獄 36, 505, 616, 740
Вэнь-чан тянь фу 文昌天府 464
вэнь чжи 文治 505, 740
Вэньюаньгэ 文淵閣 617
вэньянь 文言 80, 223, 316, 568, 692

ган му 綱目 710
ганьбу 幹部 84, 224, 225, 353, 431
гань чжи 干支 42
гао 告 393
гао [2] 稿 723
гао шэнь 告身 467, 581, 797
гашань (*чжурчж.*) 583
гашаньда (*чжурчж.*) 583
гексаграмма *см.* гуа [2]
ГКР *см.* Группа по делам «культурной революции» при ЦК КПК
го 國 18, 45, 492
го бэнь 國本 651
го гун 國公 493, 779
гоминь 國民 18–22
гоминь вэй фалюй шан чжи и жэньгэ 國民為法律上之一人格 20
Гоминьдан 國民黨 (Чжунго Гоминьдан) 22–26, 197–199, 203, 217, 254–267, 269, 275–288, 290–292, 294–299, 304, 306, 307, 318, 422–424, 426, 444, 447, 465, 466, 477–479, 525, 528, 533, 534, 549, 554, 555, 561, 562, 564, 565, 568, 569, 573, 600, 605–610, 631, 632, 646, 648, 666, 672, 699, 715–717, 720, 734, 743–747, 751, 752, 754, 758, 766, 767, 771, 772, 777–779, 801–804, 807, 808
гоминь чжэ фатуань е 國民者法團也 20
Государственный совет КНР (Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань 中華人民共和國國務院 96, 100, 330, 346, 349, 350, 361, 364, 366, 367, 429, 433, 435, 466, 495, 520, 527, 534, 592, 599, 612–614, 626, 677, 693, 695, 761, 762, 765, 767, 768
гоу сюй 溝洫 674
Гоцзи жусюэ ляньхэхуй 國際儒學聯合會 213
гоцзу 國族 (гоцзя миньцзу) 18, 23, 24, 26
Гоцзыцзянь 國子監 485, 489, 507, 624, 637; *см. тж.* Тайсюэ
гоцзя 國家 19
гоцзя миньцзу 國家民族*см.* гоцзу
гоцзя шэхуйчжуи 國家社會主義 757
гочжи цзыцзи 過致資給 630
го ши 國史 55, 552, 674, 712
гоши 過失 388
Гошигуань 國史館 30, 477, 497
го юй 國語 223
го юн 國用 464
греки 177
Группа по делам «культурной революции» при ЦК КПК (*сокр.* ГКР, *кит.* Чжунъянь вэньхуа гэмин сяоцзу 中央文化革命小組) 199, 333, 336, 337, 339–341, 343, 345, 346, 520, 531, 569, 611, 612, 614
гу [1] 故 388, 391, 448
гу [2] 古 111, 112, 121, 742
гуа [2] 卦 597
Гуанлусы 光祿寺 489
Гуанчжоу учжэнфу гунчаньчжуи тунчжи шэ 廣州無政府共產主義同志社 441
гуань 管 272
гуань [3] 官 392, 399
гуань дан 官當 392, 449, **467**, 798
гуаньдэн 官等 416
гуань лян 關梁 660
гуань чжи 官制 686
Гуан я шуцзюй 广雅書局 759
Гуан я шу юань 广雅书院 759
гу бэнь 古本 783
гувэнь 古文 586, 776, 821, 822
гувэньцзин-сюэ 古文經學 821
Гугун 故宮 491, 503, 505, 590, 616, 617, 724, 806, 825
гу и 故意 *см.* гу [1]
гуй [2] 規 799
гуй [5] 貴 391
гуйфу 歸服 164
гуй фэй 貴妃 730
гун 貢 161
гун [1] 共 164
гун [2] 公 80, 143, 399, 453
гун [3] 功 46, 52, 391
Гунбу 工部 463, 482, 485, 489, 509, 721
гунбу шаншу 工部尚書 657

гун дянь 宮殿 686
гун и 公議 36
гунминь даодэ 公民道德 213, 376
гунны *см.* сюнну
гун син 宮刑 498
Гунсюэ лицзиньхуй 工學勵進會 527
Гунсюэ шицзе шэ 工學世界社 527
гун фань 共犯 390
гун фу 貢賦 660
Гунхан 公行 741
гунцзо цзу 工作組 611
гун цзуй 公罪 389
гун цзюй 貢舉 *см.* хуй ши
гун чжэн 公正 37, 755
гун шу 公署 660
гун шэн 貢生 824
гунъян 公羊 818
гур-хан 795
гу цзи 古跡 660
гу ши 故事 792
гэ [2] 格 401, 404
гэжэнь мисинь 個人迷信 105
гэжэнь чунбай 個人崇拜 105
Гэлаохуй 哥老會 678
гэмин 革命 604
Гэминдан 革命黨 (Чжунхуа гэминдан) 255, 562, 606
гэ тянь мин 革天命 131
гэн цзи 耕藉 638

да бао 大保 455
да бу цзин 大不敬 389, 820
да гоминь 大國民 20
дадань ды цзяшэ 大膽的假設 691
да и тун 大一同 19, 60
дай тянь 代天 138
Далисы 大理寺 (Далиюань 大理院) 395
да луань 大亂 501
да мэй 大媒 49
дан [1] 當 392
дан [2] 黨 120, 202
данды линсю 黨的領袖 573
данчжи 黨治 263
дань 石 51, 500, 774
дань [6] 蜑 531
даньвэй 單位 25
дао 道 38, 84, 117, 121, 123, 125, 126, 136, 138, 139, 147, 388, 440, 493, 513, 516, 518, 559, 627, 725, 756, 780, 809
даосизм (дао-цзя 道家, дао-цзяо 道教) 60, 128, 194, 202, 213, 461, 511, 512, 552, 626, 637, 658, 675, 691, 700, 742, 789, 810
дао синь 道心 158
дао тун 道通 64
Да Сиго 大西國 541
дасинтай 大行臺 636
дасюэ ши 大學士 469
да тун 大同 21, 110, 125, 131, 216, 374, 439, 478, 518, 559, 605, 609, 632, 642, 700, 746, 808
дафу 大夫 387
да цзао 大造 139
да цзунцзу 大宗族 25
дацзыбао 大字報 99, 322, 326, 337–344, 379, 382, 466, 572, 611, 688, 773
Да Шунь 大順 541
да шэ 大赦 393
да шэн 大乘 (махаяна) 641
«два абсолюта» (лян гэ фань ши 兩個凡是) 85, 96, 357, 574, 677
«движение 4 мая» *см.* у сы юньдун
«движение 9 декабря» *см.* и эр цзю юньдун
«движение 30 мая» *см.* у са юньдун
«движение за новую культуру» *см.* синь вэньхуа юньдун
Демократическая лига Китая (*сокр.* ДЛК, *кит.* Чжунго миньчжу тунмэн 中國民主同盟) 217, 656
Демократическая прогрессивная партия (*сокр.* ДПП, *кит.* Миньцзиньдан 民進黨) 280, 282–287
джаургучи 795
джаутхури 795
ди [1] 帝 45, 138, 139, 775
ди [2] 地 161
ди [3] 弟 124, 125
ди [8] 狄 599
диван-сюэ 帝王學 39
диго 敵國 164
ди ли 地理 55, 577, 598, 599, 653, 660, 674, 712
дин [1] 丁 418, 580
ди си 帝系 464, 660, 686
ди ти 帝體 45
дифан чжи 地方志 *см.* фан чжи
ди хоу цзи 帝后紀 676
ди цзи 帝紀 599, 674
Дичжэн сюэюань 地政學院 274
доу сун 鬥訟 634
доюань жэньшилунь 多元認識論 753
дуань юй 斷獄 634
дубао 都保 455
дубаочжан 都保長 455
дуду 都督 657, 801
дуду цяньши都督僉事 583
ду и 都邑 653
дуй цэ 對策 154
Дунбэй 東北 553, 555, 582, 600
Дунлин 東陵 741
дун тянь 動天 136
Дунхуа 東華 713
Дутан 都堂 448
дуцзи 篤疾 391, 394
Дучаюань 督察院 485, 489, 625, 681, 788
ду янь лун 獨眼龍 684
дхарани (*санскр.* dhāraṇī) 576
дэ 德 (дэ [1]) 35, 37, 45–48, 50–52, 84, 111, 126, 136–140, 161, 162, 164, 169–171, 173, 174, 176, 177, 179–182, 184, 213, 386, 440, 500, 516, 559, 587, 668, 680, 774, 775, 821
дэ инь德音 660
дэн 等 390, 449, 501, 550, 655
дэ цзэ 德澤 139
дэ чжэн 德政 431
дянь 典 473, 485–487
дянь ли 典禮 792
дяньцзяо мишу 典校秘書 674

дянь ши 殿試 155, 658
Дяоча тунцзи цзюй 調查統計局 807

е 野 492
евнух 498–501, 541, 789, 790
евреи 177
ежэнь 野人 583
ехэ (*чжурчж.*) 584

жан 讓 83
жан и 攘夷 60
жи ли 日曆 712
жу 儒 439
жуй и 瑞異 687
жу линь 儒林 824
жу-сюэ 儒學 *см.* конфуцианство
жу цзуй 入罪 395
жэнь [1] 人 117, 161, 516
жэнь [2] 仁 81, 84, 116, 118–122, 125, 137, 139, 516, 517, 587, 724, 808, 809
жэнь мин 仁明 137
жэнь мин сяо дэ хуан-ди 仁明孝德皇帝 137
жэньминь 人民 19
Жэньминь чубаньшэ 人民出版社111, 523
жэнь синь 人心 158
жэнь у 人物 660
жэньцюнь чжи шо 人群之說 202
жэньцюньчжуи 人群主義 202
жэнь чжи 仁治 126, 431
жэнь чжэн 仁政 431, 808
жэнь ши 人事 587
жэнь юй/моу 人欲/謀 493, 780

и 夷 599, 676
и [1] 義 80, 120, 124, 587, 627, 632, 724, 808
и [9] 乙 580
и [21] 彝 621
и [22] 裔 161
И бин 義兵 636
и бинь 議賓 448
и вэй 儀衛 577, 598
и вэнь 藝文 598, 653, 660, 674
и вэнь чжи 藝文志 603; *см. тж.* цзин цзи чжи
и гу 議故 448
и гуй 議貴 448
и гун 議功 448
«идеи Мао Цзэ-дуна» *см.* маоцзэдун сысян
и дэ чжи го 以德治國 201, 213
и жэнь вэй бэнь 以人為本 374
и и чжи и 以夷制夷 164, 180, 537
и ли 義利 120, 386
ин 媵 399
индийцы 177
Интяньсы 營田司 787
инь 蔭 392, **501**, 502
инь [1] 陰 162, 386, 501, 596
инь сюнь 因循 47, 52
инь юэ 音樂 599, 712
инь–ян 陰陽 346, 818
и нэн 議能 448
и синь一心 642
ислам 449, 739, 789

и-сюэ 義學 506, 737
Исюэгуань 譯學館 650
и сянь 議賢 448
и тун чжи 一統志 661
и фан 醫方 653
и фа чжи го 以法治國 213
ихэтуань 義和團 538, 547, 662, 663, 693, 702, 706, 714, 731, 732, 829
Ихэюань 頤和園 508, 738
и сюнь 依循
и цзюэ 義絕 398
и цинь 議勤 448
и цинь 議親 448
и чжунь 儀准 489
и чуань 驛傳 660
и шиши цзюэ шиши 以事實決事實 456
и шу 藝術 653
и эр цзю юньдун 一二九運動 («движение 9 декабря») 554

кай го 開國 510
канга 189, 390, 794
Канда 抗大 546
канмини жэнь 202
каньсюгуань 刊修官 598
као 考 791
као гун 考工 792
Каосюаньбу 考選部 418
каоцзи 考績 416, 417
каочжэн 考證 (каоцзюй 考據) 61, 62, 460, 728, 735, 761
карлуки 796
кереиты 794
кешиктены 685
кидани 60, 165, 182, 183, 185, 589
киргизы 796
Китайское общество изучения проблем земельной администрации 274
кокумин (*яп.*) 18
Коминтерн 67, 197, 207, 256–262, 266, 294–297, 457–459, 478, 498, 528–530, 534, 573, 608, 631, 645–648, 715, 720, 734, 744, 745, 749, 751, 752, 766, 778, 802, 803, 812, 833
Коммунистическая партия Китая (*сокр.* КПК, *кит.* Чжунго гунчаньдан 中國共産黨) 67, 85–88, 91, 93–106, 110, 134, 197–201, 207–210, 212–221, 224, 226, 229, 235–242, 244, 256–262, 264–267, 274–277, 282, 286–288, 294–308, 313, 314, 320, 322–326, 328, 329, 332, 335, 347, 349, 350, 353, 354, 356–376, 423, 424, 426, 429, 438, 444, 445, 457–459, 465, 466, 469, 477–479, 494, 495, 497, 498, 519–521, 523–531, 533, 534, 542, 546, 549, 553–557, 565, 566, 568–575, 592–595, 600, 601, 606, 609, 611–615, 631, 632, 646–648, 662, 666, 675, 677, 678, 689, 690, 693–696, 699, 715–720, 734, 745, 746, 749–752, 754, 758, 761, 762, 764–768, 771–773, 779, 800–806, 808, 810–813, 832–834
Коммунистический союз молодежи Китая (*сокр.* КСМК, *кит.* Чжунго гунчаньчжуи цинняньтуань 中國共產主義青年團) 330, 339, 348, 519, 526, 689, 694, 833

丙

Коммунистический союз молодых китайцев, проживающих в Европе (Люй оу чжунго гунчаньчжуи цинняньтуань 旅歐中國共產主義青年團) 494, 765
Коммунистический университет трудящихся Востока (*сокр.* КУТВ, *кит.* Дунфан лаодунчжэ гунчань дасюэ 東方勞動者共產大學) 260, 553, 646, 812
Коммунистический университет трудящихся Китая (*сокр.* КУТК, УТК; *кит.* Чжунго лаодунчжэ Сунь И-сянь гунчаньчжуи дасюэ 中國勞動者孫逸仙共產主義大學; Мосыкэ Чжун-шань дасюэ 莫斯科中山大學) 260, 457, 494, 647, 715, 749, 752, 802, 832, 833
конфуцианство (жу-сюэ) 28, 29, 32–34, 37, 38, 40–42, 56, 58, 60, 79–85, 110, 112, 115, 116, 125, 127–133, 138, 140, 148, 152, 157, 157, 171, 187, 194, 195, 202, 204, 209–213, 215, 216, 273, 349, 376, 387, 439, 450, 461, 466, 472, 504, 511, 512, 514, 518, 523, 605, 618, 623, 632, 637, 641, 650, 673, 684, 691, 700, 703, 724, 726, 737, 738, 742, 759, 769, 807, 824
коутоу 叩頭
Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая (*сокр.* КРДПК, *кит.* 中國農工民主黨) 217
КСМК *см.* Коммунистический союз молодежи Китая
ку 庫 616
ку (*яп.*) *см.* цюй
куайбань 快班 269
куань сян 寬鄉 638
«культурная революция» (вэньхуа да гэмин, *сокр.* вэньгэ) 70, 71, 73, 75, 94–97, 99–102, 105, 106, 110, 112, 199, 209, 210, 218, 219, 229, 230, 238, 239, 244, 320, 321, 331–338, 340–350, 352, 357, 359–362, 365, 376, 382, 385, 426, 430, 431, 466, 495, **519**–522, 524, 531, 534, 546, 553, 557, 569–572, 574–577, 593, 594, 596, 611, 612, 615, 629, 644, 656, 662, 666, 677, 688, 689, 693–695, 720, 721, 750, 761, 764, 767, 773, 805, 806, 810, 812, 814, 834
Кун Мэн сюэхуй 孔孟學會 808
Кунцзяохуй 孔教會 513
куньцюй 崑曲 738
курултай 685, 795
КУТВ *см.* Коммунистический университет трудящихся Востока
КУТК *см.* Коммунистический университет трудящихся Китая
кэсюэ фачжаньгуань 科學發展觀 374
кэсюэ юй сюаньсюэ луньчжань 科學與玄學論戰 734, 757
кэ цзи 克己 118, 516
кэ цзи фу ли 克己復禮 808
кэ цзюй 科舉 155, 189, 506, 590, 623, 658

ла 臘 48
ламаизм 739
ланчжун 郎中 621
лан ши 朗史 37, 755
Ланьи шэ 藍衣社 777, 779
Ланьтай линши 蘭臺令史 450, 674
лао 獠 531, 532
Лаодун сюэхуй 勞動學會 527
легизм (фа-цзя) 110–112, 115, 116, 127, 131–135, 187, 209, 210, 215, 216, 349, 387, 448, 493, 515, **522**, 523, 626, 665, 673, 726, 748, 809, 827
ле дэн миньцзу 劣等民族 21
ле хоу 列侯 50
ле чжуань 列傳 577, 598–602, 674, 676, 712, 768, 818, 827
ли 曆 577, 598, 602, 674, 712
ли [1] 理 86, 493, 756, 780
ли [2] 禮 83, 84, 114, 117, 120, 122–124, 128, 129, 134, 386–389, 451, 517, 577, 602, 627, 628, 632, 651, 653, 676, 686
ли [3] 利 80, 119
ли [10] 里 51, 124, 390, 394, 551, 638, 654, 655, 725
ли [11] 黎 531, 532
ли [12] 例 475, 478, 479, 481, 482, 485–487
ли [14] 俚531, 532
Либу 吏部 463, 482, 485, 489, 721
Либу 禮部 469, 476, 482, 484, 485, 489, 590, 721
Лига демократического самоуправления Тайваня (*сокр.* ЛДСТ, *кит.* Тайвань миньчжу цзычжи тунмэн 臺灣民主自治同盟) 217
Лига левых писателей Китая (Чжунго цзои цзоцзя ляньмэн 中國左翼作家聯盟) 317, 465, 614
лигун 立功 408
ли дан чжи бэнь 立黨之本 214
ли и 禮儀 599, 712
ли и лянь чи 禮 義 廉 恥 273
лилян чжи юань 力量之源 214
лин 令 46, 404, 474
лин мин 陵名 42
лин му陵墓 660
линчи 凌遲 390, 395
ли син 理性 80
Лисин шэ力行社778
ли сян 曆象 686
ли-сюэ 理學 80, 779; *см. тж.* неоконфуцианство
Лифаньюань 理藩院 (Лифаньбу 理藩部) 148, 485, 486, 489, **536**, 681, 721
лиши гуши 歷史故事 **542**
лиши пинлунь 歷史評論 816
ли юэ 禮樂 598, 674
лу 錄 791
луань [1] 亂 707
лун ху цзянцзюнь 龍虎將軍 584
лунь 論 664, 707, 791
луцзюнь дацзянцзюнь 陸軍大將軍 705
лэй 類 54, 55, 544, 831
лэй чжуань 類傳 769
лэй шу 類書 473, 532, **544**–546, 653, 782, 827, 831
лю 流 390, 467, 561, 654
лю бу 六部 147, 788
лю и 六藝 580
люй [1] 律 46, 403, 404, 474, 481, 482
люй [2] 慮 393
люй ли 律曆 599, 676
Люй-сюэ 律學 637
люй ци ин 綠旗營 485, 711
лю цзан 六藏 389, **550**, 551
лю цзин цзе ши 六經皆史 33, 755

люшоу 留守 636
лю шу 六書 653
люэ 略 580, 596, 653, 791
лян [2] 兩 513, 582, 681, 829
лян дэ 良德 440
лянжэнь 良人 387
лянсинчжуи 兩性主義 667
лянь цзо 連坐 392, **561**, 827
лянь гун 聯共 477, 610
лянь э 聯俄 477, 610

Макэсы сюэшо яньцзюхуй 馬克思學說研究會 497, 734
мань 蠻 599, 676
Маньивэй 蠻儀衛 489
маньчжоу 滿洲 582, 583
Маньчжоу-го 滿洲國 590
маньчжуры 22, 24, 25, 129, 147, 148, 185, 195, 346, 388, 480, 481, 484–486, 499, 507, 539, 558, 582, 584, 680, 681, 724, 830
маоцзэдун сысян 毛澤東思想 («идеи Мао Цзэдуна») 92, 357, 358, 495, 555, 566, 571, **572**–576, 593, 696
маоцзэдун чжуи 毛澤東主義 572
маочжуи 毛主義 566, 572
Мао чжуси 毛主席 573
махаяна (*санскр.* mahāyāna) *см.* да шэн
ма чжэн 馬政 464
меркиты 794
мин 命 [1] 178, 620
мин 明 [3] 47, 48
Миндэ 明德 678
мин ли 名例 634
мин хуань名宦 660
мин-цзяо 明教 786
минь 民 18, 126, 206
миньбань 民班 269
миньго 民國 705
миньжэнь 民人 486
миньху 民户 787
миньцзу 民族 18, 20, 22, 25, 26
миньцзучжуи 民族主義 604
миньцюаньчжуи 民權主義 604
миньшэн 民生 478
миньшэнчжуи 民生主義 604
миньшэн чжэсюэ 民生哲學 478
Минь шэн шэ 民聲社 440, 443, 558
Мишуцзянь 秘書監 461
Мишушэн 秘書省 686
мо 末 780
Могао ку莫高窟 629
могуань 沒官 390
моизм (мо-цзя 墨家) 560, 626, 691, 742
монголы 22, 24, 25, 60, 147, 152, 169, 182, 183, 185, 457, 481, 485, 486, 680, 681, 685, 787, 789, 790, 794–796
моу 謀 388, 390, 596
моу вэй шэ цзи 謀為社稷 388
моу да ни 謀大逆 388, 654, 797, 820, 827
моу пань 謀叛 388, 820, 827
моу фань 謀反 388, 654, 797, 820, 827
мо-цзя 墨家 *см.* моизм
му [2] 畝 126
мубин 募兵 638
мукунь (*чжурчж.*) 583
мукуньда (*чжурчж.*) 583
мулу 目錄 55, **579**–581, 653, 674, 729, 781
мулу-сюэ 目錄學 55, 579
мусульмане 22, 24, 685
му фу 幕府 153
мэй 媒 48, 49
мэй ши 没史 408
мэн 盟 178
Мэнгуюань 蒙古院 681
Мэньсяшэн 門下省 143, 144, 636
«мягкая сила» (жуань шили 軟勢力) 16
мянь гуань 免官 390, **581**, 664, 798
мянь и цянь 免役錢 454
мянь со цзюй гуань 免所居官 390, **582**, 664, 798
мяо 苗 503
мяо хао 廟號 42, 503, 504, 578, 582, 585, 673, 680, 684, 700, 736, 786

найманы 685, 794, 795
нанайцы 681
Наньсюэхуй 南學會 641
Наньхай 南海 738
нань цзянь бэнь 南監本 828
Наньчанское восстание (Наньчан ции 南昌起義) 465, 528, 533, 569, 751, 766, 771, 804
Народно-освободительная армия Китая (*сокр.* НОАК, *кит.* Чжунго жэньминь цзефанцзюнь 中國人民解放軍) 228, 230, 238, 243–247, 298, 299, 301, 306, 333, 335, 336, 345, 348, 367, 425, 426, 433, 495, 520, 534, 569, 576, 592, 596, 611, 613, 677, 746, 766, 770, 771, 773, 804, 805, 834
Народный политический консультативный совет Китая (*сокр.* НПКСК, *кит.* Чжунго жэньминь чжэнчжи сешан хуйи 中國人民政治協商會議) 212, 217, 219, 220, 228, 229, 238–242, 252, 253, 287, 302, 426, 466, 524, 534, 555, 570, 591, 601, 656, 689, 693, 694, 720, 761, 765, 767, 805, 833
Национально-революционная армия (*сокр.* НРА, *кит.* Гоминь гэминцзюнь 國民革命軍) 260, 494, 528, 533, 591, 646, 744, 763, 765, 772, 777
неоконфуцианство (дао-сюэ 道学, ли-сюэ 理) 58, 60, 130, 152, 157, 171, 452, 511, 548, 618, 692, 708, 709, 738, 742, 748, 753, 779
ниру (*чжурчж.*; *кит.* нюлу) 583
ни цы 逆刺 *см.* фэн чжань
НОАК *см.* Народно-освободительная армия Китая
новое конфуцианство 742
НПКСК *см.* Народно-политический консультативный совет Китая
Новая партия (Синьдан 新黨) 876
НРА *см.* Национально-революционная армия
Нули 奴隸 19
нун 農 651
Нэйгуаньцзянь 內官監 499
Нэйгэ 內閣 147, 485, 488, 489, 505, 508, 659, 711, 760
нэйгэ дасюэши 內閣大學士 788
нэй луань 內亂 389, 821
нэйсян 內相 498
Нэйуфу 內務府 485, 489, 721

нэйцзянь 内監 498
нэн 能 391
нюйсинчжуи 女性主義 667
нюйцюаньчжуи 女權主義 667
нюлу 牛录 *см.* ниру
нянь хао 年號 41, 504, 541, 578, 582, **585**, 590, 621, 645, 673, 680, 682, 700, 731, 735, 736, 786
няньцзюнь 捻軍 503

Общество «3 сентября» (Цзю сань сюэшэ 九三學社) 217, 875
Общество единомышленников по реорганизации Китайского Гоминьдана (Чжунго гоминьдан гайцзу тунчжихуй 中國國民黨改組同志會) 265, 266
Объединенный союз *см.* Тунмэнхуй
ойраты 796
«опиумные» войны (япянь чжаньчжэн 鴉片戰爭) 68, 166, 200, 462, 490, 535, 537, 547, 578, 662, 714, 722, 814

пайцзы 牌子 397, 795
панчен-лама 689
Партия стремления к справедливости (Чжунго чжигундан 中國致公黨) 875
пи 匹 550, 551, 797
пи Линь пи Кун批林批孔 520, 764, 767
пин [1] 評 588
пин дин 平定 659
пин лунь 評論 *см.* ши пин
пинхуа 平話 **588**
пинхуа 評話 588
пиншу 評書 588
пинь 嬪 499, 730
пишта 388
«практика — [единственный] критерий истины» (ши ши цю ши 實事求是) 85–87, 95
прана (*санскр.* prāṇa)
пу де 譜牒 **589**, 769
пу си 譜系 653
«пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы» (бай хуа ци фан, бай цзя чжэн мин 百花齊放, 百家爭鳴) 319, 320, 326
Путунхуа 普通話 225
пу шэ 普赦 393
пянь 篇 490, 627, 703, 783, 792, 821, 822
пянь ань 片安 776
пять (перво)элементов *см.* у син

Революционный комитет Гоминьдана Китая (*сокр.* РКГ, Чжунго Гоминьдан гэмин вэйюаньхуй 中國國民黨委員會) 217
римляне 177

сакьяпа 685
сань бу 三部 817
сань бянь 三編 729
сань ган у чан 三綱五常 780
сань гуй цзю коу 三跪九叩 167
сань гун 三公 (три гуна) 142, 143
саньгэ дайбяо 三個代表 («три представительства», «тройное представительство») 201, 213–214, 236, 368–370, 373–375, **594**, 595
сань дай 三代 818
сань да чжэнцэ 三大政策 600
сань лао 三老 124, 725
сань минь чжуи 三民主義 478, 479, 563, 591, 604, 609, 632, 747
Сань нань гэ 三南閣 616
сань сы 三司 788
Саньсы тяолисы 三司條例司 (Чжичжи саньсы тяолисы 制置三司條例司) 453
сань фань 三反 504, 659
сань [уан 三皇 41
сань цай 三才 161, 473, 733
сань цзян цзяо юй 三講教育 368
сань цзяо 三教 461, 637, 818
сань чан 三長 37, 755
Сань шань у юань 三山五園 738
сань ши лю цэ 三十六策 596
сань шэн 三省 (Три управления, «три палаты») 143–145,147, 636
Северный поход (Бэй фа 北伐) 256, 257, 259–261, 263, 264, 329, 533, 564, 766
«сианьский инцидент» (сиань шибянь 西安事變) 265, 716, 749, 766
си жэнь 西人 19
Сикан гакко (*яп.*) 士官学校 743
сима 洗馬 461
син [1] 性 117, 627
син [3] 行 808
син [4] 刑 386, 403, 464, 523, 651, 686
Синбу 刑部 395, 474, 480–482, 485, 489, 625
син дэн 刑等 390
син е 星野 660
син мин 刑名 523
син фа 刑法 577, 598, 599, 653, 674, 712
синфу анькан 幸福安康 374
син чжань 星占
Синчжунхуй 興中會 603
син Чжуншушэн 行中書省 147
син шуай, чэн бай 興衰成敗 35
синь [1] 心 559
синь [2] 信 124
Синьвэнь 新聞 612
синь вэньхуа юньдун 新文化運動 («движение за новую культуру») 497, 567, 669, 690, 748–750, 800, 813
синь минь 新民 809
Синьминь сюэхуй 新民主主義567
синь миньчжучжуи 新民主主義 303, 570, 573
синь нюйсинчжуи 新女性主義 667
синь сань минь чжуи 新三民主義 477, 609
Синь Тайвань ань шэ 新臺灣安社 442
синь фа 新法 453, 617, 708
синь-хай 辛亥 605
Синьхайская революция (синь-хай гэмин 辛亥革命) 21, 24, 42, 58, 130, 196, 197, 254, 255, 420, 441, 474, 512, 525, 559, 562, 566, 590, 605, 617, 633, 662, 666, 670, 679, 693, 711, 714, 729, 748, 762, 770, 771, 801, 804, 829, 830
Синьхуа 新華 612
синь цзюнь 新軍 678, 829
Синьчжунхуй 新中會 254
синь ши 信史 37

синь ши юаньцзэ 信史原則 37
Синь шэ 心社 440, 558
синь шэнхо юньдун 新生活運動 273, 601
Синь Я шу юань 新亞書院 742
Си-Си (СС 系, СС 派) 267, 273, 274; *см. тж.* Чжунъянь цзюйлэбу
Си юй 西域 599, 629, 674, 676
солоны 681
Социалистический союз молодежи Китая (*сокр.* ССМК, *кит.* Чжунго шэхуйчжуи цинняньтуань 中國社會主義青年團) 294, 329, 457, 533, 553
Союз китайских писателей 中國作家協會 315, 317
«сто дней реформ» (у-сюй бянь фа, бай жи вэнь синь) 513, 538, 559, 640, 701, 731, 759, 829
су 訴 393
Суаньсюэ гэчжи гуань 算學格致館 640
сунь 損 396
Суньвэньчжуи сюэхуй 孫文主義學會 477
сурэ хан 583
суцзеалисы 202
сы [1] 私 33, 80, 399, 400
сы бу 四部 580, 729
Сы бэй гэ 四北閣 616
сы жэнь 寺人 498
сы жэнь бан 四人幫 («банда/группа четырех», «четверка») 96–98, 100, 101, 110, 209, 245, 317, 349, 350, 352, 495, 520, 569, 571, **611**–612, 656, 677, 695, 750, 764, 767
сы и 四裔 161, 464, 653, 686
сыкун 司空 461
сы минь 四民 742
сысян гайцзао 思想改造 308
сы сян цзибэнь юаньцзэ 四項基本原則 594, 696, 762
сы фан 四方 161
сы цзе 私解 400
сы цзуй 私罪 389
сы цзю 四舊 688, 805
сы цзя 四家 807
сы цин 四清 («четыре чистки») 520, 531, 570, 611
сэ 色 387
сэму [жэнь] 色目人 388, 685
сю дэ 修德 35
Сюань-у сыма 玄武司馬 674
сюань цзюй 選舉 159, 464, 577, 598, 650, 653, 660
сюй 敘 797
сюй [4] 續 686
сюй бянь 續編 729
сюн 凶 687
сюнну 匈奴 49, 51, 164, 179, 451, 457, 621, 673, 674, 676, 726
сюньань юйши 巡按御史 734
сюнь гу 訓詁 62
сюнь и вэй 熏一位 679
сюнь син 巡行 507
сю цай 秀才 462, 527, 558, 655, 678, 735, 750, 770, 800, 824
сюэ 學 37
сюэ сяо 學校 464, 660, 686
Сюэхуй 學會 640
сюэ ши 學士 636
ся 夏
ся [2] 下 822
сян 降 182; *см. тж.* цзян
сян [2] 相 145
сян [3] 鄉 388, 725
сян [8] 享 136
сян вэй 象緯 464
сян жун инь 相容蔭 391, **630**, 635
сян и 祥異 660
сян ши 鄉試 155
сяншучжи–сюэ 象數之學 54, 579, 818
сян шэнь 鄉紳 824
сянь 先 651
сянь [2] 賢 47, 48, 391, 448, 774
сянь [7] 縣 725
сяньби 鮮卑 (сяньбийцы) 183, 676
сяньчжэн хуйи 縣政會議 268
сяньшэн 先生 618
сяньюнь 狁狁
сяо [1] 孝 45, 48, 49, 120–122, 124, 125, 128, 129, 131, 137, 389, 517
сяо дэ 孝德 137
сяо жэнь 小人 84, 117, 119, 120, 122, 125, 388
сяо кан 小康 (сяокан) 94, 110, 125, 131, 200, 211–216, 356, 369, 370, 375, 495, 518, 594, **631**, 632, 718, 808
сяо кан шуйпин 小康水平 210
сяо кан шэнхо 小康生活 210
сяо лянь 孝廉 154, 155, 157
сяосинь ды цючжэн 小心的求證 691
сяо сюэ 小學 653
сяо цзу 小族 24
сяо чжи дэ 孝之德 137
сяо чжу 小註482
сяо ю чжи дэ 孝友之德 137
сяо ю чжи чэн孝友之誠 137

тайвэй 太尉 142, 634
Тайиюань 太醫院 489
Тайлянь 臺聯 (Тайваньский союз солидарности, *полн*. Тайвань тунбао ляньихуй 臺灣同胞聯誼會) 285
тайпинское восстание 195, 497, 503, 535–537, 543, 547, 617, 693, 716, 732, 776
тайпин 太平 158, 202, 463, 469, 502, 503, 511, 537, 543, 578, 641, 662
Тайпин тяньго 太平天國 503
Тайпусы 太僕寺 489
Тайсюэ 太學 157, 158, 450, 507; *см. тж.* Гоцзыцзянь
тай-хоу 太后 657
Тайцзидянь 太極殿 637
тай-цзы цзялин 太子家令 602
тайцзянь 太監 498
Тайчансы 太常寺 489
тайчиуты 794
Тай-шан-хуан 太上皇 636
тай ши 太師 461, 779
тайшигун юэ 太師公曰 816
тайшилин 太史令 621
тангуты 60, 165, 182–185, 685, 796
тань хуа 探花 157, 625, 758

татары 794, 795
ти 體 54
тибетцы 22, 24, 25, 185
тин 亭 725
тицай 體裁 54
ти цзюй 提舉 781
ти чжунь 題准 486
«три гуна» *см.* сань гун
«три народных принципа» *см.* сань минь чжуи
«три представительства» *см.* саньгэ дайбяо
Три управления («три палаты») *см.* сань шэн
троцкизм (толоцыцзичжуи 托洛茨基主義) **645**–647, 802
ту [2] 圖 596
ту [4] 徒 390, 467, 551, 561, 581, 654, 664
ту гун 土貢 464
Туди вэйюаньхуй 土地委員會 274
тун 同 119, 696
тунбао сюнди 同胞兄弟 19
Тунвэньгуань 同文館 463, **649**, 650
тун ган 通綱 36
тун и 統一 659
Тунмэнхуй 同盟會 (Объединенный союз) 23, 254, 263, 477, 558, 559, 562, 567, 603, 605, 678, 743, 770
тун фэн 通封 150
тун цзи 通紀 36
тун цзиньши чушэнь 同進士出身 156
тун цзюй тун чань 同居同產 400
тун цзянь 通鑒 588
тунцзянь-сюэ 通鑒學 60, **651**–652, 708
тун чжи 通制 792
тун шан 通商 705
тун ши 通史 493
тун шэ 同赦 393
Тунъи чжаньсянь 統一戰線 720
тунь 屯 583
тунь юнь屯運 660
ту пу 圖譜 653
тухао–лешэнь 土豪劣紳 269
ту цзин 圖經 661
туцзюэ 突厥 686
туцзя 土家 629
ту юань цэ цзы 兔園策子 545
тэжэнь 特任 416
тэ шэ 特赦 393
тэ цзинь 特進 461
тянь [1] 天 161, 493, 620, 733, 775
Тяньаньмэнь 天安門 718
тянь вэнь 天文 577, 598, 599, 602, 653, 674, 676, 712
тянь ди хань жун чжи дэ 天地涵容之德 139
Тянь кэхань 天可汗 638
тянь ли 天理 780
тяньли-цзяо 天理教 578
тянь мин 天命 29, 35, 56, 58, 162, 451, 583, 584, 586, 587, 620, 622, 628, 660, 680, 776, 780, 818, 821
Тянься 天下 161
тянь фу 田賦 464
тянь-хоу 天后 657, 799
тянь-хуан 天皇 657
тяньхуанхоу 天皇后
тянь цзы 天子 620, 659
Тяньцэ шанцзян 天策上將 636
тянь чжи 天制 651
тянь ши 天時 493

у вэй 無為 194, 502, 691
у гун 武功 739
У дай ши го 五代十國 684
у ди 五帝 41, 784, 818
у и 物異 464
Уиндянь 武英殿 486
уйгуры 182, 685, 720, 796
у лю 五流 654, 655, 797
у син 五行 (пять первоэлементов) 552, 577, 598, 599, 602, 653, 674, 676, 712, 818
у син 五刑 (пять наказаний) 390, 480, **653**, 655, 664, 798
усуни 676
у са юньдун 五卅運動 («движение 30 мая») 811
у сы юньдун 五四運動 («движение 4 мая») 67, 73, 130, 131, 204, 255, 289, 294, 316, 438, 442, 465, 477, 497, 527, 547, 553, 568, 662–663, 666, 734, 749, 750, 801, 813
у-сюй 戊戌 547
у-сюй бяньфа 戊戌變法 *см.* «сто дней реформ»
у-сюй лю цзюнь цзы 戊戌六君子 641
усянь-сюэпай 吳縣學派 (у-пай) 460, 736
Утайшань 五臺山 738
УТК (Университет трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена) *см.* Коммунистический университет трудящихся Китая
у фань 五反 311, 520
у фу 五服 391
Ухань чжунъян цзюньши чжэнчжи сюэсяо 武漢中央軍事政治學校 804
у цзян сы мэй 五講四美 81
у ци ганьсяо 五七干校 521
у чан 五常 213
у чань 物產 660
учань цзецзи вэньхуа да гэмин 無產階級文化大革命 519
Учжэнфу гунчаньчжуи чуаньбо шэ 無政府共產主義傳播社 441
учжэнфучжуи 無政府主義 438, 558
Учжэнфучжуи сюэси шэ 無政府主義學習社 441
Учжэнфучжуи таолуньхуй 政府主義討會 441
Учжэнфучжуи тунмэнхуй 無政府主義同盟會 442
Учжэнфучжуи цзун тунмэн 政府主義總同盟 444

фа [1] 法 111, 120, 386, 403, 451, 627, 665
фа лин 法令 792
фан люэ 方略 596, **659**, 660, 711
Фанлюэгуань 方略館 659
фан цзи 方技 580
фан чжи 方志 (дифан чжи) 32, 579, **660**, 661, 740, 756, 759, 769, 781
фанчжи-сюэ 方志學 756
фань 範 799
фань [7] 蕃 782
фаньжэнь 凡人 387
фань цзо 反坐 393, 395, 635, **663**, 798

фань чжэн 反正 776
фа-цзя 法家 *см.* легизм
фа чжи 法治 431, 665
фа-шу-ши 法術勢 **665**
фаюнь ши 發運使 454
феминизм 665–667
фо дао 佛道 686
фу 賦 664
фу [4] 復 774
фу [13] 伏 48
фубин 服兵 638
фу бэнь 副本 832
фу го 富國 493
фу гу 復古 586
фу жуй 符瑞 602
фужэнь 夫人 499
фу лао 父老 121, 124, 725
фу син 復興 **667**, 668, 774, 816
Фусин шэ 復興社 *см.* Чжунхуа фусин шэ
фусян 副相 145
фу тунпань 府通判 781
фу цзунцай 副總裁 831
фу ци 服器 653
фучжу нун гун 扶助農工 477, 610
фу чжунь 俯准 486
фу шуай 复衰 668
фэй 妃 730
фэйцзи 廢疾 391
фэн су 風俗 651, 660
Фэнтянь 奉天 670, 713
Фэнтяньси 奉天系 **670**, 671, 763, 829
фэн цзюэ 封爵 660
фэн цзянь 封建 464, 686
фэн шань 封禪 658, 686

хай [2] 亥
хайси 海西 583
Ханьлинь[юань] 翰林[院] (Ханьлинь академия) 31, 145, 147, 395, 460, 475, 485, 489, 505, 536, 586, 590, 616, 617, 649, 659, 713, 723, 733, 735, 736, 756, 758–760, 789, 791, 827, 831
хань-сюэ 漢學 748
ханьсюэ-пай 漢學派 460
ханьцзюнь 漢軍 481, 486
ханьцы (хань 漢, ханьжэнь 漢人) 18–25, 46, 162, 177, 705
хао шэн 好生 138, 139
хаха (*чжурчж.*) 583
хетты 178
хори-туматы 796
хоу 后 499
хоу [3] 侯 45, 46, 50, 774
хоу фэй 后妃 687
хоу фэй чжуань 后妃傳 652
хоуцзи 後記 619
христианство 116, 128, 130, 196
ху 胡 169
хуа 華 161
хуа [1] 化 140
Хуабэй дасюэ 華北大學 546
хуан ван бу 皇王部 733
хуан-ди 皇帝 657, 685, 725
хуан-тай-цзы 皇太子 636
хуан-хоу 皇后 657
хуанчжи 黃治 *см.* фу ци
хуань гуань 宦官 498
Хуасинхуй 華興會 678
хуася 華夏 18, 19, 121, 177–179
хуа-фань 華藩 161
хуацяо 華僑 21, 240
хуаянь-цзун 華嚴宗 641
хуби 795
Хубу 戶部 463, 469, 482, 485, 489, 491, 700, 721, 723, 731
хуй 回 (хуэй) 25, 449
хуйбянь 彙編 473
хуй дянь 會典 404, 792
Хуймин-сюэ шэ 晦鳴學社440, 443, 558
хуй ши 會試 (гун цзюй) 155, 156
хуй яо 會要 **686**, 687, 792
Хуйяосо 會要所 686–687
ху коу 戶口 464
хунвэйбин 紅衛兵 (хунвэйбины) 244, 249, 338, 340, 341, 344–348, 383–385, 430, 466, 520, 521, 531, 557, 571, 572, 576, 611, 612, 615, **688**, 767, 773, 805, 834
Хунлусы 鴻臚寺 489
хунсяобин 紅小兵 348
хун-у бэнь 洪武本 828
хунхузы (*кит.* хунхуцзы 紅鬍子) 463, 503, 670
ху хунь 戶婚 634
Хучжу туань 互助團 442
хуэй *см.* хуй
хэ [1] 和 83, 119, 120, 122, 516, 697, 698
хэ [3] 合 697
хэ ай 和愛 697
хэ вэй гуй 合為規 215
хэ да 和達 697
Хэйсэ циннянь цзухэ 黑色青年組合 444
хэ ли 和立 697
хэн 亨 604
хэхэ 和合 696–698
хэхэ-сюэ 和合學 **696**–698
хэ цзянь 和奸 396
хэ цинь 和親 165, 182, 185
хэ цинь юэ 和親約 165
хэ цюй 河渠 577
хэ чу 和處 697
хэ шэн 和生 697

цай 才 37
цай-жэнь 才人 657
цай чжуань ишу 彩撰藝術 36
цаньцзи 殘疾 391
цао 曹 144
цао му куньчун 草木昆蟲 653
це 妾 399
це дао 竊盜 550
цзай сян 災祥 653
цзайсян 宰相 144, 145, 453, 493, 566, 658, 664, 787, 788
цзай цзи 載記 55
цза люй 雜律 634
цзан 藏 550

цзаобань 皂班 269
цзао и 造意 392
цзаофань 造反 244, 348, 349, 384, 520, 521, 531, 576, 611, 612, 688, 767, 805
цза ши 雜史 55, 653
цзедуши 節度使 493, 587, 683
цзе цзянь 借鑒 34
цзе [чжэ] 皆[者] 392
цзи [3] 記 791
цзи [6] 集 580, 729
цзи [10] 己 399
цзи [12] 計 596
цзи [20] 基 46, 52
цзи [21] 輯 580
цзи гу ю вэнь 稽古右文 505
цзи гу ю вэнь, чун жу син сюэ 稽古右文崇儒興學 740
цзи люэ 輯略 659, 711
цзи ми 羈縻 164, 166
цзи ми бу цзюэ 羈縻不絕 164
цзин [1] 經 580, 653, 664, 727, 729, 742, 780
цзин [4] 敬 83, 818
Цзинлин 景陵 510
Цзинминъюань 靜明園 738
цзин-сюэ 經學 58, 586, 623, 633, 728, 736, 742, 748, 791
цзин тянь 井田126, 131, 134, 270, 451, 563
цзин цзи 經濟 453, 473, 664
цзин цзи 經籍 464, 473, 577, 660, 712
цзинцзи сяньдайхуа 經濟現代化 371
цзин цзи чжи 經籍志 599; *см. тж.* и вэнь чжи
цзин ши 經世 811
цзин ши чжи юн 經世致用 34, 755
цзинши шиу цэ 經世事務策 158
цзин шэнь 精神 40, 770
Цзинъиюань 靜宜園 738
цзинь 今 743
цзинь [1] 斤 654, 681
цзинь бэнь 今本 783
цзинь вэй бин 禁衛兵 464
цзиньвэнь 今文 822
цзиньвэньцзин-сюэ 今文經學 633, 742, 821
цзиньдайхуа 近代化 714
Цзиньдэхуй 進德會 440
Цзиньхуа шэ 進化社 442, 443
цзинь ши 進士 155, 157, 159, 189, 223, 453, 460, 463, 512, 531, 535, 536, 552, 586, 617, 624, 633, 649, 658, 664, 682, 700, 713, 727, 733–735, 754, 758, 760, 779, 781, 791, 824
цзинь ши 金石 653
цзиньши-сюэ 金石學 587
цзиньши цзиди 進士及第 156
цзиньши чушэнь 進士出身 156
цзинь шу 禁書 740
цзи нянь 記年 451
цзи син 积刑 390
цзи сы 祭祀 676
Цзися 稷下 (академия Цзися) 626
цзи ти 繼體 45
цзи цзу 祭祖 603
цзи чжи 記志 661
цзи чжуань 紀傳 55, 56, 452, 602, 603, 724, 769
цзи ши 紀事 660
цзи ши бэнь мо 紀事本末 31, 55, 548, 659, **703**, 704, 708
цзи юань 紀元 41
цзо [1] 作 46, 47
цзоу 奏 151
цзоуи 奏議 602
цзоучжуан 奏狀 150
цзоу чжунь 奏准 489
цзофу юаньшуай 右副元帅 788
цзо цзан 坐藏 550, 551
цзо ши 左史 552, 799
цзу 族 52
цзу [1] 祖 48–52, 774–776
цзуго чжи да хуань 祖國之大患 20
цзун 宗 48–53, 668, 774–776
цзунгуаньфу 總官府 638
Цзунжэньфу 宗人府 485, 489, 721
Цзунли шиу ван дачэнь 總理事務王大臣 711
Цзунли ямэнь 總理衙門 (Цзунли гэго шиу ямэнь 總理各國事務衙門) 167, 463, 469, 476, 491, 502, 536, 538, 649, 650, 701, **705**, 706, 711, 759
цзун мяо 宗廟 464
цзунцай 總裁 577, 616, 745–747, 831
цзунцайгуань 總裁官 484, 487
цзунцзу 宗族 23, 25, 26
цзун чжу 總註 482
цзунь ван 尊王 60
цзу чжан 族長 481
цзу шуй 租稅 686
цзы [3] 子 505, 545, 580, 729, 742
цзы гэн нун 自耕農 492
цзы дэ 自得 754
цзыжань жэнь 自然人 388
цзыляо соуцзи чжэнли 資料搜緝整理 62
цзысин 自省 271
цзы синь 自新 393
цзы шоу 自首 393
цзы цзюэ 自覺 80
цзы цян 自強 470, 536
цзыю 自由 758
Цзыю шудянь 自由書店 444, 445
цзэ 則 703
цзэй дао 賊盜 634
цзэли 則例 486
цзюань 卷 58, 59, 490, 532, 577, 598–603, 622, 624, 634, 674, 676, 712, 792, 818
цзюй жэнь 舉人 156, 159, 189, 462, 463, 511, 512, 535, 562, 649, 700, 727, 758, 800, 824
цзюй чжань 車戰 464
цзю ку 廄庫 634
цзю ли 舊例 486
цзюнь 郡 725
цзюнь-ван 郡王 637
цзюнь го 郡國 676
цзюнь го бин 郡國兵 464
Цзюнь гоминь цзяоюйхуй 郡國民教育会 678
цзюнь дао 郡道 793
Цзюньсюйфан 軍需房 711
цзюнь тянь 均田 457
цзюньфу 軍府 638
цзюньху 軍户 787

Цзюньцзифан 軍機房 711
Цзюньцзичу 軍機處 147, 485, 488, 489, 659, 703, **711**, 737, 756
цзюнь цзы 君子 84, 116–119, 122–124, 127, 131, 133, 209, 213, 516, 518, 627, 641
цзюнь цзы юэ 君子曰 816
цзюнь ци 軍器 464
цзюньчжи 軍治 263
цзюнь чжэн 軍政 792
цзюньшоу 郡守 149
цзюэу 覺悟 19
Цзюэ у шэ 覺悟社 765
цзя加 390
цзя [1] 甲 418, 580
цзя [2] 家 45
цзягувэнь 甲骨文 626
цзян 降 393; *см. тж.* сян
Цзяннань чжицзао цзюй 江南製造局 641
цзян ши 講史 588
цзянху 匠户 788
цзянцзюнь 將軍 739
цзянь 箋 150
цзянь [5] 奸/姦 396
цзянь [12] 減 390, 382
цзянь ай 兼愛 445
цзяньбин 兼併 493
цзянь бэнь 監本 733
цзяньжэнь 賤人 387
цзяньжэнь [1] 簡任 416
цзяньжэнь [2] 薦任 416
цзяньи дафу 諫議大夫 145, 461
цзяньсы 監司 149
цзяньча юйши 監察御史 148
цзянь чжи 建置 660
Цзяньюань 監院 146
цзян юй 疆域 660
цзяо 絞 551, 654
цзяо [1] 教 272, 739
цзяо сы 郊祀 602, 674
цзяошулан 校書郎 674
цзяо шэ 郊社 464
цзяо юэ 教閱 464
цзяо чоу 校讎 653
цзя цзы 甲子 42
ци 旗 502
ци 啓/啟 [4] 150
ци жэнь 旗人 481
ци инь七音 653
цин 頃 454
цин [2] 情 390
Цин бан 青幫 264, 743
цин дан 清黨 444
цин и 請議 391
цин мяо цянь 青苗錢 453
Циншигуань 清史館 723
Цинъиюань 清漪園 738
цинь 親 391, 448
цинь [4] 勤 391, 448
цинь-ван 親王 637
Цинь-ван 秦王 636
цинь минь 親民 214, 518
Циньминьдан 親民黨 283, 285, 286
Циньтяньцзянь 欽天監 485, 489
ци со 乞索 389
ци цзюй чжу 起居註 27, 55, 452, 552, 653, 712, **727**, 815
цицзюй шэжэнь 起居舍人 461
цичжилунь 旗幟論 373
цун 從 388, 392
цун шу 叢書 470, 616, **728**–730
цунь бэнь чжэнчжи 村本政治 271
цунь жэньхуа 村仁化 271
цуньчжи 村治 270
цы 詞 692
цы сы 祠祀 660
цы ши 刺史 792
цэ [1] 冊 831, 832
цэ [2] 策 596, 664
цэ люэ 策略 596
цэ фу 冊府 733
Цюаньго гэцзе цзюго ляньхэхуй 全國各界救國聯合會 601
цюаньжун 犬戎 783
цюань моу 權謀 596
цюань сюй 銓敘 417
Цюаньсюйбу 銓敘部 418
цюань шэн 全盛 510, 739
цюй 區 (*яп.* ку) 270
цюй у 驅無 444
цюй шэ 區赦 393
цюй юй бу хэ 取與不合 389
цян 羌 676
цян дао 強盜 550, 551
Цянсюэхуй 強學會 512, 700, 828
цян цзянь 強奸 396
цянь 乾 604, 809
цянь би 錢幣 464
цяньцзя-сюэпай 乾嘉學派 61, 735
цяньцзя ши-сюэ 乾嘉史學 33, 63, 460, 727
Цяньцингун 乾清宮 741

ча ма 茶馬 660
чан мин 唱名 *см.* чуань лу
Чанчуньюань 長春園 738
чан шэ 常赦 389, 393
Чаншу учжэнфу гунчаньчжуи тунчжи шэ 常熟無政府共產主義同志社 441
чань 禪 691
чань-сюэ 禪學641
чао хуй 朝會 603
чахары 680
черби 795
«четыре модернизации» (сы гэ сяньдайхуа 四個現代化) 86, 88, 96, 97, 100, 219, 352, 574, 767, 768
«четыре чистки» *см.* сы цин
чжа вэй 詐偽 634
чжан 杖 390, 561, 654
чжан [1] 章 799
чжанцзин 章京 711
чжань 斬 654
чжао [3] 罩 658
чжао-и 昭儀 657
чжаолин цзоуи 詔令奏議 55, 823
чжа цзи 札記 761

чжацзы 札子 150, 151
чжи [1] 智 489
чжи [2] 知37, 120
чжи [3] 志 577, 598–602, 653, 660, 674, 676, 712, 723, 827
чжи [6] 治 136, 140, 587
чжи [8] 制 49
чжи [13] 誌 451
чжи би 直筆 37
чжи гуань 職官 55, 464, 577, 650, 653, 660, 712
чжи дэн 職等 417, 418
чжи и 職役 464
Чжина аньша туань 支那暗殺團 558
Чжиси 直系 447, 590, 607, 610, 671, **762**, 763
чжи си 職系 417
чжихуйши 指揮使 582
чжицзюнь 芝菌 *см.* фу ци
чжи чжи 職制 634
чжи чжэн чжи цзи 執政之基 214
чжи ши и чжи ши 治史以治世 59
чжоу цзюнь 州郡 602, 651
чжоуши шуй чжань 舟師水戰 464
чжу [1] 主 399
чжуан 狀 150, 151
чжуань 傳 (чжуань цзи) 674, **768**
чжуань [3] 篆 680
чжуань цзи 傳記 55, 653; *см. тж.* чжуань
чжуан юань 狀元 156
чжуи 主义 478
чжумин фунюй 著名婦女 474
чжун 眾 390
чжун [1] 中 774, 808, 809, 822
чжун [2] 忠 120, 818
чжун-вай 中外 161
Чжунго буэршивэйкэ-ленин фаньдуйпай 中國布爾什維克列寧反對派 647
Чжунго Гоминьдан 中國國民黨 *см.* Гоминьдан
Чжунго гунсюэ 中國公學 543
Чжунго гэминдан 中國革命黨 600
Чжунго гэмин тунмэнхуй 中國革命同盟會 604
Чжунго миньцюань баочжан тунмэн 中國民權保障同盟 600
Чжунго циннянь учжэнфучжуичжэ ляньмэн 中國青年無政府主義者聯盟 444
Чжунго Чжигундан 中國致公黨 217, 219
Чжунго шэхуй дан 中國社會黨 442
чжун син 中興 52, 668, **774**–776, 816
Чжун-тун 中統 685
Чжуннаньхай 中南海 593, 695
Чжунхай 中海 738
чжунхуа гоминь 中華國民18, 21, 22, 24, 26
чжунхуа гоцзу 中華國族18, 24–26
Чжунхуа гунхэго 中華共和國 705
Чжунхуа гэминдан 中華革命黨 *см.* Гэминдан
Чжунхуа жэньминь гунхэго 中華人民共和國 705
Чжунхуа миньго 中華民國 21, 717
чжунхуа миньцзу 中華民族18, 23–26, 40, 507
Чжунхуа фусин шэ 中華復興社 (Фусин шэ) **777**, 778
Чжунхуа шуцзюй 中華書局 474, 548, 730, 734
чжунцзянь лусянь 中間路線 754, 758
чжун чжэн гуань 中正官 155
чжун шуай 中衰 774
чжуншулин 中書令 621
Чжуншу мэньшя 中書門下 *см.* Чжэншитан
Чжуншушэн 中書省 143, 147, 636, 788
Чжунъян цзюйлэбу 中央俱樂部 807; *см. тж.* Си-Си
чжун юн 中庸 120
чжурчжэни 60, 165, 169, 170, 174, 175, 182, 183, 185, 456, 582–584, 722, 795, 796
чжуси 主席 778
чжусианство 566
чжу хоу [ван] 諸侯[王] 46, 673
чжу цзи 註記 727
чжуцзолан 著作郎 602, 799
чжу цзы 諸子 580, 653
чжэдун сюэпай 浙東學派 60
чжэдун ши-сюэ 浙東史學 60, 61, 754
чжэн 正 710
чжэн бэнь 正本 832
чжэнгэ ды гоминь 整個的國民 21
чжэн мин 正名 54, 124, 129, 212, 518, 579
чжэн синь 正心 809
Чжэнсюэси 政學系 267, 272
чжэн ти 正體 45, 793
чжэн тун 正統 29, 35, 57, 58, 709, 780, 815
чжэн фэн 整風 212, 313, 569, 766, 833
чжэн цюэ 徵榷 464
чжэнчжи дэ ши 政治得失 35
чжэнчжи туаньти 政治團體 20
чжэн ши 正史 55, 56, 452, 493, 515, 566, 577, 586, 588, 598–602, 619, 622, 653, 673, 674, 676, 703, 712, 723, 727, 760, 769, 791, 815, 818, 827
Чжэншитан 政事堂 (Чжуншу мэньшя) 144, 145, 637
чжэн шу 政書 31, 32, 55, **792**
Чжэнь-гуань чжи чжи 貞觀之治 639
чи 敕 150, 404
чи [1] 尺 550
чи [2] 恥 120
чи [8] 笞 390, 654
чоу лао цзю 臭老九 521
чуан 創 46
чуан е 創業 45
чуан хун е 創宏業 46
Чуанцзао 創造 465
чуй сюнь 垂訓 35
чу лю 初六 (чу лоу) 48
чу мин 除名 390, 581, 582, 664, **797**, 798
чу мянь 除免 467, 581, 582, 664, 797, **798**
чу цзуй 出罪 395
чун жу 崇儒 687
чун лу 重錄 832
чун тянь дацзянцзюнь 沖天大將軍 683
чунь цю 春秋 28, 59, 451, 452
чуньцю-сюэ 春秋學 58–60, 452, 453, 586, 618
чэн [1] 誠 83, 136, 137, 489, 808
чэн [4] 乘 451
чэн бан 城邦 492
чэн и 城邑 660
чэнсян 丞相 142, 725
чэнъюй 成語 38
чэ фу 車服 598

ша 殺 340
шан [2] 上 822
шан [4] 傷 396
шан гун 上公 (высшие гуны) 143
шантуань 商團 565, 744
Шанхай айго сюэшэ 上海愛國學社 704
Шанхай миньчжун фань жи цзюго ляньхэхуй 上海民眾反日救國聯合會 833
Шанхайская организация сотрудничества (*сокр.* ШОС, *кит.* Шанхай хэцзо цзучжи 上海合作組織) 690
Шанхай учжэнфу гунчаньчжуи тунчжи шэ 上海無政府共產主義同志社 441
Шанхай шэхуйчжуи яньцзюхуй 上海社會主義研究會 206
шан цин 上請 391, 392
Шаншулин 尚書令 636
шаншу цзоуши 上書奏事
Шаншушэн 尚書省 143, 464, 636
Шанъу иньшугуань 商務印書館 489, 548, 729, 730, 811
шань чуань 山川 660
шань син 擅興 634
шаньюй 單于 774
Шаонянь Чжунго 少年中國 800
шато 沙陀 683, 684
ши 詩 664, 692
ши [2] 實 86
ши [4] 識 755
ши [5] 勢 665
ши [9] 史 27–30, 34, 56, 451, 505, 545, 580, 653, 729, 756, 780
ши [13] 士 30, 514, 742, 824
ши [14] 式 401, 404
ши [24] 石 774
ши [25] 謚 653
ши [26] 失 388
Шибосы 市舶司 781
ши бу 史部 59
ши бэнь 世本 28, 589
шигуань 史館 712
ши гуань 史官 792
ши гу фэй цзинь 是古非今 493
шигэ цзехэ 十個結合 373
ши дао 史道 756
ши ди 市糴 464
ши дэ 史德 37, 755, 756
шижэнь 士人 387
ши и 史義 755
ши и 拾遺 660, 792
ши лин 時令 55
ши лу 實錄 37, 55, 452, 487, 552, 643, 682, 712, 713, 727, 792, **815**, 816, 824, 827
шилюэ 史略 588
ши пин 史評 55, 709, 791, **816**
шисань тайбао 十三太保 778
шисюэ гэмин 史學革命 560
шисюэ пинлунь 史學評論 816, 817
ши фа 史法 755
ши фу 詩賦 580
шифучжуи 師復主義 559
ши хао 謚號 42, 585
ши хо 食貨 577, 598, 599, 603, 650, 653, 674, 686, 712
ши хэ 釋褐 157
шицзе хуажэнь 世界華人
Шицзе шэ 世界社 439
Шицзеюй чжуаньмэнь сюэсяо 世界語專門學校 443
ши цзи 史籍 28
ши цзу 氏族 653, 699
ши цзя 世家 818
ши цзянь 史鑒 34
ши цюань 十全 739
ши цюань лао 十全老 659
ши чао 史抄 55
ши чжуань 史傳 816
шичжун 侍中 461, 634
ши чжэн цзи 時政紀 712
шичицзе 使持節 636
ши шань 十善 820
Ши шэ 實社 442
ши э 十惡 388, 449, 797, **820**, 827
ШОС *см.* Шанхайская организация сотрудничества
шоу 首 388, 392
шоу вэнь 守文 46
шоу мин 受命 45, 775
шоу со цзянь линь цай у 受所監臨財物 550
шоу цай бу ван фа 受財不枉法 550
шоу цай ван фа 受財枉法 550, 581, 582, 797
шошуды 說書的 111, 588
шу [2] 術 665
шу [3] 恕 724
шу [4] 書653, 818, 821
шу [12] 贖 391, 392, 449, 467, 502, 654
шу [13] 述 47
шуго 屬國 164
шужэнь 庶人 387
Шу кань сяо цзы 蜀刊小字 733
шу ли 書禮 602
шуй ли 水利 660
Шумиюань 樞密院 145
Шу-сюэ 書學 637
шушу 書疏 150
шу шу 數術 580
шу юань 書院 507, 729, 737, 755
шэ 赦 392
шэн 省 147
шэн [1] 聖 47, 48, 627, 704, 775
шэн [2] 生 136
шэн дэ шэнь гун чжао цзи ли цзи жэнь сяо у хуанди 聖德神功肇紀立極仁孝武皇帝 137
шэн сюнь 聖訓 815, **823**
шэн сянь 聖賢 457
шэнтай вэньмин 生態文明 375
шэнь [5] 紳 824
Шэнь цзи ин 神機營 463, 503
шэнь ши 紳士 154, 159, 160, 268, 270, 511, 512, 535, 675, 701, 702, 765, **824**, 825
шэ сюэ 社學 825
Шэхуй гай лян хуй 社會改良會 440
Шэхуй гэмин туань 社會革命團 442
Шэхуй дан 社會黨 442

шэхуй-сюэ 社會學 202
шэхуй хэсе 社會和諧 216, 374
шэхуйчжуи 社會主義 202, 203
шэхуйчжуи луньчжань 社會主義論戰 753, 801
шэхуйчжуи жунжугуань 社會主義榮辱觀 376
Шэхуйчжуи цзянсихуй 社會主義講習會 438

э 惡 627
эволюционизм 64, 65, 316, 560
элосы вэньгуань 俄羅斯文館 508
э ни 惡逆 389, 820
эр чун чжэнцзюй фа 二重證揭法 457, 626
эршибагэ буэршивэйкэ 二十八個半布爾什維克 833
эчжэн 583

юань 原 393
юань дин 原定 489
Юаньминъюань 圓明園 502, 508, 509, 616, 721, 738
юань цзо 緣坐 392, 561, 635, 797, 820, **827**
юаньшуайфу вэньсюэ цаньцзюнь元帥府文學參軍 461
ю гуань 有官 387
юй де 玉牒 590
Юйдегуань 玉牒館 590
юй ди 輿地 464
Юйлин 御陵 741
юйлу 語錄 576
юй фу 輿服 577, 603, 676, 686, 712
юйци 御妻 499
юй ши 御史 133
юйши дафу 御史大夫 142
Юйшитай 御史台 146, 147, 788
юн минь чжэнчжи 用民政治
юн [1] 勇 478
юн [2] 用 389
юн минь чжэнчжи 用民政治 270
Юнхэгун 雍和宮 738
Юн-чан 永昌 541
юфу юаньшуай 右副元帅 788
юэ [1] 樂 464, 577, 602, 628, 651, 653, 686
юэ [8] 越 726
Юэбу 樂部 489
Юэванхуй 岳王會 800
Юэсюэхуй 粵學會 513
юэфу 樂府 603
юэ чжи 樂志 603

ямэнь 衙門 268, 269, 394
Ямэнь лоутай 衙門樓臺 582–583
ян [1] 陽 162, 386, 501, 596
ян [3] 養 272
янминь-сюэ 養民學 202
янь жэнь 閹人 498
янь фа 鹽法 660
янь хэ яо сян 厭劾妖祥
Яньцзю си 研究系 753, 757
янь ши 閹士 498
Янь шо шэ 演說社 558
яо 瑤 531, 532
я юэ 雅樂 686

Аллаберт А.В. Разд.: Дискуссия о конфуцианстве; Дискуссия о практике — критерии истины (в ст. Историческая мысль в XX — начале XXI в.)

Аникеева С.М. «Сань ши лю цзи» (в соавт. с В.Н. Усовым)

Антонов В.И. Ли Кэ-цян (в соавт. с В.Н. Усовым); Си Цзинь-пин (в соавт. с В.Н. Усовым); Сун Цин-лин (в соавт. с В.Н. Усовым); Сян Чжун-фа (в соавт. с В.Н. Усовым); Хуа Го-фэн (в соавт. с В.Н. Усовым); Ху Цзинь-тао (в соавт. с В.Н. Усовым)

Асланов Р.М. Саньгэ дайбяо

Белоусов С.Р. Ли Да-чжао (по материалам); Цюй Цю-бо; Чжан Дун-сунь (по материалам); Чжан Цзюнь-май (по материалам)

Вельгус В.А. «Вэнь-чан цза лу» (по материалам); «Пинчжоу кэ тань» (по материалам); «Сюаньхэ фэн ши Гаоли ту цзин» (по материалам); «Сюй бо у чжи» (по материалам); «Тан юй линь» (по материалам); «Тин ши» (по материалам); «Цзинбо цза чжи» (по материалам)

Виноградов А.В. Разд.: Дискуссия о марксизме. Марксизм с китайской спецификой; Дискуссия о реформах и стратегии развития (в ст. Историческая мысль в XX — начале XXI в.); Китай на пороге современности: синтез идей и традиций; Распространение западных социальных наук;
Дай Цзи-тао (в соавт. с В.Н. Усовым)

Вяткин А.Р. «Ши цзи» (по материалам, в соавт. с Ю.Л. Кролем)

Гончаров С.Н. Доктрина государственной власти и политическая практика; Две традиции в дипломатии

Гудошников Л.М. Всекитайское собрание народных представителей; Право Китайской Республики (1912–1949); Правовые акты освобожденных районов; Начальный этап формирования права КНР; Правотворчество во второй половине 50-х — 70-е годы; Восстановление и развитие правовой системы КНР (конец 70-х — 90-е годы)

Доронин Б.Г. История и историческое сознание; Историческое время; Разд.: Династийные истории; Восточно-чжэцзянская школа; Историческая наука периодов правления Цянь-луна и Цзя-цина (в ст. Традиционная историография); Ван Мин-шэн; «Гуцзинь тушу цзичэн»; Канси; Лиши гуши; Лэй шу; «Мин ши» (в соавт. с И.Ф. Поповой); Мулу; Пу де; «Сы ку цюань шу»; Тань Цянь; Фан люэ; Фан чжи; «Цин ши гао»; Ци цзюй чжу; Цуй Шу; Цун шу; Цянь Да-синь; Цянь-лун; Чжан Сюэ-чэн; Чжан Тинюй; Чжао И; Чжуань; Чжэн шу; Ши лу; Ши пин; Шэн сюнь

Ермаченко И.С. Разд.: Дискуссия о кризисе исторической науки (в ст. Историческая мысль в XX — начале XXI в.)

Имамов Э.З. Традиционное право как фактор формирования правосознания современного китайского общества

Карнеев А.Н. Гоминьдан в период «политической опеки» (1929–1949)

Каткова З.Д. Гу Вэй-цзюнь

Кобзев А.И. «Цэ фу юань гуй»

Коткова Н.В. У-хоу

Кроль Ю.Л. Представления о династии в древности;
Фу син; Чжун син; «Ши цзи» (по материалам, в соавт. с А.Р. Вяткиным)

Кычанов Е.И. Традиционное право; Кодификация традиционного права;
Нурхаци; Хуантайцзи (разд. 1); Хубилай; Чингис-хан; «Юань ши»

Лапина З.Г. Фань Чжун-янь (в соавт. с Сюй Юань-хэ)

Ларин А.Г. Чан Кай-ши

Ломанов А.В. Разд.: XVII съезд КПК (в ст. КПК в период реформ и открытости (1978–2007))

Майоров В.М. Разд.: Историография первой половины XX в.; Историография КНР второй половины XX в.; Дискуссия о множественности путей исторического развития; Дискуссия о функциях исторической науки; Дискуссия о проникновении методов современного естествознания в общественные науки (в ст. Историческая мысль в XX — начале XXI в.); Государственный аппарат; Экзаменационная система аттестации чиновников в Китайской Республике, на Тайване и в КНР; История законодательства гражданской службы Китайской Республики;
Бай Шоу-и; Ван Го-вэй; Гу Цзе-ган; Ду Чжэншэн; Дэн Чжи-чэн; Ли Шу; Ло Эр-ган; Лэй Хай-цзун; Люй Сы-мянь; Люй Чжэнь-юй; Сюй Чжун-шу; Сян Да; Ся Цзэн-ю; Тан Чан-жу; Фань Вэнь-лань; Фу Сы-нянь; Хоу Вай-лу; Ху Ши; Ху Шэн; Хэхэ-сюэ; Хэ Цзы-цюань; Цзян Тин-фу; Цянь Му; Чжан Бин-линь; Чжоу Илян; Чэнь Инь-кэ; Чэнь Юань; Шан Юэ

Мамаева Н.Л. Национальная партия Китая (Чжунго Гоминьдан) в 1912–1929 гг.; Гоминьдан в процессе перехода от авторитаризма к многопартийности на Тайване (1949–2000); Разд.: От III пленума ЦК КПК 11-го созыва к XIII съезду КПК; Курс на усиление роли КПК в политической системе КНР (от XIV к XVI съезду КПК); XVI съезд КПК (в ст. КПК в период реформ и открытости (1978–2007))

Мартынов А.С. Императорское *дэ* как символ верховной власти

Москалев А.А. Доктрина китайской нации

Непомнин О.Е. Доктрина внешней политики;
Цзай Тянь

Панцов А.В. Троцкизм в Китае (в соавт. с В.Н. Усовым)

Переломов Л.С. Исторические судьбы легизма и конфуцианства; Конфуцианство и легизм в политической культуре КНР*;
Го Мо-жо (в соавт. с В.Н. Усовым); Конфуций; Легизм; «Сы шу»; Сяо кан; Хань У-ди; Цинь Ши-хуан; Чэнь Ли-фу

Попова Г.С. «Шу цзин»

Попова И.Ф. Вэй Чжэн; «Ди фань»; «Мин ши» (в соавт. с Б.Г. Дорониным); «Синь Тан шу»; «Суй шу»; Тан Тай-цзун; «Хань шу»; «Хоу Хань шу»; «Цзю Тан шу»; «Чжэнь-гуань чжэн яо»; «Чэнь гуй»; «Юн-лэ да дянь»

Рифтин Б.Л. Пинхуа

Рыбаков В.М. Ба и; Гуань дан; Инь; Лю цзан; Лянь цзо; Мянь гуань; Мянь со цзюй гуань; Сян жун инь; «Тай люй шу и»; У син; Фань цзо; Чу мин; Чу мянь; Ши э; Юань цзо

Свистунова Н.П. «Дай Мин люй» (по материалам)

Синецкая Э.А. Феминизм в Китае

Смирнов Д.А. КПК в 1921–1949 гг.; Теория «новой демократии» Мао Цзэ-дуна; Теория Дэн Сяо-пина: путь к реформам и открытости;
Маоцзэдун сысян (в соавт. с В.Н. Усовым)

Смолин Г.Я. Разд.: Школа *чуньцю* (в ст. Традиционная историография);
Бянь нянь; «Вэнь сянь тун као»; Ду Ю; Лю Чжи-цзи; Ма Дуань-линь; Оуян Сю; Сыма Гуан; «Тун дянь»; Тунцзянь-сюэ; «Тун чжи»; Хуй яо; Цзи ши бэнь мо; «Цзы чжи тун цзянь»; «Цзы чжи тун цзянь ган му»; Чжу Си; Чжэн Цяо; «Ши тун»

Сотникова И.Н. Ван Мин

Стабурова Е.Ю. Анархизм в Китае; Лю Ши-фу; Тань Сы-тун

Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества; Народный политический консультативный совет Китая; Гоминьдан в начале XXI в.

Сухов М.В. «Сун шу»

Сюй Юань-хэ. Фань Чжун-янь (в соавт. с З.Г. Лапиной)

Тихвинский С.Л. Сунь Ят-сен

Ульянов М.Ю. «Гуйхай юй хэн чжи»; «Лин вай дай да»; «Чжу фань чжи»; «Чжу шу цзи нянь»

Усов В.Н. Разд.: Дискуссия о роли личности в истории (в ст. Историческая мысль в XX — начале XXI в.); Народно-освободительная армия Китая; Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг.;
Аньфуси; Бань Гу; Ван Ань-ши; Го Мо-жо (в соавт. с Л.С. Переломовым); Дай Цзи-тао (в соавт с А.В. Виноградовым); Дэн Сяо-пин (в соавт. с В.Ф. Феоктистовым); Дэн Чжун-ся; Евнух; Кан Ю-вэй; «Культурная революция»; Ли Да; Ли Кэ-цян (в соавт. с В.И. Антоновым); Ли Ли-сань; Линь Бяо; Ли Цзы-чэн; Лю Данянь; Лю Шао-ци; Лян Ци-чао; Ляо Чжун-кай; Мао Цзэ-дун; Маоцзэдун сысян (в соавт. с Д.А. Смирновым); «Мао чжуси юйлу»; Нянь хао; Пу И; Пэн Дэ-хуай; «Сань ши лю цзи» (в соавт. с С.М. Аникеевой); Си Цзинь-пин (в соавт. с В.И. Антоновым); Сун Цин-лин (в соавт. с В.И. Антоновым); «Сун ши»; Сы жэнь бан; Сыма Цянь; Сян Чжун-фа (в соавт. с В.И. Антоновым); Троцкизм в Китае (в соавт. с А.В. Панцовым); У Хань; Фэнтяньси; Хуа Го-фэн (в соавт. с В.И. Антоновым); Хуантай-цзи (разд. 2); Хуан Чао; Хунвэйбин; Ху Цзинь-тао (в соавт. с В.И. Антоновым); Ху Яо-бан; Цзян Цзин-го; Цзян Цзэ-минь; Цзянь Бо-цзянь; Цы Си; Чжан Вэнь-тянь; Чжан Го-тао; Чжао Цзы-ян; Чжиси; Чжоу Энь-лай; Чжу Дэ; Чжунхуа фусин шэ; Чжу Юань-чжан; Чжэн Хэ; Чэнь Ду-сю; Чэнь И; Чэнь Юнь; Шэнь ши; Юань Ши-кай; Ян Шан-кунь

Феоктистов В.Ф. Дэн Сяо-пин (в соавт. с В.Н. Усовым); Сюнь-цзы

Хохлов А.Н. Вэй Юань; Вэнь Сян; Гуй Лян; Дай Хун-цы; «Дай Цин люй ли»; «Дай Цин хуй дянь»; «Дай Цин хуй дянь шили»; Дун Сюнь; И Синь; И Чжу; Линь Цзэ-сюй; Лифаньюань; Ли Хун-чжан; Минь Нин; Сюй Цянь-сюэ; Тунвэньгуань; Хуан Син; Цзунли ямэнь; Цзюньцзичу; Цзян Лян-ци; Ци Ин; Чжан Чжидун; Юань Тун-ли

Юркевич А.Г. Фа-шу-ши; Цзоу Жун

Библиография — **Журавлева В.П.**

Библиография к ст.: Сунь Ят-сен, Троцкизм в Китае, Чан Кай-ши — **Усов В.Н.**

Идея марки издания — **Кобзев А.И.**

Подбор иллюстраций — **Меланьин И.И.**, **Сухов М.В.**, **Чирков К.А.**, **Усов В.Н.**

Таблицы: 24 династийные истории — **Доронин Б.Г.**; Таблица правления императоров — **Сухов М.В.**, **Усов В.Н.**; Основные даты, факты, события — **Чирков К.А.**; таблица мер длины, площади, объема и веса: древние и современные — **Усов В.Н.**; Демократические партии в КНР, Политические партии на Тайване — **Степанова Г.А.**

Указатели — **Алексанян А.Г.**, **Сухов М.В.**, **Чирков К.А.**

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 07-03-02046а.

Основные источники иллюстраций

图片中国百年史。Т. 1–2. Цзинань, 1998
中国大百科全书。中国历史 (1997 年修订本), Т. 1–3. Пекин, 1998
中国文物定级图典。Шанхай, 1999
老广告。Шэньчжэнь, 1999
中国共产党八十画卷。Т.1-2.Пекин, 2001
北京文物精粹大系。古籍善文本卷。Пекин, 2002
图说中国传统节日。Сиань, 2005
中国皇帝全传。Цзинань, 2005
“风云画典”—位饱经凤霞的老革命家。Сянган, 2007
中国。Пекин, 2000
World Heritage Sites in China. Beijing, 2003

Панцов. А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001

Редкие китайские народные картины из советских собраний. / Сост. Ван Шуцунь, Б.Л. Рифтин. Ленинград–Пекин, 1991.

Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М., 2009

Справочное издание

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

Энциклопедия в пяти томах

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока РАН

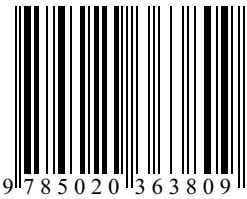
Редакторы издательства
З.М. Евсенина, *Р.И. Котова*
Зав. производством *Е.В. Катышева*
Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Зав. корректорской *Н.Н. Щигорева*
Корректоры *Е.И. Крошкина*, *В.И. Мартынюк*

Подписано к печати 15.05.09
Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 77,8. Усл. кр.-отт. 84,5. Уч.-изд. л. 105,6
Тираж 2000 экз. Изд. № 8283. Зак. №

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036380-9



Терракотовая армия Цинь Ши-хуана

Кан-си (Шэн-цзу, династия Цин; правил 1662–1722)

У Цзэ-тянь (У-хоу, династия Тан; правила 684–705)

Чжао Куан-инь (Тай-цзу, династия Сун; правил 960–976)

Юн-лэ (Чэн-цзу, династия Мин; правил 1403–1424)

Хун-чжи (Сяо-цзун, династия Мин; правил 1488–1505)

Чжао Сюй (Шэнь-цзун, династия Сун; правил 1068–1085)

Хубилай (Ши-цзу, династия Юань; правил 1271–1294)

Нурхаци (Тай-цзу, династия Цин; правил 1616–1626)

Цянь-лун (Гао-цзун, династия Цин; правил 1736–1795)

Цы Си (династия Цин; фактически у власти в 1862–1889 и 1898–1908)

Народные картины (*няньхуа*) кон. XIX — нач. XX в. на исторические сюжеты

«Основатель династии Мин император Тай-цзу осматривает храм полководцев»

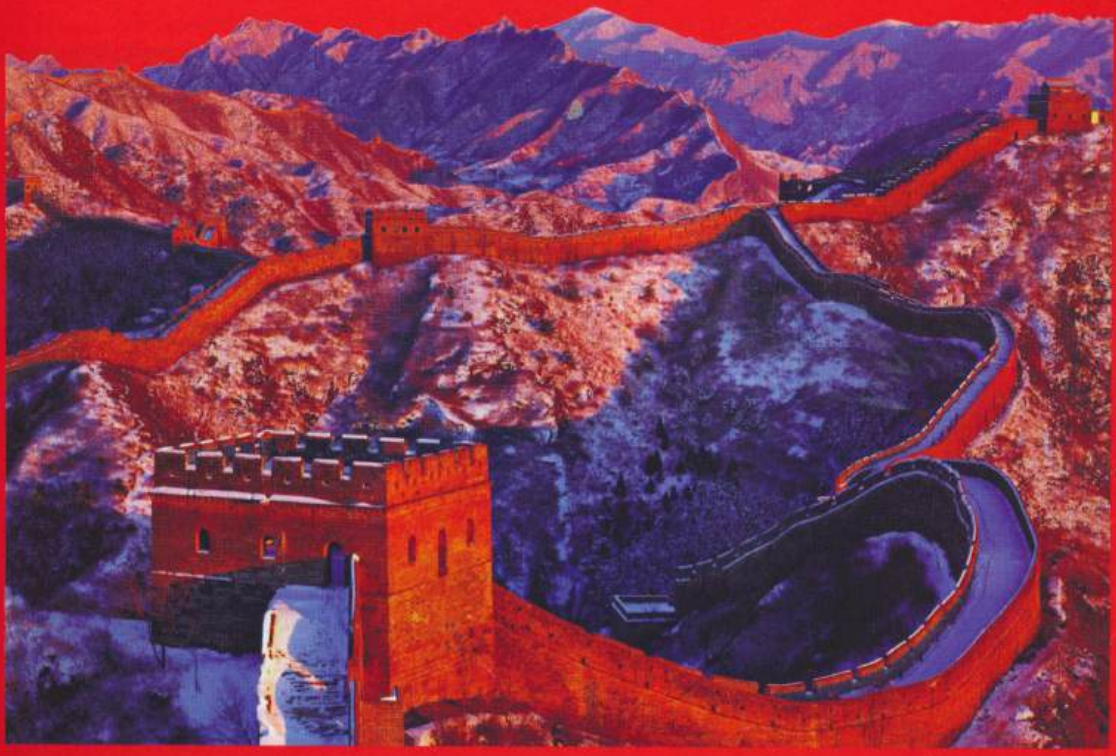
«Цао, правитель области, выносит решение о браках»

«Идеи самоусиления страны и открытие школ»

«Деревенщина становится уездным начальником, да не разумеет чиновничьего языка»

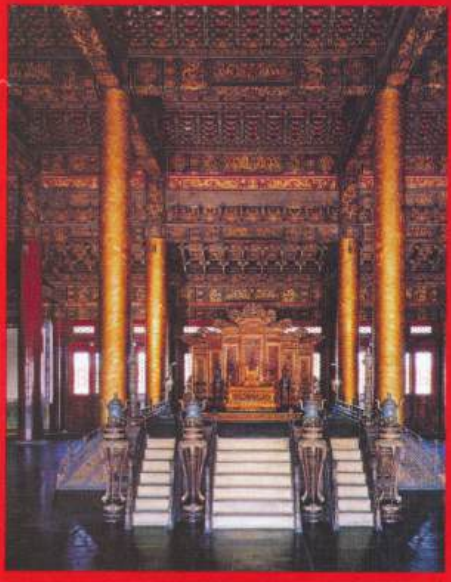
«Семь сыновей, восемь зятьев – вся скамья полна дощечек для записи повелений государя»

Сражения *ихэтуаней* с частями английского вице-адмирала Э. Сеймура у Тяньцзиня летом 1900 г.
Вверху: «Великая битва у Янцуни». Победа войска генерала Дун Фу-сяна
Внизу: Атака отряда интервентов. Агитационная открытка немецко-швейцарско-итальянской фирмы



中华人民共和国万岁
世界人民大团结万岁

За стенами Запретного города



皇建有極

Храм Неба

人民共和国万岁
世界人民大团结

Флаг Китайской Народной Республики

Герб КНР

Конституция КНР

Правительственная резиденция Чжуннаньхай (ворота Синьхуамэнь)

Зал заседаний Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП)

Сунь Ят-сен (1866–1925)

Мао Цзэ-дун (1893–1976)

Здание Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП)

Строительство Нового Китая
(плакаты 50–60-х гг. XX в.)

爭取更大的丰收 献給社会主义

做人要做这样的人

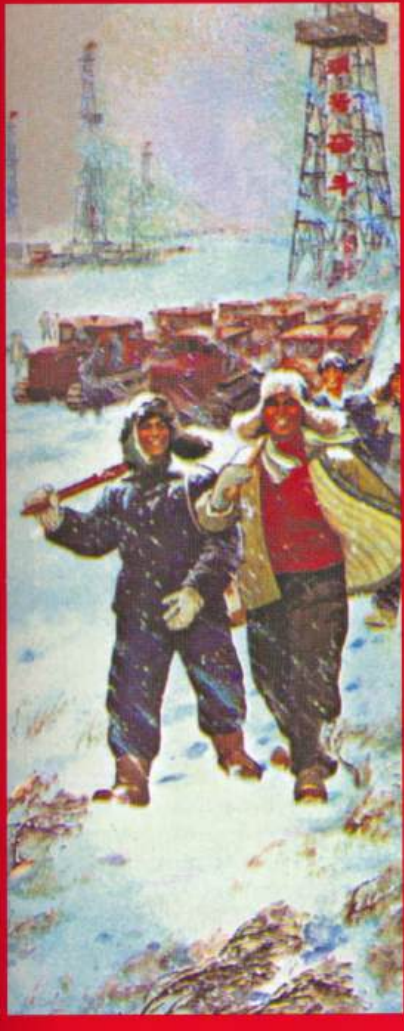
自力更生奏凯歌 艰苦奋斗创奇迹

保卫和平是英雄 建設祖国是好汉
BAO WEI HE PING SHI YING XIONG JIAN SHE ZU GUO SHI HAO HAN

做一颗红色的种子
到祖国最需要的地方生根、发芽、开花、结果

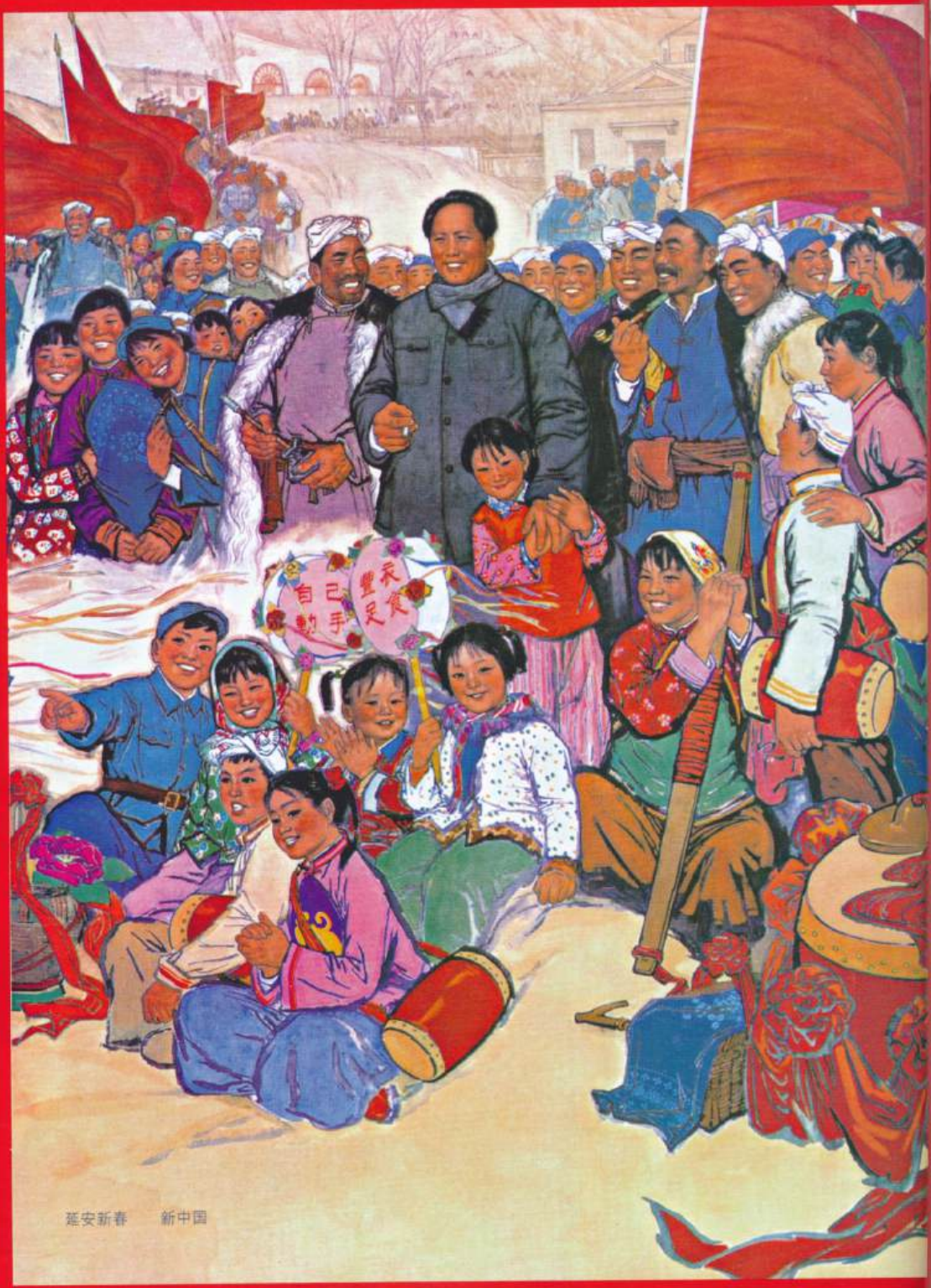
共同劳动 · 共享成果

毛主席万岁



为实现发展国民经济第四个五年计划而奋斗

鼓干劲 爭高速 夺全胜



延安新春　新中国

Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай, Чэнь Юнь, Лю Шао-ци, Мао Цзэ-дун, Дэн Сяо-пин (1962 г.)

Чжоу Энь-лай (1898–1976)

Лю Шао-ци (1898–1969)

Хуа Го-фэн (род. 1921)

Ху Яо-бан (1915–1989)

Чжао Цзы-ян (1919–2005)

Чэнь Юнь (1905–1995)

Сун Цин-лин (1893–1981)

Чжу Дэ (1886–1976)

Ли Сянь-нянь (1909—1992)

Ян Шан-кунь (1907–1998)

Дэн Сяо-пин (1904–1997)

Ху Цзинь-тао (род. 1942)

Цзян Цзэ-минь (род. 1926)

Вэнь Цзя-бао (род. 1942)